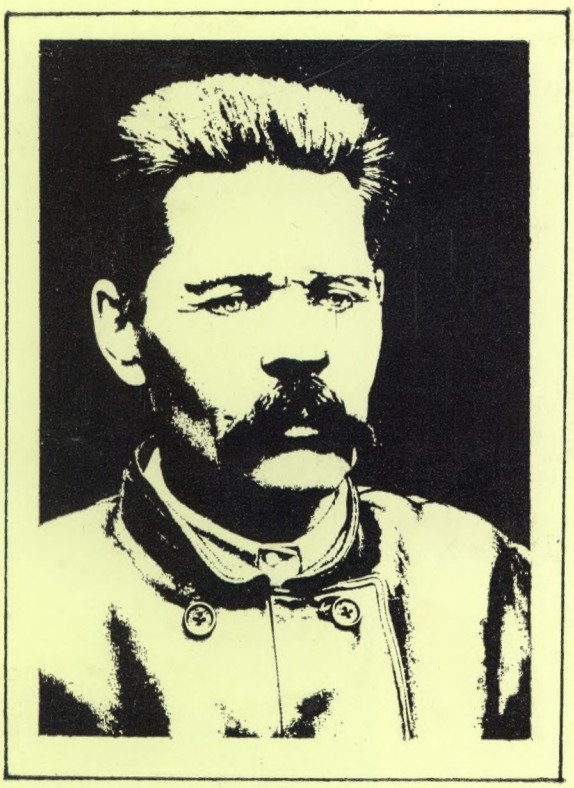
Литературное наследство

ГОРЬКИЙ

И РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА НАЧАЛА XX ВЕКА



НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА

В томе публикуется переписка Горького с русскими писателями и журналистами начала XX в. Она охватывает большой и сложный период жизни Горького, напряженные идейные и творческие искания писателя.

Письма отражают участие Горького в литературном движении эпохи, его стремление к организации левых сил журналистики, его роль в истории ряда периодических изданий, выходивших как в России («Современник», «Современный мир», «Просвещение», «Заветы», «Кругозор», «Летопись»), так и за рубежом («Красное знамя», «Былое», «Будущее»).

Наиболее значительной эпистолярной коллекцией является переписка с А. В. Амфитеатровым. В ней отражены труды и дни Горького на Капри, его общественные, литературные взгляды, отношения со многими русскими писателями и деятелями искусства (И. А. Буниным, Л. Н. Андреевым, Ф. И. Шаляпиным и др.). Особый интерес представляют документы, освещающие взаимоотношения Горького с выдающимся революционером, переводчиком «Капитала» К. Маркса Германом Лопатиным.

Том богато иллюстрирован неизвестными и редкими фотографиями Горького и его окружения, рисунками Ф. И. Шаляпина и художников, посещавших Горького на Капри.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ГОРЬКИЙ И РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА НАЧАЛА XX ВЕКА

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ДЕВЯНОСТО ПЯТЫЙ

РЕДАКЦИЯ
Г.П.БЕРДНИКОВ, И.С.ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, Н.В.КОТРЕЛЕВ
Ф.Ф.КУЗНЕЦОВ, А.С.КУРИЛОВ, С.А.МАКАШИН,
К.Д.МУРАТОВА, П.В.ПАЛИЕВСКИЙ, Л.М.РОЗЕНБЛЮМ
Н.Н.СКАТОВ, Л.А.СПИРИДОНОВА, Н.А.ТРИФОНОВ
В.Р.ЩЕРБИНА (ГЛАВ. РЕД.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 8 · 8

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО — ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ГОРЬКИЙ И РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА НАЧАЛА XX ВЕКА

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА

Ответственные редакторы
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, Н. И. ДИКУШИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 8 · 8

Том подготовлен
совместно с Архивом А. М. Горького

Настоящее издание продолжает серию горьковских томов «Литературного наследства». В томе публикуется переписка Горького с русскими писателями и журналистами начала XX в., отражающая большой и сложный период жизни Горького, его напряженные идейные и художественные искания.

Большую научно-исследовательскую и редакторскую работу по подготовке тома провела Е. Г. Коляда.

В редакторской работе принимала участие Л. М. Розенблюм.

Подбор иллюстраций выполнен Е. М. Герасимовой, Г. В. Орловой, Л. Н. Галуенко, А. Д. Смирновой (Музей А. М. Горького), О. В. Симоненковой (Архив А. М. Горького).

Рецензенты
С. В. ЗАЙКА, И. С. ЧЕРНОУЦАН

ГОД ИЗДАНИЯ ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ

Л $\frac{4603010100-130}{042(02)-88}$ 362—88—II

ISBN 5—02—011393—X

© Издательство «Наука», 1988 г.

О РАЗЫСКАНИЯХ ГОРЬКОВСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ТОМОВ «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»*

95 томом «Литературного наследства» отмечается 120-летие со дня рождения Алексея Максимовича Горького, великого писателя русской земли. Эти известные слова И. С. Тургенева о Л. Н. Толстом с полным основанием можно отнести и к Горькому.

С момента создания «Литературного наследства» Горький проявлял большой интерес к его томам. С 1931 г. вплоть до 1935 г. директор «Журнально-газетного объединения» М. Е. Кольцов отправлял Горькому каждую из очередных наших книг, включая огромный пушкинский том. Книги в мягких обложках Горький отдавал в переплет.

В третьей книге «Литературного наследства», вышедшей в 1932 г., были опубликованы «Сцены в полиции» В. А. Слепцова с послесловием К. И. Чуковского. Корней Иванович предпослал этому произведению статью Горького, которая была напечатана в виде вступления к повести Слепцова «Трудное время», вышедшей в 1923 г. в Берлине в издательстве З. И. Гржебина. Когда мы получили из типографии верстку третьей книги, Л. Л. Авербах, тогдашний член редколлегии нашего издания, попросил отправить Алексею Максимовичу верстку сатирической пьесы Слепцова вместе со статьями Горького и Чуковского. В ответ на имя Авербаха пришло следующее письмо:

«Дорогой Авербах!

Моя статейка о Слепцове,— кстати сказать, очень слабая — воспроизведена, очевидно, не с рукописи, а с печатного текста.

В рукописи, насколько я помню, после второго абзаца, были приведены образцы приемов Слепцова, которыми он пользовался для изображения пейзажа и жанра. Для пейзажа было взято несколько строк начала повести „Трудное время", а для жанра — сцена земского собрания из той же повести. Не думаю, что эти сокращения нужно восстановить, сообщаю о них лишь в интересах „исторической правды". То же и на стр⟨анице⟩ 2-й, где зачеркнут абзац. Тут выброшено много. Речь шла не только о „наших" днях, а, главным образом, об „эпохе великих реформ", дана была выдержка из „Губернских очерков" Салтыкова, кусок из „Нравов Растеряевой улицы" и затем следовала ссылка на провинциальные корреспонденции „Искры" Курочкиных. Статью эту в печати я не видел и кто ее сокращал — не представляю, сокращено страницы три, четыре. Выпало место, где я сравнивал Слепцова, как наблюдателя, с Якушкиным, противопоставляя их Рыбникову, Киреевскому, Сахарову и др⟨угим⟩, которые собирали материал фольклора — песни от помещичьих хоров, т. е. материал цензурованный помещиками, искаженный. Якушкин „черпал" его непосредственно „из уст народа" на сельских ярмарках, на базарах. Н. Е. Каронин-Петропавловский говорил Короленко и мне, что у Слепцова были „толстущие тетради" записей его бесед с сектантами, анекдотов, песен, рассказов о попах и „всякой похабщины".

В конце ст⟨атьи⟩ Чуковского говорится о „неряшливости" изданий как о „системе". Неряшливость — от малограмотности, от лени, от „экономии", система же — нечто продуманное и целеустремленное. Таковая „система" была не токмо у издателей, а и у цензоров, редакторов и даже у случайных прохожих по художественной литературе, и „Литерат⟨урное наследство⟩" очень хорошо сделает, если обратит должное внимание на эту „систему", осветив ее солидной статьей, а то и несколькими. Случайный прохожий, это тот „редактор-издатель", который вламывался в литературу на время в целях содрать с писателя куска два-три кожи. О нем смотри в „Рассказах" Кущевского, в „Чертах из жизни Пепко" Мамина-Сибиряка и т. д.

В моей статейке можете делать всякие изменения, пояснения и примечания. „Лит⟨ературное⟩ наследство" не только сообщает о прошлом, но — исследует оное. Метод исследования должен быть сравнительным, иначе это не метод. В дан-

---

* *От редакции.* Отступая от традиции открывать каждый том редакционным предисловием, считаем возможным опубликовать вместо него последнюю статью редактора этого тома И. С. Зильберштейна, законченную незадолго до его смерти. Она посвящена многолетним разысканиям неизданных материалов, которые вел автор для горьковских томов «Литературного наследства». В короткой статье охвачена лишь часть работы редакции в этом направлении.

ном случае мы сравниваем революционно и радикально „демократическую“ мысль с ущемленной либеральной и нагло разнузданной консервативной, помещичье-дворянской. Это – основная линия сравнений, и она требует предельной силы и свободы критики всех и всяческих авторитетных репутаций. Далее: необходимо сопоставлять и противопоставлять биографии фигур одного и того же ряда. Напр(имер), Решетников и Кущевский, или Левитов, Каронин и фигуры сравнительно благополучной жизни. Нужно, чтоб наш молодой писатель, склонный к жалобам на „условия“, знал и понимал, каковы были условия в прошлом и как они ломали, уничтожали ценных людей. Далее: нужно просмотреть „Искру“ Курочкиных и дать статью о ней, о ее роли, о степени ее влияния на обывателя. Дать статью о сатире и юморе 60 гг. Изучить журналы: Оболенского – Филиппова, „Устои“ Златовратского, „Слово“, журналы Достоевских и т. д. Надо бы послать кого-нибудь толкового в Саратов, поискать там архив Каронина-Петропавловского, посмотреть нет ли чего-нибудь о Воронове и его друге – Левитове. Саратов вообще должен быть богат литературными материалами. Возможно, что там найдется что-нибудь о Чернышевском, о газете „Волга“, где работал – в числе других – Флеровский. „Волга“ издавалась в Астрахани, но ее архив, как говорил Сараханов, был спрятан в Саратове. Флеровский, говорят, жив еще и живет в Москве. Обследовать нижегородский „Лит(ературный) музей“, где возможны документы Даля, Боборыкина, Добролюбова, Мельникова-Печерского, Кокосова – врача Карийской каторги. В Самаре должен быть архив „Самарского вестника“ – первой марксистской газеты и документы поэта Фофанова. Вообще нужно обшарить провинцию. Не забыть Казань.

Ну вот, пока всё. Афиногенов говорит, что Вы уже раздерганы вдребезги.

Мне очень смешно представлять Серафимовича в роли Людендорфа. Я писал хозяину: нельзя ли несколько угасить страсти? Дело в том, что существует огромное количество крайне важной работы, и сражаться с Серафимовичем, я не знаю, насколько сие полезно.

Будьте здоровы и берегите себя. Жму руку. А. Пешков. 30.III.32

P. S. Прилагаемый конверт, пожалуйста, передайте А. Б. Халатову. А. П.» (*АГ*)

Письмо Горького в «Литературное наследство», полностью публикуемое впервые, дорого нам не только как воспоминание о добром, внимательном отношении великого писателя к работе редакции. Письмо, на наш взгляд, и сегодня сохраняет свое историко-литературное и теоретическое значение. Подчеркивая, что «Литературное наследство» не только «сообщает о прошлом, но – исследует оное», что «метод исследования должен быть сравнительным, иначе это не метод», Горький предлагает ряд тем для сопоставительного анализа, причем, учитывая специфику нашего издания, указывает на возможные места хранения различных архивных материалов.

В 1933 г. редакция приступила к подготовке тома «Литературного наследства», посвященного публикации неизданных и забытых художественных и публицистических произведений Горького, его переписки, воспоминаний о нем, а также исследовательских разысканий о его творческой деятельности. Участвовать в работе над этим томом обещали В. А. Десницкий, Н. Е. Буренин, А. Н. Тихонов, И. А. Груздев, К. Д. Муратова, Е. Б. Тагер, ряд молодых горьковедов. Начались разыскания хранящихся в наших архивах дневниковых и мемуарных записей о встречах и беседах с Алексеем Максимовичем. Сохранилась папка с собранными тогда материалами.

В конце 50-х годов редакция «Литературного наследства» совместно с Архивом А. М. Горького приступила к подготовке 70 тома нашего издания – «Горький и советские писатели. Неизданная переписка». Я попросил К. А. Федина, О. Д. Форш и Л. П. Гроссмана, чтобы они разрешили скопировать хранящиеся у них автографы писем Горького, им адресованных. Этот том вышел в 1963 г. и получил высокую оценку не только в нашей стране, но и за рубежом. Нам известны 19 статей и рецензий на 70 том «Литературного наследства», в том числе появившихся в Праге, Берлине, Варшаве, Париже, Риме. Позволим себе привести отрывок из статьи Л. И. Лазарева «Ожившая история», посвященной этому тому, где отмечается, что «том „Горький и советские писатели“ уже получил единодушно высокую оценку в нашей печати». В заключение Л. И. Лазарев справедливо заметил: «Пусть не покажется это парадоксом, но том архивных материалов „Горький и советские писатели“ – по-настоящему современная книга, которая могла появиться лишь в наши дни. Не только потому, что здесь опубликованы письма к писателям, которые подверглись в годы культа личности репрессиям, или письма, в которых речь идет об этих писателях. Дело еще в том, что в годы распространения идеологии культа личности литературоведы нередко оказывались не в состоянии освоить материал, заключающий в себе столько противоречий и сложностей» (Вопр. лит. 1964. № 4).

Не меньше радостей, чем подготовка и выпуск в свет 70 тома нашего издания, нам принесла работа над созданием 72 тома – «Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка». Дело в том, что десятилетиями оставалось неизвестным местонахождение огромного архива Леонида Андреева, скончавшегося в 1919 г. в Финляндии, где должно было, в частности, находиться значительное количество писем Алексея Максимовича. В Архиве Горького о тех бумагах ничего не было известно, здесь хранились только одно письмо и одна записка Алексея Максимовича к Леониду Андрееву. И лишь от выдающегося американского слависта, профессора Вильяма

Эджертона, я узнал, что Валентин Андреев, младший сын писателя, живший в Париже, в руках которого находилась бóльшая часть бумаг и переписки отца, продал автографы 93 писем Горького к Леониду Андрееву в Архив русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете в Нью-Йорке. А автографы десяти писем Горького к отцу Валентин Андреев передал старшему брату Вадиму, жившему в Женеве. Благодаря профессору Эджертону, а также с разрешения директора Архива русской и восточноевропейской истории и культуры, доктора Филиппа Мозли и директора библиотек Колумбийского университета доктора Ричарда Логсдона удалось получить фотографии 93 писем Горького к Леониду Андрееву. Вскоре я списался с Вадимом Леонидовичем, и он прислал мне фотографии 10 писем Алексея Максимовича к отцу (позже, по моей просьбе, эти автографы В. Л. Андреев передал в *ЦГАЛИ*).

В 72 том вошли также 75 писем Леонида Андреева к Алексею Максимовичу, которые находились в Архиве Горького. Превосходный комментарий к переписке выполнил В. Н. Чуваков, а вступительную статью написала К. Д. Муратова.

Высоко оценила этот том нашего издания Мариэтта Шагинян: «В 1965 году вышла книга, очень помогающая хорошо понять Горького и любовь к нему Ленина. Это семьдесят второй том „Литературного наследства", содержащий неизданную переписку Горького с Леонидом Андреевым. Трудно найти еще пример в мировом эпистолярном наследии, где было бы больше блеска, остроумия, веселой молодой жизнерадостности и — драматического развития конфликта двух разных индивидуальностей... Замечательная эта переписка» (Шагинян М. Лениниана. Семья Ульяновых. Очерки и статьи. М., 1977. С. 628).

Насколько дорог был В. Л. Андрееву наш 72 том, свидетельствует его дарственная надпись, сделанная на книге второго издания «Детства» (М., 1966): «Илье Самойловичу Зильберштейну с восхищением перед его неукротимой энергией и благодарностью за его великолепную работу над перепиской Андреева и Горького. С самым дружеским чувством Вадим Андреев. 6 октября 1966 г. Женева».

Благодаря многолетней дружбе с Жюльеном Кэном, директором парижской Национальной библиотеки, я с 1960 г. и по сей день получаю каталоги французских антикварных фирм, продающих автографы, а также каталоги аукционов, где происходят распродажи автографов.

В сентябре 1962 г. мне был прислан четвертый выпуск каталога распродажи знаменитой коллекции автографов Альфреда Дюпона. И в этом выпуске под № 55 сообщались сведения о письме Горького к Зиновию Пешкову от 3 июня 1926 г., которое начиналось словами «Мой дорогой Зина». Здесь же в переводе на французский язык была дана значительная часть текста письма. О продаже автографа было сообщено Архиву А. М. Горького, и в результате наших усилий, хождений в иностранный отдел Президиума Академии наук СССР, на аукционе, состоявшемся 22 ноября 1962 г., автограф был приобретен и передан в Архив А. М. Горького.

Луи Арагон, тогда часто бывавший в Москве, сообщил мне, что Зиновий Пешков жив. А так как было известно, что 70 писем З. А. Пешкова к Алексею Максимовичу хранятся в Архиве А. М. Горького, то с полным основанием можно было предположить, что у Зиновия Пешкова имеется немало писем Горького.

Спустя полтора года после того, как в Архив А. М. Горького поступил автограф письма Алексея Максимовича к Зиновию Пешкову, приобретенный при распродаже коллекции Альфреда Дюпона, 17 июня 1964 г. Е. П. Пешкова послала письмо жившей в Лондоне М. И. Будберг, в котором просила ее обратиться к Зиновию Пешкову с предложением передать имеющиеся у него письма Алексея Максимовича в Архив А. М. Горького. В письме Е. П. Пешковой имеется такая фраза: «Нехорошо, что Архиву пришлось после больших хлопот купить письмо Алексея Максимовича к Зиновию от лица, к которому оно попало за границей, который приобрел его». М. И. Будберг ответила 6 июля 1964 г.: «Насчет Зиновия сделаю все, как вы просите».

В начале 1966 г., во время моего первого пребывания в Париже по приглашению французских друзей Андре Мазона и Жюльена Кэна, а также Андре Моруа, после трех встреч с Зиновием Пешковым и длительных бесед с ним удалось убедить его в целесообразности передачи хранящихся у него 40 писем Алексея Максимовича и двух листов повести «Мать» в Архив А. М. Горького.

Перед отъездом во Францию мне вручили в Архиве письмо к З. А. Пешкову Марфы Максимовны, внучки великого писателя. Вот текст привезенного мною ответа на это письмо: «Париж 22/III 66 г. Дорогая Марфа. Отвечаю на Ваше письмо. Все письма А. М. у меня в сохранности. После моей смерти все будет передано Советскому Правительству для Института. Сердечный привет Вам и маме. Пешков».

Ценные бумаги, в том числе и автографы Горького, Зиновий Пешков хранил в сейфе, а в его письменном столе находились книга Алексея Максимовича «Детство» и его фотография с дарственными надписями. Надпись на книге гласила: «Духовному сыну моему, заслуженному повинисту Зиновию Алексееву Пешкову несчастный отец. 25.VII.17. Петроград». На фотографии Алексея Максимовича надпись: «Дорогому моему Зине, отец Алексей Пешков — М. Горький он же. 15.VIII.26. Sorrento».

Я попросил разрешения переснять эти надписи и пригласил для этого фотографа. Незадолго до своей кончины 27 ноября 1966 г. (спустя семь месяцев после на-

ших встреч) Зиновий Пешков завещал положить в гроб фотографию Алексея Максимовича с его дарственной надписью, где же находится ныне книга с дарственной надписью Зиновию Пешкову — неизвестно. После кончины Зиновия Пешкова принадлежавшие ему автографы Алексея Максимовича были доставлены в Москву и переданы в Архив А. М. Горького. Туда же я передал и привезенные пересъемки дарственных надписей Алексея Максимовича его «духовному сыну». Надеюсь, что в ближайший новый том «Литературного наследства», посвященный публикации неизданного эпистолярного наследия Горького, будет включена его переписка с Зиновием Пешковым.

В той же книге будет впервые издана переписка Горького с Г. А. Алексинским, подготовленная американским славистом Вильямом Эджертоном: он получил разрешение Архива русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете на публикацию хранящихся там 2 писем Горького к Алексинскому. Всего же в состав этой работы профессора Эджертона входит 24 письма Горького и 12 писем Алексинского (дополнением к тому, что было получено в США, явилась та часть их переписки, которая находится в Архиве А. М. Горького).

Для данного же — 95 — тома профессор Эджертон прислал мне фотографии четырех неизданных писем Горького к А. В. и И. В. Амфитеатровым, автографы которых были обнаружены в бумагах Амфитеатрова, приобретенных рукописным отделом Библиотеки им. Лилли Индианского университета (Индиана, Блумингтон).

На протяжении ряда лет я переписывался с жившим в США известным историком русского революционного движения Б. И. Николаевским. Находясь около полувека за рубежом, он занимался поисками документальных материалов по истории русского революционного движения русской культуры. Зная о том, что в Архиве А. М. Горького хранятся 28 обращенных к Алексею Максимовичу писем Николаевского, я попросил его сообщить, какими автографами Горького он располагает. Борис Иванович ответил мне 12 апреля 1965 г. подробным письмом, которое я опубликовал в своей статье «Рукописи Горького: поиски и находки» (Лит. газ. 1968. № 16). Особое внимание в этом письме привлекает сообщение: «Наиболее интересной является группа материалов о выступлении Горького в 1922 году с протестом против тогдашнего суда над социалистами-революционерами (Гоц, Тимофеев, Веденяпин и др.). Весь этот эпизод правильно может быть освещен только по этим материалам». Фотографии горьковских рукописей, хранившихся у Б. И. Николаевского, мне прислала его вдова Анна Михайловна Бургина.

За рубежом имеется множество писем Горького, однако у нас не только нет копий этих писем, но даже отсутствуют сведения об их существовании. Это прежде всего 56 писем Алексея Максимовича к А. А. Богданову.

Занявшись революционной деятельностью, Богданов эмигрировал. В 1913 г. Александр Александрович вернулся на родину, но оставил за рубежом чемодан со своими бумагами, перепиской, в частности с письмами Горького. Куда попали эти автографы, неизвестно.

В сотнях каталогов антикварных фирм и каталогов аукционов по продаже автографов я неоднократно натыкался на сведения о продававшихся письмах Горького. Часто автографы Горького появляются на аукционах, устраиваемых антикварной фирмой «Штаргардт» в Марбурге (ФРГ). Фирма, основанная в 1830 г. в Берлине, выпустила объемистый каталог (№ 577), в котором извещалось, что в ноябре 1960 г. состоится аукцион, где будут продаваться аннотированные в каталоге 1300 автографов выдающихся политических деятелей, писателей, музыкантов, художников. И в их числе — автографы Ленина, Кропоткина, Горького, Тургенева, Глинки, Рубинштейна, Бородина, Чайковского, Глазунова, Айвазовского, Верещагина.

В каталоге № 77 берлинской фирмы по продаже автографов фирмы «Хельмут Мейер и Эрнст» под № 82 дано описание фотографии Горького с его дарственной надписью, а на отдельном листе воспроизведен автограф горьковского афоризма: «Только жрецы искусства служат истинному богу — богу красоты и правды».

В каталоге парижского антикварного магазина Ж. Морссена, датированном апрелем 1959 г., под № 92 названы автографы двух писем Горького Е. Гутнову (1922) и Василию Немировичу-Данченко.

В Ницце я видел превосходное собрание автографов, в котором имеется письмо Горького к бельгийскому писателю Францу Элленсу, датированное 11 декабря 1925 г.

За рубежом мне удалось обнаружить местонахождение и других автографов Горького, в их числе его письма к художнику Борису Григорьеву, писателям Алексею Ремизову, Владимиру Крымову, Гайто Газданову, общественной деятельнице Екатерине Кусковой.

Я пишу здесь обо всем этом потому, что собирание, изучение и публикация неизданных творческих рукописей и писем Горького — важнейшая задача современного горьковедения.

И. С. Зильберштейн

«ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕВОЙ ПЕЧАТИ — НАША ЗАДАЧА»

Статья Б. А. Бялика

Предлагаемый вниманию читателя том «Литературного наследства» включает в себя неизданную переписку Горького с рядом литературных и общественных деятелей дооктябрьской России. Некоторые из публикуемых здесь писем Горького уже были известны ранее по тридцатитомному собранию его сочинений и по другим изданиям, но и они предстают ныне в новом свете, поскольку даются вместе с письмами адресатов. А в своем подавляющем большинстве материалы настоящего тома становятся известными впервые, дополняя прежние многочисленные публикации еще далеко не исчерпанного богатейшего эпистолярного наследия великого писателя.

«Литературное наследство» уже внесло в эти публикации свою лепту. В 1963 г. вышел том 70 — «Горький и советские писатели», в 1965 г.— том 72 — «Горький и Леонид Андреев».

Настоящий том, связанный с журнально-издательской деятельностью Горького, охватывает очень широкий круг проблем. О некоторых из них, особенно волновавших писателя, и пойдет речь в этом введении.

I

Как уже сказано, публикуемая переписка связана с журнально-издательской деятельностью Горького. Так, в письмах к А. В. Амфитеатрову, Е. А. Ляцкому и Н. К. Муравьеву отражены его попытки реорганизовать и поднять до уровня передовых задач демократической печати журнал «Современник», в письмах к В. П. Кранихфельду и к Н. И. и М. К. Иорданским — попытки повлиять на направление журнала «Современный мир», переписка с В. С. Войтинским относится к созданию журнала «Летопись», ряд собранных вместе материалов относится к изданию большевистского журнала «Просвещение» и т. д. В рамках этой статьи невозможно подробно осветить историю тех изданий, которые упоминаются в настоящем томе[1]. Сосредоточим здесь внимание на отдельных вопросах, возникавших перед Горьким как журнально-издательским деятелем и бывших для него наиболее важными.

В одном из писем, включенных в настоящий том (к Н. К. Муравьеву от 9/22 сент. 1912 г.), Горький заявлял: «Организация левой печати — наша задача. По крайней мере я считаю это моей задачей». Задача эта отнимала у писателя много времени и сил, но очень редко приносила ему в тот период чувство удовлетворения. Он с горечью признавался в другом письме (к В. П. Кранихфельду не позднее 9/22 июня 1912 г.): «...Вы приписываете мне акушерскую роль в нарождении новых журналов. Так — грешен, помогал, по мере сил, и, как Вы справедливо заметили, пока все безуспешно — детишки родятся уродцами. Но в том, что дети худосочны, не акушер виноват, а сквернейшая наследственность: родители — народишко, истощенный долголетним духовным недоеданием, а, главное, индивидуалисты, наподобие ежей и спрутов». Но, и говоря (с несомненным преувеличением) о безуспешности своих журнальных начинаний, Горький не только не ослаблял своего участия в «организации левой печати», а делал его все более активным: «Акушерская практика не дает мне ни удовлетворения, ни заработка, но — „дай бог побольше нам журналов, плодят читателей они“» (Г—СМ, п. 20).

Чтобы понять, почему участие писателей-художников слова в «организации» печати стало в рассматриваемый период таким трудным и вместе с тем таким важным, надо вспомнить о все усиливавшейся роли журналистики в общем литературном процессе. Дело не только в том, что литературно-художественная журналистика (журналы, периодически выходящие сборники и альманахи, литературные отделы газет) быстро росла количественно, но и в том, что увеличивалось ее влияние на все стороны общественной жизни. Это объяснялось и неуклонным расширением круга «читателей-друзей» из демократических слоев народа, и все большим втягиванием этих слоев в обостряющуюся идейную и политическую борьбу. В период с 90-х годов XIX в. до 1917 г., когда на авансцену русской истории вышло поколение пролетарских революционеров и произошли три революции, возникла настоятельная необходимость развить дальше лучшие традиции передовой журналистики прошлого столетия, прежде всего — верность избранному направлению.

В. Г. Короленко писал в 1904 г. на пороге первой русской революции в некрологе «Николай Константинович Михайловский»: «За отсутствием парламентской и иной трибуны, с которой русское общество могло бы принимать участие „деятельным словом" в судьбах нашей родины,— у нас, естественно, в силу самой логики вещей, сложился особый характер общественно-политической прессы, ярче всего выражаемый журналами. Русский ежемесячник — не просто сборник статей, не складочное место иной раз совершенно противоположных мнений, не обозрение во французском смысле. К какому бы направлению он ни принадлежал,— он стремится дать некоторое идейное целое, отражающее известную систему воззрений, единую и стройную. Нападки на эту якобы „доктринерскую узость" составляют издавна общее место нашей реакционной печати. И однако — такова сила вещей, которую передовая журналистика ставит перед собой совершенно сознательно и которая является несознательным законом для печати реакционной: мы помним несколько попыток основания журналов „без направления" или „терпимых ко всем направлениям". Все они кончались жалкими неудачами...» [2]

В этих суждениях Короленко многое было верным и метким, хотя он как народник не шел дальше защиты общедемократической направленности журналистики. В. И. Ленин заметил в одном из писем к Горькому 9/22 ноября 1910 г.: «Есть направление у „*Русского Богатства*" — народническое, народнически-кадетское, но направление...» Это замечание В. И. Ленин сделал в связи с участием Горького в журнале «Современник», призывая его не ограничивать себя общедемократическими рамками. В том же письме В. И. Ленина сказано: «Сегодня читаю в „*Речи*" объявление о „*Современнике*", издаваемом „при ближайшем и *исключительном* (так и напечатано! неграмотно, но тем более претенциозно и многозначительно) участии Амфитеатрова" и при Вашем постоянном сотрудничестве». Противопоставляя этот журнал сборникам горьковского издательства «Знание», В. И. Ленин писал: «„Большой ежемесячный" журнал, с отделами „политики, науки, истории, общественной жизни",— ведь это совсем, совсем не то, что сборники, стремившиеся концентрировать лучшие силы художественной литературы. Ведь такой журнал либо должен иметь вполне определенное, серьезное, выдержанное *направление*, либо он будет неизбежно срамиться и срамить своих участников (...) А какое же направление может быть при „исключительном участии" Амфитеатрова? (...) Амфитеатровский журнал (хорошо сделало его „Красное Знамя", что вовремя умерло!) есть политическое выступление, политическое предприятие, в котором даже и сознания нет о том, что общей „левизны" для политики мало, что после 1905 года всерьез говорить о политике без выяснения отношений к марксизму и к социал-демократии нельзя, невозможно, немыслимо» [3].

Как точно определил В. И. Ленин «направление» нового журнала (общая «левизна» при отсутствии определенного отношения к марксизму и к конкретным задачам революции) — об этом свидетельствует письмо Амфитеатрова к Горькому от 4 октября 1910 г.: «Журнал будет ровный, твердый, социалистический, ясный, внепартийный. Словом, буду вести, поскольку смогу, политически — „Красное знамя" без антицаризма открытого, литературно — утверждение хороших русских традиций реализма в художественном и словесном творчестве». Горького привлекла

именно литературная, художественная программа журнала — защита традиций реализма (это имело для него тем большее значение, чем меньше удовлетворяло его отношение директора-распорядителя издательства «Знание» К. П. Пятницкого к задаче защиты реалистических традиций от наступающего на них модернизма). Кроме того, он надеялся превратить «Современник» во «всероссийский» журнал, в орган «разноплеменной» литературы России, сплачивающий передовые литературные силы всех национальностей страны. Однако идейно-политическое направление журнала вызывало и у него сомнения, которые усилились после критических замечаний В. И. Ленина.

В письмах к Амфитеатрову, написанных в ноябре, не ранее 12/25, и 1 или 2 декабря 1910 г., Горький протестовал против появившегося в газете «Речь» объявления о журнале «Современник», где было жирным шрифтом набрано: «при постоянном сотрудничестве Максима Горького» («Очень мешает мне это похоронное объявление!»), и где говорилось о «ближайшем и исключительном участии» А. Амфитеатрова («это едва ли грамотно»). Еще важнее то, что Горький стал пристально следить за идейным пафосом журнала, вызывавшим у него все больший протест. В конце концов он отказался от участия в «Современнике», откровенно заявив в письме к Амфитеатрову: «Нисколько не умаляя моего к Вам уважения, я, по совести, должен сказать, что единоличное руководительство литературно-политическим журналом не считаю работой посильной для Вас, и уверен, что Вы с нею не справитесь» (Г—А, п. от начала ноября 1911 г.).

Отношение Горького к Амфитеатрову, переписка с которым занимает самое большое место в настоящем томе, было не простым. Не забывая о «нововременском» прошлом Амфитеатрова[4], Горький считал, что желание заставить других забыть об этом прошлом побуждало его ударяться в псевдореволюционные крайности — вроде защиты эсеровского бойкотизма и терроризма. Не закрывал Горький глаза и на слабые стороны его литературного творчества,— он признался в начале их переписки: «Порою — со злобой на вас — видел, как вы руками мастера, способного лепить крупные фигуры,— создаете безделушки для забавы сытых и праздных мещан». Тогда же он писал Пятницкому об Амфитеатрове: «Он все же — талант, хотя грубый, для улицы, для мещанина»[5]. Позднее Горький отметил: «Хорошо стал писать Амфитеатров»[6]. Но это не помешало ему еще позднее с огорчением заметить в письме к одному литератору: «Ваша манера писать невольно внушает подозрение, что Вы слишком много читали книг Амфитеатрова» (*XXIX*, 318). И все же Горький готов был многое простить Амфитеатрову за борьбу против нападок на русскую классическую литературу. Он писал Пятницкому: «Амфит⟨еатров⟩ — очень популярен, как Вы знаете, главное же, он искренно любит литературу и искренно возмущен ее порчей. Я жду от него интересных вещей» (*XXIX*, 60). Вот почему, порвав с амфитеатровским «Современником», Горький не порвал сразу с самим Амфитеатровым. Иначе сложились его отношения с новым руководителем «Современника» — Е. А. Ляцким, постаравшимся вернуть Горького в журнал.

Ляцкий привлек к себе Горького и своим интересом к фольклору, и работами о Чернышевском, и — так поначалу казалось — общим прогрессивным направлением. Поначалу казалось, что Ляцкий отрицательно относится к меньшевикам,— Горький писал ему 25 ноября/8 декабря 1912 г.: «Г.г. меньшевики и меня одолевают. Это — племя „дипломатическое“ и безмерно скучное. Если они захватят журнал целиком в свои руки,— то t° его будет температурой трупа. Но — этого не случится, я уверен» (Г—Ляц, п. 33). Однако вскоре выяснилось, что еще более отрицательно относится Ляцкий к большевикам. Горькому еще не было известно то, что получило отражение в феврале 1912 г. в дневнике К. П. Пятницкого: «Ляцкий говорит, что не позволит превратить „Современник“ в большевистский орган» (Г—Ляц, п. 49, прим. 10). Но он ощутил фальшь сообщения Ляцкого о настроении, которое тот «застал» у П. И. Певина и В. Я. Богучарского: они «...стоят на позиции блоковой (левее кадетов), приемлют марксизм как метод научного объяснения, но „большей определенности“ в смысле уклона к большевизму боятся, как жупела» (Г—Ляц, п. 52). Горькому было очевидно, что Ляцкий не «застал»

такое настроение, а сам подсказал его, и он не скрыл своего возмущения такой неискренностью: «...Ваша описка ‹...› сильно изменяет мое отношение лично к Вам» (п. 54).

Одновременно росло возмущение Горького все более определяющимся характером «Современника»,— в марте 1913 г. он обратился к редакции журнала: «...я принужден заявить, что, если книжкам „Совр‹еменника›" и впредь будет придаваться такой же эклектически-анархический характер, если редакция и в будущем останется равнодушной к вопросу внутреннего идейного единства,— я попрошу не считать меня более сотрудником „Современника"» (Г—Ляц, п. 51). Он так и поступил после получения ответного письма Ляцкого, переполнившего чашу его терпения. Чтобы стала яснее причина «взрыва» его гнева, надо вспомнить о двух его суждениях. Одно из них содержится в письме к Кранихфельду не позднее 9/22 июня 1912 г.: «И я уверен, что, если бы игроки разобрали все карты — козыри остались бы в руках с.-д., как группы наиболее богатой талантами» (Г—СМ, п. 20). Другое подытожило отношение Горького к журналу «Русская мысль», оказавшемуся в руках П. Б. Струве и других кадетов,— оно содержится в письме к С. В. Малышеву от 26 января/8 февраля 1915 г.: «Препротивные букашки, главная их квартира в той щели, которая зовется „Русской мыслью"...» (*XXIX*, 330). А теперь вчитаемся в ответ Ляцкого — в письме от 7/20—8/21 мая 1913 г.— на упрек Горького относительно «эклектически-анархического» характера «Современника» и отсутствия в редакции журнала людей «с устойчивым миросозерцанием»: «Беда журнала в данный момент не столько в недостаче таких лиц в недрах самой редакции, сколько в отсутствии талантливых и ярких писателей по социально-политическим вопросам. Все, что было талантливого в этом смысле в интеллигентской среде, собралось вокруг „Русской мысли", а писатели-демократы, как я вижу теперь, являясь отличными партийными работниками, до толстого всероссийского журнала еще не доросли: за немногими исключениями, почти все они страдают недомоганием культурного самосознания» (Г—Ляц, п. 58). Горький откликнулся на это письмо 14/27 мая 1913 г. словами, имеющими принципиальное значение: «Это заявление Ваше совершенно определенно отталкивает меня от журнала и всякого участия в нем. Я не стану напоминать Вам, что русскую журналистику создал писатель-демократ, что она кристаллизовалась из крови демократической интеллигенции,— как историк литературы, Вы сами знаете это» (Г—Ляц, п. 59). В дальнейшем Горький уже никогда не соглашался на совместную работу с Ляцким и на восстановление их личных отношений.

В. И. Ленин всячески поощрял участие Горького в большевистской печати. Например, он писал ему в начале 1912 г., имея в виду появление горьковских «Сказок об Италии» в большевистской газете «Звезда»: «Великолепными „Сказками" Вы очень и очень помогали „Звезде", и это меня радовало чрезвычайно, так что радость — ежели говорить прямо — перевешивала грусть от Вашего „романа" с Черновыми и Амфитеатровыми...» И, касаясь неудачи Амфитеатрова и Чернова с «Современником», добавлял: «Рад, каюсь, что у них „лопается"» [7]. Но, стремясь как можно теснее связать Горького с партийной прессой, Ленин отнюдь не брал под сомнение полезность участия писателя в общедемократической журналистике. Дело было не только в необходимости где-то печататься, но и в принципиальной важности влияния на демократическую печать. И это нисколько не противоречило тому, что требование выдержанности ее направления (вспомним суждения Короленко) поднялось у Ленина до требования ее партийности.

Ленин писал, что марксисты должны «принять общедемократические пункты» народнической программы [8]. И он же упрекал Горького за попытку «*согнуться* до точки зрения ***общедемократической*** вместо точки зрения *пролетарской*» [9]. С точки зрения Ленина, то, что составляло сильную сторону народников, было уже недостаточно для марксистов, для пролетарского писателя Горького. Ведь, призывая принять «общедемократические пункты» программы народников (отвергая при этом все ее «реакционные черты»), Ленин считал необходимым «провести их точнее, глубже и дальше» [10], чем это могли делать сами народники. В том-то и дело, что самый последовательный демократизм мог развиваться именно на основе пролетар-

ской, марксистской, социалистической программы. В том-то и дело, что сохранять в полной мере общедемократические позиции, оставаясь лишь в их пределах, было в рассматриваемый исторический период уже невозможно,— это не парадокс, а диалектика реального исторического процесса.

Когда В. И. Ленин высказывал свои критические замечания относительно «романа» Горького «с Черновыми и Амфитеатровыми», его тревожил не самый факт участия писателя в «Современнике», а то, что он начинал делить с идейно далекими от него деятелями ответственность за руководство журналом, давая им возможность прикрываться его именем, его авторитетом. И Горький, хорошо поняв это, потребовал исключить из объявления о выходе журнала слова об его «постоянном сотрудничестве», а затем, когда его попытки повлиять на сменявшие друг друга редакции и добиться от журнала последовательно демократической линии не увенчались успехом,— совсем порвал с «Современником». О том, как относился Горький к демократической журналистике и какой представлялась ему его роль в ней, говорит его письмо к М. К. Иорданской, написанное в январе 1911 г.: «Организация демократии — очередная задача, Вы это понимаете, конечно; действуйте же в этом направлении определеннее и резче, старайтесь завоевать журналу симпатии в низах — в этом я вам неизменный помощник» (Г—СМ, п. 9). И Горький действительно сыграл роль такого помощника по отношению к ряду изданий — было бы глубокой ошибкой недооценивать принесенную им пользу. Но, когда он начинал понимать, что то или иное издание отходит от передовых задач демократической печати и начинает воспитывать «низы» в совсем другом духе, его отношение к такому изданию резко менялось.

Многие документы свидетельствуют о том, как с помощью Ленина Горький утверждался на позициях партийности литературы, а значит, и на позициях последовательного демократизма. 8/21 сентября 1912 г. он ответил В. А. Тихонову на предложение участвовать в задуманном журнале «Кругозор»: «На вопрос о сотрудничестве моем в журнале „Кругозор“ я не могу ответить вам ни да, ни нет, ибо вы не сообщаете ни имен ближайших сотрудников ваших и членов редакции, ни программы, согласно которой организуется журнал (...) Реализм в литературе — это касается только отдела беллетристики и ничего не говорит о политической линии журнала» (Г—Т, п. 5). Горький порвал с журналом «Заветы» после выхода его первого номера, когда увидел, что редакция не выполнила данного ему обещания и напечатала вместе с его рассказом «Рождение человека» ренегатский роман Ропшина (Б. В. Савинкова) «То, чего не было». А получив в середине августа 1912 г. письмо от Ленина с отрицательной характеристикой журнала «Запросы жизни» («Странный, между прочим, журнал,— ликвидаторски-трудовическо-вехистский» [11]), Горький написал редактору этого журнала 19 августа/1 сентября 1912 г.: «От дальнейшего сотрудничества в „Запросах жизни“ я отказываюсь(...) „Беспартийность“ „З(апросов) ж(изни)“ становится постепенно своеобразной партийностью без программы — худшим видом партийности: он дает широкий простор различным настроениям, но едва ли способен воспитать и организовать политическую мысль» (*XXIX*, 250).

Горький все больше приближался к пониманию ленинского принципа партийности как условия, обеспечивающего литературе подлинную внутреннюю свободу. Он писал Ляцкому 10/23 января 1913 г.: жизнь «обязывает нас ставить все вопросы наиболее конкретно, так напр(имер), если нам говорят: жажду свободы! — мы должны всесторонне разобрать, от чего именно желает освободиться сей жаждущий!» И он пояснил эту мысль примером: «Г(осподину) Щеголеву кажется высокой степенью свободы стремление редакции „Заветов“ устроить из своего журнала универсальный магазин всякой беллетристики и всяких мнений — именно это свободолюбие заставило меня уйти из „Заветов“. Я не могу понимать свободу как безразличие, как право человека отрицать сегодня то, что он утверждал — да еще догматически — вчера» (Г—Ляц, п. 49). В том же 1913 г. Горький писал в статье «Еще о „карамазовщине“» по поводу предъявленного ему одним литератором обвинения в желании «сжечь» произведения Достоевского: «Не сожгу, ибо русскую литературу люблю и ценю не менее почтенного литератора. Он очень громогласно

объявил городу и миру о своем безграничном свободолюбии, но каждый раз, когда я слышу такие объявления, мне хочется спросить объявителя:

„А вы от чего желаете освободиться? Не от всех ли обязанностей человека и гражданина?“» (*XXIV*, 152).

Против такого фальшивого и лицемерного оперирования понятием «свобода» неустанно выступал В. И. Ленин. Он писал в 1902 г. в своей программной работе «Что делать?»: «Свобода — великое слово, но под знаменем свободы промышленности велись самые разбойнические войны, под знаменем свободы труда — грабили трудящихся». В. И. Ленин с гневом и презрением обращался к защитникам такого «свободолюбия», имея непосредственно в виду модный лозунг «свободы критики», направленный против марксистских «догм»: «...не пачкайте великого слова свобода...» [12] Особенно широко Ленин поставил вопрос о подлинной и мнимой свободе в ноябре 1905 г., между двумя высшими гребнями первой русской революции, в статье «Партийная организация и партийная литература». Обращаясь к тем, кто отстаивал «абсолютную свободу абсолютно-индивидуального идейного творчества», Ленин писал: «...господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие (...) Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как миросозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность). Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». И он призывал «лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно-свободную, *открыто* связанную с пролетариатом литературу» [13]. В 1919 г. в заметках «О диктатуре пролетариата» Ленин требовал конкретной постановки вопроса о понятии «свобода»:

«Свобода для кого?
» от кого? от чего?
» в чем?» [14]

А в 1921 г. он задавал такие же прямые и беспощадные вопросы человеку, защищавшему «абсолютную» свободу печати:

«...*какую* свободу печати? для *чего*? для *какого класса*?
Мы в „абсолюты“ не верим» [15].

Эта проблема не утратила своей остроты и в наше время, когда буржуазные идеологи превратили защиту различных «абсолютов» едва ли не в главное орудие борьбы против подлинно демократических идейных принципов. Когда в 1978 г. представители 146 государств, собравшиеся в Париже на XX сессию ЮНЕСКО, приняли Декларацию об основных принципах, которыми должны руководствоваться все средства массовой информации в борьбе за мир и за международное взаимопонимание и против расизма, апартеида и подстрекательства к войне,— уже самый факт определения таких принципов был оценен в американской прессе как покушение на свободу печати. В специальной редакционной статье «Нью-Йорк таймс» утверждалось, что в Декларации ЮНЕСКО «неправильно истолкована» идея «свободы слова»: «Давайте прямо заявим (...) что для американцев не может быть свободы слова или „сбалансированной информации“, если тем, кто выступает за расизм и апартеид, а также и за войну, не будет тоже предоставлена свобода слова». Но дело здесь не только в буржуазной прессе, столь же рьяно отстаивающей «абсолютную свободу» пропаганды человеконенавистничества, культа насилия, порнографии и т. п. Тогда же, в 1978 г., когда проходила XX сессия ЮНЕСКО, и там же, в Париже, почти одновременно с упомянутой Декларацией был обнародован манифест Комитета интеллектуалов в защиту Европы Свобод. В этом манифесте, напечатанном в газете «Монд» под заглавием «Культура против тоталитаризма», говорилось, что лозунги «политика прежде всего» и «политика повсюду» должны уступить место лозунгу «культура прежде всего», и далее было сказано: «Комитет призван побудить интеллигенцию, живущую во Франции и убежденную в необходимости защищать идеологический плюрализм, разнообразие, традиции и самопроизвольность культуры, противостоять тем ограничениям человеческого разума, которые ему навязывает грубая или скрытая диктатура „историче-

ского детерминизма"...» Авторы манифеста не скрывали того, что под «историческим детерминизмом» они разумели марксизм. Иными словами, они отстаивали такой «идеологический плюрализм», который исключает марксизм, такое «разнообразие», которое исключает марксизм, такое освобождение культуры от политики, которое означает политическую травлю марксизма.

Как все это близко к тому, с чем имели дело в предоктябрьский период в России Ленин, Горький и все защитники передовых, прогрессивных, подлинно демократических идей! Вспомним хотя бы отклик Н. А. Бердяева на выдвижение принципа партийности литературы — статью «Революция и культура», напечатанную в кадетском еженедельнике «Полярная звезда». Бердяев заявил, что и опубликованный в большевистской газете «Новая жизнь» ленинский проект «организации литературы» (статья «Партийная организация и партийная литература»), и напечатанные там же горьковские «Заметки о мещанстве» и «подлизывание к новой силе бывших мечтателей» (выступления в «Новой жизни» отдельных представителей модернизма, увлеченных революционными веяниями) — «все это показатели безыдейности и духовного умирания, до которого довело несчастную Россию самодержавие»[16]. Вот что писалось и печаталось в журнале П. Б. Струве в те дни, когда самодержавие начало кровавую расправу над «новой силой», пугавшей Струве, Бердяева и других завтрашних авторов сборника «Вехи» гораздо больше, чем старая, и бывшей им гораздо более ненавистной. Нападки на революцию под флагом защиты культуры продолжил после «Полярной звезды» и другой кадетский еженедельник, «Свобода и культура», а затем и названный сборник «Вехи», авторы которого протестовали против «засилия политики» так же энергично и так же фальшиво, как и авторы недавнего французского манифеста, защищающего «культуру» от «тоталитаризма». Понятно, почему у Горького вызвало такой гнев утверждение Ляцкого, что писатели-демократы, всецело отдаваясь политике, «страдают недомоганием культурного самосознания» (Г—Ляц, п. 58). Понятно и то, почему Горький изобразил в 1906 г. в пьесе «Враги» реакционера, сторонника «расовой философии» Николая Скроботова, предлагающего противопоставить призыву «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» призыв «Культурные люди всех стран, соединяйтесь!»

Иллюзия «свободы» и «независимости» от всех классов, партий, диктатур, «тоталитаризмов» — разве она не остается с поры революции 1905—1907 гг., первой народной революции эпохи империализма, одним из главных признаков и главных орудий буржуазной идеологии? Созданная сразу же после начала московского Декабрьского восстания, «Полярная звезда» заявила на первой же странице своего первого номера (он вышел 15 декабря 1905 г.), что она будет бороться против «всякого насилия, исходит ли оно от власти или от анархии» (читай: революции). В том же номере Д. С. Мережковский писал об интеллигенции, что она находится «между двумя гнетами: гнетом сверху — самодержавного строя и гнетом снизу — темной народной стихии». Можно ли удивляться тому, что после поражения первой русской революции, в обстановке начавшегося «либерального ренегатства», у Горького возник замысел «Жизни Клима Самгина» — произведения о человеке, который хочет думать, что он «абсолютно свободен» от всех и всяких «гнетов», и видит свое призвание в том, чтобы быть представителем «демократии» как «класса, независимого от насилий капитала и пролетариата». Замысел этот был осуществлен через много лет, но не утратил от этого актуальности и не утрачивает ее до сих пор.

Для чего здесь говорится обо всем этом? Для того чтобы подчеркнуть значение многих включенных в настоящий том материалов — значение их не только для своего времени, но и для нас сегодня.

II

Ряд проблем, освещенных в публикуемой переписке, был связан у Горького с темой, которая всегда его волновала, а в отдельные моменты становилась источником мучительных сомнений и колебаний: с темой России, русского народа, русского национального характера. После поражения революции 1905—1907 гг., в пери-

од мрачной реакции, когда немало русских литераторов разочаровалось в родной стране и родном народе и впало в пессимизм и скептицизм, Горький писал К. П. Пятницкому: «...я люблю русскую литературу, люблю страну и верю в ее духовные силы. Это — большая любовь» (*XXIX*, 76). Любовь эта наполняла собой все творчество Горького. Но бывало, что он с болью признавался близким людям: «Мне вообще очень трудно живется ‹...› Кажется, я теряю главное, чем жил, самое дорогое мое — веру в Россию, в ее будущее» [17].

Такое настроение возникало у Горького нечасто, но оно все же нашло отражение в его наследии, правда не столько в художественном, сколько в публицистическом и эпистолярном, в том числе в некоторых письмах, включенных в настоящий том. Разобраться в этом вопросе надо и для того, чтобы лучше понять ошибки и заблуждения писателя, и для того, чтобы полнее оценить ту спасительную роль, которую сыграли в его судьбе Ленин и ленинские идеи. Следует также помнить о том, что на ошибочных суждениях Горького о русском народе, особенно о русском крестьянстве, до сих пор играют те, кто пытается бросить тень на все наследие великого писателя. Изучение горьковской переписки, в частности той, которая публикуется в настоящем томе, поможет отделить в этом наследии основное — верное от второстепенного — ошибочного и понять всю огромную непреходящую ценность основного, обогатившего и продолжающего обогащать нашу культуру.

С какими проблемами были связаны у Горького раздумья о России и русском народе? Прежде всего с проблемой отношений рабочего класса и крестьянства. Уже в самом начале XX в., оспаривая народническую идеализацию патриархального крестьянства с его общинным укладом и доказывая решающее значение пролетариата, Горький писал поэту-народнику П. Ф. Якубовичу: «...я вижу, как растет самосознание того класса на кот‹орый› только и мож‹но› опир‹аться› ‹...› Обидно мне за статьи Н. М‹ихайловского›. Неужели он не хочет согласиться, что тепер‹ешнее› теч‹ение› р‹усского› м‹арксизма› прогрессивно? А он борется с н‹им›, как с врагом...» [18] Необходимо вспомнить в этой связи и о борьбе Горького против национализма и шовинизма, против того насквозь фальшивого «квасного патриотизма», который заметно усилился в среде буржуазной интеллигенции на подступах к первой мировой войне и еще больше после того, как она началась. Отстаивая интернационализм, Горький стремился к объединению и сплочению всех национальностей России, всех ее национальных литератур. В 1912 г. он писал Д. Н. Овсянико-Куликовскому по поводу своего стремления перестроить журнал «Современник»: «Как попытка объединения литераторов всех народностей зачинается журнал в России...» (*XXIX*, с. 214). И еще об одной проблеме следует вспомнить в этой связи: о борьбе Горького против «восточной» пассивности — о той борьбе, которая прошла через все его творчество и через все его идейное развитие. Оглядываясь в 1917 г. на пройденный им путь в литературе, Горький заявлял: «Смысл двадцатипятилетней общественной работы моей, как я понимаю ее, сводится к страстному моему желанию возбудить в людях действенное отношение к жизни» [19].

В постановке этих проблем проявились наиболее сильные стороны Горького, но с этими же проблемами были связаны и его самые серьезные ошибки. Приводя французскую поговорку, гласящую, что недостатки человека обычно связаны с его достоинствами, В. И. Ленин так разъяснял и развивал ее смысл: «Но если достоинства продолжаются больше, чем надо, обнаруживаются не тогда, когда надо, и не там, где надо, то они являются недостатками» [20]. Борьба Горького против «восточной» пассивности была справедлива и необходима, но она продолжалась «больше, чем надо», когда оказывалась обращенной против широких народных масс. Вспоминая об этой своей ошибке в советские годы и осуждая ложные оценки русского народа, Горький писал: «Автор вот этих строк, возмущенный терпением крестьянства и его забитостью, временами теряя понимание смысла истории, тоже думал о своем народе не очень ласково» (*XXVI*, 154). Проявлялась иной раз «не тогда, когда надо, и не там, где надо», и горьковская — в целом справедливая и необходимая — борьба против шовинизма. Касаясь слов Горького о «хрупкости» и «шат-

кости» русской мещанской души, Ленин писал ему, переводя разговор из национального плана в социальный и переадресуя горьковские слова всякой мещанской душе: «почему русской? а итальянская лучше??» [21]. Но, критикуя и эту, и другие ошибки писателя, Ленин рассматривал их как «то, что составляет его слабую сторону, что входит отрицательной величиной в сумму приносимой им пролетариату громадной пользы» [22].

Правильность и точность такой постановки вопроса подтверждается публикуемой перепиской. В ней есть и такие горьковские суждения, в которых он, теряя в отдельные моменты «понимание смысла истории», оценивал родной народ, особенно русское крестьянство, «не очень ласково». Но гораздо больше в ней суждений Горького, которые вошли «в сумму приносимой им пролетариату громадной пользы». Критикуя один из рассказов С. С. Кондурушкина за то, что он отличается «как бы нарочитой грубостью» в изображении крестьянской жизни, Горький писал 27 января/10 февраля 1908 г.: «В наши дни, вновь разочаровавшаяся в силе народа, интеллигенция тщательно ищет всюду фактов для обвинительного акта русскому мужику, повинному в некультурности, зверстве всяческом и т. д. и т. п.— не давайте вы милым забавникам лишнего факта к их коллекции!» (Г—К, п. 4). Прочитав в январе 1911 г. книгу И. А. Родионова «Наше преступление. Не бред, а быль. Из современной народной жизни» (она появилась в 1909 г. и успела выйти до 1911 г. несколькими изданиями, получив положительные отзывы — за якобы «правдивость» — в буржуазной прессе), Горький стал инициатором разоблачения этой книги как черносотенной клеветы на народную массу. О необходимости разоблачения этой клеветы он написал Амфитеатрову, а также М. К. Иорданской: «...книга эта так гадка, а, в то же время, на нее так часто ссылаются как на правдивое освещение действительности, что ей следовало бы посвятить маленькую статейку или большую рецензию(...) Думаю также, что напечатать такую рецензию — долг порядочных людей и демократов» (Г—СМ, п. 9).

Среди публикуемых в настоящем издании материалов, содержащих суждения о русском крестьянстве и о русском народе в целом, особое значение имеет письмо Горького к Амфитеатрову от 1 или 2 декабря 1910 г. В этом письме есть такое место: «Пишущему о Короленко надо посоветовать: обратил бы внимание на Тюлина в „Река играет", указал бы, что наверху нас — все еще Обломов жив, а внизу — Тюлин живет — эти двое и провалили 905 год». Амфитеатров решил написать о Короленко сам. Сославшись на письмо Горького, он заметил: «Встреча с перевозчиком Тюлиным („Река играет") вылилась поистине „перлом создания", вырос новый всероссийский тип „Обломова снизу"» [23]. В этих словах мысль Горького была передана крайне неточно. Хотя он и считал, что Тюлины делят с Обломовыми ответственность за поражение революции 1905 года,— это не означало их отождествления. В. И. Ленин называл «серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании» в России неподготовленность крестьянской массы к борьбе, «толстовское непротивление злу», «патриархальную толстовскую идеологию» — «отражение мягкотелости патриархальной деревни» [24]. Но Ленин не сводил к этому все настроения, все стремления и действия крестьянской массы — иначе он не охарактеризовал бы Льва Толстого как «зеркало русской революции». Первая русская революция потерпела поражение потому, что в большей части крестьянства еще преобладала пассивность. Однако другая его часть — пусть и меньшая — уже боролась, пока непоследовательно и неорганизованно, но со всей силой накопившейся в ней ненависти и отчаянной решимости. Именно такой была точка зрения Ленина, который видел в крестьянской массе не только одну из причин поражения первой русской революции, но и главный источник ее размаха, видел в ней главного союзника пролетариата. У Горького еще не было тогда такой ясности понимания роли крестьянской массы в революции; он еще допускал в этом вопросе колебания и ошибки. Но направление его мысли было близко к ленинскому.

В 1918 г., в первом из трех своих мемуарных очерков о Короленко, Горький писал: «...за 25 лет литературной моей работы я видел и знал почти всех больших писателей, имел высокую честь знать и колоссального Л. Н. Толстого. В. Г. Короленко стоит для меня где-то в стороне от всех, в своей особой позиции,

значение которой до сего дня недостаточно оценено. Мне лично этот большой и красивый писатель сказал о русском народе многое, что до него никто не умел сказать». И Горький вспоминал в этой связи о рассказе Короленко «Река играет» и о герое его — Тюлине: «...правда, сказанная образом Тюлина,— огромная правда, ибо в этой фигуре нам дан исторически верный тип великоруса — того человека, который ныне сорвался с крепких цепей мертвой старины и получил возможность строить жизнь по своей воле» (*16,* 426). Разумеется, Горький не сводил заслуг Короленко как писателя к созданию образа Тюлина — он высоко ценил многие его художественные произведения и его мужественную публицистику. Однако особенно высоко он ставил именно рассказ «Река играет». Он писал в 1913 г. Короленко: «...это любимый мой рассказ; я думаю, что он очень помог мне в понимании „русской души" — души тех людей, которые, год поработав,— десять лет отдыхают в грязи и всяческом хаосе. Говорят, я довольно удачно читал рабочим реферат, темой которого была роль Тюлина в русской истории,— у меня вышло так, что и Минин, и Болотников, и Пугачев — все Тюлины! Что поделаешь?» (*XXIX*, 311). У Горького были и другие суждения такого рода.

Уже в 1893 г., вскоре после появления рассказа «Река играет», Горький, согласно его воспоминаниям, оценил героя рассказа как «изумительно верно понятый и великолепно изображенный тип крестьянина, „героя на час"» (*16,* 241). В последующие годы он неоднократно вспоминал в своих письмах и статьях о Тюлине, видя в нем «выражение национального русского характера» (1899) (*XXVIII*, 101), «верный очерк национального типа» (1909) (*XXIV,* 52) «исчерпывающий очерк души русского мужика» (1911) [25], «тип великорусского мужика, исторически сложившийся тип (...) Тюлин — осторожный, но решительный разрыв с традициями народнических акафистов мужику» (1920) [26] и т. д. Уже не раз было справедливо указано, что Горький в некоторых своих суждениях понимал образ Тюлина слишком расширительно, возвышая его до значения «национального русского характера» в целом и низводя тем самым русский национальный характер к типу «героя на час». Характерно, что Короленко, как это следует из воспоминаний Горького, счел такую характеристику Тюлина преувеличенной и выразил сомнение в том, «таков ли мужик вообще, каков Тюлин» (*16,* 242).

Но и сам Горький не раз вносил в свое понимание Тюлина важные уточнения, как он это сделал, например, в 1913 г. в письме к уральскому писателю А. Г. Туркину. Считая, что характеристику всего русского крестьянства нельзя свести к какому-нибудь одному — тургеневскому, толстовскому, чеховскому, бунинскому или короленковскому — образу, поскольку для разных частей России характерны разные народные типы, Горький утверждал: «Платон Каратаев и Калиныч несомненно русские мужики, но это мужики центральной, московской Руси, и такие типы „смирных" людей — очень редки на Волге, едва ли возможны в Сибири, их нет на Украине». Он замечал, что чеховские мужики часто встречаются около Москвы, «...но — разве похожи на них вологжане, новгородцы, поморы». Для освещения затронутой темы очень важно замечание Горького, что если Бунин верно изобразил тип орловского крестьянина, то «для Верхнего и Среднего Поволжья этот тип почти неправда — психику волжанина наилучше уловил Короленко в лице Тюлина» [27].

Следовательно, для Горького образ Тюлина не покрывал собой все русское крестьянство, тем более весь русский национальный характер, а очень метко очерчивал одну из разновидностей народного типа, причем отнюдь не самую «смирную» и не самую пассивную, отнюдь не тождественную «обломовщине».

Нетрудно понять, почему рассказ «Река играет» произвел такое большое впечатление на Горького: здесь прозвучало новое, по сравнению с народническими акафистами мужику, правдивое и трезвое слово о крестьянстве. Смысл сказанного заключался в опровержении легенды о крестьянине как о носителе готовых знаний о справедливом строе жизни, как о прирожденном социалисте. Не в своего героя, а в творцов этой легенды, неспособных честно оценить горький опыт «хождения в народ», метил Короленко, воспроизводя добродушные размышления Тюлина о том, заплеснет или не заплеснет разыгравшаяся Ветлуга заснувшего на берегу «проходящего». При этом Короленко выступил и против пессимистических выводов от-

носительно народных масс, против настроений разочарования и уныния, которые стали получать в среде народнической интеллигенции тем большее распространение, чем больше здесь прежде были распространены прекраснодушные иллюзии и упования. Тюлин пока пребывает чаще всего во власти апатии, но не это в нем главное: от него можно ждать многого, ибо его дремлющая душа заключает в себе зачатки большого ума и большого мужества, раскрывающиеся в критический момент — в тот момент, когда история забушует, подобно «разыгравшейся» реке. Примерно так можно изложить выводы, которые подсказывались читателю рассказом «Река играет».

Эти выводы были близки Горькому, но он не во всем соглашался с ними. Ведь Короленко, отказываясь от «веры старых народников», все же не порывал со всей народнической доктриной. В образе Тюлина приглушены социальные моменты: он одинаково добродушно относится и к своим обидчикам из артели, и к обидевшему артель купцу Ивахину. Тюлина можно представить пробудившимся для вдохновенного труда, но его трудно представить охваченным праведным гневом против притеснителей. Вот что побуждало Горького внести свои поправки в толкование тюлинского типа. Он сделал это не столько в суждениях о Тюлине, сколько в своем художественном творчестве, стремясь развить дальше все то глубокое и верное, что было воплощено в короленковском образе. Горький начал это делать в рассказе «Ванька Мазин» (1897), герой которого обычно пребывает в апатии, а если вдруг совершает подвиг, то после этого снова предстает перед людьми — «как всегда, равнодушный, как всегда, вялый» (*3*, 523). Но Мазин не мог бы отнестись к купцу Ивахину так, как отнесся к нему Тюлин. Мазин спас подрядчика, но вслед за этим выразил все свое презрение к нему, что взволновало артель не меньше, чем самый поступок. Еще глубже и еще самостоятельнее раскрыта «тюлинская» тема в рассказе Горького «Кирилка» (1899), герой которого — перевозчик Кирилка — очень похож на перевозчика Тюлина и вместе с тем существенно отличается от него. За апатией Кирилки скрыто презрение к власть имущим, ради которых он не хочет тратить свои силы. Да он и не столько апатичен на самом деле, сколько старается казаться апатичным, чтобы до поры до времени не был виден растущий в нем гнев против господ. Особенно существенные поправки к образу Тюлина и к своим публицистическим высказываниям о нем были даны Горьким в рассказе «Ледоход» (1912).

Но, прежде чем говорить об этом рассказе, следует сделать общие замечания о книге «По Руси», в состав которой он вошел (речь идет именно о книге «По Руси», составленной из рассказов 1912—1913 гг., а не о цикле, объединившем под тем же названием эту книгу с другой — «Ералаш и другие рассказы», написанной в 1915—1917 гг.). Отправив в сентябре 1912 г. Д. Н. Овсянико-Куликовскому для журнала «Вестник Европы» рассказы «Ледоход», «Женщина» и «Покойник», Горький писал ему: «Не знаю, как озаглавить мне очерки, посланные Вам. Я имел дерзкое намерение дать общий заголовок „Русь. Впечатления проходящего“,— но это будет, пожалуй, слишком громко». Горький заменил название более скромным, но не отказался от задачи, которую раскрыл в том же письме: «Я затеял ряд очерков, подобных посланным,— мне хотелось бы очертить ими некоторые свойства русской психики и наиболее типичные настроения русских людей, как я понял их» (*XXIX*, 251—252). Решая эту задачу, Горький дал в книге «По Руси» целую галерею народных типов, начиная с поражающей своей душевной стойкостью крестьянки в рассказе «Рождение человека» и кончая героем рассказа «Покойник» — произведения, звучащего как гимн хлеборобу — «всех питателю». Есть в книге «По Руси» и галерея совсем других типов — тех, на которых строили свое понимание русского национального характера идейные противники Горького, видевшие в народной массе воплощение анархизма («Калинин»), «карамазовщины» («На пароходе») и т. п.

Характерно, что в рассказах, собранных в книге «По Руси», в большинстве своем повествующих о массовом голоде 1891—1892 гг., в центре внимания писателя были уже не босяки, не типы людей, «выламывающихся» из «нормального» бытия (как в ранних рассказах, изображавших тот же «голодный год»), а те, кто со-

ставлял прежде (в ранних рассказах) фон: представители согнанной с родных мест голодающей крестьянской массы. Характерно и то, что в книге «По Руси» почти всегда называются те губернии, откуда бредут в поисках работы и хлеба толпы голодающих. Например, в одном лишь рассказе «Женщина» говорится об оставивших родные места тульских, рязанских, тамбовских, пензенских крестьянах, а в рассказе «В ущелье» — о калужских, псковских и др. Для чего понадобились автору книги «По Руси» все эти обозначения? В чем смысл этой детали? Прежде всего бесконечный перечень охваченных недородом губерний помогает читателю физически ощутить всю огромность России и всю огромность страшного народного бедствия. Но дело не только в этом. Вспомним относящееся к 1913 г. письмо Горького к Туркину, где идет речь о многообразии типов, характерных для разных мест России — для центральных губерний, Поволжья, Сибири и т. д. Горькому важно было подчеркнуть многообразие русского национального характера, который шире какого-то одного типа, в частности типа «смирных» людей.

Это не значит, что Горький отрицал определенное единство национального характера. Один из персонажей рассказа «В ущелье» говорит: «Кто ее знает, что́ есть Россия? Каждая губерня — своя душа» (*14*, 313). Но так говорит человек, глубоко чуждый автору, носитель «квасного патриотизма», готовый объявить каждого несогласного с ним врагом России. Сам автор отвергал непознаваемость «русской души», но он опасался упрощения и обеднения этого понятия. Не случайно, желая изобразить в рассказе «Едут...» полную сил «веселую Русь», заставляющую вспомнить о походах Степана Разина, Горький рисует волжан: «...всё верхневолжские лесные мужики, здоровый, литой народ...» (*14*, 352). Но и рисуя в «Рождении человека» орловскую «смирную» крестьянку, не одобряющую дерзкого отношения к начальству со стороны «бесстрашного» нижегородца — «проходящего», Горький подчеркивает в ней не пассивность и слабость, а физическую и духовную «силищу» ее, способность перенести все испытания ради новорожденного — «нового жителя земли русской» (*14*, 153). Любопытна и такая характеристика группы голодающих в рассказе „Женщина“: «Всё это „русские“ — из центральных губерний, они дочерна сожжены непривычным солнцем юга, волосы их выгорели, ветер ершит и треплет их лохмотья, все они притворяются смирными, благочестивыми — устали от трудов, от неудач жизни...» (*14*, 267). «Притворяются смирными»!.

Теперь можно обратиться к рассказу «Ледоход» — к рассказу о том, как артель плотников, «отрезанных от праздника» начавшимся ледоходом, решила перебраться в город по тронувшемуся льду. Им легко было утонуть, еще легче, избегнув этой опасности, попасть за «нарушение порядка» в полицию. Но ничего этого не произошло из-за смелости, находчивости и хитрости старосты артели Осипа. Именно на фигуре этого артельного «воеводы», изображенного в рассказе «Ванька Мазин» (позднее появившегося в автобиографической трилогии и в «Жизни Клима Самгина»), и сосредоточен интерес писателя. Можно сказать, что рассказ и написан ради ответа на вопрос: «Что за человек Осип?» Вначале Осип предстает перед читателем как «первейший лентяй артели», сбивающий людей с работы разными «волшебными» историями. С подрядчиком он держится «льстиво, низкопоклонно», и плотники относятся к нему с недоверием, как к несерьезному человеку. Но вот наступает критическая минута, и Осип становится совершенно иным: он «словно помолодел, окреп: хитровато-ласковое выражение его розового лица слиняло, глаза потемнели, глядя строго, деловито; ленивая, развалистая походка тоже исчезла — он шагал твердо, уверенно...» Недаром один из плотников, относившийся к нему прежде скептически, теперь восторженно восклицает: «Ну — человек!.. Это действительно — человек...» Но критическая минута проходит, и Осип снова поблек: «Стал он маленький, сморщился и словно тает...» Снова он хитрит, заискивает перед власть имущими, снова товарищи называют его «комедьяном» и «Петрушкой» (*14*, 155, 158, 167, 172, 174, 177). Ну чем не Тюлин, чем не «герой на час»?

Между тем Горький показывает в рассказе «Ледоход» нечто совсем иное. Когда Осип, «точно вдруг проснувшись», ведет артель через реку, он и напоминает «проснувшегося» Тюлина, и открывается иной стороной, становясь настоящим вожаком, ведущим других за собой. Горький говорит об Осипе словами, которые можно при-

нять за цитату из рассказа «Река играет»: «Он играл с рекою ⟨...⟩ Казалось даже, что это он управляет ходом льда..» (*14*, 172). Но это не «цитата», а, быть может, самое полемическое по отношению к короленковскому образу место рассказа. Тюлин «просыпался» в тех случаях, когда не проснуться нельзя было, когда к этому принуждала «разыгравшаяся» Ветлуга. Другое дело — Осип: он сам идет навстречу опасностям, и не река с ним играет, а именно он играет с рекой, ведя людей вперед. И разве, совершив свой подвиг, он погас душой? Разве он оказался «героем на час»? Так это сначала представилось юному Максимычу, но он очень скоро понял, что Осип лишь прикинулся жалким перед полицейским, чтобы тот не отправил плотников в участок (как раньше прикидывался лентяем и болтуном, чтобы дать отдых артели). «И что ни делай, как ни кружись,— говорит он Максимычу,— ну — без хитрости, без обману — никак нельзя прожить, такая жизнь...» (*14*, 177). И хотя юному «наблюдающему» трудно с этим примириться и трудно простить Осипу разрушение окружавшего его романтического ореола, он чувствует, что «готов идти рядом с ним всюду, куда надобно,— хоть бы снова через реку, по льду, ускользающему из-под ног». Рассказ недаром кончается вдохновенными словами Осипа о том, что «душа человечья — крылата» (*14*, 178).

Вскоре после создания книги «По Руси» с ее замечательными образами русских людей, не терявших даже в пору тяжких испытаний своего мужества, стойкости и веры в жизнь, Горький написал глубоко ошибочную статью «Две души», где заявил, что у русского человека есть две души: одна — от кочевника-монгола, пассивного мечтателя и лентяя, а другая — душа славянина, которая «может вспыхнуть красиво и ярко, но недолго горит, быстро угасая, и мало способна к самозащите...» [28] За эту мысль Горького сразу ухватились его противники — одни для того, чтобы уличить его в отсутствии патриотизма, другие — чтобы прикрыть собственные, действительно антипатриотические позиции. И мало кто тогда заметил, что эту ложную мысль опроверг сам Горький во многих своих произведениях [29], в частности в рассказе «Ледоход». При этом обнаружилось, что горьковские ошибки «продолжали» его несомненное достоинство — ненависть к шовинизму, усиленному начавшейся мировой войной, а выступления его противников, верные в отдельных возражениях, были порочны по своей основной милитаристской направленности. Именно такой характер носила статья Леонида Андреева «О „двух душах" М. Горького», опубликованная в 1916 г. в № 1 журнала «Современный мир».

Эту статью горячо поддержал в письме от 23 мая 1916 г. Андрееву Амфитеатров, так объяснив свое уклонение от прямой борьбы с горьковским «пораженчеством»: «Большая дружба с Горьким и нежное чувство, которое я питаю к нему — каюсь, до слабости,— препятствует мне выступить против ⟨н⟩его публичною полемикою, потому что пришлось бы вести ее, не жалея плеча, колотя с размаха» [30]. Самому Горькому Амфитеатров написал еще 11 августа 1914 г., что начавшаяся война «зовет ⟨...⟩ с неслыханною силою к великому единству», и выдвигал такое ее «революционное» оправдание: «Ах, неужели русские левые круги упустят этот могучий момент вооруженного единения с народом и армией в общем национальном движении, неужели опять отдадут монополию на патриотизм тем слоям, которые превратили его в ругательное и постыдное слово? Было бы хуже ошибки — было бы преступлением! Я, как старый дятел, твержу то же, что твердил (осмеиваемый социал-демократами) в 1905—⟨190⟩7 гг.,— и оказался прав: не бывает и быть не может социальных революций в стране, не видавшей революции национальной⟨...⟩ Авось, война поможет сделать эту великую находку». Так, из-за характерных для Амфитеатрова крикливых «революционных» фраз выглянул старый нововременский шовинизм.

Мировая война, безоговорочно осужденная Горьким, сгустила его мрачные настроения. Этим и объяснялись некоторые его ложные оценки народа. Этим объяснялось и то, что в 1917 г. он в важнейшем вопросе разошелся с Лениным и большевиками: счел преждевременной социалистическую революцию, опасаясь, что анархизированная войной крестьянская масса не поддержит большевиков и обречет пролетарский авангард на гибель. Такая позиция любимого писателя вызвала у Ленина боль и протест, но он был уверен, что Горький вернется на верный

путь. «Нет сомнения,— писал Ленин в марте 1917 г.,— что Горький — громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению» [31]. Победа пролетариата, сумевшего повести за собой крестьянскую массу, действительно изменила и настроения Горького, и его позицию. Вспоминая позднее о том, как он «не очень ласково» думал временами о своем народе, Горький писал: «Но „ударил час", история скомандовала „вперед", и люди, возмущавшие своим позорно пассивным отношением к жизни, превратились в самую активную силу мира трудящихся» (*XXVI*, 154).

Созидательная деятельность советских людей укрепила и усилила в писателе веру в свой народ — нельзя не вспомнить о перечне русских губерний в цикле «По Руси», читая адресованные Горьким К. А. Федину в 1924 г., согретые юмором и проникнутые оптимизмом строки: «Вот — люди наших дней ⟨...⟩ Я читаю их письма, вижу, на фотографиях, их донские, кубанские, нижегородские рожи и, знаете, радуюсь. Удивительный народ. Всё поглощающий народ. Толк — будет. Так или иначе, а — будет толк!» [32]

III

Как ставились и решались Горьким затронутые выше проблемы — это особенно наглядно показало его отношение к выдающимся представителям русской литературы и русского искусства. В пору реакции он писал Амфитеатрову: «...болит у меня душа — нестерпимо обижена и неукротимо болит. Это потому, что я люблю всей силой сердца русскую литературу — величайшую, честнейшую литературу мира, молодую и сильную, как Васька Буслаев. И вот пришли в нее хулиганы, дегенераты, больные люди, ничтожники, полуидиоты» (Г—А, п. от 7 или 8 октября 1908 г.). То, что Амфитеатров боролся в своих статьях и сатирических произведениях с такими «ничтожниками», быстро размножавшимися в атмосфере ренегатства и оплевывания революции, и то, что он защищал при этом реалистические традиции русской литературы, вызывало у Горького симпатии к нему. Бывало, что Горький и Амфитеатров сближались не только в борьбе против литературного распада, но и в критике слабых, реакционных сторон писателей-классиков. Однако обычно за внешним сходством их позиций скрывалось глубокое внутреннее различие.

И Горький, и Амфитеатров отказались в 1908 г. участвовать в юбилее Льва Толстого. Оба они мотивировали свой отказ принципиальным несогласием с толстовской религиозно-философской проповедью, считая ее вредной. Казалось бы, их позиции в этом вопросе полностью совпадали. Но так могло показаться лишь при самом поверхностном подходе. Амфитеатров писал Горькому: «Никак не могу понять этого удивительного празднества. Если будут чествовать Льва Т⟨олстого-⟩художника, то он — во-первых, против своего художества, а, во вторых, это уже слишком спустя лето по малину. Непротивление злу — противное учение, несомненно сыгравшее вреднейшую роль ⟨...⟩ Что же остается для всенародного ликования и звона во все колокола? Старик, которому посчастливилось дожить до 80 лет. Но бывают литературные старики еще и старше. Например, Жемчужникову сейчас 87 лет. Словом, с какой стороны ни поверни — недоумение...» (А—Г, п. от 14 марта 1908 г.). Учение Толстого вызывало у Горького не менее отрицательное отношение, но он не считал, что великое значение художественного гения Толстого отошло в прошлое. Отказываясь участвовать в юбилейном комитете, Горький писал С. А. Венгерову: «...с лишком двадцать лет с этой колокольни раздается звон, всячески враждебный моей вере». При этом он признавал: «Граф Лев Толстой — гениальный художник, наш Шекспир, может быть. Это самый удивительный человек, коего я имел наслаждение видеть» (*XXIX*, 74).

О том же шла речь в ответе Горького на процитированное письмо Амфитеатрова: «Чествование „Льва Великого" — мною тоже плохо понимается. Вижу в этом начало какой-то игры ⟨...⟩ Вы представьте-ка себе все это современное наше „культурное" общество: половиков, эстетов, кадетов и прочих не помнящих родства своего людей,— видите Вы их серый и душный вихрь вокруг колосса? Пусть он,

Толстой, чужой мне человек духовно,— и — он краса и гордость моя,— разве он для того, чтобы за ноги его хваталась вся эта полуумная, разбитая, искаженная масса „неустойчивой психики"?» Таким образом, Горький отказывался от участия в юбилейных торжествах не потому, что считал позднего Толстого недостойным всенародного чествования (такая мысль, с его точки зрения, могла родиться лишь у «не помнящих родства своего людей»), а потому, что увидел начало «какой-то игры» на этом юбилее. Сообщая К. П. Пятницкому о своем намерении подготовить сборник статей о Толстом, Горький пояснял: «Сие необходимо. Видимо, мещанство хочет уцепиться за Толстого и создать вокруг его грандиозно пошлый кавардак» (*XXIX*, 57).

О том же шла речь и в ответе Горького Амфитеатрову: «Кажется мне, что всероссийское мещанство хочет устроить генеральную мобилизацию своих сил и что предполагаемое торжество должно играть роль как бы само-смотра. Если это так — жалко Толстого (...) И вся эта затея — Вы правы — непонятна, если это не есть желание мещан объявить Толстого — всего! — своим. Преподлая экспроприация — не правда ли?»

Горький соглашался с тем, что затеваемая игра «непонятна», но, стремясь понять ее, предложил объяснение, резко отличное от амфитеатровского: он оценивал эту «игру» как попытку мещанства «экспроприировать» великого писателя. Если Амфитеатров опасался чрезмерного восхваления Толстого, то Горького тревожило нечто прямо противоположное — возможность принижения его до уровня мещанского понимания. Из этого ясно, как искажался смысл горьковских острополемических «Заметок о мещанстве» теми, кто обвинял их автора в отнесении Толстого к мещанам. В «Заметках» шла речь о другом — о том, что «социальная педагогика» Толстого и Достоевского берется мещанами на вооружение, используется ими для борьбы против революционных идей и для защиты своего «строя души». Уже в этих «Заметках», опубликованных в 1905 г. в большевистской газете «Новая жизнь» и поддержанных в 1906 г. В. И. Лениным в его работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии», а затем и в письмах к Горькому, изобличалась попытка мещан «объявить Толстого — всего! — своим».

Еще отчетливее обозначилось различие отношений Горького и Амфитеатрова к Льву Толстому в 1910 г. Смерть Толстого потрясла Горького: он воспринял ее как несчастье для русской литературы и вообще для России и как свое личное горе. Эти чувства выразились в его неотосланном письме к В. Г. Короленко, включенном впоследствии в очерк-портрет «Лев Толстой» и содержащем проникновенные слова: «Пушкин и он — нет ничего величественнее и дороже нам...» (*16*, 295). Он писал Е. П. Пешковой: «Никогда в жизни моей не чувствовал себя так сиротливо, как в этот день, никогда не ощущал такой едкой тоски о человеке (...) Уходит из жизни нашей, бедной и несчастной,— самый красивый, мощный и великий человек (...) С ним исчезает старый паладин правды...». И в другом письме к ней: «Как раз теперь я занимаюсь русской историей, и, чем более понятно мне наше прошлое,— тем выше растет Толстой как выразитель духа нации, это в полном и обширном смысле слова — гений народный» [33]. То же чувство и те же мысли выразились в его письмах к И. А. Бунину [34], М. М. Коцюбинскому (*XXIX*, 137), Амфитеатрову. В одном из писем к последнему есть слова, отразившие всю ту бурю чувств, которая поднялась тогда в душе Горького: «...овладело мною горестное чувство сиротства, и кажется, что в сердце России тоже открылась черная дыра (...) Отошла в область былого душа великая, душа, объявшая собою всю Русь, все русское,— о ком, кроме Толстого Льва, можно это сказать? (...) Уговариваю себя: да ведь ты едва ли и любил его? Ведь не согласен ты с ним и враждебен даже тебе он, проповедник пассивного отношения к жизни, человек, воплотивший в огромной душе своей все недостатки нации; он последняя — быть может — вспышка древней русской крови — крови, отживающей свой век? А что в том? Доводы разума — не влияют, и душа болит все мучительней..» (Г—А, п. от 21 ноября 1910 г.).

Амфитеатров ответил словами, подобными холодному душу,— в них сквозит почти не скрываемая ирония: «Дорогой Алексей Максимович, ужасно мне жаль,

что Вам так жутко пришлась смерть Льва Николаевича. Чего Вы уж так? Ведь, собственно-то говоря, он уже лет пятнадцать как умер, а выходы его из яснополянской могилы были столь же полезны, как появление привидения» (А—Г, п. от 23 ноября 1910 г.). Амфитеатров, следовательно, относил к «появлениям привидения» и роман «Воскресение», и другие произведения Толстого последнего периода — все то, в чем В. И. Ленин увидел главное основание для вывода о Толстом как о «зеркале русской революции». Знакомство с посмертными публикациями произведений Толстого не только не смягчило скептицизма Амфитеатрова, но и усугубило его. Правда, и отношение Горького к этим публикациям было не всегда положительным (он явно несправедливо оценил пьесу «Живой труп» [35]). Однако он был очень далек от позиции Амфитеатрова, который писал ему: «...„Фальшивый купон" — так он и есть фальшивый купон от „Серенькой" старика Даля, а что касается прочего, то я глубоко уверен, что Л. Н. никогда не ожидал от своих наследников такого свинства, чтобы вытащили они на свет белый этот сор, в особенности драматический» (А—Г, п. от 6 декабря 1911 г.). И уж во всяком случае Горький не мог сочувствовать попытке Амфитеатрова подвергнуть переоценке даже такие произведения Толстого, как «Война и мир». Достаточно сравнить слова Горького о том, как по мере изучения им русской истории все больше растет в его глазах фигура Толстого, со следующими размашистыми и, как мы сегодня сказали бы, вульгарно-социологическими суждениями Амфитеатрова: «А Толстого я все меньше любить начинаю. Прошлогоднее мое изучение 1812 года разбило мне сорокалетний мираж „Войны и мира": красочно и художественно, что и говорить, но — барином писано, барское и вышло. А народа нет. Народ-то Платоном Каратаевым оказался» (А—Г, п. от 2 февраля 1912 г.).

Особенно поучительно сопоставить отношение Горького и Амфитеатрова к «уходу» Толстого. Амфитеатров спокойно отнесся к смерти великого писателя, считая его давно умершим для литературы,— совсем иное отношение вызвал у Амфитеатрова его предсмертный «уход». «Так взволнован „концом Толстого", что не могу ни о чем другом думать,— писал он Горькому.— Если это не кончится полицейско-софьиной комедией, то это — начало религии ⟨...⟩ Молодчина-старик! Честно загнул конец свой. Лишь бы не испакостили родня и сердобольные друзья» (А—Г, п. от 14 ноября 1910 г.). К этой теме он вернулся в другом письме к Горькому: «Я не любил его последнее десятилетие, но на меня, как я и писал Вам, произвело сильное впечатление его предсмертное путешествие — желание большого и благородного зверя нарушить неволю свою и хорошо, честно умереть. К сожалению, и то не вышло, и то милая русская публика испакостила и обратила в постыднейший спектакль» (А—Г, п. от 23 ноября 1911 г.). Значит, Амфитеатрова огорчило то, что не состоялось «начало религии» — новой религии, выросшей из философско-нравственного учения Толстого? Да, огорчило, хотя он не раз высказывал свое отрицательное отношение к этому учению и даже так писал о нем Горькому: «В век пролетариата носиться с такою игрушкою просто конфузно» (А—Г, п. от 14 марта 1908 г.). Это противоречие было крайне характерно для Амфитеатрова. Он раньше других, в самом начале века, охарактеризовал Горького в печати как великого пролетарского писателя (Горький поблагодарил Амфитеатрова за такую оценку, хотя счел ее гиперболической). Однако вершину горьковского творчества он увидел позднее — в повести «Исповедь», заявив: «Я, знаете, твердо уверен, что в „Исповеди" стали Вы на путь к литературному евангелию и дадите нам его всенепременно и самостоятельно...» В этом же письме Амфитеатров формулировал свое понимание революционного значения Горького — как значения «самодовлеющего» (а не «служебного») по отношению к революции и как всецело определяемого национальной природой горьковского дарования (А—Г, п. от 14 августа 1909 г.).

Хотя Горький и пережил кратковременное увлечение богостроительством, он отнесся отрицательно к попытке Толстого утвердить свою религию предсмертным «уходом». Соглашаясь с Амфитеатровым в том, что «уходом» Толстого попытаются воспользоваться для укрепления его религии, Горький высказал по этому поводу не удовлетворение, а тревогу: «Вы правы, конечно, теперь начнут „творить

легенду", и это будет противно, будет вредно для страны ⟨...⟩ А мы – останемся, и дело наше – с нами. Нам – бороться против религиозной легенды» (Г–А, п. от 17 ноября 1910 г.). Прочитав сообщение о «бегстве» Толстого, Горький писал В. Г. Короленко: «Но меня всегда отталкивало от него это упорное, деспотическое стремление превратить жизнь графа Льва Николаевича Толстого в „житие иже во святых отца нашего блаженного болярина Льва" ⟨...⟩ Вот — пришли газеты, и уже ясно: у вас там начинают „творить легенду",— жили-были лентяи да бездельники, а нажили — святого» (*16*, 288, 294). Тогда же Горький признавался Коцюбинскому: «Был взорван „бегством" Льва Николаевича, поняв прыжок этот как исполнение заветного его желания превратить „жизнь графа Льва Толстого" в „житие иже во святых отца нашего болярина Льва..."» (*XXIX*, 137). И Е. П. Пешковой: «...„Бегство" Л⟨ьва⟩ Н⟨иколаевича⟩ из дома, от семьи, вызвало у меня взрыв скептицизма и почти озлобление против него, ибо, зная его давнее стремление „пострадать" для того только, чтоб увеличить вес своих религиозных идей, давление проповеди своей,— я почувствовал в этом „бегстве" нечто рассудочное, подготовленное» [36].

Для чего понадобились здесь все эти цитаты? Для того чтобы не осталось никаких сомнений относительно содержания не дошедшего до нас письма Горького Ленину и относительно смысла ленинского ответа, датированного 3 января 1911 г.: «Насчет Толстого вполне разделяю Ваше мнение, что лицемеры и жулики из него святого будут делать» [37]. Из этих слов следует, что В. И. Ленин согласился с горьковской оценкой «ухода», что он также связал его не с сильной, а со слабой стороной Толстого. Впрочем, уже тот факт, что ни в одной из своих статей о нем В. И. Ленин ни словом не упомянул об его «уходе», о котором тогда так много говорили и писали (как о религиозном подвиге или как о новом примере «хождения в народ»),— уже этот факт достаточно красноречив. Также не считая уместным касаться этой темы в печати, Горький открыто высказал свою точку зрения много лет спустя, в 1924 г., в очерке «О С. А. Толстой». Отвечая на книгу В. Г. Черткова «Уход Толстого», Горький писал: «По моему мнению, Льву Николаевичу Толстому вообще и никогда не следовало уходить, а те люди, которые помогали ему в этом, поступили бы более разумно, если б помешали этому. „Уход" Толстого сократил его жизнь, ценную до последней ее минуты,— вот неоспоримый факт» (*16*, 372). Нельзя не удивляться появлению в наше время работ, возрождающих легенду об «уходе» Толстого как о подвиге — пусть и не как о религиозном, а как о революционном. Трудно сказать, какой из этих взглядов более ложен.

Еще раз позиции Горького и Амфитеатрова скрестились в 1911 г. при оценке знаменитого шаляпинского «инцидента». Известие о «коленопреклонении» Шаляпина вызвало у Горького и боль, и гнев. Еще не зная всех обстоятельств происшедшего, он написал Амфитеатрову в конце января 1911 г.: «Нестерпимо больно и обидно читать, как гений русский — гений народный! — холопствует пред мерзавцем ⟨...⟩ Писать Федору — не буду, я давно уж не пишу ему ⟨...⟩ Тяжко, милый Ал. Вал.! Экая несчастная страна!» Тогда же он писал Бунину: «...поистине надо иметь душу каменную, чтобы жить в эти проклятые черные дни, когда торгуют Толстым, и Федор Шаляпин, гений народный, становится на колени пред Николаем Романовым, бездарнейшим из людей» [38]. Когда, через несколько месяцев после «инцидента», Шаляпин написал Горькому, что хотел бы приехать к нему, ответ был резок: «Получил я твое письмо, Федор Иванович, и — задумался, сильно удивленный его простотой и краткостью ⟨...⟩ Мне жалко тебя, Федор, но так как ты, видимо, не сознаешь дрянности совершенного тобою, не чувствуешь стыда за себя — нам лучше не видаться, и ты не приезжай ко мне» (*XXIX*, 166—167). Горький сообщил Е. П. Пешковой: «...тяжко было впечатление от письма Шаляпина,– парень явно не понимает своего поступка, считает себя несправедливо оскорбленным, капризничает и прочее. Очень противно» [39]. Но встреча все же состоялась, хотя и с большим опозданием (до этого Горький при свидании с Лениным в Париже сказал ему о шаляпинском «инциденте» так, как не сказал бы немного позднее [40]).

Шаляпин приехал на Капри и рассказал своему другу о всех подробностях происшедшего. Это объяснение не оправдало его в глазах Горького, но все же позволило «распутать всю эту дикую путаницу» и «отделить правду ото лжи, клеве-

ты и всяческого злопыхательства» (*XXIX*, 189). В письме, которое предназначалось для публикации, Горький писал о шуме, поднятом вокруг «коленопреклонения»: «...как это случилось, почему, насколько Шаляпин действовал сознательно и обдуманно, был ли он в этот момент холопом или просто растерявшимся человеком — над этим не думали, в этом не разбирались, торопясь осудить его. Ибо осудить Шаляпина — выгодно ⟨...⟩ Российские моралисты очень нуждаются в крупных грешниках, в крупных преступниках, ибо в глубине души все они чувствуют себя самих преступниками против русского народа и против вчерашних верований своих, коим изменили ⟨...⟩ Ф. Шаляпин — лицо символическое; это удивительно целостный образ демократической России, это человечище, воплотивший в себе все хорошее и талантливое нашего народа, а также многое дурное его. Такие люди, каков он, являются для того, чтобы напомнить всем нам: вот как силен, красив, талантлив русский народ!» (*XXIX*, 186, 187) [41].

Амфитеатров осудил Шаляпина безоговорочно и бесповоротно. Он сообщил Горькому: «Думаю написать сказку о Федюхе, дворовом холопе, да, вот, где газета, которая напечатает ее „на закрытие"?» Шаляпину он написал, что увольняет его «от неприятностей нашей старой дружбы» (А—Г, п. от 26 января 1911 г.).

Когда Шаляпин приехал на Капри, Горький позвал к себе и Амфитеатрова, написав, что «этого человека нельзя отталкивать», что Шаляпин «растерялся и сделал глупость», а другие «этим воспользовались и истолковали глупость как холопство» (Г—А, п. от 15 или 16 сентября и 20 или 21 сентября 1911 г.). Амфитеатров от встречи с Шаляпиным уклонился, а по поводу его более позднего предложения совместной работы написал Горькому: «Купец Шаляпников, по обыкновению, строит деточку и наивничает» (А—Г, п. от 18 марта 1912 г.). Горький имел полное основание писать Амфитеатрову: «...жалко, что мы столь круто расходимся во взглядах на это дело» (Г—А, п. от 20 или 21 сентября 1911 г.). И понятны его слова в письме к Е. П. Пешковой: «Амф⟨итеатров⟩ — тоже „политику делает", но — не очень искусно и — едва ли хорошо. Очень талантливый человек, и я его за многое уважаю, но — письма к Шаляпину не могу простить. Разве ты влезла бы на плечи упавшего, для того лишь, чтоб тебя — *тебя* — виднее было людям ⟨...⟩ А он — влез. Не может забыть „Нового времени", своего прошлого и старается все — чтоб другие забыли об этом». И в другом письме к ней: «И ты — права, сказав, что перепиской я ничего не добьюсь от Амфитеатрова, так и вышло. Он — столь свирепо радикальничает в своих письмах, что мне даже неловко было читать их, очень уж „молодо", „прямолинейно" и — напоказ. В нем, к сожалению, весьма развит этот „наклон души" — действовать напоказ» [42].

Необходимо подчеркнуть: из всего этого отнюдь не следует, что Горький «простил» Шаляпину его проступок и хотел лишь того, чтобы великого артиста оставили в покое. Он писал Е. П. Пешковой: «Дорого стоило Федору все это, а еще не все, не вполне оплачено им и — жутко за него» [43]. Горькому представлялось целесообразным (как он сообщал об этом Н. Е. Буренину), чтобы Шаляпин выступил «перед публикою с письмом», в котором «признает себя повинным в том, что, растерявшись, сделал глупость ⟨...⟩ признает возмущение порядочных людей естественным и законным ⟨...⟩ расскажет, как и откуда явились пошлые интервью и дрянные телеграммы, кои ставятся в вину ему» (*XXIX*, 189). Позднее Горький писал Н. Е. Буренину: «Верно ли вы сделали, отговорив Федора от объяснения с публикою? Пожалуй — нет; ведь публика злопамятна и долго носит камень за пазухой, особенно долго в том случае, когда она имеет право кинуть камнем в грешного» (*XXIX*, 205). Опасения Горького оказались весьма основательными, и не только в том отношении, что «публика» еще не раз кидала «камни» в «грешника». Более существенным было другое: уклонение от необходимой общественной акции закрепило в Шаляпине те стороны его характера, которые потом сказались роковым образом на всей его судьбе. Следует подчеркнуть: «радикальничанье» и грубости Амфитеатрова действовали на Шаляпина не лучше, чем подхалимское отношение к нему худшей части его окружения. И то и другое мешало развитию в артисте чувства гражданского достоинства, чувства ответственности перед народом. А именно об этом заботился Горький, когда писал Шаляпину: «...если бы ты мог

понять, как горько и позорно представить тебя, гения,— на коленях пред мерзавцем, гнуснейшим всех мерзавцев Европы» (*XXIX*, 167).

Почти одновременно с этими событиями произошли другие, связанные с протестом Горького против инсценирования «Бесов» в Московском Художественном театре. Посылая в начале декабря 1911 г. В. П. Кранихфельду для опубликования в журнале «Современный мир» воспоминания польского политического деятеля Симона Токаржевского о пребывании его на каторге вместе с Ф. М. Достоевским, Горький так пояснил свою рекомендацию: «Мне кажется, что в наше время роста зоологического национализма освещение личности одного из основоположников этого настроения — вполне уместно и своевременно». Кранихфельд усомнился в этом, считая, что «при обострении в наши дни национальных вопросов перевод заметки Токаржевского о Достоевском только подольет масла в огонь...» Горький решительно оспорил это мнение: «Не понимаю Вашего выражения „подливать масла в огонь", что же Вы,— думаете погасить начинающийся пожар молчанием о нем? С Вашими суждениями о Достоевском я, конечно, тоже не согласен: это его „философией" питается современная реакция в сторону индивидуализма и нигилизма, именно на ней базируется весь „внутренний враг" демократии; пришла пора выступить против достоевщины на всех ее пунктах» (Г—СМ, п. 16, 17, 18).

Необходимо различать отношение Горького к Ф. М. Достоевскому и к «достоевщине». Под последней Горький разумел отрицательные стороны «социальной педагогики», философско-религиозной проповеди Достоевского, взятые на вооружение реакционными кругами и противопоставленные росту революционного сознания. Когда Иванов-Разумник заявил (в связи с горьковским протестом против инсценирования романа «Бесы»), что Горький идет на Достоевского с «оружием общественной цензуры.. со словами не только осуждения, но и запрета» [44], Горький ответил ему в письме от 16/29 октября 1913 г.: «Меня несколько удивило в отзыве Вашем то, что Вы отрицаете за обществом право протеста против тенденций реакционных — или я не понимаю Вас?» При этом он раскрыл всю не понятую Ивановым-Разумником и другими литераторами-индивидуалистами, защитниками «абсолютной свободы» идейного творчества, сложность своего отношения к автору «Бесов»: «...Чем более изучаю его,— тем более он возмущает меня (...) Это, однако, не значит, чтоб я, читая Достоевского, не маялся душевно вместе с ним страхом и болью за Русь; не люблю его мысль, мне враждебно его извращенное чувство, но — весь он, кругом взятый, величайший из великомучеников русских» (Г—Ив-Р, п. 9). Надо вспомнить о том, что Горький даже в острополемических «Заметках о мещанстве» отнес Достоевского как художника к «величайшим гениям» (*XXIII*, 352) и что вообще ему принадлежали не только резко критические, иногда слишком резкие оценки Достоевского, но и очень высокие, пожалуй, самые высокие из всех известных оценок.

В сентябре 1912 г. Горький сделал в письме к Амфитеатрову такое замечание о Достоевском: «Ох, пора осветить эту мрачную фигуру светом ясным!» (Г—А, п. от 26 сентября 1912 г.). О намерении МХТ поставить «Бесы» Горький, видимо, узнал от артиста Л. М. Леонидова, когда в июле 1913 г. встретился с ним в Италии, в Римини, и сразу высказал резко отрицательное отношение к «затее» театра. А в начале сентября он написал с Капри В. И. Немировичу-Данченко: «Инсценировку произведений Достоевского я считаю делом общественно вредным, и если бы я был в России, то непременно попытался бы возбудить в обществе протест против Ваших опытов, будучи убежден, что они способствуют разрушению и без того не очень здоровой общественной психики. Может быть, я попробую сделать это отсюда» [45]. О главных выступлениях Горького против «достоевщины» (о его статьях «О „карамазовщине"» и «Еще о „карамазовщине"», появившихся в сентябре—октябре 1913 г. на страницах газеты «Русское слово») и о вызванной ими ожесточенной идейной борьбе уже много написано. Хотя эти выступления содержали в себе полемические преувеличения, их цель была ясна и глубоко оправданна: устранить все, что могло помешать новому революционному подъему и связанному с ним «подъему духа». Вот почему эти выступления были поддержаны Лениным и ленинской «Правдой».

Что касается Амфитеатрова, то его реакция показала, как легко иной раз превращается самое отчаянное радикальничанье в общественную пассивность, а пристрастие к размашистым и хлестким обличениям — в безразличие к духовным ценностям. Амфитеатров иронически отнесся в 1913 г. к горьковскому протесту против инсценирования «Бесов», но не потому, что был не согласен с этим протестом по существу, а потому, что считал недостойным серьезного внимания вопрос о репертуаре театров и вообще о современном театральном искусстве, даже о таких его явлениях, как Шаляпин и Московский Художественный театр. Он писал Горькому: «...в то время, как русская борьба за свободу околела буквально с голоду, 10 000, дежурящих у Большого театра, чтобы купить по преувеличенным ценам билет на Шаляпина, или тот театр для коммерческой аристократии, который Вы увещеваете не ставить Достоевского, кажутся мне, как хотите, препротивными явлениями рабской страны» (А—Г, п. от 25 ноября 1913 г.).

Горький также «противопоставил» в то время русское искусство русскому народу, но при этом, возвеличив народ, нисколько не принизил искусство. В статье «Еще о „карамазовщине"», в той самой, которая обрадовала В. И. Ленина как «ответ на „вой" за Достоевского» [46], Горький сказал своим оппонентам: «И Достоевский велик, и Толстой гениален, и все вы, господа, если вам угодно, талантливы, умны, но Русь и народ ее — значительнее, дороже Толстого, Достоевского и даже Пушкина, не говоря о всех нас» (*XXIV*, 156). Под этими словами подписались бы и Пушкин, и Достоевский, и Толстой.

Затронутые выше вопросы не исчерпывают содержания публикуемой переписки. Она существенно дополняет наши знания об отношении Горького к важным историческим событиям. Интересно в этом отношении его письмо к Амфитеатрову, написанное 20—21 февраля/5—6 марта 1905 г. В этом письме есть, между прочим, такие слова: «В тюрьме я несколько отдохнул от „впечатлений бытия" и разобрался в них. 9-го я с утра до вечера был на улицах Питера и видел, как русские солдатики, защищая „престол-отечество", убивали безоружных людей и — кстати — убили престиж самодержавия». Некоторые письма Горького дополняют наши знания об его отношении к различным литературным направлениям и течениям. В письме к Кондурушкину 12/25 февраля 1908 г. Горький сообщал: «Я усердно читаю „шкандаль-литературу", как вы ее назвали, „модерн", к(а)к называют другие ‹...› Началось это — давно, еще в 90-х годах, со времен Волынского. Все эти г.г. „идеалисты" — его детки» (Г—К, п. 5).

Особое место занимают в настоящем томе материалы, связанные с Г. А. Лопатиным. Крупная и яркая личность этого революционера давно привлекает к себе внимание историков, литературоведов, романистов. Наименее освещенными до последнего времени оставались отношения Лопатина с Горьким. Предлагаемые читателю публикации в значительной мере восполняют этот пробел.

Из публикуемых материалов явствует, что Горький и Лопатин сразу, уже после первой своей встречи, отнеслись друг к другу с большой симпатией и с глубоким уважением. Горький очень высоко оценил Лопатина в письмах к Е. П. Пешковой («это — человек исключительных способностей, в нем есть задатки гениальности [47]»), Л. А. Суллержицкому («сказочный человек» [48]) и другим, а в написанных после смерти Лопатина «Заметках читателя» охарактеризовал его как «одного из талантливейших русских людей» (*XXIV*, 275). Такие оценки не могут нас удивлять. В свое время К. Маркс писал о Лопатине: «Не многих людей я так люблю и уважаю, как его» [49], а Ф. Энгельс заметил о Лопатине, что он — «смелый, до безумия смелый» [50] (при этом Энгельс высказал надежду, что Лопатин, «сохранив смелость», освободится от «безумия»). Отвечая на предложение написать о Лопатине, Энгельс замечал: «Я всегда охотно напишу все, что могу, для подтверждения и признания больших заслуг Лопатина в борьбе за наше дело» [51]. Известно, что Лопатина глубоко уважал и любил И. С. Тургенев, хотя знал об его отрицательном отношении к изображению революционеров в романе «Новь», и что Г. И. Успенский собирался написать роман «Удалой добрый молодец» с героем, прототипом

для которого должен был послужить Лопатин. Все это объяснялось не только обаянием героической личности Лопатина и его полной испытаний и подвигов жизни (публикации настоящего тома добавляют к ранее известному новые интересные штрихи), а и его многообразными делами. Никогда не будет забыто, что он первый начал переводить на русский язык «Капитал».

Но почему, несмотря на сразу возникшую и ничем позднее не омраченную сердечную близость между Горьким и Лопатиным, их отношения не получили такого развития, какого, казалось бы, следовало ожидать? Конечно, могли сыграть роль и случайные обстоятельства внешнего порядка. Однако главное, видимо, заключалось в другом. Не являясь народническим доктринером, Лопатин смог оценить по достоинству значение работ Маркса, но он не стал последовательным марксистом. «А какое же направление может быть при „исключительном участии" Амфитеатрова? — писал В. И. Ленин Горькому 22 ноября 1910 г. по поводу его участия в журнале „Современник",— ведь не Г. Лопатин способен дать направление...» [52] А 3 января 1911 г. он вернулся к этому вопросу в другом письме к Горькому: «Насчет „Современника". Читаю сегодня в „Речи" содержание 1-ой книжки и ругаюсь, ругаюсь. Водовозов о Муромцеве... Колосов о Михайловском, Лопатин „Не наши" и т. д. Как тут не ругаться?» И в том же письме, одобряя стремление Горького бороться против толстовской религиозной проповеди, Ленин замечал: «Но где же „Современнику" бороться против „легенды о Толстом и религии его". Это — Водовозов с Лопатиным? Шутить изволите» [53]. Вспомним и следующее место статьи В. И. Ленина «О праве наций на самоопределение»: «Маркс имел обыкновение „щупать зуб", как он выражался, своим знакомым социалистам, проверяя их сознательность и убежденность. Познакомившись с Лопатиным, Маркс пишет Энгельсу 5 июля 1870 года в высшей степени лестный отзыв о молодом русском социалисте, но добавляет при этом: „...Слабый пункт: *Польша*. По этому пункту Лопатин говорит совершенно так же, как англичанин — скажем, английский чартист старой школы — об Ирландии".

Социалиста, принадлежащего к угнетающей нации, Маркс расспрашивает об его отношении к угнетенной нации и сразу вскрывает *общий* социалистам господствующих наций (английской и русской) недостаток: непонимание их социалистических обязанностей по отношению к нациям подавленным...» [54]

Разумеется, эти замечания не могут принизить революционных заслуг героического борца против самодержавия (Ленин недаром напомнил о том, какой «в высшей степени лестный отзыв» дал Маркс о Лопатине). Германа Лопатина можно с полным правом отнести к тем, о ком В. И. Ленин сказал: «блестящая плеяда революционеров 70-х годов» [55]. Но эти замечания требуют конкретно-исторического подхода к каждому деятелю прошлого, объективного учета его сильных и слабых сторон. Что же касается отношений Горького и Лопатина, то, как видно из впервые публикуемых в томе материалов, эти отношения не были продолжительными. И все же встречи с замечательным революционером не прошли для Горького бесследно. Несомненное значение имел для него, в частности, тот опыт, которым обладал Лопатин в разоблачении провокаторов. Эта тема привлекала к себе внимание Горького-художника, отразившись в ряде его произведений, вплоть до рассказов 20-х годов и «Жизни Клима Самгина».

Материалы настоящего тома проливают новый свет на многие стороны творчества великого писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890—1904. Социал-демократические и общедемократические издания. М.: Наука, 1981; Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890—1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука, 1982; Русская литература и журналистика начала XX в. 1905—1917. Большевистские и общедемократические издания. М.: Наука, 1984; Русская литература и журналистика начала XX в. 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука, 1985.

[2] Русское богатство. 1904. № 2. С. V.
[3] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 3—5.
[4] Касаясь в 1914 г. в статье «Капитализм и печать» внутренних ссор «нововременцев», В. И. Ленин вспоминал о том, как «„очень любящий" Амфитеатрова» А. С. Суворин не мог «отказать себе в удовольствии причинить ему неприятность» и как Буренин «вышиб» Амфитеатрова из газеты (*В. И. Ленин.* Т. 25. С. 8).
[5] *Арх. Г.* Т. IV. С. 72.
[6] Там же. Т. V. С. 107.
[7] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 47—48.
[8] Там же. Т. 1. С. 531.
[9] Там же. Т. 48. С. 228.
[10] Там же. Т. 1. С. 531.
[11] Там же. Т. 48. С. 84.
[12] Там же. Т. 6. С. 9—10.
[13] Там же. Т. 12. С. 102—104.
[14] Там же. Т. 39. С. 264.
[15] Там же. Т. 44. С. 78.
[16] Полярная звезда. 1905. № 2. 22 дек.
[17] *Арх. Г.* Т. IX. С. 135.
[18] Цит. по ст.: *Двинянинов Б. К.* Творческая перекличка // М. Горький и его современники. Л., 1968. С. 15.
[19] *Горький М.* Статьи 1905—1916 гг. 2-е изд. Пг.: изд-во «Парус», 1918. С. 3.
[20] *В. И. Ленин.* Т. 44. С. 323.
[21] Там же. Т. 48. С. 227.
[22] Там же. Т. 19. С. 252.
[23] *Амфитеатров.* Т. 15. С. 378.
[24] *В. И. Ленин.* Т. 17. С. 212—213.
[25] *МИ.* Т. III. С. 137.
[26] *Чуковский К.* Репин, Горький, Маяковский, Брюсов. Воспоминания. М., 1940. С. 122—123.
[27] Урал. 1968. № 3. С. 150.
[28] *Горький М.* Указ. соч. С. 184. Статья «Две души» была впервые напечатана в 1915 г. в первом (декабрьском) номере журн. «Летопись».
[29] См. в наст. томе предисловие А. В. Лаврова к публикации реферата Иванова-Разумника «Отношение Максима Горького к современной культуре и интеллигенции».
[30] *ЦГАЛИ*, ф. 34.
[31] *В. И. Ленин.* Т. 31. С. 49.
[32] *ЛН.* Т. 70. С. 478.
[33] *Арх. Г.* Т. IX. С. 105—106, 107.
[34] *Горьк. чт.* 1961. С. 53—54.
[35] *Арх. Г.* Т. IX. С. 124.
[36] Там же. С. 105.
[37] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 11.
[38] *Горьк. чт.* 1961. С. 58.
[39] *Арх. Г.* Т. IX. С. 115.
[40] *В. И. Ленин.* Т. 26. С. 96.
[41] В 1902 г. Горький, Бунин, Андреев, Скиталец и другие литераторы писали в адресе Шаляпину: «Мы смотрим на тебя как на глашатая о силе духа русского народа, как на человека, который, опередив сотни талантов будущего, пришел к нам укрепить нашу веру в душу нашего народа, полную творческих сил» (*ЛН.* Т. 72. С. 165).
[42] *Арх. Г.* Т. IX. С. 120, 123.
[43] Там же. С. 119.
[44] Биржевые ведомости. 1913. № 1372. 8 окт.
[45] Цит. по кн.: *Бялик Б.* М. Горький — литературный критик. М., 1960. С. 249.
[46] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 226.
[47] *Арх. Г.* Т. IX. С. 80.
[48] Новый мир. 1961. № 6. С. 187.
[49] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 403.
[50] Там же. Т. 36. С. 3.
[51] Там же. С. 483.
[52] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 4.
[53] Там же. С. 11—12.
[54] Там же. Т. 25. С. 300.
[55] Там же. Т. 6. С. 25.

ГОРЬКИЙ И ЖУРНАЛ «СОВРЕМЕННИК»

ПЕРЕПИСКА С А. В. АМФИТЕАТРОВЫМ

Вступительная статья Н. И. Дикушиной,
публикация и комментарии С. И. Доморацкой, Ф. М. Иоффе,
Е. Г. Коляды, А. Е. Погосовой

I

Переписка Горького с А. В. Амфитеатровым велась с 1902 по 1919 г.— в первые десятилетия XX в.— десятилетия, составившие целую эпоху в русской истории. Революция 1905–1907 гг., последовавшая за ней трудная и сложная полоса общественной и идеологической жизни, первая мировая война, Февральская и Великая Октябрьская социалистическая революции — все эти события, отголосок которых постоянно ощутим в переписке, определили ее идейную насыщенность и общественный смысл.

Переписка интересна и значительна прежде всего тем, что корреспондент Горького, А. В. Амфитеатров, принадлежал к совершенно иной социальной и идеологической формации, нежели Горький. По своим убеждениям он являлся типичным буржуазным радикалом, с его революционной фразеологией, неприятием марксистских идей и убежденной беспартийностью. Но он был одаренной и своеобразной личностью, интересным и умным собеседником. Особенность переписки в том и состоит, что при сохранении довольно длительное время добрых, дружеских связей корреспонденты спорили и дискутировали, обсуждая важнейшие общественные и литературные проблемы своего времени. К тому же позиции Амфитеатрова не были устойчивыми, они менялись от «левизны» в первые годы знакомства с Горьким к постепенному и неуклонному «поправению». Отсюда сложность, часто противоречивость, даже драматизм отношений, завершившихся неизбежным разрывом.

Александр Валентинович Амфитеатров родился в Калуге в 1862 г. Он окончил юридический факультет Московского университета, однако, обладая хорошим голосом, начал учиться оперному искусству, сначала в России, затем в Италии и два года пел на провинциальной сцене. В 1889 г. Амфитеатров навсегда оставил оперу.

Более сильным оказалось увлечение журналистикой, которая стала основной его профессией. В 1882—1886 гг. он сотрудничал в «Будильнике», где познакомился с А. П. Чеховым и В. М. Дорошевичем, и в «Русских ведомостях». В 1886—1887 гг. Амфитеатров был корреспондентом этой газеты в Милане, затем вернулся в Россию, некоторое время был фельетонистом в «Новом обозрении» в Тифлисе, а с 1892 г. стал московским корреспондентом «Нового времени» (он подписывал свои статьи псевдонимом Old gentleman*) и затем «воскресным» фельетонистом газеты. В качестве корреспондента «Нового времени» Амфитеатров в 1894 и 1896 гг. посещал Болгарию, встречался с болгарским князем (будущим болгарским царем) Фердинандом и с тех пор проявлял постоянный интерес к балканским и славянским проблемам, которые в конце XIX — начале XX в. приобрели особую остроту. О поездках на Балканы Амфитеатров рассказал в книге «В моих скитаниях».

В 1899 г. Амфитеатров разошелся с редактором «Нового времени» А. С. Сувориным, он ссылался на то, что Суворин «выпросил» у министра внутренних дел

---

* Старый джентльмен (*англ.*).

циркуляр от 17 марта, которым запрещалась полемика газет с «Новым временем» по вопросу о волнениях учащихся. Суворин в своем письме Амфитеатрову от 29 марта 1899 г. объяснял его уход желанием «стать во главе новой газеты, которая хочет воспользоваться моментом и отнять у „Нового времени" занятое им положение». «Но не проще ли было бы,— писал Суворин Амфитеатрову,— если бы вы прямо сказали, что условия, вам предложенные, лучше тех, которые вы имеете у меня, что самостоятельность соблазнительна и проч. (...) Выругать хозяина, которому задолжал, обидеть хозяина смертельно, которому обязан, чтобы перейти к другому,— это русская черта, одна из самых худших» [1].

Так или иначе, в конце 1899 г., через месяц после ухода Амфитеатрова из «Нового времени», действительно вышла новая газета — «Россия», основанная Амфитеатровым и В. М. Дорошевичем, на средства фабриканта М. О. Альберта. «В первый год существования этой газеты я был ее фактическим редактором» [2],— признавался позже Амфитеатров. Это подтверждал и В. А. Гиляровский, ставший московским корреспондентом газеты. «Редактором-издателем числился Г. П. Сазонов,— вспоминал Гиляровский,— в газетном мире лицо совершенно неизвестное. Но знали (...) что фактический редактор и заведующий всем делом А. В. Амфитеатров» [3].

Амфитеатров много печатался в «России», вплоть до 13 января 1902 г., когда в газете был напечатан его фельетон «Господа Обмановы», в героях которого легко угадывались члены императорской семьи — Николай II, его мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна, и Александр III. Газета была «приостановлена», а потом закрыта, Амфитеатров же в 24 часа был отправлен в ссылку в Минусинск.

Фельетон принес Амфитеатрову огромную популярность. О нем заговорила буквально вся Россия. Фамилия Обмановых надолго стала своего рода «псевдонимом» Романовых. В. И. Ленин в статье «Признаки банкротства» писал о «рескриптах Николая Обманова» [4].

В ссылке Амфитеатров пробыл недолго, в конце года он был переведен в Вологду, откуда приезжал в Петербург, где стал сотрудником новой, организованной А. А. Сувориным (сыном А. С. Суворина) газеты «Русь» [5]. Однако вскоре он снова подвергся судебному взысканию за один из своих фельетонов и эмигрировал. Во время событий 1905—1906 гг. Амфитеатров, по его свидетельству, возвращался в Россию, но затем уехал за границу, уже надолго. «...Швыряла меня судьба из Минусинска в Вологду, из Вологды в Петербург, из Петербурга опять в Вологду, из Вологды в Рим и Париж» [6],— вспоминал Амфитеатров в 1911 г. В Париже в 1906 г. Амфитеатров издавал журнал «Красное знамя». Затем он переехал в Италию. Живя за границей, Амфитеатров много печатался в русских газетах разных направлений — «Одесских новостях», «Киевской мысли», «Русском слове», «Речи», «Биржевых ведомостях» и др.

Во время «боснийского кризиса» в 1909 г. Амфитеатров находился на Балканах в качестве корреспондента либеральной «Нашей газеты». В конце 1910 г. он стал одним из организаторов нового журнала «Современник», к участию в котором привлек Горького; затем, выйдя из редакции, издавал сборники «Энергия». В 1914 г. Амфитеатров стал корреспондентом газеты «Русское слово» в Италии, а в конце 1916 г. вернулся в Россию и возглавил шовинистическую газету «Русская воля».

Амфитеатров был не только журналистом, но и чрезвычайно плодовитым писателем, автором многих романов, повестей, пьес (о некоторых из них говорится в переписке): «Жар-цвет», «Виктория Павловна», «Паутина», «Сумерки божков», «Восьмидесятники», «Девятидесятники», «Мария Лусьева», «Княгиня Настя» и др. С 1895 г. он начал работать над многотомным «историческим сочинением» из эпохи раннего христианства «Зверь из бездны». Почти ежегодно в России выходили сборники его фельетонов и критических статей: «Курганы», «Заметы сердца», «Современники», «Житейская накипь», «Тризны», «Ау!» и др. Одновременно с отдельными книгами в 1911—1916 гг. издательство «Просвещение» выпускало собрание его сочинений в тридцати семи томах.

Критик В. Л. Львов-Рогачевский в статье об Амфитеатрове писал, что, по данным отчета библиотечной выставки за 1911 г., Амфитеатров занял второе место в

провинциальных библиотеках (первое принадлежало Вербицкой), что спрос на его книги опередил спрос на книги Гоголя, Достоевского, Толстого, Горького, Л. Андреева, Куприна. «Книги его вы увидите повсюду,— писал Львов-Рогачевский,— в витрине магазина, в киоске вокзала, в вагоне. На книжном рынке Амфитеатров „хорошо идет". Издатели это обстоятельство учли. Они наперебой не успевают печатать его книги (...) После 1905 г. издательства „Общественная польза", „Прометей", Сытин, Друтман, Ефимов, Райская, даже модернизированный „Шиповник" выпустили свыше 30 томов и не менее 600 листов. И книги идут. Только и читаешь на обложках: „Третье издание переработанное", „Второе издание дополненное"» [7].

«Ваши сочинения отлично идут и очень доходны»,— сообщал Амфитеатрову Г. А. Лопатин в июне 1913 г., приехав в Россию [8].

Журналист, фельетонист, прозаик, переводчик, театральный и литературный критик, Амфитеатров несомненно был личностью одаренной и очень заметной. Разнообразие его интересов, необычайно быстрая реакция на новые литературные явления, активность журналиста и газетчика, хлесткость его фельетонов и сатирических произведений, некий ореол свободомыслия, возникший после публикации «Господ Обмановых» и ссылки в Сибирь,— все это привлекало к нему внимание современников. Но ему не прощалось и «нововременское» прошлое.

Деятельность Амфитеатрова получала разные, прямо противоположные оценки. В. Брюсов писал о «постоянной и разносторонней талантливости» Амфитеатрова [9]. С Амфитеатровым переписывались Чехов, А. И. Сумбатов-Южин, Лопатин [10]. Письма к Амфитеатрову Г. В. Плеханова, Е. Д. Кусковой, В. В. Водовозова свидетельствуют о деловых и достаточно дружеских отношениях корреспондентов.

В то же время сохранилось много резких отзывов об Амфитеатрове. Чехов, много лет знавший Амфитеатрова и писавший в 1892 г. Суворину: «Это человек с дарованием», в 1899 г., сообщая Ал. П. Чехову о своем «отвратительном впечатлении» от «Нового времени», отмечал «ястребиные налеты Амфитеатрова», имея в в виду его фельетоны в газете [11].

Л. Н. Толстой не любил Амфитеатрова, считая, что у него, в отличие от Дорошевича, нет таланта. Суворин записал в своем дневнике 23 января 1902 г. рассказ Сергеенко о том, что летом Л. Н. Толстой, прочитав фельетон Амфитеатрова, «в котором прозрачно была рассказана история государя и Кшесинской, сказал: „Ах, он когда-нибудь такую штуку сделает, что всех удивит, он именно такой"» [12].

В записях Д. Маковицкого также сохранились отзывы Толстого об Амфитеатрове, относящиеся к 1905 и 1907 гг. «Господам Амфитеатровым нечего возмущаться цензурой (их запрещенных книг все равно читать не будут)»,— говорил он, и в другой раз: «Амфитеатров — дерзкий. Я у него ничего не нашел» [13].

Блок в письме к В. А. Пясту (1911) делал любопытное «предостережение»: «Зная по себе увлекательность Амфитеатрова (т. е. ему подобных), дружески советую не злоупотреблять им. Такие вещи не всегда проходят безнаказанно. Можно совершенно незаметным образом испортить (на время, но не всегда краткое) часть души» [14].

И литераторы иных взглядов, нежели Толстой или Блок, не принимали Амфитеатрова. Иронически писал о нем В. В. Розанов: «Амфитеатров просто есть словесный, общественный и политический бум». По словам Розанова, его литературную деятельность отличают «шум, разнообразие, „легкость мыслей необыкновенная", легкое перо, но все это „ни к чему" и „ни для чего", и решительно не тянет ни к какому центру» [15]. Очень зло написал об Амфитеатрове в своих послереволюционных воспоминаниях Иона Кугель, хорошо знавший его по «Киевской мысли». Он не отрицал «большого публицистического дарования» Амфитеатрова, но писания его считал всего лишь «занимательной болтовней» [16].

В письме к Горькому от 5 апреля 1928 г. Д. А. Лутохин назвал Амфитеатрова «блестящим пустоцветом» среди «бульварных романистов» [17].

Любопытно свидетельство И. Е. Вольнова в письме Горькому от 29 сентября 1915 г.: «...пишу сейчас Амфитеатрову помочь найти заработок: говорят, у него целый штат разных корреспондентов. Пишу, а в успех не верю: больно уж „на высоком пидистале" уселся человек за эту разруху» [18].

За этими разными и «пестрыми» оценками встает фигура Амфитеатрова, тоже «пестрая» и вместе с тем типическая, вобравшая в себя характерные черты своего времени. Это отразилось в публикуемой сложной и противоречивой переписке Горького и Амфитеатрова, в которой в каких-то новых ракурсах, новых связях и отношениях предстает Горький. В свое время Амфитеатров верно сказал об отношениях Чехова и А. С. Суворина: «...это не обывательское знакомство и даже не простая дружба двух писателей: это уже, в некотором роде, „история русской литературы“» [19]. Отношения и переписку Горького и Амфитеатрова также можно рассматривать как одну из глав «истории русской литературы» начала XX в., развивавшейся не однолинейно, но порой непростыми, извилистыми путями.

Переписка началась в 1902 г. До этого времени Горький и Амфитеатров знали друг друга как литераторы. Амфитеатров обратил внимание на первый том очерков и рассказов Горького, вышедший в 1898 г. в издательстве С. П. Дороватовского и А. П. Чарушникова. В рецензии на книгу он отмечал огромный талант Горького. «Его писательская манера напоминает кисть Репина в доброе старое „передвижное“ время»,— писал Амфитеатров, выделив рассказ «На плотах» — «этот chef-d'œuvre изящного слова», который «можно смело приложить в триумвират к чеховской „Степи“ и „Река играет“ Короленко» [20]. О «блестящем отзыве» Амфитеатрова Дороватовский сообщал Е. П. Пешковой [21].

В 1900—1901 гг. Амфитеатров нередко писал о Горьком в «России», в своем «Литературном альбоме». 26 февраля 1900 г., рецензируя книгу Серошевского, он заявил, что «Максим Горький — писатель, определяющий целую художественную эпоху» [22].

Но 2 января 1902 г., подводя итоги литературному году, который, по мнению автора, нельзя было причислить к «плодородным по литературному урожаю», он утверждал, что «Горький не дал ничего нового, сильнейшего своих первых мощных начинаний». Из вещей минувшего года он отметил лишь «Записки врача» Вересаева. Похвалив также рассказы Чирикова, Амфитеатров отметил, что из других беллетристов, сгруппировавшихся вокруг издательства «Знание», можно назвать Л. Андреева, но от оценки его творчества критик воздержался, так как, по его мнению, «„физиономия“ (...) автора в рассказах г. Андреева смутна и не слишком оригинальна» [23].

Горький был возмущен статьей Амфитеатрова: «Дурак Амфитеатров написал в 3 № „России“ черт знает что о „Знании“»,— сообщал он Пятницкому [24]. Трудно сейчас судить, что́ именно рассердило или задело Горького. В 1901 г. вышел V том его рассказов, где печаталась повесть «Трое», вызвавшая большой интерес критики, в том же году появилась «Песня о Буревестнике». Очень высоко ценил Горький дарование Л. Андреева. «Книжка — вкусная. Это — настоящая литература. Вы же — молодец» [25],— писал он Андрееву, прочитав книгу его рассказов, о которой так кисло отозвался Амфитеатров.

И все же Амфитеатров заинтересовал Горького, потому что некоторое время спустя он обратился к самому Амфитеатрову с просьбой прислать ряд его книг. Это письмо, отправленное из Кореиза в Петербург, но уже не заставшее там сосланного в Минусинск Амфитеатрова, положило начало переписке (п. от января, не ранее 16, 1902 г.).

В письме Пятницкому (январь 1902 г.) Горький неодобрительно отозвался о фельетоне «Господа Обмановы» и, узнав, что автор его сослан, высказал предположение, что в ссылке Амфитеатров «будет серьезнее» [26]. Вскоре он написал дружеское письмо самому Амфитеатрову, где выразил надежду, что ссылка продлится недолго, и советовал ему всерьез взяться за работу: «Работайте, пока что главное — чтобы человек был занят. Соберите в кучу ваш талант и опыт и хорошим усилием воли пустите себя в дело (...) Единственное утешение для нашего брата — работать! За все, что вы писали обо мне,— сердечное спасибо...» (п. от 24 февраля 1902 г.).

Это дружеское письмо Горького было получено Амфитеатровым в Минусинске почти одновременно с письмом Чехова, и позже Амфитеатров оценил эти письма как проявление гражданского мужества писателей: «Только, казалось бы, совсем

не близкий мне Чехов и, *тогда даже не знавший меня* Максим Горький не побоялись послать опальному литератору товарищеский ободряющий привет» [27].

До отъезда Горького и Амфитеатрова из России встретиться им не удалось. «Ужасно я жалею, что не было у меня личных отношений с Горьким, а всегда только хорошая переписка»,— писал Амфитеатров Пятницкому 23 апреля 1905 г.[28] Знакомство Горького и Амфитеатрова состоялось, очевидно, в апреле 1906 г. в Париже, где к этому времени обосновался Амфитеатров и куда, проездом в Америку, приехал Горький.

В Париже Горький вручил Амфитеатрову письмо к Анатолю Франсу, которое вместе со своим сопроводительным письмом Амфитеатров передал адресату. Письмо Горького Франсу было вскоре напечатано в первом номере амфитеатровского журнала «Красное знамя».

Переписка продолжалась во время пребывания Горького в Америке. Отсюда Горький посылал для «Красного знамени» свои новые произведения и письма.

Гораздо более тесные отношения завязались у Амфитеатрова и Горького, когда оба они оказались в эмиграции в Италии. Горький жил на Капри, Амфитеатров — сначала в Кави ди Лаванья, а позже — в Феццано. Многие жизненные обстоятельства — общественные, литературные, издательские, личные — свели и достаточно крепко связали Горького и Амфитеатрова в годы их жизни в Италии. Судя по переписке в 1908—1909 гг., в то время они были, казалось, особенно близки: «Надо мне вас видеть, очень надо! А поехать к вам — не могу, ибо — работы на десять каторжан,— писал Горький Амфитеатрову в марте 1908 г.— Не найдете ли вы время и охоты передвинуться сюда? Очень обрадуете, и думаю, что мы поговорим не без пользы друг для друга». Та же просьба повторена в апрельском письме. Горький просил Амфитеатрова присылать ему свои новые книги. «Жду вашей книги „Против течения“» (июль 1908 г.); «Нужно бы мне книжку „Житейская накипь“» (декабрь 1908 г.) — такие просьбы в письмах Горького постоянны.

Можно предположить, что Горького, как и Брюсова, привлекали «разносторонняя талантливость», начитанность, широкие знания Амфитеатрова, увлекавшегося самыми разными предметами, включая модную тогда «демонологию», и бывшего в курсе событий современной общественной, литературной, театральной жизни. Горького и Амфитеатрова сближала любовь к русской истории и русскому фольклору. Горький ценил в Амфитеатрове страстного библиофила, собравшего, несмотря на кочевой образ жизни, огромную библиотеку, которой пользовался и Горький [29]. И он прибегал к помощи Амфитеатрова, чтобы приобрести нужные ему книги.

Горький не мог не ценить в своем корреспонденте остроту ума, живость и меткость наблюдений, энергию, умение работать.

Восторженно характеризовал Амфитеатрова С. Скиталец: «...огромное знание жизни, от верхов до низов, поразительная память, зоркая наблюдательность, красочность художественной кисти, до грубости сочная. Целое море наблюдений и впечатлений...» [30]

Вот эта яркая талантливость Амфитеатрова несомненно нравилась Горькому. У них, как это подтверждает переписка, находилось много общих интересов, и они с удовольствием встречались, дружили домами. Об этом свидетельствуют и письма М. Ф. Андреевой Амфитеатровым.

Было еще одно обстоятельство, закреплявшее отношения Горького и Амфитеатрова: в конце 1910 г. «крестный сын» Горького З. А. Пешков женился на Л. П. Бураго, которая работала секретарем Амфитеатрова, и оба писателя оказались связанными с судьбой З. А. Пешкова и его семьи.

Таковы были личные отношения корреспондентов в начале переписки.

II

Переписка Горького и Амфитеатрова «многослойна» и многотемна, она включает в себя широкий круг проблем литературной и общественной жизни начала XX в. Через газеты, различные издания, личную переписку они были связаны с Россией и русскими эмигрантами в Европе. Капри и Кави ди Лаванья (позже

Фецдано) привлекали приезжавших за границу русских, здесь располагались и так называемые русские колонии. Поэтому Горький и Амфитеатров были в курсе всех событий, происходивших в России. В своих письмах они обменивались суждениями о российской действительности, о международных событиях, о надвигающейся мировой войне. Но, естественно, центральное место в их переписке занимала современная литературная и общественная жизнь.

Уход и смерть Толстого, издание посмертных томов его сочинений, празднование трехсотлетия дома Романовых, дело Бейлиса, инцидент с «коленопреклонением» Шаляпина, театральные новости, новые произведения Бунина, А. Толстого, В. Ропшина, В. Винниченко, новые имена в литературе, быт и нравы современной литературной богемы — все это было в поле зрения корреспондентов, и переписка их много дает для понимания той эпохи.

Современники нередко представляли Амфитеатрова и Горького как идейных соратников. С особым удовольствием это делали противники Горького. В злой рецензии на первую книгу «Современника» В. Буренин писал о Горьком и Амфитеатрове как о литераторах одного направления [31]. В. Поссе иронически называл их «товарищами-единомышленниками, своего рода Герценом и Огаревым русской эмиграции» [32]. Так же нередко воспринимали их и люди, далекие от идейных споров и разногласий того времени. Молодой тогда медик Ирэна Крук, сопровождавшая на Капри журналиста Гольдберга, восторженно объединила в своих воспоминаниях имена Горького и Амфитеатрова и писала об «особенно большом влиянии на интеллигенцию Амфитеатрова» [33]. И друзей Горького беспокоил его союз с Амфитеатровым, особенно в пору организации «Современника». Это факт известный. Публикуемая переписка отразила несомненно дружеские личные отношения двух писателей. Это относится преимущественно к письмам 1902—1908 гг. Но совершенно очевидны и разногласия корреспондентов, всё нарастающие противоречия их как людей разных творческих, идейных и нравственных позиций. Публикуемая переписка — своего рода диспут по важнейшим проблемам современной жизни. В этом заключена сложность переписки, определившая ее особый подтекст.

Горький решительно критиковал литературное творчество Амфитеатрова, решительно не соглашался со многими амфитеатровскими оценками литературных явлений современности.

Что не нравилось Горькому в Амфитеатрове-писателе?

В письме к Пятницкому Горький точно характеризовал основную черту таланта Амфитеатрова: «...грубый, для улицы, для мещанина» [34]. В письме к самому Амфитеатрову, том самом, которое принесло Амфитеатрову такую радость, так как было получено им в ссылке, вместе с дружескими, ободряющими строками имелись и критические суждения о прочитанных Горьким книгах Амфитеатрова: «Порою — со злобой на вас — видел, как вы руками мастера, способного лепить крупные фигуры, создаете безделушки для забавы сытых и праздных мещан» (п. от 24 февраля 1902 г.).

В октябре 1908 г., прочитав сборник статей Амфитеатрова «Против течения», Горький очень хвалил его: «...здоровая, простая книга. Бьет крепко и прямо — по лбу. Читать ее весело, приятно. Мне кажется, эту книгу ждет большой успех — множество людей будет радо побеседовать с талантливым и умным человеком...» Но в том же письме — резкий и решительный отзыв на первую часть романа «Сумерки божков», которую Горький назвал «хаотической книгой», а автора ее — «несомненнейшим лентяем» (п. от 7 или 8 октября 1908 г.). Характеристика второй части романа — «Крестьянской войны» — еще более сурова. Отметив первые сильные страницы романа — о постановке оперы «Крестьянская война», посвященной восстанию крестьян во главе с Фра Дольчино, Горький в несвойственной ему в письмах Амфитеатрову грубоватой манере укорял автора: «...мысленно лаял вас и проклинал газеты, сожравшие большущий кусок вашей здоровенной души(...) на кой черт понадобилась вам история этой окаянной алкоголички, Дорошевичевой жены?» (п. от 8 или 9 декабря 1908 г.).

Горький доброжелательно отозвался о пьесе «Княгиня Настя», о романе «Жарцвет». Но многое в творчестве Амфитеатрова Горький не принимал. И дело здесь

не только в несоизмеримости дарований двух писателей, главное — в их идейно-эстетической «разнонаправленности» [35].

Амфитеатров был одним из представителей возникшей в начале XX в. «массовой» литературы. Генетической связью с газетой — и такой, как «Новое время»,— во многом обусловлено его дальнейшее творчество. «...Жаль — съела его газета»,— сетовал Горький в письме к Е. П. Пешковой [36].

Считая себя реалистом и заявляя об этом постоянно в статьях и предисловиях к своим романам, Амфитеатров в своем творчестве был ярчайшим представителем натурализма, возрождением которого отмечено развитие русской литературы в начале XX в., именно в связи с возникновением «массовой» культуры, рассчитанной на низкие вкусы, на толпу, на обывателя [37]. По верному замечанию Б. Сучкова, натурализм «имитирует реализм», отличаясь от него «не только отсутствием социального анализа и способности к типизации, но и тем, что уравнивает в изображении разнозначные по своему объективному содержанию явления действительности» [38]. Это определение, очень точно характеризуя натурализм, оказывается и точной характеристикой творчества Амфитеатрова, к которой стоило бы добавить еще одну черту, отмеченную современниками, и в первую очередь Горьким. Когда Горький упрекал Амфитеатрова: «Зачем понадобилась вам история этой окаянной алкоголички, Дорошевичевой жены?» — он имел в виду не только фельетонность ситуации, но и тот налет пошлости, которыми отмечено развитие этой сюжетной линии, потому что желание развлечь, позабавить «сытых и праздных мещан» неизбежно придавало многим романам Амфитеатрова черты бульварной литературы. И, конечно же, его творчество было далеко от реалистической литературы XX в. Не потому ли он сам так непримиримо резко отзывался в те годы о Бунине, был равнодушен к Короленко и не принимал многие произведения Горького?

Критическое начало составляло, как известно, характерную черту дарования Амфитеатрова, но его критика была, как правило, поверхностной, фельетонной. Его сатирические выступления отличала не сила или глубина обобщения, но, напротив, почти незавуалированная портретность, когда за персонажами его произведений легко угадывались знакомые, широко известные лица. Фельетон «Господа Обмановы» поразил современников прежде всего дерзостью, с которой Амфитеатров посягнул на изображение императорской семьи, и прозрачностью псевдонимов, заменивших подлинные имена действующих лиц. О дерзости Амфитеатрова говорил Толстой, в своей проницательной характеристике Амфитеатрова отметивший еще одну его характерную черту — желание постоянно «удивлять» публику. На ту же черту Амфитеатрова обратил внимание Горький. Он заметил, что часто Амфитеатров «свирепо радикальничает» ибо, по словам Горького, в нем «весьма развит этот „наклон души" — действовать напоказ» [39]. Вот так — «напоказ», размашисто, не без «лихачества» — писались многие его публицистические статьи. В них — критика ради критики, и следа нет душевной боли, гнева или сердечного волнения автора.

Эти свойства газетчика, фельетониста, публициста проявлялись и в деятельности Амфитеатрова-романиста и даже историка: В. Брюсов отметил фельетонность стиля Амфитеатрова в его историческом сочинении «Царство зверя» [40].

Среди многих отзывов о творчестве Амфитеатрова останавливает внимание одна маленькая, без подписи, рецензия на «Отравленную совесть»: «Амфитеатров не создает образов, настроений, картин природы, а лишь рассказывает о них, но рассказывает с большим мастерством и очень занимательно. Все его герои и героини говорят совершенно одинаково. Вернее, за всех них говорит сам Амфитеатров, всегда с одним и тем же красноречием, остроумием, блеском. Это находится в непримиримой вражде с художественной правдой, но это же придает произведениям Амфитеатрова ту легкость, бойкость и занимательность, которые составляют наиболее ценные качества его романов и повестей» [41].

Рецензия эта, при всей своей непритязательности и краткости, «высветила» не только «бойкость и занимательность» амфитеатровского таланта, но и еще одну важную особенность его творчества — крайний субъективизм, находящийся «в непримиримой вражде с художественной правдой».

Наиболее пространный свой отзыв об Амфитеатрове-беллетристе Горький написал в 1910 г., прочитав роман «Девятидесятники». С одной стороны, Горький высоко оценил наблюдательность автора и даже сравнил его с Бальзаком по силе изобразительности. Почему именно с Бальзаком? Объяснить это лестное сравнение помогают слова горьковского письма о том, что Амфитеатров похож на Бальзака не только внешне, но и внутренне. Дело в том, что современники находили несомненное внешнее сходство Амфитеатрова с великим французским романистом [42]. Возможно, что своим сопоставлением Амфитеатрова с Бальзаком Горький хотел смягчить резкость оценки романа «Девятидесятники». Но переход от комплиментарной части письма к более критической, где образ Бальзака сменяется образом «московского лихача», оказался неожиданным. В блестящем образе этого лихача, написанном Горьким с безусловным расположением к автору, появились интонации, вносившие серьезную критическую ноту: «...лошадью он не правит. Заехал в тупик, оглянулся и — назад. Заглянул в переулок налево — улыбнулся умной улыбкой под усами, направо заглянул — беззлобно головой кивает». Спохватившись, не обидится ли на него Амфитеатров за такие слова, Горький заканчивал свой отзыв: «...вы — не обижайтесь, ей-ей, пишу, как думаю; не критикуя, не объясняя, а пытаясь разобраться в том сложном впечатлении, которое дала книга» (п. от 9 января 1910 г.).

Образ «московского лихача» в чем-то родствен чеховской характеристике Амфитеатрова. Несколько позже, при разрыве с «Современником», Горький вернется к образу «лихача», говоря об Амфитеатрове и Чернове, но этот образ будет дан в гораздо более резких и отрицательных тонах. Здесь важна деталь: «лошадью он не правит». Сказанные как бы между прочим, эти слова имеют тем не менее очень серьезный смысл, раскрывающий, что́ более всего неприемлемо для Горького в амфитеатровском творчестве.

Горький решительно возражал и против манеры Амфитеатрова вводить в свои произведения фигуры реальных людей. Он недоумевал, почему в пьесе «Княгиня Настя» появлялся Шаляпин. «Есть что-то лишнее в этом, что-то напоминающее фельетон»,— писал он Амфитеатрову в начале мая 1908 г. Он, как уже говорилось, огорчался, зачем понадобилась Амфитеатрову в романе «Крестьянская война» история жены Дорошевича. Разумеется, Горький превосходно понимал, что все это — от газеты, что Амфитеатров переносил в романы свои приемы фельетониста. Очевидно, проблема «портретности» неоднократно возникала и в разговорах Горького с Амфитеатровым. В предисловии к первой книге романа «Восьмидесятники», защищая право автора вводить в роман фигуры реальных людей, Амфитеатров привел одно из возражений Горького: «Ну, как я поверю фигуре романа, если завтра могу встретить этого человека на улице живым?» [43]

Горького беспокоило это явление, ставшее довольно широким в 1910-е годы. «Началась в литературе русской какая-то новая — странная — портретная полоса: только что вышла повесть Ш. Аша, где прегрубо нарисованы Волынский, Чириков, Дымов, Бурдес и Ходотов и еще куча людей. Недавно читал рукопись, посвященную Арцыбашеву, имею препоганый рассказ о Куприне, старичок Тетерников размалевал меня, Дымов, как говорят,— Мережковского, у Ропшина тоже портретики. Что это значит?»,— писал Горький в июне 1912 г. Л. Андрееву [44]. И несколько раньше, об этом же — Амфитеатрову (конец мая 1912 г.).

Творческая «полярность» двух писателей во многом объясняет напряженность диалога Горького и Амфитеатрова, когда речь заходила о современной литературе. Они не могли одинаково оценивать творчество Л. Толстого или Бунина, «Записки литературного Макара» М. Сивачева или романы В. Ропшина — словом, самые различные явления литературной жизни.

Все же несомненно, что в 1908—1909 гг. Горький надеялся, что Амфитеатров сможет стать его литературным союзником. Он настойчиво звал Амфитеатрова в «Знание», по его рекомендации в XXIV сборнике «Знания» был напечатан «роман для театра „Княгиня Настя“». Вместе с тем Горький пытался направить творчество Амфитеатрова по наиболее верному, как казалось Горькому, пути. В письмах этого времени он настойчиво подталкивал Амфитеатрова к сатире, считая сатирическое начало сильной стороной дарования Амфитеатрова. Он даже предложил Амфитеат-

рову написать сатирические памфлеты для сборников «Знания». Дело заключалось в том, что была одна тема, на которой Горький и Амфитеатров сходились безусловно,— современные литературные нравы. Горький полагал, что сатирический талант Амфитеатрова, направленный на обличение литературных нравов, мог бы стать союзником в борьбе против «литературного распада». Поэтому так горячо приветствовал Горький амфитеатровский сборник «Против течения». И все же, несмотря на долгую переписку по этому вопросу, несмотря на то что уже найдено было имя героя сатирических фельетонов о литературе — Смертяшкин,— замысел этот осуществлен не был. Здесь помешали многие обстоятельства. Но, очевидно, прежде всего то, что чем ближе сходились, казалось, Горький и Амфитеатров, тем более обнаруживалась их «полярность», и не только в сфере литературных проблем.

В 1908 г. Горький считал, что Амфитеатров «все более решительно идет налево» [45], о чем он писал Пятницкому, настаивая на том, чтобы пьеса «Княгиня Настя» была напечатана в сборнике «Знания». И, когда С. С. Кондурушкин высказался о пьесе Амфитеатрова критически, Горький ему возражал: «Мне, ригористу и тенденциозному человеку, пьеса Амфитеатрова, конечно, нравится. А сам автор — еще более того: это, кажется, единственный россиянин-интеллигент, который после революции неуклонно идет налево».

Кульминационный момент отношений Горького и Амфитеатрова в этот период связан с выступлением В. Поссе по поводу XXIV сборника «Знания», где были напечатаны первая часть повести Горького «Жизнь ненужного человека» и «роман для театра» Амфитеатрова «Княгиня Настя». Поссе иронизировал по поводу близости Горького и Амфитеатрова и характеризовал пьесу Амфитеатрова как «бульварный фельетон, написанный с „классовой точки зрения“» [46].

Статья Поссе вызвала негодование Горького. Не дожидаясь откликов Амфитеатрова, он послал ему вырезку из газеты со своими пометами и короткое, полное возмущения выходкой Поссе письмо. В статье Поссе Горький отчеркнул красным карандашом язвительную характеристику, которую тот дал поведению Амфитеатрова, его эволюции от «Нового времени» к «Красному знамени», от антисемитизма к защите евреев. Подчеркнул Горький и те строки, в которых содержались нападки Поссе на Амфитеатрова за его «бичевание» представителей московского купечества [47].

Этот дружеский акт Горького с естественной благодарностью был воспринят Амфитеатровым, который тут же написал Горькому большое ответное письмо. Но письмо осталось незаконченным и не было отправлено. На следующий день Амфитеатров написал Горькому другое письмо, которое публикуется в томе. Оно, пожалуй, более сдержанно. Первое писалось, несомненно, не только с чувством глубокой признательности Горькому, но и с желанием словно в чем-то оправдаться перед ним, оспорить обвинения Поссе. Возможно, по размышлении, Амфитеатров посчитал не обязательным опровергать Поссе, раз с ним так решительно не согласился и Горький. Но в отправленном письме Амфитеатров опустил и некоторые моменты, касающиеся его отношения к Горькому. Трудно сейчас объяснить, почему это было сделано. Несомненно одно, что незаконченное письмо Амфитеатрова Горькому эмоциональнее, непосредственнее и содержит некоторые дополнительные штрихи, представляющие интерес для характеристики отношения Амфитеатрова к Горькому.

Вот что, в частности, писал Амфитеатров по поводу нападок на него Поссе: «Ругает, что десять лет назад я писал в „Н⟨овом⟩ вр⟨емени⟩“, а теперь пишу с Горьким. Ей-ей, эта дорога правильнее, чем — наоборот: десять лет назад рядом с Горьким, а в 1908 г. очутиться в винегрете Федорова, с гимнами кадетам и „либеральному купечеству“». И далее: «Ваше письмо объяснило мне фигуру г. Поссе столь выразительно, что я совершенно перестал им смущаться. Большое Вам спасибо, что Вы написали мне Ваши строки, не выжидая, что я Вам напишу. Я вижу в этом сердечный акт доверия и нравственного и политического, и никогда не забуду Вашего дружеского движения — ни как оно кстати пришло навстречу моим смущенным мыслям, ни как деликатно Вы им поспешили. Помните раз навсегда,

Алексей Максимович, дорогой: я считаю Вас такою необходимою и громадною величиною в деле культуры и свободы русского народа, что если бы наши дружеские отношения, совместная работа, близость имен и пр. могли повредить Вашему влиянию на массы,— я почту своим долгом отстраниться от Вас по первому Вашему слову, с огромною личною печалью, но без малейшего на Вас оскорбления. Мы на войне, для которой Вы нужнее меня. И, если для того, чтобы Вы со знаменем своим поскорее оказались на стене крепости, надо, чтобы я остался во рву, то Вы не стесняйтесь: это я осилю и смогу. Совместную работу с Вами я считаю за величайшую честь и радость моей жизни» [48].

Казалось бы, союз Амфитеатрова и Горького упрочился. Но обратимся к другому письму Амфитеатрова, написанному через несколько месяцев после эпизода с Поссе. Повторяя высокие слова о Горьком, Амфитеатров, как мы увидим, вовсе не хотел теперь «оставаться во рву», напротив, он желал даже поучать Горького.

14 августа 1909 г. Амфитеатров писал ему: «...Вы — единственный первоклассный русский писатель, в чью честь и любовь к себе Россия верит без сомнений, не исключая даже злейших Ваших врагов. Они ругаются, злятся, клевещут, а веровать-то все-таки должны и веруют, подлецы, веруют, яко беси: веруют и трепещут. Я, знаете, твердо уверен, что в „Исповеди“ стали Вы на путь к литературному евангелию и дадите нам его всенепременно и самостоятельно. И это самое важное и хорошее, что ждет от Вас русское общество, и никакая другая Ваша деятельность, в которую Вы себя втиснете, не возместит даже тысячной доли этого огромного и справедливого ожидания. Потому что и революционное Ваше значение возникает из титанической, шиллеровой страсти Вашего глубокого таланта — воистине вопящего голоса русской мать-сырой-земли. Вы сила не служебная, а самодовлеющая».

Это письмо требует комментария. В нем, несомненно, дана весьма высокая оценка творчества Горького. Но что означают некоторые выражения в этой похвале, несколько даже диссонирующие с общим «высоким стилем» письма: «никакая другая Ваша деятельность, в которую Вы себя втиснете», «Вы сила не служебная...»?

Для того чтобы понять смысл этих намеков, надо несколько отвлечься от писем и вернуться к выступлениям Амфитеатрова о Горьком в печати. Выше говорилось о хвалебных отзывах Амфитеатрова, которые были им высказаны еще до начала переписки и которые Горький считал «гиперболичными» (п. от 24 февраля 1902 г.). В 1904 г. в книге «Литературный альбом» Амфитеатров заявил о «центральности» Горького в современной литературе: «... нельзя сейчас быть публицистом, не возвращаясь мыслью на дню по десяти раз к его героям и идеям, не соприкасаясь то и дело с его настроениями. Уж очень он общественная мысль, идейное олицетворение века». Вслед за этими общими рассуждениями Амфитеатров анализировал пьесу «На дне». Сопоставляя ее с «Властью тьмы», он замечал: «...давным-давно театр русский не давал публике такой чистой и нравственной пьесы, как „На дне“» [49].

«Литературным альбомом» завершился этап восторженных выступлений Амфитеатрова о Горьком. Последующее творчество Горького, отразившее коренные революционные сдвиги в сознании русского народа, встретило иное отношение Амфитеатрова. Правда, уже в отзыве о первом томе рассказов Горького у Амфитеатрова прозвучали мысли, которые он постоянно будет развивать в дальнейшем, придавая им все более определенную и продуманную форму. Тогда он в самых общих словах писал о некоторых темах и образах ранних рассказов, представлявшихся ему «натянутыми, придуманными, небывалыми в действительной жизни» [50]. От статьи к статье раскрывается, что эта «натянутость» для Амфитеатрова заключена в идейной направленности горьковского творчества.

В 1903 г. он написал статью о поэме «Человек», в которой наряду с обычными комплиментами были сказаны достаточно резкие слова о «велеречии» нового произведения Горького, оказавшегося, по словам критика, «гораздо бледнее монолога Сатина о человеке». Затем появилась статья о пьесе «Мещане», которая, как писал

Амфитеатров, оставила его «глубоко равнодушным». Это не помешало критику сделать о пьесе и герое ее Ниле ряд язвительных замечаний [51].

Неприятие горьковского творчества наиболее откровенно было высказано Амфитеатровым в статье «Новый Горький» (1907). В этой статье он перечеркнул все произведения Горького, созданные после 1905 г., прежде всего драматургию: пьесы «Враги» («безнадежно слабая вещь»), «Дачники», «Дети солнца» («не более как именно попытка „прыгнуть выше собственного пупа", подняться хоть на полтона выше предельных звуков „На дне"»). Он впервые разъяснил, что ему не нравится в «новом Горьком» последовательность, с которой социал-демократ Горький проводит в своем творчестве социал-демократические идеи. И Амфитеатров в свойственной ему развязной манере «разоблачал» Горького: «„Враги" — первый опыт словесного сахароварения, которым Максиму Горькому почему-то угодно воображать социал-демократическое движение». «Во „Врагах" он (народ.— *Н. Д.*) выходит на сцену совсем невероятно сочиненным пай-мальчиком из социал-демократической брошюры, в воскресной курточке, причесанный, напомаженный, тверезый (...) твердо изучивший и правильно излагающий эрфуртскую программу...» Столь же зло и непримиримо ополчился Амфитеатров на «Мать»: «„Мать" — книга голой социальной азбуки (...), наглядное беллетристическое руководство, как рабочий социал-демократ должен вести себя во всех случаях жизни» [52].

Статья Амфитеатрова «Новый Горький», включенная им позже в сборник «Современники», была написана в июле 1907 г., а в апреле того же года в «Русской мысли» появилась известная статья Д. Философова «Конец Горького».

Надо сказать, что «левый» — радикал Амфитеатров и «правый» — реакционный литератор Философов совпали в своем неприятии новых тенденций творчества Горького. Философова также возмущал «наивный, непродуманный», как он выражался, социализм Горького: «...как гражданин земли русской — он (Горький.— *Н. Д.*) убежденный социал-демократ»,— и по мере роста Горького-гражданина, т. е. по мере усиления социал-демократических тенденций его творчества, считал Философов, все более умалялся Горький-художник.

Написанная позже статья Амфитеатрова повторила — и более развернуто — многие мысли Философова. Но в конечном своем выводе авторы расходились: Философов считал, что «Горький-художник вряд ли возродится» [53], отсюда название статьи — «Конец Горького». Статья Амфитеатрова называлась «Новый Горький» и наряду с гораздо более жесткой, последовательной, нежели у Философова, критикой социал-демократических идей Горького содержала восторженные слова в адрес художника. «О Горьких можно рассуждать, спорить, диспутировать, но Горьких нельзя ни „хвалить", ни „ругать": это так же смешно и невозможно, как „расхвалить" или „разругать" Чатыр-Даг или Черное море» [54],— замечал Амфитеатров и с негодованием отзывался о статье Философова.

Что и говорить, сам Амфитеатров в споре с Горьким хотел завоевать его, а не оттолкнуть. Но в то же время он опасался быть признанным единомышленником Горького. Отсюда неизменная двойственность амфитеатровских статей, когда его критика носила характер одновременно комплиментарный и уничтожающий. Эта двойственность ввела в заблуждение некоторых современных исследователей, принявших, так сказать, за чистую монету амфитеатровские слова: «Горький — боец и проповедник, и основной элемент его творчества — практическая прикладная целесообразность, глубокая сознательность, зачем и для кого он пишет. Каждое слово Горького — боевой патрон...» [55] и т. д. Но ведь эти выхваченные из контекста слова имели явный иронический и негативный смысл. Амфитеатрову была очень не по душе именно «глубокая сознательность» Горького.

В статье «Новый Горький» отсутствовала целостная концепция творчества Горького — слишком откровенно обозначались в ней «положительные» и «отрицательные» полюсы авторской мысли. В самом деле, рядом с приведенными выше словами были и такие: «„Мать" — это не художество, это — программа, это не творчество, это — схема». И конечный вывод статьи был направлен против тенденциозности горьковской повести, якобы уводящей от «реальной перспективы» [56].

Казалось бы, высказав свое мнение о «Матери» как произведении схематичном, в котором нивелируется человеческая личность и «люди вращаются с правильностью маховиков на приводных ремнях», Амфитеатров выступал как идейный противник Горького. Но и написав эти злые слова, Амфитеатров в письмах не раскрывал своего личного мнения о «Матери», а приводил восторженный отзыв о ней Лопатина (п. от 6 октября 1908 г.). Он не хотел терять расположения и доверия Горького. Не потому ли он «подыгрывал» Горькому в таких его начинаниях, как каприйская школа? Но опять-таки его политика была двойственной: участвовать в школе активно, т. е. стать одним из ее лекторов, он отказался (п. от начала сентября 1909 г.); правда, он оказал некоторую денежную помощь ее организаторам, как это видно из переписки.

Горький шел навстречу Амфитеатрову. Возможно, желая разубедить его, рассеять предвзятое его мнение о социал-демократизме и социал-демократах, Горький настойчиво приглашал Амфитеатрова приехать в апреле 1908 г. на Капри, где должны были собраться лучшие силы российской социал-демократии. Он хотел поближе познакомить его с Луначарским и Богдановым, к которым тогда относился восторженно, считая, что они — «красота и сила» социал-демократической партии [57].

Амфитеатров же, многократно приезжавший на Капри и имевший с Горьким длительные беседы, не терял надежды, что Горький отойдет от своих социал-демократических убеждений. Амфитеатров понял, что 1908—1909 гг. были для Горького годами мучительных поисков, противоречий, заблуждений, когда он написал «Исповедь», пережил увлечение богостроительством Луначарского и разрыв с Луначарским, пережил увлечение философией Богданова и разочарование в Богданове, пережил историю каприйской школы. Казалось, что в эти годы Горький все дальше отходил от Ленина и большевиков.

Судьба каприйской школы, может быть, более всего укрепляла Амфитеатрова в надежде на окончательный разрыв Горького с Лениным. Поскольку Амфитеатров был в числе тех, кто внес определенную сумму на устройство школы (взносы были сделаны также Шаляпиным, самим Горьким, М. Ф. Андреевой, пароходчиком В. М. Каменским),— Горький порой достаточно откровенно высказывал ему неодобрение в адрес находившегося в Париже Большевистского центра, осудившего фракционный характер школы. Захваченный самой идеей создания школы для рабочих, возможностью на деле осуществить давнюю мечту о внесении культуры в широкие народные массы — а ученики школы и были для Горького представителями народа, пролетариата,— Горький не замечал, что некоторые организаторы школы с самого начала имели в виду совсем иные цели, нежели образование русских рабочих. В школе читались лекции не только по истории литературы и искусства, здесь не только приобщали слушателей к культуре прошлого, проводя с ними экскурсии по музеям Неаполя, Помпеев, Рима. Одновременно рабочие проходили курсы политической экономии, философии, истории, теории и истории профессионального движения, занимались вопросами современной политической борьбы. И эти курсы читались людьми, настроенными оппозиционно по отношению к Ленину и Большевистскому центру, организовавшими антипартийную группу «Вперед»,— Богдановым (Максимовым), Базаровым, Луначарским, позже к ним присоединился Ст. Вольский,— людьми, проповедующими эмпириомонизм и богостроительство, а главное, стоявшими на позициях отзовизма и ультиматизма, позициях, которые противоречили гибкой реалистической тактике большевиков-ленинцев в тот сложный, послереволюционный период. После прохождения курса школы рабочие должны были вернуться в Россию (это было обязательным условием при зачислении в школу) и вести там широкую агитационную и пропагандистскую работу. Таким образом, отзовисты получали достаточно серьезное подкрепление для распространения своих идей в России. Естественно, что Ленин и Большевистский центр не могли примириться с таким положением дела и резко выступили против организации школы для рабочих на Капри. После многих переговоров и длительной борьбы было принято решение о том, что каприйская школа будет находиться под контролем Большевистского центра. Но отдаленность ее от Парижа, состав ее лекторов (Ленин, Дубровинский, Л. Владимиров отказались приехать на Капри, настоятельно при-

глашая слушателей в Париж) — все это превращало контроль в формальность, и школа стала, по существу, центром новой фракции.

Как известно, Ленин и Большевистский центр неоднократно обращались к ученикам школы и разъясняли им свою позицию. Однако всякий раз это вызывало сильнейшую реакцию со стороны лекторов школы и доходило до прямых призывов к борьбе с Лениным. «Атмосфера взаимной нетерпимости» — так характеризовал отношения между школой и Большевистским центром Луначарский [58]. Со временем противоречия усугубились еще более, когда группа учеников выступила против лекторов и уехала в Париж, где встретилась с Лениным.

Вся эта история удручающе действовала на Горького. Это очень хорошо понял Ленин, написавший ему сразу после беседы с приехавшим в Париж Михаилом (Н. Е. Вилоновым) большое, откровенное письмо, в котором дал глубокий и точный анализ того, что произошло в каприйской школе и что происходит с Горьким. «Из слов Михаила я вижу, дорогой А. М., что Вам теперь очень тяжело. Рабочее движение и социал-демократию пришлось Вам сразу увидать с такой стороны, в таких проявлениях, в таких формах, которые не раз уже в истории России и Западной Европы приводили интеллигентских маловеров к отчаянию в рабочем движении и в социал-демократии. Я уверен, что с Вами этого не случится, и после разговора с Михаилом мне хочется крепко пожать Вашу руку». На всем протяжении борьбы с фракционерами Ленин ни разу не упомянул имени Горького, бывшего одним из учредителей школы, хотя о других ее организаторах — о Богданове (Максимове), Луначарском, Базарове — отзывался нередко весьма нелестно. Более того, в этом, написанном в разгар борьбы, письме он дал замечательную характеристику Горькому, в которой заключалось и предостережение: «Своим талантом художника Вы принесли рабочему движению России — да и не одной России — такую громадную пользу, Вы принесете еще столько пользы, что ни в каком случае непозволительно для Вас давать себя во власть тяжелым настроениям, вызванным эпизодами заграничной борьбы» [59]. (Несколько позже, в «Заметках публициста», Ленин расширит и разовьет эту характеристику, сказав, что Горький «безусловно крупнейший представитель *пролетарского* искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать» [60].)

Важными для Горького были заключительные слова письма: «...теперь у меня есть надежда, что нам с Вами придется встретиться еще не врагами» [61]. И Горький сразу откликнулся на это письмо Ленина: «...знаете что, дорогой человек. Приезжайте сюда, до поры, пока школа еще не кончилась, посмотрите на рабочих, поговорите с ними. Мало их. Да, но они стоят Вашего приезда. Отталкивать их — ошибка, более чем ошибка» [62]. Правда, письмо это было достаточно резким, и Ленин в ответном письме возражал Горькому по многим пунктам. Правда и то, что сближения их тогда не произошло, и в марте 1910 г. Ленин писал Вилонову: «С Горьким переписки нет» [63]. Переписка возобновилась чуть позже, но это не означало, что Горький оставил без внимания письма Ленина. Он переживал тяжелый духовный кризис. М. Ф. Андреева с тревогой писала Н. Е. Буренину: «...здоровье Алеши очень плохо: изнервничался так, что неделями не спит, почти не ест, худ и бледен, как я не знаю что. Он тоже страшно огорчен и удивлен, так как такого разочарования и он не ждал» [64].

Амфитеатров чувствовал смятение Горького, зная о его разрыве с Богдановым и Луначарским, догадываясь о расхождении с Лениным. К тому же в печати стали распространяться слухи об исключении Горького из партии. И он решился в письме к Горькому поиронизировать по поводу его «социализма» и «большевизма». 7 января 1910 г., прочитав «Городок Окуров», он с развязностью, которую редко допускал в письмах к нему, заявил: «Буду, ох, буду я писать об Окурове этом! Хороший, добротный городок. И без эрфуртской программы даже! Не сердитесь! Уж очень я Вас люблю, когда Вы изобразитель, а не школьный учитель». Горький ответил Амфитеатрову незамедлительно: «Что Вы меня все „большевизмом“ *шпыняете*? Вы же внимательный читатель! Большевизм мне дорог, поскольку его делают монисты, как социализм дорог и важен именно потому, что он единственный путь, коим человек всего скорее придет к наиболее полному и глубокому сознанию

своего *личного* человечьего достоинства. Иного пути — не вижу. Все иные пути — от мира. Один этот — в мир. Требуется, чтоб человек, однажды, сказал сам себе: аз есмь создатель мира. Именно отсюда — и только отсюда! — может родиться новый человек и новая история.

Не трогайте мой социализм».

Слова об «эрфуртской программе», об «учительстве», перенесенные из статьи «Новый Горький» в личное письмо, и вызвали резкую отповедь Горького. Горький мог не отвечать на публичные выступления Амфитеатрова, но оставить без внимания грубый выпад в письме, адресованном ему лично, он не захотел. Не захотел он и просто «одернуть» Амфитеатрова. Объясняя, почему ему дороги большевизм и социализм, и отвечая на упорное и последовательное стремление Амфитеатрова оторвать его от идей социализма, Горький утверждал связь нового человека с этими идеями и, следовательно, органичность «большевизма» в своем художественном творчестве. Это был ответ и на утверждение Амфитеатрова о неизбежной нивелировке человека социалистическими доктринами.

Нельзя не видеть, что художник Горький сформулировал в своем ответе Амфитеатрову мысль, близкую той, которая чуть позже прозвучит в письме В. И. Ленина Горькому: «...после 1905 г. всерьез говорить о политике без выяснения отношений к марксизму и к социал-демократии нельзя, невозможно, немыслимо» [65]. Для Горького «без выяснения отношений к марксизму и к социал-демократии нельзя, невозможно, немыслимо» было быть художником.

«Исповедь» Горького на какое-то время поселила в Амфитеатрове надежду на отход писателя от социал-демократических идей к «анархизму» (по мнению критика) «На дне». Но «Лето» и образ Егора Досекина несколько разочаровали Амфитеатрова. Написав о «Лете» «преогромную статью», полную безудержных похвал («„Лето" — большая и прекрасная былина в прозе», «чудесная поэма», «грандиозная», «гениальная», «шекспировская» фигура стражника Семена и пр.), Амфитеатров не преминул вернуться к «просчетам» «Матери» и отметить, что ему Егор Досекин «нравится меньше других фигур, как главное вместилище (...) теоретической дидактики (...) неумеренного заезда публицистического резонерства в художественную изобразительность...» [66]

Несмотря на неоднократные обещания написать о «Городке Окурове», Амфитеатров отдельной статьи об «Окурове» так и не написал, хотя в одной из своих статей и дал общую высокую оценку повести.

«...Наша критика не может простить Вам того, что Вы социалист»,— писал Плеханов Горькому 21 декабря 1911 г.[67] Амфитеатров был в числе этих критиков.

Письма 1910—1911 гг. выявляют всё растущие разногласия Горького и Амфитеатрова. Горький не пишет ему о многом, что чрезвычайно важно и дорого для него. В первую очередь не пишет о Ленине, о своих встречах и разговорах с ним, о тех проблемах, которые поднимаются в их возобновившейся переписке. Однажды Амфитеатров прямо вызвал Горького на разговор о Ленине. «Когда Вы у меня были, то о школе (каприйской.— *Н. Д.*) говорили довольно много,— писал он Горькому 4 декабря 1909 г.,— (...) а Ленина, помнится, Вы мне очень хвалили». Горький в своем ответе не откликнулся на эти слова.

В июле 1910 г. Ленин две недели жил у Горького на Капри, и 14 июля Горький уехал вместе с Лениным. До конца июля он пробыл в Аляссио, у Екатерины Павловны и Максима, недалеко от Кави ди Лаваньи, где жили тогда Амфитеатровы, которые неоднократно звали Горького к себе. Но — «опять мною прострелило мимо вас, дорогой Александр Валентинович, а, ей же богу, не я в этом повинен! Наша жизнь нам судьбой суждена и т. д.»,— писал он Амфитеатрову, вернувшись на Капри, в начале августа.

В 1911 г. «круто», по словам Горького, разошлись его и Амфитеатрова взгляды на «дело» Шаляпина [68], драматическим разрывом завершилась история с «Современником». Но переписка, отразившая сложные нюансы отношений двух таких разных людей, продолжалась. В этом заключен ее нравственный, психологический, общественно-исторический интерес.

III

В 1906 г. Горький стал сотрудничать в амфитеатровском «Красном знамени». Он печатал здесь свои очерки, памфлеты, открытые письма, воззвания: «Господину Анатолю Франсу», «Не давайте денег русскому правительству», «Дело Николая Шмита», «Русский царь», «Послание в пространство», «Солдаты» и др. Это были публицистические произведения, насыщенные глубоким революционным пафосом, верой в силу интернациональной борьбы трудящихся, гневным чувством непримиримости к русскому правительству. Между тем платформа «Красного знамени» не отличалась последовательной революционностью. Журнал значился как «политический и литературный», но политическая линия «Красного знамени» была шаткой и расплывчатой. Единственно последовательной была его «антидинастическая» направленность. Литературный отдел был слабым — на это указывал Амфитеатрову сам Горький, когда прочел первые книги журнала, он советовал звать в журнал больше писателей. Но, как ни старался Амфитеатров привлечь к «Красному знамени» известных русских писателей, это ему не удавалось. Андреев отказался от участия в «Красном знамени». Рукописи Куприна застряли где-то в дороге или были задержаны.

Много печатался в журнале лишь Бальмонт, живший тогда в Париже, и, разумеется, сам Амфитеатров, заполнявший все отделы журнала. При этом оказалось, как верно отмечал И. Кугель, что «Амфитеатрову, получившему полную возможность говорить, и сказать-то нечего» [69].

Но Горький многое, написанное в Америке, посылал в «Красное знамя», потому что журнал, выходивший в Париже на русском языке, был одной из немногих тогда для Горького трибун, с которой он мог говорить с русским читателем: в России эти его произведения не могли быть полностью напечатаны. «Вот ответы Олару и журналистам вообще ⟨...⟩ Если ничего не имеет против — пошлите вторые экз⟨емпляры⟩ Амфитеатрову, за него очень ходатайствуют, уверяя, что он якобы может быть зело полезен. Участие Плехан⟨ова⟩ и Тарле в „Кр⟨асном⟩ зн⟨амени⟩" объясняется сими же соображениями»,— писал Горький Ладыжникову [70]. При этом он прекрасно понимал, что Амфитеатров в «Красном знамени» не отказался от некоторых принципов нововременской журналистики. Весной 1912 г. Андреев напомнил Горькому: «Есть один почти несомненный признак, по которому можно узнать продажного писателя: он пишет не для себя, а для хозяина, кто бы им ни был — правительство, публика, толпа. Таков характер всего „Нового времени" и нововременцев; в крайнем случае они меняют только хозяев, но лакейский облик сохраняют всюду. Я помню, как ты разбирал первую книжку „Красного знамени" Амфитеатрова и находил в нем лакейские черты нововременства» [71].

Но участием Горького в «Красном знамени» и мимолетным союзом Амфитеатрова со «Знанием» не ограничились их общие издательские дела. К концу 1910 г. Горький и Амфитеатров выяснили, что решительно расходятся в своих оценках марксизма, социал-демократии, большевизма. Выявились и их разногласия по вопросам художественного творчества. Ведь именно в статьях о Горьком Амфитеатров постоянно рассуждал о «художественном реализме» и романтике, противопоставляя их и отдавая предпочтение «правде художественного реализма, призывающей общество к наглядному и осязательному самопознанию», а творчеству Горького приписывал он «реторику ⟨...⟩ обличительной романтики» [72]. И при всем этом, задумав в конце 1910 г. создать новый журнал «Современник», он стал настойчиво звать Горького. Идейная программа нового журнала, как это объявляла редакция, была «внепартийной», т. е. далекой от идей социал-демократизма. Художественная платформа — «реализм», как его понимал Амфитеатров,— также расходилась с позицией Горького-художника. И все же Амфитеатров пригласил Горького в «Современник», а Горький это приглашение принял. Что было нужно Амфитеатрову от Горького? Имя, которое привлечет внимание к новому журналу? Или он еще не расстался с мыслью «завоевать» Горького, сделать его своим единомышленником? Но ведь он был достаточно умен, чтобы надеяться на успех. Так или иначе, Горький согласился участвовать в новом журнале.

«Переписка Горького свидетельствует о том, что в 1910—1911 гг. у него возникает план издания дешевой демократической газеты и социал-демократического журнала»,— отмечала К. Д. Муратова [73]. Приглашение Амфитеатрова к участию в «Современнике» давало Горькому возможность отчасти реализовать этот замысел. Горький надеялся, что журнал сможет объединить левые, демократические силы литераторов. К тому же именно в конце 1910 г., прочитывая присылаемые ему рукописи «писателей-самоучек», Горький размышлял о путях развития новой литературы и рассчитывал, что «Современник» поможет объединению молодых писателей. А. Перепеч, автор вступительной заметки к первой публикации писем Горького и Амфитеатрова, не без основания замечает, что «Горькому хотелось использовать новый журнал для печатания произведений начинающих писателей» [74].

Судя по переписке Горького с разными корреспондентами, он хорошо понимал, что его союз с Амфитеатровым будет настороженно воспринят его друзьями. «Издали, конечно, мало сделать можно, и, думаю, долго этот журнал не выстоит, а попробовать — надо. Репутация моя, конечно, пострадает, но пусть ее, ничего. Работать хочется, а — негде»,— признавался он Е. К. Малиновской [75]. Но мгновенная решительная реакция В. И. Ленина на объявление о «постоянном сотрудничестве» Горького в «Современнике» заставила Горького вновь и вновь обдумывать свои отношения с новым журналом. Горький понимал правоту Ленина, высмеявшего нелепость журнала «без направления».

«Вырезки, аналогичные вами присланной, я уже получал — штук пять, и обруган за „постоянное сотрудничество" — достаточно. „Постоянное" — миф, а сотрудничество — факт»,— писал он Малиновской [76]. И в письме Боголюбову: «Слух о том, что „Совр(еменник)" издаю я,— не весьма приятен мне, и, по возможности, надобно его опровергать» [77].

Переписка показывает, что участие Горького в «Современнике» в 1911 г. так и не стало «постоянным». Первые номера журнала разочаровали Горького, а напечатанная во второй книге статья Амфитеатрова «Литературные впечатления» вновь показала полную идейную несовместимость его и Горького позиций.

В начале 1911 г. шестым изданием вышла книга И. Родионова «Наше преступление». Книга возмутила Горького, в ней содержалась грубая клевета на крестьян, на деревню, якобы погрязшую в невежестве, пьянстве, разврате, дикую, темную, страшную. В своем предисловии Родионов призывал нести «во глубину России мир, свет и знания», но, как свидетельствовала его книга, единственным радикальным средством для пресечения преступлений, пьянства, разврата автор признавал виселицу. Горький считал, что книга Родионова должна быть освещена в печати так, как она этого заслуживает. Тем более что уже появились статьи, разоблачающие личность самого Родионова, подъесаула, земского начальника, зверски избившего крестьянина.

Амфитеатров собирался написать о книге Родионова в «Современнике». Горький почти одновременно просил о том же М. К. Куприну-Иорданскую и объяснял: «...напечатать такую рецензию — долг порядочных людей и демократов. Организация демократии — очередная задача, Вы это понимаете, конечно; действуйте же в этом направлении определеннее и резче (...) Помещенная в одной книге с моею статьей, рецензия произведет чудесное впечатление и даст книжке хороший вкус и запах» (Г—СМ, п. 9).

«Современный мир» поместил во второй книге журнала статью Е. Смирнова «Чье преступление?», здесь же была напечатана статья Горького «О писателях-самоучках».

Надо вспомнить, что в феврале 1911 г. царское правительство широко отмечало пятидесятилетие «великой реформы», и помещенные в февральских номерах журналов статьи так или иначе откликались на это событие. Но для Горького точкой отсчета был не 1861 год, а 1905: он писал о рукописях, присланных ему в 1906—1910 гг., эта дата указана в статье не случайно. Не касаясь подробно самой статьи, скажем о некоторых важных выводах Горького. «...Мне чувствуется,— писал Горький,— что непосредственно из самой массы русского народа возникает к жизни новый тип человека, это — человек бодрый духом, полный горячей жажды при-

общиться культуре, вылечившийся от фатализма и пессимизма, а потому – дееспособный» (*XXIV*, 127).

Разительный контраст словам Горького представлял процитированный им диалог из книги Родионова:

«— Послушать вас — народ, выходит, совсем зверь.

— Помноженный на скота.

— Господа, не обижайте скотов и зверей. Мужик куда гаже» (*XXIV*, 134).

Амфитеатров, которому Горький высказывал в письмах свое мнение о книге, в «Литературных впечатлениях» (в Собрание сочинений эта статья вошла под названием «Родионовщина») анализировал «Наше преступление» наряду с прозой А. Толстого, «Деревней» Бунина и рассказами Е. Милицыной. Этот «литературный ряд» не мешал ему обращаться к явлениям общественной жизни. Но если для Горького отклик на книгу Родионова был поводом для «организации демократии», как писал он М. К. Куприной-Иорданской, то для Амфитеатрова он послужил поводом для очередного выпада против марксистов и социал-демократов.

Размышляя о революции 1905 г., он высказывал мысль о ее преждевременности, поскольку это была революция «города» и город провалился «на роковом мучительном экзамене». «Городское „древо свободы“ не нашло укрепы в деревенском корне» [78]. Ужасы современной деревенской жизни, считал Амфитеатров, и явились следствием революции, ожесточившей народ: «...восставшая деревня жжет, ломает и убивает» [79].

Критикуя Родионова язвительно, остро, со всем присущим ему блеском опытного фельетониста, Амфитеатров не слишком протестовал против родионовской характеристики деревни, его возмущение вызывали лишь меры, предлагаемые Родионовым,— «вытрезвить народ виселицей». И в произведениях А. Толстого и Бунина народ представал, казалось Амфитеатрову, в сходном диком, страшном обличье. У Толстого «народ расплылся неясным пятном, остался только зловещим мутно-красным, задним фоном», на котором проходит усадебная жизнь, которая столь же ужасна, тупа, развратна.

В «Деревне» Бунина, писал Амфитеатров, жизнь народа нарисована еще более страшными красками, чем в книге Родионова. «Нечего и говорить, что умный, изящный, либеральный г. Бунин ни виселиц, ни розог, ни смирительной рубашки для народа не требует. Но городской, господский перепуг его пред новым мужиком едва ли не глубже еще, чем в книге г. Родионова»,— писал Амфитеатров, не принимая во внимание, что Буниным владели чувства неизмеримо более сильные, нежели «перепуг»,— боль, гнев, страдание.

Но, издеваясь над Родионовым, забавляясь испугом «академика И. А. Бунина», сочувствуя изображению А. Толстым усадебной жизни, Амфитеатров не находил ничего, что можно было бы противопоставить этой общей зловещей картине. Не спасало его и обращение к рассказам Е. Милицыной или упоминание о том, что, находясь вдали от России, он все же мог увидеть «прекрасных и здоровых» людей, вышедших из крестьян. Он назвал учеников каприйской школы (впрочем, тут же оговорившись, что это «политики, своего рода сектанты») и ... русскую прислугу, жившую в Феццано у русских эмигрантов [80]. Но это заявление звучало неубедительно, подчеркивало, как всегда у Амфитеатрова, единичность факта, его исключительность. Возможно, это был жест в сторону Горького, рассчитанный на забывчивого читателя: ведь совсем недавно Амфитеатров обвинял Горького, создавшего образы революционеров, первых русских социал-демократов, в «слащавой фальши».

Любопытно, что среди названных Амфитеатровым произведений о деревне не упоминалось «Лето» Горького, произведение, в котором, по словам В. Воровского, нашла свой «отзвук» новая деревня [81].

В статье «О писателях-самоучках» Горький утверждал: «Один ряд людей в самых тяжелых условиях и положениях упрямо ищет и находит нечто ободряющее, человечье; другой — явно склоняется ощущать мрачное, подчеркивать скотское и зверское» (*XXIV*, 131). Это написано одновременно с «Родионовщиной» Амфитеатрова. Естественно, что Горький не мог поместить свою статью в «Современнике»: слишком резким диссонансом прозвучала бы она рядом со статьей Амфитеатрова.

В сущности, в течение всего 1911 г., когда журналом фактически правил Амфитеатров, Горький не проявлял к нему особенного интереса. Правда, он посылал Амфитеатрову рукописи, нередко это были рукописи начинающих писателей. Сам же печатался на страницах «Современника» не чаще, чем в «Современном мире», и при чтении его писем о «Современнике» не возникает ощущения того, что это для него свой, близкий по духу журнал. Горький стоял как бы вне редакторских дел [82]. «И не обещал я постоянства, и невозможно оно для меня»,— возражал он Амфитеатрову на его упреки в том, что он отдает свои произведения в другие журналы (п. от декабря, не ранее 16, 1910 г.). «Я не могу отдать себя целиком „Современнику", чего хотели бы Чернов и К°, не могу даже посвятить этому делу много времени, его у меня — нет, оно потребно на целый ряд других, не менее важных задач»,— писал он Е. П. Пешковой 5 марта 1911 г.[83]

Горького беспокоило то обстоятельство, что фактическим хозяином журнала становился один Амфитеатров. Даже на обложке журнала с третьей книги не указывался состав редакционно-издательского комитета, как это было сделано в первых номерах, но крупным шрифтом было напечатано, что «Современник» выходит при «ближайшем участии А. В. Амфитеатрова», а далее мелким шрифтом перечислялись литераторы, сотрудничавшие в журнале.

Сначала Горький настоял на приглашении в журнал в качестве литературного редактора В. С. Миролюбова. В апреле 1911 г. он вел в Париже переговоры с В. М. Черновым о возможной реорганизации «Современника» и о вхождении Чернова в редакцию (см. Г—Ч). Очевидно, Горький думал и об уходе из «Современника». Во всяком случае, косвенно об этом свидетельствует письмо Миролюбова к Е. П. Пешковой от 27 мая 1911 г.: «От „Современника" А. М. не отказывается» [84]. Но летом того же года Горький намеревался пригласить на Капри Н. И. Иорданского, с тем чтобы обсудить план «объединения вокруг какого-нибудь органа» [85].

Когда в июне в Феццано вместе с издателем журнала П. И. Певиным собралась новая редакция «Современника», чтобы выработать «конституцию» журнала и «новый манифест», Горький в этой работе участия не принял и раздраженно писал Миролюбову после выхода седьмой книги: «„Манифест" — конечно — излишен. Это становится смешно: на протяжении полугода дважды громогласно объявили — „мы вам зададим!" Никто не откликнулся ни в первый, ни во второй раз» (*XXIX*, 176).

31 августа 1911 г. Горький признавался Е. П. Пешковой уже более определенно: «Угнетает „Современник" своими „манифестами". Нет, с осени я налажу другой журнал, это необходимо» [86].

Любопытно, что 30 августа, т. е. почти одновременно с этим письмом Горького, Амфитеатров сообщал Г. А. Лопатину: «Соредакторы мои, кажется, не весьма довольны мною, что я менее глуп, чем кажусь, и веду свою собственную линию...» [87] Эта линия велась Амфитеатровым, в сущности, в одном направлении: он хотел стать единоличным редактором «Современника». В октябре 1911 г. он встретился в Париже с издателем журнала Певиным и, очевидно, обо всем с ним договорился.

В свою очередь, Чернов и в особенности Миролюбов были недовольны поведением Амфитеатрова, и 1 ноября 1911 г. Миролюбов заявил Амфитеатрову о своем уходе из «Современника». Чернов высказался против его ухода, на это Амфитеатров заявил, что «на коллективную редакцию он не согласен, что ведение журнала он должен взять в свои руки», а Чернову и Миролюбову предложил только сотрудничество. Так излагал ход событий Миролюбов [88]. Примерно так же описывала конфликт в редакции жена Амфитеатрова — Иллария Владимировна в письме к Е. П. Пешковой, но, естественно, виновником «инцидента» она считала только Миролюбова: «Собственно, все произошло из-за Миролюбова, с которым А. В. оказалось работать несподручно. За эту трепетную лань вступился Чернов и поехал на Капри, откуда и получено было огорчившее нас письмо. Теперь уже кое-что посклеено, и даже Алексей Максимович написал, что ввиду некоторых выяснившихся обстоятельств он вряд ли будет участвовать в журнале, который мастерили Миролюбов и Чернов за спиной А. В.» [89]

М. Ф. Андреева считала, что главной причиной ухода Горького из «Современника» был Миролюбов, и осуждала его и Чернова: «С Амфитеатровым гг. Чернов и Миролюбов А. М-ча поссорили» [90],— сетовала она в письме А. Н. Тихонову. Пятницкий, напротив, считал виновником конфликта Амфитеатрова. «Он (Чернов.— *Н. Д.*), Миролюбов и Горький выходят из журнала. Властолюбие и неискренность Амфитеатрова» [91],— записал он в дневнике 26 октября / 8 ноября 1911 г.

Но обратимся к переписке. 1 ноября 1911 г., очевидно сразу после разговора с Миролюбовым и Черновым, Амфитеатров написал Горькому огромное письмо, к которому сделал еще приписку: «Для Вас одного», имея в виду, безусловно, что, поскольку речь идет о коренных переменах в журнале, письмо его будет рассматриваться как документ официальный и потому будет читаться не только Горьким. Письмо свое Амфитеатров начал издалека, с поездки в Париж и встречи там с Певиным. Рассказывая об этой встрече, во время которой выяснилось, что тираж «Современника» падает, Амфитеатров передал Горькому претензии Певина: «журнал строится скучно и неинтересно», публика против «завала журнала эс-эрскими теоретическими статьями и плохою, мелкою беллетристикою», сам Амфитеатров мало печатается и не редактирует «журнала с той самостоятельностью, на которую он (Певин.— *Н. Д.*) рассчитывал, памятуя мое уменье и опыт». Таким образом, оказывалось, что претензии Амфитеатрова к Чернову и особенно к Миролюбову совпадали с претензиями Певина. Амфитеатров не скрывал, что «великим облегчением» явилось для него заявление Миролюбова об уходе.

Реакция Горького на декларацию Амфитеатрова была незамедлительной и вполне определенной: «Нисколько не умаляя моего к вам уважения, я, по совести, должен сказать, что единоличное руководительство литературно-политическим журналом не считаю работой посильной для вас и уверен, что вы с нею не справитесь. Мое убеждение подтверждают первые книжки „Современника", а особенно его неуместные манифесты. Лично я в журнале с единоличным руководителем — кто б он ни был — не стану сотрудничать. И я принужден просить вас: снимите мое имя из объявлений о подписке...»,— твердо заявил Горький в ответном письме, официальном, предельно четко формулирующем и общую позицию Горького (нежелание сотрудничать в журнале с единоличным руководителем), и оценку Горьким Амфитеатрова-редактора. В том же духе, только более лаконично, Горький объяснил суть «инцидента» с «Современником» в письме к Е. П. Пешковой: «Амфитеатров желает вести его единолично, сам, своими талантами. Чернов и Миролюбов уходят, я, конечно, тоже» [92].

На письмо Горького Амфитеатров ответил быстро и, к удивлению Горького, заявил, что готов сам отойти от «Современника», если его действия вызвали такое недовольство. Горький признавался Чернову, что «был застигнут врасплох сим неожиданным оборотом дела». Однако Чернов справедливо расценил предложение Амфитеатрова как «красивый жест для успокоения отчасти общественной, отчасти же, может быть, и личной совести» (Г—Ч, п. 5).

Несколько иначе объяснял Амфитеатров события в «Современнике» в письме к Е. П. Пешковой. Сначала он, как и его жена, сетовал на вмешательство посторонних сил: «Между нами брошен весьма большой черный кот на почве несогласий по „Современнику"». Но в следующем письме, от 30 ноября 1911 г., он, по существу, возложил на Горького всю ответственность за происшедшее. «Что касается роли А. М. в этой истории, то его поведение мне лично рисуется таким образом. Будучи духовным отцом той путаницы, которая возникла в виде фиктивного коллектива „Современника", он охладел к сему безнадежному чаду, как только потерял его из глаз, то есть на второй день по рождении. Между тем на Капри за „Современник" на него дулись — кто за меня, кто за якшанье с эс-эрами, кто за новую неверность „Знанию". Все это по совокупности создавало атмосферу неприятную и густую, из которой Максимычу хотелось выйти, но не было причины. Таковая так и не представилась, но явился повод. А. М. за него и ухватился» [93]. В амфитеатровском анализе поведения Горького отсутствует важный факт — история с Шаляпиным, значительно ускорившая и приблизившая разрыв, о чем свидетельствуют многие письма Горького Амфитеатрову (см. статью Б. А. Бялика).

Стоит напомнить в этой связи и признание Горького в одном из писем к Е. П. Пешковой: «Буду уговаривать Амфитеатрова вступиться за Федора, а если А⟨лександр⟩ В⟨алентинович⟩ не согласится — разойдусь с ним и „Современником" так, чтоб публика знала причину разрыва. Для меня Федор дорог не только сам по себе, а как некий символ». Причины для разрыва, таким образом, существовали, они накапливались исподволь, постепенно, углубляя трещины, появлявшиеся в отношениях Горького с Амфитеатровым и другими членами редакции. «Нет, примирить нельзя — я пробовал,— писал он Е. П. Пешковой.— Г. г. А. Б. В.— и т. д.— весь алфавит — люди не столько талантливые, сколько самолюбивые; их главнейшее стремление — выскочить вперед, на позиции „вождей" общественного мнения. Их отношения друг к другу — отношение лихачей-кучеров: катай вперед во всю мочь и, во что бы то ни стало, дави встречных, опрокидывай друг друга — лишь бы обогнать! Их лошадки — их дарованьица: они нахлестывают свои талантики безжалостно, кормят их не овсом серьезных знаний, а газетной трухой и быстро истощают. Очень жалкий народ. Наиболее потерпевшим и материально и морально в этой истории — являюсь я. Обе стороны относились ко мне так небрежно, как только могут» [94].

Горький просил Амфитеатрова «тихо» снять его имя из числа сотрудников. Одновременно он решительно возражал против публичного оповещения об уходе из «Современника» через печать, как этого требовали Чернов и Миролюбов.

«Роман» Горького с «Черновыми и Амфитеатровыми» [95] завершился уходом всех четырех — Горького, Чернова, Миролюбова и чуть позже самого Амфитеатрова — из «Современника», т. е. полным крахом редакции. Но переписка Горького и Амфитеатрова продолжалась. Сначала были неизбежные в связи со всем случившимся выяснения причин взаимного недовольства, затем переписка вошла, казалось бы, в прежнее русло, и Горький однажды даже написал Амфитеатрову, когда тот обиделся на отказ Горького сотрудничать в новых амфитеатровских сборниках «Энергия», теплые и прочувствованные слова: «Я вас люблю и уважаю, и очень высоко ставлю вашу неутомимую, всегда умную работу, всегда талантливую и, как-то по-русски, особенно честную. Не лесть, не комплимент, а от сердца говорю то, что думаю давно и что хорошо проверено: на редкость открытое лицо у вас — лицо души — и другой такой фигуры психической — не знаю» (письмо от 4 октября 1913 г.).

И все же переписка затухала. «От Горького страшно давно нет вестей. Лопнула тут какая-то пружина, а почему — кто весть»,— сетовал Амфитеатров в письме к Лопатину от 5 января 1914 г. И в письме от 12 мая 1914 г.: «От Алексея Максимовича имел одно письмо, весьма бессодержательное, из которого видно только, что Россия пришлась ему не сахарно. Во всяком случае, он засядет там, видимо, навсегда, так как жизнь на Капри совершенно ликвидирована. Приводят меня в большое огорчение слухи об его театральных предприятиях и затеях. Во-первых, прогорит он зверски на этом деле. Во-вторых, измотает оно его нервно всячески. В-третьих, возвратившийся в Россию Горький для того, чтобы заняться антрепризою, это как-то ужасно мизерно, все равно что Топтыгин чижика съел. Но писать ему обо всем этом, конечно, невозможно, ибо только родит недоразумения» [96].

В то же самое время Амфитеатров готовил к печати двадцать второй том Собрания сочинений «Властители дум», куда был включен раздел о Горьком, содержавший статью «Новый Горький». Примерно тогда же в статье о Чехове для тридцать пятого тома Амфитеатров в несколько завуалированной форме заявил, что «новый пролетарский романтизм Максима Горького», пришедший на смену «атомистическому реализму Чехова», ничего не дал русской литературе: «...строители пришли неважные. Строили плохо и ничего не выстроили» [97].

Переписка Горького и Амфитеатрова в 1912 — начале 1914 г. показывает всё углубляющиеся противоречия между ними во взглядах на русский народ и его исторические судьбы.

Отразилась в переписке волновавшая в те годы Горького проблема национализма, особенно обострившаяся в связи с приближавшимся в 1913 г. трехсотлетием

дома Романовых. «Удивительно, что на развитие националистического шовинизма наши журналы не обращают должного внимания (...) А в Москве на лекции националистов собираются по две тысячи человек и больше, и рабочим говорят: „В Донской области вы работаете на жидо-французов, в Кубанской на жидо-англичан, Урал захвачен весь иност(ранным) капит(алом), русские люди, опамятуйтесь!"»,— писал он Ленину [98].

23 сентября 1912 г. Горький напечатал в газете «Русское слово» статью «О русской интеллигенции и национальных вопросах» — ответ на анкету журнала «Украинская жизнь».

В письме к Коцюбинскому он признавался: «Статью для „Украинской жизни" я написал плохо, и это мне стыдно. Но как меня ругают за нее патриоты великорусские!» (*XXIX*, 279). Среди этих «великорусских патриотов» был и Амфитеатров. «Имею некоторый зуб за вашу статью во славу малороссов»,— писал он Горькому 29 октября 1912 г.

Но деловые отношения между Горьким и Амфитеатровым сохранялись. Накануне первой мировой войны, 29 июля 1914 г., Горький отправил Амфитеатрову письмо, в котором сообщал: «...в близком будущем к вам, может быть, явится некий россиянин, довольно интересный парень, обладающий еще более интересными документами». Чуть ниже Горький писал о бегстве Илиодора. «Некий россиянин» и был тот самый Илиодор (С. М. Труфанов), о бегстве которого так много тогда писалось и говорилось.

Перед бегством своим за границу Илиодор встречался с Горьким. Об этом он писал Амфитеатрову 16 марта 1915 г.: «Убегая за границу, я в Петрограде и Финляндии виделся с А. С. Пругавиным и А. М. Горьким. Эти господа своим авторитетным словом утвердили мое намерение разоблачить печатно подоплеку жизни династии Романовых; последний из них обещал оказать этому делу всяческое содействие, посоветовавши поселиться около Вас, г. Амфитеатров, ожидать берлинского издателя Ладыжникова и из Парижа адвоката по печатным и издательским делам. К сожалению, последовавшая война разрушила наладившиеся было планы, и я на время поселился в Христиании». Далее Труфанов рассказал о своей встрече с Бурцевым, ехавшим в Россию, который обещал помочь изданию книги, но в России был арестован. Изложив содержание уже написанной к тому времени книги, Труфанов просил Амфитеатрова принять издание книги под свое покровительство. Это письмо было послано Труфановым через женевскую социал-демократическую организацию, так как адреса Амфитеатрова он не знал: «...в бытность мою у Горького супруга последнего дала мне Ваш адрес, но в пути по Швеции шведские лейтенанты так трусили меня, принимая мою личность за военного шпиона, что раструсили все бывшие при мне клочки бумаги, в том числе и сведения М(арии) Федоровны о Вашем местожительстве» [99].

Веря в готовность Амфитеатрова при необходимости оказать поддержку и помощь, Горький, когда началась первая мировая война, именно к Амфитеатрову (и Вольнову) обратился с просьбой помочь Е. П. Пешковой и Максиму вернуться из Италии на родину. И Амфитеатров выполнил просьбу Горького. При этом надо помнить, что именно война, отношение к ней развели Горького и Амфитеатрова на полярные позиции. Расхождение по этому вопросу обозначилось со всей определенностью в 1913 г., когда, побывав весной в Германии, Амфитеатров написал Горькому восторженное письмо: «...Германия произвела на меня впечатление громадное. За восемь лет, что я ее не видал, она шагнула вперед невероятно во всех отношениях (...) Всеобщее удивительное спокойствие и сознание национальной цельности своей и силы» (п. от 12 мая 1913 г.). Ответ Горького был поразительным по своей глубине. Поверхностному, «газетному» суждению Амфитеатрова он противопоставил свою исторически точную оценку предвоенной Германии: «...вы пишете о Германии, которая „во всех отношениях шагнула вперед невероятно", но у которой нет литературы, скульптуры, архитектуры, живописи; музыка — сомнительна, о Кантах и Шопенгауэрах не слыхать, а Геккель и Вейсман — древние старики. И которая — что там ни говорите,— продолжая развивать милитаризм, давит всю культуру Европы. Нет, не согласен с вашим суждением о Германии и роста куль-

туры ее не чувствую что-то... А в Германию я не верю, нет! У немцев даже пиво плохо придумано. И вскорости они будут нас толкать вон из Европы. Ступайте, скажут, за Урал, чего вы тут путаетесь? Пшли. Мы, конечно, сперва заартачимся, не пойдем, тут они нас пушками, пушками! Беда будет!»

Позже, в статье «Не брат своих братьев», о которой речь пойдет ниже, Амфитеатров неузнаваемо извратит горьковскую позицию по отношению к будущей войне, изложенную в этом письме, о себе же напишет, что он был испуган и поражен готовностью Германии к войне.

Разразившуюся войну Амфитеатров встретил едва ли не восторженно. В письме Горькому от 11 августа 1914 г. он признавался: «...дух бодр до чрезвычайности, и даже так скажу: никогда не был бодрее... Никогда, даже во время революции, не чувствовалась так ярко и страстно связь с Россией, потребность действовать и мучительность бездействия». Война, по мнению Амфитеатрова, явилась «могучим моментом вооруженного единения с народом и армией в общем национальном движении», и он призывал «драться с чертовыми немцами». Амфитеатров развил бурную деятельность, «германофильство», в котором упрекал его Горький, вытеснилось самым неприкрытым шовинизмом.

9 августа 1914 г. в газете «Giornale d'Italia» было напечатано письмо Амфитеатрова, в котором он призывал русских эмигрантов перед лицом внешней опасности прекратить «все счеты внутренней политики». Те, кто может, должны вернуться в Россию, кто по политическим причинам вернуться не может — должен вступить во французскую армию, ибо, по его мнению,— «это война народная» [100].

В письме от 4 января 1915 г. французскому послу в Риме Ж. Барреру Амфитеатров напоминал об этом своем выступлении и добавлял: «Возможно, Вам будет интересно узнать, что первым русским волонтером из Италии во Францию был приемный сын нашего знаменитого писателя Максима Горького, Зиновий Пешков, молодой человек исключительных способностей, покинувший ради благородной цели свою молодую жену и своего ребенка, которые находятся в настоящее время у меня» [101]. В дальнейшем Амфитеатров будет неоднократно восторженно писать о З. Пешкове, особенно после его ранения.

В конце декабря 1915 г. вышел первый номер журнала Горького «Летопись». Через год, в декабре 1916 г., стала выходить газета «Русская воля», в которой большую роль играл Амфитеатров. Это были издания, диаметрально противоположные по направлению. Участие Амфитеатрова в «Русской воле» отразило закономерность все более открытого отхода его в лагерь реакции.

Газета «Русская воля» создавалась на средства крупных промышленников и банкиров при участии департамента полиции. «Показания С. П. Белецкого от 20 июля 1917 г. (на заседании Чрезвычайной следственной комиссии.— *Н. Д.*),— писал в статье «„Русская воля", банки и буржуазная литература» Ю. Г. Оксман,— позволяют установить, что (...) В. П. Литвинов-Фалинский, один из старейших и влиятельнейших дельцов министерства торговли и промышленности, познакомил руководителей департамента полиции с планом создания большой, по видимости прогрессивной, газеты, которая, мобилизовав вокруг себя при помощи крупных денежных средств и широких либеральных лозунгов виднейших деятелей литературы и журналистики, легко бы могла подавить остальные влиятельные петроградские газеты и затем, оставшись единственным крупным ежедневным изданием, встать на защиту интересов промышленности в борьбе с революционным движением в рабочей среде» [102].

Этот план был принят А. Д. Протопоповым, в то время товарищем председателя Государственной думы, а вскоре министром внутренних дел. Выступая на организационном собрании 15 июля 1916 г., на котором присутствовали представители крупных банков, Протопопов говорил о цели новой газеты: «...давно уже возникла мысль о создании органа, который должен правильно освещать вопросы экономические и защищать промышленные и финансовые круги от неоправданных нареканий, которые ныне так часто раздаются в печати». Протопопов, как это было передано в газетном отчете, сказал, что он «заручился согласием А. М. Горького, Л. Андреева и В. Г. Короленко» участвовать в газете [103].

Очевидно, в тот же день, когда было напечатано сообщение о плане новой газеты, т. е. 21 июля 1916 г., Горький отправил Амфитеатрову телеграмму. Телеграмма эта не разыскана, но по публикуемому ответу Амфитеатрова можно предположить, что Горький хотел выяснить его отношение к газете Протопопова. Амфитеатров ответил уклончиво: «Не вошел пока ни в какие переговоры до полного выяснения дела, которое меня сильно удивляет. Однако Адрианов называет вас в качестве сотрудника несомненного, обещавшего участвовать литературно, относящегося к делу с большой симпатией» (телеграмма от 22 июля 1916 г.). При всем том что организации газеты сопутствовало много разных слухов, имя Горького было названо не случайно.

Дело в том, что в самом начале, когда направление новой газеты было совсем неясным, к ней хотел примкнуть как пайщик И. Д. Сытин, с которым Горький был связан давно и вел переговоры о некоторых издательских предприятиях [104]. В письме к Короленко от 17 сентября 1916 г. Амфитеатров утверждал, что от Сытина и Протопопова еще в апреле 1916 г. он знал, «что Горький стоит как-то около их будущего предприятия», а приехавший к Амфитеатрову для переговоров С. А. Адрианов сообщил, что «с Горьким у них налажено, и даже указал беллетристическую вещь, которую он пишет для газеты» [105].

О том, что Горький, возможно, не столь решительно, как это делал Короленко, отвергал приглашения участвовать в новой газете, свидетельствуют не только публичные выступления Короленко, но и его переписка с Горьким [106].

25 июля 1916 г. в газете «День» была напечатана «Беседа с А. Д. Протопоповым», в которой последний вносил уточнения в сообщение, опубликованное в «Речи». «Я не утверждал, что Короленко и Горький участвуют в газете (...) Короленко болен и уже потому не может в настоящее время писать и вообще усиленно работать (...) Степень участия Горького в нашей газете выявится, я надеюсь, к горести врагов и радости друзей. Могу только сказать, что, чем можно помочь, Горький нам поможет». 1 августа 1916 г. в газете «День» появилось письмо Короленко, в котором он заявил, что хочет «самым решительным образом отделить свое имя от нового органа», что он не желает работать в газете, которая издается «на средства г.г. торговцев, промышленников и банкиров, которые, конечно, не напрасно решаются тратиться на эту дорогую затею». 6 августа в той же газете было напечатано короткое «Письмо в редакцию» Горького: «...позвольте через посредство издания вашего заявить, что слухи о сотрудничестве моем в газете, организуемой г. А. Д. Протопоповым, неверны».

Возможно, тогда же Горький отправил телеграмму Амфитеатрову, текст которой Амфитеатров привел в том же своем письме к Короленко: «Считаю необходимым предупредить вас, что я не принимаю никакого участия в газете Протопопова». Сама телеграмма утрачена или не разыскана, и можно только полагаться на свидетельство Амфитеатрова. Но, очевидно, она существовала, так как Амфитеатров писал о ней и М. М. Горелову (Гаккебушу), а в письме к Короленко подробно описывал свои и Адрианова сомнения по поводу этой телеграммы: «Адрианов, считавший дело с Горьким совершенно покончeнным и давший мне тому обстоятельные доказательства (...) ничего не понимал. Так что некоторое время мы даже сомневались, от Горького ли эта телеграмма и не подложная ли она, ибо и подписался-то он странно, как никогда раньше не подписывался: Горький-Пешков. Смущенный, я послал Горькому в „Летопись“ весьма пространную телеграмму, прося разъяснить, в чем дело. Но ответа на нее до сих пор не имею. Газеты, в которых явился краткий отказ Горького, тоже пришли, но ничего не сказали» [107].

Очевидно, определенная позиция Короленко укрепила Горького в его решении не сотрудничать в новой газете. 17 августа 1916 г. Короленко написал статью «Старые традиции и новый орган» [108], в которой подтвердил свое отношение к газете Протопопова.

Кроме Короленко и Горького, отказались сотрудничать в «Русской воле» Блок, Шмелев, Чириков. Писатель Никандров делился с Горьким своими «тягостными впечатлениями» от газеты: «Надо разобраться, как это так, шеф жандармов вдохновляет „Русскую волю“, союз фабрикантов берет ее на содержание. Человеческое

стадо поклоняется Л. Андрееву и другим, предающим рабочий класс» [109]. Андреев, как известно, упомянут в письме Никандрова не случайно, так как именно он сразу согласился сотрудничать в газете и возглавил в ней литературный отдел. Имя Андреева помогло собрать вокруг газеты крупных литераторов. «...Ваше имя парализует все злые толки»,— писал ему А. Толстой [110]. Свое желание работать в газете выразили Бунин, Куприн, Ф. Сологуб, Сергеев-Ценский, Тан.

Через Амфитеатрова были приглашены в газету Г. В. Плеханов и Г. А. Алексинский, члены редакции газеты «Призыв». Н. И. Иорданский, считавший, что «в истории русской печати не было издания, которое возникло бы при таких темных и подозрительных обстоятельствах, как газета „Русская воля“», приводил телеграмму к нему редакции «Призыва» от 17 октября 1916 г.: «Плеханов и его друзья, за исключением Алексинского, нашли полезным выждать появления газеты для решения вопроса о сотрудничестве» [111].

Амфитеатров признавался, что только слух о возможном участии Горького в новой газете удерживал его от положительного решения. Узнав об отказе Горького сотрудничать в газете, Амфитеатров немедленно дал свое согласие. Он писал об этом Короленко 17 сентября и одному из организаторов газеты — М. М. Горелову 27 сентября. В своем письме к Короленко Амфитеатров не удержался от оскорбительных выпадов по адресу Горького и «Летописи», перемешивая их, как это бывало и в его статьях, с уверениями в любви к нему. Амфитеатров отметил главный вопрос, решение которого поставило его и Горького «на диаметрально противоположные точки»,— отношение к войне [112].

О том же, только в более спокойных тонах, Амфитеатров писал Горелову: «Максим Горький — мой ближайший друг, которого я сердечно люблю и уважаю, но разве мыслимо было приглашать его, редактора заведомо пораженческой „Летописи“, в газету, руководить которой Вы приглашаете меня, а несколькими важными отделами в ней будет заведовать Леонид Андреев, и, следовательно, орган наш предполагается интервентиским безусловно? М. Горький прислал мне телеграмму, что он не принимает участия в газете, вероятно думая меня предостеречь,— между тем я именно только после его телеграммы и начал серьезно размышлять о начинании Протопопова как деле, мне подходящем, потому что раньше совмещение Горького с Андреевым (особенно после письма этого второго) сбивало меня с толку, давая картину программы, безразличной к основному политическому вопросу времени». Далее Амфитеатров писал о «неприятнейшем скандале с Короленко и тем же Горьким», имея в виду их публичные отказы от участия в новой газете, и заявлял: «...меня не испугают никакие клеветы и нападки ни на газету, ни на ее капитал, ни на ее сотрудников, ни на меня самого (ох, какой только ругани я не жду!) — хотя бы против нас выступили не то что Клячко с Гессеном, ни даже Горький с Короленко, но хоть сам Лев Николаевич Толстой выполз из могилы» [113].

Но и приняв решение работать в газете Протопопова — в письме к Горелову он даже развернул свой план «Русской воли»,— Амфитеатров продолжал хитрить. Почти одновременно с письмом Горелову им была послана телеграмма Сытину, в которой, как писал Горький Короленко, Амфитеатров ссылался «на участие Плеханова в министерской газете, как на факт, который и его, Амфитеатрова, побудил подписать условие с новой газетой». Правда, если у Горького еще оставались какие-то иллюзии насчет поведения Амфитеатрова, то Короленко почти не сомневался в его добровольном согласии участвовать в протопоповской газете. «Амфитеатров, вероятно, пойдет. Он ведь очень свободен от наших предрассудков»,— писал он Горькому [114].

В конце 1916 г. Амфитеатров вернулся в Россию и стал деятельным участником «Русской воли» (название газеты было предложено им). С Горьким они, повидимому, встречались редко, хотя Горький, как он писал В. Князеву, не питал «враждебных чувств ни к „Р(усской) в(оле)“, ни тем более к А. В. Амфитеатрову, которого давно знаю и люблю» [115]. Но, разумеется, ни о какой близости не могло быть и речи.

Горький рассердился на Амфитеатрова, когда тот напечатал в газете материал, порочащий Шаляпина. «Недавно у меня был скотина Амфитеатров,— в вчерашнем — 2-го — № „Рус‹ской воли›“ он допустил гнусную выходку против Федора»,— писал он Е. П. Пешковой [116].

Вскоре Амфитеатров еще раз оправдал приведенное выше предсказание Толстого: «Ах, он когда-нибудь такую штуку сделает, что всех удивит, он именно такой». 22 января 1917 г. Амфитеатров напечатал в «Русской воле» свои «Этюды», содержавшие криптограмму, которая была расшифрована и действительно удивила всех своей дерзостью. Говоря о гонениях цензуры, Амфитеатров обвинил в этом самого Протопопова. «Более усердного холопа реакция еще не создавала. Страшно и подумать, куда он ведет страну. Его власть — безумная провокация революционного урагана»,— писал Амфитеатров [117].

Естественно, что после такой эскапады Амфитеатров был выслан из столицы. Но на этот раз Горький воспринял эту высылку как комический эпизод. В письме к Короленко он в самых иронических тонах описывал визит к нему и поведение Амфитеатрова: «Уморителен был Амфитеатров перед отъездом в Минусинск! Он так было разохотился спасать Русь. С такой милой легкостью взялся за это дельце, и вдруг: пожалуйте вон! И послы за него хлопотали, и важные дамы, а — всё без успеха! Очень ушиблен был он этой неожиданностью» [118]. До места ссылки Амфитеатров доехать не успел: произошла Февральская революция, приговор о ссылке был отменен, и Амфитеатров вернулся в Петроград [119].

Октябрьскую революцию Амфитеатров принял враждебно. В книге «Горестные заметки», вышедшей в Берлине в 1922 г., он признавался, что в 1917—1918 гг. принимал участие в заговорах против Советской власти. Позже, поняв бесполезность вооруженных выступлений, он стал распространять нелегально свои антисоветские писания. В августе 1921 г. Амфитеатров с семьей бежал в Финляндию.

В книге «Горестные заметки» Амфитеатров заявил, что в августе 1918 г., т. е. когда Советской властью были приняты решительные меры против буржуазной печати, он дал себе слово, что в пределах «Совдепии» не напечатает «ни единой своей строки». «Многим это решение показалось самоубийством» [120],— горделиво — «напоказ» — добавлял Амфитеатров. Но сохранившиеся письма его к Горькому свидетельствуют, что, напротив, он настойчиво добивался переиздания своих книг, что он работал в издательстве «Всемирная литература», организованном, кстати сказать, в августе—сентябре того же 1918 г.

Во «Всемирной литературе» он занимался главным образом переводами с итальянского, в частности переводами пьес Гольдони. Редактор итальянского отдела А. Л. Волынский дал работе Амфитеатрова высокую оценку [121]. Однако известно, что об амфитеатровском переводе с итальянского пьесы Сем Бенелли «Рваный плащ» неодобрительно отозвался Блок [122]. Блок критически оценил и амфитеатровскую пьесу «Василий Буслаев», в которой, как писал он М. Ф. Андреевой, «все изрядно упрятано в литературу, сглажено, как у Ал. Толстого (или Римского-Корсакова), отчего эта самая русская мордобойная „правда“ выходит немного слащавой, книжной, даже... газетной. Есть, однако, и живые слова, и та сочность, которая свойственна Амфитеатрову всегда». А спустя некоторое время Блок сделал запись о пьесе Амфитеатрова «Аввакум»: «28 мая 1920 г. Моховая. Амфитеатров с Аввакумом. О, тоска и бездарность!» [123]

В *ЦГАЛИ* хранится машинопись, озаглавленная «Рукотворный рай. (Турецкая легенда)», датированная 13 марта 1918 г. На ней, очевидно, более поздняя надпись Горького: «Восточная литература. Перевод А. Амфитеатрова» — и помета А. Н. Тихонова: «Вернуть автору» [124]. В *АГ* находится рукопись Амфитеатрова «Предисловие к рассказам П. Милля» с правкой Горького. Мы упоминаем об этих работах Амфитеатрова, так как они опровергают его более поздние свидетельства о решении не печататься в Советской России. Еще более опровергают их многочисленные договоры (более двадцати), заключенные Амфитеатровым с Гржебиным и другими издателями [125].

Выступал Амфитеатров и с чтением лекций (преимущественно по истории итальянской литературы), в частности в Государственном педагогическом инсти-

туте им. А. И. Герцена. В издательских делах Амфитеатрову неизменно помогал Горький. Он же вступился за Амфитеатрова, когда того, очевидно, отстранили от чтения лекций. В *АГ* хранится записка Горького: «Почему Гринберг против публичных выступлений Амфитеатрова?» Не исключено, что эта записка адресована А. В. Луначарскому, так как упоминаемый в ней З. Г. Гринберг был членом Коллегии Наркомпроса.

Послеоктябрьские письма Амфитеатрова заполнены нескончаемыми жалобами. Амфитеатров лишился привычного комфорта и оказался в достаточно трудных условиях, в которых жила тогда вся страна. И вчерашний радикал превратился в «озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца» [126] — ленинская характеристика А. Аверченко освещала типическое явление.

Письмо Амфитеатрова Горькому от 27 марта 1919 г. написано в связи с отмечавшимся в марте 1919 г. пятидесятилетием Горького. Это определило торжественный тон письма, как бы подводящего итог многолетним отношениям. Но мы вправе усомниться в искренности этого, в сущности последнего, носящего отпечаток личных отношений, письма Амфитеатрова, потому что совсем иначе оценивал он деятельность Горького в письме к Короленко в 1916 г., а в 1920 г. он станет автором отвратительной статьи «Ленин и Горький», которую он размножит на машинке и распространит в Петрограде. Поводом к ее написанию послужило выступление Горького в журнале «Коммунистический интернационал», посвященное В. И. Ленину.

В книге «Горестные заметки» Амфитеатров издевательски комментировал воззвание Горького «Честные люди», обращенное к гражданам Европы и Америки с просьбой о помощи голодающей России. Он назвал это воззвание одним «из бестактнейших и неудачнейших выступлений» Горького. Деятельность Горького по организации помощи ученым и литераторам рассматривалась Амфитеатровым как измена интеллигенции. Злоба Амфитеатрова распространялась не только на большевиков и Горького, но даже и на Уэллса и Ф. Нансена, посетивших Россию и увидевших грандиозную созидательную работу Советской власти. Со свойственной ему развязностью Амфитеатров «заклеймил» Уэллса за «легкомысленное до преступности изучение Советской России» и за то, что своей книгой он, кроме большевиков, «никому не угодил». Нансена он посчитал «превосходно обряженным в узду большевизма» [127].

О жизни Амфитеатрова за рубежом сохранилось мало сведений. Известно, что он пробовал переиздавать свои старые романы, но писать новые произведения, очевидно, уже не мог. Г. Струве в своей книге «Русская литература в изгнании» называет имя Амфитеатрова лишь в перечне сотрудников берлинского журнала «Сполохи» и монархического журнала «Возрождение» (Париж) [128]. В советской печати сообщалось, что вместе с Врангелем, Красновым, митрополитом Антонием и Бурцевым он поддерживал монархическую организацию «Братство русской правды», созданную для борьбы с СССР, т. е. занимал крайне правую позицию [129]. Жил Амфитеатров в Чехословакии, в Берлине, Париже, но бóльшую часть времени — в Италии. Умер он в 1938 г.

С Горьким он, очевидно, больше не встречался. Амфитеатров превратился в заурядного злобствующего антисоветчика. Прочитав его статью о Зиновии Пешкове «Не брат своих братьев», Горький насмешливо писал З. А. Пешкову: «Ох, не дай Боже постареть до такой глупости» [130].

Красноречива одна из заметок Горького: «В Италии умер Александр Валентинович Амфитеатров, сын протоиерея московского Архангельского собора.

Оказалось: еще не умер. Искренно сожалею» [131].

В 1930 г. в переписке Горького с Груздевым состоялся интересный диалог о «Жизни Клима Самгина». Груздев размышлял о романе Горького в связи с книгой В. Поссе «Мой жизненный путь»: «Вот — умный, образованный, передовой человек эпохи — и, вдруг, как-то изнутри, оказывается непроходимым пошляком — жуткая тема!.. Это же тема и „Самгина“ — так мне кажется. В Самгине есть какая-то частица и Поссе, и Амфитеатрова, и Ляцкого, по-видимому, многих-многих Ваших современников».

Горький в ответном письме подтвердил догадку Груздева относительно Поссе и далее писал: «Есть в Самгине и частица Бунина... Василий Алексеев⟨ич⟩ Маклаков — тоже Самгин». Амфитеатров в этом ряду в письме не упоминался. Но через несколько месяцев Горький вспомнил Амфитеатрова в связи со Львом Шестовым, который сейчас, по словам Горького, «пытается ничто превратить в нечто и напоминает Амфитеатрова, когда тот, сильно пьяный, неожиданно ставит такие, например, вопросы: „А — вдруг пойдут народы?" — Откуда? — „Да черт их знает, ходили же с Аттилой. Впрочем, может Аттилы-то и не было". Вообще Амфитеатров в пьяном виде любил сомневаться, а Шестов любил эту забаву и трезвый». В таком сопоставлении Амфитеатрова и Шестова вновь возникла тема Самгина, был назван источник емкого, символически звучащего в романе повтора: «А был ли мальчик? Может, мальчика-то и не было?» [132].

Завершение переписки Горького и Амфитеатрова имело, как мы видим, свой логический конец. Индивидуальные отношения двух писателей обрели общие — типологические — черты, стали частью истории русской литературы в предоктябрьские и послеоктябрьские годы. Конец Амфитеатрова, его нравственное, духовное и творческое падение были исторически закономерны. Закономерны были и, если воспользоваться выражением А. Белого, «перепрыги» Амфитеатрова от рептильного «Нового времени» к либеральному «Красному знамени» и манифестам «Современника», а от них к яростному шовинизму «Русской воли» и далее к монархическому эмигрантскому «Возрождению».

Переписка Горького с Амфитеатровым — отражение той сложнейшей идейной борьбы, в процессе которой формировались социалистические идеалы русской литературы, борьбы, в центре которой находился Горький.

Небольшая часть публикуемой ниже переписки была напечатана ранее в тридцатитомном Собрании сочинений Горького, в сборниках и журналах: «М. Горький. Материалы и исследования», «Ф. И. Шаляпин», «Вопросы архивоведения», «Новый мир», «Вопросы литературы» и др.

Ниже публикуются 172 письма Горького по подлинникам, хранящимся в *АГ* (167 писем), *ЦГАЛИ* (1 письмо), Биб-ке им. Лилли (Блумингтон, Индиана, США) (4 письма), а также 178 писем Амфитеатрова по подлинникам, хранящимся в *АГ* (175 писем), *ЦГАЛИ*(2 письма), *ЦГАОР* (1 письмо) *.

Письма подготовили: Ф. М. Иоффе (№ 1—82), А. Е. Погосова (№ 83—161), Е. Г. Коляда (№ 162—249), С. И. Доморацкая (№ 250—350).

---

* В кн.: «Переписка М. Горького» (М., 1986. Т. 1. С. 299) неточно указано количество хранящихся в *АГ* писем Горького (более 170) и Амфитеатрова (около 200).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Это письмо опубликовано в кн.: Дневник А. С. Суворина М.; Пг.: изд. Л. Д. Френкеля, 1923. С. 189—190.

[2] *ЦГАЛИ*, ф. 34.

[3] *Гиляровский В.* Избранное. М., 1960. Т. 2. С. 251.

[4] *В. И. Ленин.* Т. 6. С. 274.

[5] Амфитеатров был настолько «прощен» правительством, что в сентябре 1904 г. получил разрешение Главного штаба на проезд в качестве специального корреспондента журн. «Нива» на Дальний Восток (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

[6] *Амфитеатров.* Т. 5. С. XXV.

[7] *Львов-Рогачевский В. Л.* Писатель без выдумки // Современный мир. 1911. № 9. С. 242. В воспоминаниях А. А. Золотарева сохранилось любопытное свидетельство о том, как работал Амфитеатров: «...к утру чинили ему десятки карандашей и раскладывали десятками на письменном столе и конторках. Ал⟨ександр⟩ Вал⟨ентинович⟩, переходя от конторки к столу и опять к другой конторке, одновременно работал и над своим романом-хроникой (70-ники и 80-ники), и над историческими очерками, и над фельетоном на злобу дня, причем карандаши у него тупились, исписывались, а сам он от работы становился и веселее, и подвижнее, и здоровее» (*ЦГАЛИ*, ф. 218, оп. 1, ед. хр. 21).

[8] Там же, ф. 34.

[9] *Брюсов В.* Царства Араратские. А. В. Амфитеатров. Армения и Рим. Царство зверя. Историческое сочинение. Т. I. Пг: изд-во «Просвещение», (1916) // Русская мысль. 1916. № 6. Отд. III. С. 16.

[10] Об отношениях Амфитеатрова и Лопатина см. в ст. «Один из талантливейших русских людей».

[11] *Чехов А. П.* Полное собр. соч. и писем. М., 1949. Т. XV. С. 362; Т. XVIII. С. 64.

[12] Дневник А. С. Суворина. С. 278.

[13] *ЛН.* Т. 90. Кн. I. С. 180. Там же. Кн. II. С. 408.

[14] *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л, 1963. Т. 8. С. 346.

[15] *Розанов В.* Саша Амфитеатров и его эпилог // Новое время. 1915. № 14251. 11/24 нояб.

[16] Литературный Ленинград. 1934. № 21. 8 мая.

[17] *АГ.*

[18] *МИ.* Т. I. С. 377.

[19] *Амфитеатров.* Т. 14. С. 169.

[20] Новое время. 1898. № 7989. 27 мая/8 июня.

[21] *АГ.*

[22] Россия. 1900. № 301. 26 февр.

[23] Там же. 1902. № 964. 2 янв.

[24] *Арх. Г.* Т. IV. С. 64.

[25] *ЛН.* Т. 72. С. 96.

[26] *Арх. Г.* Т. IV. С. 72.

[27] Энергия. 1913. № 1. С. 243.

[28] *АГ.* Ранние письма Амфитеатрова, очевидно, не сохранились.

[29] О том, что библиотека Амфитеатрова представляла собой большую ценность, свидетельствует тот факт, что в 1923 г. она была приобретена чехословацким правительством. Посвящая свою книгу «Одержимая Русь» президенту Чехословакии Т. Масарику, Амфитеатров разъяснял в предисловии к книге: «Эмигрантская безработица вынудила меня еще в 1923 г. расстаться с моею весьма обширною библиотекой. Ее приобрело у меня правительство Чехословацкой республики, но, благодаря любезности президента, мне было предоставлено право удержать в своем пользовании отделы библиотеки, нужные для завершения некоторых книг» (*Амфитеатров А.* Одержимая Русь. Берлин: изд-во «Медный всадник», 1929. С. 3).

[30] *АГ.* Столь же сильное впечатление производил Амфитеатров на А. А. Золотарева. «Этот человек был энциклопедистом,— вспоминал он,— и трудно было найти такую область человеческого знания, о которой он не мог бы найти в сокровищницах своей памяти если не подлинных фактических данных, то, по крайней мере, веселого анекдота, каламбура или исторической справки о том, кто, когда и как работал над нею» (*ЦГАЛИ*, ф. 218, оп. 1, ед. хр. 21).

[31] Новое время. 1911. № 12550. 18 февр./3 марта.

[32] Слово. 1908. № 626. 20 нояб./2 дек.

[33] *АГ.*

[34] *Арх. Г.* Т. IV. С. 72.

[35] В этой связи представляется спорным сопоставление Горького и Амфитеатрова в ст.: *Евстигнеева Л. А.* А. М. Горький и А. В. Амфитеатров // *Горьковские чтения* 1980.

[36] *Арх. Г.* Т. IX. С. 40.

[37] Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX в. М.: Наука, 1975. С. 284.

[38] *Сучков Б.* Исторические судьбы реализма. М., 1973. С. 209—210.

[39] *Арх. Г.* Т. IX. С. 123.

[40] Русская мысль. 1916. № 6. Отд. III. С. 15.

[41] Всеобщий журнал. 1911. № 3. С. 222.

[42] См., например, ст. Т. Ренодо «В Кави ди Лаванья» (Одесские новости. 1908. № 7634. 4/17 окт.), в которой описывалась жизнь русской колонии в Кави во главе с Амфитеатровым. Автор отмечал внешнее сходство Амфитеатрова с М. М. Ковалевским и «более всего с Бальзаком». В статье сообщалось и о Горьком (очевидно, со слов Амфитеатрова): «Горький собирается в гости (в Кави.— *Н. Д.*), он пишет теперь пьесу, но больше всего учится. В последний момент он увлечен математикой. Здоровье его превосходно».

[43] *Амфитеатров.* Т. 11. С. XVII.

[44] *ЛН.* Т. 72. С. 345.

[45] *Арх. Г.* Т. IV. С. 247.

[46] Слово. 1908. № 626. 20 нояб./2 дек.

[47] *ЦГАЛИ*, ф. 34.

[48] *АГ.*

[49] *Амфитеатров А.* Литературный альбом. СПб.: изд-во «Общественная польза», (1904). С. 13.

[50] Новое время. 1898. № 7989. 27 мая/8 июня.

[51] *Амфитеатров.* Т. 22. С. 152, 163, 164.
[52] Там же. С. 169, 177—179, 187.
[53] Русская мысль. 1907. № 4. Отд. II. С. 122, 127, 141.
[54] *Амфитеатров А.* Современники. М., 1908. С. 82. Надо сказать, что Горький чувствовал неискренность иных восторженных слов Амфитеатрова, известную «приторность» его оценок. В одном из писем к Е. П. Пешковой он отмечал: «...писал мне А. В. дважды дифирамбы Максиму, очень сын наш понравился ему. Это, конечно, рекомендация не самой высокой марки, ибо есть в ней немножко неискреннего, заигрывающего». И далее: «Амф(итеатров) политику делает, но — не очень искусно и — едва ли хорошо» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 119—120).
[55] *Амфитеатров А.* Современники. С. 100. См. также: Очерки истории русской театральной критики. Л., 1979. Т. 2. С. 120, 121; *Евстигнеева Л. А.* Указ. соч. С. 62.
[56] *Амфитеатров А.* Современники. С. 100, 112.
[57] *Арх. Г.* Т. XIV. С. 19.
[58] *Луначарский А. В.* Великий переворот. Пг: изд. З. И. Гржебина, 1919. С. 47.
[59] *В. И. Ленин.* Т. 47. С. 220.
[60] Там же. Т. 19. С. 251.
[61] Там же. Т. 47. С. 220.
[62] *В. И. Ленин и А. М. Горький.* С. 51.
[63] *В. И. Ленин.* Т. 47. С. 241.
[64] *М. Ф. Андреева.* С. 172—173.
[65] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 4—5.
[66] *Амфитеатров.* Т. 22. С. 205, 209, 210, 201.
[67] *Плеханов Г. В.* Искусство и литература. М., 1948. С. 757.
[68] Г—А, п. от 20 или 21 сентября 1911 г.
[69] Литературный Ленинград. 1934. № 21. 8 мая.
[70] *Арх. Г.* Т. VII. С. 146.
[71] *ЛН.* Т. 72. С. 330. Любопытно, что совершенно независимо от Горького и Андреева сходную характеристику Амфитеатрова дал И. Кугель: «Вся карьера Амфитеатрова — это пестрая лента приспособления своих дарований к хозяйским требованиям, а установка на хозяина была самая прозаическая: с кем выгодно, тот и хозяин...» (Литературный Ленинград. 1934. № 21. 8 мая).
[72] *Амфитеатров.* Т. 22. С. 181.
[73] *Муратова.* С. 13.
[74] *МИ.* I. С. 201.
[75] *Арх. Г.* Т. XIV. С. 340.
[76] Там же.
[77] *АГ.*
[78] *Амфитеатров.* Т. 15. С. 271, 266.
[79] Там же. С. 271.
[80] Там же. С. 281, 285, 302, 323.
[81] *Воровский В.* И. А. Бунин // Воровский В. Литературно-критические статьи. М., 1948. С. 142. Статья Воровского появилась одновременно со статьями Горького и Амфитеатрова — в февральской книге журн. «Мысль».
[82] После ухода Горького из «Современника» Амфитеатров с обидой писал ему: «Не думаю, чтобы хоть одна сколько-нибудь яркая и значительная черта в жизни „Современника" осталась в них (письмах.— *Н. Д.*) без освещения с моей стороны, хотя очень часто я недоумевал, надо ли это делать, потому что Ваши письма редко проявляли интерес к ходу журнала и иногда молчали о нем так выразительно, что я уже думал, приятен ли он Вам» (п. А—Г; п. от 9 ноября 1911 г.).
[83] *Арх. Г.* Т. IX. С. 111.
[84] *АГ.*
[85] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 33.
[86] *Арх. Г.* Т. IX. С. 117.
[87] *ЦГАЛИ,* ф. 34.
[88] *АГ.*
[89] Там же. См. также Г—Ч.
[90] Там же.
[91] Там же.
[92] *Арх. Г.* Т. IX. С. 127. На решение Горького уйти из «Современника» оказали воздействие и другие обстоятельства, в частности поведение Амфитеатрова по отношению к Шаляпину.
[93] *АГ.*
[94] *Арх. Г.* Т. IX. С. 121, 128.
[95] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 47—48.
[96] *ЦГАЛИ,* ф. 34.
[97] *Амфитеатров.* Т. 35. С. 236—237.
[98] *В. И. Ленин и А. М. Горький.* С. 82.
[99] *ЦГАЛИ,* ф. 34.

[100] Там же.
[101] Там же.
[102] *ЛН*. Т. 2. С. 168.
[103] Речь. 1916. № 198. 21 июля.
[104] Позже И. Д. Сытин отказался от участия в этом издании. Об этом можно судить по телеграмме к нему Амфитеатрова, посланной, очевидно, в августе 1916 г.: «10-го прибыл присланный Протопоповым Адрианов, назначенный во главе нового предприятия (...) неприятно удивлен, узнав, что Вы не принимаете участия в этом новом предприятии; между тем как в мае Протопопов говорил мне о Вас как о директоре. Судя по словам Адрианова, дело это безупречно в денежном смысле. Мне предлагают великолепные условия и широкие полномочия. В разговоре с Адриановым буду осторожен» (*АГ*). Однако в сентябре Амфитеатров писал Короленко, что организаторы газеты сами отказались от приглашения Сытина, так как считали, что он входит в «дело» с деньгами Путилова, за которым стоит банкир Рубинштейн, чье присутствие в новой газете было нежелательно для ее организаторов (*ЦГАЛИ*, ф. 34).
[105] Там же.
[106] См.: *Горький и Короленко*.
[107] *ЦГАЛИ*, ф. 34.
[108] Русские записки. 1916. № 8.
[109] *АГ*.
[110] *ЛН*. Т. 2. С. 183.
[111] *Иорданский Н.* Политические заметки // Современный мир. 1917. № 1. С. 295.
[112] *ЦГАЛИ*, ф. 34.
[113] Там же.
[114] *Горький и Короленко*. С. 78.
[115] *АГ*.
[116] *Арх. Г.* Т. IX. С. 192.
[117] *ЦГАЛИ*, ф. 34.
[118] *Горький и Короленко*. С. 91.
[119] После возвращения в Петроград, в марте 1917 г., Амфитеатров заключил договор с издателем И. Ф. Вейсбергом об издании двухнедельного литературного, политического и исторического журн. «Красное знамя» (*ЦГАЛИ*, ф. 34). До июля 1917 г. вышло два номера журнала. См. п. Амфитеатрова Золотареву.— Там же, ф. 218, оп. 2, ед. хр. 2, л. 8.
[120] *Амфитеатров А.* Горестные заметки. Берлин: изд-во «Грани», 1922. С. 138.
[121] Вестник литературы. 1919. № 8.
[122] *Блок А.* Собр. соч. Т. 8. С. 521—522. Стоит напомнить характеристику, данную Блоком переводу Амфитеатрова: «...хорошая пьеса, но я очень серьезно боюсь, что Амфитеатров не только внешне, но и внутренне исказил ее. Не говоря о том, что стихи — часто просто не стихи, отсутствует не только ритм, но и размер,— я боюсь, что всей пьесе, при помощи сочных словечек и залихватского тона, сообщена вульгарность, идущая вразрез с ее подлинной демократичностью. Смешны, но *не так и не потому* смешны поэты-петраркисты, как думал Амфитеатров, стоящий далеко от стихов вообще и, очевидно, увлекавшийся иногда пародией на русскую современность, ненавистную ему, но Амфитеатров как-то по-буренински просто не разбирается, всё валит в одну кучу. У него... нет настоящей разницы между словарем петраркистов и словарем их противников, или эта разница подчеркивается улично,— я сказал бы, как в театрах „миниатюр". Театру убыли не будет, если сделать все это тоньше, а в таком виде это может подействовать на дурные инстинкты и сослужить еще одну плохую службу культуре — прозвучать как фельетон из „Нового времени"».
[123] *Блок А.* Записные книжки. М., 1965. С. 493.
[124] *ЦГАЛИ*, ф. 34.
[125] Там же. Надо сказать, что, заключая договоры, Амфитеатров получал значительные суммы, и его бесконечные жалобы на полное безденежье лишены основания. Кроме того, он получил достаточно крупную, даже по тем временам, сумму за постановку переведенной им пьесы «Рваный плащ». Впрочем, на постоянное безденежье Амфитеатров жаловался часто, как это видно из переписки, несмотря на крупные гонорары. Даже в первом, написанном после начала мировой войны, письме он прежде всего выразил беспокойство по поводу того, что не сможет получить деньги с издательства «Просвещение». См. п. от 11 августа 1914 г.
[126] *В. И. Ленин*. Т. 44. С. 249.
[127] См.: *Амфитеатров А.* Горестные заметки. С. 93.
[128] Защита монархических идей, когда Амфитеатров не только участвовал в парижском «Возрождении», но даже и протестовал на его страницах против перепечатки своего фельетона «Господа Обмановы» во французской прессе, была своего рода «возвращением на круги своя». В 1902 г. из минусинской ссылки Амфитеатров подавал прошение о смягчении наказания. «Верноподданный государю-императору, русский верою и происхождением,— писал Амфитеатров,— я всегда проводил

в печати идеи монархические и строго государственные: деятельность моя как публициста всегда отличалась патриотическим направлением...» (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

[129] Красная газета. Веч. вып. 1925. № 214. 2 сент.; Известия ВЦИК. 1927. № 215. 20 сент.

[130] *АГ.*

[131] *Арх. Г.* Т. XII. С. 247.

[132] Там же. Т. XI. С. 214, 217—218, 245.

1. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Кореиз. Январь, не ранее 16, 1902 г.›

Господину А. Амфитеатрову.

Покорно прошу выслать ваши книги: «Святочная книжка», «Недавние люди», «Столичная бездна»[1] по адресу: *Кореиз.* Таврической губернии. *Олеиз. Е. П. Пешковой*[2].

4 р. 50 к. посланы переводом по почте одновременно с этим письмом.

А. П.

Датируется по п. Пятницкого Горькому от 16 января 1902 г. и п. Горького Амфитеатрову от 24 февраля 1902 г.

[1] Речь идет о книгах Амфитеатрова, вышедших петербургским изд-вом «Т-во художественной печати» в 1901—1902 гг. Все книги, наряду с настоящей фамилией автора, подписаны псевдонимом Old Gentleman (Старый джентльмен — *англ.*): «Святочная книжка» (1902) состоит из записанных или переработанных автором легенд и притч, характеризующих эпоху раннего христианства («Богатырь Христофор. Амельфийская легенда», «Притворщик Матвей» и др.), главы из исторического сочинения Амфитеатрова «Зверь из бездны» — «Рождение непобедимого солнца» (см. следующее письмо, прим. 8), средневековых легенд и повести «Ноэль. Французские святки» и др. Сб. «Недавние люди» (1901) включает статьи о первой поездке Амфитеатрова в Болгарию в 1894 г. («Степан Стамбулов», «Софийское житье-бытье») и фельетоны («Памятник царю Освободителю», «Захарьин», «Московский городской голова Алексеев» и др.). «Столичная бездна. Этюды, листки, типы и картины» (1902) представляет фельетоны и рассказы 1892—1899 гг. В их основе, как пишет автор во вступлении к сборнику, лежат «правдивые житейские истории».

[2] Екатерина Павловна *Пешкова* (1878—1965) — первая жена Горького. См. письма Горького к Е. П. Пешковой (*Арх. Г.* Т. V и IX).

Горький в это время находился в положении политического ссыльного, переписка его перлюстрировалась, поэтому он просил писать ему на имя Е. П. Пешковой.

2. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

Кореиз. 24 февр‹аля› 1902 г.

Александр Валентинович!

С деньгами вышла канитель такого рода: послал я деньги эти в Петербург, на ваше имя, при письме, в котором просил прислать ваши книги. Кто-то получил письмо и выслал мне книги наложенным платежом, а другой кто-то получил перевод и направил его вам. Вот и всё. Деньги эти вы кому-нибудь отдайте — какому-нибудь жигану[1],— пусть выпьет за ваше здоровье. И на том разговор о рублях — покончим.

Вы позвольте мне посоветовать вам — от души, поверьте! — не падайте духом! Такое настроение не гармонирует с большой, крепкой вашей фигурой, которую знаю по портретам.

Не падайте духом, голубчик! Невозможно, чтобы вас держали долго в этом Минусинске[2], уверен, что невозможно это! От недомоганий — можно оправиться, а работать — кто вам мешает? Пишите книгу о Сибири, о Минусинске, о его — говорят — удивительном музее[3]. Смотрите поспокойнее на вашу ссылку — право же, беда невелика! И — опять говорю — долго это не продлится, говорю не только по внутреннему убеждению, но и потому, что слышал,— за вас хлопочут в Питере.

Работайте, пока что главное — чтобы человек был занят. Соберите в кучу ваш талант и опыт и хорошим усилием воли пустите себя в дело.

Подумайте: ведь этот кавардак, происходящий в жизни русской наших дней,— долго продлиться не может. И тем, что будут отливать на окраины России бунтующую русскую кровь по каплям,— ведь не исчерпают взволнованного моря этой крови. Зря только раздражают людей и этим раздражением — весьма возможно — создадут такую сумятицу взаимного непонимания и ожесточения, что — право же — лучше бы теперь же немножно отпустить вожжи. Не тот только силен, кто прет на рожон, но — тот, кто умеет отклонить удар его в сторону.

Глуп медведь, который сам всаживает в себя рогатину, и — вы знаете — не надолго хватает его сил для такого вредного занятия.

Вы, может, думаете: Хорошо тебе, дяденька, рассуждать, сидя на южном-то берегу Крыма[4]. Нет, знаете, нехорошо. Я, вообще, терпеть не могу этого места, а теперь, живя в нем поневоле,— ненавижу его всеми силами души.

Каюсь, что не поехал жить в Арзамас, куда меня посылало начальство. Я — северянин, волгарь, и среди здешней декоративной природы мне — неудобно, как волкодаву в красивой конуре, на цепи. Я не хочу сказать, что поменялся бы с вами местом жительства — зачем врать? — но искренно предпочитаю Крыму — Вятку. Да и в ваши нынешние места попасть — не теряю надежды, зная внимание начальства к русскому писателю вообще и к моей персоне в том числе.

Не грустите же, товарищ, а лучше — затейте-ка работу! Единственное утешение для нашего брата — работать!

За всё, что вы писали обо мне[5],— сердечное спасибо, но — по совести сказать — взгляд ваш на меня мне кажется немножко гиперболичным. Вообще,— поскольку знаю я вас, журналиста,— в писаниях ваших вижу некое преувеличение — должно быть, физическая величина ваша влияет на характер творчества.

Недавно прочитал три ваши книжки: «Недавние люди», «Святочную», «Столичную бездну». В последней — очень хорош рассказ о Нелли Раинцевой»[6]. Порою — со злобой на вас — видел, как вы руками мастера, способного лепить крупные фигуры,— создаете безделушки для забавы сытых и праздных мещан. Простите, не время теперь говорить с вами об этом, но я уж как-то не могу не сказать.

Завтра увижу Чехова и Л<ьва> Ник<олаевича>[7] — скажу им о вас и всегда буду сердечно рад, если смогу чем-либо быть полезным для вас.

Ну, не скучайте же, не падайте духом, работайте! Когда выйдет ваш «Зверь»?[8]

Буду ждать. Напишите, если нужно что-либо.

Крепко жму вашу руку!

А. Пешков

[1] Жиган — вор, бандит (воровской жаргон).

[2] Речь идет о ссылке Амфитеатрова в город Минусинск за опубликование в газ. «Россия» (1902, № 975, 13 янв.) под псевдонимом Old Gentleman фельетона «Господа Обмановы. (Провинциальные впечатления)». В фельетоне была дана в завуалированной форме сатирическая характеристика последних Романовых. Под именами покойного помещика Алексея Алексеевича Обманова, его вдовы Марины Филипповны, их сына Ники-Милуши были изображены император Александр III, вдовствующая императрица Мария Федоровна и император Николай II.

В п. от 16 января 1902 г. Пятницкий сообщал Горькому: «Последняя новость. В январе в „России“ помещен очерк Амфитеатрова „Господа Обмановы“. 15 янв. „Россия“ не вышла. Говорят, что ее закрыли навсегда. Но сегодня в „Правительственном вестнике“ еще не было соответственного сообщения. Редактор Сазонов был немедленно выслан из Петербурга, с запрещением селиться ближе, как на расстоянии 200 верст от столицы (...) Когда Сазонов спросил Шаховского, что же будет с Амфитеатровым, тот ответил: „Он уже в дороге в Иркутск“» (*АГ*).

Публикуя фельетон в журн. «Красное знамя», Амфитеатров подробно рассказал историю его создания и последовавших за этим событий (Красное знамя. Париж. 1906. № 1, 5).

В ст. «Признаки банкротства» (Искра, 1902. № 17. 15 февр.) В. И. Ленин, называя Николая II Николаем Обмановым, писал: «Это *социальное* банкротство монархии гг. Обмановых не менее поучительно, чем ее *политическое* банкротство» (*В. И. Ленин.* Т. 6. С. 279). И через месяц в ст. «Письмо к земцам» (Искра. 1902. № 18. 10 марта) сообщал: «Огласим новую пощечину царям-Обмановым. Эта пощечина тем интереснее, чем „солиднее" люди, ее дающие» (Там же. С. 356).

В *ЛБГ* хранится отдельное издание фельетона: *Амфитеатров.* Господа Обмановы / С предисл. Гл. 2-я. Берлин: изд-во И. Рэде, 1902 (*Описание*).

Фельетон «Господа Обмановы» Горький считал в значительной степени данью общественной конъюнктуре. Он писал Пятницкому (24—25 янв. 1902 г.): «Амф(итеатрова) фельетон — пошлость, плоское благерство. Думаю, что сей сеньор тиснул эту штуку по такому расчету: была у них в „России" помещена статья по поводу 25-летия служения в чинах Д. Сипягина. Статья — лакейская. Пожелали — реабилитацию устроить себе в глазах публики. И — вот. Я рад, что Амф. послали в Иркутск, быть может, он там будет серьезнее. Он все же — талант, хотя грубый, для улицы, для мещанина» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 72).

[3] Амфитеатров осуществил совет Горького, выпустив сборник рассказов и очерков «Сибирские этюды» (СПб., изд-во «Общественная польза», 1904). В предисловии «От автора» он отмечал: «Спокойно и без предубеждения записал я, что видел в степном краю Восточной Сибири и слышал от людей ее...» (с. 1). Главы о Минусинске и его музее в сборнике нет, но в очерке «Лесное умертвие» говорится о роли города в экономическом развитии края.

«Минусинский публичный местный музей» (ныне Краеведческий музей) был основан в 1877 г. на общественных началах учеными и общественными деятелями Н. М. Мартьяновым, Т. Н. Сайлотовым, А. В. Малининым, И. Г. Гусевым, П. П. Сафьяновым и др. В 1895—1896 гг. музей принимал участие во Всероссийской торгово-промышленной выставке в Нижнем Новгороде. Его богатейшие коллекции были размещены в павильоне Восточной Сибири. Горький в это время был корреспондентом «Самарской газеты» на выставке. Кроме того, ему могла быть известна кн. Ф. Я. Кона «Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877—1902)» (Казань, 1902).

[4] В ночь с 16 на 17 апреля 1901 г. Горький был арестован за революционную деятельность и заключен в нижегородскую тюрьму, 17 мая освобожден из тюрьмы под надзор полиции. По ходатайству родных и врачей осенью 1901 г. Горькому было разрешено выехать в Крым для лечения. 12 ноября 1901 г. он приехал в Ялту и на некоторое время получил приют на даче Чехова в деревне Аутка (ныне поселок им. А. П. Чехова). 19 ноября вместе с семьей писатель переехал в Олеиз, где поселился на даче Ф. И. Токмакова «Нюра». В Крыму Горький находился до 23 апреля 1902 г. В мае он приехал на место своей ссылки в Арзамас, где пробыл до конца июля 1902 г.

[5] Амфитеатрову принадлежала одна из ранних рецензий на первый том «Очерков и рассказов» Горького (СПб., изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1898). В цикле «Литературный альбом», публиковавшемся в газ. «Россия», Амфитеатров также писал о Горьком, подчеркивая огромное значение его творчества для современной общественной и литературной жизни (1900, № 301, 26 февр.; № 374, 11 мая). Под рубрикой «Театральный альбом» были напечатаны рецензии на инсценировку романа Горького «Фома Гордеев» (1901, № 227, 23 нояб.; № 229, 25 нояб.). См. также предисловие к переписке.

[6] Рассказ «Нелли Раинцева» написан от лица девушки, ставшей жертвой разврата, лицемерной морали и бездушного отношения к человеку в буржуазной среде.

[7] В течение января—апреля 1902 г. Горький, живя в Крыму, неоднократно встречался с Толстым и Чеховым.

Чехов писал Амфитеатрову 27 февраля 1902 г.: «Многоуважаемый Александр Валентинович, я только что узнал, что Вы в Минусинске. Будьте добры, напишите мне в Ялту, не нужно ли Вам чего-нибудь, не могу ли я быть полезен и проч., и проч.» (*Чехов. Письма.* Т. 10. С. 199).

О полученном от Горького письме Амфитеатров сообщал Чехову 17 марта 1902 г.: «Вскоре по приезде в Минусинск я написал письмо Горькому — должно быть, очень мрачное, потому что в ответе своем он старательно и нежно меня утешает. К сожалению, в моем настоящем положении есть подробности, коих никакими утешениями нельзя избыть, и зависят они не от моего нынешнего бедствия, а от широкой разбросанности недавней моей жизни, так внезапно и основательно вывернутой наизнанку (...) Пишут мне из России, что Москва полна баснями и клеветами на мой счет, приняла известие о моей ссылке чуть ли не с ликованием. Не знаю, что́ еще можно обо мне клеветать и баснословить, и удивляюсь ликующим (...) Естественно развивающаяся в ссылочном отдалении подозрительность тер-

зала меня московскими слухами очень, и я был искренно счастлив вчера, получив письмо от Вас и Горького, как свидетельства, что не весь же русский мир для меня под потопом, и есть где-то сухой и прекрасный Арарат...» (*ГБЛ*).

[8] Вопрос Горького был вызван, по-видимому, тем, что в «Святочной книжке» Амфитеатрова была напечатана глава из его кн. «Зверь из бездны», о чем автор сообщал в предисловии: «„Рождество непобедимого солнца" представляет собою главу из большого моего труда, отрывки из которого печатались в „СПб. ведомостях" под разными заголовками...» Работа над «историческим сочинением» «Зверь из бездны» была начата в 1898 г. и продолжалась в течение многих лет. В ст. «От автора», предваряющей первую полную публикацию книги, Амфитеатров сообщал: «„Зверь из бездны" был почти готов и объявлен к выходу еще в 1902 г., но вместо того чтобы заняться этим изданием — мне пришлось отправиться в ссылку, а два года спустя переселиться за границу» (*Амфитеатров А.* Зверь из бездны. Ист〈орическое сочинение〉 в 4-х т. СПб.: изд-во «Просвещение», 〈1911〉, Т. 1. С. XXVII—XXVIII). Экземпляр с пометами Горького хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

3. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

〈Майоренсгоф. 20 или 21 февраля 1905 г.〉

Спасибо вам, Александр Валентинович, за ваше письмо! [1] Искреннее и сильное, оно глубоко тронуло меня; я крепко жму вашу руку и — кстати уж! — позволю себе сказать вам, что за последнее время, читая ваши смелые, яркие статьи [2], — и я полюбил вас.

Письмо ваше я получил уже на свободе, ибо во узилище никаких сведений с воли не допускают — это принцип. Его проводят с жестокой строгостью: я был арестован в Риге 11-го [3], только что приехавши из Питера и вернувшись из больницы, где оставил Марию Федоровну [4] буквально при смерти. Мне не разрешили зайти к ней проститься, несмотря на просьбы об этом мои и представления лечившего ее доктора, и я отправился в крепость с мучительным убеждением, что уже не увижу более никогда этого чудесного и родного мне человека, а я люблю и уважаю его всей душой. И в течение 9-и суток мне не давали никаких вестей о положении М. Ф., что было несколько похоже на пытку. Я не жалуюсь, но невольно возникает простая и тяжелая мысль: если ко мне возможно такое отношение, как же относится начальство к рабочему или работнице, попавшим в его руки? И — становится страшно за людей.

Если не считать первых дней заключения, полных тревоги за М. Ф., я просидел свой месяц хорошо, даже написал за это время трагикомедию «Дети солнца» [5], которая, кажется, удалась мне, но отобрана у меня Департ〈аментом〉 полиции «для просмотра». Очень беспокоит меня судьба этой рукописи, ибо кажется мне, что оный Депар〈тамен〉т населен какими-то дикарями, для которых сжечь рукопись — нетрудно. В тюрьме я несколько отдохнул от «впечатлений бытия» и разобрался в них. 9-го я с утра до вечера был на улицах Питера и видел, как русские солдатики, защищая «престол-отечество», убивали безоружных людей и — кстати — убили престиж самодержавия.

Последнее — верно, дорогой Ал. Вал. Зная отношение нашего народа к этому предрассудку, я не могу допустить преувеличения в данном случае. Но я слышал тысячеголосые проклятия по адресу царя, слышал, как его называли убийцей старики, дети и женщины — люди, которые, за несколько часов до убийства их близких и знакомых, мирно шли к своему царю и несли в руках его портреты, портреты его жены, хоругви, и вел их — священник [6]. Мне хорошо известно было, что 7-го и 8-го рабочие были настроены верноподданнически, и 8-го ночью я говорил об этом Витте [7] как о факте, за который ручаюсь честью. В общей массе десятков тысяч сотни рабочих-революционеров не играли роли вплоть до 9-го числа, до выстрелов, а после убийств — они встали во главе движения, и это — естественно. Верноподданническое настроение было

М. Ф. АНДРЕЕВА НА ВИЛЛЕ «СЕТТАНИ»
Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1907
Музей Горького, Москва

убито защитниками самодержавия — вот глубокий смысл события 9-го января. И это событие одинаково отзывается всюду в России. В трехсотлетней китайской стене самодержавия пробита брешь, которую не замазать 50 тысячами, даже если увеличить их в 1000 раз[8].

О себе скажу, что тюрьма всегда имела для меня два отрицательных качества — немного расстраивала здоровье и сильно увеличивала популярность. Последнее,— говорю не рисуясь, столько же мешает жить, как и нездоровье. Выпустили меня под залог в 10 т〈ысяч〉 р〈ублей〉 и обязали подпиской о невыезде из Петербурга, а вслед за тем немедленно выслали по настоянию Трепова[9]. Хотят судить[10], чему я очень рад. Употреблю все усилия для того, чтобы обратить этот суд в веселую панихиду по самодержавию, которое раньше казалось мне бессмысленной привычкой к власти, а ныне стало преступным сообществом, имеющим целью угнетение России. Жду вашего письма к Ж〈оресу〉[11], вышлите его на контору[12], пожалуйста. Еще раз — крепко жму вашу руку.

А. Пешков

Майоренсгоф, Риго-Туккумской дороги, пансион Кевич. Письма все распечатываются и адресованные на имя М. Ф. тоже. Пишите на «Знание», Пя‹тницком›у, К. П.

Не найдете ли вы возможным поблагодарить от моего имени итальянцев за их отношение ко мне? Нельзя ли напечатать в какой-нибудь приличной римской газете что-нибудь вроде следующего:

«Я очень тронут отношением итальянцев ко мне, это отношение дает мне возможность верить, что наступит время, когда каждый акт насилия над человеком за его мнение всюду на земле будет вызывать единодушный взрыв негодования и протеста против насильников. Пусть же растет на земле сознание духовного родства всех со всеми и уважение к человеку, к его свободе мыслить, к его праву любить истину и бороться за торжество ее!

М. Горький»[13].

Передайте мой глубокий, искренний привет Георгу Брандесу и крепко пожмите ему руку. Люблю яркий ум этого человека. Помню, я читал его книгу[14] по ночам в булочной, посадив хлеб в печь и стоя перед нею. И бывало так, что хлебы пригорали, а пекарь Коновалов[15] ругал меня за это, но я никогда не сердился на Брандеса за то, что он так увлекательно пишет, и по сей день благодарен ему за минуты забвения — минуты счастья в моей жизни того времени.

Всего доброго, А. В.!

Бодрости духа!

Датируется по п. Горького Пятницкому от 20—21 февраля 1905 г., к которому было приложено для пересылки публикуемое письмо: «Посылаю письмо для Амфитеатрова, надеясь, что оно доедет до него» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 175), и по дате возвращения Горькому Департаментом полиции рукописи пьесы «Дети солнца» — 23 февраля 1905 г. См. прим. 5.

[1] Упоминаемым письмом Амфитеатрова, как и последующими его письмами Горькому до 1908 г., за исключением п. от декабря 1905 г., *АГ* не располагает.

[2] Очевидно, речь идет о ст. Амфитеатрова, печатавшихся в газ. «Русь» в январе—феврале 1905 г. под рубрикой «Зарубежные отклики» (в это время Амфитеатров находился в Италии). В № 11 (18 янв.) была напечатана статья, разоблачавшая царскую цензуру. Автор приходит к заключению: «...здесь нет закона, ни правил, ни здравого смысла». Русская литература должна укладываться в Прокрустово ложе цензуры. «Один лежит на Прокрустовом ложе с титаническим ревом, как Максим Горький, другой — с тихим грустным стоном, как Антон Чехов, но искалечены Прокрустовым ложем все» (с. 1). В следующей статье (№ 26, 2 февр.) Амфитеатров сообщает об огромном революционном подъеме в Италии. «Сейчас римская публика,— писал он,— ходит в театр не столько ради театральных зрелищ, а для политических манифестаций в честь Максима Горького. Именем его полна Италия (...) Социалистические и республиканские круги взволнованы боязнью за судьбу Максима Горького». Революционизирующей роли Горького для русского общества и русской литературы посвящена статья в № 32 (8 февр.). «Жизнь пролетариата,— писал Амфитеатров,— открытая для русской читающей публики Максимом Горьким как некий новый мир, с тех пор победоносно владеет воображением наших молодых писателей...» В качестве примера Амфитеатров разбирает книгу «На дне Одессы», принадлежавшую перу молодого автора, выступавшего под псевдонимом Кармен.

[3] Горький был арестован по обвинению в «государственном преступлении» 11 января 1905 г. в Риге и 12 января заключен в Петропавловскую крепость, в одиночную камеру Трубецкого бастиона. 12 февраля, после медицинского освидетельствования, по состоянию здоровья переведен в С.-петербургский дом предварительного заключения. 14 февраля освобожден из тюрьмы под залог 10 тысяч рублей (внесены К. П. Пятницким из средств товарищества «Знание») и выслан из Петербурга. Вечером того же дня под конвоем доставлен на Балтийский вокзал, оттуда вместе с М. Ф. Андреевой выехал в Ригу, а затем — на Рижское взморье (*ЛЖТ*. Вып. 1. С. 506—518; *Революция 1905—1907 годов и литература*. С. 257—265).

[4] Мария Федоровна *Андреева* (1868—1953) — вторая жена Горького, актриса Московского Художественного театра, член РСДРП с 1904 г. Принимала активное участие в революции 1905 г. См. о ней в кн.: *М. Ф. Андреева*.

[5] 2 февраля Горький сообщил М. Ф. Андреевой, что собирается писать пьесу. По-видимому, к 14 февраля пьеса была закончена, так как рукопись ее была

передана комендантом крепости в Департамент полиции. 23 февраля Департамент полиции возвратил рукопись, и Пятницкий переслал ее Горькому. 27 февраля 1905 г. Горький писал ему из Майоренсгофа: «А вам за то, что вы так скоро выручили рукопись из пасти адовой,— низкий поклон и глубокая благодарность. Страшно рад и сейчас же сажусь за отделку» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 177). Пьеса «Дети солнца» впервые напечатана в VII *сб. «Знания»* за 1905 г.

[6] Георгий Аполлонович *Гапон* (1870—1906) — священник, организовавший и возглавивший шествие петербургских рабочих к царю 9 января 1905 г. Был разоблачен как провокатор, связанный с Департаментом полиции, судим группой эсеров и повешен 28 марта 1906 г. в Озерках под Петербургом. Горький познакомился с Гапоном после расстрела рабочих 9 января и содействовал его бегству за границу, откуда Гапон вернулся осенью 1905 г. В очерке «Поп Гапон», написанном в Америке, Горький рассказал о своих отношениях с Гапоном. В это время он уже не питал никаких иллюзий относительно политического лица Гапона, но поставил своей задачей рассказать о нем правду американским читателям. В Америке очерк не был опубликован. Впервые напечатан: *Арх. Г.* Т. VI.

[7] Сергей Юльевич *Витте* (1849—1915) — в 1905—1906 гг. председатель Совета министров, один из главных организаторов подавления революции 1905 г.

8 января 1905 г. Горький вместе с депутацией деятелей культуры был у товарища министра внутренних дел К. Н. Рыдзевского и С. Ю. Витте. Депутация требовала принять меры для предотвращения столкновения войск с рабочими. Горький вспоминал, что на заявление Витте — «Мнение правящих сфер непримиримо расходится с вашим, господа» — Горький ответил: «Вот мы и предлагаем вам довести до сведения сфер, что, если завтра прольется кровь,— они дорого заплатят за это» («Савва Морозов» — *16*, 518).

В. И. Ленин откликнулся на арест Горького и других членов депутации в ст. «Трепов хозяйничает», напечатанной 25 января/7 февраля 1905 г. в нелегальной большевистской газ. «Вперед» (Женева), 1905, № 5): «Свирепая расправа со всеми недовольными сделалась лозунгом правительства после 9-го января (...) Аресты посыпались как из рога изобилия (...) Арестованным членам депутации — Гессену, Арсеньеву, Карееву, Пешехонову, Мякотину, Семевскому, Кедрину, Шнитникову, Иванчину-Писареву и Горькому (взят в Риге и отвезен в Петербург) — предъявили нелепейшее обвинение в намерении сорганизовать „временное правительство России" на другой день после революции. Понятно, что это обвинение падает само собой (...) За границей началась энергичная кампания среди образованного буржуазного общества в пользу Горького, и ходатайство пред царем об его освобождении было подписано многими выдающимися германскими учеными и писателями. Теперь к ним присоединились ученые и литераторы Австрии, Франции и Италии» (*В. И. Ленин.* Т. 9. С. 238—239).

[8] Речь идет о займе, который собиралось сделать царское правительство у империалистических держав, прежде всего у Франции. В 1905 г. В. И. Ленин в ст. «Европейский капитал и самодержавие» писал: «Социал-демократическая печать указывала уже неоднократно, что европейский капитал спасает русское самодержавие. Без иностранных займов оно не могло бы держаться (...) И французские буржуа ссудили самодержавному правительству маленькую сумму *миллиардов в десять франков* (до 4000 миллионов рублей)» (*В. И. Ленин.* Т. 9. С. 372).

В 1906 г., агитируя против предоставления займа царскому правительству (воззвание «Не давайте денег русскому правительству!»), Горький основывался на большевистской оценке политической роли внешних займов царского правительства.

[9] Дмитрий Федорович *Трепов* (1855—1906) 22 января 1905 г. был назначен петербургским генерал-губернатором, а затем получил дополнительно должность товарища министра внутренних дел, с расширенными полномочиями диктатора; руководил подавлением революции 1905 г., издал известный приказ от 14 октября 1905 г.: «Холостых выстрелов не давать, патронов не жалеть» (*Революция 1905—1907 годов и литература.* С. 242).

[10] Суд над Горьким по делу 9 января был назначен на 3 мая 1905 г., но под давлением русской общественности и международных протестов отложен на несколько месяцев и не состоялся. См. Г—Гр, п. 1, прим. 1.

В п. к Пятницкому от 10/23 апреля 1905 г. Амфитеатров рассказал о широкой волне протеста, захватившей Европу в связи с арестом Горького и предстоящим судом над ним. Особо он отметил роль итальянской газ. «Avanti» (центральный орган социалистической партии Италии, основан в 1896 г.): «...журнал очень много поработал для возбуждения общественного мнения в защиту Ал. М., когда он был арестован. Он главный виновник того, что итальянские демонстрации pro Gorki оказались самыми яркими в Европе. Здесь идет огромная агитация за открытие дверей в процессе Ал. М. Есть в ней капля и моего меду, и горжусь, что она была первая и с нее пошло дело. 1-го мая, по всей вероятности, будет в этом направлении рабочая демонстрация (...) Ужасно я жалею, что не было у меня личных отношений с Горьким, а всегда только хорошая переписка. Вы вообразить себе не можете, как здесь интересуются каждым его словом, каждым шагом, каждою мельчайшею о нем подробностью. Если можно, напишите мне, пожалуйста, как он

и что теперь... Откровенно говоря, я очень волнуюсь судьбами А. М. лично. Да рассчитываю, что если буду au courant* его положения в России, то это будет небесполезно для него, потому что тогда я каждою новостью буду толкать всяких Жеро Ришаров и Люсьен Эров, чтобы они орали во все глотки, и дело оставалось бы на свету все время — без всякой возможности обработать его в потемках, под шумок, когда затевается контроль европейского общественного мнения» (*АГ*).

[11] Нелегальное гектографированное издание: *Амфитеатров Ал.* Франко-русский союз и 9 января. (Письмо к Жану Жоресу). Женева, 1905.

[12] Речь идет о конторе Книгоиздательского товарищества «Знание».

Константин Петрович *Пятницкий* (1864—1938) — директор-распорядитель изд-ва «Знание». См.: *Арх. Г.* Т. IV,— где опубликованы письма Горького к Пятницкому.

[13] В газ. «Avanti» (1905, № 2996, 5 апр.) под редакционным заголовком было опубликовано «Обращение А. М. Горького к народу Италии. Пролетариям Италии». Текст этого обращения отличается по стилю от текста, публикуемого в данном письме. См.: *Арх. Г.* Т. VIII. С. 267,— где дан перевод «Обращения» из «Avanti».

[14] Георг *Брандес* (1842—1927) — датский писатель, литературовед и литературный критик, активно участвовал в кампании протеста против ареста Горького в 1905 г. Переписка Горького с Г. Брандесом опубл.: *Арх. Г.* Т. VIII. С. 216—218.

Можно предположить, что в это время Горький мог читать книгу Брандеса: *Брандес Г.* Главные течения литературы девятнадцатого столетия / Пер. с нем. М.: изд. Адольфа Шродтмана, 1881. Ч. 1—2 — *ЛБГ* (*Описание*). Кроме того, в *ЛБГ* хранятся кн.: *Брандес Г.* Литература XIX века в ее главнейших течениях: Английская литература. Натурализм в Англии. Озерная школа. Байрон и его группа / Пер. с нем. М. Иолшина. СПб.: изд. Ф. Павленкова, 1898; Новые веяния: Литературные портреты и критические очерки, с прилож. автобиографии Г. Брандеса и его характеристики / Пер. Э. К. Ватсон. СПб.: изд. журн. «Пантеон литературы», 1889 (*Описание*).

[15] В 1885—1886 гг. Горький работал подручным пекаря А. В. Коновалова в крендельном заведении Семенова в Казани. См. рассказ «Коновалов».

4. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Париж. Декабрь 1905 г.)

Многоуважаемый Алексей Максимович.

У меня к Вам большая просьба. С 1-го января начинаю в Париже издавать газету «Зарубежная Россия» [1], сперва еженедельную, потом рассчитываю перевести издание в ежедневное. Буду сражаться с монархическим конституционализмом всех красок и проповедовать идеи федеративной республики, с автономными народностями и правительствующим конгрессом; буду стоять за безсословность, переделы, женские права, суд над династией. Я был бы Вам чрезвычайно благодарен, если бы Вы нашли возможным дать мне небольшой рассказ либо стихотворение в прозе, которые Вам так блестяще удаются. И, вообще, издание — к Вашим услугам для всего, что Вам надо будет сказать на Западе: наиболее важные статьи будут выходить по-русски и по-французски. Денег у меня очень мало, и потому сейчас не осилю заплатить Вам как следует, но в течение полугода расплачусь, какие бы условия Вы ни поставили. Быть может, Вы нашли бы возможным написать несколько строк, и чем резче, тем лучше, по поводу тех ловких подтасовок, которыми «Eclair», «Echo de Paris», «Libre Parole» и «Liberté» [2] записали Вас в лагерь антисемитов. Я напечатал бы это с огромным и особенным удовольствием, потому что если бы Вы знали, сколько об этом разговора и как взволновалось заграничное еврейство да и вообще Ваши поклонники! [3]

К сотрудничеству я, кроме Вас, никого еще не звал в России, а хотел бы позвать Андреева [4] и Бальмонта, потому что высоко ценю таланты обоих, но не знаю, как они ко мне относятся и выйдет ли из этого предложения прок, а «нарываться» не хочется: и без того на душе царапин много. Если не пойдете Вы, то никого и не стану звать: буду, по обыкновению, один.

---

* в курсе (*фр.*).

Печатается по неоконченному черновому автографу. Датируется по фразе: «С 1-го января начинаю в Париже издавать газету».

[1] Печатный проспект еженедельной политической и литературной газ. «Зарубежная Россия» (оттиск) хранится в *ЦГАЛИ*, ф. 34. Издание газеты осуществлено не было. Программа газеты совпадает с программой журнала, объявленной в № 1 «Красного знамени» (1906), в статье «От издателя». См.: Г—А, п. от мая, не ранее 19, 1906 г., прим. 6.

[2] «L'Eclair», «L'Echo de Paris», «Libre Parole», «Liberté» — буржуазные французские издания.

[3] Распространение в зарубежной печати клеветнических обвинений Горького в антисемитизме было спровоцировано газ. «Новое время», и в частности ее зарубежным корреспондентом Диллоном. В п. Е. П. Пешковой из Финляндии (6 янв. 1906 г.) Горький писал: «Черносотенная пресса травит меня вовсю. Диллон, корреспондент Дейли Телеграф, получающий от Витте 12 т⟨ысяч⟩ в год, дал телеграмму по всем агентствам Европы, что я — антисемит» (*Арх. Г.* Т. V. С. 170). Эти инсинуации были вызваны стремлением реакционных сил России дискредитировать первую легальную большевистскую газ. «Новая жизнь», выходившую в Петербурге с 27 октября по 3 декабря 1905 г. (с девятого номера ею руководил В. И. Ленин). Горький был одним из ведущих ее сотрудников. В первых номерах газеты печатались ряд статей и писем, призывающих к защите еврейского населения и интеллигенции от черносотенных банд, организуемых полицией под покровительством Витте. Так, в «Воззвании Союза союзов» (1905, № 2, 28 окт.) говорилось: «Граждане! По городу раздаются листки с приглашением избивать евреев и так называемую интеллигенцию, т. е. образованных людей. Вас приглашает к этому полиция. Граждане! Не верьте тем, кто зовет вас на разрушение и убийства. Нам всем один путь, одна дорога, пока мы не завоюем свободы...»

30 октября/12 ноября 1905 г. газ. «Новое время» (№ 10647) под рубрикой «Телеграммы наших корреспондентов» оповестила, что в заграничной прессе появились сообщения об антисемитизме Горького. Клеветнически извращая материалы «Новой жизни» в защиту еврейского населения от черносотенцев, «Новое время» «представляло эти материалы как призывы к насилиям против евреев».

Горький разоблачил эту провокацию в «Письме редактору ⟨Нового времени⟩», напечатанному в газ. «Новая жизнь» (1905, № 7):

«В № 10647 „Нового времени“ помещена корреспонденция из Лондона. Между прочим, в корреспонденции этой есть такие слова:

„Здесь произвела большое изумление весть, что М. Горький — антисемит (?) Популярность его вдруг упала, *зато многие подумали, что у еврейского вопроса есть обратная сторона.*

Не может ли „Новое время“ спросить своего корреспондента, откуда он почерпнул эту лживую „весть“. И не объяснит ли он смысл подчеркнутой мною фразы? В ней ясно чувствуется какой-то гнусный намек — одна из бесчисленных выходок против евреев. Но честному человеку трудно понять, в чем дело?

Всегда смелый в провокации, всегда беззастенчивый в травле евреев — быть может, орган А. Суворина-отца на этот раз откровенно изложит, что именно хотел сказать его корреспондент темными словами: „*Зато многие подумали, что у еврейского вопроса есть обратная сторона*“. Какая же это „обратная сторона“?

М. Горький».

На последующие инсинуации «Нового времени» и других газет Горький не отвечал. «Особенно раздражает их то,— писал он Е. П. Пешковой,— что я не возражаю на все инсинуации, они даже письма присылают с вызовами — почему же вы не отвечаете, когда про вас говорят и пишут такие вещи? Молчу» (*Арх. Г.* Т. V. С. 170).

[4] Позже, 22 марта 1906 г., в ответ на приглашение участвовать в «Красном знамени» Л. Н. Андреев сообщал: «...Все, что я в этом году написал, уже разобрано, а писать больше не могу — устал ⟨...⟩ Это можно бы — но стоит ли, особенно после Горького? Горький сам — Красное знамя, а я — Красный смех, нечто в политическом смысле никакого значения не имеющее. Правда, по существу моей литературной деятельности — я революционер,— но это не то революционерство, которое требуется моментом ⟨...⟩ Горький вчера уехал в Америку ⟨...⟩ Нужна программа, нужна определенность, нужна наглость, а ничего этого у меня нет. Я даже ни к какой партии не принадлежу» (*ЛН.* Т. 72. С. 518).

[5] Константин Дмитриевич *Бальмонт* (1867—1942) — поэт-символист. Начиная с 1896 г. Горький пристально следил за творчеством Бальмонта, о чем свидетельствуют его письма к Е. П. Пешковой (*Арх.* Г. Т. V). В 1901 г. Горький сообщал в п. к В. А. Поссе: «Познакомился с Бальмонтом. Дьявольски интересен и талантлив этот нейрастеник! Настраиваю его на демократический лад...» (*XXVIII*, 199). Бальмонт принял активное участие в издании журн. «Красное знамя».

5. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Глион. Март, не ранее 21, 1906 г.)

См. публикацию Д. Нормана и В. Эджертона.

6. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Глион. Март, после 23, 1906 г.)

См. публикацию Д. Нормана и В. Эджертона.

7. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Париж. 3 апреля 1906 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Извиняюсь — сам явиться к Вам не могу — страшно некогда!
Очень прошу — придите!
Или к 11-ти утра — буду ждать до ½ 12-го — или к 6-ти — жду до ½ седьмого.

Отель Терминус, 115, возле вокзала Сен-Лазар.

А о том, что я здесь,— никому не говорите[1] — очень прошу!
И будет лучше, если утром придете.
Жму руку

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова А. Франсу от 3 апреля 1906 г. (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

[1] Горький и М. Ф. Андреева поехали в Америку по специальному заданию большевистской фракции ЦК РСДРП. Целью поездки было ознакомление трудящихся Европы и Америки с правдой о русской революции, агитация против предоставления займов царскому правительству и сбор средств для партийной кассы большевиков. Поездка была организована Л. Б. Красиным. По первоначальному плану сопровождать Горького и Андрееву должны были В. В. Воровский или М. М. Литвинов, но на последнем этапе это было поручено Н. Е. Буренину (*Буренин Н. Е.* Поездка в Америку в 1906 году//*М. Горький в эпоху революции 1906—1907 годов*).

В Америку Горький выехал из Финляндии. Незадолго до отъезда он сообщал Е. П. Пешковой в Ялту о грозящем ему аресте: «Начальство обнаруживает явное желание изловить меня (...) а потому я отправляюсь за рубеж. Сейчас сижу в одном укромном месте, а на днях уже двинусь по морю в Швецию» (*Арх. Г.* Т. V. С. 171). Отъезд Горького совершился втайне. Сопровождаемый верными друзьями-финнами, писатель вместе со своими спутниками на санях приехал в порт Турку, где была организована охрана, которая обеспечивала безопасность посадки на корабль (*Федоров В. Г.* М. Горький и Финляндия // Скандинавский сборник. М., 1963. Т. VI). Через Швецию, Германию и Швейцарию Горький прибыл в Париж 3 апреля 1906 г., где он также мог опасаться выдачи его царскому правительству. 5 апреля 1906 г. Горький и его спутники приехали из Парижа в Шербург, откуда они отбыли в Нью-Йорк на пароходе «Фридрих Вильгельм Великий».

8. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Нью-Йорк. Май, не ранее 19, 1906 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Ряд причин побуждают меня отказаться от предложения приехать в Париж. 19-го мой митинг в Филадельфии, 21-го — Бостоне и Нью-Йорке[1] и т. д. Мои дела здесь несколько медленнее двигаются, чем я думал, что понуждает меня прожить здесь до поры, пока не выгонит полиция[2] или я не уеду, сделав свое дело в лучшем виде. Ехать же теперь во Францию — сомнительное удовольствие и едва ли большая польза. Видимо, у француза не только денежная единица, но и душа — мелка[3]. К тому же я написал некое «Интервью с Францией»[4], и у меня

нет надежды, что после того, как оно явится в печати,— мое лицо будет приятно для французов. Я теперь пишу «Книгу интервью». В ней — мои беседы с Василием Федоровичем немецким, с Францией, Николаем II, с *миллиардёром*, Прометеем, Агасфером, мертвецом, профессиональным грешником[5] и прочими любопытными субъектами.

Америка — это страна, в которой хочется иметь четыре головы и 32 руки, чтобы работать, работать, работать! Чувствуешь себя бомбой, которая постоянно разрывается, но так, что содержимое вылетает, а оболочка — цела. Ей-богу — это чудесная страна, для человека, который может и хочет работать!

Жму вашу руку. Жду вашего журнала[6], он вышел? Поклон супруге[7].

Мой адрес: N. Y. Staten Island

Mr. Джон Мартин (J. Martin)

Grumes Hill

Письмо без подписи. Датируется по упоминанию о предстоящих выступлениях Горького на митингах и сообщению о завершении работы над очерком «Прекрасная Франция».

[1] В Филадельфии Горький выступил на митинге в Большой опере 28 мая с докладом на тему «Царь, Дума и народ». В Бостоне митинг состоялся 30 мая. Горький произнес речь на ту же тему. Оба митинга прошли с огромным успехом. См.: *Бродская С. Я.* О деятельности М. Горького в Америке в 1906 году (по материалам американской печати) // *М. Горький в эпоху русской революции 1905—1907 годов*. Там же приведен сокращенный текст доклада «Царь, Дума и народ» по публикациям в американской прессе. *АГ* текстом не располагает. Предполагаемый митинг в Нью-Йорке не состоялся (*Арх. Г.* Т. VII. С. 141).

[2] По-видимому, намек на травлю Горького, которую организовали реакционные круги американской буржуазии совместно с тайной агентурой царского правительства при поддержке русского посольства и находившихся в то время в Америке представителей партии эсеров. Внешним поводом для травли послужил тот факт, что брак Горького с М. Ф. Андреевой был гражданским. Действительной причиной травли было стремление дискредитировать Горького и помешать его деятельности в США. По этому поводу Горький сообщал Пятницкому: «Расскажу, кратко, о скандале, известном вам. Подняла его газета „World", по поручению российского посольства, подхватили уличные газеты и — пошла писать Америка! Я подогрел дело, послав в Колорадо телеграмму безвинно и незаконно арестованным двум социалистам, которых правительство очень желает повесить» (телеграмма Горького Вильяму Хейвуду и Чарльзу Мойеру, возглавлявшим Западную федерацию горняков, которые были брошены в тюрьму по ложному обвинению в убийстве губернатора штата Айдахо). «Это обидело Рузвельта, который желал видеть меня в Белом доме. Обиделись и буржуа» (п. от 13/26 апр. 1906 г.— *АГ*).

Об этом же писал Горькому Н. Стоун: «Я тут условился немедленно по Вашем приезде с некоторыми американцами из высшего общества об устройстве ряда приемов в Вашу честь в американских салонах, на которых мы рассчитываем собрать немало денег на русскую революцию. Предполагалось начать с приема у президента. *Когда наш знакомый отправился к президенту переговорить об этом, это было в то самое утро, когда газеты опубликовали Вашу телеграмму Мойеру и Хэйвуду. Это разозлило Рузвельта, и он по этой причине отказался от приема*» (*АГ*).

Горького и М. Ф. Андрееву выселили из отеля «Бельклер», в котором они жили по приезде в Нью-Йорк. Временное пристанище они нашли в клубе молодых писателей на Пятой авеню. В связи с этим Горький получил много писем и телеграмм от американцев, выразивших желание принять его и М. Ф. Андрееву. Среди этих приглашений было письмо Престонии Мартин и ее мужа, которые предлагали Горькому и М. Ф. Андреевой поселиться в их доме. Приглашение было принято. С 21 апреля и до отъезда из Америки Горький и Андреева жили в доме Престонии и Джона Мартин на острове Стейтен Айленд (один из островов в заливе Нью-Йорка). Лето 1906 г. (с июня по конец августа) провели на вилле Мартинов в горах Адирондака (вилла Саммер Брук).

[3] Намек на то, что во Франции имела хождение старинная монета су, равная одной двадцатой франка (изъята из обращения в 1947 г.).

[4] Речь идет о памфлете «Прекрасная Франция», явившемся откликом на получение царским правительством французского займа. Написан в мае (до 23) 1906 г. в Нью-Йорке, вошел в цикл «Мои интервью».

26 августа 1906 г. памфлет появился в берлинской социалистической газ. «Vorwärts» (№ 198, 1-е приложение), откуда, по-видимому, был перепечатан во французских газетах. С 27 августа во французской прессе началась кампания про-

тив Горького, которого французские журналисты обвинили в клевете. Горький ответил на эти выступления статьями «Открытое письмо господину А. Олару» и «Открытое письмо господам Ж. Ришару, Жюлю Кларети, Рене Вивиани и другим журналистам Франции», напечатанными в газ. «Юманите» (1906, № 968, 11 дек.) и в журн. «Красное знамя» (1906, № 6) под общим редакционным заголовком «Моим клеветникам». Публикация сопровождалась редакционным примечанием: «Наш знаменитый товарищ Максим Горький обратился к нам с этими двумя письмами в ответ на язвительные нападки, объектом которых он стал в связи с его произведением „Прекрасная Франция",— нападки, которые ему не были ранее известны, ввиду его совсем недавнего возвращения из Америки».

[5] В окончательную редакцию цикла очерков «Мои интервью» вошли: интервью с Василием Федоровичем (Вильгельмом II) («Король, который высоко держит свое знамя»), Николаем II («Русский царь»), Францией («Прекрасная Франция»), миллиардером («Один из королей республики»), мертвецом («Хозяева жизни»), грешником («Жрец морали»). Интервью с Агасфером и Прометеем не были написаны, так же как намеченное в то же время интервью «с самим собой» (см. п. Горького Ладыжникову — *Арх. Г.* Т. VII. С. 140). Начатая в Америке работа над циклом «Мои интервью» некоторое время продолжалась и на Капри. Об этом свидетельствует упоминаемое в письмах к Амфитеатрову «Интервью с мухой».

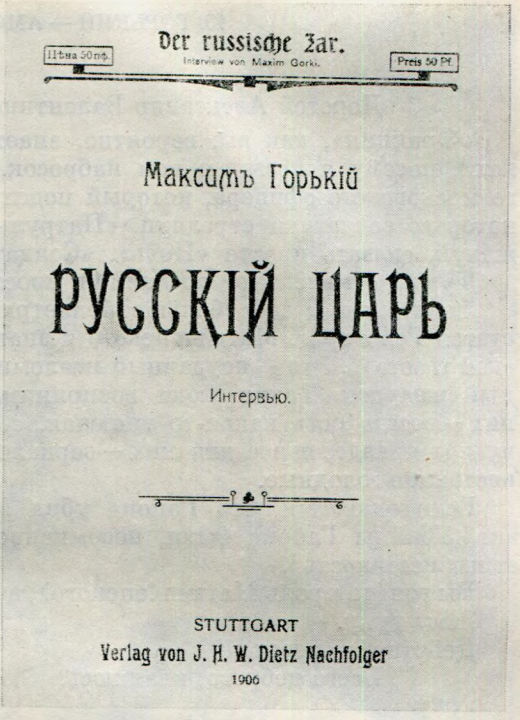
[6] Речь идет о журн. *«Красное знамя»*. Первый его номер вышел в апреле 1906 г. В течение 1906 г. (по декабрь) вышло шесть номеров. Мысль об издании бесцензурного печатного органа возникла у Амфитеатрова в 1905 г., но осуществление ее стало возможным только за границей. В ст. «От издателя» (29/16 марта 1906 г.) Амфитеатров выразил надежду, что журнал дойдет до России, а отсутствие цензуры обеспечит ему возможность «донести свой голос до слуха русской публики» (№ 1, с. 4—5). Выдвинутая Амфитеатровым политическая программа «Красного знамени» (см. п. 4) была обусловлена нечеткостью его политических позиций. Поднимая за рубежом «Красное знамя» борьбы против царизма «во всех его проявлениях», Амфитеатров называл свой журнал одновременно «социалистическим» и «внепартийным». На деле он проводил в нем народническо-эсеровскую идею «республиканского народовластия». Несомненно, что Горький понимал эклектический характер журнала, объединявшего на своих страницах эсеров народнического толка, социал-демократов, либералов и западных оппортунистов, но ему нужна была трибуна для обращения не только к европейскому, но и к русскому читателю. Сотрудничество Горького во многом повлияло на характер журнала, придало ему революционное звучание. Амфитеатров всячески подчеркивал определяющую роль Горького в журнале. Не случайно на фронтисписе первого номера была изображена скульптура С. Судьбинина «Максим Горький». В редакционном примечании Амфитеатров писал: «Это Горький — Россия, Горький в тоске, Горький в ярости... Но он решил вырваться! И он вырвется!!!» В журнале были напечатаны публицистические и художественные произведения Горького: памфлет «Русский царь», очерк «Послание в пространство», рассказ «Солдаты», воззвание «К французским рабочим», статья «Дело Николая Шмита», «Открытое письмо господину А. Олару», «Открытое письмо господам Ж. Ришару, Жюлю Кларети, Рене Вивиани и другим журналистам Франции» и др. «Красное знамя» стремилось освещать наиболее острые политические и экономические вопросы, поставленные революционными событиями 1905 г. Первый номер журнала открывался воззванием Горького «Не давайте денег русскому правительству!» Здесь же было опубликовано «Письмо Анатолю Франсу» о русских займах. Тему продолжил профессор М. А. Рейснер в статье «Абсолютизм, революция и банкротство». Журнал постоянно освещал деятельность Первой государственной думы, начиная с момента выборов и кончая разгоном ее в июле 1906 г. Материалы журнала по этому вопросу дополняли публицистические выступления Горького в Америке. Итог был подведен в статьях Амфитеатрова «Разгон Думы» и Рейснера «Дума, кадеты и царь. (Полтора месяца русского парламента)».

В связи с нарастанием в России революционного движения среди крестьянства в журнале был открыт специальный отдел «Голос крестьянского союза». В нем напечатаны статьи С. Мазуренко «Всероссийский крестьянский союз», «Кто мы?», его же письмо «Моим землякам-крестьянам», «Манифест ко всему русскому крестьянству» и др. Большое место занимал в журнале отдел «Русские дела». Материалы этого отдела свидетельствовали о том, что революционная волна захватила многие города и окраины страны: «Одесские погромы и самооборона», «Очерки современного революционного движения в России» (о событиях в Томске), «Впечатления времени» (о событиях в Белостоке) и др. Журн. «Красное знамя» публиковал сообщения, разоблачающие царских карателей и тюремщиков, в частности о насилии, совершенном тюремщиками над революционеркой М. Спиридоновой, об убитом в тюрьме Николае Шмите и др.

Литературный отдел журнала не получил достаточно полного развития. Наиболее яркие страницы представляют произведения Горького и К. Д. Бальмонта (тринадцать политических стихотворений, циклы «Песни мстителя», «Гнев славянина», его же переводы У. Уитмена). В журнале были напечатаны стихотворения

М. Волошина «Голова принцессы „Ламбаль“», «Ангел смерти», А. Федорова, А. Бака и др. Проза в основном была представлена произведениями самого Амфитеатрова, который писал во всех отделах журнала («Рассказ об одной голове и ее обладателе», «Господа Обмановы»). В № 1 был напечатан рассказ Д. Айзмана «Утро Анчла». Амфитеатров пытался привлечь к журналу русских беллетристов, но натолкнулся на почтовую цензуру, которая не пропускала рукописи из России. См.: Г—А, первое письмо от середины июня 1906 г., прим. 4.

Журнал просуществовал менее года не только потому, что у Амфитеатрова не было средств для его издания, но и потому, что он идейно исчерпал себя, а отсутствие четко выраженной программы лишало его перспектив. Это и было отмечено В. И. Лениным, который писал Горькому в 1910 г. о журнале Амфитеатрова: «...хорошо сделало его „Красное знамя“, что вовремя умерло!» (*В. И. Ленин.* Т. 48. С. 4). Об участии Горького в журн. «Красное знамя» см.: *Смирнов С. В.* М. Горький и журналистика конца XIX—начала XX в. Л., 1959. С. 163—179.



ОБЛОЖКА КНИГИ: МАКСИМ ГОРЬКИЙ. РУССКИЙ ЦАРЬ. ИНТЕРВЬЮ.
Штутгарт, 1906
Музей Горького, Москва

В первом номере «Красного знамени», кроме упомянутых выше материалов, было напечатано «Заявление Лозаннского комитета для помощи русским безработным в России» и воззвание «К рабочим Европы», подписанное Горьким, Андреевым, Амфитеатровым и др. (текст «Воззвания» напечатан в *ЛН.* Т. 72. С. 591).

Горький принял также участие в работе изд-ва Комитета помощи безработным, предоставив для него два рассказа: «Солдаты» и «Федор Дядин». См. воспоминания К. П. Злинченко «Комитет помощи безработным» (Там же. С. 586—587).

[7] Иллария Владимировна *Амфитеатрова* (1875—?) — жена Амфитеатрова.

9. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Нью-Йорк. 31 мая 1906 г.›

Уважаемый А. А.

Сейчас приехал из Бостона, посылаю — наспех — рукопись[1], не имею времени исправить ее, как нужно бы.

Жму руку

А. Пешков

Жду 2-й №[2].

Датируется по фразе: «Сейчас приехал из Бостона». Горький возвратился в Нью-Йорк из поездки в Филадельфию и Бостон 31 мая 1906 г. (*ЛЖТ.* Вып. 1. С. 613).

[1] Можно предположить, что речь идет о памфлете «Русский царь», который был закончен Горьким 23 мая 1906 г. Впервые напечатан в журн. «Красное знамя» (1906, № 3) и тогда же выпущен отдельной брошюрой в изд. И. Дитца (Штутгарт, 1906). В России памфлет появиться не мог. В XIII *сб. «Знания»* (1906), где был опубликован цикл «Мои интервью», вместо интервью «Русский царь» было напечатано заглавие «Царь», текст был заменен рядом многоточий.

[2] Второй номер журн. «Красное знамя».

10. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Нью-Йорк. Середина июня 1906 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

«Франция», как вы, вероятно, знаете, уже напечатана на трех языках[1], посему я посылаю вам набросок, записанный мною со слов одного московского офицера, который подслушал эту беседу из форточки и в которого солдатики стреляли. «Патруль» это неверно названо, надо, пожалуй, сказать просто «Ночь», «Солдаты»[2] — как хотите.

Тут же — маленькое послание в пространство[3].

Зовите вы к себе больше беллетристов[4], они теперь — злы. Хороша статья Рейснера[5]. Матюшенского я знаю, работал вместе с ним в «Самарской газете»[6]. Это — неудачный псаломщик, гнилая душа, длинный и жадный желудок. Такие люди воспринимают жизнь брюхом, и в мозгу у них — всегда есть какая-то вонючая, серая слизь. Эти люди органически чужды правде, и все для них — зеркало, в котором они видят свои зубы, постоянно голодные.

Если окажется, что Гапона убил Матюшенский,— это меня не удивит. Убийцы Гапона были, несомненно, трусы — об этом свидетельствует их жестокость[7].

Вы гоните прочь Матюш〈енского〉, а то он напакостит вам.

Жму руку.

Действуйте веселей!

Всего доброго, кланяюсь.

А. Пешков

Вы не имеете сношения с журналом «Адская почта»[8]? Если — да, прошу вас! выпишите мне изданные ею открытые письма!

Моя корреспонденция не доходит по адресам в Россию.

Датируется по упоминанию о выходе второго номера журн. «Красное знамя» (1906, май), о котором идет речь в письме. Предположительно Горький мог получить его из Парижа около середины июня 1906 г.

[1] Посылая И. П. Ладыжникову «Мои интервью», Горький писал: «„Прекрасная Франция“ как вещь, имеющая характер злободневный, должна быть, на мой взгляд, издана отдельной брошюрой немедленно. Если Вы не найдете это возможным — продайте ее газетам теперь же. Она может иметь некоторое практическое значение» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 139—140).

Можно предположить, что к моменту написания публикуемого письма Горький получил известия о том, что памфлет «Прекрасная Франция» был принят к печати в периодических изданиях ряда европейских стран. Публикации состоялись только в августе—сентябре 1906 г.: в Германии «Vorwärts» (1906, № 198, 26 авг., 1-е приложение), во Франции «Le Siecle» (1906, № 25832, 14 сент., с. 4, столб. 4), «La Dépêchè de Toulouse» (1906, № 13964, 23 сент.), в Болгарии: Прекрасная Франция. Интервью. Заграничо издание / Превела Ст. Попова (Бакалова). София: издава Яким Якимов, «Днѐвник», 1906.

[2] Рассказ Горького впервые напечатан в журн. «Красное знамя» (1906, № 3) под заглавием «Солдаты». В дальнейшем рассказ печатался под заглавием «Патруль».

[3] Очерк «Послание в пространство» впервые напечатан в журн. «Красное знамя» (1906, № 3).

[4] Амфитеатров пытался это делать. Так, в № 2 журнала под заголовком «Лестное внимание правительства» сообщалось: «От нашего сотрудника Александра Ивановича Куприна мы получили следующую телеграмму: „Рассказ выслан месяц тому назад, повторяю. Куприн“. Где рукопись А. И. Куприна? — это тайна русской правительственной почты. Почта русская совершенствуется. До сих пор больше крали наши отправления из-за границы в Россию, теперь стали красть „туда и обратно“. Да здравствует прогресс!» (Красное знамя. 1906. № 2. С. 157). «О приглашении Андреева» см.: А—Г, п. от декабря 1905 г., прим. 4.

[5] Михаил Александрович *Рейснер* (1868—1928) — юрист и публицист, профессор, отец Л. М. Рейснер. Речь идет о ст. Рейснера «Абсолютизм, революция и банкротство» (Красное знамя. 1906. № 2), в которой раскрывались причины, побуждающие царское правительство прибегать к займам у иностранных держав. Колоссальные хищения, которые производило правительство и духовенство из государственной кассы, полное обнищание крестьянства, трата огромных сумм на по-

ШАРЖ П. Н. ТРОЯНСКОГО НА ЛИТЕРАТОРОВ: ГОРЬКОГО, АМФИТЕАТРОВА, Л. Н. АНДРЕЕВА, А. И. КУПРИНА И ДР. 1905 (?)

Фоторепродукция

Музей Горького, Москва

давление революционного движения в стране, в данный момент революции 1905 г.,— все это, по мнению автора статьи, привело русское самодержавие к полному экономическому и политическому банкротству.

[6] В 1895—1896 гг. Горький был сотрудником «Самарской газеты» и вел в ней цикл фельетонов под заглавием «Между прочим».

[7] Александр Иванович *Матюшенский* (1862—1931) — журналист, с 1890-х годов активно сотрудничал в провинциальной прессе, позже печатался в «Русском слове» и «С.-Петербургских ведомостях», один из ближайших соратников Гапона.

В публикуемом письме речь идет о напечатанной в журн. «Красное знамя» (1906, № 2) «Исповеди» Матюшенского под редакционным заглавием «За кулисами гапоновщины. Исповедь А. И. Матюшенского». Статья сопровождалась редакционным предисловием, в котором Амфитеатров писал: «Прочитав „Исповедь" г. Матюшенского, я пришел к убеждению, что единственным, сколько-нибудь полезным, хотя и жестоким для него исходом дела может быть широкое оглашение его покаянных строк, столь выразительно живописующих неблаговонные глубины того общественного обмана, который более года владел умами русских людей в миражах гапоновщины».

Пытаясь снять с себя обвинения в провокаторской деятельности и хищении денег из кассы гапоновской организации («Собрание русских фабрично-заводских рабочих в г. Петербурге»), Матюшенский раскрывал те тайные каналы, по которым шла связь Гапона с правительством Витте, субсидировавшим Гапона (деньги Матюшенский получил через министра торговли и промышленности В. И. Тимирязева).

Своим грехом Матюшенский считал то, что был автором петиции рабочих на имя царя. Он написал ее по предложению Гапона, «в полной уверенности, что она объединит полусознательную массу, поведет ее к царскому дворцу и тут, под штыками и пулями, эта масса прозреет, увидит и определит цену тому символу, которому она поклоняется». «Расчет мой оправдался в точности»,— цинически признавался Матюшенский (с. 91).

В очерке «Поп Гапон» Горький привел письмо рабочего Н. П. Петрова, который писал: «Я и товарищ Черемохин стали сомневаться в честности Гапона. Сомне-

ваться пришлось недолго. В начале января 1906 года близкий друг Гапона Александр Матюшенский куда-то скрылся. После 9-го января 1906 года я пришел в помещение Центрального комитета, где встретил взволнованного секретаря Кузина, который позвал меня в отдельную комнату и, волнуясь, говорил: „Ты знаешь, у нас беда случилась, нас обокрал Матюшенский, украл у нас деньги"» (*Арх. Г.* Т. VI. С. 21).

Замечание Горького об убийцах Гапона было вызвано, по-видимому, тем, что, находясь в Америке, он не имел точных сведений об обстоятельствах смерти Гапона. Вместе с тем долгие поиски трупа Гапона, который был обнаружен только 30 апреля/13 мая 1906 г. в пустой даче в Озерках, порождали различные слухи и домыслы, проникавшие в зарубежную печать.

[8] «*Адская почта*» — сатирический журнал, выходил в Петербурге в 1906 г. (№ 1—4), редактор П. Н. Троянский, издатель Е. Лансере. В журнале принимали участие художники Б. Анисфельд, Л. Бакст, И. Билибин, Л. Пастернак, И. Репин, К. Сомов и др., писатели Л. Андреев, К. Бальмонт, И. Бунин, А. Амфитеатров, Скиталец, Д. Философов, Ф. Сологуб и др. Журн. «Адская почта» возник как продолжение сатирического журн. «Жупел» (1905—1906). Участие в новом журнале Горький не смог принять, так как находился в Финляндии, а позже — за границей. Напечатанные в № 1 журнала сатирические миниатюры Горького «Мудрец» и восемь заметок под заглавием «Изречения и правила» и «Правила и изречения», а также миниатюра без заглавия, начинавшаяся словами «Люди окружали жизнь тесной толпой...» (№ 4), перешли в журнал, очевидно, из портфеля журнала «Жупел». Иллюстративная часть журнала продолжала традиции «Жупела». Журнал был закрыт за рисунки в № 4 — «Земля», «Воля», «Интродукция», изображавшие жестокое подавление крестьянских восстаний карательными экспедициями. После закрытия журнала часть его сотрудников — художники И. Билибин, М. Добужинский, Е. Лансере, Б. Кустодиев и др. (организатором явился З. И. Гржебин) выпустили серию сатирических открыток (*Карасик З. М.* М. Горький и сатирические журналы «Жупел» и «Адская почта» // *М. Горький в эпоху русской революции 1905—1907 годов*).

11. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Нью-Йорк. Середина июня 1906 г.›

Александр Валентинович!

В «Послании» есть слова:

«Они мелькали, как огни над болотами, и — кто пошел за ними — заблудился в цепкой тине противоречий, *и уже погибли все они* в грязи жалких вожделений своих».

Будьте добры посмотреть — так ли это напечатано в присланном мною экземпляре? [1]

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с предшествующим письмом.

[1] Очерк «Послание в пространство». Приведенный текст был напечатан в журнале точно (Красное знамя. 1906. № 3. С. 86). Автографом очерка *АГ* не располагает. Сохранился список, сделанный М. Ф. Андреевой, с подписью Горького и его правкой. В журнальном тексте имеются разночтения с этим списком (*6*, 548).

12. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Адирондак. Начало августа, не позднее 10, 1906 г.›

Дорогой Александр Валентинович!

Не найдете ли возможным дать ход одному из прилагаемых воззваний?

Может быть, ваши знакомые французы социалисты напечатают у себя? [1]

Если — да, объявите сбор у себя, буде это не затруднит вас, или пусть редакция собирает.

Деньги, если это возможно, не давать никому без моего указания, в крайнем случае переслать их в Берлин Ивану Павловичу Ладыжникову [2], Landstrasse 145.

Жму руку, извиняюсь, кланяюсь. Засуетился я, как черт.

А. Пешков

Датируется по п. Горького к Ладыжникову, с пометой о получении «15 авг. 08» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 143).

[1] Очевидно, речь идет о воззваниях «Рабочим!» и «К тред-юнионам». Объединенные под общим заголовком «Воззвание к французским рабочим», впервые напечатаны в журн. «Красное знамя» (1906, № 4) и в переводе на французский язык в газ. «Юманите» (1906, № 869, 21 авг.).

[2] Иван Павлович *Ладыжников* (1874—1945) — участник революционного движения с 1890-х годов, друг Горького. По поручению ЦК РСДРП в 1905 г. организовал русское издательство в Берлине, выпускавшее марксистскую литературу и произведения прогрессивных русских писателей, группировавшихся вокруг Горького. Часть издательских доходов поступала в партийную кассу большевиков. Письма Горького Ладыжникову опубликованы (*Арх. Г.* Т. VII).

13. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Адирондак. Конец июля — август 1906 г.)

Здоровьишко — поскрыпывает, но это мне привычно и не мешает ни жить, ни работать. Пишу повесть[1] и устраиваю «решепшепы»[2] с американцами.

Они восхищаются поведением Думы. Их, людей, привыкших считать крупными суммами, удивляет, что из 450 человек нашлось только три изменника[3]. Сведущие в делах и солидные люди говорят, что, если в России сшибут царя — какое бы правительство ни встало на его место,— американцы дадут ему денег. Им ясно теперь, что русские способны к самоуправлению... Если б вы могли себе представить, какой это скучный, серый и невежественный народ! Изумительно и анекдотично.

Теперь они снова начали ругать меня в газетах — я напечатал в одном здешнем журнале статью о Нью-Йорке, озаглавив ее «Город Желтого Дьявола»[4]. Не понравилось. Сенаторы пишут возражения, рабочие хохочут. Некто публично выразил свое недоумение: раньше американцев всегда ругали, уже уехав из Америки, а теперь, даже оставаясь в ней, не хвалят — как это понять? Вероятно, меня выгонят отсюда, наконец. Но — денег все-таки дадут. Я — внук очень упрямой бабушки[5]. Если бы вы, А. А., снабжали меня наиболее интересной литературой, хотя бы вырезками из газет российских! Я думаю, у вас их много? А мы здесь сильно голодаем о новостях из России. Газеты я имею, но они где-то подолгу залеживаются.

С А. Франсом я ничего не затеваю — вы напрасно стихами меня ошарашили[6]. Я, знаете, почему-то в Европейца не верю, а есть ли Европеец более законченный, чем А. Франс?[7] Его скептицизм напоминает мне скрип новых сапог у деревенского щеголя — да простит меня Франс! Ум у него все-таки дьявольски острый, и перо изумительно тонкое. Но вот скептицизм этот! И не нужно его совсем в таком элегантном виде.

Через Океан я поеду осенью[8], вероятно в октябре, а куда — не знаю. Если же дела пойдут хорошо — я и раньше приеду. С вами, конечно, увижусь. Супруге — кланяюсь — товарищей, русских и галлов,— приветствую. Постараюсь прислать и для 5-й книжки что-нибудь[9].

Жму руку.

А. Пешков

Датируется по времени публикации памфлета Горького «Город Желтого Дьявола» и фразе «Они восхищаются поведением Думы».

[1] Речь идет о работе над повестью «Мать». Первая часть повести в первоначальной редакции была закончена Горьким в Америке к началу сентября 1906 г. (см. следующее письмо) и опубликована в американском журн. «Appleton's Magazine» (1906, дек.). Рукопись не сохранилась, и о ее содержании можно судить лишь по английскому переводу. О творческой истории произведения см. *8*, 426—487.

[2] Шутливая транскрипция английского слова reception в смысле «встреча», «прием гостей, посетителей».

[3] Речь идет о роспуске Первой государственной думы указом от 8/21 июля 1906 г. (Дума собралась 27 апр./10 мая 1906 г., в нее было избрано 524 депутата, самую большую фракцию составляли кадеты). 9—10 июля группа депутатов, около 200 человек (кадеты, трудовики, социал-демократы), провела в Выборге совещание и приняла так называемое «Выборгское воззвание», в котором призывала к пассивному сопротивлению правительству: не платить налогов, не давать рекрутов для армии и т. д. В статье «Роспуск Думы и задачи пролетариата», написанной в середине июля 1906 г., В. И. Ленин отмечал: «Но тут-то вот и сказалась сразу та призрачность российской конституции, та фиктивность отечественного парламентаризма, на которую так упорно указывали в течение всей первой половины 1906 года с.-д. левого крыла». Далее Ленин подчеркивал, что даже кадеты должны были признать, «что дело идет *фактически* о восстановлении самодержавия» (*В. И. Ленин.* Т. 13. С. 308).

Отказались подписать «Выборгское воззвание» и обратились к правительству с покаянием «три изменника»: Г. Е. Львов (1861—1925) — князь, земский либеральный деятель, впоследствии председатель Совета министров Временного правительства, М. А. Стахович (1861—1923) — помещик, кадет, земский либеральный деятель, предводитель дворянства Орловской губернии и П. А. Гейден (1840—1907) — граф, земский деятель, октябрист, предводитель дворянства в Псковской губернии. Позднее, в сентябре 1906 г., на съезде кадетской партии кадеты отказались от «Выборгского воззвания».

Будучи в Америке, Горький стремился рассеять иллюзии американцев относительно Первой думы. В п. к Пятницкому он сообщал: «Америка верует в Думу, это сильно отражается на моих делах» (*XXVIII*, 421). 25 апреля 1906 г. в газ. «American» (Нью-Йорк) была напечатана статья Горького «Сместить и покарать Витте». Статья была посвящена характеристике классового и политического состава Думы. Горький высказывал предположение о неизбежности провала «кадетской Думы». Эти же мысли писатель развивал в докладе «Царь, Дума и народ» (Г—А, п. от мая, не ранее 19, 1906 г., прим. 1). Отношение Горького к Думе в основном совпадало с ленинской оценкой.

Горький откликнулся на разгон Думы, написав воззвание «К честным людям» (*Горьк. чт.* 1962. С. 25—27). Амфитеатров напечатал в «Красном знамени» статью «Разгон Думы».

[4] «Город Желтого Дьявола» — один из очерков цикла «В Америке», был написан в мае (до 23) 1906 г. В середине июля очерк был опубликован в американском журн. «Appleton's magazine» (1906, т. 8) под заглавием «The city of Mammon. My impressions of America» («Город Маммоны. Мои впечатления об Америке»). Можно предположить, что текст очерка, опубликованный в американском журнале, представляет собой специально подготовленную писателем для этого издания редакцию.

Вскоре после написания очерка Горький сообщал Пятницкому: «На днях Вам вышлют из Берлина „Город Желтого Дьявола" (Нью-Йорк) (...) Печатать раньше августа — нельзя, продана здесь. За нее меня американцы будут бить» (*XXVIII*, 422).

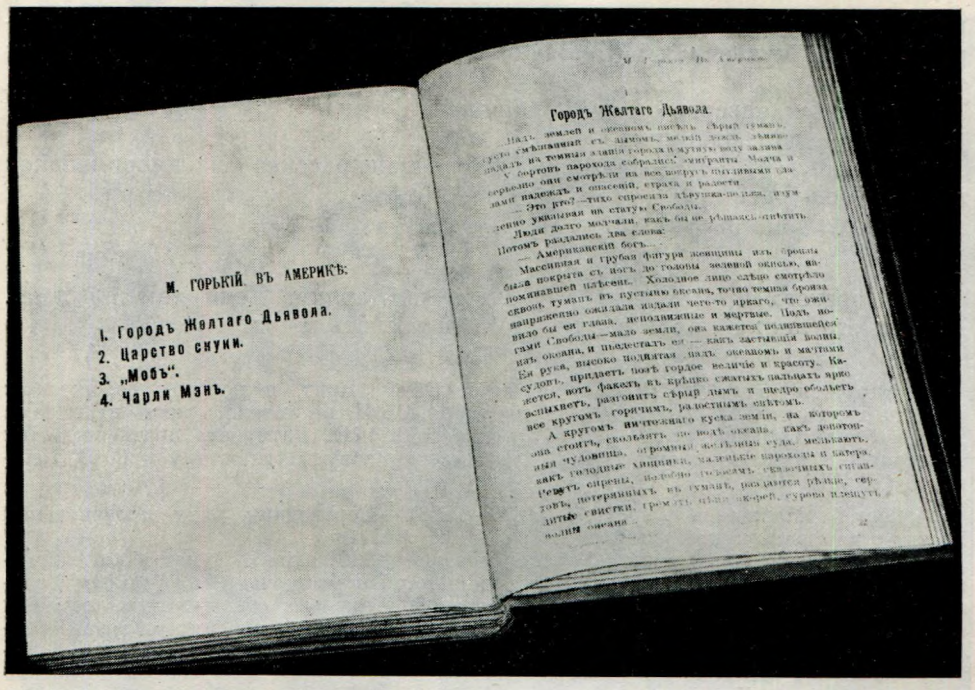
Появление «Города Желтого Дьявола» в США вызвало новую волну нападок на Горького. «На мою статью в „Апельтоне",— писал Горький Е. П. Пешковой,— 1200 возражений с лишком! Сколько я могу рассказать об этой стране, отвратительной и интересной, нищенской и баснословно богатой!» (*Арх. Г.* Т. V. С. 181).

В защиту Горького выступила демократическая Америка. Авторы этого лагеря писали о полной достоверности горьковского материала, о справедливости критики, которой писатель подверг буржуазный строй Америки (Русская литература. 1958. № 1. С. 211).

[5] Акулина Ивановна *Каширина* (1817—1887).

[6] О чем идет речь, установить не удалось. Возможно, что далее Горький упоминает стихотворение Амфитеатрова «Стенька Разин», напечатанное в «Красном знамени» (1906, № 4) с посвящением Горькому. Текст стихотворения мог быть послан в письме до публикации его в журнале.

[7] О чем идет речь — неизвестно. Существует более позднее свидетельство Горького о том, что он был не удовлетворен ответом Франса на его письмо 1906 г. с протестом против займов русскому правительству. «А. Франс,— писал Горький Р. Роллану 16 декабря 1924 г.,— ответил на мое письмо уклончиво, не поняв рокового значения той помощи, которую банкиры и политики Франции оказали бездарному и преступному царизму» (цит. по ст.: *Перюс Ж.* М. Горький и Р. Роллан об Анатоле Франсе // Русская литература. 1958. № 3. С. 177). Между тем А. Франс — председатель Общества друзей русского народа — на конференции Общества 30 июня 1906 г. выступил с резким протестом против займа. «Не давайте больше денег для новых жестокостей и новых безумств, не давайте денег для мук целого народа. Этим отказом вы покажете, что вы друзья России, которая борется и умирает за свою свободу»,— заявил он (цит. по ст.: *Гуткина И. Г.* А. Франс и французская общественность в 1905—1906 годах // Революция 1905 г. и русская литература. Л., 1956. С. 369).


М. ГОРЬКІЙ ВЪ АМЕРИКѢ:
1. Городъ Желтаго Дьявола.
2. Царство скуки.
3. „Мобъ".
4. Чарли Мэнъ.

Городъ Желтаго Дьявола

М. ГОРЬКИЙ. В АМЕРИКЕ: ГОРОД ЖЕЛТОГО ДЬЯВОЛА
Сб. «Знания», 1906 г., кн. XI (с. 21 и 22)
Музей Горького, Москва

Отрицательное отношение к скептицизму А. Франса Горький высказал в ст. «Разрушение личности» (и особенно в черновых вариантах статьи — см. *XXIV*, с. 549). Но в дальнейшем оценки личности и творчества французского писателя становились все более высокими. В ст. «Об Анатоле Франсе» Горький писал, что Франс «совершенно равен величайшим гениям всех стран» (*XXIV*, с. 251) и что «безразличное отношение к людям и миру было совершенно чуждо скептицизму Анатоля Франса» (Там же. С. 252).

[8] 13 октября 1906 г. Горький уехал из Америки в Европу на пароходе «Принцесса Ирен» вместе с М. Ф. Андреевой и Н. Е. Бурениным. 26 октября они приехали в Неаполь.

[9] Произведения Горького в кн. 5 «Красного знамени» не печатались.

14. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Адирондак. Начало сентября 1906 г.›

Дорогой А. В.!

Перский[1] совершенно напрасно беспокоит вас, он хорошо знает, что по вопросу о переводах моих вещей следует обращаться к Ладыжникову, Берлин. Третью книжку получил. Ее недостаток — много Горького. Пожалуйста, не печатайте этого автора в переводах с иностранных языков! «О еврейском вопросе» — нечто удивительно искаженное[2].

Написал 3-х-актную пьесу «Враги»[3] — ничего, веселая. Хотя — это все-таки не та хорошая пьеса, которую я однажды напишу. Оканчиваю повесть весом фунтов в 10[4]. Длинно и скучно.

Работаю. Наблюдаю с жадностью дикаря американскую культуру. В общем — тошнит, но иногда — хохочу, как сумасшедший. Уже теперь чувствую себя в силах написать об Америке нечто такое, за что они меня выгонят[5].

Удивительный народ, знаете! Что бы я тут ни напечатал — они немедленно возражают, при этом наиболее грубые возражения наклеивают

на ворота фермы, где я живу. Встречая меня на дороге — скачут в стороны, точно кузнечики. Это очень забавляет. Лучше всего возражают сенаторы.

В ноябре я, наверное, буду в Париже [6].

А пока — до свидания.

Кончу повесть — пришлю вам небольшой рассказ «из американской жизни» — ей-богу!

Жму руку вам и супруге.

А. Пешков

А Перского и всех ему подобных — в Берлин. Если вам не лень. Но ведь это так же коротко и просто, как послать к черту.

А.

Датируется по п. М. Ф. Андреевой к Е. Ф. Крит, в котором сообщалось: «У наших хозяев был съезд гостей 1 сентября, А. М. не хотелось жить на народе, мы перебрались на ферму...» (*М. Ф. Андреева.* С. 141). Датировка подтверждается написанными в то же время п. Горького Ладыжникову, Пятницкому и Е. П. Пешковой (*XXVIII*, 428, 429, 431).

[1] Сергей Маркович *Перский* (1870—1938) — переводчик ряда произведений Горького на французский язык.

[2] Речь идет о № 3 журн. «Красное знамя» (1906, июнь). В нем был напечатан очерк Горького «Русский царь» с редакционным примечанием: «Максим Горький в Америке написал книгу сатирических интервью с современными героями европейской реакции. Наиболее интересное для нас, русских, интервью с Николаем II, которое наш высокоталантливый сотрудник любезно предоставил „Красному знамени"; „Послание в пространство", рассказ „Солдаты" и, как было указано в подзаголовке,— „Новейшее произведение Максима Горького" „Еврейский вопрос"».

25 апреля 1906 г. Горький выступил в Нью-Йорке, в Грэнд-Сентрал-Пэлэйс, с докладом «Еврейский вопрос». Изложение доклада было приведено в «New York American» и в «World» 26 апреля 1906 г. По-видимому, Амфитеатров напечатал в «Красном знамени» перевод газетного текста.

[3] Пьеса «Враги» была завершена Горьким во время пребывания его в Америке. Об окончании работы над ней писатель сообщил Е. П. Пешковой в середине августа 1906 г.: «Только что кончил пьесу „Враги"» (*Арх. Г.* Т. V. С. 180). Пьеса впервые была напечатана в XIV *сб. «Знания»* и одновременно отдельной книгой в изд-ве Дитца (Берлин). В 1907 г. специальной драматической цензурой пьеса была запрещена к представлению на русской сцене. О творческой истории произведения см. 7, 673—680.

[4] Горький завершил работу над первой частью повести «Мать».

[5] Пятницкому Горький сообщал в это время о своем намерении напечатать в Америке ст. «Страна подростков» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 204).

[6] Намерение это не осуществилось.

15. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 29 или 30 ноября 1906 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Будьте добры, скажите Давиду Яковлевичу, чтоб он послал рукопись свою мне — Неаполь, Капри [1],— здесь скоро будет Пятницкий [2], и я ему, немедля, передам пьесу. А тем временем и сам прочитаю, ибо интересен мне Айзман.

Вам не прислал ничего и долго еще не пришлю, потому что занят огромной повестью [3], коя меня подавляет. Скоро я ее отработаю. Тогда напечатаю у вас «Интервью с мухой» [4].

Нездоров, черт возьми! Это мешает. Не достанете ли вы мне книгу Делича «Библия и наука»? [5] Вышла у Суворина. Достаньте! Буду очень благодарен!

А пока — жму руку. Кланяюсь супруге и всем близким вашим.

А. Пешков

Датируется по п. Горького Ладыжникову (см. прим. 1).

ГОРЬКИЙ, М. Ф. АНДРЕЕВА, И. П. ЛАДЫЖНИКОВ, Г. БРУКС, Н. Е. БУРЕНИН В РЕСТОРАНЧИКЕ

Фотография Н. Е. Буренина. Капри, 1906—1907

Музей Горького, Москва

[1] Давид Яковлевич *Айзман* (1869—1922) — русский писатель, в период революции 1905—1907 гг. примыкал к «знаньевцам». Горький помогал Айзману, читал и правил рукописи его произведений, печатал их в *сб.* «*Знания*». Письма Горького Айзману впервые опубл.: *МИ*. II.

В 1906—1909 гг. Айзман жил в Кави ди Лаванья и находился в дружеских отношениях с Амфитеатровым. В письме речь идет о пьесе Айзмана «Терновый куст», о которой Горький писал Ладыжникову в конце ноября 1906 г.: «Айзман написал превосходную пьесу из быта евреев-революционеров. Работа — яркая, движения — сколько угодно, четвертый акт — вооруженное восстание ⟨...⟩ Характеры — чудесные, вообще, это большая вещь, с высоким подъемом» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 147). Пьеса была напечатана в изд-ве Ладыжникова (1907) с посвящением Горькому. Экземпляр книги хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

2 ноября Горький переехал из Неаполя на Капри и поселился на вилле «Сеттани» Блезуса.

[2] Пятницкий приехал на Капри 28 или 29 декабря 1906 г.

[3] Речь идет о работе над второй частью повести «Мать».

[4] Замысел не был осуществлен, так как писатель прервал работу над циклом «Мои интервью», о чем сообщил Ладыжникову в феврале 1907 г.: «Не печатайте на обложке о моих „Интервью“ и об „Америке“,— я отвлекся сильно в сторону от этих задач и — не знаю теперь, когда выполню их» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 156).

[5] Фридрих *Делич* (1850—1922) — немецкий ученый, языковед-ассириолог, автор кн. «Библия и Вавилон». Два издания этой книги 1907 (с пометами Горького) и 1912 гг. (СПб., изд. А. С. Суворина) хранятся в *ЛБГ* (*Описание*).

16. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 10 или 11 декабря 1906 г.)

Уважаемый Александр Валентинович!

Посылаю заметку по делу Шмита[1],— а также небольшую заметку об отношении итальянцев к русской революции[2]. Все, что касалось в телеграммах лично меня, я вычеркнул, а их салюты русской революции, по-моему, следует опубликовать, это — трогательно!

Начало ее вы можете изменить, как вам угодно, разумеется,— только Горького оставьте в стороне.

Как дела «Знамени»? Был у меня на днях А. А. Богданов[3], философ, очень хвалил вас и ваше дело. Желаю здоровья и энергии!

Кланяюсь, жму руку, жду журнала[4].

А. Пешков

Датируется по п. Горького Ладыжникову с пометой «Получ. 14 дек. 1906 г.», в котором сообщалось: «Посылаю заметку о деле Шмита, хорошо бы напечатать ее поскорее, дела уже начались» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 149, 302).

[1] Николай Павлович *Шмит* (1883—1907) — студент Московского университета, владелец мебельной фабрики на Пресне, один из активнейших участников Декабрьского восстания в Москве в 1905 г. Горький лично знал Шмита, который вооружил рабочих своей фабрики и через Горького доставлял московской большевистской организации денежные средства на вооружение рабочих. В декабре 1906 г. царской охранкой было подготовлено судебное «дело» Шмита. Статья Горького «Дело Николая Шмита» была впервые опубликована в «Красном знамени» (1906, № 6) со следующим примечанием Амфитеатрова: «Р. 8. Выразительнейшим комментарием к статье Максима Горького является вчерашнее газетное сообщение (17 декабря), что Николай Шмит заболел в тюрьме острым умопомешательством...» (с. 107). Суд над Шмитом не состоялся, так как 13 февраля 1907 г. Шмит был найден мертвым в камере тюремной больницы.

[2] Речь идет об обращении Горького «К итальянцам». Написано на Капри 10 декабря 1906 г. в ответ на многочисленные приветствия представителей итальянского народа в связи с приездом Горького в Италию. Напечатано в «Красном знамени» (1906, № 6) под редакционным заголовком «Максим Горький — к итальянцам». Вслед за обращением публиковались письма и телеграммы итальянцев, адресованные Горькому под заголовком: «Пребывание Горького в Италии». «М. Горький получает от разных лиц, обществ и городов Италии много приветствий русскому народу, горячих выражений сочувствия борьбе народа с правительством Романова — Столыпина — Гурко и К°. Симпатии эти ценны и как выражение демократического духа страны, и как моральная поддержка русской революции, существенная не менее материальной»,— говорилось в предисловии к публикации (Там же. С. 150).

[3] *А. Богданов* (псевдоним Александра Александровича *Малиновского*, 1873—1928) — философ, экономист, врач и писатель, в те годы видный деятель социал-демократического движения, член ЦК РСДРП в 1905—1907 гг. В 1909 г.— организатор антипартийной группы «Вперед», от которой отошел в 1911 г. В. И. Ленин подверг резкой критике философские и политические взгляды Богданова. См. также: Г—А, п. между 13 и 19 апреля 1908 г., прим. 4.

В *ЛБГ* хранятся философские работы Богданова «Основные элементы исторического взгляда на природу. Природа. Жизнь. Психика. Общество» (СПб., изд-во «Издатель», 1899); «Приключения одной философской школы» (СПб., изд-во «Знание», 1908); «Эмпириомонизм. Статьи по философии» (М., изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1905—1906, кн. 1, 2, 3) и др. (*Описание*).

Богданов приехал на Капри во второй половине ноября 1906 г.

[4] Речь идет о № 6 «Красного знамени».

17. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Конец января, до 30, 1907 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Рейснера издавать не будем[1] — и места нет, и отдел новый заводить не хотим, и, наконец, несвоевременно. Книг теперь не покупают. «Знание» издало их около 5 миллионов и пока принуждено остановиться. Две книги уже конфискованы, ждем продолжения[2]. Книжные магази-

ны не платят, посылки — арестуются жандармами, и вообще — дела не веселят.

«Муха» — спит [3], ибо теперь зима. А Давид Яковлевич написал истерическую вещь, которая для меня, после «Тернового куста» [4], явилась неожиданностью горестной и тяжелой. Длинно, разбросанно, бессильно и — что-то воющее. Страшно раздражает.

Советуйте ему не печатать эту вещь, право. Если деньги нужны, я найду, но повесть пускай он отложит пока. Он способен на крупное, и ему не след разбиваться в такой интеллигентщине.

А какая манера, какой язык! Не просто, не ярко, шероховато и даже есть «недра глубины».

Жму вашу руку. Кланяюсь

А. Пешков

Датируется по п. Горького Айзману от 17/30 января 1907 г. (*XXIX*, с. 5—6).

[1] Речь идет о рукописи кн. М. А. Рейснера, которую он предлагал издать в «Знании». «Книга эта посвящена вопросу изучения государства как идеологии (...) Заглавие ее „Государство и его элементы. Опыт социально-психологического исследования“»,— писал он Горькому и просил содействовать скорейшему изданию его книги, которую рассматривал как пособие для студентов, слушающих курс лекций «Общее учение о государстве» (*АГ*).

[2] Воссоздавая историю издания марксистской литературы в «Дешевой библиотеке» «Знания», Пятницкий сообщал: «Началась реакция. На марксистские брошюры посыпались конфискации. В „Дешевой библиотеке“ было конфисковано 16 книжек. Продажа других приостановилась. Рассылались специальные циркуляры с запрещением приобретать наши издания в библиотеки (...) Общая стоимость конфискованных брошюр по номиналу составляла 43 287 р. (...) Как только судебная палата выносила приговор: „Книгу уничтожить“, в наш склад являлись два полицейских инспектора со своими рабочими. Конфискованную книгу рвали на клочки. Бумагу увозили на фабрику для переработки. „Знанию“ же предъявлялось требование оплатить рабочих, которые уничтожали наши издания. По каждой конфискации возбуждалось судебное преследование против издателя по статьям 129, 132 и др.»

Далее Пятницкий приводил список конфискованных брошюр. Среди них: К. Маркс и Ф. Энгельс «Манифест коммунистической партии», П. Лафарг и Ж. Гед «Программа рабочей партии», А. Бебель «Постоянная армия и народная милиция», К. Каутский «Интересы классовые, частные и общественные» и др.

Конфискация началась с 3 ноября 1906 г. Конфисковалась не только марксистская литература, но и другие книги. Были конфискованы «Стихотворения» К. Бальмонта, затем кн. С. Юшкевича «Евреи», изданная в 1904 г. В августе 1907 г. было возбуждено дело о повести Горького «Мать» (*Пятницкий К. П.* Марксистская библиотека в книгоиздательстве «Знание» — *АГ*).

[3] См.: *Г—А*, п. от 29 или 30 ноября 1906 г., прим. 4.

[4] Повесть Айзмана «Поток» («Кровавый разлив»), так же как и его пьеса «Терновый куст», посвящена революции 1905 г. Но если в «Терновом кусте» революция изображалась на подъеме, то в повести рассказывается о расправе над революционерами, подчеркивается торжество темных, животных инстинктов.

Сразу же по прочтении повести Горький уведомлял ее автора: «„Кровавый разлив“ кажется мне вещью положительно неудачной», и в следующем письме: «Не сердитесь, не огорчайтесь отзывом о „Потоке“; отзыв этот вызван моей уверенностью, что Вы можете и должны писать лучше — спокойнее, проще,— сильнее, красивее». В другом письме Горький с удовлетворением отмечал: «Знаете — право, это хорошо, что Вы согласились со мной в отношении к „Потоку“ и будете переделывать его» (*XXIX*, 5, 8, 11).

После существенной переработки повесть была напечатана в XX *сб.* «*Знания*» (1908).

18. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Февраль, не ранее 21, 1908 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Письмо Петрова «Avanti» послано [1], по поводу Давида Яковлевича Пятницкому написано [2].

ГОРЬКИЙ В КАБИНЕТЕ
Фотография Charles Abeniacar. Капри, 1910
Музей Горького, Москва

Писать мне страшно некогда, может быть, вы сообщите Д. Я., что «Знание», несмотря на четыре процесса, намерено существовать: XIX-й сборник вышел, XX-XXI-й печатаются, и в них — «Разлив»[3].

Желая вам всего доброго, крепко жму руку.

В «Речи» у вас остроумный рассказище![4] Приятного тона — бодрый, и этим сильно взял меня.

Всех благ!

А. Пешков

Датируется по упоминанию публикации рассказа Амфитеатрова в газ. «Речь» (1908, № 29, 3/16 февр.).

[1] Григорий Спиридонович *Петров* (1868—1925) — публицист, бывший священник, депутат Второй государственной думы, примыкал к кадетам. В. И. Ленин называл Петрова «христианским демократом, весьма популярным демагогом» (*В. И. Ленин.* Т. 15. С. 16).

Петров познакомился с Горьким в 1899 г. в Нижнем Новгороде и подарил ему свою кн. «Евангелие как основа жизни» (2-е изд., СПб., тип. «Артиллерийского журнала», 1898) с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу Пешкову от искренне любящего его читателя и почитателя-автора, Г. Петров. Нижний Новгород, 27 апр. 99 г.» (*ЛБГ, Описание*). Общественная деятельность Петрова вызвала резкое недовольство церковных властей. Свои религиозные и политические воззрения он изложил в «Письме митрополиту Антонию», в котором обличал царское правительство и церковную власть. За это 10 января 1908 г. Петербургская духовная консистория лишила Петрова священнического сана (сообщение об этом было напечатано в газ. «Весна» (1908, № 2, 20 янв./2 февр., с. 19). Консистория нашла это письмо «преступным», содержащим «поношение православной церкви» «и надругание существующего строя в России» (Там же. С. 19—20).

Как видно из упомянутого сообщения в газ. «Весна», «Письмо» Петрова было напечатано в России в 1908 г., в Москве и Петербурге. В этом же году оно было выпущено изд. Ладыжникова, в связи с чем Горький писал Пятницкому: «Письмо Григория Петрова к Антонию читали? Недурно пущено» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 228).

Позже Петров благодарил Горького за содействие в публикации «Письма» за границей. Г. В. Плеханов также содействовал публикации письма Петрова, о чем сообщал Амфитеатрову 29 января 1908 г. из Нерви: «Письмо Петрова я получил, и хотя я терпеть не могу попов и христианского социализма, но это письмо читал

с увлечением. Поистине удалой поп! Конечно, я приму все меры для опубликования этого письма в „Avanti“» (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

[2] В упомянутом письме Горький сообщал Пятницкому: «Айзман очень бедствует, просит денег» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 225).

[3] См. предшествующее письмо, прим. 2. Были арестованы также XVI и XVIII *сб.* «*Знания*», в связи с публикацией в них повести «Мать» (*8*, 440). Горький принял меры для спасения XIX и XX сборников, поручив О. О. Грузенбергу сделать все возможное, чтобы избежать их ареста (*8*, 441—442 и Г—Гр, п. 8 и прим. к нему).

[4] В газ. «Речь» был напечатан рассказ Амфитеатрова «Описание видения Александрова, яко ни спяще, ни бдяще, удостоихся аз худый, в духе тонце, зрети Аввакума протопопа, в пустозерском граде от никониан сожженна суще непокорств его протопоповых ради». Стилизованный под древнерусское произведение, рассказ представляет собой беседу автора с явившимся ему протопопом Аввакумом о современной русской политической и литературной жизни. В нем даны остроумные характеристики ряда писателей, журналистов и общественных деятелей — А. С. Суворина, М. О. Меньшикова, Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Н. А. Хомякова и др.

19. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna. 1908.III.14

Дорогой Алексей Максимович,

просят меня навести у Вас справку. 11 февраля из Петербурга послана Вам рукопись Константина Михайловича Оберучева «Очерки русско-японской войны» [1]. В Петербурге «Знанием» она, кажется, одобрена, так что вопрос — какова будет Ваша резолюция. Не откажите, если можно, прочитать и поскорее написать мне!

Затем просит меня Бурцев поговорить с Вами о переносе за* границу «Былого» [2]. Он писал Вам сам подробно, так что материальную сторону дела излагать нечего. Думаю только, что он немножко дешево считает, надо помножить на $1^1/_2$. Так что на полугодовой подъем, с печатанием, выйдет тысяча пятнадцать рублей. Не знаю, позволили бы Ваши дела и расчеты принять участие в этом предприятии, но если да, то, с своей стороны, могу сказать, что материал у Бурцева действительно богатейший. Он немножко конспирирует и не все свои карты открывает. Но мне пишет из Парижа Гнатовский [3], что в руках Бурцева находится не только остаток редакционного материала, накопленного «Былым», но и — главный козырь — интереснейшие выемки из дел департамента государственной полиции, выкраденные какою-то выгнанною и оскорбленною особою из сего милого учреждения, алчущей мести. Об этом, действительно, были разговоры еще перед концом «Красного знамени», но я не знал, что сделка осуществилась. Я очень верю в моральный успех такого журнала, но советовал Бурцеву начинать его только в том случае, если сойдется с Вами и Ладыжниковым, т. к. у последнего — уже налаженная европейская агентура. А что такое проба новых и случайных агентов, я знаю по печальному опыту «Кр‹асного› зн‹амени›»: из 14 агентов 13 недобросовестны.

Очень бы мне хотелось поговорить с Вами о 80-летнем юбилее Льва Толстого [4]. Никак не могу понять этого удивительного празднества. Если будут чествовать Льва Т‹олстого› художника, то он — во-первых, против своего художества, а, во-вторых, это уже слишком спустя лето по малину [5]. Непротивление злу — противное учение, несомненно сыгравшее вреднейшую роль, содействуя расслаблению и эгоистическому самодовольству общества 90-х годов. Толстовская закваска украла у

* Здесь и далее разрядкой выделен текст, подчеркнутый Горьким.

революции много людей. Об опрощении — нечего и говорить: это — «ваше дело господское»! В век пролетариата носиться с такою игрушкою просто конфузно. В религиозной реформе Толстого обществу, идущему по дороге позитивизма, тоже как будто радости нет ни малейшей. Наконец, как фигура политическая Толстой в 1905—1908 гг. вел себя недоброжелательно и надменно по отношению ко всем революционным движениям. Да и вообще когда какое-либо освободительное выступление пользовалось его сочувствием? Что же остается для всенародного ликования и звона во все колокола? Старик, которому посчастливилось дожить до 80 лет. Но бывают литературные старики и еще старше. Например, Жемчужникову сейчас 87 лет[6]. Словом, с какой стороны ни поверни — недоумение... Сергеенко прислал мне приглашение в какой-то товарищеский сборник имени Толстого[7]. Я уклонился. Кажется, не один я недоумеваю. Был у меня на днях Плеханов[8] — тоже. Айзман — тоже. Кое-кто из парижан — тоже.

Видели Вы возрожденную «Искру» — «Голос социал-демократа»?[9]

Как поживаете? каково здоровье? Не мучат ли Вас каприйские ветры?

У нас сейчас очень хорошая весна.

Айзманы в апреле едут во Флоренцию, а потом думают ехать в Россию.

Посылаю Вам 3-е издание моего «Женского настроения»[10], потому что оно сильно распухло от новых статей.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Привет Марии Федоровне.

Ваш Ал. Амфитеатров

[1] Константин Михайлович *Оберучев* (1864—1929) — генерал, военный литератор, автор ряда работ по теории артиллерийского дела, участник журн. «Голос минувшего». «Очерки русско-японской войны» в сб. «*Знания*» не были напечатаны. См.: *Арх. Г.* Т. IV. С. 233.

[2] Владимир Львович *Бурцев* (1862—1942) — публицист, издатель и редактор сборников «Былое». Издание было основано в Лондоне в 1900 г., затем переведено в Женеву. В 1906—1907 гг., после октябрьской амнистии, под тем же названием в Петербурге начал выходить исторический журн. «Былое», посвященный истории освободительного движения в России, под редакцией В. Я. Яковлева-Богучарского, П. Е. Щеголева, при ближайшем участии В. Л. Бурцева. В 1907 г. журнал был запрещен царским правительством. В 1908 г. в Париже Бурцев возобновил издание сборников «Былое» и обратился за поддержкой к Горькому. В «Былом» публиковались статьи и документы, разоблачающие действия царской охранки и провокаторов. Первый номер вышел в июле 1908 г. с подзаголовком «Сборник по истории русского освободительного движения». Издание журн. «Былого» возобновилось в июле 1917 г., в Петрограде (ред. Бурцев, П. Е. Щеголев, В. В. Водовозов). После Октябрьской революции в журнале печатались материалы и исследования по истории революционного движения в России. В 1926 г. издание «Былого» прекратилось.

[3] Антон Доминикович *Гнатовский* (Преккер, 1863—1919) — народоволец. В 1888—1889 гг. жил в Швейцарии. С января 1890 г.— в Париже, где входил в группу молодых народовольцев.

[4] Речь идет о подготовке к 80-летию со дня рождения Л. Н. Толстого (28 авг./9 сент. 1908 г.). Петербургский комитет по подготовке юбилея сообщил, что во многих «пунктах Европы» образованы комитеты по чествованию великого русского писателя, в том числе в Париже — во главе с Анатолем Франсом, в Берлине — во главе с Г. Гауптманом, в Лондоне — с участием Р. Киплинга. Царское правительство опасалось, что юбилейные торжества будут использованы «неблагонадежными элементами» в целях противоправительственной агитации (*ЛЖТ Толстого*. С. 616).

[5] В 1891 г. Толстой публично отказался от авторского права на все свои сочинения, написанные после 1880 г. Амфитеатров считал, что к концу жизни Толстой исчерпал себя как художник. Это объясняется тем, что в последний период своего творчества писатель, продолжая создавать художественную прозу, почти не печатал ее. Только после его смерти были опубликованы «Живой труп», «После бала», «Хаджи Мурат», «Отец Сергий» и др. См. также ст. Б. А. Бялика.

[6] Алексей Максимович *Жемчужников* (1821—1908) — поэт. Один из создателей «Сочинений Кузьмы Пруткова».

[7] Петр Алексеевич *Сергеенко* (1854—1930) — литератор, биограф Л. Н. Толстого, автор кн. «Как живет и работает граф Л. Н. Толстой» (2-е изд., М., 1908).

Речь может идти об одном из сборников, посвященных юбилею Л. Н. Толстого: Международный толстовский альманах. (Воспоминания о Л. Н. Толстом разных лиц и письма к нему) / Сост. П. Сергеенко. М.: изд-во «Книга», 1909; Л. Н. Толстой. Жизнь, личность, творчество / Сб. статей П. И. Бирюкова, В. В. Калаша, проф. В. Ф. Лазурского, П. А. Сергеенко, Н. И. Тимковского. М.: изд-во «Образование», 1910.

[8] Позже Г. В. Плехановым для юбилейного сборника Комитета по ознаменованию 80-летия со дня рождения Толстого была написана статья «Л. Н. Толстой и природа». Однако сборник этот в свет не вышел (см.: *Плеханов Г. В.* Искусство и литература. М., 1948. С. 651—654, 877).

[9] «*Искра*» — первая общерусская политическая нелегальная газета революционных марксистов, орган РСДРП. Организатором и руководителем «Искры» был В. И. Ленин, секретарь, с весны 1901 г.,— Н. К. Крупская. Первый номер «Искры» вышел 11/24 декабря 1900 г. в Лейпциге, последующие номера — в Мюнхене, с апреля 1902 г.— в Лондоне, с весны 1903 г. газета выходила в Женеве. 19 октября/1 ноября 1903 г. В. И. Ленин вышел из редакции «Искры». Редактирование «Искры» перешло к меньшевикам. Меньшевики издавали «Искру» до октября 1905 г., но после выхода В. И. Ленина из редакции газета не пользовалась популярностью в рядах рабочего класса.

«*Голос социал-демократа*» — журнал, заграничный орган меньшевиков-ликвидаторов. Выходил в Женеве, затем в Париже с февраля 1908 по декабрь 1911 г.

[10] Сб. «Женское настроение» (3-е изд, СПб., изд-во «Общественная польза», 1908) был посвящен женскому вопросу «в его современном понимании и положении», как сообщал автор в предисловии к третьему изданию. Его основные темы: борьба с женской проституцией, женское образование, женщина в семье и общественной жизни, участие женщин в революционном движении России и т. д.

20. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

‹Кави ди Лаванья›. III.16.08

Дорогой Алексей Максимович.

Сейчас получил от Влад‹имира› Льв‹овича› Бурцева из Парижа записку, которую Вам и пересылаю [1].

Ваш Ал. Амфитеатров

[1] Вместе с публикуемым письмом Амфитеатров переслал Горькому записку Бурцева, в которой говорилось: «Сейчас узнал, что в Италии живет известный польский писатель Бржозовский. Говорят, он знаком с Горьким. Он (Брж.) *шпион* — вне сомнения. Сейчас напишите это от моего имени Горькому» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 365). Сообщения о провокаторской роли польского писателя Станислава Леопольдовича Бржозовского (1876—1911) были ложными. См.: *Арх. Г.* Т. IX. С. 305; Т. XIV. С. 38—39.

21. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. Март, не ранее 16, 1908 г.›

Уважаемый Александр Валентинович!

Оберучеву — отвечено [1]. Работа его — очень интересна по фактам, но — полковник — не литератор. Сборники же «Знания» перегружены скучными вещами — вроде Дейча [2], к примеру. Я рекомендовал Оберучеву поместить его работу в «Образовании» [3], а потом издать ее отдельной брошюрой.

Бурцеву — тоже отвечено [4]. Поскольку могу быть полезен осуществлению этого дела — в той или иной форме,— буду стараться.

Чествование «Льва Великого» — мною тоже плохо понимается. Вижу в этом начало какой-то игры, но — смутно все. Кажется мне, что всероссийское мещанство хочет устроить генеральную мобилизацию своих сил и что предполагаемое торжество должно играть роль как бы самосмотра. Если это так — жалко Толстого, и делу этому следует дать настоящее освещение [5]. Каким образом? Подумаем.

Л. Н. АНДРЕЕВ В ПОМПЕЯХ
Фотография Н. Е. Буренина. Помпеи, 1906—1907
Музей Горького, Москва

Вы представьте-ка себе все это современное наше «культурное» общество: половиков, эстетов, кадетов и прочих не помнящих родства своего людей,—видите вы их серый и душный вихрь вокруг колосса? Пусть он, Толстой, чужой мне человек духовно, но он краса и гордость моя,—разве он для того, чтобы за ноги его хваталась вся эта полуумная, разбитая, искаженная масса «неустойчивой психики»?

Проект воззвания [6] — тускл и минорен. И вся эта затея — вы правы — непонятна, если это не есть желание мещан объявить Толстого — всего! — своим. Преподлая экспроприация — не правда ли?

Написал я некую повесть и буду ждать о ней вашего мнения, уверенный, что вы, по поводу этой вещи, можете сказать мне много ценного — больше, чем кто-либо другой.

Печататься она будет в «Знании» [7].

Надо мне вас видеть, очень надо! А поехать к вам — не могу, ибо — работы на десять каторжан. Не найдете ли вы время и охоты передвинуться сюда? Очень обрадуете, и думаю, что мы поговорим не без пользы друг для друга. Посему — отвечайте скорее,— можете ли?

Здесь милейший Луначарский [8], который кланяется вам. Сей талантливый и любимый мной человече, слыша имя ваше, всегда радостно улыбается. Здесь же — Фроленко. По скорости явится Гусев и жду Леонида [9]. Видите, какой цветник людей?

Так вот — приезжайте![10]

Книгу вашу еще не получил [11] — спасибо вам! А что своих не посылаю — не обращайте на это внимания: надо — пришлю, хоть сто штук. Сим — богат.

Крепко жму руку, поклон супруге вашей.

И — всего доброго!

А. Пешков

Приписка М. Ф. Андреевой:

Очень кланяюсь и очень буду рада видеть Вас, дорогой Александр Валентинович, привет супруге И⟨лларии⟩ В⟨ладимировне⟩ — всего доброго.

Мария П.

Датируется по п. Амфитеатрова от 14 марта 1908 г.

[1] В п. к Пятницкому (ок. 26 февр. 1908 г.) Горький сообщал: «Сегодня возвратил рукопись Оберучева ему — получена она мною была сегодня же. Печатать ее в сборниках не следует ⟨...⟩ но — мне кажется, можно бы издать отдельной брошюрой, она очень интересна по материалу. Об этом я написал автору» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 233). Упомянутым п. Горького к Оберучеву *АГ* не располагает.

[2] Лев Григорьевич *Дейч* (1855—1941) — народник 70-х годов, участник группы «Освобождение труда», с 1903 г.— меньшевик. Дейч — автор ряда работ из истории народнического движения, в том числе книги «Четыре побега», напечатанной в XXI *сб.* «*Знания*» за 1908 г.

[3] «*Образование*» — литературный, научно-популярный и общественно-политический журнал. Выходил в Петербурге с 1892 по 1909 г. С 1902 г. в отделе беллетристики печатались: В. Вересаев, А. Чапыгин, Е. Чириков, С. Сергеев-Ценский и др. В 1905—1907 гг. в нем выступали со статьями литераторы-большевики: В. Фриче, А. Луначарский, М. Ольминский, В. Воровский и др. В 1906 г. (№ 2) в «Образовании» были опубликованы главы из работы В. И. Ленина «Аграрный вопрос и „критики Маркса"».

[4] «Искренне уважаемый товарищ,— писал Горький Бурцеву,— предложение ваше сообщено мною Ладыжникову, ибо ему в этом деле принадлежит решающий голос. Я же — всеми зависящими от меня способами буду содействовать осуществлению затеваемого вами безусловно полезного дела. Однако мне кажется, что форма журнала не так удобна, как форма сборников. Почему? Дешевле, не обязывает вас к периодичности. Позволит собирать наиболее ценный исторический материал по мере его накопления — преподносить сюрприз нашему поганому правительству. В журнале — как это было в „Былом" — попадают порою малоценные вещи, в сборнике это легче избежать. А впрочем — это лишь мое мнение, решать же дело вам придется с Ладыжниковым...» (*АГ*).

[5] Горький писал Пятницкому около 4/17 марта 1908 г. о своем намерении составить сборник статей о Толстом в связи с юбилеем: «Сие необходимо. Видимо, мещанство хочет уцепиться за Толстого и создать вокруг его грандиозно пошлый кавардак. Я получил целый ряд приглашений написать заметки о моих впечатлениях о Л⟨ьве⟩ Н⟨иколаевиче⟩. Все приглашатели разновидные Сергеенки.

В нашем сборнике были бы статьи:

С. Попов — общая характеристика Л. Н. как художника,

Базаров — Анархизм Толстого,

Луначарский — Религиозные воззрения,

Войтоловский — Психология масс у Тол⟨стого⟩,

Я — небольшая заметка о личности.

И еще несколько статей.

Время требует, чтобы наша группа определенно и резко выступила против этого хаоса и анархизма в литературе и в жизни» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 235).

Издание сборника не было осуществлено. Свое намерение написать очерк личности Толстого Горький осуществил много лет спустя, создав литературный портрет «Лев Толстой» (1919—1923).

[6] «Проект воззвания» «От Комитета почина празднования 80-летнего юбилея Льва Толстого» был напечатан в газ. «Русь» (1908, № 50, 20 февр. / 4 марта). Отрицательная оценка Горьким «Проекта воззвания» определялась, по-видимому, тем, что «Комитет почина», сформировавшийся в газ. «Русь», был очень разнохарактерен по своему составу. Наряду с Короленко, Златовратским и Репиным в него входили Хомяков, Милюков, Струве и др. «Проект» не содержал никакой определенной точки зрения на Толстого, текст его состоял из штампованных громких фраз и не намечал конкретной программы мероприятий. Созданный в июле 1908 г. на съезде представителей русской печати, Комитет для ознаменования юбилея Толстого принял решение о кооптации в состав Комитета трех лиц: Горького, Андреева и Плеханова. Горький отказался от участия в юбилейном Комитете. Мотивы своего отказа он изложил в письме к С. А. Венгерову. Отдавая должное гению Толстого-художника («Граф Лев Толстой — гениальный художник, наш Шекспир»), Горький резко выступал против его философских и политических взглядов: «...с лишком двадцать лет с этой колокольни раздается звон, всячески враждебный моей вере (...) Нет, он мне чужой человек, несмотря на великую его красоту» (*XXIX*, 74).

[7] Речь идет о повести «Исповедь». Впервые напечатана в изд. Ладыжникова в мае 1908 г., затем в XXIII *сб. «Знания»* (1908).

[8] Об отношениях Горького и Луначарского см. *Арх. Г.*, т. XIV, где опубликована их переписка, а также ст.: *Трифонов Н. А.* А. В. Луначарский и М. Горький. (К истории литературных и личных отношений до Октября) // М. Горький и его современники. Л.: Наука, 1968.

С начала января 1908 г. по декабрь 1909 г., с некоторыми перерывами, Луначарский с семьей жил на Капри.

[9] Михаил Федорович *Фроленко* (1848—1938) — революционер-народник, один из организаторов убийства Александра II. Фроленко приехал на Капри в середине марта 1908 г.

Сергей Иванович *Гусев-Оренбургский* (1867—1963) — писатель, печатался в изд-ве «Знание»; после 1917 г.— эмигрант. Приехал на Капри в начале апреля 1908 г. Андреев в это время на Капри не приезжал.

[10] Амфитеатров приехал на Капри в конце апреля 1908 г.

[11] Сб. Амфитеатрова «Женское настроение».

22. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. 12 апреля 1908 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Сегодня поехала к Вам кулебяка с рыбою и снетками. Трепещем, в каком-то виде дойдет?

Получили ли вино? Рассчитываю скоро быть у Вас на Капри. Желаю Вам всего хорошего. Привет Марии Федоровне. До свидания.

Ваш Ал. Амфитеатров

23. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Между 13 и 19 апреля 1908 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Третьего дня начал писать вам длинное письмо о кулебяке, которая получена и съедена немедля, о вине, кое еще не получено до сего дня,— писал о сих вещах глубокомысленно и подробно[1], и вдруг посыпался на Капри русский народ.

Прекрасный русский народ — Гусев-Оренбургский, Винниченко[2], малорусс-беллетрист, Богданов, еще один хохол, еще беллетрист, и еще, и еще!

И еще приедут не сегодня-завтра несколько хороших людей[3], а посему — вам бы тоже упасть сюда яко капле росы с небес — что вы скажете? Богданов прочитал два чудесных реферата о своем «Эмпириомонизме»[4] — прочитает и третий, а это дьявольски интересно и — освежает.

Вышел сборник «Литературный распад»[5] — книжка ничего себе, прочитайте, есть веселые страницы. Так вот: ждем. К тому же — пасха, время, когда надо гулять.

ПИСЬМО АМФИТЕАТРОВА ГОРЬКОМУ НА ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ОТКРЫТКЕ
Кави, 12 апреля 1908 г.
Архив Горького, Москва

А кулебяка, действительно, вещь! Все народности, дом мой населяющие, единогласно признали ее достоинства. Кто сотворил кулебяку? Донеслось ли до существа сего единодушное наше ура в честь его талантища? Передайте наше спасибо кулебяк-мейстеру. Что же до вина касается — штилем Ф. Сологуба говоря,— то начинаю думать, что итальянские почтари, не довезя оное до Капри, сами его, дорогой, выглохтят, как, однажды, искурили папирос моих три тысячи.

Здесь — хорошая погода и прекрасное настроение. Гляжу на окружающих с восторгом и думаю с гордостью словами суздальскими:

А и крепок этот русский — не изломится!

А и жиловат, миляга,— не изорвется![6]

Очень хорошо! К тому же м. б. явится Шаляпин[7].

Вы пишете?

Кланяюсь супруге вашей, и благодарю ее — все благодарим, ибо — она до кулебяки тоже причастна и хлопотала, разумеем.

До свидания! До скорого? А — супруга — не могла бы сюда передвинуть себя? Чудесно бы!

Александр Валентинович! Представьте себе пьесу — трагедию, комедию — все равно! — Сцена. Собрались актеры. Сказаны первые реплики. И — вдруг — общее смущение всех героев. Молчание некое, и затем — косноязычная болтовня и отсебятина. В чем дело? Очень просто — суфлер сбежал! Понимаете — нету его! М. б.— пьян, м. б.— свидание любовное, но — всего вероятнее, что он раньше актеров понял, что пьеса бездарна, и — сбежал!

Сие есть картина символическая, изображает же она состояние российской литературы. Приедете — буду читать свою повесть[8]. А вы — свое. А Гусев — свое. Господи! что может быть лучше литературы честных людей, людей, которые любят жизнь, любят природу и до слез ра-

достно чувствуют этот великолепный праздник — быстрый ход земли во вселенной!

На сем месте — кончаю. Ибо могу наговорить такой лирики, что вы смеяться будете.

Очень уж я рад тому, что у нас, в нашей русской жизни, намечается, и очень уж хорош русский человек, когда он хорош.

Но уж если подл, то — презренно!

Крепко жму вашу грациозную ручку. Кланяюсь, желаю радостей, успехов, здоровья.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова Горькому от 12 и 20 апреля 1908 г.

[1] Упомянутое письмо Горького, по-видимому, не было закончено и отправлено, его текстом *АГ* не располагает. 12 апреля 1908 г. (дата почт. шт.) Амфитеатров послал Горькому открытку с сообщением, что к нему «поехала кулебяка».

[2] Владимир Кириллович *Винниченко* (1880—1957) — украинский писатель, один из руководителей националистической контрреволюции на Украине (1917—1920), министр Центральной Рады, эмигрант.

Горького привлекали демократические тенденции раннего творчества Винниченко, но с годами его отношение к Винниченко менялось. Уже в конце 1909 г. он подверг критике пьесу Винниченко «Базар» (Г—А, п. от середины июня 1909 г., прим. 1). Резко отрицательную оценку Горького получили романы Винниченко «Честность с собой» и «Заветы отцов».

[3] В это же время Горький сообщал Е. П. Пешковой: «...сейчас здесь — Елпатьевский, Гусев, Измайлов, Трейшер, Винниченко. А у меня живет Богданов с женой, да еще пара людей, да художница Боткина — дочь знаменитого Сергея Петровича. На днях жду Базарова и Степанова — приедут они,— явится Ленин и — недели на две затянется длинный разговорище на темы чрезвычайно сложные и «мудрые». К сему прибавь — Луначарского» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 49).

В конце января 1908 г. Горький писал Ладыжникову: «Луначарский здесь уже. Затеваем мы с ним устроить маленький литературный съезд для комбинаций действий и дележа мыслями. Завлекаем сюда Ильича, Богданова, Базарова...» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 173). См. также вступ. ст. к переписке.

[4] «Эмпириомонизм» — один из основных философских трудов Богданова (1904—1906), в котором выдвигалась идея о мире как едином организованном опыте. Эта идея живо интересовала и Горького, размышлявшего в те годы о коллективизме и коллективном опыте. К тому же он высоко ценил личность Богданова, разносторонность его интересов. Однако вскоре, столкнувшись с Богдановым по работе в каприйской школе, Горький изменил свое отношение к нему. В 1908—1909 г. В. И. Ленин в письмах Горькому резко критиковал субъективно-идеалистическую философскую концепцию Богданова. Развернутая критика эмпириомонизма содержится в книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (1909).

[5] Литературный распад. Критический сборник. СПб.: изд-во «Звено», 1908. Кн. I. В сборнике были напечатаны ст.: Горький «О цинизме», Ю. Стеклов «Социально-политические условия литературного распада, П. Юшкевич «О современных философско-религиозных исканиях», А. Луначарский «Тьма», Л. Войтоловский «Истоки русского модернизма» и др.

[6] Измененные строки из былины об Илье Муромце и Идолище поганом:

А и крепок татарин — не изломится!
А и жиловат, собака,— не изорвется!

[7] Шаляпин приехал на Капри в конце апреля и уехал в начале мая 1908 г.

[8] Речь, по-видимому, идет о повести «Исповедь», которую в это время Горький закончил.

24. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna. 1908.IV.20

Дорогой Алексей Максимович.

Спасибо за письмо. Надеюсь быть у Вас дён через десять.

Утешен фурором кулебячным и огорчен винным провалом. Сегодня же наведутся на этот счет строжайшие справки.

Могу кричать, как дикари, когда Колумб приплыл в Америку: — Увы! увы! нас открыли!.. Потому что ходят-бродят русские и снимают в окрестностях квартиры. Впрочем, покуда все ребята хорошие. Один из

Колумбов — Колосов, сотрудник «Русского богатства»[1] — очень просил меня, буде писать Вам буду, кланяться Вам весьма и напомнить имя его. Он пишет громадную работу о Михайловском[2] и, вероятно, оказывается недостаточно правоверен, так как на редакционную цензуру рычит зело, и очень экзаменовал меня, что — если мол «Знание» обзаведется литературно-критическим отделом, то нельзя ли будет туда проникнуть.

Если мой план насчет Ферреро[3] Вам продолжает улыбаться, то к осуществлению оного у меня теперь все сорганизовано. Имеются пять (три на месте — два в Сори и один в Пизе, да два приезжают) переводчиков, хорошо знающих итальянский язык и достаточно грамотных по-русски, которые таковую работу могут беспрепятственно исполнить, считая по 8 страниц в день, в течение 2 месяцев. Месяц надо положить на окончательное редактирование к печати (стилистическое). Стало быть, вопрос только в материальных условиях, чтобы публика эта была обеспечена на время перевода и не нуждалась бы в постороннем заработке стомаха * для. Всего у Ферреро вышло 2423 страницы, что для пяти работников составит по 8 страниц в день, 61 рабочий день. Я думаю, что если бы можно было авансировать им 1500 франков в один или в два приема, глядя по работе, то это совершенно бы разрешило и устроило вопрос. Я не знаю, как «Знание» платит за переводы, а потому и не намекал даже ни на какие условия. Если можно, напишите мне насчет этого поскорее. Достоинство перевода я Вам гарантирую своим редактированием, коему предаться обещаю.

Сяду писать рассказ-памфлет, один из тех, о которых мы говорили[4]. Теперь здесь дразним бедного Айзмана, который, столь неожиданно для себя, ко порнографам сопричислен[5] обретося. Человек жаждал «славы» и, можно сказать, пресыщен ею по горло. На днях порнограф и порнографиня покидают Кави и едут в Питер. Его пьеса принята на Александринку[6].

Привезу я к Вам пьесу большую[7], которую кончил-таки, дней через пяток будет она переписана, и я ее в пятый раз проредактирую и точку поставлю. Написал я капиталистическую Москву, околевающую и изъёрничавшуюся Собачью площадку, авантюристов, прихлебательскую публику из газет, театра, художества — весь бал на вулкане, под коим — террор. Писал все это — как на первый дебют, с большою любовью. Если не вышло, брошу раз навсегда всякие драматические попытки: значит, не мое это дело. Читал Айзманам, Владимировой[8], Лубковской[9] — они-то все очень хвалят. Ну а я еще весьма в сомнениях и трепетах. Конечно, буду еще много работать над нею, но в ход-то пустить придется ее в том виде как есть, ибо дорога к постановке длинная, а путь пьес из-за границы — черепаший. Императорские театры, для меня, закрыты. Следовательно, если художественники[10] пьесы не возьмут, она останется только для чтения. А это обязывает.

Вообще — страсть сколько у меня работы в голове и охоты к работе, пестрой и живой. Решительно неудобно помирать раньше, чем во сто лет.

Привет наш общий Марии Федоровне и Луначарским![11]

Ой, какая у Вас колоньища на Капри! Аж страшно. Очень мне интересно повидать Богданова. Я к нему чувствую большое уважение.

По письму видать, что Вы здоровы и в духе. Лучше чего — желать нельзя! Продолжайте совершенствоваться в этом же направлении.

Да! Я очень заинтересовал Лубковскую оперою Вашего Жана Нугэс[12]. Ей нужны новинки для великосветского сезона 1909. На днях она будет в Неаполе. Если Нугэс интересуется поставить свою «Чикиту» в Одессе, то сможет ли он побывать в Неаполе? Потому что Лубковская насчет мореплавания человек ненадежный и к слову «остров» относится с свя-

* желудок (*греч.*).

щенным трепетом. Известите меня, пожалуйста, немедленно — ежели Нугэс принципиально не прочь против одесского дебюта, то как ему телеграфировать насчет приезда в Неаполь?

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Посылаю Вам «Пять пьес»[13] — для «полного собрания сочинений», а не для чтения, ибо такового они, с полною искренностью говорю, не заслуживают.

[1] Евгений Евгеньевич *Колосов* (1879—1937) — журналист, сотрудник журн. «Русское богатство», эсер, знакомый Пешковых по Нижнему Новгороду. В п. Е. П. Пешковой Горький советовал ей с сыном Максимом поселиться в Кави ди Лаванья, сообщая, что там «хорошо, и дешево, и много интересного народа с семьями. Там Колосов, Булгаков и другие...» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 94). См. также о Колосове: *Ратнер А. В.* Он родился в Нерчинске // В мире книг. 1979. № 1. С. 71.

«*Русское богатство*» — общественно-политический, научный и литературный журнал, издававшийся в Петербурге с 1876 до середины 1918 г. С начала 90-х годов — орган либерального народничества.

[2] Николай Константинович *Михайловский* (1842—1904) — публицист и литературный критик, теоретик либерального народничества, один из основателей и редакторов журн. «Русское богатство».

Колосову принадлежат две книги о Михайловском: «Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского. Опыт литературного анализа» (СПб., изд-во «Общественная польза», 1912) и «Н. К. Михайловский. Социология, публицистика, литературная деятельность, отношение к революционному движению», под ред. Р. Иванова-Разумника (Пг., изд-во «Общественно-политическая библиотека», 1917).

[3] Гульемо *Ферреро* (1871—1942) — итальянский историк, психолог и публицист. Министр в кабинете Муссолини в 1922 г. С 1930 г.— эмигрант, антифашист, профессор в Женеве; автор ряда работ по истории древнего Рима. Амфитеатров предлагал издать в «Знании» главный труд Ферреро — «Величие и падение Рима» (1902—1907). «Огромное впечатление произвел на меня в свое время (1907) великолепный труд Ферреро — „Величие и упадок Рима“ ⟨...⟩ Грандиозное творение Ферреро поразило меня общностью во множестве взглядов, а главное, в самом типе публицистической обработки исторических данных, которою создался мой собственный труд и которую Момсен предрекал как характерную и необходимую для XX века». Амфитеатров сообщал далее, что отложил печатанье «Зверя из бездны», решив выпустить в свет перевод труда Ферреро. Но этот замысел не был осуществлен (*Амфитеатров*. Т. 5. С. XXVIII — XXIX).

[4] О намерении Амфитеатрова печататься в сборниках изд-ва «Знание» в качестве критика и памфлетиста Горький сообщал в п. Пятницкому от 16 марта/29 апреля 1908 г.: «Здесь Амфитеатров; предлагает нам свои услуги как литературного критика-памфлетиста. Мне его планы нравятся, посмотрим, как он их выполнит» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 239). И в другом письме тому же адресату: «Кстати: мною заказано Амфитеатрову несколько литературных памфлетов, и я уверен, что он их сделает хорошо. Темы — мои. Скоро я пришлю их вам. Если вы найдете их неудобными для сборников, оплатите работу за мой счет ⟨...⟩ Амфит⟨еатров⟩ — очень популярен, как вы знаете, главное же, он искренно любит литературу и искренно возмущен ее порчей. Я жду от него интересных вещей» (Там же. С. 243).

Как видно из публикуемых ниже писем, вопрос о памфлетах обсуждался писателями до декабря 1909 г. Особенно большое значение придавал Горький созданию памфлета, в котором должен быть выведен собирательный тип писателя-декадента. Он же дал ему имя Смертяшкин, ставшее впоследствии нарицательным. Позже Амфитеатров отказался от работы над памфлетами. В 1912 г. Горький возвратился к давно вынашиваемому образу и в цикле «Русские сказки» (сказка III) создал собирательный образ писателя-декадента Евстигнея Закивакина, избравшего себе литературный псевдоним Смертяшкин.

[5] Намек на реакцию, которую вызвали у передовых читателей повести Айзмана «Белый роман» и «Черный роман» под общим заглавием «Любовь», напечатанные в арцыбашевском альманахе «Жизнь» (1908, № 1). В том же альманахе публиковались «Миллионы» Арцыбашева, «Морская болезнь» Куприна, «Грех» Муйжеля и др. Горький воспринял новые повести Айзмана как дальнейший шаг на пути его отхода от революционно-демократических традиций «Знания» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 162).

[6] По-видимому, речь идет о пьесе Айзмана «Жены» (СПб., изд-во «Театр и искусство», 1909). Поставлена Александринским театром на сцене Михайловского театра в Петербурге в декабре 1908 г. (Русское слово. 1908. № 293. 18 дек.). В дни, свободные от спектаклей, Александринский театр использовал сцену Михайловского оперного театра.

[7] Пьеса Амфитеатрова «Княгиня Настя».

В. И. ЛЕНИН НА КАПРИ В ГОСТЯХ У ГОРЬКОГО

В. И. Ленин (сидит слева) играет в шахматы с А. А. Богдановым (сидит справа). В центре за столом — Горький. В кресле — М. Ф. Андреева. Слева: сидит — В. А. Базаров (Руднев), стоит — В. К. Таратута

Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, между 23 и 30 апреля 1908 г.

Музей Горького, Москва

[8] Возможно, Л. Владимиров — историк и журналист, специалист по балканскому вопросу, автор статей «Война и Балканы». См.: *Арх. Г.* Т. XIV. С. 140.

[9] Мария Мечиславовна *Лубковская* — оперная певица, пайщик Оперного товарищества Прянишникова (Тифлис, Киев, Москва). Лубковской Амфитеатров посвятил вторую часть романа «Сумерки божков».

[10] Имеется в виду Московский художественный театр.

[11] Луначарскому и его жене Анне Александровне Луначарской (1883—1959).

[12] Жан *Нугес* (1875—1932) — французский композитор, автор оперы «Камо грядеши» (1909) на сюжет романа Г. Сенкевича. Бывая на Капри, играл для Горького и его окружения. В России были поставлены оперы Нугеса: «Красная гостиница» (на сюжет философского этюда О. Бальзака, 1910), «Камо грядеши?» (1912), «Орел» (1912). Постановка его оперы «Чикита» не была осуществлена.

[13] Речь идет о сб. Амфитеатрова «Пять пьес» с посвящением М. Н. Ермоловой (СПб., изд-во «Общественная польза», 1908). В книгу вошли: «Полоцкое разорение», «Отравленная совесть», «Virtus antique» («Оруженосец»), «Волны» («В стране любви»), «Чёртушка».

25. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Апрель, не ранее 22, 1908 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

Через десять-то дней Богд⟨анов⟩ уедет, да и все, наверное, разъедутся. О Нугесе известит М⟨ария⟩ Ф⟨едоровна⟩.

А о Ферреро — не могу сказать ни да, ни нет, ибо не ведомо мне отношение Пятницкого [1].

Сегодня ему написал, ответ же получу лет через шестнадцать, в лучшем случае.

Книгу вашу еще не получил[2], а получив — прочитаю, не внимая совету вашему.

Памфлетов ожидаю — три. С нетерпением.

Всего доброго всем!

Ускорить свое появление не можете?

А. Пешков

Датируется по предшествующему письму.

[1] П. Горького Пятницкому по поводу издания сочинений Г. Ферреро *АГ* не располагает.

[2] «Пять пьес».

26. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Май, не позднее 10, 1908 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Вы забыли привезти «Царь-Голод»[1] — авторский экземпляр, взятый вами в прошлый еще приезд. Пришлите сию книгу.

Пьеса ваша — поехала[2].

Очень прошу вас — не рассказывайте разным людям о затеваемом нами издательстве и о возможном участии в нем Федора[3]. Говорить об этом преждевременно. А лишний разговор может повредить делу, серьезность коего для меня неизмерима.

Как доехали?[4]

Поклон всем вашим.

А. Пешков

P.S. А не согласитесь ли вы убрать в корректуре имя Шаляпина?[5] Есть что-то лишнее в этом, что-то, напоминающее фельетон. Будьте добренький!

Датируется по п. Амфитеатрова Горькому от 12 мая 1908 г.

[1] Драма Андреева «Царь-Голод» впервые напечатана изд-вом «Шиповник» (СПб., 1908, с иллюстр. Е. Лансере); для закрепления авторских прав за границей она, как и другие произведения Андреева, была выпущена изд-вом Ладыжникова. Горький дал отрицательную оценку пьесе. «...Если Леонид с этой тропы не сползет,— писал он Пятницкому,— быть ему в мракобесах!» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 237). Резкой критике подверг «Царь-Голод» Луначарский в статье «Тьма» (сб. «Литературный распад», кн. 1).

[2] «Княгиня Настя». В п. Пятницкому от 26 апреля/9 мая 1908 г. Горький сообщал: «Посылаю пьесу Амфитеатрова, просил бы поместить ее рядом с „Последними" — она сливается с ними темой. Амфитеатров все более решительно идет налево, пьеса его интересна, своевременна, обнаруживает хорошее знание быта. Он не скомпрометирует „Знание", как это могут сделать куприноообразные люди, талантливые, но — пустые внутри и в опьянении вином и славой не разбирающие дорог» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 247).

В связи с печатанием в *сб. «Знания»* пьесы «Княгиня Настя» Амфитеатров писал Пятницкому: «Соединиться со „Знанием" я тоже очень рад. Собственно говоря, давно пора бы стать — думаю и надеюсь, что к взаимной пользе. Вы знаете по печати, что я всегда относился к „Знанию" дружественно и с большою симпатией. Теперь же надеюсь и поработать для него хорошенько» (*АГ*).

Пьеса «Княгиня Настя» напечатана в XXIV *сб. «Знания»* за 1908 г. с подзаголовком «Роман для театра»; пьеса Горького «Последние» (в ранних редакциях «Отец») — в XXII *сб. «Знания»* за 1908 г.

[3] Речь идет о неосуществленном намерении Горького издавать «Энциклопедию для изучения России». Материальную поддержку в организации издания должны были оказать Шаляпин и известный русский музыкант и дирижер С. А. Кусевицкий (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 39—41). План издания «Энциклопедии для изучения России», выработанный совместно с Базаровым, Богдановым, Луначарским, был подробно изложен Горьким в п. Пятницкому от 17/30 апреля 1908 г. (*Арх. Г.* Т. IV. С. 244).

[4] Амфитеатров, Шаляпин с женой, Ладыжников и Базаров уехали с Капри около 8 мая 1908 г. (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 35).

[5] Речь идет об исключении из текста пьесы «Княгиня Настя» упоминания имени Шаляпина. Амфитеатров выполнил просьбу Горького.

АМФИТЕАТРОВ НА КАПРИ

Рисунок М. С. Боткиной (бумага, карандаш). Справа под изображением: «М. Боткина, 1908 г. Capri»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

27. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna. 1908.V.12

Дорогой Алексей Максимович.

«Понту преплывше», свершили мы странствие благополучное и приятное. Федор все время спал, как сурок, Марья Валентиновна [1] немножко пострадала, а мы с Базаровым [2] созерцали прыгающих дельфинов. В Неаполе потеряли было Базарова, но он обнаружил находчивость гениальную и сам обрел нас в ресторане Giardini internazionali. Уехали в Рим ночью, предварительно найдя в Gambrinus'e Ладыжникова. Вообще день, вечер и утро прошли в сменах неожиданных встреч и неожиданных исчезновений. В Риме мы очень спокойно уселись пить кофе с Федором, тогда как Мария Валентиновна и Иван Павлович [3] отправились за какою-то покупкою, в уверенности, что наш поезд отбывает в 9 часов. Смотрю в путеводитель: в 8. Расцеловались с Федором, и спешу вскочить в первый попавшийся вагон — с Марьей Вал. и Ладыжниковым так и не простился. Был вознагражден за потерю встречею с Анатолем Франсом. Любопытный мужчина. Говорили долго и много — без знакомства, сидя за одним столом вагона-ресторана.

Дома застал дела неприятные. Новые мои сборники — «Современники» (Лев Толстой, Новый Горький, Леонид Андреев, Давид Айзман, Бальмонт) и «Красивые сказки» — конфискованы [4]. Первый — за цитаты из запрещенных стихов Бальмонта. Второй — черт их знает за что: собрание всевозможных обрывков средневекового фольклора. За фамилию, должно быть. Еще одно дело по 73! [5] Чего-чего другого, а уж этого безобразия ждать я никак не мог, и оно меня сильно сажает на мель.

Поэтому думаю просить Вас — яко возможно, поторопите «Княгиню Настю», дабы она не лежала на боку, но трудилась бы и родителя своего кормила. Едучи путем-дорогою, думал я о ней и о 20 000 экз., которые

обычно печатает Пятницкий, и пришел к тому убеждению, что раз таков обычный всероссийский тираж, то — для московского на сей раз следовало бы увеличить. Говорю сие не по литературному самомнению, а потому, что Москву знаю: шибко бросится она искать портретов, намеков и т. д.

Как только свалю черновой набросок 2-го тома «Сумерков божков» [6], сяду за памфлеты. Три хорошие темы имею. Две обработаю к июню, не знаю, справлюсь ли с третьею. Смертяшкин-то у меня выйдет [7].

Пришла новая корректура «Против течения» [8]. Прислать Вам?

Айзман совсем раскис и убит рознью с Вами. Напишите ему поскорее, ибо моим утешениям он плохо внемлет [9].

Был у меня Тарле [10]. Рассказывал нового не весьма много и не слишком любопытно. В университете сильные профессорские брожения даже на правой. Шварц [11] ухитрился бестактностью своею вывести из себя даже такого зубра, как А. И. Соболевский! [12]

Уж очень у нас тут хорошо и просторно. Однако наехали и к нам россияне.

Собираюсь шибко работать и на сем основании наложил на себя воздержание от вина на целый месяц. Три дня прошло без нарушения. К июню восстановлюсь в совершенстве.

У нас в доме повальный благоговейный восторг пред «Исповедью». Я уже в третий раз читаю, и мне все больше и больше она нравится. Вечной красоты и правды полна эта вещь удивительная. И уж до чего она — русская! Очень мне любопытно, как примут иностранцы этот славянский калейдоскоп религиозной мысли: поймут или в тупик станут и обидятся?

Кулебяки не получите до моего приезда: говорят, будто начинка не выдержит майской температуры и протухнет на почте. Суррогатом едет к Вам кулич.

Соболевского посылаю [13].

Будьте здоровы, веселы и в духе, и да очистятся внутренние склянцы Ваши при помощи боткинских капель, а еще лучше — чтобы они сделались ненужными к употреблению. Мария Федоровна! Мой Вам привет и от всего Кави нашего!

Всего Вам и всем каприйским людям самого прекрасного, и ученикам.

Ваш А. А.

[1] Шаляпин; Мария Валентиновна — его жена.

[2] Владимир Александрович *Базаров* (наст. фамилия *Руднев*, 1874—1939) — социал-демократ, экономист, философ, переводчик работ К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1905—1907 гг. участвовал в большевистских изданиях, затем отошел от большевиков, вместе с Богдановым выступал с ревизией марксизма.

[3] И. П. Ладыжников.

[4] Речь идет о втором издании сб. Амфитеатрова «Современники» и «Красивые сказки». В новом издании «Современников» Амфитеатров цитировал запрещенные стихотворения Бальмонта, печатавшиеся в 1906 г. в «Красном знамени». Сб. «Красивые сказки» (СПб., изд-во «Просвещение», 1908, посвящен Вас. И. Немировичу-Данченко) включал обработанные Амфитеатровым краткие новеллы — легенды различных народов: норвежские, итальянские, фламандские, острова Корфу, украинские, закавказские и др. Сб. «Современники» (М., тип. А. П. Поплавского, 1908) изъят из продажи. См.: Книжная летопись. 1908. Т. 1. № 16. 19 апр. С. 21.

[5] 73—74-я ст. «Уголовного уложения» (СПб., Сенат. тип., 1903), по которой привлекались лица, обвинявшиеся в «святотатстве в печати».

[6] Амфитеатров писал вторую часть романа «Сумерки божков» — «Крестьянская война».

[7] См.: А—Г, п. от 20 апреля 1908 г., прим. 4.

[8] Сб. статей Амфитеатрова «Против течения» (СПб., изд-во «Прометей», 1908) был посвящен критике декадентства в русской литературе. В нем были напечатаны статьи об Андрееве («Талант во тьме»), Арцыбашеве («Протест В. П. Санина»), фельетон «Карьера литератора Вьеннупульского» — восходящей звезды литературного декадентства и др.

[9] 21 апреля 1908 г. Горький писал Айзману: «Мое отношение к пессимизму и ко всем иным выражениям психического распада личности в русской литературе — становится все более враждебным (...) Не сердитесь на меня, но я не могу скрыть от себя, что наши дороги резко расходятся. Ваши рассказы в сборнике „Жизнь" произвели на меня тяжкое впечатление, хотя я их знал раньше. Но в этой грязной книге, где все авторы насилуют женщину, Ваши вещи еще более проиграли в моих глазах (...) Вас, конечно, не касается мое возмущение, как Ваши произведения не трогают русскую женщину, я говорю о других. Но, поскольку и Вы сливаетесь с Арцыбашевым и К°,— мне искренно грустно за Вас и жаль Вашего таланта. Он был такой задушевный, лирический, славный. Извините за правду, если она сказана грубо» (*XXIX*, 60—61).

[10] Евгений Викторович *Тарле* (1875—1955) — историк. В 1903—1917 гг. приват-доцент Петербургского университета.

[11] Александр Николаевич *Шварц* (1848—1915) — в 1908—1910 гг.— министр народного просвещения, член Государственного совета. Известен как крайний реакционер. По его указанию была отменена университетская автономия, запрещен прием женщин-вольнослушательниц в высшие учебные заведения, введена процентная норма при приеме евреев во все высшие учебные заведения.

[12] Алексей Иванович *Соболевский* — ученый-филолог (1856—1929), профессор Киевского и Петербургского университетов, академик (с 1900 г.), автор трудов по истории русского языка, этнографии, истории древнерусского искусства, археологии, фольклору.

[13] Речь идет, по-видимому, о кн.: Великорусские народные песни/Собр. А. И. Соболевским. СПб., 1895—1902. Т. 1—7.

28. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья. 12 мая 1908 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Только что написал Вам письмо, как получил от Вас. Я ничего и никому не могу рассказывать о том, что Вы предполагаете с новым издательством, уже по той простой причине, что сам ничего не знаю, ровно как и участие Федора [1] мне было безызвестно.

«Царь-Голод» посылаю. Относительно убрания Шаляпина [2] — конечно, возможно, но — кем его заменить? Это единственное артистическое имя, общеизвестное бесспорно, т. е. даже там, где Шаляпина никогда не слыхивали. В «Последней жертве» Островского так упоминается имя Патти и Росси [3]. Надо что-нибудь придумать. Конечно, можно выбросить и весь этот штрих, да жалко отнимать его у актера. Очень рад, что «Настя» в Питер поехала [4], а то я преглупо оскудел.

Еще раз приветы и пожелания!

Ваш А. А.

Вот — думал к письму приписку сделать, а они уж уехали. Посылаю вдогонку.

Пришлите, буде можно, литературный «Распад» [5].

Датируется по предшествующему письму, написанному в этот же день, т. е. 12 мая.

[1] Шаляпина.

[2] См.: Г—А, п. от мая, не позднее 10, 1908 г., прим. 5.

[3] В пьесе А. Н. Островского «Последняя жертва» (действие первое, явление седьмое) упоминаются имена великих итальянских артистов — певицы Аделины *Патти* (1843—1919) и трагика Эрнесто *Росси* (1827—1896). Амфитеатров был лично знаком с Росси, часто гастролировавшим в России, и написал о нем очерк (сб. «Курганы», СПб., изд-во «Общественная польза», 1903).

[4] Пьеса Амфитеатрова «Княгиня Настя».

[5] Сб. «Литературный распад».

ГОРЬКИЙ, М. Ф. АНДРЕЕВА, А. Н. ТИХОНОВ, А. А. БОГДАНОВ И Е. А. ЖЕЛЯБУЖСКАЯ НА ВЕРАНДЕ ВИЛЛЫ «СПИНОЛА»
Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1908—1909
Музей Горького, Москва

29. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di L(avagna). 1908, мая 22

Дорогой Алексей Максимович.

Не знаю, как будет с «Княгиней Настей» дальше, но вчера прислал мне Владимир Немирович[1] архилюбезное письмо, из оного я заключаю, что репертуар их не весьма в авантаже обретается и пьеса им очень нужна. Отправил вчера Немировичу два экземпляра. Очень интересно, что из всего этого выйдет.

От Пятницкого, покуда, вестей не имею.

Что-то замедлились последние листы «Против течения», к большому моему неудовольствию.

У нас Горелов[2]. Совсем он, бедняга, болен. Ему бы не играть, а лежать надо было в сезоне предстоящем. Но денег нет, и долгов много. Ничего не поделаешь и противу рожна не попрешь.

Я усиленно работаю над 2-ю частью «Сумерков божков»[3], и пришлось написать предисловие и кое-какие новые вставки к новому изданию «Марьи Лусьевой»[4].

Очень я удручен трехтысячным штрафом, обрушившимся на Сытина за мои «Фантастические правды»[5]. Если бы я мог подозревать, что дикость Гершельмана[6] в состоянии дойти до такого безобразия, то продал бы книгу кому-нибудь в Москве, а не в Петербурге, где, я уверен, она прошла бы без дурных последствий и много-много, если с временным арестом. А сейчас, конечно,— ад для всей России.

Думаю поговорить с Ладыжниковым для заграницы, покуда не переиздал кто-нибудь проворный и прыткий, вроде Каспари[7]. Как Вы полагаете?

Благополучно ли добрался кулич и книги? Экземпляр последних, пожалуйста, передайте А. А. Луначарской, с поклоном и благодарностью.

До свидания. Как живете? Сердечный привет Марии Федоровне и Зиновию Алексеевичу [8]. И да здравствуют все домочадцы и люди каприйские! Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров

[1] Владимир Иванович *Немирович-Данченко* (1858—1943) — режиссер, один из основателей и руководителей Московского художественного театра.

[2] Сергей Иванович *Горелов* (1877—1916) — артист.

[3] «Крестьянская война».

[4] Речь идет о третьем издании повести Амфитеатрова «Марья Лусьева» (СПб., изд-во «Общественная польза», 1908; 1-е изд.— 1904). Повесть посвящена истории молодой интеллигентной девушки, которая стала жертвой темных дельцов — организаторов тайной проституции, маскируемой «домашними» условиями жизни.

[5] Иван Дмитриевич *Сытин* (1851—1934) — издатель. Основал в 1883 г. издательскую фирму «Т-во Сытина и К°», владелец газ. «Русское слово». О книгоиздательской деятельности Сытина см.: *Сытин И. Д.* Жизнь для книги. М., 1962; Здесь же опубликованы письма Горького Сытину, статья «400 лет русского книгопечатания (1564—1964)» (М., 1964, т. 2).

Возбужденное в 1908 г. судебное дело о брошюре Амфитеатрова «Фантастические правды» было закончено 17/30 ноября 1909 г., о чем было напечатано сообщение в газ. «Русское слово»: «Вчера в окружном суде при закрытых дверях слушалось дело директора-распорядителя Издательства тов-ва И. Д. Сытина, привлеченного к ответственности за издание брошюры Амфитеатрова „Фантастические правды". Брошюра посвящена изображению событий в Прибалтийском крае. Комитет усмотрел в брошюре признаки оскорбления должностных лиц. Суд оправдал Сытина» (Русское слово. 1909. № 265. 18 нояб./1 дек.).

[6] В фельетоне «Гоголевские дни» Амфитеатров упоминает о Гершельмане: «Не без страха высматривал я в толпе, вокруг меня пестревшей, генерала Гершельмана. Это чрезвычайно обидчивый человек. Он может простить все, что ни говорят о нем самом, но никак не извиняет, если это относится к чину или званию (...) Что касается его цензурного проекта, то покуда, кажется, генерал Гершельман остался с носом» (*Амфитеатров.* Заметы сердца. СПб., 1909. С. 11—12).

[7] Альвинг Андреевич *Каспари* (1836—1913) — издатель и книгопродавец. Начал самостоятельную деятельность в Петербурге в 1870 г. Большую популярность получили книжные серии Каспари «Библиотека романов» и «Дешевая библиотека русских классиков», а также научно-популярные издания, напр. «Всемирная история» в четырех томах (СПб., 1902—1904) и др.

[8] Зиновий Алексеевич *Пешков* (Зиновий Михайлович Свердлов. 1884—1966) — французский генерал и дипломат, брат Я. М. Свердлова, был связан с Горьким по Нижнему Новгороду. В 1902 г., как свидетельствовал Горький, З. М. Свердлов принял православие для поступления в Императорское училище филармонии. При крещении он принял фамилию Пешков и отчество Алексеевич. В 1904 г. эмигрировал, жил в Америке, во время пребывания Горького в Америке находился вместе с ним, затем отправился в Новую Зеландию, а оттуда приехал на Капри к Горькому. Во время первой мировой войны вступил волонтером во французскую армию, был тяжело ранен, потерял руку. Приняв французское гражданство, З. А. Пешков несколько лет находился на дипломатической работе, после чего вновь вернулся в армию, командовал Иностранным легионом в Марокко (1921—1926 и 1937—1940). В 1941 г. сражался в войсках де Голля. Награжден орденом Почетного легиона. На протяжении многих лет Пешков переписывался с Горьким.

После смерти З. А. Пешкова все письма Горького, хранившиеся у него, а также автографы первых двух страниц повести «Мать» по его завещанию поступили в *АГ*. О том, как это произошло, см. выше ст. И. С. Зильберштейна «М. Горький и литературное наследство».

О встречах с З. А. Пешковым см. интервью И. С. Зильберштейна «Три месяца поисков» (Лит. газ. 1966. № 75. 28 июня); см. также: *Зильберштейн И. С.* Культурные ценности возвращаются // Сов. культура. 1980. № 41. 20 мая.

30. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Конец мая, не ранее 24, 1908 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

До сего дня из Питера нет обратной расписки в получении «Кн(ягини) Насти». Беспокоюсь.

О Ладыжникове — ничего не могу сказать, ибо его дела, как знаю, находятся на повороте [1]. Вы предложите ему и — в такой форме: будете давать какому-либо журналу все ваши статьи прежде выхода их в России. Вероятно, это осуществится.

ШУТОЧНАЯ СЦЕНА «ЛЕСЕНКА»: И. П. ЛАДЫЖНИКОВ, ГОРЬКИЙ, М. Ф. АНДРЕЕВА, Е. Ф. КРИТ, Н. И. ДЕСНИЦКАЯ, Г. ДЖОНС, Е. А. ЖЕЛЯБУЖСКАЯ, З. А. ПЕШКОВ, Е. Г. КЯКШТ

Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1907

Музей Горького, Москва

Живем — тихо, отдыхаем. Когда нет народа, я пользуюсь этим временем и — прихварываю. Но это, конечно, не суть главное мое занятие. Читаю. А также пишу [2].

Соболев‹ского› еще не получил.

А кулич прибыл разбитый в крошки, но мы их все-таки съели. Кланяюсь.

А. Пешков

Датируется по предшествующему письму.

[1] Из переписки Горького с Ладыжниковым и другими корреспондентами видно, что изд-во Ладыжникова в Берлине испытывало серьезные денежные затруднения. Стоял вопрос о закрытии издательства. Горький предложил занять деньги у М. С. Боткиной. «Временно это поддержало бы предприятие, а в конце концов — будут же у нас свои деньги!»,— писал он Ладыжникову (*Арх. Г.* Т. VII. С. 182). Вскоре затруднения были преодолены.

[2] В это время Горький начал работать над повестью о деревне («История Кузнечихи»), которую предполагал дать «к осенним сборникам» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 249). Замысел не был осуществлен. Частично он воплощен в повести «Лето». Задумал написать статью «О задачах русского писателя» (позже — «Разрушение личности») (Там же. С. 253). См. ниже.

31. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. Конец мая 1908 г.›

Дорогой Александр Валентинович!

При сем, пользуясь любезным разрешением вашим, посылаю список книг, кои хотел бы иметь [1].

Попросите вашего комиссионера послать оные книжки скорее и не брать с меня дорого.

Стало у нас тепло и благодатно, ловим мы рыбу и ожидаем гостей.

Кланяемся.

Селедки еще не приплыли.

Привет вам!

А.П

Простите — список книг поместил на обороте сего — по рассеянности, а не по скупости на бумагу, честное слово! А переписать на иной лист — не поспею на почту. Уж будьте великодушны, попросите кого-либо из ваших на машинке изобразить список. Я за это трех виол пришлю. Хороших.

А «Семи повешенных» [2] еще не имею. Получив — пришлю.

А.

Все ниже названные сочинения изданы в разное время Академией наук и по каталогу Академии имеют такие №№-а.

№ 178. Каспий. О походах русских в Табаристан.

204. Каганкатваци. История агаван.

211. Катанов. Мусульманские легенды.

248. Куник и Розен. Известия Ал-Бекри о Руси и славянах.

331. Патканьян. История императора Ираклa.

332. — — История халифов.

333. Патканьян. Осада Испагани.

460. Туманский. Китабе Акдес — священная книга бабидов.

Засим: А. Веселовский. Боккачио. (Не знаю, чье издание, кажется тоже Академии.)

Корелин. Эпоха итальянского Возрождения, 2 тома, в продаже нет. Издание — неизвестно.

Прошу не смешивать с книгой этого же автора «Очерки Возрождения», изданной «Русской мыслью» в 1896 году.

Датируется по предшествующему письму.

[1] Горьким указаны следующие книги по «Каталогу изданий Императорской Академии наук. (Издания на русском языке, вышедшие в свет по 1-е декабря 1901)». СПб., 1902. (В тексте письма исправлены неточно проставленные Горьким номера.)

178. *Дорн Б.* Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на прибрежья Каспийского моря ⟨СПб., 1875⟩.

204. *Каганкатваци.* История агаван / Пер. с армян. ⟨СПб.⟩, 1861.

211. *Катанов Н. Ф.* Мусульманские легенды. Тексты и переводы. ⟨СПб.⟩, 1894.

248. *Куник ⟨А. А.⟩*, барон *Розен ⟨В. Р.⟩*. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1 // Записки имп. Акад. наук. ⟨СПб.⟩, 1903. Т. XXXII. Кн. 2.

331. *Патканьян К.* ⟨Патканов К. П.⟩ История императора Ираклa. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII века / Пер. с армян. ⟨СПб.⟩, 1862.

332. *Он же.* История халифов Вардапета Гевонда, писателя VIII века / Пер. с армян. ⟨СПб.⟩, 1862.

333. *Он же.* Дневник осады Испагани афганами, веденный Петросом ди Саргис Гиланенц в 1722 и 1723 гг. Материалы для истории Персии. Перевод и объяснения. ⟨СПб.⟩, 1870.

460. *Туманский А. Г.* Китабе Акдес. «Священнейшая книга» ⟨современных⟩ бабидов / Текст, пер., введение и приложения А. Г. Туманского // Записки имп. Акад. наук по ист.-фил. отд. ⟨СПб.⟩, 1899. Т. III. № 62.

Далее речь идет о кн.: *Веселовский А. Н.* Боккаччо, его среда и сверстники. СПб.: тип. имп. Акад. наук. 1893—1894. Т. 1—2; *Корелин М. С.* Очерки итальянского Возрождения. М.: изд. И. Н. Кушнерева и К°, 1896.

[2] «Рассказ о семи повешенных» Л. Андреева впервые напечатан в альманахе изд-ва «Шиповник» (СПб., 1908, кн. 5). Отдельно вышел в изд-ве Ладыжникова (1908).

Горький отнесся к рассказу отрицательно, поставив его в один ряд с такими произведениями Л. Андреева, как «Тьма» и «Мои записки» (*ЛН*. Т. 72. С. 439). Однако в 1929 г. Горький отмечал, что «Красный смех» и «Рассказ о семи повешенных» относятся к тем произведениям, которые «в достаточной мере точно отражали волнения эпохи» (*XXX*, 145).

32. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

C⟨avi⟩ d⟨i⟩ L⟨avagna⟩. 1908.VI.4

Дорогой Алексей Максимович.

Список Ваш сейчас же поехал в «Прометей». Значит, книги будут недели через две. Скидку он делает 15%.

Сельди никак не могут выехать по неизобретательности отправителей насчет посудины. В жести не годится, а стекла подходящей величины никак в Кави не подберем. На днях отправим из Сестри.

Получили ли Соболевского?

Нельзя ли Вам как-нибудь подогнать в «Знании» публику тамошнюю насчет «Княгини Насти»? А то я совсем отощал в смысле сумм. В газетах-то за это время не работал — ну, и скудость. Пожалуйста, телеграфните им, буде возможно, чтобы поторопились высылкою аванса. А то вот уже две недели — «дарами провиденья, как птица божия, он жил». А на руках много хорошей и срочной работы: конец «Сумерков», Ваши памфлеты[1]. Уж очень бы не хотелось отбиваться от всего этого для газетной строчки.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Приветы М. Ф.!

Ваш А. А.

[1] См.: А—Г, п. от 20 апреля 1908 г.

33. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Первая половина июня 1908 г.⟩

Уважаемый Александр Валентинович!

Я лишен возможности исполнить Ваше желание[1],— аз есмь живу в долг. Буду иметь свободные деньги в декабре, не раньше.

Мне тяжело отказываться от услуги Вам, которая, в иное время, ничего, кроме удовольствия, не доставила бы.

Жму руку.

М. Ф. кланяется.

А. П.

Датируется по п. Амфитеатрова от 4 июня 1908 г.

[1] По-видимому, Амфитеатров обратился к Горькому с просьбой о займе денег. В его письмах того времени звучат жалобы на материальные затруднения. В связи с этим Горький просил Пятницкого: «Как только будут свободные деньги, пожалуйста, пошлите Амфитеатрову. Его книги конфискуются одна за другой, и он бедствует!» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 253).

34. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Июнь, не позднее 22, 1908 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

Турецкого содержания книги получил[1] — за что горячо благодарю! В сих книгах есть множество истинно народного — а оно наиболее человечье, наиболее мудрое.

Боккаччио[2] еще не присылали.

На днях жду Пятницкого[3]. Выслал ли он вам деньги? Его — загоняли конфискациями книг, изданных давно уже, как «Евреи» Юшкевича[4], и он сердит, яко Нептун здешний, третий день неустанно буйствующий вокруг острова нашего.

Тепло!

Жму руку и ожидаю вас

А. Пешков

Датируется по следующему письму.

[1] Речь идет о книгах, которые Горький просил купить для него.

[2] *Веселовский А. Н.* Боккаччо, его среда и сверстники. СПб., 1893—1894. Т. 1—2.

[3] Приезд Пятницкого на Капри задерживался в связи с делами по изд-ву «Знание», прежде всего с судебными процессами по поводу конфискации серии книг марксистской литературы и других изданий «Знания» (Г—А, п. от января до 30, 1907 г.). В дневниках Пятницкого 1908—1909 гг. имеются многочисленные записи о конфискации книг, вызовах к судебному следователю, составлении письменных показаний и т. д. 20 июля/2 августа 1908 г. запись о том, что Пятницкому отказано в заграничном паспорте в связи с судебными преследованиями. Только 26 августа/8 сентября 1909 г. он смог выехать из Петербурга. 1/14 сентября он приехал на Капри.

[4] Семен Соломонович *Юшкевич* (1868—1927) — писатель, печатался в *сб. «Знания»*. Здесь же вышло собрание его сочинений (1903—1908, т. 1—5). В 1910 г. Юшкевич посетил Горького на Капри. После Октябрьской революции Юшкевич эмигрировал, жил в Париже.

1 июня/19 мая 1908 г. в *Дн. Пятницкого* есть запись о конфискации повести Юшкевича «Евреи» (II *сб. «Знания»*).

35. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna. 1908.VI.24

Дорогой Алексей Максимович.

От Пятницкого половину, т. е. 500 р., я получил[1] с предложением прислать и другую половину, буде надо. Отвечал, что очень надо, и буду ждать. Как получу, к Вам прискачу.

Насчет памфлетов[2]. Стоит ли делать их? Порнографическая волна, кажется, уже прокатилась и находится в упадке. Поздняя — осенняя — полемика не даст ли только новый толчок сим заглохшим уже темам? Примите эти строки не как отказ, но как искание совета.

Боккаччио Вы, вероятно, уже получили. А Веселовского? То бишь! Соболевского?

Я послал Вам корректурный дубликат конца «Против течения». Сейчас книга, вероятно, уже вышла или выходит. Но «Прометей» — ужасный медлитель насчет авторских экземпляров: «Сумерки божков» я до сих пор не имею. А между тем мне прямо-таки необходимо мнение об этой вещи и некоторых близких умов — и прежде всего Ваше[3]. Потому что относительного этого повествования я сам часто путаюсь и смущаюсь и не имею в нем тех твердых дорог и намерений, что вели меня в «Восьмидесятниках» и поведут в романе, который будет их продолжением[4]. Жду не дождусь возможности за него приняться.

Очень приятно было бы повидать Пятницкого.

Погода и у нас все время стояла гнуснейшая. Даже не было тепло. Сегодня, впрочем, день великолепный.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Привет Марии Федоровне.

Ваш А. А.

[1] Речь идет о гонораре за пьесу «Княгиня Настя».

[2] См.: А—Г, п. от 20 апреля 1908 г.

[3] Отзыв Горького о первой части романа Амфитеатрова «Сумерки божков» (СПб., изд-во «Прометей», 1909).

[4] Роман «Восьмидесятники» (т. 1 — «Разрушенные воли», т. 2 — «Крах души»; СПб., изд-во «Общественная польза», 1907). Во втором издании роман получил подзаголовок «Хроника 1880—1908 гг.» (СПб., изд-во «Общественная польза», 1908). Продолжением его является роман «Девятидесятники» (СПб., изд-во «Прометей», 1909—1911. Т. 1—2; 2-е изд., 1910—1913).

36. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Не ранее 26 июня 1908 г.)

Дорогой мой Валентинович —

я очень рад знать, что вы получили денег, получите еще и ахнете сюда — всё это весьма приятно!

Я же получил Соболевского, и Веселовского тоже.

Но! Веселовского мне прислан «Декамерон», его редакции, требуется же исследование его «Боккачио и его время».

О «Вилле Альберти» — не мечтаю, ибо, вероятно, этой книги — нет нигде.

А «Боккачио и его время» — возможно встретить [1].

Не постараетесь ли? И сколь много я вам должен?

Что же касается до памфлетов — порнография — черт с ней! — иссякает, вы правы. О, люди! Даже и в этом они бедными оказались!

Но г. Смертяшкин — благоденствует и гнусно клевещет на жизнь.

Впрочем же — не пишите того, что не нравится. И — всего доброго! И до свидания! Поклоны. Приехал Кондурушкин, человек сирийский [2] и серьезный, тороплюсь поговорить с ним.

Жду вас А.

Датируется по п. Амфитеатрова Горькому от 24 июня 1908 г.

[1] Речь идет о кн.: *Веселовский А.* Вилла Альберти: Новые материалы для характеристики литературного и общественного перелома в итальянской жизни XIV—XV столетий. М.: Синод. тип., 1870; *Он же.* Боккаччо, его среда и сверстники. СПб., 1893—1894. Т. 1—2. Веселовскому же принадлежит упоминаемый в письме классический перевод «Декамерона» на русский язык (СПб., 1891—1892. Т. 1—2). Все книги хранятся в *ЛБГ*, две первые с пометами Горького (*Описание*).

[2] С. С. Кондурушкин приехал на Капри из Сирии 25 июня 1908 г.

37. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna, 1908.VII.10

Дорогой Алексей Максимович.

От Пятницкого и вторые 500 получил. Великое спасибо. Никак не могу пристойно развязаться с обязательным томиком «Сумерков» [1]. Надеюсь, однако, быть на Капри дней через десять.

Знаю, что Вы были в Alassio [2], и, признаться, несколько огорчился, что не токмо не заехали по соседству, но и не дали знать. Ведь — выходит в буквальном смысле:

Мимо двора ехал —
Здравствуй не сказал...

Получили ли «Виллу Альберти»? О Веселовском написано.

Получил вчера письмо от Влад. Немировича насчет «Княгини Насти» [3]. Комплиментов множество, и неоднократно выраженное намерение ставить, а общее впечатление письма все-таки, что ничего из этого не будет. А впрочем, очень может быть, что это от моей мнительности, которою становлюсь одержим на старости лет. Жалуется, что для самой Насти актрисы нет и что труппа не умеет вести диалогов. Последнего совершенно не понимаю.

Айзман написал пьесу «Светлый бог» [4]. Кажется, впрочем, уже отослал ее к Вам, так что для Вас она не новость. Мне в ней многое лирическое нравится. Он много работал для нее по моей библиотеке.

Обижают головные боли. Должно быть, мало хожу.

Привет Марье Федоровне.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. А.

[1] Роман «Сумерки божков».

[2] Горький выехал в Аляссио, где жила Е. П. Пешкова с сыном Максимом, 6 или 7 июня. Возвратился на Капри около середины июня 1908 г. (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 39—40).

[3] Пьеса «Княгиня Настя» к постановке на сцене МХТ'а не была принята.

[4] Отзыв Горького о пьеса Айзмана «Светлый бог» см. в следующем письме.

38. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Июль, не позднее 22, 1908 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Огромная благодарность за Веселовского — это драгоценный подарок! — но — довольно! — не развращайте меня, ибо — жаден до книг, свирепо жаден!

Сообщите же, сколько должен я вам. На днях явится Пятницкий[1], привезет денег, и я бы хотел выслать вам долг, ибо вы, видимо, не оторветесь от вашей Cavi никогда более.

Ох! Прочитал я Айзманову пьесу[2], гласно читал и безгласно — не удалась ему пьеса! Тяжко огорчать его, а что сделаешь? Для таких пьес прошло время. Вот и «Саббатей Цеви» — тоже не удался Ашу[3]. Для таких сюжетов — нужно много таланта и — тонкую, яркую форму. И — знаний, знаний! Утешьте Д⟨авида⟩ Я⟨ковлевича⟩ и не советуйте ему заходить в историю, ибо эту хаотическую область нельзя посещать между прочим, по дороге, наспех.

Всего вам доброго!

Жду вашу книгу «Против течения» — читая корректуры, хохотали всей колонией. Вовремя явится эта книга! Вижу ее веселое, умное лицо за стеклами витрин — улыбается оно и говорит: здравствуйте, шарлатанщики!

И погибе память их — без шума. Недолго прожили, худосочные! 23-й сборник — видели? Эта книжка мне нравится![4] Питательно.

Поклоны

А. Пешков

Датируется по следующему письму.

[1] См. п. 34.

[2] Речь идет о пьесе Айзмана «Светлый бог» (написана в 1908, изд. в 1914 г.). В основу ее сюжета положена легенда о религиозном еврейском просветителе и реформаторе церкви XIV в., жившем в Испании. Пьеса проникнута декадентскими настроениями. В п. к Пятницкому Горький сообщал: «Отказался принять пьесу Айзмана на тему Саббатея-Цеви, но еще хуже» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 259).

Свой отказ Горький также мотивировал в п. к Айзману. См.: *МИ*. Т. II. С. 384.

[3] Шолом *Аш* (1880—1957) — еврейский писатель. В 1914 г. эмигрировал в США. В письме речь идет об исторической пьесе «Саббатей-Цеви» (1907) — о еврейском лжемессии XVII в., проникнутой религиозными настроениями. Горький писал об Аше Пятницкому: «На мой взгляд, это самый даровитый из современных писателей-евреев (...) В нем есть тяготение к общечеловеческому» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 253). В *ЛБГ* хранится Собрание сочинений Ш. Аша (М.; Л., изд-во ЗиФ, 1929—1930, т. 5 и 7) с пометами Горького (*Описание*).

[4] Речь идет о XXIII *сб. «Знания»* (СПб., 1908), в котором были напечатаны «Исповедь» Горького с посвящением Шаляпину, «Сказки земли» Гусева-Оренбургского с посвящением Е. П. Пешковой, «В старой лавре» А. Золотарева. По-видимому, Горький объединил эти произведения с «Исповедью», считая, что они близки ей по теме духовных исканий современного русского человека, а также мотивам «богостроительства». Посылая повесть в «Знание», Горький писал Пятницкому: «Дорогой друг — было бы страшно хорошо поместить рядом с „Исповедью" и Гусева, и Золотарева. Сборник будет дорог? Убавьте на треть мой гонорар. Надо ждать, что такой сборник разойдется широко» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 247).

39. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья. 24 июля 1908 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Был в Генуе по делам и просвистался там при сем удобном случае. Ну, право же, отберусь от берега здешнего и приеду. Вот только бы еще немножечко собраться с духом да написать последние главы «Сумерков»[1], насчет которых заколодило. А заколодило потому, что потянуло меня на некоторый замысел о расколе[2]. Запоем читаю и думаю.

Айзман разогорчен ужасно. То, что Вы мне пишите об его «Светлом боге», конечно, справедливо. Поторопился, не сообразив громадности темы, и написал нечто вне времени, пространства, быта и истории. Но я заступлюсь за красивый лиризм некоторых диалогов, за халифа, смешанного из Екклезиаста[3] пополам с Давидом Яковлевичем, и за довольно ловкий последний финал с началом легенды о воскресении пророка.

Сборник XXIII-й получил. Система стрелять всею книгою в одну точку мне нравится, но — ежели звезда от звезды разнствует, то кольми паче выстрел от выстрела? После такой вдохновенной и радостной проповеди, как «Исповедь», Гусев-Оренбургский и Золотарев[4] — не в подъем. Драма о попах[5], которую Гусев читал при мне на Капри, куда лучше «Сказок жизни» *: там был правдивый тон, интересный быт, юмор, а здесь он — будто над ухом в медный таз колотит. Кимвал и жупел, жупел и металл. И, притом, андреевщина. А я до этого кушанья, как Вы знаете, и в оригинале — не большой охотник, так уж в подражании — то оно совсем не радует. Стоит будить в бездне и писать через большие буквы Необходимость, Химеру, Природу, Разум — для того, чтобы рассказать публике, что —

Неизвестного прихода
Был такой сердитый поп...

Золотарева, каюсь, еще не дочитал. В противовес «Сказкам земли» в «Лавре» есть что-то успокоительное: со второй страницы приходит мысль о кушетке, на третьей ищешь подушку, а в конце четвертой уже сны снятся... Парень-то, должно быть, умный и со слогом, только ему бы, кажется, лучше статьи какие-нибудь писать, а не повести.

Читал сегодня в «Голосе соц⟨иал⟩-дем⟨ократа⟩» полемику Плеханова с Богдановым. Бранчливо, длинно, скучно и — никчему. О какой религиозной книге Луначарского он постоянно и с язвою упоминает? «Социализм и религия» что ли?[6]

«Против течения» вышло. Сегодня получил извещение, что транспорт его ко мне идет. По приезде пришлю Вам и Анатолию Васильевичу.

Не знаете ли Вы, что будет представлять новая редакция «Образования»? Василевский прислал мне приглашение[7] с такими любезностями и почтительностями, что надо отвечать поскорее, а — что́ отвечать, не знаю, потому что не имею понятия о редакции.

Газетную работу совсем упразднил. Не хочу. Срамное это, по нынешним временам, дело.

Счетец Ваш[8], господине, зело мал, ибо турецкие книги оказываются не драгоценными. Приеду — сосчитаемся. Не надо ли еще выписать?

Не был ли у Вас Фидлер[9] — переводчик. Пропал между Генуей и Сестри, подобно Святополку Окаянному[10], той же погибе между чехи и ляхи.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Привет Марии Федоровне. Будьте здоровы и веселы.

Ваш А. А.

---

* Имеются в виду «Сказки земли» (*ред.*).

[1] «Сумерки божков».

[2] По-видимому, частичным осуществлением замысла «о расколе» явилось произведение Амфитеатрова «Семик. Пролог к историческому представлению „Протопоп Аввакум"» (Сполохи. Берлин. 1921. № 1; 1922. № 2).

[3] «Екклезиаст» (греч.— проповедник) — название ветхозаветной библейской книги (часть Библии). По преданию, «Екклезиаст» был создан царем Соломоном в старости, когда автор его, умудренный жизненным опытом, постиг суетность земного существования («все суета сует и томление духа»).

[4] Алексей Алексеевич *Золотарев* (1878—1950) — писатель и краевед, участник революционного движения, эмигрировал за границу. В 1908—1909 и 1911—1914 гг. жил на Капри, печатался в *сб.* «*Знания*». О своих отношениях с Горьким Золотарев рассказал в воспоминаниях: «Горький-каприец» и «Горьковский период на Капри» (*АГ*).

[5] Возможно, Амфитеатров упоминает пьесу Гусева-Оренбургского «У стен Иерихона» (написана в 1907 г.). Чтение пьесы могло происходить на Капри во второй половине апреля 1908 г.

[6] В журн. «Голос социал-демократа» печатались письма Плеханова «„Materialismus militans" («Воинствующий материализм") (ответ г. Богданову)», написанные в ответ на «Открытое письмо к Плеханову» А. Богданова (Вестник жизни. 1907. № 7). «Письмо первое» было напечатано в 1908 г. в № 6 и 7 «Голоса социал-демократа» (май—июнь). Именно об этом первом письме и пишет Амфитеатров. Плеханов критиковал в нем Луначарского за попытку теоретически обосновать богостроительство в ст. «Будущее религии» (Образование. 1907. № 10, 11) и его кн. «Религия и социализм» (СПб., 1908, т. I). Второе письмо Плеханова было напечатано в № 8 и 9 «Голоса социал-демократа» за 1908 г.; третье появилось в кн. «От обороны к нападению» (СПб., 1910). Все три письма «Militarismus militans» получили одобрительную оценку В. И. Ленина, который говорил о большой заслуге Плеханова в борьбе с махистами.

[7] Речь идет об изменении направления журн. «Образование». В № 7 за 1908 г. было напечатано обращение к читателям «От редакции», в котором сообщалось: «1. Редактор журнала А. Острогорский вынужден отказаться от дальнейшего издания и редактирования журнала, издание его переходит к И. М. Василевскому. 2. Надеясь на ценное участие в журнале сотрудников прежнего состава, редакция, кроме того, получила согласие на постоянное сотрудничество Л. Андреева, Ф. Сологуба, Д. С. Мережковского, Д. В. Философова, Вл. Жаботинского, А. А. Измайлова, А. В. Амфитеатрова и др. Подробный список сотрудников будет объявлен особо». Обновленная редколлегия заявила о «внепартийном» направлении журнала. Горький резко осудил реакционную позицию журнала и отказался от сотрудничества в нем. В письме в редакцию «Современного мира» (1908, № 9) от дальнейшего участия в «Образовании» отказались Ленин, Луначарский, Воровский, Бонч-Бруевич и другие марксисты, ранее в нем печатавшиеся. Воровский выступил с фельетоном (рубрика «В кривом зеркале») за подписью «Фавн», высмеивающим «Образование», перешедшее в руки представителей декадентского лагеря русской литературы (Одесское обозрение. 1908, № 237. 28 сент.).

«Злополучная судьба преследует журнал „Образование" с тех пор как он перешел в руки „понедельничных" людей,— писал Воровский.— Сначала из этого журнала ушли все марксисты — почти все — осталось человека 2—3 полумарксистов, переданных, по-видимому, старой редакцией новой вместе со столами, стульями, чернильницами и пр. инвентарем. „Понедельничным" героям стало тесно в газете. Они нашли, что уже достаточно „реформировали" прессу и решили обзавестись толстым журналом для „реформы" и этого дела. Случай толкнул им „Образование", и, купив его „понедельничники" выразили полную готовность вместить в свои понедельничные традиции марксистские традиции журнала» (Там же. С. 3).

Илья Маркович *Василевский* (псевдоним *Не-Буква*; 1882—1938) — журналист, редактор журн. «Образование».

[8] Счет за книги (Г—А, п. от конца мая 1908 г.).

[9] Федор (Фридрих) Федорович *Фидлер* (1859—1917) — литератор, переводчик русских поэтов на немецкий язык, библиограф и коллекционер. См. о нем: *ЛН*. Т. 92. Кн. III. С. 831—834.

[10] *Святополк Окаянный* (р. ок. 980 – ум. 1019) – туровский князь, старший сын киевского князя Владимира Святославовича. В междоусобной борьбе в 1015 г. убил братьев — Бориса, Глеба и Святослава, за что получил прозвище Окаянного. Стал киевским князем, вскоре был разбит князем Ярославом Мудрым, погиб во время бегства, «между чехами и ляхами».

40. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. Конец июля 1908 г.)

Милый Алексей Максимович.

Так как Вы «Одесских новостей», может быть, не получаете, несмотря на строгие мои заказы (мало они им внемлют), то посылаю, на всякий случай,— вырезку [1], которую в других газетах не встречал. Может быть, Вам понадобится принять по этому случаю какие-нибудь меры? Если уже знаете, то извините за лишние 1 1/2 минут неприятности.

Вчера послал Вам «Издали» [2]. Хотел послать и Луначарскому [3], да не знаю, на Капри он или в Неаполе. До свиданья. Всего хорошего!

Сердечный привет М. Ф. Обнимаю Вас.

Ваш Ал. Амфитеатров

Глаза отвратительны.

Датируется по содержанию.

[1] Очевидно, речь идет о ст. Н. Геккера «XXIII сб. „Знания". „Исповедь" и др.» (Одесские новости. 1908. № 7562, 8/21 июля), в которой критически оценивались «Исповедь» и сборник в целом. Н. Геккер отмечал тематическую и идейную близость «Исповеди», «Сказок земли» С. И. Гусева-Оренбургского и рассказа «В старой лавре» А. А. Золотарева, «как будто авторы сговорились между собой». «Что еще странее всего,— говорилось в заключение статьи,— во всех трех рассказах видную и даже главную роль играют духовные лица, и действие происходит большею частью в монастыре или других средоточиях религиозной жизни. Конечно, и тут не одна простая случайность, случайное совпадение».

[2] Кн. Амфитеатрова «Издалека. (Наброски эмигранта)» (СПб., 1908) вышла, как отмечалось в «Книжной летописи» (1908, № 23, 14 июня), 5/18—12/25 июня.

[3] А. В. Луначарский с семьей с начала 1908 г. жил на Капри, однако нередко выезжал в Неаполь, Швейцарию, Париж (*Арх. Г.* Т. XIV).

41. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna, 1908.VIII.9

Дорогой Алексей Максимович.

Как живете? Давно от Вас вестей нет. Скучаем по оным.

Я совсем затормошился. «Сумерки божков» мучат [1]. Кажется, рассвирепею и оборву их, вроде, как «Бенони» [2]: остальное, мол, в другой раз.

Приходится в то же время редактировать перевод Феррера, корректировать свои «Антики» [3] и работать на раскольничий замысел, который Вы — сдается мне — одобрили бы, ежели бы я Вам рассказал, но так как он уже в значительной степени осуществлен, то познакомлю Вас с ним уже в исполнении, хотя, вероятно, черновом.

Очень меня радует большой и серьезный успех «Исповеди» [4] в России и то очевидное влияние, которое имеет эта чудесная поэма. Давно уже ни одна книга не входила в общество так просто, без рекламного вопля и бума и так обаятельно. Пестрые колпаки и звенящие бубенчики всероссийского литературного шутовства явно растерялись в ее строгом присутствии. Хорошо! А теперь еще «ненужный человек» [5] пройдет по мозгам читательским и еще их почистит. Авось и выйдет благо.

У меня здесь гостил дней 10 Тотомианц [6], заряженный целою тучею всевозможных слухов и сведений петербургских литературных.

Умер мой отец [7]. Чувствую себя через то в старшем поколении рода моего. Не скажу, чтобы приятное ощущение.

Ничего Вы мне не написали насчет «Образования» [8], а они пишут чувствительные письма и пристают насчет ответа. Книжка журнала объявлена хаотической, но приличная, кажется. Но их «Утро» [9] — поистине клоака... Если разбирать, что́ лучше — такой радикализм или беспардонное черносотенство наголо,— еще большой диспут быть может. Насчет газеты я послал Василевскому отказ категорический.

Вот Вам житейский курьез, на который я натолкнулся, пересматривая старые №№ газет — для одного фельетона.

«11 июня в Новоладожском уезде крестьянин Владимир Санин изнасиловал старуху 70 лет». Эффект, не использованный Арцыбашевым![10] Бывают же такие счастливые совпадения. Вот только «крестьянин» — лишний.

«Против течения», должно быть, идет и читается, судя по любезности издателя. Критических статей не видал. Впрочем, обо мне всегда критический народ безмолвствует.

Очень хочется к Вам на Капри, но дел и забот полон рот, да по некоторым событиям и деньжишками проюрдонился. Надо подождать, покуда обрасту.

Сердечный привет дорогой Марии Федоровне, и всей палате, и воинству Вашему.

До свидания. Будьте здоровы, веселы и благополучны. Всего Вам хорошего.

Ваш А. Амфитеатров

[1] Амфитеатров работал над второй частью романа «Сумерки божков» («Крестьянская война»).

[2] Речь идет о повести К. Гамсуна «Бенони»; напечатана в XXII *сб. «Знания»* (1908). В заключительной главе автор сообщал, что повесть должна иметь продолжение — «но это уже другая история, другая повесть „Роза“» (с. 338). Повесть «Роза» напечатана в XXVI *сб. «Знания»* (1908).

[3] В сб. «Антики» (СПб., «Прометей», 1909) вошли ст. «Рабство», «Античный период Евгения Онегина», «Римские декабристы», «Майков и катакомбы» и др.

[4] Амфитеатров говорит здесь не только о большом успехе «Исповеди» у читателей, но и о тех критических статьях и рецензиях, которые вызвало это произведение. Как и предвидел Горький, повесть возбудила многочисленные «толки и споры» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 257). Подняв на щит «богостроительские» идеи этой повести, буржуазно-либеральная и декадентская критика стала превозносить Горького. Если до выхода в свет «Исповеди» Д. В. Философов писал о конце Горького, то в статье «Евсей и Матвей», посвященной анализу философского содержания «Исповеди» и «Жизни ненужного человека», он объявлял о возрождении его таланта (Московский еженедельник. 1908. № 29. 26 июля).

В июне—июле были напечатаны многочисленные статьи, полностью или частично посвященные «Исповеди»: В. Розанов «На книжном и литературном рынке» (Новое время. 1908. № 11612. 11 июля), Э. Старк (Зигфрид) «Эскизы» (С.-петербургские ведомости. № 160, 16 июля), И. Игнатов «Литературные отголоски. XXIII сб. „Знания“» (Русские ведомости. № 179. 26 июля), А. Тимофеев «К богу или от бога?» (Руль. № 124. 28 июля) и др. Из журнальных статей следует упомянуть ст. А. Измайлова «Русский человек на духу» и В. Львова-Рогачевского «Новая вера» (Образование. 1908. № 7); последняя представляла собой попытку объяснить суть «богостроительства» Горького, вскрыть его философские ошибки.

[5] Повесть Горького «Жизнь ненужного человека» («Шпион»).

[6] Вахтанг Фомич *Тотомианц* (1875 — ?) — экономист, либеральный общественный деятель, сотрудничал в органе легальных марксистов «Начало», в 1903 г. редактировал «Экономическую газету», вел отдел экономики в журн. «Образование». Во время революции 1905—1907 гг. был близок левым кругам, затем отошел от них. В 1913 г.— приват-доцент Московского университета, автор ряда работ в области экономики и кооперации.

[7] Валентин Николаевич *Амфитеатров* (ок. 1833—1908), умер 20 июля/3 августа в Москве. В. Н. Амфитеатров, священник, протоиерей московского Архангельского собора в Кремле, был связан с либеральными кругами, духовный наставник сестры Л. Н. Толстого — Марии Николаевны Толстой, автор кн. «Очерки библейской истории Ветхого завета» (М., 1895) и др. В *ЛБГ* хранится одна из его книг (с пометами Горького) — «Письма о. протоиерея Валентина Николаевича Амфитеатрова к Екатерине Михайловне и к о. архимандриту Сераниону Машкиным» (Сергиев Посад, тип. Троице-Сергиевой лавры, 1914) (*Описание*).

[8] См.: А—Г, п. от 24 июля 1908 г., прим. 7.

[9] Газ. «*Утро России*» — орган либеральной буржуазии, выходила в Москве в 1907, 1909 и 1916 г. Субсидировалась капиталистами Рябушинскими. В п. к Ладыжникову Горький писал: «Видите Вы москвитянскую газетину, „Утро России“ именуемую? Вот гнусная окрошка! Сотрудники: Озеров — зубатовец, Чириков, Тан, Н. Иорданский, мек и б(ывший) член ЦК! Сологуб — садист, А. Белый, Блок, и в этом вредном винегрете Леонид Андреев, ред(актор) литератур(ного) отдела! Лоло! Любошиц!» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 167).

[10] Михаил Петрович *Арцыбашев* (1878–1927) – писатель, один из представителей русского модернизма, после 1917 г.— эмигрант.

Амфитеатров имеет в виду совпадение имени крестьянина с именем героя нашумевшего романа Арцыбашева «Санин».

42. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Между 10 и 21 августа 1908 г.)

Дорогой А. В.!

В 7-й книге «Образования», кроме статей прежних сотрудников, будут помещены повести Сологуба, Каменского, Тана, статьи Гиппиус и, кажется, Мережковского. Вот и все, что я знаю[1]. Мне это кажется странным. Волы и кони, и трепетные лани[2] — как они будут понимать друг друга?

Крах 80-х годов дал «парламент мнений» А. Суворина[3], не второго ли парламента возникновение видим?

Об «Исповеди» читал статью Чулкова[4]. Не очень гениально. Молод сей Чулков, но — сильно глуп.

Василевский прислал и мне чувствительное письмо[5], а Луначарскому — два. Оба мы — отказались. А Рогачевский-Львов — принял сей финик[6].

Об отце вашем имею представление по рассказам москвичей, главным образом — Саввы[7]. Хорошо он говорил о нем, и у меня составилось впечатление, что это был человек честно верующий.

Думаю, что нет выше наслаждения, как наслаждение честною верой, тою, которая ничего не скрывает от себя, ничего не выдумывает, но мужественно и гордо смотрит в очи недоумений своих.

«Против течения» — не получил. «Сумерки»[8] — также. Интересно мне — что вы о расколе затеваете? Очень интересно! Вышла некая брошюра «Философия рус‹ского› раскола»[9]. Автора — забыл. Издана в Москве.

Учусь математике[10]. Ловлю рыбу. Спорим и кричим. Нечто из грамматики: «Нравится ли вам турецкая конституция?» «Нет, но я жду болгаро-турецкой войны». «Радует ли вас радость райи? Я буду рад, если ее вскоре не начнут снова резать»[11].

Вы ждете войны? Я — да. И — прежестокой.

А в Киеве — христиане съехались[12] — читаете? Умилительно? «Земля наша велика и обильна»[13], особенно — сволочью.

Иногда кажется, что земле сей суждено превратиться в «Китайскую провинцию Россию», как о том писал венецианец Марко Поло[14].

Красиво вспыхнули французы[15]. Хороший народ — освежает!

Крепко жму Вашу руку. Сильно она работает, неутомимая. И впредь да будет так.

Вы об «Исповеди» — писали?[16] Если — да, пришлите!

Кланяюсь

А. Пешков

Датируется по предшествующему и последующему письмам.

[1] В № 7 «Образования» были напечатаны: рассказ Ф. Сологуба «Опечаленная невеста», повесть А. Каменского «Люди», рассказ Г. Чулкова «Парадиз», стихотворение А. Блока «Анархист» и др. В отделе публицистики — ст. Д. Мережковского «Христианство и государство», А. Измайлова «Русский человек на духу», А. Крайнего (З. Гиппиус) «Добрый хаос» и др.

[2] Парафраз строки из поэмы Пушкина «Полтава» (песнь вторая):

В одну телегу впрячь неможно
Коня и трепетную лань.

[3] Алексей Сергеевич *Суворин* (1834—1912) — журналист, книгоиздатель, литературный и общественный деятель. С 1876 г. издавал реакционную газ. «Новое время».

Речь идет о 80-х годах в России — периоде безвременья и общественного упадка, когда создались условия, способствовавшие возникновению буржуазных изданий, подобных газ. «Новое время» (СПб., 1863—1917). Характеризуя политическое лицо газеты, В. И. Ленин писал в ст. «Карьера»: «„Новое время“ Суворина — образец бойкой торговли „на вынос и распивочно“. Здесь торгуют всем, начиная от политических убеждений и кончая порнографическими объявлениями» (*В. И. Ленин.* Т. 22. С. 44).

В п. Д. Френсису — президенту Всемирной выставки в Сен-Луисе, Суворин писал 22 февраля 1904 г.: «Благодарю вас за любезное приглашение участвовать на заседаниях парламента печати всего мира, которые состоятся во время выставки в Сен-Луисе. Считаю долгом уведомить вас, что я не могу принять вашего приглашения по весьма веским основаниям. Россия вовлечена теперь в войну с Японией, и, не говоря о многом другом, я предпочитаю в это время занимать свое место не в столь обширном, но дорогом моему сердцу парламенте русской печати» (Дневник А. С. Суворина. М.; Пг.: изд. Л. Д. Френкеля, 1923. С. 308; экземпляр книги с пометами Горького хранится в *ЛБГ — Описание*).

[4] Георгий Иванович *Чулков* (1879—1939) — писатель и критик, символист, автор теории «мистического анархизма». В письме упоминается статья Чулкова «Правда Максима Горького», посвященная повести «Исповедь» (Речь. 1908. № 162. 9/22 июля). Объявляя Горького самым верующим русским писателем, Чулков писал: «Горького надо принять в его великолепном варварстве, с его наивной любовью к земле (...) Но Горький не только умеет любить, он умеет верить (...) Каков объект его веры — это иной вопрос, но природа его переживаний определяется именно верой...» (с. 5).

[5] Упоминаемого письма в *АГ* нет.

[6] Василий Львович *Львов-Рогачевский* (1874—1930) — критик и историк литературы, социал-демократ, примыкал к меньшевикам. В 1907—1908 гг. бывал у Горького на Капри.

[7] Савва Тимофеевич *Морозов* (1862—1905) — крупный промышленник-капиталист, меценат, один из пайщиков и директоров Московского художественного театра. Морозов был другом Горького и через него и М. Ф. Андрееву давал средства на нелегальную работу большевиков. Его литературный портрет Горький создал в очерке «Савва Морозов».

[8] Роман Амфитеатрова «Сумерки божков».

[9] По-видимому, речь идет о брошюре В. Г. Сенатова «Философия истории старообрядчества» (М., изд. Союза старообрядческих печатников, 1908, вып. 1—2).

[10] О своих занятиях математикой Горький сообщал также в п. к Е. П. Пешковой: «Начал заниматься математикой — интересная наука и необходимая по нынешним дням» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 53). Преподавал математику Горькому Александр Карлович Лоренц-Мецнер. (В *АГ* хранятся тетради Горького, в которых он вел записи уроков и упражнений.)

[11] Намек на современные политические события в Турции и на ее отношения с Болгарией, так называемую младотурецкую революцию 1908 г., в результате которой в Турции была восстановлена конституция 1876 г. и был созван буржуазный парламент. В 1909 г. обострились турецко-болгарские отношения, так как Турция пыталась восстановить утраченное право на порабощение Болгарии. «Райя» — болгарское крестьянство.

[12] Съезд русских миссионеров начал свою работу 17/30 июля 1908 г. в Киеве под председательством епископа Антония Волынского («Съезд миссионеров» — Русское слово. 1908. № 166. 18/31 июля). Съезд носил черносотенный характер. На нем обсуждался, в частности, вопрос об участии миссионеров в Союзе русского народа. Было принято решение просить Синод, чтобы он рекомендовал священникам и миссионерам обращаться за содействием к «патриотическим обществам и партиям». Съезд закончил работу 27 июля/9 августа 1908 г. (Русское слово. 1908. № 174).

[13] Слова из древнерусской летописи. См.: *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. М., 1960. С. 231.

[14] Марко *Поло* (1254—1324) — итальянский путешественник. В 1271 г. совершил путешествие в Китай, в ту пору завоеванный монголами, и прожил там семнадцать лет. Он служил у монгольского хана Хубилая, побывал в различных частях Китая и в областях, пограничных с ним. Это путешествие описано в так называемой «Книге» Марко Поло (1298 г., на франц. яз.). На руском языке «Книга» появилась в 1861—1862 гг. («Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете»). Можно предположить, что Горький читал «Книгу» в одном из двух наиболее ранних ее изданий на русском языке: «Путешествие в 1286 году по Татарии и другим странам Востока венецианского дворянина Марко Поло, прозванного миллионером» (СПб., тип. П. П. Меркульева, 1873) или «Путешествие в восемьдесят тысяч верст по Татарии и другим странам Востока венецианского дворянина Марко Поло» (СПб., тип. Ю. Штауфа (И. Фишона), 1874). Оба издания завершаются главами «О провинции России». Название глав привнесено издателями, в подлиннике их нет.

[15] Речь, по-видимому, идет о рабочих забастовках во Франции. По инициативе Генеральной федерации труда забастовали на сутки с целью протеста против ареста забастовщиков в г. Винье рабочие строительных мастерских в Париже. Несколько тысяч рабочих оставили мастерские и двинулись в Винье, чтобы устроить там манифестацию. Были вызваны войска. Около Винье произошло столкновение между войсками и манифестантами, которые несли красные флаги. При этом были жертвы: убито два манифестанта, один тяжело ранен, 20 человек получили ранение (Русское слово. 1908. № 167. 19 июля/1 авг.).

[16] См.: *А—Г*, п. от 29 октября 1908 г., прим. 7.

43. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья). 1908.VIII.22

Дорогой Алексей Максимович!

затормошился, неистово работаю. Да понаехали разные человеки из России. Словом, не вздохнуть.

Спасибо за письмо, пожалуйста, прочтите прилагаемую копию [1]. Я не давал «Образованию» никакого права помещать меня в список сотрудников, но Василевский, очевидно, в уверенности, что со мной столкуется, распорядился сам, пусть за то теперь скушает невкусные строки.

Да, отец мой годам к 45—8 жизни дошел до веры. Я ее как раз в эти годы стал терять. В юности он был семинарист и академик по Чернышевскому, писал роман «в подражание» «Что делать?» и т. п. Рясу он ненавидел и считал жизнь свою загубленною в священничестве, к которому не был призван. А к старости дошел аскетом и мистиком.

Сын мой Владимир [2] сообщает мне, что на похоронах отца главным интересом было шныряние полиции в шеститысячной толпе с целью разыскать меня, т. к. кто-то распустил слух, что я приехал и тайно присутствую.

Я начал, было, писать об «Исповеди», но остановился, потому что книга эта вместе с «Ненужным человеком» слишком сильно захватила меня, и надо мыслям, возбужденным ею, улечься и в русло войти. Вот так-то когда-то «На дне» [3] — для меня — было открытием этого литературного поворота. Вышли «Солдаты»? [4] Я еще не получал.

Я сейчас совершенно покорен третьим томом курса русской истории Ключевского [5]. Личные характеристики у него — поистине Шекспира, Тацита и Льва Толстого достойные. Как подумаешь, что все это когда-то, студентом, слышал с кафедры самого Ключевского,— и был не в коня корм.

Получили Вы «Былое» парижское? [6] Интересно и, мне кажется, полезно. Я думаю поддерживать это издание, ибо оно по контрреволюции здорово бить может.

Затеваю целый ряд мелких брошюр на итальянском и французском издавать с целью пакостить Романову дому. Ибо турецкий пример еще раз подтверждает мое исконное мнение, что без опоры на Европу всяческая восточная революция, в том числе и наша,— швах. Имея за спиною Англию, куда легче разговаривать, чем в отечественную одиночку.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Вот буду завидовать Вам, если сделаетесь математиком. Это и рисование всегда было для меня недосягаемо.

А живется ведь хорошо?

Привет Марье Федоровне!

Будьте здоровы.

Ваш Ал. Амфитеатров

Печатается по подлиннику, находящемуся в *ЦГАЛИ* (ф. 2567, оп. 2, ед. хр. 153).

[1] Речь идет о п. Амфитеатрова И. М. Василевскому от 23 августа 1908 г., машинописную копию с которого Амфитеатров послал Горькому. Копия без подписи. Горький написал на ней красным карандашом: «Амфитеатров».

«Многоуважаемый Илья Маркович,— писал Амфитеатров,— зачем Вы анонсировали меня? Ведь я же совершенно определенно писал Вам, что раньше, чем ознакомлюсь с новою физиономиею журнала, ответа о сотрудничестве дать не могу.

Вот теперь видел я группировку Вашу — и скажу Вам прямо и откровенно: не по душе мне она, и мне в ней не место. Как я буду печатать статьи свои рядом с тою фокуснической порнографией, против которой я только что выпустил целую книгу? Один старичок лепечет о некрофилии, другой апофеозирует какого-то наглого Санина, третий гамлетизирует какого-то „венского" поэта и миллион первую публичную девку, каких не бывает. Ведь — первое, что я почел бы долгом своим, примыкая к хорошему и серьезному изданию, это — разнести всю сию гадость, сколько сил и умения хватит. Нет, увольте, в этой кампании я „Образованию" не сотрудник. Пожалуйста, с августовской книжки мое имя снимите. Что касается „серьезного" отдела Вашего журнала, он произвел на меня такое тяжелое впечатление — не статьями, среди которых попадаются хорошие и дельные, но совершенною случайностью их сцепления, винегретом вовсе несродных между собою имен, взглядов, течений. Какой-то хаос, салат Оливье. Не обижайтесь на меня за сравнение — Вы знаете, что я отношусь к Вам хорошо, но ведь Вы выстроили на левой нечто вроде того „парламента мнений", которым когда-то хвастался А. С. Суворин,— для правой.

Сомневаюсь, что это будет услугой русскому обществу и мысли его.

Всего печальнее в „Образовании" — совершенное отсутствие личности — единичной, редактора или коллективной редакции. Покойное „Образование" Острогорского было скучновато, тяжеловато, но читатель знал, куда оно зовет, что́ собою представляет, зачем оно издается, какие люди его деятельно ведут свою линию. Когда Вы взялись за издание „Образования", я, зная Ваши способности как газетного работника, очень надеялся, что Вы, сохранив идейную целость этой полезной, но тяжелой артиллерии, взбрызните ее талантом новых людей и нового тона. Вместо того Вы призвали к делу варягов со своими родами оружия и закатили теперь амплитуду качания неслыханную. Решительно невозможно определить: сама-то редакция в какой же точке обретается? Эс-эр, с-дк, кадет, умеренный, мистики, позитивисты, все в каше — ничего не разберешь. Собственно говоря, мне, с моими эс-эсерскими дружбами и симпатиями, следовало бы радоваться, что нарушился заколдованный круг такого сурового оплота эс-декского, как „Образование". Но нарушенный круг вдруг распестрился столькими неожиданными цветами, что с радостью приходится погодить весьма, а многое и грустно.

Не сердитесь на меня за мой отказ и совершенно искренние строки. Мне на старости лет было бы стыдно, если бы я слукавил перед молодым товарищем, которому я желаю добра, потому что знаю Ваш газетный опыт, верю в Ваше дарование и любовь к литературе. Вы можете и способны сделать кое-что получше, чем организовать литературный au bon marche с товаром на всякий вкус и спрос по сезону. Пора оборвать постыдный „венский" период российской якобы молодой литературы, беззастенчиво строившей различные рынки крикливой искусственной сенсации. Здравый смысл требует своей реабилитации. Кривляки полуграмотной беллетристики и вовсе безграмотной критики — все эти словесные онанисты, педерасты, садисты, некрофилы и прочая мразь — опротивели до тошноты...» (*АГ*).

В публикуемом письме Амфитеатров приводит примеры из повести А. Каменского «Люди», рецензии «Ультраиндивидуализм и роман „Санин"», подписанной «Л—Р» (отдел «Критика и библиография»), и рассказа Г. Чулкова «Парадиз» (Образование. 1908. № 7).

[2] Владимир Александрович Амфитеатров.

[3] Пьеса Горького «На дне» впервые поставлена на сцене Московского художественного театра 18 декабря 1902 г. Напечатана под заглавием «На дне жизни» (Мюнхен, изд-во Мархлевского, 1902). Под заглавием «На дне» вышла в изд-ве «Знание» (СПб., 1903). Амфитеатров написал о пьесе «На дне» ст. «Вопль. Присказка» (Петербургские ведомости. 1903. № 116. 1 мая).

[4] Цикл очерков Горького «Солдаты» (Берлин, изд-во И. П. Ладыжникова, 1908).

[5] *Ключевский В.* Курс русской истории. М., 1906—1910. Ч. 1—2 — изд. Синодской тип. 1906; Ч. 3 — изд. тип. Г. Лиснера и Д. Собко 1908; Ч. IV — изд. т-ва А. И. Мамонтова. Все тома хранятся в *ЛБГ* с пометами Горького (*Описание*).

[6] Речь идет о возобновлении Бурцевым в Париже журн. «Былое» (1908, № 7, июль). В первом номере были напечатаны воспоминания об И. П. Каляеве, Е. Созонова и В. Савинкова, «Кассационная жалоба» И. П. Каляева, материалы «К делу С. М. Гинсбург», «Из воспоминаний М. Еф. Бакая. О черных кабинетах в России», ст. Бурцева «В поисках за материалами по истории русского освободительного движения», «Из записок Н. В. Клеточникова. Памяти народовольцев. (О портретах С. Л. Перовской, А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича, Г. Гельфман, В. Н. Фигнер)» и другие материалы.

44. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Август, не ранее 25, 1908 г.)

Писать — совершенно нет времени, ибо съехались разные российские землепроходы — из Испании, Южной Америки и с других кусков земли [1]. Все — социалисты и — все — еретики!

Дорогой мой — ничего нет лучше еретика! И жизнь — воистину прекрасна, и все прекраснее она — ох!

А ваше письмо в глаз «Образованию» — взволновало меня до слез в горле — хорошая, добротная душа у вас — извините за фамильярность! — неуклюжая, русская-еретическая-честная душа.

Предстоит душе этой — теперь о коллективной говорю — великий и трагический полет над Европами, и веянием могучих своих крылий многое она разбудит, взволнует, оживит.

И Пушкины — неправы. Нет — какое это огромное счастие, какое наслаждение могучее — родиться в России! [2] И во дни, когда в ней возникает к жизни новая личность, еще не виданная историей.

Может подумаете, что я — пьян? Да, но — от радости, от той радости, коей поят люди — честные, смелые русские люди, искатели земли обетованной, строители нового града.

Привет!

А. Пешков

Датируется по предшествующему письму и п. Амфитеатрова И. М. Василевскому от 23 августа 1908 г.

[1] В п. к. Е. П. Пешковой Горький сообщал: «Все это время у меня — гости. Сейчас живет Богданов, и один человек из Японии, да другой из Испании. Интересные люди, рассказывают очень важные вещи» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 55).

[2] Подразумевается строка из п. А. С. Пушкина к жене от 18 мая 1836 г.: «...черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом!».

45. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna. 1908.IX.11

Дорогой Алексей Максимович!

Как живете?

Поехал от нас к Вам Г. С. Петров [1]. Ждем его обратно. Сын его, оставленный аманатом [2], благополучен.

Очень по Вас скучаю. Виноват: по современному литературному синтаксису — за Вами.

Наехали разные народы. Говорят о деле, но более выходит делу помеха.

Насчет «Княгини Насти» получил уйму предложений от антрепренеров разных, но все оные отвергаю даже не как разборчивая невеста, но просто как девица, решившая не выходить замуж.

Когда Вы рассчитываете ее выпустить? [3] Напишите, пожалуйста. Это мне важно и для материальных соображений насчет осени, и потому, что много меня о том спрашивают.

Из раскола моего сам еще не знаю что выйдет — «Протопоп Аввакум» или «Царь Алексей Михайлович» [4]. Это годика на два любовной работы между делом.

Наконец-то пришел в Геную транспорт с «Сумерками божков» и «Против течения». Денька через три получу и Вам пришлю.

От кошек и фокстерьеров пришел я в такое угнетение нравственное, что даже работать не мог [5]... Знаете, при всем оптимизме, мне свойственном, подобную плюху вселитературную не сразу переваришь.

Жду окончательного слова от художественников насчет «Княгини Насти». Думаю, что ничего не будет. У них теперь линия Метерлинка,

и Блок в апофеозе [6]. С моим настроением оно не сходится — вроде кислоты и соды.

До свидания, дорогой. Желаю Вам всего хорошего. Будьте здоровы и веселы. Марии Федоровне привет.

Ваш А. Амфитеатров

[1] Г. С. Петров, приехав на Капри 9 сентября 1909 г., писал Горькому: «Многоуважаемый Алексей Максимович. Очень хотелось бы видеть Вас. Давно, чуть ли не с 1901 г., не встречались мы. То было в Нижнем. Теперь судьба свела на Капри. Заходил к Вам, но Вы, оказывается, в Неаполе... P. S. Амфитеатров еще зимой писал мне, что Вы оказывали содействие переводу моего „Письма митрополиту" на итальянский язык. Спасибо» (*АГ*).

[2] Аманат — заложник.

[3] Выход в свет XXIV *сб.* «*Знания*», в котором печаталась пьеса Амфитеатрова «Княгиня Настя», задерживался из-за цензурных препятствий, чинимых повести Горького «Жизнь ненужного человека», печатавшейся в том же сборнике.

[4] См.: *А—Г*, п. от 24 июля 1908 г., прим. 2.

[5] Речь идет о деле так называемых кошкодавов. Первое известие о нем появилось в газ. «Петербургский листок» под рубрикой «События петербургского дня» (1908, № 226, 18/31 авг.), где сообщалось, что на Подрезовой улице (Петербургская сторона), в доме книгопродавца Г. М. Попова, собирались его знакомые и друзья (среди которых были журналисты и литераторы), развлекавшиеся тем, что натравливали собак на кошек. В качестве свидетелей должны были выступать журналисты А. Д. Богачев, В. П. Жуков, литераторы А. П. Каменский, А. И. Свирский, А. И. Куприн и др.

Можно предположить, что Амфитеатров узнал о «кошкодавах» из газ. «Одесские новости», в которой он в это время сотрудничал. Непосредственно публикуемому письму предшествовала ст. «Дикари», перепечатанная из газ. «Петербургский листок» в «Одесских новостях» (1908, № 7701, 24 авг./6 сент.), где подробно рассказывалось о «развлечениях» в «клубе Попова». В дальнейших сообщениях о деле «кошкодавов» имя Куприна не упоминалось. Наказание понесли Г. М. Попов, М. П. Ялгубцев, А. Н. Юдин и Е. В. Барков.

[6] Т. е. Московского художественного театра. 30 сентября 1908 г. на сцене МХТ'а была поставлена драма М. Метерлинка «Синяя птица» (право первой постановки было передано автором К. С. Станиславскому). В мае 1908 г. А. Блок передал театру пьесу «Песня Судьбы». Позднее Блок вспоминал, что Станиславский «страшно хвалил „Песню Судьбы"» (см.: *Блок А.* Собр. соч. М., 1963. Т. 7. С. 187), но пьеса была отложена театром, и постановка ее не была осуществлена. Пьеса Амфитеатрова «Княгиня Настя» к постановке на сцене МХТ'а не была принята.

46. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna. 1908.X.6

Дорогой Алексей Максимович.

Конфиденциально: Эс-эры ривьерские выследили в Риме некоего Щербаненко — не только шпиона и провокатора, но, по-видимому, очень крупную птицу в международной тайной полиции. Барин этот заманил к себе трех молодых художников (фамилия одного из них — Киселев) и всячески старался втянуть их в террористический или экспроприационный акт в Риме, а вместе с тем устроил за ними полицейскую слежку, которую они, к счастию, вовремя заметили. Слежка эта продолжалась не только в Риме, но и по дороге к Генуе: художники ехали в вагоне, наполненном сыщиками, которые вели себя крайне вызывающе, стараясь довести до ссоры и скандала, а, следовательно, и ареста. Приписывают эс-эры это тому, что у Киселева сохраняются записки Щербаненко, подстрекающие его к экспроприации в магазине бриллиантов и в художественной галерее Дориа. Самого Щербаненко они, в течение переезда, видели несколько раз на больших станциях переодетым, так что он секретно следовал в том же поезде. Щербаненко в Риме человек центральный и льнущий к революционным группам. Между прочим, он был знаком с покойным Кальвино [1], и это обстоятельство, быть может, бросает новый свет на ту необъяснимую, усиленную слежку, которая окружила Кальвино, когда, два года назад, он, после Рима, переселился в Нерви и жил там тише воды, ниже травы. Во всяком случае, имейте в виду и будьте

начеку. Хорошо было бы произвести по этому поводу обстоятельное дознание, так как дело идет не о простом шпике, но, по-видимому, об особе власть имущей. Между прочим, Щербаненко живет довольно богато и, в объяснение, рассказывает о приданом, которое, будто бы, принесла ему жена его, итальянка. Объяснение это эс-эры проверили. Оказалось, что жена Щ⟨ербаненко⟩ происходит из семьи бедной и нуждающейся, так что источник средств своих человек этот скрывает. Комната, в которой жили художники, гостя у Щ⟨ербаненко⟩, оказалась с скрытым слуховым окном, из которого, вдобавок, можно было видеть все, что делается в комнате, в отражениях трех стенных зеркал. Открытия эти художники сделали после того, как некоторые обмолвки Щ⟨ербаненко⟩ навели их на мысль, что он слышал слова, которыми они обменивались наедине. После этого-то их и охватила паника, и они ударились бежать из Рима. Адрес Щербаненки сообщу Вам другим письмом, так как лицо, привезшее мне сие известие, понадеялось на свою память и не записало адреса, а он, по дороге, и улетучился из мозгов.

У нас здесь гостит теперь Герман Александрович Лопатин, очаровательнейший и бодрейший старик подлунного мира. Очень большой Ваш поклонник вообще и горячий сторонник «Матери».

Мои «Современники» — со статьею, между прочим, и о «Матери» — погибли [2], не расцветая: московская судебная палата утвердила арест!

Вчера получил и уже отослал обратно первую корректуру «Княгини Насти», два листа.

С «Сумерками божков», наконец, расквитался. Во втором томе мне многое по вкусу, только он вряд ли выйдет: надерзил! Получили ли Вы первый том «Против течения»?

Где Шаляпин? страсть как нужен! Думаю, что из Буэнос-Айреса он должен уже вернуться, так как в Генуе встретил артистов, певших с ним.

У художественников «Княгиня Настя», несмотря на трогательные письма Вл⟨адимира⟩ Ив⟨ановича⟩ Немировича, разумеется, не пойдет, о чем извещен телеграммою, с обещанием разъяснительного письма, которое что-то долго не приходит. Отвечал, что вполне понимаю, ибо они теперь гнут символический репертуар [3], а нам, реалистам, остается подождать театра, который явится не только художественным по средствам, но и общественным по целям.

Вот, кажется, и все новости нашего сентября истекшего и первых чисел октября.

Как живете? Давно от Вас нет вестей!

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Привет Марии Федоровне.

Ваш А.

[1] Всеволод Владимирович *Либединцев* (1878—1908) — революционер, член партии эсеров, участник, а затем руководитель Летучего боевого отряда Северной области. Итальянец по матери, Либединцев два года жил в Италии на нелегальном положении под именем Марио Кальвино (возможно, что в это время он встречался с Горьким). Под этим именем он вернулся в Россию, где принял участие в подготовке несостоявшихся покушений на вел. кн. Николая Николаевича и министра юстиции И. Г. Щегловитова. Вместе с другими участниками отряда Либединцев был предан военно-полевому суду и казнен в феврале 1908 г. Математик и астроном по образованию, Либединцев работал в Пулковской обсерватории, где его посещал Л. Андреев. Либединцев послужил ему прототипом Вернера — героя «Рассказа о семи повешенных». См.: *Быковцева Л.* Горький в Италии. М., 1979. С. 80.

[2] Сб. Амфитеатрова «Современники» (М., 1908) был изъят из продажи (Книжная летопись. 1908. № 16. 19 апр. С. 21). Об оценке Амфитеатровым повести «Мать» см. во вступ. ст. к переписке.

[3] См.: *А—Г*, п. от 11 сентября 1908 г., прим. 6.

47. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 7 или 8 октября, 1908 г.)

Дорогой мой А. В.!

Мне кажется, что те данные, какие есть в руках по делу Щер<банен>ко, должны быть немедленно опубликованы [1]. Пусть художники расскажут — подробно и толково — о всех его подходах к ним, и этот рассказ, вместе с его записками, сейчас же следует напечатать.

А русские римляне должны установить наблюдение за наименее надежными — в этическом и психическом смысле — молодыми людями, дабы эти люди не попали в лапы г. Щер-ко. Сообщаю, на случай, две фамилии: Герцо-Герцовский и Немцевич [2]. Первый — болезненно самолюбив, крайне озлоблен, истеричен и — романтик при этом. Очень молод. Второй мне кажется жуликом, но — он неглуп и даже талантлив. Голодает.

«Против течения» и «Сумерки» 1-й том — получил [3], спасибо! «Прот<ив> течения» — очень нравится мне — здоровая, простая книга. Бьет крепко и прямо — по лбу. Читать ее весело, приятно. Мне кажется, эту книгу ждет большой успех — множество людей будет радо побеседовать с талантливым и умным человеком — нечастое удовольствие для современного читателя, как знаете.

А вот «Сумерки» — другое дело. Будь я критиком и не знай вас — сильно бы изругался!

Вероятно, я написал бы приблизительно так:

«Вот, читатель, еще одна талантливейшая русская натура, вот пред тобою еще один окаянный русский писатель, несомненно — молодой, несомненно — богатый впечатлениями бытия, несомненнейший лентяй, небрежник, бунтарь, романтик и реалист в то же время.

Он бросает нам хаотическую книгу, наскоро написанную толстым пером, крупными чертами, наполненную мастерскими диалогами, которые он испортил краткими, сделанными наспех описаниями, он швырнул прекрасный материал, едва коснувшись его и в то же время показав, что мог бы превосходно обработать свои сокровища. Он прекрасно тонко знает все, о чем говорит: знает жизнь кулис, женщин, артистов, искусство, хулиганов — но ему лень, ему, должно быть, некогда работать — он, вероятно, непрерывно влюблен или без отдыха пьян, как это полагается молодому русскому писателю».

Затем, доказав лень и небрежение автора многочисленными ссылками на его книгу, я бы впал в озлобленный лиризм и ругался бы еще сутки. Излаял бы писателя российского за его низкую самооценку и за то, что он все еще не может понять своей великой роли в стране, где он — един судия праведный, и честный свидетель по делу об унижении правды, и пророк, пророк, карающий пошлость огненным праведным гневом своим! Потом сказал бы: нас хотят превратить в каких-то китайцев, нас обезличивают; на Руси лишь писатель умеет сохранить свое лицо, и он должен беречь его чистоту, его ясность, его светлую правдивость. Единый живой русский человек — писатель русский ты же, будь проклят, живешь во дни, когда, кроме твоего,— нет голоса, кроме тебя,— некого слушать, так говори же, анафема, громко, солидно, серьезно — как гром небесный! Ведь можешь, можешь, лентяй!

Вы, может быть, обидитесь? Не надо. Смешно будет, если вы да на меня обидитесь.

Дорогой мой — болит у меня душа — нестерпимо обижена и неукротимо болит. Это потому, что я люблю всей силой сердца русскую литературу — величайшую, честнейшую литературу мира, молодую и сильную, как Васька Буслаев. И вот пришли в нее хулиганы, дегенераты, больные люди, ничтожники, полуидиоты. Кошек травят. Черт с ними!

Делают хуже. Романист обвиняет критика в шантаже. Хотят судиться. Адвокат отказывается защищать литератора [4] — считает эту защиту позорной для себя. Разве это было когда-нибудь, а? Вот я прилагаю вам для прочтения письмо Грузенберга — оно для меня звучит как пощечина не Арцыбашеву, а — всем, всей литературе. Вы мне возвратите это письмо, я его считаю историческим.

Вышел журнал «Весна». Андреев, Куприн и — Шебуев, Ю. Беляев вместе! [5] Что там пишет Шебуев! Какие объявления, стихи! И Куприн, Андреев в этой грязи. Вы понимаете, как это тяжко, стыдно, унизительно?

И это — не все. Почти каждый день приносит такие ручейки грязи, и эта грязь окружает, насыщает литературный мир — во дни, когда мы, русские писатели, все, купно, должны бы поднять голоса и слышно, хором петь славу прошлого, надежды и радости будущего. Народ — проснулся, а пророки в кабак ушли [6].

Несвязны и, м. б., непонятны эти вопли мои. А не возопить — не могу. Нет терпенья уже.

Жму руку

А. Пешков

О Шаляпине спрашиваете — не знаю, где он. А Худ<ожественный> театр, конечно, должен был отказаться от «Княгини Насти». Это для него вредная пьеса. Стал этот театр развлечением пресыщенных и источником распространения печальной смуты духа [7]. Жалко.

Но — всего больше жаль писателей.

Возвратите письмо Грузенберга!

Обратили вы внимание на несомненный рост антифеминизма? Я чувствую в этом начало серьезного движения, и мне кажется, что оно будет иметь у нас шумный успех. Почему — у нас? А именно потому, что наша женщина наибольше бунтовщица.

Предлагаю пари: стою на том, что вскорости какой-нибудь двуногий граммофон объединит теорию Вейнингера с изысканиями Сабатье по вопросу о двойственности человеческого существа — объединит того ради, чтобы дать мизогамству идеологическое обоснование [8]. Это — будет. Посмотрите на шум, поднятый Вейнингером, на успех Стриндберга [9], на бесчисленное количество книг против женщин. Но — мне кажется, что с этим уже опоздали.

Начинается небольшая война: я смотрю на нее как на введение к общеевропейской драке. Не могу представить, чтоб волки разобрались мирно в той путанице, которая началась в Турции, Персии — кусках земли, уже обнюханных и облизанных. Оставалось их проглотить и — вдруг они — ожили! Неспокойно спят английский дядя и немецкий племяш. Кто из них раньше другого даст туркам денег на войну с болгарами? [10] Интересно, что будет делать мудрое наше правительство? Вы сюда не приедете? Обманщик.

Был здесь Г<ригорий> Петров. Произвел на меня впечатление человека недоумевающего пред вопросом: что делать? куда теперь? Налево? Не достаточно ли? Направо? — Гм...

У него слиняли глаза.

Был еще соплеменник, родом занятий — шпион. Говорит: читал «Жизнь ненужного» [11] — техника — неверна, но психология — та самая. Плакал, клял свою жизнь, свое ничтожество, бессилие, говорил с ужасом о будущем России. Ужас показался мне искренним — в общем же фигура, видимо, патологическая.

«Погибает Россия»,— шептал он. «Как посмотрел я на немцев, англичан, как побывал в Америке — ясно вижу — не жить России! Не успела она приготовиться для нынешней жизни и не успеет уже. Не вижу

для нее путей — чувствую, окружат ее отовсюду железные люди и — задушат. Надо,— говорит,— нам делать огромную революцию и все дворянство вырезать поголовно — и земельное, и придворное, всё!» Малый, кажется, серьезно озабочен судьбой родины и, несомненно, скоро уже попадет в лечебницу для душевнобольных. «Мы,— говорит,— русские, по натуре изменники. Революционеры служат шпионами, шпионы — в революционерах — разве так можно?» Полагаю, что в этом он прав — нельзя!

Тик левой половины лица у него, а в глазах отчаянная тоска. Сам — дворянин, бывший юнкер. Поехал в Египет нефрит лечить. На случай — сообщаю: настоящая фамилия Масальский, на визитных карточках — д-р Глейн. Служил в Мос‹ковском› охр‹анном› отдел‹ении› при Зубатове [12], потом в Питере; во время революции — в Варшаве. Блондин, серые глаза, седые, вьющиеся волосы, нос острый, кривой, рост — средний, телосложение — сухое. Одет элегантно.

Ну, до свидания, однако!

А. П.

Датируется по п. от 6 и 9 октября 1908 г.

[1] Как видно из следующих писем, материалы о Щербаненко не были опубликованы.

[2] Сведений об упоминаемых лицах найти не удалось.

[3] Сб. «Против течения» и первая часть романа «Сумерки божков» («Серебряная фея») (СПб., изд-во «Прометей», 1908).

[4] Горький выслал Амфитеатрову п. О. О. Грузенберга к нему от 8/21 сентября 1908 г., в котором Грузенберг объяснял причины своего отказа защищать Арцыбашева в судебном деле, возбужденном против него в связи с порнографическим характером его романа «Санин». См.: Г—Гр. п. 3.

[5] Еженедельный журн. «*Весна*» — «орган независимых писателей и художников», выходил в Петербурге в 1908—1910 гг. Редактор В. В. Каменский, издатель Л. А. Шебуева. В подзаголовке журнала значилось: «В политике — вне политики. В литературе — вне кружков. В искусстве — вне направлений». В № 1 журнала напечатаны: фельетон Ю. Беляева «Скоморохи» и рассказ «Царь» Л. Андреева. В № 2 — рассказ А. Куприна «Последнее слово». В журнале был постоянный отдел «Газета Шебуева», в которой и печатались возмутившие Горького объявления. По-видимому, Горький смотрел два первых номера журнала. В последующих номерах Андреев и Куприн не печатались.

Николай Георгиевич *Шебуев* (1874—1937) — писатель-фельетонист, театральный критик, сотрудничал в «Русском слове». В 1907 г. Шебуев приезжал на Капри, где встречался с Горьким и Андреевым (*Шебуев Н.* Негативы // Русь. 1907. № 119. 30 апр.).

Юрий Дмитриевич *Беляев* (1876—1917) — драматург и театральный критик, сотрудник «Нового времени».

[6] Горький имеет в виду не только богемный характер жизни некоторых писателей, но и отход их от принципов реалистического демократического искусства. «Мои бывшие товарищи,— писал Горький Пятницкому,— Андреевы, Куприны, Чириковы — это люди, за которых до отчаяния стыдно мне. „Семь повешенных“! „Суламифь“! Кошки! И отвратительная, унижающая жадность к деньгам у всех. Все это мучает меня, разрывает на части ‹...› Хочется драться, ругаться, кричать» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 262).

[7] Оценка, которую Горький дает Художественному театру, была вызвана тем, что в годы реакции театр отдал дань декадентским настроениям.

[8] Отто *Вейнингер* (1880—1903) — немецкий ученый, философ-идеалист. Вейнингер развивал теорию биосексуальности, считая при этом, что женское начало ниже мужского, т. е. женщина духовно не равна мужчине. Наиболее полно эта теория выражена в кн.: Пол и характер. СПб.: изд-во «Посев», 1908.

Арман *Сабатье* (1834—1910) — французский ученый-зоолог, автор кн.: «Бессмертие с точки зрения эволюционного натурализма» (СПб., изд. Павленкова, 1897); «Жизнь и смерть» (СПб., изд. Павленкова, 1897). В работах Сабатье женщина также рассматривалась как существо, стоящее духовно ниже мужчины. Мизогамство — отрицание брака, безбрачие.

[9] Шведский писатель Юхан Август *Стриндберг* (1849—1912) в пьесах «Фрекен Юлия» (1888), «Кредиторы» (1889) и др. дал отрицательную трактовку женских характеров, это породило мнение о Стриндберге как женоненавистнике.

[10] События в Турции обострили противоречия между австро-германским блоком и Антантой, боровшимися за влияние в Турции, Персии и на Балканах. Австро-Венгрия начала готовиться к аннексии Боснии и Герцеговины, номинально

входивших в состав Османской империи, а также к возможному захвату Сербии, чтобы упрочить свое положение на Балканах (см.: История дипломатии. М., 1963. Т. 2. С. 649—658). Министр иностранных дел России Извольский летом 1908 г. вел переговоры с министром иностранных дел Австро-Венгрии Эренталем по поводу аннексии Боснии и Герцеговины. В обмен на признание аннексии Россией он предлагал открыть Дарданеллы и Босфор для русского черноморского флота. В России проект Извольского встретил серьезное возражение со стороны Столыпина, Коковцева и др. (Там же. С. 658—659; *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906—1910. М., 1961. С. 213—221). Английский король Эдуард VII (1841—1910) приходился дядей императору Германии Вильгельму II (1859—1941).

[11] Повесть Горького «Жизнь ненужного человека».

[12] Сергей Васильевич *Зубатов* (1864—1917) — начальник московского охранного отделения.

48. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna. 1908.X.9

Дорогой Алексей Максимович, спасибо за письмо. Ваш отзыв о «Сумерках божков» [1] меня ни удивил, ни огорчил: громадное большинство Ваших замечаний сам чувствовал в сердце своем, когда читал корректуру, и — вещь, конечно, провалена. Извинением некоторым ей может, пожалуй, служить то обстоятельство, что все, Вами прочитанное покуда, было писано в 1904 году, когда мое мировоззрение переживало последний период брожений своих, которые для меня были куда интереснее искусства. Я бросил роман в январе 1905 года, потрясенный 9-м января, а вернулся к нему лишь весною 1908 года, когда необходимо было написать к нему вторую часть, съевшую у меня всю весну, осень и лето. Думаю, что она покажется Вам интереснее, потому что действие выведено от узкой оперной сферы. Но, все-таки, хаотичность «Сумерков» непоправима, и я, если потребуется второе издание романа, должен буду написать его заново, на первое же смотреть как на корректуру. Я сознавал это и весною, но не устоял против издательских восторгов и воспоминаний, что, когда первая часть «Сумерков» печаталась в «Руси» [2], ее усиленно читали, писем я получал множество и пр. Думаю, что, при всех своих недостатках, «Сумерки» все-таки принесут некоторую долю пользы ясною, как мне кажется, постановкою вопроса о роли искусства в общественности и двумя-тремя отрицательными типами театрального мещанства. Андреевский [3], напр., уверяет, что любовница Берлоги, Настенька Кругликова,— самый законченный женский тип, когда-либо мною написанный. Этому я не верю, но, значит, оно нехудо написано, если этакому эстету нравится. Уповая на подобные оазисы, и согласился я печатать «Сумерки», как они вышли. Работать же над ними не мог, потому что отошла от меня тема эта, и — чтобы приняться за вторую-то часть — пришлось употребить над собою немалое насилие. Посылаю Вам корректурные листы ее. Быть может, они произведут на Вас лучшее впечатление, чем первый том,— по крайней мере, в смысле целесообразности романа. Кроме того, выход второго тома в свет — под сомнением: вероятно, будет арестован. Так что — сохраните!

Письмо Грузенберга мне страшно не понравилось. С своей точки зрения, он совершенно прав, но прав до противности самодовольно. Я писаний Арцыбашева не люблю вообще, а Санин для меня хуже рвотного, но, когда Грузенберг пишет, что он своим именем не желает рекламировать Санина, это смешно и пошло. Вот-то здорово влюблен в себя человек и уверен, что он делает историю и луну в Гамбурге...[4]

В письме Грузенберга каждая строка бьет расовою надменностью, против которой воевала еще притча о мытаре и фарисее [5]. Благодарю тебя, Господи, что я создан не как сей мытарь, а пощусь по субботам, совершаю омовения и пр., и пр. И эта ссылка на Пильского! [6] Хорош авторитет! Когда сходятся судиться эти венские фрукты [7], мне кажется един-

ственным подходящим для них кодексом тот, которого придерживалась Василиса Егоровна в «Капитанской дочке»:

— Разбери, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи!

О провокаторах и пр. все сообщу по принадлежности.

Сейчас я мучусь лютым безденежьем, но, как оное избуду, сейчас же приеду.

Да! Адрес Щербаненко — via Otranto, 12, int. 4. Почти рядом живет известный итальянский шпион и провокатор Ломбарди: соседство тоже вряд ли случайное. Сейчас делом Щерб⟨аненко⟩ занялся, по просьбе моей, журналист и социалист хороший Де Нова:[8] тот самый, который в 1902 году не пустил царя в Италию. Он проектирует бесшумное следствие, в случае успеха которого — чрез Биссолатти[9] и др. произвести парламентский запрос и всеевропейский скандал. Дня через три я буду иметь от него известия и немедленно отпишу Вам.

Ах, как бы нам надо было жить поближе! Проводил вчера в Париж Германа Лопатина. Признаюсь: прямо ослеплен впечатлениями! Что за сверкающий человек!

Зиму предвижу пред собою скучную. Впрочем, буду «Зверем из бездны» занят.

Бедные сербы! конец им пришел! Хуже Трансвааля![10]

А мой когда-то друг Фердинанд в цари вышел![11] Вот — карьера! Для XX-го века даже и необыкновенно.

Сейчас получил известие, что Щербаненко, по-видимому, понявший, что в деле художников он провалился, экстренно ускакал в Лозанну, где за ним следят. В Рим также отправлен для этой цели товарищ, которому я сообщаю содержание Вашего письма.

До свидания. Извините, что писал карандашом: ей-ей, чернильный *. А пером не могу: палец ссадил.

Желаю Вам всего хорошего — здоровья и доброго настроения духа!

Привет Марии Федоровне, которую столь кокетливо приветствует Грузенберг. Ай-ай-ай! Разве возможно не любить такого очаровательно самодовольного гения? Кто же такой жестокости поверит, начиная с его самого?

Еще раз — всего хорошего!

Ваш А. А.

[1] Первая часть романа «Сумерки божков» — «Серебряная фея» — была посвящена изображению жизни и нравов артистов оперы, театральной и литературной богемы. Сюжет второй части представляет историю постановки на провинциальной сцене оперы «Крестьянская война», героем которой является вождь крестьянского движения в Италии 1304—1307 гг. Фра Дольчино (Брат Дольчино).

[2] «*Русь*» — либеральная газета, выходила в Петербурге с декабря 1903 по июнь 1908 г., с перерывами и под разными названиями, издавалась А. А. Суворины при участии Амфитеатрова и др.

[3] По-видимому, Сергей Аркадьевич *Андреевский* (1847—1918) — юрист, поэт и критик.

[4] Измененная строка из «Записок сумасшедшего» Гоголя: «Луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге; и прескверно делается».

[5] Мытарь — сборщик податей, фарисей — представитель религиозно-политической партии богатых слоев общества древней Иудеи. Евангельская притча гласит, что в храме одновременно молились мытарь и фарисей. Фарисей проявил большую надменность ко всем «прочим людям», и в частности к мытарю. Мытарь же скромно молился, прося бога отпустить ему грехи. Притча завершается словами, что мытарь «пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя, возвысится» (Евангелие от Луки, гл. 18, ст. 9—14).

[6] Петр Моисеевич *Пильский* (1876—1942) — писатель-фельетонист, критик, редактировал газ. «Одесский понедельник». В 1917 г. в Петрограде издавал журн. «Эшафот». После революции эмигрировал.

---

* Если не верите, плюньте на письмо: сделаются чернила!

[7] Речь идет о петербургском ресторане «Вена», в котором собирались представители литературной богемы, в основном модернистского толка. В сб. «Против течения» Амфитеатров изображает этот ресторан («Трактир Вена») и его завсегдатаев в очерке «Карьера литератора Вьеннопульского».

[8] Итальянский журналист Джованни *Де-Нова,* автор ст. «Как мы не пустили царя в Рим» и «Русская тайная полиция в Италии», которые должны были печататься в седьмом номере «Красного знамени».

[9] Леонида *Биссолатти-Бергамаски* (1857—1920) — итальянский политический деятель, один из основателей социалистической партии Италии, главный редактор газ. «Avanti» в 1908—1912 гг., был исключен из партии за поддержку захватнической войны Италии в Ливии.

[10] Имеется в виду аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, населенных сербами.

В 1877 г. Англия аннексировала бурскую республику Трансвааль. В результате Англо-бурской войны 1899—1902 гг. бурские республики Трансвааль и Оранжевое Свободное государство были включены в состав британского доминьона, что сделало возможным образование Южно-Африканского союза.

[11] В октябре 1908 г. болгарское правительство, при поддержке Австро-Венгрии, объявило о преобразовании Болгарского княжества в царство. Болгарский князь Фердинанд I Кобург (1861—1948) стал царем.

В очерке «Степан Стамбулов» Амфитеатров рассказывал: «Когда после софийского переворота 18 мая 1894 г. я, по поручению Алексея Сергеевича Суворина, впервые направился на Балканы, главной моей задачей было свидание с князем Фердинандом, тогда еще принцем Кобургским, жаждущим признания, но упорно его от европейских держав не получавшим» (Недавние люди. СПб.: изд. «Тов-ва худож. печати». 1901. С. 1). Амфитеатров был представлен Фердинанду и написал о нем статью «Князь Фердинанд Болгарский» (вошла в сб. Амфитеатрова «В моих скитаниях. Балканские впечатления» (СПб., изд. И. В. Райской, 1903).

49. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

‹Кави ди Лаванья. Октябрь, не ранее 19, 1908 г.›

Дорогой Алексей Максимович!

Письмо сие доставлено мне для пересылки Вам в виде распечатанном [1].

Я что-то пишу — событие для меня не весьма обыкновенное.

Как живете?

«Кн‹ягиню› Настю» прокорректировал до половины 3-го акта, что-то конца еще не посылают.

Какой ужас — самоубийство Тихомирова! [2]

До свидания. Всего Вам хорошего.

Привет Марии Федоровне

Ваш А. А.

Датируется по упоминанию о самоубийстве И. А. Тихомирова.

[1] О каком письме идет речь, установить не удалось.

[2] Иосаф Александрович *Тихомиров* (1872—1908) — актер и режиссер. В 1898—1907 гг.— актер МХТ. В 1903—1904 г. руководил драматической труппой общедоступного Народного театра в Нижнем Новгороде, организованного по инициативе Горького. Последние годы жизни работал в Одесском театре. Покончил жизнь самоубийством 1/14 октября 1908 г.

По этому поводу Горький писал Е. Пешковой: «Тих‹омиров›а — мне не жалко, нет. Я не люблю самоубийц. Всем живется трудно, все одиноки, тот, кто этого не выносит,— дешево стоит. Жизнь — работа, кто не находит в этом удовлетворения — его воля умереть, но — жалеть о нем не стоит, мне кажется. Сурово? Как жизнь» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 57).

50. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

‹Кави ди Лаванья.› 1908.X.29

Дорогой Алексей Максимович.

В наших местах летает В. Л. Бурцев, сейчас ускакавший в Милан. Просил меня написать вот о чем. У Вас имеется рукопись Фроленки. Какова ее судьба? Дело в том, что Бурцев хотел бы заказать Фроленке

воспоминания о 1878—81 гг., но если рукопись М〈ихаила〉 Ф〈едоровича〉 принята «Знанием», тогда он этого заказа не сделает, так как мемуарам естественно продолжаться там, где они начались, а ежели «Знание» рукопись не берет, то ему хотелось бы заказ этот сделать поскорее [1]. Пожалуйста, ответьте мне на этот вопрос, по возможности, немедленно, ибо Бурцев метеору подобен, и не весть ни дня, ни часа, егда же он сваливается с облаков.

К делу о Щербаненке. Истина на дне его несомненно есть и чувствуется, но художники эти — Киселев и Дубах [2] — оказываются столь развинченными субъектами декадентского пошиба и неврастенического поведения, что добрые $^2/_3$ их показаний приходится отнести к галлюцинациям мании преследования. Вместо изложения дела они прислали Ильиной какой-то бессвязный лирический бред в стиле повестей «Золотого руна» [3], что ли. Адрес Щербаненки: Via Cola di Rienzi, 285, int. 7, si A. Signor M. Valery (псевдоним, под коим он действует). Здешние на художников сейчас порыкивают, потому что каша из-за них заварилась изрядная, а результаты предвидятся малые.

Некий маэстро Вирджилио, собирающийся писать оперу на Вашего «Хана» [4], просил меня снабдить его рекомендательным письмом к Вам. Но, так как я по личному опыту убедился, что лучше пустить себе мышь в голову, чем его в дом, то воздержался от этой ответственности. На случай же, если он все-таки приедет, имейте в виду лишь, что я его знаю. Играет он недурно, хотя грубовато, а музыку пишет под Масканьи [5]. Я слышал в Риме его оперу «Яна». Ничего себе, но пустовата. Читал гимн в Вашу честь в «Весах» [6]. Все изменяется под нашим зодиаком!

На днях получу и пошлю Вам мою статью, вернее, ряд заметок об «Исповеди» [7].

Очень скучаю и много пью.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Привет Марии Федоровне. Будьте здоровы!

Ваш А. А.

[1] Речь, по-видимому, идет о мемуарах М. Ф. Фроленко «Записки семидесятника» (в «Знании» не издавались). Печатались в «Былом», «Минувших годах», «Вестнике Европы» и других изданиях. Отдельное издание: Историко-революционная библиотека. М., 1927.

[2] О ком идет речь, установить не удалось.

[3] *«Золотое руно»* — журнал «художественный, литературный, критический», орган символистов. Выходил в Москве в 1906—1909 гг., редактор-издатель Н. П. Рябушинский. До 1907 г. фактическим руководителем журнала был Брюсов, но после его конфликта с Рябушинским руководить журналом стали Вяч. Иванов, Блок и Чулков. Возможно, что Амфитеатров имеет в виду печатавшиеся в «Золотом руне» повести Пшибышевского «Тиртей» (1907, № 2), М. Кузмина «Тень Фелиды» (1907, № 7—9), А. Кондратьева «Фамирид» (1908, № 1), М. Кузмина «Двойной наперсник» (1908, № 10) и др.

[4] Намерение композитора Вирджилио, по-видимому, не было осуществлено, но в феврале 1909 г. в Монте-Карло состоялась премьера оперы Р. Гюнсбурга «Старый орел» по легенде Горького «Хан и его сын». В роли Асваба выступал Шаляпин (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 67).

[5] Пьетро *Масканьи* (1863—1945) — итальянский композитор, один из основоположников оперного веризма, автор широко известной оперы «Сельская честь».

[6] *«Весы»* — литературный, критико-библиографический журнал, орган символистов, выходил в 1904—1909 гг. в Москве, в изд-ве «Скорпион». Редактор-издатель С. А. Поляков. Фактическим руководителем журнала являлся Брюсов.

В публикуемом письме речь идет о ст. А. Белого «Слово правды» из цикла «На перевале» (1908, № 9). «„Исповедью“ своей,— писал Белый,— показал он (Горький.— *Ред.*), что умеет и по сю пору видеть русскую душу 〈...〉 и, забывая растянутость фабулы, несовершенство многих страниц, веришь Горькому, что любит он Россию, что слушает он „мать-сыру землю“ 〈...〉 И поется в душе: „Россия, Россия, Россия моя!“ И бог весть что вкладываешь в эту песню: и тоску, и религиозные искания, горький плач и веру в лучшее будущее 〈...〉 „Исповедь“ Горького замечательна: она возвращает нам интерес к талантливому писателю своей внутренней

правдой <...> Не показывают ли религиозные искания героя „Исповеди", что в душе Горького происходит перелом?» (с. 59—62). В следующей ст. «Символизм и современное русское искусство» (Весы. 1908. № 10) Белый рассматривал Горького как главу современного реалистического направления в русской литературе, пытаясь вместе с тем сблизить его с модернизмом, усматривая в «Исповеди» черты импрессионистического искусства.

[7] Текст ст. Амфитеатрова об «Исповеди» («ряд заметок») не обнаружен, но в статье о повести «Лето» из цикла «Записная книжка» (Киевская мысль. 1909. № 281. 28 сент. /11 окт.) Амфитеатров рассматривает повесть «Лето» как дальнейшее развитие «нового» этапа творчества Горького, начатого «Исповедью» и «Жизнью ненужного человека». Здесь же «Исповедь» противопоставляется повести «Мать» как произведение подлинно художественное, а не пропагандистского характера, каким Амфитеатров, как и вся буржуазная критика, считал повесть «Мать».

51. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Начало ноября 1908 г.)

Дорогой А. В.!

Получив ваше письмо, я немедленно ответил на него — А. А. Богданову [1], чем сей последний премного удивлен был. Он понял бы ошибку, будь письмо начато обращением к вам, но — оно начато было обращением к нему, и он ничего не понял, хотя — философ. Отсюда заключаю: в некоторых случаях жизни человеческой даже и философия бесполезна.

Рукопись Фроленко была давно мною прочитана и автору возвращена с письмом, в коем я отказывался печатать ее. Но — почта города Парижа возвратила мне и письмо и рукопись, ибо адресата в месте, им указанном, не нашла. Некто сообщил мне адрес — но неполно. Посему: посылаю и рукопись и письмо — вам, да вручите вы их Бурцеву, а он — автору.

Да, враги меня хвалят, друзья поругивают [2] — но — я уже устроился так, что теперь и те, и эти начнут ругать. Ибо написал небольшую статейку о литературе современной [3]. Жду полного единодушия.

Андреева «Мои записки» [4] читали? Ныне он воспринял мистический анархизм Георгия Чулкова [5] и с этой точки машет руками на позитивизм, материализм и иные виды теорий, внушающие активное отношение к жизни. Хочет попасть в зубы всем этим философиям, но попадает — мимо.

«В лето от Р. Х. 1908-е одолеша Русь мещанинище и пожра русскую письменность и превратиша пророки во скоморохи и соверша сие паскудство прыгая и лаяй, аки пес, радостью своею до скотства опьянен».

Жалко мне Андреева — так жалко, что хоть плачь со зла.

А вам — всего хорошего, дорогой, и да пребудет с вами дух бодрости во веки и во веки веков.

Поклоны мои и приветы.

А. Пешков

Датируется по предшествующему письму.

[1] Упомянутым п. Горького Богданову *АГ* не располагает.

[2] Серьезной критике подвергли «Исповедь» марксисты, в частности Плеханов в работе «О так называемых религиозных исканиях в России» (Современный мир. 1909. № 9, 10, 12). Воровский отмечал, что в «Исповеди» Горький подходит к социальной проблеме совсем с другой стороны, чем в «Матери», и усматривал в ней явное сочувствие богостроительской философии (Из истории новейшей русской литературы. СПб.: изд-во «Звено», 1910).

Как видно из публикуемых писем, а также п. Горького Пятницкому, Е. П. Пешковой и др., Горький, придававший вначале большое значение своей повести, позднее стал смотреть на нее более критически. «Сам я,— писал он Брюсову 31 августа 1908 г.,— очень недоволен ею — дидактично написал» (*XXIX*, 75). Горький так объяснил идею «Исповеди»: «Я — атеист. В „Исповеди" мне нужно было показать, какими путями человек может прийти от индивидуализма к коллективистическому пониманию мира <...> Герой „Исповеди" Матвей понимает под „богостроительством" устроение народного бытия в духе коллективистическом, в духе единения всех по

пути к единой цели — освобождению человека от рабства внутреннего и внешнего» (*9*, 556).

В. И. Ленин отнесся к «Исповеди» отрицательно. 22 ноября 1910 г. он писал Горькому: «Когда мы беседовали с Вами летом и я рассказал Вам, что совсем было написал Вам огорченное письмо об „*Исповеди*“, но не послал его из-за начавшегося тогда раскола с махистами, то Вы ответили: „*напрасно* не послали“» (*В. И. Ленин.* Т. 48. С. 4).

[3] Речь идет о ст. Горького «Разрушение личности». Первоначальное заглавие «От Прометея до хулигана». В сохранившейся машинописи, озаглавленной «Разрушение личности», статья имеет подзаголовок «Очерки современной жизни и литературы». Горький работал над статьей в течение 1908 г. Первоначально он предполагал напечатать ее в газ. «Пролетарий», однако статья вызвала резкую критику В. И. Ленина, который советовал Горькому переделать статью, сняв «все, хоть косвенно связанное с богдановской философией» (*В. И. Ленин.* Т. 47. С. 145). Несмотря на неоднократную переработку, ст. «Разрушение личности» сохранила некоторые ошибочные идеи, о которых писал Ленин. Горький опубликовал ее в кн. «Очерки философии коллективизма» (СПб., изд-во «Знание», 1909, сб. I) (*ЛБГ, Описание*).

[4] Повесть Л. Андреева «Мои записки» впервые напечатана в альманахе «Шиповник» (СПб., 1908, кн. 6) и одновременно в изд-ве Ладыжникова.

Горький писал Е. П. Пешковой в начале ноября 1908 г. о «Моих записках»: «Вещь — озлобленная и противная. Погибает Леонид, с каждым шагом вперед он опускается куда-то вниз. Меня не удивит, если он напишет нечто в духе „Бесов“» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 57; см. также п. к Е. К. Малиновской — *Арх. Г.* Т. XIV. С. 327).

[5] В 1906 г. вышла кн. Г. Чулкова «О мистическом анархизме» (СПб., изд-во „Факелы“, вступ. ст. Вяч. Иванова). „Под философским анархизмом,— писал Г. Чулков,— я разумею учение о путях освобождения индивидуума от власти над ним не только внешних форм государственности и общественности, но и всех обязательных норм вообще — моральных и религиозных» (с. 28). Кн. Чулкова вызвала оживленную полемику. См.: *Русская литература конца XIX — начала XX в. 1901—1907.* С. 506.

52. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna. 1908.XI.18

Дорогой Алексей Максимович.

У нас здесь сейчас что-то вроде конгресса: большой съезд публики и толкотня невероятная. За перо некогда взяться. Поручение Ваше исполнил и от Бурцева, чрез Г. А. Лопатина, уведомлен, что он рукопись Фр⟨оленко⟩ получил.

Как поживаете? В газетах пишут, что новую драму написали. Но в газетах же пишут, будто в Японию уехали [1].

Мне русские газеты что-то стали столь несносно противны, что я решительно не в состоянии писать для них: либо напрасное жевание резины, либо наглая и беспутная хулиганщина. В том и другом случае шарлатанство. Разница лишь — с благими намерениями или, просто, без церемоний.

Отчего так долго не выходит книжка «Знания»? [2] Много меня о том запрашивают, из-за «Княгини Насти». Меня тоже разбирает авторское любопытство поскорее сию беременность окончить. Да и деньга уж больно нужна. Совсем дела мои плохи...

К «Княгине Насте» сватается сейчас жених № 5: Корш [3]. И ему послал отказ.

«Образование» перешло к «брату покойного Карышева» [4]. Что ж теперь будет? Спиритический журнал?

Гостит у меня сейчас Ф. В. Волховской [5]. Стар муж и глух на оба уха, а живости в мысли и слове — на десять молодых. Вообще, удивительная коллекция молодых стариков: он, Василий Ив. Немирович-Данченко [6] и уж, в особенности, Герман Лопатин: какое-то чудо сверхчеловеческое. Мы с ним еще купаемся. А как на Капри? У нас уже 14°. У вас, поди, еще 16°? Страсть, хочется выдержать круглый год, но думаю, что в декабре придется сдаться и запросить пардону.

Вашего Нугеса ставят в Одессе и Москве. Знаете?

Должно быть, у Дорошевича с Федором что-нибудь вышло, потому что в «Русском слове» появилась статья о «Борисе Годунове» [7], написанная с грубою злобностью и ясно знаменующая разрыв дипломатических отношений. Василий Немирович и Григорий Петров очень возмущены этою статьею, но Дорошевич теперь в «Русском слове» опять монарх неограниченный. Ну, и как всегда — «захочу, полюблю, захочу, разлюблю».

Читал в «Голосе социал-демократа» полемику Плеханова с Богдановым... 46 столбцов! [8] Это — в заграничном-то, партийном органе! Кому надо? На что тратятся революционные деньги! От града цитат с ума сойти можно. Словно у человека в голове, вместо мозгов,— даже не библиотека, а несколько полных и пространных каталогов книжных. Нехорошо.

Андреева не читал [9].

До свидания. Будьте здоровы. Привет от всей души Марии Федоровне. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] Возможно, Амфитеатров говорит о ст. А. Измайлова «Новая драма Горького и „Рассказ о семи повешенных“ Л. Андреева» (Русское слово. 1908. № 114. 17/30 мая) и «У Горького на Капри» (Биржевые ведомости. 1908. № 10589, 10591, 10593. 5, 7, 8 июля). Сообщения о пьесе Горького «Последние» появились и в других русских газетах.

О предполагаемой поездке Горького в Японию в 1908 г. было несколько сообщений в периодической русской и зарубежной печати. Наиболее близкое по времени к публикуемому письму — «Поездка М. Горького в Японию» (Биржевые ведомости. 1908. № 10575. 27 июня/10 июля). Поездка не состоялась.

[2] XXIV *сб. «Знание»* был задержан цензурой. См. следующее письмо, прим. 2.

[3] Речь идет о частном драматическом театре Федора Адамовича *Корша* (1852—1924), основанном в Москве в 1882 г.

[4] В 1908 г. с № 9 редактором журн. «Образование» стал Дмитрий Александрович *Карышев* — писатель и журналист, сотрудник журн. «Исторический вестник» и «Наблюдатель». Под редакцией Карышева в 1909 г. вышло пять номеров журнала.

Были еще два брата Карышевых: Николай Александрович *Карышев* (1855—1905) — профессор Сельскохозяйственного института в Москве, сотрудник журн. «Русское богатство» и Иван Александрович *Карышев* — писатель, беллетрист, занимался спиритизмом.

Можно предположить, что Амфитеатров ошибся, связав журн. «Образование» с И. А. Карышевым.

[5] Феликс Вадимович *Волховский* (1846—1914) — революционер-народник. В 1867 вместе с Лопатиным основал Рублевое общество. В 1868 г. сблизился с организацией Нечаева, был арестован при ее разгроме и заключен в Петропавловскую крепость в 1874 г. В 1878 г. сослан в Сибирь, откуда бежал (в 1889 г.), и поселился в Лондоне, где стал одним из руководителей Общества друзей свободы и Фонда вольной русской прессы. С начала 1900-х годов — эсер. Был видным представителем вольной поэзии 70-х годов («Случайные песни», М., 1907 и др.). Выпустил сборник для народного чтения «Дюжина сказок» (М., 1908).

[6] Василий Иванович *Немирович-Данченко* (1844—1936) — писатель, был военным корреспондентом в русско-турецкой (1877—1878), русско-японской (1904—1905) войнах, автор многочисленных романов, повестей, рассказов и очерков.

[7] Влас Михайлович *Дорошевич* (1864—1922) — журналист, театральный критик, публицист, вместе с Амфитеатровым сотрудничал в газ. «Россия». С 1908 г.— редактор газ. «Русское слово».

Речь идет о ст. Дорошевича «Шаляпин» (Русское слово. 1908. № 248. 25 окт./7 нояб.), в которой отмечалась слабость драматического исполнения Шаляпиным роли Бориса Годунова на сцене Большого театра в Москве 23 октября/5 ноября 1908 г.

[8] Продолжение публикации цикла статей Плеханова «Воинствующий материализм». См.: А—Г, п. от 24 июля 1908 г., прим. 6.

[9] Повесть Андреева «Мои записки».

53. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

‹Кави ди Лаванья.› 1908.XII.5

Дорогой Алексей Максимович.

Давно нет от Вас ни слуха, ни духа. Как живете? В духе ли?

У нас здесь прошел слух, что Мария Федоровна заболела воспалением почек. Я телеграфировал Вам, но ответ не получил, из чего заключил, что известие не соответствует строгой истине.

Написал я комедию[1], а вернее сказать, плюху в 4-х действиях, в коей дерусь со всяким смертячеством и кошкодавством без всяких обиняков и покровов, а прямо святым кулаком по нечестивой силе. Не знаю, хорошо ли вышло,— в одном уверен: ни для какой сцены не годится. С месяц надо будет употребить, чтобы обтесать ее из первобытности в вид печатный. То есть оно можно бы и скорее, да уж больно я занят. Думал, что успею повезти ее к Вам на суд к 15 дек‹абря›, но вряд ли управлюсь. Так что — вернее — приеду с нею между двумя новыми годами, здешним и русским.

XXIV-го сборника еще не видал. Жаль очень, что Вы «Ненужного человека» разделили![2] Целиком бы его.

Сегодня целый день говорили об этих двух вещах — «Исповеди» и «Ненужном человеке» — с Германом Лопатиным. Очень он восхищался. А в особенности, как специалист и знаток, знанием Вашим языка русского и свободою распоряжения им.

Купаемся.

Жизнь идет вяло и смирно. Рабочие лошади, т. е. письменные столы, работают. Кое-кто болеет. Но больше выздоравливают и толстеют.

До свидания. Всего Вам хорошего. Привет Марии Федоровне.

Ваш А. А.

[1] По-видимому, речь идет о пьесе Амфитеатрова «Триста тысяч».

[2] В связи с цензурными преследованиями повесть Горького «Жизнь ненужного человека» не могла быть напечатана полностью в XXIV *сб. «Знания»* за 1908 г. (в нем была напечатана только часть повести, около трети ее текста).

25 ноября ст. ст. 1908 г. Пятницкий телеграфировал Горькому, что сборник с окончанием повести вызовет немедленную конфискацию книги (*АГ*). В XXV *сб. «Знания»* за 1908 г. было напечатано сообщение: «Окончание повести „Жизнь ненужного человека“ не могло быть напечатано в этом сборнике по причинам, не зависящим ни от автора, ни от издательства».

Полный текст повести был впервые напечатан в 1908 г. в изд-ве Ладыжникова под названием «Жизнь лишнего человека». До Октябрьской революции бóльшая часть повести оставалась под цензурным запретом в России. Было строго запрещено также и распространение заграничных ее изданий на русском и иностранных языках (*9*, 525—532).

54. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. 7 или 8 декабря 1908 г.›

Дорогой и уважаемый Александр Валентинович.

Считаю нужным ознакомить вас с гнусностями, кои брошены по вашему адресу бывшим товарищем моим, а ныне — несомненным прохвостом и холопом — Владимиром Поссе[1].

С людьми, ему подобными, конечно, не следует разговаривать, но — мне кажется,— что иногда необходимо наступать пятою на язык им. Однако — не заключайте, что я советую вам побеседовать с этим уродом — это ваша воля.

А фельетон его *возвратите мне*: я собираю все такие перлы, намереваясь по скорости осветить их достойно[2].

Крепко жму руку.

А. Пешков

У индейцев Сев⟨ерной⟩ Ам⟨ерики⟩ есть поговорка: «на врага не сердятся, его убивают».

И другая: «если торопишься — убей врага стрелой, но мучительней для него твое презрение».

Они — неглупый народ, индейцы.

Сердечный мой привет вам.

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с предыдущим и следующим письмами.

[1] Владимир Александрович *Поссе* (1864—1940) — журналист и общественный деятель, пайщик изд-ва «Знание» до 1902 г. Горького и Поссе связывали дружеские отношения в конце 90-х — начале 900-х годов, особенно в период их совместной работы в демократическом журн. «Жизнь», фактическим редактором которого был Поссе и ведущую роль в художественном отделе которого играл Горький (см.: *Келдыш В. А.* «Жизнь» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890—1904. М.: Наука, 1981). После закрытия журн. «Жизнь» в 1901 г. и отъезда Поссе за границу идейные пути Горького и Поссе разошлись, и отношения порвались. В публикуемом письме, дающем резкую, несправедливую оценку личности Поссе, речь идет о ст. Поссе «Очерки современной литературы (IV), Амфитеатров и Горький» (Слово. 1908. № 626. 20 нояб./3 дек.). Одновременно с письмом Горький послал Амфитеатрову газетную вырезку этой статьи (вырезка с пометами Горького красным карандашом на полях и в тексте хранится в *ЦГАЛИ*). В ст. Поссе давалась высокая оценка повести Горького «Жизнь ненужного человека» и резко отрицательная — пьесе Амфитеатрова «Княгиня Настя»: «Не пьеса, а бойкий бульварный фельетон». В ней он хотел создать дифирамб революционерам, «а вышло что-то вроде пасквиля...» Статья была направлена против сотрудничества Горького с Амфитеатровым, «закреплявшегося» XXIV *сб. «Знания»*.

[2] Намерение это не было осуществлено.

55. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 8 или 9 декабря 1908 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

Не писал — ибо все время занят был, сочиняя, беседуя, ругаясь. И — полон дом гостей, а народ все — отличный: Боткина, художница[1], Богданов, молодой беллетрист один, Луначарский, конечно.

«Сумерки» — второй том — читал: разволновался, слушая «Крестьянскую войну», до того, что взревел — хорошо! Для моей души — превосходно! Потом — мысленно — лаял вас и проклинал газеты, сожравшие большущий кусок вашей здоровенной души. Эх, вы, бронтозавр московский,— на кой черт понадобилась вам история этой окаянной алкоголички, Дорошевичевой жены?[2] Такая досада была читать о ней, и так неуместна она в книге, которая даже в анахронизмах своих — приятна.

Жилкин — есть такой гениальный журналист — «Настю» — не хвалит[3]; сирийско-петербургский писатель Кондурушкин — тоже. Последнему за это — влетело. Должно быть, я еще с одним литератором поссорился.

Жду вас со Смертяшкиными[4], и очень рад буду попить красного винца с вами. А что Герман Николаевич[5] — кажется — не захочет сюда заглянуть? Коли бы не мои немощи — я б и сам махнул в Кави пожать ему и вам руки, да здоровьишко скрипит. И — устал тоже.

М. Ф.— поправилась; она ненароком хватила вместо воды полосканья для горла, но — немножко, и хотя был опасный момент — теперь все прошло вполне бесследно.

Из Питера пишут: «литературный сезон начинается уныло, по всей линии торжествует серый октябрист. Концентрируются вокруг двух лозунгов: „искусство для искусства“ и — „России необходима прежде всего — культура, долой политику, долой революцию“» [6]. Не очень ново, как видите.

Рейнботова история — нравится?[7] Душисто вышло?

Ну, пока всего доброго!

Должен отдохнуть. Привет, поклоны.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 10 декабря 1908 г. и упоминаемым газетным публикациям.

[1] Мария Сергеевна *Боткина* (1870–1960) – художница, друг семьи Горького, дочь врача-клинициста Сергея Петровича *Боткина* (1832–1889). Ей принадлежит ряд портретных зарисовок Горького.

[2] Во второй части романа рассказана история падения и гибели жены героя, известного оперного певца Берлоги,– Надежды Филаретовны, или На́ны. По-видимому, Горький нашел в этом образе какие-то черты первой жены В. М. Дорошевича.

[3] Иван Васильевич *Жилкин* (псевдоним И. Вершинин) (1874–1958) – журналист. Ст. Жилкина «Тень ненужности» (Слово. 1908. № 625. 19 нояб./2 дек.) посвящена критическому разбору повести Горького «Жизнь ненужного человека» и пьесы Амфитеатрова «Княгиня Настя». Рецензент считал, что пьеса написана в фельетонном стиле, ее ситуации и персонажи придуманы автором, оторванным от русской жизни в силу «независящих от него обстоятельств».

[4] См.: *А–Г*, п. от 20 апреля 1908 г., прим. 4.

[5] Имеется в виду Г. А. Лопатин.

М. Ф. АНДРЕЕВА И М. С. БОТКИНА В СТОЛОВОЙ ВИЛЛЫ «СЕТТАНИ»

Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1908

Музей Горького, Москва

[6] О каком письме идет речь, установить не удалось.

[7] Речь идет о печатавшихся в газетах сообщениях о ходе следствия по делу бывшего градоначальника Москвы генерала *А. А. Рейнбота* (Резвой, 1868—1918), обвинявшегося в превышении власти, растратах, взяточничестве и подлогах. Рейнбот был назначен на пост градоначальника в январе 1906 г. Отличался крайней жестокостью при подавлении революционного движения. Он должен был «навести порядок» в Москве после Декабрьского восстания 1905 г., но осенью 1907 г. был снят с занимаемого поста и предан суду. Следствие по делу Рейнбота длилось несколько лет и закончилось в 1911 г. вынесением легкого приговора. После этого Рейнбот сменил фамилию на Резвой и продолжал служить в армии в том же чине.

В *ЛБГ* хранится «Ответ А. А. Рейнбота на обвинение его в преступлениях должности. Полный текст заявлений на имя члена Московской судебной палаты Л. Б. Шадурского в ответ на постановления о привлечении к следствию» (М., тип. А. П. Поплавского, 1910; на правах рукописи). Пометы предположительно Горького (*Описание*).

56. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

‹Кави ди Лаванья.› 1908.XII.10

Дорогой Алексей Максимович.

Сердечное спасибо за письмо о Поссе. Я читал эту прелесть уже до Вашей вырезки. Откровенно скажу: в первый момент не выдержал, было, характера, оскорбился. Не тем, что обо мне написано,

а тем, что писал Поссе, которого я, хотя совершенно его не знаю и мало читал, считал, по слухам и на веру, человеком порядочным и неспособным к недобросовестной злобности, с какою он на меня накинулся. Так полемизировал со мною раньше только Меньшиков [1] — с теми же попреками и тем же тоном, только еще ту смешную подробность прибавьте, что из фельетона «Н<ового> вр<емени>» лаял. Напрасно Поссе напечатал свое произведение в «Слове» [2]. Следовало бывшему эс-деку сделать еще шаг направо и сдать рукопись именно в «Новое время». Буренин [3] напечатал бы с наслаждением.

Ваша характеристика г. Поссе настолько выразительна, что о нем больше и толковать не стоит. Может быть, когда-нибудь, выпуская отдельное издание «Княгини Насти» или при другом удобном случае, я займусь этим барином, если только... не забуду. В конце концов, что мне за дело, как незнакомец, каков для меня он, думает о другом незнакомце, каков для него я? Я не ангел и индейским чувствам не чужд, но жизнь так быстра, работы так много, на плечах 45 лет, надо успеть столько сделать, что считаешь полезным сам и одобряют хорошие люди,— некогда и жаль на личное словопрение тратить трудовое время и рабочие нервы. Посчитаемся как-нибудь на досуге.

А вот Вам я глубоко благодарен, что Вы написали мне Ваши строки по поводу Поссе, не выжидая, что я Вам напишу. Я вижу в этом сердечный акт доверия, и нравственного, и политического, и никогда не забуду Вашего дружеского движения — ни как оно кстати пришло навстречу моим смущенным мыслям, ни как деликатно Вы им поспешили. Это Ваше письмо смыло с души моей много печальной и скептической сажи, накопленной за «круговращение» 45 годов. Пестрая штука жизнь. На днях, по случаю смерти художника Реджио [4], начал я перетряхать в памяти «пыль веков» и показалось мне, что я живу на свете не 45 лет, а мало-мало 90.

Сейчас получил второе Ваше письмо. Искренно счастлив, что приключение с Марией Федоровной обошлось так легко. В прошлом году одна моя свойственница в Москве таким-то манером на тот свет отправилась. Говоря изящным слогом: угораздит же! Ненавижу склянки и аптеку. Вечно позабудешь, где лекарство, где яд.

Жилкина читал. Надо Вам сказать, что я не получал «Слова» и никаких связей с оным не имел, но вдруг, недели две тому назад, журнал сей начали мне прелюбезно посылать. Я уже собирался чувствительно благодарить редакцию за трогательное внимание, ан, оказывается, «умысел другой тут был» [5]. На Жилкина я нисколько не в претензии, только он до смешного самодоволен и уверен, что уж он-то знает, где таится нерв эпохи. И он, и Поссе столь радостно играют словами «нужный» и «ненужный», что, очевидно, сознают себя настоящими, патентованными нужниками и очень тем гордятся. Кому что нравится!

Кондурушкина, кажется, никогда ничего не читал.

К моему удивлению, недурно написал о «Княгине Насте» Кугель в «Т<еатре> и и<скусстве>» [6]. Подошел к красивой и оригинальной точке зрения. Удивление мое тем больше, что я ждал ругани, так как Кугель — индеец добродушный, но гневный и мстительный, а я недавно отказался сотрудничать в его журнале до тех пор, покуда он не перестанет притонодержательствовать господам вроде Л. Л. Толстого, Бобрищева-Пушкина, Старка, Евреинова, Сукинсынникова и иных от сих же, стремящихся под сень «объединения в искусстве» [7].

Герман Александрович очень благодарит Вас за приглашение на Капри и имеет громадное желание воспользоваться им. В половине января здешнего, между 15—20, мы объявимся к Вам всенепременно. Экая жалость, что сейчас я не могу тронуться: опять не познакомлюсь с Богдановым, который меня так глубоко интересует!

Спасибо за добрые слова о 2-м томе «Сумерков». Вы меня очень ими обрадовали! Откровенно сказать, «Крестьянская война» и самим автором жестоковыйным, местами, не без слезы написана. Сережа Горелов все просит меня написать «Фра Дольчино», да много возиться с этим надо, а столько ранее намеченных работ.

Насчет алкоголички [8]. Очень я много баб подобных знал, и всегда они меня отравленностью своею органическою интересовали. Жена Дорошевича, Эльяшева, Зоя Кочетова [9] и др. В роман я поместил ее потому, что Лубковская рассказывала мне, как, при черносотенном разгроме киевского театра какая-то пьяная баба лезла через оркестр на сцену. Это дало мне идею заключительной главы, а для нее вообще На́ну написать. Ну, эпизод-то и расползся.

Работаю над своею пьесищею усиленно. Многим сестрам будет по серьгам. Назову, должно быть, «Триста тысяч» [10]. Для отдыха сочиняю, по просьбе Волховского, статьи для солдатского чтения. Написал уже четыре: «Царь», «Отечество», «В чем сила русского государства» и «Великий князь Алексей Александрович». Очень увлекаюсь. Тоже привезу Вам. Моя мечта составить этакую обиходную хрестоматию революционного характера. Сильно рассчитывал на помощь в этом деле Петрова Григория, да он утопист и брендит.

У нас недавно было приключение. Вас. Ив. Немирович, похваляясь новым револьвером, выпалил из него ненароком за обеденным столом и мало-мало не ухлопал юную m-е Владимирову. Револьвер мы конфисковали, а Немировичу объявили, что в будущем временном правительстве ни военным министром, ни главнокомандующим ему не бывать: не умеет обращаться с оружием.

До свидания. Еще раз спасибо, и желаю Вам всего хорошего. Привет Марии Федоровне! Поклоны каприйцам.

Ваш А. А.

Сохранилось неотправленное п. Амфитеатрова Горькому от 9 декабря 1908 г. См. о нем в ст. Н. И. Дикушиной.

[1] Михаил Осипович *Меньшиков* (1859—1919) — реакционный публицист. С начала 1900-х годов постоянный сотрудник «Нового времени», где вел «воскресный» фельетон «Письма к ближним».

[2] *«Слово»* — ежедневная газета, выходила в Петербурге в 1904—1909 гг. С ноября 1905 г.— орган октябристов. С ноября 1906 г.— орган конституционно-монархической партии «мирнообновленцев», по существу ничем не отличавшихся от октябристов. В передовой статье № 1 за 1906 г. газета объявляла себя органом Конституционного центра, стоящего за власть сильную и авторитетную и действующую «на строго конституционной почве».

[3] Виктор Петрович *Буренин* (1841—1926) — писатель и публицист. До середины 1870-х годов активно сотрудничал в журн. «Искра» и других демократических изданиях. Порвав с прогрессивными изданиями, в 1876 г. вошел в редакцию «Нового времени», где стал ведущим публицистом. Ленин употреблял имя Буренина как синоним бесчестности и продажности.

[4] Александр Николаевич *Беклемишев* (Реджио) (ум. в 1908 г.) — художник-декоратор, работал в тифлисском оперном театре, где в 1887 г. с ним познакомился Амфитеатров; долгие годы жил в Италии. Амфитеатров писал о его судьбе в ст. «Александр Николаевич Реджио» (сб. «Тризны», СПб., 1909).

[5] Цитата из басни И. А. Крылова «Музыканты».

[6] Александр Рафаилович *Кугель* (псевдоним Homo Novus) (1864—1928) — театральный критик, основатель в Петербурге театра пародий «Кривое зеркало». Издатель и редактор журн. «Театр и искусство» (выходил в Петербурге с 1897 по 1918 г.). На протяжении ряда лет журнал отстаивал реализм на русской сцене, высмеивал декадентство, но четко выраженного направления у него не было. Во второй части цикла театральных обзоров («Записная книжка») Кугель писал о пьесе Амфитеатрова «Княгиня Настя» (Театр и искусство. 1908. № 47).

[7] Лев Львович *Толстой* (1869—1945) — писатель, сотрудник газ. «Новое время», сын Л. Н. Толстого.

Александр Владимирович *Бобрищев-Пушкин* (выступал под псевдонимами Громобой, Не-коммунист) (1875—?) — реакционный публицист, белоэмигрант.

Эдуард Александрович *Старк* (1874—1942) — театральный критик. Начал печататься в издаваемой Амфитеатровым газ. «Россия» в 1901 г.

Николай Николаевич *Евреинов* (1879—1953) — театральный критик и историк театра. Явился одним из создателей в России так называемого «Старинного театра», что приобщило его к модернистскому направлению в театральном искусстве тех лет.

[8] См.: *Г—А*, п. от 8 или 9 декабря 1908 г., прим. 2.

[9] Эльяшева — пианистка-аккомпаниатор.

Зоя Разумниковна *Кочетова* (1857—1892) — известная оперная певица.

[10] Пьеса вышла под названием «Два часа в благородном семействе, или О чем скрипела дверь. (Происшествие)» (сб. «„Княгиня Настя" и другие драматические сочинения»).

57. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Декабрь, не ранее 12, 1908 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Очень, очень рад, что Герман Александрович хочет приехать с вами на остров сей дикий, окутанный серыми тучами.

И рад, что Поссе—Ланде—Струве, троеглавый символ ренегатства [1], не трогает вас.

Я, знаете, «Русскому знамени» [2] сочувствовать начинаю в вопросе об инородцах, а ежели они знаменитых шведов потомки,— то — особенно, ибо всё с большей очевидностью доказывают мне, потомки сии, что Русь для них — место кормления,— не больше того.

Конечно, аз есмь человек преувеличивающий — и это знаю.

Нужно бы мне книжку вашу «Житейская накипь» [3] — буде имеете под рукой,— пришлите,— возвращу.

Вчера занимался статистикой: за год текущий прочтено мною 153 рукописи [4] — из коих лишь 19 написано «именами» и 32 — людьми интеллигентными, авторы же остальных: рабочие, крестьяне, солдаты, дворники, швейцар, пожарный, две горничных, швея, прачка, два извозчика, сапожников трое, ссыльно-каторжных 2, и — генерал!

Жму руку, кланяюсь всем, а Г. А. особо.

А. Пешков

Датируется по предшествующему письму.

[1] Петр Бернгардович *Струве* (1870—1944) — буржуазный экономист и философ, представитель «легального марксизма». С образованием в 1905 г. партии кадетов стал членом ЦК и лидером ее правого крыла. После 1917 г.— белоэмигрант.

Александр Соломонович *Ланде* (псевдоним А. Изгоев) (1872—1935) — один из лидеров правых кадетов. Журналист. Был выслан в 1922 г. из Советской России. В годы реакции Струве и Ланде активно выступали против революции и демократии, участники сб. «Вехи». Струве и А. Изгоев принимали участие в газ. «Слово».

[2] *«Русское знамя»* — черносотенная газета, орган Союза русского народа. Выходила с 1905 по 1917 г. в Петербурге.

[3] Сб. Амфитеатрова «Житейская накипь» (СПб., изд-во «Общественная польза», 1905, 2-е изд.) включал в себя фельетоны, очерки и рассказы: «Фармазоны», «Птичка божия», «Травля подсудимых», «О неудачном поколении», «Владыки будущего», «Юные», «Татьяны», «Железнодорожный разбой», «Аркадийское пожарище», «Несторова летопись за 1899 год» и др. Сборник носил ярко выраженный сатирический характер. Возможно, что Горького привлекала в нем постановка проблемы современной молодежи, в частности проблема хулиганства, его социальных истоков.

[4] На материале рукописей, присылаемых ему на отзыв, Горький написал ст. «О писателях-самоучках».

58. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья. 25 декабря 1908 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Пишу в день бусурманского Рождества и заранее поздравляю с бусурманским Новым годом. Буду к Вам около русского Нового года, может быть, опоздаю на неделю. Заранее угрожаю зачитать Вас.

Прислал мне Первухин «Лебедя»[1]. О, господа! Доколе же? «Не вынесла душа поэта» — написал о них довольно кусательное сочинение[2].

Так как чувствую себя капиталистом, ибо Пятницкий аккурат вчера прислал мне миллион, то думаю на днях поехать на денек в Милан оперу послушать. А то уши заросли.

«Восьмидесятники» по-немецки выходят.

До свидания. Будьте здоровы. Всего Вам хорошего.

Ваш Ал. Амф.

Датируется по почт. шт.

[1] Михаил Константинович *Первухин* (1870—1929) — писатель и журналист, в 1900—1906 гг. редактор газ. «Крымский курьер»; печатался в ряде столичных газет и журналов. В 1907—1909 гг. жил в Италии, бывал у Горького, о чем рассказал в очерке «У М. Горького на Капри» (Одесские новости. 1907. № 73302. 11 авг.). В сб. «Заметы сердца» Амфитеатров дал положительную оценку первой книги рассказов Первухина «Догорающие лампы» (СПб., изд-во «Общественная польза», 1909), отмечая реалистическую манеру письма и новое освещение темы «маленького человека».

«Лебедь» — журнал литературы и искусства, выходил в Москве в 1908 и 1909 г., редактор-издатель С. А. Поперек. Во главе редакционного совета стояли С. Н. Сергеев-Ценский и Д. Н. Крачковский. В ст. «От редакции» (1908, № 1) сообщалось, что журнал «посвящается исключительно вопросам искусства» и в «сфере искусства журнал беспартиен» (с. 1). Первухин послал Амфитеатрову два первых номера журнала за 1908 г. Большое место в них занимала полемика по поводу повести Сергеева-Ценского «Береговое» (1908): ст. «О „Береговом". Беседа с Сергеевым-Ценским» (№ 1) и «Открытое письмо журналу „Весы" Сергеева-Ценского» (№ 2), в котором Сергеев-Ценский защищался от несправедливой и грубой критики журн. «Весы».

[2] Намерение было осуществлено в ст. «О Сергееве-Ценском», в которой первый раздел был посвящен журн. «Лебедь», второй — роману Сергеева-Ценского «Бабаев». «Получил я,— писал Амфитеатров,— два номера журнала „Лебедь". Издается в Москве, зачем — неизвестно, но как будто со злости на „Весы". „Лебедь" кричит так громко и пространно, точно с тем лишь именно пришел он к нам, чтобы „спеть песнь о Сергееве-Ценском"» (сб. «Заметы сердца», СПб., 1909, с. 53—61).

59. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья. 9 января 1909 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

С Новым русским годом! Всего хорошего в нем Вам и Марии Федоровне!

Я совершенно растрепан мессинскими ужасами[1]. Даже работоспособность всякую потерял. Откровенно сознаюсь, что не с м о г поехать на место катастрофы: воображение испугалось двухсот тысяч трупов.

Завтра еду в Милан проведать Федора Ивановича. Не знаю, сумею ли дождаться его выхода в «Борисе»[2]. А, конечно, хотелось бы очень.

20/I выезжаем с Германом Александровичем к Вам на Капри[3]. Приеду, кажется, с пустыми руками. Перечитал пьесу свою и швырнул в угол[4]. Не то. Совсем не то.

Скучно без России. Да еще весна скоро. А я каждую весну заболеваю тоскою по Оке, Волге и прочей среднерусской слякоти любезной... От Айзмана имею известия о питерских триумфах[5], коими, кажется, он очень счастлив. До свидания. Будьте здоровы.

Ваш А. А м ф и т е а т р о в

Датируется по почт. шт.

[1] 15/28 декабря 1908 г. произошло землетрясение в Южной Италии — в Калабрии и Сицилии. В первые же дни Горький выехал на место катастрофы и написал воззвание о помощи пострадавшим от землетрясения, организовал сбор пожертвований. «Воззвание Максима Горького о помощи» (Речь. 1909. № 312. 19 дек. 1908/1 янв. 1909) было перепечатано в нескольких изданиях.

Организуя сбор пожертвований, писатель также внес свою долю в Каприйский комитет помощи. 1/14 января 1909 г. «Русское слово» опубликовало «Письмо в ре-

дакцию», в котором Горький выражал благодарность русским людям за посланные на его имя пожертвования. В короткий срок — менее месяца — Горький написал большой очерк «Землетрясение в Калабрии и Сицилии», который явился основой книги того же названия. Вторым автором был швейцарский ученый-астроном В. Мейер, долго живший в Сицилии. «Весь доход с настоящего издания поступает в пользу пострадавших»,— значилось на титульном листе книги.

В кн. М. Горького и В. Мейера «Землетрясение в Калабрии и Сицилии 15/28 декабря 1908 г.» (СПб., изд-во «Знание», 1909) выражалось восхищение мужеством, чувством солидарности и развитым чувством собственного достоинства итальянского народа. Горький писал также об участии в спасательных работах русских моряков: «Нет слов, чтобы рассказать, с каким самоотвержением работали русские матросы! Где только было опаснее всего, куда никто не решался идти, они шли и спокойно делали свое дело 〈...〉 Удивительно трогательно относились они к детям и женщинам!» (с. 38). См. также: *Быковцева Л.* Горький в Италии. М., 1979. С. 255, 260—261, 262.

В газ. «Речь» (1909, № 294, 26 окт./8 нояб.) была напечатана ст. Блока о кн. М. Горького и В. Мейера «Землетрясение в Калабрии и Сицилии». Блок высоко оценил эту книгу и деятельное участие Горького в организации помощи пострадавшим.

[2] В это время в миланском оперном театре Ла Скала шли репетиции оперы «Борис Годунов» с участием Шаляпина.

[3] Намерение не было осуществлено.

[4] По-видимому, речь идет о пьесе «Триста тысяч», о которой ранее сообщал Амфитеатров.

[5] Подразумевается успех пьесы Айзмана «Жены», поставленной на сцене Михайловского театра в Петербурге. Постановка была отмечена в рецензиях А. Измайлова «„Жены" Айзмана в Михайловском театре» (Русское слово. 1908. № 293. 18 дек.). «„Жены" на сцене Михайловского театра» (Новое время. 1908. № 11773. 19 дек.) и др.

60. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Милан. 11 января 1909 г.)

Дорогой А. М.!

Слушал вчера одну из репетиций Бориса! Федор, конечно, великолепен, но итальянцы — собаки (кроме оркестра). Работает Федор великолепно и строго. Школит итальянцев [1]. Надо им отдать справедливость, что слушаются и стараются. Но, несмотря на все то, ничего не выходит: другое мировоззрение и другие тона. Опера будет иметь успех. Приятно, что исполнители смотрят на нее не сверху вниз, а снизу вверх: уже это прогресс немалый. Декорации возмутительно скверны [2]. Словно в Стерлитамаке [3]. А в России такой спектакль был бы смешон, но здесь, повторяю, понравится. Завтра генеральная репетиция. Спектакль в четверг. Ужаснейшая здесь погода. Поголовный кашель. Всего хорошего Вам, Марии Федоровне и всем присным!

Ваш А. Амфитеатров

Датируется по почт. шт.

[1] Как видно из публикуемого письма, Шаляпин осуществлял также и режиссерское руководство постановкой.

В воспоминаниях «Страницы моей жизни» он писал: «Естественно, что во время репетиций на мою долю вышла роль режиссера — приходилось показывать и объяснять артистам, хору многое, что было чуждо итальянцам, не понималось ими. Все относились ко мне с редким вниманием. Я чувствовал, как русское искусство побеждает и восхищает этих впечатлительных людей и, тронутый до глубины души, чиковал» (*Шаляпин.* Т. 1. С. 647).

[2] Можно лишь предположить, что итальянцы использовали эскизы декораций и костюмов, выполненных Александром Яковлевичем *Головиным* (1863—1930) для «Русских сезонов» С. П. Дягилева; премьера постановки «Бориса Годунова» с Шаляпиным в заглавной роли состоялась 14 мая 1908 г. в Париже. Если это предположение верно, то Амфитеатров был глубоко не прав, отрицательно оценивая сценическое оформление спектакля в Милане. Знаменитый французский композитор Морис Равель, вспоминая «лихорадочные боевые минуты 1908 года», писал о тогдашней постановке «Бориса Годунова» в Париже: «Спектакль обернулся триумфом. Публика восхищалась решительно всем». А писатель Камиль Моклер в ст. «Уроки русских сезонов» заявлял: «Все эти русские, исполнившие такие декорации,—

Билибин, Лев Бакст, Рерих, Головин, Серов, Александр Бенуа — все они хорошие художники, смело порвавшие с условностями и сразу понявшие, что декорации музыкальной драмы совершенно отличаются от декораций драматического театра и должны являться симфонией цвета, которая созвучна оркестровой симфонии и стремится к красоте в нереальном мире». И далее: «Наши композиторы балетов и хоровых сцен, декораторы, режиссеры, танцовщики, танцовщицы — все могли без ложного самолюбия получить в один голос у русских благородный урок» (см.: Сергей Дягилев и русское искусство: Статьи, открытые письма, интервью. Переписка. Современники о Дягилеве. В 2-х т./Сост., авторы вступ. ст. и коммент. И. С. Зильберштейн и В. А. Самков. М., 1982. Т. 1. С. 420, 428).

[3] Стерлитамак — город на территории Башкирии.

61. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Милан. 15 или 16 января 1909 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Великую победу одержало русское искусство «Борисом Годуновым». Успех был огромный, неслыханный в чинной и сдержанной «Skala». Итальянцы ходили в антрактах восторженные и ошалелые и — что удивительно — поняли дух и значение Бориса. Особенно ошеломляло их то, что опера написана почти 40 лет назад, а новее и свежее всего, что они слышат как признанное и знаменитое. Так вот откуда Дебюсси! Так вот откуда Штраусы![1] Очень было интересно и трогательно. Каюсь, благо темно в зале, весь спектакль с мокрыми глазами просидел.

Федор был превосходен. В последней сцене захрипел, было, и закатился, но умирающему полагается. Итальянцы откровенно говорили, что на оперной сцене подобного исполнения никогда не имели, а в драме, кроме Сальвини[2] и покойника Росси, соперников у Федора нет. Вот Вам! Доставил себе удовольствие телеграфировать это «Русскому слову». До свидания. Всего Вам хорошего!

Ваш Ал. Амфитеатров

Совсем, было, забыл послать Вам прилагаемое[3], хотя, вероятно, Вы уже имеете этот ужас. Столь страшной катастрофы, которой не было в истории нашей какой бы то ни было революции. Это не провал, а крушение.

Скольких людей этот человек посылал в могилы, за десять лет своей почти что диктатуры!

Теперь выясняются все «непостижимые» провалы, вроде спасения Столыпина, Щегловитова[4] и т. п. Вера Николаевна[5], говорят, в совершенном отчаянии, потому что она за Азефа горою стояла даже (?) в первые дни суда над ним.

Бурцев победил. Я рад за него, но — какой ужас!

Ваш Амфитеатров

Датируется по упоминанию о премьере оперы «Борис Годунов».

[1] Речь идет о композиторах Клоде *Дебюсси* (1862—1918) и Рихарде *Штраусе* (1864—1949).

В ст. «Борис Годунов в Милане» Амфитеатров писал, передавая впечатление итальянцев от оперы Мусоргского: «Подумайте только, что эта опера написана в 1870 году! У них уже сорок лет назад существовала в грандиозных размерах школа, к которой наши современные веристы едва прикасаются своими миниатюрами.

— А мы-то считали новаторами Штрауса и Дебюсси!» (сб. «Заметы сердца», СПб., 1909, с. 212).

[2] Томмазо *Сальвини* (1829—1915) — итальянский драматический актер. Прославился исполнением ролей Отелло и короля Лира. Сальвини неоднократно гастролировал в России.

[3] Амфитеатров послал Горькому материалы, связанные с разоблачением члена ЦК партии эсеров, провокатора Евно *Азефа* (1869—1918).

[4] Петр Аркадьевич *Столыпин* (1862—1911) — с 1906 г. министр внутренних дел и председатель Совета министров. Руководил подавлением революции 1905—1907 гг. (По имени Столыпина веревка для повешения стала называться «столыпинским галстуком».)

Амфитеатров, по-видимому, упоминает о покушении на Столыпина, которое подготовлялось Активной дружиной социалистов-революционеров и было назначено на 7 января 1908 г., но 29 декабря 1907 г. начались аресты членов дружины, и покушение не состоялось.

Иван Григорьевич *Щегловитов* (1861—1918) — министр юстиции (1906—1915), сподвижник и правая рука Столыпина, покровитель Союза русского народа. Покушение на Щегловитова подготовлялось Летучим боевым отрядом Северной области во главе с Марио Кальвино. Предупрежденный охранным отделением, Щегловитов не выехал в назначенный день из дома, покушение не состоялось, все члены отряда были арестованы и преданы военно-полевому суду.

[5] В. Н. Фигнер.

62. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья. 23 января 1909 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Думал сегодня выехать к Вам, но получил от Лопатина тревожное письмо, что его экстренно вызывают в Париж. Азевское дело перепутало все отношения и, вообще, продолжает быть полно ужаса и ядовитых угроз. Надо его подождать, т. е. Лопатина-то.

Драму свою я окончательно уничтожил [1].

Чувствую себя очень скверно. Не в унынии, а в озлоблении большом. Самому не пишется, а что приходится читать, производит впечатление: «не то!»

2-го или 3-го февраля хотел приехать проездом в Монте-Карло Ф. И. Шаляпин. Молодчина он. Большое дело сделал.

Мне перестали высылать «Русское слово». Не знаю, поместили ли они мои телеграммы. Я нарочно посылал им после глупой вылазки Дорошевича [2]. Все остальные газеты поместили.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Привет Марии Федоровне. Виктор, бывший у Вас [3], просил Вам кланяться. Он молодчина. Отличный ряд корреспонденций написал.

Сердечно Ваш А. А.

Датируется по почт. шт.

[1] Имеется в виду пьеса «Триста тысяч».

[2] Речь идет о ст. Дорошевича «Шаляпин» (*А—Г*, п. от 18 нояб. 1908 г., прим. 7). Сообщения Амфитеатрова об успехе «Бориса Годунова» в Милане в газ. «Русское слово» не печатались.

[3] О ком идет речь, установить не удалось.

63. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Начало февраля 1909 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Знаю из письма В. Л. Бурцева, что он на днях будет у вас в Кави [1].

Убедительнейше прошу вас сообщить и — по возможности — внушить ему глубокое мое убеждение в том, что несомненно и непременно будут сделаны попытки уничтожить его, Бурцева.

Нисколько не удивлюсь, если сии попытки будут сделаны с двух сторон. Ценность же В. Л. — высока,— вы сие, наверное, понимаете?

Предложите ему ехать сюда, если он с доводами вашими согласится. Убедите — во всяком случае — позаботиться о самоохране.

Сейчас прочитал вашу статью в «Речи» о Годунове [2] — ура и ура!

А Богданов уже уезжает [3] отсюда в четверг, и опять вы не увидите этого человека, коего — в будущем — поставят на высоту огромную. И, разумеется, прежде нас его оценит Европа, как она начинает оценивать «смешного» русского ученого Наума Котика [4]. От сих дел у меня — кости ноют!

АМФИТЕАТРОВ НА КАПРИ

Рисунок М. С. Боткиной (бумага, карандаш). Слева под изображением: «М. Боткина. 20 февр⟨аля⟩ 09». Рукою Амфитеатрова помечено: «Капри»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Видеть вас весьма приятно было бы, но — далеки вы, сударь, как новооткрытая планета [5] системы нашей!

Кланяюсь, приветствую.

А. Пешков

Датируется по упоминанию ст. Амфитеатрова «Победа „Бориса Годунова“» (Речь. 1909. № 12. 13/26 янв.).

[1] В упомянутом письме В. Л. Бурцев сообщал Горькому: «Дело сделано, но до сих пор ужас берет, когда подумаешь, какую роль играл этот господин. Я чуть с ума не сошел, когда более года бился около с-р. ЦК, убеждая его, Е⟨вн⟩о А⟨зеф⟩ — шпион!... Сегодня-завтра я еду в поисках документов. Буду в Ницце и Генуе, конечно, я не удержусь, побываю в Cavi у Амфитеатрова» (*АГ*).

[2] В ст. «Победа „Бориса Годунова“» Амфитеатров писал об огромном успехе оперы Мусоргского и Шаляпина в роли царя Бориса в театре Ла Скала.

[3] В 1908—1909 гг. А. А. Богданов неоднократно приезжал на Капри из Парижа.

[4] В это время Горький был увлечен работами доктора Н. Г. Котика: «Эманация психо-физической энергии. Экспериментальное исследование явлений медиумизма, ясновидения и мысленного внушения в связи с вопросом радиоактивности мозга» (М., изд-во В. М. Саблина, 1907); «Непосредственная передача мыслей (экспе-

риментальное исследование)» (М., изд-во «Современные проблемы», 1908). Обе книги с пометами Горького хранятся в *ЛБГ*, вторая — с дарственной надписью: «Искренне уважаемому Алексею Максимовичу от автора. Москва, 27 сент. 1908 года» (*Описание*).

После прочтения первой книги Горький писал Пятницкому: «Меня одолевают, может быть, наивные и смешные мысли, но — я все более увлекаюсь ими. Мне кажется, например, что мысль — вид материи или, вернее, один из видов эманации материи. Что мысль и воля — едино суть. Я делаю отсюда выводы — удивительные, не забывая о том, что они, опять-таки, могут показаться смешными.

Но я не совсем мечтатель и фантазер: д-р Котик в своей книжке „Эманация психо-физической энергии" позволяет мне опереться на его опыты. Он — не один, на днях я прочитал удивительную книжку Содди о радиоактивности» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 251).

[5] Галлеева комета — названа в честь английского астронома Эдмунда *Галлея* (1656—1742), который установил периодичность (76 лет) обращения кометы вокруг Солнца. Согласно расчетам, комета Галлея должна была стать видимой на земле в 1909 г.

64. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di L(avagna. 3 февраля 1909 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Письмо получил, Бурцеву показал, но он — фаталист и, как турок иль татарин, судьбе за все благодарен.

Сейчас проводил в Monte-Carlo Федора[1]. Был у меня два дня здесь. Кончил Милан с большими овациями. Голос все еще больной!

Я выезжаю из Кави в воскресенье, послезавтра, а к Вам попаду не раньше чем во вторник, и не позже чем в четверг. От Вас же — прямо в Черногорию[2].

Азевское землетрясение[3] измучило нашу колонию до последней возможности.

До скорого свидания. Сердечный привет Марии Федоровне. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. Амфитеатров

Датируется по времени отъезда Шаляпина из Милана в Монте-Карло. См. прим. 1.

[1] Шаляпин уехал в Монте-Карло 3 февраля 1909 г. (Летопись жизни и творчества Ф. И. Шаляпина. Л., 1964. Кн. 1. С. 292).

[2] См. следующее письмо, прим. 1.

[3] Разоблачение Азефа.

65. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Антивари. Начало марта 1909 г.)

Дорогие Алексей Максимович и Мария Федоровна.

Не знаю, как у Вас на Капри, а у нас в Антивари каша, т. е. дождь. Красóты здесь непомерные, а великолеппее всего люди. Вот уж где звучат-то гордо. Спутник мой, который впервые видит черногорцев, сбесился от восторга, зря эту породу.

Край поставлен на военную ногу[1]. Приезжих, видимо, боятся, и очень внимательно вычитываются паспорта. Нам, как русским, сделаны всякие любезности, но все-таки мы едва ли не под надзором. Завтра едем в Цетинье. Жаль, если погода не исправится.

Предстоит нам один из живительных в мире переездов на Вир-Пазар, Скутарийское озеро, а потом в горы.

Прохладно здесь, а я все еще болен. Очень много работаю и пишу. В Риме перевидал миллионы народу.

До свидания. Сердечное Вам спасибо за каприйское житье-бытье и

еще раз извините, что так много пришлось Вам со мною возиться. Напала на меня какая-то внутренняя печаль, и никак вылезти не могу. Ну уж теперь собою заниматься некогда. Отложим все до возвращения.

Был вчера в Старом Баре. Великолепнее этих развалин, кажется, еще не видывал.

А война — ох, будет! Ох, все-таки будет.

Очень всех вас люблю.

Ваш Амфитеатров

Датируется по содержанию.

[1] В начале 1909 г. Австро-Венгрия готовила военное нападение на Сербию. См.: Г—А, 7 или 8 октября 1908 г., прим. 10. Амфитеатров, неоднократно бывавший на Балканах в качестве корреспондента «Нового времени» (1894—1896) и «России» (1901), в 1909 поехал на Балканы как корреспондент либерально-кадетской «Нашей газеты» (СПб., 1907—1909). Перед отъездом он побывал у Горького на Капри, где им были написаны две первые статьи цикла «Балканский дневник», печатавшийся в феврале — марте в «Нашей газете». Одновременно в «Киевской мысли» печатался другой цикл статей — «Балканские впечатления» (см. п. 67, прим. 2). Публикуемое письмо было написано из Черногории.

Н. Е. ВИЛОНОВ («МИХАИЛ»)
Фоторепродукция. 1908—1909
Музей Горького, Москва

65. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(По пути в Солоники. 14 марта 1909 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Плыву Эгейским морем из Пирея в Солоники. Совершенно разбила мои нервы несчастная, умирающая Черногория. Вот уж — ходит зверье неведомое, родит зверье неслыханное. Написал в «Нашу газету» статью, кажется очень горячую[1]. Прямо душит, за горло берет, как садишься писать. И нет, черт побери! Чувство расовой обиды берет свое. Уж больно подлецами оборачиваются немцы с нашим братом славянином. Спутник мой, Биркенгейм, еврей и чужд каких бы то ни было славянских чувств, а и тот говорит: невозможно! Ведь это же люди, и какие великолепные люди, а их довели до свиного хлева, до свиного корма — только не до свиных нравов, потому что по этой части у черногорцев надо поучиться всем культурным людям.

Я все время болел. Чем — не знаю. В Цетинье пришлось, к отвращению моему, звать доктора. Коновал классический. Выслушал — ничего нет. А мне каждый день скверно и все как-то по-новому.

Напишите весточку в Белград, Hotel Bulgarie, либо в Софию. Послезавтра буду в Солониках, Hotel Imperial, очень рассчитываю

застать там какие-нибудь деньги. Хорош буду, если нет. В кармане 50 франков.

Милая Мария Федоровна! Целую Вашу ручку и шлю Вам сердечный привет. З〈иновию〉 А〈лексеевичу〉, М〈арии〉 С〈ергеевне〉 и Екатерине Великой[2], когда она была еще маленькая,— поклон и рукопожатия. А тов〈арищ〉 Михайло — удивительно черногорский тип[3]. Выдержка его напоминает! До свидания, все! Обнимаю Вас, дорогой А. М.

Напишите же! Ваш А. А.

Датируется по почт. шт.

[1] Речь идет о четвертой статье цикла «Балканский дневник», написанной Амфитеатровым на пароходе «Султан» 8 марта 1909 г. (Наша газета. 1909. № 51, 3/16 марта).

Рассказывая о мужестве черногорцев, готовящихся дать отпор Австро-Венгрии, Амфитеатров приводил строки Горького «Безумству храбрых поем мы песню!» и «Человек — это звучит гордо!» Признание царским правительством германского ультиматума Амфитеатров определил как «дипломатическую Цусиму» и заключил статью словами, обращенными к общественному мнению в России: «Неужели мы там — в России допустим, чтобы свершилось это? Да не будет, братья! Да не будет!» (С. 4).

[2] Приветы также были адресованы З. А. Пешкову, М. С. Боткиной, Екатерине Андреевне *Желябужской* (1893—1966) — дочери М. Ф. Андреевой (шутливое прозвище Екатерина Великая).

[3] Никифор Ефимович *Вилонов* (Михаил — партийная кличка) (1885—1910) — рабочий, член РСДРП, большевик.

Вилонов приехал на Капри в связи с организацией партийной школы для рабочих. «Вилонов на первых же выступлениях своих по организации преподавания в каприйской школе обнаружил удивительную страстность, прямоту мысли и непоколебимую уверенность в правильности отрицательного отношения Владимира Ильича к школе»,— писал Горький в очерке «Михаил Вилонов» (*18*, 374).

67. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

〈Капри. 22 или 23 марта 1909 г.〉

Вместе с письмом вашим — А. В. — получил IV-ю статью «Наш〈ей〉 газ〈еты〉»[1] — прочитал и так взволновался, что хоть бы драться. Хорошо пишете, со всех и всяких точек зрения — хорошо! Ныне, во дни всеобщего отступления, с великой жадностью глотаешь Ваши, воистину человечные, речи. Луначар〈ский〉 получает «К〈иевскую〉 м〈ысль〉»[2] и тоже говорит: «интернационалист — я, читая Ам〈фитеатрова〉, вдруг чувствую себя до слез славянином». Я перевожу это так: «больше и шире человеком, чем в будни и чем есть».

Ну, а если на нас, отпетых, так действует, думаю, что без ошибки можно ждать — пошевелиться «культурная» Русь, да чуть ли не начала уже: вы, конечно, знаете о воззвании к сербскому народу, напечатанному в русских газетах за подписями Погодина, Хомякова[3] и прочих? Несмотря на имена, поставленные под ним, я прочитал его с большой радостью.

Жалею, что нет «К〈иевской〉 м〈ысли〉» — говорят, вы там чаще пишете. Очень советую — как можно скорее выпускайте статьи ваши отдельной книгой[4] — это нужно.

Тревожит здоровье ваше — очень уж несвоевременное, да и непохвальное занятие, хотя оно, видимо, не мешает душе вашей гореть ярко и сильно.

Что волонтеры — есть? Много? По некоторым признакам судя, Франция начинает сербофильствовать. «Нов〈ое〉 время» говорит: «Молчим, но в свое время скажем наше слово, и оно будет веско». Вероятно, не зря говорят[5].

В общем и целом та сеть противоречий и всяческого лицемерия, коя именуется «европейской политикой», производит на меня такое впечатление: романцы и англичане провоцируют германцев на драку

со славянами, крутят большой канатище, из него же будет, со временем, накинута немцам на шею прекрепкая петля[6]. Да кстати и славянство тиснут, а особо — нас, жалких, ежели мы вовремя не прикроем шеи и боков.

Суворин отпраздновал свои 50-лет — юбилей. По сему поводу «оппозиционная печать» не преминула отвратительно пересолить кашу — навалились на старика с тем поганым сладострастием, с коим в деревне конокрадов бьют. Против пыток и смертной казни протестуют, а сами — истязуют человека с наслаждением. Считается, что вреден он и подл? Убейте, но не мучьте. Тяжко было читать «карающие» статьи, Суворину они, вероятно, останутся неизвестны, а у судей его обнажили души мелкие, изъеденные бессильной злобностью[7]. Скучно! И думается: «где ж наша культура?» В человеках ее не заметно...

Живем мы, как вы знаете,— все так же живем. Читаем, пишем. Михайло стыдится — музыка нравится ему, а что ж такое музыка? Пролетарий — а музыкой увлекается — какой позор![8] Сердит это его. Мне же до чертиков смешно. Он как губка всасывает в себя все интересное и красивое, наполняется им и богатырски растет изо дня в день. Кланяется вам.

Дела со школой — подвигаются помалу[9]. Насчет денег — туговато, так что, ежели встретится удачный случай — экспроприируйте.

На днях — нестерпимо заболела нога и вдруг — перестала болеть! Рассматриваю сие как нечто чудесное. Выздоровлением же — огорчен, думал подагра началась и вот уподобит мя Ивану Тургеневу, но — увы!

В газете «Колокол» сообщено[10], будто бы я три миллиона денег у Саввы слямзил — и найдут же, черти, время дразнить человека! Подумайте — каково было мне читать столь сладостные строки во дни, когда я и тремя тысячами не погнушался бы!

Вообще же: жизнь земная — презабавное занятие, и лучше оного — что могу себе представить?

В газете «Рус‹ское› сл‹ово›» Чириков Евгений доказывает, что он не антисемит, а Дорошевич отвечает ему — хитришь, брат![11] Разыгрался, видимо, довольно безобразный скандал на чтении пьесы Шолом Аша, где Чириков говорил некую речь. Арабажин же[12] его поддерживал. Евреи-писатели обижены, ругаются.

Богородица! Сколь трудно ныне быть писателем на Руси! Своя своих совершенно разучились познавать[13], идет какая-то мутная чепуха, и ежедень, открывая газету, ждешь чего-либо о писателе, но ничего хорошего прочитать — не ждешь.

Скорбно!

Желаю от всей души доброго здоровья, а вдохновением и бодростью духа вы и без пожеланий моих богаты.

Наши сердечно кланяются вам, советуя не утомляться чрезмерно.

Мое же мнение — если нервы — т. е. дух — приподняты — кости и мускулы и прочее все — потерпит!

Обнимаю. Крепко жму руку.

Написали бы «К‹иевской› м‹ысли›», чтоб она ваши статьи выслала мне!

А. Пешков

Датируется по времени появления ст. Амфитеатрова 3/16 марта 1909 г. и другим упоминаемым газетным публикациям.

Письмо не дошло до адресата, было возвращено Горькому из Софии и вновь послано Амфитеатрову.

[1] См. предыдущее письмо, прим. 1.

[2] «*Киевская мысль*» — буржуазно-либеральная газета, выходила в Киеве с 1906 по 1918 г. В газете принимали участие и социал-демократы. Цикл статей Амфитеатрова под общим заголовком «Балканские впечатления» печатался в газете в течение февраля—марта 1909 г.

[3] В газ. «Новое время» под рубрикой «Вечерняя хроника» (1909, № 11844, 3/16 марта) был напечатан текст «Воззвания к сербскому народу» с выражением глубокого сочувствия и братской солидарности русского общества сербскому народу в связи с нависшей военной угрозой со стороны Австро-Венгрии и ее союзников. «Воззвание» было подписано председателем Государственной думы Н. А. Хомяковым, профессором-славистом А. Л. Погодиным и др.

[4] Статьи, о которых идет речь в письме, отдельно не издавались.

[5] Можно предположить, что заключение Горького о некотором изменении отношения Франции к сербской проблеме («Франция начинает сербофильствовать») основано на ряде сообщений, опубликованных в газ. «Новое время» под рубрикой «Телеграммы наших корреспондентов». Французская печать отмечала «благоразумие и уверенность сербской политики» (1909, № 11841, 28 февр./13 марта). «Во Франции большинство общественного мнения раздражено ⟨...⟩ против Австро-Венгрии ⟨...⟩ Вся французская печать осуждает Австро-Венгрию за ее притязания» (1909, № 11842, 1/14 марта). Далее отмечался «полный поворот французского общественного мнения относительно Австро-Венгрии» (1909, № 11844, 3/16 марта). В связи с обострением конфликта французские газеты еще «энергичнее ⟨...⟩ выставляют неправоту требований Австро-Венгрии». Возможно, что далее Горький свободно цитирует редакционное заключение, завершающее обзор французской прессы: «Нам торопиться некуда, и мы можем спокойно ждать развития событий, окончательный исход которых не вызывает у нас ни малейшей тревоги...» (1909, № 11845, 4/17 марта).

[6] В п. Е. П. Пешковой (начало марта 1909 г.), жившей в то время с сыном Максимом в Париже, Горький писал: «Ох, уж эта ваша Франция! Неладно она ведет себя в делах, подготовляющих будущую войну. Кажется, что мы будем драться с немцами один на один и нам снова попадет. Международное политическое положение принимает характер все более и более неразрешимый иными, кроме пушек, способами. Драка возможна ужаснейшая» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 63—64).

[7] Пятидесятилетие общественной и литературной деятельности А. С. Суворина было торжественно отмечено 27 февраля/12 марта 1909 г., о чем подробно сообщали все русские газеты. Горький, очевидно, имеет в виду выступления «Нашей газеты», где 27 февраля/12 марта была опубликована статья за подписью Летописец, крайне отрицательно оценивающая деятельность Суворина и его газ. «Новое время», а 1/14 марта в фельетоне «Как чествовали его» О. Л. Д'Ор высмеивал юбилейные торжества. В «Киевской мысли» (1909, № 58, 27 февр./12 марта) была напечатана ст. А. Яблоновского «А. С. Суворин», в которой характеризовалась его «огромная и, воистину, страшная работа». «... За последние четверть века,— писал журналист,— в России не было ни одного злого дела, к которому не приложила бы своей руки газета Суворина».

[8] Позднее, 15/28 сентября 1909 г., Горький писал М. М. Коцюбинскому: «А между делом — музыкой занимаемся: живет здесь добрый парень, директор моск⟨овско⟩го им⟨ператорско⟩го музык⟨аль⟩но⟨г⟩о об⟨щест⟩ва Сахновский, композитор, пишет оперу и симфонию, устраивает, в праздники, по вечерам концерты — рабочая публика моя и тут на месте» (*XXIX*, 97).

[9] Речь идет об организации каприйской школы для рабочих. Об участии Горького в создании этой школы см.: *Арх. Г.* Т. XIV. С. 45—46. Амфитеатров по просьбе Горького оказывал школе материальную помощь. См. также ст. Н. И. Дикушиной.

[10] «*Колокол*» — реакционно-черносотенная, «общественная, церковная, политическая и литературная газета». Выходила в Петербурге с 1905 по 1917 г. С № 295 стала называться «Церковно-народная газета», редактор В. Г. Сенатов (до № 36 редактор А. И. Платонов).

15/28 января 1909 г. «в газете „Колокол" сообщено»: «До сих пор говорят в Москве об исчезнувших куда-то трех миллионах рублей одновременно со смертью С. Т. Морозова. Сидящий в настоящее время на острове Капри г. Горький должен был близко знать историю трех миллионов, в утайке коих его печатно обвиняли» (Колокол, № 861). Подобное сообщение появилось в 1906 г. в реакционной газете «Слово» (СПб., 1904—1909), о чем Горький писал Е. П. Пешковой: «„Слово" сообщило читателям, что я свел с ума и убил Савву Морозова, украв у него предварительно 3 миллиона» (*Арх. Г.* Т. V. С. 170).

[11] Горький имеет в виду выступление писателя Е. Н. Чирикова на чтении пьесы Шолом Аша «Белая кость» на квартире артиста Александринского театра Н. Н. Ходотова в Петербурге 18 февр./3 марта. Об этом инциденте было сообщено в петербургской еврейской газ. «Дер Фрейнд» (1909, № 47, 19 февр./4 марта). В опровержение Чириков напечатал открытое письмо «Благодарю, не ожидал» (Русское слово. 1909. № 50. 3/16 марта), о котором говорит Горький. Вслед за статьей Чирикова появились две редакционные реплики на нее. Во второй из них, «Культурные антисемиты», сообщалось о дальнейшем развитии инцидента: «На этих днях состоится второе собрание группы литераторов, в котором будут продолжаться дебаты по вопросам, поднятым Чириковым и Арабажиным» (Там же. С. 3). С резким осуждением Чирикова и поддержавших его писателей выступил В. В. Во-

М. Ф. АНДРЕЕВА

Рисунок М. С. Боткиной (цв. карандаш). Капри, 1908. Слева под текстом: «М. Боткина. 1 янв. 1908 г.»

Частное собрание, Москва

ровский в ст. «В загнившем омуте». См.: *Воровский В. В.* Сочинения. М.: Соцэкгиз, 1931. Т. 2. С. 336—344 и примеч.

Редактором газ. «Русское слово» был в это время В. М. Дорошевич.

[12] Константин Иванович *Арабажин* (1866—1929) — литератор, театральный критик.

[13] Измененное выражение из церковнославянского текста «своя своих не познаша» (Евангелие от Иоанна, гл. 1, ст. 10—11).

68. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Апрель, после 10, 1909 г.⟩

Дорогой А. В.—

Б. Савинков оседлал мистическую лошадь[1], разбитое на все четыре ноги и очень глупое животное,— В. Вересаев — в то же время — связал некий чулок из разных, но одинаково гнилых шерстей[2], Струве и К° поставили в тумане современности «Вехи»[3] из сухоньких палочек, подобранных ими по дороге направо. Сколь умилительно: с-деки, с-еры, кадеты и просто супостаты и фарисеи — все дружно тянут в болото, в грязь и тину, но клянутся, что влезают «на вершины

истин» — картина физиологического распада русской интеллигенции, картина преждевременной смерти ее путем самоубийства. И не благородно, что самоубийство, видно, что совершает его человек истерический, безвольный, жалкий: то он горлышко себе стеклышком поцарапает, то попробует удавиться на гашнике, то постукает лбом о стену — но все — легонько и осторожненько, без гнева и без пафоса. Дело ограничивается одними синяками да царапинками — внешними повреждениями анемичной, но толстой кожи — видеть этих мучеников, взыскующих покоя и уюта,— смешно, иногда — противно.

А с вами — что? Звучит в письмах ваших нота утомления, вам несвойственная, или я ошибаюсь? Балканы должны были, конечно, расстроить вас: ух, что мы сделали там и во сколько въедут нам эти деяния! Подумать — нехорошо![4]

Получил недавно письмо от некиих сербов[5] и, читая его, залился краской жгучего стыда и невольно подумал, повторив много раз сказанное до меня: угораздило ж меня родиться русским, экое ведь стыдное и тяжкое звание!

Но — оставим все скверное для хорошего и постараемся противопоставить всеобщему разгильдяйству и противной нашей рыхлости нечто черногорски твердое и крепкое.

Дела со школой — ладятся. Мих⟨аил⟩ — едет на родину, где проект встречен с восторгом[6]. Главное теперь — средства, очень опасаюсь, что сяду на мель с ними, а потому убедительно прошу вас — старайтесь, дорогой! В письме к М⟨арии⟩ Ф⟨едоровне⟩ — которая лежит больна, но приватно кланяется вам — вы сообщаете нечто крайне отрадное[7], кабы оно осуществилось хоть в малой дозе, но — скорее!

Дорогой — прошу! «Курганы» получил[8], спасибо!

Пишу, читаю, говорю.

Был Бунин[9] — хороший это человек и воистину поэт! Главное — честный человек, литературу любит, как мать.

Жму руку.

А. Пешков

Датируется по времени посылки сб. «Вехи» из Петербурга (в последних числах марта ст. ст.) 1909 г. (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 74) и отъезду Бунина с Капри.

[1] Борис Викторович *Савинков* (псевдоним В. Ропшин) (1879–1925) — видный деятель партии эсеров, один из руководителей ее боевой организации.

В письме речь идет о его романе «Конь бледный» (Русская мысль. 1909. № 1). В одной из своих поздних заметок о Савинкове Горький писал: «После „Коня бледного" я определенно невзлюбил автора этой, насквозь лживой, повести, написанной палачом, не чуждым лиризма и зараженным карамазовской болезнью» (*Арх. Г.* Т. XII. С. 220).

[2] Имеется в виду повесть Вересаева «К жизни», напечатанная в журн. «Современный мир» (1909, кн. 1—3). Вл. Кранихфельд (Современный мир. 1909. Кн. 5) провел прямую линию от «Санина» Арцыбашева и «Коня бледного» Ропшина к вересаевской повести, героев которых объединяет индивидуалистическое мировоззрение, приведшее к разобщению личности с общественной средой. Горький написал Е. П. Пешковой, что он «убит и поражен» «выступлениями» Ропшина и Вересаева (*Арх. Г.* Т. IX. С. 65).

[3] *Вехи*. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909 (ст. Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева (Ланде), Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, С. Л. Франка и др.). В п. Е. П. Пешковой Горький назвал «Вехи» — «мерзейшей книжицей за всю историю русской литературы» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 65).

Сборник был восторженно встречен представителями реакционной печати. «Новое время» приветствовало выход сборника. Столыпин одобрял «интеллигентский самосуд», учиненный его авторами. С восторгом встретил «Вехи» и литературный лагерь Мережковского, Философова и др.

В. И. Ленин резко критиковал сборник в ст. «О „Вехах"», назвав его «энциклопедией либерального ренегатства» (*В. И. Ленин*. Т. 19. С. 168). См. об этом подробнее в ст. Б. А. Бялика.

[4] Горький разделял взгляд Амфитеатрова на то, что, приняв ультиматум Австро-Венгрии, царское правительство предало Сербию. Об этом Амфитеатров

писал в восьмой статье из цикла «Балканские впечатления» (Киевская мысль. 1909. № 79. 20 марта).

[5] О каком письме идет речь, установить не удалось.

[6] В январе—феврале 1909 г. Горький вместе с Н. Е. Вилоновым обратились с открытым письмом к рабочим московской организации РСДРП по поводу необходимых мероприятий для создания школы рабочих-пропагандистов на Капри (Пролетарская революция. 1924. № 6). В Россию Вилонов поехал для подбора слушателей школы (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 45—46).

[7] Упомянутым письмом Амфитеатрова к М. Ф. Андреевой *АГ* не располагает. Судя по следующим письмам Амфитеатрова, можно предположить, что со стороны сербских финансовых кругов поступило предложение о готовности финансировать какое-то, возможно издательское, начинание Амфитеатрова. Как видно из переписки, Амфитеатров очень скоро отказался от осуществления этого замысла.

[8] Сб. статей и воспоминаний Амфитеатрова «Курганы» (2-е изд., СПб., изд-во «Общественная польза», 1909). В него вошли: «Памяти А. П. Чехова», «Вишневый сад», статьи об А. И. Герцене, Н. С. Лескове, Н. К. Михайловском, А. И. Левитове, М. И. Писареве, Н. А. Лейкине и др.

[9] В п. Е. П. Пешковой от 16/29 марта 1909 г. Горький сообщал о приезде на Капри И. А. Бунина с женой: «Приехал Бунин, с молодой своей женой — женился он на племяннице Муромцева. Ничего, славная и простая. И он такой же, как был,— хороший человек. Несколько постарел, кокетничает этим, но — жив душой и очень радует меня серьезным своим отношением к литературе и слову» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 64).

Бунин уехал с Капри 10 апреля 1909 г. (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 331).

69. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Вторая половина апреля 1909 г.⟩

Дорогой А. В.,

досылаю вам письмо, возвращенное из Софии[1], да верите мне, что я вам писал туда.

Ох, вкусные надежды возбудило во мне сообщение ваше о сербах! Нетерпеливо жду вас. Не совсем ясно понял, что́ вас смущает в предложении — или вы не все сказали? Тем более жажду встречи. А покелева — жму руку.

А. Пешков

Датируется по содержанию.

[1] *Г—А*, п. от 22 или 23 марта 1909 г.

70. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Кави ди Лаванья. Вторая половина апреля 1909 г.⟩

Дорогой мой Алексей Максимович.

Спасибо за пересланное письмо в Софию. Какая жалость, что я его не получил на месте!

Если Александр Амфитеатров говорит слово «непременно», он может быть твердо уверен, что судьба подсунет ему какую-нибудь каверзу, которая помешает непременному исполнению. Так и сейчас. Заболела и чрез то ушла от меня моя стучащая девица, и приходится мне каждую работу делать вдвое по времени и скуке. То, что собирался окончить в 10 дней, дотягивается на 20.

В предложении, о котором я писал Вам и М⟨арии⟩ Ф⟨едоровне⟩[1], вот что меня, главным образом, смущает. Придется по этим делам сноситься со всякою коммерческою публикою, до министра торговли включительно. Боюсь я, чтобы на этой почве не выросло пакостных сплетен и толкований, чтобы всякие Поссе и прочие рыцари не повесили на меня и на всякое дело, со мною сопряженное, такое количество собак, что пред оными останется только задохнуться. Я этой радости столько знал в своей жизни, что, хоть и знаю, что надо плевать, но — на 47-м году — как-то, знаете, перестает слюней хватать. Вот — из Вашей дружбы с Саввою вышли «три миллиона»[2]. Боюсь, чтобы тем же путем превращения не

получилось из письма к какому-нибудь Тимирязеву — просьба о помиловании, из письма к Крестовникову или Прохорову [3] — моление о субсидии и т. п. Откровенно говоря, мне со всей этою публикою и без того беседовать не в радость, а уж когда предвидишь, что могут тебя включить только в двусмысленную историю, совсем оно невесело. Вот почему я не спешу ни с согласием, ни с отказом, не даю на себя никаких письменных документов и жду прежде всего свидания и разговора с Вами и Вашими в подробностях. Между прочим. Одна из популярнейших в Сербии торговых фирм русских — чайная — Боткиных. Если бы она примкнула к этому Славянскому банку, то не половина, так треть дела была бы сделана. Но так как из всех Боткиных, на земле живущих, я знаю только одну Марию Сергеевну, которая не токмо чаем не торгует, но даже фотографическими аппаратами снабжает бесплатно, то для меня эта линия темна и баснословна, подобно истории мидян [4]. Быть может, через М. С. можно узнать, с кем, в случае необходимости, надо вести разговоры и пр.

Сейчас мне прислали из Белграда объяснительную записку [5] о Славянском банке, из которой Вы увидете, какого типа это предприятие и чего они ищут. Я пробежал ее только мельком. Посылаю Вам. Сохраните до моего приезда. Уставов они мне наслали много, равно как разных подписочных листов на акции, но объяснительной записки — только один экземпляр.

Я непостижимыми судьбами очень в духе.

Получил философский сборник коллективистов с Вашею статьею; [6] как всегда, смелою и прямою, рубящую дерево под самый корешок топором острым и беспощадным, только — что хотите — чести много Иванову-Разумнику и другим таковым же, если по их поводу будут умные люди писать по 200 страниц. Богданова и Вернера (ведь это он же) еще не читал [7]. Робка я, девушка, на философском пере: еще осилю ли?

Я сейчас корректирую «Тризны» (сборник) [8] и кое-что пишу. Неужели «Киевская мысль» Вам не высылалась? Отто су...ргучные палки! А «Одесские новости»?

До свидания. Сердечно приветствую М. Ф. и всех чад и домочадцев. Всего Вам хорошего, дорогой!

Крепко Вас обнимаю.

Ваш А. А.

Датируется по содержанию и по сопоставлению с предшествующим письмом.

[1] Упомянутым письмом *АГ* не располагает.

[2] С. Т. Морозов.

[3] Василий Иванович *Тимирязев* (1849—1919) — один из руководителей торгово-промышленного ведомства царского правительства, крупный представитель финансовой олигархии. С 1906 по 1909 г. — министр торговли и промышленности, член и председатель русского для внешней торговли банка.

Георгий Александрович *Крестовников* (1855—?) — крупный промышленник и финансист, председатель Московского купеческого банка и председатель Московского биржевого комитета. Далее, по-видимому, упомянут Иван Яковлевич *Прохоров* — один из владельцев Трехгорной мануфактуры, возглавлявший в это время фирму.

[4] Неточная цитата из устного рассказа И. Ф. Горбунова. См.: *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. М., 1955.

[5] Этим документом *АГ* не располагает.

[6] Сб. 1 «Очерки философии коллективизма», в котором была напечатана ст. Горького «Разрушение личности» (СПб., изд-во «Знание», 1909). Экземпляр книги хранится в *ЛВГ* (*Описание*).

[7] Критике философско-эстетической концепции Р. В. Иванова-Разумника была посвящена ст. Луначарского «Мещанство и индивидуализм». В сборнике также напечатаны ст. А. Богданова «Материал коллективного опыта и организующие его формы» и «Наука и философия. Диалоги» (под псевдонимом Н. Вернер).

[8] Сб. Амфитеатрова «Тризны» (М., изд. А. Д. Друтман, 1909) включал воспоминания и литературные портреты: «Александр Николаевич Чупров», «Алексей Александрович Остроумов», «Александр Николаевич Реджио», «Антон Павлович Чехов», «Юлиуш Словацкий» и др.

71. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья. Начало мая 1909 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Не то, что устал, а как-то духом смущен.

Все хорошо — и все скверно.

Приеду — расскажу. А приеду скоро.

Денно и нощно памятую о финансовых задачах. Но — словно черт под руку толкает. Только что сделаешь хороший и дельный шаг, приключается какое-нибудь контрсвинство, препятствующее обратить силы свои в должную сторону.

Вчера получил от Гессена телеграмму, возвещающую запрещение «Нашей газеты»! [1] Покорно Вас благодарю!

Дело, о котором я писал Марии Федоровне, настолько и многообещающе, и щекотливо, что я не хочу о нем писать, ибо требовало бы тетради изложения. Приеду — переговорим, и если благословите, то все обделается быстро. Но в благословении-то, сказать правду, сомневаюсь.

В Кави убийственно скучно. Я сейчас обречен писать тошнейшие мелочи, ибо деньга нужна до зареза — злободневная деньга!

Это зачем же Мария Федоровна болеет? Неодобрительно!

У Вас был Семеныч [2] и писал сюда, что Вы тоже киснете. Неутешительно. Не стоит, дорогие мои! Бросьте! Нет ли у Вас какой текущей литературы, которую надо жестоко ругать? Пошлите бандеролью. Ей-ей, возвращу сейчас же или привезу с собой.

Вересаева [3] не читал, а Рыжего жеребца [4] вылаял так, что Лопатин думает, уж не за сие ли «Нашу газету» закрыли. Но, по моим впечатлениям, не могло еще появиться.

Написал ряд маленьких этюдов о Словацком. Хорошо бы его «Лиллу Венеду» [5] перевести. Сильная революционная штука. Да где уж! когда уж! куда уж!

До скорого свидания.

Будьте здоровы. Сердечный привет М. Ф. Всего хорошего Вам, чадам и домочадцам!

Обнимаю Вас!

Ваш А. Амфитеатров

Датируется по упоминанию о приостановке издания «Нашей газеты» 19 апреля / 2 мая 1909 г.

[1] Иосиф Владимирович *Гессен* (1866—1943) — политический деятель и публицист. Один из основателей и лидеров кадетской партии, активно помогал Юденичу, в эмиграции издавал газ. «Руль» и белогвардейский «Архив русской революции».

[3] По-видимому, Семен Соломонович Юшкевич.

[4] Роман Вересаева «К жизни». Далее подразумевается роман В. Ропшина (Б. В. Савинкова) «Конь бледный». Упомянутая ст. Амфитеатрова в «Нашей газете» напечатана не была. Позднее она вошла в сб. Амфитеатрова «Заметы сердца» (СПб., книжн. маг. А. Д. Друтман. 1909).

[5] Юлиуш *Словацкий* (1809—1849) — польский писатель, представитель революционного романтизма. В письме упомянуто драматическое произведение Словацкого «Лилла Венеда» (1839). В сб. «Тризны» (СПб., 1909) напечатана ст. Амфитеатрова «Юлиуш Словацкий».

72. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья. Конец мая — начало июня 1909 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Написал я штуку, которую еще в 1905 году начал для парижского театра Grand Guignol, и, конечно, забросил на трети. Теперь Гиньолю это, конечно же, ни к чему будет, да он и характер переменил, и дирекция другая. Они больше ужасами занимаются, а у меня комедия с беше-

ным плюходействием. Читал вчера при Г. А. Лопатине, Гореловых и др. Хохот был великий. Должно быть, смешно вышло. Как только перепишется и соберусь с деньгой, коей усушка и утечка, приеду к Вам читать. Именуется «Святое семейство», или «О чем скрипела дверь»[1]. В 1 действии.

С сербами необходима система неторопления. Сейчас я получил уже справки кое о ком из них. Дело иметь, кажется, можно, но — у меня нет в Петербурге Пятницкого, которому я имел бы право доверить столь же широко и уверенно, как Вы,— в своем деле. Нужен человек смышленый, твердый и бескорыстный, который мог бы заменить меня в личных переговорах. Ну, да, при скором свидании перетолкуем.

Прочитал «Бабаева»[2]... Впечатление: будто целые сутки держал в руках склизкую и вонючую гадину.

Опять чудесно Луначарский об Италии в «Киевской мысли» пишет[3].

У нас новости. Появился юный пианист Захаров[4]. Блестяще играет. Вдвоем с Гореловым наполняют Кави фортепианным звоном.

Газеты все перемерли. Чувствую себя заштатным попом. В 1871 году духовенство переживало совершенно те же минуты[5].

Думаю употребить конец лета на окончание и приведение в порядок разных драматических вещей, накопившихся за последние десять лет, без концов или без середин, или без начал. Надо же куда-нибудь девать непроизвольные досуги.

В виде отдыха вот уж месяц делаю я одну полумеханическую работу, которой, думается мне, хватит лет на пять, и, если доведу ее до конца, то получится штука, на русском языке не пробованная. А именно — только это между нами — «Словарь русского художественного языка»[6], от Карамзина до Горького включительно. За месяц я успел обработать Аксакова (чтение которого в сопоставлении с безобразием языка в «Женах» Айзмана дало мне идею этой работы). Сейчас работаю над Островским. Я привезу Вам всю эту затею, потому что рассказывать ее систему на письме длинно.

Сердечный привет Марии Федоровне и всем чадам и домочадцам.

Всего Вам хорошего, дорогой! Крепко Вас обнимаю.

Ваш А. А.

Датируется по времени публикации в газ. «Киевская мысль» очерка Луначарского «Герои дела в раздумье». См. прим. 3.

[1] Grand Guignol — французский театр, существующий с 1896 г. по настоящее время в Париже. От натуралистически-комедийного репертуара первого этапа своего существования театр перешел к пьесам «ужасов» и «кошмаров». Наиболее популярным драматургом театра стал Эндре де Лорд, написавший для него драмы «Лаборатория галлюцинаций», «Последняя пытка», «Медленная смерть» и др.

Пьеса Амфитеатрова напечатана в его кн. «„Княгиня Настя“ и другие драматические произведения» (СПб., изд-во «Просвещение», 1912) под заглавием «Два часа в благородном семействе, или О чем скрипела дверь. (Происшествие)».

[2] Роман С. Н. Сергеева-Ценского «Бабаев» (СПб., изд-во «Мир божий», 1909). Амфитеатров резко критиковал роман в ст. «О Сергееве-Ценском (разд. 2. «Гадина») (сб. «Заметы сердца», СПб., ⟨1909⟩).

[3] В течение 1909—1910 гг. в газ. «Киевская мысль» печатался цикл очерков Луначарского «Философские поэмы в красках и мраморе. Письма из Италии» — об искусстве античного Рима и итальянского Возрождения. В публикуемом письме речь может идти об очерке «Герои дела в раздумье» (о творчестве Поликлета и Тициана) (Киевская мысль. 1909. 17/30 мая).

[4] Возможно, Борис Матвеевич *Захаров* (1887—1942) — пианист.

[5] В результате законов 1867 и 1869 гг., обобщенных церковной реформой 1871 г., в России было упразднено наследование церковных приходов и произведен их «передел»: множество мелких приходов закрыто или соединено с более крупными. В связи с сокращением приходов были точно определены их штаты. Часть священнослужителей, особенно сельских, осталась «за штатами» (*Никольский Н. М.* История русской церкви. М., 1930. С. 229—230).

[6] Замысел не был осуществлен.

73. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Начало июня 1909 г.)

«Святое семейство» — ожидаю, а вас видеть — отчаялся, ибо — ясно мне, что и вы уподобились Пятницкому [1]. Он, по достоверным слухам, собирается ехать сюда. Было бы очень трогательно и чудесно, если б вы оба встретились здесь, но — как поверить сему? И мечтать бесполезно.

«Словарь» ваш — ох, какая это может быть ценная книга! Особенно для с.-д.*, [2] современных литераторов.

Лескова-то не забудьте! Этот и знал, и любил русский язык, если же писал «мотариус» и «лыгенда», производя сии иностранные слова от русских вербов «мотать» и «лгать»,— так он это делал по ненависти его к чужому, право так! Хороший писатель.

А Гоголя я не люблю, ибо он был «мизантроп, развлекавший свою фантазию» [3],— извините!

Насчет банков — ничего не понял. Денег нет у меня теперь еще больше, чем не было.

Пишу всюду, а ответа — ниоткуда.

Кланяюсь и жду.

Всех благ!

А. Пешков

Датируется по предшествующему письму.

[1] Пятницкий не мог приехать на Капри до 14 сентября 1909 г.

[2] Имеется в виду строка из стихотворения Некрасова «Сеятелям» (1877): «Сейте разумное, доброе, вечное...»

[3] Возможно, неточная цитата из ‹«Авторской исповеди»› Н. В. Гоголя: «На меня находили припадки тоски, мне самому необъяснимой, я придумывал себе все смешное, что только мог выдумать ‹...› Может быть, с летами и потребностью развлекать себя, веселость эта исчезла бы, а с нею вместе и мое писательство...» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 8. С. 432—433).

74. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья. Первая половина июня 1909 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Я дописался до того, что перед правым глазом повисла какая-то густая сетка с пятнами, не желающая уходить вот уже три дня. По сей причине пишу карандашом — чернильным однако!— по линеечкам.

Очень я рад, что Вам идея словаря нравится. Сейчас у меня собрано 2000 слов, причем некоторые уже в 10, 15 и 25 значениях, каждое с иллюстрацией фразою или эпитетом классического автора. Материал этот покуда дали Аксаков, 1836—1841 гг. Лермонтова (поэм и прозы не трогал), $1^1/_2$ тома Островского и «Свадьба Кречинского» [1]. Лескова я оставляю подальше, когда другие дадут хоть десяток тысяч слов. Потому что им легко увлечься и перетащить из него массу соблазнительных и удачных выдумок. Удивительная красота получается, когда освещается, например, такое слово, как *рука* или *дела*, или *голова*, или *честь*, 25-ю совершенно разными поворотами и светами.

Скептицизм Ваш совершенно напрасен. И «Св‹ятое› семейство» привезу, и сам приеду. Не вечно же будут задерживать «причитающееся».

Что касается безденежья — кавийский пролетариат выражает Вам товарищеское сочувствие.

Относительно банков ничего больше писать не хочу до личного свидания, ибо тетради написать некогда, а вкратце — такая муть выходит, что нисколько не удивляюсь Вашему непониманию: и сам не понимаю.

Что касается Гоголя, извинение излишне. Грешный человек, тоже не

* Читайте — «сеятелей доброго», а не «социал-демократов», пожалуйста!

имею особенной нежности по этому адресу, сколь он ни велик и славен. И притом — реализм-то российский хорошо им воспользовался, чтобы через него развить пути новые; но сам-то он реалистом был только свысока и не любил реализма очень. Любопытная у меня вышла на этот счет переписка с Валерием Брюсовым. В его речи гоголевской сказано много дельного и верного [2].

Безденежье и газетные неплатежи вынуждают опять к запродажам на корню и втридешева, конечно. «Прометей» предлагает сдать ему 3-ю часть «Сумерков божков» и роман, который был бы продолжением «Восьмидесятников» [3]. Материалов хаотических для того и другого написано в разное время много, но как я все сие упорядочу — ума не приложу, не возьму я в толк, не придумаю. И уж очень не хочется пироги печь вместо глав. А ничего не поделать. Без кабалы не дожить до осени.

Над Ферреро возня убийственная. Вот уж «сеятели добра»-то были вместо переводчиков, и даже «мерзлые стерляди с Волги». А еще хвастались, будто Балабанова [4] просматривала и одобряла. Брала редакция столько времени, что сейчас, в отчаянии, отдал Е. И. Гореловой, чтобы она хоть смыслы-то в этом чудном переводе выправила, а то приходилось просто подряд заново переводить. Она сегодня целый ряд прямо анекдотических издержек принесла мне. И опять это мне «Зверя» [5] задержит. О, жисть!

«Св‹ятым› семейством» я более или менее удовлетворен, но не знаю, как быть с другими драматическими набросками. Думал просто обратить их в театральных поденщиков, обязанных посильно добывать поспектакльный гонорарий с Шуи, Козьмодемьянска и до Пржевальска включительно. А почитал — жалко стало и совестно. «Эх, барин, борода-то у меня седая!»

Ну, расписался. Сие картинное изображение дает Вам понятие о сети, глядя через которую писал я сие письмо. Г. А. Лопатин лает меня неистово и пророчествует всякие окулькины беды, а я уповаю: авось, не лопнет?

До свидания. Всего Вам хорошего. Крепко Вас обнимаю. Привет дорогой Марии Федоровне и всему дому.

Ваш А. А.

Датируется по содержанию. См. прим. 2.

[1] Комедия *А. В. Сухово-Кобылина* (1817—1903), написана в 1852—1854 гг.

[2] 20 марта 1909 г. отмечалось 100-летие со дня рождения Н. В. Гоголя. 27 апреля / 10 мая на торжественном заседании Общества любителей российской словесности Брюсов прочитал доклад о Гоголе. Под заглавием «Испепеленный. К характеристике Гоголя» доклад был напечатан в журн. «Весы» (1909, № 4). Отдельное издание: М., изд-во «Скорпион», 1909. См. также: *ЛН*. Т. 85. С. 772 и др.

В п. Брюсову от 15-мая 1909 г. Амфитеатров писал: «Меня очень интересует Ваша речь о Гоголе. Судя по газетным отчетам, она выделилась из праздничного краснословия попыткою к серьезной критике, за что Вы, кажется, и претерпели гонение. Как Вам известно, я далеко не сторонник „декаданса", одним из певцов которого Вы были. Но, читая переложение реферата Вашего в „Речи", я не встретил в нем ни одного положения, под которым человек искренний и с литературным вкусом не мог бы подписаться хоть обеими руками».

Далее Амфитеатров просил прислать ему текст речи, если она напечатана. И в следующем письме (4 июня 1909 г.) сообщал, что получил речь Брюсова: «Очень благодарю Вас за присылку „Весов" с Вашею интересною и вполне основательною речью о Гоголе. Посылаю Вам маленький отрывочек, напечатанный мною в „Одесских новостях", как образец непроизвольного совпадения некоторых взглядов» (*ГБЛ*).

Амфитеатров писал о Гоголе в фельетоне «После праздника» и ст. «Впечатления». В последней он привел мнение Горького о Гоголе, высказанное им в письме к нему, излагая его несколько неточно: «Максим Горький считает Гоголя мрачным мизантропом, который развлекается, издеваясь над людьми» (Сб. «Заметы сердца», С. 23).

[3] Третья часть «Сумерков божков» напечатана не была. Продолжением романа-хроники «Восьмидесятники» явился роман «Девятидесятники. (Начало века)».

[4] Анжелика *Балабанова* (1878—?) — социал-демократ. В 1897 г. уехала за границу, где примкнула к Союзу русских социал-демократов. После II съезда РСДРП — меньшевик. Играла значительную роль в Итальянской социалистической партии: входила в редакцию ее центрального органа «Avanti», являлась членом ЦК, представителем Итальянской социалистической партии в Международном социалистическом бюро. Горький познакомился с Балабановой вскоре после приезда в Италию и долгие годы сохранял с нею дружеские отношения. В п. Ладыжникову он писал: «Была Балабанова — очень милый человек! Думаю — она могла бы переводить, кстати — она этого хочет...» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 148).

В 1917 г. Балабанова вернулась в Россию, вступила в партию большевиков. В 1924 г. была исключена из партии в связи с тем, что заняла меньшевистскую позицию.

[5] «Зверь из бездны».

75. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Середина июня 1909 г.)

Дорогой мой А. В.— письмо Винниченка — цветочки[1], то ли еще будет! Жду всяческих и всевозможных заушений, оплеваний и т. п. экзерсисов. С одной стороны — так и надо! с другой же — при высочайшей интеллектуальности нашей — вы подумайте, какое огромадное наслаждение писателю в ухо дать!

Но — повторю — по делам! Не будучи груздем — не лезь в кузов, будучи же писателем — в торговлю не суй нос! Так-то.

Ожидаю вас.

И Пятницкого.

Денег.

Галлееву комету.

Европейской войны.

Полон надежд, как видите.

И когда мне плохо — я превосходно чувствую себя. В сущности, моя природная профессия — плохая жизнь. Факт.

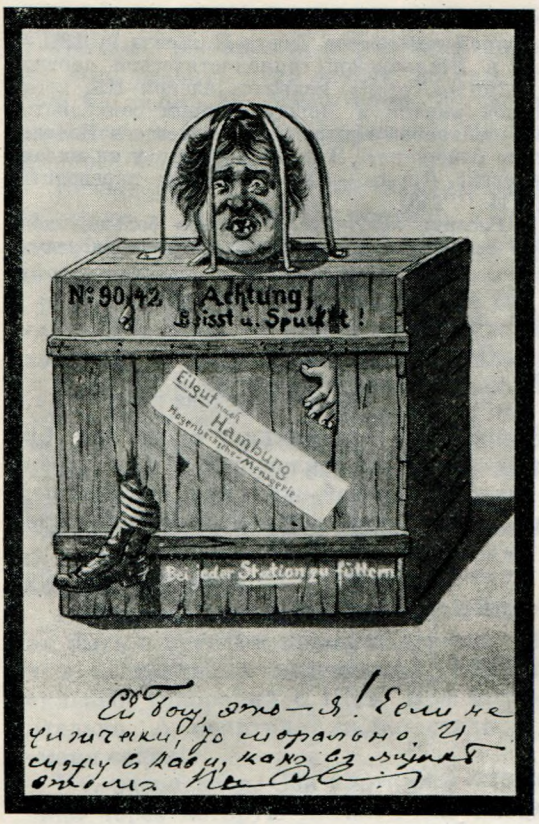
А. Пешков,

специалист по тяжелой жизни и известный любитель скучных недоразумений.

Датируется по времени публикации «Открытого письма» Винниченко Горькому.

[1] «Открытое письмо» Винниченко Горькому (опубл. на украин. яз.: Рада. 1909. № 119. 28 мая / 10 июня). В нем содержались клеветнические выпады против Горького, обвинявшегося в недобросовестном отношении к присылаемым ему рукописям.

Как видно из переписки Горького с Винниченко (*АГ*), вначале Горький доброжелательно относился к малоизвестному украинскому писателю и намеревался издать его произведения в «Знании». 12 апреля 1909 г. (из Парижа) Винниченко послал на отзыв Горькому пьесу «Базар», которую Горький подверг резкой критике (в письме иронически: «в торговлю не суй нос!»). «Талантливый вы человек, Влад(имир) Кирил(лович),— писал Горький Винниченко 17 апреля 1909 г.,— но чрезмерно любите парадоксы — мне это кажется весьма печальным, особенно когда вы выдвигаете на сцену такой опасный парадокс, как в вашем „Базаре“: „Всякая красивая женщина для мужчины — кто бы он ни был — самка“ — таков ваш тезис? Чтобы защитить его, вам пришлось сделать почти всех людей, окружающих Марусю, скотами. А люди эти революционеры. Положим, за последнее время и с-дек Вересаев и с-ер Савинков всячески сдирают с русского революционера романтические идеальные покровы, но я не могу считать их спор с русской историей победоносным для них — не могу! И буду рассматривать эту размолвку с действительностью как борьбу индивидуализма, возрождающегося для последней, предсмертной судороги, с тою творческой, новой силой, коя скоро и навсегда придушит его. Революционеры ваши — не социалисты, заметно вам это? Лучший из них, т. е. наиболее удавшийся вам, Маркович, рассуждает на четвертой странице более чем странно. Ради того разве идут люди в массу, чтобы выжать из нее „социальную слезу?“ К чему она, эта слеза, и какой в ней смысл? И весь Маркович, как типичный для вас представитель идеи „лавочки“ и „базара“, подчеркнут вами излишне, с некоторой враждебностью, мне непонятной. Вообще я не понимаю вашей пьесы, должно быть. А потому воздержусь лучше от дальнейших суждений о ней. Мне не хочется ставить вас в ряд с Вересаевым и другими ликвидаторами революции.



НАДПИСЬ АМФИТЕАТРОВА
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ОТКРЫТКЕ
ГОРЬКОМУ:

«Ей богу, это я! Если не физически,
то морально.
И сижу в Кави, как в ящике стола.
Ал. Амфитеатров»

Капри, 8 июля 1909 г.

Архив Горького, Москва

Я позволю себе посмотреть на ваш труд как на недоразумение ваше, как на ошибку. Всего доброго! Вертайтесь-ко в Россию, и да будет вам благо!

Человек вы даровитый и, вероятно, найдете в себе сил выбраться из той пучины, которая, мне кажется, одолевает вас.

Жму руку.

Не сердитесь.

А. Пешков» (*АГ*).

В ответном письме Винниченко, хотя и пытался оправдаться перед Горьким, но от своих позиций не отступал. «Действительно,— заявлял он,— я несколько иначе понимаю *пути* к социализму ⟨...⟩ взгляд мой не будет взглядом идолопоклонника перед идолом своим. „Его величество" — пролетарий всероссийский,— как когда-то преклонялись с-дк, не найдя другой формы, как раболепие...» (*АГ*).

П. Винниченко только подтвердило его ренегатство, а тон не мог не оттолкнуть Горького. В следующем письме, от 5 мая 1909 г., Винниченко грозил предать гласности отказ Горького издавать его книги в «Знании». Осуществлением этой угрозы явилось клеветническое «Открытое письмо». Горький решил оградить себя от выпадов, подобных «Открытому письму» Винниченко, и написал по этому поводу Пятницкому: «Константин Петрович — посылаю рукописи, бывшие у меня; рассмотрев их, будьте добры ответить авторам как найдете нужным. Распорядитесь в конторе, чтобы впредь мне никаких рукописей не посылали. Прошу поместить в газетах прилагаемое объявление, поместить надо на первых страницах. Сделать это необходимо, ибо вслед за Винниченко начнут, вероятно, и другие авторы печатать оскорбительные письма» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 271, 387).

Определившаяся здесь линия принципиального размежевания Горького с Винниченко находит отражение и в дальнейших письмах его Амфитеатрову. Отношения Горького с Винниченко исследованы в кн.: *Крутикова Н. Е.* В начале века: Горький и символисты. Киев, 1978. С. 260—264.

76. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Кави ди Лаванья. 8 июля 1909 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович, на днях, кажется, совершу все дела свои и выползу из Кави на остров, Капри именуемый, с супружницею, чадом Данилой и пианистом Захаровым. Не будет ли у Марии Федоровны, хоть совестно навязывать ей хлопотную просьбу, милости сыскать для сей компании помещеньице поближе к Вашей вилле, дабы я не очень пешествием удручался? Пробудем дней 5—6. 2 комнатки бы с 4 постелями? В Пагане[1] что-то не хочется. Наши возмечтали прогуляться после долгого кавийского сидения, а Захарова я, правду сказать, тащу на Капри, чтобы Вы послушали хорошей музыки. Ибо сей юноша «Бори-

са Годунова», «Игоря» и пр. играет с голосами, как ни в чем не бывало. А совсем мальчик. Аккомпанирует прямо гениально.

Что-то всё бури на море, а то хотели мы плыть пароходом. Ил⟨лария Вл⟨адимировна⟩ думает, что мы выедем в воскресенье. Сегодня среда.

Привезу читать Вам «Святое семейство». Возвратясь от Вас, закабалюсь надолго в работу на «Прометей»[2]. Приятно мне это столько же, как в Сибирь на поселение. Не потому, чтобы «Прометеем» был недоволен, а потому, что опять, как «Сумерки божков»: полгода житья любимых образов в подневольной квартире. «Сына Человеческого»[3] Андреева ругают, а мне нравится. Если и шарж, то очень реальный. Напиши это Чехов, все бы поверили. Но Андреев так извертел себя глубокомыслием за пятак, что и в «С⟨ыне⟩ Ч⟨еловеческом⟩» ищут не прямой действительности, но почему сие важно в-пятых? И, не находя, не верят и ругаются.

До свидания, дорогой, будьте здоровы. Обычный привет.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Датируется по почт. шт.

[1] Гостиница на Капри, принадлежащая семье Пагано.

[2] В изд-ве «Прометей» печатались многие книги Амфитеатрова.

[3] Рассказ Андреева «Сын Человеческий» напечатан в альманахе «Шиповник» (СПб., 1909, кн. 9). Отзывы критики о рассказе были в основном отрицательными. См.: *Русская литература конца XIX — начала XX в. 1908—1917*. С. 429.

77. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Кави ди Лаванья. 14 августа 1909 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Ил⟨лария⟩ Вл⟨адимирован⟩ уже писала Вам и Марье Фед⟨оровне⟩[1], как, по приезде в Кави, мы должны были объявить войну итальяно-русской полиции[2]. Не знаю, что будет дальше, но покуда, после выстрела из «длинного Тома», т. е. моей телеграммы к Джиолитти[3], «табор вражеский заснул». Вчера возвратился Герман Александрович, и дальнейшие судьбы этого приключения передаю в руце его. Вы его увидите, вероятно, раньше, чем меня, так как, отдохнув недели две, он собирается на Капри[4].

Я написал Бурцеву о журнале дословно то, что Вы сказали мне и Ил. Вл. «Общее дело» будет двухнедельное, внепартийное, социалистически-блоковое — словом, ему хочется осуществить то, что намеревался сделать я в «Красном знамени», и, так как у него есть деньги, то, вероятно, он и выдержит дольше, чем сумел я. Некоторые группы (напр., Прокопович)[5] еще торгуются с Бурцевым из-за террора. Мое отношение к этому вопросу Вам известно.

Было бы очень хорошо и много помогло бы делу, если бы Вы дали в первый № хоть маленькую статью. Вот Вы собирались писать открытое письмо к английскому народу по поводу приезда царя. Это вышло поздно, но вскоре царь едет в Константинополь. Как здорово было бы, если бы Вы адресовали то, чего не успели высказать англичанам, к молодой и еще почти не окровавленной турецкой конституции![6] Подумайте об этом... И если надумаетесь, то известите и меня, и Бурцева. Перевод и распространение— это уже турецких товарищей дело, а они молодцы.

Постоянно я думаю о повести Вашей[7], которую Вы мне рассказали. Дорогой мой! Какой это большой и прекрасный план! Говорю это с некоторым угрызением за себя, потому что рассказанное Вами подрезывает значительно «Начало века», которое я должен писать как продолжение «Восьмидесятников»[8] и первая часть которого должна будет называться «Городок». Но это — в высокой степени наплевать, лишь бы Вы ис-

полнили поскорее и со всею, свойственною Вам, силою и глубиною Вашу превосходнейшую затею. Так, как Вы ее рассказывали, она может превратиться в цельную эпопею русской почвенности, и, после десятков лет эпизодического письма, опять получим мы опорный этакий роман, который воскресит быт, выяснит душу и русские носы поворотит, как компасную стрелку, по естественному их направлению. Вы теперь едва ли не единственный человек, который на то в состоянии, потому что, не говоря уже о таланте Вашем огромном, Вы — единственный первоклассный русский писатель, в чью честь и любовь к себе Россия верит без сомнений, не исключая даже злейших Ваших врагов. Они ругаются, злятся, клевещут, а веровать-то все-таки должны, и веруют, подлецы, веруют яко беси: веруют и трепещут. Я, знаете, твердо уверен, что в «Исповеди» стали Вы на путь к литературному евангелию и дадите нам его всенепременно и самостоятельно. И это самое важное и хорошее, чего ждет от Вас русское общество, и никакая другая Ваша деятельность, в которую Вы себя втисните, не возместит даже тысячной доли этого огромного и справедливого ожидания. Потому что и революционное Ваше значение возникает из титанической, шиллеровой страсти Вашего глубокого таланта — воистину вопящего голоса русской мать-сырой-земли. Вы сила не служебная, а самодовлеющая.

Не сердитесь на меня, что я не решился жить на Капри. Уж очень много русских: тяжело будет — нельзя жить в уездном городе, не будучи втянутым так или иначе в его хаос, а мне это совсем и не по характеру, и не по времени. Между Вами и русским Капри стоит такой энергический человек, как Марья Федоровна, и то, все-таки, быт Вашего дома — не столько жизнь, сколько кипение котловое. А ведь мне-то пришлось бы проводить зиму одному, с ребятами и прислугой. По Минусинску знаю, что это хуже одиночества, ибо не видишь, кого хочешь и видишь, кого не хочешь.

Что школа?[9] Как только получу деньги из Киева, пришлю еще 200 фр⟨анков⟩. Я, на обратном пути от Вас, что-то просвистался в Риме — на автомобиль, черт возьми! Знай наших!

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Целую ручку Марии Федоровны. Всем привет!

Особенно — да здравствует микроба,
Которая за мной смотрела в оба,
Да не упьюсь, в стакане ледяном,
Вином!

Из стихов явствует, что сейчас иду купаться, и муза в кустах не бездействует.

Читаю всяческие новые истории русской литературы и возмущаюсь другом моим Е. В. Аничковым[10]. А видели Вы «Песнь Песней» в издании Пантеона?[11] Вот шарлатаны-то! Написал о В. Розанове, по этому по́воду, заметку столь ругательского звука, что «Бабаев» покажется лепетом младенца[12]. Вообще остервенился и намереваюсь лаяться на многих.

Еще раз обоих Вас приветствую, дорогие!

Ваш А. Амфитеатров

1909.VIII.14
C. d. L.

[1] Упоминаемым письмом И. В. Амфитеатровой *АГ* не располагает.

[2] Возможно, что инцидент с полицией мог быть вызван ожидавшимся приездом в Италию царя Николая II. В связи с этим итальянское правительство стремилось «обезвредить» русскую революционную эмиграцию.

Посещение Николаем II Италии должно было состояться в марте 1909 г. «Сюда — в марте — едет царь,— писал Горький Е. П. Пешковой,— поэтому русское посольство требует, чтоб меня выслали из Италии. Дабы придать этому требова-

нию некоторую „законность" — в России объявили о розыске и аресте моем. Ничего отсюда не выйдет ⟨...⟩ Здесь публика сильно возбуждена этим визитом. С одной стороны — союз по славянским делам на Балканах, и Россия нужна как союзница, с другой — царь противен даже консерваторам» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 61—62). В Италию царь приехал в октябре 1909 г.

[3] Джованни *Джиолитти* (1842—1928) — с 1903 по 1914 г. (с небольшими перерывами) — премьер-министр Италии.

[4] Лопатин приехал на Капри только 9 декабря 1909 г.

[5] Сергей Николаевич *Прокопович* (1871—1955) — экономист, публицист и политический деятель, один из лидеров русского «экономизма», с 1890-х годов находился в эмиграции. После Февральской революции 1917 г.— министр торговли и промышленности, министр продовольствия Временного правительства. В 1922 г. был выслан из СССР за антисоветскую деятельность.

[6] Имеется в виду встреча английского короля Эдуарда VII с Николаем II в Ревеле 10 июня 1909 г. Намерение Горького обратиться с письмом к английскому народу осуществлено не было, так же как и предложение Амфитеатрова написать статью о современном положении в Турции в связи с восстановлением турецкой конституции 1876 г.

[7] По-видимому, когда в июле 1909 г. Амфитеатров приезжал на Капри, Горький делился с ним замыслом повести «Городок Окуров», задуманной как первая часть трилогии об уездной России, второй частью должен был стать «Матвей Кожемякин» и третьей — «Большая любовь». Работа над повестью «Городок Окуров» продолжалась в течение сентября—ноября 1909 г. В публикуемом письме содержится одно из самых ранних свидетельств о замысле «Окуровского цикла».

[8] Речь идет о работе Амфитеатрова над романом «Девятидесятники. (Начало века)».

[9] Имеется в виду каприйская школа.

[10] Евгений Васильевич *Аничков* (1866—1937) — литературовед, с 1908 г. профессор Петербургского психоневрологического института.

Амфитеатров имеет в виду кн.: История русской литературы / Под ред. Е. В. Аничкова, А. К. Бороздина, Д. Н. Овсянико-Куликовского. М.: изд. т-ва И. Д. Сытина, 1908. Экземпляр книги хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

[11] «Песнь Песней» — сборник лирических песен древних народов Ближнего Востока, включенных в раздел Ветхого завета Библии. Традицией авторство «Песни Песней» приписывалось царю Соломону. Розанову принадлежит предисловие к кн.: «Песнь Песней» Соломона / Пер. А. Эфроса. СПб.: изд-во «Пантеон», 1909.

[12] Амфитеатров осуществил свое намерение, написав ст. «Песнь Песней» с резкой критикой работы В. В. Розанова (сб. «Заметы сердца», СПб., ⟨1909⟩).

78. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Август, не ранее 18, 1909 г.⟩

Дорогой друг —

сообщите Ев⟨гению⟩ Колосову[1]: человек, о коем я говорил как о возможном издателе книги Кол⟨осова⟩,— оказался уехавшим в Камчатку, вернется же оттуда в феврале, не раньше.

Новость: «Шиповник» и «Общ⟨ественная⟩ польза» объединились и с ноября будут издавать новый журнал, иллюстрированный, беспартийный[2]. Кулаков приглашает меня сотрудничать[3] — тысяча за лист, знай наших! Какая приятная компания: гнусный старичок Тетерников, старый, почтенный, милый С. Я. Елпатьевский, нигилист Андреев, чижик Морозов — «Дадим ли нефть и мы?», храбрый наездник Бенуа, Куприн, Зайцев[4] — хорошо!

Нет, я прав: слово «поколение» — действительно знаменует собой длительный процесс от глагола «околевать», и правильно — надо говорить не «современное поколение», а «современное поколевание».

В X альманахе «Шиповника» Блок женился на России: «О, родина! Жена моя»[5]. Сомневаюсь в законности сего брака, преувеличивает способности свои Альфонс Блок! Грустно мне до того, что в глазах зелено.

Уж скорее бы Галлеева комета приходила — всё, может, лучше будет.

Спасибо вам и супруге за добрые письма ваши.

Вдруг — я устал. В душе — какая-то слякоть, и люди кажутся мне сделанными из казанского мыла.

Собираюсь написать Кулакову серьезное письмо, а старику Елпатьевскому — другое [6].

Кланяюсь вам всем.

А. Пешков

Приписка — М. Ф. Андреевой:

Это пройдет, конечно, а вот что действительно у нас с А. М. «мальчики кровавые в глазах» — это печально. Уехать бы куда-нибудь скорее! Да — денег нет.

Как живете? Илларии Владимировне на днях пришлю кораллы и напишу. А для Вас тут всё дачи предлагают. Крепко жму Вам обоим руки.

Датируется по п. П. Е. Кулакова Горькому от 31 июля / 13 августа 1909 г. (*АГ*).

[1] Возможно, речь идет об издании кн. Колосова «Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского. Опыт литературного анализа» (СПб., изд-во «Общественная польза», 1912).

[2] *«Шиповник»* — издательство, организованное в Петербурге С. Ю. Копельманом и З. И. Гржебиным, существовало в 1906—1918 гг. Выпускало преимущественно произведения писателей-символистов и сочинения философов-идеалистов. Альманахи «Шиповника» были созданы в противовес сборникам изд-ва «Знание». В 1907—1909 гг. выходили под редакцией Л. Андреева.

«Общественная польза» — книгоиздательское товарищество, существовавшее с 1860 по 1916 г. Выпускало преимущественно классическую и современную реалистическую литературу.

[3] Петр Ефимович *Кулаков* (1867—?) — директор-распорядитель изд-ва «Общественная польза» — писал Горькому 31 июля / 13 августа 1909 г.: «Глубокоуважаемый Алексей Максимович, с 1 ноября или 1 декабря с.г. „Общественная польза“ совместно с „Шиповником“ предпринимает издание нового журнала литературы, искусства и культуры. Журнал должен представлять из себя значительно облагороженный тип „Нивы“, но с тем, чтобы не было никаких приложений, а весь материал давался бы в еженедельных №№.

В журнале первое место будет занимать беллетристика, затем будут отделы: искусства, литературной критики, науки, худож⟨ественной⟩ промышленности, театра, сатиры, злобы дня и общественный. Политики повседневной не будет, журнал будет в общественном отношении преследовать гуманитарные культурные задачи. Политич⟨еский⟩ обзор будет выражаться в изложении главнейших событий за неделю.

Ближайшее участие в журнале примут Андреев, Елпатьевский, Куприн, Зайцев. Редакторы отделов искусства, науки, театра и др. пока не определены окончательно, но предполагается пригласить Ал. Бенуа для худож⟨ественного⟩ отдела (выдающиеся представители современного художества тоже примут участие), Н. А. Морозова — для научного отдела и др.

Во главе издательской части становлюсь я и Копельман.

Вас, вероятно, несколько удивит ближайшее соучастие „Общественной пользы“ и „Шиповника“, Леонида Николаевича и Сергея Яковлевича. Делается это возможным ввиду широких задач, поставленных журналом, покрывающих и объединяющих разные литературные направления, а также ввиду того, что сейчас, более чем когда-либо, есть побуждения к такому литературному объединению. Само собой разумеется, что при такой комбинации „Шиповнику“ придется отказаться от слишком резких изгибов модернистской мысли ⟨...⟩

Вы понимаете, Алексей Максимович, к чему я веду речь. И Сергею Яковлевичу, и Леониду Николаевичу, и всем нам хотелось бы, чтобы и Вы приняли участие, по возможности близкое, в нашем журнале.

Наша задача — дать недорого и доступно для широких кругов читателей содержательный литературный и художественный материал, который не только доставил бы удовольствие и развлечение, но служил бы и широким культурным задачам, развивая вкус, повышая сознательность и будя стремление к лучшим человеческим идеалам. Я не думаю, чтобы Ваш образ мыслей мог помешать Вам давать нам Ваши произведения.

Я слышал, что у Вас есть готовая повесть. Если Вы не отдадите ее „Знанию“, то не дадите ли для почина нам. Если она уже устроена, то не дадите ли следующую Вашу вещь?

На всякий случай должен коснуться и материальной стороны дела: платить мы Вам будем за беллетристику по 1000 руб. за лист в 40 000 букв ⟨...⟩ Сергей Яковлевич будет принимать близкое участие в журнале, а его сын, которого Вы, вероятно, помните, будет ответственным редактором» (*АГ*).

[4] Сергей Яковлевич *Елпатьевский* (1854—1933) — писатель и земский врач, народник, был одним из руководителей журн. «Русское богатство». Рассказы

Елпатьевского были выпущены в трех томах изд-вом «Знание». С Горьким познакомился в Нижнем Новгороде в 90-е годы.

Николай Александрович *Морозов* (1854—1946) — революционер-народоволец, ученый и поэт, 21 год пробыл в Шлиссельбургской крепости. Горький приводит строку из стихотворения Морозова «При свете лампы».

Александр Николаевич *Бенуа* (1870—1960) — художник, историк искусства и художественный критик, идеолог объединения «Мир искусства». См. кн.: Александр Бенуа размышляет... М., 1968.

Борис Константинович *Зайцев* (1881—1972) — писатель.

[5] Строка из стихотворения Блока «На поле Куликовом», цитируется Горьким неточно; у Блока: «О Русь моя! Жена моя!»

[6] Кулакову Горький ответил 7 сентября 1909 г. (*АГ*).

С. Я. Елпатьевскому он написал два письма, в которых резко выступил против этого проекта: «Великолепнейший и любимый старый романтик, Сергей Яковлевич! Прислал мне зять Ваш П⟨етр⟩ Е⟨фимович⟩ любезное приглашение сотрудничать в затеваемом „Общ[ественной] пользой“ купно с „Шиповником“ журнальце, прочитал я лестное его письмо, и — стало мне грустно и очень нехорошо⟨...⟩ В самом деле: переживает страна наша духовный кризис, какого еще не переживала никогда, наступили дни серьезные: внутри — опасно, снаружи — еще страшнее! Самое бы время собраться остаткам старой русской интеллигенции и во всю силу начать организацию новорожденных людей — они есть, их много, я это хорошо знаю, но — они рассеяны повсюду и лишены объективной идеи.

Вообще — нужна упорная работа, нужны верующие люди, фанатики, пророки, а Вы — иллюстрированный журнальчик затеваете ⟨...⟩

В молодой нашей стране — столько намечается радостных возможностей, столько зреет новых сил, а Вы, „организаторы культурных предприятий“, все еще возитесь с тем поколением, которое поражено социальным индиферентизмом, импотентно, испугано на все дни живота и поколением может быть названо лишь от глагола „околевать“. Бросьте их в пасть судьбы, оставьте их, ибо ничего они не споют, ничего не скажут от души — околела зелененькая душонка...» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 75—77).

79. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Кави ди Лаванья. Август, не ранее 20, 1909 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович.

Получил Ваше письмо и вижу из него, что Вам довольно мерзопакостно. Плюньте Вы на все и берегите свое здоровье. А самое лучшее — сядьте на пароход с милою Марьей Федоровной и приезжайте в Геную, а из Генуи в 1 ч. 20 минут в Кави, где, ей богу, можно прожить несколько дней, чувствуя себя человеком по образу и подобию божию, а не туркою-силомером, на коем каждый свою словесную энергию пробует.

Удивили Вы меня слиянием «Шиповника» и «Общ⟨ественной⟩ пользы». Я написал Кулакову, что если так, то меня из клиентуры своей «Общ. польза» может вычеркнуть. Я «Шиповник» считаю издательством и этически поганым, и материально недобросовестным, чему имел личный и неприятный опыт. С ними иметь дело не хочу.

Предлагаемая Вам тысяча рублей за лист звучит не только гордо, но и убедительно. С своей стороны, полагаю, что за один лист у «Общ. пользы» заплатить деньги найдутся, так как она вот уже пятый месяц не высылает мне условленных 200 рублей в месяц. 200×5=1000. Но больше одного листа не пишите: сумлеваюсь, штоп...

У нас здесь сейчас тихо, мирно и благородно. К великому моему удивлению, итальянцы в восторге, что я оборвал полицию, и русский престиж стоит ныне здесь высоко.

Участие Елпатьевского в описанной Вами компании настолько ошеломительно, что хожу и пою письмо комиссара к Голове из «Майской ночи».

Жую «Анатэму», прочитанную нам недавно Павлом Самойловым...[1] Наглая вещь. Холодная и без малейшего уважения к публике, которую высокоталантливый плагиатор убежденно почитает безграмотной и беспамятною дурою. Очень может быть, что он и прав, но — сам-то автор,

как всегда, невежествен, и зрелище получается довольно противное: перед неграмотною Настасьей Панкратьевной Брусковой сидит полуграмотный Харлампий Мудров[2] и самодовольно стращает дуру жупелом и металлом, и оба два ничего не понимают, что говорят, но сладостно замирают от страха непостижимостей. Его пессимизму — фунтов двадцать пять, да и то — с обвесом. Но сорт, хотя и публикуется за первый,— не так чтобы: со шварой! Дело торговое-с... Сойдет!

В самом деле, дорогие, удерите, плащом прикрывши пол-лица, покуда Иллария Владимировна не исчезла еще с горизонта кавийского в Питер! Это не возьмет ни времени, ни денег, а, право, будет не худо.

До свидания. Всего Вам хорошего.

Мир всем.

Ваш Ал. Амф.

Датируется по предшествующему письму.

[1] Отдельное издание пьесы «Анатэма» вышло в свет в октябре 1909 г. (одновременно в изд-ве «Шиповник» и изд-ве Ладыжникова). Но литературным кругам Петербурга и Москвы пьеса была известна с начала 1909 г. в связи с тем, что Андреев передал ее в МХТ (премьера состоялась 2 октября 1909 г.). 18 февраля 1909 г. Андреев читал свою пьесу в Москве, на заседании «Среды»; в апреле 1909 г.— критикам и актерам у литератора Ф. Н. Фальковского. Летом 1909 г. Андреев вел переговоры о постановке пьесы также и в петербургском Новом драматическом театре (премьера состоялась 27 ноября 1909 г. Подробнее об этом см.: *Андреев Л.* Пьесы. М., 1959. С. 574—580). Актер Павел Васильевич *Самойлов* (1866—1931) принимал в 1908—1909 гг. деятельное участие в организации и работе этого театра. Проводя лето 1909 г. в Италии, Самойлов встречался с Амфитеатровым и читал ему «Анатэму». Амфитеатров поторопился написать об «Анатэме» в очередной «Записной книжке» для «Одесских новостей». См.: *А—Г*, п. от 24 сентября 1909 г., прим. 2.

[2] Персонажи из пьесы А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье» (1855).

80. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Кави ди Лаванья.⟩ 1909.VIII.30

Дорогой Алексей Максимович.

Посылаю Вам (извините!) письмо, полученное мною от некоторого В. Островского, и копию с ответа, мною ему отправленного[1].

Фу, какая, однако, лужа на этом милом Капри! Кстати, о другом гусе, в оной плавающем. Это — что же? Так, значит, из Вашего кабинета и попер с докладом? Мил.

Я сейчас в потопе работы.

Вы мне ничего не ответили насчет Бурцева. Я ему на днях писал, чтобы он не спешил и что необходимо до начала дела редакционно спеться, а для того лично перевидаться и обстоятельно потолковать. Но сегодня, из письма его к Герм⟨ану⟩ Ал⟨ександровичу⟩, вижу, что он ни меня не понял, ни дела, которое предпринимает, не понимает. Я его спрашиваю: какие у Вас материалы — а он толкует о статьях. Черта ли в том, что мы будем разводить антицаристскую фразеологию? Что Горький, Бурцев, Амфитеатров не питают к царю нежных чувств, это и без издания революционной газеты известно. А о фундаменте и системе пропаганды, которую будет вести «Общее дело»[2], никакого толка от Б⟨урцева⟩ не добьешься. Только две твердые точки: есть деньги и — долой царя. Маловато!

Вы, конечно, уже знаете о том, что объявлен провокатором Воскресенский (Попович). Но сейчас произошло нечто еще более ужасное: уличена и созналась в Берлине Жученко[3], пользовавшаяся таким доверием в партии, что организационное бюро требовало назначения ее секретарем! Страшнее всего возможность, что жертвою этой Жученко безвинно погибла, по неправому подозрению в провокации, недавно застрелившаяся Белая[4]. Хотя суровые скептики говорят, будто — обе хороши!

Разозлился я недавно на шарлатанскую «Песнь песней» Эфроса и Розанова и, кажется, начав с сего, напишу серию изобличений поддельной науки, эпидемически свирепствующей ныне в виде книг с картинками, а паче с приват-доцентскими пр. знаменитыми именами. «Историю русской литературы», изданную Сытиным[5], читаю, так просто руками развожу. Источников-то даже и не трогано! Можете Вы поверить, что ни в статьях о народном творчестве, ни в статьях о первых начинаниях повести и романа, ни в статьях о демонологии эта компания знатоков ни словом не обмолвилась про повесть о Соломонии Бесноватой![6] Чего нагородил С. Городецкий, прямо стыдно. Сердито буду писать.

Корректурищи давят!

До свидания, дорогой. Всего Вам хорошего. Сердечный привет Марии Федоровне, чадам, домочадцам, палате, воинству, а в школе — строителям честного храма сего.

Будьте здоровы! Ваш А. А.

[1] Речь идет о п. В. В. Островского Амфитеатрову от 27 августа 1909 г. (*АГ*). Амфитеатров направил Горькому копию своего п. Островскому от 30 августа 1909 г. (*АГ*).

Журналист В. В. Островский, живший в это время на Капри, опубликовал в газ. «Тифлисский листок» две статьи о жизни Горького на Капри. Статьи имели явно клеветнический и провокационный характер. Автор стремился скомпрометировать Горького в глазах русского общества, давая материал для усилившейся в это время «полицейской травли» писателя.

В письме, адресованном Островскому, Амфитеатров писал: «Из Вашего же собственного изложения корреспонденций этих ясно следует, что в негодовании своем Горький был совершенно прав, так как быт его Вы изобразили совершенно фантастически, не озаботившись проверкою того, что Вы пишете,— словом, зачем-то превратили корреспонденции в памфлет, да еще незаслуженный и лишенный фактического основания. Содержание этой корреспонденции и роль, которую она может сыграть в жизни Капри, несомненно провокационные (...)» (*АГ*).

В упомянутом письме Островский отрицал принадлежность ему двух других «корреспонденций», напечатанных в «Русском слове» за подписью W.

[2] Издание не было осуществлено.

[3] Зинаида Федоровна *Жученко* (Гернгросс) — член организации эсеров, провокатор. В 1905 г. Жученко вошла в состав московского областного комитета эсеров и участвовала в эсеровских конференциях. В 1909 г. была разоблачена Бурцевым. В связи с разоблачением Жученко Горький писал Е. П. Пешковой: «Вероятно, на тебя произвело отвратительное впечатление дело Жученко?» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 72).

[4] Сведений о Воскресенском и Белой найти не удалось.

[5] В «Истории русской литературы» С. Городецким была написана седьмая глава, посвященная образам русских народных сказок. См.: *А—Г*, п. от 14 августа 1909 г., прим. 10.

[6] Позже Амфитеатров написал ст. «Соломония Бесноватая. Человеческий документ XVII века» (сб. «И черти и цветы», СПб., изд-во «Энергия», 1913).

81. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 1 или 2 сентября 1909 г.)

Дорогой мой Амфитеатр Александрович — о Бурцеве — верно: съехаться и поговорить подробнейше.

А то — царь! Эка важность.

Об Островском: благодарю вас за ответ ему, это прежде всего. Он чувствует себя, как видно, ужасным скорпионом — укусил Горького. Но не во всякое место укусить лестно, думается мне. Мутит он тут и будет мутить — что ж? Всякий делает, что может,— чёрт праведника тревожит, червь — покойника гложет, вообще люди — ложь множат — ух! какая мизантропия! Это — от Жуковского[1], коего читаю с напряжением всех сил.

Затевается здесь какой-то скандал и колония. Собственно— колония затевается для скандала, хотя скандал уже начат. Двадцать пять колонистов даже письмо в газеты послали, и я в том числе, хотя письмо это, как и вся затея, не по вкусу мне[2].

Видимо, придется уехать отсюда, очень жаль, право!

Но ежели заведутся Островские и W. и Z.— так уж надобно ретироваться. О-вский, конечно, врет, писание W. я на его, О-вского, актив не возлагал. И не мог, ибо знаю, кто эта буква.

Занят — по уши. Теперь у нас учеников 14, скоро прибудут еще 3 [3].

Кланяюсь вам, Ил‹ларии› Вл‹адимировне›, Гер‹ману› Ал‹ександрови›чу и всем, иже с вами.

А какую вы мне еретицкую книгу хотели прислать? Забыли! Эх, вы!

На днях у вас, вероятно, будет А. А. Богданов. Пока — промолчите о сем факте.

О провокаторах — ничего не знаю.

Жду «Былого» [4].

Жму руку

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 30 августа.

[1] Речь идет о поэте Василии Андреевиче *Жуковском* (1783—1852). В это время Горький готовил курс лекций по истории русской литературы для слушателей каприйской школы. Одна из первых лекций была посвящена возникновению и развитию романтизма в русской литературе и его виднейшему представителю Жуковскому. См. в кн.: *Горький М.* История русской литературы. М.: ГИХЛ, 1939.

[2] В п. к Е. П. Пешковой (29 авг./11 сент. 1909 г.) Горький сообщал: «Жить здесь мне трудно стало: клевещут на меня со всех сторон и всячески мешают работать. Завелась здесь какая-то полицейско-хулиганская история — несколько лиц, во избежание вполне возможного скандала, решили послать письмо в газеты, предупреждая итальянцев о возможном скандале» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 72). Есть основания предполагать, что обращение с письмом в газеты не состоялось. Во всяком случае, сведениями о подписании Горьким упомянутого письма *АГ* не располагает.

[3] Речь идет о слушателях каприйской школы.

[4] Речь идет о № 9 и 10 «Былого».

82. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

‹Кави ди Лаванья. Начало сентября 1909 г.›

Дорогой Алексей Максимович.

Был у меня А. А. Богданов. Жаль, что я не могу быть полезен школе курсом русской истории. Очень уж, знаете ли, ответственная штука, чтобы взяться так сразу, без подготовки, тем более пред аудиторией, дисциплинированной в другом мировоззрении. Последнее условие, наверное, готовит лектору непрерывную дискуссию, а следовательно, необходимо иметь арсенал свой не только богатым, но и в порядке. Шлепнуться не хотелось бы, а уж ведь был пример, как говорит А. А., что «лектора протестовали», на манер неудачного тенора. Готовиться же совершенно некогда. Пишу роман и должен сдать первый том его к 1/14 октября. Называться будет «Люди девяностых годов» [1]. Сверх того, жена скоро уезжает, и дом, следовательно, останется на моем попечении. Так что в этой серии школы я могу быть ей полезен только материально, о чем и разстараюсь в возможно большем количестве, а лекторское участие надо перенести на будущее.

Ал. Ал. был очень мил. Впечатление — как всегда: жалостливое и немножко бредовое. Я, знаете, привык верить Шопенгауэру: «кто ясно мыслит, ясно выражается». Пред гениальностью, которую нельзя постичь без высшей математики, я безмолвно отступаю со смирением профана. Не особенно счастливо живется ему, должно быть,— это вот сильно сказывается.

Какую книгу я позабыл Вам прислать? — «Девичью память вином залила»...

Провел у меня два дня Рутенберг [2]. Очень хорош и прочен. От мании преследования освободился, подозрительность и неврастению избыл, про-

изводит впечатление сильное и рабочее. Всем нашим замечательно понравился.

Теперь поджидаю из Парижа Ченыкаева [3]. Знавали, поди, в Саратове?

До свидания. Сердечный привет дорогой Марии Федоровне. Всего хорошего Вам обоим.

Каково пишется?

Посылаю Вам мое возражение Ежову о Чехове. Очень уж меня обозлил Ежов [4].

Еще раз — будьте благополучны! Крепко обнимаю Вас.

Ваш Амфитеатров

Датируется по упоминанию ст. Амфитеатрова о Н. М. Ежове. См. прим. 4.

[1] В окончательной редакции роман получил заглавие «Девятидесятники».

[2] Петр Моисеевич *Рутенберг* (1876—1942) — видный член партии эсеров, инженер. После убийства в 1906 г. Гапона Рутенберг (бывший организатором убийства) эмигрировал из России. В мае 1907 г. (под конспиративной кличкой Василий Федоров) впервые приезжал на Капри.

[3] Владимир Дмитриевич *Ченыкаев* (1855—1918) — врач, эсер.

[4] Николай Михайлович *Ежов* (1862—1942) — литератор. С 1896 г. постоянный московский фельетонист «Нового времени». Был хорошо знаком с Чеховым, пользовался его покровительством, переписывался с ним. Амфитеатров имеет в виду воспоминания Ежова «Антон Павлович Чехов. (Опыт характеристики)», напечатанные в «Историческом вестнике» (1909, № 8), в которых сказалось недоброжелательное отношение их автора к Чехову. Амфитеатров выслал Горькому свою статью, напечатанную в «Одесских новостях» (1909, № 7897, 23 авг./5 сент.).

83. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. 24 сентября 1909 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Давно от Вас ни слуха, ни духа. Я работаю в 120 лошадиных сил. Сегодня уехала Иллария Владимировна в Россию, и я на 81 день один остаюсь стражем пенатов своих. Ужасно это неудобно. Хотелось бы и к Вам на Капри, и в Софию, где, по-видимому, затевается также нечто вроде научных курсов, но с более широкою программою, т. е. на общеобразовательном начале. А главное, в Софии зреют дела, и дела важные [1].

Сидим с Германом Александровичем вдвоем в огромном доме и чувствуем себя горошинами в пузыре.

Слышали Вы о курьезе, который вызвала моя статья об «Анатэме»? «Свет» по ней вообразил, что я присутствовал на чтении пьесы в Москве, и забил тревогу о бессилии полицейского надзора [2]. Провинциальные газеты подхватили — и пошла писать губерния.

Вчера опять пришлось ругать Ежова [3]. Этот господин слишком уверен, что я в переезде из Сибири в Париж и пр. растерял свой архив [4]. Иллария Владимировна пришлет мне бумаги из Питера. И жалко мне этого Ежова, а придется сильно его обидеть.

От Кулакова получил послание, из коего чувствую, что Ваше и мое письма относительно «Шиповника» его весьма смутили [5]. Тем лучше.

Думаю, что сейчас, если глаза вынесут, я буду заниматься часов по 14 в день, ибо больше и делать нечего. Романа написано семь глав [6]. К 1/14 октябрю с первым томом опоздаю, но к 15/28 поспею, вероятно. Боюсь только, что выходит не столь роман, сколь трактат о пользе травосеяния.

Как здоровье Марии Федоровны? Как она поживает? Отрастила бы себе еще руку и написала бы, что ли!

Тетрадку частушек посылаю.

Потерял я одного из лучших друзей своих: в Петербурге умер мировой судья П. П. Мельников [7]. Хороший был человек. Один из тех безмолвных сочувствователей, которым движение многим обязано.

А другого друга, кажется, утратил заживо. Айзман за что-то столь вызверился на меня, что даже убежал отсюда, не счел нужным проститься. О причинах глубоко недоумеваю.

До свидания. Всего Вам и Марии Федоровне хорошего. Напишите, как живется и работается.

Ваш Амфитеатров

Датируется по упоминанию о ст. Амфитеатрова, написанной 12/25 сентября 1909 г., и по содержанию письма.

[1] См. п. Горького от апреля, после 10, 1909 г., прим. 7.

[2] «Записная книжка» об «Анатэме» была напечатана в «Одесских новостях» (1909, № 7903, 30 авг./12 сент.). В связи с этим газ. «Свет» (выходила в Петербурге с 1882 по 1917 г.) опубликовала заметку «Рекорд бдительности» (1909, № 232, 3/16 сент.), в которой выражалось негодование по поводу бездеятельности московской полиции, якобы проглядевшей приезд в Москву «политического преступника» Амфитеатрова. В «Записной книжке» (Одесские новости. 1909. № 7920. 20 сент./3 окт.) Амфитеатров иронизировал: «„В Одесских новостях“ и в „Киевской мысли“ были переданы телеграммы негодования петербургского „Света“ против московской полиции за то, что она не арестовала меня, когда я побил „рекорд нахальства политических преступников“,— „явился в Москву и присутствовал на чтении новой пьесы другого молодца из той же шайки, Леонида Андреева“».

В следующей статье Амфитеатров объяснил, что слушал «Анатэму» в исполнении артиста П. В. Самойлова и что в Москве в последний раз был 1 мая 1904 г. (Одесские новости. 1909. № 7925. 25 сент./9 окт.).

[3] 12/25 сентября Амфитеатров вторично писал о выступлении Ежова («Записная книжка» — Одесские новости. 1909. № 7920. 20 сент./3 окт.). Он обвинял Ежова в неблагодарности по отношению к Чехову, который «всегда говорил о г. Ежове с приязнью и доброжелательством истинной дружбы». Обе статьи Амфитеатров включил в т. 14 Собрания сочинений, где опубликованы другие статьи об А. П. Чехове: «В посмертные дни», «Вишневый сад», «Цветы „Вишневого сада“», «Роман Чехова» и др.

[4] О судьбе своего архива Амфитеатров писал в предисловии к публикации писем Чехова к нему (Энергия. 1913. № 1. С. 238).

[5] См.: *Г — А.* П. от августа, не ранее 18, 1909 г., прим. 3.

[6] Роман «Девятидесятники».

[7] Петру Петровичу Мельникову посвящен сб. Амфитеатрова «Житейская накипь» (СПб., изд-во «Общественная польза», 1904) и IX том Собрания сочинений (вышел под названием «Дождя отшумевшего капли»), куда были включены некоторые статьи из сб. «Житейская накипь».

84. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Сентябрь, не ранее 26, 1909 г.)

Александр Валентинович — когда писать? Поглощает часы жизни моей школа[1], как сорока прожорливая хлопотливых мурашек, и приехал Кон⟨стантин⟩ Пет⟨рович⟩ Пятницкий, с коим я говорю, говорю, говорю![2]

Ах, хороший это народ, который из поповского звания! Устойчивый, жиловатый народище! Вот я — негодовал на К. П. и вслух, и мысленно, а приехал он, гляжу я на него: крепонький такой булыжничек, и сам крокодил нильский зубенки свои должен обломать об него. Чудесная фигура, хотя и кунктатор. Люблю человиков, кои никогда и никому не дают себя в обиду. Мало таковых.

Ну а школа, разумеется, вызвала в Париже вулканическое возмущение: как — школа? А мы, генералы от с.-д., где же? возопил истерический интеллигент и начал «дискуссию» — сиречь — идиотскую болтовню. Господи — скушно! И противно! И жалостно! Хочется ругать людей сих поносными словами — некогда да и бесполезно. В чем, в чем, а в ругани они и сами паче базарных торговок преуспели[3].

Какие же дела в Софии затеваются?[4] Эх, кабы вы, милостивейший мой государь, да явились сюда вкупе с Германом Александровичем попить несколько белого вина и потолковать с Пят. и мною, вечерочка два-семь?! Картина!

К тому же погода здесь пущена — удивительнейшая! Тишина и винцом попахивает в голубомто воздухе вечеров здешних.

Мне Кулаков не отвечал[5]. И Елпатьевский тоже не отвечал. Боюсь — обидел я его? А Крачковского обидел — с уверенностью могу сказать. В этом маленьком человеке спрятан большущий нахал, говоря между нами[6].

Статью об «Анатэме» не читал — пришлите![7] Да нет ли у Вас и Ежовой статьи? Пришлите. Все это мне надобно знать. А вам — прочитать повесть Карен Михаэлис «Девочка» в сборнике Маркса «Фиорды» № 1. Да и 2-й тоже чтите. Да и девочка! Давно я не читал столь мучительной вещи, да и читал ли когда-либо?[8]

И как будто девочка эта — душа моя! Что общего, думаю? Ищу — нет ничего. Но — как будто душа моя! Нет, хорошо пишут скандинавы, люди самого края земли, и вам, сир, надобно их читать. Вот — явитесь, а я вас обложу скандинавской литературой, а вы о ней напишите русским языком статью, хорошую, толковую статью о бестолковых людях!

К. П. ПЯТНИЦКИЙ
Фотопортрет. Капри, 3 ноября 1910 г.
Архив Горького, Москва

Пишете? И я.

О том, что «Свет» писал — не знаю. Тоже хочу знать.

А книжку вы мне обещали о ведьмовстве, чародействе[9]; и даже записано вами это обещание, по просьбе моей, в некую малую и сильно потертую книжечку.

Пятницкий однажды сказал, что на пути обратном он к вам заглянет. Ну, тогда уж и я с ним.

Пока же — до свиданья! Берегите глаза.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 24 сентября 1909 г.

[1] Речь идет о каприйской школе. М. М. Коцюбинскому Горький писал 28 сентября 1909 г. о своей «каторжной» жизни в это время: «...работы несть конца! Школа, где я читаю две лекции в неделю по литературе,— а к ним надобно готовиться...», и дальше: «Приехавшая сюда рабочая публика — чудесные ребята, и я с ними душевно отдыхаю ⟨...⟩ были в Неаполитанском музее, в старых церквах, в Помпее, будем и в Риме. Хорошо они смотрят, хорошо судят, и — вообще — хорошо с ними демократической моей душе!» (*XXIX*, 97).

[2] Горький и Пятницкий занимались делами изд-ва «Знание», составлением новых сборников. Пятницкий записал в дневнике: «С 1 по 10 ⟨сентября 1909 г.⟩ все время уходит на разговоры о делах» (*АГ*). В п. Коцюбинскому Горький сообщал: «К. П. Пятницкий приехал, и я с ним принужден просмотреть всю работу „Знания“ за девять лет — не шутка!» (*XXIX*, 97).

[3] В письме отразилось тяжелое настроение Горького, вызванное положением дел в каприйской школе и отношением к ней Большевистского центра в Париже. См. вступ. ст. Н. И. Дикушиной.

[4] См. п. Горького от апреля, после 10, 1909 г., прим. 7.

[5] В ответ на предложение П. Е. Кулакова принять участие в работе журн. «Общественная польза» Горький писал 7 сентября 1909 г.:

«Уважаемый Петр Ефимович! — За предложение Ваше — спасибо, а принять его — не могу. Почему?

Если Вам угодно знать — я откровенно скажу, что мой „образ мысли" не помешал бы мне делать культурное дело, но мое отношение к святой русской литературе не позволяет мне становиться в ряд с людьми из „Шиповника", ибо большинство их — а дрянной старичок Тетерников особенно — в моих глазах не литераторы, а нигилисты, авантюристы, циники — больные, наконец.

Резко и грубо? Что ж делать? Справедливо ведь! Не могу я принять Сологуба, даже не отрицая достоинств „Мелкого беса". Для меня Рочестер-Крыжановская — образованней,— а главное — искреннее его.

Блока тоже не принимаю: талантлив, это вне спора, но — „О, родина! Жена моя!" — что это такое?

А тут еще Морозов — „бог тарамбах", „дадим ли нефть и мы" и — наконец — Бенуа!

Вы, мне кажется, ошибаетесь, полагая, что с этими людями можно создать журнал беспартийный — они все же резко тенденциозные люди! Разве партийность — только политика? Она — весь круг идей, среди коих современный духовно голый человечек пляшет свой агонический танец — смертный танец,— пляшет и воет истошным голосом.

Извините меня — мне кажется, что ваше начинание едва ли жизненно, едва ли культурно. А что оно откроет многим вредным людям путь во глубь страны нашей — это, временно, возможно. Но — не надолго.

Ибо — слагается новая душа, растет новый литератор, я это знаю, ибо — я вижу это. Ему-то, новому, и принадлежит будущее.

Еще раз — извините, коли задел как-либо лично вас: поверьте это не входило в намерения мои.

Передайте мой сердечный привет Сергею Яковлевичу, старому романтику, крепко любимому мною.

Не будь с вами „Шиповника" — порекомендовал бы вам нескольких беллетристов, без имени, но не без талантов. А с „Шиповником" они не пойдут.

Всех благ. А. Пешков» (*АГ*)

Кулаков ответил 2/15 октября 1909 г. «Ваше отношение к этому делу,— писал Кулаков,— совпавшее с многочисленными отзывами лиц, мнение которых для нас дорого, заставило меня отказаться от союза с „Шиповником"» (*АГ*).

[6] Крачковский был у Горького на Капри в конце июля 1909 г. (*XXIX*, 94). Он предложил для *сб.* «*Знания*» рассказ «Необыкновенный человек». Этот рассказ Горькому не понравился. 17 сентября 1909 г. обиженный Крачковский писал ему: «...своим холодным и снисходительным отношением ко мне — Вы будите мое самолюбие, и я считаю себя вправе сказать Вам, что мне это неприятно...» (*АГ*).

О Крачковском Горький сообщал Елпатьевскому (в авг. 1909 г.): «Был у меня недавно Крачковский — о, господи! Увидал „Тарантас" Соллогуба — очень удивился. „Не читал, говорит, этого!" А посмотрев год издания — (18) 45-й, ушами начал двигать от изумления — как? Автор „Навьих чар" (...) А вот Гейне — читал он и даже переписал его „Идеи", назвав их „Необыкновенный человек"...» (*XXIX*, 94). 7 сентября 1927 г. Горький известил Сергеева-Ценского: «...Крачковский — жив, печатается в эсеровской „Воле России", стал не так манерен, каким был, но все еще — с претензиями на мудрость. Мистик от разума. Лет 15 тому назад я его видел, он тогда был чудовищно невежественным и напыщенным человеком...» (*XXX*, 33).

[7] Горький постоянно интересовался творчеством Андреева, и в частности его пьесой «Анатэма». В начале января 1909 г. он просил Ладыжникова: «Получив „Анатэму" Леонида, пожалуйста, пошлите мне корректуру, я знаю тему этой вещи, любопытно, что он с нею сделал». В мае 1909 г. он благодарил Ладыжникова: «...сердечное спасибо за „Анатэму", рукопись я отправил Вам вчера. Читали коллективно, не понравилась нам эта вещь. Когда Вы ее напечатаете — пожалуйста, пришлите экземпляр мне...» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 186, 193).

В *ЛБГ* хранится экземпляр «Анатэмы» (изд-во Ладыжникова) с пометами Горького, а также экземпляр пьесы (Шиповник, СПб., 1909) с надписью Горького:

«В этой драме — все прекрасно!
Только — все извращено.
Все смешное в ней — ужасно,
Все ужасное — смешно».

(*ЛН.* Т. 72. С. 45)

[8] В августе 1909 г. Горький получил первый и второй сб. «Фиорды». См. список книг для посылки на Капри 18/31 июля в *АГ* и *ЛЖТ* (вып. 2, с. 87). В первом сб. «Фиорды» — «Наше царство. Датские, норвежские, шведские писатели» (пер. А и П. Ганзен, СПб., изд-во А. Ф. Маркса, 1909) — опубликованы: повесть К. Михаэлис «Девочка» — о больной, умирающей 15-летней девочке, тяжело переживавшей отчуждение между отцом и матерью; роман норвежского писателя Й. Бойера «Наше царство». Во втором сб. «Фиорды» — «Ледник» (СПб., изд-во А. Ф. Маркса, 1909) — напечатаны: Й. Бойер «Сила веры», Э. Григ «Мой первый

успех (автобиографический очерк)», И. В. Йенсен «Ледник. (Мифы о ледниковом периоде и первом человеке)» и др.

В *ЛБГ* хранятся также сб. «Фиорды» № 6, 7 (с пометами Горького) и 9 (*Описание*). Горький с большим вниманием следил за современной скандинавской литературой. В п. Л. А. Никифоровой (май 1910 г.) он писал: «...скандинавы — интереснее и серьезнее всех в наши дни» (*XXIX*, 114). В *АГ* хранится незаконченная ст. Горького о романах Й. Бойера (*АГ*). Его переписку с Бойером см.: *Арх. Г.* Т. VIII. С. 282—284.

[9] О какой книге идет речь, установить не удалось. В *ЛБГ* хранится несколько книг «о ведьмовстве», некоторые из них с пометами Горького: *Леманн А.* Иллюстрированная история суеверий и волшебств от древности до наших дней / Пер. с нем. Изд. Петерсена под ред. В. Н. Лина. М.: изд-во «Книжное дело», 1900. IX—XII; *Мишле Ж.* Ведьма/ Пер. с франц. под ред. В. Фриче. М.: изд-во «Современные проблемы», (б.г.). VIII (с пометами Горького); *Фишер В.* История дьявола / Пер. с нем. О. В. Григорьевой под ред. В. В. Битнера. СПб.: изд-во «Вестник знания», 1907; *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903 (Этнограф. бюро В. Н. Тенишева); ⟨*Прыжов И. Г.*⟩ Двадцать шесть московских лжепророков, лжеюродивых дур и дураков. М.: изд-во Н. Баркова, 1864; ⟨*Чулков М. Д.*⟩ Абевега русских суеверий, идолопоклоннических простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч. М.: изд-во Ф. Гиппиуса, 1786; и др. (*Описание*).

Эти книги, по-видимому, были нужны Горькому в связи с работой над «Окуровским циклом».

85. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Кави. Конец сентября — начало октября 1909 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович.

Прилагаемые двести франков — в школу. В скорости еще пришлю. Увы! Куда мне ехать! Когда не пишу, то няньчу.

Вот уже три недели не приемлю напитков, что не спасло меня вчера от хорошего припадка молодой, но многообещающей подагры.

Рад, что К. П. Пятницкий к Вам приехал, и все добро зело, то есть безвредно и прекрасно. Буду ждать вас обоих с нетерпением, хотя вы, изверги, надуете всенепременно. А как бы умственно сделали бы Вы, кабы поспешили. Эс-эр сейчас весь разъехался, так что словопрений и учительных свиданий Вам никаких не угрожает. Поспешили бы, покуда не наехало новых. Знаете — свято место пусто не бывает, как говорю я, когда в духе, и было бы болото, а черти найдутся, как лаюсь, когда не в духе.

Иллария Владимировна, конечно, будет в отчаянии, не застав К. П. в Петербурге.

Андреев разобиделся на меня смертно и жалуется интервьюерам в тоне грустно-минорном, вроде — и ты, Брут![1] Пришлось написать фельетон[2], который ему, вероятно, весьма не понравится, хотя писал я его с самыми доброжелательными намерениями и чувствами. А Вам пришлю все эти писания, как только получу из Одессы.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Поклон Константину Петровичу. Приезжайте же!

Марии Федоровне сердечный привет.

Ваш А. А.

Датируется по содержанию.

[1] Речь идет о ст. «Вечер волшебства у Л. Андреева» (Новости сезона. 1909. № 181. 17/30 сент.), в которой Л. Андреев жаловался на торопливость критиков: «Моя „Анатэма“ еще не вышла в свет, а ее уже бранят, и меня „ликвидируют“. Амфитеатров обвиняет меня в плагиате одинаково и у Шекспира и у ... Семена Юшкевича. Но, помилуйте, ведь пьесы еще нет, ее никто не читал, она не поступила в продажу».

[2] Амфитеатров ответил на выступление Л. Андреева в «Записной книжке», опубликованной в «Одесских новостях» 26 сентября/ 9 октября (№ 7925).

86. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Октябрь, не ранее 18, 1909 г.)

Да не получил же я вашего ответа на жалобы Леонида! [1]

А в «Одесских» уже «читатель» ратует против вас — ну, и надо же его, дикаря, выпороть вам! [2]

Субботний фельетон пришлите — дело это для меня живое и важное [3]. Пожалуйста!

А. Пешков

Датируется по упоминанию статьи за подписью «Читатель». См. прим. 2.

[1] «Ответ на жалобы Леонида» — «Записная книжка» от 26 сентября/9 октября 1909 г.

[2] В ст. «Так нельзя», подписанной «Читатель», автор защищал творчество Андреева от резкой критики Амфитеатрова и писал: «...есть великие таланты, делающие стоящей нашу читательскую жизнь,— и к ним принадлежит Л. Андреев: такие таланты даже бранить надо коленопреклоненно...» (Одесские новости. 1909. № 7928. 30 сент./13 окт.). Амфитеатров возразил Читателю в «Записной книжке» (Одесские новости. 1909. № 7943. 18/31 окт.). См. следующее письмо.

[3] «Записная книжка» Амфитеатрова в 1909 г. печаталась в «Одесских новостях» по субботам.

87. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna. 1909.X.25

Дорогой Алексей Максимович.

Книжку получил [1]. Большое спасибо.

Скопились у меня дела и обстоятельства столь многочисленные и спешные, что прямо не понимаю, когда я живу. Не то что 48, 72 часов мало! Поэтому простите и попросите от меня прощения у Марии Федоровны, что не писал и теперь пишу мало и скверно.

По случаю царского проезда мы проводим здесь жизнь, окруженную шпионами (поставлены с полною откровенностью — семь штук) и секретным дознанием. Елена Ивановна Горелова воспользовалась одним маленьким недоразумением, чтобы устроить в префектуре скандалец, при коем ей удалось видеть мое incartamento, сиречь по-французскому dossier. Толстое!

Написал о «Лете» преогромную статью и отправил ее в Киев. Первая — думаю [2]. Другую напишу для Одессы [3]. Больно уж хороша штука! По стильной выработке, по великому спокойствию мысли и слова это положительно лучшая Ваша вещь.

Относительно землетрясения — не берусь судить. Как отдача долга признательности за гостеприимство эта книга произведет отличное впечатление за границею. Но итальянцев Вы, конечно, перехвалили [4]. Сам их очень люблю, но Вы уж очень-очень!

Сопоставление случая Феррера и наших русских дел наводит меня в 1001-й раз на грустные мысли о нашей совершенной отчужденности в Европе. Протестовать против единичного расстрела в Испании, принимая и чествуя величайшего убийцу мира сего, Николая Второго, нельзя сказать, чтобы красиво было и последовательно, с идейной точки зрения. А по-домашнему понятно [5].

Феррер — свой, человек романской цивилизации, а мы — чужие. В лучшем случае — скифы Анаксагоры, чтимые в качестве редкостных экземпляров, что и варварам не чужда мудрость, в худшем и обыкновенном — скифы просто. Я внимательно следил за 10-ю органами итальянской печати по поводу приезда царя и вынес отвратительнейшие впечатления. Правое свинство меня нисколько не трогает, но левое лицемерие немыслимо подло. Начистоту поставленный вопрос встретил в генуэзской газете «Il Secolo XX»:

— Что вы,— говорит,— орете против приезда царя? В 1903 году не пустили его в Италию, он рассердился и не утвердил льготных ставок на оливки и масло. А ежели сейчас его примут хорошо, то наша оливка заполонит Одессу. Одна Генуя получит выгод на 1 000 000 фр. в год. Вот вы так и скажите тем, кто подбивает вас на «сентиментальные демонстрации».

Так и сказали. Омерзительное зрелище! Вы знаете, что я не пессимист. Но обманывать себя не люблю. Так или иначе, царь свое сделал и уезжает торжествующий, а г. Виктор Умбертович Эммануилов-Савойский [6] (хорошая фамилия для провинциального актера) получил урок, что, при достаточном количестве штыков, можно проделывать какие угодно фокусы, не опасаясь крика социалистов. Да и крик-то дался, знаете ли, как один мальчик здешний про детей моих говорил:

— Что Максим и Роман делают?

— Орут.

— Отчего же не слыхать?

— Они тихо орут.

Вот баварцы — утешили, так утешили! Это — цивилизация. Это — логика. Молодцы. Вот Вы всё выбирали место, куда перебраться, буде Капри бросать придется. Уж что же лучше Мюнхена или Нюренберга? Я на следующую зиму туда обязательно переберусь.

Почему эсдеки так долго медлят с распубликованием своего Азева — доктора Баррита? По этому поводу ходят смешные слухи [7].

С Андреевым опять приходится возиться из-за Читателя, о коем Вы писали мне. Очень неприятно. Леонид Николаевич в самом деле вообразит, что я против него что-нибудь лично имею, тогда как, кроме искреннейшего уважения к его таланту, иных чувств по его адресу никогда не питал. А если на месте, где может расти пшеница, вдруг поднимается чертополох, как не прийти в горе?

Работы — до ужаса, а выбился из хорошей колеи. Очень тормошат и мешают.

До свидания, дорогой. Будьте здоровы и веселы. Кланяйтесь Вашей школе. Всего Вам хорошего.

Ваш Амфитеатров

Марии Федоровне сердечный привет. Завтра буду ей писать из Флоренции, куда еду на день, буквально затем, чтобы голову в одиночестве в порядок привести.

[1] Кн. «Землетрясение в Калабрии и Сицилии».

[2] См. следующее письмо, прим. 1.

[3] См. там же.

[4] Амфитеатров имеет в виду данную Горьким в кн. «Землетрясение в Калабрии и Сицилии» восторженную характеристику итальянского народа, его мужества и сплоченности.

[5] Осенью 1909 г. в Италии, в Раккониджи, состоялось свидание Николая II с итальянским королем Виктором-Эммануилом III. Россия и Италия договорились о противодействии дальнейшей австрийской экспансии на Балканах и сотрудничество в осуществлении собственных территориальных притязаний (История дипломатии. М., 1963. Т. II, гл. 19).

Визит Николая II в Италию почти совпал по времени с казнью испанского ученого, республиканца Франциска Ферреры, который был обвинен в руководстве восстанием. После того как Ферреру оправдал гражданский суд, военный суд приговорил его к смертной казни. Король Альфонс XIII отклонил прошение дочери Ферреры о помиловании. Смертный приговор вызвал возмущение во всех европейских странах. В русских газетах широко освещались отклики иностранной печати на казнь Ферреры.

[6] Речь идет об итальянском короле *Викторе-Эммануиле III* (1869—1947).

[7] В 1909 г. В. Л. Бурцев объявил провокатором меньшевика Барита. После опубликования беседы с Бурцевым парижского корреспондента «Утра России» Н. М. Минского Л. Дейч обратился с письмом в редакцию газ. «Речь», в котором заявил, что «все его обвинения против Барита основаны на показаниях продажного французского агента» (Речь. № 348. 19 дек. 1909 г./1 янв. 1910 г.). В январе

1910 г. в Париже состоялся суд, в состав которого вошли меньшевик Л. Г. Дейч, эсер М. А. Натансон и Ч. (фамилия не была раскрыта, возможно В. М. Чернов). Н. М. Минский, выступивший свидетелем на суде, отметил «существование какой-то глухой и глубокой розни между Бурцевым и революционными партиями» и писал о нежелании революционных партий раскрывать дело Барита (Киевская мысль. 1910. № 5. 5 янв.). О Барите (Батушанском) см. также Г—Л, п. 2, прим. 2.

88. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Конец октября, не ранее 29, 1909 г.)

Прочитал Вашу, дорогой А. В., статью о «Лете» [1], уж очень Вы хвалите! Я даже конфузился, читая. Мне не кажется, что вещица удалась — можно было бы сделать гармоничнее. Беда в том, что задавлен я обилием материала и тороплюсь, а — это нехорошо.

Вот и опять захотелось написать повесть — помните:

Господи — помилуй нас!

Жить нам — неохота — ? [2] начал, написал четыре листа, вышло не то, чего хотел, а — необходимо печатать. Оказывается, что у меня «ужасно много нет денег». Работаю, яко каторжанин, и сидя, и стоя.

Посылаю письмо Благушина: хороший, серьезный парень. Коли возможно — помогите ему [3].

На днях получу «Анфису» [4]. «Общ‹ественная› польза» издала Премирова — ах, какой досадный человек! [5]

Кланяюсь и крепко жму ручищу. Составили три сборника, скоро выйдут, думаю, что два — конфискуют [6]. Сколь утешительно думать сие!

А. Пешков

Датируется по времени публикации ст. Амфитеатрова в «Киевской мысли». См. прим. 1. Приводим другую редакцию первого абзаца письма Горького Амфитеатрову, не отосланного адресату, по автографу, поступившему в *АГ* от В. А. Десницкого:

«Прочитал вашу — А. В., статью о „Лете“: уж очень вы хвалите,— в меру ли? Не рисуясь, говорю: примись я за это дело сейчас вот — было бы лучше написано „Лето“! Есть в нем места сомнительного достоинства, и — весьма есть.

Будете еще писать — укажите: старичок-то Кузин — старые психические пружинки растеряв — новых не приобрел и — скрипит. И — почему все старичок? Везде старичок?» (*АГ*).

[1] Повесть Горького «Лето» издана в конце 1909 г. в изд-ве Ладыжникова, в Берлине, и в XXVII *сб.* «*Знания*» почти одновременно (с цензурными сокращениями). См.: *9*, 572—578. Горький работал над повестью в октябре—декабре 1908 г. и весной—летом 1909 г. «Десять месяцев работы — и „жемчужина“»,— писал Амфитеатров (Одесские новости. 1909. № 7953. 12/25 нояб.).

В «Записной книжке» (Киевская мысль. 1909. № 281. 11/24 окт.) Амфитеатров писал о «Лете» «...Душа Горького – высший очаг любви к человечеству. Он, как и герои „Лета“, из тех, „кто ничего не боится“. Но любви же его — „за человека страшно...“».

Обе статьи вошли в Собрание сочинений Амфитеатрова (т. 22).

[2] Речь идет о повести Горького «Городок Окуров», первая часть повести была закончена в сентябре 1909 г., опубликована в XXVIII *сб.* «*Знание*» (1909).

Стихотворение Симы Девушкина — одного из персонажей повести «Городок Окуров» (*10*, 14).

[3] О ком идет речь, установить не удалось.

[4] Драма Андреева «Анфиса», впервые опубликована в альманахе «Шиповник» (1909, кн. 11). В сентябре 1909 г. Горький просил Ладыжникова: «...Пришлите „Анфису“, если получили...» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 198). Премьера «Анфисы» состоялась в Петербурге, в Новом драматическом театре 10/23 октября 1909 г.

[5] Михаил Львович *Премиров* (1878—1933?) — писатель. Рассказы «Немые дали» опубликованы в художественно-литературном сб. «Чайка» (Казань, 1909); Отдельное издание: СПб., изд-во «Общественная польза», 1910.

[6] Очевидно, Горький имел в виду XXVII, XXVIII и XXIX *сб.* «*Знания*» (вышли в нояб. и дек. 1909 г. и февр. 1910 г.). В конце октября 1909 г. Горький писал Е. А. Пешковой: «Ты скоро увидишь — я не преувеличиваю: выйдут три сборника: в одном „Лето“, в другом — „Шпион“, в третьем „Городок Окуров“ — повесть только что законченная мной» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 76—77). Однако продолжение «Жизни ненужного человека» («Шпион») в них не публиковалось,

хотя в том же письме к Е. П. Пешковой Горький сообщал: «Надо было сделать „Шпиона" цензурным,— противнейшая работа» (Там же). Повесть «Лето» была напечатана с большими купюрами. Горький, чтобы избежать конфискации сборника, обращался за помощью к О. О. Грузенбергу. См.: Г—Гр, п. 6.

89. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Кави. Ноябрь, не ранее 5, 1909 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович, я пробовал петь «Впереди у нас леса» [1] на голос чудесной каприотской канцонетты, которую мы слушали, сидя на террасе у Тихоновых в чудесную лунную ночь [2]. Очень хорошо выходит.

«Лето» я излюбил, крепко. Вы мне его не браните! Я буду о нем писать и еще, и еще. Ибо эта вещь — «в стороне от большого света», сиречь от накатанных рельсов к рынку, твердому с 40-х годов, и десятки российских Валентинов (помните, есть такой лакей у Гончарова в «Слугах») будут негодовать: зачем нет ничего непонятного? [3]

С Леонидом Николаевичем договорился, кажется, до конца «Записною книжкою» о Леониде Андрееве. II», которую получите в будущий четверг или пятницу. Получаете ли Вы «Од⟨есские⟩ нов⟨ости⟩»? Они клянутся и божатся, что Вам посылают с 1/14 октября.

Да, ужасно много нет денег, и ради того приходится делать глупости и торопливости. Кажется, я сейчас на стезе к одной из таковых — и преогромной.

Благушину пишу. В Америке ничего не могу сделать. Друзей моих, колонию Сахарова, побил мороз (не примите за метафору), и там полное разорение [4].

Прочитал «Красную звезду». Сколь ни убедительно рассказывает Ал⟨ександр⟩ Ал⟨ександрович⟩ о достоинствах своего героя, никак не мог понять, зачем марсианам понадобилась такая ходячая сопля?

В прелести Нэтти тоже плохо верю, ибо должна напоминать рыбку «японский телескоп» [5]... Вообще, как у Лескова княгиня Протозанова критикует [6], «Уэльс вострее писал» [7].

«Анфисы» не читал. О Премирове я писал когда-то в сборнике «Издали». Его студенческая повесть была ужасна, но — прелюбопытный человеческий документ [8].

Радуюсь за «Знание», что составили три сборника (беллетристические, уповаю? Ибо философским свойственно повергать меня в уныние — за что?!), и горюю, что меня в них не будет.

С «Общ⟨ественной⟩ пользой» я — прощаюсь, ангел мой, с тобою!

Когда Вы наконец приедете?

Мы с Г. А. стареем, седеем и боимся повторить мифологию греческую: в ней кто-то от ожиданий, лет через двести, превратился в цикаду. Вот — приедете, а вместо нас двоих, два преогромных кузнечика скачут...[9] Табло *.

Покуда что купаюсь.

Ил. Вл. в Питере. Обступили ее разные издатели. Соперничества много, а денег ни у кого нет. Предложения каждый день новые, но — рассрочки, отсрочки и пр. и пр.

А мне — «темную сумму» надо.

До свидания, дорогой! Сердечный привет М. Ф. Будьте веселый и скорее пишите повесть свою.

Ваш А.

Датируется по упоминанию ст. Амфитеатрова об Андрееве в «Одесских новостях» (1909, № 7943, 18/31 окт.).

---

* картина (*фр.*).

[1] Строка из стихотворения слободского поэта Симы Девушкина («Городок Окуров» — *10*. 14).

[2] В Италии и Франции XV в. канцонетта — несложная, многоголосная, а позднее одноголосная песня, близкая к народной.

Упоминаются В. А. и Е. В. Тихоновы.

[3] Неточная цитата из первого очерка И. А. Гончарова «Слуги прошлого века. (Из домашнего архива)» — «Валентин» (Нива. СПб. 1888. № 1). На вопрос: «Зачем же ты читаешь?» — Валентин отвечает: «Если все понимать — так и читать не нужно: что тут занятного».

[4] О какой колонии Сахарова пишет Амфитеатров, выяснить не удалось.

[5] Леонид и Нэтти — герои утопического романа А. А. Богданова «Красная звезда» (СПб., т-во художников печати, 1908).

[6] Н. С. Лесков «Захудалый род. Семейная хроника князей Протозановых. (Из записок княгини ВДП)»; княгиня Протозанова — персонаж «Хроники» (*Лесков Н. С.* Собр. соч. М., 1957. Т. 5).

[7] Амфитеатров сравнивает «Красную звезду» Богданова с «Войной миров» Г. Уэллса.

[8] Амфитеатров писал о рассказе М. Л. Премирова «Большая жизнь» (из быта русского студенчества в Юрьеве) в ст. «Пятна на солнце» — сб. «Издали. Наброски эмигранта» (М., книжн. маг. Д. П. Ефимова, 1908, с. 186—214).

[9] Вероятно, имеется в виду древнегреческий миф о богине утренней зари Эос, которая попросила у Зевса для своего супруга Титона бессмертие, но забыла попросить вечную молодость. Несмотря на все ее усилия, Титон состарился и сделался сверчком (Гомеровские гимны IV в.// Эллинские поэты / Пер. В. Вересаева. М., 1929. С. 220—224, 232).

90. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Декабрь, не ранее 4, 1909 г.)

Дорогой мой Александр Валентинович — телеграмма ваша мною получена [1], но смысла ее — не понимаю, хотя это уже 17-я телеграмма по данному поводу [2]. Все спрашивают меня — в чем дело? — я же ничего не знаю. В немецком «Vorwärts» — напечатано, что меня смешали с Герциком и что весь этот шум имеет провокационный характер [3]. М. Ковалевский предлагает страницы «Вопросов жизни» для моих объяснений с партией — а что я объясню? [4] «Рус‹ское› слово» [5], «Киевские вести» всё меня дергают; являются интервьюшники и, вытаращив глаза, смотрят на меня, видимо сравнивая, похож ли я на Азефа? И еще, и проч. и т. под. Разные деликатнейшие люди шлют депеши: верим, пишут, что вы все-таки порядочный человек!

От всей этой канители у меня образовался насморк. Заниматься ею — не хочу, некогда мне. Пускай пишут что хотят, где хотят, как хотят, а у меня — работа! Роман! С любовью! В уездном городе — вы понимаете? Сосновый лес. Воинский начальник! Казначей! Городовой! Чумацкие песни!

Не шутя говорю — все это для меня так интересно, что я дрожу над бумагою, как мальчишка, и точно только что начал писать. Слов мне надобно нежных и простых — тысячи! Гневных и смешных — тысячи! Рожицы предо мною денно и нощно стоят эдакие уездные, а — тут депеши! [6]

К чёрту!

А Герману Александровичу [7] передайте мой горячий привет и скажите, что прошу его о дне приезда на Капри известить меня, дабы я его встретил. Верую, что он не откажется остановиться на вилле Spinola, где есть много комнат и мало людей. Соблазните его музыкой, коли он таковую любит, музыканта покажу хорошего! Каторжными песнями угощу, ей-богу! Ах, хороши!

О школе надо бы вам написать, но так как ведь и Вы с Г. А. приедете сюда не надолго — то не пишу. Имейте в виду — дом — пустыня, живут в нем 4 души: я, Мария, Зиновий, Пятницкий и — tutti! *

---

* всё (*итал.*).

А? Неужто не приедете? Не верю.
Жму руку.

Ваш А. Пешков

Датируется по упоминанию статьи редакции газ. «Vorwärts» от 2 декабря 1909 г.

[1] Телеграммой, которую упоминает Горький, *АГ* не располагает.

[2] Газ. «Утро России» поместила 15/28 ноября 1909 г. (№ 34) заметку «Исключение М. Горького из партии с.-д.», вызвавшую многочисленные отклики в русских и иностранных газетах. Горький выступил в печати с опровержением (Биржевые ведомости (веч. вып.). 1909. № 11434. 25 нояб./8 дек.). В газ. «Утро России» 26 ноября/9 декабря 1909 г. (№ 42) было напечатано письмо редакции «Пролетария»: «В Вашей газете от 15 ноября напечатаны две статьи об исключении М. Горького и еще нескольких лиц из РСДРП.

Убедительно просим Вас напечатать в ближайшем номере Вашей газеты, что все сказанное об исключении М. Горького и других лиц из с.-д. партии не соответствует действительности.

Ваша газета, видимо, стала жертвой какой-то мистификации.

Редакция „Пролетария“».

20 или 21 ноября (3 или 4 дек.) Ленин писал М. И. Ульяновой: «Получил сегодня номерок „Утра России“ с пошлым вздором насчет Горького. Вот уже несколько дней, как некоторые газеты в Париже („L'Eclair“) и в Берлине („Berliner Tageblatt“) упражняются в подобном же вранье. На днях одно хорошее опровержение этого сплошного вранья они получили от „Vorwärts'a“, где было весьма справедливо показано и весьма остроумно рассказано, какая это все сплошная нелепость и выдумка» (*В. И. Ленин*. Т. 55. С. 298).

В своей ст. «Басня буржуазной печати об исключении Горького» (Пролетарий. 1909. № 50. 28 нояб./11 дек.) Ленин вскрыл источник и цель этой сплетни (*В. И. Ленин*. Т. 19. С. 153).

[3] «*Vorwärts*» («Вперед») — центральный орган германской социал-демократической партии. выходил с 1876 до 1900 г. под редакцией В. Либкнехта. Газета была закрыта в 1933 г.

В приложении к газ. «Vorwärts» (1909, № 281, 2 дек.) была помещена заметка «Сенсационная новость» — опровержение клеветнических слухов об исключении из рядов партии М. Горького. В ней говорилось, «что вся эта история от начала до конца вымышлена и что в ней нет ни на волосок правды», далее высказывалось предположение: «...если корреспондент „Берлинер Тагеблатт“ не стал жертвой какого-нибудь шутника из кругов русских товарищей, то он, вероятнее, всего, чуточку напутал, смешав всемирно известного писателя *Горького* с неким *Герциком*, который был обвинен в „провокации“ и исключен из рядов русской социал-демократической группы в Женеве».

16 декабря 1909 г. (№ 293) газета поместила новое опровержение: «Недавно под этим заголовком мы опровергали сообщение, согласно которому *Максим Горький* якобы был исключен из русской социал-демократической партии. Теперь официальное представительство наших русских товарищей за границей просит нас опубликовать следующее заявление по этому делу:

„В части иностранной и русской прессы все еще циркулируют кем-то упорно и широко распространяемые слухи об исключении известного писателя Максима Горького из нашей партии. В связи с этим мы заявляем, что все эти сообщения *без исключения и полностью основаны на неправде*.

Не менее ложным является и слух, согласно которому Горький сам в письме Центральному комитету заявил о своем выходе из партии.

Мы обращаемся с просьбой ко всем газетам, перепечатавшим ложное сообщение, опубликовать вышестоящее заявление.

С партийным приветом

Заграничное бюро Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии“» (пер. с нем. С. В. Рожновского).

[4] Максим Максимович *Ковалевский* (1851—1916) — историк, юрист, политический деятель.

«Вопросы жизни» — по-видимому, описка Горького. Ковалевский был членом редколлегии журн. «Вестник Европы».

[5] 18 ноября/1 декабря Пятницкий в дневнике записал о получении Горьким телеграммы от «Русского слова»: «Правда ли, что вы исключены из партии»,— и его ответ: «Мне ничего не известно» (*АГ*).

[6] В декабре 1909 — начале января 1910 г. Горький работал над третьей частью «Окуровского цикла» «Большая любовь». Однако эта часть осталась незавершенной (*10*, 748—752).

Отрывок под заголовком «Из повести „Большая любовь“» был напечатан в сб. «Белый цветок» (Полтава, 1912) и в газ. «Правда» (1910, № 1, 1 янв.).

[7] Г. А. Лопатин.

91. АМФИТЕАТРОВ – ГОРЬКОМУ

(Кави. Декабрь, не ранее 7, 1909 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

К Вам поехало большое письмо с преогромною седою бородою, поэтому на сем листке изобразить остается мало [1]. Очень я жалею, что с романом Вашим не могу познакомиться, как с «Летом». Кстати сказать, статья моя о «Лете» перепечатана великим множеством провинциальных газет. Сейчас я занимаюсь тем, что пишу на Вас пасквили. Один называется «Perpetuum mobile», а другой — «Жертвы общественного внимания, или Людоедство на острове Капри» [2]. Но думаю, что злоба моя сим не удовлетворится. «Утро России» предлагает мне Париж, в настоящее время занятый Н. М. Минским [3]. Поэтому я и телеграфировал Вам, в ответ на письмо Марии Федоровны, не зная ничего насчет исключения, это надо спросить Минского, так как он парижский представитель «Утра России», которое начало весь этот шум. Я в Париж не желаю, и газета мне, по воспоминаниям, не нравится, а по начинаниям в возобновлении тем паче.

Читал сейчас «Милых людей» В. Тихонова [4]. Ужасно плохо. Из такого же материала, как Скальковский [5]. Впрочем, я сейчас о плохом письме просто не смею разговаривать, ибо «Девятидесятники» [6] мои — всесовершенная дрянь, а дописывать их буду с отвращением, ибо вторым томом поправить первого уже невозможно. Все сие сознание радости в душе предполагает немного.

Приезжайте на Святки! Иначе продам себя на елку для детей. Подумайте, сколько на меня можно навешать!

До свиданья. Всего Вам хорошего. Сердечный привет Марии Федоровне.

Ваш А. Амфитеатров

Датируется по содержанию, а также по дате окончания Амфитеатровым фельетона «Perpetuum mobile»: «1909, XII. 07» н. с.

[1] *АГ* не располагает письмом, о котором упоминает Амфитеатров.

[2] В фельетонах Амфитеатрова «Perpetuum mobile» (Одесские новости. 1909. № 7984. 5/18 дек.) и «Жертва общественного внимания, или Людоедство на острове Капри» (Киевская мысль. 1909. № 336. 6/19 дек.) высмеивались слухи, распространявшиеся русскими и зарубежными газетами по поводу так называемого исключения Горького из партии.

[3] *Н. Минский* (псевдоним Николая Максимовича Виленкина) (1855—1937) — поэт, корреспондент газ. «Утро России» в Париже, после революции 1917 г. на родину не вернулся.

[4] *Тихонов В. А.* Милые люди: Комедия в 4 д.// Театр и искусство. СПб., 1909. Кн. II.

[5] Константин Аполлонович *Скальковский* (1846—1906), автор известной кн. «О женщинах. Мысли старые и новые», а также работ о балете: «Балет, его история и место в ряду изящных искусств» и др.

[6] «Девятидесятники» Амфитеатрова — вторая часть задуманной хроники 1880—1910 гг. под общим названием: «Концы и начала» («Девятидесятники». I том — «Московские осколки», II том — «Подруги»).

92. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Декабрь, не ранее 9, 1909 г.)

Милый Александр Валентинович —

поистине праздникам праздник и торжество из торжеств для души моей — видел Г. А. Лопатина! [1] Впечатление — чарующее, огромное, радостное — как будто именно его-то и ждала с тоской душа лет тридцать, и вот он пришел, чародей сказочный. Конечно — я человек преувеличенный и притом весьма ушиблен жаждой героя — ну да, ну да! — но знаете что? Только один Л. Толстой действовал на мое чувствилище столь гран-

диозно, только с ним беседуя — чувствовал я такую радость и гордость за человека, за нашу родину.

Какое дивное лицо у его души, как он чувствует красоту, этот 23 года во гробе заключенный человек [2], и как ясно, безумно хорошо понимать, что «его щя воскресшего много будет».

Надобно, чтобы он написал записки, автобиографию [3], не напишет — ограбит бедную Русь, которая стонет и воет и страдает и не умеет радоваться.

Пишу — так, без связи, потому что очень уж рад и очень хочется поделиться радостью этой с вами.

Крепко жму руку.

А. П.

Вы его рассказы запоминаете?

Записывать надо бы!

Всего доброго, хороший мой.

ГОРЬКИЙ И Г. А. ЛОПАТИН

Фотография Ю. А. Желябужского. Капри. 9—13 декабря 1909 г.

Музей Горького, Москва

Датируется по записи в *Дн. Пятницкого* о дне приезда Лопатина на Капри — 26 ноября/9 декабря.

[1] С 9 по 13 декабря 1909 г. Лопатин гостил у Горького на Капри. См.: Г — Л, «Из „Дневника Пятницкого"».

[2] Лопатин в 1887 г. был заключен в Шлиссельбургскую крепость пожизненно. Освобожден из заточения в 1905 г.

[3] В январе 1906 г. В. В. Водовозов обратился к Лопатину с просьбой сообщить краткие биографические сведения для энциклопедического словаря Брокгауза — Ефрона. Лопатин написал Водовозову два письма, в которых изложил свою биографию. Они опубликованы в кн.: *Лопатин.*

Стихи Лопатина см. также в кн.: Поэты-демократы 1870—1880-х гг. Л., 1968.

93. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри, 31 декабря 1909 г.)

Большой товарищ Амфитеатрофф!

Будучи понуждаем со всех сторон напоминаниями, характер императивов категорических имеющими,— обращаюсь к вам с вопросом — когда можете?

Ибо — считая от сего дня — через две недели надобно ехать из П. в Р.

Надеюсь, что все сказанное мною достаточно конспиративно: ведь совершенно нельзя понять, кто куда идет, зачем идет и причем тут вы — не правда ли?

Читали — с удовольствием — написанное вами о корреспондентах и громогласно хохотали. Нам особенно понравилось: «он его посадил на кол» [1]. Это превосходно: и трогательно, и правдиво. Ах, это самое милое занятие между товарищами — сажать друг друга на колья. Я был посажен не единожды, а в последний раз — особенно крепко. Но — не теряю надежды, что буду и еще посажен, так что, вероятно, это один из предпоследних разов.

Жду ваша рецензията на «Городок Окуров» — я теперь с аннексированными боснянами и разными славянами все беседую [2],— это отражается на языке.

Вчера возвратился из путешествия в Неаполь по морю: пароход шел на корме, подняв нос в небо,— вид гордый, но для пассажиров — унизительное положение! [3]

Некоторые вывертывались наизнанку не хуже графа Бобринского в деле Карпова [4].

Не возможно ли прочитать писание ваше о «Людоедстве на о-ве Капри»? Буде оно написано?

А что же 9-десятников не присылаете, «Знанию» сказано, чтобы вам посылались все новые книжки.

Как живете?

Я к вам не приехал — это факт. Ибо — не могу. Мне хочется лечь и лежать 13 лет, читая разные умные книжки.

Всего доброго!

Быть русским человеком — нелегкая должность, уверяю вас, хотя вы и сами это знаете.

А. Пешков

Приписка М. Ф. Андреевой:

Низко кланяюсь дорогому другу Александру Валентиновичу, детей целую.

Любящая Вас Мария

Датируется по фразе: «Вчера возвратился из путешествия в Неаполь...» См. прим. 3.

[1] Горький цитирует фельетон Амфитеатрова «Perpetuum mobile».

[2] О ком пишет Горький, установить не удалось.

[3] С 27 по 30 декабря 1909 г. Горький пробыл в Неаполе (*АГ*).

[4] Полковник Карпов — начальник охранного отделения в Петербурге — 3 декабря 1909 г. был убит взрывом бомбы. Убийство Карпова организовал А. А. Петров, в прошлом народный учитель, член партии эсеров, проникший на службу в охранку. Петров был арестован, приговорен к смертной казни. Его мемуары были переправлены за границу и напечатаны Бурцевым в «Былом» (1910, № 13; см. также Г–Л). О деле Карпова, широко освещавшемся в печати, был сделан запрос в Думу. Горький имеет в виду выступление графа В. А. Бобринского на заседании Думы по поводу дела Карпова (см.: Речь. 1909. № 344 и 346, 15/28 и 17/30 дек.).

94. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. 1 или 2 января 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Книжки Герм⟨ану⟩ Ал⟨ександровичу⟩ переслал [1]. Очень я счастлив, что Вы так сошлись. Приехала Ил⟨лария⟩ Вл⟨адимировна⟩, что дало мне возможность послать Луначарскому 500 фр., о которых была телеграмма от школы [2]. Надеюсь вскоре быть Ротшильдом на полчаса, но не обещаюсь, так как Ил. Вл. привезла данные весьма грустные. Мечтал, что приедете на праздники — но «он шутил, ведь он шутил!» В январе будет у меня здесь Федор Ив⟨анович⟩ и очень просит устроить так, чтобы сие совпало с Вашим приездом, на который уповать не перестаю. На юг ему в этот раз, он боится, не удастся попасть.

Б. Лазаревский [3] просит меня похлопотать, не дадите ли чего в сборник, издаваемый в пользу семьи покойного Башкина [4], оставшейся в самом жалком положении. Хлопочу.

Тормошусь сейчас со всякою святочною канителью. Надежда свалить с себя все эти радости оптовым получением лопнула. Вместо продажи сочинений в одни руки получился только договор о преимущественной покупке их том за томом в «Просвещении» [5], так что даже не разберешь, что́ я получил — право или обязанность. А нельзя было не согласиться. На рынке паника.

«Лето» встречено в России несомненно хорошо. Говорят, ругается Дорошевич и подлаял что-то скромный Измайлов [6], но это — «батюшка, проклянн мою ниву! твое проклятие пуще навоза!» Провинция сейчас важнее столиц, а она откликается на «Лето» дружно и хорошо.

Secolo * через Рутенберга предлагает мне взять руководство русским отделом [7]. Это могло бы быть большим делом, с крупными политическими последствиями. Я дал свою программу, но ответа покуда не имею.

До свидания, дорогой А. М.! Вступаем в европейский Новый год! Авось, будет лучше предыдущего? Последнему хоть за Карпова спасибо! порадовал на отходе.

Сердечный привет и лучшие пожелания Марии Федоровне, З. А. и всем добрым каприйцам! Prosit Neujahr [2]*, как говорят немцы.

Всего хорошего и счастливого!

Ваш Ал. Амфитеатров

Простите чумазость! Это результат уверений, что чернильный карандаш — то же, что перо и чернила!

Датируется по фразе: «Вступаем в европейский Новый год!»

[1] Горький послал Лопатину свои книги «Мать» и «Лето» с дарственными надписями в Кави на адрес Амфитеатрова, но Лопатин находился в это время в Париже. Амфитеатров переслал их туда (Г—Л, п. 1).

[2] Организаторы каприйской школы создали фонд из добровольных взносов общественных деятелей и литераторов. Амфитеатров обещал дать в фонд школы 1500 франков. Очевидно, в связи с окончанием деятельности каприйской школы и необходимостью отправки слушателей в Россию создалось затруднение с финансами. См.: *А—Г*, п. от первых чисел января 1910 г.

[3] Борис Александрович *Лазаревский* (1871—1931) — беллетрист. Горький считал его писателем бесталанным (*XXIX*, 215). В 1901 г. Горький отклонил просьбу Б. Лазаревского напечатать в «Знании» сборник его рассказов (*XXVIII*, 213).

[4] Василий Васильевич *Башкин* (1880—1909) — писатель, сотрудничал в «Журнале для всех», «Русском богатстве» и др. В *АГ* хранится п. Горького Башкину (апр. 1909 г.):

«Дорогой г. Башкин —

спешу возвратить вам рукопись. Прочитал — не понравилось, извините меня! Не понимаю я — должно быть — современных настроений, и кажется мне, что нам пишут как бы сквозь сон. Для меня жизнь — симфония, создаваемая гением-музыкантом; диссонансы ее строго и стройно мотивированы, даже и диссонансы» (*АГ*).

В сб. «Огни. Литературный альманах памяти В. Башкина» (СПб., изд. «Нового журнала для всех», 1910) вошли ст. Арцыбашева и Олигера памяти Башкина, а также рассказы Телешова, Гусева-Оренбургского, Айзмана и др.

Т. I и III «Рассказов» В. В. Башкина вышли в 1909—1910 гг. в изд-ве «Общественная польза», а т. II — в 1910 г. в изд-ве «Звено».

[5] «Просвещение» — петербургское изд-во, существовало с 1896 до 1918 г., основано Н. С. Цетлиным. «Просвещение» издавало серии «Всемирная библиотека», «Современная библиотека». В серии «Современная библиотека» с 1910 по 1916 г. издавалось Собрание сочинений Амфитеатрова в 37 томах.

[6] Повесть Горького «Лето» вызвала многочисленные отклики в печати, в большинстве своем положительные. Однако были и критические отзывы. Так, А. Измайлов называл Горького «иллюстратором партийного катехизиса» (Русское слово. 1909. № 284. 11 дек.). Позже М. Кузмин писал, что Горький, «будучи членом партии, не мог взглянуть объективно» на деревню (Аполлон. 1910. № 4, янв.);

---

* век (*итал.*).

2* С Новым годом! (*нем.*).

К. Чуковский считал, что Горький «„измыслил" крестьян, как ранее „измыслил" своих босяков» (Речь. 1910. № 58. 28 февр./13 марта). См. также: *9*, 577—584.

Горький писал Е. П. Пешковой: «...„Лето" — ругают с напряжением, достойным более серьезной цели. Никто из критиков, видимо, не мог одолеть книгу, и мотивы, почему она написана,— никому не ясны. Странно, все, что бы я ни написал,— трактуется как моя вера, мое credo. Предрекаю: скоро из богостроителей меня переведут в чин националиста. И нисколько не удивлюсь, если прочитаю, что я — черносотенец...» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 82).

[7] «*Il Secolo XX*» — миланская газета, выходила с января 1902 г. по 1914 г. Горький советовал Амфитеатрову сотрудничать в «Il Secolo XX». См. п. от 15 и после 17 января 1910 г.

95. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. Первые числа января 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Ой, как жду «Города Окурова»!

«Девятидесятников» еще сам не получал. Да что!

Как я Вам уже писал, я послал Луначарскому для школы 500 фр., о чем уведомил и Ал. Ал. Богданова. Вчера, в ответ на сие, я получил письмо от г. Алексинского [1], начертанное наглейшим тоном генерала, распоряжения отдающего этак фельдфебелю, что ли. Отвечать сему синьору я не намерен, а Ал. Ал. выразил свое совершенное удивление, что он ставит и себя, и меня в такие милые позиции. Мне было очень трудно послать эти 500 франков, и получать за них выговор от какого-то чуж-чуженина совсем не входило в мои расчеты. Так как в письме говорилось о большой нужде учеников школы, то я нагреб и отослал на имя Покровского еще 250 франков, оставшись сам без всяких денег для 1-го января. Очень меня удивило, что деньги надо посылать не на Капри, а в Париж. С какой они, ученики, стати туда вдруг попали? Если правда, что школа туда переведена, как здесь уверяют, то жаль, что меня раньше о том не предупредили <...>

Ждал я Вас в Кави гораздо усерднее, чем евреи Мессию, ибо они теперь перестали ждать, а забавляются сионизмом. «Людоедство» напечатано в «Киевской мысли». Ведь она же, помнится, получается на Капри?

Ждал, не приедет ли к русскому Рождеству мой старший московский сын, да не смог послать ему денег на передвижение, так из этого ничего и не вышло [2].

Ил. Вл. все грозится, что скоро разбогатеем, но я становлюсь бесстрашен и на угрозы гордо улыбаюсь.

Я нечаянно книгу о чертях написал. Ей-богу! [3]

Думаю, что живу в Кави последний год. Довольно пустыни. Желаю ходить по улицам, разговаривать с людьми, имеющими какие-либо интересы, кроме провокаторов открытых, откровенных и имеющих быть открытыми, сидеть в кафе, слушать музыку, и пр., и пр., и пр.

От Германа Ал. письма ки-и-слые. Бурцев едет в Америку только 5-го января, если только опять не продаст билета.

Написали Вы что-нибудь для них? [4] Я пишу о курсистканских записках, да что-то ничего не выходит.

Когда Пятницкий едет в Россию? Побывал бы по пути!

До свидания. Сердечный привет Марии Федоровне! Желаю Вам всего хорошего. Всем поклон!

Ваш А. Амфитеатров

Датируется по фразе: «Бурцев едет в Америку только 5-го января...»

[1] Григорий Алексеевич *Алексинский* (1879—1967) в годы революции 1905—1907 гг. примыкал к большевикам, член социал-демократической фракции II Государственной думы. После поражения революции, в годы реакции,— один из организаторов и участников фракционной группы «Вперед», каприйской школы, актив-

ный антиленинец. В 1918 г. эмигрировал, занимал антисоветскую позицию. Подробнее о нем см.: *Арх. Г.* Т. XIV. С. 33.

[2] Владимир Александрович *Амфитеатров-Кадашев* (1889—?) — сын Амфитеатрова от первого брака, журналист, переводчик, автор кн. «Очерки истории русской литературы» (Прага, Славян. изд-во, 1922).

[3] Речь идет о кн. «Il Diavolo». Амфитеатров позднее, при подготовке кн. «Il Diavolo» для Собрания сочинений, объяснял, что книга эта «вышла из подготовленных работ» к роману «„Жар-цвет" и трагедии „Роберт-Дьявол", еще не бывшей в печати» (*Амфитеатров.* Т. 18. С. III).

[4] Имеется в виду газ. «Общее дело», в организации которой принимали участие Бурцев и Лопатин.

96. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 4 или 5 января 1910 г.)

«Окуров» вы должны бы получить, ибо конторе «Знания» сказано Пятницким, чтоб вам посылались все вновь выходящие издания. «Киевских вестей» * — не вижу, не получаю. А люблю смеяться и — очень хорошо смеюсь, читая ваши веселые шалости. Пришлите «Людоедство» — per favore! [2*]

Алексинский — жалчайшая личность, ибо он дегенерат и нигилист. На месте души у него помещен граммофонишко плохонькой фабрики и с очень ограниченным количеством пластинок — напетых не с первого голоса к тому же.

Из того, что пишете о школе, чувствую, как будто вам неведома склока, поднятая Парижем по сему поводу? Об этом много писано и печатано и на Капри и в Лютеции, и даже я лично и собственноручно подписывал некоторые бумажки. Зачем подписывал? Кереметь знает!

(Думаю, что Кереметь мордовский суть финский Вейнемейнен [1] и — пускай Плеханов еще раз назовет меня мистиком! а я буду открывать Америки.)

Мне не хочется писать о школе и о том, почему она поехала на реку Сену, и обо всем, с нею связанном [2]. Кратко скажу: померла моя надежда № 101-й.

Засим — чувствую я себя в чем-то виноватым пред вами, как будто, занимаясь самообманом, и вас вовлек в это занятие [3]. А вообще — сердечное спасибо вам за помощь делу, которое, продолжаю надеяться,— когда-нибудь даст плоды свои (надежда № 102-й).

Приехать, пишете вы, монсиньор! Я со стула съехать не могу. В спине у меня — осиновый кол. В голове — возня. Необходимо написать русскую девушку с большой любовью. Большая любовь — вы понимаете? — Это, м.б., то, чего не было, нет еще, но что должно быть. А я — никогда не писал о девушках и о любви.

«Окуров» в первой части совершенно не удался мне. Вторая — Кожемякин. Это коротенькая вещь. Третья — Большая любовь. Я могу написать о городе Окурове 10 томов.

Получил письмо от Г. А. [4] — как восхищает меня этот чудесный человек! Ну, если вы уедете в пивной город Мюнхен, так это же скучно будет!

Начнете тянуть баварское — хорошо ли?

О каких чертях книга?

Читали вы «Мертвую зыбь» Миртова, в «Русской мысли», август—декабрь? [5] Прочитайте, это не без таланта, и хотя в том же тоне, как «Бледный конь», но честнее, искреннее. Хорошо взять Сашеньку — Дедлова, Санина, Силина и поставить их в один ряд [6]. Прочитать пред этим сопоставлением книжку Фрейда «Психопатология обыденной жизни» —

---

* «Киевская мысль».

2* пожалуйста (*итал.*).

в ней очень интересно доказывается, что в психике человека нет ничего произвольного [7].

Пятницкий едет скоро, кажется. М. б., я с ним катну до вас. Мне ведь хочется. Зина [8] где-то в Генуе, ищет работы себе и — не находит.

До свидания пока! Пришлите «Людоедство».

Всех благ!

А.

Вот что: не известно ли вам какое-либо собрание — альбом, вернее,— эротических рисунков конца XVIII и первой половины XIX века — до 48 г.? Нельзя ли мне видеть или купить — такой альбом? Если это недорого, конечно. Сочинение — не надо, именно рисунки.

Цель: сравнить отношение к эротике буржуазии, времен ее здоровых настроений и тенденций, со вкусами наших дней. Путаная задача, но — мне бы надобно это сделать, и возможно скорее.

Если знаете художников — немцев или французов,— рисовавших на эротические темки,— назовите. А если имеется что-либо подобное — пришлите.

И — нет ли у вас чего-либо о драгоценных камнях, кроме Святского и Пыляева? [9]

Ратуйте!

А. Пешков

Считаю нужным сообщить, что на вас едет художник Пархоменко [10], он уже «написал 46 портретов рус<ских> писателей, в том числе Толстого и Короленко» [11]. Вот как! Представьте себе человека, который ловил-ловил блох и поймал «в том числе» Льва.

Храброе лицо!

Датируется по упоминанию о п. Г. А. Лопатина от 1—2 января 1910 г.

[1] Горький соединяет имена двух противоположных по своей сути мифологических образов: Керемет (или Киреметь) — в удмуртской мифологии творец зла; Вяйнемейнен (или Вейнемейнен) — главный герой карело-финских рун, творец мира.

Горький имеет в виду ст. Плеханова «О так называемых религиозных исканиях в России». Во второй главе статьи Плеханов критиковал «Исповедь». Высоко оценивая Горького как художника, он писал о его слабости как философа, теоретика, отмечая его зависимость от религиозных исканий Луначарского. В конце главы Плеханов иронически спрашивал: «Почему наш политический „Буревестник“ заговорил мистическим языком святоши?» (Современный мир. 1909. № 10. С. 201).

[2] В ноябре 1909 г. группа слушателей каприйской школы во главе с Михаилом Вилоновым выступила против ее фракционного характера и послала в редакцию газ. «Пролетарий» протест против антипартийного поведения лекторов школы. Вилонов и его товарищи были исключены из состава слушателей и уехали в Париж, где встретились с Лениным. Для них был организован цикл лекций. В. И. Ленин писал Горькому 16 ноября 1909 г.: «...вышло так, что кроме противоречия старой и новой фракции на Капри развернулось противоречие между частью с.-д. интеллигенции и рабочими-русаками, которые вывезут социал-демократию на верный путь *во что бы то ни стало* и что бы ни произошло, вывезут вопреки всем заграничным склокам и сварам, „историям“ и пр. и т. п. Такие люди, как Михаил, тому порукой. А еще оказалось, что в школе развернулось противоречие между элементами каприйской с.-д. интеллигенции.

Из слов Михаила я вижу, дорогой А. М., что Вам теперь очень тяжело» (*В. И. Ленин.* Т. 47. С. 219—220).

Противоречия в школе продолжали углубляться и привели к разрыву Горького с Богдановым и Луначарским. В декабре 1909 г. Луначарский и оставшиеся слушатели уехали с Капри (*Арх. Г.*).

[3] Амфитеатров оказывал школе материальную поддержку.

[4] П. Г. А. Лопатина от 1—2 января 1910 г.

[5] Роман О. Миртова «Мертвая зыбь» печатался в «Русской мысли» (1910, № 8—12). Отдельное издание: СПб., изд-во «Прогресс», 1909.

О. Миртов — псевдоним Ольги Эммануиловны Негрескул-Котылевой (1875—1939), внучки П. Л. Лаврова, идеолога революционного народничества, автора работы «Исторические письма», который выступал в печати также под псевдонимом Миртов.

[6] Сашенька — герой одноименного романа *Дедлова* (псевдоним В. Л. Кинга, 1858—1908).

Силин — персонаж романа О. Миртова «Мертвая зыбь».

Горький неоднократно сопоставлял произведения Ропшина, Арцыбашева, Дедлова-Кинга и Миртова, видя их внутреннюю связь — пессимизм, духовное обнищание, «печальное стремление попасть в тон победителю мещанину», называл их «антиреволюционными» (п. Н. С. Каржанскому — *ЛН*. Т. 72. С. 444).

Позднее Горький рекомендовал А. К. Воронскому создать кн. «История разночинца», которая демонстрировала бы деградацию героев, от «Сашеньки» Дедлова до «Санина» Арцыбашева: «...эта печальная история революционной немощи и одновременно история мучительных — а порою смешных — шатаний молодого человека около жизни, мне кажется, будет чрезвычайно поучительна для современной молодежи, равно и для начинающих литераторов» (*Арх. Г.* Т. X. Кн. II. С. 67, 68).

[7] Зигмунд *Фрейд* (1856—1939) — известный австрийский врач-психиатр, ученый-психоаналитик. Его кн. «Психопатология обыденной жизни» (М., изд-во «Современные проблемы», 1910) с пометами Горького хранится в *ЛБГ*.

[8] З. А. Пешков.

[9] Иван Иванович *Святский* (1857—1898). Имеется в виду его кн. «Драгоценные камни» (2-е изд., СПб., изд. П. П. Сойкина, 1902).

Михаил Иванович *Пыляев* (1842—1899). Имеется в виду его кн. «Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребления» (3-е изд., СПб., изд. А. С. Суворина, 1892).

Обе книги хранятся в *ЛБГ* (*Описание*).

[10] Иван Кириллович *Пархоменко* (1870—1940) — художник. В июле 1909 г. писал портрет Л. Н. Толстого, который Толстой находил «прекрасным» (*ЛЖТ Толстого*. С. 701; *Пархоменко И. К.* Три дня у Л. Н. Толстого // Сб. воспоминаний о Л. Н. Толстом. М.: Изд-во «Златоцвет», 1911. С. 135—157).

[11] Неточная цитата из п. Пархоменко Горькому от 19 декабря 1909 г. ст.ст. (*АГ*).

97. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. 7 января 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Прочитал наспех и залпом «Городок Окуров»[1]. Удивительную штуку Вы написали! Не знаю, что будет дальше, но — покуда — нравится мне даже больше «Лета». А Вы знаете, как я высоко «Лето» ценю! Все люди живые. И, что, извините, не всегда у Вас, женщины великолепны и правдивы. Неужели наконец-то настоящий русский народный роман иметь мы будем? Даже и не верится такому благополучию. Черт знает, сколько в Вас Алексея, тезки Вашего, Васильевича Кольцова насажено![2] Буду, ох, буду я писать об Окурове этом! Хороший, добротный городок. И без эрфуртской программы даже![3] Не сердитесь! Уж очень я Вас люблю, когда Вы изобразитель, а не школьный учитель. Ох, как это хорошо у Вас, когда Тиунов с Симою идут ночью, и у Симы, под говор Тиунова, стихи всё сочиняются[4]. И еще скажу: прав был Чехов, когда писал Батюшкову, что писать надо не по непосредственным впечатлениям, а по воспоминаниям[5]. Только историческая перспектива дает синтез, и, собственно говоря, каждый роман должен быть историческим, как «Война и мир», «Анна Каренина», «В лесах»[6], «Отцы и дети», «Николай Негорев»[7] и т. д.

Великолепно у Вас вступление в роман. Первая же чудесная фраза дает чисто глинкин аккорд и тон всему дальнейшему[8]. Я помянул «В лесах»: знаете Ваши два вступления схожи глубиною русского тона, а, по-моему, это значит взять ух какую большую крепость.

Вчера послал Вам «Девятидесятников». Мое мнение о сем произведении Вы знаете. К удивлению моему, критика, в лице Николая Петрова сына Ашешова[9], пропела тому сему дифирамб, коего до сих пор не удостоивались сочинения мои гораздо большего значения.

От Ал. Ал.[10] получил сейчас письмо и немедленно отвечаю.

Пишу в русское Рождество. На Новый год приезжает ко мне из Москвы старший мой сынище, парнище в 3 аршина ростом и тонкий, как жердь. Во вторник еду встречать его в Геную и ради сего отклонил даже путешествие в Сан Ремо, к Плеханову, давно обещанное.

Фельетон Дорошевича читал[11]. Могу сказать лишь, как Вы о Госсе[12]... Испортила мне штука эта целый день, словно с утра, по ошибке, навозной жижи напился. Пропал казак ни за что!

Усиленно изучал в последние дни чеховские письма, по новому изданию В. Брендера[13]. Уже имеете? Много нового и интересного.

Засим — работаю в четыре руки.

До свидания. Сердечный привет Мар. Фед. Всем, всем Вам обоим хорошего!

Ваш А. Амфитеатров

Датируется по содержанию.

[1] Первая часть повести Горького «Городок Окуров» была опубликована в XXVIII *сб. «Знания»* (дек. 1909 г.).

[2] Горького и поэта А. В. Кольцова Амфитеатров сопоставлял в статье о повести «Лето»: «...проза Максима Горького, стихи Кольцова. Разве это не единство настроения души, образности, святого слияния с природой...» (Киевская мысль. 1909. № 281. 11/24 окт.).

[3] Эрфуртская программа — первая марксистская программа с.-д. партии Германии, принятая в 1891 г. на партийном съезде в Эрфурте.

[4] Тиунов и Сима — персонажи повести «Городок Окуров».

[5] Федор Дмитриевич *Батюшков* (1857—1920) — историк литературы, критик. В 1897—1898 гг. редактировал русский отдел журн. «Космополис». 15/27 декабря 1897 г. Чехов писал Батюшкову: «...Вы выразили желание *в одном из Ваших писем*, чтобы я прислал интернациональный рассказ, взявши сюжетом что-нибудь из местной жизни. Такой рассказ я могу написать только в России, по воспоминаниям. Я умею писать только по воспоминаниям и никогда не писал непосредственно с натуры. Мне нужно, чтобы память моя процедила сюжет и чтобы на ней, как на фильтре, осталось только то, что важно или типично» (*Чехов*. Письма. Т. 7. С. 123).

[6] «В лесах» — роман Павла Ивановича *Мельникова* (псевдоним Андрей Печерский) (1818—1883).

[7] «Николай Негорев, или Благополучный россиянин» — роман Ивана Афанасьевича *Кущевского* (1847—1876).

[8] В 1928 г. в ст. «О том, как я учился писать» Горький заметил по поводу этой фразы: «...мне показалось, что я написал хорошо, но, когда рассказ был напечатан, я увидел, что мною сделано нечто похожее на расписной пряник или красивенькую коробку для конфет» (*XXIV*, 490).

[9] Николай Петрович *Ашешов* (псевдоним Ожигов А.) (1866—1923) — журналист, литературный критик, заведовал редакцией «Самарской газеты», работал в «Нижегородском листке», где сотрудничал Горький, с 1908 г. переехал в Москву, работал в газ. «Курьер», «Современное слово» и др. Положительный отзыв о «Девятидесятниках» Амфитеатрова см.: Современное слово. 1909. № 705. 16/29 дек.

[10] А. А. Богданов.

[11] Амфитеатров имеет в виду фельетон В. М. Дорошевича «Горький» (Русское слово. 1909. № 280. 6 дек.), в котором Дорошевич критиковал повесть «Городок Окуров».

[12] См.: Г—А, п. от 7 или 8 декабря 1908 г.

[13] Речь идет о Собрании писем А. П. Чехова (под ред. и с коммент. В. Брендера, вступ. ст. Ю. Айхенвальда; М., изд-во «Современное творчество», 1910, т. I).

98. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. 8 или 9 января 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

С неприятностью Вас:
получите рукопись. Принадлежит она Ивану Николаевичу Кашинцеву, он же Калина[1], имя которого Вам, вероятно, известно, ибо в революции оно довольно славно, а сделать его таковым же в беллетристике от «Знания» зависит. Непременно приезжайте с Константином Петровичем[2].

Как Зине не стыдно очутиться в Генуе, не побывав у нас, в Кави? Кстати сказать, нам тут дали хороший адрес для работы ищущих. Я скажу Ил. Вл., чтобы она его сообщила.

Прочитал Кнута Гамсуна. Хороший писатель. Супружеские пары, пожалуй, почище написаны, чем даже в «Крейцеровой сонате»?[3]

Слущайте! А Шоломов Ашей довольно! Ну, ей-богу же, довольно. Надоело это все — ну, пуще горькой редьки. Кассели[4] эти, не знающие русского языка. Старо — хуже, чем — как мир. Старо, как пять лет назад. И какое нам в конце концов дело?

Кондурашкина[5] не читал, восчувствовав священный ужас к человеку, пишущему на столь низких широтах, при столь низкой температуре столь возвышенным пером.

Миртова не читал и не видал, ибо «Русской мысли» не получаю. А кто это?

Книги из «Знания» получил, благодарю очень. Еще не читал.

Милицыну[6] в Киеве хвалят.

«Людоедство» увидите, значит, прямо в книжке.

О самых настоящих, рогатых. Видите ли, заказал я Елене Гореловой перевести книжку «Il Diavolo» Артуро Графа[7], потому что мне понравилось, как она написана. А когда она перевела, то оказалось, едва я стал редактировать, что в ней только и было хорошего, это превосходный итальянский язык, да схема фактов. Я тогда воспользовался сим и все переработал вверх дном и руссифицировал труд сей, впустив в кампании к средневековому католическому Сатане русского многострадального дурака-чёрта. Выйдет, должно быть, читабельно. Думаю заплатить сим трудом старинный долг фирме Маркса. Еще с покойника аванс за мною числится!

Я все еще под впечатлением Окурова. Хорошо написал писатель Горький. Можно кричать ему бис!

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Вашим всем привет, Марии Федоровне в особинку!

Ваш Ал. Амфитеатров

Адрес Кашинцева:

M[r] I. Kalina rue Craera, 20. Sofia. Bulgarie.

Датируется по п. Амфитеатрова от 7 января 1910 г.

[1] Иван Николаевич *Кашинцев* (псевдоним Калина) — критик, публицист. В «Знании» книги Кашинцева не издавались. Его статьи печатались в «Современнике» в 1911—1913 гг.

[2] К. П. Пятницкий.

[3] В 1910 г. вышло несколько томов Собрания сочинений К. Гамсуна (СПб., изд. В. М. Саблина).

[4] Фамилия неразборчива.

[5] Имеется в виду С. С. Кондурушкин. См. переписку Горького с ним.

[6] О Е. М. Милицыной см.: *А—Г*, п. от 10 марта 1910 г., прим. 5.

[7] Очевидно, речь идет о кн.: *Graf Arturo.* Il Diavolo. Ed. 5. Milano, 1890.

99. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Январь, не ранее 9, 1910 г.)

За «Окуров» преждевременно хвалите: в доказательство — посылаю корректуру конца первой части.

Шолом-Аши должны много, оттого их и печатают. Мне они тоже осточертели. И — увы! — я понимаю настроение А. Белого, понудившее его закатиться в антисемитизм[1]. В самом деле: вы посмотрите, какая это бестактная и разнузданная публика, все эти Мейерхольды, Чуковские, Дымовы, Ол'д'Оры и другие, им же имя — легион! В литературе русской они кое-как понимают слова, одни слова, но дух ее — совершенно чужд им. И отсюда такие лозунги, как — долой быт! Это в России! Вводят и ввозят из Европы «последние крики», озорничают, шумят, хулиганят. И в конце концов от всей этой их суеты выигрывают только антисемиты. Факт! И давно бы следовало указать на этот источник антисемитизма.

Чего вы меня всё «большевизмом» шпыняете[2]. Вы же внимательный читатель! Большевизм мне дорог, поскольку его делают монисты, как социализм дорог и важен именно потому, что он единственный путь, коим человек всего скорее придет к наиболее полному и глубокому сознанию своего *личного* человечьего достоинства.

Иного пути — не вижу. Все иные пути — от мира, один этот — в мир. Требуется, чтоб человек, однажды, сказал сам себе: аз есмь создатель мира[3]. Именно отсюда — и только отсюда! — может родиться новый человек и новая история.

Не трогайте мой социализм.

Что вы знаете о Степане Разине[4], кроме Костомарова[5], Соловьева[6] и т. д.? Нет ли специальных исследований? У раскольников нет ли чего? Помогите, ибо этот человек, названный Пушкиным «единственным поэтическим лицом русской истории»[7], спать мне не дает. Напишу я его, видимо. Может, не напечатаю, а уж напишу!

Чеховских писем не читал еще.

Привет и рукопожатия. Хочется чертей[8].

Это скоро?

А. Пешков

Датируется по содержанию и п. Амфитеатрова от 7 января 1910 г.

[1] Горький имеет в виду статью: *Белый А.* На перевале. XIV. Штемпелеванная культура // Весы. 1909. № 9 (подписана Борис Бугаев).

[2] Горький имеет в виду замечание Амфитеатрова в п. от 7 января 1910 г. по поводу Эрфуртской программы.

[3] Горький переосмысливает слова Яхве, обращенные к Моисею (Библия, Исход, гл. 20).

[4] Интерес Горького к Степану Разину проявился в его раннем творчестве (см. рассказ «Коновалов», 1897). В 1909 г. он собирал материал о Степане Разине, о чем писал Е. П. Пешковой (конец августа 1909 г.): «...очень огорчен слухом, что Чириков, будто бы, пишет Стеньку Разина. Моя тема. Я много работал уже над ней...» (*Арх Г.* Т. IX. С. 72). Пятницкий 23 ноября 1909 г. сделал запись о беседе с Горьким о Степане Разине (*Дн. Пятницкого — АГ*).

В 1919 г. Горький вновь обратился к теме Разина (см. сообщение в «Вестнике общественно-политической жизни, искусства и литературы», 1919, № 14, 14 окт., с. 3) и написал сценарий «Стенька Разин. (Народный бунт в Московском государстве 1666—1668 гг.)». В начале 1923 г. по просьбе французской кинематографической фирмы Горький продолжил работу над сценарием «Степан Разин» (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 445—446). Текст сценария опубликован в *Арх. Г*, т. II

[5] Николай Иванович *Костомаров* (1817—1875) — историк, Горький имеет в виду кн. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» (1858).

[6] Сергей Михайлович *Соловьев* (1820—1879) — историк. Автор монументального труда «История России с древнейших времен» (1851—1879, т. 1—29). «История» С. М. Соловьева с пометами Горького хранится в *ЛБГ*. В третьей кн. (т. 11, гл. 5 — «Царствование Алексея Михайловича») Соловьев писал о Степане Разине.

[7] Цитата из п. Пушкина к Л. С. Пушкину (первая половина ноября 1824 г.): «Ах! боже мой, чуть не забыл! вот тебе задача: историческое, сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории..» (*Пушкин А. С.* Собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1949. Т. 10. С. 108).

[8] Речь идет о кн. Амфитеатрова «Il Diavolo».

100. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 9 января 1910 г.⟩

Получил вашу книжку[1] в 8 вечера — к 3-м утра прочитал, и пришло в голову, что вы не только внешне[2], а и внутренне схожи с Бальзаком: такое ж изумительное знание быта, такое ж уменье находить типичное, а главнейше — ваше отношение к бабству Бальзака напоминает. Мне кажется, что он относился к женщине вот так же уважительно, но — не без опаски и — будто бы — с некоторым недоумением.

Кстати: это отношение кажется мне вообще присущим людям психически здоровым и физически большим.

После Бальзака встал предо мной образ московского лихача: молодой он, умный, с большим сердцем и, конечно, фантазер, ибо — русский же! У него этакое органическое, интуитивное доверие к жизни, хорошее, добротное. И вот: едет он по знакомым улицам, все дома ему известны, и, любовно думая о тех, кто в них живет и как живет,— лошадью он не правит. Заехал в тупик, оглянулся и — назад. Заглянул в переулок налево — улыбнулся умной улыбкой под усами, направо заглянул — беззлобно головой кивает. И снова едет кривой улицей, а из каждого окна на него прошлое смотрит и как бы просит: милый! Изъясни, пожалуйста, зачем я такое нелепое и хаотичное выросло? А он улыбается и — едет себе легонько, то туда посмотрит, то сюда и — дай ему боже здоровья! — всюду видит хорошее, а и плохое усмотря, не стонет, не охает...

Может быть, все это не так и, м. б., даже обидно вам, дорогой А. В., но вы — не обижайтесь, ей-ей пишу как думаю: не критикуя, не объясняя, а пытаясь разобраться в том сложном впечатлении, которое дала книга. Она, просто говоря, понравилась мне, хотя в ней есть места оборванные, неконченные, недосказанные. В ней — однако ж — на семь книг материала. Она то, что Чехов называл «творог». В ней есть Русь, хорошая Русь, о которой говорится хорошим русским языком. Я, читатель, очень доволен. Мне грустно и хорошо. Я очень жалею, что книга кончена, а 2-й части нет — это нечасто бывает, что, прочтя книгу, ощущаешь сожаление — эх, уж конец!

Будь я критиком — написал бы статью «А. Амфитеатров, русский писатель» — и, думаю, интересно бы написал. Нравитесь вы мне как писатель, и как человека очень уважаю я вас. Нравится мне весь ваш ход сквозь жизнь — богомольная ваша тропина.

Впал в лиризм, извините. Кончу, от всей души пожелав вам доброго здоровья, хорошего настроения.

Прочитал на днях роман Елены Вельтман «Приключения Густава Ириковича, жениха Ксении Годуновой» — вот интересная бабочка, эта Вельтман![3] Вообще читаю древности разные и весьма доволен. Многие обруганы совершенно зря, по моему убеждению. Хочется справедливой истории литературы, а ее делают еще более несправедливо, чем раньше делывали.

Ну, до свидания!

Очень по душе мне и то, что книга ваша Г〈ерману〉 А〈лександровичу〉 посвящена и что назван он в посвящении «могучим русским человеком»[4]. Отчаянно хочется мне сделать для этого человека что-нибудь приятное ему! Что бы?

Крепко жму руку. Книгу — по жребию — читает Зина, сегодня кончит, потом очередь М. Ф.

Всего доброго!

А. Пешков

Датируется по записи в *Дн. Пятницкого* 26 декабря 1909 г./8 января 1910 г.: «Получили „Девятидесятники“» (*АГ*).

[1] Роман «Девятидесятники», т. 1. «Подруги» (СПб., изд-во «Прометей», 1910).

[2] О внешнем сходстве Амфитеатрова с Бальзаком говорилось в заметке Теофраста Ренадо «В Кави ди Лаванья», напечатанной в «Одесских новостях» (1908, № 7634, 4/17 окт.).

[3] Елена Ивановна *Вельтман* (урожд. Кубе) (1816—1868) — писательница. Исторический роман «Приключения королевича Густава Ириковича, жениха царевны Ксении Годуновой» впервые опубликован в журн. «Отечественные записки» (1867, № 1—5). Отдельное издание: СПб., тип. А. А. Краевского, 1867.

[4] В посвящении романа «Девятидесятники» Амфитеатров писал: «Могучему русскому человеку Герману Александровичу Лопатину с любовью и благоговением посвящаю этот роман в память совместных дней под сенью кавийской.

Александр Амфитеатров

Cavi di Lavagna. 1909 г. XI.15».

101. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Январь, не позднее 13, 1910 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Рукопись г. Кашинцева прочитал: не зная его адреса — очень прошу вас сообщить ему, что повесть — совершенно не удалась [1].

Очень длинно, скучно и старо, язык тусклый, характеров — нет.

Крепко жму вашу руку

А. Пешков

Рукопись при сем бандеролью.

Датируется по п. Амфитеатрова от 15 января 1910 г.

[1] Амфитеатров сообщал Горькому адрес Кашинцева в п. от 8 или 9 января.

102. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья). 1910.I.15

Дорогой Алексей Максимович!

Вернулся из Милана, куда думал серьезно переезжать, но убедился, что там жить и не по климату, и не по деньгам. Не погода, а чудовище, не квартиры, а страшилища с разинутыми пастями, алчущие пришествия, по крайней мере, миллионеров. Вилла, за которую Вы платите на Капри 3000 франков, в Милане — без мебели и обстановки — стоит ... 15 000, да и то с условием, что будет заключен контракт на 5 лет. Думаю поэтому, что придется огорчить Рутенберга и от предложений «Secolo» отказаться, ибо не по состоянию [1].

Возвратясь, нашел Ваши письма и благодарю Вас за оные безмерно, равно как за вторую часть «Городка». Очень я счастлив тем, что написали Вы лист о «Девятидесятниках». Продолжаю удивляться, что, вещь, несмотря на мое совершенное к ней недоверие и почти отвращение, производит лучшее впечатление, чем я ожидал.

Пересылаю Вам письмо, полученное мною от Хейфеца [2], редактора «Од‹есских› нов‹остей›». Поступите по правилу — «рече господь: аще могу, помогу!» Если не лень и не придется себя насиловать, набросайте несколько строк! Я их так много тормошу по разным делам, что очень бы хотел оказать им просимую услугу. Но в случае, если нельзя, неудобно или просто не хочется, с просьбою моей не считайтесь.

Приехал ко мне старший сын мой Владимир. 22-й год-с! Блестящ и великолепен весьма. У меня в «Восьмидесятниках» с него написана была наружность Бориса Арсеньева, но, потолковав с ним три дня, начинаю бояться, не вышел бы он в тезку своего, Владимира Александровича Ратомского [3]. Без шуток сказать: пугающего блеска юноша. Разносторонности поразительной, перечитал уйму, все слышал, много видел и говорит без умолка. А между прочим, историк и филолог. Москву новую рисует прямо-таки художественно, так что если бы Вы и Мария Фед., знающая этот город, слышали, то немало бы радовались его быстрым, но невероятно выдержанным в стиле, истинно московским метаморфозам.

У меня сегодня вместо головы котел от насморка и лихорадки, в Милане благоприобретенных. Нарочно из-за этого обстоятельства отложил читать «Гор‹одок› Окуров» на утрие, ибо — мозги к переносице стянулись и чувствую себя дураком, лишенным всякой эстетической восприимчивости.

Что написать Кашинцеву так, чтобы сердце его не пронзил кинжал? Герман Ал. пишет уйму интересного, но все сплошь печально, а многое возмутительно. Очень мне грустно, что затянул его Бурцев

в Париж[4]. Измается там старик, изорвет понапрасну нервы свои и здоровье. Его уже беречь надо по-настоящему, а не как на турецкой перестрелке, да еще такой, где стрельба идет человеческими экскрементами.

До свидания. Всего Вам хорошего! Будьте благополучны и веселы. Сердечный привет Марии Федоровне и Зин. Ал., коему великое спасибо за письмецо!

Ваш А. Амфитеатров

Послал Вам «Заметы сердца»[5]. Пленитесь роскошью издания. «Тризны»[6], вероятно, выйдут уже прямо на рогоже.

[1] См.: *А—Г*, п. от 1 или 2 января 1910 г.

[2] Израиль Моисеевич *Хейфец* — издатель, в 1910 г. ответственный секретарь редакции газ. «Одесские новости», с 1912 г. соиздатель газеты с Я. Г. Натансоном и Л. К. Гольденгорном.

[3] Борис Арсеньев, Владимир Александрович Ратомский — персонажи романа Амфитеатрова «Восьмидесятники».

[4] Бурцев привлек Лопатина к работе в газ. «Общее дело». См. ниже сообщение Е. Г. Коляды. Кроме того, Лопатин участвовал в разбирательстве разного рода дел русских провокаторов. См.: Г—Л.

[5] Сб. Амфитеатрова «Заметы сердца» (М., книжн. маг. А. Д. Друтман, 1909). Сборник составлен из статей о Гоголе, Сергееве-Ценском, Юшкевиче, Куприне, Ропшине, Толстом и др.

[6] Сб. Амфитеатрова «Тризны» (М., книжн. маг. А. Д. Друтман, 1909).

103. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Январь, не ранее 17, 1910 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Посылаю письмо для г. Кашинцева и его рукопись.

Вчера мне прислали «К. в».* с «Людоедством»[1]. Очень смешно, однако — буду просить вас — сделайте мне одолжение! — помещая этот фельетон в книжку — выкиньте из него фамилии Пятницкого и — особенно Зиновия! Первый — гость, лицо, непричастное к публичности и ненавидящее оную. Второй — мой крестник, эмигрант и *дезертир,* а также имеет и еще некоторые причины скрывать свое имя и местожительство[2]. Исключите их, прошу!

«Девятидесятники» всеми прочитаны, и всем понравилось. Я посмотрел книжку еще раз и думаю: неужели он, автор, сумеет развязать во втором томе все узлы, завязанные в первом?

Не верится; работы и материала — еще тома на три!

Всего доброго!

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 15 января 1910 г.

[1] В фельетоне «Жертва общественного внимания, или Людоедство на острове Капри» упоминались имена людей, живущих у Горького на Капри, в том числе Пятницкого и З. А. Пешкова.

[2] З. А. Пешков в сентябре 1904 г., не желая отбывать воинской повинности в русской армии, эмигрировал в Канаду (*Арх. Г.* Т. XIII. С. 18—19).

104. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Январь, не ранее 17, 1910 г.)

Дорогой Александр Валентинович —

прилагая при сем немилостивый манифест г. г. книгоиздателей и книгопродавцев — убедительно прошу — обратите вы серьезное внимание ваше на сию скверну![1] Вот сукины дети!

* «Киевская мысль» (*ред.*).

И еще, поди-ка, жалуются на гнет правительства, цензуры, полиции! А сами — извольте видеть, что затеяли?

Пункт 2-й имеет в виду несомненно земские склады, уж это так!

Вы подумайте — ведь это же поход против просвещения, ведь от этого манифеста кто пострадает в первую-то голову? Крестьяне, рабочие, библиотеки при союзах — нелегальных,— ремесленники и вообще — демократы, кухаркины дети.

Пострадают и авторы, ибо, несомненно, расход книг сократится.

Ибо — пункт 6-й имеет в виду — что? Бойкот тем издателям и продавцам, кои не вступили в о-во. Ну, а этот бойкот многим из авторов солон будет!

Подождав некое время, я выступлю с воззванием к обществу по сему поводу, укажу на всю пакость и реакционность этой выходки жадных пастей [2].

Нет, каково? Демократическая страна! Добрый русский народ! Исстрадавшееся под гнетом реакции русское о-во!

А члены этого о-ва, стоящие у святого дела — литературы и науки,— эвон какие кренделя загибают!

Чем же Карбасников и Девриен [3] лучше Дубровина [4] и Думбадзе? [5]

Возмутила меня эта кулацкая выходка! Жму руку.

А. П.

Сейчас получил ваше письмо: не отказывайтесь от предложения «Secolo» — убедительно прошу! Вы подумайте, как велико м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ культурное значение вашего сотрудничества!

О Чехове — напишу и пришлю вам, а вы уж сами пошлите в «Од⟨есские⟩ нов⟨ости»⟩ [6].

Крепко жму руку

А. П.

Датируется по п. Амфитеатрова от 15 января 1910 г.

[1] Горький имеет в виду постановления Русского общества книгопродавцев и издателей (печатный текст постановлений 26 ноября 1908 г. и 27 апреля 1909 г., посланный им Амфитеатрову, хранится в *ЦГАЛИ*):

«1. С 10-го декабря 1908 г. прекратить выдачу премий и уступку при розничной продаже книг частным лицам.

2. Скидка не свыше 10% без права перепродажи может быть делаема: а) всем библиотекам (кроме публичных), б) просветительным обществам, в) учебным заведениям и г) общественным учреждениям (дворянским, купеческим, мещанским, крестьянским, земским, городским и ремесленным).

3. Скидка не свыше 15% без права перепродажи может быть делаема библиотекам публичным, т. е. взимающим с публики плату за пользование книгами.

4. Для получения скидки необходимо заказы от поименованных учреждений адресовать в магазины на бланках этих учреждений, за подписью должностных лиц.

5. Об издателях и книгопродавцах, нарушивших настоящее постановление, по установлении правлением факта нарушения, доводить до сведения г. г. членов общества и с этого момента с такими лицами прекращать торговые сношения.

Примечание. К издателям и книгопродавцам, продающим недержанные книги и учебники последнего издания с уступкой, применяется пункт 5-й постановлений, причем издатели и книгопродавцы обязуются не приобретать книг по заказам тех фирм, которые не выполняют этих постановлений.

6. Настоящие постановления применяются повсеместно в России как по отношению к членам Общества, так и не членам(?)»*

Крупные книгопродавцы и издатели, создав Русское общество книгопродавцев и издателей, пытались уничтожить мелких книготорговцев путем экономического давления.

[2] Воззвания по поводу манифеста Горький не написал.

[3] Альфред Федорович *Девриен* (1842—?) —издатель, книгопродавец. Основал издательство в Петербурге в 1872 г.

Николай Павлович *Карбасников* (1852—1922) — издатель. Основал частное издательство в Петербурге в 1871 г.

Девриен и Карбасников — члены правления Общества.

---

* Разрядкой выделены слова, подчеркнутые Горьким в тексте постановления.

[4] Иван Антонович *Думбадзе* (1851—1916) — генерал, был градоначальником Ялты, отличался жестокостью, произволом.

[5] Александр Иванович *Дубровин* (1855—1918) — основатель и бессменный председатель совета Союза русского народа. После Октябрьской революции в 1918 г. был расстрелян.

[6] 17 января ст. ст. 1910 г. исполнилось 50 лет со дня рождения Чехова. Юбилей был широко отмечен торжественными собраниями, «чеховскими днями» в Таганроге и Ялте, постановками пьес Чехова в театрах и многочисленными статьями о творчестве писателя.

Воспоминания Горького «А. П. Чехов. Отрывки из воспоминаний» впервые опубл. в «Нижегородском сборнике» (СПб., изд. т-ва «Знание», 1905); вторая часть воспоминаний — в журн. «Беседа» (1923, № 2), в цикле «Из Дневника». Обе части, объединенные в очерк «А. П. Чехов», впервые опубл. в кн.: *Горький М.* Воспоминания. Берлин; Verlag Kniga, 1923.

105. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 18 января 1910 г.)

Дорогой мой Александр Валентинович!

Извините меня: дал слово и — беру его назад, не буду писать о Чехове для «Од(есских) нов(остей)».

Дело в том, видите ли, что сегодня в этой газете Пильский [1], между прочим, говорит о Горьком, которого забыли и не читают. Согласитесь, что неловко мне напоминать о моем литературном бытии в том самом органе, который оное отрицает! Это — не мелочная обида, не каприз, а именно — неловко было бы! Ибо, напечатав у них нечто, я, как будто, скажу им: а я — вот он! Нехорошо.

Так уж вы, извинив меня, ответьте редактору «О. н.», что я занят повестью и не могу оторваться от нее [2].

Получил вашу книгу и с удовольствием оную читал вслух, а слушатели — хохотали. Как это хорошо — чувствовать на каждой странице, что имеешь дело с человеком, который и знает и любит литературу! Милый А. В.— желаю вам миллион таких читателей, каков аз,— конечно, чтоб они покупали книги ваши, а не в подарки получали! Нет, серьезно, очень и все больше уважаю вас и люблю, хорошая вы «русская душа».

А в «Secolo» вам бы идти! Вы поглядите, что́ творится! Юскевич и Половцев прощены — разве это не следует разъяснить Европе? [3]

А «нейтрализация Манчжурии»? [4]

Ау, Сибирь! Куда людей ссылать будем?

Идите в «Secolo», право же!

Сегодня Фиников был, да — какой еще! От рыбопромышленников из Астрахани привез поклон и статью — коллективно писали! — о законах рыбьих [5].

— Только знаете, Максим Егорыч*, бабы эти — уж они всегда напакостят, видьмы! Моя дура в Неаполе апельсины в статью завернула, да и раздави их!

— Вы мне расскажите — чего тут смотреть надо? Спрашивал я извозчика — вот он мне сказал тут ... вот: записано, нате-ка, есть это?

Читаю: крупными буквами выведено:

Мадонна мордаста

Баба русса...

— Вот,— говорит,— насчет бабы этой больно интересно!

К. П. и все мы померли со смеха — так мил, прост и наивен!

Пошлю его к вам со статьей о рыбе — можно?

Ну, до свидания! Надоел я вам, каждый день по письму!

---

* Так у Горького (*ред.*).

Эх, побывал бы у вас, но — до весны! Ковыряю повесть — идет, как будто, недурно [6].

Кланяюсь

А. П.

Всю бумагу исписал — извините за клочки!

Датируется по фразе: «Сегодня был Фиников». См.: *АГ, Дн. Пятницкого*, 5/18 января 1910 г.

[1] Горький имеет в виду ст. Пильского «В болотной мгле», где он писал: «Давно ли то время, когда о Горьком мы не могли слышать без волнения, без любви и дрожи! Но где Горький сейчас? Кто читает его? Где наша любовь?» Автор также «сожалел» об Андрееве, Бальмонте, Брюсове и др. (Одесские новости. № 8005. 31 дек. 1909 г. / 13 янв. 1910 г.).

В 1906 г. П. М. Пильский предлагал свои произведения изд-ву «Знание» (см. п. Пильского Пятницкому в *АГ*), однако предложение его Горький и К. П. Пятницкий отклонили. Отношение Пильского к «Знанию» стало враждебным.

[2] См. п. Амфитеатрова от 25 января 1910 г.

[3] Осенью 1909 г. в связи с убийством М. Я. Герценштейна шел процесс над Н. Юскевичем-Красковским, А. Половцевым и др., которые обвинялись в убийствах социал-демократов. Однако они были помилованы по распоряжению Николая II: «Государю императору благоугодно было 31-го декабря, вечером, даровать помилование Николаю Юскевичу-Красковскому и Александру Половцеву, осужденных финляндскими судами по делу об убийстве Герценштейна, и повелел немедленно освободить их из-под стражи» (Речь. 1910. № 4. 5/18 янв.).

[4] Горький имеет в виду предложение США о нейтрализации манчжурских железных дорог (Речь. 1910. № 2. 3/16 янв.). Предложение американцев царское правительство отклонило (Речь. 1910. № 8. 9/22 янв.).

[5] О ком идет речь, установить не удалось.

[6] Повесть «Жизнь Матвея Кожемякина».

106. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. Январь, не ранее 19, 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Я очень сконфужен невольною бестактностью, в которую вляпался с «Людоедством». Усиленно прошу извинения у Вас, Константина Петровича и Зины. Ввиду невинности шутки, просто не подумалось об осложнениях, кои с нею могут сопрягаться. Конечно, никуда я ее перепечатывать не буду, а отправлю ко всем чертям, кои пусть читают, буде есть охота. Кашинцеву отправляю рукопись.

До свидания. Всего хорошего! Сердечный привет всем.

Ваш А. Амфитеатров

Датируется по п. Горького от января, не ранее 17, 1910 г.

107. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Январь, не ранее 21, 1910 г.)

Дорогой А. В.

«Позвольте засвидетельствовать гиперболу» — как выражается известный толстолог г. Термалама [1] в «Од‹есских› нов‹остях›» — вы, видимо, придали моему письму о «Людоедстве» значение, коего оно не имело. Пожалуйста, не подумайте, что вы кого-либо из нас задели! Отнюдь нет, и не могло быть иначе подобного, как я знаю.

Обратите внимание, как в новогоднем обзоре литературы Чуковский, редактор «Приложений к „Ниве“», добродушно хвалит «Ниву». «Нива» — говорит —, как Волга, украшает Русь. О — милый и наивный мальчик! [2]

Андреев продал все написанное за 100 т. руб. и все, что впредь напишет, по 1000 р. за лист «Просвещению»[3]. Немцев можно поздравить с победой — это выгодно им[4]. Но — что же будет делать «Шиповник»?[5]

Сколь все шатко и валко на земле сей!

Привет. Все кланяются.

А. Пешков

Датируется по предшествующему п. и по упоминанию о ст. Чуковского 1/14 января 1910 г.

[1] Так Горький иронически называет *И. Тенеромо* (псевдоним Исаака Борисовича Файнермана) (1862—1925) — журналиста, печатавшегося в «Биржевых ведомостях», «Ниве», «Одесском листке» и др.; И. Тенеромо писал о Л. Н. Толстом: «Жизнь и речи Л. Н. Толстого», «Живые речи Л. Н. Толстого», «Толстой и Мечников о женщине» и др.

[2] «*Нива*» — иллюстрированный, еженедельный журнал, выходил в Петербурге с 1879 по 1918 г. В приложениях к «Ниве» издавались классики русской и иностранной литературы. В новогоднем обзоре Чуковский писал: «Юбилей „Нивы" — вот действительно настоящий праздник культуры русской. Ведь „Нива" — это теперь также „явление" нашей природы, как Волга. Ее от России не оторвешь. И страшно подумать, что́ бы такое была Россия, русская дикая провинция, без своей „Нивы", заставившей насильно (носом, носом, как щенка в молоко) всю эту темную, забитую, засыпанную снегом страну проникнуться Чеховым, Достоевским, Гончаровым, Глебом Успенским, Щедриным ‹...› Я иногда думаю, что если бы не „Нива", то в России втрое было бы убийств, грабежей, насилий — и многие, может быть, теперь обросли бы шерстью и на четвереньках убегали бы в лес» (Речь. 1910. № 1. 1/14 янв.).

[3] Андреев 30 декабря 1909 г. заключил договор с Петербургским изд-вом «Просвещение».

По этому договору он продал «Просвещению» все свои сочинения за 100 тысяч рублей и право перепечатки новых произведений за 1000 р. с листа (Жизнь и сцена. Вильно. 1910. № 6. 8 янв.). Договор с «Просвещением» означал окончательный разрыв Андреева с изд-вом «Знание». Подробнее см.: *ЛН*. Т. 72. С. 312, 534, 535.

[4] Вероятно, подразумевается то обстоятельство, что изд-во «Просвещение» работало при финансовой поддержке Библиографического института Мейера (Лейпциг).

[5] Андреев печатался в изд-ве «Шиповник» с 1907 г. После заключения договора с изд-вом «Просвещение» Андреев продолжал публиковать новые произведения в альманахах «Шиповник», однако устранился от участия в редактировании, так как не был согласен с публикацией произведений некоторых авторов (Ф. Сологуба, Б. Ропшина и др.).

108. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

‹Кави.› 1910.I.25

Дорогой Алексей Максимович.

Замотался со всякого рода литературою до того, что вздохнуть некогда. Относительно Secolo — что касается себя лично, я объявил им согласие, ибо мне журнал сей, как заработка источник, не нужен. Но одному мне, разорванному на клочки, с этим делом не справиться, а чёрт ли пойдет к ним на 200 строк в неделю по 10 centerimi строка? Они же воображают, что за сию великолепную цену могут иметь даже телеграммы собственные из России. Это чепуха. Словом, сотрудничество беру, но с большим скептицизмом и пути большого не жду.

Я Хейфецу официально послал Ваш ответ, а неофициально — начальный кусок Вашего письма с пространною головомойкою от себя и наставлениями, как надо держать в объятиях душу младую Петра Пильского. Хейфец хороший журналист, и намерения у него весьма благие, но он испакощен Одессою и лишь на пятом десятке лет открывает для себя Америки, что сенсацией обязанности журналиста не кончаются. Его надо учить и учить.

Спасибо за вторую половину «Городка Окурова». Так как она переходная, то говорить о ней в отдельности подожду, а в целом повторяю: «Окуров» — доказательство, что Вы с каждым новым томом идете

все вперед и вперед в соте изобразительности. Бытовые декорации и психологический фон написаны в «Окурове» так ярко, что пред ними уже меркнет самое действие. Да иначе и быть не может: какое действие в городке Окурове или Теплой слободе? А народ хороший, добротный. И пишете Вы его так, что смерть в Россию хочется.

По поводу 50-летней годовщины Чехова задумался я о нашей молодости в европейской семье и короткости нашей быстрой, но поистине чудодейственной, богатырской культуры. Подумайте только: если бы случай привел, поэт Федор Глинка [1] (1788—1880) мог читать и далеко не последние оды Державина (ум. 1816), и первые опыты Антоши Чехонте (1880). И Глинка только наиболее разительный пример. Живем в двадцатом веке и недовольны, что не в двадцать первом, а как сопоставишь, что между рождением Чехова и смертью Ивана Андреевича Крылова легло всего 16 лет, то и чувствуешь: чёрт возьми! Да ведь мы, в конце-то концов, люди вчерашнего числа ... Отсюда выводы: не робей, Варсонофий Петров!

Знаете, я впервые прочел «Варваров». Не знаю, в сопряжении ли с «Окуровым», но пьеса эта мне чрезвычайно понравилась в некоторых подробностях своих. А фигура Монаховой прямо-таки грандиозная. Вам бы переработать «Варваров». Ей-ей стоит! [2]

Получил вчера торжествующее письмо от «Прометея»: по поводу издания «Девятидесятников», т. е. 3100 экз., разошлось в одну неделю, и он уже проектирует второе издание. Хочу написать ему смиренно: а не будет ли Вашей милости, по таковым моим добродетелям, увеличить гонорарец?

Андреев продал Цейтлину ⟨в⟩ «Просвещение» полное собрание сочинений за сто тысяч рублей. Дешево и подтверждает то, что я писал Вам о дутых гонорарах. Мне об этом сообщил Б. Лазаревский [3], написавший книгу, которую мне смертельно хочется ругать, ибо ревнючая книга, а надо будет рекомендовать к приобретению и прочтению, ибо автор в весьма жалком положении, судя по его письмам. Да...

Виноват! Кончаю письмо, застегиваю куртку и с благоговением иду вниз: приехал Хрусталев-Носарь [4]. Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его!

Всего Вам хорошего, дорогой! Целую ручку Марии Федоровне. Сердешный ей и всем привет. Будьте здоровы.

Ваш А. А.

[1] Федор Николаевич *Глинка* (1788—1880) — поэт, прозаик. Участник войн 1805—1806 и 1812—1816 гг., член Союза спасения, затем Союза благоденствия. Активный участник движения декабристов. Широкую литературную известность Глинке принесли «Письма русского офицера». После восстания декабристов был сослан в Олонецкую губернию, затем переведен в Тверь.

[2] Пьеса Горького «Варвары. Сцена в уездном городе в четырех действиях» впервые напечатана в IX *сб. «Знания»* в 1906 г. Отдельное издание — в 1906 г. в Штутгарте.

«Варвары» впервые были поставлены на провинциальной сцене в мае 1906 г. в Курске. Монахова — персонаж пьесы. Горький в письме к Н. Д. Красову, режиссеру Петербургского театра (бывш. Неметта), писал, что, если будет решено ставить «Варваров», следует обратить внимание на Монахову: «Она — искренно верит в возможность какой-то великой, пламенной и чистой любви, верит в человека-героя, достойного этой любви» (*VI*, 555). В апреле 1907 г. «Варвары» были поставлены в Петербурге театром «Современник» и Новым васильеостровским театром.

[3] Вероятно, речь идет о повести Лазаревского «Шура». В январе 1909 г. он писал Горькому: «Хочется кончить большую повесть» (*АГ*). В конце 1911 г. Лазаревский предложил редакции «Современника» для публикации повесть, которую Горький отклонил. См. п. Горького Миролюбову (*XXIX*, 215).

[4] Георгий Степанович *Хрусталев-Носарь* (Переславский) (1877—1918) — помощник присяжного поверенного, меньшевик. В 1905 г. был председателем Петербургского совета рабочих депутатов, находившегося в руках меньшевиков. В 1906 г. был сослан в Сибирь, откуда бежал за границу; участник V (Лондонского) съезда РСДРП.

Поддерживал оппортунистическую идею созыва «рабочего съезда» (см. ст. В. И. Ленина «Ларин и Хрусталев» — *В. И. Ленин.* Т. 15. С. 254—258). В 1909 г. вышел из партии, занялся темными строительными операциями. После Октябрьской социалистической революции вел активную контрреволюционную деятельность на Украине. В 1918 г. расстрелян.

109. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. Февраль, не ранее 14, 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Совсем от Вас ни слуха, ни духа. Как живете, чего мыслите? Мы тут преуспеваем. Прочел сейчас в «Утре России», что я продал свои сочинения «Просвещению» за 45 000 рублей[1], и почувствовал себя Крезом. Я, однако, недоумеваю, что мне на сию сумму сделать: купить виллу или вторую пару сапог? Думаю, что второе будет надежнее и посильнее.

Вожусь с Secolo. Покуда прока немного. Проходит только информационный отдел. Статей прямо-таки боятся. Если будут какие сведения, по партии ли или вообще около Вас, к оглашению, пожалуйста, дорогой А. М., уведомляйте меня немедленно. Человечества, чтобы написать открытку или телеграмму, у Вас достаточно, а на литературную обработку тратить времени не надо, так как она все равно заменится итальянским переводом.

Работаю я зверски, и так как разносторонне, то на всех сторонах скверно.

Как только в самом деле покончу с «Просвещением», уйду из русской легальной газетной работы. Претит.

Так как здесь жила дочь несчастной Эфрон, Лили, то самоубийство Эфрон отозвалось в Кави глубоким унынием[2]. А еще хуже у Кропоткиных в Рапалло. У Колосовых сын — мальчик тяжело болен.

Я, было, вздумал заболеть, аккурат как в прошлом году у Вас на Капри, но, должно быть, вовремя захватил, перемогся.

Не хочется печатать 2-го издания «Девятидесятников» в том хаосе, как первое, а нет времени переработать.

Был я в Сан Ремо у Плеханова[3]. Впечатление грустное — будто побывал в XIX веке, и не весьма в конце его. Очень умен и жив, но совсем русские кругозоры потерял и голову офранцузил. Кропоткин куда любопытнее! Он теперь наш близкий сосед. Когда приедете, да съедемся, да Герман Алекс. приедет из Парижа, то останется только антихристу прийти разделить компанию, а землетрясение уж наверное будет.

Если Вы не приедете, а я получу какие-нибудь деньги, то проберусь к Вам — показать длинного сына моего Владимира. Пишет роман и недурный пьяница для своих юных лет. Веселый котенок в сажень ростом.

На следующий год мечтаю перебраться в Алассио. Очень понравилось, когда мимо проезжали.

Не будет ли какой оказии прислать Соболевского?[4] Занадобился.

Получили ли похабный французский журнал? Больше ничего не нашлось подходящего! За то там — все — эпохи!

Сейчас прислал мне свои сочинения какой-то Немов.[5] Серьезный человек. Если у Вас нет, пришлю. Уморушка! Убеждает ввести для женщин проституционную повинность. И вообще очень хорош. Всего Вам хорошего.

До свидания. Сердечный привет Марии Федоровне и всем чадам, домочадцам, палате и воинству.

Ваш А. А.

Датируется по содержанию.

[1] Сообщение об издании Собрания сочинений Амфитеатрова в изд-ве «Просвещение» см. в газ. «Утро России» (1910, № 90—97, 18 янв.)

[2] Елизавета *Эфрон* (1855—1910) — член группы «Черный передел», эсерка, покончила жизнь самоубийством 4 февраля 1910 г. (Одесские новости. 1910. № 8026. 27 янв. / 9 февр.). Некролог Амфитеатрова об Эфрон см. в *ЦГАЛИ* (ф. 34).

[3] Георгий Валентинович Плеханов с января 1880 по 1917 г. был вынужден жить в эмиграции — в Швейцарии, Франции, Италии.

В годы реакции Плеханов в своих работах по философии и литературе отходил от меньшевизма, он осуждал ликвидаторство, выступал за сохранение социал-демократической партии и ее марксистских основ, резко критиковал Богданова и Луначарского за отступление от марксизма. Это сближало его с Лениным и большевиками. Позднее Ленин писал о Плеханове, что он «самый знающий по философии марксизма социалист» (*В. И. Ленин.* Т. 23. С. 119) и «что *нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма» (*В. И. Ленин.* Т. 42. С. 290).

Амфитеатров встречался и переписывался с Плехановым, п. Плеханова Амфитеатрову хранятся в *ЦГАЛИ* (ф. 34), Амфитеатрова к Плеханову — в Доме Г. В. Плеханова в Ленинграде.

[4] Очевидно, речь идет о кн. А. И. Соболевского «Великорусские народные песни».

[5] Михаил Александрович *Ашкенази* (псевдонимы М. Немов, А. Жаланский) в 1908—1909 гг. сотрудничал в «Вечерней заре», «Будильнике». Вероятно, речь идет о его кн. «Злые соблазны. Рассказы». (М., 1910).

110. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Февраль, не ранее 27, 1910 г.⟩

Я тоже все пишу, Александр Валентинович!

Очень волнуюсь, удовольствия пока не ощущаю, жгу, рву и всячески свирепствую. Наступают на меня десятками эти российские люди, и каждый просит: меня запиши! Тоже хороший человек был и тоже зря прожил всю жизнь. Уговариваю: отступитесь, братцы, я вам не историк! А они: да кому, окромя историкам-то, нашим быть? Эх, землячок, ты гляди, чего делают писатели — те, совсем нас, Русь, похерили в сердцах своих. Монахини, канатчики, бродяги, окуровцы идут, идут, идут. И чувствую, что мне с ними, как будто, не по силам справиться.

Прочитайте в «Р⟨усском⟩ б⟨огатстве»⟩, как Редько Сологуба ущемил, я читал и — ощутил великий стыд за Сологуба. Он и вообще-то всегда меня смущает, напоминая того старичка, который на каприйском пароходе пред форестьерами, старость свою не уважая, плясы пляшет и рожу кривит. А тут уж прямой позор [1].

Недурен поручик Куприн в редакции «Псковского листка» [2]. «Люди» Каменского доставили мне великое удовольствие [3]. Ежова получил и вообще прочитал множество нового. Иногда вся Россия кажется покрытой прыщами и нарывами: развалилась она, истомленная противным зудом на плоскостях своих, и таращит полубезумные глаза в равнинное выцветшее, пустое небо, а в толстой коже ее все шарахаются серенькие паразитики, точат, сверлят и кладут в живое мясо поганенькие яички свои, и плодятся, и множатся, творя яды гнилые.

Вышла книга Инглиша Уоллинга [4] о России, толстая, иллюстрированная, преисполненная противной жалостью тупого и сытого человека к людям, понять которых ему не дано, к стране, духа и мук которой он не чувствует.

Ищут с меня судом 6200 р. — это очень забавная история, она, пожалуй, могла бы служить темой для хорошего юмористического рассказа. В 904 г. некто, усиленно потея либерализмом или чем-то подобным, намекнул одному партионщику, что он как-то мог бы способствовать. Был на него пущен я, и получил аз с него лепту — 3000 по-моему. 5/т, по его мнению. Тут я могу ошибиться, ибо то был год усиленных

сборов «на дело народного освобождения». Наступил год 907-й, и вот оный некто пишет мне: отдайте мои деньги! Так как мне стало стыдно, то я ответил — ладно, но подождите! А потом забыл об этой штуке. Ныне поверенный по делам сего барина, адвокат Виноград — серьезно Виноград! — строго пишет мне «Позвольте получить с вас 6200 р., ибо пять вами взято было на год сроком, да проценты набежали».

Я — буду платить им. У меня есть расписка учреждения, кое получило часть этих денег, есть свидетели моих разговоров с истцом, но — я отдам эти деньги. В иске этом есть что-то символическое для меня: мне кажется, что я возвращу все гроши, когда-то прошедшие чрез мои руки на «дело освобождения». Эти давальцы — они правы: дано на освобождение, а оного не сделано — пожалуйте 45 к⟨опеек⟩ обратно, а то — в суд! Это — резонно. Правильно [5].

Но — как же иногда неловко бывает за этого несчастнейшего русского человека. Неловко и больно.

Посылаю вам Соболевского, спасибо.

В одной из январских книг нью-йоркских журналов — кажется, в Мак-Клюре — помещена прекурьезная статья о «Союзе гостей» в Нью-Йорке [6]. Оказывается, что, когда миллионер желает устроить обед или бал и ему требуются представительные гости,— он посылает в «Союз» точный перечень: пришлите 3 маркизов, 2-х графинь, 17 баронов, князя, 10 ученых, 2 епископов и т. д. И — союз присылает. Потом — газеты пишут: вчера на балу, данном известным X, собралось блестящее о-во и т. п. Это — я понимаю! Это — упрощение.

Кстати: американская полиция из сотни преступников ловит только 2. Преступления в стране требуют ежедневно 3 миллиона дол⟨ларов⟩.

Поклон всем, а сыну вашему — в особицу. Как хорошо, что он пишет. Великое и славное это дело, писательство наше русское.— Желаю ему — сыну вашему же — успеха.

А вам здоровья, бодрости, хороших мыслей. И — не торопиться бы!

А. Пешков

Датируется по содержанию.

[1] Александр Мефодиевич *Редько* (1866—1933) — литературовед и критик. Автор статей о творчестве Горького, в частности о его драматургии — пьесах «Варвары», «Дети солнца», «Враги» и др. В ст. «Еще проблема» (Русское богатство. 1910. № 1) Редько указывал на текстуальные заимствования в романе Ф. Сологуба «Королева Ортруда» из романа Викторьен де Соссей «Бессмертный идол». В 1933 г. Горький в письме в изд-во «Academia», в связи с новым изданием романа Ф. Сологуба «Мелкий бес», напомнил о ст. Редько (*XXX*, 275—276).

[2] 20 января 1910 г. Куприн проездом в Ригу остановился в Пскове. После осмотра города он посетил редакцию газ. «Псковская жизнь», где в это время готовился очередной номер. «В помещении редакции Александр Иванович экспромтом написал для „Псковской жизни“ небольшой набросок, который мы и помещаем в настоящем номере»,— писала газета. Набросок Куприна «В трамвае» и сообщение о его пребывании в Пскове см.: Псковская жизнь. 1910. № 249. 21 янв.

[3] Анатолий Павлович *Каменский* (1877—1941) — русский писатель, после Октябрьской революции эмигрировал, в начале 30-х годов вернулся на родину. В 1907 г. Горький резко отзывался о рассказе Каменского «Четыре». Характеризуя творчество Каменского, Арцыбашева, Горький писал о них как о «патологических личностях», в творчестве которых «чувствуется хаос духовный, смятение мысли, болезненная, нервозная торопливость» (*XXIX*, 17).

Отдельное издание романа «Люди» вышло в изд-ве «Прогресс» (СПб., 1910).

[4] Речь идет о кн. Инглиша Уоллинга «Послание России. (Истинное значение русской революции)» (Берлин, изд-во Фровейн, 1910). Книга хранится в *ЛБГ*.

[5] Владелец дачи в Ялте, у которого осенью 1903 г. Е. П. Пешкова с детьми снимала комнату, Н. А. Себряков в 1904 г. дал деньги Горькому на организацию социал-демократического журнала или газеты. «...Мне кажется, что Серебряков (описка Горького.— *Ред.*) дал 3, а не 5 т⟨ысяч⟩, что он дал их на партийное дело, чему я имею доказательства и свидетелей, и что разговора о процентах — не могло быть»,— писал Горький Е. П. Пешковой в декабре 1909 г. (*Арх. Г.* Т. IX. С. 82).

30 января / 13 февраля 1910 г. Горький получил от А. Б. Винограда, адвоката Н. А. Себрякова, письмо с предложением вернуть взятую сумму с процентами (*АГ*). 9/22 февраля 1910 г. Виноград писал Пятницкому: «Г-н Пешков написал мне письмо, в котором предлагает получить в уплату доход с последней изданной „Знанием" IX кн. его рассказов, причем говорит, что на этой книге он остановился потому, что она дает наибольший доход. Доверитель мой, прежде чем изъявить согласие на это предложение, и поручил мне справиться у Вас, в какой сумме и в какие сроки долг его, равняющийся в настоящее время 6290 р., может быть Вами погашен» (*АГ*).

Горький сообщал Винограду: «Милостивый государь — сим обязуюсь внести Вам, как представителю г. Себрякова, пять тысяч рублей в течение года, считая с 1-го апреля 1910 по 1-е апреля 1911. Capri. А. Пешков. V/26 910» (*АГ*).

[6] *«Мак-Клюр»* — одно из ведущих американских дешевых периодических изданий (1893—1929). Журнал основан Самуэлем-Сиднеем *Мак-Клюром* (1857—1949). В журнале публиковались произведения Марка Твена, Джека Лондона, Р. Киплинга, Артура Конан-Дойля и др.

111. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. 10 марта 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Ни жив, ни мертв от работы и прямо-таки не разберу, человек я или перо. Столько надо сделать, что даже страшно собственной ненасытности, усиливающей обязательства перед самим собою. Выдерживаю характер и «Девятидесятники» второй том пишу медленнее и осмотрительнее, чем первый, хотя издатель ругается и воет. Второго издания 1-го тома не пущу, покуда второго не выпущу.

На днях кончу свои заметки об «Окурове» — вероятно, последняя моя критическая статья на весьма долгий срок: некогда! [1]

Спасибо за «Знание». XXIX сборник, если не считать «Окурова»,— надо сознаться — ужасно плох, мог бы и не выходить. Прочитал «В степи» Гольдебаева [2]. Если он очень молод, то, должно быть, талантливый. Хохотал я ужасно, потому что курьезно уж очень пишет. Да, вот у нас на Василия Немировича Данченко 40 лет плевали — ан самый молодой и первейший дебютант является — прямехонько его ученик [3]. Скиталец Ваш, извините, стал просто стоерос [4].

Милицину не читал еще [5]. Жена хвалит. Она ненавистница рассказов дамского письма, да еще из деревенской жизни, а эти одобряет — говорит, уж очень хорошо знает дама свое дело, которое изображает.

Мы собираемся переселиться в Alassio. Дом‹а›, в России, заорут, что мы едим на серебре и пьем из золотых стаканов. Только это соображение и останавливает несколько. И моря нашего непосредственного немножко жалко.

С «Secolo» вожусь, но довольно безрадостно, ибо, кроме анекдота ничего не печатают. Написали бы Вы что-нибудь? Авось, расшевелим их хоть Вашим авторитетом, как тараном.

Не интересуется Европа Россией иначе как жандармом — хоть ты плюнь!

Был у меня Хрусталев... Ужасно жалкий стал какой-то. Бодрится но перья горестно потерты и хохолок измят. Очень жаль его было.

Довольно часто вижусь с соседом, Петр‹ом› Ал‹ексеевичем› Кропоткиным [6]. Старик любопытнейший, но (это на ухо сказать только дерзаю) не очень уж большой. И культа кругом много. А я к этому злостановлюсь что-то все больше и больше неперенослив. Жду Германа Александровича с бурцевской смены. Затормошен он там, как собака дворовая у скупого купца. Денег никаких.

У нас тут прошли слухи, будто Вы с большевиками малость врарез стали.

Прравда или нет? как говорит Шаляпин.

Слияние большевиков и меньшевиков возвещено мне письмом от Ал⟨ександра⟩ Ал⟨ександровича⟩ Богданова. Уж и не пойму, кто же теперь на каком будет, лесковским слогом выражаясь, состоять иждивении?

Хорошо бы было пожить еще лет пятьдесят... «а кому их надо?»

Ужасно тяжко мне далась как-то смерть Комиссаржевской, которая, даже к моему собственному удивлению, оказалась почти моею однолеткой: я — 1862, она 1863 [7].

До свидания, дорогой А. М.! Крепко Вас обнимаю.

Сердечный привет Марии Федоровне и всем святым.

Ваш Амфитеатров

Датируется по почт. шт.

[1] Статью о повести Горького «Городок Окуров» Амфитеатров не написал.

[2] Александр Кондратьевич *Гольдебаев* (псевдоним А. К. Семенова) (1863—1924) — писатель. Печатался в журн. «Русская мысль», «Журнал для всех», редактировал «Самарскую газету для всех» и др.

Горький переписывался с Гольдебаевым, привлек его к участию в *сб. «Знания»*, в 1910 г. изд-во «Знание» выпустило первый том рассказов Гольдебаева, в котором напечатана его повесть «В степи». Письма Горького Гольдебаеву хранятся в *АГ*, частично опубликованы в *Арх. Г* (Т. VII).

[3] Амфитеатров посвятил Вас. И. Немировичу-Данченко свой роман «Жар-цвет».

[4] Степан Гаврилович *Скиталец* (псевдоним Петрова) (1869—1941) — русский писатель, поэт. Печатался в «Жизни», «Журнале для всех», «Мире божьем», «Курьере» и др. Познакомился с Горьким в 1898 г. В начале 1900-х годов примкнул к группе писателей изд-ва «Знание». Отношения Горького и Скитальца были близкими до отъезда Горького в 1906 г. за границу.

Воспоминания Скитальца о Горьком см. в кн.: *Скиталец С. Г.* Повести и рассказы: Воспоминания. М., 1960. С. 285—352.

[5] Елизавета Митрофановна *Милицына* (1869—1930) — писательница. Печаталась с 1896 г. в журн. «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство». Горький привлек Милицыну к участию в *сб. «Знания»*, где было издано два тома ее произведений.

Вероятно, речь идет о рассказах «Веревка», «Не по закону», «Диспут», «На войну», которые, по предложению Горького, вошли во второй том рассказов Милицыной (изд-во «Знание», 1910). См. письма Горького — Милицыной (*Арх. Г.* Т. VII. С. 64—65, 121).

[6] Петр Алексеевич *Кропоткин* (1842—1921) — теоретик анархизма, географ, геолог. В 1872 г. примыкал к бакунинскому крылу Первого интернационала. В 1874 г. был осужден и заключен в Петропавловскую крепость. В 1876 г. бежал из крепости и эмигрировал за границу, где жил свыше 40 лет. В 1906 г. вышла его кн. «Анархия, ее философия, ее идеал» (СПб.). В июне 1917 г. вернулся в Россию и, оставаясь противником государственной власти, признал международное значение Октябрьской революции. В письме к европейским рабочим призывал воспрепятствовать интервенции против Советской России. В 1919—1920 гг. встречался с Лениным. Историческое исследование П. А. Кропоткина «Великая французская революция 1789—1793 гг.» (пер. на рус. яз. в 1914 г.) получила высокую оценку В. И. Ленина.

По поводу издания этой книги Кропоткин 16 декабря 1909 г. писал Горькому: «Дорогой Алексей Максимович! Вчера был у нас проездом Герман Александрович и сообщил весточку об вас и об вашей последней работе, которую очень меня заинтересовал. Он сказал также, что у вас гостит Константин Петрович П⟨ятницкий⟩, а я как раз накануне собирался писать вам и спросить, был ли он у вас и, если был, то на чем вы порешили насчет моей „Французской революции". При теперешних условиях не знаю — удастся ли ее издать в России...» (*АГ*).

[7] Вера Федоровна *Комиссаржевская* (1864—1910) — выдающаяся русская актриса, театральный деятель. В 1904 г. она открыла свой театр — театр Комиссаржевской. Основу репертуара составляли пьесы Горького, Чехова, Ибсена, а также пьесы русских драматургов, группировавшихся вокруг изд-ва «Знание». См. статьи Амфитеатрова о Комиссаржевской в «Одесских новостях» (1910, № 8059, 7/20 марта; № 8076, 28 марта / 10 апр.). См. также ст. Е. Дубновой «М. Горький и театр В. Ф. Комиссаржевской» (*Горьк. чт.* 1968).

112. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Март, не ранее 12, 1910 г.⟩

Что я с беками разъединился — непрравда, а что они с меками соединились — прравда. Где же теперь я? Не знаю, думать — не хочу, в игры эти играть некогда мне, в соединения же — не верую [1].

Ой, представьте вы себе кучу предметов несокрушимо твердого строения и самых нелепых геометрических очертаний — как объединятся таковые? На чем, кроме кладбища?

Существует в природе брекчия [2], но ее объединяют цементы, тяготение к центру земли и — вероятно! — взаимное влечение друг к другу. У людей партийных роль цемента могла бы играть демократическая идея — не играет! — тянут они — в метафизику и взаимно друг от друга отталкиваются кулаками — как объединиться им? Социализм? Не доросли, несколько, а — дорастут, когда нужда заставит, а заставит она их, видимо, нескоро. Извините меня, но я и еще раз не люблю российскую интелигенцию — каюсь в этом столь же искренно, сколь искренно мое — нелестное для нее — чувство жалости к ней.

Пребываю в городе Окурове, книга о коем, как выясняется, будет едва ли не больше города самого. Читать не будут? А — пускай. Кто-нибудь прочтет, может быть,— жителей в России немало, как это доказано переписью. От переписи естественно прыгнуть к перекиси — что значит полевение октябристов, о коем «Речь» — «основанная баком» — трубит во все трубы? [3] Перекись?

А также скажите подробно о переезде вашем в Аляссио и что значит — «дом»? Вы купили дом? Если — да, куплю себе небольшой шведский броненосец и буду приезжать в ваши моря, дабы стрелять вам в окошки коническими ядрами — клянусь? Ибо — мне досадно. Обо мне в газетах писали, что я имею дом, и даже не один, а я — не имею, про вас же не писали — а вы — имеете [4].

Читали вы, как Чуковский отчитал меня в почтенной «Речи»? [5] Прочитайте, поучительно. В аллитерации, как видите, я кое-что смыслю. Даже на «щу» могу: тщетно тщится щука ущемить леща, хотя лучше — ерша. Выдумал поговорку — «не все стерляди про уху думают»,— а к чему она — не знаю. Не отвечал долго, потому что неотрывно писал. Кончил половину повести — очень скучно вышло [6]. Вообще же живу во сне каком-то: волки воют, русские звезды горят, мятель, вороны каркают и т. д. До свидания. Письмо несколько нелепое, ну — извините! Все мало серьезно в этом мире. Желаю доброго здоровья!

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с предыдущим письмом.

[1] Отвечая на вопрос Амфитеатрова, Горький пишет о решении пленума ЦК РСДРП, известного под названием «объединительного», который состоялся в Париже 2—21 января/15 января—5 февраля 1910 г. (*В. И. Ленин.* Т. 19. С. 484, 485).

О пленуме Ленин писал 11 апреля 1910 г. Горькому: «...Теперь насчет объединения. Факт или анекдот? — спрашиваете Вы. Об этом придется рассказывать издалека, ибо есть в сем факте и „анекдотического" кое-что (больше мелкого) и серьезное, по моему убеждению.

К партийному объединению вели и ведут серьезные, глубокие факторы: необходимость очистки социал-демократии от ликвидаторства и отзовизма, в области идейной; страшно трудное положение партии и всей с.-д. работы и назревание нового типа с.-д. рабочего, в области практической...» (Там же. Т. 47. С. 249). Ленин писал также о позиции меньшевиков, «впередовцев» и о сближении большевиков с меньшевиками-партийцами.

О пленуме, о борьбе на нем с ликвидаторами, впередовцами, троцкистами и примиренцами см. ст. Ленина «Заметки публициста» (Там же. Т. 19. С. 239—304).

[2] Брекчия (итал. Breccia) — горная порода, состоит из сцементированных гидрохимическим путем обломков одной или нескольких пород.

[3] Октябристы — контрреволюционная партия, созданная в России после публикации царского манифеста 17 октября 1905 г. Партия октябристов представляла

интересы крупной буржуазии и помещиков, отстаивала монархическую власть, стояла за нераздельность Российской империи. Возглавляли партию октябристов А. И. Гучков и М. В. Родзянко.

Игра слов: «беки» — большевики, газ. «Речь» была основана Ю. Б. Баком.

[4] Семья Амфитеатровых осенью 1910 г. переехала в Феццано.

[5] Вероятно, Горький имеет в виду ст. Чуковского «Новый Горький» (Речь. 1910. № 58. 28 февр. / 13 марта).

Горький обращает внимание Амфитеатрова на аллитерацию в написанных им фразах о Чуковском: «*Ч*итали вы, как *Ч*уковский отчитал меня в почтенной „Рече*ви*"? Прочитайте, поучительно». Аллитерация на «щ» — «*тщ*етно *тщ*ится *щ*ука *ущ*емить *леща*» использована Горьким в рассказах «Случай с Евсейкой», «Дядя Вася» (*11*, с. 340, 488).

[6] Горький работал над второй частью «Окуровского цикла» «Жизнь Матвея Кожемякина». 5/18 марта 1910 г. он читал домашним первую половину этой повести (*Дн. Пятницкого*).

113. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. 25 марта 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Какие такие дела каменные?

Воймя воем от безгрошного жития! Это много хуже, чем безгрешное. Нет, просто в Аляссио больно уж хорош дом внаймы предлагали, и если бы можно было положиться на «Просвещение», которое из меня все жилы вытянуло оттяжками заочно заключенного договора, то я нанял бы его. Но совершенно замучали меня синьоры эти, и боюсь, что Всеволод Крестовский знал эту публику лучше нас с Вами!.. Есть у него такой рассказ «Кто лучше?», и там господин Шмец [1].

Скучища смертная, хотя пишу.

Кроме политических мечтаний, все читаемое в газетах ни к чему, а политических мечтаний девать некуда.

Очень сожалею, что в Думе до мордобития не дошли [2]. Букет неполный. Даже в скандалах недотёпы. Фу, шваль какая!

Читал я Корнея Чуковского [3]. Уродит же господь этакое, в самом деле! Ведь не бездарный и не глупый человек, а ни одного слова не пишет искреннего, и ни в одном слове ему при этом не веришь. Шпагоглотатель!

Очень хорош Шолом Алейхем. Прочтите томик [4]. Многое от Диккенса!

Я сейчас два месяца рылся в дворянстве крепостном — и старине приволжских градов и дебрей.

Как Вы живете? Отчего от М. Ф. ни строчки? Начинаю думать, что сердится... За что?! До свидания. Всего Вам хорошего. Крепко Вас любящий

Ал. Амфитеатров

Датируется по почт. шт.

[1] Герой рассказа В. Крестовского «Кто лучше?» — Анатолий Борисович Шмец, журналист по профессии — «по части искусств пишет» (*Крестовский В. В.* Собр. соч.: В 8 т. СПб.: изд-во «Общественная польза», 1899. Т. 4. С. 276), а одновременно он коммерсант и ростовщик.

[2] Речь идет о скандале на заседании Государственной думы в связи с выступлением В. М. Пуришкевича по докладу министра просвещения Шварца. Пуришкевич протестовал против существования в университетах Советов старост — по его словам, «самой революционной организации»,— в которые входят женщины, и «даже женщины-еврейки». При этом он «позволил себе оскорбить женщину в самой невозможной форме выражения», как охарактеризовал его выступление председатель Думы Н. А. Хомяков. Выступление Пуришкевича было прервано криками с мест. П. Н. Милюков в самой резкой форме потребовал удаления оратора (Речь. 1910. № 61 и 62. 4/17 и 5/18 марта).

[3] См. предыдущее письмо, прим. 5.

[4] Очевидно, имеется в виду том I Собрания сочинений *Шолом-Алейхема* (псевдоним Ш. Н. Рабиновича) (1859—1916) (М., изд-во «Современные проблемы», 1910), в который вошли повесть «Дети черты» и рассказы.

114. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Париж. 16 мая 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович, пишу Вам из Парижа на голландской картинке. Побывал в противнейшем Амстердаме, Антверпене, а третьего дня слушал в Брюсселе «Дон-Кихота» с г. Шаляпиным[1]. Федор прямо-таки велик в этой роли, что особенно важно, если вспомнить, что это первый *положительный* образ, который он создает для сцены. Более законченного, гениально прочувствованного Дон-Кихота и вообразить нельзя. Жаль, что такое вдохновенное и глубокое исполнение достанется на долю пошлейшей музыки, за которую старого дурака и архимещанина Massenet следовало бы вымазать чем-нибудь нехорошим и возить по городу на ободранном осле. Ф. Ив. мне очень понравился в это свидание. Настроение хорошее, думное, и дрянной сватишка меньше толчется вокруг него. Очень рвется к Вам и тоскует, что чем-то провинился перед Вами. До свидания, дорогой. Всего Вам хорошего. М. Ф. сердечный привет! Пишите в Cavi. Буду там через неделю.

Приехал сейчас Герман Александрович. Отличный!

Ваш А. А.

Датируется по почт. шт.

[1] Французский композитор Жюль Эмиль Фредерик *Массне* (Massenet) (1842—1912) в 1909 г. специально для Шаляпина написал оперу «Дон-Кихот». Первое представление состоялось в Монте-Карло 19 февраля 1910 г. в исполнении труппы Рауля Гинсбурга. Весной 1910 г. эта труппа гастролировала в Брюсселе. Отрицательно оценивая оперу «Дон-Кихот» и спектакль в целом, Амфитеатров подчеркивал, что образ Дон-Кихота занял особое место в творчестве Шаляпина, как «едва ли не первый „положительный". Торжество Шаляпина в роли Дон-Кихота обнаружило широту и глубину его таланта, как, может быть, ни одно из прошлых его созданий» («Маски Мельпомены», М., 1910, с. 109).

По поводу оперы «Дон-Кихот» Шаляпин писал Горькому 22 июня 1909 г.: «...два дня только были прекрасными. Это было здесь, в Париже,— один раз у Массне, а другой у Анри Кэн (Henri Cain). Один из них (первый) играл мне музыку новой оперы, а другой читал мне либретто, им сделанное, и оба раза я плакал, как корова.

Это был Дон-Кихот, рыцарь печального образа. Да, именно печального образа и такой честный, такой святой, что даже смешной и потешный для всей этой сволочи, этой ржавчины, недостойной быть даже на его латах.

Либретто сделано чудесно, музыка (кажется) отличная, и если бог умудрит меня и на этот раз, то я думаю хорошо сыграть „тебя" и немножко „себя", мой дорогой Максимыч. О, Дон-Кихот Ламанчский, как он мил и дорог моему сердцу, как я его люблю» (*Шаляпин.* Т. 1. С. 331).

115. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. Конец мая 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Как живете? Давно от Вас вестей нет.

У нас все доброкачественно.

Был Семен Юшкевич. Познакомились. Понравился мне весьма. Читал свои две драматические штуки. «Miserere» * его произвело на меня впечатление глицериновой тянучки фразистой ненужности, но «Комедией брака» я был весьма восхищен. Это — с целью, в цель и хорошо щелкнуто![1] Люблю я, грешный человек, видеть, когда писатель делает свое настоящее дело. Редкое зрелище в наш проклятый век! Так надоели эти стремления учеников учить, и декламация азбуки с таким выражением

* «Смилуйся» (*лат.*).

на лице и в таких тонах, точно она — трагический монолог. Все эти «Анатэмы», «Светлые боги», «Miserere» и прочая якобы лирическая реторика. Написал человек свое еврейство так, как его видит и знает,— вышло великолепно, ярко, сочно, красочно, даже в шаржах правдиво. А как напустил на сцену символов, которых он не чувствует, ибо неоткуда их почувствовать, вышло либретто для режиссерской работы, ловко потрафляющее на Станиславского и его декоративно-техническую мастерскую. Галлюцинация-то на сцене и пролог в эпилоге. Штучка-с!

Я сейчас совершил большое странствие, которым очень доволен, кроме русской его части, т. е. русских встреч. В этом отношении все сильнее было безнадежно грустно и жалостно. От парижской колонии я упорно прятался, но то, что видел даже в Брюсселе и Антверпене, это — уже не столь люди, сколь механизмы, автоматы Декартовы, медленно свершающие путь свой к роковому околеванию. Может быть, туда и дорога, но жаль. Сердце болит.

Большой и хороший был у меня разговор с Федором Ивановичем. Он непременно в августе к Вам собирается, и я думаю, что приедет ⟨нрзб⟩, так как ему это сейчас уже морально необходимо[2]. Я там писал, что нашел его в очень хорошем настроении, но надо прибавить, что в настроении этом есть оттенок большого испуга. Парень вдруг как-то забоялся себя самого — своей славы, своей публики, ожиданий, на него возлагаемых, и пр., потерял самоуверенность и рассмотрел большую ответственность. Конечно, все это появилось под впечатлением постоянных его горловых недомоганий, но представляется мне, во-первых, преувеличением, а во-вторых, совсем новым, по крайней мере, в таких острых формах, как сейчас. Когда это бывало, чтобы он перед спектаклем дрожал, как осиновый лист? Дон-Кихот он — очаровательнейший, чудный, слёзный. А все-таки петь таких французских гадостей не следовало, как и Vieil Aigle'er г. Гинсбурга, и видеть его благородный талант в ханжестве у этих рулеточных прохвостов из Монте-Карло весьма противно. Я ужасно рад, что ни разу не слушал его в Монте-Карло. Потому что в Брюсселе были только осколочки этой банды — и то из души прет. А воображаете, каковы они там, на мёсте у себя, где они принцы и директора и пр. Гений в упряжке у хозяев публичного дома! Это, пожалуй, знаете ли, Дон-Кихота по сюжету стоит!.. Трагедия!

Я известил все газеты, с которыми был связан, что с 1 июня прекращаю все свои к ним срочные отношения, их освобождаю от высылки мне денег, себя от обязательного писания. Шабаш! Старый кот принимает схиму и затворяется в келье.

XXX и XXXI сборников «Знания» еще не видал, о чем из-за «Городка Окурова» очень сожалею. XXIX — за исключением «Городка Окурова», конечно, любовь моя к которому Вам известна,— столь возмутительно плох, что даже непостижимо, в каких соображениях и для какой публики Вы, господа почтенные, сей мусор из бумаги писанной превращаете в бумагу печатную[3].

Кстати, о «Знании». Сколько я мог понять из намеков Юшкевича, он разошелся со «Знанием»? Жаль. Писатель смелый, кулак хороший, и собственной рожи не жалеет в драке, что на Руси великая редкость.

Купаемся денно и нощно. Уже и Герман Александрович в воду полез.

До свидания, дорогой. Всего Вам хорошего. Привет М. Ф.! Крепко Вас обоих люблю.

Ваш А. Амфитеатров

Датируется по содержанию.

[1] Семен Соломонович *Юшкевич* (1868—1927) — писатель, сотрудничал в изд-ве «Знание». Здесь были опубликованы наиболее значительные его произведения: повесть «Евреи» (1904), драма «Король» (1906) и др. В 1903—1908 гг. «Знание»

издало Собрание сочинений Юшкевича в 5-ти томах. Позднее Юшкевич разошелся со «Знанием» и печатался в альманахах «Шиповник» и «Земля». После Октябрьской революции эмигрировал во Францию.

Пьеса Юшкевича «Miserere. Лирическая драма в 8 картинах» опубликована в сб. 6 «Земля» (Московское книгоизд-во, 1911).

Премьера «Комедии брака» состоялась 7/20 января 1911 г. в театре Корша. Отдельное издание пьесы вышло почти одновременно.

Горькому «Комедия брака» не понравилась. Юшкевич писал Пятницкому 6 июня 1910 г.: «Был у Амфитеатрова. Представьте, „Комедия брака" — там весьма понравилась. Очевидно, не все так привередливы, как Вы и Алексей Максимович. Ну, бог с Вами. Моя совесть чиста. Я сделал все, что мог» (*АГ*).

[2] Поездка Шаляпина к Горькому на Капри в 1910 г. не состоялась.

[3] В состав XXIX *сб.* «*Знания*», помимо второй части «Городка Окурова», были включены «Веселый батя» Ивана Касаткина, «Светлое заточение» С. Разумовского, «Стихотворения» Ивана Бунина, «Галчонок» Гольдебаева, «На бульваре» К. Ясюкайтиса, «Стихотворения» Ив. Воронова, «Цветы» Н. Каржанского.

116. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Конец мая — начало июня 1910 г.)

Александр Валентинович, как здравствуете?

Не писали вы лет 600! Оду прочитал, ее напечатать надо бы. Отдельным листочком. На тонкой-тонкой бумажке.

Навалился ли на вас Юшкевич?[1] Как нравится? После Скитальца — это самый невежественный человек в русской литературе. Мне он кажется очень талантливым, но некультурен — убийственно. Может говорить — и яростно! — о необходимости «преодолеть Пушкина». Притворяется милым ребенком, но очень хитер, к литературе — равнодушен, жаждет успеха — будет иметь его. Делает «хорошую прессу» для «Miserere». Читал он вам эту вещь? Мне показалось, что из всех писавших «о воле к смерти» он написал наиболее талантливо, наиболее искренно. Вообще — очень сложная, весьма интересная фигура, Юшкевич этот, но — Господи! сохрани и помилуй литературу русскую от людей, подобных Семену Соломоновичу.

Посылаю всю первую часть Кожемякина в корректуре; к огорчению моему, опять разбита повесть на два сборника. Трудно мне и обидно[2].

Прочитав, сообщите кратко ваше мнение — что́ излишне, чего нет. Заметил, что полыни нет в бурьяне.

Когда мы, уважаемый, увидимся? Пора бы. Если вы приедете вскоре — можете встретить здесь человека из Персии[3]. Где Гер<ман> Ал-ч? Приедет ли, как обещал?

Что вы думаете о персидском вопросе? Кажется, это будет весьма мрачный вопрос для нас![4]

Из России имею хорошие вести о «подъеме духа». Как будто, люди становятся серьезнее?

Здесь — хорошо. Пишу пьесу. Кажется — две выйдет[5].

Будьте здоровы, дорогой. Поклон Илларии Владимировне. Жму руку.

А. Пешков

Был Бунин. Чудесное лицо! Как вам начало «Деревни»[6], по душе? Мне — нравится. Что-то серьезное и — мужественное.

Приписка Андреевой:

Дорогой друг мой — как бы хорошо было, если бы Вы приехали! Комната у нас к Вашим услугам и готова каждую минуту. Целую Илларию Владимировну и обоих Вас от всего сердца, горячо желаю всего хорошего!

М.

Датируется по п. Амфитеатрова от 8 июня 1910 г.

[1] Горький 7/20 июня 1910 г. писал Пешковой: «Вчера уехал Юшкевич, чему я очень рад. Он чувствует себя великим писателем и ужасно надоел длиннейшими словословиями собственной персоне своей. Однако он написал недурную вещь — „Misereге", она принята в Худож⟨ественный⟩ театр. Это — из лучших его работ. Он, вероятно, порвет со „Знанием" окончательно, счастливец» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 93).

[2] Повесть «Жизнь Матвея Кожемякина» была задумана Горьким как вторая часть «Городка Окурова», но в процессе работы переросла в самостоятельную повесть в четырех частях. Первая часть повести «Матвей Кожемякин» впервые напечатана в XXX и XXXI *сб.* «*Знания*», 1910.

Плеханов 21 декабря 1911 г. писал Горькому о «Жизни Матвея Кожемякина»: «Вы хотите знать мое мнение об этом Вашем труде? Вот оно. Пушкин, прочитавши принесенную ему Гоголем рукопись „Мертвых душ" в первом наброске, воскликнул: „Боже, как, однако, грустна Россия!" То же должен будет сказать про себя каждый серьезный читатель, вдумавшись в „Кожемякина": „Грустна Россия!"...» (*Плеханов Г. В.* Искусство и литература. М., 1948, с. 756). Подробнее о «Жизни Матвея Кожемякина» см.: *10*, 716—747.

[3] Влас *Мгеладзе* (партийное имя Триа, 1868—?) — участник революционного движения в Персии 1907—1908 гг., член меньшевистского правительства Грузии. После установления Советской власти в Грузии — белоэмигрант.

В 1910 г. Мгеладзе жил на Капри. В *Дн. Пятницкого* 7 и 8 июня записано, что Горький слушал рассказы Мгеладзе о событиях в Персии. Впоследствии Горький разочаровался в нем. Андреева писала, что Горький однажды сказал: «Нет, в больших дозах и хороший парень, ежели он меньшевик, непереносим!..» (*Андреева М. Ф.* Встречи с Лениным // Горький в воспоминаниях современников. М., 1955. С. 45).

[4] Революция в Иране началась в декабре 1905 г. в Тегеране. 5 августа 1906 г. под давлением народного движения шах был вынужден издать указ о конституционном строе. 7 октября 1906 г. собрался первый Иранский меджлис. Но в декабре 1911 г. меджлис был разогнан. Иранская революция была подавлена. Поражению революции и дальнейшему закабалению Ирана способствовали Великобритания и Россия.

[5] Речь идет о пьесах «Чудаки» (XXXII *сб.* «*Знания*», 1910) и «Дети» («Встреча») (Современный мир. 1910. № 9). В это же время Горький писал Сулержицкому: «А я — пишу фарсы. Написал один в четырех актах, а другой — кончаю — в двух будет. В одном — самоистребляются разные недобитые судьбою люди, в другом — купцы города Гнилищ хлопочут о желез⟨ной⟩ дороге» (*XXIX*, 119). См. также: *ЛЖТ*. Вып. 2. С. 134.

[6] Горький познакомился с Буниным в 1899 г. и привлек его к участию в изд-ве «Знание». Переписку Горького с Буниным см.: *Горьк. чт.* 1961. Бунин с женой были на Капри с 22 апреля / 5 мая по 8/21 мая 1910 г.

Начало повести Бунина «Деревня» было напечатано в журн. «Современный мир» (1910, № 3). В следующем номере журнала редакция сообщала читателям: «По желанию автора печатание повести И. А. Бунина „Деревня" переносится на осень».

117. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna. 1910.VI.8

Дорогой Алексей Максимович.

Спасибо за присылку «Окурова». Счастлив был прочитать «Кожемякина». Это так хорошо, так глубоко, сильно и ясно, что, наверное, не будет иметь успеха у российской критики. Слагается из «Окурова» многозначительнейший исторический роман «уездной России», а это же нож острый той одесситской европеизации, тому венскому магазину готового платья, которые представляет собою литература «эпигонов революции». Вы вот пишете об Юшкевиче, что он «преодолевает Пушкина». Мне и Герм⟨ану⟩ Алекс⟨андровичу⟩ он хватил штуку почище: «Мы должны испортить русский язык!» Преодолеть Пушкина, испортить русский язык, объявить мертвым русский быт, словом, заслонить Русь от современности и русский народ от русского общества, свести на нет русскую оригинальность. Вы своими последними произведениями, а уже в особенности «Окуровым», а в «Окурове» наипаче «Кожемякиным», портите эту музыку страшно. Ругать Вас за «Окуров», я думаю, у самого недобросовестного критикана рука не поднимется, но будут молчать и, в конце года, в «Обозрениях» напишут: «новые повести Горького не привлекли

внимания публики», хотя бы они разошлись в 200 000 экземпляров. Своими последними вещами Вы вносили в русскую революцию то, чего ей больше всего недостает для успеха: народность, а Кожемякин Ваш — уже величавейшая эпопея народности, какую только вообразить можно, это — опыт русского национализма в самом благородном, живом и нужном смысле слова. Она, эпопея Ваша, пропитана духом былинной свободы, дышит и свидетельствует, что жива и памятна (все, что памятно, живо) кондовая Русь, сама себя, нескладёху, выстроившая, сама себя она и найдет, и освободит. Все это «Речи», напр., и тому подобным строителям и упователям буржуазной олигархии на латино-германский лад, конечно, весьма хотелось бы позабыть, да по легкости мыслей необыкновенной и забывают, а Вы — тут как тут с напоминающим зеркалом «Окурова». Какое же удовольствие? Все равно бы — вдруг Стенька Разин из Жигулей вышел и в Думу прошел послушать речей гг. Милюкова и Маклакова [1]. Нехорошо.

Если позволите несколько мелких отметок, то вот:

1) Не Исаию, но Исакия. Это из Печерского патерика. «Наш еси, брате Исакие, воспляши с нами!» Отсюда — «Наш брат Исакий».

2) Нельзя ли заменить «бобину»? Трое читающих на нее споткнулись.

3) На что Вам последние 8 или 9 нравоучительных строк? Сверхаккордие [2].

Чрезвычайно жаль, что Вы раздробили «Кожемякина». Европа не рухнула бы оттого, если бы Касаткин пролежал в редакции еще месяц-другой [3], а «Кожемякина» резать на куски, как жену левита, изнасилованную сынами Вениаминовыми [4], напрасно. Уже «Ненужного человека» Вы этак-то расположили, и мне тогда было ужасно совестно, что Вы себя обидели ради «Княгини Насти» [5].

Читали Вы «Мертвую зыбь»? Пасквильною не нашел, ибо колониальные ссыльные нравы сейчас, по отзывам беглецов, стали еще хуже, но ужасно скучно и чересчур похабно. Особенно, когда соображаешь, что это дамское произведение. От родителя своего О. Миртова унаследовала философскую темноту и скуку изложения. Там у нее какая-то девица приготовляется 70 страниц чай пить. Притом автор влюблена в героя своего, хотя он и есть — и ею изображается — мерзавец из мерзавцев. Смакованье весьма тошнотворное. Вообще, эти писатели по наследству либо по протекции террористических заслуг производят странное впечатление: зачем? Герм. Ал. относится к «М. з.» мягче, чем следует, из-за памяти Лаврова, а я его дразню «кумом» [6].

Не знаю насчет «Miserere». *Искренно* о таком предмете для сцены подведомственной цензуре — по-моему — ничего нельзя сказать. Тут выть хочется, а он отделывается наивностями символических намечков. Впрочем, пьеса может быть полезна — не сама собою, но как Худ〈ожественный〉 т〈еатр〉 поставит (если захочет подчеркнуть) сцену в погребке [7], а затем как повод для публицистов высказаться о послереволюционном декадансе общества. Хотя Юшкевич сделал ее столь специфически еврейскою, что обобщений для России из нее не выведешь, да о России в «Miserere» и ни одного слова нет. Я Вам говорю: Юшкевич смелый. Он открывает свои карты одинаково пред русскими и евреями. Это мне в нем нравится. А вот когда он мне ни с того, ни с сего хвалится, что Островского не читал, то я даже не спрашиваю:

— Почему же?

А просто думаю:

— Врёшь.

Читали Вы «Морское свечение» Бальмонта? Я его видел в Париже. Весьма великолепен, хотя носом покраснел. Ругает Египет, откуда вернулся, ибо не видал ни крокодилов, ни бегемотов [8]. А я ругаю Амстер-

дам, потому что город грязный, скучный, жирный, и только и хорошего есть в нем, что зоологический сад с крокодилом. Сад первоклассный.

Я сейчас весь в работе ножницами и клеем. Сдаю «Просвещению» разное свое старье. Сдал «Княжну», «Жар-цвет», «Отравленную совесть» [9]. Чувство при этом такое, будто производишь собственную свою ликвидацию. Хорошо бы пьесу писать, да напугался я. К тому же и «Девятидесятники» требуют внимания к оным.

Сейчас собраться мне мудрено. Когда буду переезжать в Специю, покину своих устраивать все сии транспорты, а сам с Г. А. ударюсь к Вам.

До свидания. Всего Вам хорошего. Привет Марии Федоровне!

Ваш А. Амфитеатров

В Созонова, вскоре кончающего свой каторжный срок, уже несколько раз стреляли чрез окно без всякого к тому повода часовые в Зерентуйской тюрьме [10]. Точно так же в Ильинского, который убил Игнатьева [11]. Тюремное начальство не при чем и тоже в ужасе от этих покушений, но ничего не может сделать, так как комендант внешней охраны тюрьмы отвечал буквально: — Не ваше дело. Это касается меня одного, а я имею особые инструкции. Вести эти привез прямо из Зерентуя беглец Филипченко. Я составил статьи для «Secolo».

Охота была Вам посылать телеграмму писательскому съезду! [12]

О Персии я того же мнения, что Василий Иванович в «Бешеных деньгах» [13] о Марокко: — Персия так она Персия и есть, и с чего они там мрут, с холода или с голода, мне все равно, а нам надо паче всего уповать... Разумеется, будет скверно. Когда же бывает хорошо?

Если к серии героических разочарований, охвативших нас тучею со всех сторон, присоединим еще разочарование финляндское, — прямо гроб: ложись да помирай! [14]

Вы счастливее меня на известия. Вам пишут о подъемах, а мне все о поражениях...

Все, мол, пропало, кроме чести, сия же последняя не могла пропасть потому, что ее и не было.

Чайковский возвратился в Лондон, совершенно убитый [15].

[1] Павел Николаевич *Милюков* (1859—1943) — руководитель кадетской партии, депутат III и IV Думы, редактор газ. «Речь». Входил в состав Временного правительства. После победы Октябрьской революции эмигрировал в Париж, где редактировал эмигрантскую газ. «Последние новости», активно выступал против Советской России.

Василий Алексеевич *Маклаков* (1870—1957) — член ЦК кадетской партии с 1906 г. Депутат II, III, IV Думы. После революции эмигрировал.

[2] Амфитеатров делает ряд замечаний по тексту повести: дьячка Коренева Горький сравнил с пустынником Исакием, которого черти заставляли играть и плясать под музыку (*10*, 166). См.: Киево-печерский патерик по древним рукописям // Киев, 1870. С. 14—15). В корректуре Исакий ошибочно был назван Исаией (см. след. п.).

Бобина — в различных производствах род катушки, валик для намотки. У Горького в тексте повести: «...под ногами у них валяются бобины — конусообразные куски дерева» (*10*, 139).

При подготовке повести «Жизнь Матвея Кожемякина» в Собрании сочинений (Пг., изд-во «Жизнь и знание», 1913) Горький оставил «нравоучительные строки», о которых пишет Амфитеатров. При издании Собрания сочинений в изд-ве «Книга» (1922) Горький, внеся в текст повести значительные изменения (см. также след. п.), «нравоучительные» строки также не снял.

[3] Иван Михайлович *Касаткин* (1880—1939) — писатель, переписывался с Горьким. В XXX *сб. «Знания»* вместе с первой частью повести «Жизнь Матвея Кожемякина» был опубликован рассказ И. Касаткина «С докукой». См. в наст. томе сообщение И. А. Ревякиной «Горький — редактор „Просвещения"».

[4] Согласно библейской легенде, левиты происходили от Левия. Легенду о сынах Вениаминовых и жене левита см.: Библия. Книга судей. Гл. 19, 20, 21.

[5] В XXIV *сб. «Знания»* (СПб., 1908) вместе с началом повести Горького «Жизнь ненужного человека» был напечатан «роман для театра» Амфитеатрова «Княгиня Настя».

[6] Лопатин помог Лаврову бежать из ссылки за границу. Об истории побега см. в ст. П. Л. Лаврова, в кн. *Лопатин.*

[7] Премьера пьесы Юшкевича «Miserere» состоялась в Московском художественном театре 17/30 декабря 1910 г. Сцена в погребке дяди Лейзера — третья картина драмы.

[8] Бальмонт совершил кругосветное путешествие, затем жил в Париже, вернулся в Россию в мае 1913 г., когда была объявлена политическая амнистия в связи с 300-летием дома Романовых. О своем кругосветном путешествии Бальмонт писал в кн.: «Змеиные цветы» (1910), «Край Озириса» (1914).

Кн. Бальмонта «Морское свечение. Статьи и рецензии» (СПб., М., т-во М. О. Вольф, 1910).

[9] При подготовке романа «Отравленная совесть» для издания в Собрании сочинений Амфитеатров в заметке «От автора» писал: «Роман „Отравленная совесть", моя первая беллетристическая работа, в настоящем издании дополнена против первого отдельного издания 1898 г. несколькими сценами и диалогами из предварительных этюдов к нему: „Алимовская кровь" („Русские ведомости", 1884), „Людмила Верховская" (1889), „Отравленная совесть", роман („Наблюдатель", 1895), „Обожание", и др. Кроме романа „Отравленная совесть", существует под тем же названием драма моя, написанная на тот же сюжет» (*Амфитеатров.* Т. 3).

[10] Егор Сергеевич *Созонов* (1879—1910) — эсер. В 1904 г. убил министра внутренних дел В. К. Плеве. Был приговорен к вечной каторге. Протестуя против телесных наказаний политкаторжан (27 нояб. 1910 г.), покончил жизнь самоубийством в Горном Зерентуе.

Зерентуйская каторжная тюрьма (местечко Зерентуй) возникла в XVIII в. Здесь отбывали наказание политические заключенные: декабристы, участники революционного движения второй половины XIX в., участники революции 1905—1907 гг. Зерентуйская тюрьма была упразднена в феврале 1917 г.

[11] Алексей Павлович *Игнатьев* (1842—1906) — граф, государственный деятель, был противником созыва Государственной думы. В 1906 г. Игнатьев был убит в Твери эсером С. Н. Ильинским.

[12] См.: Г—А, п. от июня, не ранее 23, 1910 г.

[13] Василий Иванович — персонаж пьесы А. Н. Островского «Бешеные деньги». Амфитеатров перефразирует слова Василия Ивановича: «Этаких стран я, сударь, и не слыхивал. Морок, так он Мороком и останется, а нам не для чего. У нас, по нашим грехам, тоже этого достаточно, обморочат как раз. А знают ли они там холод и голод, вот что?» (*Островский А. Н.* Собр. соч. М., 1960. Т. 5. С. 485).

[14] См.: А—Г, п. от 14 июня 1910 г.

[15] Николай Васильевич *Чайковский* (1851—1926) — русский политический деятель, в 1904 г. примкнул к эсерам. В 1910 г. порвал с ними и отошел от политической деятельности. После Октябрьской революции — активный враг Советской власти. Член правительства А. И. Деникина. После разгрома армии Деникина эмигрировал в Лондон.

118. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Июнь, не ранее 10, 1910 г.)

Наскоро отвечаю:

Исаию — корректор родил.

Бобина — необходима, без нее веревку не совьешь.

Нравоучительные строки? К отдельному изданию готовя книгу — все выкину.

Разбросал «Кожемякина» — не я. Такова судьба.

И «Княгиня Настя» не при чем в этом деле.

Судьба, говорю, виновата. Доля. И — сродные с нею существа [1].

«Мертвая зыбь» — не нравится: капризно, претенциозно и тенденциозно.

В «Кожемякине» — отсутствует полынь и нет мух. Не пахнет пирогами с луком на постном масле.

Что вы не сказали мне ни слова о татарине? [2]

Человек из Персии — удивителен. Он окунул меня в сказку волшебную, в эпос.

Мне жаль, что вы не слышите его, вы бы оценили!

«Морских свечений» не читал. Обращаю ваше внимание на графа Ал. Ник. Толстого.

Это — юный человек, сын Толстого, губернского предв⟨одителя⟩ дворянства в Самаре, родственник И. С. Тургенева[3]. Хорошая кровь.

Юшкевича — переоцениваете. Ой, я его сначала знаю и — провижу конец.

Нет ли у вас в библиотеке истории каких-нибудь уездных городов? Шуи, Клина, Чухломы, Арзамаса? Если есть — пришлите, усердно прошу! Губернских — не надо, имею[4].

«Строельных» книг нет ли?[5] Очень нуждаюсь!

В «Кожемякине» — попов нет. Отложены на вторую часть, весьма трудную, куда надо влить горы материала — на десять листов.

Сижу, яко прикован к стулу и столу, и сочиняю пьесу бабскую[6]. Обижать начали баб наших. Всех и все обижают — вы правы.

И — спасибо вам за письмо, верно вы меня ставите, пошли вам Русси Бог — здоровья и бодрости душевной.

Жму лапу, кланяюсь.

Что же — ни вы, ни Герман Александрович не приедете?

Возьмите меня хоть в Сицилию-то!

А? «Возьмите, дяденьки, я лёхкай!» — как кричат мальчишки.

До свидания

А. Пешков

Приписка М. Ф. Андреевой:

Очень кланяюсь Вам, Илларии Владимировне и Герману Александровичу. Так хотела бы повидаться!! Очень хотела бы.

М

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 8 июня 1910 г.

[1] Горький обыгрывает название ст. А. А. Потебни «О доле и сродных с нею существах», оттиск которой с пометами Горького хранится в *ЛБГ* (Труды Московского археологического общества. М., 1865. Т. 2).

В эти годы Горький проявлял большой интерес к народному творчеству, в частности к понятиям «судьба», «доля», «горе». См. рассказ Маркуши в «Жизни Матвея Кожемякина» (*11*, 299—307), заметку ⟨«О судьбе»⟩ (*Арх. Г.* Т. XII. С. 94—95), статью «О писателях-самоучках» (*XXIV*) и др.

В «Жизни Матвея Кожемякина» использованы, в частности, материалы ст. П. Иванова «Народные рассказы о доле» (Сб. Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1892. Т. 4) и А. И. Сонни «Горе и доля в народной сказке» (оттиск из «Университетских известий», Киев. 1906). Обе работы хранятся в *ЛБГ*.

[2] Татарин Шакир — персонаж повести «Жизнь Матвея Кожемякина».

[3] Алексей Николаевич *Толстой* (1882—1945). Мать писателя — урожденная А. Л. Тургенева — детская писательница *А. Бострэм*.

В 1907 г. А. Н. Толстой выпустил первый сборник стихов «Лирика». Однако обратил на себя внимание читателей своей прозой «Заволжье», «Неделя в Туреневе» и др. (1910). В рассказах и повестях этого времени он писал о жизни разоряющегося дворянства.

[4] В *ЛБГ* хранится большое количество книг о городах, среди них — редкие книги по краеведению XVIII и XIX вв. Например: *Забелин И. Е.* Кунцево и древний Сетуньский стан: Историческое воспоминание. М.: изд. Солдатенкова, 1870 (с пометами Горького); книги об Угличе (1895), о г. Коврове (1886), о Ростове Великом (1886) и др.

[5] «Строельные книги» — книги о постройке новых и восстановлении укреплений старых городов в XVI—XVII вв., в них даны сведения о населении городов, укреплениях, церквах, казенных зданиях, таможенных избах и др.

В *ЛБГ* хранится «Строельная книга города Пензы» с предисловием В. Борисова (М., 1898) (*Описание*).

[6] Пьеса «Чудаки».

119. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Кави, 14 июня 1910 г.⟩

Это письмо я написал для одного одессита, но думаю опубликовать его [1]. Если у Вас сохранились отношения с финляндскою печатью, было бы хорошо послать им туда [2]. Я не знаю кому адресовать. Буде найдете необходимым, пошлите.

До свидания. Желаю всего хорошего.

М⟨арии⟩ Ф⟨едоровне⟩ привет.

Ваш. А. А

Датируется по приложенной к письму ст. Амфитеатрова, написанной 14 июня 1910 г.

[1] «Ответ на письмо» написан Амфитеатровым в связи с обсуждением на заседании III Государственной думы внесенного Столыпиным 17 марта 1910 г. законопроекта, представлявшего собой, по словам В. И. Ленина, «самый наглый поход самодержавия против свободы и самостоятельности Финляндии» (*В. И. Ленин.* Т. 19. С. 218).

Революционные события 1905—1907 гг. в России и Финляндии вынудили Николая II утвердить 20 июня 1906 г. новую конституцию Финляндии — «одну из самых демократических конституций всего мира» (Там же. С. 219). Однако после подавления Свеаборгского восстания самодержавие повело борьбу с завоеванной независимостью Финляндии. Проект Столыпина означал «полное разрушение финляндской свободы», писал В. И. Ленин в ст. «Поход на Финляндию» (Там же. С. 218—219).

Другая редакция машинописного текста ст. Амфитеатрова «Ответ на письмо (группы финляндских деятелей)» с незначительными изменениями в тексте и пометами автора хранится в *ЦГАЛИ*, ф. 34.

[2] С передовыми кругами Финляндии Горький был связан с 1905 г., в январе—феврале 1906 г. он жил в Финляндии. В 1907 г. в ответ на просьбу передовых представителей финской общественности Горький выступил со ст. «О Финляндии» — в защиту финского народа от самодержавия. Статья была опубликована в Берлине и частично в России в газ. «Речь» (1907, № 305, 28 дек.).

О Горьком и его связях с Финляндией см.: *Туртайтен Арво.* Максим Горький и финны // На рубеже. 1956. № 5, С. 174; *Федоров В. Г.* Максим Горький в Финляндии // Скандинавский сборник. М., 1963. Т. VI. С. 274—289; *Горький. М.* Письмо А. Галлену (*XXIV*, 20—23).

120. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Июнь, не ранее 16, 1910 г.⟩

Рукопись немедля отправил в Стокгольм и тотчас же написал в Финляндию, чтобы ее получили. Посылать прямо в Гельсингфорс — боюсь — пропадет [1].

Написано — хорошо, произведет впечатление. Вести оттуда — суровые. Возможна — драка. Не то что общее восстание, но ряд жестоких вспышек в разных местах. Люди, извещающие о возможности этой,— скорбят, называя сие «нарушением национальной (?) дисциплины» и прочими не удобь понятными словами.

«Возбуждения — незаметно, напротив — все с виду спокойно, и — однако каждый день может разразиться нечто совершенно неожиданное, пожалуй — страшное. Успокаиваем, следим и — не знаем, что будет» [2].

Это из Або пишут.

Я — плохо понимаю, как можно успокаивать человека, коего схватили за горло и душат?

«Не брыкайся, не дрыгай ногами, все равно задохнешься». Так?

А. П

Датируется по предшествующему письму.

[1] Подразумевается ст. Амфитеатрова о Финляндии.

[2] Установить адресата питируемого письма не удалось.

121. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. 21 июня 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

О татарине — жду следующей части.

Правда ли, что Вы сходитесь с эс-эрами? Извините Вы меня, но — если правда — охота же Вам из-под дождя да в воду! На кой Вам бес все эти партии? «Поэт, живи один!» Уж как на Окурове-то великолепно сказалось поэтическое одиночество это!

Я с эс-эрами большой приятель и нахожу их полезнее всех других партий и написать для них рад, когда надо, и денег даю, когда есть, но в упряжку партийную идти... брр! Хрен редьки не слаще. Меньше фраз псевдонаучного талмудизма и споров о начальном яйце, но бюрократия и ревнивая узость та же, что и всюду.

Читал «Две лестницы» Никифорова [1]. По-моему, он с талантом, и есть сильные страницы, хотя это не столь «Две лестницы» сколько двести двадцать две прелестницы. Хочу написать о нем стихи и прислать Вам в архив.

Получили Вы град опечаток, именуемый «Тризнами» [2].

На меня напал в «Н⟨овом⟩ вр⟨емени⟩» Розанов [3]. «Я сама мужику брюхо выем!»

Осенью я уповаю привезти Вам некоторый литературный дар, который Вам, наверное, доставит удовольствие.

Читали вы в «Русском богатстве» статью Виппера «Сумерки людей» [4]. Вот прелесть! Злодей, он утащил мою идею «Зверя из бездны», но молодчина! Здорово и ловко сделал. Я ему даже письмо написал!..

Не сердитесь, что написал насчет партии.

О Вас распространяется столько слухов, что я этому и не придал бы значения, если бы не имел о том разговоров с людьми, близкими к ЦК.

До свидания, дорогой. Сердечный привет М. Ф.

Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Датируется по почт. шт.

[1] У Амфитеатрова — ошибка. Речь идет о писательнице Людмиле Александровне Никифоровой, которая переписывалась с Горьким, жила на Капри. Ее повести «Две лестницы», «Артель» печатались в XXX и XXXIII *сб.* «*Знания*» за 1910 г. В п. от 20 мая / 2 июня 1910 г. Горький рекомендовал Никифоровой настойчиво продолжать литературную учебу, учиться типизировать действительность»: «Искусство — есть искусство типизировать, то есть отбирать наиболее общезначимое, наиболее человеческое...» (*XXIX*, 116).

[2] Кн. Амфитеатрова «Тризны». См.: *А—Г*, п. от 15 января 1910 г.

[3] Очевидно, ошибка Амфитеатрова. В «Новом времени» (1910, № 12261, 2/15 мая) была напечатана статья, содержавшая резкую критику романа «Девятидесятники», названного «газетной дешевкой», автор которого «потрафляет вкусам нового „потребителя"», и подписанная «Искатель жемчуга», под этим псевдонимом выступал в «Новом времени» П. П. Перцов. В ст. В. Розанова, публиковавшихся тогда же в «Новом времени», Амфитеатров не упоминался.

[4] Роберт Юрьевич *Виппер* (1859—1954) — историк, академик. «Сумерки людей» — публичная лекция, прочитанная в Москве 27 августа 1910 г. (Русское богатство. 1910. № 5).

122. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Июнь, не ранее 23, 1910 г.)

Господине!

Ай!

Ай!

Ай!

Помилуйте!

И поверьте, что в некотором отношении и центральные комитеты кален-

дарям подобны. Нет, я никуда от себя самого не ухожу и — не уходил. Не уходил, да. Вы будете спорить и усмехаться, и указывать на признаки. Господь с вами, указывайте! Но — я вам не поверю.

«Съезду литераторов» *не я* посылал телеграмму [1], а — Бунин Иван и Мария Федоровна, я же о ту пору стоял в Монте-Карло пред казино, и меня весьма тошнило. «Съезд» прислал на Капри телеграмму сам, первый, и в телеграмме той наименовал меня изменником или же изгнанником, а может быть — извергом. Разве можно понять телеграмму? Но отвечать на нее — необходимо, так требуют благовоспитанность с культурностью, вежливость и прочее.

Написал я, черт меня побери, пьесу и даже, м. б., две. Когда — осенью? — приедете вы, буду ее читать. А м. б.— их. Потому что — м. б., их три: одна в четырех, а две — по одному акту [2].

Виппера еще не читал. Сегодня буду. Читал же Маннов двух, немцев,— кровные братья они между собой [3].

В сущности — современная литература преинтересна не только общим тоном смущения и отчаяния, но и как-то еще, особенно. Я, например, читаю и вижу пред собой — людей, как их изобразил какой-нибудь манн, людей, как я их знаю, людей, как я их хочу видеть, и — самое интересное! — автора, который мечется, весь издерганный внутренне и внешне, в тщетных усилиях разместить своих героев так, чтобы видно было, до чего он умный, знающий, ловкий и сильный человек.

Такие анунции, авторы эти — беда!

А Гаврила Благовещенский уже о Тарновской пишет, каков? [4]

«Кожемякин» — подвигается. Насчет городов вы не ответили — нет у вас?

Жаль.

Кланяюсь!

А. Пешков

Если в издании с-р «Федор Дядин» [5] выйдет — не заключайте отсюда, что я в боевую организацию вступил!

Не пишите мне, Христа ради, на этой анафемской вашей бумаге! Ибо когда вскрываешь сизое ваше письмо, то оно разлезается в кусочки, отчего читать трудно и понять нельзя. Честное слово!

Датируется по п. Амфитеатрова Горькому от 21 июня 1910 г.

[1] В Петербурге с 21 апреля / 4 мая по 29 апреля / 12 мая 1910 г. проходил Второй всероссийский съезд писателей и журналистов. Большинство столичных газет и литературных организаций — «Речь», «Русское богатство», Литературный фонд и др.— «воздержались от участия в работе съезда». Отрицательно отнеслись к съезду Л. Н. Толстой, Андреев. Толстой писал Г. К. Градовскому, председателю кассы взаимопомощи Литературного фонда, что не мог бы принять участия в работе съезда, так как эта работа определяется «правительством», а «в наше время всякому уважающему себя человеку, а тем более писателю, нельзя вступать в какие-либо добровольные соглашения с тем сбродом заблудших и развращенных людей, называемых у нас правительством» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 81/82. С. 211).

Ленин в «Заметках публициста» назвал съезд писателей съездом «прихлебателей от литературы» (*В. И. Ленин.* Т. 19. С. 281).

Андреева по этому поводу писала Амфитеатрову: «Относительно телеграммы он зря на меня кивает — правда, что послала ее, в ответ на съездовское приветствие, я — по совету И. А. Бунина. Но телеграмма была от них такая, что не ответить — значило бы быть очень здорово грубым, и сам А. М. тоже, будь он сам здесь, ответил бы» (*АГ*).

[2] Горький закончил работу над пьесой «Чудаки» и завершал работу над второй пьесой — «Дети» («Встреча»), о содержании третьей пьесы он писал Л. А. Сулержицкому (*XXIX*, 118).

[3] Генрих *Манн* (1871—1950) и Томас *Манн* (1885—1955) — немецкие писатели. В 1909 г. московским изд-вом «Современные проблемы» было начато издание Собраний сочинений Г. Манна в 8-ми томах и Т. Манна в 5-ти томах.

В *ЛБГ* хранятся книги Г. Манна и Т. Манна с пометами Горького (*Описание*).

[4] Гаврила Благовещенский — так в шутку Горький называл Габриела *Д'Аннунцио* (1863—1938), итальянского писателя-декадента, впоследствии фашиста (после укрепления диктатуры фашистов Д'Аннунцио отошел от активного сотрудничества с ними). Annunzio — по-итальянски благовещение.

В 1910 г. итальянские газеты были заполнены материалами уголовного процесса М. Н. Тарновской, обвинявшейся в подстрекательстве к убийству с корыстной целью. В «Пестрых главах» Амфитеатров назвал это время «тарновским периодом» итальянской печати (Современник. 1911. № 1. С. 245). Очевидно, в числе других по поводу процесса Тарновской выступал и Д'Аннунцио.

[5] Рассказ Горького «Федор Дядин» впервые напечатан в 1909 г. в сб. «Непогасшие огни», кн. 1 (Екатеринослав), о чем сообщалось в газ. «Биржевые ведомости» 14/27 ноября 1909 г.

Рассказ был написан Горьким в 1908 г. для литературно-художественного сборника Международного комитета помощи безработным рабочим России (комитет был создан в 1906 г., в Лозанне). См. прим. 6, к п. 8.

123. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Август, не ранее 6, 1910 г.)

Опять мною прострелило мимо вас, дорогой Александр Валентинович, а, ей же богу, не я в этом повинен![1] Наша жизнь — нам судьбой суждена и т. д.

Здесь, на Капри, были Гусев, Куприна, Иорданский, Коцубинский[2], и — наслушался я горестных рассказов о литераторах, литературных нравах, задачах. Это очень тяжко, очень тошно.

Плохо с Куприным — пьет все и близок болезни опасной, Арцыбашев — тоже вдребезги болен, а Леонид окончательно погрязает в авантюризме, вот — в общем — сведения о трех наилучших людях современности, о столпах литературы нашей. Я очень удручен.

Обратите внимание ваше на Алексея Н. Толстого, прочитайте его «Заволжье» и рассказы в «Аполлоне» — стоит![3] Про него говорят, что он близок с Кузминым[4] и прочими, но — сам он мне кажется здоровым парнем.

Сейчас меня ежедневно пишут семеро художников, в их числе — Бродский, восходящим светилом именуемый. Действительно — талантлив[5].

Как вы живете? Когда в Специю и — к нам? Герман Александрович говорил, что как только вещи ваши двинутся в Специю, вы — на Капри. Отправляйте вещи скорее!

Написал нечто вроде водевиля — вышло плохо[6].

Ах, как иногда хорошо думаю я — чего и вам желаю. И как скверно пишу — не желаю этого никому, а вам — тем более.

Живет у меня Никифорова, написавшая «Две лестницы». Дама — питерская.

Если б вы приехали скоро — застали бы здесь персидского революционера — хорош!

До свидания! И. В.— поклон.

Не сердитесь на меня, а?

А. Пешков

Нет ли у вас «акафистов» ваших[7]?? У меня украли их, а надо! Возвращу!

(Последнему слову — не верьте.)

Датируется по записи в *Дн. Пятницкого* о встречах с Иорданским.

[1] 30 июля Горький возвратился на Капри из Аляссио, где находились Е. П. Пешкова и Максим. Аляссио расположено недалеко от Кави ди Лаванья.

[2] Летом 1910 г. на Капри побывало много русских писателей, художников и др. М. К. Куприна-Иорданская и Н. И. Иорданский, издатели и редакторы журн. «Современный мир», жили на Капри с 22 июля по 6 августа; М. М. Коцюбинский — с 15 июня по 4 августа; Л. А. Никифорова — с 23 июля по 17 августа; С. И. Гусев-Оренбургский приезжал 23 июля. Очевидно, о состоянии Куприна, Арцыбашева и Андреева рассказывали Горькому Иорданские.

[3] Повесть А. Н. Толстого «Заволжье» («Мишука Налымов») печаталась в альманахе «Шиповник» (СПб., 1910, кн. 12), в журн. «Аполлон» (1910, № 4 и 8) были опубликованы рассказы «Неделя в Туреневе («Петушок») и «Аггей Коровин».

[4] Михаил Алексеевич *Кузмин* (1875—1936) — поэт, драматург и переводчик. Сотрудничал в журн. «Весы», «Аполлон», «Золотое руно» и др. В начале литературного пути примыкал к символистам, позднее — к акмеистам. После революции много занимался театральной критикой и художественными переводами — Апулея, Боккаччо, Шекспира.

В «Заметках о русской беллетристике» М. Кузмин писал: «Гр. А. Толстой дал широкую бытоописательную повесть „Заволжье", где несколько сгущенными красками изображены поколения отживающего, одичавшего дворянства». И далее: «Во всяком случае, эта повесть — произведение наиболее значительное в сборнике, и можно только поздравить „Шиповник" за такое „обновление вещества", как привлечение гр. Толстого к участию в альманахе» (Аполлон. 1910. № 8. С. 55—59).

[5] Возвращаясь из Неаполя на Капри, Горький познакомился с группой русских художников — И. И. Бродским, Н. П. Шлеиным, Я. М. Павловым, С. М. Прохоровым, И. Я. Дмитриевым и др. Художники навестили Горького, беседовали о ним об искусстве. Горький позировал художникам, и они написали несколько портретов, два из них (И. Бродского и Н. Шлеина) в настоящее время находятся в экспозиции музея А. М. Горького в Москве.

И. И. Бродский вспоминал: «...мы приступили к работе над его портретом. Он позировал нам в белом костюме, сидя в плетеном кресле, положив ногу на ногу. Ежедневно окруженный мольбертами, он терпеливо просиживал по два-три часа, и так в течение двух недель подряд...» (*Бродский И. И.* Мой творческий путь. Л., 1965. С. 41—47).

[6] В это время Горьким была написана одноактная комедия «Дети» («Встреча»).

[7] Вероятно, Горький просит кн. Амфитеатрова «Акафист Сергею Каменноостровскому» и «Стихири» (Париж. изд. редакции журн. «Красное знамя», 1906). В заметке «От автора» Амфитеатров писал о гонениях на газ. «Русь», где они впервые были напечатаны, и далее объяснял: «Если я публикую их теперь отдельным изданием, то лишь потому, что меня постоянно запрашивают об „Акафисте" и „Стихирях"» (с. 3).

Акафист — церковная хвалебная песнь и молитвы спасителю, богоматери и святым угодникам, исполняемые стоя. Амфитеатров использовал форму акафиста для сатиры:

Радуйся, обещаний невыполнение!
Радуйся, в частном слове произведение!
Радуйся, публике очков втирание!
Радуйся, к нуждам народным невнимание!..

124. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья. 20 августа 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Живущая здесь вдова бедного Штифгнара перевела «Взятие Бастилии» Роллана — штуку эффектную и до сих пор еще не появлявшуюся на русском языке. Не возьмете ли в «Знание»? Не поленитесь ответить. Я когда-то редактировал вторую часть трилогии «Дантона» [1]. Из всех драматических произведений на темы Французской революции эта казалась мне наиболее похожей на литературу и настоящий театр.

Читали Вы Вл. Жаботинского «Чужбину»? [2] Если нет, я Вам пришлю. Эта вещь меня страшно потрясла и заставила вновь пережить прилив острой жалости к еврейству русскому. Таких отчаяний самоотречения, кажется еще ни одна раса не выделяла. Страшная книга. И так как слышен несомненный талант, то читать ее жутко.

Я сегодня кончил и отослал 1-й том «Зверя из бездны», т. е. редактировал его к печати. 1-й том — листов 25, а то и все тридцать [3].

До свидания, всего Вам хорошего. Переезд в Специю предвидится 15 сентября. Привет Марии Федоровне и всем святым дома Цезарева, как писывал апостол Павел [4].

Ваш Амфитеатров

Датируется по почт. шт.

[1] «Взятие Бастилии» — пьеса Р. Роллана из цикла исторических драм о Великой французской революции, который не был полностью осуществлен. Из задуман-

ГОРЬКИЙ И ХУДОЖНИКИ: С. М. ПРОХОРОВ, И. И. БРОДСКИЙ, Я. М. ПАВЛОВ, М. В. ПЕЧАТКИН НА ВЕРАНДЕ ВИЛЛЫ «СПИНОЛА»
Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, август, до 23 1910 г.
Музей Горького, Москва

ных 12 пьес Роллан написал только восемь. Пьеса «Дантон» (1899) на русском языке издана в 1920 г., «Взятие Бастилии» (1901) на русском языке — в 1906 г., в переводе Е. М. Александровой.

В изд-ве «Знание» пьесы Р. Роллана о Французской революции не выходили.

[2] Владимир Евгеньевич *Жаботинский* (1880—1940) — писатель, журналист, переводчик, впоследствии один из руководителей сионистского движения.

[3] Роман Амфитеатрова «Зверь из бездны» был впервые частично опубликован в журн. «Современник» в 1911—1912 гг. Новая редакция романа готовилась автором для Собрания сочинений в изд-ве «Просвещение».

[4] В христианской мифологии *Павел* — один из апостолов, сыгравший в оформлении и распространении христианского вероучения значительную роль. Церковь приписывает ему 14 посланий, включенных в Новый завет.

125. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

〈Капри. Август, не ранее 22, 1910 г.〉

Спешу известить вас, Александр Валентинович, что трилогия Роллана и его книга о народном театре — переведены и осенью этой выйдут в «Знании» [1]. Сообщите об этом вашей переводчице, дабы она торопилась продать свою рукопись до выхода знаниевской книги, в случае нужды я постараюсь задержать издание.

Жаботинского — не читал. Я не поклонник его озлобленного, истерического таланта, хотя, разумеется, понимаю причины озлобления и считаю Жаб〈отинского〉 весьма талантливым. Милость будет — пришлите его книжку, возвращу.

Нет ли «Притч» ваших? [2]

Вы Нерона расписываете, а я всё уездных Калигул вычерчиваю [3].

«Кожемякин» — двигается. Напишу «Дело Бубновых» [4] — это интересное дело, не знаю, слажу ли!

Ныне изображают мя красками на полотне четверо художников, а один, изобразив, уехал.

На всех выставках будущего сезона явятся портреты М. Горького — купите штучки три!

А мне — куртаж!

Жарко, холерно, утомительно.

Кланяюсь

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова Горькому от 20 августа 1910 г. (*АГ*).

[1] В ноябре 1910 г. в изд-ве «Знание» вышла кн. Р. Роллана «Народный театр» (статьи и рецензии 1900—1903 гг., в пер. И. Гольденберга). В журн. «Современник» (1911, № 2) была напечатана положительная рецензия на книгу. Трилогия Роллана в «Знании» не издавалась.

[2] Вероятно, Горький имеет в виду кн. Амфитеатрова «Притчи скептика. (Свое и чужое)» (СПб., тип. т-ва «Труд», 1908).

[3] *Нерон* Клавдий Цезарь (37—68) — римский император, отличался большой жестокостью. В историческом сочинении «Зверь из бездны» Амфитеатров писал об эпохе императора Нерона.

Калигула Гай Цезарь Август Германик (12—41) — римский император, за время своего короткого царствования (37—41) прославился стремлением к неограниченной власти и жестокостью, был убит.

[4] «Дело Бубновых» — неосуществленный замысел Горького.

126. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. 13 сентября 1910 г.)

В недоумении сердитом
Прочла кавийская земля,
Что Горький с дружеским визитом
Был во дворце у короля [1].

Кавийцы дни свои проводят
Куда мрачнее, чем Максим:
Ни в гости к королям не ходят,
Ни короли не ходят к ним.

Переругались все, как черти,
Текут потоки ерунды,
И, что противно пуще смерти,
Пошли третейские суды.

В грустях от судопроизводства,
Мы в дом, как в нору, залегли,
Но, чтоб осталось с Вами сходство,
Играем тоже в «короли».

Надеюсь, что этого милого занятия достанет до четверга 15/IX, когда мы перебираемся на новые квартиры, и Специя примет нас, как еще живых людей, а не в качестве удавленников от муки. Посылаю Вам наш специальный адрес:

Spezia. Fezzano. Villa Buriassi.

Всего хорошего! Сердечный привет М. Ф. До свидания!

Ваш Ал. Амфитеатров.

Датируется по почт. шт.

[1] Подразумевается широко распространившееся в зарубежной и русской прессе сообщение о встрече Горького с итальянским королем Виктором-Эммануилом III на Капри.

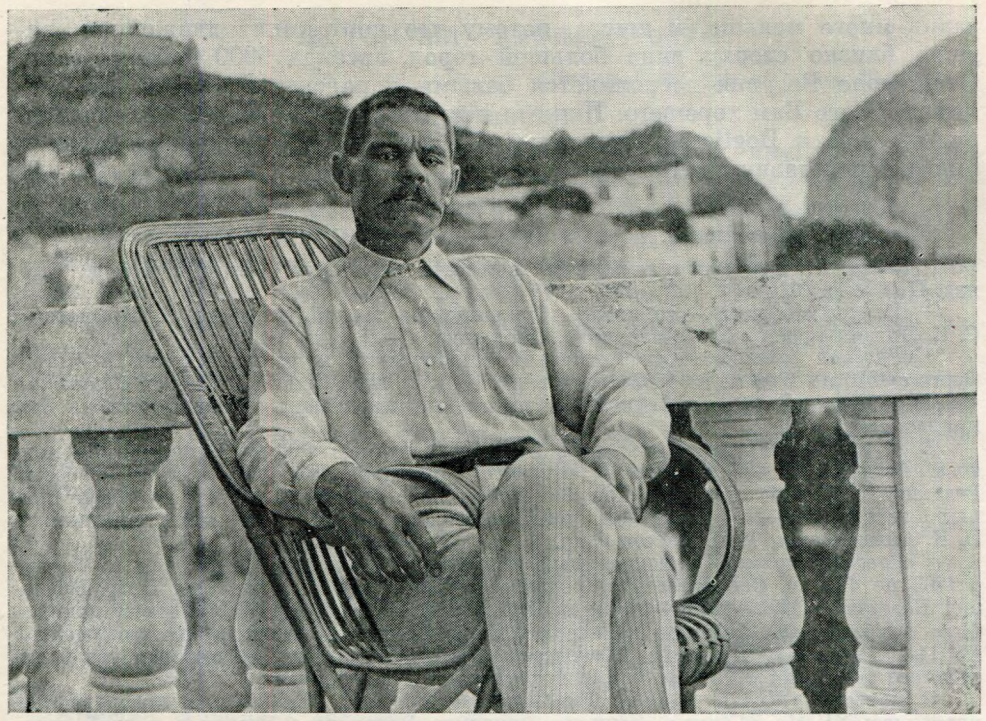
В п. к Короленко Горький писал, что его беседа с итальянским королем — «апокриф» (*XXIX*, 128).

127. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Феццано. 21 сентября 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Мы перебрались, и у нас очень хорошо: красиво, комфортно и уединенно. Приезжали бы поскорее! Здесь можно отдохнуть хорошо.



ГОРЬКИЙ НА ВЕРАНДЕ ВИЛЛЫ «СПИНОЛА»
Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1910
Музей Горького, Москва

Жаботинский отказался от идеи публиковать свою пьесу [1] — кажется, под влиянием моего письма, в котором я ему указывал, что ему придется пьесу эту защищать и от с. д., и от глупой части интеллигентного еврейства, а вряд ли он найдет орган печати, достаточно смелый, чтобы открыть свои страницы под защиту от двух таких сил. А «Новое время», которое далеко не дурак, искусственно влюбится в «Чужбину», использует ее для травли «жида» и потопит Жаботинского своими симпатиями. Ведь надо же сознать ясно: бытовые обличения «Контрабандистов» [2], даже пьесы Юшкевича и Ш. Аша,— детский лепет сравнительно с этим плачем Иеремии.

Отослал я 2-й том «Девятидесятников» и с приятностью убедился, что роман еще и не начинался, а потому предстоит его еще тома два! Ну и писатель!

В кабинете у меня такой хаос, что смотреть жутко. Недели на две разборки хватит.

Если Вас интересует теперь XVIII век, то имейте в виду, на случай приезда, что «Р〈усская〉 старина» [3] и «Р〈усский〉 архив» [4] имеются у меня с основания до 1907 года полностью и с приложениями. Сейчас они во Флоренции, а в конце недели будут уже здесь. К 15 февраля 1913 года я намерен выпустить «Историю династии Лже-Романовых» [5] и собираю исподволь материал. Все «заделались» историками, Плеханов пишет историю общественной мысли в русском XIX веке [6]. Брал у меня кое-какие материалы. Рубакин — историю литературы новейшей [7] и т. д.

У нас страшные грозы.

Жаль, не знаю, куда задевались открытки, а то бы послал бы Вам вид нашего обиталища. Он — вроде Вашего, но интимнее, потому что

залив много меньше, и живее, потому что порт кипит движением, видишь близко сверху вниз большой город, арсенал 6000 рабочих и пр. Отсутствие Везувия восполняется белыми каррарскими горами. До свидания. Всего Вам хорошего. Пишите и приезжайте. Г〈ерман〉 А〈лександрович〉 еще в Bogliasco, лечится у dr. Залманова,[8] а главное, судит и рядит переругавшихся русских.

Ваш А. А.

Датируется по почт. шт.

[1] Пьеса Жаботинского появилась в печати (Чужбина. Комедия в 5 д., СПб. изд. Ц. Крайз, 1910).

[2] «Контрабандисты» — спектакль Суворинского театра по пьесе В. Крылова и С. К. Литвин-Эфрон «Сыны Израиля». См. также: *Г—Ляц*, п. 23.

[3] *«Русская старина»* — ежемесячный исторический журнал, выходил в Петербурге с 1870 по 1918 г.; до 1892 г. журнал редактировал Михаил Иванович *Семевский* (1837—1892) — историк, публицист, автор работ, характеризующих жизнь и быт придворных.

В «Русской старине» печатались неопубликованные тексты Пушкина, Лермонтова, Рылеева и др., материалы русского фольклора, материалы к биографиям. Редакция «Русской старины» при Семевском вела большую работу по сбору ценных источников — о восстании декабристов, о М. А. Бестужеве, художнике И. К. Айвазовском, Т. П. Пассек и др.

[4] *«Русский архив»* — ежемесячный исторический журнал, издавался в Москве с 1863 по 1917 г. Основателем и редактором-издателем журнала был Петр Иванович *Бартенев* (1829—1912) — историк, археограф, библиограф. В «Русском архиве» было опубликовано большое количество исторических и литературных документов XVIII—XIX вв.— о Пушкине, Жуковском, Гоголе, материалы об истории освободительного движения в России — преимущественно о декабристах.

В повести «Жизнь Матвея Кожемякина» Горький использовал литературные материалы XVIII—XIX вв.: «Записки Фридриха Великого о России в первой половине XVIII в.» (Русский архив. 1877. Кн. 1. С. 8 — см.: *11*, 431); И. С. Аксаков «Краткая записка о странниках, или бегунах» (Там же, 1866. Стлб. 637— *11*, 400).

[5] См.: *А—Г*, п. от 12 декабря 1911 г., прим. 4.

[6] Очевидно, Амфитеатров имеет в виду работу Плеханова «История русской общественной мысли», которую в апреле 1909 г. предложило написать Плеханову изд-во «Мир». Книга вышла в 1914 г.

Материалы к «Истории русской общественной мысли» и «Общий план» работы впервые опубликованы в кн.: Философско-литературное наследие Плеханова. М., 1974. Т. 3.

[7] Николай Александрович *Рубакин* (1862—1946) — русский писатель и библиограф, автор работ по библиографии, истории книжного дела в России. В 1907 г. эмигрировал в Швейцарию, где жил до конца жизни. Ленин, Плеханов, Кропоткин и другие крупные общественные деятели и писатели пользовались книгами его библиотеки (в настоящее время она хранится в Гос. биб-ке СССР им. В. И. Ленина).

Основная работа Рубакина — «Среди книг» (М., 1911—1915, т. 1—3). Рецензируя второй том книги Н. А. Рубакина в 1914 г., Ленин писал: «Автором и его многочисленными сотрудниками, названными в предисловии, затрачен громадный труд и начато чрезвычайно ценное предприятие, которому от души надо пожелать расти и развиваться вширь и вглубь. Особенно ценно, между прочим, то, что автор не исключает ни зарубежных, ни подвергшихся преследованиям изданий. Ни одной солидной библиотеке без сочинения г-на Рубакина нельзя будет обойтись.

Недостаток сочинения — эклектизм автора и недостаточно широкое (вернее, едва только начавшее применяться) обращение к специалистам за сотрудничеством по определенным вопросам» (*В. И. Ленин.* Т. 25. С. 111—114).

[8] Абрам Соломонович *Залманов* (1866—1964) — доктор медицины, автор кн. «Тайна и мудрость тела», «Чудо жизни». Учился в Москве на медицинском факультете. За участие в организации Всероссийской студенческой забастовки в 1899 г. был арестован и сослан. Затем уехал в Германию, где завершил свое образование. В Италии, в местечке Нерви, недалеко от Генуи, стал директором санатория для политэмигрантов. У него лечились Роза Люксембург, Клара Цеткин, Плеханов, бывали Горький, Ленин.

В начале первой империалистической войны вернулся в Россию. После Октябрьской революции работал в Наркомздраве. С октября 1918 г. лечил Ленина, Крупскую и сестер Ленина М. И. и А. И. Ульяновых, бывал в семье Ленина. В 1921 г. уехал за границу.

Залманов был женат на племяннице Лопатина.

128. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Сентябрь, не ранее 23, 1910 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

Не попросите ли вы Жаботинского — от моего имени — прислать мне «Чужбину»? [1] Я понял из вашего письма, что в продажу книга эта не поступит, а иметь ее — необходимо! Хорошая книга! Наши эдак редко пишут и совсем не умеют писать так теперь, когда надо бы!

Мне, знаете, жаль, что не выйдет «Чужбина» в публику, жаль! Конечно, вы — правы, «Н⟨овое⟩ в⟨ремя⟩» — оближет ее своим гнусным языком, и многие другие сукины сыны ликовать будут, но — есть же где-нибудь на Руси здоровые, честные люди? Это книга — для них.

Вы посмотрите-ка, что пишет Вася Богучарский и как истолковывает его Вас. Розанов! [2] Что, вообще, пишется Н. Минским, Гершензонами [3] и прочими — книга честного человека не может быть неуместной среди этого гнусного шепота могильщиков, которые поносят мертвых, но — боятся их.

Начало истории Т⟨арновской⟩ мне было известно, и конец ее не удивил меня. Всё может быть, всё!

Колосова — не жалко. Колпинский — несимпатичен мне [4].

Продолжаю прихварывать, это очень противно с непривычки.

Насчет Романовых: вы знаете, что еще Де ля Шетарди считал эту фамилию прекратившейся? Сие обозначено в его депешах, 113-ая страница [5].

Книг-во «Сфинкс» объявляет об издании Ферреро в 5-и томах,— это ваш перевод? [6]

Будьте здоровы!

Не сомневаюсь, что по скорости попаду к вам, а когда — не знаю еще.

Поклон

А. Пешков

Датируется по предыдущему п. Амфитеатрова.

[1] По-видимому, Амфитеатров написал Жаботинскому о просьбе Горького, и тот прислал ему свою пьесу с дарственной надписью: «Алексею Максимовичу Пешкову с глубоким уважением Вл. Жаботинский. Одесса. 4/17.XI. 910». Книга хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

[2] В. Розанов в ст. «Тьма» (Новое время. 1910. № 12384. 4/17 окт.), критикуя ст. В. Я. Богучарского «Из истории политической борьбы в 80-е гг.» (Русская мысль. 1910. № IV, V, VIII, IX), одновременно яростно нападал и на Чернышевского, и на Добролюбова и обвинял революцию и революционеров в «дикости и самой грубой азиатской элементарности».

[3] Горький имеет в виду ст. М. О. Гершензона «Творческое самосознание» в сб. „Вехи" (М., 1909).

[4] Дмитрий Дмитриевич *Колпинский* (1884—1912) — журналист, знакомый Горького по Нижнему Новгороду. В 1912 г. во Флоренции застрелился (см. п. Горького Е. П. Пешковой — *Арх. Г.* Т. IX. С. 139).

[5] Маркиз *де ла Шетарди*, посол Франции в Петербурге, в п. от 25/14 октября 1740 г. писал: «... еще страннее, что царица, обольщенная мыслию возродить прекратившуюся фамилию Романовых в лице принца Ивана и не будучи в состоянии достигнуть иначе, как при посредстве принцессы Анны — внуке по матери царя Ивана...» (Маркиз де ла Шетарди в России 1740—1742 гг. СПб., 1862. С. 113). Согласно императорскому манифесту от 5 октября 1741 г., дети, рожденные от брака принцессы Анны с принцем Брауншвейгским, имели право наследовать русский престол.

[6] Изд-во «*Сфинкс*» (1907—1914) издавало книги по истории, философии, естествознанию, экономике — в основном иностранных авторов.

В 1908 г. Амфитеатров организовал группу переводчиков труда Г. Ферерро «Величие и падение Рима». Однако перевод оказался плохим, писал позже Амфитеатров, «редакция потребовалась долгая и большая, а тем временем и я во многом у Ферреро разочаровался» (*Амфитеатров*. Т. 5. С. XXVIII).

Работа Ферреро «Величие и падение Рима» в переводе и с предисловием А. А. Захарова в пяти томах издана в Москве М. и С. Сабашниковыми, в 1915—1923 гг. Хранится в *ЛБГ* с пометами Горького (*Описание*).

129. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Конец сентября 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Книга Жаботинского — хорошая книга, самая талантливая вещь из всей антиреволюционной литературы. Много в ней верного, еще больше такого, с чем я никогда не соглашусь, а спорить не стану из чувства глубокого уважения к автору — душе пламенной и полной гневной скорби [1].

Талантливый он человек и — превосходный еврей, да пребудет же таковым во все дни своя!

Читал — смеялся горько и почти ревел от ярости, от нестерпимой жалости к Моте, Макару и другим, слишком хорошо знакомым мне людям. Сколько их, разбитых, проходит предо мною, и немалое число удаляются туда, «иде же несть печалей». Умирают они — виновато улыбаясь. Мученики — виновато улыбаясь!

Молчание. Тяжело говорить.

А у меня — нейрастения начинается. Достиг! Доктор рекомендует настойчиво — не писать, не читать, не ругаться и вообще ничего не делать. Я второй день и не делаю ничего, но — реагирую, а это хуже всех утомляет. Ибо реагировать приходится на такие штуки: писатель Арцыбашев побросал в воду морскую столы, стулья, фонари и еще какие-то предметы — вероятно, у него тоже нейрастения. А «Новое время» — по этому поводу написала нечто анафемски гнусное [2].

Другой писатель привлекается к суду за кражу со взломом, совершенную в пьяном виде. Потерпевшего, сидельца винной лавки, уговаривают: оставь, дядя! А он: нет, не оставлю! Г〈осподина〉 писателя все уважают, *поэтому* я не могу оставить! «Поэтому» — обратите внимание! Тут есть смысл, а?

Чёрт дернул Андреева затеять какую-то киевскую двойную бехгалтерию — черная пресса грегочет в дикой радости: «вот они, вожди ваши!» [3] Текут ручьи бурной грязи и все глубже вырывают овражище между «интеллигенцией и народом». Душа моя болит насквозь. Хоть бы извне откуда свежим дунуло на Русь эту несчастную! А и вне — нехорошо! Прочитайте-ка Фаррера «Цвет цивилизации» [4] — ужасно! А книжка имеет дьявольский успех.

Ну, довольно, наныл! Не моя это специальность, но — терпенья нет! К тому же — нейрастения.

Вот как приеду к вам, украду итальянский броненосец и уеду на оном в разные безбрежные океаны. А пока — до свидания!

С новосельем! Хорошо ли?

Ну как же надоели мне с этим королем? Телеграммы присылали, приходили люди с аппаратами; большеносые эдакие брюнеты, серьезные, останавливали на улицах, любезно улыбаясь, а я им вместо — здравствуйте! — говорил свирепо — Non e vero! * — и сломя голову бежал прочь.

Получил рукопись статьи «Горький и Ракониджи» [5] — с просьбой сказать — что я думаю о ней? Чёрт вас возьми — думаю я.

Есть в этом глупейшем шуме нечто очень противное и удручающее меня весьма. Такие пустяки, в такое сложное время и — возбуждают интерес,— не понимаю, кто же вмещает сие?

Написал пьесу о матери [6]. Залез в историю, читаю XVIII век в России — Шетардиев, Сегюров [7] и прочих иностранцев мемуары. Тяжело!

Желаю всего доброго вам, дорогой!

Будьте здоровы! Книгу вышлю завтра [8].

Поклон Илларии Владимировне.

А. Пешков

* Неправда! (*ит.*)

Датируется по содержанию.

[1] Е. П. Пешковой Горький писал о «Чужбине»: «Жаботинский написал превосходную книгу „Чужбина" — жаль, не хочет ее издавать. Книга стонов и рыданий честного человека о горе народа своего» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 101).

[2] Факты аморального поведения некоторых писателей, широко освещавшиеся в газетах, вызывали постоянную тревогу Горького. Об этом он писал Е. П. Пешковой в октябре 1910 г.: «Из России доходят всё печальные вести, поскольку речь идет о литераторах и литературе. Куприн допился до галлюцинаций. Леонид страдает манией величия в злейшей форме. Его — нестерпимо жалко. Временами он и сам понимает драматизм своего положения. Относятся к нему — насмешливо и грубо: недавно одна дама назвала его в лицо „хамом". Вообще, как видно, литератор совершенно утратил старое обаяние и свой престиж в обществе» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 102).

[3] Горький имеет в виду «историю» постановки пьесы Андреева «Gaudeamus» одновременно в двух драматических театрах Киева. Об этом инциденте сообщалось в ряде газет, в том числе в «Киевской мысли» (1910, № 226, 23 авг.), «Киевском театральном курьере» (1910 № 656, 12 авг.) и др. Андреев выступил в журн. «Театр и искусство» (1910, № 37, 12 сент.) с открытым письмом «Мое объяснение». Изложив «историю» постановки своей пьесы двумя театрами, Андреев писал: «...не видя иного выхода из очень затруднительного положения, я предложил ставить пьесу обоим театрам, уменьшив обычные авторские с 5% до 2% для каждого театра. В случае отказа я решил совсем не ставить пьесу в Киеве. По счастью, оба театра согласились».

Премьера пьесы в театре Соловцова состоялась 31 августа 1910 г., а в театре Бергонье — 3 сентября.

[4] Клод *Фаррер* (Фредерик Шарль Эдуард Баргон) (1876—1957) — французский писатель. Роман «Цвет цивилизации» вышел во Франции, в 1905 г., получил Гонкуровскую премию. На русском языке издан в 1909 г.

[5] О какой рукописи идет речь, установить не удалось.

Ракониджи — местность под Турином, где состоялась встреча Николая II с итальянским королем Виктором-Эммануилом III в октябре 1909 г.

[6] «Васса Железнова».

[7] Кн. «Маркиза де ла Шетарди в России 1740—1742 годов» (СПб., 1862) и «Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II. 1785—1789» (СПб., 1865) с пометами писателя хранятся в *ЛБГ* (*Описание*).

В повести «Жизнь Матвея Кожемякина» Горький привел цитаты из кн. де ла Шетарди и графа Сегюра в рассказе Марка о том, что чужеземцы писали о русском народе (*11*, 431).

В 1935 г. Горький в п. Я. Б. Гамарнику рекомендовал мемуары Шетарди в качестве материала для хрестоматии по истории России. См.: *Арх Г.* Т. X. Кн. 1. С. 387.

[8] Вероятно, речь идет о пьесе Жаботинского «Чужбина».

130. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Феццано. 4 октября 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Вот какое дело и какая большая просьба.

С 1-го января 1911 года будет в городе С.-Петербурге выходить ежемесячный литературно-политический журнал «Современник» [1] с сатирическим отделом в нем «*Сверчок*»: как видите, претензия на пушкинские традиции [2]. Журнал этот будет морально мой и руководиться будет мною. Официальным редактором его явится П. Ф. Боцяновский [3], а официальными издателями В. А. Тихонов (драматург) и М. М. Коялович [4], ведший политический отдел «Руси». Стоить будет 12 р. в год. При 5000 подписке покрывает расходы. Будет паевой для всех сотрудников, число коих предполагается ограниченным. Гонорарная расплата предполагается в таком виде. Журнал принимает на себя обязательство гонорара в том размере, как автор ценится или желает цениться на журнальном и книжном рынке. В этот счет он в текущем году, т. е. 1911, по напечатании уплачивает автору 50—75—100 р. с листа. По истечении года доплачивает остальную часть, поскольку то позволяет наличность кассы, а ежели последняя не покроет расхода, то недоплата

остается на издании висящим долгом 1912 года — к уплате в первую очередь.

Зная меня, Вы знаете, какой вид придать я могу журналу. Общеходовых, затрепанных, модернистских и т. п. имен не будет, ни одного. За «модою» гнаться — ни в коем случае. Словом, ни Потапенки[5] в прошлом, ни Потемкина[6], ни даже Макса Волошина[7] в настоящем. Журнал будет ровный, твердый, социалистический, ясный, внепартийный. Словом, буду вести, поскольку смогу, политически — «Красное знамя» без антицаризма открытого, литературно — утверждение хороших русских традиций реализма в художественном и словесном творчестве. В общественном отделе буду сам много работать, уповаю на Гер⟨мана⟩ Ал⟨ександровича⟩. Еврейство поручу Жаботинскому и открою его отдел для полемики. Словом, это — наспех пишу, а ежели быть делу, устроим подробную запись и сговоримся.

Очень бы, нутром хотелось, дорогой А. М., привлечь Вас к сочувствию и участию в этом деле. Слышу я и чувствую, что из него может и должно вырасти большое и хорошее дело. В академики ни Вы, ни я не годимся, и свою академию, при известной выдержке и энергии, малопомалу — слово даю Вам — сочиним и к дирижерскому пульту станем. Пора взрослым людям по-взрослому заговорить. Десятилетие ученических тетрадок, выдаваемых за литературу, всем опротивело — если публика, с отчаяния, за Вербицкую[8] схватилась, значит, выросла в ней потребность, чтобы с нею по-человечески разговаривали. Вот и дадим ей человеческий разговор серьезной мысли и здравого смысла. Помогите, дорогой! Примкните к начинающему делу хоть маленькими вещами.

Отвечайте поскорее, а еще лучше — приехали бы Вы поскорее. Словами намного быстрее и толковее все объяснить и переговорить. Жду Вас крепко и любовно. Мария Федоровна! Да будет Вам обоим сидеть на выспе Вашей (по-польски острове)! Посмотрите хоть цвет других гор и моря! До свидания. Всего Вам хорошего.

Ваш Амфитеатров

Датируется по почт. шт.

[1] Кн. 1 ежемесячного журнала литературы, политики, науки, истории, искусства и общественной жизни «*Современник*» вышла в Петербурге в конце января 1911 г. См. дальнейшую переписку.

[2] «Сверчок» — шутливое прозвище Пушкина в литературном кружке «Арзамас», члены которого получали прозвища, взятые из баллад Жуковского.

[3] Владимир Феофилович *Боцяновский* (1869—1943) — критик, автор первой кн. о Горьком — «Максим Горький. Критико-биографический очерк» (СПб., 1901). Письма Горького В. Ф. Боцяновскому см.: *XXVIII*, 129—130, 139—140. Боцяновский был редактором только первого номера журнала.

[4] Михаил Михайлович *Коялович* (1859—1916) — сотрудник социально-политического отдела журнала, член редколлегии.

[5] Игнатий Николаевич *Потапенко* (1856—1929) — писатель, начал печататься в 1881 г. Широкую известность получила повесть «На действительной службе» (1891). Помимо повестей и рассказов, писал очерки, рецензии, пьесы.

[6] Петр Петрович *Потемкин* (1886—1926) — поэт, драматург, театральный критик. Сотрудничал в журн. «Сатирикон», «Новый сатирикон», «Солнце России», «Аргус», «Синий журнал». В последние годы занимался переводами, писал стихи для детей.

[7] Максимилиан Александрович *Волошин* (1877—1932) — поэт, критик, художник, примыкал к символистам, позднее печатался в журнале акмеистов «Аполлон».

[8] Анастасия Алексеевна *Вербицкая* (1861—1928) — известная романистка. Амфитеатров имеет в виду нашумевший роман «Ключи счастья» (Современный роман. М.: изд. автора, 1909. Кн. 1 и 2). В *ЛБГ* хранятся «Ключи счастья» и другие кн. Вербицкой с дарственными надписями Горькому (*Описание*).

НАДПИСЬ ГОРЬКОГО НА ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ОТКРЫТКЕ АМФИТЕАТРОВУ
Флоренция, 6 октября 1910 г.
Архив Горького, Москва

131. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Флоренция. 6 октября 1910 г.›

Едем!

А когда доедем — не знаю. Ибо по дороге к вам заглянем в Пизу, Сиену, Лукку и еще куда-то[1]. Но — будьте благонадежны и пеките пирог. О дне, когда его печь,— сообщим срочной депешей по кабелю.

Мы.

На лицевой стороне открытки шуточная приписка Горького:

В этой комнате, за этим столом написано это письмо.
Знай наших!

Наружный вид внутренностей отеля Гельвеция во Флоренции.

Датируется по почт. шт.

[1] 1 октября 1910 г. Горький с З. А. Пешковым отправились в путешествие по северной Италии. Они посетили Флоренцию, Пизу, Лукку, затем Горький был несколько дней в Специи, куда, как писал он Е. П. Пешковой, его призвала необходимость «видеть Амфитеатрова и еще кое-кого» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 97). Из Специи Горький выехал в Сиену и 22 октября 1910 г. вернулся на Капри (*Дн. Пятницкого*).

О необходимости этой поездки Горького М. Ф. Андреева писала Амфитеатрову 2 октября 1910 г.: «...Нервы А. М. в ужасном состоянии, он почти не спит, ест еще меньше обычного, бледен. Прошлогодняя школа — нравственный разрыв с Луначарским, Богдановым, которых он и по сейчас очень высоко ставит как талантливых людей, а Богданова считает выдающимся ученым, усиленная работа при условии, что чуть не каждую написанную страницу у него из рук рвет К. П., тогда как самому А. М. хотелось бы задержать ее, поработать еще, дать полежать написанной вещи, и многое еще другое, ежедневное, мелкое, но волнующее и неприятное... А главное и прежде всего — общее положние дел в России, падения и крушения, общее положение литературы русской и г.г. литераторы — всё это доконало даже и его крепкую натуру... И доктора очень значительно заявили мне о необходимости немедленного отдыха, полной смены обстановки...» (*М. Ф. Андреева.* С. 185—187).

132. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Пиза. 9 октября 1910 г.)

Мы уже в Пизе.

Лазили на башню [1], смотрели Гоццоли [2], завтра — Лукку, а оттуда — к вам. Ноги устают.

А. Пешков

Датируется по почт. шт.

[1] Горький приехал в Пизу 9 октября 1910 г., откуда 10 октября выехал в Лукку.

[2] Беноццо *Гоццоли* (Gozzoli, 1420—1498) — флорентийский живописец. Горький имеет в виду 22 стенных фрески в Кампо Санто в Пизе, где художник изобразил события Ветхого завета от Ноя до Моисея.

133. ГОРЬКИЙ И ДР.— АМФИТЕАТРОВУ, Г. А. ЛОПАТИНУ

(Капри. 1 ноября 1910 г.)

Грустим, нет Вас, привет Александру, Илларии со чадами и большому Герману.

Лидия, Зиновий, Алексей, Мария [1]

Подлинник хранится в *ЦГАЛИ* (ф. 34), в *АГ* — фотокопия.
Датируется по помете на телеграфном бланке.
Текст написан латинскими буквами.

[1] Кроме Горького и М. Ф. Андреевой, телеграмму подписали З. А. Пешков и его жена — Лидия Петровна *Пешкова* (урожд. Бураго) (1889—1956).

134. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Ноябрь, не позднее 5, 1910 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Посылаю книжку Алексея Толстого. Прочитав — возвратите, прошу [1].

Посылаю камею для Ил. Вл. Человек с немецким лицом, одет в средневековый костюм, греческая надпись на камее гласит: «Изакеия». Это, может быть, Изаак, композитор-немец, живший при дворе Лаврентия Медичи и написавший музыку на текст драмы Великолепного «San Jiovanni e Paolo». Сие, конечно, догадка [2].

Деревья на днях будут высланы из Неаполя.

Великое вам спасибо за «Рус‹ский› арх‹ив›» — очень интересные томики и весьма мне на пользу. Ах, милостивец! Верьте: не токмо подарок дорог, но того паче — любовь ваша человечья!

О рассказе для «Совр.» думаю. Не могу остановиться на теме. Напишу скоро.

А не следует ли вам прочитать тихоновский роман до печати? [3]

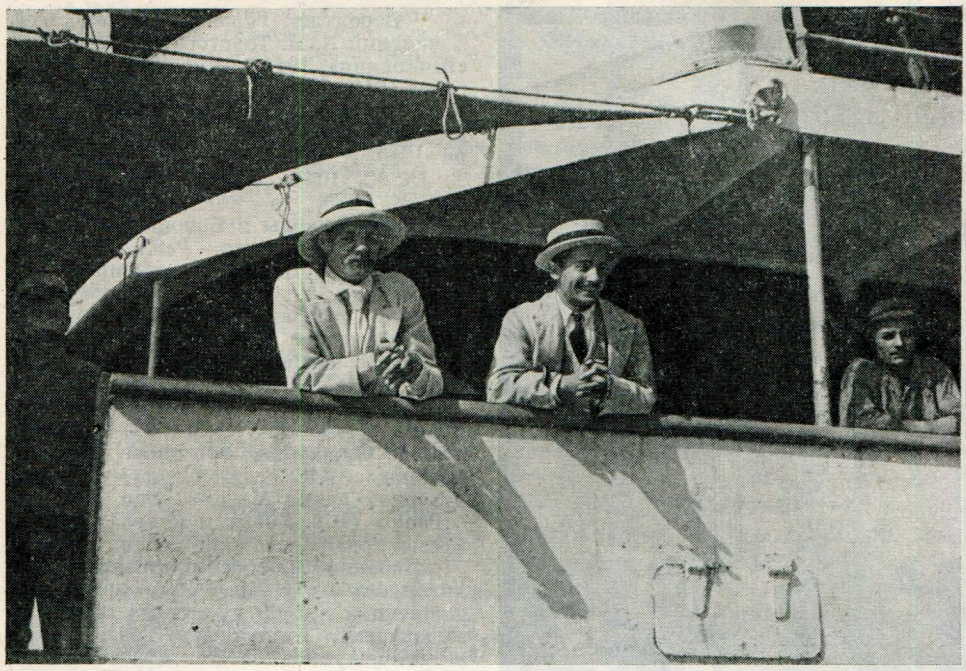
Скоропалительные наши молодожены находятся в состоянии непрерывного и немого удивления друг пред другом — кроме сего, что́ сообщить о них?

На воскресенье назначен ими прием поздравлений — это будет грандиозно! Явится сотни три людей, а то и больше. Факт [4].

Каприйцы отнеслись и относятся к этому скоропостижному браку изумительно: мы просто потерялись и не знаем как, чем благодарить за такое милое, трогательное до слез внимание! Хорош здесь народ! Аминь.

Сообщите, получены ли вами последние издания «Знания» — Сургучев, Шмелев, «Чудаки», Роллан? Обязательно сообщите. Обращаю внимание ваше на Сургучева [5].

А Михайло Арцыбашев перелеонидил-таки Андреева в пессимизме — во сто лошадиных сил пессимизм пущен! В помощь взяты Толстой с



ГОРЬКИЙ И З. А. ПЕШКОВ НА БОРТУ ПАРОХОДА ВО ВРЕМЯ ПОЕЗДКИ ИЗ НЕАПОЛЯ НА КАПРИ

Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1910

Музей Горького, Москва

Достоевским. «Смерть Ивана Ильича» пространно искажена, Кириллов выворочен наизнанку, Рогожин изувечен, свидригайловщина привлечена и — получилась окрошка совершенно несъедобная, на мой вкус. Называется эта махинация «У последней черты злости и глупости»[6].

Фамилия кланяется. Все заняты приготовлениями к воскресенью, устают и к вечеру ходят, высунув языки.

Прочитал «Гаудеамус»[7]. Кокетственно, нарочито, а все же талантливо. А вот «Нагая наложница» Бласко Ибаньеса — хорошо![8] Это — серьезно, это — умно, это — талант! И хорош III-й том Ш. Алейхема[9].

Будьте здоровеньки! А Фиников — прав: вино у вас кислое. Много пить его — не стоит оно этой чести.

Вот я и уязвил вас!

В заключение — телеграфический анекдот — фраза вашей телеграммы «не понимаем, куда поехали» — весьма меня смутила, ибо «о» из слова «поехали» выпало по дороге. И вопрос ваш был понят не сразу. Да останется комическое сие событие между нами.

Не позабудьте, дорогой, выписать мне отцов церкви, особенно же Тертуллиана и Иринея![10]

Сердечный привет любимому Герману Александровичу, Илларии Владимировне, детям и всей нижней палате!

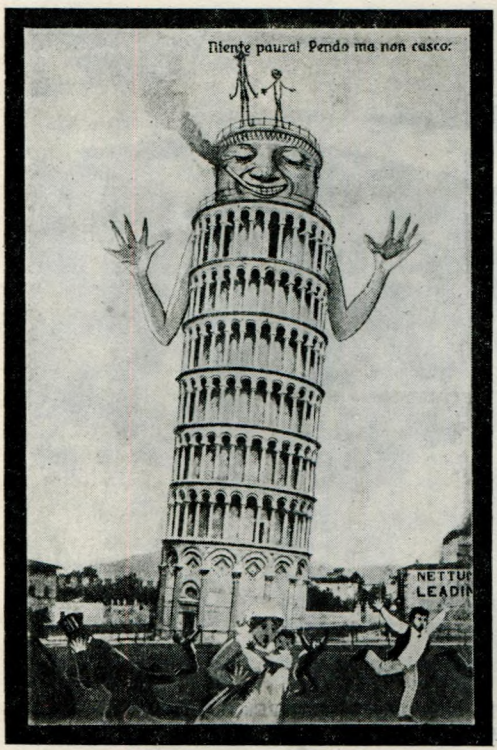
Очень палата эта по душе мне пришлась!

Всех благ!

А. Пешков

Пожалуйста, пришлите мне оставленные у вас Богдановым — как вы говорили — книги Френсена[11]. Видите — какой он? Получил уже премию Нобеля, а у нас — не читают!

Датируется на основании п. Амфитеатрова от 7 ноября 1910 г.



ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ОТКРЫТКА, ПОСЛАННАЯ ГОРЬКИМ АМФИТЕАТРОВУ

Пиза, 9 октября 1910 г.

Архив Горького, Москва

[1] Вероятно, Горький послал т. 1 Сочинений А. Н. Толстого (СПб., изд-во «Шиповник», 1911; вышел в свет в октябре 1910 г.).

О А. Н. Толстом как многообещающем художнике Горький писал в ноябре 1910 г. Е. П. Пешковой (*Арх. Г.* Т. IX. С. 104), М. М. Коцюбинскому (*XXIX*, 138), а также слушателям партийной школы в Болонье: «Обратите его (Луначарского.– *Ред.*) внимание на нового Толстого, Алексея – писателя, несомненно, крупного, сильного и с жесткой правдивостью изображающего психическое и экономическое разложение современного дворянства» (Там же, 142).

[2] Речь идет о композиторе Генрике *Изааке* (1445–1517). В 1484–1495 гг. жил во Флоренции, при дворе Лоренцо Медичи, в 1488 г. написал музыку к духовной драме Медичи «San Jiovanni e Paolo» («Св. Иоанн и Павел»), писал мессы, хоралы, светские песни.

Лоренцо *Медичи*, прозванный Великолепным (1449–1492),– правитель Флоренции с 1469 г., видный политик, выдающийся итальянский поэт, покровитель искусств.

[3] Роман В. А. Тихонова «Карьера» был принят в «Современник» без предварительного чтения рукописи членами редакции. Печатался в № 1–6 журнала за 1911 г.

[4] Горький имеет в виду З. А. и Л. П. Пешковых, бракосочетание которых состоялось в Неаполе, во время пребывания там Горького и М. Ф. Андреевой 29–31 октября. 16–29 октября 1910 г. Пятницкий записал в дневнике: «Неожиданно уезжают в Неаполь Горький и Зиновий. Встречать невесту. Там же будет свадьба» (*АГ*). Прием поздравлений по случаю свадьбы состоялся в воскресенье, 6 ноября (Там же).

[5] Речь идет о книгах, выпущенных изд-вом «Знание»: *Сургучев И.* Рассказы. СПб., 1910. Т. 1; *Шмелев И.* Рассказы. СПб., 1910. Т. 1; *Роллан Р.* Народный театр / Пер. с франц. И. Гольдеберга. СПб., 1910; пьеса Горького «Чудаки» была напечатана в XXII *сб.* «*Знания*» (СПб., 1910).

[6] Горький пишет о романе Арцыбашева «У последней черты», опубликованном в сб. «Земля» (М., 1910). Критика отмечала глубокий пессимизм и фальшь романа Арцыбашева. Горький писал о романе Е. П. Пешковой в ноябре 1910 г. (см.: *Арх. Г.* Т. IX. С. 101, 104), Короленко: «Читали Вы „У последней черты“? Я не люблю Арцыбашева, он — талантлив, конечно, но мне кажется неумным и болезненно злым. Эта повесть окончательно убила во мне остатки интереса к нему: франт, но — весь в чужом! Нахватал у Толстого, у Достоевского 〈...〉 все искажает, мнет и, кажется, делает это только для того, чтобы перелеонидить Андреева в пессимизме» (*Горький и Короленко*. С. 64).

[7] Пьеса Андреева «Gaudeamus» (Gaudeamus (*лат.*) — возрадуемтесь — название старинной студенческой песни) опубликована в альманахе изд-ва «Шиповник» (СПб., 1910, кн. 13). Премьера пьесы состоялась в Новом драматическом театре в Петербурге 16 сентября 1910 г. Большинство рецензентов писали, что пьеса ниже таланта Андреева. Однако в 1912 г. пьесы «Gaudeamus» Андреева и «Васса Железнова» Горького получили Грибоедовскую премию от Московского общества драматических писателей и оперных композиторов (Речь. 1912. № 42. 13 февр.).

[8] Висенте *Бласко Ибаньес* (1867—1928) — испанский писатель и политический деятель. В 1906—1909 гг. создал цикл философско-психологических романов: «Нагая маха» (1906) (у Горького — « Нагая наложница »), «Мертвые повелевают» (1909), «Луна Бенатор» (1909).

[9] В третий том Собрания сочинений Шолома-Алейхема в изд-ве «Современные проблемы» (М., 1910) вошли рассказы «Маленькие люди» с предисловием автора. Амфитеатров высоко оценил вышедший том Собрания сочинений Шолом-Алейхема (Одесские новости. 1910. № 8070. 20 марта / 2 апр.).

[10] Речь идет о кн. «Сочинения святого Иринея, епископа Лионского» и «Творения Тертуллиана, христианского писателя в конце второго и в начале третьего века» (пер. Е. Карнеева; СПб., 1847—1850, ч. 1—4). Книги с пометами Горького хранятся в *ЛБГ* (*Описание*).

[11] Густав *Френссен* (1863—1945) — немецкий писатель. Один из наиболее ярких представителей немецкого так называемого «патриотического искусства», Френссен после 1933 г. проповедовал в своем творчестве идеологию фашизма. О каких книгах спрашивает Горький, установить не удалось. Возможно, имеется в виду роман Френссена «Hilligenlei» (1906). Нобелевскую премию Френссен не получил.

135. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

‹Fezzano. 7 ноября 1910 г.›

Дорогой Алексей Максимович.

Алексеем Толстым я не то что изумлен, восхищен, а просто раздавлен. Это такая сила прет, что я даже не знаю, чего от него ожидать можно. Какой-то словесный Роден, чтобы не побеспокоить — оставить про запас — тень Микель Анджело. Есть страницы, от которых пахнет не то что огромным талантом, а, даже страшно вымолвить, прямо-таки гением. Спасибище Вам, что Вы меня с ним познакомили. Черт его побери, чудовище эдакое, потому что он-таки чудовище же великолепное! Прямо в родню, к однофамильцу своему так и лезет — и в лучшую того пору! Ведь это же «Холстомер» в глаза глядит, «Поликушка», «Два гусара». Грандиозные задатки у человека. Неужели он из кузминской и пр. компании?[1] Не могу понять. Что делать сему в компании сладострастных насекомых? Знаю, надо его перечитать[2].

Сургучев мне понравился весьма. Хороший акварелист и жизнерадостный человек. Я написал о нем немножко. Я хочу звать его в «Современник».

Мне очень понравилась Ваша «Встреча». Я люблю этот тон быстрых и коротких одноактных бытовых вещей,— Ил. Вл. от нее в восторге и пророчит ей театральную судьбу «Завтрака у предводителя»[3].

Шмелева не получал, а Полит‹ическую› экон‹омию› Богданова и Степанова, да[4].

Чертовы телеграфщики! Из-за них никогда ничего хорошего нельзя сказать добрым людям. Хотел телеграфировать молодым:[5]

— Благослови Вас бог, а я не виноват!

Да ведь пришло бы что-нибудь столь несуразное, что и не понять.

Кончил вчера 2-й том «Зверя». Устал, как божья тварь.

До свидания. Я думаю, Вы и М. Ф. с праздниками с ног сбились? Всего Вам обоим хорошего! Молодым совет да любовь. У нас все в порядке.

Ваш Амфитеатров

Датируется по почт. шт.

[1] Амфитеатров имеет в виду дружеские отношения А. Толстого с М. Кузминым.

[2] В ст. «Новая сила» Амфитеатров высоко оценил творчество А. Н. Толстого. Он писал, что А. Н. Толстой «истинный антипод г. Арцыбашева», что ни Чехов, ни Горький, ни Андреев «не научили его своим песням» и что талант Алексея Толстого напоминает «другого великого однофамильца своего, Льва Толстого, Толстого — 30-летнего автора „Холстомера“, „Двух гусаров“, „Поликушки“» (*Амфитеатров*. Т. 15. С. 391, 345).

[3] «Завтрак у предводителя» написан Тургеневым в 1849 г. М. С. Щепкин привез пьесу из Франции для журн. «Современник». Однако пьесу задержала цензура. Напечатать ее удалось в журн. «Современник» только в 1856 г. (кн. VIII).

Театральная цензура проявила снисходительность и одобрила пьесу. Цензор представил комедию Тургенева как простую картину провинциальных нравов. Поставили пьесу в декабре 1849 г. в Петербурге, на сцене Александринского театра, в бенефис Каратыгина. До появления в печати пьеса Тургенева распространялась в списках, читалась на литературных вечерах. Ф. Кони в рецензии на пьесу писал, что это «бесспорно лучшее произведение из всех, какие в последние два года

являлись на русской сцене» (Пантеон и репертуар русской сцены. СПб., 1850. Кн. 1. Отд. VII. С. 26—27).

[4] *Богданов А., Степанов И.* Курс политической экономии. СПб.: изд-во «Знание», 1910.

[5] З. А. и Л. П. Пешковым.

136. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Ноябрь, не ранее 14, 1910 г.)

Дорогой и большущий друг!

Посылаю рукопись (наброски). Если дело пойдет — дам еще жалобу кушца, коя, думаю, будет более забавна и не столь груба. С офицером я не сладил: не удалось развернуть с достаточной ясностью путаницу в его ошеломленных испугом мозгах [1].

Но — если б вы знали, как мне трудно писать и с каким усилием я отрываюсь от своей темы!

А тут еще обезумела природа: небо прокисло, стало подобно овсяному киселю, тает, рвется, и в дырья его садит неистовый ветер, опрокидывая все, что можно. Море — воет, все качается, двери хлопают, во все щели плещет дождь — кавардак со стихиями! И — уверяю вас! — в этом виноват Арцыбашев.

По ночам в небо выкатывается луна, вид у нее простуженный, распухший, улыбочка кисленькая и критическая. Но тотчас на нас, как нищие на семишник, бросаются, наваливаются тучи и давят, гасят, растирают по мокрому небу в желтовато-тусклое пятно. И — все носится ветер, точно у него жена сбежала, захватив с собой последние в доме 16 рублей, но оставив трех дочек в коклюше и сынка с золотухой. Пароход из Неаполя не ходит к нам, прошлый раз подпрыгнул, поплевался черным горьким дымом и — ушел обратно.

Третий день нет почты, а итальянцы злорадно уверяют меня, что Лев Толстой с монашенкой сбежал, Софья же Андреевна будто отравилась. Не верю,— ибо — напечатано в газетах [2].

И что Лев Львович гениальный скульптор [3] — не верю, хоть на кол посадите!

А «Деревню» Бунина [4] надобно вам прочитать, факт! Он развертывается как превосходнейший прозаик. Только — густо очень.

Рекомендую вниманию вашему «Мелкого беса» Генриха Манна [5], это — значительно, а Сологуб — старый паяц, и Редька уязвила его насмерть.

Ах, господи боже, до чего это противно и гнилостно, прокаженно и нищенски-жалобно!

Напишите мне, как творится «Современник» и какие новости в этой стороне.

Если же ветер не перестанет — прощайте! — возьму в руки зонтик, раскрою его и улечу куда-нибудь за грань миров, где бы не дуло мне в коленки и не грозил ревматизм, подагра, проказа и прочие беды.

И не свистело бы в ушах мережковским голосом, и не стучало бы в окна философским тупым языком, и — до свидания.

А. Пешков

Датируется по содержанию и по сопоставлению со следующим письмом.

[1] Речь идет о рассказе Горького «Жалобы» (I) для кн. 1 «Современника». Офицер Швецов — главный персонаж рассказа.

[2] Точное известие об уходе Толстого из Ясной Поляны Горький получил только 16 ноября (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 159), хотя слухи об этом распространялись с 11 ноября. Первые сообщения об уходе Толстого появились в русских газетах 30 октября/12 ноября 1910 г. 31 октября/13 ноября передавались подробности о маршруте Толстого, в частности о его посещении сестры, М. Н. Толстой в Оптиной пустыни.

Горький оценил уход Толстого скептически. «Горький в уходе видит желание

вознести, укрепить себя в глазах людей как нечто непогрешимое. Говорит об этом с неприязнью»,— записал Пятницкий в дневнике 24 ноября/7 декабря 1910 г. (*АГ*) Позднее в очерке «О С. А. Толстой» Горький писал: «По моему мнению, Льву Николаевичу Толстому вообще и никогда не следовало уходить, а те люди, которые помогали ему в этом, поступили бы более разумно, если бы помешали этому. „Уход" Толстого сократил его жизнь, ценную до последней минуты,— вот неоспоримый факт» (*16*, 372). Подробнее об этом см.: *Бялик Б.* Великое слово. М., 1981. С. 107—109.

[3] Горький относился к Л. Л. Толстому отрицательно, см. его п. к Ф. Д. Батюшкову (*XXVIII*, 276—277), а также п. Л. Л. Толстому (*АГ*).

Л. Л. Толстой в 1908—1909 гг. увлекался скульптурой, учился у О. Родена.

[4] Речь идет о второй части повести «Деревня» (Современный мир. 1910. № 10). См. п. Горького Бунину от 9 ноября 1910 г. (*Горьк. чт.* 1961. С. 49—50). Третья часть повести была напечатана в № 11 «Современного мира». Отдельной книжкой повесть издана Московским книгоизд-вом (1910).

Бунин писал: «Популярность моя началась с того времени, когда я напечатал свою „Деревню". Это было начало целого ряда моих произведений, резко рисовавших русскую душу, ее светлые и темные, часто трагические основы. В русской критике и среди русской интеллигенции, где, по причине незнания народа или политических соображений, народ почти всегда идеализировался, эти «беспощадные» произведения мои вызвали страстные враждебные отклики. В эти годы я чувствовал, как с каждым днем все более крепнут мои литературные силы» (*Бунин И. А.* Предисловие к кн. «Весной в Иудее — Роза Иерихона». Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1953).

Многие рецензии на повесть Бунина «Деревня» были отрицательны. См.: Летопись литературных событий // *Русская литература конца XIX — начала XX в. 1908—1917 г.* С. 469—470.

[5] Роман Г. Манна «Учитель Унрат» вышел на немецком языке в 1905 г. На русском языке под названием «Мелкий бес» — в Собр. соч., т. IV. (М., изд-во «Современные проблемы», 1910; пер. В. М. Фриче).

137. ГОРЬКИЙ — И. В. АМФИТЕАТРОВОЙ

(Капри. Ноябрь, не ранее 14, 1910 г.)

См. публикацию Д. Нормана и В. Эджертона.

138. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1910.XI.14

Дорогой Алексей Максимович.

Так взволнован «концом Толстого»[1], что не могу ни о чем другом думать. Если это не кончится полицейско-Софьиной комедией, то это — начало религии... Помните, что я в «Современниках» писал[2].

Молодчина старик! Честно загнул конец свой. Лишь бы не испакостили родня и сердобольные друзья.

Прочитал три тома стихов Бунина[3]. Не надо. Мертвечина. Дай ему бог здоровья и чин президента академии наук, а стихи пусть кто-нибудь другой пишет. Это не поэзия, а версификация.

Нет, какая же силища старика-то? А?.. Кругом, кругом вышел хорошо. Вы представить себе не можете, как я рад... Большая это грусть — Толстого не любить и в него не верить. И вдруг —

И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь...

Хорошо, Алексей Максимович! Хорошие русские люди, добротный народ!

Прочитал Аверченка «Веселые устрицы»[4]. Вот дрянь-то! Только и хватило, что на 5 минут!

А о Бунине Вашем написал стихи.

Прочитан Бунин. Как шершавый куль,
Плохие рифмы волоклись и вязли.
Весной поет над розами буль-буль *.
В Одессе есть миллионер Маразли.

* соловей (*перс.*).

Велик поэт. Созвучных скрипов царь,
Он важен, как Анубисова крипта [5].
Но — «Энциклопедический словарь»
Необходим к сим таинствам Египта.

Надеюсь, оцените рифмы и точки среди стиха.
Всё хорошо, всё шутки... А где-то старый Лев бродит?
Привет Марии Федоровне и молодым!
Всего Вам, дорогой, хорошего [6].

Ваш Амфитеатров

[1] Речь идет об уходе Толстого из Ясной Поляны.

[2] Амфитеатров имеет в виду свою ст. «Лев Толстой», где он писал: «Необходимость осветить свою жизнь и освятить свою проповедь личным страданием Лев Толстой понимал очень хорошо уже в давнее время. Если хотите, его главное страдание — что он чужд страданиям, не „потерпел за веру". Были случаи, что он упрямо добивался гонений, открыто призывал их» (*Амфитеатров А.* Современники. М., 1909. С. 59).

[3] Имеется в виду т. 2, 3 и 4 Собрания сочинений Бунина, в которые вошли его стихотворения за 1903—1908 гг. (2-е изд., СПб., изд-во «Знание», 1909).

[4] Аркадий Тимофеевич *Аверченко* (1881—1925) — писатель. Автор юмористических рассказов, фельетонов, пьес. Сотрудничал в журн. «Сатирикон», с 1913 г. редактор «Нового сатирикона». После революции эмигрировал.

«Веселые устрицы» — сборник юмористических рассказов (СПб., 1910).

[5] Анибус — в древнеегипетской мифологии бог-покровитель мертвых. Крипта — подземный ход.

[6] Это стихотворение опубликовано. Газетная вырезка, без обозначения библиографических данных, хранится в *ЦГАЛИ* (ф. 66) в коллекции, собранной И. А. Белоусовым.

139. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 17 ноября 1910 г.⟩

Бесстыдно и неукротимо реву, как только представлю себе его лежащим лицом в небо, с руками, сложенными на груди, и эти монгольские скулы, по которым уже не побежит его большая умная улыбка [1]. Вот она — монашенка! Пришла и увела — навсегда. Почему, ну почему мне, когда я прочитал о его уходе из дома, представилось, что идет он по киевскому шоссе и — монашенка рядом, черная монашенка выше его ростом?

Чувствую себя сиротой. С утра сижу, пишу о нем, чтоб хоть так немного погасить тоску. Написал Короленке [2], вот вам пишу теперь и, с поражающей ясностью, вижу эту милую маленькую, угловатую фигуру, с большущей головой.

Вы правы, конечно, теперь начнут «творить легенду», и это будет противно, будет вредно для страны.

Не святой он, а человек, который даже и нам, не согласным с ним, был и ближе, и дороже бога, был милее и понятней всех святых. Дивная гордость наша, колокол правды, на весь мир гремевший,— замолк! И — когда? Уже и без этого горя мы согнуты даже до земли.

Национальный гений ушел из жизни нашей.

А тут еще представляешь неизбежное это звериное рыкание и хрюканье скотское, кое поднимается у гроба его, и лицемерный плач тех, кто считает себя наследниками его души — его необъятной души!

Вот когда захотелось мне в Россию, чтобы там, на месте, на ярмарке лицемерия, тщеславия и всякой скверны сказать — цыц!

Невыносимо тоскливо, и не глаза — сердце плачет. Какой конец! Как это многозначительно и глубоко вышло у него. Осиротела Русь. Эх, А. В., прокляты мы, брат, каким-то злым проклятием.

Жди третьей смерти — это всегда так бывает: трое уходят один за другим. Вот и теперь Муромцев [3], Толстой и — еще кто-нибудь по скорости за ними отойдет.

А мы останемся, и дело наше — с нами.

Нам — бороться против религиозной легенды.

Вижу соотечественников: ходят друг к другу и рассуждают: как — служить панихиды али нельзя? С одной стороны — следует: демонстрация, с другой — не следует: не церковник [4]. Очень мучаются, наверное, болваны.

Ко мне уже заявились корреспонденты, интервьюэры, подают телеграммы. Я ничего не буду писать о нем, ни здесь, ни в России. Не могу. И венка — не возложу: все это не идет к нему, все может оскорбить его великую память.

А. Пешков

Сейчас получено известие, что слух о смерти ложен. Не знаю, чему верить. Перевернуло меня кверху ногами, и в голове — сумбур.

У нас здесь творится необычное: хронический какой-то ураган. Все ломает и бьет людей. Даже наш остров сотрясая, чего с ним никогда не бывало. В порту Неаполя множество несчастий. А в океане, на расстоянии трех дней пути от Нью-Йорка,— что-то взорвалось — читали? Возмущены стихии или радуются? Стихийный человек кончается.

Датируется по содержанию.

[1] В ночь на 4/17 ноября 1910 г. распространилось ложное известие о смерти Толстого. «Около часу ночи редакции газет были встревожены полученным из Москвы слухом о роковом исходе болезни Толстого. После тщательной проверки, длившейся до половины четвертого ночи, выяснилось, что из Астапова телеграммы с этими страшными известиями не было. Срочные телеграммы из Москвы подтвердили, что и там такого известия нет. Телеграфные сношения с Астаповым крайне затруднены ввиду огромного нашествия корреспондентов»,— говорилось в сообщении «Речи» (1910, № 303, 4/17 нояб.). В этот день, 4/17 ноября, Горький получил телеграмму о смерти Толстого от Д. Чена (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 160).

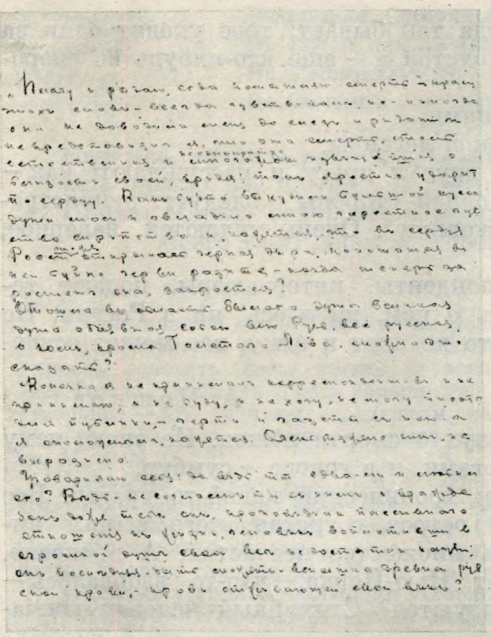
[2] Потрясенный известиями об уходе и смерти Толстого, Горький, 16 и 17 ноября пытался писать В. Г. Короленко. Письмо не было закончено и отправлено адресату. В 1919 г., работая над воспоминаниями о Толстом, Горький включил это письмо в текст очерка. Он писал: «Печатаю письмо, не исправляя в нем ни слова, таким, как оно было написано тогда. И не заканчиваю его, этого почему-то нельзя сделать» (*16*, 260).

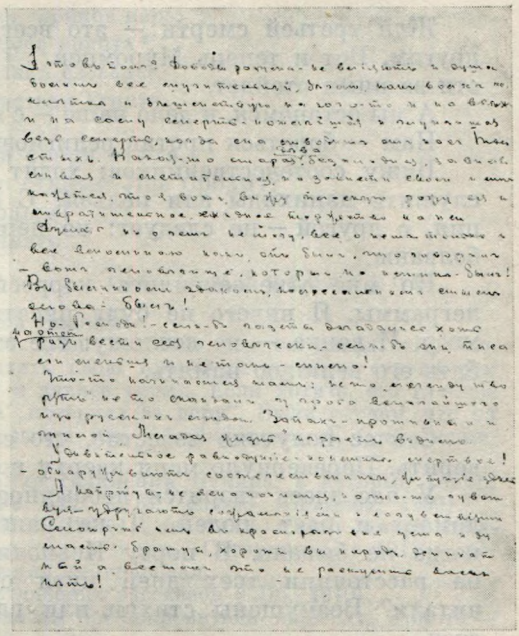
Ленин в ст. «Л. Н. Толстой», «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», «Толстой и пролетарская борьба» писал о мировом значении Толстого, о слабых и сильных сторонах его гения, он призывал рабочий класс, изучая художественные произведения Льва Толстого, лучше узнать своих врагов, и, разобравшись в учении Толстого, понять собственную слабость, понять, чтобы идти вперед. Он писал: «Этому-то движению вперед мешают все те, кто объявляет Толстого „общей совестью", „учителем жизни". Это — ложь, которую сознательно распространяют либералы, желающие использовать противореволюционную сторону учения Толстого. Эту ложь о Толстом, как „учителе жизни", повторяют за либералами и некоторые бывшие социал-демократы» (*В. И. Ленин*. Т. 20. С. 71).

Отношение к смерти Толстого, уходу из жизни национального гения выразили и рабочие депутаты III Государственной думы, они телеграфировали в Астапово: «Социал-демократическая фракция Государственной думы, выражая чувства российского и всего международного пролетариата, глубоко скорбит об утрате гениального художника, непримиримого и непобежденного борца с официальной церковностью, врага произвола и порабощения, громко возвысившего свой голос против смертной казни, друга гонимых» (Речь. 1910. № 307. 8 нояб.)

[3] Сергей Андреевич *Муромцев* (1850—1910) — профессор, юрист, один из основателей и член ЦК кадетской партии, председатель I Государственной думы, после ее роспуска подписал «Выборгское воззвание», призывавшее к пассивному сопротивлению правительству. Был осужден на три месяца тюремного заключения, умер 4/17 октября 1910 г.

[4] Л. Н. Толстой был «отлучен» от православной церкви «Определением» святейшего синода от 20—22 февраля 1901 г. (Церковные ведомости. 1901. № 8). Одновременно цензура запретила «обсуждение» этого постановления синода в печати, а затем было запрещено помещение приветствий Толстому.





140. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1910.XI.21

Дорогой Алексей Максимович.

Сердечное спасибо за «Жалобы». Мне этот рассказ нравится — особенно как первая часть серии, которую Вы намерены сделать. Это будет превосходно.

Вчера получил коллективную телеграмму от «Современника», что объявление уже выпущено. Примкнули к редакции Лукашевич и Водовозов [1]. Написал я Волховскому, чтобы повидался с Зангвиллем и пригласил его [2].

Читаю в газетах о Ваших болезнях и беспокойствах по поводу приключений Л. Н. Толстого [3]. Охота Вам принимать всех этих газетных болтушек!

Бунин Ваш в прозе VI-го тома своих сочинений мне нравится, но поэт он такой же, как я столяр [4]. Это не творчество, а клейка виршей.

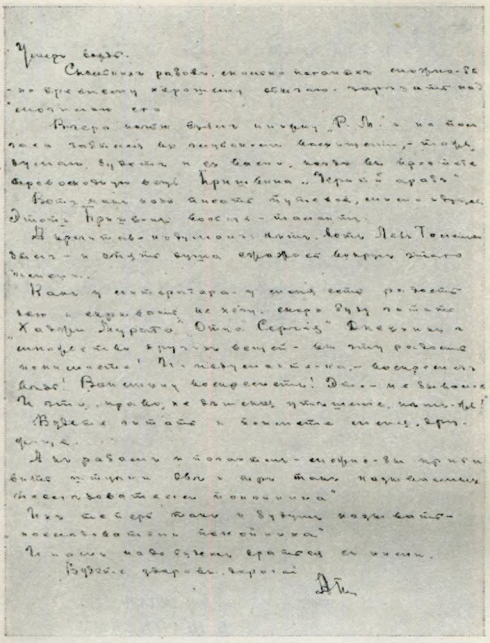
Напечатал я «О Шаляпине» [5]. Вероятно, поссорился там с ним, хотя — наши говорят — «ежели умный человек, то поймет».

Книги получаю отовсюду, кроме своих собственных издательств! Так что мое язвительное ликование по поводу «Княгини Насти», которой я так и не видел в «Знании», уменьшается, очевидно, это всеобщий недуг больших издательств.

Очень приятно мне, что «Современник» был в состоянии обойтись без семеновского капитала [6]. Явился некто Певин [7] из Екатеринбурга, дал денег (сколько еще не знаю) и строит типографию. Говорит: смысля дело, полагаю, что в убытке не останусь.

Вокруг Л. Н. милая русская газетная публика разыграла такую пошлую фарсовую оргию, что я отказался писать об этом событии. Ну и времячко, и народец! Не удивлюсь, если завтра увижу рисунки «Умирающий Толстой» (шарж).

«Утро России», как ни в чем не бывало, разлетелось ко мне с весьма широкими предложениями. Даже и отвечать не стану.



ПИСЬМА ГОРЬКОГО АМФИТЕАТРОВУ ОТ 21 И 22 ИЛИ 23 НОЯБРЯ 1910 Г.

Капри

Архив Горького, Москва

До свидания, дорогой! Привет Марии Федоровне и всем, святым дома Цезарева.

Не хвалимся мерзостями погоды. У нас было землетрясение — и промолчали.

[1] Иосиф Дементьевич *Лукашевич* (Юзеф) (1863—1928) — революционер-народник. За участие к подготовке покушения на Александра III был приговорен к смертной казни (1887). Казнь была заменена бессрочным заключением в Шлиссельбургскую крепость. Освобожден в 1905 г. С 1920 г. профессор геологии Вильнюсского университета.

Василий Васильевич *Водовозов* (1864—1933) — публицист, общественный деятель, сотрудник журн. «Современник».

[2] Израэль *Зангвилль* (1864—1924) — еврейский писатель. Родился и жил в Англии. П. Амфитеатрова Зангвиллю с приглашением сотрудничать в журн. «Современник» см. в *ЦГАЛИ* (ф. 34).

[3] Горький не принимал репортеров многочисленных газет, которые обращались к нему с просьбой написать о Толстом или дать интервью, однако в прессе публиковались различные вымышленные сообщения. М. Ф. Андреева писала Р. П. Авраамову 18—19 октября: «...мы совершенно выбиты из колеи известием о Толстом, А. М. даже захворал, ни о чем не может говорить, не может работать и жестоко страдает, читая всякие пошлости в русских и иностранных газетах. В „Маттино“ напечатали интервью, которого, конечно, не было,— заходили какие-то два господина и просили об интервью, им отказали. Потом они пришли сообщить, что сведения о смерти Толстого неверны, по полученным известиям он тяжело болен. Их приняли ровно на две минуты, расспросили, в каких выражениях получена телеграмма, и они ушли, в результате — три столбца интервью нелепейшего свойства! И так — всегда...» (*М. Ф. Андреева*. С. 188).

[4] Первые пять томов Собрания сочинений Бунина изданы изд-вом «Знание» (СПб., 1902—1909); шестой том («Стихотворения и рассказы 1907—1909 г.») — изд-вом «Общественная польза» (СПб., 1910).

[5] В ст. «О Шаляпине», написанной в связи с сообщением о том, что в России казенные театры готовят к постановке оперу Массне «Дон-Кихот», Амфитеатров резко отзывался о музыке Массне. Он писал, что для Шаляпина унизительно петь в этой опере, и если он вынужден это делать, чтобы открыть дорогу русскому искусству, то это «геройская жертва, но бесполезная». И далее: «...пора Шаляпину быть господином своего гения и вести свое искусство по тем прекрасным светлым путям, о которых он так чудно, так обаятельно, так справедливо и метко говорит (...) Тот, кто научил публику любить и понимать Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова, кто пересоздал и облагородил „Демона“ Рубинштейна, не может способствовать тому, чтобы уши русской публики засорялись „Дон-Кихотом“ Массне» (Маски Мельпомены. М., книжн. маг. А. Д. Друтман, 1910. С. 115—129).

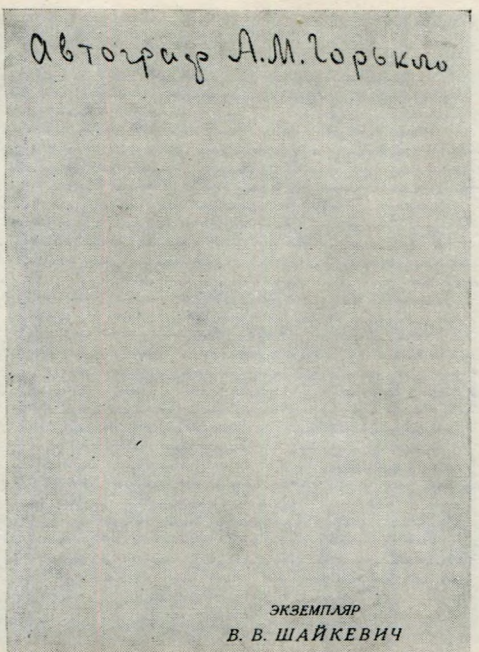
[6] Михаил Николаевич *Семенов* — петербургский издатель.

[7] Петр Иванович *Певин* — издатель «Современника».

141. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 21 ноября 1910 г.)

«Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть» [1] — красу этих слов — всегда чувствовал, но — никогда они не доводили меня до слез и рыданий, и не представлял я, что эта смерть, столь естественная и неоднократно извещавшая о близости своей, придя, так яростно ударит по сердцу.



Как будто выкусили большой кусок души моей, и овладело мною горестное чувство сиротства, и кажется, что в сердце России тоже открылась черная дыра, копошатся в ней буйно черви разные — когда теперь зарастет она, закроется?

Отошла в область былого душа великая, душа, объявшая собою всю Русь, все русское,— о ком, кроме Толстого Льва, можно это сказать?

Конечно, я не принимал корреспондентов и не принимаю, и не буду, и не хочу, не могу писать для публики — черти и газеты с нею, а я ополоумел, кажется. Очень тяжело мне, невыразимо.

Уговариваю себя: да ведь ты едва ли и любил его? Ведь — не согласен ты с ним и враждебен даже тебе он, проповедник пассивного отношения к жизни, человек, воплотивший в огромной душе своей все недостатки нации; он последняя — быть может — вспышка древней русской крови — крови, отживающей свой век?

А что в том? Доводы разума — не влияют, и душа болит все мучительней, бегаю, как волк по клетке, и бешенствую на кого-то, и на всех, и на саму смерть; пошлейшая и глупейшая вещь смерть, когда она отводит от нас Толстых. Какая-то старая дева, бесплодная, завистливая и мстительная по зависти своей, и мне кажется, что я вот вижу плоскую рожу ее и отвратительное, ехидное торжество на ней.

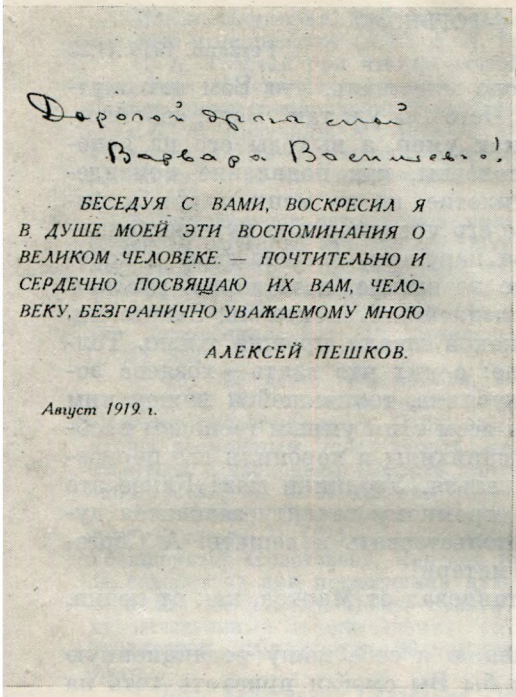
Думать ни о чем не могу, все о нем только, и все вспоминаю, как он был, что говорил — вот человечище, который поистине — был! В былинном эдаком, колоссальном смысле слова — был!

Но — господи! — если бы газеты догадались хоть на этот раз вести себя человечески — если бы они писали меньше и не так — мимо!

Что-то начинается там: не то «легенду творят», не то скандал у гроба величайшего из русских людей. Запах — противный и гнилой. «Младая жизнь» играет, видимо.

Удивительное равнодушие — поистине мертвое! — обнаруживают соотечественники, живущие здесь.

А канрийцы — не ясно понимая, но что-то чувствуя — удручают сожалениями и сочувствиями. Смотришь им в красноречивые уста и думаешь:


Дорогой друг мой
Варвара Васильевна!

БЕСЕДУЯ С ВАМИ, ВОСКРЕСИЛ Я В ДУШЕ МОЕЙ ЭТИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕЛИКОМ ЧЕЛОВЕКЕ. — ПОЧТИТЕЛЬНО И СЕРДЕЧНО ПОСВЯЩАЮ ИХ ВАМ, ЧЕЛОВЕКУ, БЕЗГРАНИЧНО УВАЖАЕМОМУ МНОЮ

АЛЕКСЕЙ ПЕШКОВ.

Август 1919 г.

АВТОГРАФИЧЕСКОЕ И ПЕЧАТНОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ ГОРЬКОГО В. В. ШАЙКЕВИЧ НА КНИГЕ: М. ГОРЬКИЙ. ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЬВЕ НИКОЛАЕВИЧЕ ТОЛСТОМ

Пб., 1919

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

братцы, хороший вы народ, деликатный, а все-таки это не раскусить вам — нет!

Письмо написано на следующий день после смерти Л. Н. Толстого (7/20 нояб. 1910 г.).

[1] Строка из песнопения, которое исполнялось при православном отпевании.

142. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

〈Капри. 22 или 23 ноября 1910 г.〉

Умер вождь.

Скольких рабов, сколько поганых можно бы — по древнему хорошему обычаю — зарезать над могилою его.

Вчера ночью взял книжку «Р〈усской〉 М〈ысли〉» и на полчаса забылся в глубоком восхищении — то же, думаю, будет и с вами, когда вы прочтете превосходную вещь Пришвина «Черный араб»[1].

Вот как надо писать путевое, мимо идущее. Этот Пришвин вообще — талант.

А прочитав — подумал: нет, вот Лев Толстой был — и опять душа сжалась вокруг этого имени.

Как у литератора — у меня есть радость, кою и скрывать не хочу: скоро буду читать «Хаджи Мурата», «Отца Сергия», «Дневник» и множество других вещей[2] — вы эту радость понимаете! И — подумайте-ка — воскреснет ведь! Воистину воскреснет! Это — небывалое. И это, право, не детское утешение, нет же!

Будете читать и поймете меня, дружище.

А к рабам и поганым — можно бы прибавить штучки две и три так называемых последователей покойника.

Их теперь так и будут называть — «последователи покойника».

И нам надо будет драться с ними.

Будьте здоровы, дорогой

А. П

Датируется по содержанию.

[1] Повесть М. М. Пришвина «Черный араб» впервые напечатана в журн. «Русская мысль» (1910, № 11).

Горький высоко ценил талант Пришвина. Переписку его с Пришвиным см.: *ЛН*. Т. 70.

[2] Неизданные произведения Толстого «Хаджи-Мурат», «Отец Сергий» и др. публиковались в «Посмертных художественных произведениях» (М., 1912, под ред. В. Г. Черткова, т. I, II, III). Полный текст этих произведений Толстого был опубликован в изд-ве «Свободное слово» (Берлин, 1912).

«Дневник Льва Николаевича Толстого» (т. I, 1895—1899) вышел в 1916 г. (М.), под редакцией В. Г. Черткова, с многочисленными купюрами.

143. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1910.XI.23

Дорогой Алексей Максимович, ужасно мне жаль, что Вам так жутко пришлась смерть Льва Николаевича. Чего Вы уж так? Ведь, собственно-то говоря, он уже лет пятнадцать как умер, а выходы его из яснополянской могилы были столько же полезны, как появление привидения [1]. Я не любил его последнее десятилетие, но на меня, как я и писал Вам, произвело сильное впечатление его предсмертное путешествие — желание большого и благородного зверя нарушить неволю свою и хорошо, честно умереть. К сожалению, и то не вышло, и то милая русская публика испакостила и обратила в постыднейший спектакль. Знаете ли, жутко делается, когда видишь, среди какой швали прошла жизнь Толстого! И это я пишу не только о родне: с них что взять — хозяева золотого рудника! — Но и обо всей этой публике, толпившейся между ним и роднею. Хоть убей, не понимаю, зачем всем этим умным господам необходимо, чтобы попы служили по Л. Н. панихиды и хоронили его церковным порядком [2]. Чертков [3] противен донельзя. Угодники мои! Какое это великое несчастье, когда поблизости к огромному таланту заводится дурак с характером и начинает законодательствовать и вещать! А Сергеенко [4]. Впрочем, ну их всех к чёртовой матери!

Дайте мне критика, который бы не танцевал от Маркса, как от печки, и поэтов! Нету!

В самом скором времени жду в Специю к себе нашу редакционную компанию для обсуждения делов. Если бы Вы смогли приехать хоть на денек, чтобы принять в этом участие! Какую бы мы хорошую и точную программу вместе выработали бы! Боцяновского у нас не будет: струсил. Я рад. Получил длинное письмо от Тихонова. Певин, должно быть, практически смыслящий человек. Настоящие объявления «Современника» начнутся только по свидании со мною. Ассигнуются на них 6000 рублей. Это ничего. Вы не знаете адреса Алексея Толстого?

Шолом Алейхем прислал чудесный рассказ и пишет другой для третьей книжки [5].

Вы не знаете адреса Зангвилля?

Что-то мне надо Вам отослать, а что — не вспомню.

Я очень усердно написал об Алексее Толстом, Герман Ал⟨ександрович⟩ ругается, что слишком.

Смотрел вчера Новелли [6] в «Papa Lelennard». Совсем одряхлел старик! Плохо, землей пахнет.

У нас, как, вероятно, и у Вас, чудесная, но холодная погода. Вчера мы с Гер. Ал. ходили на горы за 12 верст. Очень это было хорошо, и так как все время поднимались по зигзагам отлогого шоссе, то нисколько не утомились.

Да! Еще сюрприз: наши милейшие фецанцы надумались выбирать меня... в синдики!!! [7] Отклонил, указывая, что я — русский подданный. Говорят: охота Вам! переходите в наше. Вы только вообразите меня опоясанным трехцветным шарфом. Что ленты-то пошло бы! И чего Лида и Зина спешили! Ради удовольствия их обвенчать, уж так и быть пошел бы в синдики. До свидания, дорогой! Будьте здоровы. Всего Вам хорошего.

Ваш А. А.

[1] Мнение о том, что Толстой как художник «лет пятнадцать как умер» Амфитеатров высказывал неоднократно. Он писал в ст. «Л. Н. Толстой» (1907): «При всем моем глубоком уважении к личности Л. Н. Толстого, при восторженном благоговении к его стихийному гению и великим заслугам в области литературы и общего русского культурного сознания, я должен с полной откровенностью заявить, что принадлежу к числу тех „восьмидесятников", в жизни и развитии которых Толстой прошел стороной и почти бесследно» (*Амфитеатров*. Т. 22. С. 21). См. также п. 19.

После чтения ст. Амфитеатрова Толстой записал в дневнике 15 июля 1907 г.: «Стыдно и неприятно» (*ЛЖТ Л. Н. Толстого*. С. 592).

С. А. Толстая при чтении статей Амфитеатрова 29 декабря 1915 г. записала в дневнике: «Вчера поздно читала грубые статьи Амфитеатрова о Льве Николаевиче. Сейчас виден непорядочный человек, этот неудавшийся попович-литератор» (*Толстая С. А.* Дневники. М., 1978. Т. II. С. 430). Как указывается в комментариях к «Дневникам», «в Собрании сочинений Амфитеатрова статья была помещена в новой редакции, и ее антитолстовская направленность была значительно усилена» (Там же. С. 585).

[2] Амфитеатров неточен в изложении фактов. 4/17 ноября 1910 г. от святейшего Синода в Астапово приехал из Оптиной пустыни старец Варсонофий с целью примирить Толстого с православной церковью, 7/20 ноября — тульский архиерей Парфений, также присланный Синодом по желанию Николая II для того, чтобы узнать, не хотел ли Толстой «раскаяться в своих заблуждениях» и не был ли он «против погребения его по православному обряду» (Красный архив. 1923. Т. 4. С. 351, 352).

В тот же день, 7/20 ноября, в своем донесении вице-директор департамента полиции Н. П. Харламов писал товарищу министра внутренних дел П. Г. Курлову: «Миссия преосвященного Парфения успеха не имела. Никто из членов семьи не нашел возможным удостоверить, что умерший выражал какое-либо желание примириться с церковью» (Смерть Толстого по новым материалам. М.: изд. Публичной биб-ки СССР им. В. И. Ленина. 1929. № 831, 855).

[3] Владимир Григорьевич *Чертков* (1854—1936) — издатель, публицист, близкий друг Толстого. В 1883 г. познакомился с Л. Н. Толстым и стал его сотрудником. Убежденный «толстовец», Чертков пропагандировал учение и творчество Толстого. За содействие при переселении духоборов был выслан из России (1897). В 1908 г. вернулся на родину. После смерти Толстого подготовил к изданию «Посмертные художественные произведения» (т. I, II, III). После революции был главным редактором юбилейного 90-томного Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

[4] Петр Алексеевич *Сергеенко* (1854—1930) — писатель, познакомился с Толстым в 1882 г. Автор кн. «Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой» (М., 1898).

[5] Вероятно, речь идет о рассказе Шолом-Алейхема «Избранные. (Из жизни маленьких людей)». Напечатан в журн. «Современник» (1911, № 1). Другие рассказы Шолом-Алейхема в 1911 г. в «Современнике» не печатались. В ц. от 17 ноября 1910 г. рассказ назван «Уполномоченный».

[6] Эрмете *Новелли* (1851—1919) — итальянский артист. Исполнитель ролей в фарсах и остроумных комических монологах. С 1890 г. Новелли стал выступать в драматических и трагедийных ролях.

[7] Синдик (syndikos — греч.) — в древней Греции — защитник в суде; в некоторых странах Западной Европы — представитель какого-либо учреждения, общины или корпорации, уполномоченный на ведение дел.

144. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Ноябрь, не ранее 25, 1910 г.)

Что вы его не любили — не удивляюсь, ибо сам часто питал к нему чувство, ненависти близкое, а все же смерть его принимаю как мое, личное горе. И — не могу иначе, ибо — хорошо очень помню, глубоко он сидит в душе [1].

Ехать мне в Специю — нет возможности, а вот почему бы вам всем сюда не прокатиться?[2]

Работы у меня — леса. Одних «жалоб», должно быть, три будет, да еще о «мимо идущих» людях рассказывать намерен [3]. Да «Кожемякин» все еще [4]. Да Соловьева читать надобно внимательно и разные книжки об уграх, немцах, финнах и литве разной и обо всем, чем нас били и чем добили до пассивизма, проповеди «неделания», анархизма и прочих недугов. Так-то.

И очень я хотел бы говорить с вами обо всем этом, а — ехать не под силу, ибо — при всем перечисленном еще и кашляю.

Адреса Зангвиля не знаю, спросите у Алейхема. Толстого — тоже, пишите на «Шиповник». Кличут — Алексей Николаевич, кажись.

Поэты — если нравятся: Александр Сергеевич Черемнов, Крым, Алупка, дача Борисовой [5].

Смотрите его стихи «Крым» в 33-м сборнике, «Белоруссия» в 34-м. Иван Воронов [6].

Лондон, 6, Upper Woburn place,

W. C.

Вы напрасно беспокоитесь о них, они прибегут, их множество. Но надобно их учить.

А еще вот что надобно: выдвигать из тени В. Г. Короленко как единственного писателя, способного занять место во челе литературы нашей. Человек внепартийный, строгий в оценках, тактичный и мягкий, он способен многих попридержать, и, несомненно, роль совестного судии — по плечу ему [7].

В то же время он и по таланту, не говоря о его общественных заслугах гражданского характера,— ныне первый. В нем — все права на первенство, и заслуги его велики; перечитайте — книжки, если не верится вам, пересмотрите путь его. Превосходная фигура.

Было бы очень уместно провести параллель между «Детством—отрочеством» и «Записками современника», и вообще сейчас хорошая статья о Короленке — и общественно, и литературно необходима [8].

Но — писать мне трудновато: голова болит, а также нервы. Весьма хотелось бы поговорить лично, вопросов — куча.

Не надумаете ли приехать сюда, а?

Вот бы славно было!

Кланяюсь всем.

А. Пешков

Сын ваш прислал письмо, что нашел книги для меня,— послал я ему, милому, денег, скорее бы получить, а то — не верю, что нашел.

Датируется по п. Амфитеатрова от 23 ноября 1910 г.

[1] Речь идет об отношении Амфитеатрова к Л. Н. Толстому.

[2] Имеется в виду совещание членов редколлегии журн. «Современник» у Амфитеатрова.

[3] В цикл «Жалобы» вошло четыре рассказа.

Вероятно, Горький имеет в виду рассказы, которые позднее объединились в кн. «По Руси». Начало работы над циклом «По Руси» относится к 1912 г. В издании И. П. Ладыжникова эти рассказы опубликованы под названием «Записки проходящего». Подробнее о произведениях, вошедших в цикл «По Руси», см.: *14*, 578—588.

[4] Во второй половине 1910 г. Горький работал над второй частью повести «Жизнь Матвея Кожемякина» — «Постоялка». 25 декабря 1910 г. он читал домашним эту часть повести (*Дн. Пятницкого*).

[5] Александр Сергеевич *Черемнов* (1881—1919) — поэт, переводчик. Переписывался с Горьким с 1905 г. С 1907 г. печатался в *сб. «Знания»*.

Цикл стихотворений А. С. Черемнова «Крым» вышел в XXXIII *сб. «Знания»*, «Белоруссия» — в XXXIV сб. (1911).

[6] Иван Карпович *Воронов* — поэт. В конце 1909 г. из Воронежа переехал в Петроград, в июле 1910 г. уехал за границу и поселился в Лондоне, переписывался с Горьким. В январе 1910 г. Горький писал ему: «Если угодно знать мое мнение о Ваших стихах — мне они очень нравятся и бодрым тоном и хорошей, умной улыбкой, которая сопровождает почти каждое из них» (*XXIX*, 108). Стихотворения И. К. Воронова публиковались в XXIX и XXX *сб. «Знания»* (1910).

[7] Вопрос о том, кто «возглавит» русскую литературу, обсуждался в печати. Так, Вл. Кранихфельд (Современный мир. 1911. № 1) писал, что «по своему умонастроению ближе других» к Толстому Короленко, но «зажигать, заражать он не призван», у Леонида Андреева «есть вкус к идеям, но тоже нет страсти» и «неведом ему» путь, по которому надо идти, у Бунина «нет вкуса к идеям», Куприн — «жадный к жизни художник», однако у него много «невыполняемых обязательств» перед читателем, Сергеев-Ценский — «еще впереди», Сологуб — «человек, приговоренный к смерти». Кранихфельд делал вывод, что «из представителей современной русской литературы» никто не достоин занять место Толстого. См.: *Русская литература конца XIX — начала XX в. 1908—1917*. С. 474.

[8] Л. Н. Толстой «Детство» — впервые опубликовано в журн. «Современник» (1852, № 9) за подписью Л. Н., «Отрочество» — там же (1854, № 9). Редакция писала, что оба произведения — части большого романа «Четыре эпохи развития».

Первый том «Истории моего современника» В. Г. Короленко публиковался с января 1906 г. по октябрь 1908 г. в журн. «Современные записки» (№ 1), «Современность» (1906, № 1, 2), «Русское богатство» (1906, № 5; 1907, № 1; 1908, № 2, 3, 8, 10).

Горький писал Коцюбинскому 7/20 ноября 1910 г.: «В. Г. Короленко прислал мне „Записки" — взял я превосходную эту книжку в руки и — перечитал ее еще раз. И буду читать часто — нравится она мне все больше и серьезным своим тоном, и этой, малознакомой современной нашей литературе, солидной какой-то скромностью. Ничего кричащего, а все касается сердца. Голос — тихий, но ласковый и густой, настоящий человечий голос. И на каждой странице чувствуешь умную, человечью улыбку, много думавшей, много пережившей большой души. Хорошо!» (*XXIX*, 136—137).

Ст. Амфитеатрова об «Истории моего современника» см. в кн. «Заметы сердца» (с. 100—104).

145. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Ноябрь, не ранее 25, 1910 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

В объявлении о «Современнике» сказано: «издается при *ближайшем* и *исключительном* участии А. Амфитеатрова» — это едва ли грамотно, а далее *жирным шрифтом*: «*при постоянном сотрудничестве Максима* Горького» [1].

Это — не годится.

Я очень прошу Вас — скажите, чтобы непременно убрали жирный шрифт и — «постоянное сотрудничество» — это необходимо! Я прошу печатать имя мое в строку с именами всех других сотрудников, настаиваю на этом.

И я никогда не подписывал своих вещей именем Максима — а всегда — М. Горький. Очень может быть, что это «М» — скрывает Мардохея, Мафусаила или Мракобеса.

Простите меня — но я очень прошу исполнить мое желание!

Очень!

А. Пешков

Датируется по содержанию и по п. Ленина от 9/22 ноября 1910 г. См. прим. 1.

[1] П. Горького написано под воздействием письма к нему Ленина. Объявление об издании «Современника» появилось в газ. «Речь» (1910, № 305, 6/19 нояб.). 9/22 ноября 1910 г. Ленин писал Горькому по поводу нового журнала: «Сегодня читаю в „*Речи*" объявление о „*Современнике*", издаваемом „при ближайшем и *исключительном* (так и напечатано! неграмотно, но тем более претенциозно и многозначительно) участии Амфитеатрова" и при Вашем постоянном сотрудничестве».

Далее Ленин писал, что журнал должен иметь направление: «Журнал без направления — вещь нелепая, несуразная, скандальная и вредная. А какое же направление может быть при „исключительном участии" Амфитеатрова? ⟨...⟩ Амфитеатровский журнал (хорошо сделало его „Красное знамя", что вовремя умерло!) есть политическое выступление, политическое предприятие, в котором даже и сознания нет о том, что общей „левизны" для политики мало, что после 1905 года всерьез говорить о политике без выяснения отношений к марксизму и к социал-демократии нельзя, невозможно, немыслимо» (*В. И. Ленин*. Т. 48. С. 3—5).

146. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Pezzano. 1910.XI.30

Дорогой Алексей Максимович.

Объявление было временное [1] — как можете заметить, даже без указания адреса редакции. В составлении его я не принимал участия и формы не видел, понятно. Вперед объявлений о сотрудниках не будет никаких, так как я вообще против рекламы заклинающей. Будет печататься краткое содержание текущей книжки. Содержание 1-й половины первого № такое:

1. Максим Горький. Жалобы. 1.
2. Альфред де Мюссе. Андреа дель Сарто.

3. Александр Амфитеатров. Закат старого века. Глава 1.
4. Герман Лопатин. Не наши.
5. Шолом Алейхем. Уполномоченные.
6. В. А. Тихонов. Роман. 1.

Вторую половину буду формировать на будущей неделе, когда приедут Тихонов, Певин и Коялович. Имею для нее множество, все — кроме критики! Поэтам писать раздумал. В конце концов, хорошего все равно никто не напишет, а печатать ерунду, за которую надо платить рубль за строчку только потому, что под ней стоит подпись Бунина, что ли, или Бальмонта,— дело никчемное. Никому этого всерьез не надо, а ратовать против моды мне что-то не страшно.

О желании Вашем я написал немедленно. Если объявление в той форме, как оно Вам не угодило, появится по истечении недели от сего числа, будете иметь право ругать меня.

Какая плохая журнальная брошюра Р. Роллана. Зачем Вы ее издавали? Я не читал ее, впрочем, в оригинале. Мелодрама его много лучше, хотя также, конечно, «Измаил» слева.

Получил Шмелева[2]. Еще не читал. Гу<сева>-Ор<енбургского>[3] тоже. Скучно. В сотый раз вывороченное нанковое полкафтанье[4].

Относительно Короленки с Вами согласен и сам так думал, но боюсь, что по настоящей скромности и серьезности своей фигуры мало приемлем он в божницу современного россиянина. Толстой был не криклив сам, да талант у него кричал. Короленко же все-таки акварель, искусство на любителя, которое всегда останется достоянием знатоков, между тем как масса будет глазеть на картины широкого размаха, хотя бы их писал господин Арцыбашев либо даже Анатолий Каменский.

Из объявлений для журналов разных вижу, что Вы очень много пишете мелких вещей или собираетесь писать. Вот обстоятельство, по которому я несколько жалею, что Вы уклоняетесь от титула — *постоянного* сотрудника «Современника»[5]. Хотелось бы чувствовать, что этот журнал будет для Вас не в разряде «всем сестрам по серьгам».

Переварить не могу сдачи «Вассы Железновой» на капитуляцию и эксплуатацию Кугелям![6]

О Короленке статью заказал новаку одному. Если не выйдет, напишу что-нибудь сам. Вам бы хорошо это сделать!

Вы знаете американского писателя-социалиста Dovleu?[7] Я — нет. Очень рекомендует к приглашению Ф. В. Волховский.

В «Шиповник» А. Н. Толстому писать не буду, ибо желаю, чтобы письмо до него дошло, а в кампанию жулья, там заседающего, верю не больше, чем в российско-правительственный черный кабинет.

Все-таки Л. Н. хорошо похоронили. С сердцем!

К какому № ждать 2-й «Жалобы»? Ко 2-му или 3-му?

Жаль, что Вы не можете приехать на съезд наш. Очень полезно было бы. Ребята наши не смогут приехать на Капри, так как все они народ, связанный сроками возвращения. Приедут на два, на три дня и поскачут обратно опрометью, ибо Певин клянется и божится, что выпустит журнал 5/18 января. А снабдить публику инструкциями весьма было бы надо.

У нас нет холодов, бурь и дождей, очень тепло и мягко, не туманно.

Смотрел Новелли еще два раза. В комедиях Гольдони — большой мастер. Отличный техник в «Людовике XI». Это не Росси[8] и Сальвини, но у нас такого большого актера все-таки нет. Ленский, пожалуй, был последним — А. П., московский, конечно[9].

Пишу роман и поэтому зол, как чччерт.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Есть ли у Вас «Дмитрий Самозванец»? Хомякова? Имеется ли в нем потребность для библиотеки?[10]

До свидания. Всего Вам хорошего. М. Ф. сердечный привет и всем чадам и домочадцам.

Ваш А. А.

[1] См. предыдущее письмо.

[2] Вероятно, Амфитеатров получил первый том рассказов И. Шмелева (СПб., изд-во «Знание», 1910), в который вошли: «Распад», «Гражданин Уклейкин», «Вахмистр», «По спешному делу» и др.

[3] В XXXIII *сб.* «*Знания*» (1910) был напечатан рассказ С. И. Гусева-Оренбургского «Рыцарь Ланчелот».

[4] Нанка — род бумажной ткани, китайка.

[5] См. предыдущее письмо.

[6] Андреева вела переговоры с А. Р. Кугелем об издании журн. «Театр и искусство» пьесы Горького «Васса Железнова». См.: п. М. Ф. Андреевой О. И. Дымову (*М. Ф. Андреева.* С. 187); А. Р. Кугель «Листья с дерева: Воспоминания» (Л., 1926).

«Васса Железнова» («Мать») в издании журн. «Театр и искусство» 7/20 октября 1910 г. была представлена в цензуру и разрешена к представлению с цензурными изъятиями 11/24 октября (*ЛЖТ.* Вып. 2. С. 152, 153).

[7] Dovleu к работе в журн. «Современник» не привлекался.

[8] Эрнесто Росси играл роль Людовика XI в одноименной пьесе Делавиня, Дон Гуана в «Каменном госте» Пушкина. Станиславский говорил о нем как о гениальном актере.

[9] Александр Павлович *Ленский* (псевдоним Вервициотти) (1847—1908) — артист, режиссер, педагог. Один из лучших исполнителей роли Гамлета. С 1876 г. до конца жизни играл в труппе Малого театра. В ст. «Александр Павлович Ленский» Амфитеатров писал: «Скончался великий артист, выбыл из мира огромный талант, которому, быть может, только печальные условия русского искусства не дали вырасти, или, вернее будет сказать, развернуться в гения» (*Амфитеатров.* Т. 21. С. 30).

Павел Дмитриевич *Ленский* (кн. Оболенский) (ум. в 1910) — с 1879 г. драматический актер Александринского театра, педагог.

[10] Речь идет о пьесе «Дмитрий Самозванец», трагедия в 5-ти д. (в стихах). соч. А. Хомякова (М., тип. Лазаревых, ин-та вост. яз., 1833).

147. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 1 или 2 декабря 1910 г.)

Нет, Александр Валентинович,— «постоянное сотрудничество» надобно снять[1]. Я знаю вас,— но — мы с вами от журнала за тысячи верст, г.г. же Певина, Кояловича и др.— я не знаю. Как они думают, что́ намерены делать — мне неизвестно, боюсь, что и вам — не вполне. Будучи столь жестоко ошеломлен, современный россиянин способен на самые неожиданные прыжки: вы хорошо знаете, что прыжки эти делались и делаются даже людями и более определенных репутаций, чем те люди, о коих мы ведем речь.

Кроме «Совр.», я буду еще писать в «Совр⟨еменном⟩ мире», и — нигде больше[2]. Мало ль какие вещи пишутся в объявлениях, вот напр.— прилагаемое — эко, закатили! И особенно эта праздничность тем неприятна, что совпадает со днями траура.

Читали: рабы начинают уничтожать себя над могилою вождя! Видите? Думаю, что и еще с десяток их зарежется и перестреляется, облив чистейшую могилу на земле гнилой своей, холопьей кровью.

Бунин кончил «Деревню» — это первоклассная вещь. Первый раз в литературе нашей — если не считать «Утро помещика» — слишком отдаленное, и «В овраге» — вещь эпизодическую,— первый, говорю, раз «Деревня» написана столь мужественно — правдиво, с таким искреннейшим стоном и так «исторически». А какие удивительные детали![3]

Этот Краснобаев, расписывающийся Бенедиктов — какая тут драма приоткрыта. «Тень язычника» — изумительно на месте. Смерть нищего — Л. Н. впору! Да, да! Вот тема для статьи «Дворянство Ал. Толстого и крестьянство Бунина»[4].

Пишущему о Короленке надо посоветовать: обратил бы внимание на Тюлина в «Река играет», указал бы, что наверху нас — все еще Обломов жив, а внизу — Тюлин живет,— эти двое и провалили 905 год [5].

Толстого Алексея вы, на мой взгляд, перехвалили [6]. Рано бы о нем *так* писать. Очень жаль, что вы не знаете «Мелкого беса» Генриха Манна — книги, написанной раньше Сологуба. Для меня несомненно, что Сологуб пил из этого источника. О Кугеле — ничего не знаю, это М. Ф. устраивала: очень нужны были деньги.

Жаль, что питерцы ваши не могут передвинуться сюда, очень жаль! Не будь у меня такой кашель, я бы поехал к вам.

Хомякова имею статьи, а стихов и прочих его интересных художеств — нет.

Стихи, кажется, недавно Суворин издал, обязательно выпишу [7]. Кстати — пришлите мне книжки Френсена!

Пишу как сумасшедший. Когда дам вторую «Жалобу»? Вероятно — к марту, апрелю, не позднее.

Будьте здоровы. Кланяюсь всему дому.

А похороны Л. Н.— мне не нравятся, нет. Это — не то. Это — не его.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 30 ноября 1910 г.

[1] По настойчивому требованию Горького фраза о «постоянном сотрудничестве» в объявлении о выходе журн. «Современник» была снята.

[2] В 1911 г. Горький, помимо журн. «Современник» и «Современный мир», печатался и в других изданиях: «Новая жизнь» (№ 5, «Сказка». Отрывок), «Запросы жизни» (№ 11, «Издалека» 1), «Новый журнал для всех» (№ 37, «Старик»), «Путь» (№ 2, «Сказка» XI), «Звезда» (№ 21, «Сказка» III; № 29, «Сказка» VIII).

Приложенное Горьким объявление не сохранилось.

[3] Бунин 20 августа 1910 г. сообщал Горькому, что после большой и напряженной работы закончил «Деревню».

Горький отправил Бунину несколько писем, где отзывался о повести «Деревня» восторженно, отметив лишь одно: «Если надобно писать о недостатке повести — о недостатке, ибо я вижу лишь один — недостаток этот — густо! Не краски густы, нет — материала много. В каждой фразе стиснуто три, четыре предмета, каждая страница — музей! Перегружено знанием быта, порою — этнографично, местно...» (*Горьк. чт.* 1961. С. 50).

По прочтении всей повести в декабре Горький писал: «Конец „Деревни“ я прочитал — с волнением и радостью за Вас, с великой радостью, ибо Вы написали первостепенную вещь. Это — несомненно для меня: так глубоко, так *исторически* деревню никто не брал(...) Я не вижу, с чем можно сравнить Вашу вещь, тронут ею — очень сильно. Дорог мне этот скромно скрытый, заглушенный стон о родной земле, дорога благородная скорбь, мучительный страх за нее — и все это — ново. *Так* еще не писали. Превосходна смерть нищего, у нас бледнеют и ревут, читая ее. Дивная черта — „тень язычника“! Вы, может быть, и сами не знаете, как это глубоко и верно сказано» И далее: «Но я знаю, что, когда пройдет ошеломленность и растерянность, когда мы излечимся от хамской распущенности,— это должно быть или — мы пропали! — тогда серьезные люди скажут: «Помимо первостепенной художественной ценности своей, „Деревня“ Бунина была толчком, который заставил разбитое и расшатанное русское общество серьезно задуматься уже не о мужике, не о народе, а над строгим вопросом — быть или не быть России? Мы еще не думали о России — как о целом — это произведение указало нам необходимость мыслить именно обо всей стране, мыслить исторически (Там же. 1961. С. 52, 53).

[4] Смерть нищего Иванушки, «тень язычника» — эпизоды повести.

[5] В статье о Короленко Амфитеатров эту мысль Горького изложил следующим образом: «Встреча с перевозчиком Тюлиным („Река играет“) вылилась поистине „перлом создания“, вырос новый всероссийский тип „Обломова снизу“». «Обратите внимание на Тюлина,— писал мне Горький,— в том, что наверху Обломов, а внизу Тюлин,— фатум русского прогресса» (см.: *Амфитеатров*. Т. 15. С. 378).

О Тюлине как о национальном типе Горький писал в статье «Разрушение личности» (*XXIV*, 52—53), в лекциях «История русской литературы» (*Арх. Г.* Т. I), в воспоминаниях «О В. Г. Короленко» (*16*, 240—259): «Говорят, я довольно удачно читал рабочим реферат, темой которого была роль Тюлина в русской истории,— у меня вышло так, что и Минин, и Болотников, и Пугачев — все Тюлины!» (*XXIX*, 311),— писал он Короленко.

Однако Горький видел и многообразие русского национального характера: «Платон Каратаев и Калиныч несомненно русские мужики, но это мужики централь-

ной, московской Руси, и такие типы „смирных" людей — очень редки на Волге, едва ли возможны в Сибири, их нет на Украине. И. А. Бунин очень верно, очень умело пишет орловского мужика, но для Верхнего и Среднего Поволжья этот тип почти неправда — психику волжанина наилучше уловил Короленко в лице Тюлина. „Мужики" Чехова — правдивый этнографический очерк, да, около Москвы — в Калуге, Туле, Орле — этакие фигуры не редкость и очень естественны, но — разве похожи на них вологжане, новгородцы, поморы». И далее: «У нас на Руси не было и нет еще того единства социальных, политических и, словом говоря, культурных условий, которые позволили бы нам создать единодушие, выработать твердый, определенный тип русского человека, русского мужика...»,— писал Горький А. Г. Туркину (Урал. 1968. № 3. С. 150).

[6] См.: *А—Г*, п. от 7 ноября 1910 г.

[7] Очевидно, Горький имеет в виду кн.: *Хомяков А. С.* Стихотворения: С портретом автора и биографическим очерком. СПб.: изд. А. С. Суворина, 1910.

148. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

〈Fezzano. 4 декабря 1910 г.〉
1910.XI*4

Написал в Петербург, чтобы сняли и «постоянного».

Относительно праздничности объявления Вы совершенно превратно понимаете, господине! Не думаю, чтобы за последнее десятилетие Вы нашли в русской журналистике объявление, которое, без крика и зазывательства, отметило бы только пять постоянных и действительных своих сотрудников. Относительного жирного шрифта — что поделаешь? Объявлений много, и надо, чтобы читатель газет видел Вас, меня, другого, третьего. Когда «Знание» печатает свои объявления, его шрифты еще жирнее. Это Вы мне, будучи не в духе, написали.

Что касается траура, я того мнения, что горе горем, а дело делом, и из-за смерти большого русского писателя нет никакого основания задерживать объявление о журнале, который собирается сделать тоже немаленькое русское литературное дело.

Относительно Алексея Толстого Вы правы: тон взят высокий, но я вообще имею эту манеру: когда вижу настоящую надежду, скорее перехвалить, чем недохвалить. Это обязывает. Время критики разжалования и снимания эполет, если придет, то никогда не опоздает. А когда талант начинает и не слышит счужа яркого привета, горько ему и темно. Всегда я в таких случаях вспоминаю свою литературную молодость, и хочется мне, чтобы сменникам было светлее и легче и видели они большую к себе любовь. К тому же этот Алексей Толстой уж очень потрафил на меня, изобразив во весь рост дворянское гадючье гнездо — сословие, к которому питаю искреннейшее отвращение.

Шмелев Ваш очень плох[1]. Подражатель ничтожного типа, размазывающий то щедринского Гришку-портного[2] («Гражданин Уклейкин»), то Ваши образы из «Фомы Гордеева» и т. д. Может быть, «выпишется», но покуда Бог с ним.

От Сургучева получил очень милое письмо. Вот этот со способностями. «Деревни» не читал и не имею где достать. Если у Вас свободна, пришлите. Меня интересует Бунин двойственностью своего таланта: всё, что я читал его в стихах,— жидкая версификация; всё, что в прозе,— поэзия, творчество. Если у этого человека есть за душою что сказать, может написать большую вещь.

Получил вчера от А. А. Богданова письмо о школе в Болонье[3]. Сия последняя для меня совершенный сюрприз, и, конечно, ничего равно ни уму, ни сердцу не говорящий. Конечно, просят денег. Я отказал. Что такое «впередовцы» и почему я должен радоваться, что Ленин в чем-то и как-то там провалился с первою школою? Я всего этого не знаю. Когда Вы у меня были, то о школе мы говорили довольно много, но сих

* Видимо, описка — должно быть XII.

глубокомыслей как-то не коснулись, а Ленина, помнится, Вы мне очень хвалили. Просветите, если сами просвещены.

Соображение насчет Короленки — о Тюлине и Обломове передал к сведению пишущего статью. С мнением, что Тюлин и Обломов погубили 1905 год, не совсем согласен. Было и это, но коренная причина представляется мне иною. Вы знаете мой взгляд: социальной революции не может быть в стране, которая не прошла сквозь революцию национальную. В 1905 году, уповая на экономическое движение рабочих, позабыли, что дело идет в России и о России, революция оказалась ни русскою, ни народною — метафизическою в конце концов. Стеньку Разина разбудить не сумели, да и не захотели <...> На политическую революцию смотрели свысока, а материал социальной революции даже вооружить не позаботились. Ну да об этом лучше не начинать! А то содрогнешься, и сердцу больно!

Перечитываю «Войну и мир». Эка слоновий разгул! Если бы я был Леонидом Андреевым, то есть человеком с огромными литературными способностями и совершенно обеспеченным крупною доходностью старых своих сочинений, без надобности зарабатывать новыми,— я засел бы лет на пять за материалы для нового романа этой эпохи. Он нужен. Ответственность и ужас померяться с Толстым велики, но новый роман нужен. Уж очень много новых данных открыто и накопилось с тех пор, как писал Л<ев> Н<иколаевич> свою эпопею. Знаете ли, когда перечитываешь ее теперь, после нескольких мемуаристов, сделавшихся известными в 1880—1908 гг., поминутно изумляешься удивительной прозорливости Л. Н., который часто отгадывал ему неведомое, и поминутно жалеешь, зачем он многого не знал, описывая, как десять лет спустя узналось. Так, например, в русской литературе есть ли более страшная художественная картина, чем убийство Верещагина?[4] Но — представьте себе — после ужасного в педантическом тоне своем рассказа сухого и скучного Рунича[5] о чудовищной интриге, погасить которую должно было это злодейство, интерес толстовской картины значительно блекнет, и тезис, им излюбленный, о случайности и стихийности коллективных движений получает подрывающий удар. Нужен новый Александр, новый Наполеон, крестьянство, которого в романе нет, купцы и попы-бонапартисты, сектанты-наполеоновцы, князья, которые вдруг об уделах почему-то вспоминать стали, и пр.

Опять болтаю! Ну, не буду. До свиданья. Всего Вам хорошего М. Ф. и дому привет.

Ваш А. А.

Нет, Андреев не сделает. Очень мещанин с песенником жестоких романсов. Может быть, Бунин или новый Толстой, если вырастет. Вас не считаю: за Вами Стенька Разин числится в долгу![6]

Дата п. уточнена по предыдущему п. Горького.

[1] Речь идет о т. 1 «Рассказов» И. Шмелева. См.: *А—Г*, п. от 30 ноября 1910 г.

[2] Герой рассказа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Портной Гришка» (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. сочинений. М., 1937. Т. 16).

[3] После закрытия каприйской школы «впередовцы» решили организовать новую школу для рабочих в Болонье. Она открылась 21 ноября 1910 г. Приглашенные для чтения лекций Ленин и Горький в Болонью ехать отказались. «Со впередовцами дел иметь не хочу»,— писал Ленин Горькому 3 января 1911 г. (*В. И. Ленин.* Т. 48. С. 14). Подробнее о школе см.: *Арх. Г.* Т. XIV. С. 68—69.

Амфитеатров в ответе Богданову сообщал, что не может дать денег на новое начинание, которое Горький не поддерживает. Свой долг за каприйскую школу (750 франков) он обещал выслать, как только сможет.

[4] Убийство Верещагина — эпизод из третьей части романа «Война и мир» (гл. XXV). Михаил *Верещагин* (1790—1812) обвинялся в переводе из газ. «Гамбургские известия» и распространении «Письма Наполеона к прусскому королю» и «Речи Наполеона к князьям Рейнского союза в Дрездене», был приговорен к бессрочной каторге. Перед вступлением Наполеона в Москву граф Ростопчин распоря-

дился отдать его на самосуд толпе, приказав: «Руби его!» Верещагин был растерзан толпой.

По поводу этого эпизода известный общественный деятель, юрист А. Ф. Кони писал: «Описание этого события у Л. Н. Толстого в „Войне и мире" является одной из гениальнейших страниц современной литературы. Проверяя это описание по показаниям свидетелей, приходится заметить, что указание толпе „на изменника, погубившего Москву", и затем расправа с ним — всеми рассказывается совершенно одинаково, а предшествовавшее ей приказание рубить Верещагина передается совершенно различно» (*Кони А. Ф.* Психология и свидетельские показания // Новые идеи в философии. СПб., 1913. Сб. 9).

[5] Амфитеатров имеет в виду воспоминания Павла Дмитриевича *Рунича* (1778—1860), в которых рассказано о расправе графа Ростопчина с Федором Петровичем *Ключаревым* (1754—1820), московским почт-директором. Его арест и ссылка были результатом личной вражды Ростопчина. Поводом для ссылки Ключарева стала передача его сыном иностранных газет Верещагину (Из записок П. Д. Рунича // Русская старина. 1901. № 3).

[6] Речь идет о намерении Горького написать о Степане Разине.

149. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 10 декабря 1910 г.)

Дорогой А. В.!

Вы посмотрите-ка, что делает нахальный этот жидёнок Ауслендер — умереть со смеха! [1]

«Нам, уставшим» — каково? [2] Ему двадцать две годины неполных, ножки у него, как спичечки,— посылаю вам его портретик для «Сверчка».

«Успокоительный» Лесков!

Спросить бы г.г. Гессенов—Набоковых—Милюковых — как они относятся к этому изблеванию мальчишескому в своей архикультурной газете? [3]

Рецензию — пришлите обратно. Сохранить желаю. «Успокоительный» Лесков, трактирный писатель — это так оригинально.

Жму руку и будьте здоровы.

А. Пешков

Приписка М. Ф. Андреевой:

Дорогой Александр Валентинович.

А. М. посылает Вам карикатуру — весьма, впрочем, похожую на портрет г.г. С. Ауслендера и Нины Петровской [4], сделанную М. С. Боткиной, когда те наносили визит vill-e Blaesus три года тому назад. Впоследствии этот визит был изображен ими в весьма превратном виде [5]. Теперь они с Н. Петровской чуть ли не в контрах, а тогда путешествовали вместе, ей было лет 40, а ему — 22—23 максимум... Кстати, миленький Александр Валентинович, на днях в разговоре с Лидочкой [6] мимоходом выяснилось, что Вы с Илларией Владимировной заподозрили меня в ридикюльном (от слова — ridicule *) желании уменьшать свой возраст. Смею Вас уверить, что родилась я от законных супругов Юрковских [7] и в метрике значусь младенец Мария — родилась 21 июня 1871 года; в 1886 году в мае месяце кончила Литейную гимназию, причем меня не хотели выпускать, т. к. мне не хватало 1 месяца до 16-летнего возраста; в 1886 же году 1 1/2 месяца играла в Казани у Медведева [8] — выдержать этой марки по младости своей не могла и в 17 лет 29 июля 1887 года вышла замуж [9]; в 1888 году 29 ноября родился мой сын Юрий [10], которому вот сегодня, значит, минуло 22 года, это явствует еще и из того, что он только что освободился от воинской повинности. Мы с Вами познакомились в 1889 году, в Тифлисе уже, после того, как Вы перестали давно быть певцом, а мне было тогда только 19 лет, хотя я и была уже мамаша годовалого сына, или даже двухгодовалого. Сестре

* Смешно, смешной (*фр.*).

Н. И. ПЕТРОВСКАЯ И С. А. АУСЛЕНДЕР

Рисунок М. С. Боткиной (бумага, карандаш). Капри, 1908.
Справа под изображением рукою Боткиной: «1908 г. М. Б.»,
слева — рукою Горького:
«Нина Петровская, С. Ауслендер, рисунок М. Боткиной»

Архив Горького, Москва

моей Надежде Федоровне, всего на два года моложе меня бывшей, ровесник кто-то из Гореловых[11], так что подлинность моих цифр легко засвидетельствовать. Неужели я в 40 лет — 8 лет тому назад — решилась бы связать судьбу А. М. со старой бабой, каковою в настоящее время себя считаю? Нет, миленький, я до смерти боюсь всего смешного! Сведения сего письма могут пригодиться для некролога, т. к. надеюсь, что Вы меня переживете; только, ради бога, не подумайте, что я обиделась — это было бы тоже ридикюльно. Будьте здоровы, дорогой мой, хоть и заняты очень — пишите нам, пожалуйста, поклон Илларии Владимировне. Как доехали деревья?

М.

Датируется по содержанию.

[1] Сергей Абрамович *Ауслендер* (1888—1943) — писатель, драматург.

[2] Горький цитирует рецензию Ауслендера на кн. Амфитеатрова «Княжна. Роман-хроника» (Речь. 1910. № 321. 22 нояб./5 дек.). Рецензия С. Ауслендера с подчеркиваниями Горького хранится в *АГ*.

[3] В. Д. *Набоков* — издатель газ. «Речь». И. В. *Гессен*, П. Н. *Милюков* — редакторы газ. «Речь».

[4] Нина Ивановна *Петровская* (1884—1928) — писательница. Брюсов в своем романе «Огненный ангел» изобразил Петровскую в образе Ренаты.

[5] Мария Сергеевна *Боткина* в 1908 и 1909 г. гостила у Горького. Петровская писала о своем пребывании на Капри в ст. «Максим Горький на Капри (литературный силуэт)» (Астраханец. 1908. № 7. 5 мая).

[6] Л. П. Пешковой.

[7] Федор Александрович *Федоров-Юрковский* (1842—1915) — отец М. Ф. Андреевой, режиссер.

Мария Павловна *Юрковская* (по сцене Лелева) (1843—1919) — мать М. Ф. Андреевой, актриса Александринского театра. М. Ф. Андреева родилась в 1868 г.

[8] Петр Михайлович *Медведев* (1837—1906) — антрепренер, режиссер, актер. Драматическая и оперная труппа Медведева выступала в Саратове, Казани и других городах.

[9] Андрей Андреевич *Желябужский* (1850—1932) — первый муж М. Ф. Андреевой. Главный контролер Курской и Нижегородской железных дорог, член правления Российского театрального общества.

[10] Юрий Андреевич *Желябужский* (1888—1955) — сын Андреевой, деятель советского кино. Кинорежиссер, сценарист.

[11] Речь идет о С. И. или Е. И. Гореловых.

150. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1910.XII.11

Дорогой Алексей Максимович.

Во избежание возможных недоразумений пробегите прилагаемые письма.

Затем так уж и позвольте мне поступить с посылкою денег, как я пишу в конце второго письма, то есть направить их к Вам, потому что, кроме Вас, я решительно не считаю себя связанным с кем-либо в этом деле и переписки с Богдановым поддерживать не намерен. Я не мальчишка, чтобы мною распоряжались, как им нравится,— я даже не знаю, кто [1].

Очень сожалею, что не могу сию же минуту послать деньги. В конце ноября и начале декабря когда же бывают деньги у литератора? К святкам жду гонорара за сданный 3-й том «Зверя из бездны». Если же, кроме того, «Прометей» успеет до праздников начать 2-е издание 1-го тома «Девятидесятников», то пришлю вам всю сумму полностью без рассрочки.

По целым дням занят формировкою «Совр<еменника>». О Муромцеве пишет Водовозов. Будем прилагать портреты. В первом даем Пушкина, Льва Толстого и, по случаю столетия, Альфреда де Мюссе [2]. Нет ли у вас в портфеле лишнего «Знанию» рассказа на тему о ноябрьском законе? [3] Нужен очень. Брусянин [4] прислал, но ерундища газетного происхождения, без всякого наблюдения — отказал.

Тихонов [5] повествует о литературных временах и нравах, анекдоты столь изумительные, что даже забывает привирать, и глаза наливаются самыми горестными слезами, странными на лице такого жизнерадостного человека. Не говоря уже о пьянстве и разврате прямо-таки чудовищных и даже неслыханных, дошли до фальсификации рукописей. Какой-то Маныч или Коптелев, Кибелев, черт его знает, приносит в редакцию рукопись. Ее признают возможною к напечатанию, предлагают 100 рублей гонорара. Означенный гусь отвечает:

— Никакого расчета. За подписью Александра Ивановича я получу 125.— Как? — Очень просто. Он подпишет — рукописи цена станет 250 рублей; 125 — ему, 125 мне!.. Сидят, надо ехать к девкам, денег нет. Александр Иванович оглядывает свиту своих «манычаров» (сам прозвал) и вопиет:

— У кого из вас есть рассказ?

Кто-нибудь откликается.

— Давай.

Под рукописью ставится подпись «А. Куприн», и рассказ везется кем-либо из «манычаров» в редакцию поплоше, напр. в «Петербургскую газету». Худяков [6] смотрит подпись, видит, что она настоящая, купринская, и приказывает: выдать деньги.

Ему замечают:

— Подпись купринская, но рассказ — такая дрянь, что, поверьте, не купринский.

— А мне какое дело?..

Но вообще за последнее время, по наблюдению Тихонова, хулиган значительно схлынул. В театрах — ни одного полного сбора, кроме... Островского! В театре Леванта-Андреева пустынно. «Чудаки» публике не понравились, но к ним был интерес, и 4 представления дали сборы, ставшие редкостью в театре этом[7]. Говорят, что наследники Островского возьмут за этот сезон не один десяток тысяч.

Заметку возвращаю. Ну что Вы! Ауслендер — христианин. Я его так отчитал за «Пушкина-сноба», а он еще кроток.

Ой, устал!

До свидания. Всего Вам хорошего.

Ваш А. А.

Написали бы страниц 5—6 относительно Толстого-то и Короленки. Статья статьею, а Ваше слово как это сразу двинуло бы. А журналу — радость.

[1] Богданов обратился к Амфитеатрову с просьбой выслать для школы оставшуюся сумму (750 фр.) для расходов по школе. См.: *А—Г*, п. от 4 декабря 1910 г.

[2] К столетию со дня рождения Альфреда де Мюссе в журнале была опубликована его драма «Андреа дель-Сарто» и очерк Т. Щепкиной-Куперник «Альфред де Мюссе. (Набросок)» (Современник. 1911. № 1).

[3] Речь идет об указе от 22/9 ноября 1906 г. (закон Столыпина), по которому царское правительство взяло курс на сильное крестьянство. В изменение и дополнение к этому указу Николай II 14/27 июня 1910 г. утвердил закон о ликвидации крестьянской поземельной общины. О ноябрьском законе в «Современнике» (1911, № 5) была напечатана ст. С. Т. Семенова «Легко ли у нас выделяться из общин».

[4] Василий Васильевич *Брусянин* (1867—1919) — писатель, публицист, литературный критик. В последние годы жизни секретарь Л. Андреева. Сотрудничал в «Северном вестнике», «Новом слове», «Жизни», «Вестнике Европы» и др.

В 1911 г. печатался в большевистской «Звезде», в 1913 г.— в «Правде». Автор кн.: «Леонид Андреев. Жизнь и творчество» (М., 1912), «Дети и писатели. Литературно-общественные параллели. (Дети в произведениях А. П. Чехова, Леонида Андреева, А. И. Куприна и Ал. Ремизова) (М., 1915) и др.

[5] В. А. Тихонов.

[6] Сергей Николаевич *Худяков* (1897—1928) — журналист, драматург. Редактор-издатель «Петербургской газеты».

Горький с тревогой писал о фактах недостойного поведения Куприна в п. к Пешковой 26 ноября/9 декабря 1910 г. (см.: *Арх. Г.* Т. IX. С. 108).

[7] Премьера «Чудаков» состоялась 24 сентября 1910 г. в Новодраматическом театре в Петербурге. До начала репетиций Андреева 5/18 сентября 1910 г. предупреждала режиссера Дымова: «Если позволите — очень важно, чтобы артист, играющий Мастакова, не утрировал смешных или, вернее, комических черт, а Елена Николаевна была бы в высшей степени мила, проста и мягка» (*М. Ф. Андреева*. С. 187).

6 октября Горький сообщал Пешковой: «Ты, конечно, знаешь, что моя пьеса провалилась в Питере? Говорят, однако, что в Киеве она шла с успехом. Не верю. А о провале — жалею. Никогда меня не трогали эти провалы, а на сей раз задело! Почему? Потому ли, что нездоровится, или же потому, что в пьесе есть, против обыкновения, нечто личное? Не знаю» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 98).

Рецензенты писали, что театр «пьесы не понял», а актер, игравший главную роль, скомкал ее. Пьеса быстро сошла со сцены (см.: *Юзовский Ю.* «Чудаки» М. Горького // Чудаки: Материалы и исследования. М.: ВТО, 1946. С. 5).

«Чудаки» были поставлены в Париже членами большевистской эмигрантской кассы. 21 ноября/3 декабря 1910 г. на спектакле присутствовал Ленин. С. И. Гопнер вспоминала: «Не берусь сейчас утверждать, чья это была инициатива — поставить только появившуюся, возбудившую всяческие толки пьесу Горького. Быть может, это и подсказал Владимир Ильич<...> Что, однако, помню более твердо, так это то, что, когда, затеяв постановку, мы с ним делились планами, он эту пьесу уже знал и, как видно, высоко оценивал. Во всяком случае, к предположению ее поставить он с самого начала отнесся в высшей степени одобрительно, отмечая ее своевременность» (*Гопнер С. И.* В. И. Ленин в Париже // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М.: Политиздат, 1969. Т. II. С. 295, 296).

151. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1910.XII.13

Дорогой Алексей Максимович.

Некогда мне, как черту в аду, и устал я, аки пес, а между тем не могу оторваться от дела, чтобы написать Вам, какой милый писатель хохол Коцюбинский и как мне понравилась книжка его, изданная «Знанием» [1]. Я получил ее сегодня и прочитал урывками, между занятиями, а теперь всю ее держу в голове и радуюсь. Менее других мне нравятся его крымские рассказы, это все-таки экзотика и наблюдение вчуже, со стороны. Но все, что от Украины, Польши и Бессарабии, великолепно. Мягкий тон тургеневского ученика, хотя и почитал он уже Кнута Гамсуна («Дебют») [2]. Ужасти, как мил. Я немедленно написал ему приглашение в «Современник», а Вы, если будете ему писать, скажите, что приобрел он большого поклонника. Два больших горя: Водовозова в январе сажают на 9 месяцев в Кресты, а Алексея Толстого тянут отбывать воинскую повинность [3]. Очень любопытное сегодня получил письмо от сына, из Москвы, о похоронах Льва Толстого. До свидания! Всего Вам хорошего!

Ваш А. А.

Сегодня получил сведения, будто Егор Созонов застрелился из страха телесного наказания. Если правда, то вот и третья смерть большого русского человека, которую Вы предчувствовали. А еще вероятнее, что Егора С. пристрелили в тюрьме, как давно уже и неоднократно пытались.

[1] Амфитеатров пишет о первом томе рассказов Коцюбинского в переводе Мих. Могилянского (СПб., изд-во «Знание», 1911).

В декабре 1910 г. Горький писал Коцюбинскому: «Книжку Вашу прочитал с большим наслаждением, с душевной радостью...», и сообщал, что посылает экземпляр книги с замеченными во время чтения, ошибками переводчика (*XXIX*, 149).

В марте 1911 г. Горький извещал Коцюбинского об интересных рецензиях на первый том его рассказов в газ. «Речь», журн. «Современный мир», «Современник» и в провинции (Там же, 163).

Второй том рассказов Коцюбинского также вышел в изд-ве «Знание» (СПб., 1911), третий — в книгоизд-ве писателей (М., 1914).

[2] «Дебют» — рассказ Коцюбинского, напечатан в первом томе.

[3] А. Н. Толстой был призван в армию в первую мировую войну. В 1914—1916 гг. он был военным корреспондентом «Русских ведомостей».

152. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 15 декабря 1910 г.)

Дорогой мой А. В.— что скажешь вам по поводу писем строгого человека Богданова? [1] Формальная точка зрения: обещал? Подай! Мне было стыдно читать его письмо к вам. Может быть, вы позволите мне расплатиться за вас, да не обидит вас это предложение! Я просто не знаю, что мне делать: писать ему я — не могу, ибо давно уже отказался от всяких сношений и отношений с ним. И вообще с ними, но — с рабочими у меня есть отношения, хотя в школу я не поеду, о чем и заявил рабочим, указав причину: не хочу встречаться с людьми, неприятными мне [2].

Посылаю вам новый рассказ Андреева: игра на цымбалах нутряного, исконно-русского анархизма, пропади он пропадом! Жидко, старо, скучно. И — вредно для нас, сыты мы этим [3].

Ауслендер — земляк мне, зовут его Сергей Абрамович, в Нижнем его числили евреем. Есть у меня и еще земляк в поэтах Борис Садовской, он же Лев Пущин, а вернее — Поросенок выпущен [4].

Сегодня отъехал от меня Цейтлин Натан [5]; наездник храбрый, но — в боевом деле — не весьма хитер. Главная его сила — вся в убеждении, что коли русский — стало быть, мямля, ленив думать и цены себе не

ведает. Думаю, что сему герою великие победы одержать суждено и даней хазарам мы еще поплатим обильно.

Ни о Короленке, ни — тем. паче! — о Толстом писать не стану — ни времени, ни сил не имею для этого.

Сообщенное вами о диком племени «манычаров» знал из другого источника; боюсь, что это правда и — не верится. Маныч — это из тех, что кошек драли[6].

Будьте здоровеньки, желаю всего доброго и всем кланяюсь.

Сообщите, когда выйдет 1-й №[7].

А. Пешков

На обложке 21-го выпуска журнала «Пробуждение» изображен Персей с головою медузы в руке и подписано[8] «Персиянин».

Там же, под картиною Кнауса, подписано Диффенбах[9], но это — пустяки, а вот «персиянин» — очень веселая штучка!

Достаньте «Записки литературного Макара» Сивачева[10], очень любопытно: некий знакомый мой рабочий разносит Чирикова, Григория Петрова, Горького, говорит о Потапенке, будет говорить о Дорошевиче, Сумбатове[11] и многих. Весьма негодующе, местами — верно и талантливо. Документ — ценный для характеристики человека, вылезающего с глубокого низа.

Выходят — выпусками в Москве — лучше пошлю вам первый; есть уже второй.

Датируется по дню отъезда Н. С. Цетлина с Капри 2/15 декабря 1910 г. (*Дн. Пятницкого*).

[1] См.: А—Г, п. от 11 декабря 1910 г.

[2] Горький был приглашен читать лекции слушателям школы в Болонье, однако не поехал, в письме к рабочим он писал:

«Дорогие товарищи!

Сердечно тронут Вашим письмом и горжусь отношением Вашим ко мне.

Поверьте — мне очень хочется быть с Вами, но, если бы я приехал — мне пришлось бы молчать, ибо сильный кашель почти не позволяет говорить и все время мучают головные боли. Вместе с нездоровьем мне мешает приехать и обилие работы» (*XXIX*, 141—142).

[3] Рассказ Андреева «День гнева» (Современный мир. 1910. № 12).

[4] Борис Александрович *Садовской* (1881—1952) — писатель, литературный критик, примыкал к символистам. Сын нижегородского историка А. Я. Садовского.

[5] В автографе — Цейтлин. Горький и Пятницкий вели переговоры с Н. С. Цетлиным, владельцем петербургского изд-ва «Просвещение», об издании и продаже продукции «Знания». Соглашение не состоялось.

[6] П. Д. Маныч — литератор, был близок к Куприну, использовал его имя в корыстных целях. См. также: Г—СМ, п. 5, прим. 8.

[7] Первый номер журн. «Современник» вышел в январе 1911 г.

[8] На обложке журн. «Пробуждение» (1910, № 21) была помещена репродукция с картины немецкого художника Кунца Майера «Персей» (Персей — древнегреческий герой, сын Зевса и Данаи, убивший Горгону Медузу).

Репродукция с картины Людвига Кнауса «Прощенные» была помещена в № 26 журнала за 1910 г.

[9] Карл Вильгельм *Диффенбах* (1851—1913) — немецкий художник, жил на Капри. Осенью 1906 г. Горький писал Андрееву: «Вот я познакомился с одним чудаком — это известный художник Диффенбах» (*ЛН*. Т. 72. С. 278). В 1907 г. Горький вместе с Десницким посетил его мастерскую (*Десницкий В. А.* А. М. Горький: Очерки жизни и творчества. М., 1959. С. 161—162), 2 апреля 1910 г. Горький был на выставке картин Диффенбаха на Капри (*Дн. Пятницкого*).

[10] Михаил Гордеевич *Сивачев* (1887—1937) — писатель-самоучка, познакомился с Горьким в 1905 г. в Финляндии (*XXVIII*, 378—379). Автор книг автобиографического характера: «На суд читателя. Записки литературного Макара» (М., 1910, вып. I), «Прокрустово ложе. Записки литературного Макара» (Современные проблемы, 1911, вып. II), в которых Сивачев рассказывал о своей жизни и своем вхождении в литературу, о знакомстве с писателями. Осенью 1911 г. Горький писал П. В. Мурашеву, члену редакции газ. «Живое слово»: «...к его (Сивачева.— *Ред.*) книге все отнеслись недостаточно внимательно, и никто не оценил социальной важности ее. Я лично не считаю книгу Сивачева искренной и правдивой в той мере, как он мог бы ее сделать, нахожу также, что она очень испорчена демагогией,

но тем не менее это одно из значительнейших явлений современности, подтверждающих...раскол демократии с интеллигенцией...» (*XXIX*, с. 202—203).

Письма Горького Сивачеву см. *XXIX*, 378—379 и в газ. «Литература и жизнь» (1960, № 107, 9 сент). В 1934 г. Сивачев в п. к Горькому просил содействия в переиздании кн. «Прокрустово ложе». Первый выпуск кн. Сивачева «На суд читателя» Горькому прислал Н. С. Каржанский. Он писал 5 декабря 1910 г.: «...посылаю Вам „печалования" Сивачова. Книжка не моя и дана мне с условием, что Вы ее продержите не более 2-х дней. Среди тех литераторов, которые живут в Париже, книга имеет успех: на этот единственный экземпляр охотников нет отбою» (*АГ*).

[11] Александр Иванович *Южин* (настоящая фамилия Сумбатов) (1857—1927) — артист, драматург, театральный деятель. С 1882 г. и до конца жизни работал в Малом театре. Лучшие роли Сумбатова-Южина — романтические — в пьесах Шиллера, Гюго. Ст. Амфитеатрова о Сумбатове-Южине см. в кн. «Маски Мельпомены» (с. 5—21).

153. АМФИТЕАТРОВ И ДР.— ГОРЬКОМУ

⟨Феццано. 18 декабря 1910 г.⟩

Редакция «Современника»[1] в полном составе приветствует великого писателя и дорогого сотрудника. Сожалеем о его отсутствии. Самые лучшие пожелания.

Амфитеатров, Коялович, Певин, Лопатин

Датируется по почт. шт.

Телеграмма на итальянском языке. Перевод Р. И. Хлодовского.

[1] Редакционно-издательский комитет журн. «Современник» (1911, № 1) выступил в составе: А. В. Амфитеатров, В. Ф. Боцяновский, М. М. Коялович, П. И. Певин, В. А. Тихонов.

Лопатин не входил в состав комитета, в первом номере журнала он был объявлен в числе сотрудников «Современника».

154. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Декабрь, не ранее 19, 1910 г.⟩

Александр Валентинович, дорогой мой!

В «Речи» от 1/14 дек⟨абря⟩ снова явилось это погребальное объявление, и — снова протестую против жирного шрифта и «постоянного сотрудничества».

Напоминаю объявителям скандал «Речь» — «Совр⟨еменный⟩ мир», вызванный справедливой *по существу* статьей Чуковского[1]. Повторять его не следовало бы, а ведь повторение скандала — возможно, ибо — сами вы судите — ну какой же я «постоянный»? И не обещал я постоянства, и невозможно оно для меня.

Жму руку.

А. Пешков

Очень мешает мне это похоронное объявление!

Датируется по содержанию.

[1] Горький имеет в виду ст. Чуковского «Литературные стружки» (Речь. № 64. 7 марта), в которой редакция журн. «Современный мир» обвинялась в «обмане читателей», так как журнал не напечатал многих произведений, объявленных на 1909 г. О «скандале» «Речь» — «Современный мир» см. в разделе Г—СМ, п. 1,

155. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Pezzano. 1910.XII.20

Дорогой Алексей Максимович!

Ей-ей, не виноват: письма мои о жирном шрифте и постоянном сотрудничестве разошлись с Певиным, который в это подготовительное время мотается между Петербургом, Екатеринбургом и Феццано, так что

он ничего не подозревал и не мог сделать распоряжений и только здесь, вчера узнал о Вашем желании, по которому и распорядится немедленно, как только приедет в Питер. Сегодня утром он, Тихонов и Коялович уехали. Значит, в субботу уже будут в Пб-ге.

С какой стати Вы за меня платить будете?[1] Мало у Вас собственных расходов?! Спасибо, но никак на сие согласиться не могу.

Кстати. По скольку прикажете числить Ваш гонорарий? При определении оного себя не обидьте, а тонкость шкуры «Современника» примите в соображение.

Бунин прислал мне «Деревню». Как его адрес? Надо мне ему ответить. Вещь любопытная, хотя, признаюсь, по Вашему отзыву я ждал большего. Напишу о ней в связи с Ал. Толстым и «Серебр‹яным› голубем» А. Белого[2].

Бальмонт прислал стихи. Чудовищные. Напечатать нельзя, а возвращать — больно.

От Андреева начинает чем-то архаическим пахнуть. Фу, как давно это было! Тридцатые годы, что ли...

Деревья приехали!

У нас святочные приготовления елок домашней и школьной.

До свидания, дорогой. Всего Вам хорошего.

Ваш Амфитеатров

[1] См.: *Г—А*, п. от 15 декабря 1910 г.

[2] Андрей Белый «Серебряный голубь», повесть в 7 главах (Весы. 1910. № 3—7, 10—12). Отдельное издание: М., изд-во «Скорпион», 1910. Роман получил восторженную оценку в критике: «капитальное издание» (М. Кузмин), «гениальный размах», «выход в ширь народной жизни» (Н. Бердяев) и др. См.: *Русская литература конца XIX — начала XX в. 1908—1917*. С. 441.

Амфитеатров не разделял мнения критиков и писателей модернистского направления. По поводу «Серебряного голубя» он писал: «...главный и органический недостаток „Серебряного голубя“ ‹...› холодная рассчитанность ‹...› Когда Андрей Белый ‹...› пытается уверить нас, что его вытканные „под Гоголя“ узоры „вполне реальны“, читатель пожимает плечами:

— А, может быть, этого не было?

И — вот поди же ты! В „Мелкого беса“ верим, в „Городок Окуров“ верим, в Симбирск Алексея Н. Толстого верим, в „Деревню“ Бунина верим, а перед „Серебряным голубем“ ежимся. „А, может быть, этого не было?“» (Современник. 1911. Кн. 1. С. 328—331).

О «Деревне» Бунина Амфитеатров писал в ст. «Литературные впечатления» (Современник, 1911. Кн. 2). См. вступ. ст. к переписке.

156. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. Конец декабря 1910 г.›

Дорогой Александр Валентинович!

Прежде всего — с Новым годом!

Поздравляю искреннейше вас, Ил. Вл., Герм. Алек. и всех жителей дома вашего! Почему-то верю, что наступающий принесет-таки нечто доброе и новое.

Засим: напишите вы «современникам», чтоб они гонорарии, причитающиеся мне, немедленно, если это можно, переслали:

казначею Фребелевского О-ва[1]
Екатерине Петровне Чечулиной.
СПб., Эртелев пер., д. № 12.

Пожалуйста! Я не знаю, какой гонорар назначить: 500 — не много? Если возможно — очень прошу о 5-истах, дело-то хорошее: детский дом имени Льва Толстого[2].

Был все время адски занят: маялся со 2-й частью «Кожемякина», устал и разнервничался весьма.

Ну, будьте здоровеньки. А — «Жар-цвет»?

Крепко жму руку.

А. Пешков

Датируется по ответному п. Амфитеатрова от 2 января 1911 г.

[1] Фребелевские общества (по имени известного немецкого педагога Фридриха *Фребеля*, 1782—1852) возникли в России в начале 70-х годов XIX в. в Петербурге, Киеве, Харькове и других городах. Они открывали детские сады (на частные средства) и курсы, которые готовили квалифицированных руководителей детских садов. Фребелевские курсы существовали до 1917 г. и после революции были преобразованы в Институт дошкольного образования.

[2] Идея создать Народный детский дом им. Л. Н. Толстого принадлежала слушательницам Фребелевских курсов в Петербурге (Речь. 1910. № 326. 27 дек.). Горький активно поддержал эту идею. По просьбе В. А. Герда, председателя комитета организации Народного детского дома им. Л. Н. Толстого (*АГ*), Горький написал обращение к итальянскому народу (Русская литература. 1968. № 2. С. 15—16).

В декабре 1910 г. Горький писал редактору газ. «Киевская мысль»: «Милостивый государь г. Редактор!

В течение 1910 года я получал бесплатно редактируемое Вами издание.

Искренно благодарю Вас за любезность, оказанную мне, посылаю Вам с этим письмом рукопись моего очерка.

Считаю нужным указать, что одновременно рассказ послан: „Одесским новостям", „Южному краю", „Киевской мысли" и „Нижегородскому листку".

Если издатель пожелал бы оплатить мой труд гонораром — покорно прошу сделать это так:

гонорар он назначит по своему усмотрению, а я прошу выслать назначенную сумму по адресу: С.-Петербург, Эртелев переулок, д. № 12, казначею Фребелевского общества Екатерине Петровне Чечулиной, с пометкой: „В фонд детского дома имени Л. Н. Толстого".

Посылать деньги от моего имени необязательно, издатель может сделать это от своего лица, если ему угодно.

Настоящее письмо покорно прошу не опубликовывать, ибо опасаюсь, что известие о моем участии в деле организации Детского дома может вызвать нежелательный и вредный делу шум.

Еще раз благодарю за любезность Вашу, милостивый государь, свидетельствую искреннее почтение Вам и всей редакции.

Желаю в Новом году — новых сил, бодрости духа» (*АГ*).

Об организации Детского дома Горький сообщал также сыну: «...огромнейший домище построим в Питере!..» (*Арх. Г.* Т. XIII. С. 83).

В ст. «О писателях-самоучках» Горький писал: «К сведению господ авторов, из произведений которых составлена эта статья: гонорар за статью поступает в фонд по организации в С.-Петербурге Детского дома Льва Николаевича Толстого» (*XXIV*, 99).

Однако идея создания Детского дома им Л. Н. Толстого не была реализована, так как средства для его строительства были собраны незначительные.

157. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Феццано.⟩ I.2.11

Дорогой Алексей Максимович.

Умеренность гонорарных жажд Ваших превзошла все ожидания Певина. Я немедленно написал ему Ваши распоряжения. Будет исполнено.

Как — на март — будет вторая «Жалоба»? Жду усерднейше и с вожделением.

А к Бунину, и после «Деревни», любви у меня мало. Барином писана вещь, с господской брезгливостью.

Ко 2-й книжке буду писать «Деревню в новой русской литературе» (Бунин, Милицына, Родионов, Белый и др.) [1].

Перевел Вам сегодня 250 франков на богдановский предмет.

Работишены у меня ... это — я Вам доложу!

У нас все благополучно, хотя холодно.

Читали Вы Бальмонтовы «Змеиные цветы»? [2] Я теперь, когда ругаюсь, то героями из этой удивительной книги. Например:

Девятикратная Собака! Кровавая раковина женщины!

А путевые письма его к Екатерине Алексеевне в той же книге — прелесть! С наслаждением читал.

До свидания. Всего Вам хорошего. М. Ф. сердечный привет.

Ваш А. А.

[1] См. вступ. ст. к переписке Горького и Амфитеатрова.

[2] Знакомство Горького и Бальмонта состоялось в 1901 г. Еще до знакомства, в 1900 г., Бальмонт напечатал три стихотворения, посвященные Горькому (Жизнь. 1900. Июль). Горький писал Бунину: «А что Вы скажете о стихах Бальмонта? Мне, грешному, „Ведьма" очень понравилась. Знай я, где он живет,— поблагодарил бы поэта за внимание» (*Горьк. чт.* 1961. С. 14).

В 1902 г. Горький привлек Бальмонта к работе в изд-ве «Знание». В 1906 г. был издан его сб. «Стихотворения». Бальмонт участвовал в редактировании «Истории живописи XIX века» Р. Муттера, в издании 3-томного Собрания сочинений Шелли и др.

Однако близости в отношениях Горького и Бальмонта не было.

В 1905 г. Бальмонт совершил большое путешествие в Мексику и Соединенные Штаты Америки. Кн. «Змеиные цветы» (М., изд-во «Скорпион», 1910) была составлена из путевых очерков, переводов мифов ацтеков и майя, а также писем к жене Екатерине Алексеевне Бальмонт (урожд. Андреевой). В книгу вошли описания выдающихся памятников древнемексиканских культур.

158. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.I.4

Дорогой Алексей Максимович!

В «Киевской мысли» оповещено, что на днях в Берлине выходят Ваши «Жалобы», и затем приводятся обширные цитаты из рукописи, из которых следует, что в руках корреспондента была или самая брошюра, или ее корректурные листы. Посылаю Вам № «К⟨иевской⟩ м⟨ысли⟩» [1].

Вы хорошо поймете и недоуменье, с каким я встретил это событие, и истекающее из него недоразумение с редакцией «Современника». Напишите, пожалуйста, как мне изъяснить все это Певину и др.? Ведь делу молодого журнала этим двойственным появлением «Жалоб» наносится неожиданный и незаслуженный удар. Вместо того чтобы дать, как обещано, Вашу новую вещь, мы, оказывается, теперь дадим старую, которую, одновременно с нами и даже раньше нас, может любой издатель перепечатать и пустить на рынок, так как *русские издания, вышедшие за границей*, не ограждены в России авторским правом. Ради бога, исправьте как-нибудь это недоразумение, хотя бы задержав на два месяца берлинское издание. Книжка «Современника» выйдет 12/25 января. С 1/14 февраля пусть «Жалобы» там выходят себе, если Вам это надо.

Ясюкайтис какой-то прислал мне четыре из рук вон скверных стихотворения [2]. Пишет, что был у Вас на Капри. Если читал Вам стихи свои, претерпели же Вы муку! Возвратил.

Видели новое объявление «Современника» с содержанием первой книжки? 28 листов! [3]

Если берлинских «Жалоб» остановить нельзя, то не найдется ли у Вас нового рассказа той же серии? Вы писали о купце. Тогда мы особым объявлением разъясним публике, почему вышла замена. Пожалуйста, поторопитесь с этим делом. Существую, как на иглах.

До свидания. Всего Вам хорошего. М. Ф. привет.

Ваш А. Амфитеатров

[1] Сообщение о выходе «Жалобы» I в изд-ве И. П. Ладыжникова (Берлин, 1910) в газ. «Киевская мысль» (1909, № 349, 18/31 дек.).

[2] В журн. «Современник» в 1911 г. стихи Константина Ясюкайтиса не публиковались. Рассказ К. Ясюкайтиса «На бульваре» печатался в XXIX *сб. «Знания»* (СПб., 1910).

В декабре 1910 г. Ясюкайтис был у Горького на Капри.

[3] Объявление о содержании журн. «Современник» было напечатано в газ. «Речь» (1910, № 347, 18/31 дек.).

В связи с этим В. И. Ленин писал Горькому 3 января 1911 г.: «Насчет „Современника". Читаю сегодня в „Речи" содержание 1-ой книжки и ругаюсь, ругаюсь. Водовозов о Муромцеве... Колосов о Михайловском, Лопатин „Не наши" и т. д. Как тут не ругаться? А Вы еще точно дразните: „реализм, демократия, активность". Вы думаете, это — хорошие слова? Слова *скверные*, всеми буржуазными ловкачами на свете используемые, от кадетов и эсеров у нас до Бриана или Мильерана здесь, Ллойда Джорджа в Англии и т. д. И слова скверные, надутые, и содержание обещается эсеровско-кадетское. Нехорошо» (*В. И. Ленин.* Т. 48. С. 11).

159. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Январь, не позднее 5, 1911 г.)

Вы по поводу «умеренности гонорарных жажд» — серьезно говорите, или это — ирония под меня пущена?[1] Сообщите, а то я смущен.

Холодно у вас? У нас тоже. Хоть стихи пиши. Сын ваш, милый человек, прислал мне Тертуллиана, Лактанция[2], обе книги Властова[3], а Иринея — нет еще[4]. А я — затерял его адрес и ни поблагодарить, ни спросить — не могу. Дайте адрес!

Совсем болен я, кажется мне. Под лопаткой сидит нечто, подобное плевриту.

Вышел журнал «Новая жизнь», а — зачем вышел неизвестно![5]

«Сатирикон» становится все злее и умней[6].

Отвечайте насчет гонорария, ей-богу, обеспокоен я!

Когда напишу вторую «Жалобу»? Не могу сказать точно, подождите.

Кланяюсь, жму руку

А. Пешков

Сейчас получил письмо по поводу «Жалобы».

Рассказ — *не вышел и не выйдет* до появления в России.

В Берлин послал нагоняй, дабы впредь они не сообщали рецензентам, чего не надобно.

Кроме этого — ничего не могу сделать.

Датируется по п. Амфитеатрова от 2 и 7 января 1911 г.

[1] См.: *А—Г*, п. от 2 января 1911 г.

[2] В. А. Амфитеатров 29 октября / 11 ноября 1910 г. писал Горькому, что «нашел многие из книг», которые тот хотел бы иметь» (*АГ*).

Лукий Нелий Фирмиан Лактанций (Творения Лактанция, писателя, в начале четвертого века прозванного Христианским Цицероном / Пер. Е. Карнеева. СПб.: изд-во Кораблева и Сирякова, 1848. Ч. 1—2). Книга хранится в *ЛБГ* с многочисленными пометами Горького (*Описание*).

[3] В *ЛБГ* хранятся три кн. Г. К. Властова: *Гезиод.* Поэмы. Подстрочный перевод с греческого / Вступ. ст., пер. и прим. Г. Властова. СПб.: тип. «Общественная польза», 1885 (с пометами Горького); *Властов Г.* Теология Гезиода и Прометей. СПб.: тип. Глазунова, 1897; Священная летопись / Прим. и толкование Г. Властова. СПб.: тип. «Общественная польза», 1878—1898. Т. 2—5.

[4] В п. В. В. Розанову в начале 1911 г. Горький писал: «Мне необходимо сочинение Иринея лионского против ересей — рус. изд. 871? перев. Преображенского — безуспешно ищу эту книгу у букинистов более двух лет, наконец, решил обратиться к Вам — не найдете ли?» (Контекст 1978. М., 1978. С. 302). Розанову удалось достать книгу для Горького.

[5] «*Новая жизнь*» — ежемесячный журнал, выходил в Петербурге с декабря 1910 г. по 1916 г. Редакторы журнала П. А. Берлин, Н. А. Архипов-Бенштейн. Участие Горького в журнале ограничилось публикацией третьей сказки из цикла «Сказки об Италии» — «Сказка. Отрывок» (1911, 5). В сентябре 1911 г. Горький отказался печататься в «Новой жизни». См. ниже, а также Г—СМ.

[6] «*Сатирикон*» — еженедельный сатирический журнал, выходил в Петербурге с 1 апреля 1908 г. по 1914 г. Редактор А. А. Радлов, позже А. Аверченко. В журнале сотрудничали Аверченко, С. Черный, Тэффи и др.

160. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Pezzano. 1911.I.7

Дорогой Алексей Максимович.

Когда же я прибегал в беседах с Вами к ироническим приемам? Конечно, всерьез говорю: дешево взяли, я думал, спросите дороже. Ну, стало быть, гуляй, «Современниче»! Такое его каторжное счастье.

Адрес сына:

Москва. Спиридоновка. Д. Германовой. Владимиру Ал. А-ву.

Ну, я ли не редактор? Умолил неумолимого Герм. Ал. написать немножко о Караулове! [1]

Относительно Берлина — больше того, что сделали к обузданию, ничего и не надо. Спасибо.

«Жар-цвет» и «Княжну» так упорно и не получаю от «Просвещения».

С Коцюбинским я списался.

Толстого и Короленко придется, видимо, писать самому. Между тем о Толстом пришлось много говорить в «Пестрых главах» [2].

Думал неделю отдохнуть — получил сегодня от «Просвещения» корректуру «Зверя из бездны».

«Новую жизнь» не видал, равно как и «Сатирикон». От Саши Черного имел нежное письмо, в котором он очень симпатичен [3].

Вступление в «Совр». написал суровое [4]. Разговариваю с публикою строго вообще, с индивидуалистами в особенности.

За строки, как Андреев о Вас у Фидлера написал, много ему грехов простится и симпатий возвратится [5].

Нужны мне рецензенты по всем отраслям литературы и науки. Если есть у Вас дельные ребята, давайте.

«Русская история» Покровского и Сторожева никуда не годится [6]. Совершенно не научное предприятие строить нечто свое на чужом фундаменте, без поверок его крепости. Для романа скучно, для науки — жидко, легкомысленно, доверчиво. Швах.

Вандаля следовало бы снабдить примечаниями, да и вообще критически редактировать, а то сей француз, склонный к отсталости, как вообще свойственно французским ученым, порядком устарел, даже по русским источникам последнего десятилетия [7]. И притом нельзя же оставлять в русском переводе такие французские обмолвки, как «*Николай* Сперанский!»

Ах, хорошо бы получить от Вас вторую «Жалобу» хоть для мартовского №! А уж на апрель-то уповаю!

Редко радуюсь чьему-либо неуспеху — тем более если хорошо отношусь к автору, но искренно доволен, что «Miserere» провалилось у художественников. Не фальшивьте, обе стороны! [8]

Россия даже в землетрясении не могла не побить западных рекордов! Что за ужасы! Наш Конст<антин> Дмитриевич ведь из Верного родом [9].

Дьяволы-анархисты сделали все, чтобы лишить русских эмигрантов права убежища и обратить в «волков» для всего света. Но — молодцы же! какого страха задали! Пушки, шотландская гвардия... Я советую Аладьину воспользоваться этим обстоятельством для окончательного подрыва в Англии царского престижа [10].

— Милорды и милэди! Вы видели, что для взятия двух русских, вооруженных только маузерами, потребовались целые отряды полицейских, пожарных, полк шотландских стрелков, артиллерия. Их все-таки взяли только мертвыми. Так дерутся русские, когда им есть за что драться. Судите нас сами: как должен быть ненавидим в народе царь Николай II и его режим, если такой народ мог проиграть русско-японскую войну...

А вообще-то тяжко и жутко!

До свидания. Всего Вам хорошего. М. Ф. сердечный привет. Юной чете такожде. Кажется, Вам вскоре предстоит осуществить на практике стихотворение:

Пусть гордится старый дед
Внуков резвою семьею?..

Ваш А.

[1] Лопатин написал краткие воспоминания о Василии Андреевиче Караулове. См. «Письмо в редакцию» (Современник. 1911. Кн. 1).

[2] В «Пестрых главах» Амфитеатров писал о Л. Н. Толстом (Современник. 1911. Кн. 1) и о Короленко в связи с 25-летием его возвращения из ссылки (кн. 2).

[3] Саша *Черный* (Александр Михайлович Гликберг) (1880—1932), поэт-сатирик, один из сотрудников «Сатирикона». В августе 1912 г. Горький писал Е. П. Пешковой: «Послал тебе стихи Саши Черного, одного из талантливейших людей в „Сатириконе",— не смущайся грубостью, обрати внимание на искренность его тоски» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 110). В 1911 г. Черный ушел из «Сатирикона», печатался в «Современнике». См.: Г—Ляц.

[4] Имеется в виду ст. «От редакции» кн. 1 «Современника» за 1911 г.

[5] В сб. «Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей». Собрал Ф. Ф. Фидлер (М., изд. И. Д. Сытина, 1911). Андреев писал: «...пробуждением истинного интереса к литературе, сознанием важности и строгой ответственности писательского звания я обязан Максиму Горькому. Он *первый* обратил серьезное внимание на мою беллетристику (именно на первый напечатанный мой рассказ „Баргамот и Гараська"), написал мне и затем в течение многих лет оказывал мне неоценимую поддержку своим всегда искренним, всегда умным и строгим советом. В этом смысле знакомство с Максимом Горьким я считаю для себя как для писателя величайшим счастьем; и если говорить о лицах, оказавших действительное влияние на мою писательскую судьбу, то я могу указать только на одного Максима Горького, исключительно верного друга литературы и литератора» (с. 31).

[6] Речь идет о «Русской истории с древнейших времен» в 5 томах, 10 книгах (М., изд-во «Мир», 1910—1913) М. Н. Покровского при участии М. Н. Никольского и В. Н. Сторожева. В 1910 г. были изданы т. I, кн. 1 и 2; т. II, кн. 3 и 4.

Горький высоко оценил работу Покровского. Он писал в 1919 г. Воровскому: «„Мир" — это солидное дело, под его маркой изданы прекрасные книги — в их числе „Русская история" М. Н. Покровского» (*Арх. Г.* Т. X. Кн. I. С. 13).

1/14 сентября 1916 г. Горький просил Покровского: «И было бы прекрасно, своевременно, необходимо, если б Вы дали „Курс русской истории" применительно к потребностям и уровню интеллекта новой русской интеллигенции. Нельзя ли сократить Ваш пятитомный труд до двух томов...» (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 141). Покровский подготовил «Русскую историю в самом сжатом очерке». Эта книга вышла в 1920 г. в Госиздате.

Высокую оценку кн. Покровского дал Ленин 5 декабря 1920 г.: «Тов. М. Н.! Очень поздравляю Вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга „Русская история в самом сжатом очерке". Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по-моему, перевести на европейские языки...» (*В. И. Ленин.* Т. 52. С. 24).

[7] Альбер *Вандаль* (1854—1910) — французский ученый, историк. Его труд «Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи» (т. 1—3) издан «Знанием» в 1910—1913 гг. Книги с дарственными надписями переводчицы В. Шиловой хранятся в *ЛБГ* (*Описание*).

[8] Театральные критики единодушно отметили неудачу постановки «Miserere» в Художественном театре.

Вл. И. Немирович-Данченко, режиссер «Miserere», писал И. М. Москвину о мотивах выбора пьесы Юшкевича: «Юшкевич нарисовал эпидемию самоубийств молодежи, которой, „нечем жить". Это ужасное, страшное явление современности. Юшкевич отнесся к нему как поэт, а не моралист. А потом пусть общество ужасается, волнуется, ищет причин и лекарств этого явления» (*Немирович-Данченко Вл. И.* Избранная переписка. М., 1979. Т. 2. С. 17).

[9] 23 декабря 1910 г. газеты опубликовали сообщение о сильном землетрясении в Верном, о разрушениях и человеческих жертвах («Русское слово» и др.).

Константин Дмитриевич Бальмонт родился в Гумнищах, Шуйского уезда, Владимирской губернии.

[10] Амфитеатров имеет в виду заметку «Осада дома на улице Сидней» (Речь. № 252. 23 дек. 1910 г. / 5 янв. 1911 г.), в которой сообщалось о столкновении русских анархистов с английскими войсками и полицейскими. В результате были ранены 19 полицейских и убиты два русских. В связи с этим английские газеты писали о необходимости принять меры против анархистов, «которые обращают свое

оружие против страны, дающей им убежище» (Там же). На следующий день корреспондент писал, что события на Сидней-стрит станут предметом обсуждения в парламенте «об изменении законов о чужестранцах» (Речь. № 253. 24 дек. 1910 г./6 янв. 1911 г.).

А. Ф. *Аладьин* — член I Государственной думы, после разгона Думы, до Февральской революции, жил в Лондоне, писал в английских газетах («Times» и др.).

161. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 8 января 1911 г.)

Что написал Андреев?[1] Не вем. И плохо верю. Леонид — он хитрый, как Юшкевич.

В «Miserere» сфальшивила одна сторона — художественники. Семен написал искренно.

Уверен, что, работая над этой штукой, он боялся смотреть в темные углы — а вдруг — Она там сидит, вкусно оскаля зубы?

Насчет рецензентов — подумаю, попишу. Посылаю письмо Окунева — смотрите его рассказ в 32 сбор<нике> «Знания». Мне он кажется человеком не без таланта, и если б можно было помочь ему — м. б., он весьма годился бы «Совр.»[2]

Затем: советую пригласить на роль рецензента — и беллетриста тоже — Александра Николаевича Тихонова, С. П. Бургская сторона, Широкая улица, д. № 21, квар. 10 — Варваре Васильевне Шайкевич, для А. Н. Т.

Я вам говорил о нем — горный инженер, редактор студенч<еской> газеты в 906 г., очень образованный человек, хорошо знает литературу. Его повесть пойдет в «Совр<еменном> мире» текущ<его> года[3].

Рецензент по истории, истории церкви, по богословию — Василий Алексеев Десницкий[4], Юрьев, университет.

Лицо вполне солидное. Специалист по местной истории, автор труда «Село Павлово в XVII веке» — кажется, сей труд еще не вышел.

Кроме Коцубинского[5], рекомендовал бы Винниченка.

Хотите написать о белорусской литературе? Очень интересное явление. Материал пришлю.

Между делом вы бы перевели «Вечную песню» Янка Купала, славная вещь[6].

Берлинцев изругал по Бальмонту. Недовольны!

Был у меня сегодня Ризов[7]. Понравился. Вспоминали о вас — просили кланяться.

Будьте здоровы.

А. Пешков

Письмо Окунева — возвратите. И — да останется оно между нами.

В Флоренции Via Gino Capponi 15 живет Петр Ширяев[8] и пишет рассказы. Человек обещающий, что имейте в виду.

Датируется по фразе «был у меня сегодня Ризов» (*Дн. Пятницкого*, 26 дек. 1910 г./8 янв. 1911 г.).

[1] См.: *А—Г*, п. от 7 января 1911 г., прим. 5.

[2] Яков Маркович *Окунев* (1882—1939) — писатель, журналист, печатался в «Знании». В XXXII *сб. «Знания»* (СПб., 1910) опубликован его рассказ «Дарья Авилова с сыновьями».

Окунев писал Горькому: «Я занимаюсь уроками 10—12 часов в сутки, приходится бегать по грошовым урокам, чтобы прокормить себя и семью. На себя остается 3—4 часа. Тогда я, усталый, опустевший, сажусь писать и переживаю ужасные муки, чувствуя, что в голове — ни одного образа, что перо валится из усталых рук» (*АГ*).

В ответном письме Горький сообщал Окуневу: «Уважаемый Яков Маркович! В „Знании“ работы нет, а в „Совр<еменнике>“ — возможно, что и найдется. Вместе с этим письмом пишу Амфитеатрову — это его журнал, т. е. он там — голова.

Получили ли Вы гонорар за „Авилову“?

Будьте здоровы, не падайте духом, будемте пробовать все способы, какими можно выбраться из Витебска.

Крепко жму руку.

А. Пешков»

(*АГ*).

[3] Александр Николаевич *Тихонов* (Серебров) (1880–1956) – писатель, активный участник многих издательских начинаний Горького. До революции работал в газ. «Звезда», «Правда» в журн. «Просвещение», «Современник», «Современный мир», «Летопись» и др. В послереволюционный период – в газ. «Новая жизнь», в изд-вах «Всемирная литература», «Academia», «Круг», «Федерация», «История фабрик и заводов», в серии ЖЗЛ и др.

Письма Горького А. Н. Тихонову опубликованы в *Горьк. чт.* 1959 (с. 5–98). Воспоминания Тихонова о Горьком «За Невской заставой» – в кн. «Время и люди» (М., 1955, с. 73–79).

Речь идет о повести А. Н. Тихонова «Шебарша» (Современный мир. 1911. № 8). В *АГ* хранится рукопись повести с большой правкой Горького, его замечаниями и отзывом.

Варвара Васильевна *Шайкевич* (1886–1953) – жена А. Н. Тихонова. Горький посвятил ей свою кн. «Ералаш и другие рассказы» (Пг., 1918): «Варваре Васильевне Шайкевич посвящаю». И. С. Зильберштейн в ст. «Подарки Горького» (Литературная Россия. 1968. № 16. 12 апр.) приводит посвящение В. В. Шайкевич на кн. «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом» (Пг., 1919). См. в наст. томе. В *АГ* хранятся четыре книги с дарственными надписями Горького: одна – В. В. Шайкевич и три книги – ее сыну Андрею Шайкевичу.

В. А. ДЕСНИЦКИЙ НА ВИЛЛЕ «СПИНОЛА»
Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1909
Музей Горького, Москва

[4] Василий Алексеевич *Десницкий* (псевдоним В. Строев) (1878—1958) в начале 900-х годов принимал активное участие в революционном движении, сотрудничал в большевистских газетах. В 1909 г.— участник фракционной каприйской школы. В 1910 г.– преподавал в Юрьевском (Дерптском) университете. С 1919 г. от партийной работы отошел. Преподавал и занимался научной работой в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена и в других вузах.

В последние годы А. В. Десницкий был научным сотрудником Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Основные труды по истории русской и зарубежной литературы XVII—XX вв. см.: Избранные статьи по русской литературе XVIII—XIX вв. Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1958; А. М. Горький: Очерки жизни и творчества. М., 1959; и др.

[5] Михаил Михайлович *Коцюбинский* (1864—1913) — украинский писатель, некоторое время жил на Капри, переписывался с Горьким. В очерке «М. М. Коцюбинский» Горький писал: «У него тонко развита эстетическая чуткость к доброму, он любит добро любовью художника, верит в его победную силу, и в нем живет чувство гражданина, которому глубоко и всесторонне понятно культурное значение, историческая стоимость добра» (*11*, 178–185).

[6] Янко *Купала* (псевдоним Ивана Доминиковича Луцевича) (1882—1942) — народный поэт Белоруссии. С творчеством Купалы и Якуба Коласа Горького познакомил А. Посох — белорусский учитель, который в июле 1910 г. вместе с группой учителей из России приехал на Капри. По просьбе Горького он прислал ему сборники стихов белорусских поэтов (*Посох А. Ф.* Мое знакомство с Алексеем Максимовичем Горьким. Минск, 1936).

Стихи Купалы и Коласа произвели на Горького сильное впечатление. Он писал Коцюбинскому 7/20 ноября 1910 г.: «В Белоруссии есть два поэта: Якуб Колас и Янко Купала — очень интересные ребята! Так примитивно-просто пишут, так ласково, грустно, искренно. Нашим бы немножко сих качеств!» (*XXIX*, 138),

и А. С. Черемнову: «...знаете Вы белорусских поэтов Якуба Коласа и Янко Купала? Я недавно познакомился с ними — нравятся! Просто, задушевно и, видимо, поистине — народно. У Купала есть небольшая поэмка „Адвечная песня“ — вот бы перевести ее на великорусский язык!» (Там же, 144).

В ст. «О писателях-самоучках» (Современный мир. 1911. № 3) Горький обратил внимание читателей на растущую молодую литературу белорусов и привел слова «Адвечной песни» Янки Купалы (в своем переводе). Он писал о глубоком смысле этой песни, «которая, может быть, на время станет народным гимном белорусов» (*XXIV*, 135). В малой серии «Библиотеки поэта» «Адвечная песня» опубликована в переводе Горького.

[7] Дмитрий Христофорович *Ризов* (1863—1918) — активный поборник объединения Болгарии. В 1910 г. Ризов занимал пост болгарского посла в Италии, к этому времени относится знакомство Горького с Д. Х. Ризовым и его женой Босилкой Ризовой. Супруги Ризовы в 1910 г. посетили Горького на Капри. Пятницкий писал в своем дневнике о беседе Горького с Ризовым о русской литературе и влиянии русской культуры на Болгарию (*АГ*). Об их отношениях см. подробнее в статье В. П. Вильчинского «Д. Ризов и М. Горький» (М. Горький и его современники. Л.: Наука, 1968).

[8] О Петре Алексеевиче *Ширяеве* (1888—1935) Горькому писал Н. Каржанский (*АГ*). В *АГ* хранится п. Горького Ширяеву:

«Стихи уж очень обычны, подобные пишутся в наше время саженями.

Вы слишком произвольно ставите ударения, а „морозный“ снег — это едва ли удачно.

Рассказ вызвал впечатление смутное и тяжкое. Я, видимо, неспособен понимать психику людей, подобных Вашим героям, и воздерживаюсь от суждения по существу вопроса.

Форма его будит досадное чувство отсутствием простоты, неровностями языка и постоянным вмешательством автора в дела и мысли героев его.

Мал запас слов, много повторений, построение хаотично и утомляет читателя. Есть лишние, ничего не говорящие детали.

Если это Вас не рассердит — повторяю: надо писать проще, спокойнее, более сжато» (*АГ*).

Ширяев публиковался в журн. «Современник». В *ЛБГ* хранятся две книги Ширяева, одна из них — с дарственной надписью и пометами Горького (*Описание*).

162. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.1.12

Дорогой Алексей Максимович.

Разве Вы не получаете андреевского капища, именуемого «Утро России»? Там была огромная выписка из новой автобиографии Леонида, где он замечательно тепло и искренно пишет о Вашей роли в его первом литературном развитии [1].

Письмо Окунева мне не очень понравилось. Во всяком случае, приму к сведению и сделаю все, что могу. Писать не так необходимо, как он думает, а против кормления при литературных делах я люто враждебен. Тихонов наслал мне таких голубчиков, что только плюнь и свистни [2].

Александру Тихонову непременно напишу. Я ведь познакомился с ним у Вас. Парень показался мне умным. Десницкому тоже напишу.

Если Ширяев пришлет что́, обращу особое внимание [3].

Белорусами весьма заинтересован. Пришлите.

Как прикажете насчет прилагаемого просительного письма? Удовлетворить или нет? Я ничего не имею против [4] ⟨...⟩

Устал я несносно, а тут еще у нас все в доме больны: Ил. Вл., Бубка, Женя, маленькие, Стефания [5]. Ил. Вл. прошла через такую «ангину флегмонозу», что одну ночь думал я: шабаш, вдовею!.. Бубка сейчас подозрителен по плевриту, но, полагаю, обойдется,— однако третий день лежит.

А где Винниченку достать?

До свидания. Всего Вам хорошего. М. Ф. и всем святым дома Кесарева привет.

Ваш А. А.

ГОРЬКИЙ В КАБИНЕТЕ ВИЛЛЫ «СЕРАФИНА»
Фотография Левдика. Капри, 1911
Музей Горького, Москва

[1] В московской газ. «Утро России» часто печатались произведения Андреева, разного рода сообщения о его жизни и деятельности, интервью с писателем и т. д. Подробнее см.: *Андреев Л. Н.* Письма к А. П. Алексеевскому / Публ. В. Н. Чувакова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 178—192.

Упоминаемая «огромная выписка из новой автобиографии» Андреева была напечатана не в «Утре России», а в газ. «Речь», (№ 349, 20 дек. 1910 г. / 2 янв. 1911 г.), в разделе «Литературная неделя». Полностью автобиография была напечатана в сб. «Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей» (М., изд. И. Д. Сытина, 1911 г.).

[2] В. А. Тихонов.

[3] В «Современнике» (1911, кн. 6) был напечатан рассказ П. А. Ширяева «Тени».

[4] Упоминаемое письмо не найдено. Судя по ответному письму Горького, речь идет о Федоре Павлове, обратившемся с просьбой о высылке ему журн. «Современник».

[5] Бубка — сын Амфитеатрова, Даниил Александрович Амфитеатров — пианист, дирижер. Женя — Е. П. Бураго (сестра Л. П. Пешковой); «маленькие» — младшие сыновья Амфитеатрова, Максим и Роман (в будущем — музыканты); Стефания — экономка в доме Амфитеатровых (сообщено Е. З. Пешковой).

163. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 14 или 15 января 1911 г.)

Капище Леонидово получаю, но — статью его просмотрел. Искать — не стану и некогда, да и охоты нет. Читали о нападении на него, Леонида? Думаю, что — дело пьяное [1].

Письмо Федора Павлова — возвращаю, могу ли просить, чтоб ему выслали журнал за мой счет?

Пожалуйста!

Бялорусскую литературу — посылаю [2], а вы мне ее возвратите, хорошо?

И возвратите сочинение Сивачева [3], если это вам интересно, пришлю вторую тетрадь, где говорится о Горьком и его звериных глазах [4].

Прочитал «Жар-цвет» [5] — интересно, хорошо! Вот желал бы этой книге широкого распространения! Скольких она может вылечить и скольких заставила бы поумнеть.

Такой вы хороший леший и так много знаете — завидно мне!

Винниченке пишите по адресу «Земли» [6], а то спросите Коцубинского, это лучше.

Будьте здоровы.

А. Пешков

Вторую «Жалобу» [7] — может — к марту успею дать. Хотите — устрою для «Совр.» статью о современной татарской прессе и литературе в России, а также переводы с татарского? Очень интересно, никому не ведомо. Ново! Оригинально! Бум!

Театр! Татарская драма! [8]

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 12 и 17 января 1911 г. Письма к Амфитеатрову, не датированные Горьким, можно датировать на протяжении 1911 г. с большой степенью точности (чаще всего в пределах двух-трех дней). Основанием для их датировки являются всегда датированные письма Амфитеатрова, почтовый коэффициент (письмо с Капри в Феццано — как и обратно — приходило на второй, а иногда и на следующий день), а также чрезвычайно интенсивный и устойчивый ритм переписки: письмо, как правило, вызывало немедленный ответ.

[1] В течение января появился целый ряд газетных сообщений, в которых всячески раздувался происшедший на даче Андреева в Рейволе (Финляндия) инцидент: ссора писателя с бежавшим из ссылки эсером М. Х. Румянцевым, проживавшим у Андреева в качестве садового сторожа, завершившаяся его выстрелом в Андреева. Горький особенно болезненно реагировал на появившуюся позже сенсационную заметку в «Новом времени» (1911, № 12546, 15/28 янв.) «К покушению на Леонида Андреева». См. п. А. Н. Тихонову, январь, не ранее 20, 1911 г.— *Горьк. чт.* 1959. С. 19.

[2] По-видимому, Горький послал Амфитеатрову стихи Якуба Коласа и Янко Купалы. См.: Г—А, п. от 8 января 1911 г., прим. 6.

[3] Первый выпуск «Записок литературного Макара». См.: Г—А, п. от 15 декабря 1910 г., прим. 10.

[4] Второй выпуск кн. М. Сивачева «На суд читателя. Записки литературного Макара». По формату и объему и первый и второй выпуски напоминают тетради. Во втором выпуске Сивачев, рассказывая о своей встрече с Горьким в Финляндии, писал, что во время его «исповеди» Горький смотрел на него «большими, тяжелыми, буквально звериными глазами такого крупного зверя, который чувствует свою мощь и презирает находящегося перед ним маленького зверька за его бессилие», и, выслушав исповедь, сказал: «Не могу вам ничем помочь» (с. 109).

К этому месту в книге сделано примечание: «Позже, когда этого писателя имел возможность наблюдать лично, когда вчитался в его произведения,— я понял, что „звериные глаза“ и заявления о невозможности помочь — это своеобразное испытание „на личность“ в духе Горького. Тот человек, который задавлен жизнью до того,

когда утрачивается гордость (...) такой человек, хотя бы он и был достоин поддержки, мог бы еще подняться, участия в Горьком не встретил бы. Горький слишком субъективно смотрит на людей» (с. 110). См. также: А—Г, п. от 26 января 1911 г., прим. 1.

[5] *Амфитеатров А.* Жар-цвет: Фантастический роман. СПб.: изд-во «Просвещение», 1910.

[6] «*Земля*» — литературный альманах, издававшийся «Московским книгоиздательством писателей» в 1908—1917 гг. Винниченко был постоянным сотрудником альманаха.

[7] Второй рассказ из цикла «Жалобы» был напечатан в журн. «Современник» (1911, кн. 3).

[8] В то время Горький начал переписываться с татарским писателем Гаязом *Исхаковым* (псевдоним Чингиз) (1878—1954). Гаяз Исхаков в 1906 г. подвергся репрессиям за издание газеты демократического направления «Танг» («Утренняя заря»). С 1908 г. жил в Константинополе, осенью 1911 г. вернулся в Россию. После Октябрьской революции Исхаков эмигрировал.

В п. Горькому от 19 декабря 1910 г. Гаяз Исхаков сообщил, что выслал в изд-во «Знание» свою пьесу «Брачный договор» («Алым-бирдым») в переводе на русский язык (*АГ*). Как это видно из п. Исхакова Горькому от 6 января 1911 г., Горький положительно оценил пьесу и предложил написать ему «Очерк о современном состоянии татарской литературы» (*АГ*). См.: Г—А, п. от 22 марта 1911 г., прим. 3.

164. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.I.17

Дорогой А. М.! Прилагаю Вам вырезку из письма Певина[1]. Если, ввиду отсутствия Чеч⟨улиной⟩[2], надо поступить как-либо иначе, то телеграфируйте: «Sovremennik, Pieterburgo».

Спасибо за белорусов.

Татар давайте, давайте! «Статья давай, рассказ давай, стыха давай!»

Рад, что Вам понравился «Жар-цвет», хотя Вы на него уж очень серьезно взглянули. В конце-то концов, мистификация же вольтерианская[3]. Я из-за этого и держал ее так долго под спудом. Выходит 2-м изданием[4].

«Совр.» опоздает-таки на несколько дней из-за Чирикова и Водовозова, черт бы их грыз![5]

Любопытная штука письмо Антоновича[6]. Собака ужасная и бурсак лютый, но — черт их знает, этих старичин, приятно с ними дело иметь. Логики и, коли пишут, так знают что.

Очень мне нравится новая теория, что не татары нас отатарили, но сами около нас татарами сделались из довольно приличных монголов.

Суворин хорошо издал Плано Карпини и Рубруквиса[7], но, чёрт бы его драл, дорого. Что это я сегодня расчертыхался, однако?

Сивачева хотел задержать еще несколько дней, так как хотел написать о нем, но, если надо, пошлю. «Звер⟨иные⟩ глаза» тоже пришлите.

Мучительно редактировать журнал, особенно на расстоянии столь дальнем, но интересно[8].

До свидания. Всего Вам хорошего. Будьте здоровый! М. Ф. и «чадам родимым» привет.

Ваш А. А.

Адрес Павлова-то у Вас в письме, а у меня нету.

[1] Прилагаемая вырезка из п. Певина не разыскана.

[2] Речь идет о денежных взносах на строительство Народного детского дома им. Л. Н. Толстого.

[3] В «фантастическом» романе Амфитеатрова «Жар-цвет» повествуется о мистических веяниях в среде интеллигенции. Автор дает рационалистическое объяснение изображенным в книге явлениям внушения, передачи мыслей на расстоянии, «автогипнотизма» и др. Именно эта проблематика романа, по-видимому, привлекла Горького, который интересовался непознанными явлениями человеческой психики и их научным толкованием. Упоминая о Вольтере, Амфитеатров, вероятно, имеет в виду просветительскую критику религиозных мифов в его творчестве.

[4] «Жар-цвет» составил второй том Собрания сочинений Амфитеатрова. Книга вышла в свет между 30 марта и 6 апреля 1911 г. (Книжная летопись. 1911. № 14. 8 апр.).

[5] Предполагалось, что кн. 1 журн. «Современник» будет выпущена 12/25 января 1911 г. (Г—А, п. от 4 января 1911 г.), но она вышла в свет только 24 января/6 февраля (А—Г, п. от 11 февр. 1911 г.) без «Заметок провинциала» Е. Чирикова. Речь идет, возможно, и о ст. Водовозова «С. А. Муромцев как председатель Государственной думы» (Современник. 1911. Кн. 1).

[6] Максим Алексеевич *Антонович* (1835—1918) — литературный критик, философ, публицист, сотрудник и член редакции некрасовского журн. «Современник», где он вел отдел «Русская литература». С закрытием «Современника» (1866) отошел от активной литературно-общественной деятельности. Во время организации Амфитеатровым нового журн. «Современник» и выпуска его первой книги Антонович был в активе редакционно-издательского комитета журнала. Упоминаемое Амфитеатровым п. Антоновича было напечатано в кн. 1 журн. «Современник» в разделе «Письма в редакцию». В нем он высказал резко отрицательное отношение к господствующему в «нынешней печати» мистицизму, богостроительству и богоискательству, к расцвету «порнографической», «сыщицкой» и «декадентско-символической» литературы, «кичливости „святой Руси“ перед гнилым Западом» и т. п. (с. 392—393). 22 декабря 1910 г./4 января 1911 г. Антонович сообщал Амфитеатрову: «Мой набросок, как я ни старался сдерживать себя и не горячиться, вышел довольно резким и похожим на обвинительный акт. Но переделать его и смягчить я не могу заставить себя, да уже и не время теперь. Поэтому лучше будет, если Вы напечатаете мои заметки в конце книжки, не как статью с ответственностью редакции, а просто как личное письмо человека, пока еще постороннего для редакции, и снабдите его со стороны редакции всякими оговорками, замечаниями, несогласиями в чем-нибудь и даже возражениями — на что я наперед даю свое полное согласие» (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

В послесловии «От редакции» отмечалось, что совпадение взглядов Антоновича с программой журнала «обозначилось гораздо больше чем „наполовину“, которой согласен удовлетвориться уважаемый публицист (...) М. А. Антонович пожелал придать настоящему своему выступлению форму „Письма в редакцию“, снимающую с нас ответственность за разногласие с ним во второстепенных деталях» (Современник. 1911. Кн. 1. С. 400).

В дальнейшем Антонович от участия в журнале отошел.

[7] *Плано Карпини Иоанн де.* История монголов: Рубрук Вильгельм де. Путешествие в восточные страны/Введение, пер. и прим. А. И. Малеина. С прилож. 8 рис., карты и указателей. СПб., изд. А. С. Суворина, 1911. В кн. 1 журн. «Современник» этому изданию была посвящена рецензия (без подписи), в которой было высказано сочувственное отношение к «новой теории», упоминаемой Амфитеатровым (с. 438—441).

[8] Приблизительно в то же время (янв., после 19, 1911 г.) Горький писал Е. К. Малиновской: «Амфитеатров — человек честный, литератор хороший, грамотен и знающ. Издали, конечно, мало сделать можно, и, думаю, долго этот журнал не выстоит, а попробовать — надо» (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 340).

165. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 22 или 23 января 1911 г.)

Нового издания Плано Карпини — не видел, а есть старое, 40-х годов в переводе Семенова[1], того, который перевел Барбаро, Кампензе, Контарини и Павла Иовия,— вот ежели бы найти это старенькое! Первый том — Барбаро и прочие — у меня есть, а второго — не найду![2]

О монголах — о Тамерлане — есть чудесная книга Гонзалеса Клавихо, издана Академией[3]. Серьезный парень был этот кастильянский посол и умел много видеть.

Рубруквиса — не знаю. Кто таков и когда — куда ездил?[4]

Что́ значит «письмо Антоновича», когда, кому, зачем писано?

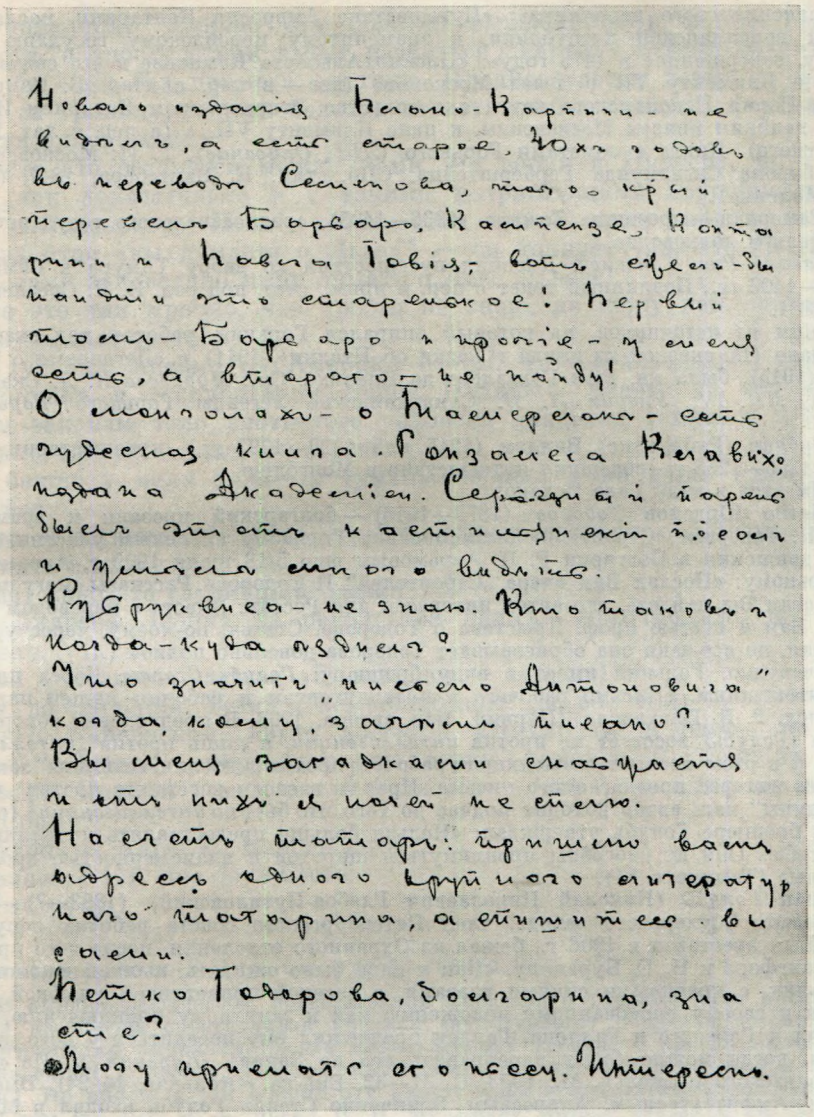
Вы меня загадками снабжаете, и от них я ночей не сплю.

Насчет татар: пришлю вам адрес одного крупного литературного татарина[5], а спишитесь вы сами.

Петко Тодорово, болгарина, знаете?

Могу прислать его пьесу. Интересно[6].

А буде у вас такое настроение, чтобы Сивачева ругать,— молю! — ругая его, Степу Голубя[7] вспомните и не забудьте указать господам



ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА ГОРЬКОГО АМФИТЕАТРОВУ
ОТ 22 ИЛИ 23 ЯНВАРЯ 1911 г.
Архив Горького, Москва

партийным товарищам всех сект и цветов, сколь нехорошо обучать людей демагогии и какие нехорошие результатики отсюда выскакивают.

Весьма кланяюсь.

Очень скучен, зол и утомлен зело.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 17 и 26 января. Написано по приезде из Неаполя. См. следующее письмо.

[1] В России произведения Плано Карпини были изданы в 1795 г., 1800 г. и 1825 г. См.: *Плано Карпини Иоанн де.* Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях. I. Плано Карпини. II. Асцелин/ Пер. Д. И. Языкова. СПб., 1825.

[2] Имеется в виду изд.: Библиотека иностранных писателей о России. Отд. первое. Т. I / Иждивением М. Калистратова, трудами В. Семенова. СПб.: тип. III отд. собственной е.и.в. канцелярии, 1836. Т. I: «Путешествие в Тану Иосафата Бар-

баро, венецианского дворянина»; «Путешествие Амвросия Контарини, посла светлейшей венецианской республики, к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану, совершенное в 1473 году»; «Письмо Альберта Кампензе к его святейшеству Папе Клименту VII о делах Московии» (все — в пер. с итал. В. Семенова); «Павла Иовия Новокомского книга о посольстве, отправленном Василием Иоанновичем, великим князем Московским, к папе Клименту VII...» (в пер. с лат. М. Михайловского). Книга с пометами Горького (*ЛБГ, Описание*). Т. II: Московские записки барона Сигизмунда Герберштейна. СПб.: тип. К. Вингебера, 1847 (в пер. А. И. Малеина).

[3] Тамерлан — прозвище *Тимура* (1336—1405), среднеазиатского государственного деятеля и полководца.

Клавихо Рюи Гонзалес. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. / Подлинный текст с пер. и прим., сост. под ред. И. И. Срезневского. СПб., 1881.

Одним из источников, на который опирался Горький, работая над сказкой о Тамерлане (IX сказкой из цикла «Сказки об Италии», 1911) и «Легендами о Тамерлане» (1915), была кн. Рюи Гонзалеса де Клавихо. См.: *Муратова К. Д.* Сказки об Италии // *МИ*, IV; *Ульрих Л. Н.* Самаркандские легенды Горького // *Горьк. чт.* 1962.

[4] *Рубрук* (Рубруквис) Виллем (1215 или 1220—1293 гг.), путешественник, монах. В 1253—1255 гг. совершил путешествие в Монголию.

[5] Имеется в виду Гаяз Исхаков.

[6] Петко Юрданов *Тодоров* (1879—1916) — болгарский прозаик и драматург. Пьеса П. Тодорова «Строители» была послана Горькому активным участником рабочего движения в Болгарии Р. П. Аврамовым еще 5/18 июня 1909 г. Аврамов писал Горькому: «Послал Вам вчера „Строителей“ П. Тодорова. Рассказы смогу послать позже, если Вы найдете, что автор интересен для России. Вместе с переводом пьесы послал Вам и статью проф. Крыстева о Тодорове. Статья, по-моему, чересчур пристрастная, но все-таки она обрисовывает Тодорова довольно полно» (*АГ*).

[7] Очевидно, Горький имеет в виду брошюру: *Голубь Степан.* Через плотину интеллигентщины. (Письмо рабочего к интеллигентам и рабочим нашей партии) / С предисл. Г. В. Плеханова. ⟨Париж⟩. Изд. автора, 1908. В предисловии говорилось: «⟨...⟩ он ⟨Голубь⟩ восстает не против *интеллигенции*, а лишь против „*интеллигентщины*“, и в этом восстании мыслящего рабочего против „интеллигентщины“ заключается весь интерес предлагаемого письма. Правда, в своем восстании против „интеллигентщины“ наш автор доходит подчас до того, что бьет по *интеллигенции*» (с. VII). В своей брошюре Голубь утверждал: «Нельзя больше предоставлять интеллигентов самим себе... Они не способны проникнуться широтой и планомерностью пролетарской силы» (Там же, с. 81).

Степан *Голубь* (Николай Николаевич Глебов-Путиловский) (1883—?) — рабочий, слесарь Обуховского завода, член Петербургского совета рабочих депутатов 1905 г. Был арестован в 1906 г., бежал из Охранного отделения, после чего приехал в Гельсингфорс к Н. Е. Буренину. «Как и надо было ожидать, пылкий юноша, почти мальчик, с красивыми синими глазами, с веселой приветливой улыбкой, относящийся к своему рискованному положению как к занятному приключению, заинтересовал и Горького и Галлена. Галлен предложил ему поселиться у него до того времени, когда можно будет переправить его на Запад» (*Буренин Н.* Из жизни большевистского подполья. М., 1933. С. 31—32. Биб-ка «Огонька», № 24). Вместе с Горьким, Амфитеатровым, Андреевым, Злинченко Степан Голубь входил в Международный комитет помощи безработным рабочим в России (см.: *Злинченко К. П.* Комментарий к письмам В. И. Ленина и Н. А. Семашко к Злинченко К. П. // *ЦГАЛИ*, ф. 217, оп. 1, ед. хр. 20). В 1909 г. жил на Капри.

166. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 24 января 1911 г.⟩

Послал вам второй выпуск «жалоб» Сивачева и — прошу: не ругайте его! Демагогия всегда и всяческого порицания достойна, но в этом случае она суть болезнь, привитая интеллигентом, как всегда демагогия рабочего [1].

Был у меня москвич Цингер [2], физик, близкий знакомый Толстых, и — растерзал душу мою рассказами о последних месяцах жизни Л⟨ьва⟩ Н⟨иколаевича⟩ — что-то ужасное, стыдное и тоскливое. Так, напр., Л. Н. вел два дневника: один — для всех, другой — для себя, и этот, последний, он прятал в уборной под судно! [3] От кого? Оказывается — от С⟨офьи⟩ А⟨ндреевны⟩, ибо эта несчастная женщина давно уже и неизлечимо душевно больна, по диагнозу профессоров-психиатров ей гро-

зит — паранойя! Сейчас эта болезнь выражается в форме бешеной алчности, а впоследствии имеет развиться в картину полного безумия и — будто бы — не без примеси эротики. Предполагается везти ее в санаторию за границу, ибо ее болезнь может, якобы, принять формы, опасные для окружающих [4].

Пусть это останется между нами. Не верил я Цингеру, но — он говорит так доказательно и с такими потрясающими подробностями.

А у маленького Льва [5] развивается что-то вроде мании величия, и слова отца «вы думаете о Льве» [6] — он толкует так, что Л. Н. этими словами заповедано миру думать о Льве Львове!

Все это так мрачно, что просто не знаю, не вижу как, не могу, — откачнуться от этого!

А тут еще письмо из Америки о том, что организовался синдикат для покупки и эксплоатации Ясной Поляны [7]. Знаете ли вы, что по нашим законам тело неотпетого человека владелец земли, в коей оно закопано, может вырыть и увезти?

В башке у меня какие-то туманы черные, а на душе тоска. Нехорошо все.

Худож<ественный> театр, якобы, думает слиться с Малым, т. е. — поступить в казну [8].

Идет какой-то глупейший развал.

А Андреев Леонид из револьвера палит — комично это, но — тоже невесело.

Был в Неаполе, слушал «Валкирию» — хорошо! [9]

Ну, до свидания. Устал и немножко ною. Да, вот что:

некто Карцевский, автор рассказа «Ямкарка», в одном из сбор<ников> «Знания», переводит всю серию романов Р. Роллана «Жан Кристоф». Первый роман около 4 листов — уже переведен, не надо ли для «Совр.»? [10]

Сообщите. Адрес С. Карцевского:

Genève, 7 III, Rue de la Cluse.

Жму руку

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 26 января 1911 г.

[1] В автобиографическом повествовании Сивачева о трудном пути писателя-самоучки из народа справедливая критика «культурного» общества соединялась с демагогическими выпадами против интеллигенции вообще, с противопоставлением интеллигенции и народа. Горький протестовал против этой общественно вредной позиции. Но вместе с тем оценил эту книгу более проницательно, чем Амфитеатров. В том же 1911 г. он писал П. В. Мурашеву, автору статьи о кн. Сивачева: «Я лично не считаю книгу Сивачева искренной и правдивой в той мере, как он мог бы ее сделать, нахожу также, что она очень испорчена демагогией, но тем не менее это одно из значительнейших явлений современности, подтверждающих <...> раскол демократии с интеллигенцией...» (*XXIX*, 202—203).

[2] Александр Васильевич *Цингер* (1870—1934) — физик, профессор Московского университета, сын известного математика и ботаника В. Я. Цингера. Автор воспоминаний «У Толстых» (Международный толстовский альманах / Сост. П. Сергеенко. М.: изд-во «Книга», 1909) и др.

[3] С. Л. Толстой писал в примечаниях к дневникам С. А. Толстой: «Начиная с конца июля, он (Л. Н. Толстой.— *Ред.*) вел два дневника: большой и малый. Большой дневник Чертков отдавал переписывать чуть ли не на другой день после его написания <...> маленький же дневник отец никому не давал читать, даже Черткову» (Дневники Софьи Андреевны Толстой 1910 / Ред. и предисл. С. Л. Толстого, прим. С. Л. Толстого и Г. А. Волкова. М., 1936. С. 17).

[4] С. Л. Толстой вспоминал: «Моя мать была склонна к истерии, а с годами она все больше утрачивала свое душевное равновесие; надо полагать, что этому способствовал и разлад ее с отцом <...> Действительность ей представлялась как бы в кривом зеркале, а временами она теряла самообладание, так что в некоторых словах и поступках ее нельзя было признать вменяемой» (Там же. С. 7).

Через 13 лет Горький написал очерк «О С. А. Толстой» (Беседа. 1924. № 5), в котором дал объективную оценку ее личности.

[5] У сына Л. Н. Толстого — Л. Л. Толстого.

[6] Горький имеет в виду предсмертные слова Л. Н. Толстого, о которых он мог узнать из опубликованных к тому времени воспоминаний А. Л. Толстой: «...Он сказал так: Только одно советую вам помнить: есть пропасть людей на свете, кроме Льва Толстого, а вы смотрите на одного Льва» (Бюллетени книжных и литературных новостей. 1911. № 7—8. 15/28 дек. С. 212). Позже предсмертные слова Толстого были воспроизведены в воспоминаниях В. Г. Черткова (Биржевые ведомости. 1911. № 17. 21 янв./3 февр.). См. также: У Толстого. 1904—1910. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого // *ЛН*. Т. 90. Кн. 4. С. 429—430.

[7] О каком письме идет речь, неизвестно. В русских газетах также появились сообщения о поездке одного из наследников Л. Н. Толстого в Америку с целью продажи Ясной Поляны (Звезда. 1911. № 4. 6/19 янв.; Утро России. 1911. № 19. 12/25 янв.).

[8] Эти слухи не подтвердились.

[9] «Валькирия» — опера Вильгельма Рихарда *Вагнера* (1813—1883); 2-я часть тетралогии «Кольцо нибелунга». Пятницкий записал в дневнике 5/18 января 1911 г.: «...Кармела говорит, что Г(орький) и М(ария) Ф(едоровна) едут в Неаполь. Зачем? Слушать „Валькирии": сегодня — последний спектакль» (*АГ*). Из Неаполя Горький и М. Ф. Андреева уехали 8/21 января 1911 г.

[10] Сергей Осипович *Карцевский* (1884—1955) — русский лингвист. Бо́льшую часть жизни провел в Швейцарии. Рассказ С. И. Карцевского «Ямкарка» был напечатан в XXXI *сб. «Знания»*.

С. И. Карцевский сообщил Горькому о своем переводе романа Р. Роллана «Жан Кристоф» в письме из Женевы от середины января 1911 г. (*АГ*).

167. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.I.26

Дорогой Алексей Максимович.

О Сивачеве писать не буду, ибо того ведь только и алчет эта злобная мокрица, чтобы о ней писали, кричали, ею возмущались и мазали слизью ее всех людей с именем. Вторая книжка его еще противнее первой [1].

О графине С(офье) А(ндреевне) я давно это слышал от Сергеенки, который мне сие рассказывал как милую игру влюбленных стариков и был очень удивлен, когда я ему возразил, что игра эта похожа на большое семейное свинство. Почему paranoia и пр.? Любят у нас сложные объяснения. Просто скверная баба, которая к старости окончательно распустилась и сделалась мерзейшею старухой. Так как я Сергеенку не видел лет 8—9, то, стало быть, свинство давнее.

Я сижу в состоянии тихого бешенства, в которое приведен разнообразными причинами, из них же первая — «не угодно ль этот финик вам принять?» [2]

Думаю написать сказку о Федюхе, дворовом холопе, да вот где газета, которая напечатает ее «на закрытие»? Шаляпину написал, что увольняю его от неприятности нашей старой дружбы [3].

Другой предмет моего тихого бешенства, который меня, можно сказать, снедает,— Евгений Чириков: проморил журнал три недели без оригинала, заставил нас черт знает как опоздать и наконец прислал — под видом «Провинц(иального) обозрения» — две странички саморекламы и общих фраз, ругающих «половиков» еще похабнее, чем сами половики пишут [4].

Письмо Антоновича прочтете в № 1 «Совр.»

Татарина давайте.

Роллана пусть переводчик пришлет, почитаю — конечно, без всяких обещаний. С романами его я незнаком [5]. Драмы мелодраматичны, извините за градейомовую фразу [6].

«Валькирию» смерть люблю. Дуэт Зигмунда и Брунгильды в особенности: вот оно настоящее-то богоборчество, без крика и угрозы револьверного Леонида.

Рубруквис, он же Рубрук, посол Людовика IX (Святого) [7] в орду, в 1253-5 гг., проехал до Каракорума. Любопытный мужчина. Очень уж

у него ярко выражается испуг пред желтой опасностью, который охватил Европу в XIII веке, совсем как в XX. А монголы-то — сдается, нравы были французики прошлого века — были далеко не малокультурны...

Цингер, конечно, сын старого математика? А старик неужели еще жив?

Едет к нам Ф. В. Волховской.

Болгарина пришлите.

О белорусах... я сейчас, вообще, под итальянскими впечатлениями, стою за диалектальную литературу, ибо она одна у итальянцев на что-нибудь похожа, но — знаете ли, если белорусский язык — язык [8], то я поднимаю голос за выделение калужской литературы, а уж о возможностях нижегородской, пермской и пр. литератур — нечего и говорить. Да Решетников и писал уже на пермском языке!

Нет ли у Вас «Наших преступлений» Родионова? [9] Мои современные идолы до сих пор не прислали, а у меня без них стоит общая статья о деревне в литературе... [10]

Принесли такую почтищу, что больше не могу писать.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М〈арии〉 Ф〈едоровне〉 привет!

Ваш Ал. Амф.

Ответное письмо на п. Горького от 22 или 23 января и 24 января 1911 г.

[1] Во втором выпуске своей кн. «Записки литературного Макара» Сивачев, рассказывая о том, как он безуспешно обивал пороги редакций журналов и газет, упомянул также газ. «Русское слово» и сотрудничавших в ней Амфитеатрова и Дорошевича в ряду тех равнодушных, которые «бесконечно милы, неописуемо милы — и бесконечно, неописуемо жестоки к тем, которые безмолвно, одним своим видом напоминают о неприятном: о долге человека!» (с. 89).

[2] В левом углу письма наклеена газетная вырезка с сообщением Осведомительного бюро о состоявшемся 6-го января (ст. ст.) в Императорском Мариинском театре спектакле «Борис Годунов», который «удостоили» своим присутствием «их величества государь император и государыня императрица Мария Федоровна», и о коленопреклоненном исполнении гимна хористами театра, в котором принял участие Ф. Шаляпин. Официальное сообщение об инциденте в Мариинском театре было подхвачено реакционной прессой, восхвалявшей патриотические чувства Шаляпина, и многими буржуазно-либеральными газетами, наперебой обвинявшими артиста в холопстве перед царем. В печати «была так затемнена истинная сущность этой истории (манифестация хора была вызвана отнюдь не „патриотическим" восторгом перед Николаем II, а стремлением привлечь внимание царя к своей петиции об улучшении материального положения), что создалось весьма преувеличенное представление о проступке Шаляпина, даже в рядах передовой части русского общества» (*Шаляпин*. Т. 1. С. 666). В письме к Горькому от 18/31 июля 1911 г. Шаляпин так рассказывал о происшедшем: «...находясь 〈...〉 в полной невозможности уйти со сцены, оторопел, совершенно растерялся, даже, может быть, испугался, потерял вполне способность спокойно размыслить и стал на колени около стоявшего близ меня, в глубине сцены, кресла 〈...〉 Таким образом, случилось, что я явился действующим лицом этой пакостной и пошлой сцены, и когда, наконец, спустя минуту, все это понял, то было уже поздно...» (Там же. С. 335).

[3] Свое открытое п. Ф. И. Шаляпину от 26 января 1911 г. Амфитеатров начал со ссылки на официальное сообщение: «Осведомительное бюро опубликовало официально и подчеркнуло чувствительную сцену твоего коленопреклонения перед Николаем II». Далее Амфитеатров писал: «В фазисе столь глубокого верноподданничества тебе не могут быть приятны старые дружбы, в том числе и со мною. Спешу избавить тебя от этой неприятности. Можешь впредь считать меня с тобой незнакомым. Крепко больно мне это, потому что любил я тебя и могучий талант твой» (Там же. С. 666). Письмо это Амфитеатров разослал в редакции многих русских газет.

Шаляпин не счел необходимым отвечать Амфитеатрову на это письмо. Но свое возмущение им он высказал в письме к другу, адвокату М. Ф. Волькенштейну, 9 марта 1911 г.: «Неужели можно хоть на минуту подумать, что мне необходимо вставать на колени перед царями, неужели можно думать, что мне нужны титулы в виде солиста, и неужели я из таких, что ради какой бы то ни было даже выгоды способен идти и подлизаться?—А?.. А между тем все, и даже Амфитеатров (положим, я его никогда не считал своим другом), сразу решили, что я подлец,

лакей и т. д., и т. п. ⟨...⟩ Не стесняясь, пишут о моих „хамских" якобы поступках, о том, что я „холоп" и т. д.» (Там же. С. 432). Об этом письме Шаляпина сообщалось в газетных корреспонденциях. См., напр., «Одесские новости» (1911, № 8361, 6/19 марта).

[4] Обозрение Чирикова «Заметки провинциала» начали печататься в «Современнике» начиная с кн. 3. «Половиками» Амфитеатров называет писателей, в произведениях которых выразилось пристрастие к проблемам «пола», идеям так называемой свободной любви. «Половых проблем», которыми «накормили досыта» обывателя, Чириков касается в кн. 3 журнала (с. 312). Ранее, в ст. «От редакции», было специально оговорено, что понятие «свобода пола», завещанное старым «Современником», не имеет ничего общего с современным взглядом на «закрепощение человека половой его функцией, к которому свелись и общественная проповедь, и этический катехизис российских послереволюционных „индивидуалистов"» (Современник. 1911. Кн. 1. С. 8).

[5] О том, что имя Роллана «малоизвестно русскому читателю», писал и рецензент первого русского издания первой части «Жана Кристофа» А. Кугринский (Утро России. 1911. № 133. 11/24 июня). В «Современнике» роман «Жан Кристоф» не печатался.

[6] Слово «дрядейомовую» образовано, возможно, от фамилии писательницы И. Ф. Драгейм-Сретенской.

[7] *Людовик IX Святой* (1214—1270) — французский король.

[8] Ошибочный взгляд на белорусский язык как на диалект, «наречие великорусского языка» разделялся в то время рядом историков и лингвистов.

[9] И. А. Родионов «Наше преступление. (Не бред, а быль). Из современной народной жизни». См.: Г—А, п. между 29 января и 1 февраля 1911 г., прим. 1—4.

[10] «Литературные впечатления». См.: А—Г, п. от 2—5 февраля 1911 г., прим. 8.

168. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Между 28 и 31 января 1911 г.⟩

Предлагаю вниманию вашему:

драму Петко Тодорова и статью о нем Миролюбова [1];

речь Сергея Карцевского о Толстом [2];

три «лирики» И. Вольного [3], автор только что прибежал из Сибири, ибо начальство хотело привезти его оттуда в Россию «и повесить!» [4]. Удивительно симпатичный парень, серьезный, кажется, способный. Был сельским учителем, с.-р.

Татарам написал в Константинополь и Уфу, ответов еще не имею [5].

«Наши преступления» завтра пришлю, дома нет их. «Бялорусский» язык — не весьма удобочитаем, но — для меня суть не в нем, а в том, что и этот забитый народ желает «людьми зваться».

В февр⟨альской⟩ книге «Сов⟨ременного⟩ мира» пойдет давно обещанная этому журналу моя заметка о «писателях-самоучках», где это стремление «зваться людьми» я очень подчеркиваю, возлагая на оное великие надежды [6].

Дорогой мой друг! Вы — пятый прислали мне сообщение о коленопреклоненном пении гимна Федором. Нестерпимо больно и обидно читать, как гений русский — гений народный! — холопствует пред мерзавцем. Стар я, видимо, и очень тяжело переношу такие гнусности.

Писать Федору — не буду, я давно уж не пишу ему. А посвящение с «Исповеди» сниму [7] и впредь живым людям книг посвящать не буду, разве — мертвому кому, ибо «мертвии» не токмо «срама не имуть», но и сотворить оный не могут [8].

Тяжко, милый Ал. Вал.! Экая несчастная страна!

Будьте великодушны, напишите «Совр.», чтобы в тех случаях, когда я буду просить высылать куда-либо журнал *за мой счет*,— делали бы это!

Статью о самоучках пришлю вам на предмет прочтения и буду просить усердно: киньте в публику мысль о необходимости организации в России о-ва для помощи писателям-самоучкам. Это, ей-ей, надобно и давно пора устроить [9].

Подумайте — скольким Кольцовым и Никитиным может быть облегчена жизнь работою такого о-ва!

Желаю доброго здоровья, бодрости духа и всего, всего хорошего.

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 26 января и 2–5 февраля 1911 г.

[1] Миролюбов — псевдоним болгарского критика и литературоведа Крыстю *Крыстева* (1866–1919). Пьеса П. Тодорова «Строители», как и упоминаемая статья о ней Крыстева-Миролюбова, в журн. «Современник», напечатана не была. Возможно, публикации пьесы помешал ее плохой перевод на русский язык. «Я послал Вам,– писал Р. П. Авраамов Горькому 28 ноября 1911 г.,– $1^1/_2$ года тому назад пьесу Петко Тодорова (перевод с болгарского) „Строптень" („Строители"). Не найдете ли рукопись ее у Вас на Capri? Автор требует ее обратно, а я совсем не помню, возвратили ли Вы ее мне или нет. Отзыв о ней Вы прислали мне, но рукопись, кажется, осталась у Вас» (*АГ*). Отзывом Горького о пьесе «Строители» *АГ* не располагает. Позже, 26 сентября 1912 г., Тодоров вновь выслал Горькому драму «Строители» (в пер. В. Язвицкого). О своей пьесе Тодоров писал М. Ф. Андреевой значительно позже – 5 мая 1913 г.: «„Строители"– моя первая вещь, там есть легкоисправимые шероховатости, но она показывает всю трагедию моего народа с момента, когда он вступил в сознательную жизнь» (*М. Ф. Андреева*. С. 249).

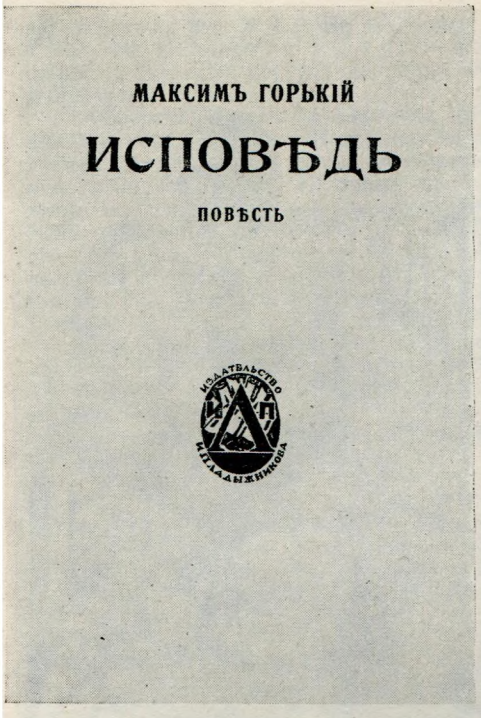
И. Е. ВОЛЬНОВ
Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, вилла «Спинола», 1909—1911
Музей Горького, Москва

Переписку Горького с Тодоровым и Крыстевым см. в кн.: *Арх. Г.* Т. VIII. С. 146—151.

[2] Упоминаемая речь была произнесена С. И. Карцевским на французском языке 8 декабря 1910 г. в Женевском университете на торжественном собрании, посвященном памяти Л. Н. Толстого. В письмах к Горькому от 11 января и середины января 1911 г. С. Карцевский просил содействовать опубликованию этой речи в каком-либо журнале (*АГ*).

[3] Иван Егорович *Во́льнов* (псевдоним Иван Вольный) (1885—1931) родился в семье крестьянина, окончил учительскую семинарию, после чего преподавал в сельских школах Орловщины. С 1903 г. член партии эсеров. За покушение на мценского исправника был заключен в тюрьму, затем сослан в Енисейскую губернию, откуда бежал за границу в октябре 1910 г. Вернулся в Россию в 1917 г., участвовал в гражданской войне. Жил в родном селе Богородицком Куракинской волости Орловской губернии. В 1919 г. был арестован, но освобожден в результате вмешательства В. И. Ленина и Горького (*В. И. Ленин*. Т. 50. С. 280; Т. 51. С. 70). Письма И. Е. Вольнова Горькому (1915—1916) напечатаны в *МИ*, I. Вскоре после смерти Вольнова Горький написал воспоминания о нем — «Иван Вольнов». На Капри Вольнов приехал из Швейцарии в январе 1911 г.

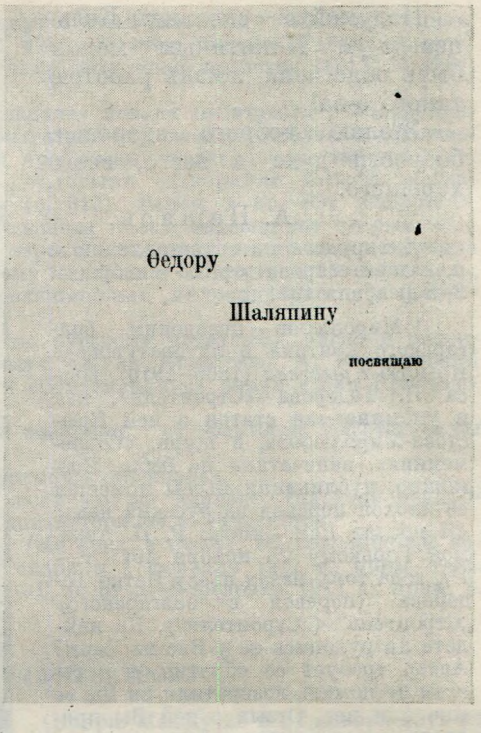
Горький выслал Амфитеатрову три стихотворения в прозе — «Три грезы» — Вольнова (Современник. 1911. Кн. 2). «...Затесавшись на Капри,— писал Вольнов в автобиографии,— показал Максиму Горькому то, что я писал в Цюрихе. Все приставал к нему с вопросом, следует ли мне писать дальше. Просил, чтобы „честно" мне ответил. Горький ласково обходил вопрос, щадя мое самолюбие. Все, что я показал ему, было плохо. Но напечатал это в амфитеатровском „Современнике" за 1911 год. Амфитеатров впихнул туда немало и отсебятины. Это мои первые шаги» (*Клейнборт Л. М.* Очерки народной литературы. 1880—1923 гг. Л., 1924. С. 149).


МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ

ИСПОВѢДЬ

ПОВѢСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЗНАНІЕ


Ѳедору

Шаляпину

посвящаю

М. ГОРЬКИЙ. «ИСПОВЕДЬ» С ПЕЧАТНЫМ ПОСВЯЩЕНИЕМ Ф. И. ШАЛЯПИНУ
Берлин, 1908
Музей Горького, Москва

[4] См. об этом в очерке Горького «Иван Вольнов» (*20*, с. 324—325).

[5] В Константинополе находился Гаяз Исхаков. Кому писал Горький в Уфу — неизвестно.

В ст. «О писателях-самоучках» (Современный мир. 1911. № 2) Горький отметил «быстрый рост татарской прессы и литературы в России», «культурную работу татарской интеллигенции в Казани, Симферополе, Уфе, Баку» (*XXIV*, 135).

[6] Строчка из стихотворения Янки Купалы «А кто там идет по болотам и лесам...», которое Горький цитировал в ст. «О писателях-самоучках»: «А чего ж теперь захотелось им, // Угнетенным века, им, слепым и глухим? // Людьми зваться».

[7] Повесть «Исповедь» была посвящена Шаляпину. Своего намерения снять посвящение Горький не осуществил.

[8] «Мертвые срама не имут» — слова киевского князя Святослава перед сражением с греками в 970 г.

[9] Общество для помощи писателям-самоучкам не было создано. См. также: Г—СМ, п. 8.

169. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Между 29 января и 1 февраля 1911 г.)

Посылаю книгу Родионова [1].

Обратите внимание ваше благосклонное на разноголосицу предисловия и текста.

Сие можно объяснить так: написал земский начальник Родионов книгу и показал рукопись кому-то, кто умнее его, и этот, умный, сказал: «Здорово пущено, но — старо, слишком явны преувеличения, и сразу видно, что клевета. В таком виде — не будет иметь успеха. Давай сочиним предисловие, в коем скажем, что, мол, все это „наше преступление“ и что надо нести в народ „мир, свет, знания“ [2]. Читатель поверит и не заметит, что в тексте мы рекомендуем водворять мир посредством виселиц» [3].

Так и сделали, сволочи. А читатель — и даже писатель Чуковский — не заметили и похвалили — хорошо, правдиво![4]

А оно — не правдиво, ибо: во-первых, действие происходит в Боровичах Новгор<одской> губер<нии> — город дан — Боровичи, предместье — Спас, а в одном месте своим именем названа деревня Потерпеловка — таковая в 5-и верстах от Боровичей, по течению Мсты, против Потерпелицкого порога.

Почему сие важно? А потому, что население в тех местах не чисто земледельческое, а *фабрично-заводское*, вокруг Боровичей — залежи белой глины и стоят немецкие фабрики посуды и 24 гончарных завода, а также — кирпичные — знаменитый «боровской» кирпич. Земля Ев. Аничкова[5], многословного профессора, сдана в аренду Вехтеру, кажется, на ней тоже огромная фабрика изделий из белой глины. Хлебопашество же в уезде совершенно не развито, о чем даже в географии сказано[6].

Стало быть: действующие у Род<ионова> мужики прежде всего — не мужики, а ф<абрично>-з<аводские> рабочие, разница, сами понимаете,— существенная, в смысле психики.

Но, и приняв во внимание буйственный характер ф-з. рабочего, все же, я уверен, врет Родионов, а уличить его — просто: стоит только навести справочку в Бор<овской> уезд<ной> земской больнице: сколько битых поступает в амбулаторию по праздникам? В среднем. И — окажется, что 12-ти зарезанных в один Спасов день — не было[7]. Сволочь он, Родионов-то!

«Речь» устами Чуков<ского> признала книгу сию верным отражением правды житейской, но— спустя несколько м<еся>цев — сконфузилась и поместила на 3-й странице своей — заметку о том, что зем<ский> нач<альник> Род<ионов>, автор «Преступления», слишком уж усердно дует мужиков но зубам[8]. Сейчас пойду искать этот № «Речи»— авось вам годится для порки земского начальника.

Эх и православных душ печальник,
Господин земской начальник,
Ён не курит, ён не пьет,
Мужиков по мордам бьет!

А «Речь» не могу найти, жаль!

А. Пешков

Подчеркивания Амфитеатрова выделены разрядкой.

Датируется по сопоставлению с предыдущим письмом Горького и п. Амфитеатрова от 2—5 февраля 1911 г.

[1] В 1909—1910 гг. вышло шесть изданий кн. И. А. Родионова «Наше преступление». Горький читал шестое издание книги. На шестое издание книги ссылается и Амфитеатров в своих «Литературных впечатлениях».

В основе сюжета книги — зверское убийство несколькими крестьянами своего односельчанина, следствие и суд над убийцами, завершившийся их фактическим оправданием. Общая картина народной жизни предстала у Родионова — земского начальника и отставного подъесаула — тенденциозно мрачной: убийства, кровопролитные драки, поголовное пьянство, с одной стороны, и попустительство либерально настроенных чиновников — с другой. При этом развязывание темных инстинктов народной массы непосредственно соотносится с недавними революционными событиями. Выход «Нашего преступления» вызвал резкое осуждение большей части демократической критики.

[2] В предисловии к книге, написанном ее автором, говорилось: «Народ спился, одичал, озлобился, не умеет и не хочет трудиться. Не моя задача перечислять причины, приведшие нас к такому ужасающему положению; но есть одна (...) которую я не могу обойти молчанием. Причина эта — разобщение русского культурного класса с народом (...) Понесем туда, „во глубину России", мир, свет и знания (...) Я потому и назвал свою книгу „Наше преступление", что считаю те ужасы, которые описаны в ней (...) нашей виной, виной бросившего народ на произвол стихий образованного русского общества» (*Родионов И. А.* Наше преступле-

ние. (Не бред, а быль). Из современной народной жизни. 6-е испр. изд. СПб.: тип. А. С. Суворина., 1910. С. III–IV).

[3] В ст. «О писателях-самоучках» Горький писал о том же более подробно: «...в тексте книги (Родионов.– *ред.*) говорит устами одного из героев, явно сочувствуя ему:

„Если бы у нас в уезде вздернули трех-четырех...“»

И приводит такой диалог:

«– Послушать вас – народ, выходит, совсем зверь.

– Помноженный на скота.

– Господа, не обижайте скотов и зверей. Мужик куда гаже» (*XXIV*, с. 134). Горький не совсем точно воспроизводит отдельные реплики персонажей кн. Радионова со с. 10, 110 указ. изд.

[4] Горький имеет в виду ст. Чуковского «Новый Горький» (Речь. 1910. № 58. 28 февр./13 марта). Назвав кн. Родионова «самой отвратительной, самой волнующей, самой талантливой из современных книг», автор статьи противопоставил (хотя и с оговорками) ее «жестокую правду» о деревне «утешительному обману» повести Горького «Лето».

Горький писал по этому поводу в ст. «О писателях-самоучках»: «Раньше на такие книги не обращали внимания, а ныне – влиятельной газетой, в которой пишут люди культурные,– злая и темная книга эта признана за верное отражение действительности» (*XXIV*, 134).

[5] Е. В. Аничков – уроженец гор. Боровичи Новгородской губернии.

[6] «Боровичи – уездный город Новгородской губернии ‹...› Хлебопашество мало развито, вследствие малоплодородной почвы. Также мало развиты скотоводство, пчеловодство и огородничество ‹...› Многие из жителей занимаются добыванием извести по рекам Мсте и Быстрице, приготовлением кирпича, известного в Петербурге под именем боровского, выделкою глиняной посуды...» (Энциклопедический словарь. СПб: изд. Брокгауза и Ефрона, 1891. Т. 7. Стб. 429–430). В *Дн. Пятницкого* запись от 3/16 января 1911 г.: «Вернул Горькому – Родионов „Наше преступление“. Разговор о книге. Указываю, что пригородные села – около Борович – не настоящая деревня. Г‹орький› говорит: „Буду писать статью об этой книге“». Статья написана не была.

С рекомендацией поместить статью о кн. Родионова Горький обратился также к издательнице журн. «Современный мир» М. К. Иорданской. См.: Г–СМ, п. 9.

[7] В кн. «Наше преступление» говорилось: «За время, начиная с ночи на воскресенье и до утра понедельника, в больницу доставлено 12 человек. Все это были тяжело изувеченные в праздничных пьяных драках ‹...› Из 12-ти потерпевших двое уже лежали в покойницкой, остальных доктор относил к разряду тяжко изувеченных...» (с. 101–102).

[8] Горький имеет в виду ст. «Не бред, а быль г. Родионова», в которой рассказывалось об избиении Родионовым крестьянина Григорьева, за что Родионов был привлечен к уголовной ответственности и по суду оштрафован. Автор заметки (подпись Вик. П-въ) сообщал: «...это не единственное такое дело у г. Родионова. У него была уже аналогичная история с крестьянином Кирсановым. Выходит, что это, так сказать, одно из обычных его настроений. Тоже, значит,– не бред, а быль...» (Речь. № 348. 19 дек. 1910 г. / 1 янв. 1911 г.)

170. ГОРЬКИЙ – АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. 30 или 31 января 1911 г.›

Дорогой А. В.

Есть у вас, в числе многих хороших книг, книжка о цезарях[1], кажется, «Эпоха цезарей» или «История эп‹охи› цез‹арей›» – автора забыл, но – француз, кажется.

Ежели вы поняли, о чем я говорю, будьте великодушны, пришлите мне эту книгу! Ей-ей – не зажилю! Прочитаю и в полной сохранности возвращу.

А очень нужно.

А. Пешков

Датируется по составлению с ответным п. Амфитеатрова от 2–5 февраля 1911 г.

[1] Цезари. Соч. гр. Франца Шампаньи / Пер. Д. Киреева. СПб., изд. Моск. общ. Вольф, 1882. Т. 1, 2. Оба тома с пометами Горького хранятся в *ЛБГ* (*Описание*).

171. АМФИТЕАТРОВ – ГОРЬКОМУ

⟨Феццано. 2–5 февраля 1911 г.⟩
Fezzano. 1911.II.2

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю Вам книги, о которых Вы спрашиваете. Это — *Шампаньи* «Цезари». Старье и совершенное ничтожество, толкущееся на давно разрушенных взглядах и неразборчиво приемлемых авторитетах. Шампаньи, должно быть, по-латыни не знал, поэтому переводные места у него безобразны, да и русский перевод тоже подгулял. Вообще рекомендовать его сочинения к чьему-либо просвещению отнюдь не смею. Вот — Виппера «Очерки истории Римской империи» — это вещь [1].

К 1 марта выйдет первый том моего «Зверя» [2].

Ширяева рассказ возьму [3]. И. Вольный человек, видимо, с дарованием. Я с удовольствием напечатал бы его стихотв⟨орения⟩ в прозе, если бы из них убрать Всемогущих, Богов, всякое это мистическое восклицательство, от которого меня после святошества, распущенного в русской печати по поводу Льва Николаевича и Караулова [4], мутит больше, чем когда-либо. Если у Вольного это всерьез, значит, он с «Совр.» не споется. Если у него это «символы», зачем же символы непременно из молитвенника? По-моему, там у него все можно перевести из мужского в средний род, из личного представления в общее понятие. Тогда можно. Несносно светское поповство.

Кстати, о мощах Караулова. Из Герм. Ал.[5]: В Шлиссельбурге несколько человек сдрейфили, стали исповедоваться и причащаться. Завел это Морозов, а Караулов потянулся за ним. Герм. Ал. задал ему хорошую головомойку за «жидкость на расправу». Караулов, не зная, как защититься, и говорит:

— Герман, но ведь мы так отвратительно едим, а причастие так вкусно.— Можете себе представить, как Герм. Ал. взбесился.

— Ах вы, иезуиты! Признавайся: это тебе Морозов аргумент подсказал.— Караулов расхохотался и признался, что да.

Скоро об этих благочестивых говениях узнали Вера Ник⟨олаевна⟩ и Волкенштейн и так зарычали, что, несмотря на вкусность причастия, комедию прекратили.

О речи Карцевского скажу то же самое, что о Вольном. Очень недурная вещь, много дельного, охотно напечал бы, но проповедовать божество, равно как объявлять Толстого безначальным и бесконечным, значило бы противоречить целям журнала.

Вы в одном из писем прекрасно сказали, что делом нашей скорби о Толстом должна быть борьба с тем, что в Толстом было вредно [6]. Вот это самое — идолослужение — и вредно.

Распоряжения все сделал. Пишите, в случае чего — все-таки лучше мне. А то там Тихонов [7] с Певиным грызутся и не разговаривают, соперничая во власти. Обычная история. Мои же распоряжения прочны.

«Цезарей» послал Вам с Рутенбергом.

От болгарина пощадите! Верь это же — черт знает что!

Большое спасибо за Родионова и письмо о нем. Можно сделать ссылку на Ваше мнение? [8] Кстати, это будет маленькой компенсацией «Совр.» за Ваш «преферанс» * к «Совр⟨еменному⟩ миру» [9]... Эх, вечно-то мне одному приходится огороды городить и капусту садить, а один-то, сказывают, в поле не воин.

---

* Предпочтение (*фр.*).

Е. Н. ЧИРИКОВ
Шарж В. В. Каррика (бумага, акварель). 1899—1900
Музей Горького, Москва

Чуковского, «Речь» и слезные слова я, конечно, уберу. Важен только провокационный факт подлога деревни. Из Родионова я сделал кота и Лету [10].

Относительно самоучек... Прочтите, пожалуйста, в «Восьмидесятниках» есть страничка в первом томе: то же самое затевал Борис Арсеньев, когда ему было 18 лет [11]. Юноша Вы сорокалетний! романтициссимус неисправимый! Да разве есть писатели *не* самоучки? Где они, эти культурные учреждения, общества, школы и пр., в которых готовятся писатели и могут наверняка фабриковаться писатели? Никто из нас в писательстве не может гордиться какою-либо специальною писательскою преемственностью: Чехов учился не писательству, а медицине, я — праву и пению, Куприн — офицер, Сергеев-Ценский — тоже, Тихонов — тоже [12]. О Вас — и говорить нечего! Каждый литератор русский самоучка. В 97—98 гг. была такая компания, под председательством некоего Макс. Леонова [13]. Ничего не вышло, кроме обозленных самолюбий. Это Вас Сивачев так расстроил?

Четвертый день пишу Вам это письмо! Вот времена-то какие! До свидания. Всего Вам хорошего. Когда ждать рассказа? М. Ф. привет!

Ваш. А. А.

Получаете Вы «Театр и иск⟨усство⟩»? Что Чириков часом с ума не сошел? Того и жди — расчеркнется: Фердинанд VIII, король испанский [14].

Вторая дата п. определяется по фразе: «Четвертый день пишу вам это письмо!»

[1] *Виппер Р.* Очерки истории Римской империи. М., 1908. Книга с пометами Горького хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

[2] *Амфитеатров А.* Зверь из бездны: Историческое сочинение. В 4 т. Т. 1. Династия при смерти. СПб., ⟨1911⟩. Книга с пометами Горького хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

[3] См.: Г—А, п. от 8 января 1911 г., прим. 8.

[4] Василий Андреевич *Караулов* (1854—1910) — в 80-е годы участник «Народной воли». Был арестован в 1884 г., приговорен к 4 годам каторги, которую отбывал в Шлиссельбурге. Впоследствии отрекся от своего революционного прошлого, вступил в кадетскую партию. Амфитеатров имеет в виду целый ряд статей о Караулове, появившихся в периодической печати в связи с его смертью, в которых восхвалялись гражданские доблести Караулова (см., напр.: Речь. 1911. № 5. 6/19 янв.; № 6. 7/20 янв.). «Удивительно,— писал В. И. Ленин в ст. „Карьера русского террориста“,— что находятся люди, способные считать себя сочувствующими демократии, которые теперь, по случаю смерти Караулова, чествуют его как „демократа“, „борца“ и т. п.» (*В. И. Ленин.* Т. 20. С. 98).

[5] В рассказе, который передает Амфитеатров, упоминаются, кроме Караулова, революционеры-народники: Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, Л. А. Волькенштейн.

[6] См.: Г—А, п. от 17 ноября 1910 г.

[7] В. А. Тихонов.

[8] П. Горького от слов «Посылаю книгу Родионова» до «в один Спасов день — не было» Амфитеатров включил в свои «Литературные впечатления», в раздел, посвященный кн. Родионова «Наше преступление» (Современник. 1911. Кн. 2). Помимо этой книги, в статье рассматривались «Рассказы» Милицыной (СПб., изд-во «Знание», 1910, т. I—II) и «Деревня» Бунина (Моск. книгоизд-во, 1911).

[9] В журн. «Современный мир» (1911, № 1) был напечатан рассказ Горького «Мордовка»; там же (№ 2) — ст. «О писателях-самоучках».

[10] «Кота и Лету», т. е. котлету.

[11] Скептическое отношение к горьковской идее Амфитеатров подтверждает эпизодом из своего романа «Восьмидесятники», один из героев которого, «юный мечтатель» Борис Арсеньев, «носился с идеей общества „Ломоносов", имеющего задачею — поднимать и развивать скрытые в народе таланты-самородки. С двумя Ломоносовыми юный энтузиаст потерпел уже свирепейшее фиаско ‹...› Но пламя, оживлявшее эту огненную душу, не погасло от двух ушатов холодной воды» (*Амфитеатров А.* Восьмидесятники. 2-е изд., доп. СПб., 1908. С. 13).

[12] В. А. Тихонов офицером участвовал в русско-турецкой войне.

[13] Максим Леонович *Леонов* (псевдоним Максим Горемыка) (1872—1929) — поэт и журналист, отец Л. М. Леонова. Организовал кружок «писателей-самоучек» из народа, который в 1903 г. стал называться Суриковский литературно-музыкальный кружок. М. Л. Леонов издавал коллективные сборники произведений членов кружка.

[14] Ст. Чирикова «Как я стал драматургом» (Театр и искусство. 1911. № 3. 16/29 янв.). Статья носила юбилейный характер (отмечался 25-летний юбилей творческой деятельности Чирикова). Амфитеатров напоминает о герое повести Гоголя «Записки сумасшедшего» Поприщине, вообразившем себя испанским королем Фердинандом VIII. Тогда же Горький писал Бунину по поводу юбилея Чирикова: «И блестящий юбилей Евгения Чирикова во дни, когда снова сотни и сотни студентов гонят, бьют, сдают в солдаты,— не утешает» (*Горьк. чт.* 1961. С. 58).

172. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. 7, 8 или 9 февраля 1911 г.›

Дорогой Александр Валентинович!

Показал Вольному ваше письмо — он вам отвечает сам. Хороший это мужик, вы подумайте — русский, а без работы жить не может и, удивляясь красотам здешним,— тоскует по Сибири. А все оттого, что не интеллигент.

С Карцевским может сами спишетесь? Если вещь его заслуживает внимания.

Адрес: Женева, 7[III] Rue de la Cluse.

Болгарина — возвратите [1].

На «мнение» ссылайтесь, убрав «Речь» и Чуковского.

О «преферансах» — напрасное слово, в чем и убедитесь со временем.

Прошу выслать «Современник» по двум адресам:

1. Париж. Тургеневская библиотека [2].
2. Неаполь. Vomero, Biblioteca-russa [3].

По Питеру идет окаяннейшая сплетня: Ковбасенко — нелегальный Румянцев [4] был, будто, вызван Леонидом в ред. «Речи» для примирения, но сам Леонид не поехал в «Речь», а послал Чуковского. Румянцев же, подходя к редакции, был арестован на улице. Выводы отсюда делают черт знает какие.

«Театр—искусство» не получаю, а интересно бы прочитать, как Евг‹ений› Никол‹аевич› пишет о Чирикове.

А вы получаете «Синий журнал»? [5] Попросите снабдить вас оным. Совершенно свиний журнал.

О самоучках — вы и верно и неверно пишете. Я имею в виду возможность сохранять энергию людей «страшной жизни», необходимость помогать им материально и морально. Гибнет больно много их.

А что я романтик, так вы сами — такой же, только больше и толще.

Чуть-чуть не кончил вторую «Жалобу», да вот наехало народу большое число и очень разного, так что дни и ночи все говорим. А потом мне придется на квартиру новую переезжать — очень мучительная операция![6]

Читаю Соловьева историю, купно с Костомаровым, Ключевским и т. д.[7] Вы не обидитесь, если я скажу, что этот Соловьев[8] — оглушительно бездарен?

За «Цезарей» — спасибо. Но ежели это плохо — не буду читать.

Жму руку и кланяюсь всем.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 2—5 и 11 февраля 1911 г.

[1] Пьесу П. Тодорова «Строители».

[2] Тургеневская библиотека была основана в 1875 г. в Париже по инициативе Лопатина, при содействии И. С. Тургенева. Ее фонды создавались пожертвованиями русских эмигрантов. «Тургеневская библиотека в Париже,— вспоминал активный участник революционных событий 1905—1907 гг. А. В. Буров,— была в те годы главным организующим центром русских эмигрантов (...) Кроме богатейшего собрания книг, библиотека имела все русские газеты и журналы. Библиотека устраивала лекции, рефераты, служила явкой для приезжающих» (*Буров А.* Далекое и близкое // Звезда. 1961. № 6. С. 172). И. Д. Сытину Горький сообщал 4 мая 1912 г., что «Тургеневская библиотека в Париже находится в хороших руках и является серьезным культурным делом в городе, где живет 90 тысяч русских» (*АГ*). См. также: *Бушинский Вл.* Судьба тургеневской библиотеки // Книжное обозрение. 1980. № 24. 13 июня; Г—Гр, п. 28, прим. 5.

[3] В. А. Десницкий вспоминал: «...много скиталось по Европе россиян (...) Появились русские студенты в таких городах, где их раньше никогда не бывало. Появились они и в Неаполе: на Вомеро образовалась целая колония русских студентов, более сотни» (*Десницкий В. А.* Статьи и исследования. Л., 1979. С. 451).

В корреспонденции «Общество русских в Неаполе» сообщалось: «В неаполитанской русской колонии, увеличивающейся ежегодно как благодаря наплыву молодежи, поступающей в здешние высшие учебные заведения, так и удалению русского элемента из других слоев России, уже давно чувствовалась потребность в организованном центре; с этой целью образовано в последнее время беспартийное „Общество русских в Неаполе". При обществе имеется библиотека и кабинет для чтения» (Русские ведомости. 1910. № 29. 6/19 февр.). В книге записей Пятницкого «Выдачи 1900—1912 гг.» есть свидетельство, что Горький и сам посылал в это время книги в ту же библиотеку: «1911, март 10-го. Уплачено за купленные для русской библиотеки Vomero книги и расход по пересылке их» (*АГ*).

[4] М. Х. Румянцев проживал в доме Л. Н. Андреева по паспорту крестьянина Аврама Ковбасенко.

[5] *«Синий журнал»* — «тонкий» иллюстрированный еженедельный журнал бульварного пошиба. Издавался М. Г. Корнфельдом в 1910—1917 гг.

[6] Переезд на виллу «Серафина» состоялся во второй половине февраля. М. Ф. Андреева писала Коцюбинскому 12 марта 1911 г.: «Переехали мы на виллу „Серафина". Веселее тут, солнца больше, больше бывает на воздухе Алексей Максимович, и на том спасибо! А по „заграницe", конечно, опять сплетня поплыла: Г. купил себе новую виллу за 50 тысяч. По секрету — мы платим 1200 франков в год» (*М. Ф. Андреева.* С. 195).

[7] По-видимому, пристальное чтение Горьким в это время русских историков было связано, в частности, с его замыслом издания книг по истории русского народа, которые противостояли бы официозным историческим версиям.

[8] Несколько ранее Горький в п. к Е. К. Малиновской (янв., после 19) дал значительно более положительную оценку «Истории России с древнейших времен» Соловьева: «Возьмите все 28 томов,— писал он,— и хорошенько прожуйте их; результаты будут очень хорошие: во-первых, под теорию вы подложите свой фундамент, во-вторых — вам будет понятна психология рус(ского) народа и рус(ской) интеллигенции» (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 341).

173. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.II.11

Дорогой Алексей Максимович.

Успели ли получить «Современник»? Уже конфискован за «Не-наших» Герм⟨ана⟩ Ал⟨ександровича⟩ [1]. Конечно, это придирка, а за «вообще». Думаю, что успели спасти довольное количестве экз⟨емпляров⟩, так как книжка вышла в понедельник, поступила на рынок во вторник, а в субботу была конфискована. Вышла-то, собственно, в воскресенье, да Певин вовремя заметил, что на 16-й стр. в Вашем рассказе [2] типография (вообще убийственная) сделала безграмотный пропуск,— остановил выход и перепечатал лист, так что этими экземплярами испорченными только члены редакции награждены. Сколько я из-за этого переволновался, можете себе представить.

Теперь, к сожалению, буду писать Вам очень неприятную вещь — опять о Федоре Шаляпине. Вы, вероятно, читали его интервью по поводу коленопреклонения, что он мужик и не может видеть без волнения царя-батюшки. Что он стал холопом, черт с ним, ему же хуже, но то, что он Вас к этому делу припутал, это уже не холопство, а подлость. Я даже не ожидал, что по этому поводу даже какое-нибудь «Утро России» зарычать сумеет [3]. Теперь же я Вам должен объяснить одну штуку, по которой это подло и вредно в особенности. Когда Тихонов, Коялович и Певин были здесь, я заметил, что у них есть какой-то вопрос о Вас, а сказать не решаются. Наконец Тихонов проболтался. Оказывается, в Петербурге распускается усиленно слух, что Вы просили у царя помилования и права возвратиться на родину и что не сегодня-завтра милость сия будет Вам дарована. Как эта гнусная сплетня действует на умы, сами можете легко представить. Мне не хотелось Вам этого сообщать, но — раз Федор Иванович обращает Вас в таком щекотливом случае в щит свой, полагаю, что дальнейшее молчание было бы неудобно и повлекло бы к дурным последствиям. Советовать Вам решительно ничего себе не позволю, но думаю, что как-нибудь Вам Федорову болтовню надо бы оборвать — тем более что болтает он направо и налево, как мне из Москвы пишут. Между прочим, получил о том же письмо от сына моего с такою подробностью. Овация в «Борисе» была полицейски подготовлена потому, что при предшествовавшем посещении царем театра публика не требовала повторения гимна, а при появлении царя в ложе раздалось шиканье. Кстати: прилагаю Вам то письмо, которое я тогда послал Федору. Теперь очень жалею, что не крепче.

Ах, эта андреевская история — кошмар поганый какой-то.

Знаете Вы некоего Вережникова? Отличный рассказ мне прислал о попах [4], и без подражания Гусеву-Оренб⟨ургскому⟩. Вольного, согласно его письму, немножко переделал.

Навязывал мне Тихонов [5] в редакцию Сургучева секретарем. А теперь получились об этом Сургучеве сведения такие, что, если правда, то его ни к какой редакции подпускать нельзя: будто он, как Тих. выражается, «двуручничает» — «Знанию» дает рассказы, а в Ставрополе редактирует черносотенную газету и держит весьма грязного типа трактир, в коем мордобойствует во вкусе подъесаула Родионова [6]. Я написал Тихонову, чтобы он не был бабой, у которой человек в воскресенье ангел, а в понедельник утром — сукин сын. Но все-таки смутило меня это очень. В секретари редакции страшно сажать. Не знаете ли чего об этом парне и нет ли кого нейтрального в Ставрополе, у кого возможно было бы справки собрать?

Нечего сказать, приятненькое письмецо вышло. Ах, ты, мать честная! И что за время переживаем!

Я сейчас в Короленку влюбился. Пишу о нем с благоговением [7].

Хороший мужик.

Милые воспоминания Феликс Волховский прислал. Хоть и с детства начинает, а хорошо [8].

До свидания. Сердечный привет Марии Федоровне. Очень прошу простить, что не ответил на последнее письмо: совсем измотался. До свидания, дорогой! Всего Вам хорошего.

Ваш А. А.

[1] Публикация очерка Лопатина «Не-наши» в кн. 1 «Современника» сопровождалась примечанием от редакции, в котором сообщалось, что этот очерк был впервые напечатан в 1874 г. в т. III журн. «Вперед!» и что он был написан «по свежим воспоминаниям о совместном житье с(...) „Не-нашими" в Иркутском остроге». «„Не-наши",— писал Лопатин,— представители „странной секты", „истинные аскеты и мученики своих убеждений", которые отрицали „Бога и черта", принадлежность к какой бы то ни было религии или секте, царя, духовенство, гражданское и военное начальство, законы, нравы, обычаи, одним словом все, кроме собственного авторитета» (с. 62).

[2] Рассказ «Жалобы» (I). Журн. «Современник» набирался в типографии «Т-во художеств(енной) печати» (СПб.).

[3] 24 января / 6 февраля 1911 г. в газ. «Столичная молва» появилось мнимое интервью Шаляпина о происшедшем в Мариинском театре, которое затем обошло многие газеты. Шаляпину приписывались следующие слова: «...это был (...) патриотический порыв, который охватил меня безотчетно, едва я увидел императорскую ложу (...) Правда, была еще одна мысль. Была мысль просить за моего старого друга Максима Горького, надеясь на милосердие государя». На следующий день это интервью было перепечатано в газ. «Утро России» в заметке «„Счастливый момент" в жизни Шаляпина» (1911, № 9. 25 янв. / 7 февр.) с критическими комментариями: «Неизвестно, для какой надобности потребовалась ссылка на Максима Горького, который, конечно, никогда бы не воспользовался услугой своего счастливого друга, инсценированной в такой обстановке». Несколько позднее Шаляпин категорически опроверг газетные информации в письме к адвокату Волькенштейну: «Газеты подняли бурю (...) и напечатали интервью с сотрудником, которого я и в глаза не видел...» (Одесские новости. 1911. № 8361. 6/19 марта).

[4] *Вережников А.* Человеческие радости // Современник. 1911. Кн. 3.

[5] В. А. Тихонов.

[6] Сургучев долгое время жил в Ставрополе. В 1911 г. был редактором ставропольской общественно-литературной газ. «Наш край» (с № 8). Газета издавалась Обществом Северо-кавказских овцеводов. Издание прекратилось в 1911 г.

[7] Амфитеатров закончил ст. о Короленко 14 февраля 1911 г. (Современник. 1911. Кн. 2).

[8] *Волховской* (*Волховский*) *Ф.* Отрывки одной человеческой жизни // Современник. 1911. Кн. 4.

174. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Париж. 14 февраля 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Лида с Зиной решили ехать в Австралию, Мельбурн,— мне кажется, что это решение доброе, и я прошу вас помочь мне устроить этот переезд.

В сих целях не можете ли вы написать в «Современник», чтоб сей журнал выдал Зиновию Пешкову билет «специального корреспондента» — это, во-первых,— удешевит путь, во-вторых, сразу может поставить Зину в Мельбурне на ноги.

Нельзя ли также достать такую ж карточку от «Одесских новостей»?

И наконец: не окажется ли возможным прислать авансом за мартовский рассказ 500 р.[1] по адресу Капри, *Зиновию* Пешкову?

Дорогой друг,— устройте все, что можете, а я, в свою очередь, буду всячески стараться возместить вам милости и любезности ваши.

Будьте добреньки ответить по адресу:

M-me C. Pechkoff
38 bis rue Fontenay, Chatillon
près Paris [2]

Всего лучшего!

А. Пешков

СОДЕРЖАНІЕ.

I. ОТЪ РЕДАКЦІИ . . . 3
II. ЖАЛОБЫ. Разсказъ.—М. Горькаго . . . 13
III. ЗАКАТЪ СТАРАГО ВѢКА. Романъ. Александра Амфитеатрова . . . 29
IV. НЕНАШІЙ.—Германа Лопатина . . . 60
V. МАРИ-КЛЕТЪ. Романъ.—Маргариты Оду. (Перев. И. Р.). Съ предисловіемъ Октава Мирбо . . . 83
VI. ВОЗВРАЩЕНІЕ. (Изъ жизни маленькихъ людей). Шоломъ Алейхема. Перевелъ съ русскаго Изы Кремеръ) . . . 119
VII. КАРЬЕРА. Романъ.—Вл. А. Тихонова . . . 155
VIII. АНДРЕА ДЕЛЬ-САРТО. Драма.—Альфреда де Мюссе. (Перев. Кн.—го) . . . 190
IX. АЛЬФРЕДЪ ДЕ МЮССЕ. Поэтъ.—Т. Щепкиной-Куперникъ . . . 223
X. ПЕСТРЫЯ ГЛАВЫ.—Александра Амфитеатрова . . . 231
XI. УСПѢХИ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ. (Происхожденіе земледѣлія). І. Лукашевича . . . 261
XII. С. А. МУРОМЦЕВЪ, какъ предсѣдатель Государственной Думы.—В. Б. Ведовозова . . . 282
XIII. Л. Н. ТОЛСТОЙ ВЪ БОЛГАРІИ при жизни и послѣ смерти.—И. Калины . . . 306
XIV. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.—Александра Амфитеатрова . . . 319
XV. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—М. М. Кояловича . . . 351
XVI. ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.—А. Артемьева . . . 364
XVII. ИЗЪ ТЕАТРАЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.—А. Артемьева . . . 377
XVIII. СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА . . . 382
XIX. ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.—М. Антоновича и Германа Лопатина . . . 392
XX. ИЗЪ МІРА ИСКУССТВА.—Вл. Богдановскаго . . . 405
XXI. ТѢНИ СТАРАГО «СОВРЕМЕННИКА».—М. М. Кояловича . . . 415
XXII. НОВЫЯ КНИГИ. С. Фоминъ.—Въ скутные дни. Роспись.—Полное собраніе сочиненій А. А. Фета.—К. Д. Бальмонтъ. Зигзицы поэта.—Ив. Бунинъ. Листовадъ.—Э. И. Паткевичъ. Рѣки.—И. И. Ивановъ. Бесѣдованія о первобытной и народной культурѣ.—Гейгеръ.—Аѳины Оканды, пристани, гавани Тавриды и Малой Азіи. Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ.—Гольмъ де Пиано Кардини. Исторія женщины.—Нитъ гельмъ де Рубрукъ. Путешествіе въ восточныя страны . . . 420
XXIII. Объявленія

СОВРЕМЕННИКЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ,
НАУКИ, ИСТОРІИ, ИСКУССТВА
И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ЯНВАРЬ · 1911

Изъ первой книги журнала „СОВРЕМЕННИКЪ", въ силу опредѣленія С.-Петербургской судебной палаты отъ 9 Февраля с. г., изъята статья „Не-Наши" Германа Лопатина (стран. 60—82).

СОДЕРЖАНИЕ И ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННИК» С ВКЛЕЙКОЙ ОБ ИЗЪЯТИИ СТАТЬИ «НЕ-НАШИ» Г. А. ЛОПАТИНА

1911, кн. 1

Приписка З. А. Пешкова:

Алексей просит Вас прислать по вышенаписанному адресу «Современник» [3]. Шлю Вам сердечный привет, дорогой Александр Валентинович!

Зина

Датируется по п. Амфитеатрова Горькому от 16 февраля 1911 г.

[1] Второй рассказ из цикла «Жалобы».

[2] Горький и З. А. Пешков находились под Парижем у Е. П. Пешковой с 13 по 25 февраля 1911 г.

[3] Лишь в августе 1911 г. Е. П. Пешкова сообщала Горькому: «Прислали мне из Fezzano 2 книжки „Современника". Очень понравилась Анна Виванти» (*АГ*).

175. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.II.16

Дорогой Алексей Максимович.

Несколько дней тому назад послал Вам очень важное и спешное письмо на Капри (о Шаляпине, Сургучеве [1] и пр.) и пребывал в некотором волнении, не получая ответа,— ан, оказывается, Вы в Париже.

Корреспондентские билеты будут сделаны. Напишу сегодня же.

Относительно аванса: он возможен будет только по выходе февральской книжки, как оплата мартовского гонорара,— значит, этак к 21—22 февр⟨аля⟩ русского стиля, не раньше. Иначе невозможно: конфискация первой книжки держит кассу без поступлений. Пишу сегодня же.

Австралийский проект — одна из тех внезапностей, которые в первый момент принимаешь как шутку, пока не чувствуешь от шутки этой

треска во лбу и синяка на лбу. Вмешиваться в чужие предприятия не в моих привычках, но полагаю, что путешествие в страну кенгуру с беременною женою, которую будет рвать при малейшей качке (два океана-с!), вряд ли удобная затея. Тем более, что по приезде на место, не оглядишься, как Лиде придется уж и рожать, что тоже мало способствует устройству.

Как Зина едет в Мельбурн? На какое-нибудь готовое занятие или место? Ибо если только «искать счастья», то, право, с возможными для молодых средствами лучше бы поискать его сейчас сперва в Европе. Ведь для всей этой австралийской авантюры, предполагая условия путешествия и жизни мало-мальски приличные, надо истратить, по крайней мере, три тысячи рублей (500 рублей билеты туда, несколько месяцев существования в безумно дорогом городе — имею о тамошних ценах обстоятельные сведения от *маленьких* артистов и хористов итальянских,— роды и какой-нибудь фонд на возможность возвращения при неудаче). Полагаю, что с фондом в 3000 рублей в Европе пара молодых и здоровых людей может очень хорошо начать какое-либо собственное дело, хотя бы торговое или ремесленное. Корреспондентство из фиктивного в фактическое Зине обратить тоже гораздо легче, чем из Мельбурна, в Париже или Лондоне.

У Зины приличная наружность, хорошие манеры, он любит хорошо одеваться. Голова у него на плечах, кажется, имеется, говорить может, языки знает, пишет складно. Отчего ему, при таких данных, не выработать себя в политического корреспондента из Парижа или Лондона? Это интересно, и на это в России большой спрос. Если бы он занялся этим сейчас же, как школою, то я уверен, в месяц-другой, разобравшись в истории и ходе партий, он вымуштруется настолько, что будет годиться в европейские обозреватели даже для ежемесячного журнала. Если нужно какое-нибудь содействие техническое к тому, то и я рад служить, и я уверен, Коялович не откажет. Везти же себя самого и молоденькую жену-девчонку (только ведь ростом высока!), которая ни на каком языке не говорит, кроме русского, и ни в какой среде не жила, кроме русской, на устройство жизни в южное полушарие — это, право, на игрушки смахивает... Все сии соображения явились мне, конечно, ввиду внезапности Вашего сообщения. Разумеется, если Зина получил туда приглашение на верное, закрепленное место, то — какие же разговоры! Беру свои слова обратно. Чем скорее молодые семьи становятся на собственные ноги, тем приятнее видеть.

Необходимо предпринять что-нибудь против усиленной рекламы Родионову в Европе. Распространяется это из Берлина. В «Stampa» восторженная статья, где Родионов сравнивается с Тургеневым. Вопиют: вот она какова, русская-то, народная масса! Написал письмо в редакцию [2]. Не знаю, поместят ли.

До свидания. Всего Вам хорошего. Зине привет.

Ваш Ал. Амф.

[1] См. п. от 11 февраля 1911 г.

[2] О статье в итальянской газ. «Il Stampa» и о п. Амфитеатрова в редакцию газеты сведениями не располагаем.

176. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 2 марта 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Получив прилагаемую книжку,— посылаю вам ее,— не пригодится ли для сравнения и вообще?[1]

Как здоровье, как живете?

А. Пешков

Вчера возвратился из Парижа, очень устал [2], извините, что не пишу в ответ на ваше письмо [3].

Датируется по упоминанию о возвращении Горького из Парижа на Капри.

[1] О какой «книжке» идет речь, неизвестно.
[2] Горький вернулся из поездки в Париж на Капри 1 марта 1911 г.
[3] Имеется в виду п. Амфитеатрова от 11 февраля.

177. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 4 или 5 марта 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Только что вернулся домой [1] и сижу перед гейзером почты русской: что ни письмо — так и брызжет грязью.

Россияне поймали — грешницу-прелюбодейку в лице Федора Шаляпина и дразнят меня — хорош дружок у тебя, хорош?

Я — помолчу покуда, а после отвечу им по душе [2].

Посылаю вам письмо Павловича, говорят — он очень осведомленный человек в вопросах политики внешней [3].

До свидания! Вскорости напишу подробно и длинно.

А. Пешков

Датируется по содержанию и по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 5 и 8 марта 1911 г.

[1] Письмо написано до отъезда Горького в Неаполь (5 марта 1911 г.).
[2] В августе 1911 г. Горький объяснил в п. Шаляпину причины того, почему он не смог тогда же осуществить своего намерения: «Неумно ты сделал, что сразу же после этой истории не поехал ко мне или не объяснил условий, при коих она разыгралась,— знай я все с твоих слов,— веря тебе, я бы что-нибудь сделал, чтоб заткнуть пасти твоих судей» (*XXIX*, 170).
Открытое письмо в защиту Шаляпина Горький написал позже — в сентябре 1911 г. См.: Г—А, п. от 15 или 16 сентября 1911 г., прим. 3.
[3] Михаил Павлович *Павлович* (Михаил Лазаревич Вельтман) (1871—1927) — публицист, ученый-востоковед. Член РСДРП с 1898 г. Участник революции 1905—1907 гг. В 1907 г. был арестован, бежал в Финляндию, откуда переехал в Париж. В 1909 г. читал лекции в партийной школе на Капри, в 1911 г.— в организованной «впередовцами» школе в Болонье. В эмиграции «занимался научной и публицистической деятельностью. Революционное и национально-освободительное движение на Востоке, проблемы империализма, международные отношения и внешняя политика империалистических государств в Азии и Африке — такова основная проблематика его многочисленных статей, опубликованных в русских и иностранных журналах, а также отдельных брошюр и книг». См.: *Павлович М.* Восток в борьбе за независимость. М., 1980. С. 29.
Упоминаемое п. Павловича не разыскано. Очевидно, в нем Павлович предлагал «Современнику» свою статью. Позже, 15 мая 1911 г., Водовозов сообщал Амфитеатрову, что получил письмо из Парижа от Павловича, в котором тот спрашивал о судьбе своей ст. «Англия и Германия и вопросы будущей войны» (*ЦГАЛИ*, ф. 34). Статья напечатана в «Современнике» под несколько измененным названием. См.: А—Г, п. от 30 августа 1911 г., прим. 3.

178. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. III.5.1911

Дорогой Алексей Максимович!

Давно нет от Вас никаких известий.

Посылаю 250 франков — третью порцию, коею, значит, я по школе квит [1].

Был у меня Каржанский [2]. Рассказывал о Капри, о том, как видел Вас в Риме [3] пр.

Что же супруги-кенгуру и австралийские путешествия?[4]

С «Современником» маюсь много. Навалили сейчас публицистического материала — не проворотить.

Судьба первой книги мне до сих пор неизвестна [5]. Суды да суды. Боцяновский сбежал «страха ради иудейска» [6]. Очень я этому рад. Тихонов болен и жалуется, что ему не дают власти. Верно [7].

Таким образом, все дело теперь на мне и на двух петербургских выполнителях, но не законодателях [8]. Удобно, но уж очень трудно и работно.

Вторая книга слаба беллетристикой. Во второй части есть вещи сильные [9].

Получил рассказ от Милицыной. Очень хорош, но желает... 300 с листа, ссылаясь на «Знание»![10] Должен написать, что таких цен на «рынке» нет. Разбогатеем, больше заплатим!

Подписка, несмотря на конфискацию и на враждебное замалчивание эсдекских рутинеров, растет. Не робей, воробей!

Вы не ответили мне на спрос о Сургучеве. А мне очень важно, ибо — либо сажать его в секретари, либо поворот от ворот.

Какое дерьмо наворотил Л. Андреев по поводу смерти Толстого![11]

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Привет М. Ф. и будущим двуутробкам, с потомством в проекте [12].

Ваш А. А.

[1] Речь идет о денежных взносах Амфитеатрова на отправку рабочих — учеников каприйской партийной школы в Россию. А. А. Богданову Амфитеатров писал 3 декабря 1911 г., что сочувствовал каприйской школе, поскольку она возникла «под авторитетом А. М. Пешкова» (*ГБЛ*, ф. 439, ед. хр. 22, к. 11, л. 5).

[2] О приезде Каржанского на Капри Пятницкий записал в дневнике 21 января / 3 февраля 1911 г.: «К завтраку выходит Каржанский, приехавший из Алжира (...) За обедом Карж(анский) и Чайковский» (*АГ*).

[3] Горький приехал в Рим из Парижа 27 февраля.

[4] Поездка З. А. Пешкова и его жены в Австралию не состоялась.

[5] После изъятия ст. Лопатина «Не-наши» кн. 1 «Современника» вновь поступила в продажу, о чем сообщалось в специальном объявлении «От конторы журнала „Современник“» на последних страницах кн. 2 и 3 журнала.

[6] За конфискацией какого-либо издания обычно следовало привлечение к судебной ответственности его ответственного редактора.

С кн. 2 «Современника» за 1911 г. имена В. А. Тихонова и В. Л. Боцяновского в составе редакционно-издательского комитета не указывались.

[7] Отношения Амфитеатрова и В. А. Тихонова осложнились также и тем, что Амфитеатров подверг редакционной правке его роман «Карьера» (п. В. А. Тихонова В. В. Водовозову от 4/17 марта 1911 г.— *ЦГАОР*, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 2503, л. 3).

[8] Т. е. М. М. Кояловичи П. И. Певин.

[9] В кн. 2 «Современника» напечатаны: Амфитеатров «Закат старого века» (продолжение), Н. Дружинин «В суете», В. А. Тихонов «Карьера» (продолжение), Маргарита Оду — роман «Мари-Клер» (продолжение), Октав Мирбо «Эпидемия. Сатира в 1 акте», И. Вольнов «Три грезы». Далее, во «второй части» книги, напечатаны ст.: «Пестрые главы» и «Литературные впечатления» Амфитеатрова, «Крепостное право и крестьянский вопрос в России» Ю. Лавриновича, «Памяти Герцена» М. Кояловича, «Аграрный вопрос в первой Государственной думе», «Бюрократия и дума», «Из траурных воспоминаний» В. Водовозова, «Н. К. Михайловский как критик органической теории общества» Е. Колосова, «Политическое обозрение» М. Кояловича, «Научная хроника» И. Лукашевича, «Новые книги». Книга завершалась сатирическим отделом журн. «Сверчок».

[10] Очевидно, речь идет о рассказе Е. М. Милицыной «Призраки (эскиз)» (Современник. 1911. Кн. 4). Позже писательница прислала в журнал еще три рассказа: «Ночь», «Старики» и «Скрывной» (*ИРЛИ, ЗК Миролюбова*).

[11] Имеется в виду памфлет Андреева «Смерть Гулливера» (Утро России. 1911. № 35. 13/26 февр.). Памфлет был прочитан автором на вечере в Мюнхене, посвященном памяти Толстого, в начале декабря 1910 г. (Утро России. 1910. 16/29 дек.) А. С. Серафимовичу Андреев писал в ноябре 1910 г.: «Скверно было последние дни с этим „чествованием памяти Толстого“. Сколько неподдельного свинства! Я даже скандальную вещь написал: „Смерть Гулливера“, но боюсь печатать, уж очень густо» (Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 год. Л., 1979. С. 181).

[12] З. А. Пешкову и его жене.

179. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.III.8

Дорогой Алексей Максимович.

Рад был получить от Вас наконец весточку, а то был уже в трех волнениях, где Вы и что с Вами?

Шаляпинский дождь сыплется на меня в столь же плачевной мере. Каждый день два-три письма иронических, злорадных или ругательных.

Сейчас получил письмо от сына из Москвы [1]. У ряда знакомых его был сделан обыск — искали моего письма к Шаляпину. Самого его с матерью, однако, не обыскивали, вероятно, правильно рассуждая, что не настолько же они глупы, чтобы хранить оригинал.

По всей вероятности, все сие откликнется на «Совр.» мрачно.

Как ни пакостно ведет себя Федор, но в телеграмму, им якобы посланную в ответ на привет черносотенцев, я отказываюсь верить, в чем и расхожусь с Герм. Ал., по скептическому мнению которого «все станется».

В дополнение всех благ цензура взяла Шаляпина под специальную свою защиту. Запрещена (пишет «Театр и искусство») какая-то пьеса о Шаляпине [2]. «Утро России» судят по 129 статье![3]

Статьи пусть присылают всякие, но в предварительные переписки вступать с авторами, ей-ей, не могу. Сколько расплодилось этой авторской наивности, Вы не поверите, так как Вам приходится иметь дело преимущественно с беллетристами, а эти всегда заранее уверены, что все, что они ни напишут, клад для редакции. Но общественники и научники с их предварительными запросами ужасны. Ну, как я буду знать, подходит статья или не подходит, если я ее не видал? А таких писем — добрый десяток каждую неделю. И, конечно, обижаются, когда не отвечаешь.

Замечательную штуку мне прислал один гимназист из Екатеринослава. Литературно никуда не годится: жалкое подражание Андрееву, но как «человеческий документ» нечто бесконечно страшное в своей наивности. Напечатать нельзя, а статью, кажется, напишу.

Ушли у нас Боцяновский и Тихонов, чему весьма рад. Первый струсил тюремной решетки и потери казенного места, которое он себе подыскал. Второй два с половиной месяца ровно ничего не делал, всем мешал скулением и страхами, а мне писал жалкие письма с требованиями «железного режима»: интересно, как бы я стал этот режим проводить, из-за 3000 верст. В конце концов обиделся и отстранился. В результате на меня теперь свалилась должность — и беллетристику читать!

Ужасно трудно. Совершенно нету людей в Питере. Все путное — либо в тюрьмах, либо в ссылке, либо в эмиграции. Осталось в Питере несколько второстепенных эсдеков, которых нельзя допускать к журналу по деспотической их узости, два-три эс-эра-фанатика, с которыми я был бы очень рад печатать журнал в Париже, но в Петербурге это было бы пустою тратою времени и денег, и два-три эс-эра подмазанных, о которых не знаешь, не обратят ли они редакцию в провокаторскую ловушку. А затем сплошной кадет.

Водовозов садится в тюрьму [4]. Лучше бы он мне палец отрезал!

Таковы-то наши дела.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет!

Ваш А. А.

Не помню, писал ли я вам, что Сивачев прислал мне «Прокрустово ложе» (то же самое, что «Литер‹атурный› Макар») с льстивою надписью и письмо с просьбою о нем написать. Думаю, что молчать об этом авантюристе — единственная правильная политика. Это что-то хуже Степана Голубя!

[1] От В. А. Амфитеатрова-Кадашева.

[2] Факт, о котором сообщает Амфитеатров, использован им в юмористической заметке, помещенной в «Сверчке»: «Театр и искусство» в № 2 рассказывает следующую историю: «Одна москвичка послала в драматическую цензуру пародию на оперу „Дон-Кихот" под названием „Дон Федор Иванович Кихот". Хотя в пародии ничего обидного для Федора Ивановича Шаляпина не было, цензура потребовала замены наименования „Федор Иванович" другим» (Современник. 1911. Кн. 2. С. 390—391).

[3] Редактор газ. «Утро России» был привлечен к ответственности за помещение 11/24 февраля ст. «Правительство и дума» (Утро России. 1911. № 35. 13/26 февр.). Этот факт обеспокоил Амфитеатрова и в связи с тем, что он послал в «Утро России» свое «Письмо в редакцию» — «О В. Л. Бурцеве», в котором защищал Бурцева от нападок на него газ. «Новое время» (Утро России. 1911. № 42. 22 февр./7 марта). За эту публикацию газ. «Утро России» также была привлечена к ответственности (Речь. 1911. № 53. 24 февр./9 марта).

[4] Водовозов несколько раз привлекался к судебной ответственности за свою литературно-издательскую деятельность в 1905—1907 гг. Решением суда от 1 декабря 1909 г. он был приговорен к одному году заключения в крепость, но фактическое исполнение приговора все время откладывалось (*ЦГАОР*, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 1215). Опасения Амфитеатрова были вызваны тем, что 10/23 февраля 1911 г. С.-Петербургским комитетом по делам печати было возбуждено против Водовозова еще одно дело (Там же, ед. хр. 1211). Но и на этот раз Водовозов не подвергся заключению, что позволило ему тогда же принять дела от Кояловича в качестве редактора научного и общественного отделов журнала (п. Водовозова Амфитеатрову от 20 марта/3 апр. 1911 г.— *ЦГАЛИ*, ф. 34).

180. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(**Капри. 8 или 9 марта 1911 г.**)

Дорогой Александр Валентинович!

Кто такой Сургучев — не ведаю. Никогда его не видал и письмом вашим испуган [1]. Вот и все, что могу сказать по этому поводу. Моя переписка с ним ограничилась тремя письмами [2]: он спросил, может ли издать рассказы в «Знании»? Я ответил: погодить бы, мала книжка-то, для рубля цены. Он стал иронизировать: литература-де не ситец. Ну — издавай. Больше ни слова пока.

Милицына — женщина капризная и о себе думающая очень много.

Посылаю стихи Воронова [3], неважные, кажется, но все же прочитайте для знакомства.

Посылаю Кожемякина 2-ю часть. Так как в России она еще не вышла, вы о ней не пишите, ладно?[4]

Ну, дядя, закатили же вы посвященьице мне [5]! Сконфузился я и рассердился на вас и чуть не написал ругательнейшее письмо. Дорогой человек — я вас искреннейше и все более люблю, все более ценю — но все же вы напрасно так меня изобразили в том самом журнале, коего я постоянный сотрудник.

Вообще — друзьям не надобно говорить друг о друге, все значительное о них будет сказано врагами. А уж мы с вами наживем их себе. Денег — не наживем, а врагов — вдосталь!

Вот что: существует в Париже и в голодном положении известный вам хороший человек Виктор Сергеевич Миролюбов. Он несколько тяжеловат в личном общении, но — я думаю, что не велика беда, если принять во внимание его работоспособность и литературное чутье: вспомните, как он, единолично, поставил и вел «Жур⟨нал⟩ для всех» [6].

Не найдется ли у «Совр.» работы для него, Миролюбова? Вот — секретарь-то! И при этом он человек с большими связями в литературе — чуете?

Его адрес: 12, Avenue Reille
Paris, XIV

Подумайте.

Сажусь кончать рассказ для «Совр.» [7]

Андреева о Толстом не читал и не интересуюсь. Наврал чего-нибудь; он, Леонид, не любил Толстого [6]. Был у меня Станиславский [9]. Господи помилуй, до чего красив, ярок и неисчерпаемо талантлив этот человек! Много баяли про вас.

Будьте здоровы.

Австралия — лопнула, ибо Лиде ехать морем «absolutemente» запрещено. Сия поездка грозит жизни ее, как сказал весьма опытный доктор-гинеколог. Они в Неаполе Лидо-Зины эти. Они оба — ребятишки маленькие. Очень милые, но им будет труднее, чем я думал.

Кланяюсь.

А. Пешков

Напишите, чтобы *за мой счет* выслали журнал по адресу:

Napoli, Vomero.
Biblioteca russa — ладно?

Рукописи, мною посылаемые, по прочтении возвращайте, прошу. А то авторы загрызут меня.

Письмо написано после возвращения Горького из Неаполя на Капри — 8 марта. Ответное на п. Амфитеатрова от 5 марта 1911 г.

[1] Имеется в виду п. Амфитеатрова от 11 февраля 1911 г.

[2] Горький упоминает о письмах Сургучева к нему от 9 апреля и от июля 1910 г. и о своем п. Сургучеву от конца июня 1910 г. (*АГ*). Впоследствии между Горьким и Сургучевым установились дружеские отношения.

[3] Присланные Горьким стихи И. К. Воронова в «Современнике» напечатаны не были.

[4] «Матвей Кожемякин» (часть вторая, «Постоялка») (Берлин, изд-во Ладыжникова, 1911). XXXV *сб. «Знания»*, в котором была напечатана «Постоялка», вышел в свет 28 марта / 10 апреля 1911 г.

[5] Амфитеатров посвятил Горькому роман «Закат старого века» (Современник. 1911. Кн. 1—3, 8—12). В посвящении говорилось:

«Алексею Максимовичу Пешкову — великой русской душе, неугасимому пламеннику верующей воли, неутомимой творческой силе — дружески посвящается эта угрюмая повесть о бездушных, безвольных и бессильных днях.

Александр Амфитеатров.
Fezzano, 1910.XI.29» (Современник. 1911. Кн. 1. С. 29).

[6] Виктор Сергеевич *Миролюбов* (1860—1939) — издательский деятель. В октябре 1897 г., став фактическим редактором «Журнала для всех», Миролюбов превратил его в общедоступный дешевый литературно-общественный и научный ежемесячник для широкого демократического читателя. Миролюбову удалось привлечь к журналу лучшие писательские силы. В нем печатали свои произведения Чехов, Горький, Серафимович, Вересаев, Л. Андреев и мн. др. Андреев писал в 1901 г. в своей рецензии на журнал: «Несомненно, что как и появление „Журнала для всех", так и его вполне определившийся в настоящее время успех представляют собой не только узколитературное, но и общественное явление» (*Л-ев.* Впечатления // Курьер. 1901. № 5, 5 янв.). В годы первой русской революции в «Журнале для всех» печатались статьи, имеющие ярко выраженный антиправительственный характер, в результате чего в сентябре 1906 г. журнал был приостановлен в административном порядке, а все его номера за этот год конфискованы. С конца 1906 г. по февраль 1908 г. Миролюбов пытался продолжить издание журнала под другими названиями — «Народная весть», «Трудовой путь», «Наш журнал». Но и они были закрыты. В марте 1908 г. Миролюбов был вынужден уехать из России в связи с привлечением его к судебной ответственности за издание журналов.

[7] Рассказ «Жалобы» II.

[8] Об отношении Андреева к Л. Н. Толстому см.: *Беззубов В. И.* Лев Толстой и Леонид Андреев // Ученые зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 104. Труды по русской и славянской филологии. Т. IV. Тарту. 1961. С. 130—172.

[9] К. С. Станиславский был на Капри с 2 по 5 марта 1911 г. (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 184, 185).

181. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 10, 11 или 12 марта 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Посылаю рукопись [1]. Мне все мнится, что по 500 — дорого и, пожалуй, лучше по 400, что ли?

Я до сего дня не знаю, внес ли Певин деньги в фонд «Детского дома» [2] — устроители не озаботились известить меня о получении этой суммы и других. И на письмо мое, посланное три месяца тому назад [3],— не ответили мне, дельцы, до сего дня. Это так чудесно и таинственно, что я начинаю «строить догадки и предположения», а вас прошу: будете писать Певину, спросите: вносил он деньги или нет? Если нет — пусть подождет. Извините меня за беспокойство!

Прочитал «С〈о〉вр.» — интересная книжка, знаете! [4] «Пестрые главы» несколько длинны и утомляют, но — хорошо наговорено! [5] И «предварение» — хорошо! [6] То-то много народа обиделось. Можете быть уверены, что десятка два злых человеков ожидают удобного случая, дабы навалиться на журнал врасплох [7].

«Голос Москвы» утверждает, что Шаляпин *говорил* одному из сотрудников «Голоса» о Горьком, т. е. о том, что он, Шаляпин, Горького ради колена свои согнул [8]. Приятная должность — Горьким быть и иметь гениальных друзей, кои тебя понимают весьма своеобразно и, при случае, именем твоим прикрывают подлость свою.

А роман Тихонова — вещь беззубая, извините [9]. Знаете вы «Детство крестьянина» самоучки-провансальца Баптиста Бонне, книгу, переведенную на французский язык А. Доде? [10] Это, на мой взгляд, поярче Оду [11], весьма даже ярче.

Господи! Как у меня много денег нет! А со всех сторон — просят! За время поездки в Париж напросили 9300 р.

Если сивачевское «Прокрустово ложе» вмещает более тех двух выпусков, кои он издал прежде,— пришлите мне книжку, пожалуйста! Любопытно, как он меня отделывает [12].

Что вы думаете по поводу Миролюбова? Он мог бы читать беллетристику и облегчить ваш труд.

Читаю Фон-Визина [13]. Дрянно. А ведь «подавал надежды», его первый рассказ «Сази», напечатанный в «В〈естнике〉 Е〈вропы〉» 94—5 годов, вызвал большое внимание и похвалы, весьма громкие. И вместе с ним очень хвалили тогда Ширкова [14], автора хорошего рассказа «Идеалист и материалист» [15], — он тоже уездный предводитель дворянства, как и Ф. Визин. Некрёнки дворяне. Что-то будет с Ал. Толстым? Роман его не буду читать, пока весь не напечатается [16]. А Леонид написал чепуху, и очень стыдную, очень тяжелую [17]. Жалко мне его — до зубной боли!

Будьте здоровы.

Кланяюсь всем.

А. П.

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 8 и 14 марта 1911 г.

[1] Рукопись рассказа «Жалобы» II.

[2] Народного детского дома им. Л. Н. Толстого.

[3] Упоминаемым письмом *АГ* не располагает.

[4] Имеется в виду кн. 1 «Современника».

Кроме упомянутых в этом письме произведений, содержание кн. 1 «Современника» составили: «Жалобы». Рассказ. М. Горького, «Избранное. (Из жизни маленьких людей)» Шолом-Алейхема, драма Альфреда де Мюссе «Андреа дель Сарто» и послесловие к ней Щепкиной-Куперник «Альфред де Мюссе», начало романа А. Амфитеатрова «Закат старого века». В кн. 1 вошли также ст. В. В. Водовозова «С. А. Муромцев как председатель Государственной думы», И. Лукашевича «Успехи землеведения» (происхождение континентов), И. Калины (Кашинцева) «Л. Н. Толстой в Болгарии при жизни и после смерти», А. Амфитеатрова «Лите-

ратурные впечатления», М. М. Кояловича «Политическое обозрение» и «Тени старого „Современника“», А. Артемьева (М. Кояловича) «Из траурных воспоминаний» и «Из общественных настроений», Вл. Боцяновского «В мире искусства», ст. «Современная жизнь России» (без подписи) и рецензии в разделе «Новые книги» (без подписи).

[5] Публицистическим заметкам Амфитеатрова «Пестрые главы» был предпослан эпиграф: «„Прими собранье пестрых глав, полусмешных, полупечальных“. Пушкин». В них идет речь о восприятии на Западе русского народа и русской культуры через анекдотические представления о «славянской душе» и об огромном значении для современного мира жизни и деятельности Толстого.

[6] По-видимому, имеется в виду ст. «От редакции», излагающая платформу издания: верность традициям 60-х годов XIX в. (стремление «поставить 〈...〉 новый „Современник“ 〈...〉 на уровень старого „Современника“» — с. 3); реализм («...мы глубоко уверены, что только реалистические методы открывают человеку прямой и твердый путь к самоопределению его в государстве, народе, обществе, семье, природе» — с. 4); внепартийность («...мы не принимаем на себя клички ни одной из политических партий, определившихся в нашем отечестве по разграничению 1905 года 〈...〉 Не для междоусобной брани, но для единения широко открываем мы страницы „Современника“ всем деятелям русского прогрессивного лагеря...» — с. 5); отрицание мистицизма и индивидуализма («...в жизнь русского общества вошел — вернейший слуга и надежнейший фактор всякой реакции — мистицизм, с неизменными спутниками своими — научным невежеством, схоластическою диалектикою и литературной порнографией» — с. 8). В статье было обещано широкое освещение жизни народов России в литературном и публицистическом отделах журнала («...мы предоставим им самим, в оригинальных рукописях на родных языках 〈...〉 познакомить наших читателей с бытом, психологией, идеалами и надеждами их народов» — с. 6—7); ознакомление читателя с современными научными достижениями («...мы широко открыли страницы „Современника“ для общедоступной обработки современных вопросов по естествознанию, положительным наукам, технике...» — с. 7).

О резко критическом отношении В. И. Ленина к внепартийной позиции журнала см. в ст. Бялика.

[7] Самым злобным откликом в печати на появление первой книжки «Современника» было выступление В. Буренина в «Новом времени». Объектом основных нападок стали «Письмо в редакцию» М. Антоновича с апофеозом 60-х годов, «старого» «Современника» и «рыночно-либеральная беллетристика» журнала во главе с «бывшим гением» Горьким (Новое время. 1911. № 12536, 12550. 4/17 февр., 18 февр./3 марта).

В сатирическом стихотворении «Крамольный плач „Современника“, или Спасение России (и притом без кавычек) литератором Кислошерстниковым» (подразумевался Буренин) Амфитеатров связал последовавшую вскоре конфискацию кн. 1 «Современника» и с этой статьей:

«Обругал Амфитеатрова
И на Горького наврал.
О Максиме Антоновиче
Ядовитый поднял свист 〈...〉
Литератор Кислошерстников
Насчет нас предупредил.
Удалася операция
По примерам издавна:
Нас постигла конфискация —
И отчизна спасена!»

(*Амфитеатров А.* Ау! Сатиры, рифмы, шутки, фельетоны и статьи. СПб.: изд-во «Энергия», 1912. С. 197).

[8] В «Голосе Москвы» (1911, № 36, 15/28 февр.) шла речь не об «интервью» сотруднику «Голоса», а об «интервью», впервые появившемся 24 января/6 февраля 1911 г. в «Столичной молве» и перепечатанном многими газетами. См.: Г—А, п. от 11 февраля 1911 г., прим. 3.

[9] Роман В. А. Тихонова «Карьера», посвященный проблемам семьи и брака, печатался в первых шести книгах «Современника».

[10] Батист Бонне «Детство крестьянина. Провансальские очерки». Напечатаны с предисловием А. Доде в «Новом журнале иностранной литературы, искусства и науки» (1897, т. 1, № 1—3, июль — сент.).

[11] Маргарита Оду «Мари-Клер». Роман (пер. И. Р.) с предисловием Октава Мирбо (Современник. 1911. Кн. 1).

[12] Речь идет о Собрании сочинений М. Сивачева (М., изд-во «Современные проблемы», 1911—1912), первые два тома которого, вышедшие в 1911 г., составила кн. «Прокрустово ложе. Записки литературного Макара». В т. I «Прокрустова ложа» вышли первые два выпуска и новый выпуск (всего в т. I и II — 10 вып.), в котором Сивачев продолжил свой рассказ о встречах с Горьким. В предисловии «От автора»

Сивачев сообщил, что в противоположность первым выпускам все лица в его «записках просто идут под вымышленными именами или под инициалами ‹...› Исключение будет для одного только М. Горького; но его скрыть нельзя и по техническим условиям — слишком большую роль он сыграл в моих записках, и слишком крупно его имя, чтобы всякий его не мог узнать...» (Там же. Т. I. С. 7).

[13] Имеется в виду «охранительный» роман С. И. Фонвизина «В смутные дни» (СПб., 1911). В кн. 1 «Современника» роману посвящена рецензия (по-видимому, Амфитеатрова), в которой позиция Фонвизина охарактеризована как крайне правая.

[14] Рассказ «Сази» принадлежит В. Ширкову (Вестник Европы. 1895. № 10, 11). В «Вестнике Европы» были напечатаны повесть С. И. Фонвизина «Сплетня» (1895, № 1, 2) и рассказ «Муж» (1896, № 8).

[15] Сведениями об этом рассказе не располагаем.

[16] Роман Ал. Н. Толстого «Две жизни» (впоследствии — «Чудаки») печатался в кн. 14 альманаха изд-ва «Шиповник» (вышла в янв. 1911 г.) и в кн. 15 (вышла в мае 1911 г.) (СПб., 1911).

[17] Имеется в виду рассказ Л. Андреева «Рассказ змеи о том, как у нее появились ядовитые зубы» (альманах изд-ва «Шиповник». СПб., 1911. Кн. 14). Горький писал Бунину не ранее 23 февраля / 8 марта по этому поводу: «Вышла не змея, а злая кологривская мещанка. Написано плохо» (*Горьк. чт.* 1961. С. 59).

182. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.III.14

Дорогой Алексей Максимович!

Спасибо большущее за «Жалобы»! Отличная штука!

Певин деньги давным-давно внес, о чем я извещен им также давным-давно. Вобще по этим делам он, кажется, аккуратен.

Ответственного редактора — хоть на рынке нанимай! Никому больше не охота в кутузку. Книжка готовая, отпечатанная лежит потому, что некому подписать. Торгуем старого гробокопателя Быкова [1].

Остаемся в февральском № без общественного обозрения. Коялович написал такое дерьмо, что я не пропустил [2]. Провинц‹иальные› картинки Чирикова должны заменить это. Тоже неважно. Будете ругать меня за Дружинина [3] и будете правы. Не жантильничай с приятелями в литературном деле, не печатай, что ни к селу, ни к городу!

Стихи — бог с ними. Как-нибудь в летние месяцы соберу хорошенькие кусочки из мусора насланного и напечатаю сразу все гуртом под общим заголовком «Дебютанты», «Пробы пера», что-нибудь в этом роде [4].

Хорош уж очень Кожемякин! Дневник его штука поразительная. И женщину хорошо написали. Откровенно говоря, первая интеллигентка Вам так цельно удалась: никакой нарочности, всю живую вижу — и не сухарь учительной премудрости [5]. За душу хватающая вещь!

Очень хочется сделать что-нибудь для Миролюбова. Я очень уважаю В. С., да он же и мой университетский товарищ [6]. Но — что́ изобрести? Разумеется, я отдам ему предпочтение в каждом эмигрантском деле, т. е. таком, которое можно делать за границею, но штука-то в том, что у нас людей в Питере на месте нет, а здесь — что же он сможет выработать? Так как он тесно связан с эс-эрскими изданиями, то вряд ли может надолго отлучаться из Парижа [7]. Во всяком случае, повидаться бы с ним хорошо было и потолковать обстоятельно. Если бы он мог приехать — побывать денька на два, на три? Буде насчет капиталов слабо, я возьму дорогу на свой счет.

В Неаполь давно сделано распоряжение [8], но книжка стала жертвой конфискации.

Хрусталев со мной штуку сыграл. Предложил себя как парижского корреспондента. От этого я не то, чтобы уклонился, но не сказал ни да, ни нет, ибо его коррес‹пондентских› способностей не знаю. А предложил ему сделать статью о Витте по поводу известной брошюры Морского [9]. Телеграфирует: «Согласен, переводите телеграфом деньги». Недо-

умеваю: какие я ему деньги переведу, когда, во-первых, еще не условливались, во-вторых, я не видал работы, в-третьих, деньги редакционные не у меня в Специи, а в Петербурге у Певина? Затем приходит письмо от Хрусталева, что рукопись готова, но он в таком бедственном положении, что ему не на что ее переслать. Я немедленно посылаю ему 50 фр. и пишу, что, как только прочту рукопись и определю степень ее цензурности для появления в петербургском журнале, немедленно же телеграфирую в «Современник» о переводе ему гонорара. С того времени — вот уже месяц, как умер Хр. А я остался без статьи о том же Водовозова! Неважно это все-таки, когда глава правительства [10] не выдерживает даже 50-франковой пробы... Это — между нами, конечно. Что же битого человека обижать.

Охота Вам Сивачова читать! Пошлю.

«Карьера» — это мой кошмар.

А «Мари-Клер» — не скажите, свежейший ландыш. Особенно вторая и третья часть. Душу чистит.

С апреля будем печатать испанца Пио Бароху [11]. Любопытный парень.

А вот умер у французов некий Луи Филипп (не король). Вот талантище-то! Но почти не переводим, черти бы его съели! Что ни рассказ, то либо 73, 74, либо 128, 129, либо 1001 статья! [12]

Знакомы Вы с Дж. Папини? [13] Фортелит пессимизмом почище великого Леонида, но куда же умнее, культурнее, изящнее.

Обратили Вы внимание на статьи Ады Негри по вопросу о свободе материнства? Слащаво, но знаменательно и, для итальянской косности, даже сильно.

Относительно гонорара — как хотите! Вы знаете: никто от своего счастья не отказчик. Но позвольте сообщить Вам нашу финансовую конституцию. По оной сотрудники делятся на две категории, нет, вернее, впрочем, на три: члены редакции, сторонние и гастролеры, так сказать. Основное правило, что за лист оригинального текста, без различия содержания — публицистического, научного, беллетристического, мы платим сто рублей с листа. Члены редакции и те из гастролеров, кои на то согласны,— привычные к большим гонорарам — заявляют цену, которую они желают установить раз навсегда за собою (ну, скажем, я считаюсь по журналу в 350 р.), и тогда, из цены этой, им выплачивается 100 р. с листа немедленно, а остальное пишется в долг за изданием — к пропорциональной уплате в конце года из прибылей. Если в конце года долг издания сотруднику не погашается, то он переносится на следующий год, и т. п. Я не предлагал Вам эту комбинацию, потому что знаю, что Вам всегда нужны наличные деньги, а не создание собственности на журнал, которое мне, напр., очень важно. Поэтому я и выгородил Вас в гастрольное положение, оплачиваемое полностью, без кредитных льгот. Но, если бы это Вас заинтересовало, то имейте сие паевое предприятие в виду, равно как и то обстоятельство, что при долгосрочном кредитном расчете, конечно, и гонорар можно наметить больше — в силу риска, которому он подвергается. Я уменьшил себе гонорар сравнительно с тем, что получал в последние годы, но исключительно с целью педагогическою, чтобы обуздать аппетиты некоторых участников и в особенности милого друга Тихонова, который, наголодавшись, разучился считать деньги иначе, как на миллион, и гонорары иначе, как многими сотнями рублей. Ну а больше меня-то ему все же неудобно было запросить, так что он и другие должны были свою фантастику умерить. Если мы выдержим год, то журнал будет мне должен тысяч двадцать, что равно тому оборотному капиталу, которым распоряжается Певин. Конечно, такой выручки, чтобы долг этот получить, ждать невозможно, да я и не мечтаю, но для меня важно юридическое закрепление за мною права собственности в журнале не неус-

тойкою, которую всегда можно оспаривать (судись из-за границы-то!), а капитализацией задолжания, правом взыскания во всякое время. Словом, страховка, что журнал будет принадлежать тем, кто работает, а не тем, кто дал оборотный капитал, который мы, конечно, выплатим в первую голову.

Словом, вот какова наша картина. А затем повторяю Вам: нам, конечно, 400 приятнее 500, но это — если только Вам не в обиду.

До свидания. Всего Вам хорошего. М. Ф. привет.

Ваш А. А.

[1] Петр Васильевич *Быков* (1843—1930) — писатель и библиограф (см.: *Бенина М. А.* Ценные труды библиографа П. В. Быкова // Русская литература. 1974. № 1). Быков был утвержден ответственным редактором журнала 3/16 марта 1911 г. (*ЦГИАЛ*, ф.777, оп. 16, № 145). Он вел беллетристический отдел, читая рукописи и передавая их на окончательное заключение Амфитеатрову.

[2] «Политическое обозрение» Кояловича все же было напечатано в кн. 2 «Современника».

[3] Речь идет о повести Н. Дружинина «В суете» (Современник. 1911. Кн. 2).

[4] Своего намерения Амфитеатров не осуществил. В ст. «От редакции» (Современник. 1911. Кн. 1) по поводу публикации стихотворений в журнале говорилось следующее: «В первой книжке „Современника" читатель не найдет одного постоянного отдела других русских журналов: стихов. Сознаемся, что для второй книжки в отдел этот покуда также ничего не намечено. Это не значит, чтобы мы принципиально отказывались от помещения поэтических опытов. Но должны с откровенностью признать, что при современном упадке русского поэтического творчества мы смотрим весьма скептически и на возможность, и на надобность этого отдела» (с. 10).

[5] Имеется в виду героиня «Постоялки», второй части повести «Матвей Кожемякин»,— политическая ссыльная Евгения Мансурова.

[6] В. С. Миролюбов «поступил в Московский университет, курса в нем не кончил, был исключен как депутат от студенчества для выработки и подачи петиции» (*Миролюбов В. С.* Ответы на анкету.— *ИРЛИ*, ф. 185, оп. 1, № 58, л. 4).

[7] В Париже Миролюбов редактировал сборники «Народное дело», издававшиеся партией эсеров. О характере деятельности Миролюбова в этом издании свидетельствуют его письма к Н. А. Рубакину 1909 г., в которых он неоднократно обращался с просьбой дать статьи антимонархического характера: «Не дадите ли о царе в военный сборник? Дайте хоть на 1/2 листа, для солдат — очень нужно. Нужно же им показать, кто ими повелевает» (*ГБЛ*, ф. 358, ед. хр. 254, к. 31, л. 5).

[8] Распоряжение о высылке журн. «Современник» в русскую библиотеку в Неаполе.

[9] А. Морской «Исход русской революции 1905 г. и правительство Носаря» (М., 1911).

[10] Амфитеатров имеет в виду пребывание Г. С. Хрусталева-Носаря на посту председателя Петербургского совета рабочих депутатов в 1905 г.

[11] Пио *Бароха-и-Неси* (1872—1956) — испанский писатель. В «Современнике» его произведения не были напечатаны, возможно и потому, что Горького не удовлетворило качество переводов его романа. «Вы не можете себе представить,— писал Горький в конце марта 1911 г. Малиновской,— что́ делают наши переводчики с авторами: вот предо мною два перевода одного и того же романа Пио Бароха, и — по одному тексту Бароха — суровый эс.-дек., а по другому — мягкий кадет. И даже — сюжет изменен! Несомненнейше изменен» (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 343).

[12] Шарль Луи *Филипп* (1874—1909) — французский писатель. По определению Луначарского, «социалист теоретически и преданный друг трудящегося люда» (Гений и голод // Новая жизнь. 1911. № 13. Дек.). См.: *Луначарский А. В.* Собр. соч. В 8 т. М., 1965. Т. 5. С. 193.

Амфитеатров перечисляет действующие ст. «Уголовного уложения», утвержденного 22 марта 1903 г. (СПб., Сенат. тип., 1903): 73 (богохульство), 74 («поношение установлений или обрядов церкви»), 128 («дерзостное неуважение верховной власти»), 129 (возбуждение к бунту). Ст. 1001 «Временных правил для неповременной печати» от 26 апреля 1906 г. предусматривала привлечение к ответственности за порнографию.

[13] В беседе с Ауслендером в марте—апреле 1908 г. Горький назвал Джованни *Папини* (1881—1956) в числе молодых итальянских писателей, которых считает наиболее интересными (*Ауслендер С.* Кукольное царство // Золотое руно. 1908. № 6 С. 71—73).

183. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Феццано. 15 марта 1911 г.)

Дорогой А. М.!

Не думаете ли Вы, что на 1-й странице не в тоне всего языка купцовского эта вот фраза:

«так что механизм души работает неправильно»

и на 3-й

излишним разъяснением портит предыдущую лаконическую характеристику другая:

«Он очень честный в деле, это я так, ласково, жуликом его». И из предыдущего ведь видно, что ласково [1].

Мне кажется, и ту, и другую можно было бы опустить без всякого ущерба для вещи, а даже с выгодою. А вещь больно хороша. Умственная. И Герм. Ал. весьма хвалит. По-моему, она даже лучше первой «Жалобы». А может быть, потому, что мне быт знакомее и ближе. Я с солдатом мало знаком. Сейчас отослал «Жалобу» в Питер.

До свидания. Всего Вам хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров

Датируется по почт. шт.

[1] Имеется в виду первая страница рассказа «Жалобы» II. Указанные Амфитеатровым две фразы отсутствуют в журнальном тексте (Современник. 1911. Кн. 3). Во всех последующих изданиях эти фразы в тексте сохранены. См.: *11*, 25—26 и «Варианты», III, 543.

184. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 16 марта 1911 г.)

Сударь —

возвратите мне рукописи, посланные мною вам в разное время, и, возвращая, скажите: следует вам посылать оные или — ненадобно?

Пока же вы мне сего не сказали — посылаю еще одну — убедительно прося — прочитайте! И прилагаемое письмо прочитайте. Вот он, мужичок-от, каков становится![1]

Советовать вам — не смею, но — если бы эту штуку поместить с выдержкой из письма Касаткина, в виде предисловия [2], так рядом с моею «Жалобой», пожалуй, и хорошо было бы!

Отзыв ваш о «Жалобе» хотя и лестен, но несправедлив, эта штука мне не удалась,— пальцев в ней нет, хорьковой морды и маленького страшка [3].

За Кожемякина же — благодарю весьма. Пока что — вещь эта мне нравится и очень меня волнует. Как-то справлюсь с третьей частью, коя будет озаглавлена «Другими глазами», и почти всю ее должен написать сам Матвей [4]. Влезть в его шкуру — трудненько, и боюсь, что не хватит мне языка.

О Сивачеве — тяжело говорить, но — судите вы о нем неверно: не один он, вот в чем суть! И — подумайте, какой неприятный момент наступил для русской интеллигенции — сверху ее душат и с низа бьют.

Сивачевых эдаких только я лично знаю десятка с полтора — ох, как трудно держать их в узде, чтобы не печатали они своих желчных измышлений.

А надобно держать, будучи выдержан — и Сивачев полезен может быть.

Аду Негри — не читал, но читал Винниченко «Честность с собой» [5] — вот бы его на европейские языки переперетъ! Ахнули бы европы и — прекратили всякие сношения с Русью, оградясь от нее высоченною сте-

ной. Вы бы прочитали «Честность», автору «Вик‹тории› Павловны» и «Лусьевой» [6] необходимо это, необходимо ему, бабьему потатчику!

О Луи Филиппе — слышал, но — не читывал, но безъязычию моему [7].

Будьте здоровы, а гонорар определим в 400 рублев. Надо бы 350, да уж очень одолевают меня денежными просьбами — беда!

Кланяюсь.

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 14 марта 1911 г.

[1] Рассказ крестьянина Ивана Ганюшина «Павел Чижов». Был напечатан в кн. 4 «Современника».

[2] Упоминаемым п. И. М. Касаткина Горькому *АГ* не располагает. Выдержки из этого письма в виде предисловия использованы не были.

[3] В рассказе «Жалобы» II исповедуется перед случайным встречным купец, уехавший из России («из Дремова в Геную»), пострадавший в годы революции. «Как — чего испугался? — говорит он собеседнику.— Все испугались, и причины для того были, когда окрест города мужичок, знаете, нахмурился и попер, без разумения, на все законные преграды — давай ему земли! ‹...› а они, пролетары эти, всего усерднее по карману норовили ударить» (*11*, 27). Горький, по-видимому, не был удовлетворен прежде всего тем, что недостаточно выявил злобность своего героя («хорьковая морда»), опасную активность его «маленького страшка».

[4] В процессе работы замысел Горького претерпел изменения: он отказался от намерения писать повесть от лица Матвея Кожемякина и от названия «Другими глазами». Работа над третьей частью повести была закончена в конце июля 1911 г. (*10*, 722—723).

[5] Повесть Винниченко «Честность с собой» была напечатана в сб. 5 «Земля» (Моск. книгоизд-во, янв. 1911 г.).

В повести Винниченко в искаженном свете изображалась жизнь революционной эмиграции, что вызвало возмущение в социал-демократической среде. В. И. Ленин писал в мае 1914 г. И. Ф. Арманд о том, что только занятость помешала ему в 1911 г. ответить «на брошюрку Винниченко на русском языке, посвященную оправданиям по поводу тех обвинений, которым он подвергся от с.-д. за „Честность с собой“» (*В. И. Ленин.* Т. 48. С. 285).

[6] Горький называет повести Амфитеатрова, посвященные женскому вопросу: «Виктория Павловна» и «Марья Лусьева».

[7] Произведения Шарля Луи Филиппа в то время в переводе на русский язык не были напечатаны. Первый (и единственный) том Собрания сочинений французского писателя был издан в следующем году (*Филипп* Шарль Луи. Собр. соч. Т. 1. «Бюбю Монпарнасский. (Язва жизни)». М., изд-во «Мечты», 1912). В мае 1911 г. в изд-во «Знание» к Миролюбову поступила рукопись перевода того же романа Шарля Луи Филиппа. К изданию не была принята (*ЗК Миролюбова*).

185. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. 17 марта 1911 г.›

Совершенно так: обе указанные вами фразы необходимо выкинуть, а за указание — благодарить вас! Действуем — вы — выкиньте, а я вас — сердечно благодарю.

Получил известие, что Виктор Сергеевич Миролюбов — «пирамидальный буйвол индианский», как звал его Г. И. Успенский,— едет на Капри,— телеграфировал ему, чтоб он заехал попутно к вам,— ладно ли?

А. В. дорогой! Буде опрокинется он на вас — приласкайте колокольню эту! Вы — умеете. Он же — человечище весьма нежной души и вполне достойный внимания, уважения, ласки, а — охолодал в мрачном-то городе Париже. Ой, как хорошо было бы достать ему работешку какую-нибудь!

Не выдумаете ли хоть синекуру какую, а я бы взялся за аккуратнейшую оплату оной? Лично — ничего не могу придумать, помогите!

И будьте здоровы еще лет тридцать пять! Хватит с вас?

А на родине делишки-то взыграть хотят!

Сир! Ваше мнение насчет монгольской авантюры — каково будет? [1] Это, на мой взгляд, предприятие весьма беременное самыми неожиданными последствиями.

А разгромы университетов?[2] И бунтарство промышленников московских и самарских?[3]

Всего же лучше умная политика болвана Столыпина — великолепен его циркуляр по губернаторам о выборах в Думу! Каково октябристам-то?[4]

Ах, в России даже октябристом неудобно быть и тяжело!

Читал речь Маклакова и — даже смеялся, вот полевел парень![5]

Хошь — не хошь, а полевеешь! История — она заставит.

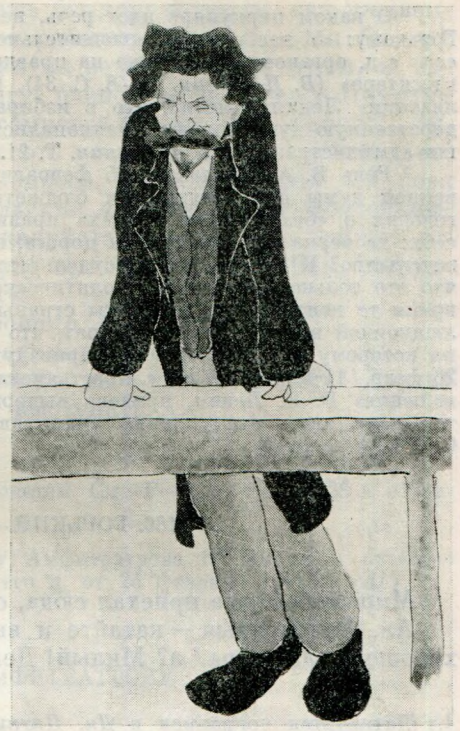
Мне почему-то весело, хотя исписался я до слепоты. Хожу в очках и, кажется, стал похож на верблюда.

До свидания!

Миролюбова-то!

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 15 марта 1911 г.



В. С. МИРОЛЮБОВ

Шарж В. В. Каррика
(бумага, акварель, тушь). 1899—1900
Лист из альбома шаржей и карикатур, подаренных автором Горькому в 1900 г.
Музей Горького, Москва

[1] Русские газеты того времени были заполнены сообщениями о взаимоотношениях России и Китая в связи с фактами несоблюдения Китаем торгового договора, заключенного в 1881 г. Среди многих сообщений были и такие, которые впоследствии оказались ложными (слух о том, что русские войска намерены занять г. Кульджу, оставленный ими при заключении договора 1881 г.— Речь. 1911. № 33. 3/16 февр.). В результате русско-китайского конфликта последовала нота русского правительства Китаю от 4/17 февраля (о правах российского правительства в Монголии и Застенном Китае). Ответная нота китайского правительства носила примирительный характер (Речь. 1911. № 38, 8/21 февр.).

[2] Имеются в виду репрессии против высших учебных заведений в Москве и Петербурге в ответ на студенческие волнения, начавшиеся в конце 1910 г. в связи со смертью Л. Н. Толстого и в знак протеста против истязания политических заключенных в тюрьмах Зерентуя и Вологды. 31 января 1911 г. был закрыт Петербургский университет, из него исключены 392 студента. Из Московского университета было исключено несколько тысяч студентов. В знак протеста против реакционной политики министра просвещения Л. А. Кассо ряд профессоров демонстративно покинули университет. В корреспонденции, помещенной в газ. «Утро России» (1911, № 33, 11/24 февр.), сообщалось: «В университете жизнь совершенно заглохла. Человек тридцать—сорок студентов уныло бродят по пустынным коридорам нового здания <...> В аудиториях от 4 до 6 „академиков“».

Студенческим беспорядкам в «Современнике» была посвящена ст. Б. Фроммета «Из исторических картинок мымрецовщины. О студенческих волнениях» (1911, кн. 10).

[3] Подразумевается заявление 66 представителей московского торгово-промышленного капитала, напечатанное в газ. «Русские ведомости» (1911, № 33, 11/24 февр.) и других газетах. Признавая необходимой борьбу со студенческими забастовками, авторы заявления в то же время считали, что крайние меры, принимаемые правительством по отношению к участникам студенческих волнений, ставят под угрозу само существование высшей школы, и осуждали действия правительства.

Это заявление под заголовком «Протест московских капиталистов» было перепечатано с редакционным вступлением в газ. «Звезда» (1911, № 9, 12/25 февр.). В той же газете (№ 10, 19 февр./3 марта) была напечатана ст. В. И. Ленина «Заметки. Меньшиков, Громобой, Изгоев», в которой оценивались отклики различных органов печати на выступление московских промышленников (*В. И. Ленин.* Т. 20. С. 147—156).

[4] О каком циркуляре идет речь, неизвестно. 27 мая 1911 г. В. И. Ленин писал Горькому: «У нас говорят положительно, что есть циркуляр Столыпина о закрытии *всех* с. д. органов. Это похоже на правду. Перед IV Думой подтянут, вероятно, еще вдесятеро» (*В. И. Ленин.* Т. 48. С. 34). В ст. «Некоторые итоги предвыборной мобилизации» Ленин отметил, что в избирательной кампании по выборам в IV Государственную думу «правые, националисты, октябристы „работают" при явной помощи администрации» (*В. И. Ленин.* Т. 21. С. 311).

[5] Речь В. А. Маклакова 25 февраля / 10 марта 1911 г. на III сессии Государственной думы при обсуждении бюджета Министерства внутренних дел. Маклаков говорил о «безотрадных плодах» правительственной политики: «И пора спросить себя: да верна ли, наконец, та дорога, на которую Россию так упорно толкает правительство? И мы не можем осудить это недовольство русского общества, сказавши, что это только признак его политической незрелости ‹...› недовольны в настоящее время те центральные элементы страны ‹...› которые боятся новой вспышки революционной волны ‹...› все говорят, что если мы будем идти дальше по тому пути, по которому нас ведут, то нас приведут ко второй революции» (Речь. 1911. № 55. 26 февр. / 11 марта). В ст. «„Крестьянская реформа" и пролетарски-крестьянская революция» В. И. Ленин, приведя выдержки из речи Маклакова, отметил знаменательность этого выступления «наиправейшего из кадетов» (*В. И. Ленин.* Т. 20. С. 178).

186. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. 17 марта 1911 г.›

Миролюбов уже приехал сюда, сейчас [1].

Ал. Валентиныч — катайте и вы сюда на два-три дня, для отдыха и хорошего разговора,[2] а? Милый! Действуйте!

А.

Датируется по записи в *Дн. Пятницкого* о приезде В. С. Миролюбова.

[1] Пятницкий записал 4/17 марта: «Приносят записку М. Ф. о приезде Мирол‹юбова› ‹...› Обедаю вместе. Там же Мирол‹юбов› и сибиряк. Уходим около 10» (*АГ*). Между Горьким и Миролюбовым была достигнута договоренность о вхождении последнего в редакцию изд-ва «Знание». Об этом свидетельствует *ЗК Миролюбова*, открывающаяся записями о поступивших к нему рукописях: «„Знание" 17—30 марта 1911 г.». Позже, 16 августа 1911 г., Миролюбов сообщал В. В. Муйжелю: «Что посылается для „Знания" на имя Горького, он посылает мне» (*ИРЛИ*, ф. 123, оп. 2, № 337, л. 2).

[2] Разговора о привлечении Миролюбова к участию в редактировании журн. «Современник».

187. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 20.III.1911

Дорогой А. М.!

Приехать не могу: «Зверь из бездны» лежит на груди моей и рвет оную когтями.

Ганюшин высоко интересен и отослан мною в набор.

Рукописей, Вами посланных, у меня только речь о безначальности и бесконечности Льва Толстого [1], да болгарская драма, кои посылаю [2].

Теперь о В. С. М‹иролюбове›.

Хотелось бы очень мне повидать его и съесть с ним несколько золотников соли. Дело в том, что если он не связан теснейшим образом с Парижем и не заскучал бы житием в захолустьи, то я мог бы предложить ему не синекуру, как Вы пишете, а настоящий редакционный труд. Я совершенно погибаю под «Совр‹еменником›», который жрет у меня время, как кот сметану, и помощник мне необходим. Ил. Вл. иногда за меня пишет письма, но даже и эта помощь слабая отпадает все больше и больше, т. к. дети растут, учатся, и у нее ни на что, кроме домашних хлопот, не остается времени. Не говорю уже о том, что в чтении рукописей я совсем без помощи, и, не будь ласкового добровольца, Германа Александровича, я пропал бы. Так вот. Если бы В. С. при-

ехал к нам в Феццано, да присмотрелись бы друг к другу, как уживемся по-человечески и сможем ли вместе работать, то я передал бы ему часть редакционной работы и переписки по редакционным делам, и, полагаю, нам обоим это было бы ко благу, равно как и «Совр.» Памятуя его всегдашнюю симпатичность, я не сомневаюсь, что мы сошлись бы, если, конечно, он захочет. Сперва я это сделал бы неофициально, чтобы не возбуждать редакционного вопроса, а месяца через два ввел бы его и прямо в редакционно-издательский комитет с самостоятельными полномочиями. Обдумайте это, пожалуйста, и если дело пойдет, посылайте ко мне В. С. Буду ему очень рад и, как уже писал Вам, сотрудничество с ним предпочту всякому иному.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет.

Да! Забыл! Жаботинского зовут Владимир Евгеньевич [3].

Плохую статью написал я о Короленко, да — что же делать? Другие еще хуже написали. Пришлось самому выступать.

Ваш А. А.

[1] Имеется в виду речь Карцевского о Толстом. См.: Г—А, п. между 28 и 31 января 1911 г., прим. 2.

[2] Драма «Строители» Петко Тодорова.

[3] По-видимому, Горький спрашивал у Амфитеатрова об имени и отчестве В. Е. Жаботинского в связи с получением его п. от 24 февраля 1911 г. (*АГ*).

188. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 22 марта 1911 г.)

Александр Валентинович, дорогой мой!

Вы не ответили мне на вопрос — нужно ли посылать вам рукописи и не навязчиво ли это с моей стороны?

За Ганюшина — рад. Вы сделаете к его рассказу маленькое предисловие?[1]

С Мировым [2] сегодня разговорюсь. Посылаю очерк развития татарской литературы, если хотите — могу прислать перевод пьесы Гаязова «Алдым-бирдым» — сиречь — «Брачный договор» [3].

Я думаю со временем издать в «Знании» книгу рассказов и стихов Гаязова [4], он кажется мне очень интересным, да и вообще пора обратить внимание на татар.

А то вот не хотите ли еще латышей? И статью о культурном движении в поволжской мордве? [5]

Ох, когда мы соберемся с силами и будем издавать всероссийский журнал — т. е. журнал, который был бы одинаково интересен для всех «народностей, входящих в состав» нелепейшего государства нашего? [6]

А Китай-то разъярили-таки! Вот вам «зверь из бездны»! [7]

Милюковскую речь читали? [8] Пикантно! Вас грызут звери и рукописи, а меня окуровцы и рукописи, а кто злее — это еще неизвестно, да!

Сегодня 22-е марта, а я отправляю на почту рукописи 63—⟨6⟩5,— это за три неполных месяца!

Хорошую пьесу прислали мне, ой злая! И, кажется, талантливо.

Когда у вас будет чтецом В⟨иктор⟩ С⟨ергеевич⟩ — это весьма хорошо отзовется на журнале! Связи у него хороши!

Ну, будьте здоровеньки!

Сейчас на голову мне свалятся Сытин, Ладыжников, Каменский [9] — бедная моя лысая головенка!

Давайте выдумаем июньскую 6-ю книжку «Современника» так, чтоб читатель, прочтя ее, сбесился со зла?

Повидаться бы!

Пожалуй, если Мир⟨олюбо⟩в двинется к вам, то и я махну с ним, хотя — некогда мне — отчаянно! [10]

А. Пешков

Датируется по фразе: «Сегодня 22-е марта».

[1] Рассказ И. С. Ганюшина «Павел Чижов» был напечатан с пояснением от редакции: «Автор этого рассказа, переданного редакции М. Горьким,— крестьянин Нижегородской губернии. Писание его с натуры, автобиографическое. Рассказ появляется в том виде, как доставлен был в редакцию. Г⟨осподин⟩ Ив. Касаткин, направивший рукопись к М. Горькому, лишь выправил ее орфографически и устранил кой-какие стилистические нескладицы, но даже почти не сокращал. Печатаем с удовольствием произведение И. С. Ганюшина как любопытный подлинный документ о настроениях современной глухой деревни» (Современник. 1911. Кн. 4. С. 87).

[2] С В. С. Миролюбовым. Под псевдонимом Миров он выступал на сцене Большого театра в 1890-х годах.

[3] Неджиб «Пробуждение русских татар и их литература» (Современник. 1911. Кн. 4). Рукопись очерка в переводе на русский язык Г. Свердловой была выслана Горькому Гаязом Исхаковым 3 марта 1911 г. «Мне очень неловко перед Вами,— писал Исхаков,— что обещанный мной очерк об истории развития татарской литературы опоздал на целый месяц. Извиняюсь за свою неаккуратность, хотя не моя в том вина, а переводчицы: она взялась, было, писать этот очерк, но, убедившись, что это ей не по силам, бросила. Пришлось обратиться к знакомому журналисту, Неджибу-эффенди. Таким образом, очерк этот написан не специалистом по этому вопросу и вдобавок является переводом с татарского» (*АГ*). Горький отвечал Исхакову в середине марта: «Очерк, присланный вами, показался мне вполне отвечающим той цели, которая имелась нами в виду,— ознакомить культурное русское общество с современной литературой татар. Исправив некоторые шероховатости языка, я отправлю этот очерк в журнал „Современник“ ⟨...⟩ Затем, если вы не против этого, мы поместим очерк как предисловие к вашей книге» (*АГ*). Рукопись очерка, отредактированная Горьким, хранится в *АГ*. О характере правки см. ст. И. Рахлина «Эпизоды великой дружбы. А. М. Горький о татарском народе и его культуре» в сб. «Горький в Татарии» (Казань, 1961, с. 67—70).

Пьеса «Брачный договор» написана Гаязом Исхаковым в казанской тюрьме (*Исхаков Гаяз.* Автобиография // *ИРЛИ*, ф. 185, оп. 1, № 1900). В «Современник» не была принята. Напечатана в журн. «Заветы» (1914, № 6).

[4] Произведения Гаяза Исхакова «Знанием» не издавались.

[5] Упоминаемые Горьким материалы в «Современнике» не появлялись. Говоря о латышах, Горький мог иметь в виду писателя Яна Яковлевича *Страуяна* (1884—1941), рассказы которого были присланы ему Г. А. Алексинским для «Знания». В *ЗК Миролюбова* мартом 1911 г. отмечено чтение рассказа Страуяна «С того берега». В апреле 1911 г. Горький писал Алексинскому: «Спросите Страуяна — не хочет ли он поместить свои вещи в „Совр⟨еменнике⟩“ Амф⟨итеатрова⟩ или в „Мире“? А я похлопочу, и это будет скорее, чем в „Знании“?» (сообщено И. С. Зильберштейном). В «Современнике» и «Современном мире» рассказы Страуяна напечатаны не были.

Предположительно статью о латышах Горький мог связывать с Янисом Эрнестовичем *Янсоном-Брауном* (наст. фам.— Янсон) (1872—1917) — одним из лидеров латышского социал-демократического движения, литературным критиком, который в то время находился в эмиграции; ст. «о культурном движении в поволжской мордве» — с Михаилом Прокофьевичем *Герасимовым* (1889—1939) — поэтом, революционером, находившимся с 1907 г. в эмиграции. Он встречался с Горьким в Париже и на Капри. Мать Герасимова была мордовкой. От нее Герасимов унаследовал знание мордовского языка.

[6] Слова, заключенные в кавычки,— из ст. «От редакции» (Современник. 1911. Кн. 1). Этот свой замысел Горький вынашивал на протяжении 1910-х годов. Он помышлял не только об отдельном издании такого типа, но и о расширении в этом направлении программ других журналов. См.: Г—Ч, Г—М, Г—Ляц.

[7] Несмотря на обмен нотами в феврале 1911 г. (см.: Г—А, п. от 17 марта 1911 г., прим. 1), положение на границе России и Китая оставалось напряженным. В русских газетах печатались в это время тревожные сообщения под заголовком «Русско-китайский конфликт», и в частности сообщения о том, что китайские войска спешно стягивались к североманьчжурской границе. 11/24 марта 1911 г. китайскому правительству была вручена ультимативная нота, которая была принята 15/28 марта. Эти события освещались в «Современнике» в политическом обозрении Кояловича (1911, кн. 3).

[8] Имеется в виду речь П. А. Милюкова в Государственной думе (Речь. 1911. № 60. 3/16 марта). Речь содержала критику деятельности Столыпина и министра иностранных дел С. Д. Сазонова. «Можем ли мы в таком ответственном положении, в какое поставила нас страна, давать этим людям возможность продолжать делать дальше то, что они делают?» — спрашивал Милюков. И далее, обвиняя их в умении «в момент наступления внешней опасности создавать себе внутренних врагов, вез

де, где только можно их найти, и даже там, где их нет», заявил: «...мы присутствуем при каком-то вальтасаровом пире в тревожном ожидании, что наконец грозная рука исторического рока напишет огненные слова».

[9] Пятницкий записал 3/16 января 1911 г. сообщение Горького: «Вот письмо Каменского о предложении Сытина. Дает 100 000 : 50 000 — мне, 50 000 — на расширение дела. Тогда я мог бы взяться за дело, для которого есть силы: организовать молодых писателей ⟨...⟩ Г⟨орький⟩: Я напишу — и он (Сытин.— *ред.*) приедет ⟨...⟩ Он еще раньше собирался приехать ко мне. Он говорил дважды, что дал бы 20 000 за 6 фельетонов для „Р⟨усского⟩ слова". Мне он интересен как русский купец» (*АГ*).

Сытин и Ладыжников приехали на Капри 22 марта, Каменский — 23 марта. Вместе с Горьким, Пятницким и Миролюбовым они вели 23 и 24 марта переговоры о дальнейшей судьбе изд-ва «Знание» (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 190—191; см. также: *Арх. Г.* Т. IX. С. 114, 332). Намерение Сытина войти пайщиком в изд-во «Знание» не осуществилось. Подробнее см.: *Голубева О. Д.* Два издателя. (И. Д. Сытин и М. Горький) // М. Горький и его современники. Л.: «Наука», 1968.

[10] Поездка эта откладывалась Горьким вплоть до начала апреля. См. телеграмму Горького от 3 апреля 1911 г.

189. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.III.26

Дорогой Алексей Максимович!

Вот-то была бы радость, если бы Вы в самом деле вместе с В⟨икто-ром⟩ С⟨ергеевичем⟩ приехали. Оно следовало бы, очень следовало повидаться и обсудить дальнейшие планы некоторых кампаний.

То, что Вы пишете мне относительно будущих книжек «Совр.», исполнило меня надеждами славы и добра [1]. Конечно, душою рад. Споемся — и давайте.

На В. С. возлагаю большие упования и жду его крепко [2].

Сейчас приехали Лидо-Зины [3], но я их еще не видал, ибо маюсь над академическим изданием Лермонтова [4]. То-то плохо!

Шаляпин продолжает дурить и шебаршить, стараясь и невинность сохранить, и капитал приобрести. Сомневаюсь, чтобы первое удалось. И изолгался же несчастный парень!

В 3-й книжке «Совр.» не будет ни «Литер⟨атурных⟩ впеч⟨атлений⟩», ни «Пестрых глав». Уступаю честь и место старику Антоновичу [5]. Даю кусок из 2-й части «Зверя» — «О гуманной власти» [6]. Хотя почти дословный перевод из Сенеки, боимся, что — под конфискацию.

Нет, какова штука со Столыпиным и Каковцовым?![7]

И на Тибре, и на Ниле
Телеграф пошел трубить:
Слово Каком заменили —
Како Слову тверду быть?

Ах, под нашим зодиаком
Ненадежен алфавит —
Како ль Словом, Слово ль Каком,—
Никого не удивит! [8]

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Сердечный привет М. Ф.

Ваш А. А.

[1] «В надежде славы и добра гляжу вперед я без боязни» — первые строки «Стансов» (1826) Пушкина.

[2] В. С. Миролюбова.

[3] Л. П. и З. А. Пешковы.

[4] Амфитеатров писал рецензию на «Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова» (т. 1—3, под ред. и с примеч. Д. И. Абрамовича, изд. разряда изящной словесности Имп. академии наук. СПб., 1910). Рецензия под названием «Новое издание сочинений Лермонтова» напечатана в «Современнике» (1911, кн. 4). Собр. соч., состоящее из 5 т., было завершено в 1913 г.

[5] Предполагалась публикация ст. Антоновича «о письмах Толстого, поскольку в них характеризуется его личность, его философия» (*ЦГАЛИ*, ф. 34). 3/16 апреля 1911 г. Водовозов, сообщая Амфитеатрову о материалах петербургской редакции «Современника», писал: «Имеется корректура статьи М. Антоновича о письмах Л. Толстого. Статья сама по себе недурная и заслуживающая напечатания, но таковое, очевидно, невозможно. Не понимаю, когда и как могла быть получена и набрана эта статья» (Там же). Статья напечатана не была.

[6] «Апостол гуманной власти. Девятнадцать веков тому назад. (Этюд к книге „Зверь из бездны")» (Современник. 1911. Кн. 3).

[7] Имеется в виду так называемый министерский кризис, в результате которого председатель Совета министров П. А. Столыпин подал в отставку: его преемником называли министра финансов В. Н. Коковцева. Отставка Столыпина не была принята Николаем II, о чем сообщалось в газетах 11/24 марта 1911 г.

[8] В стихотворении Амфитеатрова «Слово» и «Како» употребляются в значении согласных С и К. С – намек на Столыпина К – намек на Коковцева. Стихотворение было напечатано в сатирическом разделе «Сверчок» с изменениями во втором четверостишии, без подписи, под заглавием «Алфавитная реформа (7 марта 1911 г.)». Далее по тому же поводу публиковались «Мысли, сомнения и недоумения» (Современник. 1911. Кн. 3).

190. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 27 или 28 марта 1911 г.)

Посылаю — куриозное письмо Льдова и мой ответ ему [1]; так как дело касается «Современника» — вам нехудо ознакомиться с этими финиками.

Миролюбов собирается к вам и меня тащит.

Вы как об этом мыслите? Ежели двое свалятся на вас, а?

Кланяюсь.

А. Пешков

Датируется по упоминанию п. К. Н. Льдова.

[1] Константин *Льдов* (Витольд-Константин Николаевич Розенблюм) (1862 — после 1935) — поэт. См. о нем в кн.: Поэты 1880—1890-х годов. Л., 1972. С. 175—178. Имеется в виду п. Льдова Горькому от 25 марта из Монако, в котором он жаловался на то, что Коялович отказался печатать в «Современнике» три его поэмы, переданные в редакцию за месяц или полтора до выхода в свет первой книги журнала. Льдов писал: «Обратиться к Вам с жалобою на Вас же, так как журнал „Современник" выходит при Вашем ближайшем участии и делает Вас нравственно ответственным за всякое бесчинство там, проделанное Вашими помощниками и доверенными, я считаю справедливым на основании уважения, внушенного мне как Вашими сочинениями, так (и еще более!) Вашим человеческим обликом» (*АГ*).

В *АГ* сохранилась машинописная неавторизованная копия ответного п. Горького к К. Льдову:

«Милостивый государь Константин Николаевич.

Возвращая Вам Ваше письмо, считаю необходимым сообщить следующее: я рядовой сотрудник „Современника", у меня нет в редакции этого журнала ни „помощников", ни „доверенных", и как старый литератор Вы, конечно, знаете, что издание журнала с „помощниками" и „доверенными" вообще невозможно.

Я не нахожу, чтобы г. Коялович поступил „бесчинно" по отношению к Вам, отказавшись печатать Ваши поэмы,— будучи на его месте я поступил бы так же. Полагаю, что и Вы, в бытность Вашу редактором разных изданий, нередко отказывались печатать те произведения, которые находили недостаточно интересными или не отвечающими тону Вашего издания».

191. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 29 марта 1911 г.)

Дорогой А. В.!

Посылаю письмо Малышева [1], пригодится на случай, если Родионов полезет в словесную драку [2]. Нет, каковы эти страдальцы о России — фон-Визину она «опротивела» [3], Родионов именует ее «хамской и варварской». Тесно, видно, им, душечкам. А стихи ваши тоже вызвали у меня некия потуги лирические <... >

Вышло, пожалуй, в стиле нижегородской речной полиции, уж не обессудьте!

Дня через два-три, устроясь тут с некиими делами, повалимся на вас. Поклоны, приветы.

Стишки-то вслух не читайте, я славы не жажду, нет.

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с ответным п. Амфитеатрова от 31 марта 1911 г.

[1] Возможно, имеется в виду п. Сергея Васильевича *Малышева* (1877—1938) — профессионального революционера, большевика, позднее — сотрудника дооктябрьской «Правды». Знакомство его с Горьким относится ко времени первой русской революции. Упоминаемое письмо неизвестно.

[2] По-видимому, в связи с публикацией в «Современнике» (кн. 2) ст. Амфитеатрова «Литературные впечатления». «Г⟨осподин⟩ Родионов может хвалиться,— писал Амфитеатров,— ему удалось написать одну из самых гнусных и бесчеловечных книг, какие когда-либо появлялись в европейской печати. В своем роде эра российского одичания!» (с. 295). В статье подробно излагаются также обстоятельства уголовного дела об избиении подъесаулом Родионовым крестьянина Кузьмы Григорьева (на основании газетных сообщений) (с. 268—269).

[3] «Россия опротивела» — этими словами завершается дневник Хорвата, героя романа Фонвизина «В смутные дни», который он вел в самый разгар революционных событий.

192. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.III.31

Дорогой Алексей Максимович!

Ждем Вас и В⟨иктора⟩ С⟨ергеевича⟩ усиленно!

Сейчас получил Ваше письмо с припиской М. Ф.[1], что она также имеет намерение прокатиться и побывать у нас. Нечего и говорить, как я и Лара были бы ей рады. Но смущает нас сейчас то, что, по обилию в доме «жóнщин», не можем сейчас комбинировать удобного помещения для М. Ф. Двух мужчин благоустроить расположение комнат легко позволяет, а даме не выходит. Ну, да об этом пусть Лара пишет.

Относительно Малышева. Если он добудет подлинный экземпляр, надписанный Родионовым, или фотографический снимок[2], почему же и не сделать этому казаку-разбойнику скандала еще и еще?

И в желллллезные сердца — бей!

Кстати, о железных сердцах. Сахновский пустился в беллетристику и написал рассказ, в коем какая-то дама хочет «зажечь» русского композитора и говорит ему что-то вроде:

— Мой чуткий! хрупкий, огненный!

А он зажечься никак не может. Действие, кажется, где-то в горах[3]. В самом деле, зажечь Сахновского, когда он взошел на горную вершину, вряд ли возможно. Но зато, если уж загорится, то-то копоти будет! Отчего это все романтики в России жиреют? Вы едва ли не единственное исключение.

Гостят у нас Лидо-Зины, они же кенгуру[4]. В воскресенье думают ехать в Милан. Очень они милы и приятны. Думаю, что жизнь у них сладится и будет хорошая и трудовая. Я впервые имел случай поговорить с Зиною поближе и посерьезнее, и очень он мне понравился. Умный паренек и много знает. Я его тяну в журнализм[5], и наметили мы с ним ряд статей об итальянском земельном и рабочем устройстве на живой лад, с бытовыми иллюстрациями. Об этом он Вам, конечно, сам писать будет.

Герман Александрович не очень здоров в последние дни. Взволновался очень одним совершенно напрасным разговором с проезжим боевиком[6], а ему это вредно. Бросается на желудок и сердце. Два дня сидит слабый-преслабый. Сегодня стал бодрее.

Был Бурцев. Очень ему надо с Вами видеться. Когда приедете — поговорим.

Степан Голубь две тетради своих сочинений прислал! Ну, что я с ними буду делать?[7]

Вчера уехал от нас проф. Лутугин[8]. Намеревался побывать у Вас на Капри.

Прошло несколько интересных боевых фигур. Вообще, весна.

Погода чудесная.

На меня напала лень. Сижу, читаю Иеронима Ясинского и изумляюсь, что дожил до 48 годов, не подозревая, что на Руси был такой писатель, чуть мне не современный! Каким манером он сошел на нет?[9] Ведь даже, когда он пасквили, погубившие его репутацию, пишет, талантлив и ярок дьявольски. В «Лицемерах» Лесков, Максимов, Пыляев и др. так написаны, что жутко делается: словно напротив тебя покойники сидят[10]. И женщин писать мастер, особенно девушек. В «Вечном празднике» у него есть такая Софи[11] — отдай все, да и мало. И многое предвидел этот господин Иероним умом своим — зловещим и недоброжелательным. Свенцицкий в жизнь пришел двадцатью годами позже, чем был им написан[12]. Андреев так и смотрит из «Города мертвых», равно как и Сергеев-Ценский[13]. К сожалению, у меня Ясинский только до «Старого друга»[14]. Нет ли у Вас дальнейших его вещей?

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Крепко жду! Сердечный привет М. Ф.!

Ваш А. А.

Виктор Сергеевич! Двигайтесь! Померяемся главами!

[1] П. от 29 марта 1911 г. Текста приписки (видимо, она была сделана на отдельном листе) в *АГ* нет.

[2] О чем идет речь, установить не удалось.

[3] Возможно, Юрий Сергеевич *Сахновский* (1866—1930) — композитор, критик и дирижер. С 1901 г. вел музыкально-критическую деятельность, печатал статьи в газ. «Курьер», «Русские ведомости» и др. Был на Капри у Горького в 1907 г. О каком рассказе идет речь, неизвестно.

[4] «Лидо-Зины, они же кенгуру» — намек на предполагавшееся путешествие З. А. Пешкова и его жены в Австралию.

[5] См.: А—Г, п. от 16 февраля 1911 г.

[6] Боевик — член боевой организации партии эсеров.

[7] Произведения Степана Голубя в «Современнике» не публиковались.

В кн. 10 «Современника» было напечатано его «Письмо в редакцию» — «Рабочие и министры» по поводу брошюры А. Морского «Исход русской революции 1905 года и правительство Носаря» (М., 1911). В своей значительной части это письмо было перепечатано в корреспонденции Ильина ⟨Ф. Ф. Раскольникова⟩ «Витте и рабочие», в легальной большевистской газ. «Звезда» (1911, № 28, 5/18 нояб.).

В советское время были изданы кн.: *Глебов-Путиловский Н. Н.* Пролог к киноспектаклю «Нетерпимость» Пг., 1921; *Глебов-Путиловский.* Дом здоровья: Рассказ эмигранта / Обложка работы Филонова. Л., 1930; Сборник памяти Ильича: 25 лет. По воспоминаниям членов Петербургского совета рабочих депутатов / Под общей ред. Глебова-Путиловского. М., 1931 (в этом сборнике помещены воспоминания Глебова-Путиловского «Ильич в Совете» и другие статьи). См. также: Г—Ив.-Р, п. 15, прим. 2.

[8] Леонид Иванович *Лутугин* (1864—1915) — геолог, прогрессивный общественный деятель, принимал участие в многолетних исследованиях Донбасса. За обзорную геологическую карту Донбасса, составленную в 1911 г., получил на международной выставке промышленности и труда в Турине большую золотую медаль. Некоторое время жил у Амфитеатрова в Феццано (*ЦГАОР*, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 2057, л. 25).

[9] Иероним Иеронимович *Ясинский* (псевдонимы Максим Белинский, Чуносов, Независимый) (1850—1931) — беллетрист и публицист. Начал печататься в 1870 г. В первый период своей деятельности был близок к демократическому лагерю литературы, позднее сотрудничал в консервативной печати. Автор романов охранительного характера — «Иринарх Плутархов» (1886), «Первое марта» (1900) и др.

А. М. Скабичевский отмечал в «Истории новейшей русской литературы. 1848—1892 гг.»: «Стараясь писать как можно более, поставляя свои вещи разом во многие издания, Ясинский с каждым годом более и более выдыхается и опошляется. Как вследствие этого обстоятельства, так и бесцеремонного списыванья портретов с живых личностей, доходящего до неблаговидного пасквилянтства, произведе-

ния Ясинского перестали принимать в наиболее порядочных и уважаемых публикою органах, и он опустился до исключительного сотрудничества в иллюстрированных изданьицах и таких убогих журнальчиках, как „Наблюдатель“» (2-е изд. СПб., изд. Ф. Павленкова, 1893, с. 342).

Отношение Горького к Ясинскому было неизменно отрицательным. В п. к Л. Андрееву Горький высказал свое возмущение по поводу приветственной телеграммы Ясинскому, посланной Андреевым в день 40-летия его литературной деятельности (*XXIX*, 193). Осенью 1911 г. Горький отказался от сотрудничества в журн. «Новая жизнь», узнав, что в нем должна быть напечатана повесть Ясинского (см.: Г—А, п. от 17 окт. 1911 г., прим. 4). В ноябре Горький писал Ясинскому о «совершенной непримиримости» их «отношений к людям, к литературе» (*XXIX*, 209).

[10] *Ясинский Иер.* Лицемеры. СПб., 1894.

Ясинский был некоторое время близок к Н. С. Лескову. В 1892 г. отношения были прерваны в связи с публикацией ст. Ясинского «Анекдот о Гоголе» (Исторический вестник. 1891. № 6), которая вызвала полемический отклик Лескова — ст. «Нескладица о Гоголе и Костомарове» (Петербургская газета. 1891. № 192. 16 июля) (*Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 11. С. 208—212. См. также с. 652—653). Воспоминания Ясинского о Лескове см. в его кн. «Роман моей жизни» (М.; Л., 1926). В кн. А. Н. Лескова «Жизнь Николая Лескова» (М., 1954) в эти воспоминания вносятся некоторые уточнения.

Сергей Васильевич *Максимов* (1831—1901) — писатель, этнограф. Литературную известность приобрел очерками из народного быта, собранными в кн.: «Бродячая русь Христа ради» (1887) и др.

Михаил Иванович *Пыляев* (1842—1899) — историк-бытописатель.

[11] Героиня романа «Вечный праздник» (СПб., 1888) Софья Рахманова (Софи) — эмансипированная молодая девушка, собственными усилиями прокладывающая себе дорогу в жизни.

[12] Валентин Павлович *Свенцицкий* (1879—1931) — писатель, публицист. В 1905 г. возглавлял вместе с философом В. Ф. Эрном Христианское братство борьбы. Автор нашумевшего романа «Антихрист. (Записки странного человека)» (1908) и драмы «Пастор Реллинг» (1909), в которых современники увидели проповедь декадентского аморализма.

Амфитеатров, по-видимому, имеет в виду повесть Ясинского «Учитель» (Полн. собр. повестей и рассказов И. Ясинского. СПб., 1888. Т. 4).

[13] Повесть Ясинского «Город мертвых» (Там же) проникнута мотивами безумия, смерти, ужаса жизни, душевной катастрофы. В этом, по-видимому, видит Амфитеатров близость Андрееву и Сергееву-Ценскому, раннее творчество которого отмечено декадентскими влияниями.

[14] Роман «Старый друг» был напечатан в кн.: *Ясинский И. И.* Старый друг. Путеводная звезда. СПб., 1891.

193. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 3 апреля 1911 г.)

Будем завтра утром [1].

Горький

Текст на телеграфном бланке, латинскими буквами.
Подлинник хранится в ЦГАЛИ, (ф. 34); в *АГ* — фотокопия.

[1] Горький телеграфировал о выезде в Феццано вместе с Миролюбовым. Пятницкий записал в своем дневнике: «*19 марта* ⟨*1 апреля*⟩ ⟨...⟩ Мир⟨олюбов⟩ рассказывает, что сегодня пришел к нему Г⟨орький⟩. Завтра они едут к Амфит⟨еатрову⟩ ⟨...⟩

20 марта ⟨*2 апреля*⟩. *Воскр⟨есенье⟩*. Завтрак с Мир⟨олюбовым⟩. Провожаю на пароход» (*АГ*). В Феццано Горький заехал проездом в Париж. Время пребывания Горького в Феццано может быть установлено по п. Г. А. Лопатина В. Я. Богучарскому от 5 и 9 апреля 1911 г., в которых он сообщал, что Горький гостит в Феццано. День отъезда Горького из Феццано в Париж устанавливается лишь предположительно по фразе из п. Лопатина к Богучарскому от 21 апреля 1911 г.: «Горького здесь нет уже. Он уехал в Париж еще до получения Вашей открытки». Открытка Богучарского была получена в Феццано 16 апреля 1911 г. (*ГЛМ*, ф. 2, оп. 1, д. 234). Следовательно, Горький находился в Феццано более недели. В Париж уехал между 10 и 15 апреля 1911 г.

194. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Париж. Вторая половина апреля, до 22, 1911 г.⟩

Сижу у Е⟨катерины⟩ П⟨авловны⟩ — вдруг является большой и сочный индивидуй — я, говорит, Тотомианц [1]. Верно ли, что Амф⟨итеатров⟩ едет в Неаполь и Испанию? И как раз в этот момент — ваше письмо! [2] Я подтвердил Тотовы сомнения: едва ли можно вас видеть на сей земле!

А к вам я не заеду, не имею на сие времени [3]. На Капри еду обязательно к 22, жду вас к тому же дню [4]. Ехать вместе? Устраивайтесь. Имею остановиться в Риме [5] и Орвиетто.

Жму руку

А. Пешков

Зина, который со мной, кланяется.

Датируется по содержанию и времени отъезда Горького из Парижа (прим. 4).

[1] В. Ф. Тотомианц.

[2] Упоминаемое п. Амфитеатрова не разыскано.

[3] В Париже Горький был занят рядом литературно-организационных дел. Особенно большое значение имела встреча Горького с В. И. Лениным. «...Я увидел его в Париже, в студенческой квартирке из двух комнат ⟨...⟩ — вспоминал Горький в очерке „В. И. Ленин“.— Тогда разваливалось „Знание“, и я приехал поговорить с Владимиром Ильичем об организации нового издательства, которое объединяло бы, по возможности, всех наших литераторов. Редактуру издательства за границей я предлагал Владимиру Ильичу, В. В. Воровскому и еще кому-то, а в России представлял бы их В. А. Десницкий-Строев.

Мне казалось, что нужно написать ряд книг по истории западных литератур и по русской литературе, книги по истории культуры, которые дали бы богатый фактический материал рабочим для самообразования и пропаганды.

Но Владимир Ильич разрушил этот план, указав на цензуру, на трудность организовать своих людей ⟨...⟩ Но главный и наиболее убедительный для меня довод его был приблизительно таков:

— Для толстой книги — не время ⟨...⟩ Нам нужна газета, брошюра ⟨...⟩ нам нужно бросить в массы десятки, сотни тысяч листовок ⟨...⟩ Подождем с издательством до лучших времен» (*20*, 19—20).

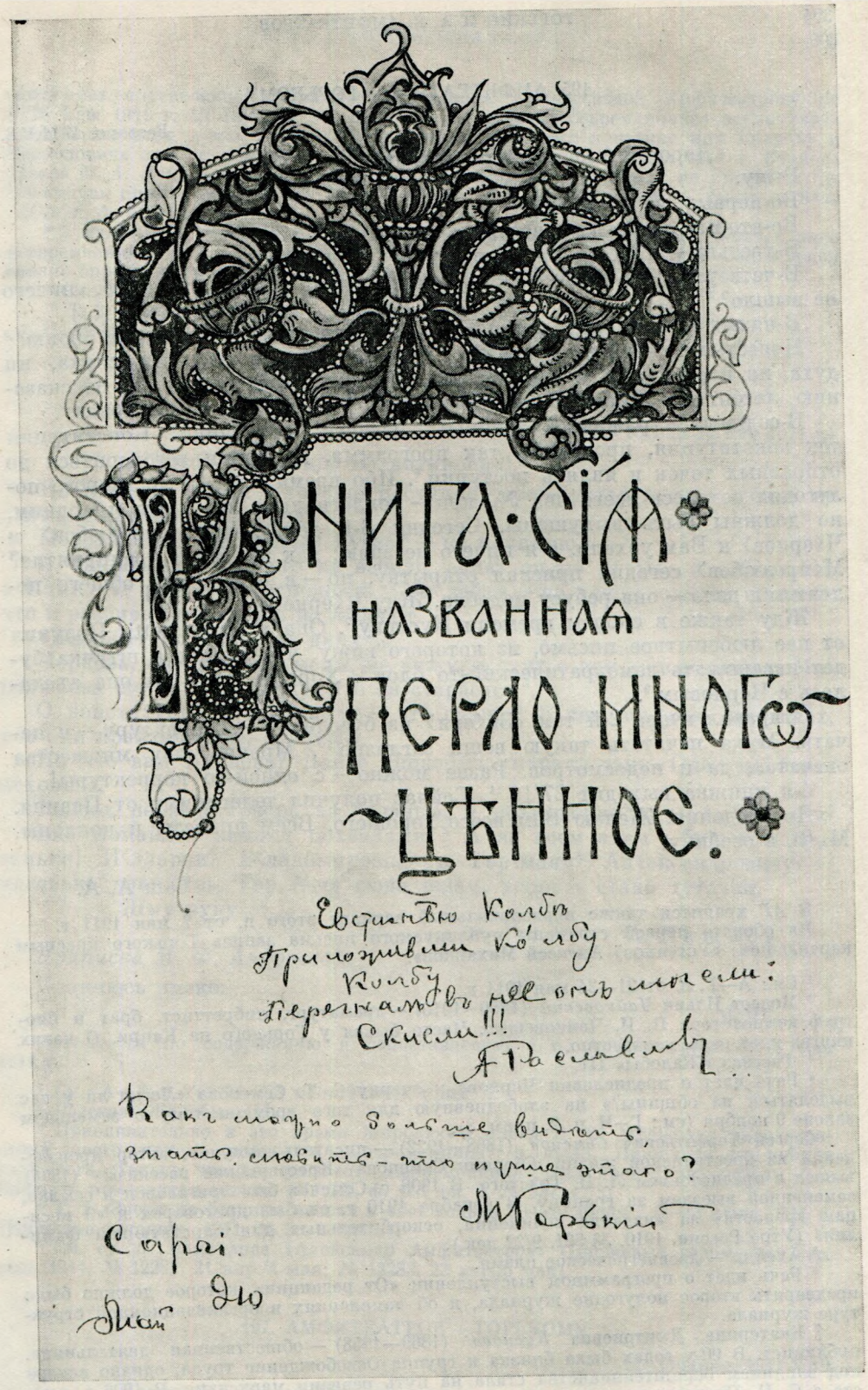
[4] 22 апреля Горький уехал из Парижа в Рим. На Капри вернулся 25 апреля. Возвращаясь на Капри, Горький ненадолго заехал в Феццано с Черновым обещая вскоре вернуться туда вместе с Миролюбовым (п. Лопатина Бурцеву от 30 апреля 1911 г.— см. сообщение Е. Г. Коляды «О Горьком и Лопатине...») для обсуждения вопроса о формировании коллективной редакции «Современника», куда вошли Чернов (см.: Г—Ч) и Миролюбов. Впоследствии на редакционное совещание в Феццано приехал только Миролюбов.

[5] В Риме 24 (?) апреля Горький посетил международную художественную выставку (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 194). Выставка открылась 9 апреля 1911 г. в связи с пятидесятилетием провозглашения города Рима столицей Италии. Промышленный отдел выставки был открыт в Турине.

На художественной выставке в Риме были представлены «все страны Европы, Соединенные Штаты С. Америки, Аргентина, Китай, Япония и др. ⟨...⟩ Выставка расположена в главном дворце искусств и в 11-ти павильонах, рассыпанных по Винья Картони» (Международная художественная выставка 1911 г. в Риме: Очерк с планами выставок и г. Рима. М.: изд-во «Образовательные экскурсии», 1911. С. 26).

Горький писал художнику С. М. Прохорову, что на него произвели сильное впечатление работы испанских художников — Игнасио *Сулоага* (1870—1945) и Эрменхильдо *Англада-и-Камараса* (1872—1959), а также хорватского скульптора Ивана *Мештровича* (1883—1962) (*АГ*).

Этой выставке в кн. 6 «Современника» была посвящена специальная ст. «Римская международная художественная выставка» за подписью Э. Х. В статье отмечалось, что достоинством выставки являлось ознакомление «с нарождающимися национальными школами стран, до сих пор еще не успевших заявить о себе своим участием в общей художественной жизни ⟨...⟩ Дания, Норвегия, Венгрия, Сербия и многие другие страны дали все, что имеют». См. также: Г—А, п. от 9 или 10 октября 1911 г., прим. 5.



ЗАПИСЬ ГОРЬКОГО В АЛЬБОМЕ Е. И. ВАШКОВА

Архив Горького, Москва

195. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.V.8.

Дорогой Алексей Максимович!

Рычу.

Во-первых, не приехали.

Во-вторых, никаких известий с о. Капри.

В-третьих — а Гусев-Оренбургский?[1]

В-четвертых — с Чайковским относительно книг, очевидно, ничего не вышло?[2]

В-пятых — «Жалобы» когда чаять к написанию: к маю или июню?[3]

В-шестых — Чернов, очевидно, утонул, ибо от него ни слуха, ни духа, ни корректуры, а предисловие, как ему свойственно, он, по сказанию летописца Миролюбова, превратить намерен в послесловие[4].

В-седьмых — граждане! ахейцы![5] изверги! голубчики! Конституция так конституция, программа так программа, но время договориться до отправных точек и являть поступки[6]. Ибо время идет, и до второго полугодия осталось всего два №, кои — коллегиально ли, мною ли одним, но должны быть выпущены. Сегодня 8-й день, что М⟨иролюбов⟩ и Ч⟨ернов⟩ к Вам уехали, а я ничего не знаю: как же стоит предприятие? М⟨иролюбов⟩ сегодня прислал открытку, но — в отношении общего положения дела — она ребусу подобна. Жду Ч⟨ернова⟩.

Жду также в скором времени Кускову[7]. Она в Ospedaletti. Получил от нее любопытное письмо, из которого вижу, что нелегкая штучка будет навешивать демократический-то блок[8]. Хорошо, если бы она съехалась с Черновым[9].

Отправил вчера 2-й том «Зв⟨еря⟩ из б⟨ездны⟩» — корректуру — в печать. Мука печатать такую вещь заглазно[10]. Мрачно жду множества опечаток, да и недосмотров. Разве можно — с одной-то корректуры!

4-я книжка выходит 27/10[11]. Сейчас получил телеграмму от Певина.

До свидения. Желаю Вам всего хорошего. Всем приветы и поклоны. М. Ф. в особину.

Ваш А. А.

В *АГ* хранится также первоначальный вариант этого п. от 7 мая 1911 г.

На обороте первой страницы публикуемого письма запись Горького красным карандашом: «Уст⟨инов⟩ Алексей Михайлов».

[1] См.: А—Г, п. от 21—24 мая 1911 г.

[2] Модест Ильич *Чайковский* (1850—1916) — драматург, либреттист, брат и биограф композитора П. И. Чайковского. Часто бывал у Горького на Капри. О каких книгах идет речь, неизвестно.

[3] Рассказ «Жалобы» III.

[4] Речь идет о предисловии Чернова к очерку С. Т. Семенова «Легко ли у нас выделяться из общины?» на злободневную для того времени тему о земельном законе 9 ноября (см.: Г—Ч, п. 2, прим. 8).

Сергей Терентьевич *Семенов* (1868—1922) — писатель-самоучка, автор произведений из крестьянской жизни. Сборник Семенова «Крестьянские рассказы» (1894) вышел с предисловием Л. Н. Толстого. В 1908 г. Семенов был приговорен к ссылке, замененной выездом за границу. В декабре 1910 г. он был приговорен к «3 месяцам крепости» за «издание сочинений, оскорбительных для царствующей фамилии» (Утро России. 1910. № 321, 9/22 дек.).

[5] Ахейцы — древнегреческое племя.

[6] Речь идет о программном выступлении «От редакции», которое должно было предварять второе полугодие журнала, и об изменениях в организационной структуре журнала.

[7] Екатерина Дмитриевна *Кускова* (1869—1958) — общественная деятельница, публицист. В 90-х годах была близка к группе Освобождение труда, однако вскоре под влиянием бернштейнианства стала на путь ревизии марксизма. В 1906 г. вместе с С. Н. Прокоповичем издавала полукадетский журн. «Без заглавия», была активным сотрудником газеты левых кадетов «Товарищ». Амфитеатров пытался привлечь Кускову к «Современнику» еще в январе 1911 г. Но Кускова отказалась тогда сотрудничать в журнале, в котором, как она считала, «есть политический

отдел без определенной политической линии» (п. Кусковой Амфитеатрову от 13/26 янв. 1911 г. *ЦГАЛИ*, ф. 34). Пытаясь на основе «Современника» осуществить идею блока всех левых партий, Амфитеатров пригласил в начале мая Кускову и Прокоповича для переговоров с новым составом редакции. 10 мая 1911 г. Кускова писала Г. А. Лопатину: «Алек‹сандр› Вален‹тинович› спрашивал, не имеем ли мы что-нибудь против „конгресса“ „Современника“ ‹...› 19—20, наверное, будем у Вас» (*ЦГАОР*, ф. 9104, оп. 1, д. 10).

[8] 6 мая 1911 г. Кускова писала Амфитеатрову по поводу первых четырех книг «Современника»: «С „Современником“ так ничего и не вышло ‹...› У Вас журнал вполне определившийся: журнал эсеровский» (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

[9] См.: А—Г, п. от ‹21—24 мая 1911 г.›, прим. 2.

[10] Т. 2. «Зверя из бездны» — «Золотое пятилетие».

[11] Амфитеатров сообщает о выходе кн. 4 «Современника».

196. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. 10 или 11 мая 1911 г.›

Дорогой Александр Валентинович!

Не приехав к вам — хорошо поступил, ибо — устал я, как собака на охоте, и кашляю, яко овца.

Почему к вам не прибыл Гусев [1] — не понимаю.

С Чайковским — ничего не вышло, занят он по музыке и собирается в Клин. Не решился беспокоить. Сам зайти — не успел, одначе слышал, что в разбивку продавать не желают.

«Жалобу» получите на днях [2].

Чернова, по болезням моим, не вижу, а слух о нем таков: пишет. Миролюбова же вижу, и вижу, что он старается [3].

О конституции и программе — что скажу? В сих вопросах я — швах, ибо они практические, анафемы.

На что вам Кускова? Дайте спокойно умереть даме. Она, чу, больнехонька.

Вышел первый «Зверь из бездны», я объявление видел [4]. Ох, жду!

Вас Измайлов измаял похвалами? [5] А за всем этим — будьте здоровеньки! И‹лларии› В‹ладимировне› и Гер‹ману› Ал‹ександровичу› — низенько кланяюсь. Гер. А-ча сюда ждем, хорошо стало туточки.

Жму руку

А. Пешков

Приписка М. Ф. Андреевой:

Кланяюсь низко.

М. Ф.

Датируется по содержанию и сопоставлению с п. Амфитеатрова от 8 мая 1911 г.

[1] См.: А—Г, п. ‹от 21—24 мая 1911 г.›, прим. 6.

[2] Рассказ «Жалобы» III.

[3] Приблизительно в это время Миролюбов писал В. В. Муйжелю: «Беллетристика моего приема пойдет в „Современнике“ в июле. Пришлите что-нибудь ради бога. Только что вернулся от „Современника“, где провел две недели ‹...› Спешить приходится вовсю» (*ИРЛИ*, ф. 123, оп. 2, № 337, с. 3).

[4] Т. 1 «Зверя из бездны» вышел в свет только 23—30 июня / 6—13 июля 1911 г. (Книжная летопись. 1911. № 26. 2 июля).

[5] См. ст. А. Измайлова «Александр Амфитеатров» (Биржевые ведомости. Утр. вып. 1911. № 12281. 21 апр./4 мая; № 12283. 22 апр./5 мая).

197. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.V.19

Дорогой Алексей Максимович.

Посылаю Вам горестное письмо Шолома-Алейхема. А что тут будешь делать? Могу написать обстоятельный обзор этой великой исторической несправедливости, но будет это столь же результатно, как черпать воду

решетом [1]. Если выдумаете что-нибудь более осязательное, напишите: заранее присоединяюсь.

5-я кн. «Совр.» выйдет 20 мая/3 июня. Поспешите, если можно, с «Жалобою» или известите, чтобы перенести ее на июнь, хотя очень хотелось бы на май [2].

Чернов написал о Гиппиус хорошо [3], о Семенове средне [4]. Пишет по поводу столыпинских деяний [5]. Нанял он квартиру [6].

Я для мая дал статью о Ферреро [7].

Маемся чрез отдаление Миролюбова. На что он «Знанию» на Капри? А предчувствую, что с каждым днем будет труднее для «Совр.»: подумайте, ведь нам 12 книжек надо составлять!

А и мерзкая же эта сударыня Гиппиус! Чернов ее выпорол, но, по грехам ее, мало.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет.

Ваш А. Амфитеатров

[1] Упоминаемое п. Шолома-Алейхема (С. Н. Рабиновича) не разыскано. Оно касалось, по-видимому, обстоятельств так называемого дела Бейлиса.

Приказчик кирпичного завода в Киеве еврей М. Бейлис был ложно обвинен в убийстве 12/25 марта 1911 г. тринадцатилетнего мальчика Андрея Ющинского якобы с ритуальной целью. 29 апреля / 12 мая 1911 г. правые внесли в Думу для обсуждения запрос по поводу ритуальных убийств, он сопровождался разнузданной антисемитской кампанией, в которой особенно усердствовала газ. «Новое время».

[2] Рассказ «Жалобы» III был напечатан в кн. 5 «Современника».

[3] Ст. Чернова «Литературные впечатления» о романе З. Гиппиус «Чертова кукла» (Русская мысль. 1911. 1—3) была напечатана в кн. 5 «Современника». Чернов писал о богоискательских тенденциях романа, стремлении Гиппиус повернуть революционеров «в сторону познания» религиозного смысла собственной практики, отмечал «фатальную раздвоенность русского революционера» в изображении Гиппиус (с. 323). См.: Г—Ч, п. 2.

[4] См. А—Г, п. от 8 мая 1911 г., прим. 4.

[5] Чернов написал для кн. 5 «Современника» внутреннее обозрение. Но вместо него там появилась ст. Водовозова «На Родине. (Министерский и парламентский кризис в стране, в которой, слава богу, нет парламента)». См.: Г—Ч, п. 2, прим. 2.

[6] Уехав из Парижа, Чернов поселился в Фецдано.

[7] Ст. Амфитеатрова «Гульельмо Ферреро и его критики» (Современник. Кн. 5) была посвящена труду Ферреро «Величие и упадок Рима» и критическим работам о Ферреро, вышедшим в 1910—1911 гг.

198. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 19 мая 1911 г.)

Александр Валентинович, дорогой!

Нельзя ли возможно скорее выслать гонорар Исхакову за статью о татарской литературе? Адрес прилагаю.

Что с вами, как дела, почему не пишете? Как поживает «Зверь»?

Кланяюсь всем.

Здоровьишко трещит, и нерв попискивает.

Вечером сегодня отдам «Жалобу».

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с первой фразой ответного п. Амфитеатрова от (21—24 мая 1911 г.).

199. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 21 или 22 мая 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович.

«Жалоба» сдана Миролюбову, вероятно, сегодня же он ее отправит Вам [1].

Очень прошу Вас: не можете ли Вы сейчас же получить с конторы деньги и, вычтя мой Вам долг, прислать мне остаток?

Письмо Рабиновича не нравится мне [2]. Антисемиты Дрюмон и Лютостанский [3] — евреи, Азеф — тоже. Это и многое другое в таком духе — позорит Рабиновича? В моих глазах — нет, и мне странно, что — по Рабиновичу — Амфитеатров и Горький опозорены выходкой хулигана Савенко [4]. Надо бы ему, литератору, писать грамотнее или осторожнее, что ли.

И затем, он плохо знает провинциальную прессу, коя полна горячих протестов по поводу этого хулиганства, не знает он того, что даже Меньшиков [5] — отказался от защиты Савенко.

Мне бы тоже хотелось «двинуть» г. Рабиновича на доброе дело: за последнее время евреи, работающие в желтой прессе — почти сплошь еврейской, принимают весьма деятельное участие в травле демократии, всячески издеваясь над демократическими идеями. Вот бы г. Рабиновичу и другим умным людям и внушить этим журналистам — «господа, действуя так в демократической стране, вы тем самым можете сильно способствовать росту антисемитизма, ибо евреи вы и ваше непохвальное поведение легко может отозваться не на вас только, а вообще на евреях».

О еврейских же погромах можно говорить с меньшей похвальбою, после того как черный российский погромщик устроил томскую и иные гекатомбы [6].

Весьма тороплюсь, а посему пишу кратко. М. Ф. приветствует вас.

А. Пешков

Датируется по содержанию и фразе из п. Амфитеатрова от ⟨21—24 мая⟩: «V. 24. Сейчас получил Ваше письмо».

[1] III рассказ из цикла «Жалобы» был получен Амфитеатровым, вероятно, 27 мая (А—Г, п. от 27 мая 1911 г.).

[2] И. Шолома-Алейхема.

[3] Эдуард Адольф *Дрюмон* (1844—1917) — французский историк, публицист, автор ряда антисемитских книг и статей. О деятельности Дрюмона Горький мог получить, в частности, обстоятельное представление из большой ст. Е. Смирнова «Эдуард Дрюмон и антисемитское движение во Франции», напечатанной в журн. «Жизнь» (1899, т. X, окт.).

И. *Лютостанский* — автор кн. «Вопрос об употреблении евреями-сектаторами христианской крови для религиозных целей в связи с вопросом об отношениях еврейства к христианству вообще» (М., 1876) (*Описание*).

[4] Имеется в виду письмо по поводу «дела Бейлиса» сотрудника газ. «Киевлянин» Савенко (писал под псевдонимом Запорожец), напечатанного в газ. «Новое время» (1911, № 12617, 29 апр./12 мая) под названием «К убийству Ющинского». В нем утверждалось, что убийство Ющинского носило ритуальный характер. Письмо это послужило поводом к антисемитской кампании в правой прессе.

[5] Горький мог иметь в виду, например, ст. «Размышления», в которой говорилось о полемике Меньшикова с Савенко (Речь. 1911. № 104. 8 апр. / 1 мая).

[6] Речь идет о зверской расправе над народной милицией и гражданским населением, учиненной черносотенцами и полицией 20 октября 1905 г. в Томске (см.: *W. B.* Очерки современного революционного движения в России // Красное знамя. 1906. № 3. С. 102—107).

200. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Феццано. 21—24 мая 1911 г.⟩
Fezzano. 1911.V.21

Дорогой Алексей Максимович!

Ну, вот, Певин ищет Неджиба, а он оказывается Исхаковым. Немедленно пишу [1].

Были у нас Прокопович и Кускова. Ничего. После первого дня сражения — увы, не столь о журнале, сколь по существу — с Викт⟨ором⟩ Мих⟨айловичем⟩ второй день принес мир и соглашение, которое я, так сказать, вымолчал. Словом, к блоку принципиально примыкают, а в деталях, я так полагаю, время поможет спеться [2]. Они мне очень понравились, хотя говорили много странного и неожиданного. Например, ужасно

запуганы великим могуществом Петра Струве и «Русской мысли» [3] и, весьма сочувствуя борьбе с ними, воздыхают в то же время, что, мол, дай бог нашему теляти волка поймати.

Обрадовали известием о «Жалобе». Жду.

Завтра пошлю Вам мой проект по еврейскому делу [4].

Был у меня Каржанский и, кажется, обиделся, ибо приехал в страшную суету и не до него было. Не нравится он мне. Но интересен как неистощимый кладезь сплетни. Благодаря ему узнал, что повесть Влад. Сарматова писана с определенных лиц, которых я очень знаю [5].

Я не ждал к себе Гусева-Оренб⟨ургского⟩, а Вы мне обещали прислать его сочинения для статьи о русском духовенстве и даже в книжку о том записать изволили — и позабыли. Пришлите. Тогда к июньской книжке напишу [6].

Так как Вы великий частушник, просмотрите у Миролюбова рукопись Френкеля, которую я через Венгерова получил [7].

Нет, знаете, Кускову Вы рано хороните. Она жиляная!

Ужас, как тонко стали мыслить и чувствовать в Питере. Боюсь, что так нельзя. Нарождается какая-то интеллигенция над интеллигенцией, которая, по-моему, дьявольски аристократична. Меня страшно поразило, когда В. М. на указание необходимости отвоевать читательскую массу у безразличного либерализма получил весьма презрительный ответ:

— Это меня нисколько не интересует.

Однако:

«Русское слово»	— 150 000	500 000, а каждый № газеты, по статистике, читают мало-мало 5 человек. Пренебрежение к читателю, расползшемуся в $2^1/_2$ миллиона, диковато, как хотите...
«Биржевка»	— 150 000	
«Утро России» и прочие «Утра»	— 100 000	
Разные аплике	— 100 000	

Я нездоров. Нога всё болит. Капоцци говорит, что надо одеть какие-то особенные чулки, а я негодую: что я, старый архимандрит, что ли?

Измайлова читал. Ах, какой я хороший писатель!

Ил. Вл. уверяет, что это он ввиду распространившегося, было, первоапрельского слуха о моей смерти написал мне некролог, а потом, чтобы материал не пропадал, использовал в виде статьи.

Жду «Зверя» с нетерпением. Как получу — Вам.

До свидания. Всего Вам хорошего. Привет М. Ф.

Выздоравливайте поскорее; что касается нервов — да усмирит их весна!

О семиреченских казаках читали? Недурное предзнаменование для войны! [8]

Ваш А. А.

V.24

Сейчас получил Ваше письмо [9]. Так-то оно так, а поддержать евреев все же надо. Очень я этой ритуальной легенды не люблю — быть может, потому, что много изучал ее. О деньгах сейчас же написал.

[1] Гонорар за очерк Неджиба «Пробуждение русских татар и их литература» задержался из-за того, что деньги были направлены Певиным в Константинополь на имя Неджиба, в то время как Исхаков в п. к Горькому от 31 марта 1911 г. просил выслать деньги на его имя (*АГ*).

[2] Встреча Амфитеатрова и Чернова с Кусковой и ее мужем — публицистом и экономистом Прокоповичем состоялась в Феццано и Специи 20—21 мая. Отношение Кусковой и Прокоповича к результатам этой встречи было гораздо более критическим, чем у Амфитеатрова. 23 мая 1911 г. Кускова сообщила Водовозову: «...только что покинули Spezia ⟨...⟩ В Spezia я застала Чернова, который расположился там как редактор „Соврем⟨енника⟩“. К нашему приезду там вышла уже вся черновская музыка. Амфитеатров оказался вполне в их руках и потихоньку признался мне, что они желали бы Вашего удаления, но что на это „он“ не согласился ⟨...⟩ Два дня мы проспорили с Черновым. Опять эта злосчастная община и главное — бойкот

Думы ⟨...⟩ Как же быть? Спорить в журнале? Но ведь там предполагается — и основательно, система блоков, а не споров» (*ЦГАОР*, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 2254, л. 17—18, 19).

Однако, как видно из последующих п. Кусковой к Амфитеатрову, она продолжала сочувственно относиться к самой возможности объединения. 18 июня 1911 г. Кускова писала Амфитеатрову: «Я очень рада, что последнее письмо Ваше дает мне так много определенного. Во 1-х, относительно идеи М. Горького о „блоке". По-моему, идея эта настолько ценна сейчас для России, что, сколько бы ни пустили средств и сил для ее пропаганды — всё будет мало. Меня смущает только одно, как и раньше, что в вашем предполагаемом блокированном комитете нет ни одного кровного с.-д. Мы все — ревизионисты. Затем идут кровные (вроде Чернова) с.-р.» (*ЦГАЛИ*, ф. 34). Основным условием сотрудничества Кускова поставила отказ от бойкота выборов в Думу и от пропаганды эсеровской идеи террора: «...блок может состояться лишь при признании выборов и замолчании террора ⟨...⟩ Все мы, в свою очередь, конечно, обязались бы ничего не писать против террора. Но за выборы — это же необходимо!» (п. Кусковой Амфитеатрову от 19 июня — Там же).

На этой противоэсеровской платформе Кускова и Прокопович объединились с Водовозовым (который в то время примыкал к трудовикам), настаивая на сохранении за Водовозовым руководящей роли в общественно-политическом отделе журнала.

В это же время, 14 июня 1911 г., Водовозов писал Амфитеатрову: «Блок на почве бойкота решительно невозможен, потому что выборы в Думу начинаются, они имеют большое значение для всех партий» (Там же). Здесь же, высказываясь об общих перспективах блока, Водовозов замечал, что Чернову мог бы противостоять «кто-нибудь вроде Плеханова или даже Ленина; но редакции из Ленина, Чернова, Плеханова, Вас, Миролюбова, меня — я решительно не в состоянии представить» (Там же).

[3] *«Русская мысль»* — ежемесячный литературно-политический журнал; выходил в Москве с 1880 по 1918 г. После революции 1905 г. в своей общественно-политической платформе выражал позиции правого крыла кадетской партии; с 1907 г. выходил под редакцией П. Б. Струве.

Памфлет о Струве и «Русской мысли» Я. Вечева (Чернова) был напечатан в «Современнике» (1911, кн. 8) под заглавием «Кризис либерализма».

[4] Так называет Амфитеатров свое «Письмо в редакцию» (с датой: «Fezzano. 1911.V.21»). Очевидно, письмо это было выслано Горькому не на следующий день, а несколько позже. См.: F—A, п. между 26 и 29 мая 1911 г.

[5] Роман В. Сарматова «Таких много» в *ЗК Миролюбова* помечен буквой Н (не принят).

[6] Тема русского духовенства была одной из центральных в творчестве Гусева-Оренбургского. Статья Амфитеатрова, названная «Благоденственное житие», была напечатана в кн. 10 «Современника» за 1912 г.

[7] Упоминаемая рукопись значится в *ЗК Миролюбова*: «23 ⟨мая⟩. Новгородская частушка. Кир. Львов. Френкель. СПб., В⟨асильевский⟩ О⟨стров⟩, 16 л., д. 55, кв. 8. Статья студента. Сыро, необстоят⟨ельно⟩. Выводы в⟨есьма⟩ сомнительны. Систематика — тоже. Ценно как материал».

[8] Амфитеатров имеет в виду сообщение, помещенное в вечерней хронике «Нового времени» (1911, № 12621, 3/16 мая) о том, что «Государь император собственноручно соизволил начертать» на телеграмме с выражением верноподданнических чувств чинов 1-го Семиреченского казачьего полка: «Благодарю семиреченских казаков за вековую честную службу». Эта телеграмма приобрела особый смысл в связи с тем, что в начале марта 1911 г. в Семиреченском военном округе (на границе с Китаем) была проведена пробная мобилизация войск. См. сообщения в газ. «Утро России» (1911, № 53 и 54, 5/18 и 6/19 марта).

[9] Приписка была сделана Амфитеатровым после того, как он получил п. Горького от 21 или 22 мая 1911 г.

201. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.V.27

Дорогой Алексей Максимович.

«Жалобу» получил [1]. Спасибо. Миролюбов назначил ее на июнь, но я надеюсь, что она успеет войти в май. Уже поехала.

Эта «Жалоба» нравится мне гораздо менее двух первых, особенно второй. Субъективного много вложили Вы в уста неподходящие, а тона субъективности последовательно выдержать не решились. От этого вещь вышла пегая, неопределенная и как бы робкая: производит такое впечатление, будто не действующее лицо, но автор боится сказать что-то,

рвущееся у него из души,— откроет рот, вот-вот отрежет, ан смолчал... пауза... и опять пошел разговор «вообще».

Увидите Миролюбова, скажите ему о перемещении «Жалобы» в май. Он прислал мне чью-то принятую рукопись с украинского, а чью — не обозначил. Завтра отошлю.

Чернов о Столыпине написал очень хорошо [2]. Он-таки выпишется в чудесного политического фельетониста. Притом легко с ним очень, с редакторской точки зрения. Покладистый автор, желающий, чтобы у него все было по-хорошему. И работник.

Я в V-й книжке буду представлен только Феррерой и несколькими рецензиями [3].

До свидания. Желаю Вам всего хорошего!

У Вас теперь пунктик — Судьба, Доля и т. п. Я, грешный человек, в российский фатализм очень плохо верю, и сдается мне, что теория Ваша относительно XVII века более находчива и остроумна, чем надежна...[4]

Гранатова «История XIX века» кончилась какими-то спешными комками, а не выпусками [5].

А Винниченкова «Честность с собою», извините за выражение, свинья!

Разные беллетристы присылают разные сочинения, а читать некогда! О, жизнь!

Еще раз — всего Вам лучшего! М. Ф. привет!

Ваш А. А.

[1] III рассказ из цикла «Жалобы».

[2] См.: А—Г, п. от 19 мая 1911 г., прим. 5.

[3] По-видимому, Амфитеатрову принадлежали три неподписанные рецензии в кн. 5 «Современника» на кн. Вас. Немировича-Данченко «Ранние огни» (М., 1910), А. Тырковой «Ночью» (СПб., 1911) и М. Арцыбашева «У последней черты» (Париж, книгоизд-во «Bibliopolis», 1911, ч. 1).

[4] Интерес к представлениям Горького о Судьбе и Доле, связанный с раздумьями писателя о русском национальном характере, отражен и в третьем рассказе цикла «Жалобы», о котором идет речь в этом письме (*Бялик Б. А.* Коллективное творчество народа // Бялик Б. О Горьком: Статьи. М., 1947. С. 175—190).

[5] Книгоизд-вом братьев А. и И. Гранат и К° выпускались многотомные издания: «История XIX века» под редакцией французских историков Э. Лависса и А. Рамбо (СПб., 1905—1907, т. 1—8), «История России в XIX веке» (СПб., 1907—1911, т. 1—9). Амфитеатров имеет в виду последнее. В 1911 г. вышли в свет т. 8 и 9 «Истории России в XIX веке» — «Конец века. (1892—1900)». Эти тома отличались от предшествующих менее полным освещением различных сторон русской жизни, что сказалось и на объеме томов. По-видимому, именно для этих томов была написана по предложению издателей ст. В. И. Ленина «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», которая по цензурным условиям не была напечатана. Об изд-ве см.: *Белов С. В.* Братья Гранат. М., 1982.

202. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. Между 26 и 29 мая 1911 г.›

Придумали вы, Александр Валентинович, весьма остроумно [1]: представил я себе протестующую Академию с высочайшим Ером [2] во главе и — расхохотался — озорство!

Само собою разумеется, что я лично во всякий коллективный протест пойду, а один — вдвоем, втроем — не сунусь. Бесполезно да и смешно.

А вот пусть все Куприны, Андреевы — Арцыбашево-Толстые с Ценскими и прочими заявят о своем отношении к сему вопросу, ну — и я тоже подпишу бумагу, ежели она будет написана с достаточной определенностью [3].

Где печатаете вы ваше письмо? И нет ли у вас желания вовлечь в дело В. Г. Короленко?

«Сказки» мои чли?[4] Как? Следует ли печатать их в «Современнике»? На сие жду ответа. И денег жду. Очень. Беден я, как турок.
Кланяюсь, во всех направлениях.
М. Ф.— тоже.

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 21—24 и 31 мая 1911 г.

[1] Горький имеет в виду амфитеатровское «Письмо в редакцию» (см. п. от 21—24 мая, прим. 4). В нем содержалось предложение «соединить те индивидуальные усилия, которыми до сих пор русские литераторы боролись с мрачною ритуальною легендою, в усилие дружного коллектива». Такой «коллектив» Амфитеатров увидел прежде всего в отделении изящной словесности Императорской Академии наук (К. Р., Кони, Голенищев-Кутузов, Арсеньев, Боборыкин, Веселовский, Котляревский, Овсянико-Куликовский, Бунин), которому и предложил содействовать в создании специальных брошюр для народа («200—300 000 брошюр»).

«Письмо в редакцию» появилось в «Парижском вестнике» (1911, № 22, 3 июня). В России было напечатано значительно позднее в сб. «Ау!» под заглавием «К делу Ющинского».

[2] Подразумевается великий князь Константин *Романов* (1858—1915) — поэт. Свои стихи подписывал «К. Р.». Был президентом Российской Академии наук с 1889 г. по день смерти.

[3] Идея коллективного обращения к русскому обществу в связи с «делом Бейлиса» возникла, как о том сообщал Короленко своей жене 15/28 октября 1911 г., «в Петербурге, в кружке литераторов» (*Короленко В. Г.* Собр. соч. М., 1955. Т. 9. С. 761). Воззвание «К русскому обществу (по поводу кровавого навета на евреев)», написанное Короленко, было напечатано в газ. «Речь» (1911, № 329, 30 нояб./13 дек.) и перепечатано многими газетами. Воззвание, кроме Короленко, подписали: Горький, А. Блок, Л. Андреев, А. Серафимович, Я. Купала, В. Засулич, З. Гиппиус, Вяч. Иванов, Е. Чириков, Ф. Сологуб, Алек. Толстой, А. Федоров, М. Арцыбашев, Н. Олигер, Скиталец, С. Н. Сергеев-Ценский, А. Бенуа и мн. др.

[4] Имеются в виду V, VI и VII «Сказки» из цикла «Сказки об Италии».

203. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 31 мая 1911 г.)

А. В., дорогой.

Я послал этим аргентинцам[1] все издания «Знания» и очень прошу вас помочь им в свою очередь!
Кое-кого я знаю там — весьма хорошие ребята!
Кланяюсь, желаю всего лучшего!

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с ответным п. Амфитеатрова от 2 июня 1911 г.

[1] Возможно, имеются в виду русские эмигранты, покинувшие Россию в связи с репрессиями, последовавшими в ответ на революционные выступления 1905—1906 гг.

Как сообщалось в «Парижском листке» (1910, № 24, 20 авг.), в Буэнос-Айресе (Аргентина) существовала русская рабочая социал-демократическая группа и «скромная русская библиотека».

204. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.V.31

Дорогой Алексей Максимович.
«Сказки» получил...
Ну что ж?
1) Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман.
2) Ты сам доволен ли, взыскательный художник?[1]
Отправил их с пометкою на июнь. Написал, чтобы деньги переведены были по выходе майской книжки[2]. Увы! в «Сказках» не более $^1/_2$ листа!
Приехал вчера ночью из Милана Зина потолковать о работах. Очень он мил и трогателен в качестве молодого супруга и являет большое трудолюбие. Не знаю, за что Миролюбов забраковал его американский

рассказ[3]. Я прочитал вчера, Герм. Ал. также, и оба мы нашли, что это, при некоторой наивности и элементарности, все же и жизнь, и живая лепка, и, во всяком случае, головою выше и таракановской мути пессимистической, и Винниченковой болтовни, которые он принял[4]. Мне не хочется на первых порах спорить, иначе я отстаивал бы Зинин рассказ. Пошлю его в другое место[5]. Парню надо печататься и печататься. Да и гонорар ему — ох, как не лишний!

Еврейскую мелодию послал я в несколько газет, между прочим, в «Речь», которая *поймет* и потому не напечатает, в «Бирж‹евые› вед‹омости›», которые не поймут и потому напечатают, в «Русское слово», которое поймет, но притворится, что не поняло, и, пожалуй, напечатает, и в «Утро России», которое ничего не поймет, но все равно напечатает, а если не напечатает, то с перепуга от старых за меня штрафов.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет.

Ваш А. А.

[1] Неточные цитаты из стихотворений Пушкина «Герой» и «Поэту».

[2] Для кн. 5 «Современника» предназначался рассказ «Жалобы» III.

[3] Речь идет о рассказе З. А. Пешкова «Без работы», который Миролюбов оценил как «скучн‹ые› воспоминания об америк‹анских› скитаниях» (запись от 20 мая — *ЗК Миролюбова*). Оценка Миролюбова совпадала с горьковской (Г—А, п. от 2 июня 1911 г.). В журн. «Современник» (кн. 5) был напечатан другой рассказ З. А. Пешкова — «Страна Надежд».

[4] Имеются в виду рассказ И. А. Тараканова «Один в природе», о котором Миролюбов отозвался так: «Есть стиль, есть идеи, есть замысел» (напечатан в кн. 6 «Современника») и рассказ Винниченко «Кузь и Грыцунь», оцененный Миролюбовым как «хороший рассказ, с юмором, сильный» (*ЗК Миролюбова*). Напечатан в XXXVII *сб. «Знания»*.

[5] Амфитеатров отослал рассказ З. А. Пешкова «Без работы» А. А. Измайлову в газ. «Биржевые ведомости». Он писал ему 19 июня 1911 г.: «...решился направить Вам рукопись одного молодого автора, имя коего Зиновий Алексеевич Пешков. По отчеству и фамилии можете догадаться, что это приемный сын Горького. Парень любопытнейший. Исходил и изъездил весь свет, был на возу и под возом. Теперь он начал писать» (*ИРЛИ*, ф. 115, оп. 3., № 8, л. 3). Сведениями о публикации рассказа не располагаем.

205. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. 2 июня 1911 г.›

Дорогой Александр Валентинович!

«Сказки» посланы на тот случай, если б «Жалоба» пошла в 6 книге, а раз она идет в 5-й — «Сказки» я считаю лишними, и следовало бы возвратить их мне, о чем я писал вам или говорил Миролюбову?[1] Не помню. Не нахожу их удобными для журнала.

Рассказ Зинин я в свое время читал и содержание оного не одобрил, как и Миролюбов[2]. Работать Зине — надо, так, но — я его знаю более десяти лет и знаю, что ленив он на работу, хотя несомненно талантлив и много обещает. Его следует подталкивать, и, если это сделает умелая и сильная рука, как ваша,— толк из малого будет, надо думать[3].

Пишу, все пишу!

Попросите — при случае — контору прислать вместе с деньгами и расчетишко мой — нужен для некиих соображений хозяйских.

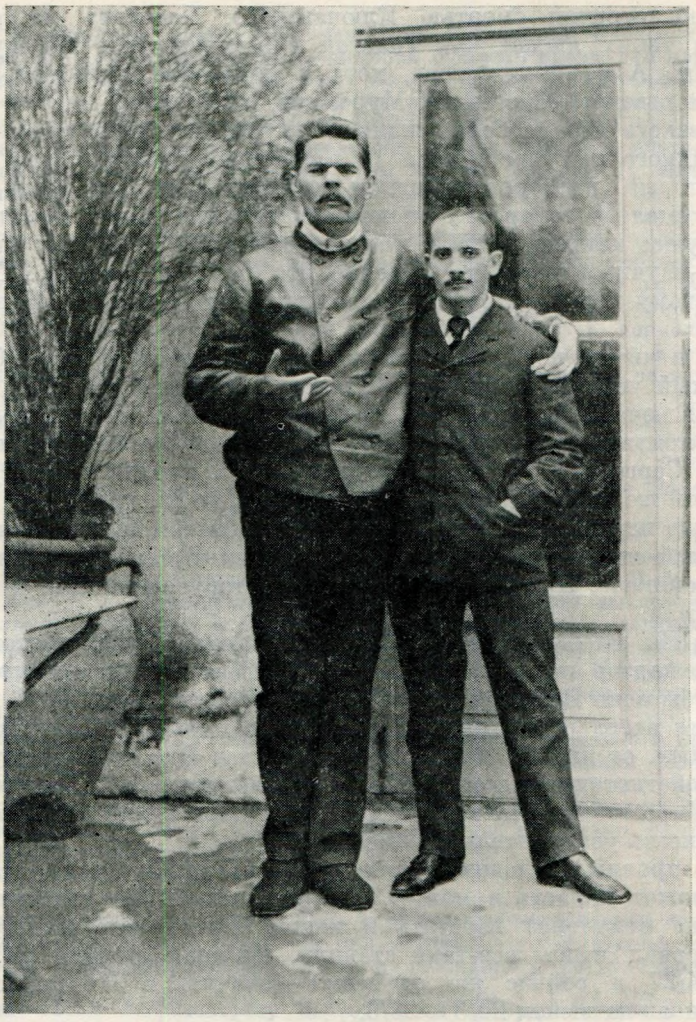
Ох, как много у меня нет денег!

Поклоны, приветы, рукопожатия.

А. Пешков

А Зине бы не жаловаться на недостаток средств: на 300 лир в месяц вдвоем можно жить здесь, люди живут и на меньшее до половины, да и недурно живут[4].

Датируется по п. Амфитеатрова Горькому от 31 мая и 4 июня 1911 г.



ГОРЬКИЙ И З. А. ПЕШКОВ У ДВЕРЕЙ ВИЛЛЫ «СПИНОЛА»
Фотография Н. Е. Буренина. Капри, 1909—1910
Музей Горького, Москва

[1] В п. В. С. Миролюбову между 26—30 мая 1911 г. Горький просил вернуть рукописи V, VI, VII «Сказок» (из цикла «Сказки об Италии»), если они не войдут в кн. 5 журн. «Современник» (*МИ*, III. С. 51, дата уточнена). «Сказки» были напечатаны в кн. 6 «Современника».

[2] Рассказ З. А. Пешкова «Без работы».

[3] 4 июня 1911 г. З. А. Пешков писал Горькому из Милана: «Я понемногу пишу, а главное, работаю над улучшением своего русского языка. Взял у Алек⟨сандра⟩ Валентиновича немного книг: Печерского, Писемского, Лескова, Тургенева, Островского» (*АГ*).

[4] 300 лир — деньги, которые Горький ежемесячно высылал З. А. Пешкову (*АГ*).

206. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

1911.VI.2. Fezzano

Дорогой Алексей Максимович.

Конечно, пошлю аргентинцам все, что есть. Жаль, что поздно. У нас mademoiselle Alice [1] уехала в Бразилию. С нею можно было бы отправить хоть десять пудов книг, ибо пароходчики на багаж добры.

Я очень огорчен смертью Ключевского. Потерять на расстоянии 6 месяцев таких людей, как Толстой и Ключевский,— это жуткое дело для страны. А в промежутках, хоть и поменьше калибром, а все же крупные мертвецы — Сергеевич, Муромцев, Якубович...[2]

Ключевского мне особенно жаль и потому, что умер рано, не кончив своего великого и мудрого дела (в противоположность Льву Ник<олаевичу>, который, наоборот, слишком пережил свое дело), да и потому, что — как смолоду зачаровал он меня с кафедры, так и в склоне к старости чаруюсь книгою. Если у нас за последние 30—40 лет являлся литературно-научный гений, то, конечно, это был Ключевский... Думаю, что суждено этому человеку расти по смерти долго и мощно. Народная фигура[3].

Сейчас я читаю полемику против его «Боярской думы» — Сергеевича и др. Умный человек Сергеевич и знает свое дело, как чёрт, и, покуда допекает Ключевского, кажется неотразимым. Но он поневоле должен вставлять подлинные тексты Ключевского и... после каждого из них все допекание Сергеевича разлетается дымом, а в памяти остается Ключевский: этакий же резец у человека! что ни удар, то фигура...[4]

А вообще историк у нас неплохой пошел. Какая великолепная фигура как научный художник Платонов! Покойник Павлов-Сильванский. Молодой Пресняков[5]. Ничего. Живет земля святорусская. Хоть и подлец же она, эта земля.

Какого Вы мнения насчет обращения газеты «Русское слово» в прокурорский надзор по уголовным делам?! Совершенно прокуроры № 2. Уж добро бы один Влас, а то и старик Немирович — туда же![6]

Получил вчера от Водовозова тревожное письмо[7]. Приидоша к нему эсдеци нецыи, от них же краю угла сый Львов Рогачевский, муж разума детьска, сплетнеточив же от младости своея... Напугали Водовозова Черновым и Миролюбовым до полусмерти, и пришлось мне вчера целый день сидеть и писать успокоительное письмо[8].

Между прочим, Водовозов пишет, что «Жалоба», ввиду запоздания, вряд ли может попасть в май, т. к. пришлось бы ее (он пишет, когда она еще не получена) верстать в конец беллетр<истического> отдела, телеграфировал, чтобы все-таки ставили. Не знаю, успеют ли[9]. Я получил ее 14/27 и сейчас же отправил — значит, в Питере она 18/31, а книжка должна выйти 20/3 — 23/6.

О деньгах я написал. Но Певина нет в Петербурге. Ездит, налаживая провинциальные агентуры. Послал бы Вам своих, но сейчас нищ. Подождем несколько дней. До свидания. Желаю Вам всего хорошего, М. Ф. привет.

Ваш А. А.

[1] По-видимому, Алисетте де Бельтран, о встрече с которой много лет спустя в Рио-де-Жанейро рассказал журналист Ю. М. Гальперин: «В один из обычных дней в пресс-центр пришла седая дама в белом костюме. Визитная карточка рекомендовала ее весьма внушительно: „Профессор Алисетте де Бельтран, основатель, директор-президент Института психопедагогики“ <...> „ <...>я родилась в Бельгии, училась в Италии, и там судьба свела меня с русскими эмигрантами, революционерами <...>“ Мадам Бельтран развернула пакет, достала довольно объемистый старенький альбом. И вот в далеком Рио-де-Жанейро я увидел никому не ведомые строки, написанные рукой Максима Горького:

„Свобода любит красоту,
А красота — свободу.
М. Горький
10/3 — 1911“

— Вы были знакомы с Горьким?!

— Да, и довольно близко. В течение целого года мы часто встречались в кругу русских эмигрантов, их итальянских друзей» (*Гальперин Юрий.* Человек с микрофоном. М., 1971. С. 244—245).

[2] В. О. Ключевский умер 12/25 мая 1911 г. Василий Иванович *Сергеевич* (р. 1832 — ум. 26 нояб./9 дек. 1910 г.) —историк русского права. Его памяти посвящена значительная часть ст. «Из траурных воспоминаний» А. Артемьева (М. Кояловича) (Современник. 1911. Кн. 1). Сергей Андреевич *Муромцев* умер 4/17 октября 1910 г. Петру Филипповичу *Якубовичу* (р. 1860 — ум. 17/30 марта 1911 г.) был посвящен некролог Водовозова и ст. Амфитеатрова «Литературные впечатления. П. Я. (П. Якубович-Мельшин). Стихотворения. Том I. Изд. 6-е. Том II. Изд. 4-е. СПб., 1910, изд. книготов-ва „Просвещение"» (Современник. 1911. Кн. 4).

[3] Через десять лет, в 1921 г., Амфитеатров вспоминал: «Мы, студенты первых курсов, увлекались Ключевским, обожали Ключевского. Однако сомневаюсь, чтобы многим из нас было тогда ясно все огромное значение нашего любимого профессора». Упомянув о переиздании произведений Ключевского в 1919 г., Амфитеатров писал далее, что это переиздание «уже опять превратилось в библиографическую редкость ⟨...⟩ и нет сомнения, что, живи мы в сколько-нибудь нормальных типографских условиях, Ключевского можно бесстрашно издавать еще и еще, как издаются Пушкин, Толстой, Лермонтов, Чехов» (текст выступления на вечере, посвященном памяти В. О. Ключевского — *ЦГАЛИ*, ф. 34).

[4] Монография В. О. Ключевского «Боярская дума Древней Руси» неоднократно издавалась в 1882—1919 гг. «Критику» Сергеевича см. в кн.: *Сергеевич В.* Древности русского права. 3-е изд. СПб., 1908. Т. II. С. 463—501.

[5] Сергей Федорович *Платонов* (1860—1933), Николай Павлович *Павлов-Сильванский* (1869—1908), Александр Евгеньевич *Пресняков* (1870—1929).

[6] Амфитеатров имеет в виду корреспонденции из зала суда Дорошевича и Вас. Ив. Немировича-Данченко по делу Вонлярлярских, печатавшиеся в газ. «Русское слово» начиная со 2/15 мая 1911 г. Крупный промышленник В. М. Вонлярлярский и его сын Д. В. Вонлярлярский обвинялись в подлоге завещания. В своих корреспонденциях Дорошевич и Вас. Ив. Немирович-Данченко высказывали тревогу по поводу ведения дела и возможного оправдания подсудимых, пользующихся поддержкой в правительственных кругах. По приговору суда Вонлярлярский был оправдан, а его сын признан «виновным, но заслуживающим снисхождения» (Русское слово. 1911, № 119. 26 мая/8 июня).

[7] В п. Водовозова от 15/28 мая 1911 г. содержалось сообщение о предложении, сделанном Водовозову как представителю петербургской редакции «Современника» М. С. Ольминским (Александровым) «от группы следующих лиц: Бонч-Бруевич, Б. Б. Веселовский, В. Базаров, В. Величкина ⟨Бонч-Бруевич⟩, Лосицкий, И. В. Чернышев ⟨...⟩ они входят в журнал в качестве сотрудников, но только групповым образом с следующей конституцией:

1. Они имеют право отвода сотрудников.
2. Рекомендации сотрудников.
3. Внутреннее обозрение должно быть в руках одобренного ими человека, причем, если оно будет в моих руках, то они заранее дают мне свою инвеституру.
4. Должны быть регулярные собрания ближайших сотрудников журнала» (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

Водовозов писал Амфитеатрову далее: «...их сотрудничество, в особенности Бонч-Бруевича, действительно, очень желательно, но ⟨...⟩ их конституция ⟨...⟩ представляется крайне опасной» (Там же).

[8] Водовозов не был информирован Амфитеатровым об изменениях в редакционном комитете журн. «Современник». Он узнал об этом от Львова-Рогачевского, о чем и написал Амфитеатрову 15/28 мая 1911 г. Кандидатура Чернова как «вдохновителя и направителя ⟨...⟩ общественного отдела» журнала была неприемлема для Водовозова, ведущего этот отдела (Там же).

[9] Рассказ «Жалобы» III был напечатан в кн. 5 «Современника», в конце беллетристического отдела (десятым номером).

207. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VI.4

Дорогой Алексей Максимович.

Ни единого слова о возврате «Сказок» Вы мне не писали, за исключением того случая, если я найду их непригодными для «Совр.». Таковыми я их не нашел, как не найду ничего, над чем Вы ставите свое имя. Вошла ли «Жалоба» в май, не знаю, ибо рукопись попала ко мне страшно поздно, 14/27 — значит, за неделю до выхода книги. Все, что надо, в контору написал. Расчет Ваш очень прост. 500 р. внесено Певиным в Народный дом Толстого, 225 переведено Napoli Morgano, 228 р. взяли у меня. Всего материала, печатанного и сданного, около трех листов. Вот почему я и писал Вам прошлый раз: увы! мал капитал, ожидаемый Вами. О счете конторе написано.

Вы напрасно предположили, что Зина мне жаловался на недостаток средств. И не думал. На 300 фр., хотя и *втроем* (а не вдвоем, как Вы пишете), конечно, жить можно, хотя и не скажу, чтобы недурно. Парню просто и хочется, и время, и надо самостоятельно зарабатывать деньги, к чему и следует открыть ему дорогу. О том и стараюсь.

Относительно его рассказа[1] я остаюсь при особом мнении, поддержанном, впрочем, всеми, где сущими. Рассказ как рассказ. По крайней мере, кусок жизни, и не совсем обыкновенной. Повествование бодрое, грамотное, при некоторой редакционной правке — даже гладкое и складное. Если можно принимать к печати полуграмотное кисляйство Тараканова[2] и болтовню Винниченки[3], то Зину печатать и бог велел. У Вас в «Знании» я Вам насчитаю десять-пятнадцать рассказов, которые хуже Зинина. Уж эти мне повышенные требования к «своим» и страх литературного «непотизма» *! Подталкивать хорошо, когда есть куда. Вы знаете, что в рукописях литературные дебютанты не вырабатываются. Не знаю, как заленится, а покуда чрезвычайно деятелен.

Вот, кажись, и все покуда — очередное. Тону в делах. До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет.

Ваш А. А.

[1] «Без работы».

[2] Помимо очерка Тараканова «Один в природе» (см. п. 204, прим. 4), Миролюбов одобрил также его очерк «Айне Булак». Он записал 15 июля 1911 г.: «...есть свой стиль. Есть красивая природа». 16 августа Миролюбов читал еще один его очерк «В большом городе» (*ЗК Миролюбова*). Очевидно, именно два последних очерка имел в виду Горький в п. к Миролюбову (до 12 сентября 1911 г.): «Тараканову надо возвратить очерки. Как жаль, что он манерничает. Очень интересен» (*XXIX*, 181). Очерк «Айне Булак» был напечатан в «Современнике» значительно позже (1912, кн. 8).

[3] Имеется в виду рассказ Винниченко «Кузь и Грыцунь».

208. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VI.17

Дорогой Алексей Максимович.

Как же быть все-таки с «Сказками»? Они набраны[1]. Если дадите что-либо в июль — а следовало бы дать ввиду дебютности этой книжки[2],— то, если не хотите печатать «Сказок», конечно, дело Ваше; если же не дадите, то лучше бы их напечатать в июне, чтобы не было долгого перерыва без Вас. А, по-моему,— еже писах, писах: печатать «Сказки», а в июле бы «Жалобу» № 4? [3]

С Водовозовым приходится разойтись. На редакторском экзамене он провалился безнадежно, а главное, явил уж слишком большое своевольство: напихал в 5-ю книжку авторов и статей, о которых я не имел никакого понятия до тех пор, пока не увидал книжки[4]. Вот-те и коллектив, и коллегиальная редакция! А главное, он, никому не показав, напечатал свою статью[5] (явно науськаный), столь вызывающую и программную, что эс-эров и эс-деков-отзовистов[6] она должна была, очевидно, поссорить с журналом. И так как все это — после обмена писем о блоке и визита Кусковой, которая была его депутаткою и с которою мы тут хорошо договорились насчет общей платформы, какие табу соблюдать, то, очевидно, статья написана не случайно, а с намерением ангажировать журнал и заставить меня помириться с свершившимся фактом. Ну, нет. Не на таковского напал. Вчера я телеграфировал, а сегодня написал Быкову, чтобы все рукописи и корректуры направлялись теперь в Fezzano и без моей подписи ни единая не поступала бы в набор.

---

* От лат. nepos (nepotis) — замещение по протекции доходных или видных должностей родственниками.

Будем редактировать здесь, а там посадим добросовестных приказчиков, которые должны печатать, не рассуждая.

22-го приезжает Певин. Непременно жду к этому времени Миролюбова, и было бы очень хорошо и важно, если бы хоть на денек приехали Вы. Помимо всех иных обстоятельств, второе полугодие журнала должно начаться манифестом союзной редакции, и манифест сей, конечно, должно выработать коллективно[7]. Вы, стало быть, как вдохновитель идеи демократического блока тут в первую голову[8].

Видеть не могу 5-й книжки — так она меня удручает. Этакий опреснок! И как подумаешь, какой политический фельетон Чернова в редакции недвижим остался![9] Давно такой блестящей памфлетической вещи не читал. Вообще, вот работник — это я Вам доложу! А вместо этого какие-то Коробки, Гешины, Клочковы... Тьфу!

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет. Если сколько-нибудь возможно, приезжайте, ибо времени до июля — как кот наплакал.

Ваш А. А.

[1] См.: Г—А, п. от 2 июня 1911 г., прим. 1.

[2] Кн. 7 «Современника» была подготовлена новой редакцией журнала: Амфитеатровым, Миролюбовым (редактор беллетристического отдела), Черновым (редактор общественного отдела). Но состав нового редакционно-издательского комитета в кн. 7 (и в последующих) указан не был. Сообщалось о подписке на «новый большой ежемесячный журнал „Современник", издаваемый при ближайшем участии А. В. Амфитеатрова, М. Горького, В. С. Миролюбова и В. М. Чернова». Далее печатался значительно расширенный по сравнению с кн. 1 «Современника» список авторов, сотрудничающих в журнале. Среди новых имен Н. Д. Авксентьев, А. В. Вережников, Ю. П. Виппер, Н. И. Коробка, Е. М. Милицына, В. С. Миролюбов, Вас. И. Немирович-Данченко, Н. И. Ракитников, В. М. Чернов, Саша Черный, С. А. Щепотьев.

[3] Рассказ «Жалобы» IV был напечатан в кн. 9 «Современника». В кн. 7 журнала Горький не дал своего произведения.

[4] Амфитеатров имеет в виду ст.: Н. Коробка «Декабристы братья Борисовы и Общество соединенных славян», Е. В. Гешин «Очерк приказчичьего движения», М. Клочков «Из траурных воспоминаний. В. О. Ключевский».

[5] Имеется в виду обозрение Водовозова «На Родине. Министерский и парламентский кризис в стране, в которой, слава Богу, нет парламента» (Современник. 1911. Кн. 5). Свое обозрение Водовозов поместил вместо рекомендованного Амфитеатровым внутреннего обозрения Чернова, в котором утверждалась неприемлемая для Водовозова идея бойкота выборов в Государственную думу (п. Водовозова Амфитеатрову из Петербурга от 29 мая, 14 и 25 июня 1911 г.— *ЦГАЛИ*, ф. 34).

[6] Отзовисты — фракционная группа бывших большевиков. Оформилась в 1908 г. (А. А. Богданов, Г. А. Алексинский, А. В. Луначарский, М. Н. Лядов и др.). Отзовисты требовали отзыва социал-демократических депутатов из III Государственной думы и прекращения работы в легальных организациях. В 1909 г. вошли в группу «Вперед». Еще в июне 1909 г. в резолюции Совещания расширенной редакции «Пролетария» отмечалось: «Отзовистско-ультиматистская агитация уже стала приносить несомненный вред рабочему движению и социал-демократической работе. При дальнейшем ее продолжении она может стать угрозой единству партии, ибо эта агитация приводила уже к таким уродливым явлениям, как объединение отзовистов и эсеров (в СПб.) для проведения отказа в помощи нашему партийному думскому представительству...» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 1. С. 276).

[7] Окончательно вопрос решился в начале июля. 3 июля 1911 г. Амфитеатров написал Водовозову о невозможности дальнейшей совместной работы: «Во всем черновском инциденте выясняется между нами полное разногласие и взаимонепонимание». Он писал далее о своем нежелании предоставить петербургской редакции самостоятельность (на чем особенно настаивал Водовозов): «...надо сосредоточить его („Современник".— *Ред.*) редакцию здесь, за границею, и вести его как наш заграничный изгойский отклик на русские дела. В этом смысле мы и говорили и пришли к соглашению с П. И. Певиным» (*ЦГАЛИ*, ф. 34). Водовозов получил это письмо 25 июня / 8 июля, в день, когда им было написано п. Амфитеатрову с отказом быть членом редакции в журнале эсеровского направления (Там же). В связи с этим и Кускова, ранее предложившая «Современнику» свои статьи, отказалась от сотрудничества в журнале (п. Амфитеатрову от 7 июля 1911 г.— Там же).

Водовозов вернулся в редакцию «Современника» после того, как из нее вышли Чернов и Миролюбов. В ноябре 1911 г. в печати появилось сообщение о том, что

ФАРАЛЬОНИ. СКАЛЫ У БЕРЕГОВ КАПРИ
Картина Н. А. Прахова (дерево, масло). 1910
Музей Горького, Москва

Водовозов «представлял „Современник" на совещании представителей от двадцати периодических изданий, организовавших Петербургское общество литераторов и ученых» (Книжный вестник. 1911. № 49).

[8] Скептически относясь к возможностям Амфитеатрова создать журнал на основе «блока», Горький все же в это время сочувствовал самой идее объединения. Об этом свидетельствует п. В. И. Ленина Горькому от 27 мая 1911 г., из Парижа, в котором, отзываясь на еще одну попытку Горького в этом плане, Ленин писал: «Чтобы избежать разочарований и безнадежной склоки, надо, по-моему, быть очень осторожным насчет „объединения". Ей же ей, не объединяться теперь, а размежевываться надо!» (*В. И. Ленин.* Т. 48. С. 33—34).

[9] См.: Г—Ч, п. 3.

209. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 17 июня 1911 г.⟩

Александр Валентинович почему молчит?

Благоденствует, сердится, нездоров или разучился письма писать? Сие — тревожно.

«Зверя» — нет, «Современника» — нет [1], ничего нет, кроме луны, подобной ощипанному подсолнечнику, смотрит она в окно мое длинное и якобы вопрошает: что, робенок? А я ей, молча, язык показываю.

Сын же ваш московский обо мне забыл и книг не шлет [2]. Увы, мне!

Ну, и как вы живете? Это очень интересно.

А. Пешков

Датируется по содержанию и сопоставлению с п. Амфитеатрова Горькому от 19 июня 1911 г.

[1] Имеется в виду кн. 5 «Современника».

[2] В. А. Кадашев-Амфитеатров разыскивал необходимые Горькому книги. См.: Г—А, п. от 9 или 10 августа 1911 г., прим. 2.

210. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VI.19

Дорогой Алексей Максимович.

Луна и у нас есть, а сверх того ветер бурный.

Московский сын вот уже ровно месяц не пишет мне ни строки. Насчет сердцов — выдумаитя тоже!

Получили «Современник»? Не смотрели бы глаза мои!

Приезжайте, пожалуйста. Це дило треба разжуваты.

«Зверя» до сих пор в глаза не видал, хотя вылез из берлоги уже второй том. Вожусь с корректурою третьего, хотя журнальные дела поминутно отрывают.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет.

Ваш А. А.

Гостит у нас сейчас певица Зоя Лодий[1]. Поет русских авторов с чувством.

Получили ли из «Совр.» деньги?

[1] Зоя Петровна *Лодий* (1886—1957) — певица (лирическое сопрано). В 1906—1908 гг. училась в Петербургской консерватории, затем совершенствовалась в Италии. С 1912 г. вела большую концертную деятельность в Петербурге, Москве и других городах России, а также за границей. В 1925 г. Лодий провела месяц в Сорренто, часто бывала у Горького, пела в его доме (*Лодий З.* Мои встречи с А. М. Горьким — *АГ*).

211. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 19, 20 или 21 июня 1911 г.⟩

Печатайте, А. В., сказки[1]. Иного ничего нет, и написать не успею; времени у меня мало, а работы много, как никогда. Дорожу всяким часом и даже купаться не могу начать, а надо бы.

Очень много в этом году русского народа наезжает, и народ все весьма интересный — тьфу, тьфу, чур меня!

К вам — не попаду[2], должен стоять на страже в ожидании скоропостижных приездов разных нужных лиц. Помимо этого, не хочется прерывать работу.

Что Водовозов уйдет[3] — не горе, полагаю, он никогда не казался мне гениальным. И что Кускова не придет — не беда, думаю, да и рано «Совр.» в кусочки ходить. Лучше строить дело на молодых, новых силах, собрать их — можно, и В⟨иктор⟩ С⟨ергеевич⟩ весьма об этом старается.

А насчет блока Вик⟨тор⟩ Мих⟨айлович⟩ лучше меня дело понимает[4]. Буде же я окажусь очень нужен — уговорите Певина ехать сюда, а сами — с ним. Пора. Здесь — прохладно и приятно. Где «Зверь»? Все еще в бездне «Просвещения»? Страдаю!

Будьте здоровы!

А М. Ф.— кланяется.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 17 и 23 июня 1911 г.

[1] В кн. 6 «Современника» были напечатаны три «Сказки» Горького из цикла «Сказки об Италии» (V, VI, VII).

[2] Е. П. Пешковой Горький объяснил причины своего нежелания ехать в Феццано: «Я не могу отдать себя целиком „Современнику", чего хотели бы Чернов и К°, не могу даже посвятить этому делу много времени, его у меня — нет, оно потребно на целый ряд других, не менее важных задач. К осени я должен сорганизовать еще два журнала и газету, это необходимо» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 111). Письмо ошибочно датировано в этом издании 5 марта. Оно написано позже, по-видимому, июнь, до 20, 1911 г.

[3] Миролюбову Горький писал в первой половине июня: «Если голос мой имеет какое-либо значение в конфликте редакции „Современника" с г. Водовозовым — передаю право голоса Вам» (*МИ.* III. С. 79).

[4] См.: Г—Ч, п. 3.

212. АМФИТЕАТРОВ – ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VI.23

Дорогой Алексей Максимович.

Вчера у нас был день событий.

Приехал Миролюбов, а Лида, как увидала его, обомлела и с перепуга, несколько часов спустя, родила великолепную девицу[1]. Августейшая родительница и ребенок совершенно здоровы.

Жаль, что Вы не можете приехать. Это совсем не для совпадения с Певиным нужно, как Вы почему-то предполагаете,— Певин и мною в одиночку напет будет, сколько требуется. А надо выработать если не блок, то программу реформы и манифест об оной, который и обратится в конституцию журнала[2]. Чернов Вас в этом случае никак заменить не может, ибо он лицо в некотором роде официальное, значит, связанное[3]. Ну, да Ваше дело.

Когда свалю дела, что, надеюсь, с организацией редакции заграничной, не за горами, с удовольствием приеду к Вам на Капри сделать легкую передышку. Ехать же сейчас на Капри для деловых разговоров бесполезно: времени потеряем уйму, а поговорить в Вашей толчее, с постоянною сменою приезжающих и отъезжающих все-таки не придется как следует. Это значило бы лишь в хаос окружающих Вас дел и проектов внести еще одну заботу.

Певин еще не приехал, и телеграммы от него нет. Где он, не знаю. Если сегодня не явится, телеграфирую.

Вообще, боюсь я, что идея блока отцвела, не расцветши. Из разговоров с Миролюбовым вынес впечатление, что больших и результативных собеседований между вами за этот промежуток дней не было.

Нет, не скажите. Мне и Водовозова, и Кусковой жаль, ибо люди честные и испытанно стойкие в совершенно опустошенной русской интеллигенции сейчас ценная редкость. Что касается молодых сил, не вижу я их, да ведь и те, которые являются, надо же дисциплинировать кому-нибудь.

Ну, да поведу дело, как умею, сам. Не впервой этот снег мне на голову.

Гусева-Оренбургского я от Вас так и не дождался — ау, моя статья о духовенстве.

Объявился Слово-Глаголь[4]. Просится работать. Пишет из глухой деревни Аткарского уезда. Что Вы на это скажете?

Вот и все, что есть очередного...

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет.

Ваш А. А.

Грущу без Герм. Ал.: уехал вчера на Lago di Como для свидания с Даниельсоном[5] и братьями[6]. Недели три проскитается, а то и больше.

[1] Дочь З. А. и Л. П. Пешковых – Елизавета Зиновьевна *Пешкова* (р. 1911) – переводчица, преподаватель иностранных языков.

[2] «Манифест», выработанный в Феццано в последних числах июня на совещании Певина, Амфитеатрова, Чернова и Миролюбова, был напечатан в кн. 7 «Современника» (ст. «От редакции»). Одновременно в специальном проспекте издания, выпущенном в июле 1911 г., были напечатаны оба «манифеста» — январский и июльский. Текст июльского манифеста был написан Черновым при участии Амфитеатрова (А—Г, п. от 9 ноября 1911 г.).

[3] Имеется в виду руководящее положение Чернова (член Центрального комитета) в партии эсеров. Определяя свою политическую позицию как «внепартийную», Амфитеатров все же признавался в п. к Н. А. Рубакину от 2 сентября 1910 г.: «Из действующих партий наиболее чувствую и близко стою к социалистам-революционерам. Считаю себя, если хотите, незаписанным эсером. Но в хороших отношениях и со всеми другими левыми партиями, борющимися с монархизмом» (*ГБЛ*, ф. 358, к. 199, ед. хр. 45).

[4] Слово-Глаголь – псевдоним Сергея Сергеевича *Гусева* (1854—1922), беллетриста и публициста. В 90-е годы сотрудничал в «Самарской газете».

[5] Николай Францевич *Даниельсон* (псевдоним — Ник. — он, Николай — он) (1844—1918) — экономист, социолог и публицист. Завершил начатый Лопатиным первый перевод «Капитала» К. Маркса на русский язык (СПб., 1872). Впоследствии перевел также второй и третий тома. Переписывался с К. Марксом и Ф. Энгельсом.

[6] Всеволодом Александровичем и Николаем Александровичем Лопатиными.

213. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. 4 или 5 июля 1911 г.›

Дорогой Александр Валентинович!

Нельзя ли сказать конторе, чтоб прислала мне гонорарию? Очень нужны деньги по случаю приезда многих безденежных людей.

Приехал В‹иктор› С‹ергеевич› в добром порядке и хорошем настроении, сегодня будем разговаривать с ним [1].

Установилась здесь отличная погода: не жарко, а тепло, светло, тихо и ласково.

Были «сатириконцы» вчетвером, интересные и, действительно, веселые ребята [2]. Был Сургучев [3] — парень симпатичный и серьезный. Знает китайский язык, изучал философию и литературу китаев. Золотарев приехал [4], и еще скоро двое литераторов явятся.

Был на днях российский деревенский поп и занятно говорил о Господе: или, говорит, я его, или он меня должен отринуть! Двадцать лет состязается с Богом, но — обедни служит и вообще к ремеслу своему привержен.

Были также люди из Читы, Харбина и сообщают, что у них там страх пред войною с Китаем все растет, многие фирмы ликвидируют дела и прочее. Очень пессимистичны [5].

Народа — множество, и всё интересный народ.

Будьте здоровы все!

А «Зверь»?

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 7 июля 1911 г.

[1] Миролюбов приехал из Феццано, где проходило редакционное совещание «Современника». «Три дня вырабатывали конституцию с Певиным,— писал Амфитеатров Лопатину 1 июля 1911 г.,— все редакционные дела переносятся сюда. Там оставили только безгласного исполнителя здешних решений. Составили манифест ‹...› Певин по всем делам отчитался весьма блистательно и вообще был весьма хорош, так что даже Миролюбов уезжает на Капри в очень хорошем духе...» (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

[2] «*Сатирикон*» — еженедельный журнал сатиры и юмора; выходил в Петербурге с 1908 по 1914 г. О пребывании сатириконцев на Капри у Горького летом 1911 г. Сургучев рассказывал в п. к В. А. и Е. В. Тихоновым осенью 1911 г.: «Сидим мы там у него — вдруг прикатывает вся редакция „Сатирикона“: Аверченко, Радаков, Ремизов, Ландау. Повел нас Горький в „Gaudeamus“ — такой ресторан на Капри есть ‹...› Весело было удивительно!» (*ЦГАЛИ*, ф. 493, оп. 1, ед. хр. 61, л. 15).

А. Т. *Аверченко* — беллетрист, редактор журнала, А. А. *Радаков* и Н. В. *Ремизов-Васильев* (Ре-Ми) — художники, Г. А. *Ландау* — беллетрист.

[3] Сургучев уехал за границу 16/29 мая, вернулся 30 июня / 13 июля 1911 г. На Капри в гостях у Горького находился недолго (п. Сургучева к Е. В. и В. А. Тихоновым от 1/14 июля 1911 г.— Там же, л. 1).

[4] «В марте 1911 г. по постановлению Министерства внутренних дел А. Золотарев был опять выслан на три года в Нарымский край. Ввиду болезни родные снова добились замены Сибири высылкой за границу ‹...› А. Золотарев сразу же отправился на остров Капри к М. Горькому, где прожил до 1914 г.» (*Астафьев А.* Забытый писатель. (А. А. Золотарев) — *Горьк. чт.* 1966. С. 326).

[5] Имеются в виду события в Сычуани, где развернулось движение «защиты железных дорог», вызванное соглашением цинских властей 20 мая 1911 г. с консорциумом английских, немецких, французских и американских банков, по которому строительство железных дорог в Китае передавалось в руки иностранного капитала. События в Сычуани послужили толчком к революционному восстанию 10 октября 1911 г. См.: Г—А, п. от 17 октября, прим. 7.

214. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VII.7

Дорогой Алексей Максимович!

В контору пишу немедленно. Значит, на днях получите, вместе с Вашим счетом.

«Зверь» ползет где-то между Петербургом и Специей, ибо «Просвещение» послало его для экономии товарным порядком.

Гоните Миролюбова поскорее вспять. Мудрено без него с разными текущими вопросами.

Был у меня Рубакин[1]. Интереснейшие материалы привозил и показывал. Будет Вам писать насчет самоучек. У него по этой части письменный запас с 1889 года. Нам он дает серию этюдов (по письмам) «Бодрые люди» и несколько статей о психологии читателя, также результаты анкеты[2]. Удивительно интересны материалы его переписки. Ни у кого еще такой не видал. Говорит, что в России настроение революционное, очень бодрое; хныканье и мямленье только в партиях. Эсеры тоже, побывав на родине, приободрились; застали дела свои куда лучше, чем ожидали, и бойкотистскую идею весьма популярною[3].

С сатириконцами в журнале их я незнаком, а в газетах они меня не восхищают. Нутряной гогот какой-то. Аверченко же в последнее время повторяется прескучно. Хорошенького понемножку.

Этой войны с Китаем мы уже года три ждем. А вернее: со времен басни дедушки Крылова и водевиля «Война Федосьи Сидоровны с китайцами»...[4] В июньском № у нас статья Вережникова — «С кем мы воевали»[5]. Так себе. Мне не нравится.

Слушайте! Вот же дрянь делает покуда Мережковский из «Александра I»[6]. Тени Мордовцева[7] и Данилевского[8] только переглядываются:

> Какой бы шум вы подняли, друзья,
> Когда бы это сделал я!

Обругали бы их в лучшем виде.

Пишу в «Сверчок» трагедию «Юрундуля», с участием св. Зинаидицы Троебратчицы, матери Философицы и прочих именитых гастролеров[9].

Не знаю, как быть с «Александром I». Ждать его конца или заняться им от книжки к книжке? Исторических-то промахов уже достаточно сделано...

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет.

Ваш А. Амфитеатров

[1] В начале 1911 г. Амфитеатров пригласил Н. А. Рубакина принять участие в журнале. Он писал ему 4 февраля 1911 г.: «Если примете предложение, обрадуете меня весьма. Если не только примете, но и пришлете что-либо поскорее — обрадуете вдвое» (*ГБЛ*, ф. 358, к. 199, ед. хр. 45, л. 6 об.). Имя Рубакина указывалось в числе сотрудников журнала начиная с кн. 2 «Современника».

[2] «У Н. А. Рубакина,— вспоминал его сын, А. Н. Рубакин,— был огромный и тесный контакт с читателями путем личной переписки с ними — а переписывался он более чем с 20 тысячами читателей. Для них он составлял индивидуальные программы по самообразованию — всего около 15 тысяч программ. Культурную работу свою он рассматривал „как средство". „Цель же была революция" — так определял свою деятельность он сам» (Книжное обозрение. 1977. 7 янв.).

Упоминаемые материалы в журнал не были присланы. В ноябре 1911 г. Рубакин послал Миролюбову рассказ «Розовая лампочка».

[3] Идею бойкота выборов в IV Государственную думу, поддержанную некоторыми деятелями партии эсеров, в том числе и Черновым. Социал-демократы большевики стояли на противоположных позициях. В. И. Ленин в ст. «Об избирательной кампании и избирательной платформе» писал в октябре 1911 г.: «В будущем году предстоят выборы в IV Гос. думу. Социал-демократия должна *немедленно* открыть избирательную кампанию» (*В. И. Ленин*. Т. 20. С. 355).

[4] Имеются в виду басня И. А. Крылова «Три мужика» и «Комедия о войне Федосьи Сидоровны с китайцами» Н. А. Полевого (1842). Об этой комедии ирони-

чески писал В. Г. Белинский в рецензии «Русский театр в Петербурге» (*Белинский В. Г.* Поли. собр. соч. М., 1955. Т. VI. С. 395—398).

[5] Ст. А. Вережникова «С кем мы воевали» (Современник. 1911. Кн. 6) посвящена Китаю.

[6] Д. Мережковский «Александр I» (Русская мысль. 1911. № 5, 6, 10—12; 1912, 1, 3, 4, 10—12).

[7] Даниил Лукич *Мордовцев* (1830—1905) — русский и украинский писатель, историк. Автор многочисленных исторических романов.

[8] Григорий Петрович *Данилевский* (1829—1890) — русский и украинский писатель. Исторические романы Данилевского «Мирович», «Княжна Тараканова» и др. пользовались большой популярностью.

[9] Речь идет о намерении Амфитеатрова написать пародию на роман З. Гиппиус «Чёртова кукла». Юрундуля — главный герой этого романа Юруля (Юрий Двоекуров), Зинаида Троебратчица — Гиппиус (Амфитеатров обыгрывает изображенное в романе «троебратство» героев-богоискателей — Дидима Ивановича Саватова, его племянника Ореста и бывшего мастерового Сергея Степановича); Философица — Д. Философов. В «Современнике» пародия не была напечатана.

215. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VII.8

Дорогой Алексей Максимович.

С майского «Совр‹еменника›» Вам следует 750 франков.

Шестьсот, согласно Вашему письму, задерживаю в квит Вашего долга.

Сто пятьдесят препровождаю.

О высылке Вам за июнь написано.

Жду Миролюбова.

Получили нечто от Маргариты Оду [1].

Неужели на июль от Вас ничего не будет?!

Ой, надо Альбова писать...[2]

До свидания. Желаю Вам всего хорошего

Ваш А. А.

[1] Маргарита Оду «Новые рассказы» («Невеста», «Жеребята», «Барка королевы», «Отец», «Мать и дочь») (Современник, 1911. Кн. 7).

[2] Михаил Нилович *Альбов* (1851—1911) — писатель. Его произведения были посвящены преимущественно жизни духовенства и городского мещанства. Об Альбове Амфитеатров писал в «Литературных впечатлениях» (Современник. 1911. Кн. 7).

216. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. 13 или 14 июля 1911 г.›

Дорогой Александр Валентинович!

Прилагаю при сем письмо Исхакова, кое прошу мне возвратить [1], письмо для Виктора Сергеевича и рукопись, адресованную ему [2].

Попросите, пожалуйста, выслать Исхакову деньги-то!

И — будьте здоровы. Кланяюсь.

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 16 июля 1911 г.

[1] П. Гаяза Исхакова Горькому из Константинополя от 20 июня 1911 г., в котором он сообщал о задержке гонорара за ст. «Пробуждение русских татар и их литература». В этом же письме Исхаков сообщал о публикации произведений Горького («Мать» и «Русский царь») в турецких газетах (*АГ*).

[2] О каком письме и рукописи идет речь, неизвестно.

217. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VII.16

Дорогой Алексей Максимович.

Решительно все гонорары по июнь включительно выплачены и разосланы. О Свердловой, т. е. Неджиб [1], Певин меня даже запрашивал особо, ибо адреса на рукописи не было, а получил я его от Вас месяц или 1 ½ тому назад и немедленно о том написал. С заграничными посылами вечная путаница, в которой обыкновенно виноваты адресаты.

Деньги Богучарского [2] гуляли по Европе, покуда не вернулись в Питер, Волховский дал адрес на Лондон, уехал в Париж, в Париже не оставил дальнейшего адреса, а из дальнейших же адресов сокрушался, что не получает гонорара [3], который не мог его найти ввиду парижской «пробки». Вообще, что в таких случаях терять время на письма к редакторам?

Надо строго писать в контору. А то вот: из Константинополя на Капри — 3 дня, из Капри в Феццано — 1 ½; из Феццано в Петербург — 3 ½, да у двоих литераторов время отнято. Письмо Исхака посылаю в контору, с тем, чтобы навели справки, а затем возвратили Вам.

Письмо и рукопись Мир<олюбову> передал. Конфискация нас опять жестоко укусила [4].

Получили ли все-таки книжку 6-ю?

До свидания, желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Сейчас прочитал снова адрес Исхакова на письме его к Вам... Это совсем другой адрес, чем раньше был. Очевидно, на этом какая-нибудь и путаница. Тем более при множественности и разнообразии в Константинополе почт: русской, австрийской, французской и т. д.

[1] Г. Свердлова — переводчик ст. «Пробуждение русских татар и их литература».

[2] Гонорар за ст. Богучарского «Русское освободительное движение и война за освобождение Болгарии» (Современник. 1911. Кн. 3).

[3] Гонорар за ст. «Отрывки одной человеческой жизни» Ф. Волховского (А—Г, п. от 11 февр. 1911 г., прим. 8).

[4] Кн. 6 «Современника» была конфискована за публикацию в ней ст. Амфитеатрова «Черная сотня античного Рима. Этюд к „Зверю из бездны"». Ответственный редактор журнала П. В. Быков был привлечен за помещение этой статьи к уголовной ответственности. В его деле содержится «частный протест» прокурора С.-петербургской судебной палаты, в котором говорится: «Общий смысл статьи заключается в подчеркивании и проведении путем как бы исторического сопоставления той мысли, что царствующая династия в России основана якобы на узурпации и что связь ее с прямым потомством царя Михаила Федоровича Романова является как бы фиктивною <...> Автор имеет в виду тенденциозное освещение современного положения Верховной власти в России, и все его исторические сопоставления носят безусловно неуважительный, оскорбительный характер для исторически сложившейся у нас Верховной власти» (*ЦГИАЛ*, ф. 1363, оп. 4, № 1387, л. 2, 3). В конце августа кн. 6 «Современника» поступила в продажу после того, как статья Амфитеатрова была изъята в той части тиража, которая распространялась в России. За границей журнал продавался в не искаженном цензурой виде.

218. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VII.19

Дорогой Алексей Максимович.

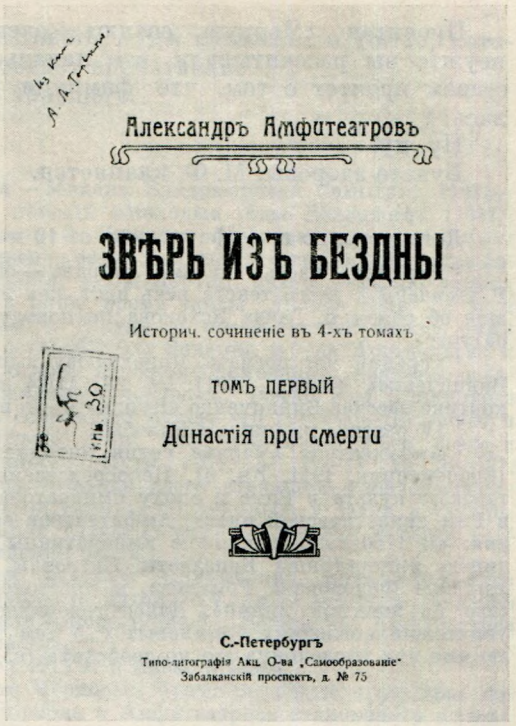
Посылаю Вам, наконец, «Зверя из бездны» [1]. Что первый том уже запрещен, Вы, вероятно, уже знаете из газет [2]. Второму недолго ждать той же участи, судя по кампании, ведомой справа. Не скажу, чтобы это было весело. Знаете, двадцать лет работать для того, чтобы тебе под конец всего намордником рот затянули, оно немножко жутко... Вряд ли суд отбарахтает «Зверя» — посему не будьте особенно щедры на экземп-

ляр: очевидно, ему предстоит обратиться в библиографическую редкость?.. Знаете, которая это конфискация моих отдельных изданий с 1905 года? Одиннадцатая! Недурно для одного автора и поощряет работать в России, черт возьми. А административная из-за меня кара — 27-я! О, господи, Микола Милосливой!

Не знаю, что будет с третьим томом, но четвертый нечего и думать выпускать в России [3]. Буду искать переводчика и издателя за границей — по-немецки или французски. Не найду — напечатаю сам по-русски в Париже, чтобы, по крайней мере, не пропал главный труд моей жизни и хоть дети бы им со временем воспользовались.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.


Александръ Амфитеатровъ

ЗВѢРЬ ИЗЪ БЕЗДНЫ

Историч. сочиненіе въ 4-хъ томахъ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Династія при смерти

С.-Петербургъ
Типо-литографія Акц. О-ва „Самообразованіе"
Забалканскій проспектъ, д. № 75

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ:
АЛЕКСАНДР АМФИТЕАТРОВ. ЗВЕРЬ ИЗ БЕЗДНЫ
СПБ., (1911)
Личная библиотека Горького, Музей Горького,
Москва

[1] Т. 2 «Зверя из бездны» — «Золотое пятилетие» (СПб., изд-во «Просвещение», 1911) — вышел в свет между 26 мая — 2 июня 1911 г. (Книжная летопись. 1911. № 22. 4 июня).

[2] В газ. «Утро России» (1911, № 151, 2/15 июля) было помещено следующее сообщение: «Наложен арест на книгу Амфитеатрова „Династия при смерти" (т. 1 «Зверя из бездны».— *Ред.*). Аресту предшествовала кампания правой печати, усматривавшей в книге оскорбление Величества в сравнении с временами Нерона».

Сообщение о наложении ареста на т. 1 «Зверя из бездны» (*Амфитеатров.* Т. V) с возбуждением судебного преследования по ст. 128 уголовного уложения было помещено в «Книжной летописи» (1911, № 28, 16 июля, с. 44) в разделе «Правительственные распоряжения».

[3] Т. 3 «Зверя из бездны» — «Цезарь-артист» — вышел в свет в начале 1913 г. (на титуле — 1912 г.). Т. 4 — «Погасшие легенды» — в 1914 г. В *ЛБГ* хранятся первые три тома «Зверя из бездны». Т. 1 — с пометами Горького (*Описание*).

219. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 19 или 20 июля 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Еще письмо <...> * беспокою, но — человек <...> [2*] сти [1].

Прилагаемую вырезку передайте, пожалуйста, Вик<тору> Сергеевичу. Я лично — доволен, что Винниченко дождался пощечины, давно заслуженной им за его грязные фантазии [2].

Напишу ли к августу «Жалобу»? [3] — Не обещаю, уйма работы, а в этом году работаю неспоро, все что-то нездоровится. На днях меня осматривал доктор и весьма усердно советовал отдохнуть да, кстати, покормиться тиоколем, что я и начал.

---

* Дефект текста.
[2*] Дефект текста.

Прочитав «Черную сотню» — очень удивился и очень смеялся: неужто вы рассчитывали, что начальство с благодарностью и удовольствием прочтет о том, что фамилия Романовых давным-давно пресеклась?[4]

Ну, ну!

Будьте здоровы. М. Ф. кланяется.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 16 и 22 июля 1911 г.

[1] Верхняя часть письма справа — оборвана. Пропуски обозначены — ⟨...⟩ В утраченной части текста речь идет, как это видно из ответного п. Амфитеатрова, еще об одном п. Гаяза Исхакова по поводу гонорара за статью о татарской литературе.

[2] Горький мог послать Миролюбову вырезку со ст. Ольминского «„Беллетрист" Винниченко» (Звезда. 1911. № 25. 11/24 июня), в которой подвергнуты резкой критике рассказ Винниченко «Купля» и его повесть «Честность с собой».

[3] IV рассказ из цикла «Жалобы».

[4] Амфитеатров «Черная сотня античного Рима. Этюд к „Зверю из бездны"» (Современник, 1911. Кн. 6). Непосредственная тема очерка – организация императорского культа в Риме в эпоху императора Августа. Говоря о «процессе вбивания в Рим династической идеи», Амфитеатров ссылался также на факты русской истории: «В 1740 году, кончиною императрицы Анны Иоанновны, и в 1761 году, кончиною императрицы Елизаветы Петровны, прекратилось прямое потомство царя Михаила Федоровича Романова, и престолонаследие русское ушло в боковое родство по женской линии». Далее говорилось о том, что «Екатерина II, быстро уничтожив последних Романовых ⟨...⟩ тем не менее сама принимает истребленное ею имя как наследница его по свойству» (с. 234—235).

220. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Pezzano. 1911.VII.22

Дорогой Алексей Максимович.

Письмо Исхака Певину отослал, хотя, правду сказать, претензию нахожу неосновательною. За переводные статьи у нас платится 40 р. и 25 р. лист. Ему посланы деньги по 40-рублевому расчету. По-моему, достаточно. Статья же, сами знаете, первобытная. Платить за нее почему-то как за оригинальную можно лишь в видах покровительства татарской литературе, но для сей филантропии журнал еще слишком беден и должен ограничиться доброжелательством. Впрочем, это только мое мнение. Певину я написал, чтобы он, если можно, послал Исхаку еще что-нибудь. Но не знаю, в Петербурге ли еще Певин.

Жаль, что к августу не даете «Жалоб». И в июле ничего. Трудно.

Прислал роман Марк Криницкий[1]. И под Санина, и под «Чертову куклу», и не знаю под что еще[2]. Герой — альфонс, вор, эстет. Оригинальности ни капли, а автор хитренький. Прямо на пьедестал господина сего не возносит, да и на чистую воду не выводит. Знания жизни ни малейшего. Судебный процесс написан так, что, очевидно, автор никогда в суде не бывал. Даже об экспертизе не слыхивал! В общем, гадость...[3] Чернову почему-то понравился сей фолиант. Я отказался печатать.

Даже у нас на мысе жарко.

О Винниченко прочитал. Откуда это? Выпороть его весьма требуется, но не так, мне кажется, его следовало; он как талантливый человек заслуживает большего внимания, а его арривизм * (с типически хохлацким пробованьем почвы) большей острастки. Небось, Миролюбову-то какой сладостный рассказ прислал![4] Не знаю, что Чернов сделает из статьи о «Честности с собой»[5]. Хороший из него журналист будет, если станет терпения школу пройти и самосознания — позабыть триумфы лидерства

* От франц. arrivisme (карьеризм).

и писательства, так сказать, митингового[6]. Его фельетон о Витте, который я вчера правил, хорош и произведет впечатление[7].

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Получили «дохлого» «Зверя»?

[1] Марк *Криницкий* (настоящее имя — Михаил Владимирович Самыгин) (1874—1952) — писатель. Имеется в виду его повесть «Молодые годы Долецкого» (1911).

[2] С романами Арцыбашева «Санин» и З. Гиппиус «Чертова кукла» сближает новую повесть Криницкого и Ю. Васильев — автор большой статьи о ней, написанной в связи с выходом отдельного издания: «„Мы мертвы, давно",— мудро уронил когда-то Сологуб, утверждавший, что в наше время живы „только дети" ... И к таким мертвецам принадлежит и Санин, и Юруля, и поставленный между ними герой повести Винниченко „Честность с собой" ⟨...⟩ Задание и г-на Арцыбашева и г-жи Гиппиус тождественно, ибо в его основу положено намерение „показать искания" „современной души" — души современного человека... Роман г-на Криницкого по самой своей теме позволяет сделать сближение между его героем — Долецким и героем г-жи Гиппиус — Юрулей» (Мертвые души. Искания современной души в романах З. Гиппиус и Марка Криницкого // Путь. 1912. № 10—11. С. 76—77).

[3] Герой повести Гавриил Долецкий, превыше всего ставящий удовлетворение своих эгоистических желаний, попадает на скамью подсудимых, а затем в Сибирь. Судебному процессу посвящены последние главы повести. В финале повести есть намек на возможность духовного возрождения героя.

[4] В *ЗК Миролюбова* указаны три рассказа Винниченко, присланные для *сб. «Знания»*,— «Тайна», «Кузь и Грыцунь» (с датой 18.V.) и «Солдатки» (с датой 12 ⟨VII⟩), отмеченный Миролюбовым как «нецензурный». Возможно, Амфитеатров имеет в виду именно этот, последний, рассказ.

[5] См.: Г—А, п. от 11 или 12 сентября 1911 г. и прим. к нему.

[6] Надежды Амфитеатрова на то, что Черновым будут позабыты «триумфы лидерства», не оправдались. Отношения Чернова и Амфитеатрова становились в дальнейшем все напряженнее. Чернов стремился к усилению своего влияния в журнале, намереваясь сделать его эсеровским. 8 августа 1911 г. Лопатин писал И. В. Амфитеатровой из Парижа о Чернове: «Но особенно интересны отрывки из писем В. М. из Fezzano в П⟨ариж⟩. Он предлагает партии внести на издание „С⟨овременника⟩" 10 000 руб., обещая, что в таком случае „все дело будет вполне в наших руках" и проч. Неполноту своего успеха ныне (в смысле влияния — верховодства) объясняет моим враждебным отношением к нему» (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

[7] Речь идет о ст. Чернова «Откровенная книга. А. Морской „Исход русской революции 1905 г. и правительство Носаря"», в которой брошюра Морского характеризуется как «сплошная реклама все тому же графу Витте». В этой статье содержались призывы отказаться от чрезмерных «иллюзий» по отношению к революции 1905—1907 гг. Говоря о «разъединенности» внутри «крайней левой нашего освободительного движения» как об его «основной болячке», Чернов отстаивал осужденную в п. Ленина Горькому от 22 ноября 1910 г. идею политического союза на почве «общей „девизны"» (*В. И. Ленин.* Т. 48. С. 4). С полемическими возражениями Чернову выступил Ю. Каменев ⟨Л. Б. Каменев⟩. Его ст. «От демократизма к либерализму» была напечатана в журн. «Просвещение» (1911, № 1, дек.).

221. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 24 июля 1911 г.⟩

Александр Валентинович —

имейте в виду, что повесть Криницкого, рукопись коей у вас, *уже начата печатанием в «Новой жизни»* под заголовком «Молодые годы Долецкого». Половина повести напечатана в 3-й книге, а как это понимать — не знаю. Я ее читал в рукописи; не понравилась, очень[1].

«Зверя» получил, еще не читаю, а от «Черной сотни» — в большом удовольствии. Поучительно и густо.

Не ругайте меня: издыхаю в работе.

Всего лучшего, жму руку.

А. Пешков

Датируется как ответное на п. Амфитеатрова Горькому от 22 июля 1911 г.

[1] Еще до того, как повесть Криницкого «Молодые годы Долецкого» была представлена «Современнику», автор предложил ее изд-ву «Знание» и одновременно журн. «Новая жизнь». «Знание» отказалось печатать повесть.

В *АГ* хранится выписка из п. Криницкого Миролюбову, сделанная рукой Горького: «Марк Криницкий. Вещь, забракованная вами, переходит в полное мое распоряжение, браковать же вы можете исключительно по художественным соображениям, а отнюдь не по идейным». Эта фраза возмутила Горького, который писал Миролюбову 31 августа или 1 сентября 1911 г.: «Избави, боже, от таких нигилистов» (*XXIX*, 176).

В журн. «Новая жизнь» повесть Криницкого печаталась в № 3 и 7—9 за 1911 г.

222. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VIII.6

Дорогой Алексей Максимович.

Проводил вчера Виктора Сергеевича в Давос[1]. Нехорош он показался мне перед отъездом, а главное, как-то испуган.

Говорил он мне, что 3-я часть «Кожемякина» очень хороша[2]. Это здорово!

Сегодня Зина уехал в Канаду.

Июльский «Современник» выйдет завтра или послезавтра.

Был у нас скульптор Жуков. Большой талант и любопытный сибирячок[3].

Приехал сын мой Владимир. Говорит, что так как недосланных книг не было и нет ни у единого букиниста московского, а букинист Фадеев[4] все-таки берется их найти, то от сего букиниста Вы их прямо и получите, как скоро он их найдет,— ему на сей предмет и остаток денег вручен.

Жду прохладных дней (сравнительно), чтобы поехать в Рим и Турин[5].

А с историческими брошюрами разошлось?[6] Вчера Женичка Колосов[7] привозил мне стон души Качоровского[8].

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. поклон!

Ваш А. А.

[1] Миролюбов уехал в Давос (Швейцария) для лечения обострившегося туберкулезного процесса.

[2] Третью часть «Жизни Матвея Кожемякина» Горький выслал Миролюбову после 29 июля (*XXIX*, 172).

[3] Иннокентий Николаевич *Жуков* (1875—1948) — скульптор, родился в Сибири, на руднике Горный Зерентуй. В 1902 г. окончил Петербургский университет. В 1908 г. уехал совершенствоваться в Париж, учился у Антуана Бурделя. В начале 1911 г. Жуков прислал Горькому фотографии своих работ. Горький нашел в его произведениях «что-то глубоко верное, русское» (п. Жукову от 9 февр. 1911 г.— Забайкалье. 1949. № 3. С. 212).

[4] Иван Михайлович *Фадеев* — московский букинист.

[5] Очевидно, в Рим — на международную художественную выставку, в Турин — на выставку промышленности и труда (архитекторы русского павильона — В. А. Щуко и В. А. Субботин).

[6] Речь идет о горьковском замысле издания серии брошюр «История русского народа». Историк А. М. Устинов, привлеченный к этому изданию, писал Горькому в связи с разработкой плана серии: «По цене издание должно быть доступным для широких масс. Популярность изложения сводится исключительно к возможной простоте языка научных статей старого „Журнала для всех"» (*АГ*).

[7] Е. Е. Колосов.

[8] Карл Романович *Качоровский* (род. 1870—?) — экономист. В начале 90-х годов входил в петербургскую группу народовольцев. Позже принимал участие в партийной прессе социалистов-революционеров, хотя формально к их партии не принадлежал. Участие Качоровского в журн. «Современник», по мнению В. И. Ленина, высказанному в п. Горькому 22 ноября 1910 г., могло придать журналу «направление из тупоумных, эсеровское» (*В. И. Ленин*. Т. 48. С. 4). В кн. 9 «Современника» была напечатана ст. Качоровского «Отмена семейного права».

223. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 6 августа 1911 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

Под рукопись, посланную мной для сентября[1], пришлите мне — очень прошу! — *сто* лир!

Необходимо сплавить отсюда одного парня[2], а денег дома — нет. Если вас не затруднит это — пошлите сегодня же!

Крепко жму руку, желая всего доброго —

А. Пешков

Датируется по ответному п. Амфитеатрова от 8 августа 1911 г.

[1] IV рассказ из цикла «Жалобы» был выслан Миролюбову. Горький писал: «Посылаю Вам рукопись на сентябрь, и — освободите меня до января, в крайнем же случае — до декабря — ладно? Очень уж много работы» (*XXIX*, 173). В *ЗК Миролюбова* отмечено: «9.VIII. Горький. Жалоба».

[2] О ком идет речь, неизвестно. По-видимому, судя по ответному п. Амфитеатрова, об одном из участников революционного движения в России.

224. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VIII.8

Дорогой Алексей Максимович.

Как только получу деньги, сейчас же пошлю. Сегодня сух до дна и едва наскреб 20 fr. для такой же цели, как Вы пишете: отправить одного эстонца, желающего сдаться и сесть в тюрьму, до города Рима...[1] Страшные вещи он рассказывал.

Рукописи сентябрьской еще не получил[2].

У нас тут в четверг спуск броненосца «Conte Cavour», и потому на заливе чёртова суматоха.

Алексей Толстой меня огорчил романом. Плохо это очень[3].

А «Отчий дом» читали? Штучка-с. Автор только в нынешнем году окончил Московский университет...[4]

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] О ком идет речь, неизвестно.

[2] Рукопись IV рассказа из цикла «Жалобы».

[3] Имеется в виду роман А. Н. Толстого «Две жизни» (впоследствии «Чудаки»), окончание которого было напечатано в кн. 15 альманаха «Шиповник». В рецензии на эту книжку альманаха Амфитеатров писал, что характерный для многих современных беллетристов процесс превращения жизни в «творимую легенду» «печально сказывается в романе Алексея Н. Толстого»: «...поспешил молодой автор взяться за роман и не осилил его громадной машины. Большой талант не мог не сказаться двумя-тремя вспышками. Но нет общей, внутренней правды в романе, и, чем дальше идешь, в глубь его, тем ближе и прозрачнее скользят призраки нарочной выдумки, тем теснее сплетается жизнь с легендой» (Современник. 1911. Кн. 8. С. 393).

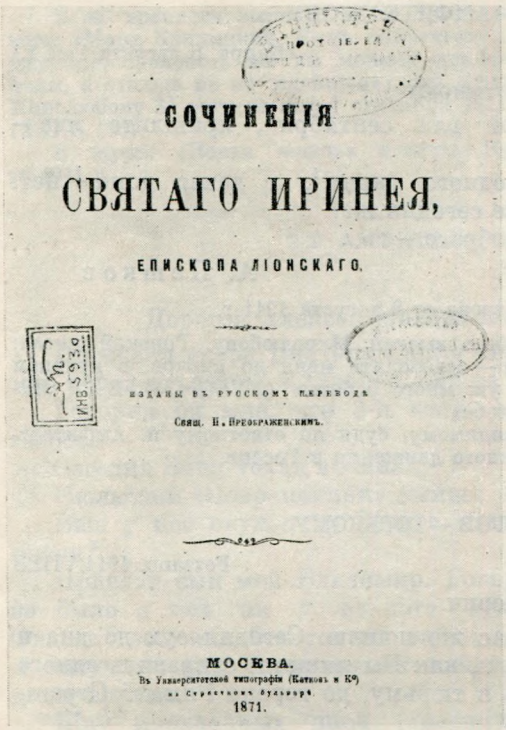
[4] *Н. Н. Русов* (1884 — ?) — писатель. Роман «Отчий дом» (роман в 2-х ч. М., изд-во «Образование», 1911) был посвящен С. Н. Булгакову. Герой романа, пережив духовный кризис, находит выход из него в религии. Этому произведению в «Современнике» была посвящена ст. В. Чернова «Литературные впечатления. Культурный пустоцвет» (Современник, 1911. Кн. 8).

225. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 8, 9 или 10 августа 1911 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

Будьте добреньки, скажите первенцу вашему[1], что *Иринея я достал* — он издан Тузовым в 904 г., цена — 2 р., *Голубинского тоже достал* — издан О⟨бщество⟩м истории и древностей российских в 901 г.[2]



СОЧИНЕНІЯ

СВЯТАГО ИРИНЕЯ,

ЕПИСКОПА ЛІОНСКАГО.

ИЗДАНЫ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ

Свящ. П. Преображенскимъ.

МОСКВА.

1871.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ: СОЧИНЕНИЯ СВЯТОГО ИРИНЕЯ, ЕПИСКОПА ЛИОНСКОГО
М., 1871
Личная библиотека Горького, Музей Горького, Москва

Нельзя ли написать букинисту, чтоб он не беспокоился, а то — куда мне дубликаты?

Весьма боюсь, чтоб В〈иктор〉 С〈ергеевич〉 не расклеился. Вот вам Феццано — горячий погреб со сквозняками всех двенадцати степеней.

А Качоровский стонет напрасно — если Колосов верно передал вам звуки, Качоровским испускаемые. Во всем, что лежит за границами его специальности, Качоровский, по-моему, лирически воркует. Это очень приятный старый голубь — но — мне кажется, он неизлечимо развращен Зинаидой Гиппиусом, которая просто — переодетая мужчина, и Дмитрием Мережковской, который, несомненно, женщина. Борода его догадки моей не опровергает — мало ли бородатых торговок! И — Юлия Пастрана [3] тоже.

А вот Философоф — сам не знает, кто он, и все требует доказательств: баба или мужик он? Вообще, тут насквозь мистика.

Ежели вам все сие непонятно — вините жару и обилие комет, а также — экскурсантов из России. Я — совершенно запутался и не могу уже распознать экскурсанта от кометы. Когда что-нибудь стоит предо мною, извиваясь штопором и глаголет: «мы должны сойти с путей рационализма, губительных душе, мы должны изменить и расширить орбиты нашего бега в вечности», — я, хотя и вижу пред собой ноги в белых штанах, но принимаю это как обман зрения. «Будете вы китайской провинцией!» — говорю я им, кометам, а они отвечают: «Будем радоваться этому, — наш верный путь — к Востоку, там наше счастье».

Сии аморфные тела плавают над водой в лодках и поют «Солнце всходит и заходит», а также «Из страны, страны далекой» и «Вниз по матушке» — мне тоже очень остро хочется по матушке их. Кричат: «здравствуйте, А. М.!» И пытаются сфотографировать Горького, когда же рыбаки препятствуют сему — они их, рыбаков, кулаками.

Могу ли я назвать все сие кошмарное — «гармонией сфер». А они очень обижаются, что я не чувствую «гармонии сфер, выработанной — выявленной — тремя величайшими мыслителями современной России Розановым—Шестовым—Мережковским», о чем смотри «замечательное исследование» — забыл чье [4]. Скоро забуду все. Уже начинаю сожалеть, что грамотен. Во сне вижу Крачковских — зеленые с желтым. На болоте выпью — не от глагола — пить, а птица — выпь — сидит Анатолий Бурнакин [5] и — гукает, а министр Кассо представляется мне лангустой.

Вообще — я живу скверно, измучен наездами из России, и мне кажется, что экскурсия — суть болезнь весьма неэстетического характера, подобная поносу. Извините! Ну — морская болезнь, коею страдает

вся Русь, ибо ее — закачало. До свидания! Ехать надо не в Турин, а на Капри, где очень хорошая музыка. М. Ф. кланяется.

Игнорирую фиту! А вы — обскурант, фитофил[6].

Крепко жму вашу руку. И совершенно напрасно вы не едете сюда.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 6 и 12 августа 1911 г.

[1] В. А. Кадашеву-Амфитеатрову.

[2] Названные Горьким кн. (Сочинения святого Иринея, епископа Лионского / Изд. в рус. пер. протоиереем П. Преображенским. 2-е изд. СПб.; изд. И. Л. Тузова, 1900 (Горький ошибочно называет 1904 г.); *Голубинский Е.* История русской церкви; В 2-х кн. 2-е изд., испр. и доп. М.: О-во истории и древностей российских при Московском университете, 1901—1904. Т. 1.) были получены Горьким от В. В. Розанова в конце июля 1911 г. Там же хранится и 1-е изд. «Сочинений святого Иринея» (см. *ил.* на с. 330). Книги хранятся в *ЛБГ* (*Описание*).

[3] Юлия *Пастрана* (1834—1860) — танцовщица, родом из Мексики, получившая большую известность благодаря ненормальному развитию волосяного покрова.

[4] Подразумевается кн. Б. Грифцова «Три мыслителя. В. Розанов, Д. Мережковский, Л. Шестов» (М., изд. В. М. Саблина, 1911).

[5] Анатолий Андреевич *Бурнакин* (ум. 1932) — поэт, критик, сотрудник газ. «Новое время».

[6] Шутка Горького. В словах фита и фитофил он написал θ.

226. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VIII.12

Дорогой Алексей Максимович.

Вотще напали из-за В〈иктора〉 С〈ергеевича〉 на Fezzano, ибо, каковы бы ни были недостатки последнего зимою, при циклонах и пр., но в качестве летней резиденции очаровательнее ничего не выдумаешь, ибо: 1) масса зелени, 2) купанье победительное, 3) сколько бы градусник ни показывал, всегда есть какое-либо воздушное течение, низводящее жару к возможности дышать, что в нынешнее жутко-знойное лето не шутка...

Г〈ерман〉 А〈лександрович〉 в Париже сейчас; и очень это меня волнует, ибо совсем поздно ему жариться на решетке, подобно св. Лаврентию.

А знаете, эти россияне, которые Вас удручают своими благоглупостями, пожалуй, в России уже выдохлись и удрали за границу от своей старомодности. Владимир[1] и еще кое-кто из молодежи привезли очень хорошие сведения о повороте общества... Многое шевелится, здорово учатся и читают, мистическое шутовство и всякое с ним сопряженное баловство быстро и шибко тает, а знать и действовать публика желает весьма.

Возвращаясь к В. С., молю Вас принудить свою фантазию к созданию образа хотя грандиозного, но малопоэтического. Представьте себе человека, который, осмотрев, как мог внимательно, дворец, спрашивает затем провожатого: а где тут у вас нужник? Провожатый, предполагая, что нужник ему нужен покуда нужно, указывает. Каково же его удивление, когда он видит, что турист вносит в нужник свои вещи и поселяется там на постоянное житье?

Именно так распорядился собою В. С. в Fezzano, вопреки просьбам, мольбам, предостережениям и пр. Упрям же ведь, как 40 000 козлов.

Я очень жалею об его отсутствии, так как он человек порядка, и с ним работать можно, даже очень можно. Да и милый он. Я его люблю. И дело знает.

В〈иктора〉 М〈ихайловича〉 [2] мало вижу. Плыви, мой челн, по воле волн!

О «Совр.» ничего Вам не пишу, так как, по-видимому, Вас сие не весьма интересует, а накопилось всего на добрый том, который написать мне нет времени.

Ох, уж какие Капри!

1) Совр.

2) «Зверь».

3) Корректуры «Просв〈ещения〉».

4) Маленькие писания ради «прибавки к своим скудным средствам», как поется в опере «Кармен». Ибо тощ!

Новость: «друзья» Ф. И. Шаляпина хлопочут о пожаловании ему владимирского креста и потомственного дворянства. Оказывается, попытка к сему делалась уже год тому назад, но дело не прошло. Надеюсь дожить до афиш с графом Шаляпиным.

Ну вот и всё. До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

О книгах Владимиру сказал, напишет.

Ваш А. А.

[1] В. А. Кадашев-Амфитеатров.
[2] В. М. Чернов.

227. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VIII.14

Дорогой Алексей Максимович!

Получил от Мир〈олюбова〉 4-ю «Жалобу». Очень хороша. Напоминает «Лето». Я думаю, что успеем еще поставить ее в августовскую книжку, и потому написал в контору, чтобы Вам посланы были за нее деньги. А на сентябрь еще хоть 8 стран〈иц〉?

Мы, вследствие конфискации «Зверя», сели и сидим в буквальном смысле без гроша [1].

Букинисту написано.

Миролюбов сегодня в письме ругает Давос.

Читаю писателя Пришвина. Одного героя у него собаки съели, другого гуси заклевали, следующего, вероятно, таракан забодает или щука сожрет [2].

Некто Михайлов прислал превосходный рассказ «Мечты» [3]. В лучших чеховских тонах.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет.

Ваш А. А.

[1] Речь идет о конфискации кн. 6. «Современника», в которой была напечатана ст. Амфитеатрова «Черная сотня античного Рима. Этюд к „Зверю из бездны"». См. п. от 16 июля 1911 г.

[2] Имеются в виду рассказы М. М. Пришвина «Крутоярский зверь» (Шиповник. СПб., 1911. Кн. 15) и «Птичье кладбище. Сельские эскизы» (Русская мысль. 1911. № 7).

В рецензии на кн. 15 альманаха «Шиповник» (Современник. 1911. кн. 8) Амфитеатров отнес рассказы Пришвина к произведениям, содержащим «легенды в стиле модерн, по требованию последней моды, на заданные темы: половой вопрос, религиозные искания или отрицание общественной деятельности» (с. 393). В рецензии есть текстуальные совпадения с этим письмом. Отношение Горького к творчеству Пришвина этих лет было принципиально иным.

Рассказ «Крутоярский зверь» предполагалось, как это видно из п. И. Бунакова к Горькому от 28 мая 1911 г., напечатать в «Современнике». «Уважаемый Алексей Максимович,— писал Бунаков Горькому.— До сих пор не знаю хорошенько, сладилось ли окончательно дело с „Современником". Но слышал, что вести благоприятные. Теперь представляется случай, который мне не хочется упускать. Я познакомился с Ремизовым, который, узнав, что Вы интересуетесь и одобряете Пришвина, предложил мне немедленно достать для „Совр.", по его мнению, превосходный

рассказ Пришвина. Дело в том, что он в близких отношениях с Пришвиным, исправляет его рукописи и только что передал его рассказ в „Русскую мысль". Но там рассказ напечатают не ранее осени и заплатят всего 100 руб. за лист. Кроме того, очевидно, Пришвину будет приятно попасть в „Современник" при новой редакции. Вот Ремизов и предлагает немедленно взять этот рассказ из „Р. м." и передать в „Совр."» (*ИРЛИ*, ф. 185, оп. 1, № 1799).

[3] Рассказ И. Михайлова «Мечты» был напечатан в кн. 9 «Современника».

228. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. 16 или 17 августа 1911 г.›

Дорогой Александр Валентинович!

Я писал В‹иктору› С‹ергеевичу›, что IV-я «Жалоба» — *на сентябрь* и что я прошу освободить меня до января.

Ныне обращаюсь с просьбой этой к вам — пожалуйста, поместите в сентябрь! [1]

Очень рекомендую у Пришвина рассказ «Черный араб».

Всего доброго! Поклоны.

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 14 августа 1911 г.

[1] Рассказ Горького был напечатан в кн. 9 «Современника» под заглавием «Жалобы» IV.

229. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VIII.30

Дорогой Алексей Максимович.

Так затормошен, что целую неделю не мог написать ни единой строки иначе, как для печати: притиснуло меня непутем. Простите бога для!

Относительно «Жалоб» сейчас же написал. Если, паче чаяния, выйдут в августе, то, стало быть, были уже сверстаны и отпечатаны в первый или второй лист, но уповаю, что успели переменить их на сентябрь. Нам-то август был бы много выгоднее ввиду «ближайшего участия» [1], но — конечно, как знаете. Деньги получили?

Перерывом до января приводите Вы меня в ужас. «Я эти Ваши слова не иначе как в шутку понимаю...» [2]

Видеться с Вами надо до чертиков. Свидеться невозможно. Кажется, даже и на выставках мне не быть также.

Августовская и сентябрьская книжки будут у нас сильные.

Очень большой успех имеет Павлович [3]. Вы его знаете ведь?

Просится к нам Цыперович [4] из «Совр‹еменного› м‹ира›.» Напишите, мнение како мыслите? Я — за.

Печатать «Чужбину» Жаботинского или подождать? Ему-то — хочется. А карта не без риска.

Айзман прислал рассказ. Неважный [5]. Сургучев: так себе [6].

Вообще, лучшее, что есть сейчас нового,— двух незнакомцев: один — Михайлова, другой — Антонова [7] рассказы. Фамилии демократические.

Устал, як бис. До свидания! Всего Вам хорошего. М. Ф. поклон.

Ваш А. А.

[1] Имеется в виду объявление, которое печаталось начиная с июльской книги журнала (вплоть до октябрьской), о продолжении подписки на журн. «Современник», издаваемый «при ближайшем участии А. В. Амфитеатрова, М. Горького, В. С. Миролюбова и В. М. Чернова».

[2] «Я слова эти ваши не иначе как в шутку принимаю...» — реплика Улиты в разговоре с Счастливцевым в пьесе А. Н. Островского «Лес» (действие IV, явление IV).

[3] Амфитеатров имеет в виду ст. М. Павловича «Англо-германская распря и „будущая война“» (Современник. 1911. Кн. 7). В п. к Лопатину того же времени Амфитеатров успех статьи Павловича поставил в связь с неуспехом статей Чернова. «Плачевнее всего,— писал он,— совершенный неуспех публицистики Чернова в России. За границей мы читаемся в какой-нибудь сотне экземпляров, между своими, а в России — не нравится. Письма пишут недоуменные, печать равнодушна — новый mascote *, словом, мы в нем не приобрели и, сверх естественного прироста по полугодовой подписке, государственный переворот наш покуда нам не дал ни одного подписчика, которого можно было бы приписать эсеровскому варяжству. Вот Павловича статья имела большой успех...» (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

[4] Григорий Владимирович *Дыперович* (1871—1932) — экономист и публицист. В революционном движении — с 1888 г. Неоднократно подвергался арестам и высылке. После Октябрьской социалистической революции работал в профессиональных союзах, сотрудничал в различных журналах.

[5] Д. Я. Айзман был приглашен к сотрудничеству в «Современнике» Миролюбовым (п. Айзмана (черновой автограф) к Миролюбову от 21 июня 1911 г.— *ГБЛ*, Айз. 5. 42). Им был прислан в «Современник» рассказ «Новобранец Ильюшка» (Современник. 1911. Кн. 11).

[6] Имеется в виду рассказ Сургучева «Сон». В. А. Тихонову Сургучев писал тогда же: «Есть небольшая новость. Миролюбов просил у меня рассказ для сборника „Знания“, так как он редактирует их. Послал ему „Сон“ и сообщил, что пишу „Губернатора“. Он взял „Сон“, передал в „Современник“ (...) Написал, что „Сон“ пойдет в сентябре» (*ЦГАЛИ* ф. 34). Рассказ в «Современнике» напечатан не был, так как Сургучева не удовлетворила сумма предложенного ему гонорара. Был напечатан во т. II «Рассказов» И. Сургучева (СПб., изд-во «Знание», 1913).

[7] А. Антонову Амфитеатров писал 8 октября 1911 г. из Феццано: «Прочитав „Молодую жизнь“, я немедленно переслал ее к заведующему беллетристическим отделом В. С. Миролюбову с рекомендациями к принятию под условием небольших переделок...» (*ЦГАЛИ*, ф. 34). Под несколько измененным названием — «Молодые годы. Повесть из быта учащейся молодежи» — произведение Антонова было объявлено на 1912 г. (Современник. 1911. Кн. 11). Повесть напечатана в кн. 1, 3, 4 за 1912 г.

230. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 4 или 5 сентября 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович.

Денег — не получил.

За Павловича — рад. Был уверен, что его статьи понравятся.

Рад также Михайловым, Романовым, Антоновым, Тараканово-Тимофеевым и Вечевым — ура! [1]

Хорошо бы Чернову заняться Гершензоном [2], а вам — Шестовым. Сии двое очень достойны внимания вредоносностью своей, особенно — Шестов. Весьма рекомендую его книги о Толстом — Достоевском. Последнего разносит, включительно до обругания дураком, уличая попутно Н. К. Михайловского во лжи [3].

А что — много еще манифестов будете печатать? Зададут вам за них, если вы не поспеете оправдать заявлений ваших громогласных [4] хотя бы критикой шестовского нигилизма и гершензоновского идеализма. Возьмитесь-ка за сие, право же, это вполне своевременно.

Некто Иткин спрашивает о судьбе своей рукописи «Легенда о Джакопо Виллари» [5].

Тихонова отзыв о «Соврем‹еннике›» читали? [6]

Пишу, яко бешеный [7].

Жму руку.

А. Пешков

На обороте листа в правом углу рукою Горького написано: «С. Иткину» (зачеркнуто красным карандашом).

Датируется по п. Амфитеатрова от 7 сентября 1911 г.

[1] Помимо И. Михайлова и А. Антонова, Горький называет авторов кн. 7 «Современника» — Ив. Тараканова (рассказ «Один в природе»), Б. Тимофеева (рассказ «Последний приют») и Чернова, статья которого «На современные темы» («посвященная министерскому кризису») была напечатана под псевдонимом Я. Вечев в

* звезда (*фр.*).

разделе «Дела и дни». Горький упоминает также писателя Пантелеймона Сергеевича *Романова* (1884—1938), рукопись которого «Отец Федор» была прислана ему Л. Шестовым, в то время как рассказ был напечатан в журн. «Русская мысль» (№ 7). См. п. Горького Миролюбову от 12 августа 1911 г. (*XXIX*, 173).

[2] Михаил Осипович *Гершензон* (1869—1925) — историк литературы и общественной мысли, участник сб. «Вехи». Ст. Гершензона «Творческое самосознание», напечатанная в этом сборнике, вызвала ряд критических высказываний Горького в его статьях и письмах В. Г. Короленко (*XXIX*, 128), Р. В. Иванову-Разумнику (Г — ИВ-Р) и др. Во второй половине сентября 1911 г. Горький вновь напомнил о вредном с «точки зрения социально-педагогической» выступлении Гершензона, «рекомендовавшего штыки для воспитания чувства государственности в русском народе» (*XXIX*, 186).

Книги Гершензона по истории русской общественной мысли, в которых отразились идеалистические воззрения их автора,— «История молодой России» (М., тип. И. Д. Сытина, 1908), «П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» (СПб., тип. М. М. Стасюлевича, 1908) и др.— испещрены пометами Горького (*ЛБГ*) (*Описание*).

[3] Лев *Шестов* (псевдоним Льва Исааковича Шварцмана) (1866—1938) — философ-экзистенциалист, литературный критик. Философские воззрения первого периода его деятельности характеризовались крайним пессимизмом, иррационализмом, идеей трагического одиночества человека перед лицом всеобщей бессмысленности существования, отрицанием общественных и этических идеалов. Философское credo Шестова выразилось, например, в его кн. «Апофеоз беспочвенности» (1905).

Горький имеет в виду кн. Шестова (указываются издания, хранящиеся в *ЛБГ*) «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Нитше. (Философия и проповедь)» (СПб., тип. М. М. Стасюлевича, 1900) и «Достоевский и Нитше. Философия трагедии» (Собр. соч. 2-е изд. СПб., изд-во «Шиповник», (1911). Т. 3) (с пометами Горького) (*Описание*).

В кн. «Достоевский и Нитше» Шестов отождествляет позицию Достоевского с позицией его героя — человека из подполья, который осознал, что «победить идеализмом свои несчастья и сомнения — невозможно» (с. 92). В этом утверждении Шестов усматривает отражение эволюции самого Достоевского: «Достоевскому стыдно вспомнить, что он когда-то сам был идеалистом. Он хотел бы отречься от своего прошлого и, за невозможностью обмануть себя, старается представить себе свою недавнюю жизнь в ином свете, придумывает себе смягчающие вину обстоятельства» (Там же, с. 93). В подтверждение цитируются «Записки из подполья»: «У нас, русских, вообще говоря, никогда не бывало глупых, надзвездных немецких, и особенно французских, романтиков, на которых ничего не действует, хоть земля под ними трещи, хоть погибай вся Франция на баррикадах — они всё те же, даже для приличия не изменяются и всё будут петь свои надзвездные песни, так сказать, по гроб своей жизни, потому что они дураки. У нас же, в русской земле, нет дураков...». «Уж будто у нас нет „дураков"!—восклицает Шестов по этому поводу, напоминая о раннем периоде творчества Достоевского.— А кто по ночам воспевал Макара Девушкина? Кто обливался слезами над Наташей даже в ту пору, когда земля уже трещала под ногами? Увы, этих страниц прошлого не вытравить из памяти, сколько ни хитри. Из всех наших романтиков Достоевский был самым мечтательным, самым надзвездным, самым искренним» (Там же, с. 93—94; слова, выделенные разрядкой, отмечены Горьким на полях красным карандашом).

Рассуждения Шестова о Н. К. Михайловском (авторе известной статьи о Достоевском «Жестокий талант») сводятся к тому, что перед лицом трагической реальности его отвлеченные идеи гуманности и добра — лишь обман. Горький отметил на полях следующее высказывание Шестова: «Но Н. К. Михайловский один из тех счастливых избранников, которым дано всю жизнь служить идеям. Таким людям и идеи служат, оберегая их от ужаснейших переживаний» (Там же, с. 91).

[4] «Манифестами», т. е. программными статьями «От редакции», открывались кн. 1 и 7 «Современника».

В кн. 7 говорилось: «Ввиду расширения нашего редакционного круга мы считаем полезным повторить пред читателями некоторые положения нашей программы, придав им более твердое и определенное развитие, чем успели мы сделать это в январе» (с. I—II). Однако изложенная здесь «программа» оставалась столь же неопределенной и аморфной. Например, политические задачи издания характеризовались следующим образом: «В политике у нас есть заветная мечта — объединение всех тех сил, которые ныне так разрозненно борются за один и тот же, дорогой нам, общественный идеал — за царствие труда» (с. IV).

Горький отнесся к этому манифесту резко отрицательно.

[5] Семен Григорьевич *Иткин* — писатель, в то время жил в Виннице. Печатался в журн. «Русское богатство». В 1912 г. жил на Капри. Упоминаемое произведение в «Современнике» не было напечатано.

[6] О каком отзыве идет речь, неизвестно.

[7] Горький спешил закончить работу над последней (IV) частью «Жизни Матвея Кожемякина».

231. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.IX.7

Дорогой Алексей Максимович.

Деньги Вам, наверно, теперь уже переведены. Имею о том письмо от Певина, находящегося на Кавказе.

Статьи В. А. Тихонова не читал. Где она была и что собою представляет? Какой-нибудь стон оскорбленного самолюбия?

Гершензон и Шестов получат должное в чреду свою. Сейчас Чернов растерзал Русова [1] и терзает Винниченко.

Нет, манифестов до подписки печатать никаких не будем. Мы и этот-то печатать не хотели, но он был уже сверстан, так не переверстывать же стать. Громогласия в нем не усматриваю — может быть, потому, что он безжалостнейше сокращен и упрощен мною из действительно громогласного манифеста, в коем В〈иктор〉 М〈ихайлович〉 объявлял сим всем нашим верноподданным и т. д.

Достоевского — дураком? Шестоподобно! О Михайловском менее сочувствую, так как ему цель, оправдывающая средства, была весьма нечужда, и побрёхивал он временами весьма нецеремонно. (Не при Колосове будь сказано!)

В августовской книжке будут интересные воспоминания о Некрасове (Колбасина-старца) [2]. Вообще, она очень недурна [3]. Ждал от Павловича 3-й статьи, которой он и тему прислал «О тройственных группировках» [4], но что-то не присылает.

В сентябре постараемся дать 28 листов.

Было денежное затруднение — две конфискации за полгода не шутка. Но Певин внес еще десять тысяч и подмазал колесо.

Рукописи Иткина у меня нет и не было. Вероятно, у Миролюбова.

Это хорошо, что пишете, как бешеный: я уже в тихом помешательстве.

Ну, я от Тимофеевых и Таракановых далеко не в таком восторге. Откровенно говоря, печатание всего этого представляется мне чем-то вроде воспитательной филантропии. Пущай. И хуже пишут, а девственному сердцу Виктора Сергеевича — радость.

У нас сейчас гостят Катерина Павловна с Максимом [5]. Этакий же прелестный и умный малый! Очень он мне понравился. Хороший будущий человек глядит из этих отцовских глаз на материнском лице. Сегодня повезу его на катере по заливу в открытое море, а завтра они, к сожалению, уже думают ехать в Швейцарию.

Был на днях, проездом к месту служения, Рутенберг, очень веселый и оживленный. Махнул рукою на все авантюры с углем [6] и т. п. — к великой моей, правду сказать, радости, так как вот уже второй год жду я, что разразится на почве этой какой-нибудь панамский скандал,— и занялся настоящим своим гидравлическим делом, в котором и полезен будет, и сыт, и по человечеству новому взглянуть имеет возможность. А Пальчинские и Ермоловы непременно, в конце концов, всадили бы его в скверную историю, которая измазала бы громкое революционное имя, и без того уже, по милости ЦК, многострадальное [7]. Читали брошюру Колосова? [8] Два года назад имела бы — большой и сильный смысл. Теперь — ни к чему, даже на самого Рутенберга она произвела отрицательное и недоуменное впечатление. Мертвых с погоста не носят. Но, в конце концов, для истории хорошо. До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] Имеется в виду ст. В. Чернова «Литературные впечатления. Культурный пустоцвет».

[2] Елисей Яковлевич *Колбасин* (1831 или 1832—1885) — писатель, критик, сотрудник некрасовского «Современника». Его публикация «Из воспоминаний о

Н. А. Некрасове» напечатана в кн. 8 «Современника» за 1911 г. в разделе «Тени старого „Современника“».

[3] Помимо упоминавшихся выше статей, в кн. 8 «Современника» напечатаны рассказ А. Туркина «Душа болит», рассказ А. Окулова «С той стороны», рассказ С. Подьячева «Как Иван „провел время“», заметки А. Дермана «Дни-годы», продолжение романов Амфитеатрова «Закат старого века» и Анни Виванти «Поглотители», статьи Качоровского «Община на нелегальном положении», Я. Вечева (Чернова) «Дела и дни. II. Кризис либерализма», М. Павловича «Французский империализм», Чирикова «Заметки провинциала».

[4] Ст. М. П. Павловича «Разложение „тройственного соглашения“» напечатана в кн. 9 «Современника».

«Тройственное согласие» (Антанта) — империалистический блок Великобритании, Франции и России: оформился в 1904—1907 гг.

[5] Е. П. Пешкова с сыном заехала в Феццано к Амфитеатрову по дороге из Аяссио в Швейцарию.

[6] По предложению горного инженера Пальчинского, уполномоченного Совета съезда южнорусских углепромышленников, П. М. Рутенберг пытался в 1909—1911 гг. добиться заключения русско-итальянского соглашения о продаже донецкого угля в Италию. Его поддерживал А. С. Ермолов — председатель русско-итальянской торговой палаты. Причины того, почему такое соглашение не было достигнуто, Рутенберг изложил в ст. «Как устанавливаются у нас международные связи — вопрос о поставке итальянскому правительству русского угля» (Современник. 1911. Кн. 10).

[7] Рутенберг обвинялся ЦК партии эсеров в том, что он участвовал в убийстве Гапона, не получив на то санкции ЦК.

[8] Подразумевается, по-видимому, изданная за границей брошюра Евгения Колосова «I. Как нам относиться к Думе (в защиту старых позиций). II. Из области партийной этики (к делу Рутенберга)» (Париж, изд. автора, 1911).

232. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.IX.10

Дорогой Алексей Максимович.

В Специи, пользуясь весьма хорошо оборудованной артистической мастерской (Officina Arti Grafiche), группа итальянской молодежи начала издание очень красивого художественного журнала «L'Eroica», посвященного, главным образом, поэзии[1]. Обратились ко мне за сотрудничеством, а также за ходатайством о таковом пред Вами, о чем молят весьма страстно и нежно. Я написал им, чтобы они выслали Вам журнал, а покуда посылаю Вам свой экземпляр для ознакомления. Так что примите сие письмо как письмо от «Эроики» и ответьте им поскорее, ибо они в трех волнениях. Если нового ничего не можете дать, позвольте им напечатать какой-либо старый Ваш рассказ, еще не переведенный в Италии. Может быть, которую-нибудь из «Сказок»? Адрес их: Spezia, Corso Cavour, 5, имя редактора Ettore Cozzani. Я отвечал им, что могу только передать просьбу, а ответа пусть уж они ждут прямо от Вас[2].

К⟨атерина⟩ П⟨авловна⟩ и Максим уехали вчера в Швейцарию. Хорош у Вас мальчик, большое он на меня впечатление произвел, хотя, как Вы знаете, выбор по детской части у нас немалый.

Зина уже вышел из эмигрантской «тюрьмы»[3]. Просидел в ней дней десять.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш. А. А.

«Прелюдию» Иткина сейчас получил. Превосходная вещь.

[1] *«L'Eroica»* — журнал литературы и искусства, основанный итальянским писателем Этторе Кодзани. Издавался в Милане, затем в Риме (1911—1921).

[2] Горький в журн. «Эроика» не печатался.

[3] В Канаду З. А. Пешков уехал из Италии 6 августа 1911 г. В конце сентября Е. П. Пешкова писала Горькому: «Получила недавно письмо от Зиновия. Сообщает, что, как приехал в Америку, был арестован и две недели пробыл в эмигрантск⟨ом⟩ доме, так как не было у него нужных для въезда в Америку денег. Выручил его оттуда какой-то профессор, у которого он теперь и работает в качестве переводчика» (*АГ*).

233. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 11 или 12 сентября 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Ввиду того, что В⟨иктор⟩ М⟨ихайлович⟩ пишет о Винниченко, нужным считаю сообщить, что сим последним написана огромнейшая стр. в 400 с лишком повесть о революционерах [1], я ее читал и — вот прилагаю мой о ней *очень мягкий* отзыв [2].

Повесть эта *несомненно* будет напечатана, и я уверен, что за нее очень схватятся все, кому революция ненавистна и кто захочет поплевать на революционера.

Мне казалось бы, что со статьей о Винниченко надобно подождать до выхода этой повести, которая прогремит [3].

Спешу сообщить сие.

Кланяюсь, жму руку, желаю всего лучшего.

А. Пешков

Отзыв — послан В. С. Миролюбову, вы мне его возвратите, т. е. возвратите экземпляр, приложенный к этому письму.

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 14 сентября 1911 г.

[1] Речь идет о рукописи повести В. К. Винниченко «На весах жизни», предложенной автором для *сб.* «*Знания*». Повесть была напечатана в мае 1912 г. в сб. 9 «Земля» (Моск. книгоизд-во, 1912). После ее выхода появился ряд рецензий преимущественно критического характера (Русское богатство. 1912. № 9; Русские ведомости. 1912. № 112. 17 мая; Русская мысль. 1912. № 8, и др.).

[2] П. Миролюбову после 2 сентября 1911 г. с отзывом о повести Винниченко «На весах жизни» см.: *XXIX*, 177—180. «Общее впечатление ⟨от⟩ повести таково,— писал Горький,— нет на свете людей извращеннее, распутнее, бессовестнее и глупее, чем русские революционеры» (Там же, 178).

[3] В конце этого п. Черновым, которого Амфитеатров ознакомил с ним, сделана приписка, адресованная Амфитеатрову: «О Винниченко подожду, но больше потому, что до сих пор не имею книги. Веда с Россией, да и только». Статья Чернова не была написана.

234. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.IX.14

Дорогой Алексей Максимович.

Очень рад, что мы с Вами одного мнения о Винниченке. Это увлечение Виктора Сергеевича мне очень не по вкусу [1]. Я уступил В. С. после многих споров, дав место одному рассказу Винниченки (плохому, несмотря на сделанные сокращения) [2], но больше не согласен, хотя бы он присылал тургеневской силы вещи, ибо он модно гонится за успехом скандала (не понимая, что время, когда выходили в люди «Санины» и «Бледными конями» [3], прошло), и — сегодня Вы его напечатаете, а завтра он — выкинет такую штуку, что пойдет вонь, как из помойной ямы. Письмо Ваше пошлю со следующей почтой, как только Женя [4] снимет копию в архив. До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет.

Ваш А. А.

[1] Миролюбов положительно оценивал все произведения, присланные ему Винниченко, его связывала с Винниченко длительная переписка и в дальнейшем — в 1913—1916 гг. (*ИРЛИ*, ф. 185, оп. 1, № 367).

[2] О каком рассказе идет речь, неизвестно. В «Современнике» рассказ Винниченко не был напечатан.

[3] Романы «Санин» Арцыбашева и «Конь бледный» В. Ропшина (Б. В. Савинкова).

[4] Е. П. Бураго.

Ф. И. ШАЛЯПИН

Портрет работы И. И. Бродского (холст, масло). Капри, 1911. Фоторепродукция. Портрет был написан во время пребывания Шаляпина у Горького на Капри 19—24 сентября 1911 г. Тогда же подарен Шаляпиным Горькому. В настоящее время местонахождение портрета неизвестно

235. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 15 или 16 сентября 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

У меня живет Федор, и было бы очень хорошо, если б вы повидались с ним. Пробудет он здесь до 12-го числа [1], а 19-го у него в Питере спектакль «Борис» [2].

Мне кажется, что этого человека нельзя отталкивать в ту сторону, куда идти он не хочет, и что за него и можно и следует подраться, ибо человек он символически русский и в дурном, и в хорошем, а хорошего в нем всегда больше, чем дурного.

Я лично очень просил бы вас подумать о нем так хорошо, как вы можете, и повидаться, поговорить с ним, со мною.

Забот — он стоит, не правда ли? [3]

Письмо ваше очень огорчило его, конечно, но «виноватости» своей он не отрицает, и письмо это — не помеха свиданию [4].

Очень плохо ему, трудно. И похож он на льва, связанного и отданного на растерзание свиниям.

В стране, где Павлу Милюкову, объявившему себя и присных «оппозицией Его Величества», [5] — сие сошло без свиста и суда — не подобает судить безапелляционно Шаляпина, который стоит дороже шестисот Милюковых.

Жду скорого ответа

А. Пешков

Датируется по содержанию и сопоставлению с ответным п. Амфитеатрова от 18 сентября 1911 г.

[1] Горький указывает дату по ст. ст.— т. е. до 12/25 сентября. Ф. И. Шаляпин находился на Капри с 10 по 24 сентября 1911 г. н. ст. Его приезд на Капри был подготовлен возобновившейся перепиской между Горьким и Шаляпиным в июле 1911 г. (см. переписку Шаляпина с Горьким в кн.: *Шаляпин*. Т. I. С. 323—362). П. Шаляпина Горькому от 31 июля 1911 г. с разъяснением обстоятельств эпизода, происшедшего в Мариинском театре (Там же, с. 334—338), способствовало их дальнейшему сближению. Горький писал Шаляпину между 2 и 14 августа 1911 г.: «И люблю, й уважаю я тебя не меньше, чем всегда любил и уважал; знаю я, что в душе — ты честный человек, к холопству — не способен, но ты нелепый русский человек и — много раз я говорил тебе это! — не знаешь своей настоящей цены, великой цены» (*XXIX*, 170).

[2] 19 сентября/2 октября 1911 г. состоялось первое после «инцидента» выступление Шаляпина на русской сцене в Мариинском театре, в Петербурге, в спектакле «Борис Годунов».

[3] В п. к Е. П. Пешковой Горький более подробно объяснил свои намерения: «Буду уговаривать Амфитеатрова вступиться за Федора, а если А. В. не согласится — разойдусь с ним и „Современником" — разойдусь так, чтоб публика знала причину разрыва» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 121).

В эти же дни Горький написал открытое письмо в защиту Шаляпина с обращением «Дорогой друг!», предназначенное для опубликования в России. «Ф. Шаляпин,— писал Горький,— лицо символическое; это удивительно целостный образ демократической России, это человечище, воплотивший в себе все хорошее и талантливое нашего народа, а также многое дурное его (...) Федор Иванов Шаляпин всегда будет тем, что он есть: ослепительно ярким и радостным криком на весь мир: вот она — Русь, вот каков ее народ — дорогу ему, свободу ему!» (*XXIX*, 187).

Письмо было передано отъезжающему в Петербург Н. Е. Буренину с тем, чтобы оно распространялось «в публике Питера, Москвы и т. д.» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 121). При жизни Горького письмо напечатано не было. Впервые опубликовано под заглавием «Письмо А. М. Горького Н. Е. Буренину» в *Горьк. чт.* 1954 (с. 62—63).

[4] Имеется в виду открытое п. Амфитеатрова Шаляпину от 26 января 1911 г. 31 июля Шаляпин писал Горькому из Виши: «Из Петерб(урга) переслали мне письмо Амфитеатрова (оно было адресовано в Петербург, и я получил его сравнительно поздно). (...) Сел, было, писать ответ Амфитеатрову, но из Москвы и Питера мне сообщили, что Амфитеатров разослал разным лицам и редакциям копии с его ко мне письма, и это письмо ходит по рукам. Мне показалось это и странным, и очень злым с его стороны. Стало мне также ясным, что письмо он мне написал совсем не оттого, что он меня, как он пишет в письме, „крепко любил", а кто его знает, по каким, но, несомненно, по другим причинам. Поэтому я решил Амфитеатр(ову) ничего не писать» (*Шаляпин*. Т. I. С. 336).

[5] Лидер партии кадетов Милюков заявил в своей речи на завтраке у лорд-мэра Лондона 19 июня/2 июля 1909 г., что, «пока в России существует законодательная палата, контролирующая бюджет, русская оппозиция останется оппозицией Его Величества, а не Его Величеству» (Речь. № 167. 21 июня/4 июля 1909 г.).

236. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

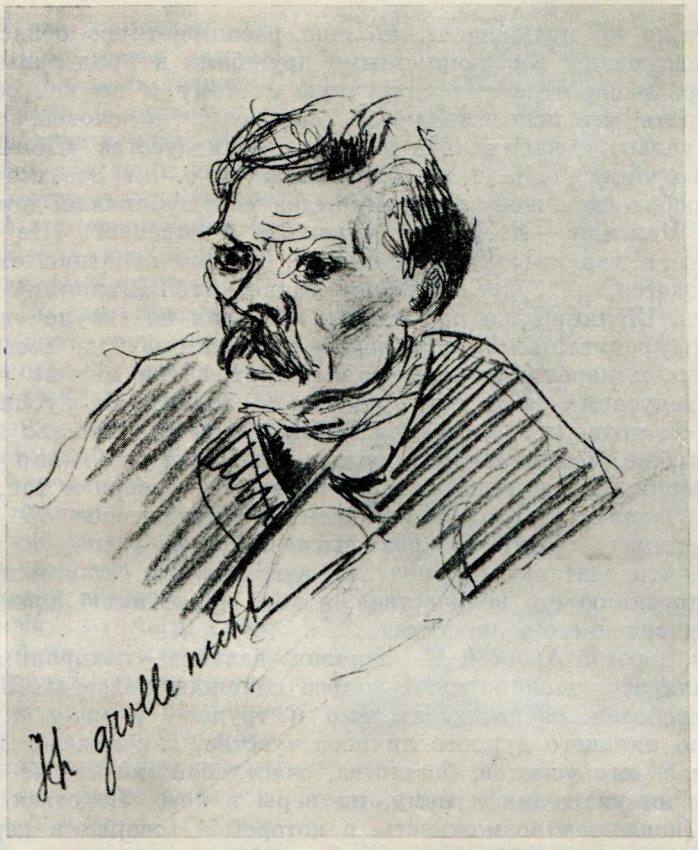
Fezzano. 1911.IX.18

Дорогой Алексей Максимович!

Из того, что у вас находится Ф. И. Шаляпин и Вы предлагаете мне повидаться с ним, заключаю, что Ф. И. разорвал контракт с Императорским театром[1] или вообще совершил какой-нибудь публичный акт, доказывающий, что он «в ту сторону идти не хочет», с такою же яркостью, как ярки были факты, доказывавшие, что он в ту сторону идти хочет и идет. Если это так, то решительно ничего не имею против визита Федора Ивановича, охотно его приму и пожму ему руку, ибо его артистическую силу я ценю высоко.

Но, к сожалению, в письме Вашем нет никаких указаний на какое-либо выступление Ф. И. Шаляпина в сказанном направлении. Если мое предположение верно, будьте ласковы меня о том уведомить. Если же я ошибаюсь и Ваше свидание состоялось только на почве старой дружбы, восторжествовавшей над временными принципиальными разногласиями, то я должен уклониться от предлагаемой Вами встречи с Федором Ивановичем.

Вы предлагаете с кем-то «драться» за Шаляпина. В свое время я выполнил эту обязанность к великому таланту и человеку, которого



ГОРЬКИЙ

Рисунок Ф. И. Шаляпина (бумага, карандаш). Капри, 10—24 сентября 1911 г. слева внизу авторская надпись: Ich grolle nicht» («Я не сержусь».— *Нем*).— название романса Р. Шумана на слова Г. Гейне из цикла «Любовь поэта»

Музей Горького, Москва

любил, и много дрался за Ф. И. Шаляпина. Полагаю, что в настоящее время драться за него — это значило бы драться с ним самим. Полагаю также, что и палка наша, которой мы могли бы драться, немножко слишком коротка сравнительно с дубиною конторы императорских театров, Гинцбурга и т. п. «Забот» Шаляпин весьма стоил, но и имел он их со всех сторон предостаточно. Почти сорокалетнему мужику пора самому знать, с кем он, кто он, что́ он и куда идет.

В письме Вашем самые выразительные для характеристики Шаляпина строки: «Пробудет он здесь до *12*-го числа, а *19*-го у него в Питере спектакль „Борис“». Извините, но сие предсезонное паломничество (после парижских свистков и в предчувствии русских) не возвысило Шаляпина в моих глазах.

Метафора о льве... полно Вам! Кто его связывал? кто отдавал на съедение свиньям? Не было и нет порядочного человека, сколько-нибудь к нему близкого, который не протестовал бы против его злоупотреблений своим талантом и обаянием, против разменивания большой личности на денежную авантюру и барство, в которых он увяз. Что ему плохо и трудно, верю, ибо и в писании сказано: «горе грешнику, на две стези ходящу». Но это поправимо лишь одним способом: надо перестать двуручничать. К сожалению, этого последнего занятия

он не только не прекращает, но еще расширяет его область. Сперва двуручничал между революционными дружбами и придворным холопством, теперь распространяет двуручную систему и на искусство. Разве можно верить, что искренно *любит свое искусство* человек, который продал свой талант и влияние на засаривание искусства «Дон-Кихотами», «Старыми орлами», «Иванами Грозными»[2] и т. п.? Это все равно что сказать: люблю свою жену и потому отдаю ее в публичный дом.

Павел Милюков — за Павла Милюкова и отвечает. (Не говоря уж о разницах в характере деятельности.) Трепка печатная ему и давалась, и дается, и будет даваться такая, что Шаляпину и во сне не снилась. Шаляпин же пятнадцать лет ехал на титуле «друга Горького» и на репутации артиста-революционера, как на весьма добрых пристяжных к коренному своего таланта. Десятки мелких грехов против этой репутации были ему прощены за талант. Но публичный срам, которому он подверг *эту* свою репутацию, ранил общество и нас всех гораздо глубже, чем самого Шаляпина. Вы говорите об его символическом значении. Вот именно. Символ-то и был осквернен так, что сосуд в честь обратился сосудом в поношение. Мнения свои об «оппозиции его величества» я столько раз высказывал и устно, и письменно, и печатно, что повторять их полагаю излишне. Но естественно, что, отрицая «оппозицию его величества», я тем менее имею права на сближение с «дворнею его величества».

Словом, дорогой Алексей Максимович, давайте — похороним в отношениях наших этот шаляпинский вопрос однажды навсегда. Шаляпиным я уже переболел очень мучительно и трудно — у меня к нему нет решительно никакого дурного личного чувства, как к человеку, от всей души желаю ему успехов, богатства, счастливой жизни, но я не нахожу в себе ни уважения к нему, ни веры в него. Видеться при таких условиях (исключая возможность, о которой я говорил в первых строках своего письма) было бы и бесполезно, и тяжело. Отболело — и довольно. У меня к нему нет больше ни дурного, ни хорошего отношения. Это — просто вычеркнутый из моей жизни номер.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров

[1] Ф. И. Шаляпин писал Горькому 31 июля: «Я уже думаю о том, чтобы больше не возвращаться не только на императорскую сцену, но даже и в Россию вообще, но это выходит тоже не очень складно. Оно, конечно, я пою то тут, то там в Европе, но, в сущности, какой же я итальянский или французский артист. Ведь если я уйду совершенно из России, то и искусству моему будет конец (...) В России думал я иногда о своем театре. Но это же для меня невозможно (...) Петь в частных театрах?.. Это и того хуже... Такие выверты, такие стили модерн, что не только петь в этих театрах, а и слушать, что там говорят и играют,— тошнехонько» (*Шаляпин*. Т. I. С. 337).

[2] «Дон-Кихот» — опера Ж. Массне, «Старый орел» и «Иван Грозный» — оперы Р. Гюнсбурга. Лопатин не согласился с этими высказываниями Амфитеатрова. Его возражения см.: Л—А, п. 17. Один из рецензентов писал по поводу выступления Шаляпина в опере «Иван Грозный»: «...Какой колоссальный, чисто русский талант Шаляпина! Ему нужно либретто Пушкина, Лермонтова, Алексея Толстого, ему нужна музыка Мусоргского, Глинки, Вагнера, ему нужен театр La Scala, московский Большой театр! И этот талант-колосс бьется на крошечной сцене Монте-Карло, как орел в раззолоченной клетке попугая, и негде развернуться гению: жалкая музыка, жалкий антураж» (*Каменец-Сафонова А.* «Иван Грозный» в Монте-Карло// Театр и искусство. 1911. № 11. С. 238).

237. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 20 или 21 сентября 1911 г.)

Весьма жаль, дорогой Александр Валентинович, что, отвечая на мое письмо по поводу Шаляпина, вы — очевидно — имели в виду его и ему писали, а не мне,— должно быть, поэтому письмо ваше имеет такой

тон, как будто написано для публики[1]. Я же писал вам не как публицисту, а как человеку, чье чувствование в данном случае мне необходимо знать и чьи чувствования для меня вообще и всегда интересны. Мнение ваше я знал по первому письму к Шаляпину, оно тоже огорчило меня, показавшись слишком поспешным[2]. Вы сами знаете, как трудно оправдать человека, как легко обвинить его; ведь и вы в свое время были судимы и обвиняемы не однажды и несправедливо[3], и точно так же, как вы в данном случае не спросили виновного, *почему* и *как* он провинился, в той ли мере виноват, как на него доносят, — вас тоже не спрашивали об этом. И вы знаете также, до чего любит русская публика поплевать на человека крупнее ее ростом.

ГОРЬКИЙ

Рисунок Ф. И. Шаляпина (бумага, цв. карандаш). Капри.
Под изображением слева авторская подпись: «Ф. Шаляпин, Саргі, 18/5 сентября 1911 г.»
Музей Горького, Москва

Пишу это не из надежды переубедить вас, а просто потому, что тяжело и жалко, что мы столь круто расходимся во взглядах на это дело. Мне всероссийский мордобой надоел. Скажу, однако, что Федор никаких телеграмм Союзу русского народа, конечно, — не посылал, смешных и пошлых интервью не давал и т. д.[4] Он и не мог этого делать, ибо сначала не знал за собою вины и не чувствовал ее, а потом — узнал, понял, что действительно виноват, и оправдываться уже не мог. А на сцене в знаменитом спектакле он вел себя так, что лица, бывшие в театре тогда, — как Гинцбург, Крамалея[5] — не заметили его поступка и узнали о коленопреклонении уже на другой день, из газет. Человек растерялся и сделал глупость, этим воспользовались и истолковали глупость как холопство.

Он парень честный, по-русски и, как все мы, постоянно садящийся в какую-нибудь лужу.

Ну, оставим это.

Хорошо бы ввести в «Совр.» обозрение журналов. Обратите внимание на статью Аничкова — август, «Совр‹еменный› мир» — «Отрывок из дневника Добролюбова»[6], а также на книгу Келтуяла «Курс истории русской литературы для самообразования», вышла 2-я часть первого тома, очень заслуживает отзыва, и весьма нужная книга для демократа-читателя[7]. Жаль — дорога.

Всего доброго вам.

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 18 и 23 сентября.
На первой странице — помета Амфитеатрова «2-ое письмо Горького».

[1] П. Амфитеатрова было воспринято как «открытое» также Г. А. Лопатиным и В. Л. Бурцевым. Они предлагали опубликовать его в газ. «Будущее», на что Амфитеатров своего согласия не дал. См.: Л—А, п. 15, 16.

[2] Свое открытое письмо о Шаляпине от 26 января Амфитеатров послал Горькому лишь 11 февраля 1911 г. В ответном п. от 4 или 5 марта 1911 г. Горький резко осудил кампанию, поднятую против Шаляпина. 12 сентября 1911 г. Горький писал Е. П. Пешковой об Амфитеатрове: «Очень талантливый человек, и я его за многое уважаю, но — письма к Шаляпину не могу простить. Разве ты влезла бы на плечи упавшего для того лишь, чтоб тебя — *тебя* — виднее было людям,— вот какая хорошая — высоко стоит? Да. А он — влез. Не может забыть „Нового времени", своего прошлого и старается всё — чтоб другие забыли об этом» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 120).

[3] Речь идет об «обвинениях», связанных с сотрудничеством Амфитеатрова в газ. «Новое время» в 1893—1899 гг. в качестве московского корреспондента. От своей «нововременской» позиции Амфитеатров публично отказался в основанной им, совместно с Дорошевичем, газ. «*Россия*» (1899—1902).

[4] 23 и 24 сентября на Капри обсуждался вопрос о необходимости еще одного «открытого письма» — письма самого Шаляпина. Об этом свидетельствуют записи в *Дн. Пятницкого*. Предварительная «схема» письма, составленная Пятницким, была передана Горькому и им одобрена. См. в наст. томе: Шаляпин в гостях у Горького на Капри в сентябре 1911 г.

В связи с этим Горький, видимо, уже 24 сентября (в день отъезда Шаляпина с Капри) направил Н. Е. Буренину письмо, в котором просил его повидаться с Шаляпиным и помочь ему в случае необходимости выступить «перед публикою с письмом, в коем он:

во-первых — признает себя повинным в том, что, растерявшись, сделал глупость,

во-вторых — признает возмущение порядочных людей естественным и законным,

в-третьих — расскажет, как и откуда явились пошлые интервью и дрянные телеграммы, кои ставятся в вину ему (...) Надо же распутать всю эту дикую путаницу, надо отделить правду ото лжи, клеветы и всяческого злопыхательства...» (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 220). После успешного выступления Шаляпина в «Борисе Годунове» Буренин и рекомендованный Горьким юрист Д. В. Стасов решили «пока ничего не предпринимать и даже уговорить и Фед. Ив. никаких писем в газеты не писать» (Там же, с. 221). Горький не считал это решение правильным. «Верно ли вы сделали,— писал он Буренину в середине октября 1911 г.,— отговорив Федора от объяснения с публикою? Пожалуй — нет; ведь публика злопамятна и долго носит камень за пазухой, особенно долго в том случае, когда она имеет право кинуть камнем в грешного» (*XXIX*. 205).

[5] Илья Яковлевич *Гинцбург* (1859—1939) — скульптор; Михаил Михайлович *Крамалей* (ум. 1914) — журналист, драматург.

Приехав на Капри, Гинцбург рассказал Горькому об обстоятельствах «инцидента» 6/19 января 1911 г. Горький писал Е. П. Пешковой 12 сентября 1911 г.: «Теперь для меня ясны рассказы „очевидцев происшествия", на спектакле этом они были, а коленопреклоненного Шаляпина — не видели, ибо он стоял где-то сзади хора, в толпе, действительно присев на колени, но не понимая — что случилось и зачем сие? Гинзбург, скульптор, бывший на спектакле, узнал о „событии" только из газет. Крамалея — тоже» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 119).

[6] Ст. Е. В. Аничкова «Отрывок из „Дневника" Добролюбова» была напечатана в журн. «Современный мир» (1911, № 8).

[7] Василий Афанасьевич *Келтуяла* (1867—1942) — историк литературы. Речь идет о кн. Келтуялы «Курс истории русской литературы. Пособие для самообразования» (ч. I, кн. 1 — СПб., 1906; ч. I, кн. 2 — СПб., 1911), посвященной фольклору и истории древнерусской литературы до конца XVII в. (*ЛБГ*) (*Описание*). Первую часть курса Горький считал «ценной работой» (п. Пятницкому, около 14/27 янв. 1908 г.— *Арх. Г.* Т. IV. С. 226). В 1908 г. Горький переписывался с Келтуялой по поводу этой книги (*Желтова Н.* Письма Горького В. А. Келтуяле // Русская литература. 1966. № 4. С. 187—189). Очевидно, Горький ознакомился с предисловием Келтуялы к ч. 1 кн. 2 «Курса истории русской литературы» после того, как рекомендовал эту книгу в «Современник» для отзыва (*Бялик Б.* О Горьком. М., 1947. С. 195). Несколько позже это предисловие вызвало целый ряд его критических замечаний. См.: Г — Ляц, п. 4, прим. 1.

238. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.IX.23

Дорогой Алексей Максимович!

Если бы я имел в виду Шаляпина, то Шаляпину и написал бы. Письмо адресовано к Вам — следовательно, для Вас оно и писано. Переговариваться с кем-либо через чужие плечи не в моих правилах.

Размежевывать в себе области публициста и человека я тоже не привык и совершенно не знаю, как это может уживаться, что вот в Иксе публицист — одно, а человек — другое. И если человек и публицист оказываются чем-то разным и способным разно мыслить и говорить и писать, то уж и не знаю, право, как Вы определяете публициста, что ж это за существо.

Впервые слышу от Вас, что мое письмо к Шаляпину Вас огорчило. И в письмах того времени, и в устных разговорах Вы говорили совсем не то.

Если надо касаться личных примеров и, следовательно, говорить за себя, то скажу, со всем отвращением к этому занятию, что к обвинению, по моему глубокому убеждению, могут быть только три отношения, которые все три мне и случалось применять в жизни своей. Ибо это Вы напрасно, хотя и любезно, говорите, что меня обвиняли только несправедливо. Бывали и справедливые обвинения, за которые я в свое время и отбывал свою заслуженную и иногда мучительную нравственную кару. Три отношения эти:

1) Если ты чувствуешь себя виноватым, смой с себя вину, какою бы тяжелою житейскою ценою тебе это не досталось.

2) Если ты чувствуешь себя невиноватым, но уважаешь среду, которая тебя обвиняет, протестуй гласно, требуй суда и оправдания, публичной реабилитации, опять-таки не справляясь с практическими удобствами и неудобствами, которыми это будет осложнено.

3) Если чувствуешь себя невиновным и не уважаешь среду, которая тебя обвиняет, то делай свое дело, как делал, и не обращай внимания на обвинение.

Шаляпина я не вижу ни на одном из этих прямых ходов, но очень много вижу на задних кривых ходах, направленных к тому, чтобы утерянную невинность возвратить и капитал сохранить. Таково опубликованное письмо его к Волькенштейну[1] с лживыми словами, будто я его грубо обругал, рассчитанными на то, что в русских газетах нельзя поместить опровержения, что обругал я не его, а Николая II. Таков и предсезонный визит его сейчас к Вам. Девять месяцев прошло с его коленопреклонения, и за этот срок он не сделал ни одного прямого шага к своей реабилитации, а все только испытывал «психологические средства» к продолжению двуручничества. Я в число таких средств попадать не имею ни малейшего желания.

Вы защищаете Шаляпина в том, в чем я его никогда и не обвинял (телеграмма Союзу русского народа, интервью какие-то). О первой я, как только узнал, сказал при всех, что это враки и быть этого не может, ибо Шаляпин не дурак. Интервью его — такая сбивчивая штука, что я о них отказываюсь судить и просто исключаю их из этого дела. Во всяком случае, прямого опровержения этих интервью Шаляпиным тоже сделано не было. Что же касается интервью в «Matin»[2], то редакция, предвидя манеру интервьюируемого отрекаться от своих слов, взяла его от Шаляпина в письменной форме, о чем и предупредила своих читателей. Да, повторяю, все это для меня нисколько не важно.

Не важно даже и то, кто видел коленопреклонение, кто не видел (NB. Вы не находите, что в подобном случае стать на коленки в уголке еще некрасивее, чем на авансцене?). *Важно одно*: официально было возвещено urbi et orbi*, что Ф. И. Шаляпин, друг Горького и русской революции, «человек из народа», публично стал на колени пред Николаем II, убийцею и палачом своего народа, и пел ему гимн. На это официальное оповещение Шаляпин не ответил и не отвечает единственно так, как оно заслуживало: уходом из царской музыкаль-

* городу и миру (*лат.*).

ной дворни в свободное художество или хоть резким заграничным протестом против унижения, которому его в числе этой дворни подвергли. Когда будет сделано что-либо такое, тогда я тоже, как и Вы, почту его «парнем честным». Покуда же считаю только парнем, весьма соблюдающим свои выгоды и при кошачьей блудливости заячьи трусливым. И не обижайте уж так русскую публику: Шаляпин выше ее физическим ростом и талантом, но не душою [3].

Это я пишу Вам, конечно, тоже не для того, чтобы убеждать Вас, а для того, что есть вопросы, которые между людьми в таких хороших отношениях, как мы с Вами, должны быть выяснены до конца. Я думал, что достиг этого в прошлом письме, но из Вашего ответа вижу, что ошибся.

Относительно журнального обозрения — конечно, очень хорошо бы ввести. Но зачем только желательный оборот? Присядьте, да и введите. Либо присадите дельного человека, коли у Вас есть. А мы будем рады.

К нам входит Серошевский [4].

На книгу обращу внимание.

Добролюбовым у нас завален ноябрь [5].

До свиданья. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Извините, что второе письмо переписываю на машинке. Когда я волнуюсь, то рука пишет вместо букв черт знает что.

[1] Свои возражения Шаляпину на его п. М. Ф. Волькенштейну (А — Г, п. от 26 янв. 1911 г., прим. 2) Амфитеатров направил в редакции газет «Одесские новости» и «Биржевые ведомости» (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

[2] В интервью, напечатанном в «Le Matin», Шаляпин, судя по сообщениям русских газет, сказал, в частности, о том, что эпизод в Мариинском театре 6 января 1911 г. произошел «не по собственному импульсу, а что об этом его просили хористы, готовившиеся возбудить ходатайство об улучшении их участи» (Голос Москвы. 1911. № 36. 15/28 февр.).

Позднее, 1 февраля 1912 г., Шаляпин писал Горькому: «...ведь я, если и оправдывался, так довольно-таки пошло, написав письмо в „Matin“» (*Шаляпин*. Т. I. С. 343).

[3] Горький писал Е. П. Пешковой 5 октября: «И ты — права, сказав, что перепиской я ничего не добьюсь от Амфитеатрова, так и вышло. Он — столь свирепо радикальничает в своих письмах, что мне даже неловко было читать их, очень уж „молодо“, „прямолинейно“ и — напоказ. В нем, к сожалению, весьма развит этот „наклон души“ — действовать напоказ (...) Лично он — А. В.— все-таки, конечно, по-прежнему нравится мне, и мое к нему отношение инцидент не изменил...» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 123).

[4] Вацлав *Серошевский* (писал под псевдонимом Вацлав Сирко) (1858—1945) — польский писатель, этнограф, печатался также на русском языке.

[5] См.: А—Г, п. от 10 октября 1911 г., прим. 5.

239. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. 4 октября 1911 г.›

Дорогой Александр Валентинович!

Сообщите, пожалуйста, отчество Ф. Волховского — очень нужно! [1]

Всего лучшего!

А. Пешков

А денег-то мне Певин не выслал за 4-ю.[2] Нельзя ли? Сижу без оных.

Текст на иллюстрированной открытке: Siena. Oratorio di S. Bernardino. L'Angiolo annunziante.

Адрес рукою Горького:
S-r Amfiteatroff
Spezia, *Fezzano*
Villa Buriassi.

Датируется по почт. шт.

[1] 20 сентября 1911 г. Горький послал в Арвей (Швейцария) на имя Е. П. Пешковой «материал» для редактируемого Ф. В. Волховским журн. «За народ» (издавался в Париже) (*Арх. Г.* Т. IX. С. 122). Благодаря Горького за присланный им «ценный документ для характеристики теперешней солдатской жизни», Волховский сообщал, что напечатает его в журнале (Там же, с. 335). Горький спрашивал об отчестве Волховского, по-видимому, для того, чтобы ответить на полученное от него письмо.

[2] За рассказ «Жалобы» IV.

240. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.X.6

Дорогой Алексей Максимович.

Волховского зовут Феликс Вадимович.

Певину телеграфировал.

Он только вчера приехал в Питер из Ессентуков, а без него там, известно, степь безответная.

Очень просит Вас Бурцев, и к просьбе его усерднейше присоединяюсь я: 1) принять участие в газете, которую он-таки начинает и первый № которой выйдет 15-го октября, 2) дать в этот № несколько строк политико-лирического обращения к публике, которое могло бы пойти как воззвание от редакции; программу издания пишу я — без подписи. Как только сделаю, Вам пришлю. Бурцев просит так: «напишите, как если бы Вы сами собирались издавать газету». Нечего и говорить, что как моя программа, так и Ваше обращение, если согласитесь написать, не потерпят никаких редакционных изменений. В первых числах русского октября я еду в Париж, чтобы принять участие в организации этого дела. Оно обещает успех, потому что около редакции есть кружок опытных журналистов, а Бурцев раздобылся деньгами, достаточными, чтобы просуществовать (прижимисто, конечно) в течение года. Название проектируется «Будущее» [1] (в ответ «Былому»). Выходить будет покуда раз в неделю как полная газета и раз в виде дополнительного листка. Если явится приток средств, переведем дело в ежедневное. Не придет ли Вам в мысли название лучше «Будущего»? Меня что-то не осеняет. Помогите Бурчику именем и сотрудничеством — он, конечно, и сам Вам пишет, да и говорил с Вами в Париже, я только подкрепляю ходатайство. От себя лично могу прибавить, что я на это предприятие смотрю очень серьезно и жду от него многого и в организации его намерен принять участие энергическое. А, как Вам известно, я к газетному делу имею некоторый нюх и привычку и, если бы видел перевес шансов в сторону неудачи, не принял бы участия в «Будущем», как не принимал в «Общем деле» [2]. Работать покуда буду, конечно, бесплатно. Пожалуйста, дорогой А. М., помогите этому делу!

Приехал Миролюбов. Поселится в Нерви или Сестри. Здесь нет ему, по болезням его, удобного помещения [3].

Приехал Герм. Алекс. Он также в больших хлопотах по бурцевскому предприятию и также усиленно просит Вас о содействии и поддержке оному.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] Еженедельная газета, издаваемая В. Л. Бурцевым в Париже с 22 октября 1911 г. по 4 января 1914 г., получила название «Будущее» («L'Avenir»). Материалы газеты печатались параллельно на русском и французском языках. В новой газете Бурцев продолжал начатое в газ. «Свободная Россия» и журн. «Былое» разоблачение секретных дел Департамента полиции. 3 ноября 1914 г. Петербургской судебной палатой был составлен «Обвинительный акт о сыне штабс-капитана Владимире Бурцеве», по которому Бурцев был привлечен к суду за издание газ. «Будущее». В акте говорилось: «Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого,

Бурцев, не признавая себя виновным, объяснил, что, „все, помещавшееся им в „Будущем", явилось критикою существующего в России строя"» (*ГИМ*, отд. письм. источн., ф. 31, ед. хр. 91, л. 81). В качестве обвинения было выдвинуто также то обстоятельство, что «...издаваемая Бурцевым в Париже газета „Будущее" продавалась в Париже открыто в киосках и у газетчиков, а кроме того, получила распространение и вне Парижа, а также в городах других государств, кроме Франции, в Болгарии и Сербии, причем пересылалась и в Россию» (Там же, л. 80 об.). Первый номер газ. «Будущее» привлек внимание В. И. Ленина. В ст. «О социал-демократической фракции II Думы» он сослался на материалы, разоблачающие провокационную деятельность охранки, которые приводились в этом номере газеты (*В. И. Ленин.* Т. 20. С. 382–383).

[2] О газ. «Общее дело» см. в сообщении Е. Г. Коляды «О Горьком и Лопатине...»

[3] Е. П. Пешковой Горький в конце сентября писал: «А Миролюбов все прихварывает, теперь переехал в Сестри Леванте» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 123). На Капри Миролюбов приехал 11 октября.

241. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 9 или 10 октября 1911 г.⟩

Дорогой мой Александр Валентинович!

«Будущее» — как заголовок газеты — и меня тоже не вдохновляет, нельзя ли окрестить иначе как-нибудь? «Накануне», «Рассвет», «Заря» — не знаю как!

Что-нибудь напишу и пошлю вам, это — на днях[1]. А пока: не пригодится ли сие письмо для первого № — а?

Происхождение его такое: каторжане александр⟨овского⟩ Централа прислали мне *сработанную ими* копию наручников в миниатюре — вещицу поистине очень изящную! Они там вообще занимаются художествами и — очень успешно.

Вы уж сами решите, стоит ли оглашать это письмо, пожалуйста, сами. И, разумеется, — в случае оглашения — не надо упоминать, какая тюрьма[2]. Они получили письмо и ответили мне весьма трогательно[3].

Кончил «Кожемякина» и — не удался мне он[4].

Очень бы надо повидаться с вами: не думаете ли вы поехать в Рим — до Парижа — и когда бы? Я собираюсь туда на пару дней поглядеть российскую живопись[5].

Отвечайте.

Жму руку, всего лучшего вам!

А. Пешков

Датируется по п. Лопатина Бурцеву от 11 октября 1911 г.: «А. В. получил сейчас от Горького письмо, которое и посылает Вам вместе с приложением». См. сообщение Е. Г. Коляды «О Горьком и Лопатине...»

[1] См.: Г—А, п. от 13 октября 1911 г., прим. 10.

[2] Горький выслал Амфитеатрову свое письмо «Каторжанам Александровской центральной тюрьмы», в котором писал: «Мне передан ваш подарок — наручники, вещица в малом виде — изящная, а в натуральном — подлая...» (*XXIX*, 190)

Письмо было напечатано в газ. «Будущее» (1911, № 1, 22 окт.) под заглавием «Письмо каторжанам -ской Центральной тюрьмы».

[3] Горький направил «Письмо каторжанам...» иркутскому ссыльному М. Шефтелю, от которого и получил ранее «ручные кандалики», сделанные заключенными александровского каторжного Централа. Шефтель бежал из Иркутска в Париж и в п. Горькому от 25 сентября 1911 г. ст. ст. (в автографе ошибочно проставлен месяц — X вместо IX) рассказал о том, с какими трудностями ему удалось переслать каторжанам п. Горького.

«На Вашу дорогую весточку, — писал он, — в далекую Сибирь к товарищам Алекс⟨андровского⟩ каторжного Централа и ко мне — я с радостью отвечаю не из стен проклятых казематов, не из тайги холодной, а из Парижа ⟨...⟩ Ваше заказное письмо, адресованное на мое имя в Иркутск, было, как видно, по дороге перлюстрировано ⟨...⟩ И все-таки послание достигло цели, и сквозь толщу стен проклятых казематов оно пробралось! И обратную весточку я получил, это больше чем радостными были те минуты, когда Ваше послание они читали». Шефтель сообщал

далее, что «в Централе имеется теперь так называемая Художественная мастерская», в которой производятся «резьба по дереву, кости, работа акварелью на ими сработанных кожаных вещах и дереве. Открытки из бересты и на них акварелью из жизни каторги etc.» «Цель этого предприятия,— писал он,— конечно, приобретение денег для тов⟨арищей⟩». Шефтель просил Горького помочь организации выставки этих вещей в Париже (*АГ*).

[4] 5 октября Горький сообщил Е. П. Пешковой: «Кончил 4-ю часть „Кожемякина" — вышло, конечно, не то, чего хотелось. Следовало бы подождать печатать, но — нельзя: нужно же, чтоб выходили сборники „Знания..."» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 123).

[5] Речь идет о русском отделе Международной художественной выставки в Риме. 18 октября 1911 г. М. Ф. Андреева писала Т. В. Красковской и Н. А. Румянцеву о Горьком: «Может быть, на днях он съездит в Рим посмотреть русский отдел, хоть его и ругают, но нам и такой интересен» (*М. Ф. Андреева.* С. 211).

Александр Бенуа в ст. «Художественная жизнь» писал: «Менее торжественен был „триумф" русского искусства на выставке в Риме, однако нужно тут отметить, что русский павильон, построенный по проекту В. А. Щуко, был одним из самых красивых, а многие в нем выставленные предметы принадлежали к лучшему изо всей выставки. Особенно художественными достоинствами отличался зал Серова и залы, посвященные произведениям художников „Мира искусства", „Союза ⟨русских художников⟩", „Нового общества". Как и следовало ожидать, успех русского отдела в Риме получил совершенно противоположный отзвук в русской художественной критике, почти целиком находящейся во власти у самых косных и безвкусных элементов» (Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год. СПб.: изд. редакции газ. «Речь». ⟨1912⟩. С. 459—460).

242. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.X.10

Дорогой Алексей Максимович.

Надо составлять проспект «Современника» на будущий год, чтобы включить его в ноябрьскую книжку [1]. Кроме того, Певин думает разослать его в большом количестве, как объявление.

Сообщите, пожалуйста, что́ Вы думаете дать нам в будущем году, хотя бы в первой лишь половине?

Всякое даяние благо и всяк дар совершен, но чрезвычайно хотелось бы получить от Вас большую вещь, способную занять книжки три, этак, значит, листов на 6, на 7. Поди, ведь, лежит что-нибудь этакое в полуотделанном-то виде? А материально — это и нам, и Вам будет выгодно.

Если большой вещи дать будет нельзя и Вы будете давать по-прежнему только мелкие рассказы, то нельзя ли будет их объявить общей серией, вроде «Жалоб», и, возможно, в большем количестве, этак хоть через месяц, если не каждый месяц?

Вообще — почему Вы не хотите иметь от «Совр.» правильных 5—6000 рублей в год — хоть убейте, не понимаю. Ведь для этого надо получить в каждый № только печатный с четвертью лист Вашего материала. А что хотите говорите, но правильное постоянное получение даже в среднем размере гораздо выгоднее кушевого даже в размерах больших. Тем более что с гонораром «Совр.» Вы сами свеликодушничали, слишком дешево взяли. Я прямо скажу, что журналу выгоднее платить Вам 500 р., как решено было раньше, но чаще получать на страницы свои Ваш материал.

Коцюбинский прислал «Сон» [2].

Грыземся с В⟨иктором⟩ С⟨ергеевичем⟩ из-за повести Шмелева [3]. Я нахожу, что именно потому, что талантливо, надо, чтобы автор еще поработал над вещью к совершенству ее, а он торопит печатать. Бедный В. С. заболел в Сестри. Ох, уж этот мне Давос! Вечная история: пока там — великолепно; выехал оттуда — вдвое хуже.

Серошевский дает в ноябрь очерк о Толстом [4].

Номер весь будет состоять (кроме романов, конечно) из статей, посвященных памяти Добролюбова и Толстого. В особенности наляжем на первого[5].

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Завтра пошлю Вам, что написал для бурцевской газеты.

[1] В кн. 11 «Современника» было помещено объявление о подписке на 1912 г. на «ежемесячный большой журнал литературы, политики, науки, истории, искусства и общественной жизни, издаваемый при ближайшем участии Александра Амфитеатрова». В объявлении сообщалось: «В 1912 г. (втором году издания) „Современник" будет выходить по той же программе, в том же направлении внепартийного передового органа, при значительно расширенном составе сотрудников».

[2] Амфитеатров пригласил М. М. Коцюбинского сотрудничать в «Современнике» еще в период организации журнала. Он писал ему 15 декабря 1910 г.: «А. М. Пешков рекомендовал мне обратиться к Вам с предложением поработать для начинаемого мною „Современника"...» (цит. по кн.: *Крутикова Н. Е.* В начале века: Горький и символисты. Киев, 1978. С. 250). Рассказ «Сон», полученный от Коцюбинского, был объявлен на 1912 г. в кн. 11 «Современника» за 1911 г. Напечатан в кн. 5 «Современника» за 1912 г.

[3] Как это видно из записной книжки В. С. Миролюбова, речь идет о рассказе И. С. Шмелева «Стена». Рассказ был прочитан им 15 сентября и оценен положительно. Горький же увидел в рассказе много недостатков (п. В. С. Миролюбову от 12 сент. 1911 г.— *XXIX*, 181—182). В «Современнике» рассказ не появлялся. Вошел в кн.: *Шмелев Ив.* Рассказы. М.: Книгоизд-во писателей, 1913. Т. IV.

[4] Очерк Серошевского о Л. Н. Толстом в «Современнике» напечатан не был. Толстому были посвящены «Очерки из истории русского патриотизма. II. Лев Толстой и Александрово воинство» Амфитеатрова и «Толстой о политической борьбе» Е. Е. Колосова.

[5] В ноябре 1911 г. исполнилось 50 лет со дня смерти Н. А. Добролюбова; отмечалась годовщина смерти Толстого. Кн. 11 «Современника» открывалась портретом Добролюбова. В ней напечатаны ст. «Дела и дни Н. А. Добролюбова» Е. Аничкова и В. Княжнина и «Социально-политические взгляды Н. А. Добролюбова» Ю. Стеклова. Кроме упомянутых статей, в кн. 11 «Современника» напечатаны рассказы «Новобранец Ильюшка» Д. Айзмана, «В полях» Г. Гребенщикова, повесть Клементины Блэк «Агитатор» (продолжение), роман Амфитеатрова «Закат старого века» (продолжение), роман Анни Виванти «Поглотители» (окончание), очерк А. Хирьякова «Три встречи», ст. Суханова «Неурожай и его спутники», Мих. Павловича «Великая китайская революция», Евг. Чирикова «Заметки провинциала».

243. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.X.13

Дорогой Алексей Максимович.

Переслал Бурцеву письмо Ваше[1], а Вам посылаю то вступление, которое я для него сделал[2]. В экземпляре, Вам посылаемом, нет нескольких абзацев, касавшихся Финляндии, еврейского и славянского вопросов. Я их вставил потом. Рабочего вопроса я совсем не касался, рассчитывая на Вас. Напишите, право! Внесите в начало дела свое сильное лирическое слово. Авось, сладим.

В «Кожемякине» очень много хорошего. Не знаю, чего Вы ворчите. Быть может, к выигрышу вещи можно было бы убавить и сжать резонерскую часть, вообще повести события более быстрым темпом, но это — единственное, что приходит в голову как возражение непосредственно после прочтения. А это возражение парализуется соображением, что, ведь, конца-то не знаем[3], так что, может быть, именно такой ход и необходим и для автора, и для читателя, чтобы хорошо и сильно подошел роман к станции назначения.

Прочитал «Живой труп» и целый день ходил злее чёрта. Этих Чертковых, Александр Львовн, Немировича и Станиславского просто пороть надо[4]. Ведь это же срам, что такое. Можно ли было начинать посмертного Толстого с такой мелодраматической ерунды, да еще окружать ее столь безобразною рекламною шумихою?[5] Ведь совершенно же ясно,

что пьеса совсем не написана, что это — неудавшийся набросок, который Толстой никогда не пустил бы в публику... Язык-то! язык! «Я восхищаюсь пред тобою», «кроме здесь»... И в какое это время происходит? Сейчас — современность (пародия на суд‹ебное› следствие), сейчас — сороковые годы (цыгане и Маша)... Очень нехорошо.

Шмелевский «Человек из ресторана» длинен, но, в большинстве страниц, хорош, и очень иногда хорош [6].

Очень и мне хотелось бы Вас повидать и о многих планах, проэктах и обстоятельствах поговорить. Если не задержит меня получение денег до невозможности ехать в Париж иначе, как стремглавно, то с удовольствием приехал бы в Рим. Напишите, когда Вы точно там можете быть и где остановитесь. Рекомендую Hôtel Pincio.

В октябрьской книжке начинаю «Очерки по истории русского патриотизма (1812 год)» и первый очерк, называемый «Наполеон — Пугачев», посвящаю разъяснению, как в 1812 году дворянство, с Ростопчиным и в. кн. Екатериною Павловною во главе, воевали против русского народа за крепостное право [7]. Проработал я над 1812 годом почти весь 1911 год и думаю, что приготовил несколько таранов господам лже-Романовым неприятных [8], а для сознания русского читателя небесполезных. Ах, если бы я был уверен, что проживу еще 25 лет! Чего-чего только еще наработать возможно. А то уже часто отрекаешься от будущего плана по размышлению: у меня нет шансов дожить до возможности за него приняться.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] П. «Каторжанам Александровской центральной тюрьмы».

[2] Имеется в виду редакционная ст. «Наша программа», которая открывала первый номер газ. «Будущее» (22 окт. 1911 г.). В ней была определена основная задача газеты — «посильно бороться со всеми пережитками самодержавия в действующем строе»; в качестве политического лозунга момента выдвигался «пересмотр положения о Государственной думе и отмена избирательного закона 3-го июня». Газ. «Будущее» характеризовалась в этой статье как «орган вполне беспартийный», ставящий своей целью «не объединение оппозиционных и революционных партий», не установление «между ними глубоко и широко идущего блока», а сближение их «на почве единой общей практической задачи...» Ленин резко критически оценил эту программу в ст. «О лозунгах и о постановке думской и внедумской с.-д. работы» (*В. И. Ленин.* Т. 21. С. 15).

[3] Амфитеатров имеет в виду ч. III повести «Матвей Кожемякин» (XXXVI *сб.* «*Знания*» вышел в свет 16/29 сент. 1911 г.).

[4] Пьеса «Живой труп» была опубликована впервые в газ. «Русское слово» 23 сентября/6 октября 1911 г. и в тот же день вышла отдельным изданием: *Толстой Л. Н.* Живой труп: Драма в 6-ти действиях и 12-ти картинах / Под ред. В. Г. Черткова. М.: изд. А. Л. Толстой, 1912.

«Живой труп» был предоставлен А. Л. Толстой в распоряжение Московского Художественного театра (Театр и искусство. 1911 № 3. 16/29 янв.). Постановку пьесы в МХТе осуществили К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко (премьера — 23 сент./6 окт. 1911 г.). Станиславский играл в спектакле князя Абрезкова.

[5] Пьеса и спектакль Московского Художественного театра были встречены с большим интересом. На следующий день после опубликования пьесы газ. «Речь» сообщала: «Вчера вышла из печати (изд. А. Л. Толстой) и поступила в продажу драма Л. Н. Толстого „Живой труп". Книга появилась сразу в трех изданиях: в 60, 25 и 10 коп.— и с утра покупалась нарасхват у уличных продавцов. С сегодняшнего дня пьеса становится общим достоянием, перепечатка ее и постановка на сцене разрешается безвозмездно» (1911, № 262, 24 сент./7 окт.). В газетах сообщалось также о выходе на экраны фильма «Живой труп» (Утро России. 1911. № 218. 23 сент./6 окт.).

«Что-то большое и величественное,— писал Н. Л. Геккер (Н. Г.) в „Одесских новостях",— пришло в литературу. Пришло и заняло в ней подобающее место, вытеснив не то что излишнее и ненужное, а скорее всего, временное, чем питаются и удовлетворяются по нужде и за недостатком лучшего» (1911, № 123, 28 сент./11 окт.). «Мораль Толстого,— писал И. Игнатов,— которая, м. б., станет действительным приобретением человечества через много, много поколений, здесь воспринята не разумом, она как бы вошла в физический организм Протасова, сделалась

его составной частью и превратила Федю в „гражданина будущих поколений...“» (Русские ведомости. 1911. № 218. 24 сент./7 окт.).

[6] «Человек из ресторана» И. С. Шмелева был напечатан в XXXVI *сб. «Знания»*.

[7] «Очерки из истории русского патриотизма (1812). I. Наполеон — Пугачев» (Современник. 1911. Кн. 10); II. «Лев Толстой и Александрово воинство» (Современник. 1911. Кн. 11). В первом очерке «Наполеон — Пугачев» Амфитеатров, обращаясь к мемуарным свидетельствам и историческим документам, утверждает, что московским генерал-губернатором Ф. В. Ростопчиным и его вдохновительницей вел. кн. Екатериной Павловной руководила в борьбе с Наполеоном не патриотическая идея, а боязнь «пугачевщины извне», т. е. освобождения крестьян от крепостного права, которое «совершалось уже самым занятием русской территории французскими войсками» (Современник. 1911. Кн. 10. С. 171).

[8] См.: Г—А, п. от января, не ранее 30, 1912 г., прим. 6.

244. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 13 октября 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Я мог бы дать на 912-й повесть в 6, 7 листов[1], но при условии: по 500 р. за лист, и пусть Певин теперь же даст мне 1000 р. Поверьте — очень неловко писать о таких вещах в таком тоне да к тому же — вам, но — дела мои столь плохи, что и сказать трудно[2].

Засим: 22-го октября в Москве «в торжественном по случаю столетия существования заседании О-ва любителей росс‹ийс›кой словесности» — ух ты! — будут вероятно, прочитаны мои воспоминания о Каронине[3] — это около печатного листа; если хотите — я пришлю вам рукопись, м. б. годится для «Современника». Вы скажете мне об этом — т. е. годится или нет — вполне откровенно. Не подойдет ли к ноябрьской книге?[4]

Журнальное обозрение — необходимо, я — конечно — не годен на это амплуа и предложением вашим удивлен, весьма[5]. Но — скоро сюда приедет А. Тихонов, и я обязательно попробую с ним — не выйдет ли чего? А если с ним не выйдет — другого найду.

Хорошо бы первую книжку 12 г. снабдить обзорами 11-го — обзорами всех сторон русской жизни.

Так, например, обзор торгово-промышленной деятельности мог бы написать Цыперович, это знающий дело парень, возьмите его статьи «Синдикаты», «Сахар», «Чугунный голод»[6].

Обзор «течений общественной мысли» сделал бы Базаров, Павлович — иностранную политику России[7], а «жизнь деревни» — И. Гордеев, это какое-то новое и очень живое перо в «Рус‹ском› богатстве»[8].

Литературный обзор — вы, если не найдется нового кого-либо. Базарова вообще следовало бы привлечь к журналу, это человек серьезный, за что и зачислен в еретики правоверными с.-д.[9]

Для Бурцева пишу, пришлю вам[10].

Как бы это повидаться с вами? Не длинное лежит меж нами расстояние, а вот поди же!

Досадно.

Желаю всего доброго

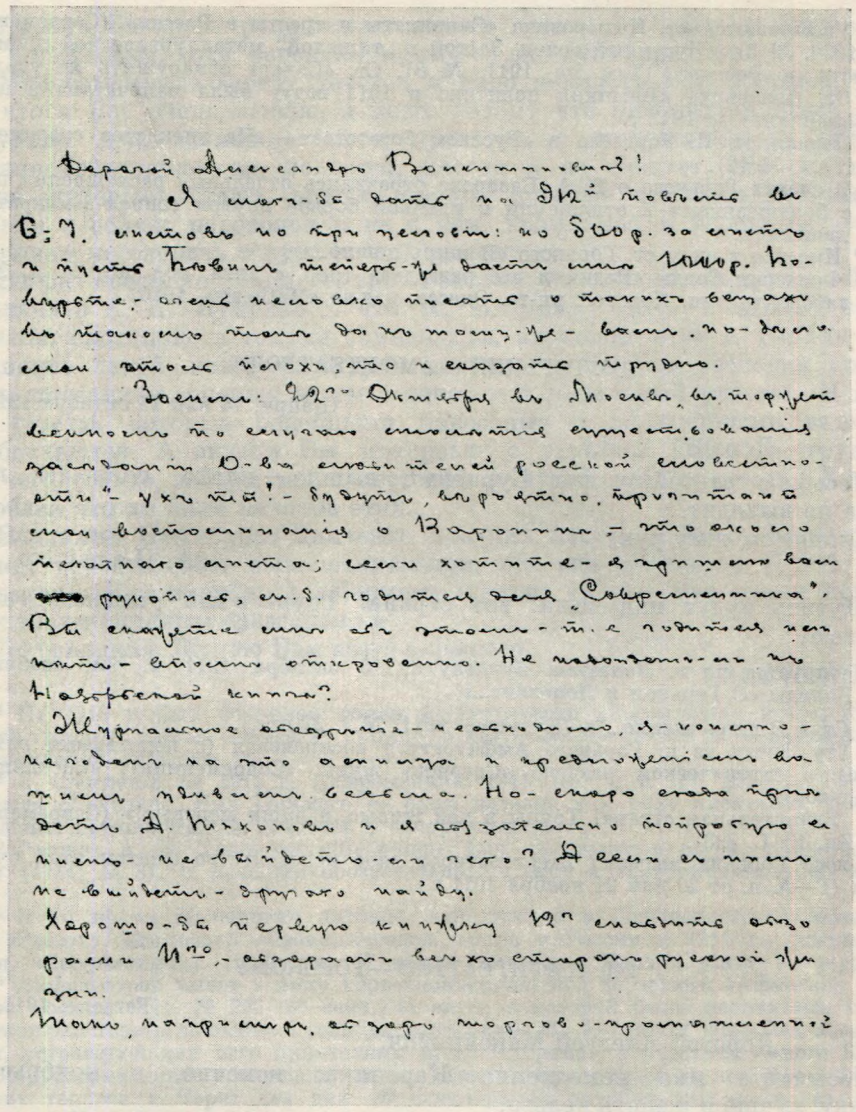
А. Пешков

Хотите испытать большое наслаждение?

Прочитайте книжку Содди «Радий», издание «Mathesis»[11].

Датируется по ответному п. Амфитеатрова от 15 октября 1911 г.

[1] 5 октября 1911 г. Горький, сообщая Е. П. Пешковой о завершении работы над четвертой частью «Жизни Матвея Кожемякина», писал: «Сейчас же начну „Записки доктора Ряхина“ — вещь небольшая» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 124). Пятницкий предложил Горькому отдать «новую вещь в 6 листов» «Современному миру» (*Дн. Пятницкого*, запись от 28 сент./11 окт.). Но Горький предпочел «Современник». Повесть написана не была. Сохранились лишь ее черновые фрагменты. См.: *10*, 661—691.



ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА ГОРЬКОГО АМФИТЕАТРОВУ
Капри, 13 октября 1911 г.
Архив Горького, Москва

[2] Е. П. Пешковой Горький писал 14 октября 1911 г.: «С 912 г. надобно работать в журналах. „Знание“ не кормит» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 124).

[3] Общество любителей российской словесности при Московском университете — одно из старейших литературных обществ (1811—1930). С просьбой откликнуться на юбилей Общества к Горькому обратился 11/24 сентября председатель Общества А. Е. Грузинский (ответное п. Горького от 20 сент./3 окт. см.: Вопр. лит. 1986. № 6. С. 158—159. Выдержки из писем Грузинского Горькому см.: *11*, 541—542). Воспоминания Горького были прочитаны Грузинским 22 октября/4 ноября на вечернем заседании Общества. «Я лично был увлечен вещью,— писал Грузинский Горькому 24 октября/6 ноября 1911 г.,— и взялся ее читать сам, из внутренней потребности. Кажется, не напортил, по крайней мере, чувствовал, что публике передался основной тон» (*АГ*). На том же заседании читались произведения Бунина, Андреева, Чирикова, Боборыкина и др.

[4] Под названием «Писатель» воспоминания были напечатаны в журн. «Современник» (кн. 10), позднее получили название «Н. Е. Каронин-Петропавловский».

[5] Горький отвечает на п. Амфитеатрова от 23 сентября 1911 г.

[6] Упоминаются ст. Цыперовича «Синдикаты и тресты в России» (Современный мир. 1909. № 3), «Чугунный голод. Застой в „тяжелой" металлургической промышленности в России» (Там же. 1911. № 8). Ст. «Сахар» обнаружить не удалось.

[7] Ст. Павловича «Внешняя политика в 1911 году» была напечатана в кн. 1 «Современника» за 1912 г.

[8] Первая ст. И. Гордеева в «Русском богатстве» — «Из анекдотов современности» (1911, № 12).

[9] В словах Горького о В. А. Базарове отразились отдельные расхождения писателя с большевиками в отношении к идейной борьбе внутри социал-демократического движения.

[10] Имеется в виду ст. Горького «В ширь пошло...»

[11] Фредерик Содди «Радий и его разгадка» (пер. с англ. под ред. Д. Д. Хмырова, лаборанта имп. Новорос. ун-та. Одесса, изд-во «Mathesis», 1910).

245. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 14 или 15 октября 1911 г.⟩

Дорогой А. В.!

Посылаю статейку для Бурцева [1], вышло — плохо, понимаю, но — иначе не выходит.

Кланяюсь, жму руку

А. Пешков

Шутить будут над нами: вот страна! Трупы в ней — живые, души — мертвые! [2]

Датируется по п. Лопатина Бурцеву от 16 октября 1911 г. См. сообщение Е. Г. Коляды «О Горьком и Лопатине...»

[1] Ст. «„В ширь пошло..."» (Будущее. 1911. № 1. 22 окт.).

[2] Эту фразу из п. Горького Амфитеатров воспроизвел (с некоторыми изменениями) в сатирическом разделе «Сверчок» журн. «Современник»: «Восклицание М. Горького:

— Удивительная страна! Трупы в ней живые, а души мертвые!» (Современник. 1911. Кн. 10. С. 393).

Позже Горький выразил Амфитеатрову свое недовольство фактом этой публикации (Г—А, п. от 20 или 21 ноября 1911 г.)

246. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.X.15

Дорогой Алексей Максимович.

Посылайте мне немедленно Каронина: конечно, в ноябрьскую книжку, лучше и желать нельзя.

Повесть на 1912-й год пишите непременно. Вопрос об авансе я улажу в Париже. Если Певин будет кряхтеть и жаться, министерский вопрос из сего сделаю либо собственный роман [1] на полгода отложу, но 1) уверен, что кряхтеть и жаться он не будет, 2) что Ваша повесть окупит себя уже при подписке. Словом, я считаю это дело решенным, положитесь на меня и пишите. Мне же, для разговора с Певиным, дайте поскорее заглавие и приблизительное понятие о среде и сюжете. В проспект я помещу заглавие [2], конечно, только в том случае и тогда, когда приду с Певиным к соглашению об авансе.

Относительно А. Тихонова ничего не могу сказать. «Шебарша» его в «Совр⟨еменном⟩ мире» вещь очень ничтожная, но весьма вероятно, что беллетристика не его дело. А язык у него есть. Если к этому будут и мысли, то отчего же и не дебютировать ему в роли журнального обозревателя [3]. Заказа сделать не могу, а с пробою милости просим.

Цыперович к нам стучался, я ответил ему самым любезным письмом принципиального согласия, а дальнейшее передал «по департаменту» В. М. Чернову. Почему они до сих пор не спелись, не понимаю [4].

Против Базарова решительно ничего против не имею и буду очень рад его статьям, хотя, вероятно, приму за сие душ воркотни.

Мне самому до зарезу хочется и надо повидать Вас. Хочется, потому что я Вас очень люблю, а надо, потому что накопилась масса литературных дел, возможностей и проектов, о которых писать было бы длинно бесконечно, да, пожалуй, иногда и не следует, ибо одно дело слова, которые летают, другое письма, которые остаются... Очень уж многим я сейчас недоволен и не с кем, кроме Вас, о недовольствах сих по душам поговорить и пути из них наметить.

Вчера обозлило меня «Утро России» сплетнями какого-то Фомы Райляна о А. И. Куприне [5]. Что А. И. может быть и бывает совершенною скотиною, в том не сомневаюсь, но хорош этот г. Райлян — совершенно лакей, который, будучи допущен к пьяным господам «разделить компанию», спешит затем с доносом в моральный участок. И хороши газеты, которые подобными пакостями с лицемерными вздохами пробавляются. А видели Вы интервью с героями «Живого трупа»? [6] До чего только дойдем мы в жестокой печатной своей подлости... Хоть бы оглоблей что ли били нахалов этих...

Владимир Немирович-Данченко получил пост покойного Барышева [7]. Может сказать себе: ныне отпущаеши, ибо сие равняется 15 000 дохода в год... Как в оп‹ере› «Кармен» поется: «и еще вот малая прибавка к твоим скудным средствам...»

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] На 1912 г. был объявлен роман Амфитеатрова «Дрогнувшая ночь», являющийся второю частью «Заката старого века», напечатанного в «Современнике» (Современник. 1911. Кн. 11).

[2] В проспекте на 1912 г. (Современник. 1911. Кн. 11 и 12) повесть Горького не была объявлена. Имя Горького не было названо и в ряду писателей, чьи произведения предполагалось печатать в «Современнике».

[3] Рассказ А. Н. Тихонова «Шебарша» был напечатан в журн. «Современный мир» (1911, № 8). В качестве обозревателя Тихонов в «Современнике» не выступал.

[4] В то время Цыперович активно сотрудничал в большевистской легальной газ. «Звезда». Его обзор «Экономическая жизнь в России в 1911 г.» появился в журн. «Современник» (1912, кн. 1) после того, как Чернов ушел из журнала.

[5] Амфитеатров имеет в виду корреспонденцию под заглавием «Афинская ночь» (Утро России. 1911. № 222. 28 сент./11 окт.), в которой были напечатаны с комментариями газеты большие куски из «описания» Ф. Райляном «подобия афинской ночи, устроенной для него приятелями А. И. Куприна», с участием самого Куприна. Корреспонденцию завершали слова: «Так гибнут русские гении под аккомпанемент таперов...» Через два дня, 30 сентября/13 октября 1911 г., в газ. «Утро России» (№ 224) появилось сообщение о том, что Куприн вызвал Райляна на дуэль, от которой Райлян отказался.

[6] В основу сюжета драмы «Живой труп» легло судебное дело супругов Е. П. и Н. С. Гимер, с которым Толстой ознакомился в 1897 г. Речь идет о корреспонденции, напечатанной в газ. «Утро России» (1911, № 221, 27 сент./10 окт.): «Живые герои „Живого трупа“. У Е. П. Гимер», в которой приводились слова «бывшей госпожи Гимер»: «Все это прошло, к чему все снова возобновлять? Не надо‹...› Видели же пьесу? В общем многое верно. Даже то, что нас выдал не муж, как об этом говорили...»

[7] Имеется в виду сообщение: «Место умершего члена комитета Общества драматических писателей и оперных композиторов И. И. Мясницкого (Барышева) занял В. И. Немирович-Данченко» (Утро России. 1911. № 215. 20 сент./3 окт.).

247. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. 17 октября 1911 г.›

Дорогой Александр Валентинович!

Сейчас не могу ехать в Рим [1], застигнут предложением вашим на самом интересном месте, интересном и опасном.

Посылаю рукопись [2], письмо на имя Лидии Петровны [3], письмо Ясинского Зиновию, присланное — почему-то — на мой адрес и на мое

А. И. КУПРИН
Шарж А. М. Любимова (Сигналы, 1906, вып. 4, с. 5)
Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

имя [4] вместе с другим письмом, кое тоже сообщаю вам в копии [5]. Вот у меня и создался «инцидент».

Для «Совр.» думаю написать «Дневник никудышника», герой — «человек, который выдумал себя», и выдумка эта пожрала его. Много места посвящу описанию тех физических условий, среди коих слагается психика никудышников [6].

Намерение: приласкать человека; конечно,— дрянь ты, милый, но — согласен — жизнь твоя трудная! Однако — ты дрянь, голубчик!

Думаю, что напишу весело, так что, хотя будут слезы, но и смешному — простор.

После Парижа, значит, увидимся? Ой, как это хорошо будет!

Ну — с богом!

А насчет денег — не очень давите издателя-то!

Вы уж вон как: министерский кризис!

Китайцы-то, а? Ох скоро нас бить будут! [7]

Всего хорошего вам!

Подарите мне Эйфелеву башню. Купите и подарите. Ее продадут дешево, она безобразней того, что сказано о ней Мопассаном [8]. А мне — годится. Поставлю ее тут и буду залезать от посетителей — на-ко возьми меня!

А. Пешков

Ф. Райлян — редактор-издатель журнала «Свободным художествам» [9], сам — художник и автор, кажется, всех академических скандалов, наиболее громких. Его имя связано также и с недавним самоубийством пейзажиста К. — забыл фамилию [10]. Что он написал о Куприне? Мне бы надо знать это.

Да, «Трупом» торгуют бойко. Вот-те и вегетарианцы.

Но — боже мой! — как мало — все-таки — уважается даже огромное имя, великая работа Толстого! И как тяжко читать глаголы Юшкевичей, Нилусов, Федоровых — снисходительные их глаголы! [11] Воистину нехорошо!

А. П.

Датируется по содержанию (см. прим. 1) и сопоставлению с п. Амфитеатрова от 15 октября 1911 г. В п. от 23 ноября 1911 г. Амфитеатров сообщал Горькому, что получил это письмо «перед самою парижскою поездкою, следовательно, 5 недель тому назад».

[1] Горький отвечает на не дошедшую до нас телеграмму Амфитеатрова, о которой мы узнаем из п. Лопатина Е. Ю. Григорович от 17 октября 1911 г.: «Ал⟨ександр⟩ Вал⟨ентинович⟩ думает отправиться завтра с сыном в Рим дня на 2 или 3; а затем, захватив на обратном пути Ил. Вл., поехать с ними на недельку в Париж. Если это состоится (что узнается еще сегодня из ответной депеши

Горького), то между 18 и 28 октября я буду жить здесь в состоянии относительного одиночества...» (*ЦГАОР*, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 2, л. 4).

[2] Очерк «Писатель» («Н. Е. Каронин-Петропавловский»).

[3] Л. П. Пешкова.

[4] П. Ясинского З. А. Пешкову, не разыскано.

[5] В п. Горькому от 23 ноября 1911 г. Амфитеатров сообщал, что «никакой копии в письме не оказалось».

По-видимому, имелось в виду п. Ясинского Горькому от 27 сентября / 10 октября 1911 г., написанное по поводу отказа Горького сотрудничать в журн. «Новая жизнь» в связи с предстоящей в нем публикацией повести Ясинского «Болезнь Арланова». Ясинский просил разрешения напечатать письмо Горького в редакцию журнала, воспринятое им как «запрещение» печатать повесть (*АГ*). Отвечая Ясинскому 3/16 октября 1911 г., Горький писал: «Лично я — не имею ничего против опубликования письма, посланного мною редакции журнала „Новая жизнь“..

А против выражения Вашего: „Вы запретили печатать мою повесть“ — протестую. Запрещать я не имею права и не имел желания, я просто заявил редакции, что не считаю для себя удобным печататься в одном издании с Вами» (*XXIX*, 197).

Копию п. Ясинского Горький приложил также к своему п. П. А. Берлину, одному из редакторов журн. «Новая жизнь», в котором писал: «... и Вы, и г. Архипов, приглашая меня сотрудничать в „Новой жизни“, должны были предвидеть возможность приглашения г. Ясинского в сотрудники Вашего журнала» (Там же. С. 197).

[6] «Дневник никудышника» — одно из названий задуманной Горьким в это время повести.

О «никудышниках» Горький писал в ст. «Разрушение личности», имея в виду интеллигенцию 80-х годов: «„Радикалы“ превращались в „непротивленцев“, „культурники“ в „никудышников“,— и один из честнейших русских писателей, святой человек Николай Елпидифорович Петропавловский-Каронин говорил, конфузливо потирая руки:

— Чем им поможешь? Ничем не поможешь! Потому что как-то не жалко их, совсем не жалко?» (*XXIV*, 56).

В этой же статье Горький писал о том, что «рост „лишних“, „никудышных“, „никчемных“, „ненужных“ людей»— распространенное явление в России (Там же. С. 77).

[7] 10 октября 1911 г. в Китае захватом повстанцами г. Учана началось возглавленное Сунь Ятсеном революционное движение, получившее название Синьхайской революции, которое носило антифеодальный характер. Русские газеты систематически печатали сообщения о ходе событий в Китае. В большевистской легальной газ. «Звезда» была введена специальная рубрика «Революция в Китае», которая открывалась ст. В. Д. Бонч-Бруевича «Проснувшийся дракон» (Звезда. 1911. № 26. 23 окт. / 5 нояб.). Журн. «Современник» откликнулся на происходящее в Китае ст. Павловича «Великая китайская революция» (кн. 11), в которой анализировался социальный характер революции и освещалась деятельность ее вождя Сунь Ятсена. Основываясь на первых сообщениях о китайских событиях, Горький предполагал, по-видимому, еще бо́льшее, чем это было в начале года, обострение отношений между царским правительством и Китаем. На Шестой (пражской) всероссийской конференции РСДРП (состоялась 18—30 янв. 1912 г.) была принята специальная резолюция «О Китайской революции», в которой говорилось: «Конференция, ввиду кампании правительственных и либеральных („Речь“) газет, пропагандирующих — в интересах российских капиталистов — отторжение от Китая, пользуясь революционным движением в нем, пограничных с Россией областей,— констатирует мировое значение революционной борьбы китайского народа, несущей освобождение Азии и подрывающей господство европейской буржуазии, приветствует революционеров-республиканцев Китая, свидетельствует о глубоком воодушевлении и полной симпатии, с которой пролетариат России следит за успехами революционного народа в Китае, и клеймит поведение русского либерализма, поддерживающего политику захватов царизма» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, с. 344). Свою солидарность с революционным движением в Китае Горький выразил в п. к Сунь Ятсену от 25 октября 1912 г. (*XXIX*, 275—276).

[8] Подразумеваются очерки «Бродячая жизнь», в которых Мопассан писал о том, что «бежал из Парижа и даже покинул Францию», так как не мог переносить Эйфелеву башню — «эту высоченную и тощую пирамиду железных лестниц, этот остов безобразного великана» (Полн. собр. посмертных произведений Гюи де Мопассана и соч. небеллетристические. Дополнительный тринадцатый том к изд Ф. И. Булгакова и Н. Н. Дунаева. СПб.: изд. Ф. И. Булгакова, 1907. Т. 13. С. 600, 601).

[9] «Свободным художествам. Ежемесячный иллюстрированный художественно-литературный и научный журнал». Издавался Ф. Р. Райляном в 1910—1913 гг.

[10] Имеется в виду К. Я. Крыжицкий, который покончил жизнь самоубийством

4/17 апреля 1911 г. Подразумевается ст. Ф. Райляна «Весенняя выставка в Академии художеств» (Против течения. 1911. № 20. 12/25 марта).

[11] Горький имеет в виду публикацию А. Ара в газ. «Одесские новости» (1911, № 8530, 28 сент./11 окт.), в которой приводятся высказывания о пьесе «Живой труп» С. С. Юшкевича: «Если бы меня спросили, представляет ли собой „Живой труп" шедевр,— я бы затруднился ответить. Произведение это ничем не замечательно...»; А. М. Федорова: «И пленяет не глубина замысла, не новизна и оригинальность характеров, а то обаяние, которое разлито где-то между строк. Несомненно, конечно, что Толстой имел основание быть недовольным этим произведением»; художника и писателя П. А. Нилуса: «И если вы меня спросите, есть ли это свойство пленять в „Живом трупе", я скажу: вероятно меньше, чем в других вещах».

248. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Париж. 26 или 27 октября 1911 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Певин может в счет повести прислать Вам из Петербурга авансом сейчас 500 р. и в декабре 500 р.

О «Петропавловском» мы успеем — он говорит, поставит в октябрьскую книжку, что также, полагаю, Вам выгоднее, ибо ускорит получение гонорара.

Я выезжаю из Парижа сегодня или завтра. Пишите в Fezzano. Неделю я должен проработать над октябрьскою книжкою [1]. А затем хорошо было бы повидаться, ибо грядущий год обещает много интересного. До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Письмо на бланке Hotel Richmond, Paris.

Датируется по содержанию и сопоставлению с п. Амфитеатрова Е. П. Пешковой из Парижа от 24 октября 1911 г., в котором он предлагал ей встретиться 25 октября 1911 г.: «...очень не хотелось бы уехать так, чтобы вас не повидать» (*АГ*).

[1] Кн. 10 «Современника» была отпечатана к 9 ноября 1911 г. (Г — А, п. от 14 нояб. 1911 г.)

249. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 29 или 30 октября 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Если мне теперь же пришлют 500 аванса и гонорар за «Каронина», то в декабре 5-и сот уже не надобно, я обойдусь. Скажите это Певину.

В Рим, на свидание с вами, могу выехать тотчас же, как получу деньги, а раньше — не могу, не с чем.

Удручен и взбешен: московская газета «Живое слово» напечатала статью гнуснейшего тона «В защиту изгнанника» — предлагается о⟨бщест⟩ву подать петицию на имя царя, дабы он меня «простил» и позволил мне возвратиться в Россию [1]. Провинциальная пресса перепечатывает эту пошлость.

Закатил письмо в редакцию газеты и — отдельно — лицам, хваливш им мне оное издание, сотрудничающим в нем и приглашавшим меня к сотрудничеству! [2] Если письмо не напечатают — напишу статью о литературных нравах современности по поводу этого инцидента, а также и столкновения с «Новой жизнью» из-за Ясинского.

Ну — времена!

А бурцевский «Авенир» [3] почему-то напомнил мне горбатовского цирульника Авенира Святухина — тот был тоже жидкокровный какой-то, головку держал набок и все, бывало, говорил вполголоса: «Если на этот предмет смотреть прямо, так без ошибки можно сказать».

Сходство разумею чисто номинальное и ничего сатирического не думаю при этом.

Очень огорчен историей Куприна — Райляна, боюсь, что еще не кончена она и что А〈лександр〉 И〈ванович〉[4] либо физиономию оному Райляну испортит, либо еще хуже придумает что-нибудь.

Между прочим: русские художники рассказывают, что из-за Райляна ушел Куинджи[5] и что Райлян же довел до самоубийства Крыжицкого.

Фигура! А издает журнал «Свободным художествам».

Ну, будьте здоровы!

Так известите Певина, чтоб прислал гонорар и 500, а больше — не нужно.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 1 ноября 1911 г.

[1] Горький имеет в виду ст. П. Ордынского «В защиту изгнанника» (Живое слово. 1911. № 31. 3/16 окт.). О том же шла речь и в «Заметках на полях» П. В. Мурашева, напечатанных там же.

[2] Письмо-протест Горького «Г〈осподину〉 редактору газеты „Живое слово“» было напечатано в газ. «Живое слово» (1911, № 34, 24 окт./6 нояб.) (*XXIX*, 191). Письмо было получено редактором газеты П. В. Мурашевым 13/26 октября 1911 г. (*АГ*). Горький имеет в виду также свое п. Львову-Рогачевскому около 10/23 октября 1911 г., в котором он писал: «Я послал Вам по питерскому адресу письмо, в котором высказано мое отношение к „Живому слову“. Так как я согласился сотрудничать в газете этой не вследствие приглашений г. Мурашева, а по силе Вашего и Бонча-Бруевича желания, я, мне кажется, имел право надеяться и ждать, что как Вы, так и В. Д. Бонч-Бруевич после статей в 32 №-е, не преминете выразить протест против них публично» (*XXIX*, 195). Это письмо Львов-Рогачевский переслал Бонч-Бруевичу 13/26 октября 1911 г. «Очень извиняюсь,— писал он,— что подвел Вас, я написал уже Алек〈сею〉 Макс〈имовичу〉, что вина падает всецело на меня. Посылаю Вам письмо Горького...». Здесь же Львов-Рогачевский писал о том, что на совещании в Москве «заявил редактору протест против статьи, поставившей Горького на одну доску с обывателями...» (*ГБЛ*, ф. 369, к. 297, ед. хр. 45, л. 1). Бонч-Бруевич отказался от сотрудничества в газете, наложив запрет на печатание присланной в газету статьи (п. П. В. Мурашева Бонч-Бруевичу от 21 окт./3 нояб. 1911 г.— *ГБЛ*. ф. 369, к. 305, ед. хр. 50, л. 1).

Несколько позже, в начале ноября 1911 г., Горький писал П. В. Мурашеву: «Право — я всей душою желаю Вам успеха в Ваших попытках создать хорошую демократическую газету и очень огорчен тем, что не могу работать с Вами. Если бы Вы знали, какой дождь писем ко мне вызвали статьи „Жив〈ого〉 слова“ и как меня язвят черносотенцы,— ага, милости запросил! 〈...〉 А „инцидент“ сочтем оконченным и не станем больше возвращаться к нему, памятуя, что дело заключено не в личных обидах, а в общественном значении фактов» (*XXIX*, 202, 204).

[3] Имеется в виду первый номер газ. «Будущее» («L'Avenir»).

[4] А. И. Куприн.

[5] Незадолго до смерти художника А. И. Куинджи (11/24 июля 1910 г.) Райлян выступил со статьей, содержавшей оскорбительные выпады против него, за что и был осужден третейским судом.

250. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.XI.1

Дорогой Алексей Максимович.

Возвратился я из Парижа со множеством неприятностей, о которых даже и писать неприятно и которые весьма мало сглаживаются немногими и частичными приятностями, за сие время полученными.

Певин встретил очень любезно меня и более чем нелюбезно редакционный мой отчет, на который он ответил мне отчетом конторским. Из последнего же следствует, что во втором своем полугодии, т. е. при коллективной редакции, «Современник» стал быстро терять спрос и в ноябре мы оказываемся отброшенными назад к апрелю, то есть, как выразился Певин, мы имеем только ту подписку и тот тираж, который

сделали Вы и я своим участием. Дальнейшее шло естественным приростом до мая и июня, в июле зловеще застряло на точке замерзания, что могло быть объяснено конфискацией предшествующей книжки [1], а в августе спрос пошел на убыль (на минутку взбодрен был интерес чириковской конфискацией) [2], и в сентябре и в октябре «Совр.» очутился лицом к лицу с тою публикою, с которою начинал, и вдобавок недовольною и ропщущею. Главные жалобы — против завала журнала эс-эрскими теоретическими статьями [3] и плохою мелкою беллетристикою, которою снабжал «Совр.» В. С. Миролюбов. Певин объехал за лето всю почти Россию, следил за книжками «Совр.» по магазинам и библиотекам. Разрезывают Вас, меня, Чирикова, *политический* фельетон Чернова, переводной роман — и кончено: остальное не тронуто; настолько скептически относится публика к объявленным статьям. Многие из них настолько враждебно принимаются публикою, что, например, печатать Колосова Певин отказался наотрез и лучше предложил уплатить ему следуемый гонорар без напечатания новой статьи о Михайловском.

Я уже давно предчувствовал все это по слухам и намекам, и это было одною из главных причин, по которой мне так хотелось увидаться с Вами ранее моего отъезда в Париж, и очень сожалею, что не пришлось. Сейчас сбываю с рук Х-ю книжку, значит опять некогда, а между тем необходимо. Но, признаюсь, мои предчувствия не заходили так далеко и я не ожидал, чтобы дело обстояло так нехорошо. Когда я упрекнул Певина, зачем он держал меня в заблуждении, он хладнокровно ответил мне:

— Да что же было волновать вас до времени и отбивать от работы? Все равно ведь я этого дела не брошу, а вот — свиделись и давайте говорить, как быть.

Дефицит наш к концу года будет равняться 35 тысячам рублей. Певина это, к моему удивлению, не смущает: на новый год он составил бюджет в 90 000 р., да сверх того 17 000 р. ассигнует в ноябре, декабре и январе на широчайшую рекламу. Доход, по его расчету, «Совр.» может дать только в 1913-м году, к концу его. 1912-й он кладет в убыток 20 тысяч.

Я, конечно, высказал ему все неудовольствия, накопившиеся по поводу типографских недочетов, корректуры, неаккуратностей петербургской редакции и конторы, дурной экспедиции и пр. Часть он признал и дал слово исправить, а часть изъяснил — надо отдать ему справедливость — весьма обстоятельно и не к своему ущербу.

А затем и сам выразил претензии ко мне, что журнал строится скучно и неинтересно для широкой публики, что я даю меньше материала, чем привыкли меня читать, что я уступил в другие руки публицистический фельетон и вообще не редактирую журнала с тою самостоятельностью, на которую он рассчитывал, помятуя мое уменье и опыт. В особенности отрицательно относился он к критическим статьям Чернова и редакторству Миролюбова. В последнем случае, к сожалению, мне возразить было нечего: миролюбовское хозяйство в беллетристическом отделе было, действительно, из рук вон плохо. Что касается Чернова, то его критическая неумелость — конечно — лишь результат новости для него этого дела, если он поработает на этом поприще, то, при его больших способностях и цепком уме, быстро и хорошо выпишется. Во всяком разе Певин настаивал, чтобы я снова взял редакцию всецело в свои руки, ибо иначе он в журнал не верит. Назначить В. С. Миролюбову жалованье он категорически отказался, что поставило меня в очень щекотливое и затруднительное положение, так как — Вам известно — до сих пор В. С. получал мое редакторское жалованье и сия прореха в бюджете, за истекшие шесть месяцев, была мне весьма чувствительна.

Как бы то ни было, возвращался я из Парижа весьма растрепанный в чувствах своих, обдумывая, как бы смягчить и уладить все эти неурядицы, неприятные вдвое, потому что ставят в острые отношения к людям, которых люблю и уважаю, а сверх того и страшно несвоевременные. В конце концов я решил покуда молчать и делать дело как было, лишь фактически борясь против исключительности материала, которым мы заваливаемся,— объясниться с Черновым, который как человек умный и все-таки журналист, конечно, меня понял бы, а Миролюбова тянуть, пока силы-мочи хватит, in status quo * как члена редакции бесполезного и даже тяжеловатого, но терпимого за хорошесть человека и старые симпатии. Поэтому, когда приехал вчера ко мне неожиданный Миролюбов, я не сказал ему ничего покуда. Мне очень хотелось ранее повидаться и посоветоваться с Вами. Но так как он расспрашивал меня о парижских делах и разговорах, то о недовольстве Певина и публики журналом вообще, беллетристическим отделом в особенности, конечно, я не мог умолчать. На сегодня у нас должен был быть разговор о рукописях, хотя я и просил его отложить, так как безумно занят окончанием книжки. К разговору он привел и Чернова и, по сдаче рукописей, заявил, что из журнала уходит. Признаюсь с искренностью, что эта неожиданная декларация, хотя и была несколько обухом по лбу, но причинила мне великое облегчение, так как сразу рассекла тяжелый и мудреный узел, который я видел пред собою и который я — решительно не знал, как развязать. Как твердо и быстро был сделан отказ, точно так же и принят. Последнего, по-видимому, Чернов не ожидал, потому что начал, было, уговаривать Миролюбова — не разрушать редакционного коллектива. Я на это сказал, что об этом слове, т. е. редакционном коллективе, нам надо говорить особо, так как ухудшившиеся во всех отношениях условия журнала заставляют меня сосредоточить редакцию в своих руках и, покуда не наладятся денежные дела «Совр.», вести его лично, предоставив заведующим отделами голос только совещательный. Если на меня ложится вся моральная ответственность за успех журнала, то я должен взять на себя и фактическую. Мог бы я прибавить ко всему этому, что коллектив, о котором говорит Чернов, с первого же месяца обратился в фикцию, что одного своего соредактора я не видал месяцами, а другого многими неделями, что помощи в редакционной работе я никакой не имел, а работы, вследствие новых переписок и двойного чтения рукописей, у меня выросло вдвое, ибо, кроме собственных рукописей, пришлось еще снова перечитывать тот материал, который поступал от Миролюбова, принимавшего и отвергавшего рукописи крайне капризно, и т. д. Но, зная, что́ сказать — это значило бы отягчить разрыв ссорою, я воздержался от мотивировки. Чернов заявил тогда, что он вступал в «Совр.» и дорожит им, лишь поскольку он видит в журнале орган, которому он, Чернов, может придать определенное течение и определенный характер, за выдержку которого он, Чернов, ручается. Не могу сказать, чтобы сей вотум недоверия было приятно выслушать, но — опять-таки к лучшему: разъяснило положение, объяснило и комментировало парижские слухи, которыми мне там прожужжали уши разные человеки[4] и которые настолько распространены, что даже до Певина дошли в одной конторе объявлений и порядком-таки его обидели. Чернову я ответил, что в направлении и выдержке журнала он сомневаться оснований не имеет и что сотрудничество его как политического писателя для «Совр.» гораздо важнее его редакторства и всегда желательно, а в редакции я могу предложить ему постоянную роль заведующего отделом с совещательным голосом: следовало точнее сказать — с правом решения, но не без-

* существующее положение (*лат.*).

апелляционного,— но весь разговор был так короток и быстр, что я не успел сообразить этой формы. В сущности же, это — то, что фактически установилось с первых же дней журнала, так как редакционных собраний было у нас 2½, да и те только даром время взяли, пустопорожние, а затем Миролюбов уехал в Давос, Чернов засел на вилле, и мы почти никогда не видались, а лишь пересылались рукописями, которые, в окончательной редакции, отсылались мною в набор. В другое время Чернов, вероятно, признал бы, что порядок, о котором я говорю, резонный и естественный. Но тут он заявил, что не согласен на такое положение, что сотрудничество он может найти в другом журнале (не сомневаюсь, хотя вряд ли он где-либо получит столько свободы, как в «Совр.»), что, следовательно, он желает или редакторских прав во всей полноте или уйти. Мне оставалось только заявить, что как ни печален для меня будет его уход, но безусловного редакторства, после полугодового опыта, я ни ему, ни другому кому дать не могу: это должно быть сосредоточено в одних руках, с фикцией коллектива тут ничего не поделаешь. Заведование же отделом и сотрудничество ad libitum * — к его услугам, хотя бы в самых широких размерах, равно как и с В. С. мы могли бы сойтись на таких условиях, чтобы он был мне полезным помощником по чтению рукописей, как в самом начале нашей с Вами переписки о нем мы и предполагали. На это он возразил, что я ошибаюсь, что, напротив, он выговаривал себе редакторские права даже особым письмом, на которое я изъявил согласие [5]. Я отвечал, что нисколько не ошибаюсь и не только не отрицаю своего согласия, но я даже свидетельствую, что — более того — сам предложил ему редакторскую работу, сам же тем расширив значительно рамки первоначально предполагавшегося предложения, о котором мы списывались с Вами. Но опыт шести месяцев показал, что расширение оказалось неудачным, что в соредакторы мы не годимся, и, значит, я буду весьма рад и благодарен, если В. С. окажет мне и журналу пользу в том размере, как предполагал я раньше, но иначе — не могу. На том, значит, мы и расстались. Октябрьская книжка выйдет — как было, под настоящею или уже, может быть, прошлою редакцией. Я предложил и вполне согласен сохранить порядок существующий до конца года. Угодно — тем лучше; не захотят — дело от того не замедлится ни на минуту.

Очень досадна мне вся эта история — особенно из-за Чернова, которого я успел полюбить как хороший талант и в будущем многообещающего журналиста. Очень может быть, что во многом и я не прав или полуправ (формально, наверное, очень во многом), но Вы знаете — журнальное дело для меня жизнь, и в нем я движусь не только умом, но и инстинктом. Я взялся и должен поставить «Совр.» на ноги и сделать его общим русским журналом — и сделаю, сколько бы личных жертв ни пришлось для того принести.

Приятными встречами в Париже оказались Павлович и, в особенности Циперович: очень сведущ и умен. Заказал им обоим обзоры годовые. А как же Вы решили относительно пробы А. Н. Тихонова в журнальных обозревателях? [6]

Был у меня вчера Ашешов, больной [7]. Я его мало знаю, но, кажется, талантлив. Почему-то он не возбуждает во мне большого доверия, и я с ним был менее откровенен, чем обыкновенно.

Если бы Ваша повесть [8] могла начаться с января, то я бы отсрочил с великим наслаждением начало своего романа [9] на март, а покуда налег бы на фельетон. Напишите, ради всех каприйских мурен!

Купил повесть у Куприна. Называется «Желтый монастырь» [10].

---

* свободное (*лат.*).

Жду рукописи и трепещу. Шолом-Алейхем даст интересный роман «Блуждающие звезды» [11]. Поль Адан прислал большой роман [12], торгуемся. В провинциальный отдел заманил Пришвина [13]. У Венгерова укупил добролюбовские бумаги [14]. Вообще, натворил делов многих.

С 26 ноября/9 дек. при «Современнике» будет издаваться еженедельная газета большущего формата [15]. Первые 8 №№ будут печататься в количестве 100 000 экз. и рассылаться бесплатно. А там — на год — 2 рубля.

Ввиду всех сих огромных событий и предприятий свидание с Вами потребно, как воздух. Если поедете в Рим, сообщите телеграммой: приеду.

Вот день и ушел... Глава романа не кончена, книжка журнала замедлилась... Ах, ты, беда-бедушка!

До свиданья. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет.

Ваш А. А.

Для Вас одного

То есть, конечно, и все письмо — для Вас одного, но этот кусочек в особенности.

Перечитывая письмо, заметил, что не написал, какие слухи поразили неприятно очень меня в Париже. Знакомые выражали почти удивление, что я еще связан с «Совр.». Усиленно распространялось и внедрялось в умы уверение, что «Совр.» отобран от меня в руки эс-эров, которые-де внесли за то по одним известиям десять, по другим 25 тысяч, а по третьим просто «громадные деньги». Это доходило до меня и раньше, а — что вожделение к отобранию было, хорошо обнаружил визит в Fezzano весьма неловкого партийного ревизора в лице Н. И. Ракитникова [16], которого я к совещанию о журнале, конечно, не допустил... Но до Парижа я все это считал наивными благоглупостями, в Париже же встретился с сплетней этой и самым неприятным образом, и с самым неприятным ее отражением. Со мною вели двойную игру... Я до этого не охотник.

Из-за этого дела не успел написать Вам о газете Бурцева [17]. На месте убедился еще раз, это благодарнейшее дело, в благодарнейшее время, на благодарнейшей почве, но у Бурцева ничего не выйдет. Жаль, что даром потратит достаточный капитал. Не годится он для газеты: *сам* не годится. Первый № был плох, второй еще хуже. Одними провокаторами не проживешь, а идейной программы у него нет. Болтает что-то смутное, по соседству с левым кадетством. Моей бойкотистской и террористической позиции он не хочет — ну, его дело. Если набежит что написать, чего в России напечатать нельзя,— для такого случайного сотрудничества все-таки чистенький, хотя и неумный приют. Но в ближайшее участие к журналу и в организацию его, как были разговоры и я очень сам стремился, скучая по газетной работе, не войду, да и не ко двору я там: на гастроли пожалуйте, а в будни будем работать сами.

[1] О конфискации кн. 6 «Современника» см.: А—Г, п. от 16 июля 1911 г., прим. 4.

[2] Кн. 8 «Современника» конфискована не была. На редактора был наложен штраф в 500 рублей за публикацию «Заметок провинциала» Чирикова.

[3] Речь идет о статьях Чернова, Колосова, Н. И. Ракитникова и др.

[4] См. приписку Амфитеатрова «Для Вас одного».

[5] Миролюбов писал Чернову 18 мая 1911 г.: «Скажите А. В., что я люблю с самого начала определенность в деле и потому выставляю свои условия. Лично к нему они не относятся. Кто бы ни был на его месте, мои условия были бы все те же. Дело — делом, и в деле с самого начала должна быть определенность, вытекающая из обязанностей, тогда и отношения сохранятся. Иначе с самого начала начнутся недоразумения, недовольство и прочая канитель. Правами, вытекающими из обязанностей, можно пользоваться сдержанно, но права должны быть

определены и установлены» (письмо было перлюстрировано; его копия сохранилась в жандармском деле об А. М. Пешкове — *АГ*).

Позже, 2 декабря 1911 г., Миролюбов писал Рубакину: «Ушел я потому, что не выполнены были условия, на которых я вошел в дело в смысле полномочий редактирования отдела» (*ГБЛ*, ф. 358, к. 254, ед. хр. 31).

[6] А. Н. Тихонов был привлечен к сотрудничеству в «Современнике» в 1912 г.

[7] В п. к Е. П. Пешковой от 14/27 декабря 1911 г. Горький весьма неодобрительно упомянул: «А Николай Ашешов — приглашен Амфитеатровым в „Современник". Скандал!» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 130).

[8] «Дневник никудышника».

[9] Речь идет о романе Амфитеатрова «Дрогнувшая ночь», являющемся продолжением романа «Закат старого века». Напечатан с посвящением: «Памяти хорошего человека Саввы Тимофеевича Морозова...» (Современник. 1912. Кн. 9, 10, 11).

[10] Повесть Куприна «Желтый монастырь» (неосуществленный замысел) была объявлена на 1912 г. как «большая повесть, освещающая нравы монашества подмосковных обителей» (Современник. 1911. Кн. 11). О работе над повестью есть ряд упоминаний в переписке Куприна 1912—1916 гг. См.: *Куприн А. И.* Забытые и несобранные произведения. Пенза, 1950. С. 310.

[11] Роман Шолом-Алейхема «Блуждающие звезды» печатался в «Современнике» (1912, кн. 1—12).

[12] Роман Поля Адана «Стефания» печатался в «Современнике» (1912, кн. 1—6).

[13] Пришвин в «Современнике» в 1912 г. не печатался.

[14] О каких добролюбовских бумагах идет речь, установить не удалось.

[15] Речь идет об общественно-политической, экономической и литературной газ. «Голос современника», издававшейся в 1911—1912 гг.

В объявлении о подписке на газету (Современник. 1911. Кн. 12) был дан список участников: Амфитеатров, Айзман, Водовозов, Гусев-Оренбургский, Коялович, Овсянико-Куликовский, Тэффи, Чердынцев, Чириков и др.

[16] Николай Иванович *Ракитников* (Максимов) (род. 1884—?) — эсер, журналист, печатался в «Сыне отечества», «Наших днях», «Деле народа», «Голосе», «Мысли», «Возрожденной России» и других изданиях.

[17] Речь идет о первых двух номерах газ. «Будущее», где почти все статьи были посвящены разоблачению деятельности Охранного отделения, создавшего сеть провокаторства. В ст. «К ответу за Азефа» (№ 1) Бурцев писал об осведомленности правительства в лице его главных представителей в истинном характере деятельности Азефа, которую оно упорно не хотело разоблачать, Бурцев сообщал: «Я обращался с письмами лично к Николаю II-му, к вдове Сергея (убитого великого князя.— *Ред.*) — Елизавете Федоровне, и к Конст⟨антину⟩ Константиновичу, к Михаилу Николаевичу и др. членам царской фамилии⟨...⟩ Я указывал на то, что Б⟨оевая⟩ о⟨рганизация⟩, когда Азеф был ее главарем, предприняла три покушения на Николая II-го, неудавшиеся, помимо воли Азефа ⟨...⟩ Они получили мои письма, читали их ⟨...⟩ и молчали. Я обратился лично к Столыпину, Щегловитову и тому подобным лицам. *Они* тоже промолчали ⟨...⟩ Я обращался, и не раз, к „публицистам", как князь Мещерский, как А. С. Суворин,— и они молчали ⟨...⟩ *Они* тоже боялись прикоснуться к священной особе Азефа ⟨...⟩ Мне надо было для истории покрепче пригвоздить к скамье подсудимых всех укрывателей Азефа и сделать все так, чтобы они потом не могли оправдываться неведением».

В первых двух номерах были также напечатаны ст.: «О Болеславе Бродском», «Полицейский чиновник, сбывавший фальшивые деньги», «Охранник Селезнев», «„Приемы" Трусевича» — о вербовке в охранку путем запугивания, «„Приемы" Кулябко-Корецкого» (руководителя киевского Охранного отделения), «О заграничной агентуре», «Охрана и охранная политика» и др.

В ст. «Бурцев», включившей три выступления Амфитеатрова о деятельности Бурцева («Зубатовщина», «Курьезное возражение», «Дядя Враль»), Амфитеатров, положительно оценивая публикации Бурцева, защищал его от нападок печати (На всякий звук. СПб.: изд-во «Энергия», ⟨1913⟩).

251. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Ноябрь, не ранее 4, не позднее 7, 1911 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

Очень я огорчен неожиданным вашим письмом.

Нисколько не умаляя моего к вам уважения, я, по совести, должен сказать, что единоличное руководительство литературно-политическим журналом не считаю работой посильной для вас, и уверен, что вы с нею не справитесь. Мое убеждение подтверждают первые книжки «Современника», а особенно его неуместные манифесты.

Лично я в журнале с единоличным руководителем — кто б он ни был — не стану сотрудничать. И я принужден просить вас: снимите мое имя из объявлений о подписке и сообщите издателю, чтоб он — уплатив мне за «Каронина», если эта статья пойдет в октябре,— аванса не посылал.

И позвольте мне, А. В., посетовать вам: пренебрежно относитесь вы ко мне, «ближайшее участие» в журнале принимающему сотруднику.

До свидания и желаю всего хорошего!

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 1 и 9 ноября 1911 г.

252. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Феццано) 1911.XI.9

Дорогой Алексей Максимович.

Когда из четырех в обществе трое оказываются недовольны одним, то уйти из общества надо этому одному, а не тем трем. Поэтому я отстраняюсь от «Совр.» и подаю в отставку. Начатое дело мне очень дорого, много дороже каких либо счетов самолюбия. Если Вы считаете, что оно может процвести только в руках коллектива (в чем и я не сомневаюсь, при условии, что коллектив будет действительным и действенным, а не номинальным), то я готов, когда угодно, сдать «Совр.» в руки группы, которую Вы составите, хотя бы и той же, что была, и даже готов быть посредником между нею и издателем, чтобы уладить вопрос в материальном отношении. Сам я в этой группе возможной, конечно, принять участия не могу, ибо с откровенностью скажу: в возможности коллективного управления журналом из четырех разных мест [1] разуверился совершенно и предпочел бы этому хаосу какие угодно непосильные труды, потому что большого и более неблагодарного труда, чем при фиктивном коллективе, человек достать себе уже не может.

Вот все, что я могу предложить и сделать по существу дела. Получив Ваш ответ, поступлю сообразно ему.

Теперь два слова на Ваши упреки.

Что касается «неуместных манифестов», о которых Вы пишете, то из них на себя я мог бы принять полную ответственность только за первый, в январской книжке, который был составлен мною, при участии и некоторых указаниях Герм. Ал. Но этот манифест был необходим как вступление к журналу. Второй манифест, разосланный в проспекте полугодовой подписки, целиком написан Черновым. Третий, помещенный в июльской книжке, 1) остался в ней только потому, что мы пришли к соглашению не печатать его слишком поздно и письмо мое с отменою застало книжку уже готовою, 2) он представляет собою краткое извлечение из большой статьи Чернова. Мне в ней принадлежат, да и то не полностью, только 30 начальных строк. Так что, видите ли, один из факторов, слагающих Ваше неблагоприятное для меня убеждение, обязан происхождением своим отнюдь не мне, но коллективу. Свидетельствую это с тем большею легкостью, что сам я не отношусь к манифестам так отрицательно, как Вы, и видел на опыте, что они принесли журналу некоторую пользу, были широко перепечатываемы и, за исключением правой прессы и небольшой кучки подворотных врагов, злобствующих, что бы мы ни сделали, были приветствуемы.

О первых книжках журнала — не грех ли Вам говорить? Ведь Вы же знаете, что мне приходилось делать их хуже, чем из ничего, при совершенном отсутствии сотрудников, при необходимости заполнять столько дыр и нехваток, что и подумать теперь жутко. Я в письмах после каждой книжки плакался Вам на невозможные условия, в кото-

рых она выходила, и не мне защищать то полугодие. И, при всем том, они, эти первые книжки, собрали тот капитал, который доказал жизнеспособность «Совр.» и которым живет второе полугодие, пошедшее в убыток.

Строк о «пренебрежном отношении» к Вам как ближайшему сотруднику журнала, извините меня, я просто не понял — с какой бы стороны ни подойти к ним в догадках, все недоумевать приходится. Вы и Ваше участие в журналах всегда были на первом плане всех моих редакторских забот. За это время, с апреля по октябрь, мы с Вами обменялись не менее чем двумя десятками писем. Не думаю, чтобы хоть одна, сколько-нибудь яркая и значительная черта в жизни «Совр.» осталась в них без освещения с моей стороны, хотя очень часто я недоумевал, надо ли это делать, потому что Ваши письма редко проявляли интерес к ходу журнала и иногда молчали о нем так выразительно, что я уже думал, приятен ли он Вам. Все желания, которые Вы выражали, исполнялись немедленно, как только к тому представлялась возможность. Достаточно Вам было заметить, что хорошо было бы иметь такого-то сотрудника,— я его приглашал. Словом, поскольку Ваши интересы соприкасались с «Совр.», я всегда стоял на их страже и ставил их в первую очередь. И, признаюсь, Ваш упрек в мнимой небрежности отношения к Вам — единственное место в письме Вашем, которое меня обидело. Потому что, может быть, я и бываю иногда небрежен к людям, но не к Вам, не к Вам, Ал. М. У меня мало друзей, и я не напрашиваюсь на дружбы, но когда я кого полюблю, то крепко. Вы для меня и были, и остаетесь одним из немногих, истинно дорогих мне, близко чувствуемых людей. Наши хорошие отношения такая большая радость моей жизни, что когда я замечаю в них хрупкость и трещины, то становлюсь сам не свой от опасений... А Вы говорите о небрежности.

Ну, вот и всё. Буду ждать Вашего немедленного, по возможности, ответа, а затем поступлю по Вашим указаниям. Повторяю Вам: вопрос о деле, в данном случае, серьезнее самолюбия, и если Вы находите, что для устройства «Совр.» другие люди нужнее меня, то я отойду, а Вы с другими останьтесь и ведите дело каким хотите коллективом. Я же как всю жизнь работал в одиночку, так и теперь найду себе какую-нибудь одинокую тропку, которую буду пробивать, как умею.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Привет М. Ф.

Ваш Ал. А.

В дате Амфитеатрова — 1911.IX.9 — месяц обозначен ошибочно, следует читать — 1911, 9 ноября. Дата уточнена по письмам Амфитеатрова от 1 и 14 ноября 1911 г.

[1] Амфитеатров неоднократно писал о трудностях ведения журнала, когда члены редколлегии жили в разных местах. В конце 1911 г. Миролюбов, болевший туберкулезом, жил в Давосе (Швейцария), Чернов — в Сестри (Италия), Водовозов — в Петербурге.

253. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 11 или 12 ноября 1911 г.)

Александр Валентинович, дорогой мой!

Я, конечно, решительнейшим образом отказываюсь «составлять группу и брать „Совр." в свои руки», ибо к такому делу совершенно не считаю себя способным.

Начало вашего второго письма, включительно до фразы «Вот все, что я могу предложить», я сообщу в копии Чернову, и это все, что считаю нужным сделать в данном случае[1]. Чернов здесь был, но разумеется, я не говорил с ним по поводу первого вашего письма[2].

Дорогой А. В. — позвольте мне выяснить мою точку зрения на эти вещи и дела: в не меньшей мере, чем и вы, я тоже всегда стоял одиноко, несмотря на то, что входил во всяческие «окружения» и что впредь от этого не откажусь, предоставляя всем, кому это нравится, смотреть на меня как на человека, руководимого с.-деками, с.-эрами и прочими — скажем — «могущественными силами русской истории». По моему глубокому убеждению, необходимо работать коллективно и поступаясь личными интересами: мы люди из страны, где преобладающим населением являются анархисты и нигилисты и где только дружная, упорная, коллективная работа способна возбудить дух социальной солидарности, необходимый нам.

Вы — думаете иначе, как это явствует из вашего первого письма, где вы подробно доказываете необходимость для журнала единовластия.

Собственно говоря: второе письмо ваше явилось для меня неожиданным, и, на мой взгляд, оно стоит в прямом противоречии с первым, ну, да это уже неважно теперь.

Я очень подавлен этим развалом, и вредным, и несвоевременным; мне казалось, что журнал налаживается, последние книжки становились интересны, заслужили лестные отзывы.

До свидания, жму руку, желаю всего доброго.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова Горькому от 9 и 14 ноября 1911 г.

[1] Т. е. начало п. Амфитеатрова от 9 ноября 1911 г. См. также: Г—Ч, п. 6.
[2] П. Амфитеатрова от 1 ноября 1911 г.

254. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.XI.14

Дорогой Алексей Максимович.

Очень рад был я Вашему второму письму, хотя конечный результат его и очень огорчителен. По крайней мере, теперь я чувствую, что между нами нет личного разрыва, о котором заставил меня думать характер и тон Вашего первого письма [1]. А это для меня дороже всего.

Не знаю, почему Вы находите два мои письма противоположными одно другому, и оно для меня совсем не так неважно, хотя бы даже и «теперь». Оба мои письма и вызваны одною идеей, и проводят один и тот же принцип: фактический коллектив — дело прекрасное и желательное паче всего; фиктивный ни к чёрту не годится — разрушает напрасно капитал, ложится бременем на плечи наиболее способных и трудолюбивых работников, тормозит и ослабляет производство. У нас фактического коллектива не вышло, а получился фиктивный из фиктивных. Причин тому много. Исчислять их было бы все равно, что жаловаться. Этого я не хочу. Поэтому укажу лишь одну, но основную, которую называл и в первых письмах: нашу разнотерриториальность и отсутствие живого общения. Вот — для того, чтобы обменяться с Вами, живущим на Капри, сравнительно близко, письмами espresso *, надо пять дней: мое письмо пошло к Вам в *четверг*, а на Ваше я отвечаю немедленно, только что получив его, во *вторник*. Какое же коллективное решение вопросов в таком деле, как ежемесячный журнал, возможно, если для ответов нужно меняться письмами не с одним Капри, но и с Давосом, Сестри и Петербургом? Естественно, что единоличное влияние поползет в такой коллектив непременно, хотя бы и при всем добром желании соблюдать коллективную конституцию, как, смею сказать, старался соблюдать ее Ваш покорнейший слуга. Кто больше

* спешной почтой (*ит.*).

заинтересован в деле, кто больше его любит, кто больше других в нем работает, тот и, естественно, его централизует, в конце концов, на себе. В данном случае, такою центральною фигурою оказываюсь, хорош ли, худ ли, я. Положение это совсем меня не пленяет: оно ничего не дает мне, кроме безумной сверхсильной работы и журавлей в небе, ради которых разогнаны и забвенны все «синицы в руки». Когда весною выяснилась возможность коллектива, я искренно ей обрадовался и пошел навстречу. Но коллектив вышел аппликe[2*]. Не касаясь опять-таки причин к тому, повторяю с чего начал: к октябрю журнал оказался и материально, и морально в своей апрельской позиции, а я — под бременем всей ответственности за него и труда, который, вместо того чтобы облегчиться, стал двойным, тройным. Остальное — спор о словах, а не о деле.

И я не начинал этого спора о словах и не начал бы, но когда со мною начали, то я сделал то, что, по моему глубокому убеждению, и должен был сделать: указал на совершенную фиктивность нашего коллектива. Может быть, это было неполитично. Верю. И это — правда. А я стар, чтобы в жмурки играть.

Ответом на нее, т. е. высказанную правду положения, является если не разрушение журнала, то вполне определенный, сознательный и обдуманный шаг к тому. Разговор ровно в 15 минут, от 11¾ до 12, в котором ровно никто ничего не мог выяснить и мотивировать, обращается, так сказать, в coup d'état[3*]. Что же мне тут прикажете делать? Вы когда-то написали один из моих любимых афоризмов: «кто работает, тот и хозяин»[2]. В хозяева я отнюдь не стремлюсь, хотя и заинтересован в «Совр.» материально. Но я полагаю, что когда труд облекается в такую ответственность, как моя, то эта ответственность должна сопрягаться и с известными решающими правами. Только об этом и речь, только в том и дело. Остальное — игра слов. Если заведующий отделом режет ухо, а редактор отдела его ласкает — сделай, душа моя, одолжение! хоть императором отдела буду тебя звать! От слова не станется — и вот именно тут-то и несчастие, что от слова не станется. Ибо дело журнала создается работою и именами, а не словами.

Когда я получил Ваше письмо с отказом, я решил так:

— Значит, я не сумел наладить дело коллектива, не сумел, хотя оно Ал. Макс. кажется возможным и необходимым. Так как я не верю, что, в данных условиях, коллектив может быть действительным и действенным, то я должен отойти в сторону и предоставить действовать тому, кто верит.

Вы не хотите взяться за организацию такого дееспособного коллектива и говорите, что к тому не способны. Что же мне теперь делать с журналом?

Прекратить его? Слишком некрасиво пред издателем, усадившим в него весь свой трудовой капитал.

Продолжать его «единолично»? Это значит прибавить к ужасу работы, под которою я задыхаюсь, еще лютую вражду всевозможных «могущественных сил русской истории», как Вы выражаетесь. А мне, знаете, в жизни моей пришлось уже съесть столько зависти, ненависти, оскорблений и клевет, что, право, сыт по горло, довольно.

Передать его тому или иному коллективу без Вашего участия? Для этого пришлось бы составить новый капитал, так как если в деле не окажется ни Вас, ни меня, то переобуваться из сапогов в лапти старый издатель, конечно, не согласится.

[2*] составленный из кусков (*фр.*).
[3*] государственный переворот (*фр.*).

Вы счастливее меня на отзывы о последних книжках «Совр.» Я, кроме очень резких замечаний, ничего не получал, а то, что сообщил мне Певин, привело меня в совершенное смущение, потому что, как я Вам уже писал, я это хотя предчувствовал, но в такой мере не ожидал. Затем — что значат наши профессиональные отзывы для хода журнального дела? Важно, растет ли потребность публики в данном журнале или падает. Как я уже писал Вам, она покатилась под гору, что и было причиною просьб ко мне Певина нажать педаль личного производства и управления. Помните разговор М. К. Куприной с Милюковым — может быть, и анекдотический, но выразительный: — П⟨авел⟩ Н⟨иколаевич⟩! У нас всего 200 подписчиков остается. — Да! Но каких подписчиков: самые интеллигентные люди России!..[3] Это, может быть, и гордо — с собственным миллионом за спиною, но без него — вышла юмористика. То же и в данном случае «Совр.». Для того чтобы вести во славу коллектива борьбу с анархизмом и нигилизмом русской натуры, о которой Вы говорите, нужна фактическая платформа прежде всего. Я упорно строил ее целый год. Когда я ее выстроил и, видя ее недостатки, хочу ее сберечь и выправить, мне ее разрушают в 15 минут... Как хотите, а это не дело, и никаких коллективных интересов тут не достигается, а вечный русский тормоз личных досад и самолюбивых претензий — в полном ходу.

Невозможно писать вместо писем целые тетради, а переговорить лично с Вами я не могу — в особенности сейчас, когда на голову мою свалилось еще все не доделанное Черновым, ибо не выпустить очередной книжки и тем убить начинающуюся подписку я почел бы профессиональною низостью. Но я глубоко уверен, что, если бы мы с Вами виделись ранее и если бы Вы знали все, с чем приходилось мне считаться в работе, Вы не написали бы так легко и быстро Вашего отказного письма. Пишу я не для того, чтобы убедить Вас взять его обратно, хотя, разумеется, большей радости я не мог бы и ожидать — я знаю, что эти вещи не так-то просты. Но необходимо мне выяснить пред Вами то, что Вам кажется мнимо противоречивым в двух моих письмах и что, в конце концов, сводится всецело к одному: в первом письме я говорил о неудачном конкретном опыте, который — это суть второго письма — совсем не отрицает возможности нового опыта, удачного на почве того же, всецело признаваемого мною, коллективного принципа.

Я думаю, что, в том ли, в другом ли виде, завоеванная платформа не должна быть утеряна и «Совр.» следует сохранить. Сколько бы промахов и недостатков он ни сделал, но это первый толстый ежемесячник, который мог основаться после десятилетнего перерыва[4], — вспомните только, как много было опытов сорганизоваться с капиталами и без капиталов! И все вотще. Он нашел себе и особую аудиторию, и, при самых неблагоприятных условиях, начал укрепляться на ногах. Я глубоко верю в будущность этого журнала — разумеется, если не бить его по ногам вместо того, чтобы поддержать, когда он спотыкается. Зачеркивать возможность уже осуществленную, в то время как возможности вообще стали так редки в России, и, из-за некоторого несогласия в словах, губить полезный факт — что хотите, представляется мне тактикою не весьма целесообразною и благоразумною. Как бы то ни было, машина заведена и идет. Передать ее в случайные петербургские руки — не только огромная потеря силы, но и риск сдачи выгоднейшей позиции тем самым силам, с которыми мы только что сражались. Потому что наш лагерь почти весь за границей либо в тюрьмах и Сибири, и обеспечить «Совр.» в Петербурге гарантией революционного коллектива невозможно.

Ноябрьская книжка «Совр.» выйдет не раньше 30/13 ноября. Следовательно, снять с нее Ваше ли, мое ли, оба ли наши имена остается

времени еще много, а распоряжение, чтобы обложка и первый лист не печатались до моей телеграммы, я уже дал. Для октября я, конечно, не мог этого сделать, так как отказное письмо Ваше получилось, как Вы знаете, 9 ноября — 27 октября, когда вся книга была отпечатана (да в ней же и Ваша статья), кроме последних двух листов. Поэтому, раз уж суждено разразиться над «Совр.» моральному удару, то очень прошу Вас — подумайте еще раз, в какой форме он должен быть нанесен. Загубить дело — одна минута, воскресить же его будет невозможно. Я, с своей стороны, полагаю, что наилучшим и единственным, собственно говоря, спасительным исходом является тот, который я предлагал Вам в предыдущем письме. Но, раз Вы не хотите, надо поискать каких-либо иных комбинаций, в которых журнал бы не погиб и все мы, прикосновенные к нему, расстались, если уж зачем-то надо расставаться, с чувством хоть малого удовлетворения в сознании, что сделали все, что могли.

Желаю Вам всего хорошего. До свидания.

Ваш А. А.

P. S. — вечером. Сейчас у меня был Чернов и сообщил мне, что Вы и он начинаете с января новый журнал [5]. Это, конечно, особая статья. Если дело состоится, то желаю Вам полного успеха. Я с Черновым ни о чем не говорил, бывшем в нашей переписке, потому что он произвел на меня впечатление человека, пришедшего к мирному расставанию уже с готовым решением и планом. Рукописи от него получил. Как о сотруднике весьма сожалею.

Ваш А. А.

[1] П. Горького от ноября, не ранее 4, не позднее 7, 1911 г.

[2] Амфитеатров имеет в виду слова Нила в пьесе Горького «Мещане»: «хозяин тот, кто трудится». Между тем в ст. о «Мещанах» Амфитеатров критически отозвался о пьесе, а образ Нила оценил как «слишком сухую, головную прямолинейность» (*Амфитеатров*. Т. 22. С. 164).

[3] М. К. Куприна-Иорданская — издательница журн. «Мир божий», позже «Современный мир».

[4] По всей вероятности, Амфитеатров имеет в виду литературный, научный и политический журн. «Жизнь», издававшийся в Петербурге в 1897—1901 гг., с конца 1898 выходил под руководством В. А. Поссе. Наряду с произведениями К. Маркса и Ленина в журнале печатались статьи М. И. Туган-Барановского, П. Б. Струве и др.

Горький сплотил вокруг журнала группу писателей-демократов, в которую входили: Бунин, Гусев-Оренбургский, Андреев, Н. Гарин-Михайловский, А. Серафимович, Скиталец, Чехов, Чириков, Н. Тимковский, И. Франко, Коцюбинский, О. Кобылянская и др.

Революционная деятельность Горького и ряда других участников привела к закрытию журнала в июне 1901 г. Ненадолго журнал возродился в Лондоне и Женеве в 1902 г.

[5] Чернов заехал в Феццано по дороге в Париж, куда направлялся в связи с организацией нового журнала. Проектируемый журнал позже получил название «Заветы». См.: Г—Ч, Г—Ив-Р.

255. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 16 ноября 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Личные мои отношения к вам остаются в том же порядке, как были, но имя мое с журнала снимите тихо, очень прошу.

Будет ли с января новый журнал — это гадательно, буду ли я сотрудничать в нем — это требует многих соображений, ибо за истекшие дни кое-что изменилось [1].

Посылаю вам рассказ [2] — не подойдет ли? Парень, кажется, обещающий. В случае, если и не годится,— возвратите рукопись скорее.

Желаю всего лучшего.

А. Пешков

Читали о русско-японском договоре по поводу Манчжурии?[3] Вот каша!

Приехал Бунин[4].

Датируется по п. Амфитеатрова от 14 и 18 ноября 1911 г.

[1] См.: Г — Ив.-Р., п. 2.
[2] О каком рассказе идет речь, установить не удалось.
[3] Имеется в виду японо-русское секретное соглашение о разделе сфер влияния и взаимной защите интересов в Маньчжурии, по которому Россия сохраняла контроль над северной частью Маньчжурии, Япония — над южной. Соглашение было направлено против США и Англии.
[4] Бунин приехал на Капри 16 ноября 1911 г.

256. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 16 или 17 ноября 1911 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

Вот человек, которого мне рекомендовали как способного вести литературно-критическое обозрение журналов. Он из провинциальных работников, я, лично, не знаю его[1].

Певин прислал мне аванс в 500 р. — могу я возвратить эти деньги вам, чтоб не пересылать их в Петербург?

Желаю всего доброго.

А. Пешков

Датируется по ответному п. Амфитеатрова от 18 ноября 1911 г. Письмо передано Амфитеатрову Недригайловым.

[1] Речь идет о Недригайлове.

257. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Феццано⟩. 1911.XI.18

Дорогой Алексей Максимович.

В печалях моих был сегодня, наконец, рассмешен.

Снять Вас с журнала тихо, это все равно что требовать:

— Выдерните из-под курьерского поезда рельсы так, чтобы поезд не слетел с насыпи и никто не слыхал.

Правда, был у нас в Fezzano такой инцидент:

— Володя! куда мама побежала?

— Дети орут.

— Отчего же не слышно?

— Они тихо орут.

Но боюсь, что искусство «тихо орать» к Вашему уходу из «Совр.» неприложимо. Шум будет, и самый, конечно, неприятный и оскорбительный для нас шум. Но что же с Вами делать? Насильно мил не будешь. Решили нас истратить — Ваше дело, тратьте.

Рассказа еще не получил.

Был у меня Недригайлов. Предложил ему «закрытый дебют» — больше из разговора не могло ничего воспоследовать: он еще совсем новичок. Отнесусь со всем благожелательством.

Относительно аванса. Если уж Вы непременно решили так остро отмежеваться от «Совр.», то, конечно, можете переслать его мне. Но — зачем Вы это делаете — так, извините, и не понимаю. Тем более что вчера читал Вашу сказку в «Киевской мысли»[1], органе гораздо более *единоличной* редакции, чем был, есть и когда-либо может быть «Современник».

Как прикажете снять Ваше имя? Из ближайшего сотрудничества или сотрудничества вообще? Первому исключению я еще могу найти объяснения, но относительно второго могу только вопиять:

— За что?

Ваше имя объявляется в сотрудниче́ских списках многих журналов, никогда не имевших с Вами иной связи, кроме материальной. Неужели Вы хотите отнять у «Совр.» то право, которого не лишены ни Иона Кугель, ни Архипов-Бенштейн [2], ни Хейфец?! Тогда, повторяю, я ни на чем не настаиваю, но уже не только могу, но и имею право вопиять:

— За что?!

До свидания, дорогой мой Ал. Макс.! Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] Речь идет о IX сказке из «Сказок об Италии» напечатанной в газ. «Киевская мысль» (1911, № 301, 31 окт./13 нояб.).

[2] Николай Архипович *Архипов* (Бенштейн) (1880—1942) вместе с П. А. Берлиным редактировал ежемесячный журн. «Новая жизнь» и литературно-общественно-политический «Журнал для всех», издававшийся Поссе в Петербурге с 1908 по 1916 г.

258. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 20 или 21 ноября 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович.

Редакция «Киев‹ской› мысли» — коллективная!

Вы знаете, что фактически я у Кугеля не сотрудничал, а что́ издает Хейфец — не знаю.

Вы знаете также, что из «Новой жизни» и «Нового журнала для всех» — я ушел, об этом я Вам писал. Таким образом, эти Ваши указания отпадают.

Вопрос «за что» — не должен иметь место в данном деле, может быть вопрос — «почему»?

На этот вопрос я уже дал Вам объяснения.

В X-ой книге «Совр.» напечатана моя фраза из частного письма к Вам [1], в IX-ой книге вычеркнута заключительная фраза IV-ой «Жалобы» [2] — это, конечно, мелочи, но — чем я гарантирован, что не дождусь более крупных нарушений моего права печатать то, что я хотел бы видеть напечатанным, и не печатать того, что для печати мною не предназначалось?

Мое «ближайшее» сотрудничество смущало меня с первого объявления о нем, и Вы, конечно, помните, что я протестовал против громогласного заявления об этом. Я не согласен с Вашим мнением о том, что уход мой из журнала вызовет шум, если я не заявляю об этом в газетах [3].

Гаяз Исхаков прислал перевод своей повести «Дневник Шакирда» [4] — очень интересная вещь, если хотите ознакомиться — я вышлю рукопись.

Будьте здоровы, не сердитесь на меня.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 18 и 23 ноября 1911 г.

[1] См.: Г—А, п. от 14 или 15 октября 1911 г.

[2] При публикации в «Современнике» в тексте рассказа «Жалоба» IV были опущены слова: «Что вы делаете с людьми, будь вы прокляты? Опомнитесь!»

[3] Первоначально Горький предполагал выступить вместе с Черновым и Миролюбовым с открытым заявлением в печати в выходе из «Современника». Но вскоре изменил это решение. См.: Г—Ч, п. 7.

[4] Горький просил Исхакова прислать перевод его повести «Дневник Шакирда» в феврале — начале марта 1911 г.

Получив рукопись, Горький сообщил Гаязу Исхакову 30 ноября 1911 г., что «Дневник Шакирда» передан в редакцию журн. «Современник» (*АГ*). Повесть в «Современнике» напечатана не была, по-видимому в связи с арестом и высылкой Исхакова. См.: *ЛЖТ*. Вып. 2. С. 187, 233; *МИ*. Т. III. С. 80.

259. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Феццано). 1911.XI.23

Дорогой Алексей Максимович.

Решительно ничего не отпадает.

Редакция «Киевской мысли» не коллективная, никогда ею не была, да вряд ли и будет. Хозяин литературной части — и полный, без него же ничто же бысть, еже бысть — Иона Рафаилович Кугель. Сотрудниче́ский коллектив имеет значение чисто совещательное, причем два-три сотрудника играют роль бо́льшую, чем другие, как всегда бывает в редакциях, в которых редактор сам не литератор. Но и только. Дела эти позвольте мне несколько знать, потому что с Лубковскими-то, капитализирующими эту газету, я свой человек, и достаточно Марья Мечиславовна излагала мне и устно, и письменно разные их редакционные неурядицы [1]. Приходилось даже кое за что вмешиваться. Об Александре Кугеле я совершенно позабыл — имел в виду вышеупомянутого Иону.

Хейфец редактор «Одесских новостей», куда Вы в прошлом году посылали свой рассказ [2]. Знаю потому, что Хейфец запрашивал меня, не мало ли он заплатил.

О «Новой жизни» и «Нов〈ом〉 ж〈урнале〉 для всех» Вы мне писали, но это нисколько не воспрепятствовало Бенштейну продержать Вас на объявлениях в течение всего подписного года.

Заключительную фразу IV-й «Жалобы» струсил почему-то подписать Быков, бывший в то время в маразме от дикого страха, под влиянием 500 р. штрафа за VIII книгу и предстоящих тюремных уз за VI, арест которой утвержден. Певина эта штука привела в такое негодование, что он хотел, было, уже «выставить» Быкова, а меня просил объяснить Вам, в чем дело, что я и сделал бы при свидании, которое между нами предполагалось. Но поездка в Париж и дальнейшие происшествия, навалившие на меня дьявольскую работу, выдернули у меня это из головы, за что и извиняюсь весьма.

«Фраза из частного письма» напечатана не как Ваше произведение, а как Ваше восклицание — это не от Вас, а о Вас. Она Вас решительно ни к чему не обязывает, совершенно невинна, а остроумна. Зачем же уступать остроумное крылатое слово, которое завтра же может полететь и сесть в другое место? В серьезных случаях, когда на Вас надо было сослаться (напр., в родионовском фельетоне) [3], я спрашивал Вашего разрешения. Но в данном случае дело шло о такой мелочи, что, грешный человек, никак я не думал, чтобы на сей почве мог возникнуть «инцидент». Тем более что фраза, повторяю, не Вами подписана, а Вам приписана, и Вы за нее не ответственны. Мало ли что Вам приписывается в русской печати!

Протесты Ваши против объявления ближайшего сотрудничества помню, но — без Вашего ближайшего сотрудничества — я не мог бы согласиться на ближайшее сотрудничество Миролюбова и Чернова, ибо тщетно вывешивать брелоки, если не можешь показать часов.

Ну, и шабаш, значит. Решили Вы изобидеть «Совр.» и лишить меня своей поддержки едва ли не в самую трудную минуту издания, Ваше дело. Что, уходя из «Совр.», поступаете напрасно и вредите делу, в котором Вас любили и высоко ценили, это, я полагаю, Вы сами знаете. Распоряжения Ваши исполнены, проспект послан без Вашего имени. Но если Вы, хорошо взвесив положение, передумаете, то, конечно, счастливее меня не будет журналиста в России.

Татарина, конечно, присылайте, почитаю.

Что же сердиться? Сердцем тут не поможешь, а огорчения много — чтобы легко это было, не скажу, а как-нибудь и когда-нибудь перева-

рить надо, ибо жизнь и дело не ждут, а хороших чувств у меня к Вам запас большой.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. А.

Кстати, о предпотопном. Перед самою парижскою поездкою, следовательно 5 недель тому назад, Вы мне писали: «прилагаю Вам копию письма», но никакой копии в письме не оказалось [4], а было только запечатанное письмо на имя Лидии [5]. Очевидно, копия осталась на Вашем письменном столе. В чем было дело? Я отложил спросить, надеясь видеться с Вами в Риме, и потом, в нынешнем хаосе, позабыл. Мораль: не откладывать писем в долгий ящик!

[1] Р. К. и М. М. Лубковские.

[2] Рассказ Горького «Праздник» напечатан в «Одесских новостях» (№ 8305, 29 дек. 1910 г. / 10 янв. 1911 г.).

[3] Речь идет о выдержке из п. Горького Амфитеатрову о Родионове, процитированной Амфитеатровым в ст. «Литературные впечатления».

[4] См. п. Амфитеатрова от 17 октября 1911 г.

[5] Л. П. Пешкова.

260. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Pezzano. 1911.XI.29

Дорогой Алексей Максимович.

Сейчас получил письмо от Н. А. Рубакина.

Не зная о происшедшем распаде редакции «Совр.», он послал предназначавшуюся им для «Совр.» статью В. С. Миролюбову, а тот почему-то вместо того, чтобы направить ее по адресу, послал ее Вам [1].

Автор по сему случаю выражает недоумение и просит меня о скорейшем ответе.

А я ему ответ дать не могу, потому что рукописи не видал. Пришлите, пожалуйста, поскорее.

Очень хорошее письмо к монархисту напечатали Вы в «Будущем» [2]. Вот это так!

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] Рукопись, высланную Рубакиным в «Современник», Миролюбов в своем ответном п. Рубакину от 23 ноября 1911 г. называет рассказом. «Дорогой Николай Александрович! — писал Миролюбов.— Мы с Ч⟨ерновым⟩ из „Современ." ушли. Я работаю в „Знании". Мне хочется дать прочитать этот рассказ Горькому, и я сегодня посылаю его ему.

Желаю Вам всего лучшего. Ваш В. М и р о в» (*ГБЛ*, ф. 358, 254, 31).

[2] «Письмо монархисту» Горького, напечатанное в № 6 газ. «Будущее», представляет собой ответ на письмо председателя нижегородского отдела Союза русского народа В. И. Бреева от 21 октября / 3 ноября 1911 г., в котором Бреев убеждал Горького «покаяться» и просить у царя разрешения вернуться в Россию. Об этом Горький писал в очерке «Монархист», впервые напечатанном в кн. «Заметки из дневника. Воспоминания» (Берлин, изд-во «Книга», 1924).

Особый отдел Департамента полиции в досье о революционной деятельности Горького охарактеризовал «Письмо монархисту» как «преступную статью» (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 231).

261. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 1 декабря 1911 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

Рукопись Рубакина была у меня от почты до почты, я полагал, что она прислана для «Знания», прочитал и тотчас же отправил В⟨иктору⟩ С⟨ергеевичу⟩.

Пересылаю рукопись, присланную мне для «Совр.» Прочитал ее — интересно, но требует внимательной корректуры, автор не силен в языке [1].

Адрес автора — на последней странице рукописи.

Здесь Бунин, Ганейзер [2] и Черемнов.

«Монархисты» меня одолели после статей в «Живом слове». Письмо мое послано Василию Иванову Брееву, земляку, прославившему себя устройством знаменитой выставки «в память событий 613 г.» и получившему благодарность от царя. Его письмо ко мне — удивительно курьезно! [3]

Недавно монархисты города Ефремова закатили царю петицию о наделе кр‹есть›ян землею без выкупа! А один гусь из Устюга пишет мне: «все революционеры — жиды, как вы знаете; ничего хорошего ждать у них нельзя, а если они хорошо подумали о земле, так это Христом раньше их сказано, у Христа ими украдено».

Вот вам!

Всего лучшего!

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 29 ноября 1911 г.

[1] Речь идет о рукописи «Дневник Шакирда» Гаяза Исхакова.

[2] Евгений Адольфович *Ганейзер* (1859—1938) — писатель, журналист, литературный критик.

[3] Речь идет о выставке картин героической жизни Нижнего Новгорода в 1613 г., организованной В. И. Бреевым в ознаменование 300-летия основания династии дома Романовых.

262. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 1 декабря 1911 г.)

Амфитеатрову

Рукопись послана [1] обратно Миролюбову на другой день.

Телеграмма. Датируется предположительно по п. Амфитеатрова от 29 ноября 1911 г. Черновой автограф.

Перед словом «Амфитеатрову» зачеркнуто слово «Феццано», перед «Рукопись» — «Рубакина». Ниже публикуемого текста рукой Горького черными чернилами и карандашом написан начерно незавершенный текст другой телеграммы: «СПб., Кирочная 34. Грузенб‹ергу›. Присоединяюсь». См. также предисловие к переписке Г—Гр.

[1] Рукопись была получена Миролюбовым от Горького, по-видимому, 25—26 ноября. Миролюбов писал Рубакину 2 декабря 1911 г.: «Рукопись Вашу возвращаю Вам, хотя и хочется ее задержать до решения вопроса о журнале. Но задержишь, а журнала не будет — и Вы будете на меня в претензии» (*ГБЛ*, ф. 358, к. 254, ед. хр. 31).

Рассказ Рубакина в «Современнике» напечатан не был.

263. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Между 3 и 7 декабря 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Только сейчас получены деньги Певина — высылаю вам 1332 лиры 65 ст. =500 р.[1]

Сообщите ему об этом.

Здесь, кроме Бунина,— Ганейзер, Коцубинский, Леонтович [2], Черемнов.

Желаю всего доброго!

А. Пешков

Датируется по времени приезда Коцюбинского на Капри — 3 декабря 1911 г. и п. Амфитеатрова от 8 декабря.

[1] Горький выслал аванс, полученный им в связи с обещанием предоставить «Современнику» новую повесть на 1912 г. См.: А—Г, п. от 26 или 27 октября и Г—А, п. от 29 или 30 октября 1911 г.

[2] Федор Михайлович *Леонтович* — украинский литератор, знакомый Коцюбинского.

264. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Pezzano. XII.1911.6

Дорогой Алексей Максимович.

Спасибо за присыл рукописей.

Прочитал покуда татарина[1]. Сократить его надо люто. А быт интересен. Напоминает чем-то «Записки причетника» Марка Вовчка, никитинский «Дневник семинариста»[2], вообще наивные протесты пробуждающегося русского «духовного звания» в 50-х, 60-х годах. Перечту еще раз, чтобы видеть, что из этого можно сделать ⟨...⟩ Некто Горцев[3] прислал сейчас очень интересную статью о молодой Турции и рабочем в ней движении. Любопытно по аналогиям: точно предсказано, что будет у нас при кадетском министерстве. Хороший роман Шолом-Алейхем прислал: «Блуждающие звезды». Есть детские места, но в общем и трогательно, и смешно. Думаю, что очень понравится публике. Вообще, сейчас на отсутствие материала жаловаться не приходится: проспект на 1912-й год выходит яркий, с беллетристикою на полгода вперед, и есть вещи сильные. В публицистическом отделе опустевшее (к глубокому моему сожалению и без всякой к тому резонной причины) место Чернова заняли Цыперович, Стеклов[4], Суханов[5], Карелин[6], Лагардель[7]; очень просится Ю. Делевский[8], но до личного свидания я в союз с незнакомым человеком вступить не решился. Чудесные научные статьи выучился писать Лазаркевич[9] — хороший из него популяризатор выйдет: он не так блестит, как Лункевич[10], но, сдается мне, глубже его, а прост замечательно.

Прочел сегодня 1-й том нового Толстого[11]. «После бала» изумительно прекрасно, как все, что покойник писал о свете и большом обществе. В «Дьяволе» есть чудесные страницы, громадной изобразительной силы, но вещь слишком очевидно не выработана и в конце смята: оба варианта противные... «Фальшивый купон» — так он и есть фальшивый купон от «Серенькой» старика Даля[12], а что касается прочего, то я глубоко уверен, что Л. Н. никогда не ожидал от своих наследников такого свинства, чтобы вытащили они на свет белый этот сор, в особенности драматический. Виноват: «Алеша Горшок» — милый. Но как некрасиво и пахнет аферой самый план издания... За год не могли приготовить ни «Хаджи М⟨урата⟩», ни «О⟨тца⟩ Сергия»: — «Живой труп» пожуйте в виде закуски — обед будет после.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] «Дневник Шакирда» Г. Исхакова.

[2] Марко *Вовчок* (М. А. Виленская-Маркевич) «Записки причетника». Напечатаны в журн. «Отечественные записки» в 1869—1870 гг. И. С. Никитин «Дневник семинариста». Напечатан в сборнике, изданном И. С. Никитиным и М. Ф. Де Пуле,— «Воронежская беседа на 1861 год».

[3] *Горцев* (Ш. Я. Натадзе) (1883—1912) — русский журналист, политэмигрант, живший в Турции, печатавший свои обзоры, посвященные политической жизни Турции, балканским проблемам и др. в «Современнике», «Речи», «Киевской мысли» и др. В письме говорится о ст. Горцева «Младотурки и рабочие» (Современник. 1912. Кн. 4). См. его же «Накануне балканского пожара. Очерк истории македонского вопроса. Воинственное настроение турок. Проект 1880 года и согласие Порты на его осуществление. Волнения в Стамбуле» (Современник. 1912. Кн. 12 и др.).

[4] Юрий Михайлович *Стеклов* (псевдоним Нахамкиса) (1873—1941) — историк и публицист, государственный и партийный деятель. В социал-демократическом движении участвовал с 1893 г. С 1903 г. член партии большевиков. В годы реакции

и нового революционного подъема сотрудничал в Центральном органе РСДРП — газ. «Социал-демократ» и большевистских газ. «Звезда» и «Правда». После Октябрьской социалистической революции редактировал газ. «Известия ЦИК и ВЦИК СССР», журн. «Красная нива», участвовал в создании и редактировании журн. «Новый мир». Ю. Стеклов автор монографии «Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность (1828—1889)». СПб., 1909, о которой положительно отозвался В. И. Ленин (т. 48, с. 32).

См. в «Современнике» ст. Стеклова «Социально-политические взгляды Добролюбова» (1911, кн. II), «Герцен и Чернышевский» (1912, кн. 7) и др.

[5] Николай Николаевич *Суханов* (Гиммер) (1882—1940) — участник русского революционного движения, экономист и публицист, с 1903 г. эсер, с 1917 г.— меньшевик. В годы мировой войны— интернационалист. После Октябрьской социалистической революции работал в советских экономических органах и учреждениях. Написал «Записки о революции» (кн. 1—7; 1922—1923). Кн. 3 и кн. 4 В. И. Ленин подверг резкой критике в ст. «О нашей революции» (т. 45, с. 378—382). В 1931 г. Суханов был репрессирован.

Сотрудничал в «Современнике», в 1913—1915 гг. встал во главе журнала, придав ему направление, которое В. И. Ленин в 1914 г. определил как «помесь народничества с марксизмом». В это время в списке сотрудников «Современника» были указаны Плеханов, Кускова, Ф. Дан, Л. Мартов. Печатался в «Летописи» и других изданиях.

[6] Аполлон Андреевич *Карелин* (1863—1926) — юрист и экономист, был известен Горькому с начала 80-х годов, когда Карелин возглавлял народовольческую организацию в Нижнем Новгороде. Об А. Карелине Горький упоминает в очерках «Время Короленко» и «Н. Ф. Анненский». См. в журн. «Современник» ст. А. Карелина «К вопросу о психике пролетариев» (1912, кн. 3).

[7] Юбер *Лагардель* (1875—1914) — анархо-синдикалист, участник французского рабочего движения. В «Современнике» были напечатаны его ст. «Кризис радикальной партии. (Письмо из Франции)» (1911, кн. 11), «Эволюция политических партий во Франции» (1912, кн. 2) и др.

[8] Ю. Делевский (Яков Лазаревич *Юделевский*) (А. Волин) (1868—?) — социолог, эсер, эмигрировал из России, стоял во главе издававшейся за границей эсеровской газ. «Революционная мысль». Печатался в «Современнике». См. ст. «Социальный антагонизм и общественный идеал» (1912, кн. 1) и др.

[9] Никифор Александрович *Лазаркевич* (Фор). См. ст. «Радий и внесенный им в науку переворот» (Современник. 1912. Кн. 1—2), «Электронная теория» (кн. 5—6) и др.

[10] Валентин (Валериан) Викторович *Лункевич* (1866—?) — биолог-популяризатор, автор труда «Нерешенные проблемы зоологии».

[11] Речь идет о т. I «Посмертных произведений Л. Н. Толстого».

В т. I вошли: «Дьявол» (вслед за основным текстом был напечатан также вариант конца повести), «Алеша Горшок», «Фальшивый купон», «После бала», «Что я видел во сне», «От ней все качества», «Живой труп».

Повесть «Отец Сергий» была напечатана в т. II; «Хаджи Мурат» — в т. III со значительными цензурными пропусками.

В откликах на «Посмертные художественные произведения Л. Н. Толстого» преобладали восторженные оценки: Толстой «явился на склоне своих старческих лет новатором, которого страстно ждала, но до него еще не имела русская литература» (*Вл. Кр* ⟨Вл. Кранихфельд⟩ // Современный мир. 1911. № 11). Подробнее см. в кн.: *Русская литература конца XIX — начала XX в.* С. 496, 501.

[12] Владимир Иванович *Даль* (псевдоним Казак Луганский) (1801–1872) – ученый-лингвист, писатель и этнограф, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка».

«Серенькая» – рассказ В. Даля из цикла «Новые картины из русского быта», в котором речь идет о зле, порожденном пущенной 50-рублевой фальшивой ассигнации (серенькой) в оборот фальшивомонетчиками. Люди, сбывая друг другу фальшивые деньги, творят все новые и новые беды, растущие, как снежный ком. В конце повести победу добра над злом осуществляет бедная старушка: получив в наследство злосчастную ассигнацию, она сжигает ее на свече.

В рассказе Даля тема эта разработана с меньшей глубиной и трагичностью, чем у Толстого, у которого бездумное и случайное мошенничество гимназиста повлекло за собой цепь преступлений, бессмысленную и трагическую гибель людей, а нравственное просветление воплощено в образе палача, отказывающегося от своего ремесла.

265. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Декабрь, не позднее 6, 1911 г.⟩

Прислано для «Современника» [1]. Рассказ этого автора — «Горячая» — напечатан в последней книге «Совр⟨еменного⟩ мира» [2].

А. П.

Датируется по п. Амфитеатрова от 8 декабря 1911 г.

[1] Сопроводительная записка при рукописи рассказа Н. Н. Никандрова «Ротмистр Закатаев».

Николай Никандрович *Никандров* (Шевцов) (1878—1964) — писатель. В 1903 г. был выслан как «политически неблагонадежный» в Нижний Новгород, где встречался с Горьким; см. его очерк «Цвела сирень» (*Никандров Н.* Береговой ветер: Повести. Рассказы. М., 1964). В 1910—1914 гг. Никандров жил в эмиграции.

[2] Рассказ Никандрова «Горячая» был напечатан в журн. «Современный мир» (1911, № 10).

266. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.XII.8

Дорогой Алексей Максимович.

Получил почтовый перевод от Вас на 1332 фр. и, конечно, очень тем огорчен [1]. А впрочем, все в национальном порядке вещей. Русские армии, при отступлениях, всегда сильно терпели оттого, что, при наступательном движении, непременно и безнужно портили воду в колодцах.

Большое спасибо за Никандрова [2]. Это очень сильно и интересно. Напоминает Щедрина первого периода. Как его адрес?

Недурную вещь получил вчера от Серошевского [3].

Сегодня к Вам едет И. П. Ладыжников. Был он у меня по сытинскому поручению, о котором, конечно, Вам сообщит подробно [4].

Обрадовался, узнав, что Коцюбинский на Капри. Я тщетно его разыскивал, а письмо, посланное ему в Чернигов, приехало назад. У нас в январе идет его «Что записано в книгу жизни», а в феврале «Сон» [5].

Получил третьего дня и прочитал XXXVII сб. «Знания» [6], с концом Кожемякина.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. А.

[1] См. п. Горького, написанное между 3 и 7 декабря 1911 г.

[2] Рассказ Никандрова «Ротмистр Закатаев» был напечатан в «Современнике» (1912, кн. 1).

[3] Рассказ В. Серошевского «Сакурское видение» напечатан в «Современнике» (1912, кн. 1).

[4] Ладыжников приехал на Капри 9 декабря 1911 г. Речь идет о предложении Сытина Горькому и Амфитеатрову участвовать в газ. «Русское слово».

[5] Рассказ Коцюбинского «Что записано в книгу жизни» напечатан в «Современнике» (1912, кн. 1). Там же — рассказ «Сон» (1912, кн. 5).

[6] В XXXVII *сб. «Знания»* (1911) напечатано: Горький «Матвей Кожемякин», ч. IV (окончание); Черемнов — стихи; Касаткин «Село Микульское»; Винниченко «Кузь и Грыцунь»; Воронов — стихи.

267. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 10 декабря 1911 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

О русских армиях, отступлениях и порче воды в колодцах — ничего не понял. Не чувствую себя ни отступившим, ни что-либо испортившим.

Думаю, что мне и вам надобно повидаться, и чем скорей — тем лучше. Я бы, конечно, поехал к вам тотчас же, но удерживает куча дела и народ. Сегодня провожаю Леонтовича и Ганейзера, остаются Ко-

ГОРЬКИЙ, М. Ф. АНДРЕЕВА, И. А. БУНИН, В. Н. МУРОМЦЕВА-БУНИНА, А. С. НОВИКОВ-ПРИБОЙ И ДР.
Фотография И. Е. Вольнова. Капри, лето 1912
Музей Горького, Москва

цубинский, Ладыжников, Бунин, Черемнов. С этой публикою вам было бы интересно повидаться. На днях ожидаю еще штуки две-три интересных россиан.

Отбросьте, пожалуйста, армии, колодцы и все другие аллегории! Не можете ли приехать на некоторое время? И отдохнули бы, и поговорили бы мы о многих сурьезных делах.

Ответьте телеграммой.

Крепко жму руку и всего доброго.

А. Пешков

Никандров живет в Лозанне, точного адреса не знаю, но думаю, что, если ему написать на русскую библиотеку,— письмо дойдет.

Узнав адрес точный — сообщу.

Датируется по п. Амфитеатрова от 8 декабря и его ответной телеграмме и п. от 12 декабря.

268. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 10 или 11 декабря 1911 г.)

Затертый — печатался в «Жизни для всех» Поссе, в «Речи» и маленьких журналах.

Рукопись прислана для «Современника» [1].

А. П.

Датируется по п. Амфитеатрова от 12 декабря 1911 г.

[1] Горький послал Амфитеатрову рассказ Затертого (А. С. Новикова-Прибоя) «По-темному». Рассказ под псевдонимом А. Прибой был напечатан в «Современнике» (1912, кн. 2).

269. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Феццано.) 1911, декабря 12

Спасибо, но невозможно, через 2 недели выходит 12-я книга, через месяц — январская [1], пуд рукописей, свои статьи не готовы, очень жалею, привет всем.

Амфитеатров

[1] Речь идет о «Современнике».

270. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.XII.12

Дорогой Алексей Максимович.

Рад бы радехонек приехать, да журнал не пускает, приходится форсировать, чтобы выправить сроки, запущенные в истекшем полугодии, и, с января, выходить в первых числах месяцев, а не в последних. Целый месяц ушел на ликвидацию рукописей, накопленных Мир‹олюбовым› и Ч‹ерновым›, а теперь новых накопилось много. Своего — обязательного к концу года — много недописано. Вообще, играю, как могу, в две руки сонату, положенную на 8, для двух роялей.

Никандрова, в сильном сокращении, я взял на декабрь как фельетон: очень остроумен и своевременен.

С удовольствием познакомился бы с Буниным и Коцюбинским, да вот — не судьба. Коцюбинскому каприоты должны поставить монумент при жизни на соборной площади или, по крайней мере, назначить ему пожизненную пенсию: так заманчиво расписал он Вашу «выспу» в своем «Сне» [1].

Свалю подписной период — на шесть месяцев загуляю: ничего не буду писать, кроме исторических работ. По части большого романа, спасибо, хорошо выручил Шолом-Алейхем [2], на фельетоне пусть насобачивается Ашешов [3] и молодые кое-кто, а я — в двенадцатом году и в династии Романовых [4].

Библиотечища у меня сильно выросла. Деньгу жрет безбожно.

Кто Вам говорит, что Вы в «отступлении»? Напротив, Вы в «наступлении». Да об этом не стоит. Конечно — пусть отболит.

Затертого знаю. Он славный парень. До свидания. Всего Вам хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров

[1] В рассказе Коцюбинского «Сон» изображен чиновник, изнывающий в прозаических буднях своего существования, которому приснился сон о красотах природы южной Италии. «Выспа» на польском и украинском языках — остров, имеется в виду Капри.

[2] Речь идет о романе Шолом-Алейхема «Блуждающие звезды».

[3] Ашешов сотрудничал в «Современнике» в отделе фельетона.

[4] Амфитеатров работал над статьями о 1812 годе и о династии Романовых. В объявлении «Современника» на 1912 г. значились ст. Амфитеатрова «Очерки по истории русского патриотизма» (к 100-летию Отечественной войны 1812 г.), «Петербургское действо (28 июня 1762 г.)» (к 150-летию восшествия на престол Екатерины II), «Русские конституционные провалы» (к 300-летию дома Романовых). См.: Речь. 1911. № 339. 10/23 декабря.

271. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Декабрь, не ранее 14, 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович.

Посылаю адрес Никандрова:

Шевцов
chez m-elle Chamborden

La Sallaz.
Sur Lausanne.
Всего доброго!

А. Пешков

Датируется предположительно по п. Амфитеатрова от 12 декабря 1911 г.

272. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.XII.18

Дорогой Алексей Максимович.

Рецензию о Гильоме [1] получил и отправил в набор для декабря или января.

Если увидите себя не снятым с фирмы в объявлении, которое делают «Од‹есские› новости» [2], не обвиняйте ни меня, ни «Современн.»: соглашение состоялось ранее нашего расхождения, в сентябре, и они воспользовались формулою из октябрьской книжки. Я уже телеграфировал в Одессу Хейфецу, чтобы он эту строку уничтожил.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. А.

[1] Речь идет о рецензии А. Золотарева на кн.: L'Internationale: Documents et Souvenirs par James Guillaume. Paris, 1905—1910. Vol. I—IV. (Интернационал: Документы и воспоминания Дж. Гийома. Париж, 1905—1910. Т. I—IV). Напечатана в «Современнике» (1912, кн. 10).

Джеймс *Гийом* (1844—1916) — один из руководителей анархистского движения в Швейцарии и Франции, соратник Бакунина, член швейцарских организаций I Интернационала.

[2] 3/16 декабря 1911 г. в «Одесских новостях» (№ 8587) появилось объявление: «По соглашению с редакцией ежемесячного журнала „Современник", издающегося в Петербурге при ближайшем участии А. В. Амфитеатрова, М. Горького, В. С. Миролюбова и В. М. Чернова, годовые подписчики „Одесских новостей" имеют право на получение этого журнала со значительной скидкой: вместо 12 руб. с доставкой и пересылкой за 7 р. 50 коп. в год» (Одесские новости. 1911. № 8587. 3/16 дек.). В дальнейшем имена Горького, Миролюбова и Чернова были сняты (Одесские новости. № 8600. 20 дек. 1911 г. / 2 янв. 1912 г.).

В объявлении, напечатанном в газ. «Речь», имена Горького, Миролюбова и Чернова также отсутствовали, но при этом указывалось, что в 1912 г. «Современник» «будет выходить по той же программе и в том же направлении внепартийного передового органа, при значительно расширенном составе сотрудников» (Речь. 1911. № 339. 10/23 дек.).

273. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. Январь, не позднее 6,. 1912 г.›

Дорогой Александр Валентинович!

Посылаю еще рассказ Затертого [1] и рассказ Ф. Сотникова [2] — прочитайте, не подойдет ли для «Соврем.».

Вещица, кажется, недурная.

Адрес автора:
Макарьев, Нижегородской
село *Лысково*,
Федору Сотникову.

Приехал сюда на жительство Иткин [3], так что литератора здесь многое множество.

Как вы живете, здоровы ли?

Все ж таки — изредка хоть — написал бы письмишко!

Всего доброго!

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 8 января 1912 г.

[1] Речь идет о рассказе Новикова-Прибоя «Встреча пасхи на корабле» (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 235—236).

[2] По-видимому, речь идет о рукописи рассказа Федора Сотникова «Сашкино утро». Напечатан в «Современнике» не был. П. Горького Ф. Сотникову опубликовано в сборнике рабочих писателей «Зовы» (Астрахань, 1920).

[3] С. Г. Иткин в 1912 г. жил на Капри.

274. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.I.8

Дорогой Алексей Максимович.

Рукописи Затертого и Сотникова получил. Затертый уже идет одним рассказом в «Совр.» (думаю — в марте), два — много. Притом газетно. Пошлю, если хотите, Певину для той странной штуки, которую он издает под именем «Голоса современника»,— я к ней отношения не имею. Сотникова еще не читал.

Материалом журнал буквально завален. Сейчас для новой вещи, за исключением городничего, который всюду войдет, не найдется места раньше августа, да и то с трудом. Собственно говоря, на этих днях я кончаю свои обязанности фундаментальные, так сказать, к журналу на 1912 год и могу заняться своими запущенными делами и работами. Беллетристики есть на 12 книжек с большим запасом, научно-публицистических статей тоже больше, чем требуется. Так что дело сведется к руководству текущею публицистикою, а это немного, да, быть может, я и от этого уклонюсь. В «Совр.» дело поставлено на рельсы. Хочу помочь Бурцеву наладить одно большое газетное дело.

Простите, что не писал. Страшно был занят и — занятиями, как видите, мало для Вас интересными. Люди приходят, люди уходят. Завтра жду Ю. Делевского. А сегодня немножко не в духе, потому что проводили мы в Канаду бедную Лиду с ребенком, к которой все успели очень привязаться, и невольно думается, как-то доедет и чем встретит там их троих жизнь [1].

«Знание» сегодня прислало мне Пришвина [2]: кажется, все уже читано в «Русской мысли». Способный мужчина.

Видел, что кадеты в «Запросах жизни» объявили Ваш рассказ или очерк, но еще не читал [3].

Сейчас перечитываю «Городок Окуров» до конца «Матвея Кожемякина» — думаю написать о них статью на январь [4], не знаю, успею ли временем и силами, потому что здорово переутомился за последние три месяца.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Кланяется Вам очень Серошевский. Пойдет в «Совр.» повесть его «Затишье» [5].

[1] Л. П. Пешкова уехала к мужу З. А. Пешкову, обосновавшемуся в Канаде.

[2] Речь идет о первом томе рассказов Пришвина, вышедших изд-вом «Знание» в конце 1911.

[3] В журн. «Запросы жизни» (1912, № 1) была напечатана «Сказка» XII (вошла в цикл «Сказок об Италии»). «*Запросы жизни*» — еженедельный журнал; выходил в 1909—1912 гг. в Петербурге. В журнале сотрудничали кадеты, «народные социалисты» и меньшевики-ликвидаторы. Горький напечатал в «Запросах жизни» статьи из цикла «Издалека», сказки из цикла «Сказки об Италии». В августе 1912 г. Горький отказался сотрудничать в этом журнале: «„Беспартийность“ „З⟨апросов⟩ ж⟨изни⟩“ становится постепенно своеобразной партийностью без программы — худшим видом партийности»,— писал он Р. М. Бланку (*XXIX*, 250).

[4] Задуманная Амфитеатровым статья в «Современнике» не появилась.

[5] Повесть Серошевского «Затишье» в 1912 г. в «Современнике» не печаталась.

275. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.I.24

Дорогой Алексей Максимович.

Несколько присланных Вами рукописей лежат у меня. Но я две недели тому назад, после декабрьской книжки «Совр.», отказался от редактирования журнала [1] и не могу взять на себя ответственности за то, как он пойдет и чем будет дальше. Поэтому — как поступить с рукописями? Отправить ли их в Современник» или возвратить Вам?

С «Совр.» у меня, конечно, идут переговоры, но я не жду, чтобы мой ультиматум был принят, а потому запасся новым журналом, именуемым «Новый вестник» [2], который начнет выходить между 1 и 15 марта сего года. Деньги, к счастию, нашлись.

Не знаете ли Вы, кто столь чудовищно испортил «Отца Сергия»? [3] Сам Толстой или Чертков с компанией? Я имел в руках рукопись в 1900 или 1901 г. (когда духоборы [4] переселились в Канаду и нуждались очень в деньгах, Толстой продавал «О. С.» за 20 000 р., но Маркс [5] испугался цензуры, а «Россия» [6] поскупилась). Там все было ярче и лучше, и, по-моему, недостает целого ряда интереснейших сцен, а ввинчены дидактические фразы, которых не было. И в старого «О. Сергия» входило — это я живо помню — «После бала».

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] Место Амфитеатрова в качестве редактора журн. «Современник» занял Е. А. Ляцкий.

[2] Издание журн. «*Новый вестник*» не состоялось.

[3] Л. Н. Толстой работал над повестью «Отец Сергий» в 1890—1891, 1895 и 1898 гг.

В 1898 г. Толстой был намерен напечатать повести «Дьявол» и «Отец Сергий», а также роман «Воскресение» в пользу переселяющихся духоборов, но вскоре отказался от этого намерения. Во т. II «Посмертных художественных произведений Л. Н. Толстого» повесть была напечатана с цензурными изъятиями упоминаний о Николае I и его любовных историях. Было введено деление на главы и внесен ряд исправлений, устраняющих неточности и описки в автографах.

[4] Духоборы — представители религиозной секты, подвергавшиеся преследованию в царской России и эмигрировавшие в Канаду. Л. Н. Толстой оказывал поддержку духоборам.

[5] Адольф Федорович *Маркс* (1838—1904) — книгоиздатель.

[6] «Россия» — газета, в которой сотрудничал Амфитеатров. О несостоявшейся попытке купить «Отца Сергия» для публикации в газ. «Россия» Амфитеатров писал в ст. «Не тот Толстой». В этой же статье он отмечал «безобразно искаженный цензурными пропусками текст» издания, возникновение новой редакции «Отца Сергия». Ссылаясь на свидетельство Горького, указывал на утрату «ряда сцен в повести „Хаджи-Мурат“»: «...Максим Горький, человек, одаренный блестящею, можно сказать фотографической, памятью, и удивительный рассказчик, излагая мне содержание „Хаджи-Мурата“ (...) говорил о том, как дивно Толстой написал ночную скачку Хаджи-Мурата с отрядом его горным ущельем, с бегущими навстречу ночными тенями. Особенно Горький подчеркивал то, с каким непостижимым мастерством Толстой овладел тайной „передавать движение“»... (*Амфитеатров*. Т. 22. С. 71).

276. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Январь, не ранее 30, 1912 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

«Отец Сергий» несомненно «исправлен», и при этом так, что на меня повесть, прочитанная мною теперь, произвела впечатление схемы того, что в 902 г. в Гаспре Лев Николаевич читал мне в отрывках [1] и что потом я читал сам, полностью, в рукописи.

В редакции, которую я хорошо помню, «После бала» не входило уже, но — картина бала во дворце — была, и объяснение Сергия с возлюбленной шло во время бала, в парке или саду. Совершенно иначе — значительно полнее — был рассказ о том, как дама идет искушать

старца Сергия, точно так же сокращена намного сцена его падения; она носила характер насилия над девицей, а сама девица была написана гуще: помню «груди желтые и дряблые, свисающие на бока как блины», прыщи на лице девицы, ее потные руки и слово «погоди-ка», которым она останавливала старца. Эту сцену я особенно хорошо помню, потому что она поразила меня своей жестокостью: Л. Н., можно сказать, написал девицу ужасно противной и вверг в нее старца, как в помойную яму. Это напоминало чрезмерность Достоевского.

Что, вообще, делают с Толстым? Вы читаете, в каком тоне пишет о нем Измайлов? [2] Жа<боти>нский?

Итак — еще журнал! У Чернова с Миролюбовым тоже, у Иванова-Разумника — тоже! [3]

Дай бог побольше нам журналов, «плодят» писателей «они», а читателей, кажется, не плодят.

«Усі сплять, тількі я один не можу заспокоіті мого серца» и все ругаюсь.

Вы не прочли «Сашкино утро»? [4] Это очень интересно и подает надежды.

Будьте здоровы. Ужасно хочется повидать вас, но — прикован узами обязанностей и безденежья к столу моему, яко цепной пес.

Всего доброго!

А. Пешков

Прочитал письмо к Москвичке [5] — хорошо!

Вижу объявление о Романовых, опять хорошо [6].

А вы знаете Аркадия Великопольского? [7] Примите добрый совет — не полагайтесь на него ни в чем.

Жулик народ пошел по святой Руси. Аркаша кажется не жулик, но просто легкомыслен чрезмерно.

А. П.

Датируется по упоминанию фельетона Амфитеатрова в газ. «Будущее» (1912, № 15, 28 янв.). См. прим. 5.

[1] См. об этом у Горького: «„Лев Толстой". Заметки. (Заметка XXI-ая)».

[2] Статьи о Л. Н. Толстом см. в сб. Измайлова «Литературный Олимп» (М., 1911). В письме по-видимому, речь идет о ст. Измайлова «Третий посмертный том Л. Толстого: „Хаджи-Мурат". „Записки сумасшедшего". „Ходынка" и др.» в газ. «Русское слово» (1912, № 5, 6/19 янв.).

[3] См.: Г—Ив-Р, п. 1.

[4] Имеется в виду рукопись рассказа «Сашкино утро» Ф. Сотникова.

[5] Речь идет о фельетоне Амфитеатрова «Ответ москвичке». Некая москвичка спрашивала мнение Амфитеатрова «о предстоящем отлучении от православной церкви целого ряда русских писателей, которое будто бы затевает „Святейший" синод». Амфитеатров со всей резкостью высказывался по этому поводу: «...русская литература давным-давно уже с совершенно справедливым презрением сама отлучила от себя синод — жалкое бюрократическое учреждение, имеющее задачей блюсти совсем не православие <...> православная церковь в настоящее время есть не что иное, как царепоклонническая политическая партия» (Будущее. 1912. № 15. 28 янв. С. 2—3).

[6] В том же номере газеты было помещено объявление «К 300-летнему юбилею „Дома Романовых"»: «Готовится и 21 февраля (5 марта) 1913 г. выйдет в свет новое большое историческое сочинение Александра Амфитеатрова „История правящей в России династии". В четырех томах и восьми частях. Том первый.— „Романовы". Часть первая — „Цари боярского рода и первый император (1613—1725)". Часть вторая — „Гибель дома Романовых (1725—1762)". Том второй — „Романовы-самозванцы". Часть третья — „Екатерина Вторая (1762—1796)". Часть четвертая — „Павел, не помнящий родства (1796—1801)". Том третий.— „Лже-Романовы". Часть пятая — „Потомство Марии Вюртембергской (1801—1855)". Часть шестая — „Александр II (1855—1881)". Том четвертый „Лже-Романовы". Часть седьмая — „Датская кровь" (1894—)». Сообщалось, что все издание будет обязательно закончено в 1913 юбилейном году. Подписка принималась в Париже, в книжном магазине «Общее дело». Издание не состоялось.

[7] Аркадий Александрович *Великопольский* (1874—?) — писатель, экономист и педагог.

277. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.II.2

Дорогой Алексей Максимович.

Так я и думал относительно «Сергия». Не думаю, однако, чтобы Чертков или Алекс‹андра› Льв‹овна› [1] осмелились приложить тут свою руку. А просто, должно быть, наступают когда-нибудь настолько дряхлые годы, что у писателя лучше отнять перо, а то он все сделанное им испортит.

Измайлова и Жаб‹отинского› о Толстом не читал.

А Толстого я все меньше любить начинаю. Прошлогоднее мое изучение 1812 года [2] разбило мне сорокалетний мираж «Войны и мира»: красочно и художественно, что и говорить, но — барином писано, барское и вышло. А народа нет. Народ-то Платоном Каратаевым оказался. Так что французы, должно быть, оттого и ушли из Москвы, что, подобно медведю, плюнувшему на Ивана Ланде [3], не захотели иметь дела с такими кроткими жителями.

Как журналы не плодят читателей? Коялович пишет мне, что подписка на «Современник» удивительно хороша. Ах, если бы она продолжала в том же духе! Тогда я взыскал бы с Певина двадцать тысяч, которые мне «Совр.» должен, и поехал бы вокруг света, не думая о письменном столе.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Дата «I.2», поставленная Амфитеатровым, ошибочна. Следует читать: «II.2» См. предшествующее письмо.

[1] А. Л. Толстая.
[2] Имеется в виду работа над «Очерками из истории русского патриотизма».
[3] Иван Ланде — персонаж рассказа М. Арцыбашева «Смерть Ланде».

278. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. Начало февраля 1912 г.›

Дорогой Александр Валентинович!

Возвратите мне, пожалуйста, рукопись Сотникова «Сашкино утро» — я попытаюсь пристроить ее куда-либо. Парень, кажется мне, заслуживает внимания.

Был Ал. А. Стахович [1], говорил грустные вещи о Москве, о понижении в «обществе» вкусов и о всеобщем обалдении.

А один священник из Об‹ласти› Войска дон‹ского› [2] пишет: «Вот близятся выборы в Думу [3], а казачество говорит: — ну ее, кабы война с китаями!»

А с верхней Волги сообщают: «у нас по деревням всё спектакли ставят, образовалась даже странствующая труппа из мужиков, такими театралами заделались — беда!»

А с Урала кричат: «издыхаем от голода, нельзя ли как помочь!»

А вообще на душе — серовато.

Будьте здоровы!

Рукопись-то пришлите же!

А. Пешков

Датируется по содержанию.

[1] Алексей Александрович *Стахович* (1856—1919) — артист и член правления Московского Художественного театра (1907—1919). Приезжал на Капри к Горькому с просьбой дать для Художественного театра пьесу.
[2] Возможно, речь идет о Сергее Михайловиче *Трyфанове*, потомственном почетном гражданине Округа Войска донского (*иеромонахе Илиодоре*).
[3] Речь идет о выборах в Государственную думу четвертого созыва, состоявшихся 15 ноября 1912 г.

279. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.III.12

Дорогой Алексей Максимович.

Получил я из Америки относящуюся до Вас вырезку из Chicago Daily Socialist [1]. Любопытно, чем промышляет в делишках своих российское правительство. Посылаю Вам — на случай, если еще вести эти до Вас не дошли. Так как М. Ф. в английском языке сильна, то посылаю без перевода.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] В американской газ. «Chicago Daily Socialist» печатались выдержки из «Записок русского шпиона» Николаева. В марте—апреле 1912 г. Горький писал Бурцеву по этому поводу: «...в „Chicago Daily Socialist" печатаются разоблачения русского шпиона Николаева о том, как он и некий Целлер, его агент, по поручению Трепова испортили мою поездку в Америку» (*АГ*).

Вырезка из американской газ. «Chicago Daily Socialist», приложенная к письму, не сохранилась.

280. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Между 13 и 17 марта 1912 г.)

Спасибо, дорогой Александр Валентинович, за вырезки — любопытная штучка! Я помню Целлера и — очень удивлен, ибо встречал его в Берлине около таких людей, как Рихард Демель [1], Либерман [2], Лу Андреас Саломэ [3] и т. д.; видел, как пожимал руку его М. Гарден [4] — туда ему, Гардену, и дорога!

Как живете и зачем сердитесь на меня? Предоставили бы мне самому сердиться на себя.

Имею к вам вопрос: недавно Шаляпин писал мне, прося осведомиться у вас,— не передадите ли вы написанное вами либретто «Царя Эдипа» Раулю Пюньо [5], который хочет писать оперу на этот сюжет? Шаляпин пишет: пускай-де он — вы — считает меня потерянным человеком, но, может быть, артиста-то он не похерил? [6]

Как идут ваши журнальные дела? Журналов в проектах — три, огромных.

Будьте здоровы, ответьте насчет «Эдипа».

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 12 и 18 марта 1912 г.

[1] Рихард *Демель* (1863—1920) — немецкий поэт, в творчестве которого сочетались ницшеанские идеи и сочувствие к борьбе рабочего класса. Переводы его произведений «Демон желания», «Освобожденный Прометей» напечатаны в XXIV *сб.* «*Знания*».

[2] Макс *Либерман* (1847—1935) — немецкий художник-импрессионист, с 1921 по 1933 г.— президент Прусской академии художеств. Либерман ушел из Академии в знак протеста против воцарившегося в ней фашистского руководства.

[3] Саломе Лу *Андреас* (1861—1937) — немецкая поэтесса, последовательница и личный друг Ф. Ницше.

[4] Максимилиан *Гарден* (псевдоним Исидора Витковского) (1861—1927) — немецкий буржуазный публицист, приобретший известность разоблачением деятельности Вильгельма II и его сподвижников.

По всей вероятности, Горький имеет в виду «банкет с художниками» — вечер, устроенный в его честь немецкой художественной интеллигенцией, который состоялся накануне его отъезда в Швейцарию 5/18 марта 1906 г. в клубе «Secession» в Берлине. См.: «Записная книжка» (*Арх. Г.* Т. XII. С. 185).

[5] Стефан Рауль *Пюньо* (1852—1914) — французский пианист, органист, композитор, профессор Парижской консерватории, друг Шаляпина. Опера Рауля Пюньо «Царь Эдип» по трагедии Софокла (либретто Амфитеатрова) с участием Шаляпина поставлена не была.

[6] Имеется в виду инцидент с коленопреклонением Шаляпина в Мариинском театре на представлении оперы «Борис Годунов». Шаляпин писал Горькому: «...о моем желании играть Эдипа я говорил не раз Амфитеатрову, и сей послед-

ний, не знаю, искренно или нет, увлекся этой идеей и однажды начал писать либретто и, кажется, кое-что написал. Время шло, музыканта подходящего не было, и я об этом молчал. Теперь же есть музыкант, но я потерял либреттиста 〈...〉 Я думаю так (может, ошибаюсь!): Амфитеатров может презирать меня как человека и не подавать мне руки, это дело его совести, но 〈...〉 едва ли он должен презирать во мне артиста 〈...〉 весь инцидент со мной целиком я оставляю на его совести, сам же могу смотреть ему в глаза прямо и не имею ничего внутри меня, что заставило бы меня покраснеть» (*Шаляпин.* Т. I. С. 345).

281. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.III.18

Дорогой Алексей Максимович.

Нисколько я на Вас не сержусь, а просто — у меня были старые интересы, которые перестали Вас интересовать, у Вас явились новые интересы, в круг которых я не введен,— ну и естественное дело, что оба пообособились.

Журнальные дела мои таковы. Имею в своем распоряжении 25 000 рублей, с коими 15 октября начну выпускать «Новый вестник». Больше покуда нечего сказать, так как само собою подразумевается, что программа будет та же, что в «Совр.», а редакцию составят те, кто из него ушел, вернее будет сказать — из-за кого я ушел.

Вчера я имел сведения о «Совр.» из конторы Печковской. По февраль «Современник» имел 6½ тысяч подписчиков. Появление моего письма [1] сильно остановило этот прилив, но тем не менее Певин уже вполне обеспечен на весь год, если не испортит своей коммерции посторонними аферами. К тому же я приготовил ему рукописей на полгода с лишком, так что, при наличности публициста или двух для текущих тем, теперь журнал и манекен прилично проредактирует. Сейчас поступил на редакторское амплуа Ляцкий. Получил от него «великодушное» письмо о моих заслугах. Отвечал соответственным рескриптом, но работать, конечно, отказался [2].

Сейчас я спешно редактирую первый полный перевод Петрониева «Сатирикона», чудесно сделанный вдвоем моим сыном и К. А. Лигским, пишу к нему вступительный этюд и примечания [3]. Хочу сделать из этого труда первый том «сатирической библиотеки», которая мечтается мне весьма красиво и широко [4]. Вторым выпуском дам комедии Макиавелли (перевод прозаических тоже имеется уже) [5]. Редактировать все это чертовски трудно, ибо, не в обиду будь сказано классикам сатиры, препохабные были старики, а между тем мне хочется дать текст хотя бы приблизительно точный и по возможности точный.

Купец Шаляпников, по обыкновению, строит деточку и наивничает. Либретто Эдипа делано для него, и я отдам эту вещь по его указанию любому композитору, хотя, конечно, предпочел бы русского. Рауль Пюньо превосходный пианист, умный музыкант, почему же ему не написать хорошего Эдипа, а мне не дать ему либретто? Текст Шаляпину известен в отрывках. Значит, остальное — дело коммерческое. Обработать либретто в совершенный вид к сдаче могу в 3-4 недели с момента получения «заказа». Вот и все. Как артиста я Шаляпина и ставил, и ставлю, и буду ставить высоко; после Ермоловой и покойного Эрнесто Росси, он для меня в артистах любимейшее имя. Что же касается человеческих его качеств, то я его не считаю ни потерянным, ни найденным человеком, а просто двуногим, великолепно слаженным существом, у коего вместо души талант, как у кота вместо души пар. Усердие Бунина в рекламировании Ваших восстановленных дружеских чувств с Шаляпиным производит впечатление несколько курьезное, как внезапный выпад ни с того, ни с сего [6].

Очень огорчило меня сейчас известие о смерти П. Н. Лебедева [7]. Я близко знал его в молодости. Это был гений в точнейшем смысле слова, и, быть может, какого еще в русской науке не появлялось.

Из интервью Бунина узнал о «Заветах». Ветхим заветом, конечно, по всем правам, будет Миролюбов. А новым?

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] П. Амфитеатрова о выходе из журн. «Современник» было напечатано в газ. «Речь» 21 января/3 февраля 1912 г.

[2] Ляцкий стал редактором «Современника» в начале марта 1912 г.

[3] Амфитеатров предполагал печатать роман римского писателя Гая *Петрония* (I в. н. э.) «Сатирикон» в переводе В. А. Амфитеатрова и К. А. Лигского в журн. «Современник». Первый полный русский перевод был обещан на 1912 г. (машинопись с авторской и редакторской правкой хранится в *ЦГАЛИ*, ф. 34).

[4] Замысел «Сатирической библиотеки» частично был осуществлен Амфитеатровым позже, изданием сборников «Забытый смех». См. А—Г, п. от 11 июня 1913 г., прим. 2.

[5] Никколо *Макиавелли* (1469—1527) — итальянский писатель, историк, политический деятель. Одна из его комедий — «Мандрагора» — в переводе Амфитеатрова была напечатана в т. 29 Собрания сочинений Амфитеатрова.

[6] Приехав в Одессу из-за границы, Бунин дал интервью корреспонденту «Одесских новостей». В интервью было много сказано о жизни Горького на Капри, его работе, о встрече с Шаляпиным. «У Шаляпина и Горького возникла интересная мысль — написать оперу о Ваське Буслаеве, предполагалось, что музыку к опере напишет Глазунов. Передав содержание повести Горького „Три дня", Бунин сказал, что она будет печататься в новом журнале „Заветы". Там же будет помещен новый рассказ Бунина „Веселый двор"» (Одесские новости. 1912. № 8659. 1/14 марта).

[7] Петр Николаевич *Лебедев* (1866—1912) — известный русский физик. Статья Амфитеатрова о П. Н. Лебедеве, которого он хорошо знал в 90-е годы, появилась в «Одесских новостях» (Записная книжка. 1912. № 8674. 18/31 марта). В сб. «Ау!» включена «Повесть о прекрасном юноше. (Памяти П. Н. Лебедева)».

282. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

〈Капри. Между 19 и 27 марта 1912 г.〉

Дорогой Александр Валентинович,

про Эдипа Шаляпину сообщил, это его очень обрадует.

Успех «Совр.» мне известен; вообще — журналы идут в гору, говорят, что «Сов〈ременный〉 мир» в этом году печатается больше 20 т.

Кто будет в «Заветах» — не знаю, мое участие — номинально; дал маленький рассказ [1], а там — увидим — что́ будет. Первая книга выходит в апреле.

«Шиповник» тоже затеял журнал: денег у них 80 т.; голова — Иванов-Разумник [2], сотрудники ближайшие — Лапшин [3], Бенуа [4], Р〈имский〉-Корсаков [5], Пришвин, Андреев.

С осени затевается еще журнал в Москве, лицами неизвестными, но — денежными.

«Интервью» Бунина — не порадовало меня. «Близкие друзья — наиболее неделикатны»,— гласит пословица, очевидно — ассирийская.

Посетил меня некий купец из города Якутска [6], вот это, я вам скажу, удивительно! Даже — сказочно! Ох, жаль, не видели вы его.

А видели вы журнал «Украинская жизнь»? [7] Посмотрите, любопытно.

Будьте здоровы, желаю всего доброго!

У Зиновия помер отец, и ему, Зиновию, угрожает получение наследства [8].

А. Пешков

Я получил разные, по этому поводу, казенные бумаги и уже отправил их в Канаду. Рад, хотя отец-то был старикан любопытный и славный.

Датируется по п. Амфитеатрова от 18 и 28 марта 1912 г

[1] Рассказ «Три дня».
[2] См.: Г—Ив-Р, п. 1.
[3] Иван Иванович *Лапшин* (1870—1952) — философ-идеалист. Профессор Петербургского университета (1913—1922), с 1923 г.— профессор Пражского университета. Занимался проблемами истории философии и психологии, психологии художественного творчества. Автор трудов «О вселенском чувстве» (СПб.; М., 1911), «История педагогических теорий» (СПб., 1912), «Философские мотивы в творчестве Н. А. Римского-Корсакова» (СПб., 1912), «Художественное творчество» (Пг., 1922), «Эстетика Достоевского» (Берлин, 1923) и др.
[4] А. Н. Бенуа.
[5] Владимир Николаевич *Римский-Корсаков* (1882—1970) — сын выдающегося русского композитора Н. А. Римского-Корсакова, скрипач, музыкальный деятель, автор воспоминаний об отце.
[6] Речь идет об Алексее Алексеевиче *Семенове* (1882—1943) — якутском краеведе, общественном деятеле, авторе ряда статей, вместе с женой посетившем Горького. См.: Якутские друзья Горького. Якутск, 1970.
[7] «*Украинская жизнь*» — ежемесячный научно-литературный и общественно-политический журнал националистического характера, выходивший в Москве с 1912 по 1917 г. В 9-м номере журнала за 1912 г. была напечатана ст. Горького «О русской интеллигенции и национальных вопросах».
В объявлении о подписке на 1912 г. в № 1 журн. «Украинская жизнь» сообщалось: «Журнал выходит на русском языке (...) Задачу „Украинской жизни" составляет служение интересам и нуждам 30-миллионного украинского народа и ознакомление общества с украинским национальным движением.
Программа журнала: Руководящие статьи по национальным вопросам.—Обзор событий текущей жизни на Украине. Суждения печати, преимущественно русской и польской, об украинском вопросе.— Письма из российской Украины и из Галиции. Критические статьи и литературные обозрения. Библиография. Украинское искусство и др.»
[8] Михаил Израилевич *Свердлов* был гравером, резчиком печатей, жил и умер в Нижнем Новгороде.

283. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.III.28

Дорогой Алексей Максимович.

Большое спасибо за уведомление о «Шиповнике». Это вещь серьезная, ибо народ там коммерческий, да и Андреев, как ни шлепается в последнее время, человек с рынком. А главное, у них там есть уже хорошая организация, с которою конкурировать я из своего прекрасного далека не возьмусь: довольно с меня этого мучения, с работою за десятерых. Наведу справки в Питере и, если все это не разговоры (ведь «Шиповник» не первый год грозится), то от «Нового вестника» откажусь, а купца моего [1] буду склонять к некоторому книжному делу.

Если у Вас есть лишний экземпляр Вашей статьи «О современности» [2], пришлите, пожалуйста. Мне почта не дослала №, в котором было начало, так что я читал только конец. В нем множество справедливых мыслей, но, правду сказать, в «Русском слове» они звучат столь неожиданно, что впечатление борется с юмористическим желанием поглядеть: с какими глазами слушают Вашу проповедь в своей храмине Розанов, Колышко, Спиро и прочая компания? Ну-ну! [3]

Сейчас у нас дом переполнился Роменом Ролланом: все читают. Хорошо этот барин смыслит музыку и пишет о ней [4].

«Просвещение» на днях будут судить за «Зверя из бездны». Я третий день подбираю для них там оправдательные документы. Если Вас интересует, за что могут судить, когда непременно хотят судить, пробегите стр. 33, 65—66, 140, 154, 206—207, 317—318, 333—334 и 440—441. Это — инкриминируемые места текста. Уморушка! Предисловие также преследуется. Грустно мне будет, если том будет уничтожен, а похоже на то.

Зина [5], если есть наследство после родителя, совсем процветет, ибо и самостоятельно становится на ноги. Теперь получил место

на жел. дор. по 20 долларов в неделю. Это уже — можно жить с грехом пополам.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] По-видимому, речь идет о книгоиздателе Н. А. Столяре.

[2] Ст. Горького «О современности» была напечатана в газ. «Русское слово» (1912, № 51 и 52, 2/15 и 3/16 марта).

[3] Речь идет о литераторах, сотрудниках газ. «Русское слово».

Иосиф Иосифович *Колышко* (1862—1938) — писатель, драматург, журналист. В 1899—1904 гг. (под псевдонимом Серенький) печатался в органе кн. Мещерского «Гражданин»; затем (под псевдонимом Баян) печатался в «Биржевых ведомостях» и «Русском слове». Автор драмы «Большой человек» (СПб., 1909). После Октябрьской революции — эмигрант.

Сергей Петрович *Спиро* — журналист и драматург. До 1907 г. был редактором-издателем севастопольской газ. «Крымский вестник». Печатался в «Русском слове».

[4] Р. Роллану принадлежит ряд выдающихся исследований в области истории музыки: «Происхождение современного оперного театра», «Опера XVII в. в Италии, Германии, Англии». Исследования о творчестве композиторов Люлли, Глюка, Генделя, Берлиоза, Гуго Вольфа и др. Особенно много Роллан писал о Бетховене. Возможно, речь идет о кн.: *Роллан Ромен.* Жизнь Бетховена. СПб.: изд. М. Семенова, 1912.

[5] З. А. Пешков.

284. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.IV.23

Дорогой Алексей Максимович.

Загостились Вы на сей раз в Париже[1]. Пожалуй, с месяц пробыли или больше.

Спасибо за «Эдипа». У меня, к сожалению, нет Гофмансталевой[2] переделки по-немецки, так что я не знаю, много ли навинтила Татьяна Львовна[3] от себя, но это очень нехорошо и совсем не Софокл. Что с хорами сделано! Простота греческого текста раскрашена и расцвечена чисто семитическою витиеватостью, образ то и дело заменен рассудочным притчесловием, пусто звучащим афоризмом. А ремарки! Подумаешь, Сем Бенелли[4] их писал, а то и сам Гаврило Благовещенский...[5] Я все-таки рад, что Вы познакомили меня с этою переделкою, она мне важна, как показание эффектов, для третьего акта либретто.

Как хорош «Хаджи-Мурат»![6] В третий раз его подряд читаю — право, кажется, после «Капитанской дочки» да «Тамани» на русском языке так повестей и не писывали.

А вот Бунин Ваш — «Суходол»[7] его ешь! Сколько ему лет? 80? 120? Притворяется реалистом, а все врет, в корне врет. Нет, усиливался, но не приемлю.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] Горький уехал с Капри в Париж 28 марта, вернулся 20 апреля 1912 г.

[2] Гуго фон *Гофмансталь* (1874—1929) — австрийский писатель, драматург, поэт-символист, переводчик. Вольное переложение трагедии Софокла «Царь Эдип», сделанное Гофмансталем (1910), отличалось чертами, свойственными австрийскому символизму начала века, присущей творчеству Гофмансталя мистической эстетизированной интерпретацией тем любви и смерти, безграничной власти рока.

[3] Речь идет о поэтессе Татьяне Львовне *Щепкиной-Куперник* (1874—1952) и ее переводе на русский язык трагедии Софокла «Царь Эдип».

[4] *Сем Бенелли* (1874—1949) — известный итальянский драматург.

[5] Г. Д'Анунцио.

[6] Амфитеатров писал о повести «Хаджи-Мурат» в ст. «Не тот Толстой» (*Амфитеатров.* Т. 22).

[7] Горький высоко оценивал кн. Бунина «Суходол. Повести и рассказы 1911—1912 гг.» (М., 1912).

285. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 25 апреля 1912 г.)

Получил XIV, XV книги ваши, дорогой А. В., благодарю вас! [1]

В этих книжках все знакомо мне, но я еще раз прочитаю все — приятно читать вас; не думайте, что комплимент говорю.

А я весьма ушиблен — утром сегодня получена депеша из Флоренции: Митя Колпинский застрелился [2]. Здесь жила его жена и ребенок, сейчас отправил ее в Неаполь и далее, до Митьки — жалко его мне, такой честный был землячок. Недавно он жил на Капри, вместе с графом Бутурлиным [3], племянником поэта. По телеграмме — Митя еще жив, но — рана опасна; конечно — в область сердца: русский человек — целил в самое больное и чуткое свое.

Был недавно в Париже, видел множество народа и вынес тяжкое впечатление: ох, многие застрелятся!

А «Великая Россия» [4] собирается воевать и, кажется, даже Константинополь брать желает? Боюсь.

Здесь живет болгарский писатель Петко Тодоров [5] — очень интересный человек,— тоже тревожится.

По скорости к вам, пожалуй, свалится Илья Дмитриев Сургучев из Ставрополя Кавказского и Парижска; прошу — примите ласково! Славный парень, обещает быть хорошим писателем.

Очень хочется видеть вас, а сорваться с места — не могу. Будьте здоровы.

А. Пешков

Датируется по содержанию. Известие о самоубийстве Д. Д. Колпинского Горький получил 25 апреля 1912 г. См.: *Арх. Г.* Т. IX. С. 139—141.

[1] Речь идет о томах Собрания сочинений Амфитеатрова.

В т. 14 (СПб., 1912), озаглавленный «Славные мертвецы», вошли статьи о Чехове: I. Памяти Антона Павловича Чехова. Стихи (Вологда, 2 июля 1904). II. В посмертные дни (июль 1904). III. «Вишневый сад». IV. Цветы «Вишневого сада» (15 июля 1904). V. Мысли и памятки. Роман Чехова (Cavi di Lavagna, 1909, 6 июля). VI. О письмах Чехова (Cavi di Lavagna, 1909, 2 июля). VII. Оклеветанный Чехов (август—декабрь 1909). VIII. 17 января 1860 года (год рождения А. П. Чехова). IX. Еще о письмах Антона Чехова. X. Из записной книжки. XI. Загадочный документ (1911). XII. Ненужная победа, а также статьи: «Александр Иванович Чупров», «Алексей Александрович Остроумов», «Петр Филиппович Якубович», «М. Н. Альбов».

Т. 15. (СПб., 1912) — Мутные дни. I. Издали: Великий анекдот. Большовы и Подхалюзины. Нарочная жизнь. Веревка повешенного. Между гробом и колыбелью. О русских Государственных думах. «Все равно». Сергей Андреевич Муромцев. Ф. Н. Плевако. Гадина. «Конь бледный». «Морская болезнь» — Ответ читательнице. II. Письма о польском вопросе. III. Новый народ и его певцы: Андрей Белый. Родионовщина. Новая сила. IV. В. Г. Короленко.

[2] Дмитрий Дмитриевич *Колпинский* (1884—1912) — журналист, знакомый Горького по Нижнему Новгороду. Его жена — Анна Николаевна *Мирославская-Колпинская* (1886—1978) — писательница и переводчица. Ее воспоминания о встречах с Горьким хранятся в *АГ*.

[3] *Бутурлин* — племянник поэта Петра Дмитриевича *Бутурлина* (1859—1895).

[4] «Великая Россия» — название сб. статей по военным и общественным вопросам, редактором-издателем которого был В. П. Рябушинский (М., 1910, кн. I; М., 1912, кн. II). «Видели вы два тома „Великой России", изданные русскомыслящими? Это — пряник! С мышьячком испечен!» — писал Горький В. И. Ленину в феврале-марте 1912 (*Ленин и Горький*. С. 81).

В п. к Е. П. Пешковой от 20 апреля / 3 мая 1912 г. Горький писал: «Очевидно „мы" хотим воевать с Турцией, ибо заключили союз с Болгарией» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 141).

[5] В это время Горький писал Е. П. Пешковой: «Здесь все еще живет Петко Тодоров, это весьма талантливый человек и, несомненно, самый интересный писатель Болгарии, не считая Славейкова, мы много говорим о России, и мне ужасно неловко слышать его похвалы русской интеллигенции, русской литературе — не знает он, каковы они „вечные ценности", ныне. И вообще, хотя Россию он видит сквозь Тургенева, Толстого, Чехова,— для меня это тройное освещение — печально, а его — восхищает, и мы не понимаем друг друга» (Там же. С. 140).

В свою очередь, Тодоров в то же время писал о Горьком К. Кристеву: «Какой прекрасный человек! Как располагает к себе своим непринужденным обращением и добротой. *Впечатление поистине неожиданное и незабываемое* (...) Долго беседовал с ним преимущественно на литературные темы. *Читал Ботева, Вазова, Пенча* (Славейкова.— *Ред.*). *Величкова, Мих*⟨*алаки*⟩ *Георгиева. Говорил с любовью о нас, болгарах, и обо всем славянстве.* Показал, что резко против политики официальной России. Доброе человеческое сердце — настоящий социалист!» (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 268).

286. И. В. АМФИТЕАТРОВА — ГОРЬКОМУ

⟨Феццано. Начало мая 1912 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович,

пишу Вам, ибо супруг мой бедный лежит врастяжку и рычит на весь мир. Напугал он меня — ужас — подумала я, что снова схватил он воспаление легких, но оказалась лишь сильнейшая инфлюэнца, хотя это и не исключает нисколько неприятнейших возможностей. Вот уже четвертые сутки мается, все никак не удается сбить до конца температуру. На счастье пришли Ваши книжки[1], вот и читала ему вслух. Два рассказа понравились, вот как! и Александр Валентинович велит Вам надписью не кокетничать...[2] Потеряли Колпинского, что будешь делать, совсем в угол загнался, а как милого человека очень жаль.

Уж и как бы хорошо было, кабы Вы приехали хоть на пару деньков. Надо Вам повидаться с А. В. А. если бы Вы знали, как у меня теперь сад хорош. Роз — море.

Ну, вот пока всего лучшего.

Может, заглянете?

Душевно преданная

А. Амфитеатрова

Печатается по копии, находящейся в деле Департамента полиции (*ЦГАОР*, ф. ДП, оп. 265, ед. хр. 652, л. 4—5). Текст письма предоставлен Л. С. Пустильник Датируется по п. Горького Амфитеатровой от 12 или 13 мая 1912 г.

[1] Горький выслал Амфитеатрову кн.: *Горький Максим.* Случай из жизни Макара: Рождение человека. (Два рассказа). ⟨Берлин⟩: изд-во Ладыжникова, ⟨1912⟩; *Горький М.* Сказки. ⟨Берлин⟩: изд-во Ладыжникова, ⟨1911⟩.

[2] Речь идет о дарственных надписях Горького на посланных им книгах. См. публикацию Д. Нормана и В. Эджертона.

287. ГОРЬКИЙ — И. В. АМФИТЕАТРОВОЙ

⟨Капри. 12 или 13 мая 1912 г.⟩

См. публикацию В. Эджертона и Д. Нормана.

288. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.V.14

Дорогой Алексей Максимович.

Сегодня слез с одра, показал ему язык и сел к письменному столу... Слаб, как баба из Вашего чудесного рассказа[1], хотя и ничего не родил.

Сургучеву буду очень рад.

О Петке Тодорове много слышал и, обыкновенно, все в лестную сторону.

Жалко Митю Колпинского. А вон еще молодая жизнь гибнет прахом: Сережа Горелов при смерти.

Да, застрелится много. Но, по правде сказать, если бы из тех, кто не застрелится, перестрелять большинство, не было бы большого ущерба ни для них самих, ни для человечества.

Сегодня Г. А. принес какую-то прокламацию под названием «Цып-

лячья революция», которую... приписывают мне! Прочитал — и даже обиделся: неужели я пишу так скверно, что похоже на это?

Во время болезни, ища легкого чтения, впервые в жизни систематически читал друга моего Василия Иван. Немировича-Данченку.[2] Шесть томов! Возненавидел его, после 30-летней дружбы, к половине первого тома, и, что дальше, то пуще, а шестой читал уже с тихою яростью безнадежной обреченности. Теперь опять люблю, но дал себе честное слово больше его романов не читать: от них нельзя сойти с ума, но ничего не стоит ум потерять. Какой это сквозной ветер, дующий неизвестно откуда, неизвестно куда, неизвестно почему и неизвестно зачем.

До свидания. Всего Вам хорошего.

Ваш А. А.

Когда я болел, просил Илларию Владим., чтобы Вам написала. Получили ли?

[1] «Рождение человека».

[2] По-видимому, Амфитеатров читал Собрание сочинений Вас. И. Немировича-Данченко в шести томах, изданное П. П. Сойкиным. СПб., 1904 (вышло 5 томов).

289. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.V.19

〈...〉 Прочел вчера, что «Заветы» конфискованы, и по крутым статьям 73 и 129. Очень сожалею. Журнал такого направления положительно необходим сейчас[1], но боюсь, что будут его резать, резать и резать, ибо правительство совершенно ясно определило, какая ему оппозиция нужна и до каких пределов, учредило «либерализм терпимости», и все, что высовывает дальше «изгоевщено-милюковщины» когти свои, либо даже коготки, подлежит истреблению. И в самом деле — чего им? Устроились великолепно, со всеми конституционными моделями, чтобы люди глядели. Желаете либералов? Сколько угодно — казенной марки, вроде монополии виттевской: и «Речь», и «Русское слово», и «Русские ведомости», и «Вестник Европы»; желаете социал-демократии — пожалуйте, стриженная под гребенку,— «Современный мир» (ни одной цензурной кары!) [2]... труднее с народничеством — ну все-таки, хоть на положении enfant terrible и с постоянными штрафами, терпится академия н〈ародных〉 с〈оциалистов〉 «Русское богатство»...[3] Новому же дышать вряд ли дадут. «Заветов» я не видал, но рекламу им, сосредоточенную на романе Ропшина, читал и, если роман имеет действительно то содержание, которое изложено в рекламе, то, признаюсь, появление его в органе террористов несколько загадочно.

Анкет мне тоже наслали. Я не отвечал ни на одну, потому что очень еще дрянно себя чувствую, хотя лихорадка прошла совершенно.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Знаете ли Вы сборник «Архангельских былин и истор〈ических〉 песен» А. Д. Григорьева с напевами, записанными посредством фонографа?[4] Замечательнейшая вещь, и сколько нового!

Какую пошлую ерунду написал Л. Войтоловский о шлиссельбуржцах[5]. Герм. Ал. в большом и справедливом негодовании.

Письмо публикуется с сокращениями.

[1] Первая (апрельская) книжка нового журн. «Заветы» была конфискована сразу же по выходе журнала в свет. 3/16 мая А. А. Блок записал в дневнике: «Пришел первый номер „Заветов“ (уже конфискован)...» (*Блок Александр.* Собр. соч. М., 1963. Т. 7. С. 142). О журн. «Заветы» см.: Г—Ив-Р.

Амфитеатров приветствовал выход журн. «Заветы», «нового, твердо направленного народнического органа», линия которого «символически обозначена в начале книжки портретами Герцена и Михайловского» (Утро России. 1912. № 135 16/29 мая).

[2] О журн. «Современный мир» см.: Г—СМ.

[3] После революции 1905—1907 гг. «Русское богатство» стало органом «народных социалистов», группы, занявшей промежуточное положение между эсерами и кадетами (А. В. Пешехонов, В. Я. Мякотин, Н. Ф. Анненский и др.). Они объявили себя противниками подпольной революционной деятельности и террора, защищали мирную тактику и широкое использование «парламентских» возможностей.

[4] Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., с напевами, записанными посредством фонографа. Т. 1. М., 1904; т. 3. СПб., изд. имп. Акад. наук, 1910; т. 2 вышел в Праге, в 1939 г.

[5] Речь идет о ст. Л. Войтоловского «Случайные заметки. (Шлиссельбуржское последствие)» (Киевская мысль. 1912. № 121, 2/15 мая).

290. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Между 20 и 27 мая 1912 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Сейчас прочитал — в корректуре — повесть Шолом Аша «Мэри»[1], очень грустно стало: повесть интересна по сюжету, хорошо начата и — вдребезги испорчена портретами Волынского, Чирикова, Ходотова, Дымова и др. портретами, которые написаны и грубо, и зло.

Знаете — это какая-то «новая полоса»[2]: Дымов только что выпустил роман, где изобразил Мережковского, Сологуба, раскрасил меня[3], недавно я прочитал рукопись, рисующую Арцыбашева, какую-то актрису, названную его женою, и, очевидно, Башкина. Роман Ропшина тоже «портретен»[4], да и «На весах жизни» Винниченка едва ли не грешит этим же.

Ропшин и Винниченко дадут очень солидный материал гасителям духа и тем, кто любит плясать на могилах.

Я поставил «Заветам» условие, чтоб они меня не печатали в одной книге с Ропшиным, дали бы мне время отойти в сторону, а они — пожалуйте! В конце концов печататься негде, а я принужден работать в журналах.

Если попадет вам в руки книжка «Заветов» — обратите внимание на повесть Вольного[5]: вот как деревня пишет о себе самой! Вот у кого надо бы поучиться писать Муйжелю[6], именующему себя «единственным бытописателем современной деревни».

Андреев сочиняет «Вечного жида»[7] — эх, зря!

Дживелегов зачинает исторический журнал[8], нашел 100 т<ысяч>. Зачэм исторический? Ны надо, надо просто хороший журнал.

Говорят, что я подал прошение на Высочайшее о помиловании и — ругаются, ругаются чернилами. А я еще не подавал, мне — некогда, я сижу и сочиняю длинную поэму, коя начинается так:

«Если б я, положим, удавился,—
То-то бы читатель удивился!» и т. д.

Вам, М. Г., следует написать исторический роман — это факт! Из эпохи «смуты».

Брок<гауз> — Эфрон весьма своевременно начали издавать «Библиотеку народоведения», вышла книжка Роде о Китае, очень интересная, и книжка о Персии[9] — еще не читал. Дорого издают!

Будьте здоровы и передайте мои поклоны Г. А. и И. В., письмо ее мною получено, и своевременно — я ей отвечал.

Сюда являются в обилии русские люди. Очень скучные люди, можете быть уверены в этом. Навозный народ, ибо их навозит сюда пароход и безделье. Как неудачно скаламбурил, ай!

Ну, всего хорошего!

Приехал Сургучев[10] и ходит по пианино. Гром!

Кто издал книжку Григорьева и где?

А видели вы «Уединенное» Розанова?[11] Это — шоколад!

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 19 и 28 мая 1912 г.

[1] Роман Шолом Аша «Мэри» печатался в изд-ве Ладыжникова.

[2] В п. Андрееву от 2—5 июня 1912 г. Горький отмечал: «Началась в литературе русской какая-то новая — странная — портретная полоса...», ссылаясь на произведения тех же авторов (*ЛН*. Т. 72. С. 345).

[3] О. Дымов «Томление духа».

[4] Ропшин (Б. Савинков) «То, чего не было».

[5] «Повесть о днях моей жизни, радостях моих и злоключениях» И. Вольнова (Заветы. 1912. № 1).

[6] Виктор Васильевич *Муйжель* (1880—1924) — писатель либерально-народнического направления. Основные произведения Муйжеля, посвященные описанию тяжелой жизни дореволюционной русской деревни, отличались крайне мрачным, безысходным характером («Мужичья смерть», «Аренда», «Бабья жизнь». «Старушечья земля», «Грех», «Дача», «Нищий», роман «Год» и др.). Это чрезмерное сгущение черных красок в творчестве Мужейля и многих других литераторов того времени, писавших о «мужике», вызывало отрицательное отношение Горького. Он писал 15 мая 1908 г. Пятницкому: «Муйжель с каждым рассказом становится все многословней и скучней. Его художественная сила — невелика, идейное ее содержание — реакционно. Он романтик, пессимист; он объят „мистическим" ужасом пред мужиком и деревней ⟨...⟩ „Грех" Муйжеля — вещь, плохо выдуманная и к тому же еще испорчена „философией" Мережковского. „Нищий" — антидемократичен, как и „Дача" — как и все» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 250).

[7] По-видимому, речь идет об «Агасфере», пьесе Андреева, задуманной, но не реализованной. План этой пьесы хранится в *ЦГАЛИ*. См.: *ЛН*. Т. 72. С. 344—345.

[8] Возможно, речь идет о журн. «Голос минувшего». Выходил с 1913 г. Живелегов был одним из его редакторов.

[9] Имеются в виду книги серии «Современное человечество. Библиотека обществознания», вышедшие в изд. Брокгауза и Эфрона: Жан Род «Современный Китай» (пер. с франц. М. А. Брагинского и В. Берар), «Персия и персидская смута» (пер. с франц. А. Павловича). Обе книги с пометами Горького хранятся в *ЛБГ* (*Описание*).

[10] Сургучев приехал на Капри в конце мая 1912 г. Уехал 4 июня 1912 г. (*АГ*).

[11] В. Розанов «Уединенное (почти на правах рукописи)» (СПб., изд. Суворина, 1912). Горький писал Розанову около 10/23 апреля 1912 г.: «...нашел на столе „Уединенное" — схватил, прочитал раз и два, насытила меня Ваша книга, Василий Васильевич, глубочайшей тоскою и болью за русского человека, и расплакался я ⟨...⟩ Представляю, как не понравится, как озлит эта книга всех,— и радуюсь, ибо все, что не нравится людям, должно быть побеждено ими, и — будет побеждено. Будет побеждено и рабство пред богом Ваше, Достоевского, Толстого, Соловьева; ведь или мы победим это, или — погибнем, „яко обри"» (Контекст. 1978. М., 1978. С. 306). См. пометы Горького на этой книге (Там же. С. 310—311).

О Розанове Горький писал Е. П. Пешковой: «Удивительно талантлив, смел, прекрасно мыслит и — при всем этом — фигура, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, более трагическая, чем сам Достоевский. Уж конечно, более изломанная и жалкая. Часто — противен, иногда даже глуп, а в конце концов — самый интересный человек русской современности» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 124—125).

291. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.V.28

Дорогой Алексей Максимович.

А я все кисну что-то и боюсь, чтобы кисель не обратился в хронический.

«Заветы» [1] видел. Лучшая, т. е. интереснейшая по правде вещь там, из беллетристики, не считая Вашего «Человека родившегося» [2], который мне очень нравится, несмотря на Вашу воркотню, конечно, Ивана Вольного [3]. Это отнюдь не художество, но нечто чрезвычайно нужное и большое. «Решетникова [4] тень его усыновила». Ювелир Ваш излюбленный, вышиватель петухов на полотенцах И. А. Бунин [5] рядом оказывается ма-а-аленький, глу-у-упенький, сла-а-бенький... А куда же И. Вольному до его письма: то скрипит немазаная ось, а то — музыка...

По печальному опыту «Совр.» скажу: слишком много Чернова [6]. Я-то люблю его читать, ну а публика не весьма. Журнал же издается не для литераторов, а для публики.

Говорить о Ропшине так надоело за последние дни, что и Вам ничего не напишу. Смотрят с того света Лесков... да что Лесков! даже Крестовский, Клюшников и Житель [7] и говорят:

— Какой бы шум Вы подняли, друзья, когда бы это сделал я!

Как ведется беллетр. отдел, составить понятие себе нельзя, ибо он состоит из имен, а имена суть деньги, и, раз деньги заплачены, то имена сами отвечают за себя. Все же, что от Миролюбова зависело, конечно, скверно. Наводнение дрянных стихов, плохая правка И. Вольного [8] и нелепая доза в 18 страничек Ропшина, которого надо было или совсем не печатать, или уж печатать ответственным, вызывающим куском,— все это совершенно в духе Виктора Сергеевича. И кто это им так скверно перевел Герценову статью?! [9]

А книжка все-таки *мне* нравится, я желаю журналу полного успеха и рекомендовал его своим читателям. Боюсь только, что задушит его цензура, да и участники расплюются...

Что — между нами — к удивлению моему — очень плохо и скучно: Коцюбинский... [10]

Григорьев издан Академией наук. Чудесная у него записана песня (не частушка), как мужики филина ловили.

Буду рад, если Сургучев приедет. А «Губернатор» его — ему, конечно, не говорите — мне совсем не нравится. Длинно, длинно, скучно, скучно, ненужно, ненужно... Андреевский куда был лучше [11]. А тут — знаете — с Толстым последней манеры, и в оригинале-то, мириться дело на охотника, а уж когда еще ученическое аппликe...

Удивляетесь, что стали беллетристы писать друг про друга портретные вещи. А что же они могут еще писать? Публика от ерундистики и ученических тетрадок откачнулась, говорит: пиши правду, что́ было, что́ есть. А какую же они правду видели и знают? Кабак «Вену», мордобой у Ходотова, кошкожёг у Гоги Попова [12] да редакционные интриги и взаимообщение пишущей братии. Ну, значит, и будут пасквилить друг друга, потому что ничего иного они, за десять лет, не наблюдали и знать не хотели.

Ох, написал бы я исторический роман, да уж слишком много между им и мною обязательств, подлежащих исполнению... Думаете, радостно на старости лет газетными мелочами время свое пожирать? А что будешь делать? Вон, старший сын жениться хочет...

Три дня в расстройстве чувств из-за бурцевского безумия [13]. Что только это чучело делает! Хоть бы в Свод законов заглянул, прежде чем печатать дикие свои обязательства... Революцию делает, а не знает того, что в России инициатива политического обвинения частным лицам не принадлежит, и не то что всех прохвостов министерских, а даже самого себя посадить на скамью подсудимых он не в состоянии, ибо на русской почве им никаких преступлений не совершено, а заграничное правительство «благородно» игнорирует. Возьмут этого бедного Бурчика на границе жандармы, продержат его года полтора на подследственном положении в одиночке, а там отправят без всякого суда, в административном порядке, сходить с ума или помирать в Верхоянск какой-нибудь... Ведь не молоденький он! Шестой десяток на половине! А оттуда бегают только те, кто царю не насолил и ему не нужен. Как «Бабушку»-то стерегут!.. [14] И как подумаешь, что все это — результат провокации, довинтившей Бурцева до того, что он осатанел и полез на стену,— право, бить морды хочется, при всем моем скептическом духе и нраве... Бурцев, по самонадеянности своей, непрактичности и малости литературного таланта, наделал много ошибок таких, что его высечь — в самую пору. Но то, что с ним делают сейчас, в наивности своей, Делевский и К°,— для меня совершенно несомненно, ворочаемые, сами того не подозревая, какими-то преловкими, антиреволюционными и, всего вероятнее, прямо-та-

ки полицейскими руками,— прямое преступление против революции. И если они его отдадут своими разжиганиями в руки Николая II, будет это таким черным пятном на деле русской свободы, от которого эмиграция не отмоется... И Герм. Ал., и я написали Бурцеву весьма решительные — а он даже и резкое — письма против его намерения. Если бы Вы написали ему, было бы очень хорошо, потому что он чувствует к Вам великий респект и Ваше слово было бы для него очень важно.

До свидания. Всего Вам хорошего.

Ваш А. А.

Лара и Герм. Ал. шлют привет.

[1] Речь идет о 1-м (апрельском) номере журн. «Заветы» (СПб., 1912).

[2] Рассказ «Рождение человека. (Из воспоминаний проходящего)».

[3] Ив. Вольнов «Повесть о днях моей жизни, радостях моих и злоключениях. Детство».

[4] Федор Михайлович *Решетников* (1841—1871) — писатель, принадлежавший к лагерю демократической литературы 60-х годов.

[5] Ив. Бунин «Веселый двор» (Заветы. 1912. № 1). В противоположность Горькому Амфитеатров в те годы относился к творчеству Бунина резко отрицательно. См. его оценку «Деревни» в ст. «Литературные впечатления» (Современник. 1911. Кн. 2).

[6] В № 1 «Заветов» помещены ст. Чернова «Не вовремя родившийся» и — под псевдонимом Я. Вечев — «Дела и дни: „Умеренные“ и „крайние“».

[7] Речь идет о русских писателях, представителях так называемой антинигилистической беллетристики.

В. В. Крестовский приобрел известность романами «Петербургские трущобы» (с изображением «столичного дна»), «антинигилистической» дилогией «Кровавый пуф» («Панургово стадо», 1869, и «Две силы», 1874) и др. Виктор Петрович *Клюшников* (1841—1892) — романами «Марево» (1864), «Большие корабли» (1866—1874), «Цыгане» (1869), «Не Марево» (1871) и др. «Житель петербургской стороны» — один из псевдонимов Александра Александровича *Дьякова* (1845—1895) — беллетриста-фельетониста, автора произведений, направленных против революционеров 1870-х годов, романа «Кружковщина, наши лучшие люди — гордость нации» (Одесса, 1879) и др.

[8] Сохранилось свидетельство самого И. Вольнова о помощи, которую оказывал ему Миролюбов. В автобиографии он писал: «После Горького много, премного сделал для меня В. С. Миролюбов. Горький слишком мягко относился ко мне, часто во вред мне. Теперь я так думаю об этом. Тогда, быть может, это так и было нужно. Миролюбов был суров. Учась писать, я был между ласковой матерью — Горьким и суровым, но справедливым наставником — Миролюбовым» (*Клейнборт Л. М.* Очерки народной литературы (1880—1923 гг.). Л., 1924. С. 149). См. также публикацию К. Д. Муратовой «И. Вольнов. Письма В. С. Миролюбову» (Русская литература. 1974. № 1. С. 179—183).

[9] В кн. 1 «Заветов» впервые на русском языке печаталась ст. Герцена «Пролегомены», которая была помещена на французском языке в первом номере «Колокола». В примечании от редакции говорилось: «К сожалению, приходится довольствоваться переводом, который бессилен передать всю яркую оригинальность и красочность собственного языка Герцена» (разд. II, с. 26). Имя переводчика не было указано.

[10] Повесть «Тени забытых предков».

[11] Горький способствовал напечатанию романа Сургучева «Губернатор» в XXXV *сб.* «*Знания*» за 1912 г. Упоминается также повесть Л. Андреева «Губернатор». Впервые напечатана в журн. «Правда» (1906, кн. 3).

[12] Речь идет о скандальных историях в среде писателей.

[13] В газ. «Будущее» (1912, № 32) Бурцев объявил о своем решении ехать в Россию с целью предстать перед царским судом и таким образом получить трибуну для разоблачения преступной деятельности царского правительства. В «Письме товарищам» (Там же, № 33), отвечая на письма и советы друзей, возражающих против его решения ехать в Россию, Бурцев писал: «...когда мой голос может быть услышан в России — я должен сделать все от меня зависящее, для того чтобы выступать с протестом против неслыханных в истории издевательств, какие наши власть имущие творят над нашей родиной». Бурцев уехал в Россию в 1914 г. В 1915 г. был арестован, осужден и сослан в Туруханский край. Вернулся из ссылки после Февральской революции 1917 г.

[14] Речь идет об эсеровской политической деятельнице Екатерине Константиновне *Брешко-Брешковской* (1844—1934), прозванной «бабушкой русской революции». Провела в тюрьмах, на каторге и в ссылке 22 года. В конце 1913 г. сделала попытку бежать из ссылки, но была арестована, заключена в тюрьму под строгий надзор охраны (Будущее. 1914. № 48. 4 янв.).

292. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Конец мая — начало июня 1912 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Бурцеву я написал злое письмо, тотчас же как получил от него известие об этой нелепице [1], придуманной им. Удивительный человек! Неужели это его ушибли брошюрки Акимова и Бакая?[2] Кстати — читали вы их? Литература любопытная, и ее «еще много будет», как объявил Меньщиков американский [3].

Передал Вольному ваш отзыв о его повести; ему это и нужно, и приятно знать. Славный парень, любит работать, любит учиться.

А Сургучеву — конечно, ничего не сказал. Я не согласен с вашим суждением о «Губернаторе» — вещь, право, недурная. Ее читают. Немножко «гуманизма» — не повредит ничему.

Он — порядочный увалень, и хотя изучал китайский язык, но это сошло с него, как пудра со щеки дамы. Имеет склонность к утолщению живота и скоро «взыде плешь на главу его за беззакония его», как сказано Иисусом, сыном Сираховым [4], которого Скиталец перекрестил в «премудрого Сираха».

Превосходную повесть написал Алексей Золотарев [5] — очень эта повесть хороша в сопоставлении с Винниченком и Рошиным!

Ежели чего напишете о «Заветах» — пришлите прочитать.

И будьте же здоровы. Хворать неприятно и непохвально, я это очень знаю. Кланяюсь.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 28 мая 1912 г.

[1] Горький писал Бурцеву после 28 мая 1912 г.: «Я плохо понимаю цель Вашей поездки в Россию. Она мне кажется средством героическим, но несколько напоминает самоубийство. Вы думаете добиться суда над Вами? Боюсь, что этого Вы не добьетесь. Тюрьмы — да, суда — нет. Они сделают такую мину, как будто производят следствие по вашим обвинениям, и — заморят вас. А черносотенная и „лояльная“ пресса воспользуется брошюрами Акимова и Бакая, чтобы подмазать Вам репутацию. Это все — чего, на мой взгляд, вы добьетесь...» (*АГ*).

[2] М. Бакай в своей брошюре «О разоблачителях и разоблачительстве. Письмо В. Бурцеву» (Нью-Йорк, 1912) выступил против Бурцева, приписывающего себе исключительную заслугу разоблачения провокаторов, в том числе Азефа и Жученко. Бакай писал о своей роли в раскрытии Азефа и резко критиковал методы деятельности Бурцева. До выхода брошюры Бакай выступил с критикой Бурцева в «Парижском вестнике». Бурцев полемизировал с ним в ст. «Бакай и Меньщиков» (Будущее. 1912. № 27. 21 апр.).

Весной 1912 г. в Нью-Йорке вышла брошюра Акимова «Не могу молчать», последняя — четвертая — глава брошюры называлась «Я требую суда над Бурцевым».

[3] Речь идет о «вступительной заметке» Леонида Петровича *Меньщикова* (1869—1932) к брошюре Бакая. Меньщиков, чиновник особого отдела Департамента полиции, в 1909 г. уехал за границу, где выступил с разоблачением царского правительства. Горький интересовался Меньщиковым. 30 сентября / 13 октября 1910 г. он просил Е. П. Пешкову узнать у Бурцева: «...могу ли я познакомиться и повидаться с Меньщиковым? Мне это очень важно в литературных целях, более чем важно — необходимо!» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 97). 12/25 октября он снова писал Е. П. Пешковой: «Относительно Мень⟨щикова⟩ — не беспокойся, это дело взял на себя Гер⟨ман⟩ Ал⟨ександрович⟩. Думаю, что мне удастся узнать много интересного и важного для меня» (Там же. С. 99).

25 апреля 1926 г. он просил Е. П. Пешкову: «Немедля пришли мне: Л. Меньщиков. Охрана и революция. Изд. жур. „Каторга и ссылка“», и в письме от 14 июля 1927 г.: «Очень важно! Если вышел в т о р о й том книги М е н ь щ и к о в а „Охрана и революция“ издание журнала „Каторга и ссылка“ — пожалуйста, немедленно пришлите мне! Очень нуждаюсь» (Там же. С. 253, 269). Кн. Л. Меньщикова с пометами Горького хранится в *ЛБГ* (*Описание*). Амфитеатров писал о Меньщикове в ст. «Курьезное возражение». В ст. «Дядя Враль» Амфитеатров замечал: Бурцев «в последнее время сделал — право — чем-то вроде ярмарочной „Головы турка“, по которой без устали колотят разные Регулы из охранки и Аристиды из раскаявшихся сыщиков. Г. г. Меньщиков, Бакай, Еваленко бесконечно упражняют на г. Бурцева

А. А. ЗОЛОТАРЕВ

Шарж В. Д. Фалилеева (бумага, акварель). Капри, август, до 27 1912 г. Слева надпись: «В. Ф. 1912. Capri Piccola Marina»

Музей Горького, Москва

свою обличительную энергию. Дескать, и я его лягнул. Пускай охранное копыто знает» («На всякий звук», с. 146—147).

[4] Иисус сын Сирахов — древнееврейский проповедник, библейский персонаж.

[5] Речь идет о повести Золотарева «На чужой стороне» (XXXV *сб.* «*Знания*», 1912).

293. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.VI.13

Дорогой Алексей Максимович.

Занят я, как дьявол, и даже, может быть, несколько более. А жизнь слагается так, что хоть фабрику фальшивой монеты учреждай. И, кажется, открыл бы, если бы был технически способен...

Нет, Сургучева восьми читателям давал читать — не одобряют: Один выразился:

— Хорошо над покойниками вместо псалтыря.

Был Василий Неумирович. Ах, чёрт его возьми, этого человека, родившегося в 1840 году! Не только мне, но даже Вам сорок очков вперед даст и с кия обыграет...[1] Курьезищи рассказывал про «Русское слово», Сытина и пр.

Жду Ляцкого. Зачем-то едет с делами. У них большая заминка с неисполнением обещанной программы, кою публика требует.

Читали Вы беляевские пьесы? Белиберда в конце концов. А приносит ему великие тысячи[2].

А Ончукова «Печерские былины» знаете? Вот томище-то![3]

Не посылаю Вам «Паутину», потому что скоро выйдет 2-й том, а мне не хочется, чтобы Вы в розницу читали, ибо это и вместе нехорошо, а враздробь совсем плохо[4].

До свидания. Всего Вам хорошего.

Ваш А. А.

Если Вы участвовать можете в сборниках, «Знания» кроме, то не дадите ли какую-либо штуку в новое предприятие такого рода, в коем примут участие Шолом-Алейхем, Куприн, Серошевский и я? Название еще не решено[5]. Выход первого сборника около 1 сентября, 2-го — около 1 ноября. В первом — повесть Шолом-Алейхема, моя и, если дадите, Ваша или Куприна. Гонорарий от 400 до 500 с листа.

[1] Вас. И. Немирович-Данченко родился в 1844 г.

[2] Возможно, имеются в виду следующие издания пьес Ю. Беляева: «Путаница, или 1840 год. Святочная шутка в 1 д. с прологом», «Театральный день», «Псиша» (СПб., изд. журн. «Театр и искусство», б. г.).

[3] Н. Е. Ончуков «Печорские былины» (СПб., 1904). Книга с пометами Горького хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

[4] Александр Амфитеатров «Паутина». Роман в 3-х частях (СПб., изд-во «Прометей», 1912—1913).

[5] Издание не состоялось. См. ниже.

294. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Вторая половина июня 1912 г.)

Извините, А. В., дорогой, что задержал ответ: публицистика заела[1], что поделаешь? Видно, не положено российскому писателю миновать сию трудную стезю.

В сборниках ваших — участвую. Дам пол-листа, лист.

5-й книжкой «Совр.» изумлен: «какая смесь одежд и лиц»[2].

Собирается сюда Куприн[3].

«Паутину» все же надо бы мне знать!

Нашел интересного писателя — зырянин![4] Ах, хорош!

Хороши стихи сибиряка Вяткина. 3-е издание[5].

Вообще — сибиряки, как «ферраши,— чрезвычайно хороши».

До свидания, ибо уверен, что все-таки увижу вас ранее, чем издохну от истощения сил, немецких визитов, дурной погоды, русского нытья, чтения газет и прочих ядовитых опасностей, кои сокращают жизнь мою с быстротой ужасной.

Хочу быть лысым и говорить басом. Обрил голову — т. е. волосы с головы — бритвой, а все не спится, хотя обливаю башку водой.

Будьте здоровы! Будьте!

Не примите сие восклицание за угрозу.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 13 июня 1912 г.

[1] В это время Горький работал над циклом «Издалека», ст. «О русской интеллигенции и национальных вопросах» (Ответ на анкету газ. «Украинская жизнь»), «В пространство...» и др.

[2] Строка из поэмы Пушкина «Братья-разбойники».

В кн. 5 «Современника» за 1912 г. напечатаны: I. «Дьякон и смерть». Рассказ С. Гусева-Оренбургского. II. «Сон». Рассказ М. Кодюбинского. III. Стихотворения Бориса Садовского. IV. «Стефания». Роман (продолжение) Поля Адана. V. «Блуждающие звезды». Роман (продолжение) Шолом-Алейхема. VI. «Один из них». Рассказ С. Савинковой. VII. «Стихотворение» Юлиана Анисимова. VIII. «На перепутье к новой жизни. Этюд из биографии Н. Г. Чернышевского». Евг. Ляцкого. IX. «У Л. Н. Толстого в голодный 1892 г.» В. Величкиной. X. «Египет» Андрея Белого. XI. «Новый турецкий парламент» Горцева. XII. «Великие железнодорожные и морские пути будущего» М. Павловича. XIII. «Борьба гигантов» Г. Цыперовича. XIV. «Во что же верить? (наброски и мысли)» Е. Кусковой. XV. «Болезнь и последние минуты жизни И. С. Никитина (по неизданным материалам)» А. Фомина. XVI. «Настоящий» (Сочинения Алексея Ремизова) Бориса Садовского. XVII. «Комедия Тургенева на сцене Художественного театра» Любови Гуревич. XVIII. «Электронная теория» Н. Лазаркевича. XIX. «Суд и правосудие в России» В. Водовозова. XX. Новые книги. XXI. «Памяти Августа Стринберга» Александра Блока. XXII. Книги, поступившие в редакцию. Экземпляр журнала хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

[3] 2/15—6/19 июля Горький получил письмо от Куприна, писавшего, что он не смог попасть на Капри из-за забастовки моряков, сожалел, что не удалось встретиться с Горьким. Позднее (июль, не ранее 11/24) Куприн опять писал Горькому, что не может приехать, на этот раз «из-за отсутствия денег».

Н. Е. ОНЧУКОВЪ.

ПЕЧОРСКІЯ БЫЛИНЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Н. Соколова и В. Пасторъ, Фонтанка 58.
1904.

29.

Пародія.

Не у вора у Васьки у Захарова,
Не упито было, не уѣдено,
Не баско-хорошо было не изношено.
На царевъ кабакъ да было сношено.
Походитъ Василька на царевъ кабакъ,
Поноситъ шапоцьку пуховъ калпакъ,
Большими-те тюнеми онъ принахлапываетъ,
Слѣпыми-те глазами онъ да приоспилькиваетъ;
Приходитъ Василька да на царевъ кабакъ,
Отдаваетъ шапоцьку пуховъ калпакъ,
Проситъ за шапоцьку петьсотъ рублей,
А даваютъ ему петь копеечекъ.

ОБЛОЖКА И СТРАНИЦА КНИГИ: Н. Е. ОНЧУКОВ. ПЕЧОРСКИЕ БЫЛИНЫ
СПб., 1904
Личная библиотека Горького, Музей Горького, Москва

[4] Калистрат Фалалеевич *Жаков* (1865—1926) — писатель, ученый. Горький писал Л. Андрееву 2—5 июня 1912 г.: «...в России есть интересный писатель Жаков, зырянин. Любопытнейшая фигура» (*ЛН*. Т. 72. С. 356, 347). В *ЛБГ* хранится кн. К. Ф. Жакова «Сквозь строй жизни» (СПб., 1912, ч. 2) с дарственной надписью: «Дорогому писателю — Гараморт» (*Описание*).

[5] Георгий Андреевич *Вяткин* (1885—1938) — писатель. Об отношениях Горького и Вяткина см. переписку писателей в сб. «Горький и Сибирь» («Новосибирское книжное изд-во», 1961). Речь идет о кн.: *Вяткин Г.* Под северным солнцем. 3-е изд. Томск, 1912.

295. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.VII.11

Дорогой Алексей Максимович.

Пишу Вам не то чтобы встав, но приподнявшись с одра, на коем простерт уже 16 дней, обработанный весьма тяжелою и мучительною болезнью. Заболел же 24/11 июня, в Иванов день. Говорят, будто отравился испорченным мясом, но, сколько я ни вспоминаю, не могу вспомнить, когда это могло быть. Более тяжело и, может быть, опасно болен бывал (тиф, воспаление в легких), но более болезненно никогда и не желал бы никому даже умирать в такой жестокости страданий, которые вдобавок приходилось терпеть в полном разуме, так как температура невысокая и сознание налицо. Две ровно недели я ничего не ел и не пил. Случилось все это — как водится — во время глухое, совершенно безденежное, и т. д., и т. д. Да еще была у меня большая домашняя неприятность. Тяжким что-то складывается для меня 1912 год — 50-й год моей жизни. Какое ничтожество больной человек!

Писал ли Вам Шолом-Алейхем насчет сборников? Он это дело мастерит.

До свидания. Не могу больше писать, устал. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Знаете Ончукова «Печорские былины»? Достопримечательна в них былина-пародия о Ваське Буслаеве [1].

[1] См. следующее письмо, прим. 2.

296. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Аляссио. 17 или 18 июля 1912 г.)

Милый Александр Валентинович —

сделайте мудрое дело!

Возьмите в Специи паровую лодку, влезьте в нее и скажите, чтоб вас отвезли в Аляссио. Здесь, как вам известно, превосходный песчаный пляж, веет прохладный ветерок, никто не стучит молотками по железу, из пушек не стреляют, вода в море чистая, и множество всяких иных прелестей.

Будете вы лежать на песке, а я буду читать вам разные рассказы: заведем мы с вами длинные разговоры о скучных русских делах, и все болезни наши от этого сбегут прочь. Ибо никакая болезнь не может выдержать разговора о российских делах.

Кроме шуток, дорогой мой! Двигайтесь сюда и отдохните здесь.

Я живу здесь четвертые сутки [1], письмо ваше переслано мне с Капри вчера вечером. Ехал я на пароходе из Неаполя, и было так жарко, что пароход рассохся и потек. Еще более жарко было в Генуе — там жители собак своих поливали водою из леек — впрочем, может быть, они делали это не от жары, а для ускорения собачьего роста: что город, то норов.

О книге Ончукова вы пишете мне второй раз [2], но, когда я спросил: кем и где издана эта книга,— не ответили.

И я прошу вас: положите книгу эту в чемодан себе, когда поедете сюда, будьбе добры, сделайте это!

Я очень серьезно говорю о том, что вам надобно ехать в Аляссио, здесь вы хорошо отдохнете. В болезни ваши — не верю, а что вы устали отчаянно — знаю. И очень прошу — приезжайте!

Только — обязательно морем, а не под землей: от Генуи до Аляссио 62 тоннеля, и все время поезд едет во тьме и в дыму — это так действует на нервы, что никакого терпенья нет!

Поклон Илларии Владимировне и всему дому! Я полагаю — даже уверен, что Иллария Владимировна тоже приедет.

Крепко жму руку

А. Пешков

Датируется по времени приезда Горького в Аляссио и по фразе: «Я живу здесь четвертые сутки».

[1] 13 или 14 июля 1912 г. Горький приехал отдыхать в Аляссио, где жили Е. П. Пешкова и сын Максим.

[2] Вскоре Горький выписал кн. Н. Е. Ончукова «Печорские былины» и А. Д. Григорьева «Онежские былины и сказки», «Архангельские былины и исторические песни», т. I (М., 1904) и т. III (СПб., 1910) (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 287).

297. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.VII.21

Дорогой Алексей Максимович.

Спасибо за зов. Поплыл бы к Вам, как рыба, но — какие уж моторные лодки человеку, который перенес свое существование в ватер-клозет...

Если пробудете в Alassio большой кусок времени, то — недели через две — надеюсь ожить настолько, чтобы годиться для передвижения, а приеду к Вам всенепременно, потому что жажда видеть Вас и говорить с Вами у меня великая, и ради этого удовольствия я готов даже спокойно перенести искус, которым Вы мне угрожаете: смирно буду слушать рассказы начинающих и упроченных авторов, что, в большом количестве, вещь нестерпимая, подобно канчукам...

Мне все еще скверно. Потерял 15 килограммов и стал похож на молодые свои портреты. Сил никаких, а громадный пропуск рабочего времени, и соответственное тому безденежье, торопит к письменному столу.

Стол напоминает о Столяре, издателе сборника, в который я Вас звал. Он великолепнейше надул меня с высылкою аванса, и я сейчас только писал Шолому-Алейхему, что от участия в сборнике отказываюсь, ибо дело кажется мне сомнительным, а Столяр безденежным гешефтмахером, который норовит задешево обставить дорого стоящих авторов.

Если приеду, привезу Вам повесть под титулом «Кусок телятины». Можете себе представить, до какой степени истощился я за болезнь свою, если на подобные темы повесть пишу.

Кончаю «Паутину». А еще буду писать «Дочь Виктории Павловны» [1]. А еще — «Разбитую армию» [2]. Последние две будут весьма антиропшинские, антивинниченковские.

Вот Вам несколько эпиграмм, сочиненных от скуки в болезни моей.

I

Мчится век,— сказать, не сглазив,—
Не щадя колес и шин:
В революции был Азеф,
В беллетристике — Ропшин.

II

ЭПИТАФИЯ НАРОДНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВУ

1906—1912

Их было три сестры —
Три Дуни [3].
Осталось три дыры...
Прохожий! плюнь и дуни!

III

На собачонку влезла собачонка...
Пиши роман, писатель Винничёнко!

Ошибаетесь. Об Ончукове я Вам пишу первый раз, а раньше писал Вам о Григорьеве, и о Григорьеве Вы меня запрашивали, где он издан, я же отвечал, что Академией наук. Об Ончукове же имею честь доложить, что издан он Имп⟨ераторским⟩ географическим обществом. Очень уж курьезны у него *новые* былины, и пародии на них самобытные. Нет, частушка частушкой, гармоника гармоникой, а, видно, коренная песня не вымирает, если еще в XX веке способна к творчеству...

Читали в «Русск⟨ом⟩ бог⟨атстве⟩» «Сашурку» Арефина?[4] Какая милая вещь.

Говорят, в «Заветах» хороша вещь Сергеева-Ценского[5]. Но, когда у меня были «Заветы», я был еще настолько болен, что не мог не только читать, но и слушать, как читают.

Герм‹ану› Алекс‹андровичу› брат его, Всеволод Алек‹сандрович›, писал из Киева, что многие не подписываются на «Заветы» исключительно из-за ропшинского романа, недоумевая, каким манером он мог в них очутиться.

Сердечный привет Катерине Павловне и Максиму!

У нас сейчас гостит Гнатовский с сыном. А вчера получил письмо, что едет, от Саши Черного с женою. Был профессор Цингер[6] из Москвы и очень меня обрадовал рассказами о росте тамошних образовательных учреждений. Что-то почти мифическое, колоссальное, о чем мы, десять лет назад, мечтать не смели, да и в Западной Европе подобных движений немного. На московских женских курсах в нынешнем году будет 7000 слушательниц. В московском коммерческом институте было 4000 студентов — на осень будет 5000. За четыре года одними общественными силами, без малейшей поддержки правительства и при всяких с его стороны тормозах, укрепилось в высших учебных заведениях... Правда,— Цингер говорит — весь этот просветительный наплыв окупается в обратную сторону почти совершенною аполитичностью учащихся масс, но — в это я плохо верю, да это и до поры до времени...

До свидания. Напишите, пожалуйста, поскорее, как Вы живете и собою располагаете. Еще раз приветы и поклоны. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А.

За почерк извините: руки еще плохо слушаются.

[1] Александр Амфитеатров «Дочь Виктории Павловны. Роман в трех новестях. Повесть 1—3» (СПб., изд-во «Прометей», 1914—1915).

[2] Александр Амфитеатров «Разбитая армия. Роман» (М., Универсальное книгоизд-во Л. А. Столяра, 1913).

[3] «Три Дуни» — имеются в виду три Государственные думы.

[4] Рассказ Сергея Арефина «Сашурка» — из жизни крестьянской девочки (Русское богатство. 1912. № 6).

[5] Речь идет о произведении «Около моря. (Этюд)» С. Сергеева-Ценского (Заветы. 1912. № 2).

[6] По-видимому, речь идет об А. В. Цингере.

298. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.1.VIII

Дорогой Алексей Максимович.

Возвратясь от Вас[1], нашел письмо от Столяра, которое посылаю Вам к ознакомлению, равно как и копию моего к Столяру ответного письма. Если с образом действий моих не согласны, спишитесь с Шоломом-Алейхемом, которому страх хочется, чтобы сборник осуществился, а потому он готов мириться с какими угодно компромиссами. Но, по-моему, этот Столяр не столько столяр, сколько жулик, иметь с ним дело опасно.

Посылаю Вам также письмо Василия Немировича[2], весьма неутешительное для планов о «Р‹усском› сл‹ове›», которые мы с Вами третьего дня обсуждали. Ну, да еще посмотрим — во-первых. А во-вторых — может быть, оно и к лучшему. Выдумаем что-нибудь свое, без подмазки старинною накопившеюся грязью, чистенькое.

Если надумаетесь поехать в наши страны, смело двигайтесь всем табором. Mademoiselle Marguerite наша уехала сегодня на побывку к родным в Grenoble, и, с освобождением ее комнаты, места в доме — сколько угодно.

Я совсем оздоровел, кажется.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Кат. Павл., Максиму, Ал. Мих.[3] приветы усердные!

Ваш А. А.

Письма Столяра и Немировича, пожалуйста, пришлите обратно, по возможности, сейчас же. Немирович пишет ужасным почерком. Для Вас интересно только отчеркнутое.

[1] Амфитеатров приезжал к Горькому в Аляссио.
[2] Вас. Ив. Немировича-Данченко.
[3] Алексей Михайлович *Устинов* (1879—1937) — участник революционного движения, эсер, преподавал историю в школе Фидлера. После Великой Октябрьской революции вступил в РКП(б), с 1921 г. находился на дипломатической работе.

299. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Аляссио. 2 августа 1912 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Возвращаю Столярово письмо — от участия в предприятии его отказываюсь. Решительно. В письме Немировича разобрал только слова: «Сытин вместо заграницы уехал в Москву [?] „1000 р.“ Возок. Благородно. Эдакая кровавая жертва». Ничего не понимаю в этом.

Здесь — Чернов, он купил тут землю и строит дом.

Если б мне было 18 лет, я бы тоже купил землю, построил дом, женился на толстой неаполитанке, и она родила бы мне шестнадцать человек детей,— и пусть все играют на кларнетах!

Ладыжников не отвечает на телеграмму.

Не забудьте послать мне письмо Петровой[1], когда дорогой Герман Александрович поедет сюда[2].

Кланяюсь всем.

Настроение у меня — лирическое, должно быть, микадо жалко. Умер, бедняга[3]. Как беззаветно любил я его! И за всю свою долгую жизнь он не сделал мне ни одной неприятности.

Крепко жму вашу руку и очень рад знать, что вы покончили с нездоровьем.

Будьте же здоровы надолго!

А. Пешков

От Ладыжникова есть телеграмма — в воскресенье будет здесь[4].

Датируется по п. Амфитеатрова от 1 августа 1912 г. и по содержанию.

[1] Имеется в виду письмо жены А. А. Петрова.
[2] Предполагаемая поездка Лопатина в Аляссио не состоялась.
[3] Японский император *Муцухито* (род. 1852) скончался 16 июля 1912 г.
[4] Т. е.— 3 августа.

300. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Аляссио. 4 августа 1912 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Иван Павлов[1] приехал вчера около часа, сегодня — в одиннадцать — уехал в Берлин, торопится в Россию, где должен быть 5-го,— так что поехать к вам — не нашлось времени.

Он полагает, что устроиться в «Р(усском) с(лове)» возможно и что С(ытин) охотно пойдет на это. Отношения с Дорошевичем у него весьма обострены[2], и его очень беспокоит затеваемая Кугелем газета[3]. Он жалуется, что никто не может дать публике «Р.с.» очерков по истории 812 и 613 годов и, Лад(ыжников) находит, что, если б вы согласились взять на себя эту работу,— дело было бы сразу покончено.

Не спал ночь, чувствую себя отвратительно и малограмотно. Дня через три должен буду ехать на Капри для приятных разговоров с «Нивой» [4], «Знанием» и еще с какими-то предпринимателями.

Кланяюсь, жму руку

А. Пешков

В половине августа И. П. обещал дать те или иные сведения.

Датируется по времени отъезда И. П. Ладыжникова (*АГ*).

[1] И. П. Ладыжников.

[2] Об отношениях Сытина и Дорошевича см.: Жизнь для книги. М., 1962. С. 131.

[3] По-видимому, речь идет о газ. «День».

[4] В п. к Е. П. Пешковой от 4 июня 1912 г. Горький писал: «...приехал управляющий Маркса (издателя.— *Ред.*) разговаривать о продаже „Ниве" моих книг» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 144).

Соглашение тогда достигнуто не было. Полное собрание сочинений Горького в изд-ве товарищества А. Маркса, приложением к «Ниве», выходило в 1917—1918 гг.

301. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.VIII.5

Дорогой Алексей Максимович.

Нету у меня заупокойной литургии [1]. Напишите в Сан-Ремо попу тамошней православной церкви, чтобы прислал Вам требник. Самое будет скорое и простое.

Герм. Ал. уехал к племяннице в Нерви и Геную, а оттуда намерен проехать к Вам в Alassio.

Я Эдди Отт [2], что не расшифровал Вам Немировичева письма. Он пишет, что Дорошевич опять взял в «Р⟨усском⟩ сл⟨ове⟩» абсолютную власть и жалуется на его ревность, зависть и страх, которые-де «и по моему адресу пылают, а уж о вас что и говорить». Насколько все это справедливо, оставляю на его, Нем⟨ировича⟩, ответственности. Пишет он не почерком, а дьяволом.

Третья книжка «Заветов» возмутительно плоха. Как хотите, а Чернов, должно быть, не имеет никакого голоса в художественном отделе. Иначе не могу объяснить появления комедии Тренева [3], которую он же забраковал для «Современника». Вообще, в этой книжке трижды помещены отбросы прошлогоднего «Современ.» [4].

«Новое время» и «Голос Москвы» прямо визжат от радости, перепечатывая Рощина. Красивый союз! Ай, нужен орган, ай, нельзя без орган, ай, ай, ай!

В России нужен, за границею нужен. И никакие суррогаты не помогут. Нужно *свое*.

Како мыслит Иван Павлович? [5] Поклон ему.

До свидания. Всего Вам хорошего.

Ваш А. А.

[1] Возможно, просьба Горького, высказанная во время пребывания Амфитеатрова в Аляссио, была связана с его работой над рассказом «Покойник» (написан не позднее 13 сент. 1912 г.— *14*, 610).

[2] «Я Эдди Отт» — то есть идиот — шутка Амфитеатрова.

[3] Пьеса К. А. Тренева «Дорогины» (первоначальное название «Отчего порвались струны») была послана Треневым Горькому в начале 1911 г. Горькому пьеса показалась «талантливой и умной», хотя он отметил и ее недостатки (*XXIX*, 161—162). Несколько позже, в июле 1911 г., Горький прочитал пьесу одному из администраторов Художественного театра, Н. А. Румянцеву, и она подверглась серьезной критике, с которой Горький согласился. См. его письма Треневу (*ЛН*. Т. 70. С. 426) и Миролюбову (*XXIX*, 167—168). Тренев переработал пьесу и отослал ее Миролюбову. Предполагалось, что она будет напечатана в «Современнике» или в сб. «Знания». Уйдя из «Современника», Миролюбов напечатал пьесу Тренева в «Заветах» (1912, № 3).

[4] В художественном отделе кн. 3 журн. «Заветы», помимо пьесы Тренева «Дорогины», помещены: «Иван Осляничек. Из сказаний семибратского кургана» Пришвина; «То, чего не было. Три брата». Роман в 3-х частях (продолжение) Роппшина; «История Акимова здания» Винниченко; «Тени забытых предков» (окончание; начало и продолжение в кн. 1—2) Коцюбинского; «Повесть о днях моей жизни, радостях моих и злоключениях (продолжение)» Вольного; «Поэту» С. Парнок.

[5] И. П. Ладыжников.

302. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.VIII.6

Дорогой Алексей Максимович.

Потребность Сытина в очерках 1612 и 1812 гг.[1] удовлетворима тем легче, что, благодаря работам над «Очерками из истории русского патриотизма» для «Современника» и этюдом для «Истории династии», у меня письменный стол завален подготовительными набросками на эти темы. Кое-что я печатал уже в «Од‹есских› нов‹остях›», в «У‹тре› Рос‹сии›», в одном голодном сборнике, вышедшем в Казани. Но остается великое множество материала, и наиболее интересного. Вот, напр., темы:

Офицерство в эпоху Отечественной войны.
Духовенство в 1812 году. Муразкевич.
А. П. Ермолов.
Лев Толстой и генералитет 1812 года.
Зерно декабризма. Двуликий (Александр I).

*

Избирательная грамота 1613.
Первый Романов.
Двоевластие (царь и патриарх).
Творцы дворянства.
Закрепощение крестьян.

Каждую из первых пяти статей я мог бы, в случае надобности, выслать по первому требованию хоть в тот же день, как оное получу, потому что они совершенно готовы к печати. Статьи, касающиеся 1612—1613 года, также, но — ввиду того, что срок им еще не близок,— я мало заботился об их стилистической обработке, а потому на каждую надо положить дня три-четыре для пересмотра.

Дело это мне настолько по душе, что если бы я был совершенно уверен, что рукописи не встретятся с редакционными интригами, коими «Р‹усское› слово» полно, и будут помещаться быстро и правильно, то я хоть сейчас начал бы посылы свои, ибо роль историка в газете не то, что роль ее публициста,— она не обязывает к ответственности за Баянов и К°.

Откровенно говоря, очень жалею, что Вы едете на Капри. Окружит Вас там толчея человеческая и насыплет сотни проектов, из которых все отнимут время и внимание, но едва ли хоть один осуществится. В качестве старого литературного практика привык я верить только в те предприятия, которые сразу формулируют ясно свою в нас надобность. Почему «Ниве», «Знанию» и какому-то предпринимателю надо вести переговоры с Вами именно на Капри? Раз добрались ради переговоров этих из России в Италию, могли бы сделать маленький вояж к Вам в Alassio, а не Вас заставлять вояжи эти делать, когда у Вас столько хороших сюжетов к работе в голове. Все это мое ворчание истекает, конечно, из Вашего слова «должен», которое меня коробит. Если же с этим сопрягаются другие какие-либо Ваши собственные личные и вольные соображения, то, конечно, беру свои слова обратно и умолкаю, ибо в эти области принципиально не заглядываю.

А вопроса о «Р⟨усском⟩ сл⟨ове⟩» не забрасывайте. Это не проект, а факт, и, к сожалению, факт, парализуемый ленью и противообщественностью господ, которые его объели, как мухи сладкий пирог. Пора ему из сего пассивного состояния перейти в активное, и думаю, что мы вдвоем, подобрав небольшую, хорошо дисциплинированную компанию, сделать это весьма и весьма смогли бы[2].

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Кат. Павл. и Максиму сердечный привет.

Ваш А.

[1] К столетию Отечественной войны 1812 г. Сытин готовил юбилейное издание: Отечественная война и русское общество (1812—1912) / Ред. А. К. Дживилегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичеты. М., 1912. Т. 1—7. Эти книги есть в *ЛБГ* (т. 1, 5 и 7 имеют пометы Горького).

Амфитеатров в составе участников издания не значился. Он не участвовал и в другой книге, изданной Сытиным к юбилею: Отечественная война и ее причины и следствия / Ред. В. И. Пичета. М., 1912.

[2] Речь идет, по-видимому, о реорганизации газ. «Русское слово». Предполагаемое в это время сотрудничество Горького с Сытиным не состоялось. См. письма Горького к И. Д. Сытину 1911—1916 гг. в кн.: Жизнь для книги. М., 1962.

303. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Аляссио. 7 или 8 августа 1912 г.⟩

Снял я копию с вашего письма, дорогой А. В., и отправил ее Ивану Павлову, дабы осведомить его о вашем согласии, которое — на мой взгляд — и решает дело в желаемом смысле[1].

Ехать на Капри — надо: там документы, потребные для разговоров, и, кроме меня, никто не знает, где они лежат.

Одолевает меня бессоница, и нерв поднимается куда-то к черту.

Настроение такое, что хоть стихи пиши.

Будьте здоровы. Кланяюсь.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 6 августа 1912 г. и времени отъезда Горького из Аляссио.

[1] Ладыжникову Горький писал в августе, после 6, 1912 г.: «Я сообщил Амф⟨итеатрову⟩ о том, что Вы согласны переговорить с И⟨ваном⟩ Д⟨митриевичем⟩, и Амф. ответил мне письмом, копию которого — в части, интересной для дела,— прилагаю, думая, что это поможет Вам поставить разговор с „Р⟨усским⟩ с⟨ловом⟩“ вполне определенно» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 201).

304. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.IX.24

Дорогой Алексей Максимович.

«Варшавские ведомости»[1] просят меня походатайствовать у Вас, не дадите ли им что-нибудь. Ходатайствую. Газета чистенькая и смелая. Намереваются платить.

Бурцев возобновляет «Будущее» и «Былое»[2] и тоже просит, даже слезно, Вас принять в них участие. Хотел он к Вам ехать, да, признаться сказать, я его отговорил, так как из того факта, что Вы не ответили ему на вопрошающее о том письмо, заключил, что Вы не весьма стремитесь к его лицезрению, а помешает он Вам в работе основательно, ибо наполнять собою время и пространство у него талант гениальный. Азефские его приключения мало интересны покуда[3]. А «Будущее» и «Былое» хорошо было бы поддержать. Денежно дело обеспечено теперь человеком, который Бурцеву денег не дал, а положил их в банк на отдельные текущие счета — по бумаге, типографии, сотрудничеству, с расчетом на 5 книжек «Былого» и 15 №№ «Будущего», с тем, что во-

зобновит взнос, если дело будет иметь моральный успех. На переправку в Россию деньги тоже даны. Секретарем редакции будет Колосов на 300 франков в месяц.

Вот. Был у меня Саша Черный [4] и понравился мне чрезвычайно. Тем паче что он Вас очень любит.

Я работал, не покладая рук, над «Дрогнувшею ночью», которую отложил, было, в сторону, но приезд Ляцкого [5] все перевернул, и пришлось за нее взяться. Написал три листа-листища. Рассказываю (честное, благородное слово, с большим самоотвержением) Нижегородскую выставку и вывожу на сцену Савву [6], in persone *,— под собственным его именем и в обобщающем типе — под именем вымышленным. Отправил сегодня в редакцию.

А Столяр, с перепуга от возвращения чека, прислал мне аванс в тысячу рублей. Не помню, писал ли я Вам об этом?

Буду сотрудничать в новой петербургской газете «День» [7] и в «Киевской мысли». Рук лишних, однако, еще не выросло.

Что делаете? Как живете?

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. А-в

[1] «*Варшавские ведомости*» — ежедневная общественно-политическая, экономическая и литературная газета. Издавалась в Варшаве в 1912 г. Амфитеатров имел отношение и к газ. «Варшавские последние новости», которая издавалась в июле — августе 1912 г. под редакцией В. Н. Чудовской, при его участии. На одну из его статей, опубликованных в этой газете, обратил внимание Ленин. «Читал, что Амфитеатров выступил чуть ли не в Варшавской газете за бойкот IV Думы? Нет ли у Вас этой статьи? Пришлите — я верну»,— писал он Горькому в августе 1912 г. (*В. И. Ленин.* Т. 48. С. 84). По поводу выступления Амфитеатрова Ленин написал статью для «Звезды». 22 февраля 1913 г. он сообщал М. А. Савельеву: «...в „Звезде" остались <...> еще статьи „Две утопии" и критика бойкотизма (против Амфитеатрова, заглавия не помню») (Там же. С. 165). Ст. «против Амфитеатрова» не была напечатана и до сих пор не разыскана.

[2] В газ. «Будущее» (1912, № 34) напечатаны ст. Бурцева «О возобновлении „Будущего"» и «От редакции „Былого"», в которых Бурцев выражал надежду, что перебоев в выходе этих изданий больше не будет, и просил поддержки у политических партий эсеров, социал-демократов и кадетов.

[3] Подразумевается встреча Бурцева с Азефом 2/15 августа 1912 г. во Франкфурте-на-Майне. См. сообщение Е. Г. Коляды «О Горьком и Лопатине...»

29 сентября 1912 г. в газ. «Будущее» (№ 34) была напечатана ст. Бурцева «Ликвидация дела Азефа», в которой рассказывалось об этой встрече. В статье было опубликовано также п. Азефа «Мои условия суда» от 2 сентября 1912 г.

[4] Ранее, в августе 1912 г., Саша Черный приезжал к Горькому на Капри. В п. к Е. П. Пешковой от конца августа 1912 г. Горький писал: «Приезжал Саша Черный и оказался — седым; лицо молодое, моложе возраста — 32 г.,— а волосы седые. Очень милый и, кажется, серьезный парень». В письме к ней же от 7 сентября 1912 г. Горький писал: «Саша Черный — славный человек, умница, серьезный и талантливее своих стихов» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 145—146). Амфитеатров высоко ценил талант Саши Черного. См. его ст. «О Саше Черном» в сб. «И черти и цветы».

[5] Ляцкий приезжал в конце сентября 1912 г. в Италию для переговоров о «Современнике». См.: Г — Ляц.

[6] С. Т. Морозова.

[7] «*День*» — ежедневная газета, орган левого крыла либеральной буржуазии, а затем меньшевиков-ликвидаторов и социалистов-революционеров. Выходила в Петербурге в 1912—1917 гг. Значительную роль в руководстве газетой играл И. Кугель.

305. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 26 сентября 1912 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

В «Вар<шавские> вед<омости>» не пойду, некогда.

Вчера Ив<ан> Пав<лович> прислал письмо, в коем извещает: «Относительно статей А. В. Сытин пишет ему сам, он очень доволен предло-

* лично (*фр.*).

САША ЧЕРНЫЙ
Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, июнь — август 1912
Музей Горького, Москва

жением А. В.». Очевидно, он уже писал вам, раз вы будете сотрудничать в газете «День» [1].

С Бурцевым — недоразумение: я писал по адресу, указанному им,— на Феццано, ваш дом,— что очень жду его и имею о многом говорить с ним. Не помню точно, но — кажется — конверт надписан был на ваше имя, с передачей. Нет, очевидно, и в Италии простые письма не следует посылать, а особенно за последнее время это становится очевидным.

Напишу для «Будущего» что-нибудь, вероятно о кутомарской тюрьме [2].

Саша Черный и мне очень полюбился: талантливый и чистый такой.

Здесь Ляцкий и Певин, зовут в «Совр.», пожалуй — пойду [3]. Негде работать.

Вы не писали мне лет 600, и, временами, я думал: не сердится ли? Хотел даже спросить, но все откладывал день за днем и очень рад, что получил, наконец, весть от вас.

Живу я — отчаянно: народищу понаехало батальон, народ все нужный, есть интересные люди, намечаются хорошие дела. Посмотрим, что́ будет, но, кажется, что-то удастся.

Читали вы переписку Чернышевского с женой?[4] Какая ужасная книга! Я читал и чуть не плакал.

С великим удовольствием и радостью прочитал ваш фельетон о Достоевском [5]. Ох, пора осветить эту мрачную фигуру светом ясным!

Ну, будьте здоровы! Крепко жму руку.

А. Пешков

«Бом-мо», как недавно написал мне один человек из Рязани: «позвольте мне сказать вам искренное от души бом-мо»: на кладбище одного уездного города на памятнике надпись:

«Всю жизнь ты просидел в лабазе разных мук.
Ушел. Но — не уйдешь от вечных мук, мой друг!»

Здорово пущено?

Очевидно — приказчик хозяина напутствовал.

Всего доброго

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 24 и 28 сентября 1912 г.

[1] Речь идет о п. Ладыжникова Горькому от 17/30 августа 1912 г. (*АГ*). Цитируется Горьким неточно.

[2] 4 октября 1912 г. Горький сообщал Бурцеву: «Я писал вам по адресу Александра Вал⟨ентиновича⟩, что очень жду вас на Капри и что имею сделать вам одно серьезнейшее предложение — дело идет о необходимости собирать и хранить

документы, издания, вещи, относящиеся к истории русского революционного движения в XIX веке. Письмо мое, очевидно, затерялось» (*АГ*). Вместе с этим письмом Горький выслал Бурцеву рукопись ст. «В пространство...» — о голодовках и самоубийствах в кутомарской тюрьме из-за введения телесных наказаний для политзаключенных (Будущее. 1912. № 36. 30 сент./13 окт.).

[3] Горький начал сотрудничать в реорганизованном журн. «Современник» с конца сентября 1912 г., после переговоров с Ляцким. См.: Г—Ляц.

[4] Имеется в виду кн.: Чернышевский в Сибири. Переписка с родными (вып. 1. 1865—1875).

[5] Речь идет о ст. «„Дворянин" Достоевский», написанной по поводу выступления в «Новом времени» дочери писателя — Л. Ф. Достоевской, утверждавшей, что Достоевский, вопреки сложившемуся мнению, считал себя не разночинцем, а дворянином. Амфитеатров находил это утверждение естественным и вполне обоснованным, доказывая, что все основные герои Достоевского принадлежат к обедневшему дворянству (*Амфитеатров*. Т. 22).

306. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.IX.27

Дорогой Алексей Максимович.

Предъявитель сего, г. Гольдберг, сотрудник и уполномоченный еврейской газеты «Гайнт» [1]. Он рекомендован мне Шолом-Алейхемом [2]. Приехал с поручением от редакции получить от Вас и от меня статьи по вопросу о положении и будущности евреев в России. Я обещал. Быть может, Вас тоже заинтересует это предложение, которое мне кажется вполне своевременным и полезным. Хорошо было бы, если бы русские писатели поговорили с еврейскою публикою об еврействе по душам и всерьез. До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А-в

[1] *«Гайнт»* («Haint» — «Сегодня») — еврейская газета, либерального направления, издавалась в Варшаве с 1908 г.

Гольдберг — один из основателей газ. «Haint», ведавший ее политическим отделом. Летом 1912 г. он в сопровождении доктора Ирэны Крук приехал в Италию с намерением посетить Амфитеатрова и Горького с тем, «чтобы по поручению газеты „Haint" иметь с ними беседу» (пер. с евр. — *АГ*).

[2] В п. Горькому Шолом-Алейхем, являвшийся постоянным сотрудником «Haint», также присоединялся к просьбе дать статью для этой газеты (п. от 18—23 сент. 1912 г. — *АГ*).

307. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.IX.28

Дорогой Алексей Максимович.

Вот выдумал: с какой стати и за что я буду на Вас сердиться?

А не писал потому, что сперва был заплетен «Паутиною», а потом навалилась на меня «Дрогнувшая ночь».

Вчера Гольдберг, который к Вам поехал, очень меня смутил известием, будто «Закат старого века» конфискован. А «Зверя из бездны», наоборот, отсудили.

Откуда Вы заключили, что «День» сытинское издание? И не думает им быть. Напротив, Сытин, по обыкновению, промямлил и прозевал возможность петербургской газеты и на пустом месте водворился Иона Кугель с 40 000 сдернутой с Сытина же неустойки, 150 000 капитала, составленного тремя купцами, в числе коих Соловьев, собственною типографией [1] и пр., и пр.

Варшавянам напишу. Пусть воют [2].

Сытин мне ничего не писал.

Относительно соглашения с Л<яцким> и Пев<иным>: видите теперь, как Вы поспешили в прошлом году [3].

Злоблюсь на Анну Виванти, реабилитирующую киевскую стервозу Тарновскую[4].

Бунин справляет 25-летний юбилей. Вот фрак-то сошьет![5]

Набрал я сейчас обязательств, как Агафья Тихоновна женихов. Боюсь, что в конце концов завоплю по кочкаревскому совету:

— Пошли вон, дураки.

И Яичница, и Жевакин уйдут, а останется мне какой-нибудь Подколесин, который своим умом дойдет до необходимости в окно выпрыгнуть[6].

Бурцеву написано.

Относительно почты недоумеваю. Тут бывали опоздания и задержки; как мы уже проследили и даже принесли жалобу в министерство, несомненного шпионского происхождения, но пропажи письма никогда еще не бывало. Подниму историю — пусть ищут.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] Газ. «День» издавал «Торговый дом, Ф. М. Мареев, И. Р. Кугель, М. Т. Соловьев и К°».

М. Т. Соловьев (1853—1930) — с 1910 г. директор правления Т-ва И. Д. Сытина.

[2] Речь идет об отказе Горького дать материал для газ. «Варшавские ведомости».

[3] Имеется в виду отказ Горького от сотрудничества в журн. «Современник» в 1911 г.

[4] Речь идет о произведении итальянской писательницы Анни *Виванти* (1868—1942) «Роман Марии Тарновской», появившемся в русском переводе в 1912 г. и имевшем большой успех. В романе отражена история М. Тарновской, героини нашумевшего судебного процесса.

[5] В конце октября 1912 г. отмечалось 25-летие литературной деятельности Бунина.

[6] Персонажи комедии Гоголя «Женитьба».

308. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

〈Капри. Сентябрь, не ранее 29, 1912 г.〉

Преогромнопочтенный и
длинноименный
Александр Валентинович!

Вас обманули: я — вовсе не Шолом-Алейхем! Не верьте моим врагам. Примите всяческие добрые пожелания, и — когда же вы на Капри?

А. Пешков

Датируется предположительно как ответ на рекомендательное п. Амфитеатрова от 27 сентября 1912 г., привезенное Гольдбергом на Капри.

309. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.X.29

Дорогой Алексей Максимович.

Давно нет от Вас вестей, а Герм〈ан〉 Алекс〈андрович〉 говорит, что Вы спрашиваете, почему я не пишу. На последнее Ваше письмо ответил, от Вас ответа не было, а как в жизни за это время интересов больших не приползло, то и не писал.

Дела масса. Звали поехать на войну. Посчитал: очень уж дорого взять должен, чтобы все это окупилось, да вон еще пишут, что корреспондентов не пускают в главную квартиру и пр. Меня-то, положим, пустили бы ввиду личных отношений к Фердинанду, которому я уже приготовил, было, телеграмму, да — как раздумался над нею, что это значит фрак, звезда, «ваше величество», «благоволите» и пр.,— тошно... Не пошлю и не поеду. Сидеть в Софии или Белграде и пить шампанское с героями тыла, слушая вранье поворотников, нет никакой охоты[1].

Имею на Вас некоторый зуб за Вашу статью во славу малороссов[2]. Давай им бог всякого здоровья, успеха, равноправия, многоправия, гениальных государственных людей и литераторов, но свое-то племя за что же принижать? И уж если проповедовать подобное, то надо кафедру подмостить посолиднее, чтобы историческое доказательство было ясно и твердо, а то выходит какая-то отсебятина по капризу...

«Ау!»[3] третьего дня получил и сейчас же Вам послал. Издание красивое, а корректура скверная. Книжка, по запозданию, не имеет смысла. Ее надо было выпустить в марте—апреле. Я рассчитывал давать таких «обозрений» четыре в год, да разве с нашими черепахами сладишься?

Вообще, ужас, что делают. В «Киевской мысли» ни один фельетон не прошел без цензурных искажений, а с «Джигитом» такое сделали, что я его должен был восстановить в «Будущем»[4].

Как курьез могу Вам сообщить, что газеты «День», за участие в которой меня ругают правые газеты, я до сих пор не видал. Это стоит незлобинского театра, который ставит моего «Дон-Жуана в Неаполе»[5], ни словечком не удостоивая меня известить, на каких условиях, что, как и пр.

Ляцкий от Вас в великом восторге. А Вы?

В Питере собираются чествовать Д. Н. Мамина-Сибиряка. Душевно его люблю, хороший мужчина. Но пишут мне: он очень болен, и юбилейная суета, пожалуй, ему не по состоянию здоровья. Еще ухлопают, черти, старика[6]. От наших усердствующих станется.

Герм. Алекс. завтра едет к племяннице в Неаполь и, значит, скоро будет у Вас[7]. Хотел послать с ним очень уж удачного в нынешнем году vino Campiglia и Петровы томы[8], но он взбрыкался, не берет — говорит: тяжело!

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] Речь идет о предложении ехать в качестве военного корреспондента в Болгарию в связи с начавшейся 9 октября 1912 г. первой Балканской войной.

О знакомстве Амфитеатрова с царем болгарским Фердинандом I (Кобургским) см.: *А—Г*, п. от 9 октября 1908 г., прим. 11. В период образования Балканского союза, приведшего к войне с Турцией в 1912 г., политика Фердинанда I была ориентирована на сближение с Россией.

[2] Речь идет о ст. Горького «О русской интеллигенции и национальных вопросах» (ответ на анкету журн. «Украинская жизнь»), отрывки из которой были напечатаны в газ. «Русское слово» (1912, № 219, 23 сент./6 окт.).

[3] Александр Амфитеатров «Ау! Сатиры, рифмы, шутки, фельетоны и статьи» (СПб., изд-во «Энергия», 1912).

[4] «Джигит (кавказская легенда)» — фельетон Амфитеатрова из цикла «Святочные рассказы», о правителе-самодуре («Эзопов лик» — *Амфитеатров*. Т. 27).

[5] Речь идет о пьесе Амфитеатрова «Дон-Жуан в Неаполе. (Шутка в 3-х действиях)». («Княгиня Настя» и другие драматические сочинения — *Амфитеатров*. Т. 19).

[6] Речь идет о чествовании Мамина-Сибиряка, в связи с 60-летием со дня рождения и 40-летием литературной деятельности. Горький написал приветствие «Д. Н. Мамину-Сибиряку» (День. 1912. № 25, 26 окт./8 нояб.).

Как сообщалось в газетах, 26 октября у постели умирающего Мамина-Сибиряка общественность отметила 40-летний юбилей его литературной деятельности. Члены юбилейного комитета Венгеров, Карпов, Потапенко, Измайлов, Овсянико-Куликовский и Фидлер зачитали приветствия, полученные в его адрес (День; Биржевые ведомости. 1912. 27 окт.).

По словам Амфитеатрова, Мамин-Сибиряк «полумертвыми губами» проговорил как литературное завещание свой привет Бунину (День. 1912. 12/25 нояб.). См.: *Русская литература конца XIX — начала XX века. 1908—1917*. С. 525.

[7] Лопатин находился на Капри с 3 по 10 ноября. Подробнее см.: Л—А, п. 27—29.

[8] Для работы над «Историей правящей в России династии» Амфитеатров подбирал материалы Петровской эпохи, в частности книги о Феофане Прокоповиче. См. более позднее п. Плеханову (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

Возможно также, что имеется в виду «Осьмнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым, издателем „Русского архива“» (М., 1869, кн. 1—4).

310. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano.1912.XI.28

Дорогой Алексей Максимович.

Как живете?

Я в неврастеническом самочувствии.

Герм<ан> Ал<ександрович> в Нерви и Кави. Жду завтра или послезавтра.

Побывал в Милане, послушал разных опер. Рихард Штраус[1] дьявольски силен, но поют его итальянцы, как собаки. Ничего не понимают.

Ужас, как мне Мамина жалко[2]. Что народу хорошего перемерло за этот год!

А балканцы режутся покуда, слово в слово по моей программе. Боюсь, чтобы не быть точным пророком и дальше.

В австро-русскую войну покуда плохо верю. Не быв давно на местах, боюсь судить.

Война Леонида Андреева с киевлянами[3] — а? недурно?

Дорошевич, жертвующий 1000 р. «борцам за свободу»... Балканского полуострова!..[4] тоже табло!

А у нас Кутомар и Алгачи...[5] весело!

Хочу писать в «Будущее» протест против самоубийств в тюрьмах... Держусь того мнения, что погибать — так уж погибать в честной драке...

Ох, как Чириков плох![6] И отчего он таким Размахай Иванычем Удалецким писать стал?

Читаю «Ultime» Антонио Фогаццаро[7]. Толстой и Гёте черновички лучше оставили.

Во сне почему-то все вижу старых, толстых, декольтированных примадонн... Это после Милана!

Очень Вас повидать хотелось бы.

До свиданья. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] Рихард *Штраус* (1864—1949) — немецкий композитор, дирижер, автор симфонических поэм («Дон-Кихот» и др.) и опер «Кавалер розы», «Саломея», «Электра» и др.

[2] Мамин-Сибиряк умер 2/15 ноября 1912 г.

[3] Имеется в виду полемика между Андреевым и киевскими журналистами, возникшая в результате резких и грубых нападок киевских журналистов на пьесу Андреева «Профессор Сторицын», поставленную Киевским театром Соловцева (премьера состоялась 2/15 нояб. 1912 г.). См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л.: Наука, 1979. С. 182—184.

[4] Имеется в виду сообщение в газ. «Русское слово» (1912, № 261, 11/24 нояб.), помещенное под общим заголовком «Помогите борцам за свободу»: «Конторой „Русского слова" получено от В. М. Дорошевича в пользу раненых славян 1000 рублей». О поступлении от Дорошевича 1000 р. «в пользу санитарной организации на Балканах» сообщалось также в «Русском слове» (1912, № 262, 13/26 нояб.).

[5] Кутомар и Алгачи — каторжные тюрьмы, в которых в ответ на введение телесных наказаний для политических заключенных происходили массовые голодовки и самоубийства. Об этом в периодической печати публиковались многочисленные материалы. Так, например, в итоговой ст. Г. Наумова «Политическая каторга», напечатанной в «Киевской мысли» (1913, № 32, 1/14 февр.) в рубрике «К предстоящей амнистии (по поводу 300-летия дома Романовых)», приводились данные о крайне тяжелом положении политических заключенных, к которым применялись особо жестокие меры угнетения и телесные истязания: «В Кутомарах шесть человек умерло от избиения...» «За молчание, когда старший здоровается, приказано всыпать 25 каждому». «В Алгачах 8 октября наказали телесно Бродского. Он сопротивлялся, но неудачно; принял яд — не помогло, надели сумасшедшую рубаху, и по сей день он бьется в безнадежных муках. 7 человек резались и травились. Политических лишали матрацев, и смотритель Кияшко велел устроить так, „чтоб звери хорошо их почесали"». «...Каждый раз отрывают от работы разрывающие вопли и крики избиваемых политических» и т. д.

Автор статьи сообщал, что то же происходило в других тюрьмах: Метехском замке, в московских Бутырках, на псковской каторге и др.

«...Пробовали ли вы,— восклицал он,— подсчитать количество самоубийств и смертей в карцерах (...) Розга непрерывно свистела на всем протяжении политической каторги. Красные полосы физической муки, невыносимая горечь обиды и унижения...»

[6] Возможно, Амфитеатров имеет в виду вышедший в 1912 г. сб. рассказов Чирикова «Цветы воспоминаний».

[7] Антонио *Фогаццаро* (1842—1911) — итальянский писатель. В ст. «Над посмертными страницами» Амфитеатров писал об издании кн. А. Фогаццаро «Ultime», которую считал «бледной и ничтожной», однако отмечал, что отдельные страницы этой книги о людях и событиях представляют интерес, как, например, о Толстом, Эм. Золя, В. Гюго, Эдмонде де Амичис, о деле Дрейфуса и др. («На всякий звук», с. 165, 179).

311. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Первая половина декабря 1912 г.)

Ругайте, Александр Валентинович!

До сего дня не мог ответить на ваше письмо[1]: все колеса жизни завертелись сразу и в разные стороны, плохой машинист, я тоже завертелся в разные стороны. К тому же — простудившись — захворал, кашляю, как слон, и плюю кровью в камни, чего они не чувствуют, конечно. Им — все равно.

Из России пишут: «собираемся воевать». Болваны. Из Сибири пишут: «нас китайцы бить желают». Из Австрии — из Праги — пишут: «австрияки желают бить Россию». Тоже болваны: чего этим достигнешь? Били ведь нас и снаружи и изнутри, разве мы стали умнее от этого?

Тихонов включил меня жирным шрифтом в сотрудники[2] — ох, чудак! Вообще в России все становятся чудаками. Читали, как пишет Арцыбашев в «Студенческом деле»[3] о том, что студентам не надобно помогать? «Почему — студентам? А водовозы — не такие же люди?»

Не был ли у вас художник Рот?[4] Очень странный человек: хочет сочинить художественную хрестоматию по истории телесных наказаний в России «с иллюстрациями».

А то еще есть Шахов[5]: предлагает премию за книгу «против всех монархов» — этого я очень упрямо направлял к вам: вот, мол, монархомах, собирается убить их в четырех томах!

От меня сей Шахов уехал разочарован.

А сейчас здесь гр. Скорбут-Свербеева, Наталия Иппократовна,— может быть — Ипполитовна, и не Скорбут — Нарбут?[6] Так она требует «способствовать объединению всех женщин мира». Она к вам поедет — вот увидите!

Нездоровится мне от всего этого.

Живет здесь индус, учится по-русски — несомненно, английская интрига!

По ночам не сплю, считаю — сколько мне лет? Насчитал 2459 — но, кажется, ошибся. Читаю русские беллетристические книжки — очень скучно, но не помогает.

Как ваше здоровье и когда вы приедете на Капри?

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 28 ноября и 15 декабря 1912 г., а также по «Воспоминаниям» Н. Ф. Роота (см. ниже).

[1] Речь идет о п. Амфитеатрова от 28 ноября 1912 г.

[2] В. А. Тихонов включил Горького в список сотрудников журн. «Кругозор».

[3] В «Студенческом деле» (1912, № 1), еженедельном студенческом журнале, появилась ст. А. Т-ва «О задачах Студенческого дома», предлагавшая на государственные субсидии и частные пожертвования построить — по образцу уже существующих в Европе домов — дом для студенчества. В № 3—4, в рубрике «Наша анкета о студенческом доме», были напечатаны положительные высказывания профессоров А. А. Мануйлова, И. Ф. Огнева, А. А. Кизеветтера, председателя Го-

сударственной думы Ф. А. Головина, поэта Д. М. Ратгауза и др. В № 5—6, в ответе на анкету о студенческом доме, Горький утверждал, что тяжелые, чрезмерно изнурительные условия жизни подрывают силы будущей интеллигенции, в то время как стране нужна здоровая и сильная интеллигенция. Горький предлагал создать Всероссийское общество для систематической помощи учащейся молодежи.

Другой точки зрения придерживался Ардыбашев (Студенческое дело. 1912. № 7), который находил, что не следует приучать студенчество принимать общественную и государственную благотворительность, так как студенчество должно совмещать свои занятия с трудовой (рабочей) деятельностью.

[4] Николай Федорович *Роот* (1870—1926) — эстонский художник, работал в области прикладного искусства (мозаика, цветное стекло и др.).

В *АГ* хранятся воспоминания Н. Ф. Роота о встречах с Горьким в 1912 г. на Капри и в 1917 г. в Петрограде. См. также: *Роот Н.* Воспоминания о великом пролетарском писателе А. М. Горьком // Советская Эстония. 1946. № 141. 18 июня.

В воспоминаниях Роота упоминается лишь замысел создания «Хрестоматии по прикладному искусству».

[5] Николай Александрович *Шахов* — брат историка А. А. Шахова. Е. П. Пешкова писала Горькому в сентябре 1912 г.: «Рассказывали мне в Ницце о некоем богаче Шахове (кажется), который и у тебя должен был быть. Был? Интересно было его повидать? Дает массу денег на разн⟨ые⟩ хор⟨ошие⟩ дела. Если он еще не был у тебя, имей это в виду. Хотя, быть может, он у Лопатина застрянет и не проедет уже дальше» (*АГ*).

Шахов приезжал к Горькому на Капри в конце ноября — начале декабря. Горький хотел привлечь его к организации музея и библиотеки по истории борьбы за политическое освобождение России XIX—XX вв. См.: Г—Ляц.

[6] Наталья Ипполитовна *Нарбут* — общественная деятельница.

312. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.XII.15

Дорогой Алексей Максимович.

«День», по моей инициативе, дает, вместо обычного рождественского № с глупыми рассказами, номер, написанный русскими писателями для детей[1]. Будет, между прочим, посмертный рассказ Мамина-Сибиряка. Я впервые пишу для ребят о моих минусинских зверях. Моя миссия дать нечто такое соединенными силами, что явилось бы хоть однажды противодействием кисло-сладким «Задушевным словам»[2] и оголтелости «Галчонка»[3]. Дайте что-нибудь, пожалуйста! У Вас пригодных для того открывков, наверное, найдется много, да время есть и новую небольшую вещицу написать, если захотите. Газета чистая, заплатит хорошо. Рукопись нужна между 10/23—15/28. Телеграфируйте, дадите ли и, по возможности, когда.

Как живется? Давно от Вас нет вестей.

Ваш А. А-в

[1] Рождественский номер газ. «День» (№ 84, 25 дек. 1912 г./7 янв. 1913 г.) с иллюстрированным приложением — рассказами русских писателей для детей.

[2] *«Задушевное слово»* — детский журнал, выходил с 1877 г. по март 1918 г. (СПб., изд-во товарищества М. О. Вольф).

[3] *«Галчонок»* — иллюстрированный детский журнал, выходил в 1911—1912 гг. (СПб., изд-во С. Г. Корнфельд).

313. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Между 16 и 22 декабря 1912 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

Посылаю сказку, пускай оный «День»[1] заплатит мне хорошо, они люди богатые, а я — беден. А газета у них — скучная.

Приехал Бунин[2], скоро приедет еще Гребенщиков[3] и, вероятно, Сургучев. Вам бы заглянуть пора на наши камни! Красное имею — ах, какое!

Из Питера мне пишут очень много, но — все какие-то прескверные анекдоты.

Поражен самоубийством Азбелева[4], знал я его. И дочь генерала Евецкого — знал, в 96 г. в Нижнем, где генерал — тогда полковник — был, помните? — начальником охранного отделения. Девочке, в ту пору, было лет 5, была она фаянсовая, очень нравилась мне, когда гуляла по откосу с бонной. И вдруг — бац! «Никогда я не была так противна себе, как теперь». Чудесные глазенки были у нее. Чем хворает Русь? Жутко немножко.

Читали вы в «Речи» ламентации Пругавина[5], который просит амнистии писателям, в том числе мне и вам? Хотел я написать ему, добродушному хаму, открытое письмо, да мне — нельзя, он со мною там обращается слишком просто, публика, конечно, вообразит, что на это обращение я и обиделся.

Скучно, как будто меня положили закладкой в учебники арифметики Евтушевского.

Ужасно хочется выдумать хорошего человека, а — некогда.

Будьте здоровы.

Приезжайте!

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 15 и 23 декабря 1912 г.

[1] Горький выслал Амфитеатрову рассказ для детей «Случай с Евсейкой», который был напечатан в приложении к рождественскому номеру газ. «День» (№ 84, 25 дек. 1912 г./7 янв. 1913 г.).

[2] Бунин приехал на Капри 29 ноября 1912 г.

[3] Георгий Дмитриевич *Гребенщиков* (1883—1964) — писатель. Печатал в сибирских газетах бытовые очерки под псевдонимом Сибиряк. В 1910-х годах редактировал в Барнауле газ. «Жизнь Алтая». Революция застала Гребенщикова на юге, откуда он эмигрировал в Америку.

Горький начал переписываться с Гребенщиковым в начале октября 1912 г., предложив ему прислать рассказ для журн. «Современник» (Г—Ляц, п. 6, прим. 8). Предполагалось также участие Гребенщикова в проектируемом Горьким «Сибирском сборнике».

Видимо, ожидаемый приезд Гребенщикова на Капри не состоялся. В феврале 1913 г. Горький писал Гребенщикову: «Я буду очень рад, если вы заглянете на Капри, это обоим нам, пожалуй, будет полезно, мне же, кроме того, и приятно» (Письма в Сибирь, Красноярское краевое изд-во, 1948, с. 73).

[4] Николай Павлович *Азбелев* — отставной генерал-майор флота, учредитель и председатель Русского астрономического общества, автор ряда трудов по морскому делу и очерковых книг о Японии. Горький познакомился с Азбелевым в 1905 г., в Ялте (см. воспоминания Ю. А. Желябужского — *АГ*). Сообщение о самоубийстве Азбелева было напечатано в газ. «Приамурье», а затем перепечатано центральными газетами (Речь. 1912. № 348. 19 дек. 1912 г./1 янв. 1913 г.).

[5] Имеется в виду ст. А. С. Пругавина «Писатели-эмигранты» (Речь. 1912. № 327. 28 нояб./11 дек.), в которой утверждалось, что произведения Горького, написанные в Италии, «носят несомненные следы явного упадка его таланта, когда-то столь яркого и блестящего». Упоминая, кроме Горького, Миролюбова, Н. А. Рубакина, Луначарского, Амфитеатрова и др., живущих в эмиграции писателей и издателей, автор заканчивал свою статью призывом: «Пора сказать открыто и громко: необходима амнистия! Больше, чем когда-нибудь, необходима амнистия!»

314. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.XII.23*

Дорогой Алексей Максимович.

Сказку получил и отослал. Она прелестная. Телеграфировал, чтобы Вам перевели деньги. «День» еще на прошлой неделе был мною запрошен относительно Вашего гонорара и ответствовал: 200. Полагаю, по размерам сказки, сие пристойно?

К сожалению, они там далеко не так богаты, как Вы думаете. Много нахвастали, а может быть, и сразу очень набросились на кассу, что

* Горьким подчеркнута дата и отчеркнуты первый и второй абзацы письма (синий карандаш).

тоже бывает. Газета плоха. Хотела подражать старухе «России», но сил у нее нет даже и для имитации «Руси».

Не думайте, что пругавинская статья проста. Я имею совершенно определенные и достоверные известия, что Вас, меня, Бальмонта и Минского ждет сюрприз частной амнистии, готовящейся на февраль [1]. Общей амнистии не будет, а будет именная, вроде той, как дал Александр II, восходя на престол [2]. Обо всем этом благополучии для нас старается Академия, мать ее за ногу да об пол, а обо мне, в частности, еще и г. Коковцев [3], который, оказывается, сохранил ко мне старинные нежные чувства и «большой мой поклонник». Кадетское глупое прекраснодушие и сентиментальность наших еврейских друзей от этих перспектив в великом восторге, и я получил письма, умоляющие не делать сейчас никаких выпадов против правительства, которые могли бы затормозить «царскую милость». Я очень рад, что Вы смотрите на эту пошлую затею так же сурово, как я. О себе скажу прямо, что скорее сдохну, чем приму частное помилование, и, если понадобится, буду протестовать против него самым резким образом. Господам же питерским сентименталистам надо будет дать хорошую головомойку, чтобы они не смели затевать свадеб, не спросясь невест и женихов.

С удовольствием повидал бы Бунина: я ведь его не знаю. Но сейчас: 1) денег нет, 2) праздники и ряд именин, 3) писание всяких спехов. После Нового года, в первых январских числах, непременно к Вам выберусь. Меня тут один старый долг, внезапно всплывший, очень ободрил. Охота Вам была так много внимания уделять Наживину [4]! Он теперь возгордится.

«Совр.» напечатал нас всех как-то курьезно, вроде редакторов отделов. Относительно меня он врет, я ему этого права не давал. А журнал скучнее скучного и без всякой физиономии. Гроб гробом, для полного сходства даже и веночек на крышке завел.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] В феврале 1913 г. ожидалась амнистия по случаю празднования 300-летия дома Романовых.

[2] Александр II в 1856 г., по случаю своей коронации, издал манифест, содержавший амнистию для осужденных, «лишенных всех прав состояния и сосланных в Сибирь или сданных в солдаты по делу о тайных обществах 1825 года и по заговору Петрашевского, в 1849 году. Им дозволено возвратиться с семействами из мест ссылки и жить, где пожелают, в пределах империи, за исключением обеих столиц. Осужденным и детям их возвращены титулы и потомственное достоинство» (Русский биографический словарь. СПб., 1896. Т. 1).

[3] Владимир Николаевич *Коковцов* (1853—1943), с 1911 по 1914 г.— председатель Совета министров.

[4] Иван Федорович *Наживин* (1874—1940) — писатель, в начале своего творчества последователь Л. Н. Толстого. Сторонник консервативных политических воззрений, он не принял Октябрьскую революцию и в 1920 г. эмигрировал.

Автор сборников рассказов и очерков «Родные картинки» (1900), «Убогая Русь» (1901), «Перед рассветом» (1902), «Дешевые люди» (1903), «Среди могил» (1903), «У дверей жизни» (1904), «В сумасшедшем доме» (1905), «Кикимора» (1917), романа «Меиэ... Тэкел... Фарес...» (1907) — о жизни Европы и России в период русско-японской войны, об интеллигенции, не принимающей как капитализма, так и политической борьбы с ним, тяготеющей к крестьянско-патриархальному миропониманию. В эмигрантский период — автор произведений, осуждающих социалистическую революцию в России и одновременно бездарную политику царизма.

Горький посвятил Наживину и его кн. «Моя исповедь» раздел в ст. «Издалека» (Современник. 1912. Кн. 11). Он характеризовал книгу как «злой, желчный плевок в лицо русского общества» (с. 56). Горький писал: «...о Наживине не стоило бы говорить, не будь он единицей в тысячах русских людей, изуродованных безобразной нашей жизнью, болеющих страхом смерти, отчаявшихся и впавших в крикливый, а потому оглушающий молодое поколение, заразный нигилизм. Но — какой же нигилист Наживин, если он проповедует бога? Тут нет противоречия: случилось так, что на Руси, за редкими исключениями, бога проповедуют именно циники, нигилисты и человеконенавистники...» (с. 61).

315. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 27 декабря 1912 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Разумеется, и я тоже буду протестовать против «амнистии», буде меня ушибут ею [1].

Думаю, надо будет заявить, что я отнюдь не считаю преступником себя и всех моих товарищей, коих правительство приемами провокации закатало на каторгу, гноит по тюрьмам. Не следует ли сейчас же возразить Пругавину и другим благочестивым доброжелателям?

Прескверную они штуку затевают, и поведет это к вящему падению престижа литератора, если только Бальмонт, Минский и К° воспользуются подачкой.

Обрадован вашим обещанием приехать в январе! Может, и Герман Александрович решится?

То-то бы хорошо!

Славная здесь компания русских собралась.

Пока — до свидания и будьте здоровы!

А. Пешков

27/XII
912

[1] См. также п. Лопатина Горькому от 30 декабря 1912 г.

316. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.XII.31.22[35]

Дорогой Алексей Максимович.

Пишу Вам, вероятно, последнее в этом году письмо, что явствует из даты.

Помирает год. Не очень мне его жалко.

Получили ли деньги с «Дня»? Если нет, телеграфируйте им, пожалуйста, да и мне тоже.

Очень устал.

Относительно амнистии Вам писал Герм‹ан› Ал‹ександрович› [1]. Часть его письма, в которой он говорит об опасности протестом забежать вперед и очутиться в неловком положении, признаю. Рассуждения же об амнистии по категориям кажутся мне слишком юридическими, но не убеждающими внутреннее сознание. Об амнистии 1905 года можно было говорить как о политической, потому что она была вырвана страхом пред революционным движением. Эта амнистия была только скреплена царем, а шла от народа. Но сейчас?! Помилование по случаю семейного торжества, которое мы, вдобавок, не стесняясь, признавали, признаем и признавать будем самозванным и мошенническим актом? Не говорю уже об амнистии в порядке частного именного помилования, а мне кажется, и общею-то амнистией воспользоваться — совершеннейшая неловкость, а по отношению, напр., нас с Вами, и того более. «Амнистирован по случаю высочайше-шулерского празднества» — как-то нехорошо звучит в послужном списке, хотя бы отметку эту разделили десятки тысяч человек. Нет, мне сдается, что в случае общей ли, частной ли, гуртовой ли, одиночной ли амнистии самое и, быть может, единственное достойное поведение это — Виктора Гюго... «Если останутся в изгнании двое, одним из них буду я, если останется один — это буду я...» Гюго выдержал характер — и дождался, что Бонапарты полетели вверх тормашками, и вернулся в республиканскую Францию [2]. Вернемся и мы в свободную или, по крайней мере, открыто, по-настоящему деятельно-революционную Россию...

Ваша точка зрения (о Вас как о преступнике) легко может быть оспорена с враждебной стороны. Вам возразят, что дело совсем не в том, как Вы на себя смотрите, а как амнистирующая сила на Вас смотрит. Поэтому я не играл бы на этой струне. Для такого грубого дела она слишком тонка. А где тонко, там и рвется. Нет, уж давайте лучше по старой музыке чувствовать себя разбойниками. Наверное, отказ наш озадачит многих и, вероятно, мы потеряем в Петербурге многих друзей, которые будут ругать нас донкихотами, а может быть, и хуже... Ну, и пусть...

А вот уже дописываю и в 1913 году — 1 час 25 минут.

Здрав буди, Алексие, ибо любим тебя очень!

Будем, дорогой мой, жить и любить. Все, что соприкасаются с нами, то прежде всего — любить! А остальное — приложится! С Новым годом!.. Еще раз:

— Здрав буди Алексіе! Ибо любим еси нами!

Ваш А. А.

Так устал, что, ей-богу, не могу хорошо писать. Простите, если что...

[1] Речь идет о п. Лопатина от 30 декабря 1912 г. См.: Г—Л.

[2] Виктор *Гюго* (1802—1885) был изгнан из Франции за выступления против Наполеона III, превратившего французскую республику во Вторую империю. Вернулся на родину в 1870 г., после падения Наполеона III.

317. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 3 января 1913 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Спасибо вам сердечное за письмо, и — не обессудьте меня, что не догадался первый поздравить вас с Новым годом,— не чувствую еще Нового года, хотя и встречал оный. Все это время у меня внутри — будни, да еще уездно-русские, будни и — ноль хороших впечатлений.

Слагается на Руси какая-то очень свежая, добрая сила — так! — а поддержать ее, организовать — некому, своего же уменья — нет еще, и силишка это — нервничает, раздражается, тратится зря.

Нужны три рабочие газеты: в Московском районе [1], на юге, на Урале — некому поставить.

Хочу просить вас: не дадите ли для с.-д. «Правды», питерской [2], какой-нибудь фельетон небольшой? Газета расходится в 40/т, а веселой литературы — нет у нее.

Был у меня, на днях, харьковский бактериолог Недригайлов [3], довольно широко известный ученый за границею и, должно быть, превосходный человек. Рассказывал действительные анекдоты из современной русской жизни — матушки мои! Нехорошо.

Видный человек в Харькове, он берет своих из гимназии — нельзя учиться.

Вообще — чувствую я себя неважно, чему помогает овечий кашель, от коего у меня разламывается череп.

Пишу, конечно, но — пишу не то, что нужно и хотел бы.

Материальные дела мои — Содом и Гоморра.

«День» денег, разумеется, не прислал [4], и это он зря делает. Писать им я не буду — неловко как-то, может, сами вспомнят.

Ну, будьте здоровы, будьте бодры духом и приезжайте на остров Капри, где сегодня ночью был потопный дождь изумительной силы! Ей-богу, я думал, что остров разобьет в кашу и мы съедем в море.

Поздравляю всех ваших с Новым годом, да будет он всем радостен и легок!

А вам, дорогой, любимый и уважаемый человек,— особенно хочется пожелать всего, всего доброго! И — отдыха! Крепко обнимаю.

А. Пешков

Герману Александровичу — привет и почтительно кланяюсь, поздравляя!

3/I
913

[1] В п. В. И. Ленину 25 января 1913 г. Горький сообщал: «На днях собрали несколько сотен рублей на московскую газету, в феврале еще найдем немного» (*Ленин и Горький*. С. 104). В Москве была создана легальная большевистская газ. «Наш путь», первый номер которой вышел 25 августа/7 сентября 1913 г.

[2] В большевистской газ. «Правда» Горький редактировал отдел литературы и искусства. 17 октября 1912 г. Ленин писал Горькому: «На днях получил из редакции „Правды" в Питере письмо, в котором они просят меня написать Вам, что чрезвычайно рады бы были постоянному Вашему сотрудничеству» (*В. И. Ленин*. Т. 48. С. 100).

В 1912—1913 гг. Горький напечатал в «Правде» (1912, № 131, 30 сент.) «Сказку» (XI из цикла «Сказки об Италии»); из повести «Большая любовь» (Там же. 1913. № 1. 1 янв.); «Вездесущее» (Там же. 1913. № 58. 10 марта); «Сказку» (XXV из цикла «Сказки об Италии») (Там же. 1913. № 87. 14 апр.).

[3] В. И. *Недригайлов* (1865—1923) — известный бактериолог, ученик И. И. Мечникова.

[4] Речь идет о гонораре за рассказ Горького «Случай с Евсейкой».

318. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1913.I.6

Дорогой Алексей Максимович.

Завтра, если ничто не задержит, я рассчитываю выехать в Рим и, значит, на днях у Вас буду. В Риме приостановлюсь понюхать что-нибудь на Форуме и в Museo Nationale.

Прочитал вчера Винниченкова «На весах жизни» и, знаете ли, очень сконфужен. Это гораздо лучше первого его романа, который был мне отвратителен до тошноты [1]. Гораздо чище мыслью, а правда, к сожалению, страшная. Он, Винниченков роман, привел меня вчера в такую, говоря Бальмонтовым языком, раздавленность, какой давно я не испытывал... Это не Ропшин! Буду о нем писать и много с ним ругаться и спорить, ибо любимые его герои (Фома, напр.) совершенные идиоты,— но писатель он с большим дарованием и серьезно-наблюдательный. Если бы из него пессимистическую труху вытрясти, большим человеком мог бы быть.

Бедному Леон‹иду› Ник‹олаевичу› что-то не везет, и он, с горя, делает глупость за глупостью [2]. Хотя, все же, Алек‹сандра› Ив‹ановича› с торжественным письмом о поруганных доблестях Васьки Регинина ему не перешибить![3]

Итак, до скорого свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А-в

[1] Роман «Честность с собой».

[2] Амфитеатров порицал поведение Андреева. «...Коллекция андреевских инцидентов пошла не на убыль, а на прибыль...»,— писал он в ст. «Над посмертными строками», имея в виду полемику Андреева с киевскими журналистами по поводу «Профессора Старицына» и запрещение киевским театрам ставить его пьесы (см.: *А—Г*, п. от 28 нояб. 1912 г., прим. 3), телеграмму Вл. И. Немировичу-Данченко с резким выпадом против публики Художественного театра, якобы не оценившей пьесу Андреева «Екатерина Ивановна», и т. п. Амфитеатров называл Андреева «четвертым партнером в винте дежурного российского скандала: Илиодор, Шаляпин, Ропшин, Андреев...» Вместе с тем Амфитеатров выражал надежду вновь уви-

деть Андреева-художника, «когда-то чутко схватившего творческим вниманием своим последнее предсмертное бормотание XIX века и первый лепет новорожденного века XX-го и давшего им вдохновенные выражения, которые не забудутся в истории русской не только литературы, но и жизни общественной» («На всякий звук», с. 178).

[3] Василий *Регинин* — псевдоним журналиста Василия Александровича Раппопорта (1887 (?) — 1952). Речь идет о п. Куприна, напечатанном в газ. «Вечернее время» (1912, № 330, 17/30 дек.) в связи с заявлением Регинина о том, что он больше не редактирует «Синий журнал», и появлением в «Сатириконе» заметки, в которой издевательски комментировалось заявление Регинина.

319. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Roma. Albergo Minerva. 1913.I.10

Дорогой Алексей Максимович.

Этакая же незадача! Не судьба мне попасть сейчас к Вам на Капри. Свидание, ради которого я сижу в Риме, отсрочилось, благодаря неаккуратности соотечественника (издательской породы), до понедельника, а в среду я должен всенепременно быть дома, так как назначил этот день двум приезжающим из Швейцарии компатриотам для некоторого совещания. Ехать к Вам на одни сутки не модель: только истреплешься, а и поговорить толком не успеем. Так что переношу визит до февраля, если позволите. Тогда выберу дни более свободные и удобные.

Жалею о том, что Вас не увижу — во-первых, потому, что Вас не увижу. А во-вторых, потому, что не могу поговорить с Вами по вопросу, о котором давно хочется и надо поговорить, а не хотелось писать, все уповал на личное свидание. Это о Зине и Лиде. Им ужасно скверно в Америке, и, откровенно говоря, следовало бы нам их вернуть и как-нибудь устроить здесь в Европе. О положении их я узнал в подробности совершенно случайно, так как Лидия — она не из жалующихся и в письмах к нам все больше остроумничает и бодрится. Но Иллария Владимировна прочитала ее письма к Жене [1] и, хотя Лида и там старается выдерживать характер, пришла в великий ужас, который, по ознакомлении с этою литературою, разделил и я. В Alassio я говорил Вам, что несколько сердит на Зину за то, что он преждевременно выписал к себе жену и ребенка, не устроившись еще на месте сам. Действительно, результаты этого, как и следовало ожидать, получились плачевные, и даже в большей мере, чем можно было ожидать. Потому что даже не достигнута близость географическая, Лида с ребенком мается в Торонто на фабрике, а Зина в Британской Колумбии скваттерствует, погибая в борьбе с обстоятельствами и природою, которые любопытны в рассказах Джека Лондона, но ему пришлось туго очень. И добраться им друг к другу — дороже, чем, напр., Лиде вернуться в Европу! Действительно, какие-то чудовищные расстояния! Герман Алекс. мерил по карте, так даже плюнул. Хуже Сибири. Впрочем, Вы это знаете много лучше меня. Денег ни гроша, девочка долго болела, сама Лида тоже больна сильно была и плохо поправляется — по той причине, что плохо ест. Я давно сказал Жене, что, если Лида хочет возвратиться в Европу, я охотно помогу ей в этом. Но она отвечала буквально, что не может спокойно ходить по итальянским мраморным лестницам, зная, что муж пропадает где-то в землянке под снегом. Это очень благородно и трогательно, но сдается мне, что, в таком случае, лучше было бы вернуться им обоим. Я Зину очень люблю и считаю хорошим парнем. Жаль, право, что «так жизнь молодая проходит бесследно», да еще и не одна, а сам третей. Вы, по времени и обстоятельствам, не успели приглядеться к Лиде, а ведь она человечина превосходнейшая, как и все сестры Бураго, смелая, веселая, работящая, и хотелось бы очень, чтобы так хорошо задуманное природою создание не измыкалось в роде человеческом ни за понюх табаку. Ибо шитье

штанов по ½ доллара в день — карьера и цель жизни не блистательная... Словом, по-моему, хорошо было бы вытащить это трио оттуда и, если Вы с тем согласны, давайте-ка мы это сделаем? То, что между Вами и Зиною были пред его отъездом маленькие трения,— полагаю, в Ваших глазах не может иметь большого значения, тем более что я уверен: достаточно было бы Вам однажды в то время встретиться и поговорить, чтобы недоразумения исчезли, ибо, по существу, ни он, ни Вы в них нисколько не виноваты, а виноват лаконизм пера и бумаги, на фоне женских неладов. Отвечайте мне на это письмо, пожалуйста, возможно скорее. Так или иначе, хотелось бы мне сказать Жене что-либо определенное и успокоительное относительно Лиды. Вдвоем нам, я думаю, поднять это было бы нетрудно. Взять на себя одного их переселение и устройство я боюсь не столько по нежеланию материальной ответственности, это я осилил бы, сколько — моральной. У меня нет достаточно работы, которую я мог бы им предложить, а они, как народ молодой и гордый, даровой услуги, конечно, не примут, и начнется на этой почве необходимое и плачевное окисление, чего я терпеть не могу и отнюдь не желаю. Для 2-го издания «Зверя из бездны» у меня будет довольно много переводной и справочной английской работы, которую я мог бы предоставить Зине или Лиде, если последняя овладела английским языком. Русским-то она владеет великолепно, письма ее почти литературны. Думаю, что, при множестве международной корреспонденции, которою Вы обременены, Зина, в качестве секретаря с языками, тоже был бы Вам небесполезен... Да, вообще, как-нибудь и что-нибудь придумать к устройству этих канадских бобров было бы очень хорошо, а по-моему, даже и необходимо.

Посылаю Вам № журнала «Eroica», который вез Вам по просьбе синьора Этторе Кодзани, его редактора, энергичнейшего и симпатичнейшего юноши, который без гроша в кармане, но, работая чуть не 24 часа в сутки, умудряется вершить вот, видите, какие чудеса. Если можно, разрешите перевести для «Эроики» Евсейку на дне моря[2]. Кодзани умоляет меня выпросить у Вас какую-нибудь маленькую вещичку. Дайте, пожалуйста, если не жаль. Парень уж очень хорош — того стоит! Бьется, как рыба об лед, а работает, пылает надеждами и верою в торжество своего искусства и нисколько не унывает, хотя жутко ему среди мещан-соотечественников — до чертиков и терпит он от них муку мученическую...

До свидания, дорогой мой! Очень мне жаль и грустно, что так нелепо сложились обстоятельства и обманула меня близкая надежда Вас повидать. Значит — до февраля! Ужасно это нелепо, что мы живем так, казалось бы, близко, а на самом деле так далеко друг от друга. Я все мечтаю о переселении в Рим, да как-то не слагается это, не выходит.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. А-в

[1] Женя — Е. П. Бураго.
[2] Т. е. рассказ «Случай с Евсейкой».

320. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Между 11 и 16 января 1913 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

На днях я получил от З⟨иновия⟩ письмо, в котором он просит меня прислать денег и рассказывает о своей нелепой покупке негодной и ненужной ему земли,— значит — все тот же. Да, хороший парень, но — пора быть серьезным человеком.

Я ответил ему, что сейчас не могу послать денег. То же принужден ответить и вам: сейчас я в самом тесном плену безденежья. Если б вы

могли дать мне заимообразно 500 р., послав эти деньги Лиде,— я был бы очень благодарен вам. Деньги эти я мог бы возвратить *к апрелю*, не ранее, т. е. только в конце марта. Деньги нужно послать именно Лиде, а не Зиновию, а то он на них купит море и сядет на берегу своей собственности в ожидании благоприятной погоды.

Работы у меня ему — или кому-либо другому, все равно! — не найдется. Я человек «конспиративный», секретарей — боюсь и все делаю сам.

«Евсейка» — переводится уже Марией Федоровной и будет напечатан в «Primavera» — для «Eroica» я дам что-нибудь другое[1].

Не согласен с вами в отношении к повести Винниченка[2] — я знаю, какова она была в рукописи. Это — злопыхательство «Бесов» сильнейшее! Фома, который мстит своей жене за ее сожительство с жандармом тем, что за 10 т. рублей обязывает ее провести ночь с коридорным — «полячком»,— это, знаете, «черта» такая, что и Достоевскому не снилось, а уж как зол был, старый демон!

Вообще — с меня довольно «ропшинизма», вехизма и прочих признаков духовного разложения, я и без Винниченки по Винниченке вижу, что окончательно загнили, с корней! Разоблачение внутренней дряблости россиян-революционеров превратилось уже в оплевание русской истории. Винниченки, Ропшины и прочие, может быть, очень хорошие, вполне искренние люди, но они никогда не ставили пред собою вопроса о праве итога и, кажется, никогда не поставят.

А — надо бы. Им, столь бойким на обобщения, особенно серьезно следовало бы подумать на тему, как велико их право итога?

Не люблю я этот народ.

Видели вы книжку Георгия Гребенщикова «В просторах Сибири?»[3] Поглядите — хорошо.

Будьте здоровы, будьте счастливы. Очень опечален я тем, что вы повернули назад,— так хотелось видеть вас.

Шолом-Алейхем прислал ваше письмо ко мне непосредственно сюда.

Всего доброго!

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 10 и 17 января 1913 г.

[1] «*Primavera*» («Весна») — итальянский журнал для юношества. Ранее в этом журнале Горький напечатал автобиографический рассказ «Musica» (1911, № 1). См.: *15*, 533.

[2] Речь идет о романе «На весах жизни». Крайне отрицательно было и отношение В. И. Ленина к творчеству Винниченко. Несколько позже он писал И. Ф. Арманд по поводу романа «Заветы отцов»: «По-одиночке бывает, конечно, в жизни все то из „ужасов", что описывает Винниченко. Но соединить их все вместе и таким образом — значит, малевать ужасы, пужать и свое воображение и читателя, „забивать" себя и его» (*В. И. Ленин.* Т. 48. С. 295).

[3] Г. Гребенщиков «В просторах Сибири. Рассказы» (СПб., изд. т-ва писателей, 1913).

321. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1913.I.17

Дорогой Алексей Максимович.

Письмо Ваше получил. Зачем же, собственно говоря, будем мы проделывать столь сложную процедуру? Если весь вопрос сводится к материальной помощи, то я просто пошлю Лиде денег из ближайшего моего получения, вот и все. При этом мне кажется, что обязывать ее к пользованию деньгами независимо от Зины было бы несколько обидно для обоих, а в особенности для Зины, и даже могло бы дать начало неприятному чувству между супругами. Я говорил о том с Женею, и она того мнения, что на подобном условии Лида вряд ли примет ссуду. Да, как

я писал уже Вам, материальная сторона в данный момент не так важна, потому что помочь им перебыть беду и даже, в случае надобности и их желания, возвратить их в Европу — это я осилю. А вот как их дальше устраивать? — вот в чем я уже совершенно бессилен к помощи, ибо, как Вам известно, связей заграничных у меня совершенно нет, а призраками работы молодых людей недолго продержишь... Эта сторона гораздо важнее насущного их материального затруднения. Воспалительный острый процесс молодые силы выдержат при некоторой поддержке, а вот как быть, чтобы он не стал хроническим? Ну, да — раз Вы не можете вмешаться в судьбу молодой канадской пары, то, стало быть, поставим здесь точку. Попробую написать кое-кому — авось, что-нибудь сладится.

Вероятно, для печати Винниченко сильно переработал свою вещь, потому что я, уж более чем нелюбитель ропшинизма, решительно не нахожу в его романе следов этого весьма противного мне недуга. А — что вещь мрачная — верно. Преувеличений и желания стоять в романтической позе — тоже слишком много, равно как и достоевщины и андреевщины. Вы говорите: сам Достоевский не выдумывал подобного. Конечно, не выдумывал и не мог выдумать: жизнь попроще была, не прошла сквозь сверхчеловеческую школу-то. А — что касается фактического материала, то, к сожалению. В. грешит скорее чрезмерно фотографическим натурализмом, иногда до портретизма. В некоторых его страницах я узнал лица и деяния, о коих в архиве моем имеются «человеческие документы»... Главные герои и фабула, конечно, фальшиво задуманы и сделаны, а проходящие типы почти сплошь живые, да и живопись, вообще, превосходная. Словом, что хотите, а это не Ропшин.

Получил большое письмо от Айзмана. Очень хвалит Ваш рассказ в «В〈естнике〉 Евр〈опы〉»[1]. Измаялся он, бедняга, скитаясь в Питере без «правожительства»[2]. Но весел и бодр. Виделся с Куприным и говорит, что не мог удержаться от слез: до того ужасное впечатление.

Я в Риме слушал «Валькирию» и 2 симфонических концерта. Хорошо. Сколько русской музыки стали в Италии играть! Давно не слыхал 4-ой симфонии Чайковского. Не очень ее люблю, а рад ей был.

Рука у меня болит ужасно. Уже и карандаш начинает изменять. Видите, какой гнусный почерк становится. Прошлое письмо писал Вам на подарке Шолом-Алейхема — агатовым карандашом по копировальной лощеной бумаге. Уверял он меня, что не буду чувствовать, как пишу. Нет, весьма почувствовал, обыкновенный способ легче.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Сейчас увидел по «Утру России», что у меня есть за ними деньги, и написал, чтобы их немедленно послали Лиде. Так что это дело слажено, авось, и дальше что-нибудь устроится.

Ваш А.

[1] По-видимому, речь идет о рассказе «Ледоход». Впервые напечатан под названием «Из впечатлений проходящего» в журн. «Вестник Европы» (1912, № 12).

[2] В «Автобиографических заметках» (1914) Айзман писал: «До сих пор не имею определенного места жительства, не имею постоянной квартиры. Кочую, живу в гостиницах и меблирашках. Очень много терплю из-за неимения права жительства. Хотелось бы пожить в центральных губерниях — нельзя. В деревне бы пожить нужно — нельзя. Родной город Николаев повидать хотелось бы — нельзя: теперь он вне „черты“» (*МИ*. II. С. 346).

322. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1913.5.12

Дорогой Алексей Максимович!

Я только что возвратился из путешествия, в котором провел месяц, весьма отдохнув и оживившись за это время. Рука моя несколько поправилась, так что я в Зальцбурге принялся, было, даже писать Вам большое письмо. Однако, написав три открытки, не мог кончить своего послания, потому что в руке начались подозрительные подергивания. Путешествием своим я доволен свыше всякой меры, ибо как будто новый мир увидал. После весьма долгой разлуки с европейскою настоящею культурою Германия произвела на меня впечатление громадное. За восемь лет, что я ее не видал, она шагнула вперед невероятно во всех отношениях. Богаты, образованны, работники и даже благовоспитанны, чего прежде в немцах не замечалось. Всеобщее удивительное спокойствие и сознание национальной цельности своей и силы. Именно уж — «полный гордого доверия покой». Куда до них французам! Войско — так уж войско, рабочие — так уж рабочие, школа — так уж школа, искусство — так уж искусство. Войны не хотят, но и не боятся ее. А я забоялся: если будет такое несчастие, плохо нам придется. Цель моей поездки была, главным образом, познакомить сына Данилу с музыкальною жизнью Германии. И вот — тут-то я уж был совсем ошеломлен. До такой степени эта страна стоит впереди всех других. Не говоря уже о нашей любезной Италии, с ее милою, но поверхностною и грубою полумузыкальностью*, нельзя не сознаться, что даже и российское усердие в музыкальном отношении, при всем своем болезненном, почти маниакальном напряжении, не достигло и десятой доли тех результатов, которые имеются в Германии. Какие оркестры, какие капельмейстеры, сколько сделано для музыкального развития простого народа! И притом какая искренняя глубокая любовь к своему национальному творчеству! Думаю писать обо всем этом. Будет, пожалуй, интересно. Хотя обижу многих жрецов отечественного искусства, но это мне не впервой. Если бы Вы только слышали, что за прелесть новая опера Рихарда Штрауса «Розенкавалир» [1], какие она новые горизонты для искусства открывает, как выполняет то, о чем наш гениальный Мусоргский только мечтал еще в своей «Женитьбе» и в сцене корчмы в «Борисе Годунове»!

По возвращении из путешествия нашел, конечно, кучу писем, из которых приятных весьма немного, а неприятных совершенно достаточно. Зина передал мне Вашего «Хозяина». Спасибо. Я его видел уже в окнах германских магазинов, равно как и «Записки проходящего» [2]. Мне сейчас, после редкого отдыха, предстоит столько работы — нагонять запущенное, что просто голова кружится, как я справлюсь. Теперь, значит, привинчиваюсь к письменному столу на долгое время. Хорошо было бы нам повидаться, но обстоятельства так слагаются, а из России и вообще столько материальных запросов, что не могу сейчас и думать вновь тронуться с места. Быть может, у Вас окажется свободных несколько деньков — приехали бы провести их вместе? Хорошее было бы это дело, а то Вы на острове Кипри засиделись. Перед отъездом, пока еще читал журналы и газеты, видел, что Вы ужасно много работаете [3]. Вероятно, продолжается и теперь в том же духе? Злополучный мы народ на этом свете! Хотя, в конце концов, и счастливый своим злополучием.

Очень уж хорош Зальцбург, Алексей Максимович! Удивительный город. Жаль, что Вам там нельзя было бы жить, так как место дождливое. А побывать в нем когда-нибудь однажды просто-таки необходимо.

* Здесь и далее разрядкой выделены слова, которые Горький подчеркнул красным карандашом.

Гумбольдт[4] был совершенно прав, когда находил, что на свете три истинно красивых места: Неаполь, Константинополь и Зальцбург. Да и то первое из них теперь уж слишком изгажено неопрятною итальянскою полукультурою. Так что остается два, а из них я, как природный северянин, конечно, все-таки предпочитаю Зальцбург. Притом хватил я сейчас месяц северной весны — и точно в Тульской и Калужской губернии побывал. Освежает, как говаривал Федор Шаляпин про морскую воду. И птица, и береза, и лужа настоящая, и вообще вся среднерусская природа, по которой так иной раз тоскуешь...

Ну, вот, пока все, что на первых порах наплыло в голову и попросилось вылиться к Вам на Капри... Как живете-то? Ведь, по милости моей болезни, мы бог знает сколько времени не переписывались, потому что Вы вообразили, будто я на Вас сержусь. А я и не думал...

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Пишите, пожалуйста, а ежели можно, то и приезжайте.

Ваш Ал. А-в.

[1] «Кавалер розы» — музыкальная комедия в 3-х актах. Либретто Г. фон Гофмансталя. Одно из популярнейших произведений Рихарда Штрауса. Премьера (в январе 1911 г. в Дрездене) прошла с триумфальным успехом.

[2] М. Горький «Хозяин. Повесть», «Записки проходящего. Очерки. Часть первая». Обе книги были выпущены изд-вом Ладыжникова в марте 1913 г.

[3] В «Современнике» (1913, кн. 2) был напечатан рассказ Горького «Кладбище»; там же (кн. 3, 4 и 5) — повесть «Хозяин»; в «Вестнике Европы» (1913, № 2) — «По Руси (из впечатлений проходящего)» — рассказ «Покойник»; в газ. «Правда» (№ 87, 14/27 апр.) — «Сказка» (из цикла «Сказки об Италии»); в тот же день в газ. «Русское слово» (№ 87) — рассказ «Слобода Толмачиха» («Нилушка»); 28 апреля/11 мая в «Русском слове» — рассказ «Пепе» (из цикла «Сказки об Италии»).

[4] Очевидно, имеется в виду Александр *Гумбольдт* (1769—1859) — немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник, иностранный почетный член петербургской Академии наук. Брат Вильгельма *Гумбольдта* (1767—1835) — филолога, философа, языковеда, государственного деятеля. Исследовал природу различных стран Европы, Центральной и Южной Америки.

323. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Май, не ранее 24, 1913 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Отвечаю вам аккуратно, через десять дней после получения письма вашего, а собирался ответить в тот же день. Причины замедления: бронхит двенадцатидюймовый, кашляю так, что муниципальные часы на площади останавливаются в ужасе, потолки падают и ножки у стульев — у двух — сломались. Земляки при этом. Из Великое Скифи идет многое множество всякого народа, и все говорят, и всех надобно слушать. Хочется чего-нибудь понять, но — трудно! Очень путаная химия «текущий момент». Вот уж момент! Закон о печати — тоже[1]. Склеп, гроб и смерть!

Затем — покойники. Коцубинский помер[2], Чарушников[3] — это все меня очень касается. Карл Габерман[4] помер — и это тоже касается. Кстати: чудесно помер, очень просто, красиво.

А вы пишете о Германии, которая «во всех отношениях шагнула вперед невероятно», но у которой нет литературы, скульптуры, архитектуры, живописи; музыка — сомнительна, о Кантах и Шопенгауерах не слыхать, а Геккель и Вейсман[5] — древние старики. И которая — что там ни говорите,— продолжая развивать милитаризм, давит всю культуру Европы. Нет, не согласен с вашим суждением о Германии. И роста культуры ее не чувствую что-то. Кстати — этого не один я не чувствую, а вот Оствальд[6] тоже и Фрейд[7].

Что вы думаете о свидании 3-х монархов?[8] Жуткая штука, право! И — почему устранена Франция? Если даже — как пишут из Питера —

свидание имеет задачей обсудить вопрос о японо-китайско-сиамском союзе,— Франция должна бы иметь в этом место и голос.

Пишут из России, что к частичным мобилизациям нужно относиться серьезно, ибо они-де являются отдельными актами моб<илизац>ии общей. Жить становится все тревожней, а?

Ехать? Я? Никакой поезд, и пароход, и аэроплан не возьмут меня пассажиром, ибо разрушу все машины и винты кашлем. У меня сапоги лопнули от кашля, серьезно говорю. И у меня нет костюма для выезда из дома, ибо все одежки Максим сносил. Он изнашивает в неделю два пиджака, четверо брюк и 14 пар сапог. Необходимо строить фабрику готового платья.

Вообще, дела — по уши! Бывало, я летом рыбей ловил, а ныне и блоху поймать некогда. А как я всесторонне обобран — знали бы вы! Ни с кем этого не было, и я очень горжусь. В общем же — жить очень забавно, если не дует ветер и двери не хлопают.

А в Германию я не верю, нет! У немцев даже пиво плохо придумано. И вскорости они будут нас толкать вон из Европы. Ступайте, скажут, за Урал, чего вы тут путаетесь? Пшли! Мы, конечно, сперва заартачимся, не пойдем, тут они нас пушками, пушками! Беда будет!

Говорят о книге «И черти, и цветы» [9] — никогда не читал. Нет такой книги, и это враги мои дразнят алчность мою книжную.

Как хорошо, что вы не выучились кашлять! Это так же надоедно и неопрятно, как курение турецкого табака фабрики Рыморенка. До свидания, А. В., будьте здоровеньки! Отрицаю Германию!

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 12 мая 1913 г. и по фразе письма: «Отвечаю вам аккуратно, через десять дней после получения письма вашего...»

[1] Имеется в виду законопроект о печати министра внутренних дел Н. А. Маклакова. Реакционая суть законопроекта, имевшего целью пресечь развитие демократической печати, была разоблачена «Правдой» в ст. «Закон или намордник» (1913, № 109, 14/27 мая) и др.

[2] Коцюбинский умер 12/25 апреля 1913 г. в Чернигове. «Большого человека потеряла Украина,— телеграфировал Горький В. И. Коцюбинской,— долго и хорошо будет она помнить его добрую работу» (*XXIX*, 300).

[3] Александр Петрович *Чарушников* (1852—1913), вместе с С. П. Дороватовским,— первый издатель сочинений Горького («Очерки и рассказы» М. Горького, т. I—III, 1898—1899). Умер 19 мая 1913 г. на Капри. В газ. «Правда» (1913, № 106, 10 мая) был помещен некролог «Смерть первого издателя Максима Горького».

[4] Карл *Габерман* — немецкий писатель, умерший на Капри в апреле 1913 г.

[5] Эрнст *Геккель* (1834—1919) — немецкий ученый, естествоиспытатель, автор широко известной в свое время кн. «Мировые загадки. Популярные очерки монистической философии».

Август *Вейсман* (1834—1914) — немецкий ученый, естествоиспытатель, занимавшийся проблемами наследственности.

[6] Вильгельм *Оствальд* (1853—1932) — немецкий естествоиспытатель и философ, один из основателей физической химии и электрохимии.

[7] Зигмунд *Фрейд* (1856—1939) — австрийский врач и ученый, создатель метода психоанализа.

[8] Речь идет о встрече Вильгельма II, Николая II и английского короля Георга V в Берлине 22—24 мая 1913 г.

[9] Александр Амфитеатров «И черти, и цветы» (СПб., изд-во «Энергия», 1913). Название книги Амфитеатрова — парафраз строк комедии Грибоедова «Горе от ума»:

«Да, дурен сон; как погляжу,
Тут все есть, коли нет обмана:
И черти, и любовь, и страхи, и цветы...»

В кн. «И черти, и цветы» помещены фельетоны, статьи и сатирические стихи («Соломония бесноватая», «Лилит», «Родословная Мефистофеля», «Небо в луже», «О трагических мистификациях», «А. Н. Будищев», «В. В. Самойлов», «Последняя реальность», «О Саше Черном», «По прочтении одного процесса», «Из альбома», «Из песен о модерне», «Ожившие рифмы», «Ответы»).

324. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1913.6.11

Дорогой Алексей Максимович!

Письмо Ваше получил и содержание его не одобрил — разумеется, в той части его, которая касается Ваших недомоганий. Читал ровно семь дней в «Киевской мысли», что Вас посетил Чаговец и предлагал Вам всё чрезвычайно мудрые вопросы[1]. «И быть утро, и быть вечер — день первый». «И быть утро, и быть вечер — день вторый». Сей род ничем же не изымается, ниже (а не токмо) молитвою и постом. Я сейчас совершенно зарылся в сатирическую хрестоматию[2], первый том которой сегодня наконец свалил с плеч и отослал издателю, и в четвертый том — «Зверя из бездны», который, к ужасу моему, приходится переделать чуть-чуть не сначала до конца. Так долго лежала эта рукопись в праздности и так много за этот промежуток сделала — увы, должен огорчить Вас — германская наука. Много, конечно, и вранья, но уж и наработали, дьяволы!.. В первый том хрестоматии вошли «беранжеровцы»: братья Курочкины, Жулев, Кроль, Влас Точечкин. Прочитал «Хозяина» и чрезвычайно им утешен. В новизне твоей старина мне слышится, да еще и очень хорошая и яркая. Запой написан прямо поразительно. По приезде узнал о смерти Коцюбинского и был ею страшно поражен, и весьма сожалел, что поздно было уже выразить в какой-либо форме свои чувства по этому поводу. Это был человек, несомненно, талантливый и из тех, которые, действительно, могут явиться в молодой литературе, если еще не законоположниками, то, во всяком случае, подготовителями к периоду таковых. Да, народу валится — несть конца. В путешествии я просвистался хуже Ивана Александровича Хлестакова и теперь должен нагонять и деньги, и время, и запущенную работу. Все это «не весьма утешительно», как пишет в резолюциях обожаемый монарх. Недвижное сидение на Капри не одобряю. По опыту знаю, что, когда нападает инфлюэнца и всякие кашли, лучше всего на некоторое время переменить место жительства. Я в феврале и марте от этих радостей совсем пропадал, лишился голоса и не мог ни с кем говорить. И ничего не помогало. А — выехал, уже в Милане стал оправляться, а в Вене заговорил понемножку, человек человеком. Постигло нас событие, которое, право, не могу характеризовать иными словами, как — «большое горе». Дорогой наш Герман Александрович затеял уехать в Россию[3]. Сейчас-то он в Париже, и я мечтаю, что, авось, одумается и вернется. Но если он решился, то ведь удержать его нельзя. Боюсь не того, что это вовлечет его в большие осложнения и неприятности — это уж такая, видно, его присяга, от которой он подавать в отставку не намерен. А того, что не ко времени это: пользы он сейчас, постаревший чрезвычайно, много не принесет, да и кому там сейчас приносить эту его пользу? — Лагери разбиты, и склейки их покуда не предвидится. А запусто испортит себе конец жизни. Он сам мне сказал, что не рассчитывает ни на какую политическую роль: для того, чтобы войти в какую-нибудь партийную дисциплину или связать себя с какой-нибудь уже существующей организацией, считает себе не по характеру, он и в старину был властен; а для того, чтобы начать свою организацию и вообще повести свою линию, резонно считает себя и старым, и уставшим. Остается, значит, роль советника и юрисконсульта при более или менее симпатичных ему группах — пожалуй, левокадетских что ли, при народных социалистах и т. д. Весьма вероятно, что в этом отношении он будет и не лишний, так как умного практика там не обильно, но за такие, по существу, пустяки терять Гер. Алекс. уж очень обидно. Ведь я, не обинуясь, скажу, что это самый крупный человек, которого я знал в своей жизни, а я, как Вам известно, потолокся по земному шару достаточно и людей

перевидал многих, и очень хороших... Конечно, «смерть в стране родной милей, чем слава на чужбине», но страшно думать, что он именно навстречу этой смерти и поехал... Уже и сейчас его ищут, и зарыскали шпики, обеспокоенные его внезапным исчезновением. Не ясно ли это предуказание, что́ ждет его в России. Даже не предполагая никаких специальных ужасов и преследований, я ведь знаю: при первом же аресте, а, может быть, даже при первом же обыске, он либо наделает таких чудес, что его пришибут на месте, либо надорвется сердцем, которое начало ему изменять, и пропадет ни за грош... А рассуждать так, что, мол, дожил до лет преклонных и лучше конец в честной драке, чем спокойное ожидание естественного конца существования,— теоретически могу, а практически применить именно к Герману Александровичу — ужасно жалко... Столкновение же его с властью неизбежно на первых же порах. Его сейчас, когда прозевали его отъезд, ищут, как иголку в сене, даже не заботясь прикрывать эти поиски, и в Феццано, и в Нерви, и в Неаполе: ясный знак, какое значение придает ему российская охранка и как она счастлива будет обнять его на границе. Отъезд его, конечно, был для меня большим огорчением и с эгоистической точки зрения, так как теперь я остался без товарища... Социально-политический интерес у нас в доме слаб, а Герман Александрович всегда весь им кипел и таким остался до последнего дня, что мы были вместе... Шесть лет прожить в соседних комнатах, ни разу не имев между собою какого бы то ни было, хотя бы малого, неудовольствия,— это не шутка, и с потерею этого не так-то легко примириться...

Бальмонта необычайно чествовали в Москве[4], но не удержались, чтобы не смазать тряпкою по лицу в самый день торжества. Правда ли, что тяжело болен Леонид Андреев? Нечего сказать, везет русской литературе. А уж какую же дрянь, все-таки, напечатал он в «Совр‹еменном› мире»[5]. Не читал я журналов года три или больше, стал читать — опять брошу. Наводит уныние на фронт, а мне это качество неподходящее, ибо надо очень много работать и быть в хорошем расположении духа. Говорил мне Зина, что Вы пребываете в хроническом восторге от Бунина. Ну, знаете, скажу Вам стихами Алмазова: в этом пункте, я с Вами, «как Сталь с Наполеоном, хоть умру, а не сойдусь...»[6] Вообще до Бенвенутов Челлини я не чрезмерный охотник, а уж до челлиниевских изделий из лыка (да еще и лыка-то не настоящего, а папье-маше) тем паче. А народа он не любит — все врет, и на народ врет, и на язык врет... Если бы таков был народ, как его Бунин пишет, то только и оставалось бы молить небеса, чтобы пришли немцы и обтесали эту уродскую массу завоеванием: авось, на людей хоть сколько-нибудь станут похожи... Боже мой, как мало времени и как много труда! Но спасибо путешествию, оно меня здорово подстегнуло, и сейчас я совсем не устаю.

До свидания, дорогой. Будьте здоровы. Жалко, что опять, значит, долго не увидимся. Осенью переезжаем в Леванто, как я уже, кажется, Вам писал, а через год — должно быть — в Лейпциг. Ничего не поделаешь: сыновний талант тянет. Ему расти, а нам умаляться, как Иоанн Предтеча сказал... А старший сын у меня женился — на ком, собственно говоря, не знаю. Что-то, говорят, высокодекадентское... Ну, что ж, каждому времени свой круг... Надо, однако, готовится к дедовскому положению и изучать соответственные ему позы... При переезде и пересмотре библиотеки я отложу целый воз разной литературы, которую в Леванто тащить ни к чему. Я уже просил Зину переправить Вам сие для взывающих к Вам библиотек и т. под. ...Откуда в «Киевскую мысль» попал Ваш с Гер. Ал-ем портрет?[7] Мы тут, признаться, несколько обеспокоились — сейчас Г. А. гласность большая перед приездом не совсем-то удобна. Он очень рассчитывает на то, чтобы первое время прошло тишком, пока, словом, не осядет он в Вильно или Киеве, а потом уже,

ожившись, думает махнуть в Питер. Ну, до свидания. Желаю Вам всего хорошего, а также сшить непременно новые штаны взамен тех, которые истребляет неистовый Максим. То-то, небось, сейчас вырос в слона. Или нет, впрочем: он ведь худощавый, значит, больше вроде жирафы... «И черти, и цветы» я Вам послал раньше, чем получил письмо,— как только прислали из Петербурга. Книга нелепая, но, быть может, Вас заинтересует мой анализ Соломонии бесноватой. Там кое-что говорится по-новому. А еще интерес этой книги в том, что она показывает степень трусости российской современной печати. Все, что там относится к Маклакову, Дурново и Кассо, не решилась напечатать ни одна газета, равно как и балладу об амнистии (Будрысы). Между тем книга не вызвала никаких репрессий[8]. Сие поучительно, насколько мы, россияне, умеем сами себя обуздывать и подличаем на всякий случай даже там, где и власть подлостей не требует... Вообще... Ну, «да уж довольно ты моего вяканья слушал» — еще раз до свиданья, будьте здоровы и веселы.

Ваш Ал. А.

[1] В «Киевской мысли» печатались статьи киевского журналиста Всеволода Андреевича Чаговца «В гостях у Горького» (1913, № 128, 130, 132—134, 136, 144; 10, 12, 14—16, 18, 26 мая).

[2] Очевидно, Амфитеатров сузил первоначальный замысел издания «сатирической библиотеки» или хрестоматии (см. А—Г, п. от 18 марта 1912 г. прим. 4). Речь идет о сатирических сб. «Забытый смех, поморная муза», подготовленных Амфитеатровым (Моск. книгоизд-во). Вышло два сборника. В первый — «Беранжеровцы» (1914) — вошли стихи В. С. Курочкина, Г. Н. Жулева (Скорбный поэт), Н. С. Курочкина, В. И. Богданова (Влас Точечкин), Н. И. Кроля и приложение «Козьма Прутков в „Искре“». Во втором — «Гейневцы» (1917) — были напечатаны стихи П. И. Вейнберга (Гейне из Тамбова), Амоса Шишкина, В. Г. Тихановича, Н. Л. Гнута-Ломана, В. П. Буренина (Владимир Монументов и Худозад Передринов), Л. И. Пальмина. Третий сборник — «Некрасовцы» — не вышел. План его помещен в первом сборнике: Д. Д. Минаев, Дядя Пахом, А. Лакида; позднейшие и второстепенные сотрудники (Стародубский, Комаров, Клеймо и т. д.); случайные сотрудники; приложение: друзья, гости и союзники «Искры» (Губер, Бенедиктов, Бернет, Греков, Полонский, Гербель, Алмазов, Мей).

[3] Лопатин уехал в Россию 24 июня 1913 г. См. ст. «Один из талантливейших русских людей» и сообщение «К биографии Лопатина».

[4] Речь идет о чествовании Бальмонта в связи с его возвращением в Россию 5/18 мая 1913 г. после семилетней эмиграции. Чествование состоялось 7/20 мая в Обществе свободной эстетики. Среди прочих Бальмонта приветствовал Вл. Маяковский, выступавший от лица его «врагов»: «Когда вы начнете знакомиться с русской жизнью, то вы столкнетесь с нашей голой ненавистью (...) Вы пели о России — отживающих дворянских усадьбах и голых бесплодных полях (...) Наша лира звучит о днях современных...» (Русское слов. 1913. № 105. 8/21 мая).

[5] Речь идет о рассказе Л. Андреева «Он» (Современный мир. 1913. № 1, 4).

[6] Строки из литературной пародии Б. Н. Алмазова: «Похороны „Русской речи“, скончавшейся после непродолжительной, но тяжелой болезни» (*Алмазов Б. Н.* Сочинения в трех томах. М., 1892. Т. 2. С. 324). Амфитеатров поместил стихи Алмазова во втором сборнике «Забытый смех», назвав их одной из лучших литературных пародий (с. 146—153).

[7] Фотография «Г. А. Лопатин и Максим Горький (последний снимок)» была напечатана на обложке иллюстрированного приложения к газ. «Киевская мысль» (1913, № 128, 10 мая).

[8] В ст. «Соломония бесноватая. Человеческий документ XVII века» Амфитеатров рассматривал «повесть о бесноватой жене Соломонии» как «одно из замечательнейших по своей подробности и правдоподобию, с точки зрения психофизиологического наблюдения, изображение демономании на почве сексуального расстройства» («И черти, и цветы», с. 1).

В разделе «Из альбома» помещены сатирические стихи: «Утешительные речи», «Перевод с греческого», баллада «Будрыс и его сыновья», «Притча об игроке и веревке», в которых содержались намеки на деятельность Маклакова, Кассо, Дурново.

Петр Николаевич *Дурново* (1845—1915) — один из реакционнейших представителей царской бюрократии; занимал ряд ответственных постов — директора Департамента полиции, министра внутренних дел и др. Принимал жестокие меры для подавления революции 1905—1907 гг.

325. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

1913.VII.12

Дорогой Алексей Максимович.

Прочитал сейчас телеграмму в «К⟨иевской⟩ м⟨ысли⟩» [1]

Возвращение М. Горького. (От наших корреспондентов).

Москва, 25 июня. Максим Горький подал прошение консулу о выдаче пропуска через русскую границу. Он скоро возвращается на родину.

Петербург. 25 июня. Сообщают, что Максим Горький вернется в августе и будет редактировать журнал «Просвещение» [2].

Правда или нет?

Искренно образован Вашим возвращением в Россию. И за Вас, и за русское общество. За Вас — почему, распространяться излишне. Какое счастье жить на родине и омыть себя живою водою ее — что уж говорить! То-то сейчас увидите, то-то понаблюдаете новую Россию, то-то ее напишете... Хорошо!

А русское общество и в особенности литературный мир и близко соприкосновенная с ним интеллигенция нуждаются в человеке, который бы сейчас взял на себя роль их совести и произвел бы в них, хотя бы уже одним своим присутствием и наглядным примером, ту моральную дезинфекцию, в которой, по-видимому, необходимость настала неотложная.

Прекрасный писатель и человек, В. Г. Короленко недостаточно популярен для целей такого центрального дезинфектора. Словом, хотите Вы или не хотите, а придется Вам принять власть, выпавшую из мертвой руки Толстого, и думаю, что возьмете Вы сие «скифетро» с бо́льшим даже правом, чем держал его покойник. Не художества ваши сравниваю, хотя и тут я «На дне» ни на что не променяю,— а — как общественный демократический символ, Вы, для века нашего, больше, глубже и чище Льва Николаевича, который, как его не верти, все же был последний кающийся дворянин... Нужен обществу человек, который бы в настоящем смешении понятий, когда его спрашивают, хорошо это или дурно, мог бы спокойно, но твердо и властно сказать, что это вот хорошо, а это дурно, что так поступающие — со мною, а этак — против меня... Кроме Вас, другого такого человека я не вижу в России, в литературном мире, ибо Вы единственный, соединяющий громадную популярность с репутацией незапятнанной житейской, не говоря уже о политической, чистоты. Оба эти качества должны быть вместе, а в России у нас как-то жизнь сложилась так, что они всегда разъединены.

Если правда, что Вы так скоро едете, не проезжайте мимо, не повидавшись. Может быть, ведь, больше никогда не встретимся. Вы, попав однажды в Россию, вряд ли выберетесь в Европу — по крайней мере, добровольно, если не придется удирать. А я, чем больше живу, тем больше убеждаюсь, что мне в России не бывать.

От Г⟨ермана⟩ А⟨лександровича⟩ имею известия о благополучном его странствии.

Тут у нас — о чем Вы, может быть, знаете из итальянских газет — разыгрался шпионский скандал, начатый Бурцевым в Париже. Посылаю Вам, на всякий случай, мое письмо из «Avanti» [3]. Бурцев был здесь. Итальянцы вели и ведут себя прямо трогательно. В прошлую субботу фецданцы устроили грандиозную антишпионскую демонстрацию, ходили со знаменем и музыкой, говорили речи. Клянутся и божатся, что не затихнут, пока не доведут дела до запроса в парламенте... Это хорошо было бы.

Я сдал предпоследнюю главу четвертого «Зверя» [4].

Сейчас весь завален работой по организации новых сборников «Энергия». Лето у меня вышло страшно тяжелое: расплатился за апрельский загул. Так-то вот и живет наш брат мастеровой.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] В письмо вклеены вырезки из газ. «Киевская мысль».

[2] См. ст. И. А. Ревякиной «Горький — редактор журн. „Просвещение“».

[3] Амфитеатров приложил к письму вырезку из итальянской газ. «Avanti», где было напечатано «Письмо А. В. Амфитеатрова по поводу установленной за ним агентами русской полиции слежки».

Русский текст этого письма был напечатан в газ. «Биржевые ведомости» (1913, № 13677, 31 июля, веч. вып.). «Мы, русские эмигранты,— писал Амфитеатров,— к этому, увы, привыкли. За мной следили в Риме, в Специи, в Париже и в Кави-Лаванья, о чем я в свое время уже писал, напечатав на столбцах „Avanti“ текст телеграммы, с которой я обратился к министру президенту Джолитти, с просьбой защитить меня от русских шпионов».

Амфитеатров заканчивал письмо утверждением о том, как мало его интересует, что читают из его трудов и писем шпионы, но тем не менее его «возмущает то, что власть русской полиции доходит до Италии, до этой действительно конституционной и либеральной страны (...) (страны Мадзини и Гарибальди)», которую он благодарит «за убежище и заботу».

[4] Речь идет о четвертом томе «Зверя из бездны».

326. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Римини. Июль, после 20, 1913 г.)

Вы думаете я на Капри, а я вот уже семь раз Рубикон перешел взад-вперед, и это вовсе не трудно, и напрасно Юлий Цезарь шум поднимал, и камень поставил на базаре Римини тоже напрасно — кстати: камень плохой!

На днях отсюда сбегу в другое место, потом опять сбегу в третье, а — глядишь, и к вам попаду! [1]

Всё может быть! Всё! Балканские события доказали это [2].

Еду ли я в Россию? Все спрашивают об этом — т. е. все знакомые и друзья. Кажется — еду, когда — не решил [3].

Это предприятие, между нами говоря, жуткое, не в тех смыслах, что Грузенберг обещает процесс по 73-й [4],— нет, конечно! А чувствую я, что лежит на мне большущая ответственность за каждое слово и — вы понимаете, дорогой друг, как естественен некий священный трепет? Вот и вы тоже возлагаете ношу на рамена мои — сдержу ли я? Вы, я знаю, почувствуете, что здесь не вопрос личный, а нечто неизмеримо бо́льшее.

И я готовлюсь к переезду на Русь с великим тщанием, с бо́льшой душевной мукой, все время выпаривая из себя разные пустяки.

Крепко жму руку, будьте здоровы. Скоро увидимся.

А. Пешков

Датируется по времени пребывания Горького в Римини и сопоставлению с письмами Горького к Е. П. Пешковой. См. ниже.

[1] В связи с ухудшением состояния здоровья Горький 11 июля 1913 г. уехал на север Италии. Был в городах: Болонья, Падуя, Римини, Венеция, Верона, Винченца, а также в Риме, Неаполе.

В Римини Горький приехал из Болоньи 14 июля 1913 г. См. его телеграмму Е. П. Пешковой от 14 июля 1913 г. (*Арх. Г.* Т. IX. С. 150).

24 июля 1913 г. Горький писал Пешковой из Римини: «Очень радует меня, что здоровье быстро восстанавливается, да и все вообще — недурно (...) Я отсюда, м. б., скоро уеду, но еще не решено — куда» (Там же. С. 150—151).

25 июля Горький телеграфировал Пешковой из Римини: «Больше писем не посылайте» (Там же. С. 51).

3 августа Горький приехал из Римини в Падую. На Капри Горький вернулся 16 августа 1913 г.

ГОРЬКИЙ В ГАЛЕРЕЕ МОНАСТЫРЯ
Фотография Н. А. Румянцева. Италия. 1911—1913
Музей Горького, Москва

[2] 29 июня 1913 г. началась вторая Балканская война, вызванная обострением противоречий в лагере стран, объединившихся в 1912 г. в Балканский союз и воевавших в первую Балканскую войну против Турции. На этот раз Сербия, Греция, Румыния, Черногория выступили против Болгарии, к ним присоединилась Турция.

[3] См.: Г—Гр, п. 20.

[4] Предположение Грузенберга вскоре оправдалось. 20 июля/2 августа 1913 г. Петербургская судебная палата постановила оставить в силе «со всеми его законными последствиями» розыск через публикацию А. М. Пешкова (Горького), обвиняемого по ст. 73 (богохульство.— *Ред.*) Уголовного уложения по поводу его повести «Мать» в XVIII *сб. «Знания»* (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 369).

327. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 30.7.1913

Дорогой Алексей Максимович.

Письмо Ваше получил. Крепко Вас жду и очень волнуюсь Вашим планом путешествия в Россию. Я не думаю, чтобы правительство сейчас набросилось на Вас с какими-либо резкими мерами. Во-первых, это ему ни с какой стороны не выгодно в моральном отношении. Во-вторых, оглашением, что Ваши дела погашены [1], они закрыли себе возможность новых придирок к Вам. Последние явились бы уже простым и грубым актом насилия против неприятного им и опасного популярностью человека, в чем ни одно правительство никогда расписываться не любило, не любит, не будет любить. А что в России ждут от Вас очень многого и ответственность на Вас ложится большущая — это, конечно, несомненно. Но, по-моему, бояться Вам тут нечего, а бремена, хотя бы они были неудобоносимы, принять Вам на себя следует. Уже потому — писал я Вам в прошлом письме,— что больше принять их некому... Я только одного боюсь: как приедете Вы в Петербург или другой большой город да набросится на Вас разная публика с разными предприятиями, а Вы предприятия любите, и затормошат Вас на разное, может быть отчасти и полезное, но, в конце концов, по процессу своему суетное и второсте-

пенное или даже третьестепенное дело... А, в сущности говоря, самое полезное для России сейчас с Вашей стороны, по-моему, было бы вот, как я Вам писал: положение, до известной степени, судии, блюдущего народ свой и не позволяющего совершаться в нем нехорошим вещам и уклоняться ему на путь Ваалов... Ну, да поговорим, когда приедете. Ах, нужен, ах, нужен русскому человеку сейчас пробирный камень, по которому узнавалось бы, где в нем золото настоящее, где золото с другой стороны... Нужен некто, имеющий власть сказать русскому человеку, когда он дурак, когда он ангел. Читал «В ущелье» в «Рус‹ском› слове» [2], и очень мне понравилось. От Василия Немировича получил по этому поводу тоже восторженное письмо... Приезжайте в Фецпано поскорее.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш

Печатается по машинописи без подписи и правки, с пометой Амфитеатрова: «М. Горькому».

[1] На основании указа об амнистии от 21 февраля 1913 г. Петербургская судебная палата по предписанию прокурора палаты от 4/17 и 6/19 апреля 1913 г. прекратила дело по обвинению А. М. Пешкова (Горького) по ст. 129 и ст. 132 Уголовного уложения в издании брошюр Маркса и Энгельса «Манифест Коммунистической партии», П. Кропоткина «В русских и французских тюрьмах» и кн. Серафимовича «Рассказы», т. III (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 352).

[2] Рассказ Горького «В ущелье» был напечатан в газ. «Русское слово» (1913, № 156, 157 и 158, 7/20, 9/22 и 10/23 июля). Вошел без заглавия в виде девятой главы в кн. «Записки проходящего. Очерки» (изд-во Ладыжникова).

328. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Levanto. 1913.IX.26

Дорогой Алексей Максимович.

Писал я Вам большое письмо в Римини, ответа не получил; послал Вам открытку из пешего нашего странствия с Зиною уже на Капри [1] — тоже; обещали приехать — не приехали... А между тем все время земля полнится слухами о Вас, по большей части тревожными, и хотя почти всегда был уверен, что ложными, но все-таки волновались мы здесь в неведении достаточно. От Л. Старка узнали об операции, перенесенной Максимом... Как теперь? [2]

Прочитал в газетах о «Зыковых» [3]. Читаю в «Р‹усском› сл‹ове›» отрывки Вашей автобиографии [4], великолепные, сильные, и ругаюсь, и глубоко сожалею, что этакую вещь Вы отдаете на растерзание газетным печатанием, в котором она теряется. Отчего не в журнале?

Я завален всякою работою, по большей частью скучною, техническою, выше ушей; изрядно устаю, тем более что, после переезда, дом еще не пришел в должный порядок.

Наконец, совсем сладил «Энергию» [5], а сладив, хочу о ней с Вами поговорить, так как раньше, покуда дело было зыбко и неопределенно, сего остерегался — и Вам, и мне прискучили воздушные-то замки, которые вечно из России предлагаются и, при первом к ним прикосновении, распадаются.

Этот распадаться не намерен — по крайней мере, по зависящим от него обстоятельствам. Денег не преувеличенно много, но — столько, сколько будет надо по ходу дела. В литературно-художественно-политической, словом, во всей редакционной части я, по контракту, полный и единственный хозяин. Контракт заключен на 3 года, с правом пролонгации на такой же срок. В случае совершенного неуспеха издания (если не покроем 50% расхода) издатель по истечении года (6 сборников) имеет право заявить отказ, но, после отказа, обязан выпустить еще два сборника, и тогда уже, если он настаивает на отказе, последний вступает в силу. Так что в самом скверном исходе мы имеем пред

собою 10 книжек по 15—18 листов (maximum — 20). Думаю, что на таком пространстве можно и людям, и самому себе выяснить, полезно ли издание и надо ли его продолжать.

В первой книжке почти весь материал беллетристический, публицистическая только моя заключительная статья «Времена и нравы». Во вторую введу уже отдел критический и т. д., мало-помалу будем превращать издание в толстый журнал, который и сейчас могли бы начать, но издатель наш, человек старый и очень добросовестный, говорит, что не хочет брать на свою душу подписчиков: вдруг соберем подписку, сделаем из нее затраты, а журнал хлопнут — что тогда?

Мое участие в «Энергии», кроме обязанностей редакторских и организаторских, выражается обязательством давать в каждый сборник не менее 3 листов текста, а в два — $7^1/_2$, т. е., в два приема, роман.

План беллетристического отдела у меня такой, чтобы в каждой книжке, кроме моих вещей, было хорошее литературное имя и хороший молодой автор, дебютант либо «недавно на сцене».

Первую книжку, которая выйдет 1—5 октября, русского, удалось сладить именно таким образом и, я думаю, удачно: повесть В. Серошевского, повесть Вашего ученика Б. Тимофеева («Сухие сучки» — очень хорошая, он говорит, что Вы их знаете), моя повесть, мой фельетон, три стихотворения Ивана Свистова, о котором я Вам рассказывал в Аляссио, четыре письма Антона Чехова [6].

Дальнейшее формирую. Выбор большой [7].

Сотрудники подваливают. Из народа уже именитого имеем Кони, Серошевского, Александра Яблоновского, обоих Немировичей-Данченко, Новорусского, Дионео, Теффи, Айзмана, Сумбатова — жду еще кое-каких на днях ответов. Влад. Ив. Немирович-Данченко и Сумбатов [8] — конечно — для статей по театральному делу. Музыку будет писать — попробуем — Г. Н. Тимофеев [9]: у него хорошее чутье к русским композиторам.

Из молодежи уже в ходу — Иван Вольный, Замятин [10], Никандров (ах, какой талант у этого необлизанного медвежонка!) и Сургучев. Прислали рукописи Ширяев, Соболь-Нежданов [11]... ну, это слабовато!

Так вот стоит, значит, теперь дело.

И вот теперь, когда оно слажено, хочу я Вас в него звать, без страха, что, если примете предложение, найдете в деле неустройство и безлепицу, за которые однажды суждено мне было огорчение принять от Вас — сгоряча — незаслуженный упрек... Именно поэтому я, в качестве пуганой вороны, и молчал до сих пор.

Если Вы принципиально не прочь принять участие в «Энергии», чем я был бы бесконечно счастлив, то давайте столковываться. Желательно было бы получить от Вас вещь, конечно, не слишком большого размера, так как сборники имеют бюджет, который переходить на первых порах неудобно и не хотелось бы, а Вы автор дорогой. Если «Зыковы» у Вас еще не проданы, то, может быть, эта вещь подошла бы нам? Тогда мы ее пустили бы в 3-м сборнике, который выйдет 1/14 февраля 1914 г. А если у Вас есть свободный небольшой рассказ в лист-$1^1/_2$, то был бы я ему рад и для 2-го сборника, который выйдет 1/14 декабря этого года, иметь же его мне, в редакции, надо не позже 15/28 октября — стало быть, от сего дня, когда Вы письмо получите, ровно через месяц.

Если подходит Вам наше дело, сердечно буду рад — во всяком же случае, напишите скорее, ждать ли, нет ли, и чего. А равным образом — гонорарные условия, так как в финансовом распорядительстве я бесконтролен только до суммы в 150 р. с листа, о гонорарах же высших должен сноситься с издательством... Да в этом-то столкуемся.

Вот покуда и всё. До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. А-в

[1] Упоминаемой открыткой *АГ* не располагает.

[2] Е. К. Малиновской Горький писал 25 сентября 1913 г.: «Нездоров, зол на себя, а тут еще Максим нажил нарыв в среднем ухе, резали его, и Максим теперь в Неаполе, где пролежит дён 10. Операция была весьма болезненная, стоить все это будет дорого, а денег — нет! И я катаю фельетоны в „Рус(ское) слово", занятие далеко не радостное» (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 357).

[3] Возможно, Амфитеатров имеет в виду заметку «Новая пьеса Горького» (Руль. 1913. № 422. 9/22 сент.), в которой сообщалось о чтении пьесы «Зыковы» в одном из московских театров. Пьеса «Зыковы. Сцены» впервые вышла отдельной книгой в изд-ве Ладыжникова в 1914 г. В России до Октябрьской революции было напечатано только ее первое действие (Современник. 1915. № 1).

[4] Повесть Горького «Детство» печаталась Сытиным в газ. «Русское слово» с 25 августа/7 сентября 1913 г. по январь 1914 г. Первая глава появилась в журн. «Просвещение» (1913, № 9). Отдельная книга — в изд-ве Ладыжникова в 1914 г.

[5] Литературно-художественные сборники «Энергия» (Изящная словесность. Критика. Публицистика. Научные популяризации. Мемуары. Сатира. Фельетон) выходили в Петербурге, в изд-ве «Энергия» (сб. 1 — 1913 г., сб. 2 и 3 — 1914 г.). Издание не имело определенной общественно-политической платформы.

[6] Содержание сб. 1: В. Серошевский «Дары северного ветра (фантастическая повесть)»; Иван Свистов «Лесная темь» (стихотворения «Гроза», «Бугор», «Старушки»); Александр Амфитеатров «Юность одной певицы. Человеческий документ»; «Четыре письма А. П. Чехова с заметкой и примечаниями Амфитеатрова»; Б. Тимофеев «Сухие сучки» (повесть); А. Амфитеатров «Времена и нравы».

[7] В сб. 2 вошли: «Светлый бог. Сказка в 4-х действиях» Д. Айзмана; стихотворения Тэффи «Смерть» и С. Астрова «Тишь», «У окна», «Скрипка», «Этой ночью», «Из Каприйского альбома»; продолжение романа Амфитеатрова «Сестра Елена. (Из записок одной певицы)»; письмо Н. А. Римского-Корсакова (с заметкой и примечаниями Амфитеатрова); в разделе «Молодое растет» напечатаны рассказы о детях Н. Никандрова «Искусство», Вл. Кадашева «Огонь», Кир. Волгина «Антипка»; в разделе «Неволя» — рассказы об узниках Ив. Вольнова «Осенью», Конст. Лигского «Via Dolorosa»; ст. М. Новорусского «Пределы науки», А. Петрищева «Победоносное поражение».

В сб. 3 печатались: стихи А. Черного «Летние сны»; Тэффи «Подсолнечник», Ю. Зубовского «Сказка жизни»; в разделе «Голоса любви» — К. и О. Ковальские «Когда цветет земля» (из цикла финские рассказы), Ник. Ашешов «Голова Олоферна», В. Кадашев «Золотая осень», З. Пешков «Мимолетное»; в разделе «Неволя» — Андр. Соболь (А. Нежданов) «Мендель — Иван»; в разделе «Memento» — А. Грузинский-Лазарев «Пропавшие романы и пьесы Чехова», Ал-др Амфитеатров «Разгон. (Из записок Марии Павловны Урошич)»; в разделе «Ars» — Гр. Тимофеев «Лист и русская музыка»; в разделе «Времена и нравы» — А. Карелин «Сила-капитал». В сатирическом отделе — А. Черный «Продолжение одного старого разговора», В. Князев «Болото», Кир. Волгин «Будни», И. С. Григорьев «Почтительные строки».

[8] Среди лиц, упоминаемых Амфитеатровым: Анатолий Федорович *Кони* (1844—1927) — юрист, общественный деятель; Александр Александрович *Яблонский* (1870—1934) — писатель и фельетонист; Михаил Васильевич *Новорусский* (1861—1952) — народоволец, узник Шлиссельбургской крепости (до 1905 г.), автор воспоминаний «В Шлиссельберге», опубл. в XII *сб. «Знания»; Дионео* (псевдоним Исаака Владимировича Шкловского) (1865—1935) — журналист, очеркист, этнограф.

Тэффи (Надежда Александровна Лохвицкая-Бучинская) (1872—1952) — русская писательница, сотрудничала в журн. «Сатирикон», газ. «Русское слово», «Биржевые ведомости» и др.; в большевистской печати — «Новой жизни», «Звезде». В 1920 г. эмигрировала. В сб. 2 «Энергии» см. ее стихотворение «Смерть», в сб. 3 — «Подсолнечник» (1914).

[9] Григорий Николаевич *Тимофеев* (1868—1919) — музыковед и музыкальный критик. Автор многочисленных статей о русских композиторах: «П. И. Чайковский в роли музыкального критика» (Русская музыкальная газета. 1899. № 29—34); «А. П. Бородин. Жизнь, творчество, неизданные письма» (Современник. 1912. Кн. 8—9); «М. А. Балакирев» (Русская мысль. 1912. № 6—7) и др.

[10] Евгений Иванович *Замятин* (1884—1937) — писатель. Принимал участие в революционном движении 1905—1907 гг., подвергался репрессиям. В 1906—1911 гг. жил на нелегальном положении. Начал печататься в 1908 г. Раннее творчество Замятина было окрашено демократическими настроениями. В 1913 г. была напечатана его повесть «Уездное» (Заветы, № 5), в 1914 — повесть «На куличках» (Там же, № 3). В сборниках «Энергия» не участвовал. В 1932 г. уехал за границу.

[11] Андрей *Соболь* (Юлий Михайлович Нежданов) (1888—1926). В 1906 г. был сослан в Сибирь. В 1909 г. бежал из ссылки в Швейцарию. Вернулся в Россию в 1915 г.

329. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Неаполь. Между 27 сентября и 1 октября 1913 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Слухов о состоянии моего здоровья — не слыхал и в какой мере они преувеличены — не знаю, но — между нами говоря — нездоров я здорово. Между нами — потому что не хотелось бы сожалительных газетных ламентаций.

У меня — рецидив туберкулеза и, как говорят сведущие люди, вся верхняя доля правого легкого весьма в беспорядке. И — вообще в легких нехорошо. Пастеровский институт нашел палочки Коховы в хорошем количестве и прекрасного качества. Обильные поты, африканские температуры и прочие штуки довели мя до пренеприятной скудости сил. Было — с месяц тому назад — намерение лечь и лежать, дондеже не встану на рев трубы архангеловой.

Но — сие прошло, благодаря энергичному нападению докторов, кои принялись меня зверски подлечивать, сейчас мне значительно лучше, t° почти нормальна, кашель — простенький, и вообще — я намерен поправиться. Ем. Очень ем! Ем до того, что всякая пища — противна, все кормящие — ненавистны, ем и с восторгом думаю: как хорошо быть русским мужиком, которому нечего есть. Или — индусом.

Пребываю в Неаполе — Hôtel Royal Santo Lucia[1] — лежу и ем. Сижу и тоже ем. Весь день поглощаю пищу, в общем — пуда три, прохожие удивляются.

«Детство» — писано давно, продано по нужде и, конечно, преждевременно, что я весьма понимаю,— «Зыковы» — тоже старенькая вещь. Я уже отдал их Сытину.

Работать мне — не очень позволяют, а говорят: лежи! Ешь! Не думай! Лежать и есть выучился, а «не думать» — никогда не научусь. Хоть плохо, а буду думать, буду!

Лечение — т. е. лежание — потребует месяца три времени. Очень я устал за последние два года, переработал, но — захворал я не от одной усталости, а от скопления благоприятных для палочек обстоятельств.

Делу вашему — не завидую, хотя и «Энергия». Александр Валент.— поверьте: ничего не выйдет. «Не те времена» — не то нужно. Что́ именно — не знаю, но — чувствую: не то нужно!

Я, конечно, не могу дать вам никаких обещаний, а готовой рукописи — нет. Писать — не в силах. Сегодня утром свалился в обморок — без всяких видимых причин, так себе: стоял и упал. Да-с! А вы что про нас думаете?

Душевное состояние точнейше определяется словом — ярость. Хочется драться, кусаться и бить зеркала. Хочется схватить весь Неаполитанский залив и выплеснуть его на каменную башку Пятницкого. Потом — Везувием его промежду крылец[2].

Лежу и пою — про себя — мрачным басом песню покойника дяди моего Якова, гитариста и шарлатана:

Нищий вывесил портянку сушить,
А другой нищий — портянку украл!
Ой — скушно мне!
Эх — грустно мне![3]

Так-то-с! Будьте здоровы, ибо — хворь удовольствие сомнительное и очень дорогое. Особенно — в Неаполе.

Повесть Тимофеева — длинна. Серошевского — еще длинней[4].

Никандров — это — да! Талант.

Зовите к себе Георгия Гребенщикова — Барнаул, редакция газеты «Сибирская новь»; С. Матвеева[5], Тараканова[6], Волгина[7], Ивана Касаткина — молодежь зовите! Ей же богу — интересные ребята![8]

Из Римини я вам, сударь, отвечал, что ясно и из вашего письма. С Капри — не отвечал, ибо в день получения письма вашего и следующие дни — был мертв. «Не совсем», как говорил Николай Левин[9], но — почти.

Теперь я намерен жить еще лет 16.

Кланяюсь всем вашим и нашим, крепко жму вашу руку.

Пожалуйста — будьте здоровы! Хотя вас Коховы палки никак не могут одолеть и для одоления вашего не иначе как жерди потребны, но все-таки: будьте очень здоровы!

А. Пешков

Зиновию поклон и привет. Как он живет?

Датируется по п. Амфитеатрова от 26 сентября и 2 октября 1913 г.

[1] 25 сентября Горький приехал в Неаполь для лечения рентгеном (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 375).

[2] В 1913 г. резко обострились отношения Горького и Пятницкого по вопросам ведения изд-ва «Знание». Это привело к выходу Горького из издательства, руководящим сотрудником и пайщиком которого он являлся. Много лет спустя (8 апр. 1936 г.) Горький писал Пятницкому: «Я глубоко ценил Вашу дружбу. И — продолжаю ценить. Вы, наверное, тоже знаете, как усердно расшатывали ее „третьи лица". Но мы не станем слагать на них нашу вину друг пред другом — виноваты же мы в том, что не нашли возможным поговорить о „наших разногласиях" открыто, искренно, до конца» (*Арх. Г.* Т. XI. С. 363). См. также заметку Б. А. Бялика «Справедливости ради» (Лит. газ. 1964. № 35. 21 марта).

[3] Яков Васильевич *Каширин* (1839—1902). См. повесть Горького «Детство», где приведена песня дяди Якова.

[4] Речь идет о произведениях, напечатанных в сб. 1 «Энергия» (1913).

[5] Николай Петрович *Матвеев* (1865—1941) — сибирский писатель. Горький писал Гребенщикову 19 сентября/2 октября 1912 г.: «Не знаете ли Вы Н. Матвеева, автора рассказа „Мельник"» (*МИ*. I. С. 296). См. также п. Ляцкому от 24 сентября/7 октября 1912 г.

[6] Произведения И. Тараканова печатались в «Современнике» («Один в природе» — 1911, кн. 7, и «Айне-Булак» — 1912, кн. 8). Горький писал о нем Миролюбову 12 сентября 1911 г.: «Как жаль, что он манерничает. Очень интересен» (*XXIX*, 181).

[7] Кирилл *Волгин* — один из начинающих писателей, его рассказ «Антипка» напечатан Амфитеатровым в сб. 2 «Энергия» (1914).

[8] Произведения Н. Матвеева, И. Тараканова, Г. Гребенщикова, И. Касаткина в сборниках «Энергия» не печатались.

[9] Николай Левин — брат Константина Левина, персонаж из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

330. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Levanto. 2.X.1913

Дорогой Алексей Максимович!

Ужасно жалостно все, что Вы пишете о своем здоровье... Если бы не сковывали сейчас горою навалившиеся дела, поскакал бы к Вам повидаться... В таком трудном и нервном состоянии, конечно, не до работы... А пессимизм Вы на себя все-таки напрасно не напускайте...

Что же «не то» да «не то»?.. «Не то»! мы все давно говорим и восклицаем. А в конце концов «того», что истинно надо, все равно не можем дать, ни Вы, ни я, да что-то и не вижу тех, кто с уверенностью это о себе сказать может... по крайней мере, из ровесников и вообще людей взрослых... Значит, за неимением гербовой, пишем на простой, а затем адресуем «дедушке в деревню», бросаем в почтовый ящик без марки и — посмотрим, что выйдет...

Жаль мне все-таки, что уж очень сковывается связь Ваша с Сытиным... Как ни как, а закабалил-таки плут-купец... Видно, ничего не поделаешь... «все там будем, брат Аркадий!»[1]... На этом основании особенно понимаю и Вашу ярость, и желание драться Везувием, и вылить Неаполитанский залив в новое помещение...

Относительно длиннот Тимофеева * я распорядился довольно свирепо. По секрету сказать, согрешил непочтением, приложив слегка руку и к протяженностям польско-русского старца [2].

Никандров — действительно, талант, но — черт его знает, до чего нечистоплотный неряха. Пришлось возвратить ему две вещи, из которых одна, сатирическая, прямо-таки великолепная штука, но невозможна для печати не по нецензурности политической, а просто потому, что уж очень воняет... Какой-то гениальный золотарь. Другая вещь — ерунда.

Гребенщикова знаю — чуть ли не я и начал его первый печатать в «Современнике» [3]. Человек несомненно способный. Остальной публики, которую Вы называете, за исключением Ивана Касаткина, не знаю. Ах, нет, Тараканова тоже помню, были у меня его рукописи, и что-то я принял и напечатал, уральское, помнится. Но, правду сказать, энтузиазма большого не испытал. А что такое Матвеев?

Что же все — звать да звать? — захотят — сами придут. А то добились мы с этими зовами того, что теперь рукописи начинающих присылаются в таком небрежном виде, что — совершенно ясно: авторы даже не трудятся их перечитывать перед отправлением... «Имя» делается в два-три рассказа и затем, по традиции, утверждается навсегда. Я сейчас нескольких скороспелых знаменитостей, кажется, весьма обидел... Между прочими и Никандров, по-видимому, дуется... Прислал вещь — черновик черновиком, сплошь хаотическую, налганную, с блестками большого таланта, как золота в грязи, но с препротивной тенденцией ругать Европу и написанную чисто дворницким языком... Что тут с таким гусем будешь делать? Сесть да перерабатывать — больше ничего не остается... А это нельзя, потому что, пишет, будто «вещь написана кровью его сердца»... И совсем это не нужно — писал бы чернилами, да внимательно, грамотно и хорошо...

Не знаю, почему Вы думаете, что «времена не те»?

Времена, напротив, по-моему, как раз те, когда литератор знаменитый и сильный, как Вы, или много читаемый, как я, очень и очень должны разговаривать с обществом. Потому что общество сейчас ходит в большом недоумении и очень одичало, требуются ему слова, которые оно забыло... Что ж? Я прямо говорю, что, будучи человеком старого века и интеллигентской породы, с *народом* как силою века нового не сумею говорить и не решусь. Ну, а интеллигенция, по-моему, сейчас в худшем положении, чем была она даже в 70-х годах, ибо совершенно развратилась, сбилась с толку и мотается, точно тряпка, повешенная на веревку, под ветром... А ведь — как там ни верти — она все-таки нужна, и нужно, чтобы она была умная, а не глупая, со вкусом и твердым взглядом, а не пошлая и фальшивая, доброжелательная и смелая, а не злобная от разнообразия испугов. Истинно говорю Вам: надо идти в нее с культурною пропагандою, возвращаясь чуть не к азам... Поэтому мне и кажется, что Вы напрасно смотрите так пессимистически на предприятия, направленные в эту сторону... Впрочем, конечно, взгляд этот у Вас не с бацу, а выношен и имеет свои более или менее доказательные причины...

Ну, а я все-таки духа не теряю и попробую потрубить в свою трубу... что выйдет, то выйдет. За большими триумфами я никогда не гнался и теперь не гонюсь, а будучи побит на бою, мужества тоже никогда не теряю, но начинаю формировать снова свои отряды...

Спрашиваете про Зину. Он у нас в «Энергии» секретарствует. Уже три месяца, и я им чрезвычайно доволен, равно как и издатель

---

* А талантлив и умен парень. Только ему уж очень хочется писать под Вас.

в восторге. Отличный работник, внимательный и усердный, с любовью трудящийся и толковый [4].

Из Римини письмо я от Вас, действительно, имел, из которого и узнал, что Вы в Римини. Но это письмо отвечало на пересланное Вам, которое я адресовал на Капри. А на это письмо из Римини я Вам послал в Римини же другое, очень большое письмо, опять по поводу предполагавшегося Вашего возвращения в Россию, которое прошедшим летом я считал таким нужным и для России, и для Вас... Но — какая же Россия, когда человек нездоров, вон, до обмороков!..

О болезни Вашей, конечно, кроме Зины и Илларии Владимировны, никому не сказал... Да ведь я газетчиков совсем не вижу, а сам доставкой сведений никогда не занимался и впредь не мыслю.

Будьте, пожалуйста, как можно бодрее и не считайте Вы палочек этих проклятых... Ах, иногда, право, мне кажется, что и Коха и многую другую публику не следовало матерям рожать на свет, потому что с приходом их в мир люди стали больше волноваться...

До свидания... Я зимою Вас непременно повидаю. Как-нибудь да умудрюсь. А к себе сейчас с Вашим кашлем боюсь Вас звать потому, что у нас бывают зимой ветры, которые для грудных болезней здешние врачи считают неприемлемыми...

А, вот, кстати, о болезнях. Ведь Сережа-то Горелов в своем Палермо отсиделся-таки до полного выздоровления и теперь, говорят, ходит молодец молодцом, совершенно забыв о каких бы то ни было болях... Так как факт этот стал нам известен от его ближайших друзей, то считаю его несомненным. Махнуть бы и Вам в эту превосходную, действительно, местность. Я когда там был, в Сопса d'Oro и Mondello, то только и плакался, что в то время мне, имевшему много газетной работы, это было слишком далеко для житья... Еще раз до свидания. Будьте здоровы. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амф.

Прочитал сейчас в «Речи» заметку о предстоящем восстановлении Вас и Короленко в звании членов Императорской академии наук... О, Господи! Кто это еще усердствует!

Как адрес Касаткина?

[1] Цитата из пьесы А. Н. Островского «Лес».
[2] Речь идет о сокращении повести Серошевского «Дары северного ветра».
[3] Гребенщиков в 1911—1912 гг. в «Современнике» не печатался. В 1913 г. в кн. 1—2 была помещена его повесть «Ханство Батырбека». См.: Г—Ляц, п. 21, прим. 6.
[4] Речь идет о З. А. Пешкове.

331. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Неаполь. 4 октября 1913 г.)

Александр Валентинович, дорогой — боюсь, что вы обиделись на меня за слова мои «не то» и «не те времена»,— из тона письма вашего, как будто, сквозит обида — вот уж не по адресу-то было бы! Я вас и люблю, и уважаю, и очень высоко ставлю вашу неутомимую, всегда умную работу, всегда талантливую и как-то особенно, по-русски честную. Не лесть, не комплемент, а — от сердца говорю то, что думаю давно и что хорошо проверено: на редкость открытое лицо у вас — лицо души — и другой такой фигуры психической — не знаю.

«Не то» относится к Серо⟨шевскому⟩ — я вообще не поклонник его таланта, в частности мне не нравится принятая вами рукопись [1], я ее читал.

Тэффи? Это — для после обеда, для сумерек. В Тим⟨офееве⟩ — Достоевский сидит.

Вы говорите о пропаганде культуры — совершенно верно, бесспорно, это — необходимо в наши дни всеобщего одичания. И не «те времена» — чтоб Серо‹шевский› мог дать то, что надобно. Вот Никандров — может. И вообще — молодежь может, напр. — Вольный, Матвеева посмотрите в «Сов‹ременном› мире», книга 8-я или 7-я, про медведя [2].

Адрес Касаткина, Ивана Михайлова:

Лыковское лесничество, Макарьев‹ского› уез‹да› Нижегор‹одской› губ‹ернии›.

Возьмите стихов у Дмит. Семеновского [3], изгнанного семинариста ярославского,— ха-ароший товарец, поверьте слову! Адрес: Москва, Трубниковский пер., дом Удельного ведомства, Е. К. Малиновской [4] для Дмит. Семеновского. И — не пригодится ли прилагаемое? О мальчике — недурно! [5]

Коховы палочки отнюдь не волнуют меня, и деремся мы с ними преуспешно. Некий доктор Манухин [6], очень хитрый человек, поступает с ними, с палочками, весьма просто: воткнет в селезенку мне Рентгенов луч, селезенка разволнуется и разложит лейкоцитов, а сии, распадаясь, выделяют некий фермент, который палочкам как ладан черту. И палочки издыхают. На меня же возложена обязанность есть. Я ем 16 раз в сутки. Всякая пища — просто сволочь для меня. Извините за слова, но — сволочь и стерва! Вы любите сырые яйца? Ага!

Нет, несмотря на все, я еще не умру. Диваны буду есть, а — вылечусь! Хочу жить еще 16 лет на страх врагам.

Не сердитесь на меня! Кланяюсь очень и жму руку. Сегодня переезжаю в Sorrento [7], здесь духота и пыль. Всего доброго.

А. Пешков

Протестую против постановки «Бесов» и «Идиота». Протестую! [8]

Датируется по п. Амфитеатрова от 2 и 6 октября 1913 г.

[1] Повесть «Дары северного ветра».

[2] В «Современном мире» (1913, № 7 и 8) напечатан рассказ Н. Матвеева «Не ровен час».

[3] Дмитрий Николаевич *Семеновский* (1894—1960) — поэт, начал печататься в 1912 г. в газ. «Невская звезда» и «Правда». Горький переписывался с Семеновским в течение 1913—1935 гг. О роли Горького в своей жизни Семеновский рассказал в кн. «А. М. Горький. Письма и встречи» (М., 1938).

В журн. «Просвещение» напечатаны стихи Семеновского «На ярмарке» и «Поэту», рекомендованные Горьким.

[4] Елена Константиновна *Малиновская* (1875—1942) — член РСДРП с 1905 г., общественная деятельница, друг Горького.

Через Малиновскую Горький оказывал Семеновскому материальную помощь, систематически снабжал его средствами, необходимыми для занятий в Народном университете им. А. Л. Шанявского. См. переписку Горького с Е. К. Малиновской (*Арх. Г.* Т. XIV).

[5] Возможно, речь идет о рукописи «Дисциплинарный батальон». См. следующее письмо.

[6] Иван Иванович *Манухин* (1882—?) — врач, лечивший Горького в Неаполе рентгеном.

[7] Из Неаполя Горький вернулся на Капри (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 378).

[8] Речь идет о ст. Горького «О „карамазовщине"» и «Еще о „карамазовщине"», напечатанных в газ. «Русское слово» (1913, № 219, 22 сент./5 окт., № 248, 14/27 окт.) и направленных против готовящейся инсценировки романа Достоевского «Бесы» — под названием «Николай Ставрогин» в Московском Художественном театре, и объявленной инсценировки романа Достоевского «Идиот» в театре Незлобина.

В примечании редакции к первой статье сообщалось: «...в сопроводительном письме в редакцию сам автор так определяет свою задачу: „Я глубоко убежден, что проповедь на сцене болезненных идей Достоевского способна только еще более расстроить и без того уже нездоровые нервы общества"».

Буржуазная печать, высоко оценившая первую инсценировку в Художественном театре романа Достоевского «Братья Карамазовы» (1910), выступила с возражением против точки зрения Горького в ряде статей — «Горький против Достоевского», «Скандал вокруг „Бесов"», «Горький обвиняет Достоевского» и проч.

Большевистская печать, напротив, признавала важное политическое значение этих выступлений Горького. См. ст. Ольминского «Поход против Горького» в газ. «За правду» 4 октября 1913 г. и др. (см. об этом: *Красновская Е.* М. Горький и Достоевский // Красная новь. 1931. № 5—6). Ст. «О „карамазовщине"» и «Еще о „карамазовщине"» вошли в сб. Горького «Статьи 1905—1916 гг.»

332. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Levanto. 6.X.1913

Дорогой Алексей Максимович!

Ну, вот, выдумал: с какой стати я буду обижаться? Нисколько я на Вас не обижен — да и не на что... Если на разницу мнений обижаться, то какая же это дружба?.. Единственно, что мне горестно несколько, это — что мы всё врозь работаем, нет нам слияния в одном деле — так, авось, и это не навсегда. Относительно Серошевского я не совсем с Вами согласен. Когда убрать оттуда чрезмерные длинноты и чудовищные полонизмы, повесть производит впечатление, вопреки своему наивному тону, а быть может, именно благодаря ему. Я давал читать ее многим и разным — очень нравится. Ну, а что я террора не отрицаю и идее вооруженного восстания симпатизирую, Вы знаете. Без этого правов не добыть... Б. Тимофеева две мамки в детстве ушибли: Достоевский и Вы... Вытащить его настоящую физиономию из-под двух влияний трудно, а все-таки он талантлив и умен... Но подражает Вам — до чертиков... В одном месте даже фразу ему я вставил с ссылкою на «На дне» — иначе пришлось бы всю страницу похерить, потому что доктор у него выкрикивает совершенно Настины слова... От Никандрова получил письмо с пылкою благодарностью за то, что я не напечатал двух его вещей... Ах, и чудачище же, должно быть, этот человечина!

Вы не можете себе представить, как я обрадовался «Дисциплинарному батальону»: рукопись эта — моя старая знакомая. Два с половиною года тому назад я ее принял для «Современника», откуда она, вероятно, по уходе моем попала к Вам. А сейчас, начиная «Энергию», я ее стал разыскивать. Написал в Одессу Геккеру [1], от которого я впервые ее получил, а он с отчаянием отвечает, что рукопись где-то запропала, но где — не знает, будет искать и автора, и его произведение... и вдруг, неожиданно, приходит она от вас. Это, что называется, сюрприз. Я постараюсь ее сейчас же пустить в ход [2]. Иван Вольный прислал очень сильный рассказ [3] — не знаю, будет ли цензурен, но Бог не выдаст, свинья не съест... Этот молодчина!

Я вижу с радостью, что Вы чувствуете себя как будто уже лучше. Сорренто место хорошее, много лучше Ваших Капрей, да и на земле находится, а не там, где ни земли, ни воды, одна зыбь поднебесная и ветры дуют...

Нет, Вы, пожалуйста, никогда не имейте таких мыслей — относительно обид и того прочего... А то этак начнем мысли прятать!.. Обижаются, вообще, барышни и актеры, а мы с Вами, слава богу, ни к тому, ни другому сословию не принадлежим...

Не знаю, писал ли я Вам, что перевел «Мандрагору» Макиавелли и сочинил о нем большую статью... [4] Получил известие, что разрешена она для сцены — усилиями Юрия Беляева,— но три четверти текста цензурою вычеркнуто... Это что-то вроде экзекуций Николая I, который писал на смертных приговорах: смертная казнь в России отменена, и не мне ее вводить, а потому прогнать преступника сквозь строй через сорок тысяч палок... Я сейчас очень увлечен этим самым Макиавелли: больно уж любопытная прямота ума...

Познакомились мы тут с местным обывателем, именуемым Семом Бенелли,— весьма интересный барин... Думаю привлечь его к делу [5], тем более что он хочет изменить сцене для большого романа... Человек он несомненно талантливый, хотя я таких приподнятых вещей и не люблю. Как-то от них Кукольником пахнет... [6] Но всякая раса имеет свой темперамент, его же не прейдеши... Сейчас получил от Вас еще рукопись Кирилла Волгина [7]. Спасибо. Не оставляйте и впредь!

Ну, ешьте как можно больше и, соответственно тому, здоровейте не по дням, а по часам.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амф.

[1] Наум Леонтьевич *Геккер* (Лазаревич) (1862—1920) — журналист, сотрудничал в «Одесских новостях».

[2] Произведение под названием «Дисциплинарный батальон» в сборниках изд-ва «Энергия» не печаталось.

[3] Речь идет о рассказе Вольнова «Осенью».

[4] О своем переводе комедии Макиавелли Амфитеатров писал Горькому 18 марта 1912 г. В т. 29 Собрания сочинений Амфитеатрова, помимо перевода «Мандрагоры», вошли ст. «Краткий биографический очерк Николо Макиавелли», «Макиавелли перед судом истории» и «Примечания к комедии „Мандрагора"». Книга хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

[5] Амфитеатров предполагал дать в сб. 3 «Энергия» приобретенную им пьесу известного итальянского поэта Сема Бенелли «Гнездо в снегу» («Преображение»), которая должна была идти в Риме и Неаполе в первых числах марта 1913 г. Однако автор приостановил репетиции, решив доработать пьесу, и в январе 1914 г. обратился с письмом к Амфитеатрову, предлагая напечатать вместо пьесы «Гнездо в снегу» пьесу «Рваный плащ» в переводе Амфитеатрова (изд-во «Энергия», сб. 3, с. 5—6).

[6] Нестор Васильевич *Кукольник* (1809—1868) — автор патриотических пьес риторически-приподнятого стиля.

[7] По-видимому, рукопись рассказа К. Волгина «Будни» (напечатан в сб. 3 «Энергия»).

333. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Ноябрь, не позднее 14, 1913 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Посылаю вам стихи [1] — в них, как будто, звучит что-то свое и хорошее — не пригодятся ли для сборников?

Адрес автора: Киев, Рыбальская, д. 8, кв. 3.

А мужички-то опрокинули вавилонскую башню лжи и цинизма, с таким трудом воздвигнутую «истинно русскими» садистами!

До чего я рад, и сколь прекрасно это, что именно «равнодушные, серые мужички» заявили: нет, мы не варвары! [2]

А я, нижеподписавшийся, всё лечусь, знаете! Полечусь еще немножко и — к чертям все бутылки с микстурами!

Надоело.

Будьте здоровы!

А. Пешков

Книгу вашу получил — спасибо! Еще не читал, а вижу — интересное что-то!

Датируется по п. Амфитеатрова от 16 ноября 1913 г.

[1] Речь идет о стихах Юрия Николаевича *Зубовского* — киевского журналиста и поэта. См. п. Горького о творчестве Зубовского (*МИ*. I. С. 276—277).

[2] Речь идет об оправдании М. Бейлиса, обвинявшегося в убийстве Андрея Ющинского. Процесс Бейлиса широко освещался в газетах, в частности в «Русском слове», где после окончания процесса была помещена заметка «Состав присяжных». Этот состав определялся как «исключительно серый»: присяжными были преимущественно крестьяне (7 человек из 12), три чиновника, два мещанина (Русское слово. 1913. № 250. 30 окт./12 нояб.).

334. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Леванто.) 1913.XI.16

Дорогой Алексей Максимович.

Из стихов Зубовского взял $3^1/_2$: «Жизнь», «Марево», «Осень» и первую половину «Сна у костра» [1]. Остальное — рифмичество в хромых размерах. Кстати: куда контора должна послать гонорар для Кирилла Волгина за «Антипку»? Я поставил его во 2-й сборник, который выйдет 1/14 декабря.

Второе Ваше письмо о «Бесах» мне понравилось, а от первого выл. Не за «поругание» Достоевского, конечно, коему мало еще «накладено» по грехам его, а потому, что уж очень Вы много важности придаете театру вообще, Художественному в особенности, и тем поддерживаете престиж театрального миража и психопатии, в России принявших размеры совершенно противообщественные и преотвратительно сказывающиеся на русском политическом, т. е., вернее сказать, аполитическом, настроении... Очень это важно, подумаешь, что один театр ставит то, другой это. Торгуют люди развлечением — ну и, стало быть, согласно рыночному закону, должны соответствовать спрос предложению. А высшие цели и громкие слова в театральном деле — золотые буквы на переплете «Декамерона», сделанном в формате молитвенника, чтобы не зазорно было пред энтузиастами, Шиллерами и Дон-Кихотами, которых театр пожирает (во образе актеров, авторов и искренней невропатической публики), и для того, чтобы делу «по существу праздному» (Шиллер) придать личину чего-то первоклассно важного... Понимаю сразиться за «Бесов» с Достоевским, за «Анатэму» с Андреевым, за смертолюбие с Сологубом — словом, всякое литературное идейное сражение понимаю. Но какое нам, писателям, дело до репертуара театра Имярека — хоть убей, не понимаю. Покойный Щеглов [2] имел простодушную поговорку, подслушанную у володимирского мужика, который увидал в окне книжного магазина «Историю русской литературы» и поразился ее толщиною:

«— Что ж? Каждый добывает свой хлеб, как могит». Так и театры, и люди театра — одни сознательно, другие бессознательно, в том лишь разница...

От вердикта по делу Бейлиса я, признаюсь, тоже не в восторге, и ни на народный университет в честь этого вердикта, ни на монумент Грузенбергу [3] подписываться вопля в душе не ощущаю, а, напротив, думаю, что дело сыграно до постыдности вничью, именно в том порядке, как я ждал и предсказывал в письме в редакцию «Русского слова». Бейлис выскочил и шкуру спас, а ритуал, как в дореформенном суде, оставлен в подозрении. Что тут радостного? Сейчас Герм. Ал. окончательно отнял у меня всякое довольство сообщением, что «Бейлис-то едва-едва и уж именно „выскочил"», ибо голоса присяжных поделились 6 против 6, «что, как известно, обращается по закону в пользу подсудимого». Так что умиляться великою правдою, живущею в душе русского серого человека, тоже не погодим ли? При том-то страшном напряжении спасательной энергии, которое явила русская интеллигенция, запрягшаяся в это дело от мала до велика,— такой ничтожный результат!

А вот сейчас надо что-нибудь всерьез предпринимать в смысле борьбы с мифом ритуала, оставленным в подозрении. Ибо не хочу я быть дурным пророком, но

Змея израненная злее,
Чем невредимая змея.

Думаю, что касается меня лично, обработать из моей «Арки Тита» главу о ритуале в народное издание и, авось, найду издателя, который бросит его в народ копеечной книжкой тысячах в пятидесяти экземпляров. Но это капля в море, да и чего стоят единичные усилия... А коллективы интеллигентско-литераторские, знай, безмолвствуют, либо говорят весьма благородно, но — «промеж себя», для интеллигентов же.

Много вожусь с «Энергией», тем паче что сейчас в страшно неписательном настроении... В числе многого получил прелюбопытное письмо от Леонида Андреева, которым и очень доволен, и очень озабочен. Доволен потому, что я не ожидал, чтобы он был такой искренний, экспансивный, широкой души и прямо-таки хороший насквозь малый, каким это письмо его рисует, а озадачило потому, что — матиньки! написал он мне целую теоретическую исповедь свою, а я не знаю, как ему отвечать: не что́, а как — потому что является он в ней первобыт первобытом, и придется, значит, говорить с ним о таких азах и Америках, с которыми подступать к столь знаменитому писателю просто-таки неловко... Из мест, в которых он пишет о Вас, видно, что он Вас очень любит, и с большим «надрывом»[4]. Вообще в письме у него в тысячу раз более страстная душа, чем в сочинениях. Очень интересуюсь однажды лично с ним познакомиться.

Я, кажется, нашел недурного критика-обозревателя, только уж очень свиреп, приходится укрощать и даже холостить. Во 2-й «Энергии» будет его журнальный обзор[5], на который он много положил труда.

Были у меня братья Золотаревы[6]. Не живет А〈лексей〉 А〈лексеевич〉, а цветет, не мыслит, а ко Господу благоухает. Мой холодный прозаизм был ему, кажется, несколько огорчителен, но, по добронравию своему, он мои скептические мысли мне извинил, и пили мы всякое вино, приговаривая linquo! *

От него узнал, что здоровье Ваше хорошо... Уж как же я рад! Ну, вот и — «довольно уж ты вяканья моего слышал!»

До свидания. Всего Вам хорошего. Герм. Ал. все спрашивает, каких Вы мыслей насчет возврата в Россию. А я откуда знаю?

Ваш А. А.

[1] Упоминаемые Амфитеатровым стихотворения Ю. Н. Зубовского, кроме «Осени», были напечатаны в сб. 3 «Энергия».

[2] *Щеглов* (псевд. Ивана Леонтьевича Леонтьева) (1855—1911) — русский писатель, драматург, автор книг по истории театра.

[3] Грузенберг выступил на процессе в качестве адвоката Бейлиса.

[4] Речь идет о п. Андреева Амфитеатрову от 14 октября 1913 г., в котором Андреев в ответ на предложение печататься в сборниках «Энергия» изложил свое понимание искусства: «Может быть, это просто недостаток силы — но я никогда не мог вполне выразить свое отношение к миру в плане реалистического письма 〈...〉 Для всех серьезно мыслящих и живущих жизнь — мистерия, и весь вопрос — для меня, оговариваюсь! — в том, на чьей стороне человек, а не в том, предпочитает ли он „символы“ для выражения своих чувств или форму тургеневско-купринского романа. Пусть даже кубом выражается или излучением — только выражал бы он человека, а не свинью в ермолке! И вот в этом отношении — позволю себе утверждать это — я никогда не был враждебен ни вам, ни Горькому, ни даже Луначарскому 〈...〉 И вот скажу Вам откровенно, из уважения к вам, желая быть правдивым до конца: ваш догматический реализм, обязательный для всех времен, племен и народов, я считаю началом враждебным не только себе, но и самой вечно развивающейся, творящей форме, как и суть свободной жизни 〈...〉 Вот я не могу без тоски думать о Горьком. Величайший романтик, огромнейший (и совсем не использованный) талант, первый, быть может, во всей литературе *рыцарь пролетариата* — он вверх и вниз катает Сизифов камень реализма, свой чудесный и вещий сон о пролетариате мучительно распяливает на четырех правилах арифметики» (*ЛН*. Т. 72. С. 540—542).

[5] В сб. 2 «Энергия» журнального обзора нет.

[6] А. А. и Н. А. Золотаревы.

---

* оставлять (*лат.*). Здесь в значении «пусть не иссякнет!»

335. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Ноябрь, между 17 и 24, 1913 г.⟩

Да, Александр Валентинович, дорогой, я и сам вижу теперь, что поторопился ликовать, но, когда я посылал телеграмму в «Рус⟨ское⟩ слово» [1], предо мною было сообщение этой газеты «Б⟨ейлис⟩ оправдан, просим ваше мнение» и телеграмма Г. В. Плеханова «Оправдан» [2]. А как вам известно, россиянин всегда голодает о радости, и ему, бедняге, естественно порою забыть, что на Руси радоваться надобно с оглядкой и подожданием. Забывая об этом, он несет горчайшие муки, в коих ныне и жарюсь.

По поводу театра и роли его в нашей мутной современности — не согласен с вами, да и вы с собою не вполне согласны, как мне кажется. Ибо, уж если вы признаете, что современный театр нарочито аполитичен и, даже можно сказать, антисоциален,— тем самым вы признаете, что подчеркнуть аполитичность эту — надобно. За Дос⟨тоевско⟩го меня язвят и кусают многочисленными письмами, рисуя оные грязью, в лучшем же случае — какою-то сладкой и теплой слюной.

Что касается до письма Леонидова, кое вас обрадовало, тут я скажу, что Андреев человек прежде всего чрезвычайно талантливый и потому очень легко может написать «искреннее» и «экспансивное» письмо. Таковых и я имел немало, но счел за благо предать их огню, жалеючи будущего биографа Леонидова,— да не запутается в противоречиях непримиримых оный биограф. Я и знаю Леонида, и очень люблю его талант, и весьма всегда дрожу за него при всяком его шаге, как за брата родного дрожу, уж поверьте! Но, нет, не могу я сказать, что он «насквозь хороший малый», ибо знаю, что он презирает людей, болезненно самолюбив, зол и хитер. И никого никогда не любил, не умеет.

Весьма заинтригован я его «теоретической исповедью», интересно — куда его теперь влечет, на чью капусту? Большая это болячка души моей, Леонид. Хорошие у нас отношения были. Я знаю, что сейчас он живет трудно и одиноко.

Ехать на Русь — нужно, но — не могу, ибо недуги мои еще не вполне подавлены пудами пищи, поглощаемой мною. Аз есмь потребитель сырых яиц и гречневой каши, и долго не будет мне никаких иных развлечений. Ем, ем, а — зачем? Самоубийственный вопрос! Но — я от самоубийства далек и намерен жить еще лет 16.

Вас хочется видеть, очень! Но вы живете неизвестно где. У вас — холодно? Сообщите, на всякий случай.

Харьковское-то медицинское [3], а? Скоро закроют все университеты, гимназии и заставят ходить на четвереньках. И пойдем! Лишь бы указали, куда можно идти, а то — пойдем! Гибкая нация.

Извините за мизантропию и свирепость. Очень низко настроен и думаю все время басом.

Крепко жму вашу ручку. Как всегда приятно перекинуться с вами словцом! Будьте здоровы! Кланяюсь.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 16 и 25 ноября 1913 г.

[1] В *АГ* сохранился черновой автограф п. Горького в «Русское слово» по поводу оправдания Бейлиса.

[2] Телеграммой Плеханова *АГ* не располагает. В п. от 3 ноября 1913 г. Плеханов спрашивал Горького: «А что скажете о деле Бейлиса? Мы тут не отрываемся от газеты из-за него» (*АГ*).

[3] Речь идет о закрытии Харьковского медицинского общества. Этому событию были посвящены публикации ряда газет (Южный край. 1913. № 11707, 30 окт.). Руководство Общества обвинялось в организации 26 октября публичного заседания «без извещения полиции», на котором был заслушан доклад по делу Бейлиса и вынесена резолюция «политического характера» (Русское слово. 1913. № 258, 8/21 нояб.).

336. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Levanto. 25.XI.1913

Дорогой Алексей Максимович.

У нас вообще очень тепло и влажно. Сегодня первый холодный день. Что касается тепла комнатного, к которому Вы привыкли, то у нас в доме, пожалуй, его меньше, чем для Вас следует *, ибо мы все в большей или меньшей степени холодяшки. Но рядом с нашим домом имеется отель «Stella d'Italia», снабженный «всем европейским комфортом», а в том числе калориферами, которые жарят по востребованию, сколько угодно и влезет. Так что если обрадуете исполнением намерения и, в один прекрасный день, приедете в наши места, то будете устроены в самом лучшем и теплом виде. А здесь у нас довольно много интересного люда и вообще хорошо. Много любопытных итальянцев, а сверх того, поджидаем немца Гауптмана... [1]

О Бейлисе написал для «Энергии» преогромную статью, в которой использовал только половину, а может быть, только треть тех материалов, которые дает этот процесс. Вот-то чудовище, вот-то сумбур до невероятности недобросовестных мнений и поступков... Что говорят, что пишут — просто ни с чем не совместимо, и ничем мотивировать даже не возможно. Ведь очень хорошо чувствуешь, что человек ни во что не верит из того, что он сам плетет, а между тем городит, городит, городит и ради своей городьбы с самым спокойным видом и духом способен послать все семь миллионов евреев в каторжные работы... Как хотите, а я начинаю серьезно верить, что существует микроб безумия и что он владеет современной Россией, совершенно подобно тому, как в прошлых веках овладевали странами Европы черная смерть, повальная оспа, острый сифилис, которые ослабевали только после того, как производили страшные массовые опустошения, и, привившись к стране эндемически, сравнительно обезвреживались потому, что организмы успевали к ним приспособиться... Разве без микробов безумия возможно понять то, что творилось и творится по делу Бейлиса, где совершенно очевидные беглецы из сумасшедшего дома набросились на общество, которое едва-едва с ними справилось? Разве чем-либо иным, кроме безумия, можно объяснить отречение от человеческого языка, возвращение к татуировке и пр〈очие〉 юродства, о которых я читаю в газетах о футуристах? [2] И масса, и масса таких эксцессов нарочной бессмыслицы... Вот почему делается очень тяжело изучение русской жизни, и как-то страшно за нее. Конечно, не пропадем, как-нибудь вынырнем, но — «неволя заставит пройти через грязь, купаться в ней свиньи лишь могут». А нам приходится проходить через такую долгую и глубокую грязь, что этот брод начинает походить как будто уже и на купанье... И сколько человеков обретают в оном уже забаву и наслаждение!

Что поделываете? Что пишете? Сегодня я сдал свой фельетон — и тем, значит, закончил вторую книжку «Энергии»...[3] Я уже писал Вам относительно того, что включил в нее присланный Вами рассказ Кирилла Волгина «Антипка». Спрашивал Вас, куда ему послать гонорар, а Вы мне этого не написали...

Очень было любопытно то, что Вы мне написали о Леониде Андрееве. То-то вот и есть, что в письме его, действительно, звучит двойственность и неопределенность.. Так что не знаешь, чему в нем,

---

* *Приписка И. В. Амфитеатровой:*

Неправда, у нас тепло-претепло: две американские печи, сколько велите, столько и будем их поджаривать и от сквозняков будем беречь. Клянусь!!!

Иллария

в конце концов, верить, чему — нет... А покуда «Просвещение» умоляет меня не включать в новый выходящий том сочинений статей, которые я писал об «Анатэме» Леонида Андреева, потому что «он может очень обидеться, что отзовется на их отношениях»... Я поэтому решил снять все статьи, которые когда-либо писал о нем, и отложить их до будущего времени... Заметьте, что это уже второй раз я встречаюсь с такого рода цензурою. В первый раз было в «Прометее», когда мы затевали сборники, и дело разошлось именно из-за того, что я решительно отказался от условия не писать ничего против Леонида Андреева... Все это ужасно двойственно и странно, как видите. И вот потому-то смущает. А письмо его, повторяю, прямо-таки прелестно...[4]

Относительно театра — говорил бы я очень много, но вместо того, пожалуй, лучше прочтите «Зверя из бездны», в третьем томе главу «Театр и публика». Я там высказался по этому поводу до конца и не думаю, чтобы что-нибудь меня с этой позиции сняло. Voi tutti altri * верите в театр, как в Господа бога, сошедшего на землю спасительно поучать человечество. Я не верю совершенно и, на старости лет, смею сознаться откровенно: кроме забавы, смешной или трагической,— но все равно забавы и обмана чувств, театр никогда нигде ничего дать не в состоянии, нигде ничего никогда не давал и не даст. Отдых с гимнастикою для ума и сердца— да, хороший... а больше ничего. Вот поэтому-то я и думаю, что возиться с ним — совершенно излишнее и праздное занятие. И какой антрепренер что сделает, это его дело... За границею не возятся с театром в тысячную долю того, что в России, и черт знает, что ставится в театрах, а на жизнь это все-таки никакого влияния не имеет, и живут во Франции с ее бесстыжими театрами, и в Италии с ее плохими театрами куда лучше нашего, и никому в голову не приходит искать в театре политической или социально-этической школы. Потому что здесь в жизни есть другое политическое и социальное содержание, реальное; а у нас этого нету. Ну и, конечно, «честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой», а все-таки это будет сон, и только сон, т. е. более или менее красивая сонная одурь, которая в жизни ничему не научит и ни к чему не обяжет... Чем лучше у нас театры и чем больше стараются о их серьезности, тем меньше они оказывают влияния. Актера превознесли превыше звезд, из режиссеров прямо министров каких-то сделали, о репертуаре совещаются городские думы и комиссии ученых мужей и литераторов, вопросы постановок достигли такой важности, что вот о них Горький с Капри аукается как о кровном своем деле... А в обществе даже не «бывали хуже времена, но не было подлей»[5]; а и хуже времен не было, и подлей не было... И в то время, как русская борьба за свободу околела буквально с голоду, 10 000 дежурящих у Большого театра, чтобы купить по преувеличенным ценам билет на Шаляпина, или тот театр для коммерческой аристократии, который Вы увещеваете не ставить Достоевского, кажутся мне, как хотите, препротивными явлениями рабской страны... Да пускай они не то что Федора Павловича Карамазова, а хоть Пазифаю с быком смотрят... Что от этого переменится?

Ну вот и всё покуда.

Если соберетесь в наши места, будем все чрезвычайно рады и довольны тем. А холодов никаких не ожидается. Здесь гораздо лучше, чем в Феццано. И уж очень хороши и близки прогулки в горы и вдоль моря.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

---

* Вы и все другие (*ит.*).

[1] Речь идет о немецком писателе Герхарде *Гауптмане* (1862—1946).

[2] Возможно, подразумеваются газетные отклики на выступления футуристов в зале Общества любителей художеств (Утро России. 1913. № 237. 15 окт.), на открытии кабаре «Розовый фонарь» (Руль. 1913. № 481. 21 окт.) и др.

[3] Упоминаемая ст. Амфитеатрова «Дело Бейлиса» не была напечатана в сб. 2 «Энергия» по цензурным условиям. Машинописный текст статьи с датой «22.XI.1913» хранится в *ЦГАЛИ*, ф. 34.

[4] Ст. Амфитеатрова об «Анатэме» в Собрание сочинений не были включены.

[5] Н. А. Некрасов «Современники», гл. I. «Юбиляры и триумфаторы» (1875).

«Бывали хуже времена, // Но не было подлей» — у Некрасова цитата из рассказа Н. Д. Хвощинской «Счастливые люди», напечатанного в «Отечественных записках» (1874, № 4, с. 363).

337. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Петербург. 23 марта/5 апреля 1914 г.)

Дорогой мой Александр Валентинович!

Не сердитесь на меня за то, что уехал, не повидав вас, а также и за то, что до сего дня не собрался написать вам,—не сердитесь!

Суть в том, что уехал я, можно сказать, неожиданно для самого себя и скоропостижно; думал, что из немецкого Берлина сделаю «цурюк», а оказалось, что Россия — ближе. Ну, я — в Россию! И приехал, и живу, и, конечно, «ни сна, ни отдыха» [1]. Молодчина Иван Манухин! [2] Не будь его — писали бы вы теперь воспоминания о преждевременно скончавшемся Горьком, который ныне даже питерской погодою — неуязвим! Вот вам и воспоминания! Подождать придется с этим!

Впечатления? Александр Валентинович — ничего не понимаю! Так все запутано, до того все измяты и лишены образа божия, что, право, смотришь на некакое пред тобою и соображаешь, какому существу подражает сия тварь?

Крепко? Ах, ну, что же делать? Мне вовсе не хочется ругаться, но «обстоятельства заставляют».

Шутки в сторону: я все еще не привык к родине и—нет-нет— да вдруг и удивлюсь: все говорят по-русски! Неважно говорят, скучно говорят, но по-русски! И даже некоторые литераторы язвят друг друга словесно и на бумаге тоже русскими словами, хотя строят их на иноверный и иноплеменный лад. Серьезно!

Ох, не могу я понять, сладок ли мне дым отечества и насколько? Не могу еще!

Встречен демократией ласково и трогательно [3], одна Москва поздравила свыше 70 раз — тут и булочники, и чулочницы, водопроводчики и даже «мужики-крестьяне Новоторжского уезда». Очень тронут. А интеллигенция — не очень меня любит, знаете ли! Нет-нет, да и уловишь эдакий взгляд стрелоподобный, испепеляющий и вопрошающий: ты чего хочешь делать, черт?

А я — молчу. И ежели в упор спрашивают — тоже молчу, т. е. говорю: чего же мне делать? Лечиться мне надобно! Да ведь вас вылечили? А мне — понравилось, я еще хочу лечиться! Но вот вы пьете вино и курите? А это мне тоже всегда нравилось.

Дорогой Александр Валентинович — все-таки скажу вам, что Россия — хорошая сторона, и вам бы тоже сюда? Серьезно?

Напишите, если захочется: СПб., Кронверкский, 23, кв. 10.

Кланяюсь всему дому вашему и обнимаю вас.

А. Пешков

Датируется по почт. шт.

[1] Горький уехал из Италии 27 декабря 1913 г. / 9 января 1914 г., приехал в Петербург 31 декабря 1913 г. / 13 января 1914 г. В тот же день уехал в Финляндию на дачу В. А. Крита, родственника М. Ф. Андреевой,— Мустамяки, Кирьявола (Воспоминания Евг. Кякшта — *АГ*; Революционный путь Горького: По материалам Департамента полиции. М.; Л., 1933).

[2] О методах лечения туберкулеза доктором Манухиным и положительных результатах этого лечения Горький сообщал в «Письме в редакцию» (Русское слово. 1914. № 63. 16 марта).

[3] Речь идет о многочисленных приветствиях, полученных Горьким в связи с возвращением его на родину. Многие из них были напечатаны в большевистских изданиях. Так, в приветствии правления Петербургского профессионального общества рабочих булочно-кондитерских производств, напечатанном в газ. «Пролетарская правда» (1914, № 16, 21 янв.), говорилось: «Пусть родная земля станет ему матерью, а русский рабочий класс по-прежнему протянет ему братскую руку. Привет тебе, товарищ, вернувшийся из изгнания». В газ. «Путь правды» опубликованы приветствия от группы металлистов Выборгской стороны и политических ссыльных (1914, № 5, 26 янв.); от рабочих московского завода Ганден и представителей пятнадцати фабрик и заводов Лефортовского района Москвы (Там же, № 7, 29 янв.); от Петербургского и Киевского правлений рабочих портняжного дела и группы (20 чел.); от деревенских учителей Петербургской губернии (Там же, № 15, 18 февр.).

В газ. «Раннее утро» — приветствие от рабочих печатного производства Москвы: «Мы, рабочие, ваши братья, чутко прислушиваемся к вашему голосу и идем за вами...» (1914, № 33, 9 февр.), и др. приветствия.

В журн. «Заря», выходившем в Москве, Горького приветствовали литераторы и общественные деятели: Ю. А. Бунин, И. А. Белоусов, Б. К. Зайцев, Ф. К. Сологуб, А. С. Серафимович, В. Г. Тан-Богораз, Н. В. Тесленко, А. Н. Толстой, В. М. Фриче (1914, № 5, 2 февр., с. 4—6).

В газ. «Русские ведомости» печаталось приветствие от московских студентов: «...мы верим, что Ваше слово будет по-прежнему вдохновлять нас призывом к деятельному творчеству лучших форм жизни» (1914, № 31, 7 февр.).

Луначарский, прочитавший лекцию о Горьком в Берлинском обществе русских студентов (им. Пирогова) и подписавший письмо-приветствие Горькому в связи с его возвращением на родину, был по полицейскому донесению выслан из Берлина (*Луначарский А.* Мое берлинское приключение // День. 1914. № 49. 20 февр.).

По возвращении Горького в Россию за ним учрежден был полицейский надзор.

338. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Levanto. 26.IV.1914

Дорогой Алексей Максимович.

Простите, пожалуйста, что я так долго не отвечал на Ваше письмо. Дело в том, что рука моя опять болит пренесносно, а Евгения Петровна[1] завалена всякою срочною работою, которою меня удручают сейчас заспешившие господа-издатели, так что валиками утруждать ее уже было конфузно. А третье злополучие: Иллария Владимировна две недели проболела глазами и, значит, тоже для писчего дела не годилась. Вижу из Вашего письма, что совсем в России невесело. Герман Александрович пишет в том же духе. Читаю в газетах, что Вы затеваете какой-то театр[2]. Если это не брехня, по обыкновению интервьюерскому и корреспондентскому, то очень мне Вас жаль. Но взрослым людям свойственны взрослые поступки, в кои третьи взрослые люди вмешиваться суждениями своими не должны. Что делаете? Что пишете? Куда намереваетесь ехать и каковы настроения? Здоровье — вижу и слышу — Вы поправили, и это самое лучшее. А я сейчас подавлен всяким писанием и печатанием, без всякого удовольствия. На днях был у меня Бурцев. Очень трогательный человек. Лучше всех нас он, в сущности говоря. Этакий Дон-Кихот удивительный. Гораздо лучше того, которого представляет Шаляпин[3], не говоря уже об искренности... Сердиться на Вас я, конечно, не сердился, а огорчен был, в числе многих. И не только за себя, а и за Вас, и не только за Вас, а и за русскую разную хорошую публику, которая чаяла Вашего возвращения в Россию как-то не так, как оно вышло.

Слышал, что Вы написали «Жуть»[4]. Это старое или новое?..

Как Максим и что с ним? Кланяйтесь ему очень...

До свидания. Где? Когда? Мне в России не быть, а Вы в Италию вряд ли скоро попадете. Слышал, что Вы Капри ликвидировали совсем.

Хотел даже написать стихи по этому поводу, но — кроме начальных:

Вигдорчик в радости ликует,
На кресле Горького сидя [5],—

что-то недостает веселого настроения... Желаю Вам всего хорошего. А главное, будьте здоровы и в духе.

Ваш Ал. А-в

[1] Е. П. Бураго.

[2] Речь идет о проекте создания нового театра «трагедии, романтической драмы и высокой комедии», о чем в феврале—марте сообщалось в ряде газет. «Горький очень интересуется театром. В беседе со своими знакомыми он не раз высказывался о своем желании видеть в Москве большой общедоступный театр, с здоровым художественным репертуаром, в состав которого входили бы классические пьесы и лучшие пьесы романтического характера, проникнутые бодрым, жизнерадостным настроением» (Утро России. 1914. № 30. 16 февр.).

В *АГ* хранится конверт с газетными вырезками, на котором рукою Пятницкого сделана надпись: «Собственный театр Горького. Фев⟨раль⟩, март 1914 г.»

В одной из газетных заметок — «Горький и Монахов» — сообщалось: «Максим Горький перед своим отъездом из Москвы беседовал с артистом Монаховым. Горький предлагал ему заключить контракт не далее как до поста 1915 года, так как к тому времени писатель думает реализовать свой проект о создании в Москве большого общедоступного театра и предполагает видеть артиста в составе труппы будущего театра» (Обозрение театров. 1914. № 9358. 19 февр.).

Режиссер Н. Ф. Монахов вспоминал: «Группа, которая исповедовала этот „символ веры", может быть названа следующими именами: Горький, Шаляпин, Андреева, Монахов, Бенуа, Незлобин и некоторые другие ⟨...⟩ Было составлено своего рода паевое товарищество нового театрального предприятия, для чего был выработан соответствующий договор...» Для театра предполагалось снять здание, принадлежащее графине Апраксиной (ныне помещение Большого драматического театра им. Горького в Ленинграде), на что, однако, Апраксина не согласилась, когда ей стало известно имя одного из главных организаторов — Горького (*Монахов Н.* Горький в истории ГБДТ // Максим Горький. Однодневная лит. газ. 1932. 25 сент.). Театр не был создан из-за начавшейся войны.

Замысел Горького осуществился после Октябрьской революции, когда был создан Большой драматический театр.

[3] Шаляпин в заглавной роли оперы Массне «Дон-Кихот».

[4] Возможно, Амфитеатров имеет в виду сообщения газет, в частности газ. «Петербургский листок» (1914, № 84, 27 марта): «На днях на квартире у Шаляпина Максим Горький будет читать свою новую пьесу „Жуть". Пьеса эта является как бы продолжением уже шедшей на сцене пьесы „Васса Железнова"».

[5] Речь идет о Павле Абрамовиче *Вигдорчике*, враче, жившем тогда на Капри, которому Горький перед отъездом оставил часть своей мебели (*Дн. Пятницкого*).

339. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Мустамяки. 29 июля 1914 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

Давно я не писал вам, но, надеюсь, вы не посетуете на меня за это? Очень уж судорожна русская жизнь, судорожна и почти каждый день угощает неожиданностями, бьет кирпичами по голове.

И сейчас пишу наспех, лишь для того, чтоб подать вам весть о себе, от вас, по доброте вашей, услышать — как живете? Буду очень рад, коли напишете.

Думаю, что в близком будущем к вам, может быть, явится некий россиянин, довольно интересный парень, обладающий еще более интересными документами [1]. Было бы весьма чудесно, если б вы помогли ему разобраться в хаосе его души и во всем, что он знает.

Мы здесь-то «дрожим в ожидании воскресения мертвых» — ожидание — тщетное, питерский пролетариат у «добромыслящих» людей ничего иного, кроме страха,— не вызывает. Общество частию разъехалось на дачи, частию же просто разъехалось и прокисло.

Очень боимся войны, но и желаем оной. Боязливо желаем, говоря точнее, но лишь потому, что тайно мыслим: м. б., война даст нам,

или укажет, или пробудит. Сами же ни взять, ни усмотреть, ни проснуться — не можем, как видно.

Во время питерских волнений[2] «в числе драки» пострадали от казацких нагаек матросы французские — какой конфуз!

«Общество» сильно заинтересовано старцем Григорием Распутиным[3] — что будет, когда у него зарастет животишко, какие отсюда для России результаты явятся? Прелюбопытная легенда слагается о старце: во-первых, сведущие люди говорят, что старец суть сын старца Федора Кузьмича[4], во-вторых — что он дал престолу наследника. Чисто русский круговорот вещей: царь ушел в старцы, и роди сына старца, сей же последний — роди наследника. Ситуация любопытная и возбуждающая надежды великие: окунувшись в море народное, царь-старец почерпнул там некие новые силы и через сына своего воплотил оные во внука, стало быть — мы спокойно можем ожидать от внука всяческих благ, но он, внук, есть как бы результат слияния царя с народом. Чисто?

Бегство Илиодорово[5] многими оценивается как событие катастрофическое, говорят, будто-де оный беглец исполнен знанием многих тайн. Говорят вообще много, ибо ничего не делают, однако — собираются на дела, «надо», говорят, «объединяться». Славное объединение в большой моде, даже газету завели на сей предмет, но она выходит единожды в неделю, и что объединится в день выхода ее — в остальные шесть — разъединяется по всем швам[6]. Очень скучна спя гнилая материя.

А что выросло за эти восемь лет и что неузнаваемо изменилось, так это — демократия. Вы и представить себе не можете, как интересны и серьезны стали простые люди на Руси!

Для них необходим журнал, книгоиздательство, театр и многое другое, организованное на каких-то «новых началах», с новым содержанием. До умопомрачения много интересного на Руси. Я живу, как на сковороде. Работать, т. е. писать, мне некогда, как я и думал.

Хорошо, что здоровье восстановилось.

Об арестах вы читали, вероятно. Много поарестовано, между прочим — мой издатель Бонч, и — почему я сижу без денег[7].

Ну, дорогой А. В., будьте здоровы, всего доброго вам!

А дому вашему — поклон низкий.

А. Пешков

Писать мне: Финляндия
Via Stokholm, Mustamäku st.
M. Gorki

Пожалуйста, А. В., перешлите прилагаемое письмо по адресу, а то отсюда письма за рубеж не очень охотно отправляют без просмотра, письмо ж к вам идет особым случаем[8].

Крепко жму руку

А. П.

Датируется по почт. шт. Письмо было направлено Горьким в адрес редакции сб. «Энергия»: на конверте адрес рукою Горького: «*Италия. Via Stokholm*, заказное. Редакции сборников „*Энергия*". *Леванто*. Italia. Geneva, Levanto, „Energia" Raccomondata» (*АГ*).

[1] Речь идет об иеромонахе Илиодоре. См. ст. Н. И. Дикушиной, а также Г—К.

[2] 3 июля (ст. ст.) полицией был расстрелян митинг рабочих Путиловского завода, происходивший в знак солидарности с бастующими бакинскими нефтепромышленными рабочими; расстрел путиловцев вызвал всеобщую забастовку в Петербурге, в которой приняли участие свыше 150 000 рабочих.

[3] 29 июня / 12 июля 1914 г. произошло покушение на Григория Ефимовича *Распутина* (Новых) (1872—1916), приобретшего к этому времени огромное влияние на Николая II и в особенности на императрицу Александру Федоровну. Распутин был ранен.

[4] Имеется в виду легенда об Александре I, якобы в свое время не умершем в Таганроге, а скрывавшемся и прожившем еще многие годы под именем старца Федора Кузмича.

[5] Одним из участников покушения на Распутина считали иеромонаха Илиодора (С. М. Труфанова). Илиодор бежал, имея в руках материалы, изобличающие Распутина и компрометирующие царскую фамилию. На несколько дней Илиодор останавливался в Мустамяки, беседовал с Горьким на даче Чирикова и читал ему находившиеся при нем письма и документы. Живший в то время в Мустамяки Метлин вспоминал: «...в тот день, когда „осведомленный источник" — газеты — сообщил о бегстве Илиодора, переодетого в женское платье, через Одессу в Румынию, он, действительно, благополучно перебрался через границу Финляндии в Швецию, а затем в Америку, где вскоре издал книгу о Распутине и его деятельности под названием „Святой черт"». См. «Воспоминания И. Метлина „Лето в Мустамяках"»; «Воспоминания об А. М. Горьком» (*АГ*), а также: Г—К, п. 35.

5 сентября 1914 г. в экстренном прибавлении к № 240 газ. «День» сообщалось, что Илиодор прислал письмо родителям с подробностями своего побега из России и упомянул, что границу Финляндии ему помогли пересечь «друзья-писатели».

В написанном одновременно и посланном через Амфитеатрова п. к Е. П. Пешковой Горький сообщал: «Последние дни особенно кипит все вокруг: волнения рабочих, ожидание войны, а рядом с этим такие скандалы, как покушение на Распутина и бегство Илиодора. Говорят, что последний уже за границей, где-то в Италии якобы. Его бегством очень заинтересованы и власти, и общество, одни будто боятся возможных разоблачений, другие — ожидают оных с великим злорадством. Любопытное совпадение: в 5 году — поп предшествовал революции (имеется в виду Гапон.— *Ред.*), ныне — иеромонах. Будем надеяться, что в следующий раз эту роль станет играть архиерей» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 158).

[6] По-видимому, речь идет о легальной газ. «*Единство*», издававшейся группой меньшевиков-оборонцев в Петербурге с мая по июнь 1914 г. (вышло 4 номера) и с марта по ноябрь 1917 г. Под названием «Наше единство» газета выходила в декабре 1917 — январе 1918 г. Редакцию газеты возглавляли Иорданский и Плеханов, который призывал к сотрудничеству социалистов с либерально-буржуазными партиями. Газета занимала крайне шовинистическую позицию, поддерживала буржуазное Временное правительство, вела борьбу против партии большевиков.

[7] В июле 1914 г. был арестован В. Д. Бонч-Бруевич, бывший тогда заведующим петербургским книгоизд-вом «Жизнь и знание», которое выпускало в свет Собрание сочинений Горького. В 1914 г. вышли т. X и XII.

[8] Речь идет об упоминавшемся п. Горького Е. П. Пешковой. В нем Горький также указывал на особые обстоятельства отправки письма: «А что, к Амфит⟨еатрову⟩ не собираешься? Это письмо послано тебе через Амфитеатрова по силе некоего особого случая». См.: *Арх. Г.* Т. IX. С. 159.

340. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Levanto. 1914.VIII.11

Дорогой Алексей Максимович.

Сейчас получил Ваше письмо от VII.29 с письмом к Катерине Павловне[1], которое немедленно пересылаю. Она недавно была у нас, в очень нехорошем состоянии, все металась, куда ей лучше ехать, внезапно отменила все планы и поехала в Аляссио, где застало ее объявление войны и невозможность ехать куда бы то ни было. Мы сидим все — совершенно отрезанные от всего мира и при полном отсутствии средств к существованию, ибо война всех застала врасплох. Мне, напр⟨имер⟩, так повезло, что объявление войны совпало число в число с днем (19 июля), когда «Просвещение» должно было выслать нам третные деньги и, так как оно чрезвычайно аккуратно, то, по всей вероятности, и выслало их, и теперь я тревожусь этою возможностью больше, чем предположением о невысылке, ибо австрийцы и немцы без церемоний конфискуют частные суммы. В Италии, конечно, денежная паника, разоряющая всё и всех и создающая атмосферу, совершенно невозможную.

Тем не менее дух бодр до чрезвычайности, и даже так скажу: никогда не был бодрее. Очень гнусная вещь война, но есть в ней хорошая сторона: уж очень она разоблачает зоологического человека во всей его первобытной прелести, а я, как Вы знаете, поучительное зрелище

это весьма обожаю, ибо оно единственное вечное, а остальное все в человеке — «что позолочено, сотрется, свиная кожа остается»[2], вроде, вот, прелестнейшего Kaiser'a Вильгельма, негодующего на несправедливости России, как она смела принять объявленную ей войну «из-за *какой-то* Сербии...» Право, в эту двуногую скотину можно влюбиться: так целен!

Никогда, даже во время революции, не чувствовалась так ярко и страстно связь с Россией, потребность действовать и мучительность бездействия. Зина[3] уехал во Францию, чтобы поступить волонтером в действующую армию. Трижды молодчина! Ил. Владим. вчера уехала в Россию, чтобы выручить кое-какие наши деньги — на детский прокорм во время войны, так как я, получив первую же сумму, немедленно уезжаю в Париж формировать волонтерский отряд. Прилагаю письмо, напечатанное мною в «Giornale d'Italia» и «Caffaro» и повлекшее громадную переписку с итальянцами и русскими, которая мне — увы! — сейчас даже и не по средствам![4]

Не с родными братьями рядом, так хоть с двоюродными, но надо драться с чертовыми немцами! Ах, неужели русские левые круги упустят этот могучий момент вооруженного единения с народом и армией в общем национальном движении, неужели опять отдадут монополию на патриотизм тем слоям, которые превратили его в ругательное и постыдное слово? Было бы хуже ошибки — было бы преступлением! Я, как старый дятел, твержу то же, что твердил (осмеиваемый социал-демократами) в 1905—⟨190⟩7 гг.,— и оказался прав: не бывает и быть не может социальных революций в стране, не видавшей революции национальной, с того времени как революция найдет слово «отечество», найдет она и силу, и успех. Авось, война поможет сделать эту великую находку. И я думаю, что всякая война — с победою ли, с поражением ли, потому что зовет она с неслыханною силою к великому единству. Если это единство выйдет от нас, великолепнее чего быть нельзя; если его провозгласят и сумеют утвердить правительство и правая — большое несчастие, но, даже под его риском, общий национальный подъем сейчас необходим. Надо дать свободу национальному инстинкту и превратить его в сознательность. Помирать, так помирать, чёрт возьми, но пусть на костях нашего, безнужного к жизни, так хоть хорошо умершего, поколения, останется жить и цвести русский народ — Россия...

Ваше письмо — первая ласточка, прорвавшаяся к нам после 14-дневного безмолвия русской почты. Очень я рад был ему. Столько в нем интересного. И вот вам показатель времени: как все это было интересно в тот момент, когда Вы это писали, и как все ушло в небытие, когда я получил! Распутин, Илиодор и пр., даже социалисты, пролетариат, кадеты, Дума и пр. — все стало куда-то вдаль, оборотилось условными словами... А настоящее-то одно: под пушечный грохот «ходит зверье невиданное, родит зверье неслыханное, пожирает тела человеческие»...

Ну, до свидания когда-нибудь, если живы будем. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амф.

[1] Письмо было получено Амфитеатровым 10 августа (*АГ*).
[2] Цитата из сказки Г. Х. Андерсена «Старый дом».
[3] З. А. Пешков.
[4] К письму приложена вырезка из «Il Giornal d'Italia» «Una „Lettera ai Russi" di A. Amfiteatrof», в которой приводится п. Амфитеатрова от 8 августа 1914 г. с призывом забыть политические разногласия и объединиться для борьбы с внешним врагом, угрожающим России и Франции. См. ст. Н. И. Дикушиной.

341. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Леванто. 22 июля 1916 г.)

Очень удивлен вашей телеграммой[1]. Узнал о предприятии Протопопова[2] только третьего дни от Адрианова[3], приехавшего меня приглашать. Не вошел пока ни в какие переговоры до полного выяснения дела, которое меня сильно удивляет. Однако Адрианов называет вас в качестве сотрудника несомненного, обещанием участвовать литературно, относящегося к делу с большой симпатией. Кроме того, получил письмо Андреева, сообщающего о заключенном им с Протопоповым контракте[4]. Был бы очень благодарен, если телеграфируете мне в Леванто объяснение[5].

Привет.

Ал. Амф.

Текст на телеграфном бланке на французском языке.

Датируется по пометам на телеграфном бланке и по содержанию.

Печатается по приложенному к письму русскому переводу, сделанному М. Ф. Андреевой.

[1] Текстом телеграммы *АГ* не располагает. См. ст. Н. И. Дикушиной.

[2] Речь идет об организуемой в это время ежедневной буржуазной газ. «Русская воля». О создании газеты и об отношении к ней Горького и Амфитеатрова см. там же.

[3] Сергей Александрович *Адрианов* (1871—1941) — критик, литературовед, редакционный работник, был одним из редакторов ежедневной газ. «*Слово*», издававшейся в Петербурге с 1904 по 1909 г.

[4] Л. Андреев принял предложение сотрудничать в «Русской воле», ошибочно полагая, что ему будет предоставлена полная самостоятельность. Он писал 24 июня 1916 г. брату по поводу заключенного с газетой договора: «Специальное мое дело: я заведую тремя отделами: беллетристики, критики и театра, имею сколько угодно помощников и приглашаю *кого угодно*, независимо от редакции. Иными словами, влияя на общее положение дел, я имею в газете как бы свой собственный журнал по вопросам наиболее мне близким и важным» (*ЛН*. Т. 72. С. 456). Андреев вел в газете литературно-критический и театральный отделы. О деятельности Андреева в «Русской воле» см. подробнее там же.

Горький писал по этому поводу Короленко 21 и 22 октября 1916 г.: «Очень мучает меня Л. Андреев. Я его люблю, считаю крупным талантом, но наши отношения вдребезги испорчены, и я не могу указать ему, что он не должен валандаться с протопоповской газетой» (*Горький и Короленко*. С. 81).

[5] Ответной телеграммой Горького *АГ* не располагает.

342. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Петроград. 1917.1.27

Дорогой Алексей Максимович.

Князев вчера показал мне Ваше письмо к нему с добрыми словами обо мне, которые меня очень тронули и обрадовали[1]. Грустно было сознавать, что живем в одном городе, а не видимся. А теперь уже и не увидимся — кто знает, сколько времени. Мерзавец Протопопов выслал-таки меня из Петрограда[2]. Постановление уже состоялось, жду его мне объявления, а затем и в путь, не зная, какой город выбрать. Хорошо бы застрять в Твери, а то в Рыбинск что ли, к Золотареву. Ну, до свиданья. Желаю Вам всего хорошего и обнимаю Вас от всего сердца.

Ваш Ал. Амфитеатров

[1] Василий Васильевич *Князев* (1887—1937) — до революции печатался в журн. «Сатирикон» и других юмористических журналах. После революции в советской прессе, главным образом в «Красной газете». С 1915 г. был лично знаком с Горьким, состоял с ним в переписке (*ЛН*. Т. 70. С. 194—196). Имеется в виду п. Горького Князеву до 26 января 1917 г., в котором он писал, что его отношение к Амфитеатрову не изменилось (*АГ*).

[2] 22 января 1917 г. в «Русской воле» были напечатаны очередные «Этюды» Амфитеатрова, содержавшие криптограмму с резкой критикой в адрес пензуры и

А. Д. Протопопова (см. ст. Н. И. Дикушиной). Амфитеатров был выслан в Иркутск, однако доехать до места ссылки не успел: после Февральской революции он вернулся в Петроград (*Русская литература конца XIX — начала XX века. 1908—1917.* С. 663). Перед отъездом, 28 января, Амфитеатров был у Горького. См. п. Горького Е. П. Пешковой от 29 января 1917 г. (*Арх. Г.* Т. IX. С. 191).

343. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Петроград.) 13 августа 1917 г.

Алексей Максимович.

По поводу сейчас прочитанной заметки в нынешнем «Живом слове» о моих к Вам отношениях считаю долгом уведомить Вас, что ровно никакого письма я Вам не писал и не собирался писать, а посему могу лишь изумляться изобретательности «Живого слова»[1] и неразборчивости его полемических приемов. Направлению «Новой жизни»[2] и Вашим взглядам на революционную войну я, как Вы знаете, не сочувствую и считаю своею обязанностью бороться с ними, где и сколько могу, как с весьма вредным заблуждением. Но, как бы ни расходились наши воззрения, я всегда памятую, что Вы не только большой писатель, но и честный человек и демократ, и всякое нападение на Вас с этой стороны всегда приводит меня в скорбь и негодование.

Ваш Александр Амфитеатров

[1] «*Живое слово*» — ежедневная газета бульварно-черносотенного типа. Издавалась в Петрограде с 1916 г. Редактор-издатель — А. М. Уманский.

После Февральской революции в целях дезориентации читателя печаталась с подзаголовком «Газета внепартийных социалистов». Ее контрреволюционность носила настолько грубый характер, что Временное правительство вынуждено было в августе 1917 г. запретить «Живое слово». С 24 августа / 6 сентября выходила под названием «Слово», с 23 октября / 5 ноября — «Новое слово». Была закрыта после Октябрьской революции Военно-революционным комитетом 28 октября / 10 ноября 1917 г.

В п. Амфитеатрова речь идет о заметке, напечатанной в «Живом слове» 13 августа 1917 г., «А. В. Амфитеатров отвернулся от Горького». К письму приложена газетная вырезка. См. также: Г — Ив-Р.

[2] «*Новая жизнь*» — ежедневная меньшевистская газета. Орган группы социал-демократов («интернационалистов»). Выходила в Петрограде с апреля 1917 по июль 1918 г. (московское издание «Новой жизни» — с 1 июня 1918 г.) под редакцией А. М. Пешкова (М. Горького), Н. Гиммера (Н. Суханова), В. Десницкого (Строева), А. Н. Тихонова (Сереброва). Издатель — А. Н. Тихонов. Политическую линию газеты определяли меньшевики-интернационалисты и большевики-примиренцы (Н. Суханов, Б. Авилов, В. Базаров). Горький напечатал в «Новой жизни» цикл статей «Несвоевременные мысли», отразившие его ошибочные политические взгляды того времени, сложность его отношения к революции и большевикам. 16 июля 1918 г. газета была закрыта. Осенью 1918 г. Горький говорил: «Ежели бы закрыли „Новую жизнь“ на полгода раньше — и для меня и для революции было бы лучше» (Правда. 1918. № 223. 16 окт.).

344. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

Петроград. 22.X.1917

Александр Валентинович!

Сегодня, вернувшись из Крыма, прочитал заметку «Живого слова» и Ваше письмо ко мне[1]. Хорошее письмо. Сердечно благодарю Вас. Разумеется — я не сомневался в Вашем добром отношении ко мне. Не сомневайтесь и Вы — прошу искренно — в том, что неизменно люблю и уважаю Вас.

Разность мнений не должна разъединять честных людей.

Крепко жму руку

А. Пешков

[1] Горький не смог своевременно прочитать п. Амфитеатрова от 13 августа 1917 г., так как уехал в Крым, очевидно, 10 августа (*Арх. Г.* Т. IX. С. 202).

345. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

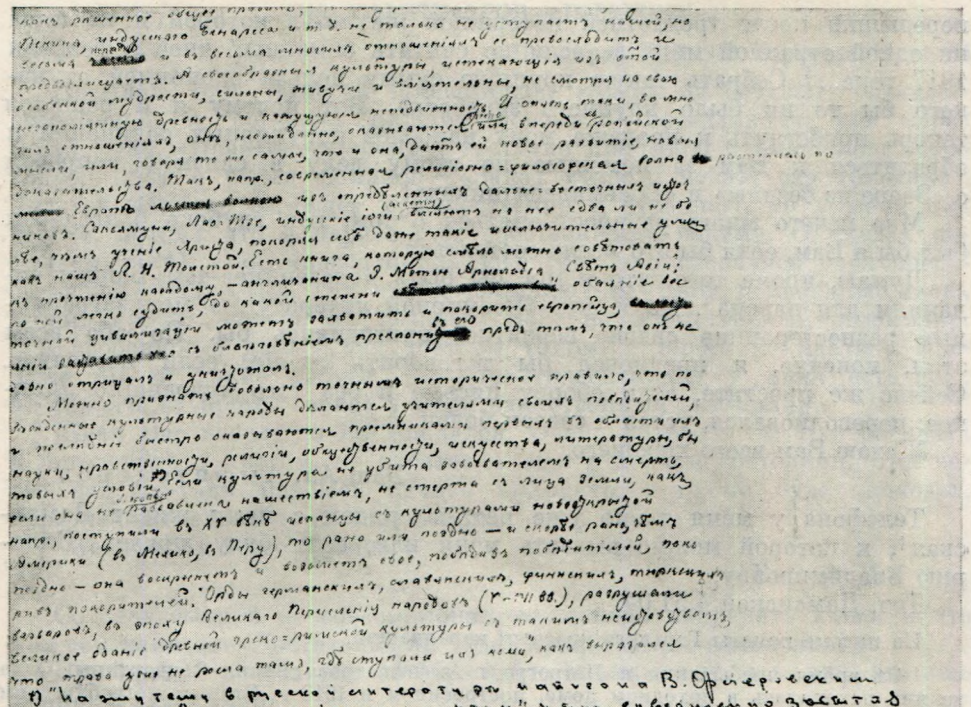
Петроград. II/28 1919 г.
Карповка, 19, кв. 54

Простите, Алексей Максимович, что беспокою Вас этим письмом. Мне очень хотелось бы видеть Вас и изложить Вам все содержание лично. Но я очень болен. Неделю пролежал, а сейчас хотя встаю, но чувствую себя совсем слабым, все время в каком-то полуобморочном состоянии. К тому же стоят безобразные морозы, а у меня нет достаточно теплого платья. Между тем уже последний день февраля, и, ввиду некоторых, назначенных мною для себя, необходимых сроков, я не могу откладывать далее дела, о котором Вам пишу.

Вы сейчас стоите во главе русской издательской инициативы и являетесь распорядителем советского издательства. Поэтому я и решаюсь обратиться к Вам с предложением приобрести для этого издательства некоторые мои сочинения. А именно: «Зверя из бездны» и «Восьмидесятников». Ваши добрые отзывы о моей многолетней исторической работе дают мне надежду думать, что отношение Ваше к ней благоприятно. Что касается романа, то он — наиболее читаемое из всех моих произведений. Четыре тома «Зверя» и два тома «Восьмидесятников» составят приблизительно 200—225 печатных листов, считая 40 000 знаков. Если бы мое предложение было принято, я, с своей стороны, взял бы на себя обязательство заново перередактировать «Зверя», так как теперь нет надобности в цензурных уступках и масках слов. В «Восьмидесятниках» также восстановил бы страницы, пропущенные или обесцвеченные цензурою либо правительственною, либо издательских страхов.

Вы, вероятно, помните, что первый том «Зверя» пролежал больше года под запретом, и хотя был освобожден по процессу, но эта история настолько испугала издательство, что его цензура сделалась требовательней и пошлее казенной. Выправка подобных выбледнений заняла бы немного времени, и я надеюсь, что успею произвести ее до апреля, в котором, если доживу, рассчитываю уехать из Петрограда и России.

Отъезд свой и семьи моей, конечно, решил я, как необходимость, еще прошлым летом. В сентябре получил заграничные паспорта (на Швейцарию или Швецию), теперь просроченные, конечно. Уехать не было никакой возможности, потому что — то граница была закрыта, то, к моменту ее открытия, не оказывалось никаких денег на странствие. Вместо отъезда пришлось прожить зиму в условиях ужасающей безработицы и — нисколько не стыжусь слова: нищеты, потому что жалкое существование это в холоде, голоде и бездеятельности приходилось оплачивать вдесятеро дороже, чем могла бы стоить самая безумная роскошь. Потому что нас, ведь, семь душ, а — что значит теперь прокормить семь человек, Вы сами хорошо понимаете. Никакая работа не была возможна. Лекции мне сорвала истерическая выходка какой-то полоумной. Газет нет и не будет. Частные издательства либо убиты чудовищными тарифами типографий и бумажного рынка, либо бездействуют выжидательно, либо, пользуясь безвыходным положением литераторов, с видом благодетелей берут за горло совершенно бессовестными условиями. Оставалось жить самоедством, в чем и упражнялись — буквально — до последней вещи в доме. Все распродано и проедено. От минувшего величия остался рояль, без которого надо было бы поставить крест на музыке моего сына Данилы, композитора. Да, в виде злейшей насмешки, стильный зал 40-х годов, который всех приводит в восторг и решительно никому не нужен, так что, по всей вероятности, судьба его сгореть всем своим лимонным древом на топку плиты[1]. А то сидим на чужом, спим на чужом, едим и пьем из чужого, платье,



ПРАВКА И ЗАМЕЧАНИЯ ГОРЬКОГО НА СТРАНИЦЕ РУКОПИСИ АМФИТЕАТРОВА «ПРЕДИСЛОВИЕ К РАССКАЗАМ ПЬЕРА МИЛЛЯ»

1919

Архив Горького, Москва

белье — все продано — до рубища, в коем почтенна добродетель. Но так как я на добродетель никогда не претендовал, то сомневаюсь даже и в том, чтобы это было почтенно.

В последние три недели я получил работу во «Всемирной литературе»[2], которою очень доволен, как материально, так и морально. У меня купили переводов и пр. на 6600 рублей, впереди предвидится также порядочно работы и соответственного заработка. Но, после ужасающих девяти месяцев, полных конечного разорения и задолжания, все это будет ухать, как в бездонную яму, оставляя существование столь же нелепым и жалким, безнадежно физиологическим. Работаешь не на себя, не на семью, не на любимых людей, не на любимое дело, а на мешочников с хлебом или мясом. Без них — умирать от истощения, с ними — влачить даже не жизнь, а мерзость запустения, в которой часто сам о себе сомневаешься, в здравом ли ты еще уме или уже сбесился, и вокруг тебя — тоже сплошной бред. Я выдержал в Питере три тяжкие зимы, каждая была мне трудна, по отвычке от климата и от людей. Но последняя, третья, меня добила совершенно. Больше не могу. Должен бежать и спасать семью. Как-нибудь надо добираться к себе, в Леванто, хотя бы для того, чтобы там умереть. В Стокгольме, Париже, Лондоне, Праге, Вене, не говоря уж о Риме, у меня достаточно связей, чтобы найти работу. За свое имущество, брошенное в Леванто ради русских дел, тоже получу что-нибудь. Так что дотянем как-нибудь до времени, когда международные отношения уладятся до возможности международной почты и печати. Но для того, чтобы все это осуществить, мне нужна одновременно крупная сумма денег: заплатить долги 9-месячной безработицы, оплатить путешествие и хоть месяц-другой

передышки после трехлетней каторжной жизни, в которой я не имел ни одной отрадной минуты, если не считать обманных дней 27 февраля 1917 года...[3] Собрать такую крупную сумму нельзя экономией от какого бы то ни было крупного заработка. Вот почему я и решился теперь прибегнуть к продаже моих наиболее популярных сочинений и обратиться к Вам за помощью по этому делу в связи с вопросом о «Звере из бездны» и «Восьмидесятниках»!

Мне нечего много распространяться о том, как глубоко благодарен был бы я Вам, если бы это могло состояться.

Думаю, кроме того, что я мог бы быть полезен кое-чем Вашим изданиям для народа[4]. Да и для «Всемирной литературы» мои заграничные разносторонние связи, вероятно, пригодились бы. Но обо всем этом, конечно, я предпочел бы поговорить лично, если позволите. Сейчас же простите, если оборву письмо и без того чудовищно длинное: переволновался, устал и совсем болен.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров

Телефона у меня давно уже нет, но рядом с нами живет Даманская[5], к которой можно вызвать меня или, если буду лежать, Илларию Владимировну.

Тел. Даманской 4.51.04.

На письме пометы Горького красным карандашом.

[1] За время пребывания в Петрограде Амфитеатров сменил 2 квартиры. Одна из них находилась в доходном доме, построенном в 1913 г. Вторым петербургским товариществом для устройства постоянных квартир (архитектор А. И. Зазерский). Дом этот (несколько связанных между собою пяти- и шестиэтажных корпусов) стоит на набережной Карповки и по сей день.

[2] Изд-во «Всемирная литература» было организовано в августе 1918 г. по инициативе Горького. В Записке изд-ва «Всемирная литература» в Народный комиссариат просвещения о деятельности изд-ва от 16 июля 1919 г. Горький назвал Амфитеатрова среди тех, кто принимает «деятельное участие в „трудах издательства"» (Исторический архив. 1958. № 2. С. 78).

Очевидно, первой рукописью, полученной Горьким от Амфитеатрова, была рукопись его предисловия к рассказам французского писателя Пьера *Милля* (1864—1941). Рукопись с пометками и правкой Горького хранится в *АГ*. Дата под предисловием — 1919. VI—16. Книга не была издана.

В № 8 журн. «Вестник литературы» за 1919 г. в заметке «Чем заняты наши писатели» сообщалось, что «Амфитеатров работает сейчас в издательстве „Всемирная литература" над целым рядом переводов с итальянского».

В 1922 г. с участием Амфитеатрова изд-вом «Всемирная литература» были выпущены кн.: *Лемонье К.* Избр. сочинения / Пер. и прим. А. Н. Горлина. Под ред. А. В. Амфитеатрова. Пг.; М.: Госиздат, Всемирная литература. Т. 1—2; *Гольдони К.* Комедии / Пер. И. В. и А. В. Амфитеатровых. Прим. А. В. Амфитеатрова под ред. А. Л. Волынского. Пг.; М.: Госиздат, Всемирная литература; и др.

Горький привлек Амфитеатрова также и к работе над изданиями изд-ва З. И. Гржебина. В серии «Русская литература» вышли кн.: *Лесков Н. С.* Избр. сочинения: В 3 т. / Вступ. ст. М. Горького. Ред. текста и прим. Амфитеатрова. Берлин: изд-во З. И. Гржебина, 1923. Т. 1; *Салтыков М. Е.* Избр. сочинения: В 2 т. / Ред., вступ. ст. и доп. прим. А. В. Амфитеатрова. Берлин: изд-во З. И. Гржебина, 1923. Т. 1. Все эти книги хранятся в *ЛБГ* (*Описание*).

[3] Амфитеатров имеет в виду Февральскую буржуазно-демократическую революцию 1917 г.

[4] Изд-во «Всемирная литература» выпускало две серии книг — основную (большого формата) и народную (малого формата). О народной серии сообщалось: «Предприняв издание „Народной библиотеки", литературно-издательский отдел Комиссариата по просвещению положил в основу этого издания следующие принципы: стремление к тому, чтобы внешний вид изданий не напоминал издававшихся доселе для народа дешевых книжек и чтобы текст был строго проверен и проредактирован по первоисточникам» (Вестник литературы. 1919. № 8. С. 3).

[5] Августа Филипповна *Даманская* (1877—1959) — писательница и переводчица. Для изд-ва «Всемирная литература» перевела «Прометей» и другие рассказы Генриха Федерера (Пг., 1922). См. также: Г—Ляц.

346. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Петроград. III.2.1919. Карповка, 19, кв. 54

Посылаю Вам, Алексей Максимович, «Зверя из бездны», «Восьмидесятников» и, согласно Вашему желанию, переданному мне через моего сына, «Девятидесятников». А лично прибавлю к ним — коль скоро вопрос идет о серии романов — «Закат старого века», где Ходынка[1]. Толстой написал ее более художественно и страшно[2], но у меня она вернее, потому что я пережил ее собственными боками. О книгах посылаемых: 1) «Восьмидесятники» уже года три сделались библ〈иографической〉 редкостью, так что я посылаю Вам чужой, зажиленный мною, экземпляр. 2) «Зверь из бездны» мой, но единственный экземпляр, а в особенности дрожу над третьим томом, которого не найти в продаже ни за какие деньги. 3) «Девятидесятники» у меня есть еще. 4) «Заката ст〈арого〉 века» у меня единственный экземпляр.

Ждал Вас вчера, но не дождался. Очень хотелось бы Вас повидать и поговорить о многом, но обретаюсь еще в дохлом состоянии. Дня через два все-таки надеюсь начать выходить, если не будет холодов, меня положительно придавливающих.

Желаю Вам всего хорошего

Ваш А. А-в

Со слов сына я не совсем понял, куда надо направить книги и что при сем написать. Достаточно ли будет прилагаемого заявления?

При просмотре «Зверя» не обращайте внимания на помарки: это лекционный экземпляр.

Не знаю, видели ли Вы перевод «Рваного плаща» Сема Бенелли, сданный мною «Всем. литерат.» Взгляните, пожалуйста, если найдете свободное время. По-моему, было бы хорошо и ко времени поставить эту трогательную и ярко демократическую пьесу[3].

[1] Амфитеатров описал Ходынку в романе «Закат старого века».

[2] Имеется в виду рассказ Л. Н. Толстого «Ходынка» (февр. 1910 г.). Рассказ был впервые опубликован в т. III «Посмертных художественных произведений Л. Н. Толстого».

[3] Амфитеатров перевел две пьесы Сема Бенелли — «Рваный плащ» и «Ужин шуток». Пьеса «Рваный плащ» была поставлена в Большом драматическом театре. В связи с этим А. А. Блок, бывший в то время председателем режиссерского управления театра, радикально исправил перевод Амфитеатрова. См.: *Орлов В. Н.* Александр Блок и пьеса Сема Бенелли «Рваный плащ» // Учен. зап. Гос. научно-исслед. ин-та театра и музыки. Сектор театра. Л., 1958. Т. 1. См. также текст выступления Блока 〈«К постановке пьесы „Рваный плащ“»〉 и «Рваный плащ» (*Блок А.* Собр. соч. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 356—358, 381—383). Премьера состоялась 20 сентября 1919 г.

Отдельное издание переводов Амфитеатрова: *Бенелли Сем.* Рваный плащ. Ужин шуток. Драматические поэмы // Вступ. ст. А. В. Амфитеатрова и А. В. Луначарского. Пг.; М., 1923.

347. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

〈Петроград. 3 или 4 марта 1919 г.〉

Александр Валентинович.

Я тоже не выхожу из дома, ибо осажден.

Жду вас во вся часы от 12 до 5 и по вся дни.

Жму руку

А. Пешков

Датируется предположительно по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 2 марта 1919 г.

348. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Петроград. III/27 1919 г.

Дорогой Алексей Максимович.

Сейчас узнал я из газеты, что Вам исполнилось 50 лет и событие это празднуется юбилейным торжеством[1]. Спешу принести Вам свои поздравления и пожелания, хотя, правду сказать, самым лучшим пожеланием было бы, чтобы Вам сейчас было не 50, а 40 либо 30. Но неисполнимое неисполнимо, что же касается исполнимого, то пошли Вам бог всего хорошего во всем, чего бы Вы сами себе пожелали для счастья своего, своих близких, своих друзей, своих любимых дел, своего народа. Сколько помнится, Вы, как и я, небольшой охотник до юбилейных дат и сопрягаемого с ними шума. Однако они полезны уже тем, что позволяют и даже призывают, так сказать, оглянуться на человека. Сегодня все утро продумал о Вас, как много Вы значили в моей жизни. Полагаю, что для Вас это не новое открытие. Мало, очень мало людей было в моей пестрой встречами и обществом жизни, которым я отдавал бы столько любви и мысли в стольких разнообразнейших переживаниях. Восторженных и раздраженных, уповающих и скептических, то полных веры, то разочарования, то вновь и вновь пламенной веры в какое-то Ваше избранничество, ведущее Вас иногда, может быть, неведомо и Вам самому, по путям большой-большой человеческой цели. Не о политической деятельности Вашей говорю: я во всякой политике сейчас так разочарован и настолько к ней равнодушен, что не берусь ни судить политических путей, ни даже понимать их. Говорю о всем общем Вашем явлении, которое было и есть да, полагаю, и всегда будет для меня самым дорогим и волнующим во всем русском мире, потому что оно его олицетворение и символ в тех лучших сторонах его, что обещают ему жизнеспособность и будущность, невзирая ни на что. Не в том дело, когда Вы правы, когда не правы, а в том, что без Вас в этой ужасной нашей рабской России погас бы остатний свет и воцарилась бы такая тоска безнадежности и звериного потемнения, что только удивляйся, как это люди, с остатками ума и сердца, еще не перевешались на всех к тому удобных местах. Мне случалось, случается и, конечно, много раз еще случится не соглашаться с Вами, но не было, нет и не будет такого случая, когда бы я не верил в благородство Вашей мысли, искренность и правдивость Вашего слова, в великую любовь Вашу к человеку, направляющую всю Вашу деятельность. И вот, за эту-то огромно радостную веру, так и привязано к Вам мое старое сердце, все равно, вблизи ли, издалека ли. Чему верьте, живите много лет, будьте здоровы и счастливы. Еще раз желаю Вам всего хорошего.

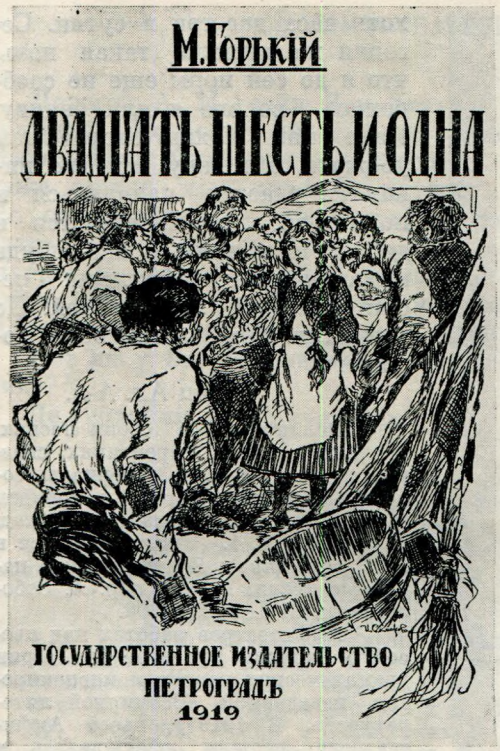
Ваш Ал. Амфитеатров

Написано на бланке журн. «Красное знамя».

[1] 27 марта в газ. «Северная коммуна» (1919, № 68) было напечатано приветствие Петербургского комитета Коммунистической партии Горькому в связи с его пятидесятилетием. Юбилей праздновался 28 марта 1919 г., в то время как Горькому исполнилось 50 лет 28 марта 1918 г. Сам Горький в автобиографии, напечатанной в 1914 г., указал ошибочную дату своего рождения. См.: *Венгеров С. А.* Русская литература XX века. М., 1914. Т. 1. С. 190.

27 марта 1919 г. состоялось чествование Горького на торжественном заседании Петроградского Совета в Александринском театре; 30 марта — в изд-ве «Всемирная литература». С приветствиями выступили Блок, Ф. Д. Батюшков и др. (Жизнь искусства. 1919. № 109. 2 апр.).

Амфитеатров намечался одним из участников задуманной к юбилею Горького книги о нем (Вестник литературы. 1920. № 4/5. С. 18). Замысел не был осуществлен.



ОБЛОЖКА КНИГИ:
М. ГОРЬКИЙ. ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ И ОДНА
Пг., 1919. Художник И. Симаков
Музей Горького, Москва

ОБЛОЖКА КНИГИ:
М. ГОРЬКИЙ. ТЮРЬМА
Пг., 1919. Художник И. Симаков
Музей Горького, Москва

349. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Петроград. 1919.IV.27

Дорогой Алексей Максимович.

Если у Вас есть «Великорусс» Шейна или собрание песен Соболевского[1] либо вообще какое-нибудь собрание лирических народных песен, то, пожалуйста, не откажите прислать мне с доставляющим сие письмо Данилом. Очень нужно для 3-й сцены «Васьки»[2].

Я звонил к Вам в четверг в часы условленные, но Вы были на бенефисе Шаляпина[3], что мы, когда условливались, упустили из вида. Как обстоит мое дело с Чрезвычайкою, если знаете? Очень это меня беспокоит. В особенности ввиду вчерашнего декрета о передаче ведения заграничных паспортов из иностранного подотдела Ком⟨иссариата⟩ вн⟨утренних⟩ дел в Иностранный ком⟨итет⟩, где я ни души не знаю.

Как мне быть также с Союзом худ⟨ожественных⟩ деят⟨елей⟩ по поводу «Зверя»?[4] В среду Вы сказали мне, что деньги, вероятно, можно будет получить завтра, в понедельник. Осуществляется ли эта возможность? где? как? сколько?

Я прикован к дому очень тяжелым состоянием здоровья Илларии Владимировны, которая вот уже седьмой день лежит и вопит, почти не переставая, от ужасных болей в печени. При том ее нервном состоянии, о котором я Вам говорил, можете себе представить, что получается. В доме чуть не все квартиры населены врачами, но лечить нечем — ни вод в аптеках, ни ванн горячих в доме. В результате — закармливание морфием, то есть одурение и отравление, чтобы человек поспал

АМФИТЕАТРОВ

Шарж А. М. Любимова (Сигналы, 1906, вып. 3, с. 6)

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

хоть часа два-три в сутки. Сегодня же выпала такая ночь, что я до сей поры еще не соображаю, во сне я или наяву. Надо как можно скорее нам убежать, а между тем все никак не удается наладиться и подняться. Всё вцепляются и держат щупальцы каких-нибудь маленьких насмешливых неожиданностей и мелочей. До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. А-в.

[1] Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб.: изд. имп. Акад. наук, 1900. Т. 1. (Книга хранится в *ЛБГ*, *Описание*); Великорусские народные песни: В 7 т./Собр. А. Соболевским. СПб., 1895–1902.

[2] Амфитеатров работал над пьесой о Василии Буслаеве для серии драматических картин и инсценировок, издаваемой «Всемирной литературой». В 1919 г. пьеса Амфитеатрова дважды обсуждалась в изд-ве «Всемирная литература» на секции исторических картин – в марте (к этому времени относятся приводимые ниже воспоминания Чуковского) и в ноябре (Записные книжки А. А. Блока. Кн. 60, запись от 11 нояб. 1919 г.: «„Картины". Читал Амфитеатров»).

Чуковский вспоминал: «На одном из заседаний ⟨...⟩ Александр Валентинович Амфитеатров прочитал нам свою талантливую, но аляповатую пьесу „Васька Буслаев" в псевдорусском стиле.

Когда мы прослушали пьесу и Амфитеатров ушел, Горький сказал мне:

— Все же, признаться мне жалко, что эта пьеса уже написана! Много лет я мечтал о том, чтобы написать ее.

И, взяв Чукоккалу, набросал в ней следующее:

«Затевал я писать „Сказ о Ваське Буслаеве" и говорил о нем, Ваське, таковы слова...» Далее Горький написал текст «„хвастливого монолога" Василия Буслаева» (Чукоккала. М., 1979).

Пьеса была напечатана в 1922 г. (*Амфитеатров А.* Василий Буслаев: Представление в 4 действиях. Берлин; Ревель: изд-во «Библиофил»).

Отношение Горького к пьесе Амфитеатрова было неоднозначным: в письме к Форш он отметил, что Амфитеатров обработал сюжет «очень поверхностно, хотя и путано» (*XXX*, 171).

Федин вспоминал о словах Горького, сказанных, видимо, после выхода в свет отдельного издания пьесы: «Я, знаете, очень верю в эту идею исторических картин. Меня самого подмывало написать. И тема была превосходная — Великий Новгород, Василий Буслаев. Нет богатыря более русского — любил молодец землю, поозоровал на ней, но и потрудился славно!

— Что же вам помешало написать?

— Не что, а кто. Александр Амфитеатров помешал ⟨...⟩ отдал ему, что было собрано у меня о Василии. И вот недавно появилась пьеса „Васька Буслаев"... Хорошая вещь. Я полагаю — лучшее из всего когда-нибудь сочиненного Амфитеатровым» (*Федин К.* Горький среди нас: Картины литературной жизни. М., 1968. С. 34).

[3] 24 апреля 1919 г. Горький присутствовал в Мариинском театре на юбилейном спектакле Шаляпина (по случаю 20-летия его службы в государственных театрах) – опере «Демон» (*ЛЖТ*. Вып. 3. С. 123).

[4] Имеется в виду Союз деятелей художественного слова, организованный в Петрограде в 1918 г. Активным участником работы Союза был Горький (член правления). Союз пытался осуществить издание произведений современной литературы (*Арх. Г.* Т. X. Кн. 1. С. 10). Прекратил свое существование весной 1919 г.

350. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Петроград. 1919.V.8

Дорогой А. М., если Вам для тех рисунков, о которых Вы при мне говорили Щербову[1], нужен еще художник, то имейте в виду Ивана Васильевича Симакова[2], делающего эти вещи удивительно, по-моему даже лучше, чем кто-либо другой, кроме самого Щербова, конечно. Но по российскому смиренству и робости и великому неумению устраиваться затерт разною более крикливою публикою. Особенно хороши его шаржи и карикатуры под иконопись, в которой он большой знаток, сей тихий пермячок. Живет он или жил... впрочем, адрес есть во «Всем Петербурге», я его уже с год не видел, а «Всего Петербурга» у меня нет.

Нет ли у Вас Ключевского «Жития святых как исторический источник»?[3]

До свидания. Всего хорошего.

Ваш А. А-в

[1] Павел Григорьевич *Щербов* (1866—1939) — художник, друг Куприна. Речь идет об иллюстрациях к произведениям Горького, издаваемых Петроградским Советом рабочих и красноармейских депутатов в 1919 г.

[2] Иван Васильевич *Симаков* (1877—1925) — график, иллюстратор, плакатист, карикатурист. Родился в Кунгуре Пермской обл. В 1903—1912 гг. учился в Академии художеств (Пермская государственная галерея: Каталог произведений живописи, скульптуры, графики. 3-е изд., доп. Пермь, 1963). И. В. Симаков исполнил обложки для книг Горького «Васька Красный», «Двадцать шесть и одна», «Дело с застежками», «Кириллка», «На плотах», «Скуки ради», «Тюрьма». (См.: А. М. Горький в изобразительном искусстве. М.: «Наука», 1969. С. 414—416, 422, 425—426).

В июне 1917 г. Симаков зарисовал В. И. Ленина. Его воспоминания по этому поводу см. в кн.: Ленин в зарисовках и воспоминаниях художников/Под ред., с предисл. и прим. И. С. Зильберштейна. М.; Л., 1928. С. 35—37.

[3] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

ПИСЬМА ГОРЬКОГО К А. В. И И. В. АМФИТЕАТРОВЫМ, НАДПИСИ ГОРЬКОГО НА КНИГАХ, ПОДАРЕННЫХ АМФИТЕАТРОВУ

Публикация и комментарии
Джона Н о р м а н а и Вильяма Э д ж е р т о н а

Публикуемые ниже автографы Горького — письма и дарственные надписи — выявлены в той части обширного архива Амфитеатрова (более 6000 писем), которая находилась в Италии и недавно поступила от родственника писателя в Рукописный отдел Библиотеки им. Лилли Индианского университета (Блумингтон).

Два письма Горького к Амфитеатрову и два письма к И. В. Амфитеатровой составляют органическую часть «Переписки Горького с А. В. Амфитеатровым», представленной в настоящем томе. В связи с этим каждое из публикуемых ниже писем обретает в этой коллекции обусловленное временем написания место, отмеченное порядковым номером (п. 5, 6, 137, 287).

Четыре дарственные надписи Горького имеют нумерацию; в комментариях к ним отмечается их связь с письмами Горького и Амфитеатрова.

ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Глион. Март, не ранее 21, 1906 г.)

Дорогой мой Александр Валентинович!

Делу вашему[1] сочувствую всей душой, ясно вижу всю трудность его осуществления, но пока не могу вам помочь так, как хотел бы. Вот — посылаю очень торопливо написанное мое воззвание к буржуа Европы. На днях оно явится в газетах Германии, Франции, Англии и Америки — если найдете его интересным, печатайте у себя[2]. Это — всё, что — пока — могу сделать для вас.

Дело в том, что я спешно собираюсь в Америку и на днях уже еду. Ворочусь оттуда месяца через два, я думаю. Буду во Франции и во всей Европе[3]. Буду у вас[4] и, конечно, привезу вам что-нибудь. А теперь — просьба к вам: на днях я пришлю вам письмо к Анатолю Франсу, председателю О<бщест>ва друзей русского народа[5]. Прошу вас — будьте добры, отвезите ему это письмо лично и переведите ему его — я думаю, что вы сделаете это лучше, чем кто-либо. Наконец — в самом факте передачи письма именно вами уже будет нечто импонирующее. Потом вы можете напечатать это письмо у себя — спросив разрешения у Франса,— что необходимо, заметьте.

Моя задача в Европе и Америке: всеми силами помешать правительству русскому занять денег и — собрать возможно больше денег для народа — вы понимаете?

Говорил о вашем журнале с Л. Андреевым — напишите ему — Швейцария, Глион, отель Шанфлери[6].

Затем — успеха вам от всей души!

И всего доброго, всего доброго!

М. Ф. кланяется.

А. П е ш к о в

В Обществе друзей русского народа есть люди, пожать руку которых мне будет приятно,— Франс, Мирбо[7], Стейнлейн[8], Сеньобос[9], Клемансо.

Последний особенно нравится мне — он становится министром каждый раз, когда страна в тяжелом положении. Это смело, это внушает уважение к нему[10].

Жму руку.

А. П.

Датируется по сопоставлению с п. Горького Ладыжникову с пометой последнего: «21/23 марта 1906» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 136, 295). В Глион (Швейцария) Горький приехал из Берлина 21 марта.

[1] Письмо является ответом на неизвестное нам п. Амфитеатрова, в котором он сообщал Горькому о предстоящем издании журн. «Красное знамя» (Г—А, от мая, не ранее 19, 1906 г., прим. 6).

[2] Воззвание «Не давайте денег русскому правительству!» было напечатано в журн. «Красное знамя» (1906, № 1, апр.), в переводе на французский — в газ. «L'Humanité» (1906, № 772, 9 апр.), на немецкий — в газ. «Berliner Tageblatt» (веч. вып., 1906, № 177, 6 апр.).

[3] См.: Г—А п. от мая, не ранее 19, 1906 г., прим. 1. Вернулся Горький из Америки в Европу в октябре 1906 г.

[4] Приехав в Париж 3 апреля, Горький пригласил Амфитеатрова к себе.

[5] Общество друзей русского народа и присоединенных народов (Société les amis du peuple russe et des peuples annexés) — организация прогрессивной французской интеллигенции, созданная 3 февраля 1905 г. в поддержку русской революции 1905—1907 гг. Выпустило большое количество книг и брошюр, разъяснявших смысл происходивших в России событий. Упоминаемые в письме деятели Общества были членами его центрального комитета. Подробнее см.: *Гуткина И. Г.* Общество друзей русского народа и присоединенных народов во Франции в годы первой русской революции // Из истории общественных движений и международных отношений: Сборник статей в память академика Евгения Викторовича Тарле. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 615—632.

[6] В Глионе Горький и М. Ф. Андреева остановились в отеле, где ранее поселился Л. Н. Андреев.

[7] Октав *Мирбо* (1848 или 1850—1917) — французский писатель.

[8] Теофиль *Стейнлейн* (1859—1923) — французский художник. Портреты Горького его работы см. в кн.: А. М. Горький в изобразительном искусстве. 1868—1968. М.: «Наука», 1969.

[9] Шарль *Сеньобос* (1854—1942) — французский историк, автор широко известной в России кн. «Политическая история современной Европы. Эволюция партий и политических форм. 1814—1896» (пер. с франц. под ред. В. Поссе. СПб., тип. Евдокимова, 1898. Т. 1—2). В *ЛБГ* хранится 4-е изд., испр. и доп. (СПб., изд-во «Знание», 1907—1908) (*Описание*).

[10] Жорж *Клемансо* (1841—1929) — французский государственный деятель, в течение многих лет лидер партии радикалов. 12 марта 1906 г. Клемансо получил пост министра иностранных дел в новом правительственном кабинете. Горький надеялся на сочувственное отношение нового министра к воззванию «Не давайте денег русскому правительству!»: «Во Франции — Клемансо. Он и Бриан не поклонники Романовых. К тому же Клемансо очень хорошо относится ко мне»,— писал он тогда же Е. П. Пешковой (*Арх. Г.* Т. V. С. 176). Эти надежды не оправдались. В апреле 1906 г. заем был предоставлен царскому правительству.

ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Глион. Март, после 23, 1906 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Итак — будьте моим представителем пред Обществом друзей русского народа — я прошу вас об этом всей душой!

Передайте это письмо Анатолю Франсу, президенту, и — пожалуйста! — постарайтесь предварительно устроить хороший перевод на французский язык.

Скажите ему, что я глубоко извиняюсь пред ним за то, что письмо написано не моей рукой, содержит помарки и проч.— я все-таки несколько болен, мне трудно действовать самому. Вообще извинитесь за меня в самых галантных выражениях, прошу!

Я затрудняю вас? Мы сочтемся; быть полезным для вас я сочту приятным долгом.

Но — необходимо постараться, чтобы данное письмо имело практическое значение — т. е. пусть французы дадут денег! Об этом вы, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, скажете Франсу на словах?

Вообще — помогите мне! Мои проклятые легкие — мешают мне жить. А надо ехать в Америку.

Если будут деньги — пусть их дадут мне — т. е. оставят до моего приезда во Францию.

Если письмо это интересно вам — вы снимете с него копию и напечатаете в журнале, как я уже говорил [1].

Заранее — тысяча спасибо!

Крепко жму руку.

А. Пешков

Американский адрес, если понадобится, вы можете узнать во всякое время у Ивана Павловича Ладыжникова:

Берлин, Уландстрассе, 145

Датируется по сопоставлению с предыдущим письмом.

[1] Письмо «Господину Анатолю Франсу» было напечатано в № 1 журн. «Красное знамя» (1906). В переводе на французский язык это письмо Горького и ответ на него Анатоля Франса были напечатаны в «Периодическом бюллетене Общества друзей русского народа» в апреле 1906 г. («Lettre de Maxime Gorki sur les emprunts russes et Réponse d'Anatole France, président de la Société des amis du peuple russe et des peuples annexés». Paris, 1906, avril, Publication, N 6).

ГОРЬКИЙ — И. В. АМФИТЕАТРОВОЙ

⟨Капри. Ноябрь, не ранее 14, 1910 г.⟩

Дорогая Иллария Владимировна,—

что камен [1] понравились вам — весьма этим утешен и обрадован, а сообщение ваше о возможности бани на сей земле [2] — в восторг африканский повергло меня!

Ибо — что в мире есть лучше русской литературы и бани русской? Ничего нет!

Из письма к Александру Великому [3] вы уже знаете, что у нас нет никакой природы, а — одна слякоть осталась, точно по острову Петербургом шлепнули — ей-богу! — а в залив наш выплеснули реку Помойку, и — взбесился залив, отравленный до глубин своих.

Окончательно убеждаюсь в необходимости иметь собственный броненосец, дабы можно было в любой день и час ехать куда-нибудь, а то сидишь здесь, как на крыше, а вокруг тебя мечется ветер, желая сдуть в бесконечное пространство и тебя, и всех чад своих со домочадцы.

Чада [4] — они ничего! Напяливают на себя непромокаемые материи мешкообразных форм и ходят по дождю с гордостию дьявольской и хвастаются бесстыдно — мы гуляем! Я же делаю отечески нежное лицо и вслух одобряю их — гуляйте, детки, гуляйте, такое ваше дело, чтоб гулять! — в сердце же, кипящем завистью и злобой, кричу яростно:

О флюсы и зубные боли! Схватите их и грызите неотступно!

Ибо — сижу, как прикованный, и все пишу, и все пишу, и все плохо, и все плохо! И пошел бы гулять, но — хлещет дождь, носится ветер, текут потоки вод. Как жаль, что у меня нет моторной лодки,— будь она, ездил бы я по здешним улицам и было бы мне хорошо.

Но,— несмотря на разнузданность погоды, все здоровы, чему я удивляюсь искренно. И хотя неустанно, восьмой день свистит ветер — никто не оглох. Странно!

Спасибо вам за доброе письмо, дружеское отношение ваше очень ценю и дорожу им.

Получил А. В. «Жар-цвет» и второй том «Одиннадцатников»? Если — да, пришлите!

Мой привет всему дому и особенный Герману Александровичу [5].

Всего доброго, здоровья, бодрости!

А. Пешков

Датируется по записям в *Дн. Пятницкого.*

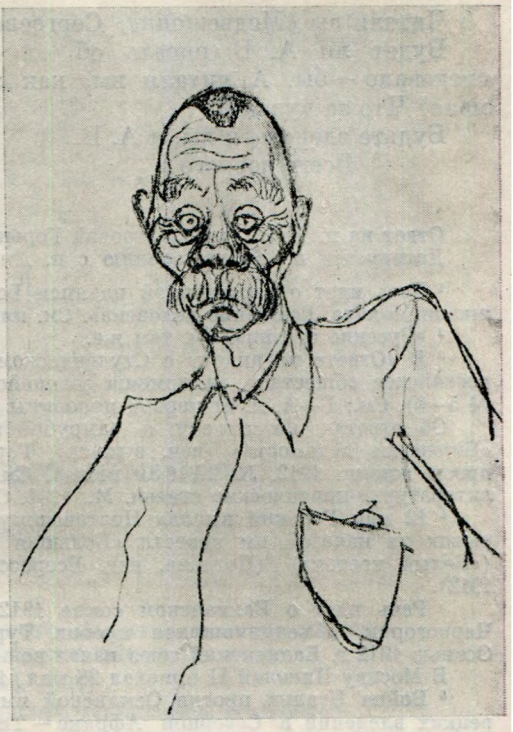
[1] Одну из посланных И. В. Амфитеатровой камей Горький описал в п. Амфитеатрову (не позднее 5 ноября 1910 г.).

[2] П. Амфитеатровой, на которое Горький отвечает, не разыскано.

[3] Имеется в виду п. 136 Горького Амфитеатрову, написанное, вероятно, в один день с этим письмом.

[4] З. А. и Л. П. Пешковы.

[5] Г. А. Лопатин.



ГОРЬКИЙ
Шарж И. И. Бродского (бумага, карандаш). Капри, 1910.
Под изображением авторская подпись: «И. Бродский. 1910».
Лист из альбома, принадлежащего Ю. А. Желябужскому
Музей Горького, Москва

ГОРЬКИЙ — И. В. АМФИТЕАТРОВОЙ

(Капри. 12 или 13 мая 1912 г.)

Дорогая Иллария Владимировна,—

получил я письмо ваше о нездоровье Александра Валентиновича и тоже начал хворать — по симпатии, должно быть! Сначала — немножко покашлял, потом — побольше, потом — еще больше, да так и кашляю, и это очень мне не нравится, хотя сегодня уже лучше стало.

Как здоровье А. В.? Сообщите, прошу.

О «кокетстве» моем — неверно [1]: темочка испорчена, и непоправимо. Разве так надо было написать в наши дни? Надо же было юмористически написать, с ядом. Да и вообще — всё не так!

А «Сказки» [2] — не понравились? Туда им и дорога. На Руси святой что-то происходит, всё анкеты пошли — «надо ли строить Студенческий дом»? «Надо ли жениться?» «Что лучше — жизнь али смерть?»

Отвечаю на все вопросы — не надо! И дом — не надо, и жениться — не надо, и смерть — не надо, ничего не надо! [3] Идите в баню и парьтесь хорошенько, черти, парьтесь! Потом — «Туберкулезная лига» одолевает: везде она хочет сборники издавать и требует рассказов [4].

Как А. В. думает — начнем «мы» воевать? Объявит войну туркам Никола, приехав в Москву, в мае? [5] Пишут — объявит, и болгаре ждут, что объявит. Третьего дня приехал с войны, из Триполи [6], солдат-каприец. — Боже мой, что здесь было! И музыка, и цветы, и вино — радость какая-то, совершенно незнакомая россиянину, красивая радость, надобно сказать!

Целовали этого человека и в губы, и в медаль, заслуженную им, а россияне жмутся к стенке и говорят — «у нас это невозможно, хотя мы *тоже* дикий народ».

Ох, что у нас возможно?

Читали вы «Медвежонка» Сергеева-Ценского? [7] Это — хорошо.

Будет ли А. В. писать об «Александре» Мережковского? [8] Вот — следовало — бы. А читали вы, как его Дымов [9] изобразил в своем романе? Что за чудаки!

Будьте здоровы и вы, и А. В.

Всего доброго

А. Пешков

Ответ на п. И. В. Амфитеатровой Горькому от 5 мая 1912 г.

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатровой Горькому от 14 мая 1912 г.

[1] Речь идет о дарственной надписи Горького Амфитеатрову на кн. «Случай из жизни Макара. Рождение человека». См. ниже.

[2] «Русские сказки». См. там же.

[3] В «Ответе на анкету о Студенческом доме» Горький предложил создать Всероссийское общество для помощи учащейся молодежи (Студенческое дело. 1912. № 5—6). См.: Г—А, п. от первой половины декабря 1912 г., прим. 3.

Об ответах на анкету о самоубийстве, печатавшихся в апреле—мае в газ. «Биржевые ведомости» (веч. выпуск), Горький высказался в ст. «Издалека» (Запросы жизни. 1912. № 27. 6/19 июля). См. также в кн.: *Горький М.* Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941. С. 424—435.

[4] 12 мая Горький выслал Полтавскому обществу по борьбе с туберкулезом отрывок из начатой им повести «Большая любовь». Напечатан в сб. «Біла квітка» («Белый цветок») (Полтава, изд. Всероссийской лиги по борьбе с туберкулезом, 1912).

[5] Речь идет о Балканском союзе 1912 г.— союзе Болгарии, Сербии, Греции и Черногории, объединившихся против Турции при активной поддержке России. Осенью 1912 г. Балканский союз начал войну против Турции.

В Москву Николай II приехал 28 мая / 10 июня 1912 г.

[6] Война Италии против Османской империи (1911—1912) с целью захвата турецких владений в Северной Африке — Триполитании и Киренаики — закончилась поражением Турции. По Лозаннскому мирному договору 5/18 октября 1912 г. эти территории перешли к Италии.

[7] Рассказ С. Н. Сергеева-Ценского «Медвежонок» напечатан в сб. I Издательского товарищества писателей (СПб., 1912).

[8] Речь идет о романе Д. С. Мережковского «Александр I».

[9] По-видимому, речь идет о романе Осипа *Дымова* (псевдоним О. И. Перельмана) (1878—1959) «Томление духа», опубликованном в альманахе изд-ва «Шиповник» (СПб., 1912, кн. 17).

НАДПИСИ ГОРЬКОГО НА КНИГАХ, ПОДАРЕННЫХ АМФИТЕАТРОВУ

1

‹Капри. Около 23 октября 1909 г.›

Александру Валентиновичу на память.

Герцен — хвалил [1], Карьер [2], Монье [3], Монтескьё [4] — хвалили итальянцев — мне и Бог велел!

Нет, право, хороший народ!

Вроде — русских!

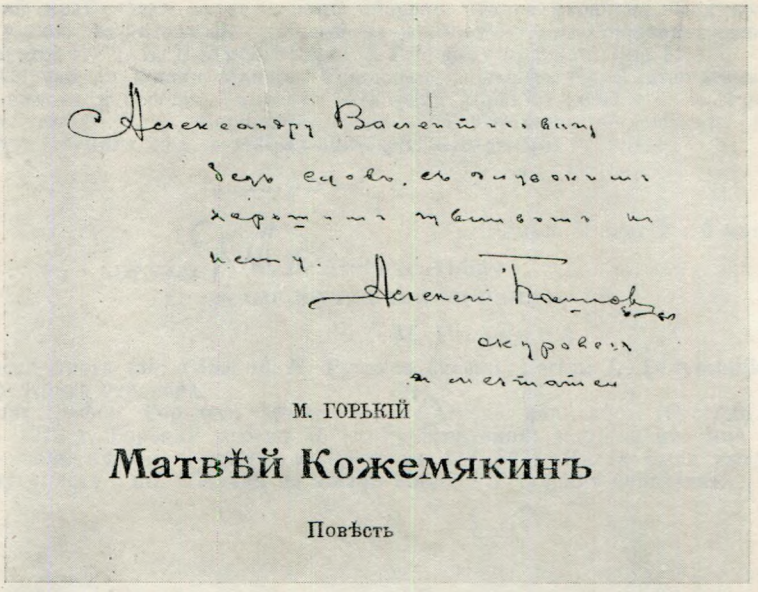
А. Пешков

На части вкладного листа кн.: *Горький М., Мейер В.* Землетрясение в Калабрии и Сицилии 15/28 декабря 1908 г. СПб.: изд. т-ва «Знание», 1909 (книга утрачена).

Датируется по п. Амфитеатрова Горькому от 25 октября 1909 г.

[1] Об Италии Герцен писал в «Письмах из Франции и Италии» и «Былом и думах».

[2] Морис *Каррьер* (1817—1895) — немецкий философ и историк искусства. Горький был хорошо знаком с его трудом «Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы человечества» (М., изд. К. Солдатенкова, 1870—1875. Т. I—V) (*ЛБГ*) (*Описание*). 24—26 января 1904 г. (ст. ст.) Горький просил выслать ему в Сестрорецк т. I этого труда (*Арх. Г.* Т. V. С. 91). 6/19 декабря 1907 г. Горький, который в то время находился в Риме, сообщил К. П. Пятницкому о получении четырех томов сочинений Каррьера и Монье «Кватроченто» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 221).


Александру Валентиновичу
без слов, с глубоким
хорошим чувством к
нему.
Алексей Пешков
окуровец
и мечтатель

М. ГОРЬКИЙ

Матвѣй Кожемякинъ

Повѣсть

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОРЬКОГО АМФИТЕАТРОВУ НА КНИГЕ: М. ГОРЬКИЙ. МАТВЕЙ КОЖЕМЯКИН. ПОВЕСТЬ

Берлин, ⟨1911⟩

Библиотека им. Лилли Индианского университета, Блумингтон

[3] Филипп *Монье* (1864—1911) — французский историк, автор кн. «Опыт литературной истории Италии XV века. Кватроченто» (пер. с франц. К. С. Шварсалона. СПб., изд. Л. Ф. Пантелеева, 1904). Два экземпляра этой книги с пометами Горького хранятся в *ЛБГ* (*Описание*).

[4] Шарль Луи *Монтескьё* (1689—1755) — французский философ-просветитель, историк и правовед, писатель. Автор труда «Размышления о причинах величества римского народа и его упадка», изданного в России в 1769 и 1893 гг. под названием «Рассуждения о причинах возвышения и упадка римлян».

2

⟨Капри. 8 или 9 марта 1911 г.⟩

Александру Валентиновичу без слов, с глубоким хорошим чувством к нему.

Алексей Пешков,
окуровец и мечтатель

На титульном листе кн.: *Горький М.* Матвей Кожемякин: Повесть. ⟨Часть вторая⟩. Berlin: I. Ladyschnikow Verlag. ⟨1911⟩. Книга утрачена. Сохранилась лишь верхняя часть страницы с автографом Горького, правый край сильно надорван.

Датируется по п. Горького Амфитеатрову от 8 или 9 марта 1911 г.: «Посылаю „Кожемякина“ 2-ю часть...»

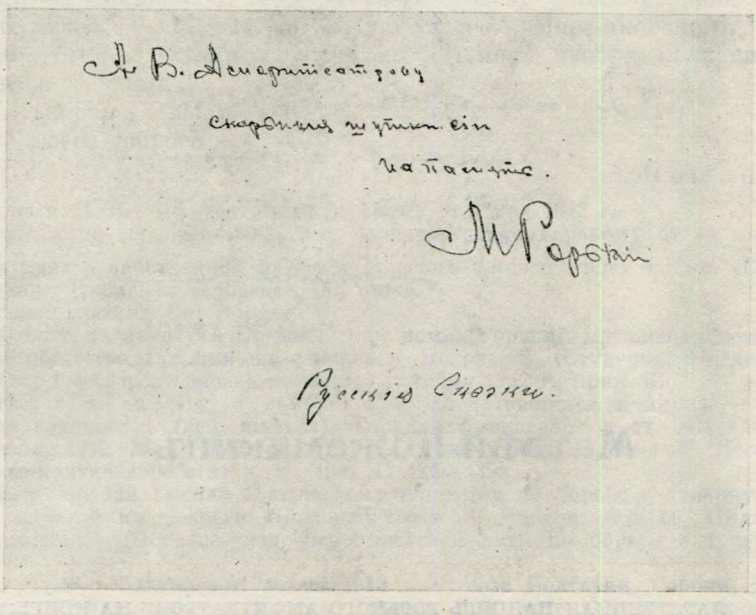
3

⟨Капри. Между 2 и 5 мая 1912 г.⟩

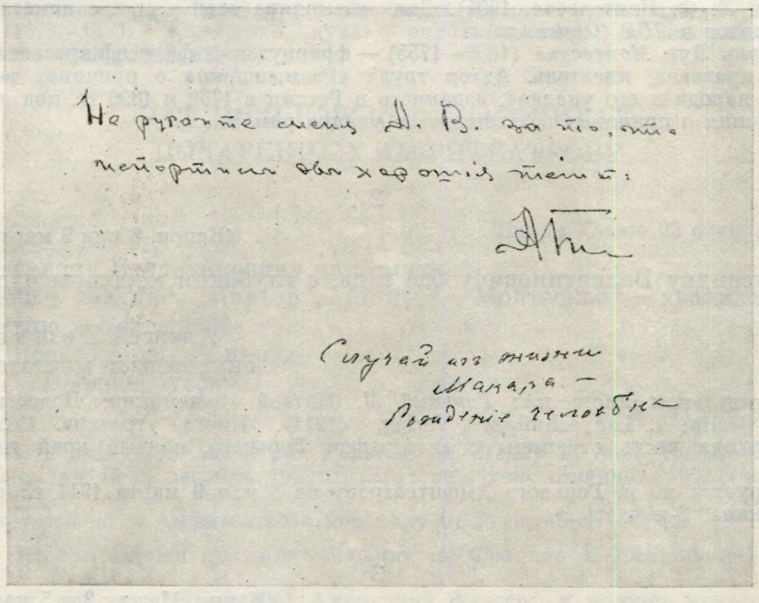
Не ругайте меня, А. В.,
за то, что испортил две хорошие темы.

А. П.

На части листа из кн.: *Горький Максим.* Случай из жизни Макара. Рождение человека. (Два рассказа). Berlin: I. Ladyschnikow Verlag, ⟨1912⟩.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОРЬКОГО АМФИТЕАТРОВУ НА КНИГЕ:
М. ГОРЬКИЙ. РУССКИЕ СКАЗКИ
Берлин, ⟨1912⟩
Библиотека им. Лилли Индианского университета, Блумингтон



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОРЬКОГО АМФИТЕАТРОВУ НА КНИГЕ:
М. ГОРЬКИЙ. СЛУЧАЙ ИЗ ЖИЗНИ МАКАРА. РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА.
(ДВА РАССКАЗА)
Берлин, ⟨1912⟩
Библиотека им. Лилли Индианского университета, Блумингтон

Нижний край части листа сильно оборван. Книга утрачена. Под автографом Горького рукою Амфитеатрова: Случай из жизни Макара. Рождение человека.

Датируется по п. И. В. Амфитеатровой Горькому от 5 мая 1912 г.

Кн. «Случай из жизни Макара. Рождение человека» была отпечатана изд-вом М. Ладыжникова в середине апреля. 14 апреля Горький просил Б. Н. Рубинштейна выслать книгу Е. П. Пешковой, «если ⟨...⟩ эти вещи напечатаны» (*14*, 590). В продажу поступила 30 мая 1912 г. (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 275).

4

⟨Капри. Между 2 и 5 мая 1912 г.⟩

А. В. Амфитеатрову
скорбные шутки сии на память.

М. Горький

На части листа кн.: *Горький М.* Русские сказки. Berlin: I. Ladyschnikow Verlag, ⟨1912⟩. Книга утрачена.

Под автографом Горького рукою Амфитеатрова написано: «Русские сказки». 22 апреля 1912 г. Горький просил Б. Н. Рубинштейна: «...пришлите мне „Русские сказки“ — очень нужно. Пошлите экспрессом» (*12*, 567). Книга была выслана Амфитеатрову вместе с кн. «Случай из жизни Макара. Рождение человека».

I. ШАЛЯПИН В ГОСТЯХ У ГОРЬКОГО НА КАПРИ В СЕНТЯБРЕ 1911 г.

ИЗ ДНЕВНИКА К. П. ПЯТНИЦКОГО

Публикация и комментарии Е. Г. Коляды

29 авг(уста) (11 сентября). Флоренция

11 (часов). Получил 2 телегр(аммы) о приезде Шаляпина. Вечером еду (...)

30 авг(уста) (12 сентября) 1911

(...) 10 (часов). Поднимаемся по лестнице. Посидели на скамье у виллы Горького (...) Звоню и вхожу в дом (...) Шал(япин) бросается навстречу.

Поет колыб(ельную) песню на слова Саши Черного [1] (...)

31 авг(уста) (13 сентября). Среда. Капри

(...) В 3 иду к Горькому. Разговор о делах кончили быстро. Потом спускаемся в спальню. Там Бродский пишет портрет М(арии) Ф(едоровны) [2]. Шал(япин) и М(ария) Вал(ентиновна) [3]. Шал(яиин) быстро делает мой портрет [4] (...)

4 (часа) (...) Обедаю у Горького (...)

Рассказы Шаляпина.

О Коровине [5].

12 (часов). Выходим вместе. Прошу Шал(япина) назначить вечер для пения.— Завтра.

1(14) сентября 1911

10—1 (час). В отеле Excelsior у Шал(япина). Рассказывает мне, почему пришлось опуститься на колени (...)

8 (часов). Прихожу к Г(орькому) после обеда (...)

9—12 (часов). Пение Шаляпина.

Шуберт: 1. Серенада.— 2. «Двойник».— 3. «На мельнице».

— Молодешенька.

— Три дороги.

За папиросу — «Лучинушка» и «Ноченька» [6] (...)

2 (15) сент(ября) 1911

11—1 (час). У Шаляпина (...)

5(18) сент(ября). Понед(ельник)

11—1 (час). У Шаляпина (...)

4 (часа). Прихожу к Горьк(ому).

Бродский и Бегас. Рисуют Шал(япина) [7].

Г(орький) читает вслух.

Табурин. «Жива душа» [8] (...)

7 (часов) (...) Вечером воспоминания Шал(япина) и Г(орького) о Казани. Г(орький) впервые рассказывает, почему стрелялся. Марья Степ(ановна) Деренно-ва. Первая встреча. Сразу влюбился. Неудачно открылся студенту, ее жениху:

На что же Вы рассчитываете?

Если кого М(арья) Ст(епановна) любит, так это меня...

— Пешков, Вы меня любите?

— Люблю.

— Поставьте же самовар.

М. В. ШАЛЯПИНА У СВОЕГО СКУЛЬПТУРНОГО ПОРТРЕТА, ВЫПОЛНЕННОГО Ф. И. ШАЛЯПИНЫМ
Фотография К. А. Фишера. Петербург, 1913
Музей Горького, Москва

Стреляется пред Рожд⟨еством⟩ 1887 г.* Больница, сифилитики [9] ⟨...⟩

7⟨20⟩ сентября

12—1 ⟨час⟩. У Шаляпина.

Спустился с ним ⟨...⟩

7—8 ⟨часов⟩ ⟨...⟩ Поднимаюсь и сижу на скамье против виллы Горького. Освещен кабинет. Рафаэлло [10] говорит, что там он с Шал⟨япиным⟩.

8⟨21⟩ сент⟨ября⟩

⟨...⟩ 4—5 ⟨часов⟩. Крики снаружи. Стук в дверь. Входят Горький и Шаляпин ⟨...⟩

12 ⟨часов⟩. Провожаю Шал⟨япина⟩. Заводит разговор об отношениях между мной и Г⟨орьким⟩.

9⟨22⟩ сент⟨ября⟩

Утром у Шал⟨япина⟩.

1 ⟨час⟩. Провожаю до Г⟨орького⟩. Захожу вместе к завтраку.

После завтрака вышли на террасу. Ветер. Шум прибоя. Небо в тучах.

Шал⟨япин⟩ начинает говорить о письме [11].

Г⟨орький⟩ зовет в кабинет.

Согласился с проектом. Указывает Дм⟨итрия⟩ Вас⟨ильевича⟩ Стасова [12] ⟨...⟩

4 ⟨часа⟩. Чай. Пришел Бродский. Принес карикатуру: Шал⟨япин⟩ пред Г⟨орьким⟩, Золот⟨аревым⟩ и Бродским [13] ⟨...⟩

---

* В подлиннике две другие даты — 1890, 1889 гг. Они перечеркнуты, сверху рукою неустановленного лица поставлен 1887 г.

Вечером Шал⟨япин⟩ рисует меня в виде пессимиста [14].

Бродский делает карикатуру.— Г⟨орький⟩ рвет ее ⟨...⟩

12—1 ⟨час⟩. Провожаю Шал⟨япина⟩. Проливной дождь.

10⟨23⟩ сент⟨ября⟩. Последний день Шаляпина на Капри.

12 ⟨часов⟩. Пишу для Шаляпина «схему» письма.

Иду в Капри. Пароход не пришел из-за бури. Сегодня Шал⟨япин⟩ не уедет ⟨...⟩

4 ⟨часа⟩. У Горького. Бродский кончает портрет Шаляпина [15].

Чай.

Передаю «схему». Шал⟨япин⟩ показывает ее Г⟨орькому⟩ ⟨...⟩

10 ⟨часов⟩. Пришел к Г⟨орькому⟩. Там же Золот⟨арев⟩.

Чай.

Г⟨орький⟩ дает мысль:

«Вечер новгородской былины».

Шал⟨япин⟩ поет: «Молодешенька».

«Как по Питерской» и «Сени».

12 ⟨часов⟩. Прощанье.

Провожаю до отеля. Зовут в Пет⟨роград⟩.

11⟨24⟩ сент⟨ября⟩ 1911. Воскр⟨есенье⟩

Утром уехал Шал⟨япин⟩.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Возможно, имеется в виду стихотворение Саши Черного «Колыбельная. (Для мужского голоса)» (Сатирикон. 1910. № 46. С. 2).

[2] Живописный портрет М. Ф. Андреевой работы И. И. Бродского (1911) хранится в Музее-квартире И. И. Бродского (Ленинград).

[3] М. В. Шаляпина (Петцольд).

[4] Сведениями об этом портрете не располагаем.

[5] См.: *Шаляпин Ф. И.* К. А. Коровин (к его юбилею) // Константин Коровин вспоминает... / Сост. кн., авторы вступ. ст. и коммент. И. С. Зильберштейн и В. А. Самков, М., 1971. С. 411—416.

[6] Были исполнены произведения Ф. Шуберта «Серенада», «Двойник», «На мельнице» и русские народные песни «Молодешенька», «Три дороги», «Лучинушка» и «Ноченька». Из п. Горького к А. Н. Тихонову (сентябрь, не ранее 11, 1911 г.) видно, что Шаляпину аккомпанировал Н. Е. Буренин. Горький писал Тихонову: «Действительно — пел Ф⟨едор⟩ — сверхъестественно, страшно: особенно Шуберта. „Двойник" и „Ненастный день" Корсакова. Репертуарище у него расширен очень сильно. Изумительно поет Грига и вообще северных. И — Филиппа II. Да, вообще — что же говорить — маг» (*Горьк. чт.* 1959. С. 21).

[7] Оттмар *Бегас* (1878—1931) — немецкий художник-живописец и график. Родился и многие годы жил в Италии на Капри. Неоднократно рисовал Горького. См.: А. М. Горький в изобразительном искусстве. 1868—1968. М.: «Наука», 1969. С. 66—67.

Портрет Ф. И. Шаляпина работы И. И. Бродского см. в наст. томе.

В тот же день Шаляпин сделал карандашный набросок Горького, подписав его: «Ф. Шаляпин, Саргі $\frac{18}{5}$ сентября 1911 г.» (см. наст. том).

[8] Вл. Табурин «Жива душа» (Русское богатство. 1910. № 10, 11).

[9] См. автобиографический рассказ Горького «Случай из жизни Макара».

[10] О ком идет речь — неизвестно.

[11] Имеется в виду предполагаемое открытое письмо Шаляпина «к публике» с объяснениями по поводу «инцидента» в Мариинском театре. См.: Г—А, п. от 20 или 21 сентября 1911 г., прим. 4.

[12] Дмитрий Васильевич *Стасов* (1828—1918) — общественный деятель, юрист. Брат В. В. Стасова.

[13] О какой карикатуре идет речь — неизвестно.

Ю. А. Желябужский вспоминал: «Вечерами художники часто рисовали шаржи. Помню, Бродский сделал их очень много и по совету Алексея Максимовича устроил на террасе дома выставку карикатур. Там было много удачных, мне запомнились шаржи, посвященные Шаляпину. Один из них изображал его примирение с Алексеем Максимовичем после разлада их дружбы из-за „коленопреклонения" Шаляпина перед царем» (*Желябужский Ю. А.* На Капри. 1949 г. // В кн.: Бродский И. А. Исаак Израилевич Бродский. М., 1973. С. 116. Шаржи Бродского на Горького см. в наст. томе.

[14] Рисунок неизвестен.

[15] См. ил. на с. 339.

И. ЖУРНАЛ «СОВРЕМЕННИК» ПО ДОКУМЕНТАМ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

Публикация Л. С. Пустильник

Переписка Горького с Амфитеатровым конца 1910 — начала 1911 г. о журнале «Современник» дополняется материалами правительственного наблюдения над журналом, которое осуществлялось С.-Петербургским комитетом по делам печати и Департаментом полиции. Надо отметить, что в начале наблюдения оба эти учреждения не были осведомлены о действиях друг друга.

С.-Петербургский комитет по делам печати наложил арест на кн. 1 журнала «Современник» в связи с публикацией статьи Г. А. Лопатина «Не-наши» и возбудил уголовное преследование против нее. В Деле 1 Департамента Министерства юстиции «Об издании № 1 за 1911 год журнала „Современник"» хранится «Представление» прокурора С.-Петербургского окружного суда от 16 февраля 1911 г. в Министерство юстиции: «...доношу Вашему превосходительству, что мною одновременно с сим предложено судебному следователю третьего участка С.-Петербурга приступить к производству предварительного следствия по признакам преступления, предусмотренного 128 и 73 ст. ст. Уголовного уложения, по делу об издании № 1 за 1911 год журнала „Современник".

Основанием к возбуждению означенного дела послужило помещение в названном номере журнала, наложенный на который Спб. комитетом по делам печати арест утвержден определением С.-Петербургской судебной палаты от 9 февраля 1911 г., суждений, дерзостно неуважительных к Верховной Власти и заключающих в себе хулу на Бога, славимого в единосущной Троице, и поругание святых икон» [1].

Из кн. 1 «Современника» была вырезана статья Лопатина «Не-наши», после чего она поступила в продажу (А—Г, п. от 11 февр. 1911 г., прим. 1).

Департамент полиции заинтересовался журналом «Современник» весной 1911 г. после агентурного донесения о встрече Горького в апреле 1911 г. в Париже с Черновым и переговорах с ним о его участии в журнале «Современник». См.: Г—Ч, п. 1, прим. 4.

В результате и было заведено специальное «Дело Департамента полиции «О журнале „*Современник*"»» [2].

Дело открывается «совершенно секретным» донесением чиновника особых поручений при министре внутренних дел директору Департамента полиции за № 512 от 14/27 апреля, в котором сообщается о намерении Чернова «отойти совершенно от какой бы то ни было партийной работы» вследствие его разногласий с Центральным комитетом партии эсеров по «делу Азефа» (в связи с появлением брошюры «Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа» — Париж, 1911). «...Чернов вышел,— говорилось в донесении,— из состава Заграничной делегации партии социалистов-революционеров и состава редакции „Знамени труда" и решил отойти совершенно от какой бы то ни было партийной работы и согласился лишь временно остаться редактором журнала „Социалист-революционер" до приискания ему заместителя.

В связи с этим Чернов из Парижа уехал 22 сего апреля на остров Капри, где и намерен поселиться. Семья его пока в Париже, но, как только он там устроится, семья переезжает тоже (...)

В дальнейшем Чернов намерен посвятить себя исключительно литературной деятельности и будет принимать очень близкое участие в издаваемом в России Максимом Горьким, с коим Чернов заключил по сему поводу условие, журнале „Современник"».

№ 220

ДѢЛО

ДЕПАРТАМЕНТА

ПОЛИЦІИ.

ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО.

О журналѣ „Современникъ"

Начато 11 19 года.

Кончено 19 года.

На 1911 листахъ.

М. Горькій, въ статьѣ подъ заглавіемъ "Жалобы" |стр. 13, томъ I-й|, въ подрывъ воинской дисциплинѣ, описываетъ въ качествѣ общаго типа, участвовавшаго въ русско-японской войнѣ солдата изъ великороссовъ Швецова. Этотъ Швецовъ не любитъ Россіи, не вѣритъ въ нее, вообще "ни во что не вѣритъ", "побѣды" и "воевать съ врагами не желаетъ", наученъ своимъ начальствомъ лишь тому, что Россія- это "Царствующій Домъ, армія и проч.", но не наученъ тому, что "армія выцѣжена изъ народа". Разстрѣлявъ, по приказанію начальства, шпіона, Швецовъ сталъ вдругъ неистово молиться, считая свой поступокъ тяжкимъ грѣхомъ, и, на вопросъ офицера, не жалко-ли ему шпіона, отвѣчаетъ: "маленько жалко-будто". Своего непосредственнаго начальника офицера-дворянина Швецовъ не любитъ, даетъ ему, на его вопросы, уклончивые отвѣты, и, будучи раненъ одновременно съ офицеромъ, спѣшитъ самъ сдаться и офицера сдать поскорѣе въ плѣнъ японцамъ. Разсказъ этотъ ведется устами офицера.

Въ другой статьѣ М. Горькаго подъ такимъ-же названіемъ |стр. 3-я, томъ III-й| жалуется на все и на всѣхъ выдуман-

ОБЛОЖКА И СТРАНИЦА ДЕЛА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ «О ЖУРНАЛЕ „СОВРЕМЕННИК"», 1911

Центральный архив Октябрьской революции, Москва

На этот документ директор Департамента полиции 4/17 мая наложил резолюции: «доложено г-ну министру» и «на журнал „Современник" обратить особое внимание гофмейстера Бельгарда».

29 апреля / 12 мая 1911 г. Департамент полиции получил дополнительное сообщение из Парижа о Горьком и Чернове. В этом сообщении чиновника особых донесений представляют интерес данные о встречах Горького в Париже:

«Во время своего последнего пребывания в Париже, откуда он уехал 22 апреля вместе с Черновым, Горький несколько раз виделся с членами Заграничной делегации партии социалистов-революционеров Авксентьевым, Бунаковым и Натансоном [4], с которыми, а также и с Черновым, он условливался относительно нового издания.

Собрания эти происходили в Chatillion под Парижем, на квартире Пешковой, бывшей жены Горького».

Далее следует справка об участии Горького в периодических изданиях:

«Пешков (М. Горький) сотрудничал в прекращенных по распоряжению правительства изданиях — журнале „Новое слово" и газетах „Самарская газета" и „Северный курьер", а также помещал свои статьи в „Нижегородском листке", приостановленном в 1900 году за тенденциозное направление на 2 месяца [5].

Журнал „Современник" — редактор В. П. Кранихфельд — издавался ранее, но лет 10 тому назад прекратил свое существование [6] и с текущего года вновь возобновлен изданием в Петербурге. Издатель А. В. Амфитеатров [7]. Сотрудники: М. Горький, А. Н. Толстой, Антонович, Артемьев, Богучарский, Боцяновский, Жаботинский, Качоровский, Кошелев, Кашинцев, Лопатин, Лукашевич и др.[8]

Надворный советник Виноградов».

Начав дело о «Современнике», чиновники стали следить и за упоминаниями журнала в частной переписке. В Деле находится копия перлюстрированного письма из Парижа от 19 мая 1911 г. в Петербург Нине Сергеевне Сперанской, в котором сообщалось: «...на днях составилась новая редакция „Современника", в нее вошел Чернов вместе с Горьким и Амфитеатровым ⟨...⟩ Кудриным [9] и еще др.».

31 мая 1911 г. в соответствии с распоряжением директора Департамента полиции в Главное управление по делам печати были посланы три первых номера «Со-

временника» с целью представить министру внутренних дел «заключения о помещенных в означенном журнале статьях». Доклад, подписанный чиновником особых поручений Блажчуком, был представлен 29 сентября 1911 г. Его содержание свидетельствует, что напуганные радикальным характером отдельных материалов журнала власти явно переоценивали «Современник» как издание революционное. Между тем известна резкая критика Ленина в адрес нового журнала [10].

Ниже приводится этот доклад с некоторыми сокращениями.

«Выходящий с января месяца 1911 года ежемесячный журнал „Современник" вполне соответствует той программе, которая открыто начертана в „Предисловии" („От редакции") к январской книжке. Редакционно-издательский комитет журнала составился из А. Амфитеатрова, В. Ф. Боцяновского, М. М. Кояловича, П. И. Певина и В. А. Тихонова. Основное направление журнала — „реализм". По мысли редакторов-издателей, „только реалистические методы открывают человеку прямой и твердый путь к самоопределению его в государстве, народе, обществе, семье, природе". Журнал представляет собою как бы продолжение и дальнейшее развитие „работы народничества", трудов Н. К. Михайловского, системы „марксизма", битвы вокруг вопросов „общины", идей „освободительного движения", „успехов рабочего пролетариата» [11].

Редакторы-издатели не скрывают и своих затаенных, далеко не безразличных для существующего государственного и общественного строя вожделений ⟨...⟩ „Мы видим, что вновь на очередь всплывает старая задача культурной работы над обществом, ибо оно успело настолько одичать, что опять стали не только возможными, но и объяснимыми тяжкие противопоставления и распри между идеей народа и идеей интеллигенции — распри, изумленными и печальными свидетелями которых были мы в последние два года. В дисциплину с о ц и а л и з м а ворвались чуждые ему мистико-аристократические струи, заставившие рабочих подозрительно насторожиться".

В частности, в „Предисловии" объявляется, что редакторы-издатели стоят за „совершенное равенство и всестороннее равноправие всех входящих в состав России народностей" и за „неприкосновенность их наличных самобытных особенностей и гарантированных им договорами и законами прав", отводят всем этим народностям — полякам, малороссам, евреям, финнам, латышам, армянам, грузинам и т. д.— место на страницах „Современника" и ставят в своей программе „основным земельный вопрос", якобы затушевываемый „скороспелыми бюрократическими мерами". „Мы выносили эту программу годами долгих размышлений, заплатили за нее ценою многих испытаний", говорится в „Предисловии". „Освободительное движение разбито, кратковременный выигрыш „четырех свобод" — потерян" [12].

Самое интересное место в „Предисловии", вполне, само собой разумеется, согласующееся с содержанием помещенных в журнале статей, следующее: „...мы очень хорошо сознаем, что оставляем много н е д о г о в о р е н н о с т е й и м а т е р и а л а д л я д о г а д о к и н е д о р а з у м е н и й. Но д р у г - ч и т а т е л ь х о р о ш о п о й м е т, ч т о н е н а ш а в т о м в и н а, но времен, нами переживаемых, а враг-читатель все равно — мало, что недоговоренности по-своему договорит, но еще и такого, чего мы и в мыслях не держим, от себя придумает. Поэтому — довольно. Остальное скажут имена наших сотрудников и п о м е щ а е м ы е в „С о в р е м е н н и к е" и х п р о и з в е д е н и я".

По ознакомлении со статьями журнала эта таинственность насчет „догадок", „недоговоренности" и „недоразумений" вполне выясняется: цель журнала заключается, как оказывается, в том, чтобы ввиду якобы наступившей реакции соединить все левые партии в одну общую грозную силу и затем сообща, как это было в смутные годы, вновь начать революцию.

Вначале всем, т. е. и революционным организациям, будет „по дороге", партийные же „распри" могут получить место лишь тогда, когда будет низвергнут одинаково для всех левых ненавистный существующий государственный строй.

⟨...⟩ Статей научных в журнале мало. Темою большинства статей служат политические вопросы. В статьях упорно и систематически проводится самая глубокая ненависть к России и ее государственному строю и наряду с этим оказывается

милость инородцам, особенно евреям и всем революционным партиям. Это делается с двойною целью:

1) чтобы привлечь на свою сторону все революционные партии, внушить им доверие и тем поднять их дух и 2) чтобы увеличить в своем составе, из среды читателей, преимущественно из среды молодежи, враждебный Правительству элемент.

Не сформировавшийся в своих убеждениях молодой читатель, начитавшись „Современника", неминуемо придет к убеждению, что Россия состоит из „зверя" — Правительства, с одной стороны, и „угнетенного народа", с другой, и что „дальше так жить нельзя", а нужно „бороться", т. е. возобновить революцию.

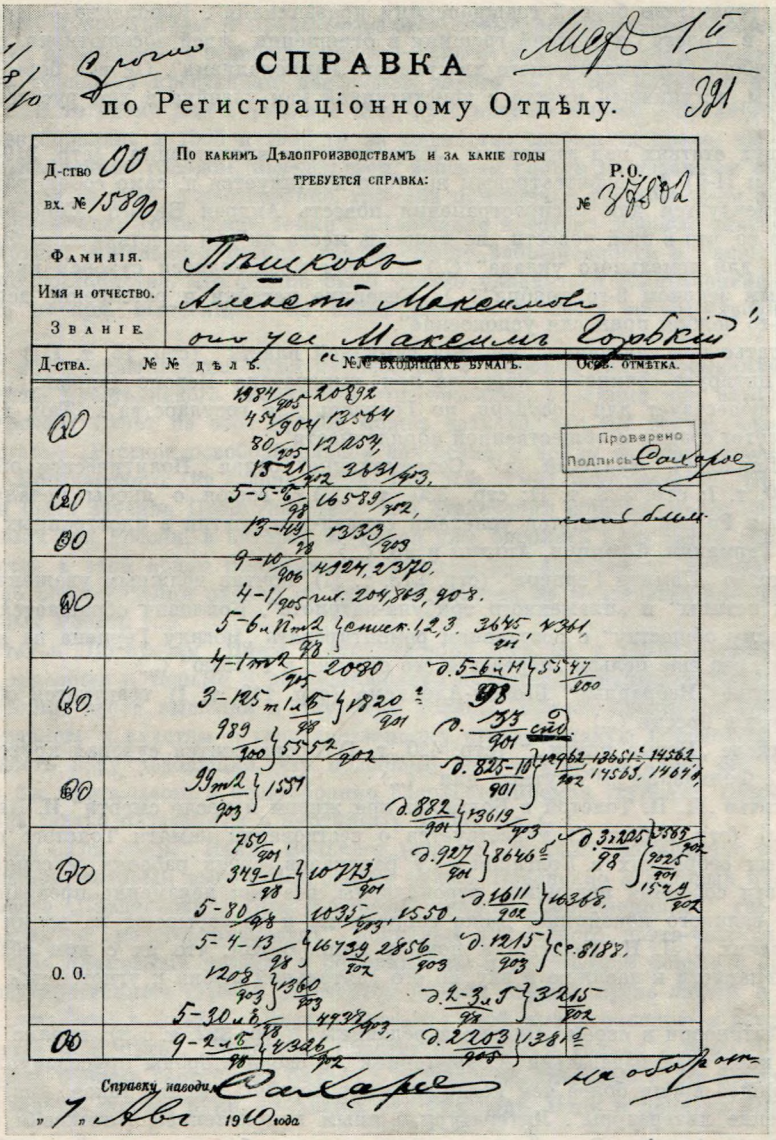
Идейно журнал стремится к ослаблению воинской дисциплины, к низведению религии на степень простого „мистицизма", к возбуждению среди народных масс враждебных чувств к Правительству (в том числе и к Государственной думе), к дворянству и православному духовенству, к восхвалению и возвышению деятельности революционеров как якобы единственных благодетелей „угнетенного народа", к осуждению земельного закона 9-го ноября[13] и к призыву и сплочению всех оппозиционных и революционных сил страны для повторения „забытых слов", т. е. для начатия новой революции.

Во множестве статей журнала открыто и отчасти на так называемом „эзоповском языке" даются явно сочувственные отзывы о несбыточных идеях, проводимых в жизнь революционными партиями с⟨оциал⟩-д⟨емократов⟩, с⟨оциалистов⟩-р⟨еволюционеров⟩ и др., и восхваляется в биографиях деятельность былых революционеров — Герцена, Бакунина, Лаврова и многих других.

В первых трех книжках журнала помещены статьи М. Горького, А. В. Амфитеатрова (из Fezzano), В. В. Водовозова, А. Артемьева, М. Кояловича, Шолом-Алейхема, И. Калины, М. Антоновича, Германа Лопатина (бывшего каторжника), Николая Дружинина, Ивана Вольного, Ю. Лавриновича, Вл. Жаботинского, Евг. Колосова, Инны Р⟨акитнико⟩вой (высылавшейся в Якутскую область), А. Вережникова, В. Богучарского (из Софии), Евгения Чирикова и других.

М. Горький в статье под заглавием „Жалобы" (стр. 13, том I-й) в подрыв воинской дисциплины описывает в качестве общего типа участвовавшего в русско-японской войне солдата из великороссов Швецова. Этот Швецов не любит России, не верит в нее, вообще „ни во что не верит", „победы" и „воевать с врагами не желает", научен своим начальством лишь тому, что Россия — это „Царствующий дом, армия и проч.", но не научен тому, что „армия выцежена из народа". Расстреляв по приказанию начальства шпиона, Швецов стал вдруг неистово молиться, считая свой поступок тяжким грехом, и на вопрос офицера, не жалко ли ему шпиона, отвечает: „маленько жалко будто". Своего непосредственного начальника офицера-дворянина Швецов не любит, дает ему на его вопросы уклончивые ответы и, будучи ранен, одновременно с офицером спешит сам сдаться и офицера сдать поскорее в плен японцам. Рассказ этот ведется устами офицера.

В другой статье М. Горького под таким же названием (стр. 3, т. III-й) жалуется на всё и на всех выдуманный автором, так же как якобы общий тип современного русского крестьянина, суздальский крестьянин-старик. Крестьянин этот не считает еврея „изменником". „Черносотенец", по мнению крестьянина, „даже весьма мешает делу". Далее крестьянин высказывает такие мысли: „Земля Божья, земля ничья". „Вместо умаления начальства со дня революции вышло совсем обратное — разродилась его сила еще обильнее, и пошло вмешательство во все стороны, и община тут затрещала, и попов разогрели". „Государственная дума мечтательность распространяет", „толка от нее незаметно пока". Экспроприатор, собственно, „с голодухи в отчаяние впавши, ценит человека дешевле козла". Рабочие страдают, а „хозяева живут в свое удовольствие". „Наступило время, когда мы все должны подумать друг о друге и каждый о себе". „Народ пошатнулся", „ничего не делает, ни о чем не заботится", „все покачнулось", „трудно жить в России", „радости настоящей нет". „Раньше, до пятого года, поглядишь на человека — насквозь виден, а теперь нет. Теперь он глаза прячет, и понять его трудненько". Про агитаторов и пропагандистов теперь народ думает так: „валяй, а додумаешься до кон-



СПРАВКА
по Регистраціонному Отдѣлу.

Д-ство ОО вх. № 15890	По какимъ Дѣлопроизводствамъ и за какіе годы требуется справка:	Р.О. № 37802
Фамилія.	Пѣшковъ	
Имя и отчество.	Алексѣй Максимовъ	
Званіе.	онъ же Максимъ Горькій	

Д-ства.	№№ дѣлъ.	№№ входящихъ бумагъ.	Особ. отмѣтка.
ОО	1984/905	20892	
	451/904	13564	
	80/905	12254	
	1521/902	2631/903	
ОО	5-5-6/98	16589/902	
ОО	13-14/98	1333/903	
ОО	9-10/906	4924, 2370	
	4-1/905	гл. 204, 863, 908	
	5-6 л. П т. 2/98	списк. 1, 2, 3. 3645/901, 4361	
ОО	4-1 т. 2/905	2080	д. 5-6 л. 11/98 } 5547/900
	3-125 т. 1 л. 5/98	1820/901	д. 33/901 спд.
	989/900	5552/902	
ОО	99 т. 2/903	1551	д. 825-10/901 } 12962/902 13651, 14562, 14565, 14641
			д. 882/901 } 13619/903
ОО	750/901		д. 927/901 } 8646
	349-1/98	10773/901	д. 3 л. 205/98 } 7565/902, 9025/901, 1529/902
	5-80/98	1035/903, 1550	д. 1611/902 } 16368
О. О.	5-4-13/98	16739/902, 2856/903	д. 1215/903 } ср. 8188
	1208/903	1360/903	д. 2-3 л. 5/98 } 3215/902
	5-30 л. 5/98	4938/903	
ОО	9-2 л. 5/98	4326/902	д. 2203/905 } 1381

Справку наводил Сахаров
„7" Авг 1910 года

СПРАВКА ПО РЕГИСТРАЦИОННОМУ ОТДЕЛУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ:
«Пешков Алексей Максимович, он же Максим Горький» (1-я страница)
Центральный архив Октябрьской революции, Москва

ца, можешь и вслух сказать, а уж мы разберем, куда тебя за твою выдумку определить — в каземат или на вид поставим, это наше дело".

Больше других печатного материала дает А. Амфитеатров. Статья его под заглавием „Пестрые главы" (стр. 231, том I) представляет собою сплошное надругательство над Россией и ее государственным строем ⟨...⟩ Спасти Россию могли бы революционеры, но они в изгнании, за границей, где „грызут программу вместо булки и греются идеей вместо печки" ⟨...⟩

Победоносцев мечтал „выжить Толстого умирать в Европу", но настанет время, когда „Петербург или Москва встретят изгнанный прах Герцена с благоговейным торжеством".

Другая статья А. Амфитеатрова под таким же заглавием (стр. 164-я, том II) посвящена юбилею бывшего ссыльного Короленко, юбилею, „очень нужному Рос-

сии, так горемычно бедной гражданскими праздниками". Короленко — „христианин без веры в Христа" и тяжкий грешник в отношении „идей абсолютизма, церковности и грубого бюрократического хвастливого национализма". Он вел борьбу против „виселицы, вступившей вместе с конституцией как хозяйка в дом русского правосудия" ⟨...⟩

В двух статьях под заглавием „Литературные впечатления" (стр. 319-я, том I и 258, том II-й) А. Амфитеатровым жестоко критикуется и, само собою разумеется, не рекомендуется для распространения повесть Андрея Белого „Серебряный голубь" за то, что в этой повести „не нашлось места ни для крестьянского быта и уклада, ни для земельного уклада" ⟨...⟩ и затем производится суровая критика над земельным законом 9-го ноября ⟨...⟩ „Казацкие нагайки и расслоение деревни законом 9-го ноября принесли успокоение".

В статье под заглавием „Апостол гуманной власти" (стр. 16, т. III) А. Амфитеатров цитирует сочинения квестора при императоре Нероне Сенеки: „Не государство существует для Государя, но Государь для государства". „Там, где редки казни, растет сознание общественной порядочности"...

М. Коялович, ведущий в „Современнике" отдел „Политическое обозрение" (стр. 350, т. I; стр. 329, т. II; стр. 330, т. III) *, горюя о якобы печальном положении в России, утешается успехами социал-демократии в иностранных государствах — Германии, Франции, Англии и др. ⟨...⟩

В статье „Памяти Герцена" (стр. 213, т. II), почтив должным уважением этого „рыцаря истины" и „пламенного трибуна-патриота", Коялович обращается к „прогрессивному обществу" с воззванием ремонтировать „могилу Герцена на кладбище в Ницце", раз еще нельзя „перевезти его останки в Россию" ⟨...⟩

В статье „Избранные" Шолом-Алейхема (стр. 119, т. I) трактуется об угнетении евреев в России ⟨...⟩

В отделе „Новые книги..." (стр. 420, т. I) произносится суровая критика сочинению С. Фонвизина „В смутные дни" ⟨...⟩

В статье „Л. Н. Толстой в Болгарии при жизни и после смерти" И. Кашинцева (Калины) (стр. 306, т. I) повествуется о чествовании памяти Толстого в разных партийных собраниях в Болгарии — „у радикалов, среди рабочих, у социалистов". „И все эти собрания неизменно переполнены, все они неизменно превращаются в апофеоз великого покойника. Даже социалисты и те забывают на время о своих разногласиях с Л. Н. Толстым и помнят лишь о том, что их с ним объединяет, об его ненависти к насилию и злу, об его деятельной любви к угнетенным и страждущим".

М. Антонович в своем „Письме в редакцию" (стр. 392, т. I-й), вполне разделяя цели, в коих стал издаваться „Современник", с своей стороны присовокупляет, что „в настоящее время более чем когда-либо необходимо" именно такое „настроение и направление литературы". Литературу с иным направлением Антонович называет „сыщицкою". Авторы „Вехов", по его мнению,— это „блудные сыны", „покаявшиеся марксисты". Вновь издающийся „Современник" должен быть „по духу и характеру" „Современником" 60-х годов, тем более что ныне „воскресли и заговорили старое самохвальство и старинная кичливость святой Руси". Ныне „русское общество разочаровалось в политике и набросилось на вопросы философии и религии". „Научный социализм" „убит теперь одним взмахом и покрывается новыми национальными устоями, отрубами и хуторами". Нынешние меры Правительства направлены к тому, „чтобы поддержать чахнущих помещиков, чтобы вместо крупных помещиков создать мелких, но „сильных", которые снова закрепостили бы меньшую братию, а вместо крупных поместий развести мелкие хутора. Разве это прогресс?" ⟨...⟩

В бессодержательной повести Николая Дружинина „В суете" (стр. 44, т. II-й), как равно в рассказе А. Бережникова „Человеческие радости" (стр. 65, т. III-й), подвергается незаслуженному осмеянию православное духовенство ⟨...⟩

В статье „Крепостное право и крестьянский вопрос в России" Ю. Лавриновича ⟨стр. 189, т. II-й⟩ указывается на несправедливость и жестокости Правительства по

* Страницы журнала указываются неточно.

отношению к крестьянам и предсказываются новые аграрные беспорядки. Первым „возвестил неизбежность освобождения крестьян от крепостной зависимости" Герцен. „Свобода обошлась крестьянам непомерно дорого" — „более полутора миллиардов рублей". „В то время как передовые слои крестьянства вместе с пролетариатом сознательно боролись в 1905 и 1906 гг. за торжество свободы и права, крестьянская масса, ослепленная голодом, невежеством, вековым гнетом и созданным ими животным страхом за свое существование, громила помещичьи усадьбы, деля помещичий хлеб и захватывая господские земли". „Движение крестьян вскрыло такую ужасающую картину земельного голода, такую бездну заброшенности и унижения человеческого достоинства, что можно было только удивляться многотерпению бедного русского пахаря, выносящего на своих плечах $^4/_5$ всего государственного бюджета".

„Но вот революционная буря пронеслась, и гробовая тишина сменила в деревне раскаты крестьянского гнева. Что это: бессилие, отчаяние или затишье перед новой грозой? Ответ на этот вопрос может дать то, что мы сейчас переживаем".

В статье „Русское освободительное движение и война за освобождение Болгарии" В. Богучарского (из Софии) (стр. 181, том III-й) доказывается, что „война с турками была затеяна Правительством для отвлечения общественного внимания от внутренних зол России, в которой за народ уже боролись в то время „нигилисты", но участие в этой войне принимали и русские революционеры, первые подавшие мысль об освобождении славян от турок и никогда не мечтавшие подчинить освобожденных России (...)"

В статье „По этапам" Инны Р(акитников)ой (стр. 40, т. III-й) авторша, неоднократно сидевшая в тюрьме и подвергавшаяся административным высылкам, описывает историю своей высылки в Якутскую область, причем проявляет такую глубокую ненависть к властям и государственному строю и такую непоколебимую свою преданность делу революции, что подобного рода статья, казалось бы, отнюдь не должна бы иметь места в безвозбранно распространяемом журнале. Обычно подобного рода статьи печатаются в партийных брошюрах (...)

Статья „Три грезы" Ивана Вольного (стр. 161, т. II-й), написанная тем эзоповским языком, которым имел обыкновение писать Короленко и который понадобился в том месте „Предисловия" (при январской книжке „Современника"), где говорится о „догадках" и „недоговоренностях", понятных для всякого „друга-читателя", заключает в себе пламенный призыв к объединению и неустанной борьбе с существующим государственным строем. „Цементом здания служит кровь людей, а лесами — кресты, эшафоты и плахи". „Дерзко бросайте свой вызов насилью и грудью своею пробивайте свой путь". „Боритесь. Счастье в борьбе и только в борьбе". „Берегитесь покоя, бойтесь застоя: это болото с тлетворною плесенью". „Не дорожите богатыми кладами старых руин, теснящих вас отовсюду. Пали в цене их вековые предания..."

Еще более горячий и уже ничем не прикрытый призыв к борьбе с существующим государственным строем заключается в статье „сидевшего в тюрьме" Евгения Чирикова под заглавием „Заметки провинциала" (стр. 311, т. III): „Так жить больше невозможно". „Лет шесть тому назад с этих же слов началось наше общественное пробуждение..." „А как же касательно „незыблемых основ" и свободы слова. Ведь пять годов прошло, как мы ее получили, ну, а в чем же она, эта свобода. заключается" (...)

В январской книжке „Современника" имелась еще статья под заглавием „Ненаши" Германа Лопатина, но страницы 60—82, на которых она была напечатана, оказались из книжки вырезанными».

Доклад Влажчука, в котором рассматривались лишь первые три номера «Современника», явился основой дальнейших донесений и суждений о «Современнике», вплоть до осени 1911 г. 22 октября директор Департамента полиции, ознакомившись с содержанием доклада, приказал: «1) навести справку относительно того, писалось ли начальнику Главного управления по делам печати о „Современнике"; 2) составить краткий доклад г-ну министру».

В сокращенном виде доклад был представлен 2 ноября 1911 г. министру внутренних дел Д. С. Сазонову с дополнительным разъяснением: «В Департаменте полиции имеются добытые из секретного источника сведения о том, что издательство „Современника" всецело подпало под влияние социалистов-революционеров и что обстоятельство это побудило уже главаря издательства Амфитеатрова предпринять шаги в целях привлечения в сотрудники журнала некоторых социал-демократов, дабы восстановить первоначальное назначение „Современника" — быть выразителем мнений не одной социал-революционной партии, а всего „левого блока"». Министром была наложена на этот доклад резолюция: «Возмутительный журнал!.. Что делает Главное управление по делам печати? Неужели нельзя поставить это издание в надлежащие рамки? 4.11.1911».

В связи с этой резолюцией 30 ноября 1911 г. последовала новая реляция — доверительное письмо директора Департамента полиции начальнику Главного управления по делам печати А. В. Бельгарду:

«Милостивый государь, Алексей Валерианович!

В Департамент полиции поступили сведения о том, что издаваемый с января текущего года в С.-Петербурге ежемесячный журнал „Современник" возник по инициативе некоторых лиц, поставивших себе задачей сплотить в борьбе с Правительством все революционные и оппозиционные элементы в России и совместными их усилиями вызвать в империи повторения смуты 1905 г.

Осуществлению этой преступной цели и служит „Современник", на что достаточно прозрачно намекает изложенная в первом выпуске этого журнала декларация редакции (...)

Сообразно таковому назначению „Современника" в нем преимущественно помещаются статьи политического характера, в коих систематически проводятся идеи, направленные к ослаблению воинской дисциплины в рядах армии, к низведению религии на степень простого „мистицизма", к возбуждению в народных массах враждебных чувств к Правительству, дворянству и православному духовенству, ко всемерному возвеличению революционеров как якобы единственных благодетелей „угнетенного народа" и к призыву всех противоправительственных деятелей к взаимному объединению на почве неустанной борьбы с нынешним режимом». В Деле содержится также перлюстрированное письмо Амфитеатрова из Феццано от 21 декабря 1911 г., направленное в Архангельск Николаю Николаевичу Гиммеру (Суханову) по поводу публикации его статьи в «Современнике». Амфитеатров писал: «Для рабочих цена подписная „Совр(еменника)" сейчас понижена, но все-таки очень дорога — 8 р. Ничего не могу сделать, издатель небогат, а потому нещедр. Разбогатеем — будет отдавать еще дешевле».

Это письмо завершает материалы наблюдения над журналом в 1911 г. Другие документы этого Дела относятся к 1914—1916 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦГАОР, ф. 124, д. 527, 1911 г., л. 2.

[2] Там же, т. ДП, ОО, д. 220, 1911 г., л. 1—1 об., 7—7 об., 8—12, 14 об.— 15 об., 17—23 об., 35, 44, 44 об., 47, 47 об.

[3] Чиновник называет журналом сборники под заглавием «Социалист-революционер» (вышли 4 книжки).

[4] См.: Г—Ч, п. 1, прим. 1, 2. Никто из перечисленных эсеров участия в «реорганизованном» «Современнике» не принимал.

[5] *«Новое слово»* (1894—1897) — петербургский ежемесячный научно-литературный и политический журнал либеральных народников, с марта 1897 г.— «легальных марксистов». В 1897 г. в журнале печатались работы В. И. Ленина. Горький поместил в «Новом слове» рассказы «Коновалов» (1897, № 6, март) и «Бывшие люди» (1897, № 1, 2, окт., нояб.).

Активное сотрудничество Горького в «Самарской газете» относится к октябрю 1894 г.— апрелю 1896 г. Писатель вел в «Самарской газете» воскресный беллетристический фельетон (фельетоны «Очерки и наброски», «Между прочим» за подписью Иегудиил Хламида).

«Северный курьер» (1899—1900) — общественно-политическая и литературная газета либерального направления, выходившая в Петербурге.

«Нижегородский листок» — ежедневная газета, в 90-е годы — демократического направления. Горький сотрудничал в «Нижегородском листке» с 1896 по 1902 г. и напечатал здесь ряд своих рассказов и статей.

[6] Информация ошибочна. Речь идет, по-видимому, о журн. «Мир божий» (с 1906 г.— «Современный мир», одним из редакторов которого был В. П. Кранихфельд).

[7] Амфитеатров фактически руководил журналом, издателем журнала был П. И. Певин.

[8] Все поименованные лица (за исключением Кошелева — возможно, искаженная фамилия Е. Е. Колосова) были указаны в кн. 1 «Современника» в списке сотрудников журнала. А. Н. Толстой в журнале не печатался.

[9] Н. Е. *Кудрин* (псевдоним Н. С. Русанова).

[10] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 11—12.

[11] Слова, заключенные в кавычки, заимствованы из ст. «От редакции».

[12] Имеются в виду объявленные царским Манифестом 17 октября 1905 г. гражданские свободы — совести, слова, собраний и союзов.

[13] Царский указ от 9 ноября 1906 г. о выходе крестьян из общины и закреплении в собственность надельных участков. Закон этот ущемлял интересы общинного землепользования. См.: Г—Ч, п. 3, прим. 1. В «Современнике» была напечатана ст. Н. Суханова (Н. Н. Гиммера) «Неурожай и его спутники» (1911, кн. 11, 12).

ПЕРЕПИСКА С Е. А. ЛЯЦКИМ

Вступительная статья С. В. Заики
Публикация и комментарии И. В. Дистлер

Переписка Горького и Ляцкого по своему содержанию занимает особое место среди публикуемых в томе материалов. В ней нагляднее проступают те моменты литературно-общественной деятельности пролетарского писателя, которые позволяют выявить кредо Горького как журналиста нового типа, его представление о характере журнала, столь необходимого широким кругам демократического читателя предоктябрьской поры.

Если не считать спорадически возникавшего в письмах Горького и Ляцкого вопроса о создании Музея-Библиотеки русского освободительного движения в России и деятельности издательства «Огни», то можно сказать, что вся их переписка объединена одной задачей: поднять на новый уровень работу «Современника», сделать его органом печати, отвечающим насущным потребностям общественного развития. Отсюда большая идейно-смысловая насыщенность этой сравнительно непродолжительной по времени переписки (март 1912 — май 1913 г.), развивавшейся по единому сюжету — от спокойной завязки к постепенно возраставшей кульминации, а от нее — к внезапному, драматическому исходу.

Переписке предшествовал разрыв Горького с «амфитеатровским» «Современником». Как видно из предыдущих материалов, отказ от сотрудничества с А. В. Амфитеатровым дался Горькому сравнительно легко, писатель с самого начала не возлагал на Амфитеатрова-редактора особых надежд. Разрыв с ним лишь усилил желание Горького найти на левом крыле русской журналистики деятелей, с помощью которых можно было организовать журнал, близкий его, горьковским, представлениям о роли печатного органа в литературно-общественной борьбе. Конечно, лучшим здесь выходом было бы осуществление «давней мечты»: сформировать собственными силами журнал отчетливо выраженной социал-демократической ориентации. Но отсутствие крупных денежных средств привело к тому, что усилия Горького по созданию «своего» журнала или газеты оказались безуспешными [1]. Гораздо более реальным представлялось участие в деятельности вновь организуемых журналов. Высокий авторитет Горького как писателя позволял надеяться на возможность существенного влияния на редакционную политику таких печатных органов. По материалам тома можно наглядно проследить, как вынашивалась идея нового журнала (см. письма Горького к В. А. Тихонову, В. М. Чернову, Н. К. Муравьеву). И сколь далекими от горьковских представлений оказались потом черновские «Заветы» и тихоновский «Кругозор» — журналы, в которых писатель одно время участвовал или собирался участвовать. Если вспомнить, что несколькими годами раньше Горький ушел из журнала «Образование», предоставившего свои страницы произведениям декадентов, то перечень примеров неудавшегося альянса писателя с журнальными редколлегиями станет еще внушительней.

Горьковская идея предполагала строгую выверенность направления журнала, согласованную работу его отделов, единство в осуществлении общей редакционной линии. Ни один из упомянутых журнальных деятелей по разным причинам не мог стать единомышленником Горького.

В такой ситуации поступившее от Ляцкого приглашение к сотрудничеству оказалось весьма своевременным. Не будучи знакомым с новым редактором лично, Горький знал Ляцкого по его историко-литературным исследованиям. Высоко оценивал работу Ляцкого о Чернышевском, интересовался книгой «Былины. Старинки богатырские» (с предисловием Ляцкого). Эта книга представлялась Горькому особенно ценной, поскольку она явилась как нельзя более своевременным «ответом,

ГОРЬКИЙ

Портрет работы В. Д. Фалилеева (офорт). Капри, 1912. На доске слева внизу: «В. Фалилеев. Capri, 1912», под изображением справа на полях карандашом: «W. Falileeff»

Музей Горького, Москва

точнее — возражением тем, кто демонстрировал в истории литературы «скептическое, капризное и несерьезное отношение» к народному творчеству (п. 4). То, что Ляцкий не был в общественном плане связан с определенной партией или течением, имело для Горького свою положительную сторону, поскольку в этом случае отпадала необходимость поиска компромиссного подхода к оценке общественно-политического момента и определению задач печатного органа. Основа же для взаимопонимания была заложена в первом письме Ляцкого, заявившего о намерении отводить «вопросам социализма первое место в ⟨...⟩ политической программе» «Современника». Существенным было и то обстоятельство, что Ляцкий жил в Петербурге и в отличие от своего предшественника всегда мог быть в курсе каждодневных дел журнала.

Состоявшееся в сентябре 1912 г. личное знакомство с Ляцким еще более убедило Горького в том, что выбор сделан правильно. Вскоре писатель охарактеризует

нового редактора как деятеля «очень культурного», который «знает, чего хочет, умеет и хотеть, и работать» [2], наконец, обладает «ценнейшим историко-литературным материалом» (Г—М, п. 5).

По переписке нельзя не почувствовать, что личная встреча не только усилила их взаимную симпатию друг к другу, но выявила сферу взаимных интересов и вне журнала. В частности, Ляцкий с воодушевлением воспринял горьковскую идею создания на Капри Музея-Библиотеки русского освободительного движения (п. 6) и немало со своей стороны сделал по организации сбора в России средств и материалов для этого начинания.

С сентября 1912 г. начинается активная деятельность Горького по налаживанию журнала. Если за март—апрель (начало переписки) Горький послал Ляцкому лишь рукопись рассказа И. Вольнова, а конкретный разговор о «Современнике» отложил «до личного свидания» (п. 4), то теперь писатель шлет материалы, выдвигает одно предложение за другим. Уже через неделю после отъезда Ляцкого он отправляет в Петербург свою статью «Издалека», заметки к «Хронике заграничной жизни», стихи Л. Старка, сформированные Горьким в цикл, библиографические заметки А. А. Золотарева. Горький информирует Ляцкого о заказах на статьи для журнала, посланных им «во многие города русской земли, а также земель иностранных» (п. 13). Впечатляет сам размах горьковских планов: писатель хочет привлечь к сотрудничеству как можно более широкий круг журналистов, ученых, писателей. Он ожидает материалы не только из Украины, Польши, Сибири, Армении, но налаживает связи с прогрессивными общественными деятелями Индии, Китая, Болгарии и других стран Европы. Благодаря Горькому в журнале освещались вопросы национально-освободительного движения, и в частности борьбы за освобождение славян Балканского полуострова. Стремясь сплотить вокруг «Современника» левые силы, писатель руководствуется высокой идеей пропаганды социализма как революционного, преобразующего мир учения. Разделяя взгляды большевиков на национальную проблему, Горький считал важной задачей журнала отстаивание принципа федерализма и автономии. В этой связи значительно возрастала роль так называемого областного и социально-политического отделов «Современника», призванных знакомить читателя с культурно-национальной жизнью окраин России, освещать положение национальностей в других странах мира, социалистическое движение в Европе и т. п. Важная роль отводилась Горьким отделу сатиры, систематическую работу которого предстояло организовать.

В своей книге «Горький на Капри» Муратова, анализируя переписку писателя с Ляцким, не без оснований подвергает сомнению утверждение некоторых исследователей, что Горький «хотел превратить „Современник“ в марксистский журнал или же в журнал, возвышающийся <...> „над большевизмом и меньшевизмом“». Такая версия действительно не подкрепляется фактическим материалом, из которого видно, что Горький не преувеличивал «реальных возможностей журнала в осуществлении своей программы» [3]. Однако при этом следует заметить: в первый период сотрудничества с Ляцким (по крайней мере, до декабря 1912 г.) Горького вряд ли тяготило сознание или понимание «*неизбежной ущербности*... социально-политического отдела» «Современника» [4] (курсив наш.— *С. З.*). Скорее наоборот, писатель полагал, что, опираясь на свой авторитет, он сможет способствовать ведению журнала в строго определенном направлении.

Достаточно сведущий в тонкостях журнального дела, Горький с самого начала уловил слабость Ляцкого как редактора журнала. В его письмах Ляцкому сквозит озабоченность не столько состоянием «своего» портфеля (художественной литературы), сколько социально-политического отдела, разделов сатиры, истории, зарубежной хроники. Горький видит в «Современнике» «хорошее, всем нужное дело»; он неизменно подчеркивает общность задач по возрождению журнала, который называет «нашим» и в котором, как в правильно построенном здании, все должно быть «в определенном стиле...— ничего лишнего» (п. 49).

Лишним в прямом смысле слова было многое из того материала, который перешел по наследству от «амфитеатровской» редакции, а также был принят Ляцким до прихода в журнал Горького. Горький писал И. П. Ладыжникову в конце сен-

тября 1912 г.: «Я вхожу в „Совр(еменник)“ с октября. До Нового года журнал должен быть очищен от материала, набранного им» [5]. Ставится писателем такая немаловажная задача, как изучение общественного мнения о журнале. Начиная с десятой (октябрьской) книжки предполагался систематический сбор и анализ всех отзывов о «Современнике» (п. 6). «...извещайте обо всем, что будут говорить по поводу „Совр(еменника)“, а также и о моих статьях „Издалека“»,— просит Горький Ладыжникова [6]. Кажется, мимо писателя не проходит ни одно упущение, связанное с выпуском журнала. «Сегодня уже 2-е октября по-русски, а сентябрьская книга „Современника“ еще не вышла. Это очень худо!» — замечает Горький в одном из писем Ляцкому (п. 9). По получении же этого номера журнала он обращает внимание на «плохого тона стихи» некоей Зинаиды Ц., которые «совершенно разрываются с прочной традицией русской литературы» (п. 13). Горький разъясняет Ляцкому, почему надо быть строже в выборе материала: «...к нам будут присматриваться зорко и ошибки наши подчеркнут со злорадством особенно ярким» (Там же). В других письмах следуют советы опасаться авторов «универсалов, предлагающих журналу „семнадцать тем“» (п. 15), разборчиво относиться к авторам, которые живут за границей, но претендуют на роль воспитателей «общественного мнения Вятки, Херсона и Астрахани» (п. 14). Напоминает Горький и о необходимости быть готовым вести полемику на острую социальную тему с идеологическим противником (п. 23).

Важным моментом в развернувшейся работе была (и это тоже явствует из переписки) подготовка программы «Современника», т. е. литературно-политического манифеста, с которым редакция намеревалась выступить перед читателем.

Сложность состояла в том, что прежняя, «амфитеатровская» программа продолжала в известной мере оказывать влияние и на последующую редакционную политику. Это подтверждается не только письмом Ляцкого Амфитеатрову, в котором работа последнего в «Современнике» названа «основой той доброй, хотя и молодой традиции, поддержание которой представляется важным и ценным» (п. 1, прим. 2). В объявлении, опубликованном уже новым редактором в связи с подпиской на второе полугодие 1912 г., снова подчеркивалось, что журнал «продолжается в направлении беспартийного прогрессивного органа». Далее, по сути, шло краткое изложение некоторых положений программ 1911 г.: о «высшей духовной терпимости» к инакомыслящим в лагере левой журналистики, о роли рабочего класса, неприятии фракционной розни и др.[7] Подобный «бег на месте» свидетельствовал о дефиците у Ляцкого и его петербургской редакции перспективных плодотворных идей. Между тем писатель был убежден, что начинанию в журнальном деле должна предшествовать выработка идеологической линии, четкое определение целей и задач печатного органа. Об этом свидетельствует, например, относящаяся к тому же времени переписка Горького с В. А. Тихоновым и Н. К. Муравьевым. Получив приглашение от В. А. Тихонова участвовать в выпуске журнала «Кругозор», Горький прежде всего интересуется его программой. Не удовлетворяет писателя и повторное разъяснение Тихонова по поводу реалистической ориентации «Кругозора», поскольку оно касалось «только отдела беллетристики» и ничего не говорило о «политической линии журнала» (Г—Т, п. 5). По выходе первого номера «Кругозора» Горький убедился, что не ошибся в своих предчувствиях относительно идейной расплывчатости программы В. А. Тихонова. Его журнал производил «совершенно определенное впечатление — ненужности» (Г—Т, п. 18).

Горький имел особые основания для строгой оценки тихоновского начинания. Ведь несколько раньше он вел переговоры с Муравьевым, который тоже вынашивал идею нового журнала. В ходе переговоров писатель первым делом составил программу и продумал обширную тематику публикаций на ближайшую перспективу (Г—М, п. 2, 4).

Журнальный проект Муравьева не был осуществлен. Отчасти потому, что к исходу лета 1912 г. Горький все больше склонялся к мысли о целесообразности собирания сил левой журналистики в уже действующем органе, т. е. в «Современнике», войти в редколлегию которого писатель советовал и Муравьеву. Вскоре неполный текст составленной Горьким программы был передан Ляцкому.

К. Д. Муратова, приведя текст программы, отметила, что «Горький не мог включить в эту программу требование пропаганды социалистических идей и широкого освещения социалистического движения»[8]. Из переписки Горького с Муравьевым ясно, что писатель отдавал себе отчет в невозможности выдвигать такое требование в программной статье нового журнала: цензура просто не пропустила бы столь вызывающе открытую (в смысле пропаганды социализма) публикацию. Другое дело — содержание, идейная направленность будущего журнала в целом. Здесь предполагалось последовательно и настойчиво придерживаться избранной ориентации, о чем красноречиво свидетельствует составленный Горьким и отосланный Муравьеву список статей, большинство из которых было посвящено пропаганде социалистической мысли. Комментируя этот список, Горький писал Муравьеву, как важно проникнуться «сознанием глубокой серьезности и своевременности» работы нового журнала, ибо «социализм единственно истинное объективное учение, способное организовать Русь, как страну европейскую, и помочь русским жителям разобраться в путанице их классовых интересов, способное помочь им поставить пред собою точные, оправданные историей цели и задачи» (Г—М, п. 4). При этом Горький советовал с первых же номеров вести разностороннее освещение темы: знакомить русского читателя с социалистическим движением в других странах — Чехословакии, Бельгии, Голландии, Дании, «отмечать завоевания социализма в области искусства», давать переводы статей по теории социализма и др. (Там же). Предложил писатель и кандидатуры возможных сотрудников, способных обеспечить такую тематику. В их числе — И. И. Скворцов-Степанов, М. Павлович, М. Н. Покровский, Г. В. Циперович и др. Таким образом, Горький не только выдвигал большую задачу освещения социалистических идей, но переводил ее в план конкретных публикаций.

Понятно, почему горьковская программа и предложения по ее реализации оказались адресованными уже не действующему, а проектируемому журналу: заманчивым было начать проведение генеральной линии (пропаганда социализма в области культуры) с первых же номеров. Речь ведь шла о новом печатном органе, не отягощенном грузом чужеродных традиций или каких-либо побочных идейных влияний. Вместе с тем журнальные замыслы Горького, родившиеся в период переписки с Муравьевым, перекликались с идеями, которыми писатель руководствовался в сотрудничестве с Ляцким. Тем более что последний, как уже отмечалось, сам заявил о социалистической ориентации «Современника».

Другой вопрос, насколько быстро заявленное Ляцким претворялось в повседневную практику. Амфитеатров в письме к Горькому 4 октября 1910 г. подчеркивал, что намерен выпускать «Современник» как журнал «социалистический», однако в этом плане обещаний было дано больше, нежели предпринято практических шагов. Социализм как форма будущего общественного устройства привлекал внимание большей части сил, стоявших в оппозиции к монархическому режиму. Но понимание сути социалистических идей, видение путей их воплощения в жизнь были различными. В этом смысле позиция, занимаемая Ляцким, не была радикальнее позиции Амфитеатрова. Умеренность нового редактора наглядно проявилась в повторении ряда положений июльской «амфитеатровской» программы, о чем уже шла речь.

Вместе с тем действия Ляцкого как руководителя «Современника» стимулировались близким участием в делах журнала Горького. Ляцкий воспользовался оказавшейся у него горьковской программой и вновь обратился к читателю, хотя, казалось бы, со времени публикации предыдущего обращения прошло всего два месяца. Новое редакционное заявление «О программе „Современника“» было помещено в октябрьском номере, с которого, как неоднократно подчеркивал в своих письмах сам Горький, начиналось официальное сотрудничество писателя в журнале. Сравнение этого заявления с опубликованным ранее приводит к выводу, что главная его новизна — в положениях, взятых из программы Горького, предназначавшейся для журнала Муравьева и переданной Ляцкому. Это относилось главным образом к разделу «Летопись областной жизни». В заявлении шла речь о необходимости постановки вопросов национального самоопределения племен и народностей, освеще-

ния тех «стремлений культурного и общественного самосознания, которые возникли на почве особенностей областных, местных», о необходимости критики «зоологического национализма» и шовинизма. Как можно заметить, в заявлении дано развернутое обоснование горьковской идеи об отражении в областном отделе журнала роста «политического и племенного самосознания в 53-язычной России» и выступлении против «поглощения социалистических идей националистическими» (Г—М, п. 2 и прим. к нему). В заявлении содержался призыв к единению «всех культурных сил», наряду со старым тезисом о борьбе классов подчеркивалась роль интеллигенции в «идейном движении» времени. «Современник» выступил с программой, в которой при всех ее недостатках * были сформулированы конкретные, реально достижимые цели в освещении вопросов культурного и социально-политического развития. Текст этого заявления редакция сочла целесообразным повторить в 11 и 12 номерах «Современника» за 1912 г.

Из переписки не видно, как Горький оценил редакционное выступление. Но несомненно одно: писатель, сочувствовавший взглядам большевистской фракции в социал-демократическом движении, вряд ли мог быть удовлетворен всеми положениями этого выступления. В то же время он не мог не отдавать себе отчет в том, что придать журналу более радикальный курс — задача нереальная. Дело было не только в Ляцком. На большее «полевение» не пошли бы ни субсидирующий издание промышленник П. И. Певин, ни официальный редактор П. В. Быков. Единственно реальным в таких условиях планом было: влияние на работу отделов журнала от номера к номеру, постепенное пополнение состава редакции новыми силами. Симптоматично: если на 1912 г. постоянное участие Горького было объявлено только по отделу беллетристики, то для первых книжек «Современника» на 1913 г. имя писателя значилось также по отделам социально-политическому и областному.

В отделе беллетристики, кроме Горького, участвовали или обещали сотрудничество И. А. Бунин, А. А. Блок, С. И. Гусев-Оренбургский, Саша Черный, М. М. Коцюбинский, В. В. Муйжель и др. Немалые надежды возлагал Горький на представителей новой литературной генерации, в произведениях которых ставились важные для современного момента социальные вопросы, звучали оптимистические, ободряющие ноты. «Беллетристика,— писал в связи с этим Горький Ляцкому,— у нас будет пока не ахти какая, но — свежая, молодая, и мы его возьмем, читателя, увидите!» (п. 39).

Значительно сложнее обстояло дело с налаживанием «фундаментальной политической части журнала» [9], т. е. отделов, в задачу которых входило давать демократическому читателю информацию социального, историко-культурного характера, способствовать росту национального самосознания, т. е. освещать проблемы, которые сама редакция выделила в своем заявлении. Трудность состояла не только в подборе корреспондентов, способных квалифицированно готовить необходимый материал, но в выработке единых требований к такому материалу со стороны редакции. Важнейшей проблемой было устранение эклектизма, формирование единой идеологической направленности статей и заметок.

Ляцкому подобная задача оказалась не по плечу. Авторитетный историк литературы, он в то же время слабо ориентировался в социально-политической обстановке, далеко не всегда улавливал своеобразие общественного размежевания, особенности партийной борьбы и т. п. Поэтому Горький, как видно из переписки, прилагает немало усилий к тому, чтобы найти в помощь Ляцкому соредакторов, способных направлять работу социально-политических разделов журнала. С этой целью он рекомендует Ляцкому известного общественного деятеля М. Е. Березина, своего хорошего знакомого по казанскому периоду жизни (п. 18). Как уже отмечалось, одно время Горький питал надежду на включение в редакцию «Современника» стоявшего близко к социал-демократам Н. К. Муравьева (п. 14). Для ведения «Хроники научных достижений» писателем был приглашен член Московского комитета большевиков М. Ф. Владимирский (Г—Вл, п. 1). Обращение Горького к по-

* Вновь повторялся тезис о внепартийности журнала, стремлении к смягчению розни между политическими партиями и т. д.

следнему особенно примечательно: с помощью Владимирского писатель надеялся открыть в «Современнике» отдел, который не просто информировал бы читателя о развитии естественных наук, но показал социальное значение науки, достижения которой способны «поколебать... пассивное отношение к миру». Науку, подчеркивал Горький, «нужно сближать с социализмом, указывая ее неоспоримое значение силы, освобождающей физическую энергию человека, организующей запросы его духа» (Там же, п. 2).

Однако сколь ни настойчив был Горький в своих советах и рекомендациях, но по разным причинам сотрудничество указанных лиц в «Современнике» не состоялось. Приступив к «фактическому участию в журнале» осенью 1912 г., Горький, чем дальше, тем больше, ощущал, что реорганизация «Современника» продолжает оставаться проблематичной. В конце года писатель, сознательно отодвигая в сторону другие вопросы, вновь призывает Ляцкого сосредоточиться на одном: «поставить на ноги журнал, дать ему ясное лицо» (п. 41). Горьким ставится задача: «выпустить на славу» первые шесть книжек 1913 г. Подчеркнув, что, со своей стороны, он принимает к этому все зависящие от него меры, писатель не удерживается от горького признания: «еще раз скажу,— а и труден же на подъем российский человек! Мучитель» (Там же).

Замечание, разумеется, касалось всей петербургской редакции «Современника». Хотя, если быть точным, дело тормозилось не столько по причине «тугоподъемности», сколько из-за нежелания других членов редколлегии разделить позицию Горького. По существу, Ляцкий был единственным человеком в журнале, который сочувствовал горьковским планам и надеялся, что они будут претворены в жизнь. Он отдавал журналу много сил, авторитетно вел историко-литературную часть «Современника», фактически один нес бремя забот о типографии, «возился» с корректурами и т. п. Но при этом весьма мало оказывал влияние на ход дела в других разделах журнала, уступив здесь инициативу В. В. Водовозову и П. Е. Щеголеву.

Замечания Горького в связи с отсутствием в «Современнике» единой редакционной линии начались с первой, совместно выпущенной октябрьской книжки. В деликатной форме писатель обращает внимание Ляцкого на то, что статья Е. Аничкова «Коллективизм, сверхчеловечество и сверхлюбовь» «разноречит несколько» с его, Горького, статьей «Издалека» (п. 26). По существу же здесь было не просто «разноречие», но выражение диаметрально противоположных, взаимоисключающих тенденций. Если Аничков постулировал в своей статье индивидуалистическую идею ницшеанского сверхчеловека, как якобы ведущую в литературном развитии начала XX в., то Горький развивал мысль о народных массах — «великой исторической» и «творческой силе», о необходимости единения людей разных наций для решения культурных задач на благо всего человечества. Знаменательно, что среди публикаций октябрьской книжки именно статья Горького, равно как и подготовленный им раздел «Хроники», явилась практическим подтверждением помещенной в номере программы «Современника». Можно в этой связи отметить даже текстуальные совпадения горьковской статьи с положениями программы (критика автором «зоологического национализма», подчеркивание им миссии русской интеллигенции на современном этапе и т. п.[10]). Другие же материалы номера наряду со статьей Аничкова, наоборот, уводили в сторону от намеченной линии. Так, у Горького вызвали замечания выступления Станкевича и Водовозова. По его мнению, статьи последних «напрашиваются на возражения» и «могут вызвать полемику», которую «следовало бы избегать» (п. 26). Говоря о полемике, Горький имел в виду большевиков (п. 26, прим. 7) и, разумеется, считал ее в таком случае ненужной.

Серьезное недовольство Горького книжками «Современника» сквозит и в его письме И. П. Ладыжникову, в котором есть такой вывод: «...Ляцкий неясно представляет, что нужно делать...» Побуждая Ладыжникова поскорее лично познакомиться с Ляцким, писатель просит «втолковать» «ему осторожненько, что Аничков — Горький, Циперович — Станкевич — не кадриль!»[11]. Как очень печальный факт воспринимает писатель задержку с выпуском ноябрьской книжки; его беспокоит слабая корректура «Современника», плохая брошюровка номеров, выход номеров с опозданием. Большое огорчение вызвала декабрьская книжка, в которой

была напечатана заметка П. Е. Щеголева «Протест против романа В. Ропшина». Писателя возмутило отступничество Щеголева, оправдание им позиции редакции журнала «Заветы» (п. 49). Инцидент с заметкой Щеголева стал еще одним доказательством несостоятельности не раз провозглашавшегося редакцией курса на пресловутую внепартийность, приводившего в конечном итоге к подобного рода безответственным выступлениям. Неоднократно напоминая Ляцкому, что журналу необходимо придать «лицо», Горький прежде всего имел в виду его идеологическую определенность. Пока же «Современник» время от времени удивлял читателей «целым рядом „волшебных изменений“» (п. 49).

Очередной промах побуждает Горького настаивать на «необходимости... свидания» (Там же), тем более что Ляцкий еще в ноябре известил Горького о возможности своего приезда на Капри. Желание встретиться было обоюдным. Но если планы Ляцкого ограничивались улаживанием казавшихся ему важными внутриредакционных вопросов, то Горький смотрел на встречу (она состоялась в феврале 1913 г.) как на последнюю возможность «наладить дело» (Там же).

На этот раз Горький настроен самым решительным образом. К приезду Ляцкого им была «выработана и представлена <...> программа журнала» (п. 57), внесено предложение о существенных изменениях состава редакции. Вместо неудавшихся ранее попыток ввести в журнал то одного, то другого сотрудника Горький выдвигает теперь идею пополнения редколлегии сразу целой группой, «способной осуществить» намеченную программу (Там же). Кроме того, при встрече было условлено о съезде в апреле за границей ближайших участников, на котором предполагалось утвердить программу и определить «основной характер и самый способ ведения журнала» (п. 56).

Косвенные свидетельства дают основание предположить, что в отличие от первой встречи на Капри на этот раз особого взаимопонимания уже не было. Стало ясно, что рано или поздно из-за несовместимости взглядов старых и новых членов редакции предстоит ее почти полное обновление, а такая перспектива пугала Ляцкого.

Неудивительно, что, возвратившись в Петербург с разработанной Горьким программой и предложением укрепить редакцию В. А. Базаровым, А. Н. Тихоновым и И. И. Скворцовым-Степановым, Ляцкий не проявил настойчивости в реализации горьковских идей. Как видно из последующей переписки, не только старые сотрудники настороженно отнеслись к предложенным кандидатурам (особенно их пугал «большевизм» и «нетерпимость» Скворцова-Степанова (п. 52, прим. 3)), но и сам Ляцкий, по его собственному признанию, проявлял осторожность, т. е. не спешил (п. 58).

Между тем на Капри складывалась прямо противоположная точка зрения на положение вещей. Февральская книжка «Современника» убедила Горького, что медлить уже нельзя. На этот раз он пишет не Ляцкому, а в редакцию, демонстрируя ее составу «букет» упущений, обнаруженных во втором номере журнала: небрежность общей редактуры, стилистически плохой перевод зарубежного романа, бестолковость редакционного примечания, малограмотность некоторых статей. Особенно гнетущее впечатление вызвало у Горького то, что книжка «Современника» оказалась полностью лишенной «какого-либо внутреннего единства», имела «эклектически-анархический характер» (п. 51).

Отсылка столь резкого письма непосредственно в редакцию объясняется не только тем, что Горький счел нужным на этот раз пощадить самолюбие Ляцкого. Обращаясь к сотрудникам «Современника», писатель предавал гласности неутешительные результаты их деятельности, дающие повод для единственного, горького заключения: так вести журнал, как он велся до сих пор, нельзя. Этот же вывод Горький сделал и в письме Ляцкому: «...если мы выпустим еще одну, две такие же бестолковые и малограмотные книги,— журнал будет убит» (п. 53).

И все же, не зная еще о негативной реакции Водовозова и К° на свои последние предложения, Горький надеется овладеть положением, ставит перед Ляцким условие: реорганизоваться «до июня» (Там же). Однако вскоре события приобрели необратимый характер. На Горького удручающе подействовало не только

известие о «бойкоте» его плана. Особенно неприятным было то, что по возвращении в Петербург Ляцкий сделал сообщение «о беседах на Капри» в излишних подробностях, вызвавших у Певина и Богучарского совсем не то «настроение», которое требовалось (п. 54). И хотя в письме А. Н. Тихонову Горький потом напишет, что разговоры «о „большевизме" и моей „фракционности" затеяны им ‹Ляцким› по некоторому недомыслию» [12], атмосфера доверия была развеяна. А с ней — и надежда на обретение в лице Ляцкого сподвижника. Еще в декабре 1912 г. Горький писал Ладыжникову: «Ляцкий нужен мне во всю мочь по журналу» [13]. И когда Горький предлагал для сотрудничества в журнале «свои» кандидатуры, то не мог не рассчитывать на создание определенного идеологического климата, благотворно воздействующего на редактора «Современника». Ту же цель он преследовал и в письме Ладыжникову, которого просил «немножко» поправлять «мысль Ляцкого, недавно только коснувшуюся широких общественных идей и вопросов». «Ведь русский человек,— следует далее заключение,— начинает широко жить не всегда с пятнадцати лет, иной раз и с сорока начнет» [14].

В отличие от Горького его современник и ровесник Ляцкий и в самом деле только начинал касаться «широких общественных идей». Сказывалось различие в пройденных ими к этому времени жизненных «университетах». Член Общества любителей древней письменности, приверженец культурно-исторической школы в литературоведении, Ляцкий был сосредоточен на чисто научных аспектах истории литературы и фольклора; его воззрения как литературного критика формировались в атмосфере умеренно-либерального «Вестника Европы», в редакции которого он состоял многие годы. Обострение социальных противоречий русской действительности сказывалось на активизации общественной позиции Ляцкого, но не развеяло его либеральных иллюзий. Даже с наступлением в России нового революционного подъема Ляцкий в своей деятельности не выходил за круг культурно-просветительных задач; возглавив «Современник», он продолжал оставаться все тем же культуртрегером, на этот раз — от журналистики. Вот, например, какую трактовку позиции «Современника» давал Ляцкий в письме Горькому от 27 ноября 1912 г., т. е. уже после «накладки» с октябрьской книжкой: «Мы – социалисты-федералисты, для которых, на почве федерализма, сглаживаются все партийные (в известном смысле) разногласия ‹...› Брать мы должны *не* полнотой и остротой социально-политических статей (этого нельзя достигнуть при „внепартийности", да и не нужно!), а широкой постановкой общекультурных задач» (п. 34). Характерно, что в эти же дни Вересаев писал Горькому: «Ляцкий произвел на меня впечатление человека, совершенно лишенного лица, эта же безыдейность, по-видимому, станет достоянием и „Современника"» (п. 36, прим. 1). Излишняя категоричность этого суждения очевидна, поэтому в ответном письме Горький не согласился с ним. И все же «безличный» вид ряда новых книжек журнала подтвердил, что вывод Вересаева не лишен оснований.

Особенно наглядно социальная расплывчатость Ляцкого проявилась в последнем отосланном на Капри письме. Горький был поражен принижением демократической линии в русской журналистике, противопоставлением «писателям-демократам талантов из „интеллигентной среды", сгруппировавшихся вокруг журнала „Русская мысль"», который, как известно, редактировался П. Б. Струве и был органом кадетской партии. Промедление с реорганизацией «Современника» Ляцкий объяснял тем, что предложенные Горьким кандидатуры обладали не только «устойчивым миросозерцанием», но и являлись «отличными партийными работниками», были, однако, лишены «литературного темперамента» и поэтому не доросли до «толстого всероссийского журнала» (п. 59). Подобные оправдательные «доводы» окончательно расхолодили Горького. Своим последним письмом к Ляцкому от 14/27 мая 1913 г. писатель поставил крест на своем участии в «Современнике».

Повторный разрыв с «Современником» оказался значительно драматичнее первого. Он вызвал у Горького чувство напрасно погубленного времени и усилий. В действительности же это было не совсем так. При всей своей кратковременности участие Горького в «Современнике» благотворно сказалось на журнале в целом — на содержании не только отдела беллетристики, но и областной рубрики и раздела

зарубежной хроники. История взаимоотношений Горького и Ляцкого — характерный эпизод русского литературно-общественного развития предоктябрьской норы, дающий наглядное представление об архисложности поставленной задачи — «организации левой журналистики» [15]. Горький доказал редакции «Современника», что, претендуя на прогрессивное направление в журналистике, нельзя вести журнал по принципу «каждый молодец ⟨...⟩ на свой образец» (п. 51). Однако сформировать внутреннее единство печатного органа, придать ему четкую идеологическую целеустремленность — для этого усилий одной личности, даже такой, как Горький, оказалось недостаточно. Нужны были сподвижники, а их в редакции «Современника» писателю обрести так и не удалось.

Последние три года стали завершающими в истории «Современника» [16]. До последних месяцев своего существования журналу так и не удалось утвердиться в строго определенной программе, придерживаться в своих выступлениях одной литературно-общественной линии. Хронической его болезнью стали частые изменения редакционного состава. Через несколько месяцев после ухода Горького оставил журнал и Ляцкий. Его место занял В. Л. Львов-Рогачевский, новым же редактором стал экономист Н. Суханов (Н. Н. Гиммер). Последний провозгласил главной задачей журнала «освещение и уяснение текущей действительности» [17]. При этом художественному отделу отводилась вспомогательная роль, статьи литературоведческого характера вообще перестали появляться на страницах журнала. К середине 1914 г. из журнала уходит Львов-Рогачевский, несмотря на хорошо налаженную им работу критического и библиографического отделов. На смену ему приходит Е. Г. Лундберг, занявший вопреки прежним установкам редакции более терпимую позицию по отношению к произведениям писателей модернистского направления.

Временное оживление работы литературного отдела падает на начало 1915 г., когда в журнале вновь стал сотрудничать Горький, а также Л. Андреев, писатели младшего поколения — О. Д. Форш, А. П. Чапыгин и др. Так, в первой книжке «Современника» за этот год была опубликована пьеса Горького «Зыковы», произведения А. М. Ремизова, Ю. К. Балтрушайтиса и др.

Что касается общественно-политической позиции «Современника», то по существу она не претерпела значительных изменений. Попытки журнала играть объединяющую роль в социалистическом движении не были успешными, поскольку вынашиваемая в свое время и Амфитеатровым и Ляцким идея примирения разных общественных течений (например, марксизма и народничества), устранения фракционных разногласий оказалась в обострившейся революционной ситуации еще более далекой от реальности, чем прежде.

В условиях развернувшейся первой мировой войны, усилившегося давления цензуры, участившихся арестов номеров «Современник» выходил нерегулярно (например, в 1915 г. вышло в свет четыре номера из десяти), стал быстро терять подписчиков, попал в тяжелое материальное положение. Октябрьская книжка за 1915 г. оказалась последней в истории этого журнала.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Муратова.* С. 19—21.
[2] Письмо В. В. Вересаеву от 30 ноября 1912. *Арх. Г.* Т. VII. С. 116.
[3] *Муратова.* С. 25, 32.
[4] Там же. С. 32.
[5] *Арх. Г.* Т. VII. С. 207.
[6] Там же. С. 209.
[7] Современник. 1912. Кн. 8.
[8] *Муратова.* С. 32.
[9] *Арх. Г.* Т. VII. С. 205.
[10] Современник. 1912. Кн. 10. С. 213, 221.
[11] *Арх. Г.* Т. VII. С. 209—210.
[12] *Горьк. чт.* 1959. С. 34—35.
[13] *Арх. Г.* Т. VII. С. 214.
[14] Там же. С. 212.

[15] Там же. С. 205.
[16] См. четвертый раздел ст. К. Д. Муратовой «Современник» в кн.: Русские литература и журналистика начала XX века. 1905—1917: Большевистские и общедемократические издания. М., 1984.
[17] Современник. 1913. Кн. 11. С. 3.

1. ЛЯЦКИЙ [1] — ГОРЬКОМУ

(Петербург. 3/16 марта 1912 г.)

Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Согласившись принять предложение П. И. Певина редактировать «Современник» [2], испытавший столько перемен и потрясений, я ввел в редакцию группу лиц (из старой редакции остался лишь В. В. Водовозов) [3], которая, надеюсь, обеспечит журналу устойчивость и внутренний порядок. Предполагаю вести журнал в направлении беспартийного радикального органа, отводящего вопросам социализма первое место в своей политической программе [4].

Ваше имя связано с основанием и первыми шагами нового «Современника», и для него было бы особенно ценно вернуть к себе Ваше сочувствие. Независимо от этого, глубоко ценя в Вас писателя чуткой души и ищущей мысли, я был бы бесконечно признателен Вам как за разрешение сохранить Ваше имя в числе сотрудников журнала, так и за активное участие в нем, если Вы не имеете серьезных причин уклониться от работы в «Современнике» под моей редакцией.

С искренним уважением.

Евг. Ляцкий

3.III.912

[1] Евгений Александрович *Ляцкий* (1868—1942) — литературовед, критик, этнограф. Родился в Минске. В 1893 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. Будучи студентом, занимался этнографией и фольклором, участвовал в ряде экспедиций с целью сбора фольклорного материала. Написал ряд статей по этим вопросам, в том числе специальную работу об изучении народного творчества белорусов (1898).

В 1900 г. переехал в Петербург. Был членом Общества любителей древней письменности. Как литературовед, принадлежавший к культурно-исторической школе, известен своими работами о русской классической литературе XIX в. Издал книгу «Чернышевский в Сибири. Переписка с родными» (вып. 1—3, 1911—1913). Подготовил и опубликовал обширное собрание писем В. Г. Белинского в трех томах (СПб.: Огни, 1914).

В 1912 г. Ляцкий основал в Петербурге кооперативное издательство «Огни», целью которого было издание материалов по истории русской литературы.

В конце 1917 г. Ляцкий выехал в Финляндию. После Великой Октябрьской революции в Россию не вернулся. Жил в Швеции, в Стокгольме издавал журнал «Около России», организовал издательство «Северные огни», в котором печатались произведения А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова; в 1920 г. в Стокгольме вышла его книга «Гончаров. Жизнь, личность и творчество». С 1922 г. Ляцкий жил в Праге, был профессором русского языка и литературы в Карловом университете, продолжал работать над трудами, посвященными русской литературе. Им были подготовлены работы о Блоке («Поэзия ищущих и чувствительных — Александр Блок»), о Гончарове («Гончаров. Роман и жизнь. Развитие творческой личности Гончарова»), о Л. Н. Толстом («Два мира в приемах изобразительности Л. Н. Толстого», «Толстой и природа»), о «Слове о полку Игореве» («Слово о полку Игореве». Очерк из истории русской литературы). Ряд из них был издан в Праге на чешском языке. В 20-е годы Ляцким был написан роман «Тундра».

Ниже публикуются 36 п. Горького к Ляцкому и 22 ответных п. Ляцкого.

[2] Издатель журн. «Современник» П. И. Певин обратился к Ляцкому с предложением взять журнал в свои руки после того, как Амфитеатров отказался от редактирования журнала. 21 января/3 февраля 1912 г. Амфитеатров поместил в газ. «Речь» следующее сообщение: «...позвольте прибегнуть к посредству Вашей уважаемой газеты для извещения читающей публики и г.г. писателей, что 9 января (27 дек. ст.ст.) я отказался от „ближайшего участия" в „Современнике" и никакого влияния на дела его более не имею».

Согласившись на предложение Певина, Ляцкий 24 февраля/8 марта 1912 г. обратился с п. к Амфитеатрову: «Милостивый государь Александр Валентинович,

сегодня я дал согласие П. И. Певину редактировать „Современник", и первое сообщение об этом позволяю себе направить к Вам.

Я сознаю, что принимаю журнал при очень тяжелых условиях, создаваемых прежде всего Вашим отказом от участия в нем ⟨...⟩ Но живая связь, которая чувствуется мне между читателем и журналом, привлекает меня перспективой такой культурной работы, которой радостно отдать и свои силы, и свой литературный опыт. Вижу, как много сделано Вами для того, чтобы журнал был оживленным, свежим и нужным.

При всех возможных различиях в наших точках зрения на характер приема ведения журнала многое из проведенного Вами в „Современнике" является основой той доброй, хотя и молодой традиции, поддержание которой представляется мне важным и ценным.

Был бы крайне признателен Вам, если бы Вы не отказали, когда представится необходимость, в указаниях, касающихся принятых Вами статей и их авторов, а также помогли бы новой редакции найти выход, хотя бы неполный, из обещаний, данных „Современником" в отношении Вашего сотрудничества в этом году.

Примите уверение в искреннем уважении и преданности. Евг. Л я ц к и й» (*ИРЛИ*, ф. 163, оп. 2, № 359).

Е. А. ЛЯЦКИЙ
Фотопортрет. 1922
Личный архив Виды Ляцкой, Прага

Амфитеатров, несмотря на официальный отказ от участия в «Современнике», все еще считал себя связанным с журналом и был неприятно поражен тем, что Певин так быстро нашел ему замену. 17 февраля 1912 г. он ответил Ляцкому следующим письмом: «Многоуважаемый Евгений Александрович! ⟨...⟩ Уважение, которое я питаю к Вашему имени по знакомству с Вашими интереснейшими литературными трудами и по рассказам о Вас общих знакомых из писательства, заставляет меня искренно радоваться Вашему приближению к „Современнику" ⟨...⟩

Но наряду с этим я должен оговориться, что не считаю лицо, Вас пригласившее к редактированию журнала, правоспособным на единичное распоряжение судьбами „Современника" и могу только удивляться, на каком основании П. И. Певин, будучи в „Современнике" лишь товарищем-пайщиком, равноправным с другими участниками дела, позволяет себе решать столь важный вопрос, как приглашение редактора, мало, что без участия, но даже без оповещения остальных товарищей...» (*ИРЛИ*, ф. 163, оп. 2, № 45).

[3] О какой «группе лиц» идет речь — неизвестно. Ляцкий пригласил работать в редакции журнала поэта и переводчика Б. А. Садовского. Он писал ему в марте, до 20, 1912 г.: «Придется много работать для реформирования журнала, и в этом смысле я крепко надеюсь на Вас» (*ЦГАЛИ*, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 90, л. 2). В июле 1912 г. Садовский вышел из состава редакции «Современника», согласившись остаться «ближайшим сотрудником журнала» (п. Ляцкого — Б. А. Садовскому от 6/29 июля 1912 г.) (Там же, л. 9).

В. В. Водовозов руководил в то время социально-политическим отделом «Современника».

[4] Программа журнала была заявлена лишь в августовской кн. «Современника». Ее появлению предшествовала переписка Ляцкого с Г. В. Плехановым и Е. Д. Кусковой в мае—июле 1912 г. В п. Кусковой Ляцкому от 17/30 мая 1912 г. приводились слова Плеханова, который соглашался сотрудничать в журнале лишь при условии: «„Современник" есть une tribune libre *, на которую может взойти всякий человек, защищающий интересы левой демократии, причем каждый отвечает *только*

---

* свободная трибуна (*фр.*).

за то, что им *высказано*, нисколько не отвечая за других и нимало не посягая на их автономность» (*Муратова*. С. 22).

В тот же день Плеханов направил п. Ляцкому, в котором объяснил, что его требование «свободной трибуны» было вызвано не нежеланием «работать в одном органе с ревизионистами», а нежеланием «принимать на себя ответственность за их взгляды». «Лично я,— писал далее Плеханов,— очень уважаю С. Н. Прокоповича и К(атерину) Д. Кускову, но согласиться с ними не могу во многом» (Знамя. 1956. № 12. С. 186. Сверено с подлинником, хранящимся в *ИРЛИ*, ф. 163, оп. 2, № 394).

Это требование было подтверждено Плехановым и в его более позднем п. к Ляцкому от 2/15 июля 1912 г.: «Для меня вопрос о tribune libre имеет не второстепенное, а существенное значение. *Без* заявления насчет такой tribune libre я у Вас работать не могу (...) Но неужели Вы не найдете возможным сделать указанное мною заявление? Оно развязало бы мне руки и дало бы мне возможность работать для „Современника" без оглядки: я постарался бы,— разумеется, с Вашего разрешения,— привлечь к нему новые силы.

„Совр(еменный) мир" падает и будет падать,— „Современник" может найти широкий круг читателей. Что же мешает Вам исполнить мою просьбу» (Там же. С. 187).

Это условие Г. В. Плеханова нашло свое отражение в программе журнала. В ней говорилось: «Журнал продолжается в направлении беспартийного прогрессивного органа. Редакция держится убеждения, что в основе исторического процесса лежит борьба классов и что наиболее важная роль в деле демократизации нашего общественного строя в ближайшие годы должна принадлежать в России рабочему классу (...) Прежде всего мы стремимся к объединению всей левой оппозиции на почве общих для нее задач исторического момента, не задаваясь при этом неисполнимой и политически вредной целью обизувечивать и обезличивать какую бы то ни было отдельную ее струю. Напротив, мы зовем ее к себе со всеми ее характерными особенностями, со всем своеобразием ее политических и общественных убеждений, поскольку эти особенности не являются прямо и резко враждебными делу координирования сил к общей борьбе (...) Печатая свои статьи на страницах „Современника", каждый такой сотрудник отвечает лишь за то, что в них высказано, не стесняя ни редакции, ни других сотрудников в их литературных и политических выступлениях и не принимая на себя ответственности за эти их выступления. Разумеется, подобная широта трибуны далеко не беспредельна. Но редакция полагает, что пределы ее достаточно обозначены содержанием ее вышеизложенного credo» (Современник. 1912. Кн. 8).

2. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 12/25 марта 1912 г.)

Уважаемый Евгений Александрович!

Весьма благодарен за лестное ваше письмо и приглашение работать в «Современнике», а вместе с этим — почтительно кланяюсь вам за превосходную вашу работу о Чернышевском [1].

Принять фактическое участие в журнале вашем — т. е. дать рассказ — я мог бы только осенью и до того времени попрошу вас имя мое в список сотрудников не ставить [2], ибо номинальное участие в журнале было бы мне неприятно, да и вообще — не люблю «номинализма», ныне одолевающего россиян.

Надеюсь,— мы на этом поладим?

Не позволите ли вы просить вас прислать мне вашу книгу о «былинах» [3],— предмет, коим усиленно интересуюсь?

Очень обрадуете.

Желаю доброго здоровья, бодрости духа.

А. Пешков

12/IV
912
Capri

Кстати: позвольте предложить вам рукописи одного крестьянина, начинающего писать. Его большая повесть будет печататься в журнале «Заветы», и я очень обращаю ваше внимание на эту вещь, т. е. на ту, что в «Заветах» будет [4]. А может быть, вы найдете достойным печати и посылаемое мною вам [5].

А. Пешков

Дата письма уточняется по сопоставлению с п. 1 и датой дарственной надписи на кн. «Былины...» (см. прим. 3). Горький ошибочно обозначил месяц: апрель вместо марта.

[1] Очевидно, Горький имел в виду кн.: Чернышевский в Сибири: Переписка с родными (1865—1875)/Вступ. ст. Е. А. Ляцкого, прим. М. Н. Чернышевского. Вып. 1. СПб.: Огни, 1911.

[2] С января по август 1912 г. список авторов, привлеченных к сотрудничеству в журн. «Современник», не объявлялся.

[3] Былины: Старинки богатырские/Вступ. ст. Е. А. Ляцкого, тексты избраны Е. А. Ляцким. СПб.: Огни, 1911. Эта книга с дарственной надписью Ляцкого: «Алексею Максимовичу Пешкову с сочувствием и приветом. Е. Ляцкий, 1912, март» — и пометами Горького хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

[4] Имеется в виду И. Е. Вольнов. Его «Повесть о днях моей жизни, радостях и злоключениях. **Детство**» (ч. 1) печаталась с № 1 журн. «Заветы».

[5] Возможно, Горький послал Ляцкому рассказ Вольнова «Осенью». 29 февраля 1912 г. К. П. Пятницкий, перечисляя прочитанные им рукописи, записал: «Ив. Вольный „Осень“» (*Дн. Пятницкого*). Рассказ в «Современнике» напечатан не был. Вошел в сб. «Энергия» (1914, № 2).

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Е. А. ЛЯЦКОГО ГОРЬКОМУ НА ОБЛОЖКЕ КНИГИ: БЫЛИНЫ. (СТАРИНКИ БОГАТЫРСКИЕ)
СПб., 1911
Личная библиотека Горького, Музей Горького, Москва

3. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. Апрель, не позднее 4/17, 1912 г.)

Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Болезнь, уложившая меня на целый месяц в больницу, помешала мне тотчас же ответить Вам на Ваше любезное и доброе письмо. Позвольте прежде всего от души поблагодарить Вас за принципиальное согласие быть фактическим сотрудником «Современника», который мне хотелось бы вернуть к тому его положению, при котором Вы признали бы возможным принимать ближайшее участие в журнале. Буду ждать рассказа Вашего с величайшим нетерпением.

Что касается «номинализма», то я должен сказать Вам, что в числе моих литературных грехов погони за рекламой, ставшей в последнее время синонимом обмана, доныне не было и, надеюсь, не будет. Обращаясь к Вам с моей просьбой о сотрудничестве, я имел в виду, конечно, не торговлю Вашим именем, а действительное участие Ваше в журнале, если бы оно, как мне хотелось бы, оказалось Вам по душе. Об этом, как и о многом другом, хотелось бы лично побеседовать с Вами.

Я собираюсь этим летом за границу и, если получу Ваше разрешение, побываю у Вас.

Получили ли Вы книги, посланные Вам две недели назад?[1] Порадовал меня Ваш сочувственный отзыв о статьях моих о Чернышевском.

Работа эта дает мне величайшее удовлетворение: за ней становишься сам как-то лучше и чище [2].

Иван Вольный — явление, бесспорно, интересное. У нас есть уже, ранее принятый, рассказ его,— может быть, Вам уже известный («Как это было?») [3]. К сожалению, сюжет одной из рукописей, Вами присланных, близко подходит к тому, что рассказано в «Как это было?»: этапные в вагоне, тоска по земле и воле... Повесть Вольного в «Заветах» непременно прочту.

Итак, Алексей Максимович, еще раз очень, очень благодарю Вас за сочувствие и привет. Пишите, пожалуйста, о Ваших желаниях относительно «Современника» и не откладывайте Ваше участие в нем на долгое время.

Желаю Вам всего доброго и крепко жму Вашу руку.

Ваш Евг. Ляцкий

Датируется по сопоставлению с п. 4.

[1] Ляцкий выслал Горькому две кн.: Былины: Старинки богатырские (см. п. 2, прим. 3); Стихи духовные: Словеса золотые / Тексты избрал Е. А. Ляцкий при участии Н. С. Платоновой, вступ. ст. Е. А. Ляцкого. СПб.: Огни, 1912. Книги (с пометами Горького) хранятся в *ЛБГ* (*Описание*).

[2] Е. А. Ляцкий был автором ряда статей о Н. Г. Чернышевском: «Н. Г. Чернышевский в годы учения и на пути в Университет» (Современный мир. 1908. № 5, 6), «Н. Г. Чернышевский в университете» (Там же. 1908. № 12; 1909. № 3), «Н. Г. Чернышевский и Ш. Фурье» (Там же. 1909. № 11), «Н. Г. Чернышевский и учителя его мысли (Гегель, Белинский, Фейербах)» (Там же. 1910. № 10, 11), «Юношеская любовь Н. Г. Чернышевского» (Познание России. 1909. № 1).

[3] Рассказ «Как это было» был напечатан в 7 кн. «Современника» за 1912 г.

4. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 9/22 апреля 1912 г.)

Глубокоуважаемый Евгений Александрович!

Буду чрезвычайно рад, если вы заглянете летом ко мне, вы славно бы отдохнули здесь, я — получил бы удовольствие личного знакомства с вами.

Книги ваши пришли, сердечно благодарю вас за этот подарок, очень дорогой мне. Позволите ли вы сказать, что — на мой взгляд — тексты взяты вами весьма удачно, что они дают ясное представление о творчестве народном и что «Старинки богатырские» явились как нельзя более своевременно?

В наши дни, когда к народу, к его творчеству, замечается какое-то странное — скептическое, капризное и несерьезное отношение,— тексты, данные вами — даже и без комментарий,— очень солидно возражают тем, кто — как, напр., Келтуяла — ныне выводит *все* творчество народное из аристократии, от командующих классов. Я очень удивлен предисловием ко второй части книги Келтуяла [1] и некоторыми суждениями по этому вопросу Д. Н. Овсянико-Куликовского [2], тоже отрицающего творчество народа.

Еще раз — весьма благодарен за книги. «Стихи духовные» еще не читал.

Беседу о «Современнике» позвольте мне отложить до личного свидания.

Желаю вам доброго здоровья, бодрого настроения.

А. Пешков

IV/22
912
Capri

[1] Имеется в виду предисловие В. Я. Келтуялы к его кн. «Курс истории русской литературы. Пособие для самообразования» (Ч. 1. История древней русской

литературы. Кн. 2. СПб., 1911). В этом предисловии утверждалось: «Подлинным творцом древнерусской национальной культуры, литературы и мировоззрения был не „народ", представляемый в демократических и простонародных или крестьянских очертаниях, а небольшая часть народа, именно его высший, правящий класс...» (с. VIII). Горький считал эту концепцию общественно вредной. Видимо, тогда же он писал Р. М. Бланку: «При том подозрительном и недоверчивом отношении нашей демократии к интеллигенции, которое вызвано эволюцией последней — отрицание за народом его культурно-исторической работы может оказать весьма плохую услугу настоятельной необходимости широкого объединения...» (*АГ*, процитировано в кн.: *Бялик Б.* О Горьком. М., 1947. С. 195). В статье «О русской интеллигенции и национальных вопросах» Горький также критически оценивал книгу Келтуялы.

[2] Дмитрий Николаевич *Овсянико-Куликовский* (1853—1920) — историк литературы, лингвист. Речь идет о кн. Овсянико-Куликовского «История русской интеллигенции». Ч. 2 (Собр. соч. СПб.: изд. т-ва «Общественная польза», 1911. Т. VIII), где был развит взгляд на народное творчество, сходный со взглядом Келтуялы. Тома Собрания сочинений Д. Н. Овсянико-Куликовского V—IX (VII, VIII и IX с пометами Горького) хранятся в *ЛБГ* (*Описание*).

5. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

E. Liatsky
9.IX 912
Lerici (Spezia), albergo delle Palme

Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Я в Ваших краях[1], и очень хотел бы свидеться с Вами. От А. В. Амфитеатрова я слышал, что Вы по временам уезжаете из Capri — поэтому, чтобы не разъехаться, я очень просил бы Вас дать мне возможность побеседовать с Вами — либо в эти дни здесь, где Вам удобнее, либо несколько позже у Вас на Capri[2].

Душевно Ваш Евг. Ляцкий

[1] О целях своей поездки в Европу Ляцкий писал А. Белому 11/24 октября 1912 г.: «Лето вышло у меня необыкновенное: по делам журнала ‹„Современник"› пришлось объехать чуть не всю Европу» (Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1978 год. Л., 1980. С. 228).

[2] Ляцкий приехал на Капри 22 сентября и пробыл там до 30 сентября 1912 г. К. П. Пятницкий записал в дневнике 9/22 сентября: «Ждут Горького. Он у Ляцкого в H‹otel› Royal»; 11/24 сентября: «Сегодня компания Г‹орького› обедает в H. Royal, у Ляцкого. Там и М. Ф.»; 12/25 сентября: «Вижу Лику. Была у Г‹орького›. Там много народу. Музыка. В честь Ляцкого»; 14/27 сентября: «Реферат Ляцкого. Любовь в жизни Чернышевского». 17/30 сентября Пятницкий сделал запись со слов своих знакомых: «Горький согласился сделаться редактором беллетристики в „Современнике" и редактором общедоступного журнала при „Современнике". Получил деньги. Предложил денег Затёртому: „у меня теперь есть деньги" ‹...› Дали 100 р. Ив. Ег‹оровичу› в счет „Осенью", вышлют 100 р. еще ‹...› Дали авансы Иткину, Осколкову» (*АГ*).

В переговорах Ляцкого с Горьким о направлении журнала и его программе участвовал издатель «Современника» Певин, также приехавший на Капри.

6. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

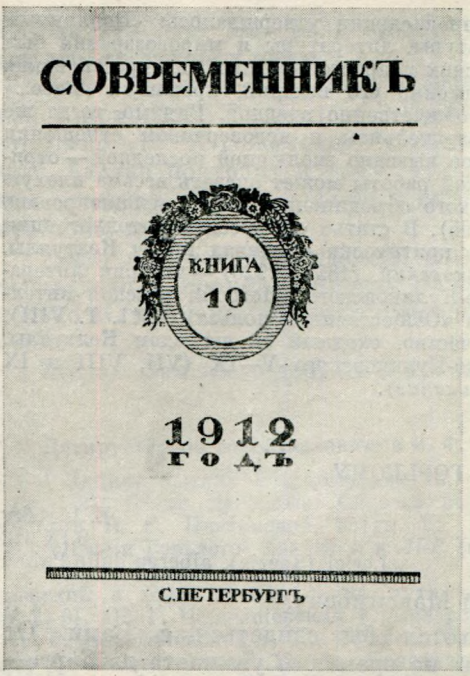
‹Капри. 24 сентября/7 октября 1912 г.›

Дорогой Евгений Александрович!

Посылаю:

1, мою статейку[1]

2, опыт «Заграничной хроники». На эту хронику нужно взглянуть именно как на опыт. Подумайте,— не ввести ли нам эту хронику в «Современ‹ник›» как обязательный, ежемесячный отдел? Разумеется, в следующий раз сведений дано будет больше, а статьи — короче. Печатать эту хронику следует мелким шрифтом, я думаю. Мне лично кажется, что полемика Биссолати — Жореса была бы весьма на месте, рядом с моей статейкой в октябрьской книге[2].



СОВРЕМЕННИКЪ

КНИГА 10

1912 ГОДЪ

С.ПЕТЕРБУРГЪ

Содержаніе.

I. ВЕСЕННІЕ УЗОРЫ. Разсказъ Н. Вихревскаго ... 3
II. ПТИЦА-НОЧЬ.—ВЕЧЕРОМЪ.—НОЧЬЮ. Стихотворенія Леонида Старка ... 25
III. ЛЮБОВЬ И ЗАПРОСЫ ЛИЧНАГО СЧАСТЬЯ ВЪ ЖИЗНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО. Изъ біографическихъ очерковъ по неизданнымъ матеріаламъ. Евг. Ляцкаго. VII—XV ... 28
IV. БЛУЖДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ. Романъ Шоломъ-Алейхема. Часть третья. VI—VII ... 59
V. БРАТЬЯ КРИВЦОВЫ. Дворянская хроника по неизданнымъ матеріаламъ. М. Гершензона. VII—VIII ... 79
VI. БРАКЪ. Романъ. Г. Дж. Уэльса. Авторизованный переводъ М. Ликіардопуло. V—XI ... 121
VII. КОЛЛЕКТИВИЗМЪ, СВЕРХЪ-ЧЕЛОВѢЧЕСТВО И СВЕРХЪ-ЛЮБОВЬ. Очеркъ Е. Аничкова ... 142
VIII. ВОСКРЕСЕНІЕ. Разсказъ Поля Бурже. Переводъ ... 168
IX. ДРОГНУВШАЯ НОЧЬ. Ром. А. Амфитеатрова. V ... 177
X. ЕЯ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО. Разсказъ З. Кореницкой ... 200
XI. ИЗДАЛЕКА. М. Горькаго ... 211
XII. ДВѢ ПОѢЗДКИ ВЪ ДЕРЕВНЮ. А. Гусакова ... 223
XIII. ИНДУСТРІАЛЬНЫЙ АБСОЛЮТИЗМЪ. Г. Цыперовича. I—VII. 239
XIV. СОВРЕМЕННАЯ ЗООПСИХОЛОГІЯ И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ. Е. Еланчика ... 270
XV. НАКАНУНѢ БАЛКАНСКАГО ПОЖАРА. Горцева ... 294
XVI. МНИМЫЯ ПОБѢДЫ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЯ ПОРАЖЕНІЯ. По поводу выборовъ въ Государств. Думу. В. Стан—ича. 305
XVII. БЛАГОДЕНСТВЕННОЕ ЖИТІЕ. А. Амфитеатрова ... 318
XVIII. ИТОГИ И ФАКТЫ. Война. Государственная Дума. В. Водовозова ... 337
XIX. ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. 1812 годъ въ юбилейной литературѣ. И. Бороздина ... 353
XX. НОВЫЯ КНИГИ. Г. Ватинъ. Подъ сѣвернымъ небомъ; Сергѣй Клычковъ. Пѣсни; Ада Чумаченко. Стихи. А. Золотарева.—Политика Аристотеля, пер. С. Жебелева и Н. Рейнгардта.—J. Guillaume. L'Internationale. Documents et Souvenirs. А. Золотарева.—В. И. Денисовъ. Ирмарки. Ник. Лейскаго ... 362
XXI. ХРОНИКА ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ ... 372
XXII. КНИГИ, поступившія въ редакцію ... 382

ОБЛОЖКА ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННИК» И СОДЕРЖАНИЕ
1912, кн. 10

3,— стихи Леонида Старка. Хорошо бы поместить их все сразу — за исключением стихотворения «Помнишь у речки за мостом» — оно мне кажется не очень удачным и не в тоне всего цикла. А все остальные стихи — внутренне связаны и являют собою как бы историю одной любви. «Птица-ночь» — начало и поэзия любви, затем продолжение и — проза. Далее: снова что-то вспыхнуло и — снова: «Девушка эта — ничья». Затем — одиночество, уличная любовь и крик отчаяния: «Хороши встречи, когда случайны!». Получается как бы целый роман, очень современный. Это оживит книжку и, вероятно, понравится читателю [3].

4,— библиографические заметки Золотарева. Так как у нас нашлось только три книжки стихов, достойных отзыва, заметка вышла и краткой, и не в той форме, как хотелось бы. Это мы исправим, когда будем иметь более обильный материал [4].

Присылайте книги для отзывов.

Далее:

Через посредство секретаря редакции «Гайнт» — жаргонной еврейской газеты, издающейся в Варшаве,— мною заказан Балмашимеру [5], знатоку современной еврейской литературы,— очерк ее развития и состояния. Заказана также статья «Евреи в Палестине» — это статья бытового характера, изображающая еврейское «государство» [6].

Написано в Томск, Анучину; предлагаю дать статью на тему о культурных запросах Сибири [7]. В Барнаул Гребенщикову [8] и Матвееву [9] — предлагаю дать рассказы.

В Киев, Николаю Иванову [10] и в Витебск Черемнову [11] — предлагаю обоим попробовать их силы на серьезной общественной и политической сатире в «Современнике».

В Чернигов М. М. Коцюбинскому — прошу статью о современном положении украинской литературы [12]. На днях напишу латышам и не-

скольким молодым беллетристам. Все статьи заказаны на 913-й. Сообщите, каковы результаты вашей поездки в Париж. Как чувствуете себя?

Приехал Каменский, сегодня буду говорить с ним о музее[13].

А музей-то Плюшкина купили-таки англичане! Стыдобушка и горе[14].

Здесь все взялись за работу, чему я весьма рад. Снабжайте книгами!

Попрошу вас сделать следующее: после выхода в свет октябрьской книги «Совр.» закажите «Бюро газетных вырезок», чтоб оно доставляло вам все отзывы газет о нашем журнале. Вырезки будьте добры доставлять мне. Хорошо?

Будьте здоровы!

Повторю еще раз — я очень рад, что встретился с вами, и уверен, что мы сделаем хорошее, всем нужное дело.

Кланяюсь.

А. Пешков

912
X,7
Capri

Повидайтесь с Черным, требуйте у него стихов. Хорошо бы отдел сатиры начать с октября же![15]

[1] Горький направил Ляцкому статью, которая была напечатана под заглавием «Издалека» в «Современнике» (1912, кн. 10).

Шесть статей под тем же названием были напечатаны в журн. «Запросы жизни» (№ 11 от 16 дек. 1911 г. и № 7, 11—13, 27, 29 (февр.— июль) 1912 г.). Но 19 августа / 1 сентября 1912 г. Горький отказался от участия в этом журнале, неудовлетворенный его программой (см. п. Горького Р. М. Бланку — *XXIX*, 250—251). В ст. «Издалека», направленной в «Современник», Горький писал о все более углубляющихся противоречиях между национально-освободительным движением и завоевательными тенденциями европейского и американского капитализма.

[2] «Хроника заграничной жизни», присланная Горьким, была напечатана в кн. 10 «Современника» за 1912 г. Полемика между лидером итальянских социалистов Л. Биссолати и Жаном Жоресом, подробно освещенная Горьким в этой «Хронике», касалась вопроса о национально-освободительном движении славян на Балканах в преддверии первой Балканской войны. Приводя высказывания Биссолати о необходимости мирного разрешения балканского вопроса на основе создания «автономной национальной федерации», Горький писал: «Надеемся, что русский читатель не посетует на нас за то, что мы ознакомили его с мнением Биссолати по вопросу, издавна тревожному для России, а ныне — более чем когда-либо, грозно требующему внимательного изучения» (Там же. С. 376).

[3] В «Современнике» (1912, кн. 10) были опубликованы стихи Л. Н. Старка «Птица-ночь», «Вечером», «Ночью».

[4] Имеется в виду рецензия А. А. Золотарева на кн.: *Вяткин Г.* Под северным небом. Томск, 1911; *Клычков С.* Песни. М., 1911; *Чумаченко А.* Стихи. М., 1912. В этом же номере журнала напечатана рецензия Золотарева на кн.: *Гийом Дж.* Интернационал. 1910: Документы и воспоминания. Т. I—IV. Париж, 1905—1910.

[5] Вероятно, речь идет о еврейском критике *Бал-Махшовосе* (Махшовесе) (псевдоним доктора Изидора (Израиля) Эльяшева, 1873—1924). В «Современнике» не печатался.

[6] Ст. «Евреи в Палестине» в «Современнике» не была напечатана.

[7] Василий Иванович *Анучин* (1875—1943) — сибиряк, этнограф. В 1960-е годы был установлен факт фальсификации В. А. Анучиным некоторых писем Горького к нему (см.: *Азадовская Л.* История одной фальсификации // Новый мир. 1963. № 3). П. Горького, о котором шла речь,— от 19 сентября / 2 октября 1912 г.— подлинное. Горький писал В. И. Анучину: «Усердно прошу Вас сорганизовать товарищей-сибиряков, дабы они выработали статью на тему о культурных запросах, желаниях и чаяниях Сибири» (*XXIX*, 252).

[8] Горький писал Гребенщикову 19 сентября / 2 октября 1912 г.: «Я вступил в „Современник" соредактором Евгения Александровича Ляцкого по отделу беллетристики и предлагаю Вам прислать для этого журнала рассказ. Посылайте по моему адресу. Было бы желательно получить рукопись в начале декабря. Не знаете ли сибиряка Н. Матвеева, автора рассказа „Мельник" в „Совр(еменном) мире" за 1911 г.» (Горький и Сибирь. Новосибирск, 1961. С. 98).

[9] П. Горького прозаику Н. П. Матвееву не обнаружено.

[10] Николай *Иванов* — сотрудник газ. «Киевская мысль», писатель-фельетонист. 19 сентября / 2 октября Горький писал Н. Иванову: «Позвольте предложить Вам попробовать Ваши силы на серьезной общественной и политической сатире. Жела-

тельно иметь небольшие очерки, которые могли бы печататься в отделе юмора и сатиры журнала „Современник", который ныне реформируется» (*МИ*. Т. 1. С. 278).

[11] 19 сентября / 2 октября 1912 г. Горький писал Черемнову: «Не желаете ли принять участие в отделе политической и общественной сатиры реформируемого журнала „Современник"? Товарищами Вашими по этому отделу будут Саша Черный, вероятно — Амфитеатров, возможно — я и еще один сотрудник „Киевской мысли" — Николай Иванов. Давайте стихов, посылая их по адресу Евгения Александровича Ляцкого» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 113).

[12] 24 сентября / 7 октября 1912 г. Горький писал М. М. Коцюбинскому: «С января 913 года реформируется журнал „Современник". Мне хотелось бы дать в этом журнале возможную свободу идеям федерализма и широкой областной самостоятельности. Вы знаете мои взгляды по этому поводу. Обращаюсь к Вам с просьбою: нельзя ли к январской или февральской книжкам „Соврем(енника)" дать статью на тему „Культурные запросы Украины"? Затем был бы очень нужен очерк по истории украинской литературы» (*XXIX*, 253).

[13] Горький имеет в виду организацию Музея-Библиотеки русского освободительного движения. Он писал И. П. Ладыжникову 11/24 сентября 1912 г.: «Ляцкий, Золотаревы и я решили устроить повсеместный сбор изданий, документов и вещей, относящихся к истории борьбы за освобождение в России на протяжении всего XIX в. и по сей день. Делается это в целях устроить со временем музей и библиотеку по истории борьбы за политическое освобождение в России. Имеем возможность на первых же порах получить, с ничтожной затратой денег, ценные архивы частных лиц и партий. Есть деньги — очень мало, конечно. С этим необходимо торопиться: старый политик русский вымирает, а вместе с ним пропадают и очень ценные документы. Я попрошу Вас усерднейше: собирайте все, что попадет под руку интересного, и отправляйте мне. Через Н. К. (Муравьева) можно достать следственные производства и обвинительные акты по политическим делам. Очень важна реакционная литература, тайные циркуляры губернаторов, доклады губернаторов и сенаторов, ревизующих губернии и учреждения. Если встретится возможность достать денег на это дело — берите, не брезгуя суммой» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 205). См. также его п. В. В. Вересаеву от 25 сентября / 8 октября 1912 г. (Там же. С. 113—114). См. п. 31, прим. 1.

Василий Михайлович *Каменский* — инженер, меценат, сын одного из братьев Каменских, владельцев «Пароходства бр. Каменских» на Волге и Каме. Знакомый Горького по Н.-Новгороду. О его денежном взносе на организацию Музея см. п. 9, прим. 1.

[14] Речь идет о музее, созданном купцом Федором Михайловичем *Плюшкиным* (1837—1911) в Пскове. Ф. М. Плюшкин коллекционировал старинные монеты (его коллекции превосходили коллекцию монет Эрмитажа), картины, гравюры, рукописи, старопечатные книги, предметы старины, церковную утварь, старинное оружие и т. п. К 1911 г. музей Плюшкина «заключал в себе более миллиона предметов, относящихся к самым различным областям культуры и знания, и по богатству и ценности предметов уступал из частных собраний разве музею П. И. Щукина» (*Алексеев В. А.* Плюшкин и его музей // Исторический вестник. 1916. № 7. С. 180).

После смерти Плюшкина Совет министров под председательством П. А. Столыпина вынес решение о покупке музея правительством, однако эта покупка в 1911 г. не состоялась. В 1912 г. в Россию приезжал представитель Британского музея с целью приобрести коллекцию Плюшкина, о чем сообщалось в русских газетах. Эти сообщения и имеет в виду Горький. Музей в Англию продан не был. См. также: Исторический вестник. 1911. № 11. С. 1147—1148; 1912. № 9. С. 1119.

[15] В ответ на приглашение Ляцкого участвовать в создании нового сатирического отдела в журнале Саша Черный писал: «С сатирическим отделом, многоуважаемый Евгений Александрович, пока, мне думается, придется подождать. Причина простая: нет работников. Если исключить совершенно заголившихся сатириконцев, то, кроме трех-пяти лихачей-куплетистов (...) никого сейчас в России нет (...) Об Иванове (о котором писал Горький) Вы сами говорили, что то, что прислано,— слабо. Черемнов ничего не прислал. Амфитеатров, кажется, тоже. Значит, ни о каком отделе сейчас говорить не приходится. Пока надо просто печатать сатиры (в стихах и в прозе) в числе прочего художеств(енного) материала,— само собой, если это сатира, а не куплеты и не маленькие фельетоны» (*ИРЛИ*, ф. 163, оп. 2, № 145). Начиная с кн. 11 за 1912 г. стихи и сатиры С. Черного регулярно печатались в журнале.

7. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

7.X.912
Freiburg

Дорогой Алексей Максимович, только здесь, в тихой санатории «Rebhaus», начал я приходить в себя после той массы подавляющих впечатлений, какие пережил я на промежутке одной недели в музеях Неаполя,

Помпеи, Рима. Какое богатство, какая культура, с которой современные итальянцы обращаются как истые варвары. Только Ватикан ведет себя как учреждение, управляемое порядочными людьми, и мне особенно умилительно было видеть в его библиотеке автографы Лютера и Кальвина [1].

Здесь, в «Rebhaus'e», я второй день, вечером думаю двинуться в Париж, где мы снова съедемся с П. И. Певиным. Он едет Ривьерой, чтобы отдохнуть от Рима, где, кроме всего прочего, мы измаяли себя бесконечной ходьбой. По пути сюда заехал к А. В. Амфитеатрову. Он был какой-то сумрачный, не теплый и не холодный — совсем как римская погода. Говорил, что получил от Вас накануне письмо [2], предостерегал от «увлечений». Он сам заговорил о проспекте на будущий год. Я уклонился от разговора на эту тему, так как боялся предложения какого-нибудь нового романа с его стороны. Но вот что хорошо. Он сам тяготится провинциальным обозрением и с января хотел бы перейти на сатирический отдел, «организацию» которого он хотел бы принять на себя. Но, я думаю, нам нужно его сотрудничество, а не организация, и я отложил всякие «организационные» разговоры с ним до января, когда выяснится общее положение дел.

В Париже я останусь дня 3—4, пока не перевидаюсь со всеми, а там — в Петербург за работу. И никогда не хотелось мне так работать, как теперь, потому что чувствуется, что то направление, которое придадим мы ей с Вами, есть настоящее, истинное, надо будет только не сходить с этого пути, какими бы терниями он ни был усеян вначале. Об этом думаю больше всего, а когда отдыхаю от этих мыслей, останавливаюсь мечтой над библиотекой—читальней—архивом среди каприйских скал, откуда засветится, нашими общими усилиями, чистая и светлая человеческая мудрость и почерпнет веру в свою бесконечность из голубой бесконечности неба и моря. И проникнутые этой верой хмурые, тоскующие, серые люди, оторванные от родины, просветлеют, начнут работать, и претворят они свою тоску в жажду знания, а знание — в дело медленно, но неуклонно очеловечиваемой жизни. Знаю, что многие посмеются над моим увлечением этой идеей. Но пусть! Без увлечения не строится ни одно живое дело. Да и смеяться-то будут все больше «скучные» люди, стоящие на страже всего сверхобычного, как евнухи у врат опустелого гарема. Мне снова при этом вспомнился Амфитеатров и его окружающие... Эх, зачем так много скучных людей на свете!

В Риме познакомился с Осоргиным (Ильиным) [3], который едет на днях в Болгарию. Заходила у нас речь об его статье о положении на Балканах, но я не высказался определенно, так как, во-первых, он показался мне человеком несколько легковесным, а во-вторых, в эмигрантской среде против него существует какое-то предубеждение, основательность которого опыту моему недоступна. Вернее, кажется, было бы обратиться к Калине [4]. Если Вы согласны на последнего, то не черкнете ли ему несколько слов?

Из Парижа буду писать Вам о том, что там найду для нас полезного. Пока же крепко жму Вам руку. Берегите себя и усердно кланяйтесь от меня Марии Федоровне.

Весь Ваш Евг. Ляцкий

[1] Мартин *Лютер* (1483—1546) — крупный церковный реформатор в Германии. По его имени называется целое течение в протестантской церкви (лютеранство). Лютер издал ряд полемических сочинений против католицизма.

Жан *Кальвин* (1509—1564) — один из вождей Реформации. Занимал в протестантизме воинствующую позицию, став во враждебную позицию как к католичеству, так и к лютеранству.

[2] См.: Г—А, п. от 26 сентября 1912 г.

[3] М. *Осоргин* (псевдоним Михаила Андреевича Ильина, 1878—1942) — писатель, журналист, корреспондент газ. «Русские ведомости». После Великой Октябрьской революции эмигрировал. В «Современнике» не сотрудничал.

[4] В кн. 7 была напечатана ст. И. Калины (И. Н. Кашинцева) «Пенчо Славейков».

8. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Париж.) 12.X.912

Дорогой Алексей Максимович, сегодня собираюсь выбраться из парижской суеты и перед отъездом хочу вкратце сообщить Вам результаты здешних свиданий:

1. С Павловичем условился о большом разнообразии тем. Ближайшие: о Франции и мусульманском движении (история с арабами), о Панамском канале [1].

2. Мазон (André) [2], rue de Lille, 2, познакомил меня с арабом-сирийцем, Michaël — Ioussouf Bictar (м. б., Bitar), который обещал общий очерк о мусульманском вопросе в настоящее время, затем — об освобождении женщин; обещал также для перевода — одну-две новеллы выдающихся арабских писателей [3].

3. Познакомился с Луначарским. Он не прочь давать нам заметки об искусстве, отдельных литер〈атурных〉 явлениях [4] — в направлении к поставленной нами общей задаче журнала служить целям национ〈ального〉 самоопределения. Этому он очень сочувствует.

4. Дал телеграмму Кашинцеву, прося статью о положении на Балканах.

Вот пока. Душевный привет М. Ф. и Вам.

Весь Ваш Евг. Ляцкий

Что Вы думаете о Мартове? [5]

М. А. Сундукьянц [6] весьма неположительная особа в смысле указаний, где и когда ее можно видеть. Надеюсь повидать ее сегодня.

Амфитеатров нас режет: прислал около 5 листов!!! [7]

[1] М. Павлович вошел в журнал в качестве руководителя иностранного отдела. Речь идет о ст. «Разгром Турции и мусульманский вопрос во Франции» (см. ст.: Вокруг войны // Современник. 1912. Кн. 11) и «Панамский канал» (Современник. 1913. Кн. 3). См. также п. 11, прим. 3.

[2] Андре *Мазон* (1881—1967) — французский филолог-славист, историк русской литературы. Начал научно-педагогическую деятельность в России, в Харьковском университете (1905—1908). Возвратившись в Париж, занял пост ученого секретаря Института живых восточных языков (1909—1914). Автор работ о Тургеневе, Гончарове, Л. Толстом и других русских писателях. Ряд работ Мазона опубликован в томах «Литературного наследства» (т. 31/32 — «Русская культура и Франция», 1937; т. 73, кн. 1 — «Из парижского архива И. С. Тургенева», 1964; и др.). Ляцкому принадлежит рецензия на кн. Мазона о Гончарове (Изв. Отд. рус. яз. и словесности имп. АН, 1914. Т. 19. Кн. 4).

[3] В объявлении о подписке на 1913 г. (Современник, кн. 11 и 12) М. Юсуф-Битар был указан в числе сотрудников журнала «по областному отделу». Его статьи в «Современнике» не печатались.

[4] В Париж Луначарский переехал из Италии в марте 1911 г. В «Современнике» были напечатаны ст. Луначарского: «Антей» (1912, кн. 12), «Князь поэтов в народном Университете» (1913, кн. 2), «Молодая французская поэзия» (1913, кн. 8).

[5] *Л. Мартов* (Юлий Осипович Цедербаум) (1873—1923) — один из лидеров меньшевиков.

[6] Мария Александровна *Сундукьянц* (1859—193?) — армянская общественная деятельница. В 1905—1906 гг. — издатель и редактор газ. «Кавказское слово». Была знакома с Горьким, весной 1912 г. жила на Капри. 25 октября 1912 г. Горький писал ей: «Нам необходимо иметь общий очерк положения армян в Закавказье — очерк на тему: „Армяне в России" — их историческое прошлое, современное состояние армянской культуры, причины, задерживающие рост ее. Очерк из истории армянской литературы должен явиться отдельной работой» (Горький и Армения. Ереван, 1968. С. 56). В «Современнике» не печаталась.

[7] Речь идет о романе Амфитеатрова «Дрогнувшая ночь» (Современник. 1912. Кн. 9—12).

9. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 2/15 октября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович.

Посылаю копию протокола заседания подготовительной по организации музея комиссии и поздравляю Вас с добрым началом дела. Теперь, вместе с Вашим взносом, мы имеем свыше 3 т. франков и, надеюсь, что в близком будущем наш фонд возрастет еще на несколько сотен франков [1]. Значит — уже сейчас мы можем приняться за приобретение материалов.

На очереди — приобретение архива князя Бебутова [2]. Мною написаны по этому поводу письма: Ленину [3], как представителю группы, которой пожертвован архив, и Карлу Каутскому [4], как представителю немецкой с-д партии, которая хранит архив. Извещая этих лиц о том, что образовалась организация, устраивающая музей, я прошу Ленина и Каутского способствовать передаче архива Бебутова нашей организации.

Но необходимо обратиться и непосредственно к самому Бебутову: так как он живет в Петербурге, мы трое [5] просим Вас переговорить с ним по данному поводу и взять у него разрешение перевезти архив на Капри.

Мне известно, что у князя имеется коллекция карикатур на Николая Первого, вероятно, эту коллекцию опасно держать в России, и, м. б., он ее тоже передаст нам.

Прилагаю для «Хроники» письмо Пресансе к министру народного просвещения [6], думаю, что оно и своевременно, и поучительно для русского читателя.

Сегодня 2-е октября по-русски, а сентябрьская книга «Современника» еще не вышла. Это очень худо!

Было бы необходимо поторопиться с выпуском октябрьской.

Действую по всем направлениям, отчет о результатах — до следующего письма.

Крепко жму руку.

А. Пешков

912/14,X

Датируется по фразе письма: «...сегодня 2-е октября по-русски». В дате письма, указанной Горьким по н. ст., ошибка на один день.

[1] В *АГ* хранится машинописная копия протокола собрания Подготовительной комиссии, поступившая от В. А. Десницкого с пометой Горького: «Второй протокол. Копия»:

«На собрании Подготовительной комиссии 13 октября присутствовали: А. М. Пешков, Н. А. и А. А. Золотаревы.

А⟨лексей⟩ М⟨аксимович⟩ доложил о пожертвовании 1000 (тысячи) рублей на дело музея В. М. К⟨аменским⟩.

Постановлено: благодарить В. М.

Решено обратиться к Л⟨енину⟩, немецкой с.-д. партии и к князю Б⟨ебутову⟩ с письмом. Каждого из адресатов известить о том, что здесь, на острове, образовалось учреждение, которое возьмет на себя заботу хранить и разрабатывать собранные материалы, что для этого дела есть уже сейчас достаточные средства и есть люди.

Решено предложить должность хранителя музея Лоренцу и, в случае согласия с его стороны, привлечь его немедленно в Подготовительную комиссию.

Переговорить с ним поручено Н. А. ⟨Золотареву⟩» (*АГ*).

[2] Давид Иосифович *Бебутов* — князь, сочувствовал социал-демократам; им были собраны документы по истории освободительного движения в России. Небольшая часть его коллекции (в том числе воспоминания участников революции 1905 г.) хранится в *ЦГАОР* (ф. 1771).

[3] Отвечая Горькому, В. И. Ленин писал во второй половине октября 1912 г.: «Не успел отправить предыдущего письма, как получил Ваше о библиотеке. План собирания материалов по истории революции великолепен. Приветствую всей душой и желаю успеха.

Что касается Бебутова, то он сказал мне, когда я познакомился с ним в мае в Берлине, что он *так* отдал библиотеку Vorstand'y (ЦК нем. с.-д.), что не *мог бы взять назад*. У меня есть его письмо, что библиотека сия пожертвована партии

с.-д., когда она будет едина, и пр. Значит, тут, видимо, ничего не поделаешь. Но все же попробуйте *Вы* снестись с Бебутовым» (*В. И. Ленин.* Т. 48. С. 103).

[4] П. Горького к Карлу Каутскому не разыскано. В *АГ* хранится перевод ответного п. Каутского от второй половины октября 1912 г. (машинопись с пометой Горького), в котором он писал: «Дорогой товарищ, немедленно по получении Вашего письма я обратился к нашему национальному совету (Parteivorstand) с просьбою ответить на Ваш вопрос. Сегодня мне пишут, что немецкая социалистическая партия получила библиотеку не как дар, но как бы на склад. Она еще принадлежит лично князю Бебутову, и только он сам может располагать ею. Если князь согласится на то, чтобы библиотека была передана Вам, т. е. русскому социалистическому архиву, Parteivorstand передаст ее с большим удовольствием. Ныне она не может быть передана никому, и никто не может пользоваться ею, чтобы работать. Но – вы видите – мы в этом вопросе несвободны. Решать его может только князь Бебутов» (*АГ*).

[5] Горький, А. А. и Н. А. Золотаревы.

[6] Упоминаемое п. Пресансе не разыскано.

10. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 6/19 октября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

В первом Вашем письме Вы не дали адреса, во втором — дали, но я думаю, что мое письмо уже не застанет Вас в Париже и пишу в Петербург.

Мартова[1] следует привлечь к журналу, это человек полезный. Луначарский — талантлив, хотя очень часто пишет поверхностно, всегда — многословно и никогда не думает о читателе. Он тоже может быть весьма полезен.

Посылаю две вещицы Ник. Иванова, мне они не кажутся удачными: одна — под Горбунова[2], другая скучновата. От него можно требовать большего. Я известил его, что мне обе вещи не понравились и что я отправил их на Ваш суд[3].

Очень прошу Вас: тревожьте Черного и Амфитеатрова для октябрьской книги — будет весьма хорошо, если мы с октября же введем этот отдел[4].

Сообщите Ваше мнение о Хронике. Если ее мало для книжки — телеграфируйте, я дошлю несколько страниц.

Желаю всего доброго, жду писем, книг. Это — третье мое письмо Вам[5].

Жму руку.

А. Пешков

912/X.6

[1] Л. Мартов в «Современнике» в 1912—1913 гг. не печатался.

[2] Иван Федорович *Горбунов* (1831—1895) — актер, рассказчик, писатель-юморист.

[3] См. п. Горького Николаю Иванову до 6/19 октября 1912 г. (*XXIX*, 272). Н. Иванов в «Современнике» не публиковался.

[4] В 1912—1913 гг. отдел сатиры в «Современнике» не был создан. См. п. 6, прим. 15. Печатались только сатиры Саши Черного.

[5] Счет письмам Горький вел с момента своего вступления в «Современник», после посещения Капри Певиным и Ляцким. См. п. 6 и 9.

11. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. Около 12/25 октября 1912 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Вернувшись из Парижа, нашел несколько рукописей от Вас и Ваше письмо. Между тем я еще не рассказал Вам о последних двух днях моего пребывания в Париже и о том, кого я там видел и что делал. Позвольте, для хронологии, начать с этого, тем более что последние дни прошли в такой суете, среди такой массы новых для меня и разнооб-

разных людей, что я боюсь упустить что-либо, если отложу этот рассказ до конца письма.

Прежде всего я свиделся с Марьей Александровной Сундукьянц, которая познакомила меня с Алибеговым[1], обещавшим свою помощь в деле статей по армянскому вопросу вообще и армянской литературе в частности. Этим пока и закончено содействие Марии Александровны. Затем я обстоятельно беседовал с Циперовичем[2] относительно его дальнейших тем, и то, что он намечал, представляется мне в высшей степени интересным. С Павловичем я беседовал весьма долго, и, хотя он неохотно отстал от своей мысли проводить через журнал свои «книжные» статьи, тем не менее на этот год в виде опыта он согласился дать ряд небольших очерков по важнейшим вопросам европейской жизни[3]. Я познакомился с Луначарским, который произвел на меня впечатление несколько странного, но в высшей степени живого, остроумного и образованного человека. Не зная, как Вы к нему относитесь, я говорил с ним о его сотрудничестве очень осторожно; но во всяком случае сказал ему, что было бы интересно получить от него несколько заметок и небольших статей преимущественно по вопросам европейского искусства. Он выражал согласие работать в «Современнике», и мне кажется, что из него может выйти для нас дельный и в известном смысле разнообразный сотрудник. Познакомился я также с Хононом Липмановичем Раппопортом[4], Вам, конечно, небезызвестным. Когда мы прощались с ним в кафе, он выразил желание на следующий день побывать у меня и переговорить о «деле». Я сказал: очень рад. На следующее утро он действительно пришел, и первой его фразой было: итак, какие же статьи вы просите у меня для «Современника»? В длинной беседе он выказал себя человеком разностороннего образования, широкой философской эрудиции. Обсуждая с ним темы его статей, я просил его написать общий очерк на тему о положении современной философии, европейской науки и общественной жизни. Если статья его окажется удачной, она послужит как бы введением к небольшим, время от времени помещаемым, очеркам на философские, или, точнее, культурно-философские темы. Наконец, я виделся с В. Я. Богучарским*, который обещал нам рецензии на переписку Стасюлевича с Тургеневым, Гончаровым и другими и статью к январской книжке[5]. Я оставил ему свои оба тома переписки Стасюлевича, и, если Вы будете иметь случай писать ему несколько строк, упомяните, что, по использовании этих томов, он прислал бы их Вам. Я перешлю ему и третий том, и вместо того, чтобы посылать его обратно в Россию, он пусть перешлет его в нашу будущую библиотеку, потому что посылать их отсюда было бы громоздко. В Париже Андрей Альбинович Мазон (Rue de Cille) дал мне последний номер Revue de Synthèse historique, сплошь посвященный России. Может быть, этот номер есть уже у Вас, если нет, постарайтесь поскорее его выписать, потому что он своим содержанием в некоторой степени идет к Вам навстречу.

В Петербурге я застал такую массу дел, что не мог сразу приняться за то, о чем мы с Вами говорили. Думаю, что в этих делах, в страшной суете пройдет два, три, самое большое четыре дня, после чего я примусь за дела, связанные с библиотекой, музеем и т. д. Пишу о Ваших рукописях. Вашу статью и стихотворения я уже сегодня сдал в печать[6], и в последних оказался листок, к ним, очевидно, не относящийся, посылаю его обратно. Хронику, которой таким украшением явилось письмо Пресансе, прочтем завтра с Водовозовым и тоже сдадим в печать. Заметки Алексея Алексеевича[7] мне очень понравились, и я пожалел лишь о том, что их было мало. Из редакции Вам завтра будет отправлен пер-

* Подчеркнуто Горьким.

А. А. И Н. А. ЗОЛОТАРЕВЫ
Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1912
Музей Горького, Москва

вый пакет с книгами, среди которых нет, к сожалению, ничего замечательного, но тем не менее кое-чем можно будет воспользоваться[8]. Потом подумаю, что бы послать еще. Даманская предлагает перевод. Посылаю Вам ее письмо, из которого Вы можете увидеть общий характер ее предложения[9]. Я написал ей об этом и сообщил, что в случае Вашего положительного ответа она получит от Вас письмо в течение четырнадцати дней, принимая во внимание, что письмо из Петербурга к Вам приходит день на шестой или седьмой.

В числе книг, полученных мною за время моего отсутствия, оказался личный экземпляр книги об Александре I вел〈икого〉 князя Николая Михайловича[10]. На днях зайду к нему поблагодарить его и, если будет удобно, попрошу дать мне еще один экземпляр для Вас. Воспользуюсь также случаем разжечь его аппетит относительно миниатюры Боровиковского[11]. Из новинок для ноябрьской книги с удовольствием отмечаю имеющую поступить к нам статью Пиксанова о Грибоедове[12]. Статья по тому, как намечал ее автор, обещает быть очень интересной.

Вы сетуете на то, что сентябрьская книжка «Современника» выходит слишком поздно? Я удивляюсь, как вообще она выходит в этом году. Амфитеатров нас совершенно зарезал: можете себе представить — он прислал романа не два или два с половиной листа, а около пяти листов. Пришлось отставить целый ряд других статей, нарушить всю архитектонику книжки и дать произведение, которое многие находят скучным[13]. Буду писать ему по этому поводу, отчего его настроение по отношению к «Современнику» станет еще более, вероятно, кислым, но ничего не поделаешь. В то время, как мы строим литературную хижину с большими усилиями и всяческими лишениями, он хочет явиться тем сказочным медведем, который пришел, сел и раздавил все труды своих товарищей по общежитию. Не скрываю, что я имею еще особый зуб против него. Просмотрев так называемый портфель редакции, я вижу, что едва ли в этом году мы освободимся от всего того хлама по беллетристике, который был заведен им и продолжался трудами и усердием

его последователей. Было бы самое лучшее, если бы с января он сосредоточил свою деятельность исключительно на сатирическом отделе.

Пока все. Многого не договорил, многого сейчас не могу вспомнить за поздним временем и усталостью. Буду писать на днях опять, но заранее прошу извинения за разбросанность и непоследовательность моего эпистолярного изложения. Дело в том, что за недосугом я не пишу, а диктую в машину, от которой за летнее время порядочно отвык, и теперь диктование идет не так гладко, как прежде.

Низко кланяюсь Марии Федоровне и нашим дорогим товарищам по работе. Радуюсь, что в лице Алексея Алексеевича мы приобрели не только ценного сотрудника, но и душевного человека.

Крепко жму Вашу руку.

Душевно Ваш Евг. Ляцкий

Датируется по сопоставлению с п. 12.

[1] Можно предположить, что речь идет об Иване Григорьевиче Алибегове, авторе брошюр: «Елисаветпольские кровавые дни перед судом общества. Завравшийся публицист и его общественные сподвижники» (Тифлис, 1906); «Жилищные условия рабочих черного города» (Баку, 1905); «Народное образование на Кавказе» (Тифлис, 1903). В журн. «Современник» Алибегов не печатался.

[2] Циперович был постоянным сотрудником «Современника». В 1912—1913 гг. в журнале были опубликованы его ст.: «Угольный голод» (1913, кн. 2), «Борьба гигантов» (1912, кн. 5), «Успехи карательного движения в России» (1913, кн. 4 и 5), «Шнейдер и Путилов» (1912, кн. 6), «Индустриальный абсолютизм» (1912, кн. 10).

[3] М. Павлович печатал в 1912—1913 гг. в «Современнике» цикл статей под общим названием «Великие железнодорожные и морские пути будущего» (Современник. 1912. Кн. 5, 6, 8; 1913. Кн. 1, 3). Из напечатанных в журнале статей позже составилась кн.: *Павлович М.* Великие железнодорожные и морские пути будущего. СПб., тип. Б. М. Вольфа, 1913.

Первоначально Горький предполагал издать книгу статей Павловича в «Знании», но не смог осуществить своего намерения. Он писал М. П. Павловичу: «Лично я был бы очень доволен и рад видеть изданным сборник Ваших статей, ибо — не примите это за комплимент — читаю Ваши работы всегда с глубоким интересом и ценю их как самое значительное, что сейчас явится в русской литературе по вопросам международной политики» (Новый восток. 1928. № 20/21. С. XXIV).

[4] Шарль Хонон *Раппопорт* (1865—?) — французский социалист, публицист, доктор философии. Автор ряда работ по философии и социологии. С 1883 г. принимал участие в революционном движении России. В 1887 г. участвовал в подготовке покушения на Александра III, после чего был вынужден эмигрировать из России. В 1902 г. примкнул к социал-демократическому движению. В 1910—1911 гг. выступал на страницах «Социал-демократа» (центрального органа РСДРП).

В конце 1920-х — начале 1930-х годов Раппопорт был парижским корреспондентом газ. «Известия». В «Современнике» не печатался.

[5] Инициатива привлечения Богучарского в журнал принадлежала Ляцкому. 12/25 декабря 1912 г. он писал Богучарскому: «О получении Вашего письма я уже Вам писал, подробно сообщил Вам весь ход образования нашей новой редакции, в которой большие надежды мы возлагали на Вас, и то, при каких условиях мы решили, не дожидаясь Вашего согласия, поставить Вас в числе ближайших сотрудников. Хотя это право Вы и дали, мы не хотели пользоваться им формально, и я подробно выяснил Вам надежды, полагаемые нами на Ваше сотрудничество» (*ЦГАЛИ*, ф. 1696, оп. 1, ед. хр. 133, л. 1). В «Проспекте на 1913 г.» имя Богучарского было указано по «отделу истории» (Современник. 1912. Кн. 12).

Михаил Матвеевич *Стасюлевич* (1826—1911) — русский историк, журналист, публицист. Общественный деятель либерального направления. В 1866—1909 гг.— редактор журн. «Вестник Европы». Речь идет об изд.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М. К. Лемке. Т. 1. СПб., (1911); Т. II. СПб., 1912; Т. III. СПб., 1912. Всего в 1911—1913 гг. вышло 5 томов. Предполагаемая рецензия в «Современнике» не появилась. Статья В. Богучарского «Конституционный проект гр. П. П. Шувалова (политическая программа общества Земский Союз 1882)» была напечатана в кн. 3 «Современника» за 1913 г.

[6] Ст. «Издалека» и стихотворения Л. Н. Старка.

[7] А. А. Золотарева.

[8] Речь идет о книгах, предназначенных для рецензирования в «Современнике».

[9] Августа Филипповна *Даманская* (псевдоним Арсений Мерич) — писательница и переводчица. В п. к Ляцкому от 17/30 сентября 1912 г. предлагала перевести для «Современника» один из романов швейцарского писателя Федерера (*ИРЛИ*, ф. 163, оп. 2, № 27).

[10] Николай Михайлович, великий князь. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. I—II. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1912. Хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

[11] Имеется в виду миниатюра, принадлежавшая Горькому (приписывалась В. Л. Боровиковскому). Особенно нуждаясь в этот период в деньгах (М. Ф. Андреева сообщала К. С. Станиславскому 30 сентября 1912 г. об «отсутствии каких бы то ни было средств к жизни» у Горького.— *М. Ф. Андреева.* С. 224), Горький передал эту миниатюру Ляцкому для продажи. Миниатюра не была продана. Ляцкий переслал ее в сентябре 1913 г. И. П. Ладыжникову для передачи Горькому (п. И. П. Ладыжникова Ляцкому от 8/21 сент. 1913 г.— *ИРЛИ*, ф. 163, оп. 2, № 278).

[12] Николай Кирьякович *Пиксанов* (1878—1969) — литературовед, автор работ по истории русской литературы и общественной мысли. Подготовил Полн. собр. соч. А. С. Грибоедова (Т. 1—3, 1911—1917). Ст. Н. К. Пиксанова «Душевная драма А. С. Грибоедова» была напечатана в кн. 11 «Современника» за 1912 г.

[13] В кн. 9 «Современника» роман Амфитеатрова «Дрогнувшая ночь» занял 79 страниц.

12. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

Каменноостровский пр., 65, кв. 31
С.-Петербург, 12/25 окт. 1912 г.

Дорогой Алексей Максимович.

Дела по журналу такая уйма, что не могу ни для чего оторваться от вороха рукописей и корректур.

1. Вещицы Ник. Иванова и мне не нравятся. Куда отослать ему?

2. Посылаю выписку из письма Ю. Делевского (Юделевский Яков Лазаревич — 24 rue Bertollet, 24, Paris) с его предложениями. Что Вы о них думаете? Не хотите ли написать ему сами,— в таком случае сообщите мне темы, на которых Вы остановитесь [1].

3. Книги накапливаются. Скоро отправлю еще.

Осколков прислал письмо с изображением горестного состояния нервов Моревны [2]. Мы с П. И. Певиным, в равных долях, переводим на имя Марии Федоровны для Моревны, как просил Осколков, 200 fr. Мои 500 скоро вышлю. Радуюсь успеху.

Напишу еще. Добрый привет.

Ваш Евг. Ляцкий

P. S. Долг свой Моревна отдаст нам впоследствии — рисунками!! Это — аванс.

Письмо на бланке журн. «Современник».

[1] Ю. Делевский писал Ляцкому из Парижа 15 октября 1912 г., что готов участвовать в журнале в «следующих трех областях»: «1. Обсуждение национального вопроса в связи этого вопроса с *социально-политическою* и идейною эволюциею нашего времени ⟨...⟩. 2. В области *естественнонаучной* — я мог бы предложить популярные статьи, посвященные изложению успехов как *точного* знания, так и техники». Далее Делевский предложил множество тем: «a) современное научное понимание принципа сохранения энергии ⟨...⟩; b) современные космогонические теории ⟨...⟩ c) вопрос о пространстве четырех измерений в современной науке; d) современное научное понимание принципов механики; e) принципы механики и вопрос о свободе воли, и т. п. ⟨...⟩ 3. В области социальной философии и обществоведения я мог бы предложить статьи, посвященные истории и критике социальных, в особенности социалистических, идей в Западной Европе» (*АГ*). См. также п. 16.

[2] Анатолий *Осколков* — художник. В п. к Ляцкому от 19 октября 1912 г. просил прислать 200 франков для художницы М. В. Воробьевой-Стебельской (Маревны), которой необходимо было переехать с Капри в Париж (*ИРЛИ*, ф. 163, оп. 2, № 373). См. о Воробьевой-Стебельской в кн.: *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь // Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 8. С. 136.

13. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 13/26 октября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Со дня, когда я отправил Вам третье письмо, и до сего дня сделано следующее:

1. Получена статья профессора Кристева «Болгарская литература». Так как рукопись была небрежна — грязна и исчеркана,— статья же — по форме — написана плохо, я исправил ее и, напечатав на машине, послал автору для корректуры. На днях ожидаю ее обратно. Было бы хорошо напечатать половину ее в октябрьской же книге — Вы, конечно, понимаете, почему. Половина — лист, не более. К этой статье я напишу послесловие, оно необходимо, как Вы увидите [1].

2. Получен перевод пьесы Петко Тодорова «Строители» — вещь интересная. Я еще не проредактировал ее.

3. Написано индусу Кришнаварме, дабы он дал «Современнику» статью на тему о современном положении Индии, об отношении ее к России и Англии [2].

4. Написано индуске Кама, чтобы она дала статью «Индусская женщина и ее современное положение и ее роль в борьбе за освобождение Индии» [3].

5. Написано Сунь-Ят-сену, дабы он дал статью на тему «Современное положение Китая» [4].

Послана куча писем во многие города русской земли, а также земель иностранных; к январю мы будем иметь интереснейший материал.

Кто это принял стихи Зинаиды Ц.?[5] Это, знаете, очень плохого тона стихи. «Оригинально, ново», но — совершенно разрывает с прочной традицией русской литературы. Проклятия — из гостиной, где плюшевая мебель «новейшего рисунка», пуризм из башки, где «новейшие» веяния скисли и распространяют запах английского романа, полусгнившего в библиотеке от старости. Необходимо быть более осторожным в выборе материала — к нам будут присматриваться зорко и ошибки наши подчеркнут со злорадством особенно ярким.

Пишите, очень жду!

Получили стихи Черемнова? [6]

Сашу Черного — видели? Сообщите мне его адрес.

Посылаю к Хронике письмо Сунь-Ят-сена [7] и заметку индуски Кама о Вальтер Безант [8].

Выкиньте вон из «Хроники» письмо Пресансе, ответ Биссолати Жоресу — все это уже устарело! [9] Замените посылаемым мною вместе с этим письмом,— это значительнее. Верно?

Будьте здоровы!

А. Пешков

Датируется по упоминанию п. Горького к Сунь Ятсену от 12/25 октября (см. прим. 5) и по фразе из п. Ляцкого Горькому от 17/30 октября: «...только что получил ваше письмо».

[1] Ст. К. Кристева-Миролюбова «Новая болгарская литература» напечатана в «Современнике» (1912, кн. 11 и 12).

Петко Тодорову Горький писал 10/23 октября 1912 г., что «ввиду событий, развернувшихся на Балканах (войны стран Балканского союза против Турции.— *И. Д.*), было бы очень полезно поместить статью Кристева в русской прессе возможно скорее,— она может повысить внимание русского общества к судьбе Болгарии» (*XXIX*, 273).

О Кристеве-Миролюбове и молодой болгарской литературе Горький написал в ст. «Издалека», 2(VIII), напечатанной в кн. 11 «Современника». Горький особенно выделил мысль К. Кристева о значении революционной идеи, которой «болгары обязаны не только своим быстрым политическим и духовным развитием, но и вообще своим существованием как свободной нации.

Это признание Кристевым огромной исторической заслуги, совершенной писателями осмеиваемого у нас „гражданского направления“,— очень ценно, ибо оно исхо-

дит из уст человека, который рассматривает близость писателя к жизни, его активное участие в судьбах народа как помеху „свободной художественной деятельности".

Таким образом, возможность „свободной деятельности" для всех болгар — и в том числе и для художников-модернистов — была создана трудом „тенденциозных" писателей, силой тех людей, которые явились выразителями мысли большинства своего народа, организаторами его воли» (с. 52).

[2] Шьямаджи *Кришнаварма* (Shyamaji Krishnavarma) — известный индийский публицист и общественный деятель, один из руководителей индийского национального движения за освобождение Индии от господства Англии. Редактор газ. «Indian Sociologist» («Индийский социолог»), запрещенной в Индии (издавалась сначала в Англии, затем в Париже). Горький написал ему 7/20 октября 1912 г. См. Приложение к переписке.

[3] *Б. Р. Кама* — индийская журналистка и общественная деятельница. Горький писал Каме: «Не можете ли Вы написать для русской прессы статью на тему: „Индусская женщина, ее современное положение и ее роль в борьбе Индии за свободу"?» (*Арх. Г.* Т. VIII. С. 221). См. Приложение к переписке.

[4] *Сун Ятсен* (1866—1925) — китайский революционер-демократ. Вождь Синьхайской революции 1911—1913 гг., первый президент Китайской республики (1 янв. — 1 апр. 1912 г.). Горький писал 12/25 октября 1912 г. Сун Ятсену: «Я знаю Вашу статью в „Le mouvemente Sozialist", читал Ваши записки, глубоко уважаю Вас и уверен, что Вы охотно откликнетесь на мой призыв» (*XXIX*, 276).

[5] Речь идет о стихах «Пусть будут чистыми и мысли, и сердца!», опубликованных за подписью Зинаида Ц. (Цесаренко-Быковой) в кн. 9.

[6] Черемнов прислал в журнал стихотворение «Ведьма» (Современник, 1913. Кн. 1).

[7] В «Хронике заграничной жизни» (Современник. 1912. Кн. 10) опубликовано напечатанное в журн. «Le Mouvemente Sozialist» (июнь—авг. 1912 г.) открытое письмо Сун Ятсена, а также письмо к нему Ш. Кришнавармы с поздравлением по поводу учреждения Китайской республики.

[8] Заметка Б. Р. Камы «Индийская сирена» в «Хронике» была посвящена деятельности в Индии Анни Безант (Горький ошибочно назвал ее имя). См. Приложение к переписке.

[9] Упоминаемое п. Прессансе (см. п. 9, прим. 6) в «Хронике» напечатано не было. Горький считал «устаревшим» «ответ Биссолати Жоресу» (см. п. 6, прим. 2) в связи с тем, что во второй половине октября началась первая Балканская война; 9 октября Черногория открыла боевые действия, а 17 и 18 октября Сербия, Босния и Греция также объявили войну Турции. Тем не менее «Ответ Биссолати Жоресу» остался в «Хронике» (Современник. 1912. Кн. 10).

14. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 17/30 октября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Посылаю выдержку из письма Каутского, присланного им мне, в ответ на мое обращение, по поводу библиотеки князя Бебутова, и ответ Ленина по тому же поводу[1]. Действуйте!

Если найдете необходимым, чтобы я написал князю,— телеграфируйте.

Мне стало известно, что Анатолий Осколков послал Вам письмо, в котором просит денег для девицы Маревны. Мне известно также, что сия девица не уполномачивала его на такой поступок. За такую гуманность на чужой счет нужно уши драть, и я Вас очень прошу— денег для девицы Маревны не посылайте.

Имею письмо от Муравьева, посланное из Москвы 10-го октября, он пишет, что еще не видал Вас[2].

Раппопорта — не знаю как писателя; вообще же необходимо быть очень осторожным с приглашением сотрудников зарубежных, в большинстве это народ изжеванный тощей коровой — русской историею — и уже отрыгнутый ею.

Воспитывать общественное мнение Вятки, Херсона и Астрахани, сидя в Париже или на Капри, это, конечно, очень смело, но — свидетельствует прежде всего о великом самомнении зарубежных педагогов, все же остальное — знание, талант и прочие пустяки— должно быть доказано ими на деле.

Мое мнение об остальных лицах, которых вы видели в Париже, известно вам. Душа Луначарского подобна светлому ручью: очень блестяща и красиво журчит, но, должно быть, поэтому статьи его весьма водянисты.

Будьте здоровы. Жду известий.

А. Пешков

30—16 октября 1912 г.
Капри

Дата уточнена: Горький ошибся на один день в переводе нового стиля на старый.

[1] См. п. 9, прим. 2 и 3.

[2] Горький рекомендовал Ляцкому привлечь Н. К. Муравьева «по вопросу о реорганизации отделов политики и общественной жизни» журн. «Современник» (Г—М, п. 5).

15. ЛЯЦКИЙ – ГОРЬКОМУ

(Петербург. 17/30 октября 1912 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Едва успел разобраться несколько в Авгиевых конюшнях редакционных залежей, как приходит время ехать в Москву. Буду там у Н. К. Муравьева и В. В. Вересаева. Им, вероятно, Вы написали[1] и тем облегчили мне технику первого свидания.

Все усилия употреблял на то, чтобы октябрьская книжка вышла прилична. Она вообще была бы весьма недурна, если бы не пятно — размазня Амфитеатрова. Хочу написать ему, что его роман слишком растянут, дал бы только бог добраться с ним до конца года.

Что бы Вы подумали, если бы я попытался организовать такой же отдел относительно культурной русской жизни, как Вы относительно заграничной? Такая хроника, имеющая целью группировать более крупные культурные явления, могла бы, может быть, пригодиться читателю.

Ноябрь уже набирается. Идут: вторая часть присланной Амфитеатровым рукописи, т. е. он прислал ее только для одного октябрьского номера, а я ее разделил на две части[2]; затем продолжение статьи Павловича[3]; затем будет статья Сакулина «К истории крестьянского вопроса», статья Пиксанова и продолжение моей работы о Чернышевском[4]. Обещал статью о Раевском Щеголев, но я думаю отложить ее для декабря[5]. Ждем с нетерпением Вашу статью, та, что идет в октябрьской,— превосходна и отлично вводит в будущее здание наших замыслов[6].

Петр Иванович[7] волнуется относительно проспектов. Будьте добры, если возможно, напишите для его успокоения название той повести или рассказа, который Вы предполагали нам дать для января. Если бы Вас затруднило заглавие, позвольте определить глухо. На декабрь также ждем Вашего рассказа[8]. Затем, выяснилось ли положение Ивана Вольного в «Заветах» и будем ли мы иметь от него продолжение его повести?[9] Это было бы нам крайне важно знать именно теперь, так как, в надежде на Вас и его, весьма храбро отказываемся от предложений Федорова, Ремизова и других[10].

Между тем знаете ли Вы, что Тихонов рядом со своим именем в объявлениях «Кругозора» печатает жирным шрифтом и Ваше[11]. Припоминая Ваш отзыв об этом предприятии, думаю, что здесь кроется какое-нибудь недоразумение. Если найду номер газеты с этим объявлением, пошлю Вам. Книги для нашей библиотеки ползут. Накоплю их достаточное количество и пошлю сразу большим ящиком. Буду по поводу берлинской библиотеки у кн. Бебутова завтра в два часа дня и тотчас сообщу Вам о результате. Дошла ли до Вас первая посылка книг из редакции?

Шолом-Алейхем будет закончен в декабре, «Брак» тоже[12]. Иностранного романа еще не имеем в виду. Проспекты имеют быть озаглавлены так: «„Современник", издаваемый П. И. Певиным при участии А. В. Амфитеатрова (сатирический отдел), В. Я. Богучарского, В. В. Водовозова, Максима Горького, М. П. Павловича и Г. В. Плеханова»; включил, было, сюда и А. А. Золотарева, но Петр Ив. затруднялся объявлять его в числе ближайших сотрудников, так как его сотрудничество пока еще заметным образом не проявилось, и он находит, что для новых «подписчиков» это имя не связывается ни с каким определенным представлением. С января мы вводим сюда и это имя. Если Москва даст возможность ввести также имена Муравьева и Вересаева, это будет только хорошо. Как только список сотрудников будет набран, тотчас же пошлю его Вам для возможных дополнений, что Вы можете сделать по телеграфу[13].

Набегает материал и по архиву. Но о нем особо. Низко кланяюсь Марии Федоровне и нашим товарищам. Радуюсь, что Алексею Силовичу удалось пристроить свой рассказ.

Ваш Евг. Ляцкий

17.X.912

P. S. Только что получил Ваше письмо. «Зинаида Ц» — жена Быкова[14] — не мой вкус, конечно и не вкус В. В. Водовозова, но прискорбная уступка «страху иудейску», испытанному Быковым по поводу конфискации июльской книжки[15].

Адрес Саши Черного: Надеждинская, 5. Александр Михайлович Гликберг.

[1] П. Н. К. Муравьеву с сообщением о сотрудничестве в «Современнике» Горький послал 9/22 сентября 1912 г. (Г—М, п. 5). В. В. Вересаеву Горький написал 25 сентября/8 октября 1912 г.: «Если увидите Н. К. Муравьева,— между вами — вероятно — возникнет разговор о возможности реорганизовать один из существующих журналов. Был бы глубоко рад, если бы Вы согласились принять участие в этом деле» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 114).

[2] В 10 и 11 кн. «Современника» печатались V, VI и VII главы романа «Дрогнувшая ночь» Амфитеатрова.

[3] Ляцкий предполагал, что в 11 кн. «Современника» будет напечатано продолжение ст. М. Павловича «Великие железнодорожные и морские пути будущего» (Современник, кн. 5, 6, 8). Но в этой книге была напечатана его ст. «Вокруг войны».

[4] Перечисленные ст. «К истории крестьянского вопроса» П. Сакулина, «Душевная драма Грибоедова» Н. Пиксанова, «Любовь и запросы личного счастья в жизни Н. Г. Чернышевского. (Из биографических очерков по неизданным материалам)» Ляцкого (продолжение) были напечатаны в кн. 11 «Современника».

[5] Ст. П. Е. Щеголева «Возвращение декабриста (1858)» напечатана в «Современнике» (1912, кн. 12). В этой статье впервые приводились записки декабриста В. Ф. Раевского «О своей поездке в Россию, о своем возвращении».

[6] В 10 кн. «Современника» была напечатана ст. Горького «Издалека», 1(VII). В 11 (ноябрьской) кн.— ст. «Издалека», 2.

[7] П. И. Певин.

[8] См. п. 21, прим. 2.

[9] Вторая кн. «Повести о днях моей жизни, радостях моих и злоключениях»— «Отрочество» была напечатана в журн. «Заветы» (1913, кн. 8, 9).

[10] Александр Митрофанович *Федоров* (1868—1949) — прозаик, поэт, драматург. Горький относился к творчеству Федорова скептически. В 1905 г. он отказался издать произведения Федорова в «Знании». В «Современнике» Федоров не печатался. И Федоров, и Алексей Михайлович *Ремизов* (1877—1957) были указаны в списке авторов в кн. 8 «Современника», принимающих участие в журнале. Но уже в проспекте на 1913 г. (Современник, кн. 11 и 12) имя Федорова указано не было.

[11] Г—Т, п. 7, прим. 1.

[12] В кн. 12 «Современника» за 1912 г. были закончены публикации романов Шолом-Алейхема «Блуждающие звезды» и Г. Уэллса «Брак».

[13] В объявлении о подписке на журн. «Современник» на 1913 г. сообщалось: «„Современник", ежемесячный, внепартийный, прогрессивный журнал литературы, истории литературы, науки, истории искусства, общественной жизни и политики, издаваемый при постоянном участии А. В. Амфитеатрова (общественная сатира), В. Я. Богучарского (история), В. В. Водовозова (социально-политический отдел),

Максима Горького (художественная литература), Е. А. Ляцкого и П. Е. Щеголева (история литературы), М. П. Павловича (иностранный отдел)». Имя Г. В. Плеханова было объявлено на 1913 г. только по отделу социально-политическому. Имя А. А. Золотарева — по отделу критико-библиографическому. В. В. Вересаев был указан в списке «состава сотрудников „Современника"». Н. К. Муравьев в этот список не вошел. Участие Горького было объявлено «для первых книжек „Современника" в 1913 году» по трем разделам: художественной литературы, социально-политическому и областному (Современник. 1912. Кн. 12). В составе сотрудников журнала названы: Д. Я. Айзман, К. С. Баранцевич, А. А. Блок, И. А. Бунин, Ив. Вольнов, М. О. Гершензон, С. И. Гусев-Оренбургский, М. М. Коцюбинский, Е. Д. Кускова, А. В. Луначарский, В. В. Муйжель, Д. Н. Овсянико-Куликовский, Н. К. Пиксанов, Г. В. Плеханов, А. М. Ремизов, Б. А. Садовской, П. Н. Сакулин, И. С. Шмелев, П. Е. Щеголев, Т. Л. Щепкина-Куперник, Шолом-Алейхем и др. (Современник. 1912. Кн. 12).

[14] Жена официального редактора «Современника» П. В. Быкова.

[15] В кн. 9 «Современника» за 1912 г. было помещено сообщение: «На июльскую книгу „Современника" за 1912 г. был наложен арест за статью Ю. Смирнова «„Из старых воспоминаний" (памяти Л. Э. Шишко)» и Ю. Стеклова „Герцен и Чернышевский"».

16. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 18/31 октября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Делевский до такой степени универсален, что это уже опасно!

Помилуйте — он дает в трех, совершенно различных областях знания семнадцать тем[1], причем некоторые, как, например, «О принципах механики и свободе воли» или «О пространстве четырех измерений в современной науке», меня, профана, весьма смущают, ибо всего меньше можно фантазировать именно в области точных наук. Нет, с ним нужно подождать; для научной хроники потребен человек менее гениальный и более скромный, и мы его найдем[2].

Посланные Вами книги еще не получил; посылки идут очень долго, бандероли приходят в одно время с письмами.

Двести руб., посылаемые Вами Маревне, запишите в мой счет. Ей пока денег не нужно.

Необходимо, чтобы Вы возможно скорее переговорили с Муравьевым, мне нужно знать, чем кончатся переговоры. Муравьев организует новый журнал, как я Вам говорил, было бы во всех отношениях лучше, если бы это предприятие слилось с «Современником».

Имею немало различных предложений, но существенного пока ничего еще нет.

Весьма занят. Крепко жму руку.

Поклон П. И. Певину.

А. Пешков

31—18 окт. 1912 г.
Капри

[1] См. п. 12, прим. 1. В кн. 12 «Современника» Ю. Делевский был назван в числе сотрудников журнала.

[2] Составление научной хроники журнала Горький предполагал поручить большевику М. Ф. Владимирскому. См.: Г—Вл, п. 1, 2.

17. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 21 октября/3 ноября 1912 г.)

Дорогой Е. А.!

Если эта заметка,— очень важная для старообрядцев,— опоздала для ноябрьской книги — поместите в декабрь[1]. Завтра вышлю хронику[2], заболел я, а потому и опаздываю.

Всего доброго!

А. Пешков

3/XI
912

[1] Речь идет о заметке А. А. Золотарева «Запоздалое признание. По поводу труда Н. Ф. Каптерева „Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович". Т. I—1909 г., т. II — 1912 г.». Напечатана в «Современнике» (1912, кн. 12). Книга Н. Ф. Каптерева с пометами Горького хранится в *ЛБГ (Описание)*.

[2] «Хронику заграничной жизни» для ноябрьского номера журнала Горький выслал 23 октября/5 ноября 1912 г. См. п. 20.

18. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

〈Петербург. 22 октября/4 ноября 1912 г.〉
22.X.912

Дорогой Алексей Максимович.

Запоздалая присылка Амфитеатровым Провинциального фельетона [1] задержала меня в Петербурге, и я до сих пор еще не выбрался в Москву. Мой коллега по журналу, Водовозов, так занят предвыборной агитацией [2], своими «Столичными откликами» [3], что я не решаюсь, после моего долговременного отсутствия, из Петербурга, наваливать на него техническую сторону журнальной работы. Надеюсь выехать завтра или самое позднее послезавтра, когда уже все до последней статьи будет подписано к печати. Снова запаздывая с октябрьской книжкой, мы выигрываем в том отношении, что начали уже печатать ноябрьскую, и порядочная часть листов уже отпечатана, поэтому материала от Вас ожидаем с двойным нетерпением.

Я познакомился с кн. Бебутовым, и он произвел на меня прекрасное впечатление. Конечно, такого сложного вопроса, как передачу берлинской библиотеки другому учреждению, он сразу решить не мог, но во всяком случае я подметил в нем желание основательно познакомиться с проектом нашего предприятия, принять участие в течение зимы в его осуществлении. Он сказал, что, если он будет уверен, что судьба его библиотеки находится не в руках смертных людей, но в учреждении, которое обеспечит ему и в будущем устойчивость и сохранность, лично ничего не имел бы против такой передачи. Долгое время уговаривал он нас примкнуть и устроить это дело в Берлине. Но и он сказал, что за Берлин он твердо не держится и что дело таким образом откладывается до нашего совместного свидания. Противоречие между письмами Л〈енина〉 и К〈аутского〉 находит свое объяснение в самом же Бебутове, который в начале нашей беседы сказал, что судьба его библиотеки зависит не от него, а затем совершенно твердо и положительно установил тот факт, что окончательное распоряжение ее судьбами зависит от него, и от него только.

Березин [4] до 25-го октября, т. е. до исхода выборов, очень занят, но после этого времени мы поговорим с ним обстоятельно об его участии в журнале.

Совершенно согласен с Вашими отзывами о парижских сотрудниках и вообще об эмигрантском сотрудничестве, за блестящими исключениями, что Вы легко подразумеваете. Рапопорт в качестве правоверного социалиста величина, бесспорно, крупная, но я ни с ним, ни с Луначарским не заключал никаких соглашений, которые исключали бы возможность редакции наложить на ту или другую статью свое veto, когда это окажется необходимым.

Был у меня Гребенщиков и чрезвычайно мне понравился. Не сомневаюсь, что из него выйдет крупная литературная величина. Как человек он умен, застенчив и положителен в одно и то же время. Но с его обращением к нам вышла маленькая путаница. Ссылаясь на Вашу рекомендацию, очевидно старую, он искал для издания своих рассказов товарищество писателей, которое и полагал найти при журнале «Современник», я же вначала думал, что Вы направили его в «Огни», и только, когда узнал, что он опирается на Ваш давнишний совет, понял, что речь

идет не об «Огнях» [5], но об Аверьянове. По-видимому, его дело и сладится с Аверьяновым [6], что для «Огней» было бы жаль, так как хорошо было бы начать беллетристическую секцию именно писателем такого рода.

Ваше обращение к индусам и к Сунь-Ят-сену сулят нам интереснейшие статьи[7]. Здесь наша идея была встречена многими очень восторженно, и я не сомневаюсь, что мы будем иметь в этом направлении успех. Петр Иванович в своих целях требует от нас возможно скорого заявления к читателям, где мы наметили бы нашу физиономию, и я боюсь, что в силу его поспешности я не успею послать Вам корректурный оттиск этого заявления, по существу не сомневаюсь, что Вы его разделите, оно не представляет ничего иного, кроме того, о чем мы много раз говорили с Вами [8]. Двести франков высланы по тому адресу, который был дан Осколковым. Да не смущает Вас это обстоятельство. Сто франков я верну Петру Ивановичу, а двести, если на них не претендует Моревна, пусть останутся у Вас от моего имени в счет тех пятисот, которые больше за недосугом, чем за безденежьем, я еще не перевожу Вам.

Сообщите, получили ли какие-нибудь книги.

Выскажите Ваш взгляд на открытие беллетристической секции в «Огнях», последние, несколько приугасшие во время моего отъезда, вновь разгорелись, и я на следующей неделе буду иметь возможность выслать Вам Франциска Ассизского, а несколько позже второй выпуск «Писем» Чернышевского [9].

Крепко жму Вашу руку и шлю низкий поклон Марии Федоровне.

Ваш Евг. Ляцкий

Только что получил Ваше письмо от 31/18.X. Делевским нельзя, конечно, пользоваться универсально, но упускать его не следует, мне думается. Для научного отдела одного лица вообще мало.

А. В. Амфитеатров прислал сердитую телеграмму. Недоволен тем, что я отказываюсь преподносить его читателям по 4—5 листов на книжку. Ну, и пусть!

[1] Очевидно, первоначальное название фельетона Амфитеатрова — «Благодетственное житие». См. п. 28, прим. 6. Фельетон был закончен Амфитеатровым 12 октября (ст. ст.) (Современник. 1912. Кн. 10. С. 336).

[2] В связи с предстоящими выборами в IV Государственную думу В. Водовозов агитировал за представителей партии трудовиков.

[3] «*Столичные отклики*» — еженедельная политическая и литературная газета (выходила по понедельникам, с 27 авг. 1912 г.). Издатели В. Водовозов и Н. Кулябко-Корецкий.

[4] Михаил Егорович *Березин* (1864—1933) — один из руководителей народнических кружков в Казани, «мой учитель по Казани», писал Горький (*Арх. Г.* Т. VII. С. 157), товарищ председателя II Государственной думы, баллотировался в IV Государственную думу от партии трудовиков. Ляцкий должен был говорить с Березиным по поводу участия его в «Современнике», поскольку Горький считал, что Ляцкий «может быть недурным редактором литературного и литературно-критического отделов», но не редактором «фундаментальной политической части журнала ⟨...⟩ Мне кажется, что для последней роли был бы более уместен Михаил Егорович Березин»,— писал Горький Ладыжникову 11/24 сентября 1912 г. (*Арх. Г.* Т. VII. С. 205). В «Современнике» Березин не участвовал.

[5] «Огни» — изд-во в Петербурге (1911—1913 гг.), в работе которого Ляцкий принимал близкое участие.

[6] Михаил Васильевич *Аверьянов* — один из организаторов Издательского товарищества писателей в Петербурге (1911—1914).

[7] Ожидаемые статьи в «Современник» присланы не были.

[8] Программа журнала напечатана в «Современнике» (1912, кн. 10). Ее характер отличала общая «левизна» и отсутствие строго выдержанного направления. В программе было заявлено, что «Современник», «как и в первые два года своего существования», остается «внепартийным» органом, целью которого является объединение всех партий и вместе с ними «широких кругов нашего общества на ближайших общих задачах», главнейшая из которых — «демократизация нашего общественного строя».

Несомненно под воздействием Горького в программу журнала был внесен вопрос о «культурно-национальном самоопределении племен и народностей, образующих Россию в полноте своего состава». В связи с этим в журнале был объявлен специальный «областной отдел», одним из участников которого был назван Горький.

[3] Речь идет об изд.: Книга о святом Франциске Ассизском. Celano. Speculium. Fioretti / Предисл. и пер. В. Конради. СПб.: Огни, 1912, *ЛБГ* (*Описание*); Чернышевский в Сибири: Переписка с родными 1865—1875. Вып. II. СПб.: Огни, 1913.

19. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 23 октября/5 ноября 1912 г.)

Статью Кристева отослал сегодня[1]. Размером один лист. Оставьте место октябре.

Пешков

Текст на телеграфном бланке, на фр. яз.
Датируется по помете: «Принята 23/X».

[1] См. п. 13, прим. 1.

20. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 23 октября/5 ноября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Посылаю «хронику»; может быть, завтра, послезавтра дошлю к ней небольшую заметку о современном состоянии Греции[1].

Чрезвычайно любопытные вещи пишет мне из Сибири Анучин[2], сегодня сообщаю одно из его предложений П. И. Певину[3]. Речь идет о газете в Томске. Поддержите это предложение: если у «Совр(еменника)» будет две газеты — это очень поможет ему и морально, и материально.

Посылаю расписку на 200 лир.

Жду ваших сообщений.

Будьте здоровы!

А. Пешков

Какую рукопись дал Гребенщиков?[4] У него есть повесть «Сельская знать» — ее очень одобряют, попросите его послать мне рукопись скорее. Он, в письме ко мне, обещал послать ее, но — медлит.

5/XI
912

[1] «Хронику заграничной жизни» для ноябрьской кн. «Современника».

[2] В п. от 12/25 октября 1912 г. Анучин советовался с Горьким по поводу издания в Сибири газеты демократического направления в противовес издающейся реакционной газ. «Сибирская жизнь» (*АГ*).

[3] П. Горького к П. И. Певину не разысканы. Певин был издателем газ. «Голос современника».

[4] Вероятно, Гребенщиков передал Ляцкому рукопись повести «Бахтурминское царство» (публиковалась под названием «Ханство Батырбека»). См. п. 40.

21. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 26 октября/8 ноября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

По поводу отдела «Хроника русской культуры» — ничего не могу сказать: не вижу, из какого материала можно бы построить подобный отдел?

Относительно проспекта: печатайте — Горький «Мой хозяин»[1]. На декабрь и январь дам два очерка «Губин», «Калинин»[2].

Ко второй части статьи Кристева дам послесловие, в связи с книгой Наживина «Моя исповедь», под тем же заголовком «Издали»[3].

Положение Вольного еще не выяснилось.

С Федоровым и другим, его типа, подождите. Пусть Даманская дает рукопись перевода — не читая вещи, полагаясь исключительно на ее вкус,— нельзя принять роман. Даже сапог не покупают заочно, не примерив — по ноге ли?

Книги — только что получены. Я уже писал, что посылки идут чрезмерно долго, нужно отправлять бандеролью.

На январь мы имеем очерки Изюмского, Василия — «Гимназия» [4], вещь интересная, недурно написана, отправил автору для поправок.

Очерки Саяпина [5] — внука одного из основателей секты «общих» — «Взыскующие града» — тоже весьма интересная работа.

Гребенщиков прислал рассказ [6],— возвратил, прошу переделать.

Все это в проспект не ставьте, преждевременно будет.

Кристев просит 100—150 оттисков статьи, я тоже очень прошу Вас: распорядитесь, чтобы это было сделано и послано по адресу: Болгария, София, редакция журнала «Мысль», профессору Кристеву. Стоимость оттисков можно включить в счет гонорара.

Свои рукописи на декабрь, январь — вышлю на днях.

Будьте здоровы! Очень занят.

А. Пешков

8—XI 1912.
Капри

[1] О работе над рассказом под таким названием Горький сообщал Е. П. Пешковой 24...27 февраля/8... 11 марта 1912 г.: «...пишу рассказ „Мой хозяин" — о булочнике Семенове...» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 136). Позже в «Современнике» была напечатана повесть Горького под названием «Хозяин» (1913, кн. 3, 4, 5).

[2] Рассказ «Губин» был напечатан в 12 кн. «Современника» за 1912 г. с подзаголовком «Очерк»; рассказ «Калинин» — в 1 кн. «Современника» за 1913 г., с тем же подзаголовком. Рассказы вошли в цикл «По Руси».

[3] «Моя исповедь» И. Ф. Наживина была напечатана в V томе его Собр. соч. (М.: Зеленая палочка, 1912). Горький писал об этой книге в ст. «Издалека», 2.

[4] Василий Иванович *Изюмский* в своем п. к Горькому от 22 сентября/5 октября 1912 г. из Царицына просил его прочитать и оценить его рукопись. «Тема рукописи — беллетристические очерки о средней школе во время освободительного движения» (*АГ*).

[5] Михаил Спиридонович *Саяпин* (1884 — ?) — внук Ивана Антоновича Успенского, одного из основателей секты «Общих», описанной в очерке Г. Успенского «Несколько часов среди сектантов». Рукопись очерков была отослана Горьким автору вместе с письмом, в котором предлагалось доработать очерки и выслать их Ляцкому (*XXIX*, 280—282). В «Современнике» очерки Саяпина не публиковались.

[6] В п. Гребенщикову от 7 ноября 1912 г. Горький, сделав ряд замечаний по рукописи «Ханство Батырбека», писал: «Исправив рассказ, передайте рукопись в „Современник", Е. А. Ляцкому» (*МИ*. Т. I. С. 270).

22. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

28.X/10 ноября 912
Москва, «Лоскутная»

Дорогой Алексей Максимович, попал я сюда in medias res * отчитывания и отпевания юбилейного страстотерпца Бунина,— и на третий день [1] еле перевожу дух. Но об этом при свидании, да если и не расскажу, потеря невелика.

Итоги моего первого свидания с Н. К. Муравьевым. Состоялось оно в первый же день моего приезда в Москву, т. е. позавчера. Я умышленно не написал Вам вчера, чтобы дать впечатлению отстояться и тем облегчить мне задачу — дать Вам краткий, схематизированный и объективный отчет.

1. Принял он меня с таким высокомерием, с каким и директора департамента не принимают столоначальников. Сначала распек за то, что

* в самую суть (*лат.*).

я не явился к нему раньше. Объяснение, что нужно было выпускать октябрь, готовить ноябрь, а сил редакционных немного,— не уважил. Потом повел настоящий допрос с пристрастием, при котором доминирующей нотой было то, что Вы, Алексей Максимович, поставили до известной степени условием своего участия в «Совр⟨еменнике⟩» *передачу* редакции в руки Потресова, Вересаева, Муравьева и с производными — Мартовым, Масловым, Неведомским (редактор литер⟨атурного⟩ отд⟨ела⟩). На это я отвечал, что 1) Алексей Максимович не выражал неуважения к нынешним работникам журнала, такого *условия* ставить мне не мог и не ставил; 2) Если бы Ал. Макс. такое условие поставил, то я его не принял бы, ибо это означало бы, что вместо выполнения намеченного им и мною плана нам пришлось бы заняться решением уравнения со многими неизвестными. Я объяснил Муравьеву, что Ал. Макс. предлагал *войти в соглашение, координировать силы*, но ничего не *навязывал*[2].

Дальше передаю диалогом.

— Позвольте, а вот тут, в письме Ал. Макс., сказано, что Вы готовы были бы и редакцию передать другому лицу, стало быть, устраняли даже себя...[3]

Я понял, что в руках опытного юриста я очутился в положении гоголевской свахи. И мне стало только обидно за каприйские звезды, под лучами которых мы мечтали найти молодую силу, которой вверили бы ведение журнала в *нашем* духе, в целях наилучшего осуществления *наших* идей.

И я ответствовал с живостью, не лишенной, так сказать, некоторого достоинства:

— Уходить из журнала сейчас я не собираюсь, ибо уход мой *теперь* был бы позорным бегством и неисполнением взятых на себя перед Ал. Макс. и издателем обязательств. Передать общее руководство журналом я согласился бы другому лицу лишь в том случае, если бы я *уверовал* в это лицо, что оно лучше меня выполнит задачу развития журнала в определенном *нами* направлении.

После этого Муравьев стал говорить о том, что у Вас, т. е. в «Совр.», *ничего* нет, нет ядра, нет экономических статей. Я спросил у него, видал ли он последние номера. Оказалось: он их не видел и говорит только понаслышке.

Наконец, я должен был дать ему понять, что так или иначе, но «Современник» идет вперед, что симпатии к нему и со стороны литературной публики, и со стороны читателей растут, и что на него, еще не рожденного литературного младенца с Потресовым и Вересаевым, я не склонен смотреть как на варягов, коим надлежит поклониться в ноги и сказать: «приидите княжити и воладети нами». Если они желают говорить *о сотрудничестве, о редакционном участии*, я к их услугам, а нет — так и не о чем и толковать.

И мне неожиданно стало ясно: он, вернее, они, раздражены, я сказал бы — возбуждены до скрежета зубовного Вашим участием в «*Совр.*» и вообще нашим с Вами союзом. И Муравьев *срывает* на мне досаду.

Должно быть, это сказалось в моем тоне большей решительностью, потому что до того, утомленный суетным днем и бессонной ночью в вагоне, я вел себя порядочным тельцом, т. е. говорил недостаточно определенно, подчас смущенно, словно бы оправдывался в чем-то, вообще — гадко... Тут же я начал ставить точки над i и почувствовал, что г. юрист, «все толокший воду в ступе „формальных оснований возможных соглашений“», начал говорить со мной в тоне, приличествующем джентльмену, разглядевшему наконец, что перед ним — не истец с просроченными векселями. На этом основании я счел возможным продолжить разговор и с своей стороны поставить ряд вопросов о направлении, способах ведения, распределении редакционных портфелей и т. д.

Впечатление мое таково: они исходят не от плана, не от идей, но от *лиц*. Желают насадить меньшевистскую скуку, к истории и истории литературы имеют легкое, пренебрежительное отношение: «конечно, это, может быть, интересно», «весьма возможно, что этот отдел и важен в каком-либо смысле» и т. д. Конечно, Муравьев не ответствен за отношение Вересаева и Потресова, но таково именно отношение Муравьева. И для меня стало ясно: в их руках «*Совр.*» не станет тем, чем он должен стать в наших, и что самое большое, что мы могли бы предложить им,— это такое участие, которое обогатило бы нас силами, но ни на йоту не изменило бы характера и направления «*Совр.*».

Мы расстались, чтобы обдумать взаимно сказанное. Сегодня после 3-х он будет у меня. Пока что у меня доформулировались следующие основы соглашения (в которые мало верю):

1. Направление — внепартийное, объединяющее оппозицию различных толков.

2. Редакц‹ионное› участие Потресова в эконом‹ическом› и социальном отделе.

3. Участие Муравьева в роли ред‹актора› судебно-*общественного* отдела.

4. Сотрудничество Неведомского в роли литературного критика *при Вашем на то согласии*[4].

О Вересаеве не говорю, п‹отому› ч‹то› его желания мне неизвестны.

В 2 ч. дня.

Познакомился на чествовании с В. В. Вересаевым, к‹отор›ый зашел ко мне и провел у меня минут 20. Выразил общее сочувствие, дал имя для списка сотрудников, сказал, что «близкого» участия принять не может по двум соображениям: 1) дать ему нечего, п‹отому› ч‹то› он чувствует себя больным и почти ничего не работает, 2) общая программа «*Совр.*», без уклона в сторону меньшевизма, кажется ему несколько неопределенной. Был вообще сосредоточенно кисловат и вял.

В 4½ ч. приехал Муравьев. Вел себя как джентльмен, сидел на ручке кресла и вертел этикетку от боржома. Говорил как человек и потому беседа шла ладно. Он пошел на всяческие примирительные уступки. Договорились: он вызовет Потресова телеграммой, и мы побеседуем сообща.

На чем станем, о том сообщу.

Теперь же посылаю Вам это письмо, потому что многократно был прерываем поэтами и поэтессами, жаждавшими читать мне свои вирши.

До завтра, если не умру под юбилейным колесом.

Марии Федоровне и товарищам нашим — сердечный привет.

Ваш Евг. Ляцкий

P. S. Прилагаю только что переданные мне стихи. Я их не читал. Если не понравятся, пришлите мне оригинал.

[1] Речь идет о торжествах в Москве в связи с 25-летием литературной деятельности Ив. Бунина. Утром 28 октября в большом зале «Лоскутной» гостиницы, где остановился И. Бунин (и где жил в то время Ляцкий) собрались представители различных учреждений и обществ.

[2] См.: Г—М, п. 5.

[3] По поводу этого письма Ляцкого Горький писал И. П. Ладыжникову: «Ляцкий писал мне, что Муравьев встретил его сурово и враждебно, это — напрасно! Конечно, Ляцкий неясно представляет, что нужно делать, но — яснее ли его представляет это Муравьев? Во всяком случае у Ляцкого есть преимущество: он отходит от идеи, а не от лиц. Г. г. Мартовы — Масловы желали бы взвалить на мою спину свой все более дряхлеющий меньшевизм — благодарю!» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 209—210).

[4] М. *Неведомский* (Михаил Петрович Миклашевский; 1866—1943) — литературный критик. С 90-х годов активно сотрудничал в русской журнальной периодике. Его общественно-литературные позиции во многом определялись близостью к меньшевизму.

23. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 28 октября/10 ноября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Я уже писал вам о Михаиле Саяпине, внуке основателя секты «Общих», авторе очерков из современной жизни этой секты.

Как везде, в недрах сектантства идет борьба детей с отцами, и — как всегда — борцы увлекаются. Михайло Саяпин относится к сектантам критически и даже, пожалуй, отрицательно. Исходная точка его критики: — учите жить хорошо — живете — плохо, как все.

Теперь Саяпин прислал пьесу [1], кою я посылаю вам. Это вещь интересная, вы прочитаете ее без усилий, думается мне. Я не говорю, что ее надобно печатать в «Совр<еменнике>»,— мне хотелось бы, чтоб вы ознакомились с автором, дабы,— когда он пришлет свои очерки [2],— вы знали уже, с кем имеете дело.

Эта пьеса послана Саяпиным Карпову [3]. Суворинский театр — вероятно — возьмет ее, он, конечно, подчеркнет отрицательные стороны сектантов, затушует положительное — оно дано автором очень скупо,— и создаст скандал, подобный скандалу с «Контрабандистами» [4]. «Вот они, враги православия!» — напишет какой-нибудь Меньщиков.

Нам необходимо предвидеть возможность такого случая. Саяпина я известил о том, *какой успех может иметь его пьеса* [5].

А парень он, видимо, интересный, много пережил и мог бы писать недурно, поучительно.

Будьте здоровы!

А. Пешков

10/XI
12

На всякий случай сообщаю адрес:

Михаил Спиридонович Саяпин.
Баку. Армянский поселок. 9-я Перевальная, 58

[1] Пьеса «Сектанты».

[2] См. п. 21.

[3] Евтихий Павлович *Карпов* (1857—1926) — драматург. Главный режиссер Петербургского Малого театра (театра А. С. Суворина).

[4] «Контрабандисты» — под таким названием в Суворинском театре была поставлена пьеса Виктора Крылова и С. К. Литвин-Эфрон «Сыны Израиля». Премьера пьесы состоялась 23 ноября 1900 г. Труппа Суворинского театра публично протестовала против постановки в театре этой явно антисемитской пьесы. Премьера спектакля была сорвана учащейся молодежью. В этот день было арестовано около 500 студентов (Новое время. 1900. № 8889. 24 нояб.).

[5] В п. от 10 ноября 1912 г. Горький писал М. С. Саяпину: «Но — вообще — пьеса интересная. Очень жаль, если Карпов поставит ее на сцене Суворинского театра — это создаст пьесе позицию, которой вы едва ли желаете. Суворинский театр непременно подчеркнет ваше критическое отношение к сектантству, сделает его отрицательным. „Вот каковы-де враги православия, вот каковы люди, требующие свободы вероисповедания“ и т. д. „Новое время“, воспользовавшись случаем, поручит одному из поганых перьев написать какую-нибудь пакость. Вероятно, откликнется Меньшиков.

Пьесу надо бы поставить в хорошем — честном театре, который сумел бы отнестись к ней объективно, а не полемически» (*АГ*).

24. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 31 октября/13 ноября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Вместе с этим письмом я послал заказной бандеролью с обратной распиской:

1.— два мои очерка, на декабрь и январь [1].

2.— «Издалека», 2-ю статью, на декабрь [2].

М. Ф. АНДРЕЕВА И ПЕТКО ТОДОРОВ
Фотография Ю. А. Желябужского. Мустамяки, 1914
Музей Горького, Москва

3.— 2-ю часть статьи Кристева — на декабрь.
4.— Воспоминания о Михайлове — на ноябрь [3].
5.— Стихи Старка [4] — на ноябрь.

Если статью Кристева можно поместить всю сразу в ноябрьской книге,— в эту же книгу суньте и мою статейку «Издалека» [5]. Не забудьте, пожалуйста, послать автору оттиски,— *сто*,— как он просит.

Мне прислан перевод трехактной пьесы Тодорова — «Самовила», вещь интересная, но — отчаянно переведена [6].

С Юделевским не торопитесь; «Научную хронику» нужно поставить хорошо, а он — человек взбалмошный, любит эффекты, торопится с выводами.

Петр Иванович хотел дать приложение к «Общедоступному»[7] — посоветуйте ему Брет-Гарта[8]. Это писатель, из которого вышел столь читаемый ныне Джек Лондон,— читаемый в России[9], а не у себя дома, где его уже раскусили.

Брет-Гарт издан в 6-ти томах «Общественной пользой» в 95 году; его продают очень дешево.

«Заграничную хронику» на ноябрь вышлю дня через два, три. Трудно мне, пока дело не наладилось. Очень много рукописей, все плохие.

Простудился, сильно кашляю, болит голова.

Будьте здоровы, дорогой Евгений Александрович!

А. Пешков

31/XI
912

[1] Очерки «Губин» и «Калинин».

[2] Ст. «Издалека», 2 была напечатана в нояборьской — 11 кн. «Современника» за 1912 г.

[3] Михаил Ларионович *Михайлов* (1829—1865) — поэт, публицист, переводчик, активный сотрудник и член редакции «Современника» 60-х годов. О какой рукописи идет речь — неизвестно.

Памяти М. Л. Михайлова были посвящены ст. В. Богучарского «Пятидесятилетний „юбилей"» (Современник. 1912. Кн. 1) и П. Быкова «Из переписки М. Л. Михайлова. К материалам для его биографии» (1912, кн. 9). В 11 кн. «Современника» за 1912 г. воспоминания о Михайлове помещены не были.

[4] Посланные Горьким маленькие стихотворения Л. Старка были напечатаны в 12 кн. «Современника» за 1912 г.

[5] Предложение Горького не было реализовано. Ст. К. Кристева «Новая болгарская литература» печаталась в двух книгах журнала (11 и 12).

[6] Пьеса П. Тодорова «Самовила» была написана в 1904 г.

[7] *«Общедоступный журнал»* — литературно-художественный и общественно-политический журнал издавался П. И. Певиным в 1912 г. в Петербурге под редакцией К. С. Баранцевича. В объявлении о подписке на журнал говорилось, что, «желая сделать „Общедоступный журнал" органом семьи, редакция часть его посвящает интересам подрастающего поколения». Было объявлено участие в журнале Д. Айзмана, И. А. Белоусова, А. И. Куприна, А. С. Серафимовича, А. П. Чапыгина, Евг. Чирикова и др. (Современник. 1912. Кн. 8). Но большинство из объявленных его участников в нем не печатались.

Во время пребывания Ляцкого и Певина на Капри в сентябре 1912 г. (см. п. 5, прим. 2) было решено, что Горький станет редактировать также и этот журнал. Это намерение не было осуществлено.

[8] *Брет Гарт* (Френсис Брет Гарт) (1836—1902) — американский писатель. Упоминается изд.: *Брет-Гарт*. Собр. соч. / Пер. с англ., вступ. ст. В. Чуйко. Т. 1—6. СПб., тип. т-ва «Общественная польза», 1895.

[9] В 1910 г. было начато издание Поли. собр. соч. Джека Лондона в 22 т. (авторизов. пер. с англ. И. А. Маевского. М., 1910—1916); в 1912 г. было начато издание Собр. соч. Джека Лондона в 18 т. (предисл. Леонида Андреева, пер. с англ. под ред. А. Н. Кудрявцевой. СПб., книгоиз-во «Прометей», 1912—1915).

25. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 1/14 ноября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

В Москве обитает Николай Александрович Шахов[1] — брат историка литературы, автора книг: «Вольтер и его время», «Гете и его время», «Очерки литер‹атурного› движ‹ения› в первую половину XIX века»[2]. Н. Шахов известен как широкий «благотворитель» на дела просвещения: это он дал 50/т‹ысяч› Румянцевскому музею на предмет расширения библиотеки, он дает деньги университету Шанявского, платит за учащуюся молодежь и т. д.

Недавно он был у меня, но я не успел обстоятельно поговорить с ним о нашем деле и вчера написал ему об этом[3].

Адреса его я не знаю, писал на Мельгунова[4], в ред. Рус‹ских› вед‹омостей›.

Если вы еще не ездили в Москву,— я бы предложил вам повидаться там с Шаховым и поговорить с ним о музее.

Кроме возможной — хотя бы и небольшой — материальной помощи делу, он, может быть, отдал бы унаследованные им бумаги брата?

Как вы смотрите на это дело?

Рецензий о книгах на ноябрь я, вероятно, не пришлю: не о чем писать. Будет рецензия Золотарева о книге Каптерева «Алексей и Никон» [5] в связи с книгою о Джордано Бруно. Это довольно большая заметка,— стр. на 4.

О беллетристах Свирском, Криницком и т. д. дадим статейку на декабрь [6].

Что думаете вы о приглашении Войтоловского из «Киевской мысли» на роль обозревателя журналов? [7]

Сегодня получил письмо от Юделевского [8], предложу ему заняться вопросом о происхождении «славянофильства» из «германофильства». Вообще надо усиленно бороться с проклятым предрассудком, что-де мы, Русь, призваны осчастливить мир и что мы — изумительно оригинальны!

Читаете вы «Александра» Мережковского? Этот фокусник сделал основоположником славянофильства немца Пестеля! А декабристы у него рассуждают по трафарету Гиппиус—Мережковский. А императрица Елизавета — по Достоевскому мыслит?

За всем этим он употребляет такие речения, как, например: «от него пышало». Следовало бы для ноябрьской книги написать статейки о Мамине-Сибиряке и Бунине, по поводу их юбилеев. Вы не напишете? [9]

Будьте здоровы!

И желаю всего доброго!

А. Пешков

1/XI
912

Дата Горького — по ст. ст. П. Ю. Делевского (Я. Л. Юделевского) от 12 ноября из Парижа было получено им 14 ноября н. ст. См. прим. 8.

[1] Николай Александрович *Шахов* был на Капри у Горького осенью 1912 г.

[2] Александр Александрович *Шахов* (1850—1877) — историк литературы.

[3] Упоминаемое письмо не разыскано.

[4] Сергей Петрович *Мельгунов* (1879—1956) — историк и публицист. Сотрудник газ. «Русские ведомости».

[5] А. А. Золотарев готовил в то время к изданию перевод кн. Джордано Бруно «Изгнание торжествующего зверя».

[6] В «Современнике» (1912, кн. 12) была напечатана рецензия Горького (за подписью А. П.) на кн.: *Новиков И.* Рассказы. М., книгоизд-во писателей, 1912. Рецензия Горького (за той же подписью) на кн. М. Криницкого «Рассказы» (СПб., Шиповник. 1912. Т. III) была напечатана в «Современнике» (1913, кн. 1).

[7] Лев Наумович *Войтоловский* (1876—1941) — писатель, литературный критик. Писал о Гоголе, Чехове, Андрееве, Горьком. Горький ценил ст. Войтоловского «В защиту толпы» и «Сумерки искусства», напечатанные в 1908—1909 гг. в I и II сборниках «Литературный распад» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 45, 59). В первой части его «Очерков психологии коллективизма» (Современный мир. 1912. № 9) Горький сочувственно отметил толкование сцены исцеления в повести «Исповедь» (*Арх. Г.* Т. XI. С. 204). В «Современнике» не печатался.

[8] П. от 30 октября/12 ноября 1912 г., в котором Ю. Делевский спрашивал о причинах задержки ответа из редакции «Современника» по поводу его сотрудничества в журнале (*АГ*).

[9] Шестидесятилетие Д. Н. Мамина-Сибиряка и двадцатипятилетие литературной деятельности Ив. Бунина отмечалось в октябре 1912 г.

26. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 5/18 ноября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Тяжело мне было читать ваше письмо-дневник из Москвы! Не ожидал я, что Муравьев поведет себя так странно с вами и очень виню себя за то, что — кажется — написал ему лишнее [1]. Не нужно было сообщать, что вы не смотрите на пост редактора «Современника» как на «вечный» пост, хотя я и сообщил это в целях дать более точную характеристику вашего отношения к делу.

Я, конечно, отнюдь не желаю, чтоб из-за моего плеча пропагандировался «меньшевизм»; Муравьев не говорил со мною о «группе», а только о лицах: Потресове, Базарове, Циперовиче, Павловиче. Ему известно мое отрицательное отношение к зарубежным литераторам, и мне странно, что он заговорил с Вами о «группе» [2]. Думаю, что его тон с Вами объясняется литературным невежеством, столь свойственным «хорошему русскому интеллигенту».

Вероятно — теперь, когда я пишу, вы уже установили какие-нибудь условия. Будет очень хорошо, если вы не отступили с позиции, занятой вами в первой беседе.

Я, конечно, ничего не имею против сотрудничества Неведомского, хотя и предпочел бы критика с более ясными взглядами.

Посылаю вам письмо Василия Иванова Анучина [3]; об этом человеке я писал Петру Ивановичу [4]; на мой взгляд, Анучина следовало бы привлечь к журналу поближе. Поговорите об этом с издателем.

Заметку о Греции не ждите, пришлю на декабрь.

Сообщите мне, пожалуйста, обо всем, что услышите по поводу «Издалека» и «Хроники», особенно — по поводу последней.

В октябрь‹ской› книге статья Аничкова разноречит несколько с моей статьей [5]. У этого человека какой-то «пильский» тон,— знаете, есть провинциальный словотек Петр Пильский.

Скоро ли кончится Гершензон? [6] Заноза это в сердце моем!

Станкевич и Водовозов напрашиваются на возражения, могут вызвать полемику, чего нам следовало бы избегать [7]. Хорошо, если бы они переехали в «Кругозор» Тихонова. Я очень уговариваю Тихонова пригласить редактором общественно-политического отдела М. Е. Березина, случись это — образуется недурной трудовический журнал.

Будьте здоровы, желаю всего хорошего!

А. Пешков

5/XI.
912

Мне нужно бы иметь роман Реймонта «Мужики» [8] — не распорядитесь ли, чтоб купили эти книги и выслали мне? Пожалуйста!

[1] См. п. Горького Н. К. Муравьеву от 9/21 сентября 1912 г.

[2] Ладыжникову Горький писал по тому же поводу 19 октября/1 ноября 1912 г.: «Муравьев ведет себя странно: разговаривая со мною, он ничего не говорил о „группе", напротив: мы с ним согласились на том, что „группу" создает журнал, т. е. она организуется в процессе работы. И затем: совершенно необходимо, чтобы она — эта группа — слагалась не из зарубежных людей, а из пребывающих в атмосфере русской действительности» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 208).

[3] Имеется в виду п. В. И. Анучина Горькому из Томска от 2/15 октября 1912 г. (*АГ*). К письму Горького Ляцкому приложена машинописная копия той части этого письма, которая касалась «Современника». Анучин писал: «Не стану скрывать, что мне лично убийственно хочется стать в рядах авангарда, организуемого вами для „Современника"».

[4] Упоминаемое п. Горького П. И. Певину неизвестно.

[5] В очерке Е. Аничкова «Коллективизм, сверхчеловечество и сверхлюбовь» утверждалось, что на смену идеям коллективизма приходят идеи «сверхчеловеческие», ницшеанские, с которыми автор связывал и творчество Горького. Такое утверждение резко противоречило основному пафосу ст. Горького «Издалека» и «Хро-

ники заграничной жизни», опубликованных в той же 10 кн. «Социализм же — последняя и наивысшая ступень общественных концепций»,— утверждал он в «Хронике» (1912, кн. 11, с. 397).

[6] Публикация труда М. Гершензона «Братья Кривцовы. Дворянская хроника по неизданным материалам» началась в кн. 7 и завершилась в кн. 12 «Современника» за 1912 г.

[7] В 10 кн. «Современника» были напечатаны ст. В. Станкевича «Мнимые победы и действительные поражения» и В. Водовозова «Итоги и факты. Война. Государственная дума», посвященные выборам в IV Государственную думу. В редакционном примечании к ст. В. Станкевича говорилось о спорности ряда положений статьи, в частности оценки автором политических партий и партийной борьбы. В ст. В. Водовозова содержались идеи, подвергшиеся ранее критике Лениным и вызвавшие между ними полемику (см.: *Водовозов В.* Избирательная программа Трудовой группы; *Он же.* Трудовая группа и рабочая партия // Запросы жизни. 1912. № 13, 17; *Ленин В. И.* Либерализм и демократия // Звезда. 1912. № 27 (63) и 32 (68) 8 и 19 апр.; Избирательная кампания в IV Думу и задачи революционной социал-демократии // Социал-Демократ. 1912. № 26. 8 мая/25 апр.; Трудовики и рабочая демократия // Правда. 1912. № 13 и 14, 8 и 9 мая; *В. И. Ленин.* Т. 21. С. 237—246, 247—251, 267—274).

В. И. Ленин полемизировал с утверждением В. Водовозова о необходимости создания в России одной «надклассовой» партии, которая обслуживала бы «интересы трех классов»: крестьянства, рабочего класса и «трудовой интеллигенции». «Всякие попытки созидания „надклассовой" партии, попытки объединить крестьян и рабочих в одну партию,— писал В. И. Ленин,— попытки выставить какую-то несуществующую „трудовую интеллигенцию" особым классом — крайне вредны, губительны для русской свободы...» (*В. И. Ленин.* Т. 21. С. 271).

[8] Владислав Станислав *Реймонт* (1867—1925) — польский писатель. Имеется в виду изд.: *Реймонт В.* Мужики / Пер. с пол. В. Ходасевича. Т. 1—4. М.: Польза, ⟨1910—1912⟩.

27. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

⟨Капри. 7/20 ноября 1912 г.⟩

Дорогой Евгений Александрович!

Посылаю письмо Ефремова,— будьте добры ответить на его вопросы.

Это очень хорошо, что именно он даст статью по украинскому вопросу [1].

Хорошо бы ее иметь на январь, а в феврале — статья Анучина о Сибири! [2]

И так, в каждой книжке, а?

Сообщите, как решили со статьей Кристева — в одной книге всю или разделите на две?

Лучше бы сразу, мне кажется.

Крепко жму руку.

А. Пешков

7/XI.
912

[1] Сергей Александрович *Ефремов* (1876 — ?) — украинский буржуазный политический деятель, публицист и историк литературы. В п. Горькому от 19 октября/1 ноября 1912 г. он писал: «Глубокоуважаемый Алексей Максимович, М. М. Коцюбинский передал мне от Вашего имени приглашение написать статью для „Современника" — „Культурные запросы Украины". С удовольствием возьмусь за эту работу. Мне только нужно выяснить некоторые условия, а именно: 1) размер статьи, 2) срок доставки и 3) адрес, по которому ее направить» (*ИРЛИ*, ф. 163, оп. 5, № 58, подчеркивания, вероятно, принадлежат Горькому). Статья Ефремова в «Современнике» не появилась.

[2] В. Анучин в 1912—1913 гг. в «Современнике» не печатался.

28. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. Около 9/22 ноября 1912 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

В тот же день, когда я виделся с Потресовым и Вересаевым — свидание это произвело на меня самое благоприятное впечатление,— я выехал в Петербург. Здесь я застал такой кавардак, что только сегодня, т. е. через четыре дня, могу писать Вам. Потресов, с которым я ранее знаком не был, показался мне человеком в высшей степени пригодным для роли руководителя большим журналом. Он мне очень понравился, как своей положительностью, так своим образованием и в особенности культурностью. Первые моменты трения, неизбежного при первом знакомстве, очень быстро прошли с ним, и, кажется, он понял меня в той же мере, как я его. Вересаев также был гораздо разговорчивее, и в общем дело подвинулось настолько быстро, что почти изгладило во мне первые неприятные впечатления знакомства с Н. К. Муравьевым. Те отрицательные стороны, которые выдвигал Муравьев в вопросе о сближении этой группы людей с нами, значительно смягчились при общей беседе, и вопрос коалиции в теории приблизился весьма к своему благополучному разрешению. Дело представилось таким образом, что Потресов станет во главе журнала; привлечение беллетристики примете на себя Вы и В. В. Вересаев; я буду к Вашим услугам постольку, поскольку я буду в Петербурге руководить историко-литературным отделом; экономика будет реализована при помощи Мартова, Маслова[1] и Дана[2]; критический отдел я бы желал сделать, как и все, коллективным. Неведомскому можно было бы предоставить в отдельных случаях право совещательного голоса. Но вообще участие его как сотрудника, по зрелом размышлении, я признавал бы желательным. Что же касается до Амфитеатрова, то вопрос этот остался невыясненным. Потресов задумывается вообще о возможности его участия в редакционной коллегии, хотя бы и в форме заведования сатирическим отделом. В чем, собственно, практически будет состоять это заведование, я сам себе еще не выясняю, и этот вопрос, таким образом, остается еще в сфере разработки.

В Петербурге я говорил об этом с П. И. Певиным, с которым у меня в последнее время происходили частые споры из-за ликвидации старого материала, не подлежащего, по моему мнению, печатанию, но оплаченного нередко весьма крупными авансами. Донимал я его и скверной типографией и вообще всей технической стороной дела, которая не удовлетворяет моему стремлению сделать внешность журнала изящной. Певин чрезвычайно внимательно отнесся к возможности коалиции с Потресовым и др. Вчера он провел у меня вечер вместе с ним, заинтересовался планом расширения и углубления журнала и обещал окончательно определить свое отношение — к пятнице или субботе. Когда это совершится, я телеграфирую Вам, а Вы, конечно, получив телеграмму раньше этого письма, установите сами хронологическую канву событий.

Чувствую только, что вести дело большого журнала вдвоем, как это мы делали до сих пор с Водовозовым, который, кстати сказать, скоро будет изъят из обращения, невозможно, и в этом отношении я поставлю Певину некоторый ультиматум. Просмотр рукописей, переписка, приемы, телефоны поглощают у меня не только весь день, но и значительную часть ночи; все мои дела «огневые»[3], так и относящиеся к моим заветным мечтам о наших предприятиях остались в забросе. Все это ждет своего разрешения от той комбинации, которую я, вслед за Вами, начинаю признавать наилучшею. Будем надеяться, что она уладится превосходно. Вижу, что и Вы безумно заняты, но думаю, что скоро все должно образоваться и войти в нормальную колею, при которой работа распределится на большее количество ячеек. Окончательный вид наше-

му проспекту[4] придавали Певин и Водовозов, когда я был в Москве. Увидев его, я содрогнулся от ужаса, в такой степени он безобразен и вообще как-то невыработан. Что касается опечаток, то сделать что-нибудь мы бессильны. Корректуры вычитываются великолепно, но благодаря тому, что при выправке хотя бы одной запятой необходимо переливать, при машинном наборе, всю строку, наборщики то и дело производят новые ошибки, а Певин из меркантильного расчета колеблется переходить в другую типографию.

Хорошо было бы, если бы Вы повлияли на него возможно более решительным способом.

К сведению Вашему сообщаю, что, по слухам довольно достоверным, постигший нас штраф в 500 руб. наложен вовсе не за статью Водовозова, и особенно не за малиновую водичку Станкевича[5], но за «благоденственное житие» Амфитеатрова[6]. Я чистил весьма основательно и достиг того, что привлечение к суду обосновать комитету не удалось, и дело обошлось одним штрафом, который, говорят, явился следствием жалобы Саблера. Певин был несколько удручен, но затем успокоился, когда половину этого штрафа я взял на себя.

Низко кланяюсь Марии Федоровне и товарищам.

Душевно Ваш Евг. Ляцкий

Датируется по сопоставлению с п. 30, в котором Ляцкий сообщал Горькому: «...больше недели не писал».

[1] Петр Павлович *Маслов* (1867—1946) — экономист, социал-демократ. После Великой Октябрьской революции вел научную и педагогическую работу. В 1929 г. был избран действительным членом Академии наук СССР.

[2] Ф. И. *Дан* (Гурвич, 1871—1947) — один из лидеров меньшевиков, по профессии врач.

[3] Т. е. дела изд-ва «Огни».

[4] Речь идет о проспекте на 1913 г. См. п. 18, прим. 8.

[5] См. п. 26, прим. 7.

[6] В фельетоне «Благоденственное житие» Амфитеатров писал о падении «этического влияния» духовенства на население России, несмотря на численный рост церквей и монастырей, и осмеивал активность некоторых духовных лиц, боровшихся за место в Государственной думе. Несколько раз в ироническом плане упоминалась в фельетоне деятельность обер-прокурора синода Владимира Карловича *Саблера* (1847—?).

29. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 9/22 ноября 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Посылаю рукопись Ф. Ласковой[1],— прочитайте, пожалуйста. Мне нравится эта вещь,— в манере рассказывать есть что-то очень искреннее и — свое. Автору — 22 г. В «Жатве» № 2-й[2] помещен ее рассказ «Хризантемы». Если рассказ понравится и вам — пустите его в январскую книжку.

Посылаю рассказ Силыча[3]. Не бог весть что, но — берет за душу своей суровой правдой.

Приложена рецензия о книге Криницкого[4], стихи Старка и Семена Астрова. Последний — рабочий. Обратите внимание на тон стихов. Этому парню 25 лет, он усердно работает над собою, и я жду от него немало[5].

В другом пакете — материал по делу Зайчневского. Н. А. Золотарев написал небольшую заметку, прилагаемую мною[6]. Вообще материал ваш использован уже в сборнике «О минувшем», не было напечатано лишь мнение Ховена и кое-какие подробности. Золотарев просмотрел и «Ми-

нувшее» — этот сборник издан в 900 г.— и статью Лемке — в «Былом» январь 906 г.— о Михайлове [7].

По скорости пришлю еще материалы.

Будьте здоровы!

А. Пешков

9.XI.12

Стихи Астрова — отложил, пошлю автору для некоторых исправлений. Речь в них идет о «счастье жить» — каково?

[1] Фанни Григорьевна *Ласковая* (1890—?) — писательница. Начала переписываться с Горьким в 1911 г. (см.: *ЛН*. Т. 70. С. 231—238). Речь идет о рукописи рассказа Ласковой «Лицом к лицу» (напечатан в 6 кн. «Современника» за 1913 г.).

[2] «Жатва» — журнал литературы. Выходил четыре раза в год. № 2 — СПб., 1912.

[3] Речь идет о рассказе Новикова-Прибоя «Порченный», написанном в 1912 г. на Капри. Рассказ не был принят в «Современник». Он был передан Горьким М. К. Куприной-Иорданской в журн. «Современный мир», но в то время по цензурным условиям не мог быть напечатан. См. п. 44, прим. 2.

[4] Рецензия Горького на III том «Рассказов» М. Криницкого.

[5] Семен *Астров* — рабочий, поэт. Жил в Париже, откуда написал Горькому о своем бедственном положении. По предложению Горького переехал на Капри. См. в наст. томе сообщение И. А. Ревякиной «Горький — редактор журнала „Просвещение“».

[6] В «Современнике» (1913, кн. 2), в разделе «Новое о прошлом», помещена заметка «К истории процесса П. Г. Зайчневского» за подписью «*Н.*» (Н. А. Золотарев).

Петр Григорьевич *Заичневский* (1842—1896) — революционер, организатор кружка революционного демократического студенчества в Московском университете. Был арестован в 1861 г. и осужден на каторгу по обвинению в распространении запрещенных изданий и в произнесении «речей возмутительного содержания». Материалы по обвинению студентов Московского университета Заичневского, Аргиропуло, отставного корнета Костомарова и других лиц, а также воспоминания о Заичневском печатались в сборнике «О минувшем» (СПб., 1909). В дополнение к этим материалам в «Современнике» было напечатано ранее неизвестное особое мнение по этому делу сенатора барона Ховена.

[7] *Лемке М. К.* Дело М. Л. Михайлова (по неизданным материалам) // Былое. СПб., 1906. № 1.

30. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. 18/31 ноября 1912 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Больше недели не писал я Вам, и это меня и заботило, и тяготило. Что Вы можете думать о моем молчании?

Все эти две недели мы занимались не столько выработкой условий общежития с Потресовым и комп⟨анией⟩ [1], сколько толчением воды в ступе, т. е. определением формальных правовых норм, в которые должно отлиться еще весьма зыбкое существо совместной литературной работы. Эту формальную струю, с непостижимой для меня резкостью, вносил в наше обсуждение Н. К. Муравьев. Он находил, что без юридического договора невозможно группе начинать, несмотря на упускаемое время, общую работу, тогда как я находил, что важнее договориться о принципиальных точках зрения и общем характере ведения журнала. О последнем мы и договорились довольно скоро с А. Н. Потресовым, человеком, по моему убеждению, в высшей степени ценным и необходимым для журнала, хотя несколько нетерпимым. Этот дух некоторой нетерпимости, в связи с формализмом Н. К. Муравьева, и проводит известную внутреннюю грань между стремлениями этой группы и тем идеалом, который мы с Вами намечали. Но то, что должен принести с собой Потресов и его связи, слишком серьезно, чтобы не взять на себя труд попытаться смягчить те возможные затруднения, которые представляются моему мнительному прогнозу [2].

Я, действительно, до такой степени устал, до такой степени измучился, неся почти один на себе все бремя внутренней редакционной работы и переписки, что перестаю видеть предметы в их настоящем свете и сгущаю краски там, где они, может быть, более невинны.

А. С. НОВИКОВ-ПРИБОЙ
Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, май 1912
Музей Горького

Жажду хорошо организованной работы и, когда она хорошо наладится, обращусь ко всем другим делам, для которых теперь нет ни одной минуты времени.

И. П. Ладыжников мне чрезвычайно понравился своей обстоятельностью и той теплотой, с которой он говорил о Вас. Как было бы хорошо, если бы он взял на себя управление «Огнями», дела которых очень хороши, которые, как мы убедились, правильно задуманы и внутренне организованы, но которым необходим кормчий-практик [3].

Письмо Ефремову написал, Анучину также.

«Болгарскую литературу» пришлось разделить: и без того не знаю, как быть с двумя последними книжками.

Амфитеатров все ворчит. Причиной этого ворчанья является больше всего то, что я отказался преподносить его читателям в количестве 5-ти листов.

С Плехановым отношения прекрасные [4]. Он присылает новую статью «Искусство и действительность» [5].

Обо многом я Вам не пишу, потому что в январе надеюсь Вас видеть. Буду писать лишь о деловом.

Да, я забыл Вам сказать, что Шахова не было в Москве, когда я был там, и побываю у него особо.

Статья Ваша «Издалека» имеет большой успех [6].

О «Хронике заграничной жизни» отзывы различны. Одни говорят: хорошо, если выдержите; другие: нужно больше фактов, сжимая их изложение; третьи: не вытанцовалось; рядовой читатель: интересно. Есть еще мнение, что эту хронику нужно слить как подотдел с другим подотделом — материалы текущей культурной жизни России.

Сердечно кланяюсь Марии Федоровне и товарищам.

Душевно Ваш Евг. Ляцкий.

P. S. Наживину досталось поделом. Невежество претерпеть можно, если оно не нагло, а у него черт знает что такое. Статья Ваша (вторая) возбуждает желание, чтоб Вы рассмотрели наглое невежество и богоискательский блуд на ряде других примеров. Ах, как это нужно! Вы сделаете это?

На первом листе в правом углу помета Ляцкого: «18—XI—912» (возможно, дата отправления письма).

[1] В переговорах с Ляцким участвовали, по-видимому, помимо А. Н. Потресова и Н. К. Муравьева, П. П. Маслов и Ф. И. Дан. В *АГ* сохранились три недатированных п. П. П. Маслова Горькому. Все они касаются участия в «Современнике» группы литераторов-меньшевиков.

[2] По поводу этого письма Горький писал Ладыжникову 25 ноября/8 декабря 1912 г.: «Ляцкий излагает мне ход переговоров с Пре ⟨Потресовым⟩ и К° довольно объективно. Маслов — покойник. Мартов — скандалист. Я боюсь их» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 211).

[3] Выдержку из этого письма (от слов «И. П. Ладыжников мне чрезвычайно понравился» до «кормчий-практик») Горький дважды приводил в п. к Ладыжникову от 22 ноября/5 декабря 1912 г. и 25 ноября/8 декабря 1912 г. (Там же. С. 210—211).

[4] Еще в сентябре 1912 г. Ляцкий информировал Г. В. Плеханова о своих переговорах с Горьким по поводу «Современника». 7/20 сентября 1912 г. он писал Плеханову: «Горького я застал бодрым, успешно работающим. Он прочел одну из своих сказок на тему „Проходящие в жизни“, которая мне показалась великолепной. К „Совр⟨еменнику⟩“ отнесся очень ласково, можно сказать, сердечно. Обещал принять в ближайшем же будущем самое непосредственное участие. Что меня особенно порадовало в нем, так это его преклонение перед европейской культурой, и мы долго говорили с ним о том, как бы Вы могли помочь нам, знакомя русскую публику с новейшими течениями в европейской науке. Особенно в философии» (Дом Плеханова, ф. 1093, ед. хр. В 272. 4).

[5] 22 ноября/5 декабря 1912 г. Г. В. Плеханов писал Ляцкому: «Посылаю Вам статью „Искусство и общественная жизнь“. Это — *первая. Вторая* не замедлит. Вы получите ее недели через две ⟨...⟩ Скоро пришлю также и рецензию. Высылайте книги *главным образом по истории литературы и общественной жизни*» (Знамя. 1956. № 12. С. 188).

Первая и вторая части ст. «Искусство и общественная жизнь» были напечатаны в 11 и 12 кн. «Современника» за 1912 г. Третья часть — в 1 кн. «Современника» за 1913 г. В том же журнале появились рецензии Плеханова на кн.: *Сперанский В. Н.* Общественная роль философии. СПб.: Шиповник, 1913. Кн. 1; *Целлер Э.* Очерки истории греческой философии / Пер. С. Л. Франка. М., 1912. Кн. 2.

[6] Имеется в виду раздел ст. Горького «Издалека», 2, посвященный книге Наживина «Моя исповедь». Горький писал: «В книге истерически-крикливо развивается автором оригинальная мысль: „Реформе общественной должна предшествовать реформа личности“ ⟨...⟩ В чем задача жизни по Наживину? Очистить душу от „временного“, приблизить ее к „вечному“, а „потом душа будет безмолвно далее очищать и освещать других“ — как учил Л. Н. Толстой. „В борьбе обретешь ты свое право“ — нет! — кричит Наживин,— „борьба есть лучшее средство не обрести, а потерять свое право и право другого“». И далее Горький пишет о невежественности Наживина: «Вообще в суждениях своих он строг и точен: высчитал, например, что ровно „0,99 всего, о чем говорит наука“, для него — Наживина — „неинтересно и не нужно и просто глупо“» (Современник. 1912. Кн. 11).

31. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 20 ноября/3 декабря 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Прилагаю проект воззвания «Комиссии по устройству музея» [1], прочитайте его, сделайте поправки, какие найдете нужными и возвратите. Мы напечатаем 1000 экз. в Париже — это будет стоить фр⟨анков⟩ 15, 20 — и потихоньку будем рассылать интересным для нас людям [2].

Пишете вы не щедро, и я очень беспокоюсь о судьбе «Совр⟨еменника⟩», не имея вестей о нем.

Нужна бы статья о Бунине, другая — о Мамине [3],— устройте это! Я не знаю, к кому обратиться. Вот хорошо бы Неведомскому дебютировать в журнале этими двумя статьями! Как думаете?

Весь Кристев идет в ноябрь или первая часть?

Имею немало сообщений и вопросов, но отложу все это до следующего письма. Очень уж некогда!

Крепко жму руку.

А. Пешков

3/XII.12

[1] К письму был приложен текст воззвания комиссии по устройству Музея-библиотеки русского освободительного движения. В *АГ* хранится машинописная копия воззвания с незначительной правкой Горького и его пометами на полях, поступившая от А. В. Десницкой.

Приводим текст воззвания: «Общественно-политическая жизнь России захватывает все более и более широкие слои населения. В настоящее время в самых отдаленных уголках нашей обширной страны творятся политические фракции, создаются документы общественного значения. Будущий историк, не стесненный цензурными рамками, чтобы составить себе ясное и объективное представление об общественном развитии России, должен будет обратиться ко всем этим материалам, „подпольным листкам", конфискованным изданиям, заграничной литературе.

Неудивительно поэтому, что даже официальные учреждения, преследующие задачи научного исследования России (Академия наук, Публичная библиотека, моск⟨овский⟩ Истор⟨ический⟩ музей), ставят себе целью собирание так называемой нелегальной литературы. Этим они лишь подчеркивают необходимость создания свободного, не зависимого ни от каких влияний, кроме научного исследования, учреждения, где бы собирались, хранились и были доступны для работ все материалы русского освободительного движения.

Эту задачу и поставил себе Кружок лиц, образовав временную комиссию по устройству Музея-библиотеки русского освободительного движения.

Комиссия располагает уже небольшой суммой денег, достаточной для годичной оплаты труда заведующего и собственного помещения.

Комиссия понимает, что основным условием успешного развития Музея явится его крепость, и к обеспечению этого приложит все усилия.

Приглашения принять участие в этом деле посылаются и будут посланы многим видным и безупречным общественным деятелям, имена которых должны внушать каждому доверие к серьезной и внепартийной, и внекружковой цели предприятия. К⟨омис⟩сия же постарается об увеличении средств музея, чтобы в самом ближайшем будущем обеспечить ему собственное помещение.

Настоящим воззванием Ком⟨ис⟩сия обращается ко всем сочувствующим этой идее лицам с просьбой прийти на помощь как денежными средствами, так и присылкой всякого рода материалов.

На первый план Комиссия выдвинет собирание материалов русского освободительного движения в самом широком смысле этого слова — для характеристики как русской «революции», так и «реакции»,— которые не могут храниться в России без опасности конфискации или уничтожения. Музей этот будет собирать как всякого рода литературные произведения (книги, брошюры, газеты, листки, воззвания и т. д.), так и предметы (портреты, фотографические снимки, картины, костюмы, оружие и т. д.).

С другой стороны, К⟨омис⟩сия ставит себе задачей подбор политической литературы заграничного происхождения, равно как и собирание всех материалов о жизни русской эмиграции.

Затем Комиссия считает необходимым собирать все материалы об отношении заграничных стран к России, в частности к русскому освободительному движению, и, наконец, К⟨омисс⟩ия полагает чрезвычайно важным собирание всех материалов

о жизни и деятельности русских общественных деятелей за границей, как-то: писателей, ученых, художников, а также и России в лице ее официальных представителей (въезд Александра I-го в Париж, Суворовский поход, Путешествия Петра I-го, Флорентийск(ий) дух(овный) собор и т. д.).

Ставя себе самые широкие задачи, К(омисс)ия думает, что более определенные рамки деятельности музея установятся в зависимости от отношения к созданию такого учреждения широких слоев русского общества, к сочувствию которого К(омис)сия и обращается».

В Комиссию по устройству Музея-библиотеки входили, помимо Горького и Ляцкого, братья А. А. и Н. А. Золотаревы. В создании Музея принимали также участие член финансовой группы Московского комитета РСДРП Е. К. Малиновская, Е. П. Пешкова, В. Н. Кольберг (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 334—337).

В 1913 г. вопрос о Музее был поставлен на съезде русских культурных и экономических общественных организаций в Италии. Съезд утвердил Проект устава Исторического музея русского освободительного движения, в основу которого легло публикуемое воззвание Горького (см.: Труды первого съезда русских культурных и экономических общественных организаций в Италии. Рим, 27—30 марта 1913. С. 6—7). Музей создан не был. Подробнее см.: *Муратова*. С. 60—64.

[2] Сведениями о реализации этого намерения не располагаем.

[3] Предложение Горького написать ст. о Бунине и Мамине-Сибиряке осуществлено не было.

32. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 23 ноября/6 декабря 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович,—

посылаю «хронику» на декабрь, но должен сознаться, что ничего интересного не вижу в ней, за исключением прокламации итальянских республиканцев [1].

Отдел этот и можно, и следует поставить очень интересно, но здесь и мне — очень трудно сделать это: не зная иностранных языков, я невольно должен подчиняться чужому выбору фактов, не всегда умелому и свежему.

Найдите для этого дела какого-нибудь студента, знающего языки, укажите ему линии поисков, редактировать мог бы и я, и вы, вам, конечно, сподручнее.

Нетерпеливо жду вашего письма.

Книжка ноябрьская запоздала — это очень печально!

Декабрь нужно составить поинтересней, нельзя ли пустить в него свежий рассказик Ласковой?

На январь будет Вольный [2].

Списываюсь с грузинами [3].

Всего доброго, крепко жму руку. Хочется видеть вас.

А. Пешков

6/XII.
912

[1] В «Хронике заграничной жизни» на декабрь (Современник. 1912. Кн. 12) сообщалось о книге Шустера Моргана, посвященной вопросу о вмешательстве Англии и России в финансовые дела Персии; печаталось письмо Кришнавармы американскому президенту Тафту по поводу предполагаемого союза с Англией, который усилит позицию Англии в ее борьбе за мировое господство; приводилось мнение японского профессора Танимото о японском генерале Ноги, провозглашенном после самоубийства национальным героем; публиковалась прокламация итальянской республиканской партии «За союз Балканский против тройственного соглашения».

В прокламации содержался призыв отстоять право балканских народов на самоопределение, от посягательств империалистических держав: «Народ! — говорилось в прокламации,— скажи свое решительное слово симпатии к балканским народностям, безо всяких ограничений, провозглашая их права на разрешение ими самими их вопросов о свободе и внутреннем порядке неприкосновенными. Пусть сами они продиктуют туркам условия».

[2] Ив. Вольнов в 1913 г. в «Современнике» не публиковался. См. п. 39, прим. 4.

[3] Горький писал Николаю Васильевичу *Канделаки* — грузинскому писателю и переводчику: «...если у Вас уже имеются произведения грузинских авторов в пере-

водах на русский язык, я прошу Вас немедля прислать мне рукописи. Часть их, вероятно, можно будет напечатать в журнале „Современник", который с 1913 года ставит себе целью посильную разработку вопросов племенных и областных. Засим: я просил бы Вас *дать для „Современника" очерк по истории грузинской литературы*, а также статью на тему: „Современное положение Грузии, ее потребности и нужды"» (*XXIX*, 287).

33. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

⟨Капри. 25 ноября/8 декабря 1912 г.⟩

Дорогой Евгений Александрович!

Посылаю повесть Тимофеева «Сухие сучки». Мне кажется, что ее следует напечатать — написана она недурно и должна вызвать в «уездной России» сочувственный отзвук. Надо, чтоб телеграфисты, дьякона, доктора знали, что они не забыты, о них думают, пишут, и неодиноки они на обширной русской земле [1].

«Задача — служебная» — да, но — журнал не должен уклоняться от выполнения этой задачи. А впрочем, я предоставляю решение печатать — не печатать усмотрению редакции.

Читаю письма ваши не без уныния, как говорил уже. Так известны мне эти многословные «переговоры» о модусах, о конституциях, которые, будучи установлены,— через месяц превращаются чудесно в аристократии и деспотии. Скажу по совести — жалко мне вашего времени, хотя я и верю, что вы затрачиваете его с несомненной пользой: журнал мы наладим и затем — отойдем от него к новым делам и задачам.

Г. г. меньшевики и меня одолевают. Это — племя «дипломатическое» и безмерно скучное. Если они захватят журнал целиком в свои руки,— то t° его будет температурой трупа. Но — этого не случится, я уверен [2].

Вы очень обрадовали меня обещанием приехать в январе, это хорошо! [3]

На днях, отвечая Л. Андрееву на его письмо, я предложил ему поделиться сокровищами своими с нашим музеем и указал ваш адрес. Так что, если б вы получили от него некий взнос,— не удивляйтесь [4].

Я думаю, что о таких книгах, каковы «Красная» Беликовича, «Поздно» Драгейм и т. п.,— не следует давать рецензии: да погибают без шума! [5] Изумительно пошл этот Беликович; имена его фигур: Иануарий Иувенальевич, Вевея, Фива, Фавета — мужское имя, кажется? — Сюжеты рассказов: человек пьет кровь живых гусей и даже детей! Автор колотит его по затылку и этим излечивает от болезни. Другой герой — «фетишист», тоже психиатрия, и — все безграмотно! Меня немного пугает обилие бездарных книг, и я, м. б., слишком внимательно относясь к ним, переоцениваю это явление. Тут есть одна черта: все бездарное всегда злобно, у нас, на Руси,— особенно злобно!

Узнайте мне адрес Ценского, я попрошу его дать рассказ для «Совр⟨еменника⟩» [6], а м. б., вы сами сделаете это? И — хорошо бы привлечь к журналу В. Арефина [7], он теперь секретарем у Тихонова в «Кругозоре», но, очевидно, не очень занят, ибо пишет в скучнейшей газете «День».

На днях вышлю рецензии о Будищеве, Вагнере, поэтах [8], вышлю хронику [9]. Мне кажется,— более того — я считаю необходимым, чтоб этот отдел составлялся на месте в России, чтоб заметки были менее громоздки и — я согласен с вами: необходимо помещать их параллельно данным текущей культурной жизни России.

Таким образом: не «Заграничная», а «Хроника культурной жизни» [10].

Ни Муравьев, ни Потресов до сего дня не написали мне ни слова о ходе переговоров; я не претендую на них за это, но все же — надо бы! В интересах дела, а не личности.

Дописываю повесть [11]. Денежные дела мои очень плохи, и я думаю продать какие-нибудь книги [12].

Погода здесь стоит — удивительная!

Приехал Бунин [13]. Просить у него стихов? Есть прекрасные! Он, вероятно, проживет здесь всю зиму, будет работать. Хорошо бы взять у него рассказ в «Совр.», но — это дорогой автор!

Крепко жму руку и очень жду вас!

А. Пешков

«Огни» издали стихи Садовского? Пришлите! [14]

Чудесная вещь «Книга о св. Франциске»!

8/12–12

[1] Повесть Б. Тимофеева «Сучки» была напечатана не в «Современнике», а в первом сб. «Энергия». Речь идет о персонажах повести — телеграфисте Афанасии Петровиче Мелешине, дьяконе Ионе и др.

[2] И. П. Ладыжникову Горький сообщал 25 ноября/8 декабря 1912 г.: «Сейчас получил очень „дипломатическое“ письмо от Маслова,— сколько в этих Данах и данайцех „политики“, и как она угнетает своей ненужностью» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 211).

[3] На Капри Ляцкий приехал 18 февраля/3 марта 1913 г. (*Дн. Пятницкого*).

[4] Горький писал Л. Андрееву 20... 23 ноября/3... 6 декабря 1912 г.: «Но вот что, Леонид: хорошая компания затеяла доброе и нужное дело — организовать музей по истории борьбы России за освобождение в XIX веке, начиная с А⟨лександра⟩ I-го и даже — раньше. В России такое дело — частью — выполняет Академия наук, но целиком, широко поставить его — невозможно, при наших политических общественно-партийных условиях.— Решили делать дело — пока — за границей. Кое-какие вещи есть, кое-что поступает. Средств — мало, а нужно платить за помещение и т. д. Я очень прошу тебя — помоги, дай денег! А если есть какие-либо документы, письма, книги — давай и это. Деньги пошли по адресу Евгения Александровича Ляцкого, Каменноостровский, 65, 31 или на редакцию „Современника“ ему же. Будь здоров!

Нет ли богатых знакомых? Собирай у них деньги, сколько дадут! Дело — очень нужное» (*ЛН*. Т. 72. С. 350).

[5] Книги И. Ф. Драгейм-Сретенской «Поздно. Повести и рассказы» (Т. II. СПб., 1912) и В. Ц. Беликович «Красная книга. Новеллы» (СПб., 1912) значились в списке поступивших в редакцию «Современника» (кн. 10, с. 382; кн. 11, с. 398).

[6] Сергеев-Ценский в «Современнике» не печатался.

[7] Горький имеет в виду журналиста Сергея Яковлевича Арефина.

[8] Алексей Николаевич *Будищев* (1867—1916) — писатель. Речь идет о рецензии на его роман «Степь грезит» (СПб.: Освобождение, 1913; см. п. 36, прим. 4). Рецензия на кн. Рихарда Вагнера «Моя жизнь» (т. I—IV. Мемуары. Письма. Дневники. Обращение к друзьям. М., 1911—1912) была написана А. Золотаревым (Современник. 1913. Кн. 3).

[9] Речь идет о «Хронике заграничной жизни» для 12 кн. «Современника» за 1912 г.

[10] Это предложение не было осуществлено. См. п. 37.

[11] Повесть «Хозяин».

[12] Несколько позже, 11/24 декабря 1912 г., Горький писал И. П. Ладыжникову: «Мои желания в сущности очень скромны: развязаться со „Знанием“, взять оттуда книги, издать их где-либо в другом месте и — подешевле, вот и все!» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 213).

[13] Бунин приехал на Капри вместе с женой 16/29 ноября 1912 г. и прожил на Капри несколько месяцев. За этот период им было написано около тринадцати рассказов — два из них для «Современника».

[14] *Садовской Б.* Пятьдесят лебедей: Стихотворения. 1909—1911 гг. СПб.: Огни, 1913. Книга хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

34. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург.⟩ 27/XI ⟨10 декабря⟩ 1912

Дорогой Алексей Максимович.

Итак, Вы уже знаете из моего дневника, как шли и как ничем не кончились наши переговоры с Муравьевым и К° [1]. Чем более вдумываюсь в причины, помешавшие соединению, тем более вижу, что они — органического, а не только практического характера. Разногласия даются моему сознанию в такой окончательной форме:

1. Они — меньшевики, иными быть не могут, и «внепартийность» для них зарез. Мы — социалисты-федералисты, для которых, на почве федерализма, сглаживаются все партийные (в известном смысле) разногласия.

2. Они говорили о полной «реорганизации» журнала и, со своей точки зрения, были последовательны и правы, причем для осуществления своего плана располагали и полным редакционным составом: экономика — в Париже, политика и публицистика — Петерб⟨ург⟩, беллетристика — Вы и Вересаев (взаимоотношения не выяснены). Областные вопросы приравнивались к этнографии, на ист⟨орию⟩ литературы — $1^1/_2$ — 2 листа. Словом — улучшенный «Соврем⟨енный⟩ мир».— Мы, имея 5000 подписчиков и впятеро больше читателей (по сведениям библиотек — «Современ⟨ник⟩» — наиболее читаемый журнал), коренных реформ и решительных выступлений боялись, как и гильотинизирования сразу десятка сотрудников. Предвидели, кроме того, и внутренние трения — при отстаивании областных статей и литературной физиономии, причем мы оставались бы в меньшинстве.

В итоге — лучше, что мы не сошлись, но жаль, что потеряли *месяц* (!) времени.

Мое положение было очень трудное: не имея возможности выяснить наше с Вами отношение к Потресовской группе, я должен был участвовать в ней, поскольку дело касалось договора, против Певина.

Результаты положительные.

1. Опыт принципиального обсуждения «культурного» дела группой интеллигентов, не считающихся с суровой действительностью.

2. Жестокая (отчасти заслуженная) критика «Совр⟨еменника⟩» в его настоящем виде.

3. Ряд ценных указаний для будущего.

Независимо от всего: интерес (и не платонический только) к журналу растет. Путь, намеченный *нами*, по моему глубокому убеждению, верен. Брать мы должны *не* полнотой и остротой социально-политических статей (этого нельзя достигнуть при «внепартийности», да и не нужно!), а широкой постановкой общекультурных задач областным отделом, литературой, историей, искусством, сатирой. Бояться упреков в «альманахности», бросаемых сюда из Феццано, нам нечего: пусть каждая книжка будет идеальным альманахом,— дело не в ярлыке.

Что поглощало у меня массу времени — это убийственная типография. Удалось добиться улучшений для будущего.

Бунин? Мамин-Сибиряк? [2] Душа болит об этих темах, но — куда! — спать приходилось временами 3—5 часов в сутки. Ведь при всех этих переговорах, возня с корректурами и типографией, уродовавшей уже подписанные листы, шла огромная, а помощи почти не было.

Водовозов — не сахар, но ему до кутузки остались недели [3]. Для технической помощи взял Станкевича, благо корреспондентов и корректуру знает. А там, как наладить дело дальше, подумаем сообща. Свиданию с Вами *теперь* придаю громадное значение. Приеду к Вам, м. б., на наши святки, как только соберу январскую книжку.

К истории литературы приспособляю Щеголева [4]: у него любопытные материалы и планы. Обо всех прочих наших делах пишу особо. Пока шлю сердечный привет Вам.

Е. Ляцкий

[1] См. п. 22, 30.

[2] Ответ на предложение Горького откликнуться на юбилей Д. С. Мамина-Сибиряка и И. А. Бунина. См. п. 25 и 31.

[3] В 1912 г. В. В. Водовозов, приговоренный ранее, в 1908—1910 гг., к заключению в крепость на один год по делам издания ряда книг, был вновь привлечен к судебной ответственности как автор брошюры «Проект избирательных законов в учредительное собрание и парламент». В связи с этим фактическое исполнение приговора было отложено до решения вопроса «по совокупности» (*ЦГАОР*, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 1215). Водовозов так и не был заключен в крепость. Дело его было прекращено манифестом об амнистии от 21 февраля 1913 г. (Там же, ед. хр. 1213).

[4] Павел Елисеевич *Щеголев* (1877—1931) — литературовед, историк революционного движения. В 1906—1907 гг. вместе с Бурцевым издавал в России историко-революционный журн. «Былое». Автор исследований о Пушкине, Грибоедове, Радищеве и других, написанных на основе архивных разысканий. 12/25 декабря 1912 г. Ляцкий писал Богучарскому: «В декабре к нам вступил П. Е. Щеголев, и редакция наша таким образом конструировалась из лиц, Вам хорошо известных» (*ЦГАЛИ*, ф. 1696, оп. 1, ед. хр. 133, л. 2). Имя П. Е. Щеголева было указано в проспекте на 1913 г. по отделу «истории литературы и истории».

35. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. 30 ноября/13 декабря 1912 г.)

Комбинация не удалась. Письмо следует [1], дела в хорошем состоянии.

Ляцкий

Телеграмма на бланке. На фр. яз.
Датируется по почт. шт.

[1] Имеется в виду п. 34.

36. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 30 ноября/13 декабря 1912 г.)

Сейчас, дорогой Е. А., получил Вашу телеграмму о том, что переговоры с Мур(авьевым) и К° — прерваны; — вчера меня об этом же известил очень неуклюжей открыткой Вересаев [1].

Я — не огорчен.

Я очень предлагаю Вам перечитать письмо Анучина и подумать: не следует ли пригласить Василия Ивановича на амплуа ближайшего сотрудника? [2] Предупреждаю: лично я с ним не знаком, знаю его лишь как беллетриста и автора хороших, толковых статей о Сибири. Его письмо, известное Вам, кажется мне тоже очень дельным.

Затем: попросите Ладыжникова познакомить Вас с Ал-дром Ник. Тихоновым, о коем я Вам говорил уже [3]. У этого Тихонова есть знакомства в среде пишущей молодежи, да и сам он может быть весьма полезен Вам.

Анучин мог бы снять с Вас часть работы по редакции, Тихонов — указать новых сотрудников.

Посылаю рецензии на декабрь [4],— было бы очень хорошо, если б контора ежемесячно присылала гонорары за весь материал, который идет от меня.

Посылаю стихи Астрова, это рабочий. Будьте добры поместить их в декабрь, тотчас же вслед за моим рассказом, если это можно [5].

К сожалению, рецензии не имеют того вида, какой хотелось бы придать им, ибо — мало материала, нет книг.

Мне и Вам придется весьма сильно увеличить почтовые доходы России и других государств, но я уверен, что мы сделаем — то, чего хотим.

Дела музея подвигаются тихо.

Говорили Вы с Ладыжниковым о переводном романе?

Хорошо бы взять «Последнюю радость» Гамсуна[6], но, вероятно, он уже продал рукопись за цену выше Казбека и Эльбруса.

Сильно страдаю от безденежья, тороплюсь работать,— до свиданья!

Будьте здоровы.

А. Пешков

XII/13.
912

[1] В открытке от 24 ноября/7 декабря 1912 г. Вересаев писал: «Дело с „Современником" расстроилось. Издательство условий Н. К-ча М⟨уравье⟩ва не приняло. Л⟨я⟩цкий произвел на меня впечатление человека, совершенно лишенного лица, эта же безыдейность, по-видимому, станет достоянием и „Современника"» (*АГ*).

29 ноября/12 декабря 1912 г. Горький писал Ладыжникову по поводу переговоров с Н. К. Муравьевым: «Дело с „Совр⟨еменником⟩" расстроилось? Не огорчен. Значит, „Совр." не будет меньшевистским журналом, и Н. К. затеет другой. И — чудесно! Я бы очень желал, чтоб Вы и Тихонов А. Н. подобрали для „Совр." способных молодых людей. Я много говорил с Ляцким о Вас и Тихонове, так что Вы для него не незнакомцы» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 211—212).

[2] Анучин участия в работе редакции «Современника» не принимал.

[3] А. Н. Тихонов вместе с Ляцким был в феврале 1913 г. на Капри у Горького и принимал участие в совещаниях по «Современнику». См. п. 49, прим. 10.

[4] Горький выслал Ляцкому следующие рецензии: свою рецензию, подписанную *А. П.*, на кн. Ивана Новикова «Рассказы» (М., 1912); Г. Гребенщикова (за подписью Г. Гр-ковъ) на журн. «Сибирские вопросы», издающийся в Петербурге; Л. Старка (за подписью П. Рябовский) на кн. А. Н. Будищева «Степь грезит». Все эти рецензии были напечатаны в 12 кн. «Современника» 1912 г.

[5] Стихотворение Астрова «В ночной стране зажегся факел...» было напечатано в «Современнике» (1913, кн. 1) после рассказа Горького «Калинин».

[6] Роман К. Гамсуна «Последняя радость» на русском языке не был издан.

37. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург. 8/21 декабря 1912 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович.

Ваше письмо очень обрадовало и успокоило меня. То, что Вы не чувствуете себя огорченным разрывом с Муравьевым и компанией, показывает мне, что разрыв полезнее для журнала, чем соединение несоединимых элементов. Как Вы пишете, журнал мы наладим, а потом отойдем от него, чтобы заняться другими делами. Другие дела я подвинул довольно значительно. Не вполне удобно писать об этом по почте. До конца января осталось уже не так много, и тогда все расскажу Вам при нашем свидании.

Певин сейчас в Екатеринбурге, вернется дней через семь или восемь. По его возвращении, тотчас же выясню денежный вопрос. Скажу, что кроме этих двух рассказов[1], которые Вы отдали нам по 300 руб. с листа, следующие Вам не имеет смысла отдавать менее пятисот, а в особенности повесть, которую Вы пишете. Позвольте так и сказать ему, потому что нет никакого основания затрачивать такой громадный труд, который затрачиваете Вы, и получать за это меньше, чем Вы получили бы в другом месте. Что можно сделать, то сделаем не за страх, а за совесть, а чего нельзя сделать, того и не следует*. Из Вашего вопроса о романе Гамсуна вижу, что Вы не получили моего письма, где я Вам писал об одном норвежском романе, который взялась переводить г-жа Жихарева, романе из лопарской жизни[2]. Имя автора выскочило у меня из головы, но, по собранным мною справкам, автор этот интересен, и ро-

* Подчеркнуто Горьким (красный карандаш).

ман прочтется, вероятно, с большим вниманием. Январь уже на носу, и перевод надо было заказывать, так что я решил этот вопрос, не дождавшись Вашего ответа. Ладыжников в последний свой приезд говорил со мной только по телефону, так как он должен был в тот же день ехать в Берлин; вернется, как он сказал мне, дней через десять, т. е. я ожидаю его уже на днях.

Анучину написано приветственное и пригласительное письмо. Не думаю, чтобы из-за работы в «Современнике» он согласился переехать в Петербург. В Сибири он, кажется, связан довольно серьезными интересами. В качестве корреспондента он будет, несомненно, нам очень полезен.

Идущий в декабрьской книжке Губин произвел на меня громадное впечатление. Вы стали осторожнее в выборе красок и тоньше в отделке деталей, но то новое, что Вы приобрели в Италии, представляется мне громадным шагом вперед в Вашей писательской технике. Это — необыкновенная задушевность, с которой Вы говорите о природе, и любовное сочувствие, я бы сказал, сочувствие причастное, с каким Вы вкрапливаете в природу нелепые куски человеческой жизни. Мне показалось, но я не отвечаю всецело за свое впечатление, что люди, изображенные Вами, живая ткань коренной русской жизни, раскинувшейся над Окой и далеко вокруг нее, а в природе, где все русское, и лес, и река, и купеческая усадьба, все верно себе,— есть что-то каприйское, каприйский воздух, какая-то упоительная теплота, но без русской дремы.

С величайшим нетерпением ожидаю узнать, какую повесть Вы пишете и куда ее готовите [3]. Не минуйте только «Современника», а денежный вопрос давайте устроим так, как я предлагаю. Сентиментальностей с Певиным не нужно, да он и не стоит сентиментальностей. Человек он недурной, но в денежных вопросах иногда бывает с ним трудно.

С Хроникой русской жизни у нас ничего не вышло. Все, кого я ни привлекал, высказывают, что не стоит перепечатывать того, что обошло все газеты, напротив, с величайшим интересом читают то, что никому не известно, т. е. приходящее из-за границы; поэтому в итоге наша общая просьба только вести заграничную хронику так, как Вы давали ее раньше. Сообщите только, по какому масштабу ее расценивать.

Относительно Боровиковского Вас должно постигнуть разочарование. Это оказался не Боровиковский, а довольно заурядный художник-миниатюрист. Фалилеев [4] ездил с ней к нескольким знатокам, и все в один голос сказали, что она больше 35-ти—40 руб. не стоит. Поэтому я решил, что продавать ее жалко, и привезу Вам обратно эту вещицу: она очень хорошая и должна украсить Ваш кабинет. С рисунком Брюллова он еще не решил, ценность и эта будет небольшая, потому что на Брюллова теперь не мода и рисунков его великое множество.

Амфитеатров продолжает дуться.

Станкевич начал мне помогать и пока помогает недурно, так что значительная часть скучной и берущей большое количество времени работы с меня свалилось. Я имею некоторый досуг и обращаюсь к тем рукописям, которые Вы прислали. Начал читать рассказ Ласковой, и он мне нравится. Гребенщиков доставил только ту вещь, которую он переделал согласно Вашим указаниям, другая его вещь — повесть — еще не поступала. Как только он передаст ее мне, я тотчас же перешлю ее Вам [5].

Щеголев с приездом Богучарского, вместе с последним, будет редактировать отдел: «Новое о старом», в котором будут помещаться мемуары, любопытные письма и т. п.[6]

Все мечтаю о поездке к Вам. Страшно необходим отдых и личная работа.

Рад, что Вам понравилась книжка наша о Франциске. Не торопитесь продавать издания Ваши без моего ведома. Во всяком случае сообщите мне условия. Может быть, по истечении некоторого времени, буду иметь возможность быть Вам полезным в материальном отношении.

Сердечное спасибо за сказки и дружеское надписание [7]. Кланяюсь усердно Марии Федоровне и товарищам иже с Вами. У Бунина просите, пожалуйста, стихов и рассказ. Что же делать, если не хочет за дешево, пускай дает за ту цену, которую ему платят в других журналах. Скажу по совести, что более 400 платить ему не следует, за стихи его готовы платить по два рубля за строчку.

Мы с Певиным выработали договор, над которым он «думает». Как только что надумает, пришлю Вам копию.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш душевно

Евг. Ляцкий

8.XII.912

P. S. Лист с Вашим рассказом был уже отпечатан, когда Вы прислали стихи — для помещения рядом. Сделаем так в январе?

На первом листе п. вверху слева помета Горького: «8-го декабря 912 г.».

[1] Имеются в виду рассказы «Губин» и «Калинин».

[2] Речь идет о романе Бенгта Берга «Геннисарет». Напечатан в переводе на русский язык К. Жихаревой в 1—4 кн. «Современника» за 1913 г.

[3] Повесть «Хозяин».

[4] Вадим Дмитриевич *Фалилеев* (1879—1950) — художник, мастер цветной гравюры и офорта. См. о нем: *Чесноков В.* В. Д. Фалилеев. М., 1975. Фалилеев был на Капри летом 1911 г. и летом 1912 г. Им был исполнен портрет Горького (офорт) и несколько рисунков, изображающих Горького и его родных. Оттиск с офорта Фалилеева Горький подарил Ляцкому, с надписью: «Евгению Александровичу Ляцкому. М. Горький. 1912. Саргі». См.: *Желтова Н. И.* М. Горький и изобразительное искусство. М.; Л., 1965. С. 109. См. также в наст. томе, с. 487.

[5] «Бахтурминское царство» («Ханство Батырбека»). См. п. 20, прим. 4. Упоминаемая повесть — «Сельская знать». См. п. 40.

[6] Раздел под названием «Новое о прошлом» впервые появился в 1 кн. «Современника» за 1913 г.

«Под этим заглавием,— сообщалось в редакционном примечании,— вводится в „Современник“ новый отдел, который будет составляться из неизданных материалов: документов по истории и истории литературы, писем замечательных людей, небольших, не бывших в печати произведений в стихах и прозе русских писателей» (с. 228).

В 1913 г. в этом разделе были опубликованы материалы о Некрасове, Гоголе, Тургеневе, Герцене и др.

[7] Можно предположить, что Горький послал Ляцкому «Сказки» («Сказки об Италии») (М.: книгоизд-во писателей, 1913).

38. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

‹Капри. Декабрь, не ранее 13/26, 1912 г.›

Дорогой Евгений Александрович!

Очень обрадован вашим отзывом о «Губине», в очерках этого типа я хочу изобразить именно нечто «коренное русской жизни» — русской психики, и даже имел дерзкое намерение дать очеркам общий заголовок «Русь» [1]. Три из них отданы мною в «Вес‹тник› Евр‹опы›», еще *до* соглашения с «Совр‹еменником›» [2].

Повесть — окончена, скоро я ее пришлю, называется она «Хозяин». На осень дам большую вещь [3]. Сердечно буду благодарен вам, если вы устроите *повышение гонорара до 500* — как платит мне «*В. Е.*» — очень неловко и тяжело говорить об этом, но — обстоятельства понуждают, и, пока, они неодолимы.

На днях пошлю вам рукопись Изюмского «Гимназия» [4]. Литературные достоинства этой вещи невысоки, но тон — хорош, и я уверен, что она привлечет внимание учащейся молодежи. Автор — царицынец, бывший учитель, как видно.

Рад, что вам нравится Ласковая, кажется, из нее толк будет. Бунин ответит вам лично, стихи и рассказ от него получим [5]. Я бы думал, что январскую книжку надо составить так: Ласковая, начало очерков Изюмского, мой «Рябинин» [6] и еще какой-нибудь небольшой рассказец, хорошо бы с именем, да не вижу никого, пока.

Рукописей у меня лежит — масса, но последние дни не могу читать, будучи занят повестью. Относительно хроники — очень затрудняюсь: с отъездом М. Ф. нет у меня достаточно толкового и знающего языки помощника. Написал ей [7], мы это дело поставим, если только «Хроника» имеет значение.

Вы пишете «приеду в конце января» — это не описка? Вы хотели — на праздниках?

Видеться нам — необходимо [8].

Восхищаюсь изяществом изданий «Огней», хотя «Лебеди» Садовского — просто щеглята и поют с чужого голоса.

Рецензии о Криницком и Новикове пойдут в декабрь? [9]

Занят,— как архиерей во дни выборов в Думу!

Чудесная зима стоит здесь!

Будьте здоровы!

А. Пешков

Недурной роман написал Богданов,— вот бы нам что-нибудь в этом роде! Роман — «Инженер Мэнни» — вышел отдельным изданием у Чарушникова — Дороватовского [10].

Крепко жму руку.

А. П.

Передайте, пожалуйста, г. Пиксанову искреннюю мою благодарность за книгу, любезно присланную им [11].

Датируется по сопоставлению с п. 37.

[1] Общий заголовок «По Руси» был дан очеркам позже — в Собр. соч., вышущенном в 1914—1916 гг. изд-вом «Жизнь и знание» (т. XIX).

[2] В «Вестнике Европы» были напечатаны очерки: «Из впечатлений „проходящего“» (более позднее название — «Ледоход») (кн. 12, 1912); «По Руси. Из впечатлений „проходящего“» (более позднее название — «Женщина») (кн. 1, 1913), «По Руси. Из впечатлений „проходящего“» (более позднее название — «Покойник») (кн. 2, 1913). Горький писал редактору журн. «Вестник Европы» Овсянико-Куликовскому: «Я затеял ряд очерков, подобных посланным,— мне хотелось бы очертить ими некоторые свойства русской психики и наиболее типичные настроения русских людей, как я понял их» (*XXIX*, 252).

[3] По-видимому, подразумевается автобиографическая повесть «Детство». Публикация повести началась 25 августа / 7 сентября 1913 г. в газ. «Русское слово».

[4] См. п. 39, прим. 1.

[5] 14/27 декабря 1912 г. Бунин спрашивал Горького: «...что именно говорит Е. А. Ляцкий по моему адресу...» (*Горьк. чт.* 1961. С. 71). Горький процитировал в своем ответном письме Бунину слова Ляцкого из его п. от 8/21 декабря 1912 г. и добавил: «А „Соврем⟨енник⟩“ надобно поддержать!» (Там же). В тот же день, 14/27 декабря, Бунин написал Ляцкому: Горький «передал мне Вашу просьбу о стихах и рассказе» (*ИРЛИ*, ф. 163, оп. 2, № 88).

[6] Имеется в виду рассказ «Калинин».

[7] М. Ф. Андреева уехала с Капри 29 октября / 11 ноября 1912 г. Упоминаемое п. к М. Ф. Андреевой неизвестно. С просьбой вести отдел «Хроники заграничной жизни» в «Современнике» Горький обратился 12/25 декабря к А. Н. Тихонову (*Горьк. чт.* 1959. С. 27).

[8] Ладыжникову Горький писал 26 декабря 1912 г: «Ляцкий нужен мне во всю мочь по журналу и еще по целому ряду вопросов». Среди этих вопросов — совместная работа с Ляцким в издательстве «Огни». Горький предполагал «в первую же голову издать „Кожемякина“ и, если разошлась „Исповедь“ — IX-й том,— ее. Затем — книгу очерков „Русь“, эти очерки частью написаны, частью же — в работе. К осени

мы могли бы дать „Огням" две, три книги Горького, книгу Вольнова, „Сибирский сборник", „Грузинский"» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 214). План Горького не осуществился.

[9] См. п. 25, прим. 6.

[10] *Богданов А.* Инженер Мэнни: Фантастический роман. М.: изд-во А. Чарушникова и С. Дороватовского, 1913. В. И. Ленин увидел в новом романе А. А. Богданова «тот же махизм = идеализм» (*В. И. Ленин.* Т. 48. С. 161).

[11] *Пиксанов Н.* А. С. Грибоедов: Биографический очерк. СПб., 1911. На книге дарственная надпись: «Алексею Максимовичу Пешкову — поздняя благодарность за ранние художественные наслаждения. Н. Пиксанов. 11—X—1912». Книга с пометами Горького хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

39. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 18/31 декабря 1912 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Посылаю вторую половину рукописи Изюмского [1].

Как я уже говорил,— литературные достоинства ее невелики, но — служебное, социальное значение — на мой взгляд — несомненно, и, если вы с этим взглядом согласитесь, я попрошу вас начать печатание этих очерков с январской книги. Впечатление, произведенное арестами гимназистов в СПБурге, еще не успеет остыть, и мы этими очерками недурно ответим настроению и детей, и отцов [2].

Я полагал бы:

выбросить всю X-ю главу с характеристикой учителей;

XIV-я тоже, по моему мнению, излишня; очерки надобно закончить на XXI гл. — сцена объяснения Дыбина с матерью — т. е. исключив две главы, мы закончим повесть на 19-й. Разговор с автором по поводу сокращений я беру на себя.

Прошу вас,— когда вы прочитаете рукопись и возьмете нужное для январской книги,— пришлите мне все остальное для повторного просмотра вместе с вашими замечаниями. Последняя глава должна быть дописана, в ней не хватает «последнего слова», это уж я сам сделаю.

Засим: посылаю вам рукопись А. Семенова «Белый бурхан» [3]. Это весьма интересная вещь, и ее следует напечатать.

Но — автор перепутал поэму с обличительной корреспонденцией. Все, что относится к обличительному жанру, должно быть переделано в том серьезном тоне, как написана сцена поцелуя архиерейского нищему, и сообразно тем указаниям, которые даны на первых страницах рукописи. Если автор не может сделать этого сам — пусть он поручит мне.

Я пишу вам об этом потому, что адрес автора мне неизвестен, и я прошу вас узнать через Гребенщикова, кто Семенов и где он?

Было бы хорошо иметь эту вещь на февр⟨аль⟩ готовой, т. е.— исправленной. Интересны в ней песни, печатать их следовало бы другим шрифтом.

Вольный кончает рассказ, кажется, успеет к январю [4].

Будьте здоровы, будьте бодры, остальное все приложится!

Беллетристика у нас будет пока не ахти какая, но — свежая, молодая, и мы ею возьмем читателя, увидите!

Крепко жму руку.

А. Пешков

31/XII
912

Скажите Гребенщикову, чтоб он прислал мне «Деревенскую знать» [5].

[1] В п. от 5/18 ноября 1912 г. Изюмский благодарил Горького: «Указания Ваши ценны и верны. Некоторые из них я и сам предвидел, но колебался сделать изменения и поправки, которые без постороннего давления становятся для самих ав-

торов очевидными и необходимыми только с течением времени ⟨...⟩ Через неделю или несколько позже вышлю еще кое-что для музея» (*АГ*).

Повесть Изюмского «Гимназия» в «Современнике» не была опубликована.

[2] Вероятно, речь идет об аресте 9/22 декабря 34 учащихся средних учебных заведений Петербурга, собравшихся в частной гимназии Витмер. Учащиеся были заподозрены охранным отделением в принадлежности к нелегальному кружку. 14/27 декабря 1912 г. 44 депутата IV Думы обратились с запросом к правительству по поводу этих арестов. Объяснения по запросу давал министр народного просвещения Л. А. Кассо.

[3] Поэма А. Семенова «Белый бурхан» в «Современнике» не была опубликована. Напечатана в «Алтайском альманахе» (под ред. Г. Д. Гребенщикова. СПб., 1914).

[4] См. п. 32. Возможно, речь идет о рассказе Ив. Вольнова «На рубеже. Этюд». Напечатан не в «Современнике», а в «Северных записках» (1913, № 1).

[5] Рукопись повести Гребенщикова «Сельская знать» (у Горького — «Деревенская знать») была подвергнута Горьким суровой критике: «Ну, вот,— писал Горький Гребенщикову 14/27 марта 1913 г.,— разнес я Вас жестоко, как Вы это и заслужили. Но не следует заключать, что повесть непоправимо плоха, нет, просто ее надобно переделать. Лучше всего — отложить ее на год, на два, пусть полежит до поры, пока Вы сами ясно не увидите ее недостатков...» (*АГ*). Гребенщиков воспринял критику Горького болезненно: в п. к Ляцкому от 27 марта/8 апреля 1913 г. он писал: «Алексей Максимович сурово осудил большую мою работу „Сельская знать“ ⟨...⟩ У меня там все типы, только не главное лицо. Это просто средний человек — интеллигент, обезличенный условиями сельской жизни. А А. М. требует, чтобы я ему дал индивидуальности, „хоть бородавку на нос посадил“. А я как раз никакой меты, никакого клейма этому человеку и не хотел дать. Цели, судя по отзыву А. М., я достиг, а результаты плачевны: повесть осуждена на коренную переделку, на которую не подымается рука, пока я сам не стану во всем согласен с А. М. А буду ли согласен — как можно ручаться? Хоть и дерзко, а иногда своего мнения или мысли не хочется переменить ни за что» (*ИРЛИ*, ф. 163, оп. 2, № 160).

40. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург. 23 декабря 1912/5 января 1913 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович.

С величайшими затруднениями, после необычайной типографской суеты, выпущена наконец декабрьская книжка и является возможность на несколько дней вздохнуть свободнее. Вы увидите из ее содержания, что пришлось поместить для окончания огромные порции Шолом-Алейхема и Брака, чтобы только разделаться с этими произведениями. Вообразите, что Амфитеатров желал, чтобы мы поместили его романа не менее пяти листов. Можете себе представить, что было бы, если бы мы исполнили его требование. С ним мы обменялись довольно резкими письмами, причем обнаружилось, что он представляет собой господина, на обещания которого нельзя положиться. Рукопись «Сатирикона» Петрония, о которой он говорил еще в августе как о направленной в редакцию, мы до сих пор не получили: по его объяснению, она затерялась в дороге, и только 10 января он собирается ее выслать[1]. Что же касается его романа, то он чувствует наше к нему кислое отношение и тем не менее предлагает от 10 до 12 листов для будущего года. Не знаю, как Вы на это смотрите, но я отказался бы от него с большой охотой. Для этого не надо было бы искать предлога, заплатить ему свыше трех тысяч за вещь, столь трудно перевариваемую, журнал положительно не может, и мы охотно предложили бы ему получать не по триста, а каких-нибудь сто пятьдесят рублей с листа, чтобы хоть этим соответствием оценки романа с его достоинствами примирить себя с необходимостью его печатания. Это тем более было бы хорошо, что сатиры от Амф⟨итеатрова⟩ мы все равно не получим, и таким образом лучше всего было бы свести с ним счет. Что Вы думаете по этому поводу?

Январская книжка, предполагаю, выйдет около пятнадцатого числа. Ее содержание таково: в начале идет Ваш рассказ, потом стихотворе-

ние, затем отрывок из дневника Валуева, доставленный Щеголевым, потом стихотворение Ивана Алексеевича, затем половина рассказа, вернее повести, Гребенщикова «Бахтурминское царство», потом переводной роман, затем статья Плеханова, продолжение его статьи «Искусство и общественная жизнь», затем рассказ Ласковой, потом моя статья, затем обещанная статья Щеголева и т. д. Из небольших статей войдут воспоминания о Михайлове, кое-какие материалы о Некрасове. Было бы очень хорошо, если бы Иван Алексеевич дал рассказ на февраль либо на март. Да, я забыл, из более крупных вещей в январе пойдет повесть Дмитриевой «Сухари», добродетельная, как все, что пишет Дмитриева. Повесть эта была принята нами еще в июле прошлого года [2]. [Александр Николаевич Тихонов мне очень понравился, я жду от него значительного толка для журнала. Он человек не только талантливый, но, мне кажется, и образованный и в случае ухода Водовозова может некоторое время вести, при нашем общем содействии, социально-политический отдел, как мы его понимаем. Я обстоятельно беседовал с ним и теперь хочу начать с ним работать по вечерам, чтобы сообщить ему наши взгляды на ведение беллетристики и на общий дух журнала и вместе с тем ближе познакомиться с его миропониманием. Но видно по всему, что из него может выйти хороший работник для журнала. Я в высшей степени этому рад, потому что это развяжет мне руки и даст возможность перейти к другим назревшим нашим вопросам [3].] *

Об «Огнях» и об отношении их к сотрудничеству с Вами не пишу, потому что, вероятно, об этом подробно сообщают Вам Мария Федоровна и Иван Павлович. Скажу только, что я глубоко верю в целесообразность того основного принципа, по которому каждый автор в нашем коллективном предприятии остается собственником созданной им книги, и мы будем очень счастливы оказать Вам всякое содействие и помощь в том смысле, чтобы выпустить книгу Вашу как можно изящнее, дешевле и спасти ее от всевозможных акул книжного рынка [4].

Вообще говорить хочется много и долго. Но я надеюсь на скорое свидание с Вами, потому что есть много вопросов, о которых не расскажешь в письме. С Иваном Павловичем мы строим различные планы относительно января. Хотелось бы в начале, но не знаю, удастся ли вырваться. Январскую книжку и отчасти февральскую надо подготовить как следует.

Завтра еду с Тихоновым в Финляндию.

Берегите себя, пожалуйста, и не тревожьтесь мрачными мыслями. Верю, что все образуется очень хорошо, и Вы, столько наработавши в жизни, не будете испытывать необходимости разбрасывать свой ум и сердце на столбцах газетных листов. Еще раз прошу Вас, берегите себя, пожалуйста, и гоните прочь мрачные мысли.

Ваш Евг. Ляцкий

23.XII.912

[1] «Первый полный русский перевод знаменитого юмористического романа „Сатирикон“ Г. Петрония» был объявлен на 1912 г. в 11 кн. «Современника» за 1911 г. 14 мая 1912 г. Амфитеатров писал Ляцкому: «Относительно „Сатирикона“. Перевод, сделанный моим сыном и К. А. Лигским, давно готов и лежит у меня. Он очень недурен, но требует, чтобы его кто-нибудь проредактировал, оцензурил непристойные места и комментировал. Я рассчитывал сделать все это сам между работою по „Зверю из бездны“. Но сейчас, когда я отошел от журнала, не знаю, достанет ли у меня на то времени» (*ИРЛИ*, ф. 163, оп. 2, № 45).

[2] Из перечисленных Ляцким произведений в 1 кн. «Современника» за 1913 г. вошли: рассказ Горького «Калинин», стихотворение С. Астрова, «Отрывки из дневника» гр. П. А. Валуева, начало повести Г. Гребенщикова «Ханство Батырбека», начало

* Квадратные скобки принадлежат Горькому.

романа Б. Берга «Геннисарет», ст. Г. Плеханова «Искусство и общественная жизнь», Ляцкого «Н. Г. Чернышевский на пороге семейной жизни», П. Е. Щеголева «Гр. М. Н. Муравьев-заговорщик», повесть В. Дмитриевой «Сухари», материалы о Некрасове в разделе «Новое о прошлом».

Вместо стихотворения И. Бунина печатался его рассказ «Преступление» (см. п. 45). Присланным для 1 кн. стихотворением «Ноябрьская ночь» открывалась 2 кн. журнала.

Рассказ Ф. Ласковой и воспоминания о Михайлове не печатались.

Кроме указанных Ляцким произведений, в 1 кн. были опубликованы стихотворения А. Черемнова и Ю. Верховского, рассказ И. Сургучева «Следы вчерашнего».

[3] «Я сообщил М⟨арии⟩ Ф⟨едоровне⟩,— писал Горький А. Н. Тихонову,— выдержку из письма Ляц⟨кого⟩ ко мне, выдержка эта касается Вас и указывает, что Вы вызвали у автора ее серьезную симпатию, уважение к Вам. Я этому весьма рад: мне кажется, что дело, построенное на взаимной симпатии работающих в нем, хорошо пойдет! А хочется хорошее сделать!» (*Горьк. чт.* 1959. С. 29).

[4] Возможно, в этом письме речь идет об издании «Сказок об Италии» Горького.

41. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

Капри. ⟨23 декабря⟩ 5/I 913

Дорогой Евгений Александрович!

Если только имеется хоть какая-нибудь возможность,— включите рассказ Бунина в январскую книгу![1] Пусть книжка будет немного дорога,— необходимо, чтоб она была ярче! Миниатюра Сургучева тоже будет на месте рядом с рассказом Ласковой[2].

Если же, к великому огорчению, рассказ Бунина запоздал,— *в феврале ставьте его первым*, а за ним — начало моей повести[3], рукопись которой я задержал, было, в чаянии Вашего приезда, но сегодня высылаю.

Рассказ Семенова можно сделать очень интересным, я попробую[4].

Ваш приезд столь же, кажется, гадателен, как австро-русская война? Жду Вас с великим нетерпением.

О книгоиздательстве пока не говорю; нам прежде всего необходимо поставить на ноги журнал, дать ему ясное лицо. Шесть первых книг мы должны выпустить на славу! Я принимаю к этому все меры, зависящие от меня, но еще раз скажу — а и труден же на подъем российский человек! Мучитель.

Вы получили заявление об устройстве Музея?[5] Если оно проредактировано Вами,— его нужно печатать.

В «Совр⟨еменнике⟩» очень слаба корректура. Книжки плохо брошюруются — надо бы это исправить.

Очень может быть, что к февральской книге я дам небольшой очерк[6], весьма сенсационный по теме, и «Хозяина» придется отложить до марта. Этот вопрос будет решен на протяжении недели, я очень прошу Вас, Е. А., иметь в виду возможность такой замены.

На днях здесь будет Л. Андреев.

Пишу я — скучно, сам чувствую это, но — устал отчаянно.

Будьте здоровы.

А. Пешков

[1] Рассказ «Преступление».

[2] Рассказ И. Сургучева «Следы вчерашнего». Рассказ Ф. Ласковой «Лицом к лицу» напечатан в 6 кн. «Современника» за 1913 г.

[3] Повесть «Хозяин».

[4] Рассказ А. Семенова «Белый бурхан» в «Современнике» напечатан не был

[5] См. п. 31, прим. 1.

[6] Рассказ «Кладбище». См. следующее письмо.

42. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

‹Капри. 24 декабря 1912 г./6 января 1913 г.›

Дорогой Евгений Александрович,

посылаю повесть, хорошо бы поместить ее в двух книгах: февраль — март [1].

Беспокоит меня, что в декабре, очевидно, не будет «Хроники» [2]. Это такая досада!

Пожалуйста, прочитайте прилагаемое письмо Саяпина [3], вторую его страницу, строки, подчеркнутые красным.

Малый любит жаловаться — противное свойство «широкой русской души»! — но у него есть достоинства: есть дарование — очень необработанное, и знания — в большом беспорядке. Необработанность и беспорядок — устранимы, материал же у него — преинтересный и, будучи взят нами, очень продвинет журнал в массу читателя-демократа,— в этом я уверен. Да и для «богоискателей» материал весьма поучителен.

По силе этих соображений я полагал бы: желание Саяпина удовлетворить и дать ему — авансом — по 50 р. в м‹еся›ц, как он этого хочет. Если случилось бы, что он этих денег трудом своим не оправдает,— скажите П. И. Певину, что я возьму убыток на себя. Как вы нашли Изюмского?

Где 12-я книга «Совр‹еменника›»? Какова подписка?

Ой, сколько накопилось вопросов, планов! Скоро ли вы приедете?

Поздравляю с Новым годом, который идет на вас, а мною уже пережит, т. е. — встречен.

Встречен — скучно. От русских людей все более густо припахивает кладбищем и тлением. Пишу очерк на тему — чем должно быть кладбище в жизни? [4]

Вот какая тема! Европейцу — это в голову не придет: они свои кладбища прячут, а у нас — пожалуйте! В центре города красуются могилки предков, совершенно неуважаемых нами. Хорошо водку пить на кладбище, закусывая калеными яйцами. Не дурно также целовать — на Пасхе — толстеньких мещанок: — «Христос воскресе!» — а она, вытянув губы вперед вершка на два, скромненько отвечает: «Ах, я не христосуюсь». На русских кладбищах — в провинции — растут чудесные березы, всегда — почему-то — очень пышные, веселые и наивные, как институтки. Хоть вы и послали Сухомлина [5] к немцам уговаривать их, чтоб они не воевали,— немцы воевать будут! Очень им хочется побить нас! Здесь уже начали жалеть Русь.

Как видите — настроение у меня — старогоднее: кладбище, война. Это — ничего! Все будет пережито, все!

Будьте здоровы! Сердечно желаю всего доброго.

А. Пешков

6(25) 1.913

Горький ошибся на один день в переводе даты с нового на старый стиль.

[1] Повесть «Хозяин» была напечатана в кн. 3—5 «Современника» за 1913 г.

[2] Опасения Горького не подтвердились. В 12 кн. «Современника» была помещена «Хроника заграничной жизни». В *АГ* сохранились материалы этой «Хроники»; часть из них — рукою М. Ф. Андреевой, которая в то время вернулась в Россию (*АГ*).

[3] П. М. С. Саяпина не разыскано.

[4] Рассказ «Кладбище».

[5] Имеется в виду Владимир Александрович *Сухомлинов* (1848—1926). В 1909—1915 гг.— военный министр.

43. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 26 декабря 1912/8 января 1913 г.)

Дорогой Евгений Александрович,

поместите, пожалуйста, прилагаемый рассказ Сургучева [1] в январскую книгу *вслед* за рассказом Ласковой.

Вещица маленькая, но — милая, написана умно.

Прошу его дать еще такую миниатюру,— было бы лучше?

Всех благ!

А. Пешков

8/1.913

[1] Рассказ «Следы вчерашнего» Сургучев выслал Горькому 21 декабря 1912 г. (3 янв. 1913 г.) (*АГ*).

44. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. 1/14 января 1913 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Певин снова в отлете, кажется, не продолжительном. После его возвращения устроим финальное заседание по поводу разных формальных пунктов, бюджета на беллетристику и т. п. вопросов, обсудим дело Саянина и, надеюсь, удовлетворим Ваше желание. Второе дело: январская книжка уже на мази, исключая лежащих на мне статей [1]. Пишу их во все лопатки; как только кончу, буду считать себя подъявшим одно крыло для поездки на Капри. Вследствие всех этих обстоятельств очерки Изюмского отдал читать Александру Николаевичу Тихонову. Он вернет мне их завтра — послезавтра. Маленький рассказ Сургучева попадет еще в январскую книжку. Пришлось его почистить кое в каких отношениях: я думаю, что Вы против этого ничего не будете иметь. Писатель он, по-видимому, содержательный, но стиль дается ему нелегко*.

Рассказ нашего Алексея Силыча нравится не везде. Есть страницы сильные, мастерски сделанные, но в общем он наполовину лубок, наполовину художественное произведение. Очень унтер у него размалеван. Не знаю, как с ним быть еще и в другом отношении. Дело в том, что он не вполне цензурен. Печатать его в неизменном виде — сейчас же увидят оскорбление армии и администрации [2]. Силыча Вы пока не огорчайте, а подумайте: как быть?

Вы спрашиваете о подписке — могу судить по настроению Певина. Оно твердое. Он говорит: «радоваться особенно нечему, но и огорчаться нет основания». Стало быть, третье, т. е. не худо.

Итак, около пятнадцатого буду считать себя свободным сняться с якоря. Радуюсь предстоящему свиданию несказанно. В Академии отвоевал порядочно материалу. Такие почтенные лица, как Срезневский, не отказываются делиться дубликатами [3]. Книги также растут, и с весны начну переправлять их партиями, как будет удобно.

Ваш новый год пришелся в самую разруху нашего старого. Было так скверно, что я и представить себе не мог, чтобы где-нибудь новый год был хорош. Вот почему своевременно Вас не поздравил. Исправляю теперь мою оплошность и с надеждой на лучшее будущее душевно Вас обнимаю.

Ваш Евг. Ляцкий

1.1.913

---

* Подчеркнуто Горьким.

P. S. Список приготовленного к печати в «Огнях» [4].

1. Переписка Белинского с друзьями. 2 тома.
2. Сибирские письма Чернышевского. Вып. III.
3. Родэн. Искусство.
4. Сказки.
5. Масоны. Исторические очерки Пыпина, дополненные.
6. Джордано Бруно.
7. Сочинения С. Т. Аксакова — 2 т.
8. Дневник Веры Серг. Аксаковой (1854—1855).
9. О Герцене.

Готовятся:

1. Историч‹еские› песни.
2. Москва 40—60 годов XIX в.— рисунки Дмитриева-Мамонова.
3. Чернышевский. Биография (труды Вашего покорного слуги).
4. Гончаров. 3-ье изд., вновь перерабатываемое.

На все это уходит тоже бездна времени, но все это *нужно* — для *нашей* истории литературы. План у меня зреет,— так, как мы с Вами об этом говорили [5].

Экземпляр книги вел‹икого› кн‹язя› Ник‹олая› Мих‹айловича› об Александре привезу.

[1] В 1 кн. «Современника» за 1913 г. печаталось продолжение ст. Ляцкого «Н. Г. Чернышевский на пороге семейной жизни. Из биографических очерков по неизданным материалам».

[2] Речь идет о рассказе А. С. Новикова-Прибоя «Порченый». См. п. 29, прим. 3.

[3] Вероятно, речь идет о Вячеславе Измайловиче *Срезневском* (1849—1937) — сыне И. И. Срезневского. В. И. Срезневский занимался проблемами научно-технического фотографирования.

[4] Были осуществлены изд.: *Белинский В.* Письма. Т. 1—3. СПб., 1914; Чернышевский в Сибири: Переписка с родными (1865—1875). СПб., 1913. Вып. III; Родэн. Искусство. С иллюстрациями / Авториз. пер. Л. М.; СПб., ‹1913›; Сказки утехи досужие / Сказки избрал Е. А. Ляцкий, при участии М. Н. Чернышевского. Вступ. ст. Е. А. Ляцкого. Обл‹ожка› и рамка вокруг текста работы Д. И. Митрохина, им же указаны виньетки и заставки. Пг., ‹1915›; *Пыпин А. Н.* Русское масонство: XVIII и первая четверть XIX в./ Ред. и прим. Г. В. Вернадского. Пг., 1916; Сочинения Константина Сергеевича Аксакова. Пг., 1915. Т. 1; Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1845—1855). С портретами и факсимиле / Под ред. кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. СПб., 1913; Из московской жизни 40-х годов: Дневник Е. И. Поповой / Под ред. кн. Н. В. Голицына. СПб., 1911.

[5] В *Дн. Пятницкого* запись от 6 апреля 1913 г.: «История р‹усской› литературы. В связи с историей. Взялся Ляцкий. Ему мешают „Огни“» (*АГ*).

45. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

‹Капри. 2/15 января 1913 г.›

Оставьте лист январе для Бунина. Посылаю рукопись [1].

Телеграмма на бланке. На франц. яз. Датируется по пометам.

[1] Рукопись рассказа Бунина «Преступление». В авторизованной машинописной копии рассказа поставлена дата его написания: «26—27 декабря 1912 г. Капри» (*Бунин И. А.* Собр. соч. М., 1966. Т. 4. С. 471).

46. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

‹Капри. 4/17 или 5/18 января 1913 г.›

Дорогой Евгений Александрович!

Мне кажется, что рассказ Туркина [1] можно напечатать, рукопись же Дермана нужно возвратить,— это совершенно не годится [2]. Хотя и Туркин писал вещи более интересные.

Рукописей присылают массу, но — ничего значительного!

Следовало бы Хронику и библиографию печатать в два столбца, как в «Заветах» и «Рус‹ской› м‹ысли›», это опрятнее, красивее.

Хорошо бы мне иметь список всего материала, который принят старой редакцией, т. е. — до вашего вступления в журнал.

Послал перевод пьесы Тодорова, она очень на тему нам, но — я от нее не в восторге в противность Кристеву.

Имею чешский роман — перевод невозможен! Предлагают роман Рони-старшего [3], написанный на парижском арго,— прошу показать рукопись.

Работы — без конца!

Будьте здоровы!

Адрес Туркина — при сем.

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с письмом редакции «Современника» А. Б. Дерману. См. прим. 2.

[1] Рассказ А. Туркина «На вечное владение» опубликован в «Современнике» (1913, кн. 3).

[2] Абрам Борисович *Дерман* (1880—1952) — литературовед. Начал печататься как беллетрист. Редакция «Современника» 9/22 января 1913 г. направила А. Б. Дерману следующее письмо: «Милостивый государь Абрам Борисович. Редакция „Современника“ весьма извиняется за запоздание с ответом. Причина этому — посылка рукописей Ваших Ал. Макс. Пешкову. Алексей Максимович и вся редакция весьма ценят ваше сотрудничество и были бы весьма рады, если бы вы не отказали в дальнейшей присылке ваших произведений. Что же касается уже присланных вами рассказа и статьи о Блоке, то они, к сожалению, не подошли, и редакция не может ими воспользоваться» (копия письма сохранилась в жандармском деле — *АГ*).

[3] *Рони-старший* (псевдоним Жозефа Анри Бёкса, 1856—1940) — французский писатель. Можно предположить, что речь идет о его романе «Красная волна» (1910). В русском переводе появился только в 1924 г. *Рони Ж.* Красный вал: Роман / Пер. под ред. Ф. Н. Латернера. Л., 1924).

47. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

‹Петербург. 9/22 января 1913 г.›

Дорогой Алексей Максимович.

Рукопись Бунина и Ваша повесть «Хозяин» мною получены. Рассказ Ивана Алексеевича успеем поместить в январе [1]. Половину Вашей повести я прочел с захватывающим интересом. Беллетристикой, стало быть, в первую половину этого года мы очень богаты, надо налаживать другие отделы. Когда кончу свои несколько затянувшиеся очерки о Чернышевском, что случится в февральской книжке, перейду к налаживанию других отделов. Предполагаю, что Щеголев и Богучарский создадут очень интересный исторический и историко-литературный отдел [2]. В провинции отзываются слабо. Не удается добраться еще как следует и к отделу библиографическому. Все это в ближайшем будущем. В общем же работать можно, чувствуется, что журнал крепнет, крепнет и отношение к нему. С целью создания внутреннего ядра привлекаю усиленно А. Н. Тихонова, которому только сегодня устроил продолжительное свидание с Певиным, и, по-видимому, оба они остались довольны друг другом. Убивает меня необходимость фиксировать договорные отношения с последним. Но делать нечего: придется через это пройти [3].

Ушел бы я давно к Вам всей душой, но, во-первых, работы такая уйма, что положительно спать некогда, во-вторых, слышал, что к Вам все приезжают и приезжают новые русские, и я боялся, как бы приезд мой не оказался некстати. Теперь я жду В. Я. Богучарского, который 19 числа или 20-го прибывает в Россию. Как только повидаюсь с ним,

сейчас же еду к Вам, стало быть, это случится не позже как через две недели после писания мной этого письма.

О корректуре и отвратительной брошюровке я, помнится, писал Вам. Певин смотрит на это как на форму; «...давайте, говорит он,— хорошее существо, а там публика простит вам опечатки и скверный вид». Я держусь противоположного мнения, и на этой почве у меня с ним постоянно происходят споры. Надеюсь, однако, победить и эту трудность.

Я вижу, что я дурно был понят Вами по вопросу об издательстве. В данный момент меня интересует не новое издательство, но организация такая в лице, допустим, И. П. Ладыжникова для «Огней», которая сняла бы с меня практическую заботу и освободила значительную долю моего времени, чтобы я мог приблизиться к своей работе, к тем целям, которые мы считали с Вами важными. Теперь практическая забота и забота по печатанию новых изданий «Огней» берет у меня очень много сил. Ложится она на меня главным образом потому, что остальная наша компания[4] люди не практики, чем и я не могу похвастаться, однако представляю в нашем кружке наиболее практического человека.

Бебутов уже уехал и, вероятно, снесется с Вами.

Печатаю в январской книжке рассказ Бунина, стихи его, конечно, отнесем на февраль. Не правда ли? По письмам Вашим вижу и чувствую, что Вы страшно устали. Пожалуйста, берегите Ваши силы. Я на днях видел сон: шагаем мы с Вами по пескам Африки и смотрим на пирамиды. Не превратится ли когда-нибудь этот сон в действительность? Что Вы об этом думаете? А с другой стороны — амнистия ... Надвигается сомнение, что-то она принесет в самом деле.

Передайте, пожалуйста, Алексею Алексеевичу, что мы сдаем Джордано Бруно в печать[5].

Вот пока все. Душевно обнимаю Вас.

Ваш Евг. Ляцкий

9.1.913

[1] Рассказ «Преступление».

[2] Отдел «Новое о прошлом».

[3] Было несколько проектов договоров с Певиным: первый проект имел в виду, с одной стороны, Певина, с другой — Пешкова и Ляцкого (см.: *Муратова*. С. 49). Проекты, хранящиеся в *АГ* от ноября 1912 г., уже предполагали, с одной стороны, Певина, а с другой — «литературную группу» в составе Пешкова, Потресова, Ляцкого, Вересаева, Муравьева. См. п. 22. Ни один из них не был окончательно оформлен и подписан.

[4] В работе изд-ва «Огни» принимали участие М. Н. Чернышевский, Б. Л. Модзалевский, Н. К. Пиксанов и др.

[5] *Джордано Бруно*. Изгнание торжествующего зверя / Пер. и прим. Алексея Золотарева. СПб.: Огни, 1914. Книга с пометами Горького хранится в *ЛБГ*. Дарственная надпись А. А. Золотарева: «Любимому Алексею Максимовичу от Алексейча. Рыбинск, 20 мая 1914 г. ... Ибо и мы — Звезды и Небо Луне и любой Звезде ничуть не меньше, нежели все оне нам... Речь Бруно в Париже в день Пятидесятницы 1586 года от Р. Х.» (*Описание*).

48. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 9/22 января 1913 г.)

Настоятельно прошу не заменять себя Щеголевым во время Вашего отсутствия[1].

Телеграмма на бланке. На фр. яз.
Датируется по пометам на телеграфном бланке.

[1] См. п. 49.

49. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

‹Капри. 10/23 января 1913 г.›

Евгений Александрович, дорогой!

Основною задачей журнала мы ставим борьбу — широко говоря — с косностью, умственной ленью, восточным пассивизмом — со всяческим «кладбищенством», коему наша психика столь легко подчиняется. Задача, конечно, неновая, но — к ней и можно, и должно подойти с новых точек зрения, освещая дела жизни так, что все брошенные нами лучи будут указывать дорогу на Запад, в атмосферу культуры наиболее разработанной, наиболее ценной и дорогой нам.

Мало сказать, необходимо — доказать, мало возбудить физиологическое недовольство бытием,— как это делают наши доморощенные пессимисты и мистики Андреевы, Сологубы, Арцыбашевы, Мережковские и т. д.,— необходимо зажечь интеллектуальный протест против условий бытия, с такою силой, чтоб он пережег ветхого Адама в нас и стал протестом органическим. Верно?

Этот взгляд на дело обязывает нас ставить все вопросы наиболее конкретно, так, напр., если нам говорят: жажду свободы! — мы должны всесторонне разобрать, от чего именно желает освободиться сей жаждущий!

Г‹осподину› Щеголеву кажется высокой степенью свободы стремление редакции «Заветов» устроить из своего журнала универсальный магазин всякой беллетристики и всяких мнений [1] — именно это свободолюбие заставило меня уйти из «Заветов» [2]. Я не могу понимать свободу как безразличие, как право человека отрицать сегодня то, что он утверждал — да еще догматически — вчера. По этому пути мы быстро приходим к азиатскому хулиганству и цинизму Суворина, который, кстати, не умер и еще долго проживет, ибо он — не лицо, не человек, а — одно из типичнейших воплощений русской психики, которую мы желаем изничтожить, перевоспитать [3].

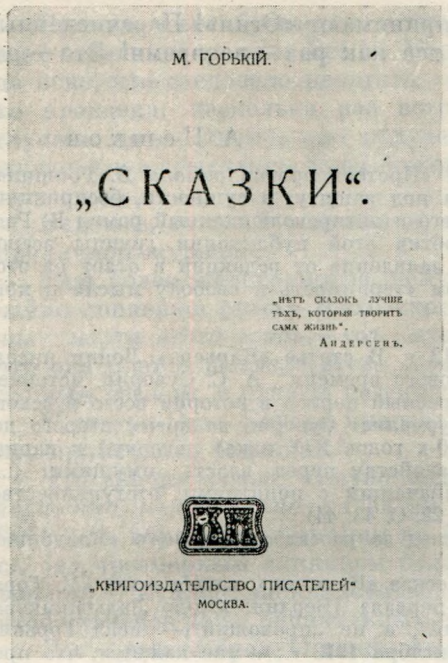
Заметка Щеголева — бестактна. И очень хорошо для нас, что он пишет так косноязычно, расплывчато и пусто,— иначе он нас очень сконфузил бы. А мы уже достаточно сконфужены целым рядом «волшебных изменений» журнала.

Мне известно также, что Щеголев говорил в Москве о вступлении в журнал Мережковского, Гиппиус и т. д. Эта болтовня не только должна отразиться на подписке, понижая ее, но она делает мое участие в журнале невозможным. Мережковский и прочие, иже с ним, мне не под кадриль. Глубоко уверен, что и Вам они чужие. Этим я объясняю мою телеграмму о Щеголеве.

Дорогой Е. А., очень понимаю, что Вам трудно разобраться в хаосе мелочных мнений, мелких течений современности, слишком раздробленной и судорожной в ее поисках организующей идеи. Вероятно, и мое отношение к «Заветам» покажется Вам ригористичным, узким. Но — с моей стороны не бойтесь ни ригоризма, ни узости, к этому я не склонен; суть в том, что, если мы с Вами хотим строить здание в определенном стиле,— необходимо в интересах красоты, чтоб и детали были стильны. Всякое дело тогда хорошо, когда оно, как песня, как музыка,— ничего лишнего, ни одного слова, ни одной ноты,— все — необходимо.

Сказанное утверждает еще раз необходимость нашего свидания. Было бы чудесно, если б с Вами приехал А. Н. Тихонов,— тогда мы, вчетвером, сразу закончили бы дело, и я Вас очень прошу: настаивайте на его поездке сюда.

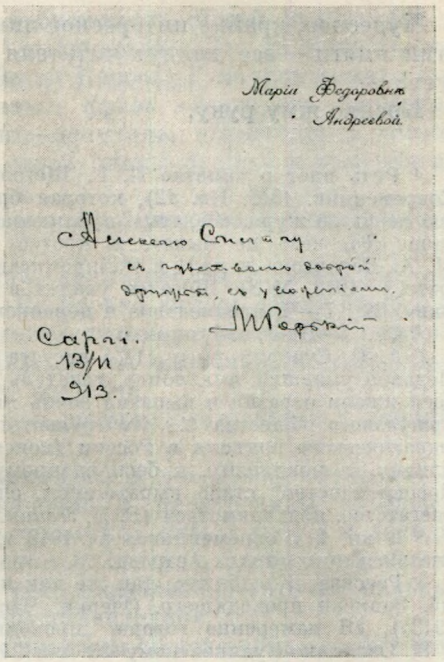
Засим: «Хозяина» отложите на март, апрель, а в феврале пускайте «Кладбище» — рукопись передаст Вам Ив‹ан› Павлович. Я очень прошу Вас поместить вслед за этой вещицей стихи Астрова, весь цикл [4],— они,


М. ГОРЬКІЙ.

„СКАЗКИ".

„НѢТЪ СКАЗОКЪ ЛУЧШЕ ТѢХЪ, КОТОРЫЯ ТВОРИТЪ САМА ЖИЗНЬ".
АНДЕРСЕНЪ.

„КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ"
МОСКВА.


Маріи Ѳедоровнѣ
Андреевой.

Capri.
13/II
913.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОРЬКОГО НОВИКОВУ-ПРИБОЮ НА КНИГЕ: М. ГОРЬКИЙ. СКАЗКИ

М. 1913

Архив Горького, Москва

по настроению сливаются с психологией «проходящего» [5]. В них ценно именно бодрое настроение, нам оно должно быть дорого. Я вижу, что автор слишком пленен Бальмонтом, но — он скоро уйдет из этого плена, мы ему поможем освободиться и найти свою форму.

Приехал сюда Андреев, о нем расскажет Вам И‹ван› П‹авлович› [6]. Ожидаю еще кое-кого, но прежде всех и горячее — Вас.

Знакомы Вы с Ценским? Вот кого нам нужно, и хорошо было бы привезти его сюда.

Боюсь, что Сургучев обидится на поправки, ибо он считает себя писателем законченным [7].

Силыч? Это мужик крепкий, он скоро даст нам хороший рассказ, вот увидите! А тот мы поправим [8].

Сильно работают грузины, скоро у нас будет интересный материал [9].

Сейчас получена ваша телеграмма «оставляю Тих‹онова›»,— вы уже знаете из предыдущего, что лучше будет, если Т. поедет с вами сюда,— и я, и Ив. Павлович считаем это положительно необходимым, дабы наладить дело! [10]

М. б., возможно ограничить Щ‹еголева› в правах так, что он не испортит книгу? М.б.— его в состоянии заменить Водовозов? Наконец, взять сюда материал фев‹ральской› книги и редактировать дорогою, здесь?

Вообще,— я думаю вы, дорогой Е. А., найдете исход из этого положения, а пока — крепко жму руку, радуясь скорому свиданию.

А. Пешков

10/23.
I, 913

Чудесное, крайне интересное лицо принимают «Огни»! Перечисленные вами книги — все найдут читателя и все как раз — во время! Это — радует!

Крепко жму руку.

А. Пешков

[1] Речь идет о заметке П. Е. Щеголева «Протест против романа В. Ропшина» (Современник. 1912. Кн. 12), которая брала под защиту, в сущности, беспринципную позицию журн. «Заветы», публиковавшего и антиреволюционный роман В. Ропшина «То, чего не было», и протест против этой публикации группы эсеров (М. А. Натансона и др.), и компромиссное заявление от редакции в ответ на этот протест (1912, № 8). Щеголев увидел в этом «терпимость и свободу мысли и критики». См.: Г—Ч, предисловие к переписке.

[2] См.: Г—Ив-Р, п. 7, прим. 1.

[3] А. С. Суворин умер 11/24 августа 1912 г. В статье «Карьера» Ленин писал: «Недавно умерший миллионер, издатель „Нового времени", А. С. Суворин, историей своей жизни отразил и выразил очень интересный период в истории всего русского буржуазного общества ⟨...⟩ Либеральный журналист Суворин во время второго демократического подъема в России (конец 70-х годов XIX века) повернул к национализму, к шовинизму, к беспардонному лакейству перед власть имущими ⟨...⟩ „Нововременство" стало выражением, однозначащим с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство» (*В. И. Ленин.* Т. 22. С. 43, 44).

[4] В кн. 2 «Современника» за 1913 г. вслед за рассказом Горького «Кладбище» печатался цикл стихов Астрова.

[5] Рассказ «Кладбище», так же как и рассказ «Калинин», вошел в кн. «М. Горький. Записки проходящего. Очерки. Часть первая» (Берлин, изд-во Ладыжникова, ⟨1913⟩). «Я намеренно говорю „проходящий", а не „прохожий",— писал Горький Д. Н. Овсянико-Куликовскому 23 или 24 сентября 1912 г.: — мне кажется, что прохожий не оставляет по себе следов, тогда как проходящий — до некоторой степени лицо деятельное и не только почерпающее впечатления бытия, но и сознательно творящее нечто определенное» (*XXIX*, 251).

[6] Л. Андреев и И. П. Ладыжников находились на Капри с 19 по 24 января 1913 г. (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 331).

[7] Редакционная правка Ляцкого, как и предполагал Горький, вызвала возмущение Сургучева. Вторую миниатюру «Следы вчерашнего» он дал в «Кругозор», где она и была напечатана (Кругозор. 1913. Кн. 2).

[8] Возможно, рассказ Новикова-Прибоя «Лишний». Напечатан в «Современнике» (1913, кн. 12). Горький упоминает далее рассказ «Порченый». См. п. 44, прим. 2.

[9] 17/30 января 1912 г. Н. В. Канделаки сообщил Горькому о высылке материалов по грузинской литературе (*АГ*). В «Современнике» не публиковались.

[10] Упоминаемая телеграмма Ляцкого не разыскана. А. Н. Тихонов и его жена В. В. Шайкевич приехали на Капри до 10/23 февраля 1913 г. Ляцкий приехал позже. К. П. Пятницкий записал в дневнике 10 февраля 1913 г.: «По дороге здороваюсь с Тихон⟨овым⟩ и Варв⟨арой⟩ Вас⟨ильевной⟩». 18 февраля: «Приходит Г⟨орький⟩, Ек⟨атерина⟩ П⟨авловна⟩, Тихоновы, Ляцкий». 20 февраля: «Заговорились с Ляцким — волнуется, раздражен». 22 февраля: «Разговариваю с Ляцким — едет в Неаполь ⟨...⟩ Оказывается, в Неаполь едут Горький, Ек⟨атерина⟩ П⟨авловна⟩, Макс⟨им⟩, Ляцкий и Тихоновы ⟨...⟩ Бунин рассказывает: Тихонов введен редактором в „Современник". Основывается издательство, где будут он и М⟨ария⟩ Ф⟨едоровна⟩ ⟨...⟩ Ляцкий отказался взять Затертого. Ляцкий говорит, что не позволит превратить „Соврем." в большевистский орган» (*АГ*).

50. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

⟨Капри. 11/24 января 1913 г.⟩

Ладыжников будет Петербурге среду [1].

Текст на телеграфном бланке. На фр. яз.
Датируется по пометам на телеграфном бланке.

[1] Среда — 16/29 января 1913 г.

51. ГОРЬКИЙ — РЕДАКЦИИ «СОВРЕМЕННИКА»

⟨Капри. 28 февраля/13 марта 1913 г.⟩

Мм. Гг.!

Просмотрев 2-ю книгу «Современника», считаю необходимым ознакомить Вас с тем впечатлением, которое она вызывает.

Прежде всего бросается в глаза небрежность общей редактуры: на всех страницах романа Эса де Керос [1] напечатано: «Эса де Кероса», когда ясно, что следовало печатать — «Эс де Керос». Рукопись романа плохо правлена: несколько раз встречается фраза «глаза его засверкали глупым довольством», «по получении — получил». «Мальчишки *рвались* на волю и *порывались* даже *бежать,* строя планы *бегства* и измеряя высоту окон».

Надеюсь, со мной согласятся, что это малограмотно и недопустимо в приличном журнале.

Еще более малограмотна ненужная, неинтересная и, очевидно, случайно попавшая статья Быховского [2]. Ее первая фраза: «Дело было *в начале марта этого года*»,— тот, кто сдавал статью, должен был помнить, что она идет *в феврале этого года.* Вся статья написана неумело, очень дурным языком, и отнюдь не украшает журнала.

К статье Отто Бауэра приделано совершенно бестолковое и непонятное примечание редакции [3].

Что значит фраза: «Бауэр недооценивает, а *кое в чем оценивает совершенно неправильно* характер, значение и перспективы переворота 908 г., не обращает внимания на *династический смысл войны* и находится под чрезмерным влиянием *болгарских политиков, среди которых, как раньше в Италии,* шовинистический угар оказался достаточно сильным, чтоб охватить даже радикальных их представителей».

Это — явный бред. О каком «династическом смысле войны» идет речь? Каким образом болгарские политики попали в Италию? Неужели редакция видит в примечании этом некий смысл и полагает, что читателю будут понятны такие ее соображения, как «Бауэр недооценивает, а *кое в чем* оценивает совершенно неправильно?»

Подобного рода заявления — смехотворны и унижают журнал. Особенно неловко и стыдно встретить указание на «династический смысл войны» — это уж мысль политика из Чухломы, она уместна лишь в журнале юмористическом.

Наивная статья Делевского, так же как и статья Быховского, кажется мне случайной, помещенной лишь вследствие недостатка подходящего материала. То, что автор именует «антагонизмом пролетариата», не существует в той форме и в том смысле, как ему угодно изображать это. Если б он был немецким каменщиком, матросом или рудничным рабочим, он сам понял бы, что ему нельзя работать с людьми, которым чужд его язык, которые не понимают его речь [4].

Мне непонятно, чем руководствовалась редакция, помещая статьи Быховского и Делевского.

Необходимо было извлечь из статьи Бонча-Бруевича масло и патоку, коими он так обильно потеет. На 310 странице он слишком смел и, как Бауэр,— по мнению редакции,— «находится под чрезмерным влиянием болгарских политиков», так Бруевич, видимо, чрезмерно верит фантазиям г. Мережковского. Ему необходимо ознакомиться с исследованием Коновалова о религиозном экстазе в русском мистическом сектантстве, а также вспомнить, что религиозное возбуждение родственно половому. Уж не такой же солидный ученый Бруевич, чтоб позволять себе говорить о вопросе неясном и нерешенном столь решительно и догматически, как он это делает по легкомыслию, вообще и во всем свойственному его натуре [5].

Статья Луначарского многословна и написана в стиле профессора Аничкова, которому ни в чем подражать не следует [6].

Следует попросить автора писать проще, менее витиевато, более кратко. Рассуждения иногда бывают весьма забавны, но факты всегда поучительны. Побольше фактов, поменьше субъективных мнений.

В общем, вторая книжка «Современника» вызывает гнетущее впечатление небрежностью, с которой она составлена, бесчисленными обмолвками неприятнейшего характера и полным отсутствием какого-либо внутреннего единства.

Так нельзя вести журнал. Если «каждый молодец» будет писать «на свой образец», то редакция окончательно сведет с ума русского читателя, который все-таки смотрит на журнал серьезными глазами и ждет от него знаний, а не мнений, выводов, солидно построенных на фактах, а не субъективных фантазий.

И я принужден заявить, что, если книжкам «Совр‹еменника›» и впредь будет придаваться такой же эклектически-анархический характер, если редакция и в будущем останется равнодушной к вопросу внутреннего идейного единства,— я попрошу не считать меня более сотрудником «Современника».

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с п. Горького А. Н. Тихонову от 28 февраля / 13 марта 1913 г., вместе с которым он переслал Ляцкому и другим членам редакции свои критические замечания. Горький писал Тихонову: «Посылаю несколько строк моих „Заметок читателя“ по поводу 2-ой книги „Современника“. Если найдете нужным, ознакомьте с ними „редакцию“ — черт бы ее побрал! Это же сумасшедший дом, а не редакция! Кто-нибудь из них читает всю-то книжку?» (*Горьк. чт.* 1959. С. 31). «Заметки читателя», по существу, явились п. Горького в редакцию «Современника».

[1] *Эса де Керос.* Преступление отца Амаро: Роман // Современник. 1913. Кн. 2—8. Современное написание имени португальского писателя – Эса ди Кейруш Жозе Мария (1845—1900).

[2] Н. Быховский «В успокоенной России. Из дорожных впечатлений». В тексте статьи автор-повествователь упоминает также начало июля этого года, что свидетельствует о том, что статья была написана не в 1913 г., а, по-видимому, в 1912 г.

[3] Отто *Бауэр* (1882—1938) — один из лидеров правого крыла австрийской социал-демократии и II Интернационала.

В п. Горького цитируются строки примечания, относящиеся к характеристике недостатков ст. Бауэра.

[4] Ю. Делевский «Внутренние антагонизмы пролетариата: Конкуренция иностранного труда» (Современник. 1913. Кн. 2 и 3). В статье конкуренция между местным населением и иностранными рабочими рассматривалась как проявление «*внутриклассовых* антагонизмов» самого пролетариата. «Подобные антагонизмы,— писал Делевский,— ведут к борьбе, принимающей по временам весьма острый характер. Внутренним антагонизмам пролетариата соответствуют на противоположном полюсе проявления *относительной солидарности* между рабочими и предпринимателями» (Современник. 1913. Кн. 2. С. 235).

[5] В. Бонч-Бруевич «Московские трезвенники». Статья была помещена в разделе «Итоги и факты». В. Д. Бонч-Бруевич сообщал в ней о преследовании религиозной секты «трезвенников». В безусловно положительном отношении Бонч-Бруевича к секте «трезвенников» Горький увидел близость к «откровениям» Д. С. Мережковского, нашедшего в сектантах носителей истинной веры (*Мережковский Д. С.* Не мир, но меч (к будущей критике христианства) // Полн. собр. соч. М.: изд-во Сытина, 1914. Т. XIII. С. 108).

Упоминаются кн.: *Коновалов Д. Г.* Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Ч. I. Вып. 1. Сергиев-Посад, 1908; *Он же.* Психология сектантского экстаза. 2-е изд. Сергиев-Посад, 1909. Хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

[6] А. Луначарский «Князь поэтов в Народном университете». Письмо из Парижа. В статье рассказывается о Поле Форе (1872—1960) — французском поэте-символисте и его реферате «Поэт и газеты», прочитанном в Народном ун-те Парижа.

52. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

‹Петербург.› 8‹21› III 1913 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Еще раз душевно благодарю Вас за приветственную телеграмму [1], которая очень обрадовала меня. Но к именинам своим не припас я именинного настроения и провел этот день в скучных и утомительных раз-

говорах по «Современнику». [Настроение, которое я застал здесь*, таково[2].

1. Много сделано ценного для исторического и историко-литерат<урного> отдела.

2. Певин и Богучарский стоят на позиции блоковой (левее кадетов), приемлют марксизм как метод научного объяснения, но «большей определенности» в смысле уклона к большевизму боятся, как жупела. Мнение о Степанове[3]: «он, по слухам, пережил какую-то эволюцию. Если последняя не сделала его менее нетерпимым, работать с ним будет вряд ли возможно»*. Туманно выдвигается кандидатура Кусковой (без Прокоповича). Помнят Ваше отношение ко всякой фракционности и не допускают мысли, чтобы Вы изменились.

Водовозов считается неприемлемым ни в каком виде.

Подписчиков — 3 с чем-то тысячи. Возможнось каких бы то ни было внутренних потрясений Певин оценивает как смертельный удар самому факту издания. Он верит в прогрессивное обогащение силами и объединение.

Ждут моих переговоров с Степановым, жалеют, что переговоры с Вами откладываются до половины апреля.] [2*]

Но возникает новое обстоятельство, Н. И. Иорданский возбудил вопрос о соединении с «Современником». У них 7500 подписчиков — шанс, весьма утешающий бедного Певина. По-видимому, дешево он не отдаст и если пожелает войти — minimum в качестве члена редакции (желательно без портфеля). Но как вообще относитесь Вы к подобной возможности?[4] Сегодня вечером будет толковать с ним Певин, я же, во-первых, оставил за собой право высказаться последним из здесь присутствующих и, во-вторых, поставил вопрос о редакционном участии Иорданского в зависимость от Вашего согласия.

Вчера был Иван Павлович. Я убеждал его не отказываться от положения члена совета кредитного о<бщест>ва.

Сегодня звонил А. Н. Тихонов, только что вернувшийся. Он будет у меня завтра утром.

Итак, выждем, как разрешатся новые обстоятельства. Соединение с «Совр<еменным> миром» факт в издательском отношении очень крупный, и можно идти кое на какие жертвы,— но на какие? — тут требуется большая осмотрительность. Иорданский — не сахар в редакционной коллегии, ибо он по натуре своей людей не соединяет, но разъединяет. Лучше бы всего свести его на роль получающего редакционную ренту, если нельзя иначе.

И будем думать, друг дорогой и товарищ, что все образуется, не все, так то, о чем думаем горячо и во что верим.

Кланяюсь Екатерине Павловне и сердечно жму Вашу руку

Ваш Е. Ляцкий

P. S. Пришлите рукопись Игоря Северянина.

[1] Поздравление с днем 45-летия (3/15 марта 1913 г.). Телеграмма не разыскана.

[2] Имеется в виду петербургская редакция «Современника», куда входили П. И. Певин, В. Я. Богучарский, П. Е. Щеголев и В. В. Водовозов.

[3] Иван Иванович *Скворцов-Степанов* (1870—1928) — старейший участник русского революционного движения, литератор-марксист, в РСДРП с 1896 г., с конца 1904 г.— большевик. Во время пребывания Ляцкого на Капри обсуждалось предложение Горького о введении в социально-политический отдел «Современника»

* Здесь и далее подчеркнуто Горьким. Против пункта 2 Горьким поставлен вопросительный знак (красный карандаш).

2* Квадратные скобки принадлежат Горькому.

И. И. Скворцова-Степанова, А. Н. Тихонова и В. А. Базарова. 15/28 марта А. Н. Тихонов писал Горькому: «Положение дел в „Современнике“ по-прежнему не ясно. Во всяком случае несомненно одно, что предложение Е. А. ввести в редакцию Степанова встречено весьма недружелюбно: „скучный литератор“, „большевик“ и т. д.» (*АГ*).

[4] «Переговоры с „Сов(ременным) мир(ом)“, которые ведутся Певиным с помощью Щеголева,— писал Тихонов в упоминавшемся письме,— возможность участия Иорданского в журнале в качестве редактора настолько окрылили теперешний состав редакции, что она, по-видимому, готова идти даже на разрыв с Л(яцким), если он очень станет настаивать на введении новых людей» (Там же). Предполагаемое соединение «Современного мира» с «Современником» осуществлено не было.

53. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

(Капри. 9/22 марта 1913 г.)

Дорогой Евгений Александрович!

Посылаю стихи Бунина на апрель и март [1], а также просьбу библиотеки.

Прочитал я всю вторую книжку «Современника» и — в ужасе: если мы выпустим еще одну, две такие же бестолковые и малограмотные книги — журнал будет убит.

Мною послана А. Н. Тихонову довольно подробная рецензия на книгу, но в ней я забыл упомянуть, что статья Корнилова [2] тоже лишняя в журнале. Она решительно ничего не говорит об идейной позиции Мережковского,— позиции, которую мы должны осветить; «критика» Корнилова чисто внешняя, формальная, но — и с этой точки зрения даже коротенькая заметка Садовского [3] — ценнее бесцветных рассуждений Корнилова.

Делевские, Быховские — все это не нужно. Б.-Бруевич должен прочитать какой-нибудь солидный труд по вопросу о половой психопатологии и затем уже рассуждать о мистиках-сектантах.

Все эти наполняющие книжку легкомысленные и противоречивые мнения каких-то скучных людей не могут создать журналу ясного лица и не сделают его нужным читателю.

Мне очень неприятно и тяжело писать Вам это, Евгений Александрович, но я должен сказать, что при данном составе редакции я едва ли стану долго работать, и если до июня мы не реорганизуемся,— буду принужден уйти.

Будьте здоровы, не сердитесь на меня.

Всего доброго!

А. Пешков

Помимо публикуемого текста, представляющего собой машинопись с приписками и подписью Горького, в *АГ* хранятся: а) машинописная копия письма (без приписки и подписи), но с датой — 9/22. 1913, проставленной Горьким в левом углу страницы чернилами, и б) черновой автограф с правкой синим карандашом и датой в правом углу страницы — 1/14 марта 1913.

Датируется по помете Горького на машинописной копии письма, направленной А. Н. Тихонову: «...передайте письмо Ляцкому. Никак не могу написать ему в форме более дружеской, что ли? Более мягкой» (*Горьк. чт.* 1959, С. 31).

[1] В кн. 3 «Современника» стихотворения И. А. Бунина не были напечатаны; в кн. 4 печатались два стихотворения Бунина «Уголь» и «Потомки пророка», объединенные общим заголовком «Мудрость», и рассказ «Худая трава». В п. от 6/19 марта 1913 г. Бунин писал Ляцкому: «Дорогой Евгений Александрович, вчера Алексей Максимович и от своего и от Вашего имени просил у меня стихов для апрельской кн. „Современника“. „Это,— сказал он, ничего, даже хорошо, что в одной книге будут и стихи Ваши и рассказ“.— Посылаю Вам 32 строки — 3 маленьких стихотворения — и присовокупляю покорнейшую просьбу: сообщить о получении их; в рассказе, в „Худую траву“, в VII главу в начале 6-го абзаца вставить такие слова: в „полушубке и в соломенной шляпе“,— чтобы вышло так: „Заходил старик-плясун, в полушубке и в соломенной шляпе, приносил яблоки...“ Говорят, нынче день Вашего рождения?

От души поздравляем, желаем всех благ земных. Ваш Ив. Бунин» (*ИРЛИ*, ф. 163, оп. 2, № 88).

В текст «Современника» предлагаемая Буниным вставка не вошла, в последующие издания рассказа она включалась.

[2] Александр Александрович *Корнилов* (1862—1925) — историк, активный деятель кадетской партии. В ст. «Исторический роман Д. С. Мережковского „Александр I“» Корнилов рассматривал роман Мережковского «лишь с точки зрения исторической достоверности». При этом он пришел к «довольно отрицательному выводу. Новое произведение Д. С. Мережковского является, по моему мнению, не художественным воспроизведением общественной или народной жизни конца александровской эпохи... а просто компиляциею, написанной прекрасным языком» (Современник. 1913. Кн. 2. С. 199). Но свои критические замечания автор статьи сопроводил множеством оговорок и комплиментов, заявив, что вообще не касается выяснения взглядов автора произведения.

[3] В ст. «Оклеветанные тени» («О романе Д. С. Мережковского „Александр I“») Б. Садовской писал: «Мертвой теорией, общим методологическим приемом пытается Мережковский подменить то, в чем ему отказано от природы. Идея „Александра I“ все та же, давно известная: это развитие его учения об Антихристе ⟨...⟩ идея в корне погубила замысел романиста, и Александр вышел неубедительным и бледным». При этом автор статьи обвинял Мережковского в том, что он «строго и пристрастно судит знаменитых наших покойников» (Крылова, Карамзина, Жуковского, декабристов: Рылеева, Пестеля, Каховского и др.) и, «сажая их подсудимыми на скамью современности, как бы обвиняет в том, что не читали они „Грядущего Хама“» (Северные записки. 1913. № 1. С. 117—118).

54. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

⟨Капри. 14/27 марта 1913 г.⟩

Дорогой Евгений Александрович!

Вы сообщаете: «Певин и Богучарский стоят на позиции блоковой, приемлют марксизм как метод научного объяснения, но „бóльшей определенности“, в смысле уклонения к большевизму, боятся, как жупела» [1].

Хотя меня очень мало интересует позиция, на которой стоят Певин и Богучарский, однако не могут не заметить, что эта позиция мне не понятна. Что значит «блоковая», с кем предполагается блок? Все это — неясно, равно как неясно, почему названные Вами лица говорят о большевизме и что побудило их говорить о нем?

Далее — Вы сообщаете чье-то мнение о Степанове: «...если он не стал менее нетерпимым, работать с ним вряд ли будет возможно».

Мне опять-таки непонятно, о какой и к чему — терпимости идет речь?

Но всего более непонятно мне, почему г. г. Певин и Богучарский говорят в тоне столь решительном и кто дал им возможность говорить в этом тоне?

С Ваших слов мне известно, что Певин не имеет права вторгаться в дело идейной организации журнала [2]. Вы,— совместно со мною и Тихоновым,— признали необходимость ввести в журнал Базарова и Степанова, как людей политически грамотных. Остается Богучарский, очевидно, это он находит, что со Степановым «вряд ли можно работать».

Позвольте, Евгений Александрович, напомнить Вам и г. Певину следующее: когда Вы, приехав на Капри, приглашали меня реорганизовать журнал, Вы не говорили мне о том, что в числе членов редакции, имеющих право голоса, находится Богучарский.

Лицо это введено в редакцию после меня и без моего ведома, а факт приглашения новых лиц в журнал без ведома моего является фактом, нарушающим мои права, с чем Вы, вероятно, согласитесь.

До сей поры я не указывал Вам на этот факт, вследствие известного отношения к Вам, но теперь, когда для Вас мнения Богучарского являются решающими судьбу журнала, я считаю необходимым сказать Вам, что Вы поступили неправильно по отношению ко мне.

Вместе с этим заявляю, что я останусь сотрудником «Современника» только при том условии, если редакция его составится так: Вы, Базаров, Степанов, Тихонов. Никакой иной комбинации я не могу принять.

И затем: так как при данном составе редакции журнал ведется крайне небрежно и малограмотно,— о чем убедительно говорит вторая его

книга за текущий год,— и так как я, член редакции, отвечаю пред читателем за допущенные ею небрежности, не будучи повинен в них, я принужден заявить Вам, что считаю мое положение в журнале очень тягостным для себя и прошу Вас теперь же вычеркнуть в объявлении о подписке мое имя из числа лиц, участвующих в социально-политическом отделе журнала.

До поры, пока не составится новая редакция, я остаюсь в «Современнике» сотрудником, как беллетрист.

Укажу Вам еще на следующее: — Вы пишете: «настроение, которое я *застал* здесь, таково».

Это — неточно. Вы не могли *застать* настроения, Вами описанного, ибо до Вашего приезда оно не могло сложиться. Певин и Богучарский могли высказаться так, как они высказались, только после Ваших сообщений о беседах на Капри.

Не могу скрыть, Евгений Александрович, что Ваша описка — «настроение, которое я *застал*», вместо «настроение, которое *создалось после моих разговоров* с Богучарским», это Ваша маленькая описка, сильно изменяет мое отношение лично к Вам [3].

Желаю всего доброго.

А. Пешков

14/27.III.913

[1] См. п. 52.

[2] К этому месту письма Ляцкий сделал примечание: «Неточно. Мною было сказано: Певин предоставляет мне всецело организацию редакции».

24 февраля 1912 г. Певин писал Ляцкому: «Многоуважаемый Евгений Александрович! Пригласив Вас с марта месяца с. г. редактировать издаваемый мною внепартийный прогрессивный журнал „Современник“, настоящим письмом подтверждаю, что Вам принадлежит право как привлечения к сотрудничеству в журнале лиц, согласных с программой и общим характером „Современника“, так и выбор и распределение литературного материала» (*ИРЛИ*, ф. 163, оп. 2, № 381).

[3] В тот же день Горький писал А. Н. Тихонову: «Дорогой друг, посылаю Вам копию письма Ляцкого ко мне и копию моего ответа ему. Этот уважаемый лимон вывел меня из терпения, и я нашел необходимым сказать ему несколько теплых слов, которые или укрепят нашу позицию, или заставят нас отойти в сторонку от терпимости и прочих луж ⟨...⟩ Пишите, пожалуйста, обо всем и — особенно — о „Совр⟨еменнике⟩“. Время — дорого, дано его нам мало, я уже две трети истратил зря, из оставшихся годов нужно сварганить что-нибудь приличное. „Совр.“ — в этом состоянии перманентных колебаний — очень мешает жить» (*Горьк. чт.* 1959. С. 31—32).

Отношение Горького к Ляцкому не изменилось и позже. Отвечая на предложение Ф. А. Брауна привлечь Ляцкого к работе в журн. «Беседа», Горький писал 25 мая 1925 г.: «Заранее считаю нужным сказать, что к проф. Ляцкому у меня нет ни симпатии, ни уважения. Я его давно знаю и работать с ним не мог бы» (*АГ*).

55. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург. 17/30 марта 1913 г.⟩
17.III.913

Дорогой Алексей Максимович,

Ваши замечания на 2-ю книжку справедливы. Упрекаю себя за попустительство по отношению к статье Делевского, остальное — вне моего ведома. Все это так, но называть «милостивыми государями» товарищей по редакции, пока Вы ее не покинули, не нужно, ибо в Вашем уважении к ним Вы не откажете, хотя и не согласны с ними.

Ввиду того что переговоры Певина с Иорданским затягиваются в долгий ящик, я передал Петру Ив⟨ановичу⟩ заявление от Вас и меня [1], что мы остаемся в редакции лишь в том случае, если соглашение его с «Совр⟨еменным⟩ миром» предусмотрит образование редакции из Вас, Степанова, Базарова, Тихонова и меня; вопрос же о дальнейшем пополнении редакции должен быть решаем с согласия Вашего и моего. Сде-

лать это было необходимо, так как вступленье Иорданского в *соиздатели*, не говоря уже о желании его войти в редакцию, выдвинул на очередь коренной пересмотр моей с ним конституции.

Чувствую свою глубокую вину перед Вами, что не писал Вам это время. Застал при приезде мои личные обстоятельства в таком положении, что все ходуном заходило во мне. Теперь все отболело и пережилось. И я выхожу из какого-то душевного подполья и начинаю думать, что еще можно жить. Но по отношению к Вам это меня не извиняет нисколько. Не извиняет и по отношению к И. А. Бунину, которого я душевно полюбил. Слова, которые я мог бы обратить к нему, к Вам, к всему, что было близко, но не говорило о том, что болело, казались изжитыми, сморщенными, вялыми, а выводить подобные настроения на свет божий не хотелось.

Теперь могу и буду говорить о деле. Певин щелкает на счетах и «выжидает». Он весь поглощен комбинациями, из которых соглашение с Совр⟨еменным⟩ миром, что может принести ему $7^1/_2$ тыс. подписчиков, весьма его занимает. В Москву тоже зовут его зачем-то подобным. Что выйдет из всего этого, узнаем на днях.

С нетерпением жду разрешения этого, чтобы уехать на неделю в какую-нибудь санаторию. Если нужны будут какие-нибудь переговоры, передам их Тихонову. Но теперь, пока они «торгуются», нам делать нечего. А к Певину нельзя не быть снисходительным: затратил более ста тысяч,— поневоле ищет поддержки.

Вы назначаете срок Вашего выхода из журнала «до июня»... если не сорганизуемся. Не понимаю. *Или* мы уйдем из редакции *теперь*, т. е. при конце апрельской книжки, или в апреле мы, как предполагали, съедемся и введем новую конституцию.

Послезавтра, т. е. после совещания с Иорданским о редакции, напишу еще. А пока — до свидания.

Ваш душевно.

Евг. Ляцкий

[1] Заявление, о котором пишет Ляцкий, сохранилось в его архиве. «Глубокоуважаемый Петр Иванович,— писал он 16/29 марта 1913 г.,— ввиду того, что Ваши переговоры с Н. И. Иорданским о соединении „Современника“ с „Современным миром“ ставят на очередь коренной пересмотр действовавшего между нами соглашения, прошу Вас принять во внимание, что участие А. М. Пешкова и мое в редакции обусловливается введением в состав редакции Тихонова, Степанова и (факультативно) Базарова; вопросы о дальнейшем пополнении редакционного состава должны разрешиться с согласия Алексея Максимовича и моего.

Преданный Вам Евг. Ляцкий» (*ИРЛИ*, ф. 163, оп. 2, № 15).

В том, что это заявление было действительно передано Певину, Горький усомнился. См. п. 56, прим. 7.

56. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург. 20 марта/2 апреля 1913 г.⟩
20.III.913

Дорогой Алексей Максимович.

Горько мне было читать Ваше последнее письмо[1], и если бы не любил я Вас так, не знал бы, что отвечать Вам на него, кроме того, что я очень скорблю, что наши дороги разошлись.

Постараюсь теперь разъяснить Вам вкратце ряд коренных недоразумений.

Спешность и неделовитость моего первого письма к Вам[2], несомненно, могли дать Вам повод сделать из него столь неправильные выводы.

Прежде всего я именно «застал настроение». Действительно, перспектива соединения с «*Современным миром*» так захватила Певина, купно с Богучарским и Щеголевым, что ко всем новым, для них неожиданным

предложениям, *они a priori были* настроены не вполне сочувственно. Итак, *я застал* — до всяких слов, мною сказанных:

1. Перспективу введения в соиздатели Иорданского, что сразу же *прекращало действие моего соглашения с Певиным.*

2. Удрученное настроение Певина состоянием подписки, что не позволило мне быть решительно против этого соединения.

3. Неизбежно большее участие всех остальных членов редакции в вопросах социального политического порядка при общем недовольстве Водовозовым.

4. В связи со всем этим — настороженное отношение Певина ко всем решительным предложениям и радикальным мерам.

Это я *застал*, а не *создал* своими словами.

Затем я сделал в весьма категоричной форме наше заявление. Оно не обсуждалось тогда, обменивались только мнениями. И вот тут-то зарыта собака. Вы были не прочь получать от меня, независимо от деловых писем, летучие наброски впечатлений, и вот с первым же таким наброском произошла неудача. Чрезвычайно сожалею, что допустил ряд непродуманных, случайно подвернувшихся под руку выражений, которых теперь даже не помню. Сожалею, что был дурно понят, но — еже писах, писах.

Певин же имел претензии оказывать какое-либо влияние на приглашение сотрудников, Богучарский — человек скромный, крайне деликатный и с большим тактом. То, что я сообщил Вам из их суждений, было не более, как их мнения, которым, пока вопрос не стал на почву окончательного обсуждения, они не придавали значения категорического императива. Повторяю, я поступил неосторожно, слишком положившись на наше взаимное понимание, но перспектива соединения с «Современным миром ставила — не забудьте — на очередь пересмотр всей нашей конституции, при котором голос Певина, отдавшего все свои средства идее «Современника», не мог не иметь видной, до известной степени решающей роли. Высокомерное отношение к нему было бы неправильным, и я никогда не простил бы себе, если бы, пользуясь своим договорным положением, стал вводить что-либо насильственно, не согласуясь с его взглядом на дело.

Вы видите, что вопросы, которые возникли здесь за время моего отсутствия, слишком серьезны, чтобы наши общие с Вами желания можно было ввести в жизнь одним моим простым или даже Вашим распоряжением, без согласования их с целым рядом параллельных обстоятельств. Выжидательное положение, которое я занял, предоставив Певину вырабатывать все прочие пункты соглашения с Иорданским, было единственно возможным в создавшемся конфликте интересов и мнений.

На это согласование должно неизбежно уходить время, и только теперь выясняется основа его в том виде, как Вам писал о том А<лексан>др Ник<олаевич>.

Теперь о приглашении Богучарского:

Кроме прав, о которых мы не договорились на Капри прошлой осенью[3], на мне лежала еще и обязанность обогащать литературные силы журнала. Если я пригласил для работы в историческом отделе Богучарского, не спросив у Вас, из-за многодневного срока, уходящего на обмен письмами, то ведь и Вы, не спросив меня, писали Муравьеву о лицах, Вами мне не называвшихся[4]. Очевидно, Ваше и мое приглашение сделано нами было на основании предполагавшейся внутренней солидарности и невозможности быстрого обмена мнениями. Затем я имел много случаев высказывать Вам соображения, по которым я пригласил Богучарского, и Вы признавали работу его, в пределах его компетенции, весьма ценной. В октябре прошлого года я тем более считал себя вправе

пригласить Богучарского в качестве моего ближайшего сотрудника по историческому отделу, что в то время Вы сами ограничивали сферу Вашего ближайшего и преимущественного внимания — отделом художественно-литературным и областным; Ваше совещательное и направляющее влияние в других отделах сложилось само собой — на почве нашего взаимного сближения в общих интересах журнала.

Об идее блока левой оппозиции мы много говорили в дни моего первого свидания с Вами, и меня удивляет, что Вы забыли об этом. Дурно ли, хорошо ли редакционное заявление, сделанное осенью[5], но идея блока там была подчеркнута весьма сильно, и Вы, по существу, не возражали против этого. Были ли Вы в этом случае последовательны, судите сами.

На примере областного отдела, поглотившего у Вас так много забот и времени, Вы видите, с каким трудом создается всякая новая стихия в журнале. Тем более, казалось бы, Вы должны были снисходительно отнестись к нашим ошибкам в отделе социально-политическом. И если Вы напоминаете мне взятое мною на себя обязательство относительно Степанова и Базарова, то позвольте Вам напомнить и то, что Вами же был назначен в половине апреля тот срок, когда на общем съезде предполагалось выработать окончательную программу, основной характер и самый способ ведения журнала.

Не мне говорить Вам, как трудно собирать в России людей у культурного дела, но разогнать, разметать тех, кто хочет идти с Вами по одному пути*, очень легко. Перед глазами у меня наша маленькая редакция, только что выслушавшая Ваше письмо-рецензию. Впечатление получилось самое удручающее. Сначала молчали, потом заговорили — все сразу. Стали обсуждать и тон и содержание. По тону — оно начальнический окрик. По существу — угроза.

Вы грозите выходом из числа «сотрудников» даже? Почему? Что такое сделал журнал, чтобы Ваше простое сотрудничество в нем стало невозможным? Если можно было бы[6] понять Ваш выход из редакции, чтобы снять с себя ответственность за ее характер и способ ведения журнала, то угроза выйти из числа сотрудников является непонятной... Если плох журнал, приди и помоги, а нести тяжелую практическую работу ведения журнала под постоянным страхом возможности новых настроений самого влиятельного и чуткого сотрудника— тяжело. Одно учредительное собрание могло бы разрешить все недоумения и спасти дело, а не губить его на интеллигентский лад... Таков был смысл всех речей, говорившихся по поводу Вашего письма.

О моем заявлении Певину Вы знаете и можете сделать из этого соответствующий вывод[7].

Но теперь, после получения Вашего последнего письма, и мое отношение к перспективе общей работы с Вами в редакции того или другого журнала, к глубокому моему огорчению, также изменилось. Ультимативность Ваших заявлений вызывает во мне, при величайшем желании работать с Вами, самый горячий протест.

Когда в наши отношения вошел такой клин, как «изменение Вашего лично ко мне отношения» по причине явного недоразумения, когда новое настроение Ваше владеет Вами так сильно, что Вы взятую на себя задачу «содействия» превращаете в «требование», сделать тут уже ничего нельзя, и остается лишь предоставить друг другу свободу от принятых на себя обязательств.

О Вашем выходе из редакции я довел до сведения издателя и товарищей. Постановлено просить Вас пересмотреть Ваше решение после

---

* Здесь и далее подчеркнуто Горьким.

того, как проект согласительного состава редакции будет Вам представлен.

О Вашем возможном выходе из числа сотрудников не могу и подумать. Не говоря о том, что это нанесет окончательный удар «Современнику», это будет и обидой, совершенно незаслуженной, всему остальному составу сотрудников.

Тяжело до боли писать Вам все это. Чувствую, что все произошло от того, что душа Ваша рвется сюда, а сами Вы продолжаете оставаться на Капри, где развивается дух острой критики, слишком разжигающей нетерпеливое ожидание. Но — что делать! Видно, сбудется сказанное Вещим:

— и Побредешь ты, как слон, одиноко, шумя тростником...[8] Отношу это к себе, конечно.

Всегда Вам преданный

Евг. Ляцкий

[1] См. п. 54.
[2] См. п. 52.
[3] Т. е. в сентябре 1912 г.
[4] См.: Г—М, п. 4, прим. 1.
[5] О программе «Современника» // Современник. 1912. Кн. 12.
[6] Горький простым карандашом вычеркнул «было бы» и написал сверху «еще».
[7] Горький сообщал Тихонову 30 марта / 12 апреля 1913 г. по поводу заявления Ляцкого: «Вы писали М⟨арии⟩ Ф⟨едоровне⟩, что Л⟨яцкий⟩ „составил заявление, в котором он настаивает на реформе журнала“, и что „копию этого заявления он отправил“ мне *раньше* получения от меня последнего письма, на кое он составил „длиннейший ответ“.

Сообщаю, для характеристики Л⟨яцкого⟩: „заявление“ до сего дня не получено мною, но „длиннейший ответ“ я получил, посылаю Вам копию оного.

Я думаю, что Л. не способен — а в данном случае и не хотел — написать Певину заявление ультимативного характера, и мне не верится, что таковое написано, послано. Сомнение мое подтверждается и тем, что Вы текста заявления не видели, я его не получил» (*Горьк. чт.* 1959. С. 35).
[8] Цитата из буддийского канонического текста. См. в кн.: *Сутта-Нипата.* Сборник бесед и поучений: Буддийская каноническая книга. М.: т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1899. С. 36 (*ЛБГ,* Описание).

57. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

⟨Капри. 28 марта/10 апреля 1913 г.⟩

Дорогой Евгений Александрович,

если мое письмо заставило Вас пережить неприятные минуты, это, конечно, грустно, но — что же делать? Я сторонник отношений вполне ясных, мне непонятно, как Вы могли, приехав в Питер, «застать» Певина и Богучарского, обсуждающими вопросы о «большевизме», о моей «фракционности» и прочих жупелах, которые не должны бы занимать внимание этих господ, если бы они отнеслись серьезно к программе журнала, в том виде, как она выработана мною.

Не станем говорить о моих «начальнических окриках» — их не было.

Но, разумеется, я считаю себя вправе крикнуть на людей, неспособных к делу, за которое они взялись: во-первых, потому, что я тоже участник в этом деле, во-вторых, потому, что на меня двадцать лет орут люди куда более малограмотные и бездарные, чем я,— так уж мне-то разок крикнуть и бог велел!

Но дело не в этом, а вот в чем: Вы и г. Певин предложили мне принять участие в реорганизации журнала.

Мною выработана и представлена вам программа журнала, необходимого,— как я понимаю,— в данный момент.

Так как для меня ясно, что данный состав редакции осуществить эту программу не может, я указал лиц, которые, на мой взгляд, способны осуществить ее.

Людей, которые, как Вы пишете, «хотят идти по одному пути со мною», я не вижу в лице Богучарского и Щеголева.

Задачу «содействия» кому-то и в чем-то я на себя не брал.

Вы пишете: «если плох журнал — приди и помоги» — опять-таки: кому и в чем?

Я знаю только один способ поставить хорошо журнал — поставить его по тому плану, который вручен мною Вам.

Но так как, повторяю, для этой работы необходимы люди, указанные мною, а они неугодны членам существующей редакции,— стало быть, мне не о чем говорить с г. Певиным и не для чего сотрудничать в его журнале вместе с людьми, которые не читают того, что печатают, и не отдают себе отчета, зачем и для кого они печатают ту или иную статью.

Евгений Александрович! Вы — литератор. Вы — культурный человек, я знаю, что Вы не можете быть довольны тем, как составляются книжки «Современника», я уверен, что в душе Вы согласны с моим возмущением, и Вы напрасно говорите о «начальнических окриках», «угрозах» и тому подобном.

Ничего этого не было, было желание сделать хорошее дело, и еще раз я убедился, что в наших условиях, при нашей любви к вскрытию «антагонизмов» это невозможно.

Вы правы, «побреду, как слон, одиноко», но — знаете что?

Убежден, что и Вас ожидает та же участь.

А за сим — искренно желаю вам всего доброго и будьте здоровы.

А. Пешков

10/28.IV.
913

Программу журнала передайте, пожалуйста, А. Н. Тихонову[1].

[1] А. Н. Тихонову Горький писал 28 марта/10 апреля 1913 г.: «Посылаю „еще одно последнее сказанье“ и считаю мои отношения с „Совр⟨еменником⟩“ конченными, ибо из письма Л⟨яцкого⟩ ко мне ясно видно, что сделать ничего нельзя и сам он запутался донельзя в противоречиях. Я продолжаю быть уверенным, что разговоры о „большевизме“ и о моей „фракционности“ затеяны им по некоторому недомыслию и вследствие страха пред неведомым ему.

Программу, нами написанную, нужно у него взять, надо бы это сделать еще на Капри. Оставлять ее в его руках для искажения — не следует» (*Горьк. чт.* 1959. С. 34—35). Программу см.: Г—М, п. 2, прим. 1.

58. ЛЯЦКИЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург. 7/20—8/21 мая 1913 г.⟩
7 мая, 1913

Дорогой Алексей Максимович.

У меня произошлс объяснение с Марией Федоровной, окончательно убедившее меня, что путь посредничества, вообще затруднительный в подобных нашему случаях, весьма неудобен, когда у посредника нет должного беспристрастия[1].

Мария Федоровна, недовольная мною, обрушила на меня свое раздражение в столь резкой форме, что спокойное обсуждение вопроса стало невозможным, и я убедился, что мы собственными руками засыпаем дело, которому предстояло большое и светлое будущее.

Алексей Максимович, посмотрите на вещи без предубеждения, просто объективно. Что произошло? Вернувшись, я стал проводить намеченную совместно с Вами программу, предполагая заменить В. В. Водовозова лицами, Вами со мной намеченными. Сразу же по приезде я наткнулся на препятствия в виде завязавшихся переговоров Певина с «Современным миром». Я написал Вам по этому поводу неосторожное и непродуманное письмо, в котором неумело изобразил впечатление, произведенное моим

заявлением. Но, конечно, заявление мое оставалось в силе, и необходимо было только помедлить с его проведением в жизнь. Моей оплошности, однако (допустим, что именно так надо понимать мое письмо), было едва ли достаточно, чтобы Вы сочли себя в праве игнорировать меня как редактора и по редакционным делам сноситься со мной через Тихонова, который еще не входил в состав редакции. Он же передал мне Ваши два следующих письма и вообще взял на себя роль выразителя Ваших условий и взглядов, нередко придавая своим сообщениям ультимативную форму.

Естественно, что я понял такой Ваш образ действий, с одной стороны, как оскорбительное недоверие к себе, с другой, как стремление насильно заставить меня сделать то, что я готовился сделать добровольно. Я почувствовал, что Вы, ставший мне таким дорогим и близким, отдали себя во власть какому-то другому настроению, которое сделало меня в Ваших глазах далеким и чуждым.

Последовал Ваш выход из редакции, т. е. разрушение нашего соглашения со взаимным освобождением от принятых на себя обязательств.

Глубоко огорченный этим, я видел, однако, что бесполезно было бы тогда же обращаться к Вам с просьбой восстановить Ваше участие, тем более что Вы отметили в Вашем письме перемену Вашего отношения лично ко мне. Но Мария Федоровна возбудила вопрос о возможности Вашего возвращения к участию в редакции при известных условиях, до которых мы так и не договорились, резко столкнувшись на вопросе об изъятии Щеголева из состава редакции и на других обстоятельствах, из ничего породивших все это недоразумение.

После этого объяснения с Марией Федоровной мне яснее, чем когда-либо, стало положение, в котором я оказался так нежданно-негаданно. Судьбу Вашего участия в редакции «Современника» Вы отдавали в руки Тихонова. Кто такой Тихонов? Достойный во всех отношениях человек, но недостаточно еще определившийся литератор. Я не знаю его рассказов в «Современном мире» [2], но та единственная рецензия, которую он представил на книгу Виллари о Савонароле [3], оказалась слаба не только по существу, но и по форме. Его редакторства в «Правде» [4] еще недостаточно для того, чтобы признать в нем необходимые данные для ответственной работы в «Современнике», а введение его в редакцию без определенных функций являлось бы необъяснимым.

Затем Степанов и Базаров. Их присутствие в составе редакции было бы весьма желательным принципиально. Но для того, чтобы ввести их в редакцию, необходимо было бы с первым познакомиться непосредственно, а второго добыть из Астрахани в Петербург. Тихонов сообщил мне, что Степанов в Петербурге был [5], что они с ним познакомились и переговорили. К переговорам этим он не счел нужным меня привлечь, а я не счел для себя возможным передавать какие-либо предложения через Тихонова, когда мог бы сделать их непосредственно. Но я открыл и Степанову, и Базарову полную возможность работать в журнале: заметка Степанова была уже напечатана, статьи Базарова появятся в ближайших книжках [6].

Для каждой мало-мальски уважающей себя редакции культурность во взаимных отношениях ее членов является обязательной. И потому естественно, что, пока длились переговоры с «Современным миром», об уходе В. В. Водовозова не могло быть и речи. Когда эти переговоры рушились, Водовозов, человек в высшей степени достойный и деликатный, заметил сам, на ряде конкретных примеров, несходство его взглядов с моими и вышел из редакции, занял положение близкого к ней сотрудника. Силою вещей не кто иной, как я, должен был явиться его заместителем, открыв таким образом полный простор введению новых элементов, которые окажутся действительно способны осуществить опреде-

ленную программу. Весьма далекий от переоценки своих сил в этом направлении, скорее [страдая неуверенностью в себе, я должен сказать тем не менее, что социально-политический отдел «Современника» не такая уж мудрость, в которой я не мог бы разобраться до тех пор, пока не найдутся лица, обладающие не одним лишь устойчивым миросозерцанием, но и литературным темпераментом. Беда журнала в данный момент не столько в недостаче таких лиц в недрах самой редакции, сколько в отсутствии талантливых и ярких писателей по социально-политическим вопросам. Все, что было талантливого в этом смысле в интеллигентской среде, собралось вокруг «Русской мысли», а писатели-демократы, как я вижу теперь, являясь отличными партийными работниками, до толстого всероссийского журнала еще не доросли: за немногими исключениями почти все они страдают недомоганием культурного самосознания*.][7]

Проявленная мною осторожность в привлечении в редакцию мало мне известных или совсем неизвестных лично сотрудников исходила из того убеждения, что всякий новый член редакции, входя в нее, должен стать товарищем без всякого деления на старших и младших; этика не только редакционная, но и товарищеская не допускает самовластной и бесцеремонной расправы. На все требования, неоднократно обращавшиеся ко мне Тихоновым об «изъятии» Богучарского и Щеголева (потом одного Щеголева), я мог отвечать только отрицательно. Ваше негодование по поводу привлечения их мною к ближайшему сотрудничеству основано опять-таки на недоразумении, которое стало мне ясным, когда я еще раз перечел Ваше последнее письмо. Вы пишете: «Вы и Певин предложили мне реорганизовать журнал». Это неточно: наши предложения состояли в следующем:

Прежде всего:

— Дайте нам Ваше сотрудничество как беллетрист.

Затем:

— Помогите нам осуществить Вашу идею областного отдела.

Вы отвечали:

— Прекрасно, но я чувствую себя в последнем отношении несколько связанным переговорами с Муравьевым, попробуйте столковаться с ним и пр.

Мы с Вами одинаково критически относились к деятельности Водовозова в социально-политическом отделе, но определенных решений не принимали, хотя я безусловно считал себя связанным Вашей санкцией во всех вопросах организации социально-политического отдела. Но во всех наших обсуждениях организация исторического и историко-литературного отделов признавалась за мною, и я считал себя безусловно в праве привлекать в этом направлении сотрудников. Здесь я считал себя, в установившихся между нами условиях взаимного доверия, товарищем равным и никогда не представлял Вас единым реорганизующим началом, а себя органом подчиненным. Это не мешало мне сознавать, что Вы — большой и знаменитый художник, а я скромный литературный работник: в короткий период нашей совместной редакционной работы мы были равны.

Вот те соображения, которые я просил бы Вас ввести в обиход Ваших мыслей и настроений по поводу «Современника» и моей в нем роли. Я понимаю, что Вам трудно будет дать им перевес в Вашем настоящем

* Подчеркнуто Горьким. Ему же принадлежат квадратные скобки.

положении перед всем, что приходит к Вам от лиц, с которыми я разошелся или не сошелся. К Вам сходится слишком много струн различной степени звукового напряжения, чтобы из них мог получиться аккорд, не раздражающий душу своей дисгармонией. Но я не хотел бы, чтобы о моих действиях и намерениях Вы судили, не выслушав меня, и только потому я посылаю Вам это письмо.

Моя роль в «Современнике» теперь незавидна: я в нем технический работник, без тех надежд и стремлений, какими я был полон год назад, когда передо мной неожиданно развернулась перспектива работать с Вами, но не скрою, что я не свободен от некоторой слабой надежды, что Вы пересмотрите еще вопрос Вашего участия в журнале в его целом, смахнете все лишнее, наносное, недостоверное или непроверенное и признаете, что хоронить начатое большое культурное дело нет достаточных оснований. Ведь Ваша программа — моя в то же время программа, и осуществлению ее не мешают и не собираются мешать ни Богучарский, ни Щеголев, у которых своя, Вами же самим одобряемая работа. Ведь нельзя же серьезно ставить в упрек какую-нибудь неудачную заметку или дружбу с Сологубом и аргументировать этим, как достаточным доводом против совместной работы. Вашему влиянию теперь мог бы открыться самый широкий простор, только отгоните от себя те миражи и призраки, которые разъединяют Вас с людьми, любящими Вас и желающими делать одно с Вами дело. Я глубоко убежден, что, если бы Вы могли приблизиться к России и хоть раз свидеться с теми людьми, которых Вы теперь отметаете, все образовалось бы естественно и прочно.

И мне лично глубоко обидно, что Вы не взвесили той обстановки, в которой приходилось мне действовать. Других людей я искать не стану, и, если Вы не согласитесь пересмотреть вопрос нашего недоразумения в его целом и отнимаете Ваше сотрудничество, мне, вероятнее всего, придется сдать «Современник» в другие руки, так как едва ли я признаю возможным осуществлять без Вас то, что надумано было нами совместно.

Дорогой Алексей Максимович, я понимаю всю затруднительность Вашего положения и всю связанность Ваших порывов при той жажде литературно-общественной работы, которая Вас сжигает и мучит, и ничего не хотел бы кроме того, чтобы Вы забыли все происшедшее со времени моего отъезда с Капри и помогли мне приблизить наш план к осуществлению — в реальных границах желательного и возможного.

Вы человек большой души[8], [и я нисколько не сомневаюсь, что Вы признаете, что при наличности неправильности в моем образе действий были неправильности и в Вашем: Вы хотели поставить меня в полнейшую зависимость от лиц, которым Вы доверили судьбу Вашего участия в журнале.] * Не будь этого, все оказалось бы и ясным и, я уверен, более достижимым.

Но если бы Вы отрицательно отнеслись к мысли о возобновлении Вашего редакционного участия, то не отнимайте по крайней мере Вашего сотрудничества. Это был бы не только удар молодому, еще не окрепшему журналу, но и прямой обидой, все же незаслуженной теми, кто в нем работает.

Не изменились и все остальные планы работы, надуманные с Вами, только осуществление их по разным обстоятельствам совершается медленно.

Я глубоко скорбел бы, если бы сближение наше явилось только отражением известного мифа о прекрасных мечтах и суровой действительности.

Душевно Ваш Евг. Ляцкий

8.V.913[9]

---

* Квадратные скобки принадлежат Горькому.

[1] 3/16 мая 1913 г. А. Н. Тихонов писал Горькому: «На Ляцкого надежды никакой и относительно статьи и относительно журнала ⟨...⟩ Как раз сегодня произошла его первая встреча с М⟨арией⟩ Ф⟨едоровной⟩! — Думаю, что ночью спит он теперь плохо ⟨...⟩ Очень сожалею, что досадная случайность помешала мне присутствовать при этом разговоре (который велся при наличности Певина)» (*АГ*).

[2] В «Современном мире» был напечатан рассказ А. Н. Тихонова «Шебарша» (1911, кн. 8).

[3] *Виллари П.* Джироламо Савонарола и его время. СПб., 1913. Т. 2.

[4] В 1912—1913 гг. А. Н. Тихонов был редактором отдела беллетристики в легальной большевистской газ. «Правда».

[5] И. И. Скворцов-Степанов в 1911 г. выдвигался от большевиков кандидатом в депутаты Государственной думы. В связи с этим был арестован и выслан в Астраханскую губернию. Имеется в виду рецензия И. И. Скворцова-Степанова (подпись: И. Степанов) на кн.: *Sombart W.* Krieg und Kapitalismus. München; Leipzig. 1913 (*Зомбарт В.* Война и капитализм. Мюнхен; Лейпциг, 1913) (Современник. 1913. Кн. 4).

[6] Ст. Базарова «О философии действия» была напечатана в «Современнике» (1913, кн. 6).

[7] Часть письма: «Страдая неуверенностью ∞ культурного самосознания» отмечена им на полях цифрой 1.

[8] Слова: «Вы человек большой души» — Горький вычеркнул. Часть письма: «и я нисколько не сомневаюсь ∞ участия в журнале» — отмечена им на полях цифрой 2.

[9] Над датой Ляцкого рукою Горького проставлено: «V, май».

59. ГОРЬКИЙ — ЛЯЦКОМУ

⟨Капри. 14/27 мая 1913 г.⟩

Вы совершенно напрасно, Евгений Александрович, утруждали себя сочинением последнего — от 8-го мая — письма ко мне,— оно Вам всячески не удалось, оно преисполнено противоречий слишком явных, запамятований чрезвычайно странных.

Опровергнуть все, сказанное Вами в этом письме, мне очень легко,— стоит только послать Вам несколько копий прежних Ваших писем и напомнить то, что Вы говорили мне в присутствии третьих лиц.

Но я не стану делать этого, ибо считаю, что письмо Ваше, в бóльшей его части, написано не для меня, а для Петра Ивановича Певина; это ему — вероятно — неясны причины, понуждающие меня отказаться не только от работы в журнале, хозяином которого Вы себя считаете, но и от удовольствия продолжать личное знакомство с Вами.

Позвольте мне пояснить это; в конце письма Вы пишете:

«Если б Вы отрицательно отнеслись к мысли о возобновлении Вашего редакционного участия, то не отнимайте по крайней мере Вашего сотрудничества. Это был бы не только удар молодому, еще не окрепшему делу, но» и т. д.

Эти фразы написаны для П. И. Певина; они имеют доброе намерение указать ему на Вашу лойяльность в столкновении со мной.

Для меня же лично Вами написано следующее:

«страдая неуверенностью в себе, я должен сказать тем не менее, что социально-политический отдел „Современника“ не такая уж мудрость, в которой я не мог бы разобраться до тех пор, пока не найдутся лица, обладающие не одним лишь устойчивым миросозерцанием, но и литературным темпераментом. Беда журнала в данный момент не столько в недостаче таких лиц в недрах самой редакции, сколько в отсутствии талантливых и ярких писателей по социально-политическим вопросам. Все, что было талантливого в этом смысле в интеллигентской среде, собралось вокруг „Русской мысли“, а писатели-демократы, как я вижу теперь, являясь отличными партийными работниками, до толстого всероссийского журнала еще не доросли: за немногими исключениями почти все они страдают недомоганием культурного самосознания».

Это заявление Ваше совершенно определенно отталкивает меня от журнала и всякого участия в нем. Я не стану напоминать Вам, что рус-

скую журналистику создал писатель-демократ, что она кристаллизовалась из крови демократической интеллигенции,— как историк литературы, Вы сами знаете это. Но по поводу Вашего мнения о «талантах вокруг „Русской мысли“» напомню: Вы охотно соглашались со мною, что К. Победоносцев был значительно талантливее всех вехистов, что «Московский сборник» [1] — книга более умная, чем «Вехи», и что Петру Бернгардовичу [2] не сдать экзамена на роль Михаила Никифоровича [3], сколько бы и как бы ни писал он о «Великой России».

В письме Вашем есть только одно место, требующее моего пояснения; Вы пишете:

«Вы хотели поставить меня в полнейшую зависимость от лиц, которым Вы доверили судьбу Вашего участия в журнале».

«Полнейшая зависимость» — преувеличение, и речь идет отнюдь не о «судьбе моего участия», а о судьбе журнала. Но Вы, конечно, правы: я действительно имел в виду контроль над Вами со стороны лиц, осведомленных в социально-политических вопросах более, чем осведомлены Вы. Не думаю, чтоб это мое намерение, которого я ни минуты не скрывал от Вас, могло задеть самолюбие Ваше,— ведь оно было вызвано Вашим же откровенным сознанием, что область вопросов социально-политических для Вас — нова и мало знакома Вам. Вы говорили это не однажды и не однажды заявляли мне о том, что на работу в журнале не смотрите как на свое дело, что Ваша цель — поставить, с помощью лиц, указанных мною, журнал на ноги и — уйти к своему делу. Вы, конечно, помните, что и я тоже решил принять участие в работе лишь временно, до поры, пока журнал не завоюет внимание читателя.

Теперь мне ясно, что эти Ваши заявления противоречат действительным намерениям Вашим.

Последнее Ваше письмо имеет не очень искусно прикрытую цель показать мне полную невозможность сотрудничать с Вами. Вы напрасно заботились об этом,— ведь я уже отказался от работы в «Современнике» до получения Вашего письма.

Позвольте возвратить Вам книгу об Александре Первом [4], я прочитал ее и благодарю Вас за одолжение. Книгу перешлет Вам Иван Павлович.

Копию этого письма я посылаю П. И. Певину [5], находя нужным выяснить ему причину моего отказа от работы в «Современнике».

А. Пешков

27/V.913

[1] В «Московском сборнике» (М., 1896) К. П. Победоносцев обличал «иноземную ложь» либеральных и просветительских идей, истолкованных им исключительно как порождение западноевропейского сознания.

[2] Петр Бернгардович *Струве* — редактор журн. «Русская мысль», участник сб. «Вехи» (1909).

[3] Михаил Никифорович *Катков* (1818—1887) — публицист, редактор газ. «Московские ведомости», издатель журн. «Русский вестник». С начала 60-х годов — приверженец реакционного правительственного курса.

В ст. «О „Вехах“», говоря о связи «веховства» с идеями Каткова и Победоносцева, В. И. Ленин отмечал: «Демократическое движение и демократические идеи не только политически ошибочны, не только тактически неуместны, но и морально греховны,— вот к чему сводится истинная мысль „Вех“, ровно ничем не отличающаяся от истинных мыслей Победоносцева. Победоносцев только честнее и прямее говорил то, что говорят Струве, Изгоевы, Франки и К°» (*В. И. Ленин.* Т. 19. С. 171).

[4] См. п. 11, прим. 10.

[5] П. Горького Певину не разыскано. Отвечая Горькому, Певин писал 12/25 июня 1913 г.: «Глубокоуважаемый Алексей Максимович! Получил Ваше письмо и естественно — очень им огорчен. Решение Ваше прекратить работу в „Совр⟨еменнике⟩“— ощутительный урон для дела ⟨...⟩ Евгений Александрович с самого вступления в редакцию был горячим приверженцем именно Вашего участия в журнале, Вашей близости; с осени он всецело проводил Ваши взгляды на беллетристику и областной отдел, и допустить мысль, что создавшиеся за последнее время условия, при

которых Вы не признаете возможным сотрудничать в „Совр⟨еменнике⟩",— результат его сознательных действий,— я не могу. Для подобного предположения я не нашел бы обоснованных доводов, не нашел бы ответа на вопросы о побуждениях и цели таких действий.

Напротив, и Евг⟨ений⟩ Ал⟨ександрович⟩, и все члены редакции с марта месяца не раз обсуждали создавшееся положение, принимали меры к устранению отмеченных Вами редакционных недочетов, не возражали против привлечения к сотрудничеству указанных Вами лиц, а с течением времени и вхождения их в редакцию, словом, стремились к благоприятному разрешению вопроса о возможности для Вас дальнейшего ближайшего участия в журнале и все время не теряли надежды на хороший исход. Я почти уверен, что при осуществлении возникшей в феврале на Капри мысли о встрече заграницей ближайших участников журнала все трения были бы устранены и был бы выработан ясный, определенный план совместной работы. Но мысль не получила осуществления ⟨...⟩ В заключение считаю долгом выразить Вам, глубокоуважаемый Алексей Максимович, самую сердечную признательность за все, что Вы сделали и намерены были сделать для журнала. Не могу также не поблагодарить Вас за решение — не выступать в печати с заявлением о прекращении сотрудничества в журнале.

Конечно, факт получит огласку, но решение Ваше ценно для меня, как проявление присущей Вам душевной красоты.— Благодарю и крепко жму руку. П. Певин» (*АГ*).

ГОРЬКИЙ О НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ В ИНДИИ

(по страницам журнала «Современник»)

Сообщение Е. Я. Люстерник

В начале XX в. в борьбе индийского народа за независимость определились весьма существенные новые черты. Впервые устанавливались более или менее прочные связи между национально-освободительным движением Индии и революционными силами Западной Европы.

В предвоенные годы отдельные, революционно настроенные индийские патриоты черпали вдохновение в литературных и публицистических произведениях Горького. Первой среди них была Кама [1] — индийская революционерка, ставшая центром притяжения наиболее решительных и самоотверженных борцов за свободу своей родины, находившихся в Париже и некоторых других городах западноевропейских стран.

М. А. Павлович (Вельтман), часто встречавшийся с Камой и ее соратниками в Париже, вспоминал в мемуарных очерках «Революционные силуэты»: «Кама очень интересовалась русскими революционными событиями, особенно революцией 1905 года, ролью рабочего класса в движении, читала кое-что по теории марксизма. Из русских писателей Кама особенно интересовалась Горьким и однажды просила меня рассказать ей содержание его знаменитого стихотворения о «Соколе» [2]. Когда я удовлетворил ее просьбу, она попросила меня достать это стихотворение и перевести его на французский язык. Через некоторое время я исполнил просьбу Кама. Помню, как прослезилась она от радости, когда я поднес ей, несомненно, плохо выполненный, но красиво переписанный перевод интересовавшего ее произведения Горького. „Эта вещица,— говорила волнуясь Кама,— лучше любой статьи, любой прокламации“ (...) Кама очень внимательно следила за русской революцией и перед моим отъездом в Россию в августе 1917 года передала мне письмо для Горького с просьбой напечатать это письмо в России. К сожалению, письмо это пропало» [3].

В свою очередь, Горький проявлял живой интерес к судьбам Индии, положению и освободительной борьбе ее народа. Осенью 1912 г. он предложил сотрудничество в «Современнике» Б. Р. Кама и видному деятелю индийского национально-освободительного движения Кришнаварма, издателю журнала «Индийский социолог». См. Г—Ляц, п. 13, прим. 2 и 3.

Обращаясь к Кама с просьбой прислать для русской прессы статью на тему: «Индусская женщина, ее современное положение и ее роль в борьбе Индии за свободу», Горький писал: «Русская демократия и русская женщина будут очень благодарны Вам за то, что вы ознакомите их с тем, как живут и борются люди с берегов Ганга, демократы и женщины великой Индии» [4].

Кама немедленно откликнулась. В своем ответе она писала, что все время и силы посвящает делу родины и ее борьбе: «...я приложу все усилия к тому, чтобы выполнить Вашу просьбу» [5].

Статья для «Современника» на тему, предложенную Горьким, не была написана. Горький включил в составленную им «Хронику заграничной жизни» русский перевод ранее напечатанной статьи Кама «Индийская сирена», представляющую, по его словам, «обличение известной английской писательницы Анни Безант [6], друга и сподвижницы нашей теософки, покойной Блаватской [7]. Русскому читателю небезынтересно будет узнать об эволюции г-жи Безант» [8].

Чем же Анни Безант привлекла внимание Горького и в чем Кама ее обличала? Безант — англичанка по происхождению — была активной участницей Теософского общества, став его президентом в 1907 г. Она являлась также одним из зачинателей Фабианского, а затем социалистического движения в Англии. Переселившись в 1893 г. в Индию, она связала навсегда свою жизнь и деятельность с этой страной. Продолжала возглавлять Теософское общество, занималась просветительской деятельностью.

В конце XIX — начале XX в. Безант примкнула к Индийскому национальному конгрессу, сотрудничая с его умеренно-либеральным крылом. В 1907 г., после изгнания деятелей радикально-демократического направления (так называемых «крайних») из Национального конгресса и накануне первой мировой войны, Безант стремилась примирить «крайних» с «умеренными» на политической платформе борьбы за самоуправление в пределах Британской империи. Индийская революционная эмиграция — самоотверженные борцы за независимость Индии — осудили такую позицию как капитулянтскую, что и нашло отражение в статье Камы, заинтересовавшей Горького. В условиях острейшего единоборства сил революции и реакции в России он считал полезным ознакомить русского читателя с политической борьбой в Индии [9].

Письмо Горького к Кришнаварме от 7/20 октября 1912 г. в архиве писателя не сохранилось. Его содержание стало известно после того, как индийский историк Индулал Яджник опубликовал этот текст в монографии, посвященной жизни и деятельности Кришнавармы [10]. Письмо показывает, как высоко оценивал Горький вклад индийского народа в развитие материальной культуры и духовной жизни человечества, какое значение он придавал освободительной борьбе индийцев и установлению дружественных связей между демократическими силами России и Индии. Горький писал: «Сердечно благодарю Вас за присылку „Индиан сосиолоджист“ и крепко жму Вашу руку, руку неутомимого борца за свободу Великой Индии, за свободу индийского народа, который дал всему человечеству примеры глубочайшего проникновения в духовный мир человека.

Могу ли я просить Вас написать в „Русское обозрение“ (Russian Review) [11] статью, которая могла бы дать русской демократии представление об индийском движении за свободу и справедливость. Желательна статья исторического характера с фактами, наиболее ярко освещающими борьбу индийцев за свою свободу. Размер статьи может составить 60 000 или 80 000 букв, если это возможно для январской книги. Перевод будет сделан хорошим знатоком английского языка.

Я буду очень рад и благодарен, если Вы выполните мою просьбу. Мы должны показать нашим народам, что все те, которые жаждут справедливости, хотят жить в согласии с разумом, должны осознать единство целей, духа и объединиться в одну силу, способную окончательно победить все зло на свете.

Вы, Кришнаварма, Мадзини [12] Индии, Вы знаете чаяния вашего великого народа, и Вы, конечно, поймете, что русский народ должен знать о жизни современной Индии.

Жду Вашего письма, и я желаю Вам много здоровья и счастья.

М. Горький

Капри, вилла Серафина
20.10.1912» [13]

В своем ответе от 15/28 октября 1912 г. Кришнаварма благодарил Горького, но от предложения написать «„статью для русского журнала“ отказался, поскольку не имел времени для литературной работы». Кришнаварма приложил к своему письму отдельные материалы из газеты «Индийский социолог». Он писал Горькому: «Вы свободно можете написать статью по этим материалам и ссылаться на меня, поскольку в них отражены мои взгляды» [14].

В очередной, 11 кн. «Современника», в «Хронике заграничной жизни», появился раздел об Индии, написанный Горьким на основе некоторых из этих материалов. «Посмотрите,— писал Горький,— как быстро растет движение индусов к национальной свободе и против жестокой опеки Англии. Взаимоотношения индусов

ОТКРЫТКА С ПОРТРЕТОМ Б. Р. КАМЫ, ПОСЛАННАЯ ЕЮ ГОРЬКОМУ В КОНЦЕ 1912 Г.; ОБОРОТ ОТКРЫТКИ с надписью на английском языке (перевод: «Сопротивление тирании есть послушание богу. Б. Р. Кама») Архив Горького, Москва

и англичан очень определенно рисует журнал „Индусский социолог", издаваемый в Париже националистом Кришнавармой, человеком, которого индусы любят сравнивать с Мадзини и предрекают ему будущность Гарибальди» [15].

Основанием для таких предположений послужили перемены в политических взглядах Кришнавармы в связи с подъемом национально-освободительного движения, развернувшегося в Индии в 1905—1908 гг. под влиянием революции в России.

Находясь в эмиграции в Лондоне, он являлся сторонником умеренно-либерального течения в Индийском национальном конгрессе, которое, воспринимая опыт Италии, равнялось на Мадзини. Идеалом политического вождя радикально-демократического крыла индийского национально-освободительного движения был Гарибальди. В 1907 г. преследуемый английскими властями, Кришнаварма покинул Лондон и поселился в Париже. Там он сблизился с индийской революционной эмиграцией. В том же году он вместе с Камой основал и возглавил группу индийских эмигрантов. В его деятельности зазвучали новые ноты. Бывший сторонник методов пассивного сопротивления стал призывать своих соотечественников к всеобщей стачке, веря, что она является «современным оружием революции».

Однако надежда увидеть в лице Кришнавармы индийского Гарибальди не оправдалась, он остался деятелем умеренно-либерального направления, хотя и продолжал неустанно бороться против британских угнетателей Индии [16].

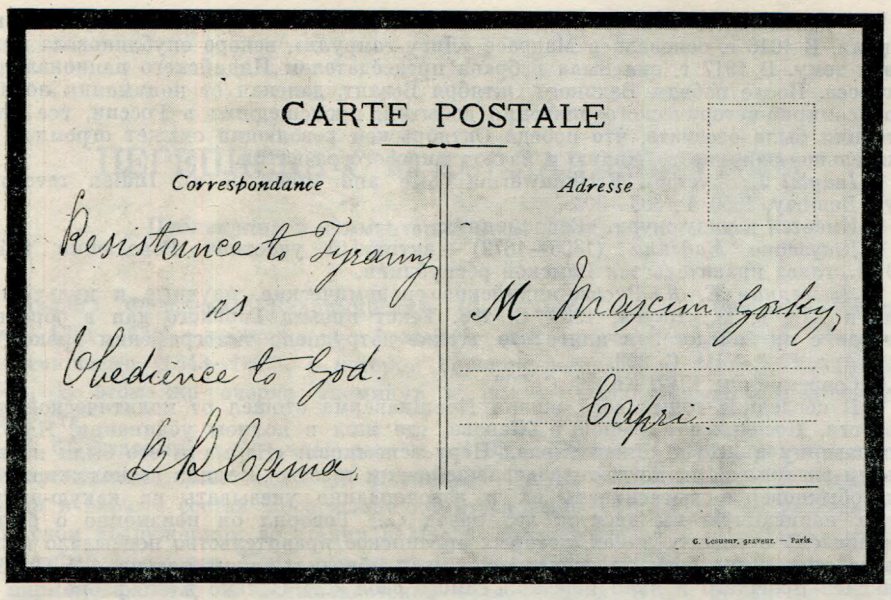
В 12 кн. журн. «Современник» было напечатано письмо Кришнавармы президенту США Вильяму Тафту. Этот документ представляет и в настоящее время большой интерес.

Тексту письма Кришнавармы Горький предпослал краткое введение, которое поясняло характер публикуемого документа и знакомило читателя с его автором.

Непосредственным поводом открытого письма Кришнавармы к Тафту послужило обращение президента к американскому посланнику в Лондоне в связи с трехсотлетием перевода Библии. Тафт использовал этот повод для того, чтобы в который раз возвестить человечеству о якобы бескорыстном стремлении правящих кругов США гарантировать всеобщий мир между нациями, и для этого предлагал создать союз США с правительством Англии и других западных держав. Цель его выступления заключалась в том, чтобы консолидировать реакционные силы обоих полушарий в борьбе против революционного и национально-освободительного движения во имя интересов империалистической буржуазии, в первую очередь американской. Миротворческие речи были призваны закрепить за США славу поборника мира между народами.

Президент Тафт вошел в историю как рьяный проводник политики «большой дубинки» и «дипломатии доллара». Он был палачом восстания на Кубе (1906 г.), вдохновителем интервенции в Никарагуа (1912), душителем забастовочного движения в самих Соединенных Штатах.

В обращении к президенту Кришнаварма вскрыл глубокое противоречие между декларацией о всеобщем мире и предлагаемым способом его установления руками душителей свободы и независимости народов. Индийский патриот писал, что пред-


CARTE POSTALE

Correspondance

Resistance to Tyranny
is
Obedience to God.
B. B. Cama.

Adresse

M. Maxim Gorky,
Capri.

G. Lemoine, graveur. — Paris.

ложения Тафта «могут создать еще большую вражду и кровопролитие, чем уничтожить их».

Готовность британских правителей к союзу с США на предлагаемой Тафтом основе Кришнаварма объяснял тем, что этот союз обеспечивал Англии возможность «продолжать свою разбойническую политику и угнетать те страны, для которых она несла гибель и уничтожение».

Обращение Тафта к Англии как стране-матери Кришнаварма назвал забавным, если не смешным. Кришнаварма уловил фальшь в выступлениях президента США, угрозу освободительной борьбе своей родины: «В заключение позволю себе сказать Вам, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, пока не будут свободны все порабощенные народы мира или пока страны, жаждущие мира, не возьмутся за это дело с чистыми руками, мы, представители порабощенных народов, никогда не перестанем ни на один момент нарушать всеобщий мир борьбой за освобождение от политического рабства» [17].

Горький включил также в «Хронику заграничной жизни» поздравительное письмо Сунь Ятсену «индуса Кришнавармы, энергичнейшего борца за свободу своей страны», по поводу учреждения Китайской республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Бхикайджи Рустом *Кама* (урожд. Петит; 1875—?) — индийская общественная деятельница и журналистка. Эмигрировала, посвятив свою жизнь борьбе за освобождение Индии. Интересовалась революционным движением в России, была знакома с деятельностью народовольцев. В Париже вступила в контакт с русскими политэмигрантами. Переписку Горького с Кама см. в кн.: *Арх. Г.* Т. VIII, С. 221—222.

[2] Т. е. «Песни о Соколе».

[3] Новый Восток. 1925. № 1(7). С. 157, 163. Ср. текст последней фразы в черновых набросках Павловича к этой ст.: «Кама очень внимательно следила за русской революцией и перед моим отъездом в Россию в августе 1917 года передала мне письмо для Горького ⟨с выражением своего сочувствия⟩ с просьбой напечатать это письмо в России ⟨„Новой жизни“⟩» (ЦГАОР, ф. 5402, оп. 1, ед. хр. 192, л. 25).

[4] *Арх. Г.* Т. VIII. С. 221.

[5] Там же.

[6] Анни *Безант* (1847—1933) — общественная деятельница Индии.

[7] Елена Петровна *Блаватская* (1831—1891) — русская писательница, основавшая в Нью-Йорке в 1875 г. (вместе с полковником Г. Олкоттом) Теософское общество.

[8] Современник. 1912. Кн. 10. С. 379.

[9] В дальнейшем Безант продолжала пропагандировать идею самоуправления в Индии. В 1916 г. основала в Мадрасе «Лигу гомруля», вскоре опубликовала книгу на эту тему. В 1917 г. она была избрана председателем Индийского национального конгресса. После победы Великого Октября Безант, далекая от понимания подлинного всемирно-исторического значения событий, происшедших в России, все же в состоянии была осознать, что победа Октябрьской революции окажет огромное положительное влияние на Индию и на ход мирового развития.

[10] *Indylal J.* Shyamaji Krishnawarma (Life and times of an Indien revolutionary). Bombay, 1950. P. 305—306.

[11] Имеется в виду журн. «Современник».

[12] Джузеппе *Мадзини* (1805—1872) — активный участник Революции 1848—1849 гг., глава правительства Римской республики.

[13] *Люстерник Е. Я.* Русско-индийские экономические, научные и культурные связи в XIX в. М.: Наука, 1966. С. 198. Текст письма Горького дан в обратном переводе с английского (в книге его чтение затруднено типографским браком).

[14] *Арх. Г.* Т. VIII. С. 223.

[15] Современник. 1912. Кн. 11. С. 392.

[16] В последние годы своей жизни Кришнаварма отошел от политической деятельности. Поселился с женой в Женеве, где жил в полном уединении. Посетив Кришнаварму в 1926 г., Джавахарлал Неру вспоминал: «Карманы его были набиты ветхими экземплярами когда-то издававшейся им газеты „Индиан сосиоложист"; он имел обыкновение вытаскивать их и взволнованно указывать на какую-нибудь статью, написанную им десяток лет назад ⟨...⟩ Говорил он неизменно о былых временах ⟨...⟩ о разных лицах, которых английское правительство подсылало шпионить за ним, о том, как он распознавал их и обводил вокруг пальца ⟨...⟩ Он был реликвией прошлого и явно пережил самого себя ⟨...⟩ Однако в его взоре еще сохранилось что-то от прежнего огня, и, хотя между ним и мною было очень мало общего, я не мог отказать ему в сочувствии и уважении» (*Неру Дж.* Автобиография: Пер. с англ. М., 1955. С. 167—168).

[17] Современник. 1912. Кн. 12. С. 408—411.

ПЕРЕПИСКА С М. Ф. ВЛАДИМИРСКИМ

Публикация и комментарии О. В. Симоненковой

Михаил Федорович Владимирский (партийные клички Семенов, Камский, Врач; 1874—1951) — уроженец г. Арзамаса, сын протоиерея Федора Ивановича Владимирского (1843—1937), о котором Горький рассказал в очерке «Леонид Андреев». В этом же очерке упомянут и М. Ф. Владимирский — «политический эмигрант».

М. Ф. Владимирский — член партии с 1895 г. Работал в нижегородской партийной организации вместе с В. А. Десницким, П. А. Заломовым, Д. А. Павловым; входил в первый состав Московского комитета РСДРП. В 1905 г. за участие в Декабрьском вооруженном восстании в Москве был арестован и заключен в тюрьму, где пробыл 9 месяцев. Через год после освобождения из тюрьмы эмигрировал, жил в Париже, работал в большевистских организациях. В это время встречался с В. И. Лениным и Н. К. Крупской (*В. И. Ленин.* Т. 55. С. 313, 320).

После 1917 г. — видный советский государственный деятель.

В *АГ* хранятся воспоминания М. Ф. Владимирского «Одинокий воин» (1928) о встрече с Горьким в 1902 г. «депутации» нижегородских семинаристов.

Ниже публикуется письмо Владимирского Горькому и ответное письмо Горького.

1. ВЛАДИМИРСКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Париж. Середина октября 1912 г.)

Многоуважаемый товарищ Алексей Максимович.

Вчера мне передали Ваше предложение, направленное в Тургеневскую библиотеку (Париж), относительно сотрудничества в одном журнале в виде помещения статей по естествознанию [1].

Я охотно бы взялся за эту работу и думаю, что сделал бы ее как следует. До сих пор я работал (⟨статьи⟩ перевод⟨ные⟩ и оригин⟨альные⟩) главным образом по педагогике и медицине [2], но так как область естествознания до известной степени мне знакома, то при соответствующем отношении к делу я смог бы давать заметки по естествознанию. Тем более что в этой работе я найду большую помощь со стороны жены [3] — естественницы по образованию, с которой мы литературно работаем вместе.

Если Вы найдете возможным передать мне эту работу, то будьте добры познакомить меня подробнее с Вашим предложением.

С товарищеским приветом

М. Владимирский

Paris. XIV, 10, rue Baillou

Датируется по ответному п. Горького.

[1] Горький, заказывая статьи М. Ф. Владимирскому, имел в виду создать в журн. «Современник» раздел «Хроника научных достижений», но свой замысел ему не удалось осуществить. М. Ф. Владимирский в «Современнике» не печатался.

[2] О каких статьях идет речь, установить не удалось. В автобиографии Владимирский указал лишь свои «литературные работы по вопросам строения Советской власти: „Организация Советской власти на местах" (М., 1919 и ⟨19⟩21) и отдельные

М. Ф. ВЛАДИМИРСКИЙ
Фотография. Арзамас, 4 октября 1902 г.
Личный архив Н. М. Владимирского, Москва

статьи в журн. „Власть Советов"» (Энциклопедический словарь русского Библиографического ин-та Гранат. 7-е изд. М., 1927. Т. 41. Ч. I. Стлб. 84-85).

[3] Лидия Сергеевна *Владимирская* (1883—1965) — член партии с 1917 г. Революционную работу вела в Нижнем Новгороде и Москве. В 1909 г. эмигрировала во Францию, была членом большевистской группы в Париже. В июне 1917 г. вернулась в Россию. В октябрьские дни и позднее работала в Москве: в 1919—1920 гг.— в ЦК РКП(б), затем в ряде издательств, редакциях журналов и газ. «Правда». С 1931 по февраль 1937 г.— в Коминтерне, затем в Институте Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б).

2. ГОРЬКИЙ — ВЛАДИМИРСКОМУ

(Капри.
Октябрь, не позднее 26, 1912 г.)

Уважаемый товарищ Михаил Федорович.

Была бы желательна «научная хроника», т. е. последовательное изложение завоеваний опытной науки во всех областях жизни: в медицине, технике и т. д. Важно, чтобы, излагая ход научного мышления в теории,— значение каждого ее шага иллюстрировалось практикой; читатель русский, мало знакомый с современным состоянием экспериментальных наук и поощряемый в своем скептическом — по невежеству — отношении к ним российскими философами метафизического толка,— не видит социального значения науки.

А значение это — все растет. Современное учение о материи рисует нам возможность завоевания первоисточников мировой энергии и таким образом дает надежду на то, что физическая энергия человека может быть со временем освобождена от эксплуатации, как это утверждают Содди [1], Резерфорд [2] и другие.

Мне казалось бы, что следует предварительно дать общий очерк современного состояния учения о материи-энергии, показать, насколько возможно, общий характер и направление той науки, которую ныне уже начинают именовать химо-физикой.

Для русского читателя, я говорю, необходимы социальные выводы, способные поднять его угнетенный дух, поколебать его пассивное отношение к миру.

Не нужно стыдиться быть немножко оптимистами и следует несколько романтизировать общечеловеческие усилия в борьбе за лучшее будущее. Кто же наиболее прочно укрепляет наши надежды на это будущее, как не наука.

И я полагал бы, что ее нужно сближать с социализмом, указывая ее неоспоримое значение силы, освобождающей физическую энергию человека, организующей запросы его духа.

Дайте — к январю хотя бы — этот общий очерк науки, в ее современных позициях, и затем ежемесячно пишите «Хронику», не упуская из виду тех социологических умозаключений, какие только возможно будет сделать в поучение российскому невежеству, кое заставляет наших жителей то и дело отклоняться в область метафизических мечтаний и пассивизма.

Так как журнал рассчитывает на внимание демократии — статьи нужно писать возможно проще, популярней, удобопонятней, избегая мудрых слов. Вот все, что я могу сказать Вам по этому поводу.

Печатается по неавторизованной машинописи из личного архива Горького (*АГ*).

Датируется по содержанию и сопоставлению с п. Горького Ляцкому от 13/26 октября 1912 г. (п. 13) и с п. Ладыжникову от 1 ноября 1912 г., в котором Горький сообщил, имея в виду «Современник»: «Владимирского присоглашаю» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 209).

[1] Фредерик *Содди* (1877—1956) — английский радиохимик.

[2] Эрнест *Резерфорд* (1871—1937) — английский физик, заложивший основы учения о радиоактивности и строении атома.

ПЕРЕПИСКА С В. М. ЧЕРНОВЫМ

Вступительная статья, публикация и комментарии
И. И. Вайнберга

В литературной биографии Горького особое место занимают последние годы каприйского периода, отмеченные острой и напряженной борьбой писателя за боевую, жизнеутверждающую, демократическую литературу. Эту борьбу в тяжелых условиях роста общественного индифферентизма, идейного разброда и политического ренегатства, начавшегося после поражения первой русской революции, Горький вел и как художник, и как публицист, и как общественный деятель, организатор литературы, демократических органов печати.

Особенно трудно и драматически сложно складывалась в то время литературно-организаторская, журналистско-издательская деятельность Горького. Все эти годы (1910—1912) писатель упорно пытался создать новое книгоиздательство, демократический общественно-литературный журнал, дешевую демократическую газету. Не жалея времени и сил, в ущерб собственной литературной работе, он с присущей ему энергией развертывает интенсивную деятельность по организации социалистической и общедемократической печати, которая бы объединила прогрессивные силы страны. Но одни его начинания так и не выходят за пределы замыслов — на осуществление их он не может найти ни издателей, ни средств, другие,— с которыми он связывает свое имя, очень скоро обнаруживают свою несостоятельность, с третьими,— не оправдавшими его надежд, он вынужден порвать из-за литературных и идейных расхождений.

Эти усилия Горького, его литературно-издательская работа и связанные с нею поиски и надежды, сомнения и разочарования отчетливо раскрываются в публикуемой здесь переписке писателя с Черновым. Проблематикой и кругом своих тем она входит составной частью в огромную переписку Горького той поры, ярко отражающую многотрудную деятельность его по созданию общедемократической, прогрессивной печати.

Виктор Михайлович Чернов (1873—1952) — один из основателей партии эсеров, член ее ЦК. В революционном движении участвовал с конца 1880-х годов. В 1892—1894 гг. учился в Московском университете. В 1894 г. был арестован по делу партии «Народное право» и выслан на три года в Тамбовскую губернию. В 1899 г. уехал за границу, возглавлял заграничную организацию социалистов-революционеров, был главным теоретиком партии, автором ее программы и редактором центрального органа эсеров — газеты «Революционная Россия». Для взглядов Чернова характерно эклектическое смешение идей народнического социализма, теории и практики народовольчества и европейского оппортунизма (ревизионизм, бернштейнианство). В политике представлял левое крыло мелкобуржуазной демократии.

В. И. Ленин называл Чернова «самым „левым" народником» и причислял к тем «краснобаям», которые «хотят лечить социализм полным отречением от его единственной общественно-исторической основы, классовой борьбы пролетариата, и окончательным разбавлением марксизма филистерской, интеллигентски-народнической водицей» [1].

После разоблачения в 1908 г. одного из руководителей партии эсеров Азефа как провокатора Чернов, долгое время упорно защищавший его и вследствие этого разошедшийся с Центральным комитетом своей партии (деморализованная, она фактически распалась на отдельные организации), на время отошел от активной партийной деятельности и занялся исключительно литературной работой, главным образом в журналах «Современник» и «Заветы».

В годы первой мировой войны в отличие от большинства лидеров эсеров, за-

нявших социал-шовинистические позиции, Чернов, хотя и не последовательно, выступал как интернационалист, участвовал в Циммервальдской и Кинтальской конференциях. После Февральской революции вернулся в Россию, в 1917 г.— министр земледелия в первом и втором составах коалиционного Временного правительства. Октябрьскую революцию встретил враждебно, в январе 1918 г. был председателем Учредительного собрания, принимая активное участие в организации выступлений против Советской власти. С 1920 г. находился в эмиграции. Во время второй мировой войны — участник движения Сопротивления во Франции [2], позднее жил в США. Помимо статей в газетах и журналах и вышедших в разное время книг и брошюр за границей, были изданы воспоминания Чернова: «Записки социалиста-революционера» (1922, т. 1), «Перед бурей» (1953) и др.

Видимо, по поводу первой из этих книг, познакомившись с нею еще в рукописи, Горький писал 26 июня 1920 г. Ленину: «...произведение В. Чернова хотя и рисует его отчаянным болтуном и хвастуном, но изобилует очень ценными фактами и дает достаточно ясное представление о жизни эпохи» [3]. А в своей рецензии, приложенной к этому письму, Горький дал более подробную оценку книги: «Это – автобиография ‹...› Несмотря на неприятно хвастливый тон по отношению к себе самому и назойливое подчеркивание своих талантов — научной эрудиции, политической прозорливости и т. д.,— Чернов дает в этой рукописи множество интересных сведений о росте революционной мысли в 80-х годах, о быте остатков народовольчества, о жизни молодежи того времени, о приемах пропаганды в деревне, особенно интересны страницы, посвященные спорам народников с представителями возникшего в то время марксизма, ибо — несмотря на известную диалектическую ловкость автора — споры эти убедительно вскрывают политическую несостоятельность и внутреннюю дряблость народничества. Интересны встречи и беседы автора с такими людьми, как М. Натансон, Н. К. Михайловский и др.» И, рекомендуя рукопись к изданию, Горький заключал: «В общем книга Чернова является ценным — фактически — материалом для ознакомления с историей роста революционной мысли в эпоху 80—90-х годов и для современной молодежи, совершенно незнакомой с прошлым, будет очень полезна» [4].

Вскоре Горький вновь встретился с Черновым как с автором. В январе 1923 г. он получил на заключение от Б. И. Николаевского — одного из основателей в Берлине журнала «Летопись революции» и одноименной издательской серии мемуаров — рукопись Чернова (Горький называет ее «Зап‹иски› революционера»; по-видимому, это был очерк «За фронтом Учредительного собрания», объявленный во втором номере журнала). Ознакомившись с рукописью, он писал Николаевскому: «Органический, неисправимый недостаток автора — многословие. У него нет ни одной мысли, которая не была бы загружена словами, задавлена ими. Человек осторожный, он хитрит довольно наивно, полагая, видимо, что лишние слова могут придать изложению внешнюю объективность, скрыть от читателя противоречия фактов и мысли. Но ум, односторонне развитой, он не умеет скрыть тенденций, излюбленных им с достаточной ловкостью.

Как история — его воспоминания не солидны, но, конечно, они имеют весьма значительный интерес для характеристики самого автора как лидера партии и Председателя Учр‹едительного› собр‹ания›.

Сокращать его писания необходимо по отдельным словам, а таких слов на каждой странице найдется строк 15—20».

Приведя примеры и соответствующие страницы сокращений, Горький заключал: «В общем же — на мой взгляд — все это будет прочитано не без интереса и вызовет по адресу автора множество нападок и ругани и справа и слева. Но — это едва ли увлечет „широкую публику“, ибо — боюсь — покажется ей скучным» [5].

Личные контакты и знакомство Горького с Черновым относятся к периоду его участия в журналах «Современник» и «Заветы».

Вопрос о привлечении Чернова к работе в «Современнике» возник весной 1911 г., когда Горький занялся реорганизацией журнала. В апреле 1911 г. писатель встретился с Черновым в Шатильоне, под Парижем, на квартире Е. П. Пешковой, где и было достигнуто соглашение о его участии в редакции «Современника» (см.

в наст. томе сообщение Л. С. Пустильник «Журнал „Современник“ по документам Департамента полиции»).

Горький никогда не разделял утопических теорий эсеров, критически относился к их авантюристической тактике индивидуального террора. Но, учитывая, что эсеры участвуют в общенародной борьбе против царизма, считал возможным при определенных условиях сотрудничество с ними.

В то же время обращение Горького к «Современнику», возглавляемому Амфитеатровым, было вынужденным в связи с тем, что планы создания социалистической печати не увенчались успехом. Дав согласие на участие в «Современнике», Горький надеялся через него хотя бы отчасти осуществить свои идеи объединения демократии. Но, не считая Амфитеатрова способным единолично вести «Современник», неудовлетворенный его расплывчатой программой, Горький попытался создать коллективное руководство журналом. С этой целью в мае 1911 г. в редакционный совет и были введены Чернов и В. С. Миролюбов.

Однако идея «демократического блока», вдохновителем которого был Горький, оказалась неосуществимой. Очень скоро обнаружились разногласия Чернова с Водовозовым (см., напр., п. 3) и особенно — Амфитеатрова с Миролюбовым, о чем писал Чернов Горькому уже в конце мая 1911 г. (п. 2). Постепенно противоречия внутри редакции все более обострялись, к тому же члены ее были разобщены даже территориально, что также мешало нормальной работе журнала. Амфитеатров, договорившись с приехавшим в Париж Певиным, решил отказаться от коллективного руководства и снова взять журнал «всецело в свои руки» (подробнее см.: А—Г, п. от 1 ноября 1911 г.).

Таким образом, опыт совместного руководства продлился недолго, «союзная редакция» распалась, просуществовав всего полгода. 29 октября/11 ноября 1911 г. Горький писал Е. П. Пешковой: «Далее — „инцидент“ с „Современником“: Амф⟨итеатров⟩ желает вести его единолично, сам, своими талантами. Чернов и Миролюбов уходят, я, конечно, тоже» [6].

Чернов с недоумением писал Горькому по поводу «диктата» Амфитеатрова (п. 5); очень был удивлен «этим развалом, и вредным, и несвоевременным», и сам Горький. Но он был поставлен перед совершившимся фактом, и это «небрежное отношение» к нему также глубоко огорчило его, хотя Амфитеатров всячески пытался объяснить мотивы своих действий. То он писал, что, по его убеждению, принцип «коллективного управления журналом» является «фиктивным», «недейственным», «недействительным», то ставил в известность, что «уходит в отставку» и предлагает Горькому возглавить «Современник» вместе с Черновым и Миролюбовым, то, объясняясь Горькому в любви, сожалел, что остается непонятым и поэтому вынужден работать в гордом одиночестве (см.: А—Г, п. от 9 и 14 ноября 1911 г.).

Попытку предотвратить этот «развал» предприняла Е. П. Пешкова. В эти дни (не ранее 18 ноября/1 декабря 1911 г.) она писала Горькому из Парижа, побуждая его примирить Чернова с Амфитеатровым: «Был у меня к⟨а⟩к-то Чернов. О тебе рассказывал. Рассказал историю с „Совр⟨еменником⟩“. По всему, что от него и от Амф⟨итеатрова⟩ об этом инциденте слышала, думаю, что оба они неправы. И, думается мне, ты бы мог свести снова Черн. с Амф. Ведь расхождение Амф. с Черн. плохо для них обоих. Черн. мечтает о своем журнале, но, б. м., этот „свой“ журнал лишь в мечтах и останется. А тут уже есть журнал, где можно работать и надо лишь выработать точные условия прав и обязанностей участников. Для Амф. же уход тебя и Черн. ясно невыгоден. Ведь некрасиво было бы на место Черн. привлечь лидера другого направления, а без имени, с которым ассоциировалось бы известное направление мысли,— неудобно к⟨а⟩к-то быть журналу. О невыгодности же потери тебя уж я и не говорю. Так что, мне кажется, все данные налицо, чтобы выработать с Амф. условия, при кот⟨орых⟩ могла бы быть возобновлена работа.

Через день после того, к⟨а⟩к был у меня Чернов, получаю письмо от Иллар⟨ии⟩ Вл⟨адимировны⟩, где она, объясняя инцид⟨ент с⟩ «Совр.», говорит, что все произошло из-за Мирол⟨юбова⟩, с кот⟨орым⟩ А. В. ⟨Амфитеатрову⟩ трудно было вместе

работать и за которого вступился Черн. ⟨...⟩ Мне кажется, что, к⟨а⟩к и всегда во всех инцидентах,— тут много непонятного др⟨уг⟩ у друга и неверного ⟨...⟩

Так что, думаю, что если ты захочешь вмешаться, все данные налицо для возобновления совместн⟨ой⟩ работы» (*АГ*).

Однако Е. П. Пешкова недооценивала, насколько далеко зашел раскол «блока», и не только из-за деловых разногласий, но и в силу амбициозных столкновений, борьбы самолюбий, сыгравших во всем этом немаловажную роль. «Нет, примирить — нельзя, я пробовал»,— ответил ей Горький (ноябрь после 21/декабрь после 14 1911 г.) И далее писатель дает суровую критическую оценку всем членам редакции, их личным качествам и способностям, их стремлению к «вождизму», с горечью констатируя то, что у него давно наболело, но о чем он воздерживался говорить, до самого конца надеясь, что «журнал наладится»:

«Гг. А. Б. В.— и т. д.— весь алфавит — люди не столько талантливые, сколько самолюбивые; их главнейшее стремление— выскочить вперед, на позиции „вождей" общественного мнения. Их отношения друг к другу—отношение лихачей-кучеров: катай вперед во всю мочь и во что бы то ни стало дави встречных, опрокидывай друг друга— лишь бы обогнать! Их лошадки — их дарованьица: они нахлестывают свои талантики безжалостно, кормят их не овсом серьезных знаний, а газетной трухой и быстро истощают. Очень жалкий народ».

«Наиболее потерпевшим и материально и морально в этой истории — являюсь я,— заканчивает Горький.— Обе стороны относились ко мне так небрежно, как только могут» [7].

Таким образом, это «небрежное отношение» к себе Горький увидел не только в поведении Амфитеатрова, но и в решительных действиях Чернова и Миролюбова, которые тоже поставили его перед совершившимся фактом. Тем не менее по отношению к «диктату» Амфитеатрова он солидаризировался с ними.

Вместе с этими явными, было много и других, скрытых факторов, приведших «Современник» к кризису, а Горького — к выходу из журнала. Принимая участие в «Современнике» и оказывая ему всемерную помощь, Горький имел основание быть недовольным работой редакции. Излишним он считал публикацию «манифеста», написанного Черновым, полагая, что «смешно» повторяться, ибо в январском номере один манифест уже был напечатан. Горький считал, что нужны не слова, а дела, и предупреждал: «Зададут вам за них, если вы не поспеете оправдать заявлений ваших громогласных...» (Г—А, п. 4 или 5 сентября 1911 г.). Не выполнены были настойчивые напоминания Горького, что «надо строить дело на молодых, новых силах». Неудовлетворен был Горький и работой Чернова, на которого возлагал надежды реорганизовать критический и общественно-политический отделы «Современника». Сам Чернов впервые выступил в журнале в роли литературного критика, напечатав статью о романе З. Гиппиус «Чертова кукла», одобренную Амфитеатровым. Дважды Чернов интересовался мнением Горького об этом первом своем критическом опыте, но ответа так и не получил, что вряд ли было случайно. Никак не откликнулся Горький и на статью Чернова по поводу книжки А. Морского о Витте, вызвавшую полемику в марксистской печати (п. 3, прим. 8). Даже по признанию Амфитеатрова, статья Чернова о С. Т. Семенове (А—Г, п. от 19 мая 1911 г.) была написана «средне». С иронией, не понятой Амфитеатровым, Горький писал ему, прочитав июльскую книжку «Современника»: «Рад ⟨...⟩ Михайловым, Романовым, Антоновым, Тараканово-Тимофеевым и Вечевым ⟨Вечев— псевдоним Чернова⟩ — ура!» (Г—А, п. от 4 или 5 сентября 1911 г.). В этом же письме Горький предложил Чернову «заняться» Гершензоном, а Амфитеатрову — Шестовым. «Сии двое очень достойны внимания вредоносностью своей, особенно Шестов»,— писал Горький, подчеркивая, что оправдать громогласные манифесты можно «хотя бы критикой шестовского нигилизма и гершензоновского идеализма».

Словом, Горький росходился с обеими сторонами в понимании целей и задач современного журнала.

О тяжелом положении, в котором оказался Горький, уйдя из «Современника», помимо уже приведенных фактов, свидетельствует также более позднее (от 3/16 января 1912 г.) его признание Е. П. Пешковой: «Я принужден работать в журналах,

что мне очень не по душе. Да и — негде работать! Буду, вероятно, печататься в „Совр⟨еменном⟩ мире" и „Вест⟨нике⟩ Европы" — подумай — в „В⟨естнике⟩ Ев⟨ропы⟩"! „Русское бог⟨атство⟩" — кладбище, все остальное — жульничество, вроде „Рус⟨ской⟩ мысли"» [8].

Но организовать «свой» журнал или «свою» газету Горькому не удается из-за отсутствия средств, хотя он продолжает вести усиленные переговоры по этому вопросу с рядом лиц и издателей. Вскоре после «инцидента» в редакции «Современника», 7 или 8 ноября 1911 г., Чернов приехал к Горькому на Капри для обсуждения создавшегося положения. Вероятно, при этой встрече возникла идея создания нового журнала, и тотчас же Чернов и Миролюбов начали энергичную работу по организации материально-финансовой базы собственного издания, получившего затем название «Заветы». Не имея никаких других издательских перспектив в данный момент, Горький решает поддержать черновское начинание.

Вместе с тем обращает на себя внимание двойственное отношение Горького к редактору нового журнала. С одной стороны, он возлагает на него «большие надежды», ценит его талант и способности организатора (см. п. 15), с другой — отчетливо видит слабость, ограниченность его как руководителя. В самый разгар переговоров о новом журнале, 29 октября/11 ноября 1911 г., Горький писал Е. П. Пешковой: «Третий или четвертый день живет у меня Чернов, разговариваем, ничего хорошо». И в тот же день, проводив его, в конце письма добавляет: «Он — не дурной, видимо, человек, и — даровит, а все-таки птица невысокого полета, не такие „руководители" нужны теперь, не такие!» [9].

Эту характеристику Горький повторил и в начале 20-х годов, в набросках к портрету Чернова: «Человек неширокого ума, детализатор, а не синтетик» [10].

Надежды и сомнения Горького, связанные с журналом «Заветы», нашли отражение в его письме Е. П. Пешковой от 3/16 января 1912 г.: «Зачинаем новый журнал,— писал он,— ⟨...⟩ что выйдет — не знаю. Чернов — парень легкомысленный». Поэтому тут же добавляет: «Затеваю также другой журнал или периодические сборники, не в „Знании", конечно» [11].

Сомнения не покидали Горького на протяжении всего организационного периода «Заветов», хотя он в трудное для него время и согласился принять участие в этом новом литературном начинании. 7/20 января 1912 г. он писал Д. Н. Овсянико-Куликовскому: «Как попытка объединения литераторов всех народностей зачинается журнал в России; что будет не знаю, многого — не жду» (*XXIX*, 214). Не закрывал Горький глаза и на то, какое направление получит журнал Чернова. «Написал небольшую повесть для нового с.-р. журнала,— сообщал он 12/25 января 1912 г. Е. П. Пешковой; — то-то будут меня лаять за участие в нем. Мне самому участие это не по душе ⟨...⟩» Однако писатель надеется достигнуть свои собственные цели, и он тут же поясняет: «⟨...⟩ но — м. б., удастся, хоть отчасти, осуществить мою мечту о создании общероссийского журнала, который ознакомил бы общеимперскую интеллигенцию друг с другом и культурной деятельностью всех племен государства. Пора; это — очень пора ⟨...⟩ если мы не найдем модуса для общекультурной деятельности в ближайшем будущем,— позднее бесконечное количество энергии уйдет на борьбу междуплеменную внутри государства» [12].

Надежды Горького на «Заветы» как на общедемократический российский журнал оказались неоправданными, но оправдались все его сомнения. «Журнал „Заветы",— писал Ленин,— самый народнический, *лево*-народнический журнал с самим г. Черновым» [13]. В острой идейной и политической борьбе того времени, выступая против всех видов оппортунизма, ликвидаторства, бойкотизма, Ленин беспощадно критиковал и «Заветы», каждый отход Чернова от демократизма в сторону либерализма. Считая народническое и левонародническое движение главными вдохновителями «бойкотистских групп», Ленин отмечал, что «в эпоху контрреволюции» «виднейшие литераторы их направления скатывались к либеральным и ренегатским речам (г. В. Чернов в „Заветах") и т. п.» [14].

«Заветы» начали выходить в апреле 1912 г., руководимые Черновым и Миролюбовым; издавала журнал С. А. Иванчина-Писарева, официальным редактором считался П. П. Инфантьев. Мало того что в общественно-политическом отделе тон

задавали эсеровские публицисты (очень много печатался сам Чернов, помещая по нескольку статей в номере,— например, в первом – их у него было пять), с первой же книги в «Заветах», несмотря на протест Горького, стал публиковаться роман В. Ропшина (Б. В. Савинкова) «То, чего не было. (Три брата)». Основанный на материале первой русской революции, роман этот объективно показал распад партии эсеров и крушение ее тактики индивидуального террора. Но в условиях нового революционного подъема он мог быть воспринят и воспринимался как ренегатский, дискредитирующий самоотверженную деятельность революционеров. К сочинению Ропшина полностью относится оценка, данная Горьким роману В. Винниченко «На весах жизни» (см.: Г—А, п. от 11 или 12 сентября 1911 г., прим. 2).

В. И. Ленин назвал романы Ропшина «Конь бледный», «То, чего не было» «позорными произведениями» [15]. Он ставил автора «Того, чего не было» и редактора, напечатавшего этот роман, на одну доску, называя Чернова революционером «вроде Ропшина» [16] и отмечая «ликвидаторские речи» «гг. Савинкова-Ропшина и Чернова в „Заветах“» [17]. Во имя «объективности» на страницах самих же «Заветов» было помещено письмо в редакцию ряда эсеров левого течения во главе с М. А. Натансоном с протестом против романа Ропшина, и в этом же номере журнала редакция предоставила автору возможность выступить в защиту своего произведения во имя «свободы мысли и критики» [18]. В связи с этим Ленин писал Горькому 22 или 23 декабря 1912 г.: «Ведь это хуже всякого ликвидаторства,— ренегатство запутанное, трусливое, увертливое и тем не менее систематическое!» [19].

Сотрудничество Горького с «Заветами», в сущности, не состоялось. Посланную в редакцию рукопись своей повести «Три дня» он потребовал вернуть. Участие его в журнале ограничилось публикацией одного единственного рассказа — «Рождение человека». «„Заветы“ – весьма огорчили меня, и я с ними больше не танцую. Так что — ограничимся одним па»,— писал Горький 23 мая/15 июня 1912 г. М. М. Коцюбинскому (*XXIX*, 240). Бескомпромиссностью отличается его письмо Миролюбову этих же дней (26 мая/8 июня), объясняющее причины разрыва с «Заветами» не выполнившими своих обязательств. «Да, Виктор Сергеевич,— писал Горький,— мне очень неприятно было видеть роман Ропшина в первой же книжке, я считаю, что, сделав это, Вы нарушили данное мне обещание. Мне кажется, что нарушено также и еще одно „обещание“ — не привлечены к сотрудничеству иноплеменные литераторы, о чем говорилось и с необходимостью чего Вы были согласны. Эти нарушения дают мне право считать и себя свободным от обещания сотрудничать в „Заветах“» (*XXIX*, 241—242).

Не изменил своего отношения к «Заветам» Горький и впоследствии. В середине лета он сообщал И. А. Бунину: «Я — свободен и могу отдать „Сказки“ в Ваше издательство ⟨...⟩ Из „Заветов“ я уже ушел, потому что Чернов и Миролюбов не исполнили ни одного из обещаний, данных мне, и поставленных мною условий сотрудничества не соблюли. Я думаю, что, если Чернов будет так много писать, как теперь пишет,— это плохо для журнала и затруднит его успех. Пока я не вижу с их стороны желания придать журналу хоть немного оригинальности». И когда Бунин выразил сожаление в связи с тем, что Горький покинул «Заветы», Алексей Максимович вновь объяснил: «О „Заветах“ не жалейте,— книжка за книжкой все хуже. Слишком много Чернова, а он всегда неудачен. В четвертой рецензия о „Ночном разговоре“ ⟨рассказ Бунина⟩ с дрянными экивоками. Статья о Струве ⟨Вечева—Чернова⟩ — сомнительного достоинства. Роман Ропшина — в непримиримом противоречии с каждой страницей впереди и сзади его» [20].

Участие Чернова в работе редакции «Современника» и в организации журнала «Заветы» послужило поводом к переписке (и личному общению) его с Горьким. В настоящей публикации переписка охватывает непродолжительный период — с середины апреля 1911 г. по 29 января 1912 г. (последнее письмо Горького и ответ Чернова относятся к 1913 г.). Переписка эта отражает острый кризис, переживавшийся «Современником» в то время, и воссоздает историю организации журнала «Заветы».

Ниже публикуются 7 писем Горького к Чернову и 10 писем Чернова к Горькому.

Письма Горького (за исключением № 13 и 16) хранятся в *ЦГАОР* и печатаются по подлинникам; впервые опубликованы в журн.: «Советские архивы», 1969. № 1. С. 98—101. Письма Чернова, хранящиеся в *АГ*, печатаются впервые.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *В. И. Ленин.* Т. 24. С. 335; Т. 26. С. 157.
[2] См.: Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 1500.
[3] *Ленин и Горький.* С. 183.
[4] Там же. С. 183—184.
[5] Русский Берлин. 1921—1923 / Под ред. Л. Флейшмана, Р. Хьюза, О. Раевской-Хьюз. Париж, 1983. С. 384—385; см. также: *5* (Варианты), 680—681.
[6] *Арх. Г.* Т. IX. С. 127.
[7] Там же.
[8] *Арх. Г.* Т. IX. С. 132.
[9] Там же. С. 127, 128.
[10] 5 (Варианты), 680.
[11] *Арх. Г.* Т. IX. С. 132.
[12] Там же. С. 133.
[13] *В. И. Ленин.* Т. 24. С. 62.
[14] Там же. С. 251.
[15] Там же. Т. 22. С. 306.
[16] Там же. Т. 26. С. 226.
[17] Там же. Т. 25. С. 120.
[18] Заветы. 1912. Кн. 8.
[19] *В. И. Ленин* Т. 48. С. 137.
[20] *Горьк. чт.* 1961. С. 64, 67.

1. ЧЕРНОВ — ГОРЬКОМУ

(Париж. Около 19 апреля 1911 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Вы, в самых общих чертах, вероятно, уже знаете от Бунакова[1], что товарищи мои[2] отнеслись вполне сочувственно ко всему тому до чего мы с Вами договорились[3].

У нас, наконец, наши заседания кончились. Я теперь относительно свободен, т. е. на крайний случай мог бы сдвинуться с места хотя бы даже немедленно[4]. Однако предпочел бы я иметь хоть два-три дня для ликвидации кое-каких литературных недоимок. Остается сговориться, когда Вам удобнее двинуться в путь, и — «плыви, мой конь, чрез Рубикон!».

Сегодня вечером и завтра почти весь день, за исключением нескольких послеобеденных часов, я свободен и, таким образом, можно сговориться о свидании.

Крепко жму руку.

Ваш Виктор Чернов

Датируется предположительно, по содержанию и времени отъезда Горького из Парижа. См. ниже, прим. 4.

[1] *Бунаков* (псевдоним Ильи Исидоровича Фундаминского; 1881—1942) — один из лидеров партии эсеров, затем — один из организаторов группы «Почин» (дек. 1911 г.), представлявшей собой правое ликвидаторское течение в партии социалистов-революционеров. Группа «Почин» была против отказа эсеров участвовать в Государственной думе, выступала за прекращение террора и за широкое развертывание легальной работы, которой придавала основное значение. Октябрьскую революцию Бунаков встретил враждебно, боролся против Советской власти, после гражданской войны находился в эмиграции. С Горьким Бунаков (вместе с Авксентьевым и Натансоном) встречался весной 1911 г. в Шатильоне (под Парижем) на квартире Е. П. Пешковой. Там же велись переговоры Горького с Черновым о реорганизации журн. «Современник».

[2] Имеются в виду члены и руководители заграничной организации партии социалистов-революционеров — Н. Д. Авксентьев (о нем см. п. 11, прим. 15), М. А. Натансон (псевдоним Бобров) и др.

[3] Имеется в виду договоренность с Черновым о его участии в работе редакции «Современника».

[4] Речь идет об отъезде из Парижа на Капри. Горький и Чернов уехали из Парижа 22 апреля 1911 г. После непродолжительной остановки в Риме Горький вернулся на Капри 25 апреля. Чернов прибыл на Капри из Феццано 1 мая 1911 г. (*Дн. Пятницкого*).

2. ЧЕРНОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Феццано. 21 или 22 мая 1911 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович.

Я обещал Вам написать, как обстоят здесь редакционные дела, и до сих пор не мог собраться. Дело в том, что надо было спешить окончить статью о «Чертовой кукле»[1], которая — статья, а не кукла — уже и отослана теперь в Питер; а потом пришлось взяться написать и внутреннее обозрение[2], ибо его не было, а не взяться за это дело — значило бы предоставить его Водовозову, который бы написал либо сам, либо поручил бы кому-нибудь, а кому — неизвестно. Этому прыжку в неизвестность я предпочел собственноручное писанье внутреннего обозрения, по крайней мере пока — ибо, опять-таки, дело спешное, и списываться, искать на это дело охочего человека — слишком долго. Теперь кончаю внутреннее обозрение, поэтому немного стало посвободнее, и я могу написать Вам.

Инцидент с Мир⟨олюбовым⟩ я считаю улаженным. Но, улаженный в принципе, поднятый им вопрос практически почти неразрешим. Ал⟨ександр⟩ Валент⟨инович⟩ пишет свой роман от книжки к книжке[3], едва успевая кончать к крайнему сроку. Между тем посылка рукописи на Капри и, может быть, переписка по ее поводу — вещь длинная. Будь Мир⟨олюбов⟩ здесь, все разрешалось бы просто. Но теперь дело обстоит иначе — и возможны новые трения, новые инциденты. Как быть — я не знаю.

В кн⟨иге⟩ пятой, кроме моих двух статей[4], будет еще статья Ал⟨ексан⟩дра Вал⟨ентиновича⟩ — «Ферреро и его критики»[5]. Предполагалась еще ст⟨атья⟩ Колосова «Толстой и Михайловский» — но с ней сейчас осложнения (я ее не видел, она принята раньше). Водовозов предлагает настойчиво не помещать ее вовсе. Между тем Колосову уже обещано. Статья, говорят, чересчур велика. Может быть, дело кончится компромиссом, и статья будет помещена, но мне будет поручено взять ножницы и безжалостно укоротить ее. Впрочем, для статей Колосова такие операции бывают только полезны[6].

По белл⟨етристике⟩ — должна еще идти в 2 книгах, пятой и шестой, «Карьера» Тихонова[7]. Затем идет Семенов, первая половина в № 5, вторая — вместе с моим послесловием — в № 6[8]. Затем в № 5 идут: «Остров Надежда» Зиновья Пешкова, «Тени» Ширяева, продолжение восп⟨оминаний⟩ Водовозовой и Анни Виванти, должны подоспеть и «Жалобы»[9].

В № 6, кроме названных, пойдут: «Скрывной» Милициной, «Старый дом» Нежданова[10].

Как видите, часть материала — «наследство» предыдущего времени. Вообще, обе книжки будут носить еще в значительной мере переходный характер.

Певин, согласно Вашему предложению, пока не вызывается — эти переговоры отсрочиваем и лишь входим в дело фактически, чтобы улучшить ход дела; вопрос о коренной реформе, быть может, легче разрешится, когда за нами будет уже некоторая произведенная работа. Да и

без нового основательного обсуждения денежного вопроса говорить о реформе очень трудно.

Очень печалит меня географическое расстояние, разделяющее нас с Вами[11]. Трудно держать по-настоящему au courant * издали. Бумажное осведомление — это совсем не то, что свой собственный, непосредственный «глазок-смотрок» или живая речь.

Не теряю надежды, что впоследствии нам удастся съехаться всем вместе.

Здесь были Прокопович и Кускова. Говорили... и поспорили малым делом о разных текущих вопросах, хотя я первоначально хотел уклониться от дебатов с ними по существу: и некогда, и бесполезно. Но — не воздержался. Русский человек, что поделаешь.

Они — неизменны. Гимн будням. Все вопросы растворяют в мелкой, повседневной работе, в развитии культуры российской и т. д. Говорят тысячи святых, бесспорных истин, и говорят их с такой настойчивостью, что они перестают быть бесспорными и перестают быть истинами, а становятся упразднением всего сложного, его закланием на алтаре мелкого и элементарного.

Впрочем, Вам, вероятно, об их посещении напишет Ал-др Валентинович...[12]

Крепко жму руку. Привет Марии Федоровне.

Ваш Виктор Чернов

P. S. Как дела с Вашей предполагавшейся поездкой на юг?[13]

Датируется по упоминанию п. Амфитеатрова Горькому от 21—24 мая 1911 г. и по времени пребывания Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповича в Феццано.

[1] Речь идет о статье, посвященной роману З. Гиппиус «Чертова кукла».

[2] О круге поднятых вопросов в этой статье и о своих расхождениях с Водовозовым Чернов писал Горькому около 17 июня 1911 г. В кн. 5 «Современника» статья не была напечатана; появилась в кн. 7. См. п. 3, прим. 4.

[3] Речь идет о романе Амфитеатрова «Закат старого века» (Часть 1. «Взболтанные мозги»).

[4] Т. е. кроме предполагавшегося внутреннего обозрения и статьи о романе З. Гиппиус «Чертова кукла».

[5] О ст. Амфитеатрова «Гульельмо Ферреро и его критики». См.: А—Г, п. от 19 мая 1911 г., прим. 7.

[6] Упоминаемая ст. Колосова в «Современнике» напечатана не была.

[7] В кн. 5 и 6 «Современника печаталось продолжение и окончание романа В. А. Тихонова «Карьера».

[8] В документальном рассказе С. Т. Семенова «Легко ли у нас выделяться из общины?» автор, приветствуя новую правительственную аграрную политику (см. п. 3, прим. 6), с сожалением писал о многочисленных фактах, когда община препятствовала, мешала, а то и просто запрещала «передовым хозяевам» выделяться на хутора и вести самостоятельное хозяйство. Ст. Чернова «В хаосе современной деревни», отмечая ложность той дороги, на которую вступил С. Т. Семенов, критиковала столыпинскую аграрную политику насаждения кулацких хозяйств, направленную на разрушение общинного землепользования.

[9] Очерк Зиновия Пешкова назывался «Страна Надежд» (Современник. 1911. Кн. 5). Рассказ П. Ширяева «Тени» был напечатан в кн. 6 «Современника». Продолжение воспоминаний Е. Водовозовой «Среди петербургской молодежи шестидесятых годов. Из личных переживаний» (Современник. 1911. Кн. 3, 4) в кн. 5 не последовало; появилось в кн. 6. Роман Анни Виванти «Поглотители» (пер. с итал.) см.: Современник. 1911. Кн. 4—11. «Жалобы. III» Горького были напечатаны в кн. 5 «Современника».

[10] Рассказ Е. Милицыной «Скрывной» не был напечатан в кн. 6 «Современника». В этой книге была опубликована повесть Андрея Нежданова «Старый дом».

[11] Чернов находился в то время в Феццано.

[12] Амфитеатров написал Горькому 21—24 мая 1911 г.

[13] Предполагавшаяся поездка Горького на юг Италии в то время не состоялась.

* в курсе (*фр.*).

3. ЧЕРНОВ — ГОРЬКОМУ

(Фецдано. Около 17 июня 1911 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Как и можно было ожидать, с Водовозовым у меня конфликт, и в редакционном деле — кризис.

Как он произошел? Очень просто.

Сговариваясь об идее социалистического блока, мы изложили Кусковой, приехавшей с программой от Водовозова, следующее: в крестьянском деле журнал 1) стремится связать органически движение трудового крестьянства с движением пролетариата, 2) ведет энергическую борьбу против правит⟨ельственного⟩ аграрного законодательства с его «ставкой на сильных»[1] и 3) в щекотливом вопросе о Думе[2] (являющейся яблоком раздора между бойкотирующими ее — P.P.S.[3] в Польше, с.-ры и с.-д. отзовисты — и не бойкотирующими) занять позицию *вне* этих споров: это значит, предоставить полемику по этим вопросам чисто партийной литературе, тем более что бойкотистскую позицию легально защищать невозможно, а стало быть, и нападать на нее легально представляется вряд ли удобным; итак, журнал в этом вопросе ограничивается тем, что разоблачает нашу quasi-конституцию и беспощадно относится ко всякому *примиренчеству* с ней, ко всякому направлению, сворачивающему с революционного пути на поприще выращивания баобаба — демократ⟨ического⟩ строя — в третьедумском горшке из-под резеды.

Что же сделал Водовозов? Он, пользуясь своим пребыванием на месте, у типографии, снял из майского № мою статью[4], намечавшую именно эту позицию, и поместил другую[5], которая 1) совершенно определенно высказывается в духе *антибойкотизма* и не только для настоящего, но *и для прошлого*, т. е. ангажирует журнал в духе «беззаглавной» догмы, для которой бойкотизм *всегда* и принципиально отвергается; и 2) поспешил в той же статье, ни к селу, ни к городу, ангажировать журнал и в другом вопросе,— заявив, что интересы крестьянства и пролетариата в дальнейшем должны разойтись; что же касается до статьи моей по поводу Семенова, которая, по нашим уговорам, должна была носить редакционный характер, так она в примечании разжалована как бы на степень статьи, печатаемой на равных основаниях со статьей Семенова[6]...

Таковы наши «необыкновенные приключения». Журнал, поистине, «шел в комнату, попал в другую»[7]. Где же выход? Очевидно, в *выходе*... или моем с товарищами, или Водовозова — из журнала.

Таково положение. А к 22 числу приезжает сюда Певин, и нужно будет решить все дела.

Пока Ал⟨ексан⟩др Вал⟨ентинович⟩ принял экстренные меры, чтобы взять в наши руки по крайней мере выпуск июньской книжки. Для нее мною, между прочим, написана и статья, в которой проводится идея социалистического единства, как условия гегемонии социализма в общественном движении, охвата социализмом всей трудовой демократии и установления политического руководительства трудовой демократии над демократией вообще. Статья эта связана с событиями 1905 года, она написана по поводу книжечки Морского (Витте?) об «Исходе русск⟨ой⟩ рев⟨олюции⟩ и правит⟨ельст⟩ве Носаря»[8]. Кроме того, осталась от прошлой книжки отложенная Водовозовым статья о нашем отношении к «конституции»,— да еще статья о С. Т. Семенове! Немножко много одного и того же, не правда ли? («Ну, ударь раз, ударь другой — да не до бесчувствия же!»[9]). Но что делать...

Кстати, не поленились ⟨бы⟩ черкнуть, как Вы нашли мой первый опыт литературной критики — о «Чертовой кукле» Гиппиус. Так как

для меня это — новое амплуа, то я побаиваюсь. Очень не хотелось бы сесть не в свои сани.

Ну, пока до свиданья. Ждем Вас к приезду Певина, когда господь разрешит судьбы наши и развяжет все узлы Гордиевы.

Привет Марии Федоровне.

Крепко жму руку.

Виктор Чернов

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова Горькому от 17 июня 1911 г.

[1] Речь идет о политике насаждения кулацких хуторских хозяйств, начатой столыпинской аграрной реформой, которая получила силу закона указом 9 ноября 1906 г. Позже появился еще целый ряд постановлений, узаконивших обязательность выделения личных крестьянских хозяйств из общины (закон 14 июня 1910 г.). 29 мая 1911 г. было выпущено правительственное «Положение о землеустройстве», которое открыто провозглашало принцип насильственного проведения землеустройства в интересах «столыпинских помещиков». Правительственное аграрное законодательство имело целью ликвидацию малоземелья при сохранении помещичьего землевладения, ускорение расслоения деревни, создание в лице кулачества дополнительной опоры самодержавию. Большевики, Ленин вели борьбу против новой аграрной политики самодержавия, считая, что она носит антинародный характер, защищает интересы крепостников-помещиков. Эсерами, идеализировавшими мелкое крестьянское хозяйство и общинное землепользование, новая аграрная политика царизма воспринималась как удар по их утопическим идеям о социалистическом характере сельской общины, разрушаемой столыпинской реформой.

[2] 3 июня 1907 г. царское правительство разогнало II Государственную думу, арестовало и сослало членов думской социал-демократической фракции и издало новый закон о выборах в III Государственную думу. Третьеиюньский государственный переворот обеспечивал безраздельное господство в Думе крепостников-помещиков и представителей крупной буржуазии и положил начало столыпинской реакции. В этих условиях большевистский центр РСДРП считал необходимым использовать III Думу прежде всего как трибуну для разоблачения царского самодержавия, соглашательской политики буржуазных партий и пропаганды своих идей. Однако левые группы в организациях эсеров и социал-демократов, в том числе фракционная группа бывших большевиков — «отзовисты», требовали бойкота Думы, отзыва из нее своих депутатов и вообще прекращения работы в легальных организациях. Ленин вел борьбу с отзовистами, тактика которых отрывала партию от масс. Чернов придерживался тактики бойкота, хотя считал возможным в «Современнике» занять «позицию вне этих споров», как он пишет Горькому.

[3] Польская социалистическая партия (Polscka Partia Socjalistyczna) создана в 1892 г. С самого начала правое руководство ее стремилось подчинить рабочее движение интересам буржуазии.

[4] Эта статья Чернова (возможно, в несколько иной редакции) была напечатана в кн. 7 журнала, в разделе «Дела и дни. На современные темы».

[5] Имеется в виду ст. В. Водовозова «Министерский и парламентский кризис в стране, в которой, слава богу, нет парламента», помещенная в разделе «На родине».

[6] См. п. 2, прим. 8. В кн. 5 «Современника» публикация очерка Семенова сопровождалась примечанием от редакции: «В следующей книге, по напечатании второй части очерка С. Т. Семенова, редакция даст место статье Виктора Чернова, в которой автор, применительно к тому же конкретному материалу, выяснит свою точку зрения на затронутые автором вопросы, существенно отличную от точки зрения автора».

[7] Слова Софьи из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. 1, явл. 4).

[8] Ст. Чернова «Откровенная книга» по поводу книги А. Морского «Исход русской революции 1905 г. и правительство Носаря» была напечатана не в 6, а в 7 кн. «Современника». Резкой критике подверг эту статью Чернова на страницах большевистского журнала «Просвещение» (дек. 1911 г.) Л. Б. Каменев (см.: А—Г, п. от 22 июля 1911 г., прим. 7). Его поддержал Ленин, осудивший ответ Чернова Каменеву в журн. «Заветы» (1912, № 2) (*В. И. Ленин.* Т. 21. С. 419).

А. Морской (псевдоним Владимира фон Штейна) — публицист. Кроме названной здесь брошюры, вышедшей в Москве в 1911 г., ему принадлежат книги: «Разочарование в честном маклерстве» (М., 1911); «Зубатовщина» (М., 1913); «Военная мощь России» (Пг., 1915).

[9] Реплика Расплюева в «Свадьбе Кречинского» А. В. Сухово-Кобылина.

4. ГОРЬКИЙ — ЧЕРНОВУ

(Капри. 10 или 11 ноября 1911 г.)

Дорогой Виктор Михайлович!

Посылаю копию письма Амфитеатрова [1],— сообщите Ваши соображения по сему поводу.

Торопясь немедленно послать письмо Вам — ничего не пишу более, да и не мог бы, ибо застигнут врасплох сим неожиданным оборотом дела.

Жму руку.

А. Пешков

Датируется по связи с п. Амфитеатрова Горькому от 9 ноября 1911 г.

[1] Горький послал Чернову копию п. Амфитеатрова от 9 ноября 1911 г., в котором тот писал, что не верит в возможность коллективного руководства «Современником», поэтому «отстраняется» от журнала и «готов, когда угодно, сдать „Современник" в руки группы», которую Горький составит.

5. ЧЕРНОВ — ГОРЬКОМУ

(Феццано. 11 или 12 ноября 1911 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Только что получил Ваше письмо с приложением Амфитеатрова. Оборот, действительно, неожиданный. К сожалению, уверовать в его серьезность слишком трудно.

Судя по этому письму, он считает нас четырех [1] равно духовным ядром журнала. Но как примирить с этим тот факт, что, например, с Вашим мнением он и не подумал справиться — хотя бы au titre de renseignement * — прежде чем объявить мне и Миролюбову условленное с Певиным решение? [2] Как вообще примирить с этим тот факт, что он совещался с Певиным единолично [3], о том, что свидание это налаживается, известил нас лишь под самый конец, и о предмете совещания мы узнали лишь post factum? Вы же, если не ошибаюсь, даже и совсем не знали — до наших сообщений — об этом свидании?

Я понимаю, что можно по-товарищески сказать: наша совместная работа не ладится, надо разойтись; хотите — Вы берите «Совр〈еменник〉», иначе — беру его я. Но ведь было как раз наоборот. До поездки в Париж А〈лександр〉 В〈алентинович〉 все время говорил мне иное,— да и Вам в письмах, если не ошибаюсь, он тоже писал, что у него со мной работа и отношения по работе наладились хорошо. И вот в виде настоящего coup d'état [2*] мне подносится предложение — перейти на положение вольнонаемного чтеца рукописей с «совещательным» голосом. Во мне здесь не самолюбие говорит, хотя, конечно, такое предложение для меня и казалось несовместимым с моим чувством собственного достоинства — личного и общественно-литературного; меня здесь интересует другая сторона. А. В. *только что*, отдельно от нас, *условился* о чем-то с Певиным и *преподнес нам готовое решение*. Может ли после этого быть серьезным его «предложение» передать дело нам и даже быть посредником между нами и Певиным?

Я, напротив, из всего вижу, что А. В. и Певин неразделимы. Да не говорил ли нам об этом несколько раз и сам А. В.? Его выражения были при этом самые недвусмысленные. «Певин будет делать так, как я ему скажу». Мне, кроме того, он указывал, что гарантировал себя. Ведь Амф〈итеатров〉 — член редакционно-издательского комитета вместе с Певиным (и Кояловичем, насколько помню). У него составляется в «Совр.» определенным образом пай. На каждые 100 рубл. действительного гоно-

* в порядке осведомления, задним числом (*фр.*).

[2*] государственный переворот (*фр.*).

рара, по его словам, ему засчитывается 150 или 200 рублей номинального, из которого этот пай и образуется. «Если бы Певин даже и захотел меня выкинуть, он не может, потому что тогда должен будет выплатить мне мой пай» — так говорил он однажды, успокаивая меня по поводу слухов из Петербурга, будто Певин слывет на Урале октябристом (слух, по-видимому, был ложный).

И еще одна «наглядная несообразность». Еще недавно Миролюбов писал А. В. о желательности возобновления общих собраний. Что же ответил ему А. В.?[4] Я сам читал это место его письма: что в общих собраниях надобности нет[3*], ибо с Мир. он отлично сносится по всем делам по белл‹етристическому› отделу, а со мной — по научно-политическому. Теперь же выходит, что именно он, А. В., и видит всю беду в отсутствии действительного, а не номинального коллектива!

Странно и самое начало письма: «когда из четверых трое недовольны одним...» Этим как будто инициатива конфликта переносится на нас, тогда как на деле «из четырех один дал congé[4*] двоим...»

Что же знаменует собою письмо А. В.? Вряд ли можно сомневаться, что это — «красивый жест» для успокоения отчасти общественной, отчасти же, м. б., и личной совести.

Другое дело — как *формально* ответить на его предложение, в серьезность которого можно не верить, но которое все-таки номинально существует? Может быть, даже согласиться? Об этом надо подумать. И, во всяком случае, не оставлять своих действий по организации нового журнала[5]. Хуже всего здесь для нас было бы, если бы мы потеряли только попусту время, в переговорах. Для нас «потеря времени смерти подобна».

Крепко жму руку. Съезжу потолковать с Мир‹олюбовым›[6]. Напишите скорее Ваше мнение. Привет М. Ф.

Ваш Викт. Чернов

Датируется по сопоставлению с п. 4.

[1] Имеются в виду Амфитеатров, Горький, Чернов и Миролюбов.

[2] См. п. Амфитеатрова Горькому от 1 ноября 1911 г., в котором он сообщал, что по настоянию издателя «Современника» Певина он, убедившись в невозможности коллективного руководства, решил взять журнал «всецело в свои руки», о чем уже поставил в известность Миролюбова и Чернова, которые после этого заявили о своем уходе из «Современника».

[3] Речь идет о встрече Амфитеатрова с Певиным в Париже. См. там же.

[4] Письмо не разыскано.

[5] См. вступ. ст. к переписке.

[6] Больной Миролюбов в это время лечился в Давосе (Швейцария).

6. ГОРЬКИЙ — ЧЕРНОВУ

‹Капри. Около 18 ноября 1911 г.›

Дорогой Виктор Михайлович!

Я тоже не чувствую в письме А‹лександра› В‹алентиновича› желания поправить дело, и я ответил ему так:

«Решительно отказываюсь составлять группу и брать „Совр‹еменник›“ „в свои руки“, ибо к такому делу не считаю себя способным. Начало Вашего письма включительно до фразы „вот все, что я могу предложить“ я сообщил в копии В. М. Чернову, и это все, что считаю нужным сделать в данном случае»[1].

Итак, он знает, что его предложение, адресованное мне,— известно Вам, значит при наличности желания он может говорить с Вами.

[3*] Подчеркнуто Горьким.

[4*] вытеснил, выгнал, выпер (*фр.*).

Вчера приехал какой-то бойкий парень по фамилии Недригайлов и выразил желание работать в «Совр‹еменнике›», куда и был направлен мною[2]. Очень современен.

Сообщите В‹иктору› С‹ергеевичу›[3], что здесь Бунин[4].

Приветствую, желаю Вам всего доброго.

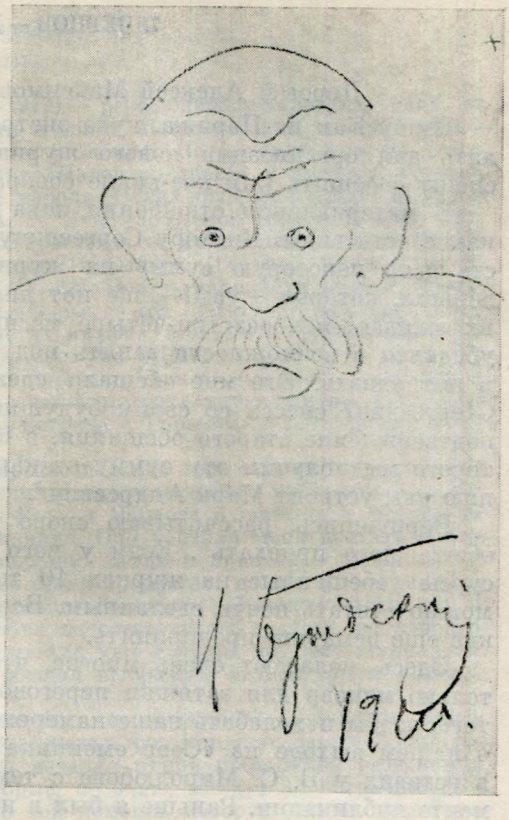
А. Пешков

Вот что, В. М.,— я попрошу Вас, пожалуйста, вычеркните мое имя под письмом в редакцию о выходе из журнала[5],— я предпочитаю снять его без шума, ибо оный шум крайне удручает меня.

Сейчас получил почту: везде мои письма в «Киевскую мысль» и «Живое слово» и какие-то нелепые сведения обо мне[6]. Это — неприятно, это имеет такой вид, как будто я хочу напомнить о своем бытии, что раздражает меня.

Вычеркните, пожалуйста, существо дела от этого не изменится, а мне будет приятней и легче.

А. Пешков



ГОРЬКИЙ
Шарж И. И. Бродского (бумага, карандаш).
Капри, 1911
Музей Горького, Москва

Датируется по упоминанию п. Горького Амфитеатрову от 11 или 12 ноября 1911 г. и по сопоставлению с письмом ему же от 16 или 17 ноября с сообщением о Е. И. Недригайлове.

[1] Горький не совсем точно цитирует свое п. Амфитеатрову (см. выше).

[2] См.: Г—А, п. от 16 или 17 ноября и А—Г, п. от 18 ноября 1911 г.

[3] В. С. Миролюбову.

[4] И. А. Бунин приехал на Капри 16 ноября 1911 г.

[5] После объяснения с Амфитеатровым, состоявшемся 1 ноября 1911 г., Чернов и Миролюбов заявили о своем выходе из редакции «Современника». Убедившись из дальнейшей переписки с Амфитеатровым, что тот «не желает поправить дело», Горький решил присоединиться к ним и подписал совместное письмо в редакцию о выходе из «Современника». См. п. 7, прим. 6.

[6] Речь идет о письмах с протестом против напечатанных в газетах призывов к русскому обществу «подать свой голос за разрешение Горькому вернуться на родину». Так, в газ. «Киевская мысль» было помещено сообщение о том, что «Шаляпин собирает под петицией Макарову (министр внутренних дел и шеф жандармов в то время.— *И. В.*) о разрешении М. Горькому возвратиться в Россию подписи литераторов, артистов и художников». В связи с этим Горький писал в редакцию, что «слух этот оскорбляет» его, «ибо ни Ф. И. Шаляпину, ни кому-либо иному» он не давал «полномочий ходатайствовать о позволении вернуться на родину» (Киевская мысль. 1911. № 299, 29 окт./11 ноябр.). О п. Горького в газ. «Живое слово» см.: Г—А, 29 или 30 октября 1911 г., прим. 2.

7. ЧЕРНОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Париж. Около 20 ноября 1911 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович.

Пишу Вам из Парижа, куда экстренно выехал, в расчете кое-что сделать для организации нового журнала[1]. Теперь собираюсь обратно и спешу сообщить Вам кое-какие соображения.

В материальном отношении пока удалось немногое. Но вот все-таки какие есть виды. Виктору Сергеевичу[2] здесь обещано было в одном месте дать некоторую сумму на журнал — в будущем, ибо дело идет о деньгах, которых — увы! — еще нет налицо. Но деньги верные, получение их ожидается через три-четыре месяца (беру удлиненный срок). Я же убедился в возможности занять под такой будущий вклад сумму тысяч в пятнадцать. Это мне обещали сделать. Итак, нужно, чтобы В⟨иктор⟩ С⟨ергеевич⟩ снесся со своим будущим «вкладчиком» и получил от него подтверждение старого обещания, в виде векселя на 15 т. р., взамен которого мы получим эту сумму от капиталиста. Сию финансовую операцию нам устроит Марк Андреевич[3].

Вернувшись, рассчитываю скоро увидеть моего «агента» из России, обещавшего приехать[4]. Если у него не только сохранились старые ресурсы (обещанные на журнал 10 тыс). но и приумножились, то дело можно считать почти сделанным. Вообще тогда можно решить, где и какие еще демарши предпринять.

Здесь полагают очень многие, что предложение Амф⟨итеатрова⟩[5] — только маневр для затяжки переговоров вплоть до подписки и еще для того, чтобы поколебать наше намерение выступить с гласным заявлением о нашем выходе из «Совр⟨еменника⟩». Кстати: подписанные заявления я оставил у В. С. Миролюбова с тем, чтобы он списался с Вами о моменте публикации. Раньше я был в некотором колебании и не сразу пришел к мысли о необходимости такой публикации. В сущности, решающим толчком для меня были Ваши слова, что не следует вводить в заблуждение читателей и подписчиков. Здесь я еще более убедился, что Вы были совершенно правы и что нужна полная ясность положения[6].

Некоторые советовали, чтобы на предложение Амф⟨итеатрова⟩ мы дали такой ответ: пусть не Амф. а редакц⟨ионно⟩-изд⟨ательский⟩ комитет «Современника» предложит остальным трем ближайшим сотрудникам принять на себя редакцию журнала, и тогда, без всякого посредничества, на прежних условиях и без всяких затяжных переговоров дело могло бы быть разрешено в кратчайший срок. Советующие так поступить тоже сомневаются в серьезности предложения Амф., но имеют в виду только лишить его возможности ссылаться на то, что будто бы не он произвел coup d'état *, а мы отступились сами от него, несмотря на его великодушную готовность отдать журнал в наши руки. Пишу Вам об этом только так, к сведению, ибо, вероятно, Вы уже теперь получили совещательное мнение Виктора Серг. и дали А⟨мфитеатро⟩ву свой ответ.

В конце концов, конечно, все это мало существенно. А существенно лишь то, что удастся нам сделать для организации нового журнала...

Пока до свиданья. Тороплюсь еще побывать в нескольких местах, для выяснения разных финансовых перспектив. Поездка моя и без того слишком затянулась. Я рассчитывал пробыть дня три, а скоро исполнится уже неделя, и дома меня ждут со дня на день. По дороге заеду к Миролюбову.

Крепко жму руку. Привет М. Ф.

Ваш Виктор Чернов

Простите за спешность, отрывочность и беспорядочность письма. Приходится набрасывать «на бегу».

---

* настоящий переворот (*фр.*).

Датируется по содержанию и сопоставлению с п. 6.

[1] Журнала, названного затем — «Заветы».

[2] Миролюбову.

[3] Марк Андреевич *Натансон* (1850—1919) — революционер-народник, один из основателей кружка «чайковцев» и «Земли и воли». После раскола ее примкнул к «Народной воле». В 1879—1889 гг.— в ссылке в Сибири. По возвращении из ссылки — один из организаторов и глава партии «Народное право», в которую входили также друг Горького — бывший участник народнических кружков в Казани М. А. Ромась и знакомый Горького по Тифлису А. М. Лежава. Весной 1894 г. царское правительство полностью разгромило партию, арестовав ее виднейших членов. Натансон, Ромась, Лежава и другие были сосланы в Сибирь (Горький вспоминает об этом в 1927 г. в п. А. А. Белозерову; см. *XXX*, 22). Возвратившись из ссылки, Натансон в 1905 г. вошел в партию эсеров, стал членом ее ЦК. В 1917 г.— примкнул к левым эсерам, от которых отмежевался после их мятежа, в 1918 г.— организатор группы «революционных коммунистов», член Президиума ВЦИК.

[4] Этим «агентом» из России, которого ожидал Чернов, по всей вероятности, был Сергей Порфирьевич *Постников*, оказавший материальную помощь в издании «Заветов». В своих воспоминаниях — «Мои встречи с Горьким»,— написанных в октябре 1953 г., он рассказывал:

«В это самое время я подготовлял в Москве издание популярного журнала типа „Журнала для всех". Для издания я получил пятнадцать тысяч рублей от молодых студентов с.-ров, получивших наследство. Друзья Чернова в поисках в Москве денег для его журнала узнали о моем начинании. Они убедили меня поехать в Италию, чтобы договориться о совместном издании. Когда я приехал в Феццано, где жили Чернов и Миролюбов, мне настойчиво стали предлагать начать в этом же году издание „толстого" журнала размера „Русского богатства", „Русской мысли" и т. п. Я долго не соглашался с этим, указывая на недостаточность средств, на неподходящее время, когда годовая подписка библиотек уже собрана другими журналами. Но ссылка на А. М. Горького, который обещал всяческую литературную помощь, заставила меня сдаться.

1 мая 1912 года в Петербурге я выпустил из печати № 1 журнала „Заветы" размером в 27 печатных листов. Многострадальную историю „Заветов", семь раз конфискованных за два с половиной года издания и при постоянном безденежье, я рассказал в своих воспоминаниях, которые, не знаю, выйдут ли когда-нибудь в свет. Здесь же я хочу написать только о той помощи, которую оказал нам Горький. Он сдержал свое слово и дал для первого номера один из лучших своих рассказов „Рождение человека"» (*АГ*).

[5] См. п. 4. прим. 1.

[6] Во время пребывания Чернова на Капри с 7 или 8 по 11 ноября (*Дн. Пятницкого*) был составлен проект совместного «письма в редакцию» Горького, Чернова и Миролюбова о выходе из «Современника». Сохранился текст этого письма, написанный рукой Чернова:

«М⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩ г. Редактор.

Считаем необходимым через посредство Вашей газеты довести до сведения читателей, что никакого участия в журнале „Современник" мы более не принимаем.

Просим другие газеты настоящее наше заявление перепечатать».

В конце текста помета: «4 газеты» (*АГ*).

Однако позже Горький решил снять свое имя под этим письмом (см. п. 6, прим. 5). Вскоре Чернов и Миролюбов, по примеру Горького, также отказались от публикации письма. См. п. 8.

8. ЧЕРНОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Феццано. Ноябрь, после 20, 1911 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович.

Вернувшись из Парижа, где я задержался сверх ожидания, нашел Ваше письмо, из которого я увидел, что Вам, по личным обстоятельствам, сейчас неудобно выступать с новым «письмом в редакцию». Думаю, что и нам следует в таком случае последовать Вашему примеру и ограничиться просто снятием своих имен с «Современника». Иначе явится ложная видимость, будто Вы и мы неодинаково относимся к наступившим в «Совр⟨еменнике⟩» переменам. Это возбудит лишние толки, обращения к нам за разъяснениями, т. е. то, что в таких делах всегда наиболе противно.

В Париже удалось кое-что подготовить в смысле материальной базы нового журнала, и Викт⟨ору⟩ Серг⟨еевичу⟩ [1], вероятно, придется тоже

туда съездить, чтобы окончательно закрепить получку некоторой суммы и фиксировать ее размеры. Мое дело было подготовить для него почву и создать возможность немедленного займа тысяч пятнадцати-двадцати в счет этой будущей получки.

К сожалению, в другом деле обстоятельства для нас сложились менее благоприятно. Тот человек из России, о котором я говорил[2], выехал раньше получения моего письма о кризисе в «Совр.» Поэтому он договаривался об ассигновках на новый журнал лишь в принципе и условно. Но видов у него очень много, и он полагает, что возможность начать в будущем году издание стоит вне всяких сомнений; вопрос лишь в том, успеем ли поставить административно-коммерческую часть в тот короткий промежуток времени, который остается, чтобы можно было выйти в январе? Через несколько дней он выедет в Россию и спешно начнет там действовать. Я условлюсь с ним, чтобы по благоприятном разрешении каждого из важнейших условий издания он сообщил сюда телеграммой:

1) Когда будет иметь в руках 20 т. р. наличными,

2) Когда будет иметь документ на получение — самое позднее — к концу второго полугодия еще 20 т. р.

3) Когда будет иметь согласие одного из намеченных лиц взять на себя организацию конторы, etc.,

4) Когда будет обеспечена типография и начнет функционировать контора.

Таким образом, «заграница» будет стоять всецело в курсе хода дел в России.

Сегодня жду приезда Миролюбова, и сообща поставим и решим вопрос относительно моей эскапады *[3].

Набрасываю сейчас программу журнала (не в смысле «проспекта», а в смысле отделов, распределения между ними «журнальной территории» и сотрудников по каждому отделу). Перешлю ее затем Вам.

Когда я был у Вас, Вы просили меня сообщить, в каких №№ «Знамени труда» находятся материалы, относящиеся к характеристике Рагозниковой. Я навел нужные справки: вот они. Три письма Раг‹озниковой› к товарищам (драгоценный материал для ее психологии) и моя заметка-некролог помещены в № 7. Так как первые десять №№ «З‹намени› т‹руда›» печатались в России, то, возможно, что у Вас их нет. Тогда напишите мне, и я могу прислать Вам свой экз‹емпляр› во временное пользование (к сожалению, у меня только один экз., и потому не могу Вам его преподнести). Воспоминания же о Раг‹озниковой› одной из ее подруг (очень недурно написанные) помещены в № 27.

Вы предлагали мне взять для разработки письма разных русских людей к Вам, характеризующие зарождение новых настроений и внутренней работы мысли самого последнего времени. Так как журнал, очевидно, будет, и надо заготовлять заранее для него материалы, то я охотно взялся бы через неделю-другую за эту работу (сейчас есть другие, всё спешные).

Крепко жму Вашу руку. Привет М. Ф.

Ваш Виктор Чернов

Датируется по содержанию и сопоставлению с п. 7.

[1] Миролюбову.

[2] Очевидно — С. П. Постников. См. п. 7, прим. 4.

[3] Возможно, речь идет о намерении Чернова нелегально выехать в Россию для ускорения организационно-финансовых мероприятий по изданию нового журнала. См. п. 9.

---

* Здесь: бегство тайком (*фр.*).

9. ЧЕРНОВ — ГОРЬКОМУ

(Феццано. Конец декабря 1911 г.)
Fezzano, presso Spezia, villa Parodi,
V. Tshernoff

Дорогой Алексей Максимович.

Проводив обратно в Россию моего «человечка»[1], хотел бы — уже в более конкретных и реальных чертах — побеседовать с Вами о программе нового органа. Ибо, невзирая на все трудности и краткость времени, шансы на успех предприятия есть, и — почем знать? — может быть, придется экстренно составлять январский номер... Это может случиться через какие-нибудь пару недель, по экстренной телеграмме из Петербурга. Но тут возникает множество вопросов, ранее нами не предвиденных. Здесь и вопрос об организации редакции, и о русском ее члене, и о местопребывании как заграничного, так и русского отдела (относительно последнего есть план — временно иметь его в Москве, чтобы уже затем перенести в Петербург), и о сотрудниках по разным вопросам. Подумывал, было, проехаться для всего этого к Вам на Капри, да не знаю — не помешаю ли Вам сейчас в Ваших работах и не лучше ли отложить до какого-нибудь более удобного времени?

Я пока застрял здесь, ибо товарищи по устройству всего этого предприятия единогласно и категорически воспротивились моей личной «эскападе»[2]. Надеются все устроить и так, — и протестуют против риска. А мне не сидится...

Черкните, что Вы думаете относительно времени, когда удобнее устроить свидание.

Привет М. Ф. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Виктор Чернов

Датируется по сопоставлению с п. 8.

[1] С. П. Постникова.
[2] См. п. 8, прим. 3.

10. ГОРЬКИЙ — ЧЕРНОВУ

(Капри. 1 или 2 января 1912 г.)

Дорогой Виктор Михайлович!

Если Вы можете приехать — приезжайте, здесь Бунин, Коцюбинский, Черемнов[1], люди, с которыми Вам, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, будет интересно и не бесполезно познакомиться[2].

Я — к Вашим услугам.

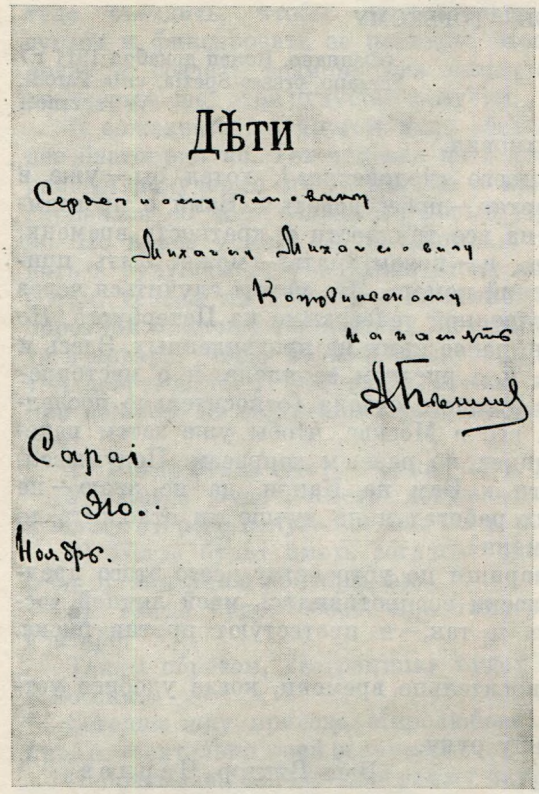
Желаю всего доброго!

А. Пешков

Датируется предположительно, по записи в *Дн. Пятницкого* от 25 декабря 1911 г./7 января 1912 г.: «Приходят Мир⟨олюбов⟩ и Чернов. Приехали 23 вечером — новый журнал» (*АГ*). На Капри обсуждались вопросы, связанные с организацией журн. «Заветы».

[1] А. С. Черемнов болел туберкулезом и по приглашению Горького жил с матерью на Капри с декабря 1911 г. по февраль 1912 г.

[2] Вскоре после поездки к Горькому Чернов сообщал Е. П. Пешковой: «Был недавно на Капри. С первого же № журнала пойдет рассказ Алексея Максимовича — «Три дня». А. М. пишет, что сейчас у него много российских гостей и работать порядком мешают, — поэтому он не мог кончить еще одной статейки для янв⟨арской⟩ книжки на тему об общественном настроении (эпидемия самоубийств как характерный симптом переживаемого момента). Познакомился на Капри с Буниным, у которого «сторговали» рассказ, по отзыву А. М., превосходный. Еще познакомился с Коцюбинским и Зайцевым, — от каждого тоже получаем по рукописи. Дела опять выше головы и спешка идет у нас неимоверная ⟨...⟩ А. М. говорит, что вот уже восемь месяцев, как не выезжал из Капри никуда, даже в Неаполь» (*АГ*).



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОРЬКОГО М. М. КОЦЮБИНСКОМУ НА КНИГЕ: М. ГОРЬКИЙ. ДЕТИ. КОМЕДИЯ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ
Берлин, ⟨1910⟩
Архив Горького, Москва

11. ЧЕРНОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Феццано. Около 20 января 1912 г.⟩

Дорогой
Алексей Максимович.

Наконец-то все наши телеграфные переговоры кончились. Будет журнал — и пока экстренно составляем январский № [1].

Шлите скорее Вашу повесть [2]. Коцюбинского уже послали Волховскому для перевода [3]. Пишу статью об Изгоеве [4]; затем примусь за другую — о безжизненности нашей литературы и о подземных родниках настоящей, живой жизни.

Для этой статьи жду с нетерпением обещанных Вами писем [5].

Надеюсь, что, несмотря на спешку, в этом же № удастся составить и сносный обзор явлений текущей жизни [6]. Вот если бы открыть его Вашей статейкой о самоубийствах! [7] Как она — кончили или еще нет?

В «Речи» была заметка о том, как органы польского «Кола» встретили Вашу статейку в «Запросах жизни» [8]. Вот уж поистине пуганые вороны, которые при первой возможности оборотятся ястребами! Эти польские октябристы мне противнее русских. Наши, по крайней мере, цельны в своей гордыне «господствующей национальности», которая прет себе, не задумываясь о том, каково национальностям подвластным. А эти — сами на себе превосходно знают все невзгоды и унижения порабощенной национальности, а только и мечтают, как бы, выбившись, подмять под себя еще более меньшую братию. Выступление их в Думе по вопросу об избирательных правах евреев в царстве польском — это верх цинизма [9].

Можно надеяться, что их выпады против Вашего проекта только посодействуют живому его обсуждению и отклику на него настоящих демократов всех национальностей. Но, думается, к этому вопросу и нам еще придется вернуться.

Передайте, пожалуйста, Коцюбинскому вместе с сердечным приветом от меня (он, кстати сказать, на меня произвел самое симпатичное впечатление), что дело наладилось [10] и мы ждем чего-нибудь от его соотечественников [11].

Повесть Бунина тоже думаем пустить в первой книжке [12]. Из научно-полит⟨ического⟩ отдела есть содержательные статьи С. Зака и Н. Ракитникова [13]; первая — об рабочей программе в связи с типами промышленной эволюции, вторая — «Статистика или реклама?» — относится к итогам землеустройства по официальным данным. Жду еще нескольких статей из разных мест (о Раписарди из Рима [14], о Толстом от Авксентьева [15], от Лункевича [16] etc).

Итак — выступаем! Надеюсь, что, несмотря на спешку, мы и первым номером не ударим лицом в грязь.

Сердечно Ваш Виктор Чернов

Привет М. Ф.

Датируется по упоминанию заметки в газ. «Речь». См. ниже, прим. 8.

[1] Первая книга «Заветов» вышла в конце апреля 1912 г., но, надеясь, что издание журнала начнется в январе, Чернов писал Е. П. Пешковой (в середине янв. 1912 г.): «Наконец-то все наши треволнения разрешились. После обмена телеграммами с Москвой вопрос о журнале *окончательно решен* в положительном смысле.

Но — представьте себе — я до сих пор еще не знаю названия журнала, хотя уже шлю для январской книжки статьи и одновременно подготовляю февральскую. Сначала был убежден, что журнал будет называться „Мысль",— но теперь, кажется, это будет либо „Зарницы", либо „Заветы"... На днях узнаю окончательно. Наши российские товарищи этой мелочи-то и не догодались до сих пор сообщить, хотя обо всем остальном написали довольно подробно. Много было мытарств, много было и спешки... Я думаю, Вы уж окончательно изверились в возможности в этом году появления нашего журнала. Признаюсь, и я был недалек одно время от того, чтобы отчаяться в его осуществимости. И все-таки!

Признайтесь, что мы-таки побили „рекорд быстроты". Доселе еще никому в такое короткое время не удавалось сорганизовать толстый журнал. Ведь когда месяца два тому назад мы «твердо вознамерились» начать в этом смысле действовать, у нас и денег-то не было ни гроша...» (*АГ*).

[2] Речь идет о повести «Три дня».

[3] Об этом же писал Горькому позже, 31 января 1912 г., Миролюбов: «Рассказ М. М. ⟨Коцюбинского⟩ послал в Лондон, Волховскому, хотел перевести хотя половину». В переводе Ф. Волховского «Тени забытых предков» М. Коцюбинского печатались в кн. 1—3 (апр.— июнь) «Заветов» (1912).

[4] Упоминаемая ст. Чернова об Изгоеве под названием «„Умеренные" и „крайние"» была напечатана в первой кн. «Заветов» за подписью: Я. Вечев. Под этим псевдонимом Чернов вел в журнале серийный раздел политических фельетонов «Дела и дни». Отвечая на статью Изгоева (Русская мысль. 1911. Кн. XI), утверждавшего, что «левые» своими революционными делами помешали Витте в 1905 г. осуществить реформы, Чернов обвинял его и всю литературную группу «Русской мысли» во главе с Петром Струве в «идейном октябризме», ренегатстве. Политика их — «политика *примиренчества* по отношению к данному политическому укладу, политика *разоружения* общества». Изгоев и К° со своей «мистико-националистическо-постепенновской идеологией», писал Чернов, «пользуются всяким поводом, чтобы подкопаться под социализм и активную демократию и дискредитировать их», и делают все это «с покаянным усердием отступников, отверженцев, „изгоев" крайней левой освободительного движения».

[5] См. п. 8.

[6] В кн. 1 «Заветов» раздел «Текущая жизнь» составлял «обзоры и заметки»: «I. В России» и «II. За границей». Три заметки, посвященные жизни «в России», печатались под тремя рубриками: «Политика», «Местный отдел», «Национальная жизнь»; к двум последним Горький проявлял особый интерес. В первой рубрике помещена была заметка В. Ленуара (один из псевдонимов В. М. Чернова) «Сущность „обновленного строя"», в которой автор доказывал, что сущностью «обновленного строя» России. «самым авторитетным представителем» которого был Столыпин, является все то же старое «пошехонское волшебство», по определению Щедрина: «Волшебство, проявления которого непредвидимы ⟨...⟩ Разумных оснований не спрашивайте ⟨...⟩ О самой элементарной справедливости не заикайтесь. Тут все по-своему. О невозможном забудьте; здесь все возможно...» Все в этой «околдованной, сказочной стране» происходит «наоборот»: Распутин над «министрами министр», «над владыками владыка», как говорит поверженный бунтарь-монах Илиодор; «во время голода идет систематическая кампания против тех, кто хочет идти кормить голодающих», евреев, чья кровь «в погромах много раз лилась», «хотят судить за пролитие и употребление крови детей христианских», «безоружной и незащищающейся толпе» на ленских приисках дают «целое кровопролитное сражение, после которого на поле своеобразной „битвы" убитых и раненых остаются сотни» и т. п.

В следующей заметке Гр. Шрейдера «Местное самоуправление и наши задачи» рассматривался вопрос о взаимоотношении между местным управлением и государственной властью, прибегающей к любым уловкам, чтобы не проводить реформу городского и земского самоуправления, ибо тем самым правительство «выпускает из рук контроль над Россией». В связи с этим журнал считал для себя необходимым «возможно более широкую постановку местного отдела», «систематическую и планомерную разработку вопросов местного управления и местного хозяйства».

И наконец, под рубрикой «Национальная жизнь» напечатана была статья Великоросса (содержание ее и некоторые факты, совпадающие с настоящим письмом, дают основание полагать, что это один из незафиксированных псевдонимов Чернова) «Обострение национального вопроса и задачи прессы». Отмечая необычайный рост национализма в стране, автор пишет, что в этих условиях «приобретает особенную важность дело взаимного информирования отдельными национальностями, живущими в России, друг друга». В связи с этим, например, приветствуется появление «нового органа на русском языке об украинской жизни и национальном движении — „Украинская жизнь"».

[7] Ст. Горького «О самоубийцах» в «Заветы» не была отдана. См. п. 12, прим. 2.

[8] Имеется в виду заметка «Польская печать о статье М. Горького» (Речь. 1912. № 1. 1/14 янв.), в которой оценивается первая статья Горького из цикла «Издалека», напечатанная в «Запросах жизни» (1911, № 11, 16/29 дек.). В этой статье писатель выступил против проповедуемого реакционерами «зоологического национализма», за духовное единение народов разноплеменной Российской империи, взаимное знакомство с культурой и литературой, за организацию «Всероссийского общества литераторов и ученых», которое укрепляло бы и развивало связь между национальностями. «Лозунгом времени,— писал Горький,— должно быть единение честных людей всех племен, входящих в состав империи, единение, почвой которого должны быть интересы всероссийской демократии, духом — демократическая идея (...) В России есть культуры, с которыми великоросс не считается, потому что он их не знает, а ведь ему необходимо знать дух тех племен, среди которых он живет и которыми его ныне пугают, приписывая им разные злые намерения против него (...) Знакомить русского человека с творчеством племен, среди которых он живет, необходимо и пора (...)» (*Горький М.* Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941. С. 408—409, 410).

Пересказав вкратце эту статью Горького, автор заметки в «Речи» отмечает, что горьковская идея встретила сочувствие польского прогрессивного органа «Nowa Gazeta», сомневающегося, однако, в ее осуществимости. В то же время, указывается в заметке, «Glos Warszawski» под руководством «Коло», специализирующегося на дискредитировании прогрессивной России в глазах поляков, отнесся к статье Горького иначе. Эта газета уверяет, что Горький проповедует в своей статье «культурный империализм», однородный империализму русских националистов, что «идея равенства и равноправия органически непонятна» таким русским ее защитникам, как Горький, и что сам Горький стоит на точке зрения «господствующего народа», которому нужно «объединение» в целях централизации и укрепления государства. В связи с этим орган польского националистического «Коло» предостерегает от доверчивого отношения к «русским радикалам и прогрессистам» и считает необходимым «дискредитировать русскую оппозицию всех видов», ибо ее престиж в Польше «мешает Дмовским и их планам», т. е. национал-демократической партии, имеющей «чисто польские» интересы.

[9] Эта же мысль высказана и в упоминавшейся ст. «Обострение национального вопроса и задачи прессы». Говоря об обострении национального вопроса в России, где, с одной стороны, «безраздельно господствует черный воинствующий национализм», а с другой — как реакция на него развивается «оборонительный, защищающийся», Чернов отмечал, что «оборонительная позиция данной национальности еще не очищает сама по себе национального чувства от зоологического элемента». «Поляки,— пишет он,— в пределах России представляют собою угнетенную национальность, и польское Коло в Государственной думе умело не раз с честью дать сражение черносотенному „наступательному национализму". А между тем... а между тем в вопросе о местном самоуправлении и положении в нем евреев их „оборонительный национализм" быстро выказал свою изнанку и показал, что под его сердцем бьется зародыш национализма вполне агрессивного,— дайте ему развернуться на свободе, и он покажет себя» (Заветы. 1912. Кн. 1. Апр. С. 195).

[10] По-видимому, речь идет о том, что повесть М. Коцюбинского уже послана для перевода.

[11] См. п. 12. прим. 7.

[12] Повесть И. А. Бунина «Веселый двор» была напечатана в кн. 1 «Заветов».

[13] Упоминаемые статьи С. Зака и Н. Ракитникова в «Заветах» не были напечатаны.

[14] Марио *Раписарди* (1844—1912) — итальянский поэт, автор философских («Возрождение», 1868) и антиклерикальных («Люцифер», 1877) поэм. В 80-е годы примкнул к социалистическому движению. Наибольшего достижения поэт достиг в своих политических и гражданских стихах, воспевавших солидарность людей труда, направленных против социального неравенства. В VIII *сб.* «*Знания*» было опубликовано его стихотворение «Рудокопы» («Песня шахтеров»). Раписарди известен и как лирический поэт и переводчик Катулла. Лукреция, Шелли. Предполагавшаяся «статья из Рима», посвященная памяти Раписарди, скончавшегося 12 января, в «Заветах» не появилась.

[15] Николай Дмитриевич *Авксентьев* (1878—1943) — один из старейших членов и лидеров партии эсеров, с 1907 г.— член ЦК, затем один из организаторов группы

«Почин» (см. п. 1, прим. 1). В 1905 г. как представитель эсеров входил в Петербургский Совет рабочих депутатов, был сослан и через два года бежал за границу, где участвовал в заграничной организации партии. После Февральской революции Авксентьев вернулся в Россию, был председателем Исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов, затем — министром внутренних дел в июльском кабинете Керенского, а позже — председателем Временного совета республики (предпарламента). После Октябрьской революции участвовал в антисоветских организациях и выступлениях, с конца 1918 г.— эмигрант. Упоминаемая Черновым статья Авксентьева о Толстом в «Заветах» не печаталась.

[16] В кн. 1 и 2 «Заветов» (1912) была напечатана ст. В. В. Лункевича «Реформаторы и бунтари в современной биологии».

12. ГОРЬКИЙ — ЧЕРНОВУ

⟨Капри. Около 25 января 1912 г.⟩

Дорогой Виктор Михайлович —

рукопись послана[1], статью о самоубийцах[2] и письма[3] не могу прислать: писать некогда и нет времени разобрать письма — тут работы на несколько дней, а ко мне приехали люди из Москвы и мешают.

Посылаю «Народную семью», посмотрите статью от редакции[4]. Журнал прошу возвратить мне поскорее. Прилагаю листок, вышедший на Урале[5], мне пишут, что этой осенью он перепечатан и распространен широко без имен Трепова и Витте, имена эти заменены «более популярными»,— а чьими именно — не указано.

М. М. Коцюбинский просит прислать ему перевод Волховского в рукописи, дабы он — К⟨оцюбинский⟩ — проверил гуцульские слова[6].

Он спрашивает: писали ли тем украинцам, адреса которых даны Миролюбову?[7] Как назван журнал?[8] Когда выйдут плакаты об издании?

Не брали ли Вы книгу Разумника «О смысле жизни»[9]?

Мне ее нужно.

Всего доброго

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с п. Миролюбову 24 или 25 января 1912 г., в котором поднимаются некоторые сходные вопросы (*АГ*).

[1] Рукопись повести «Три дня» была послана Миролюбову, заведовавшему литературным отделом «Заветов» (Г—Ив-Р, п. 2, прим. 3). См. также п. 13, прим. 4.

[2] Эпидемия самоубийств, разразившаяся в годы реакции, глубоко волновала Горького. Этой проблеме он посвятил ст. «О самоубийцах». В связи с разрывом с «Заветами» статья была напечатана в «Запросах жизни» (1912, № 27, 6/19 июля). В ней Горький подверг критике ответы Л. Андреева, М. Арцыбашева, А. Куприна, Ф. Сологуба, И. Репина, М. Кузмина на анкету «Биржевых ведомостей» об отношении к самоубийству. Этой же проблеме посвящена и большая часть ст. Горького «О современности» (Русское слово. 1912. № 51. 2/15 марта и № 52. 3/16 марта).

[3] Имеются в виду письма, получаемые Горьким от разных лиц, которые Чернов хотел использовать в своей статье о духовном развитии современности. См. п. 8 и 11.

[4] Очевидно, имеется в виду первый номер журнала «Народная семья», начавшего выходить в 1911 г.; он открывался редакционной статьей, в которой были сформулированы цели и задачи нового органа: «...будить народное самосознание, вызывать к жизни потенциальные силы народа ⟨...⟩ найти точки соприкосновения интеллигенции с народом, соединить эти два диаметрально противоположных мира».

Некоторое время спустя, сообщая В. И. Ленину о том, что «Чернов затеял журнал в Москве — большой ежемесячник» в противовес «Русской мысли», «которая становится все более определенно реакционной», Горький с возмущением отмечал псевдодемократизм таких журналов, как «Народная семья», «Живое слово», «Жизнь для всех», «Народная жизнь» и т. д., наносящих «вред делу»: «Все это издается „для демократии“ и при ее непосредственном участии, некоторые же издания ведутся ею самой и на ее средства».

«Все это — чистейший анархизм, демагогия,— писал Горький,— все пропитано злостью к интеллигенту, к партии, дисциплине, и с этим надо упорно бороться. В скорости можно ожидать, что эти журнальчики начнут проповедь „национализма“, некоторые уже и теперь весьма близки к этому» (*Ленин и Горький*. С. 81—82).

[5] Листок, вышедший на Урале, не разыскан.

[6] Ответ на сообщение Чернова, что повесть Коцюбинского послана для перевода.

[7] Во время приезда на Капри 5 января 1912 г. Чернов и Миролюбов познакомились с Коцюбинским, который передал Миролюбову список адресов своих соотечественников, по-видимому предлагая привлечь их к участию в новом журнале. Об этом, вероятно, писал Чернов Горькому около 20 января 1912 г. (см. п. 11).

[8] Выражая недоумение по поводу плохой информации о ходе организации журнала, Горький в это же время писал Миролюбову: «Вам бы ‹...› написать подробное письмо о том, что сделано и что делается, а то — ни я, ни Бунин, ни Коцюбинский ничего не понимаем. Журнал или сборник? Как назван журнал? Как составилась редакция? Где? ‹...› Я прошу подробных сведений о журнале» (*МИ*. Т. III. С. 83). В письме без даты Миролюбов писал Горькому: «Из Москвы прислали письмо, чтобы мы решали: Журнал или Сборник. Мы ответили: „Журнал“» (Там же. С. 84). Позже, по предложению Миролюбова, журнал был назван «Заветы».

[9] *Иванов-Разумник*. О смысле жизни: Ф. Сологуб, Л. Андреев, Л. Шестов. СПб., 1908. Эту же книгу Горький требовал и позже. В марте 1912 г. он писал Миролюбову: «Пришлите же мне книги, взятые В‹иктором› М‹ихайловичем›! Надо же мне!» И в мае вновь: «Несмотря на неоднократные мои просьбы, Чернов не возвратил мне книги, взятые у меня. Это — странно. Мне особенно нужна книга Разумника „О смысле жизни“. Похлопочите. Столь курьезное отношение отбивает охоту давать книги» (*XXIX*, 230, 238). Книга с пометами Горького находится в *ЛБГ* (*Описание*).

13. ГОРЬКИЙ — ЧЕРНОВУ И МИРОЛЮБОВУ

‹Капри. 26 января 1912 г.›

Виктор Михайлович, Виктор Сергеевич!

Посылаю вам копию письма Иванова и копию моего ответа ему[1].

Об участии Иванова в журнале вы сказали мне в последний приезд ваш на Капри[2] — вы должны были сделать это раньше, если уже летом списывались с ним по этому поводу.

Его роль в организации журнала для меня неожиданна; с его проповедью я решительно не согласен, его слишком густое подчеркивание мысли о «потенциальном мещанстве социализма» мне кажется подозрительным, во всяком случае — оно несвоевременно и поэтому — бестактно, с точки зрения социально-педагогической.

Указание на то, что мысль «о потенциальном мещанстве социализма уразумело только поколение русской интеллигенции XX-го века»,— не вызывает у меня уважения к мудрости г. Иванова как историка общественных течений[3].

От сотрудничества с ним — отказываюсь, рукопись мою прошу возвратить[4].

А. Пешков

26/13—1
912

Черновой автограф письма и авторизованная машинопись, посланная В. С. Миролюбову, хранятся в *АГ*; авторизованный машинописный экземпляр, посланный В. М. Чернову,— в *ЦГАОР*.

[1] Копии п. Иванова-Разумника Горькому от 20 января и Горького Иванову-Разумнику от 26 января. См.: Г—Ив-Р, п. 1 и 2. Получив первое п. Иванова-Разумника, Горький решил, что корреспондент его ведет речь о новом журнале («Заветы»), в организации которого принимал активное участие наряду с Черновым и Миролюбовым.

[2] Т. е. 5—8 января 1912 г. (см. п. 10 и прим. к нему). Об этом же говорится в черновике ответного п. Миролюбова Горькому от 28 января 1912 г.: «Разумника в редакцию мы не звали, а предложили ему сотрудничать и секретарство для сношения с писателями в Петербурге, о чем В. М. ‹Чернов› на Капри Вам говорил» (*ИРЛИ*, ф. 185, оп. 1, № 129).

[3] Иванов-Разумник, полемизируя с марксистами, в частности с Г. В. Плехановым, писал: «Герцен был до того глубоко убежден в мещанстве как основе всего европейского уклада, что высказал еретическую мысль о том, что социализм, оставшись победителем на поле битвы, неизбежно сам выродится в мещанство ‹...› Эту мысль о потенциальном мещанстве социализма уразумело только поколение рус-

ской интеллигенции начала XX века, так что в этом случае Герцен на пятьдесят лет опередил свое время...» (История русской общественной мысли. СПб., (1908). Т. 1. С. 369; см. также: Литература и общественность. СПб.: Прометей, (1911). Т. 1. С. 123).

[4] Горький имеет в виду рассказ «Три дня». В п. от 29 января 1912 г. из Специи (черновой вариант этого письма цитировался выше) Миролюбов просил Горького: «Так как журнал, о котором Вам пишет Разумник, Вы ошибочно приняли за наш журнал; — так как „организатором" нашего журнала в России является не Разумник, как Вы предположили, а Ростовцев — лицо хорошо В. М. (Чернову) известное и с Разумником даже незнакомое; — так как, следовательно, пока все остается как было договорено на Капри; — так как письмо Ваше основано на недоразумении,— то разрешите Вашу рукопись послать в набор и ответьте мне телеграммой» (*ИРЛИ*, ф. 185, оп. 1, № 24).

30 января 1912 г. Горький телеграфировал о своем согласии печатать «Три дня» в «Заветах» (телеграмма не разыскана). О получении телеграммы Миролюбов сообщил в тот же день (*АГ*). Однако вскоре Горький изменил свое решение и потребовал вернуть ему рукопись. (Рассказ был напечатан: Вестник Европы. 1912, № 4, 5).

14. ЧЕРНОВ — ГОРЬКОМУ

(Феццано. Около 28 января 1912 г.)

Многоуважаемый Алексей Максимович.

Из Вашего письма я узнал, что Иванов-Разумник затевает в России толстый журнал; что он хотел бы по этому поводу войти в переговоры с Вами, мною и Миролюбовым; что пишет лишь одному Вам, ибо только Ваш адрес ему известен.

Иванов-Разумник, со своей стороны, из Вашего письма узнает о том, что у нас начинается новый журнал, что первая книжка почти готова и что для нее отправлены уже в типографию рукописи Ваша и некоторых других близких Вам лиц.

Но, к сожалению, не только это пришлось мне узнать, а с горечью констатировать, что у Вас нет ко мне самого элементарного доверия. Несмотря на совершенно ясные наши разговоры с Вами и несмотря на столь же ясное содержание письма Иванова-Разумника, Вы предположили, что я и Миролюбов, находясь с лета в сношениях с И(вановым)-Р(азумником) и поручив *именно ему* на месте организацию *нашего* журнала,— *скрывали* это от Вас!

Конечно, мое с Вами знакомство датирует с очень недавнего времени[1]. Но, независимо от того, что я, как мне кажется, достаточно жил и работал в очень определенном смысле, исключающем возможность ожидать от меня *таких* поступков,— мне, кроме того, казалось, что в нашем с Вами, хотя и кратком, знакомстве было что-то — не стану определять этого «что-то»,— не допускавшее и мысли о возможности между нами инцидентов, вроде того, которому живым свидетельством является Ваше письмо.

С глубокой горечью констатирую, что я ошибся, что это «что-то» жило только в моем воображении, что не нужно было даже малейшего реального повода для *мгновенного* крушения с Вашей стороны всякого ко мне доверия... И крушения настолько решительного, что Вы не нашли даже нужным проверить какие бы то ни было сомнения, попросить у меня каких-нибудь разъяснений — а прямо ответили категорическим «не желаю с Вами иметь никакого дела!» — и Раз(умнику) Иванову, и мне с Виктором Сергеевичем.

Итак, я напрасно думал, что Вы относитесь ко мне истинно хорошо, так, как отнесся я к Вам. А истинно хорошим я считаю только такое отношение, которое не рвется по всякому поводу или без повода, а способно, наоборот, выдерживать даже и некоторые испытания...

Мы говорили с Вами, действительно, лишь «предположительно» об участии И.-Р. в журнале. И естественно. Правда, летом Мир(олю-

бов〉 и я писали Разумнику Ив. (с которым ни я, ни он лично не знакомы),— но это было по делам «Современника» (как он сам, впрочем, Вам и пишет); ему даже была заказана статья о Добролюбове[2].

Никаких шагов к привлечению И.-Р. к новому журналу не делалось до переговоров с Вами.

Мой разговор с Вами об И.-Р. Вы, вероятно, помните. Я высказал, что «имманентный субъективизм» И.-Р.[3] для меня является несколько сомнительным, что в формулировке его есть некоторые недоразумения и т. д. Но я полагал также, что здесь, вероятно, во многом возможен лишь спор о словах, и что, устроив личное свидание, можно будет «дотолковаться». Теперь я могу прибавить, что еще более верно это в отношении вопрос〈ов〉 «такта», которые, разумеется, играют огромную роль в таком вопросе, как «потенциальное мещанство социализма»[4]... после второго пришествия, когда он окончательно восторжествует и когда человечество, вечно идущее вперед, выработает новые, еще высшие идеалы, и когда оно разглядит «и на солнце пятна»,— на нашем солнце, социализме, ныне сияющем блеском, которого не выносят мещанские подслеповатые очи.

Мой разговор с Вами, повторяю, был определенен. Предполагалось поручить Иван〈ову〉-Раз〈умнику〉 взять в России обязанности секретаря и литературного представителя, ведущего сношения с авторами.

Только после того, как Вы не воспротивились этой комбинации, я написал И.-Р. письмо, которое и отправил из Неаполя, проездом из Капри в Pezzano. Там я спрашивал *принципиального* ответа И.-Р., считает ли он для себя приемлемым такое предложение, и в случае приемлемости предлагал личное свидание за границей, чтобы столковаться. Как видите, образ действия достаточно осмотрительный.

Так обстояло до сих пор дело... Письма моего И.-Р., очевидно, не получил, и причина очень проста: я адресовал его, руководствуясь сообщенным мне кем-то адресом, в Крым, в Гурзуф. Из письма же его к Вам вижу, что И.-Р. в Царском Селе. Возможно, однако, что И.-Р. письмо мое еще получит, только с большим опозданием, пересланное уже из Гурзуфа[5].

Как дальше со всем этим быть — признаюсь, не знаю. Каша заварилась на славу — теперь нужно расхлебывать.

Ваш Виктор Чернов

Датируется по сопоставлению с п. 13 и п. Миролюбова Горькому от 29 января 1912 г. См. п. 13, прим. 2 и 4.

[1] Можно предположить, что личное знакомство Горького с Черновым состоялось в апреле 1911 г. в Париже. См. п. 1.

[2] См.: Г—Ив-Р, п. 3, прим. 2 и 3.

[3] См. вступ. ст. к переписке Горького с Ивановым-Разумником.

[4] См. п. 13, прим. 3.

[5] П. Чернова Иванову-Разумнику от 19 января 1912 г. Иванов-Разумник это письмо Чернова получил. О нем он писал Горькому из Царского Села 31 января 1912 г. См.: Г—Ив-Р, п. 3, прим. 3.

15. ГОРЬКИЙ — ЧЕРНОВУ

〈Капри. 29 января 1912 г.〉

Поставьте себя на мое место, Виктор Михайлович, и Вы поймете, что моя ошибка вполне естественна: ведь не часто случается так, что одни и те же лица, в одно время затевают два журнала! Причем факт, что Вы не знакомы с И〈вановым〉-Разумником лично и не состояли с ним в переписке,— мне неизвестен. Вполне естественно было предположить, что дело идет об одном и том же издании и что Вы в беседе со мною чего-то не договорили. Тон письма И〈ванова〉-Р〈азумника〉 очень удивил меня своей категоричностью, но — сознаюсь —

я не обратил должного внимания на его заявление о том, что он не знает Ваших адресов.

Далее, я только что прочитал его книги[1]: они мне показались многословными, но неясными, и многое в них — в прямом противоречии с общим характером Ваших мнений и намерений, как я их себе представляю.

Еще: вместе с письмом И.-Р. я получил другое, глубоко возмутившее меня своим содержанием, и — вместо того, чтобы сообщить письма Р⟨азумника⟩ Вам, а ему подождать отвечать,— ответил и ему.

Вы поднимаете вопрос об «элементарном доверии» и говорите о том, что хороший зародыш наших отношений существовал лишь в Вашем воображении.

Позвольте сказать Вам откровенно: меня столь часто и грубо эксплуатировали, что вообще некоторое недоверие к людям мне всегда свойственно, и я не считаю это моею виною, тем более, что оно меня не предохраняет от повторения того, что уже в достаточной степени и знакомо и противно мне.

В частности, по отношению к Вам я не заявил о недоверии, а — как уже сказано выше — ошибочно заподозрил Вас в том, что Вы скрыли от меня Вашу переписку с И.-Р., касавшуюся не «Соврем⟨енника⟩», а нового журнала. Я искренно извиняюсь в ошибке этой перед Вами и В⟨иктором⟩ С⟨ергеевичем⟩.

Затем нахожу нужным сказать, что данный случай,— чем бы он ни кончился,— не изменит моего к Вам уважения и больших надежд моих на Вас, как на человека, который вполне способен сделать много добра.

А индивидуализм И.-Р. замешан слишком круто, и я боюсь, что он способен внушить многим и многим подозрительное отношение к социалистическим симпатиям и настроениям автора.

Сейчас получил статью Волкова[2] — «того, который обругал Поссе подлецом»,— если Вами не закончена статья о современном настроении демократии[3] — телеграфируйте, вышлю.

Желаю всего хорошего.

А. Пешков

29 янв. н. с. 1912 г.
Капри

[1] Речь идет о кн. «История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.» и «Литература и общественность», присланных автором Горькому. См.: Г—Ив-Р, п. 1, прим. 1.
[2] См.: Г—СМ, п. 18, прим. 9.
[3] О работе над статьей Чернов писал Горькому в п. 11. См. также п. 8 и 12, прим. 3.

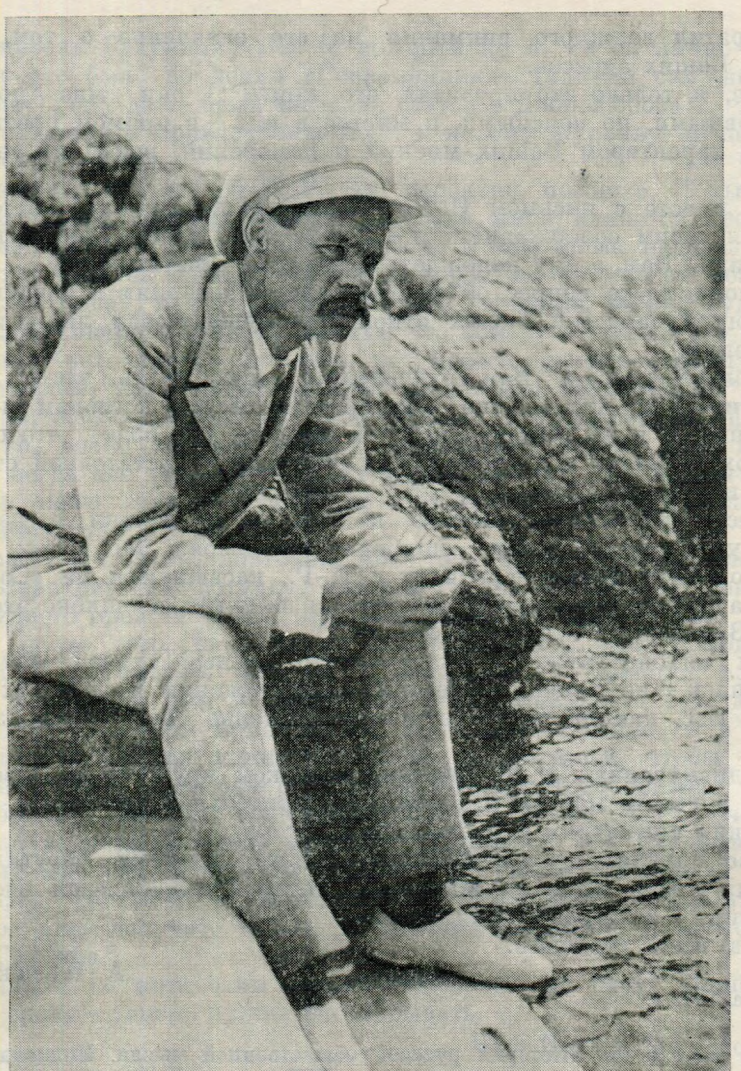
16. ГОРЬКИЙ — ЧЕРНОВУ

⟨Капри. 13 марта 1913 г.⟩

Мне показано, Виктор Михайлович, письмо из Петербурга, сообщающее Вам со слов Л. Андреева[1] мой отзыв о «Заветах» как «самом неприличном журнале, в котором всякое участие зазорно»[2].

Таких слов я Андрееву не говорил и не мог сказать, они оскорбили бы почтенных людей, которые принимают участие в «Заветах» и по отношению к которым я питаю чувство искреннего уважения[3].

Мне нет нужды скрывать, что я отношусь ко многому в «Заветах» отрицательно — я не люблю Сологуба, мне противен Ремизов[4], мне чужды литературные вкусы и суждения Разумника Васильевича[5], есть еще многое, что кажется мне вредным для русского читателя, но за всем этим, повторяю, я не мог сказать нелепых слов, приписанных мне Леонидом Андреевым.



ГОРЬКИЙ НА БЕРЕГУ МОРЯ

Фотография Е. К. Малиновской. Капри, между 20 апреля и 3 июля 1913 г.
Музей Горького, Москва

Если верно, что он передал мой отзыв о «Заветах» в той форме, как сообщают это Вам,— очень жаль.

Но жаль — его, Андреева.

Капри
13 мар.— 28 фев.
1913 г.

Черновой автограф и второй экземпляр машинописи этого письма хранится в *АГ*; печатается по этой машинописи.

[1] Л. Андреев находился на Капри с 19 по 24 января 1913 г.

[2] Вероятно, речь идет о письме петербургского сотрудника «Заветов» С. П. Постникова Чернову от 19 февраля/4 марта 1913 г., в котором он писал: «Сейчас получил странную телеграмму от Вас: „Немедленно вышлите „Заветы" Горькому". Журнал ему своевременно, в день выхода, выслан. Кстати, передали его отзыв о „Заветах". Л. Андреев был у него на святках и передал нам этот отзыв. Горь-

кий считает „Заветы" самым неприличным журналом, в котором всякое участие зазорно. Остальных подробностей лучше не передавать. Но только обидно за В. С. (Миролюбова), если он ухаживает за ним по-прежнему». В конце письма постскриптум: «Горький у нас зачислен в годовые подписчики» (*АГ*).

[3] И в период организации «Заветов», и после выхода первого номера журнала Горький неоднократно критически отзывался о его содержании и направленности (см. предисловие к настоящей переписке), но нигде так резко не говорил о «Заветах», как это, со ссылкой на Л. Андреева, передал Постников. Впрочем, сам Постников в своих мемуарах советских лет, вспоминая о том времени, когда Горький уже порвал с журналом, писал: «Но это не помешало Горькому послать нам свой привет с Л. Андреевым, который гостил у него на Капри. Л. Андреев приглашен был на редакционный ужин, который мы устраивали (...)» (*АГ*).

[4] Ф. Сологуб и А. М. *Ремизов* (1877—1957) участвовали в «Заветах».

[5] Иванов-Разумник.

17. ЧЕРНОВ — ГОРЬКОМУ

(Феццано. Март, после 13, 1913 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Очень рекомендую Вам подательницу этого письма, как потому, что это — человек совершенно особенный, редкой души, так и потому, что она располагает чрезвычайно интересными материалами: думается, что Вам и как человеку, и как беллетристу, и как политическому деятелю ознакомиться с ними было бы очень важно.

Товарищ Даша — военная работница[1], бывшая в Кронштадте перед самым восстанием и во время восстания[2]. Я положительно почти не встречал человека такой кристальной душевной чистоты, соединенной с самой крайней скромностью, робостью, преуменьшенного о себе мнения и вечного недовольства собой,— это при чисто аскетической, подвижнической преданности делу. Впрочем, если Вы ее увидите, то, я думаю, лучше всякого другого сумеете схватить ее психологический образ и оценить ее. Теперь она, под неизгладимым влиянием поражения кронштадтской попытки восстания, вся ушла в одну мысль: как избежать на будущее время подобных неудач, как сделать, чтобы этот горький опыт не прошел даром и чтобы в будущем военная работа воскресла на базисе более рационального ведения дела и подготовленности ко всем его трудностям. В этой области у нее много всяких предположений и планов, но, в частности, она считает совершенно необходимым — более того, своим *долгом* — изобразить всю историю Кронштадтского восстания, ничего не замалчивая и не прикрашивая. Она, конечно, в литературном отношении — особенно в смысле стиля — человек совершенно неопытный; кроме того, она окончила только первоначальный набросок, в котором изложение еще далеко не концентрировано, важные и менее важные части пока еще слишком идут друг с другом «вперемешку». Но, думается, уже сейчас в целом получилось нечто весьма ценное — и как «человеческий документ», и как документ по истории революции[3]. Дело в том, что она с необыкновенной добросовестностью проверяла и дополняла свои личные воспоминания всевозможными сведениями и сообщениями всех живых участников дела, судебных документов, газет того времени (в особенности специально военных) и т. д. На Капри она поехала тоже потому, что это дает ей возможность увидать одного с.-д., работавшего в то время в Кронштадте и бывшего au courant положения вещей в некоторых военных частях, ей менее известных,— а также и потому, что рассчитывает на кое-какую помощь хорошо знающего Кронштадт Затертого[4].

Пишу обо всем этом на тот случай, если у Вас окажется время и охота ознакомиться с материалами Даши,— что касается ее, то она с величайшей охотой показывает их всем и даже сама читает вслух. Ей хочется иметь как можно больше критических замечаний и всякого

рода указаний по поводу ее рукописи — ибо есть шансы издать ее здесь, за границей... В противовес многому, что режет ухо в «Том, чего не было»[5], ее рукопись поистине может быть названа необыкновенно правдивым рассказом о «Том, что было». И если ей удастся с литературной стороны обработать ее получше — а на это она готова положить все свои силы, сколько есть,— то будет, по-моему, необыкновенно полезная вещь.

Вот все основное, для чего я взялся за перо... Кстати, о Вашем последнем письме. Я получил его, и оно подтвердило мне то, что я думал: что Вы не могли говорить так, как передавались Ваши речи в Петербурге. К сожалению, в литературной среде слишком часто рождаются слухи, превращающие мух в слона; быть может — и даже всего вероятнее — и Л. Андреев говорил не так плохо, как его поняли... Во всяком случае, очень хорошо, что я получил возможность написать в Петербург и устранить начавшее там создаваться крупное недоразумение. Впрочем, все это не так важно...

Из России идут известия недурные — кое-что может рассказать и тов. Даша, вместе с нами только что слышавшая рассказы одного приезжего оттуда, делавшего объезды многих городов и видевшего целый ряд партийных работников. Между прочим, там есть проект издания газеты. Так как Вы занимаете положение вне узких фракций, то, быть может, у Вас явится охота сказать о чем-нибудь свое слово? Газета будет выходить в России и распространяться немедленно — это не то, что заграничная пресса, еле-еле и со страшными опозданиями доползающая до местных людей...

Ну, пока всего лучшего. Крепко жму руку.

Ваш Виктор Чернов

Датируется по сопоставлению с п. 16.

[1] Речь идет о Юлии Михайловне *Зубелевич* — «Даше Кронштадтской». В докладе полковника Еремина «О террористических планах и вообще об отношении к террору различных заграничных групп и отдельных представителей партии с.-р.» от 28 марта 1912 г. упоминается «Даша Кронштадтская», она же «Даша Военная», принимавшая участие в Кронштадтском восстании в 1906 г. «Существует предположение, что ею было совершено покушение на жизнь вологодского тюремного инспектора Ефимова в апреле 1911 г. Недавно она выехала... в Италию...» (*Агафонов*. С. 148).

[2] Первое революционное вооруженное восстание матросов Балтийского флота и солдат в Кронштадте произошло 26—28 октября 1905 г. Здесь имеется в виду второе вооруженное восстание в Кронштадте, произошедшее 19—20 июля 1906 г. Оно подготавливалось большевиками еще с весны, но стихийно начавшееся в эти дни Свеаборгское восстание солдат и матросов привело к преждевременному выступлению в Кронштадте. Восстание было подавлено, 1417 человек осуждено, из них 36 — казнено.

[3] См.: *Зубелевич Ю.* Кронштадт: Воспоминания революционерки. 1906. Ч. 1—3. Кронштадт: изд-во Совета рабочих и солдат. депутатов, (б. г.). Отрывок под заглавием «Захват форта» напечатан в кн.: *Егоров И. В.* 1905. Восстания в Балтийском флоте в 1905—1906 гг. в Кронштадте, Свеаборге и на корабле «Память Азова»: Сб. статей, воспоминаний и документов. Л., 1926.

После Октября Ю. М. Зубелевич участвовала в антисоветском мятеже в Кронштадте (28 февр.— 18 марта 1921 г.), подготовленном эсерами, анархистами, меньшевиками и белогвардейцами. Ее муж С. М. Петриченко возглавил Временный революционный комитет, являвшийся ширмой подлинных руководителей мятежа — контрреволюционеров, стремившихся «взорвать изнутри» Советскую власть. После ликвидации мятежа частями Красной Армии Зубелевич была арестована, в августе 1922 г. выслана в Среднюю Азию, в 1924 г. уехала за границу, где возобновила связи с Черновым.

[4] *А. Затертый* — ранний псевдоним А. С. Новикова (Прибоя). Новиков-Прибой в 1899—1906 гг. был матросом Балтийского флота, очевидцем событий Кронштадтского восстания, которым посвятил документальный рассказ «Казнь 19 кронштадтских матросов в 1906 г.» См. в кн.: *Егоров И. В.* 1905. Восстания в Балтийском флоте... (подпись: А. Затертый-Новиков); *Новиков-Прибой А. С.* Собр. соч. М., 1963. Т. 1 (под загл. «Бойня»); Красный флот. 1923. № 3.

[5] «То, чего не было. (Три брата)» — роман В. Ропшина (Б. В. Савинкова), печатавшийся в «Заветах». См. вступ. ст. к переписке.

ПЕРЕПИСКА С Н. К. МУРАВЬЕВЫМ

Публикация и комментарии И. В. Дистлер

Николай Константинович Муравьев (1870—1936) — московский адвокат и общественный деятель, примыкал к социал-демократам. Участвовал как адвокат в ряде политических процессов, был составителем завещания Л. Н. Толстого, занимался издательской деятельностью. После Великой Октябрьской революции работал юрисконсультом в советских организациях: Международный банк, Экспортхлеб (куда его привлек Л. Б. Красин) и др.

По-видимому, Горький знал Муравьева с начала 900-х годов. Затеяв в 1901 г. в Москве журнал «Правда», Муравьев обратился к Горькому за советом «как составить компанию сотрудников», о чем Горький писал Пятницкому (*XXVIII*, 205). Чирикову Горький сообщал тогда же: «...журнал «Правда» ⟨...⟩ перешел в руки Николая Константинова Муравьева — того присяж⟨ного⟩ повер⟨енного⟩, что все по рабочим делам ходит. Парень — ясный. Имей в виду. Журнал должен быть хорошим...» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 34). Журнал «Правда» был создан в 1904 г.

Летом 1912 г. Муравьев вновь, как и в 1901 г., обратился к Горькому с предложением участвовать в организации нового журнала.

Публикуемая переписка (июль — окт. 1912 г.) рассказывает о попытке Горького реализовать разработанный им в те годы план издания ежемесячника и «поставить журнал как орган всероссийский, имеющий целью объединение всей разноплеменной демократии нашей на почве социализма» (п. 2).

Ниже публикуется 4 письма Горького и 3 письма Муравьева.

1. МУРАВЬЕВ — ГОРЬКОМУ

Villa Bois Gentil, Château d'Oex Suisse (Vaud)
⟨Швейцария.⟩ 22/VII 1912 г.

Между 6—16 русского августа я предполагаю быть в Неаполе. Мне очень бы хотелось, Алексей Максимович, Вас увидеть и потолковать. Очень прошу, черкните, могу ли я к Вам заехать и застану ли в эти числа Вас на 2—3 часа[1].

Жму руку. Сердечный и искренний привет.

Ваш Н. Муравьев

[1] Очевидно, Муравьев приехал на Капри в 20-х числах августа. 25 августа/7 сентября Горький сообщал Е. П. Пешковой: «Был Муравьев; очень вероятно, что с января станет издаваться новый большой журнал. Сижу и сочиняю программу» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 146).

2. ГОРЬКИЙ — МУРАВЬЕВУ

⟨Капри. Не позднее 23 августа/5 сентября 1912 г.⟩

Уважаемый Николай Константинович.

Посылаю обещанное[1].

В этих строках, написанных наскоро, наверное, есть недомолвки и оговорки, но — я просил бы Вас обратить внимание на основную мысль: необходимо рассматривать культурную и экономическую жизнь России в связи с жизнью Европы и, возможно резче подчеркивая эту связь, внушать читателю, что он должен более активно относиться к действительности, отовсюду грозящей ему событиями, каких он еще не переживал и которые могут преждевременно устранить его из истории Европы, преждевременно, ибо мы не внесли в область общечелове-

ческого творчества культуры всего, что можем внести, как народ молодой и еще не работавший.

В этом внушении нуждаются одинаково все классы русского общества, ибо пассивное отношение к жизни свойственно всем русским. Нужно сразу же попытаться поставить журнал как орган Всероссийский, имеющий целью объединение всей разноплеменной демократии нашей на почве социализма; следует также возможно чаще подчеркивать идею необходимости реорганизации русского государства на началах федерализма — это немедленно погасит разгорающийся иноплеменный шовинизм.

Я считаю успех журнала весьма возможным, если будущие сотрудники сумеют отказаться от издревле свойственной им привычки поучать друг друга и весь мир стареньким истинам. Лозунгом журнала должно быть: «не учим, но — изучаем и рассказываем». Уметь рассказать — это и значит хорошо научить.

Если же старцы нашей пустыни начнут проповедь брошюрнотошнотворного толка — из этого не получится, хоть миллион затрать на журнал.

Должен сознаться, что я очень боюсь «наших известных писателей» — их самолюбия, раздраженные до безумия не оправдавшимися пророчествами, их стремление занять потерянные позиции — стремление слишком круто наклоняющее их на правый бок,— это не обещает многих радостей. И я настаиваю: организуя редакцию журнала, необходимо ввести в нее с правом голоса нелитераторов, в качестве корректива к литераторам. Одним из членов редакции я вижу Вас, а Вы найдите еще двух других.

Я забыл упомянуть во время разговора с Вами о редакторе по отделу беллетристики: думаете ли Вы, что таковым может быть Вересаев. Кроме него я не вижу ни души.

Считал бы необходимым, как только дело в смысле материальном встанет на ноги и составится основное ядро сотрудников,— устроить съезд оных. Это можно сделать в Швеции — близко и дешево.

Список сотрудников по беллетристике и по отделу областному-провинциальному я могу составить, если хотите. Я мог бы также указать несколько тем для статей в первые книжки журнала — тем, которые сразу же должны выяснить читателю физиономию журнала.

Подлинник письма не разыскан. Письмо публикуется по машинописи с правкой Горького, без его подписи, из личного архива писателя. Эту машинопись вместе с другими материалами Горький отдал своему биографу И. А. Груздеву, с фондом которого она и поступила в *АГ*.

Датируется по п. 3.

[1] Во время приезда Муравьева на Капри Горький вел с ним переговоры о создании нового журнала (см.: *Арх. Г.* Т. IX. С. 350) и обещал написать программу этого издания.

Ниже публикуется текст программы по машинописной копии документа. Часть программы, начиная с раздела «Летопись областной жизни», была передана Горьким Ляцкому, занимавшемуся реорганизацией «Современника» (Г—Ляц, п. 57, прим. 1. Часть, переданная Ляцкому, напечатана в кн.: *Муратова*. С. 32—34).

«Основной отдел журнала я представляю себе как:

Летопись

политико-экономической деятельности Европы и влияния этой деятельности на жизнь России. Исходя из того факта, что европейская цивилизация, руководимая капиталом, давно уже находится в процессе обратного движения на Восток и что именно в этом процессе завязаны все узлы современной политико-экономической жизни,— летопись ставит своей задачей освещение целей, приемов и взаимных противоречий интересов важнейших государственных хозяйств Европы и указывает читателю, как эти цели, приемы, противоречия влияют на русскую жизнь.

Рост интернационального капитала в России; как он работает в ней, сравнительно с его работой дома и в африканских, азиатских колониях; его культурная и антикультурная роль в русской жизни. Причины, затрудняющие его рост, его

отношения к туземному капиталу; влияния на внешнюю и внутреннюю политику русского правительства. Не заинтересован ли европейский капитал в том, чтобы современное анархическое состояние русской жизни продолжалось до полного развала страны, как в Турции, Персии?

В какой мере русский капитал сознает цели капитала интернационального, имеет ли он свои национальные хозяйственные задачи, как представляет их себе?

Общий характер работы русского капитала, степень его активности, его инициатива; его политические намерения: как он их сознает, как они должны быть сознаны им в общих интересах России?

Взаимоотношение русских аграриев, промышленников; противоречия и совпадения их интересов, культурное и политическое значение этих противоречий.

Роль русского капитала в рабочем движении, сравнительно с таковою на Западе. Организация труда, ее культурное влияние на русский капитал. Профессиональное движение, кооперации в их столкновениях с капиталом и т. д.

Летопись областной жизни

Здесь, с точки зрения необходимости организации России на началах широкого федерализма,— рассматривается рост политического и племенного самосознания в 53-ех язычной России. Русификация и вызываемые ею: партикуляризм, сепаратизм, сужение оппозиционного настроения иноплеменной демократии; поглощение социалистических идей националистическими. Русификация и русская культура: понижение интереса к русской литературе, театру, науке и общественной жизни под влиянием централистических идей, проповедуемых черной прессой и «Русскою мыслью».

Культурная жизнь областей: обзор областных литератур и т. д.

Провинциальная жизнь

Разрушение старого быта, борьба новых начал со старыми в семье и обществе. «Черносотенство» как инстинктивное стремление отжившего и разрушающегося к самозащите. Хулиганство, анархизм и прочие болезненные явления как пережитки некоторых особенностей национальной психики, как атавизм, пробуждаемый к жизни тревогами черной сотни и действиями административных органов.

Пропаганда необходимости всероссийских культурных организаций, как, напр⟨имер⟩, «Всероссийское о⟨бщест⟩во помощи учащейся молодежи», «Всероссийское о⟨бщест⟩во охраны детей», «Всероссийское о⟨бщест⟩во библиотечных организаций» и т. д.

Движение интернациональной научной мысли

Это может быть небольшой отдел — несколько страничек; на них, в краткой и удобопонятной форме, излагаются ход идей и открытий в области естественно-научной — главным образом в области физики и химии. Необходимо строго и внимательно следить за развитием современного учения о состоянии материи, имея в виду, что борьба за существование сводится — в сущности своей — к борьбе за обладание новой физической энергией, за физическую власть над природой. Нужно как можно чаще указывать, что мы живем в эпоху, когда эта борьба приняла характер наиболее напряженный и победоносный и что мир стоит накануне грандиозных открытий, социальное значение коих неизмеримо.

Необходимо как можно чаще подчеркивать стремление европейской интеллигенции координировать свою культурную работу, что выражается в ее попытках учреждать различные Всемирные о⟨бщест⟩ва как, напр., «Интернациональная лига», учреждаемая Вильгельмом Оствальдом, «Интернационал мысли» Аристида Прателя, Нью-йоркский «Институт интернациональной интеллигенции» и т. д.

Библиография

Не в форме отдельных по каждой книге рецензий, но в форме связной статьи, коя, рассмотрев книги, выпущенные за известный период времени, ставила бы целью своей показать читателю общее в них, выясняла бы читателю мотивы, побудившие авторов написать книги именно на такие темы и именно в таком то освещении. Рассматривать книгу как материал для познания психологии общества, а не как случайность или каприз автора. Вообще и всюду следует внушать читателю, что в русской жизни, несмотря на всю ее мрачную путаницу, нет капризов, нет случайностей, а везде и во всем русский житель сам виноват и несет заслуженное наказание за свою лень, глупость, за мелкий свой ум, всегда склонный к пассивизму.

Такие же обзоры следует делать не только по изящной литературе, но и по истории, праву, экономике и т. д.» (*АГ*).

3. МУРАВЬЕВ — ГОРЬКОМУ

25 августа/7 сентября 1912.

Ваше письмо с приложениями, за исключением Вашего письма в лигистанд[1], я получил, дорогой Алексей Максимович. Спасибо. Сейчас у меня Маслов. Выписываю Мартова[2]. Хочу с ними переговорить основательно. Употреблю все усилия, чтобы реализовать идею журнала. К Вересаеву я отношусь очень хорошо, но, помимо того что он живет все равно вне Петербурга, я думал, расставаясь с Вами, что беллетристический отдел будете редактировать *Вы* и продолжаю так думать. Вересаев будет желанным сотрудником. Вследствие нездоровья моей маленькой девочки[3] и неблагоприятной погоды я завтра с остановками уезжаю в Россию. Очень хотел бы, чтобы Вы прислали мне и список сотрудников по беллетристике и областному провинциальному отделам, и несколько тем для статей. Но придется сделать это уже по моему московскому адресу: Тверская, 66. Если будете писать заказным — дойдет. Единственная предосторожность, которую следовало бы, *быть может*, принять, это — не посылать письма из Капри, а хотя бы из Неаполя,— уж очень популяризировали Вы среди наших властей «Капри».

Посылаю 2—3 своих снимка. Быть может, Марии Федоровне, к⟨отор⟩ой прошу передать мой искренний привет, приятно будет их просмотреть.

Написали ли Вы в Смоленскую губернию Перову о его сыне. Я уже принял соответственные меры, но без заявления отца и сына суду о допущении Иогансена и меня к защите ничего не смогу сделать[4].

Крепко жму Вашу руку. Прошу об одном: будьте здоровы и не забывайте Ваших друзей, живущих в России.

Ваш Н. К. Муравьев

[1] О каком письме идет речь, установить не удалось.

[2] В черновике п. Горького к Вересаеву ⟨30 ноября/13 декабря 1912 г.⟩ есть приписка: «Кстати: когда Н. К. Муравьев заговорил со мной о журнале, я понял, что он говорит о журнале социал-демократическом, я не об органе меньшевиков с Даном и полумертвыми данайцами вроде почтенного Маслова» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 286—287). См. также п. 7 и Г—Ляц, п. 36, прим. 1.

[3] Татьяна Николаевна *Волкова* — дочь Н. К. Муравьева (р. 1905).

[4] Крестьянин Смоленской губернии Василий Николаевич *Перов* обратился к Горькому с просьбой помочь спасти его 11-летнего сына, обвиняемого в участии в убийстве.

Горький писал В. Н. Перову: «Василий Николаевич! Тотчас, как получите это письмо,— сделайте следующее:

1. Пошлите заказным пакетом обвинительный акт по делу Вашего сына в Москву присяжному поверенному Николаю Константиновичу Муравьеву. Тверская улица, дом № 66.

2. Скажите сыну, чтобы он подал в смоленский окружной суд заявление о том, что он, Иван Перов, избирает защитниками своими присяжного поверенного Александра Александровича Иогансена, живущего в городе Смоленске, и присяжного поверенного Николая Константиновича Муравьева, живущего в городе Москве, по Тверской улице в доме № 66.

Сделать все это надо поскорее. Вы очень опоздали написать мне письмо» (*АГ*).

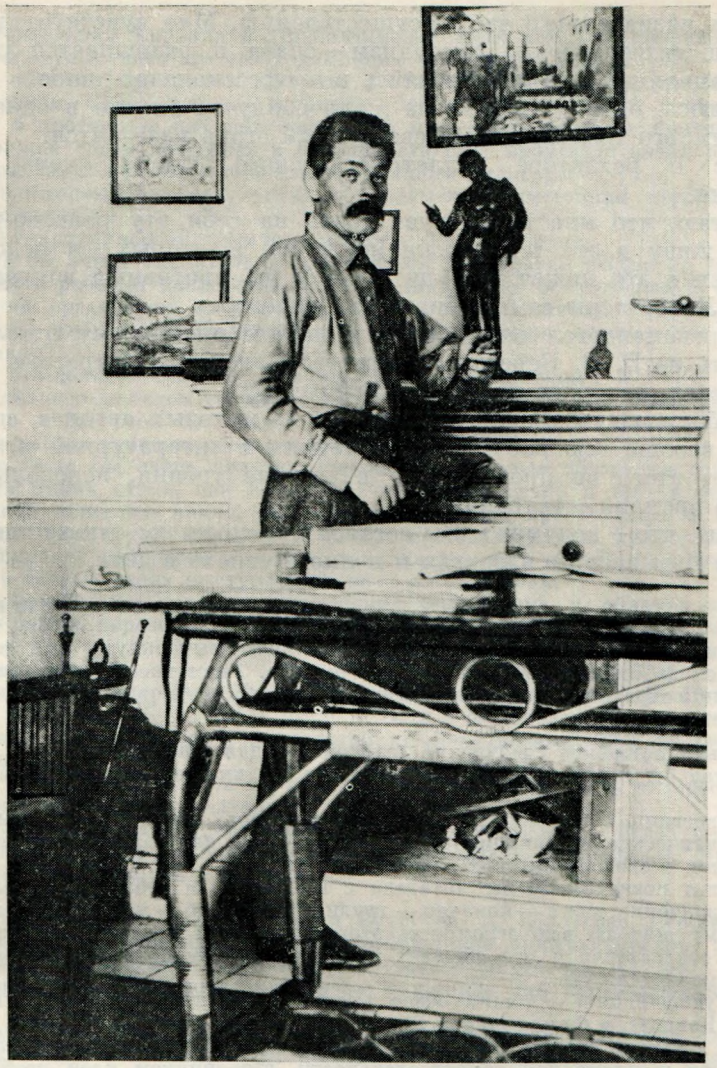
4. ГОРЬКИЙ — МУРАВЬЕВУ

⟨Капри. После 27 августа/9 сентября 1912 г.⟩

Дорогой Николай Константинович

Согласно желанию Вашему, посылаю список тем для статей, которые, как мне думается, сразу поставят журнал солидно и в ясную для всех позицию[1].

Было бы очень важно, если бы все сотрудники журнала совокупно прониклись сознанием глубокой серьезности и своевременности дела,



ГОРЬКИЙ В КАБИНЕТЕ ВИЛЛЫ «СЕРАФИНА»

Фотография Ш. Н. Манучарьянц. Капри, 1913. Над камином картина К. И. Горбатова «Улица на Капри» (подарена Горькому в сентябре 1912 г.)

Музей Горького, Москва

кое они затевают. Надобно почувствовать себя одинокими в России людьми, приступающими к совершенно новому делу. Хотя дело и не-новое по существу, но лучше об этом забыть и приняться за работу возрождения социалистической мысли в России с твердым убеждением, что социализм — единственно истинное объективное учение, способное организовать Русь, как страну европейскую, и помочь русским жителям разобраться в путанице их классовых интересов, способное помочь им поставить пред собою точные, оправданные историей цели и задачи.

Я, конечно, не уверен, что г. г. Потресовы, Мартовы и др. способны сразу победить сами себя — свое честолюбие литераторов и свою дряблость русских людей. Но — зная их — я все же считаю, что они еще способны на это.

Другое дело их несомненный скептицизм по отношению к социализму как плану новой жизни, созданному историей европейского чело-

вечества и назначенного ею к осуществлению. Мне чувствуется, что вера наших с-д литераторов в социализм — слаба и разрушается сомнениями и что апостолы уже превратились в профессионалов-попов.

Я надеюсь, однако, что, когда люди сойдутся близко в одном деле,— от их взаимного трения старый священный огонь разгорится.

Вопрос о редакторе беллетристического отдела очень серьезен в наши дни.

Я считаю, что мне не следует брать на себя эту роль, во-первых — я далеко живу и это технически неудобно; во-вторых — я недостаточно авторитетен и это может возбудить сразу же противный вопрос о местничестве. Литераторы самолюбивы, как пуделя.

Я бы рекомендовал следующее: редакция по первому отделу должна состоять из В. В. Вересаева, Сергеева-Ценского и Потресова, как человека, кажется, наиболее знающего литературу.

Я же беру на себя доставку рукописей молодых авторов, переписку с ними и вообще всю работу по сношениям с литературной молодежью.

Дело от этого не проиграет, а излишние трения, недовольства, задержки во времени — устраняются.

Полагаю, что — подумав — Вы согласитесь со мною: так лучше!

Желаю Вам доброго здоровья и полного успеха в деле.

А. Пешков

В подлиннике письма неустановленным лицом вычеркнуто имя и отчество адресата и слова «социализм», «социалистический». Текст восстановлен по машинописной копии, сохранившейся в личном архиве писателя.

Датируется по сопоставлению с п. 3.

[1] К письму приложен следующий «список тем для статей»:

«Я считал бы необходимым дать в первых же книжках статьи на следующие темы:

1. — Завоевание Африки и Азии европейским капиталом и вытекающие отсюда политические и экономические последствия для Кавказа, черноморских, прикаспийских и среднеазиатских владений России.

Эта статья познакомила бы читателя с грандиозным событием, мировое революционное значение коего — конечно — трудно учесть, но — можно дать почувствовать русскому жителю всю огромность этого события и показать, чем оно грозит России как государству и что обещает нации в близком будущем среднеазийская «политика» правительства.

2. — «Русификация» — общий обзор нравов и действий правительства в Туркестане, на Кавказе, в Финляндии и т. д.

Журнал сразу и твердо должен поставить себя защитником принципа широкой областной и племенной самостоятельности, сторонником идеи необходимости реорганизации государства на началах федерализма.

Централизм — нелепейшая и вреднейшая утопия, раз речь идет о такой географической величине, какова Россия, с ее всяческим разнообразием и населением в 163 миллиона.

Нужна статья в защиту Тифлисского университета.

Нужно как можно определеннее ставить вопрос о равноправии евреев и об уничтожении черты оседлости. Дать исторический очерк «Евреи в России» и рассказать публике, как именно создалась «черта».

Необходимо особенное внимание уделить Сибири с ее 88% русского населения. Сибирь — резервуар огромных богатств и сил — ныне, в эпоху реорганизации желтой расы, становится в положение исключительно опасное, и Сибирь ранее других областей должна встать на защиту своей самостоятельности. Она должна иметь свой голос в вопросах политики на Дальнем Востоке, и чем скорей это осуществится — тем лучше.

С открытием в 〈1〉913 г. Панамского канала самый злой узел капиталистической политики переносится на берега Тихого океана — в этом событии лежит ряд доказательств в пользу выделения Сибири как самостоятельной единицы.

3. — Армавир-Туапсинская дорога, ее значение для Кубанской области, Кавказа.

4. Канал Рига—Херсон — о нем думают со времен Петра I. За это время созданы Суэцкий и Панамский каналы; как осуществлялись подобные предприятия на Западе? — Киль. Итальянский проект капала между Адриатическим и Средиземным морями.

Обе статьи изобличают близорукость и пассивность русского капитала и своеобразное понимание им «национальных» интересов.

Самостоятельная Украина и Прибалтийский край немедля, конечно, вынуждены были бы осуществить это необходимейшее соединение двух морей.

Таким образом, принципом журнала в области политики должен быть поставлен федерализм. Существующие журналы, будучи оппозиционны централизму, не выдвигают в противовес ему положительной идеи, ограничиваясь критикой. Новый журнал должен сразу поставить в обязанность себе проповедь начал положительных: федерализм в политике, социализм в области культуры.

5. — Необходима дельная статья о современном состоянии церковных и монастырских хозяйств.

6. — О современном экономическом состоянии казачества.

7. Была бы очень поучительна для русской демократии статья на тему: «Расовая психика в рабочем движении», т. е. освещение тех психических и социальных влияний, кои организуют англосаксов, как — преимущественно — тред-юнионистов, романцев, как анархо-синдикалистов и т. д. Какие формы склонен принять социализм у славян?

Статья эта должна выяснить причины дробления русской с.-д.

8. — Статья о чешском социалистическом движении. О нем у нас почти ничего не знают, а между тем оно имеет очень интересные особенности, напр(имер),— культурная работа чешских социалистов в крестьянстве.

Вообще были бы очень полезны краткие и толковые обозрения социалистической работы таких стран, как Бельгия, Голландия, Дания и пр.— в этих странах с наибольшей ясностью видно, как идеи социализма, просачиваясь в быт, постепенно организуют новую психику и обещают создать новую культуру. Западный рабочий-социалист интересен и поучителен для русского не только в моменты программных и боевых своих выступлений, но — *в быте своем.*

Необходимо также отмечать завоевания социализма в области искусства.

Нужно давать переводы статей по теории социализма — это совершенно забыто у нас.

Сотрудники:

М. Павлович, Циперович, И. И. Скворцов, Ст. Вольский, М. Н. Покровский — историк.

Советовал бы попробовать, не годится ли Лев Войтоловский на роль литературного обозревателя.

Кстати: у него есть работа по психологии толпы, она очень интересна по программе и еще нигде не напечатана.

Следует завести небольшой — хотя бы и необязательный — отдел политической и общественной сатиры, для него можно пригласить С. Черного, А. Черемнова и Николая Иванова из «Киевской мысли».

По беллетристике:

И. А. Бунин, В. В. Вересаев, Илья Сургучев, А. Золотарев, Сергеев-Ценский, Куприн, Никандров, Касаткин, Арефин, Гребенщиков, Верхоустинский. С. Матвеев, автор статей «В волостных старшинах», «Р(усское) б(огатство)», (1)912 г.— может быть хорошим областным корреспондентом из Сибири или провинциальным обозревателем.

Ив. Мих. Касаткин, с.-д., беллетрист, хорошо знает быт судовых служащих и рабочих на Волге. Ему можно бы поручить объезд деревень. Гаяз-Исхаков, с.-д., беллетрист, может давать очерки культурного движения татар.

Обязательно привлечь к сотрудничеству в журнале поляков, украинцев, финов, латышей, армян и грузин».

5. ГОРЬКИЙ — МУРАВЬЕВУ

(Капри. 9/22 сентября 1912 г.)

Дорогой Николай Константинович!

Издатель «Современника» Певин и редактор Ляцкий предложили мне принять участие в реорганизации журнала [1].

Я принял предложение и вошел в журнал как соредактор Ляцкого по отделу беллетристики, указав, что по вопросу о реорганизации отделов политики и общественной жизни они должны обратиться к Вам.

Той программы [2], которую Вы знаете, я не объявлял им, но, конечно, сказал, что вступаю в журнал при условии, что он поставит лозунгом своим федерализм и широкое областное самоуправление в политике, социализм в культуре. Это — принято.

По возвращении в Россию Ляцкий явится к Вам для беседы [3]. Это человек весьма приятный; на свою роль редактора он смотрит как

на случайность и заявил, что тотчас уступит место свое человеку, более его приспособленному для этой роли.

Но как редактор отдела беллетристики он может быть полезен и при новой редакции; еще более полезен он как сотрудник, обладающий ценнейшим историко-литературным материалом.

Так как мною совместно с Ляцким затеяно одно весьма сложное дело, нам необходимо жить вместе, и, как только найдется достаточно солидное лицо, способное заменить Ляцкого в журнале,— он переедет на Капри[4].

Таким образом, «Современник» может быть взят группою лиц, о которой мы с Вами говорили. Трех месяцев истекающего года вполне достаточно для реорганизации журнала. А с января можно уже выпускать его совершенно обновленным. Беллетристический материал на все месяца текущего года ими уже собран и не может быть обновлен. Это — жаль.

Позвольте обратить внимание Ваше на следующее: кроме «Современника», Певин издает еще 2-х рублевый «Общедоступный журнал», который тоже может и должен быть реорганизован. Сейчас Певин и Ляцкий поехали в Париж разговаривать с Павловичем и Цыперовичем, вероятно, они увидят там и Мартова.

Итак, если Вам еще не удалось достичь каких-либо определенных результатов в деле организации нового ежемесячника — говорите с Певиным и Ляцким.

Певин — человек умный, он вполне способен понять значение той программы, которую Вы предложите ему. Силы для того, чтобы вести два журнала, у нас найдутся.

Если же случится так, что Вы уже имеете добрые результаты Ваших хлопот или почему-либо не сойдетесь с Певиным,— чего не представляю,— я все-таки буду стараться в течение этих трех месяцев наладить журнал в левую сторону, вводя в него группу лиц, более определенных социалистически.

Организация левой печати — наша задача. По крайней мере я считаю это моей задачей. Было бы недурно, если бы каждая политическая группа демократии имела свой орган — демократия всегда найдет что сказать и создаст «свои слова».

Всей душой желаю успеха.

Будьте здоровы.

А. Пешков

912/IX
Capri

Датируется по фразе Горького в п. от 18/31 октября 1912 г.: «Письмо о „Современнике“ я послал Вам 9-го сентября». Учитывая совет Муравьева, Горький отправил это письмо Е. П. Пешковой в Аляссио с просьбой переслать его в Москву Муравьеву с обратной распиской. См.: *Арх. Г.* Т. IX. С. 147.

[1] Ляцкий и Певин в начале сентября 1912 г. приехали на Капри и вели переговоры с Горьким об его участии в реорганизации журн. «Современник» (Г—Ляц, п. 5, прим. 1).

[2] См. п. 2, прим. 1.

[3] О переговорах Ляцкого с Муравьевым см.: Г—Ляц, п. 16, 22.

[4] Речь идет об организации Музея-библиотеки русского освободительного движения. См. там же, п. 6, прим. 13, п. 9, прим. 1.

6. МУРАВЬЕВ — ГОРЬКОМУ

(Москва.) 10(23) октября 1912 г.
М. Горькому.
Капри—Италия.
Заказное

Дорогой Алексей Максимович.

Меня страшно поразило Ваше известие, что Вы дали обещание Ляцкому и предполагаете вплотную работать в «Современнике». Мне неясно, можете ли Вы при этом условии принимать участие, притом деятельное участие, в каком-либо другом русском журнале. Захочет ли этого «Современник»? По поводу «Современника» я списался с Петром Павловичем[1] и некоторыми другими литераторами. Все они в один голос говорят, что реформировать «Современник» после целого ряда реформ, которые он уже претерпел, было бы шагом весьма ошибочным. Он уже несколько раз успел переменить свою физиономию, и широкие круги подписчиков, несомненно, не могут не отнестись к этому с предубеждением. Во всяком случае, возвращение к этому журналу очень бы ослабило его. Что касается до нового журнала, переговоры относительно которого у меня налаживаются, то теперь, при создавшемся положении, я не знаю, могу ли я говорить от Вашего имени и могу ли я обещать, что Вы будете принимать серьезное участие в его редакции. Викентий Викентьевич[2] дал на это свое согласие. Потресов согласился тоже, не сомневаюсь в согласии и Неведомского. Пожалуйста, сообщите, как быть с Вашим участием. Вы понимаете, что потерять Вас нет решительно никакой возможности. Вы понимаете, что отказ Ваш должен убить предполагаемый новый толстый журнал. А между тем мы боимся, что при условии участия в «Современнике» Вы откажетесь. Мне нечего говорить о том, что от Ляцкого я не имею ни слуха ни духа. Да говорят, что и в Париже он не предлагал войти группе в журнал и определить его физиономию. Он предлагал только некоторым отдельным лицам сотрудничество в своем «Современнике». Затем, принимая участие в «Современнике», вносите ли Вы вместе с собою также и некоторые денежные суммы; усердно прошу Вас не откладывая ответить мне на поставленный выше ряд вопросов. Не имея Вашего категорического ответа, я не знаю, что предпринять в дальнейшем.

Приписка неустановленного лица.

Письмо это снято с валика диктофона в отсутствие Николая Константиновича, уехавшего на несколько дней из Москвы, а потому оно не подписано.

С совершенным уважением

[1] П. П. Маслов. В *АГ* хранятся п. Маслова Горькому по поводу нового журнала. Ниже мы приводим одно из них:

«Многоуважаемый Алексей Максимович!

Сегодня получил письмо от Н. К. Муравьева, которое повергло нас в большое смущение. Муравьев пишет, что Ваше „обещание Ляцкому участвовать в „Современнике“ не дает ему уверенности в том, что Вы будете писать и в проектируемом журнале“ и что поэтому происходит заминка в его организации. Мы здесь после разговоров с Вами не питаем никаких сомнений, по ведь организатором материальной части является Ник. Конст., и очень важно его успокоить...

Было бы крайне обидно, если бы дело организации журнала остановилось или замедлилось из-за недоразумения. Пишу Вам в надежде, что Вы подбодрите Муравьева и тем ускорите постановку дела...»

[2] В. В. Вересаев.

7. ГОРЬКИЙ — МУРАВЬЕВУ

(Капри. 18(31) октября 1912 г.)

Уважаемый Николай Константинович!

Письмо о «Современнике» я послал Вам 9-го сентября, Вы получили его 14-го и отвечаете мне 10-го октября. Если письмо это Вас «страшно поразило», Вам следовало бы — одновременно с тем, как Вы писали Маслову и другим,— написать мне о Вашем отношении к «Современнику», это избавило бы меня от месяца работы, во всех отношениях убыточной для меня.

Засим — письмо Ваше написано так, как будто Вы совершенно не посчитались с теми соображениями, которые я Вам сообщил в моем письме. Ваше возражение против «Современника» сводится к тому только, что журнал этот «несколько раз изменял свою физиономию». На широкие круги подписчиков это, очевидно, не действует, ибо подписка не упала, а растет.

Я не понимаю Вашей фразы «возвращение к этому журналу очень ослабило бы его». «Предубеждение читателей» — к журналу — может и должно быть побеждено новым составом его сотрудников, время для этого есть — три месяца.

На мой взгляд, удобнее сорганизоваться в процессе работы, чем начинать новое дело, не спевшись. Ляцкий и не мог снестись с Вами до 10-го, он только что возвратился из Парижа. Вы указываете, что он «не предлагал войти группе в журнал», а — «предлагал некоторым отдельным лицам сотрудничество».

О какой группе идет речь? Вы говорили со мною тоже об отдельных лицах — Цыперовиче, Павловиче, Мартове, Потресове, Вересаеве. Но — ведь это «группа» лишь в чисто физическом смысле, как я понимаю, духовного же единства я не вижу среди этих лиц. Ляцкий договорился о сотрудничестве первых двух, он ничего не имеет против Мартова, тем более — против В. В. Вересаева, на Потресова я указал ему как на редактора политического отдела.

Группы — нет, она еще должна быть организована. Как я уже писал Вам, Ляцкий не держится за титул редактора и охотно уступит свое место — в чем же дело?

«Ряд вопросов», поставленных Вами, сводится к двум: буду ли я участвовать в журнале, которого нет еще и который не нужен пока.

Да, буду, если Вы, к сожалению, не споетесь с «Современником».

Не вношу ли я с собою денег в издание?

Конечно — нет; и более того — я принял работу, на условиях, крайне невыгодных для меня, единственно из желания передать журнал в хорошие руки.

За участие в «Современнике» говорит и то обстоятельство, что в Питере возникает новый ежемесячник «Кругозор» [1], а в Москве затевает журнал Арцыбашев [2].

Вообще Ваш сильно запоздавший ответ на мое письмо очень удивил меня, и я позволю себе повторить, что Вам следовало известить меня о Вашем отношении к «Современнику» в одно время с тем, как Вы писали Маслову и другим.

То, что говорят г.г. заграничные литераторы о «Современнике», как и то, что они вообще говорят и могут сказать о русской современности,— в моих глазах высокой цены не имеет — я Вас предупреждал об этом.

Сотрудников нужно искать в России, среди молодежи, среди живых людей, а на могильной литературе Маслова — как Вы сами знаете и говорили — хороший орган не создашь.

В письме моем к Вам сказано: «...нужно, чтобы каждая группа демократии имела свой орган»,— Вы отвечаете мне, совершенно не считаясь

ни с этим моим убеждением, ни со всеми остальными соображениями, кои побудили меня вступить в «Современник»,— Вас «страшно поразила» только первая фраза письма моего. И, пораженный, Вы целый месяц переписываетесь с Парижем, очевидно, сразу решив вопрос об участии в «Современнике» отрицательно, ибо я не могу думать, что Вы выписывали для себя мнение по этому поводу из-за границы.

Повторю еще раз, что, по глубокому моему убеждению, гораздо лучше вступить в «Современник», чем начинать дело, для которого у Вас нет людей, способных сразу же начать его интересно и солидно[3].

Для «Современника» уже много сделано, и к январю журнал этот будет иметь хороший материал.

Будьте здоровы, не сердитесь, жду ответа[4].

А. Пешков

31—17 октября 1912 г.
Капри

Кроме авторизованной машинописи с пометой Горького, отправленной адресату, по которой публикуется это письмо, в *АГ* находится еще одна авторизованная машинопись с подписью, на которой стоит дата: 30/X—1912 г. н. ст. В посланном Муравьеву письме Горький ошибся при переводе нового стиля на старый.

[1] См.: Г — Т, п. 4—12.

[2] После этих слов во второй машинописи была следующая фраза: «Вы затеваете третий — не много ли это для русского читателя?»

[3] Горький писал Мартову:

«Уважаемый товарищ Мартов!

Я уже успокоил Н. К. ⟨Муравьева⟩, но считаю нужным сообщить Вам следующее: 9 сентября ст. ст. мною послано было Н. К. письмо, в котором, извещая его о том, что вступаю в «Современник», я писал ему... (далее Горький приводит текст своего письма Муравьеву. См. п. 5).

Ответ на это письмо я получил 10 октября ст. ст. За месяц мною было уже кое-что сделано для «Современника».

Отвечая на письмо Н. К. от 10-го окт⟨ября⟩, я сообщил ему, что, на мой взгляд, следует идти в „Современник", а новый журнал пока не затевать, ибо, во-первых, „Современник" уже имеет 5 т. подписчиков, а во-вторых, с 1913 г. и в Москве, и в Питере будут издаваться новые журналы „Кругозор" и „Заря", оба левые... Я очень советовал бы подождать с изданием нового журнала, а прежде хорошенько сорганизоваться на работе в „Современнике"» (*АГ*).

[4] После этих слов во второй машинописи было: «Не сердитесь. Жду известий».

ГОРЬКИЙ И БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ИЗДАНИЯ

ГОРЬКИЙ — РЕДАКТОР ЖУРНАЛА «ПРОСВЕЩЕНИЕ»

Сообщение И. А. Ревякиной

Участие Горького в издании марксистского ежемесячного общественно-политического, экономического и литературного журнала «Просвещение», его роль в собирании сил молодого пролетарского искусства, его борьба за революционную партийность литературной части журнала уже освещались. Среди работ на эти темы выделим наиболее заметные: статью А. А. Волкова «Горький и дооктябрьская пролетарская пресса» (*Горьк. чт.* 1951), монографию Л. Н. Никитина «Большевистский журнал „Просвещение“» (М., 1955), в одной из глав которой (IV) речь идет о Горьком и значении журнала в борьбе за партийность литературы, наконец, исследование В. А. Келдыша «Проблемы дооктябрьской пролетарской литературы. Горький и русская революционная поэзия» (М., 1964).

Однако пока с должной полнотой не выяснено, в каких связях — влияний, соответствий, полемики — с литературой своего времени развивались беллетристы и поэты «Просвещения». К этому и привлекается в первую очередь внимание в сообщении.

До сих пор мало изучена история участия Горького в «Просвещении» с документальной стороны. Контакты Горького — литературного редактора журнала, конечно, были очень разнообразны: ведь на страницах журнала появились произведения более чем двадцати авторов и значительная их часть при самом непосредственном содействии писателя. Многое из переписки Горького с редакцией большевистского органа,— а она работала фактически полулегально — по всей вероятности, не сохранилось. Именно поэтому особенно ценны факты, позволяющие прямо или косвенно судить о деловых и творческих планах, начинаниях Горького-редактора. В сообщении приводится более 20 разных документов — письма, воспоминания, одна дневниковая запись,— так или иначе проясняющих деятельность Горького в «Просвещении», в том числе четыре письма Горького к разным адресатам, а также письма к нему большевика М. А. Савельева — он был одним из редакторов журнала — и ряда молодых авторов.

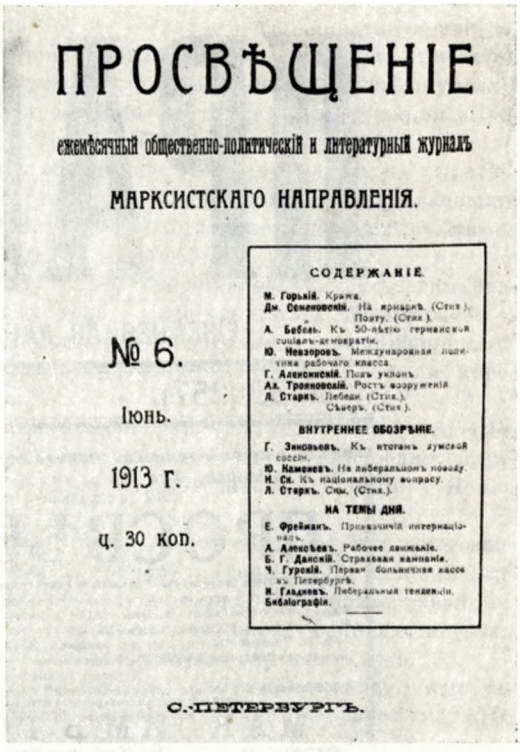
Читатель встретит в сообщении несколько документов, уже известных, однако публиковавшихся только в отдельных выдержках или кратких изложениях. Если публикация этих писем даже во фрагментах имела цель освещать частные вопросы, вводя документы в научную литературу, то тем больше оснований приобретает публикация их в полном виде. Она поможет точнее воссоздать творческие, деловые, личные отношения Горького с современниками, полноту и разнообразие живого литературного процесса.

Обсуждая с Н. Г. Полетаевым в феврале 1913 г. издательскую деятельность большевиков, В. И. Ленин писал: «Теперь Горький очень энергично взялся помогать „Просвещению“ и превращать его в большой журнал» [1].

Марксистский журнал «Просвещение» начал выходить в конце 1911 г. вместо закрывшейся «Мысли» [2]. В. И. Ленин рассматривал его как важный орган легаль-

ной работы большевиков, трибуну революционной мысли, противостоящей оппортунизму [3]. Далеко не сразу удалось наладить в «Просвещении» литературный (беллетристический) отдел. Журнал вообще существовал в труднейших условиях: с одной стороны, цензура все время угрожала ему закрытием [4], а с другой — отсутствие денежных средств сдерживало возможности увеличения объема издания. Однако для широкой популярности журнала именно беллетристический отдел был остро необходим.

В начале 1913 г. заграничной редакцией «Просвещения» (она руководила журналом, выходящим в России, во главе редакции стоял В. И. Ленин) принимается решение привлечь Горького к руководству организуемой литературной частью журнала. В январе В. И. Ленин писал Горькому: «Из Вены Вы, верно, имеете уже письма о „*Просвещении*“. Есть верная надежда его упрочить на 1913 г. в малом виде. Хотите, чтобы „мы имели свой журнал“, так давайте двигать вместе» [5].



ПРОСВѢЩЕНІЕ

ежемѣсячный общественно-политическій и литературный журналъ

МАРКСИСТСКАГО НАПРАВЛЕНІЯ.

№ 6.

Іюнь.

1913 г.

ц. 30 коп.

СОДЕРЖАНІЕ.

М. Горькій. Кража.
Дм. Семеновскій. На ярмаркѣ. (Стих.).
Поэту. (Стих.).
А. Бебель. Къ 50-лѣтію германской соціалъ-демократіи.
Ю. Невзоровъ. Международная политика рабочаго класса.
Г. Алексинскій. Подъ уклонъ.
Ал. Трояновскій. Ростъ вооруженій.
Л. Старкъ. Лебеди. (Стих.).
Сѣверъ. (Стих.).

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Г. Зиновьевъ. Къ итогамъ думской сессіи.
Ю. Каменевъ. На либеральномъ поводу.
Н. Ск. Къ національному вопросу.
Л. Старкъ. Сны. (Стих.).

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Е. Фрейманъ. Приказчичій интернаціоналъ.
А. Алексѣевъ. Рабочее движеніе.
Б. Г. Данскій. Страховая кампанія.
Ч. Гурскій. Первая больничная касса въ Петербургѣ.
И. Гладковъ. Либеральныя тенденціи.
Библіографія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЖУРНАЛА «ПРОСВЕЩЕНИЕ». 1913, № 6

По поручению редакции «Просвещения» к Горькому обратился А. А. Трояновский [6]. О его письме и справлялся В. И. Ленин [7]. Горький ответил в самом конце января ст. ст.

ГОРЬКИЙ — ТРОЯНОВСКОМУ

⟨Капри. Конец января (середина февраля) 1913 г.⟩ [8]

Ал. Трояновскому

Очень извиняюсь, уважаемый товарищ, что не мог ответить Вам раньше. Ваше письмо пришло на Капри в день, когда я уехал из дома, а возвратясь, мне захотелось ответить Вам делом.

Посылаю мои очерки для «Просвещения» [9], стихи Старка [10] и Астрова [11], надеюсь, они понравятся Вам.

Посылаю также рассказ Тимофеева [12] — не подойдет ли?

Говорил с Буниным и Вольным, имею от них обещания дать рассказы к следующим книжкам, буду просить о том же Олигера [13]. Вообще буду посильно помогать журналу и своим трудом, и привлечением к нему внимания других литераторов.

На вопрос Ваш о «необходимом характере, содержании и задачах» журнала я мог бы, пожалуй, ответить весьма пространно, но позвольте отложить ответ мой до более свободного времени — сейчас я страшно занят.

Коротко скажу: побольше Запада, побольше внимания к Европе, и пусть это внимание будет возможно всесторонним; необходимо освещать не только политическую жизнедеятельность европейского пролетария, но и по возможности следить за процессом проникновения идей социализма в быт, процесс образования новой психики, интеллектуальный

ПРАВДА

ЕЖЕДНЕВНАЯ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА.

№ 53 (257). Вторник

Въ понедѣльникъ, 4-го марта, вышелъ и поступилъ въ продажу № 2 (февральскій) журнала

„ПРОСВѢЩЕНІЕ“

СОДЕРЖАНІЕ: Максимъ Горькій — Вездѣсущее. **Леонидъ Старкъ** — Старикъ (стих.). **В. И.** — Что дѣла то: въ народничествѣ и что дѣлается въ деревнѣ. **Демьянъ Бѣдный** — Свѣча (басня). **В. Оль-скій** — Стоимость культа. **Политикусъ** — Ближне-Восточный узелъ. **Г. Зиновьевъ** — Къ итогамъ 1912 г. **М. Ольминскій** — Я васъ арестую. **Н. Чужой** — Обзоръ рабочаго движенія. **К.** — Къ нашимъ разногласіямъ. **Л. Германовъ** — Сибирскіе очерки. **Ю. Каменевъ** — Объ обязанностяхъ демократа (отвѣтъ Чернову). Библіографія.

Начиная съ № 2-го въ жур. „**Просвѣщеніе**“ будетъ вестись постоянный беллетристическій отдѣлъ, редактированіе котораго принялъ на себя

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ.

Условія подписки: на годъ 3 руб. 50 коп., (за границу 4 руб. 50 к.), на 6 мѣс. 1 руб. 75 к., (за границу 2 руб. 25 коп.), на 3 мѣс. 1 руб. (съ доставкой). Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ. Для учащихся, учителей, рабочихъ, торгово-промышленныхъ, городскихъ, земскихъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ 1 г.—3 руб., на 6 мѣс. 1 р. 50 к.

Адресъ **конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Коломенская ул., д. 30, кв. 11.**

Контора открыта отъ 6 до 8 час. вечера. Цѣна отдѣльнаго номера 30 коп.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» С ОБЪЯВЛЕНИЕМ О ВЫХОДЕ В СВЕТ № 2 ЖУРНАЛА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» ЗА 1913 г.

1913, № 53, 5 марта

рост нового человека. Это задача не только для художника, а равно и для публициста. Некоторые товарищи-беки могли бы изложить свои наблюдения над бытом западноевроп⟨ейского⟩ рабочего, быт этот им знаком.

Побольше фактов, картин, характеров,— это лучше запоминается, глубже действует на рыхлую психику русского человека.

Я взялся бы редактировать подобные письма, конечно, со стороны их формы.

Засим: теория социализма не только не разрабатывается у нас, но — увлеченные политикой — мы слишком игнорируем ее, почти совершенно не следим за ее ростом, а это — необходимо. Особенно теперь, когда русские социалисты сильно наглотались разной метафизики и отравлены ядом индивидуализма.

Считаю также совершенно необходимыми небольшие, ясно написанные статьи о современном состоянии биологии и учения о материи: обе эти дисциплины позволяют делать неотразимые выводы в пользу и утверждение монизма, т. е. выводы антииндивидуалистического характера, имеющие в наши дни огромную социально-педагогическую ценность.

Искренно желаю журналу успеха, прошу высылать его мне. Приветствую Вас (*АГ*).

Письмо Горького важно и как факт делового начала организации литературных сил вокруг журнала (ведь вместе с письмом Горький уже посылал первые произ-

ведения — свои и других авторов, сообщая об их согласии сотрудничать), и как довольно развернутая, во всяком случае очень четкая, программа участия писателя в большевистском органе, причем программа, принципиально созвучная журналу. Именно поэтому ответ Горького скоро получил горячее одобрение в редакции «Просвещения». Об этом Горькому писал В. И. Ленин:

«Чрезвычайно меня и всех нас здесь обрадовало, что Вы *беретесь* за „Просвещение". А я — покаюсь — подумал было: вот как только напишу про маленький журнальчик или журнальчишко наш, так у А. М. охота и пропадет. Каюсь, каюсь за такие мысли.

Вот действительно превосходно будет, ежели мы помаленьку присоседим беллетристов да двинем „Просвещение"! Превосходно! Читатель новый, пролетарский,— сделаем журнал дешевым,— беллетристику станете Вы пускать только демократическую, без нытья, без ренегатства. Рабочих скрепим. А рабочие пошли хорошие» [14].

На обложке февральского номера «Просвещения» печаталось объявление: «Начиная с № 2-го в журнале „Просвещение" будет вестись постоянный беллетристический отдел, редактирование которого принял на себя Максим Горький». Номер начинался очерком Горького «Вездесущее».

Горьковский зачин беллетристического отдела «Просвещения» был многозначителен. Обращаясь к изображению борьбы за социализм, связанной с самыми корневыми — вездесущими — началами народной жизни, писатель подчеркивал ее значение для современной литературы. Так провозглашалась социалистическая идейность нового, рождающегося направления литературы — пролетарского.

Следует выделить и то, что писатель осмыслял борьбу за социализм как интернациональную задачу трудящихся разных стран. Эта часть горьковской программы очень важна, на ней писатель особо останавливался в письме в редакцию журнала (А. А. Трояновскому).

О проделанной Горьким к этому моменту работе по выявлению возможных авторов нового отдела «Просвещения» можно судить по объявлению от редакции, напечатанному на обложке № 2 журнала, где среди сотрудников и принимающих участие указывались (в алфавитном порядке): С. Астров, И. Бунин, Д. Бедный, К. Волгин, И. Вольный, И. Касаткин, Вс. Кожевников, М. Росляков, П. Рябовский (Л. Старк), Б. Тимофеев, Г. Шапиро. По всей вероятности, некоторые из перечисленных авторов были привлечены к сотрудничеству не только усилиями Горького, но и редакции: Д. Бедный, Вс. Кожевников. Их хорошо знали по тому, что уже появилось в «Звезде» и «Правде»: само направление дарований заслуживало поддержки.

О той деловитости, глубокой заинтересованности, с которыми Горький сотрудничал в «Просвещении», впоследствии вспоминал М. А. Савельев [15], бывший секретарем редакции в России. Подробно и фактически точно рассказывая обо всей истории создания журнала и трудных, поистине героических буднях полуподпольной работы его, Савельев писал и о важнейшей роли литературного отдела: «После довольно длительной переписки с заграницей, редактирование этого отдела взял на себя Максим Горький (Алексей Максимович Пешков), который в это время жил на острове Капри. Им из каприйского далека со свойственной ему аккуратностью и добросовестностью к каждому номеру, начиная с 1913 г., присылаются беллетристические произведения, или собственные, или авторов, близких ему по духу. У русской редакции завязываются с ним постоянные деловые сношения, посылаются на отзыв рассказы и стихотворения, поступающие в портфель редакции,— главным образом рабочих, причем им всегда очень внимательно прочитываются произведения начинающих беллетристов, даются деловые указания, одним словом, ведется большая литературная работа. Мы видим на страницах „Просвещения" стихотворения ряда наших будущих поэтов (Герасимова и др.). Литературный отдел значительно оживляет журнал, придавая ему более разносторонний характер, популяризируя его через имя Горького среди широких кругов читателей» [16].

В организации литературной части «Просвещения» деятельно участвовал В. И. Ленин. Он живо интересовался делами беллетристики, считая отдел важным

в популяризации журнала. Один из примеров этого — замечания и вопросы к Горькому в майском письме (не ранее 9—10 мая н. с.) 1913 г.: «Как делишки насчет статейки или рассказа в *майскую* книжку „Просвещения"? Мне пишут оттуда, что можно бы издать *10—15 тысяч* (вот мы как шагаем!), ежели было что от Вас. Черкните, будет ли» [17].

«Просвещение» стало знаменательным явлением передовой русской литературы этого времени как массовое, дешевое и вместе с тем партийное издание, выполняющее задачи революционного просвещения народа. В прозе журнала среди ведущих тем — история революционного пути «молодого человека» из народа, главным жанром издания стал рассказ, обращенный к массовому рабочему читателю.

В условиях свирепой цензуры беллетристический отдел «Просвещения» просуществовал всего около полутора лет, и с началом войны журнал был приостановлен. Но и за этот небольшой срок в журнале нашли выражение существенные идейные тенденции русской литературы 10-х годов XX в. Журнал выполнял задачу выявления и объединения пролетарских писателей, чье творчество одухотворено социалистической идейностью, связано с развитием революционного движения. О своем пристальном внимании этой поры к процессам демократизации литературы Горький говорил в одном из писем 1916 г.: «Начинающих писателей знаю тьмутём...» [18] Подвижническое собирание сил новой литературы — именно революционных писателей в революционной среде — осуществлял Горький. В этом ему помог и журнал «Просвещение».

Существенными для характеристики идейно-художественной направленности «Просвещения» как издания, связанного с ранним периодом развития социалистического искусства, представляются горьковские произведения. Кроме лирико-публицистического очерка «Вездесущее», в журнале печатаются рассказ «Кража» (1913, № 6), первая глава «Детства» (1913, № 9), рассказ «По душе» (1913, № 11; под названием «Едут» позже вошел в цикл «По Руси»). В контексте творчества писателя тех лет все они по-своему показательны, неслучайны: в них находит решение большая и современная художественная задача — исследование народной жизни, национального характера в свете нового понимания народности, вызванного идеями революционного преобразования жизни. Ведь и горьковские циклы 10-х годов «По Руси», «Сказки об Италии» складывались из рассказов-фрагментов, которые в единстве рисовали величественную картину духовной жизни народа, его исканий и верований, того, как в самих глубинах народа вызревает тяга к новой, светлой и свободной жизни.

Даже негативный по содержанию рассказ «Кража» не выпадает из этой проблематики. На общелитературном фоне того времени, когда обсуждалось влияние первой русской революции на жизнь народа и национальный характер, на историю культуры, а писатели и публицисты давали разные, подчас противоположные ответы, отчетливо проступает полемический подтекст рассказа.

Причины снижения духовности, расшатывания нравственных устоев жизни трудового народа Горький видит не в якобы разрушительных веяниях революции, а в капитализации страны, во влиянии «господской» культуры. Тихий солдат Лука Чекин, возвращаясь с военной службы домой, совсем не случайно совершил кражу — поступок, которым окончательно разрушаются его связи с прежним деревенским миром. Бывший крестьянин, оторванный от труда, от основ народной нравственности, он уже давно и исподволь развращался нечистоплотностью, паразитизмом офицерской среды. В ней день за днем опустошалась его душа, коверкалась человеческая судьба, была украдена в конце концов его жизнь. Небольшой рассказ Горького по-настоящему емок социальными выводами об основах народной нравственности.

Художественный стиль Горького периода 10-х годов отражает разноликость жизни — и ее светлые, и драматичные стороны, и процессы внутреннего движения в ней. Это свойственно и произведениям писателя, появившимся на страницах «Просвещения». И здесь Горький то открыто тенденциозен, как в лирико-публицистическом очерке «Вездесущее», то выражает эпически мощное течение жизни в формах

психологического реализма, как в «Краже», как в «Детстве». Горького-художника отличает в это время и стремление обогатить реалистический стиль приемами романтической субъективности: то формами эмоционально окрашенного авторского повествования (и это свойственно, например, «Детству»), то приемами насыщенной контрастности, пейзажной символики (что характерно для рассказа «По душе»). Все эти особенности творческих исканий Горького оказываются активно воспринятыми молодыми писателями пролетарского круга, произведения которых увидели свет и в «Просвещении».

За полтора года — с № 2 за 1913 по № 5 1914 г.— в «Просвещении» опубликованы стихи, очерки и рассказы двадцати авторов: семь из них выступали как прозаики, тринадцать — как поэты. В идейно-тематической направленности прозы и поэзии отчетливо выделяются две сближающиеся линии: общедемократическая и революционно-пролетарская. Ведущей выступает революционно-пролетарская. Журнал печатает произведения разные, непохожие друг на друга. Новизна, самостоятельность творческого почерка, а также жизненных наблюдений ряда авторов обращают внимание уже в первых номерах «Просвещения» (№ 2, 3, 4 за 1913 г.), в которых определялось «лицо» беллетристического отдела. Может быть, один из самых показательных по разнообразию материала, интонаций — № 3 журнала. В нем появились произведения пяти авторов: рассказ Б. Тимофеева «Музыкант Кандырин» и стихи: Гр. Шапиро — «Фиалки», С. Астрова — «Утро», Л. Старка — «К весне» и Вс. Кожевникова — «Городу».

Реалистически точен, убедителен рассказ Тимофеева. Интересен он и присутствием «горьковского начала»: оно проявляется в изображении людей социальных низов. Герой рассказа, старый музыкант, хотя и существует почти подаянием, но и на дне жизни сохраняет озаренность высоким человеческим чувством. Рядом с этим достоверно правдивым, бытовым рассказом стихотворные произведения Шапиро, Астрова, Старка прочитываются как бы на контрастном фоне. Это лирические стихи с романтической символикой, одухотворенные возвышенными, героическими переживаниями — мечтой об изменении жизни, о светлом и ожидаемом будущем. Именно в таких смыслах раскрываются в них аллегории весны и утра: лирический герой этих стихотворений полон ощущений молодости жизни, оптимизма, несет в себе революционные стремления.

В приемах высокой патетики, обобщенно-романтической образности написано стихотворение «Городу». Поэт делает попытку художественно выразить мысль о «городе» как авангарде в преобразовании мира, он утверждает идею революционной солидарности «города» и «деревни», всех эксплуатируемых. Тема города, характерная для пролетарской поэзии этих лет, предстает здесь в обобщенно-историческом и социальном аспектах. Вот начальная ступень истории города:

О город, кто тебя распял среди полей,
Где дали синие сливались с небесами! (...)
И плыл твой бледный зов в грядущие века,
Как крик о помощи, затерянный в тумане.

Поэт славит и призывает новую эпоху истории:

Но годы шли. Ты в скорби возмужал,
Ты силы новые копил под игом рока,
И голос твой окреп, как крепнет среди скал
Мятежный шум глубокого потока.
Труби ж в гранитный рог и кличем боевым
Взволнуй и потряси заплаканные нивы!
Мы голос свой с твоим соединим
И в твой призыв вплетем свои призывы.

Видимо, не случайно стихотворение появилось в номере, посвященном 30-летию со дня смерти К. Маркса. Память К. Маркса отмечалась в журнале статьями В. И. Ленина «Три источника и три составных части марксизма» и Ал. Стоянова «Карл Маркс. (К 30-летию со дня смерти)». Подчеркнем, что перекличка — тема-

ФОТОПОРТРЕТ ГОРЬКОГО С ЕГО ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ-АВТОГРАФОМ И. М. КАСАТКИНУ
Архив Горького, Москва

тическая и идейная — литературного отдела с материалами общеполитическими присутствует в журнале постоянно.

Достойными учениками Горького и в то же время уже в чем-то самобытными писателями со своей темой, очень важной в развитии литературы — темой революционного пробуждения человека из глубинных народных пластов — выступают в «Просвещении» И. Касаткин и И. Вольнов. Заслуга введения в литературу этих ярких представителей крестьянской темы в литературе 1910-х годов во многом принадлежит Горькому, что хорошо известно. Однако особенностям их участия в марксистском журнале «Просвещение» исследователи не придают должного значения, а это важно и интересно с точки зрения общих процессов развития литературы в это время.

Писательский путь И. М. Касаткина начался, когда он уже прошел университеты революционного подполья. Своим ранним стихотворным опытам он не придавал серьезного значения, но вот в 1904 г., находясь в тюрьме, молодой революционер написал два небольших рассказа («Путина» и «Нянька»), с них и началась настоящая тяга к творчеству. В 1907 г. в нижегородской газете «Судоходец» [19] появился первый рассказ Касаткина («Путина» — 8 и 11 ноября), в последующие годы там печатались многие из его произведений. В 1908 г. Касаткин выслал несколько рассказов на Капри — они вызвали пристальный интерес Горького. С его одобрения рассказы Касаткина вошли в сборники «Знания», Горький рекомендует молодого писателя в журнал «Заветы». В «Просвещении» (1913, № 5) публикуется небольшой цикл «Маленьких рассказов» Касаткина: в нем три произведения — «Лесосека», «Ожидание» (позднее перепечатывался под названием «Богомаз») и «Из жизни скитальца». Через много лет — в 1932 г.— Касаткин не случайно вспоминал о своей обширной переписке с Горьким в 1910-е годы, вспоминал и об участии в марксистском «Просвещении». И тем и другим определялось самое главное в творческих поисках молодого писателя.

КАСАТКИН — ГОРЬКОМУ

(Москва. Конец января 1932 г.) [20]

Алексей Максимович!

В годы реакции (1908—1913) я имел с Вами постоянную письменную связь с Унжи и с Керженца, куда попадал по высылке, а Вы жили на Капри. Именно в эти годы Вы выводили меня «в люди», учили, печатали в «Знании» [21] и в пар<тийном> журнале «Просвещение» и в др. местах. До 30 Ваших писем этого периода я в свое время тут сдал в Ваш музей [22]. Сейчас я хочу вступить в члены «Общества старых большевиков». Нужны три справки от известных лиц, знавших меня в дооктябрьские годы. Две у меня уже есть от нижегородцев-стариков. Третью я прошу от Вас. Напишите в несколько строчек о том, что Вы действительно в эти годы держали меня «в глазу», что я действительно в эти годы рос как писатель и проч. Пожалуйста!

В 15 и 16 году Вы же, через Екатерину Павловну, извлекли меня из Нижнего и послали с некой организацией спасать беженских детей на фронте, где я и действовал до 18 года [23].

Ив. Касаткин (*АГ*)

В 1910-е годы Касаткин — один из постоянных корреспондентов Горького. Горькому интересен взгляд молодого писателя-революционера на окружающее, его наблюдения, его жизненный опыт. Одним из поводов для сближения Касаткина с Горьким было то, что они были нижегородцами. С огромной доверчивостью писал Касаткин Горькому. Среди тем их переписки — крестьянство и русская революция.

КАСАТКИН — ГОРЬКОМУ

(Кстово. Июнь, до 28, 1912 г.) [24]

Дорогой Алексей Максимович!

В Макарьеве я был, но Лаптева [25] не застал. Он перебрался на жительство в Асхабад, к отцу, железнодорожному служащему. Этому парню всего лишь 22 года. Он уже пробыл два года в университете, на медицинском. Его адрес у меня вскоре будет.

Спасибо за карточку. Если судить по ней, Вы — настоящий орел, подавай Вам бог здоровья! Только вот эти стены из каприйского камня вокруг... лучше, если б их не было, а?!

Что Вам о Кстове [26] поведать? Русь местная — да местная ли только — имеет такой облик, что трудно и угадывать, чем она, матушка, теперь живет, что думает и чего ждет. Не знавал я людей Вашего времени, но крепко думаю, что нынешний дачник — сугубо «дачник». Вот как мудро живут: всяк на своем шестке, не дальше.

Еще недавно эта публика так шумно реагировала на «ромашки» и другие «цветки» безвременья нашего. Теперь даже в эту сторону отклики слабы [27]. Благо, если это знаменует поворот к мысли о лучшей деятельности. Но сдается мне, что ныне, как никогда, «мы ленивы и нелюбопытны» [28]. Ничто, кажется, не в состоянии встревожить нас и насторожить.

О четвертой Думе? [29] Разговоры о ней так редки и вялы, что кажется, будто и Думы-то у нас не существует. Поэнергичнее о выборах хлопочет промышленник, видимо. Масса — молчит. А среди крестьянства и вовсе глухо. Вторая, четвертая... так что-то, будто сон длительный.

Бездейственное время! Люди в большом разброде, и не слышно сзывающих голосов. «Общественность» цветет лишь в среде крупной промышленности: тут на каждый день вылупляется по синдикату [30],

КАПРИ. УЛИЦА
Офорт В. Д. Фалилеева. 1912
Музей Горького, Москва

и с каждым днем, при благосклонности «сфер», великолепно утверждаются в благодатях...

Скучно в газетах пишут? Да, очень скучно! Видимо, тут теперь воцарился и орудует тип, о котором можно сказать словами романса: «разочарованному чужды все увлеченья прежних дней» [31]. А в дне настоящем он по маковку «увлечен» переживанием и смакованием всякой дряни, в изобилии отлагаемой обывательщиной верхов и низов.

Не потому ли среди рабочих теперь так заметно живое стремление — обзавестись своими газетами? Это теперь всюду идет широкой полосой [32]. В Нижнем недавно тоже возникла рабочая газета, пока еженедельная [33]. Правда, тут пока чувствуется некий недостаток в свежих, зрелых силах, в живом и ясном слове, даже несколько чувствуется приевшийся (технический?) шаблон,— при всем этом, все же, тут много и

отрадного. А свежие силы придут! Их выдвинет масса, ее молодежь, не заезженная болезненной апатией — героиней дня.

Однако о Кстове я ничего не сказал. Кстово битком набито дачниками. Нет самой захудалой избы, которая не сдана. Хозяева ютятся в банях, на погребах, в землянках, в пологах на огороде... Мужики здешние — удивительный народ... Порченый здесь мужик — и дачник тому виною. Молодежь, дачная и парни, без устали сражаются в футбол — игра, затмившая игру в карты даже...

Между прочим, теперь всюду (о городах речь) молодежь увлекается чтением Джека Лондона [34]. После увлечения арцыбашевской «смертностью» — и это хорошо. Жаль, большинство русских авторов — нытва безутешная... В литературных типах хочется видеть побольше силы, здоровой активности. На эти качества молодежь вот уже предъявляет спрос.

Вот Бунин — славный талант. Какая углубленная и тонко-ажурная обрисовка психологии героев и картин природы! Но печаль и печаль берет за сердце, когда закрываешь его книгу. Почему это? Не потому ли, что Бунин рисует перед нами нечто, долженствующее уйти из жизни, отживающее, а не то, что должно прийти,— нарождающееся, новое... А славно пишет он, право!

Здесь, на Кудьме, живет Чириков. Развеселый человек!

А что приключилось с «Нов‹ым› ж‹урналом› для всех»? Он меня прямо зарежет невысылкою гонорара [35]. Даже на письма не отвечают. Говорят, там уже новые люди? И во главе — Сологуб [36] со своими баньками и немощами...[37]

Осенью мне предстоит отсюда выбраться [38]; нужно бы на Юг. Щупаю почву на Кавказе. Если ничего не найду тут, придется обратить внимание на Киев, Харьков, Черноморье — вот бы хорошо, но ведь там работу трудно найти.

Пока состою в безработных. Службу после «сидения» утерял. И не пишу, не начал... Последнее — моя болезнь. Хочется не так писать, как писалось,— вот на чем я теперь споткнулся. Вы говорите: время не пришло. Но ведь и уходит хорошее, молодое время!

Читаю, немножно рыболовствую, немножко лечусь. Приходилось ли Вам проводить ночь с удочками под кстовским обрывом? А еще лучше — стоять лодкой где-либо на стрежне, с подпусками? Хорошо! Вчера ночью среди Волги застигла меня великолепная гроза и ливень. И в то же время, где-то далеко, за полями и в разных местах, стояли три огромных зарева: пожары... Горит деревня, то и дело горит!

Если удосужитесь — напишите, весьма обрадуете! Адрес мой — на Кстово, до осени. Привет россиянам, обретающимся на Капри!

Желаю Вам добра и здоровья! Жму руку!

Ив. Касаткин (*АГ*)

Зная своеобразие жизненного опыта и наблюдений Касаткина (он вел революционную пропаганду среди крестьян, жил как ссыльный в глуши), Горький советовал еще в 1908 г.: «Был бы рад и счастлив, если б Вам удалось написать ряд небольших рассказов и очерков на тему о том, чем живет, что думает деревня наших дней, какие знаки оставило в душе ее недавнее прошлое» [39].

В идейном становлении Касаткина темы, названные Горьким, были главными. С ними он выступил и на страницах «Просвещения». О рассказах, появившихся в журнале, речь идет в одном из писем Горького.

ГОРЬКИЙ — КАСАТКИНУ

(Капри. Середина (конец) марта 1913 г.) [40]

Дорогой Иван Михайлович!

Для больших журналов Ваши рассказы недостаточно значительны, я послал их в «Просвещение».

«Гренадер» — тема чрезмерно избитая. Больше других мне понравился очерк «Лесосека». Интересен по настроению и своевременен последний очерк.

Не отвечал так долго потому, что очень занят: много приезжих из России, большая корреспонденция. Устаю и не совсем здоров, чего Вам не желаю.

Очень жаль, что Вы мало пишете, очень!

Крепко жму руку.

А. Пешков (*АГ*)

Первый в цикле «Маленьких рассказов» — «Лесосека» — о том, что патриархальной деревне приходит конец: лесосеки теперь не узнать, на ней появляется машина, чудом «сбривающая» лес, как говорит крестьянский паренек Егорка, уходящий на заработки. Во втором рассказе — «Ожидание» — показаны приметы необратимой новизны в жизни народа. После грозовых лет революции многое меняется, жизнь становится иной — расшатана вера, и герой рассказа иконописец Овцын остается без работы: ведь иконы его никому не нужны. Психологически убедительно в рассказе раскрыто самое начало пробуждения сознания старого человека. Его, отца, не может не трогать участь сына, сосланного студента. Именно через сочувствие страдальческой, как кажется старому богомазу, судьбе родного человека (а это подвиг борьбы) душа его наполняется интересом к происходящему. Это подчеркнуто последней сценой рассказа, где герой читает письмо сына: «И катятся у старого иконописца из глаз слезы отцовской гордости, внутри растет и ширится новая радостная надежда и ожидание чего-то близкого, что, быть может, вот уже тут, за порогом...» [41]

Третий в цикле — лирико-публицистический очерк «Из жизни скитальца» (потом переименован — «Из жизни странника»). Вероятно, он был послан Горькому отдельно, так как приведенное письмо содержит отзывы только о трех рассказах: отвергнутом «Гренадере», «Лесосеке» и, видимо, «Ожидании», который одобрен. В определенном смысле «Из жизни скитальца» — это попытка развития горьковской темы «Человека». В форме монолога-исповеди Касаткин возвеличивает человека труда, чувства пролетарской солидарности и верности социалистическому идеалу. Лирический герой рассказа-монолога мечтает о больших переменах в жизни, ждет и призывает их.

Идейная направленность «Маленьких рассказов» Касаткина близка появившимся в «Просвещении» рассказам И. Вольнова и Б. Тимофеева. И для этих молодых писателей-демократов, вошедших в литературу при самой непосредственной поддержке Горького, тоже было принципиально интересно прежде всего то новое, что внесла в жизнь народа, русской деревни недавняя революция. В ответах на проведенную журналом анкету [42] читатели-рабочие называли рассказ И. Вольнова «После смены» среди самых удачных.

По всей вероятности, не случайно Вольнов использовал форму рассказа-письма. Исповедальность рассказа, его психологическая насыщенность, лаконизм говорят об усвоении опыта прежде всего Чехова. Тимоха Меньшаков, деревенский паренек, недавно пришедший на шахту, тоже пишет письмо в деревню, как чеховский Ванька Жуков. Но психологический сюжет у Вольнова насыщен новым жизненным содержанием. Тимоха — член революционного кружка. Пробуждение личности, пробуждение сознания — вот о чем это яркое, самобытное произведение.

И жизненным материалом и характером его осмысления рассказ близок «Повести о днях моей жизни». В нем та же обнаженная правда о темной и дикой деревенской жизни: герою рассказа тоже до бешенства ненавистны и до слез жалки

несчастные мужики, их холопство, жестокость, невежество. И здесь Вольнов изображает не только ужас жизни, придавленной бесчеловечной эксплуатацией, но и начало социального прозрения человека из народа, его протест. Произведение Вольнова относится к тому направлению русской литературы 1910-х годов, которое освещено идеями социализма, связано с «новым духом» борьбы; он в это время, по словам В. И. Ленина, «повеял во всей массе русского народа» [43].

Проблема становления личности человека из народа — в центре рассказа «Иван» (1913, № 4), напечатанного под псевдонимом «Сергей Хмурый» (принадлежит, видимо, Б. Тимофееву). В произведении заметно влияние, с одной стороны, Горького, с другой — Короленко. Герой рассказа — молодой рабочий (железнодорожный сторож) Иван — внутренней силой, которая в минуту испытания проявляется со всей мощью, очень похож на короленковского Тюлина: рискуя жизнью, он предотвращает крушение поезда. Но он уже сходен и с горьковским «проходящим» — человеком, ищущим смысла жизни, своего места в ней. Иван протестует не только против эксплуатации, но и против тупой покорности, безропотности людей труда.

Принципиальная идейная направленность рассказов Касаткина, а также Вольнова и Тимофеева, появившихся в «Просвещении», станет особенно ясной, если вспомнить, какое большое место и в общественно-политической жизни, и в художественной литературе 1910-х годов занимал вопрос о влиянии революции 1905—1907 гг. на русское крестьянство. Он вставал в связи с обсуждением творчества Л. Толстого. Именно по этому вопросу развернулась резкая полемика вокруг «Деревни» И. Бунина. Напомним, что в марксистской «Мысли» с оценкой «Лета» Горького и «Деревни» Бунина в 1911 г. выступил В. Воровский [44]. В «Просвещении» откликом на тему крестьянства и русской революции явилась статья В. И. Ленина «Что делается в народничестве и что делается в деревне» (1913, № 2). Развенчивая «словесный, фразистый „социализм“ („народный, а не пролетарский“)» [45], Ленин критиковал писателя-народника Ф. Д. Крюкова, выступившего в «Русском богатстве» (1912, № 12) с очерком «Без огня». Революционное брожение деревни, в том числе рост атеистических настроений, пробуждение классового сознания, Крюков оценивал через своего героя — «сладенького попика», «сторонника „любви“, врага „ненависти“» — как крушение устоев и заветов, как проявление анархии, нигилизма, разгула разрушительных страстей и инстинктов. Ленин называл эту точку зрения «толстовской», «христианской», «глубочайше-реакционной» [46].

Как видим, линия марксистского «Просвещения» в осмыслении — и политическом, и художественном — того, «что делается в деревне», была единой. Журнал боролся за пролетарское мировоззрение и, в частности, против либерально-народнической публицистики, фальсифицирующей действительные процессы, боролся за передовую революционную идейность в литературе, обращенной к демократическому читателю, прежде всего рабочему.

Идейное и творческое становление молодых писателей горьковского круга — и Касаткина, и Вольнова, и Тимофеева — происходит на основе широких связей с традициями, в частности и на основе усвоения опыта их крупнейшего современника — И. Бунина. С этой точки зрения особенно показательны творческие интересы Касаткина.

В художественной манере молодого писателя — в его тяготении к сюжетам большой психологической концентрированности (это свойственно лучшим рассказам Касаткина) — определенно угадывается усвоение опыта и Чехова и Бунина. Но в обращении к некоторым мотивам и сюжетным конструкциям, узнаваемым по предшественникам, присутствует полемичность.

Существенное значение в творчестве Бунина 1905—1907 гг. имеет тема назревающих перемен в русской жизни. Яркое воплощение она получила в повести «Деревня». Определенные подобия бунинским мотивам можно встретить не однажды у Касаткина. Писатель часто изображает своих героев как бы в канун чего-то значительного. Однако в произведениях Касаткина вырисовывается иная — оптимистическая — перспектива, при всей драматичности жизни, что существенно от-

личает его деревню и деревенских героев от бунинских. Если горизонты жизни у братьев Красовых в «Деревне» Бунина сужены крушением надежд, безысходностью и даже их бездетность подчеркивает тенденцию вырождения, замирание всей жизни, то совсем иным эхом откликаются грозовые раскаты времени в судьбах героев Касаткина. В душах даже старых людей, уже проживших, казалось бы, свою жизнь, рождаются светлые надежды. Таков иконописец в рассказе «Ожидание», таков и самый старый житель села Микульского. И в рассказе «Село Микульское» показывается необоримость перемен в жизни, принесенных революцией. Не случайно в центре жизни всей деревни — и молодых, и старых — оказывается крестьянский агитатор-революционер, его слов, его призывов уже давно ждали. В жизнь Микульского с каждым днем входит что-то новое, небывалое, и «молодое» — революционное — пробивает себе дорогу.

Серьезность интереса Касаткина (как и Вольнова) к творчеству Бунина осложнена и полемикой с ним, пониманием принципиальных отличий своей позиции. Именно о таком отношении свидетельствует письмо Касаткина, посланное Бунину в связи с его юбилеем — двадцатипятилетием литературной деятельности, которое широко отмечалось общественностью в 1912 г.

КАСАТКИН — БУНИНУ

⟨г. Семенов. Не ранее 30 октября — начала ноября 1912 г.⟩ [47]

Уважаемый и дорогой Иван Алексеевич!

Шлю искренний привет и поздравление. Примите глубокое спасибо от благодарного читателя и маленького собрата по перу. На долгие годы желаю Вам лучшего, что знаю в мире: здоровья, бодрости и ясности душевной.

В наше время на ниве родной литературы мало видно пахарей, как Вы. Особенно радостно приветствовать Вас теперь, когда Вы направили свой плуг по великой пространством и скорбями, почти заброшенной долине крестьянского мира. Мне, как живущему в глуши, из всех современников как-то особенно дороги Вы, обративший светлый талант свой в сторону темной, ото всего отброшенной жизни масс. Я полон предчувствиями и твердо верю, что Вы еще ближе подойдете к этой жизни, впитаете ее в себя, сольетесь с ней и — как некогда дали нам верные облики уходящих из жизни людей — дадите верные и глубокие образы людей, вырастающих и грядущих в жизнь. Да, тут многое — хаос, неустроенность, тьма... Но сердцевина и силою велика, и духом светла. Как можно, чтобы Захары Воробьевы [48] без конца источали и силу и совесть в никчемных порывах. Нет, они выпрямятся во весь свой духовный рост и понесут нас, как ту старуху, к тому, без чего так душно жить.

Не позволите ли мне изредка переписываться с Вами? Уже не в первый раз я покинул город и живу в лесу, на Керженце. Край глухой. Весной буду заниматься древосеянием в казенном лесу, а пока — у лесничего в канцелярии помогаю.

Письмом — обрадуете. Я давно писал бы Вам, но не знал адреса, а сейчас узнал из газет. Читал описание Вашего праздника и как бы присутствовал на нем и за вереницей депутаций и потоком приветствий представлял себе живые вереницы героев творений Ваших... А «Суходол» вышел? [49] Хотелось бы мне его иметь. Всего Вам доброго.

Ив. Касаткин

Семенов, Нижегор⟨одской⟩ губ. Лыковское лесничество.
Касаткину (Ив⟨ану⟩ Мих⟨айловичу⟩)

В последующие годы интерес Касаткина к Бунину и его творчеству не ослабел. Зимой 1914 г., после многих лет переписки с Горьким, Касаткин наконец увиделся с ним. В день первой встречи на квартире Е. П. Пешковой Касаткин познакомился

и с Буниным [50]. В конце года Касаткин предложил «Книгоиздательству писателей в Москве» сборник своих рассказов (вышел в 1916 г.). Видимо, вскоре Касаткин и получил письмо Бунина, которому в издательстве была передана рукопись книги.

БУНИН — КАСАТКИНУ

⟨Москва. 27 декабря 1914 г.⟩ [51]

Многоуважаемый Иван Михайлович!

Вы, вероятно, уже знаете, от Катерины Павловны [52], что я отказался от редакторства в «К⟨нигоиздательст⟩ве писателей» (недели три тому назад). Все Ваши рукописи я передал новой редакции, у меня остались только «Лоси». Хотелось бы поговорить с Вами — позвоните мне по телефону 2-55-63.

Ив. Бунин

Предполагавшийся Буниным разговор (а, возможно, и встреча) состоялся. Этот вывод подсказывается еще одним сохранившимся письмом.

КАСАТКИН — БУНИНУ

⟨Москва. Январь, около середины, 1915 г.⟩ [53]

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич!

Будьте добры, простите меня,— я так заваливаю Вас своими произведениями, отнимаю время. Но, если б знали Вы, как ценно для меня, в настоящем и будущем, Ваше слово! Уже только видеть Вас — тогда [54] — для меня было и приятно, и внутренне ценно, ибо последние два-три года я жил только Вами, как художником, восторг и удивление переживал над каждой новой строкою Вашей. Под Вашим влиянием я, до сих пор сидящий в глуши и безлюдье, уже многое нашел и оставил... Но все же — ощупью пока пробираюсь. Но — фальшь уже претит. Ее Вы увидите в моем прежнем писании.

Этих «Лосей», если приемлемы, быть может, можно вставить в сб. «Слово». Впрочем, не знаю [55].

Глубоко уважающий Вас и любящий

Ив. Касаткин

Зацепа, Б. Дворянская, д. 11, кв. 2

Сам факт внимания Бунина к творчеству Касаткина, его участие в подготовке сборника «Лесная быль» (а об этом и говорится в письме) являлись признанием даровитости молодого современника.

Еще более сложные отношения притяжения и отталкивания связывали с Буниным И. Вольнова.

Из воспоминаний Горького о Вольнове известно [56], как неравнодушны были оценки молодым писателем-революционером произведений Бунина и как остро воспринял Бунин то новое о русской деревне, что так сильно зазвучало в творчестве Вольнова. Эти свидетельства подтверждаются и рядом дополнительных фактов.

Племянник Бунина Н. А. Пушешников в своих дневниковых записях во время пребывания на Капри отмечал расхождения Бунина и Горького в оценках «Повести о днях моей жизни». Интересна сделанная им запись отзыва Бунина о горьковском мнении: «ценит не талант, а направление» [57]. Еще характернее запись от начала 1913 г., где сравнивается отношение Горького к Бунину и другим писателям: «Отношения Г⟨орького⟩ к И⟨вану⟩ А⟨лексеевичу⟩ не такие, как с другими писателями, здесь проживающими. С ними его связывают чувства и интересы, которых, мне кажется, он не хочет даже показывать И⟨вану⟩ А⟨лексеевичу⟩. В их среде он чувствует себя учителем,— эта роль ему, по-видимому, нравится,— руководящим их литературным развитием. Да и держит он себя с ним совсем не так,

как с А. А. ⟨Золотаревым⟩, Б. Т⟨имофеевым⟩, А. С. ⟨Черемновым⟩, Л. С⟨тарком⟩ и др. По вечерам он иногда собирает их у себя и устраивает чтения вновь выходящих книг. Мы несколько раз, придя невзначай, заставали его за этим занятием (встречал нас в таких случаях суховато,— точно мы подсмотрели что-то такое, чего нам знать не нужно). Читались обыкновенно новые вещи Подъячева, Чапыгина, Сивачева и Гребенщикова, произведения которых Г⟨орький⟩ хвалил постоянно [58]. В этом течении литературы он признавал начала, из которых должно развиться что-то значительное» [59].

Запись ценна как свидетельство обостренного внимания Горького к новому в литературе, особенно к тому, что исходит из глубин жизни, а также связано с революционными процессами. Поразительная широта литературных интересов Горького проявлялась как раз во внимании и к таланту, и к направлению, а, может быть, больше всего — в удивительном чутье к только еще пробивающимся в новом направлении талантам. Даже и расходясь с Буниным в «направлении», Горький высоко ценил его талант. С постоянной настойчивостью Горький стремился привлечь Бунина к своим издательским начинаниям.

Не была в этом отношении исключением и деятельность Горького — редактора «Просвещения». В каких формах предполагалось участие Бунина в журнале — не ясно, но о полученном от него согласии известно из письма Горького Трояновскому, а также из печатного объявления о беллетристическом отделе (см. № 2 за 1913 г.— об этом говорилось выше). В журнале появилось лишь одно стихотворение Бунина — «Матрос» (1913, № 4). Можно предположить, что препятствием к привлечению Бунина в журнал, как и других писателей, послужило то, что журнал оставался «тонким» и редакция располагала весьма умеренными возможностями для выплаты гонораров.

Именно об этой большой трудности, мешавшей расширению журнала, Горький писал М. А. Савельеву во второй половине 1913 г., подводя некоторые итоги своих редакторских усилий. Об этом можно судить по одному из сохранившихся ответных писем Савельева Горькому.

САВЕЛЬЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург. Начало сентября, не позднее 11, 1913 г.⟩ [60]

Дорогой товарищ!

Письмо Ваше получил, оно нас сильно подбодрило, думаем, что с будущего года сумеем встать на ноги и хотя отчасти бы избежать тех недостатков, которые препятствуют журналу сделаться настольной книгой каждого сознательного пролетария.

Одна из важных задач в этом отношении, это оживить журнал. Нам уже сейчас приходится слышать, что с появлением беллетристики интерес к нему со стороны широких кругов рабочих вырос, приходилось слышать, что, напр., «Вездесущее» читали вслух в рабочих клубах, то же басни Д. Б⟨едного⟩ и т. д.

Сейчас мы озабочены тем, чтобы сколько-нибудь сносно и по возможности регулярно освещать: 1) вопросы внутренней текущей жизни, 2) давать регулярные обзоры иностранного и 3) русского рабочего движения. Последнее уже более или менее налажено. Привлечены к этому делу и сами рабочие, напр., Алексеев, помещающий у нас обзоры [61], сам бывший рабочий.

Вы пишете, что беллетристов трудно привлечь. Конечно — это основная наша беда, что мы не можем им сколько-нибудь сносно платить. Ведь это публика все, или живущая исключительно литературным трудом, или даже отчасти просто голодающая. Вообще невозможность для нас выплачивать сколько-нибудь приличные гонорары — основная наша беда. Сильно надеемся в этом отношении на подписочную кампанию на 1914 г.: заполучим тысячи полторы подписчиков годовых, сумеем и гонорары выплачивать сколько-нибудь существенные...

Мы выплачиваем сейчас гонорар в 25 р. за лист, уплатили Касаткину, вообще всем, кто к нам обращался. Но хотелось бы на этот счет все же условиться с Вами более подробно. Дело в том, что мы часто не знаем, нужно платить или нет за вещи, присланные через Вас. Например, Старку? И сколько? Может быть, Вы, присылая рукопись, могли бы нам попутно помечать, сколько и по какому адресу нужно высылать. Расценку за беллетристику, которая бы, по-вашему, могла бы иметь большой интерес для дела, можно было бы, пожалуй, несколько увеличить против нормы, когда автор на наших условиях (25 р. лист) не соглашается помещать ее в журнале. А как быть с поэтами? Мы приблизительно расценивали по 10—15 коп. строка (Семеновскому). Может быть, платить поштучно?

Сейчас многое, конечно, будет зависеть от подписочной кампании, если удастся собрать «фонд», думается, мы должны повысить гонорар за 40 рублей.

Относительно приложений поговорю с Тихон<овым>[62], трудно только будет, пожалуй, дать беллетристич<еское> приложение. Мы думаем дать в качестве такового избранную переписку К. Маркса с Энгельсом, которая теперь выходит под общей редакцией Рязанова[63].

На этих днях мы получили от Войтин<ского> (тот, который печатал в «Русс<ком> бог<атстве>» «Смертники»[64] и в последнее время о жизни каторжан — отмеч<ено> было «Речью», «Нов<ым> врем<енем>» даже (Розанов[65] и т. д.) большой роман в виде хроники из 1905 г. С приблизительным содержанием: Мюнхен, первые известия из России о 9-ом января. Герой романа бросает университет, приезжает в Россию, сцены из митинговой жизни в университете, работа в партии, 17 октября, работа в деревне...

Если роман подойдет, было бы очень важно начать его печатать раньше, поэтому мы пришлем Вам первую главу в наборе, а остальные отдадим переписать на машинке и очень бы просили не задерживать с ответом. Во всяком случае, если он пойдет, необходимо его чрезвычайно внимательно просмотреть с цензурной стороны...

В кн<иге> № 9 поместим Ваш рассказ «Детство»; необходимы были бы также стихи — а их нет.

Мы посылали Вам ряд рукописей: 1) Из Тунгусской жизни[66], 2) Чердынцева «Гражданин Лев...»[67] и т. д. Какова их участь?

В последней, 9-ой книжке думаем поместить из небеллетристических вещей: Степанова — «Империализм»[68], «Письмо Энгельса» — прощание с читателями в последнем № «Соц.-дем.», издав<авшегося> в Швейцарии во время закона о социалистах[69], статьи об аграрных мероприятиях[70], Шляпникова о хронометраже[71], о германском партейтаге[72] и целый ряд мелочей.

В Питере пока ничего особенно интересного. Судорожная борьба за газету[73]. Все же пока ничего поделать не могут. Тираж «Правды» упал до 30 тысяч — это верно, но зато усилились взносы (в среднем на № 160—180 р.), а кроме того, свыше 200 р. ежедневная продажа в типографии за наличные, так и оборачиваются, даже фонд не трогали. На этих днях предстоит рождение еще одного «собрата» — дешевого, еженедельного страхового журнальчика[74]. Издатель Малиновский[75]. Как слыхал, материальные дела московской газеты[76] тоже недурны, но зато «карантин»[77] там будет почище питерского.

Теплейший привет

М. С. (*АГ*)

Следующее (по сопоставлению фактов) письмо Савельева Горькому вновь красноречиво говорит о всесторонности связей редакции с писателем, об опоре на его рекомендации.

САВЕЛЬЕВ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. Середина октября 1913 г.) [78]

Дорогой друг!

Получил Ваше письмо. С романом «Волны» [79] вышла маленькая ерунда. Он послан был для «верности» с оказией. А вышло, как это и всегда бывает в таких случаях, как раз наоборот. «Наши друзья» [80] заинтересовались, захотели прочитать, да чуть было и не зачитали. Во всяком случае он теперь должен находиться у Вас. Автор ничего не имеет против переделок и сокращений. Да без сокращений его нельзя было бы поместить уже из-за цензурных соображений. Первая глава этого романа у нас на всякий случай уже набрана, и вот, если Вы принципиально выскажетесь за принятие романа и ничего не будете иметь против помещения первой главы так, как она есть, то мы ее тогда пустим в ближайшем №.

В настоящее время здесь опять выплыл на сцену кружок рабочих литераторов [81], кое с кем из них встречаюсь. Они все время носятся с мыслью получить доступ к литературе, а то печататься им почти совсем негде. Озлоблены на «интеллигенцию» — так наз‹ываемую›, и на разного рода издателей: страшно «затирают», не дают «хода» и т. д.,— вот как приблизительно относятся даже к нашим изданиям. Носятся они с мыслью издавать литературный журнал.— Но вещь эта весьма хитрая, для постановки такого журнальчика нужны и силы и средства. Одно время они довольно усиленно присылали свои стихотворения в «Просвещ‹ение›»; я пересылал Вам их, получал с пометкой, что «слабо», «не подходит» и т. д., да и верно — вещи слабые, но что же делать? Как поощрить? У меня мелькала мысль создать что-нибудь вроде приложения к журналу, давать время от времени один лист для начинающих рабочих беллетристов. Правда, если их выделять из других, получается как-то обидно: что же в журнале проводится какое-то деление на черную и белую кость. Но они лично на это пошли бы охотно, лишь бы иметь возможность доступа к читателю.

Может быть, Вы могли бы со своей стороны что-нибудь выдумать, хотелось бы им помочь, я охотно могу вступить с ними в более тесное общение...

При этом письме прилагаю вырезку двух резолюций, которые были присланы на ред‹акцию› «За правду», возможно, что вызовут они и еще целый ряд...[82] К этой книжке не успели, а в следующей поместим ст‹атью› Каменева о задач‹ах› театра и отношении к литераторам из «Биржевки», которую он обещал написать [83].

Привет (*АГ*)

Обсуждение с Горьким вопроса о помощи кружку рабочих беллетристов, группирующихся вокруг большевистских изданий,— факт показательный для работы редакции «Просвещение». Марксистское издание на деле выступало собирателем творческих сил демократии, самого левого ее крыла — пролетарского.

Поэтические произведения печатаются в журнале постоянно, круг авторов все время расширяется.

Почти из номера в номер в журнале появляются басни Д. Бедного. Его басни — это острые политические сатиры. Пролетарский баснописец клеймит весь аппарат дворянско-буржуазной власти России как преступный в отношении к народу («Воры», «Свеча», «Ослы», «Молитва», «Портрет»). Каждая из басен Бедного прочитывалась в острозлободневном аспекте. Так, в «Свече» подразумевался обман народа манифестом 17 октября 1905 г.: вместо обещанной, как говорится в басне, «стопудовой свечи» — конституции, народу достался жалкий копеечный огарок. За публикацию басни № 2 журнала за 1913 г. был конфискован. В басне «Урожай» Бедный разоблачал эксплуатацию народа церковью: произведение появилось в мо-

мент общественных дебатов о месте религиозных учреждений в государственной системе в связи с участием церковнослужителей в выборах в Государственную думу.

Д. Бедный пишет о чудовищной эксплуатации народа (басня «Благодетель»), откликается на тему роста пролетарского сознания (басня «Клад», стихотворение «Друзьям»).

Самобытную манеру сатирического дарования Д. Бедного высоко ценили передовые современники, его басни пользовались популярностью в рабочей среде. В отзывах рабочих на анкету «Просвещения» басни Бедного отмечены среди лучших выступлений беллетристического отдела [84].

Революционная непримиримость писателя вызывала нападки на него не только в лагере врагов, но и «друзей». Так, со статьей против баснописца выступила ликвидаторская «Наша заря», пытаясь доказать нехудожественность, лубочность его манеры. Ответом на этот выпад явилась басня «Утешение» (Просвещение. 1913. № 5), в которой поэт утверждал право искусства на жгучую правду жизни.

Басни Д. Бедного выражали наиболее ярко общественно-политическую линию поэзии «Просвещения» [85]. По-своему ее представляли и другие поэты: Вс. Кожевников, М. Герасимов, Дм. Семеновский, Л. Старк.

Дважды печатаются в «Просвещении» стихи Вс. Кожевникова, часто выступавшего в «Правде»: в № 3 за 1913 г., как уже говорилось, появляется его стихотворение «Городу», в № 1 за 1914 г.— стихотворение «Ряд тяжелых решеток, монументы и плиты...» Оба стихотворения написаны в традициях романтической лирики. В сурово-мужественных и скорбных интонациях высказано в стихотворении Кожевникова раздумье над могилами революционных борцов:

Ваша вера живая затаилася с вами,
Не она ль с каждым годом многолюдней, шумнее
У высокой могилы собирает поминки? (...)
И в послушных пролетах колокольни пугливой
Ваши речи порою отдаются набатом!..

Как в годы реакции, так и нового революционного подъема пролетарские поэты часто писали о жертвах революции. Напоминание о подвиге павших борцов не только служило разоблачению контрреволюции (стихи такого содержания, трагического колорита особенно характерны для лет реакции), но и соединялось с призывом к новой борьбе. Таково и стихотворение Кожевникова: оно воплощает мысль об исторической памяти пролетариата — бойцы не забыты, жертвы не напрасны, час революционной расплаты придет.

Кожевников — постоянный автор «Современного мира», через Иорданского он пришел в «Звезду», а оттуда — в «Просвещение». Стихи Кожевникова, как об этом можно догадаться по письму Савельева от середины октября 1913 г., пересылались Горькому из России. Они вызывали интерес Горького и потом, при подготовке сборников пролетарских поэтов.

С горячим сочувствием отнесся Горький к судьбе М. П. Герасимова, рабочего, участника революции 1905 г., вынужденного после нее эмигрировать. Позднее в автобиографии Герасимов, уже известный советский поэт, писал, что начал он печататься именно в «Просвещении» [86].

Переписка Герасимова с Горьким началась, вероятно, во второй половине 1913 г. В № 12 «Просвещения» уже появились стихи «Рабочему» и «Заводской гудок», в № 1 за 1914 г.— «У витрины».

В стихах М. Герасимова городская тема, как правило, решается в остросоциальном плане: поэт говорит о тяжелой жизни рабочего, призывает к решительной борьбе. Таковы стихотворения «Рабочему» и «Заводской гудок». Герасимов затрагивал и повседневность городской жизни беднейших слоев. Одно из таких стихотворений — «У витрины». В нем — человечески чистое чувство, поэт обеспокоен судьбой деревенской девушки, предупреждает ее от соблазнов дорогих витрин, удовольствий города:

...Цветком ты будешь средь цветков,
С благоуханною волною
Умчишься в мир весенних снов.
Уйди же! За твоей спиною
Растет довольный, пошлый смех,
Бульвар с змеиной головою
Зовет тебя на страшный грех!

Стихи начинающего поэта еще во многом несамостоятельны и несовершенны. В стихотворении «У витрины» это особенно ощутимо в попытке применить к теме, традиционной для демократической литературы, приемы символистского характера.

Одно из сохранившихся писем Герасимова к Горькому относится, видимо, к концу 1913 г.

ГЕРАСИМОВ — ГОРЬКОМУ

(Париж. Конец 1913 г.) [87]

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю Вам рассказы: «В земле», «Хризантемы», «В горах»,— и стихи. Предлагал все это «Ниве», но вернули, и мне стало обидно. Неужели ни один не заслуживает внимания? А между тем я убежден, что там сплошь и рядом печатают вещи не лучше. И прямо иной раз руки опускаются, и хочется выругать всех как следует.

Вы писали, что «Просвещение», может быть, напечатает некоторые стишки, как бы узнать мне, какие? Спросить редакцию? Дело в том, что у нас в Париже налаживается рабочий сборник, и я думаю поместить там кое-что.

С товарищеским приветом

Мих. Герасимов (*АГ*)

Видимо, еще до ответа Герасимову Горький весной направил один из присланных рассказов — «Хризантемы» — А. Н. Тихонову с просьбой предложить «Просвещению» [88]. Вскоре из России последовал и подробный, доброжелательный ответ писателя Герасимову.

ГОРЬКИЙ — ГЕРАСИМОВУ

(Петербург. Апрель — май 1914 г.) [89]
Г-(ну) Михаилу Герасимову

Ваш рассказ «Хризантемы» будет напечатан в «Просвещении» [90], четыре стихотворения — в сборнике рабочих [91]. Обратитесь за гонорарами сами.

Рассказ «В земле» признан неудобным для сборника: Марсель слишком уж русский, а весь рассказ — растянут, запутан. «В горах» для сборника не подходит, но это недурная вещица, переделайте ее немножко и пошлите мне.

Вообще все Ваши рукописи посылайте мне, а то Вы посылаете одни и те же вещи в «Просвещение», сборник [92] и мне, все это — в конце концов — собирается у меня на столе, и очень путает меня. Или посылайте все «Просвещению» — мне передадут.

Пишете Вы все лучше,— как приятно мне сказать Вам это! Особенно удаются Вам некоторые стихи о России. Не кажется ли Вам, что пора издать в «Прибое» [93] маленькую книжку лучших стихов? Если — да, присылайте мне, что найдете подходящим.

Очень советую — читайте хороших стилистов, учитесь! Вы — человек с несомненным дарованием, и Вам следует упрямо оттачивать, шлифовать его.

Желаю успеха, будьте здоровы!

А. Пешков

Извините, что долго не отвечал: был серьезно болен и перебирался из Италии на Русь.

Мой личный адрес:

СПБург. Кронверкский просп, № 23, 10 (*АГ*)

Рассказ «Хризантемы» о голодном быте революционной русской эмиграции в Париже, несомненно, сложился из многих и многих личных впечатлений. Его героиня, революционерка, молодая мать, оказавшись на осенних улицах в Париже одна, без работы и средств к существованию, остается человеком нравственно стойким и чистым.

Этим еще ученически написанным, но правдивым рассказом Герасимов включался в полемику о революции и революционерах, остро развернувшуюся в литературе. Вспомним, что бурные дебаты в критике и публицистике вызвали «Морская болезнь» Куприна, а также роман «То, чего не было» Ропшина (Савинкова).

С этой темой в марксистской критике и публицистике связаны и статья-памфлет В. В. Воровского «В ночь после битвы» (О веяниях времени. СПб., 1908), и статья В. И. Ленина «Еще один поход на демократию» (Невская звезда. 1912. № 24 и 25, 2 и 9 сент.). Ленинская статья явилась отповедью на очередную веховскую попытку опорочить русскую революционную эмиграцию, которую предпринял журнал «Русская мысль», напечатав очерк А. Шепетова «Русские в Париже. Письмо из Франции» (1912, № 8). Об испытании революционера тюрьмой, подпольем, эмиграцией правдиво писали только последовательно демократические писатели и публицисты. А среди них и авторы «Просвещения».

При всей творческой неопытности Герасимова для его произведений характерно одно, очень существенное: они развиваются в русле революционной идейности. Это и вызвало пристальный интерес Горького к ним. Горький читает, отбирает и правит стихотворения Герасимова для сборника пролетарских поэтов. Вероятно, весной 1914 г. Горький задумал издание лучших из стихов Герасимова отдельной книжкой. Ее подготовке, несомненно, было посвящено не одно письмо Горького, о чем говорит следующее из сохранившихся его обращений к рабочему поэту.

ГОРЬКИЙ — ГЕРАСИМОВУ

(Петербург. Начало лета 1914 г.) [94]

Очень прошу Вас, милый товарищ, пересмотреть стихи Ваши еще раз! Так хочется сделать книжку лучше, ярче, яснее!

Ведь Вы подумайте: Вами и подобными Вам зачинается на Руси новая, истинно демократическая, настоящая народная литература!

Разве для этого не стоит потрудиться? Стоит, товарищ!

Вслед за Вашей книгой выйдут и еще несколько,— вообще, мне кажется возможной большая, интереснейшая работа.

Посылаю Вам немножко денег, дабы Вы нашли свободное время для работы.

Будьте здоровы и желаю успеха!

А. Пешков (*АГ*)

Осуществлению замысла помешала первая мировая война. Книга стихов М. Герасимова появилась позднее в издательстве «Парус» (Вешние зовы. Пг., 1918).

В первые же месяцы войны Герасимов оказался, как и многие русские эмигранты, в Париже, без работы, в тяжелейших материальных условиях. Об этом он писал Горькому.

ГЕРАСИМОВ — ГОРЬКОМУ

‹Париж. 8/20 августа 1914 г.›
Paris, 20 août

Очень стыдно мне писать Вам, дорогой Алексей Максимович, письмо в таком духе, но бывают времена, когда приходится, скрепя сердце. Мало даже надежды, что Вы его получите, но хватаешься за все, а Вы единственный, к кому я могу обратиться.

В двух словах — мы голодаем: я, жена, ребенок и вообще публика.

Не решаюсь описать подробно положение русских, рабочих и нерабочих,— ввиду вероятной цензуры писем (т. к. Париж — на осадном положении). Скажу только — мы поставлены в такие условия, что или помирай с голоду, или «добровольно» иди в солдаты.

Жизнь страны совершенно заглохла. В одном Париже 600 000 безработных. Почти все магазины закрыты.

Мне с «Просвещения» полагается получить небольшой гонорар за рассказик и стихи, писал им несколько раз — безрезультатно. Если бы Вы, Алексей Максимович, сказали им, они наверняка прислали бы, если нельзя переводом, то телеграфом.

О литературных делах не спрашиваю, должно быть, все сложено на полки.

Желаю Вам доброго здоровья, с товарищеским приветом

Михаил Герасимов

P. S. Может, уйду на войну раньше получения ответа, адрес на всякий случай таков: M-me Guerassimoff-Schtammer, 31-bis, rue d'Alesia, Paris (*АГ*)

В поисках средств к существованию Герасимову пришлось стать волонтером французской армии. Горький, потеряв с ним связь, желая помочь, разыскивал его через отца [95].

Другой молодой поэт, рекомендованный Горьким в «Просвещение» и деятельно поддерживаемый им,— Д. Н. Семеновский. Знакомство — заочное — Горького с ним состоялось в начале 1913 г. (см. *XXIX*, 303). Прочитав присланное Семеновским, одобрив его поэтические опыты, Горький направил некоторые из них в «Просвещение». С № 6 1913 г. там печатались стихи Семеновского: «На ярмарке» и «Поэту» (№ 6), «Весенний перезвон» (№ 7), «Все тебе» (№ 10), «Безумцы» (№ 11). Горький рекомендовал Семеновского в «Современный мир», «Вестник Европы». Он просил Е. К. Малиновскую о необходимой помощи молодому талантливому поэту [96]. Письма Горького Семеновскому 1913—1914 гг. содержат щедрые и нужные для молодого поэта советы, высотой требований раскрывают большую творческую перспективу. В них и программа развития всей революционной поэзии. Горький пишет: «Русь нуждается в большом поэте. Талантливых — немало, вон даже Игорь Северянин даровит! А нужен поэт большой, как Пушкин, как Мицкевич, как Шиллер, нужен поэт-демократ и романтик, ибо мы, Русь,— страна демократическая и молодая» (*XXIX*, 304).

О внимании к себе Горького в эти годы (да и впоследствии) Семеновский расскажет потом в воспоминаниях «Письма и встречи» [97]. Горький откликался на каждое обращение молодого поэта: более тридцати писем его к Семеновскому относятся только к 1913—1917 гг. Ответные письма поэта (их тоже много) интересны как свидетельства постепенного роста его [98]. В общении с Горьким расширялся круг его интересов — общественных и литературных. Горький настойчиво советовал, обращаясь к классике, подходить к современной литературе с высокими требованиями. Это вызывало живой отклик у молодого поэта. Вот характерный отзыв в одном из писем: «Читал Пушкина и Гейне, который на меня произвел огромное впечатление. Особенно понравилось „Лирическое интермеццо“, хотя перевод, кажется, тяжелый. Какое жгучее, глубокое чувство в этих стихах» (*АГ*). Мир современной литературы захватывает Семеновского. Он восторгается Блоком, с увлечением,

даже чрезмерным, восхищается «естественной красотой» поэзии Клычкова, что критически отмечено Горьким в «строгом письме» к Семеновскому. В поле зрения Семеновского — и другие явления литературы: «Хорошо пишет Всев. Кожевников»,— упоминает он в одном из писем, а в другом: «Хорошо пишет Ив. Вольный, крепкий и меткий язык» (*АГ*). В ряде писем Семеновский признается и в огромном значении для него произведений Горького [99]. Вот показательный отзыв из неопубликованного письма: «Ваше „Детство" прекрасно, я благоговею перед ним. Как рельефны и выпуклы лица, сколько поэзии, бабушка — прелесть» (*АГ*).

Письма Горького содержали немало самых конкретных, деловых рекомендаций по поводу отдельных стихотворений Семеновского. Присланное Горькому стихотворение «Пролетарии» вызвало ряд достаточно серьезных замечаний. В рукописи его Горький вычеркивает лишнее, выделяет подчеркиванием главные погрешности стиля — повторение одних и тех же слов, несоответствие избранных эпитетов теме, построения фразы ведущей интонации. Например:

Слышишь в грозном затишье отдаленный мерный гул?

. . . . . .

Слышишь [гул] отдаленный [от] гул * бесчисленных ног?

То идут батальоны, неуклонны, как рок,
Как судьба безотвратны. Все тревожней их шум.

Припиской на полях писатель подытожил свои замечания: «Следовало дать больше гулких, тяжелых слов» (*АГ*).

Стихотворение «Весений перезвон» было рекомендовано Горьким в «Просвещение», но и его писатель подвергал строгому критическому разбору. Последние четыре строки первой части Горький предложил сократить: «Конец — сладок, излишен»,— пояснил он на полях рукописи. Придирчиво отношение писателя и к рифмам — подчеркиванием он выделяет рифмы беззвучные, нечеткие: «в поле ли» — «пролили», «стрелены» — «зелены», «дымные» — «переливные». Оценку интонации стихотворения Горький выразил в заметке на полях: «Клюева читали? Это можно бы написать короче, ладнее» (*АГ*).

В творчестве каждого из привлекаемых в «Просвещение» — начинающего Дм. Семеновского, поэта-рабочего С. Астрова, партийца-студента поэта Л. Старка — Горький стремился выявить широту восприятия мира, духовное здоровье, жизненный оптимизм,— по его убеждению, коренные свойства истинно демократического мировоззрения.

Оптимистический настрой отличает большинство стихов Семеновского, появившихся в «Просвещении». Одно из лучших — «На ярмарке». Солнечная картина сельского праздника по своей романтической стилистике близка Горькому. Погорьковски активна поэтическая декларация Семеновского «Поэту». В духе традиции, воспринятой от Горького, молодой поэт провозглашает задачи революционного искусства, зовущего к преобразованию жизни. Уподобляя поэта ткачу, Семеновский выражает мысль о связи демократического, народного искусства с идеями революции:

Ткач узорных песен из цветистых нитей,
Вей еще искусней трепетную вязь (...)
Но и кровью павших свой узор наполни,
Ввей в него зигзаги разъяренных молний,
Заревом багровым ало расцвети...

Сей по черной ниве брызги жгучих зерен,
Жаль огнистым словом, проклинай и плачь,—
Вей не уставая... твой ковер узорен,—
Тки еще цветнее, вдохновенный ткач!

* Слово вписано Горьким, а заключенные в квадратные скобки — вычеркнуты им.

Из письма в письмо Горький не случайно повторяет Семеновскому один и тот же совет: «...любите свою душу свободной, учитесь у всех — не подражайте никому. Слушайте всякие советы — делайте по-своему» (*XXIX*, 324).

Проходя еще ступени ученичества, молодой поэт немало подражал. Так, одно из стихотворений цикла «Безумцы» — «Обреченный» — являлось попыткой решения революционной темы средствами символистской образности:

Он — пленный рыцарь... Смотрит в твердь,
В окно с решеткой и звездами,
Он отдал все прекрасной Даме,
Чье имя — Правда. Завтра — смерть.

Многословие, отвлеченная образность, а больше всего, конечно, скованность «современной бутафорией и театральщиной», как писал Горький в одном из писем (*XXIX*, 316), помешали поэтическому выявлению революционной темы «безумства храбрых».

В поэтической мозаике «Просвещения» самое большое место занимают стихи, выражающие, как правило, с помощью аллегории или символа готовность к революционной борьбе, ожидание революционных перемен. Очень характерно это для поэтических произведений С. Астрова и Л. Старка. В № 3 «Просвещения» за 1913 г. появляется стихотворение Астрова «Утро», а в 1914 г.— «В весеннем венке» (№ 2), «Солнце и сердце» (№ 3), «Апрель» (№ 4). Астрова Горький горячо рекомендует и журналу «Современник»: в № 1, 2 и 8 за 1913 г. там будут напечатаны его стихи. В письме Е. А. Ляцкому 10/23 января Горький, высказываясь о такой важнейшей, по его мнению, задаче журнала как борьба с общественным пессимизмом, обращал внимание редактора журнала на стихи Астрова, ценные своим бодрым духом. В связи с этим Горький и просил поместить стихи Астрова рядом со своим рассказом «Кладбище» как близкие по настроению (Г—Ляц, п. 49).

Переписка Горького с С. Г. Астровым завязалась в конце 1912 г. Сохранилось, видимо, первое письмо Астрова Горькому.

АСТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Париж. Осень 1912 г.) [100]

Глубокоуважаемый товарищ!

Посылаю Вам несколько моих стихотворений с просьбой напечатать их, если найдете допустимым, в сборн‹иках› «Знания» [101].

Два слова о себе. Я — рабочий. Пишу много лет. Много — стих‹ов› и прозы — печатал в России, с 1907 года [102]. Мне 25 лет, должен признать, что верю в свои способности, и, хотя это будет нескромно, ‹хочу› сказать, что я чувствую в себе большую силу. Мне кажется, я могу создать что-то большое, значительное... Я знаю, что могу. Простите, дорогой товарищ, что беспокою Вас. Я так давно собирался Вам написать хотя бы пару слов, чтобы поблагодарить Вас всей душой за то, что Вы, не зная меня, дали мне, за то, чем я обязан Вам. Я не вполне выражаю свои чувства, но Вы поймете меня...

Пользуюсь этим случаем уверить Вас в любви и уважении

Семен Астров

Paris, rue Linné, 41, V-e

P. S. Гонорара не хочу, но, если бы было можно получить несколько книг издательства «Знания» — Ваших, Шелли, Мутера [103] или др.,— был бы бесконечно благодарен (*АГ*).

АСТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Париж. Начало (середина) ноября 1912 г.) [104]

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Глубоко тронут Вашим участием, которого, признаться, не ожидал, и от всей души благодарю Вас. День получения Вашего письма был для меня праздником... Все Ваши замечания продумал — и сделал со стихами, что мог. Очень трудно обрабатывать вещь, которую считаешь готовой, со всеми ее недостатками. Видите ли, еще я привык главным образом обращать внимание на смысл, а не на слова. Отдельные слова меня не смущают, если только смысл ясен. Потому — у меня часто слова не совсем четки. Я очень мало сделал для обработки стихов, но думаю — достаточно...

Вы спрашиваете, что я делаю в Париже? Просто живу. Работаю на фабрике и, кстати сказать, очень скверно зарабатываю. Кое-как перебиваюсь. Очень трудно. В Россию ехать не могу, хотя страшно жажду. Ваше предложение меня бесконечно обрадовало, но — Вы пишете — нужно иметь 100—120 фр. в месяц. У меня же никакой помощи нет. Единственное — труд, свой труд. Я привык жить весьма плохо, особенно в последние месяцы, когда было мало работы. Приходилось жить на 30—40 франков в месяц, приходилось голодать неделями. Но, право же, я никогда не унывал. Авось, и дальше так будет... Во мне теплится какая-то неубывающая вера, что-то жгучее, не победимое, ничем. Даже теперь, когда пишу Вам, хотя в комнате страшно холодно и я мерзну, мне бесконечно радостно, в уме сплетаются какие-то яркие смелые мысли, и мне так хочется сказать Вам что-то пламенное, сильное... Простите, что сантиментальничаю... Вы говорите, что я встречу у Вас компанию хороших парней,— да, я был бы рад встретиться. Но как? И у Вас ведь я мог бы работать? свободно? много? — Так хочется,— кажется, готов дни и ночи работать. Здесь урывками работаешь, утомленный, никак не сосредоточишься, не выразишься, как хочешь... Оттого все, что пишу, не закончено, неотделано, написано наспех... А многого хочется!..

Не послать ли на днях Вам еще пару других стихов?

Еще раз благодарю Вас. Всего светлого.

Ваш Семен Астров

Paris, rue Linné, 41 (*АГ*)

Писатель ответил, видимо, вскоре, приглашая Астрова на Капри, о чем можно судить по очередному письму рабочего-эмигранта и поэта.

В конце ноября (ст. ст.) 1912 г. (почт. шт. отправления: «Paris. 8.12.12», получения: «Capri. 10.12.12») Астров вновь пишет Горькому, чувствуя потребность в советах писателя, доверительно делясь невзгодами своего эмигрантского бытия.

АСТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Париж. 26 ноября/8 декабря 1912 г.) [105]

Я послал Вам мои стихи. Не знаю, получили ли Вы их. Я с большим нетерпением ждал Вашего письма. Но, не утерпев, пишу Вам. Каковы стихи после исправления? Я предполагал послать еще кое-что на днях Вам, но было не до этого. Вы позволите мне быть откровенным? — Я хочу Вас попросить кой о чем. Простите... Я уж больше месяца не работаю, страшно задолжался, работы нету, тут зима, просто мне нечем жить. И к тому же я ужасно одинок в Париже... Мне не хочется об этом писать, но, если бы Вы знали, как тяжело. Прошу Вас, если можете, одолжить мне франков 100—120 до тех пор, как получу работу. При первой возможности возвращу Вам. Я понимаю, что очень

нехорошо поступаю, прося Вас об этом, но — простите! — я решительно теряюсь в этом моем положении голодного и одинокого. Мне очень стыдно говорить об этом, но уверяю Вас — никому в мире я бы не сказал этого, кроме как Вам. Я знаю, Вы поймете и простите меня... Я о Вашем предложении поехать на Капри подумал и решил поехать. В Париже мне нечего терять. За все время, что я здесь (8 месяцев), я ничего не делал, потому что все время голодал и страшно тяжело работал... Но у меня нет денег для дороги... Еще прошу Вас, если решите послать, то, пожалуйста, по телеграфу, потому что, если я не уплачу за комнату в эти вот 2—3 дня, мне грозит ночевка на улице. Как только заработаю, возвращу Вам.

С. Астров (*АГ*)

В конце зимы — начале весны 1913 г. Астров гостил на Капри (вероятно, в марте — апреле). Здесь завязались дружеские связи его с молодыми писателями горьковского круга — А. А. Золотаревым, Л. Н. Старком, Б. А. Тимофеевым, А. С. Новиковым-Прибоем. О своем пребывании на Капри, огромном значении для себя встречи с Горьким Астров потом с благодарностью вспоминал в дружеском письме А. А. Золотареву.

АСТРОВ — ЗОЛОТАРЕВУ

(Париж. Середина (конец сентября) 1913 г.) [106]

Алексеич дорогой, наконец-то получил от Вас весточку. Только вчера Ник〈олай〉 Ал〈ексеевич〉 [107] мне передал Ваше письмо. Вчера же послал Вам оттиск моих переводов из Пасколи [108]. Получили? Согласен с Вами, родной, относительно рецензий. Действительно, не нужно было. Это так, между прочим. Выдержки из рецензий о Бальмонте были перепечатаны в Бюллетенях литературы и жизни... [109] Что хорошего? Говорил мне Ник〈олай〉 Ал〈ексеевич〉, что вышел Ваш «Дж. Бруно» [110]. Пошлите экземпляр, если можете. Будет хорошо. Теперь о Париже. Познакомился со многими славными парнями. Выступал тут в литер〈атурном〉 кружке. Соблазняю народ на поездки в Италию. Одного поэта, Бравского некоего [111], отправил во Флоренцию. Чего они в самом деле торчат на одном месте! Много работаю нынче. Так славно, охотно и легко работается! И главное, знаете, положение-то куда лучше, нежели на Капри. Везет что ли, черт возьми. Снял комнату в русск〈ой〉 семье, и такие, скажу Вам, милые, чудесные люди оказались, что и мечтать не смел. Так услужливы, предупредительны. Одно слово — ухаживают, лелеят, ей богу. Так что в этом отношении все хорошо.

А сколько нового в Париже! Бываю кое-где. Очень близко познакомился со скульптором Жуковым. Слыхали про такого? [112] А так часто-часто вспоминаешь Капри, Piccol'y Marin'y! [113] Какое счастье, что я был там. Я очень часто благодарю судьбу, что узнал Капри, Ал〈ексея〉 Максим〈овича〉 и Вас. Это такая важная, серьезная и красивая страница в моей жизни, что, право, не могу себе представить, как был бы без всего этого. Я точно вырос, окреп, силу некую приобрел надолго, может быть навсегда... Помню, бывало, Силыч [114] говаривал: «Капри себя покажет!» — Начинает. Читали Вы Бориса рассказы? Его рассказ в «Современнике», 9-ой книге [115], — что за прекрасная вещь! Я так волновался после прочтения. Было и радостно и грустно. Но хорошо было... Какой у него дар изумительный! Славный Борис! Только теперь я убежден, что он несомненный, господней милостью талант. «Сухие сучки» меня не особенно восхитили, а теперь я бы расцеловал его... Простите, пишу я беспорядочно, несвязно. Много хочется, много сказать. Не соберу мыслей. Да, адреса Августиновича [116] Вы не знаете? Меня просили тут его знакомые узнать. Написали Вы обещанные 12 (библейск〈ое〉

ГОРЬКИЙ В КАБИНЕТЕ ВИЛЛЫ «СЕРАФИМА»
Фотография Ш. Н. Манучарьянц. Капри, 1913.
Вверху на стене видна часть портрета Шаляпина работы И. И. Бродского
Музей Горького, Москва

число — не меньше!) новелл каприйских?[117] — Скорей, Алексеич! Жду, не дождуся!.. Пишите мне. Будьте здоровы. Всего светлого и доброго.

Ваш всегда Жиль Блаз di Capri.

Paris, rue Gensier, 53

Часто появляются в «Просвещении» также стихи Л. Н. Старка[118]: в 1913 г.— «Старик» (№ 2), «К весне» (№ 3), «На улице» (№ 4), «Лебеди», «Север», «Сны» (№ 6), «Радость», «Предчувствие» (№ 11), в 1914 г.— «Перед бурей» (№ 2), «Родине» (№ 4). Как и в стихах Астрова, в них главенствует бодрое восприятие жизни, обращенность к революционной мечте. Именно стихи лирического плана — «Север», «Лебеди» — наиболее удачны у Старка. Однако в его стихотворных опытах много подражательности: ученически использует он приемы романтической образности. Так, в стихотворении «Сны» Старку не удается найти впечатляющих средств во

площения идеи преемственности революционных поколений. Лирический герой выступает лишь в облике мечтателя:

Ты не знаешь, кто я? И я тоже не знаю...
Мне исполнилась тысяча лет...
Часто грезится мне, будто я исполняю
Данный кем-то когда-то обет (...)
Часто вижу себя в подземелье без края...
Льется сверху откуда-то свет голубой.
Тишина. Я один. Но я знаю, я знаю:
На земле происходит решительный бой...

Обращаясь к образу бури — символу революции,— Л. Старк в стихотворении «Перед бурей» не раскрывает его по-новому, а только пересказывает горьковскую «Песнь о Буревестнике»:

Снова ветер пенит волны
И бросает на утесы,
Снова с криками над морем
Плавно реют альбатросы (...)
В сердце бьется белый сокол,
Хочет (...)
Стать могучим вместе с бурей
И погибнуть вместе с нею...

И тем не менее Горький возлагал надежды на творческое развитие Старка. Так, он предполагал привлечь поэта к переводческой работе для организуемого альманаха грузинской литературы [119].

Знакомство Горького со Старком состоялось осенью 1912 г. О первой встрече на Капри с писателем, общении с ним, оставившем след на всю жизнь, Л. Н. Старк вспоминал спустя 20 лет, поздравляя Горького с сорокалетием литературной деятельности.

СТАРК — ГОРЬКОМУ

Кабул, 25 сентября 1932 [120]

Тов. М. Горькому — Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Пишу Вам это письмо в день, когда в Москве празднуют сорокалетие Вашей литературной работы. Думаю о Вас (много я думаю о Вас, но сегодня — особенно тянет к Вам), хочется посмотреть, как там все это происходит, на Вашем празднике. Поздравлений Вы получили гору со всех концов Земли; море слов сказано о Вашем значении как писателя и борца — правильных слов и, может быть, только недостаточных, так как нам, Вашим современникам и «соработникам», трудно оценить Вашу жизнь и Ваше значение для того дела создания нового человека, нового мира, новой Земли, прекрасной и радостной, которому Вы себя всего посвятили. Я не буду Вас «поздравлять», как это принято. Но я думаю о том, что в сегодняшний день миллионы людей во всех странах думают о Вас и миллионы сердец бьются любовью к Вам. Это — счастье, которое Вы заслужили всей Вашей удивительной и чудесной жизнью и которое даст Вам еще много, много сил для того, чтобы продолжать Вашу работу, которую можете выполнять один только Вы.

Сегодняшний день — праздник для меня вдвойне еще и потому, что в моей личной жизни Вы сыграли совершенно исключительную роль. С первых шагов моей сознательной жизни я, так сказать, «жил» с Вами; во всей русской литературе конца 19-го и начала 20-го века

я не видел другого писателя, который так близко подходил бы к тому идеалу писателя-борца и революционера, который я себе составил. И потому каждое Ваше новое произведение, каждое выступление Ваше, каждое новое известие о Вас были для меня «моим» личным событием. Так было до моего знакомства с Вами и так в сто раз больше стало после нашего знакомства на Капри. Если я раньше любил Вас как писателя, то после этого я горячо и глубоко полюбил Вас как человека, и это чувство, чем дальше — тем больше захватывало меня всего. И сегодня у меня тоже «юбилей» (простите это нелепое слово): двадцать лет тому назад, в конце сентября, под вечер, подходил к Капри из Неаполя небольшой пароход; молодой человек лет 22-х стоял облокотившись на поручни и смотрел на домики, рассыпанные по склону гористого острова, стараясь угадать, в каком из них живет Горький. Этим молодым человеком был я; и этот момент, врезавшийся навсегда и ярко в мою память, стал одним из основных рубежей моей жизни и определил в значительной степени мой будущий путь.

Несколько странное это «поздравление» — говорить о себе. Но, говоря о себе, ведь я, в сущности, говорю о Вас, о том, как Вами «определялась» жизнь одного человека, одного из очень и очень многих, на которых Вы оказали неизгладимое влияние и продолжаете оказывать. И сегодня мне так ярко рисуются все наши с Вами встречи, Ваши разговоры, все то, чему Вы нас, молодых, учили, и что впиталось навсегда в мою плоть и кровь.

Мое письмо стало что-то уж очень длинным, а Вы всегда учили писать коротко. Поэтому буду кончать его.

Чего же Вам пожелать? Ну, конечно, здоровья прежде всего и много, много сил, чтобы Вы могли еще шире развернуть Вашу работу для Советской Страны и будущей Советской Земли, в которой осуществятся Ваши слова о том, что «человек,— это звучит гордо». Действительно, это гордо звучит, когда думаешь о Вас.

У меня большая просьба к Вам. Пришлите мне с Ольгой Андреевной [121] Ваш портрет и напишите на нем пару слов. Он будет всегда со мною, где бы я ни находился.

А то у меня ничего нет, кроме плохих фотографий. Это будет мне самым лучшим подарком от Вас к 15-й годовщине Октября. Хорошо?

Ну, вот все. Обнимаю Вас крепко и целую.

Ваш Леонид Старк (*АГ*)

К концу 1913 г. успех беллетристического отдела «Просвещения» был несомненен. Появившиеся на страницах журнала новые произведения Горького, Д. Бедного, молодых прозаиков — И. М. Касаткина, И. Е. Вольнова, Б. А. Тимофеева, а также молодых поэтов помогали привлечению к изданию читателей из рабочей и демократической среды, помогали увеличить тираж марксистского издания.

В очередном письме Горькому М. А. Савельев благодарил писателя за материалы для № 11 журнала за 1913 г., просил ускорить пересылку стихов и прозы для следующего номера. В заботах и размышлениях о том, каким будет литературный отдел в будущем — 1914 г.— Савельев исходил из уже определившихся черт литературной части журнала: материалы его должны быть разнообразны, включая и стихи, и прозу, желательна связанность их со злободневными вопросами общественного и литературного развития, наконец,— журнал готов открывать путь в литературу именам новым, помогать определению талантов. Подразумевая эти возможности, Савельев и советуется с Горьким о ближайших номерах «Просвещения».

САВЕЛЬЕВ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. 2 декабря 1913 г.)

2-го декабря

Дорогой друг!

Получили Ваше письмо[122], получили также стихи и рассказы[123], за все большая благодарность. Вы писали нам, что, может быть, дадите что-нибудь на декабрь[124]. Если бы Вы могли прислать нам что-нибудь для декабря т е п е р ь же — было бы очень хорошо, так как собираемся книжку «Просвещения» (дек‹абрь›) выпустить до Рождества.

Очень большие надежды на 1914 г., все будет зависеть от того, как пойдет подписка. Рассылаем около 35 000 переводов[125], послали предложение обмениваться объявлениями в целый ряд провинциальных газет. Может быть, пустим некоторую публикацию в «Речи», «Дне» и т. д.

Очень жалко, что не налаживается литературно-критический отдел в журнале. В этой книжке хотели поместить статейку о задачах театра в связи с Вашим письмом[126], обратились к Каменеву, он не изготовил, обратились к Фриче — пока никакого ответа. В наших палестинах появился Тихон‹ов›[127], может быть, через него можно будет сделать что-нибудь подобное.

В прошлом письме[128] я писал Вам относительно того, что тут имеется группа рабочих беллетристов, хотели бы как-нибудь получить доступ к читателю... Многие из них сотрудничают в «Правде», да там уделяется беллетристике очень мало места.

Состав №-а 12 получился довольно разнообразный. Кроме 2-х беллетристических рассказов[129], будет еще помещено: отрывки из переписки Маркса с Энгельсом[130]; статья Ю. Стеклова о французских черносотенцах и рабочем классе, статья о двух теориях кризисов Т. Барановского и Гильфердинга[131], ст‹атья› В. Ильина «По национальному вопросу»[132] и т. д.

В ближайших книжках, вероятно, будут статьи историка Покровского, опять И. И. Степанова и т. д.

Привет

И.[133]

P. S. Может быть, напишете, какие рассказы поместите в 1914 году, мы бы анонсировали... (*АГ*)

С 1 по 3 номер 1914 г. в «Просвещении» печаталась частями повесть о революции 1905 г. «Год Нюсиной жизни» А. П. Скляренко (под псевдонимом «Марусин»).

Само обращение к теме 1905 г. с 1-го номера — в нем появилось еще и стихотворение Кожевникова, посвященное памяти павших борцов («Ряд тяжелых решеток, монументы и плиты...»),— было не случайным. Так отмечал журнал очередную годовщину 9 января и первой русской революции, напоминая о революционных традициях пролетариата.

Алексей Павлович Скляренко[134], профессиональный революционер, большевик, впервые выступил в печати с очерками о ссылке «С далекого севера», написанными во время его пребывания в Архангельской губернии (Северный вестник. 1898. № 5—7).

В годы реакции революционер снова оказывается в ссылке, в Вологодской губернии. Там были написаны рассказы «За решеткой» и «Приемный покой» (Вестник Европы. 1911. № 1, 4) — о чудовищном тюремном быте, пережитом им самим не бесследно. За протест против издевательства над заключенной Скляренко был жестоко избит и впоследствии тяжело болел.

В «Звезде» и «Правде» Скляренко выступал со статьями на политические темы, печатал и беллетристические вещи.

Очерковая повесть, помещенная в «Просвещении», имела документальную и автобиографическую основу. В 1905—1907 гг. Скляренко жил и вел революционную работу в Саратове. События рабочего движения тех лет и воссозданы в «Годе Нюсиной жизни». Главная героиня повести Нюся — 4—5-летняя дочка рабочего-революционера Михаила Ивановича Егорова. Через ее детское восприятие и показаны события бурного революционного года.

Герои Скляренко: рабочий-пропагандист Михаил Иванович Егоров, его брат Николай, кузнец Вакула — душевно сильные, бесстрашные, цельные люди. Во время обыска и ареста они ведут себя смело и решительно. Но главное в повести — атмосфера человечности и доброты, взаимоуважения, заботы о близких, о детях, которая свойственна рабочим семьям Михаила Ивановича и его брата. В этом нравственном повороте несомненна и полемическая направленность повести: в литературе и публицистике того времени, в противовес веховской клевете на революцию и революционеров, появляются произведения, в которых мир революционеров показан как истинно и глубоко человечный.

Теме революции был посвящен и рассказ Вл. Войтинского «Луч света среди ночи» (Просвещение. 1914. № 4). Произведение печаталось как глава из повести «Волны» (см.: Г — Войт, предисловие к переписке). В первоначальные планы редакции публиковать предложенное Войтинским произведение [135] пришлось внести существенные коррективы: повесть оказалась очень слабой как в идейном, так и в художественном отношениях; увидел свет в журнале только фрагмент (видимо, после значительной переработки).

В начале 1914 г. редакция «Просвещения» стремилась осуществить план расширения литературно-критических публикаций: в № 2 печаталась полемически направленная статья «Пролетарская культура в ликвидаторском освещении» за подписью «Т. М.» [136]. Редакция предполагала продолжить дискуссию о пролетарской культуре в следующих номерах журнала, о чем сообщалось в примечании к статье. Редакция хотела привлечь к дискуссии Горького. Об этом известно из письма А. И. Елизаровой В. И. Ленину от 30 июня 1914 г.: «Горький обещал дать осенью рассказ книжки на 3—4. Обещал также статью о культуре и пролетариате» [137]. Закрытие журнала в начале войны помешало этому.

В 1914 г. Горький привлекает в «Просвещение» новых авторов. Среди них Алексей Липецкий, А. Богданов, Лев Гумилевский и поэт, выступающий под псевдонимом «Железнодорожник».

Рассказом Гумилевского открывался № 5 «Просвещения» за 1914 г., оказавшийся предпоследним (журнал закрылся на № 6). Для Л. Гумилевского, как и для М. Герасимова, это было первое выступление в печати. Его рассказ «В литейной» привлек внимание Горького, видимо, суровой правдой изображения труда рабочего (чтобы избавиться от невыносимо тяжелого труда, рабочий готов на умышленное увечье, но оно оказывается для него непоправимо тяжелым). Уже в этом, одном из самых ранних опытов Гумилевского ярко выступили некоторые из существенных черт его мировосприятия и художественной манеры. Рассказ продолжал намеченную выступлениями Б. Тимофеева, И. Вольнова, М. Рослякова линию сурово реалистического изображения современности.

Свое выступление в печати с одобрения Горького, да еще в марксистском органе, Гумилевский даже спустя многие годы считал знаменательным: тогда с первого же, хотя и робкого шага начался его путь в будущую советскую литературу. Поэтому так показательны воспоминания Л. Гумилевского уже 30-х годов о начале творческого пути, органически связанного с Горьким и «Просвещением»:

«Знакомство мое с Горьким началось перепиской, точнее, посылкой Алексею Максимовичу двух моих маленьких рассказиков, с традиционным вопросом: есть ли у автора способности, стоит ли ему продолжать дальше?

Горький находился в Италии, я жил в Саратове. Горький — знаменитый писатель, я — студент, исключенный за невзнос платы из университета. С великим изумлением получил я письмо Горького.

Алексей Максимович писал, что судить по присланным рассказам трудно, писать их легко и пишут их много. Удивил его чрезвычайный пессимизм автора. Указывая на это, Горький и заканчивал письмо афористически:

«В двадцать два года — это даже для русского рано».

Письмо относится к 1912 г. Я не располагаю подлинником: оно, как и другие, находилось в моем архиве, взятом у меня, якобы, на хранение каким-то самозванцем. Это, значит, рано или поздно, эти письма появятся на свет [138]. Но содержание письма, разумеется, я помню очень хорошо.

Обескураживающего там ничего не было, и я продолжал писать с очень скромными намерениями.

Годным для печати показался мне один рассказ под заглавием „В литейной". Сообразуясь с его содержанием, я послал его в конце следующего, 1913, года в редакцию журнала „Просвещение" (...) Прошло довольно много времени, пока я получил ответ Редакции. Он начинался с извинений за задержку ответа, так как „рассказ находился у Горького", и кончался сообщением, что рассказ будет напечатан в одном из ближайших номеров журнала. Ждать пришлось недолго. Рассказ появился в майской книжке за 1914 год с оглавлением на обложке. Оглавление начиналось с моего имени, и я целый месяц с гордостью посматривал в выставленную в витрине магазина книжку „Просвещения", прохаживаясь по Немецкой улице, главной в Саратове» (*АГ*).

Марксистское «Просвещение» вместе с Горьким как организатором его беллетристической части на деле решали задачу объединения революционных сил литературы. Возникали и закреплялись связи с молодыми писателями, продолженные затем в других марксистских изданиях — прежде всего в журнале «Летопись». Произведения, печатавшиеся в «Просвещении», закрепляли первые успехи нового поколения демократических и революционных писателей, главным образом прозаиков. Для многих из них страницы «Просвещения» открывали путь в литературу. При всем несовершенстве публикаций молодых, еще неизвестных писателей они дают возможность увидеть, как формировалось новое — пролетарское — направление литературы, отражающее процессы революционных изменений в русской жизни, оптимистическое мироощущение самых передовых слоев народа.

Уже в начальный период развития пролетарской литературы отчетливо прослеживается стремление Горького приобщить молодых литераторов к величайшим ценностям литературы, прежде всего — русской. Не узко цеховая, а широкая ориентация в овладении наследием — таков завет Горького в создании нового искусства в те далекие годы первого десятилетия XX в. Еще предстояли трудные поиски и ошибки. Но именно такой подход был плодотворен. Спустя десятилетие его необходимость подчеркнет И. Вольнов в письме И. Касаткину 22 октября 1923 г.: «Организации кружка крестьянских писателей мало сочувствую, но от участия не отказываюсь. Не сочувствую, т(ак) к(ак) не понимаю, как можно быть крестьянским, пролетарским, дворянским, поповским писателем,— можно быть только русским писателем, но и это недостаточно (так иной раз кажется),— надо быть даже не русским, шведским, английским, царевококшайским писателем, а просто писателем. Из этого заключайте, что мне до смерти хочется быть мировою известностью. Я знаю, что этого не будет, не жалею об этом, но мысли, которыми я делюсь с Вами, мною долго продумывались» [139].

В этой мечте И. Вольнова можно и нужно видеть также результат наставничества Горького.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 168.

[2] Общие сведения о журн. «Просвещение» и «Мысль» см. в прим. к Полн. собр. соч. В. И. Ленина (т. 48, с. 355—356, 370). См. также в кн.: Большевистская периодическая печать: Библиографический указатель. М., 1964; Часть общепролетарского дела: Литературная критика в дореволюционных большевистских изданиях. М., 1981. С. 366, 368.

[3] Об этом В. И. Ленин писал в брошюре «Аноним из „Vorwärts'а" и положение дел в РСДРП» — т. 21. С. 212—213.

[4] См. об этом: *Савельев М. А.* Марксистский журнал «Просвещение» // Пролетарская революция. 1923. № 2(14).

[5] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 155.

[6] Александр Антонович *Трояновский* (1882—1955) — член РСДРП с 1904 г. Партийную работу вел в Петербурге, Киеве. Подвергался репрессиям царского правительства. В 1910 г. эмигрировал, жил в Швейцарии, Париже, Вене. Был членом делегации ЦК РСДРП на Базельском конгрессе (1912), участвовал в Краковском и Поронинском совещаниях ЦК РСДРП с партийными работниками. Участвовал в организации журн. «Просвещение» и других марксистских изданий, выступал в них и как публицист. См. его статьи в «Просвещении»: «Рост вооружений» (1913, № 6); «О Балканской войне» (1913, № 7—8), «Законопроект о печати» (1913, № 11) и др. В 1917 г. вернулся в Россию. В 1917—1921 гг. был меньшевиком. Вновь принят в РКП(б) в 1923 г. Находился на ответственной партийной и государственной работе. См. о нем: *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 520.

[7] О том, что с Горьким велись переговоры об участии в журнале и ранее, см. в наст. томе сообщение Л. С. Пустильник.

[8] Впервые напечатано частично в кн.: Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. М., 1984. С. 34. Датируется по сопоставлению фактов.

[9] Речь идет об очерке «Вездесущее».

[10] В ближайших номерах журнала появились стихи Л. Старка «Старик» (№ 2), «К весне» (№ 3), «На улице» (№ 4).

[11] В № 3 журнала напечатано его стихотворение «Утро».

[12] В № 3 журнала напечатан его рассказ «Музыкант Кандырин».

[13] Николай Федорович *Олигер* (1882—1919) — писатель. Его произведения в «Просвещении» не появились.

[14] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 161.

[15] Максимилиан Александрович *Савельев* (Ветров) (1884—1939) — член большевистской партии с 1903 г. Партийную работу вел в Нижнем Новгороде, Туле, Петербурге и других городах. Активный участник революции 1905—1907 гг. В 1911—1913 гг. являлся редактором журн. «Просвещение» и одновременно с 1912 г. — членом редакции «Правды», а с 1913 г. — представителем ЦК РСДРП в издательстве «Прибой». Неоднократно арестовывался. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. заведовал редакцией ЦО партии «Рабочий путь», а затем «Правды». После Октябрьской социалистической революции — на ответственной партийной и советской работе. Подробные биографические данные см. в кн.: Герои Октября. Л., 1967. Т. 2. С. 335; Воспитанники Московского университета — соратники В. И. Ленина. М., 1973. С. 156—162; *Солопов А., Черненко Е.* Испытанный ленинец: К 100-летию со дня рождения М. А. Савельева // Правда. 1984. № 50. 19 февр. С. 6.

[16] Пролетарская революция. 1923. № 2(14). С. 369.

[17] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 180.

[18] *Арх. Г.* Т. XIV. С. 363.

[19] Общественно-политическая и литературная газета, орган волжских служащих и судовых рабочих. Выходила в Н.-Новгороде с апреля 1906 по 1916 г. два раза в неделю с воскресным приложением. Газета демократического направления, остро ставила вопросы положения рабочего класса. В «Судоходце», кроме «Путины» (позднейшее название — «На барках»), напечатаны также рассказы Касаткина: «Мужик» (1907), «Нянька» (1908), «Унжаки» (1908), «Осенняя хмурь» и «Дуняша» (1910), «Дело праздничное», «Крещенский торг», «Семья» (1911) и т. д. См. об этом в кн.: *Касаткин И.* Перед рассветом: Избранные рассказы. М., 1977.

[20] Датируется по сопоставлению с ответным п. Горького от 3 февраля 1932 г. (Новый мир. 1937. № 6. С. 20).

[21] В XXVII *сб. «Знания»* появился рассказ Касаткина «В уезде», в XXIX — «Веселый батя», в XXX — «С докукой», в XXXVII — «Село Микульское».

[22] Переписка Горького с Касаткиным насчитывает более 100 писем. Публиковались в разное время. 11 п. Горького с примечаниями адресата появились в 1937 г. (Новый мир. № 6. С. 14—21). Другая часть п. Горького опубликована в журн. «Октябрь» (1956, № 6). Описание сохранившегося архива Касаткина, находящегося в разных государственных хранилищах — *АГ, ЦГАЛИ*, содержится в ст. М. А. Макиной «Из истории писательских взаимоотношений 1920—1930-х годов: (По архивным материалам И. М. Касаткина)» (Русская литература. 1979. № 4. С. 138—145). Отрывки из ряда п. Горького Касаткину и Касаткина Горькому 1908—1910 и 1912 гг. см.: *Зайцева Г. С.* М. Горький и «крестьянские писатели» начала XX века. Горький, 1985. С. 69, 72, 74—75, 77, 79.

[23] В автобиографии, написанной в 1923 г. (самой полной из его автобиографий), Касаткин отмечал, что в 1916 г. по инициативе Е. П. Пешковой он поехал на «западный фронт сочинять детский отряд по подбиранию беженских детей-сирот. С этими детьми я там провозился вплоть до лета 1918 года...» См. в кн.: *Клейнборт Л. М.* Очерки народной литературы (1870—1923). Л., 1924. С. 144.

При участии Касаткина было организовано 18 приютов и 43 столовых. Эту работу он вел и после Октябрьской революции. См. об этом в ст. В. Харчева

«Жизнь, жизнь, люблю тебя!» (К 90-летию со дня рождения Ивана Касаткина) (Волга. 1970. № 10. С. 150).

[24] Датируется по сопоставлению с ответным п. Горького от июня 1912 г. (Новый мир, 1937. № 6. С. 15, а также: *Горький М.* Письма о литературе. М., 1957. С. 226—227) и времени закрытия легальной большевистской газ. «Поволжская быль» — 28 июня 1912 г. (упоминается в письме без названия как еще выходящая, см. об этом далее в прим. к данному письму).

[25] Александр Николаевич *Лаптев* (1890—1942) как начинающий писатель обращался к Горькому. См. о нем: *XXIX*, 223—224; *ЛЖТ*. Вып. 2. С. 250, 287 и др.

[26] В 1912 г. в дни Ленских событий Касаткин был арестован в Н.-Новгороде и выслан в Кстово. См. прим. Касаткина в журн. «Новый мир» (1937, № 6).

[27] Застойность провинциально-буржуазной жизни вызывала особенно острое неприятие у Касаткина в момент начала — со времени ленских событий — нового подъема революционного движения. Консерватизм мещанской среды в российской провинции, равнодушие в этой среде к политике обсуждались тогда в печати. Напр., в статье «Старое и новое. (Из заметок газетного читателя)», появившейся в «Звезде», В. И. Ленин отмечал: «Даже газете „*Речь*“ приходится констатировать〈...〉 „большую общественную приниженность“. А г. Кондурушкин сетует в письмах из Самары о голоде: „оно, это русское общество, представляется мне мягким, как резина, как тесто. Можно смять его и тискать словом и делом. Но отошел — и опять затянуло все по-старому“» (*В. И. Ленин*. Т. 20. С. 378). Продолжая, В. И. Ленин заключал: «Теперь об „обществе“ вообще говорить нельзя. В старой России обнаружились различия новых сил. Старые бедствия, по-старому, в виде голода и т. д., надвигающиеся на Россию, обостряющие старые вопросы, требуют учета того, как обнаружили себя эти новые силы в первое десятилетие XX века» (Там же. С. 379).

О «большой общественной приниженности» российской провинции Горький писал не однажды, видя в ней характерное для определенной эпохи. Не случайно это впоследствии нашло отражение и на страницах «Жизни Клима Самгина». Вот, например, отрывок из четвертой части романа, так по существу близкий к тем впечатлениям, которыми с писателем делился Касаткин: «Клим Иванович часто выезжал в Новгород, Псков, Вологду. Провинция оставалась такой же, какой он наблюдал ее раньше: такие же осмотрительно либеральные адвокаты, такие же скучные клиенты 〈...〉 скучные, серые обыватели, в плену мелочей жизни 〈...〉

Если исключить деревянный скрип и стук газеток „Союза русского народа“, не заметно было, чтоб провинция, пережив события 905—7 годов, в чем-то изменилась, хотя, пожалуй, можно было отметить, что у людей еще более окрепло сознание их права обильно и разнообразно кушать» (*24*, 300).

[28] Цитата из «Путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина. См. во второй главе размышления о судьбе А. С. Грибоедова: «Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...»

[29] Подготовка к выборам в IV Государственную думу была в это время одним из главных вопросов политической борьбы. В статье «Политические партии в России», опубликованной в начале мая 1912 г. в «Невской звезде», В. И. Ленин писал: «Выборы в Государственную думу заставляют все партии усиливать свою агитацию, собирать свои силы для проведения наибольшего числа депутатов „своей“ партии.

При этом и у нас, как и во всех других странах, развертывается самая бесцеремонная предвыборная реклама» (*В. И. Ленин*. Т. 21. С. 275).

См. также ленинскую ст. «Выборы недалеко — все за работу!» об агитации большевиков в широкой народной среде, напечатанную в «Правде» (1912, № 53, 30 июня/13 июля). См. также: Коммунист. 1984. № 6. Апр. С. 3—4.

[30] Ускоренный рост капитала в России в эпоху после революции 1905 г., его социально-политическая организация — создание своей прессы, «представительных» учреждений, обществ — характерные явления этого времени. Они освещались в печати. В частности, многие отклики вызвала книга Гушки «Представительные организации торгово-промышленного капитала» (СПб., 1912), где излагались результаты анкеты Промышленно-экономического отдела Имп. русского технического общества об «общественных организациях торгово-промышленного класса в России». Журн. «Просвещение» печатал в № 5—7 за апрель—июнь 1912 г. по этому поводу ст. В. И. Ленина «Анкета об организациях крупного капитала» (*В. И. Ленин*. Т. 21. С. 288—305).

[31] Неточная цитата из романса М. И. Глинки на слова стихотворения Е. А. Баратынского «Разуверение»: «Разочарованному чужды Все обольщенья прежних дней!».

[32] В годы реакции легальная рабочая печать была, по словам В. И. Ленина, почти вся задушена. Борьбу за ее возрождение большевики вели постоянно. Рабочие органы возникали на местах, но чаще всего тут же закрывались властями. В 1910 г. большевикам удалось организовать нелегальную «Рабочую газету» (издавалась в Париже). С мая 1910 г. в Москве налаживается полулегальная большевистская газ. «Наш путь», вскоре закрытая. С декабря 1910 г. в Петербурге начинает

выходить «Звезда», с апреля 1912 г.— «Правда». Большевистские газеты появляются в разных городах. В числе рабочих газет, выходящих в 10-х годах,— «Уральский рабочий»; «Невская правда», «Волна», «Бакинский рабочий», «Тифлисский пролетарий».

[33] Легальная большевистская газ. «*Позолжская быль*» выходила с 12 апреля 1912 г. Касаткин являлся одним из ее организаторов и членом редакции. В № 1 под псевдонимом «Кологривский» он напечатал стихотворение «Старые башни», а в № 7 «Горная речка» (под псевдонимом «Лесовик»). Газета выходила еженедельно, на № 7—28 июня — была закрыта. Целью газеты было освещение текущей жизни России и Запада с рабочей точки зрения. Газета рассказывала о новом революционном подъеме, резко критиковала политику буржуазных партий (кадетов, октябристов).

[34] Произведения Лондона широко печатались в 1910-е годы в России. В ряде издательств выходят собрания его сочинений, в Петербурге в издательстве «Прометей» — с предисловием Л. Андреева. Статьи о Лондоне появляются в разных газетах и журналах: так, в «Современном мире» (1912, № 4) с большой статьей о нем под названием «Томление духа и утверждение жизни» выступает В. Кранихфельд. Помещая обширный обзор литературы о Лондоне, озаглавленный «Певец подлинной жизни», журн. «Бюллетени литературы и жизни», указывая на множество отзывов, приводил отрывки статьи-предисловия Л. Андреева, в частности то место, где писатель называл его «американским Горьким» (1912, № 2 (сент.), раздел: Отзывы о книгах — с. 36).

[35] В № 2 «Нового журнала для всех» за 1912 г. был напечатан рассказ Касаткина «На барках».

[36] Программа журнала, как неоднократно объявлялось в нем, заключалась в том, чтобы дать широким кругам читателей за доступную цену произведения лучших литературных и научных сил: «Художественность, серьезность содержания и популярность изложения ⟨...⟩ — такова задача журнала» — так формулировались его принципы. В позиции журнала определенно сказывались настроения все усиливающегося в это время общественного подъема. Однако журнал привлекал писателей разной общественной и эстетической ориентации. В первых номерах за 1912 г. сообщалось, что в нем примут участие Л. Андреев, Арцыбашев, Айзман, Ауслендер, Бунин, Блок, Брюсов, Вересаев, Горький, Муйжель, Олигер, Сергеев-Ценский, Чулков, Чириков и др. Об участии Горького сообщалось в первых двух номерах журнала, в последующем номере его в перечислении сотрудников уже нет. На протяжении года журнал не раз поднимал вопрос об общественной ответственности литературы, участвовал в обсуждении вопросов пролетарской литературы (см. ст. Ф. Калинина «Тип рабочего в литературе» — 1912, № 10, отклик на нее — ст. П. Юшкевича «Пролетариат и художественная литература» — 1912, № 12). Переориентации журнала в сторону, о которой говорит предположительно Касаткин, не произошло. На протяжении года в журнале появилось только одно стихотворение Ф. Сологуба **«Уличная картинка» (№ 8).**

[37] То мистическая фантастика, часто примитивно-темная, то интригующая эротика, выраженная полунамеками,— эти, столь характерные для художественного мира Сологуба особенности вызывали резко отрицательное отношение не только у Касаткина. По-своему изощренная мифология «старикашки Тетерникова» именно за связь ее с идейными основами его творчества не принималась Горьким (см., напр., п. к С. Я. Елпатьевскому от августа 1909 г. // *Горький М.* Письма о литературе. М., 1957. С. 173). В «демонах» Сологуба, «творимых легендах» передовая критика того времени видела воплощение декадентского скепсиса, пессимизма, иррационализма, глубоко чуждых прогрессивным идеалам современности. Не случайно В. Воровский оценивал «Навьи чары» как пример «идейного мародерства» в обстановке поражения первой русской революции (см. его ст. **«В ночь после битвы»**).

[38] Из Кстова Касаткин перебрался, как он вспоминал в автобиографии (см. прим. 23), в Семеновский уезд Нижегородской губернии, на реку Керженец, где работал в Лыковском лесничестве до июня 1914 г., откуда выехал в Петербург.

[39] Новый мир. 1937. № 6. С. 14.

[40] Датируется по сопоставлению с другими письмами и упоминанию рассказов, появившихся в майском номере «Просвещения» за 1913 г.

[41] Просвещение. 1913. № 5. С. 12.

[42] Просвещение. 1914. № 3.

[43] *В. И. Ленин.* Т. 30. С. 313.

[44] *Орловский П.* Литературные наброски // Мысль. 1911. № 4 (март).

[45] *В. И. Ленин.* Т. 22. С. 368.

[46] Там же. С. 367.

[47] *ЦГАЛИ*, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 14.

Датируется по упоминанию юбилея Бунина, который отмечался 27 октября 1912 г. Русские газеты писали о юбилее в следующие дни, о чем и говорится в п. Касаткина. Отрывок из письма «В наше время на ниве родной литературы и силою велика, и духом светла» печатался в ст. Л. Афонина «Бунин — наставник молодых писателей» (Орловский комсомолец. 1972. № 208. 21 окт.).

[48] Персонаж одноименного рассказа Бунина «Захар Воробьев».

[49] Книга появилась в октябре 1912 г. в «Книгоиздательстве писателей в Москве»: «Суходол. Повести и рассказы. 1911—1912 гг.»

[50] См. об этом: Новый мир. 1937. № 6. С. 17 (в комментариях Касаткина к п. Горького).

[51] ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 21, л. 1.

Датируется по почт. шт.

[52] Е. П. Пешкова вела издательские дела Горького в «Книгоизд-ве писателей в Москве».

[53] *ЦГАЛИ*, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 114, л. 2.

Датируется по сопоставлению с предшествующим письмом.

[54] Видимо, вспоминается первая встреча.

[55] Рассказ «Лоси» вошел в сб. Касаткина «Лесная быль» (М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1916).

[56] См. очерк Горького «Иван Вольнов».

[57] Дневниковые записи Н. А. Пушешникова хранятся в Орловском гос. музее И. С. Тургенева (ф. 14, № 7456, 9078, 9076). См.: Описание материалов Государственного музея И. С. Тургенева. II. И. А. Бунин. Орел, 1979. С. 151. В небольших выдержках они публиковались в ст. А. Бабореко «Бунин на Капри» (В большой семье. ⟨Смоленск⟩: Смоленское книгоизд-во, 1960), а также в его кн.: *Бунин И. А.* Материалы для биографии. М., 1967. Приводимые записи не печатались. См. указ. фонд, № 7456/1, л. 95.

[58] Известны и отрицательные оценки Горьким Сивачева. См. в п. П. В. Мурашеву от конца октября ст. ст. 1911 г. (*XXIX*, 202); упоминание в ст. «О писателях-самоучках» (*XXIV*, 134). См.также: Г—А, 24 января 1911 г., прим. 1.

[59] Орловский гос. музей И. С. Тургенева, ф. 14, № 7456/2, л. 78—79.

[60] Датируется по упоминанию в письме о подготовке № 9 журнала, а также времени закрытия московской рабочей газеты «Наш путь» — 12 сентября 1913 г. (о ней говорится в данном п. как еще выходящей). Письмо в кратком изложении см.: *ЛЖТ*. Вып. 2. С. 378.

[61] За подписью А. Алексеева журнал поместил обзоры рабочего движения в № 6 — о стачечном движении в июне текущего 1913 г., а также в № 7—8 — сравнительный разбор стачечного движения в июне и июле.

[62] Имеется в виду А. Н. Тихонов.

[63] Издание приложений не состоялось.

Публикации «Из переписки Карла Маркса и Фридриха Энгельса» появились в № 11 и 12 «Просвещения» за 1913 г. и затем № 1 и 4 за 1914 г. Планы редакции об издании избранной переписки основоположников научного социализма связаны с выходом в это время — в сентябре 1913 г.— на немецком языке в Штутгарте «Переписки Фридриха Энгельса и Карла Маркса с 1844 по 1883 г.» в 4-х томах (издана А. Бебелем и Эд. Бернштейном). Не случайно упоминает Савельев о возможном сотрудничестве по этому поводу с Д. Б. Рязановым (Давид Борисович Гольдендах, 1870—1938. См. о нем: *В. И. Ленин*. Т. 25 и др.). По поручению социал-демократической партии Германии Рязанов в течение ряда лет готовил издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. С 1908 г. он, изучая немецкую демократическую и рабочую прессу, обнаружил более 250 неизвестных статей Маркса и Энгельса. Рязанов, по рекомендации А. Бебеля, работал в архивах германской социал-демократической партии, при его же содействии получил на время от Бернштейна оригиналы писем Маркса и Энгельса за период I Интернационала. Выявленные Рязановым работы Маркса и Энгельса печатались в изданиях германской и австрийской социал-демократической прессы, а также в России. Так, в «Современном мире» появляются его ст. «Карл Маркс и русские люди сороковых годов» (1912, № 8—12), публикации «„Исповедь" Карла Маркса» (1913, № 3), «Карл Маркс и Фридрих Энгельс в их переписке до революции 1848 г.» (1914, № 5, 10, 11). «Просвещение» печатает с предисловием Рязанова ст. К. Маркса «Политический индифферентизм» (1913, № 10), ст. Рязанова «Энгельс о Бебеле и Марксе» (1913, № 7—8).

С сентября 1913 г. изучает и конспектирует переписку основоположников научного социализма В. И. Ленин. В письме от 12 или 13 ноября 1913 г. к М. И. Ульяновой он сообщал: «Только что закончил чтением четыре тома переписки Маркса с Энгельсом. Хочу писать о ней в „Просвещении". Много интересного» (*В. И. Ленин*. Т. 55. С. 345). 14 декабря 1913 г. большевистская газета «Пролетарская правда» (№ 7), объявляя о подписке на журнал «Просвещение» на следующий год, сообщала, что в журнале будет напечатана в числе других статья В. Ильина о переписке Маркса с Энгельсом. Статья писалась в то время В. И. Лениным, однако осталась незаконченной. Начало ее под названием «Энгельс как один из основателей коммунизма» появилось лишь 28 ноября 1920 г. в «Правде» в день столетия со дня рождения Ф. Энгельса.

См. также: *Ленин В. И.* Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.» М., 1959.

[64] Русское богатство. 1913. № 7.

[65] В июльском номере «Русского богатства» за 1913 г. появился очерк В. С. Войтинского о революционной ссылке — «Призраки». Он вызвал полемику. «Новое время» напечатало 13/26 августа ст. В. Розанова «Литературные олеографии» (№ 13441), где делалась попытка опровергнуть высокую оценку Войтинским сосланных и приговоренных к смерти революционеров. Розанову возражал в «Речи» (15/28 авг., № 221) Д. Левин. Он рассматривал «Призраки» как мемуары, где нет выдумки, но изображаемое согрето лирическим чувством: это и делает их «песнопением». «Новое время» ответило на статью «Речи» заметкой в рубрике «Среди газет и журналов» (16/29 авг., № 13444), защищая Розанова от «радикальных „гусей"». За этим последовала полемическая заметка Д. Левина «Набросок» (Речь. 24 авг./6 сент. № 230). Позицию Войтинского критик подкреплял «очной ставкой», как он писал, с книгой генерала А. В. Жиркевича «Пасынки военной службы. Материалы к истории мест заключения военного ведомства».

[66] Характер отклика Горького не установлен.

[67] Переписку Горького с Н. А. Чердынцевым (Топазовым) за 1910—1913 гг. см. в *АГ*. Его очерк «Портные» напечатан в «Сборнике пролетарских писателей» (СПб.: Прибой, 1914). См. также: *Горьк. чт.* 1959. С. 46.

[68] Упомянутая ст. И. И. Скворцова-Степанова печаталась в № 9 и 10.

[69] Имеется в виду «Прощальное письмо читателям газеты „Sozialdemokrat"» Ф. Энгельса, напечатанное в газ. «Der Sozialdemokrat» (1890, № 39, 27 сент.) в связи с прекращением выхода газеты (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 81—84). Под заглавием «Прощание с любимой газетой» было напечатано в № 9 журн. «Просвещение» за 1913 г.

[70] Такие статьи в № 9 не печатались.

[71] На указанную тему в № 9 напечатана ст. Н. Скрыпника «Теория и практика руководителей московского Союза потребительских обществ».

[72] В № 9 напечатана ст. «О германском ревизионизме. (По поводу Иенского конгресса германских социал-демократов)».

[73] Речь идет о конфискациях и цензурных преследованиях газеты «Правда».

[74] Имеется в виду организация легального большевистского журн. «Вопросы страхования». Начал выходить в Петербурге с 26 октября/8 ноября 1913 г. еженедельно по 12/25 июля 1914 г., а потом с 20 февраля/5 марта 1915 г. по март 1918 г. В годы войны — единственный легальный большевистский журнал. В нем принимали участие Ленин, Куйбышев, Сталин, большевистские депутаты IV Государственной думы, рядовые рабочие. В № 10 «Просвещения» сообщалось о подписке на «Вопросы страхования», его задачах, выходе № 1 и 2.

[75] Роман Вацлавович *Малиновский* (1876—1918). В 1912—1914 гг.— член ЦК РСДРП, депутат IV Государственной думы социал-демократической фракции. В 1917 г. разоблачен как провокатор. Уже в 1907 г. он добровольно давал сведения полиции, а в 1910 г. был зачислен секретным агентом царской охранки.

[76] Имеется в виду московская рабочая газ. «Наш путь», выходившая с 25 августа/7 сентября 1913 г. В сборе средств на нее принимал участие Горький. Газета пользовалась большой популярностью среди рабочих. 395 рабочих групп поддерживали ее своими денежными средствами. Газета подвергалась непрерывным преследованиям со стороны полиции и 12/25 сентября была закрыта. Московские рабочие ответили на это забастовкой, но возобновить газету не удалось.

[77] Т. е. цензура.

[78] Датируется по сопоставлению с п. В. И. Ленина Горькому от начала ноября н. с. 1913 г., в котором говорится о пересылке ему рукописи Войтинского (*В. И. Ленин.* Т. 48. С. 224), а также по упоминанию откликов на статью писателя об инсценировке «Бесов» Достоевского. Письмо в кратком изложении см.: *ЛЖТ*. Вып. 2. С. 383.

[79] Речь идет о рукописи В. С. Войтинского. См. в предыдущем п. Савельева, а также дальше в сообщении. См. также: Г—Войт (предисловие).

[80] Речь идет о членах заграничной редакции «Просвещения».

[81] Литературный кружок при народном доме Паниной. См. о нем: *Брейтбург С. М.* Горький — редактор сборника пролетарских писателей // Книга: Исследования и материалы. Сб. X. М., 1965. В 1913 — начале 1914 г. кружок издал две небольшие книжки стихов «Наши песни» (вторая была конфискована). Члены кружка стали участниками и первого «Сборника пролетарских писателей», организаторами и редакторами которого были Горький и А. Н. Тихонов.

[82] Имеются в виду отклики на статьи Горького о постановке «Бесов» в Художественном театре. В газ. «За правду» по этому поводу появилась ст. А. Витимского (М. С. Ольминского) «Поход против Горького» (1913, 4 окт.).

[83] Такой статьи в «Просвещении» не появилось.

[84] См. отзывы рабочих в ст. «Наша анкета» (Просвещение. 1914. № 3. С. 108).

[85] О месте творчества Д. Бедного в становлении пролетарского искусства подробно говорится во многих исследованиях. Среди них: *Келдыш В. А.* Проблемы дооктябрьской пролетарской литературы: Горький и русская революционная поэзия. М., 1964.

[86] *ЦГАЛИ*, ф. 1374, оп. 2, ед. хр. 1.

[87] Датируется по сопоставлению с ответным п. Горького от начала 1914 г. Отрывок из письма напечатан в кн.: Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. М., 1984. С. 40.

[88] *Горьк. чт.* 1959. С. 47.

[89] Датируется по сопоставлению фактов. В краткой аннотации см.: *ЛЖТ*. Вып. 2. С. 433—434.

[90] Появился в № 6 за 1914 г.

[91] В первом «Сборнике пролетарских писателей» напечатаны стихотворения Герасимова: «Весеннее», «Осень», «В городе», «Заводской гудок», «Зимний вечер».

[92] Речь идет о редакции «Сборника пролетарских писателей».

[93] Легальное большевистское издательство, созданное в Петербурге в начале 1913 г. Информацию о нем «Просвещение» поместило в № 4 за 1913 г. Выпускало литературу по социально-политическим вопросам, уделяя большое внимание изданию популярных брошюр агитационно-пропагандистского характера.

Горький, вернувшись в Россию, задумал выпуск в «Прибое» сборников пролетарских писателей. Первый такой сборник вышел в начале июня 1914 г. Однако планы расширения литературной части «Прибоя» в то время осуществить не удалось: в связи с усилением гонений царского правительства на рабочую печать издательство вынуждено было прекратить свою деятельность (она возобновилась в марте 1917 г.).

[94] Датируется предположительно, по сопоставлению с предшествующим письмом. Отрывок из письма напечатан в кн.: Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. М., 1984. С. 40.

[95] См. об этом сведения в п. Горького П. Н. Герасимову, июль, до 22, 1915 г., и ответном письме его от 23 июля 1915 г. (*АГ*). Три письма Герасимова к Горькому, а также письмо отца Герасимова Горькому опубликованы: *МИ*. Т. 1. С. 391—393.

[96] См. об этом: *Арх. Г.* Т. XIV. С. 352.

[97] Вышли в 1938 г. в Москве; потом несколько раз переиздавались.

[98] Письма Горького Д. Н. Семеновскому впервые опубликованы в указанных воспоминаниях. Ответные письма Семеновского за 1913—1917 гг. опубликованы в журн. «Волга» (1968, № 3, с. 41—55) при участии вдовы поэта В. В. Семеновской с прим. П. В. Куприяновского. Далее цитируются неопубликованные письма.

[99] См. указанную публикацию.

[100] Датируется по сопоставлению фактов.

[101] Стихотворения Астрова «Цветы над могилой», «Пред зарей», «По заре» «К рассвету» появились в XL *сб.* «*Знания*».

[102] См., напр., стихи, озаглавленные «Вечерние огни» (небольшой цикл), в изд.: Маленький альманах: Листопад. Одесса, 1908. Во время пребывания на Капри в начале 1913 г. Астров записал в Альбом А. А. Золотарева стихи разных лет, в том числе стихотворения «Я только поэт, и иным никогда я не буду...» и «Я сам не живу, но другим я о жизни пою...» под общим заголовком «Из стихов 1906 г.» См.: *ЦГАЛИ*, ф. 218, оп. 3, ед. хр. 96, л. 10.

Позднее стихи Астрова появлялись в журн. «Вестник Европы», (1913, № 2), «Русское богатство» (1913, № 7), «Современник» (1913, № 1, 2, 8 (из цикла «Капри»), 12), в сб. «Молодой журнал» (1913, № 1), «Энергия» (2. СПб., 1914: «Тишь», «У окна», «Скрипка», «Этой ночью», «Из Каприйского альбома. Е. В. Любарской») и т. д.

[103] Произведения Горького печатались в изд-ве «Знание», и в составе собрания его сочинений, и отдельно. В серии «Дешевая библиотека» было издано 36 произведений писателя (в 34 брошюрах, по очень дешевой цене); отдельными книгами вышли пьесы «Мещане», «На дне». «Знание» выпустило 9 томов Сочинений Горького: СПб. Т. I—IV, 1900; Т. V, 1901; Т. VI, 1903; Т. VII, 1906; Т. VIII, 1908; Т. IX, 1910. Каждый из томов выдержал по несколько переизданий; напр. 1 в 1908 г. вышел 10-м тиражом. См. об этом в кн.: *Балухатый С.* Литературная работа М. Горького. М.; Л., 1936. С. XXIII.

«Знание» издавало произведения русских и зарубежных классиков, среди них — и Шелли. Отдельными книжками вышли трагедия «Ченчи» и лирическая драма «Освобожденный Прометей».

Книга Р. Мутера «История живописи в XIX в.» выпускалась в «Знании» несколькими тиражами в малом и большом изданиях.

[104] Датируется по сопоставлению с другими письмами. Небольшой отрывок из этого письма напечатан в кн.: *Келдыш В. А.* Проблемы дооктябрьской пролетарской литературы: Горький и русская революционная поэзия. М., 1964. С. 49.

[105] Датируется по почт. шт.

[106] *ЦГАЛИ*, ф. 216, оп. 1, ед. хр. 141.

Датируется по упоминанию № 9 «Современника» за 1913 г.

[107] Брат А. А. Золотарева.

[108] Место издания не установлено.

[109] Не разыскано.

[110] Перевод А. А. Золотаревым с итальянского сочинения Джордано Бруно «Изгнание торжествующего зверя» (<СПб.>: Огни. 1913).

[111] Сведения о нем не разысканы.

[112] См.: А—Г, п. от 6 августа 1911 г., прим. 7.

[113] Пляж и место прогулок на о. Капри. Недалеко от виллы, снимавшейся Горьким.

[114] А. С. Новиков-Прибой.

[115] Б. А. Тимофеев; о чем идет речь — не установлено.

[116] Знакомый по Капри, художник.

[117] А. А. Золотарев писал в это время цикл новелл, получивших в рукописи название «Путь любви. Каприйские новеллы». Хранятся в Ярославском музее. См. об этом в кн.: *Астафьев А. В., Астафьева Н. А.* Писатели Ярославского края (до 1917 г.). Ярославль, 1974. С. 214.

[118] О биографии Л. Н. Старка см.: *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 516—517 (указатель имен); Герои Октября. Л., 1967. Т. 2. С. 434; *Бережной А. Ф., Смирнов С. В.* Бойцы революции. Л., 1969. С. 224—225.

[119] Письмо Горького Н. В. Канделаки от 12/25 февраля 1913 г. (*АГ, ЛЖТ.* Вып. 2. С. 339).

[120] В это время Л. Н. Старк находился на дипломатической службе.

[121] О ком идет речь — не установлено.

[122] Письмо Горького не найдено. Данное письмо Савельева печаталось в кратком изложении в *ЛЖТ* (вып. 2, с. 390).

[123] В № 11 «Просвещения» за 1913 г. появились следующие произведения: М. Горький «По душе»; Л. Старк «Радость», «Предчувствие»; Ив. Вольнов «После смены»; Дм. Семеновский «Безумцы»; Д. Бедный «Друзьям», «Казенный заказ»; Кир. Волгин «Проститутка».

[124] В декабрьском № журнала произведения Горького не появились.

[125] Имеются в виду бланки переводов денег на подписку.

[126] Имеются в виду ст. Горького: «О „карамазовщине". Письмо в редакцию» (Русское слово. 1913. № 219. 22 сент.) и «Еще о „карамазовщине". Открытое письмо» (Русское слово. 1913. № 248. 27 окт.). Статья, о которой пишет Савельев, в журнале не появилась.

[127] А. Н. Тихонов.

[128] См. выше п. М. А. Савельева от середины октября 1913 г.

[129] В номере был напечатан рассказ М. Рослякова «Старики» и ряд стихотворных произведений: Д. Бедный «Клад», «Волк-правитель»; М. Герасимов «Рабочему», «Заводской гудок»; Кир. Волгин «Утро в горах».

[130] Печатались в № 11 и 12 за 1913 г.

[131] Ст. Ю. М. Стеклова «Французские черносотенцы и рабочий класс» печатались в № 11 и 12; речь идет также о ст. Г. Чудновского «Две теории кризисов»; печаталась в № 11 «Просвещения» за 1913 г.

[132] Имеется в виду ст. В. И. Ленина «Критические заметки по национальному вопросу», печаталась за подписью «В. Ильин» (№ 10, 11, 12).

[133] Подпись-инициал неразборчиво.

[134] Подробные сведения о биографии и деятельности — в сб., посвященном памяти революционера: Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко (1870—1916): Сб. статей. М., 1922.

[135] См. об этом выше в п. Савельева Горькому.

[136] Выступление было направлено, в частности, против статьи А. Н. Потресова «О литературе без жизни и о жизни без литературы», появившейся в «Нашей заре» (1913, № 4, 5, 6).

[137] См.: *Никитин Л.* Большевистский журнал «Просвещение». М., 1955. С. 16.

[138] Сведения о раннем п. Горького Гумилевскому не разысканы. Два письма Горького к Гумилевскому 1920-х годов опубликованы в *ЛН* (т. 70, с. 147—148).

[139] *ЦГАЛИ*, ф. 246, оп. 1, ед. хр. 25.

ОБ УЧАСТИИ ГОРЬКОГО В ГАЗЕТЕ «ЗВЕЗДА» И ЖУРНАЛЕ «ПРОСВЕЩЕНИЕ»

Из материалов *ЦГАОР*

Сообщение Л. С. Пустильник

Широко известно участие Горького в большевистских органах печати и постоянная поддержка, которую он им оказывал.

Настоящее сообщение знакомит с некоторыми материалами Департамента полиции, в которых имя Горького упоминается в связи с изданием газеты «Звезда»[1] и журнала «Просвещение».

Горький близко стоял к «Звезде», был в переписке с редакцией газеты, напечатал в ней несколько «Сказок», посвященных рабочему движению, из цикла «Сказки об Италии».

«Великолепными „Сказками“,— писал В. И. Ленин Горькому в феврале—марте 1912 г.— Вы очень и очень помогали „Звезде“, и это меня радовало черезвычайно, так что радость — ежели говорить прямо — перевешивала грусть от Вашего „романа“ с Черновыми и Амфитеатровыми...»[2]

В *ЦГАОР* хранится «Дело Особого отдела Департамента полиции. Легальная литература социал-демократических организаций (1910)»[3], где содержатся документы и за 1911—1912 гг., свидетельствующие о неослабном полицейском надзоре за газетой и преследовании ее.

Среди них — донесение об организационных основах газеты, в котором сообщалось об участии в ней В. И. Ленина и Горького. Этот документ (публикуемый с сокращениями) относится к тому периоду существования газеты, когда в ней сотрудничали, наряду с большевиками, меньшевики (плехановцы). Редакционный коллектив «Звезды» стал большевистским с осени 1911 г.

Начальник Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге доносил в Департамент полиции 5 марта 1911 г.:

«Центральный Комитет Российской социал-демократической рабочей партии, учитывая, что социал-демократическая фракция Государственной думы 3-го созыва оказалась совершенно неподготовленной к работе в Государственной думе, благодаря чему не смогла стать авторитетом в глазах пролетариата и крестьянства, предложил еще в 1909 году для восстановления популярности фракции издавать легальную партийную газету, которая вместе с тем могла бы объединять и членов партии[4].

Вопрос этот окончательно был решен при поездке за границу на Копенгагенский конгресс осенью 1910 года членов Государственной думы Николая Гурьянова Полетаева и Ивана Петрова Покровского[5], когда и было решено, что газета будет издаваться на средства ЦК, Думской фракции и на добровольные пожертвования[6]. На первоначальные расходы по изданию названные депутаты от имени фракции обещали внести 1000 рублей единовременно и затем ежемесячно отчислять из своего содержания по 500 рублей. Центральный Комитет обязался единовременно выдать 2000 руб. и ежемесячную субсидию в 500 р., кроме того, ожидались пожертвования от пермского купца Николая Васильева Мешкова[7] в 300 рублей и некоего Олейникова (не установлен) в 200 рублей.

После участия на Копенгагенском конгрессе Покровский и Полетаев приглашены были на заседание Центрального Комитета, где и было принято решение издавать в России легальную партийную газету под названием „Звезда“ для популяризации деятельности фракции среди рабочих и крестьянских масс, а также и для борьбы с ликвидаторскими и отзовистскими течениями, причем ЦК предложил ре-

дакторами газеты литераторов: сына надворного советника Николая Иванова Иорданского[8] и потомственного дворянина Владимира Дмитриева Бонч-Бруевича[9] и кассиром члена Думы Андрея Иванова Предкальна[10]. При этом ЦК указал, что первые №№ „Звезды" должны быть выпущены крайне сдержанно, придав им, по возможности, литературно-бытовой характер, а затем постепенно — к моменту выборов в IV Государственную думу — сделать газету ежедневной и резко партийной, причем было поставлено обязательным условием недопущение в газете, даже в качестве сотрудников, ликвидаторов, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ основной задачей газеты являлась борьба с ликвидаторским и отзовистским течениями.

С такими полномочиями Покровский и Полетаев вернулись в С.-Петербург ⟨...⟩

В это же время из-за границы для контроля организации издания газеты приехал агент ЦК партии нелегальный Михаил Пермяков (партийная кличка „Андрей", в наблюдении „Махровый" — мещанин Яков Михайлов Свердлов, упоминаемый в докладах от 14 и 19 ноября 1910 г. за №№ 15942 и 16193)».

В числе сотрудников газеты «Звезда» в жандармском донесении были названы:

«Ульянов Владимир Ильин, помощник присяжного поверенного (партийная кличка „Ленин"). Лидер партии, большевик;

Литератор Пешков Алексей Максимов, нижегородский цеховой, литературный псевдоним „Максим Горький". Организатор школы на острове Капри в 1909 году;

Плеханов Георгий Валентинов, дворянин (литературные псевдонимы: „Большов", „Волгин", „С. Ушаков" и „Плутанов"). Член Центрального Комитета партии;

Александров Михаил Степанов, дворянин. Литературный псевдоним „Ольминский", партийная кличка „Галерка"[11];

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриев, потомственный дворянин, литератор; редактор газеты „Звезда" (кличка в наблюдении „Фарисей"), большевик, состоит при Думской с.-д. фракции сведущим лицом по религиозным вопросам;

Иорданский Николай Иванов, сын надворного советника, литератор, второй редактор „Звезды" (кличка наблюдения „Сожитель"). Меньшевик, сведущее лицо при Думской с.-д. фракции по политическим вопросам;

Покровский Иван Петров, член III Государственной думы (кличка наблюдения „Козел").

Предкальн Андрей Иванов, член III Государственной думы (кличка наблюдения „Балтийский"). Кассир редакции „Звезда". Большевик.

Цыперович Григорий Владимиров, бывший студент С.-Петербургского университета (кличка наблюдения „Строптивый"). Меньшевик».

Материалы, полученные от охранки, которыми располагал Департамент полиции (о «Звезде» и других легальных большевистских изданиях), дополнялись еще донесениями заграничной агентуры, которая сообщала 21 марта/3 апреля 1911 г. новые сведения, обращая внимание на то, что «характерной чертой социал-демократического движения в течение последнего времени (1910—1911 гг.) является необычное развитие легальной партийной прессы в России». Объясняя это явление рядом причин, заграничная агентура подчеркивала и намерение «литераторов социал-демократического направления использовать время затишья для пропаганды наиболее основных идей марксистской философии, программы и тактики, и тем самым революционизировать массы, подготовляя их к будущей активной деятельности».

Характеризуя эту литературную деятельность, агентура информировала 21 марта/3 апреля 1911 г.: «Большевиками стала издаваться в С.-Петербурге на партийные средства еженедельная газета „Звезда", в Москве ежемесячный журнал „Мысль"[12] с участием в качестве сотрудников наиболее видных литературных деятелей среди членов РСДРП, фамилии коих печатаются на столбцах газеты „Звезда", затем в Москве же готовится к изданию газета „Наш путь"[13]. Задачей последней является подготовка широких слоев населения Москвы и ее округа к предвыборной кампании в Государственную думу 4-го созыва, к которую социал-

демократы желают провести возможно бо́льшее число своих кандидатов [14]. Эта же газета имеет и другую цель — послужить центром, вокруг которого будут группироваться и сплачиваться партийные силы и партийные организации.

Кроме перечисленных изданий отдельными социал-демократами было выпущено немало книг по специальным вопросам, но тоже такового же ярко-тенденциозного направления. Такими сочинениями являются напр.: „К критике одной философии" Вл. Ильина (В. И. Ленина); «От обороны к нападению» Плеханова, изданные книжным магазином Друтмана в г. Киеве; „История России" соч. Покровского (партийная кличка „Домов"), издание „Граната"; „Религия и социализм" Луначарского и много им подобных [15].

Вся эта литература, доступная чтению широких масс, неспособных критически относиться к печатному слову, незаметно и не возбуждая никакого подозрения делает свое дело по стягиванию этих масс в известный круг идей и в большей степени и с большим успехом заменяет работу отдельных агитаторов и пропагандистов.

Высокая цена некоторых из этих книг и сборников далеко не препятствует их распространению, так как приобретаются они зачастую коллективно, способствуя этим образованию отдельных кружков».

Получив эти сведения, Департамент предписывает Охранному отделению ликвидировать «преступную деятельность» лиц, сотрудничающих в этих изданиях.

«27 апреля 1911 г.
Особый отдел
по 3-му отделению

Секретно
Начальнику с.-петербургского
Охранного отделения

Рассмотрев записку Вашего Высокоблагородия от 5 марта сего года за № 38, Департамент полиции находит, что роль большинства сотрудников издающихся в Петербурге газет „Звезда" и „Дело жизни" [16] вполне очерчена и изобличает их в несомненной принадлежности к Российской социал-демократической рабочей партии, ввиду чего Департамент просит Вас уведомить о причинах, препятствующих ликвидации преступной деятельности этих лиц».

Началась интенсивная переписка между начальником санкт-петербургского Охранного отделения, начальником Главного управления по делам печати, прокурором с.-петербургского Окружного суда, петербургской Судебной палатой о «Звезде» — «органе большевистской фракции РСДРП, выходящем на средства Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии, а также Думской социал-демократической фракции и на добровольные пожертвования среди рабочих и крестьянских масс для борьбы с образовавшимися в среде социал-демократов течениями, известными под названием „ликвидаторов" и „отзовистов"».

13 мая 1911 г. начальник Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в С.-Петербурге доносил: «Из числа лиц, указанных в сообщении от 5 марта сего года за № 38, Владимир Бонч-Бруевич, Николай Иорданский и Григорий Цыперович 9-го февраля сего года были подвергнуты обыску, причем Бонч-Бруевич и Цыперович арестованы и 28 февраля за № 4121 переданы в с.-петербургское губернское жандармское управление».

После доклада директора Департамента полиции министру внутренних дел последовала резолюция о газете «Звезда» и других легальных изданиях: «За указанными журналами и газетами надлежит иметь непрестанное наблюдение, подвергая их ответственности в случае нарушения обязательных постановлений в административном порядке или же возбуждая против них в установленном порядке уголовное преследование.

Если газета или журнал ведутся социал-демократической организацией, следует тщательно обследовать это обстоятельство и привлечь виновных по ст. 102 Угол(овного) ул(ожения) по примеру журнала „Дело жизни". Для этого необходимо предварительно ознакомиться с этим последним дознанием и выяснить, почему виновные по этому делу не привлечены. Агитация с.-д. путем легальной печати должна быть всемерно прекращаема 4.12.1911».

Особое внимание обращали власти на сотрудничество в газете В. И. Ленина:

«Чиновник особых поручений
при министре внутренних дел.
Совершенно секретно.
Его превосходительству г⟨осподи⟩ну
директору департамента полиции.

По полученным подполковником Эргордтом от агентуры сведениям в издающейся в Петербурге газете „Звезда", органе социал-демократов-большевиков, имеются статьи за подписью „Вильям Фрей" и „В. Ильин". По агентурным сведениям под этими псевдонимами пишет Ленин.

Докладывая об изложенном, имею честь представить при сем вашему превосходительству экземпляр № 33 газеты „Звезда", в коей помещены две статьи: „Избирательная кампания в IV Государственную думу" и „Старое и новое", подписанные помянутыми выше псевдонимами [17].

Чиновник особых поручений Красильников.

№ 1724
Париж
31 декабря 1911

13 января 1912».

В этом же деле находится перлюстрированное письмо к Г. В. Плеханову, которое имеет отношение к самому начальному периоду организации журнала «Просвещение».

«С.-Петербург, 7 октября 1911 г. „За секретаря редакции А. П." в Женеву, Георгию Валентиновичу Плеханову. Rue de Candolle 9.

Многоуважаемый Георгий Валентинович. Предполагая в самом ближайшем будущем издавать ежемесячный журнал под заглавием „Просвещение" строго марксистского направления, разрешаем себе обратиться к вам с приглашением сотрудничества в нашем журнале. Программа журнала — обсуждение всех текущих общественно-политических и социальных вопросов как российской, так и заграничной действительности. В журнале также будут помещаться небольшие статьи, касающиеся рассмотрения теоретических проблем марксизма. В качестве постоянных отделов намечаются: на темы дня, хроника текущей жизни, экономическое обозрение, среди газет и журналов и отдел библиографический. Кроме того, журнал будет содержать особый литературный и литературно-критический отделы. К участию в журнале привлекаются лучшие литературные силы. Выпуск первой книжки предполагается в первой половине октября. Адрес конторы и редакции: С.-Петербург, Литейный проспект, д. 55, кв. 43. За секретаря редакции А. П.[18]

Одновременно аналогичные письма посылаются по адресам:

1) Италия, Капри, М. Горькому [19]

2) Париж, Н. Крупской *, рю Мари-Роз, 4 [20]».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *«Звезда»* — большевистская легальная газета. Возникла по инициативе В. И. Ленина. Издавалась в Петербурге с 16/29 декабря 1910 г. по 22 апреля / 5 мая 1912 г. Всего вышло 69 номеров. Газета выходила сначала еженедельно, а позже, в 1912 г., два и три раза в неделю. Идейное руководство изданием осуществлял В. И. Ленин. См.: *Усок И. Е.* «Звезда» и «Невская звезда» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917 гг.: Большевистские и общедемократические издания. М.: Наука, 1984. С. 43—53.

[2] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 47—48.

[3] *ЦГАОР.* ДП, ОО. 1910, д. 5, т. 3, литер лл, л. 5—8, 14—15 об., 18, 20, 33, 96, 185, 71.

[4] Имеется в виду постановление совещания расширенной редакции «Пролетария» (Париж, 8—17/21—30 июня 1909 г.), в котором предлагалось «оказать материальное содействие изданию легальной думской газеты» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 1. С. 287). Газ. «Звез-

* Крупская Надежда — жена Ленина (*прим. чиновника*).

да» в начальный период своего существования считалась органом социал-демократической фракции III Государственной думы.

[5] Копенгагенский конгресс — VIII конгресс II Интернационала состоялся 15—21 августа / 28 августа — 3 сентября 1910 г. В работе конгресса участвовали В. И. Ленин и Г. В. Плеханов. Решение об издании газ. «Звезда» (и «Рабочей газеты») было принято на совещании В. И. Ленина с Г. В. Плехановым, Н. Г. Полетаевым и И. П. Покровским и др. См.: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1971. Т. 2. С. 563.

Николай Гурьевич *Полетаев* (1872—1930) — социал-демократ, большевик, по профессии рабочий-токарь, входил в большевистскую группу социал-демократической фракции III Государственной думы. Был издателем газ. «Звезда».

Иван Петрович *Покровский* (1872—1963) — социал-демократ, по профессии врач. Депутат III Государственной думы, примыкал к большевистской части социал-демократической фракции. В 1910 г. вошел в редакцию «Звезды».

[6] Денежным обеспечением издания «Звезды» непосредственно занимался В. И. Ленин. См.: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 2. С. 577, 582, 601.

[7] Николай Васильевич *Мешков* (1851—1933) — пермский пароходовладелец. В связи с упоминанием его имени в донесении был послан запрос начальнику пермского губернского жандармского управления:

«27 апреля 1911 г. Особый отдел

По 3 отделению

В Департаменте полиции получены секретно сведения о том, что пермский купец Николай Васильев *Мешков* оказывает денежное вспомоществование издающейся в Петербурге легальной газете „Звезда" — легальному органу Российской социал-демократической рабочей партии. Ввиду изложенного Департамент полиции просит Вас сообщить сведения о личности Мешкова, степени его политической благонадежности и о том, насколько отвечает истине его участие в названном органе».

В ответ на этот запрос начальник Пермского губернского жандармского управления 12 мая 1911 г. доносил, что «Мешков Николай Васильевич, пермский 1-й гильдии купец, родившийся в гор. Весьегонске, Тверской губернии 30 мая 1851 года, в гор. Перми имеет пароходство и оптовую торговлю солью, нефтью и цементом (...) Сам Мешков в гор. Перми бывает крайне редко и по большей части проживает в гор. Самаре (...) Образование Мешков получил в Весьегонском уездном училище, курс которого окончил в 1866 году».

Далее сообщалось, что Мешков «7 марта 1902 года был обыскан, арестован и привлечен в качестве обвиняемого» в субсидировании местной эсеровской организации, но «был 11 того же марта из-под стражи освобожден под денежный залог в десять тысяч рублей, а затем (...) он был подчинен гласному надзору полиции по месту его жительства в гор. Самаре на один год.

Привлечение Мешкова к дознанию скомпрометировало его в глазах благонамеренной части местного общества, а среди лиц противоположного направления создало ему популярность, видимо, крайне для него лестную. Известный в городе ранее как „филантроп", принимавший близкое участие в делах местных благотворительных и просветительных учреждений, Мешков впоследствии занял положение „патрона" местной революционной публики, оказывая материальную поддержку „пострадавшим", субсидируя некоторых при поездках за границу и даже не отказывая в средствах на дела организации. Последнее известно исключительно по агентурным сведениям и определенными фактами не установлено.

Ввиду того что в Пермском районном Охранном отделении имеются положительные указания на обращение редакции издающейся в гор. Перми газеты левого направления „Пермский край" (представление от 21 января сего года за № 200) к Мешкову о субсидировании средств для этой газеты, вполне возможно, что Мешков оказывает денежное вспомоществование и газете „Звезда"» (*ЦГАОР*, ДП, ОО, 1910, д. 5, т. 3, литер лл, л. 19, 34, 35, 35 об.).

По свидетельству Л. А. Фотиевой, Мешков «понял, что эсеры не та партия, которой надо помогать, и одно время давал деньги меньшевикам, потом разобрался и стал систематически помогать большевикам. С ним были связаны члены ЦК нашей подпольной партии (...) Ленин знал Мешкова — еще до революции, не встречался с ним, но знал о нем и об его деятельности...» (п. Л. А. Фотиевой Ю. А. Орлову от 14 июня 1965 г.— см.: *17*, 585).

Горький видел в Мешкове «белую ворону», «кающегося купца» (п. К. А. Федину от 21 дек. 1932 г.— *XXX*, 267; ст. «О том, как я учился писать» — *XXIV*, 495).

[8] См.: Г — СМ.

[9] В. Д. Бонч-Бруевич входил вместе с Н. И. Иорданским и И. П. Покровским в редакцию «Звезды». См. также п. В. И. Ленина к В. Д. Бонч-Бруевичу от 8 и 10 ноября (н. ст.) 1910 г. в связи с подготовкой издания газ. «Звезда» (*В. И. Ленин*. Т. 47. С. 278—280).

[10] Андрей Иванович *Предкальн* (Приедкальн, 1873—1923) — латышский социал-демократ, член III Государственной думы, примыкал к большевикам.

[11] Михаил Степанович *Ольминский* (Александров М. С., 1863—1933, псевд.: Витимский А., Галерка) — профессиональный революционер, литератор. Вступил в РСДРП в 1898 г. После II съезда партии — большевик. В 1911—1914 гг. принимал ближайшее участие в газ. «Звезда», «Правда», журн. «Просвещение».

[12] «*Мысль*» — большевистский ежемесячный философский и общественно-экономический журнал. Издавался в Москве с декабря 1910 по апрель 1911 г. В. И. Ленин руководил журналом из-за границы, в первых четырех книжках «Мысли» поместил 6 статей.

Ближайшее участие в журнале принимали: В. В. Воровский, М. С. Ольминский, И. И. Скворцов-Степанов. В журнале сотрудничали также меньшевики-партийцы (Г. В. Плеханов и др.).

В деле Департамента полиции «Легальная литература социал-демократических организаций» содержится донесение от 1 мая 1911 г. об изъятии тиража № 5 (апр.) журн. «Мысль» за публикацию начала ст. К. Каутского «Тактические направления в германской социал-демократии». После этой конфискации журнал был запрещен. В донесении говорилось:

«Ввиду полученных подведомственным мне охранным отделением агентурных сведений, что в издающемся легально социал-демократическом журнале „Мысль" № 5 помещена будет преступная статья Каутского, 30 минувшего апреля произведен обыск типографии „Печатное дело", коим изъято две тысячи семьсот экземпляров этого журнала. Тотчас собравшийся Комитет по делам печати постановил конфисковать № 5 с привлечением редактора Пирожкова по второму пункту 129 статьи Уголовного уложения» (*ЦГАОР*, ДП, ОО, д. 5, т. 3, л⟨итер⟩ лл, Продолжение II, л. 27).

В связи с этой конфискацией В. И. Ленин сообщал Горькому: «У нас несчастье с „Мыслью" ⟨...⟩ четыре №№ мы выпустили без малейшей придирки суда. № 5 арестован за Каутского!! Ясно, что это — придирка. Ничего нелегального у Каутского нет» (*В. И. Ленин*, т. 48, с. 31). Вместо журнала «Мысль» стал издаваться журн. «Просвещение».

[13] «Наш путь» — большевистская общественно-экономическая газета. Издавалась в Москве с 30 мая / 12 июня 1910 г. по 9/22 января 1911 г. Вышло 8 номеров. Редактор И. И. Скворцов-Степанов.

[14] Выборы в IV Государственную думу закончились 7/20 ноября 1912 г. Всего в Думу прошло 13 кандидатов социал-демократов: шесть депутатов-большевиков (А. Е. Бадаев, Г. И. Петровский и др.) и семь депутатов-меньшевиков-ликвидаторов. Позже, в октябре 1913 г., шесть депутатов-большевиков по предложению В. И. Ленина организовались в «Российскую социал-демократическую рабочую фракцию IV Государственной думы».

[15] Упоминаются изд.: *Ленин В. И.* (Вл. Ильин). Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Звено, 1909; *Плеханов Г. В.* От обороны к нападению: Ответ г. А. Богданову. Критика итальянского синдикализма и др. статьи. ⟨М.:⟩ типо-литография т-ва В. Чичерин, ⟨1910⟩; *Покровский М. Н.* Внешняя политика России в конце XIX века // История России в XIX веке. М.: изд. т-ва бр. А. и И. Гранат и К°, 1910. Т. IX. С. 164—236. *Луначарский А. В.* Религия и социализм: В 2 ч. СПб.: изд-во «Шиповник». 1908—1911.

[16] «*Дело жизни*» — легальный журнал меньшевиков-ликвидаторов. Издавался в Петербурге с января по декабрь 1911 г. В «Деле» «Легальная литература социал-демократических организаций» содержится сообщение о том, что 28 сентября 1911 г. против этого журнала «возбуждено дознание по признакам ст. 102 Уголовного уложения» (л. 18, 28—28 об., 75).

[17] № 33 газ. «Звезда» вышел 10 декабря 1911 г. Продолжение ст. В. И. Ленина «Избирательная кампания в IV Государственную думу» печаталось в № 34, 36 и 1(37) от 10, 17 и 31 декабря 1911 г. и 6 января 1912 г. (подписи: Вильям Фрей и В. Фрей). Ст. «Старое и новое» подписана псевдонимом «В. Ильин» (*В. И. Ленин.* Т. 21. С. 56—60).

[18] Вслед за перлюстрацией этого письма начались поиски его отправителя, скрывшего свою фамилию под инициалами *А. П.* Жандармские чиновники поспешили сообщить начальнику охранки 3 ноября 1911 г., что им, возможно, является Предкальн: «Автором секретного документа из С.-Петербурга в Женеву от 7 октября 1911 года за подписью „А. П." может быть известный Департаменту полиции лекарь, член Государственной думы социал-демократической фракции Андрей Иванов — Янов Предкальн» (*ЦГАОР*, ДП, ОО, 1910, д. 5, т. 3, л⟨итер⟩ лл. Продолжение II, л. 78).

[19] Аналогичным письмом, направленным в адрес Горького, не располагаем. Но косвенным свидетельством того, что такое письмо было получено Горьким, является его п. Г. А. Алексинскому, в котором он спрашивал: «И зачем вам двухнедельный журнал, когда зачинается ежемесячное „Просвещение" марксистского направления? Кто эти просвещенцы? Вы знаете?» (сообщено И. С. Зильберштейном).

[20] Ул. Мари-Роз, 4 — парижский адрес В. И. Ленина и Н. К. Крупской.

ГОРЬКИЙ И ЖУРНАЛЫ «СОВРЕМЕННЫЙ МИР», «ЗАВЕТЫ», «КРУГОЗОР»

ПЕРЕПИСКА С Н. И. ИОРДАНСКИМ, М. К. КУПРИНОЙ-ИОРДАНСКОЙ И В. П. КРАНИХФЕЛЬДОМ

Предисловие, публикация и комментарии
Н. И. Дикушиной и М. А. Никитиной

Переписка Горького с Н. И. Иорданским, М. К. Куприной-Иорданской и В. П. Кранихфельдом — руководителями журнала «Современный мир» [1] — охватывает немногим более двух с половиной лет (май 1910 — апрель 1913).

В эти годы Горький стремился к созданию печатного органа, который смог бы сплотить левые силы литераторов, и начинал сотрудничать в ряде журналов. Как свидетельствует публикуемое ниже письмо от 9/22 июня, он согласился с упреком Кранихфельда в том, что ему принадлежит «акушерская роль» в создании новых журналов и что он сочувствует «не журналу (в данном случае «Современному миру»), а журналам». В своем ответе Кранихфельду Горький написал весьма значительные слова, позволяющие понять смысл его поисков: «...я уверен, что если бы игроки разобрали все карты — козыри остались бы в руках с.-д., как группы наиболее богатой талантами. Когда все сгруппируются с с.-деками, бог даст, будет ясна необходимость плотной группировки» (п. 20).

Горький начал сотрудничать в «Современном мире» после того, как летом 1910 г. издательница журнала М. К. Куприна-Иорданская и ее муж, редактор журнала и автор журнальных «Политических обозрений» Н. И. Иорданский, побывали на Капри. После их отъезда Горький писал А. Н. Тихонову: «Вчера проводил отсюда в Россию Куприну с ее мужем Иорданским,— мне чета сия понравилась, у нее есть добрые идеи, славные намерения, и я заключил с нею союз — буду печатать у них свои оптимистячьи выдумки» [2].

Горького привлекла поставленная журналом задача: «распространение среди читателей идей последовательного политического и социального демократизма» [3]. Не случайно, что свою статью «О писателях-самоучках», в которой была развернута широкая перспектива развития новой литературы, Горький передал не в «Современник», но в «Современный мир». Кроме статьи «О писателях-самоучках», Горький поместил в журнале пьесу «Встреча», рассказ «Мордовка», «Русские сказки».

Очевидно, Горький оценил и личность редактора журнала Николая Ивановича Иорданского (1876—1928), в частности его черту, отмеченную позже А. Свидерским: «По натуре своей Иорданский был журналист и притом журналист, искавший широкого массового читателя» [4]. Иорданский редактировал «Современный мир» с 1907 г. по 1917 г. К этому времени за его плечами был богатый опыт политической и издательской работы. В 1904 г. он сотрудничал в газете «Искра», в 1905 г. входил в исполком Петербургского совета рабочих. В 1906 г., примкнув к меньшевикам, Иорданский участвовал в работе Стокгольмского (объединительного) съезда. Резко отрицательно оценив ликвидаторство, он вошел в группу меньшевиков-партийцев и сблизился с большевиками. В 1910 г. стал одним из организаторов и редакторов газеты «Звезда», за что летом 1911 г. был выслан из столицы и подвергся полицейскому надзору (п. 12, прим. 1). Зная деятельность Иорданского в «Звезде»,

Горький приглашал его летом 1911 г. вновь приехать на Капри «для выработки плана объединения вокруг какого-нибудь органа» [5]. Ленин в связи с этим предостерегал Горького: «Я *очень* боюсь, что Иорданский непригоден для таких планов (ибо у него „*свой*“ журнал, и он будет либо тормозить, либо тянуть в „свой“ журнал, оставляя его *своим*=полулиберальным)» [6].

Ранее, в 1910 г., Ленин определял направление «Современного мира» как «зачастую меньшевистски-кадетское (теперь с уклоном в сторону партийного меньшевизма)» [7].

Издательница «Современного мира» Мария Карловна Куприна-Иорданская (1879—1965) принимала самое деятельное участие в работе журнала, была в курсе всех проектов и начинаний, о чем свидетельствует ее переписка с Горьким. Ей принадлежит книга «Годы молодости» (М., 1965), где, в частности, рассказано о встрече с Горьким на Капри.

СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ

СОДЕРЖАНІЕ № 2

стр.

1. ПРОКЛЯТЫЙ РОДЪ. Романъ. (Продолженіе). Ивана Рукавишникова. 5
2. ИСПУГЪ. Разсказъ. С. Сергѣева-Ценскаго 43
3. ЛАГЕРЬ СМЕРТИ. Повѣсть о пережитомъ. А. Свирскаго. . . . 51
4. ТАЛИСМАНЪ. Романъ изъ англо-индійской жизни. А. Перринъ. Перев. Э. К. Пименовой. (Продолженіе). 83
5. МАРІЯ-КЛАРА. Романъ. Маргариты Оду. (Пер. съ франц.) (Продолженіе.) 117
6. РИМСКІЙ КОЛОНАТЪ. Проф. М. Ростовцева. (Окончаніе). . . 143
7. МЕЖДУ ТРАГЕДІЕЙ И ФАРСОМЪ. В. Фриче. 160
8. О ПИСАТЕЛЯХЪ-САМОУЧКАХЪ. М. Горькаго. 178
9. ЗАВѢЩАНІЕ. Стихотвореніе. Т. Шевченко, Перев. А. Коптоновскаго. 210
10. КАКЪ ПРИНЯТО БЫЛО ПОЛОЖЕНІЕ 19 ФЕВРАЛЯ ОСВОБОЖДЕННЫМИ КРЕСТЬЯНАМИ. А. Попельницкаго. 211
11. „“. Стихотвореніе. Вл. Вѣтринскаго 235
12. «ОСВОБОЖДЕНІЕ» КРЕСТЬЯНЪ. Г. Пасханова. 236
13. ПЕРВЫЙ НАРОДНЫЙ ПОЭТЪ (Т. Г. Шевченко). В. Львова-Рогачевскаго. 263
14. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ПРИКАЗЧИЙ ВОПРОСЪ. А. Гудзенъ 275
15. ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ. По страницамъ современнаго читателя. І. Ларскаго 284

ОБЛОЖКА ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННЫЙ МИР» 1911, № 2

Более сложно складывались отношения Горького с Владимиром Павловичем Кранихфельдом (1865—1918), который был редактором журнала в сентябре 1911 г. и заменял Иорданского два года, когда тот был выслан из Петербурга. Ранее Кранихфельд вел в «Современном мире» отдел «Литературные отклики», и эти его литературно-критические статьи вызывали скептические отзывы Горького. «Г. Кранихфельд, конечно, скучен и дает слишком часто — ежемесячно — много оснований сомневаться в его уме ⟨...⟩ У Тертуллиана сказано о Кранихфельдах: „Судят музыкантов, не зная музыки“ [8]» (письмо А. Н. Тихонову, середина января 1911 г.).

В самом начале переписки у Горького и Кранихфельда возникла полемика о Достоевском (см. об этом в статье Б. А. Бялика). Она послужила поводом для критики Горьким общей платформы журнала, критики резкой и не всегда — в частностях — справедливой.

Но одновременно с критикой Горький развернул в своем письме широкую программу, перекликавшуюся с тем проспектом нового журнала, над которым Горький тогда работал (Г—М, п. 2 и 4), что свидетельствовало о его заинтересованности работой «Современного мира».

В переписке Горького с Иорданскими и Кранихфельдом затронут один, казалось бы, частный эпизод: отказ Горького сотрудничать в журнале «Новая жизнь» в связи с тем, что там предполагалась публикация романа И. Ясинского «Болезнь Арланова» (п. 11, прим. 1). Эпизод этот вызвал большой шум в журнальном мире и задел Иорданских, так как Горький ознакомил их со своими письмами редактору «Новой жизни» П. А. Берлину, Иорданские же использовали эти письма в столкновении с Берлиным, который сотрудничал и в «Современном мире». Конфликт Горького с «Новой жизнью» имел принципиальный характер, он раскрывал последовательность и бескомпромиссность Горького, стоявшего за создание «плотной группировки» на твердой идейной основе и не представлявшего возможным для себя сотрудничать в одном органе с литератором, чьи общественно-политические

взгляды были враждебны его собственным и чья репутация «рептильного» писателя была хорошо известна. Сопоставление ясных, точных, лаконичных писем Горького Ясинскому и Берлину (п. 11, прим. 1, 2) [9] с письмами Иорданских и Кранихфельда наглядно показывает различие между обоснованной позицией Горького и расплывчатой, неопределенной линией поведения редакторов «Современного мира», в результате чего дело это обросло второстепенными конфликтами, приведшими к суду чести. В этих побочных спорах затерялась главная суть столкновения.

Помимо проблем журналистики, переписка Горького с редакцией «Современного мира» поднимает ряд важных вопросов текущей литературной жизни. Как и в переписке с Амфитеатровым, Горький обращал внимание редакторов на книгу М. Сивачева «Записки литературного Макара», выступления М. Волкова, газеты «Жизнь» (Симбирск), в которых умалялась роль интеллигенции. Тревога о том, что подобные выступления снижают общий уровень культуры, сбивают рабочего читателя, мешают росту талантливых самоучек, звучит в его письме Кранихфельду (п. 18). В этой связи хотелось бы привести и другое письмо Горького — в редакцию симбирской газеты «Жизнь», которая обратилась к нему с просьбой о сотрудничестве.

«Милостивые государи. Я не могу Вам помочь, потому что газетка Ваша кажется мне вредной. В ней нет ничего „самостоятельного“: отрицательное отношение к науке, интеллигенции и культуре — неново и отнюдь не самостоятельно, это проповедуется давным-давно теми друзьями русского народа, которым выгодно видеть его глупым, невежественным и которым нужно возбудить в нем отрицательное отношение к людям, желающим ему всяческого добра и духовного здоровья.

Мне кажется также, что „народного“ в газете Вашей — ничего нет: статьи в ней пишут люди с большим самомнением, но — бестолковые и малограмотные — уж извините за правду. Иначе сказать не могу.

Каждая статья Вашей газетки исполнена противного самолюбия, и авторы, утверждая, что человека „не надо учить“,— все-таки учат — плохому учат.

Говоря о „народном творчестве“, Вы, видимо, не имеете представления о том, каково оно и каковы его формы. Было бы лучше, если бы Вы внимательно почитали народные былины, сказки, легенды, песни — это истинное народное творчество, и оно является почвой, из которой развивалась и наука, и религия.

А писать бестолковые, малограмотные и смешные статейки — бросьте, ничего, кроме вреда, себе самим не принесете Вы этими писаниями. Вам учиться надобно, а не учить.

И не говорите, что газета „Жизнь“ в будущем будет „Новым евангелием жизни“ — это не только самонадеянно, но очень смешно и неумно.

Вы извините меня за правду, сказанную просто, ведь Вы именно простоту и ясность отношений проповедуете. Ну вот, я говорю Вам простейшими словами: не рассматривайте себя как учителей, а лучше сами поучитесь. И не внушайте сами себе недоверие к тому, что Вам неизвестно: сначала взвесьте великий труд тех людей, которых Вы зовете „интеллигенцией“,— и если Вы люди честные, духовно здоровые, Вы почувствуете великое уважение к этой огромной работе и любовь к людям, совершившим ее» [10].

В письмах к Иорданским Горький обращался с просьбой высылать ему материалы о современных литературных нравах. Его тревожили и возмущали попадавшие в газеты сведения о недостойном поведении литераторов, и, очевидно, он намеревался написать статью, которую предполагал озаглавить «Вопли провинциала». Сведения об этом горьковском замысле можно найти в письмах его корреспондентов (п. 11, прим. 3; п. 12, 13).

В небольшой переписке Горького с Иорданскими, которая хранится в *АГ*, многие письма Горького, как об этом свидетельствуют ответы Иорданских, отсутствуют. Они или утрачены, или еще не разысканы. Возможно, они были изъяты при обысках, которые часто производились у Иорданских.

Переписка Горького с Кранихфельдом оказалась сохраннее, она представляет собой своего рода «диалог».

Ниже публикуются 10 писем Горького в редакцию «Современного мира», 9 писем Иорданского, 2 — Куприной-Иорданской и 5 — Кранихфельда. Одно п. Горького Иорданскому было опубликовано в Собр. соч. (*XXIX*, 153—155).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О журн. «Современный мир» см.: *Скворцова Л. А.* «Современный мир» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. М., 1984.
[2] *Горьк. чт.* 1959. С. 14.
[3] Современный мир. 1911. № 1.
[4] Изв. ВЦИК. 1928. № 302. 30 дек.
[5] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 33.
[6] Там же.
[7] Там же. С. 4.
[8] *Горьк. чт.* 1959. С. 17.
[9] См. также: *XXIX*, 197, 198, 209—210; 30 дней. 1937. № 9.
[10] *АГ.*

1. ИОРДАНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург. 4/17 мая 1910 г.⟩

Глубокоуважаемый Алексей Максимович,

П. А. Берлин[1] показал мне отрывок из Вашего письма, в котором я прочел теплые строки по поводу моего столкновения с «Речью»[2]. Я не могу не послать Вам искренней и товарищеской благодарности. Среди организованного кадетами и к.-д. подголосками лая против меня и «Соврем⟨енного⟩ мира» Ваши слова были и для меня и для всей редакции большим утешением. Они показали, что можно же, не сочувствуя нелепой форме дуэли, понять все возмущение, вызванное непрерывною и разнузданною травлею. Хулиганство, натаскиваемое на демократию, чтобы завтра в «Нов⟨ом⟩ врем⟨ени⟩» травить либерализм, пользуется каким-то слабодушным покровительством даже честных писателей, не понимающих, куда ведет эта вакханалия. Благодарю Вас, что Вы поняли мою психику, когда я «вышел» из рамок.

Пользуюсь случаем обратиться к Вам с просьбою, о которой мы давно думали; мы предполагали, что Вы отрицательно относитесь к участию в журналах и не решались просить Вас дать что-либо «Соврем. миру», хотя Ваше произведение для нас представляло бы наибольшую ценность, как произведение писателя, близкого идейно к журналу. Теперь, после опыта «Журнала для всех»[3], у нас явилась надежда, что Вы не так уж недоступны для журналов. Если Вы ничего не имеете против нас, то, быть может, вспомните о «Совр. мире» и пришлете нам рассказ. Наш читатель отчасти принадлежит к тем элементам народа, которые до сих пор остаются без внимания художников.

Искренне преданный Вам

Ник. Иорданский

4/5 1910

[1] Павел Абрамович *Берлин* — журналист, в 1910—1911 г. сотрудничал в журн. «Современный мир», переписывался с Горьким. Упомянутым п. Горького Берлину *АГ* не располагает.

[2] 7 марта 1910 г. «Речь» опубликовала статью Чуковского, в которой редакция журн. «Современный мир» обвинялась в обмане читателей, так как многие из рекламированных журналом на 1909 г. произведений не были напечатаны. На это обвинение Иорданский ответил письмом к редактору «Речи» И. В. Гесссену, в котором требовал немедленно напечатать опровержение (составленное самим Иорданским и Кранихфельдом), в противном случае он уполномачивал Кранихфельда и М. Арцыбашева передать Гессену вызов на дуэль.

Литературный суд чести в составе К. К. Арсеньева, Н. Ф. Анненского, С. А. Венгерова, Г. К. Градовского и В. Д. Кузьмина-Караваева рассмотрел дело журн. «Современный мир» с газ. «Речь» и вынес решение, в котором указывалось, с одной стороны, на неосновательность обвинений Чуковского в адрес «Современного мира», с другой стороны, осуждалось поведение Иорданского и Кранихфельда (Современный мир. 1910. № 5. С. 126—135).

Горький писал об этом инциденте Амфитеатрову и Короленко: «...поведение „Речи" в деле с „Совр⟨еменным⟩ миром" — внушило мне к этой газете нехорошее чувство. Слишком много политики в этой газете, и слишком торопится она наплевать на демократию» (*Горький и Короленко*. С. 60).

[3] Редакция «Нового журнала для всех» обратилась к Горькому с просьбой опубликовать его рассказ «Старик», в свое время напечатанный в № 4 «Адской почты», конфискованном и уничтоженном цензурой. Горький дал согласие, и рассказ был помещен в журнале (1911, № 37, нояб.).

2. ИОРДАНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург.⟩ 16/IX 910

Дорогой Алексей Максимович!

Только теперь стал владеть рукой и спешу написать Вам несколько строк. Неприятная история с предварительным объявлением о Вашей пьесе показывает, что сейчас не спасешься от репортера[1]. Мы были весьма удивлены и произвели расследование. Оказалось, что сообщение в газете дано нашим заведующим конторою! Он теперь уже покинул нас для того, чтобы всецело заняться газетною работою, но напоследок не мог отказаться от случая сообщить интересное сведение. С его уходом у нас в конторе, кажется, не осталось больше «представителей гласности».

Петербургский сезон начинается, но еще не в разгаре. Мы, литераторы, до сих пор не собирались в литературном обществе и поэтому не знаем всех новостей друг про друга. Последнее известие — Бенштейн[2] намерен издавать толстый ежемесячник якобы марксистского направления. Все вздыхают о газете, но практически ничего не намечается. Писали ли Вы Каменскому?[3]

Не лучше ли будет, Алексей Максимович, не ожидая капиталиста, попытаться собрать небольшими паями 3—4 тысячи рублей и открыть газету еженедельную? Нужно не упустить момента. А затем можно уже искать поддержки существующему делу. Как Вы думаете об этом плане? «Совр⟨еменный⟩ мир» мог бы внести 1000 р. Еще 1000 можно было бы достать среди сочувствующей интеллигенции. Я предполагаю, что можно было бы давать за 2 рубля еженедельную газету и приложение: 6 переводных романов для здорового и занимательного чтения.

Буду ждать Вашего ответа. Привет Марии Федоровне.

Ваш Ник. Иорданский

[1] Горький передал «Современному миру» пьесу «Встреча». Накануне ее публикации в кн. 9 журнала в прессе появились сообщения об этой пьесе: «Фарс М. Горького» (Утро России. 1910. № 227. 19 авг./1 сент.); «Пьеска М. Горького» (Биржевые ведомости (веч. вып.). 1910. № 11876. 20 авг.) и др.

[2] Николай Архипович *Бенштейн* — редактор журн. «Новая жизнь» и «Новый журнал для всех».

[3] Василий Михайлович *Каменский* — сын одного из совладельцев «Пароходства бр. Каменских на Волге и Каме», знакомый Горького. Очевидно, разговор о привлечении Каменского в качестве пайщика к задуманным Горьким изданиям состоялся во время приезда Иорданских на Капри. В п. Каменскому, написанных в конце 1910 г., нет упоминаний о новых изданиях.

3. ИОРДАНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург.⟩ 27/X 1910 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Я с Вами вполне согласен, что газета на паях является весьма неустойчивой постройкою. И я тем более охотно отказываюсь от этой мысли, что сейчас налаживается другая газета[1], до известной степени продолжающая «Нов⟨ый⟩ день»[2]. С ее организацией выходят некоторые затруднения, но надеюсь их преодолеть, так как дело стоит того. Молчать прямо нельзя — задохнемся! Вероятно, у Вас уже имеются сведения об этом предприятии от других знакомых. Мне поручено просить у Вас разрешения поставить Вас в число сотрудников и просить

что-либо для первого номера. Вы понимаете, что это для газеты будет залогом немедленной известности. Георгий Валентинович[3] уже обещал статью для первого номера. Будем надеяться и на Вашу. Для начала дайте хоть сто строк, и то — дело сделано[4]. Пока адреса газеты еще не имеется, я прошу Вас прислать рукопись на мое имя.

Затем, большая, очень большая просьба для «Совр〈еменного〉 мира». Дайте нам заглавие для проспекта будущего года![5] И, конечно, не только заглавие! Мы очень хотим, чтобы в будущем году на страницах «Совр. мира» появилось Ваше произведение, повесть или рассказ,—как Вам покажется удобнее. Я надеюсь, что в течение года Вам удастся выбрать время и для «Соврем. мира». Пока же дайте нам заглавие. Без него наш проспект на 1911 год не будет иметь необходимого значения. Жду благоприятного ответа. Мой искренний привет Марии Федоровне.

Ваш Ник. Иорданский

P. S. Только сегодня узнал, из «Бирж〈евых〉 ведомостей», что «Современник» предполагается опять издавать, на этот раз под редакцией Боцяновского, и что «постоянным сотрудником всех номеров» — будете Вы![6] Это известие возбуждает всеобщее изумление. Верят ему, впрочем, очень немногие.

[1] Речь идет о газ. «Звезда».

[2] «*Новый день*» — еженедельная легальная социал-демократическая газета, издавалась в Петербурге с июля по 13/26 декабря 1909 г., была закрыта полицией. В начале издания газеты Иорданский и И. П. Гольденберг (Мешковский) были ее фактическими редакторами. В газ. «Новый день» В. И. Ленин напечатал ст. «Еще о „партийности" и беспартийности» и «О „Вехах"».

[3] В первом номере «Звезды» (1910, 16/29 дек.) напечатана ст. Плеханова «Заметки публициста».

[4] Горький начал печататься в «Звезде» позже, с января 1911 г. См. п. 8.

[5] В объявлении о подписке на 1911 г. (Современный мир. 1910. № 11 и 12) в перечне участников художественного отдела указывалось имя Горького. Горький был упомянут и в разделе, где назывались авторы рассказов, намеченных к печати на 1911 г. Названия рассказов не указывались (п. 3).

[6] В «Биржевых ведомостях» (1910, № 11990, 27 окт., веч. вып.) было объявлено: «С нового года начинает выходить в Петербурге большой ежемесячный журнал литературы, политики и общественной жизни, издаваемый М. М. Кояловичем и В. А. Тихоновым, под редакцией В. Ф. Боцяновского. Душою журнала является Амфитеатров, прекращающий для этого сотрудничество во всех других журналах и газетах. Постоянным же сотрудником нового журнала явится и Максим Горький. Продолжая традиции старого „Современника", журнал отводит место сатире и карикатуре». См. переписку Горького с Амфитеатровым за ноябрь—декабрь 1910 г. и за 1911 г.

4. ИОРДАНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

〈Петербург.〉 11/XI 1910 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Прежде всего о Короленко. С «Русск〈ого〉 богатства» арест уже снят, и конфисковано оно было не за Короленко, а за Мякотина и одно из стихотворений,— по крайней мере, формально. Так〈им〉 обр〈азом〉, дело закончилось благополучно и не требует дальнейших действий[1]. Затем, о Вашем рассказе: мы решили, чтобы не давать повода к нападкам, внешним образом правильным, не печатать в проспекте заглавий. Как Вы увидите в ноябре, мы указываем только намеченных авторов[2]. Я думаю, что так будет во всех отношениях лучше. А то наши многочисленные «друзья», действительно, способны даже смерть автора поставить нам в вину.

В последнее время опять замечается обострение злобы к ортодоксальному марксизму. Еще ликвидаторов слегка поощряют, нашего же брата преследуют всеми способами. В литературном обществе на днях

рызыгрался грандиозный скандал, осложненный личным инцидентом. «Русск〈ое〉 богатство» объявило нам открытую войну. Необходимость погасить личное столкновение заставило нас пойти на худой мир, но, кажется, вскоре опять загорится бой между марксистами и неонародниками[3]. Это производит впечатление нежелательной резни среди демократии, но это связано с несомненным оживлением настроения. Смерть Толстого встряхнула общество. Начались студенческие демонстрации, зашевелились рабочие[4]. Иногда, правда, кажется, что попал из восьмого класса в приготовительный,— так напоминают последние дни какой-нибудь 1908 или 1909 год. Но все же лучше, чем ничего. Ведь с 1905 года мы не видели ни одной демонстрации! Жаль, что нам приходится идти волнообразным путем, что наша жизнь напоминает музыкальный термин da caro al fie*, но мы вздохнули легче после того, как петербургские улицы снова покрылись народом и на Невском снова взвились флаги с подписью: долой смертную казнь. Газета теперь еще более необходима; к сожалению, все время возникают какие-то беспредметные трения. Однако я надеюсь, что все уладится. Вашу рукопись *для газеты* хорошо бы иметь недели чрез $1^1/_2$. Я хочу сосредоточить важнейший материал так, чтобы по разрешении технических вопросов уже не было никаких затруднений.

Для журнала же рукопись, за обещание которой приносим Вам глубокую благодарность, нужна будет именно в тот срок, который Вы указываете: недели через 2—3. Нам очень важно напечатать ее в январской книжке. Будем ждать ее с нетерпением. Привет Марии Федоровне, новобрачным[5] и всему милому острову Капри.

Ваш Ник. Иорданский

P. S. «Современник», по-видимому, пускает слухи, что Вы состоите в его редакции. Я не знаю, как сложится этот журнал, но здесь к нему относятся с известным недоверием. Очевидно, его литературная «солидность» мало выясняется. Забыл написать о «Шебарше»[6]. Рассказ этот вызвал у нас разногласия, и теперь мы его разжевываем коллективно, по нашему обыкновению в таких случаях. Поэтому пока не могу сказать ни да, ни нет.

Посылаю для Вашего личного ознакомления новый рассказ Андреева, который появится в декабре у нас[7]. За два года это — единственная вещь его, которая меня взволновала.

[1] Очевидно, за ст. В. Мякотина «Памяти С. А. Муромцева» в кн. 10 «Русского богатства». 28 октября 1910 г. в ряде газет было опубликовано сообщение о наложении ареста на эту книгу и о привлечении Короленко как редактора журнала к ответственности по 129 ст. Горький предположил, что журнал арестован за ст. самого Короленко «Черты военного правосудия». Он писал Короленко: «Припли газеты, прочитал о привлечении Вас к суду,— эдакая мерзость! За что? За Вашу статью? За Табурина? Или — по совокупности? 〈...〉 Разрешите ли Вы организовать протест, если дело дойдет до суда?» (*Горький и Короленко*. С. 64—65).

[2] Решение не печатать в проспекте заглавий произведений было вызвано, вероятно, упоминавшимся выше конфликтом «Современного мира» с «Речью». Вместе с тем, возможно, и сам Горький возражал против предварительной рекламы.

[3] О каком конфликте идет речь, установить не удалось.

[4] В ноябре 1910 г. в дни траура в связи с кончиной Л. Толстого усилилось студенческое движение. Студенческие забастовки и сходки прошли во многих учебных заведениях Москвы, Петербурга, Киева, Юрьева, Харькова, Одессы и др. 11 ноября 1910 г. состоялась массовая демонстрация протеста против смертной казни. См.: *В. И. Ленин*. Т. 20. С. 1—3.

[5] З. А. и Л. П. Пешковым.

[6] Рукопись повести А. Н. Тихонова «Шебарша» была передана Горьким в «Современный мир» после того, как Пятницкий высказался против ее публикации в «Знании» (*Горьк. чт.* 1959. С. 14, а также п. 6).

[7] Рассказ Андреева «День гнева» был напечатан в «Современном мире» (1910, № 12). Отзыв Горького о рассказе см. в п. 5.

* Повторение исполнения от начала и до конца (*ит.*).

5. ГОРЬКИЙ — ИОРДАНСКОЙ

⟨Капри. Не ранее 16/29 ноября 1910 г.⟩

Дорогая Мария Карловна.

Спасибо за любезность.

Рассказ Андреева прочитал, красиво написано и не без намерения поднять репутацию, но — избави нас боже от свободы по Андрееву. Мы ее имеем издревле, она-то, главнейше, и мешает нам жить по-человечески, ибо имя ее — нигилизм в мысли, а в действии — анархизм. Перестать бы ему танцевать этот легкий танец, не требующий никакого искусства и труда [1].

Какие Вы умники, что отказались печатать черный роман Арцыбашева, требующий подзаголовка: Лев Толстой и Федор Достоевский с Антоном Чеховым в вольном изложении храброго и мрачного гимназиста Михаила Арцыбашева. И — эпиграф: «читатель, трепещи, я те задам, ибо у нас в гимназии ни во что не верят» [2].

Кстати, скажите ему, при свидании, что чижи хохла не имеют, а есть вид хохлатого жаворонка, но чиж похож на жаворонка еще меньше, чем Арцыбашев на философа.

Обратите внимание на «Черного Араба» Пришвина [3] — какая прелесть, а. И вообще — талантливый это человек. В «Русском богатстве» интересен Табурин [4], а у Вас — Юшкевич — «вы понимаете». Можно подумать, что он писал рассказ сидя в пролетке, а старенькая лошаденка, которая его везла, прихрамывает, богова скотина [5].

Мне нужно знать, когда у Вас пойдет «Мордовка» [6], очень прошу известить меня об этом. А также сообщить о судьбе «Шебарши» [7] очень прошу.

Из Ваших палестин сообщают ужасные вещи о действиях «манычаров» [8] — дикое племя какое-то.

А «Деревня» будет оценена, будет [9]. Это — произведение исторического характера, так о деревне у нас еще не писали. Очень грустно, что местами Иван Алекс. придал этой вещи колорит туземный, этнографический, слишком щедро разбрасывая местные речения, но — это легко устранить. Вот тема для статьи «Деревня и дворянство в изображении Алексея Толстого и Бунина»,— но необходимо, чтобы статью писал человек, не только с русской литературой малость знакомый, а и знающий русскую историю. Вы такого знаете. Я — тоже [10].

Сколь сладок у Вас Львов [11]. Огорчить бы его, право, чем-нибудь. Хоть бы книжки внимательно читать научился он.

Привлекли бы Вы к себе Сургучева [12], да и Коцюбинского тоже — приятные писатели. О Коцюбинском не судите по первому тому: подбор сделан пестро, но неудачно [13]. А Никифорова написала сентиментально, грубо и никудышно [14]. Человек, который должен писать хорошо и серьезно,— это Каржанский, обратите внимание на его «Париж» [15]. Молод, очевидно, а посему — несколько кокетничает, подобно козлу, но — это пройдет, надеюсь.

Любопытнейшая вещь «Записки литературного Макара» Сивачева [16]. Вам, по званию Вашему с-декскому, необходимо обратить внимание на сию вещь и объяснить ее толково читателю-демократу.

Помогите мне достать обе книжки Свирского «Дневник знаменитости» [17] и Галунова «Сосуды скудельные» [18] — черт их знает, кто издал и где они продаются, не могу узнать. Купите за мой счет и пришлите, буду очень благодарен.

Печатается по машинописной копии.
Датируется по содержанию и по п. Иорданского от 11/24 ноября 1910 г.

[1] Рассказ «День гнева».

[2] О романе Арцыбышева «У последней черты» Горький писал многим корреспондентам.

[3] *Пришвин М.* Черный Араб: Степная жизнь // Русская мысль. 1910. № 11.

[4] Повесть Вл. Табурина «Жива душа» печаталась в «Русском богатстве» (1910, № 10, 11). В «Современном мире» (1911, № 7) был опубликован его рассказ «Кожаные перчатки».

[5] Речь идет о повести С. Юшкевича «Улица» (Современный мир. 1910, № 11, 12), написанной в разговорной манере, с повторяющимся обращением к читателю «вы понимаете».

[6] Горький послал в «Современный мир» рассказ «Мордовка», который был опубликован в январской книге журнала за 1911 г. Одновременно рассказ вышел отдельным изданием в изд-ве Ладыжникова.

[7] См. п. 4, прим. 6.

[8] Горький иронически называл «манычарами» окружение Куприна. Петр Дмитриевич *Маныч* — литератор. «В течение нескольких лет Маныч неотступно играл роль адъютанта Куприна. Он исполнял всевозможные (не только деловые) поручения, сопровождал его во все рестораны и театры»,— вспоминала Куприна-Иорданская) (*Куприна-Иорданская М. К.* Годы молодости. М., 1965. С. 151).

[9] В 9 и 10 кн. «Современного мира» завершилась публикация повести Бунина «Деревня».

[10] Возможно, Горький имел в виду Амфитеатрова.

[11] Очевидно, Горький имеет в виду статьи В. Львова-Рогачевского о символизме, которые под общим названием «Лирика современной души» публиковались в 1910 г. в «Современном мире»: «К. Бальмонт» (№ 4); «В. Брюсов» (№ 5), «Владимир Соловьев. Андрей Белый. Александр Блок» (№ 8), «Русская литература и группа символистов» (№ 9), «Быть или не быть русскому символизму» (№ 10).

[12] Сургучев в «Современном мире» не печатался.

[13] В первый том «Рассказов» Коцюбинского (СПб.: Знание, 1911) вошли рассказы: «На камне», «Куколка», «Цвет яблони», «Смех», «Под минаретами», «В дороге», «Ради общего блага», «Дебют», «В грешный мир», «Поездка в Криницу».

[14] Очевидно, речь идет о рассказе Л. А. Никифоровой «Артель», опубликованном в XXXIII *сб. «Знания»* (СПб., 1910).

[15] Н. С. Каржанский заинтересовал Горького своими очерками «Париж. (Из записной книжки неизвестного)».

[16] Автобиографическая книга М. Сивачева «Прокрустово ложе. Записки литературного Макара» (кн. 2. М.: Современные проблемы, 1911) привлекала внимание Горького как «одно из значительнейших явлений современности, подтверждающих ... раскол демократии и интеллигенции» (XXIX, 202—203).

[17] Речь идет о рассказе А. И. Свирского «Из дневника „знаменитого“ писателя» (*Свирский А. И.* Рассказы. СПб.: изд-во «Освобождение», 1910. Т. 2).

[18] *Галунов А.* Сосуды скудельные: Трилогия. М.: т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1910 (ч. I «Поденка», ч. II «Акробаты», ч. III «Люди»).

6. ИОРДАНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

‹Петербург.› 2/XII 1910

Дорогой Алексей Максимович.

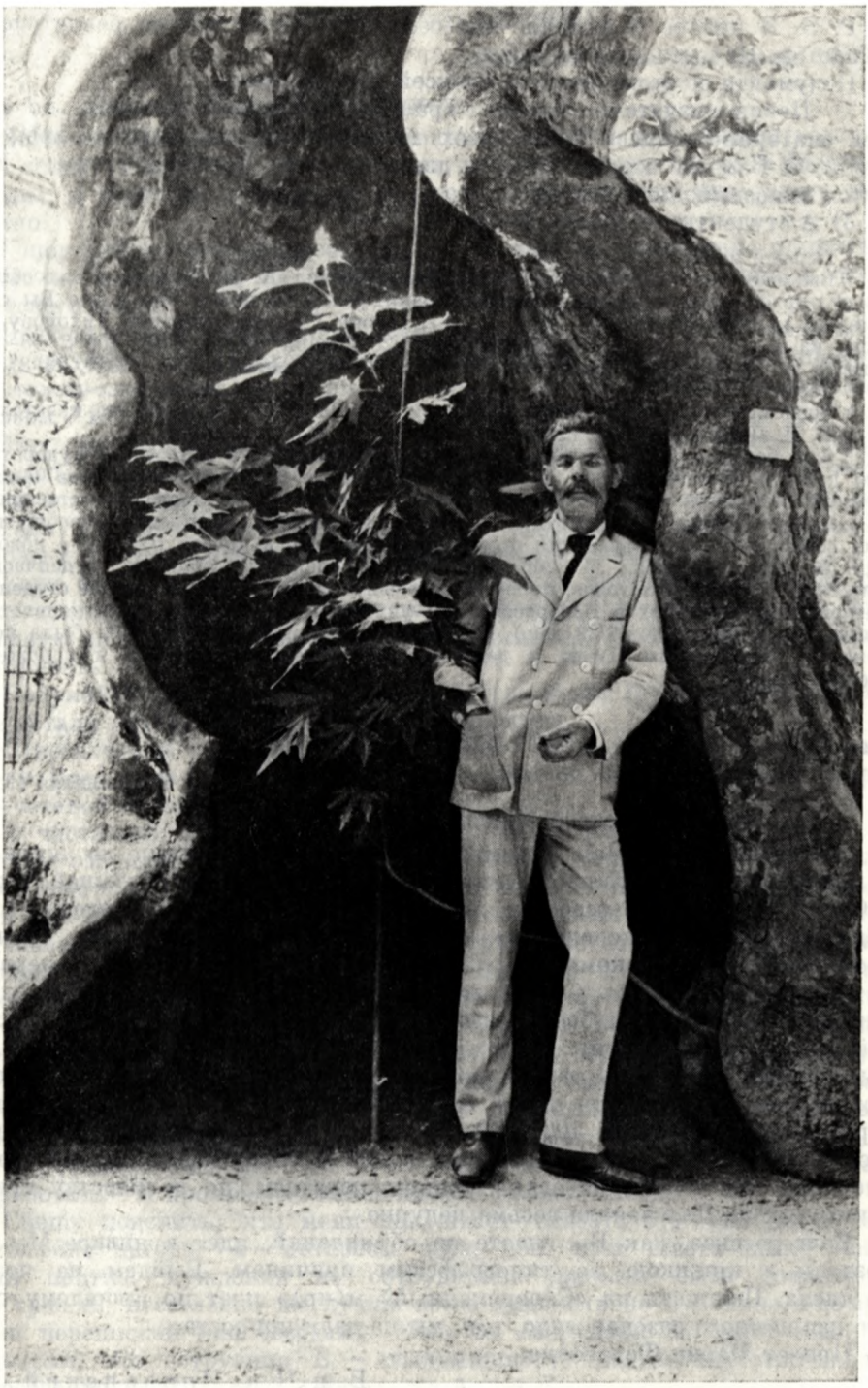
Пишу Вам несколько слов, чтобы сообщить

1) газета выходит 11 декабря [1]. Очень ждем Вашей рукописи.

2) О «Шебарше». Редакция в принципе — за напечатание этой яркой вещи, но с известными переделками и сокращениями. Первая часть — поведение гимназистов — абсолютно невероятна. Этого нигде не может быть с точки зрения формального порядка просто. Автор счел долгом «стилизовать» явления слегка по сологубовски, а это означает в просторечии, что всякое существующее явление превращается в слона. Выходит грандиозная невозможность. Но о сем Вам будет подробное письмо, специалиста — Влад. Павловича Кранихфельда, который изложит досконально все редакционные пожелания. Пропадать этой вещи нельзя, вторая часть сильна и ярка [2]. За рассказ — большое спасибо. Он идет в январе [3]. Все, кто читал его, находят, что на редкость удачная вещь, тонкая работа, мягкий и теплый рисунок...

Крепко жму Вашу руку, привет Марии Федоровне.

Ваш Ник. Иорданский



ГОРЬКИЙ У ДРЕВНЕГО ПЛАТАНА

Фотография Н. А. Румянцева. Италия, 1913.
На дереве табличка с надписью:
«Platanus Orientalis» с указанием района распространения этого вида и года его посадки
Музей Горького, Москва

P. S. В январе и феврале мы собираем воспоминания беллетристов о Толстом. Не напишете ли и Вы?[4]

Подумайте об этом, дорогой Алексей Максимович!

2) Певин — издатель газеты «Уральская жизнь»[5], которая, по словам екатеринбуржцев, была «всех направлений» в разные времена. Сообщаю Вам на всякий случай, для сведения. Теперь эта газета держится оппозиционной линии.

3) А студенты-то! Опять da capo al fine![6]

[1] Первый номер «Звезды» вышел 16/29 декабря 1910 г.

[2] Выписку из п. Иорданского Горький направил А. Н. Тихонову и сообщил, что телеграфировал в журнал, «чтобы Кранихфельд не писал мне и что Вы сами приедете к ним» (*Горьк. чт.* 1959. С. 16). Позже Горький отправил Тихонову выписку из п. к нему М. К. Иорданской от 15/28 января 1911 г. (Там же. С. 18—19). Повесть А. Н. Тихонова была напечатана в «Современном мире» (1911, № 8).

[3] Рассказ «Мордовка».

[4] Воспоминания беллетристов о Толстом в «Современном мире» не печатались.

[5] П. И. Певин. С 1911 г. стал издателем журн. «Современник».

[6] 3/16 декабря социал-демократическая фракция внесла запрос в Государственную думу о происходивших 30 ноября / 13 декабря избиениях студентов высших учебных заведений в связи со студенческими сходками в знак протеста против смерти заключенных в Зерентуйской тюрьме. Печати было запрещено сообщать об этих событиях, однако сведения о них просачивались в прессу (Одесские новости. 1910. № 8265. 4/17 дек.; № 8266. 5/18 дек.). Иорданский, участник студенческого движения в конце 90-х годов, проявлял особый интерес к выступлениям студентов. Материалы о событиях в Новороссийском университете (Одесса) были напечатаны в «Звезде» (1910, № 1, 16/29 дек.). В «Современном мире» (1911, № 2) была помещена ст. Иорданского «Отцы и дети» — о студенческом волнении и положении высшей школы.

7. ИОРДАНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

‹Петербург.› 10/23 января 1911 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Давно не писал Вам, занятый хлопотами и работами по журналу и газете, а Мария Карловна это время проводит, по большей части, в Финляндии, где не особенно легко пишутся письма. Получаете ли Вы «Звезду»? Наша «экспедиция» так плоха, что я, на всякий случай, посылаю Вам один комплект. Не судите слишком строго: во-первых, литературный инвентарь наш очень слаб; все одичали, разбежались или сидят по углам и боятся взяться за перо. Приходится будить людей и напоминать им о том, что они — еще люди. Во-вторых — мы должны сохранить газету до выборов во что бы то ни стало[1]. Вот и приходится быть тише воды ниже травы. Ждем от Вас поддержки, хотя бы строк 100—150 о чем угодно и как угодно. Постарайтесь, Алексей Максимович! Интерес к газете большой, но распространение пока еще не организовано. Однако печатаем, по количеству требований, 15 000. Для начала весьма недурно.

Ваш рассказ, как Вы знаете из объявлений, идет в январе. Мы запоздали с книжкою по типографским причинам. Выйдем не позже 18 числа. Подписка на «С‹овременный› м‹ир›» идет по прошлому году, что нас немного разочаровало, т. к. мы не дали прироста.

Привет Марии Федоровне.

Ваш Ник. Иорданский

[1] Речь идет о сохранении «Звезды» до выборов в IV Государственную думу, т. е. до сентября — октября 1912 г. Газета выходила до 22 апреля / 5 мая 1912 г. В этот день вышел первый номер большевистской газ. «Правда».

8. ГОРЬКИЙ — ИОРДАНСКОМУ

(Капри. Не ранее 15/28 января 1911 г.)

Дорогой Николай Иванович.

Посылаю рукописи для «Современного мира» и для «Звезды» [1], нужным считаю сообщить, что «Сказки» посланы мною также «Киевской мысли», в ответ на любезность издателя, высылавшего мне газету бесплатно.

Гонорарий за статью о самоучках определите по нормам, принятым у Вас и, пожалуйста, не задерживая, внесите его Чечулиной в фонд «Детского дома» [2].

Позвольте мне предложить Вам следующее: поднимите у себя в журнале агитацию за необходимость организовать Общество для помощи писателям-самоучкам — помощи не только материальной, но главным образом — моральной.

Мне кажется — это хорошая идея, осуществить ее — давно пора, писатель-самоучка явление, распространенное у нас, как нигде, и очень вероятно, что при умной помощи таким писателям со стороны они выдвигали бы из своей среды людей более крупных, чем Дрожжины, Семеновы и другие в настоящем, Кольцов, Суриков в прошлом [3].

Если бы «Современный мир» взялся бы за организацию такого нового демократического «литературного фонда» — это создало бы ему хорошую позицию в демократии и, несомненно, увеличило бы его популярность.

Подумайте над этим. Буде понадобится, я мог бы сообщить некоторые детали плана организации такого Общества.

Относительно «Звезды» — скажу — Вы не обидетесь,— тускловата она у Вас [4]. Что-то холодное, нудное и как бы по обязанности творимое усталой рукой, неверующим сердцем.

В частности, меня лично удивила статья Орловского, он пишет по поводу «Матери»: «Ниловна... представляет тип надуманный, маловероятный» [5]. Столь категорическое суждение является бестактным, если оно не обосновано. Зачем подрывать признанное пропагандистское значение образа Ниловны. А потом — суждение это неверно: Ниловна — портрет матери Петра Заломова [6], осужденного в 901 г. за демонстрацию 1-го Мая в Сормове. Она работала в организации, развозила литературу, переодетая странницей, в Иван〈ово〉-Вознесенск〈ом〉 районе и т. д. Она — не исключение. Вспомните мать Кадомцевых [7], судившуюся в Уфе за то, что она пронесла в тюрьму сыну бомбы, коими была взорвана стена во время побега. Я мог бы назвать с десяток имен матерей, судившихся вместе с детьми и частью лично мне известных.

Ах, господа, господа. Как хочется иногда крикнуть вам — не мешайте работать — и промолвить какое-нибудь русское словцо.

Спешу пояснить, что меня понуждает сказать это отнюдь не мое самолюбие автора,— а — интересы дела, ибо, если газета имеет в виду цели партии,— суждения ее сотрудников должны быть солидарны, это трюизм, несогласия же лучше всего выяснять не публично, а до времени перепиской или беседами. Если же сотрудник А. будет говорить читателю, что сотрудник Б. — «выдумщик», то читатель поступит вполне естественно, если не станет верить ни А., ни Б.

Вы меня извините, я как будто привязываюсь к мелочам, но — для меня это не мелочи: чуткое ухо сразу услышит в хоре неверные ноты, а уши народа всегда чутки.

Датируется по п. Иорданского от 10/23 января 1911 г.

[1] Горький послал для «Современного мира» рукопись ст. «О писателях-самоучках» (Современный мир. 1911. № 2) и рукописи I и II «Сказки об Италии»

(Звезда. 1911. № 7. 29 янв./11 февр.; «Киевская мысль». 1911. № 29. 29 янв./11 февр.).

[2] О Детском доме им. Л. Н. Толстого см.: Г—А, п. от конца дек. 1910 г., прим. 2.

[3] Речь идет о крестьянском поэте-самоучке Спиридоне Дмитриевиче *Дрожжине* (1848—1930); писателе, авторе «Крестьянских рассказов» Сергее Терентьевиче *Семенове* (1868—1922); поэте А. В. *Кольцове* (1809—1842) и поэте Иване Захаровиче *Сурикове* (1841—1880).

[4] В. И. Ленин писал Горькому 3 января 1911 г. (н. ст.): «Как нашли „*Звезду*“ и „*Мысль*“? Первая — тускла, по-моему» (*В. И. Ленин* и *А. М. Горький*. С. 70).

[5] В ст. «Две матери» (Звезда. 1911. № 4. 6/19 янв.) П. Орловский (В. Воровский) писал: «Образ Ниловны был необычен, идеализирован, походил скорее на то, что могло бы быть, а не на то, что бывает в повседневной жизни, а потому и Ниловна ‹...› представляет тип надуманный, маловероятный».

[6] Петр Андреевич *Заломов* (1877—1955) — революционер, создал социал-демократическую организацию в Сормове. Осужден в 1902 г., с помощью Горького бежал из тюрьмы. Его мать — Анна Кирилловна Заломова (1849—1938).

[7] Иван Самуилович, Михаил Самуилович и Эразм Самуилович *Кадомцевы* — участники революционного движения. Мать Кадомцевых, Анна Федоровна Кадомцева, передала в тюрьму сыну Михаилу бомбы и оружие для организации побега его вместе с приговоренным к смертной казни товарищем; побег оказался неудачным. Михаил и А. Ф. Кадомцева были арестованы. Суд над ними начался в феврале 1909 г. А. Ф. Кадомцева была оправдана, М. С. Кадомцев — приговорен к смертной казни, которую заменили вечной каторгой. Горький интересовался семьей Кадомцевых. И. С. Кадомцев с семьей жили в 1909 г. на Капри, позже туда приехал Э. С. Кадомцев. В материалах к повести Горького «Сын» сохранилась переписка М. С. и И. С. Кадомцевых с их сестрой И. С. Ивановой, относящаяся к 1908—1909 гг. (см.: М. Горький и современность. М., 1986; также: *Хвостов Л. Н.* «Братья Кадомцевы». Уфа, Башкирское кн. изд-во, 1970).

9. ГОРЬКИЙ — ИОРДАНСКОЙ

‹Капри. Январь 1911 г.›

Вот еще что, Марья Карловна —

я только сейчас прочитал «Наше преступление» Родионова [1], эта подлая и лживая книга вышла уже шестым изданием! Помните — Чуковский в «Речи» противопоставлял ее «Лету» и — одобрял? [2] Так вот что: книга эта так гадка, а в то же время на нее так часто ссылаются, как на правдивое освещение действительности, что ей следовало бы посвятить маленькую статейку или большую рецензию, назвав хотя бы «Запоздалая рецензия».

Я Вас очень просил бы устроить это и поместить рецензию тоже в февральской книге, где будет моя статья [3].

Скажите рецензенту следующее: Родионов описывает город Боровичи Новгородской губернии, пригород Спас и селения по течению Мсты — в одном случае даже названа деревня Потерпелицы, такая есть на Потерпельском пороге Мсты. В этой местности крестьянство не земледельческое, а фабрично-заводское, там залежи фарфоровой глины и большие немецкие фабрики, между прочим одна — на земле Евгения Аничкова, его можно бы спросить, таковы ли там нравы, как их изображает Родионов? Условия труда — очень тяжки, заработки плохие, народ истощен — обо всем этом Родионов молчит, а это, согласитесь, важно и очень изменяет его картину.

Затем — необходимо отметить отчаянное противоречие предисловия и текста [4]. Противоречие это явствует, что Родионов, написав глупую и гадкую вещь, кому-то показал ее, а тот догадался, что книгу, если ее оставить как она написана, признают шаблонно клеветнической и не обратят на нее внимание.

Тогда было составлено зазывающее предисловие в гуманитарном духе, оно-то и заставляет читать эту гадость. Между предисловием и текстом, повторяю, нет ничего общего, я глубочайше уверен, что дело происходило именно так, как догадываюсь, и думаю, что рецензент мог бы догадку мою взять именно как догадку, как предположение,

Думаю также, что напечатать такую рецензию — долг порядочных людей и демократов. Организация демократии — очередная задача, Вы это понимаете, конечно; действуйте же в этом направлении определеннее и резче, старайтесь завоевать журналу симпатии в низах — в этом я вам неизменный помощник.

Имейте в виду, что после фельетона Чуковского в «Речи» была заметка о том, что Родионов, земский начальник, выбивает зубы мужикам, необходимо сопоставить оба отзыва этой газеты — очень пикантно.

Помещенная в одной книге с моею статьей, рецензия произведет чудесное впечатление и даст книжке хороший звук и запах.

Чуете.

Датируется по содержанию.

[1] О кн. И. А. Родионова «Наше преступление. (Не бред, а быль). Из современной народной жизни» (6-е испр. изд. СПб.; тип. А. С. Суворина, 1910) Горький писал в это же время Амфитеатрову. См. переписку Горького с Амфитеатровым (ст. Н. И. Дикушиной).

[2] Ст. К. Чуковского «Новый Горький». См. также: Г—А, п. от конца января 1911 г.

[3] Ст. Горького «О писателях-самоучках» была напечатана в № 2 «Современного мира» за 1911 г. В этом же номере была напечатана ст. Е. Смирнова «Чье преступление?» («Наше преступление» г. Родионова и процесс г. де Ласси)».

[4] Е. Смирнов писал: «И каким отвратительным лицемерием отдает предисловие г. Родионова, в котором он заявляет, что если крестьянин — зверь и скот, то это „наше преступление" — преступление интеллигенции, оставляющей крестьянина коснеть в скотском невежестве и безобразии. Он зовет интеллигенцию „в народ". Но не всю интеллигенцию. Огромное большинство ее, как он показывает в своем пасквиле, развращает народ, потакает его скотству и зверству. Г. Родионову нужна другая интеллигенция, та, которая, подобно хирургу в его произведении, проповедует виселицу как главное средство борьбы с народным пьянством и невежеством» (Современный мир. 1911. № 2. С. 301).

10. ИОРДАНСКАЯ — ГОРЬКОМУ

(Петербург.) 16-го февр(аля 1911 г.)

Дорогой Алексей Максимович,

посылаю Вам статейку о книжке Родионова, которая появится у нас в феврале.

Февральская книжка, к сожалению, выйдет тоже не раньше 20-го февр., так как вчерашний обыск тоже внес некоторую временную дезорганизацию в правильное движение редакционной жизни. Впрочем, многое, наверное, быстро восстановим. По-видимому, письма моего к Вам из Финляндии Вы не получили [1] — я очень благодарила Вас за то, что Вы дали нам Вашу статью и очень просила Вас написать подробнее о том, в какой именно форме можно было бы осуществить Ваш план организации помощи для писателей-самоучек. Ведь если во главе такого дела станет журнал, то естественно, что от журнала ведь будут требовать *печатания* произведений, подобных тем, какие Вы указываете в Вашей статье. Это же, конечно, совершенно невозможно. Как же быть? Или же Ваша мысль заключается в том, что общество это задалось бы целью доставления и изыскания средств для этих авторов? Тогда организовалось бы что-либо подобное «Литературному фонду», но с той разницей, что при оказании помощи Л(итературный) фонд требует литературного и довольно большого ценза, а здесь литературный ценз, конечно, отсутствовал бы. Вот те вопросы, с которыми я обращалась к Вам.

Статью Вашу мы читали вслух в редакции в присутствии некоторых наших ближайших сотрудников — читали с величайшим интересом и увлечением, но всем нам пришла в голову одна мысль, что Вы, говоря о том сравнительно большом влиянии, какое имел на «писате-

лей-самоучек» Андреев [2], совершенно ни единым словом не упоминаете, какое громадное, преобладающее влияние имели Ваши произведения. Нам хотелось даже сделать в этом направлении примечание от редакции, но без Вашего разрешения мы не решились этого сделать, спрашивать же Вас — дожидаться ответа, задержало бы книжку. Мне лично кажется, что необходимо будет Кранихфельду коснуться этого вопроса, в одном из ближайших своих откликов [3]. По-видимому, Вы совершенно не желали касаться этого вопроса. Мы же в редакции, читая ежедневно иногда по несколько беллетристических вещей, наталкиваемся во множестве случаев не только на общее влияние Ваших произведений на данного автора, но сплошь и рядом даже на простое переложение иногда в грамотной, а иногда и в совершенно безграмотной форме какого-нибудь из Ваших рассказов.

Я уже не говорю о целой плеяде авторов даже с именами, как Скиталец, которые выросли исключительно из Вас. По-моему, Кранихфельду или какому-либо другому из наших критиков необходимо отметить это в дополнение к Вашей статье.

Сколько писем у меня Алекс‹андра› Иван‹овича› [4], где он восторженно пишет о своей первой встрече с Вами — «тем самым Горьким, у которого, как у Толстого и у Чехова, каждый начинающий автор должен учиться, как надо писать».

И что все они, сейчас пишущие, у Вас учились, включая сюда того же самого Андреева,— ведь это же совершенно несомненно, как бы они сейчас ни кричали о том, что они совершенно «сами по себе».

— Сами да не совсем сами!

«Деревня» Бунина, мне кажется, была бы построена им по какому-нибудь иному плану, не появись до нее «История города Окурова».

Много было у меня приготовлено для Вас вырезок из разных газет — интервью с Шаляпиным по поводу его коленопреклонения [5].

Упоминает везде о своем друге Максиме Горьком, за которого хотел просить царя. Но весь этот материал у меня при обыске забрали, т. к. все лежало в отдельном конверте с подписью «для Алексея Максимовича».

Вообще аресты и обыски теперь идут страшные — с одной стороны, студенческое движение [6], а с другой, видимо, ждут чего-то и опасаются празднования 19-го февр‹аля› [7]. По всей вероятности, все собрания и заседания в этот день будут запрещены.

Приходилось мне последнее время видеть многих профессоров из кадетов — бьют себя в грудь со слезами на глазах, что «готовы умереть за молодежь», а между тем читают лекции и таким образом провоцируют аресты обструкционистов.

Так же и Леонид, говорят его друзья — «весь горит студенческим движением». Тем из студентов, кто приезжает к нему и советуется с ним, произносит самые зажигательные и горячие речи о необходимости *совместно* (?) продолжить начатое дело, ни перед чем не останавливаясь, а, между прочим, не остановился пока что лишь перед тем, чтобы выдать охранному отделению больного нелегального [8].

Проектирует Андреев сейчас новый журнал, во главе которого он и станет [9]. Издателем будет его родственник Михайлов (издательство «Прометей») [10] — тот самый, который несколько дней вместе с агентами полиции дежурил в подъезде «Речи», руководя облавой на Абрама. Журнал будет критико-публицистический, может быть, даже без беллетристики или допуская ее лишь изредка, не в каждом номере. Все бы это было, конечно, ничего — мало ли какой каши нынче не выходит под видом журнала, взять хотя бы народившийся в этом году «Всеобщий журнал» [11] — сотрудники его взяты из адресной книги — «Весь Петербург» [12], а во втором отделе его помещаются сообщения о родившихся

«детях-обезьянах и деревьях-карликах». Журнал же Андреева будет называться «Суд идет». Нет, Вы только подумайте — Суд идет!.. Кого может судить Андреев и с точки зрения каких взглядов и направления он будет судить?.. Впрочем, следует добавить, что, кажется, он предполагает обрушиться главным образом на своих критиков и с ними свести счеты. Тогда задачи его, конечно, легче и компетенция Суда, к счастью, сузится.

Очень и очень надеюсь летом вырваться снова отсюда и попасть хоть на недельку на Капри [13] — повидаться и поговорить с Вами и Марией Федоровной. После этого снова на долгое время почувствуешь себя бодрее душой.

Жму Вашу руку и крепко целую Марию Федоровну.

М. Иорданская

Вчера торопилась написать ей, т. к. хотя обыск и был закончен, но полиция дежурила еще у входа и можно было ожидать всего, т. е. что, быть может, некоторое продолжительное время еще не будешь иметь возможности написать письмо.

Год устанавливается по содержанию.

[1] Письмо Иорданской Горькому не разыскано.

[2] В ст. «О писателях-самоучках» Горький писал: «В материале, который теперь я имею в руках,— почти совершенно отсутствует подражание. Единственный писатель, техника которого, видимо, влияет на самоучек, это — Андреев» (Современный мир. 1911. № 2. С. 188).

[3] Кранихфельд вел в журнале постоянный отдел «Литературные отклики». Намерение редакции не было осуществлено: в «Литературных откликах» за 1911 г. вопрос о воздействии Горького на современных писателей не поднимался.

[4] А. И. Куприна.

[5] Об «инциденте» с «коленопреклонением» Шаляпина см.: Г—А. Многочисленные сообщения и интервью печатались во всех русских газетах.

[6] В начале 1911 г. студенческое движение продолжало развиваться, в ряде газет появился раздел «Студенческое движение», где ежедневно публиковались сообщения о событиях, в частности в Московском и Петербургском университетах.

[7] 19 февраля 1911 г. царское правительство торжественно отмечало пятидесятилетие со дня освобождения крестьян.

[8] Л. Н. Андреев. Речь идет об эпизоде с М. Х. Румянцевым (по нелегальному паспорту А. Г. Ковбасенко), жившим на даче Л. Н. Андреева. Этот эпизод получил широкую огласку в прессе. В п. от 15/28 января 1911 г. М. К. Куприна-Иорданская сообщала Горькому подробности «покушения» и о том, что послала на Капри газетные публикации по этому поводу (*АГ*). См. также: *ЛН*. Т. 72. С. 446.

[9] Замысел Андреева не был осуществлен.

[10] Николай Николаевич Михайлов возглавлял изд-во «Прометей».

[11] «*Всеобщий журнал*» — ежемесячный, внепартийный иллюстрированный журнал литературы, искусства, науки и общественной жизни, выходил в Петербурге в 1910—1912 гг., ред. Е. Г. Финкельштейн. Программа «Всеобщего журнала», объявляла редакция, «исчерпывает отделы всех обычных толстых журналов», дает «живой отклик на все выдающиеся события современности».

[12] «Весь Петербург» — ежегодная адресная и справочная книга, издание А. С. Суворина.

[13] М. К. и Н. И. Иорданские гостили у Горького на Капри с 9/22 июля по 24 июля / 6 августа 1910 г. (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 138, 140). См. также кн. М. К. Иорданской «Годы молодости».

11. ГОРЬКИЙ — ИОРДАНСКОЙ

⟨Капри. Декабрь 1911 г.⟩

Уважаемая Мария Карловна.

Прилагаю при сем в копии письмо г. П. Берлина, касающееся редакции «Современного мира» [1], а также мой ответ г. Берлину [2].

Позвольте напомнить Вам Ваше обещание выслать мне материал для статьи о современных литературных нравах [3].

Печатается по машинописной копии.
Датируется по содержанию.

[1] Речь идет о столкновении редакции «Современного мира» с П. А. Берлиным, который до ноября 1911 г. был сотрудником «Современного мира» и одновременно журн. «Новая жизнь». Осенью 1911 г. Горький отказался сотрудничать в «Новой жизни», узнав, что журнал предполагал напечатать повесть И. Ясинского. По этому поводу он переписывался с Ясинским и Берлиным. Последний заявил, что он якобы ничего не знал о предполагавшейся публикации повести Ясинского. Копии своих писем Берлину Горький послал Иорданским. Берлин подал заявление в суд чести, требуя рассмотреть поведение редакции «Современного мира» (Иорданских и Кранихфельда), которая якобы разглашает частную переписку «в оскорбительных выражениях». См. в *АГ* «Заявление П. А. Берлина в суд чести» и п. его Иорданскому от 17 ноября 1911 г.

[2] Очевидно, Горький переслал Иорданской копию п. Берлина от 19 ноября 1911 г., в котором Берлин выражал изумление, что его переписка с Горьким «по внутри редакционному вопросу попала каким-то образом в редакцию журнала „Современный мир", которая воспользовалась и пользуется ею для распространения сплетен в оскорбительной для меня форме о моей роли в этой переписке» (*АГ*). В своем ответе П. А. Берлину Горький писал:

«Уважаемый Павел Абрамович.

Ваши письма и письма г. Ясинского по поводу известного Вам инцидента были пересланы мною Марии Карловне Иорданской потому, что г. Ясинский, в одном из его писем ко мне, приписал Марии Карловне поступок, которого — как я знаю — она не совершала.

Ваши письма — те, коими Вы уличаете г. Ясинского во лжи,— должны показать Марии Карловне, с кем она имеет дело.

Это — частная причина, побудившая меня ознакомить г-жу Иорданскую с перепиской по поводу инцидента.

А помимо этого, Ваши и г. Ясинского письма имеют, на мой взгляд, серьезное литературно-общественное значение: они рисуют моральные основы таких литературно-торговых предприятий, каковым является предприятие г. Бенштейна.

Мне известно выданное группой литераторов г. Бенштейну удостоверение в его порядочности, но моего отношения к г. Бенштейну оно не поколебало.

Ваше последнее письмо тоже сообщено мною — в копии — Марии Карловне Иорданской вместе с копиею сего письма к Вам.

Я счел бы себя неправым, если бы замолчал эту характерную переписку: необходимо, чтобы русское общество знало, каковы те люди, которые ныне стоят на позициях руководителей общественного мнения» (*АГ*).

[3] В начале ноября 1911 г. Горький (это письмо не разыскано) обращался к Иорданской с просьбой прислать материалы «Райлянской истории». В ответном письме Иорданская сообщала, что вскоре пришлет Горькому все материалы по этому вопросу и соберет номера «Петербургской газеты», где печатались интервью с разными лицами «Как должен жить писатель?» «И вообще у меня есть в виду еще разные статейки в этом роде, которые будут для вас, наверное, небезынтересны»,— писала Иорданская 17/30 ноября 1911 г. (*АГ*). В следующем письме Иорданская подтверждала, что материалы о «литературном разврате» ею собраны, но она задержала их отправку в связи с судом по заявлению Берлина (Там же).

12. ИОРДАНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

〈Нейвола. 12/25 декабря 1911 г.〉

Дорогой Алексей Максимович!

Мария Карловна передала мне, что она послала Вам все материалы по вопросу о литературном разврате наших дней. Очевидно, Вам захочется высказать свои мысли и чувства по поводу всех этих фактов, которые мне представляются, однако, последними отголосками идейного и морального смятения контрреволюционной эпохи. Мне кажется, что теперь уже чувствуется повсюду потребность подобраться, образумиться... И Ваша статья должна, по-моему, сыграть большую роль в неизбежном и — надеюсь — близком отрезвлении.

Я думаю, Вы понимаете, как нам хотелось бы, чтобы эта статья появилась в «Совр〈еменном〉 мире». Шлем Вам общую нашу просьбу об этом. Несмотря на то что многие герои последних событий наши сотрудники, мы полагаем, что объективная и проникнутая любовью к литературе и уважением к ее достоинству статья, какою будет Ваша, принесет только пользу всем честным писателям.

Мой искренний привет Марии Федоровне. Засев теперь в финских снегах [1], я часто вспоминаю каприйское море и солнце.

Сердечно преданный Вам

Ник. Иорданский

Адрес мой тот же: Finlande, Mustamäki, Neuvola.

12/XII 911 г.

[1] В августе 1911 г. Иорданский был выслан из Петербурга и отстранен от редактирования журнала. В 8 кн. «Современного мира» была напечатана заметка: «По старому способу (...)

По постановлению особого совещания при министре внутренних дел высылается из Петербурга на два года редактор журнала „Совр. мир" Н. И. Иорданский. Никаких обвинений г. Иорданскому до сих пор не предъявлялось. Высылка мотивируется тем, что, по агентурным сведениям департамента полиции, г. Иорданский разделяет взгляды соц.-демократической партии.

Редактирование журнала «Совр. мир» переходит к В. П. Кранихфельду» (с. 327).

13. ИОРДАНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

Нейвола. 2 января 912 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Спасибо за доброе письмо. Материалы Вам теперь высланы [1]. Кое-что пришлось долго искать. Я советую Вам присоединить к этой коллекции Арабажина. Он теперь играет не последнюю роль во всех грязных историях. Материал о нем в мартовской и апрельской книжках «Русск(ого) богатства» 1911 г. в статьях Пешехонова и «письме в редакцию» К. Арабажина. Там Вы увидете, как Арабажин сам себя именовал и восхвалял под псевдонимом, как он подзуживал и затем прятался от ответственности в деле пресловутого «банкета печати» 19 февраля [2]. 27 декабря мы отсудились. Мария Карловна судом оправдана в разоблачении «литературного псевдонима» Бенштейна — Н. Архипова [3]. Суд признал, что Н. Архипов не «литературный псевдоним», а просто фирма. Затем по делу Берлина суд согласился с нашими доводами, известными Вам из записки Кранихфельда, и отказался рассматривать обвинения в разглашении писем, распространении сплетен и проч. ... Совершенно неожиданно из всей жалобы Берлина суд выделил и поставил на рассмотрение в качестве личного инцидента Берлина — Кранихфельда — вопрос о попытке «давления» Кранихфельда на собрание бенштейнианцев [4]. Здесь суд категорически признал, что обещание Кранихф(ельда) выступить в печати не может считаться попыткою некорректного давления, так как Кран(ихфельд) руководился общественными и литературными мотивами. Но при этом суд нашел, что некоторые неосторожные выражения могли дать повод Берлину понять слова Кран. в смысле попытки некорректного давления. Последняя часть резолюции, которая совершенно не соответствует действительности, объясняется ловкостью наших противников и нашим нежеланием тащить на суд такого почтенного свидетеля, как Котылев [5]. Кроме того, я все время стоял и стою на той точке зрения, что особенно затягивать суд чести не стоило даже для представления новых доказательств. Это дело — литературное явление, а не литераторский «казус». Поэтому нужно с ним бороться литературным, а не судебным порядком. Я еще более убедился в этом на суде. В «кулуарах» мы вели очень горячие споры со свидетелями — «бенштейнианцами»: Клейнбортом [6], П. Юшкевичем и другими. То, что они говорили, было и удивительно и страшно. Они выдавали своего издателя и редактора Бенштейна (с) головою, они говорили о том, что теперь «такое время», когда все замараны и никто не имеет права выступать против других, что теперь все смешались в одну кучу, что журналы — авгиевы конюшни,

которых нельзя очистить, так как после чистки не останется ни одного литератора. При этом, разумеется, приправою были насмешки над марксизмом, который в России «охрип» и перестал быть слышным. Много бытовой правды было высказано нашими противниками, но меня поразило не это — факты мы все давно знаем,— а та наивность и приспособляемость, которая звучала в речах недавно еще непримиримых людей. Все стали какими-то «овцами без стада».

Хорошо было бы нам, Алексей Максимович, собраться духовно снова хотя бы небольшою группою в стройный отряд и для защиты и для нападения. Что-нибудь нужно сделать для этого. Подумайте, может быть, Вам придет в голову счастливая организационная идея. Если мы не соберемся, будет плохо. Каждый день люди отрываются, как камни от скалы, и стираются в потоке жизни до полного обезличения.

В моем уединении я внимательно посмотрел со стороны на нашу литературную среду и с полною ясностью вижу, что надо что-либо делать.

Марксисты затопляются не демократией, а просто улицей. Как помочь? Как остановить в своей собственной среде процесс разобществления личности? Как литератору, мне все кажется, что хорошо было бы начать с создания литературного центра. Но, когда я подхожу к практической стороне этой мысли, я не вижу выхода из лабиринта всяческих трудностей.

Сейчас занялся с хлопотами о возвращении в Пб.[7] Может быть, удастся выиграть дело. Тогда Мария Карловна отправится отдыхать и, наверно, доберется и до Капри. Она совсем изнервничалась за это время, что-то плохое случилось с ее сердцем, и врачи настаивают на отдыхе, который пока — увы — невозможен. Вообще ее здоровье меня очень беспокоит, и мне вдвойне скверно и нудно сидеть в черте оседлости. Хоть и близко, но журнал требует непрерывной работы у самого станка, здесь же я часто совсем беспомощен.

Мой искренний привет Марии Федоровне.

Преданный Вам Ник. Иорданский

P. S. О деньгах для детского дома я написал в контору[8]. Насколько я помню, наша контора имела какое-то частное соглашение относительно срока уплаты с детским домом. Я думаю, что теперь это сделано или будет сделано дня через 2—3. Сообщу Вам немедленно.

Роман Крандиевской — пока только в стадии переговоров, и у меня нет веры в то, что он действительно появится у нас[9]. Она как-то мудрит без достаточных оснований, и, в конце концов, мы не можем полагаться на нее, пока знакомы только с отрывками романа. Мне кажется, что Ваше мнение о ней не отличается от нашего.

[1] Речь идет о материалах для статьи Горького о современных литературных нравах, собранных для Горького Иорданскими.

[2] В «Русском богатстве» (1911, № 3) была опубликована ст. А. Пешехонова «На очередные темы. Волна пошлости», в которой приводились факты неблаговидного поведения некоторых писателей. В частности, в статье рассказывалось о «банкете печати», устроенном 19 февраля 1911 г. в честь 50-летия со дня реформы 1861 г. Одним из организаторов банкета значился К. Арабажин. В письме в редакцию «Вестника писателей» Арабажин протестовал против того, что Пешехонов включил его в число устроителей банкета. В ответной ст. «Pro doma» Пешехонов приводил письмо Арабажина и ссылался на сообщения печати о причастности Арабажина к устройству банкета и на отчеты газет о банкете, в которых «в качестве одного из видных его участников был отмечен г. Арабажин». Пешехонов упомянул и отчет газ. «Солнце России» за подписью: Solus (Solus — один из псевдонимов Арабажина).

[3] Н. А. Бенштейн выступил как издатель «Нового журнала для всех» под псевдонимом «Н. Архипов».

[4] Речь идет о собрании в редакции журн. «Новая жизнь» 9 ноября 1911 г.

[5] Алексей Иванович *Котылев* — литератор.

[6] Лев Максимович *Клейнборт* (1875—1950) — литературный критик, публицист.
[7] Иорданский хлопотал о своем возвращении в Петербург из ссылки в Нейволе.
[8] Для Детского дома им. Л. Н. Толстого.
[9] Роман Анастасии Романовны *Крандиевской* (Тарховой, 1865—1939) «Тайные радости», объявленный к публикации на 1912 г. (Современный мир. 1911. № 12), напечатан не был.

14. ИОРДАНСКАЯ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. Конец февраля/начало марта 1912 г.)

Дорогой Алексей Максимович,

спасибо за сказки [1]. Кое-какие места в цензурном отношении неблагополучны, но это Вам виднее будет в корректуре.

Я очень давно не писала ни Вам, ни Марии Федоровне, все ждала, что случится что-нибудь приятное и хорошее у нас, да так и не дождалась. Журналы все в этом году в критическом положении. Голод, и поэтому страшный застой на книжном рынке. Земские библиотеки сокращают количество выписываемых экземп. Учителям тоже не до чтения журналов — словом, очень плохи наши дела. Вы вот упрекали нас в ленивом и небрежном отношении к делу, а подумайте только, каково это вести все-таки дело, когда не имеешь твердой уверенности в том, что ближайшая книжка журнала выйдет, и когда приходится иногда запаздывать с выходом книжки не потому, что она не готова, а потому, что нужно достать еще сначала денег для почты.

Читаешь рукопись или корректуру и в то же время думаешь,— а послезавтра вексель, а Плеханову [2] еще весь гонорар не дослан и т. д. и т. д. Вот и сосредоточтесь-ка тогда только на одной литературной стороне дела. Поневоле руки опускаются, и нет тогда у редакции необходимой бодрости и твердости в ведении дела. Поговорим, поговорим о разных изменениях и нововведениях, да при этом и остаемся.

С осени уже я упорно и безнадежно ищу соиздателя.

Кто приличный человек, у того, естественно, нет денег, у кого есть деньги, с тем невозможно иметь дело. Или еще бывает и так, предлагают внести четыре, пять тысяч, но при этом в редакцию должен войти сам, племянник, тетка или теща, да, может быть, и младший мальчик, когда он подрастет. По-видимому, сейчас это «Миша семи лет». Некий капиталист и притом еще очень твердо настаивавший на том, чтобы марксистская линия твердо выдерживалась бы, (причем никто с ним об этом не спорил), чтобы никаких уклонений и ни в каком случае от этой линии не было, в конце разговора вдруг спросил меня: «А можете Вы гарантировать мне, что на этот капитал, который я вложу в журнал, я ни в каком случае менее 8% прибыли не получу».

Вот это действительно твердая получилась линия! И т. к. гарантий никаких дать, конечно, я не могла, то на сем приятном разговоре дело и покончилось.

Да, большие приходится претерпевать мытарства. Позавидуешь, пожалуй, даже Бенштейну, который в декабре как только увидел падение подписки, так прекратил все платежи — собрал себе подписные деньги за декабрь и январь, а в феврале объявил себя несостоятельным и уехал в Москву. Журналы же его перешли к Розенфельду, который ничем не замечателен, кроме того, что его жена — это О. Миртова, авторша продлинновенных романов в «Русской мысли» «Мертвая зыбь» и «Яблони цветут» [3].

Видалась я недавно с Леонидом Николаевичем. Он почему-то снова восчувствовал ко мне и к Ник. Иван. прилив дружбы. Никак он не может и не хочет понять, почему провалился его «Сашка Жегулев» [4]. Об-

виняет, конечно, прессу и критиков. Его-де теперь травят со всех сторон. А действительно неуспех этой вещи очень большой и даже несправедливый. Ведь все-таки там есть хорошие места, несмотря на фальшивый тон всей вещи. Ввиду большого провала своих последних сборников «Шиповники» с осени начинают журнал с Андреевым и Ивановым-Разумником. Вы, наверное, уже наслышаны об этом [5].

Что касается до ведения дела, то Леон⟨ид⟩ Николаевич сказал мне: «в журнале должны работать только исключительно талантливые люди».

Такое новое открытие, конечно, нельзя не приветствовать, но что же тогда будут делать в редакционной коллегии Копельман и Гржебин? [6]

Никол. Иван. сидит в Финляндии и мучается тем, что не может помочь мне ни в текущей работе по журналу, ни в моих денежных изысканиях. Как только выберется свободная минута, напишу Марии Федоровне о себе более подробно, а пока крепко целую ее и жму Вашу руку.

Мария Иорданская

Датируется по содержанию. См. прим. 1.

[1] Речь идет о «Русских сказках», которые Горький послал в середине февраля — начале марта и просил напечатать в «весенних книжках». См. п. Горького Кранихфельду от 9/22 июня 1912 г.

[2] Плеханов постоянно сотрудничал в «Современном мире». В 1911 г. в журнале были напечатаны его ст.: «„Освобождение" крестьян» (№ 2), «М. Погодин и борьба классов» (№ 3), «В. Белинский и В. Майков» (№ 5), «Скептицизм в философии» (№ 7), «А. И. Герцен и крепостное право» (№ 12).

[3] Роман О. Миртова (псевдоним О. Э. Негрескул-Котылевой) «Мертвая зыбь» печатался в «Русской мысли» в 1909 г. (№ 8—12), роман «Яблони цветут» — в 1911 г. (№ 4—12).

[4] Роман Андреева «Сашка Жегулев» был напечатан в кн. 16 альманаха «Шиповник» (СПб., 1911) и подвергся резкой критике в печати (см.: *Русская литература конца XIX — начала XX века. 1908—1917*. С. 502—503). В «Современном мире» (1912, № 1) со ст. «Погодин и Жегулев» выступил В. Львов-Рогачевский. Своему роману Андреев придавал особое значение. «Сейчас я заканчиваю роман „Сашка Жегулев", и, как только выйдет, пришлю тебе: эта вещь — я думаю — может способствовать окончательному выяснению наших писательских товарищеских отношений. Возможно, что ты примешь ее, и я буду очень рад; но возможно, что и отвергнешь — тогда и толковать не о чем»,— писал он Горькому 12/25 октября 1911 г. (*ЛН*. Т. 72. С. 322).

Горький роман Андреева не принял: «„Сашку" — читал. Это написано плохо — скучно и пестро,— отвечал он Андрееву.— Удалась, на мой взгляд, только сестра Сашки, одну ее ты написал, не мудрствуя лукаво, и вышло славно. А сам Сашка — деревянная болванка, знакомая издавна: это все тот же изжеванный русской литературою „агнец",— то есть баран,— приносящий себя в жертву за „грехи мира"...» (Там же. С. 327—328). В 1925 г. Горький написал предисловие к роману «Сашка Жегулев» для американского издания произведений русских писателей. См.: Там же. С. 400—406.

[5] См.: Г — Ив-Р.

[6] Соломон Юльевич *Копельман* (1881—1944) — один из основателей и главный редактор изд-ва «Шиповник».

Зиновий Исаевич *Гржебин* (1869—1929) — один из основателей изд-ва «Шиповник».

15. ИОРДАНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург.⟩ 28 апреля ⟨11 мая⟩ 1913 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Наконец-то мне удалось возвратиться в Пб. и снова взяться за ведение журнала. С грустью узнал, что у Вас в этом году не оказалось свободного времени, чтобы дать что-нибудь для «Совр⟨еменного⟩ мира». А нам именно в этом году Ваша поддержка была бы крайне важна. Вы, вероятно, слышали, как скверно сложились наши денежные дела. И не уменьшение подписки стеснило нас. Все-таки мы имеем 9 тысяч подписчиков в то время, как, например, «Современник» не со-

брал и 2500. Нас сжал старый долг, который поглощает слишком большую часть поступлений. Пришлось принять решительные меры. Платные редакционные места надо было уменьшить. Рогачевский, Вольский и Кранихфельд отошли от редакционной работы, причем Львов и Вольский совсем покинули журнал, Кранихфельд же оставил за собой отдел критики. Вся работа пала на меня и Мар〈ию〉 Карловну. Так〈им〉 обр〈азом〉, получена экономия в 25 тысяч рублей. При поддержке Н. В. Мешкова мы обернулись с векселями, и теперь, я надеюсь, дело вышло из критического положения. Одновременно я для удовлетворения подписчиков «Новой жизни» выпускаю второе дешевое издание «Совр. мира», т. е. ту же книжку, но с исключением малодоступных для широких слоев статей [1]. Это — первый опыт дать новой демократической интеллигенции идейный и дешевый толстый журнал. Мне было бы крайне важно и радостно встретить Вашу поддержку в этом начинании. Может быть, Вам удастся что-нибудь сделать и для «Совр. мира». Аудитория у нас теперь — 15 тысяч «подписчиков», не считая «читателей». Я вел переговоры с Певиным об объединении журналов, но пришлось отказаться от этого плана, так как Певин, Ляцкий и Щеголев — такая троица, с которою нашему брату, литератору, а не коммерсанту, не сговориться [2].

Мария Карловна шлет Вам привет. Она лежит — и пролежит еще несколько недель — в больнице после тяжелой и опасной для жизни операции. Теперь все шансы за благополучный исход болезни.

Преданный Вам Ник. Иорданский

[1] «Современный мир» — второе издание. Журнал выходил с апреля 1913 г. до 1915 г. под ред. Иорданского, вместо прекратившегося издания журн. «Новая жизнь». Первый номер значился как «внепартийный ежемесячный журнал», в дальнейшем — «ежемесячный литературный, научный и политический журнал». Во втором издании полностью дублировалось содержание художественного отдела «Современного мира» и перепечатывались некоторые статьи из других отделов и часть рецензий на новые книги.

[2] Иорданская писала М. Ф. Андреевой 18 апреля 1913 г.: «...Ник. Иван. вел переговоры с Певиным о слиянии „Совр〈еменного〉 мира“ с „Современником“ (инициатива исходила от „Современника“), но переговоры эти не привели ни к чему, так как Певин настаивал, чтобы осталось непременно название „Современник“, а не „Совр. мир“. Это бы в конце концов было бы и ничего, но главное это то, что и Ляцкий и Певин, так же как и остальная редакция, непременно настаивают на историческом и историко-литературном характере журнала, тщательно отгораживаясь от статей общественно-политических. На этой почве ведь и были у Ник. Ив. несогласия с Ляцким, когда Ляцкий был членом редакции „Мира божьего“ в 907—908 годах. Тогда, не зная о моих отношениях к Н. И., Ляцкий постоянно распространялся со мной на тему о том, сколь необходимо исподволь и осторожно „вывести из журнала всех эс-деков“. Поэтому меня крайне удивило, когда Ляцкий обосновался в „Современнике“ и на первых порах, по-видимому, отказался от своих прежних взглядов. Но теперь для нас еще раз выяснилось, что с ним все обстоит по-старому и по-прежнему его идеал это собственно не журнал, а ежемесячные сборники, стоящие вне какого бы то ни было направления с полным отсутствием политического отдела. При таких условиях идти на слияние с „Современником“ нам, конечно, не показалось возможным, перебьемся уж как-нибудь одни» (*АГ*). См.: Г — Ляц, п. 52.

16. ГОРЬКИЙ — КРАНИХФЕЛЬДУ

〈Капри. Не позднее 10/23 декабря 1911 г.〉

Уважаемый Владимир Павлович!

Не найдете ли возможным поместить в «Совр〈еменном〉 мире» прилагаемую заметку о Ф. М. Достоевском?

Мне кажется, что в наше время роста зоологического национализма [1] освещение личности одного из основоположников этого настроения — вполне уместно и своевременно.

Буде заметка не понравится Вам — попрошу Вас известить меня об этом.

Желаю всего хорошего!

А. Пешков

Автор перевода и заметки: Алексей Алексеевич Золотарев, живет на Капри [2].

Подписать заметку: А. З.

Прилагаю также заметку о Джапаридзе [3] — будьте любезны передать ее «Звезде», а если угодно напечатать в «С⟨овременном⟩ м⟨ире⟩» — пожалуйста. Автор — Иван Егорович Вольнов, Капри.

Датируется предположительно по времени опубликования в «Звезде» заметки о А. Л. Джапаридзе.

[1] Об «отвратительной проповеди зоологического национализма», под влиянием которой в России «назревает процесс ее распада на взаимно враждебные племена», Горький писал в первой ст. «Издалека» (Современник. 1912. Кн. 10. С. 220).

[2] Речь идет о заметке А. А. Золотарева, которая первоначально предназначалась для «Современника». «Будете в среду у Ал. М-ча, скажите ему, что свои 2 заметки о книге Гильома и „Достоев⟨ский⟩ в Омской каторге по воспоминаниям Симона Токаржевского" я уже перепечатал на машинке, но не знаю, куда отправить и кому — Амфитеатрову, или же Миролюбову, или лучше всего самому Ал. М-чу»,— писал Золотарев Пятницкому 30 октября 1911 г. (*АГ*).

Воспоминания польского революционера Симона *Токаржевского* (1821—1890) о Достоевском на каторге под названием «Z pamietnikov Szymona Tokarzewskiego» появились в «Gazeta Polska» (1907, № 2—5, 7, 8, 10, 11, 14, 17, 19). Они вошли в кн. «Sedem lat katorgi. Pamietniki Szymona Tokarzewskiego» (Warszawa, 1907). На русском языке опубликованы не были. В русской печати в 1908—1910 гг. развернулась полемика вокруг этих воспоминаний (Токаржевский упоминал Достоевского и в других книгах. Перевод двух первых глав из книги «Каторжане» опубл.: Звенья. М.; Л.: Academia, 1936. Т. VI).

Получив отказ Кранихфельда, Горький 16/29 февраля 1912 г. послал «отзыв Токаржевского о Достоевском» Миролюбову (*XXIX*, 227). Перевод и заметка Золотарева опубликованы не были, рукописи их не разысканы. Можно отметить, что в воспоминаниях «Горький — каприец» (1936—1938) Золотарев рассказывал следующий эпизод: «Помню выразительный жест Алексея Максимовича во время беседы о Достоевском. Говорилось о монолитности, монументальности трагика-романиста, о словесной магии его гения. Горький сидел молча, слушал и вдруг, грозя кому-то кулаком, сказал:

— Там разные милостивые государи в Москве убеждают себя и других, что Горький Достоевского в грош не ставит, а Горький закидывает голову вверх и замирает в молитвенном экстазе,— вот он как на Достоевского смотрит» (*АГ*).

[3] *И. В.* ⟨И. Вольнов⟩. А. Л. Джапаридзе. (Его последние минуты) // Звезда, 1911. 17/30 дек. № 34. С. 6—8. В заметке рассказывалось о трагических обстоятельствах, при которых автору привелось познакомиться с депутатом социал-демократической фракции II Государственной думы Арчилом Левановичем *Джапаридзе* (1875—1908). Они встретились в арестантском вагоне в день кончины Джапаридзе — 13 декабря 1908 г. Заметка была приурочена к трехлетию со дня его смерти.

17. КРАНИХФЕЛЬД — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург. 7/20 января 1912 г.⟩

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

При обострении в наши дни национальных вопросов перевод заметки Токаржевского о Достоевском только подольет масла в огонь, если появится в печати [1]. Оставляя в стороне узкий национализм, овладевший Достоевским в последние годы его художественной и публицистической деятельности, я обращаю Ваше внимание (как и внимание переводчика) на то, что в «Записках из Мертвого дома» о каторжанах-поляках говорится в вобщем в примирительном тоне. В частности, о Токаржевском Достоевский два раза упоминает даже в лестных для Токаржевского словах [2]. И вот, много лет спустя, Токаржевский, как бы отвечая Достоевскому, делает этому последнему совершенно отрицательную характеристику, в которой чувствуются какие-то неза-

жившие раны, но не чувствуется спокойного беспристрастия. И, сопоставляя эти взаимные характеристики двух бывших каторжан, я лично не могу не поставить Достоевского, сумевшего найти в своей душе примиряющие ноты, над Токаржевским, который писал свои воспоминания, несомненно зная уже о Достоевском как о выдающемся русском художнике, и не мог все же найти в своей памяти ни одной черты, которая рисовала бы нам не только больного и озлобленного, но и крупного во всяком случае человека. И если такое впечатление от этого сопоставления вынес я, человек, совершенно чуждый националистическим настроениям, то — воображаю — какой материал дало бы появление заметки Токаржевского всяким нововременским и им подобным националистам! По этим соображениям перевод Токаржевского я считаю не только неудобным для напечатания, но прямо вредным.

Пишу с полною откровенностью и не извиняюсь за нее и за сопутствующую ей резкость, потому что твердо уверен, что ни Вы, ни переводчик, которого тоже немного знаю, не примете мои слова в дурную сторону.

Перевод вышлю послезавтра.

Виноватым же себя я все-таки чувствую перед Вами и готов, если возможно, искупить всячески свою вину. Виноват я перед Вами в том, что в своих (известных Вам) заявлениях суду чести по жалобе на меня Берлина [3] я злоупотребил Вашим именем. Но, право, для меня иного выхода не было. Жалоба Берлина показала мне, что на нашем журнале захотели отыграться господа бенштенианцы — после того, как им не удалось использовать столь вовремя для них разыгравшуюся историю Андреев — Куприн [4]. Их намерение объявить Куприна *в печати* «или негодяем или сумасшедшим» до такой степени взвинтило меня (взвинтило, между прочим, вовсе не из сочувствия к Куприну, а из любви к русской литературе, которую одной возможностью такого ужасного приговора постыдно принижали самозванные судьи), что я многим наговорил весьма неприятных комплиментов. В частности, мой разговор с Арцыбашевым (длительный 6-го ноября и короткий, по телефону, 9-го) сводился к тому, что, дескать, «сами вы все,— самозванные судьи,— хуже вашего подсудимого в миллион раз. Того по крайней мере в наших глазах оправдывает его несчастная болезнь. Вы же и этим не можете оправдывать себя во всех тех тысячах случаев, когда вы поступаете и как общественные и литературные деятели, и как частные люди, хуже вашего подсудимого» и т. д. Я приводил Арцыбашеву десятки случаев, когда сам он поступал хуже, и окончил указанием на бенштейнианство, которое разлагает литературу и которое он же поддерживает. Ссылка на Ваши письма [5] была крохотной горсточкой в тот мешок зерен, который я высыпал Арцыбашеву, характеризуя бенштейнианство, как целую зловредную систему. И, однако, против меня и против журнала выступили в поход, только ссылаясь на Ваши письма. Я счел необходимым самым решительным образом отклонить этот единственный судебный мотив, готовый выступать на суде против всякого иного определенного обвинения. Суд состоялся 27-го декабря. К сожалению, суд до сей поры не приготовил подробной, мотивированной резолюции, которой я, собственно, и дожидался, чтобы рассказать Вам эпилог. Как только получу от суда писаную резолюцию с мотивами, я немедленно же сообщу ее Вам 〈...〉 [6]

Так как я много говорил по необходимости об Арабажине, то прибавлю, что вчера в редакцию явилась М. В. Ватсон, жестоко обиженная за память Надсона и крайне огорченная, что «Речь» не напечатала ее писем, а «Совр〈еменное〉 слово» тоже, по ее словам трусящее перед Арабажиным, исказило ее последнее письмо. Все три принесенных ею письма (одно из них принадлежит «Solus'y», т. е. давно

уже открывшему в «Бирж<евых> ведо<мостях>» свой псевдоним Арабажину) посылаю Вам, в Вашу коллекцию [7].

Боюсь, что нескладным изложением очень затрудню Вас, но надеюсь, что все же Вы разберетесь в моем изложении. Сообщить же обо всем этом я считал тем более необходимым, что Ваше имя все время мелькало и в жалобах Берлина и в моих ответах. На суде, повторяю, Ваше имя не фигурировало, если не считать упоминаний его в письменных показаниях Арцыбашева и Арабажина.

Кстати. Ввиду того, что Арцыбашев позволил себе в письмах квалифицировать мое поведение как «литературный шантаж», редакция «Совр<еменного> мира» («по поручению редакции» подписал Н. И. Иорданский) предложила ему извиниться, но вот уже прошло больше недели, а ответа от него не последовало.

С искренним к Вам уважением

Вл. Кранихфельд

[1] Кранихфельд не разделял позицию Горького по отношению к Достоевскому. В «Литературных откликах», озаглавленных «Преодоление Достоевского» (Современный мир. 1911. № 5), он рассматривал постановку «Братьев Карамазовых» в Художественном театре, встретившую, по его словам, «единодушное признание» (с. 322), и находил ее «в общем строго продуманной и прекрасной» (с. 338). «Художественникам нельзя было обойти Достоевского в то время, когда русская интеллигенция почувствовала необходимость сосчитаться с этим с в о и м гением и так или иначе преодолеть его» (с. 323),— утверждал критик.

[2] В «Записках из Мертвого дома» Достоевский писал о Токаржевском в гл. VII «Претензия»: «...Т-вский из дворян, твердый и великодушный молодой человек, без большого образования и любивший ужасно Б. Его из всех других различали каторжные и даже отчасти любили. Он был храбр, мужественен и силен, и это как-то высказывалось в каждом жесте его» — и в гл. VIII «Товарищи»: «Т-ский был хоть и необразованный человек, но добрый, мужественный, славный молодой человек, одним словом» (*Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1956. Т. 3. С. 663, 671).

[3] См. п. 11.

[4] Речь идет о ссоре Куприна с Андреевым. См. о ней в кн. М. К. Куприной-Иорданской «Годы молодости».

[5] См. п. 11, прим. 2.

[6] Далее Кранихфельд подробно излагал ход судебного разбирательства по заявлению Берлина.

[7] Упомянутыми письмами *АГ* не располагает.

18. ГОРЬКИЙ – КРАНИХФЕЛЬДУ

<Капри. 16/29 января 1912 г.>

Уважаемый Владимир Павлович.

Не понимаю Вашего выражения «подливать масло в огонь», что же Вы,— думаете погасить начинающийся пожар молчанием о нем? [1]

С Вашим суждением о Достоевском я, конечно, тоже не согласен: это его «философиею» питается современная реакция в сторону индивидуализма и нигилизма, именно на ней базируется весь «внутренний враг» демократии; пришла пора выступить против достоевщины на всех ее пунктах. Очень жаль, если эта необходимость не чувствуется остатками той интеллигенции, коя еще не утратила сознания возможности организовать демократию изнутри и извне, и понимает, что здесь — в этой организации — единственное спасение для нее и для страны от преждевременного и полного развала.

Позвольте мне быть откровенным и просить Вас показать настоящее письмо Н. И. Иорданскому [2]. Недавно он писал мне: «Хорошо было бы собраться духовно снова, хотя бы небольшой группой, в стройный отряд, для защиты и нападения» [3]. Желание — доброе, хотя несколько запоздалое уже. Я плохо понимаю, для кого и в каких целях издается «Соврем<енный> мир»; мне кажется, что вы, господа, живя в Питере, живете гораздо дальше от России, чем я, и не слышите ее наиболее громких воплей.

Считая себя социалистами и демократами, вы очень мало внимания обращаете именно на демократию, на те настроения, которыми она живет, то «брожение без дрожжей», которое затемняет ее сознание. Почему вы, например, не следите за такими изданиями, каковы «Народная семья» [4], «Искры жизни» [5], «Живое слово», «Жизнь для всех», симбирская «Жизнь» [6], провинциальные сборники произведений «писателей из народа», Битнерово предприятие «Гимназия для всех» [7], и на все, чем питается современный массовый читатель? Следить за этим движением — ваша обязанность. Обратите внимание на идеи Сивачева, Завражного [8], Волкова — посылаю Вам статью последнего и копию моего ему ответа [9]. Этих Волковых становится все больше, и все они играют на одной дуде, одну и ту же, весьма вредную песню. Они становятся популярны в массе — чему имею доказательства.

Точно так же ваша задача следить за всем, что творится в области «национального самоопределения племен, входящих в состав империи». «Самоопределение» это принимает такой характер, что наша внутриимперская распря племен обещает создать нам положение еще более горшее, чем то, каким судьба наградила Австрию [10]. Мы не немцы, не в такой степени тренированы для борьбы, и, если мы своевременно об этом вопросе не подумаем,— наш неустойчивый социализм превосходно и надолго может захлебнуться национализмом.

Я очень рекомендовал бы вам присмотреться к превосходной работе украинцев, почитать внимательно белорусскую литературу, последить за статьями Жаботинского и других националистов-евреев в газетах юга, почитать прессу татар и вообще — оглянуться — куда мы идем?

В журнале очень плохо и шаблонно освещается международное положение России,— а посмотрите, какие солидные статьи пишет Павлович! Естественнонаучных статей — мало. Вам следовало бы ввести отдел «Хроника завоеваний мысли», где печатать маленькие заметки-рецензии обо всем, интересном в области науки, техники и т. д. Не мешало бы иметь отдел «Деревня» — это можно составлять по данным провинциальных газет, и это же необходимо, сударь мои! [11] Ведь все это стоит дешево, и вы сами понимаете, что это важней, интересней беллетристики «знаменитых», оплачиваемой на вес золота! Тяжелее!

Вы могли бы также завести — и это давно пора сделать именно вам!— «Обзор торгово-промышленной деятельности» в стране, это великолепно повел бы Цыперович [12]. И это сразу ввело бы журнал в новый круг читателей, обогатив старые его круга.

Извините меня — вы ведете журнал холодно, лениво и небрежно; в нем не чувствуется единства и ясного сознания целей, преследуемых Вами. Поместив никчемную статейку Фриче о Чена [13], Вы забыли упомянуть, что роман Чена, о коем говорит статейка, напечатан у вас же. Отдел рецензий разъезжается во все стороны, а рецензия об Экоуте [14] обнаруживает в авторе ее полное равнодушие к русскому языку, ну, как было не отметить такие отвратительные промахи переводчицы, как, напр..

«„Дебаты на суде открыли много ужасного, что тщательно скрывалось: распинание на кресте, общее бичевание, утопление до последней крайности, подготовка к ауто-да-фе", „какое-то скульптурное изображение, изображающее сирену", „Он выражал свое очарование женщинам" и часто в немного искренних выражениях"»*— господа, ведь вы, рекомендуя книгу, должны же знать, что рекомендуете!

Подбор беллетристики — случаен, редакция ее — небрежна. «Как везде в России — каменщики пили больше всех» [15] — если эту фразу заметят, ее высмеют, и половина вины за нее лежит на редакторе: он дол-

* Подчеркнуто Горьким (*ред.*).

ГОРЬКИЙ, М. Ф. АНДРЕЕВА, Ю. А. ЖЕЛЯБУЖСКИЙ И А. С. НОВИКОВ-ПРИБОЙ
Шарж В. Д. Фалилеева (бумага, акварель). Капри, 1912.
На рисунке под изображением подпись-монограмма «В. Ф.» и дата: «Capri. 1912»
Музей Горького, Москва

жен знать, что каменщики наиболее трезвый народ, что они, по свойству своего труда, не могут пить «больше всех» и что, наконец, в рассказе речь идет не о каменщике, а о печнике — это серьезная разница.

Эх, господа! Быть вам китайской провинцией — неуклюжий и пассивный вы народ! Особенно плохо то, что жизнь современной демократии вас, очевидно, мало интересует.

Все это сказано из желания добра вам и вашим читателям, я думаю вы не обидитесь на меня за то, что сказал то, что считал нужным сказать.

Искренно желаю всего лучшего.

А. Пешков

29 янв. н. с. 1912 г.
Капри

[1] В феврале—марте 1912 г. Горький писал В. И. Ленину: «Удивительно, что на развитие националистического шовинизма наши журналы не обращают должного внимания: недавно я писал „Совр⟨еменному⟩ миру“, чтоб они присмотрелись к „Украинской жизни“, „Миру Ислама“, „Мусульманину“, к статьям Жаботинского,— отвечают, что „не надобно подливать масла в огонь“» (*В. И. Ленин и А. М. Горький*. С. 82).

[2] В январе 1912 г. Горький писал Львову-Рогачевскому: «Послал В. П. Краних-фельду письмо о „С⟨овременном⟩ мире“,— письмо это имеет общий характер, и мне хотелось бы, чтобы Вы прочли его». В конце января Львов-Рогачевский отвечал: «Ваше письмо было прочитано у нас в редакции вслух и произвело впечатление ⟨...⟩ Оно подчеркнуло то, что говорят в провинции. По приезде (из провинции, где Львов-Рогачевский читал лекции.— *Ред.*) я рассказывал в редакции, что часто приходилось слышать: „Журнал засушили, заморозили“. Мне думается, что надо ввести письма из провинции, как, помните, было в „Новом слове“, и отказаться от „академизма“. Пусть академизм достанется благодушным профессорам, которым приходится ладить и с красными, и с светлорозовыми. Когда-то мы верили в революцию. Теперь слишком уверовали в реакцию, до того уверовали, что сами понижаем тон» (*АГ*).

[3] См. п. Иорданского от 2 января 1912 г.

[4] «*Народная семья*» — двухнедельный иллюстрированный литературный журнал; издавался в Москве с 1911 по 1912 г. В нем принимали участие писатели из народа: В. Зарубин, Г. Завражный (редактор), Сивачев и др.

[5] «*Искры жизни*» — ежемесячный журнал; издавался в Петербурге с октября 1910 по май 1912 г.

[6] Полное название «Литературная газета „Жизнь". (Интимные беседы). Газета самостоятельного народного творчества». Издавалась в Симбирске в 1911 г. Ее редактор-издатель Н. Н. Ильин писал Горькому 1/14 марта 1911 г.: «Большое спасибо Вам за поддержку, оказанную мне; может быть, невольную: я говорю о статье Вашей в „Современном мире" „О писателях-самоучках", поддерживающей мое трудное начинание. Вы, должно быть, знаете, что уже издаю газету „Жизнь" здесь в Симбирске (я посылал Вам — не знаю, дошли ли номера газеты), как сами видите, начинание нужное; необходимы такие органы для объединения народной мысли. Вот теперь я обращаюсь к Вам, Алексей Максимович, с большой просьбой: помочь мне в этом начинании, а именно: Вы могли бы присылать письма, присланные Вам, рассказы, стихи. Написать Вашим корреспондентам о такой газете — чтобы больше знали о ней. Начинание мое трудное — просто игнорируют это дело, хотя уже составился маленький кружок (...)» (*АГ*).

Ответ Горького редакции газеты см. в предисловии к данной переписке.

[7] «*Гимназия для всех*» — приложение ежемесячного литературного и научно-популярного журн. «Вестник знания», выходившего в Петербурге с 1903 по 1918 г. Совокупность издательской деятельности его редактора-издателя В. В. Битнера, популяризатора знаний для народа, получила в свое время специальное определение — «битнеровская литература». В п. Плеханову от 23 августа/5 сентября 1913 г. Горький резко отозвался о журнале Битнера: «На мой взгляд, журнал представляет собою окрошку для духовно голодных, а затеян не столько того ради, чтобы питать их, сколько ради уловления пятаков. Я слежу за ним в течение нескольких лет, и мне кажется, что редакция его очень небрежна, не весьма грамотна и лозунг ее: „вали все в кучу, читальщик разберет"» (*XXIX*, 314).

[8] «Интеллигентоедство», характерное для «сивачевщины», было в не меньшей степени свойственно и Гр. Завражному. В речи, произнесенной на похоронах Златовратского, он говорил, что народничество, выродившееся в марксизм, дает теперь новые побеги, «на знамени которых начертано: „народные интересы". Опять деготьком потянуло, ибо серый мужик сам двинулся в литературу» (*Клейнборт Л. М.* Очерки народной литературы (1880—1923). Л.: Сеятель, 1924. С. 39).

[9] Речь идет о неопубликованной ст. М. И. Волкова «Писатели-народники и фельетонист из „Речи"», написанной в ответ на ст. Чуковского «Мы и они». Чуковский говорил об отношениях интеллигенции и «полуинтеллигенции». В статье резко осуждался Сивачев, но утверждалось, что «Сивачевы во множестве, Сивачевы как масса — превосходные, лучшие люди в России» (Речь. 1911. № 297. 29 окт.). Волков выступил от имени «русских деревенских писателей», которые «заботливо препровождают мне Ваш фельетон (...) имея в виду, чтобы я Вам ответил» (*ИРЛИ*, ф. 528, оп. 1, № 433). Статья Волкова содержала резкие выпады как против Чуковского, так и против интеллигенции, являвшейся для автора основной мишенью. В п. Волкову Горький говорил: «Мне думается, что Вы должны были направить Вашу статью не мне, а Чуковскому, в ней Вы делаете прямой вызов ему и должны осведомить его об этом.

Я лично „пустить в печать" Вашу работу не могу, у меня нет своего издания, я пошлю ее в „Совр. мир", но не надеюсь, что там напечатают ее — она очень неосновательно написана, в ней много интеллигентской истерики, но нет аргументов.

По вопросу, задетому Вами, я уже высказался в статье „О писателях-самоучках" (...)

Я, как Вы, может быть, знаете, не поклонник интеллигенции, но позволю себе сказать, что Ваши выпады против ее — очень плохо обоснованны и способны скомпрометировать демократию, от лица коей Вы говорите.

Во всяком случае Ваша статья не может послужить взаимному пониманию людей, в чем все мы нуждаемся, а лишь поведет к вящему озлоблению, которое все развивается между интеллигентом и рабочим и которое пагубно для обеих сторон» (*АГ*).

[10] Речь идет об Австро-Венгрии, империи Габсбургов, включавшей в себя к 1912 г., кроме Австрии и Венгрии, также территорию современных Чехии, Словакии, части Румынии (Трансильванию), Закарпатской Украины, Хорватии, Боснии, Герцеговины. На протяжении XVIII — начала XX в. одним из важных факторов, определявших внутриполитическое развитие Австро-Венгрии, было стремление входивших в нее народов добиться национальной независимости или хотя бы автономии. К 1912 г. австро-венгерское правительство усилило репрессии против южных славянских народов. В начале 1912 г. правящая клика установила в Хорватии и Славонии режим открытой диктатуры.

[11] В «Современном мире» и раньше печатались статьи на названные темы. Специальные разделы введены не были.

[12] Г. В. Цыперович был постоянным автором «Современного мира» в 1909—1914 гг.

[13] *Фриче В.* Джованни Чена // Современный мир. 1911. № 12. С. 323—324. Роман Дж. Чена «Ценою жизни» («Gliamonitori») был опубликован в «Современном мире» (1905, № 8—9).

[14] Речь идет о рецензии А. Левинсона «Жорж Экоут. Собрание сочинений. Т. III. Защитник бездомных. Перевод М. Веселовской. М., 1911» (Современный мир. 1911. № 12). В ней, в частности, говорилось: «Перевод г-жи Веселовской получил исключительную авторизацию Экоута: этот талисман не помешал ему выйти очень неудачным. Последние главы искажены до непонятности; мелких недочетов множество» (Там же. С. 363). 20 января / 2 февраля 1912 г. Горький написал контррецензию на это издание (Запросы жизни. 1912. № 3). В *АГ* вместе с письмами Кранихфельду хранится вторая половина рукописи рецензии (первые две страницы отсутствуют, страница «3» начинается с полуслова).

[15] Неточная цитата из рассказа С. Сергеева-Ценского «Неторопливое солнце» (Современный мир. 1911. № 12. С. 109): «И здесь, где плескалось море внизу, а вверху сзади стояли горы, где кипарисы купались в голубом зное ‹...› и здесь, как везде в России, каменщики пили больше, чем плотники, кузнецы больше, чем каменщики, слесаря больше, чем кузнецы, больше же всех пили печники и штукатуры».

19. КРАНИХФЕЛЬД — ГОРЬКОМУ

‹Петербург. 4/17 июня 1912 г.›

Дорогой Алексей Максимович!

Боюсь, что Вас не удивит чрезвычайная медлительность, с какою я собрался наконец в июне ответить на Ваше январское письмо. «Так именно и должны были поступить эти неуклюжие, пассивные, ленивые люди»,— равнодушно скажете Вы, припомнив эпитеты, которыми Вы так щедро наградили в январском письме меня и моих редакционных товарищей. Я, однако, не склонен объяснять свое молчание ленью. Правда, вину свою перед Вами я сознаю, и все это время я был неустанно угрызаем и собственной совестью и упреками Марии Карловны, корившими меня за ежедневное откладывание ответного письма. И все-таки я со дня на день откладывал. Мне казалось необходимым ответить Вам по всем предъявленным и даже не предъявленным Вами обвинительным пунктам с такою обстоятельностью, для которой у меня просто не хватало досуга. Мне казалось необходимым показать Вам ясно и убедительно, что мы не только выполняем по инерции механическую редакционную работу, но много и упорно думаем над ней; что относимся мы к своей работе вовсе не «холодно, лениво и небрежно», как полагаете Вы, но что мы все время волнуемся, бывает, что и до слез волнуемся, сознавая недостатки журнала и свое бессилие помочь ему. Те недостатки, которые перечисляете Вы, мы видим и сами; наш опыт указывает нам и на многие другие недостатки; он же подсказывает нам и некоторые существенные нововведения, которые были бы полезны для журнала... Но финансовое положение журнала сейчас таково, что о реформах думать не приходится,— было бы как и с чем выпустить очередную книжку...

Насказав мне и моим товарищам по редакции много весьма нелестных для нас вещей, Вы предлагаете мне не обижаться, потому что все сказанное Вами сказано из желания добра журналу и его читателям. Я нимало не сомневаюсь в Вашем доброжелательстве и поэтому не только не обижаюсь за Ваши нотации, но принимаю их с большой и искренней благодарностью. Смущает меня только одно, а именно: Ваше сочувствие не журналу (в данном случае «Совр‹еменному› миру»), а журналам, из которых кое-кто уже проявил себя. Мне приходилось видеть некоторые Ваши письма, в которых Вы с чувством удовлетворенности говорили о не родившихся тогда еще, а только зарождающихся журналах («Современнике» и «Заветах»): молва приписывает Вам в появлении

КАПРИ. МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ
Фотография Ю. А. Желябужского, 1908—1912
Музей Горького, Москва

этих журналов значительную или, во всяком случае, акушерскую роль. Я с большим интересом ожидал увидеть эти журналы, предполагая, что они внесут в нашу журналистику нечто новое, небывалое, но ошибся. «Современник», заполнявшийся Амфитеатровым, а теперь занявший промежуточное положение между «Совр. миром» и «Русской мыслью» [1], ничего нового не внес в русскую журналистику. Чернова-Вечева мы встречали в разных комбинациях (с Амфитеатровым в «Современнике» в том числе), и новая его комбинация с Ропшиным из «Русской мысли», с Буниным и Блоком в «Заветах» не сулит нам опять-таки ничего нового [2]. Любопытно, что журналы в России подлежат какому-то суровому ограничительному (и в смысле читателей и в смысле писателей) закону. Вот появляются слухи о новом журнале. Что это значит? Это значит, что для кочевого русского писателя и русского читателя явилась возможность переменить от скуки место: часть Бунина (беру это имя в нарицат. смысле; можно заменить Горьким, Сергеевым-Ценским и т. д.), а с ним вместе и часть читателя перекочевывает на новое место. Я не знаю, кто от этого выигрывает,— во всяком случае не русский читатель, которому под разными названиями подносят те же блюда, но только в новых или даже только слегка измененных комбинациях. Русская журналистика топчется на одном и том же месте, потому что тон новых журналов продолжает оставаться до зевоты повторением старых. И проигрывают лишь старые журналы, от которых отходит некоторая часть старых подписчиков; проигрывает и читатель (читатель журналов «вообще»), ибо перебеги (хотя бы и временные) подписчиков лишают старые журналы возможности планомерного развития.

Вот и «Совр. мир» застыл и увяз и, несмотря на большой опыт (говорю без всякой похвальбы) его редакции, не сдвинется с места, если только не найдется новый значительный (по сумме) пайщик или не вывезет кривая.

Откровенность за откровенность: при всем Вашем доброжелательстве к журналам вообще и к «Совр. миру» в частности, Вы относитесь к этому последнему несколько пристрастно и виноватите его иногда без всякой вины. Так, напр., Вы очень сердито нападаете на журнал за рецензию об Экоуте, где будто бы обнаружено «полное равнодушие к русскому языку». А между тем если Вы потрудитесь до конца прочитать рецензию об этой книге («Совр. мир», 1911, декабрь), то Вы увидите, что рецензент *возмущается* безобразным, безграмотным переводом Экоута. Это, как Вы сами можете убедиться, ничем не вызванное с нашей стороны обвинение Вами редакции в непростительном равнодушии к русскому языку показалось мне тогда же очень характерным. Пока Вы говорили в общих выражениях о том, что то,— дескать, у Вас плохо, того-то не хватает, на это обратите внимания и т. д., я читал и, могу сказать, умилялся: меня трогало сознание, что вот, мол, какого милого и внимательного читателя имеем мы в лице М. Горького. Сидит он на о. Капри, много пишет сам, еще больше читает, потому что отовсюду к нему стекаются массы печатного и рукописного материала, а вот поди же,—разглядел кое-какие из наших недостатков, и не только разглядел, а дал себе труд указать их нам. Но, когда я дошел до Экоута, т. е. до единственного обвинительного пункта, на котором Вы останавливаетесь подробно и с цитатами сердито вразумляете нас, я так и ахнул: в Ваших благожелательных упреках я почувствовал ноту предубеждения, с которым спорить трудно. Вы просто предрешили, что журнал плох, что он Вам многими сторонами не нравится, и тогда Вы занялись созданием новых журналов. Однако я уверен, что теперь Вас не удовлетворяют и эти новые журналы, слишком уж поспешили они облечься в старый журнальный костюм, тот самый, от которого мы, старые журналисты, охотно, при первом же представившемся нам случае, освободимся, ибо нас

он жмет и теснит. А пока что мы поневоле носим те старые одежды, которые добровольно надели на себя новые наши собратья.

Да, многого у нас недостает, многое плохо. Плоха и беллетристика, плоха, потому что у нас нет свободной наличности, и мы не всегда имеем возможность удержать в своих руках даже такую вещь, которая побывала у нас и нам понравилась. Вот и теперь, рискуя навлечь на себя Ваше справедливое неудовольствие, мы попридерживаем в портфеле Ваши прелестные «Русские сказки», рассчитывая, при Вашем снисходительном попустительстве, дотянуть их до осени. Конечно, если Вы потребуете, чтобы они были напечатаны в ближайшей же книжке, мы это выполним, но в интересах журнала нам было бы желательнее использовать в летних книжках залежавшийся материал иной ценности. Надеюсь, что Вы снизойдете к интересам журнала, и что, во всяком случае, задержка «Сказок» не удержит Вас от присылки осенью обещанных Вами «Воплей провинциала» [3].

Итак, я подхожу к концу своего письма. Собственно и это — не письмо, а только схема, по которой я хотел и должен был отвечать Вам,— и даже не схема, а только часть ее, потому что и в схеме много пропущено мною. Так, пропущено очень важное соображение о современном читателе (я имею в виду специфического журнального читателя), который смотрит на нас со стороны и что-то об нас думает, чего-то от нас требует. Быть может, он думает о чем-то совсем для нас недостижимом и загадочном. А может быть, мы и проникли в его думы и готовы угодить ему, да за малым у нас остановка: денег у нас нет, и не найдем мы человека, который готов был бы раскинуть своей мошной и помочь нам в задуманных нами реформах.

Таковы-то дела наши и делишки!

Искренно Вас уважающий

Вл. Кранихфельд

[1] *«Русская мысль»* — ежемесячный научный, литературный и политический журнал, выходил в Петербурге с 1880 по 1918 г. После 1905 г.— орган кадетской партии. См.: *Никитина М. А.* «Русская мысль» // Русская литература и журналистика начала XX в. 1905—1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984.

[2] В 1911 г. Чернов активно сотрудничал в «Современнике». После разрыва с Амфитеатровым в конце 1911 г. вел переговоры с Горьким о создании нового журнала, в 1912 г. стал сотрудничать в журн. «Заветы». См.: Г—Ч, Г—Ив-Р.

[3] «Вопли провинциала» — возможно, речь идет о статье по поводу современных литературных нравов, обещанной Горьким Иорданским. См. п. 11, 12, 13.

20. ГОРЬКИЙ — КРАНИХФЕЛЬДУ

‹Капри. Не позднее 9/22 июня 1912 г.›

Уважаемый Владимир Павлович!

Очень грустно, что письмо Ваше — полемическое. Позвольте указать Вам на противоречия, в которые Вы впадаете, приписывая мне недостаточно внимательное отношение к журналу и упрекая в голословном суждении о нем.

Я не просто «предрешал», что «С‹овременный› м‹ир› — плох, Вы сами знаете, что это правда, ибо Вы сами пишете «вот и „С. М.“ застыл и увял», «мы все время волнуемся, сознавая недостатки журнала».

Вы напрасно «ахнули» по поводу рецензии об Экоуте; в ней не приведено образцов искажения русского языка, что, на мой взгляд, было необходимо, как необходимо было указать Веселовской, что она подписала книгу, очевидно, не ею переведенную, ибо она-то русский язык знает! Если Вы читали Экоута по-русски, то Вы, конечно, поняли бы, что рецензент не мог говорить о достоинствах автора, они совершенно убиты переводом, можно было говорить лишь о переводе. И о том, что совре-

менные издатели иностранной литературы дают ее публике русской в более отвратительном виде, чем давали когда-либо прежде, а это — преступление против культуры.

Указание на рецензию об Экоуте — не «единственный обвинительный пункт»,— я говорил еще, что мне странно было видеть статью Фриче о романе Чена, напечатанном у вас, о чем в статье не упомянуто.

Я мог бы указать Вам и более серьезные ошибки редакции, но раз эти указания принимаются как «обвинения» — это ставит меня в другую позицию по отношению к журналу.

Не скрою, что я смотрел на свое письмо, как на попытку подойти к журналу возможно ближе [1], считая себя человеком небесполезным для него. Полгода я ждал ответа на мое письмо и — получил «полемику», понуждающую меня на возражения.

Посылая сказки, которые Вы называете «прелестными», я просил, «если они понравятся», поместить их в весенних книжках и через три месяца получаю ответ, что их лучше напечатать осенью.

Сказки эти для меня — новый жанр, мне было бы очень полезно знать, в какой мере они удачны,— я не самолюбив, со мной можно говорить просто и откровенно. Мне кажется, что если бы сказки оказались достаточно удобными для журнала и ценными, с точки зрения социально-педагогической, их можно бы давать два раза в год, частью как фельетон на темы современности, частью же «вообще» на русские темы.

Засим: Вы приписываете мне акушерскую роль в нарождении новых журналов. Так — грешен, помогал, по мере сил, и, как Вы справедливо заметили, пока все безуспешно — детишки родятся уродцами. Но в том, что дети худосочны, не акушер виноват, а сквернейшая наследственность: родители — народишко истощенный долголетним духовным недоеданием, а главное — индивидуалисты, наподобие ежей и спрутов. Издавна совокупляясь лишь промежду себя, они все еще не могут понять, что занятие это обратилось у них в свальный грех и, бесплодно истощая их духовно-хиленькие организмы, не может быть плодотворно. Это даже и не «культурная» работа, а именно «свальный грех», прикрыто именуемый «склокой»,— картина безобразная, отталкивающая демократию.

Акушерская практика не дает мне ни удовлетворения, ни заработка, но — «дай бог побольше нам журналов, плодят читателей они» [2]. И я уверен, что, если бы игроки разобрали все карты — козыри остались бы в руках с.-д., как группы наиболее богатой талантами. Когда все сгруппируются с с-деками, бог даст, будет ясна необходимость плотной группировки.

Очень удивляет меня, Владимир Павлович, Ваш упрек в том, что я отношусь к «С. М.» предубежденно, упрек, который Вы обдумывали шесть месяцев. Не сомневаюсь, что у Вас много работы, но ведь и я не сижу сложа руки.

Странные мы люди: обвиняя столь легко друг друга, как редко мы извиняемся в наших ошибках и в небрежности отношения друг к другу!

Впрочем,— желаю всего хорошего!

А. Пешков

Со «сказками» поступайте, как вам удобнее.

Датируется предположительно, по п. Кранихфельда от 4/17 июня, которое Горький должен был получить 9/22 июня. Указав ранее Кранихфельду на недопустимую задержку ответа, Горький, вероятнее всего, ответил в день получения.

[1] О желательности этого для редакции писал Горькому Львов-Рогачевский в декабре 1911 г.: «...как бы мне хотелось, чтобы Вы близко стали к „Современному миру". Нет в редакции авторитетного голоса. В „Русском богатстве" Короленко, а у нас — кто? По возвращении из провинции я передал редакции, что журнал обвиняют в том, что он засушен, заморожен, щеголяет академизмом и слишком рассудочен. Я говорил, что пора повысить тон, говорил и о том, как важно, чтобы

Вы стали ближе к журналу. Все соглашались со мной, но что дальше будет— не знаю» (*АГ*).

[2] Неточная цитата из стихотворения П. Вяземского «1828 год» («Дай бог нам более журналов: Плодят читателей они».— *Вяземский П. А.* Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 169).

21. КРАНИХФЕЛЬД — ГОРЬКОМУ

(Петербург. 7/20 июля 1912 г.)

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Искренно благодарю Вас за Ваш ворчливый, но добрый ответ на мое письмо, которое поистине заслуживало более сердитого отпора. Я рад убедиться, что Ваше прошлое письмо было продиктовано желанием ближе подойти к журналу. Но тогда мне казалось необходимым защитить журнал от слишком категорических «обвинений», в итоге которых Вы отказывались понимать, «для кого и в каких целях издается «Соврем〈енный〉 мир». Правда, я сам чувствовал, что вместо защиты преподношу Вам «полемику», но я был уверен, что Вы сумеете отделить резкую форму письма от его делового и, как мне казалось, необходимого содержания. Моя уверенность не обманула меня. За полемической формой моего письма Вы разглядели все же мое посильное стремление расположить Вас к дорогому для меня делу, в котором Вы отметили так много недостатков и промахов, не упомянув ни об одной его заслуге. Об этих заслугах Вы не упоминаете и теперь, но самый тон Вашего последнего письма ясно утверждает, что в Вашем лице мы имеем дело не с прокурором, предъявляющим «обвинения», а с другом, укоряющим и предостерегающим.

Конечно, самый вопрос об «обвинениях» мог явиться только в результате «полемики», за которую я очень извиняюсь перед Вами, хотя и сейчас считаю Вас до некоторой степени соучастником этого моего полемического греха. Но позвольте же, дорогой Алексей Максимович, теперь раз и навсегда погасить этот грех, оставив его как забытое недоразумение в прошлом. Позвольте надеяться и заставьте верить, что мой старый и притом же личный грех не изменит в будущем Вашего доброго отношения к журналу и что Ваши упреки и предостережения нам,— редакторам журнала,— Ваши указания не потеряют в дальнейшем ни в искренности, ни в силе, ни даже в резкости. За себя же, как и за своих товарищей по редакционной работе, скажу, что мы сумеем достойным образом оценить Ваше участие в журнале и к журналу, который нам так хотелось бы поднять на должную высоту.

Теперь о «Сказках». Называя их «прелестными», я высказал о них свое искренное мнение, и даже не только свое: такого же мнения о них Мария Карловна; такого же мнения оказались и несколько близких мне людей, которым я дома у себя доставил большое наслаждение, прочитав им вслух только что прочитанные мною про себя Ваши сказки. Конечно, они неравноценны, и слабее всех остальных показалась мне последняя сказка [1]: она оставляет впечатление некоторой назаконченности. И после того, как проверив это свое впечатление, я предпочел бы, чтобы первая серия Ваших сказок заканчивалась не ею, так как именно на ней ослабевает настроение, в котором Вы удерживаете читателя на протяжении всех предшествующих сказок. Если Вы доверяете моему опыту, то, может быть, Вы согласились бы или переместить последнюю сказку, поставив ее где-нибудь среди других, или даже совсем устранить ее из первой серии, обработав ее для второй серии. Последнее мне кажется более целесообразным. Впрочем, ни на одном из этих предложений я не настаиваю и даже делаю их только потому, что Вы сами пожелали выслушать более детальный отзыв о сказках. Мы наме-

ревались напечатать их в августе или в крайнем случае * в сентябре [3]. В сентябре, и никак не позже, сказки, следовательно, появятся в печати, и при таких условиях Ваше желание давать их два раза в год вполне осуществимо, несмотря даже на то, что мы были вынуждены обстоятельствами попридержать их в редакционном портфеле. В декабре,— стало быть, с перерывом в 3 или 2 месяца,— появление второй серии сказок было бы очень и очень желательно, и мы будем Вам весьма признательны, если Вы выполните Ваше намерение и заблаговременно к декабрю пришлете нам вторую серию.

Еще раз прошу извинения за свою защиту, которая неудачно вылилась в форму полемики.

С искренним к Вам уважением.

В. П. Кранихфельд

P. S. Статья В. Л. Львова-Рогачевского (в майской книжке «Совр. мира») [4], разъехавшаяся в два разных ручейка и не слившаяся затем в одно русло, не совсем удовлетворила меня. Однако настаивать на ее переработке я считал нецелесообразным, так как В. Л. был занят другой работой на ту же тему (для «Истории литературы» под редакцией Венгерова) [5], и мне не хотелось откладывать появление статьи в дальний ящик. Боюсь, что и Вам статья Львова не показалась достаточно проработанной.

В. Кранихфельд

[1] Последняя сказка, условно названная Горьким «Личность», была передана Кранихфельдом в «Правду». См. п. 25, прим. 2.

[2] «Русские сказки» были опубликованы в сентябрьской кн. «Современного мира».

[3] В августовской кн. «Современного мира» печаталось окончание повести С. Гусева-Оренбургского «Призрак» и продолжение романов А. Бибика «К широкой дороге» и Дж. Голсуорси «Патриций».

[4] *Львов-Рогачевский В. Л.* Художник-правдоискатель // Современный мир. 1912. № 5. См. п. 7, прим. 8.

[5] Русская литература XX века. 1890—1910/Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 1. Львов-Рогачевский писал для первого тома очерки о Горьком и Вересаеве.

22. ГОРЬКИЙ — КРАНИХФЕЛЬДУ

(Аляссио. 13/26 июля 1912 г.)

Уважаемый Владимир Павлович!

Спасибо за письмо. Очень обрадован тем, что понят.

Десятую сказку — отбросьте, я пришлю другую на место ее [1], а если не успею — печатайте 9. Но, наверное, успею.

Вторую серию — к декабрю — пришлю [2].

Относительно статьи Василия Львовича ничего не буду говорить. Он знает, что я не поклонник его писаний [3]. Мне кажется, что «Совр<еменный> мир» слишком часто и много печатает статей о Горьком [4], *одном из своих сотрудников*.

Извините за краткое письмо,— очень занят. Желаю всего хорошего, М. К.[5] — сердечно кланяюсь.

В данное время я сижу в Аляссио, в трех часах от Ниццы, на днях, вероятно, увижу А. И. Куприна [6].

Жму руку

А. Пешков

Датируется предположительно, по п. Кранихфельда от 7/20 июля, ответом на которое является, и по содержанию.

---

* В августе, может, не удастся (это еще не выяснено) по чисто техническим условиям, главным образом из-за недостатка места, ввиду того что в отделе беллетристики идет одно окончание и одно продолжение [2].

[1] Горький выслал сказку ⟨О советнике Оном⟩. Напечатана в «Современном мире» (1912. № 9).

[2] Вторую серию «Русских сказок» Горький в «Современном мире» не печатал.

[3] Горький писал Львову-Рогачевскому около 10/23 октября 1911 г. «...каждый раз, когда Вы собираетесь что-либо писать обо мне, Вы заранее извещаете меня о намерении Вашем и просите прислать „последние вещи". Мне неприятно это, Василий Львович, и вот причина, почему я нашел нужным выяснить мой взгляд на „критику" в ее отношении ко мне и мое отношение к Вам, как человеку, пишущему критические статьи. Они у Вас всегда многословны, неясны и лишены самого ценного, что я, читатель, в праве требовать от критика,— лишены знания истории русской литературы, знания ее традиций и умения показать, в силу каких социальных влияний изменились и изменяются эти традиции, насколько эти изменения законны, где они искусственны и, наконец — что в современной литературе социально и национально — вредно, что — полезно» (*XXIX*, 196).

Е. П. ПЕШКОВА
Фотография С. Шумова. Париж, 1910—1912
Музей Горького, Москва

[4] В 1911 г. в журнале напечатано *Кр. В.* ⟨В. П. Кранихфельд⟩ Рец.: Сб-ки тв-ва «Знания» за 1910 г., кн. XXXII и XXXIII — № 1; *В. Л. Львов-Рогачевский.* Рец.: Сб-ки тв-ва «Знания» за 1911 г., кн. XXXVI — № 10. В 1912 г.— единственный материал о Горьком — ст. Львова-Рогачевского «Художник — правдоискатель» (№ 5), о котором идет речь в письме. Автор статьи писал о ней Горькому: «Писал я о Вас, не подделываясь ни к кому, без колокольного перезвона и без партийной тенденции...» (*АГ*).

[5] М. К. Иорданской.

[6] Горький находился в Аляссио вместе с Е. П. Пешковой и Максимом с 29 июня/12 июля по 26 июля/8 августа 1912 г. В начале июля Горький писал Куприну из Аляссио: «Не соберетесь ли сюда? Здесь превосходный пляж, хорошее купание, тихо и недорого» (*XXIX*, 248). Однако Куприн приехать к Горькому не смог.

23. ГОРЬКИЙ — КРАНИХФЕЛЬДУ

⟨Капри. 30 июля/12 августа 1912 г.⟩

Уважаемый Владимир Павлович!

Посылаю «сказку» в замену прежде посланной десятой, которую прошу вернуть мне [1].

Посылаю также два очерка Тихонова [2], автора напечатанного у вас рассказа «Шебарша».

Может быть, очерки эти подойдут вам?

Если — нет, возвратите мне.

Желаю всего доброго.

Поклон Марии Карловне, Ник⟨олаю⟩ Ивановичу.

А. Пешков

Датируется по содержанию.

[1] Просьба Горького не была выполнена по неизвестной причине. «Сказка» осталась у Кранихфельда, позже он передал ее в «Правду». См. п. 25.

М. А. ПЕШКОВ
Портрет работы С. Н. Зенкова (холст, масло). 1913
Музей Горького, Москва

[2] Очерки А. Н. Тихонова «На ходу» и «Остановка» не были напечатаны в «Современном мире» и возвращены Горькому без объяснения причины (*Горьк. чт.* 1959. С. 26–27).

24. КРАНИХФЕЛЬД — ГОРЬКОМУ

(Петербург. 13/26 сентября 1912 г.)

Глубокоуважаемый
Алексей Максимович!

На днях выйдет в свет несколько запоздавшая сентябрьская книга «Совр〈еменного〉 мира». На первом месте — Ваши «Русские сказки», которые я, напуганный штрафами и конфискациями, позволил себе *в последнюю минуту* перекрестить просто в «Сказки». В соответствии с этим в трех случаях, где действие происходит «в некотором царстве, в некотором государстве», я заменил вкрапленные в текст слова «Россия», «русский» — страной, отечеством, подданным. Не вмените мне в вину, что я, не испросив Вашего разрешения на эти изменения, но дело в том, что страх этот самый одолел меня в минуту, когда я читал уже последнюю корректуру и когда надо было поставить решающее и бесповоротное — «печатать». Кроме того, я убежден, что эти изменения цензуры ради существенного значения не имеют, и всякий читатель прекрасно поймет, что сказки эти — наши, отечественные, русские, и что героями их являемся именно мы и наши достопочтенные соотечественники, имена коих, где нужно, легко угадываются... А все-таки... все-таки черкните, пожалуйста, хоть пару строчек о Вашем отношении к моему редакторскому изуверству...

Мария Карловна просила меня выяснить Вам причины ее затянувшегося молчания. Дело в том, что, помимо издательских, на нее навалилась и большая семейная тягота. Вот уже четыре месяца, как Николай Иванович [1] лежит в постели, забинтованный и беспомощный. Жизнь его долгое время находилась в опасности, которая, впрочем, не прошла и сейчас. У него острый суставной ревматизм, осложненный острым же эндокардитом. Последние две недели дело как будто бы шло на поправку, но дня три назад опять появилась одышка, усилились боли и поднялась температура. Он лежит в городе, в общине Кауфмана, и Мария Карловна проводит у его постели ежедневно по несколько часов, которые ее очень утомляют и нервируют. Оба они — и Ник. Ив. и Мария Карл. — шлют Вам и Вашей супруге сердечный привет.

Получили ли Вы мое письмо [2], в котором я рекомендовал Вам (в средине 〈нрзб〉) И. Ф. Вонсика [3], и был ли он у Вас? Он хотел познакомить Вас с интересной рукописью («Урбита»), которой мы по цензурным соображениям воспользоваться никак не могли. Я его видел только два раза, но он произвел настолько хорошее впечатление,

что я не затруднился написать Вам, по его просьбе, несколько теплых слов. К тому же, как военный защитник, видавший виды, не легко доступные не посвященным, он мог быть Вам полезен.

Седьмая книжка была конфискована за стихотворение «Дворец», и я привлечен по 128 ст. Очевидно, однако, Комитет по делам печати ничего обвинительного на «Дворце» соорудить не мог, и в подкрепление он двинул повесть Гусева-Оренбургского «Призрак» [4]. Теперь арест с книги снят, под условием изъятия из нее «Дворца» и «Призрака». Что же касается меня лично, то пока что я «разъяснен» на этом основании в своих избирательных правах, но к следователю меня не вызывали, и, что собственно мне инкриминируется,— не знаю. Не знаю далее, какие статьи закона считаются нарушенными «Призраком». «Дворец» же напомнил цензуре 128-ую статью только потому, очевидно, что он напечатан на 128-й странице журнала,— других оснований я придумать никак не могу.

Всего хорошего! С искренним к Вам уважением

В. П. Кранихфельд

P. S. Поручение Ваше о высылке 40 р. г-же Васильевой [5] своевременно выполнено.

В. П. Кранихфельд

[1] М. К. и Н. И. Иорданские.
[2] Упоминаемым письмом Кранихфельда *АГ* не располагает.
[3] О ком идет речь, установить не удалось.
[4] В июльской кн. «Современного мира» было напечатано стихотворение Вс. Кожевникова «Дворец». Повесть С. Гусева-Оренбургского «Призрак» не была изъята из журнала, печаталась в 6, 7, 8 кн.
[5] Зинаида Владимировна *Васильева* (1874—1970) — переводчица, вдова друга Горького по Н.-Новгороду Н. З. Васильева. Нередко обращалась к Горькому за денежной помощью (*Арх. Г.* Т. IV и IX).

25. ГОРЬКИЙ — КРАНИХФЕЛЬДУ

(Капри. 19 сентября/2 октября 1912 г.)

Уважаемый Владимир Павлович!

Внесенные Вами поправки вызваны опасением за судьбу книги — значит, так тому и быть.

Г. Вонсик на Капри, должно быть, не заезжал, письма Вашего я не получил и рукопись его не видел.

В «Одесских новостях» напечатана последняя «сказка», посланная взамен десятой, согласно Вашему желанию [1]. Любопытно — как это они ухитрились достать рукопись?

Ту «сказку», которая осталась ненапечатанной, я просил послать мне. Теперь усердно прошу: когда выйдет книжка, пошлите, пожалуйста, оставшуюся не напечатанной сказку газете «Правда» [2].

Николаю Ивановичу следовало бы перебраться — как только представится возможность — на остров Искию, где ревматизмы весьма основательно излечиваются иодистыми и серными грязями. Бывает, что больные, которых с трудом довозят туда,— в несколько недель встают на ноги.

Очень желаю Н. И. скорого выздоровления, приветствую Марью Карловну.

Весьма жаль, что не пришлось встретиться с Александром Ивановичем [3], чего мне так хотелось.

Обращаюсь к Вам с предложением такого рода: если у Вас или у кого-либо из знакомых найдутся документы по истории русской борьбы за освобождение или редкие экземпляры конфискованных изданий, вырезанных статей, рукописей и пр. и если держатель таких вещей

Содержаніе.

I. ГУБИНЪ. Очеркъ М. Горькаго. 3
II. ***. Стихотвореніе Леонида Старка 25
III. БРАТЬЯ КРИВЦОВЫ. Дворянская хроника по неизданнымъ матеріаламъ М. Гершензона. Окончаніе 28
IV. ЛОШАДИ НЕ ВИНОВАТЫ. Разсказъ М. Коцюбинскаго 49
V. ЛѢТОМЪ. Стихотвореніе А. Чернаго. 66
VI. ДРОГНУВШАЯ НОЧЬ. Романъ А. Амфитеатрова. VIII. 67
VII. ЛЮБОВЬ И ЗАПРОСЫ ЛИЧНАГО СЧАСТЬЯ ВЪ ЖИЗНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО. Изъ біографическихъ очерковъ Евг. Ляцкаго. XXI—XXV. 86
VIII. ***. Стихотвореніе Ю. Верховскаго. 107
IX. ИСКУССТВО И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ. Г. Плеханова. II. 108
X. БЛУЖДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ. Романъ Шоломъ-Алейхема. Окончаніе. 123
XI. РУССКАЯ ИКАРІЯ. П. Сакулина 193
XII. БРАКЪ. Романъ. Г. Дж. Уэльса. Переводъ К. Жихаревой. Окончаніе 207
XIII. ВОЗВРАЩЕНІЕ ДЕКАБРИСТА. П. Щеголева. 287
XIV. АНТЕЙ. А. Луначарскаго. 301
XV. НОВАЯ БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. К. Крыстевъ-Миролюбова. Статья II. Окончаніе. 308
XVI. ПИСЬМО ИЗЪ РИМА. Г. Христіана. 331
XVII. НА ПУТИ КЪ ОСКУДѢНІЮ. П. Сурожскаго. 343
XVIII. СКАЗКА. Стихотвореніе Н. Кяюева. 361
XIX. ИТОГИ И ФАКТЫ: Балканскій вопросъ и интересы демократіи. Горцева.—Русско-монгольское соглашеніе. Вал. Моравскаго.—Женщины и высшая школа. Б. Фромметта.—Протестъ противъ романа Рошина. П. Щеголева. 362
XX. САТИРЫ. I—II. Глигберга-Чернаго. 384
XXI. ЗАПОЗДАЛОЕ ПРИЗНАНІЕ. Зомфтка. А. Золотарева 386
XXII. НОВЫЯ КНИГИ. 393
XXIII. ХРОНИКА ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ. 406
XXIV. КНИГИ, поступившія въ редакцію. 414

При этой книгѣ прилагается при всѣхъ экземплярахъ: 1) Почтовый переводъ конторы журнала „Современникъ" (Петербургъ, Невскій, 43). 2) Объявленіе о подпискѣ на журналъ „Нива" 1913 г. и о другихъ изданіяхъ Т-ва А. Ф. Марксъ (Петербургъ, ул. Гоголя, 22); 3) Проспектъ Т-ва „Благо" (Петербургъ, Невскій 88). Объ изданіяхъ: Гимназія на дому, Академія коммерч. знаній, Академія иностранныхъ языковъ и журналовъ «Le petit Figaro» и «The Justice Well».

Лица, не получившія означенныхъ приложеній, благоволятъ требовать по указаннымъ адресамъ.

СОВРЕМЕННИКЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ, ИСТОРІИ, ИСКУССТВА, ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ПОЛИТИКИ

ДЕКАБРЬ — 1912.

ТИПОГРАФІЯ „УЛЕЙ"
КИРПИЧНЫЙ ПЕР. 3.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ И СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННИК»
1912, кн. 12

опасается за их целость — пусть пересылают эти вещи мне. У меня образуется склад таковых ценностей, я вполне ручаюсь за их сохранность и порядок. Имеется в виду превратить со временем этот склад в «музей по истории борьбы за освобождение в России» [4]. Собираются также следственные производства, обвинительные акты по политическим делам, циркуляры администраторов, воззвания и прокламации черносотенцев, их переписка, их издания и тому подобное.

Могу надеяться на помощь?

Крепко жму вашу руку, желая всего доброго.

А. Пешков

19 сент./2 окт. н. с. 1912 г.
Капри

[1] В «Одесских новостях» (1912, № 8812, 1/14 сент.) была напечатана с некоторыми сокращениями X сказка под редакционным заглавием «Одна из сказок „Максима Горького"».

[2] Речь идет о XI сказке, напечатана в «Правде» (1912, № 131, 30 сент./13 окт.).

[3] А. И. Куприным.

[4] О создании Музея по истории борьбы за освобождение России Горький в эти годы писал многим адресатам. См.: Г—Ляц, п. 6, прим. 13.

26. КРАНИХФЕЛЬД — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург. Октябрь или ноябрь 1912 г.⟩

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Приступив к составлению проспекта на будущий год, прошу Вас не отказать сообщить, что могли бы Вы нам дать в будущем году и в какие приблизительно сроки. Основываясь на Вашем обещании,

я рассчитываю и в этом еще году, к декабрю, получить от Вас что-нибудь для украшения нашего журнала [1]. Что касается будущего года, то в одном из Ваших писем Вы как-то выразили желание давать нам по временам статьи на темы провинциальной жизни. Если Вы не оставили этого намерения, то разрешите мне включить в проспект будущего года эти статьи под каким-либо общим заглавием, которое говорило бы не о случайном только сотрудничестве, но об *отделе*, о более близком Вашем участии в нашем журнале. Ведь в этом именно смысле я и понимал Ваши милые сердитые письма, в которых Вы разносили меня и моих товарищей по журналу за разные упущения и провинности. Вы говорили, что эти письма так именно и надо понимать, как желание Ваше подойти ближе к журналу. Поверьте же, что это Ваше желание как нельзя более идет навстречу и желаниям всей нашей редакции. Но как облечь эти желания в форму, реализующую их? Укажите эти формы, которые соответствовали бы Вашим интересам и настроениям, и мы с радостью примем их.

В литературных кружках, со слов Е. А. Ляцкого, говорят, будто Вы вошли в редакцию «Современника» [2]. Если эти слухи верны, то, разумеется, я опоздал со своими напоминаниями. Но мне решительно не верится этим слухам, и поэтому я и позволил себе напомнить Вам о нашей переписке и просить Вас указать, определить формы, в которых могло бы вылиться Ваше дорогое для нас желание подойти ближе к журналу, в котором у Вас всегда были и есть искренно Вас уважающие и любящие люди.

Прошу Вас, дорогой Алексей Максимович, не отказать в возможно скором ответе на это мое письмо.

Преданный Вам В. Кранихфельд

Датируется по содержанию.

[1] В объявлении о подписке на 1913 г. в декабрьской кн. «Современного мира» Горький был назван в числе авторов, которые примут участие в журнале.

[2] Ляцкий в 1911—1912 г. значился как ближайший участник журн. «Современный мир». Горький вошел в новую редакцию «Современника» в сентябре 1912 г.

ПЕРЕПИСКА С Р. В. ИВАНОВЫМ-РАЗУМНИКОМ

Вступительная статья, публикация и комментарии
Е. В. Ивановой и А. В. Лаврова

В 1930 г. по инициативе Горького стал выходить журнал «Литературная учеба», которому писатель придавал большое значение в деле подготовки творческой молодежи, обучения «начинающих писателей литературной грамоте». Внося коррективы в «планы-проспекты» основных отделов «Литературной учебы», Горький отмечал упущения в проекте, ставившем своей задачей освещение истории русской литературно-критической мысли: «Среди критиков назван даже Ляцкий, но нет Валериана Майкова, Волынского — реставратора „идеализма", Ю. Айхенвальда — крайне типичного эстета, нет Иванова-Разумника, который,— на мой взгляд,— весьма основательно заразил своею мизантропией Переверзева» [1]. Параллель с В. Ф. Переверзевым, лидером социологического литературоведения 1920-х годов, неожиданна и парадоксальна (в особенности если учитывать, что Иванов-Разумник подверг в свое время метод Переверзева сокрушительной критике) [2]. Тем не менее ту же мысль высказал Горький и в письме к А. К. Виноградову: «...мне показалось, что Переверзев духовно сроден Иванову-Разумнику» [3]. Приведенные слова Горького косвенно свидетельствуют о том, что он считал Иванова-Разумника одним из характерных представителей русской критики начала XX в., без учета деятельности которого невозможно достаточно полное и отчетливое представление о литературном процессе этого времени.

Отношение Горького к идеологу неонародничества Иванову-Разумнику было сложным [4]. Первую крупную работу Иванова-Разумника — «Историю русской общественной мысли» (Т. 1—2. СПб., 1907), задуманную автором как история русской интеллигенции, Горький встретил критически. Это исследование основывалось на понимании интеллигенции как некой «внеклассовой, внесословной, преемственной группы» [5]. Внесословность и внеклассовость Иванов-Разумник выводил из способности интеллигенции бороться за цели и идеалы, выходящие за рамки ее собственных интересов, а преемственность — из единства той задачи, которая стояла перед разными поколениями русской интеллигенции и которую критик вслед за П. Лавровым формулировал как «творчество новых форм и идеалов и активное проведение их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности» [6]. По мысли Иванова-Разумника, противником интеллигенции выступало мещанство, группа также внесословная, внеклассовая и преемственная, объединяющая людей «по их этическому уровню, по отсутствию в них яркой индивидуальности, по узости и плоскости их мировоззрения» [7]. Роль интеллигенции сводилась Ивановым-Разумником к вечной борьбе с мещанством.

Другая сторона мировоззрения Иванова-Разумника — защита прав индивидуума, личности, в чем он продолжал идеи «субъективной социологии» Н. К. Михайловского. Определяющей чертой интеллигенции критик считал развитое чувство личности. Эту черту он называл индивидуализмом, вкладывая в этот термин свой, особый смысл. В его системе этических представлений индивидуализм противостоял, с одной стороны, антииндивидуализму, т. е. социальному детерминизму, а с другой — ультраиндивидуализму, т. е. индивидуализму антиобщественному, декадентскому. «Индивидуализм есть примат личности,— писал Иванов-Разумник,— вот самое широкое, общее определение; индивидуализм есть признание человеческой личности первой и главной ценностью» [8]. Этот «общественный индивидуализм», целью которого являлась борьба за «индивидуалистический социализм», и был символом веры Иванова-Разумника.

Такое понимание «индивидуализма» представлялось Горькому попыткой влить новое вино в старые мехи. Свои надежды на осуществление революционных идеалов

Горький связывал с идеей социалистического коллективизма. В статье «Разрушение личности» (1908) он писал: «Сама по себе, вне связи с коллективом, вне круга какой-либо широкой, объединяющей людей идеи, индивидуальность — инертна, консервативна и враждебна развитию жизни» [9]. Задачу данного исторического момента Горький усматривал в «создании классовых, групповых и партийных коллективов» [10]. Именно поэтому он выступал против индивидуализма в любых модификациях, даже если он, как у Иванова-Разумника, сочетался с политическим радикализмом. В той же статье Горький указывал на два возможных отношения индивидуализма к классовой борьбе пролетариата. Первое из них открыто враждебно к ней: «...демократия, идущая обновить жизнь мира, не хочет подать сим „аристократам духа" милостыню внимания своего; они это знают и потому искренно ненавидят ее» [11]. Но не менее неприемлемым представлялось Горькому и то отношение к классовой борьбе пролетариата, возможность которого заключалась в позиции таких идеологов интеллигенции, как Иванов-Разумник. «Некоторые из них,— писал Горький,— будучи хитрее и понимая великое значение грядущего, желали бы встать в ряды социалистов как законодатели, пророки, командиры, но демос должен понять, и неминуемо поймет, что эта готовность мещан идти в ногу с ним скрывает под собою все то же стремление мещанина к „самоутверждению своей личности"» [12]. В данном случае Горький вполне мог подразумевать, в числе прочих, и Иванова-Разумника, и именно так трактовал задачи его «общественного индивидуализма». Употребляя термин «мещанство» в «Заметках о мещанстве» и в статье «Разрушение личности», Горький вкладывал в него иной, нежели Иванов-Разумник, смысл. Для Горького мещанство — это индивидуализм, «который навсегда лишен способности ощущать в мире что-либо иное, кроме себя и смерти пред собою. Если он иногда говорит о страданиях всего мира, то он не вспоминает о стремлении мира уничтожить страдания, если же вспоминает об этом, то лишь для того, чтобы заявить: страдание непобедимо. Непобедимо,— ибо опустошенная одиночеством душа слепа, она не видит стихийной активности коллектива, и мысль о победе не существует для нее» [13]. Один из основных пороков буржуазной интеллигенции Горький видел в том, что она «после каждой встречи с народом» стремится «возвратиться на круги своя» — от разрешения проблемы социальной к разрешению индивидуальной проблемы [14].

Стремление возвысить «вечные» вопросы человеческого и личного бытия над вопросами социальными было в определенной мере присуще и Иванову-Разумнику. Именно эта черта позволяла Горькому сближать критика с кругом лиц, весьма далеких от него и по политическим, и по идейным устремлениям. Например, в апреле 1908 г. в письме к К. П. Пятницкому Горький, давая резко негативную оценку многим литераторам, называет Иванова-Разумника, наряду с Д. Мережковским, П. Струве, Ф. Сологубом, в составе той «шайки дряни», против которой должно выступить «Знание» (*XXIX*, 59). «Разумники и Мережковские способны отравить здорового и сильного»,— пишет он в марте того же года Е. П. Пешковой [15]. Несмотря на то что общественные взгляды Иванова-Разумника никогда не были антиреволюционными, его имя ставится Горьким рядом с теми, кто в этот период совершал «эволюцию от Герцена к Каткову», в один ряд с авторами сборника «Вехи». В сходном окружении имя Иванова-Разумника промелькнет и на страницах романа «Жизнь Клима Самгина», где неоднократно цитируются его работы. Дронов говорит Самгину: «Теперь дело ставится так: истинная и вечная мудрость дана проклятыми вопросами Ивана Карамазова. Иванов-Разумник утверждает, что решение этих вопросов не может быть сведено к нормам логическим или этическим и, значит, к счастью, невозможно. Заметь: к счастью! „Проблемы идеализма" — читал? Там Булгаков спрашивает: чем отличается человечество от человека? И отвечает: если жизнь личности — бессмысленна, то также бессмысленны и судьбы человечества,— здорово?» (*24*, 198). Горький в данном случае подразумевает книгу Иванова-Разумника «О смысле жизни» (СПб., 1908). И хотя Иванов-Разумник полемизировал с С. Н. Булгаковым, отвергая его представление о трансцендентности цели человеческой жизни, Горький и здесь объединяет Иванова-Разумника с теми литераторами, которые в период реакции звали отрешиться от поли-

тической борьбы и заняться решением мировых вопросов. Задачи, которые стояли тогда перед русской литературой, Горький понимал иначе. В статье «О „карамазовщине"» он писал: «Температура нашего отношения к действительности, к запросам жизни — сильно понижена. Среди условий, понижающих ее, немалую роль сыграла пропаганда социального пессимизма и возвращение к так называемым „высшим запросам духа", которые у нас, на Руси, ничего не внося в этику, не улучшая наших отношений друг к другу, являются только красноречием, отвлекающим от живого дела» [16].

Укажем и еще на одно полемическое высказывание Горького в адрес Иванова-Разумника. хотя имя его при этом не названо. В статье «О современности» (1912) Горький перечисляет те упреки, которые могли произнести нынешние «дети» в адрес «отцов»: «Вчера вы, считая социализм универсальной идеей, горячо доказывали нам и заставляли верить нас, что лишь эта идея может объединить всю энергию человечества и, создав новые формы жизни, освободить всем людям дальнейший путь к победе над силами природы,— сегодня вы вспоминаете неудачную и нетактичную обмолвку Герцена о „потенциальном мещанстве социализма" и восхваляете индивидуализм, разрывая и отменяя все попытки лучших умов России найти живую связь между интересами личности и общества» [17]. Эту же цитату Горький повторяет и в письме к Чернову от 13/26 января 1912 г. (Г—Ч, п. 13). «Обмолвка» Герцена, подхваченная Ивановым-Разумником [18] и ставшая одним из основных тезисов книги «Литература и общественность», в новой политической ситуации звучала для Горького точно так же, как и заявления о том, что «прошло время идеологий», как горькие парадоксы М. Гершензона о том, что власть «штыками охраняет нас от ярости народной» [19], с признаниями, что «разум бессилен и слеп, существование добра сомнительно, жизнь — занятие бессмысленное, а красивый подвиг, в лучшем случае,— мальчишеская выходка» [20]. Не мог сочувствовать Горький и отношению Иванова-Разумника к марксизму. Последний считал, что положительная роль марксизма была сыграна в 1890-е годы, в период полемики с Н. К. Михайловским и его единомышленниками, чья концепция народничества представлялась устаревшей и самому Иванову-Разумнику. В новой общественной ситуации начала XX в. марксизм в его представлении не отвечал требованиям времени. Таким образом, к началу переписки Горький и Иванов-Разумник занимали разные идейные позиции, и деятельность критика оценивалась Горьким отрицательно.

Публикуемая переписка Иванова-Разумника с Горьким освещает сравнительно небогатую историю их личных взаимоотношений, складывавшихся на фоне отношений чисто литературных. Наиболее важная часть этой переписки относится ко времени организации Черновым и Миролюбовым журнала «Заветы», среди сотрудников которого предполагался и Иванов-Разумник. В связи с этим Горький писал Е. П. Пешковой 3/16 января 1912 г.: «Зачинаем новый журнал с Черновым, Коцубинским, Ивановым-Разумником,— что выйдет — не знаю. Чернов — парень легкомысленный, Разумник — не талантлив и очень путаная голова» [21]. Очевидно, Горький с самого начала скептически относился к возникавшему союзу. В это же время Иванов-Разумник вынашивал проект совместного с издательством «Шиповник» журнала, к участию в котором и рассчитывал привлечь Горького, начав переписку с ним. Как следует из публикуемых ниже писем, обращение Иванова-Разумника к Горькому дало толчок к конфликту, в ходе которого обнаружилась ненадежность предполагавшегося союза, принимавшегося Горьким со значительными оговорками. Но последующие письма показывают, что участие Иванова-Разумника в «Заветах» не было главной причиной ухода Горького из журнала — и это важно для понимания отношения Горького к этому изданию. Между тем такое именно впечатление осталось у самого Иванова-Разумника, писавшего в своих комментариях: «...А. М. Пешков в результате приведенной выше переписки с Ивановым-Разумником ограничил свое участие в „Заветах" помещением рассказа в первом номере и вышел из журнала» (см. п. 8, комментарии Иванова-Разумника). Секретарь редакции журнала «Заветы» С. П. Постников излагает в воспоминаниях сходную версию. Рассказав о помощи Горького в организации «Заветов», Постников

заключает: «Прекратил он свое сотрудничество в „Заветах“ после того, как в нашу редакцию на правах заведующего литературно-художественным отделом вступил Р. В. Иванов-Разумник» [22]. Публикуемая переписка с Ивановым-Разумником и предваряющая ее переписка с Черновым показывают, что в основе расхождений Горького с журналом были причины гораздо более общего характера. Непосредственным же поводом для расторжения союза стала публикация романа В. Рошина «То, чего не было». Вместе с тем Горький уже после выхода из «Заветов» советовал Чернову и Миролюбову привлечь в литературно-критический отдел Иванова-Разумника. 5 мая 1912 г. он писал Миролюбову: «Мне кажется, что Разумник Васильевич в „Заветах“ — выигрыш делу» [23]. Сходный смысл вкладывал Горький и в неотправленное письмо (п. 6). Но для самого себя союз с Ивановым-Разумником на страницах одного издания Горького считал неприемлемым: «имманентный субъективизм» Иванова-Разумника он характеризовал как «типичный русский индивидуализм» (п. 2). В письме к Чернову Горький повторяет ту же мысль: «...индивидуализм И⟨ванова⟩-Р⟨азумника⟩ замешан слишком круто, и я боюсь, что он способен внушить многим и многим подозрительное отношение к социалистическим симпатиям и настроениям автора» (Г—Ч, п. 15).

После эпизода с «Заветами» личные контакты Горького и Иванова-Разумника поддерживались довольно слабо, и возникавший обмен мнениями сводился в основном к полемике, что не исключало ровного и дружелюбного тона переписки. После Октябрьской революции Иванов-Разумник по инициативе Блока был привлечен к разработке издательских проектов З. И. Гржебина, в которых деятельное участие принимал и Горький. 29 ноября 1919 г. К. И. Чуковский записал в дневнике: «Было у нас заседание по программе для Гржебина. Горький говорил, что все нужно расширить — не сто книг, а двести пятьдесят. Впервые на заседании присутствовал Иванов-Разумник ⟨...⟩ молчаливый, чужой. Блок очень хлопотал привлечь его на наши заседания. Я научил Блока — как это сделать: послать Горькому письмо. Он так и поступил. Теперь они явились на заседание вдвоем,— я отодвинулся и дал им возможность сесть рядом» [24]. 28 ноября 1919 г. Блок отметил в записной книжке: «Горький, Иванов-Разумник. Наконец, я их пробую опять соединить, оба топорщатся» [25].

Тон переписки в это время становится сугубо деловым, лишенным какого бы то ни было стремления к обмену мыслями или мнениями. На последние четыре письма Иванова-Разумника 1917, 1919 и 1921 гг. Горький, по-видимому, вообще не отвечал, но немедленно откликнулся на просьбу, содержавшуюся в его письме 1921 г. (п. 16).

Прекращение личных контактов не мешало Горькому сочувственно относиться к судьбе Иванова-Разумника. Узнав о его причастности к переводу романа А. Арманди «Остров Пасхи», который Горькому не понравился, последний писал в этой связи Чуковскому: «Я заинтересовался „Островом Пасхи“ потому, Корней Иванович, что полагал: это отчет археологической экспедиции, работавшей там, кажется в 22—23 годах. Оказалось, что это роман, да еще и плохой. Разумник Васильевич перевел? „Нужда пляшет...“» [26] Прилагая известную пословицу «нужда пляшет, нужда скачет, нужда песенки поет» к судьбе критика, Горький выразил тем самым понимание ее внутреннего драматизма.

В послереволюционные годы Иванов-Разумник занимает позицию, близкую к левоэсеровской (хотя от вступления в партию эсеров отказывается); отойдя от критико-публицистической деятельности, активно занимается историко-литературным трудом.

В 1934 г. друг Иванова-Разумника М. М. Пришвин обратился к Горькому с письмом, в котором просил принять участие в судьбе литератора, лишившегося в этот момент возможности продолжать работу над Собранием сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. А. Блока: «...Необходимо вернуть Иванова-Разумника из его ссылки в Саратов в Ленинград, в Пушкинский дом, к его замечательной работе над Салтыковым [27], во-первых, и над Блоком [28], во-вторых ⟨...⟩ Я с Разумником в дружбе лет 20 и понимаю его как самого упрямого интеллигента: других интеллигентов не любил, но он, правда, очень хороший человек. При всем его упрямстве он только писатель и хождение его в политику в 17—18 гг., как лев⟨ого⟩ эсера,

было, по-моему, своего рода донкихотством [29]. Его арестовали не за практику (нет этого), а чтобы разрушить окончательно идейные центры народничества. Семь месяцев он отсидел и год уже в ссылке — остается половина [30]: видно даже из такой легкости наказания, что ничего серьезного не было; а теперь, может быть, и все обвинения далеко позади, как вот был РАПП и как далеко он теперь позади [31]. Между тем я Вас уверяю (хотя, может быть, и Вы лучше меня знаете), что другого такого работника по Салтыкову сейчас у нас нет, а с утратой Разумника, собравшего громадные материалы за 20 лет упорной работы, будет утрачено какое-то звено культуры. Алексей Максимович, Раз⟨умник⟩ Вас⟨ильевич⟩ пишет мне, что ему нужно для окончания работы всего два года, подумайте, быть может, вовсе и не так теперь трудно ему в этом помочь.

Я уверен в нем со стороны политической, что хотел было взять его на поруки, но оказалось, для такого изнеженного человека я этим устрою ад: при всяком случайном вызове он будет бояться за мое спокойствие» [32]. Хотя к моменту написания письма пути Горького и Иванова-Разумника окончательно разошлись, просьба Пришвина нашла немедленный отклик: уже в начале августа 1934 г. Горький писал П. П. Крючкову: «Нельзя ли сократить Иванову-Разумнику срок высылки из Ленинграда? и возвратить его. Он — в Саратове, срок его ссылки еще год и 8 м⟨еся⟩цев» [33]. По существу, это последнее упоминание имени Иванова-Разумника в переписке Горького.

Публикуемая переписка с Ивановым-Разумником охватывает период с 1912 по 1921 г. и включает 6 писем Горького (одно из них осталось неотправленным) и 10 писем Иванова-Разумника, а также пояснения к письмам, сделанные самим Ивановым-Разумником (*ИРЛИ*, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 100). Из этих пояснений следует, что утрачены 2 письма 1914 г.— письмо Горького о деятельности издательства «Сирин» и письмо Иванова-Разумника, на которое Горький отвечает 20 декабря 1914 г. В приложении к переписке публикуется реферат Иванова-Разумника «Отношение Максима Горького к современной культуре и интеллигенции» (1900).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письмо редколлегии журн. «Литературная учеба» (Сорренто, 1930, 13 февр.) // *Арх. Г.* Т. X. Кн. 2. С. 275.

[2] *Иванов-Разумник.* Русская литература в 1912 году // Заветы. 1913. № 1. Отд. II. С. 55.

[3] Письмо от 17 февраля 1930//Знамя. 1968. № 3. С. 183.

[4] Подробную характеристику неонароднических воззрений Иванова-Разумника см.: *Петрова М. Г.* Эстетика позднего народничества // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX в. М., 1975. С. 156—169; см. также вступ. ст. А. В. Лаврова к переписке А. А. Блока и Иванова-Разумника в кн.: *ЛН.* Т. 92. Кн. 2. С. 366—369; о судьбе Иванова-Разумника см.: *Максимов Д. Е.* Спасенный архив//Огонек. 1982. № 49. С. 19.

[5] *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. СПб., 1907. Т. 1. С. 5.

[6] Там же. С. 10.

[7] Там же. С. 5.

[8] Там же. С. 16—17.

[9] *Горький М.* Статьи 1905—1916. 2-е изд. Пг.: Парус. 1918. С. 16.

[10] Там же. С. 60.

[11] Там же. С. 19.

[12] Там же.

[13] Там же. С. 18.

[14] Там же. С. 37.

[15] *Арх. Г.* Т. IX. С. 47.

[16] *Горький М.* Статьи 1905—1916. С. 152.

[17] Там же. С. 79.

[18] См.: *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. Т. 1. С. 369. На экземпляре кн. Иванова-Разумника «Литература и общественность» в *ЛБГ*, где критик вновь возвращается к этой мысли Герцена, Горький отчеркнул цитату: мысль Герцена «о потенциальном мещанстве социализма является поистине гениальным прозрением — в этом нас, задолго до победы социализма, достаточно ясно убеждает современный насквозь догматический и некритический ортодоксальный марксизм» (*Иванов-Разумник.* Литература и общественность. СПб.: Прометей, б. г. С. 127).

[19] Приводимая Горьким в ст. «О современности» цитата о власти, «штыками охраняющей нас от ярости народной», взята из ст. М. Гершензона «Творческое самосознание», опубликованной в сб. «Вехи» (М., 1909). На экземпляре «Вех» в *ЛБГ* отчеркнуты строки: «видит наше человеческое и именно русское обличие, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно, вероятно, с бессознательным мистическим ужасом, тем глубже ненавидит, что мы свои. *Каковы мы есть*, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом,— бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» (Указ. соч. С. 89).

[20] *Горький М.* Статьи 1905—1916. С. 79.

[21] *Арх. Г.* Т. IX. С. 132.

[22] *АГ.*

[23] *МИ.* Т. III. С. 98.

[24] *ЛН.* Т. 92. Кн. II. С. 250.

[25] *Блок А.* Записные книжки. М., 1965. С. 481.

[26] *АГ.* П. от 2 ноября 1926 г. Речь идет об издании: *Арманди А.* Остров Пасхи/ Пер. под ред. Р. В. Иванова. Л.: Кубуч, 1925.

[27] В 1926—1927 гг. Иванов-Разумник редактировал шеститомное Собрание сочинений Салтыкова-Щедрина, в 1929 г. вышла его книга «Неизданный Щедрин», в 1930 г.— монография «М. Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. Ч. 1».

[28] В 1929—1933 г. Иванов-Разумник работал над подготовкой и редактированием Собрания сочинений Блока.

[29] Пришвин приложил к своему письму письмо жены Иванова-Разумника к нему, где по этому поводу сказано: «На шестом десятке лет он уже не может изменить своего миросозерцания, ни к каким бы то ни было партиям никогда он не принадлежал,— все оставалось у него всегда лишь в области мысли и духа. Видимо, и официально это отсутствие той или иной конкретной вины было признано, т. к. в конце концов высылка в Саратов относится к разряду нетяжелых кар» (*АГ*, приложено к п. Пришвина от 25 июля 1934 г.).

[30] В цитированном выше письме жена Иванова-Разумника писала о сроках ссылки: «...срок высылки Раз⟨умника⟩ Вас⟨ильевича⟩ остается еще 1 г. 8 м. ...» (Там же).

[31] РАПП прекратила свое существование в 1932 г.

[32] *АГ.* П. от 25 июля 1934 г.

[33] Там же.

1. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ГОРЬКОМУ

7(20) янв⟨аря⟩ 1912, Царское Село, Колпинская, 20

Алексей Максимович,

Вы, вероятно, знаете меня хоть немного по моим книгам,— хотя бы по трем последним, которые я поручил своему издателю («Прометей») выслать Вам немедленно после их появления, месяц тому назад[1].

Обращаюсь к Вам теперь по делу журнальному. Еще минувшим летом писал мне В. С. Миролюбов относительно работы в «Современнике»; осенью писал мне об этом уж В. М. Чернов[2]. Но сотрудничать в журнале, заполненном во всех отделах г. Амфитеатровым, я не имел ни желания, ни возможности. Теперь, судя по объявлениям, весь «Современник» будет состоять из одного Амфитеатрова, и, насколько мне известно, Вы ушли из этого журнала.

Если это действительно так, то обращаюсь теперь к Вам со следующим: не захотите ли Вы образовать новый журнал? Первые шаги в этом направлении уже сделаны мною в Петербурге и Москве. Написал бы об этом Чернову и Миролюбову, но не знаю пока их адресов, а летние едва ли годятся. Главный вопрос: приемлемо ли для Вас близкое участие в журнале, литературно-критическая часть которого будет продолжением и развитием взглядов моих последних книг — особенно «Литературы и общественности» и «Творчества и критики».

Хотелось бы узнать Ваше отношение ко всему этому делу; если оно не отрицательное, то буду очень рад.

Искренне уважающий Вас Разумник Иванов

Комментарий Иванова-Разумника

〈Здесь и далее в комментариях Иванов-Разумник пишет о себе в третьем лице.〉

В конце 1911 и начале 1912 года шли переговоры между издательством «Шиповник», с одной стороны, и Ивановым-Разумником и Ал. Н. Бенуа, с другой,— об издании в Петербурге ежемесячного художественного, литературного и критического журнала. Ближайшее участие в литературном отделе должны были принимать Леонид Андреев, А. А. Блок, А. М. Ремизов, в отделе художественном — К. С. Петров-Водкин и группа «левых мирискусников», имея «теоретиком» Конст. Эрберга. Политического и общественного отделов не было,— литературно-художественная «левизна», вплоть до нарождавшегося тогда футуризма, определяла собою лицо и направление предполагавшегося журнала.

В это самое время — в начале декабря 1911 года — А. М. Пешков, В. С. Миролюбов и В. М. Чернов заявили о своем выходе из журнала «Современник». В начале января 1912 года Иванов-Разумник обратился к А. М. Пешкову с предложением принять участие в организации журнала, о котором переговоры с издательством «Шиповник» продолжались. В ответ на это А. М. Пешков прислал письмо от 13/26 января 1912 г., на которое Иванов-Разумник в свою очередь ответил письмом (от 18/31 янв. 〈...〉). Ответом на этот ответ является второе письмо А. М. Пешкова от 9 февраля (н. ст.). Заключает эту переписку письмо Иванова-Разумника от 9/22 февраля.

[1] В ноябре 1911 г. в петербургском изд-ве «Прометей» вышли три тома сочинений Иванова-Разумника: «Литература и общественность», «Творчество и критика», «Великие искания», заключавшие в себе соответственно избранную публицистику, литературную критику и исследование о Белинском. Все три книги хранятся в *ЛБГ* (*Описание*).

[2] П. Миролюбова Иванову-Разумнику за этот период и упоминаемое п. Чернова в архиве Иванова-Разумника не сохранились.

2. ГОРЬКИЙ — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

〈Капри. 13/26 января 1912 г.〉

Разумник Васильевич,

весьма смущен письмом Вашим, ибо не понимаю, о каком журнале говорите Вы?

Дело в том, что тотчас после выхода нашего из «Современника» [1] Чернов, Миролюбов и я решили организовать новый журнал, а недели две тому назад Чернов и Миролюбов, приехав на Капри [2], сообщили мне, что издание — налажено, прошло уже несколько дней, как я отправил свою и других авторов рукописи [3] для первых книжек журнала, и я извещен, что одна из рукописей отправлена в типографию.

На днях В〈иктор〉 М〈ихайлович〉 писал мне: «Надеюсь, что, несмотря на спешку, в первом же номере удастся составить и сносный обзор явлений текущей жизни» [4].

Таким образом, очевидно, что журнал уже образовался, и Ваш вопрос «не хочу ли я образовать новый журнал?» — естественно, повергает меня в недоумение.

Оно тем более велико, что в бытность у меня последний раз Чернов и Миролюбов говорили — предположительно — о возможности Вашего участия в этом, организованном ими журнале, но о том, что они с лета вели переговоры с Вами и что организатором журнала в России являетесь Вы,— я не был ими извещен. Я лично смотрел на этот журнал как на попытку объединения всех культурных сил нашей разноплеменной страны [5], а не как на издание партийное, но, если литературно-критическая часть его «будет продолжением и развитием Ваших взглядов»,— он будет партиен, и мое сотрудничество в нем является неуместным, с чем и Вы, я думаю, легко согласитесь.

КАПРИ, ПОБЕРЕЖЬЕ
Фотография из коллекции К. П. Пятницкого
Архив Горького, Москва

Вопрос — «зачем жить» — мною решен, он, очевидно, решен и всеми живущими, ибо, не решив — зачем делать то или другое — нельзя ничего делать, в этом случае всякое деяние было бы бессмысленно, а жизнь человечества, как это известно, полна глубочайшего смысла.

Вопроса — «зачем смерть» [6] — для меня не существует: «благословен закон бренности, вечно обновляющий дни жизни»! [7]

Ваш «имманентный субъективизм» мне кажется типичным русским индивидуализмом [8], а он, на мой взгляд, тем у нас на Руси отвратителен, что лишен внутренней свободы: он никогда не есть результат высокой самооценки своих сил, ясного сознания социальных задач и уважения к себе, как личности,— он всегда вынужденное, воспитанное в нас тяжкой историей нашей пассивное желание убежать из общества, в недрах которого русский человек чувствует себя бессильным. Иногда это бессилие заменяется аффектацией, и тогда она восходит до проповеди социального фанатизма, совершенно устраняющего личность и столь же противного, так же пагубного для личности, как наш индивидуализм, восходящий всегда до нигилизма и отрицания общества.

Что интеллигенция есть «группа внеклассовая и внесословная» [9], в это я никогда не верил, особенно трудно принять это теперь, после того, как эта интеллигенция, в целом ряде поколений воспитывавшаяся социалистами, ныне столь легко отбрасывает прочь от себя не только идею социализма, но и обнаруживает крайнюю неустойчивость своих демократических чувств.

Вы скажете — марксизм! Да, но марксизм не по Марксу [10], а потому, что так выдублена кожа. Меня марксизму обучали лучше и больше всяких книг казанский булочник Семенов [11] и русская интеллигенция, которая наиболее поучительна со стороны своей духовной шаткости.

Видите, как мы с Вами расходимся. В литературных оценках и вкусах тоже непримиримо разойдемся.

Копию этого письма я посылаю Чернову и Миролюбову [12] вместе с просьбой возвратить мне мою рукопись и сотрудником в журнале не считать меня [13].

Надеюсь, мой отказ работать вместе с Вами понятен Вам и не обидит Вас.

Адрес Миролюбова и Чернова — к сведению Вашему — таков: Специя, Феццано. Spezia. Fezzano, ferma-posta.

Надеюсь, Вам понятен мой отказ и Вы не обижены им.

Всего доброго

А. Пешков

Датируется по почт. шт. На конверте помета рукой Иванова-Разумника: «Получено 18 января 1912 года». При публикации и многочисленных цитациях этого письма используется текст его чернового автографа (*АГ*) (*XXIX*, 217—218). Нами воспроизводится текст авторизованной машинописи, отправленной Иванову-Разумнику (*АГ*), имеющий разночтение с черновиком. См. прим. 10.

[1] О конфликте с Амфитеатровым и выходе Горького, Миролюбова и Чернова из «Современника» см. переписку с Амфитеатровым и Черновым за ноябрь—декабрь 1911 г., см. также п. Горького к В. С. Миролюбову этого периода в кн.: *МИ*. Т. III и предисл. к переписке Горького с Амфитеатровым.

[2] Чернов и Миролюбов приехали на Капри 23 декабря 1911/5 января 1912 г. См.: Г—Ч, п. 10, прим. к нему.

[3] 11/24 или 12/25 января 1912 г. Горький отправил Миролюбову для будущих «Заветов» рассказ «Три дня», вскоре объявленный в числе произведений, включенных в первый номер журнала (Одесские новости. 1912. № 8625. 20 янв.). См. прим. 13.

[4] Горький цитирует п. Чернова к нему (ок. 20 янв. 1912 г.)

[5] Сходным образом Горький объяснял свою связь с «новым с.-р. журналом» в п. к Е. П. Пешковой от 12/25 января 1912 г. «Мне самому участие это не очень по душе, но — м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, удастся, хоть отчасти, осуществить мою мечту о создании общероссийского журнала, который ознакомил бы общеимперскую интеллигенцию друг с другом и культурной деятельностью всех племен государства» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 133).

[6] Повторяя вопросы «зачем жить» и «зачем смерть», Горький возражает на ст. Иванова-Разумника «Марксистская критика» в кн. «Литература и общественность» (СПб., 1911. С. 117). На экземпляре этой книги в *ЛБГ* отчеркнута цитата: «...никакими сложнейшими социально-экономическими формулами не передать и не объяснить простейшего вопроса философии: зачем жизнь? зачем смерть?»

[7] Фраза из романа Б. Келлермана «Море» в пер. А. Даманской.

[8] См. вступ. ст. к переписке.

[9] Основной тезис Иванова-Разумника, подробно развитый им в работе «История русской общественной мысли» (*Иванов-Разумник*. История русской общественной мысли. СПб., 1907. Т. 1. С. 7). Этот тезис вызвал резкое несогласие Горького. В п. к К. П. Пятницкому он писал: «Русская революция, видимо, была экзаменом мозга и нервов для русской интеллигенции. Эта „внеклассовая группа“ становится все более органически враждебной мне, она вызывает презрение, насыщает меня злобой. Ее духовный облик совершенно неуловим для меня, ибо ее психическая неустойчивость — вне всяких сомнений» (*XXIX*, 76; письмо предположительно датировано сент. — окт. 1908 г.). Когда этот тезис Иванов-Разумник повторил в книге «Литература и общественность», Горький отчеркнул его на экземпляре своей книги и пометил знаком «№» следующую цитату: «Ошибка Горького была в том, что антимещанство он искал в классовой и сословной группе, между тем как сословие и класс — всегда толпа, масса серого цвета, с серединными идеалами, стремлениями, взглядами; отдельные более или менее ярко окрашенные индивидуальности из всех классов и сословий составляют внеклассовую и внесословную группу интеллигенции, основным свойством которой является антимещанство» (*Иванов-Разумник*. Литература и общественность. С. 137).

[10] В черновом автографе письма вместо этого: «Вы скажете — марксист! Да, но марксист не по Марксу» и т. д. (*АГ*). Тот же текст повторен и в копии этого письма, отосланной В. М. Чернову. В таком же виде письмо было опубликовано (*XXIX*. С. 217—218).

[11] О казанском булочнике В. С. Семенове Горький рассказывает в автобиографической повести «Хозяин» (1913).

[12] См.: Г—Ч, п. 13.

[13] После выяснения недоразумения с Ивановым-Разумником Горький послал Миролюбову телеграмму с разрешением сдать рассказ «Три дня» в набор. В февра-

ле 1912 г. Горький изменил свое решение и отдал рассказ в «Вестник Европы». См.: Г—Ч, п. 13, прим. 4. Вместо «Трех дней» Горький дал в первый номер «Заветов» рассказ «Рождение человека», которым открывался журнал.

3. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ГОРЬКОМУ

18/31 января 1912, Царское Село, Колпинская, 20

Алексей Максимович,

письмо Ваше удивило меня гораздо больше, чем Вас — мое письмо.

Вы, вероятно, уже знаете теперь, в чем дело,— знаете, что я писал Вам совсем о *другом* журнале, еще ничего не зная о Вашем; это простое недоразумение, вероятно, теперь для Вас уже выяснилось. Но зато совершенно не выяснилось (для меня по крайней мере) другое обстоятельство, связанное с Вашим журналом. А именно: летом я получил предложение работать в «Современнике». Это предложение мне передал от лица редакции Н. С. Русанов в письме от 4 июля 1911 г. Он писал мне следующее [1]: «Р. В., позвольте сотворить волю пославшего меня: меня просят товарищи, *в том числе В⟨иктор⟩ М⟨ихайлович⟩ Ч⟨ернов⟩, к которому присоединяется Горький,* передать Вам *об их крайнем желании Вашего участия в возрождающемся Современнике...* Напишите, согласны ли Вы в принципе на то, чтобы заняться литературно-критической деятельностью в этом журнале?» — Предложение «*постоянного сотрудничества*» было повторено тем же посредником в письме от 7-го июля. Месяцем позднее, 14 авг⟨уста⟩ (нов. ст.), я получил письмо от В. С. Миролюбова, который, повторяя слова о сотрудничестве, прибавлял: «напишите мне, как Вы к этому относитесь и в какой форме Вы себе это представляете, как более желательное».— На все эти письма и предложения я отвечал отказом близкого сотрудничества,— а о причинах отказа я сообщал Вам в первом своем письме. Осенью я получил письмо от В. М. Чернова (от 13 сент. нов. ст.) с повторной просьбой — «дебютировать» в октябрьском «Современнике» статьей о Добролюбове и с надеждой, что этот «дебют» перейдет в «ближайшее участие» [2].

Как видите, я имел все основания предполагать, что мое *близкое участие* в одном журнале с Вами не только возможно, но даже желательно редакции «Современника»,— а в редакции этой были и Вы. Когда я узнал в середине декабря, что Вы, Чернов и Миролюбов вышли из «Современника», и когда в то же время у нас в Петербурге стал организовываться новый журнал, то согласитесь, что после изложенного выше я имел все основания обратиться к Вам с предложением войти в организацию этого нового дела. Судите же, как меня должно было удивить Ваше письмо!

Оно меня еще более удивило потому, что за неделю до него я получил новое письмо от В. М. (после того, как я отправил Вам свое письмо). Из письма В. М. я узнал, что Вы, Чернов и Миролюбов уже организуете (или даже организовали) новый журнал; и в этом письме, написанном из Капри, В. М. предлагал мне не только *близкое сотрудничество*, но и «*литературное представительство*» нового журнала! [3] Я ответил встречным предложением — слить оба предполагаемых журнала в один на известных условиях [4]. Тем более было для меня неожиданным Ваше письмо, в котором с очевидностью выражена полная невозможность какой бы то ни было близкой работы Вашей и моей в одном и том же издании.

Письмо Ваше не только не могло «обидеть» меня,— наоборот, я Вам очень за него благодарен: оно сразу выяснило положение дел. Сегодня же пишу Чернову (копию письма к нему прилагаю здесь), и надо думать, что и для Вас и для меня все недоразумения должны скоро выясниться.

По существу отвечать на Ваше письмо мне, конечно, нечего: мне очень интересно было узнать Ваше отношение к моим взглядам, оценкам и суждениям, но, разумеется, что от того или иного Вашего отношения эти оценки и взгляды измениться не могут. Отвечу только на одно очень крупное Ваше заблуждение: Вы предполагаете, что если я буду вести литературно-критический отдел журнала, то последний будет «*партиен*». Это показывает, что Вы недостаточно хорошо знаете меня как писателя. Если бы я был партиен, я давно работал бы или в «Русском богатстве», или в «Современнике», или в других журналах; но в том-то и дело, что никто так не далек от партийности, как я[5]. Знаете сказку Киплинга — «Кот, который ходит сам по себе»? Я тоже «хожу сам по себе»,— и вот почему особенно я думал, что на этой почве с Вами *теперь* можно будет взаимно понять друг друга.

Во всяком случае — искреннее спасибо Вам за письмо, откровенное и прямое. Позвольте пожелать всего лучшего и остаться по-прежнему глубоко уважающим Вас

Разумник Иванов

[1] Николай Сергеевич *Русанов* (Кудрин) (1859—1939) — публицист, революционер-народник, в 1910-е годы — эсер. Его письма в архиве Иванова-Разумника не сохранились. В. В. Водовозов 29 мая 1911 г. писал Амфитеатрову о нем как о потенциальном сотруднике: «На этих днях ко мне зашел Русанов и сообщил, что уже довольно давно он получил письмо от Чернова, в котором Чернов предлагал ему принять участие в редактировании „Современника", и о том, что Русанов отказался от этого предложения» (*ЦГАЛИ*, ф. 34). В том же письме приводится выписка из п. Чернова Н. С. Русанову 6 мая 1911 г.: «Русский отдел редакции состоит пока из В. В. Водовозова, которому скоро придется засесть. К нему нужно сейчас соправителя, который вскоре останется единым правителем» (Там же).

[2] Цитируемые п. Миролюбова и Чернова в архиве Иванова-Разумника не сохранились. В ноябре 1911 г. исполнилось 50 лет со дня смерти Н. А. Добролюбова.

[3] В п. от 6/19 января 1912 г. (датируемом по сопоставлению с письмами Иванова-Разумника) Чернов писал Иванову-Разумнику:

«Вы, вероятно, уже знаете, что я, Горький и Миролюбов ушли из редакции „Современника". Вместе с Амфитеатровым работать оказалось невозможно. Его „реализм" — не наш, его отношение к литературе и литераторам, его, наконец, самодержавные привычки сделали разрыв неизбежным. Редакционный кризис захватил нас врасплох, ибо дело уже шло к концу года. Тем не менее мы энергично принялись за дело организации нового журнала, поиски денег и т. п. Несколько дней назад нас известили из России телеграммой, что материальный вопрос разрешен.

Наши русские друзья, однако, остановились, было, в нерешительности — начинать ли теперь же, с января, или пока ограничиться несколькими сборниками журнального типа, а в правильный периодический журнал обратить их только с осени. Мы настаиваем, чтобы взяться за журнал теперь же. Этот вопрос, однако, вероятно, уже будет окончательно решен, когда Вы получите это письмо. Я только не хотел откладывать его отправки, потому что время не терпит. Прежде всего я хотел повторить Вам свое приглашение — о постоянном сотрудничестве. В частности, было бы очень хорошо, если бы Вы могли что-нибудь дать для январской книжки, например нечто вроде обзора журнальных откликов на добролюбовский юбилей — это дало бы возможность нам наверстать упущенное. Юбилейная статья о Д(обролюбове), конечно, теперь запоздала; но в форме обзора журналов она могла бы отлично пройти. Не правда ли, жаль, что этот юбилей прошел так серо, и жаль упустить случай — подать свой голос об этой теме. Впрочем, выбрать тему — это, конечно, Ваше дело, тем более что времени мало и что, может быть, лучше взять что-нибудь уже готовое или почти готовое.

Это первое мое дело к Вам. Второе заключается в следующем. Нам нужен в России литературный представитель журнала, секретарь редакции — лицо, которое ведет все личные сношения с авторами, заведует на месте окончательным выпуском №, находится в постоянных сношениях с нами и т. п. Тот факт, что литературные инициаторы — основатели журнала находятся за границей, делает разрешение этого вопроса очень сложным, трудным и крайне важным. Нет сомнения, что вся, так сказать, конституция взаимных отношений должна иметь свои особенности: что ее вряд ли можно предначертать сразу, что многое в ней будет вырабатываться опытом. Но я пока совершенно устраняю вопрос о мелочах и деталях. Мне хочется знать, как бы Вы отнеслись принципиально к предложению, с которым мне поручили мои товарищи обратиться к Вам,— чтобы Вы взяли на себя роль такого русского секретаря и представителя. В случае, если Вы в принципе не

имеете против такой комбинации, мы можем приступить к более конкретным переговорам как письменным, так — еще лучше — и личным: можно будет устроить свидание кого-либо из организующих наше дело в России,— а затем, думается мне, можно бы подумать и об устройстве свидания с нами, которое, разумеется, было бы наиболее желательным и важным, чтобы обо всем столковаться и ничего не оставить недоговоренным.

Крепко жму руку и остаюсь в ожидании скорого ответа

В⟨иктор⟩ Ч⟨е р н о в⟩» (*ИРЛИ*, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 340)

26 января 1912 г. Иванов-Разумник сообщал А. М. Ремизову: «История с Горьким выясняется; получил я большенное письмо от В. М. Чернова; Горькому написал еще до того тоже большое письмо. Тоже расскажу при встрече. Вообще должен сказать, что журнал становится все более и более осуществимым планом. О нем же буду сегодня говорить с Копельманом» (*ГИБ*, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 115; С. Ю. Копельман — совладелец и главный редактор изд-ва «Шиповник»).

[4] Черновик п. Иванова-Разумника к Чернову сохранился в его архиве: «Виктор Михайлович, письмо Ваше, пересланное мне из Артека, я получил только сегодня; а четыре дня тому назад я отправил письмо Горькому по тому же самому журнальному делу, о котором пишете мне Вы. Ближайшая цель у нас одна — создание журнала; быть может, Горький написал Вам о содержании письма ⟨...⟩

Теперь получаю Ваше письмо со встречным предложением. Мне думается, что оба этих предложения вполне совместимы и не противоречат друг другу: стоит только слить два этих предполагаемых журнала в один.

Но сперва я отвечу на Ваше предложение и отвечу с полной откровенностью. *Войти в какой бы то ни было журнал я готов только в том случае, если одновременно войду и в редакцию журнала, беря на себя литературно-критический отдел.*

Иначе я предпочитаю быть просто случайным сотрудником, ничем не связанным с газетою или журналом,— таково, например, мое отношение к „Русским ведомостям“ или к „Русскому богатству“, куда я в прошлом году давал статьи и в этом году даю (в „Русское богатство“ — к марту, о Герцене). Если в „литературное представительство“, о котором Вы мне пишете, Вашего журнала может войти, в качестве составной части, участие в редакционной (а не только секретарской) работе и ведение литературно-критического отдела,— то я охотно взялся бы за это дело, и тогда два предполагаемых журнала можно было бы слить в один. Конечно, „журнальная конституция“ выработалась бы практикой, а прежде всего — личными переговорами.

В середине февраля я еду в Москву — все по тому же журнальному делу. Если до того времени мы с Вами договорились бы до чего-либо определенного, то эти московские переговоры будут иметь уже иное направление. К началу мая (нового стиля) я собираюсь на месяц за границу; намерен быть в Швейцарии и проехать по Италии — вплоть до Неаполя. Тогда личные переговоры окончательно выяснят дело; в письме очень трудно столковаться до точки.

И еще одно: лично я против издания журнала немедленно, с января. Не лучше ли (как мы предполагаем и о своем журнале) отдать первые полгода подготовительной работе, начать издание журнала со второй половины года? Хотя лето — мертвый сезон, но именно потому газеты и журналы посвятят очень много внимания всякому новому изданию. За полгода издания будет подготовлена почва и круг читателей, журнал выявит себя, и с нового года вступит уже в колею. Торопливостью можно только повредить» (*ИРЛИ*, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 216).

[5] Иванов-Разумник высказывает здесь одно из своих основополагающих убеждений, которому он не изменял в ходе всей своей литературно-публицистической деятельности. Безусловно, это убеждение было одной из основных причин того, что Иванов-Разумник никогда формально не являлся членом партии социалистов-революционеров, хотя и оставался близок к ней по своим взглядам.

4. ГОРЬКИЙ — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

⟨Капри. 27 января/9 февраля 1912 г.⟩

Я считаю, Разумник Васильевич, оба мы с Вами — жертвы некоторой «деловой спешности» и, конечно, общего всем россианам всегда несколько небрежного отношения друг к другу.

Считаю, однако, нужным сообщить Вам, что о приглашении Вашем в «Совр⟨еменник⟩» я осведомлен лишь на днях, после «инцидента», письмом В. М. Чернова; в письме этом есть такое сообщение: «Правда, летом Мир⟨олюбов⟩ и я писали Разумнику Иванову,— с к⟨ото⟩рым ни он, ни я лично незнакомы — но это было по делам „Соврем⟨енника⟩“» [1].

Что переговоры с Вами остались мне неизвестны, на это не имею претензий. Мое отношение к «Совр〈еменнику〉» отнюдь не носило характера «ближайшего» в этом журнале участия, против публичного заявления редакции о «ближайшем» я протестовал [2]. Полагаю, что инцидент благополучно кончен. Напечатав в «Заветах» уже отданную туда повесть [3], сотрудничать в этом журнале не стану.

Позвольте Вам сказать, что я искренно обрадован тоном Вашего второго письма ко мне; не часто приходится встречаться с таким корректным отношением к человеку, и это отношение всегда приятно волнует, возбуждая надежду на рост в людях уважения и серьезного внимания к работе друг друга.

«Из столкновения мнений разгорается истина», на мой взгляд, вовсе не обязательно, чтобы горение истины покрывало нас сажей и копотью ненависти и злобы друг к другу.

Сердечно желая успеха Вашему предприятию, просил бы,— если это Вас не затруднит,— высылать мне журнал или хотя бы оттиски Ваших статей, во многом интересных для меня.

Будьте здоровы.

А. Пешков

Датируется по почт. шт. отправления с Капри.

[1] Горький цитирует (не совсем точно) п. Чернова к нему 〈ок. 28 нояб. 1912 г.〉. См.: Г—Ч, п. 14.

[2] См.: Г—А, п. от ноября, не ранее 25, и 1 или 2 декабря 1910 г.

[3] «Три дня» (п. 2, прим. 3 и 13). Ср. письмо Горького к Миролюбову (ок. 16/29 февр. 1912 г.): «Я думаю 〈...〉 что повесть печатать надо и что я могу выйти из журнала после; конечно — без шума, без объявлений об этом» (*XXIX*, 226).

5. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ГОРЬКОМУ

9/22 февраля 1912, Царское Село, Колпинская, 20

Очень я рад, Алексей Максимович, что «недоразумение» между Вами и мною выяснилось. Желаю полного успеха московскому журналу [1], нечего и говорить о том, что наш петербургский журнал, организуемый теперь, Вы будете получать с первой же книжки [2]. Если бы Вы сочли возможным работать в нем и если пожелали бы узнать его предполагаемый состав, цели, планы, направление,— то я всегда готов с подлинным удовольствием подробно сообщить Вам обо всем этом.

Искренние пожелания всего лучшего.

Разумник Иванов

Сохранился черновик этого письма (*ИРЛИ*, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 209, л. 1).

[1] По первоначальным намерениям Миролюбова и Чернова журн. «Заветы» (или «Завет», как он был назван Миролюбовым в п. к Горькому) должен был выходить в Москве. Начат изданием в Петербурге с апреля 1912 г.

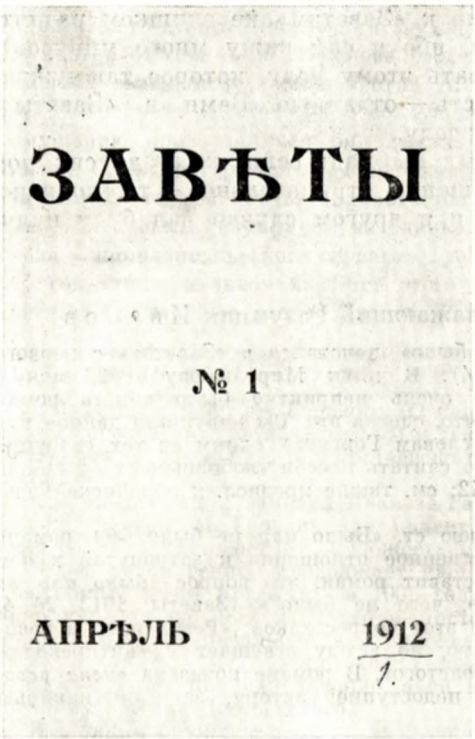
[2] Организовать свой «петербургский журнал» в союзе с издательством «Шиповник» Иванову-Разумнику не удалось.

6. ГОРЬКИЙ — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

〈Капри. После 13/26 февраля 1912 г.〉

Разрешите мне, Разумник Васильевич, поделиться с Вами некоторыми соображениями по поводу Вашего и московского журнала?

Не кажется ли Вам, что один журнал — был бы солидней? И что два — до некоторой степени искусственно — создадут тоже два круга читателей, что едва ли может быть оправдано с точки зрения экономии сил и необходимости концентрировать их? [1]


ЗАВѢТЫ

№ 1

АПРѢЛЬ 1912

Рожденіе человѣка.

(Изъ воспоминаній „проходящаго").

Это было въ 92-мъ, голодномъ году, между Сухумомъ и Очемчирами, на берегу рѣки Кодоръ, недалеко отъ моря: сквозь веселый шумъ свѣтлыхъ водъ горной рѣчки ясно слышенъ глухой плескъ морскихъ волнъ.

Осень. Въ бѣлой пѣнѣ Кодора кружились, мелькали желтые листья лавровишни, точно маленькіе, проворные лососи; я сидѣлъ на камняхъ надъ рѣкою и думалъ, что, навѣрное, чайки и бакланы тоже принимаютъ листья за рыбу и обманываются, вотъ почему они такъ обиженно кричатъ тамъ, направо, за деревьями, гдѣ плещетъ море.

Каштаны надо мною убраны золотомъ, у ногъ моихъ — много листьевъ, похожихъ на отсѣченныя ладони чьихъ-то рукъ. Вѣтви граба, на томъ берегу, уже голыя и висятъ въ воздухѣ разорванной сѣтью; въ ней, точно пойманный, прыгаетъ желто-красный горный дятелъ-расудукъ, стучитъ чернымъ носомъ по корѣ ствола, выгоняя насѣкомыхъ, а лоѣкія синицы и сизые поползни, гости съ далекаго сѣвера, клюютъ ихъ.

Слѣва отъ меня по вершинамъ горъ тяжело нависли, угрожая дождемъ, дымныя облака, и отъ нихъ ползутъ тѣни по зеленымъ скатамъ, гдѣ растетъ мертвое дерево самшитъ, а въ дуплахъ старыхъ буковъ и липъ можно найти „пьяный медъ", который въ древности едва не погубилъ солдатъ Помпея Великаго пьяной сладостью своей, сваливъ съ ногъ цѣлый легіонъ желѣзныхъ римлянъ: пчелы дѣлаютъ его изъ цвѣтовъ лавра и азаліи, а „проходящіе" люди выбираютъ изъ дупла и ѣдятъ, намазавъ на лавашъ, тонкую лепешку изъ пшеничной муки.

Этимъ я и занимался, сидя въ камняхъ подъ каштанами, сильно искусанный сердитой пчелой: макалъ куски хлѣба

ОБЛОЖКА ЖУРНАЛА «ЗАВЕТЫ» И СТРАНИЦА С НАЧАЛОМ РАССКАЗА ГОРЬКОГО «РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА»

1912, кн. 1, апрель

Личная библиотека Горького, Музей Горького

Поскольку я знаю Вас и Чернова, Вы, мне кажется, могли бы ведь договориться? А случись это,— русское общество имело бы журнал очень широкой программы и весьма энергичный мыслящий центр, который, вне сомнений, сильно мог бы послужить делу объединения читателей, что, надеюсь, одинаково желанно и для Чернова, и для Вас.

Соединение сил — соединение средств скорее поставило бы дело на ноги.

[1] Датируется как ответное на п. от 9/22 февраля 1912 г.

Письмо осталось недописанным и, вероятно, неотправленным, так как в комментариях Иванова-Разумника не упоминается.

7. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ГОРЬКОМУ

17/30 сент⟨ября⟩ 1913 г., Царское Село, Колпинская, 20

Многоуважаемый Алексей Максимович,

года полтора тому назад мы обменялись с Вами письмами, в которых сказалась не только несомненная разница во взглядах, но и, думается мне, взаимное уважение,— ибо всякое *искреннее* убеждение ценно, хотя может быть и ошибочным.

Я знаю, что Вы не сочувствовали «Заветам»,— по крайней мере многому в них. Прежде всего — роману Ропшина[1]. Теперь роман уже давно закончен, редакция выяснила свое отношение к нему (в № 4 этого года)[2]. И в других отношениях кое-что выяснено, кое-что выясняется. «Заветы» — журнал молодых исканий, а искания ведь только и освящают жизнь. Много ошибок, много неустановленного, много молодого,— но многое еще наладится, выяснится, «образуется».

Если Ваше теперешнее отношение к «Заветам» не слишком разнится от моего (вовсе невосторженного, ибо я сам вижу много минусов), то не согласились бы Вы содействовать этому делу, которое так нуждается в поддержке? Рассказ, повесть — отданные Вами в «Заветы», были бы такой поддержкой молодому делу.

Если это осуществимо — очень был бы рад; если же и до сих пор Ваше отношение к «Заветам» совершенно отрицательное — то, конечно, просьба моя отпадает. Но и в том, и в другом случае рад буду получить от Вас несколько строк в ответ.

Желаю Вам всего лучшего.

Искренне уважающий Разумник Иванов

[1] Роман В. Ропшина «То, чего не было» печатался в «Заветах» с первого номера (1912, № 1—8, 1913, № 1, 2, 4). В п. к Миролюбову от 26 мая/8 июня 1912 г. Горький заявлял: «...мне очень неприятно было видеть роман Ропшина в первой же книжке, я считаю, что, сделав это, Вы нарушили данное мне обещание». Публикация романа была, по словам Горького, одним из тех «нарушений» редакции, которые давали ему «право считать и себя свободным от обещания сотрудничать в „Заветах“» (*XXIX*, 241—242; см. также предисл. к переписке Горького с Черновым; Г—Ляц, п. 49, прим. 1).

[2] Иванов-Разумник имеет в виду свою ст. «Было или не было. (О романе В. Ропшина)», в которой выражал двойственное отношение к затронутой в нем проблематике: главный вопрос, который ставит роман, это вопрос «*было или не было* то, что описывается в романе „То, чего не было“» (Заветы. 1913. № 4, Отд. II. С. 136). Собственный его ответ на этот вопрос таков: «Революцию и революционеров автор хочет рисовать правдиво, но всюду освещает их антиреволюционной философией истории, взятой у Толстого». В романе показана «*пена революции*», а «вечная ее правда» оказалась недоступной автору, за этой накипью (Там же. С. 147).

8. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ГОРЬКОМУ

9/22 октября 1913 г., Царское Село, Колпинская, 20

Многоуважаемый Алексей Максимович,

на обращенную ко мне (наряду с другими писателями) просьбу «Русского слова» высказаться о Вашем «письме в редакцию» по поводу инсценировки «Бесов» [1] — я отозвался небольшой заметкой, в которой высказал свое мнение [2]. От него я не отказываюсь; но заметка эта появилась вчера неожиданно в «Бирж‹евых› вед‹омостях›» (вечерних) в числе десяти других — с предшествующим редакционным предисловием, совершенно невозможным по отношению к Вам [3]. Если бы я мог предполагать что-либо подобное, то, разумеется, никогда не согласился бы участвовать в этой «анкете». И несмотря на то, что письмо Ваше о Достоевском сильно возмутило меня бессилием веры Вашей в свою же веру,— я еще более возмущен поступком «Биржевых ведомостей», о чем постараюсь заявить и печатно [4].

Примите уверения в моем искреннем уважении.

Разумник Иванов

Комментарий Иванова-Разумника

Выйдя из журнала «Современник», А. М. Пешков, В. С. Миролюбов и В. М. Чернов взялись за организацию нового журнала, первый № которого, открывавшийся рассказом М. Горького, и вышел в апреле 1912 г. («Заветы»), в то время как предполагавшийся в издании «Шиповника» журнал не состоялся. Однако А. М. Пешков в результате приведенной выше переписки с Ивановым-Разумником ограничил свое участие в «Заветах» помещением рассказа в первом номере — и вышел из журнала. Осенью того же 1912 года в редакцию его литературного и критического отделов вошел Иванов-Разумник, в начале 1913 года снова предложивший А. М. Пешкову участвовать в этом журнале. А. М. Пешков долго не отвечал, а тем временем —

осенью 1913 года — прошумел эпизод с отзывом А. М. Пешкова об инсценировке «Бесов» Достоевского Московским Художественным театром. Протест ряда писателей против отзыва А. М. Пешкова был напечатан в газете — с неожиданным для писавших выпадом редакции против А. М. Пешкова. Письмо Иванова-Разумника к А. М. Пешкову (...) говорит о возмущении этим редакционным выпадом; к этому возмущению присоединился ряд самых «инакомыслящих» писателей (Ф. Д. Батюшков, С. А. Венгеров, Д. С. Мережковский, А. М. Ремизов), написавших «письмо в редакцию» газеты «Речь» (прилагается вырезка и черновик этого письма, написанного Ивановым-Разумником на бланке С. А. Венгерова, редактора литературного отдела «Энциклопедического словаря»). А. М. Пешков в своем письме от 29 октября 1913 года лишь мельком касается этого эпизода, посвящая главную часть письма ответу на предыдущее письмо Иванова-Разумника (...)

Сохранилась беловая рукописная копия этого письма — автограф Иванова-Разумника (*ИРЛИ*, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 209, л. 2).

[1] Имеется в виду ст. Горького «О карамазовщине», написанная в связи с постановкой Московским художественным театром спектакля «Николай Ставрогин» — инсценировки романа Ф. М. Достоевского «Бесы» (Русское слово. 1913. № 219. 22 сент./5 окт.).

[2] Приводим текст заметки Иванова-Разумника: «Достоевский — злой гений русской литературы. М. Горький приглашает всех нас „протестовать" против инсценировки романов Достоевского „Художественным театром".

Какой „злой гений" продолжает нашептывать М. Горькому все эти ненужные и боязливые речи! Когда-то — в 1905 году — М. Горький в целом ряде статей ожесточенно нападал на Льва Толстого и Достоевского, считая их „мещанами" русской литературы... Это печальное выступление забылось, к тому же его можно было слегка извинить,— М. Горький ходил тогда в марксистских шорах. Но вот почти десять лет с тех пор уже прошло, а он все еще стоит на прежнем месте, все по-прежнему идет на Достоевского.

И с каким оружием идет он на него! С оружием общественной цензуры, с черной проскрипционной книгой, со словом не только осуждения, но и запрета. Достоевский вреден; его не надо ставить на сцене. Еще один шаг — и М. Горький станет протестовать и против издательств, печатающих сочинения Достоевского.

Это не достойно ни М. Горького, ни русской литературы. Кто против враждебных идей хочет бороться внешней силой (начиная от штыков и кончая запретами — разница тут только в степени), тот не верит, или недостаточно верит, в силу своих идей, тот бедно и бледно верит в силу своей веры. Неужели же это судьба и М. Горького?» (Биржевые ведомости. 1913. № 13792. 8 окт. Веч. вып.).

[3] Приведенный выше отзыв Иванова-Разумника редакция «Биржевых ведомостей» опубликовала в подборке «О выпаде г. Горького против Достоевского. Мнения писателей» (Там же). Высказываниям писателей предшествовало следующее редакционное предисловие: «С прекрасного тихого острова, ласкаемого горячим солнцем и купающегося в синем море, г. Горький нет-нет и напомнит о себе русскому обществу. Напомнит,— увы,— не художественными произведениями прежних лет, создавшими так быстро славу писателю, а либо неудачными комедиями, обреченными на провал, либо чудачествами... чтобы не сказать резче.

Последняя выходка г. Горького — публичный протест против Достоевского — вызвала кое-где справедливое негодование и возмущение, кое-где — иронический смех.

Г. Горький плохо рассчитал силы, и его дерзкий выпад против титана русской мысли, против великой души, отразившей в себе великую душу всего великого народа, обратился против себя самого.

Вряд ли даже на галерке Московского художественного театра, во время инсценировок Достоевского, будут пустовать 2—3 места из-за протеста г. Горького.

А вот собранные нами мнения о выпаде г. Горького популярных писателей различных политических мировоззрений, различных школ, но любящих родину уж во всяком случае не меньше г. Горького». Кроме Иванова-Разумника, здесь же были представлены мнения о статье Горького Куприна, Будищева, Ясинского, Потапенко, Мережковского, Сологуба, Ремизова, Венгерова, Батюшкова; все они, с той или иной мерой резкости, выражали несогласие со статьей Горького о Достоевском.

[4] Приводим текст письма за подписями Ф. Батюшкова, С. Венгерова, Иванова-Разумника, Мережковского, Ремизова: «В вечернем выпуске „Биржев(ых) вед(омостей)" от 8 октября напечатаны мнения нескольких писателей о статье Максима Горького по поводу инсценировки „Бесов" Достоевского Художественным театром. В числе этих мнений помещено и то, что сказали интервьюеру нижеподписавшиеся. Не отказываясь от высказанных нами мнений, мы тем не менее решительно не можем согласиться с неожиданным для нас редакционным предисловием, в котором статья Горького трактуется, как „дерзкий выпад", рассчитанный на сенса-

цию. По разным причинам относясь отрицательно к нападкам Горького на Достоевского, мы, однако, не можем не признать всей искренности его порыва» (Речь. 1913. № 279. 12/25 окт.).

В архиве Иванова-Разумника сохранился черновик письма в газ. «Речь», написанный его рукой на бланке редакции «Энциклопедического словаря» (*ИРЛИ*, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 103), в своем окончательном слое почти полностью совпадающий с опубликованным текстом «Письма в редакцию». В нем последняя фраза письма начиналась менее категорически: «По разным причинам несогласные с М. Горьким, мы» и т. д.

9. ГОРЬКИЙ — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

(Капри. 16/29 октября 1913 г.)

Уважаемый Разумник Васильевич!

Первое письмо Ваше[1], коим Вы приглашаете меня сотрудничать в «Заветы», получено было мною в Неаполе, где я лежал больной, почему и не ответил своевременно. Вчера получил второе,— спасибо, вы очень любезны, но — поверьте, я и не мог думать, что Вы, Батюшков, Венгеров солидарны с отношением ко мне уличной газетки.

Меня несколько удивило в отзыве Вашем то, что Вы отрицаете за обществом право протеста против тенденций реакционных,— или я не понимаю Вас?[2]

Относительно сотрудничества в «Заветах»: — не споемся мы с Вами, уж очень много разноречий у нас! Вот, хотя бы в отношении к Достоевскому: чем более изучаю его,— тем более он возмущает меня. Я не люблю Востока, мне органически противна бухарская психика и всяческое азиатское,— мистика, квиетизм, сладострастие. Это, однако, не значит, чтоб я, читая Достоевского, не маялся душевно вместе с ним страхом и болью за Русь; не люблю его мысль, мне враждебно его извращенное чувство, но — весь он, кругом взятый, конечно, величайший из великомучеников русских*. На отзывы Ваши постараюсь возразить[3].

Позвольте сказать Вам, что с большим удовольствием прочитал хорошую Вашу статью о Ценском[4]. Очень внимательно и давно читаю его,— прекрасный развивается писатель, и давно уже пора было отнестись к нему так уважительно и серьезно, как отнеслись Вы первый.

Всего доброго!

А. Пешков

29.X.13
Capri

[1] См. п. 7, написанное после длительного перерыва в переписке.

[2] Ср. в ст. Горького «Еще о „карамазовщине“»: «...все высказавшиеся против меня отрицают за обществом его право протестовать против тенденций и явлений, враждебных росту человечности в обществе» (Русское слово. 1913. № 248. 24 окт.). Сам Горький понимал свое право так: «...а протест общества против того или иного литератора одинаково полезен как для общества, которому пора сознать свои силы и свое право борьбы против всего, что ему враждебно, так и для личности» (Там же).

[3] «Возражение» Горького — ст. «Еще о „карамазовщине“».

[4] Имеется в виду ст. Иванова-Разумника «Жизнь надо заслужить» (Заветы. 1913. № 9), написанная в связи с выходом шеститомного Собр. соч. Сергеева-Ценского. Иванов-Разумник был одним из первых ценителей и пропагандистов творчества этого писателя.

* и более искренен, чем Лев Толстой.

10. ГОРЬКИЙ — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

⟨Мустамяки. 20 декабря 1914 г.⟩

Ваше письмо, уважаемый Разумник Васильевич, я получил сегодня в субботу в 5 ч⟨асов⟩ вечера. Бывает, что письма из Петрограда получаются мною на 18-й день по отправлении.

Завтра в 4 часа я буду в Петрограде и проживу там до 10 ч⟨асов⟩ утра 23-го[1]. Едва ли мне удастся за это время повидать Вас.

В Мустамяках проживу до 2-го — 3-го января. Буду очень рад видеть Вас.

Всего доброго

А. Пешков

20.XII.14

Комментарий Иванова-Разумника.

Осенью 1912 г., одновременно со вступлением в «Заветы», Иванов-Разумник стал редактором издательства «Сирин» и в 1914 году получил от А. М. Пешкова, жившего тогда в Мустамяках, письмо по поводу деяний этого издательства. Письмо это не сохранилось, так как оно было оставлено Ивановым-Разумником в архиве «Сирина», погибшем в годы революции. Иванов-Разумник ответил письмом (копия не сохранилась), в котором предлагал встретиться и поговорить на тему письма при одном из приездов А. М. Пешкова в Петербург. Ответом на это и является письмо от 20 декабря 1914 года с приглашением приехать в Мустамяки; приглашением этим Иванов-Разумник не воспользовался, но встретился с А. М. Пешковым в Петербурге в самом начале 1915 года. «Заветы» в это время были уже закрыты правительством (в июле 1914 года, при самом начале мировой войны), так что речи о них в разговоре с А. М. Пешковым не было, но много говорилось о трех сборниках «Сирина» и о главных его произведениях — «Петербурге» Андрея Белого и «Розе и Кресте» А. Блока. Отношение А. М. Пешкова и к тому и к другому произведению было неблагосклонное,— по крайней мере в этом длинном разговоре начала 1915 года.

[1] Горький писал Андрееву (ок. 15 дек. 1914 г.): «Я буду в Питере 20-го числа, вероятно, и ты в это время будешь там? 21-го назначили у Винавера собрание по вопросу об организации русской лиги филосемитов ⟨русского общества изучения жизни евреев⟩» (*ЛН*. Т. 72. С. 354). В п. к Е. П. Пешковой Горький сообщал о своей деятельности: «Ты, вероятно, скоро будешь удивлена, увидав мою подпись рядом с именами людей, очень чуждых мне: Андреева и Сологуба! Каково? Мы затеваем анкету по вопросу об антисемитизме,— а?» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 165). Анкета была разослана в январе—феврале 1915 г. (*ИРЛИ*, ф. Батюшкова Ф., № 15727).

11. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ГОРЬКОМУ

⟨Царское Село. После 9 июля 1917 г.⟩

Алексей Максимович!

В «Деле народа» я дважды отзывался печатно (и в отделе печати, и в статье «Тугарина») по поводу вызывающей омерзение выходки Бурцева[1], хочу высказать Вам это и лично в письме,— как в письме же выражаю это свое мнение и Бурцеву. Крепко жму Вашу руку и желаю твердости и бодрости в эти тяжелые для всех нас минуты и дни торжества многоликого мещанства и в социализме и в обществе.

Искренний привет и уважение

Ваш Разумник Иванов

Комментарий Иванова-Разумника.

В июле 1917 г., после восстания большевиков, началась травля их — в том числе и А. М. Пешкова. Иванов-Разумник был в это время редактором литературного отдела газеты «Дело народа», из которой и вышел в связи с этой травлей, напеча-

тав 8-го июля в газете «Земля и воля» статью об этой травле («Улица», вошла в книгу Иванова-Разумника «Год революции», 1918 г.) и написав А. М. Пешкову сочувственное письмо, ответом на которое и является письмо ‹...› (дата почтового штемпеля — 14 июля). Хотя письмо это и адресовано в редакцию «Дела народа», но заключительная фраза письма — «передайте мой привет товарищам Вашим» — ни в коем случае не имеет в виду товарищей Иванова-Разумника по редакции, большинство которых относилось враждебно к позиции А. М. Пешкова. Речь шла о нескольких сочувствовавших А. М. Пешкову лицах, имена которых за давностью времени не сохранились в памяти Иванова-Разумника.

Датируется по содержанию.

[1] Имеется в виду ст. В. Л. Бурцева «Или мы, или немцы и те, кто с ними» (Русская воля. 1917. № 159. 7 июля; одновременно появилась в «Петроградском листке» и «Петроградской газете»). Возможно также, что письмо было написано после второй ст. Бурцева «Не защищайте М. Горького» (Русская воля. 1917. № 161. 9 июля; напечатана также: Новое время. 1917. № 14822. 9 июля). Бурцев, обвиняя большевиков в политической продажности и измене, завершил именем Горького перечень двенадцати «агентов Вильгельма II», тех, «кто за эти месяцы работал над разрушением России»; в списке значились имена Ленина, Троцкого, Луначарского, Коллонтай и др. Иванов-Разумник выступил с гневным протестом по поводу выходки Бурцева, опубликовав ст. «Улица» (Дело народа. 1917. № 79. 8 июля, подпись: Тугарин; перепечатана в кн.: *Иванов-Разумник*. Год революции: Статьи 1917 года. СПб., 1918. С. 64—68). «Грядущий Хам уже пришел, царит на улице, призывает к погромам и насилиям над всеми инакомыслящими,— писал в ней Иванов-Разумник.— ‹...› Ходит он теперь по улицам, пускает в народ темные, непроверенные слухи, жадно смакует грязь клеветы и копит пока еще бессильную злобу ‹...› Достаточно составить самый нелепый список имен ‹...› где венчает все дело имя крупного и морально безупречного русского писателя,— чтобы улица жадно проглотила эту несъедобную кашу, чтобы нравственная чернь стала восторженно рукоплескать всякой пошлости, которую так обильно разливает на своих столбцах уличная печать» (*Иванов-Разумник*. Год революции: Статьи 1917 г. С. 65, 64, 67—68).

12. ГОРЬКИЙ — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

‹Петроград. 14 июля 1917 г.›

Сердечно благодарю Вас за внимание, Разумник Васильевич!

Нет надобности говорить о том, как ценно дружеское рукопожатие в эти дни, насыщенные болезненной злобой.

Передайте мой привет товарищам Вашим.

Всего доброго!

А. Пешков

Датируется по почт. шт. Конверт с грифом Организационного комитета «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук». Письмо направлено в редакцию газ. «Дело народа» (Галерная, 24).

13. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – ГОРЬКОМУ

‹Царское Село. Октябрь, после 22-го, 1917 г.›

Узнал из газеты о Вашем, Алексей Максимович, двадцатипятилетнем юбилее[1] — шлю Вам сердечный привет и большое спасибо за все сделанное Вами. Мы во многом стоим на разных полюсах мысли, литературные взгляды и вкусы наши расходятся в противоположные стороны, но тем искреннее ценю я Ваши произведения и Вашу долголетнюю деятельность для народа и во имя народа. А за последние радостные и тяжелые полгода, когда революция пришла, а литераторы уползли с шипением и злобою в разные щели,— Ваше имя было одним из немногих, на которых отрадно было остановиться.

Желаю Вам старых сил и новой веры в будущее, для прежней неустанной и бодрой работы.

Искренний привет.

Ваш Разумник Иванов

[1] В сентябре 1917 г. исполнилось 25 лет со дня опубликования рассказа «Макар Чудра» в Тифлисе. Информация о юбилее Горького была помещена в газ.: «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов» (№ 204, 22 окт.), «Новая жизнь» (№ 160, 22 окт.; № 162, 25 окт.), «Известия московского Совета рабочих депутатов» (№ 196, 25 окт.) и др.

14. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ГОРЬКОМУ

7 мая 1919 года, Царское Село, Колпинская, 20

Многоуважаемый Алексей Максимович,

в субботу 10 мая в Москве состоится суд «Революционного трибунала» над моими хотя и не «партийными», но во всяком случае идейными товарищами [1]: суду подлежит вся партия «левых соц‹иал›-рев‹олюционеров›» [2]. Суд будет партийный, «большевистский».

Хотя Вы, Алексей Максимович, вероятно, и не состоите членом партии, но пользуетесь несомненно большим моральным влиянием в партийной среде. Употребите же это влияние, чтобы побудить власть имущих не судить идейных противников — партийно, не обострять и без того острые углы, не мешать единственной подлинно революционной партии.

Уверен, что голос Ваш не прозвучит в пустыне — и Вы не только облегчите участь отдельных людей (второстепенных исполнителей — Спиридонова [3] давно уже бежала из тюрьмы), но, главное,— будете содействовать усилению действенных сил революции, а это Вам несомненно и близко, и дорого.

С искренним уважением

Разумник Иванов

[1] Формально членом эсеровской партии Иванов-Разумник не являлся, хотя его критико-публицистическая деятельность была теснейшим образом связана с эсеровскими изданиями (заведовал литературными отделами в газ. «Дело народа», «Знамя труда», журн. «Наш путь»).

[2] Сведения о предстоящем судебном процессе оказались ложными, хотя слухи о нем возникли не случайно. В те дни остро стоял вопрос о примирении с левыми эсерами, которые после восстания 6 июля 1918 года находились в оппозиции к правительству большевиков. 3 мая 1919 г. в газ. «Известия» (№ 93) было помещено обращение «Ко всем членам партии социал-революционеров», подписанное В. Вольским и Н. Святицким, где излагалась платформа примирения с большевиками. Тогда же в «Известиях» был напечатан целый ряд писем рядовых членов партии эсеров, в которых затрагивалась проблема сотрудничества с большевиками. Вопрос о левых эсерах широко обсуждался в печати тех дней (см., например, ст. Ил. Вардина «С кем пойдут левые эсеры» и «Партия безумцев и провокаторов» — Правда. 1919. № 118. 3 июня; № 119. 4 июня).

[3] Мария Александровна *Спиридонова* (1884—1941) — одна из ведущих деятельниц партии левых эсеров. После восстания 6 июля 1918 г. «приговорена Верховным Трибуналом к 1 году заключения», «была амнистирована после германской революции. Затем следует вторичный арест, бегство из Кремля, новый арест» (Энциклопедический словарь русского Библиографического института Гранат, изд. 7, т. 41, ч. 4, стлб. 154—156). Бежала из кремлевского санатория 2 апреля 1919 г., повторно была арестована в ноябре 1919 г.

15. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ГОРЬКОМУ

‹Петроград.› 22 декабря 1919 года

Многоуважаемый Алексей Максимович,

хотя и надеюсь увидеть Вас завтра, во вторник, но на всякий случай пишу это письмо, так как дело спешное. Оно вот в чем:

Ко дню 50-ти лет со дня смерти Герцена выйдет сборник заметок и статей, посвященных его памяти. Сборник небольшой — 4—5 листов, статьи и заметки — тоже небольшие, в 3—4 страницы; авторы — «всех групп и направлений русской общественности» [1].

Очень просил бы Вас — не отказать в своем участии в этой попытке общего отклика на дело Герцена; тема, размер, срок — в Вашей воле.

Пока имеются статьи (и обещания статей) — Блока, Гершензона, Сакулина, Венгерова, Лемке, Щеголева, Радлова и ряда других писателей; одновременно с этим пишу письмо Мережковскому; имею ряд неизданных произведений Герцена, до сих пор неизвестный (и чудесный) портрет его эпохи «Колокола»[2]. Редактировать этот сборник предложило мне частное издательство «Кадима», которое и ведает всей техникой; его представитель, секретарь редакции, и вручит Вам это письмо.

Не сомневаясь в Вашей симпатии к предпринимаемому чествованию, очень буду благодарен за Ваш литературный вклад в общее дело, в чем бы он ни состоял.

Искренне уважающий Разумник Иванов

[1] Иванов-Разумник готовил сб.: А. И. Герцен. 1870 — 21 января — 1920. Пг., 1920.

[2] Авторский состав сборника был несколько иным: М. К. Лемке предоставил не публиковавшуюся в России ст. А. И. Герцена «Жером Кеневич». Далее следовали ст.: М. Л. Бинштok «Хронологические данные о жизни А. И. Герцена», Иванов-Разумник «Скиф сороковых годов», С. Венгеров «Осердеченный ум», Д. Мережковский «Герцен и мещанство», А. Блок «Герцен и Гейне», А. Гизетти «Мировоззрение Герцена», А. З. Штейнберг «Берега и безбрежность», В. Водовозов «„Колокол" Герцена», Н. Глебов-Путиловский «Мыслящий рабочий и Герцен», Иванов-Разумник «Герцен и социализм», М. К. Лемке «Из архивов о Герцене», Э. Радлов «Герцен как философ», Герцениана (хроника). Из лиц, перечисленных Ивановым-Разумником, в сборнике не участвовали: П. Е. Щеголев, П. Н. Сакулин, М. О. Гершензон. На с. 7 сборника помещено редакционное примечание: «Ввиду краткости срока осуществления настоящего сборника, по болезни автора и по другим причинам — не могли быть доставлены статьи Максима Горького, Л. Каменева, П. Н. Сакулина, Ю. М. Стеклова и др.»

16. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ГОРЬКОМУ

⟨Петроград.⟩ 23 мая 1921 года

Многоуважаемый Алексей Максимович,

я только что зашел к О. Д. Форш и застал ее в очень тяжелом положении: она больна, еле держится на ногах и вот уже целый месяц голодает до того, что от слабости большую часть дня лежит в постели. Пайка никакого. Пишу об этом сейчас М. П. Кристи, но не уверен, что он знает литературную деятельность О. Д. Форш и захочет ей помочь. Быть может, Вы могли бы оказать ей содействие? Помощь нужна немедленная, положение ее совершенно катастрофическое[1].

Простите за беспокойство.

С совершенным уважением

Разумник Иванов

P. S. Адрес Форш — «Дом искусства», кв. 30а, комн. 6.

На письме помета рукой Горького: «Передано 26-го».

[1] См. п. О. Д. Форш Горькому ⟨конец апр. 1921 г.⟩ (*ЛН*. Т. 70. С. 581). В журнале заседаний Комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ) сохранился протокол заседания Комиссии от 16 августа 1921 г. под председательством Горького, на котором было заслушано «ходатайство А. М. Горького о выдаче писательнице О. Д. Форш продовольственного пособия». В качестве члена комиссии на заседании присутствовал М. П. Кристи. Комиссия постановила: «Передать в Пайковую комиссию на предмет выдачи О. Д. Форш продовольственного пособия» (цит. по копии, хранящейся в *АГ*; подлинник: *ЦГАОР* Ленинграда, отд. 3, ф. 2995, св. 1, д. 6. л. 129). О. Д. Форш названа также в списке наиболее нуждающихся писателей, составленном по просьбе Горького К. И. Чуковским и отправленном в недатированном п. Чуковского к Горькому (*АГ*).

ПРИЛОЖЕНИЕ

РЕФЕРАТ ИВАНОВА-РАЗУМНИКА «ОТНОШЕНИЕ МАКСИМА ГОРЬКОГО К СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ» (1900)

Публикуемый реферат Иванова-Разумника был одним из первых опытов начинающего литератора в области критики. Для нас он представляет интерес прежде всего как материал для изучения восприятия Горького его современниками. История создания реферата такова: поступив в Петербургский университет на физико-математический факультет, Иванов-Разумник стал с 1900 г. посещать также лекции профессора А. С. Лаппо-Данилевского на историко-филологическом факультете и предпринимать самостоятельные разборы современной литературы [1]. Неудивительно, что в центре его внимания оказываются произведения Горького, приобретшие на рубеже веков шумную известность и вызвавшие самые разнообразные истолкования. 21 мая 1900 г. Иванов-Разумник писал своему другу А. Н. Римскому-Корсакову: «Подписался я на журнал „Жизнь", где подвизается Горький. (Там, к слову сказать, печатается замечательная новая его повесть — „Мужик") (...) С каждым новым рассказом он все выше и выше поднимается (для меня) к совершенствованию; есть у него один рассказ (не знаю, читали ли Вы его?), выше которого нет ничего в современной русской литературе и даже у самого Горького. Это — „Скуки ради". Почти приближаются сюда „Бывшие люди". Если Вы еще не читали этих двух вещей, то с Вами не стоит и разговаривать» [2]. 15 сентября 1900 г. Иванов-Разумник сообщал ему же: «На рефератных вечерах у Лаппы (...) я собираюсь прочесть два реферата. Один из них — „Отношение М. Горького к современной культуре". Этим летом я читал и перечитывал Горького; теперь я увлекаюсь им еще больше, чем прежде. Это такой сильный и мощный талант, какого давно не появлялось на нашей литературной сцене» [3].

С рефератом о Горьком Иванов-Разумник выступил в университете в ноябре 1900 г., при этом Лаппо-Данилевский изменил заглавие «Отношение М. Горького к современной культуре и интеллигенции» на «Значение М. Горького в современной русской литературе» [4]. Скорее всего, именно эта работа могла стать литературным дебютом Иванова-Разумника. В письме от 7 февраля 1901 г. он жаловался Римскому-Корсакову: «Литературные дела мои идут слабо; статья до сих пор не может появиться в печати, кормят только обещаниями „в следующий месяц". Я полагаю, что они хотят меня оттянуть до лета, „когда наступят жары"» [5]. Неизвестно, в каком именно журнале Иванов-Разумник надеялся опубликовать свою статью. Эти хлопоты были прерваны неожиданно: в начале 1901 г. Иванов-Разумник «имел удовольствие подвергнуться обыску — полиции, понятых и т. п.» [6], а 4 марта того же года, участвуя в студенческой демонстрации, был «избит на площади Казанского собора казацкими нагайками, арестован, посажен в тюрьму, а потом и выслан из Петербурга» [7]. Находясь в петербургской пересыльной тюрьме в марте 1901 г., Иванов-Разумник дважды читал свою работу о Горьком арестованным студентам и курсисткам. «Из нашей тюремной жизни — нового ничего,— извещал он 17 марта Римского-Корсакова.— Только разве что вчера был у нас литературный вечер, где я подвизался в чтении реферата о М. Горьком и был единственным исполнителем. Сперва я прочел в верхнем этаже, для студентов, а потом внизу у курсисток. Курсисток всех поместили в одну камеру, а меня поставили по сю сторону решетки — так был прочитан реферат, так же происходили и пре-

ния. С одной курсисткой я сцепился жестоко из-за определения понятия культуры и интеллигентности» [8].

Работа Иванова-Разумника о Горьком несет на себе все признаки незрелости аналитического мастерства, достаточно прямолинейна, имеет в основном реферативный характер. Двадцатидвухлетнему студенту-математику явно еще недостает индивидуальности восприятия, критического мастерства. В то же время реферат несет в себе живые отголоски тех дискуссий, которые кипели вокруг Горького, помогает понять, что волновало читателей в творчестве молодого писателя. Иванов-Разумник, заинтересованно следивший за полемикой о Горьком в «большой» критике, пробует обосновать свою позицию в этих спорах. Так, он пытается опровергнуть тезис критики о враждебности Горького к интеллигенции и стремится показать, что писатель развенчивает либо псевдоинтеллигенцию, либо ту часть просвещенного сословия, которая утратила связи с живой жизнью, замкнулась в «книжной» бездеятельности, либеральной самоудовлетворенности. То, на чем заостряет внимание Иванов-Разумник при разборе «Вареньки Олесовой» или «Фомы Гордеева», ныне едва ли покажется неожиданным, но для времени, когда эти произведения стояли в центре живейших литературных дискуссий, характеристики приват-доцента Полканова и Тараса Маякина, данные Ивановым-Разумником, были актуальными и могли способствовать пониманию художественного смысла этих образов. Весьма примечательно и то, что Иванов-Разумник отказывается видеть в идеалах Горького элементы ницшеанства, хотя такое мнение господствовало в критике тех лет после известных статей Н. К. Михайловского [9]. Характерно в реферате Иванова-Разумника и пристальное внимание к повести Горького «Мужик», печатавшейся в 1900 г. в журн. «Жизнь», которая импонировала начинающему критику своей откровенной публицистичностью. Иванов-Разумник увидел в этой повести прежде всего размышления писателя о том, «что делать» русской интеллигенции и какою ей быть. Хотя критика настойчиво принижала значение повести «Мужик» за преобладание в ней «резонерского», публицистического начала над собственно художественным (мнение, в известной мере разделявшееся и самим Горьким, оценившим «Мужика» как свой творческий просчет и отказавшимся от его завершения), Иванов-Разумник именно эту публицистичность и прямолинейность более всего и ценил в повести, в чем, без сомнения, проявилась его тогдашняя народническая закваска. Несомненной ошибкой Иванова-Разумника в реферате следует признать знак равенства, который он ставит между автором и его героями, не чувствуя дистанции между ними. И если, цитируя монологи Шебуева из «Мужика», он еще имел основания видеть в них выражение мыслей самого Горького, то в других случаях этот метод вел его к заведомо неверным толкованиям — например, к выводу о пессимистическом отношении Горького к человеку вообще, сделанному на основании изречений Промтова, героя рассказа «Проходимец», или к сближению идейного кредо писателя и «просветительских» высказываний приват-доцента из «Вареньки Олесовой», состоящих из сплошных общих мест либеральной фразеологии и воспроизводимых автором с явной иронией.

Общая оценка творчества Горького в реферате была самой высокой: Иванов-Разумник предрекал молодому писателю в будущем место «великого писателя земли русской» — место Льва Толстого.

Позднее, став литературным критиком, Иванов-Разумник не раз обращался к творчеству Горького. Характерно, что в поле зрения критика оказались не только произведения, вошедшие в авторские сборники и опубликованные в ведущих журналах, но и ранние рассказы писателя из «Самарской газеты» [10]. В «Истории русской общественой мысли» специальная глава книги — «Чехов и Горький» — характеризует творчество двух писателей как самое значительное явление русской общественной мысли 1890-х годов. Иванов-Разумник не первым поставил рядом эти имена — еще в 1900 г. вышла в свет «Книга о Максиме Горьком и А. П. Чехове» Е. А. Соловьева (Андреевича),— но именно он впервые попытался дать оценку двух крупнейших писателей современности с учетом исторической перспективы, представить их как последнее двуединое звено в цепи вершинных достижений русской литературы. В своем исследовании Иванов-Разумник по-прежнему противопостав-

ляет подлинную интеллигенцию и «дикарей высшей культуры», развенчиваемых Горьким, но, с другой стороны, уже относится с недоверием к тем положительным типам истинных интеллигентов, которые намечает Горький в новейших произведениях и которые объясняются приобщением писателя к «марксизму русской чеканки» [11].

Впоследствии отношение Иванова-Разумника к Горькому будет развиваться в русле, заданном «Историей русской общественной мысли»: высокая оценка свершений Горького-художника и полемика с Горьким-публицистом. В иных случаях эти противопоставления «художника» «публицисту» трудно было бы счесть необоснованными. В частности, Иванова-Разумника побудила выступить с возражениями статья Горького «Две души». В статье «Земля и железо» Иванов-Разумник опровергал тезис Горького о косности и пассивной созерцательности русского народа, о подверженности его «азиатскому», иррациональному началу — его же собственными художественными произведениями: «Детство» и «В людях» противостоят статье «Две души», ибо в них «не обвинение, а оправдание, не обвинение, а объяснение»: «Кому верить? Художнику в человеке верьте всегда больше, чем публицисту» [12].

Резкое идейное размежевание Горького с Ивановым-Разумником не мешало последнему высоко ценить Горького-художника и тогда, когда рассуждения о «конце Горького» звучали в полную силу. Построив свою статью «„Народ“ и „интеллигенция“» (1910) в форме диалога с воображаемым оппонентом, Иванов-Разумник дает отпор ходячим мнениям о творческих провалах Горького, и в частности о повести «Лето». Мнение, что в «Лете» «нарисованы несуществующие оперные мужики, которые хотят издавать газету и рассуждают о России и ее судьбах», Иванов-Разумник опровергает: «М. Горький — бытописатель и историк главным образом *народной интеллигенции*». Крестьян из «Лета», тянущихся к политике и культуре, Иванов-Разумник считал вполне достоверными и ссылался на свои собственные наблюдения: «Я же знаю, что деревенская крестьянская интеллигенция именно такова, какою описывает ее М. Горький, я знаю, что именно о судьбах России думают и говорят эти мужики и мог бы доказать вам это из подлинных, уже напечатанных крестьянских статей» [13]. Горький не в моде, заостряет свою мысль Иванов-Разумник, лишь «среди нашей интеллигентской черни», у «фешенебельных богоискателей и хулиганствующих критиков». Критик уверен в том, что «раньше или позже схлынет волна этого стадного и постыдного равнодушия читателей к большому писателю», что многие сенсационные произведения текущего дня забудутся, а «Городок Окуров» «еще долго и долго будет читаться и перечитываться» [14].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробнее об этом см. во вступ. ст. А. В. Лаврова к публикации переписки А. А. Блока и Иванова-Разумника в кн.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 366—369.

[2] *ИРЛИ*, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 212.

[3] Там же.

[4] Об этом Иванов-Разумник писал А. Н. Римскому-Корсакову 28 октября / 10 ноября 1900 г. (Там же). В письме он извещал, что выступление его намечено на 7/20 ноября; в примечании, сделанном на рукописи реферата, проставлена другая дата чтения в университете — 28 ноября 1900 г.

[5] *ИРЛИ*, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 212.

[6] П. Иванова-Разумника к А. Н. Римскому-Корсакову от 7 февраля 1901 г. (Там же).

[7] *Иванов-Разумник*. Юбилей (очень удачное введение) // *ИРЛИ*, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 148, л. 3—4.

[8] *ИРЛИ*, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 212.

[9] *Михайловский Н. К.* О г. Максиме Горьком и его героях // Русское богатство. 1898. № 7; *Он же*. Еще раз о г. Максиме Горьком и его героях // Там же. 1898. № 10. Во второй статье Н. К. Михайловского проводится параллель между идеями «философствующих босяков» из ранних рассказов Горького и ницшеанской моралью.

[10] Иванов-Разумник вкратце характеризует фельетоны Горького, печатавшиеся в «Самарской газете» под псевдонимом «Иегудиил Хламида», и появившуюся там же сказку «О маленькой фее и молодом чабане» (*Иванов-Разумник*. История русской общественной мысли: Индивидуализм и мещанство в русской литературе

и жизни XIX в. СПб., 1907. Т. 2. С. 398, 426). В рукописи сохранились краткие характеристики рассказов Горького, сделанные Ивановым-Разумником при чтении «Самарской газеты». «На соли» — «очень недурной рассказ этнографического характера, оставляющий по себе тяжелое впечатление»; «Извозчик» — «рассказ этот — на тему „Преступления и наказания"; довольно слабый рассказ с интересными диалогами извозчика». Там же — общее замечание: «М. Горький с учением Нитше мог познакомиться хотя бы из „Самарской газеты", в которой он состоял ежедневным сотрудником и в которой в начале 1895 г. печатался „Так говорит Заратустра"» (*ИРЛИ*, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 129).

[11] *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. Т. II. С. 417.

[12] *Он же.* Земля и железо: (Литературные отклики) // Русские ведомости. 1916. № 79. 6 апр.

[13] *Он же.* Литература и общественность. СПб., 1911. С. 97, 104, 105.

[14] Там же. С. 104. О высокой оценке Ивановым-Разумником творчества Горького-художника см. также: *Петрова М. Г.* Эстетика позднего народничества // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX в. М., 1975. С. 162—163.

ОТНОШЕНИЕ МАКСИМА ГОРЬКОГО К СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ *

Современная русская литература может без всякой зависти смотреть на западноевропейскую литературу, сознавая за собой такие силы и таланты, которые могли бы служить украшением литературы любого народа. Наша родина, отставая в жизни политической и научной, давшая только два-три крупных имени в науке — и ни одного в общем течении философской мысли — оказалась плодородной почвой для развития целого ряда школ в области искусства. Не говорим уже о представителях русской школы живописи, не говорим о ряде мощных талантов, создавших русскую музыкальную школу,— ограничимся только областью литературы: достаточно и этого для подтверждения нашей мысли; достаточно даже назвать только одно имя современного нам «великого писателя земли русской», завоевавшего всемирную славу настолько же художественным творчеством, насколько и своим отрицательным движением против современной культуры.

Недавно, всего несколько лет тому назад, на литературной сцене появился молодой, новый писатель: я говорю о Максиме Горьком. Я далек от мысли ставить на одну доску этого молодого писателя с только что упомянутым Львом Толстым, но нельзя не сознаться, что между ними (на первый взгляд) есть вполне определенное общее — именно, отрицательное отношение к современной культуре. В остальном — не говоря пока о степени таланта — это совершенные противоположности. Горький не обладает и в малой степени той силой и глубиной психологического анализа, которая отличает творца «Анны Карениной», которой обладал в равной степени только Достоевский и которой наделен из современной группы «dii minores» [2*] — разве только Короленко. Зато Горький — поэт и романтик в душе — прямо поражает гибкостью и художественностью языка, красотою и блеском образов, подходя в этом отношении только к Тургеневу; он обладает даром «ударять по сердцам с неведомою силой» [1] и в немногих словах дать много впечатления. Достаточно вспомнить только один из его рассказов — истинный chef d'oeuvre по драматизму и силе — «Скуки ради».

Впрочем, в задачу мою не входит разбор значения Горького для современной русской литературы; это было бы трудной и неблагодарной задачей, так как пришлось бы разбираться в целом ряде определенных мнений об этом писателе. Одни считают его прямым подражателем Глеба Успенского [2]; другие ведут его родословную даже от Бестужева-Марлинского, указывая на такие его рассказы, как «Старуха Изергиль», «Макар Чудра», «Хан и его сын» и т. д.[3]; третьи причисляют его к лику современных «крайних левых» декадентов, говоря, что он поэт настроения

---

* Читано 28-го ноября 1900 г. на LVII заседании историко-филологических бесед. Читано 15-го марта 1901 г. в Пересыльной тюрьме в 22-й камере, студентам. Читано 16-го марта 1901 г. в Пересыльной тюрьме в 16-й камере, курсисткам (*прим. автора*).

[2*] младших богов (*лат.*); в переносном смысле: «второстепенных талантов».

и что декадентство его явно выразилось в его рассказе «Читатель» [4] и т. п. Опровергать все эти мнения — задача неблагодарная, да к тому же и сам Горький с каждым своим рассказом идет все дальше и дальше вперед; что он нам даст — предсказать невозможно. Но моя задача гораздо уже: я намерен остановиться на разборе того, уже высказанного выше положения, что Горький имеет нечто общее со Львом Толстым — отрицательное отношение к современной культуре; и попытаюсь проследить, насколько отрицательно относится М. Горький к современной интеллигенции.

Не странное ли действительно это явление: появляется молодой писатель, якобы отрицательно относящийся к культуре и к интеллигенции, и мощно подчиняет себе сразу лучшую часть той же интеллигенции? Не является ли это противоречие следствием двойственности понятий интеллигентности и культуры? Мы увидим, что именно это имеет место и что отрицательное отношение к культуре Толстого и Горького — отрицания двух совершенно разных порядков.

Конечно, положение это может быть оспариваемо: нам могут указать на различные типы в повестях М. Горького, которые по общему отзыву и критики и читающей публики являются жестокой сатирой на интеллигенцию; указывают на приват-доцента из «Вареньки Олесовой», на Тараса из «Фомы Гордеева», на доктора из неоконченного «Мужика» и т. п. Поэтому и остановимся на разборе этих трех главных типов с интересующей нас точки зрения.

«Варенька Олесова» — один из лучших — по тонкости психологического анализа, по цельности настроения, по художественной обработке — рассказов Горького. Сама Варенька — в высшей степени законченный тип, точно высеченная из сплошного куска мрамора античная статуя; в обрисовке ее вы не встретите ни одного ложного штриха, ни одной неверной частности; с первой до последней сцены (к слову сказать — так шокирующей некоторых не в меру стыдливых критиков) [5] она обрисована живыми, сочными красками и стоит перед нашими глазами воплощением силы и красоты. Тем больше оттеняется этим личность приват-доцента, в лице которого М. Горький, по мнению некоторых критиков, желал унизить интеллигенцию перед индивидуализмом морали не затронутого интеллигентностью человека — Вареньки; по мнению других критиков, этот приват-доцент — просто сухая педантичная деревяшка, унижением которого Горький не желал сказать что-либо обидное интеллигенции вообще.

Ни первое, ни второе мнение, думается нам, не могут считаться достаточно обоснованными.

Действительно, вспомним вкратце содержание этого рассказа.

Ипполит Сергеич Полканов, только что назначенный приват-доцентом университета, попадает летом в глухую деревню своей сестры; он намерен усиленно заниматься летом, чтобы осенью с честью выступить на лекциях, но все его планы и мечты идут прахом вследствие знакомства с Варенькой Олесовой, которая своей красотой и непосредственностью сразу же производит на доцента сильное впечатление. Вначале он любуется ею только как «роскошной самкой» и презрительно, с сожалением относится к ее неразвитости; он пробует заняться ее развитием и пытается заняться эмансипацией Вареньки во время частых прогулок на лодке и в парке усадьбы. Но чем дальше идет время, тем он все более и более теряет власть над собою, сперва он не хочет остановиться — а затем уже и не может, и это достигает своего апогея в последней сцене — купания Вареньки. Он не в силах уйти от реки, он потерял власть над собою — и искупает это своим позором, когда негодующая девушка бьет его мокрой тряпкой по лицу. Этой сценой унижения и позора доцента оканчивается рассказ.

Неужели же «сатира и мораль (над интеллигентным человеком) смысл этого всего»,— выражаясь словами Чацкого? [6] — И неужели из этого рассказа можно заключить о презрительном отношении М. Горького к интеллигенции *вообще*, как это делает один из критиков? («Жизнь», VIII, 242) [7].

Нет, здесь на Горького возведена несомненная напраслина.

«Варенька Олесова» — не сатира на интеллигенцию, но замечательный психологический этюд, ярко и рельефно обрисовывающий с замечательной правдивостью

постепенное нарастание грубого полового чувства в человеке. Человек этот взят интеллигентный — конечно, не для того, чтобы унизить в его лице высший слой нашей умственной аристократии, а просто по той причине, что на этом сухом человеке, далеко стоящем от непосредственной жизни, рельефнее всего можно было показать и попытки борьбы с чувством, и само нарастание чувства — или, вернее, чувственности — нарастание настолько же бурное, насколько и естественное. И если часть читающей публики и критики сочла эту повесть Горького насмешкой над приват-доцентом, над интеллигенцией вообще, то очевидно, что мы еще недалеко ушли от гоголевских времен и что даже теперь (слегка перефразируя выражение Гоголя) то, что написано про одного приват-доцента,— все доценты России готовы принять на свой счет [8].

Что основная цель этого рассказа — психологическая разработка развития страсти — это Горький подчеркивает с самого начала. Его герой утомлен занятиями и длинным путешествием; его мысли — еще до знакомства с Варенькой — часто направлены на то, что может питать физиологическое чувство любви.

«Воображение Ипполита Сергеевича, поддаваясь чарам вечера, рисовало из теней силуэт одной знакомой женщины и его самого рядом с ней. Они молча шли вдоль по аллее туда, вдаль, она прижималась к нему, и он чувствовал теплоту ее тела» (М. Горький. «Рассказы»; изд. т-ва «Знание»; II, 263) [9].

Дальше — больше; фантазия его разыгрывается все сильнее и сильнее, и несдерживаемое развитие ее достигает апогея в бессонную ночь, проводимую доцентом в доме Олесовых и заканчивающуюся финальной сценой рассказа. Да, в борьбе со своей чувственностью доцент играет позорную роль; в этом отношении он ниже и слабее Вареньки — но и только. Как к человеку науки и культуры, как к человеку интеллигенции — Горький *нигде* не относится отрицательно к своему приват-доценту, и казнит он его не как представителя интеллигенции, а как самца, потерявшего волю под влиянием полового аффекта; это красной нитью проходит через весь рассказ.

Обидевшись за интеллигента в лице героя этого рассказа, стараются для смягчения позора выставить бедного приват-доцента безнадежно пошлым, сухим и скучным (см. критики в «Жизни», «Мире божьем», «Русском богат〈стве〉») [10], но, конечно, старание это остается тщетным, ибо М. Горький — повторяем это еще раз — *нигде* не выставляет своего доцента такой самодовольной деревяшкой, какой стараются представить его некоторые озабоченные доброй славой интеллигенции критики. Убежденные, что в лице приват-доцента Горький унизил представителя интеллигенции и культуры, они старательно открещиваются от всякого духовного родства с бедным доцентом — и совершенно напрасно, так как сам Горький, в сущности, относится к своему герою достаточно симпатично.

Действительно, проследите весь ход рассказа — и вы увидите, что там есть только одно действующее лицо, которому не симпатизирует автор,— это сестра приват-доцента, намеренно обрисованная так, что может внушать одну только антипатию. Ничего подобного не найдете вы по отношению к самому доценту. Горький рисует нам умного,— бесспорно, несколько сухого,— но честного и вообще хорошего человека; здесь перед Горьким — кроме основной, указанной выше, задачи рассказа — явилась второстепенная дополнительная цель: противопоставить обычному альтруистическому утилитарианизму — наивный и простой индивидуализм Вареньки. Как это ни странно, но оказывается, что в данном случае сам Горький — певец современного индивидуализма — не симпатизирует индивидуализму своей героини и, напротив — часто выражает свои мысли словами доцента. Для Горького Варенька — «...существо, упоенное прелестью растительной жизни, полное грубой поэзии, ошеломляюще красивое, но необлагороженное умом» (*II*, 272) [11].

То, что любит сам Горький,— как видно из других его произведений,— то он хулит устами своей героини — возьмите, например, мнения Вареньки о русской литературе. Наоборот, свои мнения Горький выражает устами доцента, те же мысли, которые в других рассказах он выражает от себя (напр., рассказы «Читатель» и главным образом «Мужик»). Доцент говорит «о несправедливом распределении богатств, о бесправии большинства людей 〈...〉 о силе богатых и бессилии бедных и

об уме — руководителе жизни, подавленном вековой неправдой и тьмой предрассудков, выгодных сильному меньшинству людей 〈...〉 — Обязанность каждого честного человека,— убедительно говорил Ипполит Сергеевич,— внести в борьбу за порабощенных, за их право жить – весь свой ум и все сердце 〈...〉 Герои этой борьбы одни достойны удивления и подражания... и вам, Варвара Васильевна, нужно именно сюда обратить ваше внимание, здесь искать героев, сюда отдать ваши силы...» (*II*, 285—286) [12].

Так говорит этот сухой и безнадежно пошлый (по мнению критиков) человек, и сам автор относится к нему — как здесь, так и на всем протяжении рассказа — с несомненной симпатией. С такой же симпатией он, вообще говоря, относится и к самой героине — и это потому, что в разбираемом рассказе автор безусловно объективен; цель его вовсе не в том, чтобы унизить доцента как интеллигентного представителя культурной среды, а в том — повторяем это еще и еще раз,— чтобы дать психологическую разработку мотиву развития грубой, физиологической страсти; разработка эта удалась Горькому как нельзя лучше и с обычной силой проведена до последних строк рассказа.

Но довольно об этом произведении, на котором мы остановились только потому, что личность доцента нуждалась в несомненной реабилитации, после чего ясна и ошибка тех критиков, которые видели в этом типе Горького «презрительное отношение к интеллигенции» и сатиру на культурного человека.

Перейдем теперь к другому лицу — к Тарасу из «Фомы Гордеева», на которого указывают также как на пример отрицания Горьким современной культуры. Но про Тараса достаточно будет сказать всего несколько слов.

Действительно, вышеприведенное о нем мнение является сплошным недоразумением, чтобы не сказать больше. Что такое Тарас? — Сын богатого купца, он порвал сношения с отцом, уехал учиться в Москву, был замешан в политическое дело и сослан на поселение в Сибирь. В первой половине романа Тараса нет на сцене; изредка говорят о нем — и заметно, что Горький старается подготовить его появление и выставить его в самом благоприятном свете; это должны сделать и неприязненные отзывы старика Маякина о сыне (*IV*, 206—207) [13], и рассказы о нем его сестры, которая смотрит с благоговением на брата, так как «он ценою тяжелых страданий, ценою молодости своей, загубленной в ссылке, приобрел право суда над жизнью и людьми...» (*IV*, 301) [14]. Затем, уже в конце романа, появляется и сам Тарас — и разочарование в нем Фомы — а вместе с ним и читателя — полнейшее. Перед нами солидный и степенный человек, сразу же начинающий речь о выгоде производства соды; он с презрением относится к своим «заблуждениям молодости» и твердо, с весом изрекает трафаретную мораль из Смайльса и Леббока [15] — что «счастие человека обусловлено его отношением к своему труду» — мораль, позволяющую ему застыть в тупом самодовольстве жизнью и самим собой.

«Несчастие большинства людей в том (тоном проповедника изрекает он своей сестре), что они считают себя способными на большее, чем могут... А между тем от человека требуется — немного: он должен избрать себе дело по силам и делать его как можно лучше, как можно внимательнее ... Ты почитай Смайльса — не читала? Очень дельная книга... Здоровая книга ... Высота культуры всегда стоит в прямой зависимости от любви к труду... А чем выше культура, тем глубже удовлетворены потребности людей 〈...〉 Счастье — возможно полное удовлетворение потребностей... Вот... И, как видишь, счастье человека обусловлено его отношением к своему труду...» (*IV*, 338—339) [16].

Все это залежалое старье буржуазной морали, действительно выкроенное из Смайльса и Леббока, может только претить всякой живой душе — и все симпатии читателя несомненно на стороне Фомы, с горечью и тоскою возражающего на тираду Тараса:

«Это неверно, что в трудах — оправдание... Которые люди не работают совсем ничего всю жизнь, а живут они лучше трудящих... это как? А трудящие — они просто несчастные... лошади! На них едут, они терпят ... и больше ничего... Но они имеют пред Богом свое оправдание... Их спросят: вы для чего жили, а? Тогда

они скажут: нам некогда было думать насчет этого... мы всю жизнь работали. А я какое оправдание имею? И все люди, которые командуют, чем они оправдаются? Для чего жили?..» (*IV*, 340) [17].

Тарас на все это, с сознанием собственного превосходства, отвечает только советом — читать книжки, сейчас же забывает об этом разговоре и только интересуется — в чьих руках денежные дела Фомы? Узнав, что в руках своего отца,— он совершенно успокаивается.

Таков несимпатичный облик этого бывшего политического ссыльного, теперь удовлетворившегося выварокой соды и незыблемо стоящего на почве обычной буржуазной морали, пытающейся обойти вечный вопрос «о голодных и раздетых» жалкими ссылками на то, что «счастье есть труд».

Все это так; но где же здесь презрительное отношение Горького к интеллигенции и культуре? Неужели ренегат Тарас, изменивший идее ради соды,— неужели он может считаться представителем интеллигенции? Нет, в лице Тараса не интеллигенцию позорит М. Горький, а своего вечного, исконного врага, пренебрежение к которому проходит красной нитью через все его рассказы; к нему беспощадно жестоко относится наш автор, в его улучшение и развитие он не верит — и это, конечно, русский кулак-купец. Можно не преувеличивая сказать, что сам Горький смотрит на купца глазами Аристида Кувалды из «Бывших людей» (*II*, 174—176) [18]. Купец Иуда Петунников — вот основной тип русского купца в изображении М. Горького, и нет в этом типе ни одной светлой черточки, ни одной симпатичной стороны. Купец жертвует десятки тысяч на общее благо (в «Мужике», Чечевицын) — автор сейчас же поясняет устами главного героя (Шебуева), что «заглотался, подавился, старый волк! Смерть чувствует и — подло трусит... га-адина!» [19].

Купец стремится к образованию, к знанию и свету — Горький сейчас же выставляет типы Петунникова-сына в «Бывших людях», Смолина в «Фоме Гордееве»; все это — «молоденькие паучки» (*II*, 196) [20]; еще более страшные темной массе, чем их непросвещенные отцы. Таков и Тарас Маякин. Ни знание, ни понимание передовых идей времени не могли заглушить в нем сословных вековых инстинктов — именно это указывает Горький устами старика-отца: «Вот — гляди! Вот — человек! Вот что такое Маякин! Его кипятили в семи щелоках, из него масло жали, а он — жив! И — богат! Понял? ⟨...⟩ Это значит — Маякин! ⟨...⟩ Я в кровь верю! В родовую кровь... в ней вся сила!..» (*IV*, 330) [21].

В лице Тараса М. Горький унижает не интеллигента, не современную культуру — а общий тип современного русского купца, которого ненавидит за его гнет над тысячами бедных людей, за его самодовольную буржуазную сытость, за его силу, направленную к удовлетворению эгоистических потребностей.

Осталось сказать еще несколько слов о третьем представителе той категории типов Горького, в которой якобы выражается его отрицательное отношение к интеллигенции. Это — доктор из «Мужика». Но и здесь мы имеем дело со странным недоразумением. Чтобы не расплываться в доказательствах — приведем только описание этого доктора, данное Горьким:

«Доктор был человек солидный и ужасно любил порядок. Идя по тротуару и увидав камешек на нем, он непременно ловким ударом трости отшвыривал его из-под ноги на мостовую и всегда после этого так оглядывался вокруг себя, точно приглашал всех людей брать с него пример. Все вопросы он давно уже решил, и все в жизни было для него просто и ясно. Настроение у него было спокойное, внешность внушительная, речь уверенная ⟨...⟩ Так как при всех своих достоинствах доктор был еще и либеральный человек, то он считал своим долгом аккуратно посещать субботы Варвары Васильевны Любимовой» («Жизнь», 1900 г. № 3, Стр. 130) [22].

И во всем дальнейшем рассказе к характеристике доктора не прибавляется ни единого штриха. Где же здесь отрицательное отношение Горького к интеллигенции? Неужели же ко всякому интеллигенту он должен относиться с благоговейным умилением, не имея права рисовать тип интеллигента тупого, самодовольного и ограниченного? Не с равным ли правом можно было бы заключить из вышеприведенной цитаты, что Горький отрицательно относится и к либерализму, так как он

ядовито замечает, что «доктор при всех своих достоинствах был еще и либеральный человек»?

Мне кажется, что мы можем теперь смело и уверенно утверждать, что ни приват-доцент из «Вареньки Олесовой», ни Тарас Маякин, ни либеральный доктор из «Мужика» не могут служить примерами отрицательного отношения Горького к интеллигенции *вообще*. К некоторой определенной *части* этой интеллигенции отрицательное отношение Горького несомненно,— но что это за часть, пока еще не выяснили нам разобранные выше типы. К доценту Горький строг только как к слабовольному и неуравновешенному самцу; к Тарасу он относится отрицательно как к представителю несимпатичного ему сословия общества; к либералу-доктору — просто как к самодовольному и ограниченному человеку; очевидно, что не отсюда надо исходить, говоря об отрицании Горьким интеллигенции и культуры. К какой части интеллигенции относится Горький отрицательно — мы увидим ниже; мы увидим, что не всю интеллигенцию — равно как и не всю область культуры — отрицает Горький.

Действительно, Горький часто высказывается против современной культуры — до такой степени часто, что утверждение это сделалось общим местом в суждениях об этом писателе. Но какую культуру отрицает Горький? Ответ на это дадут нам его произведения.

Ядовитую характеристику «культурного общества» дает он прежде всего в своем «Коновалове».

«Нужно родиться в культурном обществе,— говорит Горький,— для того, чтобы найти в себе терпение всю жизнь жить среди него и ни разу не пожелать уйти куда-нибудь из сферы всех этих тяжелых условностей, узаконенных обычаем маленьких ядовитых лжей, из сферы болезненных самолюбий, идейного сектантства, всяческой неискренности,— одним словом, из всей этой охлаждающей чувство и развращающей ум суеты сует» (*II*, 51) [23].

Поэтому не любит он и городов, теснящих его ум и сердце.

«Совсем напрасно ты, Максим, в городах трешься,— говорит, например, Коновалов,— (...) тухлая там жизнь и тесная (...) Настроили люди городов, домов, собрались там в кучи, пакостят землю, задыхаются, теснят друг друга... Хорошая жизнь!» (*II*, 62, 64) [24].

Интересно, между прочим, сопоставить эти слова с первыми строками «Воскресенья» Толстого; здесь и Горький и Толстой сходятся, хотя мы увидим, что отрицание культуры тем и другим совершенно различно. Но об этом после. Относясь отрицательно к «культурному обществу», Горький не верует и в его прогресс; он едко замечает, что прогресс этот «веско подтверждается ежегодным ростом тюрем, кабаков и домов терпимости» (*III*, 5) [25]. Пожалуй, наиболее полно и ярко Горький выражает свое отрицание «культуры» устами интеллигента-проходимца в рассказе того же имени. И здесь рельефнее всего сказывается, к какой области «культуры» относится отрицательно Горький: он презирает культурное общество за ту созданную им же сеть мелких предрассудков, условностей и приличий; он задыхается в буржуазной, пошлой атмосфере гладко прилизанной морали — но такое отрицание не есть отрицание культуры вообще, не есть отрицание культуры Львом Толстым. Здесь ярко обрисовывается разница между Толстым и Горьким: Горький — не толстовец, и сам старательно подчеркивает это положение в своих рассказах (см., напр., «Мой спутник»; *I*, 188) [26]. Отрицание культуры Толстым приводит его к опрощению, к сведению на нет знания и науки; отрицание культуры Горьким приводит его к морали индивидуализма — и только. Толстой отрицает содержание культуры, Горький отрицает ее форму,— вот в чем, по нашему мнению, существеннейшая разница в этом отношении между «великим писателем земли русской» и молодым талантом, к которому — будем надеяться — со временем приложится этот же титул. Горький отрицательно относится к культуре — это неоспоримо, но он отрицает ту буржуазную внешность культуры, к которой каждый из нас может относиться только отрицательно; вот почему под взглядами на культуру Горького может безусловно подписаться всякий, принадлежащий к умственной интеллигенции,— самопротиворечия здесь не будет; но оно было бы, если бы мы пожелали

сохранить завещанные нам лучшими людьми нашей умственной аристократии идеалы и в то же время согласиться со взглядами на культуру Льва Толстого. Почему это так — вполне понятно, и причина этого, повторим еще раз, именно в том, что Горький отрицает *форму* современной культуры, а Толстой присоединяет к этому отрицание *содержания* ее.

К тем же результатам мы придем, если будем рассматривать и более узкий вопрос — отношения Горького к представителям современной интеллигенции. Отношение это — отрицательное; трудно было бы не согласиться с этим. Но отрицание отрицанию рознь, и легко убедиться, что Горький не заражен повальным отрицанием представителей этого класса общества; мы увидим, что и здесь — как и по отношению к современной культуре — Горький отделяет козлищ от овец и действительно жестоко казнит первых; но заключать отсюда об его отрицательном отношении к интеллигенции вообще — более чем смело.

И, во-первых,— надо отметить, что Горький очень пессимистически относится к *человеку* вообще, независимо от степени его интеллигентности; люди, по его мнению, даже на животных имеют развращающее влияние. «Видите, какая подлая натура?— сказал Промтов, кивая головой на ревностную собаку.— И ведь это лжет она. Она понимает, что лаять не нужно, и она не зла — она труслива и желает выслужиться пред хозяином. Черта чисто человеческая... и, несомненно, воспитана в ней человеком. Портят люди зверей... Скоро наступит время, когда и звери будут такими же подлыми и неискренними, как вот мы с вами...» (*III*, 202) [27].

Еще рельефнее отрицательное отношение к *человеку* выражается в рассказе «Читатель», где Горький беседует со своей совестью. «...Человек зол, глуп, бесчестен, он вполне и всегда зависит от массы внешних условий, он бессилен и жалок один и сам по себе»,— вот жестокое резюме отношения Горького к человеку (*III*, 249) [28]. С презрением относится Горький и к своему читателю.— «у нищих не просят милостыни,— гордо заявляет он,— пусть не думают, что я возвышаю или унижаю себя для того, чтоб привлечь к себе внимание людей...» (*III*, 246) [29]. Таково отношение Горького к человеку; и чтобы хоть немного рассеять пессимистическую тьму этого отношения, Горький создает яркий и блестящий образ романтического босяка, с нитшеанской моралью индивидуализма. Не было бы ничего удивительного, если бы при таком отношении к человеку вообще Горький отнесся бы вполне отрицательно и к современному интеллигенту; но на деле мы этого не видим. Мы видели, наоборот, что к приват-доценту из «Вареньки Олесовой» Горький относится довольно сочувственно.

Но у Горького действительно есть два лица, обойти которых при разборе этого вопроса — невозможно. Один из них — действительно общий тип современного интеллигента, это — Иван Иванович из рассказа «Еще о черте»; другой — неумолимый и резкий прокурор современной интеллигенции, это — Ежов из «Фомы Гордеева».

Рассказ «Еще о черте» — замечательная по силе и едкости сатира на современного дряблого интеллигента (рассказ этот настолько же замечателен, насколько слаб рассказ «О черте»); ввиду же его большого значения для выяснения разбираемого вопроса — отношения М. Горького к интеллигенции — не будет излишним несколько остановиться на этом рассказе.

Скучающий черт бродит по земле в крещенскую ночь и жалуется на недостаток души, достойной внимания. «Убийственно бездарны стали люди, до тошноты неинтересны и мелки... — жалуется черт.— Особенно теперь, когда среди них с новой силой расцветает проповедь личного самоусовершенствования и борьбы со страстями...» И это уже маленький камешек в огород интеллигенции, но это только еще цветочки; далее же черт попадает в комнату некоего Ивана Ивановича Иванова; характеристику этого господина мы позволим себе привести словами самого автора: «По душевному складу своему это был человек „интеллигентный“, а профессией его было стремление к достижению духовного совершенства, которое он и внедрял в себя ежесуточно путем продолжительных бесед со знакомыми и посредством чтения душеполезных книг» (*III*, 290) [30].

Уже по этому началу можно ожидать, что Иван Иванович окажется достаточно жалкой в нравственном смысле личностью, как и всякий человек, целью которого

является только *личное* совершенствование. И действительно, Иван Иванович оказывается дряблой, самолюбующейся личностью; Иван Иванович всегда занят мыслью только о себе, о своем нравственном поведении, он нянчится с собой, со своими чувствами, мыслями, достоинствами и пороками — но нетрудно с уверенностью заключить, что такой человек сумеет выдать себе аттестат за благонравие даже после самого гадкого поступка; такова психология самолюбующихся людей. Таков в действительности и Иван Иванович: в момент прибытия к нему черта он занят самобичеванием; за две недели святок он пошло проводил время — бывал в маскарадах и «даже,— продолжает бичевать себя Иван Иванович,— даже унизил женщину! <...> Чужая жена... как это низко с моей стороны!» Но, хорошо зная Ивана Ивановича и его психологию, мы сейчас же ожидаем от него и оправдания своих поступков, и конечно эти ожидания сейчас же сбываются. «Чужая жена <...> — продолжает рассуждать Иван Иванович.— Хотя, впрочем, она не совсем чужая мне... она жена Егора, а Егор мой старый товарищ, мой задушевный друг... да-а! Быть может, это обстоятельство несколько сглаживает мою вину...» (*III*, 291) [31].

Таков этот самодовольный, самолюбующийся Иван Иванович, который только и умеет нянчиться с самим собой — и который самоудовлетворенно заканчивает свою тираду выдачей себе аттестата за добронравие: «Хорошо еще, что я всегда сознаю свои пороки... это поднимает меня в своих глазах... это очень утешительно!..» (*III*, 291) [32].

Все это очень характерно и обрисовывает узкую и дряблую душонку «интеллигентного» Ивана Ивановича; неудивительно, что черт с ужасом чуть не открещивался от такой души: «Вашу душу? О нет! — Нет, пожалуйста... мне не надо... Помилуйте?! Куда мне ее?» [33]; неудивительно, что когда черт извлек из Ивана Ивановича честолюбие, злобу, трусость и нервозность — то бедный «интеллигент» утерял всякое содержание: от него остались только одни бессодержательные междометия, на лице сияла блаженная улыбка, свойственная прирожденным идиотам, и голова издавала звук пустого бочонка...[34]

В этом рассказе, как видим, Горький беспощадно казнит современного интеллигента, и эта казнь была бы несомненным доказательством отрицательного отношения М. Горького к интеллигенции, если бы здесь не возникали два вопроса: ко всей ли интеллигенции или только части ее так по заслугам презрительно относится М. Горький? и, во-вторых,— не дает ли он нам в своих рассказах положительный тип интеллигента в противовес Ивану Ивановичу с братией? — Отрицательный ответ на первый вопрос так же очевиден, как и положительный на второй.

Действительно, в лице Ивана Ивановича Горький казнит только вполне определенную часть интеллигентного общества,— ту часть, которая все берет от жизни и не дает ей ничего. Кому и чему нужен этот услаждающийся собственным раскаянием интеллигент, занятый только личным совершенствованием, чтением душеполезных книг да ковырянием собственной души? И, выражаясь словами Фомы Гордеева, в чем «оправдание» бесплодной жизни этого интеллигента перед судом своей собственной совести? И не есть ли этот рассказ Горького — сильный протест против исключительно *личного* совершенствования? Не есть ли этот рассказ — едкая сатира не на интеллигенцию вообще, а на ту *книжную* [3*] интеллигенцию, которая только теоретически относится к вопросу о *другом* человеке и об его улучшении? Да, это несомненно так, и подтверждение этому мы найдем очень часто в произведениях Горького.

Вспомним, например, горячую обличительную речь против интеллигенции Ежова (из «Фомы Гордеева»): «Я собрал бы остатки моей истерзанной души и вместе с кровью сердца плюнул бы в рожи нашей интеллиг-генции, чер-рт ее побери! Я б им сказал: букашки! вы, лучший сок моей страны! Факт вашего бытия оплачен кровью и слезами десятков поколений русских людей, о! гниды! Как вы дорого стоите своей стране! Что же вы делаете для нее? Превратили ли вы слезы прошлого в перлы? Что дали вы жизни? Что сделали?» (*IV*, 349—350) [35].

[3*] Первоначально было: «буржуазную».

Это не может вызвать недоразумений — взгляд Горького слишком ясен. Он спрашивает всех этих самодовольных Иван-Ивановичей: «Что же вы делаете для родной страны, вы, которые так дорого ей стоите?» — и в этом вопросе разгадка того презрения, которым заклеймлен Иван Иванович. Да, Горький презирает ту часть интеллигенции, которая застыла в самодовольном личном совершенствовании и ничего не дает своему темному младшему брату; наоборот, с симпатией относится он — как мы это увидим — к тому интеллигенту, который сознает свои обязанности к той среде, которая слезами и кровью, говорит Горький, оплачивает факт существования самого интеллигента. Он отрицает также и ту quasi-интеллигенцию, которая уже сознает эти свои обязанности, но ограничивается тем, что только говорит, говорит и говорит... но факты со словами не сообразует. Характерен в этом отношении небольшой рассказец «Кирилка», в котором «господа» много толкуют о голоде, о мужике — и сами же съедают последнюю краюху хлеба голодного мужика Кирилки...

Итак — вот какую часть интеллигенции отрицает Горький; эта интеллигенция — сытая, самодовольная и эгоистическая, это — интеллигенция *буржуазная*, к которой М. Горький относится настолько же отрицательно, как и к *буржуазной* культуре, что мы уже видели в предыдущем изложении.

Но Горький дает нам и положительный до некоторой степени тип интеллигента; на нем интересно остановиться потому, что в нем М. Горький выражает наиболее ясно свое отрицание *узкой* интеллигентности, в смысле, указанном в предыдущих строках.

Не следует думать, что этим типом Горький выражает свой *идеал* интеллигента; как смотрит он на своего героя — не вполне ясно из самого рассказа, который к тому же остался недоконченным,— я говорю об его «Мужике» («Жизнь», 1900 г., № III и IV). Но нельзя отрицать того, что в личности архитектора Шебуева мы найдем много положительных сторон современного интеллигента, и, пожалуй, не столько в самой этой личности, сколько в развиваемых Шебуевым положениях. На этом рассказе, особенно важном для характеристики отношения М. Горького к интеллигенции, мы позволим себе остановиться подробнее.

В рассказе этом М. Горький повторяет устами Суркова те же нападки на известную часть интеллигенции, которые мы отметили уже в рассказе «Еще о черте»; он нападает на ту часть интеллигенции, которая основной целью поставила себе самосовершенствование, при полном бесстрастии к существеннейшим запросам жизни. «Российское свободомыслие давно уже легло татарским игом на раболепные умы русских людей... (говорит Сурков). И все, здесь присутствующие, закованы в кандалы свободомыслия, сидят в колодках разных измов и сами же оные колодки все туже стягивают. Это на языке рабов именуется саморазвитием и составляет обычное русского интеллигента занятие, чрезвычайно сладостное ему» («Жизнь», 1900, *III*, 141) [36].

Это уже повторение сатиры на Ивана Ивановича (из «Еще о черте»), и с этими нападками мы уже знакомы. Познакомились мы также и с той частью интеллигенции, к которой Горький относится с симпатией за сознавание своих обязанностей к «младшему брату». В этом рассказе мысль эта выражается рельефнее, чем где бы то ни было. На вопрос – «что такое интеллигенция?» – Шебуев отвечает: «Это цвет ржи». Ему возражают, что это не ново:

«— Всем известно, что интеллигенция — цвет народной массы... (говорит Варвара Васильевна). А вы спросите-ка его — в чем же роль интеллигенции?

Шебуев повернулся к ней и ответил:

— А вот именно в том, чтоб цвести ныне и присно и во веки веков...

— Ну, и это неново...

— Неново,— согласен. Новое, я думаю, начнется с того времени, как вырастут зерна насущного хлеба жизни...

— А кто же его будет есть, этот хлеб? — спросил доктор.

— Мужик! — кратко и спокойно сказал Шебуев» (Там же, *III*, 133) [37].

Все это достаточно рельефно и известно нам уже и из других рассказов М. Горького; но в этом рассказе он впервые вводит новую черту, составляющую су-

щественную положительную сторону интеллигента, и таким образом более детально решает вопрос — к какой части интеллигенции Горький может относиться положительно?

Для выяснения этой черты вспомним замечательное изложение Шебуевым своего символа веры. Шебуев на молчаливый вопрос «како веруеши» отвечает горячей и яркой тирадой. Прежде всего его устами Горький повторяет в сотый раз прежние нападки на известную часть интеллигенции: «Посмотрим теперь на себя (говорит Шебуев), на то, что мы же назвали „интеллигенция". Нас, как известно, обвиняют в пассивности, в дряблости, говорят, что мы — люди слова и мысли, а не дела, что наше влияние на жизнь ничтожно, и вообще мы — негодный материал для построения новой жизни на земле. Надо думать, что все это правда; уже по тому одному правда, что ведь это наши судят нас, это ведь самоосуждение ⟨...⟩ всегда правдивое. Я говорю — всегда правдивое, да! Мы все — действительно люди ⟨...⟩ жалкие и несчастные» (Там же, *III*, 144) [38].

Здесь мы видим прежние упреки интеллигенции в обилии речей и отсутствии дела; тема эта повторяется у М. Горького очень часто, и жестче всего казнит он это расхождение дела и слова. Мы уже указывали в виде примера на рассказ «Кирилка»; здесь, кстати,— хотя это и отвлекает нас от существа дела — отметим рассказ «Озорник», в котором за этот же грех казнится представитель интеллигенции.

«Вы пишете разные статьи (говорит герой этого рассказа, наборщик Гвоздев, редактору газеты), человеколюбие всем советуете и прочее такое ⟨...⟩ Ну вот, я и читаю эти ваши статьи. Вы про нашего брата рабочего толкуете... а я все читаю... И противно мне читать, потому что все это пустяки одни. Одни слова бесстыжие, Митрий Павлыч! ⟨...⟩ Под носом у себя вы никаких зверств не видите, а про турецкие зверства очень хорошо рассказываете. Разве это не пустяки — статьи-то ваши? ⟨...⟩ Пишете, что людям плохо жить на свете — и потому вы, я вам скажу, все это пишете, что ничего больше делать не умеете. Вот и все...» (*II*, 238—239) [39].

Итак, у представителей интеллигенции и дело расходится со словом, и самих слов оказывается много, чересчур много, в сравнении с крупицей дела. Но возвратимся к Шебуеву и к его мнению об интеллигенции. В своей дальнейшей речи он «читает отходную» все той же части интеллигенции, у которой «отсохло сердце в мудрствованиях лукавых», и отрицательно относится к «непомерно развитому интеллекту» [40]. Напрасно, говорит его устами Горький, напрасно думает наша интеллигенция, что саморазвитие, умственный прогресс и совершенствование могут считаться самодовлеющей целью современного культурного человека. Напротив, росту интеллекта должно полагать границы, если он опережает самого человека, ибо суббота для человека, а не человек для субботы,— и роль субботы играет здесь интеллект. Человеку *как таковому* нельзя опережать самого себя. Горький хочет гармоничного человека, в котором интеллект и инстинкт составляли бы равносильное целое. Место это настолько замечательно, что, несмотря на его длину, мы приведем его полностью:

«...— Мысль странная,— сказал доктор, снисходительно улыбаясь.— А если этот рост интеллекта создаст из человека Канта,— что вы скажете?

— Что скажу? А скажу, что Кант был очень жалкий и уродливый человек, если он не знал ничего в жизни, кроме своей философии. Но все-таки он — Кант, и пускай он жалок, пускай он только жертва нам, нашему стремлению познать тайны бытия... Пускай он всю жизнь думал и, быть может, никогда не чувствовал, что он живет. Его несчастие полезно для нас, оно — наша гордость и слава. И, разумеется, для общей пользы жизни нужны такие люди, что не мешает мне считать их уродами. Нужно быть именно Спинозой, а не человеком, чтобы наслаждаться созерцанием пауков, пожирающих друг друга, и не пожелать иного наслаждения. Таких... мудрецов я не сочту людьми: не могу! Я буду изумляться силе их мысли и даже преклонюсь пред этой силой, но односторонне развитой человек — не идеал человека. Канты и Спинозы — только огромные головы, Бетховены — только изумительно развитые уши и пальцы. А жизнь хочет гармоничного

человека, человека, в котором интеллект и инстинкт сливались бы в стройное целое <...> Нужен человек не только умный, но и добрый, не только все понимающий, но и все чувствующий <...> Человек должен быть всесторонен,— и лишь тогда он будет жизнеспособен и жизнедеятелен, то есть будет уметь не только применяться к жизни, но и изменять ее условия сообразно росту своего „я"...» («Жизнь», 1900, *III*, 143) [41].

Вот идеал интеллигента М. Горького; от него он требует прежде всего *всесторонности*, такова должна быть его первая и основная черта. И всесторонность эту надо понимать, конечно, не как энциклопедичность знаний, а в смысле отзывчивости на все проявления жизни, в смысле чуткого реагирования на все окружающие впечатления; для этого человек должен не только *мыслить*, но и *жить*. Именно в неумении жить, в намеренной отчужденности от жизни упрекает Горький современного кабинетного интеллигента, между тем как жизнь, по его мнению,— это прекрасный, таинственный, интересный и радостный процесс созидания идей, накопления красоты, творчества новых форм (Там же, *III*, 145) [42]. Мы не умеем ценить эту жизнь, потому что бедны мы непосредственными впечатлениями и, по картинному выражению Горького, живем в углах на содержании своего воображения. С этой точки зрения вполне законна и понятна — так плохо понятая критиками — вражда Горького к *книге*. Горький отрицает книгу постолько же, посколько отрицает и специфически книжную интеллигенцию; он отрицает книгу как всеобщий спасительный оракул на самые сложные запросы жизни; он отрицает только книгу самую по себе, без участия в ее воздействии непосредственных впечатлений жизни. Этой мысли он верен всегда и высказывает ее часто; мы уже отметили выше, что в «Фоме Гордееве» совет «почитать книжку» дает Тарас Маякин Фоме; для Маякина, всосавшего в себя буржуазную культуру и мораль Смайльса и Леббока, книга является всеспасительным средством; он не может понять, что Фоме нужна не *книга*, а непосредственное *дело*,— поэтому и М. Горький, видимо, сочувствует Фоме в его ответе: «если люди помочь мне в мыслях моих не могут — книги и подавно» [43]. Поэтому напрасны нападки на Горького, будто он отрицательно относится к книге; наоборот, из других его произведений мы видим, что он уважает книгу (напр., *III*, 248) [44], но не может признать ее заменяющей непосредственные впечатления жизни. Когда современный интеллигент сталкивается с действительной жизнью, он, по ядовитому замечанию Горького, сейчас же берется за книгу, чтобы посмотреть: «а что там по этому поводу написано?» («Жизнь», 1900, *III*, 145) [45]; в этом Горький видит преобладание интеллекта над инстинктом — и требует гармоничного соединения их обоих. Он требует — повторяем это еще раз — всесторонности нашего развития во всех его отношениях; он требует, чтобы истинный интеллигент избрал своим девизом старое, но вечно юное и великое изречение: homo sum, humani nihil a me alienum puto («я человек, и ничто человеческое не считаю себе чуждым»).

Итак, отрицает ли Горький интеллигенцию, и если да, то какую ее часть?

Мы уже видели, что в лице Ивана Ивановича он отрицает интеллигенцию *буржуазную*, с ее довольной и эгоистической моралью и с вечными фразами самоуслаждения на устах. Теперь мы видим, что Горький отрицает и интеллигенцию специально *книжную*, незнакомую с непосредственною жизнью, слабо и глухо отзывающуюся на разнообразные проявления жизни и чувства. Отрицает ли он интеллигенцию как *часть* общества? Отчасти да, отчасти нет. Действительно, он думает, что бóльшая часть современной интеллигенции — и буржуазна и книжна; но, с другой стороны, на смену ей, по его словам, идет новый класс общества. Позволим себе сделать последнюю и очень интересную цитату:

«Был у нас интеллигент-дворянин (слова Шебуева из „Мужика"). Он на своих плечах внес на родину культуру Запада, создал огромные, вечные ценности и — все-таки отцвел, не окупив, может быть, и половины тех затрат, которые употребила страна на то, чтобы взрастить его... На смену ему явился интеллигент-разночинец. Этот дешево стоил стране; он явился в жизнь ее как-то сразу и своей огромной силой поднял страшный груз. Он надорвался в труде и ныне тоже отцветает... Может быть, он возродится? Не знаю... не охотник я до гаданий... Вижу —

он отцветает ⟨...⟩ Думается мне, что дворянин и разночинец потому так скоро ... устали жить, что одиноки были. Родни в жизни у них не было, работали они для человечества и народа, а это — величины малореальные, неосязательные... На смену ему идет мужик, рабочий-интеллигент, и в то же время растет буржуа — купец-интеллигент... Посмотрим, что сделает мужик... Но первая его задача — расширять дорогу к свету для своего брата-мужика — для брата по крови, оставшегося внизу и назади... Свой брат — это уж реальность... Вот и все...» (Там же, *III*, 154) [46].

Этот отрывок показывает яснее других, что если Горький и отрицает современную интеллигенцию, то только как определенное *сословие*, но никоим образом не как класс общества; а так как, употребляя слово «интеллигенция», мы всегда имеем в виду именно общественный *класс*, а не сословие, то нельзя согласиться с тем, что Горький отрицательно относится к интеллигенции вообще. Мы видели, какую часть интеллигенции отрицает он, и видели, что в случаях общеотрицательного отношения к ней он имеет в виду только чисто *сословное* содержание ее.

Рассмотрим вкратце результаты, к которым мы пришли.

Мы видели, что общее мнение об отрицательном отношении М. Горького к культуре *вообще* — недостаточно обосновано; его презрительное отношение к интеллигенту *вообще* — оказывается мифом. Горький отрицает не культуру вообще, а ту буржуазно-мещанскую мораль, которая в настоящее время составляет только случайную и далеко не необходимую *форму* культуры; Горький отрицает не интеллигенцию вообще, но ее буржуазную самодовольную часть. В этом отношении Горький в высокой степени *антибуржуазный писатель*, один из первых по силе и таланту в современной литературе.

Далее, несомненно отрицательное отношение Горького не только к буржуазной интеллигенции, но и еще к двум видовым подразделениям интеллигенции вообще. Во-первых, он отрицает ту часть интеллигенции, которая, посвятив себя *личному* самосовершенствованию и саморазвитию, недостаточно отзывчива к вечному вопросу о «голодном и раздетом», выражаясь словами Писарева, а также ограничивает эту отзывчивость только пышными и звонкими речами, дело же их не сходится со словом. Во-вторых, Горький отрицательно относится к интеллигенции исключительно *книжной*, а потому и недостаточно жизненной, недостаточно всесторонней.

Все отмеченные выше взгляды М. Горького на интеллигенцию — основные взгляды его мировоззрения, тесно и логически связанные с другими его воззрениями, не затронутыми нами здесь. Так, антибуржуазное направление Горького приближает его к морали индивидуализма; но Горький — не нитшеанец, и сверхчеловек (Über-Mensch) Нитше не является для Горького идеалом интеллигента. Его идеал совершенно иной. От интеллигента Горький требует прежде всего участия к низшему слою общества, и — главным образом — *всесторонности*, не только в знании, но и в жизни.

Поэтому не будем повторять обычной ошибки и считать Горького отрицателем интеллигенции и культуры; он не заслуживает упрека в этом отрицании, так как оно направлено только против нездоровых и уродливых форм этих двух категорий. Вот почему молодой писатель нашел себе такой горячий прием среди той самой интеллигенции, к которой он относится якобы отрицательно; самопротиворечия здесь нет, как, например, нет противоречия в симпатичном отношении к врачу, который производит болезненную, но полезную операцию; а ведь нельзя не сознаться, что бóльшая часть нашей интеллигенции нуждается в операции, производимой Горьким над ее наносными формами.

Нет, Горький не отрицает интеллигенцию и культуру, и яснее всего это видно при сравнении его с Львом Толстым. Мы еще раз указываем на громадное различие между этими двумя писателями по вопросу об отношении их к культуре и интеллигенции. Горький отрицает *форму* современной культуры, Толстой отрицает также и *содержание ее*; Горький отрицает интеллигенцию как *сословие*, а Толстой — также как и *класс* общества.

Октябрь 1900 г. СПб.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст реферата Иванова-Разумника печатается по автографу, сохранившемуся в архиве Иванова-Разумника в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (ф. 79, оп. 1, ед. хр. 95). Там же хранятся наброски и материалы к реферату (ед. хр. 94).

[1] Строки из стихотворения Пушкина «Ответ анониму» (1830):

И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой.

[2] Такое мнение, в частности, высказывал А. И. Богданович (А. Б.) в своих «Критических заметках» в связи с рассказом «Кирилка»: «В „Кирилке" г. Горький проявил новую черту таланта, сближающую его отчасти с Гл. Успенским, который так тонко и метко умеет осветить отношение к народу других классов, живущих за счет этого последнего» (Мир божий. 1899. № 4. Отд. II. С. 15—16). Параллели между Горьким и Г. Успенским проводил Андреевич (Е. А. Соловьев) в анонимной рецензии на «Очерки и рассказы» Горького (Русское богатство. 1898. № 7. Отд. II. С. 30—36) и в ст. «Очерки текущей русской литературы. Вольница» (Жизнь. 1900. № 4. С. 312—313).

[3] Сходство с «Марлинским в прозе и Бенедиктовым в поэзии» усматривал в романтических рассказах Горького М. О. Меньшиков, находя в них «вычурность» и «крикливую, холодную жестикуляцию слов» (*Меньшиков М.* Критические заметки. Красивый цинизм // Книжки недели. 1900. № 9. С. 224).

[4] Возможно, имеется в виду отзыв А. Басаргина, отметившего, что положительные идеалы Горького «носят какой-то зыбкий и подвижный характер», и считавшего, что Горький находится под влиянием философии Ницше. Басаргин назвал рассказ «Читатель» в числе тех произведений, где влияние Ницше особенно очевидно (*Басаргин А.* [Введенский А. И.] Развивается ли талант Горького // Московские ведомости. 1900. № 117. 29 апр.).

[5] Заключительная сцена «Вареньки Олесовой» вызвала в критике обвинения в непристойности. См.: *3*, 553—557.

[6] «Сатира и мораль? смысл этого всего?» — реплика Чацкого Софье («Горе от ума», д. III, явл. 1).

[7] Указание на «Очерки текущей русской литературы» ведущего критика журн. «Жизнь» Андреевича (Е. А. Соловьева), который утверждал, что Горький разделяет воззрения босяков «по части прелестей нашего культурного существования»: «Прежде всего надо отметить, как презрительно относится он к интеллигенции. В этом презрении есть даже и частичка ненависти» (Жизнь. 1900. № 8. С. 242). Отстаивая эту мысль, Андреевич ссылается на героя «Вареньки Олесовой», Тараса Маякина из «Фомы Гордеева» и Ивана Ивановича из памфлета «Еще о черте». Общую характеристику мнений Андреевича о Горьком см.: *Келдыш В. А.* „Жизнь" // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX в. 1890—1904: Социал-демократические и общедемократические издания. М., 1981. С. 256—260.

[8] Видимо, имеется в виду начало «Шинели»: «В департаменте... но лучше не называть в каком департаменте. Ничего нет сердитее всякого рода департаментов, полков, канцелярий и, словом, всякого рода должностных сословий. Теперь уже всякой частный человек считает в лице своем оскорбленным все общество» и т. д. (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. Л., 1938. Т. III. С. 141).

[9] Иванов-Разумник цитирует произведения Горького по изд.: *Горький М.* Рассказы. Т. I—IV. 1-е изд. СПб.: Знание, 1900; римские цифры обозначают том, арабские – страницу. Ср.: *3*, 66.

Зачастую окончательно установленный Горьким текст имеет более или менее существенные отличия от той его редакции, которой располагал Иванов-Разумник в издании «Рассказов».

[10] Имеются в виду характеристики героя «Вареньки Олесовой», данные Андреевичем («стоеросовый магистрант» и др.— Жизнь. 1900. № 8. С. 244), А. И. Богдановичем (А. Б.) (приват-доцент — «несчастный книжный червь», «в котором книга вытравила всякую жизнь, иссушила его, как вяленую волжскую воблу, превратив его в какую-то пародию на человека».— Мир божий. 1900. № 8. Отд. II. С. 83).

[11] Эта характеристика Вареньки была изъята Горьким при подготовке 4-го издания «Рассказов» (СПб., 1903). См.: *1* (*Варианты*). С. 233—234.

[12] См.: *3*, 83. Вторая половина цитируемого текста (начиная со слов: «Обязанность каждого честного человека...») изъята впоследствии Горьким при подготовке «Вареньки Олесовой» для собрания сочинений в изд-ве «Kniga». См.: *1* (*Варианты*). С. 238.

[13] См.: *4*, 342—343.

[14] Там же. 405.

[15] Самуил *Смайльс* (1816—1904) — английский писатель-моралист, проповедник

классового мира. Джон *Леббок* (1834—1913) — английский зоолог, археолог, философ-моралист. Подробнее о нем см.: *4*, 628—629.

[16] Там же. 423—424.
[17] Там же. 425.
[18] *3*, 294—296.
[19] *5*, 410.
[20] *3*, 312 («Бывшие люди»; слова Объедка о Петунникове-младшем).
[21] *4*, 418, 419.
[22] *5*, 365, 366.
[23] *3*, 48.
[24] Там же. 57, 58.
[25] Там же. 177 (рассказ «В степи»).
[26] Имеется в виду автохарактеристика: «Я не толстовец». Изъята Горьким при подготовке 4-го издания «Рассказов» (СПб., 1903). См.: *1* (*Варианты*), 69.
[27] *4*, 34 (рассказ «Проходимец»).
[28] Там же. 121.
[29] Там же. 120.
[30] Там же. 172.
[31] Там же. 173 (текст памфлета «О черте» цитируется с небольшими неточностями).
[32] Там же.
[33] Там же. 174.
[34] Там же. 177—178.
[35] Там же. 431—432.
[36] *5*, 378.
[37] Там же. 368, 369.
[38] Там же. 382.
[39] *3*, 204—205.
[40] *5*, 383, 380.
[41] Там же. 380—381.
[42] Почти дословное изложение слов Шебуева (Там же. 383).
[43] *4*, 426.
[44] Там же. 121 (рассказ «Читатель»).
[45] *5*, 383 (слова Шебуева).
[46] Там же. 394.

ПЕРЕПИСКА С В. А. ТИХОНОВЫМ

Публикация и комментарии И. В. Дистлер

Владимир Алексеевич Тихонов (1857—1914) — писатель, драматург. Родился в семье крупного заводчика в г. Казани. Окончил гимназию и казанское пехотное училище. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. После войны Тихонов жил некоторое время в Тифлисе, здесь началась его литературная деятельность. Он стал постоянным сотрудником тифлисской газеты «Обзор», где 11 февраля 1878 г. напечатал свой первый рассказ «Сутки на очереди». В это время отец и брат его, впоследствии тоже писатель — А. А. Тихонов (псевдоним — А. А. Луговой), разорились, и Тихонов, так же как и брат, становится профессиональным писателем.

Тогда Тихонов играл в драматической труппе Тифлисского театра и в начале 1880-х годов пробовал свои силы как драматург. Первая его пьеса «Через край» была поставлена Александринским театром в Петербурге (премьера 6 сентября 1884 г.). За пьесу «Козырь» Тихонов получил Грибоедовскую премию. Его произведения составили десять томов, которые были изданы в 1914—1915 гг. как приложение к журналу «Родина». Тихонов занимался и редакторской деятельностью. В 1891—1893 гг. он редактировал журнал «Север». Был соредактором Амфитеатрова и Дорошевича в газете «Россия». Позже участвовал в редактировании газеты «Русь» (в газетах Тихонов печатал фельетоны и рассказы под псевдонимом «Мордвин»).

В конце 1910 — начале 1911 г. Тихонов принял участие в организации журнала «Современник», вошел в его редакционно-издательский комитет в январе—феврале 1911 г.

В «Современнике» печатался его роман «Карьера». Отдельное издание романа (СПб., 1912) Тихонов послал Горькому с дарственной надписью: «Любимому всем сердцем, глубоко чтимому, светлому человеку, гражданину и писателю Алексею Максимовичу Пешкову (М. Горькому) от беспредельно признательного ему В. Тихонова. 22 января 1912 г. Гатчина» (*ЛБГ, Описание*).

В начале сентября 1912 г. Тихонов, задумав издание ежемесячного журнала «Кругозор», обратился к Горькому с просьбой о сотрудничестве. В переписке отразились некоторые моменты истории создания журнала и отношение к нему Горького. Как это видно из переписки, Горький, ознакомившись с первым номером «Кругозора», убедился в бесперспективности этого начинания и отказался от участия в журнале.

Ниже публикуется 7 писем Горького и 11 В. А. Тихонова.

1. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург.⟩ 18 апреля 1905 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Дело вот в чем:

Лет двадцать тому назад в Петербурге образовалось Русское литературное общество. Долгое время деятельность этого Общества носила чисто академический характер, т. е. дебатировались рефераты на разные, более или менее литературные темы. Затем при этом Обществе возник «Союз русских писателей» и сразу оттянул к себе весь интерес. Потом «Союз» был закрыт, наследство его перешло к Русскому литературному обществу, а оно, в свою очередь, стало глохнуть, глохнуть... Дошло до того, что за последних три года не было ни одного собрания, а на днях Совет Общества разослал повестки, созывая членов для окончательной ликвидации дел Общества[1].

Но — собравшиеся члены на этом собрании решили, что ликвидировать Общество отнюдь не следует, а нужно его «освежить», влить в него новую жизнь, дать ему новое направление. Для этого была избрана комиссия под председательством профессора Н. И. Кареева[2]. Попал в эту комиссию и я. На собрании комиссии мы решили, что прежде всего надо пополнить состав членов Общества новыми лицами. И вот наметили, кого, собственно, необходимо привлечь к деятельности этого Общества. Вы, конечно, были поставлены в первую голову.

Так вот, будьте так добры, ответьте: согласны ли Вы в принципе вступить в действительные члены обновляющегося «Русского литературного общества» и подвергнуться *несомненно* и *безусловно* благоприятной для Вас баллотировке?

Будьте добры, ответьте мне поскорее, т. к. скоро мы соберем общее собрание. А также сообщите об этом Леониду Николаевичу Андрееву и доктору С. Я. Елпатьевскому[3], если они находятся в Ялте, тоже поставленных в число весьма желательных сочленов. Попросите и их ответа.

Кроме них, комиссией намечены еще: Арсеньев К. К., Чириков Е. Н., Найденов С. А., Короленко В. Г., Анненский Н. Ф., Гарин-Михайловский, Милюков, Тан, Зелинский, Кузьмин-Караваев, Радлов и мног. других. В председатели намечены:

Вейнберг П. И. и Н. И. Кареев.

В Совет, кроме вышеупомянутых двух: А. Ф. Кони, Батюшков, Котляревский Н. А. (Все трое, плюс и Вейнберг состоят уже членами и старого Совета), а из новых к ним прибавим — Кареева и, вероятно,— Венгерова[4].

Общество обещает быть *чистым* и интересным. Нельзя же, в самом деле, допускать в наши дни закрываться — да еще как! По собственному почину, т. е. кончать самоубийством — Литературное общество, когда его можно воскресить и призвать к новой жизни.

Ну, вот и все!

Очень жду Вашего ответа. А пока жена моя и я Вам и Марии Федоровне шлем свои наизадушевнейшие приветы.

А Мария Федоровна мне обещала прислать Ваши (обоих) фотографии, а не прислала еще.

Пьесу мою все переделываю[5].

Сердечно желаю Вам здоровья и всего, чего только Вы сами себе пожелаете.

Весь Ваш В. Тихонов

[1] *Русское литературное общество* — существовало в Петербурге с 1886 г. Союз взаимопомощи русских писателей при Русском литературном обществе начал свою деятельность 24 января 1897 г. Цели Союза были изложены в «Уставе Союза взаимопомощи русских писателей при Русском литературном обществе» (СПб., 1897). В 1897—1899 гг. в литературном Суде чести Союза писателей активно работал В. Г. Короленко. В. А. Тихонов, так же как и его брат А. А. Тихонов-Луговой, состоял членом Союза с 1897 г.

19 февраля 1901 г. Горький принял участие в собрании Союза взаимопомощи русских писателей, о чем свидетельствует справка Департамента полиции: «По агентурным сведениям от февраля 1901 года Пешков прибыл из Нижнего Новгорода в С.-Петербург специально для присутствия 19 февраля, в день сорокалетней годовщины освобождения крестьян, на заседании „Союза писателей", на котором были произнесены речи крайне противоправительственного содержания» (*ЛЖТ*. Вып. 1. С. 300).

Союз был закрыт в марте 1901 г. постановлением министра внутренних дел за протест против избиения студентов во время демонстрации в Петербурге 4 марта.

[2] Николай Иванович *Кареев* (1850—1931) — историк, профессор Петербургского ун-та, автор трудов по истории Западной Европы.

[3] С. Я. Елпатьевский с конца 90-х годов жил в Ялте, где организовал санаторий для неимущих туберкулезных больных.

[4] Тихоновым перечислены: Константин Константинович *Арсеньев* (1837—1919) — публицист, юрист, с 1909 г. редактор журн. «Вестник Европы», главный

редактор «Энциклопедического словаря» и «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза – Ефрона; Сергей Александрович *Найденов* (1868–1922) – драматург; Николай Федорович *Анненский* (1843—1912) — экономист, публицист, сотрудничал в «Современных записках», «Русском богатстве»; Павел Николаевич *Милюков* (1859—1943) — политический деятель, историк, публицист, один из лидеров партии кадетов; Владимир Германович *Богораз* (псевдоним «Тан», 1865—1936) — писатель, этнограф; Фаддей Францевич *Зелинский* (1859—1944) — историк литературы, профессор Петербургского ун-та; Владимир Дмитриевич *Кузьмин-Караваев* (1859—1927) — публицист; Василий Васильевич *Радлов* (1837—1918) — востоковед-тюрколог; Петр Исаевич *Вейнберг* (1831—1908) — поэт и переводчик; Анатолий Федорович *Кони* (1844—1927) — юрист, общественный деятель; Нестор Александрович *Котляревский* (1863—1925) — историк литературы; Семен Афанасьевич *Венгеров* (1855—1920) — историк литературы, библиограф.

[5] О какой пьесе идет речь, установить не удалось.

2. ГОРЬКИЙ — ТИХОНОВУ

(Ялта. Апрель, не ранее 20, 1905 г.)

Уважаемый Владимир Алексеевич!

Быть членом какого-либо «общества» только тогда имеет смысл,— если будешь принимать деятельное участие в жизни этого «общества»,— а так как я человек кочевой [1], не могу обещать, что буду что-то делать для литературного общества, то и считаю долгом отказаться от вступления в него членом.

Андреев — в Москве, Елпатьевскому — скажу. Жму вашу руку, кланяюсь супруге.

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с п. 1.

[1] После освобождения из Петропавловской крепости Горький 14 февраля уехал в Ригу, где прожил до 21 марта. С 22 по 27 марта находился в Москве. С 29 марта по 7 мая жил в Ялте. 9 мая приехал в Москву, где пробыл до 15 мая (*ЛЖТ*. Вып. 1. С. 518—532).

3. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

(Гатчина.) 5 (18) января 1911 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович.

Шлю Вам мою сердечную благодарность за Вашу поддержку «Современнику». Она для нашего журнала неоценена и придала нам много бодрости и надежды.

Будьте здоровы и благополучны. Жена моя и я шлем наши задушевные приветы Вам и Марии Федоровне.

Всей душой преданный Вам В. Тихонов

Мы оба горячо любим Вас.

4. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

1/14 сентября (1912 г.)
Гатчина

Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

С января 1913 г. я буду (т. е., вероятно, буду) издавать ежемесячный, то, что называется, «толстый» журнал, под названием «Кругозор» [1], подписная цена — 6 руб. в год.

Журнал реалистический, демократический, ну, и, конечно, прогрессивный.

Когда Илья Сургучев в последний раз отправлялся за границу, я просил его поговорить с Вами об замышляемом мною уже и тогда журнале и просить Вас об сотрудничестве, хоть бы и в самых скромных разме-

рах. Сургучев писал мне с Капри 20-го мая с. г. о том, что он с Вами об этом говорил и что Вы «несомненно поможете журналу». Это меня, конечно, страшно обрадовало, окрылило, можно сказать, даже; но из ответа Сургучева я все-таки не могу решить: что это — его личное умозаключение, что Вы поможете, так сказать, впечатление, вынесенное из разговоров с Вами, или Вы ясно и определенно высказали, что не откажете мне в Вашем сотрудничестве? Расписывать Вам, как драгоценно для меня Ваше сочувствие моему делу, я не стану, а просто прошу Вас подтвердить: могу ли я надеяться получить от Вас что-нибудь для моего «Кругозора»?

Дело я начинаю скромно, без всяких компаньонов по изданию, да и почти без всяких средств, т. е. отдаю моему будущему журналу все то, что зарабатываю текущей работой в других изданиях. Что меня побуждает издавать этот журнал и на старости лет возлагать на себя такое бремя? Да просто чувство глубокого убеждения, что существует целая масса простого читателя, которая не удовлетворена современными журналами, которая просит самой простой, здоровой литературной пищи,— без фокусов, без вычур, без модных кривляний, без напыщенного педантизма, без претенциозной скуки; которая нуждается в живом и бодром слове, чурается безвольного нытья, эстетических бредней, слабонервных искательств; которая тянет свои руки к тому хорошему «старому», что будило и поддерживало в обществе веру в светлые идеалы и надежду на их достижение. Сельский врач, учительница, прогрессивный священник, грамотный крестьянин и рабочий, молодое поколение, которое распыатывается доморощенными «мефистофелями» и разными оболгателями жизни,— вот, главным образом, тот читатель, для которого я хочу выпускать мой скромный журнал.

Этот-то именно читатель особенно горячо любит и ценит Вас, Алексей Максимович, Вас — первого, восставшего против безвольного нытья и властно крикнувшего свое заветное, бодрое слово.

Вот и все. Разве еще прибавить, что в моих объявлениях я не считаю нужным перечислять всех будущих сотрудников, во-первых, потому, что это стало уже такой банальщиной: одни и те же имена встречаются в анонсах самых разнообразных по направлению изданий, я думаю, Вы и сами давно в этом убедились. А во-вторых, перечисляя имена сотрудников, я как бы этим самым обязываюсь печатать все, что они мне ни дадут. А я на это, конечно, согласиться никаким образом не могу, потому что мне бы хотелось выдержать, по возможности, строгую стройность направления моего журнала. *Единственное* имя, которое я бы смело и радостно объявил моим будущим читателям,— это Ваше имя, Алексей Максимович; но сделать это я, без особой Вашей санкции, конечно, не решусь.

Ответьте мне, пожалуйста, и возможно скорее: могу ли я рассчитывать получить от Вас какое-нибудь произведение для напечатания — это, во-первых, а во 2) найдете ли Вы удобным для себя разрешить мне выставить Ваше имя как участника в журнале? Повторяю: только одно Ваше имя; других никаких не будет; а в 3) в случае Вашего согласия сообщить мне о размере гонорара, кот〈орый〉 Вы желаете получать.

Еще раз прошу Вас ответить поскорее. А затем, шлю Вам мой сердечный привет.

В. Тихонов

P. S. Кстати: издатель журн. «Пробуждение» Н. В. Корецкий, узнав, что я буду писать Вам, просил меня спросить Вас: не может ли он, в виде приложения к своему журналу, в особой книжке, дать два-три Ваших старых или новых (по Вашему выбору) рассказа, сопроводив их Вашим портретом и наиболее полной биографией. Несколько таких кни-

жек он выпустил уже в предыдущие годы. Между прочим, книжку рассказов В. Г. Короленко. Он уже писал Вам об этом, но, не получая до сих пор ответа и не зная, дошло ли до Вас его письмо, убедительнейше просит Вас вывести его из этой неизвестности [2].

P. P. S. Простите, что писал письмо не своей рукой: у меня болят глаза, и это мое большое горе.

В. Тихонов

Дата — 1913, поставленная Тихоновым,— ошибочна. Год письма установлен по содержанию.

[1] «*Кругозор*» — ежемесячный литературно-политический журнал. Издание Вл. А. Тихонова. Первый номер вышел в январе 1913 г. в Петербурге, второй и последний — в феврале 1913 г.

[2] 2 августа 1913 г. Николай Владимирович Корецкий писал Горькому:

«Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Предполагая, по примеру прежних лет, выдавать бесплатное приложение к журналу „Пробуждение" небольшие художественные выпуски рассказов известных современных писателей, с портретами, факсимиле и биографией авторов (как уже изданы мной в прошлом году рассказы Вл. Г. Короленко, А. Куприна и Л. Н. Толстого...), я обращаюсь к Вам с просьбой не отказать мне в разрешении выпустить в свет в изящном издании бесплатным приложением в 1913 г. 4—5 рассказов по Вашему усмотрению, размер коих в общем составлял бы сборник в 2 печатных листа...» На письме надпись И. П. Ладыжникова: «По договоренности А. М. Пешкова (М. Горького) предоставляю Николаю Владимировичу Корецкому дать в качестве приложения к журналу „Пробуждение" в 1913 г. рассказы Горького „Жалобы" (4 очерка) или „Романтик" („Мордовка")... 2 окт. 1912 И. Ладыжников» (*АГ*). Издание это не осуществилось.

5. ГОРЬКИЙ — ТИХОНОВУ

(Капри. 8/21 сентября 1912 г.)

Дорогой и уважаемый Владимир Алексеевич!

На вопрос о сотрудничестве моем в журнале «Кругозор» я не могу ответить вам ни да, ни нет, ибо вы не сообщаете ни имени ближайших сотрудников ваших и членов редакции, ни программы, согласно которой организуется журнал.

Вы, конечно, согласитесь, что для того, чтобы принять участие в деле, необходимо знать, ради чего начинается дело?

Реализм в литературе — это касается только отдела беллетристики и ничего не говорит о политической линии журнала. Таким образом, вопрос о сотрудничестве моем остался открытым до поры, пока я не ознакомлюсь с журналом. Г. Корецкий действительно писал мне о своем желании издать несколько моих рассказов, но он забыл сообщить, на каких же условиях желал бы он издать их?

Будьте здоровы. Желаю хорошего успеха делу, затеянному вами.

А. Пешков

Датируется по пометам В. А. Тихонова: «Отпр. 8/21 сент. 1912. Получено 13/26 сент. 1912 г.»

6. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

(Гатчина.) 16(29(сентрября 1912 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович.

Прежде всего очень благодарю Вас за скорый ответ. А затем постараюсь, насколько сумею, ответить и Вам на поставленные в Вашем письме вопросы.

Вы спрашиваете: какую политическую линию я имею в виду вести в журнале? Линию, *возможно*, при наших современных цензурных условиях, прогрессивную. Вы, может быть, скажете, что это — общо. Согласен с Вами. Но в письме трудно ответить более обстоятельно. Прать про-

тив рожна — это значит с первых же шагов обрекать свое издание на гибель, чего, естественно, мне не хотелось бы. А потому я вопросы, которые нельзя трактовать так, как бы следовало, буду скорее замалчивать, чем говорить о них «эзопьим» языком, давая этим возможность всяким кривотолкам.

Ни одной из существующих политических партий я фактически обслуживать не стану. Но самый факт обращения к Вам с просьбой о сотрудничестве, кажется, ясно говорит о том, куда клонятся мои симпатии и в чем мое credo.

Вы спрашиваете: кто будет у меня сотрудничать? На это мне легче ответить Вам: кто *наверное* у меня сотрудничать не будет. Из первого моего письма Вы можете убедиться, что я становлюсь в позицию врага всякого человеконенавистничества, племенной вражды, декадентских кривляний, возбуждения дурных инстинктов, национализма во вкусе Достоевского и квиетизма по заповедям Толстого.

Не бойтесь, Алексей Максимович! На страницах моего журнала Вы не встретитесь с именами, не только опороченными, но и шаткими в своих убеждениях.

Из кого состоит редакция? Да пока только из одного меня, да моего помощника, молодого журналиста, С. Я. Арефина[1] (его работы помещались в наиболее прогрессивных газетах и в «Русском богатстве»).

Пересчитывать Вам имена беллетристов я не нахожу возможным, ибо беллетристы — грядут еще. Из молодых — наиболее деятельное участие в «Кругозоре» примет Илья Сургучев.

Конечно, такие имена, как Арцыбашев, Каменский, Ясинский (в особенности сей последний), никогда не появятся на страницах «Кругозора», пока руководить им буду я.

«Без шансов», как говорят спортсмены, пройти в «Кругозор», находится и «модный» у нас в настоящее время г. Ропшин.

Мне хочется сделать мой журнал живым и отзывчивым, и потому я страшно боюсь замыкаться в круг давно уже определенных сотрудников. И потому составлять редакцию буду осторожно, исподволь, книжка за книжкой.

Под давлением установившегося обычая я боюсь, что мне придется все-таки перечислить в объявлениях несколько имен будущих сотрудников «Кругозора». Я был бы несказанно счастлив, если бы Вы позволили украсить этот список и Вашим именем. Думаю, что большинство имен, кот〈орые〉 я выставлю в объявлении, будут имена лиц, принимавших участие в Ваших сборниках «Знания». А из других могу пока назвать: гр. А. Н. Толстого, Вережникова[2], биолога Гиршмана[3], Ф. Д. Батюшкова, С. А. Венгерова, д-ра В. В. Чехова[4]. Кроме того, на днях имею в виду обратиться в Берлин к П. Я. Рыссу[5], американские очерки которого так ярки и интересны. Затем жду ответов еще кое от кого.

Дорогой Алексей Максимович! Перечитайте еще раз мое первое письмо к Вам, дополнив его настоящим, и дайте мне все-таки ответ: могу ли я рассчитывать на Ваше участие в «Кругозоре» и позволите ли Вы мне выставить Ваше имя в числе сотрудников журнала?

Ответ на последнюю просьбу, ввиду необходимости уже составлять объявление, мне бы хотелось получить как можно скорее. Не будете ли Вы так добры, не сообщите ли мне его самой короткой телеграммой, хотя бы одним только словом: «да» или «нет». Мой адрес для телеграмм: «Gatcina. Wladimir Tichonoff» и больше ничего не нужно. А затем — «да» или «нет».

Если «да» — я с радостью выставлю Ваше имя, если — «нет», с грустью откажусь от этой радости.

Жена и я шлем задушевный привет Вам и Марии Федоровне.

Сердечно Ваш В. Тихонов

[1] Семен Яковлевич *Арефин* — публицист, писатель, автор ряда рассказов и пьес.

[2] В «Кругозоре» № 1 был напечатан рассказ А. Вережникова «Запущенное семейство».

[3] Очевидно, речь идет о Леонарде Леопольдовиче Гиршмане (1839—1921) — враче-офтальмологе.

[4] Владимир Владимирович *Чехов* (1867—?) — врач-психиатр, занимался проблемами детской преступности.

[5] Петр Яковлевич *Рысс* — журналист. В «Кругозоре» были опубликованы его очерки «Котелок. (Записки парадоксалиста)» (№ 1) и «За рубежом» (№ 1 и 2).

7. ГОРЬКИЙ — ТИХОНОВУ

‹Капри. 23 сентября/6 октября 1912 г.›

Уважаемый Владимир Алексеевич!

Не поклонник я «номинального» участия в журнале,— участия одним именем и только на обложке, но — если вам так хочется этого — печатайте имя мое![1] А фактически сотрудничать едва ли я буду, ибо — по горло завален делом и писать мне некогда, а что написал — уже отдал в разные места.

Если Арефин — автор «Сашурки», напечатанном в «Р‹усском› б‹огатстве›»,[2] — скажите ему, что он написал очень хороший рассказ и чтоб берег свой несомненный талант — не торопился бы печататься, не истязал своих сил. Желаю ему всего доброго.

Вам — тоже, конечно.

И успеха с журналом, который — надеюсь, вы мне будете посылать?

Крепко жму руку

А. Пешков

Датируется по помете Тихонова: «Получ. 28 сентября ‹11 октября› 1912. Отпр. 6 окт. 1912 н.ст.»

[1] Имя Горького значилось в объявлении № 1 «Кругозора».

[2] Рассказ С. Я. Арефина «Сашурка» был напечатан в 6 кн. «Русского богатства».

8. ГОРЬКИЙ — ТИХОНОВУ

‹Капри. 25 сентября/7 октября 1912 г.›

Дорогой Владимир Алексеевич!

Вчера написал вам письмо, сегодня посылаю другое.

Пришла, как мне кажется, не дурная идея. Дело вот в чем: если вы хотите наладить хороший, нужный журнал,— вам необходимо поставить в нем серьезный отдел вполне солидно и ново. Есть группа, которая, как я думаю, вполне способна придать журналу определенную физиономию, это — трудовики[1].

Им необходим большой орган, вам нужны дельные сотрудники. Трудовическая программа, несмотря на ее неясность, несомненно, будет иметь успех в среде демократии,— демократия нуждается в организации, трудовики могут помочь ей и в этом[2].

Я бы очень рекомендовал вам войти в сношения с Михайлом Егоровичем Березиным, бывшим товарищем председателя 2-й Думы. Адрес его вы узнаете в газете «Столичные отклики».

Вы — редактор по отделу беллетристики — критики, а М. Березин с товарищами поставит вам отдел политики и общественной жизни.

Тогда на Руси будет еще один хороший журнал, способный сослужить большую службу демократии. Подумайте, как это было бы хорошо! Нам всем без различия наших воззрений необходимо заботиться об организации левой журналистики. Это высокая и важная задача.

Будьте здоровы, желаю успеха!

А. Пешков

Датируется по пометам Тихонова на письме: «Отправлено с Капри 25 сентября ‹8 октября› 1912 г. Получено в Гатчине 30 сентября ‹13 октября› 1912 г.» Тихонов ошибся при переводе даты письма на ст. ст.

[1] Трудовики (*Трудовая группа*) — крестьянские депутаты в Государственной думе, отделившиеся от кадетов. В. И. Ленин неоднократно писал о трудовиках и их отношениях с другими партиями. Он отмечал колебания трудовиков между кадетами и рабочей демократией, вытекающие из их классового положения. В статье «Что делается в народничестве и что делается в деревне?» (1913) Ленин подчеркивал разницу между интеллигентами-народниками («из рук вон плохие социалисты и размагниченные демократы») и крестьянами-трудовиками: «Крестьяне-трудовики вовсе не играют в социализм, который им абсолютно чужд, но они „нутряные", искренние, горячие и сильные демократы» (*В. И. Ленин.* Т. 22. С. 364).

[2] В это же время Горький писал И. П. Ладыжникову: «А у трудовиков тоже, вероятно, будет свой журнал: я уговариваю Вл. Тихонова передать „Кругозор" им и думаю, что уговорю его» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 207).

9. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

‹Гатчина.› 29 сентября ‹12 октября› 1912 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Вашу телеграмму «да» и последнее письмо Ваше я получил[1]. От всей души благодарю Вас за Ваше разрешение поставить Вашу фамилию среди сотрудников «Кругозора». Это для меня такая большая моральная поддержка!

Вы пишете, что Вы не охотник участвовать только номинально, а что написать что-либо для «Кругозора» у Вас вряд ли найдется время... А если найдется? А если что-нибудь напишется? Как бы Вы обрадовали меня, если бы прислали что-нибудь!

Я не одной беллетристики жду от Вас, Алексей Максимович! Ваши публицистические статьи не меньше драгоценны и желательны для моего журнала. Ваш фельетон в «Русс‹ком› сл‹ове›» «О современности»,[2] Ваша статья «О национальных вопросах» в «Украинской ж‹изни›»[3] и другие Ваши публицистические работы... да с какой бы радостью и благодарностью напечатал я их на страницах моего будущего журнала!

Таким образом, если у Вас не будет для меня лишнего, беллетристического произведения, то Вашей публицистической статье я обрадуюсь ничуть не меньше, а может быть, даже и больше.

Мой журнал весь к Вашим услугам, Алексей Максимович! Все, что только возможно напечатать при современной нашей карательной цензуре, будет напечатано мною и с радостью, и с гордостью. Условия Ваши, каковы бы они ни были, заранее приемлемы мною. Верьте, Алексей Максимович, что это не пустые фразы, а слова, идущие прямо от сердца и глубокого убеждения Вашего громадного значения для русской жизни и литературы.

Вы спрашиваете: тот ли это Сергей Арефин, что написал «Сашурку», напечатанную в «Русск‹ом› бог‹атстве›»? Тот самый, Алексей Максимович! «Сашурка» — его беллетристический дебют. Арефина я знаю уже давно — жил когда-то довольно долго вместе с ним в Финляндии. Он — журналист, а беллетристом его сделала — тюрьма. Больше полутора лет просидел он в «Крестах» и написал там вот эту самую «Сашурку» да еще комедию «Митра». «Сашурка» вылилась, как Вы сами видели, весьма талантливо. «Митра» менее удалась ему, и, главным образом, потому что он написал ее в несвойственной ему драматической форме. Ввиду ее полной нецензурности для театра, я убедил его переписать «Митру» в виде повести и уверен, что это ему вполне удастся и «Митра» будет вещью очень талантливой и значительной. Она будет напечатана в «Кругозоре» в одном из первых книжек[4].

Я глубоко убежден, что Арефин надрываться беллетристикой не станет и не разменяет свой свежий, хороший талант на пустяки и на ремес-

ло, как — увы! — случается это со многими нашими талантливо начинающими беллетристами.

Счастье в том, что Арефин не живет и не мечтает жить на счет беллетристики. В потребностях своих он крайне скромен и довольствуется пока газетным заработком. Я с большой надеждой и любовью смотрю на этого молодого еще человека.

Ваши слова о нем я завтра же передам ему, и это будет для него большим праздником, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ он также любит и ценит Вас, Алексей Максимович! А затем, еще раз сердечное Вам спасибо.

Душевно преданный Вам В. Тихонов

[1] Тихонов имеет в виду п. Горького от 23 сентября/6 октября 1912 г. (см. п. 7). Очевидно, в тот же день была послана и упоминаемая Тихоновым телеграмма Горького (не разыскана).

[2] Ст. «О современности» напечатана в газ. «Русское слово» (1912, № 51 и 52, 2 и 3 марта).

[3] «О русской интеллигенции и национальных вопросах». (Ответ на анкету «Украинской жизни») (Украинская жизнь. 1912. № 9. Сент.).

[4] В первых 2 кн. «Кругозора» была напечатана повесть С. Я. Арефина «Голубенок». Комедия «Митра» в «Кругозоре» не публиковалась.

10. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Гатчина.⟩ 2/15 октября 1912 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Вот и опять приходится начинать письмо с благодарности Вам. Вы как раз указали на самое слабое место в моей редакции,— а именно: на внутреннюю политику. Я уже давно обдумывал этот вопрос и соображал, кому поручить этот наитруднейший отдел журнала. Думал даже обратиться к В. В. Водовозову, но — (между нами) — В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩ так сух, педантичен и односторонен, а я так боюсь именно *этого налета* на «Кругозор», что удерживался от обращения к В. В. Водовозову.

И вот, Вы мне указываете на Мих⟨аила⟩ Ег⟨оровича⟩ Березина. Чего же лучше! Лично я с ним не знаком, но деятельность его всем известна.

На днях же повидаюсь с ним и поговорю обстоятельно. Полагаю, что препятствий к нашему соглашению не встретится. Орган, кот⟨орым⟩ они теперь располагают, вряд ли может их удовлетворить: едва ли приятно вести дела с Н. И. Кулябко-Корецким [1].

И, таким образом, я надеюсь, что и внутренний отдел у меня будет оборудован удачно. Хотя *вполне* обслуживать в моем журнале трудовую партию, как и всякую другую, я не желал бы, особенно в первый год существования журнала.

Еще раз спасибо Вам за добрый совет и указание. Сердечно прошу Вас не оставлять меня и впредь Вашими советами.

Душевно Ваш В. Тихонов

[1] Речь идет о еженедельной, политической и литературной газ. «Столичные отклики». Выходила по понедельникам в 1912 г. Ее издателями были В. В. Водовозов и Н. И. Кулябко-Корецкий.

11. ГОРЬКИЙ — ТИХОНОВУ

⟨Капри. 12/25 октября 1912 г.⟩

Дорогой Владимир Алексеевич!

Двое «начинающих» просят меня предложить их опыты для вашего журнала. Прибой — матрос, участник Цусимского боя: он уже печатался в маленьких журналах и в «Речи».

Старк — молодой парень, кажется, не без дарования, тоже печатался в провинциальной прессе [1].

Исполняя их желание — посылаю рукописи. Сообщите мне — когда выйдет первая книга журнала?

Сердечно желаю успеха и доброго здоровья.

А. Пешков

25/X.
912

P. S. Если рукописи не понравятся — возвратите их, пожалуйста, мне.

На письме помета Тихонова: «Получ. 18/31 октября 1912».

[1] А. С. Новиков-Прибой и Л. Н. Старк в «Кругозоре» не печатались.

12. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

〈Гатчина.〉 18/31 октября 1912 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович.

Сегодня получил от Вас рассказ «Пошутили» — Прибоя и 4 стихотворения Леонида Старка. И то, и другое как нельзя более подходит для «Кругозора» и будет напечатано в одной из первых книжек журнала. Сердечно благодарю Вас за присыл и Вашу добрую заботу об журнале. Видно, что и тот, и другой — начинающие. Прибой еще даже весь под влиянием Станюковича, но от его рассказа пахнет морской свежестью, а главное, меня радует простота языка.

Стихи Старка тоже очень недурны, особенно «Оттепель».

Еще раз благодарю.

Первую книжку «Кругозора» намереваюсь выпустить в самом начале января 1913 г. Если Вы удосужитесь прислать что-нибудь «на зубок новорожденному», то очень просил бы Вас сделать это в самом начале декабря русск〈ого〉 стиля, чтобы я мог поставить Вашу вещь первым номером.

Типография, в кот〈орой〉 будет печататься «Кругозор» (Бор. Марк. Вольфа) скромна и небогата; запасов делать нельзя, а потому придется сдавать материал для набора по мере его поступления.

Ах, как бы я был счастлив, если бы первая книжка украсилась Вашим произведением: будь то беллетристика или публицистическая статья — для меня одинаково желательно.

С Мих. Егор. Березиным я начал переговоры, но пока еще ни до чего не договорился; он весь поглощен предвыборной борьбой в Гос〈ударственную〉 думу, т. к. выставляет свою кандидатуру от трудовиков, и мы наш окончательный разговор отложили до 25 окт〈ября〉, когда уже выборы состоятся.

Симпатичная партия — трудовики, хотя и расплывчатая, но среди них «бойких перьев» мало: И. В. Жилкин[1] работает уже в нескольких изданиях («Русск〈ое〉 слово»; «Вест〈ник〉 Евр〈опы〉») и хотя работник он честный и хороший, но неярок. В. В. Водовозова же я прямо побаиваюсь: очень уж он педант, да и суховат. Сам М. Е. Березин — писать не особенно любит, но предложением моим заинтересовался. Во всяком случае, через неделю вопрос этот выяснится.

Будьте здоровы, Алексей Максимович. Желаю Вам всего доброго.

Сердечно Ваш В. Тихонов

[1] И. В. *Жилкин* (1874—1958) — журналист, один из лидеров трудовиков. Давая ему политическую характеристику в 1906 г., Ленин писал: «Жилкин — образец несознательного и неустойчивого трудовика, который тащится в хвосте у „либеральных помещиков"...» (*В. И. Ленин.* Т. 14. С. 212).

13. ГОРЬКИЙ — ТИХОНОВУ

(Капри. 25 октября/7 ноября 1912 г.)

Дорогой Владимир Алексеевич!

Очень может быть, что к январю я успею прислать вам что-либо, а пока,— исполняя просьбу автора,— посылаю роман [1].

Автор, это тот Вячеслав Артемьев, который выпустил уже две книги: «Стены» и «Архаровцы» — одну из них — со свирепым предисловием по адресу редакторов и литераторов [2].

Он — офицер, человек не без таланта, его «Архаровцы» вызвали ряд одобрительных рецензий.

Если вам рукопись не понравится — возвратите ее по адресу автора, данному на первой странице.

Успеха и успеха начинанию вашему!

А. Пешков

7/XI
912

Датируется по помете Тихонова: «Получ(ено) 31 октября (13 ноября) 1912 г.»

[1] Горький послал Тихонову рукопись романа «Земное» Вячеслава Константиновича *Артемьева* (наст. фамилия Лисенко, 1873—1934), автора книг «„Стены" и др. рассказы» (Харьков, 1910) и «„Архаровцы" и другие рассказы» (Харьков, 1911). В *АГ* хранится переписка Горького с Артемьевым, а также отзыв Горького о его рассказе «На пароходе» (1906).

Горький писал Артемьеву в июле-августе 1913 г.: «Вячеслав Константинович! Вы желаете знать мое мнение об „Архаровцах", я скажу его вполне откровенно: это интересная книга, но она могла бы быть значительно лучше — художественнее — если бы вы поработали над нею более усердно.

Нет сомнения — вы даровитый человек, но — извините — плохой работник,— слишком торопитесь сделать и, видимо, не чувствуете наслаждения делать.

Этим — поспешностью работы — испорчено „Земное". Пройдет два года, и — мне кажется — этот роман перестанет нравиться вам, как, вероятно, не нравится уже теперь „Стены".

Я ошибаюсь?

„Стены" — хуже сделаны, чем „Архаровцы".

Предисловие вы написали напрасно. Вы думаете — тот же Куприн так сразу и вошел в литературу „генералом"? Поверьте — все переживали то же самое, что выпало на Вашу долю. У меня, напр., рукописи просто „терялись" в редакциях.

Будьте здоровы, от души желаю Вам всего хорошего и — в том числе — успеха, заслуженного вами за „Архаровцев"» (*АГ*).

[2] В предисловии к кн. «Архаровцы» Артемьев писал: «Еще очень молодым человеком я был твердо убежден, что мое призвание — призвание писателя, но это убеждение постоянно и неуклонно... опровергалось редакторами почти всех русских журналов. Мои рассказы возвращались мне аккуратно из редакций „Северного вестника", „Книжек недели", „Вестника Европы", „Русского богатства", „Русской мысли", „Современного мира", „Мира божьего" и др. Из моих рукописей образовалось кладбище. Иногда возвраты эти сопровождались письмами редакторов с советами (ужасно любят советовать русские редакторы) о том, как мне быть. Несколько лет тому назад я получил от Куприна, бывшего тогда в составе редакции „Мира божьего", следующее письмо: „М. б., легенды о редакторской корзине суть несправедливые и жалкие вымыслы, за которыми прячется оскорбленное самолюбие неудачников"». Предисловие завершалось советом молодым начинающим писателям: «не слушать авторитетов, сколь бы знамениты и всезнающи они не были, и не думать, что все редакторы непременно умны, писатели благожелательны, а критики нелицеприятны...»

Положительная рецензия на кн. Артемьева «Архаровцы» была напечатана в «Современнике» (1911, кн. 8).

14. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

(Гатчина.) $\frac{31 \text{ октября}}{13 \text{ ноября}}$ 1912 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович!

Сердечно обрадовали Вы меня обещанием прислать Вашу статью к первой (январской) книжке «Кругозора».

Нечего говорить, с каким нетерпением я буду ждать ее и как дорого и ценно будет для журнала появление статьи Вашей в его первой книжке.

Как раз сегодня собирался я писать Вам именно об этом, как получил Ваше доброе письмо. Спасибо за пожелания моему журналу. Не знаю, как он пойдет, но знаю только, что в это дорогое для меня дело я вкладываю всю, всю мою душу и Ваше сочувствие, Алексей Максимович, мне особенно дорого.

Итак, очень буду надеяться, что Вы удосужитесь написать для «Кругозора» для его первой книжки что-нибудь. Только позвольте просить Вас, Алексей Максимович, прислать Вашу статью не позже 1-го декабря старого стиля, т. к. типография, где будет печататься «Кругозор», невелика и скромная, и материал для набора придется сдавать заблаговременно и исподволь.

Романа, о котором Вы пишете, я еще не получил. Об авторе его, Вячеславе Артемьеве, я уже слышал. Очень был бы рад, если бы роман его оказался для «Кругозора» подходящим, т. к. именно романа-то хорошего у меня в виду и нет, а для журнала он необходим.

Еще раз спасибо за добрые пожелания.

Очень буду ждать Вашей статьи.

Будьте здоровы.

Сердечно Ваш В. Тихонов

Простите, что пишу не своей рукой, глаза мои очень плоховаты.

15. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

(Гатчина.) 12/25 ноября 1912 г.

Ну, и задали Вы мне задачу, дорогой Алексей Максимович! Я говорю про роман «Земное» Вячеслава Артемьева (Лисенко). Прочитал я его внимательно, с чувством, толком, расстановкой и — первый раз в жизни — нахожусь в таком недоуменном состоянии: можно печатать это произведение в таком виде, как оно написано, или нет? Автор несомненно талантливый человек, даже, может быть, очень талантливый, но какой-то необычайно сумбурный, минутами мне даже приходит в голову, что — нервнобольной. Сцены, набросанные им, иногда тщательно отделаны, иногда прямо-таки даже недоделаны!, бестолково мозаичны, сплошь да рядом нарушается даже целостность характера самого героя, и он то и дело сбивается с тона и выходит какой-то «Федот, да не тот».

Архитектура романа прямо хаотическая. Сцены можно перетасовывать, как угодно... Вообще, отрицательных качеств в этом произведении — много; а между тем... Между тем не хочется выпускать его из рук. Хочется непременно его напечатать, произведя над ним какую-то нужную операцию.

Ужасно дело осложняется тем, что автора нет здесь налицо. При личных переговорах можно многое было бы выяснить, выправить и сделать вещь вполне удобочитаемой. Достигнуть же этого перепиской прямо-таки невозможно. Возвращать произведение автору — жалко,— очень уж там много хорошего, жизненного, талантливого и даже умного. Печатать же в этом виде — можно вызвать вполне заслуженные нарекания и со стороны критики, и со стороны читателей, нарекания не только на журнал, но и на автора.

Положительно не знаю, что мне делать? Если Вы этот роман читали — посоветуйте! А автору, если это Вас не затруднит, черканите, чтобы он немножко еще подождал ответа, дал бы мне подумать: что и как сделать с его романом? Давит он меня, как кошмар!

Дела моего журнала понемножку налаживаются, но, если бы Вы знали, глубокоуважаемый Алексей Максимович, как трудно организовать дело, не имея в кармане гривенника «свободной наличности». Бьюсь, как рыба об лед; каждое объявление об «Кругозоре» выцарапываю зубами и когтями; порою мне кажется, что поперек меня автомобиль ездит!.. Забыл, как спят люди по-человечески! Думаю даже перебраться из Гатчины в Петербург, хотя знаю, что отсутствие воздуха для моего сердца будет весьма ощутительно. А тут еще глаза болят...

Но — будь, что будет! А «иль со щитом, иль на щите!»

Дорогой Алексей Максимович! Пришлите мне что-нибудь для первой книжки Ваше — публицистику или беллетристику — для меня одинаково желательно. Если бы Вы только знали, как Вы меня этим обрадуете и подбодрите!

Если возможно, пришлите поскорее, потому что Вашу вещь я пущу непременно первым номером, стало быть, и в набор ее надо сдавать раньше всех других.

Сердечно преданный Вам В. Тихонов

16. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

(Гатчина.) $\frac{29 \text{ ноября}}{12 \text{ декабря}}$ 1912 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Максимович!

С нетерпением жду Вашей статьи (или рассказа) для первой книжки «Кругозора». Будьте благодетелем, не задержите! И по возможности поспешите высылкой! Типография у меня скромная, работает медленно, и потому нужно сдавать туда все заблаговременно, а так как Вашу статью или рассказ я имею в виду поставить во главе книжки, то без нее и к верстке приступать нельзя.

Сердечно прошу, поддержите меня! Украсьте первую книжку Вашим именем!

А вот еще вопрос: что мне делать с романом Артемьева «Земное»? (мое мнение о нем я Вам уже излагал подробно) — вернуть ли его Вам или послать автору в Самару или куда в другое место?

Очень жду Вашего ответа и статьи. Не можете ли Вы известить телеграммой (Gatchina. Tichonoff — вот и весь адрес). Когда ждать рукопись?

Страшно волнуюсь в ожидании моего первенца.

Желаю Вам всего, что только можно пожелать лучшего.

Сердечно Ваш В. Тихонов

P. S. Рукопись Вашу, дорогой Алексей Максимович, я прошу прислать по адресу: Гатчина, Багговутовская, 5.

17. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

(Гатчина.) 29 января (11 февраля) 1913 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Вместе с этим письмом Вы получите и № 1 моего журнала «Кругозор», наконец вышедшего в свет. Очень желаю и надеюсь, чтобы мое долгожданное и горячо мной любимое детище и Вы приняли ласково. Конечно, в нем много несовершенного, много недочетов, но, Алексей Максимович, если принять во внимание, что в деле создания мною журнала я выполняю задачу почти невозможную, т. е. создаю все (— из ничего; без средств и без посторонней поддержки, единственно только личным трудом и отчасти своим литературным ветеранством), то я сделал, мне

кажется, что мог и как мог (одно твердо знаю) добросовестно, по моим силам и разумению...

Илья Дмитриевич Сургучев (сейчас он в Петербурге) передавал мне, что Вы были так добры и обещали прислать рассказ или статейку к № 2 «Кругозора». Основываясь на его *категорическом* утверждении, я сделал об этом анонс в первой книжке[1] и очень прошу Вас, многоуважаемый Алексей Максимович, поторопиться присылкой обещанного, чтобы не пришлось задержать и второй книжки, как по вине типографии задержалась первая. А также прошу Вас назначить и гонорар, который Вы пожелаете получить за Вашу статью.

От всей души желаю Вам всего лучшего и с нетерпением жду Вашего ответа и присыла Вашей статьи.

Искренно преданный Вам В. Тихонов

[1] В № 1 «Кругозора» сообщалось, что «в февральской книжке „Кругозора" будут помещены (...) статьи Максима Горького, Григ. С. Петрова, И. Д. Сургучева и Влад. А. Тихонова-Мордвина».

18. ГОРЬКИЙ — ТИХОНОВУ

(Капри. 12/25 февраля 1913 г.)

Уважаемый Владимир Алексеевич!

Я просмотрел первую книжку «Кругозора», и она вызвала у меня совершенно определенное впечатление — ненужности[1]. Редактор Вы плохой; извините, но это необходимо сказать.

Письмо И. Д. Сургучева Вы поместили напрасно[2]: оно написано в таком «простом» тоне, точно Илья Дмитриевич беседует с Вами не в журнале, а в торговой бане.

Как старый литератор и редактор, Вы должны бы сказать ему, человеку молодому, в литературе новому, что беседы в таком тоне — нехорошего тона беседы и в серьезном издании им не место.

Мне очень грустно, что я вынужден сказать вам это.

А. Пешков

Капри.
13—25 февр.
1913 г.

Горький ошибся при переводе даты с нового на старый стиль.

[1] Первая кн. «Кругозора» открывалась стихотворением Пушкина «Арион»; в журн. были напечатаны: повесть С. Я. Арефина «Голубенок», рассказ А. Вережникова «Запущенное семейство», стихи Н. Грушко, С. Полтавского, ст. Гр. Петрова «Провинциальная печать», Г. Аркатова «Отошедшие (памятка)», посвященная Н. Ф. Анненскому и Д. Н. Мамину-Сибиряку, Вл. Золотницкого «Памяти В. Я. Кокосова», П. Я. Рысса «За рубежом» и др.

[2] В своем письме к редактору «Кругозора» Сургучев выражал надежду, что журнал положит начало «хорошему (...) новому делу», будет способствовать тому, чтобы молодые начинающие писатели имели возможность ездить за границу: «...моя мысль такова: если пенсионеру Академии нужно ехать за границу — то и русскому начинающему писателю тоже нужно ехать за границу (...)

Но (...) русский писатель беден, а особливо начинающий — беден, он зимой часто без калош ходит. Где же тут думать о заграницe? В странах культурных в таких случаях приходит на помощь государство,— и Кнут Гамсун, например, мог съездить в Россию только потому, что получил казенную помощь».

В п. к Сургучеву от 12/25 февраля 1913 г. Горький писал: «Убит я Вашим письмом к Тихонову, напечатанным в „Кругозоре".

Во-первых — в наши дни, когда литератор русский своим пьянством и пошлостями совершенно уронил себя в глазах общества, лишился у читателя всякого престижа,— читателю этому дано право ответить на Ваше письмо в самом амикошонском и юмористическом духе:

„За границу захотели? Дома-то тесно стало скандалить и паясничать?"

Во-вторых — тон письма Вашего убийственно нелитературен, точно Вы, сидя в халате после бани и выпивки, рассуждаете» (*XXIX*, 297).

ГОРЬКИЙ И Г. А. ЛОПАТИН

«ОДИН ИЗ ТАЛАНТЛИВЕЙШИХ РУССКИХ ЛЮДЕЙ»

Статья Н. И. Дикушиной

Горького и Германа Александровича Лопатина не связывала длительная и обширная переписка, они не имели частых и постоянных встреч, деловые связи их были недолгими, и все же публикуемые в томе материалы свидетельствуют, что тема «Горький и Лопатин» является существенной при изучении биографии и творчества Горького. Их переписка, дневниковые записи Пятницкого о пребывании Лопатина на Капри в 1909 г., позже переработанные в обширный очерк «Г. А. Лопатин в гостях у Горького на Капри (отрывки из дневника)», записанный Амфитеатровым рассказ Лопатина о ставропольской ссылке, материалы, связанные с участием Горького и Лопатина в заграничных изданиях Бурцева, документы о Лопатине из жандармских дел, хранящихся в *ЦГАОР*,— все это освещает мало известную историю отношений и связей Горького с выдающимся русским революционером. Вместе с тем публикуемые материалы важны для изучения биографии Лопатина.

О Лопатине написано много. Человек легендарной судьбы, революционер, друг Маркса, П. Л. Лаврова, И. С. Тургенева, Г. И. Успенского, он привлекал к себе внимание многих исследователей, его жизни посвящены романы и повести [1].

Лучше известен первый этап жизни Лопатина — до рокового ареста в 1884 г., или, говоря словами самого Лопатина, его «первая жизнь». Она отражена в «Автобиографии» Лопатина, написанной им от третьего лица [2]. Этот же период превосходно освещен его другом Лавровым в «Заметках о Лопатине», напечатанных почти сто лет тому назад, в 1888 г. [3]

Менее известны обстоятельства «второй жизни» Лопатина, начавшейся, как он точно указывал, 26 октября/8 ноября 1905 г. [4] Этот день шестидесятилетний Лопатин считал вторым днем своего рождения: он получил возможность покинуть крепость, где с 1887 г. находился в одиночном заключении. В этой своей «второй жизни» Лопатин встретился с Горьким.

Сам Лопатин остро ощущал пропасть, которая лежала между «первой» и «второй» его жизнями. Размышляя в Шлиссельбурге о возможности выхода из крепости, Лопатин трезво оценивал свои перспективы: «...для нашего брата „конец" старого есть ведь только „начало" нового, быть может еще горшего» [5],— писал он брату В. А. Лопатину 9 марта 1898 г.

«Вторая жизнь» Лопатина была действительно нелегкой и совсем непохожей на прежнюю. Печатных сведений или воспоминаний современников об этом периоде его жизни мало. Но сохранились (далеко не полностью) письма Лопатина В. А. Лопатину, сестре Л. А. Мартыновой, В. Г. Короленко, Н. Ф. Русановой, дочери П. Л. Лаврова М. П. Негрескул, А. В. и И. В. Амфитеатровым, В. Л. Бурцеву и др. В этих письмах — своего рода летопись жизни Лопатина, заключающая подробный, точный, датированный рассказ о многом, с ним происходившем. К тому же «блестящий литературный талант» Лопатина, отмеченный Тургеневым, проявляется в письмах последних лет со всей полнотой. Изящная и непринужденная, нередко

ироническая манера письма, меткость характеристик, живость воспроизводимых диалогов, глубина и серьезность содержания — все это делает письма Лопатина значительным человеческим и литературным документом своего времени. Читателей привлечет в его письмах история его жизни после Шлиссельбурга: поездки из Вильно в Петербург, хлопоты о выезде за границу, перипетии отъезда, жизнь в эмиграции,— но главное — письма живо передают душевное состояние Лопатина, что имеет особенный интерес для понимания того, каким вышел Лопатин из Шлиссельбурга и каким его узнал Горький.

I

Освобождение узников Шлиссельбурга стало заметным фактом русской общественной жизни. В январе 1906 г. был создан Шлиссельбургский комитет под председательством В. И. Семевского. «Одна из первых, предстоящих ему (комитету.— *Н. Д.*) задач,— говорилось в обращении комитета,— озаботиться сбором денежных средств для составления постоянного шлиссельбургского фонда». Кроме этого, комитет готовил издание книги «Галерея шлиссельбургских узников», в которую были собраны очерки о народовольцах, отбывавших заключение в Шлиссельбурге.

Большую роль в освещении истории Шлиссельбурга сыграл журнал «истории освободительного движения» «Былое», выходивший в Петербурге в 1906—1907 гг. под редакцией П. Е. Щеголева и В. Я. Богучарского и, как указывалось в объявлениях, при ближайшем участии В. Л. Бурцева. Журнал значился как «внепартийный» [6], но имел явную народническую ориентацию. Естественно, что тема Шлиссельбурга и шлиссельбуржцев была одной из самых важных в публикациях «Былого». На страницах журнала с воспоминаниями выступили бывшие узники крепости М. Ю. Ашенбреннер, М. В. Новорусский, В. Н. Фигнер, печатались статьи о деятельности народников в 70-е и 80-е годы. Лопатин не был активным участником издания, но его имя многократно упоминалось на страницах, освещающих революционное прошлое. Значительным фактом в этом плане стали публикации писем Тургенева Лаврову, в которых давалась характеристика Лопатина, и письма Г. И. Успенского Н. К. Михайловскому в статье А. Иванчина-Писарева «Глеб Успенский и революционеры». Г. Успенский делился с Михайловским мыслями о задуманной им повести «Удалой добрый молодец». «Повесть, которую я пишу,— автобиография, но не моя личная, а нечто вроде Лопатина. Чего он только не видал на своем веку! Его метало из губернаторских чиновников в острог на Кавказ, с Кавказа в Италию, прямо к битве под Ментоной, потом в Сибирь на три года, потом на Ангару, по которой он плыл тысячу верст, потом в Шенкурск, в Лондон, в Цюрих, в Париж. Он видел все и вся. Это — целая поэма. Он знает в совершенстве три языка, умеет говорить с членом парламента, с частным приставом, с мужиком, умеет сам притворяться и частным приставом, и мужиком и в то же время может войти сейчас на кафедру и начать о чем угодно вполне интересную лекцию. Это — изумительная натура. Я и думать не могу охватить все это, но уголок я постараюсь взять в свою власть» [7].

Повести Г. Успенский не написал, но опубликованная в 1907 г. эта сжатая и яркая характеристика Лопатина, хорошо известная в настоящее время, вместе с отзывом о нем Тургенева, очерком о Лопатине Н. Кудрина (Н. Русанова) в «Галерее шлиссельбургских узников», воспоминаниями М. Р. Попова, А. Иванчина-Писарева, М. Ю. Ашенбреннера, М. В. Новорусского, А. Н. Баха были первыми рассказами в легальной русской печати о деятельности Лопатина — легендарного героя революционного движения 70—80-х годов.

Но в то время, как росли признание и популярность Лопатина, жизнь его «на свободе» в первые годы после освобождения складывалась трудно.

Из Шлиссельбурга Лопатин вместе с товарищами был переведен в Петропавловскую крепость, а оттуда отпущен к брату В. А. Лопатину в Вильно. «...Правительство не пожелало отпустить его совсем „в чистую“, а удержало в руке привязанную к его ноге цепь; в предъявленном ему документе значится: „вследствие временного расстройства этапных путей в Сибири, куда ссылается на 4 года с ли-

шением всех прав состояния ссыльнопоселенец Лопатин, разрешается ему прожить это время ожидания восстановления путей в городе Вильне, за поручительством его родного брата В. А. Лопатина» [8],— писал Лопатин в автобиографии. И хотя впоследствии Лопатин так и не был выслан в Сибирь, а жил преимущественно в Вильно, «привязанную к ноге цепь» он ощущал постоянно. Как показывают публикуемые в сообщении Л. С. Пустильник документы Департамента полиции, за Лопатиным была установлена строгая слежка, а потому каждый переезд, каждая поездка в Петербург и другие города требовали специальных разрешений, переговоров в Департаменте полиции. Почти три года прожил Лопатин в России после освобождения из крепости, и все эти годы он жил, опасаясь внезапного ареста, ссылки, нового заключения.

«Что Вам сказать о моей здешней жизни? — писал Лопатин В. Н. Фигнер 16 марта 1906 г.— Главное отличие ее от шлюшинской состоит в том, что я читаю газеты, веду бесцензурную переписку с кем угодно и хожу без конвоя по улице. Общественная жизнь и деятельность для меня закрыты (...) уехал бы куда-нибудь, да нельзя. Даже посетить сестер в Тифлисе не могу. Дурново любит меня так же серьезно, как и Вас, и, трепеща за мое благополучие, ни за что не соглашается пустить меня на Кавказ» [9]. Правда, летом Лопатин получил разрешение на поездку к сестрам, а позже — на поездку в Петербург. В. Н. Фигнер писала В. Д. Лебедевой 2 ноября 1907 г.: «Герману Александровичу сестра, из Одессы приезжавшая, устроила пребывание в Петербурге, и он отдыхает тут душой от всех скорбей и обид» [10]. Поездки в Петербург были нужны Лопатину прежде всего для медицинских обследований. В прошлом, в «первой» своей жизни, человек необычайной физической силы, «удалой добрый молодец», каким его знал Г. Успенский, Лопатин вышел из Шлиссельбурга больным человеком. Двадцать один год пребывания в крепости (почти три года после ареста до суда в 1887 г.— в Петропавловской и восемнадцать лет в Шлиссельбурге), естественно, заметно ослабили его богатырское здоровье, и не только физически. Более всего мучила его неврастения — абулия,— о чем он постоянно с тревогой писал сестре, Л. А. Мартыновой. Лопатин в «первой» своей жизни был человеком активного действия. Он мог, прочитав в утренней газете, что «Гарибальди бежал с Капреры и идет на Рим», в тот же день покинуть Петербург и «поскакать в Италию» [11]. Мог решиться на беспримерное по смелости похищение П. Л. Лаврова из ссылки и не менее смелый план «похищения» Н. Г. Чернышевского из Сибири, мог трижды бежать из Иркутской тюрьмы, совершить удивительные по мужеству и находчивости переходы через ангарские пороги, мог решиться приехать в Россию в 1883 и 1884 гг., чтобы один «собирать рассыпанную храмину» — партию «Народная воля» и выполнить «чудовищную для единичной личности задачу» [12].

В своем письме генерал-губернатору Восточной Сибири Н. П. Синельникову 15 февраля 1873 г. он так характеризовал себя: «Я привык вращаться в кругу людей науки и мысли, я привык к библиотекам, новым книгам, свежим журналам и газетам; я привык толкаться в самом водовороте умственной и политической деятельности; я привык к жизни, полной сильных, ярких впечатлений, наполняющих и ум, и сердце до того, что в них не остается, кажется, ни одного свободного уголка,— после всего этого бесцветное и вялое существование в Иркутске сводило меня с ума и казалось мне простым продолжением тюремной жизни» [13]. Как же сводило его с ума одиночное заключение в Шлиссельбурге!

Душу давит гнет свинцовый,
Тяжело и больно —

писал он в одном из своих «шлюшинских» стихотворений [14].

Он выдержал, благодаря огромной силе воли и интеллекта, колоссальному запасу «духовности», присущему ему насмешливому, ироническому складу ума [15]. Разумеется, помогали и особые отношения, возникшие между заключенными Шлиссельбурга. Об этом размышляла В. Фигнер накануне выхода из крепости: «В течение 20 лет эти люди были единственными, с которыми я состояла в отношениях равенства и солидарности, любви и дружбы. От них одних я получала поддержку,

утешение и радость. Весь мир был для меня закрыт, все человеческие связи порваны, и они, только одни они, заменяли мне семью и общество, партию, родину и все человечество. Неповторяемые обстоятельства связывали нас неповторяемыми узами!» [16]

Но Лопатин не мог оставаться прежним Лопатиным после Шлиссельбурга. «...Они слизнули у меня жизнь» [17],— признался он в одном из писем к родным, которое так поразило умирающего Лаврова. Несколько оправившись за границей, он писал сестре 2 мая 1909 г.: «Телом я, конечно, здоров и силен (головокружение, печень и т. п.— чистые пустяки). Но моя неописуемая неработоспособность. Мой неодолимый страх ко всякому почину, даже в пустяках, заставляющий меня нуждаться в чужой опеке, мое вечное недовольство собою, вечное мучительное самоугрызение, не ведущее к исправлению,— все это болезнь, и очень мучительная» [18].

Лопатин предпринимал серьезные попытки, чтобы выйти из круга недомоганий и болезней, преодолеть запреты, найти свой путь к общественной жизни. В конце 1907 г. был закрыт журнал «Былое», последний – двенадцатый – номер которого имел заглавие: «Исторический сборник». Вместо него с начала 1908 г. стал выходить журнал «Минувшие годы», который значился как «внепартийный исторический и историко-литературный журнал». Список его участников был более обширным и пестрым, нежели в «Былом». Очевидно, «внепартийностью» платформы можно объяснить, что на его страницах печатались кадеты (Ф. И. Родичев, П. Н. Милюков), эсеры (Н. С. Русанов), народники (М. Р. Попов, Н. А. Морозов, А. Иванчин-Писарев, М. В. Новорусский, В. Н. Фигнер и др.), беспартийные ученые (Ф. Д. Батюшков, Н. И. Кареев, М. К. Лемке, В. О. Ключевский, Е. В. Тарле), писатели (А. Белый, В. Брюсов, Д. Н. Мережковский, М. О. Гершензон). Участвовали в журнале и социал-демократы: большевики (В. Д. Бонч-Бруевич, М. С. Ольминский — они не были объявлены) и меньшевики (Н. И. Иорданский). Издателем журнала считался Н. В. Мешков, а фактическими редакторами оставались П. Е. Щеголев и В. Я. Богучарский.

Среди участников издания значился и Лопатин и не просто значился, но достаточно активно в нем сотрудничал. В первых двух номерах журнала Лопатин выступил как переводчик писем Маркса и Энгельса к Н. Ф. Даниельсону, завершавшему в 1870 г. перевод «Капитала» на русский язык. Как известно, после неудачной попытки Бакунина сделать перевод «Капитала» в 1870 г. за эту работу взялся приехавший тогда в Лондон Лопатин [19]. Даниельсон вспоминал, что Лопатин рассчитывал «в трудных случаях на помощь Маркса, с которым он познакомился и с которым у него установились вскоре очень близкие и сердечные отношения». Любопытно свидетельство Даниельсона о характере общения автора и переводчика: «Принявшись за перевод „Капитала“, Г. А. Лопатин во многих случаях для выяснения себе облика цитируемого Марксом писателя, отправлялся в библиотеку Британского музея и там по подлиннику знакомился с тем или другим из авторов, на которых ссылался Маркс. Ему случалось подмечать у этих авторов еще большую путаницу понятий против той, которую отмечал у них Маркс. В таких случаях Маркс принимал замечания Г. А. Лопатина к сведению и делал соответственные добавления» [20].

Впервые было освещено в русской легальной печати участие Лопатина в переводе «Капитала», книги, с изданием которой в 1872 г. «имя К. Маркса становится действительно популярным в России» [21]. Лопатин же — «наш общий друг», как называли его Маркс и Энгельс,— многократно упоминался и в опубликованных письмах. Дело в том, что в 1870 г. Лопатин прервал работу над переводом и вернулся в Россию, имея целью освобождение Чернышевского. Маркс узнал об его аресте в Иркутске и с тревогой спрашивал о Лопатине Даниельсона, который продолжил перевод «Капитала». «Здесь получены самые тревожные известия о нашем „общем друге“, но я надеюсь, что они окажутся ложными или, по крайней мере, преувеличенными» [22],— писал Маркс 22 июля 1871 г.

28 мая 1872 г., узнав о побеге Лопатина, Маркс признавался: «Известия, сообщаемые вами о нашем общем друге, очень обрадовали меня и мою семью: есть мало людей на свете, которых я так люблю и так уважаю». Однако вскоре Лопа-

тин вновь был арестован, и Маркс беспокоился и постоянно спрашивал Даниельсона о «судьбе нашего милого „общего друга“» и даже собирался «помочь ему путем дипломатического вмешательства из Константинополя» [23].

Во втором номере журнала «Минувшие годы» печатались письма Энгельса Николаю-ону (Н. Ф. Даниельсону) и отрывки из писем Маркса и Энгельса к Зорге, Больте и другим также в переводе Лопатина. В письмах Энгельса — тревожные вопросы о Лопатине, который был арестован в октябре 1884 г. и в 1887 г. приговорен к смертной казни. До Энгельса дошли эти «печальные сообщения», и он просил Даниельсона «доставить тем или иным путем какие-нибудь подробности относительно постигшего его несчастья» (п. от 5 янв. 1888 г.). 15 октября 1888 г. Энгельс писал Даниельсону: «Парижские друзья настаивают на том, что наш „общий друг“ вовсе не умер; но я не имею никакой возможности проверить их сообщения». Очевидно, до Энгельса дошли слухи о «высочайшем помиловании» — приговор к смертной казни был заменен Лопатину бессрочным заключением в Шлиссельбургскую крепость [24]. Письма Энгельса свидетельствуют, как мало сведений проникало из России о судьбах русских революционеров, с какими величайшими трудностями они просачивались из официальных источников. 4 июля 1889 г. Энгельс писал: «Сообщаемые вами известия о состоянии здоровья нашего „общего друга“ очень утешительны и вполне согласны с тем, что мы слышали из других источников. Человек с такой несокрушимой натурой, наверное, преодолеет все испытания, а потому мы можем не терять надежды в один прекрасный день снова увидеть его здесь в полной силе его прежнего, юношеского здоровья» [25].

Обращает на себя внимание публикация в третьем номере журнала «Н. Г. Чернышевский в Вилюйске», подписанная NN, в которой приведены важные архивные документы о пребывании Чернышевского в Вилюйске и о попытках его освобождения, предпринятых Лопатиным и И. Н. Мышкиным. Примечания к статье сделаны Лопатиным. Очень лаконичные, они передают не только внешние события и факты, в них субъективное, лопатинское «присутствие», его личные воспоминания и пояснения, дополняющие и углубляющие материал статьи. Так, в примечании 1 сообщается об унтер-офицере Ижевском, который знал Лопатина по Иркутску и который был переведен позже в Вилюйск для наблюдения за Чернышевским: «Самым первым был послан туда именно Ижевский, относившийся к Лопатину с пылкой ненавистью за учиненный им побег и чуть не зарубивший его при задержании (об этом когда-нибудь после). По-видимому, часть этой ненависти, выразившейся в грубости обращения, он перевел и на Чернышевского, зная духовную связь этих двух лиц». Или примечание 2: «Адъютант иркут⟨ского⟩ жанд⟨армского⟩ правления, штабс-капитан Зейферт имел при себе двух жандармов для Чернышевского и одного собственно для себя, в качестве денщика или вестового, как он сам говорил потом Лопатину» [26] и т. п.

Участие в журнале «Минувшие годы» было важным занятием Лопатина, дававшим к тому же и некоторый заработок, обстоятельство немаловажное, имея в виду трудное материальное положение Лопатина.

Весной 1908 г. он оказался втянутым в организацию новой газеты. Судя по всему, речь идет о «еженедельной литературно-общественной и политической газете» «Голос народной правды», первый и единственный номер которой вышел в Петербурге 13 апреля 1908 г. 18 апреля Лопатин писал сестре: «Пусть мое имя на газете не вводит тебя в заблуждение: от редакции я отказался наотрез, несмотря на уговоры, чуть не мольбы, и хотя эту газету и прославили здесь *моей,* ни одной моей статьи тут нет; я дал только имя и подавал добрые советы. Втайне рад, что ее захлопнули с первого же нумера, так много крови она мне испортила и я так страшился быть скомпрометированным в будущем, ибо ужасно нынче трудно удерживать многих „бывших людей“ от бестактных *антил*евых выходок» [27].

Занятия журналистикой до известной степени скрашивали тяготы повседневной жизни Лопатина, но состояние его здоровья внушало серьезные опасения и близким, и ему самому, угнетала и постоянная жандармская слежка. Возникла мысль о необходимости отъезда Лопатина за границу.

Об этом стали хлопотать его родственники. Хлопотал и сам Лопатин [28]. «Быть может, было бы действительно лучше попроситься за границу и там прийти в себя как следует»,— писал он брату В. А. Лопатину 2 мая 1908 г. из Петербурга, но его тут же останавливала мысль о предстоящих невеселых хлопотах: «...нужно собраться с духом и обратиться *лично* к М(акарову), а для меня это сейчас — нож вострый. Затем ради успеха нужно бы представить медицинское свидетельство (...) Нужны и другие предварительные меры и решения, требующие тоже ходьбы, переговоров и пр. ... Материальные соображения тоже заставляют меня почесывать в голове» [29].

И все же Лопатин сам добыл себе разрешение на отъезд за границу. И с присущей ему живостью и красочностью описал свои хлопоты в письмах В. А. Лопатину и Л. А. Мартыновой.

В письме от 6—14 мая 1908 г. он сообщал брату: «Зашел сегодня к М(акарову). Спрашиваю: будет ли принимать в среду 14-го (царский день), а если нет, то не поздно ли будет начать хлопотать в среду 21-го? Говорят: „да он уезжает послезавтра в отпуск недель на шесть".— Кто же будет вместо него? „Трусевич". Я чуть не упал в обморок... Поди и тебе известно это имечко?!.. Говорю: не примет ли он меня сегодня, хотя и не записан? Справились. Говорят: можно. Попал предпоследним. Говорю: разрешите мне житье здесь *без определения* в сроке впредь до поступков (худых). Потолковали. Говорит: „справлюсь, если не окажется худых отзывов, пожалуй, разрешу, но, конечно, лишь словесно, как Лукашевичу. Бумажка у Вас есть?" Есть, вот она. Взял и начертал нечто.— Говорю: во-вторых, отпустите меня за границу. „Этого не могу. Не в моей власти. И против закона".— А как же отпустили Веру и Фрола? — „Они уехали *сами*: одна из Финляндии, другой не помню откуда".— А вот и неправда!— „Как неправда?"— Так что Вы сами отпустили их. Рассказываю подробности. „Ну, Вы говорите так уверенно и обстоятельно, что придется навести справки, а на память, ей-богу, не помню ничего подобного и всегда считал их улизнувшими тайком. Справлюсь, справлюсь, но ничего не обещаю". На том и покончили*. Спрашиваю полушутя у Вия (которому он позвонил тотчас после моего ухода и долго продержал): „Надеюсь Вы не дадите обо мне худых справок, когда обратятся в Ваш департамент?" А он: „Нет, нет, нет",— но говорит вяло, спрятав лицо в бумаги и избегая смотреть в глаза. Прежней любезности, сердечности, радушия, услужливости — ни следа. Пусть бог простит мне, но мне кажется, что он говорит про себя: „Неблагодарное животное! Вот она пасха; мог бы, кажется, купить серебряный портсигар рублей в 20 и 30, вложить в него пару четвертных и поднести своему доброжелателю..." Одним словом, побаиваюсь я его, и вообще, как видишь, положение мое по-прежнему не особенно завидное» [30].

Через день, 16 мая, Лопатин писал брату: «Вчера заходил в Департамент сердцеведения и узнал, что мне разрешен выезд за границу и, по-видимому, бессрочное проживательство здесь до выезда. Подробный анализ фактов и мои соображения по их поводу опускаю по тысяче причин. Конечно, я был если не *рад* (я забыл это чувство), то доволен услышать это, но лишь на секунду. Затем, как неисцелимый неврастеник, я предался всяким размышлениям — когда, куда и как ехать? Где и как поселиться? и т. д. Затем стал терзаться мыслями о предстоящих хлопотах с паспортом, с устройством денежных дел и необходимыми покупками и приготовлениями и т. д., и т. п.» [31]. Аналогичное письмо было отправлено в тот же день Короленко (см. сообщение Л. С. Пустильник).

Но, естественно, Лопатин начал уже всерьез думать об отъезде. Он хотел ехать в Ниццу. Однако предполагаемый его маршрут менялся, уточнялся, о чем он 29 мая сообщал брату. П. Е. Щеголев от журнала «Минувшие годы» Лопатину предлагал оплатить проезд до Стокгольма, с тем чтобы он попытался разыскать там важные бумаги, в частности и его собственный архив.

Однако планы Лопатина едва не потерпели крах. Письмо к брату от 29 мая он не закончил и продолжил его 1 июня. «Тут был перерыв на двое суток вслед-

---

* Внизу письма приписка Лопатина: «Причем, я подложил вторую бумажку, на которой он тоже что-то чертил».

ствие неожиданно свалившегося на меня удара, принудившего меня два дня тревожно метаться по городу из конца в конец. 30-го утром получаю приглашение явиться в участок. Старого пристава, знающего меня, и доброжелательного полковника — нет, он в отпуске. Помощник его — сухой, тупой и нелюбезный бурбон, категорически заявляет: „Завтра оканчивается срок разрешенного Вам отпуска; потрудитесь выехать из СПб.".— „Но мне разрешен выезд за границу, о чем Вы должны были объявить мне. В ожидании этого объявления я не собирался. Мне нужно не меньше трех недель для устройства моих денежных дел. Мне некуда и не на что выехать".— „Мне до этого нет дела, а о заграница мне ничего не известно. Не выедете добром, примем надлежащие меры"». Далее Лопатин описывал свои двухдневные хождения в канцелярию градоначальника, Департамент полиции, где узнал, что разрешение на выезд за границу было дано 15 мая, но прислано в другой участок; в охранное отделение, куда никто не допускался, и Лопатин «растолковывал свое дело» одному из шпиков, толпившихся около отделения, затем снова отправился в участок. «Подумай только: двое суток мыкался я из конца в конец с 9 утра буквально до ночи (дважды являлся в участок около 11 вечера),— заключал он свой рассказ.— Сколько тут перечувствовано тревог, опасений, нервного напряжения, утомления, брезгливости, отвращения, физической усталости,— этого не рассказать! И как трудно было положение! Выручали: способность импонировать собеседнику, великому и малому, находчивость, такт, настойчивость и т. п. таланты, просыпающиеся во мне, когда неминуемая беда заставляет меня забывать на время о моей неврастении» [32].

2 июня Лопатин писал сестре, Л. А. Мартыновой: «Вчера и сегодня по случаю Троицы и Духова дня стояло перемирие; но завтра снова начнется борьба, беготня и хлопоты. Я надеюсь на успех в той или иной степени, но наверное ничего нельзя сказать» [33].

Тем не менее 3 июня заграничный паспорт был получен. Начались приготовления к отъезду, окончательное уточнение маршрута. Л. А. Мартынова просила Лопатина ехать в Ниццу через Одессу, с тем чтобы они могли повидаться. Лопатин отказался — и не только по соображениям материального характера. «После отъезда Макарова,— писал он сестре 13 июня,— каждый день пребывания здесь дается мне ценою упорной, жалкой борьбы, издергавшей мне все нервы, такой же борьбы, и, быть может, осужденной заранее на неуспех, потребовало бы каждое изменение в моих планах и маршруте» [34].

И все же незадолго до отъезда Лопатин совершил некоторые незапланированные поездки. Он уехал из Петербурга после 21 июня и в одном из южных городов встретился с Л. А. Мартыновой. Потом он писал ей открытки из Винницы (5 июля), затем из Вильно (8 июля). 10 июля он был в Гомеле, где виделся с племянницей З. А. Лопатиной. 11 июля вернулся в Вильно к брату. На двух его открытках от 14 июля стоит пометка «Вержболово». Это день его отъезда за границу: 14/27 июля 1908 г. Он торопился уехать. «Очень уж мне тут скучно и неудобно, а главное – опасаюсь какого-нибудь нового подвоха со стороны Малыша (un petit oficier bleu [2*]),— писал он сестре в этой последней открытке из России.— Мой папиросник говорит вчера мне: „позавчера трое голубков лежали вон за тем забором, наблюдая вон за тем домом. Пошел дождь, им принесли шинели. Думаю, что за притча? Кого им нужно? А потом вижу вчера, что Вы идете под руку с барышней, значит, вернулись. Тогда все стало понятно". У ворот торчит все время какая-то богомерзкая (...) морда. Да и сейчас вижу, как по двору ходит голубок во всей амуниции и заглядывает в окна. Противно. Да и, пожалуй, Малыш опять начнет доносить о моих прощальных визитах и придется вновь объясняться. Ну их к черту!» [35]

На следующий день Лопатин был в Берлине. Его очередная открытка сестре датирована 15/28 июля и подписана: «Герман Вольный».

[2*] маленький голубой офицер, маленький жандарм (*фр.*).

Начался новый, заграничный период жизни Лопатина. Но, как это видно из публикуемых жандармских дел о Лопатине, он сразу был передан под наблюдение заграничной русской охранки.

II

Лопатин, как уже говорилось, предполагал ехать в Ниццу и 16/29 июля был в Париже. Однако следующее письмо к сестре он писал по пути в Лондон, куда приехал 21 июля/3 августа. «Не спрашивай ‹...› почему я уклонился с прямого пути к теплому морю. Ведь и по дороге из СПб. к границе я не мало уклонялся в стороны, такой уж я „уклончивый“»,— шутливо писал он сестре. Вернувшись из Лондона в Париж и пробыв там несколько дней, Лопатин наконец 14/27 августа отправился в Ниццу. Ницца не понравилась Лопатину, и 9/22 сентября он писал сестре о своем намерении перебраться в Италию. 24 сентября/7 октября Лопатин сообщал сестре уже из Кави: «Я устроился здесь, как в земном раю. И что же? Меня немедленно стали бомбардировать призывами в Париж по крайне неприятному делу! Сегодня даже деньги выслали на дорогу. Отписывался, но тщетно... Бешусь, ругаюсь, но... поеду». О том же в тот же день он писал и Короленко.

За переездами Лопатина в Париж, Лондон, снова в Париж, Геную, Бретань, Нерви, Сестри, поездками в Швейцарию трудно проследить. Чаще всего он ездит в Париж. Но не только туда. 14 августа 1909 г. он писал сестре: «Вчера вернулся из нового 10-дневного путешествия... Побывал на берегу Атлантического океана и мало ли еще где ‹...› утомился страшно и должен был отказаться от новой поездки на юг Италии, пока не отдохну и не справлюсь со ждавшей меня корреспонденцией... Подумай только, где я не побывал за этот год и жил ли я хоть два месяца сподряд на одном месте!» [36]

3 января 1910 г. он сообщал: «Между 10 и 17 декабря целую неделю жил в поездах» [37].

Так в разъездах проходила его жизнь за границей. И, естественно, поэтому Лопатин ценил возможность побывать в Кави ди Лаванья, где он поселился сначала у Г. Петрова, а затем в доме Амфитеатровых.

«...Как он чувствует красоту!» — восклицал Горький в письме к Амфитеатрову, делясь с ним своими впечатлениями о Лопатине (Г—А, п. от декабря, не ранее 9-го, 1909 г.). Чувством красоты исполнены картины кавийской природы в письмах Лопатина к сестре. Окрашенные присущей ему самоиронией, они живы, теплы, лиричны.

«Знаешь ли, что я больше всего ценю в той окружающей меня красоте, которой ты так завидуешь? — писал он сестре 2 декабря 1908 г.— Ее *легкодоступность* без всяких приготовлений и усилий. Сижу я, например, в своей комнате (не оклеенной обоями, а с потолком и стенами, расписанными al fresco). Сижу в удобном кресле и читаю „Р‹усское› бог‹атство›“. Отвожу глаза в окно и вижу раскаленное докрасна солнце, опускающееся в море, а внизу, под окнами кусты, усыпанные розами, камелиями, а деревья — апельсинами и лимонами. ‹Красо› 3*та дивная. Но, чтобы любоваться ей, мне не нужно ехать на острова или на пикник, не нужно снимать лапсердака и туфель,— вот, что дорого. Настает ночь; встает луна; в том же лапсердаке и туфлях я выхожу со двора и бреду по направлению к ближайшему городку (Sestri, Levanto). Слева у меня утесы и скалы, увенчанные пиниями (здешняя сосна) и оливковыми рощами, справа — море, залитое лунным светом бьющее иногда пенистыми белыми волнами в крутой берег и даже заплескивающее иной раз чудное, ровное шоссе, по которому я бреду ‹...› Встречаются оборванные рабочие обоего пола и поют ‹...› отрывки из опер! ...Идет куча мальчишек и свищут марш Торреадора, причем каждый свищет свою партию».

Очень понравился Лопатину и гостеприимный дом Амфитеатрова; «‹...› в этом доме ценят и любят радость: цветы, музыку, живопись и пр., что отражается на всем житейском обиходе. Например, стол всегда уставлен живыми цветами,

---

3* Обрыв текста (*ред.*).

а стены украшены гирляндами курьезной зелени или целыми деревьями ⟨...⟩ Музыка каждый вечер» (п. от 27 марта 1909 г.).

В письме от 2 апреля 1909 г. Лопатин дал общую картину жизни в Кави, объединив в своем описании и картины природы, и уклад, и быт амфитеатровского дома: «Но и в плохую погоду Кави для меня лучшее из всех испытанных мною мест. Ведь даже в дождь и бурю под самым моим окном, прямо перед глазами расстилается море, высятся горы, зеленеют и цветут сады и пр. Едва проглянет солнце, я могу — в фуфайке и туфлях, без шапки, совсем по-домашнему — брести, куда глаза глядят. И везде-то теперь цветы и ароматы. А нельзя выйти — так все стены моей комнаты, так же как и соседнего кабинета хозяина, уставлены с полу до потолка книгами на разных языках... Не скучно! В доме получаются „Речь", „Наша газета", „Русские ведомости", „Одесские новости" и „Киевская мысль", а из журналов „Русское богатство", „Образование" и „Современный мир". Довольно? Пусть Кави деревня в глуши, но почту раздают здесь четыре раза в день, а газеты из СПб., Москвы, Одессы и Киева доходят в трое, четверо суток. Не худо. А главное, какая ни будь погода, тебе не нужно тащиться 2, 3 раза в день в харчевню по грязной слякоти! Хозяева и сожители радушны, но ни капли не навязчивы. Спущусь я вниз к столу или на музыку — мне рады. Сижу у себя, никто не постучит в мою дверь иначе, как по *моему* делу (всего чаще почта). Прислуга приветлива. У сожителей милые характеры. Хозяйка — талантливая певица. С⟨ергей⟩ И⟨ванович⟩ — талантливый пианист, есть и еще один, не менее талантливый... Музыка каждый вечер, но никто не обижается моим довольно обычным отсутствием. Как видишь,— не легко найти лучшее место для неврастеника пожилых лет» [38].

Для нас описание Лопатиным Кави и дома Амфитеатровых интересно вдвойне: во-первых, потому, что там бывал Горький, и живой рассказ Лопатина передает в подробностях то, что видел и знал Горький. Во-вторых, эти описания помогают нам понять самого Лопатина, немолодого, больного человека — «неврастеника пожилых лет», как иронически он себя называет.

Замученный разъездами по тяжелым, неприятным делам, нахолодавшийся в Париже и Лондоне, Лопатин не мог не ценить тепло, уют и покой амфитеатровского дома, где он мог жить «сыто и пьяно». Вот прямое признание. Оставшись однажды один в доме («Амфитеатров укатил во Флоренцию», его жена — в Петербург), Лопатин пишет сестре, что поехал бы в Париж, но «когда подумаю о нищенствующей эмиграции, о бездельничающих, скучающих посетителях, а особенно о холостяцком существовании с мелкими житейскими заботами, то мне делается страшно, и я продолжаю прозябать здесь» (п. от 27 окт. 1909 г.).

Ну, а хозяева? Конечно же Лопатин не мог не быть благодарным Амфитеатровым за гостеприимство, «за сугрев и ласку». Уезжая из Кави, позже из Феццано, он писал Амфитеатровым обстоятельные письма, а оставаясь в доме на время отъезда хозяев в Париж или Германию, давал почти ежедневно отчеты о состоянии домашних дел.

Но, знавший Маркса, Лаврова, Тургенева, Успенского, Фигнер, Лопатин не мог не понимать, что Амфитеатров человек другого ранга. Иные характеристики Лопатина спокойны: Амфитеатров для него «*зрелый* собеседник» [39], подчеркивает он в письме к сестре. Зрелый, т. е. человек, с которым можно поговорить о важных делах, поговорить и поспорить. Отголосок одного из серьезных споров звучит в письме к сестре от 2 декабря 1908 г., хотя Лопатин всячески избегает в письмах в Россию касаться политических вопросов. Поехав в качестве корреспондента «Нашей газеты» на Балканы, Амфитеатров присылал в газету статьи о Боснии, требующие от русского правительства защиты интересов славянского народа. Лопатин же анализирует события в Боснии совсем с других позиций: «Ведь если говорить даже только о *национальной* свободе, то с каким лицом мы можем приглашать наших соотечественников помогать по этой части боснякам при нынешнем положении у нас в России армян, поляков и в особенности евреев?! Да и *гражданская* свобода угнетенных босняков выше свободы *господствующего* племени на Святой Руси, так как же не нарваться тут на возражение: „да вы (обрыв бумаги.— *Н. Д.*)

сначала о самих себе, устраните собственное внутреннее рабство и завоюйте свободу для самих себя ⟨...⟩" Потом я должен сказать тебе, что все симпатии мои на стороне Турции (конечно, молодой), и мне больно, что несвоевременные националистические движения искусственно раздуваются австрийским и русским правительствами, чтобы помешать укрепиться новому порядку и обобрать Турцию в момент ее слабости вследствие внутренней революции... Одно время я даже подумывал уехать в Константинополь, чтобы посмотреть и пережить все вблизи; но меня удержала мысль, что незнание языка принудит меня смотреть на все *чужими* глазами». И не случайно, что далее Лопатин критически отзывается о деятельности Вас. Немировича-Данченко, не знавшего ни японского, ни китайского языков, в качестве корреспондента на русско-японской войне и размышляет о легких и огромных — от 1500 до 2000 рублей — месячных заработках корреспондентов газет Амфитеатрова, Дорошевича, того же Вас. Немировича-Данченко. Возможно, поэтому далее следовало приведенное выше рассуждение о «легкодоступности» красоты кавийской природы, примиряющей его с хозяевами дома [40].

Иногда характеристики Лопатина добродушно ироничны: «Оба Амфитеатровы щедры, как воры, пока есть хоть копейка в кармане. И. В. очень практичная, предприимчивая, деловитая женщина, но в то же время великая мотовка, очень любит дарить, угощать...» «„Он" дорожит во мне присутствием взрослого, умного, образованного человека, с которым можно обменяться мыслями в этой пустыне. „Она" — дорожит во мне человеком, услаждающим ее мужу его пустынное существование» (п. от 6 апр. 1910 г.).

Зная, что сестра «недолюбливает» Амфитеатрова, Лопатин нередко указывает на «бескорыстие» хозяев в отношении к нему: «Мне кажется ⟨...⟩ что я им нравлюсь» [41].

Несомненно более теплыми были отношения Лопатина с И. В. Амфитеатровой. «Король-женщина»,— назвал он жену Амфитеатрова в одном из писем. В этой оценке он расходился с Горьким, какое-то время очень расположенным к Амфитеатровым, но к 1911 г., после разрыва с «Современником», изменившим к ним свое отношение. «А⟨лександр⟩ Валентинович — человек слабой воли, усталый человек, Иллария же — лицо злое. Она никого не любит, не умеет любить... она, в сущности, очень несчастная» [42],— писал он Е. П. Пешковой.

Много лет спустя Горький скептически оценит отношение Лопатина к Амфитеатровым: «Герман Лопатин весьма щедро одарял людей своею дружбой» (*XXIV*. 276).

Судя по письмам, Лопатин не очень высоко ставил Амфитеатрова как писателя. Его проницательный ум отметил весьма характерную черту Амфитеатрова-фельетониста. В ответ на тревогу сестры, не использует ли Амфитеатров в своих фельетонах мысли Лопатина, он писал: «Амфитеатров не из тех людей, которые не отдают свои произведения под чужую редакцию, но невозможно, чтобы в писаниях фельетониста не отражались его беседы и отношения с окружающей его средой. Сам я,— добавлял Лопатин,— его почти никогда не читаю, ибо неохотно трачу время на провинциальные газеты» [43]. Лопатин, возможно, редко читал и книги Амфитеатрова, которые ему дарил автор. Получив от Амфитеатрова очередной его роман «Дочь Виктории Павловны», Лопатин признавался, что прочел «не более трети» и что ему очень мешают «вымышленные, старинные, имена местностей: город Рюриков (Ярославль?) ⟨...⟩ река Осна (Цна?) — черт знает — в какой земле проживают и блудодействуют Ваши персонажи ⟨...⟩ Серьезные профессиональные литераторы ценят у Вас главным образом публицистику, относясь сравнительно равнодушно к беллетристике, а „читатель", особенно женского пола, обожает больше Ваши романы, причем особенно подхваливает Вашу триаду „Паутина", „Аглая", „Раздел"» [44].

Отношения Лопатина и Амфитеатрова были не такими «идиллическими», как это может показаться на первый взгляд и как это хотел представить Амфитеатров, хотя длились они до конца жизни Лопатина.

Лопатин признавался сестре: «...меня тянет туда (в Кави.— *Н. Д.*), хотя и там не все золото» [45].

В октябре 1910 г., после длительного лечения у доктора Залманова в Bogliasco, Лопатин поселился вновь в доме Амфитеатровых, но уже не в Кави, а в Феццано, куда они переехали. Теперь он имел возможность более длительно находиться в одном месте. И все же Лопатин не мог жить безвыездно в Феццано. Он часто выезжал в Париж, летом встречался с братом Всеволодом, и они вместе уезжали в Швейцарию: в Берне была похоронена дочь В. А. Лопатина, и он ежегодно туда приезжал. Вместе с братьями иногда путешествовал и Н. Ф. Даниельсон (Фриц), старый друг Лопатина. О характере их путешествий можно судить по одной из многочисленных открыток, которые Лопатин писал сестре, Амфитеатровым, М. П. Негрескул.

«Твоя открытка, милая Люба, догнала меня здесь, на вершинах Альп, куда я прибыл вчера, в разгар снежной вьюги (это 1 июля!). Нам с Фрицем не захотелось ехать 20 верст под землею, и мы предпочли перейти через Симплон пешком, сделав эту путину (в 50 верст) в 12 часов, с одним часовым отдыхом на самом перевале, у монахов. Для юношей в 65 лет это недурно,— не правда ли? Но вот беда: во все продолжение нашего похода шел *непрерывный* дождь, и я стер себе мокрыми чулками обе ноги до крови. И вот сижу, гляжу на Matterhorn, щелкаю зубами и думаю: как это я буду подниматься завтра на заре на Gornerhorn» [46].

В открытке Амфитеатровым летом 1911 г. сообщал, что едва не погиб под снежной лавиной. Но, очевидно, эти поездки в Альпы помогали Лопатину на время забывать о своей болезни, о трагических историях, ждущих его в Париже,— об этом речь пойдет дальше. А встречи с братом приносили ему вести из России, о которой он не переставал думать.

III

По письмам Амфитеатрова Горькому можно предположить, что именно Амфитеатров познакомил Горького и Лопатина. Это верно лишь отчасти. Интерес к Лопатину, возбужденный рассказами о нем Амфитеатрова в письмах и при встречах, был у Горького большой. Но и Лопатин стремился встретиться с Горьким. Когда, приехав в Ниццу, он взвешивал все «за» и «против» его переезда в Италию, перевесили доводы в пользу Италии. И самый серьезный – возможность встречи с Горьким. «Там я надеюсь встретить некоторых интересных людей (Горького, Шаляпина и иных). Если бы это было достоверно, я бы, пожалуй, не колебался, но боюсь, что они явятся поздно» [47],— писал он сестре.

В Шлиссельбурге Лопатину, вероятно, удалось прочитать некоторые произведения Горького. По свидетельству Новорусского, за долгие годы в Шлиссельбурге была собрана довольно большая библиотека — не менее 3000 томов. «Почти все выдающиеся заграничные романисты были в полном собрании и часто на двух языках. Русских было мало. Но их легко было достать в канцелярии, откуда нам давали даже Горького, правда, после многократных просьб и заявлений. Отказы всегда аргументировались тем, что Горького не любят в департаменте» [48].

В Италии Лопатин прочитал «Жизнь ненужного человека» и повесть «Мать», которая произвела на него сильное впечатление, о чем Амфитеатров писал Горькому 6 октября 1908 г. Лопатин даже просил С. И. Горелова, уехавшего из Кави в Россию, передать сестре «Мать» Горького, чтобы она непременно прочла эту книгу. Правда, Лопатина, так же как и В. Фигнер, больше интересовала личность Горького, потому что, как это мы увидим, общее впечатление о Горьком-писателе было у него достаточно смутным.

Что касается Горького, то нам не известно, имел ли он до встречи с Лопатиным достаточно полное представление о его личности, читал ли упоминавшиеся выше книги «Процесс 21-го», с материалами лопатинского процесса и «Заметками о Г. А. Лопатине» П. Л. Лаврова, или книгу «Галерея шлиссельбургских узников». Можно предположить, что он был знаком с публикациями журналов «Былое» и «Минувшие годы». При встрече Горького с В. Н. Фигнер, судя по ее воспоминаниям, вряд ли состоялся обстоятельный разговор о шлиссельбуржцах и о Лопатине [49].

Имя Лопатина появляется в переписке Горького и Амфитеатрова в декабре 1908 г., когда Лопатин поселился в Кави. Но характерна обмолвка Горького в одном из писем: «А что, Герман Николаевич — кажется? — не захочет сюда заглянуть?»

Лопатин и предполагал встретиться с Горьким в декабре 1908 г. 10 декабря он писал сестре из Кави: «Думал поехать во Капри, завернув на сутки в Пизу, Флоренцию и Неаполь и на недельку в Рим, но остался пока здесь...» В январе 1909 г. Горький настоятельно приглашал Лопатина. Об этом Лопатин сообщил сестре 4/17 января: «Затем получаю приглашение на Капри с предложением дарового депутатского билета 1 класса туда и обратно». Сорвавшаяся в августе 1909 г. поездка «на юг Италии» (см. выше) — это опять-таки предполагавшаяся поездка на Капри.

Однако выбраться к Горькому Лопатин сумел только в конце 1909 г. 3 декабря он сообщал сестре: «Получил приглашение поехать в Неаполь, не теряя времени. Нужно обдумать все, уложиться и пр.» [50]

Лопатин приехал на Капри 9 декабря 1909 г. и пробыл там пять дней. Его пребывание на Капри по дням описано Пятницким в дневнике, страницы которого публикуются ниже. Записи Пятницкого свидетельствуют о том, что за эти пять дней Лопатин многократно встречался с Горьким и вел с ним долгие разговоры.

Лопатин приехал к Горькому в трудный для писателя период: Каприйская школа переживала тяжелый кризис. Наметились серьезные расхождения Горького с Лениным, с одной стороны, Луначарским и Богдановым — с другой. Для него встреча с Лопатиным — революционером, бунтарем, талантливейшим русским человеком — была необычайно важной. Она утверждала его веру в огромные возможности русского человека. Отсюда — такой восторг, такая «невоздержанность» и «неумеренность» в отзывах Горького о Лопатине тотчас после встречи с ним. Его характеристики Лопатина в письмах Амфитеатрову, Сулержицкому, Е. П. Пешковой очень близки тем, которые давались Лопатину его великими друзьями в прошлом — Марксом, Энгельсом, Тургеневым. Чутьем художника Горький угадал «задатки гениальности» Лопатина.

Что касается Лопатина, то на него первая встреча с Горьким произвела сильнейшее впечатление и стала одним из самых значительных событий его «второй» жизни. Со свойственной ему обстоятельностью и точностью он описал эту встречу сестре: «...на Капри (...) уговаривали меня остаться там или вернуться поскорей. Вот не ожидал я, чтоб этот создатель сверхбосяков, эгоистических индивидуалистов и разного эгоцентрического люда сам такой милый, сердечный, приветливый человек! ...Веришь ли, что, прощаясь, он не мог удержаться от настоящих слез, чем вконец растрогал и меня?! Своими нападками на мое литературное бездействие он мне напомнил тебя. „И в этой-то всеобщей неразберихе Вы, Вы отказываетесь поднять свой голос! Да ведь это же чуть не преступление! А какая потеря! Что Вы там толкуете о невыношенности и безынтересности т. п. Да Ваш простой рассказ, без всякой примеси теорий и морализации освежает, поднимает, облагораживает человека"... и т. д. Сюда прислал мне одну из своих книг с такой надписью, от которой краска бросилась мне в лицо... Был там и его издатель, который соблазнял меня материальными перспективами. Но я пребыл, конечно, лениво (по-вашему) и твердо. Но — ради бога — все *между* нами, а то это может быть принято за самохвальство да еще, чего доброго, дойти до его ушей, до человека, которого я сердечно полюбил и уважением которого я очень дорожу» [51].

В этом «отчете» Лопатина любопытно все. Прежде всего оценка Горького-писателя как «создателя сверхбосяков, эгоистических индивидуалистов и разного эгоцентрического люда».

Но Горький как человек, как личность покорил Лопатина. «Между прочим, был на Капри, где сердечно сошелся с Горьким,— писал он М. П. Негрескул 8 января 1910 г.,— что за нежная душа скрывается под его грубоватой внешностью» [52].

После первой встречи Горький периодически встречался с Лопатиным во время своих поездок в Кави. На Капри Лопатина всегда настойчиво приглашали. Сохранилось письмо М. Ф. Андреевой Лопатину от 6 мая 1911 г., в котором она настойчиво приглашала его на Капри «погостить» (Г—Л, п. 4). Однако в мае Лопатин,

живший тогда в Феццано, на Капри не поехал, во всяком случае сведений о такой поездке нет, а в июне 1911 г. он с братом и Н. Ф. Даниельсоном уехал в Швейцарию.

Вторая поездка Лопатина на Капри, как об этом свидетельствуют публикуемая переписка, а также письма Лопатина Амфитеатровым, состоялась в начале ноября 1912 г. Лопатин собирался встретиться в Неаполе с Л. А. Лопатиной — одной из своих «многочисленных племянниц» — и из Неаполя приехать на Капри. 4 ноября он отправился на Капри, о чем сообщал Амфитеатровым, которым подробно описывал «свою Одиссею».

Горький, обещавший «радостно» встретить Лопатина (п. 7), действительно вместе с Марией Федоровной и ее сыном встречали его. Горький, как писал Лопатин, «долго стоял вечером на ветру, в одном пиджаке» и даже немного простудился, но они с Лопатиным разминулись, и Лопатин подробно описал Амфитеатровым свои странствия по острову в поисках виллы Горького. Но этот приезд не стал праздником ни для Лопатина, ни для Горького. Лопатин чувствовал себя на Капри неуютно. В письме к Е. Ю. Григорович, написанном на крохотном листке бумаги (Лопатин объяснял, что оставил бумагу в чемодане в Неаполе, а просить у Горьких постеснялся), он признавался: «Писать много некогда в чужом месте» [53]. Но, конечно, дело было не только в «чужом месте»: Лопатин привык к кочевой жизни и частым остановкам у «чужих». В эти дни в доме Горького складывалась драматическая ситуация: М. Ф. Андреева уезжала в Россию. «Атмосфера здесь не из радостных: М. Ф. грустна и все задумывается. А. М. тоже не шибко весел»,— писал Лопатин. Ощущение «подспудной трагедии» делало жизнь Лопатина на Капри почти тягостной. «...было не так-то покойно спать над лавой»,— признавался он Амфитеатровым позже, уже из Неаполя [54].

Лопатин стремился уехать с Капри, но «великолепная погода», которой так радовался Горький, приглашая Лопатина (п. 7), сменилась ненастьем. К тому же должен был приехать Бурцев для деловых переговоров с Горьким. Из-за непогоды и в ожидании Бурцева Лопатин задержался на Капри целую неделю. Он рассказал о своих впечатлениях, очевидно, только Амфитеатровым. М. П. Негрескул, которой он после первой встречи с Горьким радостно писал, что «сердечно сошелся» с ним, теперь просто сообщал, что вернулся с Капри [55].

Первое свидание с Горьким на Капри оставило для истории и для историков многие сведения о замечательном русском человеке — Германе Лопатине. Их последняя встреча на Капри осветила один из трудных моментов в жизни Горького.

Горький и Лопатин еще обменяются письмами после этого свидания, но встретятся они уже в России.

IV

Публикуемая в томе переписка Горького с Лопатиным невелика по объему. То, что пропали или еще не разысканы некоторые письма Горького Лопатину, объяснимо особыми обстоятельствами жизни Лопатина. Но ведь известно, что Горький тщательно хранил письма своих корреспондентов, почему же писем Лопатина всего восемь? Очевидно, их переписка явно не была ни интенсивной и длительной, ни обширной.

Лопатин любил и умел писать письма, но письма к Горькому давались ему с трудом. «Всего обиднее, что никак не могу добиться часу и настроения, чтобы написать Горьким, которые так полюбились мне сразу и были так сердечны со мной... Обнимите их, пожалуйста, за меня» [56],— писал он Амфитеатрову 29 декабря 1909 г. Между тем тому же Амфитеатрову он успел написать в декабре, уехав с Капри в Париж, не менее шести больших писем, и переписка между Лопатиным и Амфитеатровыми всегда была очень оживленной.

Но Амфитеатрову или некоторым другим своим корреспондентам Лопатин мог писать письма о внешних событиях, о пустяках, писать иногда в суете повседневных дел. Письма к Горькому требовали «настроения», серьезного обдумывания или сердечной и душевной близости. А эта близость не возникала. Возможно, потому,

что первое знакомство с Горьким в приподнятой атмосфере «праздника», о которой Горький писал Амфитеатрову, и последующие встречи всегда на людях не способствовали сближению. Возможно, потому, что такой общительный человек, каким его все считали, Лопатин был человеком в то же время замкнутым (двадцать лет одиночного заключения!). Шлиссельбуржец М. Ю. Ашенбреннер вспоминал, что Лопатин, «блестящий, страстный, в высшей степени общительный человек, всегда чувствовал себя одиноким» [57]. В письмах Лопатина близким иногда прорывались слова об «одиночестве во многолюдстве». Нельзя забывать и об удивительной скромности Лопатина, не позволявшей ему «докучать» Горькому.

Для Горького знакомство с Лопатиным — «праздник из праздников, торжество из торжеств» — было утолением его «жажды героя». Но, может быть, горьковское восприятие Лопатина как «чародея сказочного» (п. Амфитеатрову), «сказочного человека» (п. Сулержицкому), значительность, грандиозность Лопатина мешали более тесному их сближению?

В 1911 г. у Горького произошел любопытный обмен письмами с В. С. Миролюбовым. Горький рассердился на Миролюбова, когда тот, прочитав вторую часть романа «Жизнь Матвея Кожемякина», писал: «Эта часть несколько слабее предыдущих. Лопат⟨ина⟩ Вы сильно подняли, а затем уронили. Сказав, что ему слова дороже людей. Может быть, не следовало так поднимать?»

«В предыдущем Вашем письме,— отвечал Горький,— Вы без всяких оговорок заявили о тождестве Марка Васильева и Г. А. Лопатина, чем повергли меня в грусть. Я — портретов с живых людей не пишу, и, само собой разумеется, Марк с Лопатиным не имеет — не может иметь чего-либо общего, ибо я Лопатина с внутренней стороны не знаю. Уверен, однако, что мысли Марка ему чужды.

Очень жаль, что Вы усмотрели сходство там, где его не может и не должно быть» (*XXIX*, 177). Миролюбову пришлось отступить: «...я назвал Марка Лопатиным, потому что заметил в нем много внешних черт сходства с последним. О „тождестве" я не хотел сказать. Как следует Лопатина я не знаю» [58].

Этот эпизод примечателен во многих отношениях. Но нас, естественно, более всего интересует Лопатин. То, что Марк — это не Лопатин и «мысли Марка ему чужды», убеждает одно из писем Лопатина Горькому, в котором он размышлял о русском народе и русской истории. Письмо это любопытно и тем, что в нем Лопатин полемизировал с некоторыми очень важными для Горького идеями, прозвучавшими и в статье «О писателях-самоучках».

Лопатин определял мысли Горького о том, что на «Западе пессимизм — миросозерцание, а у нас он — „мироощущение", как очень „широкие и красивые", но несколько парадоксальные и не совсем верные обобщения». Он не считал, что «пессимизм, мистицизм и фатализм, подрывающие энергию и отразившиеся так ярко в нашем фольклоре» — черты, характерные исключительно для России. «Разве *суть* античной греческой трагедии не та же бесплодная борьба с неодолимым роком? И разве этот ослабляющий действенную энергию национальный порок помешал нам выбиться из-под татарвы и создать великое государство? — или — что еще больше — помешал нам создать великую литературу, в какие-нибудь полтораста лет, примерно от 1725 до 1880 г., т. е. от Петра I до Александра III?» (п. 5).

Добавим, что Лопатин, сам страдавший «пассивизмом», ни в коей мере не рассматривал эту черту как «национальный порок», но как болезнь, благоприобретенную в «бурях жизни», т. е. социально обусловленную.

Несогласие Горького и Лопатина в исторических воззрениях существенно, существенна и фраза Горького в письме Миролюбову о том, что с «внутренней стороны» он Лопатина не знает. «Всегда приму как отца»,— сказал Горький Лопатину при расставании в 1909 г. Шестидесятичетырехлетний Лопатин казался Горькому в его сорок один год отцом.

И не следует ли искать в «вечной» проблеме «отцов и детей» причину того, что органической, полной, глубокой близости Горького и Лопатина так и не возникло. Когда-то молодой Лопатин упрекал Тургенева в том, что тот не понял «детей». Теперь же Горький не сумел проникнуть во внутренний мир Лопатина-«отца». Они были революционерами разных поколений.

Двадцать один год Лопатин был выключен из жизни. Узникам Петропавловской крепости и Шлиссельбурга не разрешалось знать о том, что творилось в мире. Они не знали о русско-японской войне, им было запрещено употребление слова «социальный» [59]. Понимая, какую силу в начале века приобрел марксизм, начальство отобрало у Лопатина первый том «Капитала» Маркса, находившийся у него в Шлиссельбурге [60]. За эти двадцать лет в России произошли важнейшие исторические сдвиги, на арену революционного движения вышел пролетариат, была создана Российская социал-демократическая рабочая партия, революционные идеи проникали в широкие слои народных мас. Но, выйдя из Шлиссельбурга, Лопатин оказался вновь в изоляции, его положение «ссыльнопоселенца» означало постоянную слежку, невозможность свободного общения. В связи с этим Лопатин, естественно, не мог представить до конца всю значимость изменений в общественной, политической, идеологической жизни и только за границей начал постигать, как усложнились революционная борьба и формы этой борьбы. Его идеалы оставались прежними общедемократическими идеалами революционера 70—80-х годов. Именно это имел в виду В. И. Ленин, когда писал, что Лопатин не может дать направление «Современнику» (см. также статью Б. А. Бялика). Горький воспринимал Лопатина как «сказочного», романтического и несколько далекого героя народничества. Любопытно, что некоторые молодые революционеры, тогдашние обитатели Капри, вообще не приняли Лопатина. Так, О. А. Кадомцева в своих воспоминаниях, хранящихся в *АГ*, высказала достаточно резкие суждения о нем.

Но масштаб личности Лопатина, широта его ви́дения мира и человека, его ум и огромное обаяние — все это придавало отношениям Горького и Лопатина и их переписке особую значимость. Мимолетность их встреч и краткость переписки не снижают той роли, которую сыграл Горький во «второй» жизни Лопатина. Также и Лопатин оставил глубокий след в памяти Горького.

Конкретными поводами для переписки и, очевидно, бесед были те «дела», которыми Лопатину пришлось заниматься за границей. Как это ни парадоксально, но так сложна, запутанна, противоречива была тогда русская действительность, что романтический герой прошлого, «рыцарь духа», как его называли, Лопатин помогал Горькому знакомиться с едва ли не самыми страшными, трагическими и позорными явлениями тех лет.

Выехав за границу, Лопатин попал в гущу политической борьбы в среде русской эмиграции. Его сразу «захватили» эсеры. Первое отклонение Лопатина от намеченного заграничного маршрута, о чем он писал сестре,— поездка в Лондон — было связано с приглашением на очередной съезд партии эсеров в августе 1908 г. На этом съезде он впервые увидел Азефа, история которого на несколько лет вперед предопределила деятельность Лопатина за границей и явилась одной из важных тем переписки его с Горьким.

Осенью 1908 г. поездка Лопатина к Горькому сорвалась из-за того, что он был срочно вызван в Париж для участия в третейском суде между Бурцевым и ЦК партии эсеров, обвинявшим Бурцева в клевете на крупного работника эсеровской партии — Азефа. Это было то самое «крайне неприятное дело», о котором он писал сестре и Короленко.

Еще в пору своей бурной революционной деятельности Лопатин понял страшную роль, которую играли провокаторы в русском революционном движении. Когда в 1884 г. он приехал в Россию, с тем чтобы восстановить партию «Народная воля», одной из своих задач он ставил: удалять «немалочисленные продукты политического разврата — последних годов, вторгнувшихся в революционную среду — в форме лиц, ведших двойную игру с революцией и полицией» [61]. Лопатин помнил страшную роль Дегаева в истории «Народной воли» [62]. В его собственной судьбе был Степан Росси — «главный предатель» Лопатина в «Процессе 21-го», как его назовет позже Бурцев.

В письме к сестре Лопатин очень точно определил «суть дела», которым ему пришлось заниматься в связи с Азефом: «Бурцев напал на факты, уличающие А⟨зе⟩ва в провокации. Встретив упорное недоверие со стороны ЦК, он стал предостерегать других заинтересованных лиц. ЦК обвинил его в легкомысленном рас-

пространении, во вред партии, неосновательных и злостных слухов про одного из лучших ее членов. Б⟨урцев⟩ потребовал суда. Ради беспристрастия нужно было взять людей, не принадлежащих к партии, но пользующихся авторитетностью во всех партиях по части ума, справедливости и пр. Выбрали меня, Кр⟨опоткина⟩ и Ф⟨игнер⟩. Мы судили *Бурцева* и, конечно, оправдали, признав А⟨зефа⟩ доказанным провокатором. На сем наше дело и кончилось. *Судить* А⟨зефа⟩ может только партия, а не мы ⟨...⟩ для себя я считаю и того достаточным, что помог сделать его *безвредным*» [63].

В деле Азефа великолепно проявились присущие Лопатину качества: высокая нравственность, справедливость, проницательность, чувство долга, ум, такт. И в этой связи нельзя не упомянуть об инциденте его с В. В. Розановым. Как известно, дело Азефа широко освещалось в прессе. Во всех газетах печатались официальные отчеты о заседаниях Думы, на которых рассматривался запрос об Азефе; печатались статьи, фельетоны и пр. 27 января / 9 февраля 1909 г. в «Русском слове» появился фельетон В. Варварина (В. Розанова) «Почему Азеф-провокатор не был узнан революционерами?» Розанов противопоставлял поколению революционеров-народников, с их высокой духовностью, «нынешних», обладающих, по его словам, «поразительной слепотой к человеку». Но под конец Розанов допустил грубый выпад против членов «третейского суда», и, хотя они принадлежали к первому поколению революционеров, он причислил их к тем, кто «не узнал» Азефа: «Азеф провел за нос и великую мать-игуменью ⟨Фигнер⟩, и патриарха ее, высокообразованного старца кн. Кропоткина. Все они — и Кропоткин, и Фигнер, и Лопатин — уже стары, принадлежат к старым, „народническим" слоям русской литературы и общества, то есть к слоям совсем другой психологии, чем нынешняя...»

Лопатин сразу же ответил Розанову: «14/II-09. Лондон. Не знаю, как Вас зовут по имени и отчеству и потому обращаюсь к Вам просто —

Милостивый государь!

Сейчас случайно прочел Ваш фельетон в „Русском слове" от 27 января и хочу сказать пару слов pro domo meo [2*].

Не берусь разбирать Вашу теорию — в которой несомненно есть доля правды — но могу уверить Вас, что относительно меня и Кропоткина Вы введены в заблуждение невесть откуда взятыми сообщениями „Нового времени".

Оставим в стороне мою первую жизнь — где физиогномика, первое впечатление, наблюдение личности во всей ее сложной конкретности играли немаловажную роль — скажу только о моем отношении к Азеву.

Увидев его впервые на большом собрании, я спросил у соседа: „Это еще что за папуас?" — „Какой?" — „Да, вот тот мулат с толстыми чувственными губами". — „Это... (склонившись к моему уху) ...Это — И⟨ван⟩ Ник⟨олаевич⟩!" — „Как? Это он? И вы отваживаетесь оставаться наедине с ним в пустых и темных местах? — говорю я полушутя. — Но ведь у него глаза и взгляд профессионального убийцы, человека, скрывающего какую-то мрачную тайну" (я три года провел когда-то в иркутском остроге, исключительно между уголовными). Затем, встречаясь с ним *ежедневно* в течение десяти дней и в продолжение целого дня, я ни разу не обменялся с ним ни одним словом, ни одним рукопожатием. А заметьте, всякий Вам скажет, что я очень общительный человек, и я видел его в кругу наших общих друзей, а его почитателей. Не скрою, что я уже слышал о нем кое-что худое, но меня уверили, что это злостная сплетня его партийных врагов, а дошедшие до меня *факты* не оправдывали еще тогда в моих глазах зловещих выводов. Я не демонстрировал, а просто уклонялся от общения с ним, ибо не мог или не хотел преодолеть чувства антипатии.

Кропоткин, насколько я знаю, видел его ранее всего раз или два и никогда не был его *другом*. Во всяком случае, на суде или в следственной комиссии он не брал на себя роли *защитника* Азева, а, напротив того, много способствовал тому направлению, которое приняло, наконец, дело между Бурцевым и ЦК.

[2*] о себе (*лат.*).

Вот и все, что мне захотелось сказать под первым впечатлением от Вашей статьи. Герман Лопатин» [64].

В письме к сестре от 13 февраля 1909 г. Лопатин, возмущаясь очередным враньем «автора статьи, помещенной в „Новом времени", о своей „безграничной вере" Азефу и о дружбе с Азефом Кропоткина, якобы защищавшего Азефа „на суде изо всех сил"», Лопатин восклицал: «Вот так пишется история!» В этом письме он частично повторил описание своего первого впечатления от Азефа, но добавил слова, завершающие его характеристику: «Прилагаю его портрет ⟨...⟩ Он всего больше похож (в фуражке) на одного из тех франц⟨узских⟩ „апашей", который — встретив малолетнюю девочку в глухом месте — изнасилует ее, а затем задушит или зарежет; или обратно: сначала умертвит, а затем изнасилует труп» [65].

В изображении Лопатина Азеф — «профессиональный убийца», скрывающий мрачную тайну, и в то же время это «апаш», т. е. хулиган, вор, отсюда глубочайшее презрение, сатирическая тональность портрета.

Еще более язвительная и уничтожающая характеристика Азефа принадлежала другому судье — П. А. Кропоткину, который писал В. Н. Фигнер 31 марта 1909 г.: «Глубоко сожалею, что ЦК странно пишет об Азефе. Ловкий провокатор, каких не мало во все времена. К чему этот романтизм? Именно как мелких плутов и мошенников надо клеймить этих мерзавцев, а не делать из них героев французских романов» [66].

Горький, писавший об Азефе позже в статье «О предателях» (1930), когда стал известен бесславный конец провокатора, дал чисто сатирический портрет Азефа, «упрощенного мещанина», который не представляет интереса для художника, ибо в нем нет «материала для искусства» (*XXV*, 194).

Но это значительно более поздняя оценка Горьким Азефа. В 1908—1909 гг. восприятие Горьким дела Азефа было близко лопатинскому.

Горький, разумеется, видел «грязь» азефовщины, считал Азефа «ловким подлецом», человеком «гаже палачей», он умолял Екатерину Павловну быть подальше, отодвинуться от этой «гнусной» истории. Вместе с тем Горькому был ясен общественный смысл разоблачения Азефа. «В конце концов — история-то не совсем плоха. Можно ждать ⟨...⟩ важных последствий, уж во всяком случае Столыпин и К° получат несколько здоровых щелчков»,— писал Горький Е. П. Пешковой. И через несколько дней: «Пожалуйста, извещай меня о всем, что делается по вопросу об Азефе, это очень важно. Вуде, выйдут какие-либо бумажки — пришли немедля. Крайне интересное дело» [67].

В письмах Лопатина, знакомого с делом Азефа и многими подобными ему делами не со стороны, как Горький, а изнутри,— тот же широкий взгляд на происходящее: «Важно показать Европе — каковы „столпы" порядка, как они подбивают на злодейства, чтобы выдать потом обманутых ими людей и доказать свои заслуги в спасении власти и пр., чтобы получить потом свои 30 серебряников». Лопатин объяснял сестре, что его деятельность имеет высокий общественный смысл, а не поддержку и защиту Бурцева: «Выступив некогда как бы на помощь ему, я конечно имел в виду вовсе не его реабилитацию, а раскрытие гнусной общественной язвы, губившей все вокруг себя» [68].

Моральный авторитет Лопатина после истории Азефа еще более укрепился. В нем видели не только легендарного героя прошлого, но мужественного, правдивого, совестливого человека, умевшего в сложных, запутанных ситуациях вершить «праведный суд».

Как известно, в прошлой деятельности для Лопатина революционность и нравственность были нерасторжимы. Он не соглашался с идеями и тактикой Нечаева, не разбиравшегося в средствах. «Я не принимал ни малейшего участия в т. н. нечаевском деле, или, лучше сказать, мое участие в нем было отрицательное, то есть мне принадлежала самая резкая критика присланных мне произведений нечаевского кружка» [69],— писал Лопатин Н. П. Синельникову 15 февраля 1873 г.

Не во всем разделявший теоретическую платформу «Народной воли», Лопатин взялся за объединение разрозненных ее групп и кружков, и он избегал споров и дискуссий во имя единства партии. Но он решительно воспротивился следовать

распространенному правилу: «Для достижения поставленных целей все средства хороши» — и добивался того, чтобы распределительная комиссия запретила всякого рода «конфискации», убийства, поджоги и тому подобные действия местных групп [70].

Высокие нравственные критерии помогали Лопатину разбираться в сложных, нередко трагических и всегда неприятных, изнашивающих здоровье историях, которыми ему приходилось заниматься особенно много по приезде за границу.

«Мое имя стало в Париже и Кракове боевым кличем, которым бросают друг в друга партии, кружки и отдельные бойцы»,— писал он сестре 11 апреля 1909 г. В другом письме звучали иные ноты: «...меня то и дело приглашают в суды (разлакомились!). Но мне неохота разменивать свой нравственный авторитет на разбор эмигрантских дрязг, и я отказываюсь, что не легко». Эти два высказывания Лопатина не противоречат одно другому, но свидетельствуют о сложном отношении его к новой своей деятельности. В самом деле, его письма к сестре нередко отражают боль, гнев, горечь, часто брезгливость и отвращение к тому, чем ему приходилось заниматься: «Вот ездил на днях в Геную для совещаний по трем или, вернее, по пяти делам, аналогичным азев(ским). Было еще шестое дело несколько иного рода, но тоже очень трагичное». В другом письме он пишет о «тошнотворных делах». Когда сестра укорила его, что он «порхает» по Европе, Лопатин сердито отвечал: «Порхать-то я порхаю, только не с цветка на цветок, а с одной кучи навоза или падали на другую (...) Вот и сейчас я приехал в Лондон по делу, если не столь (пока) громкому, важному, ужасному и *гнусному*, как дело Азева, то все же достаточно трагическому, душераздирательному и *противному*».

Следует обратить внимание на многозначность, точность, объемность последней характеристики: «гнусное» и «трагичное», «душераздирательное» и «противное».

Лопатин отстранялся от участия в делах мелких, в разбирательстве «эмигрантских дрязг». Но, когда он чувствовал, что за обращением к нему стоит общественная или личная трагедия, он не находил в себе силы отказаться.

«...И Кави не скрывает меня от тяжелых душевных волнений,— жаловался он сестре 20 апреля 1909 г.— Например, сегодня получаю вместе с твоей открыткой: 1) мольбу некоего юноши приехать в Ниццу и принять к моему рассмотрению обвинение его в провокаторстве, 2) запрос: правда ли, что я высказал на основании *личных* впечатлений такое-то мнение об одном из главарей *персидской* революции, 3) просьбу протестовать в печати против некоторых газетных выходок на его счет, 4) просьбу прислать в Краков свое мнение по одному из тамошних дел, 5) донесение, что в таком-то деле топили человека, опираясь на якобы слышанные от меня факты. Все это не только утомительно и досадно, но и снашивает нервы, ибо надо всем этим лежат душевные трагедии». Но, перечислив все эти страшные дела, которые «снашивают нервы», Лопатин разъяснял, почему он берется за них: «Не отвечать нельзя, ибо это было бы просто негуманно, бесчеловечно» [71].

Лопатин всегда видел и многозначность разбираемых им историй, рассматривая их с высоких нравственных, гуманных позиций и одновременно выявляя их общественное значение. Был и еще аспект, в котором проявлялась художественность натуры Лопатина, которая так привлекала Тургенева. «...Все эти материалы просто золотая руда для мыслителя и художника»,— писал Лопатин Горькому. Умевший видеть «личность в ее сложной конкретности», Лопатин ценил «психологический и социологический» интерес дел, столь важный для художника.

В этом смысле очень любопытно его второе письмо Горькому. Оно написано человеком, которому знакомы законы художественного творчества, и обращено как бы коллеге, товарищу, сходно чувствующему и понимающему.

Лопатин, находясь в гуще дел о провокаторах, часто общаясь с ними и со свидетелями, работая с Бурцевым в «Общем деле», «Былом», «Будущем», безусловно, доставлял Горькому важные подробности об «историях» провокаций и их «героях», которыми Горький интересовался. Написав свою повесть «Жизнь ненужного человека», Горький не считал тему исчерпанной, тем более действительность сразу же после выхода повести «подбросила» дело Азефа, мемуары Петрова и др. В 1910 г. Горького заинтересовала фигура Меньщикова, он хотел повидаться и познакомиться

с ним. Договориться о свидании он просил сначала Е. П. Пешкову (через Бурцева), но потом писал ей, что «это дело взял на себя Г(ерман) А(лександрович)» [72].

Любопытно, что в 1926 г., работая над романом «Жизнь Клима Самгина», Горький разыскивал книгу Меньщикова «Охрана и революция».

Но, говоря об интересе Горького к провокаторам и провокациям, нашедшем отражение и в его послереволюционных произведениях, нельзя ограничиваться, разумеется, только областью художественного творчества. Горький всегда оставался политическим деятелем, слежка за ним и за приезжавшими на Капри велась постоянная, и сведения, получаемые им от Бурцева и Лопатина, имели порой непосредственно «практическое» значение.

Можно отметить и другие связи Горького с Лопатиным, отразившиеся в публикуемых материалах. Горький принял участие в деятельности Комитета помощи русским политическим заключенным, приговоренным к каторжным работам, организованного по инициативе В. Фигнер и Лопатина (см. сообщение Л. С. Пустильник).

В свою очередь Лопатина заинтересовала Интернациональная лига, о которой Горький писал в своей статье «Издалека», и он запрашивал у Горького сведения о ней.

Нельзя не отметить и того факта, что имя Лопатина в 1908—1913 гг., до отъезда в Россию, часто фигурировало в переписке Горького с Амфитеатровым; точно так же в переписке Лопатина с Амфитеатровым постоянно возникало имя Горького. Живя в Кави или Феццано, Лопатин, несомненно, читал письма Горького к Амфитеатрову. Этому есть свидетельства Амфитеатрова и самого Лопатина в его письмах к сестре. В ноябре 1910 г. Лопатин как бы подключился к тому напряженному диалогу о Толстом, который вел Горький с Амфитеатровым, но сделал это с присущей ему независимостью и самостоятельностью суждений и оценок, благодаря чему сохранился важный документ о Толстом и Лопатине. 27 ноября 1910 г. Лопатин писал сестре, очевидно в ответ на ее сетования, что он так и не познакомился с Толстым, хотя имел эту возможность: «И мне очень жаль, что, будучи современником этого великого и интересного человека, я никогда не знавал его лично... общение с великим духом служит источником великих духовных наслаждений. В старое время Михайловский очень уговаривал меня побывать в Москве у Толстого, который опубликовал тогда свое „Воскресение“ и интересовался т. н. „революционерами“. Я отвечал, что дорого бы дал, чтобы познакомиться с Т. случайно, но что ни „смотреть“ его, ни „показываться ему“ и позировать для „революционера“ я не пойду. А простого, случайного знакомства так и не состоялось. Как-то в Париже один из приближенных Т. передал мне от него несколько лестных, ласковых слов. Я, конечно, поблагодарил, но отнесся к ним довольно скептически. Откуда, думаю, ему знать меня и с чего он будет вести сочувственную беседу о человеке, столь далеком от всего, что занимает его теперь?— Говорят, Горький упал в обморок при известии о смерти. Во всяком случае письма его к Амф(итеатрову) по этому поводу совсем „лирические“, чтобы не сказать сильнее...» [73]

В переписке Горького и Амфитеатрова нашли отражение и некоторые моменты, связанные с участием Лопатина в «Современнике». Лопатин подписал приветственную телеграмму Горькому, отправленную от имени редакции нового журнала «Современник» (18 декабря 1910 г.). Свое отношение к этому журналу он объяснял в письме М. П. Негрескул 1 января 1911 г.: «Между прочим, готовится здесь новый „Современник“, как бы продолжение старого. Негласный редактор Амф-в. Я — как „неключимый [3*] раб“, конечно, отказался и от официального участия в редакции и и от постоянного сотрудничества. Дозволил только перепечатать (ради имени) из старого „Вперед“ статью „Не-наши“. Но когда живешь вместе, трудно уклониться от участия в целодневных редакционных совещаниях, особенно, когда съехалось трое питерских суб-редакторов. Да и охоты уклоняться нет: интересны и люди, и планы, и рассуждения» [74].

[3*] Здесь: негодный, беспомощный, неспособный. См.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979. Т. 2. С. 521.

V

Лавров вспоминал о Лопатине как о собеседнике, «который прельщал всех и каждого, был душою всякого общества, привлекал к себе и самодура генерал-губернатора Восточной Сибири, и ученых исследователей, и молодых девушек, и острожных каторжников, и фанатиков-революционеров». Приведем рассуждение Лаврова полностью: «Его рассказы, полные блеска и юмора, чаровали слушателей. Поэтому материал для его биографии мог бы быть очень богат и разнообразен. Но именно разнообразие мест и личностей, среди которых имели место разные эпизоды его жизни, здесь представляет затруднение. Множество лиц могли бы доставить о нем в высшей степени интересные сведения, но каждый мог бы точно и подробно сообщить лишь некоторые ее эпизоды. Лишь сам Лопатин был бы способен сгруппировать и распределить все эти эпизоды в надлежащей перспективе и гармонии. Его и уговаривали не раз сделать это. Уговаривал Иван Сергеевич Тургенев, угадывавший в нем блестящий литературный талант. Уговаривали его и друзья. Ему было все некогда. Его отвлекали всегда от усидчивой литературной работы, без возможности напечатать ее немедленно или работа для куска хлеба, переводы, сделанные по верному заказу, или хлопоты по сотне дел...»

Лавров сетовал на то, что друзья не записали рассказов Лопатина или записали очень мало, до того как «наступила катастрофа» — арест 1884 г. и приговор к пожизненному заключению.

Выше говорилось о том, что после освобождения заключенных Шлиссельбурга в журналах «Былое» и «Минувшие годы» печатались воспоминания, где рассказывалось и о Лопатине. Были напечатаны в «Былом» и две заметки самого Лопатина, вносившего коррективы в рассказы о нем. Так, в № 3 Лопатин, исправляя Иванчина-Писарева и уточняя обстоятельства ареста доктора Веймара, у которого он жил по приезде в Россию в 1879 г., сам рассказывал о некоторых моментах, связанных с Веймаром. Точно так же, указывая на неточности в «Воспоминаниях народовольца» А. Н. Баха, он сообщил подробности эпизода в Ростове, где печатался последний, десятый номер «Народной воли». Скупые сведения об иркутских арестах содержались в его примечаниях к статье о Чернышевском и в написанной в 1906 г. «Автобиографии». Но это были все лаконичные, обрывочные факты. Между тем жизнь Лопатина была необычайной, насыщенной событиями, встречами, борьбой — «рыцарский роман», по словам Лаврова, и Лавров был прав, когда писал, что только сам Лопатин «был бы способен сгруппировать и распределить все эти эпизоды в надлежащей перспективе и гармонии» [75].

К сожалению, этого не произошло. Жизнь в эмиграции не дала Лопатину возможности сосредоточенной литературной работы. Разборы дел о провокаторах, помощь Бурцеву в издании «Общего дела», «Былого», газеты «Будущее» (см. об этом в сообщении Е. Г. Коляды) отнимали у Лопатина много времени, сил, нервов, здоровья.

Горький во время их первой встречи говорил Лопатину о недопустимости его «литературного бездействия». Этими мыслями он делился с Амфитеатровым: «Надобно, чтоб он написал Записки, автобиографию. Не напишет — ограбит бедную Русь, которая стонет и воет и страдает и не умеет радоваться» (Г—А, п. от дек., не ранее 9, 1909 г.)

Но, возможно, Лопатин и при встрече жаловался Горькому на свою абулию, которая «мешает всякому серьезному почину, стоит поперек дороги всякой самостоятельной, выдержанной деятельности по собственному загаду» (п. 1). Возможно, Горький сам опасался, что Лопатин не напишет истории своей жизни. Во всяком случае, Горький настойчиво просил Амфитеатрова записывать рассказы Лопатина. Амфитеатров так и поступал (некоторые рассказы воспроизведены Амфитеатровым в письмах к Горькому). Лопатин относился к этому спокойно и даже иронически. Встревоженной сестре он отвечал: «Твое замечание насчет Амфитеатрова не лишено основания, судя по одной его фразе („вы так хорошо рассказываете, что я записал почти буквально вашу вчерашнюю повесть"), но мне это все равно, так как я едва ли соберусь когда-нибудь взяться за свои мемуары» (п. 8/21 окт. 1908 г.) [76].

Позже, уже в России, Лопатин, как вспоминал С. Мельгунов, «смеясь, рассказывал, что Амфитеатров записал за ним целые четыре тома» [77].

Правда, люди, знавшие Амфитеатрова и его пристрастие писать романы о живых, реальных людях (см. вступительную статью к переписке Горького с Амфитеатровым), выражали свои опасения на этот счет. М. Ф. Андреева 3 октября 1911 г. писала А. Н. Тихонову: Амфитеатровы «дуются на меня и не пишут. А тут еще Петр ездит к ним „поговорить по душам" с Г. А. Лопатиным, и воображаю, какой из всего этого миленький романчик выльется из-под пера ничем не брезгующего Ал. Вал.,– герои-то уж очень громкие! Как тут не соблазниться» [78].

По счастью, Амфитеатров не написал романа о Лопатине, хотя в последнюю главу романа «Девятидесятники» (1909), посвященного «могучему русскому человеку Герману Александровичу Лопатину», вставлен ряд лопатинских рассказов о Шлиссельбурге [79]. В томе публикуется амфитеатровская запись рассказа Лопатина, зафиксировавшая некоторые неизвестные исследователям подробности жизни Лопатина в Ставрополе, куда он был сослан по делу «Рублевого общества».

Живейший интерес имеют записи в дневнике Пятницкого, которые сделаны во время первого приезда Лопатина на Капри.

Во-первых, в этих записях с протокольной точностью зафиксированы по дням многие события, встречи, разговоры, реплики Горького. По полноте своей они не уступают, а, пожалуй, даже превосходят те письма-отчеты, которые сам Лопатин отправлял Амфитеатровым с Капри во время своего второго приезда к Горькому. Во-вторых, Пятницкий записал рассказы Лопатина, и эти рассказы расширяют и обогащают представление о «первой жизни» Лопатина. Они сообщили много нового о Лопатине не только слушателям его на Капри в ту дальнюю осень 1909 г., но и современным исследователям, литераторам, просто читателям.

Пожалуй, большинство эпизодов, рассказанных Лопатиным, не были известны тогда по другим записям или воспоминаниям. Так, о разговоре Лопатина с Д. А. Толстым глухо сообщалось уже позже в воспоминаниях В. Н. Фигнер, мало было сведений о ссылке в Ташкент в 1870 г., впервые подробно освещалась история трех побегов из Иркутской тюрьмы и т. п.[80]

Лопатин сообщал сестре, что Пятницкий советовал ему писать мемуары и предлагал издать их. Но он и сам заранее решил, что будет записывать рассказы Лопатина. Не исключено, что эта мысль возникла не без воздействия Горького.

Важно, разумеется, что рассказы записаны в доме Горького. Обстановка дома, обаяние и радушие самого Горького и его близких — М. Ф. Андреевой, З. А. Пешкова, приехавшего чуть позже Н. Е. Буренина, удивительная природа Капри, несомненно, помогли преодолеть присущее Лопатину нежелание «позировать», «показываться», о чем он писал сестре в связи со смертью Толстого. Лопатин «разговорился» в доме Горького, ощутив его искреннюю заинтересованность, поняв, какой он «милый и сердечный, приветливый человек». И не будет никакой натяжкой считать, что именно Горький оказался причастным тому, что для истории сохранились драгоценные подробности жизни замечательного русского революционера. Поэтому публикуемые записи Пятницкого органически входят в тему «Горький и Лопатин».

VI

В последнем письме Лопатина Горькому возникает тема возможного возвращения на родину, жизненно важная и для Горького, и для Лопатина.

За границей Лопатин жил в известной безопасности, хотя, разумеется, и в Италии и во Франции за ним велась слежка, о чем свидетельствуют материалы, публикуемые ниже. Эта слежка стала особенно интенсивной накануне предполагаемого приезда в Италию русского царя. Сам Лопатин иронически изображал действия шпиков в Кави: «...по случаю визита царя в нашей деревушке гостило в продолжение двух недель десятка полтора политических агентов, которые сопровождали каждого из нас — пешком, на велосипеде и в поездах — во всех наших разъездах, близких и дальних. Телеграммы наши читались, и письма запаздывали. Но так как после депеши Амф(итеатрова) и моего письма к Джолитти и обращения в газеты

все это делалось сравнительно прилично, то есть якобы тайно и вполне оправдывалось естественными тревогами полиции при подобных обстоятельствах, то я не протестовал больше, а только посмеивался» [81].

Лопатин понимал, что еще несколько лет ему придется жить за границей. В конце 1910 г., судя по письмам, участие его в разборе всякого рода историй провокаторов, эмигрантских «дрязг» и прочего несколько сократилось. И все же работа в «Былом» неизбежно возвращала его к столкновениям с провокаторами. В 1911 г. он приехал из Швейцарии, где путешествовал с братьями и Даниельсоном. «...Проводив братьев,— писал он из Парижа Амфитеатрову,— я попал к Б〈урцеву〉 прямо на допрос к провокатору и очную ставку его с его жертвами. Очень интересно с бытовой и психологической стороны, но... и противно же! Да и ужасно по временам...» [82]

Лопатин, особенно после встреч с родными, думал о возвращении на родину. Советуя В. А. Лопатину, пережившему смерть дочери и жены, отправиться в «пешеходное путешествие по России», он добавлял, что этому путешествию он «с наслаждением отдался бы сам, если бы это было возможно» [83].

Но в 1909—1912 гг. в Россию он уехать не мог, несмотря на то что при получении заграничного паспорта ему была дана возможность «без особого на то разрешения возвратиться в Россию» (см. ниже справку по особому отделу). Однако на деле все обстояло не так просто. И осложнилось положение Лопатина в связи с его участием в разбирательстве дела Азефа. Он писал сестре 13 февраля 1909 г., что «отказался от перспективы скорого возвращения на родину и жития в СПб., отлично понимая, что мое участие в этом деле не останется тайной» [84]. Вскоре до него дошли сведения об ироническом замечании Макарова в его адрес: «А Лопатин там все в разных комиссиях».

Несколько позже, в апреле 1910 г., Лопатин объяснял сестре, почему не едет на родину: «Тянет ли меня в Россию? Даже очень. Могу ли я вернуться туда? Почему же нет! Но только потом я могу проехаться без всякого моего желания в Архангельскую губернию, а то и дальше. По крайней мере директор Департамента полиции говорил одному моему знакомому: „Л〈опатин〉 и Ф〈игнер〉 закрыли себе возвращение на родину (намек на дело Азева). Пусть живут за границей. Им и там хорошо“» [85].

Вместе с тем Лопатин предпринимал некоторые шаги, в какой-то степени подготавливавшие возвращение в Россию. 21 октября ст. ст. 1909 г. истекал четырехгодичный срок его «приписки» в Вильно, и В. А. Лопатин обратился к брату с с вопросом, как он намерен поступить. Лопатиным вновь овладели сомнения. Он писал сестре: «Это трудно сделать удовлетворительно, не будучи лично на месте. А вернуться сейчас, после всего, что произошло после моего отъезда, и когда делами правит не Макаров, с которым мне возможно было *личное* объяснение *начистоту*, а пресловутый Курлов, было бы рискованно: того и гляди попадешь за полярный круг 〈...〉 Ну, а *нынешней* тюрьмы и ссылки, с возмутительным издевательством над личным достоинством, я бы не перенес: меня бы живо расстреляли» [86].

Так Лопатин расценивал возможность своего возвращения на родину. И все же в сентябре 1910 г. он начал хлопотать через брата о «приписке» в виленские мещане. «Был вчера в Генуе у консула, где проваландался с этим несносным формалистом до 6 часов вечера. Но в конце концов добился своего, то есть засвидетельствования принесенного мною документа»,— сообщал он Амфитеатрову 10 сентября 1910 г. [87].

Но и оформив документы на «приписку», Лопатин не спешил с отъездом.

В начале 1913 г. отмечалось 300-летие дома Романовых и ожидалась широкая амнистия. Ее ждал Горький, на нее надеялся и Лопатин. Оба они ждали только общей амнистии, а не всемилостивейшего личного «именного помилования». Настроение Лопатина в этом отношении прекрасно отразилось в его письме Горькому. Это письмо свидетельствовало и о свойственном Лопатину умении самому разобраться в тонкостях юридических процедур, удивлявшем в прошлом даже его судей: так умно и безупречно точно были составлены им показания при аресте по делу Каракозова и при аресте в Иркутске. И сейчас, дожидаясь амнистии, он как

бы предсказывает возможные «варианты» ее и предостерегает Горького от ложного шага — намерения «протестовать по поводу слухов». Это предостережение сделано Лопатиным в изящной, остроумной и необидной форме. Лопатин знал, что дело возвращения на родину «требует основательного размышления и взвешивания всех „pro et contra"» и делился своими мыслями с Горьким (Г—Л, п. 11).

21 февраля / 6 марта 1913 г. в газетах был опубликован «высочайший» указ в связи с 300-летием дома Романовых, в котором объявлялась амнистия лицам, привлекавшимся по статьям 128, 129 и 132 Уголовного уложения за преступные деяния, учиненные посредством печати, открывавшая Горькому дорогу в Россию. Но, как известно, возвращение Горького по разным причинам затянулось до конца 1913 г.

Лопатин воспринял манифест об амнистии 1913 г. примерно так же, как в 1874 г. указ Александра II, изданный по случаю бракосочетания его дочери с герцогом Эдинбургским. Тогда Лопатин, находившийся в Лондоне, обратился с письмами в газету «Daily News», опубликовавшую указ, и к самому Александру II. В этих письмах, резких и блестящих по форме, с присущей Лопатину точной аргументацией была доказана истинная сущность царской «милости», которая распространялась на ничтожную часть находившихся в тюрьмах и на каторге людей [88].

В 1913 г. Лопатин стремился вернуться в Россию, да у него и не было трибуны, с которой он мог бы выступать с критикой нового манифеста. Но в его письме к М. П. Негрескул от 12 марта 1913 г., написанном после прочтения «высочайшего указа», характеристика этого документа вполне определенна: «Прочел я манифест. Более лицемерного, безжалостного и наглого издевательства над всеми надеждами и ожиданиями общества и народа, кажется, никогда еще не бывало! Конечно, надо уметь читать этот казенный, суконный язык и знать содержание приводимых тут статей закона, чтобы оценить вполне все несоответствие между *кажущейся* его значительностью и его *реальной* ничтожностью и свирепым бездушием» [89].

Тем не менее Лопатин стал собираться в Россию, сказав об этом своем решении сначала только Амфитеатровым, позже еще нескольким лицам. Как и в былые годы, когда он умел «собственной властью» «переводиться» из России за границу или из-за рубежа на родину, Лопатин тщательно продумывал план возвращения в Россию.

Начало 1913 г. он почти безвыездно жил в Феццано, пока Амфитеатров с женой и сыном путешествовал по Германии. В июне он поехал в Париж, откуда 8 и 10 июня писал Амфитеатрову. 14 июня он был в Лондоне. Затем снова в Париже, а 24 июня приехал в Берлин, о чем открыткой известил Амфитеатрова. Эту открытку он отправил уже из России, из Вержболова 12/25 июня. Предосторожности, принятые Лопатиным перед отъездом, оказались нелишними. «Уже и сейчас его ищут, и зарыскали шпики, обеспокоенные его внезапным исчезновением (...) Его сейчас, когда прозевали его отъезд, ищут как иголку в сене, даже не заботясь прикрывать эти поиски, и в Феццано, и в Нерви, и Неаполе»,— писал Амфитеатров Горькому 11 июня 1913 г.

О перипетиях готовящегося отъезда Лопатин рассказал уже из России в письме Амфитеатрову от 23 июля / 6 августа, как всегда живом и ироничном, хотя он и сетовал в письме, что писать из России трудно и «нет настоящего одушевления для рассказа»: «...все, узнававшие о моем намерении посетить „маму", впадали в грусть и предсказывали мне всякие беды, не слушая или не принимая моих доводов. Напрасно я говорил им: „Как вы не понимаете, что у всякого профессионала — помимо аргументов и доводов от разума, опыта, доступных пониманию каждого, имеются еще *интуиции*, справедливости которых он не может *доказать*, но которые тем не менее остаются верными"... Мой спутник в последний раз сказал мне: „Послушай! еще не поздно вернуться, хотя билеты взяты до Питера. Брось свою затею, и я все убытки возьму на себя". Я ответил только: „Нишкни!" Сначала я пробовал излагать весь свой план, разделив его на несколько стадий. Но мне приводили по каждому пункту кучу неприятных „возможностей". Я отвечал: „Да, все это не невозможно, но дело пойдет так-то". Мне не верили. Тогда я стал давать указания лишь на непосредственно предстоящую стадию, оставляя остальное для

будущего момента. И что же? Все стадии прошли спокойно, гладко, точь-в-точь согласно с моими предвидениями. В одном пункте я *не мог* не уступить, и тут эта уступка оказалась ненужной. Как Вы знаете, я вынужден был отказаться от мысли взять с собой мой архив, хотя был *убежден*, что сумею перевезти его. Я говорил, что — благодаря моей сановитой наружности, спокойному обращению и авторитетному тону или чему-либо иному — меня не беспокоят на границах и или вовсе не досматривают моего багажа или ревизуют его самым поверхностным образом. То же случилось и на этот раз. Но этого мало. Россияне завели недавно в пограничных таможнях каких-то барышень-„массажисток", которые запускают тонкие пальчики внутрь чемодана и прощупывают все его кишечки. И вот спутника моего осматривал солдат, а меня такая „массажистка". Через минуту она говорит мне томным голоском: „Книги?" А я отвечаю ласково-вкрадчиво-успокоительным тоном: „Только словари, барышня". Тем дело и кончилось. Она не подняла даже верхних вещей, чтобы убедиться в моей правдивости. По дороге я остановился в Вильне, чтобы прописать свой внутренний паспорт, выданный мне три года тому назад и ни разу не прописанный, что могло смутить питерцев. В Питере я прописался в гостинице приехавшим из Вильны, а заграничный паспорт с означением недоимки в 135 рб. положил в карман: пусть фиск поищет меня прежде, чем сорвать с меня такую уйму денег».

В гостинице Лопатин пробыл три дня, затем приискал себе «скромную квартирку, куда переехал и прописался снова», а затем отправился в путешествие: в Гомель-Гомель (откуда и послано письмо) и оттуда к родным в Малороссию и Закавказье. «Ну разве же я не молодец по *своей* части?» — спрашивал Лопатин, не скрывая своей радости не потому только, что благополучно завершилось его возвращение в Россию, а потому, что многое вспомнилось и пережилось из той, «первой», жизни, и оказалось, что «есть еще порох в пороховницах», и Лопатин был доволен собой, своей предусмотрительностью, осторожностью и находчивостью. «...От Парижа до Берлина я ехал в одном вагоне с Масловым, но приостановился в Берлине, чтобы пропустить его вперед и не переезжать *вместе* границы, не сообщив даже ему, что и я плыву „домой"» [90],— дополнял он рассказ о своем путешествии. Правда, как это видно из публикуемых ниже донесений заграничной агентуры, его отъезд из Парижа и дальнейший путь до Петербурга был прослежен достаточно внимательно.

VII

Последние пять лет своей жизни Лопатин провел на родине. Он уже мог беспрепятственно поселиться в Петербурге. Но, обосновавшись на Карповке (точнее, на набережной Карповки, ул. Бассейная) в доме литераторов, где прожил все оставшиеся годы, он часто уезжал из Петербурга. Лопатин радовался возвращению в Россию, которую так любил. В годы молодости он признавался, что за границей ему недостает «русского воздуха и русского языка, русских впечатлений, русских женщин» [91]. И теперь он впитывал в себя эти «русские впечатления». В августе 1913 г. он некоторое время жил близ Нарвы и с наслаждением предавался отдыху на родине. «Гулял пешком по полям, лугам и лесам пропасть,— писал он Амфитеатрову.— Ездил в экипажах и верхом. Причем однажды подо мною на всем скаку упала лошадь, сбросив меня через голову шага на 3 или 4 вперед. Однако кости остались целы, равно как и очки и часы. Побывал, между прочим, в Прямухине, пресловутом гнезде Бакуниных, где все пропитано воспоминаниями о незабвенных людях сороковых годов. Убедился, между прочим, что краски русской осени — по богатству и приятности тонов — не уступают, пожалуй, итальянским». Весной 1914 г. Лопатин совершил шестинедельную поездку по России. Он побывал в Гомеле, Киеве, Остроге, Одессе, Николаеве, где жили его родные. На обратном пути Лопатин заезжал в Москву [92], где посетил Е. П. Пешкову, о чем немедленно было доложено в Департамент полиции (см. ниже).

Возможно, Лопатин собирался заняться литературной деятельностью. Появлялись сведения, что он работает над своими мемуарами [93]. Во всяком случае, Ло-

патина очень заботила судьба его архива. Как уже говорилось, уезжая за границу, Лопатин предполагал побывать в Стокгольме для розыска своих бумаг, которые он в свое время передавал на хранение Брантингу. Но, списавшись с Брантингом, Лопатин выяснил, что тот отправил все его бумаги в Париж, Лаврову [94]. И Лопатин действительно нашел часть бумаг в архиве Лаврова. 9/22 октября он сообщал М. П. Негрескул: «Добрался я недавно до части архива П. Л.[95], хранившейся в Женеве, и нашел там в числе материалов для его биографии большущую пачку *его* писем *ко мне*, взятых из *моего* архива». Очевидно, М. П. Негрескул недоумевала по поводу этой находки, и они даже повздорили в своей переписке. Но Лопатин убеждал Негрескул, что речь идет о письмах Лаврова к нему, которые хранились «в моем шведском архиве и которые могли попасть в наследие П. Л. только оттуда и ниоткуда больше» [96]. Через год с небольшим Лопатин опять-таки неожиданно обнаружил свой архив в Париже, у дочери Н. С. и Н. Ф. Русановых: «...недавно совершенно случайно в квартире у дочки Н. С. между его бумагами я нашел весь свой архив — правда, в разрозненном виде, но в полной целости. По крайней мере, там нашлась и метрика Бруно и моя переписка с Бак(унины)м и многое другое» [97],— писал он М. П. Негрескул 10 февраля 1910 г. (См. об этом же в сообщении Е. Г. Коляды). Этот-то парижский архив, очевидно пересмотренный и «почищенный», Лопатин хотел взять с собой на родину. Незадолго до отъезда, 8 июня 1913 г., он писал из Парижа Амфитеатрову, что, приняв решение об отъезде, «тревожился лишь, как поступить с недоистребленным архивом» [98]. Лопатин уступил уговорам друзей, опасавшихся, что он не сможет перевезти архив через границу, и оставил его в Париже, о чем впоследствии сожалел. «Очень досадую, что вынужден был оставить в Париже неистребленную часть моего архива, я дал бы Вам мою переписку с Бакуниным по известному пресловутому делу»,— писал он из России Амфитеатрову. Очевидно, часть архива оставалась у Амфитеатровых в Феццано, и Лопатин настойчиво, из письма в письмо, просит Амфитеатровых переслать ему в Петербург «ящик с легальными книгами и прочим барахлом» [99], недоумевая, почему они задерживают отправку. Возможно, что Лопатин так и не получил из Феццано свои бумаги, так как в архиве Амфитеатрова, хранящемся в *ЦГАЛИ*, есть и документы Лопатина. Фонд Лопатина в *ЦГАОР* образован также из материалов, полученных из «Русского заграничного исторического архива» в Праге, где находился архив самого Амфитеатрова.

Однако литературной и журналистской работой Лопатин занимался мало, хотя был связан с журналом «Голос минувшего» и его редактором В. И. Семевским. На страницах журнала за эти годы имя Лопатина появлялось реже, нежели в 1906—1908 гг. в журналах «Былое» и «Минувшие годы».

Можно предположить, что тут сказалось отчасти полное разочарование Лопатина в недавней его издательской деятельности с Бурцевым. Энергично помогая в Париже Бурцеву в издании «Общего дела», «Былого», «Будущего» (см. об этом в сообщении Е. Г. Коляды), Лопатин постепенно стал понимать бесплодность усилий Бурцева-журналиста.

Сначала Лопатин, как уже говорилось, считал деятельность Бурцева по разоблачению провокаторов общественно полезной. Снисходительно относясь к человеческим слабостям «Бурчика», Лопатин ценил самоотверженность этого «одиночки-протестанта» [100]. Однако все более тесное общение убеждало его в узости и ограниченности позиций Бурцева, не имевшего, в сущности, никакой положительной программы, что отрицательно сказывалось и на журнале «Былое», и в особенности на газете «Будущее», посвященной главным образом разоблачению провокаторов.

Отрицательное отношение к литературным талантам Бурцева в России окончательно укрепилось. «Он хороший сыщик, но жалкий литератор»,— характеризовал Лопатин Бурцева в письме Амфитеатрову от 10/23 сентября 1914 г. В России он убедился в неосновательности, даже несерьезности, как изданий Бурцева, так и его самого как общественного деятеля. «Вполне согласен с Вами и в оценке деловитости Бурчика,— писал он Амфитеатрову вскоре по приезде.— Увы! Я знаю эту деловитость по собственному опыту с давних пор... Не отвечать на спешные вопросы, заданные в его же интересах, сообщать вместо фактов какие-то намеки, обещания по-

разительных раскрытий и т. п., смешивать собственную убежденность с доказательствами и т. д.— все это старые неизменные его качества (...). Меня поразило — до какой степени заграничная русская пресса и, в частности, издания Бурчика мало известны в России и в каком превратном виде известна деятельность Б. Меня то и дело спрашивают: „Правда ли, что это настоящий маньяк?" „Что он сгубил множество людей легкомысленными, ложными обвинениями?" и т. д. И чем дольше я живу тут, тем больше укрепляюсь в моем скептическом отношении к Вашему убеждению о возможности и пользе хорошей русской газеты за границей» [101]. Прямой в отношениях с людьми, Лопатин отправил близкое по содержанию письмо к самому Бурцеву (см. сообщение Е. Г. Коляды).

В отношении к Бурцеву проявилось умение Лопатина трезво и объективно оценивать человека по его делу.

Очень любопытно в этой связи вспомнить ироническую характеристику, которую давал Бурцеву и его газете В. И. Ленин: «...газетка г. Бурцева „Будущее" очень напоминает либеральную гостиную: там защищают по-либеральному либерально-глупый, октябристски-кадетский лозунг „пересмотра положения 3-го июня", там болтают охотно о шпиках, о полиции, о провокаторах, о Бурцеве, о бомбах». «Либералы с бомбой» [102] — так назвал В. И. Ленин деятелей «Будущего».

Но, отказавшись от участия в предприятиях, подобных бурцевским, Лопатин в России не смог найти себе настоящего постоянного дела. В то время как В. Н. Фигнер, Н. А. Морозов, И. Д. Лукашевич, М. В. Новорусский и другие шлиссельбуржцы занялись литературной, общественной или научной деятельностью, Лопатин, тяготея по-прежнему к сфере общественно-политической, но не примкнув ни к какому политическому лагерю, оказался, в сущности, в одиночестве.

Как известно, Лопатин и ранее не входил ни в какие партии, он предпочитал бороться в одиночку, и его вступление в «Народную волю» в 1884 г. вынуждалось обстоятельствами [103]. По выходе из Шлиссельбурга он оказался близким изданиям народнического направления. В эмиграции его хотели привлечь к себе эсеры. Но участие в разбирательстве дела Азефа и защита Азефа рядом членов ЦК (в частности, Черновым) заставили его отрицательно отнестись к некоторым сторонам деятельности этой партии.

В годы массовой революционной борьбы Лопатин продолжал ценить и поддерживать выступления одиночек. И речь не только о Бурцеве. Характерно его внимание к личности А. А. Петрова, о котором он писал Горькому и мемуары которого готовил к печати в журнале «Былое». Петров действительно был незаурядной личностью, храбрым и мужественным человеком: революционер, он решил отомстить за азефовщину, проникнув в охранку, т. е. став «контрпровокатором». Петрова схватили после того, как он устроил взрыв, в результате которого был убит полицейский полковник Карпов, приговорили к смертной казни, но он успел написать свои записки и передать их товарищам. Обдумывая свою деятельность, Петров пришел к выводу, что он поступал неправильно, так как, входя в сношения с охранкой, рисковал не только своей честью, но честью партии [104]. Тем не менее мемуары Петрова глубоко взволновали Лопатина именно раскрытием личного, индивидуального поведения человека.

Судя по письмам к сестре и Амфитеатровым, Лопатин не смог сблизиться и с «эсдеками», они казались ему людьми ограниченными. Программа РСДРП оставалась ему чуждой. Как это ни парадоксально на первый взгляд, но Лопатин — первый переводчик Маркса на русский язык — так и не стал, точнее не смог стать, марксистом. В 1873 г. в письме Синельникову Лопатин заявлял, что им владеет «одно господствующее стремление, одно страстное и неизменное желание служить всеми (...) силами материальным, умственным и нравственным интересам бедной, темной, невежественной и приниженной народной массы» [105]. После выхода из Шлиссельбурга волею обстоятельств Лопатин не сумел и не смог найти путей к осуществлению своего желания, он не разглядел решающей роли рабочего класса в складывающейся в России революционной ситуации и роли социал-демократической партии, возглавлявшей революционное движение масс [106]. И все же некоторые сдвиги в его взглядах произошли.

В этом плане большой интерес представляет письмо Лопатина брату, в котором он рассказывал о своем юбилее в январе 1915 г., проводившемся широко и торжественно. Письмо это неоднократно публиковалось, но оно важно для понимания общественной позиции Лопатина в те годы. Вот что писал Лопатин: «Ведь все мы — я и мои многочисленные друзья и единомышленники левого лагеря давно прошедших стародавних лет — были когда-то подхвачены идейным течением нашего времени, которое и несло нас вперед, пока не разбило о встречные скалы... И только могучему стихийному движению столичного пролетариата и сельских масс удалось добиться в 1905 году частичного осуществления кое-каких из наших стремлений и вернуть к жизни тех из нас самих, которые не были еще убиты насмерть... И вот наши нынешние, современные единомышленники и доброжелатели чествуют нас теперь по всяким подходящим поводам — не за заслуги — не за осуществление благих целей, к которым мы стремились, но не достигли, а, так сказать, за „дожитие", выражаясь языком страховых обществ. Как же тут не смущаться и как не сжиматься сердцу от собственного сознания своей малоценности при сопоставлении с выпадающими на нашу долю „величаниями" (...) Россия получила свои „вольности", а мы свободу не „свыше", а путем мятежа, так что весь почет принадлежит не нам, а народу» [107].

Письмо это примечательно многим: в нем проявилась личность Лопатина с его широким взглядом на исторические события, умением объективно оценить свою роль и свои возможности, благородством и скромностью. Примечательно оно и признанием решающей роли народных масс в революции, а не «героев», не отдельных личностей, что было характерно для идеологии народничества и для самого Лопатина в прежние времена.

Но вместе с тем революция 1905 г. рассматривалась им как движение стихийное, в котором «столичному пролетариату» и «сельским массам» принадлежит одинаковая роль.

В письме ощутимо и отчетливое понимание Лопатиным закономерности и необходимости революционной борьбы народа и не менее отчетливое осознание того, что сам он в этой борьбе активное участие принять уже не может, что он обречен всего лишь на «дожитие», хотя бы и почетное. С таким чувством Лопатин и уезжал в Россию. Амфитеатров, считавший, что Лопатину уезжать незачем, поскольку на родине «пользы он сейчас, постаревший чрезвычайно, много не принесет», передавал Горькому слова Лопатина: «Он сам мне сказал, что не рассчитывает ни на какую политическую роль: для того, чтобы войти в какую-нибудь партийную дисциплину или связать себя с какой-нибудь, уже существующей организацией, считает себя не по характеру, он и в старину был властен», создать же что-то новое уже не сможет, «резонно считая себя старым и уставшим» (Г—А, п. от 11 июня 1913 г.) [108].

Человек исключительной духовной и нравственной цельности, Лопатин не мог не страдать от невозможности действовать, но действовать не мог. Отчасти этим обстоятельством можно объяснить то, что с Горьким, приехавшим в Россию в самом конце 1913 г., Лопатин близко не сошелся.

Сначала по приезде в Россию Лопатин живо интересовался тем, воспользуется ли Горький своим правом вернуться из эмиграции, которое давала амнистия по случаю 300-летия дома Романовых. «...По-видимому, Горький собирается на родину? Куда именно, а особенно сначала? Надолго ли? Не повлияло ли на его решение мое благополучное пребывание в отечестве?» — спрашивал он Амфитеатрова едва ли не в первом письме из России.

Узнав из газет и по слухам о болезни Горького, Лопатин делился своими сведениями с Амфитеатровым, а затем, не получив ответа, вновь засыпал Амфитеатрова вопросами: «Неужели Вы так-таки *ничего* не знаете о Горьком: о кровохарканье, о перевозе его в Локарно или Лугано, о приезде туда М. Ф. и пр.? Ведь это же изумительно! И где же справляться о нем, как не у Вас — Зины?!»

Получив известие, что «Горький поздоровел и собирается на родину», он замечал: «Мне кажется, что это для него безопасно». Но когда Горький наконец приехал в Россию, встречи их с Лопатиным были, очевидно, мимолетными и преиму-

щественно официальными (на похоронах Семевского, на заседаниях различных обществ и т. п.). Поэтому в письмах своих Амфитеатрову Лопатин сообщал не достоверные сведения о Горьком, а слухи, которые тогда о нем охотно распространялись, или опять-таки задавал вопросы: «А правда ли, что и Максим Пешков поступил во французскую военную службу» и пр.

Горький оставался для Лопатина не только объектом постоянного внимания, но и своего рода мерилом в отношениях с Амфитеатровым. «Неужели и между нами „лопнула, по-видимому, какая-то пружина", как вы выражаетесь по поводу Горького?» [109] — писал он Амфитеатрову 23 января 1914 г.

Лопатин продолжал следить за творчеством Горького. Косвенное свидетельство этому содержится в письме к Горькому В. Ф. Краснова от 15 марта 1916 г.: «Вот за „Детство" — великое Вам спасибо! Я заразил Германа Александровича Лопатина своим восторгом о „Детстве", и он таскал у меня его и „Кожемякина" своим знакомым: мы жили напротив в коридоре Дома писателей почти два года» [110].

Но в России Горький и Лопатин не имели даже тех личных отношений, которые установились между ними в эмиграции. История с «коленопреклонением» Шаляпина, в которой Лопатин принял сторону Амфитеатрова, разумеется, не могла бы поколебать их добрых отношений: Горький был достаточно терпим к личной позиции инакомыслящего, пока она не приобретала характер общественный.

В России Горького и Лопатина разъединило важнейшее историческое событие 1914 г.— первая мировая война. Лопатин с первых дней занял позицию «оборончества». Он поддержал обращение Амфитеатрова к эмигрантам с призывом забыть все политические разногласия и единым фронтом выступить против Германии (см.: Г—А, предисл. к переписке), приветствовал вступление З. А. Пешкова волонтером во французскую армию и даже считал, что Бурцев может быть полезен в России для разоблачения германских шпионов [111]. Естественно, что позиция Горького и возглавляемой им «Летописи» в этом вопросе оказалась ему чужда, и Лопатин стал сотрудничать (как всегда не очень активно) в шовинистической «Русской воле».

Разъединяло Горького и Лопатина и отношение к социал-демократии — той части передовой русской интеллигенции, которую Горький всегда считал наиболее талантливой и деятельной и с которой в эти годы особенно активно сотрудничал [112].

Так что в России в 1914—1916 гг. Горький и Лопатин находились в отношениях более далеких, нежели прежде в эмиграции. Эти годы оказались едва ли не самыми трудными для Лопатина. В его жизни были разные периоды: «первая» — героическая — жизнь; Шлиссельбург, где, чтобы выжить, потребовалось напряжение всех духовных сил; «после Шлиссельбурга» — Россия и эмиграция с надеждой на приобщение к настоящей деятельности и, наконец,— снова Россия, куда он приехал больным и уставшим. Это было «дожитие», как трезво и иронически-спокойно оценил свое положение сам Лопатин. В России он встретил различное к себе отношение. Преобладало восторженное преклонение перед прежней его деятельностью, что особенно проявилось в дни его семидесятилетнего юбилея, и глубочайшее сострадание к тем мукам, которые он претерпел в Шлиссельбурге («Вы, наверное, будете причислены к лику святых» [113],— писали ему В. И. и Е. Н. Семевские); к этим чувствам у иных, например у С. Мельгунова, примешивалась чуть заметная доля иронии к «сегодняшнему» Лопатину [114]. Бывшие товарищи по Шлиссельбургу, и в частности В. Н. Фигнер, порой неодобрительно о нем отзывались [115].

Но сила и обаяние Лопатина в том и заключались, что, постаревший, больной, порою излишне разговорчивый, бездейственный, он сохранял высокий духовный настрой, верность революционным идеалам молодости. Этой своей духовностью он и привлекал к себе современников. Он оставался блестящим собеседником и превосходным рассказчиком, но за его рассказами всегда был ощутим «несокрушимый человек долга и идеала» — «могучий кряжистый дуб» [116], как назовет он своего друга Лаврова.

Принадлежавший к блестящей плеяде русских революционеров 70—80-х годов, ученик Чернышевского, Лопатин сохранил верность революционным идеалам на протяжении всей жизни.

В 1917 г. была опубликована его заметка из дневника «Первые дни революции», живо передающая душевное состояние Лопатина в дни Февральской революции: «Чтобы описать все виденное, пережитое и перечувствованное мною в этот навеки незабвенный для меня день, самый счастливейший день моей жизни,— понадобились бы целые томы. Конечно, я весь день и вечер провел в толпе восставших рабочих и передавшихся на их сторону солдат, присутствуя при их подвигах и поражениях. Ах, что бы я дал вчера, чтобы бродить под руку с какой-нибудь зрячей спутницей! Мои глаза ведь теперь очень плохи. Попадал, конечно, не раз под обстрел из винтовок и пулеметов, оставался стоять даже тогда, когда мои случайные товарищи временно разбегались, ибо быть сраженным пулею в такой торжественный день, на склоне жизни, я счел бы за счастье» [117].

Лучшие страницы о «первой жизни» Лопатина, «задавшие тон» всей последующей литературе о нем, принадлежали его другу Лаврову. Суть «второй жизни» Лопатина, на наш взгляд, впервые очень точно и глубоко определена Горьким. Он не был другом Лопатина, как это показывают документы, и даже расходился с ним во многом. Но, будучи причастен, хотя и издали, ко «второй жизни» этого замечательного человека, разгадал и понял ее.

Горький написал о Лопатине почти десять лет спустя после его смерти, написал очень коротко, заключив в одной фразе глубочайший смысл: «Хоронили Германа Лопатина, одного из талантливейших русских людей. В стране культурно дисциплинированной такой даровитый человек сделал бы карьеру ученого, художника, путешественника, у нас он двадцать лет, лучшие годы жизни, просидел в шлиссельбургской тюрьме» (*XXIV*, 275). Эти жесткие, даже жестокие слова противоречили, казалось бы, прежней горьковской оценке Лопатина — «сказочного человека». Но здесь нет противоречия. Для Горького Лопатин всегда оставался «одним из талантливейших русских людей», он помнил о своей первой встрече с Лопатиным, о котором тогда же с восторгом писал Амфитеатрову: «Только один Л. Толстой действовал на мое чувствилище столь грандиозно, только с ним беседуя — чувствовал я такую радость и гордость за человека, за нашу родину» (Г—А, п. от декабря, не ранее 9, 1909 г.). И закономерно, что Горький вспомнил и написал о Лопатине в статье «Заметки читателя», призывавшей человека научиться «изумляться себе самому». Лопатин, безусловно, принадлежал к числу тех людей, которые «действительно достойны изумления» (*XXIV*, 270).

Уже говорилось, что личность Лопатина привлекала внимание Толстого. 28 ноября 1905 г., т. е. вскоре после того, как многие узники покинули Шлиссельбург, Толстой, беседуя о судьбах заключенных, сказал: «Как люди делают зло людям! Ювачов, Лопатин — Лопатин был полон энергии — теперь сломленный старик,— говорил Ювачов» [118].

Несколько ранее сам Лопатин — эти его слова приводились выше — писал родным из Шлиссельбурга: «Они слизнули у меня жизнь». «Они» — это не отвлеченные толстовские «люди», творящие зло. «Они» — это царь, жандармы, судьи, шлиссельбургские надзиратели — вся правящая клика царской России. Горьковская оценка «второй жизни» Лопатина и лопатинская самооценка — совпадали.

Горький не написал литературного портрета Лопатина. Но он сказал о Лопатине то, что не сумел сказать никто из людей его знавших. Горький сказал о трагедии Лопатина и истинном — грандиозном — масштабе его личности, потому что судьба такой личности имеет право быть названа трагедией.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Антонов В.* Герман Лопатин. Липецк, 1960; *Научитель М. В.* Герман Лопатин в Сибири. Иркутск, 1967; *Смольников И.* Г. А. Лопатин. Л., 1967; *Харченко Л., Винклер А.* Мятежная жизнь. 2-е изд. Ставрополь, 1972; *Кондратьев Н.* «Пока свободою горим...». Л., 1975; *Давыдов Ю.* Две связки писем. М., 1983; *Сайкин О. А.* Первый русский переводчик «Капитала». М., 1983; *Давыдов Ю.* Герман Лопатин, его друзья и враги. М., 1984 и др.

[2] См.: *Лопатин.*

[3] «Процесс 21-го». Женева, 1888.

[4] Поздравляя 8 ноября 1908 г. И. В. Амфитеатрову с днем рождения, Лопатин писал: «Я тоже родился в этот день (...) хотя и не в первый раз и при этом так много позже Вас, а именно 8 ноября 1905 г. Но это было такое приятное рождение» (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

26 октября/8 ноября 1905 г. узникам Шлиссельбурга был объявлен «высочайший указ» «об облегчении участи лиц, впавших в государственные преступления», отменивший пожизненное заключение в Шлиссельбурге.

[5] *ЦГАЛИ*, ф. 1329, ед. хр. 9.

[6] Былое. 1906. № 2. С. 294.

[7] Былое. 1907. № 10. С. 45.

[8] *Лопатин.* С. 16.

[9] *ЦГАЛИ*, ф. 1185, оп. 1, ед. хр. 196. По воспоминаниям, именно Лопатин назвал Шлиссельбург Шлюшиным.

[10] *Фигнер В. Н.* Собр. соч. в 7 т. М., 1930. Т. 7. С. 44.

[11] *Лопатин.* С. 9.

[12] Там же. С. 14—15.

[13] Там же. С. 76. См. там же п. М. Ф. Негрескулу о жизни в Ставрополе.

[14] Там же. С. 187.

[15] М. Ю. Ашенбреннер вспоминал: «Г. А. Лопатин отзывался на каждое малое и большое событие в нашем мире эпиграммой или сатирой, так что по его поэтической летописи можно было бы восстановить всю нашу жизнь. Всегда блестящие и остроумные, его стихотворения напоминали несколько стиль Гейне, и бич его сатиры хлестал немилосердно и по своим и по чужим» (Былое. 1906. № 1. С. 71).

[16] *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. М., 1964. Т. 2. С. 226.

[17] Цит. по: *Кудрин Н. Е.* Герман Александрович Лопатин // Галерея шлиссельбургских узников. СПб., 1907. С. 198.

[18] *ЦГАЛИ*, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 16. Хотя Лопатин считал свои головокружения «пустяками», они так же свидетельствовали о его серьезном недомогании. 13 февраля 1909 г. он сообщал сестре: «Недавно осрамился в редакции „Былого", грохнувшись внезапно на пол. Ухватился было за стол, но только опрокинул его на себя со всем, что на нем было» (Там же). Временами Лопатин проходил курсы лечения у доктора Залманова в Bogliasco.

[19] *Раппопорт Ю. М.* Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного марксизма: (К. Маркс и Г. Лопатин). М., 1960.

[20] Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса к Николаю-ону. Объяснительная заметка (Н. Ф. Даниельсона) // Минувшие годы. 1908. № 1. С. 39.

[21] *Реуэль А.* Полемика вокруг «Капитала» в России 1870 г. // Летопись марксизма. Л., 1930. № 1. С. 68. См. также: *Бернштейн Э.* Карл Маркс и русские революционеры // Минувшие годы. 1908. № 11: «Лопатин много посодействовал тому, чтобы побудить некоторую часть прогрессивных элементов тогдашней русской молодежи обратиться к изучению Маркса» (с. 5).

[22] Здесь и далее цит. по тексту первой публикации: Минувшие годы. 1908. № 1. С. 51; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 33. С. 213.

[23] Минувшие годы. 1908. № 1. С. 53, 55; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 33. С. 403, 458.

[24] Минувшие годы. 1908. № 2. С. 217—218, 219; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 8, 91.

[25] Минувшие годы. 1908. № 2. С. 221; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 202. Ср. с воспоминаниями Э. Бернштейна: «Что касается Фридриха Энгельса, то всякий раз, когда у нас заходила речь о Лопатине, он всегда выражал безграничную веру в его энергию и настойчивость. „Я твердо убежден,— повторял он до самого конца,— что в один прекрасный день Лопатин снова взойдет в мою комнату, спокойно усядется передо мной и разразится смехом". И это говорилось, когда Лопатин сидел в Петропавловской крепости и в Шлиссельбурге. Ясно, что такие ожидания можно было питать лишь по отношению к человеку, для которого считают возможным совершенно не исполнимые для других подвиги» (Минувшие годы. № 11. С. 9).

[26] Там же. № 3. С. 20.

[27] *ЦГАЛИ*, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 16. Лопатин значился среди участников издания. Об этой газете Лопатин писал и брату и так же радовался, что ее «прихлопнули на № 1» (Там же).

[28] *Антонов В.* Герман Лопатин. С. 151; *Кондратьев Н.* «Пока свободою горим...». С. 468.

[29] *ЦГАЛИ*, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 9.

[30] Там же. В письме упоминаются: А. А. Макаров — в те годы товарищ министра внутренних дел; Д. П. Трусевич — директор Департамента полиции; И. Д. Лукашевич, В. Н. Фигнер и М. В. Фроленко. В. Н. Фигнер получила заграничный паспорт по ходатайству ее брата, известного певца Н. Н. Фигнера.

[31] Там же.
[32] Там же.
[33] Там же, ед. хр. 16.
[34] Там же.
[35] Там же. (В кн. В. Антонова «Герман Лопатин» дата отъезда Лопатина за границу указана ошибочно: 27 июня.)
[36] Там же.
[37] Там же, ед. хр. 17.
[38] Там же, ед. хр. 16. Сергей Иванович *Горелов* — артист, сын известного русского артиста Владимира *Давыдова* (псевдоним Ивана Николаевича *Горелова*). С. И. Горелов и его сестра Елена Ивановна подолгу жили в Кави, они упоминаются в п. Амфитеатрова Горькому.
[39] Там же.
[40] Там же.
[41] Там же, ед. хр. 17.
[42] *Арх. Г.* Т. IX. С. 121.
[43] *ЦГАЛИ*, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 17.
[44] Там же, ф. 34.
[45] Там же, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 17. Ср. в п. к Н. Ф. Русановой от 24 октября 1909 г. о жизни в Кави: «Живу совсем *одиноко,* волком. Живу *здесь* просто потому, что надо же жить *где-нибудь,* и еще потому, что мне *не на что* разъезжать для собственного удовольствия» (*ГБЛ*, 218, 1302, 7).
[46] *ЦГАЛИ*, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 16.
[47] Там же.
[48] *Новорусский М. В.* Записки шлиссельбуржца, 1887–1905. Пг., 1920. С. 155. О том, что в библиотеке Шлиссельбурга были произведения Горького, сообщает в своих воспоминаниях и М. Ю. Ашенбреннер.
[49] *Фигнер В. Н.* Указ. соч. Т. 7. С. 85.
[50] *ЦГАЛИ*, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 16.
[51] *Давыдов Ю.* Судьба архива Германа Лопатина // Лит. газ. 1974. № 32. 7 авг.

Л. А. Мартынова, неоднократно упрекавшая Лопатина в том, что он не пишет мемуары, однажды обратилась с письмом к Горькому, в котором сетовала на «молчание» брата: «Я никак не могу примириться с молчанием Германа, он такой умный, знающий, талантливый (...) стоящий выше многих, могущий стряхнуть апатию своим живым, смелым, увлекающим словом, и он – молчит?» (*АГ*).

[52] *ЦГАЛИ*, ф. 2534, оп. 1, ед. хр. 47.
[53] *ЦГАОР*, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 2.
[54] *ЦГАЛИ*, ф. 34. См. также: Л–А, п. 28–31.
[55] Там же, ф. 2534, оп. 1, ед. хр. 47.
[56] Там же, ф. 34. *Л—А*, п. 7.
[57] Былое. 1906. № 1. С. 93.
[58] *АГ*.
[59] *Новорусский М. В.* Записки шлиссельбуржца. С. 154. «Это дало повод Г. А. Лопатину как-то предложить нам изгнать из наших списков (научной литературы) раз навсегда термин „социальный", а писать вместо него „салициловый"»,— вспоминал Новорусский (Там же).
[60] *Ашенбреннер М. Ю.* Шлиссельбуржская тюрьма за 20 лет от 1884 г. по 1904 г. // Былое. 1906. № 1. С. 57.
[61] *Лопатин.* С. 14.
[62] Лопатин был автором статьи о Дегаеве «Ошибки революционера и преступления предателя», помещенной в журн. «Народная воля» (1884. № 10).
[63] *ЦГАЛИ*, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 16.
[64] Там же, ф. 419, оп. 2, ед. хр. 2. Розанов ответил Лопатину на его письмо, и в свою очередь Лопатин писал ему 25 марта 1909 г.: «Со многими Вашими мыслями я, вероятно, даже согласился бы, поскольку я в силах схватить их из Вашего отрывочного, „судорожного" изложения, напоминающего скорее „вещания" библейского пророка, чем аргументацию философа-социолога. Но мне кажется, что даже там, где я как будто согласен с Вами, я бы „то же слово, да не так молвил"» (Там же).

Иван Николаевич — одна из партийных кличек Азефа.

Отношения В. Н. Фигнер с Азефом были сложнее. Она познакомилась с ним в 1907 г. После съезда эсеров в Лондоне, на котором поднимался вопрос о провокаторской деятельности Азефа, Фигнер продолжала верить в то, что эти обвинения ложны. См.: *Фигнер.* После Шлиссельбурга. Т. 3.
[65] *ЦГАЛИ*, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 16. Ю. Давыдов и Н. Кондратьев использовали в своих книгах эти лопатинские характеристики Азефа.
[66] Там же, ф. 1185, оп. 1, ед. хр. 196. В письме Кропоткина речь идет о сообщении ЦК партии эсеров от 26 декабря 1908 г. / 8 января 1909 г., в котором Азеф был «объявлен провокатором» и человеком, «крайне опасным и вредным для партии» (Знамя труда. 1909. № 14).

[67] *Арх. Г.* Т. IX. С. 61, 64.
[68] *ЦГАЛИ*, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 17.
[69] *Лопатин.* С. 70.
[70] *Седов М. Г.* Героический период революционного народничества. М., 1966. С. 347—351.
[71] *ЦГАЛИ*, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 16.
[72] *Арх. Г.* Т. IX. С. 97, 99.
[73] *ЦГАЛИ*, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 17.
[74] Там же, ф. 2534, оп. 1, ед. хр. 47. Об участии Лопатина в «Современнике» см. также переписку Горького и Амфитеатрова за 1911 г. Амфитеатров называл Лопатина, помогающего «Современнику», «ласковым добровольцем».
[75] *Лавров П.* Заметки о Г. А. Лопатине // «Процесс 21-го». С. I—III.
[76] *ЦГАЛИ*, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 16.
[77] Голос минувшего. 1920/1921. С. 96.
[78] *АГ.* Петр — П. М. Рутенберг.
[79] Рассказы касаются преимущественно условий существования шлиссельбургских узников, поскольку в этой главе речь идет об одном из персонажей романа «Восьмидесятники», революционере Берцове, отбывающем одиночное заключение в крепости, название которой не дано. Используя многие подробности рассказов Лопатина, Амфитеатров даже сохранил прозвище одного из надзирателей крепости — Ирод. Об этом Ироде (Соколове) писали в своих воспоминаниях едва ли не все шлиссельбуржцы.
[80] В 1922 г. в серии «Из приключений старых революционеров» был напечатан рассказ Лопатина о третьем побеге из Иркутской тюрьмы, записанный А. И. Голополосовым в 1915 г.
[81] *ЦГАЛИ*, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 16.
[82] Там же, ф. 34.
[83] Там же, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 17.
[84] Там же, ед. хр. 16.
[85] Там же, ед. хр. 17.
[86] Там же, ед. хр. 16.
[87] Там же, ф. 34.
[88] *Лопатин.* С. 124—127.
[89] *ЦГАЛИ*, ф. 2534, оп. 1, ед. хр. 47.
[90] Там же, ф. 34. Ни в одном письме за июнь 1913 г., когда Лопатин принял твердое решение вернуться в Россию, он ни разу прямо не написал о своем намерении. «Вернется ли наш общий друг и когда именно, ей-богу, не знаю. Разные специалисты все запугивают его через брата, но он относится к этим запугиваниям довольно скептически. Во всяком случае, если он вернется, то постарается сделать это неожиданно»,— писал он Н. Ф. Русановой из Парижа 5 июня 1913 г. (*ГБЛ.* 218. 1302. 7, л. 12), называя себя «наш общий друг», как когда-то называли его Маркс и Энгельс. В связи с этим вызывает недоумение упоминавшееся п. Амфитеатрова Горькому, написанное менее чем за две недели до отъезда Лопатина в Россию (11 июня 1913 г.). В нем Амфитеатров прямо сообщал о решении Лопатина уехать на родину, о том, что сейчас Лопатин в Париже, и сетовал, что в «Киевской мысли» не ко времени появилась фотография Лопатина.
[91] *Нелидова Л.* Памяти Г. А. Лопатина // Голос минувшего. 1923. № 3. С. 103.
[92] *ЦГАЛИ*, ф. 34.
[93] *Горбунов М.* (Е. Колосов). Был ли архив у Германа Лопатина? // *ЛН.* Т. 7—8. С. 434.
[94] Там же. С. 432.
[95] П. Л. Лаврова.
[96] *ЦГАЛИ*, ф. 2534, оп. 1, ед. хр. 47.
[97] Там же. М. Горбунов сообщал, что свой архив — «большие пакеты, особо свернутые» — Лопатин нашел в «лавровских сундуках» (*ЛН.* Т. 7—8. С. 432).
[98] *ЦГАЛИ*, ф. 34. По свидетельству М. Горбунова, Лопатин говорил ему, что утопил «на дне морском» два мешка своего архива (*ЛН.* Т. 7—8. С. 432). Ю. Давыдов, основываясь на словах о «недоистребленном» архиве, считает, что это были бумаги из найденного в Париже архива Лопатина. См.: Лит. газ. 1974. № 32. 7 авг.
[99] *ЦГАЛИ*, ф. 34.
[100] «Всю свою жизнь я был одиночкой-протестантом»,— заявил Бурцев перед отъездом в Россию (Будущее. 1912. № 33. 9 июня). Любопытную характеристику дал Бурцеву бывший директор Департамента полиции А. А. Лопухин, показания которого были «главным и единственным доказательством к изобличению Азефа»: «неуравновешенный энтузиаст, называвший себя народовольцем по убеждениям» (Обвинительный акт по делу об отставном действительном статском советнике А. А. Лопухине / Былое. 1909. № 9/10. С. 225, 206).
[101] *ЦГАЛИ*, ф. 34.
[102] *В. И. Ленин.* Т. 21. С. 15, 22.
[103] *Лопатин.* С. 14—15.

[104] Былое. 1910. № 13. С. 137.

[105] *Лопатин.* С. 81.

[106] См.: *Раппопорт Ю. М.* Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного марксизма: (К. Маркс и Г. Лопатин). С. 79.

[107] *ЦГАЛИ*, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 9. См. также: *Харченко Л., Винклер А.* Мятежная жизнь. С. 275—279. Аналогичное письмо было послано Амфитеатровым в редакцию журн. «Голос минувшего» (Голос минувшего. 1920—1921. С. 97).

[108] В оценке, которую дал Амфитеатров Лопатину, при всей ее внешней объективности, ссылке на мнение самого Лопатина, признании Амфитеатрова, что Лопатин — «это самый крупный человек, которого я знал в своей жизни», ощутим оттенок некоей снисходительности, жалости к «постаревшему чрезвычайно» Лопатину.

[109] *ЦГАЛИ*, ф. 34. См. также: Л—А, п. 33, 36, 38, 40.

[110] *АГ.*

[111] Одновременно Лопатин порицал заявление Бурцева о том, что надо, «позабыв партийные раздоры», сомкнуться «вокруг правительства» и что сам он едет на родину работать рука об руку с правительством. Дальнейшие рассуждения Лопатина по этому поводу были вымараны цензурой (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

[112] Лопатин не мог не оценить приветствия членов думской социал-демократической группы, находившихся в тюрьме и приславших ему в день юбилея «адрес в таких выражениях, которые проняли меня до слез», сообщал он брату (*ЦГАЛИ*, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 9).

[113] Голос минувшего. 1920—1921. С. 95.

[114] *Мельгунов С.* Встречи. I. Г. А. Лопатин // Там же.

[115] См., напр., п. В. Н. Фигнер П. Л. Антонову (*Фигнер В. Н.* Указ. соч. Т. 7. С. 153). Н. А. Морозову она писала 23 марта 1915 г.: «Ты знаешь, в П⟨етрограде⟩ видела всех наших. Лопатин, по обыкновению, расширил себя так, что никому не дал слова выговорить, и хотя был очень мил, много потратил общего времени на „советы", которые в конце оказались ненужными» (Там же. С. 256).

[116] Голос минувшего. 1916. № 4. С. 204.

[117] Цит. по кн.: *Лопатин.* С. 181.

[118] *ЛН.* Т. 90, кн. 1. С. 477. Иван Павлович *Ювачов* (1860—1936) — народоволец. В 1884 г. был приговорен к 15 годам каторжных работ. Четыре года сидел в одиночной камере в Шлиссельбурге, затем был отправлен на поселение на Сахалин.

ПЕРЕПИСКА С Г. А. ЛОПАТИНЫМ

Публикация и комментарии
С. С. Зиминой и Л. С. Пустильник

«Блестящий литературный талант» Лопатина проявлялся более всего в эпистолярном жанре, к которому он не просто питал какое-либо особое пристрастие,— в трудных обстоятельствах жизни после Шлиссельбурга письма стали для него важным и необходимым средством общения с близкими людьми.

Переписка Горького с Лопатиным невелика по объему, но в ней подняты многие темы, важные и для Горького, и для Лопатина. Интересно письмо Лопатина от 1–2 января 1910 г., написанное после первой их с Горьким встречи на Капри, письмо, с которого и началась их переписка. Значительно для понимания отношений письмо от 24 мая 1911 г., в котором Лопатин полемизировал с некоторыми мыслями статьи Горького «О писателях-самоучках» (подробнее о переписке см. в наст. томе ст. «Один из талантливейших русских людей»). Некоторые письма, относящиеся к 1912 г., проясняют обстоятельства, предшествующие второй поездке Лопатина на Капри.

К сожалению, не разысканы, а возможно, и утрачены письма Горького к Лопатину, о существовании которых можно судить по ответам Лопатина от 28 января и 7 марта 1910 г. Еще об одном письме Горького (февраль 1911 г.) Лопатин упоминает в письме Бурцеву (см. сообщение Е. Г. Коляды «О Горьком и Лопатине...»). Утрата писем Горького связана с печальной и не проясненной до сих нор судьбой архива или части архива Лопатина.

В переписку включено также письмо М. Ф. Андреевой Лопатину, которое написано, как это видно из его текста, при непосредственном участии Горького.

Ниже печатаются 2 письма Горького Лопатину (*ЦГАОР*, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 7. Публ. Л. С. Пустильник); письмо М. Ф. Андреевой (Там же, ед. хр. 4) и 8 писем Лопатина Горькому, хранящихся в *АГ* (публ. С. С. Зиминой).

1. ЛОПАТИН — ГОРЬКОМУ

⟨Париж. 1–2 января 1910 г.⟩
Paris, le 1 Janvier 1910

С новым годом! С новым счастьем! дорогие Алексей Максимович и Мария Федоровна!

Простите великодушно, что — после такой радушной встречи, которая выпала на мою долю на Капри[1], после такого теплого гостеприимства и такого сердечного расставания — я мог «точно в воду кануть» и в продолжение целых двух недель не аукнуться издали хоть одним словечком. «Верьте совести», что произошло это не по недостатку доброго желания или не потому, чтобы вынесенные мною с Капри впечатления были не довольно сердечны и живы. Но беда в том, что с самого приезда я попал тут в самую гущу всевозможных больших и малых дел — трагического и комического, делового и вздорного, но всегда хлопотливого и времяпожирающего свойства. Поверите ли, что только через неделю по приезде я вырвал у дел сравнительно свободный часок, чтобы посетить моих родных племянниц?[2] О просто «знакомых» уже и не говорю!.. Посетил только трех или четырех «особ», имеющих большое «касательство» к тем же делам; а с остальными видался на разных, платных, праздничных собраниях, которые и посещал только с тою целью, чтобы перевидать как можно больше народу самым дешевым способом, не отыскивая их по квартирам.

Внезапное получение три дня тому назад Ваших книжек («Лето» — «Мать») вновь оживило мои каприйские воспоминания и вызвало новые укоры совести за мое молчание. В особенности взволновала меня Ваша надпись на «Лете», дорогой, «невоздержный», «неумеренный» Алексей Максимович! При всем учете «гипертрофированной впечатлительности» художника и «дружеского ослепления» человека,— она растрогала меня до глубины души, но и вогнала в стыд... Такие обращения нужно *заслуживать* и заслуживать *непрестанно,* «по вся дни живота своего», а как это сделаешь, когда благоприобретенная в «бурях жизни» абулия (особенная форма неврастении) мешает всякому серьезному почину, стоит поперек дороги всякой самостоятельной, выдержанной деятельности по собственному «Загаду» и пр.?.. Но как бы там ни было, но Ваша надпись вызвала во мне желание — спрятаться в какой-нибудь тайный уголок (их — увы! — здесь нет), схватить перо и написать Вам под первым впечатлением несколько благодарных, ласковых слов. Но почтовый штемпель на Вашей посылке (Cavi) сбил меня с толку[3]. Думаю: «очевидно, оба островитянина приехали на святки в Кави... Иначе, почему же их посылка пришла из Кави?.. Но там ли они в эту минуту? Или снова уже вернулись на свой остров Буян?.. Куда же адресовать им свое письмо?» И вот эти колебания дозволили деловому течению снова подхватить меня, как «утлый челн», и унести в самый водоворот «следственных» и иных расследований и т. п.[4]

Должен сказать Вам, что эти исследования сильно расстраивают нервы... Но в то же время могу уверить Вас, дорогой А. М., что все эти материалы просто золотая руда для мыслителя и художника, как я это говорил уже А⟨лександру⟩ В⟨алентинови⟩чу. Хотя бы, например, мемуары Петрова, убийцы Карпова!..[5] Уверяю Вас, что — при чтении их — политическое значение их и самого поступка отступало в моих глазах на задний план перед их психологическим и социологическим интересом... Или, например, подлинные письма некоей жены (вполне честной женщины-человека) к ее мужу, неудачному «идейному» провокатору вскоре по его заподозрении... Что это за кровавая трагедия хорошей, *благородной* и страстно *любящей* женской души!.. Или, например, яростная, софистическая, но умная и горячая самозащита Зины Жученко[6], называющей свою деятельность самоотверженным и бескорыстным служением собственному *идеалу* и страстно стремящейся отвоевать для себя и на этом поприще хоть тень *Чести* и *благородства!* Да и мало ли еще чего интересного найдется в этих материалах, ждущих оплодотворения их умом мыслителя или художника!..

Сел писать Вам в самый день Нового года в надежде, что хоть в этот день я более или менее обеспечен от перерывов... Не тут то было!.. Доканчиваю 2-го, после бесчисленных перерывов вчера и сегодня и с великим сомнением касательно связности и толковости письма, которое страшусь перечитать.

Зовут обедать, а затем предстоят три заседания, а потому прощайте пока, мои милые каприйские отшельники! От всей души обнимаю Вас обоих и *очень* прошу не забывать меня совсем до возможной новой встречи.

Ваш Герман Лопатин

Привет «Зине»[7] и знакомым каприйцам.
Адрес: M-r H. Lopatine 50, Bd St. Jacques, Paris, XIV.

P. S. Разные неожиданные дела заставляли Бурцева откладывать поездку в Америку со дня на день. Раз даже пришлось продать с убытком уже взятые три билета. Кажется, что все же уедет 5 января. Возможно, что № 3 «Общ⟨его⟩ дела»[8] выйдет еще при нем, но, конечно, без Вашей статьи и без (тоже обещанной) статьи Ал⟨ександра⟩ Вал⟨енти-

ГОРЬКИЙ И Г. А. ЛОПАТИН У ВХОДА НА ПРИЧАЛ

Фотография Н. Е. Буренина. Капри, 13 декабря 1909 г. На обороте карандашом рукой Н. Е. Буренина: «Герман Лопатин и Максим Горький на Capri в 1909 г.»

Музей Горького, Москва

нови›ча, что повергает Бурцева в горькие размышления по поводу ненадежности обещаний «великих мира сего» и бренности расчетов на их помощь. Sapienti sat *...

Письмо на бланке: «Редакция журнала „Былое“ и газеты „Общее дело“ – „Le Passe“ et „La Cause Commune“. B^d St Jaques, 50».

* Мудрому достаточно; умный поймет (*лат.*).

[1] Лопатин гостил у Горького на Капри с 26 ноября/9 декабря по 30 ноября/13 декабря 1909 г. См.: Из Дневника К. П. Пятницкого.

[2] Лопатин имел в виду дочерей своего двоюродного брата Александра Константиновича *Лопатина* — Злату Александровну (1888—1962) и Людмилу Александровну Лопатиных. В то время они жили в Париже. З. А. Лопатина училась в Сорбонне на подготовительных медицинских курсах (впоследствии, после окончания университета в Генуе, стала врачом), Л. А. Лопатина брала уроки пения. Г. А. Лопатин постоянно заботился о них.

[3] Книги с дарственными надписями, посланные Горьким Лопатину, не разысканы. Горький, не зная адреса Лопатина, послал книги «Лето» и «Мать» в Кави Амфитеатрову с просьбой переслать их в Париж, Лопатину. См.: А—Г, п. от 1 или 2 янв. 1910 г., прим. 1.

[4] В это время Лопатин участвовал в расследовании заявления ЦК партии эсеров, обвинявших Бурцева в клевете на Азефа.

[5] См.: Г—А, п. от 31 декабря, 1909 г., прим. 4.

[6] В августе 1909 г. ЦК партии эсеров, по-видимому догадываясь о тайной роли З. Ф. Жученко, обратился к Бурцеву с предложением сделать попытку получить от Жученко сведения о деятельности провокаторов среди социалистов-революционеров. 11/24 августа 1909 г. Бурцев встретился с Жученко, он описал это свидание в ст., напечатанной под псевдонимом Волков в «Русских ведомостях» (1910, № 293 и 295, 19 и 22 дек.). Подробнее см.: *Агафонов*. С. 343—348.

[7] З. А. Пешков.

[8] О газ. «Общее дело» и участии в ней Горького и Лопатина см. ниже сообщение Е. Г. Коляды.

2. ЛОПАТИН — ГОРЬКОМУ

(Париж.) 28.I.10

Дорогой Алексей Максимович.

Говоря, что устные и письменные материалы по части провокации представляют золотую руду для мыслителя и художника, я хотел заинтересовать именно Вас[1]. В моем желании оказать всякую помощь не сомневайтесь; но не знаю пока — в чем она могла бы состоять. Излагать письменно моих впечатлений не берусь потому же, почему не в силах засесть за собственные мемуары. Рассказать изустно — для этого нужно свидание, которое может состояться очень не скоро; а главное, это совсем не то. Художнику требуются *непосредственные* впечатления от *первоисточников*: беседы с действующими лицами, их интимные письма, устные показания при допросах и т. п. Как устроить такие личные встречи и наблюдения — не знаю. Из письменных материалов кое-что попадает и попадает в печать. Так, напр., я усердно настаиваю на *скорейшем* опубликовании мемуаров Петрова с *наименьшими* цензурными опущениями. Из неподлежащих опубликованию документов принадлежащие Бурцеву, вероятно, могут быть предоставлены в Ваше *временное* пользование без особенных препятствий с его стороны. Но к материалам, принадлежащим Цекистам разных партий, доступ уже много труднее, даже у эсеров, с которыми у меня более личных связей. Но попытаться, конечно, можно. Всего труднее «впитать» именно Азефа (в нарицательном смысле). Пока он не заподозрен, *посторонние* люди не имеют поводов знакомиться с ним и наблюдать его. Будучи заподозрен, *такой* человек не сознается, не кается, а, будучи уличен, скрывается. Да и на допросах его присутствуют только *свои*. Я, напр., исследовал Азефа заочно и ни разу не обменялся с ним ни одним словом. Точно так же мне ни разу не пришлось присутствовать на допросе Баррита-Батушанского (который, вероятно, скоро будет окончательно «примучен»[2]), хотя обвинение «зачалось» от Бурцева. Петров — не Азеф. Это т⟨ак⟩ н⟨азываемый⟩ «идейный» провокатор, или «псевдопровокатор», и притом в самом начале этой карьеры. Герцик[3] — которого мне пришлось исследовать недавно — тоже «идейный» грешник, но только жалкий, маленький и притом психопат из области Крафт-Эбинга[4]; к тому же карьера его даже не начиналась, буду-

чи подкошена в самом зародыше. Интересны, трагичны и трогательны их жены и невесты (напр., Воскресенского). А с настоящим Азефом или хотя бы азефчиком мне не пришлось еще встретиться лицом к лицу.

Первую — незаслуженно лестную и ласковую — часть Вашего письма оставляю без ответа. «За вашим языком не угоняться босиком»,— как говорят кое-где мужики... Ну, а обуваться для сего в литературные лапти не имею ни охоты, ни времени. А главное — такие слова повергают меня всегда в *искреннее* смущение и вызывают в моей душе тяжелые припадки острого «самоедства», которые мне сейчас особенно не ко времени.

За промедление в ответе не извиняюсь. Видит бог, что я живу истинным «великомучеником», не располагающим своим временем, не могущим принимать даже пищи «во благовремении» и спокойствии тела и души. Что же касается до моего *настроения* — в силу *специального* характера моих ежедневных впечатлений,— то я не пожелаю его и «лихому татарину» или «лютому ворогу».

Неужели же — А. М.— Ваше обещание статейки для № 4 «О⟨бщего⟩ д⟨ела⟩» снова так и останется только *обещанием*?![5] А ведь «бают добрые люди», что это как будто немножко «зазорно»? а? Об огорчении Бурцева уже и не говорю... Поди ему придется переварить в Америке много невкусного и он сильно будет нуждаться в утешении.

Сердечный, благодарный привет Марье Федоровне и поклон всем Каприотам, которые знают и помнят меня.

Крепко жму Вашу руку и от души желаю Вам всего лучшего.

Г. Л.

К моему адресу нет надобности прибавлять указания на редакцию «Былого»[6]. Это только усложняет и удлиняет получение письма.

[1] Письмо Горького, на которое отвечает Лопатин, не разыскано.

[2] Борис Яковлевич *Батушанский* с 1902 г. состоял сотрудником охранного отделения в г. Екатеринославе под кличкой «Бабаджанов». В 1907 г. Департаментом полиции Батушанский был командирован за границу для работы среди русских эмигрантов. В октябре 1909 г. «Батушанский „проваливается", так как стала известна его роль в деле Екатеринославской типографии, а также благодаря „изменившему" французскому агенту Леруа Бурцев обнаружил и знакомство Б⟨атушанского⟩ с Гартингом. На товарищеском суде, продолжавшемся 17 заседаний, Батушанский был объявлен провокатором» (*Агафонов*. С. 314).

После «провала» Батушанского по распоряжению министра внутренних дел Столыпина «Батушанскому в июне 1910 г. было разрешено ходатайствовать о пенсии в 600 руб. в год вместо обещанных 1200 р.» (Там же). Невыполнение слова начальством было «одной из причин, толкнувших Батушанского на переписку с Бурцевым, который предлагает «проваленному» им провокатору «для его будущего спокойного существования рассказать ему, Бурцеву, все о своей деятельности» (Там же).

Одновременно с этой перепиской Батушанский в одном из прошений в Департамент полиции заявил, «что он „мог бы реабилитироваться при содействии Д⟨епартамен⟩та, разбивши Бурцева и его икса (секретаря Лопухина) ⟨...⟩ реабилитация может быть и другая, а именно войти с Бурцевым в сношения, выдавая ему кое-что"; в случае отказа Д⟨епартамен⟩та от его дальнейших услуг Б⟨атушанский⟩ снова просит о приеме его на государственную службу, о назначении ему пенсии и предлагает креститься» (Там же. С. 312—315).

[3] Борис *Герцик* — бывший ученик технического училища Вавельберга в Варшаве, сын купца из Минска, в 1903 г. поступил на службу в Варшавское охранное отделение, выдавал бундистов. В 1908 г. был уличен в провокации среди с.-д. в Женеве и в сношениях с начальником Заграничной агентуры Гартингом-Ландезеном (Там же. С. 329).

[4] Рихард *Крафт-Эбинг* (1840–?) — один из выдающихся немецких психиатров, специалист по нервным заболеваниям. Несколько его книг по клинической и судебной психиатрии и исследование о гипнозе были переведены на русский язык.

[5] Ст. Горького в № 4 «Общего дела» не публиковались.

[6] В этот период Бурцев привлек Лопатина к редакционной работе в журн. «Былое» и газ. «Общее дело». См. ниже сообщение Е. Г. Коляды.

3. ЛОПАТИН — ГОРЬКОМУ

⟨Париж.⟩ 7.III.10

Дорогой Алексей Максимович,

спасибо за отрывок из письма Кеннеди[1], хотя он не сказал мне много нового.— В⟨ладимир⟩ Л⟨ьвович⟩[2] уехал действительно слишком уж скоропалительно и не подготовив заранее предстоящей кампании, ну и, конечно, платится за это. Пишет редко. За все время прислал 3 или 4 открытки довольно загадочного или смутного характера. Денег выслал в два приема всего около 1000 руб. Нечем заткнуть самых настоятельных дыр. Кругом стоит форменный голодный вой множества зависящих от него людей. Эти присылки радуют меня хоть с той стороны, что — быть может — не придется сбирать ему на обратный билет и на выкуп пальто. Впрочем, все это — между нами. Тем более, что он, по-видимому, не теряет надежд, как неисправимый оптимист. Итак, приходится не рассчитывать на Вашу статью... А⟨лександр⟩ В⟨алентинович⟩ тоже отъехал на одном клятвенном обещании... Такова уж злая судьба этого якобы «общего» дела!.. Судя по газетам, Ваш «Окуров» уже появился в русской печати[3], хотя здесь я его не видал и не мог проверить первого впечатления[4]. Простите за промедление в ответе: видит бог,— совсем не имею времени *для себя* и даже Парижа не вижу совсем, живя в нем лишь номинально.

Привет М. Ф. и всего лучшего вам обоим.

Г. Л.

П. Горького, на которое отвечает Лопатин, не разыскано.

[1] Возможно, Пауль *Кеннеди*, толстовец, с которым Горький познакомился во время своего пребывания в Америке.

[2] Бурцев находился в то время в Америке.

[3] По-видимому, Лопатин имеет в виду выход в свет XXVIII и XXIX *сб. «Знания»*, в которых напечатана повесть «Городок Окуров». В конце 1909 г.— начале 1910 г. в русской печати появилось много рецензий на новую повесть Горького: В. Бонч-Бруевич «Городок Окуров» (Новый день. 1909. № 15. 13 дек.), В-н О «„Городок Окуров. Хроника" — М. Горького» (Речь. 1909. № 345. 16 дек.), Он же «Продолжение „Городка Окурова" М. Горького» (Речь. 1910. № 26. 27 янв.), А. Ожигов «Литературные мотивы» (Современное слово. 1909. № 715. 30 дек., 1910. № 770. 24 февр.), А. Измайлов «„Куда надлежит мещанская душа" („Городок Окуров" Максима Горького)» (Русское слово. 1910. № 2. 3 янв.), Он же «„Городок Окуров" Максима Горького» (Бирж⟨евые⟩ вед⟨омости⟩. 1910. № 11497. 2 янв. № 11498. 5 янв.), Он же «Из записной книжки критика» (Русское слово. 1910. № 43. 23 февр.), Вл. Боцяновский «Литературные наброски» (Новая Русь. 1910. № 52. 22 февр.).

[4] 27 ноября / 10 декабря 1909 г. Лопатин слушал «Городок Окуров» в чтении Горького. См. ниже: Из Дневника К. П. Пятницкого.

4. М. Ф. АНДРЕЕВА — ЛОПАТИНУ

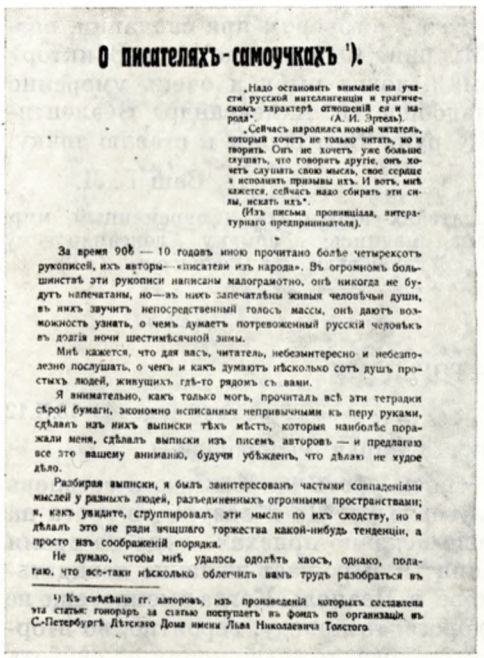
⟨Капри. 6 мая 1911 г.⟩

Дорогой, уважаемый Герман Александрович.

Нам с Алексеем Максимовичем так сильно хотелось бы, чтобы Вы приехали к нам погостить! Может быть, это возможно?

Вы не можете себе представить, какую большую радость доставили бы нам, приехав. А кроме того, сейчас очень хорошо на нашем острове, хотя у Вас в доме[1] его не очень одобряют, что нам, местным жителям и патриотам, несколько обидно, но, право же, сейчас так тут хорошо: все залито бесчисленными цветами, все горит веселыми красками и такая какая-то светлая и чистая радость во всем.

Неприятных людей тоже никого нет, что удается не так-то часто и чем мы дорожим весьма, нам с Алексеем Максимовичем дорого было бы Ваше присутствие — видите, как все просит Вас, милый Герман Александрович, приезжайте, пожалуйста!



О писателяхъ-самоучкахъ [1]).

„Надо остановить вниманіе на участи русской интеллигенціи и трагическомъ характерѣ отношеній ея и народа". (А. И. Эртель).

„Сейчасъ народился новый читатель, который хочетъ не только читать, но и творить. Онъ не хочетъ уже больше слушать, что говорятъ другіе, онъ хочетъ слушать свою мысль, свое сердце и исполнить призывы изъ. И вотъ, мнѣ кажется, сейчасъ надо собрать эти силы, искать ихъ".

(Изъ письма провинціала, литературнаго предпринимателя).

За время 90⁸ — 10 годовъ мною прочитано болѣе четырехсотъ рукописей, ихъ авторы—„писатели изъ народа». Въ огромномъ большинствѣ эти рукописи написаны малограмотно, онѣ никогда не будутъ напечатаны, но—въ нихъ запечатлѣны живыя человѣчьи души, въ нихъ звучитъ непосредственный голосъ массы, онѣ даютъ возможность узнать, о чемъ думаетъ потревоженный русскій человѣкъ въ долгія ночи шестимѣсячной зимы.

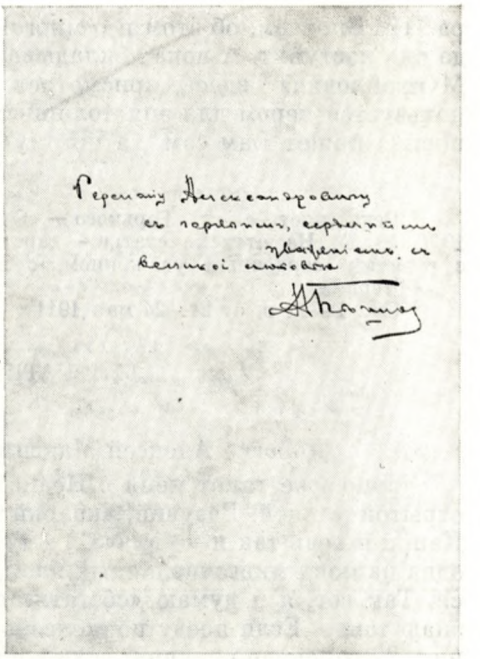
Мнѣ кажется, что для васъ, читатель, небезынтересно и небезполезно послушать, о чемъ и какъ думаютъ нѣсколько сотъ душъ простыхъ людей, живущихъ гдѣ-то рядомъ съ вами.

Я внимательно, какъ только могъ, прочиталъ всѣ эти тетради сѣрой бумаги, экономно исписанныя непривычными къ перу руками, сдѣлалъ изъ нихъ выписки тѣхъ мѣстъ, которыя наиболѣе поражали меня, сдѣлалъ выписки изъ писемъ авторовъ — и предлагаю все это вашему вниманію, будучи убѣжденъ, что дѣлаю не худое дѣло.

Разбирая выписки, я былъ заинтересованъ частыми совпаденіями мыслей у разныхъ людей, разъединенныхъ огромными пространствами; я, какъ увидите, сгруппировалъ эти мысли по ихъ сходству, но я дѣлалъ это не ради ищшаго торжества какой-нибудь тенденціи, а просто изъ соображеній порядка.

Не думаю, чтобы мнѣ удалось одолѣть хаосъ, однако, полагаю, что все-таки нѣсколько облегчилъ вамъ трудъ разобраться въ

1) Къ свѣдѣнію гг. авторовъ, изъ произведеній которыхъ составлена эта статья: гонораръ за статью поступаетъ въ фондъ по организаціи въ С.-Петербургѣ Дѣтскаго Дома имени Льва Николаевича Толстого.



ПЕРВАЯ СТРАНИЦА И ОБОРОТ ОБЛОЖКИ ОТТИСКА СТАТЬИ ГОРЬКОГО «О ПИСАТЕЛЯХ-САМОУЧКАХ» ИЗ ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННЫЙ МИР» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ Г. А. ЛОПАТИНУ

1911, № 2

Архив Горького, Москва

Будьте здоровы и от всего сердца шлем Вам самое искреннее пожелание всего самого хорошего и светлого.

С глубоким уважением и приязнью

Мария

6/V 911

Печатается по автографу (*ЦГАОР*, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 4).

[1] Имеется в виду дом Амфитеатровых.

5. ЛОПАТИН — ГОРЬКОМУ

⟨Феццано.⟩ 24.V.911

Спасибо, дорогой А. М., за оттиск. Очень, по-моему, интересная статейка [1] и по фактам, и по мыслям, которые являются при чтении: по мыслям авторов, автора и самого читателя. Из мыслей автора очень красивым показалось мне Ваше изречение, что на Западе пессимизм — миросозерцание, а у нас он — мироощущение и т. д. Хотя — как все очень широкие и красивые обобщения — и это несколько парадоксально и не совсем верно. Это пессимизм, мистицизм и фатализм, подрывающие энергию и отразившиеся так ярко в нашем фольклоре, в форме невозможности борьбы с неодолимой судьбою, и не так уж *исключительно* характерен для нас и не так уж *неодолимо* вреден. Разве *суть* античной греческой трагедии не та же бесплодная борьба с неодолимым роком? И разве этот ослабляющий действенную энергию национальный порок помешал нам выбиться из-под татарвы и создать великое государство? или — что еще больше — помешал нам создать великую литературу в какие-нибудь полтораста лет, примерно от 1725 до 1880 г., т. е. от Петра I до Александ-

ра III? Впрочем, об этом и о многом другом поговорим при свидании, когда оно наступит. А пока докладываю М<арии> Ф<едоровне>, что В<иктор> М<ихайлович> [2] здесь, присмотрел домик, ловит рыбу и очень умеренно пользуется пером для эпистолярных надобностей. А<лександр> В<алентинович> пишет Вам сам [3], а потому жму руки Вам обоим и ставлю точку.

Ваш Г. Л.

[1] Речь идет о ст. Горького — «О писателях-самоучках» (Современный мир. 1911. № 2). На оттиске статьи — дарственная надпись: «Герману Александровичу с горячим, сердечным уважением, с великой любовью. А. Пешков» (*АГ*).

[2] Чернов.

[3] См.: Г—А, п. от 21—24 мая 1911 г.

6. ЛОПАТИН — ГОРЬКОМУ

<Феццано.> 13.X.12

Дорогие Алексей Максимович и Марья Федоровна!

Давно уже тянет меня в Неаполь — посмотреть на Помпею с ее вновь открытой улицей. Везувий, акварий [1], музеи и пр. Да и лазурного грота на Капри я ведь так и не видал... а тут еще недавно приехала туда на время одна из моих многочисленных племянниц [2] и выражает желание повидаться. Так вот, я и думаю «сбегать» вскоре в Неаполь. Когда именно, еще не знаю точно. Если поеду по железной дороге, то приеду, вероятно, во вторник, 22-го, около полудня; если же на пароходе, то — «во едину от суббот» (26 окт. или 2 ноября) [3], в шестом часу утра. Но сроки пока гадательны.

А хочу я спросить Вас по этому случаю вот что: стесню или не стесню я Вас обоих, если — будучи в Неаполе — загляну к Вам на день, другой, третий? Помимо собственного удовольствия повидаться с Вами меня подбивают к этому и настояния Бурцева, который очень просит меня потолковать с Вами об его делах и планах [4].

В надежде на скорый ответ, жму Вам руки и говорю — до свидания.

Искренно Ваш Г. Л.

Speditore H. Lopatin, villa Buriassi, Fezzano (presso Spezia)

[1] Неаполитанский аквариум, один из самых крупных в мире, был основан в 1870 г.

[2] Речь идет о Людмиле Александровне Лопатиной.

[3] Лопатин приехал на Капри 4 ноября и пробыл там до 10 ноября. См.: Л—А, п. 27—29.

[4] Бурцев приехал на Капри 9 ноября (Там же, п. 29, прим. 1).

7. ГОРЬКИЙ — ЛОПАТИНУ

<Капри. Октябрь, не ранее 15, 1912 г.>

Дорогой Герман Александрович!

В указанное вами время я, наверное, буду дома и радостно встречу вас.

Было бы хорошо, если бы вы поспешили сюда,— уж очень великолепна здесь погода!

Весьма прошу — известите открыткой о дне выезда из Неаполя, чтоб можно было встретить вас.

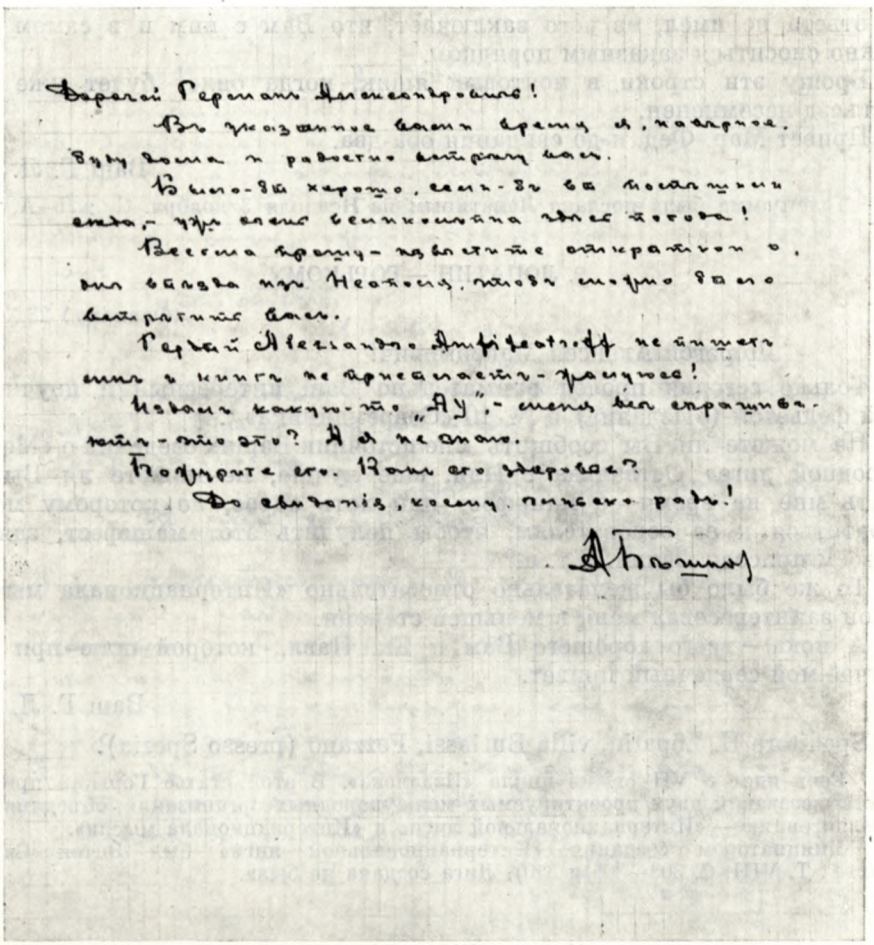
Гордый Alessandro Amfiteatroff не пишет мне и книг не присылает — жалуюсь!

Издал какую-то «Ау» [1],— меня все спрашивают — что это? А я и не знаю.

Пожурите его. Как его здоровье?

До свидания, коему глубоко рад!

А. Пешков



СТРАНИЦА ПИСЬМА ГОРЬКОГО Г. А. ЛОПАТИНУ
Капри, октябрь, не ранее 15 1912 г.
Центральный архив Октябрьской революции, Москва

Печатается по автографу (*ЦГАОР*, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 7, л. 3).
Датируется по сопоставлению с п. 6.

[1] Речь идет о книге Амфитеатрова «Ау! Сатиры. Рифмы. Шутки. Фельетоны. Статьи».

8. ЛОПАТИН — ГОРЬКОМУ

⟨Феццано.⟩ Понедельник, 28.X.12

Дорогой Ал. Макс.!

Все медлил ответом потому, что и сам еще не знал толком: еду ли я или нет. Кажется,— еду в четверг, рано утром, а приеду в Неаполь в субботу, тоже ни свет ни заря, т. е. в шестом часу утра, и сейчас же отправлюсь отыскивать племянницу и устраиваться на биваках; а на другой день, т. е. в воскресенье (или в понедельник) направлю свой курс к Вам. Вероятно, с тем пароходом, что приходит на Капри в 11 ч. утра. Впрочем, из Неаполя я, вероятно, пошлю Вам еще открытку или депешу[1], если телеграф не безызвестен на Вашем острове.

«Ау!» только-что получено и уже послано Вам. А⟨лександр⟩ В⟨алентинович⟩ говорит, что он еще недавно писал Вам и обстоятельно,

но ответа не имел, из чего заключает, что Вам с ним и в самом деле нужно сноситься заказным порядком.

Брошу эти строки в почтовый ящик, когда билет будет уже взят и отъезд несомненен.

Привет Мар. Фед. и до свидания оба-два.

Ваш Г. Л.

[1] Телеграмма была послана Лопатиным из Неаполя 3 ноября. См.: Л—А, п. 27.

9. ЛОПАТИН — ГОРЬКОМУ

(Феццано.) 23.XII.912

Дорогой Алексей Максимович!

Только сегодня прочел внимательно Ваш интересный и поучительный фельетон («Издали») в № 10 «Современника» [1].

Не можете ли Вы сообщить мне источник Ваших сведений о «Международной лиге» Оствальда [2]? Или, еще лучше, не можете ли Вы выслать мне на время ее манифест или хоть адрес, по которому можно обратиться к ее основателям, чтобы получить этот манифест, заявить о своем присоединении, и т. п.?

То же было бы желательно относительно «Интернационала мысли», но он заинтересовал меня в меньшей степени.

А пока — всего хорошего Вам и Ек. Павл., которой шлю при этом случае мой сердечный привет.

Ваш Г. Л.

Speditore H. Lopatin, villa Buriassi, Fezzano (presso Spezia).

[1] Речь идет о VII ст. из цикла «Издалека». В этой статье Горький приводил тексты воззваний двух проектируемых международных организаций, объединяющих интеллигенцию — «Интернациональной лиги» и «Интернационала мысли».

[2] Инициатором создания «Интернациональной лиги» был Эптон Синклер (*Арх. Г.* Т. VIII. С. 303—305 и 310). Лига создана не была.

10. ГОРЬКИЙ — ЛОПАТИНУ

(Капри. Между 25 и 28 декабря 1912 г.)

Дорогой Герман Александрович!

Английского текста манифеста Лиги В. Оствальда у меня нет, если вы желаете иметь этот манифест и опросный лист организационного комитета Лиги [1], вам нужно обратиться по адресу:

Голландия, Хилверскум, г. Фок-ван-Эден [2].

А за сведениями по поводу манифеста «Лиги интернациональной мысли» нужно обратиться к г. Аристид Пратель [3], 12, rue le Clermont-Benuvais, Paris.

Лица эти дадут вам более точные и обильные сведения, чем могу дать я. Манифест Оствальда приведен в моей заметке [4] целиком.

Александр Валентинович собирается в январе на Капри — вам не хочется?

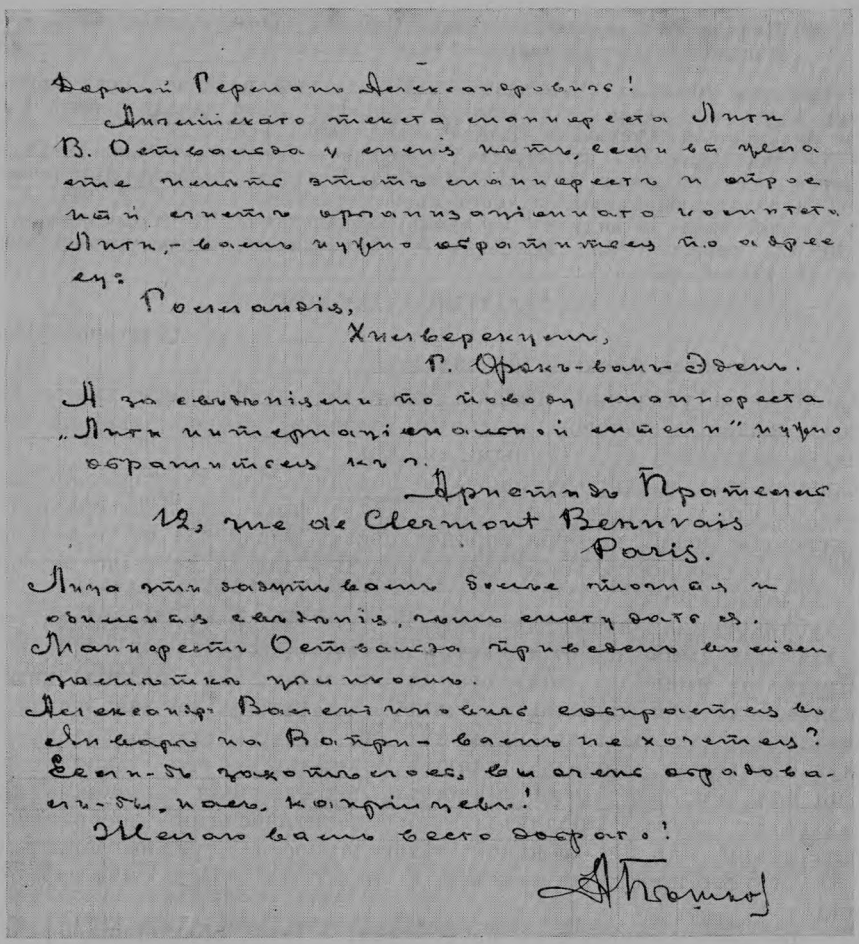
Если б захотелось, вы очень обрадовали бы нас, каприйцев!

Желаю вам всего доброго!

А. Пешков

Печатается по автографу (*ЦГАОР*, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 7, л. 2).
Датируется по сопоставлению с п. 9 и 11.

[1] «Манифестом» Горький называет программу «Интернациональной лиги» (The International Leaque. A Program). Эта программа была выслана Горькому Э. Синклером из Хильверсума, Голландия, 23 мая 1912 г. с предложением «поставить и свою подпись под этим предварительным воззванием, которое предполагается послать сотням писателей различных стран» (*Арх. Г.* Т. VIII. С. 303—304).



СТРАНИЦА ПИСЬМА ГОРЬКОГО Г. А. ЛОПАТИНУ

Капри, между 25 и 28 декабря 1912 г.

Центральный архив Октябрьской революции, Москва

Вместе с программой Синклер выслал Горькому проект организации Интернационального Мирного Суда Труда и вопросник на английском языке для вступления в Лигу (Questions. Yes or NO). В *АГ* хранится машинописный текст вопросника в переводе на русский язык с ответами Горького. Приводим полностью текст этого документа (курсивом выделены ответы Горького).

«1. Желаете ли заняться лигой как ее участник? — *Да.*
2. Желаете ли Вы заняться ею, если ее планы будут изменены, также и программа (если да, благоволите сообщить, в чем именно?) —
3. Не сообщите ли Вы имена других лиц, мужчин и женщин, занимающихся литературой, которых следовало бы пригласить подписать предварительное воззвание? — *Нет.*
4. Не сообщите ли Вы адреса и имена возможных членов, сотрудников и лиц, могущих симпатизировать Лиге? — *Да.*
5. Возьмете ли Вы на себя представительство от Лиги, разъяснение ее целей желающим и примете ли деятельное участие в работе Лиги? — *Нет.*
6. Согласитесь ли принять участие по сбору средств в случаях особенно затруднительного положения? — *Да.*
7. Желаете ли заняться будущими изданиями Лиги, ее планами и т. д.? — *Да.*
8. Желаете ли принять личное участие в ее изданиях? — *Да.*
9. Согласитесь ли вступить в Исполнительный Комитет на случай Вашего избрания? — *Нет.*

10. Можете ли приехать на Общее Собрание, которое имеет быть в июле или августе текущего года в Голландии? — *Нет*».

[2] Фредерик (Фок)-ван-*Эден* (1860—1932) — датский романист, поэт, драматург, эссеист. Был среди первых подписавших Манифест Лиги наряду с Рихардом Демелем, Вильгельмом Оствальдом, Эптоном Синклером.

[3] Аристид *Прателль* — французский журналист. Горький сообщал Э. Синклеру во второй половине июня 1912 г.: «Аристид Прателль основал „Интернационал мысли" в целях пропаганды научного миросозерцания» (*Арх. Г.* Т. VIII. С. 305).

[4] Горький имеет в виду ст. из цикла «Издалека» (VII) (Современник. 1912. Кн. 10. См. также в кн.: М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941. С. 443—445.

11. ЛОПАТИН — ГОРЬКОМУ

(Феццано.) 30.XII.912

Дорогой Алексей Максимович!

Спасибо за указания. Только зачем Вы изображаете имена иностранных людей и городов русскими буквами? Выворачивай-ко теперь их снова наизнанку собственными силами!

Сдается мне, что протестовать по поводу *слухов* [1] — довольно неосторожно. А что как ничего не будет? Тогда злые шутники сравнят Вас с некрасивой девой, которая заранее просит кавалеров не рассчитывать на ее благосклонность, тогда как у них и в мысли не было покушаться на ее невинность.

Опубликованная амнистия — другое дело. Но и тут придется различать именную амнистию от амнистии по категориям.

Принятие именного помилования не может не претить каждому политическому деятелю, но особенно — литератору, да еще и с громким именем. Она как бы завязывает ему рот из «благодарности» за полученную «милость». Конечно, всякий понимает, что это — вздор: что царь тут ни при чем; что это не «милость», подсказанная сердцем, а правительственная мера, продиктованная политическими соображениями и интересами, что ни о какой «благодарности» тут не может быть и речи; что это просто смешно и т. д. А все же... Ведь сила *слов* очень велика.

Другое дело амнистия по категориям: «Лица, обвинявшиеся по таким-то статьям или совершившие такие-то поступки, могут вернуться беспрепятственно и жить где хотят. Лица, обвинявшиеся по таким-то иным статьям или совершившие такие-то деяния, должны подвергнуться по возвращении полицейскому надзору на такой-то срок. Обвинявшиеся же по таким-то статьям или совершившие то-то, совсем изъемлются из действия этого указа». — Такая амнистия имеет даже внешний вид судебного приговора или административного распоряжения, а потому принять ее, или подчиниться ей, или воспользоваться ею ни для кого не зазорно. Тут уж каждый волен сообразоваться с особенностями своего положения и своими житейскими планами, и пр.

Во всяком случае это дело требует основательного размышления и взвешиванья всех pro et contra.

За приглашение спасибо. Как не желать прокатиться и побеседовать с добрыми людьми о том, о сем. Но на сие ведь нужно плохо-плохо 60 или 70 лир, а их по нонешним временам на земле не поднимешь... Впрочем, все мы с уверенностью ждем выигрыша в какую-то лотерею.

А пока — всего хорошего!

Ваш Г. Л.

Привет Ек. Павл.

С Новым Годом! С новым счастьем!

[1] Лопатин имеет в виду те «определенные и достоверные известия» по поводу предстоящей амнистии, о которых Амфитеатров сообщал Горькому 23 декабря 1912 г. В ответном п. Амфитеатрову от 27 декабря 1912 г. Горький писал о своем намерении протестовать против «амнистии».

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА ГОРЬКОГО С ЛОПАТИНЫМ (1909 г.)

Публикация С. С. Зиминой, комментарии Н. И. Дикушиной

На протяжении многих лет К. П. Пятницкий вел дневник, тетради которого хранятся в *АГ*, в фонде К. П. Пятницкого. Дневник этот является драгоценным источником для изучения биографии Горького. Особый интерес представляют разделы дневника, относящиеся к пребыванию Пятницкого на Капри.

В один из своих приездов на Капри, осенью — зимой 1909 г., Пятницкий стал свидетелем первой встречи Горького с Лопатиным. Позже он писал, что много читал и слышал о Лопатине, поэтому с нетерпением ждал его приезда и «заранее решил заносить его рассказы с возможной точностью в свой дневник» (см. ниже «Г. А. Лопатин в гостях у Горького на Капри»).

Свое намерение Пятницкий добросовестно выполнил, и его дневниковые записи о приезде Лопатина к Горькому, переросшие позже в очерк,— важнейшие свидетельства для характеристики отношений Горького и Лопатина; в них содержатся также интересные материалы к биографии Лопатина.

Записи Пятницкого о приезде Лопатина имеют свои особенности. Первоначально Пятницкий с 26 по 30 ноября (с 9 по 13 декабря) 1909 г. день за днем скрупулезно, в обычной своей лапидарной манере, одной фразой, порой даже одним словом заносил в дневник все факты, относящиеся к пребыванию Лопатина на Капри: встречи его с каприйцами, прогулки по острову и главным образом беседы и рассказы Лопатина и Горького.

Эти записи составляют первый раздел публикации «Из Дневника Пятницкого».

Но одновременно с каждодневными записями Пятницкий делал и другие: он расширял свои первоначальные заметки о беседах с Лопатиным. Так в дневнике появился особый раздел, названный Пятницким «Рассказы Л(опатина)», который писался, по всей вероятности, на отдельных листах и позже был вшит в дневник. В первых записях темы рассказов Лопатина только названы: «О трех наиболее блестящих собеседниках — Зинин, Герцен, Маркс», «Беседа с Дурново», «Беседа с Д. А. Толстым», «Суд. Настроение. Речь», «Запугивание», «Казнь Каракозова» и пр. Теперь почти каждая тема обрастала фактами, становилась именно рассказом.

В этом разделе Пятницкий в целом не нарушал временно́й последовательности, зафиксированной в дневнике. Исключение сделано при изложении истории трех побегов Лопатина, естественно занявших здесь центральное место. Дело в том, что Лопатин рассказал сначала (27 ноября / 10 декабря) о первом и третьем побегах и только в ночь с 29 на 30 ноября / с 12 на 13 декабря — о втором. Пятницкий, сохранив даты рассказов, построил их в логической последовательности.

К сожалению, не все обозначенные в дневнике темы оказались «расшифрованными». Но и то, что было сделано Пятницким в 1909 г., представляет большой интерес, так как в этих двух разделах «Из Дневника Пятницкого» запечатлена и внешняя канва событий, связанных с первым приездом Лопатина на Капри, своего рода «хроника» пребывания Лопатина в гостях у Горького, и рассказы Лопатина, часть которых до настоящего времени оставалась неизвестной.

В 30-е годы Пятницкий, возможно перечитывая дневник, вновь вернулся к первой встрече Горького и Лопатина и на основе дневника написал очерк «Г. А. Лопатин в гостях у Горького на Капри. Отрывки из дневника». Как свидетельствуют

К. П. ПЯТНИЦКИЙ

Рисунок Ф. И. Шаляпина и И. И. Бродского, 1914 (бумага, карандаш). Под изображением внизу слева подпись: «Ф. Шаляпин». Справа его рукой текст: «10-го марта, некий рукоблудный художник Шаляпин начал чертить портрет дорогого Константина Петровича, а настоящий художник все исправил и сделал чудный рисунок (следует подпись настоящ⟨его⟩ художн⟨ика⟩»). Далее подпись Бродского и дата: «1914-й». Вложен в лист писчей бумаги с надписью Пятницкого: «Рис. Ф. Ив. Шаляпина»

Музей Горького, Москва

документы, хранящиеся в *АГ*, в 1935 г. Пятницкий отправил рукопись очерка в редакцию журнала «Каторга и ссылка», однако очерк был ему возвращен, и рукопись поступила в *АГ* с другими материалами архива Пятницкого. Известно, что Горький этот очерк не читал.

В очерке Пятницкий сохранил форму дневниковых записей. Повествование о событиях каждого дня совпадает с ранними записями, но материал значительно расширился, появились новые подробности и новая манера изложения. Если в дневнике 1909 г. авторское начало почти отсутствовало, то в очерке Пятницкий дал своего рода введение, в котором рассказал о своем знакомстве с Лопатиным, охарактеризовал Лопатина как личность, в которой «гармонически соединились такие дарования и особенности, какие редко встречаются вместе в одном человеке: громадная физическая сила, блестящие умственные способности, большие знания и целый ряд волевых качеств — предприимчивость, беззаветная смелость, хладнокро-

вие и находчивость в опасные моменты» (см. ниже «Г. А. Лопатин в гостях у Горького на Капри...»).

Не нарушая хронологической канвы записанных ранее событий (исключение сделано и здесь для истории трех побегов), Пятницкий все же несколько «беллетризировал», сделав это, впрочем, достаточно тактично. Рассказы Лопатина значительно расширены. Это заметно даже при беглом сопоставлении дневника и очерка. Так, рассказ о втором побеге начинается в очерке со знакомства Лопатина с генерал-губернатором Восточной Сибири Синельниковым, чего нет в дневнике, подробнее описан путь Лопатина через Ангарские пороги, объемнее стал рассказ о Марксе и т. п.

«Беллетризация» коснулась не только рассказов Лопатина. Пятницкий ввел в повествование некоторые подробности, связанные непосредственно с пребыванием Лопатина на Капри, как бы учитывая будущего читателя, незнакомого с достопримечательностями острова. Так, в дневнике 1909 г. сказано: «27 ноября. Все утро Л⟨опатин⟩ прогулял с Зиновием». В очерке дается описание Голубого грота, куда отправился Лопатин, от лица Лопатина разъяснены причины образования «этого необыкновенного явления» природы. Запись от 28 ноября: «Оказывается, Л⟨опатин⟩ побыл с Зин⟨овием⟩ на Тиберии» — в очерке «обрастает» историческими сведениями о горе Тиберия, дворце императора Августа, императоре Тиберии и пр. Коротенькая заметка: «Идем по via Круппа...» — превращается в историю создания этой дороги «пушечным королем» Фридрихом Круппом.

Таким образом, очерк Пятницкого соединяет в себе факты двух первых дневниковых записей, сделанных непосредственно, «по горячим следам», и новый текст от автора.

Естественно, что бóльшую документальную ценность имеют записи 1909 г.

Ниже публикуются два раздела: «Из Дневника Пятницкого» и как приложение к ним — очерк «Г. А. Лопатин в гостях у Горького на Капри. Отрывки из дневника».

ИЗ ДНЕВНИКА К. П. ПЯТНИЦКОГО

I

26 ноября ⟨9 декабря⟩ 1909

⟨...⟩ К обеду приезжает Лоп⟨атин⟩. До чаю он с учениками [1].

Вечером рассказывает о двух моментах жизни, когда испытал страх.

27 ноября ⟨10 декабря⟩

⟨...⟩ Все утро Л⟨опатин⟩ прогулял с Зиновием [2].

После завтрака просит прочесть вслух «Окуров». Идут с Горьким в кабинет ⟨...⟩

Иду слушать чтение. Вечереет. Серое море с серебристым разливом вокруг Искии ⟨...⟩

Расспрашиваю Лоп⟨атина⟩ об его силе ⟨...⟩

После обеда навожу Лоп⟨атина⟩ на рассказы об его побегах: планы освобождения Черныш⟨евского⟩. Жизнь в Ирк⟨утске⟩. Первый побег.— Третий побег — на лошади [3].

28 ноября ⟨11 декабря⟩. Суббота

Встал поздно.

Оказывается, Л⟨опатин⟩ побывал с Зин⟨овием⟩ на Тиберии, смотрел тарантеллу.

После завтрака М⟨ария⟩ Ф⟨едоровна⟩ предлагает посетить Джиованни [4].

Идем по via Круппа, моросит едва заметный дождик.

Лоп⟨атин⟩ говорит о трех наиболее блестящих собеседниках, которых знал в жизни: Зинин [5] — Герцен [6] — Маркс [7].

Об Энгельсе, Бакунине [8], Салтыкове [9], Успенском [10].

Тургенев о Чернышевском ⟨...⟩ [11]

Идем все в кинематограф: «Мазаниелло». «Савойская кавалерия».

ГОРЬКИЙ, Г. А. ЛОПАТИН, Л. Н. СТАРК И НЕИЗВЕСТНЫЙ ВО ВРЕМЯ ПРОГУЛКИ
Фотография Ю. А. Желябужского, Капри, 9—13 декабря 1909 г.
Музей Горького, Москва

После чаю — рассказы Л⟨опатина⟩ до 4 ч. ночи:
Беседа с Дурново [12].
Беседа с Д. А. Толстым [13].
Суд. Настроение. Речь.
Запугивание.
Первое время в Шлиссельб⟨урге⟩ [14]. Визит Дурново. Дондукова—Корсакова [15].
Казнь Каракозова [16].
Рассказ Горького о первых годах писательства.
На Грязе-Цариц⟨ынской⟩ дороге.
Пешком в Ясную Поляну, в Москву.
В Нижнем у Каронина.
Прогулки с Карониным.
Пешком по России.
Вывод в Кандыбовке.
Бунт в Майкопе.
Искушение в Петлянской. В Тифлисе. Жизнь с Калюжным. Служба.
Первый рассказ в 1892.
Опять в Нижнем. «Челкаш» у Короленко.
Самара.

29 ноября ⟨12 декабря⟩. Воскр⟨есенье⟩

Ветер. Дождь. Сумрак.
Встал к завтраку. Приехал Буренин. Парохода не будет.
После завтрака Лоп⟨атина⟩ отзывают ученики — рассказать им о Марксе.
Чай без него.
Начинаю говорить М⟨арии⟩ Ф⟨едоровне⟩, что в Пет⟨ербурге⟩ могут арестовать — Могу судить только я...

Г. А. ЛОПАТИН. ОТЪЕЗД С КАПРИ
Фотография Н. Е. Буренина. 13 декабря 1909 г.
Музей Горького, Москва

Горький: — Ты со мной говори, не с ним...
Уводит в кабинет.
Остаемся с Буренинym.
Потом сидим в библ⟨иотеке⟩. Буренин играет Грига.
6 ч. Возвращается Лоп⟨атин⟩. Пишу письмо № 52.
После обеда.
Лоп⟨атин⟩ требует хора:
«Солнце всходит...»
Заставляет М. Ф. петь.
Горький с Л⟨опатиным⟩ говорят о Лескове, Крестовском, Лермонтове, «Матери», Гете.
Овсянико-Куликовский.— Потебня.
Только около 1 ч. н⟨очи⟩ мне удалось перевести разговор на побег в лодке.
Рассказы до $2^1/_2$ ч. н.

30 ноября. ⟨13 декабря⟩. Понед⟨ельник⟩

Ветер стих. Ясный день.
До завтрака пишу дневник. В $12^1/_2$ поднялся. Л⟨опатин⟩ рассказывает, как взяли его с женой.
Завтрак.
Прощанье. М. Ф. целует. А. М. зовет еще: «Встречу, как отца». Я не сказал бы так.
Еду в лодке до парохода. Говорю о «Записках»: увидят человека.
Обнимаю на прощанье:
— Уважаю Вас.

II

РАССКАЗЫ Л〈ОПАТИНА〉

26 ноября 〈9 декабря〉, после вечернего чаю

ДВА СЛУЧАЯ

Два раза в жизни испытал страх.

Первый в среднеаз〈иатских〉 степях.

Сослали в Ташкент [17]. Потребовали залог в 50 000 р., чтобы оставить на свободе. Деньги были внесены. Двинулись целым караваном: верблюды, скот. Останавливались у воды. При мне — сын четырех лет [18]. Его гувернантка Адель. Где вода — купал.

Урочище — «Тысяча ключей». Известковые чашки. Колодцы в виде трубы с черной, но прозрачной водой. Обвязываю сына азиатским узлом и бросаю в колодец. Пошел вниз. Тяну веревку — слабо. Тяну еще — вся всплывает на поверхность: соскользнула с тела.

Несколько секунд ужаса.

Бросаюсь в колодец вниз головой. Глубже. Глубже. Еще. Под руками тельце. Дна еще нет. Как повернуться? Удалось.

Выговор мальчику...

Второй — в Пет〈ербурге〉, в 1884 г., при последнем аресте [19].

Перехожу Невский. Какие-то чуйки бегут и кричат: «Господин, стойте, господин!..» Жду. Мгновенно хватают: один правую, другой левую руку; третий охватил сзади.

Подняли на воздух. На извозчика. Двое садятся с боков.— «В канцелярию градоначальника».

Вспоминаю, что в левом кармане список лиц с адресами.

Ужас. Полное бессилие.

Оправился. Думаю. Решил сделать попытку под аркою Каз〈анского〉 собора.

Повернули на Казанскую.

Одной рукой швыряю левого. Всем телом, боком наваливаюсь на правого и держу рукой за горло. Свободной рукою достаю пакет и — в рот. Трудно. Он завернут в александрийскую бумагу.

Позабыл, что на втором извозчике едут еще двое.

Перегибают назад с такой силой, что чуть не сломали спину. Голова у колес. Сжали горло, вырвали бумагу изо рта. Обморок. Везут по Казанской. Крик. Толпа, готовая вступиться. Городовой. Сыщик — карточку. Толпу разгоняют.

Юноша в очках, бегущий за пролеткой.

— Если студент, говорите, что Лопатина взяли с адресами. Бегите...

Студента тоже арестуют. Хочется умереть.

27 ноября 〈10 декабря〉. Вечером

ИРКУТСК

Планы освобождения Чернышевского:

Натуралист Ник. Николаевич, приехавший изучать край. Удостоверение от местного о-ва естествоиспытателей. Заседания о-ва.

Уговор с торговцем.

Собачья почта от Якутска до Охотска.

Жандармский офицер с 2 жандармами.

Бумаги: от местного губернатора — исправнику; от генерал-губернатора [20]; от штаба жанд〈армского〉 корпуса.

Помешал Ровинский.

Телеграммы из Пет〈ербурга〉: по сведениям из Женевы, в Иркутске проживает лицо, подготовляющее побег Чернышевского.

Арестовали.

Держат при жандармском управлении.

ПЕРВЫЙ ПОБЕГ

Бегу. Солдат надогоняет. Задохнулся. Остановился и кричу: сдаюсь. Солдат прикладывается и целится. Стреляет. Осечка, предохранит(ельный) пистон. Лезет в карман за настоящим и второпях роняет. Я успокоился. Хочет колоть. Кричу: не подходи. Оба боимся. Стараюсь выиграть время, потому что слышу топот подъезжающих.

Идем. Но солдата не подпускаю. Он жалобно просит: «Ведь отвечать буду, позвольте»... — «Не позволю»... Окружили всадники. Дежурный жандарм хочет пристрелить,— забыл револьвер. Замахивается саблей,— хватаю за бороду.

Побег не удался. Схватка с «Риском».

Перевели в острог.

Ввели во двор; кругом недавно выбеленные здания.

Арестант, пробегавший мимо, подхватил этот изумленный взгляд, и поет на бегу:

«Забелели милого каменны палаты». Посадили.

Передают подарок от «малой каторги»: платок с тремя булками.

К чаю записка: «А ежели вздумаете бежать, то лучше через церковь, и у нас есть женское платье...»

В конце концов выпустили и оставили под наблюдением на свободе.

29 ноября (12 декабря), 1—2½ ч. ночи*

ВТОРОЙ ПОБЕГ

Служит за 30 р. Живет с д-ром Ильиным. Знакомство среди полицейских чиновников. Пирушки.

Обещание предупредить, если из Пет(ербурга) придет приказ об аресте.

План — бежать в лодке Ангарой. Покупка лодки у ссыльного финна. Предупреждение.

В 2 ч. ночи отплывает. 7-е августа 1872.

К утру отъехал верст на 60. Прячется около острова от встречного парохода. Сделавши верст 600, подъезжает к порогам. Первый — Пьяный, второй — Похмельный. Почему?

«Средние ворота», «береговые ворота». Подъезжает к селу выше Пьяного. Толпа.— Что нужно? — Вождя.— На чем едешь? — Вот лодка.— На этом чумане никто не возьмется.

Все отказываются.

Называют Егора Коровина. Пьет запоем.

— Где найти?— В кабаке.

Хозяйка 40-летняя полька, красавица.

Егор берется за 1 р. 50 и полштоф. Подъезжают к Пьяному. Шум как от стада быков.

— Брось грести! — Почему? — В пороге испугаешься, ложись лицом вниз.

Гребет.

Порог. Водяные горы. Лодка летит.

Похмельный.

Отдых на островке. Полштоф выпит. Егор охмелел, дремлет.

Приближается «Бык».

Лодка царапнула камень. Л(опатин) круто выругался. Егор протирает глаза. Взглянул — и на лице ужас.

Время объехать порог пропущено. Лодка уже среди порога.

Мгновенно отрезвел. Орел.

Проехавши крестится: «Слава те, господи; чуть две души не загубил...»

Отпускает Егора.

Дальше будет «Падун».

Егор советует взять Федора Царапку, колдуна.— Найдешь на острове.

---

* Хронологическая последовательность повествования нарушена автором (*ред.*).

Остров. Отделяется стружок.

Л⟨опатин⟩ подъезжает.

— Куда едешь? — в село.

— Кого надо? — Царапку.

— Зачем? — Вождем.

— Я и есть Царапка.

Сначала Царапка отказывается вести в «чумане». Потом согласился за 50 к.

Покупка весла. Кто ж за весло деньги берет? Да кто ж его в рабочее время делает?

Пред Падуном высаживает Л⟨опатина⟩ и велит идти берегом.

Сверху Л⟨опатин⟩ видит, что лодку залило. Царапка сидит весь в воде. Но лодку несет. Порог пройден.

Село. Мальчишки. Дом трех братьев. Младшая из жен ругается за мужа. Возвращаются с сенокоса мужья. Не берутся провести лодку через Долгий. Младшая из жен упрекает; муж колотит.

Ночлег в этой избе. «Маточка». Утром молодуха направляет в другой дом, богатый. Советует польстить.

Разговор с Кириллом. Слёги? Но выходит опять молодуха. Направляет к Седановским почтарям.

Л⟨опатин⟩ выкупает их за 3 р.

Спуск через «Долгий» в почтовой лодке. Сзади привязана лодочка Л⟨опатина⟩. Пришлось ее отрезать. Потом перехватили.

Дальше порог «Седановская шевера».

Л⟨опатин⟩ хочет брать «вождя». Почтарь останавливает:

— Стоит ли? Проедешь сам.

Рассказывают, как править.

После этого Л⟨опатин⟩ один проезжает чрез пороги.

Только для одного пришлось взять Семена Ясашного. Тот ничего не боится.

Охота на глухаря.

Потом перешел на паузок. Два брата. Так добрался по Ангаре.

На вольных.

Томск.

27 ноября ⟨10 декабря⟩. Веч⟨ером⟩

АРЕСТ В ТОМСКЕ

Едет с бумагами Ильина. О нем дано знать, выслана карточка. Любитель — сыщик, пристав Лешков.

Подходит у буфета.

— Откуда едете?

— Из Енисейска.

— Кто?

— Д-р Ильин.

— Прописывались?

— Вы смеетесь? Это не обязательно. Я проездом.

— Можно видеть бумаги?

Идут в номер. Л⟨опатин⟩ показывает. Лешков все-таки приглашает к полицмейстеру. Тот просит съездить к губернатору.

Упреки Л⟨опатина⟩:

— Из-за того, что в Ирк⟨утске⟩ бежал какой-то Лопатин, Вы станете задерживать каждого проезжего.

Губернатор соглашается, приказывает отпустить.

Опять заезжают в полиц. управление. Там прокурор и чиновники. Один из них служил в Енисейске. Л⟨опатин⟩ говорит о поручике Соколове, к которому ездил, описывает дом. Сличают карточку. Л⟨опатин⟩ победоносно отражает. Занимает компанию веселыми рассказами.

Лешков отыскал проезжего из Иркутска, смотрителя больницы. Спрашивает о наружности д-ра Ильина. Не подходит. О наружности Л⟨опатина⟩.

Привозит смотрителя.

Сцена.

Прокурор: «Клянусь честью, я здесь ни при чем». Составление протокола. Соглашаются записать, что бумаги найдены случайно.

В тюрьме.

Мальчик, сын смотрителя, с честными глазами. Знакомство. Письмо к Ильину.

Везут обратно. Встреча с Синельниковым. Опять в Ирк⟨утском⟩ остроге.

У следователя. Очная ставка с лоцманом с Ангары.

Письмо Ильину — в папке следователя. Как это случилось.

27 ноября ⟨10 декабря⟩. Веч⟨ером⟩

ТРЕТИЙ ПОБЕГ. 1873 [21]

Говорит «малой каторге» о намерении бежать из суда. Готовят нож с ремнем. Под мостом — мешок с платьем и провизией. Советы Лукаша:

— Беги на Як⟨утский⟩ тракт. Перехватить нельзя. Адреса пристанодержателей. Скажи: я прислал. Не говори, что в тюрьме. Разбой, мол, держит, скоро будет. Себя назови «царьком».

— Так ведь заставят делать ассигнации.

— Ничего. Требуй бумаги. Принесут — скажи: разве это бумага? Разве это краски? Потом пойдешь сам и скроешься.

Ведут в суд. Один подчасок. Заметил, что у ворот привязана лошадь адъютанта. Председатель — спортсмен. Просится пить. Бегство.

Переулок с бревнами. Спрашивает плотников о броде, начинают слезать. Плечом сталкивает лошадь под берег.

Мешок под мостом: надевает крестьянскую сермягу и сибирский колпак, прочь очки.

Сбился. Среди «топки». Попадает в «окно». Полоса воды. Оттягивает лошадь в сторону зеленой лужайки. В топи. Как выбралась лошадь. Хрящ в воде. Поскотина. Пастух указывает «Веселую горку». На тракту. Погоня.

В лощине. Облава. Дождь и сумерки. Идет впереди. Облава уходит. Волки

Назад в Иркутск. 200 р.

Пред одним из мостов костер: две лошади и несколько фигур. Пропускают.

Успокоился. Едет шагом. Вдруг лошадь схвачена, остановили. Сказка о работнике одного мещанина, который возил еду на покос. Нащупывают мешок. Резонер и торопыга.

Резонер заставляет нагнуться и проводит рукой по лицу, ищет очков. Спор.

Отпустили.

Останавливается и начинает упрекать, говорит о револьвере.

Резонер рассуждает: Ну – зачем? Вот и дальше будет два пикета: на мосту и у брода. Также остановись, поговори, все будет хорошо.

Вскачь через мост.

Через реку.

Лошадь ржет. Не идет на высокий берег. Поток нечистот.

Бросает лошадь. Взбирается по нечистотам. Слышит двое перелезли через забор, слышали ржание; слушают, спорят.

Л⟨опатин⟩ лежит.

Перелезли обратно.

Спущенные собаки.

Через забор — во двор дома, оттуда — в переулок. Крадется посредине. Куда идти? Сторожа.

Мысль о п⟨омощнике⟩ испр⟨авника⟩. Жена и две ее сестры. Через забор. В нижнем этаже старушки-поповны. Как вызвать?

Отдельная кухня. Проволока к кухне. Поселенка Маша.

Звонит.

— Наша барыня Вашей барыне зубные капли дали. Теперь нужно назад.

Звонок к Маше. Та бежит через двор. Схватил ее, научил.

Маша прячет в кладовке, ночью моет платье.

Утром в кухне поповны. Чихает. Машина сказка о коте.

Посетительницы.

Вернулся хозяин.

— Барыня лежит совсем черная. Уходит. Куда?

Купец-сыщик, бывший шулер из поляков. Жена — полька.

Приходит поздно. Дворник не впустил. Хозяева (в театре). Казачок позвал. Сказка в передней.

Звонок. Хозяева. Обращение к хозяйке за книгой.

— Подожди, голубчик, в передней.

Хозяин: — Вы меня губите.

Л⟨опатин⟩: — Нет, если не будете дураком. Пошлите дворника в аптеку, мальчика с поручением, горничную — в спальню.

Так и сделали. Л⟨опатина⟩ отводят на чердак. Спит на медвежьей шкуре. Переходит к доктору. Лежит в будке над крыльцом. Прогулки по квартире.

Лакей доктора. 2000 р.

Разговоры романтика.

Обращение губернатора к купцу. Опять у купца: в кладовой.

У поселенца в подполье. Жена поселенца. Захваченный гостем. Бросается на постель вниз лицом. Гость хлопает по плечу.

Оба обознались.

Л⟨опатин⟩ на секунду поднимает голову.

У гостя — восклицание:

— И тут не утерпел: засмеялся...

В зале:

— Это Л⟨опатин⟩? Ну да я ни Вам, ни ему не злодей.

Оказалось: писарь из села. Им сообщали приметы. Главные: смеется.

Куплена телега и лошадь.

Как скрыться на пароме.

Татьяна Флорентовна[22]. Разговор двух обывателей, с указанием, где взять лодку. Дальше едет в телеге. Присоединяется к обозу.

На одной из станций выносит чемодан Рику.

Из Томска до Тюмени на пароходе. Без очков. Мнимый жандарм и его расспросы насчет ранца из нерпы.

Встреча в Пет⟨ербурге⟩. Жандарм оказывается ветеринаром.

ЛЕГЕНДА О СИЛЕ

27 ноября ⟨10 декабря⟩, после чтения Окурова.

В Ирк⟨утской⟩ тюрьме. Готовили побег. Вывинчены скобки двери. Большинство арестантов и начальство не знают. Сам забыл. Нужно выйти. Надзиратель отвечает грубо. Л⟨опатин⟩ в припадке бешенства бьет ногой. Дверь падает. Надзиратель остолбенел. Схватывает за горло и бросает. Сходил и вернулся. Никто не смеет подойти. Кузнецы.

Другой случай, когда сидел при жанд⟨армском⟩ управлении. Один часовой. Нужно выйти. Часовой ответил грубо. Каблуки с подковами. Л⟨опатин⟩ бьет с разбегу каблуком. Дверь летит. Вырывает у часового ружье и бросает во двор.

28 ноября ⟨11 декабря⟩. Вечером

ДОПРОСЫ И СУД 1884 г.

Хочет говорить П. Н. Дурново.

— Лестью не возьмешь. Запугать нельзя, потому что знаете исход. Но, быть м⟨ожет⟩, согласитесь побеседовать...

— Чем можете оправдать убийство?

— У нас нет тюрем, чтобы обезвредить людей, вредных обществу.

— Вы говорите, как посол другой иностранной державы.

— Да, мы другая держава, бывшая в войне.

Я военнопленный.

Дурново представляет Зволянского [23].

Хотят говорить Д. А. Толстой и Оржевский [24].

— С кем имею честь?

Оржевский:— Не знаешь, как с Вами говорить, на что будете отвечать.

Для кого назначались 2 бомбы, которые нашли у Вас?

Л⟨опатин⟩: — Одна для графа Дмитрия Андреевича...

Толстой с кривящимся ртом: — Неужели Вы думаете, что если б убили меня, не нашлось бы другого на мое место?

Л⟨опатин⟩: — Пословица говорит: «Свято место пусто не бывает», чтобы не обращаться к другой, менее приличной. Но человека с такой мертвой хваткой — не скоро нашли бы.

Орж⟨евский⟩: — А другая?

Л⟨опатин⟩: — Для Конст. Петр [25].

Упреки Дурново.

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ

Хотел умереть. Мучило, что захватили адреса. Но старший офицер партии д⟨олжен⟩ умереть красиво. Это последняя услуга партии [26]. Обдумал возможности.

Потом спокойно стал читать Собрание иностр⟨анных⟩ романов.

ОБРАЩЕНИЕ К ТОВАРИЩАМ В СУДЕ [27]

Начинает рассказывать, как взяли адреса.

Председатель хочет остановить.

Л⟨опатин⟩: — Вы бывший офицер. Вы понимаете, что значит честь. Вы не должны мешать, когда умирающий хочет снять пятно с чести...

С одним из подсудимых истерика.

Председатель на нашел силы остановить.

ЗАПУГИВАНИЕ ПОСЛЕ ПРИГОВОРА

Полковник говорит о Шлисс⟨ельбурге⟩:

— Там говорят «ты».

Л⟨опатин⟩ говорит, что ответит тем же.

— Но там розги.

Л⟨опатин⟩: — Это не наказание, потому что у нас нет общего кодекса. Это насилие одной стороны над другой. Отвечу тем же. Если за «ты» розги, что же за пощечину? Смерть? Да я только этого и хочу.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ В ШЛИССЕЛЬБУРГЕ

Разговор, вероятно, был передан. С Л⟨опатиным⟩ вежливы.

Но отнимают очки.

Л⟨опатин⟩ перестает есть.

В конце третьих суток уступили.

Читает висящую инструкцию: там — «о розгах». При первой угрозе Волкенштейн [28] рвет инструкцию. Молчаливая борьба.

Приезд начальника. Победа Л⟨опатина⟩.

ВИЗИТ П. Н. ДУРНОВО

— Все успокаиваете?

28 ноября ⟨11 декабря⟩. Веч⟨ером⟩

КАЗНЬ КАРАКОЗОВА

На Смол⟨енском⟩ поле. Три ряда войск. Высокий помост.

История палача, разбогатевшего и кончившего дни в Соловках.

Тележка с Карак⟨озовым⟩. Спиной к лошади. На груди доска с надписью: «цареубийца». Голова болтается.

Рассказ жандарма, что К⟨аракозова⟩ пытали лишением сна.

Поклон на 4 стороны. Целует крест.

Саван.

Палач кладет руки на плечи и ногой вышибает скамейку; помощники тянут вверх.

ССЫЛКА В СТАВРОПОЛЬ КАВК⟨АЗСКИЙ⟩ [29]

Как избавился от этапа.

Спутникам-жандармам позабыли дать маршрут. Остановка в Москве.

Сварливая женщина с выгона; как испугал.

28 ноября ⟨11 декабря⟩

О ЗНАКОМЫХ

Знал трех блестящих собеседников:

1. Зинин.

Сначала — математик. Потом химик. Его работа положила начало целому ряду новых производств: анилиновые краски; эфиры. Но денежная сторона не интер⟨есовала⟩.

Знаток литератур, искусств. Увлекался всем. Блестяще говорил, неистощимое разнообразие, содержательность. Полное отсутствие авторитарности.

2. Герцен.

3. Маркс. Любил его как отца.

М⟨аркс⟩ знал древние языки, все европейские. Выучился русскому, чтобы проверять Герцена. Цитировал Гоголя, Салтыкова. Иногда спрашивал о словах: из 10 слов 8 незнакомы самому Лопатину.

Знал все литературы.

Заставил Л⟨опатина⟩ познакомиться с Бальзаком. Любящий, мягкий.

Но в споре страстен.

О Л⟨опатине⟩ так сказал: Вы единственный ч⟨елове⟩к, которому я доверил бы популяризировать мою теорию.

Менее авторитарен, чем Энгельс.

Гибкий ум, открытый для каждого нового факта.

По темпераменту — с-р.

Салтыков проверяет план Л⟨опатина⟩ относительно похищения Черныш⟨евского⟩.

Тургенев говорит о Черныш⟨евском⟩: тонкий пискливый голос, долбит в одну точку и упорно все сгибает.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Речь идет о русских рабочих, учениках Каприйской школы.

[2] З. А. Пешков.

[3] В своей автобиографии Лопатин писал: «В конце 1870 г. ⟨...⟩ он отправился в Сибирь с целью освобождения Н. Г. Чернышевского. Быстро сделав все разведки и приготовления в г. Иркутске и обеспечив себе даже правительственное содействие, он неожиданно был арестован вследствие одного несчастного совпадения. А именно: один из членов другой компании, задавшейся той же целью, проврался о ней в Женеве, в результате — депеша из III отделения в Иркутск: „У вас должен проживать в эту минуту некий человек, имя которого пока неизвестно, по такому-то делу. Ищите“» (*Лопатин.* С. 10—11). См. там же его письмо Н. П. Синельникову.

Лопатин приехал в Сибирь, имея документы на имя Николая Николаевича Любавина, члена Географического общества. Подробнее о пребывании Лопатина в Сибири см.: *Научитель М. В.* Герман Лопатин в Сибири. Иркутск, 1963; а также в статьях В. Щербаковой «Борьба за свободу» (Ангара. 1965. № 4) и М. Н. Слепцова «Побег» (Неделя. 1965. № 49).

[4] Джованни — речь идет о Джованни *Спадаро* — одном из братьев местных рыбаков на Капри, с которыми дружен был Горький.

[5] Николай Николаевич *Зинин* (1812—1880) — русский химик-органик, академик. Проводил большую работу по изучению нитроглицерина как взрывчатого вещества и совместно с В. Ф. Петрушевским пытался внедрить нитроглицерин в боевую технику русской армии еще в 1854 г. Вместе с А. А. Воскресенским создал большую школу русских химиков (А. М. Бутлеров, А. П. Бородин, Н. Н. Бекетов, Л. Н. Шишков, А. Н. Шишков, А. Н. Энгельгард). Зинин активно участвовал в организации в 1867—1868 гг. Русского химического общества (ныне Всесоюзное химическое об-во им. Д. И. Менделеева) и в течение первых лет был его президентом.

[6] Лопатин познакомился с А. И. Герценом в 1867 г. Он писал в автобиографии: «В 1867 г., прочитав в утренней газете, что Гарибальди бежал с Капреры и идет на Рим, вечером того же дня покинул Петербург и поехал в Италию, но прибыл во Флоренцию как раз в день Ментонской битвы. Повернув сейчас же назад, заехал в Ниццу, чтобы познакомиться и побеседовать со стариком А. И. Герценом» (*Лопатин*. С. 9. См. также: *Лавров П.* Заметки о Лопатине // «Процесс 21-го»).

[7] С Марксом и Энгельсом Лопатин познакомился в 1870 г. в Лондоне, куда он отправился из Парижа, «чтобы быть поближе к Марксу, труд которого он принялся тогда переводить на русский язык» (*Лопатин*. С. 10). В п. Н. П. Синельникову он писал о своих отношениях с Марксом. См. также: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967; *Харченко Л., Винклер А.* Мятежная жизнь. 2-е изд. Ставрополь, 1972; *Антонов В.* Русский друг Маркса Г. А. Лопатин. М., 1960; *Раппопорт Ю. М.* Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного марксизма: (К. Маркс и Г. Лопатин). М., 1960; *Сайкин О. А.* Первый русский переводчик «Капитала». М., 1983.

[8] Михаил Александрович *Бакунин* (1814—1876) — русский революционер, теоретик анархизма, один из идеологов революционного народничества. Лопатин не разделял взглядов Бакунина. Его теоретические разногласия с ним и Нечаевым выяснились в начавшейся в 1869—1870 гг. переписке, однако Лопатин неоднократно встречался с Бакуниным и позже в Женеве.

[9] Другие свидетельства о том, что М. Е. Салтыков-Щедрин был знаком с планом Лопатина относительно «похищения» Чернышевского, не разысканы.

[10] Лопатин встретился с Г. И. Успенским в Париже, в начале 70-х годов; он произвел сильнейшее впечатление на Успенского. См. заметку Г. И. Успенского «Мои дети».

[11] Об отношениях Тургенева и Лопатина см.: *Дубовиков А. Н.* Герман Лопатин о Тургеневе. Неизданные материалы // *ЛН*. Т. 76. С. 234—254.

[12] Петр Николаевич *Дурново* (1844—1915) — в 1884—1893 гг.— директор Департамента полиции. Во время одного из его визитов в Шлиссельбург Лопатин «вел с ним долгий разговор об условиях жизни в крепости», вспоминала В. Н. Фигнер (*Фигнер В.* Запечатленный труд: Воспоминания: В 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 159).

[13] Дмитрий Андреевич *Толстой* (1823—1889) — граф, реакционный государственный деятель царской России. В 1865 г. был назначен обер-прокурором синода, а с 1866 г. одновременно и министром народного просвещения; провел ряд реакционных реформ начальной и средней школы. С 1882 г.— министр внутренних дел и шеф жандармов, ввел драконовские «Временные правила», крайне ограничил самостоятельность земских учреждений, боролся с малейшим проявлением свободной мысли.

[14] Лопатин был осужден по «Процессу 21-го» (лопатинскому, см. прим. 26 и 27) и приговорен к смертной казни через повешение; по «высочайшему повелению» смертная казнь была заменена пожизненным заключением в Шлиссельбургской крепости. См.: «Процесс 21-го».

[15] Княжна Мария Михайловна *Дондукова-Корсакова* (1828—1909) с июля 1904 г. посещала заключенных в Шлиссельбургской крепости. После выхода из крепости шлиссельбуржцы поддерживали с ней добрые отношения. См.: *Фигнер В.* Запечатленный труд. Т. 2. С. 241—247; *Она же.* После Шлиссельбурга. Т. III (гл. V — «Княжна Марья Михайловна Дондукова-Корсакова»); *Новорусский М. В.* Записки шлиссельбуржца. Пг., 1920. С. 220.

[16] 4 апреля 1866 г. Дмитрий Владимирович *Каракозов* (1840—1866), член тайного революционного общества, предпринял покушение на жизнь Александра II, окончившееся неудачей. После покушения Каракозова начались широкие аресты (было арестовано более двух тысяч человек). Многие арестованные, в том числе Лопатин, не имели непосредственного отношения к делу (см. автобиографию Лопатина, его п. Н. П. Синельникову, «Воспоминания об И. А. Худякове» в кн. *Лопатин*). Суд по каракозовскому делу проходил с 10 августа по 1 сентября 1866 г. Каракозов был приговорен к смертной казни. «3 сентября в 7 часов утра на Смоленском поле Каракозову был публично прочитан приговор, и, как говорилось в протоколе об исполнении приговора, „преступник был возведен на эшафот палачами, которые совершили над ним смертную казнь повешеньем". Министр внутренних дел П. А. Валуев записал в дневнике этот факт. „Стечение народа было большое,— отмечал он.— Толпа вела себя чинно"» (*Виленская Эм.* Худяков. М., 1969. С. 124).

По «каракозовскому делу» Лопатин находился в заключении в Петропавловской крепости более двух месяцев, был освобожден после отъезда из Петербурга председателя следственной комиссии гр. М. Н. Муравьева («вешателя»), который, как вспоминал Лопатин, подозрительно к нему относился.

[17] В начале 1879 г. Лопатин приехал в Россию (по паспорту Савостьянова), но был арестован (обстоятельства ареста см. в автобиографии). «Весной 1880 г. состоялось постановление о высылке его административным порядком в Восточную Сибирь или, снисходя к желаниям его родни по жене, в г. Ташкент, где ему представлялся заработок в местном частном банке. Однако с него требовали денежный залог в 50 000 руб. за благополучное прибытие из Оренбурга в Ташкент (до Оренбурга его провожал жандармский конвой) и в 10 000 за неотлучное пребывание в Ташкенте»,— писал Лопатин (*Лопатин.* С. 13).

[18] Бруно Германович *Барт-Лопатин* (1877—1938). См. о нем: *Харченко Л., Винклер А.* Мятежная жизнь; Альманах «Ставрополь». 1977, № 2.

[19] Лопатин был арестован 6 октября 1884 г. в Петербурге, где проживал под именем английского подданного Норриса. См. также прим. 27.

[20] Генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Петрович *Синельников* (1805—1894). Об их отношениях см. п. Лопатина Синельникову от 15 февраля 1873 г. в кн. *Лопатин.*

[21] В автобиографии Лопатин коротко рассказал о своих побегах из Иркутской тюрьмы. Подробная запись его рассказа о третьем побеге сделана также А. И. Голополосовым (*Голополосов А. И.* Из приключений старых революционеров: Побег Г. А. Лопатина с каторги. М., 1922). См. также упомянутую выше работу М. В. Научителя.

Первый раз Лопатин бежал 3 июня 1871 г., второй раз — 7 августа 1872 г. (6 сент. задержан в Томске), третий раз — 10 июня 1873 г.

[22] Доктор Ильин и Татьяна Флорентьевна *Чайковская* — иркутские знакомые Лопатина. См. о них: *Слепцов М. Н.* Побег // Неделя. 1965. № 49.

[23] Сергей Эрастович *Зволянский* — директор Департамента полиции.

[24] Петр Васильевич *Оржевский* — товарищ министра внутренних дел.

[25] Константин Петрович *Победоносцев* стал обер-прокурором Синода в 1880 г., сменив Д. А. Толстого.

[26] После убийства Александра II (1 марта 1881 г.) и последовавших за этим репрессий «Народная воля» переживала идейный и организационный кризис. До 1884 г. Лопатин не входил в «Народную волю», хотя был близок со многими ее деятелями. Он писал в автобиографии, что когда в 1883 г. он приезжал в Петербург, «где приступил к самостоятельным розыскам наличных революционных сил 〈...〉 не принадлежал в то время к партии Народной воли ни формально, ни фактически 〈...〉 В начале 1884 г. он отправился в Париж, где формально примкнул к партии Народной воли, и в марте того же года опять вернулся в Питер в качестве члена Исполнительного комитета. Перед ним стояла чудовищная для единичной личности задача: „собирать рассыпанную храмину"; отделять „пшеницу от плевела", то есть удалять немногочисленные продукты политического разврата последних годов, вторгнувшиеся в революционную среду — в форме лиц, ведших двойную игру с революцией и полицией 〈...〉 нужно было открывать и присоединять к центру сохранившиеся обломки старых местных организаций, примирять возникшие во время безначалия разногласия и ссоры, изыскивать денежные средства на постановку новых дел, основывать заново или поддерживать только что возникшие опять типографии, спешить выпуском хоть одного номера „Народной воли"; стараться поставить хоть одно полезное и эффективное террористическое дело, как наилучшее агитационное и вербовочное средство для данной минуты, и т. п.» (*Лопатин.* С. 14—15). Вся эта работа выполнялась Лопатиным. Он начал готовить покушение на Д. А. Толстого. Однако поводом к его аресту явилось убийство полковника Г. П. Судейкина с помощью провокатора С. П. Дегаева, хотя к организации этого убийства Лопатин отношения не имел. См.: «Процесс 21-го» и последнее слово Лопатина на суде // Советские архивы. 1970. № 6.

[27] При внезапном аресте 6 октября 1884 г. Лопатин не смог уничтожить бывшие при нем адреса. По этим записям были арестованы другие члены организации. Часть документов и два взрывательных снаряда были обнаружены на квартире Лопатина при обыске, что также повлекло за собой аресты. Это обстоятельство было причиной мучительных переживаний Лопатина. Следствие по лопатинскому делу длилось около трех лет, и только в мае—июне 1887 г. состоялся суд, на одном из заседаний которого фигурировали документы, захваченные у Лопатина. Из отчета о процессе: «„Суд приступает 〈...〉 к прочтению одиннадцати клочков бумаги, которые были отобраны у Лопатина при его арестовании 〈...〉 Когда председатель предложил Лопатину дать объяснения по поводу прочитанного, он встал в сильном волнении и со страстной речью обратился скорее к товарищам, чем к судьям". Далее в отчете приводится речь Лопатина, в которой он рассказал об обстоятельствах своего ареста и своих переживаниях: „Я 〈...〉 сильный и мужественный человек, столько раз бывавший в положениях, грозящих смертью, я... дрожал как в лихорадке и даже теперь не имею духа прямо взглянуть в лицо товарищам". Под

конец Лопатиным овладело такое волнение, что нервы его не выдержали и, упав на скамью, он огласил зал страшными рыданиями. Председатель и прокурор начали было требовать продолжения прерванного объяснения; но в это время с Сухомлиным делается истерический припадок; у других подсудимых слезы навертываются на глаза и спазмы сдавливают им горло. Смущенный председатель объявляет перерыв» («Процесс 21-го». С. 11, 13; см. также: *Сухомлин В. И.* «Процесс двадцати одного» // «Народная воля» перед царским судом. Вып. 2. М.: Изд-во общества политкаторжан. 1931).

[28] Людмила Александровна *Волкенштейн* (1857–1906) – член «Народной воли». По «Процессу 14-ти» в 1884 г. была приговорена к смертной казни, замененной пятнадцатью годами каторги. До 1896 г. отбывала заключение в Шлиссельбурге. С 1897 г. находилась на поселении на о. Сахалине. Погибла при расстреле демонстрации во Владивостоке. Лопатину принадлежит шуточное стихотворение, посвященное Волкенштейн. На стенах камер в Шлиссельбурге была повешена инструкция по внутреннему распорядку. В § 6 «Инструкции» значилось: «Когда проступки сопровождались особенными обстоятельствами, увеличивающими вину, то нарушители могут быть наказаны розгами, до 50 ударов» (*Новорусский М.* Записки шлиссельбуржца. С. 33).

[29] Лопатин был сослан в Ставрополь в 1869 г. после ареста по делу «Рублевого общества».

К. П. ПЯТНИЦКИЙ

Г. А. ЛОПАТИН В ГОСТЯХ У ГОРЬКОГО НА КАПРИ

Отрывки из дневника

В ноябре 1909 года я жил на острове Капри в одной вилле с Горьким. Пришло известие, что через несколько дней на Капри приедет один из героев «Народной воли» — Герман Александрович Лопатин.

Я много читал и слышал об этом человеке. Мне рассказывали о нем его товарищи по Шлиссельбургской крепости. Интересна была жизнь Лопатина, интересен и сам Лопатин. В его жизни были отчаянно смелые предприятия, великие удачи и столь же великие катастрофы. В его личности гармонически соединялись такие дарования и особенности, какие редко встречаются вместе, в одном человеке: громадная физическая сила, блестящие умственные способности, большие знания и целый ряд ценных волевых качеств – предприимчивость, беззаветная смелость, хладнокровие и находчивость в опасные моменты. Его рассказами увлекались такие взыскательные слушатели, как Маркс и Энгельс, Иван Сергеевич Тургенев и Глеб Успенский.

Я с нетерпением ждал приезда Лопатина и заранее решил заносить его рассказы с возможной точностью в свой дневник.

Лопатин приехал на Капри 26 ноября и провел с нами четыре дня. Передаю в этом очерке те места дневника, которые связаны с пребыванием Лопатина и его рассказами.

26 ноября ⟨*9 декабря*⟩

Лопатин приехал с вечерним пароходом, часу в шестом. Через 20 минут он был среди нас, в столовой Горького. Вот он стоит пред одним из окон столовой, выходящих на Неаполитанский залив. Наступает закат, спокойная гладь залива походит на исполинское серебристо-розовое зеркало. На этом фоне крупная фигура Лопатина выделяется, как статуя из темной бронзы. Ему сейчас 64 года. Он пробыл в крепости 21 год [1]. Но тюрьма и годы не сломили его. Какой это могучий, красивый старик. Высокий рост, большая голова, широкие плечи, выпуклая богатырская грудь.

Лопатин легко сходится с людьми. В кружке, собравшемся около него, уже кипит оживленная беседа. Она продолжается и во время обеда. Отвечая на расспросы, Лопатин охотно рассказывает о различных моментах своей жизни. Рассказывает и — смеется. В столовой то и дело раздается его добродушный раскатистый смех. Этот смех характерен для Лопатина. В нем отражается избыток сил и несокрушимая жизнерадостность. Чувствуется, что эта жизнерадостность в крови, в нервах Лопатина,— что ничто не сломит и не одолеет ее. О себе Лопатин говорит с большою скромностью. Кто-то из нас упомянул об его заслугах пред революцией; Лопатин поспешил отделаться шуткой.

— Что вы, что вы,— возразил он,— какой я революционер, я просто веселый человек...

Обед кончился. Вошла горничная и сказала, что в нижнем этаже виллы уже собрались русские рабочие. Это были слушатели так называемой Каприйской школы. Летом 1909 года они съехались на этот маленький остров со всех концов необъятной России. Разместились группами по крестьянским домикам; но ежедневно собираются вместе для занятий. Богданов, Луначарский и другие партийные товарищи читают им ряд курсов по социализму; Горький ведет беседы по литературе [2]. Аудиторией служит пустующая комната в нижнем этаже виллы Горького. Лопатин захотел прежде всего повидаться и поговорить с этими рабочими. Он про-

вел среди них весь вечер. Вернулся в столовую только к вечернему чаю, часов в 11.

После чаю беседа продолжалась. Горький, видимо, любовался жизнерадостностью Лопатина, сохранившейся после стольких испытаний и невзгод. Наконец он спросил его:

— Скажите, Герман Александрович: неужели в вашей жизни не было моментов, когда даже вам пришлось испытать чувство ужаса, настоящего ужаса?

— Были,— коротко ответил Лопатин.— Было два таких момента...

— Если бы вы рассказали о них...

— Хорошо. Могу...

ДВА МОМЕНТА УЖАСА

— Первый относится к 1880 году. Меня ссылали на три года в Ташкент. Разрешили ехать самостоятельно, без конвоя. Но потребовали залог в 50 000 рублей. Деньги были внесены родственником жены моей Глинкой—Янчевским...[3]

Из Оренбурга мы отправились целым караваном. Куплено все необходимое для путешествия: верблюды, скот. Со мной сын — четырех лет. При нем — гувернантка Адель. Путь длинный и трудный; едем степью, солончаками. Солнце палит невыносимо, задыхаемся от зноя. Останавливаемся у воды. Где есть вода, купаю сына. Так доехали до урочища «Тысяча ключей». Кругом масса колодцев. Это — известковые чашки, наполненные водой; от каждой идет в глубину известковая трубка. Вода в колодцах темная, но прозрачная. Увидевши воды, сын начинает настойчиво просить, чтобы его выкупали. Я обвязал его азиатским узлом и бросил в колодец. Мальчик моментально скрылся под водою. Держу в руке свободный конец веревки. Тяну к себе — сопротивления нет; тяну еще, вся веревка всплывает на поверхность. Мальчик остался в глубине, в трубке колодца... Мгновение величайшего ужаса... Неужели сын мой погиб?.. Бросаюсь в колодец вниз головой... Глубже, глубже... Хватаюсь руками за стенки. Наконец под руками маленькое тельце. Прижимаю его к себе. Дна еще нет... Удастся ли повернуться в узкой трубке? — Удалось. Вырываюсь на поверхность с сыном в руках.

Азиатский узел таков: если тянут один конец веревки, узел затягивается сильнее, если дернут другой, узел моментально распускается. Мальчик, болтая руками, схватился за тот конец веревки, которого не должен был касаться,— и едва не остался навсегда в глубине колодца...

— Ну, а другой случай? — спросил кто-то из слушателей.

— Другой случай еще тяжелее.— Лопатин на минуту приостановился; затем продолжал:

— В 1884 году я готовил покушение на министра внутренних дел Дмитрия Андреевича Толстого. Осень провожу в Петербурге; живу на Конюшенной; числюсь английским подданным.

Пятого октября перехожу Невский против Казанского собора. Слышу, какие-то чуйки нагоняют меня и кричат: «Господин, господин, подождите...» Останавливаюсь. Жду. Вдруг два сильных человека хватают меня за кисти рук: один за правую руку, другой за левую. В то же мгновение третий охватывает мое туловище сзади и поднимает меня на воздух. Опоры под ногами нет, сопротивление невозможно. Меня бросают в пролетку. Два агента продолжают крепко держать мои руки и садятся по бокам: один справа, другой слева. Слышу, отдают приказ извозчику: «По Казанской улице, в канцелярию градоначальника» ... Вспоминаю, что в левом кармане у меня сверток из 11 тончайших листочков; на них адреса товарищей и заметки относительно намеченного покушения... Момент величайшего ужаса, полное бессилие... Через несколько мгновений прихожу в себя, решаюсь сделать попытку под аркою Казанского собора. Вот и арка. Одной рукой сбрасываю на землю левого агента. В то же время наваливаюсь туловищем на правого и рукой держу его за горло... Свободной рукой выхватываю из кармана сверток, и — в рот... Стараюсь проглотить. Но это трудно: сверток завернут в александрийскую бумагу. Я упустил из виду, что сзади, на другом извозчике, едут еще два агента. Вдруг чьи-то руки охватывают сзади мою шею... Меня отгибают назад с такой силой,

что чуть не переломили спину. Моя голова касается колес. Мне со страшной силой сжимают горло. На несколько мгновений теряю сознание... Из моего рта выхватывают сверток с адресами.

Пролетка продолжает путь по Казанской улице. Я поднимаю крик, стараясь освободиться. С тротуаров, справа и слева, сбегаются люди. Толпа, видимо, мне сочувствует. Подходит городовой. Агент показывает ему карточку. Городовой разгоняет толпу.

Пролетка двинулась дальше. Вижу, за ней бежит молодой человек в очках. Кричу ему:

— Если вы студент, рассказывайте, что Лопатина взяли,— с адресами... Бегите...

Но предупреждение запоздало: студента тоже арестуют. Последняя надежда исчезла. В этот момент мне захотелось моментально умереть, моментально превратиться в ничто...

Лопатину что-то сжимало горло. Никто не стал продолжать расспросов. Все молча разошлись по своим комнатам.

27 ноября (10 декабря)

Утренние часы вплоть до завтрака Лопатин посвятил осмотру острова. Вернувшись, он рассказал нам о своих впечатлениях. Особенно поразила его красота «Голубого грота». Эта пещера считается одним из чудес мира. Чтобы добраться до нее, нужно ехать в лодке вдоль отвесной известковой страшно высокой стены. В одном месте берега виднеется полукруглое отверстие, расположенное у самой воды. Его высота и ширина около метра. Это — вход в короткий канал, который ведет к пещере. Гребец проталкивает лодку внутрь пещеры. Теперь лодка плывет по глубокому озеру в 54 метра длины и в 30 метров ширины. Над озером высится каменный свод в 12 метров вышины. В эту замкнутую пещеру не проникает ни один луч дневного света. В ней должен был господствовать глубокий мрак. Но этого нет: в пещере светло, вся она полна нежного голубого света. Где же его источник? Путешественник опускает руку в воду,— рука светится и кажется серебряной. Вода, кипящая около весел, кажется расплавленным сверкающим серебром. Ясно, что голубой свет идет из воды. Вся ее толща пронизана голубыми лучами. Лопатин, как естественник, быстро понял причину этого необыкновенного явления...

В глубокой древности морские волны пробили каменную стену и проделали в ней широкие ворота, ведущие внутрь пещеры. Теперь эти ворота лежат ниже поверхности. Солнечные лучи, падающие на поверхность моря, проходят наискось через эти ворота в глубину пещеры. Отразившись от дна, они поднимаются кверху через толщу воды. Морская вода поглощает красные и желтые лучи. На поверхность вырывается смесь голубых и синих лучей. Отсюда — голубое сияние, наполняющее пещеру.

Как только кончился завтрак, Лопатин обратился к Горькому:

— У меня, Алексей Максимович, большая к вам просьба: хотелось бы послушать последнее ваше произведение.

Горький встал и молча пошел в свой кабинет. Мы с Лопатиным прошли туда же. Началось чтение «Городка Окурова»[4]. Кончив чтение, Горький вышел по делу. Мы с Лопатиным остались вдвоем. Было около 5 часов вечера. Лопатин молча любовался красотою залива: сегодня его поверхность казалась светло-серой, только около острова Искии вилась широкая серебряная полоса.

Я говорил с Лопатиным об его силе. Мне говорили, что среди каторжан иркутской тюрьмы о ней ходили целые легенды. Я спросил Лопатина: верно ли, что он был так силен.

ЛЕГЕНДА О СИЛЕ

— Сила у меня была порядочная,— сказал Лопатин,— но ее преувеличивали. Поводом к легенде послужили два случая.

Я сидел в одиночной камере иркутской тюрьмы. Нужно было выйти в уборную. Я сказал об этом надзирателю, стоявшему в коридоре. Он ответил гру-

бостью. Я повторил свою просьбу. В ответ услышал новую грубость. Меня охватило бешенство. Разбежавшись, я изо всей силы ударил по двери ногою. Вдруг толстая массивная дверь срывается с петель и с грохотом падает на пол. Надзиратель остолбенел. Я схватил его за горло и бросил на землю. Затем, побывавши в уборной, я спокойно вернулся в камеру. На крик надзирателя со всех сторон сбежались люди. Никто не смеет подойти ко мне. Позвали кузнецов, и те снова приладили дверь.

Слух о происшествии быстро разнесся по всей тюрьме. Конечно, он сильно поразил воображение каторжан.

Дело объяснялось просто: в тюрьме готовили побег; в моей комнате винты из дверных петель были вынуты; но все об этом забыли; я знал, но в данный момент тоже забыл...

Другой случай произошел в 1871 году. Меня держали под арестом в комнате при жандармском управлении. Дверь комнаты была обыкновенная, непрочная. За дверью стоял часовой с ружьем. Я хотел выйти. Часовой ответил мне грубо. На моих ногах были сапоги с подковами. Я с размаху ударил по двери каблуком. Непрочная дверь слетела с петель. Я выхватил у часового ружье и выбросил его во двор. К счастью, все сошло с рук.

«Малая каторга» страшно ценит физическую силу и смелость. Оба случая, о которых я рассказываю, стали известны всем каторжанам. Рассказы о них передавались из уст в уста. При этом многое было прикрашено. Отсюда — легенда...

В шесть часов нас позвали в столовую. Во время обеда я стал расспрашивать Лопатина об его смелой попытке — освободить Чернышевского из сибирской ссылки. Ответы Лопатина заинтересовали присутствующих. После обеда все остались в столовой, на своих местах. Горький же обратился к Лопатину с просьбой: рассказать всю историю его побегов из Иркутска, всю эту эпопею, сполна, с начала до конца.

Вот рассказ Лопатина.

КАК ВОЗНИК ПЛАН ОСВОБОДИТЬ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

— Летом 1870 года я приехал в Лондон и сразу же познакомился с Марксом. Мне было тогда 25 лет, Марксу — 52 года. Несмотря на разницу лет, между нами установились тесные, дружеские отношения. Я не только преклонялся пред исключительными способностями и знаниями Маркса, не только увлекался его идеями, но и любил его как отца. Маркс видел и чувствовал это.

Я начал переводить «Капитал» на русский язык. Много рассказывал Марксу о России. Разговор часто переходил на Чернышевского. Маркс относился к Чернышевскому с великим уважением. Он высоко ценил примечания Чернышевского к «Политической экономии» Милля[5]. Признавал за ним оригинальность, силу и глубину мысли. Не раз повторял, что среди современной экономической литературы статьи и книги Чернышевского являются единственной работой, которую стоит читать и изучать. Ссылка Чернышевского вызвала в Марксе величайшее негодование. Он говорил, что Россия должна бы гордиться таким гражданином,— что все мы, русские люди, несем ответственность за то, что Чернышевский томится в ссылке на далекой окраине... Слова Маркса глубоко взволновали меня. Когда я был в Женеве, мне пришлось слушать споры между бакунистами и нечаевцами; я видел, какая глубокая рознь разделяет группы русских революционеров. Неужели нельзя объединить их, создать из них единую могучую силу? Я пришел к убеждению, что только Чернышевский с его сильным и властным умом мог бы справиться с такой задачей. Отсюда вывод: освободить Чернышевского значит подвинуть вперед дело русской революции; это нужно сделать во что бы то ни стало. Решение было принято. Я не сказал о нем ни слова: ни моим заграничным знакомым, ни Марксу. Я быстро собрался и уехал в Петербург. Там я поделился моими планами с двумя-тремя друзьями. Мне доставили средства: 1085 рублей. С этими деньгами я немедленно отправился в Сибирь.

Еду по Сибири. В моих бумагах значится, что я ученый натуралист, Николай Николаевич Любавин; что моя задача изучить отдаленнейшие окраины Сибири

По дороге завожу знакомства, собираю разнообразные сведения. Ловлю каждое слово о Чернышевском. Но мои расспросы и разговоры привлекли на меня внимание. Рассказы об «ученом натуралисте» обогнали меня и долетели до Иркутска раньше, чем я приехал туда.

АРЕСТ В ИРКУТСКЕ

— Наконец я в Иркутске. Посещаю заседания общества естествоиспытателей. Знакомлюсь со сведущими людьми. Стараюсь собрать возможно точные сведения относительно обстановки, в которой держат Чернышевского. Много полезных указаний дал мне один купец, часто ездивший на дальний север за пушниной. Что же, в конце концов, узнал я? Чернышевский в Вилюйске, за 950 верст от Якутска. Окружен строжайшим надзором. При нем безотлучно состоят жандармский офицер и два жандарма; в их распоряжении отряд казаков, человек 20. В дневные часы Чернышевский может выходить из своего домика на прогулку. Но после 9 часов вечера домик запирается снаружи. На дальнем севере работает собачья почта. Пользуясь ею, можно при удаче добраться до Охотска. Проникнуть в Вилюйск не легко. За приезжими следят. Необходимо предварительно достать несколько бумаг: от генерал-губернатора к якутскому губернатору, от губернатора — к исправнику, от штаба жандармского корпуса — к тому офицеру, который сторожит Чернышевского. Ясно было, что трудностей впереди много...

Вдруг из Петербурга приходит телеграмма: «По сведениям из Женевы, в Иркутске проживает лицо, подготовляющее побег Чернышевского»...

Я думаю, что «сведения из Женевы» относились к Ровинскому[6]: он действительно был отправлен какой-то компанией в Сибирь для освобождения Чернышевского. Но подозрение пало на меня. Второго февраля 1871 года в Третье отделение полетела из Иркутска телеграмма с извещением о моем аресте.

ПЕРВЫЙ ПОБЕГ

— Меня держат в комнате при жандармском управлении. Постоянно вызывают к допросу. Жандармы настойчиво добиваются ответа, кто мои сообщники. Конечно, ничего узнать не могут.

Так проходит месяц, другой, третий.. Однообразие обстановки и вынужденное бездействие томят меня невыносимо. Я решил бежать.

Это было в июле 1871 года. Часовой вышел со мной во двор управления и немного отошел от меня. Вдруг, неожиданно для него, я выскакиваю за ворота и пускаюсь бежать по улице. Часовой, молодой парень, бросается вдогонку. Подготовки к побегу не было. Расположение улиц я не знаю. Беспомощно перебегаю из одной пустой улицы в другую. Часовой не отстает от меня.

Наконец чувствую, что совершенно задыхаюсь. Останавливаюсь, поднимаю руки и кричу: — Сдаюсь...

Часовой останавливается в нескольких шагах от меня, прикладывается и хочет застрелить меня.

Спускает курок. Осечка: часовой забыл снять предохранительный пистон. Он спешит достать из кармана настоящий пистон, но второпях роняет его на землю. Ищет,— не может найти. Тогда он бросается вперед, чтобы приколоть меня штыком. Я отскакиваю и кричу: — Не подходи. Мы перебегаем по улице с одного места на другое. Я стараюсь выиграть время, потому что с конца улицы доносится конский топот. Это — погоня. Как потом оказалось, узнавши о моем побеге, несколько жандармов бросились на лошадей и пустились вдогонку.

Всадники показываются в конце улицы. Часовой жалобно молит:— Ведь отвечать буду... Позвольте... Кричу: — Не позволю...

Через мгновение мы окружены всадниками. Дежурный жандарм в бешенстве хочет застрелить меня. Хватается за кобуру... но она пуста: револьвер забыт на столе в дежурной комнате. Он поднимает над моей головой саблю... Я хватаю его за бороду... В этот момент один жандарм, почему-то проявлявший особую ко мне симпатию, по фамилии Черкесов, вдвигает между нами свою лошадь...

Меня ведут обратно в жандармское управление, а оттуда — в губернскую тюрьму. Останавливаюсь на мгновение среди тюремного двора. Кругом недавно выбеленные здания. Обвожу их взглядом. Пробегавший мимо арестант поймал этот изумленный взгляд и на бегу насмешливо поет:

— Забелели милова каменны палаты...

Посадили в отдельную камеру. Немедленно получаю сверток,— подарок от «малой каторги». Развертываю платок и нахожу три булки.

К чаю подкинули записку. На ней было нацарапано: «А ежели вздумаете бежать, то лучше через церковь, и у нас есть женское платье...»

Так началась моя жизнь в Иркутском остроге.

Когда Лопатин кончил этот рассказ, часы показывали 12. Считаясь с поздним временем, он перешел непосредственно к третьему, к последнему, побегу. Второй побег был пропущен. Лопатин подробнейшим образом рассказал о нем позднее, в ночь с 29 на 30 ноября (с 12 на 13 декабря). Чтобы не отступать от естественной последовательности событий, вставляю здесь рассказ о втором побеге.

ВТОРОЙ ПОБЕГ

— Рассказы обо мне дошли до иркутского генерал-губернатора Синельникова. Он приезжал в острог и посетил мою камеру. Первое наше свидание было очень продолжительным. Разговор скоро перешел на нужды Сибири, на необходимые назревшие реформы. Синельников слушал меня с большим интересом и вниманием. Встречи в стенах тюрьмы стали повторяться. Они обеспечили мне расположение начальника края. Отношение начальника отразилось на поведении его подчиненных. Иркутский полицмейстер Бориславский предложил освободить меня из тюрьмы, если я письменно дам честное слово не предпринимать нового побега. Я долго отказывался. В конце концов — дал. Меня немедленно освободили. Вскоре Бориславский оставил место полицмейстера. Его преемник предложил мне повторить обещание. Я уклонился.

Живу на свободе, на одной квартире с доктором Ильиным. Служу в иркутском отделении географического общества. Получаю ничтожное жалованье: 20—30 рублей в месяц. Принимаю участие в «пирушках», которые устраиваются моими сослуживцами. На этих пирушках приобретаю новых знакомых и доброжелателей. Некоторые из них служат в полиции. Они обещают предупредить, если из Петербурга придет приказ отправить меня в ссылку.

Ясно, что в случае такого приказа я должен предпринять новый побег. Знакомые советуют воспользоваться Ангарой, *бежать в лодке*. Заранее покупаю лодку у ссыльного финна. Заготовляю все необходимое.

В самом начале августа 1872 года меня предупреждают, что пора бежать.

7-го августа в 2 часа ночи отправляюсь в путь. Река несет меня с удивительной быстротой. Да и сам я изо всех сил налегаю на весла. Моя лодочка летит как птица. До рассвета я сделал около 60 верст. Но радоваться рано. Вижу, навстречу идет пароход. Одинокий путник покажется подозрительным; меня задержат... Спешу спрятаться в маленькой бухте около острова... К счастью, гроза проносится мимо,— с парохода меня не заметили... Когда я сделал 600 с чем-то верст, начались Ангарские *пороги*.

Каждый порог — это ряд ступеней, пересекающих каменное ложе реки, по этим уступам огромные массы воды и кипящей пены со страшным шумом стремительно низвергаются вниз, крутясь среди торчащих всюду скал. Проскользнуть через порог можно только в некоторых местах; сибиряки называют их «воротами». Провести лодку через ворота может только опытный, бывалый лоцман; на Ангаре таких лоцманов называют «вождями».

Первый порог носил название — «Пьяный», второй — «Похмельный». Этими прозвищами местные жители как будто хотели подчеркнуть, что только пьяный может сунуться в эту ревущую, крутящуюся пучину.

Подъезжаю к селу, лежащему немного выше Пьяного. Причаливаю к берегу,

иду на площадь. Там ждет меня толпа крестьян. Все смотрят с любопытством, что за человек? Откуда он появился? Подхожу. Спрашивают:

— Чего надо?

— Вождя.

— На чем едешь?

— Вон там, у берега, моя лодка...

— На этом чумане никто не проведет...

Все отказываются. Наконец я спрашиваю:

— Кто же у вас самый искусный вождь?

— Егор Коровин. Да только сейчас он пьет запоем, ехать не сможет...

— Где мне найти Егора Коровина?

— Известно где: в кабаке...

Иду в кабак, начинаю уговаривать пьяного Егора Коровина. Сначала он наотрез отказывается. В конце концов соглашается: за полштофа и полтора рубля денег.

Даю ему вытрезвиться. Останавливаюсь на это время в одной избе. Моя хозяйка — сорокалетняя полька, замечательная красавица. Наконец отправляемся в путь.

Чем ближе к порогу, тем быстрее течение; лодка как будто катится с горы... Егор оборачивается ко мне и строго приказывает:

— Перестань грести. Клади весла...

— Почему?

— В пороге испугаешься... Ложись лицом вниз...

Я не лег. Шум вблизи порога такой, как будто бешено ревет громадное стадо быков. Лодка скользнула в ворота. Справа рушится на нее гора белой пены, слева надвигаются такие же горы. Лодка вьется между ними как змея, скользит то вправо, то влево среди темных скал, выступающих из кипящей воды: каждую секунду ждешь, что она скроется под водою или вдребезги разобьется о камни... Вдруг ее бег становится медленнее, справа и слева ровная водная поверхность; это значит «Пьяный» остался за спиной.

Так же благополучно проходим через «Похмельный». Егор оборачивается и говорит: «Ну, теперь нужно отдохнуть и опохмелиться...» Пристаем к острову. Егор сразу выпивает весь полштоф. Он, видимо, захмелел, дремлет. Я заставляю его продолжать путь.

Впереди порог «Бык». Мне тоже дремлется. Вдруг дно лодки царапнуло о камень. У меня сорвалось крутое ругательство. Егор поднял голову, открыл глаза, и — вижу — на лице его настоящий ужас... Время объехать порог пропущено. Мы не попали в ворота. Мы среди бушующего порога... Волны бьют и бросают нашу лодку... Егор в одно мгновение преобразился. Теперь это орел. Вытянулся как струна, ни одного лишнего движения, лодка повинуется ему, как конь хорошему ездоку. Когда, наконец, лодка вылетела из порога, Егор размашисто крестится и говорит:

— Слава те, Господи... Чуть было две души не загубил...

Дальше Егор ехать не может. Расстаемся очень дружелюбно. На прощанье Егор дает мне несколько хороших советов:

— Теперь будет «Падун». Он много опаснее первых. Смотри, не бери никого, кроме Федора Царапки. Слышишь? Возьми, говорю, Царапку, он проведет, он все может, потому что это колдун...

— Где мне найти Царапку?

— На острове. Да он сам тебя найдет.

Продолжаю путь. Вижу, остров. От него отделяется стружок, а в стружке сидит древний-древний старик. Подъезжает и сурово бросает вопрос:

— Куда едешь?

— В село.

— Кого надо?

— Царапку.

— Зачем?

— Вождем.

— Я и есть Царапка.

Причалили к острову. Начинаю уговаривать Царапку. Сначала он отказывается. Потом согласился: — за полтину. Мое весло изломано. Прошу Царапку продать мне новое весло. Весло дает, а денег взять не хочет:

— Кто же его продает, весло-то...

— Почему не продать? Почему не взять денег? Ведь ты рабочее время на него тратил.

Но Царапка твердо стоит на своем.

— Кто же это в рабочее время весла делает...

Едем к «Падуну». Перед порогом Царапка высаживает меня из лодки: — Вдвоем нельзя... вдвоем не проедем... Иду высоким берегом и вижу: Царапка уже в пороге, лодку залило, видна только голова Царапки, но лодку несет...

Царапка сумел проехать.

Дальше — порог «Долгий». Выше его — большое богатое село. Пристаю к берегу, иду к самой большой избе. Мальчишки говорят мне, что в ней живут три брата, все женатые. Вхожу в избу: мужиков нет, они на покосе, хозяйничают одни бабы. Младшая расспрашивает меня и обещает, что ее муж непременно проведет меня через «Долгий». К вечеру вернулись мужья. Но когда они узнали, что я собираюсь ехать в лодке через «Долгий», они наотрез отказались помогать мне. Младшая из баб упрекает мужа:

— Эх вы, живете весь век у реки, а боитесь порога... Смотри, парень-то какой бравый: он чужой на реке, а ничего не боится...

Мужик начинает колотить жену. Стараюсь прекратить эту сцену. Мир скоро был восстановлен. Мне позволили переночевать в этой же избе. Утром мужики опять уходят на покос, а молодуха заботливо учит меня:

— Теперь ступай вон в ту высокую избу, в ней живет Кирилл, мужи сильный, оборотистый. Если он захочет, он сумеет провести тебя через порог. Поговори с ним хорошенько, польсти, что ли...

Должно быть, я не сумел «польстить»: из разговора с Кириллом тоже ничего не вышло.

Тогда моя покровительница направляет меня к «седановским почтарям». Она объясняет мне, в чем дело. Иногда из этого села приходится отвозить казенную почту в село Седаново, лежащее ниже, за «Долгим». Для таких случаев пользуются большой, крепкой почтовой лодкой. При ней дежурят почтари. Отлучаться с места и пользоваться лодкой для частных дел они не могут, не имеют права. Придется похлопотать, дать кое-кому немного денег.

Хлопоты увенчались успехом... Один из почтарей провозит меня через «Долгий» в почтовой лодке. Моя лодочка была привязана сзади. Но среди порога бушующие волны начинают сильно колотить ее о камни. Пришлось перерезать веревку. Мы поймали лодку ниже, когда течение вынесло ее из порога.

Следующий порог носит название «Седановская шевера». Хочу искать вождя. Почтарь отговаривает:

— Стоит ли? Проедешь сам...

Он подробно и толково рассказал мне, как надо действовать среди порога. Я легко усвоил это искусство. Все дальнейшие пороги я прохожу самостоятельно, без помощи вождя. Только для одного из них, для самого опасного, мне пришлось взять вождем Семена Ясашного, про которого говорили, что он «ничего на свете не боится»...

Пороги остались позади. Одной опасностью стало меньше. Могучая река продолжает нести мою лодку с громадной быстротой. Каждый день приближает меня к свободе. Для ночлега останавливаюсь в прибрежных селах. Иногда ночую в лесу. Зверей лесных я не боюсь, люди опаснее. К счастью, слухи о моем побеге еще не дошли до этих берегов. Скоро нагоняю паузок*. На нем везут какой-то груз на Енисей. Перебираюсь на паузок. Им правят два брата. Это были славные ребята, с которыми я быстро подружился.

* речное мелководное судно (*ред.*).

Паузок доставил меня до Усть-Тунгузки. Здесь я сошел на берег. Мое плавание окончилось. Я сделал по Ангаре около 3000 верст.

Пробираюсь лесом через трудный перевал. Выхожу на Ачинский тракт. Здесь продолжаю путь «на вольных». Вот, наконец, и Томск. Теперь я близок к цели. Крепнет уверенность, что скоро я буду среди моих старых друзей... Скоро-скоро... Но судьба решила иначе.

АРЕСТ В ТОМСКЕ

— Я беззаботно стою в томской гостинице около буфета. Ко мне подходит пристав Лешков, сыщик по призванию.

— Откуда едете? — спрашивает пристав.

— Из Енисейска...

— Кто вы такой?

— Доктор Ильин.

— Прописаны?

— Вы шутите? Я здесь проездом. Прописка не обязательна.

— Могу я видеть ваши документы?

— Конечно. В моей комнате.

Идем в мой номер. Лешков внимательно рассматривает поданный мною паспорт доктора Ильина. Паспорт в полном порядке. Но Лешкову этого мало. Он приглашает меня в полицейское управление, к полицмейстеру. Тот, в свою очередь, направляет к губернатору.

Я горячо высказываю свое негодование;

— Неужели из-за того, что из Иркутска бежал какой-то Лопатин, вы станете задерживать здесь каждого проезжего?

Губернатор смущенно извиняется. Он готов отпустить меня. Но Лешков что-то шепчет ему на ухо. Оказывается, из Иркутска выслана сюда моя фотографическая карточка. Лешков подает ее губернатору. Я начинаю, черта за чертой, разбирать карточку и убедительно доказываю, что этот Лопатин, изображенный на карточке, гораздо более похож на американского президента Линкольна, чем на меня, доктора Ильина...

Губернатор колеблется. Но Лешков снова что-то тихо говорит ему. Губернатор просит меня еще раз заехать в полицейское управление.

Приезжаем. Вижу вызван прокурор. Мне подготовили экзамен. Один из чиновников управления служил когда-то в Енисейске. Мне ставят ряд вопросов об этом городе. Я останавливался там у поручика Соколова. Описываю дом Соколова, прилегающие улицы... Экзамен выдержан. Завязывается беседа. Я занимаю общество веселыми рассказами. Чувствую, что все присутствующие на моей стороне.

Но Лешкова среди них нет: он исчез за какими-то справками. Потом выяснилось, что ему удалось найти человека, только что приехавшего из Иркутска. Это был смотритель городской больницы. Лешков попросил его подробно описать наружность доктора Ильина. Конечно, Ильин нимало не походил на меня; стало ясно, что в полицейском управлении сидит не доктор Ильин, а кто-то другой. Затем Лешков спросил смотрителя, знает ли он Лопатина.— Конечно, знаю,— ответил смотритель. Лешков привез его в полицейское управление. Когда я увидел смотрителя, я понял, что мое дело проиграно,— запираться бесполезно.

Присутствующие были поражены. У прокурора вырвалось восклицание:

— Клянусь честью, я здесь ни при чем...

Началось составление протокола. У меня была одна забота: выгородить доктора Ильина. Я подписал протокол только тогда, когда в нем было написано, что бумаги доктора Ильина найдены мною случайно.

Меня поместили на время в томскую тюрьму. Сидя в одиночной камере, я думал, как бы известить Ильина о случившемся. Письмо было написано. Но кто отправит его? К моей камере часто подходил мальчик, сын тюремного смотрителя. Я видел его через окошечко, прорезанное в двери. Мне он нравился; у него были такие ясные, невинные глаза. Мы стали разговаривать и подружились. Мальчик

обещал, что он никому не покажет письма и немедленно опустит его в почтовый ящик. Я поверил и отдал письмо.

Меня под конвоем отправили в Иркутск. По дороге встретился с Синельниковым.

В Иркутске начались допросы. Когда я рассказал, как проезжал в лодке через Ангарские пороги, мои рассказы показались невероятными. Вызвали лоцмана с порогов. Устроили очную ставку. Лоцман подтвердил каждое мое слово.

Мое письмо к Ильину оказалось в портфеле следователя. Как оно туда попало? Неужели мальчик с невинными глазами обманул меня?

Снова началась однообразная жизнь в Иркутском остроге.

ТРЕТИЙ ПОБЕГ: ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

— Сижу в одиночной камере. На прогулках знакомлюсь с уголовными. Рассказы о моих побегах и приключениях передаются из уст в уста. Они доставляют мне сочувствие «малой каторги». Я не скрываю от знакомых каторжан, что думаю о новом побеге. Каждый готов помогать мне. Успех моего предприятия становится делом чести для всей тюрьмы.

Интересны были советы разбойника Лукаша:

— Беги на Якутский тракт,— говорил он отрывисто и деловито. Попадешь на него через Веселую горку. Перехватить нельзя. Если будет погоня, сверни в тайгу. Если устроят облаву, в тайге легко уйти от нее: у тебя одна дорога, у облавы — десять. Но в тайге понадобится хлеб; не забудь захватить хлеба. Я назову тебе места, где охотно принимают разбойников и беглых. Скажи, что прислан мною. Не проговорись, что я сижу в тюрьме. Если будут расспрашивать, отвечай так: разбой держит около Иркутска, скоро к вам будет... Не говори этим людям о революции, о своих планах. Таких разговоров они не поймут. Себя назови просто «царьком»...

— Неудобно,— возражал я Лукашу,— я знаю, что в Сибири царьками называют фальшивомонетчиков. Пожалуй, попросят печатать фальшивые ассигнации.

— Попросят, это верно... Ну, так что же... Они будут просить, а ты занимайся критикой.

— Какой критикой?

— Вот какой. Тебе станут показывать фальшивые деньги, а ты говори так: разве это деньги? С такими деньгами каждая баба на базаре задержит; это не работа, нет я не так работаю.

— Так ведь заставят показать мою работу.

— Заставят, это верно. Ну, так что же... А ты продолжай критику. Принесут тебе бумагу и краски, а ты говори: разве это бумага? Разве это краски? С таким материалом никто хороших ассигнаций не приготовит... Потом скажешь, что принесешь собственный материал и скроешься... Ну, да что тебя учить: сам догадаешься, как поступить.

У «малой каторги» были сообщники на свободе. Они также помогали мне. В начале июля 1873 года мне сообщили, что под одним из мостов по дороге на Веселую горку будут держать мешок с крестьянским платьем и хлебом.

10 июня мне удалось в третий раз убежать из иркутского плена.

Меня привели в суд для дачи показаний. Поставили несколько вопросов. Я заявил, что напишу ответы собственноручно. Меня поместили в отдельной комнате; из ее окна я мог видеть крыльцо суда. Из соседней комнаты был выход на крыльцо.

Пишу и вижу: подъезжает всадник, какой-то полицейский; привязывает к крыльцу лошадь азиатским узлом и проходит в суд. Моментально кладу перо. Помню, что остановился на словах:

— Тому следуют пункты...

Прошу у председателя разрешения выйти во двор, чтобы напиться воды. Председатель разрешает. За мной идет часовой. Напившись, возвращаюсь медленным шагом, вразвалку, как человек, истомленный зноем. Но вместо своей комнаты вхожу в соседнюю и быстро прохожу через нее на крыльцо. Писцы, сидевшие в

комнате, с удивлением подняли головы, но никто из них не остановил меня. Очутившись на крыльце, я дернул конец азиатского узла, вскочил на лошадь и вихрем помчался по улице.

Мне нужно было перебраться через речку Ушаковку. Сворачиваю в переулок, думаю, что он доходит до Ушаковки. Переулок оказывается тупиком. Конец его занят грудою бревен. За ними площадь лесопильного завода, примыкающая к берегу речки. Что делать? Ехать назад? — Нельзя: как бы не столкнуться с погоней. Дорога каждая минута. Нужно во что бы то ни стало ехать вперед. Применяю все средства, чтобы заставить лошадь идти по бревнам. К счастью, лошадь была молодая, сильная. Бревна остались позади. Рабочие с удивлением смотрят на странного всадника, который проносится среди них по свободной площади завода. Я — на берегу Ушаковки. Еду вдоль берега, высматриваю место для переправы. Новое препятствие: предо мною забор, спускающийся под берег до самой воды. Дальше ехать нельзя. Лошадь не хочет идти вниз к воде. Слезаю, сталкиваю лошадь плечом. Через Ушаковку перебрался вброд.

Еду дальше. Вот и мост, о котором мне говорили. Вытаскиваю из-под него мешок с платьем и хлебом. Надеваю на себя крестьянскую сермягу. Покрываю голову сибирским колпаком. Оставляю очки. Привязываю к седлу мешок с хлебом.

Сильная близорукость мешает мне разбираться в обстановке. Я сбился с дороги. Попадаю в топь. С каждым шагом лошадь вязнет все глубже и глубже. Как выбраться из этой грязи? Вижу в стороне лужайку, покрытую яркой зеленью. Направляю туда мою лошадь. Но под зеленью глубокая трясина. Лошадь беспомощно бьется в трясине... Несколько минут я считал себя погибшим... Меня спасает инстинкт умного животного. Напрягши все силы, лошадь выбирается из трясины, нащупывает под грязью полосу хряща и выносит меня по этой полосе из болота.

Продолжаю свой путь наугад, не представляя, куда он приведет меня. Наталкиваюсь на «поскотину». Это часть леса, обнесенная забором. Внутри этой площади пасется скот, забор защищает его от нападения диких зверей. У ворот, ведущих в поскотину, сидит старый пастух. Подъезжаю и спрашиваю:

— Скажи, дедушка, как мне проехать на Веселую горку?

Сибирские крестьяне наблюдательны и недоверчивы. Старик осматривает меня с ног до головы и, в свою очередь, ставит вопрос:

— Зачем тебе, парень, понадобилась Веселая горка?

— Да видишь ли, несколько парней из нашей деревни сговорились устроить там гулянку. Уехали компанией все вместе. Я отстал. Теперь догоняю...

— Из какой ты деревни?

Я назвал наудачу одну из деревень, лежащих близ Иркутска. Старик покачал головой:

— Плетешь ты, парень, выдумки, да только неудачно. Из этой деревни сюда дороги нет. Зверь лесной не проберется. Как же ты ухитрился на лошади проехать?...

— Слушай, дедушка: не все ли равно тебе, как я проехал? Ты видишь, я здесь. Богом прошу тебя, помоги мне, расскажи, как ближе проехать на Веселую горку...

Старик, видимо, догадался, в чем дело. Рассказал.

Через Веселую горку я перебрался на Якутский тракт. Скачу вперед без отдыха. Слышу за собой погоню. Меня преследуют несколько всадников. Помня советы Лукаша, сворачиваю в сторону, в лесистую лощину. Погоня — за мною. Слышу, что преследователи разъехались, образовали цепь. Слышу, как они, подвигаясь вперед, перекликаются между собою. Еду по лесу далеко впереди. Наступают сумерки. Пошел дождь. Голоса всадников звучат более глухо: погоня, видимо, отстает от меня. Наконец голоса совсем затихли: наверное, погоня вернулась обратно. Я тоже остановился. Наступает ночь, в лесу мрак. Дождь льет как из ведра. В стороне раздался вой волков... Этот вой обрадовал меня: воют волки, значит, людей близко нет, значит, облава ушла из леса. Темно, холодно, неуютно... Стою и думаю: что делать? Ехать дальше в глубину незнакомого леса или вернуться в город? В городе есть добрые знакомые, которые не откажутся спрятать меня; в городе остались мои

деньги, которые понадобятся на обратный путь. После некоторого колебания остановился на решении: воспользоваться темнотою ночи и снова пробраться в город.

...Еду по тракту к Иркутску. Впереди у одного из мостов пылает костер. При его свете различаю двух лошадей и несколько человеческих фигур. Ясно, что по дороге расставлены пикеты. Съезжаю с тракта и пускаю свою лошадь мимо пикета во весь опор. Никто не преследует меня. Успокоенный этим, возвращаюсь на тракт и еду потихоньку шагом.

Вдруг моя лошадь схвачена с двух сторон под уздцы. Я попал в засаду. Сторожа начинают спорить между собою. Один из них, видимо, представляет тип «торопыги». Он хочет немедленно, без разговоров, вести меня в полицейское управление, другой сторож — «резонер». Ему хочется расспросить, поговорить, объясниться:

— Ты кто такой? Откуда едешь?

— Я работник; хозяин посылал меня в лес — отвезти хлеб на покос; возвращаюсь обратно.

Торопыга сердится:

— Что ты разговариваешь с ним. Приказано: хватай и тащи в полицию каждого, кто едет.

— Ну, зачем?— возражает резонер.— Нужно расспросить, разузнать... Иначе себе наделаешь работу, да и прохожему человеку, может быть, ни в чем не виноватому, причинишь большую неприятность...

Говорит, а сам в темноте потихоньку ощупывает мой мешок, мою сермягу... Потом поднимает руку и проводит ею по моему лицу. Понимаю: ищет очков. Исследование успокоило его. Он отпускает меня. Торопыга недоволен, но уступает.

Отъехавши шагов на 50, останавливаюсь и кричу:

— Вот вы неожиданно в темноте схватили под уздцы мою лошадь, а у меня — револьвер... Что, если бы с перепугу я начал стрелять то в одного, то в другого?..

— Ну, зачем стрелять?— рассудительно отвечает резонер.— Вот и дальше будут два пикета: один у моста, другой у брода. Ты и там остановись, поговори, объяснись, все будет по-хорошему...

Я принял эти указания к сведению и решил переправиться через Ушаковку на прежнем месте, против лесопильного завода.

Но моя лошадь, напуганная «топью», отказывается идти в темную воду. Оставляю лошадь на берегу и перехожу Ушаковку вброд, пешком. Конечно, промок до костей. Предо мной — высокий берег, засыпанный мусором, место городской свалки. Стараюсь подняться по нему — и вдруг слышу: через забор лесопильного завода перелезают на мою сторону двое караульных. Между ними идет спор. Одни слышал мои шаги, а другой уверяет товарища, что никакого шума не было, что ему померещилось... Я лежу, плотно прижавшись к мусору. Караульные приходят к решению — обыскать берег. Но меня вторично спасает лошадь. Из-за реки донеслось ее громкое ржание...

— Слышишь?— сказал товарищу второй караульный.— Это лошадь Лопатина, он рыщет на той стороне, за рекою, а ты хочешь искать его на нашем берегу?

Оба сторожа, успокоенные, перелезли обратно на площадь лесопильного завода. Я ждал, чтобы затихли их шаги. Затем потихоньку поднялся и проскользнул в темный переулок.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРЕТЬЕГО ПОБЕГА: СКИТАНИЯ В ИРКУТСКЕ

— Я снова на улице Иркутска. Стою и думаю: кто примет и спрячет меня? Перебираю в уме знакомых. Вспоминаю о семье помощника исправника. Он женат; вместе с ним живут две его свояченицы, молоденькие девушки, с которыми я был очень дружен. Знаю, что эти девушки не откажутся выручить меня. Но — как добраться до них?

Пробираюсь по темным улицам, обходя сторожей. Вот и дом, где помощник исправника занимает квартиру во втором этаже. Его двор отделен от улицы высоким забором. Перелезаю через забор, подхожу к крыльцу. Позвонить, подняться наверх и остаться там на ночь — никак нельзя, даже в том случае, если помощник

исправника примет меня. Я знаю, что в нижнем этаже живут две поповны; им слышно все, что происходит во втором этаже; их рассказ о таинственном ночном госте, конечно, облетит весь город... Я останавливаюсь на другом плане. Звоню: горничная, сбежавшая сверху, спрашивает, не открывая двери: «Кто там?» Я называю себя посыльным из Воспитательного дома:

— Наша барыня вашим барышням зубные капли давала... А теперь у нее у самой разболелись зубы. Вот и послала меня, чтобы непременно сегодня же принес ей обратно зубные капли.

Горничная побежала наверх. Знаю, что сейчас вызовут из кухни Машу. Кухня помещается в отдельном домике, в углу двора. Там хозяйничает кухарка Маша, расторопная поселенка, моя знакомая; к ней из дома проведена проволка... Вижу: в самом деле Маша торопливо бежит через двор. Останавливаю ее на средине двора, кладу руки на ее плечи и быстро говорю шепотом:

— Маша, это я, Лопатин, спрячь меня, потом скажи барышням...

Маша сначала обомлела. Но быстро пришла в себя и провела меня в кухню. При кухне был пустой чулан. Маша закрыла меня в чулане и побежала сказать обо мне барышням. Вернувшись, она подала мне ужин и попросила снять платье, чтобы она могла выстирать его ночью. Скоро я заснул в чулане как убитый.

Утром слышу — по кухне ходит поповна. Беседует с Машей. Ночное купанье не осталось безнаказанным: я схватил сильнейший насморк; мне страшно хочется чихнуть, а боюсь... Наконец не выдержал, чихнул. Поповна насторожилась:

— Маша, кто это у тебя в чулане?

— Кот, барышня. Такой скверный кот: гоню-гоню его, а он непременно каждую ночь проберется в мой чулан...

— Какой же это кот, когда он чихает как человек?

— Да уж такой кот, барышня, особенный кот,— больной, должно быть... Вот так каждую ночь: заберется и чихает,— просто спать не дает...

Поповна поверила, ушла. Маша, по приказанию барышень, кормила меня вкусными обедами. Однажды они прислали мне очки,— сумели достать мой номер.

Помощника исправника все эти дни не было дома. По приказанию губернатора он разъезжал по уезду: разыскивал Лопатина. Наконец он вернулся. Скрывать от него правду было невозможно. Но, узнавши эту правду, он и его жена пришли в ужас. «Барыня лежит совсем черная, как мертвая»,— говорила мне Маша, прибежавшая из дома. Помощник исправника пришел в мой чулан.

— Вы понимаете, как будет ужасно мое положение, если обнаружится, что вы скрываетесь в моей квартире,— говорил он волнуясь,— вы должны сегодня же уйти отсюда...

Он был прав. Я не спорил. Я попросил только об одном: дать мне на время бритву, чтобы я мог снять бороду.

— Ни в каком случае,— возразил помощник исправника,— сибирские крестьяне почти никогда не бреют бороды; бритый крестьянин будет бросаться в глаза...

Он принес ножницы и собственноручно подстриг мне конец бороды — неровно, зигзагами, чтобы она побольше походила на крестьянскую.

Было очень поздно, когда я покинул дом помощника исправника и снова оказался без приюта, на улице. Куда мне идти теперь?

Когда я в последние дни задумывался над этим вопросом, мне пришел в голову один поляк. Он приехал в Иркутск из прибалтийских губерний. Прекрасно одевался, хорошо держал себя, был принят в лучших домах Иркутска. Вел крупную игру в карты. Говорили, что он играет «нечисто», что именно поэтому всегда остается в выигрыше. Говорили также, что администрация пользуется им как шпионом. Есть дома, куда нельзя послать обыкновенного сыщика. В таких случаях обращались к поляку. Он всюду принят, через него легко узнать, кто бывает в доме, о чем ведутся разговоры. Скоро поляк разбогател и начал какое-то коммерческое дело, сделался купцом. Все это было известно мне еще в те дни, когда я жил в Иркутске на свободе. Приходилось встречаться и разговаривать. Я решил обратиться к этому купцу. Я рассуждал так: он принят в иркутском обществе, но его репутация испорчена; мое обращение к его чести, к его благородству польстит ему;

он не откажет, он не захочет обмануть мое доверие... Я подошел к дому, где жил купец. У ворот сидел дворник. «Господа в театре,– сказал он,– подожди...» Мы сели рядом. На мне было крестьянское платье; все-таки сидеть на улице было опасно. Но скоро к дворнику прибежал казачок, служивший у купца. Ему было скучно, хотелось поговорить с кем-нибудь, он позвал меня в переднюю; я занимал его рассказами. Часов в 12 вернулись из театра купец и его жена. Я обратился к последней:

— Наша барыня, из Воспитательного дома, книгу вам давала. Просит вернуть эту книгу...

— Подожди, голубчик,— сказала женщина и прошла вперед, к горничной, которая стала снимать с нее шубу. Купец сразу узнал меня.

— Что вы делаете,— шептал он в ужасе,— вы меня губите...

— Нисколько,— отвечал я также шепотом,— если не будете дураком... Пошлите дворника в аптеку, мальчика с поручением, горничную в спальню, потом поговорим... Купец так и сделал. Мой расчет оказался правильным: он согласился приютить меня. Он провел меня на чердак: сам носил туда еду: спал я на медвежьей шкуре.

От купца я перешел к доктору. Здесь мне приходилось целыми днями лежать неподвижно в тесной будке над крыльцом. Только в те часы, когда ни доктора, ни его пациентов не было в квартире, я вылезал из своего убежища и прогуливался по пустым комнатам. Вел длинные беседы с лакеем доктора, преданным, надежным человеком, большим мечтателем. Доктор страшно трусил. Он изложил мне такой план: если меня откроют, я должен сказать, что он, доктор, ничего не знал, что меня устроил в этой квартире лакей; конечно, пострадает,— придется вознаградить его за это крупной суммой. Я протестовал против этого плана. Нужно было уходить от доктора.

Как раз в это время купца посетил губернатор. На купца было возложено деликатное поручение: побывать в нескольких домах,— послушать, что говорят о Лопатине,— выяснить, если возможно, где скрывается Лопатин. Стало ясно, что теперь, после визита губернатора, самым безопасным для меня местом является дом купца: пусть он ищет меня в разных домах Иркутска, а я в это время буду спокойно проживать в его квартире. На этот раз купец поместил меня в кладовой. Наружная стенка кладовой выходила в узкий промежуток между двумя домами, куда никто никогда не заглядывал. Из этой стенки была выломана доска. Если б меня открыли, я сказал бы, что проник в кладовую самостоятельно, через пролом в стенке бем ведома хозяев...

Последним моим убежищем был домик одного поселенца. Меня поместили в подполье. Когда поселенец отлучался по делам, я поднимался наверх, в комнаты, и сидел с хозяйкой. Однажды мы так увлеклись разговором, что не услышали, как к двери подошел посторонний. Дверь стала открываться... Я едва успел броситься в соседнюю комнату, в спальню, и лег там на кровать, лицом вниз. Слышу приезжий здоровается с хозяйкой, как свой человек. Затем он заглянул в спальню, подошел к моей кровати и хлопнул меня по плечу. Вероятно, он принял меня за хозяина. Я поднял голову и, смеясь, взглянул на него. Вдруг у него вырывается восклицание:

— Он самый и есть... И тут не утерпел... Засмеялся...

Он быстро вышел из комнаты, я слышу, как он говорит хозяйке:

— Слушай, кума... Я узнал его: это — Лопатин. Ведь у нас по всем селам разъезжал чиновник от губернатора. Созывал мужиков, рассказывал о Лопатине, описывал приметы... Под конец он сказал нам: не забудь главной приметы: что бы ни случилось с этим человеком, *он всегда смеется*... Вот и сейчас он засмеялся. Да ты не пугайся, кума: я ни вам, ни ему не злодей. Кланяйся хозяину. Прощай.

Это был писарь из далекого села. Он поспешил оставить дом, когда узнал, что в нем скрывается Лопатин.

Нужно было во что бы то ни стало выбраться из Иркутска. Мои друзья подготовили все необходимое для продолжения побега. Куплены лошадь и телега. Они

ждут меня на той стороне Ангары. Как перебраться через реку? По ней ходит паром, но мы знаем, что там установлено строгое наблюдение за всеми проезжающими; показаться на пароме — значит добровольно отдаться в руки сыщиков.

Помог один разговор. Эта подробность показывает, с каким сочувствием относились к моему делу люди, совершенно незнакомые со мною.

Был у меня в Иркутске верный друг, одна из служащих Воспитательного дома. Звали эту женщину Татьяна Флорентовна. О нашей дружбе знали многие. Сидит Татьяна Флорентовна в клубе. За соседним столиком беседуют два обывателя. Говорят так громко, что Татьяна Флорентовна слышит каждое слово.

— Не понимаю я этого Лопатина...— рассуждает один из собеседников,— ведь какой вор-парень,— сметлив, ловок, а не может догадаться, как перебраться через Ангару...

— Поневоле призадумаешься,— возражает другой,— раз известно, что на пароме день и ночь дежурят сыщики.

— Зачем ему паром? Можно переправиться в лодке.

— Все лодки на учете. Где взять лодку?

— Да хоть бы у меня... Мой дом на берегу; около дома всегда стоит лодка.

— Но где весла?

— Весла рядом... Как только откроешь калитку в мой двор, тут же, около калитки, и стоят весла...

Татьяне Флорентовне было ясно, что эти люди искренно хотят помочь мне. Она передала мне каждое слово. Я воспользовался указаниями, переехал Ангару и отослал лодку с мальчиком на прежнее место.

Скоро я лежал в своей телеге, лицом вниз, притворяясь совершенно пьяным. Крестьянин, сидевший за кучера, жестоко ругал меня за пьянство, а я мычал что-то невнятное... В таком виде мы проехали мимо полицейских.

Когда отъехали от города, крестьянин отдал мне возжи и вернулся в свою деревню. Я присоединился к большому обозу и спокойно продолжал путь до Томска. Все принимали меня за крестьянского парня; на одной из станций исправник приказал мне вынести его чемодан; я исполнил приказание.

От Томска до Тюмени проехал на пароходе. Очень беспокоил меня один спутник. Он все время приставал ко мне с расспросами. Я готов был принять его за сыщика. Но, когда несколько позднее я столкнулся с ним на улицах Петербурга, он оказался ветеринаром.

В Петербурге я позвонил в квартиру знакомых курсисток. Горничная нехотя впустила крестьянского парня в переднюю. Она была страшно поражена, когда ее барышни радостно бросились мне на шею.

Позднее мне рассказывали, как обрадовался Маркс, когда до него донеслось известие об удачном побеге: он бросился к своей дочери Элеоноре, с которой я был очень дружен, схватил ее за обе руки и начал, как маленький, кружиться с ней по комнате...

Когда Лопатин кончил, было три часа ночи. Я ушел в свою комнату, чтобы немедленно записать рассказ.

28 ноября ⟨11 декабря⟩

Рано утром Лопатин исчез из виллы. Вернулся за час до завтрака. Когда я спросил у него, где он был, он ответил:

— Все время на «горе Тиберия».

Эта гора находится на восточном берегу острова. Из глубины моря поднимается здесь совершенно отвесная стена, в 340 метров высоты. На ее вершине 1900 лет тому назад по приказанию римского императора Августа был выстроен дворец. Стены его сложены из особенного кирпича, тонкого, как пряники, и такого крепкого, что 19 столетий не могли изменить и разрушить его. Сохранился ряд комнат; сохранился даже мозаичный пол в столовой. В этом дворце преемник Августа император Тиберий провел последние 10 лет своей жизни. Отсюда название «гора Тиберия».

Мы стали перебирать воспоминания, связанные с дворцом Тиберия. Я передал Лопатину некоторые из рассказов римского историка Светония, писавшего в начале второго века нашей эры:

Когда Тиберий переселился на Капри, ему было уже 68 лет. Но он был еще очень силен и крепок. Природа наделила его железным организмом, которого долго не могли разрушить никакие излишества. В молодости он так много пил, что насмешники стали называть его не Тиберием, а Биберием, пьяницей. Другим его пороком были половые излишества. По его приказанию изо всех стран, подвластных Риму, привозили на Капри самых красивых девушек, самых красивых юношей и мальчиков. Они должны были развлекать императора. В тенистых рощах и пещерах Капри устраивались в его присутствии особые представления: на них воспроизводились самые соблазнительные из сцен, созданных греческой мифологией. Такими зрелищами старый император старался оживить в себе угасавшую чувственность. В комнатах дворца происходили оргии, которые Светоний и другой римский историк Тацит называют «чудовищными»...

Этот же дворец был местом пыток и казней. Каждый день произносились приговоры и придумывались жестокие наказания. Много ужасных, потрясающих историй могли бы рассказать эти древние стены. Некоторые из казней были придуманы самим Тиберием. Вот одна из них: осужденного заставляли выпить много вина; затем туго перевязывали мочеиспускательный канал; скоро боли от задержки мочеиспускания становились невыносимыми; несчастный умирал в страшных муках.

— На Капри,— говорит Светоний,— до сих пор показывают место, где императором производились казни. Отсюда он в своем присутствии приказывал бросать осужденных в море; после долгих и утонченных пыток. Отряд матросов баграми и веслами подхватывал падавшие тела и добивал их окончательно...[7]

Лопатин долго стоял на этом месте казней. Оно лежит в нескольких шагах от наружной стены дворца. Каприйцы дали ему название «прыжок Тиберия».

По соседству среди виноградника приютился беленький домик. Из его окон открываются дивные виды: с одной стороны глубоко внизу расстилается Неаполитанский залив, опоясанный цепью городов и местечек; с другой — простор Средиземного моря. Здесь всегда можно получить стакан хорошего виноградного вина; здесь весь день дежурят юноша и девушка, готовые в любой момент исполнить по заказу посетителя народный итальянский танец — тарантеллу. В этом домике Лопатин отдохнул от тяжелых впечатлений, навеянных стенами древнего дворца.

После завтрака Горький предложил сделать прогулку на южный берег острова. Мы спускались к берегу по «дороге Круппа». Интересна ее история. Двадцать лет тому назад на этом месте высилась отвесная скала. В те годы у берегов Капри иногда останавливалась собственная яхта германского «пушечного короля» Фридриха Круппа. Он приезжал сюда для отдыха. Однажды ему захотелось сделать обитателям острова подарок. Он приказал прорубить в каменной толще спуск на южный берег. Сказано — сделано. Вдоль отвесной стены протянулась широкая удобная дорога. Все расходы были оплачены Круппом. Каприйцы назвали этот спуск «дорогой Круппа».

Во время прогулки Лопатин рассказывал о своих знакомых. Среди них было много крупных, выдающихся людей. Горький, между прочим, спросил его, кто из них был самым интересным, самым содержательным собеседником.

Я запомнил ответ Лопатина:

ТРИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ СОБЕСЕДНИКА

— Среди моих знакомых были три человека, которых можно было слушать без устали, без конца.

Один из них профессор *Зинин*. Сначала он занимался математикой и читал лекции по механике. Потом увлекся химией. Сделал в этой области крупные открытия. Его работы положили начало ряду новых производств. Исследуя соединения нитробензола, Зинин первый приготовил анилин. Значение этого открытия было громадно. Пользуясь методом Зинина, химики скоро открыли десятки разнообразных анилиновых красок. Получилась возможность воспроизводить все цвета, все их

оттенки и переливы, какие мы наблюдаем в природе. Прежние дорогие краски растительного или животного происхождения, такие, как маренго, кошениль или пурпур, были вытеснены, отошли на второе место. Произведен переворот в красильной промышленности. Созданы новые производства. Продолжая исследования, Зинин первый получил искусственным путем чесночное масло. Его работы над эфирами также вызвали к жизни много новых производств. Если бы Зинин лично применил свои открытия к области промышленности, он мог бы нажить десятки миллионов. Но он нисколько не интересовался денежной стороной дела. Его влекли к себе высшие достижения человеческого духа — в области мысли и в области искусства. Кроме математики и химии, он занимался биологией и сравнительной анатомией. Хорошо знал все литературы. Увлекался музыкой, живописью и скульптурой. Следил за новыми теориями в области истории и социологии. Говорил блестяще, в то же время просто. Умел в увлекательной форме передать своим слушателям все, о чем читал, о чем думал. Его беседы были разнообразны, но всегда содержательны. При этом — никакой авторитарности, никакого учительства: слушатели чувствовали в нем доброго товарища — и только.

Среди слушателей были такие ученики, как Бутлеров и Бородин [8].

Второй собеседник, которого я имел в виду, это — *Герцен.* Рассказывать о нем не стану. Он отразился в своих книгах, хорошо всем известных.

Третий собеседник, производивший на меня неизгладимое впечатление, был *Маркс.* Я уже говорил вам о моем отношении к Марксу. Его беседы всегда поражали и всегда увлекали меня. Поражали бесконечным обилием и разнообразием фактов, взятых из всех областей знания. Увлекали богатством и глубиною новых идей, которые, как лучи солнца, освещали и пронизывали эту огромную массу фактов. Когда Маркс говорил, мне становилось ясно, что этот человек гораздо богаче, многограннее и глубже того, что успел сказать людям в своих книгах.

Память у Маркса была поразительна.

С этой памятью тесно связана его исключительная способность к усвоению языков. Он хорошо владел древними языками; у него вошло в привычку ежегодно перечитывать по-гречески драму Эсхила «Скованный Прометей» [9]. Он свободно читал на всех новых европейских языках. Говорил по-немецки, по-французски и по-английски. Писал на этих языках статьи и книги. Писал так, что поражал читателя знанием всех тонкостей и оттенков чужого языка. Он часто повторял, что знакомство с чужим языком есть оружие в жизненной борьбе. Марксу было около пятидесяти лет, когда он принялся за изучение русского языка. Ему хотелось в подлиннике читать те документы, те материалы о России, которые тайно пересылались за границу противниками царского режима. Русский язык страшно труден для иностранцев. Однако не прошло шести месяцев, как Маркс уже читал русские книги. Он высоко ценил Пушкина, Гоголя и Салтыкова-Щедрина. В разговорах со мною нередко приводил цитаты из этих писателей. Случалось, что он подавал мне длинный список русских слов, которые затрудняли его. Я начинал разбирать список. Что же оказывалось? Из десяти слов, записанных Марксом, восемь непонятны мне самому.

Знание языков помогло Марксу основательно овладеть сокровищами мировой литературы. Он читал их в подлиннике. Он каждый год перечитывал ряд художественных произведений, выбирая их из всех литератур. В области трагедии он ставил на первое место Эсхила и Шекспира. В его семье Шекспир был предметом настоящего поклонения. Не только Маркс, но и все его дочери знали Шекспира наизусть. Из великих эпических поэтов он выше всех ценил Данте. Любил шотландского поэта Бернса. Знал наизусть большинство стихотворений Гейне и Гете; постоянно цитировал их в разговоре. В часы отдыха Маркс любил читать романы. Он сам обладал богатым воображением. Ему нравились романы, где он мог найти много движения, много приключений, богатство вымысла и юмор. В его руках часто можно было видеть книжки Фильдинга, Александра Дюма-отца и Вальтер Скотта. Лучшими романистами Маркс считал Сервантеса и Бальзака. Когда он узнал, что я незнаком с Бальзаком, он заставил меня внимательно прочесть книги этого писателя. Он говорил, что это — история эпохи, что в романах Бальзака отразилась

вся современная ему Франция, все главные типы: по его мнению, Бальзак отметил даже такие типы, которые в его время существовали только в зародыше, которые проявлялись в полном развитии много позднее, после смерти Бальзака, в эпоху Наполеона Третьего.

Я хорошо сошелся со всей семьей Маркса. Интересны были его отношения с детьми. Это был самый нежный, самый любящий отец. У него было три дочери. Когда они были маленькими, он играл с ними, рассказывал им сказки, сочинял для них бесконечные занимательные истории. Он никогда ничего не приказывал детям. Он только просил, только советовал. Зато его влияние на детей было безгранично. Дети видели в нем товарища и друга. Слово Маркса, мнение Маркса было для них законом.

Я первый начал переводить «Капитал» на русский язык. Эта работа была поводом к ежедневным беседам с Марксом. Изложение первой главы показалось мне запутанным и трудным. Я откровенно сказал об этом Марксу. Он согласился со мною и обещал, что первая глава будет переделана. Поэтому я начал перевод прямо со второй главы[10]. Вот хороший пример удивительной терпимости Маркса; он вообще был менее авторитарен, чем Энгельс. Другим поводом к беседам был интерес Маркса к России. Это был широкий, гибкий ум, всегда открытый для каждого нового факта. Он искал этих фактов не только в книгах, но и в разговоре. Он ловил их на лету и сейчас же делал из них свои выводы. Он постоянно расспрашивал меня о России и с величайшим вниманием слушал мои ответы и рассказы. В споре Маркс был страстен. Но, когда пред ним был оппонент, которого он ценил, он проявлял поразительное терпение и не жалел ни времени, ни усилий, чтобы лучше выяснить и доказать свою мысль, хотя бы для этого пришлось перебрать много томов. Так бывало иногда при споре с Энгельсом. Маркс много раз излагал мне свои основные идеи. Он видел, как глубоко они захватывают меня. По его предложению, я был избран в члены Генерального Совета Первого Интернационала[11]. Однажды он сказал мне:

— Вы единственный человек, которому я доверил бы популяризацию моей теории...

Продолжая прогулку, Лопатин рассказал еще несколько фактов о других знакомых:

Салтыков, по его словам, проверял план похищения Чернышевского.

Тургенев однажды описал ему Чернышевского в таких словах: «Тонкий, писклявый голос, долбит в одну точку и упорно всех сгибает...»

В конце обеда принесли афишу из кино. На Капри раз в неделю доставляли из Неаполя новый фильм. Такие дни были праздником для обитателей маленького острова. Горький всегда ходил посмотреть новые картины. На этот раз на афише стояло напечатанное крупными буквами слово «МАЗАНИЕЛЛО». Лопатин сказал, что ему было бы интересно посмотреть каприйское кино. Отправились всем обществом. На картинах проходили перед нами сцены восстания, вспыхнувшего в Неаполе в 1647 году. Городом владели тогда испанцы. Вице-король назначил большой налог на предметы первой необходимости, на зерно и овощи. Народ роптал и волновался. Достаточно было ничтожного предлога, чтобы вспыхнуло восстание. Во главе его встал смелый амальфитанский рыбак Томазо Аниелло, которого обыкновенно называли Мазаниелло. Мы видели бой на улицах... С одной стороны — испанские солдаты, прекрасно вооруженные, закованные в сталь; с другой – огромные толпы восставшего народа, наступавшие со всех сторон, как волны. Испанцы были загнаны в замок. Начались переговоры. Образовалась неаполитанская республика... В конце концов исцанцы отчасти хитростью, отчасти силою ликвидировали восстание.

Когда мы вернулись из кино на виллу Горького, завязался разговор о ликвидации «Народной воли». Лопатин рассказал несколько моментов из истории дела.

ДОПРОСЫ: ДУРНОВО, ОРЖЕВСКИЙ, Д. А. ТОЛСТОЙ

Меня арестовали 5 октября 1884 года. Суд состоялся только в мае и в июне 1887 года. Пришлось до суда просидеть два с половиной года в Петропавловской крепости.

Однажды в начале следствия меня привели в кабинет начальника Департамента полиции — П. Н. Дурново. Он несколько нерешительно обратился ко мне:

— Не знаешь, как говорить с вами... Лестью вас не возмешь, это я знаю. Запугать тоже нельзя, потому что знаете исход... Может быть, добровольно согласитесь побеседовать со мною? Мне хотелось бы задать вам один вопрос.

— Хорошо. Спрашивайте.

— Чем можете оправдать террор?

— У нас нет тюрем, чтобы избавить общество от вредных членов...

— Вот как... Вы говорите, как посол иностранной независимой державы.

— Так оно и есть. Мы другая держава. Между нашей державой и вашей державой идет война. Вы убиваете нас, мы убиваем вас. Я — ваш военнопленный.

Дурново предупредителен. В кабинет входит Зволянский. Дурново представляет его мне как своего помощника.

В другой раз меня привели в комнату, где сидели двое. Я спросил:

— С кем имею честь?..

Один из сидевших назвал себя и товарища. Это были: шеф жандармов Оржевский и министр внутренних дел Дмитрий Андреевич Толстой. Оржевский сказал:

— Нам хотелось бы получить от вас по одному вопросу совершенно откровенный ответ...

— Хорошо. Я отвечу...

— В вашей комнате нашли две бомбы. Для кого назначались они?

— Одна — для графа Дмитрия Андреевича...

У Толстого мгновенно перекосилось лицо. С искривленным ртом он медленно проговорил:

— Неужели вы думали, что после моей смерти на мое место не нашли бы другого?

— Нашли бы... Знаете пословицу — свято место пусто не бывает... Чтобы не обращаться к другой, менее приличной...

— Какой это?

— Было бы болото,— черти найдутся... Но,— прибавил я,— человека с такой мертвой хваткой нашли бы не скоро...

Оржевский продолжал допрос о бомбах:

— А другая?

— Другая — для Константина Петровича...[12]

В СУДЕ

Смертный приговор я считал неизбежным. Смерти я не боялся. Но страшно мучило воспоминание о захваченных при мне адресах. Мучила мысль, что я невольно предал товарищей. Как оправдаться перед ними? Я думал дни и ночи; не находил себе места. Я думал так: старший офицер партии должен умереть красиво; это — последняя услуга, какую он может оказать своей партии. Что же я должен делать перед смертью? Мне стало ясно: я должен подробно рассказать товарищам, как меня взяли, почему не было никакой возможности спасти адреса. Но я встречусь с товарищами только в зале суда. Следовательно, я должен воспользоваться для моей исповеди заседанием суда.

Наконец наступил день, которого я столько времени ждал. Мы в зале суда. Я среди моих товарищей на скамье подсудимых. Идет заседание... Я поднимаюсь, обращаюсь к товарищам и начинаю рассказывать, как меня взяли. Председатель суда, отставной генерал, хочет остановить меня. Я поворачиваюсь к председателю:

— Вы — бывший офицер. Вы понимаете, что такое честь. Вы не должны мешать, когда умирающий хочет снять пятно со своей чести...

У меня вырвалось рыдание. С одним из подсудимых — истерика. Председатель не нашел в себе силы остановить меня. Я докончил рассказ.

ПОПЫТКИ ЗАПУГАТЬ

Четвертого июня 1887 г. состоялся приговор: пятнадцать подсудимых, в том числе я, были приговорены к смертной казни. Три недели мы жили в ожидании смерти. Вдруг объявляют об отмене: смертная казнь заменена бессрочной каторгой.

Мне сообщили, что я буду отбывать каторгу в Шлиссельбургской крепости. Жандармский полковник пытается запугать меня:

— Имейте в виду, что в Шлиссельбурге всем заключенным говорят *ты*.

— Отвечу тем же.

— Но за грубый ответ полагаются розги.

— Это не наказание. Это просто насилие одной стороны над другой. Такое насилие не лишает чести. У нас с вами нет общего кодекса чести. Отвечу тем же?

— Вы хотите ответить насилием? Но к чему приведет оно? За грубость наказывают розгами; вы сами понимаете, что полагается за удар или за пощечину...

— Конечно, понимаю. Смерть? Я только смерти и добиваюсь...

Этот разговор, вероятно, был передан шлиссельбургскому начальству. Со мной были вежливы.

В первые дни попробовали отнять очки. Я перестал есть. В конце третьих суток очки были возвращены мне.

На стене моей камеры висела инструкция; в ней упоминалось о розгах. Я не обращал на нее внимания. Но когда пригрозили, что розги будут применены к Людмиле Александровне Волкенштейн, я сорвал инструкцию. Ее повесили снова. Я сорвал ее снова. Началась молчаливая борьба. Начальник тюрьмы не решался применить, на свой страх, крайней меры. Было вызвано какое-то начальство из Петербурга. Победа осталась за нами: о розгах мы больше не слышали.

Однажды мою камеру посетил Дурново. Он задал какой-то вопрос о моей жизни в крепости... Я, в свою очередь, вежливо осведомился о его работе:

— До сих пор все успокаиваете?

Дурново поспешил прекратить этот обмен любезностями.

— Сколько же лет вы пробыли в крепости, в Петропавловской и в Шлиссельбургской вместе?— спросил кто-то из присутствующих.

— Двадцать один год: с 5 октября 1884 года до 28 октября 1905 года.

Разговор перешел на дело Каракозова. Каракозов стрелял в Александра II 4 апреля 1866 года. Лопатин состоял тогда студентом Петербургского университета; был близок с некоторыми членами каракозовского кружка. Горький спросил его, где и как был казнен Каракозов. Вот ответ Лопатина.

КАЗНЬ КАРАКОЗОВА

— Каракозова повесили на Смоленском поле. С каждой стороны дороги стояли три ряда солдат. За ними огромные толпы народа. Дорога ведет к высокому помосту. По нему прохаживается палач. Впоследствии я узнал, что этот палач кончил свою жизнь монахом Соловецкого монастыря. На дороге показывается тележка. Каракозов посажен на ней спиною к лошади. На его груди доска с надписью — «цареубийца». Голова его бессильно болтается из сторону в сторону. В толпе говорят, что его пытали лишением сна. Каракозов поднимается на помост. Кланяется на все четыре стороны. Целует крест. Палач набрасывает на него саван, надевает на шею петлю. Затем кладет руки на его плечи и вышибает из-под ног скамейку. Помощники палача тянут веревку кверху...

Пробило два часа, Лопатин обратился к Горькому:

— Теперь, Алексей Максимович, очередь за вами: вы должны рассказать мне, как вы сделались писателем.

В интересах будущих биографов, я записал этапы, по которым Горький вел свой рассказ:

— Служба на Грязе-Царицынской дороге.— Пешком в Ясную Поляну к Толстому, оттуда в Москву.— В Нижнем прогулки с Карониным.— Пешком по России.— Вывод в Кандыбовке.— Бунт в Майкопе.— Искушение в Петлянской.— Прибытие в Тифлис.— Жизнь с Калюжным.— Служба на железной дороге.— Первый рассказ в 1892 году.— Опять в Нижнем.— «Челкаш» у Короленко.— Самара, работа в газете.

Мы разошлись по комнатам в пятом часу утра.

29 ноября⟨12 декабря⟩

Сегодня один из тех мрачных дней, какие изредка бывают на Капри в зимние месяцы. С утра льет дождь. Небо в тучах. Непривычная темнота. Над островом свищет ветер. Залив в белой пене. Пароход, доставивший пассажиров из Неаполя, не может уйти обратно и будет стоять до утра под прикрытием острова.

С этим пароходом приехал Герман. Это — партийное прозвище Николая Евгеньевича Буренина. Он часто исполняет роль посредника между Горьким и некоторыми руководящими членами партии.

Плохая погода заставляет отказаться от мысли о совместной прогулке. Лопатина отзывают в свою аудиторию рабочие. Им хочется услышать подробный рассказ о Марксе, о беседах с Марксом. Лопатин проводит среди них большую часть дня.

В пятом часу по вилле начинают разноситься звуки пианино. Играет Буренин. Он прекрасно исполняет своего любимого композитора Грига. Собирается кружок слушателей. В шестом часу к этому кружку присоединяется Лопатин.

Весь вечер этого дня был посвящен литературе. Говорили Горький и Лопатин. Это были воспоминания об авторах прошлого, хорошо знакомых Лопатину. Один за другим, были разобраны: Лесков, Крестовский, Лермонтов, Потебня, Овсянико-Куликовский и другие.

Отъезд Лопатина назначен на завтра. Это — последняя ночь. Неужели он не вернется к рассказам о себе самом, о своем прошлом? В первом часу я решаюсь напомнить ему, что после первого побега он перешел непосредственно к третьему. Лопатин начинает рассказ о побеге в лодке.

Ни разу за эти дни Лопатин не говорил так увлекательно, так ярко. Рассказ всецело захватывает слушателей. Мы с напряженным вниманием следим, как смелый путник проносится в маленькой лодочке чрез кипящие, ревущие пороги Ангары, как он пытается ускользнуть из цепких рук томского сыщика Лешкова...

Вернувшись в свою комнату, я немедленно записал рассказы этой ночи. Они помогли заполнить пробел между первым и третьим побегами, помогли восстановить иркутскую эпопею в целом.

Надеюсь, мне извинят, что в настоящем очерке я перенес рассказы этой ночи на 27 ноября, чтобы изложить все три побега в связи, в хронологическом порядке.

30 ноября⟨13 декабря⟩

Вернулась хорошая погода. Вернулась обычная каприйская обстановка: сияющий день, безоблачное небо, голубое море и веселые песни над островом.

Лопатин уезжает. Горький обнимает его и просит приехать снова:

— Всегда приму как отца...— говорит он.

Я провожаю Лопатина до парохода, который стоит в 200 метрах от берега. Всю дорогу уговариваю писать воспоминания. Лопатин не хочет.

Моя лодка еще качалась на волнах, когда пароход медленно и плавно, как лебедь, двинулся по направлению к Сорренто. Лопатин, высокий, крупный, стоял на корме, махал шляпою, кричал какие-то прощальные слова и, как всегда,— смеялся...

Было грустно, что он уезжает.

Было радостно при мысли, что пришлось провести несколько дней в общении с талантливым, многогранным человеком, со старым революционером, бесстрашным участником героической борьбы против русского самодержавия, которую в конце прошлого века вела партия «Народной воли».

Остров Капри.
26—30 ноября ⟨9—13 декабря⟩ 1909 года

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Лопатин находился в Шлиссельбургской крепости с 1887 г. по октябрь 1905 г. С момента ареста в октябре 1884 г. до окончания «Процесса 21-го» в июне 1887 г. он пробыл в Петропавловской крепости и доме предварительного заключения.

[2] Богданов вел в каприйской школе курс политической экономии. Луначарский преподавал историю германской социал-демократии, теорию и историю профессионального движения, прочитал курс всеобщей истории искусства (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 46). Горький читал курс истории русской литературы. О каприйской школе см. переписку с Амфитеатровым за 1909 г.

[3] См.: Из Дневника Пятницкого, прим. 17.

[4] Очевидно, Горький читал главы из второй части «Городка Окурова». В ноябре 1909 г. он писал Ладыжникову: «...посылаю конец „Городка". Общий заголовок: „Городок Окуров". Хроника» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 199).

[5] Маркс высоко ценил деятельность Н. Г. Чернышевского и его философские труды. Он отмечал, в частности, что «банкротство буржуазной политической экономии... мастерски выяснил уже в своих „Очерках политической экономии (по Миллю)" великий русский ученый и критик Н. Чернышевский» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 17—18).

[6] Речь идет о П. А. Ровинском, члене партии «Земля и воля», который предпринял поездку в Сибирь и Китай якобы для сбора этнографических материалов, однако главной целью его путешествия было собирание сведений о Чернышевском и, по возможности, принятие мер к его освобождению. См.: *Сайкин О. А.* Первый русский переводчик «Капитала». М., 1983. С. 49.

[7] Очевидно, Пятницкий передает историю, рассказанную Гаем Транквиллом *Светонием* (ок. 70 г.— ок. 140 г.) в его труде «Жизнь двенадцати цезарей». В *ЛБГ* хранятся два экземпляра книги Светония изд. А. С. Суворина (СПб., 1904) (с пометами Горького) и «Жизнеописание двенадцати цезарей» (М.: Academia, 1933). (*Описание*).

[8] Ученики Зинина: Александр Михайлович *Бутлеров* (1828—1886) — русский химик-органик, основатель казанской научной школы. Академик. Александр Порфирьевич *Бородин* (1833—1887) — русский композитор и ученый-химик, автор многих трудов по органической химии.

[9] Речь идет о трагедии Эсхила «Прикованный Прометей».

[10] См. также статью Н. И. Дикушиной «Один из талантливейших русских людей».

[11] Лопатин был избран в члены генерального Совета Первого Интернационала в 1870 г.

[12] К. П. Победоносцева.

О ГОРЬКОМ И ЛОПАТИНЕ

(по письмам Лопатина к В. Л. Бурцеву 1908—1914 гг.)

Предисловие И. С. Зильберштейна
Сообщение Е. Г. Коляды

С первых месяцев существования «Литературного наследства» я вел интенсивную переписку с зарубежными учеными и благодаря их помощи получал копии неизданных материалов по истории русской литературы и общественной мысли, хранящихся в тамошних архивах. И тут с чувством сердечной признательности я прежде всего вспоминаю главу французской школы славистов академика Французской академии Андре Мазона, который был также избран иностранным членом Академии наук СССР.

Мы познакомились с ним еще в 1925 г. в Ленинграде, в доме известного пушкиниста и историка русского революционного движения П. Е. Щеголева. Благодаря А. Мазону, приславшему мне фотографии писем Достоевского к Тургеневу, хранящихся в парижской Национальной библиотеке, я в 1928 г. выпустил книгу «История одной вражды. Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев. Переписка». А когда с 1931 г. по моей инициативе начали выходить тома «Литературного наследства», А. Мазон стал другом нашего издания и обогатил ряд томов ценнейшими материалами из зарубежных архивов. Вот как он оценил значение «Литературного наследства»: «Не существует в области истории литературы другого издания, которое уже в течение двадцати лет принесло бы больше славы русской науке» (La revue des etudes slaves. Paris, 1958 Vol. 26. P. 192).

Именно Андре Мазон познакомил с томами «Литературного наследства» литератора и общественного деятеля Льва Борисовича Бернштейна (1877—1962), жившего с первых лет нашего века в Париже. С начала 1900-х годов он сотрудничал в журналах, выходивших в России и во Франции. Организовав в Париже Агентство по охране авторских прав русских писателей и композиторов, Лев Борисович немало полезного сделал в этой области. В *АГ* сохранилось его письмо Горькому от 12 декабря 1912 г., в котором он просит разрешить постановку оперы итальянского композитора Бианшини «Радда» (на сюжет рассказа «Макар Чудра»). Ответным письмом Горького мы не располагаем. Но Л. Б. Бернштейн предоставил мне два письма Горького и Е. П. Пешковой к нему 1914 г.

Вот что сообщал Льву Борисовичу Горький:

«Г-ну Льву Бернштейну.

Милостивый Государь! Переводы беллетристических произведений не издаются „Знанием", а переводами русских изданий „Знания" занят И. П. Ладыжников в Берлине, и Вам всего удобнее войти в сношения с его издательством.

Желая успеха делу вашему, свидетельствую почтение мое.

А. Пешков».

Е. П. Пешкова писала Бернштейну:

«Alassio 15/VII 1914

Многоуважаемый Лев Борисович!

Я на два дня уезжала из Alassio и только сегодня прочла Ваше письмо. Разумеется, раз эти условия общие, одинаковые для всех, то мне остается лишь принять их. А самый контракт я бы просила Вас передать мне при моем обратном проезде через Париж, в конце этого месяца. Вы еще не получили окончательного ответа относительно Petit Pierre? * О дне, когда я буду в Париже, я, как мы и условились с Вами, Вас предупрежу.

Видела я Алек⟨сея⟩. Он говорил мне, что продал свои сочинения „Просвещению" и что, помимо „Просвещения", может печататься лишь в периодич⟨еских⟩ изданиях или сборниках. Так как та вещь, о кот⟨орой⟩ Вы мне говорили, большая, то она, вероятно не будет годиться для сборника. Б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩ Вы предложили бы ее „Заветам"? Если же у Аша ** будет интересный и не такой большой рассказ, то его можно было бы предложить и для помещения в сборнике м⟨осковс⟩кого к⟨нигоиздательст⟩ва.

Пока всего лучшего

С уважением Ек. Пешкова».

---

* «Маленький Пьер» – роман А. Франса, начало которого печаталось в то время в журнале «Revue de Paris».

** Шолома Аша.

«Литературное наследство» пришлось Л. Б. Бернштейну по душе. Вот строки из его письма, адресованного мне 1 марта 1959 г. из Парижа: «Во французской печати,— поскольку мне было возможно следить за ней,— я не раз встречал самые хвалебные отзывы о „Литературном наследстве". И все же считаю, что на Ваше издание недостаточно откликались». И далее «Возвращаясь к „Литературному наследству", хочу Вам сказать, что Вы своим неутомимым трудом, своими знаниями и при наличии широкого кругозора создали литературно-исторический памятник совершенно исключительного интереса и значения – чем Вы можете по праву гордиться. А ведь впереди еще и еще тома этого издания, которые будут еще и еще его обогащать...»

Л. Б. Бернштейн был в добрых отношениях со многими русскими литераторами и участниками революционного движения, жившими за рубежом. Он был хорошо знаком с В. Л. Бурцевым, сотрудничал с ним и Г. А. Лопатиным в редакции «Былого» и «Общего дела».

Лев Борисович собирал различные эпистолярные и документальные материалы. А когда мы заочно познакомились и, смею сказать, подружились, он стал присылать мне некоторые из этих материалов. Так, кроме приведенных выше писем Горького и Е. П. Пешковой дошли до меня машинописные копии писем Г. А. Лопатина к В. Л. Бурцеву, содержащие упоминания о Горьком (см. ниже сообщение Е. Г. Коляды).

В мае 1962 г. я получил письмо сына Л. Б. Бернштейна:

«12 мая 1962 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Илья Самойлович!

Льва Борисовича больше нет. Он скончался вчера, после полудня, в возрасте 84 лет. Он был окружен своими детьми, и они ухаживали за ним до последней минуты – он угас спокойно, без страданий.

Физическая слабость, увеличившаяся за последние месяцы, мешала ему писать. Все время надеясь на улучшение, он откладывал на завтра все, что хотел написать Вам. До самых последних дней он часто вспоминал Вас – ставшего близким другом, которого он очень любил. Годами он надеялся на Ваш приезд и на то, что познакомится с Вами лично. Но эта радость ему не была дана — и это одно из немногих огорчений, испытанных им под конец жизни.

Разрешите сказать Вам, что Вы потеряли в его лице верного друга, любившего Вас, восхищавшегося Вашими работами и понимавшего Вас на расстоянии. Его желанием было, чтобы после него Вы могли бы обращаться ко мне со всеми просьбами, с которыми адресовались бы к нему сюда. Вы, надеюсь, будете делать это без колебаний.

Я хотел бы также, чтобы Вы знали, что последние его годы были счастливыми, морально и материально. Будучи хорошим отцом, он и детей имел хороших, любивших его и ухаживавших за ним до последней минуты.

Верьте в мою верную дружбу.

М. Бернштейн».

Михаил Львович был по специальности книжным антикваром, он нередко приобретал также интересные автографы выдающихся писателей и революционных деятелей. В 1975 г. по командировке Министерства культуры СССР я оказался в Париже и побывал у него. Михаил Львович показал мне два автографа В. И. Ленина, датированные ноябрем 1908 г., а также автограф письма Горького Ленину от начала февраля 1908 г. Я упросил его безвозмездно отдать подлинники, чтобы я мог их отправить на Родину.

Не приходится говорить о том, насколько важна находка каждого неизвестного автографа В. И. Ленина. Немалое значение имел и тот факт, что обнаружился автограф письма Горького. Известно, что с 1907 по 1916 г. В. И. Ленин и Горький вели интенсивную переписку. Сохранилось и опубликовано 47 писем Владимира Ильича к Алексею Максимовичу за это время. Но ответных писем было известно всего лишь три. Таким образом, мне удалось обнаружить четвертое из писем Горького того периода. Оно особенно интересно еще и потому, что на это письмо имеется пространный ответ Владимира Ильича. Все три мною полученных документа переданы в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (См.: *Молчанов В.* Письмо с Капри. Поиски, находки // Правда. 1976. № 128. 7 мая).

Михаил Львович передал Центральному государственному архиву литературы и искусства СССР различные материалы из бумаг отца. В фонде Л. Б. Бернштейна хранятся его воспоминания о встречах с Ф. Э. Дзержинским, а также обширная переписка с Л. С. Бакстом, Анри Барбюсом, А. Н. Бенуа, В. Д. Бонч-Бруевичем, Гордоном Крэгом, Сергеем Лифарем, Д. С. Мережковским, В. Ф. Нижинским, Марселем Прево, И. Ф. Стравинским, Т. Л. Щепкиной-Куперник и с другими корреспондентами. В этом же фонде находится также архив литовского литератора Юргиса Балтрушайтиса (1873—1944), скончавшегося в Париже.

Смысл этого маленького предисловия я вижу прежде всего в том, чтобы отдать дань уважения памяти Л. Б. Бернштейна и выразить глубокое чувство благодарности М. Л. Бернштейну.

Поздний период жизни Лопатина не получил еще в нашей научной литературе обстоятельного освещения. Общие же оценки лопатинской деятельности этого времени разноречивы. Существует, например, такая версия: «...Лопатин, освобожденный революцией 1905 г., не нашел себе места в революционной борьбе» [1]. Точнее суждение, высказанное еще в 1930 г.: «После Шлиссельбурга Г. А. уже не был активным революционером, хотя и не уклонялся от революционной деятельности» [2]. Лопатин сохранил революционную непреклонность до конца дней своих — эта точка зрения все активнее утверждается в настоящее время. О верности Лопатина заветам своего героического прошлого и в послешлиссельбургский период его жизни пишет Ю. В. Давыдов в художественно-документальном повествовании «Две связки писем» [3]. «Жестокие репрессии, обрушившиеся на Лопатина, не сломили его характер» [4],— утверждает Л. Голованов.

Документы свидетельствуют: преодолевая физические недуги, Лопатин и в преклонные годы продолжал вести, хотя и в других формах, чем раньше, бескомпромиссную борьбу с самодержавным режимом.

С этим связано и его участие в оппозиционных эмигрантских изданиях, организованных Бурцевым,— «Общее дело», «Былое» и «Будущее». В свою очередь, участие это явилось естественным продолжением многотрудной работы по разоблачению системы провокации, насаждавшейся царским режимом.

На почве ряда общих интересов возникает переписка Лопатина и Горького, вскоре же после их знакомства. Лопатин стремился привлечь Горького к сотрудничеству в названных изданиях. Стремился поддержать в Горьком-художнике интерес к тем явлениям общественной жизни, борьбе против которых отдавал в это время свои духовные и физические силы. Лопатин знал и ценил повесть Горького из быта политических сыщиков — «Жизнь ненужного человека», написанную, по словам Горького, «на основании автобиографии одного из них...». «Материал,— писал Горький,— страшно интересен и психологически и социально» [5]. С этим определением перекликаются слова Лопатина (из письма к Горькому) «о психологическом и социологическом интересе» материалов, которыми он располагал,— материалов, «ждущих оплодотворения их умом мыслителя или художника».

Письма Лопатина к Бурцеву соотносятся с его письмами к Горькому. Это — ценный источник для характеристики общественной позиции Лопатина того периода. Вместе с тем письма к Бурцеву содержат немало сведений, уточняющих, а часто и существенно дополняющих наше представление об отношениях Горького и Лопатина в сфере журнально-издательской, об отношении Горького к издательским начинаниям Бурцева. В этих письмах выстраивается тот ряд фактов, на основе которых возникали обобщающие суждения о провокатуре в первых письмах Лопатина к Горькому.

«...Лопатин был посвящен во все, что было связано с „Былым", „Общим делом" и „Будущим" и с моей борьбой с провокацией» [6],— свидетельствовал Бурцев в своих мемуарах. Бурцев писал о Лопатине как о человеке, который «толкался во все двери, где только мог, и убеждал всех помогать мне и в литературных моих предприятиях, и в борьбе с провокаторами. Все это он делал неустанно, изо дня в день, в продолжение многих лет» [7]. Однако Лопатин не просто содействовал Бурцеву. Но нередко и направлял его деятельность, существенно ее корректируя, о чем также свидетельствуют упомянутые мемуары: «Его ⟨Лопатина⟩ письма ко мне были полны самой придирчивой и едкой критики по самым разнообразным поводам. Он постоянно нападал на меня за мое „неисцелимое кадетолюбие" („кадетострастие"), когда я будто бы не решался их „ударить даже цветком", за мною недопустимую „мягкость" и „слабость" к Азефам и Богровым [8], за мое „доверие к раскаивающимся", за мой оптимизм и т. д. ⟨...⟩ Его замечания всегда были глубоки и выливались в удивительно удачных выражениях, которые блестяще формировали его мысль и всегда брали быка за рога» [9]. Бурцев сообщал: «К счастью, у меня сохранилась, по-видимому, вся переписка с Лопатиным или, по крайней мере, бóльшая часть ее. Передо мной сейчас лежат несколько сот четко написанных, как будто мелким бисером, его писем и открыток» [10].

Материалы из собрания И. С. Зильберштейна представляют собой машинописные копии бо́льшей части писем Лопатина Бурцеву.

Машинопись объемом в 290 страниц содержит 213 писем Лопатина. Она состоит из двух частей, каждая из которых имеет свою нумерацию.

Первая часть озаглавлена «Из дневника Г. А. Лопатина (1910)». Это свод 120 ежедневно писавшихся деловых писем Лопатина к Бурцеву (которые назвал «дневником» сам Лопатин) за четыре месяца – с 12 января по 12 мая 1910 г., написанных в то время, когда Лопатин замещал Бурцева в Париже в редакции журнала «Былое» и газеты «Общее дело».

Вторая часть — 93 п. Лопатина к Бурцеву за 1908—1914 гг., представленные полностью или в выдержках.

Помимо этого машинопись включает четыре п. Лопатина к секретарю Бурцева Л. З. Родштейну (Валерьяну) (от 13 февраля и 10 мая 1909 г., 28 мая и 15 июня 1910 г.), четыре п. Амфитеатрова Бурцеву (от 1908 г. (?), п. от 29 декабря 1911 г., 20 мая и 27 сентября 1912 г.), три записки П. Рутенберга 1909 г. (?), отдельные корректурные листы из журнала «Былое» и газеты «Общее дело».

На обложке машинописи — надпись Л. Б. Бернштейна (карандашом): «Рукопись Г. А. Лопатина, которую мне дал В. Л. Бурцев, предоставив ее мне в мое полное распоряжение. Не знаю, остались ли после Бурцева другие экземпляры этой рукописи. Но до сих пор (1956) она, насколько мне известно, в печати не появилась». На многих страницах машинописи — пометы Бурцева и штамп: «Ex-Libris L. B. Bernstein» [11]. Подлинность машинописных копий не вызывает сомнения; она подтверждается сопоставлениями с письмами Бурцева Лопатину и Л. З. Родштейну [12] и письмами Лопатина того же времени другим адресатам, прежде всего Амфитеатрову [13].

В коллекции содержатся также автографы п. Лопатина к Бернштейну: п., написанное до 1884 г., с датой 31 декабря, п. от 1909 г. и 7 декабря 1910 г. (на бланке редакции журнала «Былое» и газеты «Общее дело»), а также написанное Лопатиным сообщение «От редакции» (см. ниже раздел II). Автографы эти вложены в обложку, на которой рукой Бернштейна сделана надпись: «Лопатин (Герман Александрович). Революционер, шлиссельбуржец, один из наиболее чтимых представителей „Нар⟨одной⟩ воли“, переводчик части „Капитала“ (в первом русск⟨ом⟩ издании)».

I

Как уже видно из сказанного, тема писем Лопатина к Бурцеву — борьба с провокацией. Они насыщены сведениями об интенсивной практической деятельности Лопатина в этой области (активное участие в расследованиях, допросах; поездки и встречи с разными лицами с целью выявления фактов; подготовка к публикации соответствующих документов и т. д.). Из этого обширного материала для настоящего сообщения выбраны лишь те факты, которые вызвали непосредственный интерес Горького, отразились в его высказываниях, в его переписке с Лопатиным и другими корреспондентами.

В письмах Лопатина Бурцеву «дело Азефа» занимает особенно большое место. Получив приглашение выступить в роли третейского судьи между Бурцевым и ЦК партии эсеров по этому делу [14], Лопатин писал 4 октября 1908 г.: «По существу, повторяю вам то же, что уже сказал в Лондоне и Париже В. Н. ⟨Фигнер⟩ и Марку ⟨Натансону⟩. Мне эта роль *очень* тяжела и неприятна по тысяче причин. Но я смотрю на такие вещи как на *долг,* уклоняться от исполнения которого я *не вправе.* Поэтому, если нельзя обойтись без меня,— я согласен». В значительной степени достоверность обвинений против Азефа на этом суде была подтверждена авторитетными суждениями Лопатина. После завершения расследования он писал Бурцеву 9 января 1909 г.: «Благодарности Вашей я не отклоняю от ложной скромности, конечно, понимая под этим простое признание моей усердной, моральной помощи в этом деле» [15].

Из письма Бурцеву от 11 января 1909 г. мы узнаем, что Лопатин был сторонником крайних мер по отношению к разоблаченному провокатору и был согласен принять участие в ликвидационной комиссии: «Но слава богу, что дело наконец выяснилось и что из недр партии будет наконец вырезан злокачественный рак. Неужели после того, как для ЦК стала ясна *его* роль, у них не хватило ума и предусмотрительности, чтобы *показать* его, *неведомо для него,* одному или двум *совершенно неизвестным* ему лицам, которые впоследствии могли бы в свою очередь показать его будущим исполнителям? Если они не сделали этого, то это глупо до преступности [16]. Ведь он выкосил вокруг них всех способных исполнителей. Сами они для таких ролей не годятся ⟨...⟩ Вы говорите о моем участии в ликвидац⟨ионной⟩ комиссии так, как будто бы это зависело только от моего согласия — не могу же я навязываться сам,— без приглашения от них! А они даже не находят нужным *известить* меня, презуса суда, о том обороте, который приняло дело. Не думаю, чтобы меня желали туда». И в дальнейшем, в 1910—1912 гг., Лопатин неоднократно в письмах Бурцеву выражал свое возмущение медлительностью и нерешительностью действий ЦК партии эсеров по отношению к Азефу. 15 ноября 1910 г.: «Долго же они возятся с докладом по делу Азефа [17], а тот пока свободно разъезжает по Европе»; 22 декабря того же года: «Ну, а некий проезжий литератор говорил мне недавно: „Неужели вы не находите деятельность Б⟨урцева⟩ *вредной*? Разоблачить Азефа втихомолку и пришибить следовало. Но это публичное разоблачение провокатуры повсюду решительно убивает *веру;* а без веры невозможна самоотверженная революционная деятельность... Что удивительного, что и эсеры опять считают Вас вредным! Но обращать внимание на людей, которые отпустили Азефа с миром и потом не решились тронуть его, когда его снова клали им в руки, право, не стоит“». Однако позднее Лопатин критически высказался и о бурцевском отношении к Азефу.

В 1912 г., разыскав после долгих поисков Азефа, Бурцев предложил ему встретиться. «Заявляю вам,— писал Бурцев,— что я желаю видеть вас лишь по собственной инициативе, только лишь в качестве историка и публициста, и у меня нет другого желания, как только узнать всю правду. Само собою разумеется, что я не расставляю вам никакой ловушки» [18]. Встреча состоялась 15 августа 1912 г. во Франкфурте-на-Майне.

«Интервью» с Азефом, появившееся в печати, вызвало резкий протест Лопатина. Он писал Бурцеву 28 августа 1912 г.: «Прочел я в „Матен“ Ваше интервью и — признаюсь — сильно разочаровался в своих ожиданиях. Я не отрицаю важности того, что *живой* Азеф *подтверждает то,* что Вы сообщили о нем ранее. Но *нового* в его показаниях нет не только для меня, но и для публики. В особенности нет *важных* сообщений о степени *осведомленности* некоторых членов сыска о революционных подвигах Азефа, как заранее, так и после. Рядом с этой *бесплодностью* свидания поражает *тон* Вашего рассказа о нем, имеющего вид попытки, *разжалобить* публику в пользу этого чадолюбивого Иуды! Черт знает что такое!» [19] И в следующем письме от 5 сентября того же года он точно определил границы возможностей Бурцева: «Публика видит в Вас политич⟨еского⟩ деятеля (в своей сфере), а не художника и не историка, и ждет от Вас раскрытия деятельности Азефа и К°, а не его *биографии* и художественного анализа его натуры». Лопатин считал, что именно Горький был способен дать глубокий психологический анализ истоков провокации. Неуклюжие попытки Бурцева в этом роде, сделанные в 1912 г., он осудил.

Напомним в этой связи о позиции Горького: «Понимает ли Бурцев, что необходимо полное, широкое, детальное разоблачение всей деятельности предателя? И что оно будет тем полезнее, чем скорее явится?» [20] К делу Азефа Горький относился с большим вниманием и интересом. Получив сообщение от Е. П. Пешковой о том, что Азеф — провокатор, Горький писал ей 15 января 1909 г.: «Письмо твое — точно камень в лоб, у меня даже ноги затряслись и такая тоска, такая злоба охватила — невыразимо словами ⟨...⟩ впечатление оглушающее. Что же делать с такими людями? Ведь они гаже палачей» [21]. Горький просил Е. П. Пешкову присылать «все данные по делу провокатора, как только они появятся» [22]. Сохра-

нилось ценное свидетельство Пешковой о том, что Горький собирал непосредственно после разоблачения Азефа «материалы для задуманной им книги „Провокатор“» [23]. Отношение Горького к делу Азефа, высказанное и в более поздних его публицистических статьях, полностью совпало с принципиальной и непримиримой позицией Лопатина [24].

Лопатин писал Горькому о том, что ему приходилось иметь дело с провокаторами самого разного масштаба, но что особое значение он придавал разоблачению так называемых «идейных» провокаторов, т. е. провокаторов из среды революционеров, вошедших в сношения с охранкой для служения революции, но одновременно оказывавших и услуги охранке. При этом он обращал внимание писателя преимущественно на психологические и социологические истоки данных явлений (Л–Г, п. 1). Это отнюдь не означало, что их собственно политический смысл не интересовал Лопатина. Письма к Бурцеву свидетельствуют о революционной непримиримости Лопатина к такого рода «идейным грешникам».

Характерно в этом смысле и его отношение к мемуарам А. А. Петрова (см. ниже). Убедившись, что Петров сам осудил себя за двойную игру, хотя и сумел остаться относительно незапятнанным (не совершив реальных предательств), Лопатин все же в письме к Амфитеатрову от 9 января 1910 г. четко изложил свою общую позицию: «Ну, а такая *игра*, с пожертвованием *живыми* „неважными“ людьми и делами для достижения „важных“ целей самопомазанного гения-провокатора, конечно, так же возмутительна, как и *игра* охраны с революцией» [25].

Побуждая Горького ознакомиться с материалами «исследования» провокаторов, Лопатин оказывал ему и практическую помощь в этом смысле. Из письма Бурцеву видно, что исполнить просьбу Горького об организации его встречи с Меньщиковым [26] было непросто. Лопатин писал 20 сентября 1910 г.: «Горький был бы очень не прочь побеседовать самолично с Меньщиковым через месяц или полтора (сейчас он очень занят). Но при нынешних Ваших отношениях с М⟨еньщиковым⟩ я не знаю — как это устроить, не обращаясь *письменно* к самому М., да и черт же знает его адрес или через кого писать ему».

Работа Лопатина по разоблачению провокаторов шла особенно напряженно с 12 января по 12 мая 1910 г. Как уже говорилось, Лопатин жил в ту пору в Париже и замещал в редакции журнала «Былое» и газеты «Общее дело» уехавшего в Америку Бурцева. Именно в это время он стал вести дневник, делая каждодневные записи, предназначенные для отсылки Бурцеву [27]. 12 января 1910 г., в первый же день своей новой работы, Лопатин отметил: «...„И бысть утро, и бысть вечер — день первый“ — признаюсь — очень страшный по открывающимся перспективам».

Приведем ряд записей, свидетельствующих о том, какого напряжения стоила Лопатину эта его работа. 21 марта: «Сегодня утром имел сильный припадок головокружения, близкий к обмороку и столь продолжительный, как никогда ранее. Очевидно — результат строго сидячей жизни и исключительно тяжелых и неприятный волнений, без малейшего радостного или веселого просвета, а может быть, и не подходящего для меня парижского климата»; 22 марта: «Сегодня опять головокружения весь день, при каждой перемене позы»; 23 марта: «Опять весь день эти проклятые головокружения ⟨...⟩ я вот и сейчас чувствую себя, как матрос в качку, и не могу сделать твердо и несколько шагов ⟨...⟩ Пора спать. Я эти дни со страхом ложусь в постель, черт его знает — проснешься ли целым человеком?! — День 71-й».

Но, преодолевая нездоровье, Лопатин работал. «Ну и дела! — сообщал он 24 января 1910 г. — Верите ли: со времени Вашего отъезда не могу выбрать минутки написать Горькому и Амф⟨итеатро⟩ву! Каждую минуту сваливается на голову что-нибудь новое и неотложное. Ну и жизнь! Да, место Исправляющего должность начальника сыскного отделения — не синекура! До сих пор не соберусь отлучиться купить очки, сапоги и лапсердак».

Одним из «исследуемых» был Герцик — о нем Лопатин писал Горькому 28 января 1910 г. (Г—Л, п. 2). В дневнике Лопатина находим записи о его допросах 25 января 1910 г.: «Был первый допрос Герцика. Держится так, будто мы ком-

пания друзей, собравшихся чинить суд над его судьями ⟨...⟩ Уже страшно поздно, а потому не вспоминаю: что было еще, а завтра в 10 ч⟨асов⟩ у⟨тра⟩ второй допрос Герцика. Не могу улучить даже часа, чтобы посмотреть на производимые Сеной неистовства»[28]; на следующий день: «...с 10 ч⟨асов⟩ у⟨тра⟩ до 2 ч. дня исповедовал Герцика ⟨...⟩ Вследствие беспрерывных отзывов и перерывов и полного отсутствия правильных досугов у меня накопилось 28 неотвеченных писем, что приводит меня в истинное отчаяние. Сейчас вспомнил, что сегодня день моего рождения и что мне уже стукнуло 65 лет, с чем и поздравляю себя от Вашего имени, а затем иду спать»; 27 января 1910 г.: «С 3 ч⟨асов⟩ до 11 исповедовал Герцика. Устал до смерти, не верится мне, чтобы он провокаторствовал. Но открыть таких доводов, которые могли бы убедить других, пока не мог».

И эта и другие записи в дневнике отражают стремление Лопатина к точности, основательности, документированности выдвинутых обвинений. Он неоднократно писал об уязвимости позиции Бурцева, часто пренебрегавшего в погоне за сенсационными разоблачениями необходимостью доводить до сведения читателя те факты, на основе которых делались разоблачения.

Дневник Лопатина содержит мало «неделовых» сведений о его жизни в Париже. «Видит бог,— писал он Бурцеву 7 марта 1910 г.,— совсем не имею времени для себя и даже Парижа не вижу совсем, живя в нем только номинально». Но эти немногие записи представляют особый интерес. Среди них – сообщение 18 февраля 1910 г. о нахождении своего «стокгольмского архива»[29], который он считал утерянным: «Сегодня вечером пошел по просьбе Русановой проведать ее дочку и — о чудо!— наткнулся случайно на свой стокгольмский архив, где нашел и метрику моего сына, и мою переписку с Бакуниным по Нечаевскому делу, и многое другое. Ужасно рад». К сожалению, в дальнейшем Лопатин лишь один раз упомянул об этом архиве: «19.II.10. Пересмотрел слегка свой архив».

Дважды Лопатин записал в дневнике о приездах в Париж В. Н. Фигнер. 24 марта 1910 г.: «Приехала В⟨ера⟩ Н⟨иколаевна⟩. Зовет повидаться сегодня. Не знаю — буду ли в силах выйти со двора»?; 23 апреля 1910 г.: «Ходил встречать Фигнер, вернувшуюся из Бельгии». К сожалению, в письмах В. Н. Фигнер к Лопатину, хранящихся в *ЦГАОР*[30], нет упоминаний об этих встречах. Но в них содержатся сообщения, свидетельствующие о том, что на митинге в Париже в честь столетия со дня рождения А. И. Герцена[31], на котором Горький читал свой рассказ «Рождение человека», предполагалось огласить также письмо Лопатина о Герцене. Фигнер писала Лопатину 11 апреля 1912 г. из Парижа: «В понедельник, 15-го, будет митинг в честь Герцена (я председательствую; участвуют Pressensè, Горький, Авксентьев, Рубанович[32] и др.). И вот сегодня зашел с Руб⟨анович⟩ем⟩ разговор, будто Герцен вызывал и вызвал Лаврова из России, чтоб передать ему, так сказать, светоч руководительства новым поколением (которое уже не понимало Герцена), и что Лавров приезжал, когда Г⟨ерцен⟩ уже умер. Что ты знаешь по этому поводу??? Твое свидетельство может разъяснить вполне, есть ли тут какая-нибудь крупица правды. Ответь тотчас же, ибо Руб⟨анович⟩ очень интересуется этим вопросом и хотел бы упомянуть на митинге об этом обстоятельстве. Слышал же он от Богучарского, который теперь здесь ⟨...⟩ Еще просят, чтоб ты, если можешь, то написал бы что-нибудь подходящее о твоей встрече с Герц⟨еном⟩[33], что можно было бы прочесть на митинге. Непременно ответь поскорее о вопросе Руб⟨ановича⟩»[34]. После того как митинг состоялся, Фигнер сообщила Лопатину 22 апреля 1912 г.: «Письмо твое о Гер⟨цене⟩ – Лаврове получили вовремя»[35].

Приведем также запись от 2 мая 1910 г.: «Сегодня предстоит грандиозная рабочая демонстрация. Ожидают столкновения с полицией и войсками. Вчера, в 6 ч⟨асов⟩ у⟨тра⟩ мимо нас шли кирасиры и драгуны, эскадрон за эскадроном. Говорят, в прошлом году русских здорово „утюжили". Но все же думаю пойти посмотреть: авось не накладут по шее ⟨...⟩ Был на демонстрации. Ничего не было худого».

4 мая 1910 г. Лопатин, незадолго до своего отъезда из Парижа, писал Бурцеву: «Пока я и сам еще не знаю — уеду ли я или дождусь Вас. Дело в том,

что у меня сегодня утром был опять особенно сильный припадок, а ведь в конце концов жить всякому хочется, хотя бы для того, чтоб досмотреть — *чья* возьмет: курносый Колька или проснувшаяся Федора» [36].

II

Еще одна постоянная тема писем Лопатина — издательские предприятия Бурцева (журнал «Былое», газеты «Общее дело» и «Будущее»). Они не стали в ряд самых заметных явлений русской журналистики того времени. Их тематический кругозор был достаточно ограничен. Их идеологическое направление было аморфным, в духе «общей левизны» амфитеатровского «Современника». Но при всех недостатках свой вклад в дело разоблачения преступлений российского монархического режима эти издания внесли. В придании им острокритической направленности несомненны заслуги Лопатина — его отзывы, рекомендации и его непосредственная практическая помощь.

Особенно большое внимание бурцевским изданиям уделил Лопатин во время своего пребывания в Париже в январе—мае 1910 г. В это время он активно занимался подготовкой № 13 журнала «Былое» и № 3 и 4 газеты «Общее дело».

Газета «Общее дело» выходила с 15 октября 1909 г. по 15 августа 1910 г.[37] В программных выступлениях газеты было заявлено, что «Общее дело» не является «органом какой-либо сложившейся и действующей в России политической партии» (№ 1) и что «основная идея органа» — «идея необходимости блока всех оппозиционных и революционных партий в России» для борьбы с самодержавным правительством (№ 2). Программа газеты была достаточно умеренной («политические права для всех, полноправное местное самоуправление, Государственная дума, правильно выбранная народом и имеющая законодательную власть...»), и не ею определялось содержание издания. Основное место в «Общем деле» занимали печатавшиеся на ее страницах разоблачительные документы, направленные против самодержавия и непосредственно против царя-«кровопроливца» Николая II: «Юбилей позора и крови. К 15-летию вступления на престол Николая II» (№ 3), «Поездка царя в Европу. Манифест итальянских социалистов по поводу предстоящего приезда царя» (№ 1) и др.— и статьи, раскрывающие механизм действия царской охранки в России и за границей.

Идея организации «Общего дела» относится к лету 1909 г. Заинтересовавшись новым изданием, Лопатин писал Бурцеву 3 августа 1909 г.: «Как было не сообщить мне программы Вашего нового журнала?! Я о нем слышал кое-что лишь на словах от Ил⟨ларии⟩ Вл⟨адимировны⟩ [38] — название („Общее дело" — Ла Коз Коммюн) мне нравится, хотя оно и существовало ранее [39]. (Тогда его переводили на французский: Ла Коз Женераль — Генеральская Коза)».

Участие Лопатина в газете было закономерным. На новом этапе общественного развития он продолжал критику строя, основанного на деспотической власти. «Самодержавие отжило свой век,— писал он в передовой статье № 10 „Народной воли" (1884),— а потому неустанная, неумолимая борьба против него, в лице всех его представителей, борьба без отдыха, без пощады и без перемирия, есть священнейший долг всего живого и честного на Руси. Вот почему еще решительнее и энергичнее, чем когда-либо, повторяем мы свой старый клич: Carthago delenda est *».

Вместе с Лопатиным в редакции «Былого» и «Общего дела» работали секретарь Бурцева Родштейн (Валерьян) и Бернштейн. «По *литературной* части все идет очень гладко,— писал Лопатин в „Дневнике" 24 февраля 1910 г.— Б⟨ернштейн⟩ советуется со мной о всяком пустяке и безусловно принимает всякое мое замечание: будь это исключение, прибавление или исправление чего-либо. Одним словом, держится со мной как с главным редактором, чем даже конфузит меня и заставляет быть очень осторожным в заключениях из опасения ответственности». В записи дневника от 16 апреля 1910 г. Лопатин определил круг тех вопросов, которые были

* Карфаген должен быть разрушен (*лат.*).

ему наиболее близкими. Сетуя на то, что Валерьян часто принимает решения по редакционным делам, не посоветовавшись с ним, он писал: «...и это иногда по таким делам, в которых он особенно мало смыслит, а я особенно густо понимаю,— как, например, литературные, партийно-дипломатические или практические, вроде „капитала оппозиции“».

Уже в момент организации издания Лопатин стремился привлечь к нему Горького. Он писал Бурцеву 14 августа 1909 г.: «Говорил с Ам⟨фитеатровым⟩ насчет Вашего журнала. Он вполне сочувствует программе и с удовольствием готов сотрудничать. По его словам, Горький тоже сочувствует и готов на сотрудничество, но желал бы получить сначала от Вас сколько-нибудь обстоятельное письмо насчет Ваших целей, программы и пр. Поспешите написать ему, если эти строки захватят Вас в Париже, до отъезда в Лондон. К несчастию, я позабыл, какого числа Вы собирались выехать туда: Амф⟨итеатров⟩ и Горьк⟨ий⟩ разрешают Вам сейчас же объявить их в числе сотрудников. Но, по словам Ам⟨фитеатрова⟩, Горький сейчас очень поглощен одной работой [40] и едва ли успеет сделать что-нибудь для № 1. Однако он обещал сегодня же написать ему на этот счет и даже дать тему. А именно, Гор⟨ький⟩ собирался опубликовать письмо к англ⟨ийскому⟩ народу по поводу поездок царя, но опоздал уже. Так вот, Ам⟨фитеатров⟩ хочет посоветовать ему написать „Письмо к туркам“ и напечатать его у Вас. Это недурная идея. Сам же он, может быть, напишет забористую статейку по поводу предстоящего визита царя в Бари, и пр.» (А–Г, п. от 14 августа 1909 г., прим. 2).

Из письма Лопатина Бурцеву от 11 декабря 1909 г., написанного во время его пребывания на Капри, мы узнаем о факте, не зафиксированном в дневнике Пятницкого (см. наст. том),— о переговорах Лопатина с Горьким по поводу его участия в газете «Общее дело». «Бога Вы не боитесь, В⟨ладимир⟩ Л⟨ьвович⟩! — писал Лопатин.— Сообщаете: „Пишу Вам на Капри“. А вместо того я не нашел здесь ни строчки ни на почте, ни у Г⟨орького⟩! Я рад, что приехал сюда, хотя и не могу утилизировать эту поездку для *себя*, т. е. чтобы осмотреть Неаполь и Рим. Зато для Вашей цели она сложилась хорошо. Г⟨орький⟩ отнесся с большим участием и к Вашей деятельности, и к плану большой газеты (по замыслу А⟨лександра⟩ В⟨алентиновича⟩). Говорит: „Вот управимся, получим деньжонок; нужно бы съехаться и обсудить сообща это „Дело“, и пр.“ Говорю: „Это хорошо. Но помогите сейчас тому, что есть. Дайте для „О⟨бщего⟩ д⟨ела⟩“ статейку с Вашим именем, если можно беллетристику, если это „себе дороже стоит“, то голую политику“.— „С удовольствием“.— „Но Вы, кажется, крепко поглощены романом, а мне нужно скоро, к № 3“.— „Ничего. Вздор. Отложу немного эту работу. А *когда* выходит № 3?“ На это я — увы!— не знал, *что* ответить ему. Решили все же поторопиться. У меня его слова и тон вызвали доверие (что даст), но, конечно, ручаться не могу. Вчера послал Вам депешу. Выеду если не сегодня, то завтра». 13 декабря Лопатин писал Бурцеву: «И главное, делать мне здесь *для Вас* больше нечего: А⟨лексей⟩ М⟨аксимович⟩ снова чуть не клятвенно обещал мне дать нечто для „О⟨бщего⟩ д⟨ела⟩“ в *самом скором времени*, отложив, буде нужно ради этого, даже спешную платную работу. Хоть это утешительно, по крайней мере ездил недаром».

Третий номер «Общего дела» (от 15 января 1910 г.) вышел в свет 22 января 1910 г. без статьи Горького. Его тираж был небольшим. В тот же день Лопатин записал в дневнике: «Вышел № 3. Получили 70 штук. Послезавтра (понедельник) получим еще 30 шт. На выкуп остальных и рассылку нет денег». Большое место в № 3 было уделено, в частности, информации о деле А. А. Петрова, были напечатаны два отрывка из его мемуаров. В номере помещено сообщение о смерти Л. Э. Шишко, написанное Лопатиным [41]. В разделе «Черная книга русского освободительного движения (предатели, провокаторы, сыщики)» опубликованы списки разоблаченных агентов полиции.

В феврале Лопатин работал над формированием и редактированием № 4 «Общего дела». И вновь его беспокоило отсутствие статьи Горького. 13 февраля 1910 г. он извещал Бурцева: «Получил письмо от Горького. Извиняется за неприсылку статьи и объявляет, что он так удручен работой, что не может написать ее». Приведенные слова характеризуют не дошедшее до нас письмо Горького Лопатину

и помогают установить дату его написания (примерно 11 февраля 1910 г.). № 4 «Общего дела» вышел в свет только 15 августа 1910 г. Он открывался статьей Бурцева «Азеф, Герасимов [42], Столыпин». В нем была напечатана также корреспонденция «Жандарм в роли разоблачителя охраны (по поводу записки ген. Новицкого)» [43], появлению которой предшествовало изучение архива Новицкого Лопатиным.

22 февраля 1910 г. Лопатин записал в дневнике: «Приехал С. Иванов [44]. Привез с собой архив Новицкого, где есть, между прочим, и пресловутая докладная его записка о провокации (...) Мне бы очень хотелось вырвать из-под носу у эсеров эту пресловутую докладную записку и напечатать ее в № 13 („Былого")»; 25 февраля 1910 г.: «Читали втроем — я, В(алерьян) и Б(ернштейн) докладную записку Новицкого. Очень интересно как официальное показание жандармского офицера о провокации и ее гнусности». Но отстоять право на публикацию «Записки» в «Былом» Лопатину не удалось. В упоминавшейся выше корреспонденции «Общего дела» сообщалось: «Знаменитый генерал Новицкий — в роли разоблачителя провокационной деятельности всероссийской охранки — таково, в общих чертах, содержание имеющей появиться на днях, в издании социалистов-революционеров, тайной докладной записки [45], поданной на высочайшее имя бывшим начальником киевского губернского жандармского управления» [46].

Горький заметил корреспонденцию «Общего дела» и в письме к Бурцеву от 22 августа 1910 г. просил выслать ему записку генерала Новицкого. «Принять участие в „Общем деле",— пояснял Горький в этом же письме,— я не „не хочу", а — не могу, по недостатку времени» (*АГ*). Четвертый номер «Общего дела» был последним. Но в конце 1910 г. Лопатин еще надеялся на продолжение газеты. 15 ноября 1911 г. он писал Бурцеву: «Быть может, выйдет вскоре № 5 „О(бщего) д(ела)",— дай бог». Последний раз газета упоминается в связи с намерением Лопатина написать о самоубийстве Е. С. Созонова (См.: А—Г, п. от 8 июня 1910 г., прим. 10). Он писал: «Смерть Созонова поразила меня, как громом, хотя здешние зерентуйцы [47] давно предсказывали ее и не верили в выход его из тюрьмы. С ним исчезает у Вас самый важный свидетель. Потеря неоценимая! Прочитав об этой смерти, я просил одного зерентуйца изложить мне факт стрельбы по Созонову [48], намереваясь прибавить к этому свое предисловие и послесловие и использовать затем все сие в агитационном смысле». «И какие ужасы в нынешней каторге,— писал Лопатин 30 декабря 1910 г.— Но поражают меня и каторжане. Я понимаю, терпеть все молча, по возможности избегая личных оскорблений (для себя), в надежде выйти когда-нибудь на свободу. Но раз решил умереть, зачем же умирать *пассивно*, а не вцепившись в горло обидчику?!.. Эх-ма!» Лопатин заблуждался относительно истинных причин самоубийства Созонова. На самом деле Созонов покончил жизнь самоубийством в знак протеста против телесных наказаний.

Лопатин внес, несомненно, полезный и заметный вклад в издание «Общего дела». Но при этом он сознавал, что газета не заинтересовала широкие слои читателей, так как надежды на привлечение крупных литературных сил, и прежде всего Горького, не осуществились. Лопатин считал, что журнал «Былое», издаваемый Бурцевым в Париже, «гораздо больше интересует публику» (п. Бурцеву от 15 нояб. 1911 г.).

III

На титульном листе каждого номера журнала «Былое» (А—Г, п. от 14 марта 1908 г., прим. 2), возобновленного Бурцевым в Париже в 1908 г., значилось: «Сборник по истории русского освободительного движения». Вместе с тем в редакционной статье в № 7 «Былого» Бурцев назвал издание историческим журналом. «Выпуском настоящего 7-го № „Былого" мы возобновляем за границей исторический журнал, издававшийся там в 1900—1904 гг. Мы прекратили его издание в 1905 году, как только в России оказалась возможность в легальной литературе более или менее свободно заняться изучением „былого" освободительного движения». В статье содержалось обращение доставлять «воспоминания и статьи об освободительном движении,— особенно о 1905—1906 гг. (...) разного рода политические документы и печат-

ные произведения свободной прессы ⟨...⟩ обвинительные акты по политическим делам, описание процессов, письма подсудимых» и т. п.

В № 8 журнала (1908) было указано: «С июня мы рассчитываем ежемесячно выпускать „Былое“ по 8—10 листов каждый номер». Это намерение осуществить не удалось, журнал выходил с большими перерывами (за период с 1908 по 1914 г. вышло шесть номеров журнала, из них — два номера сдвоенных).

В машинописи приводится письмо Лопатина неизвестной А. от 19 января 1909 г. с оценкой журнала: «„Былое“ оказало и оказывает немало услуг русской исторической науке. Его содействие развитию и просветлению нашего общественного самосознания также несомненно. Наконец, невозможно отрицать и его заслуг в деле очищения нашей политической атмосферы путем раскрытия и обнаружения разъедающей общество провокации».

На предложение Бурцева участвовать в издании журнала «Былое» Горький ответил отказом; но, по мере того как выходили отдельные книжки журнала, возрастал интерес Горького к ним, нашедший свое отражение в письмах к Бурцеву.

Ожидая выхода № 8 «Былого», Горький писал Бурцеву в апреле 1908 г.: «Просил бы Вас выслать мне № 8-й „Былого“ со статьею о Стародворском» (*АГ*). Речь шла о публикации с предисловием Бурцева прошений о помиловании, поданных шлиссельбуржцем Н. П. Стародворским, тайно полученных Бурцевым из Департамента полиции вместе с другими материалами из архива Шлиссельбургской тюрьмы (Лопатин называл их материалами «шлюшинского архива».— См. ниже) [49]. Бурцев опубликовал эти прошения отдельным оттиском из «Былого» до выхода № 8 в свет, но в самую книжку журнала эти документы не включил. В связи с этим Лопатин писал 20 декабря 1908 г.: «Спрашиваете моего мнения о № 8, а самой книги не присылаете!.. Прежде всего я поражен отсутствием документов Ст⟨ародворско⟩го. По-моему, это противно журнальной этике. Ведь они были изданы, как отдельный *оттиск* из № 8, а теперь № 8 вышел, а их там нет. Выходит какое-то „фо анекритюр“» [2*].

Приведем в этой связи письмо Лопатина к Бернштейну, относящееся, по-видимому, к 1909—1910 гг., в котором он рассказывал о Стародворском: «Прошение Ст⟨ародворского⟩ о принятии его в солдаты стало известно его товарищам от самого Ст. еще в Шл⟨иссельбурге⟩, куда он был временно возвращен из СПб., впредь до окончательного решения его участи. Понятно, что этот акт не мог понравиться им, а в особенности то, что он был сделан тайно от них и открылся совершенно случайно вследствие этого неожиданного возвращения ⟨...⟩ Впоследствии, когда известные документы попали в руки Б⟨урцеву⟩, он показал их Ст. и сказал ему, что он будет хранить их в тайне, если тот обещается ему устраняться впредь от участия в политике. Это свое обещание он и соблюдал до тех пор, пока появление слухов о сношениях Ст. с М⟨инистерством⟩ в⟨нутренних⟩ д⟨ел⟩ — слухов, вышедших совсем не от Б⟨урцева⟩, а от одного из бывших товарищей Ст., получившего их из компетентных, по его словам, источников, не освободило Б. от его обещания.

Парижский суд разбирал только вопрос о том, имел ли право Б. опубликовать эти загадочные и неясные документы,— малопонятные для читателя, вследствие отсутствия промежуточных звеньев — когда Ст. утверждал, что два из них — подложные, подделанные под его руку. Суд решил, что был неосторожный и недозволительный поступок, извиняемый до некоторой степени только его доброй целью,— устранить опасность общения с подозрительной личностью. Ясно, что приговор этот имел значение лишь для тех, которые вместе с судом верили голословному заявлению Ст. о их подложности, а не для тех, которые — как Б. и некоторые другие — знали способ приобретения этих документов, почерк Ст., общий характер содержавшего их рукописного тома и др. относящиеся сюда подробности».

С особенным вниманием и Горький и Лопатин отнеслись к № 11/12 «Былого», в котором были напечатаны воспоминания П. Рутенберга «Дело Гапона». Рутенберг начал писать свои воспоминания в конце 1907 г., в то время, когда он жил на Капри и часто встречался с Горьким. В примечаниях к «Делу Гапона» Рутен-

---

[2*] ложное, ущербное издание (лжеиздание) (*фр.*).

берг писал: «Относительно публикования рукописи просил Г(орь)кого взять на себя сношения с издателем (...) Рукопись не была тогда опубликована, так как издатель потребовал от меня дополнить ее. А меня брал ужас не только писать, но даже думать об этом деле. На этой почве у меня вышло недоразумение с Г(орьки)м, который, очевидно, не совсем ясно представлял себе мое тогдашнее душевное состояние» [50]. Особую злободневность мемуары приобрели после объявления Азефа провокатором. Горький писал Ладыжникову в начале 1909 г., имея в виду Рутенберга: «Дело Азефа должно разгореться в большой скандалище. На днях в него вступит известное Вам лицо, связанное с делом Гапона» [51]. В «Былом» воспоминания Рутенберга были напечатаны в значительно расширенном виде. В них вошла специальная глава, содержащая разоблачительные материалы об Азефе и ЦК партии эсеров.

В октябре 1909 г. Горький сообщил Бурцеву: «Получил и прочитал последнюю книгу „Былого" — очень ценная и интересная книжка» (*АГ*). Лопатин писал Бурцеву 21 сентября 1909 г.: «Сильное впечатление — и по содержанию, и по форме — производит на всех рассказ Рутенберга».

Дневник 1910 г. позволяет сделать вывод, что Лопатин является не только фактическим редактором, но и составителем № 13 «Былого» (1910). Кроме того, и это особенно важно, Лопатин был безымянным публикатором целого ряда материалов этого номера. Записи его «Дневника» позволяют установить, какие именно материалы журнала были подготовлены самим Лопатиным. Вот что он писал 29 января 1910 г.: «Просмотрел я кое-какие бумаги из Шлюшинского архива [52]. Некоторые интересны для бывших сидельцев, но не годятся для опубликования. А некоторые (напр(имер), донесение Коменданта о Кутафье (см. ниже), а также о казни Мышкина и Минакова [53]), мы, может быть, и напечатаем в № 13 „Былого" или в № 4 „О(бщего) д(ела)"». 1 марта 1910 г. Лопатин записал: «...редактировал пока для № 13 и снабжал примечаниями кое-какие шлюшинские документы, а именно: а) о Лаговском [54], под заглавием „Бессудное заточение", и о Минакове, Мышкине, Клименко и Гинсбург [55], под общим заглавием: „Из Шлисс(ельбургского) мартиролога". Быть может, напечатаем еще документ о Кутафье».

Под заглавием «Бессудное заточение» в № 13 «Былого» были опубликованы донесения и «справки» из архива Департамента полиции, в которых речь шла о содержании в Шлиссельбурге «политического ссыльного Михаила Федорова Лаговского». В редакционном предисловии, очевидно написанном Лопатиным, говорилось о причинах жестоких мер, принятых против Лаговского: «В письме, перехваченном на почте, Лаговский употребил несколько ругательных эпитетов по адресу Александра III. Это и послужило поводом для личной мести царя Лаговскому». В этом же предисловии говорилось: «К сожалению, мы не можем приложить упоминаемых здесь писем М. Лаговского, так как в данное время мы по некоторым обстоятельствам пока не имеем их в руках. В свое время нам удалось их прочесть».

Под заглавием «Из Шлиссельбургского мартиролога» в № 13 «Былого» были опубликованы материалы о заключенных Егоре Минакове, Ипполите Мышкине, Михаиле Клименко, Александре Тихановиче [56] и Софье Гинсбург. Редакционное вступление и примечания к публикации также были сделаны Лопатиным. «Печатаемые ниже документы из архива Департамента полиции говорят сами за себя и не нуждаются в особых комментариях,— сообщалось в предисловии.— Мы ограничились лишь справками чисто фактического характера, наведенными нами у самих бывших заключенных в Шлиссельбургской крепости». Но в некоторых случаях Лопатин составлял примечания как бы от своего имени. Так, по поводу самоубийства Софьи Гинсбург говорилось: «Заметим, что она находилась в х у д ш и х условиях, чем остальные заключенные. Те с самого начала упорно перестукивались между собою, несмотря ни на какие строгости и взыскания. Она же сидела в „сарае" совсем о д н а, прислушивалась только к крикам помешанного Щедрина [57] в ответ на поддразнивания жандармов. О ее пребывании в Шлиссельбурге и смерти остальные заключенные узнали лишь через два или три года после ее кончины».

«Документ о Кутафье» — это, вероятно, следующая публикация «шлиссельбургского цикла» под заглавием «Из области правительственного ханжества». «Ку-

тафья» — прозвище княжны М. М. Дондуковой-Корсаковой. В предисловии к публикации говорилось: «Печатаемое ниже официальное письмо по начальству бывшего коменданта Шлиссельбургской крепости Яковлева относится к пресловутым посещениям Шлиссельбургской тюрьмы покойной княжной М. М. Дондуковой-Корсаковой, представляющим один из образчиков того ханжества, которым так характерно „сдабривалась" бездушная жестокость правления последних Романовых».

Помимо этих материалов, Лопатиным подготовлена публикация «П. Л. Лавров о письме В. Гольцева [58] во „Вперед!"». В примечаниях от редакции Лопатин сообщил, что Лавров был автором напечатанного во «Вперед!» ответа редакции В. А. Гольцеву. Можно предположить также, что именно Лопатин подготовил для того же номера «Былого» сокращенный журнальный вариант «Записок А. А. Петрова», о которых он писал Горькому 1 января 1910 г. (Г—Л, п. 1). В предисловии «От редакции», написанном, по-видимому, Лопатиным, говорилось: «Записки эти, представляющие крупный общественный и исторический интерес и вскрывающие всю тайную и до сих пор мало известную систему правительственной провокации, появились недавно отдельным изданием». Лопатиным был сделан также пересказ эпизодов, которые были опущены, и написаны подстрочные примечания.

2 апреля 1910 г. Лопатин извещал Бурцева: «Значит, если будут деньги выпустить № 13, то он выйдет очень неплох, благодаря таким оживляющим и сенсационным вещам, как: а) Петров, б) Шмидт, в) Временное правительство, г) Рига и д) ⟨шлюшинские⟩ документы» [59].

Приведем в заключение высказывание Лопатина из письма к Бурцеву от 26 сентября 1912 г., из которого видно, как понимал Лопатин задачу публикатора: «Все медлю ответом в ожидании, когда А⟨лександр⟩ В⟨алентинович⟩ отделает Сотникова [60], о чем — мягко, но настойчиво — напоминаю ему ежедневно ⟨...⟩ По-моему, так как это — *документ*, предназначенный для помещения в „Былом", т. е. в историческом журнале, то отделывать его *литературно*, т. е. выправлять слог и т. п., вовсе не следует».

IV

В письмах Лопатина к Бурцеву 1911—1912 гг. представляют большой интерес его упоминания о журнале «Современник».

Лопатин близко стоял к «Современнику» в организационный период создания журнала. Амфитеатров предполагал поначалу, что Лопатин будет работать вместе с ним в общественном отделе издания.

В объявлении о журнале, печатавшемся в газете «Речь», где сообщалось о постоянном сотрудничестве в нем Максима Горького, среди участников журнала был указан и Лопатин. По этому поводу В. И. Ленин писал Горькому, что Лопатин не из тех людей, которые способны «дать направление» журналу [61].

В связи с этим любопытно свидетельство Лопатина в письме к Бернштейну от 7 декабря 1910 г.:

«1. Мое „ближайшее участие в ‹Современнике›" — собственная фантазия В⟨ладимира⟩ Л⟨ьвовича⟩ [62].

2. Горький тоже не имеет касательства к *редакции*, которая *за границей* лежит на одном Амф⟨итеатро⟩ве».

Сотрудничество Лопатина в журнале, не будучи «ближайшим», ограничивалось лишь публикациями очерка «Не наши» и небольших воспоминаний о В. А. Караулове. Но из переписки Амфитеатрова и Лопатина видно, что Лопатин проявлял живой интерес к «Современнику», читал материалы, поступающие в редакцию, обмениваясь с Амфитеатровым суждениями о них [63].

В письме Лопатина к Бурцеву от 12 февраля 1911 г. мы находим непосредственный отклик на конфискацию кн. 1 «Современника»: «7-го пришла депеша о выходе № 1 „С⟨о⟩вр⟨еменника⟩", а 9-го — самая книжка. О достоинствах и недостатках ее судите сами. (Ведь вы, вероятно, тоже получили ее?) Про себя скажу, что меня взбесила ее корректура, самая свинская: средним числом по $1^1/_2$ опечатки на страницу! Виданное ли дело? В моей статье [64] в двух местах пропущены целые слова. В статье Горького [65] целые строки, до потери смысла. К счастию, вскоре

заметили (вернее, первые читатели указали), приостановили рассылку и перепечатали страницу. Да, нелегко редактировать издали... Но придется ли? Вчера вечером пришла депеша: „Номер конфискован за статью Лопатина". Конечно, моя статья 37-летнего возраста — только предлог, а в основе лежит неодобрительное отношение к этому изданию вообще». 12 марта 1911 г. Лопатин вновь возвращается к этой же теме: «К слову сказать, эта редакция и ее контора на редкость неделовиты. Между выходом № 1 и наложением ареста прошло более 4 суток. Кажется, было время разослать № подписчикам и по магазинам и сделать арест фиктивным? Но они напечатали даже очерк Горького черт знает как, с пропуском целых строк. Городские читатели обратили на это их внимание; и вот, они приостановили рассылку и начали перепечатывать первый лист; а в это время их и накрыла конфискация. Вот недотепы-то! Все надежды на доходы от розничной продажи № 1, конечно, лопнули. Подписка тоже пострадала. Суд⟨ебная⟩ палата умышленно откладывает рассмотрение дела с недели на неделю. Убытки растут. Так им дурням и надо! ⟨...⟩ Видели ли Вы в Париже Горького?» [66]

Бурцев сообщил Лопатину 10 марта 1911 г., что посылает для «Современника» «Доклад министру юстиции Щегловитову»: «Посылаю Вам 2 экз⟨empляра⟩ нового моего доноса,– писал он,– 1 – Вам, 2-й – в Петерб⟨ург⟩ в „Современник" („в обмен изданиями")» [67]. Лопатин отвечал в цитируемом выше письме: «В „Совр⟨еменник⟩", ради „обмена" я этого оттиска не послал, ибо храбрая редакция умоляла нас — не делать им таких подарков».

В письмах Лопатина Бурцеву от 30 апреля и 15 мая 1911 г. мы находим оценку тех перемен в «Современнике», которые произошли после образования коллективной редакции (см. Г—А, Г—Ч). 30 апреля Лопатин писал Бурцеву из Феццано об этих переменах в связи с намерением Бурцева привлечь Горького к изданию новой большой газеты: «О „случайности" или „небрежности" Г⟨орького⟩ не может быть и речи. Тут прежде всего — действительный недостаток времени, а затем — „политические" причины ввиду его новых отношений. Он был здесь с Ч⟨ерновым⟩ [68], а затем, оставив его тут, уехал к себе, чтобы вернуться снова с М⟨иролюбовы⟩м. Однако приехал один М⟨иролюбо⟩в, а Г⟨орький⟩ остался на Капри [69]. Вот вкратце то, что может интересовать Вас: 1) хотя Г⟨орький⟩ и А⟨мфитеатров⟩ считают „газету" своевременной, полезной, не невозможной, но о серьезной инициативе и помощи с их стороны нечего и думать. Самое большее — не откажут от времени до времени в статейках, когда газета *уже будет* существовать. Деньгами – ни копейки. 2) Г⟨орький⟩ и эсеры мечтают о легальном журнале с богатой информацией, со множеством корреспондентов на местах, в недрах народа, с рассылкой делегатов и ревизоров, и пр. Сюда Г⟨орький⟩ желал бы употребить обещанную ему денежную помощь,— в осуществимости которой, к слову говоря, я очень сомневаюсь. 3) А пока Г⟨орький⟩, М⟨иролюбов⟩ и Ч⟨ернов⟩ (а вероятно, и другие с-р.) хотят деятельно примкнуть к „Совр⟨еменни⟩ку" с тем, чтобы расширять и развивать его до *такого* журнала, как сказано выше. 4) В этих видах Ч⟨ернов⟩ и М⟨иролюбов⟩ осматривали дачи поблизости отсюда. Да и Г⟨орький⟩, по-видимому, не прочь переселиться с К⟨апри⟩ тоже сюда поближе, если ему позволят разные семейные и другие личные обстоятельства, о коих сужу лишь по догадке и не считаю себя вправе распространяться. 5) Да и то, что сказано мною выше о вступлении Г⟨орького⟩ и с.-р. в „Совр⟨еменник⟩", о переселении сюда главных лиц, о денежных соображениях и пр., сообщаю Вам лишь по дружбе и прошу держать строго *между нами двумя*. Я страшно боюсь всяких нескромностей, особенно ввиду моего совместного жительства и приятельских отношений с А⟨мфитеатровы⟩м, налагающих известные моральные обязательства».

Это письмо Лопатина интересно тем, что характеризует конкретные обстоятельства, которые побудили Горького пойти на союз с Черновым и Миролюбовым в формировании коллективной редакции «Современника» в конце апреля 1911 г. Замысел журнала, о котором пишет Лопатин, был действительно заветной мечтой писателя, осуществлению которой мешало прежде всего отсутствие денежных средств. Из цитируемого письма следует, что Чернову, Авксентьеву и Бунакову удалось во время парижской встречи (см. Г—Ч) убедить Горького в том, что эсеры

располагают необходимыми средствами для финансирования нового журнала и готовы содействовать осуществлению программы Горького в журнале «Современник». Но Горький отнюдь не связывал осуществление своего замысла только с эсерами. Непосредственно после формирования коллективной редакции «Современника» он обратился к И. Д. Сытину с просьбой финансировать новый журнал. В этом письме программа журнала изложена более подробно.

«А мне приходится крутенько,— писал Горький,— и работать я должен как вол. Задач масса, выполнять их принужден я один. Только удалось, кажется, организовать журнал, думаю о другом, необходимом по нынешним временам.

Этот другой журнал — давняя моя мечта: его основная цель — всестороннее изучение России, а не проповедь каких-либо партийных взглядов.

В нем должны быть совершенно новые отделы, например:

Обозрение торгово-промышленной и экономической жизни России.

Обозрение иностранной экономической политики и торговли.

Обозрение провинциальной жизни, поставленное на совершенно новых началах.

Это должен быть журнал, который читался бы с одинаковой пользой купцом и крестьянином, чиновником и интеллигентом (...) Мы всё знаем, кроме России, которую всячески задергали, но знать ее не хотим. И вот надо заставить людей учиться узнавать Русь» [70].

Почти в то же время (после 25 апреля / 8 мая 1911 г.) Горький обратился с аналогичной просьбой к члену финансовой комиссии МК РСДРП Е. К. Малиновской: «Суть вот в чем: Вы однажды писали мне, что есть на примете у Вас человек, который мог бы дать денег на издание журнала — жив он и желание его — не умерло?

Если да, я очень просил бы Вас: предложите ему войти со мной в переписку или устроить свидание со мною. В данный момент журнал можно организовать блестяще и, мало того, поставить его без убытка, как солидное коммерческое дело.

Итак — жду ответа. Письмо сие покуда оставьте между нами, о чем усиленно прошу» [71].

Далее, из следующего письма Лопатина Бурцеву от 15 мая 1911 г. мы узнаём, что Горький уже через две недели почувствовал невозможность осуществления своих надежд на подлинную реорганизацию «Современника». «Все затеи Г(орького), с которыми он ехал на К(апри),— писал Лопатин,— очевидно, рухнули (...) С К(апри) он не выедет, никуда не переселится, деятельного и ответственного участия в „С(овременнике)“ принимать не будет, обещает статейки и советы, а также сочувствие, из чего, как известно, шубы не сошьешь». Цитируемое письмо соотносится с письмами Горького к Амфитеатрову этого периода (Г–А, п. от 10 мая 1911 г. и (между 19 и 21 июня 1911 г.)), в которых он отказывается участвовать в выработке новых «манифестов» и «конституций» «Современника».

В конце 1911 г. имя Лопатина как одного из авторов работ, предназначенных к публикации в «отделе мемуаров и очерков освободительного движения», было указано в объявлении о журнале на 1912 г. В связи с этим Лопатин писал Бурцеву 7 января 1912 г.: «Ведь Вы же прекрасно знаете, что я столько же член редакции „Современника“, сколько и „Буд(уще)го“: с обоими изданиями меня связывают лишь приятельские отношения с редакторами и общее сочувствие предприятию. Даже о своем нахождении в числе постоянных сотрудников „С(овременни)ка“ я узнал лишь из печатного их списка: „без меня меня женили,— я на мельнице был“. Впрочем, не возроптал и не протестовал, ибо не вижу пока причин смущаться этим». Но, не будучи организационно связанным с этими изданиями, Лопатин тем не менее оказывал им активное содействие.

V

Осенью 1911 г. Бурцев приступил к созданию новой большой газеты. Газета получила название «L'Avenir» — «Будущее». 14 октября 1911 г. Горький сообщал Е. П. Пешковой: «Бурцев затеял газету, буду сотрудничать в ней» [72]. Из письма Лопатина Бурцеву от 10 октября 1911 г. становится известно о проекте Бурцева

превратить весь первый номер газеты в программный, с тем чтобы и Горький, наряду с Амфитеатровым и Бурцевым, выступил в нем с «передовицей». Лопатин писал: «А⟨лександр⟩ В⟨алентинович⟩ посылает Вам сегодня свою передовицу. Быть может, длинновата она для газеты, но как сократить ее, не жертвуя существенными мыслями и фразами, ей-богу, не знаю. Приходит мне в голову такая мысль: если и Горький доставит свою передовицу,— пусть иного тона и формы, но тоже, быть может, не очень коротенькую; да если Вы выскажете в своей передовице то, что лежит у Вас на душе, прибавив еще разные технические подробности об условиях и сроках издания, о способах содействия Вам со стороны сочувствующей публики, и пр., и пр., то не превратить ли Вам первый номер в номер-программу, ограничив его содержание лишь этими тремя передовицами лишь с небольшими спешными дополнениями информационного или иного свойства?»

Напомним, что и Амфитеатров, посылая Горькому текст своего вступления для «Будущего», писал об ожидании статьи Горького «о рабочем вопросе» (А—Г, п. от 13 октября 1911 г.). Но Горький на эти предложения не отозвался. Сохранилось важное свидетельство Бурцева: «В 1911 г. Горький должен был принять деятельное участие в предпринятом мною органе „Будущее". Но мы разошлись при составлении программной передовой статьи для первого же номера» [73].

Для № 1 газеты Горький выслал сначала «Письмо каторжанам александровской центральной тюрьмы», затем статью «В ширь пошло...». Сообщая Бурцеву о получении от Горького «Письма каторжанам...», Лопатин предложил свой вариант редакционного вступления к нему. Он писал 11 октября 1911 г.: «А⟨лександр⟩ В⟨алентинович⟩ получил сейчас от Горького письмо, которое и посылает Вам вместе с приложением. Мне кажется, что это приложение очень стоило бы опубликовать (и ради содержания, и ради имени автора) в № 1 газеты с таким вступлением: „Недавно Горький получил в подарок от каторжан *одной из* сибирских каторжных тюрем изящно сработанные миниатюрные наручни и отвечал на этот подарок следующим письмом. Письмо Г⟨орького⟩" — Можно было бы даже *озаглавить* этот эпизод, например, так: „Горький и каторжане". Как видите, Горький не отказывается дать статейку, но тянет. Я просил А⟨лександра⟩ В⟨алентиновича⟩ в сегодняшнем ответе поторопить его дать, буде возможно, эту статейку для первого №».

Приводим для сравнения текст, опубликованный в № 1 газеты «Будущее»: «На днях каторжане -ской Центральной тюрьмы прислали М. Горькому в подарок сработанную ими копию наручников в миниатюре. Писатель ответил на этот трогательный присыл печатающимся ниже письмом — *Ред.*» (Заглавие публикации — «Письмо М. Горького к каторжанам -ской Центральной тюрьмы» [74]).

15 октября 1911 г. Лопатин осведомлял Бурцева: «Сегодня Г⟨орький⟩ сообщает Амф⟨итеатрову⟩, что он пишет для Вас статью, но пошлет ее через Феццано. Мы, конечно, не задержим ее отправки». 16 октября он сообщил о получении от Горького статьи «В ширь пошло...»: «Полдневная почта принесла статейку Г⟨орького⟩ для „Будущего", которая и посылается. Конечно, это не то, что Вы просили, т. е. не программная статья, которая могла бы быть напечатана от редакции без подписи автора, но все же она будет иметь свое значение для начинающей газеты и по содержанию, и по внутреннему достоинству, и по имени автора. Прилагается для сведения препроводительное письмо Г⟨орько⟩го, которое по прочтении верните обратно» (Г—А, п. от 14 или 15 октября 1911 г.).

И «Письмо М. Горького к каторжанам -ской Центральной тюрьмы», и его статья «В ширь пошло...» были напечатаны в № 1 газеты «Будущее» (22 октября 1911 г.). 31 октября 1911 г., в связи с подготовкой № 3 газеты, Бурцев спрашивал Лопатина: «Даст ли что-нибудь Горький?» [75] Горький, как это видно из его писем к Бурцеву, выслал ему после выхода № 1 газеты целый ряд материалов («несколько отрывков из писем и газет дальневосточных», «заметку о тюрьме орловской», заметку, «составленную учителем В.») [76], свидетельствующих, сколь широк был круг корреспондентов писателя в России. Заметка о тюрьме орловской была напечатана под заглавием «В Орловской губернской тюрьме. (Из воспоминаний крестьянина)» с примечанием от редакции: «Настоящее письмо, присланное нам М. Горьким, писано

одним крестьянином, побывавшим в орловском застенке. Мы печатаем это письмо без всяких сокращений и изменений» [77].

Высылая в «Будущее» «Письмо монархисту», Горький писал Бурцеву: «Не пригодится ли вам прилагаемое писание? Это — ответ на письмо ко мне от одного черносотенца, довольно известного и влиятельного в Поволжье» (*АГ*) (См. также: Г—А, п. от 29 ноября 1911 г., прим. 2).

В начале ноября 1911 г. Бурцев сообщал Лопатину: «От Г⟨орького⟩ получил корреспонденции и письмо в № 4» [78]. Но «Письмо монархисту» было напечатано в № 6 газеты «Будущее» [79].

В своих письмах Бурцеву Лопатин высказал ряд критических суждений в адрес газеты и ее издателя Бурцева. 13 ноября 1911 г.: «Странно мне немного Ваше удивление по тому поводу, что писатели с именем не согласны ни писать под чужую диктовку, ни работать для того, чтобы их труд бросался в корзину под столом»; 15 декабря 1911 г.: «Вообще, весь № 7, к прискорбию, довольно жалок, тогда как прежние 6 №№ были — каждый в своем роде — очень интересны. Едва ли удастся добиться пересмотра дела эсдеков Второй гос⟨ударственной⟩ думы [80]. Вон даже двери закрывают. Но все же опубликование признаний Бродского [81] было очень полезно для русской и европейской агитации. Про какой „прекрасный фельетон Горького" Вы говорите? Про „Письмо монархисту"? Оно действительно хорошо. Или про что-либо еще не появлявшееся? Во всяком случае Вам грех жаловаться на Горького за недостаточную поддержку ⟨...⟩ По поводу уклонения от *совместной* работы нужно выслушать обе стороны. Иной скажет, например,— „ну что мне за охота писать, если мои произведения бросают под стол в корзину с ненужной бумагой?"» В письме Лопатина упоминаются материалы, опубликованные в № 1 и 4 газеты «Будущее». На эти материалы В. И. Ленин ссылался в статье «О социал-демократической фракции II Думы», в которой требовал пересмотра дела социал-демократических депутатов II Думы. Ленин писал: «Лишь совсем недавно убедительные факты, в которых признался агент охранки Бродский, представили в полном свете отвратительные махинации наших властей» [82]. Говоря о необходимости обращения русского пролетариата к социалистам всех стран с требованием об освобождении социал-демократических депутатов, Ленин ссылался также и на другую публикацию в «Будущем»: «Во Франции товарищ Шарль Дюма уже начал кампанию и в статье, напечатанной в газете „L'Avenir" [83], предложил оказать энергичную поддержку русскому пролетариату в эту трудную минуту» [84].

К первым номерам «Будущего», представляющим тот уровень, на котором газете не удалось удержаться, Лопатин возвращается через несколько месяцев в письме от 1 мая ⟨1912 г.⟩: «Но боюсь, что в конце концов „Будущее" едва ли может рассчитывать на правильную помощь А⟨лександра⟩ В⟨алентиновича⟩ и А⟨лексея⟩ М⟨аксимовича⟩. А это жаль, так как таких бомб — как сообщение об Азефе [85], признания Бродского и протест иностранцев — для каждого № не напасешься, а с удалением этих двух лиц литературных талантов останется в газете мало». И в письме от 22 мая 1912 г.: «Точно я отрицал когда-нибудь, что „Будущее" дало немало полезного материала и Г⟨осударственной⟩ думе, и политической литературе! Напротив, я всюду защищал эту мысль и очень радовался первым его номерам. Но не могу же я закрывать глаза на то, что полезный материал мало-помалу истощился и что — к сожалению — скорого пополнения его не предвидится ⟨...⟩ А *газетою* „Будущее" никогда не было и не будет: для этого требуются таланты иного рода».

В это же время и Горький пришел к выводу о малоэффективности газеты. Характерно, что во время своего пребывания в Париже 30 марта — 18 апреля 1912 г. Горький не нашел времени для встречи с Бурцевым. Бурцев писал Лопатину 25 апреля 1912 г.: «Где Горький? Он так и уехал из Парижа, не давши о себе весточки. Я не решился ехать к нему, раз и не известил меня» [86].

Горький писал в последних числах мая 1912 г. Бурцеву: «Позвольте говорить откровенно: я не чувствую себя полезным для тех целей, которые преследуются Вами в „Будущем". Я вижу, как много сделано Вами для того, чтоб обвинительный акт против русского правительства был полон и неоспорим и, несомненно, история

воспользуется Вашим трудом с благодарностью. Но — это в будущем, а в настоящем Ваши удары по медным лбам и чугунным грудям не дают желаемых результатов, как мне кажется» (*АГ*). Тем не менее в октябре 1912 г. Горький передал Бурцеву статью, написанную по поводу событий в Кутомарской тюрьме,– «В пространство» [87].

Несколько ранее, 28 сентября 1912 г., Лопатин сообщил Бурцеву: «Сию минуту А⟨лександр⟩ В⟨алентинович⟩ получил от Горького письмо, из которого спешу сделать для Вас нижеследующую выписку: „С Бурцевым вышло недоразумение: я писал по адресу, указанному им — на Феццано, ваш дом — что *очень жду его* и имею о *многом говорить* с ним (курсив мой) [3*]. Не помню точно, но кажется — конверт был надписан на Ваше имя с передачей. Нет, очевидно, и в Италии простые письма не следует посылать, а особенно за последнее время это становится очевидным. *Напишу для „Будущего" что-нибудь* (к⟨урсив⟩ м⟨ой⟩), вероятно, о Кутомарской тюрьме". Очень я радуюсь этому письму ⟨...⟩ Есть в его письме еще одно место, которое я тоже выписываю, но, ради его интимности, прошу *держать про себя*. „Живу я отчаянно: народищу понаехало *батальон* (к⟨урсив⟩ м⟨ой⟩), народ все нужный, *есть интересные* люди, намечаются хорошие дела. Посмотрим, что будет, но, кажется,— кое-что удастся"» [88] (Г—А, п. от 26 сентября 1912 г. Письмо цитируется не вполне точно).

Последняя попытка Лопатина привлечь Горького к сотрудничеству в газете «Будущее» относится ко времени его пребывания на Капри 3—10 ноября 1912 г., но она не имела успеха. (См.: Л—А, п. 28).

VI

Вернувшись в Россию в 1913 г., Лопатин ощутил происшедший поворот в ее общественно-политической жизни. «...Быть может, мы живем накануне перемены обстоятельств к лучшему,— писал он Бурцеву 30 декабря 1913 г./12 января 1914 г.,— слишком уж безумствует реакция, точно накануне своей гибели по известному классическому изречению». Он убедился, что в этих, новых, условиях бурцевские издания не вызывают к себе интереса: «Вскоре по приезде и позже я не раз добросовестно сообщал Вам плоды моих печальных наблюдений над отношением всякого рода публики к Вам и Вашей деятельности, зависящим в немалой мере от ее неизвестности, т. е. от совершенной нераспространенности Ваших изданий. Я не видел здесь буквально *ни одного* № „Будущего" ⟨...⟩ Писал я Вам также о равнодушном или даже отрицательном отношении публики к заграничной русской прессе вообще, об отказе помогать ей, ссылаясь на то, что не хватает средств на наши внутренние, гораздо более важные, дела, и т. д. Все это я писал Вам совестливо и толково». 7/20 февраля 1914 г.: «Как только я приехал и осмотрелся, тотчас же обобщил и сообщил Вам, что публика относится очень скептично к пользе русской газеты за границей, особенно при трудности ее составления и распространения, а потому поворачивает глухое ухо к просьбам о поддержке деньгами и трудом. Писал, что отсутствие сочувствия к другим областям Вашей деятельности объясняется в значительной степени их неизвестностью здесь в последнее время. Прибавлял для примера, что я ни разу не видал ни у кого *ни одного* экземпляра Ваших изданий и не знаю, где они добываются, если существуют».

5 мая 1914 г. Лопатин высказался еще более определенно о бесплодности попыток Бурцева получить в России поддержку газете «Будущее»: «Здравствуйте, дорогой В⟨ладимир⟩ Л⟨ьвович⟩! Не пишу потому, что нечего сказать утешительного. Право, можно подумать иной раз, что большинство *не слыхало* никогда о Вашем существовании и деятельности! О полном *равнодушии* к Вам и Вашим планам уж и не говорю! На просьбы о материальной поддержке отвечают: „Посмотрите на *рабочие* газеты: эсерские, меньшевистские и большевистские, выходящие в Питере, Киеве и иных местах. Оцените эту упорную, героическую борьбу скромных, безызвестных, безденежных людей против ежедневных штрафов, запрещений, обысков,

[3*] Прим. Лопатина.

конфискаций, арестов и высылок редакторов, сотрудников, экспедиторов и т. д. Вот — современная борьба! Вот насущное дело! Вот кого нужно поддерживать всеми силами! А вы просите на заграничный орган, никому в России невидимый и неизвестный и читаемый даже за границей только эмигрантами, да и то небрежно, с превеликим равнодушием, а часто с насмешками над неутомимым издателем?" И т. д., и т. д. Вот и старайся тут!» И все же Лопатин направил Бурцеву «чрезвычайно важный по своей скандальности и подлинности документ, опубликование которого,— писал он Бурцеву 7/20 февраля 1914 г.,— должно взбесить „сферы" и страшно скомпрометировать их в глазах их искренних, наивных и благочестивых приверженцев. Не сделаете ли Вы это *немедленно,* не ожидая проблематического выхода следующего номера „Б⟨удущего⟩"? Найдутся ли у Вас для этого хотя бы маленькие деньги?» Этот документ был послан Бурцеву через Амфитеатрова 4/17 февраля 1914 г. В сопроводительном письме Амфитеатрову Лопатин писал: «А пока посылаю сей документ и умоляю переслать его *немедленно* Бурчику *заказным* порядком с просьбой о *немедленном* же опубликовании ⟨...⟩ Денег на это нужно очень мало, и если бы у Б⟨ур⟩чика не оказалось сейчас и того, то, может быть, Вы поможете ему или кто-либо другой, понимающий всю неприятность для „сфер" от опубликования такой штуки. За верность копии с подлинником я *ручаюсь.* Что же до содержания, то мое впечатление таково, что автор наивно говорит истинную правду. Понятно, что я рассчитываю получить хоть пару экземпляров листовки *заказным* письмом *тотчас* по ее опубликовании» [89].

Письма эти — еще одно свидетельство общественной активности Лопатина в последние годы его жизни.

Высокое представление о Лопатине Горький пронес через всю свою жизнь, отношения же с Бурцевым и Амфитеатровым сложились совсем по-другому. Связи Горького с Бурцевым прервались после возвращения писателя в Россию. В июле 1917 г. в шовинистической газете «Русская воля» Бурцев начал клеветническую кампанию против Горького, представляя изменой родине антивоенную позицию писателя [90]. В сентябре—октябре 1917 г. Бурцев выпустил в Петрограде газету «Общее дело», которая выступала против Советов и большевиков. Эта газета издавалась им также в эмиграции. В ней часто делались выпады против Горького.

Оказался во враждебном революции стане и Амфитеатров. Вспоминая о похоронах Лопатина в Петрограде в 1918 г. в своем публицистическом очерке «Заметки читателя» (1927), Горький дал его личности столь же высокую оценку, как и в 1909 г., после первой встречи с ним. Но здесь же он иронически нарисовал и «грузную» фигуру Амфитеатрова, не называя его фамилии, но достаточно точно воспроизведя приметы его внешнего облика и самый тип поведения «напоказ», среди идущих за гробом «революционеров, обиженных революцией» [91]. Так, в небольшом эпизоде горьковского очерка скрестилось прошлое и настоящее.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Саморуков Н.* Общественно-политическая деятельность Г. А. Лопатина (1845—1918) // Вопр. истории. 1951. № 3. С. 51.

[2] *Попов И. И.* Герман Александрович Лопатин. М., 1930. С. 53.

[3] *Давыдов Ю.* Две связки писем. Повесть о Германе Лопатине. М., 1983; см. также: *Давыдов Ю.* Герман Лопатин, его друзья и враги. М., 1984.

[4] *Голованов Л.* Книга о русском переводчике «Капитала», друге Маркса. ⟨Рец. на кн.: *Сайкин О. А.* Первый русский переводчик «Капитала». М., 1983⟩ // Коммунист. 1984. № 7. С. 116. См. также: *Шумейко М. Ф.* Материалы об общественной деятельности Г. А. Лопатина в архивном фонде В. Я. Богучарского // Источниковедение и историография. М., 1980.

[5] П. Морису Хилквиту, вторая половина января 1907 г. // *Горьк. чт.* 1962. С. 12.

[6] *Бурцев Вл.* Борьба за свободную Россию: Мои воспоминания (1882—1924 г.). Берлин: Гамаюн, 1924. Т. 1. С. 222. См. также: *Бурцев В.* В погоне за провокаторами. М.; Л., 1928. С. 92.

[7] *Он же.* Борьба за свободную Россию... Т. 1. С. 222.

[8] Дмитрий Григорьевич *Богров* (1887—1911) — помощник присяжного поверенного, эсер. 1 сентября 1911 г. смертельно ранил П. А. Столыпина во время торжественного спектакля в Киевском оперном театре в присутствии царя Николая II.

После казни Богрова в прессе появились сообщения о его связях с охранным отделением. Бурцев в ряде статей, напечатанных в газ. «Будущее», подверг сомнению достоверность обвинений Богрова в провокации. О том же он писал в предисловии к кн.: *Мушин А.* Дмитрий Богров и убийство Столыпина (Париж, 1914). Лопатин не сомневался в виновности Богрова. Он писал Амфитеатрову 1/14 апреля 1914 г.: «Знаете ли Вы брошюру „Богров" и пр., изданную в Париже (по слухам, братом Б⟨огрова⟩) с предисловием Бурчика и заключающую, вероятно, некоторую реабилитацию этого „героя"? Я охотно прочел бы ее, хотя и знаю, что стал бы злиться, читая. Если она не очень велика, а потому если не разорительно прислать ее в заказном письме, то я желал бы получить ее. Читали ли Вы в „Истор⟨ическом⟩ вест⟨нике⟩" за март статью Гана „Убийство Столыпина и Богров", не оставляющую никакого места для реабилитации? Извлечения из нее были в „К⟨иевской⟩ мысли". Все сказанное там мне подтвердили устно многие осведомленные киевляне» (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

[9] *Бурцев В.* Борьба за свободную Россию... Т. 1. С. 222.

[10] Там же. С. 223.

[11] В машинописи (второй или третий экземпляр) помимо опечаток содержится одно очевидное отступление от оригиналов: часто (но не всегда) иностранные слова передаются русскими буквами («Матэн», «Ла Коз Коммюн», «Ла Коз Женераль» и др.). Напомним в этой связи о п. Лопатина Горькому от 30 декабря 1912 г., в котором он иронизировал над тем, что Горький «изобразил» фамилии иностранцев и их адреса русскими буквами (Г–Л, п. 11).

Карандашные пометы Бурцева двух родов: простым карандашом раскрываются на полях имена и инициалы, встречающиеся в тексте; красным карандашом сделаны подчеркивания.

Дневник отличает последовательно выдержанная внешняя особенность. Внутри отдельного письма Лопатин нумерует каждое из сообщений, которых часто бывает больше десяти. При цитировании эти номера нами опускаются.

Датировать машинопись можно лишь предположительно. По-видимому, она сделана после того, как была издана часть 1 мемуаров Бурцева «Борьба за свободную Россию», т. е. после 1924 г., так как в нее не включены два письма Лопатина Бурцеву (от 9 янв. и 5 февр. 1909 г.), которые были напечатаны в этой книге.

[12] В *ЦГАОР*, в фонде Лопатина (ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 6) находится небольшая часть п. Бурцева Лопатину (1909—1913 гг.): 14 открыток, на лицевой части которых воспроизведена обложка № 8 журн. «Былое», а на обратной стороне — портреты И. П. Каляева, Я. И. Зильберберга, А. Д. Трауберга и др. и одно письмо на бланке газ. «Будущее». Кроме того, в деле Департамента полиции «Скалькированные п. к Лопатину Герману Александровичу. 11 марта — 12 декабря 1912 г.» (*ЦГАОР*, ф. ДП, перлюстрация, оп. 265, ед. хр. 731) содержатся п. Бурцева Лопатину от 30 марта и 31 мая 1912 г. Помимо этого в деле — несколько конвертов от п. Бурцева: от 12 июня, с пометкой чиновника «От Бурцева. Париж»; 24 июня; 3 июля, с пометкой чиновника «От Бурцева. Неразборчиво», и 29 июля, с пометкой чиновника «Очень интересное от Бурцева».

В ЦГАОР хранятся также оригиналы 12 п. Лопатина к Л. З. *Родштейну*-Валерьяну (ф. 6276, оп. 1, ед. хр. 3). Среди них — 4 письма, представленные в машинописи.

[13] *ЦГАЛИ*, ф. 34. См. также: Л–А.

[14] Представители ЦК партии эсеров на суде — Чернов, Савинков и Натансон — не верили доказательствам Бурцева и отстаивали невиновность Азефа. В ходе судебного разбирательства обвинения подтвердились. ЦК партии эсеров 26 декабря 1908 г. и 7 января 1909 г. издал объявления о том, что Азеф — провокатор. Азефу был объявлен смертный приговор, но он успел скрыться.

[15] *Бурцев Вл.* Борьба за свободную Россию... С. 281.

[16] Это высказывание можно сопоставить с пометами Горького на кн.: *Фигнер В.* Запечатленный труд. М., 1933. Т. 3. (*ЛБГ. Описание*). В главе, посвященной разоблачению Азефа, Горький отметил двойными галочками на полях следующие места: «Предметом совещания было, что делать дальше, а п о с т а н о в л е н и е м продолжать расследование и д о п р о с и т ь А з е ф а в о б с т а н о в к е, п о д г о т о в л е н н о й т а к, ч т о б т у т ж е, н а м е с т е п о к о н ч и т ь с н и м» (С. 261); «Тут Марк ⟨Натансон⟩ и рассказал мне о происшедшем в квартире Азефа. Он сказал, что после допроса те, которые делали его, ушли.

— Как ушли? Они не убили его?! И не оставили стражи?!» (С. 267).

[17] В 1911 г. в Париже отдельной брошюрой было издано «Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа». См.: *Антид О.* Ввно Азеф // Киевская мысль. 1911. № 126. 8/21 мая.

[18] Цит. по кн.: *Козьмин Б. П.* С. В. Зубатов и его корреспонденты. М., 1928. С. 100.

[19] Le Matin. 1912. № 10400. 18 авг. Интервью было напечатано в газ. «Утро России» (1912. № 183. 9/22 авг.) под заголовком «Свидание Бурцева с Азефом. Розыски Азефа Бурцевым. Свидание во Франкфурте. Исповедь Азефа». Эту замет-

ку Е. П. Пешкова выслала Горькому. «Посылаю „Matin", кот⟨орую⟩ только что получила,— писала она 20 августа 1912 г.— Тебе переведут — свиданье Бурцева с Азевым. Взволновалась я, читая» (*АГ*). Ранее, в п. от 21 сентября 1909 г., Лопатин высказался в том же духе о появившемся в газ. «Киевская мысль» (1909. № 242. 2/15 сент.) фельетоне И. К. «Герои реакции», посвященном Жученковой. «Очень он мне не понравился по своему *тону*. Скоро в самом деле будут видеть в таких гадинах *симпатичных* „героинь" и сочувствовать их душевным переживаниям!» Слова эти дополняют оценку Жученковой, данную им в п. к Горькому от 1 января 1910 г. (Г—Л, п. 1).

[20] Письмо Е. П. Пешковой от 25 января 1909 г. (*Арх. Г.* Т. IX. С. 61).

[21] Там же. С. 59.

[22] Письмо М. А. Пешкову (вторая половина янв. 1909 г.) (*Арх. Г.* Т. XIII. С. 56).

[23] Там же. Т. IX. С. 313.

[24] В черновой заметке, сделанной в 1925 г. в связи с чтением рукописи Б. И. Николаевского «Конец Азефа», Горький писал: «Это совершенно ужасающая история, [она] ошеломлен ею до отупения и, точно на кол посажен, все эти дни думаю о „Великом провокаторе" ⟨...⟩ Известно что А⟨зеф⟩ любил жену и детей своих и в те годы, когда он жил с певицей. Замечательно *просто* жил он после [того как] разоблачения, и ужас факта именно в этой простоте. Нажил человек денег продажею своих друзей, отсек от себя всё свое стр⟨ашное⟩ прошлое, [и] устроил [себе] уютную жизнь и, [отр⟨убил⟩] наслаждаясь ею, [отсек от себя] жил, жил вполне порядочным мещанином. Умопомрачительно просто» (*Варианты*, 5. С. 695—696). В статье «Рукописи Горького: поиски и находки» (Лит. газ. 1967. № 16. 19 апр.) И. С. Зильберштейн сообщил, что Горьким было написано предисловие к брошюре Николаевского (*Николаевский Б. И.* Конец Азефа. М., 1926), которое не было напечатано, так как автор брошюры «политически разошелся с Горьким» (хранится в Гуверовском институте войны, революции и литературы при Станфордском университете, США). В ст. Зильберштейна приведен текст п. Горького к Николаевскому от 20 июля 1925 г., близкий к этой его черновой заметке.

[25] *ЦГАЛИ*, ф. 34.

[26] Л. П. *Меньщиков* – чиновник Особого отдела департамента полиции. В 1909 г. уехал за границу, выступив с разоблачениями провокаторов. В «Дневнике» содержится проект п. Лопатина к Меньщикову от 3 мая 1910 г., в котором он писал о необходимости «всячески помогать крушению реакционных планов нынешнего сугубо реакционного правительства».

[27] Запись каждого дня заканчивается пометой: «День третий», «День седьмой», «День-шестый-на десять» и т. п. «Дневник» Лопатин частями отсылал Бурцеву. Он писал ему 8 мая 1910 г.: «Последнее мое письмо было отправлено 3 апреля. Позднейшие записи – с 4 апреля по 11 мая – Вам придется прочесть уже здесь».

[28] Имеется в виду наводнение в Париже.

[29] О стокгольмском архиве Лопатина см.: *Горбунов М.* Был ли архив у Г. А. Лопатина // *ЛН*. Т. 7—8. С. 430—434; *Давыдов Ю.* Судьба архива Германа Лопатина // Лит. газ. 1974. № 32. 7 авг. См. также вступ. очерк Бориса Сапира в кн.: Лавров. Годы эмиграции. Архивные материалы в двух томах (т. 1: «Лавров и Лопатин (переписка 1870—1883)». D. Reidel publishing company, Dordrecht — Holland, Boston — USA. ⟨1974.⟩

[30] *ЦГАОР*, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 14.

[31] О митинге, организованном кассой русских эмигрантов под председательством В. Н. Фигнер, см. подробнее: *Кулешов В. И.* Статья В. И. Ленина «Памяти Герцена» и парижский юбилейный герценовский вечер 15 апреля 1912 года // Рус. лит. 1970. № 3.

[32] Франсис де *Прессансе* (1853—1914) — французский политический деятель, социалист. Илья Адольфович *Рубанович* (1860–1920) – один из лидеров эсеров.

[33] Об обстоятельствах единственной встречи Лопатина с Герценом см.: *Лищинер С.* А. И. Герцен и Г. А. Лопатин: (О встрече 1867 года) //Вопр. лит. 1977. № 2.

[34] *ЦГАОР*, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 14, л. 15, 16, 16 об.

[35] Там же, л. 17 об. Упоминаемое п. Лопатина не разыскано. Е. Б. Лопатина и Ю. В. Давыдов по этому поводу пишут: «Ответ свой Лопатин тогда же, в апреле 1912 г., сообщил дочери П. Л. Лаврова М. П. Негрескул...: „Л⟨авров⟩ относился к Г⟨ерцену⟩ с величайшим почтением, страстно желал личного свидания и беседы с ним и был очень огорчен тем, что вследствие разных задержек не застал его в живых. Это он говорил мне и в Кадникове и позже. Но о „вызове" я от него не слыхал и слова и сомневаюсь в нем, ибо знаю, что Г⟨ерцен⟩ усердно отговаривал всех от эмигрантства» (Освободительное движение в России. Межвузов. сб. Саратов, 1981. Вып. 10. С. 67). Свидетельством того, что п. Лопатина было прочитано на митинге, мы не располагаем.

[36] «Курносый Колька» – Николай II; «Проснувшаяся Федора» – собирательный образ русского народа.

[37] Первоначально предполагалось, что газета будет выходить с сентября 1909 г. два раза в месяц. Об этом было объявлено в журн. «Былое» (1909, № 11/12). Но наладить регулярный выход газеты не удалось из-за нехватки денежных средств.

[38] И. В. Амфитеатрова.

[39] Имеется в виду политическая и литературная газ. «La Cause Cénérale» («Общее дело»). Издавалась в Женеве с мая 1877 г. до ноября 1890 г. «Лопатин был знаком и с группой эмигрантов, которая издавала журн. „Общее дело",— А. Х. Христофоровым, М. К. Элпидиным и др. В п. к П. Л. Лаврову, помеченном „вторник", написанном в марте 1878 г., Лопатин сообщает о своем визите в редакцию этого журнала» (*Сайкин О. А.* Первый русский переводчик «Капитала». М., 1983. С. 67).

[40] Горький работал в то время над «Жизнью Матвея Кожемякина».

[41] Леонид Эммануилович *Шишко* (1852—1910) — революционер-народник, публицист. Член кружка «чайковцев». В 1878 г. был приговорен к девяти годам каторги. С 1890 г. в эмиграции. Один из основателей «Фонда Вольной русской прессы». С 1902 г.— эсер.

[42] Генерал А. В. *Герасимов* — бывший начальник Петербургского охранного отделения. В то время — директор Департамента полиции.

[43] Василий Дементьевич *Новицкий* – бывший начальник Киевского губернского жандармского управления, генерал-лейтенант. В 1905 г. подал на высочайшее имя записку о провокации.

[44] Сергей Андреевич *Иванов* (1859—1927) — народник. Арестован в 1886 г. Судился по «Процессу 21-го», был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Сидел в Шлиссельбурге, откуда вышел в октябре 1905 г. Участвовал в Париже в судебно-следственной комиссии по делу Азефа.

[45] «Записка ген. Новицкого» с послесловием от редакции («Из мира мерзости и запустения») была напечатана в сборнике «Социалист-революционер» (1910. № 2). Об этой записке Горький писал неустановленному лицу в 1912 г. (*МИ.* Т. 1. С. 333—335).

[46] Общее дело. 1910. № 4. 15 авг.

[47] Зерентуйцы — отбывавшие каторгу в Горном Зерентуе.

[48] В № 13 «Былого» была напечатана без предисловия и послесловия ст. «У гроба Созонова», подписанная «Вчерашний зерентуец». В ней говорилось, что Созонов «является последним и самым главным свидетелем по делу Азефа» (С. 157). Автор рассказывал также о том, как охранники стреляли в окно камеры Созонова и чуть не убили его.

[49] Николай Петрович *Стародворский* (1863—1918) – народоволец. Один из участников убийства инспектора секретной полиции Судейкина в декабре 1883 г. По «Процессу 21-го» приговорен в 1887 г. к смертной казни, замененной бессрочной каторгой в Шлиссельбурге. Освобожден в 1905 г. После опубликования прошений о помиловании Стародворский потребовал суда над Бурцевым. «В июне 1909 г. Третейский суд между Стародворским и мною,— писал Бурцев,— был кончен и нам было объявлено его решение. В приговоре по моему адресу было высказано много упреков и много порицаний» (*Бурцев В.* Борьба за свободную Россию... С. 339). О Стародворском и суде над ним см.: *Давыдов Ю.* Юрисконсульт следственной комиссии // Человек и закон. 1978. № 7.

[50] Былое. 1909. № 11/12. С. 103.

[51] *Арх. Г.* Т. VII. С. 188.

[52] Шлюшинский архив — секретные документы из Департамента полиции: «...я имел сношения с одним чиновником Департамента полиции, имевшим отношение к его архиву. За очень скромное вознаграждение, через общего нашего знакомого N, он доставлял мне из этого архива целые томы секретных документов – по 800 стр. in folio» (*Бурцев Вл.* Борьба за свободную Россию... С. 297).

[53] Ипполит Никитич *Мышкин* (1848—1885) — революционер-народник. В 1875 г. пытался освободить Чернышевского из сибирской ссылки. Был осужден по «Процессу 193-х» о революционной пропаганде в империи. Расстрелян в Шлиссельбургской крепости за протест против тюремного режима.

Егор Иванович *Минаков* (1854—1884) — революционер-народник. Был осужден по «Процессу 28-ми» в Одессе в 1880 г.; расстрелян в Шлиссельбургской крепости за то, что ударил тюремщика.

[54] Михаил Федорович *Лаговский* (1856—1903) – революционер-народник. Был заключен в Шлиссельбургскую крепость на 5 лет в 1885 г. В 1890 г. состоялось «высочайшее повеление» об оставлении его в Шлиссельбурге еще на пять лет.

[55] Михаил Федорович *Клименко* (1856—1884) — революционер-народник. Был арестован в 1882 г. Судился по «Процессу 17-ти» по обвинению в принадлежности к партии «Народная воля». В Шлиссельбургскую крепость был заключен 4 августа 1884 г. 5 октября того же года повесился.

Софья Михайловна *Гинсбург* (1863—1891) – революционерка-народница. В 1888 г. пыталась воссоздать «Народную волю» и организовать покушение на Александра III. Была арестована в мае 1889 г. В 1890 г. приговорена к смертной

казни, замененной вечной каторгой. Содержалась в Шлиссельбургской крепости, где покончила с собой. В № 7 «Былого» была напечатана статья «К делу С. М. Гинсбург. (Из обзора важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи в течение 1889 года)».

[56] Александр Пахомович *Тиханович* (1853—1884) — член военной организации «Народной воли». Осужден в 1884 г. по «Процессу 14-ти». Приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. Заключен в Шлиссельбургскую крепость, где умер от туберкулеза.

[57] Николай Павлович *Щедрин* (1858—1919) — революционер-народник. Арестован в 1880 г. В 1881 г. приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, которую отбывал на Каре. Затем был переведен в Петропавловскую крепость, а в 1884 г. заключен в Шлиссельбургскую крепость, где в 1895 г. заболел. С 1896 г. находился в Казанской психиатрической больнице (*Попов М. Р.* Н. П. Щедрин // Былое. 1906. № 12).

[58] Виктор Александрович *Гольцев* (1850—1906) — публицист и общественный деятель.

[59] Лопатин имеет в виду следующие публикации: «Из записок А. А. Петрова», «Последние дни лейтенанта Шмидта, Частника, Гладкова и Антоненко» Петра Моишеева; «Временное правительство» Л. А.-ва, «О пытках в Рижском сыскном отделении» Карла Мицита, «Из Шлиссельбургского мартиролога», «Бессудное заточение», «Из области правительственного ханжества».

[60] Из воспоминаний М. Сотникова // Былое. 1912. № 14. По поводу воспоминаний Сотникова в послесловии «От редакции» говорилось: «Сотников подчеркивает, что он решил пойти в охрану ради цареубийства. Как будто в этом есть какое-то оправдание, как будто идти в охрану с целями якобы „революционными“ не то же самое, что идти туда простым агентом ⟨...⟩ Мы считаем несмываемым позором и преступлением одну мысль о таком плане, а не только попытки его практического выполнения».

[61] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 4.

[62] В. Л. Бурцева.

[63] *ЦГАЛИ*, ф. 34.

[64] Очерк «Не-наши».

[65] Имеется в виду первый рассказ из цикла «Жалобы».

[66] Горький был в Париже с 13 по 25 февраля 1911 г.

[67] *ЦГАОР*, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 6, л. 12. Доклад был напечатан в газ. «Утро России» (1911, № 24. 2 февр.) под заголовком «Новый взгляд на Азефа как уголовного преступника. (Доклад Вл. Бурцева министру юстиции Щегловитову)». Бурцев писал: «Более двух лет, как я в русской и европейской прессе гласно обвиняю инженера Евно Азефа в ужасающих преступлениях — преступлениях с какой угодно точки зрения, в том числе и с точки зрения самых элементарных понятий правосудия, и даже с точки зрения существующих в России законов. Но до сих пор, как это мне достоверно известно, против Азефа не возбуждено никакого судебного преследования. Он — свободен и в настоящее время продолжает состоять на службе департамента полиции».

[68] Новым фактом является сообщение о том, что Горький ненадолго заезжал по дороге из Парижа в Феццано, обещая снова приехать туда с Миролюбовым.

[69] Отказавшись приехать в Феццано (Г—А, п. от 10 или 11 мая 1911 г.), Горький послал Лопатину через М. Ф. Андрееву 6 мая 1911 г. приглашение приехать на Капри (Г—Л, п. 4).

[70] Жизнь для книги. М., 1962. С. 210.

[71] *Арх. Г.* Т. XIV. С. 344.

[72] Там же. Т. IX. С. 125.

[73] *Бурцев В. Л.* Письма А. М. Горького (Пешкова) к В. Л. Бурцеву (Фотокопия, *АГ*). Известно, что В. И. Ленин воспринял программу газ. «Будущее» резко критически. См.: Г—А, п. от 13 октября 1911 г., прим. 2.

[74] В том же номере газеты было помещено сообщение на французском языке под заглавием «Lettre de Maxime Gorki» с кратким изложением его содержания.

[75] *ЦГАОР*, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 6, л. 5.

[76] Горький писал Бурцеву в последних числах ноября 1911 г.: «Посылаю заметку о тюрьме орловской, может, пригодится ⟨...⟩ Собираю деревенские письма, есть очень интересные вещи» (*АГ*).

[77] Будущее. 1911. № 10. 21 дек.

[78] *ЦГАОР*, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 6, л. 11.

[79] Будущее. 1911. № 6. 26 нояб.

[80] Члены социал-демократической фракции II Думы были арестованы по обвинению в заговоре против государства и царской власти, после чего Дума 3/16 июня 1907 г. была распущена. В № 1 «Будущего» была напечатана статья «Освободите их с каторги» с призывом начать кампанию за освобождение с.-д. депутатов. Статьи на эту тему публиковались из номера в номер. В газете опубликовано также воззвание Центрального бюро заграничных групп РСДРП, требующее пересмотреть дело с.-д. депутатов (Будущее. 1912. № 13. 14 янв.).

[81] «Заявление Бродского. Его высокопревосходительству господину министру юстиции» (Будущее. 1911. № 4. 12 нояб.).

[82] *В. И. Ленин.* Т. 20. С. 381.

[83] Шарль *Дюма* (1883–1914) – журналист и публицист, член социалистической партии Франции, депутат парламента. Имеется в виду его обращение «Préface à la Revision» (Будущее. 1911. № 5. 19 нояб.).

[84] *В. И. Ленин.* Т. 20. С. 386.

[85] *Бурцев Вл.* К ответу за Азефа! (Будущее. 1911. № 1. 22 окт.); *Бурцев Вл.* Признания Азефа (Будущее. 1911. № 3. 5 нояб.).

[86] *ЦГАОР*, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 6, л. 9.

[87] Ст. «В пространство» была прочитана 11 октября 1912 г. на состоявшемся в Париже митинге русских, французских, немецких, польских социал-демократов, посвященном протесту против избиений политзаключенных в Кутомарской тюрьме. Рукопись статьи была выслана Горьким Бурцеву 4 октября 1912 г. «Посылаю рукопись для „Будущего“,— сообщал Горький Бурцеву.— Я писал Вам по адресу Александра Валентиновича, что очень жду Вас на Капри и что имею сделать Вам одно серьезнейшее предложение; дело идет о необходимости собирать и хранить документы, издания, вещи, относящиеся к истории русского революционного движения в XIX веке. Письмо мое, очевидно, затерялось» (*АГ*). Ст. «В пространство» была напечатана в № 36 газ. «Будущее» (1912. 13 окт.).

[88] В то время на Капри в связи с приездом Ляцкого и Певина шли переговоры о реорганизации «Современника» (Г—Ляц).

[89] Содержание документа неизвестно.

[90] Русская воля. 1917. № 159. 7 июля. См. Г — Ив-Р, п. 11.

[91] *XXIV*, с. 276. Предположение, что Горький имел в виду именно Амфитеатрова, может быть подтверждено сопоставлением приводимой Горьким тирады «революционера, обиженного революцией» («Но я хотел придать еще более нищенский и постыдный вид ∞ поймет и устыдится...») с тем, что написал Г. Уэллс о встрече с «известным писателем» Амфитеатровым в 1920 г. в кн. «Россия во мгле» (М., 1959. С. 17).

ГОРЬКИЙ В ПЕРЕПИСКЕ ЛОПАТИНА С А. В. И И. В. АМФИТЕАТРОВЫМИ

Предисловие, публикация и комментарии
Е. Г. Коляды

Публикуемые фрагменты извлечены из обширной переписки Лопатина с Амфитеатровыми. Бóльшая часть этих писем относится к 1908 — началу 1913 г., к тому времени, когда Лопатин, часто уезжая из дома Амфитеатровых (где нашел в то время постоянное пристанище) в Лондон, Париж, Ниццу, Геную и другие города, подробно сообщал им о своей жизни вне «дома».

Интенсивность переписки, которую вел Лопатин, характеризует фраза из его письма Амфитеатрову от 4 сентября 1910 г.: «Сегодня это уже 14-е письмо».

В письмах Лопатина отразились разные стороны его личности. Так, письма к Бурцеву, отличающиеся суховато точной манерой изложения, целиком сосредоточены на деловых вопросах. Письмам к Амфитеатрову нередко присуща живость тона, близкая устным рассказам Лопатина. Особая, проникновенно интимная интонация свойственна и некоторым высказываниям Лопатина о Горьком. Со времени знакомства с Горьким Лопатин на протяжении ряда лет ощущал себя человеком, глубоко затронутым событиями его жизни, не только творческой и общественной, но и личной. Нужно иметь в виду, конечно, что публикуемые высказывания представляют собой лишь отдéльные звенья цепи. Но в соединении с перепиской Лопатина с Горьким, Горького с Амфитеатровым и другими материалами «лопатинского» раздела настоящего тома они помогают восстановить целостную картину отношений Горького и Лопатина, содержат новое об этих отношениях, расширяют наше представление о личности Лопатина, его общественной деятельности, его настроениях той поры, его художественных впечатлениях.

Сквозная тема публикуемых фрагментов — встречи Лопатина с Горьким. Еще в конце 1908 г. Лопатин собирался приехать на Капри, но из-за участия в деле Азефа и других делах по разоблачению провокаторов не смог осуществить своего намерения на протяжении целого года, хотя — как это видно из публикации — не раз возвращался к мысли о поездке к Горькому. Обращает внимание письмо от 29 декабря 1909 г., написанное после того, как Лопатин впервые побывал на Капри. Выражая «приятную надежду» прочитать письмо Горького, Лопатин подразумевает то письмо писателя, в котором он поделился своими впечатлениями от встречи с ним (Г—А, декабрь, не ранее 9, 1909 г.).

Два раза Лопатин виделся с Горьким летом 1910 г. Письмо об их свидании в Аляссио у Е. П. Пешковой от 26—27 июля — одно из немногих свидетельств этой встречи.

В публикацию включены высказывания Лопатина о Шаляпине. Некоторые из них, относящиеся к 1911 г., знакомят нас с обстоятельством, осложнившим отношения Горького и Лопатина в ту пору. Можно предположить, что более чем годовой перерыв в их переписке был связан именно с этим. Лопатин не был солидарен с Горьким в отношении к известному «инциденту» в Мариинском театре. Но вместе с тем Лопатину была чужда та компрометация творческой личности Шаляпина в целом, которая содержалась в суждениях Амфитеатрова той поры, что явствует из его письма Амфитеатрову от 23 сентября 1911 г.

К моменту следующей встречи Горького и Лопатина на Капри шероховатости в их отношениях сгладились. Из писем Лопатина к Амфитеатрову видно, что в 1912 г. он хотел увидеть Горького уже в июне (на Капри) и в августе (в Аляссио), но смог осуществить свои планы только в ноябре 1912 г. В переписке Горького с Лопатиным есть письма, предшествующие этой встрече (Г—Л, п. 6—8), но нет писем, подтверждающих, что она состоялась. В своем дневнике Пятницкий отме-

тил на этот раз лишь день отъезда Лопатина с Капри, не прибавив других подробностей (*АГ*).

В настоящую публикацию включены фрагменты из семи открыток Лопатина, написанных во время его поездки из Феццано в Неаполь и на Капри в ноябре 1912 г. По первым из них легко представить, с каким приподнятым настроением ехал он на Капри. Не случайно в одном из рассказов возникает образ из прошлой, «дошлиссельбургской», жизни — образ человека, который идет на парусной лодке «круто к ветру». В письме к Амфитеатрову (п. 28) Лопатин подробно рассказывает, с каким нетерпением ждали его приезда Горький и М. Ф. Андреева. Правда, в открытках, написанных уже с Капри (п. 28—29), Лопатин почти не характеризует содержания своих бесед с Горьким. Упомянуто лишь о равнодушном отношении писателя к разговорам о «делах Бурцева» (т. е. об издании «Будущего» и «Былого»). Но из воспоминаний Бурцева мы узнаем, что в один из вечеров у Горького речь шла о все еще остро волновавшей и Горького и Лопатина теме — подробностях разоблачения Азефа, а также то, что и в этот свой приезд к Горькому Лопатин много рассказывал о своей жизни — «рассказывал по обыкновению красочно и увлекательно» (п. 29, прим. 1).

По всей вероятности, встреча Горького и Лопатина в ноябре 1912 г. была последней. В связи с этим особую ценность представляют упоминания Горького в письмах Лопатина Амфитеатрову 1913—1914 гг. Они являются свидетельством его глубокого интереса к жизни Горького и в этот период. В письмах из России привлекает внимание нетерпеливое ожидание Лопатиным возвращения Горького на родину, где, по его словам, писателю «действительно нашлась бы роль и дело» (п. 35).

Публикуемые документы еще раз подтверждают нараставшее отчуждение между Горьким и Амфитеатровым. Оно сказалось, например, в амфитеатровской оценке отношения Горького к процессу Бейлиса, в высказываниях о горьковских театральных замыслах.

Органическая связь переписки между Лопатиным и Амфитеатровыми с материалами тома позволяет подойти более широко к отбору текстов для данной публикации. В отдельных случаях вниманию читателя предлагаются фрагменты, в которых нет прямых упоминаний о Горьком, но которые так или иначе связаны с волновавшими писателя проблемами.

Сохранилось 152 письма Лопатина (*ЦГАЛИ*, ф. 34). Писем Амфитеатрова — 30. Из них 4 письма находятся в фонде Лопатина в *ЦГАОР* (ф. 9104).

Ниже публикуется 37 фрагментов из писем Лопатина и 9 — из писем Амфитеатрова.

1. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

(Ницца.) 19.I.09

Дорогой А. В.! Свои ниццские дела я прикончил или почти что так; в четверг последнее свидание по здешним делам. Но в пятницу я уезжаю — увы! — не в Кави, не в Рим и не на Капри [1], а в Париж. Вы сами можете себе представить,— *что́* там теперь происходит... Читали ли вы «Извещение» парижск⟨ой⟩ группы «эсеров» № 1? [2] ⟨...⟩

Сегодня получаю настоятельное приглашение от «товарищей» явиться немедленно в Париж с предложением возместить дорожные издержки [3]. Но *кто* эти «товарищи»? Ни даты, ни подписи, кроме непонятных инициалов Н. В.! [4] Удивительные люди! К счастью, я и без того еду туда по приглашению Б⟨урце⟩ва. — И я радуюсь с Вами успеху «Бор⟨иса⟩ Годунова» [5].— Жаль, что мне не удастся познакомиться у Вас с Ш⟨аляпиным⟩ 2 или 3 февр⟨аля⟩ [6]. — А не «тряхнуло» Вас в Милане?

[1] Лопатин предполагал выехать на Капри в конце декабря 1908 г. Горький писал в это время Е. П. Пешковой: «На днях жду: Елпатьевского, Лопатина, Ам-

фитеатрова. Богданова» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 58). Затем отъезд был перенесен на 20 января 1909 г.

[2] Имеется в виду официальное извещение ЦК партии эсеров от 23 декабря 1908 г., в котором сообщалось, что Азеф «уличен в сношениях с русской политической полицией и объявляется провокатором. Скрывшись до окончания следствия над ним, Азеф, в виду своих личных качеств, является человеком крайне опасным и вредным для партии».

«Не правда ли,— писал Лопатин в более раннем письме от 1/14 января 1909 г.,— какой ужас охватывает душу, когда реализируешь себе,— *что́* скрывается *на деле* под этими немногими и краткими строчками?!..»

[3] Видимо, речь идет о приглашении принять участие в ликвидационной комиссии по делу Азефа. (См. п. Лопатина Бурцеву от 11 янв. 1909 г. в сообщении Е. Г. Коляды «О Горьком и Лопатине...»). «Приехав в Ниццу,— писал Лопатин Амфитеатрову 16 января 1909 г.,— нашел настоятельное приглашение приехать в Париж. Вы сами понимаете, что при нынешних обстоятельствах отказ немыслим ‹...› Мне предлагали даровой, депутатский билет 1-го кл‹асса›, в Неаполь (через Рим) и обратно. Соблазн был велик, но поездка в Париж сейчас важнее».

[4] О ком идет речь — установить не удалось.

[5] Премьера оперы «Борис Годунов» М. П. Мусоргского в Миланском театре «Ла Скала» с участием Шаляпина состоялась 14 января 1909 г. См.: А—Г, п. от 15 или 16 января 1909 г.

[6] В цитированном п. Амфитеатрову от 16 января 1909 г. Лопатин сетовал: «Жаль, что не сообщили *точно — когда именно* будет в Cavi Шаляпин: быть может, я и выкроил как-нибудь визит туда». По-видимому, в ответном письме Амфитеатрова (не дошедшем до нас) сообщалось о времени пребывания Шаляпина в Кави. Горькому Амфитеатров писал 23 января 1909 г.: «2-го или 3-го февраля хотел приехать проездом в Монте-Карло Ф. И. Шаляпин».

2. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

‹Париж.› 26.I.09

‹...› От Рима и Капри еще не отказываюсь, но едва ли выберусь скоро [1].

Печатается по машинописной копии, снятой Амфитеатровым с открытки, присланной Лопатиным. Лопатин в п. Амфитеатрову от 30 января 1909 г. просил вернуть ему «эту открытку для справок». В ней Лопатин высказал ряд соображений о втором извещении ЦК партии эсеров по делу Азефа.

[1] Поездка Лопатина на Капри состоялась только в декабре 1909 г.

3. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВЫМ

‹Париж.› 9, Rue Sarrette, 5.II.09

‹...› Эх! досадно, что ни в Риме, ни у Горького я не буду вместе с Вами [1].

[1] Амфитеатров был на Капри в начале марта 1909 г.

4. ЛОПАТИН — И. В. АМФИТЕАТРОВОЙ

‹Париж.› Вторник 2.III.09

‹...› Выезжаю я все же в четверг или пятницу, но еду через Ниццу, где приостановлюсь на несколько дней, и вот приходит мне в голову, что путь мой в Cavi лежит теперь через Monte Carlo, где сейчас, может быть, живет и поет Шаляпин [1] и где есть возможность познакомиться с этим несомненно интересным человеком [2], хотя и не так удобно и приятно, как это было бы у Вас. Так вот, если Вы найдете, что это все же практичная мысль, то скажите, как по-Вашему удобнее осуществить ее, адресовав мне пару строчек по такому адресу: mr. H. Lopatine, Pharmacie Guidasci 60, Avenue de la Gare. Nice, France [3].

[1] 13 февраля 1909 г. в Монте-Карло в театре «Казино» состоялось первое представление оперы Р. Гюнсбурга «Старый Орел» по легенде Горького «Хан и его сын». Шаляпин выступил в роли Асваба.

[2] 7 и 9 марта 1909 г. Лопатин сообщал Амфитеатрову, что, приехав в Ниццу, написал Шаляпину письмо, в котором предлагал встретиться, но ответа так и не получил.

[3] Адрес уточняется грифом п. Лопатина Амфитеатрову из Ниццы от 6 марта 1909 г.: «Pharmacie C. Guidasci, Parfumerie. Аптека русской колонии. 60, Avenue de la Gare, Nice. Заведыв. Русск⟨им⟩ отделом М. А. Туманов».

5. АМФИТЕАТРОВ — ЛОПАТИНУ

⟨Белград⟩ [1] III, 22/9, 1909 г.

⟨...⟩ Очень был рад и счастлив получить Ваше письмо, да еще из Кави. Я буду назад в половине апреля. Значит, увидимся всенепременно. Максим Горький приедет в Кави в конце апреля. Ergo* — вся компания соберется вкупе и влюбе ⟨...⟩

Пожалуйста, не уезжайте без меня!

По всей вероятности, сообразно маршруту моему я буду возвращаться морем через Константинополь, Пирей и Бриндизи. В таком случае давайте в Риме встретимся, поедем вместе к милому Максимычу, а потом, стало быть, вместе возвратимся в Кави [2].

Письмо на бланке: «Hotel „Moskwa", Belgrad».

[1] Амфитеатров выехал на Балканы в конце февраля — начале марта 1909 г.

[2] Во второй половине апреля 1909 г. Горький писал Амфитеатрову, что ждет его приезда на Капри. Намечаемая поездка Лопатина и Амфитеатрова на Капри не состоялась, так же как и поездка Горького в Кави.

6. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

Paris, 50 B^d St. Jaques
22.XII.09

⟨...⟩ Торопился я сюда зря. Б⟨урцев⟩ выедет только 29-го [1]. № 3 «Об⟨щего⟩ дела» выйдет, вероятно, еще при нем... Так что если бы Вы и А⟨лексей⟩ М⟨аксимович⟩ поспешили присылкою своих статей, то они могли бы попасть еще в этот № [2].

[1] Бурцев вызвал Лопатина в Париж для работы в редакции журн. «Былое» и газ. «Общее дело» на время его пребывания в Америке. Лопатин приехал в Париж 17 декабря 1909 г. Как это следует из его п. Амфитеатрову от 22 декабря, он ехал в Париж с намерением участвовать в разоблачении трех провокаторов. В этом же письме было сказано: «...вероятно, не откажусь заместить Б⟨урцева⟩ на время его отсутствия. Неловко как-то, взяв во внимание его собственное неусыпное усердие к очистке авгиевых стойл и к нанесению правительству всякого ущерба, хотя сам я тайно вздыхаю по спокойному прозябанию в Кави».

[2] Статьи не были присланы.

7. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

Paris, le 29.XH.09

⟨...⟩ Вы сами поманили меня приятною надеждою получить по прочтеньи письмо А⟨лексея⟩ М⟨аксимовича⟩ [1], ну, я и ждал его со дня на день, чтобы вернуть его Вам вместе с моим ответом; но доселе не получил его и опять-таки не знаю — чему приписать это. Зато я получил «Лето» и «Мать», и так как они высланы из Кави, то я заключаю из этого, что Горькие вырвались-таки с Капри хоть на время и проводят святки у Вас [2]. Если это так, то я еще горче сожалею о моем преждевременном отъезде и о том, чего я этим лишился. Кстати, о преждевременности. Бурцев, откладывая отъезд со дня на день, взял, наконец, 3 билета на 29-е (около 1000 fr.), но принужден был отказаться от них (с крупным убытком) и взять вновь билеты на 5 января,

* следовательно, поэтому, итак (*лат.*).

от которых, может быть, снова придется отказаться в случае внезапного получения разных сенсационных relations* и т. п. Хочется ему выпустить при себе № 3 О⟨бщего⟩ д⟨ела⟩.

Кстати: я понял Вас так, что Вы надеетесь послать свою «Куропатку» в четверг (23-го), и тогда она поспела бы еще к № 3; но пока не получилось ничего, это очень огорчает Б⟨урцева⟩, и теперь она может пойти только в № 4. От А. М. тоже не пришло ничего, так что О. Д. приходится пока пробивать себе дорогу одними только собственными, скромными литературными силами.

О себе писать не берусь: длинно и трудно. Говорю просто: мученик я да и только! ⟨...⟩ Комната у меня своя, но в ней «дверь на петле не постоит», как и во всех других. Трудно сказать, сколько раз отрывался я от пера и бумаги на протяжении этих двух строчек!.. А это превращение ночи в день и дня в ночь! А это размочаливание нервов при просмотре секретных материалов и знакомстве с их авторами или объектами! Но что за золотая руда для мыслителя или художника эти подлинные матерьялы, напр. записки убийцы Карпова! Уверяю Вас, мой милый А. В., что при их чтении для *меня* — человека с научно-философским складом ума — политическое значение их и самого факта отходило в тень перед их психологическим и социологическим интересом ⟨...⟩ А какой душераздирательной трагедией дышат, напр., письма к мужу (неудачному «идейному» провокатору) его жены,— женщины, очевидно, с *благородной*, чистой душою и страстно *любящим* сердцем ⟨...⟩. Да и мало ли еще чего интересного в этих архивах людской гнусности и полного падения.

Но при всем том я все же мученик, не имеющий и часу совсем спокойного и вполне для себя. ⟨...⟩

Всего обиднее, что никак не могу добиться часу и настроения, чтобы написать Горьким[3], которые так полюбились мне сразу и были так сердечны со мною. Если они все еще гостят у Вас, обнимите их, пожалуйста, за меня.

Письмо на бланке редакции журн. «Былое» и газ. «Общее дело».

[1] Речь идет о письме Горького к Амфитеатрову, написанном, по всей вероятности, после отъезда Лопатина с Капри, в котором он делился впечатлениями о встрече с Лопатиным (Г—А, п. от дек., не ранее 9, 1909 г.).

[2] 27—30 декабря Горький находился в Неаполе. Из Неаполя вернулся на Капри, не заехав к Амфитеатрову (Г—А, п. от 31 дек. 1909 г.). Книги «Мать» и «Лето» были пересланы Лопатину Амфитеатровым по поручению Горького (А—Г, п. от 1 или 2 янв. 1910 г.).

[3] П. Горькому было написано 1—2 января 1910 г. (Г—Л, п. 1).

8. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Париж.⟩ 31.XII.09

⟨...⟩ Спасибо за новости. Отсутствие упоминания о Горьких принимаю за знак, что их у Вас нет и не было. Почему же тогда книги А⟨лексея⟩ М⟨аксимовича⟩ пришли из Кави?

9. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Париж.⟩ 9.I.10

⟨...⟩ Кстати: почему не черкнете какого-либо успокоительно-разъяснительного слова по поводу письма Горького?[1] Раздумали ли Вы послать его? Или же оно затерялось на почте? В последнее, впрочем, по обыкновению, мало верю.

---

* донесений, сообщений (*фр.*).

Еще кстати: каким образом «Лето» с *собственноручною*, лестною подписью автора (которая растрогала и сконфузила меня) — пришло ко мне из *Кави*, если Горькие не были у Вас на святках? Не понимаю! [2]

[1] См. п. 7, прим. 1.
[2] См. также: Г—Л, п. 1.

10. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Париж.⟩ 11.1.10

Дорогой Ал. Вал.!

Вчера, когда я дописывал после бесчисленных перерывов мое письмо к Вам, Ваша книга была уже получена, но лежала у меня на столе невскрытая [1].

Сегодня вечерком, проводив последнего посетителя, я растянулся на кровати и взял ее в руки, чтоб отдохнуть от трагикомических впечатлений дня и хоть немного позабыть о них «в чарованье красных вымыслов» [2]. Взял, уютился, настроился надлежащим образом... как вдруг наткнулся на Ваше посвящение, которое привело меня в неописуемое смятение. Бог Вам судья, дорогой Ал. Вал.! Зачем же так смущать безобидного человека? Убить, что ли, Вы меня хотите? Как должен жить человек, чтобы без стыда смотреть в глаза людям после такого посвящения? [3] Какие геркулесовы подвиги совершать на старости лет, чтобы не оказаться публично «неключимым рабом, лукавым и ленивым»? Нет! Нет! как хотите, это ласково, но безжалостно. Набросав наскоро, под первым впечатлением этот протест, все же дружески-признательно жму Вашу руку и берусь снова за книгу, чтобы ознакомиться с Вашим новым творением.

Ваш ГЛ

Письмо публикуется полностью.

[1] Первый том романа «Девятидесятники».
Позже, 28 января 1910 г., Лопатин писал Амфитеатрову по поводу этой книги: «Успеху 90-ников не удивляюсь: там есть яркие страницы и притом касательно таких житейских язв, о которых мало говорят, но которые больно чувствуются, особенно «женским сословием». Помнится, я говорил Вам, что Wells ⟨Герберт Джордж Уэллс⟩ курьезным образом подходит к своему социализму именно тоже со стороны материнства и детопитательства».
[2] Неточно цитированная строка из богатырской сказки (в стихах) Н. М. Карамзина «Илья Муромец» (1795). У Карамзина — «чародейство красных вымыслов».
[3] Горький писал Амфитеатрову: «Очень по душе мне и то, что книга ваша Г. А. посвящена и что назван он в посвящении „могучим русским человеком“» (Г—А, п. от 9 янв. 1910 г., прим. 4).

11. ЛОПАТИН — И. В. АМФИТЕАТРОВОЙ

⟨Аляссио. 26—27 июля 1910 г.⟩

⟨...⟩ *Alassio* [1]. Вторник. Ночь. Попенял А⟨лексею⟩ М⟨аксимовичу⟩ за «незавертывание» при проездах. Он отвечал только смущенными улыбками. Прибавил обещание исправиться на этот раз, но, кажется,— лживое. Уезжает отсюда на днях ⟨...⟩

P. S. Среда, 5 ч. утра — попал я сюда вчера как раз в день рождения Ек⟨атерины⟩ Пав⟨ловны⟩ [2], которая — как оказывается — живет уже на белом свете «ровно 30 лет и 3 года». — За ужином пили шипучее, а потом были в опере («Fanfan la Tulpes») [3]. Сейчас иду купаться, ибо что же другое делать в этот час и одному? (другие, конечно, еще спят).

Датируется по содержанию и почт. шт.

Е. П. ПЕШКОВА С СЫНОМ МАКСИМОМ
Италия, 1907
Музей Горького, Москва

[1] 25 июля 1910 г. Лопатин писал Е. П. Пешковой: «Буду проезжать мимо Вас завтра, во вторник, 26 VII, в 3 ч. 52 м. дня» (*АГ*).

П. к Амфитеатровой начато Лопатиным в Нерви, во вторник 26 июля в 6 часов утра. В тот же день Лопатин приехал в Аляссио, где и продолжал писать это письмо.

[2] Горький находился у Е. П. Пешковой в Аляссио 15–28 июля 1910 г. Путь в Аляссио лежал через Геную, недалеко от которой находилось местечко Кави ди Лаванья.

День рождения Е. П. Пешковой – 13/26 июля.

[3] Возможно, речь идет о комической опере Луи Варнея «Фанфан Тюльпан».

12. АМФИТЕАТРОВ — ЛОПАТИНУ

〈Феццано.〉 25 сентября 1910 г.

〈...〉 На днях грозится приехать Максимыч[1], но я уверен, что надует. Он страшно не в духах, судя по частым письмам, равно как и М〈ария〉 Ф〈едоровна〉, киснет и негодует на многое[2].

Автограф находится в *ЦГАОР* (ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 5).

[1] Амфитеатров имеет в виду п. Горького к нему (сент., не ранее 23, 1910 г.), в котором он писал: «Не сомневаюсь, что по скорости попаду к вам, а когда – не знаю еще».

[2] Имеется в виду п. Горького Амфитеатрову (конец сент. 1910 г.), в котором он негодует на падение нравов в писательской среде.

13. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

〈Боглиаско.〉[1] 27.IX.10

〈...〉 Приезд Максимыча был бы, вероятно, для Вас большим отдыхом и развлечением, но из эгоистических побуждений я лучше желал бы, чтобы он совершился при мне. Да и что стоит потерпеть до 10 октября?![2]

28.IX.10. Сейчас получил Ваше письмецо. Вы так соблазнительно описываете и «инсинуируете» все прелести Специи[3], что меня «здорово» потянуло туда.

[1] В Боглиаско Лопатин лечился у доктора А. С. Залманова.

[2] Горький приехал в Феццано 12 или 13 октября 1910 г. во время своего путешествия по Северной Италии. См.: *ЛЖТ*. Вып. 2. С. 151.

[3] Переехав из Кави ди Лаванья в Феццано, Амфитеатров писал Лопатину 27 сентября 1910 г.: «Дорогой Г. А., ужасно жаль, что Вы так долго откладываете приезд. Конечно, дело Ваше, но жаль, что приедете Вы в Специю сравнительно поздно, на зиму глядя 〈...〉 А, главное, уж больно рыба прекрасна и всякая живая морская тварь. Здесь залив имеет именно те качества жизни, по коим Вы в Кави сокрушались. Скалы обелены моллюсками, ходят крабы, плавают пульны (?) и пр. и пр.» (*ЦГАОР*, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 5).

14. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

Paris, le 8 Septembre 1911

〈...〉 Очень интересует меня знать: как это вышло, что Ек〈атерина〉 Павл〈овна〉 едет к Вам в гости и что из сего произойдет в сфере островных отношений? [1]

Письмо на бланке журн. «Былое» и газ. «Общее дело».

[1] Е. П. Пешкова с сыном заехала в Феццано проездом в Швейцарию: «Пробыли 1½ сутки и уехали» (п. Е. П. Пешковой Горькому 〈сент. 1911 г.〉 (*АГ*). Пребывание Е. П. Пешковой с Максимом в Феццано вызвало неодобрение Горького. «Извещен,— писал он Е. П. Пешковой 12 сентября 1911 г.,— что ты была в Феццано, в ноевом ковчеге праотца Александра,— ты с Максимом, разумеется, были парой „чистых". Писал мне А〈лександр〉 В〈алентинович〉 дважды дифирамбы Максиму, очень сын наш понравился ему. Это, конечно, рекомендация не очень высокой марки, ибо есть в ней немножко неискреннего, заигрывающего» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 119—120).

15. АМФИТЕАТРОВ — ЛОПАТИНУ

Fezzano. 1911.IX.18

〈...〉 Посылаю Вам копию с безрадостной переписки [1]. Если находите нужным, можете показать В. Л. Бурцеву. Я не намерен оглашать этого, но не намерен и делать секрета, ибо все равно через неделю какой-нибудь подробный и рекламный отчет «о событии» явится в газетах 〈...〉 Вы, конечно, будете упрекать меня за резкость, но, право, не мог иначе.

[1] Амфитеатров послал Лопатину копию своего п. Горькому о Шаляпине от 18 сентября 1911 г. Горький заметил в ответном письме Амфитеатрову 20 сентября 1911 г., что это письмо «имеет такой тон, как будто написано для публики».

16. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

〈Париж.〉 21.IX.911

〈...〉 Письмо Ваше, быть может, «непреклонно-жестоко», но «резкости» в нем я не нахожу. Напротив, мне особенно нравится его *тон*. Впрочем, оно мне *вообще* понравилось, во всем его *целом* 〈...〉 Я очень милостливый человек, но милости к *Ш〈аляпину〉* я не испытываю 〈...〉 Да и когда дело идет о важном общественном интересе, не приходится сентиментальничать (особенно *сейчас!*) 〈...〉 Конечно, Б〈урце〉ву очень хочется тиснуть его в своей газете, которую надеется начать вскоре 〈...〉 Но как поступить, не компрометируя Вас, с письмом Г〈орького〉, без которого Ваше письмо непонятно? О его согласии не может быть и речи? Можно напечатать: «Мы слышали, будто бы Г. обратился к А. с письмом приблизительно такого содержания (очень близкое изложение), на каковое А. отвечал тако (нам показывали черновик)»?

17. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

〈Париж.〉 23.IX.911

Дорогой А. В.! Позабыл прибавить вчера, что один пункт Вашего письма показался мне несправедливым, а именно тот, где Вы укоряете Ш〈аляпина〉 в преступлениях против *искусства* [1]. Ведь артист (актер, певец) *не сам* сочиняет те пьесы, в которых он выступает. И скольких — иностранных и русских — гениальных артистов превозносили до небес именно за то, что, выступив в какой-нибудь жалкой пьесе — чуть не водевиле,— они ухитрялись сделать из какой-нибудь тусклой бесцветной фигуры настоящее живое лицо, глубоко потрясавшее публи-

ку и вызывавшее у нее высокие эмоции. И о Ш. говорили это самое как раз по поводу Дон-Кихота [2] и Ивана Грозного [3]. В чем же тут его вина?

Вот если б он сам *заказывал* такие пьесы исключительно в *своих* интересах, ну, тогда, пожалуй, можно бы еще было нападать на него, да и то не безоговорочно. А теперь за что?

[1] Амфитеатров писал Горькому 18 сентября 1911 г., что Шаляпин «продал свой талант и влияние на засаривание искусства „Дон-Кихотами", „Старыми орлами", „Иванами Грозными"».

[2] Речь идет об опере «Дон-Кихот» Жюля Массне, написанной специально для Шаляпина. Сам Шаляпин высоко оценивал художественные достоинства этого произведения. См.: *А—Г*, п. от 16 мая 1910 г., прим. 1.

[3] «Иван Грозный» — опера Р. Гюнсбурга. Шаляпин впервые исполнил главную партию в этой опере 2 марта 1911 г. в Монте-Карло, в театре «Казино».

18. АМФИТЕАТРОВ — ЛОПАТИНУ

Fezzano. 1911.IX.23

Ай, нет, дорогой Герман Александрович, письма моего к А〈лексею〉 М〈аксимовичу〉 никак нельзя печатать. Это значило бы совершенно разрушить отношения, и без того ставшие не очень-то ладными, и жестоко обидеть А. М., чего я отнюдь не хочу.

〈...〉 Но напечатать письмо значило бы учинить *нападение*, на что не ощущаю в себе ни охоты, ни права.

19. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВЫМ [1]

〈Париж.〉 25.IX.911

Сейчас получил Вашу записку по поводу Ш〈аляпина〉. Вы сами же ввели меня в заблуждение словами: «можете показать Бурцеву; оглашать этого я не намерен, но и делать запрета тоже, так как все равно через неделю это попадет в газеты». Я и понял так, что Вы не хотите посылать своего письма в газеты *сами*, от *своего* имени, но ничего не имеете против «нескромности» друзей. Ну и ладно. Я Вас вполне понимаю и огорчу Б〈урце〉ва разрушением его надежд на эту «сенсацию».

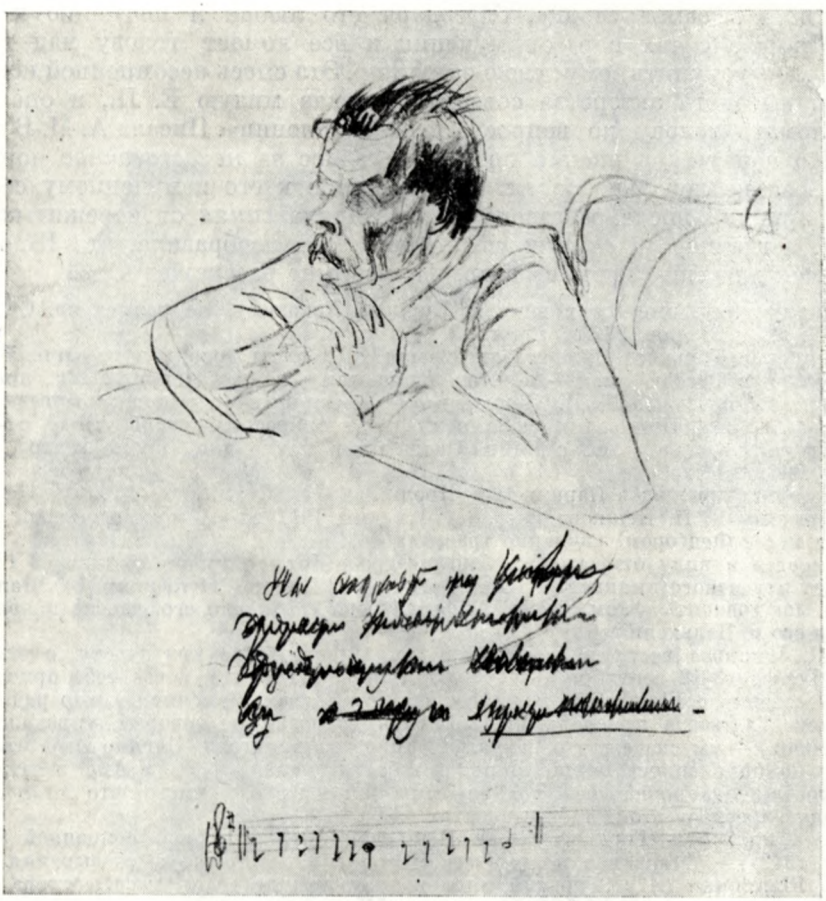
[1] Продолжение п. Лопатина Амфитеатрову от 23 сентября 1911 г. Публикуемый фрагмент написан после получения п. Амфитеатрова от 23 сентября.

20. ЛОПАТИН — И. В. АМФИТЕАТРОВОЙ

9.X.11. Spezia

〈...〉 Но что это за «милый гость», которого Вы ждете? Максимыч? И когда? [1] И к чему эти подстрекающие любопытство умолчания,— «интриганка» Вы этакая!

[1] В п. Горького Амфитеатрову этого времени нет и намека на желание Горького приехать в Феццано. 9 или 10 октября 1911 г. Горький предлагал Амфитеатрову встретиться в Риме. В связи с этим И. В. Амфитеатрова писала Е. П. Пешковой 14 октября 1911 г. из Феццано: «...на днях мы собираемся дней на пять в Париж 〈...〉 А〈лександр〉 В〈алентинович〉 не только собирается повидать А〈лексея〉 М〈аксимовича〉, но, по-видимому, свидание это состоится не сегодня завтра перед нашей поездкой в Париж. Это будет в Риме по предложению самого А. М. Нечего и говорить Вам, как обрадовался А. В. возможности повидать его на нейтральной почве. Надеемся очень, что без посторонних свидетелей 〈...〉 Хорошо им теперь повидаться, чтобы дать возможность обвалиться последним «чешуйкам недовольства и непонимания» (*АГ*).



ГОРЬКИЙ

Рисунок Ф. И. Шаляпина (бумага, карандаш). Капри, 1911—1913. Под рисунком нотная строка и тщательно зачеркнутое шутливое четверостишье Шаляпина: «На острове на Капри//Живет живой старик.//Давно жует он лакри-//цу и головой поник»

Музей Горького, Москва

21. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

〈Париж.〉 Четверг 13.VI.12

Не знаю — дорогой Ал. Вал. — пробежали ли Вы перед отправкою бурцевское письмо?[1] 〈...〉 В нем всего любопытнее та маниакальная серьезность, с которой он изумляется, что ни я, ни Вы, ни А〈лексей〉 М〈аксимович〉[2], ни мир вообще не поняли всей важности и величия его намерения для русской истории 〈...〉

Видел я Ек〈атерину〉 Павл〈овну〉[3] 〈...〉 Очень интересно и мило рассказывала она мне о посещении Шаляпина[4]: как она долго не решалась принять его, чтоб выслушать его объяснения; как вся душа ее поднималась при мысли увидеть его и говорить с ним; как она боялась общего возмущения против себя и какой-нибудь неприятной встречи и оскорбительной выходки у себя дома[5]; как поразило ее искаженное от волнения лицо Ш〈аляпина〉, с которым он говорил ей, что сам *не понимает — как* это случилось, что он действовал при данных обстоятельствах как-то автоматически, что после ему было досадно, но что он все же не догадывался о всей важности случившегося, что только Ваше письмо[6] открыло ему глаза, потрясло до глубины души

и поразило в самое сердце, благодаря его любви и почтению к Вам и А. М.; что с тех пор он мученик и все ломает голову над тем — чем и как искупить ему свою вину и пр. Эта смесь несомненной искренности и высокого актерства совсем завоевала милую Е. П., и она тоже стала ломать голову по вопросу об «искуплении». Писала А. М. В ответ на плохо понятое ее письмо получила разнос за *недостаточное* понимание Ш., за не довольно *бережное* отношение к его измученному сердцу (а она три дня после разговора с ним ходила *синяя* от пережитых волнений), а главное за *самомнение*, с коим она вообразила, что Ш. искал *ее помощи* для «искупления» и пр.[7] Но всего не расскажешь.

[1] По-видимому, имеется в виду п. Бурцева Лопатину. Не разыскано. См. также: А—Г, п. от 28 мая 1912 г., прим. 13.

[2] О письме Горького Бурцеву от 28 мая 1912 г. по поводу намерения Бурцева вернуться в Россию см. Г—А, п. от конца мая — начала июня 1912 г., прим. 1.

[3] Лопатин известил Е. П. Пешкову о своем приезде в Париж открыткой от 10 июня 1912 г.: «Приехал я сюда повидаться с братом, которого жду сегодня. Очень бы хотел повидаться с Вами. Скажите: в какие дни (кроме завтра, вторника) и часы Вы свободнее?» (*АГ*).

[4] Шаляпин приехал в Париж на гастроли.

[5] Горькому Е. П. Пешкова писала ‹20 июня› 1912 г.: «А меня начинают понемногу за мое с Фед‹ором› свидание травить» (*АГ*).

[6] Имеется в виду открытое п. Амфитеатрова Шаляпину от 26 января 1911 г. по поводу известного инцидента. (См.: Г—А, п. от 26 янв. 1911 г., прим. 3). Шаляпин едва ли мог говорить о том, что п. Амфитеатрова «потрясло его», после появления в печати его п. Волькенштейну (Там же).

Е. П. Пешкова восприняла открытое п. Амфитеатрова критически, о чем она писала Горькому 12 сентября 1911 г.: «Помнишь, в Париже, когда тебе присылали разные сведения о Шаляпине, когда сообщали о словах Шал‹япина›, что ради тебя он это сделал, когда прислали письмо Амфитеатрова (ты говорил, упрекали, что ты молчишь) — ты сказал, что, пожалуй, придется написать. Письмо Амф‹итеатрова› мне не понравилось, и, помнишь, я тебе говорила, что если Амф‹итеатрову› неудобно молчать показалось, то твое имя так высоко и чисто, что на вылазки по твоему адресу не стоит тебе отвечать» (*АГ*).

[7] Речь идет о п. Горького Е. П. Пешковой (между второй половиной мая и 4 июня 1912 г.). Отвечая в полемическом тоне на некоторые высказывания Пешковой о Шаляпине (*АГ*), Горький имел в виду прежде всего Амфитеатрова и его окружение. «Оставить бы Ф‹едора› в покое,— писал Горький,— он его заслужил и нуждается в нем, как всякий человек, творящий большое дело среди миллионов бездельников.

Ты не сердись,— это не только тебе писано, но и дальше через твою голову» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 143).

И в следующем п. Е. П. Пешковой от 4 июня Горький пояснил: «Я не злюсь, а мне неприятно видеть, что ты на истории с Шаляпиным устроила праздник и парад всем твоим добродетелям. Буду очень рад, когда тебя проберут хорошенько за „измену принципам", и ты сама убедишься, как неприятны люди, когда они выворачиваются наизнанку, дабы показать миру твердость и блеск своих душ» (Там же. С. 143).

22. ЛОПАТИН — И. В. АМФИТЕАТРОВОЙ

‹Париж.› 23.VI.12

‹...› Бродила во мне мысль — вернуться кружным путем, т. е. проехать в Геную через Лозанну, с заездом в Кларан, а из Генуи спуститься морем в Неаполь, где посмотреть Помпею и Горького[1], после чего приехать в Рим и убить там недельку на осмотр тамошних зрелищ,— и уж только после этого вернуться к Вам с юга. Но не знаю — хватит ли у меня на это предприимчивости: очень уж я утомлен и разбит здешней безалаберной жизнью.

[1] 27 июня 1912 г. Лопатин писал Амфитеатровой из Парижа: «Думаю выехать отсюда завтра, прожившись в прах и изнемогая от усталости. Если последнее чувство не изменится дорогой, то, вероятно, откажусь от затеи вернуться через Неаполь и Рим и направлюсь прямо домой, с остановкой в Кави». Поездка к Горькому не состоялась.

ГОРЬКИЙ В ПОМПЕЯХ
Фотография Н. Е. Буренина, 1906—1907
Музей Горького, Москва

23. ЛОПАТИН — А. В. АМФИТЕАТРОВУ

⟨Генуя.⟩ 19.VIII.12, утро

⟨...⟩ Я писал Ек⟨атерине⟩ Павл⟨овне⟩, что пробуду здесь недели 2 или 3 и прибавил: «если в конце этого времени А⟨лексей⟩ М⟨аксимович⟩ будет еще в Alassio и если Вам не будет в тягость мое пребывание в течение недели (ехать в такую даль на день или два положительно не стоит), то я охотно приеду к Вам»[1]. Ответа на это письмо я не получил[2] и теперь знаю почему. Раз А. М. уехал[3], то мне нечего делать там даже с *ее* точки зрения. Раньше это было бы лишним развлечением для А. М. и лишним шансом для удержания его там. Затем таилась надежда на возможность разговоров, в которых я поддержал бы ее сторону касательно планов на будущее. А теперь на что я ей там? Не для излияний же грусти и жалоб, к чему она совсем не склонна. Да и для себя мне там нечего делать: ведь *интересен*-то все же он, а не она, несмотря на все мое сочувствие к ее бедам.

[1] Лопатин писал Пешковой 9 августа 1912 г. из Генуи: «Получил я Вашу записочку накануне моего выезда из Fezzano (...) Думаю прогостить здесь недели три. Если к тому времени А⟨лексей⟩ М⟨аксимович⟩ не уедет еще из Alassio, если мое присутствие не покажется Вам в тягость в продолжение недели (ехать на сутки или двое в такую даль не стоит), то я охотно загляну в Ваши палестины, о чем у нас есть еще время списаться. Привет Вам и А. М.» (*АГ*).

[2] Ответ был получен несколько позже. См. п. 24.

[3] Горький уехал из Аляссио 8 августа 1912 г. Из п. Горького к Амфитеатрову от 2 августа 1912 г. видно, что сам Горький надеялся на встречу с Лопатиным в Аляссио.

24. ЛОПАТИН — И. В. АМФИТЕАТРОВОЙ

⟨Генуя.⟩ 20.VIII.12

⟨...⟩ Получил письмо от Ек⟨атерины⟩ П⟨авловны⟩, пишет, что А⟨лексей⟩ М⟨аксимович⟩ уехал и неизвестно,— вернется ли он через 3 недели или даже вообще; но что если я захочу заглянуть к ней[1] и без А. М., то она будет очень рада. Сообщает о Вашем приглашении и о невозможности воспользоваться им сейчас и прибавляет, что хотела бы побывать у Вас хоть попозже, «чтоб душой погреться» — бедняжка!

[1] Приезд Лопатина в Аляссио не состоялся. 25 августа он сообщил Амфитеатровой: «Ек. Павл. звала меня погостить у ней. Я долго колебался, но, кажется, не поеду».

25. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВЫМ

⟨1 ноября 1912 г.⟩

Ливорно, пятница, 10 ч. утра. Пишу стоя на кабестане (тот ворот, которым «выхаживают» якорь).

⟨...⟩ За Porto Venere[1] началась «игра»! Все «мальдемерцы» (от mal-de-mer *) показали себя «вовсю». Судно «выгребало» против ветра едва 1 милю в час!

Когда на маленькой парусной лодке идешь «круто к ветру», все время на боку, черпая временами бортом, это немного жутко, но занимательно; но когда высокий пароход делает то же, это, право... глупо и... почти страшно ⟨...⟩ В 2 ч. ночи встаю, оглядываюсь: стоим в залитом огнями порту. Картина что-то знакомая. «Где мы?» — «В Специи».— «Как! Мы вернулись назад в Специю»? — «А Вам хотелось бы потонуть в другом месте?» ⟨...⟩ Что было по дороге «ни в сказках сказать, ни пером описать!» — Пришли в 9 ч⟨асов⟩ у⟨тра⟩. Надеемся быть в Неаполе не позже воскресенья, если не утонем.

Датируется по содержанию (пятница — 1 нояб.). На открытке почт. шт.: «Napoli 3. 11. 12».

Публикуемая (с сокращениями) открытка — первая из семи отосланных Лопатиным Амфитеатрову во время его поездки в Неаполь, а затем на Капри. У Горького Лопатин находился с 3 по 10 ноября 1912 г. Приезду Лопатина на Капри предшествовала его переписка с Горьким в октябре 1912 г. (Г—Л, п. 6-8).

[1] Порт в районе Специи.

26. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВЫМ

⟨2 ноября 1912 г. № 2⟩

Старая калоша «Farfaluga», облыжно именуемая пароходом «Serivia» — суббота, полдень,— пишется на «бухте» (свертке) якорного каната, при славной качке ⟨...⟩

---

* морская болезнь (*фр.*).

Помнится, я говорил Вам, что со дня моего «воскресенья» природа неизменно благоприятствует моим поездкам. Пусть как угодно свирепствуют стихии, хотя бы в день моего отъезда. Но за полчаса до выхода моего из дому дождь и снег приостанавливаются, чтобы дать мне дойти до станции или до пристани. Да и в дороге, чуть мне нужно выйти, или где мне нужно смотреть и любоваться, я всегда имею в изобилии солнце и свет. Так было и на этот раз. Ночью ревел шторм, лил дождь. Около $^1/_2$ 6-го я не отважился спуститься в темноте с лесенки без поручней, ибо вода кипела и билась как безумная. А к 7-ми, к моему выходу из дому, все успокоилось, а в 10 ч. к «отвалу» даже вышло солнце. Правда, в открытом море разразился шторм, но ведь буря — тоже «картина природы» и тоже входит в число интересных переживаний. Итак, на природу я не жалуюсь ⟨...⟩

В Неаполе будем *не ранее* 8 ч. *вечера!* Подумайте: сладко ли очутиться в «незнамом» городе «на ночь глядя» да еще в таком разбойничьем вертепе, как неаполитанский порт!

Датируется по содержанию. На открытке почт. шт.: «Napoli 3. 11. 12».

27. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВЫМ

Неаполь. Воскресенье ⟨3—4 ноября 1912 г.⟩

⟨...⟩ Должно быть, натура давно уже просила езды и хорошей встряски. В Неаполь приехал вчера затемно в 9 ч. в⟨ечера⟩. Начался грабеж: перевозчики, носильщики, указчики... Наконец я рявкнул: «Зовите карабинеров или гвардию, такие-сякие! Не дам ни копейки больше. Я и так плачу вдвое против тарифов». Тогда разбойники кротко: «К чему тут полиция? Дайте что, пожалует, Ваша честь».— **Беру** извозчика. Путем расспросов у полицейских и местных торговцев находим узкую улочку, где едва протесняется *один* экипаж (двум не разминуться). Вид разбойничьего вертепа. Отыскиваю моих молодоженов[1]. Знаете, по сообщенным мне ценам я ожидал чего-то очень жалкого. Но действительность превзошла все мои ожидания. Это — Хитров рынок, Вяземская лавра[2], Contes miracles *! Сдаются собственно *углы*, хотя уступают и по 4 угла в одни руки. За всякими «надобностями» выходят на улицу и в публичные бесплатные учреждения... Все остальное сообразно с этим. Ужас! Зато нравы просты. Мне не нашлось ни одной комнатурки. Говорю: «куда же я пойду теперь ночевать?», а хозяйка: «а зачем идти? Вот двое козел, две доски, я сейчас огорожу Вам койку в головах у молодоженов, положу тюфяк, и отлично выспитесь!» И что же? Ведь пришлось соснуть именно так! ⟨...⟩

Сегодня же уезжаю на Капри. Уже дал депешу[3] ⟨...⟩

4.XI. — забыл эту открытку в кармане и отсылаю уже на Капри.

Датируется по содержанию. На открытке почт. шт.: «Capri 5. 11. 12».

[1] В Неаполе в то время жила племянница Лопатина и ее муж.

[2] Хитров рынок — площадь в центре дореволюционной Москвы, окруженная ночлежными домами.

Вяземская лавра — так называли дом Вяземского в Петербурге, в котором находились самые дешевые трактиры и ночлежные дома.

[3] Телеграмма Лопатина не разыскана.

* Чудесные сказки (*фр.*).

28. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВЫМ

(Капри. 5–7 ноября 1912 г.)

Капри. 5.XI.12 — № 4

Дорогие А. В. и И. В!

Продолжаю мою Одиссею. В воскресенье, в полдень, даю депешу. Приезжаю затемно. На пристани никого. Плохо. Думаю: «С легким чемоданчиком не стоит брать извозчика. Пойду по колесной дороге, которая, наверно, ведет и мимо них. А про виллу [1] спрошу у прохожих». Иду, иду, взмок как мышь, чемоданчик оттянул руку, горы, темень, и никаких прохожих. Наконец какие-то два парня. «Знаете виллу М⟨аксима⟩ Г⟨орького⟩?» — «Знаем». — «Ведите, я заплачу». Ходили, ходили по горам и долам. Пришли к какому-то неосвещенному зданию, звонились, звонились, так и не дозвонились никого. «Ведите меня вниз на марину, в какую-нибудь скромную гостиницу». Внизу останавливает меня некто: «Вы — Л⟨опатин⟩? Я Вас видал в Париже». — «Да». — «Куда же Вы идете? А Горькие Вас ждали на Funiculaire * (о коем я совсем позабыл). Не дождались, подумали, что Вы опоздали к пароходу и ушли домой». — «Ведите меня к ним». Признаюсь, по душевной испорченности, я подумал из отсутствия встречи, что ко мне «повернули холодное плечо». К счастию, я ошибся. А⟨лексей⟩ М⟨аксимович⟩, М⟨ария⟩ Ф⟨едоровна⟩, ее сын Ю⟨рий⟩ А⟨ндреевич⟩ [2] и др. долго ждали меня и не дождались. Все сложилось потом по-хорошему. Жаль только, что А. М., стоя долго вечером на ветру, в одном пиджаке, немного простудился, что мне очень досадно и неприятно. О делах Бурцева [3] уже говорил не мало и встретил то, чего и ожидал: доброжелательность, но вялую и неактивную. И чучело же этот Б⟨урцев⟩! Пишет «выеду в субботу» (через день после моего отъезда). «В Специи буду в среду» (когда я буду в Неаполе!). «Очень бы нужно повидаться с вами» (зачем же путал?). Хотел бы повидать и Горького. Телеграфируйте «туда-то» (а его там уже *нет*!) «Пишите туда-то». — Написал, но никакого толка не жду.

(По горам и долам я бродил в темноте целых *два часа* без отдыха. Ва!)

7/XI 12. — Атмосфера здесь не из радостных: М. Ф. грустна и все задумывается. А. М. тоже не шибко весел. Вот уже вторые сутки, что непогода мешает мне выехать, авось удастся завтра, а эти строки пошлю, вероятно, сегодня и дорогим почтовым пароходом ⟨...⟩ [4]

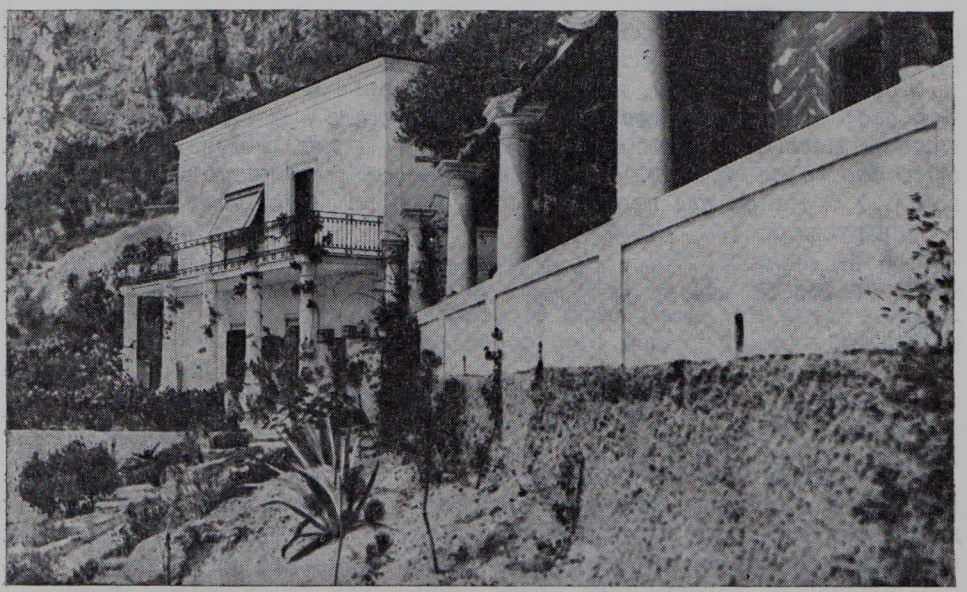
[1] Вилла «Серафина», где жил Горький, была расположена на виа Муло. Один небольшой дом занимали Горький и М. Ф. Андреева; в другом была столовая и комнаты для приезжающих.
[2] Юрий Андреевич Желябужский.
[3] Речь идет об издании газ. **«Будущее»**.
[4] На открытке почт. шт.: «Capri 7.XI.12».

29. ЛОПАТИН — И. В. АМФИТЕАТРОВОЙ

№ 5. Капри. 9.XI.12. Суббота

⟨...⟩ Все дела мои здесь я прикончил в двое суток (понед⟨ельник⟩ и вторн⟨ик⟩). Думаю: «В среду съезжу в лазурный грот, а в четв⟨ерг⟩ на заре уеду отсюда». Но в среду была непогода; отложил до четверга; в четв⟨ерг⟩ случилось то же, а потому решил выехать в пятницу, не побывав в гроте. Но в пятницу разыгралась такая буря, что пароход вовсе не пошел. А попозже получилась депеша от Бурцева, что он

* фуникулёр (*фр.*).



КАПРИ. ВИЛЛА «СЕРАФИНА»
Фотография Ю. А. Желябужского, 1911—1913
Музей Горького, Москва

завтра (то есть сегодня, в субботу) будет сюда [1]. Значит, выехать придется только в воскресенье или понедельник ⟨...⟩ Разговор о здешнем «душенастроении» и пр. откладываю до свидания, памятуя слова мудрого Соломона, Исуса сына Сирахова, Козьмы Пруткова и других древних философов: «Слово — не воробей...», «Что написано пером...», «Verba volant, scripta manent»...* и т. д., и т. д.

Воскресенье, утро. Вчера приехал Бурцев и вчера же переговорили о всем, что ему нужно, так что сегодня мы оба уезжаем [2] (в не совсем удобный для меня час), а завтра уезжает М⟨ария⟩ Ф⟨едоровна⟩ с сыном... По крайней мере, она так сказала мне. Признаюсь, я плохо понимаю, что тут происходит и что будет далее.

[1] 8 ноября Горький телеграфировал Бурцеву в Неаполь, сообщая, что Лопатин находится на Капри (*АГ*). Бурцев приехал на Капри 9 ноября 1912 г. (*Дн. Пятницкого*). По-видимому, именно к этой встрече относятся воспоминания Бурцева: «...я был в Неаполе и написал Лопатину на Капри. Лопатин от имени Горького телеграммой пригласил меня приехать на Капри. Один вечер мы провели все вместе у Горького за общим разговором. Более всех рассказывал Лопатин. Рассказывал по обыкновению красочно и увлекательно. Слушателей особенно занял его рассказ именно о том, как эсеры хотели меня на суде поймать по поводу устройства побега Бакаю» (*Бурцев В.* В погоне за провокаторами. М.; Л., 1928. С. 114).

[2] 28 октября/10 ноября 1912 г. Пятницкий записал в дневнике: «Только что уехали Лопатин и Бурцев» (*АГ*).

30. ЛОПАТИН — И. В. АМФИТЕАТРОВОЙ

⟨Неаполь⟩ *№ 6. Понедельник. 11.XI.12. Вяземская лавра. Вечер*

⟨...⟩ День за днем, я задержался на Капри целую неделю и лишь вчера уехал оттуда вместе с Б⟨урцевым⟩. И давно было пора! Ибо как раз в это время шла подспудная трагедия и готовился последний акт. «Она» мне сказала, что уезжает на другой день вместе с сыном. Но мне плохо верилось. Однако сегодня на морском смотру я познакомился

* Слова улетают, написанное остается (*лат.*).

случайно с одним русским, который рассказал мне, что он ехал сегодня с Капри с одной русской «княгиней» с сыном, которую провожал до пристани Г〈орький〉, причем при прощанье было не мало слез и пр. Так что отъезд ее несомненен [1]. *Куда* она едет, *как* намерена устроиться, *чем жить*, *как* мотивировала свой отъезд мне и Бурчику, обо всем этом *писать* не рискую. И там было не так-то покойно спать над лавой 〈...〉 С Капри нас провожало пять шпиков: 3 француза, два итальянца и один русский.

[1] М. Ф. Андреева уехала с Капри 11 ноября 1912 г. Горький сообщал Е. П. Пешковой: «В понедельник утром М〈ария〉 Ф〈едоровна〉 уехала, мы простились дружески. Все вещи ее взяты ею, и более она не вернется сюда» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 149).

31. ЛОПАТИН — И. В. АМФИТЕАТРОВОЙ

№ 7 *Неаполь. 12.XI.12*

〈...〉 Теперь берусь снова за жалобы и доносы. Не знаю,— каков Неаполь в хорошую погоду, но в дождь я не видал еще более грязной дыры. Впрочем, и в сухомень, поутру, после поливки улиц, тротуары нестерпимо скользки и грязны. А теперь то и дело идет дождь, иной раз проливной. Можете себе представить — как это удобно для всяких поисков, осмотров и т. п.! 〈...〉 Во всяком случае я порешил зайти завтра в музей, послезавтра в Помпею, а в пятницу отрясти прах с моих ног на Неаполь и его окрестности 〈...〉 Возможно, что такое же счастье выпадет на мою долю и в Риме, и тогда я, конечно, недолго пробуду в отсутствии 〈...〉 На Капри местные доброжелатели доложили Г〈орьки〉м, что если я и Б〈урцев〉 выедем в воскресенье, то нас арестуют при сходе с парохода; так как сопровождавшие Б. из Парижа шпики, потерявшие его было из виду, теперь снова нашли его в моей компании. Но, конечно, ничего не вышло, кроме почетного сопровождения.

32. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

〈Феццано. 22 апреля 1913 г.〉

№ 9. *Вторник*

〈...〉 Вернулся Зина [1]. Ничего особенно интересного не рассказывал. Видно только, 1) что денежное положение там убийственное (однако привез Лиде [2] в подарок от А〈лексея〉 М〈аксимовича〉 очень дорогую шаль) 2) что Е〈катерина〉 П〈авловна〉 живет не в одном доме с А. М., с коим живет только М〈аксим〉 и 3) что письменные и деловые сношения с М〈арией〉 Ф〈едоровной〉 продолжаются, что как будто показывает, что она была со мною не столь неправдива, как можно было бы думать.

Датируется по содержанию (вторник — 22 апр.) и почт. шт.: «Феццано 23. 4. 13».

[1] З. А. Пешков.

[2] Л. П. Пешкова писала Горькому из Феццано: «Право, не знаю, что и делать с таким роскошным подарком, не по плечам он обывательской девице, более пристал бы он торжественной и прохладной тишине старообрядческого храма. Так красиво разнообразие листьев и цветов, исполненное одной серебристой нитью. Все население „Теплого дома“ 〈т. е. виллы Бурнасси〉 сбежалось смотреть заморскую красавицу, а Герман Александрович даже боялся в руки брать.

Красота!»

А с другой стороны, Ваш подарок. Разве я видела хоть одну некрасивую вещь, данную Вашими руками? Воистину считаю себя редкой счастливицей и обладательницей Вашего подарка» (*АГ*).

33. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

СПб. 14⟨27⟩ VII, 1913

⟨...⟩ Погода у нас еще хуже вашей. Она разрушила много моих планов. Напр., я хотел спуститься из Екатеринослава до Александровска по Днепру на плотах, через пресловутые пороги, чтобы посмотреть самолично, что это такое ⟨...⟩

По-видимому, Горький собирается на родину? [1] Куда именно, особенно сначала? Надолго ли? Не повлияло ли на его решение мое благополучное пребывание в отечестве? [2] Знал ли об этом пребывании Бурчик [3] в то время, когда он гостил у Вас? Очень ли он возмущался моей скрытностью? Не скрывайте от него моего адреса, если бы он обратился к Вам за ним ⟨...⟩

Рад, что Эрьзя [4] вам так нравится, рад и за Вас, и за него, а то он, бедняга, чувствовал бы себя совсем одиноко в своей беломраморной дыре. Искренно рад за Лиду и Зину по поводу устройства последнего при «Энергии» [5].

Читали ли вы в киевских газетах о театральных успехах М⟨арии⟩ Ф⟨едоровны⟩? Сам я этих статей не читал, но слышал от всех, видевших ее в «Одиноких» Гауптмана, самые восторженные отзывы об ее игре. Говорят о ней, как об очень умной актрисе, создавшей свою роль совсем по-своему и очень удачно. Сценическую ее наружность тоже очень хвалят. По-видимому, она поступила-таки в труппу Художественного театра, по крайней мере, она была в Киеве с отделением этой труппы [6]. Жаль, что меня не было тогда там.

[1] Виза на выезд в Россию была получена Горьким в Неаполе 5 июля 1913 г.

[2] Об отъезде Лопатина в Россию см. в сообщении Л. С. Пустильник «К биографии Лопатина» и вступ. ст. Н. И. Дикушиной.

[3] В. Л. Бурцев.

[4] Степан Дмитриевич *Эрьзя* (наст. фамилия – Нефедов, 1876–1959) – скульптор. С 1906 по 1914 г. жил в Италии и Франции. Во время своего пребывания в Италии Эрьзя сблизился с Амфитеатровым, который оказывал ему в то время поддержку «Когда Эрьзя работал в Карраре, в Феццано жил Амфитеатров. Его дом был широко открыт для всех русских, и многие видные русские эмигранты посещали писателя. Г. А. Лопатин познакомил Эрьзю с А. В. Амфитеатровым. Последний много слышал о нем от Ф. И. Шаляпина. Он оценил его талант, весьма радушно принял русского скульптора, оставил у себя гостить и скоро с ним сдружился ⟨...⟩ Когда Амфитеатров из Феццано переехал в Левант, он пригласил к себе погостить Эрьзю и устроил там для него мастерскую. Эрьзя с охотой переселился к нему и перевез в новую мастерскую весь свой мрамор и инструменты из Каррары. Здесь Эрьзя сделал одну из самых сильных своих вещей — «Агриппину». Далее он сработал изящный портрет «мальчика с собакой» — сына А. Амфитеатрова, большую фигуру «Иоанна Крестителя» для феццанской церкви и портрет Б⟨урцева?⟩. Все эти вещи, кроме «Иоанна Крестителя», который был помещен в феццанской церкви, остались у А. В. Амфитеатрова и нигде не были выставлены ⟨...⟩ У А. В. Амфитеатрова Эрьзя прожил около четырех месяцев» (*Сутеев Г.* Скульптор Эрьзя: Биограф. заметки и воспоминания / Сост. Г. С. Горина. Саранск, 1968. С. 42–43). См. очерк Амфитеатрова «Ерьзя» в его кн. «Заметы сердца» (СПб., 1909).

[5] З. А. Пешков некоторое время был секретарем сборников «Энергия». См.: А—Г, п. от 2 октября 1913 г.

[6] М. Ф. Андреева приехала в Россию с Капри в конце 1912 г. нелегально и шесть месяцев жила под чужим именем. Возобновление ее артистической деятельности стало возможным после того, как группа артистов МХТ (от их имени выступал Н. А. Румянцев) обратилась в Министерство внутренних дел с ходатайством о разрешении Андреевой участвовать в гастрольных поездках театра в Киеве. См.: *М. Ф. Андреева.* С. 191—192.

Гастрольные спектакли Андреевой с артистами МХТ состоялись в Киеве 2, 3 и 4 июня 1913 г. в театре «Соловцов». Шла пьеса Г. Гауптмана «Одинокие» с участием М. Ф. Андреевой, В. И. Качалова, И. М. Москвина, О. Л. Книппер-Чеховой и др. В киевских газетах гастроли МХТ получили восторженную оценку. О М. Ф. Андреевой в одной из статей говорилось: «Случилось так, что М. Ф. Андреева, вернувшаяся на сцену после восьмилетнего перерыва, предстала перед зрителем в той же роли, тепло и сердечно приветствуемая аудиторией, как достойная и всегда желан-

ная, своим исполнением заставляющая прежде всего говорить о себе, о роли Кэт и вновь пересмотреть вопрос о толковании идеи Гауптмана, принятом московскими художниками» (*Чаговец В.* Спектакль артистов Художественного театра // Киевская мысль. 1913. № 153. 5 июня).

34. АМФИТЕАТРОВ — ЛОПАТИНУ

⟨Феццано.⟩ ⟨9⟩ 22.VIII.1913

⟨...⟩ Хорошего молодого писателя мы обрели — некоего Бориса Тимофеева[1]. Немножко слишком много горьковщины, но, как Вам известно, я этим не обижаюсь и думаю, что из всех предметов к подражанию в нынешнюю эпоху это все-таки наилучший ⟨...⟩

К юбилею Короленко написал с большою, правду сказать, неохотою маленькую статью в «Киевскую мысль» по требованию[2] ⟨...⟩ Правда сказать, эти юбилеи Короленко, при всем моем глубоком к нему уважении, начинают делаться смешными. Что это за юбилеи шестидесятилетнего рождения, шестидесяти лет со времени крестин, со времени первых именин и т. д. и т. д. Напрашивается на юмористический очерк. Он, конечно, менее всего в этом виноват, но кругом-то его дураки, что ли? Горький никогда не позволил бы такого юбилейного изнасилования... А Горький где-то опять пропал. Последнее его письмо было из Римини, писал он о том, что едет к нам, только ему надо предварительно побывать еще в одном месте[3], но в этом самом одном месте, которое не знаю где, пропал столь основательно, что затем ни слуха о нем, ни духа, и на письмо, которое я отправил ему в Римини, ответа не было до сих пор... Уже недели две с лишним... В Россию, по-видимому, все-таки едет, равно как, по-видимому, очень хорошо понимает, что ему предстоит по приезде в Россию основывать нечто вроде новой Ясной Поляны. Мой взгляд на сей предмет Вы знаете, и я думаю, что это ему и удастся и будет очень хорошо во всех отношениях... Голова у него умственная, набита теперь всяким знанием весьма обильно и прочно, а разговорщик он неутомимый и умеет увлекать и чаровать людей, что на этом амплуа, надобность которого в русском обществе несомненна, являет качество весьма драгоценное[4].

Печатается по машинописной копии с пометой Амфитеатрова: «Г. А. Лопатину».

[1] Амфитеатров имеет в виду первый сборник «Энергия», в который была принята повесть Б. Тимофеева «Сухие сучки». См.: А—Г, п. от 26 сент. 1913 г., прим. 6.

[2] Статья «На страже чести» была написана в связи с 60-летием Короленко. См.: Киевская мысль. 1913. № 193. 15 июля.

[3] 11 июля 1913 г. Горький уехал лечиться на север Италии. Амфитеатров упоминает п. Горького к нему (июль, после 20, 1913 г.).

[4] См. также: А—Г, п. от 12 июля 1913 г.

35. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Петербург.⟩ 6(19).IX.13

⟨...⟩ 20 августа еще купались,— это в северной-то России! Здесь я и до сих пор сплю с открытым настежь окном (без жалюзи).

⟨...⟩ Странно, что я так плохо рассмотрел Эрзю[1]: многое в его мнениях — напр., о ненужности чтения — казалось мне «безлепицей», его отзывы о других мастерах напоминали мне замечания древних об gens invidiota poetarum *, а речи о себе дышали, на мой взгляд, детским самодовольством; работы же его представлялись мне монотонным повторением собственной особы во всех видах: Христа, пахаря, кузнеца и пр. и пр. Не думаю, чтобы он мог быть компрометирован сколько-нибудь серьезно ⟨...⟩

* завистливой породе поэтов (*лат.*).

Вашей статейки в «Киевской мысли» по поводу юбилея Короленка, вследствие моих разъездов, не читал. Но вполне согласен с Вами насчет избыточности этих чествований и готов воскликнуть параллельно калхасовскому Stop des fleurs — Stop des jubilés![2*] О Горьком не знаю, что и думать. Слышу, что М⟨ария⟩ Ф⟨едоровна⟩ поехала к нему, спрашиваю: значит, она снова переселяется на Капри? Отвечают: отнюдь! Для нее это невозможно, ибо она подписала контракт с театром[2], но она поехала на месяц, сдавшись на его мольбы. Затем слышу, что у Г⟨орького⟩ пошла горлом кровь, что климат Капри оказался для него вовсе неподходящим, что его перевезли в Локарно (или Лугано)[3], и пр. Так что выходит, как будто она поехала туда походить за ним. Впрочем, сейчас Вы, вероятно, лучше знаете всю правду. — Где это Римини? Не то близ Рима, не то в Ломбардии?[4]... Помню только, что там была какая-то Франческа, попавшая в пьесу, послужившую где-то сигналом для восстания или мятежа[5]. Желал бы я быть обманутым, т. е. чтобы оказалось, что Горький здоров и едет в Россию, где ему действительно нашлась бы роль и дело.

[1] Лопатин отвечает на п. Амфитеатрова от 9/22 августа 1913 г.: «У нас долго жил Эрьзя, работал бюст Бубы, весьма великолепный. Большущая сила сидит в этом человеке, настоящий он во всех отношениях. ⟨...⟩ Прелюбопытная и истинно демократическая натура, без маскарада ⟨...⟩ Хорошо было бы узнать в России, какие собственно причины воспрещают Эрьзе въезд на родину».

[2] В мае 1913 г. М. Ф. Андреева подписала контракт о вступлении в труппу Свободного театра.

[3] Локарно и Лугано — города в Швейцарии.

[4] Город и порт Римини расположен на Адриатическом море. 11 июля Горький уехал лечиться на север Италии. С М. Ф. Андреевой, Н. А. Румянцевым и Л. М. Леонидовым встретился в Римини.

[5] С историей трагической любви Франчески и Паоло, воспетой Данте в знаменитой V песне «Ада», связано действительное событие, происшедшее в итальянском городе Римини в конце XIII в. О какой пьесе идет речь — неизвестно. К этому сюжету обращались русские композиторы (оперы С. В. Рахманинова и Э. Ф. Направника, фантазия для оркестра П. И. Чайковского).

36. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Петербург.⟩ 19.IX (2.X) 1913

⟨...⟩ Неужели Вы так-таки *ничего* не знаете о Горьком: о кровохарканье, о перевозе его в Локарно или Лугано, о приезде туда М⟨арии⟩ Ф⟨едоровны⟩ и пр.?! Ведь это же изумительно! И где же справляться о нем, как не у Вас — Зины?!

37. АМФИТЕАТРОВ — ЛОПАТИНУ

Levanto. ⟨21.X⟩ 3.XI.1913

⟨...⟩ Вчера были братья Золотаревы[1] с острова Капри, проездом в Париж. Собираются в Россию. По словам их, Горький, который чрезвычайно поправился и выглядит лучше, чем когда-либо, тоже думает ехать в Россию и, кажется, непременно поедет, потому что весьма увлекся врачом Манухиным, поставившим его на ноги. Это мне нравится еще и потому, что Манухин[2] киевлянин, и, значит, Горький если за ним последует, то должен будет поселиться в хорошем климате.

Печатается по машинописной копии с карандашной правкой Амфитеатрова (без подписи).

[1] А. А. и Н. А. Золотаревы. См. также: А—Г, п. от 16 ноября 1913 г.

[2] И. И. Манухин.

[2*] Довольно цветов — остановите чествования! (*фр.*).

38. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Петербург.⟩ 30.X (12.XI) 1913

⟨...⟩ Я рад, что Горький поздоровел и собирается на родину. Мне кажется, что для него это безопасно ⟨...⟩

Жаль, что Бейлис оправдан не только не единогласно, но и не большинством, а лишь *равенством* (по 6) голосов за и против, что, как известно, обращается по закону в пользу подсудимого, т. е. оправдания [1].

[1] На это высказывание Лопатина Амфитеатров ссылался в своем п. Горькому от 16 ноября 1913 г.

39. АМФИТЕАТРОВ — ЛОПАТИНУ

⟨Леванто.⟩ ⟨5⟩ 18.XI.1913

⟨...⟩ Восторги по приговору Бейлисова дела читаю и хочу крикнуть, как казак, которого по молитве к угодникам перебросило через лошадь: — Не всё сразу! Наш Алексей Максимович, конечно, не мог не перестараться пуще всех... [1] А ликовать, по-моему, совсем нечего. Я буду писать по этому поводу во второй книжке «Энергии» [2], но есть вещи, которых не напечатаешь, а между тем я чрезвычайно их боюсь ⟨...⟩

Да, вот сегодня и от Шолома Алейхема получил письмо, в котором ясно звучат ноты совсем не пылкого восторга, выражающегося словами: «могло быть хуже»... Конечно, могло. Но надо было бы лучше, и я надеялся, что будет лучше. Не по вере в великий смысл простого серого мужика, которым утешаются Ал. Мак. и другие [3], а просто потому, что уж очень чудовищно нелепо, глупо и бездарно велось обвинение.

Печатается по машинописной копии с карандашной правкой Амфитеатрова.

[1] См.: Г—А, п. от ноября, не позднее 14, 1913 г.

[2] См.: п. от 25 ноября 1913 г. Лопатину Амфитеатров писал 10 ноября 1914 г.: «В конце концов выпустил книжку, сняв из нее свою статью о Бейлисе, ибо она приводила издателей в ужас и плач своей нецензурностью, по-моему, впрочем, мнимою».

[3] Короленко в корреспонденции из Киева писал о составе присяжных заседателей: «⟨...⟩ общее впечатление от него именно серое ⟨...⟩ Состав по сословиям — семь крестьян, три мещанина, два мелких чиновника. Два интеллигентных человека попали в запасные. Старшина — писец контрольной палаты. Состав для университетского центра, несомненно, исключительный» (Рус. ведомости. 1913. № 247. 27 окт.).

«Дело Бейлиса,— писал Короленко в другой корреспонденции,— тоже искажено ложным направлением следствия, но и оно стало ясно после суда и речей защиты ⟨...⟩ Я лично не теряю надежды, что луч народного здравого смысла и народной совести пробьется даже сквозь эти туманы, так густо затянувшие в данную минуту горизонт русского правосудия. Правда, испытание, которому оно подвергнуто на глазах у всего мира, тяжелое, и если присяжные выйдут из него с честью, это будет значить, что нет уже на Руси таких условий, при которых можно вырвать у народной совести ритуальное обвинение» (Рус. ведомости. 1913. № 248. 28 окт. (прил. к номеру)).

«Исключительность состава присяжных еще подчеркивает значение оправдания»,— отмечал Короленко в корреспонденции «Присяжные ответили...» (Рус. ведомости. 1913. № 249. 29 окт.).

Короленко писал М. Г. Лошкаревой в связи с окончанием процесса: «Да, это была минута, когда репортеры вылетали из суда, с коротким словом: оправдан. Я чувствую еще до сих пор целебную силу этого слова. Чуть начинается нервность и бессонница,— вспоминаю улицы Киева в эти минуты и сладко засыпаю» (*Короленко В. Г.* Собр. соч. М., 1955. Т. 9. С. 763).

40. АМФИТЕАТРОВ – ЛОПАТИНУ

Levanto. ⟨23.XII.1913 г.⟩ 1914.I.5

⟨...⟩ От Горького страшно давно нет вестей [1]. Лопнула тут какая-то пружина ⟨...⟩ а почему — бог весть?

Здоровье его, слышно, опять хуже [2] и настроение, судя по одной записке, Зиною [3] полученной, очень мрачное.

[1] На свое п. Горькому от 25 ноября 1913 г., адресованное на Капри, Амфитеатров получил ответ только 23 марта/5 апреля 1914 г. из Петербурга.

[2] Известия об обострении болезни Горького проникли и в печать. Так, в заметке «Максим Горький в Финляндии» говорилось: «Легочный туберкулез, не оставлявший А. М. в течение почти всей его жизни, принял за последнее время столь опасную форму, что пользовавшие его итальянские и французские врачи теряли надежду на выздоровление. Спасителем Горького явился молодой русский врач М⟨анухин⟩, один из практикантов пастеровской клиники. Он применил к писателю вновь открытый способ лечения туберкулеза, путем освещения селезенки рентгеновскими лучами» (Биржевые ведомости, веч. вып. 1914. № 13939. 7 янв.).

[3] З. А. Пешков.

41. АМФИТЕАТРОВ — ЛОПАТИНУ

Levanto. ⟨29.IV⟩ 12.V.1914

⟨...⟩ От Алексея Максимовича имел одно письмо [1], весьма бессодержательное, из которого видно только то, что Россия пришлась ему не сахарно. Во всяком случае, он засядет там, видимо, навсегда, так как жизнь на Капри совершенно ликвидирована. Приводят меня в большое огорчение слухи о его театральных предприятиях и затеях [2]. Во-первых, прогорит он зверски на этом деле. Во-вторых — измотает оно его нервно и всячески. В-третьих,— Горький, возвратившийся в Россию для того, чтобы заняться антрепризою, как-то ужасно мизерно, все равно, что Топтыгин чижика съел. Но писать ему обо всем этом, конечно, невозможно, ибо только родит недоразумения. Если бы виделся, то, конечно, все бы это ему высказал.

У нас здесь многие перемены и предвидятся еще некоторые. Уезжает Константин Андреевич [3] куда-то строить теософские храмы ⟨...⟩ Эрьзя уехал в Россию. (Уже в России). Надавал я ему писем к разным именитым людям видимо-невидимо.

Печатается по машинописной копии с правкой Амфитеатрова.

[1] Имеется в виду п. Горького Амфитеатрову от 23 марта/5 апреля 1914 г.

[2] В печати сообщалось о намерении Горького создать новый драматический театр и привлечь в него Шаляпина: «Ф. И. Шаляпин дал свое принципиальное согласие М. Горькому выступить в театре, который М. Горький предполагает в будущем сезоне открыть в Москве. Интересно то, что Ф. Шаляпин выступит в качестве драматического артиста, причем М. Горьким будет специально написана пьеса и будет создана соответствующая роль для Шаляпина» (День. 1914. № 107. 21 апр.).

[3] Возможно, К. А. Лигский.

42. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

Поместье Корсаковка,
неподалеку от Боровичей (Новгор⟨одской⟩ губ⟨ернии⟩).
Старая барская усадьба, раннее утро – 5(18) V.1914

⟨...⟩ Вот куда я забрался на недельку, чтобы побродить по полям, подышать утренней прохладой в густом вековом парке, послушать птичьего щебета, кваканья лягушек и всяких деревенских звуков... а в конце этого месяца думаю отправиться на Черное море в окрестности Батума, в имение одного из моих братьев, а оттуда в Тифлис, где у меня имеются две сестры. А там недалеко уже и до Баку, откуда,

пересекши вдоль Хвалынское море[1], можно подняться вверх по матушке Волге до самого Ярославля и даже до Твери[2]. Как видите, во мне еще не успокоилась бродяжеская жилка, которая продолжает толкать меня туда и сюда. Но при этом я продолжаю удерживать за собою свой скромный, петербургский pied-à-terre *[3], куда могу вернуться всякую минуту, чтобы найти там мои книги и прочую «хурду-мурду» на своем месте, точно я только вчера или сегодня вышел из комнаты. Это чертовски приятно, и я постараюсь — поэтому — сохранить мое нынешнее логовище вплоть до гробовой доски, если мне суждено умереть ⟨...⟩

⟨...⟩ Горький живет, говорят, в двух шагах от меня[4], но так как он и М⟨ария⟩ Ф⟨едоровна⟩ притаились, не подавая никаких признаков жизни, то и я не вижу нужды тревожить их уединение.

[1] Древнерусское название Каспийского моря.

[2] Ныне — г. Калинин.

[3] «Квартиру-то я нанял еще месяц назад,— писал Лопатин Амфитеатрову 14/27 июля 1913 г.,— тотчас но приезде сюда и решил оставлять ее за собой при всех своих разъездах в качестве постоянной pied-à-terre, т. е. собственного угла, где хранились бы мои вещи и куда я во всякое время мог бы явиться, никого не предупреждая и не теряя времени каждый раз на поиски логовища. Мой краткий адрес таков: «Г. А. Лопатину. *Карповка 19, СПб.*», а более обстоятельный таков: «Набережная Карповки. Литераторская улица, Дом писателей, 19».

[4] Горький жил в то время в Финляндии в местечке Кирьявала (станция Мустамяки).

43. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

Черное море. На траверзе Судака.
Воскресенье, 7.VI.1914

⟨...⟩ Читал я в газетах, что Горький уехал в *Давос*, что, по-видимому, показывает, что доктор Манухин (?) (или Леухин?) совсем не чудотворец[1] ⟨...⟩ Со многим из того, что Вы говорите по поводу его затей и пр., я согласен, но ведь все это — лишь газетные слухи, да и действительно имеющиеся замыслы могут не осуществиться, что даже всего вероятнее. — По поводу теософического храма[2] не могу не воскликнуть: «Господи! Как много еще идиотов и безумцев даже среди образованной интеллигенции!» Эрьзя уже испытал всю прелесть русской «каталашки» и пр. Чем кончились его невзгоды — и кончились ли,— решительно не знаю[3].

[1] В газ. «Речь» (1914. № 131. 16(29) мая) была помещена заметка «Лечение туберкулеза по И. Манухину» о несостоятельности методов лечения доктора И. И. Манухина. Горький выступил в той же газете с опровержением этой заметки (Речь. 1914. № 134. 19 мая). См.: Г—А, п. от 23 марта/5 апреля 1914 г., прим. 2.

[2] Речь идет об антропософском храме Гетеанум, сооружавшемся в начале первой мировой войны в швейцарском городе Дорнахе по проекту основателя антропософии Рудольфа Штейнера. Антропософия — разновидность теософии, религиозно-мистического вероучения. В сооружении храма принимали участие приверженцы антропософии из разных стран (в том числе А. Белый).

[3] В газетной заметке «Дым отечества...» сообщалось, что Эрьзя приехал к проф. С. А. Венгерову с рекомендательным письмом от Амфитеатрова. Венгеров направил его к Репину в Финляндию: «На обратном пути арест. И начинаются прелести отечественного дыма. Обыск. Допрос о знакомстве с Бурцевым. Охранное отделение. Жандармы. Одиночная камера ⟨...⟩ И через несколько дней „свобода“ с предупреждением о надзоре полиции» (Новь. 1914. № 105. 21 мая).

* пристанище (*фр.*).

44. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

СПб., Карповка, 19. Дом писателей.
10(23) сентября 1914

〈...〉 Вернулся я из моих летних скитаний уже после того, как возгорелась всемирная война, расстроившая все внешние и даже внутренние сношения. Эрьзя у меня не был. Горький — тоже (что, пожалуй,— в данных обстоятельствах — довольно понятно). Не знаю, насколько правды в сообщении о его поступлении в санитары или в попытке к сему [1].

В конце письма приписка: «Конверт не заклеиваю ради облегчения военной цензуры».

[1] Слухи, о которых сообщает Лопатин, были ложными. См.: Г—Войт, п. 3, прим. 9.

‹В СТАВРОПОЛЕ›

Рассказ Г. А. Лопатина в записи Амфитеатрова

Публикация и комментарии Е. Г. Коляды

Печатаемый текст [1] представляет собой неполную черновую запись одного из устных рассказов Лопатина, сделанную Амфитеатровым.

После встречи с Лопатиным в конце 1909 г. Горький, как это видно из его переписки с Амфитеатровым, напоминал ему о необходимости записывать устные рассказы Лопатина. Один из небольших рассказов о шлиссельбуржцах Амфитеатров передал Горькому в письме от 2—5 февраля 1911 г. Эти записи Амфитеатров вел систематически (о чем есть свидетельство в его письмах [2], но их местонахождение неизвестно).

Публикуемый рассказ Лопатина относится ко времени его пребывания в ставропольской ссылке (1869 г.). Ссылка в Ставрополь — один из сюжетов устных рассказов Лопатина на Капри. Об этом свидетельствует запись в Дневнике К. П. Пятницкого, озаглавленная «Ссылка в Ставрополь Кавк‹азский›» (см. в наст. томе «Из Дневника Пятницкого»). К сожалению, Пятницкий очень коротко изложил содержание рассказа, но первые две строчки его записи: «Как избавился от этапа. Спутникам-жандармам позабыли дать маршрут...» — имеют прямое отношение к публикуемому тексту.

Рассказ, записанный Амфитеатровым, начинается с того момента, когда Лопатин, избавившийся от этапа (т. е. от следования к месту ссылки в партии арестантов, сопровождаемой конвоем), был отправлен на тройке в сопровождении жандармов.

Первоначальное название рассказа «Побег» — вычеркнуто и заменено другим: *«Первый побег Германа Лопатина»*. Судя по названию, предполагался рассказ Лопатина о его побеге из ставропольской тюрьмы в январе 1870 г. Но как раз об этом событии ничего в записи не сообщается. Рассказчик начал с предыстории побега — с приезда в Ставрополь, подробно остановившись на одном из эпизодов своей служебной деятельности в должности чиновника особых поручений при губернаторе. Но и этот эпизод оказался незавершенным: запись обрывается на полуфразе.

Непосредственно под заголовком Амфитеатров сделал (после 1918 г.) поясняющую приписку черными чернилами: «Записаны под диктовку покойного Г. А. Л‹опатина›». Эта приписка не точно передает характер записи. В начале рассказа, до фразы: «Некоторые эпизоды из службы Лопатина при Властове настолько интересны, что жаль было бы о них умолчать», повествование ведется в третьем лице, как бы со слов Лопатина самим Амфитеатровым; в характеристику отношений губернатора Властова с Лопатиным вводятся определения, которые не могли принадлежать Лопатину («огромный талант житейской логики» и др.). Самый же эпизод поселения эстонцев записан Амфитеатровым если не под диктовку (невозможно представить Лопатина, диктующего свои устные рассказы!), то с максимальным приближением к его устной речи. В этой части рассказ ведется от имени Лопатина.

Приведем свидетельство Лопатина об обстоятельствах его жизни в Ставрополе, нашедших отражение в публикуемом рассказе. В письме М. Ф. Негрескулу между 15 и 17 сентября ‹1869 г.›, которое послужило непосредственным поводом к аресту Лопатина, так как попало в руки полиции, Лопатин, сообщая о своем намерении бежать из ссылки, обстоятельно характеризует свою жизнь в Ставрополе. Письмо позволяет уточнить также и время поездки Лопатина к поселенцам-эстонцам: начало сентября 1869 г.

Лопатин писал Негрескулу: «Хотел послать Вам, М‹ихаил› Ф‹едорович›, второе письмо тотчас после того, как послал первое, да вот до сих пор не собрался.

Дело в том, что за это время я опять ездил в командировку (поселял эстонцев), из которой вернулся на днях и застал дома Ваш ответ на мое первое письмо». Далее Лопатин писал: «Заметьте, что меня очень любит губернатор и, судя по внешности, уважает мои мнения и мой образ действий. Когда я выезжаю в уезд, в моем предписании значится — «предписывается г.г. исправникам, становым приставам и прочим чинам земской полиции беспрекословно исполнять всякое распоряжение такого-то». Но одновременно замечал, что его служба сопровождается большим числом доносов на него. «Итак,— заключал Лопатин,— Вы видите, насколько возможна в провинции полезная деятельность в сколько-нибудь широких размерах, особенно для нашего брата „ссыльнопоселенца" (...) Далее, работа по службе мне опротивела до омерзения. Думать, что она будет продолжаться в будущем на неопределенное время — для меня невыносимо! А одна мысль о том, что я могу со временем быть правителем канцелярии или чем-нибудь подобным, может заставить меня повеситься от отчаяния и ужаса и таким образом очистить это место для следующего за мной кандидата» [3].

В объяснении Лопатина по поводу его письма к Негрескулу, сделанном по требованию жандармского офицера, говорилось: «...подчеркнуты слова: „ездил в командировку (поселял эстонцев)... и пр." — слова эти мне кажутся совершенно понятными и ясными. Отчет об этой служебной командировке представлен мною своевременно г. начальнику губернии» — и далее, по другому поводу: «Очень может быть, что здешнее общество — во всех отношениях прекрасное общество, но мне оно казалось скучным, потому что я привык прежде постоянно жить в обществе молодежи, жадно следящей за наукой и искренне волнующейся успехами прогресса во всех областях жизни. Очень может быть, что занятия чиновника особых поручений при губернаторе — очень интересные, очень полезные занятия, но мне, к сожалению, они не казались ни особенно интересными, ни бог знает какими полезными. Я старался добросовестно исполнять принятые на себя обязательства, но не переставал чувствовать себя на коронной службе совершенно не в своей тарелке. Но главное — я совершенно не привык и не желал долее сидеть в Ставрополе, как собака на цепи, лишенный права свободно располагать собою и не стесняясь высказывать свой образ мыслей» [4].

Еще одно свидетельство — автобиография Лопатина 1906 г., написанная им в третьем лице: «Просидев 8 месяцев в III отделении и Петропавловке, Лопатин был выслан с жандармами в г. Ставрополь, с предписанием местному губернатору определить его на службу при своей канцелярии. Это было *последним* случаем административной ссылки *в этой форме,* прежде довольно частой (Герцен, Салтыков и мн. др.). Губернатор совсем не теснил своего подневольного чиновника по особым поручениям, так что тот, в продолжение своего годичного пребывания на этом месте, успел даже сделать кое-что полезное: напр., преобразовал местную общественную библиотеку, сделав ее сборным просветительным центром для местной прогрессивной учащейся молодежи, а главное, поднял и провел вопрос о замене в Ставропольской губернии общинно-захватного крестьянского землевладения (...) общинно-передельным, и притом не по чиновничьим канцелярским указаниям, а по постановлениям сельских и волостных сходов (очень бурных)» [5].

Материалы своей служебной деятельности в Ставрополе по землеустройству крестьян Лопатин обобщил также в статье «Очерк заселения свободных земель пятигорского уезда, оставшихся после ушедших в Турцию ногайцев», написанной летом 1869 г. Характеризуются в этой статье и переселенцы-эстонцы [6].

Упомянутые печатные свидетельства не заслоняют интереса публикуемой нами рукописи. В ней выразительно переданы черты личности Лопатина, непринужденная манера его устной речи, умение характеризовать людей в живом диалоге. Особая ценность этого рассказа — в изображении отношения Лопатина к крестьянам, его понимания их нужд, высокой уважительности к их требованиям («земля их, стало быть, и выбор — их»).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *ЦГАОР*, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 25. Оригинал — четыре больших листа в линейку, исписанных простым карандашом с правкой и рядом пропусков в тексте. На первом листе штамп: Русский заграничный исторический архив. Прага.

Неполный текст этого рассказа (без указания на то, что его запись была сделана Амфитеатровым) приводится в кн.: *Давыдов Ю. В.* Герман Лопатин: Его друзья и враги. М., 1984. С. 21—23.

[2] *Давыдов Ю.* Судьба архива Германа Лопатина // Лит. газ. 1974. № 32. 7 авг.

[3] *Лопатин.* С. 44, 46, 48.

[4] Там же. С. 57, 60.

[5] Там же. С. 10.

[6] Сборник статистических сведений Ставропольской губернии. Ставрополь, 1870. Вып. I, III. С. 13—48. «Сборники статистических сведений» издавались ставропольским губернским статистическим комитетом, председателем которого был Г. К. Властов, а непременным членом — отец Г. А. Лопатина — управляющий Казенною палатою статский советник А. Н. Лопатин.

Большие выдержки из статьи Лопатина напечатаны в кн.: *Харченко Л., Винклер* А. Мятежная жизнь. 2-е изд., испр. и доп. ⟨Ставрополь⟩, 1979. С. 52—65. Авторам книги принадлежит атрибуция этой статьи (подпись под статьей: Л.).

Первый побег Германа Лопатина

В ⟨1869⟩ году, после долгого содержания в Петропавловской крепости по прикосновенности к каракозовскому делу[1], Герман Александрович Лопатин был выслан из Петербурга к родителям, в Ставрополь, с обязательным определением на службу при губернаторе. Так во время оно высылали под административный надзор многих политических дворянского происхождения: Герцен, ⟨Салтыков и мн. др.⟩[2] прошли мытарство насильственной службы в губернаторских чиновниках по особым поручениям. Герман Александрович был исторически последним, претерпевшим эту странную исправительную меру: после него ссыльная бюрократия была отменена. «Должно быть, уж очень хорошо наслужил!»

Отправлен был Г. А. в Ставрополь, конечно, по-старинному: на некрасовской «Еще Тройке»[3] — в тележке с жандармом. По приводе очутился под тремя надзорами: родительским, полицейским и служебным. К счастию, все три оказались нетяжелыми. Губернатором в Ставрополе был тогда Г. К. Властов — человек образованный, даже ученый. Впоследствии он получил известность как богослов, церковный историк и археолог: автор «Толковой Библии», «Теогонии Гесиода» и тому подобных трудов[4]. Г. А. Лопатин сохранил о нем самые хорошие и благодарные воспоминания. Властов умел понять своего нового чиновника по неволе и пользовался им по службе благородно и с тактом. От скуки всякого служебного представительства и встреч не по характеру избавлял его настолько, что, бывало, сам предупреждал:

— Герман Александрович, на днях через Ставрополь проезжают великие князья... Так вам бы, может быть, заболеть на это время? И Г. А. Лопатин — заболевал — никому не в обиду, так как другие чиновники особых поручений, наоборот, очень любили назначения к высокопоставленным гостям: эта служба создает полезные знакомства, открывает протекции и карьеры.

За это Властов усиленно пользовался Лопатиным как чиновником с пером во всех делах, требовавших литературно убедительного изложения, и в разнообразных посылках в губернию по земельным спорам. Не потому, чтобы Лопатин был знаток по этой части. Напротив, как натуралист по образованию[5], Герман Александрович в то время никакого права еще и не нюхивал и, как мы ниже увидим, даже отношения общинного землевладения только именно в Ставрополе постиг и практически им заинтересовался. Но Властов разобрал в Лопатине огромный талант житейской логики: способность разбираться в людях, спокойно и доброжелательно доходя до самой глубины их отношений, тонкое уменье понять до точности жалобщика и ответчика и найти для обоих справедливый выход по душам и по здравому смыслу. Эти качества Лопатина, впоследствии сделавшие Германа Александровича «генералом от революции», как назвал его «генерал от полиции», пресловутый П. Н. Дурново[6], много послужили на благо Ставропольской губернии в эпоху

крестьянской реформы. Некоторые эпизоды из службы Лопатина при Властове настолько интересны, что жаль было бы о них умолчать.

— Властов верил мне совершенно,— рассказывал Герман Александрович.— Бесправный ссыльный под тремя надзорами в Ставрополе, в уезд я отправлялся с личными предписаниями от губернатора ко всем местным властям — оказывать мне всякое содействие и быть в моем распоряжении. Конечно, подобных предписаний он на официальных бланках не давал, а — вырвет из записной книжки листок, да и напишет. Такая цедулка сплошь губернаторским почерком действовала, пожалуй, лучше казенной бумаги. Человек Властов был доброжелательный, народ любил так, что почти все мои доклады немедленно превращались в преобразовательные проекты и проходили в Петербурге чрезвычайно успешно. Мы успели провести ⟨далее две строки пропущены⟩ и почти уже наградили Ставропольскую губернию земством [7], но — меня арестовали как раз в то время [8], как я составлял доклад о необходимости ввести к нам земскую реформу.

Помню, однажды Властов командировал меня разобрать замешательство между переселенцами из Прибалтийского края [9], которые на полученном ими участке земли отказывались строиться там, где указывало местное начальство. Выезжая, я решил на всякий случай захватить с собою землемера. Властов, конечно, разрешил и послал меня к губернскому землемеру, чтобы тот отправил со мною одного из своих помощников. Губернский землемер видит, что я в штатском платье, одет не пышно, и начал ломаться: отказал мне,— у меня, дескать, все люди разобраны, некого послать. Возвращаюсь к Властову, рассказываю,— тот вспыхнул.— А? Так?.. Немедленно катает предписание: губернскому землемеру такому-то сопровождать чиновника особых поручений лично и состоять в его распоряжении. Бедный землемер света не взвидел. Взметался, встосковался,— ехать ему смерть не в охоту, а надо,— и все просил, чтобы хоть не на перекладной, а в его собственном тарантасе.

Приехали на место. Переселенцы — эсты и латыши. Народ бедный, но сразу видно, что культурный. Учителя с собою привезли. Говорит по-немецки и немножко по-русски. Дело о нежелании строиться мы покончили быстро, потому что от переселенцев власти требовали совершенного вздора. Эсты желали строиться на горе, а им приказывали — нет, стройтесь под горою. А там — болото, лихорадки. Зачем это было нужно — неизвестно. Вероятно, хотели сорвать с переселенцев взятку, а может быть, просто самодурствовали. Разумеется, я разрешил переселенцам от имени губернатора селиться, где они найдут для себя удобнее: земля — их, стало быть, и выбор — их. Объясняясь с переселенцами, я держал в руках план местности. Вот тут-то я и увидал, насколько культурны были эти люди. Они смотрели на карту и что-то тихо ворчали по-своему.

Учитель обращается ко мне:

— Они просят, чтобы вы положили карту по натуре.

— Что это значит — по натуре?

Оказывается: так, чтобы страны света на карте представлялись глазам в строгом соответствии тому, как они действительно определяются в этой местности, по солнцеходу. Мы, когда смотрим на карту, об этом не заботимся, потому что принимаем восток, север, запад, юг по воображению, а крестьянам трудно так следить. Надо разложить карту так, чтобы ее север был действительно север, восток — действительно восток.

Разложил я им карту по натуре. Смотрят, тупятся и опять тихо ворчат между собою по-эстонски.

— В чем дело?

— Говорят, что если так, то им отмежевали неверную границу. Карта показывает ее гораздо дальше, чем теперь имеет участок.

— Покажите.

Показали. Вижу: действительно, длинный клин земли исчезает во владениях азиатских князей каких-то.

— Хорошо,— говорю,— значит, проверим размежевку астролябией [10]. Землемер мой и без того зол: увез я его невесть куда, насильно, надоело ему, домой, к жене хочется, а тут еще плетись с астролябией землю мерять. Встал на дыбы:

— У нас этого нет в предписании, чтобы землю перемеривать!

— А мы все-таки перемеряем.

— Я отказываюсь. Я уеду.

— Можете, но я отправлю с вами пакет к губернатору, который вы потрудитесь ему немедленно передать. А в пакете будет доклад о земельном недоразумений, на которое мы с вами здесь наткнулись. Губернатор поручил мне покончить переселенческие затруднения, а покончить их без проверки размежевки нельзя. Значит, он вас сейчас же пришлет обратно. Вы сделаете двойную дорогу и потеряете вдвое больше времени. А я, чтобы не расходовать казну на лишние прогоны, останусь ждать вас здесь.

Упал землемер духом, струсил, покорился. Дали нам коней – на межу скакать. Седел нету. Привязали тулупы. Поехали верхом на тулупах. Я дал знать азиатам этим, князьям, чтобы прислали своих депутатов: будем проверять границу.

Наставил землемер инструмент свой, взглянул, говорит небрежно:

— Да, есть неточность. Только маленькая.

Я смотрю на план, сличаю с астролябией; вижу,— ромб не тот. Спрашиваю:

— А как маленькая?

— Всего в несколько минут.

По всей вероятности, думал, что на минутах этих я успокоюсь: куда, мол, чиновнику губернаторскому знать, что такое минуты, а звучит безделицей. Но я еще не так давно гимназистом-то был, и астролябия у меня в памяти крепко сидела.

— Как,— говорю,— в несколько минут? Да ведь это значит если здесь, у вершины угла, сажень, то — во сколько же эти минуты ваши разойдутся к концу плана? Замолчал. Понял, что имеет дело не с малым несмысленком. Двинулись мы на промерку — простую, без цепей, ходом по меже. Вы знаете, что межевые знаки бывают двух родов: внешние и тайные. Внешние при захвате уничтожить или испортить легко: столб повалить, канаву засыпать. Но на тайные надо секрет знать, потому что это глубокие ямы, в которых зарыты не гниющие вещества: камень, уголь ⟨не закончено.— *Ред.*⟩

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Неточность: по «делу Каракозова» Лопатин был помещен в Петропавловскую крепость в 1866 г., где содержался более двух месяцев. В Ставрополь же Лопатин был выслан после ареста по делу так называемого «Рублевого общества».

[2] Пропуск текста восстанавливается по автобиографии Лопатина 1906 г. (см. выше). А. И. Герцен был арестован в 1834 г., выслан в Пермь, а затем в Вятку, где служил в канцелярии губернатора. М. Е. Салтыков-Щедрин был выслан в Вятку в 1848 г., служил старшим чиновником особых поручений при губернаторе.

[3] «Еще Тройка» — стихотворение Н. А. Некрасова 1867 г.

[4] Имеются в виду кн.: *Властов Г.* Священная летопись первых времен мира и человечества etc. Т. 1—5. СПб., 1876—1878. Т. 2—5 хранятся в *ЛБГ* (*Описание*); *Он же.* Теогония Гезиода и Прометей. СПб., 1897. С пометами Горького хранится в *ЛВГ* (*Описание*).

[5] Лопатин окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского ун-та в 1866 г. См. сообщение Ю. М. Раппопорта о диссертации Лопатина «О самопроизвольном зарождении», написанной в связи с окончанием ун-та (Исторический архив. 1960. № 3).

[6] Петр Николаевич *Дурново* – см.: Из дневника Пятницкого.

[7] Т. е. выборными органами местного самоуправления. Земские учреждения (земские собрания, земские управы) вводились после земской реформы 1864 г. Сфера деятельности и права земств постоянно урезались правительством.

[8] Лопатина арестовали в ноябре 1869 г. 6 января 1870 г. он совершил побег.

[9] В упоминаемой выше статье Лопатина «Очерк заселения свободных земель пятигорского уезда...» характеризуется история заселения северозападной части Пятигорского уезда, между реками Кумою и Калаусом самыми разными народностями: русскими, ногайцами, греками,— «тут есть даже и эстонцы, образовавшие верстах в сорока за Калаусом, на границе Кубанской области, поселение Казинку». (*Харченко Л., Винклер А.* Мятежная жизнь. С. 52).

[10] Астролябия — угломерный прибор, служивший для определения горизонтальных углов при земляных работах.

К БИОГРАФИИ ЛОПАТИНА

(по неизвестным архивным документам)

Сообщение Л. С. Пустильник *

Личность Лопатина интересовала Горького. В 1901 г. в Крыму Л. Н. Толстой говорил с ним об «известном революционере», т. е. Германе Лопатине [1]. В 1906 г. в XII и XIV *сб.* «*Знания*» были напечатаны воспоминания товарищей Лопатина по заключению М. В. Новорусского («В Шлиссельбурге») и В. Н. Фигнер («Моя няня»). Когда же в начале 1907 г. в гостеприимный дом Горького на Капри приехали В. Н. Фигнер и М. Ф. Фроленко, там не могло не звучать имя Лопатина. Ведь незадолго до этого Горький и сам был узником Петропавловской крепости, а его камера в Трубецком бастионе находилась неподалеку от камеры Лопатина, в которой он содержался перед переводом в Шлиссельбург.

После манифеста 17 октября 1905 г. 21 октября того же года был издан именной высочайший указ, по которому Лопатин и другие заключенные Шлиссельбургской крепости были переведены в разряд ссыльнопоселенцев. 8 ноября 1905 г. Лопатин узнал о своем освобождении, которое назвал «Воскрешением Лазаря». Именно такую надпись — «От Воскресшего Лазаря» — сделал он на фотографии, подаренной Ф. Фидлеру [2].

Бывшим заключенным Шлиссельбурга надлежало отбыть четыре года в Сибири. В связи с тем что в тот момент невозможно было отправить их по этапу, Лопатин был выпущен на поруки по месту жительства его брата Всеволода [3] в г. Вильно под строжайший полицейский надзор. 3 февраля 1906 г. Департамент полиции предписал начальнику Виленского губернского жандармского управления: «Освобожденные в силу в ы с о ч а й ш е г о указа 21 октября 1905 г. из Шлиссельбургской тюрьмы ссыльнопоселенцы — государственные преступники Лопатин и Иосиф Лукашевич, за невозможностью отправления их в Сибирь, водворены на попечение их родственников, первый в г. Вильне, а второй в имении Выковке Виленского уезда, где за каждым из них установлен специальный надзор в лице двух особо нанятых для сего полицейских надзирателей. В настоящее время, согласно распоряжению г-на Министра внутренних дел, вышеупомянутый специальный надзор за названными лицами отменен с подчинением Лопатина и Лукашевича, взамен сего, надзору общей полиции. Вследствие сего и ввиду выдающегося преступного прошлого помянутых лиц ДП просит Ваше Высокоблагородие установить за Лопатиным и Лукашевичем независимо учрежденного за ними надзора общей полиции, негласное наблюдение со стороны жандармских чинов» [4].

В мае 1906 г. шлиссельбуржцам было разрешено отбыть четыре года поселения не в Сибири, а там, «где каждый из них окажется»; при этом разрешались перемещения, разумеется, по уважительным причинам и с разрешения властей. Это позволило Лопатину после хлопот сестры выехать к ней 6 сентября 1906 г. в Одессу для лечения [5].

В письме к Н. Ф. Русановой [6] из Одессы от 28 сентября 1906 г. Лопатин сообщал: «〈...〉 я уже в Одессе, где думаю пробыть не менее как до октября. Возвратиться в Вильно намерен через Тифлис, где тоже остановлюсь на некоторое время — пожить с тамошними моими сестрами. *Когда* именно я вернусь в Вильно [7], сказать пока не могу: думаю, что не позже рождества или нового года, а то и раньше». Лопатин добавляет далее, что «пишет контрабандным путем», и, очевидно, поэтому не указывает обратного адреса, тем более что из Одессы он поехал в Тифлис тайно, ведь за ним пристально следили и там [8].

---

* Часть материалов этого сообщения, подготовленного для настоящего тома, была включена Л. С. Пустильник в статью «Горький и Лопатин», напечатанную в журн. «Русская литература» (1986. № 4) (*прим. ред.*).

В октябре 1907 г. Лопатин приезжает в Петербург. В письме Лопатина к Н. А. Рубакину от 4 декабря 1907 г., отправленном из Петербурга, он сообщал: «...поглощен с головой хлопотами об отсрочке места пребывания в Петербурге, куда я отпущен лишь для совещания с врачами на самое короткое время, утекающее как вода» [9].

В это время шли усиленные хлопоты о разрешении выехать за границу. Перспектива выезда из России тревожила Лопатина, ибо ему не хотелось стать эмигрантом. Но отъезд был, казалось, единственной возможностью избавиться от преследований. 16 мая 1908 г. он писал Короленко: «Вчера мне сообщили в Департаменте сердцеведения *, что мне разрешен выезд за границу ⟨...⟩ Это неожиданное сообщение вызвало в моей душе кучу тревожных размышлений, колебаний и т. п. Куда, когда и как выеду, еще не знаю: предстоит куча предварительных хлопот с паспортом и по части материальных средств, приготовлений, распоряжений, маршрута, билета и пр. и пр.» [10] Лопатин должен был вот-вот получить заграничный паспорт, но петербургские власти предприняли очередную акцию против него. Он писал Короленко 9 июня 1908 г.: «За последнюю неделю, я пережил тут целую траг⟨ическую⟩ эпопею (меня вздумали „выставлять“ *в 24 часа,* да не за границу, а снова в „черту еврейской оседлости“, но рассказывать об этом некогда: занят по горло». В этом же письме он сообщал: «...уезжаю я не позже 30-го и не ранее 20-го. Думаю проехать в Ниццу, заглянув по дороге в Париж» [11]. Более подробно он сообщал о том же Н. Ф Русановой 2 июня 1908 г.: «...на меня свалилась ⟨...⟩ неожиданная беда: меня стали „выставлять“ отсюда в 24 часа, утверждая, что полиции ничего не известно о разрешении мне выезда за границу, и не давая мне сроку для выяснения этого недоразумения. Двое суток я сопротивлялся и мотался по городу, как угорелый, по таким местам, как разные участки (вообразите себе — пришлось иметь бурное столкновение даже с *Вашим* частным приставом!), Канцелярия градоначальника, Департамент полиции, Охранное отделение и т. п. На Троицу и Духов день наступило перемирие. Я, *кажется,* выяснил всем, что все произошло из-за *недоразумения,* и мне, вероятно, дозволят взять заграничный паспорт, а может быть, дадут отсрочку недели на три для устройства денежных дел. Но наверно ничего не знаю и, конечно, тревожусь и волнуюсь ⟨...⟩ Если поеду за границу, то, кажется, устроюсь так, чтобы ехать через Париж» [12].

Лопатин уехал из России 14/27 июля 1908 г. [13]

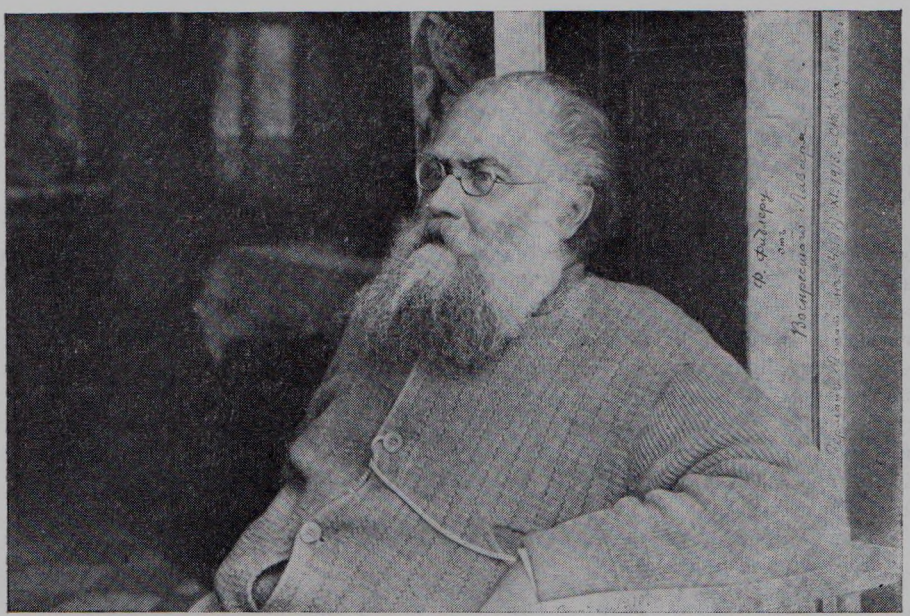
В открытке, отправленной из Ниццы 20 августа 1908 г., Лопатин писал Короленко: «Согласно обещанию, сообщаю Вам последний мой адрес. Живу здесь уже почти неделю; не знаю *ни одной* души и чувствую себя очень одиноко и нерадостно (для последнего есть и иные причины). Кажется, потерплю месяц, много два, а там удеру в Париж. Правда, там слишком уж *много* русского люда, но зато есть также русские журналы, газеты и книги по доступной цене...» [14]

В письме к Н. Ф. Русановой от 25 августа 1908 г. из Парижа говорится об Италии, куда он, видимо, переедет. И поскольку Русанова просила сообщить ей что-либо об этой стране, Лопатин отвечал, что Италии «он не знает» и у него там «нет ни одного знакомого». «Пока» он просит писать в Ниццу, до востребования» [15].

Вскоре, в сентябре 1908 г., Лопатин приехал в Италию, в местечко Кави ди Лаванья.

7 октября 1908 г. Лопатин вновь делился с Короленко своими нерадостными мыслями: «⟨...⟩прежде тоска по родине никогда не дозволяла мне остаться за границей целый год. Но теперь, когда я подумаю, что возвращение означает переход из положения свободного, взрослого человека на положение несовершеннолетнего и раба, то поневоле почесываешь в затылке при мысли о возвращении... Был я в Париже, потом в Лондоне, потом опять в Париже, затем прожил месяц в Ницце и, наконец, переселился сюда ⟨т. е. в Кави ди Лаванья⟩. Здесь настоящий земной рай. Но сию минуту получил приглашение в Париж по крайне неприятному делу. Бешусь, ругаюсь, но... поеду» [16]. Лопатин имел в виду приглашение, полученное им от ЦК партии эсеров, выступить вместе с Фигнер и Кропоткиным в роли третейского судьи между ЦК партии эсеров и главным обвинителем Азефа — Бурцевым.

* Так Лопатин называл Департамент полиции.



Г. А. ЛОПАТИН

Фотография с дарственной надписью: «Ф. Фидлеру от Воскресшего Лазаря. Герман Лопатин. 4(17) XI, 1913. СПб., Карповка, 17»

Институт русской литературы, Ленинград

В Париже Лопатин попал в поле зрения заграничной агентуры. 2/15 октября 1908 г. в Особый отдел Департамента полиции были посланы копии его перлюстрированных писем к М. А. Натансону и В. Н. Фигнер от 5 октября 1908 г. из Кави. «И мне удалось в последнее время устроиться так хорошо,— писал Лопатин Фигнер,— что я почувствовал себя как бы в земном раю. Но тут-то и „потребовал поэта к священной жертве Аполлон" — т. е. тут-то и позвали меня в Париж, чтоб им пусто было». В сопроводительной к письмам бумаге заведующего заграничной агентурой говорилось: «Заседания комиссии (т. е. третейского суда), на которую Лопатин прибыл немедленно... происходят настолько конспиративно, что кроме лиц, принимавших в ней участие и вызванных в качестве свидетелей, о ней неизвестно никому» [17].

Еще раньше пребыванием Лопатина в Италии, в Кави ди Лаванья, заинтересовались итальянские власти. Имя Лопатина начало фигурировать в «Записках», «Справках», «Докладах» и «Донесениях» [18].

В Особый отдел Департамента полиции поступила 10 сентября 1909 г. копия «Памятной записки Итальянского посольства» (в переводе на русский язык), в которой сообщалось: «Весной 1907 г. в Сестри ди Леванто появились некий Александр Амфитеатров с женой Иларией Амфитеатровой... Около 11 месяцев тому назад Амфитеатров переехал в Кави ди Лаванья ⟨...⟩ Как только он приехал в Кави ди Лаванья, там же поселились несколько русских подданных, находящихся в сношениях с ним. Он занят огромной перепиской, все письма на его имя приходят заказными. Амфитеатров ездил на некоторое время в Капри, где часто посещал Максима Горького. Среди русских подданных, окружающих Амфитеатрова в Кави ди Лаванья и находящихся в сношениях с другими русскими подданными, особенно указывают на следующих:

1. Захаров, 30 лет [19].

2. Лопатин 60 лет, который будто бы был в России в заключении в течение 25 лет (его приметы уже сообщены Корол⟨евским⟩ посольством в конфиденциальной ноте от 26-го августа 1909 г. под № 968)» [20].

Эта записка была послана также заведующему заграничной агентурой 9 сентября 1909 г. с пояснением: «Что же касается Германа Александровича Лопатина, то это — известный народоволец, участвовавший в убийстве подполковника Судейкина»[21]. В июле[22] 1908 г. ссыльнопоселенец гласно-поднадзорный Герман Александров Лопатин с разрешения Министерства внутренних дел выбыл за границу с паспортом, выданным С.-Петербургским градоначальником 3 июня 1908 года за № 7064»[23].

12 ноября 1909 г. в Особый отдел поступило сообщение: «...здешнее Итальянское посольство не в состоянии сообщить более подробные сведения о русском подданном Захарове ввиду того, что последний выбыл из города Кави ди Лаванья. Названному посольству известно лишь, что указанный русский подданный, Борис Евгеньевич Захаров, 23 лет, родился в С.-Петербурге. Что же касается Германа Александрова Лопатина... 60 лет, признанного итальянскими властями опасным революционером, то последний находится еще в Кави ди Лаванья. В январе месяце текущего года Лопатин принимал участие в Париже, в квартире местного адвоката Пти (Pétit), мужа русской революционерки, вместе с князем Кропоткиным и Верой Фигнер в суде над Азефом. Названный Лопатин проживает обыкновенно в доме Амфитеатрова.

Как над Лопатиным, так и над Захаровым учрежден усиленный надзор со стороны итальянской полиции»[24].

В сентябре 1909 г. в связи с «Памятной запиской Итальянского посольства» в Департаменте полиции была составлена Справка о Лопатине — характеристика его революционной деятельности с 1865 по 1889 г. до его заключения в Шлиссельбургскую крепость. Справка эта интересна и тем, что в ней упоминаются события, о которых рассказывал Лопатин во время его пребывания на Капри у Горького.

СПРАВКА

Лопатин, Герман Александров, родился в 1845 году, потомственный дворянин Нижегородской губернии, сын управляющего Ставропольской казенною палатою, окончил курс в Ставропольской гимназии и С.-Петербургском университете со званием кандидата (в 1866 г.).

В 1865 г. Лопатин состоял под следствием университетского начальства за возбуждение студентов к демонстрациям.

В мае 1866 г. он был арестован по делу Каракозова, содержался в крепости два месяца, затем был оправдан и освобожден от всякой ответственности.

В феврале 1868 года Лопатин был привлечен к следствию, проводившемуся в высочайше учрежденной Следственной комиссии по обвинению в намерении его вместе с дворянином Феликсом Волховским устроить тайное общество, цель которого состояла в развитии народа в известном направлении при помощи странствующих учителей из молодых людей[25].

По решению этой комиссии Лопатин был выслан в место жительства его родителей в г. Ставрополь под непосредственный надзор отца и строгое наблюдение местных властей, с предоставлением ему права поступить на государственную службу.

Вскоре после водворения в Ставрополе Лопатин был вновь арестован вследствие того, что по обыску у некоего Негрескула, обвиняемого по Нечаевскому делу, было найдено письмо Лопатина[26].

В январе 1870 года Лопатин бежал из Ставрополя и, прожив некоторое время в Петербурге под именем Владимира Скирмунта, уехал потом за границу, снабженный заграничным паспортом на имя другого лица.

С 1870 по начало 1879 г., проживая за границею, Лопатин несколько раз приезжал в Россию по подложным видам на жительство. В один из таких приездов, именно в 1870 г., он был арестован в Иркутске как лицо, заподозренное в намерении освободить Чернышевского[27], содержался некоторое время под стражею, но затем опять бежал за границу.

В половине марта 1879 г. он прибыл в Петербург, где и был арестован.

По высочайшему повелению 9 апреля 1880 года Лопатин был выслан на жительство в Ташкент с отдачею на поручительство зятю его Глинке-Янчевскому с денежною ответственностью в размере 10000 рублей [28].

По постановлению Особого совещания от 31 октября 1881 г., согласно ходатайству сожительницы Лопатина Зинаиды Апсеитовой [29], Лопатину было разрешено переехать в Вологодскую губернию под надзор полиции на три года, но вслед за этим Лопатин бежал.

В 1883 году Лопатин возбуждал ходатайство о разрешении ему возвратиться в Россию ввиду Манифеста 15 мая 1883 года [30], что и было признано возможным Особым совещанием, которое предполагало подчинить Лопатина надзору полиции в Вологодской губернии на 1 год 6 месяцев, считая со дня возвращения его в Россию.

6 октября 1884 года Лопатин был арестован в Петербурге на улице; он проживал в столице нелегально под именем английского подданного Норриса [31].

При обыске у Лопатина были отобраны два разрывных метательных снаряда, наполненных динамитом, причем на одном из снарядов оттиснута надпись «техническо-динамитное отделение партии Народной воли»; 1½ ф⟨унта⟩ динамита, ном⟨ером⟩ 2; значительное количество преступных изданий, таблицы для разбора шифра; клише заголовков «Народная воля» и «Народная борьба», рукописи, переписка и заметки, касающиеся революционной деятельности; к числу их, между прочим, относились — писанный рукою Лопатина черновой проект прокламации об убийстве прокурора Московской судебной палаты Муравьева с припиской: «успех — приеду, неуспех — не могу»; корреспонденции и статьи, предназначенные к напечатанию в революционных органах; уставы и программы «молодой партии Народной воли», «Московской рабочей группы Народной воли», «общие начала организации и устав местной великороссийской группы», основанные на началах старой программы Исполнительного комитета, переписка по делам партии с Львом Тихомировым [32], Абрамом Бахом [33] и другими преступными агитаторами; листки для сбора пожертвований и подложные виды на жительство.

Показаниями свидетелей было установлено, что Лопатин в 1884 году состоял одним из руководителей преступного сообщества, присвоившего себе наименование «Русской социально-революционной партии „Народной воли“» [34], образовав из себя, Саловой и Сухомлина группу, именовавшуюся «Центральною революционною организацией», «Распорядительною комиссиею» и «Делегациею Исполнительного комитета».

Дознанием было выяснено, что разрывные снаряды, отобранные у Лопатина, изготовлены в Луганске при участии Сергея Иванова, Гейера, Ешина, братьев Белоусовых и др., а затем перевезены в Ростов-на-Дону, где хранились у Генриетты Добрускиной [35].

Затем было установлено, что Лопатин принимал ближайшее участие в руководстве работами по печатанию № 10 журнала «Народная воля» [36] в тайных типографиях в Ростове-на-Дону, Дерпте, а затем и в распространении этого журнала, и что им было задумано убийство прокурора Московской судебной палаты Муравьева, которое и было поручено студенту Петровской Академии Петру Ковалеву [37].

Кроме того, из показания обвинявшегося в государственном преступлении Степана Росси [38] усматривалось, что Лопатин, зная о приготовлениях к убийству подполковника Судейкина, посещал конспиративную квартиру Раисы Кранцфельд [39], где обсуждался план убийства, и после совершения преступления являлся к Кранцфельд за отпечатанными в ее квартире по поводу сего убийства прокламациями.

По показанию Сергея Иванова, ему называли Лопатина в числе лиц, причастных к убийству Судейкина, и от Лопатина он, Иванов, впоследствии получил обстоятельные сведения об этом преступлении.

Свидетельскими же показаниями установлено посещение Лопатиным квартиры Кранцфельд за несколько дней до убийства Судейкина.

Лопатин, отвергая принадлежность свою как к Исполнительному комитету, так и вообще к организации партии, заявил, что, относясь сочувственно ко многим пунктам программы партии, он состоял в дружественных отношениях к выдаю-

щимся членам партии и оказывал им всякие услуги как личного, так и «политического» свойства.

К услугам сего рода относились: установления связей для приискания денежных средств, собирание сведений о некоторых лицах, заподозренных в измене партии и др. Бежав в 1883 году из Вологодской губернии, где он состоял под надзором полиции, за границу, он в половине марта 1884 года вернулся в Россию и поселился в Петербурге под именем Норриса. Летом 1884 года он ездил два раза в Ригу для получения транспорта нелегальных изданий, доставленных из заграницы Федершером.

Осенью же 1884 г. был в Дерпте, причем отвез содержателю тайной типографии Тереляеву статью для помещения в № 10 «Народной воли»[40]. Тогда же по делам партии он посетил Одессу, Кременчуг, Полтаву, Ростов, Харьков и Москву. Относительно найденных у него метательных снарядов Лопатин объяснил, что получил таковые для хранения и передачи другому лицу. Вместе с тем он отверг свою виновность и в попустительстве убийства подполковника Судейкина.

Преданный суду С.-Петербургского Военно-окружного суда, Лопатин был признан виновным в принадлежности к тайному сообществу, присвоившему себе наименование «Русской социально-революционной партии „Народной воли“», причем для достижения преступных целей означенного сообщества Лопатин: 1) приняв в основание программу вышеуказанного сообщества партии «Народной воли», действовал в качестве организатора этой партии в 1884 году, образовав из себя и других группу, пребывавшую в 1884 году в Петербурге и именовавшуюся то Центральною революционною организациею, то Распорядительною комиссиею, то Делегациею Исполнительного комитета, направляя деятельность всех организационных революционных партий, учрежденных в различных пунктах Империи, имея постоянные сношения с заграничными революционерами — Тихомировым и другими, а также с представителями местных центральных групп других городов, направляя их действия путем прокламаций, письменных и личных сношений и для ближайшего ознакомления с делами партии и для установления связей с центром предпринимал поездки в Москву, Харьков, Киев, Ростов-на-Дону; 2) хранил у себя полученные от лиц, принадлежавших к названному сообществу, метательные заряженные динамитом снаряды, предназначавшиеся для преступных целей сообщества террористического свойства; 3) оказывал свое содействие к устройству тайных типографий в Дерпте и Ростове-на-Дону, в коих был отпечатан № 10 журнала «Народной воли», посылая для устройства типографий деньги, а также для напечатания в оных статьи собственного сочинения, и 4) для сокрытия своей принадлежности к партии предъявлял чужие подложные виды на жительство.

При этом суд признал Лопатина виновным в том, что он входил в сношения с лицами, задумавшими убить подполковника Судейкина, и не только знал о их намерениях, но в качестве организатора партии дал свое согласие на это преступление.

Приговором, объявленным 7-го июня 1887 г. и вошедшим в законную силу 15 июня 1887 г., Лопатин был присужден к смертной казни через повешение, но наказание это по в ы с о ч а й ш е м у повелению заменено каторжными работами без срока с заключением его в Шлиссельбургскую тюрьму.

27 июля 1908 года ссыльнопоселенец, гласно-поднадзорный Герман Александров ЛОПАТИН с разрешения Министерства внутренних дел выбыл за границу с паспортом, выданным С.-Петербургским Градоначальником 3-го июня 1908 г. за № 7064.

Подполковник ⟨подпись⟩

Сентября 1909 г.[41]

Справка о Лопатине того же содержания, но несколько расширенная — с датой 26 апреля 1911 г.— содержится в другом деле Департамента полиции. В этом же деле находится и справка об Амфитеатрове, в которой приводится копия открытого письма Амфитеатрова Шаляпину (Г—А, между 28 и 31 янв. 1911 г., прим. 3) и вместе с тем сообщается о характерном эпизоде из его прошлого: Амфитеатров в февра-

ле 1904 г., «находясь в С.-Петербурге, подал всеподданнейшее прошение, в коем в сознании своей вины заявлял о своих верноподданнических чувствах и обращался к монаршему милосердию с ходатайством о даровании ему помилования и представлении тем возможности принести своею последующею деятельностью посильную пользу отечеству» [42].

Власти все более усиливают надзор за Лопатиным, следя за его передвижениями по Италии. Приводим некоторые из донесений:

«Декабря 09
по 2-му Отделению
Секретно
Заведующему заграничной агентурой

По полученным из Министерства иностранных дел сведениям известный русский революционер Герман Александров ЛОПАТИН 6 сего декабря выехал из Италии в Париж (...)

Исп. обязанности Вице-директора Виссарионов

Зав. Отделом: (подпись)» [43].

«Чиновник особых поручений
при Министре внутренних дел
Совершенно секретно
Его превосходительству
г-ну директору департамента
№ 768
Париж
30 декабря 1909 г.
12 января 1910 г.

Вследствие предписания от 20 сего декабря за № 14019 имею честь доложить Вашему превосходительству, что известный социалист-революционер Герман Александров ЛОПАТИН действительно находится в Париже, и, по слухам, именно ему будто бы Бурцевым доверено дальнейшее направление текущих дел по разным расследованиям.

Чиновник особых поручений
Красильников» [44].

В донесении из Парижа (6 декабря 1910 г.) значилось: «ЛОПАТИН — членом партии (социалистов-революционеров) не состоит и живет в Италии, в Cavi-di-Lavagna. Деятельность его заключается в приискании средств Бурцеву» [45].

К апрелю 1910 г. относится донесение об участии Горького и Лопатина в деятельности «Парижского комитета помощи политическим каторжанам в России» [46]:

«Чиновник особых поручений при Министре внутренних дел
Совершенно секретно
Его превосходительству г-ну директору Департамента полиции

Вследствие предписаний от 18 февраля и 6 марта с. г. за № 106497 и 107255 имею честь доложить вашему превосходительству, что образовавшийся в Париже еще в начале 1909 г. [47] (доклад от 8/21 января того же года — за № 18) по почину Лопатина и Веры Фигнер „Комитет помощи русским политическим заключенным, приговоренным к каторжным работам“ состоит из следующих лиц:

1. Председательницы Веры Фигнер
2. Лопатина
3. Г-жи Фундаминской-Бунаковой
4. Марии Гольдсмит
5. Тригони
6. Аитова, секретаря и казначея [48].

Целью комитета является приискание средств для оказания материальной помощи всем, без различия партий и национальности, политическим заключенным, ссыльным и каторжанам [49].

Действительным членом этой группы может быть всякий, сочувствующий ее целям и желающий вносить не менее 25 франков в месяц; собранные суммы направляются к казначею комитета АИТОВУ. По слухам, Парижская группа успела собрать уже около 4500 франков.

Комитет группы не предполагает собирать очередных групповых собраний членов.

В январе сего года комитет выпустил прилагаемое при сем воззвание на французском языке [50], обращенное ко всем заграничным русским эмигрантским колониям с призывом содействовать целям Комитета и организовать в своей среде местные группы содействия и сбор денег [51]. Подобные группы уже организованы — в Лондоне — Волховским и в Италии — Максимом Горьким.

В. Фигнер недавно ездила в Льеж с целью организовать и там такую же группу и устроить рефераты, сбор с коих должен поступить в кассу комитета (доклад № 278).

Чиновник особых поручений ⟨подпись⟩

№ 350.
Париж
5/18 апреля 1910 г.»

В одном из дел — шифрованные телеграммы и «совершенно секретное донесение» от октября того же года о связях Лопатина с русскими эмигрантами, о его передвижениях по Италии [52].

Характерно также относящееся к 1911 г. дело «О русских революционерах, проживающих в Италии, в колонии Нерви», где прослеживаются встречи тех, кто связан с Горьким, Амфитеатровым и Лопатиным. Королевское посольство Италии, Министерство иностранных дел и Департамент полиции были обеспокоены все более активной деятельностью эмигрантов, «их перепиской, принявшей в последнее время большие размеры», особенно в свете возникших политических процессов в России [53].

В Особом отделе Департамента полиции было заведено также специальное дело, озаглавленное «Скалькированные письма к Г. А. Лопатину». Оно охватывает относительно небольшой период — с 11 марта по 12 декабря 1912 г. Но в нем хранится 215 листов, «скалькированных» с оригиналов писем многих корреспондентов Лопатина, среди которых Бурцев, Амфитеатров, Амфитеатрова и др. Кроме того, «кальк» снят и с нескольких писем самого Лопатина, отправленных им в Париж Бурцеву, Натансону, Е. Ю. Григорович.

В другом деле («О Германе (Генрихе) Лопатине и Иосифе Лукашевиче») находится перлюстрированное письмо «к Лопатину за подписью Вера» [54] от 21 июня 1910 г., в котором автор письма изложила предложение их общего знакомого И. С. Дагарбодари [55] выхлопотать для Лопатина разрешение приехать на Кавказ: «Дагарбодари говорит, что в Россию сейчас тебя не пустят, но на Кавказ, с помощью наместника и опираясь на уважительные причины, можно добиться позволения приехать, а там, говорит Дагарбодари, пройдет немного времени, можно просить разрешения переехать в Россию. Одной из причин для разрешения приехать он думает выставить то, что ты хвораешь и тебе, как уроженцу Кавказа, полезен будет климат родной и что тут ты будешь не один, у тебя здесь близкие родные, а тебе, дескать, нужен уход и т. д. и т. д.

Я сказала Даг., что вряд ли согласишься, что тебе на Кавказе будет скучно, вдали от центра и вообще сюда тебя не тянет, но он так умолял меня написать, что я обещала сделать это поскорее, что и исполняю».

В связи с этим письмом заведующий Особым отделом поставил вопрос: «Имеет ли право Лопатин вернуться без разрешения Департамента полиции хотя бы на Кавказ?» [56] В результате обмена донесениями 27 июля 1910 г. в Особый отдел поступило разъяснение: «Герман Лопатин может без особого на то разрешения возвратиться в Россию и имеет право избрания места жительства, за исключением лишь столиц и столичных губерний, где ему воспрещено пребывание до 21 октября 1912 г.» [57]

Несмотря на то что Лопатин получил паспорт в сентябре 1910 г. (см. ниже), он решил уехать в Россию только в 1913 г. Лопатин, конечно, догадывался, что власти следят за каждым его шагом. Он писал Русановой 12/25 января 1913 г. из Феццано: «Вот у Вас толкуют об амнистии 21 февраля [58]. Положим, *по закону*, она *мне* не нужна. По *закону*, я и сейчас (с 21 октября) могу вернуться на родину и жить где мне угодно, не испрашивая ничьего предварительного разрешения. Но закон одно, а житейская практика другое. А потому приятно иметь *двойную*

гарантию того, что к тебе не станут приставать без толку и пихать тебя туда, куда ты вовсе не хочешь...» [59]

Свой отъезд в Россию Лопатин готовил в глубокой тайне. Он писал Н. Ф. Русановой 23 мая/5 июня 1913 г.: «Адреса не даю, ибо не знаю, вернусь ли на старое место или устроюсь иначе» [60]. В Париже Лопатин остановился у А. Д. Гнатовского и не был опознан агентурой, в донесениях которой он определялся как «неизвестный».

В Россию Лопатин выехал из Парижа вместе с братом Всеволодом, о чем свидетельствует сообщение от 10/23 июня 1913 г.: «Телеграммой от 10/23 июня 1913 года заведующий заграничной агентурой донес, что „Всеволод Александров Лопатин выехал 9-го июня вечером из Парижа с билетом третьего класса в С.-Петербург вместе с неизвестным лицом, совместно с коим имел постоянные сношения с Волховским, Натансоном, Рубановичем и всеми видными социалистами-революционерами и что этот неизвестный может быть родственником мужа или жены Гнатовских, укоих он – неизвестный – останавливался“» [61].

Но уже на пограничной станции Лопатин был узнан. В шифрованной телеграмме из Вержболова от 12/25 июня сообщалось: «Сегодня, п‹оездом› № 6 следуют ‹в› Петербург... Герман и брат его Всеволод Лопатины в сопровождении наблюдения» [62]. Затем шло донесение от 16 июня 1913 г. о том, что «13 июня из Вильны в С.-Петербург выехали в сопровождении наружного наблюдения два важных революционера, прибывшие из-за границы. Вследствие сего, 14 июня оба неизвестные по прибытии в С.-Петербург были взяты в наблюдение, коим проведены в дом № 5, по Пушкинской улице, где и поселились в меблированных комнатах. По установке наблюдаемые оказались: 1) виленским мещанином Германом Александровым ЛОПАТИНЫМ, 67 лет, предъявившим в прописку паспортную книжку Виленской мещанской управы от 21 сентября 1910 года за № 5063, и 2) коллежским асессором Всеволодом Александровым ЛОПАТИНЫМ, 65 лет, предъявившим заграничный паспорт, выданный киевским губернатором 10 мая 1913 года за № 4833.

Приметы Германа Лопатина — среднего роста, телосложения полного, волосы седые, большая седая борода, лицо круглое, полное, носит светлые пенсне; одет: черная „пушкинская“ шляпа, пиджак и брюки черные» [63].

19 июня 1913 г. Департамент полиции обратился к начальнику С.-Петербургского охранного отделения с требованием: «... за названными Германом и Всеволодом Лопатиными установить неотступное наблюдение, о результатах которого уведомить. Имеющиеся в революционной деятельности Германа Лопатина сведения изложены в справке на него, входящей под № 33 ... Кроме этого о Германе Лопатине за последнее время известно следующее: находясь в постоянных сношениях с Владимиром Бурцевым и выдающимися членами партии социалистов-революционеров — Наталией Климовой [64], Евгением Колосовым, Амфитеатровым, Петром Рутенбергом, Лопатин принимает близкое участие в издаваемой Бурцевым газете „Будущее“, а также он состоит сотрудником нового журнала партии социалистов-революционеров „Мысль“ [65]. Ввиду данного в 1908 году Лопатину разрешения на выезд за границу, он помещен был в циркуляр Департамента от 26 марта 1909 г. за № 151020/369. С 21 октября 1912 года Лопатин не ограничен в правах избрания места жительства» [66].

В деле содержится «Список наружного наблюдения за братьями Всеволодом и Германом Александровыми Лопатиными за время их проживания в С.-Петербурге с 14-го по 19-е сего июня».

Среди тех, кого посетил Лопатин в эти дни,— его сестра Любовь Александровна Мартынова, сын — Бруно Барт, подруга жены — Александра Адамовна Фаресова и др. [67] Лопатин заходил также в редакции журнала «Русское богатство» и газеты «День». В донесении начальника петербургской охранки 12 декабря 1914 г. указано, что «Лопатин Герман прописался в д. 19 Набережная реки Карповки (она же Литераторская)» [68].

20 июня 1913 г. Лопатин, как это следует из сообщения начальника отделения по охранению общественной безопасности, «прибыл на станцию Гомель... На вокзале Германа Лопатина встретила дочь частного поверенного Нина Николаевна

Кулябко-Корецкая, вместе с которой Лопатин поехал на лошадях в местечко Бельцы, в усадьбу Кулябко-Корецкого»[69].

Приведем также агентурное сообщение от 29 мая 1915 г. о посещении Лопатиным Е. П. Пешковой:

«... наблюдаемый Герман Александров Лопатин, кличка „Тамбовский", 19 мая из Москвы выехал в Петроград (...) За время пребывания в Москве Лопатин (...) посетил известную Департаменту полиции жену писателя Екатерину Павловну ПЕШКОВУ, живущую в д. № 1 Грибова, кв. 16, по Машкову переулку»[70].

В деле Департамента полиции «О Германе (Генрихе) Лопатине и Иосифе Лукашевиче» содержится еще один список тех, с кем встречался Лопатин в Петербурге с 3 августа 1913 г. по 19 февраля 1914 г.[71] В списке — В. В. Водовозов, Н. С. Русанов, «доктор русской истории Василий Иванов Семевский» и др.[72]

Семевский был председателем комитета по оказанию помощи освобожденным узникам Шлиссельбурга. Он привлек Лопатина к участию в журнале «Голос минувшего»[73], основателем и редактором которого был в последние годы жизни (1913—1916). В этом журнале появились воспоминания и статьи Лопатина о П. Л. Лаврове[74].

Семевский предполагал также напечатать в «Голосе минувшего» стихотворения Лопатина, написанные в Шлиссельбурге. «Теперь о стихах,— писал Лопатин С. П. Мельгунову 3 января 1917 г.— По просьбе В(асилия) И(вановича) я написал те стихи, которые я читал ему на память. Но когда он спросил моего согласия напечатать их в „Гол(осе) мин(увшего)", я ответил, что сейчас сделать этого не могу. А вот когда я получу оставленный мною в Париже сборник моих шлюшинских стихотворений, представляющий нечто вроде *дневника* тамошней жизни, то я выберу из него то, что считаю удобным для печати, проверю редакцию, выставлю даты, сделаю нужные примечания и передам все ему. При том же решении остаюсь я и сейчас, т. е. на опубликование оставшихся у В. И. моих стихотворений, без дат и примечаний, я не согласен»[75].

В журнале «Голос минувшего», посвященном «светлой памяти В. И. Семевского», был напечатан некролог «Памяти усопшего друга бывших заключенных шлиссельбургских узников», написанный Лопатиным[76]. Некролог кроме Лопатина подписали И. Д. Лукашевич, Н. А. Морозов, М. В. Новорусский, В. С. Панкратов, М. Н. Тригони, В. Н. Фигнер и др.

В этом же номере среди других откликов, в разделе «Печать о В. И. Семевском», было помещено слово о Семевском Горького, который писал о нем как о «наставнике нескольких поколений русской интеллигенции».

14 января 1917 г. Горький, Лопатин, Фигнер, Короленко и другие подписали письмо в редакции газет и журналов об учреждении в память В. И. Семевского премии за исследования по истории русской общественной мысли и стипендии его имени на историко-филологическом факультете Петроградского университета[77].

В марте 1917 г. Горький, Лопатин, Фигнер и Засулич учредили «Общество памяти декабристов»[78]. В уставе Общества говорилось: «„Общество памяти декабристов" ставит себе целью:

А) Изучение движения декабристов, руководивших ими идей и ознакомление с ними народных масс.

В видах этого общество: а) издает „дела", сочинения и мемуары декабристов; б) издает портреты, виды, рисунки и т. п., дающие представление об их жизни в России и Сибири и об их деятельности; в) организует Музей памяти декабристов; г) исследует различные проявления деятельности и влияния декабристов в Сибири и других местностях России; д) знакомит общество с данными о деятельности декабристов путем печати, лекций, бесед и пр.

Б) Увековечение памяти декабристов, для чего Общество:

а) организует всенародную подписку на издание сочинений и постановку памятника декабристам; б) организует конкурс по постановке памятника декабристам; в) организует постановку памятника на Сенатской площади в Петербурге; г) разыскивает и охраняет могилы декабристов»[79].

Горький и Лопатин принимали участие также в работе Просветительного общества в память 27 февраля 1917 г.— «Культура и свобода», в составе которого были Фигнер, Засулич, Плеханов. Горький был избран председателем организационного комитета общества[80].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Толстой в последнее десятилетие своей жизни: По записям в дневнике М. С. Сухотина / Публ. Л. Н. Кузиной // *ЛН*. Т. 69, кн. 2. С. 156; см. также: *Пузин Н. П., Архангельская Т. Н.* Вокруг Толстого. Тула, 1982. С. 280.

[2] Полный текст надписи: «Ф. Фидлеру от Воскресшего Лазаря. Герман Лопатин. 4/17 XI 1913. СПб., Карповка, 17». На фотографии помета Лопатина: «Spezia. 1910» (*ИРЛИ*, Музей). См. в наст. томе.

[3] Всеволод Александрович *Лопатин* (1848 — после 1917) — народоволец. Был арестован при попытке освободить из тюрьмы Ф. В. Волховского. Судился по «Процессу 193-х», был приговорен к ссылке. В 1900-х годах проживал в Вильно, где служил на железной дороге.

[4] Дело Департамента полиции о Германе (Генрихе) Лопатине и Иосифе Лукашевиче. См.: *ЦГАОР*, ф. ДП, ОО, 1906, д. 196, л. 1–2.

[5] Донесение начальника Виленского губернского жандармского управления в Департамент полиции от 19 сентября 1906 г. «...Состоящий под негласным наблюдением государственный преступник Герман Александров Лопатин 6-го сего сентября выехал из города Вильны в город Одессу на лиман» (Там же. Л. 8).

[6] Наталья Федоровна *Русанова* — жена друга Лопатина — литератора Н. С. Русанова. Возможно, именно Н. Ф. Русановой была подарена Лопатиным фотография с надписью: «Время без удержу катится, дни пролетают за днями, старят нас с каждым мгновением безмолвно бегущие годы... 23 февр. 1907. Вильно» (*ГБЛ*, ф. 218, 1302, 12).

[7] В Вильно Лопатин вернулся 7 декабря 1906 г. См.: *ЦГАОР*, ф. ДП, ОО, 1906, д. 196, л. 17.

[8] *ГБЛ*, ф. 218, 1302, 7, л. 2 об.

[9] Там же, ф. 358, 249, 5, л. 2.

[10] Там же, ф. 135/II, 28, 65, л. 6 об.

[11] Там же, л. 8.

[12] Там же, ф. 218, 1302, 7, л. 3—3 об.

[13] См. вступ. ст. Н. И. Дикушиной.

[14] *ГБЛ*, ф. 135/II, 28, 65, л. 9.

[15] Там же, ф. 218, 1302, 7, л. 1.

[16] Там же, ф. 135/II, 28, 65, л. 10 об.

[17] *ЦГАОР*, ф. ДП, ОО, 1908, д. 9, т. 1 (продолжение 2), л. 133–135 об., 137.

[18] ДП, ОО, 1904, д. 879, л. 41, 41 об., 43–46 об. К. Бочаров и Ю. Глушакова в очерке «Каприйские встречи» сообщают о том, что в Центральном гос. архиве Италии хранится «пухлое» досье Лопатина. В нем «десятки документов, включая подробнейшее описание всего революционного прошлого этого человека вплоть до выхода из Шлиссельбургской крепости в 1905 году. Досье было подготовлено в Петербурге итальянским посольством по материалам царской охранки» (Юность. 1984. № 4).

[19] См.: А—Г, п. от конца мая — начала июня 1909 г., прим. 4.

[20] Дело Департамента полиции «О литераторе Александре Валентинове Амфитеатрове» (*ЦГАОР*, ф. ДП, ОО, 1904, д. 879, л. 21–21 об.).

[21] Инспектор секретной полиции, организатор политической провокации, подполковник Судейкин был убит 16 декабря 1883 г. Н. П. Стародворским и В. П. Конашевичем.

[22] В некоторых документах Департамента полиции указывается другая дата отъезда Лопатина из России. Так, в сообщении от 19 июля 1908 г. в Особый отдел Департамента полиции говорится: «...ссыльнопоселенец Герман Александров Лопатин 27 минувшего июня выбыл за границу с паспортом, выданным из канцелярии с.-петербургского градоначальника 3 июня за № 7064» (*ЦГАОР*, ф. ДП, ОО, 1906, д. 196, л. 33).

[23] Там же, ф. ДП, ОО, 1904, д. 879, л. 41—41 об.

[24] Там же, ДП, ОО, 1909, д. 9, т. 1, л. 404—404 об.

[25] Имеется в виду организация Лопатиным и Волховским так называемого «Рублевого общества».

[26] Михаил Федорович *Негрескул* (1843—1871) — муж дочери Лаврова. Имеется в виду п. Лопатина М. Ф. Негрескулу от 15—17 сентября 1869 г., в котором он изложил план своего предполагавшегося побега из Ставрополя. См.: *Лопатин*. С. 44—55; см. также в наст. тома ‹В Ставрополе›.

[27] О попытке освобождения Н. Г. Чернышевского см. в наст. томе «Из Дневника Пятницкого», прим. 3.

Интересно свидетельство Лопатина, содержащееся в его п. Короленко из Петербурга от 17 мая 1908 г.: «Ч⟨ернышевского⟩ вывезли в В⟨илюйск⟩ без кандалов (я знавал Зейферта, отвезшего его туда): В В⟨илюйске⟩ при нем жил только *один* жандарм, сменявшийся ежегодно; но было несколько (может быть, именно *трое*) якутских казаков. Это я знаю наверное» (Советские архивы. 1972. № 3. С. 96).

[28] См. в наст. томе «Из Дневника Пятницкого».

[29] Так в подлиннике. Зинаида Степановна *Корали* (1854 или 1855—1919) — жена Лопатина, мать Б. Г. Барт-Лопатина. По первому (фиктивному) браку — Апсеитова. Разошлась с Лопатиным в начале 80-х годов. См. о ней подробнее: *Лопатина Е. Б., Давыдов Ю. В.* Штрихи к портрету Германа Александровича Лопатина // Освободительное движение в России: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1981. Вып. 10. С. 71.

[30] Манифестом 15 мая 1883 г. разрешалась подача прошений об облегчении участи состоящих под следствием и судом в течение шести месяцев со дня объявления манифеста.

[31] См.: Из Дневника Пятницкого, прим. 19.

[32] Лев Александрович *Тихомиров* (1852—1923) — член партии «Земля и воля». С 1879 г.— член Исполнительного комитета партии «Народная воля». В 1882 г. эмигрировал, издавал вместе с П. Л. Лавровым «Вестник Народной воли». В 1888 г. в Париже издал брошюру «Почему я перестал быть революционером», в которой отрекался от революционной деятельности. По возвращении в Россию в 1889 г. стал видным монархическим публицистом.

[33] Алексей Николаевич *Бах* (1857—1946) — революционер-народоволец, с 1885 по 1917 г.— в эмиграции. После Октябрьской революции — крупнейший ученый биохимик, академик АН СССР. Лопатину принадлежит статья «По поводу „Воспоминаний народовольца" А. Н. Баха» (Былое. 1907. № 4; см. также: *Лопатин.* С. 154—156).

[34] «Народная воля» — революционная народническая организация, возникшая в 1879 г. Программа: уничтожение самодержавия, демократические свободы, передача земли крестьянам. После убийства народовольцами Александра II (1 марта 1881 г.) и последовавших за этим репрессий переживала идейный и организационный кризис. См. также: Из Дневника Пятницкого, прим. 26.

[35] Здесь и далее упоминаются члены «Народной воли», привлекавшиеся по «Процессу 21-го»,— Леонила Салова, Василий Сухомлин, Сергей Иванов, Иван Гейер, Леонтий Ешин, Андрей Белоусов и его брат Семен Белоусов, Генриетта Добрускина.

[36] «*Народная воля. Социально-революционное обозрение*» — нелегальная газета организации «Народная воля». Выходила в 1879—1885 гг. (12 номеров). В редакцию газеты в разное время входили Н. А. Морозов, Л. А. Тихомиров, В. С. Лебедев, Г. А. Лопатин, В. Г. Богораз-Тан, П. Ф. Якубович и др. Лопатин и П. Ф. Якубович были редакторами № 10 «Народной воли» за 1884 г.

[37] Петр Архипович *Ковалев* (р. около 1862—?). В 1883—1884 гг. был членом народовольческого кружка студентов Петровской академии и участником «Общестуденческого союза». Познакомился с Лопатиным весною 1884 г. Получил от него предложение совершить покушение на Н. В. Муравьева от имени Исполнительного комитета «Народной воли». В. И. Сухомлин в статье «Процесс двадцати одного» сообщал, что «агентурные сведения о подготовляемом покушении на жизнь Муравьева» были получены жандармским управлением еще до ареста Лопатина «со стороны арестованного студента Петра Ковалева» («Народная воля» перед царским судом. М., 1931. Вып. 2. С. 53).

[38] В ст. «По поводу „Воспоминаний народовольца" А. Н. Баха» Лопатин писал: «„Симпатичный" Росси, так „нравившийся" автору, вскоре после своего ареста „вывернул кафтан" и дал обстоятельнейшие, предательские показания относительно всех лиц, прикосновенных к убийству Судейкина (в том числе и обо мне)» (Былое. 1907. № 4. С. 298). См. также: *Лопатин.* С. 154.

[39] Раиса *Кранцфельд*— курсистка, народоволка. Работала в типографиях, была хозяйкой конспиративной квартиры. Арестована в Ростове.

[40] В «Народной воле» (1884, № 10) были напечатаны (без подписи) ст. Лопатина «Вместо внутреннего обозрения», «Ошибки революционера и преступления предателя». Подробнее см.: *Сайкин О. А.* Первый русский переводчик «Капитала». М., 1983. С. 134—137.

[41] Число не проставлено. См.: *ЦГАОР*, ф. ДП, ОО, 1904, д. 879, л. 43—46 об.

[42] Там же.

[43] Там же, 1909 г., д. 9, т. 1 (продолжение), л. 522.

[44] Там же, л. 546. См. сообщение Е. Г. Коляды.

[45] *ЦГАОР*, ф. ДП, ОО, 1909, д. 9, т. 1 (продолжение), л. 404—404 об.

[46] Содержится в деле Департамента полиции «„О возникшем в Париже комитете по организации денежной помощи отбывающим в тюрьмах Европейской России и Сибири каторгу политическим арестантам". Начато 1910» (*ЦГАОР*, ф. ДП, ОО, 1910, д. 258, л. 32—33). В *АГ* — машинописная копия.

[47] В подлиннике ошибочно указан 1909 г. Комитет был организован В. Н. Фигнер в январе 1910 г. См. о нем в воспоминаниях Фигнер «После Шлиссельбурга» (*Фигнер*. Т. 3).

[48] Фигнер писала в своих воспоминаниях: «Мы пригласили... эмигранта Д. Аитова... и М. Гольдсмит, которую я знала еще ребенком» (Там же. С. 382—383).

Давид Александрович *Аитов* (около 1852 — ?) — революционер-народник. Судился по «Процессу 193-х», был выслан в Оренбург. В 1879 г. скрылся и эмигрировал за границу. С 1881 г. жил в Париже. Аитов оставался казначеем Парижского комитета вплоть до прекращения его работы в феврале 1917 г.

Михаил Николаевич *Тригони* (1850—1917) — член Исполнительного комитета «Народной воли», основатель народовольческой организации в Одессе, участник подготовки цареубийства 1 марта 1881 г.

[49] В уставе Комитета помощи каторжанам говорилось: «Комитет избрал для оказания помощи не административно-ссыльных, не ссыльнопоселенцев и не заключенных вообще, но лишь одну категорию их — каторжан (...) Комитет стремится к тому, чтобы и в других городах Европы, где есть русские, образовались группы с тою же целью и на тех же основах. Такие комитеты, объединенные с Парижем, образовались весной в Брюсселе и Антверпене, а в декабре — в Женеве и Лозанне (...) С целью воздействовать на общественное мнение Парижский комитет выпустил 2 тысячи воззваний на французском языке (см. ниже) и 2½ тысячи брошюр: „Les prisons russes" („Русские тюрьмы")» (Комитет помощи каторжанам. Париж, 1910. С. 1. См. также: *Фигнер*. Т. 3. С. 459—460).

[50] К донесению приложено воззвание «Appel du Comité de Secours aux Prisonniers politiques Russes condamnes aux Travaux forcés» («Воззвание Комитета помощи политическим каторжанам в России»). Дата и подпись под воззванием: «Paris, le 31 janvier 1910. Pour le Comité Vera Figner» («Париж, 31 января 1910. За комитет — Вера Фигнер») (*ЦГАОР*, ф. ДП, ОО, 1910, д. 258, л. 32—35 об., 152—153). См. также: *Фигнер Вера*. Воззвание Парижского комитета помощи политическим каторжанам в России // Фигнер. Т. 3. С. 455—458.

[51] О денежных поступлениях, посылаемых в фонд Парижского комитета помощи политическим каторжанам в России, сообщалось в специальных отчетах Комитета за 1910, 1911, 1912 гг., выпускаемых В. Н. Фигнер. В этих отчетах имя Горького не указано, но нужно иметь в виду, что имя жертвователя в этих отчетах часто скрывалось под псевдонимом.

В текст к денежному отчету за 1912 г. Фигнер включила выдержки из ст. Горького «В пространство», написанной по поводу событий в Кутомарской тюрьме с предварением: «Наш знаменитый писатель, Максим Горький, поместил на страницах „L'Avenir" статью, исполненную силы, скорби и вместе с тем призыва» (*Фигнер*. Т. 3. С. 481—482).

[52] *ЦГОАР*, ф. ДП, ОО, 1911, д. 9, ч. 1, л. И.

[53] Там же, д. 9, 1909, т. 1 (продолжение), л. 403—404 об., 405, 433; там же, оп. 265, д. 731.

[54] Там же, 1906, д. 196, л. 40—40 об. Начальник Тифлисского губернского жандармского управления докладывал 26 октября 1910 г. директору Департамента полиции: «...личность „Веры"... выяснить до сего времени не представилось возможным» (Там же, л. 46—46 об.). Письмо было написано сестрой Лопатина — Верой Александровной.

[55] В том же докладе начальника Тифлисского губернского жандармского управления говорилось: «Что же касается до упомянутого в означенном письме „Ив. С. Дагарбодари", то таковой может быть известным Департаменту полиции дворянином Тифлисской губернии, присяжным поверенным Иваном Спиридоновичем *Джабадари*, проживающим в гор. Тифлисе, в доме № 4/6, кв. 3 по Гановской улице, привлекавшимся в 1875 и 1877 годах за государственные преступления к дознаниям, за каковые преступления приговором Особого присутствия правительствующего сената Джабадари осужден был на каторжные работы на 5 лет» (Там же).

[56] *ЦГАОР*, ф. ДП, ОО, 1906, д. 196, л. 44—45.

[57] Там же.

[58] Речь идет об ожидавшейся амнистии в связи с празднованием 300-летия дома Романовых. 21 февраля 1913 г. была объявлена амнистия лицам, привлекавшимся по статьям 128, 129 и 132 Уголовного уложения за преступные деяния, учиненные посредством печати (Правительственный вестник. 1913. № 43. 22 февр.).

[59] *ГБЛ*, ф. 218, 1302, 7, л. 10 об.— 11.

[60] Там же, л. 12.

[61] *ЦГАОР*, ф. ДП, 1913, д. 9, ч. 57, л. В, л. 17. См. также вступ. ст. Н. И. Дикушиной.

[62] Там же, л. 18.

[63] Там же, л. 22—22 об.

[64] Наталья Сергеевна *Климова* — судилась по делу о взрыве на даче Столыпина. Была присуждена к смертной казни, замененной каторгой. В 1909 г. бежала из тюрьмы.

[65] О каком журнале идет речь — неизвестно.
[66] *ЦГАОР*, ф. ДП, ОО, 1913, д. 9, ч. 57, л. В, л. 24—24 об., 25.
[67] Там же, л. 28—32 об.
[68] Там же, 1906, д. 196, л. 99. Указывается адрес петербургского Дома литераторов, в котором поселился Лопатин.
[69] Там же, л. 28. Возможно, Николай Иванович *Кулябко-Корецкий* (1855—1924) — общественный деятель. По своим взглядам был близок к народникам. В 1910—1915 гг.— издатель и редактор газет в Ставрополе, Гомеле и Петербурге. После Октябрьской революции читал лекции по истории революционного движения.
[70] *ЦГАОР*, ф. ДП, ОО, 1906, д. 196, л. 102.
[71] Там же, л. 64—71 об.
[72] Василий Иванович *Семевский* (1848—1916) — русский историк, представитель народнического направления в русской историографии.
[73] «Голос минувшего» — исторический и историко-литературный журнал. Издавался в Москве в 1913—1923 гг. Наибольшее внимание в журнале уделялось общественному и революционному движению русской интеллигенции.
[74] См.: П. Л. Лавров в воспоминаниях современников: II. Из рассказов Г. А. Лопатина // Голос минувшего. 1915. № 9; К рассказам о П. Л. Лаврове // Там же. 1916. № 4.
[75] См. Мельгунов С. П. Встречи. I. Г. А. Лопатин // Голос минувшего. 1920—1921. С. 94—97. Выдержки из письма опубликованы с неточной датой — 1 января 1917 г.

Сергей Петрович *Мельгунов* (1879—1956) — историк и публицист, руководящий деятель партии народных социалистов. Один из редакторов журн. «Голос минувшего» в 1913—1923 гг. Октябрьскую революцию встретил враждебно. В 1923 г. эмигрировал. В 1926 г. в Париже участвовал в издании эмигрантского журнала под названием «Голос минувшего на чужой стороне».

[76] Голос минувшего. 1916. № 10.
[77] День. 1917. № 14. 14 янв. Письмо было также опубликовано в № 1 журн. «Летопись» за 1917 г.
[78] Учредительное собрание общества состоялось 10 марта 1917 г. См.: *ЛЖТ*. Вып. 3. С. 20.
[79] Устав Общества памяти декабристов. Пг., 1917. Тип. Н. Г. Мазур. С. 3—4.
[80] *ЛЖТ*. Вып. 3. С. 8.

ГОРЬКИЙ И ЖУРНАЛ «ЛЕТОПИСЬ»

ПЕРЕПИСКА С В. С. ВОЙТИНСКИМ

Вступительная статья, публикация и комментарии
Н. Н. Примочкиной

Переписка Горького с Войтинским охватывает сравнительно небольшой, но очень важный для духовного и творческого развития Горького отрезок времени (1914—1916). Она совпадает с тем периодом организационно-журналистской деятельности писателя, который привел его к созданию антивоенного журнала «Летопись». Изданием «Летописи» завершился дореволюционный этап журналистской деятельности Горького. Значительность переписки определяется ее большой публицистической насыщенностью. В письмах Войтинскому 1914 г. писатель высказал ряд самых заветных, глубоко выстраданных, подчас весьма горьких мыслей о состоянии русского общества в начальный период первой мировой войны, поделился своими опасениями и тревогами за судьбу России, за ее будущее, связанное, по его мнению, с «юными силами» рабочей демократии. Письма Горького 1915 г. интересны прежде всего тем, что в них он определял задачи журн. «Летопись», его идейно-политическую платформу, сообщал о тактике редакции в условиях военной цензуры.

Писатель, политический деятель, экономист Войтинский не принадлежал к числу друзей Горького, однако личность его, наделенная незаурядным общественным темпераментом и недюжинными литературными способностями, так же как его произведения, отразившие жизнь революционера-подпольщика, а затем политического каторжанина, не могли не вызвать к себе внимания пролетарского писателя. Следует особо отметить, что Горький привлек Войтинского к сотрудничеству в «Летописи» еще до ее выхода.

Владимир Савельевич Войтинский родился 12/24 ноября 1885 г. в Петербурге, в семье профессора математики Электротехнического института. Будучи еще гимназистом, увлекся экономикой и написал оригинальную научную работу «Рынок и цены; теория потребления и рыночных цен». Эту работу он послал для отзыва известному русскому экономисту профессору М. И. Туган-Барановскому. Познакомившись с ней, ученый подумал, что это труд неизвестного ему доцента, и был приятно удивлен, узнав, что автор — всего лишь гимназист. Туган-Барановский дал рекомендательное письмо к издателю и написал предисловие к книге, с которым она и вышла в 1906 г. в Петербурге.

Поскольку в то время экономические науки изучались вместе с правом, Войтинский по окончании гимназии в 1904 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета (в 1909 г. был исключен за неуплату денежных взносов за обучение). Молодой ученый начинает активно участвовать в общественной студенческой жизни, а в 1905 г. вступает в социал-демократическую партию и примыкает к большевикам. В период революции 1905—1907 гг. Войтинский вел партийную работу под кличкой «Сергей Петров», выступал в качестве агитатора на рабочих митингах, был инициатором, организатором и председателем Совета безработных, имевшего тесную связь с большевиками, в 1907 г. входил в Петербургский комитет социал-демократической партии. Талантливого организатора рабочего

движения вскоре заметил В. И. Ленин. Позже Войтинский вспоминал: «В большевистском центре царил безраздельно Ленин. Его непререкаемый авторитет основывался не только на его талантах и исключительной работоспособности, но главным образом на необычайной уверенности, с которой он решал все вопросы. Это не была самоуверенность доктринера, а нечто иное.

Никогда не замечал я у Ленина признаков „генеральства". Наоборот, в обращении с товарищами (особенно с рабочими) он был внимателен и прост. При появлении новых людей терпеливо слушал их, как бы ни были скучны их рассказы. Слушал он по-особому: склонив голову набок, наставив ухо, лукаво прищурившись, с выражением напряженной работы мысли (...)

Никто не умел так, как Ленин, угадать настроения рабочей массы и выразить их сжато, выпукло, хлестко» [1].

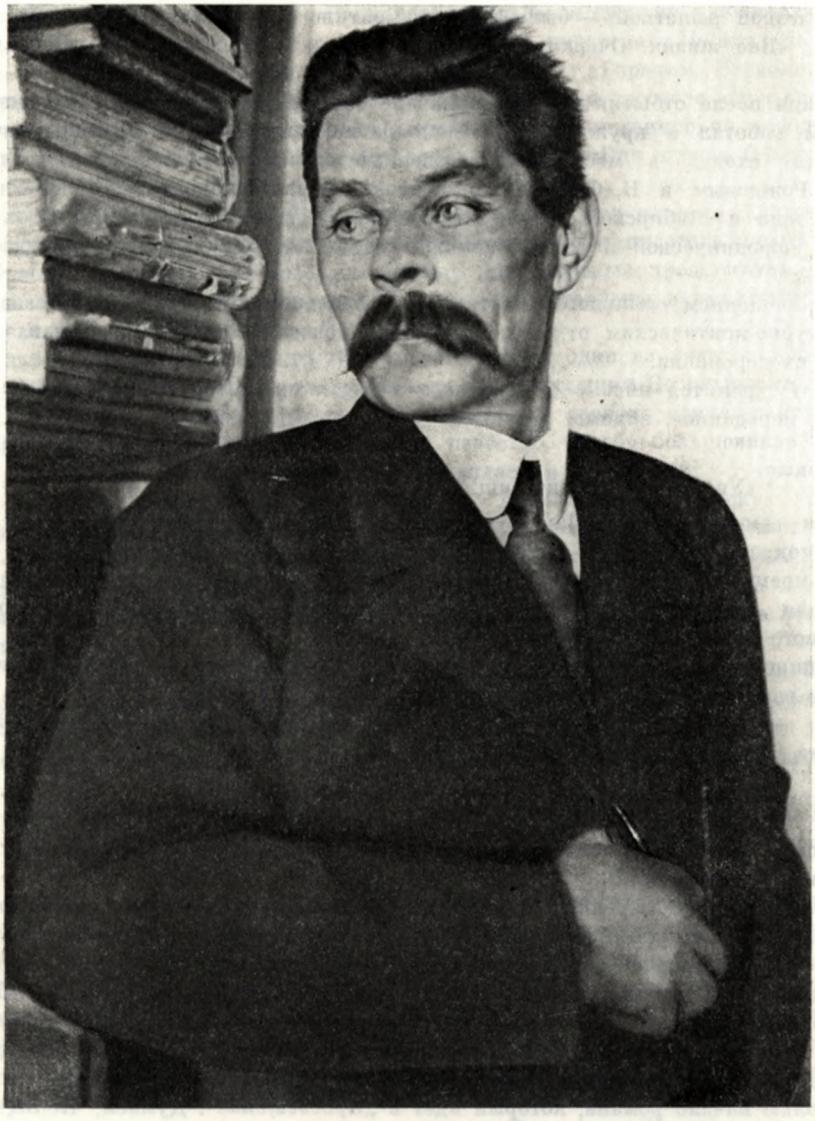
Однако, по признанию самого Войтинского, он никогда, даже в этот период наибольшего сближения с Лениным и ленинцами, «не чувствовал себя настоящим большевиком» [2].

В годы реакции после разгрома первой русской революции, когда стало ясно, что Войтинскому, уже не раз арестовывавшемуся, грозят долгие годы тюрьмы и каторги, Ленин посоветовал ему эмигрировать за границу, чтобы издавать там партийный журнал. Однако Войтинский не захотел оставлять Россию и по заданию партии поехал в Екатеринослав для работы в местной партийной организации. В 1908 г. он был арестован и попал в Екатеринославскую каторжную тюрьму, известную своим суровым режимом. Впечатления, почерпнутые в тюрьме, легли затем в основу многих рассказов и очерков писателя.

За принадлежность к социал-демократической партии суд приговорил Войтинского к четырем годам каторги. В 1910 г., находясь в Александровском каторжном централе около Иркутска, Войтинский начал писать полубеллетристические очерки о событиях революции 1905—1907 гг., о партийной работе среди рабочих и крестьян, об увиденном и пережитом в тюрьме и на каторге. Эти очерки печатались в журналах «Русское богатство», «Вестник Европы», «Наша заря», «Ежемесячный журнал», «Современник» и др. По свидетельству автора, он взялся за перо «ради памяти замученных в тюрьмах товарищей» [3]. Характерны сами названия очерков: «По этапу», «За железной решеткой», «О каторге» и т. д. Позже Войтинский вспоминал, как он начал работать на новом для себя поприще литератора: «У меня была внутренняя потребность использовать выгоды моего положения для разоблачения преступлений, свидетелем которых я был в Екатеринославе» [4].

В тюрьме Войтинский наблюдал за переживаниями и поведением приговоренных к смерти заключенных. Эти впечатления легли в основу его первого рассказа «Смертники», который был напечатан под псевдонимом «С» в журнале «Вестник Европы» (1910, № 7, 8), а затем под псевдонимом «А. Л.» издан отдельной книжкой за границей (Берлин, 1911). В очерке «Суд победителей», напечатанном со значительными цензурными купюрами в издаваемом Короленко «Русском богатстве» (1911, № 6/7), Войтинский разоблачал царское судопроизводство, описывал суд над шахтерами и железнодорожниками за их участие в декабрьском восстании 1905 г. Вслед затем он написал очерк «После взрыва» [5] о неудавшейся попытке побега из тюрьмы приговоренных к смертной казни политических заключенных. Она закончилась расстрелом ее участников, после чего в тюрьме воцарился террор над заключенными, сопровождавшийся их физическими истязаниями и зверскими избиениями. В *АГ* хранится письмо Короленко Войтинскому по поводу этого очерка. «„После взрыва",— писал Короленко 18 июня 1913 г.,— мы, после коллективного совещания в редакции, решили напечатать, но только считаем нужным вооружиться доказательствами на случай суда. То, что место действия не названо,— ничего не значит: всем, читающим газеты, сразу видно, в чем дело. Принять это за художественный вымысел невозможно, да и вымысел такого рода не имел бы никакой цены. Все значение этого очерка – обличительное, значит, необходима точность, определенность и доказательность фактов».

Вспоминая о тюрьме как о «царстве скорби и муки», где процветали «смерть в самых отвратительных ее формах, унижения, изощренное мучительство» [6], Вой-



ГОРЬКИЙ В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ЛЕТОПИСЬ»
Фотография М. А. Шерлинга. Петроград, 1916
Музей Горького, Москва

тинский тем не менее неизменно подчеркивал мужество, душевное благородство, сплоченность своих товарищей, которые вызывали в нем чувство подлинного уважения, веру в жизнь, в себя, в окружающих людей. Весьма характерен в этом смысле рассказ «Призраки», где описание бесчеловечных условий тюремной жизни заканчивалось мажорной нотой: «Сквозь грязь падений, сквозь уныние и скорбь сверкали передо мной алмазные нити, связывающие людей и в муке спасающие жизнь» [7]. Стилистически эти рассказы были наиболее близки к прозе поздних народников с их склонностью к эмпирической описательности.

Яркость и плотность фактического материала, правдивость его подачи, неизменный оптимизм, вера в людей, их человеческое достоинство и мужество — черты, которые не могли не привлечь к этим произведениям внимания Горького. «...Мне очень нравятся Ваши рассказы»,— признавался он в письме к ссыльному писателю 1 октября 1914 г. (п. 3). Три больших очерка: «Смертники», «После взрыва» и

«За железной решеткой» — были изданы Войтинским отдельной книжкой под названием «Вне жизни. Очерки тюрьмы и каторги» (СПб., изд. В. С. Войтинского, 1914).

Выйдя после отбытия каторги в начале 1913 г. на поселение в Иркутск, Войтинский работал в кружке социал-демократии, читал лекции по политическим вопросам, входил в местные общественные организации, вместе с ссыльными Н. А. Рожковым и Н. Ф. Чужаком издавал социал-демократические газеты «Новая Сибирь» и «Сибирское слово», а также продолжал активно сотрудничать в столичной народнической и социал-демократической прессе, в том числе и большевистской.

С обращением ссыльного писателя в большевистский журнал «Просвещение», литературно-критическим отделом которого руководил Горький, и связана предыстория их переписки.

В *АГ* хранится письмо Войтинского в редакцию «Просвещения» от 17 марта 1914 г., переданное, видимо, редакцией Горькому (поступило в *АГ* от И. А. Груздева):

«Ув(ажаемый) тов(арищ)!

При сем пересылаю Вам рукопись с 4 стихотворениями тов(арища) с(оциал)-д(емократа), до сих пор почти не печатавшего своих произведений.

По-моему, эти стихотворения заслуживают напечатания, и вообще автор может стать для „Просвещения" весьма ценным постоянным сотрудником. У автора имеется много вещей и для „Пути правды"[8].

Напишите мне, пригодились ли стихи для „Просвещения" и высылать ли дальнейшие вещи для „П(ути) пр(авды)".

С прив(етом) Вл. Войтинский

17 марта, 1914 г.
Иркутск
Жандармская, 32».

Судьба стихов начинающего автора—социал-демократа, о котором идет речь в этом письме, неизвестна.

К предыстории переписки Горького с Войтинским относятся также события, связанные с попыткой последнего опубликовать в журнале «Просвещение» свой роман «Волны», посвященный изображению революции 1905 г.

Осенью 1913 г. Войтинский передал рукопись первой части романа в «Просвещение». Редакция переправила ее В. И. Ленину в Краков. В конце октября 1913 г. Ленин послал роман на отзыв проживавшему на Капри Горькому вместе со следующим письмом: «Дорогой Алексей Максимыч! Посылаю Вам сегодня заказной бандеролью начало романа, который идет в *„Просвещение"*. Думаем, что Вы не против. Если же Вы, паче чаяния, против,— т е л е г р а ф и р у й т е в „Просвещение": „Войтинского отложите" или „роман Войт. *не пускайте*"» [9]. Ответ Горького не сохранился. Однако, судя по следующему письму Ленина от 1/14 или 2/15 ноября, писатель высказался против печатания романа. «Дорогой А. М.!— писал Ленин,— получил роман и Ваше письмо. По-моему, задержать роман, раз Вы *не за*. Прилагаю письмо Каменева, который читал роман (я еще не читал). Напишем в Питер, чтобы задержали» [10]. Как видим, Ленин не успел ознакомиться с рукописью и решение о ее судьбе предоставил Горькому. Вероятно, писателя не устраивала в этом произведении не его содержательная сторона, а недостатки формы: нецельность, нестройность, отсутствие необходимого художественного опыта у его автора. Через несколько лет Войтинский в письме к Горькому сам откровенно признавался, что «форма романа» оказалась для него «слишком трудной» (п. 11). Тем не менее в апрельской книжке журнала «Просвещение» за 1914 г. (№ 4) появился отрывок из романа «Волны» под заглавием «Луч света среди ночи», описывающий выступление агитатора-партийца Павла Мирского на заводском митинге. Его публикация вызвала репрессии со стороны властей: 4-й номер журнала был конфискован, а официальный редактор «Просвещения» В. Е. Соколов и сам автор привлечены к судебной ответственности.

Начало переписки Горького с Войтинским как раз и связано с появлением этого рассказа в «Просвещении» и откликами на него читателей. Первое (не дошедшее до нас) письмо было написано в мае—июне 1914 г. Горьким. Насколько можно судить по ответу Войтинского, Горький писал в нем о рассказе «Луч света среди ночи», пересылал адресату письмо двух рабочих, написанное по поводу этого рассказа, и просил прислать ему новую книгу адресата «Вне жизни. Очерки тюрьмы и каторги» (п. 1, прим. 5).

В годы иркутской ссылки Войтинский постепенно, под влиянием меньшевистского окружения, все дальше отходит от большевизма. Сам писатель попытался позже объяснить это тем, что «все... легальные литературные предприятия... велись главным образом меньшевиками, которые были представлены в иркутской ссылке сильнее и ярче, чем большевики» [11].

Сильное влияние на взгляды Войтинского оказал один из лидеров меньшевизма И. Г. Церетели, с которым он сдружился в годы ссылки. Небольшевистскую позицию занял Войтинский в полемике по вопросу о расколе социал-демократической фракции Государственной думы. Как известно, борьба большевиков с меньшевиками внутри думской фракции закончилась в ноябре 1913 г. выделением большевиков в самостоятельную Российскую социал-демократическую рабочую фракцию. «Я был противником этого раскола,— вспоминал впоследствии Войтинский,— и послал даже в петербургскую „Правду“ [12] статью под заглавием „В защиту общего знамени“. Редакция переслала рукопись в Краков, и оттуда я получил от Ленина дружеское письмо, которым „Ильич“ пытался вернуть меня в лоно большевизма» [13].

В этом письме от 20 декабря 1913 г. В. И. Ленин резко критиковал бывшего товарища за меньшевистский уклон, за нетвердость идейных позиций: «Дорогой коллега!— писал он.— Получив статью „За общее знамя“, должен по совести сказать, что она решительно никуда не годится. Откровенность и прямота прежде всего — не так ли?

Автор абсолютно не понял положения дел в России и дал себя увлечь... как бы это помягче выразиться?.. „амикошонству“, что ли, с пошехонскими меньшевиками.

В России идет процесс восстановления и укрепления марксистской рабочей партии. Дискуссии и резолюции, кои возбуждают в авторе такую близорукую насмешку, имеют гигантское воспитательное и организационное значение ⟨...⟩

За грубоватой формой пролетарской „потасовки“ не видеть гигантского идейного и организационного значения борьбы рабочего класса из-за 2-х течений — это слепота феноменальная. Лучшего для автора объяснения сей слепоты, как его оторванности и его „пленения“ меньшевистско-сволочной компанией, представить себе не могу ⟨...⟩

Наш журнал не альманах, а боевой орган. Поэтому о напечатании статьи и речи быть не может. Но я был бы очень рад видеть возражение автора на мою критику, как вообще рад бы чрезвычайно всякому обмену мнений с старыми друзьями. Ежели я что „переписах“ в этой критике и выразился иногда не слишком вежливо — прошу снисходительно меня извинить. Обидеть, ей-же-ей, не хотел, а во имя старой дружбы выкладывал „в простоте“ все, что́ думал и думаю ⟨...⟩

До свидания, дорогой товарищ, плюйте почаще на меньшевиков, изучайте *факты* теперешнего рабочего движения, вдумывайтесь в их значение и ваша, извините, прокислость пройдет, не „средней линии“ будете вы искать, а будете помогать сплочению рабочих против шайки изменников» [14].

Войтинский не прислушался к предостережениям Ленина, не смог понять правильно сложные перипетии нового этапа борьбы большевиков с «ликвидаторами». «Меня это письмо,— вспоминал он,— не убедило, и с этого времени началось мое организационное удаление от большевизма» [15].

Летом 1914 г. Войтинский совершил путешествие по диким местам Восточной Сибири и по тайге. Впечатления от поездки, от встреч с местным населением, золотоискателями и политическими ссыльными были описаны им в серии очерков и рассказов под общим заглавием «По Сибири», которые вскоре появились в журна-

лах «Современник» (1915, № 1) и «Вестник Европы» (1915, № 6; 1916, № 2, 6, 9). Некоторые из них были затем включены в книгу «В тайге» (Пг.: Книга, (1916)).

Начало первой мировой войны застало Войтинского в Якутске. Впоследствии ставший под влиянием меньшевизма «оборонцем», в первые месяцы войны он занимал в целом интернациональную, антивоенную позицию. Войтинский считал, что нужно всеми силами бороться против войны, против шовинистического угара, за сохранение интернациональных традиций в международном рабочем движении. Его памфлет о войне, подробный план которого он излагал в одном из писем Горькому (п. 2), так и не увидел света, запрещенный военной цензурой. Тогда вместе с ссыльными товарищами И. Г. Церетели и Н. А. Рожковым он решил издавать антивоенный «Сибирский журнал», к участию в котором пытался привлечь и Горького. Содержание журнала было таково, что после выхода первого номера (10 дек. 1914 г.) он был тотчас конфискован, а его официальный издатель арестован. Позднее Войтинский писал: «Посреди шовинистических завываний всей русской прессы „Сибирский журнал" подымал знамя борьбы с войной. Вопрос о войне он ставил интернационалистски и социалистически, обращая взгляд к организованному пролетариату всего мира и в нем указывая силу, призванную спасти человечество от того хаоса, к которому толкают Европу силы империализма» [16]. 1 января он вместе с Церетели выпустил первый номер нового журнала «Сибирское обозрение», продолжавшего и развивавшего ту же тематику. Однако и его постигла та же участь: он был тут же конфискован и закрыт.

С первых дней войны во всех воюющих странах, в том числе и в России, в ход были пущены все средства для раздувания военной истерии и ура-патриотических чувств населения. Буржуазная пресса распространяла идеи об освободительной миссии России, о защите ею всех славян от «варварства» «тевтонцев». Империалистическая борьба европейских государств выдавалась за битву «двух миров», «двух рас», «двух душ» — славянской и германской. В начале войны шовинизмом была заражена довольно большая часть творческой интеллигенции. Л. Н. Андреев, А. И. Куприн, Ф. К. Сологуб и другие воспевали войну и русский патриотизм. Те же настроения распространились и среди международной социал-демократии. Лидеры социализма в Германии и Франции предали интернациональное рабочее движение, проголосовав за военные кредиты и перейдя с позиций международной солидарности на позиции национализма и патриотизма. Аналогичные тенденции проявились и в среде русских социал-демократов. «Оборонцем» объявил себя в первые дни войны Плеханов. К нему примкнули «впередовец» Алексинский, меньшевик Маслов, анархист Кропоткин и др. Все это подействовало на Горького угнетающе. В письме к Е. П. Пешковой от 10 сентября 1914 г. он писал, например: «Как вспомнишь, что три года тому назад люди серьезно говорили о возможности планетарной культуры, о необходимости организации мирового разума, что была уверенность в прочности принципов, идей, международной солидарности лучших представителей человечества. И — вот! Люди науки свирепеют так же, как простое пушечное мясо. Бессмысленно и бесстыдно разрушаются исторические памятники.

Такая дикая тоска охватывает иногда, что просто не знаешь, куда девать себя» [17].

Грандиозный масштаб военных действий, количество втянутых в войну больших и малых стран и народов, невозможность высказаться на страницах прессы, контролируемой жесточайшей военной цензурой,— все это подавляло и ставило в тупик.

В обстановке военной истерии одним из немногих сочувствующих Горькому в первые месяцы войны стал ссыльный Войтинский. И Войтинскому в свою очередь была важна поддержка писателя, бывшего для него в течение долгих лет буревестником революции, символом правды и свободы. Неудивительно, что именно в этот период между Горьким и его адресатом завязывается особенно оживленная и заинтересованная переписка. В этих письмах Горький делится своими наблюдениями над событиями, пытается осмыслить их и дать оценку происходящему. Многие из

этих суждений и мыслей перекликаются с его публицистикой той поры (имеются в виду написанные осенью 1914 г. «Воззвание к населению», три статьи цикла «Несвоевременное» и статья «Две души»). Однако, за исключением «Воззвания к населению», статьи не были тогда напечатаны из-за цензурных условий (см. п. 4, прим. 6). Поэтому письма к Войтинскому и другим ссыльным революционерам стали, пожалуй, единственным способом обмена мнениями с единомышленниками, откровенного высказывания по наболевшим вопросам. Благодаря этим письмам мы как бы проникаем в лабораторию напряженной мысли писателя, постигаем ее масштаб, видим, как постепенно он освобождается от своих тяжелых настроений и приходит к решению действовать, находит средства для борьбы за идеалы интернационализма, мира, международной рабочей солидарности.

С весны 1915 г. Горький усиленно занимается организацией нового журнала. Эти усилия завершаются выходом в декабре 1915 г. литературно-политического ежемесячника «Летопись», главной задачей которого была борьба «против военной идеологии», «разоблачение тех захватных планов, которые преследуют империалисты всех воюющих стран» [18].

В период организации Горьким «Летописи», осенью 1915 г., ссыльный Войтинский был арестован за антивоенную литературную деятельность. По выходе из тюрьмы он попытался найти новые возможности для антивоенной борьбы и обратился за помощью к Горькому. Писатель тут же откликнулся на его просьбу и предложил сотрудничать в новом журнале.

Дальнейшая переписка касается участия Войтинского в «Летописи». В № 5 и 12 журнала за 1916 г. были напечатаны два его очерка: «Беженцы в Сибири» и «Областной сибирский съезд». Ссыльный писатель хотел бы шире участвовать в журнале. В письмах к Горькому он предлагал для печати свою повесть «За жизнь!» и рассказы «На гребне волны» и «В деревне» (п. 10, 11). Ни одно из этих произведений в «Летописи» не появилось. В 1917 г. в журнале была напечатана рецензия П. С-ского (псевдоним П. Н. Сурожского) на книгу Войтинского «В тайге». Охарактеризовав помещенные в сборнике рассказы как «правдивые бытовые картинки сибирской жизни», автор рецензии обратил особое внимание на их социальную направленность, на критическое изображение эксплуатации сибирскими купцами — «капиталом» — местных жителей — тунгусов [19].

События Февральской, а затем Октябрьской социалистической революции и гражданской войны далеко развели судьбы Горького и его адресата. Сразу после Февральской буржуазной революции Войтинский возвратился в Петроград. При Временном правительстве он являлся членом Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, членом Бюро этого Комитета, комиссаром Северного фронта. В октябре 1917 г. участвовал в контрреволюционном походе Керенского—Краснова на Петроград для подавления Октябрьского вооруженного восстания, был арестован и после освобождения, в начале 1918 г., вместе с Церетели уехал в Грузию, где редактировал меньшевистскую газету «Борьба».

Вскоре Войтинский в качестве представителя меньшевистской Грузии уехал за границу, в 1920 г. был включен в состав грузинского посольства в Италии. В 1921 г., после падения меньшевистской Грузии, он оказался в эмиграции и переехал в Берлин. В 1923—1924 гг. в Берлине в издательстве З. И. Гржебина вышли две книги его воспоминаний «Годы побед и поражений» (о годах первой русской революции, о тюрьме и ссылке 1908—1917 гг.). Познакомившись с ними, Горький писал Б. И. Николаевскому: «Книга Войтинского очень интересна» [20]. Кроме занятий литературой в 20-е годы Войтинский вновь обратился к увлечению своей юности — экономической науке и написал огромный энциклопедический труд «Весь мир в цифрах», содержащий основные итоги по различным отраслям хозяйственной статистики. На русском языке вышли первые два тома (Берлин: Знание, 1925). Целиком все 7 томов труда были изданы на немецком языке (Die Welt in Zahlen. Berlin: Rudolf Mosse, 1925–1928).

С попыткой издать этот труд полностью на русском языке для советских читателей связано возобновление после долгих лет молчания переписки его с Горьким. 16 февраля 1925 г. он послал писателю первый том своего труда и обратился

к нему с просьбой похлопотать о допущении этой работы в Россию. «Глубокоуважаемый Алексей Максимович! — сообщал Войтинский.— Посылаю Вам свою книгу (...) Вот уже второй год, как я занят большой научной работой по моей старой специальности — статистике. Задумал нечто вроде общедоступной энциклопедии по всем отраслям статистической науки — „Весь мир в цифрах" (...) По-видимому, интерес к цифрам большой, потребность в приложении статистического метода огромная, а знакомство с этим методом смутное (...) Вот у меня и явилась мысль обработать по первоисточникам все наиболее существенные данные статистики так, чтобы сделать их доступными среднему читателю и ввести его и в методологию статистической науки и в круг установленных ею положений (...)

Главлит мой первый том „Мира в цифрах" пропустил и даже внес его в список разрешенных книг, но затем пришла телеграмма, что это, мол, произошло по недоразумению и что книга в Россию не допускается (...) Для издательства это большой материальный ущерб, а для меня не меньший моральный ущерб, т. к. я хотел и хочу работать для нашего круга читателей, и вся работа рассчитана на новую русскую интеллигенцию, на кооператоров, хозяйственников, деятелей профсоюзов и т. п. Выполнена работа не только вполне объективно, но и архицензурно...

Я решился попросить у Вас совета,— как быть, куда и к кому обратиться. Само собой разумеется, я буду считать себя вправе получить от Вас такой совет лишь в том случае, если, ознакомившись с моей работой, Вы найдете, что серия книг, начинающаяся этим томиком,— полезная и нужная» [21].

Горький незамедлительно ознакомился с присланной книгой и уже 22 февраля 1925 г. отвечал: «Не думаю, чтоб мое мнение — мнение профана имело интерес для Вас, но все же скажу: Вы затеяли очень важное дело и, судя по первому тому, прекрасно делаете его» [22]. Далее Горький давал конкретные советы по продвижению книги и обещал свою помощь в этом деле.

Ответ Войтинского устранял необходимость для Горького хлопотать о допущении книги в СССР. «Моему издателю,— сообщал ученый в письме от 27 марта 1925 г.,— удалось выяснить мотивы недопущения в СССР первого тома „Мира в цифрах". Он запросил по этому вопросу Главлит и получил официальное уведомление, что эта мера вызвана обнаружением в книге „ошибок" (...) Мой издатель понял это заявление в таком смысле, что по исправлении ошибок книга будет пропущена (...) Вот как обстоит пока дело. Ждем ответа из Москвы (...)

Еще раз благодарю Вас за добрый отзыв о предпринятой мною работе. Лишь только выйдет II-ой том, вышлю Вам его» [23].

Судя по всему, разрешение на ввоз книги в СССР так и не было получено. В *ЛБГ* хранятся посланные Войтинским книги. На первой дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу от автора. Берлин, 11 февраля 1925» (*Описание*).

Увлекшись идеей пан-Европы, Войтинский написал в эмиграции две книги: «Соединенные Штаты Европы» (1927) и «Факты и цифры о Европе» (1930). В те же годы он напечатал ряд статей по различным вопросам экономики и политики в журналах Германии, Франции, Италии. После прихода Гитлера к власти Войтинскому удалось перебраться сначала в Швейцарию, а оттуда во Францию. Наконец, в 1935 г. он попал в США, где продолжал интенсивно работать в области экономики и статистики, написал ряд работ по вопросам труда, заработной платы, социального обеспечения, в том числе капитальный труд в двух томах: «Население и производство мира» (1953) и «Торговля и государственная организация мира» (1955). Скончался Войтинский 11 июня 1960 г. в Вашингтоне.

Публикуемые четыре письма Горького и семь писем Войтинского относятся к 1914—1916 гг. Более поздние, 1925 г., письма (одно Горького и два Войтинского) приводятся в отрывках в тексте вступительной статьи (см. выше).

Полностью все публикуемые письма печатаются впервые.

Интересна их история. Вместе с письмом В. И. Ленина, о котором упоминалось выше, и двумя письмами Короленко эти четыре письма Войтинский передал в свое время сестре [24], а та отдала все эти ценные материалы старому партийцу, рабоче-

му Н. Н. Глебову-Путиловскому (Степану Голубю). 13 февраля 1935 г. Глебов-Путиловский писал Горькому: «Мне были переданы Надеждой Савельевной Войтинской (сестрой Владимира Савельевича, автора книги „Годы побед и поражений" – 1905 г.,– был членом РСДРП, а в разные годы большевиком и меньшевиком, был в переписке с Вами, тов. Лениным, В. Г. Короленко) Ваши 4 больших письма. Кроме того, 2 письма В. Г. Короленко и одно большое письмо-оригинал тов. Ленина, исключительное по своей яркости и страстности. Нечего и говорить, что письмо тов. Ленина и В⟨аши⟩ письма имеют исключительный исторический интерес и ценность. Письмо тов. Ленина я хочу передать тов. Сталину ⟨...⟩» [25]. Далее Глебов-Путиловский осведомляется, как быть с имеющимися у него письмами Горького и Короленко. Ответ Горького неизвестен, однако вскоре письмо Ленина было передано в архив Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б), а письма писателей попали в *АГ*.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Берлин: Изд. З. И. Гржебина, 1924. Кн. 2. С. 99.

[2] Там же. С. 251.

[3] *Войтинский Вл.* После взрыва // Русское богатство. 1913. № 8. С. 122.

[4] *Он же.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 346.

[5] Русское богатство. 1913. № 8.

[6] *Войтинский Вл.* Призраки // Русское богатство. 1913. № 7. С. 21.

[7] Там же. С. 31.

[8] Под таким заглавием с 22 января по 21 мая 1914 г. выходила большевистская газ. «Правда». В связи с полицейскими репрессиями редакция за 2 года существования газеты при царском режиме (22 апр. 1912 г.— 8 июля 1914 г.) вынуждена была 8 раз менять ее название.

[9] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 224.

[10] Там же. С. 229. О романе Войтинского «Волны» см. также в п. М. А. Савельева Горькому от начала сентября 1913 г. (сообщение И. А. Ревякиной «Горький — редактор журнала „Просвещение"»).

[11] *Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 380.

[12] Войтинский ошибся: статью под названием «За общее знамя» он послал в большевистский журн. «Просвещение» (В. И. Ленин. Биографическая хроника. М., 1972. С. 166).

[13] *Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 382.

[14] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 238—241.

[15] *Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 382.

[16] Там же. С. 394.

[17] *Арх. Г.* Т. IX. С. 161.

[18] Летопись. 1917. № 2—4. С. 7. Подробно об этом журнале см.: *Дубинская Т. И.* Летопись // Русская литература и журналистика начала XX века, 1905—1917: Большевистские и общедемократические издания. М.: Наука, 1984.

[19] Летопись. 1917. № 7/8. С. 321.

[20] Русский Берлин, 1921—1923. Paris, 1983. С. 392.

[21] *АГ.*

[22] Новый журнал (Нью-Йорк). 1969. № 94/95. С. 226—227.

[23] *АГ.*

[24] Надежда Савельевна *Войтинская* (1886—1965) — художница, автор серии литографированных портретов деятелей литературы и искусства начала XX в. (А. Н. Бенуа, Н. С. Гумилева, М. В. Добужинского, К. И. Чуковского и др.). Детская писательница, переводчица. Дважды приезжала к брату в Сибирь, привозила ему и его товарищам-каторжанам письма родных, книги, деньги, одежду. В *ГПБ*, в архиве Войтинской, хранится уникальная коллекция фотографий политзаключенных и видов Александровского централа. О Войтинской, ее жизни и творчестве см. ст. В. Шубина «Надежда» (Нева. 1987. № 3).

Неоднократно подвергавшийся в ссылке обыскам и арестам, Войтинский, сознавая, видимо, ценность посланных ему в Сибирь писем Ленина, Короленко, Горького, передал их на хранение сестре.

[25] *АГ.*

1. ВОЙТИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Якутск. 23 июля 1914 г.)

Глубокоуважаемый товарищ Алексей Максимович!

Ваше письмо с приложением письма т. т. Южанина и Гуранова [1] я получил с большим опозданием в Якутске. Этим летом я предпринял поездку на Северо-Восток, плавал по Лене, Алдану и Мае, побывал на Витиме и в Якутске, скитался по тайге у Охотского моря [2]. Вынес из поездки много интересного.

Но письма, приходившие на мое имя, лежали все это время в Якутске. Поэтому только теперь, возвращаясь домой, могу ответить. Да и то подробно ответить не могу, т. к. после таежных скитаний плохо держу перо в пальцах.

Я не буду писать Вам, дорогой товарищ, о том, насколько приятно было мне получить письмо от Вас: пришлось бы говорить о том, сколько хорошего и светлого и на воле и в тюрьме дали мне Ваши произведения. А об этом Вы слышали уж слишком часто от слишком многих.

Южанину и Гуранову посылаю письмо [3], к⟨отор⟩ое прошу Вас переправить им,— своего адреса они в письме не сообщили.

Не знаю, удовлетворят ли т. т. мои объяснения. Мне кажется, что в их письме значительную роль сыграло простое недоразумение.

Жалею, что приходится быть так далеко в переживаемое время. Вернувшись с Алдана, узнал новости последних месяцев [4]. Что-то дальше будет?

Крепко жму руку.

Вл. Войтинский

P. S. Свою книгу вышлю Вам из Иркутска [5].

Вл. В-ий

23 июля 1914 г.

[1] П. Горького и п. рабочих Южанина и Гуранова разыскать не удалось.

[2] Алдан, Мая, Витим — притоки реки Лены. Через 10 лет Войтинский вспоминал о своих скитаниях по тайге: «Весной 1914 г. я решил предпринять поездку по Сибири ⟨...⟩ Разрешение на путешествие я получил без затруднений ⟨...⟩ Легко добыл я и средства на поездку: через редакцию „Русского богатства“ условился с „Русским словом“ о посылке в газету очерков и получил аванс ⟨...⟩

До Качуга (верст 200 или 250) мы ехали на почтовых. В Качуге купили ⟨...⟩ лодку и поплыли по Лене ⟨...⟩ Добравшись до Усть-Кута, бросили лодку и пересели на пароход. На остановках спускались на берег, разыскивали политических, расспрашивали их о местных условиях жизни. Картина повсюду была одинаковая — серая, безотрадная: нужда, тоска, ссоры. Только в Якутске застали сплоченную организацию ссыльных ⟨...⟩ Дальше пошла уже совершенная глушь. Ничто не изменилось здесь с XVII века ⟨...⟩ С Маи мы пошли тайгой к Охотскому морю. Путь был недалекий, около 300 верст, но предстояло пробираться через болота, переходить через множество речек, пересечь Джугджурский хребет ⟨...⟩ трудно проходимый ⟨...⟩ До моря мы не дошли ⟨...⟩ Возвращались на плоту по р. Челясину, а затем пешком через тайгу. На всю жизнь осталась у меня память об этом путешествии» (*Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Берлин: Изд. З. И. Гржебина, 1924. Кн. 2. С. 382, 383, 385, 388, 390). По впечатлениям от путешествия Войтинский написал ряд очерков, публиковавшихся в журн. «Современник» и «Вестник Европы», а затем включенных в книгу «В тайге».

[3] Речь идет об ответе Войтинского на п. рабочих Гуранова и Южанина, написанное по поводу его рассказа «Луч света среди ночи» (см. предисл. к переписке). Прочитав рассказ, рабочие через посредство Горького, редактировавшего в то время журнал, обратились к автору с письмом, в котором, в целом положительно оценив это произведение, высказали ряд критических замечаний. В частности, их обидели те резкие выражения и ругательства, с которыми обращался к рабочим, разогнанным с митинга казаками, агитатор Колька: «Трусы, подлецы, кого испугались? Ведь и правда! Мерзость такая!» (Просвещение. 1914. № 4. С. 5). Ответное п. Войтинского рабочим хранится вместе с п. Горькому в *АГ*: «Южанину и Гуранову. Дорогие товарищи! Т⟨оварищ⟩ Горький переслал мне ваше письмо по поводу моего рассказа, помещенного в 4-й книжке „Просвещение“. Вы возражаете в письме против употребленного мною выражения в рас-

сказе Кольки о заводском митинге. Колька — молоденький, бойкий агитатор — бойко и картинно рассказывает о своем выступлении на заводе ⟨...⟩ Прав ли был Колька, ругая рабочих „подлецами"? Конечно, не прав. В том, что рабочие, с непривычки, не выдержали натиска казаков, нет никакой „подлости". Тут нет даже проявления трусости. Скорее всего, тут сказалась лишь неорганизованность рабочих. Но это не значит, что я, как автор, не имел права привести рассказ Кольки в том виде, как он передан у меня. Чтоб выполнить свое назначение, каждое литературное произведение прежде всего должно быть правдиво. К этому я и стремился в своем рассказе. Поэтому и Кольку, и его слушателей я изобразил такими, какими они были в 1905 г. Вспомните то время и скажите: разве не происходили тогда между ораторами и их слушателями подобного рода размолвки? Происходили! ⟨...⟩ Мне кажется, что этим я никого не мог обидеть. Да и вы, товарищи, считаете мой рассказ в общем хорошим, удачным ⟨...⟩ Мне кажется, что общая оценка, данная вами моему рассказу, является лучшим оправданием отдельным употребляемым мною словам и выражениям. Хотя я и допускаю, что можно было смягчить резкость отдельных мест».

Следует отметить, что во втором издании рассказа (Луч света среди ночи. Пг.: Книга, ⟨1917⟩) Войтинский учел замечание рабочих и смягчил тон Колькиного рассказа, оставив только слово «тру́сы».

[4] Июльская пресса была полна тревожными сообщениями о последних событиях в Европе, приведших в конце концов к развязыванию первой мировой войны: убийстве в Сараеве наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда, ультиматуме Австро-Венгрии, предъявленном Сербии, заявлении России о поддержке этой маленькой страны и объявлении ею о широкой мобилизации войск. 19 июля / 1 августа 1914 г. Германия под предлогом грозящей ей со стороны России военной опасности объявила войну ей, а затем и Франции. Англия объявила войну Германии. Первая мировая война империалистических государств началась. 21 июля в русской прессе появился царский манифест о войне. Войтинский вспоминал об атмосфере тех дней: «В Якутск мы прибыли в 20-х числах августа ⟨июля.— *Н. Л.*⟩. Уже было известно о сараевском убийстве и об австрийском ультиматуме. Пахло порохом в воздухе. Все кругом говорили о войне ⟨...⟩ Несколько дней спустя, на Лене, нам уже пришлось наблюдать картины мобилизации и проводов призывных» (*Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 390).

[5] Вероятно, ответ на просьбу Горького прислать ему книгу Вл. Войтинского «Вне жизни. Очерки тюрьмы и каторги» (СПб., изд. В. С. Войтинского, 1914, с литографиями Н. С. Войтинской). Писатель мог узнать о ее выходе из объявления в «Книжной летописи Главного управления по делам печати» (1914. № 16, 26 апр. С. 3; № 20. 24 мая. С. 3). О своем желании издать эту книгу Войтинский писал в 1913 г. Короленко. 25 июня 1913 г. Короленко в ответном письме сообщал об условиях и возможностях этого издания, заключая его следующими словами: «В принципе все мы признаем издание Ваших статей желательным и полезным» (*АГ*).

2. ВОЙТИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Иркутск. Середина сентября 1914 г.⟩

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Посылая Вам свою книгу «Вне жизни», прошу Вашего совета по вопросу, крайне волнующему меня.

Я считаю, что мы обязаны высказаться, наконец, относительно войны. Молчать с нашей стороны преступление. Нашего слова ждут. Наше слово будет услышано и вольет новую струю в общественные настроения.

Ведь все, кроме нас [1], высказались! Высказались анархисты нелепой болтовней Кропоткина [2]. Высказались народники истерикой Бурцева [3] и трезвыми речами «Русск⟨ого⟩ бог⟨атства⟩» [4]. Высказались и все нутро свое выболтали либералы [5].

Мы лишь молчим. И наше мнение газеты обрабатывают, как им вздумается. Случайную фразу Плеханова [6] превратили в проповедь крестового похода против немцев. Ваше — понятное для меня — предложение относительно лазарета [7] обработали под казенный патриотизм. Никитину [8] приписали двусмысленность сервильного характера. Труса и идиота Козьмодемьянского превратили в представителя фракции [9]. Сочинили резолюции несуществующих групп и комитетов, и т. д., и т. д. Можно ли молчать в такое время?

Вам, под Питером, виднее, как обстоят дела. Есть ли возможность поставить газету? Можно ли обратиться в тот или иной журнал? Можно ли выпустить отдельные памфлеты-брошюры или какой-нибудь сборник?

Я считаю, что мы можем высказаться в рамках строгой цензурности. О чем нельзя говорить, о том будем молчать. Но выступим против заливающей мир волны одичания, против пропитавшей всю печать психологии каннибалов. Выясним свое отношение к грядущим революциям в Германии, Австрии и, м. б., в др. странах. Выясним, что именно международному пролетариату предстоит спасти человечество. А главное — будем бичевать ту растленную ложь, которая увеличивает систематически одичание общества, сгущает ненависть, ослепляет разум.

Чувствую, что мы обязаны это сказать, что не сказать всего этого в такое время — значит опозорить себя, опустить знамя в решительный час. Но не знаю, как (в смысле техническом) оборудовать все это.

Сейчас я пишу памфлет «О войне» [10]. Содержание его приблизительно такое:

1) *Наш патриотизм.* 2) *Война и печать* (легкомыслие, фанфаронство, забвение ответственности перед родиной). 3) *Ложь и ненависть* (газетная и агентская ложь, натравливанье и результаты всего этого). 4) *Куда мы идем?* (разрушение материальной и моральной культуры, разрушение Европы). 5) *Война и победа* (невозможность окончательного разгрома Германии, кошмарность мечты об этом как о залоге прочного мира; вообще невозможность разрешения кризиса средствами армий и дипломатов). 6) *Кто спасет мир?* (предстоящая роль пролетариата и демократии).

Эту схему я заполню либо сам, либо в сотрудничестве с моим другом Ир. Церетели [11]. В последнем случае мы, пожалуй, расширили бы рамки. Но как обстоит дело с печатаньем?

Посоветуйте, как быть, куда обратиться?

Если согласны с идеей *сборника*, возьмите в свои руки инициативу дела. Вы это сделаете лучше, чем кто бы то ни было. А мы (Церетели, я, Рожков) [12] будем Вашими помощниками.

Если сборник неосуществим, укажите, можно ли выпустить отдельные брошюры.

Я не извиняюсь за свое обращение к Вам, т. к. уверен, что вопрос Вам так же близок, как мне, и так же, как меня, волнует Вас.

Попытаемся, дорогой и уважаемый товарищ, сделать то, что в наших силах!

Крепко жму Вашу руку и жду ответа.

Вл. Войтинский

Иркутск,
Жандармская, 32

Датируется по ответному п. Горького и по содержанию.

[1] Имеются в виду социал-демократы.

[2] П. А. Кропоткин в 1914—1918 гг. занимал оборонческую позицию, резко осужденную В. И. Лениным. Вероятно, Войтинский имеет в виду сообщение русской прессы о появившемся в шведских газетах п. Кропоткина проф. Стефенсу. «Победа немцев,— пишет Кропоткин,— установит в Европе самую темную реакцию на 50 лет ⟨...⟩ Ввиду популярности автора, письмо производит сильное впечатление» (Русское слово. 1914. № 209. 12 сент.).

[3] По-видимому, в данном случае речь идет о следующем сообщении из Парижа: «Газета „Guerre Sociale" печатает ст. В. Л. Бурцева, в которой он заявляет, что все славяне без исключения должны сплотиться вокруг русского правительства и что ни одна политическая партия не имеет права компрометировать великое дело ополчения всей Европы на пангерманизм» (Русское слово. 1914. № 179. 5 авг.). Вскоре под влиянием охвативших его «патриотических» чувств Бурцев вернулся из эмиграции в Россию.

[4] Очевидно, речь идет о ст. А. Пешехонова «На очередные темы. Вероятное и возможное», напечатанной в августовском номере (№ 8) журн. «Русское богатство» за 1914 г. В статье утверждалось, что начавшаяся война является не битвой «тевтонской и славянской рас», а следствием милитаристской политики евро-

пейских государств. Далее автор говорил, что война потрясет «внутренние основы» этих государств, неминуемо обострит противоречия между «имущими и неимущими» и вызовет «выступление на историческую арену широких трудящихся масс...» (с. 299). См. также п. 3, прим. 2.

[5] Имеются в виду шовинистические выступления Струве, Булгакова, Эрна и других в защиту «священной» войны России против «мирового зла» — немецкой «расы».

[6] В газетной заметке «Г. В. Плеханов о войне» говорилось: «Г. Плеханов отозвался очень сочувственно о союзниках, заявив, что его симпатии всецело на стороне тройственного согласия, борющегося с игом германского милитаризма. Что касается России, то ее война с Германией, по мнению г. Плеханова, помимо всего прочего, есть экономическая необходимость» (Русское слово. 1914. № 192. 22 авг.). Время показало, что подобное высказывание отнюдь не было «случайным». В годы войны Плеханов разделял оппортунистические социал-шовинистические взгляды, со всей откровенностью высказанные им в брошюре «О войне». В первом номере издаваемой Горьким «Летописи», в ст. «Письмо в редакцию», «оборонческая» позиция Плеханова была названа «лакейской».

[7] Войтинский прочитал в прессе сообщение о том, что Горький организует на свои средства военный лазарет.

[8] *А. М. Никитин* (1876—?) — меньшевик, по профессии юрист, министр почт и телеграфов, затем министр внутренних дел при Временном правительстве. В известном п. А. Г. Шляпникову от 17 октября 1914 г. В. И. Ленин, говоря о необходимости борьбы с шовинизмом и шовинистами, среди других имен упоминает и Никитина (*В. И. Ленин.* Т. 49. С. 12).

[9] И. И. *Козьмодемьянский* (1869—?) — член социал-демократической фракции II Государственной думы. После сфабрикованного царской охранкой обвинения фракции в военном заговоре и разгоне Думы Козьмодемьянский оказался в политической эмиграции. Охваченный «патриотическими» чувствами в начале войны, он решил вернуться на родину. В газ. «Речь» сообщалось: «В числе прибывших из Венеции ⟨...⟩ русских находится ⟨...⟩ втородумец Козьмодемьянский, пославший из Швейцарии председателю совета министров Горемыкину телеграмму о своем решении, несмотря на висящее над ним обвинение в участии в военной организации с.-д. членов второй думы, вернуться и вступить добровольцем. Не дождавшись ответа, Козьмодемьянский выехал в Россию...» (Речь. 1914. № 232. 30 авг.).

[10] Позже, в эмиграции, Войтинский вспоминал об этом: «Припоминаю мои настроения первых месяцев войны. Я был решительным противником войны, возмущался манифестациями казенного патриотизма и проповедью ненависти к немцам, считал основной задачей социалистов в России антивоенную пропаганду ⟨...⟩ Я засел за памфлет против войны, которому дал название „В дни мирового пожара". Брошюра мне не удалась. В ней не хватало научного анализа причин мирового конфликта и отсутствовали живые краски в изображении ужасов войны ⟨...⟩ Свой памфлет я переработал и отослал в Петроград, где издательство Ясного пыталось издать его. Но военная цензура задержала брошюру» (*Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 391, 393).

[11] Ираклий Георгиевич *Церетели* (1881—1959) — политический деятель, один из лидеров меньшевизма, в 1907 г.— депутат II Государственной думы, лидер социал-демократической фракции. После разгона Думы был приговорен к каторге, с 1912 г. на поселении в Сибири. После Февральской революции — министр почт и телеграфов, затем министр внутренних дел во Временном правительстве, глава антисоветского блока в Учредительном собрании. После Октября — эмигрант.

[12] Николай Александрович *Рожков* (1868—1927) — русский историк и политический деятель. В 1905 г. вступил в РСДРП, примкнув к большевикам. Член Петербургского комитета большевиков, делегат V съезда РСДРП (1907). В 1908 г. был арестован и сослан в Восточную Сибирь, в ссылке примкнул к меньшевикам. Октябрьскую революцию встретил враждебно. В 1922 г. порвал с меньшевиками. Работал в вузах Ленинграда и Москвы, с 1922 г. профессор. Войтинский писал о нем: «Вдохновителем и руководителем социал-демократических выступлений в Иркутске был Н. А. Рожков ⟨...⟩ Рожков — человек больших знаний, больших научных запросов ⟨...⟩ Работать с ним было приятно. От него веяло общественным идеализмом и воистину неистощимой энергией ⟨...⟩ Но, увы, в политике он оставался мистером Пиквиком» (*Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 365).

3. ГОРЬКИЙ — ВОЙТИНСКОМУ

⟨Мустамяки⟩. 1⟨14⟩ X ⟨19⟩14

Уважаемый товарищ,

я считаю невозможным осуществление Вашего литературного проекта при наличии военной цензуры в Питере, а — с сего дня — и в Москве, всякое литературное выступление «против течения» неоспоримо обречено

на неудачу [1]. Попытки — были. Каково течение? А вот каково: скромная статья Пешехонова в «Рус‹ском› богатстве» вызвала со стороны публики множество протестов и доносов администрации, которая и закрыла журнал [2], ссылаясь на давление «общественного мнения».

Мне известно, что в Сибири думают и чувствуют не так, как здесь,— Ваше письмо одно из доказательств в пользу сибирского спокойствия и — может быть — здравомыслия [3]. Здесь мыслят нездорово, живут — кошмарно. Кошмар значительно усугубляется разноголосицей и путаницей мнений даже в кругах идейно близких и ныне еще более оторванных от жизни демократии [4]. Сама же демократия отчасти разрежена наборами в армию, отчасти — подчиняется шовинизму уличной прессы [5]; группы здравочувствующих — главным образом среди металлистов — заняты спешной работой, мало влиятельны и, пока, не имеют возможности выполнить свое назначение, понимаемое ими. *Пока.* Но — сколько времени продлится это пока? Трудно сказать.

Здесь много говорилось на Вашу тему. Недавно вернулся Стеклов [6] из немецкого плена и сделал доклад о поведении товарищей немцев. Этот доклад произвел на меня впечатление панихиды по интернациональном социализме [7]. Гаазе и Шейдеман были обмануты Бетман-Гольвегом, но они так легко обманулись, как будто хотели этого [8]. Вообще говоря — мы живем в отвратительное время, невозможно было ожидать случившегося, хотя война, конечно, была неизбежна. Но формы, принятые ею,— более патологичны, чем формы какой-либо иной войны из пережитых нами. Грандиозность ее действует ужасающе на примитивное мышление, а примитивно мыслят в России из 175 миллионов людей, вероятно, 173. Если не больше.

Это пессимизм? Нет. Но когда хватят по лбу обухом топора, то некоторое время чувствуешь себя не очень ловко. Сейчас создалось такое положение, что не знаешь — можно ли разговаривать с человеком, который в начале июля был довольно приличен?

Вы пишете о каком-то моем «предложении относительно лазарета» — я не делал решительно никаких лазаретных предложений, это из области таких же анекдотов, как мое поступление в санитары и служба сына моего в армии союзников [9]. Но об этих новостях я все-таки читал в газетах, а о лазарете даже и по газетам не слыхал,— не объясните ли Вы, что это такое? Некоторые выходки газетчиков приходится публично опровергать, так, например, недавно явилось в печати якобы мое письмо к Шаляпину,— очень патриотическое письмо. Но после моего опровержения оказалось, что его писал не я, а г. Берман из «Биржевых ведом‹остей›» [10]. В санитары я не собирался, сын мой учится в Москве и вовсе не намерен воевать, лазаретов не строю — нет денег и желания, а вот протест литераторов против «немецких зверств» подписал второпях, и это меня очень мучает, хотя и литераторы они и даже академики [11].

Жить стало трудно, неприятно. Некоторые из хороших рабочих вызывают мучительное впечатление детей горько обиженных, иные — кажется — обижены неизлечимо.

Ну, я сказал все плохое. Хорошего пока еще нет, но уверенность, что оно растет,— не исчезла, а, напротив, понемножку крепнет. Я не стану приводит фактов, но они свидетельствуют о прекрасной живучести юных сил.

В этой войне есть одна положительная сторона: война эта с неопровержимой ясностью доказывает, что при наличии национализма невозможна общечеловеческая, планетарная культура. Творцом планетарной культуры, основанной на факте, на изучении,— может явиться только идея интернационализма,— всякая иная идеология культуры является идеологией, основанной на догмате и внушении. Наш путь — прочь от умозрений и метафизики — к эксперименту, к наблюдению.

Об этом очень долго приходится говорить, хотя это и не ново. Но,— мы живем в стране со слабой памятью, никто не забывает так легко, как русский, чем он был вчера и как он вчера думал.

Книгу Вашу я еще не получил [12]. Благодарю за любезность, мне очень нравятся Ваши рассказы.

Будьте здоровы! Скоро у меня будет оказия в Ваши места,— пошлю с нею Вам разные новости и более подробное, более ясное письмо о происходящем [13].

Всего доброго.

А. Пешков

В это время в Финляндии был принят новый стиль.

[1] Впервые подлинно революционное отношение к войне печатно удалось выразить в большевистской нелегальной прессе. 19 октября / 1 ноября 1914 г. в Женеве вышел № 33 газ. «Социал-демократ», в котором были напечатаны написанные В. И. Лениным обращение «Война и российская социал-демократия», статья «Положение и задачи социалистического Интернационала» и подписанный ЦК РСДРП «Ответ Э. Вандервельду».

[2] Речь идет о ст. А. Пешехонова «Единая Россия» (Русское богатство. 1914. № 9. С. 293—323), в которой оспаривался официозный тезис о «полном единении всей России перед лицом военной опасности». Журн. «Русское богатство» был закрыт 18 сентября / 1 октября 1914 г. В специальном донесении Главного управления по делам печати указывалось, что закрытие журнала было вызвано появлением на его страницах кроме вышеупомянутой ст. Пешехонова ст. Н. Русанова «Обозрение иностранной жизни» и В. Мякотина «Борьба с германизмом и национальный вопрос». После подробного разбора этих статей и указания наиболее «вредных» и «опасных» мест в донесении делался вывод, что «Русское богатство» придерживается оппозиционного направления по отношению к царскому правительству: «〈...〉 в настоящее время, когда все силы страны должны быть направлены на борьбу с внешним врагом, журнал, обсуждая в высшей степени важные и сложные вопросы социально-политической жизни, связанные с событиями военного времени, дает этим вопросам решение в духе и направлении одной из самых крайних политических партий» (*Евгеньев-Максимов В.* Из истории «Русского богатства»: (К двадцатилетию журнала)//Русское богатство. 1917. № 11/12. С. 93. См. также: *Русская литература конца XIX — начала XX в. 1908—1917*. С. 593). Чтобы возобновить выход журнала, редакции пришлось прибегнуть к хитрости и переименовать его. В ноябре 1914 г. вышел следующий номер журнала под заглавием «Русские записки» (№ 1).

[3] Войтинский позже писал об этом: «Война началась. И если кое-где в городах Европейской России население встретило ее кликами „ура“ и коленопреклоненной молитвой за царя, в Сибири ее встречали проклятиями 〈...〉 Несмотря на усилия кадетов и части народнической интеллигенции, в Иркутске не было военного воодушевления. Скорее можно было отметить в обывательской среде пораженческие настроения 〈...〉 Среди иркутских рабочих антивоенные настроения проявлялись особенно резко» (*Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 390, 405).

[4] Вероятно, имеется в виду социал-патриотическая позиция, занятая с первых месяцев войны многими русскими социал-демократами: Плехановым, Масловым, Мартовым, Аксельродом и др.

[5] Об отношении рабочих России к войне свидетельствует следующее п. одного из рабочих корреспондентов в большевистскую газету от 10/23 октября 1914 г.: «У рабочих очень мало имеет успеха „освобождение славян“. Втайне многие желают победы французам, англичанам и бельгийцам, а для себя удовлетворяются поражением 〈...〉 Нужно заметить, что запутанная и так всеми запутываемая „ситуация“ очень тяжело отражается на рабочих. Писания и рассказы о немецких зверствах, хотя и с оговорками, находят некоторый кредит у рабочих, так как на многих предприятиях были немцы мастера, инженеры и пр., которые пользовались славой грубиянов. В среде рабочих шовинизм совершенно не чувствуется и, несмотря на „работу“ продажной прессы, думаю, никогда не привьется. Слишком „обло и озорно“ внутреннее содержание страны. В провинции настроение менее определенное, но очень много слез и нищеты. Войну терпят, но она не популярна» (Социал-демократ. 1914. № 35. 29 нояб. / 12 дек.).

[6] Юрий Михайлович *Стеклов* (Ю. Невзоров, наст. фамилия Нахамкис) (1873—1941) — участник революционного движения в России, историк, публицист, советский государственный деятель. Был участником революции 1905—1907 гг., в 1910 г. выслан за границу. В эмиграции сотрудничал в большевистских изданиях. В 1914 г. вернулся в Россию, в годы войны занимал позицию революционного оборончества, от которой позднее отказался. Участник Октябрьской революции, с 1917 по 1925 г. редактор газ. «Известия ВЦИК».

[7] Сразу после начала первой мировой войны многие лидеры и видные деятели социал-демократических партий в Европе (Э. Вальян и Ж. Гед во Франции, Г. Гайндман в Англии, К. Каутский в Германии, Л. Биссолати в Италии, Плеханов и Маслов в России) повели шовинистическую линию, каждый призывая к защите своего «отечества». Лидер бельгийской рабочей партии Э. Вандервельде вошел в 1914 г. в состав буржуазного правительства своей страны, уговаривал русский народ «выполнить свой долг» (Социал-демократ. 1914. № 33. 19 окт. / 1 нояб.). Русские «ликвидаторы» в п. Вандервельде одобрили поведение социал-демократов Франции, Бельгии и Англии, называя их по-прежнему «славным авангардом международного пролетариата» (Социал-демократ. 1914. 22 нояб. / 5 дек.). Парламентская фракция немецких социал-демократов почти единогласно голосовала за кредиты на войну. Лишь 28 августа / 10 сентября 1914 г. было опубликовано заявление К. Либкнехта, Ф. Меринга и К. Цеткин, в котором они отмежевывались от большинства социал-демократической фракции в немецком парламенте. Во время вторичного голосования военных кредитов в ноябре 1914 г. К. Либкнехт оказался единственным, кто из социал-демократических депутатов проголосовал против (Социал-демократ. 1914. № 30. 29 нояб. / 12 дек.). Измена лидеров международной социал-демократии идеям интернационализма и рабочей солидарности тяжело отражалась на настроениях рабочих. Как сообщал упомянутый выше рабочий корреспондент, «в такое время угнетающе действовала на настроение измена немецких с.-д. Дело в том, что хотя мы все были настроены интернационально, но в нашей пропаганде мы не имели возможности опереться на факты интернационализма рабочих Австрии и Германии. Их поведение развязало руки робким элементам и русским оппортунистам и вышибло почву у нас, рабочих б〈ольшеви〉ков, из-под ног. Вести о том, что наши парижские б-ки ушли в войска, „беседы" женевского старичка Плеханова и вся ситуация немало также омрачали наши головы» (Социал-демократ. 1914. № 35. 29 нояб. / 12 дек.).

Горький болезненно реагировал на происходящее. В п. М. Ф. Андреевой от 9/22 сентября 1914 г. он писал, в частности: «Товарищи с.-д. в Берлине хвастаются, что треть немецкой армии состоит из социал-демократов, то есть целые дивизии „товарищей". Товарищи в Париже, Риме, Лондоне, Брюсселе — знают это. Товарищ Жан изувечит товарища Ганса — как они встретятся потом, как можно говорить об интернационализме интересов демократии?

Интернациональный социализм — убит. Мы вступаем в эпоху социализма национального. Идея побеждена имуществом. Все это так огромно, так жутко, что не находишь слов выразить даже сотую 〈долю〉 тех тяжелых ощущений, которые всего лучше выражаются, пожалуй, словами — мировая катастрофа, крах европейской культуры» (*Андреева*. С. 277).

[8] Лидеры правого крыла германской социал-демократии Гуго *Гаазе* (1863—1919) и Филипп *Шейдеман* (1865–1939) не раз на свои запросы в парламенте относительно военных приготовлений Германии получали от рейхсканцлера Теобальда *Бетман-Гольвега* (1856—1921) успокоительные заверения и выражали удовлетворение ими. Однако сразу после объявления войны, 22 июля / 4 августа 1914 г. Гаазе выступил в рейхстаге с обоснованием положительного голосования его партии по вопросу о предоставлении правительству военных кредитов.

В *АГ* хранится горьковская коллекция газетных вырезок, в которой заметки о войне составляют целый раздел, многие из них испещрены пометами и подчеркиваниями писателя. Среди них заметка: «Германские с.-д. и война», в которой сообщалось: «Гаазе указал, что существование Германии связано с уничтожением русского абсолютизма 〈...〉 и что для осуществления этой задачи соц.-демократы окажут полную поддержку правительству 〈...〉». Далее в той же заметке указывалось, что Гаазе «вотировал 5 миллиардов Вильгельму II на разгром воюющих государств» (Речь. 1914. № 212. 10/23 авг. // *АГ*).

[9] 29 сентября / 12 октября 1914 г. Горький сообщал сыну Максиму: «Вот тебе — новость, воин! Я — санитаром, ты — солдатом, теперь следует бабушку назначить в артиллерию, мать — авиаторшей, и все будет в порядке! На меня все нападают газетчики, желая, чтобы я „высказался о войне", а я — молчу, так они сами за меня высказываются» (*Арх. Г.* Т. XIII. С. 144). К этому письму Горький приложил газетную вырезку, озаглавленную «Семья Максима Горького в Одессе». В ней сообщалось: «Между прочим, г. Пешков-сын считает сообщение, проникшее в иностранную печать, о решении Горького отправиться санитаром на войну,— неправдоподобным» (Там же). К этому же письму сыну была приложена еще одна вырезка из газеты: «Ниццский корреспондент миланской газеты „Secolo" сообщает, что сын Максима Горького пошел добровольцем во французскую армию, поступил в полк, стоявший в Ницце, и просил послать его на передовые позиции» (Там же). В данном случае речь шла о крестнике Горького, З. А. Пешкове, который действительно пошел добровольцем во французскую армию. 16/29 октября 1914 г. Горький писал Е. П. Пешковой и М. А. Пешкову: «Из Неаполя сообщают слух, что будто Зиновий сломал себе ногу 〈...〉 Оказывается, это о нем писали итальянские газеты, а я думал, о Максиме» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 163). Немного позже одна из газет писала о сыне Горького: «В газетах появилось сооб-

щение, перепечатанное из итальянской газеты „Secolo", о том, что сын Горького будто бы записался добровольцем во французскую армию и уже отправлен на передовые позиции. Сын Горького, ученик VI класса реального училища Фидлера в Москве, живет со своею матерью в Москве и не собирается ни на какие передовые позиции» (Биржевые ведомости. 1914. № 14548. 11/24 дек.).

[10] 14/27 сентября 1914 г. в утреннем выпуске газ. «Биржевые ведомости» (№ 14372) было опубликовано от имени Горького подложное «патриотическое» «Письмо Ф. И. Шаляпину». «Эта война,— утверждалось в нем,— меня точно переродила. Раньше я всегда был горячим противником войны, готов был принести все свои силы на то только, чтобы предотвратить всякую войну. Но теперь ⟨...⟩ свою грязную, окровавленную лапу немцы наложили на священнейшие места. Где побывали они — там трава не растет. И все это разрушение и вандализм только потому, что в них нет и тени той культурности, которой они так часто и кичливо хвастались». Письмо заканчивалось признанием необходимости всеми силами помогать «нашим солдатам, нашим седым, могучим богатырям». Как выяснилось, письмо было написано сотрудником этой газеты Берманом. 16/29 сентября 1914 г. на страницах газ. «День» (№ 251) появилось опровержение Горького по поводу этого письма: «Газета „Биржевые ведомости" опубликовала письмо, написанное якобы мною Ф. И. Шаляпину; письмо это перепечатано и ⟨...⟩ в № 250 газеты „День". Позвольте оповестить ⟨...⟩ что письма, приводимого „Биржевыми ведомостями", я не писал ни Ф. И. Шаляпину, ни кому-либо иному. Надеюсь, что „Биржевые ведомости" позаботятся объяснить эту шутку».

[11] Беспокоясь о судьбе культурных ценностей Европы и под влиянием ошеломившего всех сообщения об артиллерийском обстреле немецкими войсками Реймского собора, Горький подписал 27 сентября / 10 октября 1914 г. составленное Буниным обращение «От писателей, художников и артистов», в котором осуждался вандализм «германцев в этой кровавой брани народов». Авторы письма обвиняли немцев в том, что те вызвали братоубийство, уничтожают величайшие ценности «ради несбыточной надежды владычествовать в мире насилием» (Русские ведомости. 1914. № 223. 28 сент. //11 окт.). Письмо подписали академики Арсеньев, Бунин, А. Веселовский, Овсянико-Куликовский, литераторы Телешов, Фриче, Струве, Горький, Найденов, Серафимович, Скиталец, художники Архипов, А. Васнецов, В. Васнецов, Коровин, артисты Ермолова, Вл. Немирович-Данченко, Станиславский и мн. др.

Подпись Горького под этим обращением вызвала тревогу В. И. Ленина и побудила его выступить со ст. «Автору „Песни о Соколе"». Ленин писал: «С болью в сердце прочтет каждый сознательный рабочий подпись Горького, наряду с подписью П. Струве, под шовинистски-поповским протестом против немецкого варварства ⟨...⟩

Но Горького рабочие привыкли считать своим. Они всегда думали, что он так же горячо, как и они, принимает к сердцу дело пролетариата, что он отдал свой талант на служение этому делу.

Потому и пишут Горькому приветствия, потому и дорого им его имя. И это доверие сознательных рабочих налагает на Горького известную *обязанность* — беречь свое доброе имя и не давать его для подписи под всякими дешевенькими шовинистскими протестами, которые могут ввести в заблуждение малосознательных рабочих. Им самим еще не под силу разобраться во многом, и их может сбить с пути имя Горького. Имя Струве никакого рабочего не собьет, а имя Горького может сбить» (*В. И. Ленин.* Т. 26. С. 96—97).

[12] См. п. 1, прим. 5.

[13] Не разыскано.

4. ВОЙТИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Иркутск. 9 ноября 1914 г.⟩

Дорогой товарищ Алексей Максимович!

Невозможность осуществить в Питере мой литературный план не слишком огорчила меня. 1. Это *пока* невозможно, но времена скоро изменятся. 2. Я не теряю надежды выпустить кое-что в Питере (через Ясного) [1]. 3. Если Питер для нас закрыт, сделаем, что в наших силах, здесь, в Сибири.

Ваше письмо порадовало и меня, и моих товарищей и друзей как доказательство, что Ваша личная точка зрения на события близка с нашей точкой зрения. При тех нитях, к⟨отор⟩ые связывают нас с Вами, при том уважении, к⟨отор⟩ое мы питаем к Вам, выяснение этой близости между Вашими и нашими взглядами было нам очень ценно.

О лазарете я узнал из газет (из «Р〈усского〉 сл〈ова〉», если не ошибаюсь) [2]. Версии о Вашей санитарской службе я до Вашего письма верил. Если это анекдот,— то тем лучше. Хотя — каюсь — я лично при нынешних условиях охотно пошел бы в санитары (это мое настроение встречает полное осуждение и резкое порицание со стороны Рожкова и Церетели).

Приписанное Вам биржевыми жуликами письмо к Шаляпину в свое время очень огорчило нас, но через 2 или 3 дня дело выяснилось. Отмечу, впрочем, что местные газеты гораздо охотнее перепечатывали подложное письмо «Биржевки» [3], чем Ваш ответ на него.

Настроение здесь не плохое. О шовинизме среди рабочих в настоящее время и говорить не приходится. Среди интеллигенции (особенно народнического направления) в начале войны были большие шатания, но теперь и здесь настроение выравнивается.

Мне пришлось беседовать на текущие темы со многими, пришлось даже не раз выступать публично перед смешанной аудиторией в 2—3 сотни человек. При публичных высказываниях я лишь один раз встретил резкую оппозицию. Но аудитория в этом случае была на моей стороне (оппонентов зашикали, а меня проводили овациями).

Это — штришок к характеристике здешних веяний.

В ближайшем времени мы (Рожков и я) думаем приступить к изданию еженедельного журнальчика (16 стр. в 2 столбца), посвященного текущим событиям. Издание будет держаться в цензурных рамках и по своему типу будет приближаться к периодическим (или непериодическим) сборничкам статей [4].

У меня большая просьба к Вам: примите участие в нашем изд〈ании〉 присылкой какого-нибудь рассказика, очерка или заметки [5]. Хорошо, если бы Вы дали нам что-нибудь, связанное с войной или с теми «юными силами», которые зреют под бурей.

Ваше участие не только облегчило бы нам изд〈ание〉 в материальном отношении, но и лишило бы журнальчик специфически местного значения, привлекло бы к нему внимание более широких кругов населения.

Я очень прошу Вас: если Вы согласитесь участвовать в журнале, телеграфируйте мне об этом и в той же телеграмме сообщите заглавие вещи, к〈отор〉ую можете дать в 1-й №.

Обращаюсь к Вам с этой просьбой, т. к. по Вашему письму чувствую, что Вам тяжело и противно среди каннибальского визга столичных газет. Вероятно, поэтому Вы и пишете так мало в последнее время [6]. А у нас, при всей мизерности нашего журнальчика, Вы будете среди друзей, переживающих события одинаково с Вами и любящих Вас.

С лучшими пожел〈аниями〉 жму руку.

Вл. В.

Жандармская, 32.
9 ноября 1914 г.

[1] Имеется в виду брошюра Войтинского «В дни мирового пожара» (см. п. 2, прим. 10). Михаил Абрамович *Ясный* — владелец петербургского изд-ва М. В. Попова.

[2] В газ. «Русское слово» за август—сентябрь 1914 г. объявления об устройстве Горьким военного лазарета обнаружить не удалось.

[3] Петербургская газ. «Биржевые ведомости».

[4] Речь идет о еженедельном «Сибирском журнале» (см. предисл. к переписке). Первый и единственный номер его вышел в Иркутске 10 декабря 1914 г. В целях конспирации почти все статьи были напечатаны под псевдонимами. Программа «Сибирского журнала» была сформулирована в редакционной передовице, написанной Войтинским. «Война,— говорилось в ней,— проникла во все области нашей жизни. Война создала новые группировки общественных сил, поставила на очередь новые задачи 〈...〉 Экономическая жизнь страны, взаимоотношения России и других стран, таможенная политика, государственный бюджет и налоги, национальный вопрос, рабочее движение, положение печати, положение школы — все эти вопросы неразрывно связаны с вопросом о войне 〈...〉 Над выяснением этих вопросов,

вопросов внутреннего обновления, хотел бы работать „Сибирский журнал“». Большой заслугой журнала было выяснение на его страницах истинной — классовой, империалистической, а отнюдь не «освободительной» — сути той войны, которую вела Россия. «Нынешняя война,— говорилось в заметке „Голоса печати“,— поскольку речь идет о России — имеет целью защиту нашей промышленности, нашего капитализма, нашей буржуазии. Ее задачи разрешаются на полях сражений. И поэтому именно буржуазные круги являются в настоящее время главным очагом воинственного азарта». В номере были напечатаны следующие ст.: «Начало итогов войны» Воина, «Война и интернационал» Квирильского, «Все против всех» И. Новицкого, «Война и хозяйство России» Нарова, «Война и рабочая самопомощь» Стеллина, «Рабочее движение в Прибалтийском крае» Де-Р., «Борьба с дороговизной» Ю. В., «Литературные наброски» Н. Чужака. Завершали журнал разделы «Из местной профессиональной жизни» и «Корреспонденция».

Войтинский позже рассказывал об истории создания этого журнала: «Сборнику решили придать форму 1-го № журнала, составляя его так, чтобы заранее идти на конфискацию и закрытие. Кстати, у нас было готовое разрешение на еженедельный „Сибирский журнал“, взятое на имя одной партийной работницы И. Ф. Тарадановой, выразившей заранее готовность сесть в тюрьму после 1-го №. В редакцию вошли Церетели, Рожков и я, но Рожков вскоре уехал в Читу, и выпуск № оказался на нас двоих. В 1-й № дали статьи: Церетели, Рожков, Вайнштейн, Вайнберг, Чужак и я. Я написал редакционную передовицу, статью о международном положении под заглавием „Все против всех“ и еще несколько заметок. Рожков писал о внутреннем положении России. Чужак дал блестящий разбор военной ура-патриотической поэзии. Но гвоздем № явился фельетон Церетели („Квирильского“), посвященный тактике социалистического Интернационала 〈...〉 Заслуга выработки программы „Сибирского журнала“ принадлежала главным образом Церетели 〈...〉 А на мне лежала организация издания и литературное редактирование журнала 〈...〉 Журнал имел огромный успех и обратил на себя внимание не только в России, но и в интернационалистически настроенных кругах социал-демократической эмиграции в Европе. Само собой разумеется, что № был тотчас же конфискован, против редактора-издательницы И. Ф. Тарадановой было начато преследование, и сама она была арестована» (*Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 393—394, 395, 396).

[5] Горький не принял участия в «Сибирском журнале».

[6] Войтинский ошибался: Горький в это время очень интенсивно работал. «Я работаю на всех парах»,— писал он сыну 29 сентября/12 октября 1914 г. (*Арх. Г.* Т. XIII. С. 144). В октябре писатель закончил работу над второй частью автобиографической трилогии — повестью «В людях» — и приступил к ее переработке. Кроме того, он выразил свое отношение к войне в ряде публицистических выступлений: «Воззвании к населению», трех статьях цикла «Несвоевременное» и ст. «Две души». В этих произведениях, написанных почти одновременно осенью 1914 г., Горький называл войну «мировой катастрофой», категорически осуждал шовинизм, напоминал о благородной идее братства народов, взывал к чувству солидарности. «Воззвание к населению» было напечатано 20 ноября 1914 г. в газ. «Киевская мысль» и «Киевлянин», цикл «Несвоевременное» из-за цензурных условий не увидел света, ст. «Две души» Горькому удалось опубликовать лишь в декабре 1915 г. в журн. «Летопись». Там же в течение всего 1916 г. печаталась повесть «В людях». Подробнее см.: *Овчаренко А.* Публицистика М. Горького. М., 1961. С. 344—348.

5. ГОРЬКИЙ — ВОЙТИНСКОМУ

〈Мустамяки. 30 ноября/13 декабря 1914 г.〉

Дорогой товарищ,

не мог своевременно ответить Вам, ибо пять недель не был дома, вернулся лишь вчера. Не умею завидовать, но Вашему настроению, кажется, завидую, хотя и склонен объяснять его тем, что Вы живете, так сказать, за околицей жизни,— разумею жизнь истинно русскую, болотистую, насыщенную запахами гниения и разложения. Конечно — и на болоте молодые березы растут, но трудно им и не крепки они.

«Сил, которые растут под бурей» — Ваше выражение [1] — я пока не вижу, но вижу, как развращаются и распыляются те силы, которые сложились до начала бури. Мои впечатления от поездки сложились отвратительно, обиднее всего то, что хорошие люди ныне живут слепо и неосведомленно. Нет книг, которые бы с достаточной простотою изъясняли истинные причины войны,— кроме книги Павловича [2] ничего нет. Для

массы эта книга незнакома и трудна, и естественно, что люди ищут ответов на свои вопросы в полуумной прессе, развращенной национал-идиотизмом [3]. Это одинаково для Киева, Москвы, Питера. Добавьте сюда резкое обострение националистических чувств.

На западе — непримиримые отношения между евреями и поляками [4], в Киевщине и Подолии то же самое между украинцами и «державной народностью» [5], а на Кавказе начинается открытая и жестокая «политика» между армянской буржуазией и грузинским дворянством. Армяне, видимо, рассчитывают занять на Кавказе по отношению к татарам и грузинам роль «цивилизующего начала», т. е. [роль] позицию пособников за совесть политике великорусской. Все это не может не отравлять людей, близких нам.

Москва является центром, где ныне усердно строят идеологию будущей национал-либеральной партии [6], партии, которая будет основоположницей глубочайшей общественной реакции. Идут разговоры о духовном слиянии «Великой России» со «Святой Русью» [7], о мистических началах национализма [8], о мессианизме третьего Рима [9], о том, что Русь — носительница истинной культуры и ныне спасает Европу от оков ложной цивилизации [10]. Травля немцев носит совершенно сумасшедший характер, хотя националисты оперируют идеями Фихте, Шеллинга, Шлейермахера [11]. «Хотя» — неуместно, но оно должно показать, до чего истинно русская мысль бедна творчеством.

Касается ли все это широких масс? Да, касается. Война почти популярна в чайных, в дешевых трактирах и на улице, популярна потому, что немец — мастер на фабрике, инженер, директор; немец — управляющий имением, полицейский, чиновник, генерал. Немец вообще более ловок и умен, чем русский, а мы, Русь, любуясь ловкими и умными людями,— не любим их. Во всем этом безобразии хуже всего то, что демократия живет Робинзонами, без связей друг с другом, без возможности связей. В Киеве рабочие принесли мне чудесно написанный адрес, такие милые, крепкие слова написаны в нем, я был тронут едва не до слез [12]. Но несколько бесед с авторами адреса обнаружили очень грустные вещи: полная неосведомленность о причинах войны, убеждение, что война начата Германией, недоверие к факту, что Германия неизбежно должна была начать войну, была вызвана к войне, непонимание роли Англии и вообще наших «союзников», главное же — полное незнакомство с жизнью германских товарищей в наши дни. Это — самое отчаянное, самое запутанное.

О питерских событиях Вы знаете, по этому поводу Вам послано, с оказией, письмо [13], получив — известите.

Дела — бесстыдно много, делателей же — нет, а они крайне необходимы в эти дни преобладания эмоции над разумом, никогда еще они не были так необходимы!

Шовинистическое настроение заметно понижается, но — не радуйтесь, понижение идет в сторону безразличия. Это — у интеллигенции, настроенной критически, т. е. у меньшинства, большинство же тянется за Струве и «Биржевкой», за Булгаковым и «Утром России». Общественное мнение создают именно эти органы при помощи языков и перьев Вяч. Иванова, Булгакова, Эрна, Л. Андреева, Струве и прочих, имя же их — легион. Все вчерашние анархисты ныне патриоты и государственники.

Противно, как в помойной яме. Пожалуйста, пошлите мне журналы [14]. Писать — не обещаю, ибо занят по уши и скоро должен буду уехать на Русь, по провинции.

Кланяюсь Н〈иколаю〉 А〈лександровичу〉 [15], Вам и всем добрым людям, не потерявшим головы. Книг нужно, брошюр по вопросам об экономических интересах всех воюющих государств [16]. Это положительно необходимо.

Будьте здоровы!

А. Пешков

Все письма на Финляндию распечатываются военной цензурой. Пишите: Петроград, Лесной, Гонорин переулок, дом № 1-й, И. П. Ладыжникову для А. М. Пешкова.

Датируется на основании фразы «вернулся лишь вчера». Горький вернулся в Мустамяки (Финляндию) из поездки в Киев, Москву и Петроград 29 ноября / 12 декабря 1914 г.

[1] См. п. 4.

[2] *Павлович М.* Великие железнодорожные и морские пути будущего. СПб., 1913.

[3] В горьковской коллекции газетных вырезок о войне — статья Л. Андреева «Торгующим во храме» о «предательстве» Болгарией России, заметка В. Регинина «„Во имя бога!“ Автор „Поединка“ о нынешнем офицерстве. (Встреча с поручиком Куприным)», описывающая военно-патриотические чувства Куприна; стихотворение Ф. К. Сологуба «Дух Берлина», обвиняющее в мещанстве всю немецкую нацию; статья П. Б. Струве «Карл Маркс и восточный вопрос», приписывающая вождю мирового пролетариата пангерманистские идеи и др. (Биржевые ведомости. 1914, № 14470, 14482, 14526, 14540, 2, 8. 30 нояб. 7 дек.).

[4] В мае 1915 г. Горький писал ссыльному С. В. Малышеву: «Вы не можете представить, что теперь делают с еврейским населением Польши! Уже выслано до полумиллиона, высылали по 15, 20 тысяч — все еврейское население города — в 24 часа! (...) Говорят, что массовое обвинение евреев в измене, предательстве вызвано желанием объяснить наши военные неудачи и затушевать действительное предательство Мясоедовых и К°. Я думаю — иначе: антисемитизм пропагандируется, как я уже писал Вам,— в целях разбить оппозицию на еврейском вопросе. Пропаганда ведется успешно. Жить — стыдно» (*XXIX*, № 686).

[5] В коллекции газетных вырезок Горького имеется вырезка из газ. «Биржевые ведомости» за 6/19 декабря 1914 г. (№ 14538), отражающая обострение национального вопроса на Украине во время первой мировой войны. В ст. «Новые споры по украинскому вопросу» ее автор М. И. Чубинский резко критиковал шовинистические выступления П. Б. Струве, возвестившего «русскому обществу необходимость борьбы с украинским движением», отрицающего тот факт, что «в пределах Российской империи малорусская стихия сложилась в национальность» и предлагающего отнестись к «малорусским „тенденциям“ без всяких сентиментальностей и поблажек». Рядом была напечатана статья Струве «Ответ моим оппонентам», в которой приводились факты украинского национализма. В частности, в ней упоминалось о статье галицко-украинского депутата Левицкого, проповедующего раздел России с целью основания «самостоятельной Украйны», и приводились слова из воззвания «Украинской головной рады» к украинскому народу: «Во имя блага и будущности украинского народа единодушно и решительно стать на сторону Австро-Венгрии против Российской империи, как величайшего врага украинского народа».

[6] Среди газетных вырезок Горького имеется ст. П. Струве «Национальное начало в либерализме», в которой очень ярко отразилась тенденция перехода русских либералов на позиции национализма и великодержавного шовинизма. По мнению Струве, современная эпоха характеризуется «слиянием или спайкой, которая в ней происходит, между началом национальным и либеральным». На основе этого сближения, продолжает автор, «обозначаются новые возможности образований в политической области. Русский либерализм станет национальным, не только фактически, но и сознательно опирающимся на русскую национальную стихию (...) Россия есть Империя с национальным ядром (русским), неоспоримо первенствующим. Россия не просто национальное государство вроде Франции и Германии, а именно национальная Империя (...) Русская национальность в этой национальной Империи есть не только первенствующий, но и скрепляющий элемент, волевой центр. Вот почему в России либерализм для того, чтобы быть сильным, не может не быть национальным. В национализации русского либерализма есть историческая необходимость» (Биржевые ведомости. 1914. № 14540. 7/20 дек.).

[7] Здесь и далее Горький излагает основные положения шовинистических статей философов, писателей и публицистов кадетского толка — Петра Бернгардовича *Струве* (1870—1944), Сергея Николаевича *Булгакова* (1871—1944), Владимира Францевича *Эрна* (1882—1917) и др. В основу большинства этих статей легли доклады, прочитанные на заседании религиозно-философского Общества памяти Вл. Соловьева в Москве 6 октября 1914 г. Хотя напечатаны они были в декабрьском номере журн. «Русская мысль», содержание их, вероятно, стало известно Горькому гораздо раньше.

В данном случае речь идет о ст. Струве «Великая Россия и святая Русь», автор которой утверждал, что «союз Великой России и святой Руси» — это «слияние силы и правды», и осуществляется оно «на полях брани и смерти», в «русской грозной армии» (Русская мысль. 1914. Кн. 12, разд. 2. С. 180).

[8] См., напр., ст. русского поэта-символиста Вяч. Иванова «Вселенское дело», в которой утверждалась мистическая, вселенская, божественная миссия России в

войне, а Германия объявлялась носительницей «духа Антихриста»: «Принуждением божественного промысла подвигнутая, взялась она ⟨Россия.— *Н. П.*⟩ за меч земной, за подвиг обороны своих и дружных очагов, и вверенных ей святынь...» (Там же. С. 98).

[9] Так, напр., А. С. Изгоев в ст. «На перевале» писал: «Если усилиями России будет повален колосс германского империализма ⟨...⟩ культурно-историческая „миссия" России ни в ком не будет возбуждать сомнений ⟨...⟩ Как самая могущественная часть славянского племени, русская народность естественно становится вождем всего славянства, его духовным центром и прибежищем» (Русская мысль. 1914. Кн. 8/9, разд. 2. С. 165).

[10] Наиболее отчетливо подобные идеи были выражены в статье Булгакова «Русские думы». Автор утверждал в ней, что европейская цивилизация переживает глубокий экономический и духовный кризис, и противопоставлял ей молодую, полную сил Россию, которая «историческим подвигом своим призвана духовно возродить и себя, и стареющую Европу. Никогда еще,— продолжал Булгаков,— со времен московских, когда Русь впервые ощутила себя наследницей погибшей Византии, не ставился с такой остротой и силой этот вопрос» (Русская мысль. 1914. Кн. 12, разд. 2. С. 115).

[11] Иоганн *Фихте* (1762—1814), Фридрих *Шеллинг* (1775—1854), Фридрих *Шлейермахер* (1768—1834) — представители немецкой классической философии.

Напр., Эрн в ст. «От Канта к Круппу», оперируя идеями Канта, Фихте, Гегеля, доказывал, что практика современного германского милитаризма была подготовлена немецкой классической философской мыслью, утверждал, что существует связь между «зверскими проявлениями германской культуры» и «самыми глубокими ее принципами», определяемыми немецкой философией (Там же. С. 117, 124). Кн. Е. Трубецкой в ст. «Война и мировая задача России» также упрекал немецких философов в высокомерном презрении к другим нациям: «Еще великий Фихте сказал, что немцы — „соль земли". Они одни — носители мирового смысла, представители Я среди народов» (Там же. С. 94).

[12] Горького посетила делегация киевских профсоюзов и вручила ему приветственный адрес: П. Дегтяренко и Крейсберг от металлистов, А. Витковский от деревообделочников, С. Абрамов от кожевников, Григорьев от портных, Г. Вейнберг от комитета большевиков и один представитель от рабочих-шапочников и шляпниц. После вручения адреса состоялась беседа, в ходе которой Горький пытался узнать, как живут киевские рабочие, что они думают о войне. Сам он, по свидетельству Дегтяренко и Витковского, отрицательно отозвался о войне, познакомил рабочих с точкой зрения В. И. Ленина на деятельность II Интернационала, обещал помочь в налаживании связи между киевскими и петербургскими большевиками» (Киевский пролетарий. 1928. № 75. 29 марта).

[13] Вероятно, имеется в виду арест 6/19 ноября 1914 г. большевистской пятерки членов IV Государственной думы: А. Е. Бадаева, Г. И. Петровского, М. К. Муранова, Ф. Н. Самойлова и Н. Р. Шагова за участие в состоявшейся 2—4/15—17 ноября 1914 г. в Озерках под Петроградом конференции социал-демократических организаций Петрограда, Иваново-Вознесенска, Риги, Харькова и др. На конференции обсуждался вопрос об отношении к войне (Социал-демократ. 1914. № 34. 22 нояб./5 дек.). Арестованные были обвинены в «государственной измене» на том основании, что у них при аресте были отобраны написанные В. И. Лениным тезисы «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» и манифест ЦК РСДРП «Война и Российская социал-демократия». Суд над представителями российского пролетариата состоялся 10—13/23—26 февраля 1915 г. Обвиняемые открыто провозгласили лозунги большевиков против войны. Они были приговорены к вечной ссылке на поселение в Туруханский край. См.: Социал-демократ. 1915. № 40. 19 марта. См. также: День. 1915. № 40. 14/27 февр. См.: *Бадаев А.* Большевики в Государственной думе. М., 1941. С. 350—426.

[14] См. п. 4, прим. 4.

[15] Н. А. Рожков.

[16] В это время у Горького зародилась мысль выпустить две серии брошюр. В одной должны были раскрываться экономические интересы воюющих государств, а тем самым и истинные причины войны, в другой — рассказываться о жизни европейского пролетариата. Горький набросал примерный план серии брошюр на тему «Европа до и во время войны»: 1) «Государства Западной Европы перед войной», 2) «Современная жизнь и роль финансового капитала в ней», 3) «Германия накануне войны», 4) «Англия накануне войны», 5) «Франция накануне войны», 6) «Роль Азии и Африки в общеевропейской войне», 7) «Быт западноевропейских рабочих» (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 131). В проспектах этих брошюр Горький намечал основные причины, вызвавшие войну, рассматривал ее со стороны всех воюющих государств как войну захватническую, грабительскую, служащую интересам финансового капитала. 20 сентября 1915 г. он обратился к М. Н. Покровскому с просьбой просмотреть проспекты и найти авторов для написания брошюр (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 130). Покровский привлек к работе видных марксистов Луначарского, Л. Владимирова, М. Павловича, В. Керженцева. Написа-

ние основной брошюры — о роли финансового и промышленного капитала в современной жизни — взял на себя В. И. Ленин. 2 июля 1916 г. он отправил Покровскому рукопись брошюры «Империализм, как высшая стадия капитализма» (*В. И. Ленин.* Т. 49. С. 256—259). Покровский переправил рукопись в Петроград Горькому. В сентябре 1917 г. книга под заглавием «Империализм, как новейший этап капитализма» вышла в свет в руководимом Горьким издательстве «Парус». Из-за трудностей военного времени серия не была осуществлена полностью, однако главная ее книга была написана.

В. ВОЙТИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Иркутск.) 19 декабря 1914 года

Дорогой товарищ!

Ваше письмо вызвало у меня скорбное чувство. Но мне кажется, что не все обстоит так окончательно плохо, как изображаете Вы.

Ведь Россия необъятно обширна, жизнь бесконечно сложна и разнообразна в своих проявлениях. И никогда в результате объезда десяти городов и беседы хотя бы с тысячью человек нельзя делать окончательные выводы.

Читатели наших уличных газет — действительно гнусных до последней степени — еще не вся Россия. Остается еще многомиллионный слой, живущий вне сферы воздействия газет. С этим слоем Вы знакомы лучше, чем я. Остается еще значительный слой, настроенный определенно враждебно к господствующему настроению. С людьми этого слоя мне приходится часто встречаться. Остается, наконец, достаточно людей, не спустивших в наши дни наше знамя.

Что в Сибири дело обстоит именно так, за это я ручаюсь. Но не иначе обстоит дело и в России.

Сегодня просматривал я 1-й томик «Русск〈их〉 запис〈ок〉»[1]. Прекрасный, культурный и честный журнал. Откиньте пару неважных статей,— остальное превосходно. Так ведь не исчез круг читателей этого журнала! И я имею точные сведения, что для этого круга читателей журнал слишком умерен, нерешителен, слишком слабо отграничен от господствующего течения.

А «Соврем〈енный〉 мир»? Разве клоунада Иорданского не вызывает недоумения и негодования среди читателей?[2]

То же самое можно сказать и про массового читателя «Современника»[3].

Журналы и газеты не отражают все лицо страны. Левая половина лица остается в тени.

Я послал Вам по почте 1-й № «Сибирского журнала»[4]. Просмотрите его. Имейте в виду, что мы писали, приноровляясь к цензуре (хотя все же не избежали конфискации с привлечением по 129 ст.)[5]. № имел успех. Но никто не упрекал журнал в недостатке патриотизма.

Я уверен, что, не будь налицо независящих обстоятельств, половина газет заговорила бы в этом же тоне.

Вы пишете, что в России мало знают о причинах и природе войны, что нет подходящих книг. Последнее зло устранить нетрудно: нужно написать требуемые книги, издать их и пустить в [оборот] продажу. Это можно сделать даже в рамках предварительной цензуры. Во всяком случае, можно в том или другом виде поставить издательство за Уралом (напр., в виде отдельных брошюр, являющихся №№ еженедельного, двухнедельного или месячного журнала; причем каждый № может представлять собой либо отдельный очерк одного автора, либо собрание связанных между собою статей).

Нужно работать, работать и работать!

Историческая волна катится не мимо нас и не через наши головы. Нашего слова ждут, и оно должно быть сказано.

Простите, дорогой товарищ, что я напоминаю Вам об этом,— Вам, у которого я, как и все мое поколение, черпал силы, учился десять лет тому назад.

Но мне кажется, что именно *Вы* могли бы расширить работу, к⟨ото⟩рую *мы* (Н⟨иколай⟩ А⟨лександрович⟩ [6] в том числе) ведем здесь в Иркутске. Вы могли бы придать этой работе всероссийский размах. Как это сделать — Вам должно быть виднее. Но я очень прошу Вас — подумайте, как осуществить издание и распространение намечаемых Вами книг. А затем повторяю свою старую просьбу прислать нам что-нибудь для журнала [7] (хотя бы очерк Ваших наблюдений, по размеру и по характеру не отличающийся от простого письма).

С горячим приветом жму руку.

Вл. Войтинский

[1] Из-за цензурных условий редакция журн. «Русское богатство» вынуждена была изменить его заглавие (см. подробнее п. 3, прим. 2). В ноябре 1914 г. журнал вышел под названием «Русские записки» (№ 1). Ознакомившись с ним, Горький писал Е. П. Пешковой: «Вышло Рус⟨ское⟩ бог⟨атство⟩, интересная книжка» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 163). Первый номер «Русских записок» продемонстрировал верность позициям прежнего журнала. Хотя имя В. Г. Короленко пришлось снять с обложки как имя редактора и издателя, однако на первых страницах было напечатано его произведение «С двух сторон. Рассказ моего знакомого» (новая редакция). В составе редакции журнала остались прежние сотрудники. Статьи, посвященные военным событиям, пестрели отточиями на месте цензурных купюр. Особенно много их было в ст. С. Елпатьевского «Германия превыше всего». После поставленного автором статьи вопроса «Кому нужна война?» почти на треть страницы шел цензурный пропуск, а на вопрос «Как это случилось?» Елпатьевский отвечал: «Неимоверно росшие расходы на вооружение во всех странах все тяжелее давили на плечи народов и не могли не привести к конфликту». Авторы статей о войне пытались доказать, что дело не в борьбе «германства» со «славянством», а в экономических государственных противоречиях, которые и вызвали войну. Однако стремление к объективности сочеталось у них с непоследовательностью, нетвердостью позиций. В той же статье утверждалось, напр., что именно немцы начали войну, что жестокость является характерной чертой немецкой национальности и т. д.

[2] См.: Г—СМ. До начала первой мировой войны в журн. «Современный мир» печатались В. И. Ленин, Воровский, Ольминский и другие видные большевики, Горький. Однако в начале войны позиция журнала, которую определял прежде всего Плеханов, исходивший из того, что экономические и политические последствия военного поражения России «вредны будут для нашего освободительного движения» (О войне // Современный мир. 1915. № 1. С. 202), заставила большевиков резко отмежеваться от этого органа. Ведущие публицисты журнала Плеханов, Иорданский и Алексинский стали, по определению В. И. Ленина, «открытыми социал-шовинистами, проповедуя желательность поражения Германии» (*В. И. Ленин.* Т. 26. С. 349). Публицистика «Современного мира» отражала в годы войны политическую линию меньшевиков-оборонцев. Подробне см.: *Бережной А. Ф.* Русская легальная периодическая печать в годы первой мировой войны. Л., 1975. С. 112—114, 120, 121; *Скворцова Л. А.* «Современный мир» // Русская литература и журналистика начала XX века, 1905—1907: Большевистские и общедемократические издания. М.: Наука, 1984. С. 118—161.

[3] С марта 1914 г. журн. «Современник» перешел в руки меньшевика Н. Суханова (Н. Н. Гиммера). В качестве соредакторов были привлечены Е. Г. Лундберг и В. Б. Станкевич. Журнал стремился стать объединителем социалистических течений, за что подвергся критике со стороны В. И. Ленина, назвавшего его одним «из наиболее беспринципных интеллигентских журнальчиков» (*В. И. Ленин.* Т. 25. С. 251). Тема войны освещалась «Современником» так, что журнал не раз подвергался цензурным преследованиям. Напр., в 1915 г. цензура возмутилась ст. М. Неведомского «Что сталось с нашей литературой. (О поэзии и прозе наших дней)», в которой отрицательно оценивалось изображение войны в литературе (№ 5). В целом антивоенную, хотя и непоследовательно интернационалистскую, позицию журнала положительно охарактеризовал Горький. В 1915 г. он писал ссыльному С. В. Малышеву: «В⟨оенная⟩ цензура свирепствует бесчинно, ничего нельзя писать. Скоро, кажется, закроют „Современник“, единственный журнал, который пытается говорить языком человечьим» (*XXIX.* С. 336). В октябре 1915 г. вышел последний номер журнала. Подробнее см.: *Муратова К. Д.* «Современник» // Русская литература и журналистика начала XX века, 1905—1917: Большевистские и общедемократические издания. М.: Наука, 1984. С. 162—201.

[4] См. п. 4, прим. 4.

[5] 129 ст. Уголовного уложения предъявлялась за призыв к насильственному ниспровержению существующего строя. Обвиненный по этой статье наказывался заключением в тюрьму или исправительный дом на срок не свыше 3 лет, а в особых случаях — каторгой на срок до 8 лет. См.: Свод законов Российской империи. I. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. II. Уголовное уложение. Пг., 1916. Т. XV. С. 502.

[6] Н. А. Рожков

[7] Сразу после запрещения «Сибирского журнала» Войтинский и его ссыльные товарищи начали готовить к выпуску новый журн. «Сибирское обозрение». Войтинский вспоминал об этом: «1 января 1915 г. мы выпустили № 1 нового журнала „Сибирское обозрение". Состав сотрудников был тот же, что в „Сибирском журнале". Но к нам прибавился Дан ‹...› Темы „Сибирского обозрения" тесно примыкали к темам „Сибирского журнала" и представляли как бы их дальнейшее развитие. „Сибирское обозрение" постигла судьба „Сибирского журнала", № 1 был конфискован и редактор-издательница его Ромас получила год тюрьмы» (*Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 396—397).

Горький в журнале не участвовал.

7. ВОЙТИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

‹Иркутск.› 2 окт‹ября› 1915 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Шлю привет Вам.

Только что освободился из тюрьмы, где провел $1^1/_2$ месяца по весьма фантастическому делу. Местные жандармы вздумали «упечь» меня за мою литературную деятельность в порядке «полицейской расправы» — особый вид суда, применяемый к ссыльным за маловажные преступления (отлучки с места причисления, мелкие кражи, драки по пьяному делу и т. п.). Привлекли к этой затее кого-то из низших чинов прокурорского надзора и убедили иркутского полицмейстера, будто он может своей властью решать литературные дела (по 132 ст. Уг‹оловного› ул‹ожения›), коль скоро обвиняемым является поселенец. Полицмейстер меня заарестовал и заочно, без допроса, не сообщив мне даже, в чем я обвиняюсь, приговорил меня к 2 годам тюрьмы [1].

Дело считалось окончательно решенным. Но на мое счастье этим оригинальным судом сильно заинтересовался генерал-губернатор Князев [2] — человек справедливый, корректный и ненавидящий все, что отзывается жандармским крючкотворством и полицейским озорством. В порядке надзора он приговор отменил и приказал дело прекратить, а меня освободить из-под стражи. В частности, в инкриминируемой мне рукописи [3] ни Князев, ни прокурор палаты не нашли состава преступления.

А ведь приговор-то уже был вынесен!

Не правда ли, милый способ суда?

Впрочем, я-то лично ничего от этой истории не потерял. В тюрьме я все время работал и время провел превосходно. А вместе с тем получил случай расширить свои сведения о наших «судебных» порядках.

Но за письмо к Вам, глубокоуважаемый Алексей Максимович, я принялся не для того, чтоб рассказать Вам об этом забавном казусе. Имеется у меня и дело к Вам.

Из газет и из частных писем я узнал, будто проектируется издание в Москве большой прогрессивной газеты [4], во главе которой будете стоять Вы и Мякотин.

Верно ли это сообщение, или это одна из бесчисленных уток, которые постоянно летают вокруг Вашего имени?

Если это не утка и газета, о которой идут слухи, действительно будет выходить, я хотел бы принять в ней участие. Это было бы важно для меня и в смысле идейном (т. к. тяжело молчать в переживаемое время), и в смысле материальном (т. к. в силу ряда обстоятельств мои доходы и заработки в настоящее время не соответствуют даже моим более чем скромным потребностям).

Поэтому я просил бы Вас иметь меня в виду при постановке дела. Что касается до форм возможного моего участия в газете, то в этом вопросе придется исходить из планов издания. Но имейте в виду, что за эти годы я приобрел некоторое знакомство с Сибирью и с т<ак> наз<ываемыми> «сибирскими вопросами» (причем в оценке последних резко расхожусь с «областниками»). Впрочем, знатоком в этой области я не являюсь. А в прочих областях что могу я дать газете, Вам более или менее известно.

Все это — в случае, если разговоры о газете, которую Вы ставите, не лишены почвы.

А если все это — обычная утка, то довольствуюсь тем, что еще раз шлю привет Вам с пожеланием лучших времен, в наступление которых я твердо верю.

Этой веры, без которой кошмар нашей жизни стал бы невыносим, от души желаю и Вам.

Вл. Войтинский

Иркутск, Котельниковская ул., д. 1,
кв. доктора Виноградова

[1] Аресту Войтинского предшествовал обыск, во время которого были обнаружены «рукописи и брошюры явно преступного характера, восстанавливающие население против правительства и войны» (*ЦГАОР*, ф. ДП, 1915, 7-е д-во, д. 1921, л. 8). 132 статья Уголовного уложения предусматривала привлечение к ответственности («до трех лет крепости») за «дерзостное неуважение Верховной власти» и т. п. (Свод законов Российской империи. Т. XV. С. 502, 503—504). Войтинский находился в Иркутской тюрьме с 17 августа по 25 сентября 1915 г.

[2] Л. М. *Князев* — генерал-губернатор Иркутской губернии. Войтинский позже писал о нем: «В период господства позорной реакции такой человек не мог долго удержаться на высоком посту. Жандармы интриговали против него, обвиняя его в послаблениях политическим и евреям. И в конце концов они добились своего: Князева убрали и на его место прислали из Петербурга Пильца, ничтожного чиновника-карьериста» (*Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Кн. 2. С. 363).

[3] Речь идет о рукописи брошюры «Безработица и локауты» (СПб.: Прибой, 1914). В апреле 1916 г. брошюра была запрещена, а ее автор привлечен к судебной ответственности по 129 ст. Уголовного уложения (*ЦГАОР*, ф. ДП, 1916, 7-е д-во, д. 1651, л. 6).

[4] Действительно в прессе в это время появились сообщения об участии Горького в создании новой газеты: «В Москве гостил М. Горький, и при участии писателя состоялось совещание группы московских и петроградских общественных деятелей и литераторов по вопросу о создании в Москве новой газеты» (Изв. книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф. 1915. № 11. С. 155).

8. ГОРЬКИЙ — ВОЙТИНСКОМУ

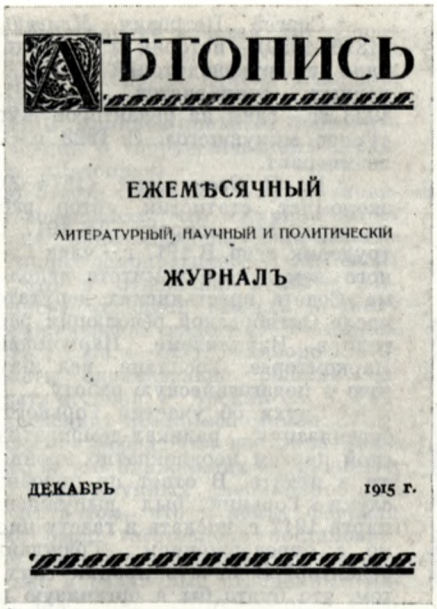
<Петроград. 18—19 ноября 1915 г.>

Уважаемый товарищ,

вследствие особых условий социального бытия нашего письмо, посланное Вами 2-го октября, получено мною лишь вчера, 17-го ноября.

Разумеется, слух о прогрессивной газете с Мякотиным и мною во главе — вздор. Точнее — вздор мое участие в таковой газете, но она — предполагалась. Организовать ее пытались н-эсы [1], беззаглавцы [2] и левые кадеты. Редактора: Пешехонов [3], Кускова, Мельгунов [4], заведующие отделами: Прокопович, Маслов, Огановский [5], Петрищев, Мякотин, кадет Тарасевич. Это — одна из попыток организовать демократический блок. Она уже ликвидирована вследствие внутреннего бессилия организаторов.

Но — возникает другая, вероятно, возникнет и третья; причиной таких опытов является сознание необходимости создать на Руси радикал-демократическую партию, которая бы обслуживала социально-политические интересы всей массы жителя, которому кадеты — обрыдли и который не пойдет с социалистами. Понимаете? Дело — законное, нужное, и до известной степени способствовать росту его — следует. Я немножно «способствую», отсюда и слухи о моей эволюции направо. Но, само собою ра-



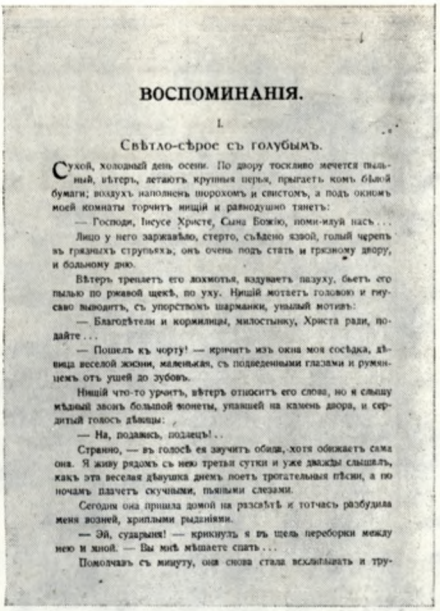
ЛѢТОПИСЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

ДЕКАБРЬ 1915 г.



ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

Свѣтло-сѣрое съ голубымъ.

Сухой, холодный день осени. По двору тоскливо мечется пыльный, вѣтеръ, летаютъ крупныя перья, прыгаетъ комъ бѣлой бумаги; воздухъ наполненъ шорохомъ и свистомъ, а подъ окномъ моей комнаты торчитъ нищій и равнодушно тянетъ:

— Господи, Іисусе Христе, Сына Божію, поми-илуй насъ...

Лицо у него заржавѣло, стерто, съѣдено язвой, голый черепъ въ гнойныхъ струпьяхъ, онъ очень подъ стать и грязному двору, и больному дню.

Вѣтеръ треплетъ его лохмотья, надуваетъ пазуху, бьетъ его пылью по ржавой щекѣ, по уху. Нищій мотаетъ головою и гнусаво выводитъ, съ упорствомъ шарманки, унылый мотивъ:

— Благодѣтели и кормильцы, милостынку, Христа ради, подайте...

— Пошелъ къ чорту! — кричитъ изъ окна моя сосѣдка, дѣвица веселой жизни, маленькая, съ подведенными глазами и румянцемъ отъ ушей до зубовъ.

Нищій что-то урчитъ, вѣтеръ относитъ его слова, но я слышу мѣдный звонъ большой монеты, упавшей на каменъ двора, и сердитый голосъ дѣвицы:

— На, подавись, подлецъ!..

Странно, — въ голосѣ ея звучитъ обида, хотя обижаетъ сама она. Я живу рядомъ съ нею третьи сутки и уже дважды слышалъ, какъ эта веселая дѣвушка днемъ поетъ трогательныя пѣсни, а по ночамъ плачетъ скучными, пьяными слезами.

Сегодня она пришла домой на разсвѣтѣ и тотчасъ разбудила меня возней, крикливыми рыданіями.

— Эй, сударыня! — крикнулъ я въ щель переборки между нею и мной. — Вы мнѣ мѣшаете спать...

Помолчавъ съ минуту, она снова стала всхлипывать и тру-

ОБЛОЖКА ЖУРНАЛА «ЛЕТОПИСЬ»
И СТРАНИЦА ЖУРНАЛА С «ВОСПОМИНАНИЯМИ» ГОРЬКОГО
1915, кн. 1 (декабрь)
Музей Горького, Москва

зумеется, что признавать необходимость бытия таковой р.-д. партии — одно дело, а входить в нее — другое [6]. На этом и покончим с рад. демократами.

Вы, вероятно, видели объявление об издании журнала «Летопись»? Вот дело, которым я занят [7]. Я просил Карахана [8], отправленного к Вам, предложить Вам сотрудничество в «Летописи». Первая книга выйдет в декабре [9], ознакомясь с нею, Вы, надеюсь, не откажетесь от сотрудничества. Дабы пояснить Вам платформу и программу Лет〈описи〉, скажу следующее: в наши дни мыслящая публика резко делится на интернационалистов и националистов. Эта линия деления проходит сквозь всю [классы] демократию, разъединяя и пролетариат. В то же время она крепко объединяет командующий класс — торгово-промышленный — под знаком национализма, это вполне естественно при наличии возможности грабить Русь как хочется и сколько угодно.

Журнал «Лет〈опись〉» будет вести группа интернационалистов. Вот пока все, что могу сказать, ибо распространяться — неудобно.

Книга жур〈нала〉 будет выслана Вам.

Сердечно желаю всего доброго, будьте здоровы.

А. Пешков

19.XI.15.

Ред〈акция〉 жур. «Летопись», Б.-Монетная, 18

Дата, поставленная Горьким, уточняется содержанием письма («вчера, 17-го ноября»).

[1] Члены партии народных социалистов (трудовой партии).

[2] Члены редакции и сотрудники журн. «Без заглавия», издававшегося в Петербурге в январе—мае 1906 г. Вышло 16 номеров. Орган группы буржуазно-либеральных интеллигентов, ранее примыкавших к «легальному марксизму» и «экономизму». В редакцию входили С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, В. Я. Богучарский и др.

[3] Алексей Васильевич *Пешехонов* (1867—1933) — статистик, публицист, политический деятель. Сотрудник и член редакции журн. «Русское богатство». Один из основателей и лидеров партии народных социалистов. С мая по август 1917 г.— министр продовольствия Временного правительства. С 1922 г. в эмиграции.

ДОМ, ГДЕ РАСПОЛАГАЛАСЬ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ЛЕТОПИСЬ»
(Петроград, Б. Монетная, 18), 1915—1916
Фотография
Музей Горького, Москва

неорганизованной между кадетами справа и социалистами слева. Думать об организации такой партии я начал еще в 1910 году» (Новая жизнь. 1917. № 6. 25 апр./8 мая).

[7] С мая по октябрь 1915 г. Горький усиленно занимался организацией журн. «Летопись». Журнал издавался на материальной базе изд-ва «Парус». Имя Горького, действительного создателя «Летописи», из-за цензурных условий не упоминалось в разрешении на выпуск журнала. Официальным издателем был назван А. Н. Тихонов, по существу исполнявший организационно-технические обязанности, редактором был А. Т. Радзишевский (выступал в печати под псевдонимом Р. Арский).

15 ноября 1915 г. в газ. «Русское слово» появилось первое объявление о подписке на новый журнал (№ 263). В нем указывалось, что журнал будет издаваться «при ближайшем участии М. Горького». Далее перечислялись писатели, обещавшие свое сотрудничество: Ив. Бунин, Ив. Вольнов, Е. Замятин, М. Пришвин, К. Тренев и др. В отделе искусства обещали участие А. Луначарский, В. Переверзев, В. Фриче, Б. Эйхенбаум и др., в отделе иностранной жизни — В. Волгин, М. Покровский, М. Павлович, В. Керженцев и др., в отделе внутреннего обозрения — Б. Авилов, Н. Суханов и др., в отделе науки и философии — К. Тимирязев, А. Богданов, В. Базаров и др.

Большинство авторов журнала принадлежало к различным течениям русской социал-демократии. Объединяла их интернациональная позиция, хотя придерживались они ее с разной степенью последовательности. Позицию журнала искажали статьи богдановско-сухановской группы. Именно эти писания имел в виду В. И. Ленин, когда писал о «Летописи» 14/27 октября 1916 г. А. Г. Шляпникову: «Богданов несет ‹...› ахинею в „Летописи“ ‹...› Там какой-то архиподозрительный блок махистов и окистов. Гнусный блок!» (*В. И. Ленин.* Т. 49. С. 299—300). В целом позиция журнала по отношению к войне была такова, что с первого номера он находился под угрозой запрета. Еще до его выхода Горький признавал: «Есть возможность, что „Летопись“ закроют с первой же книжки. Очень утешительно, не правда ли?» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 172). Несмотря на внешне спокойный, академический тон журнала, его антивоенная интернационалистская направленность вызыва-

[4] Сергей Петрович *Мельгунов* (1879—1959) — историк и публицист, один из руководителей партии народных социалистов. В 1913—1923 гг.— один из редакторов журн. «Голос минувшего». С 1923 г.— белоэмигрант.

[5] Н. П. *Огановский* (1874—?) — экономист, статистик, автор работ по аграрному вопросу. До 1917 г.— трудовик, эсер. В 1917 г.— член Главного земельного комитета исполкома Совета крестьянских депутатов, после Октябрьской революции работал в Наркомземе, Наркомфине, Наркомторге, Госплане, вел научную и педагогическую работу.

[6] Слухи об участии Горького в организации радикал-демократической партии неоднократно проникали в печать. В ответ на подобные слухи Горький был вынужден в марте 1917 г. послать в газету письмо с опровержением: «Гражданин редактор! В печать проник слух о том, что будто бы я организую радикал-демократическую партию. Позвольте через посредство Вашей газеты заявить, что я остаюсь тем, чем был,— социал-демократом» (Русское слово. 1917. 17/30 марта). В ст. «О полемике» писатель разъяснял свою позицию по отношению к радикал-демократической партии: «Я принимал некоторое участие в работах организационного комитета этой партии, будучи уверен, что она необходима в России и должна всосать в себя всю — по возможности — массу людей, которая оставалась

ла неодобрение властей. По доносу черносотенной газ. «Голос Руси» (1916, № 1026, 27 нояб.) начальник Главного управления по делам печати В. Удинцев приказал проверить сведения о «пораженческом» характере «Летописи».

В ответе цензора В. У. Трофимовича сообщалось, что «журнал имеет резко оппозиционное направление с социал-демократической окраской» и что в отношении к войне «Летопись» «следует отнести к числу пораженческих изданий» (Летопись. 1917. № 2/4. С. 427). В январе 1917 г. власти окончательно решили закрыть журнал. Р. Арский (А. Т. Радзишевский) позже вспоминал: «Февральская революция избавила Горького и его ближайших сотрудников (...) от крупных „неприятностей". Дело в том, что к концу февраля уже было заготовлено постановление о закрытии „Летописи" и о высылке в различные отдаленные места важнейших сотрудников и организаторов этого журнала, несомненно сыгравшего в революционизировании населения крупную роль» (*Арский Р.* М. Горький во время войны 1914 г. // Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком. М.; Л., 1928. С. 293). «Летопись» выходила до декабря 1917 г.

«„ЛЕТОПИСЕЦ" М. ГОРЬКИЙ»
Шарж Дени (бумага, акварель, тушь). Петроград, 1916
Музей Горького, Москва

[8] Лев Михайлович *Карахан* (Караханян) (1889–1937) – советский государственный деятель, дипломат. В 1915 г. был арестован за революционную деятельность и сослан в Иркутск. В дни Октябрьской революции был членом петроградского ВРК. После Октября – на государственной и дипломатической работе, полпред в Польше, в Китае, затем посол в Турции.

[9] Первый номер «Летописи» вышел 18 декабря 1915 г.

9. ГОРЬКИЙ — ВОЙТИНСКОМУ

(Петроград. 3 декабря 1915 г.)

Дорогой товарищ Владимир Савельевич!

Ваше «письмо»[1] прежде всего – не цензурно и не цензурно как раз в лучших его местах: там, где Вы характеризуете отношение сибиряков к военнопленным и портретам, где говорите о «государственной мудрости Бибиков[2] и Алексинских». Если же устранить эти места – письмо принимает вид легковесный, является разговорчиком без фактов, без идеи.

Вы не знаете современных цензурных условий; вот как они характеризованы на днях нашим *цензором*: «Такого положения никогда еще не было и едва ли оно может продлиться более двух-трех месяцев». У нас зарезано шесть статей из одной книги[3].

Условия требуют спокойного, академического тона. Предлагаем Вам написать *в этом тоне* статью на тему «отношение Сибири к Дальнему Востоку». Давайте цифры, факты,– идеи выжмет сам читатель, если захочет.

Давайте беллетристический или полубеллетристический очерк о беженцах, военнопленных[4],– судя по первому письму, материал у Вас есть.

Будьте здоровы и благополучны.

А. Пешков

Кронверкский просп., д. 23
3/12, 15

[1] Ст. Войтинского, написанная в форме письма и предназначенная для публикации в журн. «Летопись», не разыскана.

[2] Алексей Павлович *Бибик* (1878—1976) — писатель из рабочих, участник революционного движения в России. В годы первой мировой войны занимал «патриотическую» позицию.

[3] Редакция «Летописи» работала в условиях жесточайшей военной цензуры. Первая, декабрьская книжка (1915 г.) была снабжена следующим редакционным примечанием: «Статьи М. Лурье „Настроение на Западе“, Н. Суханова „Война и наши настроения“, Г. Хайдмана „Кромвелизм без Кромвеля“, Н. Сергиева „Дела церковные“ не могли быть помещены в номере по не зависящим от редакции обстоятельствам». Так было и со следующими номерами журнала. Иногда целые страницы оказывались заполненными точками на месте цензурных изъятий. После Февральской революции редакция смогла рассказать об условиях работы при царизме: «Немного могли мы сделать: $^4/_5$ материала, даже чисто информационного, погибало в цензуре, $^1/_5$ возвращалась в таком изуродованном виде, что зачастую вместо статей приходилось печатать шарады и ребусы» (Летопись. 1917. Февр.— март—апр. № 2/4. С. 7).

[4] В «Летописи» за 1916 г. были напечатаны две ст. Войтинского: «Областной сибирский съезд» (№ 5) и «Беженцы в Сибири» (№ 12). Статьи написаны на богатом фактическом материале. В сводках агентурных сведений по Иркутскому губернскому жандармскому управлению за февраль 1916 г. указывалось, что Войтинский принимал участие в съезде городов Восточной Сибири и общественных организаций, был председателем попечительства о беженцах. См.: *ЦГАОР*, ф. ДП, ОО, 1916, д. 5, ч. 27, л. Б, л. 34 об.; Там же, д. 20, ч. 27, л. Б, л. 24 об.

10. ВОЙТИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Иркутск. 30 марта 1916 г.)

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Решаюсь обеспокоить Вас личным своим делом.

В 1906—1907 г.г. я стоял во главе петербургского движения безработных и принимал ближайшее участие в руководстве Общественными работами, которые были открыты для безработных Городской думой [1].

Движение представлялось мне достойным внимания, и я описал историю его и ход петербургских Общественных работ в книге под заглавием:

«Хлеба и работы!
Из истории рабочего движения в Петербурге в 1906—1907 г.» [2]

Центр⟨альный⟩ Ком⟨итет⟩ с.-д. партии принял от меня рукопись этой книги для издания ее через кн⟨игоиздатель⟩ство «Звено» [3]. Но кн-ство было закрыто, я пошел на каторгу, и дело расстроилось. В настоящий момент издание этой книги, само собой разумеется, в высокой степени несвоевременно. Но вопросы о безработице, об Общественных работах и пр. вскоре встанут перед нами. И тогда матерьялы, собранные мною, будут представлять значительный интерес — не только исторический, но и практический, ибо петербургские Общественные работы являются самыми значительными в истории европейского рабочего движения работами для безработных, устроенными сообразно с их требованиями и желаниями.

Мне представлялось бы весьма желательным выпустить мою книгу теперь же, не дожидаясь конца войны. Большого успеха иметь она не будет, широкого распространения не получит, ни денег, ни славы автору не принесет. Но через больничные кассы и т. п. связи она попадет в руки практических деятелей рабочего движения и сослужит свою службу в предстоящей борьбе с безработицей. Т⟨ак⟩ ч⟨то⟩ моральный, политический успех книге, как мне кажется, обеспечен.

Я прошу Вас помочь мне устроить печатанье этой книги через кн-ство «Жизнь и знание» [4]. На гонорар за рукопись я, конечно, не претендую, т. к. предполагаю, что издание, на лучший конец, только окупит себя. Допускаю даже, что изд-ство признает для себя невыгодным печатать книгу за свой счет. В этом случае я предложил бы поделить расходы по изданию: $^1/_2$ пусть примет на себя изд-ство, $^1/_2$ я возьму на себя; а из вы-

ручки сперва будут покрыты расходы изд-ства (полностью), затем мои расходы; если же — паче чаяния — получится излишек, он может быть поделен пополам между изд-ством и мною. Думаю, что на такие условия изд-ство согласится.

Но беда в том, что у меня нет наличных средств, чтоб внести с самого начала в изд-ство. И тут мне пришлось бы обратиться к такой кредитной операции:

Я просил бы «Летопись» кредитовать мне требуемую сумму, как аванс под мои работы, которые будут помещены в журнале (между прочим, я не знаю, принята ли у Вас повесть моя «За жизнь!» [5]; если она принята, она одна покроет этот аванс). При печатании этих работ, ред⟨акция⟩ могла бы ½ гонорара списывать в погашение аванса, а ½ переводить мне.

Объем книги «Хлеба и работы!» — около 15 норм⟨альных⟩ печ⟨атных⟩ листов. Печатанье ее в 1000 экз. должно обойтись около 500 р. Цену книги можно было бы поставить 1 р. 50 коп. При скидке даже 40% комиссионных, изд-ство получит с проданного экземпляра 90 к., и его доля расходов (250 р.) будет покрыта продажей первых 300 экз.,— каковой сбыт можно считать во всяком случае обеспеченным.

Очень извиняюсь, что позволил себе беспокоить Вас столь личным своим делом. Но устроить это дело без Вашего содействия мне не удастся.

За последнее время у меня ряд неудач с военной цензурой. Здесь, на месте, тоже ничего не удается сделать.

О «Летописи» писал недавно Суханову. Журнал пользуется среди нашей публики большим успехом.

Летом собираюсь в Монголию [6]. Буду записывать то, что увижу,— в виде таких же очерков, как те, которые помещены в февральской книжке «Вестн⟨ика⟩ Европы» [7]. Если такие очерки интересны для «Летописи», буду отсылать их в ред⟨акцию⟩ прямо с дороги [8]. Они получатся тогда менее гладкие со стороны языка, но зато более свежие, более живые, чем картинки, напечатанные в «Вестн. Евр.».

Очень прошу Вас помочь мне в изд⟨ании⟩ книги, приняв на себя переговоры по изд⟨анию⟩ 1) с изд-ством «Жизнь и знание», 2) с ред⟨акцией⟩ «Летописи» [9].

С искренним приветом и лучшими пожеланиями.

Вл. Войтинский

Иркутск, Котельниковская ул., д. 1
30 марта 1916 г.

[1] Позже Войтинский вспоминал: «В Петербурге началось движение безработных, образовался Совет безработных, поставивший своей задачей борьбу за городские общественные работы; движение увлекло и работающих, завязалась борьба петербургского пролетариата с Городской думой, и почти неожиданно эта борьба увенчалась победой,— были созданы столовые для безработных, а затем появились и работы. Это было крайне своеобразное движение, и в памяти участников его никогда не сотрутся картины борьбы за „хлеб и работы". Мне пришлось в течение двух лет принимать близкое участие в этом движении в качестве председателя Совета безработных ⟨...⟩ Благодаря работе в Совете безработных, у меня установились связи с рабочими во всех частях города, а вместе с тем и тесная связь с большевистским центром, который — главным образом в лице Ленина — с первых же дней заинтересовался движением безработных и помогал мне в проведении кампании даже тогда, когда Петербургский комитет колебался и, боясь „авантюры", вставлял нам палки в колеса» (*Войтинский Вл.* Годы побед и поражений, кн. 2. С. 19).

[2] Книгу с таким названием разыскать не удалось. Вероятно, в свет не выходила.

[3] Издательство, выпускавшее в 1907 г. серию социал-демократических легальных брошюр. Организатор издательства О. А. Ерманский вспоминал: «В ⟨...⟩ 1907 г. из большевистских кругов мне было предложено организовать и редактировать серию агитационных легальных брошюр. Это было издательство „Звено", которое финансировал Кедров и делами которого орудовал Н. Клестов (Ангарский). Я охотно взялся за это дело: сорганизовал группу молодых литераторов социал-демократов, вы-

работал план целой библиотеки под общим названием „Книжки для всех", и составление и печатание книжек пошло энергично. Но так же энергично стала работать полиция (...) — работать по части пресечения и вылавливания (...) В конце концов все-таки взяла верх полиция. Но штук восемь книжек все же вышло в свет» (*Ерманский О. А.* Из пережитого (1887—1921 гг.). М.; Л., 1927. С. 101).

[4] Легальное культурно-просветительное издательство, основанное в 1909 г. В. Д. Бонч-Бруевичем. Цель создания издательства — объединение большевистских литературных сил и предоставление им легальной трибуны в условиях реакции после разгрома первой русской революции. В основную серию книг — «Библиотеку обществоведения» — входили книги по философии, экономическим и социальным проблемам. Издательство выпустило 6 книг В. И. Ленина, закончило начатый изд-вом «Знание» выпуск первого собр. соч. М. Горького (т. 10—20). В 1918 г. изд-во «Жизнь и знание» слилось с партийными изд-вами «Волна» и «Прибой», образовав новое изд-во «Коммунист».

[5] В «Летописи» напечатана не была.

[6] Лето 1916 г. Войтинский провел в Аршане, недалеко от границы с Монголией, затем совершил путешествие на лодке по Ангаре.

[7] В февральской книге журн. «Вестник Европы» за 1916 г. были напечатаны 4 очерка Войтинского под общим названием «По Сибири»: «Абыгы-Джиэ», «Горная смола», «В глуши» и «Миссионеры». В них описывалось путешествие автора по Восточной Сибири, совершенное летом 1914 г.

[8] В журн. «Летопись» не печатались.

[9] Судя по следующему п. Войтинского, Горький откликнулся на его просьбу и о результатах переговоров об издании этой книги, вероятно, сообщил в п. Войтинскому. Однако это письмо разыскать не удалось.

11. ВОЙТИНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Иркутск.) 8 мая 1916 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Посылаю в «Летопись» два рассказа из событий 1905 г.— *«На гребне волны»* и *«В деревне»* [1].

Это — результат радикальной переработки романа «Волны», рукопись которого была в свое время в ред(акции) «Просвещения» [2]. Работая над II ч(астью) романа, я убедился, что с первоначальным замыслом я не справлюсь, что дать исчерпывающую картину событий 1905 г. я не смогу. Но мне казалось, что отдельные эпизоды, отдельные части картины мне удались. Я и решил отказаться от слишком трудной для меня формы романа, а более удачные части его попытался переработать так, чтоб дать им самостоятельную жизнь.

В посылаемых рассказах — переработка 4 глав романа.

Очень был бы рад, если бы Вы написали мне отзыв об этой вещи. Но совестно затруднять Вас этой просьбой,— боюсь, что и без того затруднял Вас своими делами слишком часто и слишком бесцеремонно.

От «Летописи» мы здесь в восхищении,— особенно от Ваших сотрудников из правого лагеря (В. Темный [3] и «старец» [4]). Привлечение в журнал этих сотрудников — блестящая мысль. Сердечный привет им и искреннее истинно русское спасибо за правдивое слово! Но и помимо этого журнал приобретает здесь все больше горячих друзей.

С искренним уважением и приветом.

Вл. Войтинский

[1] В «Летописи» напечатаны не были.

[2] См. об этом подробно во вступ. ст.

[3] Под таким псевдонимом выступал философ и публицист, сотрудник и член редакции «Летописи» В. А. Руднев (другие его псевдонимы — В. Базаров, Седой, Василий Туляк и т. д.). Вероятно, в данном случае имеется в виду ст. В. Темного «Религия и государственность. (Письмо в редакцию)», напечатанная в № 3 журн. «Летопись» за 1916 г. Острие критики в статье было направлено против «оборонцев»: Плеханова и его единомышленников. Написана она была от имени человека религиозно настроенного, приверженца «правых» взглядов, и этот прием, этот эзопов язык позволили автору выразить свою антивоенную позицию без единого цензурного изъятия в статье.

[4] Видимо, речь идет об авторе «Письма в редакцию», напечатанного под заглавием «Нужны ли убеждения?» в первой книге «Летописи» (1915, дек.). Оно было направлено против шовинистских, социал-оборонческих взглядов Плеханова и его сторонников. Вопрос об авторстве до сих пор не прояснен, т. к. архив «Летописи» не разыскан. Оно было напечатано за подписью «Один из недоумевающих» и снабжено припиской, в которой автор всячески подчеркивал свой преклонный возраст человека, «одной ногой стоящего в могиле», и называл себя «стариком» (Указ. соч. С. 323). Несомненно, редакция прибегла к подобному «розыгрышу» в целях конспирации. Некоторые исследователи (А. И. Овчаренко, Т. И. Дубинская) считают, что «Письмо» было написано при активном участии самого Горького. Составлено оно с точки зрения человека почтенного, религиозного, истинного «патриота» своего отечества. Однако язвительная ирония и острая сатира, пронизывающие елейную речь патриархального «старца», достаточно ясно обнажали ошибочность и фальшь позиции Плеханова.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГОРЬКИЙ — Н. М. НИКОЛЬСКОМУ

Декабря 10 дня, ‹191›5
Николаю Михайловичу Никольскому.
Москва

Уважаемый Николай Михайлович.

Позвольте мне просить Вашего внимания к нижеследующим соображениям, вызванным Вашей ценной статьей [1].

Прежде всего я позволю себе сообщить Вам мой и моих товарищей взгляд на журнал и цель его. Мы хотели бы и мы имеем возможность проникнуть в среду, которая до сей поры не читала «толстых» журналов: такое намерение, эта возможность ставит нас в необходимость просить сотрудников журнала о наибольшей объективности, популярности и убедительности их работ. Я вовсе не хочу сказать, что Ваша работа лишена этих качеств, но нам кажется, что Ваша статья написана для людей, слишком хорошо знакомых с вопросом, и — вот какие соображения вызвала она у В. А. Базарова, А. Н. Тихонова и у меня [2].

Первый абзац статьи требует двух, трех исторических иллюстраций, взятых из истории Германии, иллюстраций к словам: «протестантские общины Германии являются верными союзниками правительства» [3].

Необходимо такое пояснение к утверждению Вашему о единстве существа явления и о различии его форм [4]. Вам известно, что массы,— да и не только массы,— часто принимают форму за существо; известно, конечно, и то, что различие «национальных истин» выражается главным образом именно в творчестве форм. Нам хотелось бы видеть различие форм социально-экономического бытия России и З‹ападной› Европы подчеркнутым более резко. Пред нами, как страной, стоит вопрос: на Восток, к религии и мистике – к смерти, или на Запад – к деянию, исследованию — к жизни [5].

Ваше сравнение пуританства с расколом требует более широких пояснений, и мы убедительно просим Вас дать их [6]. Мы рассматриваем Вашу статью, уважаемый Николай Михайлович, как статью очень важную для нашего читателя и как вводную к ряду статей по вопросам церкви, раскола, сектантства [7].

Это и понуждает нас, сообщив Вам те желания, которые вызвала Ваша статья, просить Вас углубить, расширить Вашу работу и сделать ее еще более интересной для читателя.

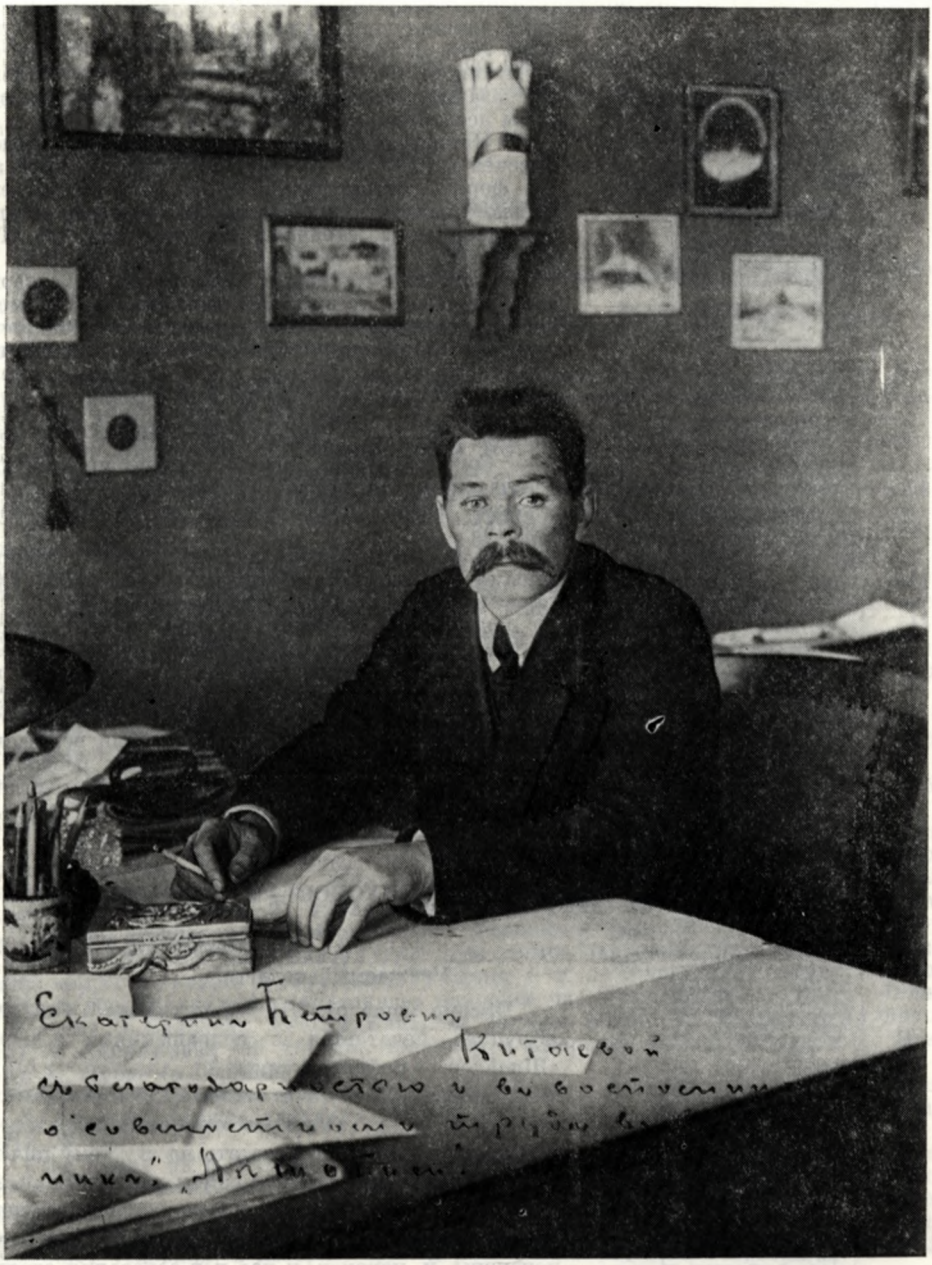
Посылаю Вам рукопись и копию с нее.

А. Пешков

Впервые опубликовано в журн. «Вопросы литературы» (1986, № 6. С. 160–161). Подлинник – машинопись, подпись – автограф красным карандашом.

Николай Михайлович *Никольский* (1877—1959) — советский историк религии, востоковед, академик АН БССР (1931), член-корреспондент АН СССР (1946). Сын и ученик русского историка М. В. Никольского. В 1900 г. окончил Московский университет. В 1905–1907 гг. работал в лекторской группе при МК РСДРП. Вышедшей в 1918 г. работой Никольского «Иисус Христос и первые христианские общины» пользовался В. И. Ленин при написании статьи «О значении воинствующего материализма». В 1918—1922 гг. Никольский — профессор Смоленского университета, в 1920—1953 гг.— профессор Белорусского университета в Минске, в 1937—1953 директор Ин-та истории АН БССР. В годы Великой Отечественной войны Никольский ушел в партизанский отряд им. Сергея Лазо. Основные труды Никольского посвящены истории религии и церкви, критике Библии, истории Древнего Востока.

Горький хорошо знал труды Никольского. В его библиотеке имеются следующие книги ученого: Древний Вавилон. Популярно-научные очерки по истории культуры Сумера, Вавилона и Ассура. М.: Мир, 1913; Древний Израиль. Популярные очерки по истории евреев в научном освещении: М.: Мир, ‹б. г.› (с пометами Горького); *Покровский М. Н.* (При участии Н. М. Никольского). Русская история с древнейших времен. 3-е изд. М.: Мир, 1920. Т. 4 (*Описание*). Кроме того, в библиотеке Горького хранятся все 9 книг серии «Религия и церковь в свете научной мысли и свободной критики» (1907—1909), выходившей под ред. Никольского. 7-я книга этой серии — «Царь Давид и псалмы» (СПб., 1908) — была написана самим редактором.



ФОТОПОРТРЕТ ГОРЬКОГО С ЕГО ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ Е. П. КИТАЕВОЙ.

Текст: «Екатерине Петровне Китаевой с благодарностью и в воспоминания о совместном труде в „Современнике“, „Летописи“». Петроград, 1916

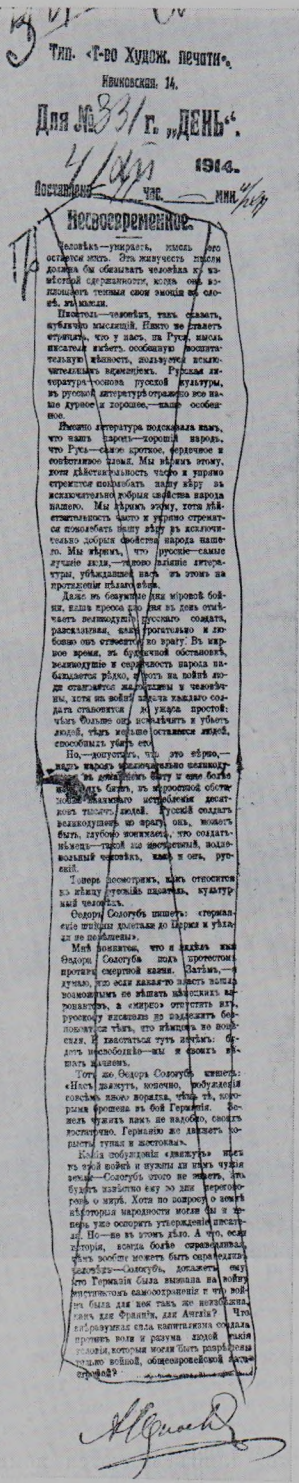
Музей Горького, Москва

На одном из трех хранящихся в *ЛБГ* экземплярах этой книги имеются пометы писателя (*Описание*).

[1] Имеется в виду ст. Никольского «Основные моменты в развитии русской церковной жизни», напечатанная в № 6 журн. «Летопись» за 1916 г.

[2] В. А. Базаров (Руднев) и А. Н. Тихонов были членами редколлегии «Летописи».

[3] В окончательном тексте статьи эта мысль звучит так: «„Свободные“ протестантские общины в Германии с самых первых шагов являются верными союзни-



Тип. «Т-во Худож. печати».
Невская, 14.
Для № 331 г. „ДЕНЬ".
1914.
Несвоевременное.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА СТАТЬИ ГОРЬКОГО «НЕСВОЕВРЕМЕННОЕ» В ГАЗЕТЕ «ДЕНЬ», ПЕРЕЧЕРКНУТАЯ ЦЕНЗОРОМ
Архив Горького, Москва

ками командующих классов общества» (Летопись. 1916. № 6. С. 141). Как видно из текста статьи, напечатанного в «Летописи», почти все замечания, высказанные Горьким, были автором учтены, сделаны необходимые дополнения и исправления.

[4] Никольский писал в ст.: «Различие между Россией и Европой тут не в существе явления, а в его форме, соответственно с тем, что России еще только предстоит пройти через некоторые этапы, уже пройденные странами Западной Европы» (Там же. С. 142).

[5] Подобные суждения были весьма характерны для Горького в это время. В качестве примера можно сослаться на ст. «Две души», в которой почти дословно повторяются мысли о двух возможных путях России: на Восток, с его «мистикой, суевериями», или на Запад, лозунгами которого являются «равенство и свобода на основаниях изучения, знания, деяния» (Летопись. 1915. Дек. С. 123, 125).

[6] Сопоставлению западной реформации церкви, и в частности английского пуританства, с расколом русской церкви посвящены в ст. Никольского с. 153–159.

[7] В № 3 «Летописи» за 1916 г. были опубликованы ст. А. Вильского «Церковные дела» и Раф. Григорьева «Итальянский клерикализм и война».

Горький на протяжении всей жизни глубоко интересовался вопросами религии и церкви, в частности раскола и сектантства, видя в них особые исторически обусловленные формы борьбы народных масс против угнетателей и власти. В его библиотеке хранится около 350 книг по истории религии и атеизма, из них более 60 посвящены расколу и сектантству. Подавляющее большинство этих книг содержит пометы Горького.

А. Н. ТИХОНОВ — М. П. ПАВЛОВИЧУ

Петроград. 2 марта 1916

Уважаемый коллега!

Письмо ваше от 2/II мы получили [1]. Статья о «Круппе» печатается с сокращениями в марте, «Шнейдер» – пойдет в апреле [2].

Гонорар 103 р. 15 и оттиск «Румынии» высланы Вам на днях [3]. Оставить «за Вами» отдел внешней политики, т. е. не печатать на эту тему ничего, кроме Ваших статей,– не можем; во-первых, у нас нет уверенности, что статьи Ваши будут поступать к нам своевременно (хотя бы из-за почты) – будут цензурны, и, наконец, у нас нет основания отказываться от помещения в журнале хороших статей по этому вопросу, написанных другими авторами [4]. Мы с удовольствием будем печатать и впредь Ваши статьи и корреспонденции [5], но мы вообще против монополизации отделов и тем. Если Вы опасаетесь встретиться с кем-нибудь из других авторов – темами, то это легко избежать, если Вы будете сообщать нам заранее содержание Ваших статей.

Очень просим Вас держаться для статей нормы 1 печатного листа, т. е. 40 000 знаков.

Рукописи большего размера мы не в состоянии печатать без значительных сокращений. Не забывайте также о цензуре. Проще всего ее можно

обойти объективностью тона и беспристрастием «летописца». Критика всякая проходит с огромными препятствиями [6].

Извиняюсь, что даю Вам эти советы, но факт налицо: из 25 рукописей иностранных авторов — до сих пор удалось протащить на свет божий — всего 5—6 статей.

Ждем Ваших статей и шлем привет.

А. Тихонов

Гонорар за «Круппа» и «Шнейдера» — высылаем.

ЦГАОР, ф. 5402, оп. 1, ед. хр. 405, л. 25, 26 об.

Письмо на бланке с грифом: Секретарь редакции журнала «Летопись». Б. Монетная, 18. Телефон № 108-91.

На обороте письма пометы Павловича: «получено: 21/IV 1916, послан ответ на это письмо 1—V 1916, открытка — 10—V—1916».

[1] П. Павловича в редакцию «Летописи» разыскать не удалось. Очевидно, Павлович был приглашен к сотрудничеству в «Летописи» по инициативе самого Горького, высоко ценившего его работы по вопросам внешней политики стран Европы и Востока. В январе 1912 г. Горький писал Павловичу: «С большим наслаждением читаю Ваши статьи в „Современнике“» (*АГ*). По совету Горького Павлович начал писать для этого журнала серию статей под названием «Великие железнодорожные и морские пути будущего», которые затем вышли под тем же заглавием отдельной книгой (СПб., 1913) (*Г—Ляц.*, п. 11, прим. 3). Задумав осенью 1915 г. издать серию брошюр о причинах первой мировой войны (см. п. 5 Горького Войтинскому, прим. 16), Горький писал М. Н. Покровскому: «Мы думаем, что брошюру на тему: „Роль Азии и Африки в европейской войне“ мог бы хорошо выполнить М. Павлович; его книга „Четыре пути будущего“ весьма близка этой теме» (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 130). Брошюра Павловича «Азия и ее роль в мировой войне» вышла в 1918 г. в издательстве газ. «Новая жизнь» (Пг.). Она имеется в *ЛБГ* (*Описание*) и содержит пометы Горького.

[2] Имеются в виду ст. Павловича «Две династии (Крупны и Гогенцоллерны)» и «Военная индустрия и заводы Шнейдера во Франции», напечатанные в № 3 и 4 журн. «Летопись» за 1916 г.

[3] Речь идет о ст. Павловича «Румыния в международном конфликте», опубликованной в первом, декабрьском номере «Летописи» за 1915 г.

[4] Сообщая Покровскому о задачах и структуре отдела иностранной жизни журн. «Летопись», Горький писал осенью 1915 г.: «Иностранный отдел должен составляться ежемесячно: 1) из систематического обзора политической жизни Европы, Америки и Востока и 2) из 2—4 корреспонденций „собственных корреспондентов“, причем страны должны чередоваться (главные — чаще, второстепенные редко)» (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 133). Следуя этой программе, Павлович и написал несколько таких корреспонденций о Франции, Румынии и т. п. Кроме него в отделе «Иностранное обозрение» журн. «Летопись» наиболее часто печатались статьи и обзоры В. Волгина (о Балканах, Англии, Ближнем Востоке, Китае), А. Лозовского (о Франции), В. Керженцева (об Англии, Ирландии и Америке), Раф. Григорьева (об Италии), М. Лурье (о Германии) и др.

[5] Кроме упомянутых выше в «Летописи» были напечатаны ст. Павловича «Военные бюджеты держав накануне войны» (1917, № 1) и «Проблемы войны и мира» (1917, № 7/8).

[6] Ср. фразу из п. 9 Горького Войтинскому: «Условия требуют спокойного академического тона». Следуя этой вынужденной условиями цензуры «тактике», некоторые авторы журнала подписывали статьи псевдонимами «Летописец», «Нестор», как бы демонстративно подчеркивая их летописную объективность. О тяжелых цензурных условиях, в которых приходилось работать редакции, см. п. 9, прим. 3.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ПЕРЕПИСКА С С. С. КОНДУРУШКИНЫМ

Предисловие, публикация и комментарии
В. Н. Чувакова

Переписка Горького с С. С. Кондурушкиным началась в январе 1908 г. Последнее известное нам письмо Горького этому корреспонденту датируется мартом/апрелем 1912 г., а завершающее переписку письмо Кондурушкина было отправлено из Петербурга на Капри 30 января / 12 февраля 1913 г.

Писатель и журналист Степан Семенович Кондурушкин (1874—1919) родился в селе Липовка Самарского уезда и той же губернии в бедной крестьянской семье. После окончания в 1898 г. Казанского учительского института Кондурушкин уехал в Палестину, где работал учителем и помощником инспектора школ. В 1899 г. одно из своих ранних сочинений — «Весеннюю сказку» — Кондурушкин прислал в редакцию «Русского богатства». 23 октября 1899 г., отклоняя рукопись, В. Г. Короленко писал автору: «Аллегория Ваша растянута, мысль неясна, образы неопределенны (...) Отчего бы Вам вместо туманных аллегорий не попытаться познакомить читающую публику с особенностями той жизни, которая Вас теперь окружает? Пишете Вы литературно, кое-где красиво, а наблюдение над своеобразной жизнью — отличная школа» [1]. Кондурушкин последовал совету Короленко. В 1901—1906 гг. в «Русском богатстве» печатаются его рассказы и очерки, составившие цикл «Из скитаний по Сирии». Вернувшись в 1903 г. на родину, Кондурушкин целиком отдается литературной деятельности. В 1907 г. он начинает переговоры с К. П. Пятницким об издании первой своей книги рассказов и очерков в «Знании». Внимательно следя за русскими газетами и журналами, Горький имел представление о творчестве Кондурушкина еще до того, как получил от Пятницкого в оттисках его произведения. Перечитав их, Горький высказался за издание их «Знанием». Под заглавием «Сирийские рассказы» первая книга Кондурушкина выпущена издательством «Знание» в 1908 г. с посвящением: «Владимиру Галактионовичу Короленко от литературного крестника». Кондурушкин печатался в *сб. «Знания»* — повесть **«Моисей»** (*XXV*, 1908) и рассказ «В солнечную ночь» (*XXIX*, 1909). В 1909 г. «Знание» издало второй том «Рассказов» Кондурушкина, в который вошли его произведения разных лет.

В переписке Горького с Кондурушкиным довольно отчетливо прослеживаются две соприкасающиеся друг с другом линии. Это, во-первых, литературное наставничество Горького и, во-вторых, полемика по актуальным проблемам современной общественной жизни. Печатая Кондурушкина в «Знании», Горький на первых порах полагал, что молодой автор еще не раскрыл в полной мере возможности своего писательского дарования (и отчасти преувеличивал художественное значение сочинений Кондурушкина). Читая присылаемые Кондурушкиным рукописи, Горький-редактор преподал автору несколько уроков литературного мастерства, с благодарностью принятых Кондурушкиным. Вместе с тем довольно быстро обнаружилось различие в понимании Горьким и Кондурушкиным насущных проблем русского освободительного движения, русского национального характера и места писателя в общественной жизни. Спор Горького с Кондурушкиным принимал все большую остроту и в итоге привел к разрыву. На взгляды Кондурушкина оказало большое воздействие его пребывание в Палестине и «впечатления» от Ближне-

го Востока, где Кондурушкин мог наблюдать весьма пеструю, причудливую картину «сосуществования» разных религий — от христианства до иудаизма и мусульманства. У Кондурушкина сформировалось весьма устойчивое представление о религии как об особой форме народного сознания. Извечное стремление народа к правде, справедливости, свободе, по его мнению, находит свое обобщенное выражение в религиозном мифотворчестве. Так, в повести «Моисей» библейский сюжет (блуждания древних евреев в пустыне в поисках «земли обетованной») был для Кондурушкина лишь формой выражения его публицистических тезисов. Поясняя проблематику своего «Моисея», автор 28 февраля/12 марта 1908 г. писал Горькому: «Невидимый Моисей жил в народной душе, вел народ по пустыне, а бородатый Моисей только воплощал собой эту идею, эту силу». Развивая далее свою мысль, Кондурушкин в письме от 4/17 сентября 1908 г. обращал внимание на сходство первых веков христианства с современной кризисной эпохой, когда «острее чувствуются недостатки человеческого строя жизни и сильнее охватывает тоска по новым берегам». Эта «тоска по новым берегам» сближала Кондурушкина с богоискателями, она же привела его в Петербургское религиозно-философское общество. В ноябре 1908 г. он слушает на заседании общества доклады А. А. Блока и Г. А. Баронова об «Исповеди» Горького, а в ноябре 1912 г. сам выступает с докладом «О народной вере». С богоискательскими настроениями Кондурушкина связан и его интерес к основателю религиозной секты трезвенников Ивану Чурикову и особенно к черносотенному иеромонаху Илиодору (Сергею Труфанову), который, по уверению Кондурушкина, «народен» потому, что, вступив в конфликт (неважно по какой причине) с церковными и гражданскими властями, якобы объективно выражал веру темного и забитого народа в идеальное самодержавие, не угнетающее, а благодетельствующее народ. Такая точка зрения на народ и перспективы русского освободительного движения была для Горького неприемлема. Однако его полемика с Кондурушкиным в 1908–1909 гг. осложнялась тогдашними богостроительскими взглядами Горького, которые не могли не наложить отпечатка на его рассуждения об индивидуализме и коллективизме. Споря с Горьким, Кондурушкин в свою очередь давал характеристики произведениям Горького «Лето», «Исповедь», «Городок Окуров». В них он ищет подтверждения своим упрекам в противоречиях и непоследовательности самого Горького-полемиста. В творчестве Кондурушкина усиливаются пессимистические ноты. Получив в августе 1908 г. от Кондурушкина рассказ «У дороги», в котором автор, по его признанию, «старался изобразить напряжение человеческого духа в борьбе с разъединенностью людей», Горький отказывается печатать рассказ в *сб. «Знания»*: «Для нас пессимизм, скептицизм, мизантропизм и прочие болезни духа — преждевременны» (п. от 30 августа/12 сентября 1908 г.).

Став разъездным корреспондентом кадетской газеты «Речь», Кондурушкин совершает большие и длительные поездки по России — от западных ее губерний до Дальнего Востока. Обильные впечатления наблюдательного журналиста втискиваются им в узкую, по существу своему либерально-буржуазную, программу «культурничества», просвещения народа. Трагический конфликт поздней повести Кондурушкина «Монах» (1913) строится на том, что герой произведения — бывший монах, покинувший обитель и после долгого пребывания за монастырскими стенами возвращающийся в родную деревню,— подобно неузнанному библейскому Моисею, оказывается бесконечно далек тому темному, жестокому, корыстному и расчетливому миру, духовному прозрению которого он хотел посвятить свою жизнь. Имея в виду повесть Кондурушкина «Монах», Горький писал 23 мая/5 июня 1913 г. А. Н. Тихонову: «В V книге „Р⟨усского⟩ б⟨огатства⟩“ статья Короленко „Турчин и мы“ — это как раз та оценка славянского характера, которая сложилась и у меня. Когда читал, то — местами — даже странно было: мои слова! Какой умный и зоркий человек, В⟨ладимир⟩ Г⟨алактионович⟩! И так приятно читать его вещь среди разных Кондурашкиных» [2]. Последним эпизодом полемики Кондурушкина с Горьким была его статья «Чужой ум» [3], содержащая нападки на статью Горького «Две души», опубликованную в журнале «Летопись» (декабрь 1915 г.).

Кондурушкин скончался 9 января 1919 г. в Омске [4].

Из 16 публикуемых писем и одной телеграммы Горького Кондурушкину ранее были опубликованы 7 (№ 4, 5, 8, 17, 22, 34 и 36; № 5 не полностью). Все известные нам 22 письма Кондурушкина печатаются впервые.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Короленко В. Г.* Избр. письма. М., 1936. Т. 3. С. 190.
[2] *Горьк. чт.* 1959. С. 43.
[3] Речь. 1916. № 120. 3 мая.
[4] *Кондурушкина Е.* С. С. Кондурушкин: (Памяти мужа) // Вестник литературы. 1919. № 9. С. 13—14.

1. КОНДУРУШКИН – ГОРЬКОМУ

СПб. 9⟨22⟩ января 1908 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

По словам К. П. Пятницкого, Вам посланы оттиски моих рассказов, каковые я предлагаю «Знанию» издать сборником[1]. Могут быть две комбинации: 1) сборник всех рассказов — около 17½ журн. листов и 2) сборник одних рассказов с востока — около 12½ журн. листов. Последняя комбинация, по моему мнению, лучше.

Конечно, Алексей Максимович, мне важно решить вопрос возможно скорее. И не только потому, что мне нужны деньги: вопрос идет о литературной конфирмации, каковую мне было бы приятно совершить в той же церкви, к которой принадлежат мои славные литературные родители... Вы понимаете это и не откажитесь ускорить ответ.

Говорил я К. П⟨етрович⟩у и об иллюстрациях к сборнику рассказов с востока. Мне казалось, что это было бы кстати... На всякий случай прилагаю при сем Вам для сведения письмо художника Лансере по этому поводу[2].

С глубоким уважением

С. Кондурушкин

СПб. Вас⟨ильевский⟩ Остр⟨ов⟩, 10 л⟨иния⟩, д. 9, кв. 5

[1] Кондурушкин начал переговоры с Пятницким об издании книги рассказов в «Знании» еще в 1907 г., но дело затягивалось. 23 декабря 1907 г. Кондурушкин направил Пятницкому письмо, в котором спрашивал: «В каком положении находится вопрос об издании моего сборника? Сообщите, пожалуйста» (*АГ*). Автор хотел выпустить книгу в «Знании» с иллюстрациями и в том же п. Пятницкому сообщал, что имеет соответствующие предложения от нескольких художников, в том числе от Е. Лансере и В. Нарбута.

[2] Евгений Евгеньевич *Лансере* (1875—1946) — график и живописец. Член «Мира искусства». Речь идет о п. Лансере Кондурушкину.

2. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

⟨Капри. 16/29 января 1908 г.⟩

Дорогой Степан Семенович!

Рад быть полезным для вас всем, чем могу. За работами вашими внимательно следил, чувствую в руке вашей большую силу, в сердце и в мысли здоровую бодрость, думаю, что вы должны написать большие вещи.

Рассказов ваших не получил, сегодня телеграфировал К⟨онстантину⟩ П⟨етровичу⟩, чтоб он не медля выслал их[1].

Получив — не замедлю ответом, а пока жму руку вашу.

А. Пешков

Датируется по содержанию.

[1] 16/29 января 1908 г. Горький телеграфировал Пятницкому: «Пришлите рассказы Кондурушкина. Пешков» (*АГ*) — и в тот же день написал ему: «Жду рассказов Кондурушкина, это интересный писатель, нам следует издать его, как вы думаете?» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 227).

3. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

(Капри. 26 или 27 января/8 или 9 февраля 1908 г.)

Дорогой Степан Семенович!

Рассказы ваши прочитал — предлагаю вам условиться с К(онстантином) П(етровичем) по делу об издании [1].

Очень советую — выкиньте из книжки рассказ «*Наяву*» — грубоват он у вас [2]. Или выкиньте из него анекдот с последом,— это противно, но — не типично, даже — не характерно.

Вам следует прокорректировать хорошенько оттиски,— в них встречаются одни и те же примечания и много других небрежностей, читателю ненужных [3].

Письмо Лансере возвращаю вам, может быть, понадобится [4].

Рисунки — это хорошо бы!

Жму руку.

А. Пешков

Датируется по помете адресата: «Получ(ено) 1 февр(аля) 1908 г.» Как можно заключить по почт. шт. на конвертах, письма между Капри и Петербургом находились в пути пять-шесть дней.

[1] Рассказы и очерки Кондурушкина, составившие цикл «Из скитаний по Сирии», печатались в 1901—1906 гг. в журн. «Русское богатство»: «Железная дорога к священному городу мусульманского мира» (1901, № 7), «Баядерка», «Акулина в Триполи», «Абу-Масуд», «Почтовый день в Гожайя», «Могильщик», «Узнал — узнал!» (1902, № 9), «Горе Халиля», «Ко-ко-ко», «Два минарета» (1902, № 12), «Харабa» (1904, № 5), «Из жизни современной Сирии» (1904, № 12), «Шагин-Хадля. Из жизни одного сирийского села» (1905, № 3), «Огаден» (1906, № 6). 26 января / 8 февраля 1908 г., после получения оттисков произведений Кондурушкина, Горький писал Пятницкому: «Дорогой друг — на мой взгляд, Кондурушкина следует издать. Покуда он не бог весть как силен, но мне кажется, должен вырасти. Рассказы его открывают нечто новое, их этнографический интерес несомненен. Думаю, что книжка будет иметь успех. Написал ему письмо, прошу один расказ — „Наяву" — выкинуть и предлагаю говорить с вами об условиях издания» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 229).

[2] Рассказ Кондурушкина «Наяву» впервые опубликован в журн. «Образование» (1907, № 8, отд. 1. С. 19—29). В *ЦГАЛИ* (ф. 231. оп. 1, ед. хр. 70) хранится черновой автограф этого рассказа, имеющий авторскую дату: «СПб., март 1907». Действие рассказа происходит в глухой чувашской деревне. Протест Горького вызвал содержащий грубые натуралистические подробности эпизод с удалением врачом из чрева роженицы мертвого ребенка. Рассказ «Наяву» вошел во второй том «Рассказов» Кондурушкина, выпущенный «Знанием» в 1910 г. Эпизод с «последом» в нем сохранен.

[3] Это замечание Горького было учтено автором. Кроме того, Кондурушкин еще раз пересмотрел состав своей книги «Сирийские рассказы». 4/17 февраля 1908 г. он писал Пятницкому: «При сем 4 рассказа. Четвертый — „Англичанка" еще не был у Вас. Я с удовольствием выкинул бы 3-й „Горе коймакамы Наблуса", а вместо него — „Англичанку"» (*АГ*). Желание автора было выполнено.

[4] См. п. 1, прим. 2. 15/28 февраля 1908 г. в п. Пятницкому Кондурушкин напоминал, что Лансере ждет от «Знания» ответа, иллюстрировать ли ему книгу Кондурушкина (*АГ*). «Сирийские рассказы» вышли с иллюстрациями Лансере (п. 8, прим. 3).

4. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

(Капри. 27 или 28 января/9 или 10 февраля 1908 г.)

Дорогой мой Степан Семенович!

За письмо — спасибо [1], а уж если вы ко мне столь хорошо относитесь,— это дает мне право советовать вам,— не учительски, но дружески: подумайте над рассказом «Наяву»!

Может быть, я — ошибаюсь, но кажется мне, что эта вещь способна произвести не выгодное для вас впечатление своей как бы нарочитой грубостью. Уберите послед, оставьте голые кулаки — будет лучше!

В наши дни вновь разочаровавшаяся в силе народа интеллигенция тщательно ищет всюду фактов для обвинительного акта русскому мужику,

повинному в некультурности, зверстве всяческом и т. д. и т. п.— не давайте вы милым забавникам лишнего факта к их коллекции![2]

Правда от этого не пострадает, она — всегда выше факта,— а обвинители в своем антидемократизме обойдутся и без вашей помощи.

Вы любите красоту, вы чувствуете ее тонко, умеете найти — вы можете и должны найти ее везде — и в рассказе «Наяву» — тоже!

Жму руку.

А. Пешков

Датируется по пометке адресата: «Получ⟨ено⟩ 2 февр⟨аля⟩».

[1] Упоминаемое п. Кондурушкина Горькому не разыскано.

[2] С протестом против клеветы буржуазной интеллигенции на народ Горький выступил в ст. «О цинизме», написанной им для французского журн. «Documents du progrès», где она была опубликована в мартовском номере за 1908 г. В России эта статья была напечатана раньше в сб. «Литературный распад» (I. СПб.: Зерно, 1908) (вышел в янв. 1908 г.). «Народ,— писал Горький,— низвели на степень орудия нашей жадности, ограбили силу его, исказили бессмертную душу — и теперь циники говорят: — Груб он и глуп, народ; жесток и развратен! Справедливо сказано, что в чужой стране каждый видит только то, что приносит в себе самом!» (*XXIV*, 13).

5. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

⟨Капри. 12/25 февраля 1908 г.⟩

Дорогой Степан Семенович!

Вы пишете: «А м. б., получу от вас какие-либо советы»[1] — значит, даете мне право советовать; я вас искренно благодарю за это и — приступаю к делу.

«Моисей» — вещь интересная[2], на мой взгляд, но — вы должны и можете написать ее лучше, сильнее.

Для этого — мне кажется — нужно сделать ее короче: III-я глава несомненно длинна; Моисей часто говорит одно и то же; слова пророка коротки и крепки, как указывает нам библия.

В V-й главе длиннотами испорчена славная и трогательная фигура Махли. Мне думается — у вас достаточно и красок и знаний, вы можете не повторяться.

Обратите серьезное внимание на язык,— он небрежен и не сливается с темой, особенно в начале. Язык тут должен быть медный, гулкий, слова — просты и каждое — на своем месте.

У вас странным образом смешаны словечки местных наречий с чужими словами, в одном месте, напр.,— «блескавица» из Рязанской и Орловской губерний[3], а через слово, два от нее — «блик».

Такие слова, как «болобочет», «трепыхается», «дых», «дыхает», совершенно не уместны в *этой* работе. Слишком часто повторено слово «брекотанье», «брекочет». «Бутор» и «орало солнце» — грубо и не нужно. «Орало солнце» — и двусмысленно: может быть понято как — кричало и как — пахало землю. Следует — и нужно!— достигать музыкальности, неловко звучит в одном коротком периоде дважды «пере», дважды «щиеся». Шипящих и свистящих сочетаний можно, а в данном случае — следует — избегать.

Такса — продукт издевательства нашей «культуры» над животным; на мой взгляд — ей не место в вашем рассказе, как не место в нем граммофону. Такса явилась слишком недавно. Да не покажется все это мелочами вам,— дорогой мой,— в литературе не должно быть мелочей. Любя женщину — вы создаете человека, любя язык — поэта. В этой теме нужно быть поэтом, и я вас очень прошу — будьте внимательнее к языку, тогда вы, м.б., напишете крупную вещь. Ведь словами вы богаче, чем небрежностью.

Как индивидуальность вы, разумеется, должны были возвысить героя за счет силы и красоты народа, созидателя его,— я не спорю с этим, ибо и сам долгое время пенял на зеркало, не замечая, что это моя рожа всячески крива. Но — вы поочередно употребляете два понятия, у вас действует то «народ», то — «толпа». Разделяя эти — разные психические феномены,— в одном я вижу коллектив, создавший всё — от Иеговы [4] до Наполеона (в легенде о нем, а не в истории),— от Гомера до Уольта Уйтмана [5], вижу в нем силу, способную творить чудеса, другую же считаю случайным сборищем индивидуальностей, лишенных ощущения внутренней связи,— не говоря о сознании — соединенных тем или иным временно вспыхнувшим интересом, а чаще — настроением.

Вы оперируете этими понятиями не ясно. Убивает соглядатаев — кто? Если их убивали за слабодушие — на мою мерку это должен был исполнить народ. Плюет на бороду Моисея — кто? Мне кажется это должна была сделать толпа. Народ — Махли, толпа — Фузи. Я не хочу вас убеждать в этом и отнюдь не намерен насиловать ваш опыт — моим. Я только указываю на то, что мне, *читателю*, показалось неясным.

В одном месте у вас сказано: «Шутовское величие, всегда понятнее сердцу толпы»,— я этого не знаю, но, вероятно,— вы правы. Однако мне думается, что народ не склонен освящать «шутовское величие» своими легендами,— он создавал юродивых, Иванушек Дурачков, но это не шуты. На сем — кончаю, повторив, что ваша вещь — очень интересна, местами написана с большим подъемом и — она своевременна. Вообще мне кажется, что вы — талантливый и — надо быть — хороший, искренно любящий литературу человек.

Об этом красноречиво говорит ваше письмо.

Я усердно читаю «шкандаль-литературу», как вы ее назвали [6], «модерн», к<а>к называют другие. Весь этот кавардак честолюбий, сомнений и голого стремления «урвать да удрать» иногда наводит некоторую тоску. Но — редко и ненадолго. Началось это — давно, еще в 90-х годах, со времен Волынского [7]. Все эти г. г. «идеалисты» — его детки. А мистики — анархисты, «неприемлющие мира»,— взлелеяны на книжке француза Пюжо [8], написанной довольно давно, но, видимо, недавно прочитанной нашими мудрецами. Они вообще не свежим товаром торгуют, все они. Бесспорно талантливый и до судорог холодный Брюсов — весь дан во французской литературе лет двадцать тому назад. Блок — не очень ловко перепевает Верлена, времен его мистических настроений [9]. В этом шуме — мало оригинального, лишь несколько фигур что-то обещают, напр.,— Городецкий [10], Тарасов [11].

История обожествления детородных органов — тоже не нова. Но — грубо же они, черти, обращаются с этими членами! Заметьте — если человек много говорит о своей смелости в делах пола — это несомненный импотент.

И во всем, что творится в дорогой и прекрасной литературе,— я вижу духовную импотенцию. Собственно говоря — это *не в литературе*, а где-то около ее. Общий процесс я бы назвал крахом индивидуализма, разрушением личности [12]. На мой взгляд, Ан<тон> Пав<лович> был не прав, говоря о «здоровых мужиках» [13]. Нет, «мужики» не здоровы, все они сплошь — духовно больной народ, все. Их якобы мятеж и «искание последней свободы» — признаки полного отчаяния, предчувствие гибели и — ужас пред нею.

Мне кажется, видите ли, что социально психические силы, законы развития которых все еще так мало ведомы нами,— что эти силы ныне обнаруживают волю к слиянию во единую силу, что мир приближается к созданию некоего нового коллектива, и вся жизнь мира вступает в стадию напряженного творчества новых форм для своего развития. Начало этого возникающего вихря жизни — вихря творчества — ясно

ощутимо во всеобщей тревоге; индивидуальности с наиболее тонко развитой нервной системой ощущают лёт каких-то новых волн, а люди с повышенной чувствительностью ощущают эти волны сил тем более остро. В то же время они слишком поглощены так называемой «проблемой личного бытия» и органически не способны слиться с потоком, который закипает вокруг.

Вам, пожалуй, не ясно и утомительно все это? Кончаю. Рекомендовал бы вам в сборнике «Очерки философии марксизма»[14] статью Базарова, в ней — стр. 60 и след. — есть интересная и глубокая мысль о объективном творчестве в искусстве. Вообще — это чудесная книга, хороша статья Луначарского об «Атеизме»[15] и Богданова[16] — крупнейшего из философов современности, как я думаю.

Всего доброго! Надеюсь — мои советы не задели вашего самолюбия? Поверьте, я очень уважаю людей и хотя иногда ругаю их, но — не учу. Сам учусь.

Жму руку.

А. Пешков

Датируется по почт. шт.

[1] Цитированное Горьким п. Кондурушкина не разыскано.

[2] Об отправке Горькому на отзыв рукописи повести «Моисей» Кондурушкин известил Пятницкого 10/23 февраля 1908 г. Повесть была исправлена автором по замечаниям Горького и впервые напечатана в XXV *сб. «Знания»* (вышел в свет 12/25 дек. 1908 г.).

[3] В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля это слово зарегистрировано как местное (смоленское и воронежское) и означающее — зарница, молния.

[4] Одно из имен бога в иудаизме (наряду с Ягве и Саваофом).

[5] Уолт *Уитмен* (1819—1892) — американский поэт. В ст. «Разрушение личности», впервые напечатанной в кн. «Очерки философии коллективизма» (Сб. 1. СПб.: Знание, 1909), Горький упомянул Уитмена в числе писателей (Р. Демель, Э. Верхарн, Г. Уэллс, А. Франс, М. Метерлинк, Г. Траубел), которые, «начав с индивидуализма и квиетизма, дружно переходят к социализму, к проповеди активности, все громко зовут человека к слиянию с человечеством» (*XXIV*, 48—49).

[6] По-видимому, Горький ссылается на неизвестное нам письмо к нему Кондурушкина.

[7] *А. Волынский* — псевдоним Акима Львовича Флексера (1863—1926), литературного критика и искусствоведа, одного из идеологов русского декадентства, с 1889 г. постоянного сотрудника журн. «Северный вестник» и позже его фактического руководителя. В 1890—1895 гг. Волынский выступил в «Северном вестнике» со статьями против революционно-демократической критики (В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев), яростно обрушиваясь на материализм и «реалистический утилитаризм». Отдельное издание этих статей (Русские критики. Литературные очерки. СПб., 1896) встретило суровую отповедь автору в ст. Плеханова «Судьбы русской критики» (Новое слово, 1897. № 7). См. также книгу Волынского «Борьба за идеализм. Критические статьи» (СПб., 1900). Отношение Горького к Волынскому вначале было отрицательным. Не приемля статей Волынского, публиковавшихся в «Северном вестнике», Горький в фельетоне из цикла «Между прочим» (Самарская газета. 1895. № 153. 19 июля) отмечал, что в этом журнале «теперь засел и во всю мочь свищет малюсенький Соловей-разбойник господин Волынский...». Непродолжительное сближение Горького с Волынским в 1897—1898 гг., объясняющееся тем, что в это время Горький главное внимание уделил своей борьбе с легальными марксистами и сторонниками народнической доктрины, снова сменилось решительным отчуждением. 15—16/28—29 мая 1908 г., отказываясь переиздавать в «Знании» книгу Волынского «Леонардо да Винчи» (СПб., 1899), Горький писал Пятницкому: «Не люблю я эту лису. Его книга о „Русских критиках“ — все-таки плохая книга, говоря мягко. А „Книга великого гнева“ — просто подлая. В ней он, якобы устами Достоевского, поносит людей, коих можно уличать в ошибках,— но — нельзя не уважать. Антиреволюционная книга, как хотите. И я высказываюсь против Волынского в „Знании“. Заметьте еще: в сущности, это он является первой ласточкой возродившегося идеализма и романтизма, и он основоположник того направления, коему столь усердно служат ныне Минские, Мережковский и т. д. Это — его ученики, что б они ни говорили и как бы он ни отрекался от них» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 251). П. Горького Волынскому 1896—1898 гг. см. в кн.: Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX в. М.: Наука, 1975. С. 355—370.

[8] Речь идет о кн.: *Pujo M.* L'idealisme integral. Le règne de la grâce. P., 1894 (*Пюжо М.* Интегральный идеализм. Царство благодати. Париж, 1894). В книге, в частности, содержатся характеристики Новалиса и Стефана Малларме.

[9] Горький, очевидно, имеет в виду содержание первого сборника «Земля», вышедшего в «Московском книгоиздательстве» в 1908 г. В феврале 1908 г. Горький переслал этот сборник Е. П. Пешковой (*Арх. Г.* Т. IX. С. 46). Среди других произведений в этом сборнике напечатаны стихотворения А. Блока «Никто не скажет: я безумен...», С. Городецкого «Березка» и Е. Тарасова «Больные чуждым нам недугом». В. Брюсов в первом сборнике «Земля» не печатался. Можно предположить, что Горький подразумевает опубликованный в «Весах» (1908, № 1) цикл стихов Брюсова «Обреченный», позже вошедший в книгу Брюсова «Пути и перепутья. Собрание стихов. Т. III. Все напевы. 1906—1909» (М.: Скорпион, 1909).

[10] Сергей Митрофанович *Городецкий* (1884—1967) — поэт, сотрудничал в изданиях символистов. Автор поэтических сборников «Ярь» (1907), «Перун» (1907), «Дикая воля» (1908). В декабре 1907 г. Горький предложил В. В. Вересаеву, согласившемуся редактировать литературно-публицистический сборник (организатором его была член московской организации большевиков Е. К. Малиновская), пригласить к участию в сборнике Городецкого, Е. М. Тарасова и А. С. Рославлева. См. п. Горького Вересаеву около 13/26 дек. 1907 г. // *Арх. Г.* Т. VII. С. 62. Издание сборника не осуществилось. 16/29 марта 1908 г. в п. к Пятницкому Горький подтвердил получение от Пятницкого, в числе других книг, и сочинений Городецкого. См.: *Арх. Г.* Т. IV. С. 239.

[11] Евгений Михайлович *Тарасов* (1882—1944) — поэт, участник студенческого революционного движения. Подвергался арестам и ссылке. В 1905 г. как дружинник участвовал в Декабрьском вооруженном восстании в Москве. Печатался в XII и XIV *сб. «Знания»* за 1906 г. Автор поэтических сборников: «Стихи. 1903—1905» (СПб., 1906) (по распоряжению Комитета по делам печати был уничтожен за «призыв к мятежническим и бунтовщическим деяниям») и «Земные дали. Вторая книга стихов» (СПб.: Шиповник, 1908). После выхода второй книги, неодобрительно встреченной критикой (см., напр.: *Чуковский К.* Третий сорт // Товарищ. 1907. № 443. 7 дек.; Блок А. Литературные итоги 1907 года // Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 229—230; первоначально: Золотое руно. 1907. № 11/12. С. 97 и др.), Тарасов прервал свою литературную деятельность. После Октябрьской революции работал инженером-агрономом на Омской МТС, в Госплане СССР и Наркомате совхозов. См. его автобиографические заметки «Мы — предтечи» (Огонек. 1982. № 38. 18 сент. С. 21. Публикация Ник. Трифонова) и ст. Н. А. Трифонова «Недосказанная поэма. (Жизнь и творчество Евгения Тарасова в свете новых данных)» (Рус. лит. 1982. № 4. С. 181—192).

[12] Эти мысли Горький развил в своей ст. «Разрушение личности», первоначальный вариант которой, имевший подзаголовок «Очерки современной жизни и литературы», был написан им, очевидно, в январе—феврале 1908 г. и предназначался для газ. «Пролетарий» (см. п. Горького Ладыжникову от февр. (не позднее 10/23) 1908 г. // *Арх. Г.* Т. VII. С. 176). Высказавшись против напечатания статьи в «Пролетарии», В. И. Ленин в п. Горькому от 25 февраля 1908 г. писал: «...Вы явным образом начинаете излагать взгляды одного течения в своей работе для „*Пролетария*“» (*В. И. Ленин.* Т. 47. С. 143). Имея в виду идеалистические философские взгляды А. Богданова и других эмпириокритиков, оказавших влияние на Горького, В. И. Ленин отмечал, что «„Пролетарий“ должен оставаться абсолютно нейтрален ко всякому нашему расхождению в философии». В. И. Ленин советовал Горькому статью переделать и «все, хоть косвенно связанное с богдановской философией, перенести в другое место» (Там же. С. 145). Около 10/23 марта 1908 г. Горький просил Ладыжникова не печатать ст. «Разрушение личности», так как намеревался ее расширить и поместить в сборнике, который он намечал выпустить совместно с Луначарским. В процессе дальнейшей работы над статьей Горький менял ее заглавие («От Прометея до хулигана», «Личность и творчество»), но позже вернулся к прежнему. Впервые статья помещена в кн.: Очерки философии коллективизма. Сб. 1. СПб.: Знание, 1909.

[13] Имеется в виду приведенный Буниным в воспоминаниях «О Чехове» отзыв Чехова о московских литераторах-декадентах: «Какие они декаденты, они здоровеннейшие мужики! Их бы в арестантские роты отдать...» (*Бунин И. А.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 221). Воспоминания впервые были напечатаны в III *сб. «Знания»* (1905).

[14] Речь идет о философском сб. «Очерки по философии марксизма» (СПб.: Зерно, 1908). О высылке этого сборника Горький просил Ладыжникова в конце января (начале февр.) 1908 г. См.: *Арх. Г.* Т. VII. С. 174. В. Базарову принадлежала в сборнике ст. «Мистицизм и реализм нашего времени» (с. 3—71). Сборник в целом и статья Базарова в частности подвергнуты критике В. И. Лениным в кн.: «Материализм и эмпириокритицизм» (М.: Звено, 1909).

[15] Имеется в виду ст. Луначарского «Атеизм» (см. указ. *сб.* С. 107—161).

[16] Богданову в указанном сборнике принадлежала ст. «Страна идолов и философия марксизма» (С. 215—242).

6. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
28 февраля (12 марта) 1908 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович!

Искренне благодарю Вас за советы. Большинством из них я уже воспользовался, и не только потому, что доверяю Вашему художественному чутью, а потому, что они меня убедили. Со времени получения Вашего письма вот уже две недели я «не схожу с Моисея» и даже во сне. Разговор Моисея со старшинами — сократил. Всю X главу,— разговор Моисея с Навином,— переделал. Незаконченное окончил. Еще неделя, другая — и мой Моисей будет закончен. И только теперь, перечитав десятки раз письмо Ваше, я понял то, чего сгоряча не заметил: Вы не сказали ничего определенного относительно напечатания его «Знанием». Был вчера у К⟨онстантина⟩ П⟨етровича⟩, думал, что Вы ему написали, ни да, ни нет. Оказывается, он ничего не имеет от Вас. Потому прошу Вас, скажите мне определенно, желаете ли Вы иметь «Моисея» для «Знания».

Я сказал, что воспользовался *большинством* Ваших советов. Ибо, действительно, два из них меня не убеждают. Это, во-1-х, тот, где Вы говорите, что главу о Махли (с Фузи) надо сократить. Вы указываете мне на лишние ногти и говорите, что их надо остричь. Пробую — режу палец. Не знаю, где ногти. Не могу отрезать пальца. Значит, так тому и быть. Во-2-х, там, где Вы говорите по поводу моего «индивидуализма». Я, как, вероятно, и Вы, полагаю, что индивидуальность велика лишь там, где она угадывает глубокие потребности народной жизни и души и тем расчищает путь народу — богу. У меня и в повести тоже: было время, когда никто не видел в человеке — Моисея, а он, невидимый Моисей, светился у всех в глазах, жил в каждом доме, управлял помыслами... И только потом явился видимый Моисей... Все его узнали, увидели. Невидимый Моисей жил в народной душе, вел народ по пустыне, а бородатый Моисей только воплощал собой эту идею, эту силу. Но вот иссяк невидимый Моисей в душе народа. Бессилен и бородатый Моисей... Простерлось в пустыне народное тело и лежит без движения. Бородатый Моисей снова раньше других понял это. И в этом снова его величие. Он увел народ в пустыню, но веру в этот же народ не потерял. Да и нельзя не верить в народ — он бессмертен.

Вы пишете: «Махли — народ. Фузи — толпа. Убивает соглядатаев за малодушие — народ. Плюет в бороду Моисея — толпа...»[1]

Боже мой, если бы мы не знали, что и народ (т. е. большинство; иначе трудно оперировать с этим словом в социологии) тоже плюет в бороду Моисею! Ведь если бы этого *никогда* не было, мы не знали бы *никакого* рабства. Разве вся наша жизнь русская, французская, немецкая... не есть надругательство над нашим Моисеем, Моисеем человечества, о котором (Моисее) Вы же сами говорите, что он дышит над миром.

Да, эти вихри неведомых нам сил крутят над человечеством, и крутят давно. Они и в древности затягивали в свои воронки целые народы. Они проносились над всем человечеством и будили мысли, чувства. Но еще ни разу не закрутили всего человечества. И народы, отряхнувшись от переполоха, плевали вослед улетающим вихрям и заклинали: «Чур меня, чур меня!» и снова засыпали.

Плевали, плюют и еще, к сожалению, будут плевать. Ничего не поделаешь. И не ради слова поведет Моисей в пустыню свой народ, в пустыню великих испытаний и лишений.

Но мы придем в обетованную землю, придем! Мы — народ, а не лица.

Будьте здоровы. Скоро ли Вы будете в состоянии жить снова в России? Ах, как это жалко, что Вы там, а не здесь.

С уважением и искренней любовью.

С. Кондурушкин

[1] Кондурушкин не цитирует, а излагает содержание письма к нему Горького. См. п. 5.

7. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

(Капри. 7/20 марта 1908 г.)

Дорогой Степан Семенович!

Я,— казалось мне,— совершенно определенно высказался о Моисее, как о вещи — на мой взгляд — значительной и т. д.; вопроса о помещении его в сборнике предо мной — не стояло [1].

Конечно — да и я искренно рад, что вы начинаете ваше сотрудничество в «Знании» этой вещью. Не считайте меня, ради всех богов, унтер-офицером в литературе, «редактором», «хозяином» и т. д. — зря обидите человека, к⟨ото⟩рый литературу эту искренно и глубоко любит даже и тогда, когда многое в ней и враждебно и противно ему! Да, даже и тогда. Само собою разумеется, что в Брюсовых, Блоках, Ивановых и т. д. много прямо-таки чуждо мне, но — не слеп и не могу не видеть у них красоты, всем нам нужной, для всех — ценной, дорогой, редкой. О, черти, как хорошо они могли бы говорить, если б не болели этой изнуряющей болезнью — гипертрофией «я»!

Отсюда — прямой переход к вашему утверждению: «...ведь если бы этого *никогда* не было, *мы* не знали бы *никакого* рабства»,— речь идет о плевках в бороду Моисея.

Утверждения сего не принимаю. Во-первых — кто это «мы»? Не знаю такого коллектива. Во-вторых: если б он, этот коллектив, существовал — он опирался бы на чье-то рабство. А в-третьих,— мне кажется, настало уже время, когда взгляд на психику не только народа, но и толпы должен быть радикально изменен. Психология толпы — оклеветана г. г. Тардами [2], Curens e tutti quanti * — для меня несомненно.

Народ и толпа — два совершенно различные коллектива: один слагается исторически и находится в постоянном и непрерывном процессе химического, т. е.— психофизического изменения; другой — явление случайное, создающееся под влиянием того или иного настроения, того или иного временно возникшего интереса, общего всем «я», из коих слагается феномен — толпа. «Большинство» — не в народе страшно, а среди культурного мещанства, в народе — пассивном, по силе внешних давлений «большинство» не опасно в той мере, в какой оно опасно среди мещанства, всегда *активно* консервативного, что мы видим с особенной яркостью в наши дни.

Но — сие разногласие наше не может быть выяснено в письмах; вероятно, мы с вами когда-нибудь увидимся и — поспорим.

А пока — желаю вам всего доброго, главное же — бодрости духа!

Крепко жму руку вашу.

А. Пешков

Датируется по почт. шт.

На письме пометка адресата: «Получ⟨ено⟩ 12 марта 1908 г.»

[1] 25 февраля / 9 марта 1908 г. Пятницкий писал Горькому: «Кондурушкин спрашивает, принимаете ли Вы для сборника его „Моисея“» (*АГ*). «Вопрос Кондурушкина — не понимаю,— ответил Горький Пятницкому 4—5/17—18 марта 1908 г.,— написав ему длинное письмо, я указал на необходимость поправок в стиле рассказа,— он обиделся, что ли? Напишу ему сейчас же письмо. Рассказ его считайте

* Куренс и все им подобные (*ит.*).

принятым» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 235). Кондурушкин в свою очередь, получив письмо от Горького, поторопился ознакомить с его содержанием Пятницкого. 12/25 марта 1908 г. Кондурушкин писал ему: «Прилагаю при этом письмо Алексея Максимовича. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, Вы еще не получили от него ответа на вопрос об моем „Моисее". Письма, как то, так и это, прошу сохранить. В субботу я, вероятно, буду у Вас, чтобы переговорить» (*АГ*).

[2] Габриэль *Тард* (1843—1904) — французский социолог и психолог, уделявший главное внимание изучению вопросов коллективной психологии. Некоторые его работы переведены на русский язык: «Законы подражания» (СПб., 1892), «Социальная логика» (1901), «Социальные этюды. Социальные законы. Толпа и публика. Преступность толпы. Трансформация власти» (СПб., б. г.), «Личность и толпа. Очерки по социальной психологии» (СПб., 1903) и др.

8. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

⟨Капри. 15 или 16/28 или 29 мая 1908 г.⟩

С. Кондурушкину

Спасибо за книжку[1], рад ее видеть,— и спасибо за надпись. Доверяя, помогая друг другу, мы можем много сделать, верю! Хотел бы я, чтоб вы познакомились с Гусевым-Оренбургским, а также написали бы мне о его рассказе «Один», когда оный рассказ выйдет[2].

Скоро ли «Моисея» буду читать?

А Лансере — подвел вас: рисунки плоховаты. Колонна на первом — просто-таки безграмотна, хотя нижняя часть ее и засыпана песком,— как надо думать,— но все ж таки она не гармонична. И во всех рисунках — нечто ленивое, ремесленное. Обложка — недурна еще[3].

Что делаете? Вам надо писать. Больше. Как встречают книгу? Где у вас рассказ об «Афоне», напечатанный в «Р⟨усском⟩ б⟨огатстве⟩»?[4] Нет ли оттиска? Пришлите. Я его читал, но позабыл одно место и хотел бы восстановить в памяти.

А засим — крепко жму руку вашу. Силы ей!

А вам — бодрости духа.

Привет.

А. Пешков

Датируется по п. Горького Пятницкому от 15—16/28—29 мая 1908 г.: «Передайте прилагаемую записочку Кондурушкину» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 250), а также по ответному п. Кондурушкина Горькому от 17/30 июля 1908 г.: «Получил от него Вашу записку на мое имя еще с мая месяца».

[1] *Кондурушкин С. С.* Сирийские рассказы / Рис. Е. Лансере. СПб.: Знание. Книга вышла в свет 2/15 мая 1908 г. Содержание книги составили следующие произведения: «Харааба», «Единственная неприятность», «Англичанка», «Шагин-Хадля», «Баядерка», «Акулина в Триполи», «Абу-Масуд», «Могильник», «Узнал, узнал!», «Горе Халиля», «Ко-ко-ко», «Два минарета», «На рубеже пустыни». В *ЛБГ* этого издания нет. См. также п. 3, прим. 1.

[2] Речь идет о повести Гусева-Оренбургского «Сказки земли», опубликованной в XXIII *сб. «Знания»* (вышел 21 июня / 4 июля 1908 г.). В марте, после 23 / апреле, после 5, 1908 г. Горький, сообщив Е. П. Пешковой о приезде Гусева-Оренбургского на Капри, писал: «Его рассказ — хорош как тема, а исполнение могло бы быть не так вычурно. Все попадают в этот приподнятый стиль, мне кажется, что это нечто вроде детской болезни, право! Но — Гусев, полагаю, пройдет сквозь это не без пользы для себя, тогда как другие на этом свихнут себе мозги» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 49).

[3] Лансере для «Сирийских рассказов» выполнил рисунок обложки и заставки и два оригинальных рисунка, помещенных на вкладных листах. На одном («В пустыне») изображены развалины полузасыпанного песком античного храма. На другом («Гермон») — группа сирийцев на лошадях на фоне гор.

[4] Имеется в виду рассказ Кондурушкина «В сетях дьявола», впервые напечатанный в «Русском богатстве» (1907, № 1). Оттиск рассказа Кондурушкин выслал Горькому с п. от 17/30 июля 1908 г.

9. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

⟨Капри. 4/17 июня 1908 г.⟩

Жду на Капри. Оба с женой [1] будем сердечно вам рады.

Pechkoff

Датируется по телеграфному бланку. Адрес написан по-французски: Monsieur Kondourouchkin Montreux poste restante Suisse.

Русский текст латинскими буквами.

Ответ на неразысканные письмо или телеграмму Кондурушкина.

[1] Мария Федоровна Андреева.

Во время своего пребывания на Капри с 12/25 по 17/30 июня 1908 г. Кондурушкин делал записи в записной книжке. См. приложение.

10. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

Арона. ⟨20 июня⟩ 3 июля 1908 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Собираясь переступить границу милой Италии, шлю всем Вам привет. Долго я думал, чего-то у Вас на Капри не хватает. Теперь догадался. Пью чай в Ароне и понял, что у Вас не хватает *самовара*. Буду уговаривать Пятницкого, чтобы он ехал к Вам с самоваром. Поверьте патриоту, нельзя Вам без самовара. А летать по воздуху будет много лучше, чем теперь по железной дороге: неграм оно ничего, а белым — неприятно.

Ну, будьте здоровы. Всего, всего лучшего.

Ваш С. Кондурушкин

11. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

Рапти.
17⟨30⟩ июля 1908

Дорогой Алексей Максимович!

Если бы я был публицистом, то написал бы теперь великолепную статью о Горьком. Я бы ему доказал с текстами в руках, что он — все тот же самый Горький с начала и до настоящего момента своих писаний, и это только ему кажется, что он раньше был индивидуалистом, а теперь стал коллектив⟨истом⟩; раньше пессимистом, а теперь — оптимистом и т. д. Вся разница лишь в том, что Горький настоящий сменил форму художественного мышления. А формой худ⟨ожественного⟩ мышления в качестве публициста я назвал бы тот человеческий быт (в шир⟨оком⟩ смысле), который художнику хорошо известен. Например: Тургенев весь вокруг помещичьей усадьбы; Толстой — в великосветских салонах, даже тогда, когда пишет ⟨и хорошо пишет⟩ о солдатах, мужиках; Достоевский — около разночинца, а Горький — на «дне» челов⟨еческой⟩ жизни, с «босяками». И для каждого художника есть своя наиболее удачная, наиболее выразительная форма художественного мышления. И т. д., и т. д.

Но так как я не публицист, не Кранихфельд [1] (как индусы еже-дн⟨евно⟩ молятся: благодарю тебя, боже, что я не женщина!.. [2]), это между прочим, то «порхать по садам российской словесности» [3] с легкостью мотылька не могу. И теперь уже чувствую, что вместе с той правдой своей, которую хотел сказать, я сказал и какую-то ложь.

Был я на днях у Чулкова [4]. Разговор был о Вас в связи со статьей Чулкова в «Речи»: «Правда о Горьком». На мой взгляд, в его статье есть несомненные достоинства. Напр⟨имер⟩: справедливо отметил он, что Горький — один из самых верующих современных писателей. Но втроем мы (я, Блок и В. В. Розанов) осуждали у Чулкова неко-

торые места фельетона. Между прочим, и Блоку и Розанову, как и мне, глубоко трогательной кажется сцена с монахиней. Чулков этого не понимает, как, по-видимому, трудно понять ему и многое другое в жизни и литературе. Уж очень он весь выдуманный: и слова его, и мысли его, и поэзия его, и все миросозерцание его. Единственное, что у него не выдумано, это жена его: пухлая, красивая, даже с усами.

Жил я в П<етербур>ге десять дней, менял квартиру и устраивал всякие хозяйственные дела. Собственно, это не дела, а зубная боль. Теперь успокоился и могу месяц жить на даче. Это — деревня Рапти, 10 верст от Луги. Кругом леса и высокая рожь. Поют петухи, и лают собаки. Хочу пописать.

Был у К. П. Пятницкого. Передал Вашу записку[5]. Он был болен, однако собирался с Новорусским[6] лететь на воздушном шаре за 3 рубля. Летал ли, не знаю.

Получил от него Вашу записку на мое имя еще с мая месяца. Одновременно с сим посылаю оттиск «В сетях дьявола». Отвечаю и на вопрос Ваш об «Один» Гусева-Оренбургского. Весьма красиво и сильно написано все до перелома в душе священника. Остальное неубедительно, т. е. нехудожественно. С этого момента в рассказе «Один» нет жизни и человека, а есть риторика на тему о новой морали. Одно слово человека никогда не может перелицевать человеческую душу. Одно слово может только закончить длинный процесс духовного развития. Значит, в этот-то процесс и надо ввести так или иначе читателя. А Гусев этого не сделал. Вон и у Толстого тоже Левин все умирать собирался. А сказал ему мужик одно слово, и запрыгал Левин, как молодой козленок. С одного-то слова?! Стыдно! Слово по евангельской притче, чтобы произрасти и принести плод, должно упасть на добрую почву[7]. Так почву нам и покажите, Гусев, почву.

Кроме того, у Гусева в этом рассказе особая манера письма. Кажется, что образы вырисовываются за какой-то сеткой, вуалью, проступают сквозь красивую паутину слов неясно. Конечно, это уменьшает их цену. Некрасивые мусульманки всегда охотно носят покрывало. Из-под него они кажутся красивее. Так же поступают и многие из бесталанных «декадентов» и по той же самой причине, как и мусульманки. Нужно ли это Гусеву? Нет. Он и без вуали красив.

Павла Алеппского в П<етербур>ге не нашел[8]. Заказал выписать из Москвы. Если будет — в конце августа пришлю Вам.

Жена моя очень тронута подарком Вашим[9]. Очень благодарит. Когда она увидела меня по приезде, то одним из первых ее вопросов был: «Это ты таким лохматым и у Горького был?» Осуждает. Известно — женщина. Хотя, правду сказать, я был излишне и необычно волосат.

Чувствую, что ленива моя летняя мысль и пусты праздные слова. А потому кончаю письмо. Жду фотограф<ических> снимков. Слышал я, что умер у Луначарского ребенок[10]. Очень пожалел.

С «Моисеем» здесь неопределенно. Он еще не набирается, а я очень рассчитывал его усердно прокорректировать летом под шум леса.

Закончу письмо просьбой: напишите что-нибудь из Капри, моря и гротов. Непременно же напишите, к осени в печать.

Будьте здоровы. Привет Марии Федоровне и всем.

Мне все кажется, что Зина схватил свою судьбу за глотку и посадил ее в карман своих штанов[11].

Ваш С. Кондурушкин

Мой адрес в П<етербур>ге: *Вас<ильевский> Остр<ов>, 6 л<иния>. 27, кв<артира> 24.*

А здесь: СПБ-я губ<ерния>. г. Луга, дер<евня> Рапти

[1] Кондурушкин, по-видимому, имеет в виду ст. Кранихфельда о Горьком: «М. Горький и его американские очерки» (Современный мир. 1906. № 11), «Современные искания в области критики, театра и драмы» (Там же. 1907. № 2), «„Мать“ Горького» (Там же. 1907. № 11), «Литературные отклики» (Там же. 1908. № 7).

[2] Из утренней молитвы верующего еврея.

[3] Ироническое переименование известной ст. Д. И. Писарева «Прогулка по садам российской словесности», впервые опубликованной в журн. «Русское слово» (1865, кн. 3).

[4] Кондурушкин имеет в виду ст. Чулкова «Правда Максима Горького», напечатанную в газ. «Речь» (1908, № 162, 9 июня). В статье положительно оценивается повесть Горького «Исповедь».

[5] См. п. 8.

[6] Михаил Васильевич *Новорусский* (1861—1925) — народоволец, участник покушения 1 марта 1887 г. на Александра III. Был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением в Шлиссельбургской крепости, где находился с 1887 до освобождения в 1903 г. Воспоминания Новорусского «В Шлиссельбурге» помещены в XII *сб.* «*Знания*» (1906).

[7] Евангелие от Матфея. Гл. 13, ст. 9.

[8] *Павел Алеппский.* Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с араб. Г. Муркоса. Вып. 1—5. М.: Изд. имп. О-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1896—1900 (*ЛБГ, Описание*).

[9] О чем идет речь, установить не удалось.

[10] О смерти на Капри сына Луначарского — «крестника» Горького см. п. Горького около 24 июня / 7 июля 1908 г. Пятницкому (*Арх. Г.* Т. IV. С. 257) и Е. П. Пешковой (*Арх. Г.* Т. IX. С. 51). См. также п. Луначарского Горькому после 16/29 мая 1908 г. (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 40). Анатолий Луначарский родился 9/22 декабря 1907 г. и скончался в июне 1908 г.

[11] С З. А. Пешковым Кондурушкин познакомился у Горького на Капри.

12. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

‹Капри. 27 июля/9 августа 1908 г.›

Мой дорогой Семен Степанович,— поистине — я рад, что вы не публицист,— будь так — вы написали бы статью плохую, клянусь именем бога Кукуруздама, бога, о к‹ото›ром сам Бальмонт ничего не знает, хотя — как это видно из «Зовов древности» [1] — он знает всех богов — по именам. Вы, утверждаю, написали бы статью плохую, ибо — нечто не понято вами в моих словах о коллективизме и индивидуализме. Поверьте — знаю: негр не может превратиться в белого, хотя бы он и умывался трижды в день лучшим мылом,— индивидуалист останется таковым до конца дней, хотя бы и *понимал* творческую силу коллективного начала. Понять — еще не значит — почувствовать, между миросозерцанием и *мироощущением* есть некая преграда, разность — и нам, индивидуалистам до последней клетки мозга, преграду эту трудно уничтожить. Мы чувствуем мир своим, но — не ощущаем его в себе самих цельно и во всем изумительном многообразии и — жалкая публика! — сокращая, сжимая мир до тех ничтожных размеров, в каких он может помещаться в узком, не глубоком чувствилище нашем — грабим и обедняем мы самих себя, искажая чудесную действительность. А она — все быстрее развертывается, и она становится все чудесней, значительней. Конечно, я не о младотурках думаю, говоря так, но — если хотите — и младотурки любопытнейшая частность общего процесса, недурное доказательство общего ускорения темпа жизни [2].

Пишете вы о Чулкове — вот индивидуальность. И даже — символически, так сказать. Крошка, обломок человека, убийственно бездарное, угловатое существо. Я его давно знаю, он начинал свои посягательства на изнасилование литературы русской на моих глазах, несчастный импотент. Не выношу таких! Понимаю, конечно, что это воистину несчастные люди, способные искренно визжать от боли одиночества и навсегда лишенные способности любить жизнь, людей, мир — всё!

А вот Розанов — это умница[3]. Философии его не принимаю, но ум, талант — ценю высоко.

И мое письмо, как водится,— летнее, так что напрасно каялись в этом по поводу вашего, милейшего послания. А с Гусевым вы познакомьтесь — это глубокое существо. Как некий омут.

Супруге вашей — привет[4]. Надо бы ей однажды поколотить вас усердно, дабы позабыли вы разные индусские и иные молитвословия, неуместные в семейном быту православного христианина. Кстати: разве «благодарю тебя, Боже, за то, что ты не создал меня женщиной» — индусская молитва? Она имеется и у евреев. Вам не известно — кто у кого позаимствовался. Неужто — самостоятельно пришли.

А Пятницкому бы — сюда лететь. Да не на воздушном шаре, а более привычным способом. Жду его лет шестьсот.

Крепко жму руку. Всего доброго.

Желаю вам хорошо пописать.

А. Пешков

Датируется по почт. шт.

[1] Книга К. Д. Бальмонта «Зовы древности. Гимны, песни и замыслы древних» (СПб., 1908). О желании иметь эту книгу Горький писал Пятницкому 15—16/28—29 мая 1908 г. (*Арх. Г.* Т. IV. С. 251).

[2] Младотурки — члены турецкой буржуазно-националистической организации «Единение и прогресс», основанной в 1889 г. В ночь на 23 июля 1908 г. руководимые офицерами-младотурками турецкие воинские части, дислоцированные в Македонии, предъявили ультиматум султану Абдул-Хамиду II, в котором требовали созыва парламента и восстановления действия конституции 1876 г. 24 июля 1908 г. султан удовлетворил требования ультиматума. Младотурецкая революция свергла тиранический режим Абдул-Хамида II и установила конституционную монархию, не изменившую феодального строя Османской империи.

[3] Причину своего пристального внимания к сочинениям Розанова Горький объяснил в п. к М. М. Пришвину от 15 мая 1927 г.: «Интереснейший и почти гениальный человек был он. Я с ним не встречался, но переписывался одно время и очень любил читать его противопожарную литературу ‹...› Он, у нас, был первым предвозвестником кризиса гуманизма...» (*ЛН*. Т. 70. С. 346).

[4] Елизавета Васильевна Кондурушкина.

13. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
22 августа ‹4 сентября› 1908 г.

Милый Алексей Максимыч!

Послал я Вам книжки Павла Алеппского[1]. И очень рад, что мог это сделать.

Посылаю Вам вместе с этим письмом рукопись статьи «У дороги», где я старался изобразить напряжение человеческого духа в борьбе с разъединенностью людей. Напишите скорее, как Вам понравится. Больше ни о чем писать не в состоянии. Будьте здоровы. Привет всем.

Ваш С. Кондурушкин

Живу в П‹етербур›ге. Адрес мой Вас‹ильевский› *Остр‹ов›. 6 л‹иния›, д. 27, кв. 24*

[1] См. п. 11, прим. 8.

14. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

‹Капри. Около 30 августа/12 сентября 1908 г.›

Дорогой мой друг —

рассказ ваш, на мой взгляд, очень плох — когда я его прочитал, мне стало грустно и неприятно.

Зачем вам, демократу по крови, здоровому человеку, зачем вам нужно ставить себя в один ряд с нищими духом, жалкими и больными

страхом жизни людьми? Не понимаю этого. Откуда у вас этот мизантропизм — извините меня! — затасканный, скучный и смешной? Неужели вы полагаете, вместе с современными модернистами, что литература — место свалки мусора случайных настроений личности,— капризного и нервного человека наших постыдных дней?

Вы пишете: «хотел изобразить напряжение человеческого духа в борьбе с разъединенностью людей». Это у вас не вышло, и получилась скучная дидактика, да еще и дурно сказанная. Простите меня — рано вам ставить себя над людьми. Лучше же никогда не делать этого. Вы — простой, хороший, русский человек. Нам, русским, рановато да и смешно жаловаться на наш народ — а жизнь иных народов — мало нам ведома. Для нас пессимизм, скептицизм, мизантропия и прочие болезни духа — преждевременны, и когда я их встречаю в литературе, я говорю себе: это плохое подражание европейцу, это выдумано.

И ваши «Видения жизни» — выдуманы на скорую руку. В этом рассказе вы стоите мужичком, впервые надевшим перчатки и цилиндр, но — еще в лаптях.

Еще раз — извините за отзыв. Я очень люблю вас, я не хочу вас задеть, но — литературу я люблю более, чем вас, и, видя что вы встаете на дорогу шаблона,— горюю.

Всего доброго!

А. Пешков

Рассказ — при сем.

Датируется по ответному п. Кондурушкина от 4/17 сентября 1908 г.

15. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
4(17) сентября 1908 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Получил ваше письмо — отзыв о рассказе «У дороги».

Рассказ художественно плох — так тому и быть. Конечно, мне тяжела эта неудача. Душа моя страждет смертельно. Валится из рук перо, и скверно жить. Сплю (как в рассказе моем), точно проваливаюсь в черную могилу, полную тяжелых, смутных видений и кошмаров.

Но все-таки хочу с вами спорить. Конечно, не для того, чтобы защищать рассказ, а самому защититься. Да и на душе полегче будет.

Вы говорите, что я поставил себя над людьми, надел перчатки и цилиндр...

Это не вытекает из рассказа. В себе я чувствую рабьего больше, чем в ком-либо другом. И свою шею вытянутой и мозолистой больше, чем рабочего и мужика. Над людьми стою не я, а их же собственные идеалы, искания и влечения. И горько, и обидно корят они нашу обыденную жизнь.

Вы спрашиваете: откуда у меня этот «мизантропизм»? (Опять-таки этого не вытекает из рассказа. Трижды там человек болеет от неудач, радуется и негодует, ищет способов, дороги к человеческой душе. Разве это — человеконенавистничество?) Мизантропизма нет. Но посмотрите кругом. Разве произведения искусства не употребляют для целей низменных? Разве ими не щекочут себе половые органы свиноподобные люди? Разве нет художников (как в рассказе моем «пригрел художник»), которые учат тому же народ?* Разве «Не убий» евангельской проповеди — это ясное и светлое слово — «не убий», преломляясь в человеческих сознаниях, не превращается в «убей»? Разве

* Возьмем хотя бы и русскую литературу.

мужик и рабочий, поп и кузнец не скажет вам — японца убить можно?! Не мизантропизм водил моим пером, когда я писал свой этот несчастный рассказ, а ужас от сознания разлада между идеалами и действительной жизнью. Стоял я в Лувре перед старыми мраморами. И вдруг особенно остро и больно почувствовал этот разлад между идеалами и действительностью. Огненная, не выразимая словами мысль пронизала мое существо, осветила бездну человеческого прошлого и темноту будущего на одно только острое мгновение. И мне стало страшно, воистину страшно. Вероятно, это чувство, эта мысль уже более не повторятся, даже если я снова пойду к Милосской Венере, но в этот раз ужас разлада я почувствовал. Я знал о нем и раньше. Много слов читал и сам произносил, но почувствовал во всю глубину однажды. И вот этот ужас я и хотел изобразить. Повторяю, вероятно, я изобразил плохо, ибо вас не ужаснул, но ни к чему здесь разговор о мизантропизме и о том, что я поставил себя над людьми. Человечество само своими идеалами плюет в глаза своей обыденной жизни. Не имел ли на это права мой молчальник, испугавшийся слова человеческого?

Вы говорите, что «русским рано да и смешно жаловаться на наш народ».

Моя тема проходит мимо национальных различий. Она в сфере общечеловеческого. Но уж если о русских речь, то ведь я тоже русский. И никак себя от этого тела отделить не могу. А знаете ли вы, что иногда в жизни народа наступает период самооплевания, самоуничижения, самоистязания? Толстой разве не плюнул себе в лицо, сказав: «и я виноват в казнях»? Поезжайте по России. Мужик, задумчиво теребя бороду, говорит вам: «Знамо дело, свиньи мы, бараны!» Рабочий надтреснутым голосом, стуча кулаком по вагонному столику, скрипит мне в лицо: «Рабы мы, рабы!» И боишься, что он вот-вот заплачет от стыда и злобы... И если в газетах и журналах изредка и слышишь прежний барабанный бой: «народ, народ, о, народ!», так опять это по инерции. Это люди, которые «стоят на страже», «на посту», поддерживают настроение, но сами с грустью сознают, что все это слова, слова. Уж если сами себя люди не щадят, так заботы других об их достоинстве — выдумка.

Но верю я, не бесплодно это самоуничижение, самооплевание. В ярой тоске и злобе сгорает старый мир. Кто говорит: «я раб», тот уже не совсем раб.

И это настроение не случайно, как говорите вы. Нет, к сожалению, тут нет случая личности, «капризного и нервного человека наших дней». В истории каждого народа мы знаем периоды такой тоски. И, на мой взгляд, свята эта тоска и лучше она самодовольного спокойствия, уверенности, что всё образуется и наладится к лучшему. Свята именно потому, что через нее-то всё и должно «образоваться» и «наладиться» к лучшему. В ней-то и очищают свой гений целые народы.

Но эти все рассуждения от ума. А непосредственно одно воспринимаю я из русской жизни как истину: тоскует русский народ до верху. И в лицо себе плюет, и бьет себя не жалея. В нашем *художественном* творчестве тоже много этой тоски. Например, «Исповедь». И плевок есть всё в рыло тому же русскому да и всякому другому христианскому народу. За человечеством тысячелетия этой рабской жизни: страхи перед небом и землей, привычка к палочным ударам и ярму, привычка до того, что палка и ярмо считаются благом. Ведь все эти ваши молчальники, затворники, пьяницы и прелюбодеи, лжецы и воры-святоши — все они ужасны. Это рабство тела и духа. Но оно не только в монастырях. Оно и в деревнях, и в городах. Разница в степени есть, конечно, но все же удар по монахам должен почувствовать на себе и мужик и рабочий, ибо этот удар по старому смыслу жизни, по язвинам всего человечества. Но тогда почему же я слышу от вас категорическое: «Для нас пессимизм и прочие

болезни духа преждевременны»? Какой пессимизм! Кто не хочет жить, тот перестает жить. Кто кричит — скверно живем!, тот хочет жить лучше.

И еще буду спорить о подражательности. Вы называете этот самый «пессимизм» подражанием европейцу, выдумкой. Из всего предыдущего, по-моему, явствует, что тут не может быть речи ни о каком подражании. Явление это — общерусское, а в некоторых чертах и общечеловеческое. Мне кажется, все человечество переживает эпоху знаменательную, о которой потом будут говорить, как теперь говорят о первых веках христианства: «Древний языческий мир умирал». Умирает христианский мир, умирают миросозерцания христианское, буддийское, магометанское и иные, разные по названиям, единые по сущности. А в такие эпохи острее чувствуются недостатки человеческого строя жизни и сильнее охватывает тоска по новым берегам. Что касается лично меня, то скажу лишь, что от подражаний не болит душа. Подражание и шаблон спокоен, а мне тяжело, страшно тяжело. В старых богов не верю, нового нет. Не оставляйте меня в эти трудные... говорят обыкновенно — минуты, но это не минуты: недели, месяцы, мо⟨жет⟩ б⟨ыть⟩, годы. Будьте здоровы. Пришлите, пожалуйста, обещанную фотографию свою и напишите на ней что-нибудь. Пришлите, если можно, снимки «ноева позорища»[1] и другие того дня, когда мы так хорошо спали на теплых камнях около прекрасного моря. Хорошими вспоминаю я эти шесть дней на Капри. И спокоен за дело.

С. Кондурушкин
(Степан Семенович для конвертов)

Новое жительство мое: *В⟨асильевский⟩ О⟨стров⟩, 6 л⟨иния⟩, 27, кв. 24*

[1] См. наст. изд. С. 991.

16. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

⟨Капри. 22 сентября/5 октября 1908 г.⟩

⟨...⟩ * Вы отвечаете: «Это не вытекает из рассказа. В себе я чувствую *больше* рабочего, чем в ком-либо другом, и шею свою вытянутой и мозолистой *больше*, чем шеи рабочего и мужика».

В это «больше» — я не верю, не могу верить. И — это «больше» — позволяет мне остаться при моем убеждении. Вы индивидуальность, вот почему вам «страшно тяжело». Современный индивидуализм для меня источник всех психических заболеваний, всех вывихов души.

Вы пишете: «Мне кажется — все человечество переживает эпоху знаменательную...» Так, я в этом уверен. Сравнивая прошлое с настоящим, я не вижу в прошлом такого времени, которое имело бы такое количество активной психической энергии, какое мы видим в наши дни, и никогда еще эта энергия не росла, не развивалась в таком быстром темпе, с такою силою.

«В старых богов не верю, нового нет»,— говорите вы. Бог скрыт в вихре мировой жизни — где-то в центре вихря — место вполне достойное и человека, и бога — сына духа человеческого. В этом вихре жизни, все ускоряющем творческое вращение свое, в этой буре нового миростроительства вы — и всякий другой — должны бы найти свое место. Если вы ищете «счастья» — оно возможно лишь в гармоническом слиянии своего бытия с бытием мировым, оно — в бесконечном расширении запросов духа вашего, в мужественной борьбе за осуществление вашей веры, вашего плана жизни.

Разумеется — я не поучаю, а лишь говорю, как думаю о вопрос ⟨...⟩ 2*

Мне, видите ли, писатель, а особенно русский,— кажется всегда большим человеком. Это — мужественный свидетель, строгий судия — в нем.

* Дефект текста (*ред.*).
2* Дефект текста (*ред.*).

С. С. КОНДУРУШКИН
Фотография с дарственной надписью Горькому: «Милый и дорогой Алексей Максимович! И все-таки это, ей-богу, не я. Я настоящий часто бываю у вас мысленно. С. Кондурушкин. СПб., 12 сентября 1908 г.»
Архив Горького, Москва

в его душе, звучат тысячи жалоб, кипит огонь ненависти и гнева, живет великая любовь к миру и — всегда!—вера, необоримая вера в победу его дорогой мечты. У него нет времени жаловаться на тяготу личной своей жизни, он целомудренно сдержан, когда выражает свою личную боль, тоску, недоумения свои. Он сходит с ума от тоски, но — молча. А пока он может говорить связно и разумно, говорит все только о ней, о «святой Ефросинье» — «всей России[1]», о своей удивительной, славной, неуклюжей, юной и насилуемой варварами стране. Ему, как вы знаете, вырывают язык, рубят пальцы, он — мычит, но — о ней. Всегда о ней! Он в нее верит, он ее любит. Русский писатель — милый и дорогой мне человек, которого я могу изругать сквернейше и ни на миг не потеряю уважения к нему, лучшему писателю мира, русскому писателю, который в дальней родне своей, думаю, имел и старого правдивого Илью[2] и Ваську Буслаева — того Ваську, что, не сняв рубахи, во святом Иордане купался, вопреки обычаю, бесстрашный[3]. Хороший человек русский писатель! А вы, дорогой, «мировые проблемы» Георгию Чулкову предоставьте решить, он их не оставит, он постарается! Сами же, отклонясь от этого дела, пойте Господеви-народу — славу и правду его, пойте просто, дабы он понял и полюбил Вас, чего заслуживаете. Жму руку.

А. Пешков

Датируется по помете Кондурушкина о получении письма: «22 сент⟨ября⟩ 1908 г.». Верхняя часть листа обрезана, в результате утрачено несколько строк в начале и на обороте листа. В *АГ* сохранился черновой вариант этого письма:

Дорогой мой Степан Семенович!

Несомненно, вы правы, говоря, что ныне «все человечество переживает эпоху знаменательную», несомненно!

Чем дальше — тем более активной становится жизнь его, ибо растет количественно, развивается качественно психическая энергия человечества. За примерами ходить недалеко: Персия, Турция, Египет, Индия и Китай представляются мне новыми волнами психофизической силы в океане человеческого творчества. Волны эти новой силой и свежестью своей должны оживить, возбудить энергию усталой, пожившей Европы – скверной Европы, а все же дорогой нам, совершившей бесконечное число подвигов изумительных.

Великолепное время переживаем мы и не чувствуем этого лишь потому, что чрезмерно субъективны, сиречь — нищи духом.

«В старых богов — не верю, нового — нет»,— пишете вы. И раньше: «В такие моменты острее чувствуются недостатки человеческого строя жизни, сильнее охватывает тоска по новым берегам». В этих мыслях чувствуется противоречие. Ибо —

если имеете тоску по новым берегам — имеете и нового бога. Без того, что вы зовете тоской — был бы квиетизм, нигилизм и иные состояния органического безбожия — т. е. неспособности личной психики к росту, к развитию. Отсюда заключаю — бога нового вы чуете, но еще не видите лица его.

Полагаю, что бог — в ощущении человеком жизни вселенской как гармонии и единства, в ощущении себя средоточием мирового процесса, который пронизывает непрестанно вашу психею тысячами молний и огней. Иного места не вижу ни для бога, ни для человека — это одно, достойное обоих.

[1] Речь идет о Г. И. Успенском, страдавшем в последние годы жизни тяжелым психическим заболеванием и с 1892 г. находившемся в психиатрических больницах. В сознании больного Успенского Россия ассоциировалась с образом христианской подвижницы, православной святой Ефросинии. См.: *В. Т-ва* (В. В. Тимофеева). Глеб Иванович и Александра Васильевна Успенские: Воспоминания и впечатления // Минувшие годы. 1908. № 1,2. «Наиболее ярким примером разрушения личности,— писал Горький в ст. „Разрушение личности",— стоит передо мной драма русской интеллигенции. Андреевич-Соловьев назвал эту драму романом, в которой Россия — „Святая Ефросинья", как именовал ее Глеб Успенский, возлюбленная, а интеллигент — возлюбленный» (*XXIV*, с. 49).

[2] Один из главных героев-богатырей русского былинного эпоса Илья Муромец (киевский цикл). В *ЛБГ* хранится с пометками Горького книга Ореста Миллера «Илья Муромец и богатырство киевское. Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса» (СПб., 1869. *Описание*).

[3] Вероятно, описка Горького. Согласно былинам, Василий Буслаев купался в священной реке Иордан нагим, что считалось греховным. См.: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873. С. 726.

17. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
12(25) ноября 1908 г.

Дорогой Алексей Максимыч.

Давно не писал Вам. Много раз начинал, и деловой разговор давно на языке вертелся, да как-то настроение не складывалось. Пусто в этом году в Петербурге... Но начну с дел.

Прежде всего имею просьбу: не откладывайте, пожалуйста, «Моисея» дальше 25 сборника. И деньги нужны, да и нравственная нужда,— заждался я его.

Второе дело отчасти вытекает из первой просьбы. После выхода «Моисея» в начале 1909 г. я хотел бы издать второй том рассказов. Таковой могли бы составить: В сетях дьявола, Огарок, Сначала, Забастовка, Наяву, Отъезд, Звонарь, Шутка и Моисей. Всё это в оттисках я посылаю вслед за письмом.

Конечно, если появление «Моисея» в сборнике моих рассказов через 2—3 месяца после выхода в сборнике «Знания» нарушит интересы издательства, значит, просьбу мою отставить. Но тогда есть еще комбинация для издания сборника рассказов все-таки в этом сезоне и без «Моисея». В течение ноября и декабря месяцев я напечатаю в журналах два рассказа, вместе с которыми и без «Моисея» материал для обычного тома — сборника «Знания» будет достаточный! Рассказы разобьются на два отдела. Одни из них, начиная с «Отъезда», касаются жизни русской деревни и города, а вторые — из Сибири и с Афона. Пишу же об этом заранее потому, что не торопясь всякое дело выходит лучше. Конечно, мне придется еще усиленно прокорректировать все рассказы, даже кое-что изменить и переделать.

К. П. Пятницкому я о сем написал [1]. Написал потому, что увидеть его за последнее время дома трудно. Он собирается к Вам со дня на день с июля. В сентябре говорил мне, что едет на днях, и я передал с ним для Вас свою фотографию.

А Вы до сих пор фотографии своей мне не прислали. Конечно, обещанного три года ждут, но я все-таки рассчитываю, что Вы пришлете скорее обещанного обычаями срока.

А за сим расскажу Вам свои мечты. Мечтаю я летом поехать на Новую Землю [2]. Хочу посмотреть, каковы там небеса и земля, люди и звери. Напишу Вам оттуда лучший подарок — прозрачную бирюзу полярных морей, птичий след у скалистых утесов, томление невечернего света и могучие вздохи океана. А Вы взамен того уважьте, напишите про Капри.

И еще мечтаю написать последнюю неделю жизни Христа и Иерусалим. Одной из центральных фигур около Христа будет Иуда, но не тот туманный андреевский Иуда [3], а Иуда — иудей того времени, борец за народную свободу, по нынешнему — революционер. Как он, так и лучшие из фарисеев предали и убили Христа за то, что он своей проповедью о непротивлении, о воздаянии кесарево — кесареви, всем своим учением понижал народное настроение борьбы за еврейскую самостоятельность и т. д.

Конечно, эти картины ярче восстали в моем воображении, зашевелились под влиянием андреевского Иуды. Но роль последнего была отрицательная. Там много досадно выдуманного.

Думается мне, что и после Андреева я мог бы написать интересно. Как Вам кажется, напишите, пожалуйста. Не самообольщаюсь ли я? Пока обдумываю.

Никак не могу себе представить, что Вам понравился амфитеатровский «роман для сцены» — «Княгиня Настя» [4]. Все это так плоско и... так ненужно. Ни одного живого слова, ресторанное остроумие и вырезанные из картона люди. М〈ожет〉 б〈ыть〉, одна княгиня Настя рельефится на сантиметр выше картонной поверхности, но сколько раз появлялась она в русской литературе многократно ярче, в штанах и в юбке... Таково не только мое личное мнение, но и поголовно всех, с кем мне пришлось до сих пор встречаться.

Ваша «Жизнь ненужного человека» мне нравится очень до смерти Раисы. Это — от художника Горького. Остальное — от сыщика (сообщившего Вам свою историю).

Тускло начинается литературный сезон. Настроение литературной революции падает. Литературный октябрист побеждает. Много было в литературной революции хулиганства (как и в политической), но, видимо, без этого не обойтись. Увы, никогда не слушались хорошего совета притчи Христовой о пшенице и плевелах: «Оставьте их расти обоя купно до жатвы» [5]. Нет, дерут, варвары, с плевелами и пшеницу.

Приехал в П〈етербур〉г В. Г. Короленко. Недавно с ним виделись. Он интересовался здоровьем Вашим, расспрашивал о Ваших настроениях. Насколько мог, я удовлетворил его любопытство. Он стал седой. Стареет. Ах, зачем Вас нет в России!

Сегодня в религиозно-философском обществе доклад о богоискании по поводу Вашей «Исповеди» [6]. Постараюсь попасть, хотя повестки не получил.

Ну, до свидания, дорогой Алексей Максимыч. Передайте привет Вашей супруге и будьте здоровы. Жду письма от Вас, как Вы живете, что работаете и все, что найдете про себя написать. Все сие весьма интересно.

Ваш С. Кондурушкин

В〈асильевский〉 О〈стров〉, 6 л〈иния〉 27, кв. 24

[1] 8/21 ноября 1908 г. Кондурушкин писал Пятницкому: «Хотел поговорить с Вами насчет издания 2-го тома рассказов моих. После выхода в сборнике „Моисея", в январе или феврале 1909 г., я хотел бы издать второй том. Объемом он будет немного больше „Сирийских рассказов" 〈...〉 Выяснили ли относит〈ельно〉 „Моисея". Убедительно прошу не откладывать его позднее 25 сборника» (*АГ*). «Моисей» был напечатан в XXV *сб.* «*Знания*» (вышел в свет 12/25 дек. 1908 г.). Второй том «Рассказов» Кондурушкина выпущен «Знанием» 11/24 ноября 1909 г. (на титульном листе: 1910 г.). Во второй том вошли произведения: «Моисей», «Без берегов», «В сетях дьявола», «Огарок», «Забастовка», «Во мраке ночи», «Звонарь», «Шутка» и «Наяву».

[2] Кондурушкин предпринял поездки на Новую Землю в 1909 и 1913 гг. См. п. 23.

[3] Речь идет о повести Л. Н. Андреева «Иуда Искариот», законченной им на Капри 24 февраля 1907 г. и впервые напечатанной в XVI *сб.* «*Знания*» (1907). В повести отразились пессимистические настроения Андреева после поражения революции 1905 г. У Андреева Иуда единственный верный ученик Христа среди апостолов. Иуда предает Христа потому, что темная, нищая духом народная масса способна воспринять воплощенную в Христе «истину», не иначе как став очевидцем «чуда воскресения». Произведение Кондурушкина об Иуде нам не известно. Возможно, это неосуществленный замысел. Отрицательное отношение Кондурушкина к учению Христа о «непротивлении» позже нашло отражение в его повести «Монах». См. п. 33, прим. 8.

[4] «Княгиня Настя. Роман для театра в 4-х действиях и 5-ти картинах» Амфитеатрова и повесть Горького «Жизнь ненужного человека» впервые опубликованы в XXIV *сб.* «*Знания*» (вышел в свет 3/16 нояб. 1908 г.).

[5] Евангелие от Матфея. Гл. 12, ст. 30.

[6] Собрание Религиозно-философского общества в Петербурге было перенесено на 13/26 ноября 1908 г. На этом заседании с докладом «Народ и интеллигенция» (первоначальное заглавие в рукописи: «М. Горький и народ (по поводу „Исповеди“ М. Горького)» выступил А. Блок и студент-филолог Г. А. Баронов, представивший доклад «Обожествление народа (по поводу „Исповеди“ М. Горького)». Предполагавшиеся прения по докладам Блока и Баронова были запрещены полицией, но состоялись на следующем закрытом заседании Общества 25 ноября / 8 декабря 1908 г. Под заглавием «Россия и интеллигенция» доклад Блока был впервые напечатан в журн. «Золотое руно» (1909, № 1). По мнению Баронова, Горький в «Исповеди», якобы сознавая недостаточность «реальных» оснований своего социализма, стремился утвердить его «мистически» (Слово. 1908. № 622. 16 нояб.). Возражая Баронову, Блок подчеркивает, что в «Исповеди» «ценно то, что роднит Горького не с Луначарским, а с Гоголем; не с духом современной „интеллигенции“, но с духом „народа“. Это и есть любовь к России в целом, которую, может быть, и „обожествляет“ разум Горького, попавший в тенета интеллигентских противоречий и высокопарных „боевых“ фраз, свойственных Луначарскому...» (*Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 321). Споры вокруг «Исповеди» в Религиозно-философском обществе вызвали у Горького чувство раздражения. В конце декабря 1908 г. (первой половине янв. 1909 г.) он писал Е. П. Пешковой: «Идут беседы об „Исповеди“ в религиозно-философском о‹бщест›ве: что это за пошлость, что за нищета мысли, какое лицемерие!» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 59).

18. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

(Капри. Около 17/30 ноября 1908 г.)

Дорогой мой Степан Семенович!

По вопросу об издании второй вашей книги до встречи с К. П.— ничего не могу сказать[1]: дела этого порядка — в его руках. О «Моисее» вам следует переговорить с ним же, К. П., что ближе к вам да и действительнее. Когда выйдет 25-й — не ведаю[2].

Идея писать Иуду — нравится мне. Думаю, что тема — эта — в круге ваших сил, рассказ должен бы выйти стройно, как вышел «Моисей».

Советую — во избежание совпадения с написанным уже — прочитать, как этот тип трактовали до вас Вейзель, Дрейер, Гедберг и наш Голованов, переводчик Фауста[3].

Андреев, напр‹имер›, во многом буквально совпал с Дрейером, на что было указано Волошиным в «Руси»[4] и Камионским в каком-то духовном журнале, кажется в «Прав‹ославном› собес‹еднике›»[5]. Кстати — я, м‹ожет› б‹ыть›, не верно пишу — Дрейер, забыл имя этого автора.

«Птичьих следов» из Новой Земли — не присылайте мне — не надобно: у меня есть попугай, он сидит на плече моем и оставляет множество следов на спине у меня. Этого с меня вполне достаточно.

«Поголовное мнение» и «Княгиня Настя» еще более убеждают меня в плохом состоянии литературных голов. Могу облегченно сказать: слава тебе, история русская, за то, что ты все расширяешь пропасть между народом и современной литературой «модерн-мармелад»!

Мне, ригористу и тенденциозному человеку, пьеса Амфитеатрова, конечно, нравится. А сам автор — еще более: это, кажется, единственный россиянин-интеллигент, который после революции неуклонно идет налево.

Встретив В. Г. Короленко — почтительно поклонитесь ему. Грустно мне, что он не пишет, люблю я его мягкий, ласковый талант и неподражаемый язык[6].

А что вы скажете по сему поводу: накануне XX-го века и в первых годах его многие литераторы, как бы сговорясь, начали писать об Иуде, заклейменном именем предателя, и все, без различия наций и характеров, стараются реабилитировать его[7]. Можно ли отсюда заключить, что Христа ныне начинают чувствовать как помеху некую ходу жизни?

Лично я — равнодушен и ко Христу, и ко Искариоту, вопрос имеет для меня интерес теоретический.

Привет. Жму руку.

А. Пешков

Датируется по п. Кондурушкина от 12/25 ноября 1908 г., на которое является ответом.

[1] Горький вторично отвечает на вопрос Кондурушкина об издании в «Знании» второго тома его «Рассказов». См. п. 18.

[2] См. п. 17, прим. 1.

[3] Имеются в виду следующие издания: Карл Вейзер «Иисус» (Лейпциг, 1906), Тор Гедберг «Иуда» (рус. пер. В. Спасской) (М., 1908), Н. Н. Голованов «Искариот» (драма в стихах) (М., 1905). Вейзель и Дрейер — ошибка Горького. В обоих случаях речь идет о немецком драматурге Карле *Вейзере* (1848—1913). Тор *Гедберг* (1862—1931) — шведский писатель. Николай Николаевич *Голованов* (1867—1938) — писатель, переводчик, режиссер. В *ЛБГ* «Фауст» Гёте представлен в нескольких переводах, в том числе: *Гёте.* Фауст: Трагедия. Ч. 1,2/Пер. Н. Голованова. 2-е изд., испр. М.: Изд. С. С. Мошкина, 1898 (*Описание*).

[4] *Волошин М.* Некто в сером // Русь. 1907. № 157. 19 июня.

[5] «Православный собеседник» — ежемесячный журнал, выходивший в Казани с 1855 по 1917 г. Издание Казанской духовной академии. С 1907 г. редактировался проф. С. А. Терновским. Ст. Камионского об Андрееве в этом журнале не найдена.

[6] Позже, 15/28 сентября 1909 г., Горький писал в п. М. М. Коцюбинскому: «Коли увидите Влад⟨имира⟩ Галак⟨тионовича⟩ — почтительно поклонитесь ему от ученика и почитателя. Недавно пришлось мне перечитать все его книги — в целях лекторских — и с каким удовольствием сделал я это!» (*XXIX*, 97—98)

[7] Эта мысль впоследствии была развита Горьким в ст. «О современности» (Русское слово. 1912. № 51, 52. 2 и 3 марта).

19. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

Одесса.
11⟨24⟩ декабря 1908 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Снова я поехал. Как задумывал про Христа, так и потянуло меня в Палестину. А денег нет. Надо искать средств. Вот и поехал от «Слова»[1] объехать всю Турцию кругом. Мне-то нужно только на старые места,— да ведь что поделаешь. Поехал на три месяца. Маршрут мой: Константинополь, София, Белград, Призрен, Салоники, Афины, Александрия, Каиро, Порт-Саид, Яффа, Иерусалим, Дамаск, Малая Азия и через Смирну обратно до дому. Коли хотите доставить мне удовольствие, напишите, напр⟨имер⟩, в Константинополь, где буду с 15—24 декабря, или в Софию — 25 дек⟨абря⟩ — 1 января, или в Белград — 2—10 января. Всюду — до востребования. Что будет дальше — я еще Вам напишу.

К. П. Пятницкий сказал мне, что «Моисей» выйдет в половине декабря. Я уехал спокойно — без меня семья получит деньги. Мой же заработок от поездки будет, вероятно, ничтожным, ибо писать я стану мало, от всяких телеграмм сенсационных и интервью — отказался, не умею; обещал писать о жизни, как я ее увижу и пойму. Редакция оплачивает проезд мой по 2 кл⟨ассу⟩, дает по 100 руб. в месяц и по 10 коп. за строчку. Положим, назначил я себе плату сам. Из этого только следует, какой я скромный человек. Боюсь, что потом скажут: «Вот ты взял много, а писал мало и плохо». Черт с ними, пусть уж не корят.

Не знаю, читаете ли Вы «Слово»? Поссе как-то говорил, что он от кого-то слышал, будто Вы считаете «Слово» октябристским органом. Это — ошибка. Там смешались осколки разбитой «Нашей жизни»[2] («Товарищ»[3] — тож) с соцпал-демократами, кадетами и просто газетными работниками. Цель у редакции — сделать «Слово» беспартийным прогрессивным органом вроде «Русских ведомостей», что ли. Очень тщатся привлечь крупные литературные силы, приглашают Куприна, Андреева и еще там кого-то. А то скучная она, эта газета, и-и, бог мой, какая скучная!

Пятницкий собирался к Вам на Рождество. И вот, если Вы будете иметь с ним разговор относительно второй книжки рассказов моих, примите к сведению следующее: я говорил там о 2-х комбинациях — с «Моисеем» и без «Моисея». Для второй обещал прислать оттиски 2-х рассказов, которые хотел напечатать за этот год. В январе месяце моя жена пришлет Вам оттиск рассказа «Без берегов», который напечатает «Русское богатство»[4]. В нем больше листа. С ним и вторая комбинация будет возможна.

Владимиру Галактионовичу Ваш привет передал. Он в свою очередь просит меня передать Вам низкий поклон. Хороший он старик, очень хороший, на редкость.

Приезжайте в конце января в Каиро. Вместе будем на пирамиды смотреть. Три дня и три ночи! Что Вам стоит? Сядете в Неаполе на пароход, а через трое суток в Каиро. В две недели туда и обратно можете съездить (и в Египте неделю пробыть). И расход-то плевый,— полтораста рублей. С. Я. Елпатьевский там тоже хотел быть этой зимой[5].

Нет, Вы, наверно, не приедете!

Христос, конечно, мешает. Рушатся старые формы государственных и общественных отношений. А в них была заложена христианская идея абсолютизма власти и аскетической морали и идеалов. Иуда теперь желанный парень. Ну, будьте здоровы.

Всего лучшего. Привет Марии Федоровне. (Ой, не ошибся ли в отчестве! Если ошибся, пожалуйста, не сказывайте).

Ваш С. Кондурушкин

[1] *«Слово»* — ежедневная политическая, общественная и литературная газета, выходившая в Петербурге с 1903 по июль 1909 г. Орган партии «мирного обновления». В газете печатались С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, П. Г. Виноградов, В. А. Поссе, И. В. Жилкин, Блок, Брюсов, П. Д. Боборыкин, Н. К. Рерих, А. М. Ремизов, Г. И. Чулков, Вяч. Иванов, А. С. Рославлев, Дм. Цензор, О. Н. Чюмина, Ю. И. Айхенвальд, Л. Я. Гуревич и др. В рекламном объявлении о подписке на 1909 г. редакция писала: «Заботясь о доставлении читателям возможно более живых на месте добытых сведений о странах Балканского полуострова в нынешнее многозначительное для этих краев и всей Европы время, редакция „Слова" посылает на Ближний Восток в качестве своего специального корреспондента С. С. Кондурушкина» (Слово. 1908. № 639. 3 дек.). С 12/25 декабря (№ 648) 1908 г. по 2/15 апреля 1909 г. (№ 753) Кондурушкиным было опубликовано в «Слове» 24 путевых очерка под общим заглавием «Вокруг Турции». Ранее (Слово. 1908. 5 и 10 сент.) в газете была помещена его ст. «О турецкой революции».

[2] *«Наша жизнь»* — ежедневная общественно-политическая, литературная и экономическая газета без предварительной цензуры. Издавалась в Петербурге с 1904 по 1906 г. Официальным редактором ее был экономист, профессор финансового права Петербургского университета Л. В. Ходский. По своему направлению «Наша жизнь» была близка левому крылу кадетской партии. Среди сотрудников ее значились Н. А. Бердяев, А. И. Богданович, В. Я. Богучарский, С. Н. Булгаков, В. А. Гольцев, Н. И. Кареев, С. Л. Франк и др. После закрытия «Нашей жизни» ее подписчики получали газ. «Товарищ».

[3] «Товарищ» — политическая, литературная и экономическая ежедневная газета. Выходила в Петербурге с апреля 1906 по декабрь 1907 г. Редактировалась с № 45 В. В. Португаловым. Издательница — Н. Н. Русанова. Основателем газеты был Л. В. Ходский. Формально беспартийный орган, проводивший линию левых кадетов. Ближайшее участие в «Товарище» принимали Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович.

[4] Рассказ Кондурушкина «Без берегов» напечатан в «Русском богатстве» (1909, № 1).

[5] После поездки Елпатьевского в Египет им была напечатана книга путевых очерков «Египет» (СПб., 1911. 2-е изд. СПб., 1912).

20. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
11⟨24⟩ марта 1909 г.

Дорогой Алексей Максимыч!

Посылаю при сем оттиск рассказа моего «Без берегов» («Р⟨усское⟩ б⟨огатство⟩», январь 1909 г.) в дополнение к прежде посланным оттискам моих статей для 2-го тома рассказов. Таковой я думал бы печатать уже осенью этого года, ибо теперь поздно. Но выяснить вопрос о печатании хотел бы теперь. А потому не откажитесь написать мне об этом Ваше решение.

Только что возвратился из поездки вокруг Турции. Теперь после поездки я еще больше хочу написать серию рассказов из жизни Христа... Позавчера был на выставке картин Поленова[1]. Меня бросило в жар и холод. Он тоже сделал серию «рассказов» — полотен из жизни Христа и, главное, в том же духе, как это рисуется и мне. В одном из писем Вы задали мимоходом вопрос: «Не мешает ли нам теперь Христос?» Конечно, мешает! Христос, созданный страдающим человечеством в течение двух тысячелетий, взлелеянный мечтами рабов и господ, этот Христос — болотный туман; он колышется над миром, мешая людям отчетливо видеть друг друга, заволакивает дали прошлого и будущего, затягивает солнце, губит радости земли. И я думаю, что его можно сделать менее вредным: надо на его месте нарисовать *человека*, а вокруг него живую жизнь и природу. Конечно, надо хорошо нарисовать. Вот это и делал Поленов на своих полотнах. Есть хорошие картины. Вероятно, его будет скоро поносить церковь.

Вне России вольнее дышится. А в России давит. Помните у Тургенева в «Бежином луге»: «Давит могила, Трофимыч. Разрыв-травы ищу». И все теперь здесь ищут разрыв-травы[2].

Неоднократно собирался вам писать с дороги, да газетные статьи одолевали. Неприятное это занятие — писать газетные статьи. Газетная статья — это самый злой враг художественного впечатления. Газетная статья это нечто вроде пьяного буяна, что приходит в свою же милую квартиру, ломает мебель, бьет посуду и нарушает годами сложившийся порядок обстановки.

Как красивое видение промелькнули перед глазами Греция, Египет, Палестина и Сирия. И вот я снова в тусклом Петербурге, где на всех лучших идеях человечества лежит налет дрянной злобы, раздражения, борьбы ничтожной и мелочной, где о любви говорят с камнем за пазухой, мыслят вспухшей печенью, любят только затем, чтобы иметь право что-нибудь ненавидеть... Проклятый город. Петербург лег мертвой тяжестью на русскую мысль, искусство, на всю жизнь. Не скоро выберется Россия из-под гнета петербургского периода.

Ну, до свиданья, дорогой Алексей Максимыч, боюсь, что я много философствовал и, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, в том же петербургском духе. А фотографии своей Вы так мне и не прислали. Кланяется Вам жена. Передайте наши приветы и Вашей супруге.

Ваш С. Кондурушкин

В⟨асильевский⟩ О⟨стров⟩, 6 л⟨иния⟩, 27

[1] Василий Дмитриевич *Поленов* (1844—1927) — художник-передвижник. Над серией картин «Из жизни Христа» работал с 1896 по 1909 г. В 1899 г. Поленов предпринял трехмесячное второе путешествие на Восток, посетил Константинополь, Иерусалим, Египет, Бейрут. Художественный материал для своих картин он собирал в Иерусалиме, Назарете и Тивериаде. По замыслу Поленова, вся серия должна была состоять из небольших эскизов, сюжеты для которых художник заимствовал из евангелий. Выставка картин «Из жизни Христа» состоялась в Петербурге в феврале—марте 1909 г. 58 полотен были размещены по шести разделам, соответствующим евангельской биографии Иисуса Христа: 1. Детство и юность. 2. У Иордана

3. В Галилее. 4. Вне Галилеи. 5. В Иерусалиме. 6. Последние дни. Ранее написанные Поленовым картины «Христос и грешница» (1887) и «На Генисаретском озере» (1888) на выставке были представлены уменьшенными авторскими копиями. На картинах из серии «Из жизни Христа» евангельский Иисус изображен совершенной личностью, размышляющей или созерцающей на фоне идеализированного пейзажа. В п. — Л. Н. Толстому от июня 1909 г. Поленов писал: «Мои картины служат главным образом изображению природы и обстановки, в которой совершались евангельские события» (*Сахарова Е. В.* Василий Дмитриевич Поленов, Елена Дмитриевна Поленова: Хроника семьи художников. М., 1964. С. 667).

[2] Цитата из «Бежина луга» Кондурушкиным приведена по памяти. У И. С. Тургенева: «Давит, говорит, могила давит, Трофимыч: вон хочется, вон...» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч. Л. Т. 4. С. 104).

21. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
19 апреля ⟨2 мая⟩ 1909 г.

Дорогой Алексей Максимыч!

Вот уже больше месяца тому назад, как я писал Вам письмо[1]. До сих пор ответа не имею. А в письме том я между другим писал Вам и об издании второй книжки моих писаний в начале следующего книжного сезона и просил Вас написать мне ответ Ваш *теперь же*. Решаюсь просить о том же вторично.

Оттиски всех рассказов для предполагаемой книжки у Вас. Я послал их в ноябре пр⟨ошлого⟩ г⟨ода⟩, а в марте т⟨екущего⟩ г⟨ода⟩ дополнительно «Без берегов».

На Новую Землю собираюсь.

Будьте здоровы. Привет мой Марии Федоровне.

Любящий Вас С. Кондурушкин

В⟨асильевский⟩ О⟨стров⟩, 6 ⟨линия⟩, 27, кв. 24

[1] См. п. 20.

22. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

⟨Капри. Около 25 апреля/8 мая 1909 г.⟩

Дорогой Степан Семенович!

Относительно издания второй книги рассказов ваших — говорите с К. П. Пятницким. Оттиски ваших вещей я ему немедля вышлю, если хотите.

Не отвечал вам столь продолжительное время потому, что со дня вашего отъезда с Капри жду приезда К. П. Жду и сегодня, как ждал вчера.

Писать же ему — бесполезно, он не отвечает на письма, потому, видимо, что живет, собираясь сюда ежедневно[1].

Жму руку.

А. Пешков

Датируется по содержанию (ответ на п. 21).

[1] 15/28 апреля 1909 г. Горький телеграфировал Пятницкому: «Прошу ответить, когда приедете» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 271). В конце мая 1909 г. Горький возвратил Пятницкому бывшие у него на просмотре рукописи для изд-ва «Знание» с просьбой «ответить авторам, как найдете нужным. Распорядитесь в конторе, чтобы впредь мне никаких рукописей не посылали» (Там же. С. 271).

23. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

8⟨21⟩ июля 1909 г.
Новая Земля
Маточкин Шар

Дорогой Алексей Максимович!

Пишу Вам несколько слов с Новой Земли[1]. Только что вчера приехал сюда и вот остался в Маточкином Шаре до следующего рейса, т. е. более чем на два месяца. Условия жизни будут довольно сносные. Дом художника Борисова[2] дает вполне приличное помещение. Провизии захватили с собой, и здесь найдутся гуси, оленина и рыба. Три семьи самоедов и одна русская и штук сотня собак — вот и все поселение Маточкина Шара. Кругом залив, обставленный со всех сторон горами. Горы покрыты снежными полосами до самого моря. Ходят льды. Пароход уходит сегодня, и на два с лишним месяца я буду отрезан от всего культурного мира океаном.

Правда, я не один. Со мной остается на лето еще трое: два немца (приехали за шкурами зверей и птиц на чучела) и молодой прив⟨ат-⟩доцент Петербургского университета. У нас много оружия и охотничьих припасов. Даже сети для ловли рыбы.

Вот она первозданная земля. Можно сказать словами Библии: «И дух божий носился над нею»[3]. Вот пока и всё. Будьте здоровы. Привет вашей супруге.

Ваш С. Кондурушкин

[1] Корреспонденции Кондурушкина о его первой поездке на Новую Землю в 1909 г. печатались в газ. «Речь»: «Кто владеет Новой Землей» (7 сент.) и «На севере. Новоземельский пансион» (14 сент.).

[2] Александр Алексеевич *Борисов* (1866—1934) — художник, писатель, экономист. В 1898 г. окончил Академию художеств, ученик И. Е. Репина. Первое путешествие на Новую Землю совершил в 1896 г. Привез много этюдов, приобретенных П. М. Третьяковым для его художественной галереи. Рисовал для этнографического отдела музея им. Александра III (ныне Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). В 1900 г. отправился на Новую Землю на парусном судне «Мечта» вместе с зоологом Харьковского ун-та Т. Тимофеевым, гидрологом А. Филипповым и рабочими. На Новой Земле построил дом (при западном устье пролива Маточкин Шар). Автор книг: «У самоедов. От Пинеги до Карского моря. Путевые очерки» (СПб., изд. А. Ф. Девриен, 1907), «В стране холода и смерти. Экспедиция худ. А. А. Борисова» (СПб., 1907), «Великий Северовосточный морской путь.— Великий речной путь из Сибири в Европу» (СПб., 1910). См.: *Назамова И. В.* Александр Алексеевич Борисов: Жизнь и творчество. Архангельск, 1959; *Мунин А. Н.* Александр Борисов: К 100-летию со дня рождения. Архангельск, 1967.

[3] Библия. Первая книга Моисеева. Бытие. Гл. 1, ст. 2.

24. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
10⟨23⟩ сентября 1909 г.

Милый Алексей Максимыч.

Посылаю Вам одновременно с этим письмом бандеролью рукописи двух небольших рассказов[1]. Оба они так невелики, что, если Вам понравится, один из них, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, мог бы пойти в ближайшей книжке «Знания». ⟨Оба объемом в $^3/_4$ листа⟩. Коли не понравятся, не откажитесь возвратить.

Пришлите мне Вашу фотографию. Пишу Вам в тяжелое для нас время: у нас сильно больна девочка — воспаление легких, не знаем, выживет ли. А мне хотелось бы Вам рассказать про свою поездку на Новую Землю. Очень интересно. Вероятно, уж опишу всё вам в рассказе[2]. Напишите про себя что-нибудь. Передайте привет супруге Вашей.

Ваш С. Кондурушкин

На письме пометка Горького: В(асильевский) О(стров). 6-ая лин(ия), 27, 24 (адрес Кондурушкина).

[1] См. п. 25, прим. 1.

[2] Речь идет о рассказе «В солнечную ночь». См. п. 26.

25. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

(Капри. Около 16/29 сентября 1909 г.)

Дорогой Степан Семенович!

Для сборников рассказики ваши — мелковаты, вы бы в газету их[1]. «Европейски известный» писатель неверно цитирует Лермонтова: поставил 12-ю строку на место 14-й. Вообще он не очень гениален, и я удивляюсь вкусам Европы.

Лошадиный «Бунт» — не удачен. Это — символика?

Всех благ!

А. Пешков

Приписка М. Ф. Андреевой:

Очень кланяюсь Вам, дай бог, чтобы Ваша дочка скорее поправилась! А. М. никогда от меня поклонов не передает никому, так уж я сама решилась черкнуть на обороте. О чем он Вам пишет, не знаю. А вдруг и от меня кланяется, т. е. на этот раз он вспомнил поклон Вам мой передать.

Жму Вашу руку.

М. П.

Датируется по п. Кондурушкина от 10/23 сентября 1909 г.

[1] Кондурушкин выслал Горькому рассказы «Бунт» и второй, название которого установить не удалось. Герой рассказа «Бунт» самарский помещик Соколовых-Негусто сходит с ума от страха перед своими мужиками, которых подозревает в том, что они замышляют против него «бунт». Чтобы напугать маскирующихся до времени «бунтовщиков», граф приказывает застрелить своего любимого жеребца, переставшего выполнять команды, и «парную лошадь», которой могло бы передаться «безумие» ставшего непокорным жеребца. Рассказ «Бунт» впервые опубликован в журн. «Бодрое слово» (1909, № 20, окт., с. 3—12). Публикация второго рассказа не найдена.

26. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
16(29) сентября 1909 г.

Дорогой Алексей Максимыч.

Вот я обещал Вам послать рассказ о Новой Земле. При этом и посылаю рукопись — «В солнечную ночь».

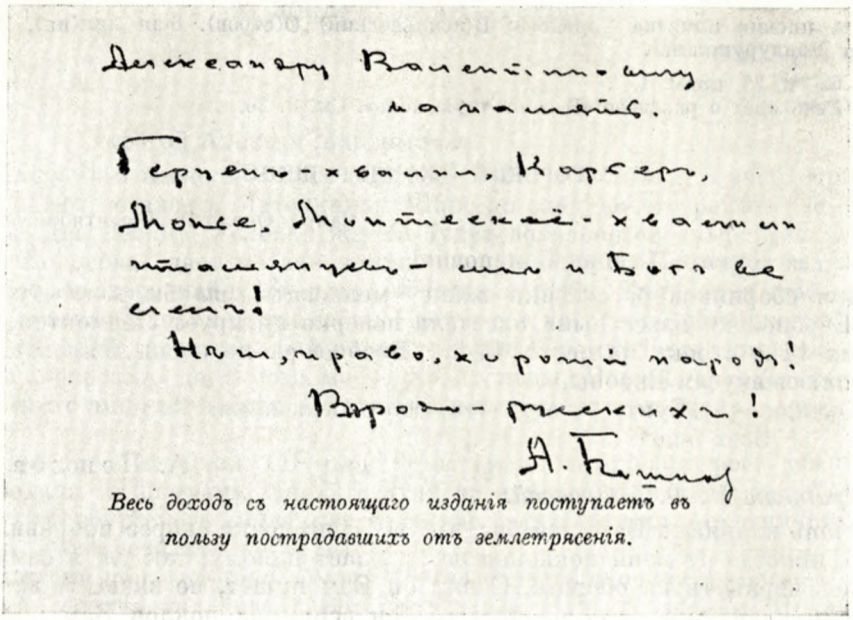
Только вчера прочитал Вашу книгу — «Землетрясение в Калабрии и Сицилии»[1]. Дорогой Алексей Максимыч! — потрясающая книга, и в то же время — книга, поднимающая человеческий дух, зовущая к жизни и радостной борьбе. Это уж секрет Вашего духа — рассказать такой ужас, часто в кавычках, и в то же время не поникнуть головой, сообщить *свое* настроение. Ну, дай вам бог всего хорошего.

Примите от нас женой, а также передайте Марии Федоровне привет.

Ваш С. Кондурушкин

[1] Впервые напечатано в переводе Августа Шольца на немецкий язык отдельной книгой: Im zerstörten Messina von Dr. M. Wilhelm Meyer und Maxim Gorki. Berlin, Verlag I. Ladyschnikow, 1909.

Первое русское издание: *Горький М., Мейер В.* Землетрясения в Калабрии и Сицилии 15/28 декабря 1908 г., СПб.: Знание, 1909 (книга выпущена в свет 3/16 окт. 1909 г.). Кроме очерка Горького в книгу вошла статья швейцарского астронома Вильгельма Мейера (1853—1910) «В разрушенной Мессине». Весь доход от издания предназначался пострадавшим от землетрясения.


Александру Васильевичу
на память.
Герцен-хвалил, Карсер,
Монсе. Монтескьё-хвалил
Шлиссельбург-сам и Богъ ее
съ нимъ!
Нашъ, право, хорошій народъ!
Взрослые!
А. Кашинъ

Весь доходъ съ настоящаго изданія поступаетъ въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОРЬКОГО АМФИТЕАТРОВУ НА КНИГЕ:
М. ГОРЬКИЙ И В. МЕЙЕР. ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В КАЛАБРИИ И СИЦИЛИИ
15/28 ДЕКАБРЯ 1908 Г.
СПб., 1909
Библиотека им. Лилли Индианского университета, Блумингтон

27. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

(Капри. Около 22 сентября/5 октября 1909 г.)

Дорогой С. С.— рассказ идет, хороший рассказ! [1]

Но — перед тем, как отдать его в контору, а оттуда в типографию, вы бы просмотрели его один разок?

На стр. 1-й — «миллионлетнем прошлом», на 9-й — «пушистоволная река» — хороши ли сии пышноблещущие слова.

На 29 — «ледовитые стихии» — как понять? Сколько их, кроме льда и мороженого?

На 31 — «клубы дыма, просвечивая» — вероятно: оранжевые лучи, просвечивая *сквозь* клубы дыма?

На 33-й — «каменные раковины» — деревянных не бывает; «водоросли натечного образования» — совершенно не приемлемы и не понятны.

На 2-й — «горы, нагроможденные еще в первые дни творения» — по Библии? По геологии они позднее нагромождены.

14-й — «6 дней великого творенья Богов» — уж если по Библии, то — Бога. Седьмой день — по Библии — неприемлем.

Далее: «земля застыла на второй день, когда еще только что ... и не успела произрастить — *плодовые*, вероятно? * — деревья, травную зелень» и т. д.

Это все надобно изменить: дело в том, что на Шпицбергене даже была в свое время под-тропическая флора — бананы росли. На днях я видел оттиски вишневых листьев на сланце Шпицбергена. «Второй день» — вообще не годится: есть человеки, олешки, мхи, лишаи, птицы, моржи, солнце, звезды — продукты уже семидневного творчества.

---

* Два слова вписаны Горьким и им же подчеркнуто.

Библейские чудеса-то вы бы оставили — к чему они? И без них хорошо.

Человек вы простой и хороший — зачем вам подниматься на цыпочки? И рассказ хорош — зачем его портить несуразностями?

Перестроив все это — буде вы согласны — отошлите рукопись Семену Павловичу [2] и будьте здоровы.

А. Пешков

Датируется по п. 26.

[1] Пятницкий предполагал опубликовать рассказ Кондурушкина «В солнечную ночь» в XXIX *сб. «Знания»* вместе с повестью К. Гамсуна «Странник играет под сурдинку». Но так как рукопись повести еще не была им получена, Пятницкий, не зная ее объема, задержал печатание рассказа Кондурушкина. Кроме того, Горький хотел в январе 1910 г. сразу выпустить XXIX и XXX *сб. «Знания»*, в которых печатались «Городок Окуров» и «Матвей Кожемякин». «Матвея Кожемякина» Горький тогда считал второй книгой «Городка Окурова». Когда наконец стал известен объем повести Гамсуна, окончательно определилось содержание XXVIII, XXIX и XXX *сб. «Знания»*. 20 ноября/3 декабря 1909 г. Пятницкий, находившийся на Капри, сообщил в Петербург С. П. Боголюбову, что рассказ Кондурушкина вошел в XXVIII *сб. «Знания»* и печатается вместе с драматическими сценами Шолома Аша «Зимою» (*АГ*). В этом же сб. помещено начало «Городка Окурова», окончание его напечатано в XXIX *сб. «Знания»*. XXVIII *сб. «Знания»* вышел в свет 12/25 декабря 1909 г. Кондурушкин учел бо́льшую часть замечаний Горького. Так, например: «горы, нагроможденные еще в первые дни творения» заменено: «Нагроможденные в мощном беспорядке среди холодных волн океана стоят вокруг Шара мерзлые горы». Учел автор и замечание Горького относительно плодовых деревьев. Теперь это место в рассказе читалось так: «А здесь земля застыла на третий день великого творенья, когда еще только что отделились от земли воды, и земля не успела произрастить травную зелень и плодовитые деревья». Вместо: «Клубы дыма, просвечивая...» — напечатано: «Клубы дыма, пронизанные оранжевыми лучами...» «Каменные раковины» и «водоросли натечного образования» изменено на: «куски окаменелостей, раковины и водоросли». «Пушистоволная река» исправлено на: «катится пушистыми волнами». В другом месте Кондурушкин, в связи с возражением Горького, исправляет: «...давно закончились все шесть дней великого творенья богов, и вот уже несколько тысячелетий длится седьмой день, день творчества человеческого».

[2] С. П. *Боголюбов* (ум. 1927) — заведующий конторой изд-ва «Знание».

28. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
15⟨28⟩ ноября 1909 г.

Дорогой Алексей Максимыч.

За некоторые указания по поводу очерка моего очень благодарен: я ими воспользовался. Но некоторые из них основаны, мне кажется, на недоразумении. По-видимому, Вы не допускаете, чтобы земля, на которой, мы знаем, есть олешки, люди, моржи и проч., могла дать впечатление библейской первозданности, второго дня творения... Ссылаетесь на науку. Немецкий естествоиспытатель фон Бер [1], исследователь Н⟨овой⟩ З⟨емли⟩ в первой половине прошл⟨ого⟩ стол⟨етия⟩, конечно, знал об остатках высшей флоры и фауны в странах полярных. И он пишет о пейзаже Н⟨овой⟩ З⟨емли⟩: «Я не мог подавить в себе мысли, невольно мне представившейся, будто теперь только что настает утро мирозданья и вся жизнь еще впереди...» и т. д.

«Миллионлетнее прошлое» в моем ухе укладывается так же просто и без вычур, как столетий, тысячелетий...

Ледовитые стихии, конечно, не только «лед и мороженое». Их может быть столько же, сколько стихий в древнем или современном научном смысле слова: вода, земля, воздух или отдельные элементы, раз они обладают свойством льда, т. е. холодом.

Выраж⟨ение⟩ «творчество богов» Вы поправляете: «Уж если по библии, то — Бог». Это, конечно, прямого отношения к моему очерку

не имеет, но для справки (м. б., Вам интересной) скажу, что по библии должно быть именно — боги. «Биррешит бара элогим» — В начале сотворил *боги* («элогим» мн〈ожественное〉 ч〈исло〉 от «иль»). Вот евр〈ейский〉 текст, соответствующий вполне древнееврейскому представлению о множественности божеств. И только христианство упорно навязывало евреям идею монотеизма.

Вообще, мне кажется, что Вы *рассудком* против образов библейских, мифологических, сказочных и друг〈их〉 подобных, которые в нашем (и в Вашем, думается мне) *художественном* сознании живут, много говорят чувству, да и уму тоже. И науку Вы тут за волосья побеспокоили напрасно.

Недавно прочитал вашу «Исповедь». В конце «Исповеди» (думается мне, бессознательно), как бы для подтверждения истинности вашей религии, могущества вашего Бога, вы не отказали этому Богу в удовольствии поразить верующих чудом: народ-бог исцеляет безногую девушку... И хоть «чудо»-то это у вас не чудо, но тем не менее оно по форме так похоже на чудеса Христов и Магометов, и буддийск〈ие〉 и проч. и проч.: «слепые прозревают, хромые ходят, прокаженные очищаются...» А следовательно, и новое религиозное сознание получает старый, как бы законный патент.

Думаю, что в данном случае вашим художественным сознанием руководили старые группы «библейских» образов: Бог и чудеса друг друга взаимно утверждают. Но, кстати, уж повторю, что фабрика и фабричные рабочие, в роли нового предтечи новому богу, произвели на меня художественно неубедительное впечатление. (Я то же говорил Вам и по первому впечатлению на Капри.)

Нигде не нашел вполне, а как попал в фабричную среду — окончательно нашел! Это,— простите дорогой Алексей Максимыч,— слишком «программно», рассудочно. «Фабрика», м〈ожет〉 б〈ыть〉, найдет бога, а м〈ожет〉 б〈ыть〉, не найдет. Творчество в этой среде есть, но ведь оно не закончилось, не выразилось ясно. И желание дать ему законченный вид должно исключить художественность изображения. От нетерпения разума вы это сделали.

Но я об «Исповеди» заговорил не для того, чтобы повторять слова, м〈ожет〉 б〈ыть〉, огорчительные. Напротив, хочу утверждать.

В П〈етербур〉ге появился проповедник «братец Иванушка» [2]. Привлекает множество народу. Нигде рабочие слои населения, т〈ак〉 наз〈ываемый〉 «народ», не испытывают такой духовной жажды, как в П〈етербур〉ге. П〈етербур〉г для них — каменная пустыня. Писатели, художники, пастыри, ученые — все раздражают народное сознание предчувствием какой-то высшей жизни, высших интересов, но в своих творениях и словах этому народу недоступны, непонятны. А он (народ) хочет духовного мира, ищет его и находит вот в таких проповедниках.

Но несмотря на «чудеса», на масло и прорицания, этот проповедник и его слушатели все-таки в высшей степени интересны. Интересна проповедь этого «братца». По первому впечатлению она ничем не отличается от христианства, ибо вся исходит из текстов казенного евангелия. Но, вслушавшись, замечаешь удивительно свежую струю: надо устроить хорошо жизнь свою на земле; надо, чтобы жизнь была здоровая, радостная, счастливая, трезвая. О небесном разговору как-то очень мало. На собраниях энтузиазм толпы достигает большой силы и выразительности. Чувствуешь, что алчет и жаждет народ, мятется и ищет... Но мир все еще остается «расколот на две половины», интеллигенция ищет народа, а народ ищет интеллигенции. И оба с завязанными глазами.

Так вот и живет пока. Многие не выдерживают. Уж очень тоскливо.

Будьте здоровы. Передайте привет Вашей супруге и Константину

Петровичу, если он там[3]. Да и наверное там. Он собирался на Капри больше года. Если он столько же будет собираться с Капри, мы здесь взвоем на разные голоса.

Ваш С. Кондурушкин

[1] Речь идет о Карле Эрнсте *Бэре* (1792—1876) — естествоиспытателе, основателе эмбриологии и одном из учредителей Русского географического общества. Почетный член Петербургской Академии наук. Имеется в виду его труд «Экспедиция в Лапландию и на Новую Землю» (1836). См.: Изв. Архангельского общества изучения Русского Севера. 1909. № 3.

[2] Основатель секты трезвенников самарский крестьянин Иван Алексеевич Чуриков, начавший свои проповеди в 1890-х годах в Самаре, а затем перенесший их в Петербург и Москву. См. очерк Кондурушкина «Братец Иванушка» (Речь. 1910. № 290 и 310. 22 окт. и 11 нояб.).

[3] Пятницкий приехал на Капри 1/14 сентября 1909 г.

29. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
31 января ⟨13 февраля⟩ 1910 г.

Дорогой Алексей Максимыч,

обращаюсь к Вам со следующей просьбой и предложением. Давно я хотел, а в этому году решился, если буду иметь возможность, поехать на Новую Землю зимовать, т. е. на 10 месяцев. (От парохода до парохода, с начала сентября 1910 г. по начало июля 1911[1].) Цель у меня литературно-художественная. Есть у меня в предчувствии некоторые мысли и настроения из этого, можно сказать, загробного мира, и хочется мне их изобразить.

На это дело мне нужно тысяча восемьсот рублей. И сумму эту я прошу у «Знания» на следующ⟨их⟩ условиях: Часть этой суммы — пятьсот рублей — покроется года в два продажей остальных экземпляров 2-го моего тома. (В декабре месяце по первому абцугу продано его 1047 экз⟨емпляров⟩, по 1 янв⟨аря⟩ остается 1953 экз⟨емпляра⟩). Остальные тысяча триста рублей буду покрывать тем, что напишу для сборников «Знания» так: половину гонорара мне, а половину на покрытие этого долга.

Вот в чем мое предложение и просьба. Если можете, Алексей Максимыч, то дайте мне возможность съездить. Я буду очень рад и Вам благодарен. И хорошо напишу, ей-богу. Если бы Вы знали, как все это прекрасно и интересно. Ух, какая грозная природа, но какой великолепный и этот заморыш жиловатый самоед или плут-помор. Отчего я не вижу Вас, чтобы Вам все это рассказать.

Кроме того, есть в этом уединении для меня какая-то потребность души. Петербург меня замучил. Уеду я из него, хотя бы для этого пришлось разделаться с семьей. Уеду на Волгу писать деревню. Новое начинает там уже кристаллизироваться. И сделаю это после Новой Земли.

Я в восторге от «Городка Окурова». Ах, как это хорошо! «Лето» не так. Оно, конечно, написано зорким художником и большим мастером, но нет в нем *интимности* жизни, а есть художественная рассудочность, если можно так выразиться. Ну до свидания. Дай вам бог здоровья. Кланяйтесь Марии Федоровне и Константину Петровичу. Жму Вашу руку.

С. Кондурушкин

В⟨асильевский⟩ О⟨стров⟩, 6 ⟨линия⟩ 27

На письме пометка Пятницкого: «Отв. 6 фев. 1910».

[1] Эта поездка Кондурушкина на Новую Землю не состоялась. См. п. 31.

30. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
24 февраля ⟨9 марта⟩ 1910 г.

Дорогой Алексей Максимыч!

Сегодня послал Вам для сб⟨орника⟩ «Знание» рукопись рассказа «Перед праздником»[1]. Я не думаю, чтобы он мог быть напечатан в нынешнем сезоне. Но мне необходимо реализовать ее в настоящее время. А потому принимайте рассказ при условии, что контора выдаст мне теперь же триста рублей за лист (в рассказе немного больше листа), остальное по напечатании. Несколько заключительных страниц намерен переделать в корректуре.

Собираюсь Вам написать много о XXIX сборнике[2], да духом встревожен. Посему откладываю до более благоприятного времени.

Будьте здоровы. Привет Марии Федоровне и Константину Петровичу.

Ваш С. Кондурушкин

[1] Рассказ Кондурушкина «Перед праздником» в *сб. «Знания»* не печатался. 23 января / 5 февраля 1911 г. Кондурушкин в п. к Пятницкому просил его возвратить рукопись: «Ныне я не хотел бы его печатать в этом объеме и виде. В нем мало действия, много разговоров, и весь он эпизодичен. Я пишу повесть, которой этот рассказ является частью» (*АГ*). Пятницкий удовлетворил просьбу автора. Позже рассказ был отдан автором в «Русское богатство», где и опубликован (1913, № 2).

[2] XXIX *сб. «Знания»* вышел в свет 29 января / 11 февраля 1910 г. В сборнике напечатано окончание «Городка Окурова» Горького, рассказы Ив. Касаткина «Веселый батя», Гольдебаева «Галчонок», К. Ясюкайтиса «На бульваре» и Н. Каржанского «Цветы», а также стихотворения Ив. Воронова, Бунина и пьеса С. Разумовского (С. Д. Махалова) «Светлое заточение».

31. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
17⟨30⟩ марта 1910 г.

Дорогой Алексей Максимыч.

Послал я Вам рукопись рассказа «Перед праздником» и письмо. Ответа ожидаю с нетерпением, но до сих пор не имею, хотя со времени отсылки прошло уже больше трех недель. Послал я также Конст⟨антину⟩ Петровичу письмо по поводу гонорара за очерк «В солнечную ночь» и тоже никакого ответа не получил[1]. Если он у Вас, передайте ему мою просьбу об ответе и Вас прошу о том же.

На Новую Землю, должно быть, не смогу поехать. Некоторые учреждения предлагают деньги, но пустые. Будь я один, я и на них мог бы съездить. Но семья мешает: ей нужно оставить. Должно быть, поеду куда-нибудь летом на статистику[2]. А жалко мне Новой Земли до слез. Много я там оставил такого, что не успело еще для меня оформиться в художественный образ, но что я предчувствую с наслаждением.

Слышал я, что Вы работаете над новым произведением[3]. Желаю Вам здоровья и успеха.

Ваш С. Кондурушкин

[1] Речь идет о п. Кондурушкина Пятницкому от 18 февраля / 3 марта 1910 г. о гонораре за рассказ «В солнечную ночь»; «Настаиваю на гонораре в триста рублей за 40 000 букв при сем заводе» (*АГ*). 19 апреля / 2 мая 1910 г. Пятницкий, касаясь расчетов с автором за рассказ «В солнечную ночь», писал Боголюбову: «Предыдущая повесть „Моисей“ была отдана автором за 1000 р. для завода в 30 000 экз. Подсчитайте, сколько приходится с листа в 40 000 букв. Теперь мы гарантируем не 30 000, а только 20 000,— $^2/_3$ прежнего завода. Возьмите $^2/_3$ прежнего гонорара,— это и будет справедливая полистная плата с завода в 20 000» (*АГ*).

[2] В апреле 1910 г. Кондурушкин совершил поездку на Украину, опубликовав под инициалами С. К. несколько репортажей в газ. «Речь». См. его отчет «Военный парад и крестный ход. Киев, 20 апреля» (№ 110, 24 апр.) и очерки «С богомольцами. От нашего специального корреспондента» (№ 114, 117, 122, 28 апр., 1 и 6 мая). В июне 1910 г. «Речь» приступила к печатанию новой серии очерков Кондурушкина «По Холмщине» (№ 155, 161—163, 167 и 170, 9, 12, 15, 17, 21 и 24 июня). 12 сентября «Речь» (№ 250) помещает очерк Кондурушкина «Притоны сна. Переписка ночлежников», а с 30 сентября (№ 268) по 4 октября (№ 272) в газете появляются корреспонденции Кондурушкина из Ревеля. В декабре 1910 г. он принимает участие в переписи, публикуя статьи «Перепись и обыватель» (№ 343, 14 дек.) и «Перепись и счетчики» (№ 344, 15 дек.). Кроме того, на протяжении 1910 г. Кондурушкин выступает в «Речи» с разного рода информационным материалом (без подписи), «письмами в редакцию» и рецензией на кн. Сургучева «Рассказы», т. 1 (СПб.: Знание, 1910) См. № 328, 29 ноября. Интенсивное сотрудничество Кондурушкина в «Речи» продолжалось и в дальнейшем.

[3] В это время Горький работал над повестью «Жизнь Матвея Кожемякина».

32. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

⟨Капри. Начало апреля 1910 г.⟩

На мой взгляд, Степан Семенович,— рассказ красив, интересен и — ко времени. Прочитал я его давно уже, задержал К⟨онстантин⟩ П⟨етрович⟩. Он нашел в рассказе некоторые сомнительные места в цензурном отношении: смотрите подчеркнутое синим карандашом на стран⟨ицах⟩ 97-й и следующих. За такие мнения и слова конфискован 16-й сборник; их необходимо сгладить.

Красным же карандашом подчеркнута неопределенность выражения «голый человек». 97-я стр⟨аница⟩ не противоречит ли 29-й? — спрашивает К. П.

Если вы найдете возможным исправить указанное цензурно опасное,— сделайте это по возможности скоро и пошлите рукопись конторе.

Всего доброго, всего хорошего!

А. Пешков

Датируется по п. Кондурушкина от 17/30 марта 1910 г., на которое является ответом.

После этого письма в переписке Горького с Кондурушкиным наступает длительный перерыв.

33. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
30 января ⟨12 февраля⟩ 1912 г.

Дорогой Алексей Максимыч.

За два последних года, что не писал вам, *мысленно* я делал это неоднократно. Даже и писать начинал не мысленно, а пером, да оставались письма неоконченными. Было это мне досадно, но что же делать, так уж выходило. И выходило это так именно потому, что хотелось бы *поговорить* с вами, повидаться, а не письма писать.

Почти весь прошедший 1911 г. провел в поездках по России[1]. «Надо бы проехаться по России» — есть у Гоголя статья[2]. «Надо бы, да денег нет»,— приписал карандашом семинарист. Ну, вот и я тоже. Видеть Россию надо и кормиться надо с семьей. Я и избрал путь, на котором возможно соединить обе эти необходимости — работу в газете. В некоторых отношениях способ этот весьма неприятен. Не так ездишь, не так смотришь на жизнь. Но что делать. Чем больше я вижу Россию, тем больше чувствую, как надо ее изучать. Особенно теперь. Интересная теперь стала Россия. Сколь сложнее стала она за эти пять, десять последних лет!

И кажется мне, что Россия, послереволюционная Россия в нашей литературе еще и краешком своим правильно не отразилась. В *художе-*

ственной цельности не изображен еще тот с первого взгляда незначительный, но все же существенный сдвиг в народной психике, какой произошел за эти семь лет. Изображают по-интеллигентски, как им по разуму кажется, что *должно* быть в жизни народной. Ну, а это плохое художество. И никто еще не изобразил русскую пореволюционную жизнь такой, *какова она есть* на самом деле. Схемы всё еще опутывают и нашу общественную мысль и наше художественное творчество.

В рукоблудии Муйжеля, в его многоверстных писаниях попадаются редкие художеств〈енные〉 страницы, но это тогда, когда дело касается внешних сторон быта[3]. В изображении внутреннего мира он весь ложнозначителен. Он усвоил себе или значительность толстовского отношения к крестьянству (в миросозерцании-то Толстого эта значительность имела свое оправдание), или отрицательное отношение Чехова (не научившись его краткости)[4], как-то все это смешал и валяет, пишет сотни страниц. И только потому, что все теперь брюхом мужика захотели,— он печатается и сходит за литературу. Уж гораздо ценнее Родионов, хотя столь же мало правдив по существу[5]. Книга Бунина «Деревня»[6] — во многом книга художника, но ее написал интеллигент, который говорит: «*Мне* такая жизнь не нравится». Но ведь это же совсем в данном случае не важно, что не нравится вся жизнь, целиком. Не нравится — значит, непонятна, а непонятна — оставь ее в покое.

То всё крестьянство — «Наше преступление», то крестьянство хорошо, а мы — «преступление» в русской жизни. Всегда есть какое-то интеллигентское напряжение, склонность натянуть русскую жизнь на свой кулак. Нет созерцательно углубленного отношения к жизни. А ведь только в созерцании природы, жизни, души челов〈еческой〉 и возможно художественное творчество. Конечно, надо при этом любить что-нибудь в жизни определенное. Любовь-то и понимание жизни (безотносительное) в художнике — это та песчинка под коркой жемчужницы, вокруг каковой песчинки наслояется жемчужина. Но для этого нужна *тихая* вода созерцания. Кристаллы тоже родятся в тихой воде. Вот ваш Кожемякин родился в тихой воде созерцания.

Россия интересна, Россия бесконечно нова теперь и интересна! И мне все хочется снова куда-нибудь лететь летом из П〈етербур〉га. Но ведь, черт возьми, надо же работать!

В прошлом году мои художественные работы почти стояли. Теперь я усердно пишу ту самую повесть, ради которой взял у вас обратно свой рассказ. Повесть эта — «Монах»[7]. Общее содержание — монах, пробывший четырнадцать лет на Афоне, внезапно оставил монастырь, возвращается в родное село. С этого повесть начинается. Войти снова в старую жизнь, которая к тому же изменилась,— вот для него жизненная, а для меня — художественная задача. М〈ожет〉 б〈ыть〉, к лету закончу, тогда пришлю вам.

В П〈етербур〉ге разговоры о каком-то новом журнале вашем[8], тут же и Миролюбов, о каких-то новых комбинациях в издательстве «Знание». Литераторы — хуже чиновников сплетники — беда!

Напишите о себе, своем здоровье и планах своих — вот тогда буду знать в достаточности. Примите от нас с женой короб всяких пожеланий. Фотографию свою вы так и не прислали мне, а ведь обещались. Может быть, себя *теперешнего* пришлете? А адрес мой тот же: *СПб. В〈асильевский〉 О〈стров〉, 6 л〈иния〉, д. 27, кв. 24.* Передайте мой привет Марии Федоровне. Крепко жму вашу руку и целую Вас.

С. Кондурушкин

[1] В 1911 г. в связи с эпидемией чумы Кондурушкин в конце февраля — первой половине марта совершил путешествие в Восточную Сибирь, на Дальний Восток и в Маньчжурию (см. его очерки «В зачумленном крае». Речь. 1911. № 61, 62, 66. 4, 5 и 9 марта). С 3 апреля (№ 91) по 9 апреля (97) печатаются

его репортажи из Китая, а позже из Владивостока (№ 103, 17 апр.) и Харбина (№ 104, 18 апр.). 14 мая 1911 г. Кондурушкин наблюдает певческие празднества в Пскове (№ 133, 17 мая), затем направляется в Самарскую губ. (см.: Самарская газета для всех. 1911. № 97. 16 июня), и в Каменец-Подольск (Речь. 1911. № 167. 21 июня) и Белгород (Белгородские впечатления // Речь. 1911. № 244, 245, 246. 2, 6 и 7 сент.). Наконец, с 23 октября (291) по 22 декабря (№ 351) в «Речи» появляются 12 «Писем о голоде» Кондурушкина, присланных из Самарской губ. и Челябинска.

[2] Имеется в виду ст. Гоголя «Нужно проездиться по России» из «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[3] Виктор Васильевич *Муйжель* (1880—1924) — писатель. В печати выступил в 1903 г. Первый рассказ «В непогоду» (подписанный собственной фамилией Муйжеля) при содействии А. И. Куприна напечатан в 1904 г. в журн. «Мир божий». По собственному признанию, в начале творчества испытал на себе влияние «Толстого, Горького, Короленко...» (Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / Собрал Ф. Ф. Фидлер. М.: кн-во И. Д. Сытина, 1911. С. 122). Творчество Муйжеля в основном посвящено жизни русской деревни. Современная деревня отображена им в рассказах и повестях «Мужичья смерть» (Мир божий. 1905. № 3), «Бабья жизнь» (Образование. 1907. № 2, 3), «Аренда» (Русское богатство. 1906. № 8, 9) и др. Показывая темноту и забитость русского крестьянства, Муйжель склонен изображать аграрные волнения начала XX в. как «голодные», «стихийные» бунты, быстро подавляемые войсками. Писательская манера Муйжеля «объективна» и «беспристрастна», а изображение им внутреннего мира крестьянина схематично и натуралистично. После поражения революции 1905 г. русская деревня предстает в произведениях писателя все в более и более мрачных, негативных тонах. Так, в рассказе «Дача» (Образование. 1908. № 1) это темная, злая сила, противостоящая городу и угрожающая ему. В 1908—1910 гг. в Петербурге вышло четыре тома «Рассказов» Муйжеля, а в 1911—1912 гг. петербургским изд-вом «Просвещение» напечатано его Собр. соч. в 11 томах. Кондурушкин имеет в виду двухтомный роман Муйжеля «Год», печатавшийся с января по декабрь 1911 г. в «Русском богатстве» (№ 1—12). В этом произведении Муйжель стремится преодолеть свои недавние однобокие и пессимистические представления о деревне, создавая картину социального расслоения и гражданскую войну в деревне в период столыпинских аграрных реформ. Однако и в романе «Год», размышляя о перспективах развития деревни, Муйжель еще не смог полностью освободиться от рецидивов народничества. Муйжель приветствовал Октябрьскую революцию и принимал участие в редактировании издававшегося в 1918—1920 гг. петербургским Советом рабочих и красноармейских депутатов журн. «Пламя». Произведения Муйжеля советского времени под заглавием «Возвращение. Последние рассказы» выпущены ГИЗом в 1926 г. Об отношении Горького к творчеству Муйжеля см. п. 34, прим. 1.

[4] Имеются в виду, в частности, произведения А. П. Чехова, оказавшие несомненное влияние на Муйжеля,— «Мужики» (1897), «Новая дача» (1898) и «В овраге» (1899).

[5] Речь идет о книге черносотенца, земского начальника из Боровичей И. А. Родионова «Наше преступление. Не бред, а быль. Из современной народной жизни», выдержавшей в 1909—1911 гг. несколько изданий. См.: Г—А, Г—СМ.

[6] Повесть Бунина «Деревня» впервые опубликована в журн. «Современный мир» (1910, № 3, 10 и 11).

[7] Повесть Кондурушкина «Монах» напечатана в «Русском богатстве» (1913, № 4, 5 и 6).

[8] Речь идет об организации журн. «Заветы». См.: Г—Ив-Р, Г—Ч.

34. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

(Капри. 4 или 5/17 или 18 февраля 1912 г.)

Дорогой Семен Степанович,

«Россию изучать надо»? Верно и — ей-богу! — пора! Очень пора и надобно изучать ее с корней, имея в виду не вопрос — какова она? — а вопрос — почему она такова?

Длинноописание Муйжелево не читано мною и едва ли соберусь читать, времени не имею [1].

Тому, что вы про монаха затеяли писать,— рад весьма, очень интересная тема и много может дать. Правда ли, что в деревнях хулиганство растет, как сообщают мне разные, деревенские же, люди? [2]

Фотографию — пришлю, вот скоро буду сниматься каков есть теперь.

Живут здесь писатели Бунин, Коцубинский, Черемнов, Иткин[3], и, в общем, это очень хорошо. Бунин пишет великолепную прозу[4].

Погода хорошая, на душе — не дурно, весна началась — чего еще надо?

А у вас, в Питере,— не хорошо. Очень не хорошо.

Ну, до свидания и простите за краткое письмо, очень уж некогда писать!

Крепко жму руку и желаю всяческих благ.

А. Пешков

А что касается новых журналов, то оных затевается целых три, но какой будет отсюда толк — сие не ведомо.

Датируется по пометке адресата: «Получ. 11 февр. 1912 г.»

[1] Отношение Горького к Муйжелю не оставалось неизменным. В 1907 г., приняв предложение Горького и Пятницкого редактировать *сб. «Знания»*, Л. Андреев направил Муйжелю письмо с просьбой о сотрудничестве. Горький одобрил этот выбор и в п. к Андрееву от 26...30 июля/8...12 августа 1907 г. назвал Муйжеля в числе других авторов, с которыми Андреев «мог бы сделать хорошие сборники» (*ЛН*. Т. 72. С. 288). Однако позже, когда весной 1908 г. Муйжель предложил «Знанию» издать сборник своих рассказов, Горький, перечитав отобранные автором произведения, 15...16/28...29 мая 1908 г. писал Пятницкому: «Муйжель с каждым рассказом становится все многословней и скучней. Его художественная сила — не велика, идейное содержание — реакционно. Он романтик, пессимист; он объят „мистическим" ужасом пред мужиком и деревней (...) „Грех" Муйжеля — вещь, плохо выдуманная и к тому же еще испорчена „философией" Мережковского. „Нищий" — антидемократичен, как и „Дача" — как всё. Пусть мещанский романтизм, возникающий для ради того, чтобы ликвидировать страхи вчерашнего дня,— пусть он развивается, если это суждено,— вне „Знания". По сим соображениям я ответил Муйжелю отказом» (Арх. Г. Т. IV, с. 250). Упоминаемое письмо хранится в *АГ*.

«Милостивый Государь Виктор Васильевич!

От издания Ваших рассказов принужден отказаться.

Причины — сложны и, вероятно, безразличны для Вас.

Мой привет. А. Пешков.

Стремясь смягчить резкость отказа Горького, Андреев писал в недатированном п. Муйжелю: «Ответ Горького мне не нравится, но и на это не обращайте внимания. Причину нерасположения к вам Горького я лично вижу в том, что вы близкий к Арцыбашеву человек и участник „Жизни"...» (*ЛН*. Т. 72. С. 531). В ст. «Разрушение личности» (1909) Горький, продолжая отрицательно отзываться о рассказе Муйжеля «Дача», тем не менее отмечает, что «показания» его «о мужике наиболее обширны» (*XXIV*, 75). Если слово «показания» в данном контексте и заключает в себе некоторую негативную характеристику произведений о деревне Муйжеля, то в ст. Горького «О писателях-самоучках» (1911) она исчезает. Обращаясь к начинающим писателям из народа, Горький призывает: «Почитайте Муйжеля, Подъячева, Крюкова,— они современники ваши, они не льстят мужику. Но посмотрите, поучитесь, как надо писать правду!» (Там же. С. 132). Пренебрежительное и неприязненное отношение Кондурушкина к роману Муйжеля «Год» никак не повлияло на интерес Горького к этому произведению. В начале июня 1912 г. Горький в письме спрашивал Муйжеля: «Вышел ли „Год" отдельным изданием? Буде — вышел — не пришлете ли? Вы доставите мне любезностью этой большое удовольствие» (*АГ*) 12/25 июня 1912 г. Муйжель ответил: «Вы спрашиваете меня — издан ли „Год" отдельным изданием. Увы — издан, и я решительно не знаю, как его Вам послать? С ним, или — вернее — со мной, произошло сущее несчастие; в то время, когда книги печатались и верстались, я был в Крыму и не мог следить за всем этим, и получилась такая нелепость, которую никак невозможно было предвидеть; из середины романа, как раз в том месте, где кончается один том и начинается другой (...) выпущена по недосмотру самая существенная глава — VII из XII всех (...) Я не знаю, возможно ли послать Вам роман в таком виде. Мне обещали прислать комплект журнала, я вырву оттуда VII главу, вложу ее и тогда пришлю. А так никак невозможно» (*АГ*). 16/29 августа 1912 г. Муйжель направил Горькому новое письмо: «Относительно „Года" — в смущении великом. Ужасно хочу послать Вам его и пишу непрестанно, чтобы мне выслали его в целом виде — и не могу дождаться...» Спрашивая разрешения выслать Горькому десять томов своих сочинений «с отметками карандашом наиболее важного», Муйжель писал: «Но о „Годе" мне напишите — об этом я очень бы просил Вас. Эта вещь мне не давалась — она растянулась, изобилует повторениями, колеблется в своей архитектуре — но ею я болен и о ней давно мечтал. В ней я попытался сделать что

мог — кто может сделать лучше — пусть делает...» (*АГ*). Скоро автор получил ответ Горького: «Сердечное спасибо вам за обещание прислать книги! Хотя я многое читал уже, но это не помешает прочитать все, написанное вами, несомненно хорошим знатоком русской деревни и человеком влюбленным в природу» (*АГ*).

[2] На этот вопрос Горького Кондурушкин ответил в печати. В ст. «О хулиганстве в деревне» (Речь. 1912. № 240. 2 сент.) он писал: «Хулиганские выходки случаются и теперь, но реже ‹...› Оправдать их трудно, но все же в них меньше *бесцельной* жестокости и *бессмысленного* разрушительства». Ст. Кондурушкина обратила на себя внимание (см., напр.: Русская пресса. Баку. 1912. № 205. 11 сент.). Александр Яблоновский, возражая Кондурушкину, утверждал: «Деревенское хулиганство растет и вглубь и вширь потому, что причины его у всех перед глазами: — Страшно растут города.— Страшно растет бедность народная.— Страшно растет и пухнет русская тюрьма» (*Яблоновский А.* Деревенское хулиганство // Киевская мысль. 1912. № 272. 1 окт.).

[3] Гостивший на Капри Бунин работал в это время над повестью «Суходол». 8/21 февраля 1912 г. состоялось чтение «Суходола», на котором был Горький. Прочитанный Буниным ранее рассказ «Веселый двор», по словам Горького, «превосходно написанный» (см.: Горький — п. Е. П. Пешковой от 3/16 янв. 1912 г. // *Арх. Г.* Т. IX. С. 131), Горький переслал в редакцию журн. «Заветы» (напечатан в № 1 (апрельском) «Заветов» за 1912 г.).

[4] Семен Григорьевич *Иткин* — начинающий писатель. Печатался в «Новом журнале для всех», «Русском богатстве» («Будни. Рассказ о похождениях эмигранта Лойтера» — в № 5 за 1911 г.), газ. «Звезда» (Стихотворение «Океан» («Приближенье урагана / Чую в странной тишине...») № 24, 28 мая 1911 г.). Переписывался с Горьким (письма к нему Горького не разысканы). В том же 1911 г. Иткин послал Горькому из Елисаветграда свой рассказ «Прелюдия» для напечатания в *сб. «Знания»* (не публиковался). В конце июля 1911 г., пересылая В. С. Миролюбову рукопись Иткина для «Современника», Горький писал: «Мне кажется, что автор — даровит, имеет свое лицо. Излишне умствует и полемизирует, доказывал бы свои положения образами, к чему весьма способен. Обласкайте его» (*МИ*. Т. III. С. 57). После 15/28 ноября 1911 г., пересылая Миролюбову в рукописи рассказ Иткина «Прогулка», Горький приложил к письму записку по поводу содержания рассказа. Отметив стилистические погрешности произведения, Горький писал: «Хорошо по содержанию, но написано торопливо, небрежно ‹...› Если все это может быть исправлено — рассказ следовало бы принять» (Там же. С. 74). В конце 1911—1912 гг. Иткин жил на Капри. Личное знакомство с ним разочаровало Горького. См. п. Горького Е. П. Пешковой 3/16 января 1912 г. (*Арх. Г.* Т. IX. С. 132).

35. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
20 марта ‹2 апреля› 1912 г.

Дорогой Алексей Максимович.

Недавно я, списавшись с Илиодором[1], ездил по его приглашению во Флорищеву пустынь. Пробыл там у него три дня. Хотелось мне хорошенько с ним ознакомиться. Показался он мне человеком искренним и страстным в своей искренности. Многое сумбурное и дурное, что он делал, стало мне психологически, я бы даже сказал общественно более понятным, ибо Илиодор символичен для настоящей русской жизни в известном, конечно, отношении... Я не собираюсь в письме этом охарактеризовать Илиодора и то, что я почувствовал за ним в жизни, хотел бы только поговорить об одной стороне знакомства моего с ним. Он рассказал мне много интересного о Распутине и его роли в высших кругах, о роли Распутина в деле падения еп. Гермогена[2] и Илиодора... Но и это второстепенное для меня в данном случае. Самое важное это то, что Илиодор, по-видимому, находится в состоянии большого раздумья и сомнений в той области, где он так недавно страстно веровал, и причиной этого, по-видимому, был Распутин. Этот, по его выражению, «корявый мужичишка гад» огадил в сознании Илиодора многие прежние святыни, за которых он — как иерей, ежедневно молился и ектениях... И вот озлобленный, больной и одинокий, Илиодор порывается теперь написать книгу о Распутине, под заглавием «Святой черт», каковую напечатать за границей[3]. Книга эта, по его мнению, должна произвести не только грандиозный скандал, но и нечто большее скандала, чуть ли

не политический переворот... Так, он пишет мне во вчерашнем письме, спрашивая моего совета,— писать или нет; а если писать, то как все это сделать? Он решается для этого (оно, конечно, и неизбежно) снять с себя сан монашеский и иерейский. Вот существенная выдержка из его письма:

«Когда прочитал речь Саблера[4], правых негодяев, узнал о телеграмме арх⟨иепископа⟩ Антония[5] Саблеру, об адресе св. Синода ему же, о том, что выступление Саблера в Г⟨осударственной⟩ д⟨уме⟩ в высших сферах принято сочувственно и Гр. Распут⟨ин⟩ едет в Петербург, то скорби моей, негодованию моему нет предела... Сердце мое так сильно заболело, что я другой день чувствую себя полуживым... Идеалы мои поруганы и втоптаны в грязь. И кем же? Носителями этих идеалов! Посоветуйте, напишите, что мне делать. Я не желаю умереть, не сказавши всей правды... Но сказать в России невозможно, ибо правда моя — действительно правда страшная... Ее придется говорить за границею. Говорить ее надо непременно мне. Значит, само собою напрашивается вывод о моем сане... Я готов на все, ибо у меня отняли все духовное, идеал, чем я жил, и дали мне только ссылку, истрепанные нервы и больное, очень больное сердце...»

По-видимому, он почувствовал ко мне доверие и расположение, и вот спрашивает совета. Я-то считал бы этот выпад его бесплодным, т. е. он не оправдает ожиданий Илиодора. Он думает, что если сказать и доказать, что вот «гад корявый», мужичишко, хлыст Гришка Распутин имеет некое значительное отношение к царской семье,— так уж бог знает как много сделать. Наивно, конечно! Я так и пишу ему, что, по-моему, делать этого не нужно. Кажется мне также, что пишет он мне и спрашивает совета *на всякий случай*, в своем отчаянии. Как бы ни доверял он мне, как бы ни расположился, все же виделись мы с ним в монастырской келье в течение трех дней. Письмо его свидетельствует о том, что: он теперь в состоянии некоторого душевного перелома. Последует ли он моему совету и оставит ли затею произвести новый и почти бесплодный шум — не знаю. Обратится ли он снова ко мне — тоже не знаю. Но пишу я вам обо всем этом по двум причинам. Во-первых,— м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, это вам не безынтересно. Во-вторых,— вы осведомлены об условиях и возможностях вот такого сорта заграничных изданий. Как бы это можно было Илиодору сделать, если бы он не отказался от мысли своей написать и издать вышеназванную книгу?

Ну вот, дорогой Алексей Максимыч, напишите мне ваше мнение и соображения. И будьте здоровы. Крепко жму руку. Привет вашей супруге.

С. Кондурушкин

СПб. В⟨асильевский⟩ О⟨стров⟩, 6 л⟨ния⟩, 27

[1] Илиодор (Сергей Михайлович *Труфанов*, 1880—1952) — иеромонах, по происхождению казак Донской области, потомственный почетный гражданин. Монашество принял в ноябре 1903 г. В 1905 г. окончил Петербургскую духовную академию. Во время учения в академии пользовался расположением епископа Феофана (одно время духовника царской семьи и ректора академии). У Феофана Илиодор в 1904 г. впервые встретился с Г. Распутиным. После окончания академии был направлен преподавателем в Ярославскую духовную семинарию. За погромные речи против евреев и поляков Илиодор после конфликта с законоучителем Ярославского кадетского корпуса А. М. Кремлевским (на сторону последнего встал ярославский губернатор) был переведен в Почаевскую лавру на Волынь к архиепископу Антонию Храповицкому, у которого обучался искусству церковного красноречия. В 1907 г. участвовал в редактировании «Почаевских известий» и «Почаевского листка». Печатавшиеся в 1907 г. в черносотенных газетах «Русское знамя» и «Вече» статьи Илиодора, в которых он, выступая в роли «охранителя царского престола», демагогически поносил административные власти за их якобы недостаточную службу «царю-батюшке», привели в смущение власть церковную, и 17 апреля 1907 г. Илиодор был вызван к митрополиту Петербургскому и Ладожскому Антонию для увещевания. Антоний предложил Илиодору «не касаться политики», запретил литера-

турную деятельность и пригрозил лишением сана и монашеского звания. Так как Илиодор нарушил запрет и в ст. «Мое оправдание перед высокими судьями» (Русское знамя. 1907. № 64, 65) назвал митрополита Антония «предателем», а постригавшего Илиодора в монахи архиепископа Финляндского Сергия «трусом», в особом присутствии синода против Илиодора было начато дисциплинарное дело, довольно скоро прекращенное производством, ибо к этому времени Илиодор успел заручиться расположением к себе со стороны императрицы Александры Федоровны. По ее протекции Илиодор получил назначение в саратовскую епархию к епископу Гермогену. Выступление Илиодора в 1907 г. на монархическом съезде в Москве с нападками на министра внутренних дел и председателя совета министров П. А. Столыпина, председателя погромного черносотенного «Союза русского народа» А. И. Дубровина и редактора монархических «Московских ведомостей» В. А. Грингмута еще больше обострило конфликт Илиодора с гражданской властью. Обосновавшись в Царицыне, он усиленно помогал Гермогену в его войне с саратовским губернатором графом С. С. Татищевым, который в конце концов был вынужден уйти в отставку. 10 августа 1908 г. Илиодор был инициатором избиения интеллигенции во время молебствия «о прекращении холеры» в Царицыне. За новый выпад против Столыпина в марте 1909 г. был переведен синодом из Царицына в Минск, но вместо Минска направился в Петербург, получил поддержку Г. Распутина, был принят царицей и добился отмены синодом старого решения. Осенью 1909 г. принимал Распутина в Царицыне, пригласил его к себе на родину в село Покровское и 29 декабря 1909 г. устроил Распутину пышные проводы. Вновь встретился с Распутиным в 1910 г. в Саратове. Еще более осложнились отношения Илиодора с обер-прокурором синода С. М. Лукьяновым и новым саратовским губернатором Стремоуховым. Под давлением Столыпина синод перевел Илиодора на новое место — настоятелем Новосильского монастыря в Тульской губернии. Прожив в монастыре три недели, Илиодор бежал в Царицын, где укрылся со своими сторонниками в монастырской церкви. «Великое сидение» продолжалось двадцать дней. 3 апреля 1911 г. митрополит Антоний телеграфировал из Петербурга о разрешении Николаем II Илиодору «возвратиться в Царицын из Новосилья». Обер-прокурор синода Лукьянов ушел в отставку. Во второй половине мая 1911 г. Илиодор по просьбе Николая II отслужил всенощную во дворцовой церкви в Петербурге и произнес проповедь, которая произвела большое впечатление на царскую семью. Царь обещал в скором времени возвести Илиодора в сан митрополита. Такой успех вскружил Илиодору голову. Намереваясь «убрать» со своего пути Распутина, пользовавшегося все большим влиянием при царском дворе, Илиодор приступил к сбору материалов, компрометирующих своего покровителя. К заговору Илиодора против Распутина присоединились епископ Гермоген, ставший членом синода, юродивый Митя Козельский, обиженный охлаждением к себе со стороны царицы, и писатель-черносотенец И. А. Родионов. 16 декабря 1911 г. на квартире Гермогена заговорщики силой заставили Распутина покаяться в грехах и дать клятву никогда больше не переступать порог царского дворца. Распутин телеграфировал Николаю II, что Илиодор и Гермоген пытались его убить. На просьбу заговорщиков принять их для объяснения царь ответил отказом. 17 января 1912 г. Гермоген и Илиодор получили распоряжение синода, по которому Илиодор ссылался из Царицына во Флорищеву пустынь, а Гермоген — в Жировецкий монастырь во Владимирскую губернию. Хотя Илиодор находился во Флорищевой пустыни под стражей, это не препятствовало ему принимать своих сторонников и почитателей, рассылать многочисленные письма и телеграммы с жалобами и протестами. При этом Илиодор настаивал на том, чтобы его «послания» публиковались в газетах, распространялись в списках. Илиодор продолжал яростно поносить Распутина, называл своим «врагом» нового обер-прокурора синода В. К. Саблера. В письме, опубликованном в «Биржевых ведомостях» (1912, № 13222, 30 окт.), Илиодор уверял, что страдает «за честь царя-батюшки», но былого расположения к себе царской семьи он вернуть уже не мог. Через несколько месяцев Илиодор направил в синод письмо, в котором заявлял, что отрекается от бога и просит снять с него сан. 3 декабря 1912 г. Илиодору был вручен указ владимирской консистории о лишении его сана и монашества. «Мирянином» Сергей Труфанов возвратился на родину. После покушения на Распутина 29 июня 1914 г. подосланной Илиодором богомолки-кликуши Хионии Гусевой Илиодор бежал за границу. 26 сентября / 9 октября 1914 г. из Христиании (Осло) направил письмо революционеру-эмигранту А. Л. Теплову, в котором писал: «Получивши обвинительный акт по 73, 74, 103 и 102 ст., я 2 июля убежал из России через Финляндию.

Переправили меня через границу Горький и Пругавин. Просили и приказывали мне, как можно скорее писать книгу о Распутине и царице ⟨...⟩ Сейчас книга почти готова: остановка только за документами, находящимися в Финляндии у моей супруги. Книга называется „Святой черт“ — (на ... знаменитого „старца Русского Двора“ — Распутина... из личных наблюдений и воспоминаний рассказанного другими).

В этой книге я сказал ужасную и интересную правду о Распутине, правду, которая даже и за границей еще не известна.

На основании документальных данных я, насколько мог, доказал, что Распутин развратный мужик, пакостник, живет с царицей Александрой и родил от нее наследника Алексея, и что Распутин — неофициальный Русский император и Патриарх Российской церкви.

Размер книги — приблизительно 10—15 печатных листов» (*ЦГАОР*, ф. 1721, оп. 1, ед. хр. 67. Сообщено А. И. Чарушниковым). В этом же письме Илиодор сообщает о своей встрече в Христиании с направляющимся в Россию В. Л. Бурцевым и приводит полный текст врученного ему 20 сентября 1914 г. письма-рекомендации Бурцева издать представляющие «огромный общественный интерес» рассказы Илиодора о пережитом. В *АГ* хранится два п. Илиодора Горькому из Норвегии (от 25 и 29 июля 1914 г.) с жалобами на безденежье и просьбами о материальной помощи.

Кондурушкин написал Илиодору в конце февраля 1912 г. и в начале марта получил от него приглашение приехать во Флорищеву пустынь. Первая встреча Кондурушкина с Илиодором состоялась 7 марта 1912 г. Илиодор сказал ему: «Пишу о Гришке Распутине ⟨...⟩ Гришка – эдакий мужичишка корявый, гад и вдруг! ⟨...⟩ Над министрами Гришка министр, над владыками владыка! Господи, боже, что такое творится. С ума можно сойти» (*Кондурушкин С.* Мятущийся Илиодор // Речь. 1912. № 88. 1 апр.). Снова побывал Кондурушкин во Флорищевой пустыни в июне 1912 г. Явно преувеличивая значение конфликта Илиодора с верховной административной и церковной властью и сочувствие опальному иеромонаху части верующих, Кондурушкин спрашивал: «Что же такое *Россия*, если в этом случайном сброде людей *вчерашнего* города нашлось столько сил к единению духовному и материальному строительству?» (*Кондурушкин С.* Илиодоровцы // Речь. 1912. № 252. 14 сент.). По мнению Кондурушкина, Илиодор «человек одной узкой, напряженной, охватившей всю его душу идеи, идеи простой, в уровень народным массам ⟨...⟩ был теневой стороной, *негативом* русской революции». Кондурушкин полагал, что, отмахиваясь от Илиодора и его почитателей, интеллигенция отмахивается и «от нового знания о народе нашем» (Там же. 1912. № 267. 29 сент.). Позже Кондурушкин выступил с докладом «О народной вере» на собрании Религиозно-философского общества в Петербурге. Излагая содержание этого доклада, репортер «Речи» пишет: «Отличительными особенностями идеи Илиодора докладчик считает: в религиозной сфере — аскетизм с хлыстовским элементом ⟨...⟩ а в социальной сфере — демократизм, соединенный с верой в идеальное самодержавие, не угнетающее, а благодетельствующее народ. Популярность Илиодора объясняется тем, что он народен именно этими элементами своей веры, искренне верует сам и заразил верою народ ⟨...⟩ Интеллигенция не поняла народности илиодоровского движения и не сумела им воспользоваться» (*И. К.* В Религиозно-философском обществе // Речь. 1912. № 313. 14 нояб.; См. также: Апология Илиодора и илиодоровщина. В Религиозно-философском обществе // Биржевые ведомости. 1912. № 13245. 13 нояб.). Доклад Кондурушкина вызвал оживленные прения, которым было посвящено полностью третье заседание Религиозно-философского общества. Против Кондурушкина выступило 14 ораторов (Д. Мережковский, В. А. Чудовский, А. В. Карташев, В. Д. Кузьмин-Караваев, проф. А. Н. Быков, проф. В. В. Успенский и др.). Кондурушкина, в частности, упрекали в том, что он занимается «реальной политикой». Мережковский нападал на Илиодора за то, что признанием абсолютного царя земного он отрекается от Христа. Д. Философов, хотя и не согласился с выводами докладчика, взял Кондурушкина под защиту: «Он просто призывал общество к более внимательному изучению проблемы. И это с его стороны большая заслуга» (*Философов Д.* Илиодор и Булгаков // Речь. 1912. № 317. 18 нояб.).

[2] Гермоген (Григорий Ефимович *Долганов*, 1858—1918). В 1892 г. окончил Петербургскую духовную академию, еще в стенах академии принял монашество. В 1892 г. посвящен в иеромонахи, в 1900 г. возведен в сан епископа. С 1903 г. возглавлял Саратовскую епархию. С церковного амвона поносил «богохульные» сочинения Л. Толстого, Ч. Дарвина и Э. Ренана, издавал погромный «Братский листок», травивший интеллигенцию. В 1909 г. возглавил кампанию черносотенного духовенства и монархистов, требовавших запрещения постановок на сцене пьесы Андреева «Анатэма». Был организатором еврейского погрома в Саратове. После роспуска I Государственной думы приказал духовенству служить благодарственные молебны. В 1912 г. за выступление против Распутина впал в немилость и был переведен из Саратова в Гродненскую губернию, в Жировицкий монастырь. Защищая Илиодора, в беседах с журналистами, письмах в синод и гражданской администрации Гермоген, однако, проявлял известную осмотрительность, выгораживая самого себя. Так, когда стало известно о письме Илиодора синоду с нападками на высшие церковные власти, Гермоген публично пригрозил предать Илиодора и его сторонников анафеме.

[3] Написанные Илиодором за границей воспоминания «Святой черт. Записки о Распутине» в России были опубликованы в журн. «Голос минувшего» (1917, март).

[4] Владимир Карлович *Саблер* (Десятовский, 1845—1929) — статс-секретарь, с 1905 г.– член Государственного совета. В 1911–1915 гг.– обер-прокурор синода.

[5] Имеется в виду Антоний Волынский (Алексей Павлович *Храповицкий*, 1863—1936) — с 1902 г. архиепископ Волынский и Житомирский, позже — архиепископ Харьковский. В 1906—1907 гг. член Государственного совета, с мая 1912 г.— член синода. Крайний монархист и черносотенец. После Октябрьской революции — белоэмигрант.

36. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

(Париж. Около 26 марта/8 апреля 1912 г.)

Дорогой Семен Степанович!

Мне кажется,— более того — я уверен, что книга Илиодора о Распутине была бы весьма своевременна, необходима, что она может принести многим людям несомненную пользу.

И я очень настаивал бы,— будучи на вашем месте,— чтоб Илиодор написал эту книгу. Устроить ее за границей я берусь [1]

Действуйте-ко! Право же, это очень хорошо!

Сижу в Париже [2], завален делишками, очень устал в этом скучном городе.

Будьте здоровы. Пишу столь кратко потому, что не имею времени затылка почесать.

Жму руку.

А. Пешков

Датируется по п. Кондурушкина от 20 марта / 2 апреля 1912 г.

[1] См. п. 35, прим. 4.

[2] Горький приехал с Капри в Париж 17/30 марта 1912 г. и оставался там по 5/18 апреля 1912 г. 7/20 апреля 1912 г. Горький возвратился на Капри.

37. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
7⟨20⟩ ноября 1912 г.

Дорогой Алексей Максимыч.

Посылаю Вам одновременно с этим письмом часть (²/₃) рукописи повести «Монах». Остальное имеется в набросках, и окончание работы — дело месяца-полутора. Посылаю же заранее потому, что с «Знанием» при отсутствии на месте главного руководства, разговоры, обыкновенно, бывают долгие. А мне нужно напечатать повесть этой зимой.

Хотел бы сговориться о следующем:

1) Если найдете повесть подходящей для сб⟨орника⟩ «Знания», принимайте под условием напечатать ее не позднее февраля 1913 года.

2) С. П. Боголюбов говорил мне, что сб. «Знания» печатаются теперь в десяти тысячах экземпляров. Гонорар при этом тираже — двести рублей за лист.

3) Взятый мной под возвращенную мне рукопись рассказа аванс (триста рублей) зачесть (как это я проектировал Пятницкому в виде одной из возможностей) в плату за непроданную часть второго тома моих рассказов.

Здесь мной печатается около 5¹/₂ печ⟨атных⟩ листов. Вся повесть будет никак не больше (немного меньше наверное) восьми печатных листов по сорок тысяч букв.

Вот какое мое строгое письмо. Что делать, ашать-машать надо, как говорят татары.

За Илиодором я слежу. Думаю, что он еще попадется на мою «удочку», не уйдет. Изредка он присылает мне известия, письма и кой-какие «дела». Чувствует ко мне расположение. Я тоже сердечно

им заинтересован. Письмо Ваше о нем ко мне помню. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается... Черт возьми, как много в этих словах *исторического* смысла!

Ну будьте здоровы. Не замедлите вестью о моем деле. Вы — «обещатель», сколько раз обещали прислать свою фотографию, да так и не исполнили.

Напишите о себе. Странно, что Вы, судя по объявлениям, печатаете «Сказки» не в «Знании», а в ином книг〈оиздатель〉стве? [1] Жму руку. Привет Марии Федоровне.

С. Кондурушкин

СПб. В〈асильевский〉 О〈стров〉, 6 л〈иния〉, 27, кв. 24
Степану Семеновичу Кондурушкину

[1] С 28 декабря 1910 г. в русских периодических изданиях началась публикация сказок Горького, объединенных позже в две книги — «Сказки об Италии» и «Русские сказки». При первой публикации сказки, составившие цикл «Сказок об Италии», имели или самостоятельные заглавия, или общее «Сказки» (с авторской нумерацией, не совпадающей с окончательной). «Русские сказки» печатались под общим заглавием «Сказки». Первое отдельное издание «Русских сказок» вышло в Берлине, в изд-ве Ладыжникова в 1912 г. Кондурушкин, по-видимому, имеет в виду «Сказки об Италии». Только одна (пятнадцатая) сказка из этого цикла впервые была опубликована в XXXVIII *сб. «Знания»* (СПб., 1912). Под заглавием «Сказки» «Сказки об Италии» почти одновременно (в ноябре 1912 г.) вышли в Берлине, в изд-ве Ладыжникова, и в России, в Книгоизд-ве писателей в Москве.

38. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
30 января 〈12 февраля〉 1913 г.

Дорогой Алексей Максимыч.

Еще седьмого ноября прошлого года послал я вам листов пять рукописи повести моей «Монах» и никакого отзыва о ней ни от кого не получил. (Я и Пятницкому писал недавно о посылке Вам рукописи. И он молчит [1].) Повесть-то я закончил, но, очевидно, вы не рассчитываете ею воспользоваться. Пожалуйста, верните рукопись. Но все-таки не откажитесь сказать, если читали, какое впечатление произвело прочитанное.

Очень жаль, дорогой Алексей Максимыч, что «Знание» замирает. Старые члены расползлись, вы оба с Пятницким далеко.

Что бы вам собрать вокруг себя человек пять-шесть писателей — эдакое новое товарищество в старую издательскую фирму вложить. Мне кажется, это составило бы снова сильное литературное течение. И только разбродом реалистической школы, а в частности изд〈ательст〉ва «Знание», можно объяснить многое сумбурное в современной литературе последнего времени. Многие последние сборники «Знания» носили совершенно случайный, сбродный характер и составлялись из вещей громадного художественного различия [2].

Сюда доходят слухи о разладе между вами и Пятницким, и это очень жалко [3]. Вообще, было бы прямо преступлением перед русской культурой, если бы литературно-худож〈ественный〉 центр «Знания» распался совершенно. Это значило бы — рассеять в пространстве большую накопленную энергию и собирать ее снова с большими усилиями в другом месте.

Я извиняюсь, м〈ожет〉 б〈ыть〉, я говорю то, что вы и сами думали (даже наверное), и это вам больно. Так не сочтите за грубость. Я тоже говорю о том, что у меня болит, и пишу вам это не в упрек.

Недавно встретился с Грузенбергом (О. О.) [4]. Он говорит, что амнистия будет пустяковая [5] — только *уменьшение* наказаний. По крайней мере так до сих пор. Он считает, что вы могли бы вернуться, рискуя

очень немногим. Говорил, что вы и раньше отказывались от этого по тем соображениям, будто вам в Россию не хочется вернуться...

В вас два человека, А⟨лексей⟩ М⟨аксимович⟩. Один рассуждающий, а другой чувствующий и понимающий широко и глубоко. Но рассуждающий в вас пренеприятный субъект. И самим вам часто надоедает. Иногда предупредит *понимающего* и наскажет всякого вздору. Ну, а вам-то и неловко его осадить: все же ведь «родственник»...[6]

Перечитал я письмо и подумал: вот рассердится человек и пошлет к чертовой матери. Скажет: «совсем мы уж не так близки, чтобы у вас (т. е. это у меня) было право такое говорить!» Ну уж написал. Так и пойдет. Будьте здоровы. И не сердитесь, а напишите. Ведь напрасно не пишете.

Ваш С. Кондурушкин

Адр⟨ес⟩: В⟨асильевский⟩ О⟨стров⟩, 6 л⟨иния⟩, 27, кв. 24.
Степану Семенов⟨ичу⟩ Кондурушкину

[1] 14 января 1913 г. Кондурушкин писал Пятницкому: «Более двух месяцев назад (7 ноября 1912 г.) я послал Алексею Максимовичу письмо, а с ним одновременно и около пяти с половиной листов новой повести моей „Монах". И до сих пор от него не получил ни да ни нет, ни просьбы прислать окончание, ни рукописи обратно» (*АГ*).

[2] *Сб. «Знания»* прекратились на сороковой книге, вышедшей 29 января 1913 г. Содержание последнего сборника составили пьеса С. А. Найденова «Роман тети Ани», стихотворения С. Астрова и роман А. Золотарева «Во едину от суббот» о русских эмигрантах в Париже, одобренный Горьким.

[3] Отношения между Горьким и Пятницким еще более осложнились после п. Горького к Пятницкому от 5/18 ноября 1912 г., в котором он извещал, что уполномочил Ладыжникова выяснить свое материальное положение в «Знании» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 277). В новом п. Пятницкому от 23 ноября/6 декабря 1912 г. Горький настаивал на том, чтобы Ладыжников был «допущен к проверке того состояния, в каком находятся средства, вложенные» Горьким в «Знание». Горький писал: «...я имею право знать, кто и как распоряжается моими деньгами...» (Там же. С. 277). Последовавшая за этим ревизия кассовых книг «Знания» и другой документации подтвердила необоснованность подозрений Горького о недобросовестном ведении Пятницким, как директором-распорядителем издательства, его денежных дел в «Знании». Только в 1936 г. между Горьким и Пятницким возобновилась переписка. 9 апреля 1936 г. Горький писал ему: «Сильно взволнован письмом Вашим, дорогой друг Константин Петрович. Вероятно — это я первый должен был написать письмо, подобное Вашему, и послать Вам... Я глубоко ценил Вашу дружбу. И — продолжаю ценить. Вы, наверное, тоже знаете, как усердно расшатывали ее „третьи лица". Но мы не станем слагать на них нашу вину друг перед другом — виноваты же мы в том, что не нашли возможным поговорить о „наших разногласиях" открыто, искренно, до конца...» (*ЛЖТ*. Вып. 4. С. 584).

[4] Оскар Осипович Грузенберг.

[5] Имеется в виду ожидавшаяся амнистия в связи с исполнявшимся в 1913 г. трехсотлетием царствующего дома Романовых. Датированный 21 февраля 1913 г. указ Николая II правительствующему Сенату об амнистии в тот же день был опубликован в «Правительственном вестнике» (№ 43).

[6] Это утверждение положено Кондурушкиным в основу его ст. «Чужой ум» (Речь. 1916. № 120. 3 мая), в которой содержатся нападки на ст. Горького «Две души», опубликованную в журн. «Летопись» (дек. 1915 г.).

ИЗ ДНЕВНИКА С. С. КОНДУРУШКИНА (1908 г.)

НА КАПРИ

1908. Июнь. Нов⟨ый⟩ ст⟨иль⟩. 25 веч⟨ером⟩

Пристань. Ветер. Качает. Лодки. Мокрая набережная. Тесный ряд гостиниц на берегу. Видна вилла в зелени на возвышении. «Не там ли живет Горький?» — думаю.

Спросил. Горький живет на другой стороне города, т. е. на другой стороне острова. Фуникулером. Мальчик довел до решетчатой двери. Взял карточку. Через минуту слышу торопливый голос. Встречает высокий сухощавый человек, стриженный наголо, в лиловой рубашке и белых с полоской брюках. Сбегает и смотрит пристально, ибо уже серо стало, вечер.

— Ага, вот вы какой! Ну здравствуйте.

— И вы вот какой!— сказал я.

Поцеловались.

За столом человек шесть. Трое юношей, девица, жена (А⟨ндреева⟩) Горяныча и он [1]. Ходил попугай по столу и ел с тарелки Горького.

— Надолго ли на Капри?

Говорили немного о литературе и отд⟨ельных⟩ произведениях. Об Андрееве. Он очень осуждал «Семь повешенных» [2]. Но неубедительно. Говорил: не революционеры у него. И на одной доске с грабителями умирают.

Говорили часов до 11. После ужина перешли на площадку. Внизу серое море. Темные скалы в воде. Огни — ловят тотров рыбаки.

26⟨июня⟩

Утром мальчик часов в 9 сказал мне, что кофе пьют. Разговаривали после кофе вдвоем с А⟨лексеем⟩ М⟨аксимовичем⟩ до завтрака на площадке.

У него такая уверенность, что вот мир разваливается, общ⟨ественная⟩ жизнь развертывается, складывается в социальный строй. И соврем⟨енные⟩ явления мировой и русской жизни его раздражают. Он их осуждает.

Мне все время представлялось, что мысль его перешла в схему и лишилась корней в русской жизни, потеряла запах земли и жизни.

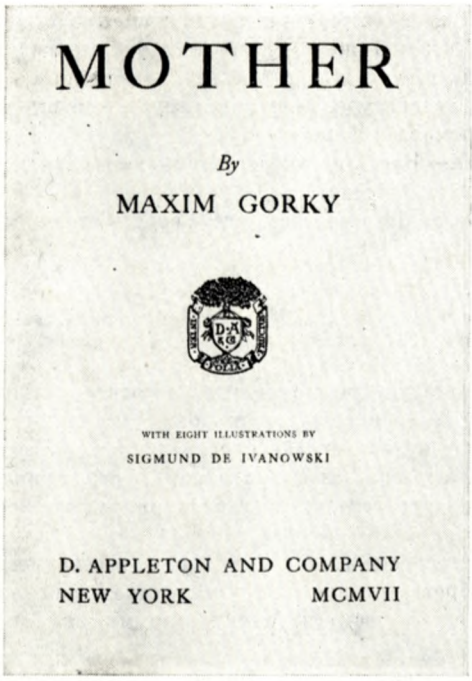
Но когда он говорит о худож⟨ественной⟩ литературе, то волнуется. Часто на глазах у него навертываются слезы. Заражает этим чувством. Рассказывал о Толстом — как читал ненапечатанную повесть (Хаджи?) [3].

Там описывалась любовь, нежность чувства плотского. Когда читал Толстой, то заплакал и говорит сам о себе: «Хорошо написал старый черт. Хорошо». Горький часто повторяет по два раза слова.

Говорит на «о».

«Никто, вероятно, кроме меня, не читает столько рукописной литературы рабочих, крестьян, мастеровых [4]. И как все это любопытно. Напр⟨имер⟩, один сапожник описывает, как он был на луне, и любопытно описывает. Другой библейским языком рассказывает, как он был в ссылке. Начальство: «Не работа ваша нужна, а кровь». Если кто убежит из десятка, то остальных расстреливают. Убежали трое. Семерым солдат говорит: «Становитесь в затылок». И одной пулей уложил всех. И вот произошла перемена. Солдаты стали слушаться рабочих, и начальство оказалось у рабочих в подчинении... Хорошие пишут вещи, хорошие. Конечно, напечатать нельзя, а интересно. Проснулся народ!

Показывал англ⟨ийское⟩ издание «Мать» за 3 доллара! [5]

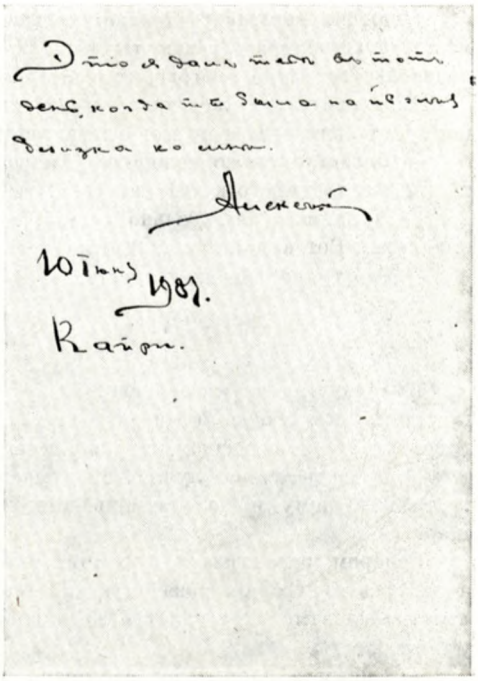

MOTHER

By

MAXIM GORKY

WITH EIGHT ILLUSTRATIONS BY
SIGMUND DE IVANOWSKI

D. APPLETON AND COMPANY
NEW YORK MCMVII



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОРЬКОГО М. Ф. АНДРЕЕВОЙ
НА АМЕРИКАНСКОМ ИЗДАНИИ ПОВЕСТИ «МАТЬ»
Нью-Йорк, 1907
Архив Горького, Москва

Понимает, что его произведения в России успехом не пользуются, но, кажется, объясняет это не тем, что они малохудожественны, а что в России упадок настроения.

«Мать» признает слабой вещью [6].

Просил меня высказать свое мнение по поводу «Исповеди», которую теперь читаю. (Заграничное издание на русск⟨ом⟩ языке [7].)

Ездили на лодке ловить рыбу. Я скоро свял: качает и жарко. Вечером приехал какой-то соц⟨иал⟩-демократ Леонид Борис⟨ович⟩ (Николаевич?) [8].

Горький с уверенностью говорил, что скоро будет война. Они поспорили. Его оппоненты отрицали. Когда я сказал, что мы теперь переживаем время зарождения новой религии, социалист⟨ической⟩. Бог — человечества коллектив! Рай — земля,— Горький охотно подхватил, согласился. Но соц⟨иал-⟩дем⟨ократы⟩ набросились. «Машина, материализм — а вы — религия». Разговор свели на то, что им по партийным соображениям неудобно называть социализм — религией. А что скажет Милюков! [9] Как они используют это. Одним словом — так тупо и ограниченно. А Горький говорит про этого гостя, что это «умный человек». «С головой!» Господи, какая ограниченность! Говорит, точно прокламацию пишет.

Горький говорит:

— Нам, русским, в ближайшем будущем принадлежит гегемония над Европой, гегемония интеллектуальная. Они (евр⟨опейцы⟩) выдохлись, а у нас богатство духовных сил и свежесть. Они к нам обратятся.

К этой мысли он обращается часто.

Горький:

— Впечатления детства имеют громадное значение в жизни человека. Я вот никак не могу отрешиться от пейзажа, знакомого с детства. Начну описывать сухопутный пейзаж, смотрю — выходит все та же Сивая грива. Как ни повернусь, с какой стороны ни начну — все она вылезает.

Андреева окружает Горького лестью. Она вместо: «как ты говоришь или думаешь?» спрашивает: «как ты учишь?» Ну какой же он учитель! Она выражает недовольство, когда он говорит о чем-нибудь просто и искренно — «Я не понимаю!»

Шел разговор о женщинах и женской литературе. Горький говорит, что он не понимает женщины и не мог бы написать романа с женщиной.

— Досадно только говорить (Андреева).— Как это ты не понимаешь! Ты, который дал так много в литературе. И ты бы не написал?!..

— Я написал бы. Только все куры стали бы смеяться, все Европы стали бы смеяться... Вот видишь ли... А я написал бы...

— Это ты на себя клевещешь...

И т. д.

28〈июня〉

Говорю, что собираюсь свить себе где-нибудь гнездо, купить десятину земли, построить дом. Горький говорит, что он тоже собирался, но никак не может остановиться на одном каком-нибудь месте. «Здесь хорошо, а в другом месте еще лучше, а в третьем еще лучше. И думаешь: совьешь гнездо в одном месте, привяжешься к нему и не увидишь других. А тут земной шар ведь, целый земной шар!»

Вечером рассказывал Горький, вспоминал кое-что из прошлого, рассказывал анекдоты. В его рассказе пустяки приобретают значение. Он рассказывает не столько словами (рассказ его не гладок, слова часто неудачны), но мимика, тон голоса, жесты.

— Сидим в парижском ресторане, неподалеку пьяный. Видно: русский. Хочет выйти, натыкается на стены, зеркала. Подходит к нам. Заплетающимся языком: — Господа! Вы, вероятно, знаете этот местный язык. Скажите, пжалста, которое тут зеркало и где дверь?..

Случай, как Горький, Чехов, Алексин и Васнецов путешествовали по Кавказу[10]. Нет лошадей. Подходит русский мужичок. Говорит: есть лошади, только одна хромает. «Но на ней можно ехать-то, можно». Поехали. Тихо. Раздражение. Ответ мужика: «В гору таперича, а вот под гору шибко поедем». Перевалили. Поехали. Обернулся мужик, остановил лошадей, говорит: «Ну на эндакой лошади не дое-э-э-демь. Нет...» Сидели три часа. Он ездил за другой лошадью, верхом на хромой. Сидели, не смотрели друг на друга.

17/30 июня

Горький устроил рыбную ловлю. Уехали на целый день. Рыбаки закинули для нас с утра 10 переметов,— корзины для раков. Поехала вся дом〈ашняя〉 прислуга. В гроте завтракали и обедали. На переметы попалась молодая акула, звезды, кораллы. Последние — мне. В корзинах креветки. Завтракали, купались, спали. Снимались. Группами. Картины: жертвоприношение Исаака; Горький — Авраам, Зин〈овий〉 — Исаак, Ал〈ександр〉 Ник〈олаевич〉 — баран, Леон〈ид〉 Бор〈исович〉 — ангел. Потом Пьяного Ноя: я — Ной, Горький — Хам и др.

Ночью ловили тотров. Тихое море. Горы точно застывшие фонтаны воды. Дивная ночь.

— Как же это вы, Ал〈ексей〉 Макс〈имович〉, по-итальянски не выучились до сих пор?

Андреева:

— Да ему не нужно. А то он бы через месяц знал. (Обиженно). Да он знает, только не говорит...

Горький:

— Хочу написать деревню. Это мой долг перед ней. Нет правильного изображения деревни. В особенности она в загоне.

ШУТОЧНАЯ СЦЕНА: «ПЬЯНЫЙ НОЙ»

Изображают: Горький — Хама, Кондурушкин — Ноя, Л. Б. Красин — Сима, А. Н. Тихонов — Иафета.

Фотография Ю. А. Желябужского.
Капри, 1908
Музей Горького, Москва

В Америке одна газета предложила Горькому писать у них по 100 долларов столбец. Условие. Он не обратил внимание. Оказалось, что там написали не за столбец, а за статью. Так бы и получили за 3 статьи по 100 долларов.

«Город Желтого Дьявола» [11] написан был для американской газеты. Г(орьк)ий получил много писем с выражением негодования. Многие приклеивали письма на ворота. Говорят: нет голодных в Нью-Йорке. Говорят: другие пишут худое об Америке, когда уедут, а этот сидит здесь и пишет...

Дневник С. С. Кондурушкина хранится в *ЦГАЛИ* (ф. 231).

Авторская копия этих записей, выполненная по просьбе А. Н. Тихонова, хранится в *АГ*.

[1] М. Ф. Андреева и Горький.

[2] Имеется в виду «Рассказ о семи повешенных» Андреева, впервые опубликованный в Литературно-художественных альманахах изд-ва «Шиповник» (кн. 5. СПб., 1908). С посвящением Л. Н. Толстому вошел в Собр. соч. Андреева (СПб.: Шиповник, 1909, т. 6). Обличающий контрреволюционный террор в России после поражения революции 1905 г. «Рассказ о семи повешенных» был непосредственным откликом Андреева на казнь 17 февраля 1908 г. семи участников «боевого летучего отряда», готовивших покушение на министра юстиции И. Г. Щегловитого. Покушавшиеся были выданы властям провокатором Евно Азефом. С руководителем группы молодым астрономом Вс. Лебединцевым Андреев был лично знаком. Рассказ был закончен Андреевым 16 марта 1908 г. Считая проблематику произведения (протест против смертных казней) очень важной, Андреев написал к «Рассказу о семи повешенных» своеобразный комментарий (Из письма // Эпоха. 1908. 15 сент.) и с 1 января 1909 г., отказавшись от авторских прав, разрешил свободную перепечатку рассказа (Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. № 10678. 28 авг.). 1—2 июля 1908 г. в беседе с приехавшим на Капри А. А. Измайловым Горький сказал об Андрееве: «Я, например, не считаю „Рассказ о семи повешенных“ очень ему удавшимся» (Биржевые ведомости. Утр. вып. 1908. № 10590. 6 июля). Позже, в ст. «Разрушение личности» Горький писал: «Революционеры „Рассказа о семи

повешенных" совершенно не интересовались делами, за которые они идут на виселицу, никто из них на протяжении рассказа ни словом не вспомнил об этих делах. Они производят впечатление людей, которые прожили жизнь неимоверно скучно, не имеют ни одной живой связи за стенами тюрьмы и принимают смерть, как безнадежно больной ложку лекарства» (*24*, 63).

[3] Ошибка Кондурушкина. Речь идет не о повести Л. Н. Толстого «Хаджи Мурат», а о варианте сцены из «Отца Сергия» (Маковкина у отшельника), которую Толстой прочитал по рукописи Горькому в Крыму в 1901—1902 гг. См. очерк Горького «Лев Толстой» (*16*, 300).

[4] За время с 1906 по 1910 г. Горьким было прочитано более четырехсот рукописей писателей из народа. Обзору их творчества он посвятил статью «О писателях-самоучках».

[5] По-видимому, имеется в виду издание: Mother. By Maxim Gorky, with eight illustrations by Sigmund de Ivanowski. D. Appleton and Co. New York, 1907. См. п. Горького И. П. Ладыжникову от 1/14 июня 1907 г. (*Арх. Г.* Т. VII. С. 162).

[6] Неудовлетворенность Горького повестью «Мать», вероятно, находилась в связи с неосуществленным замыслом Горького написать вторую часть повести под заглавием «Сын» (другие варианты заглавия «Павел Власов», «Герой»), в которой рассказывалось бы о побеге Павла Власова из ссылки и о его активном участии в революции 1905 г.

[7] См. п. 15, прим. 1.

[8] Л. Б. Красин.

[9] Павел Николаевич Милюков.

[10] Это путешествие состоялось в мае—июне 1900 г.

[11] Очерк «Город Желтого Дьявола» вошел в книгу Горького «В Америке. Очерки. Часть первая». В беседе с Кондурушкиным Горький имел в виду свой очерк «Город Мамоны».

ПЕРЕПИСКА С О. О. ГРУЗЕНБЕРГОМ

Предисловие, публикация и комментарии
Ф. Н. Пицкель

Переписка Горького с крупнейшим петербургским адвокатом (присяжным поверенным) О. О. Грузенбергом (1866—1940) охватывает как предреволюционные, так и послереволюционные годы; в ней нашли отражение существенные моменты жизни и творчества Горького, многие проблемы литературной и политической жизни эпохи.

Грузенберг сыграл немаловажную роль в жизни Горького. В переписке часто речь идет о тех или иных судебных делах, которые вел Грузенберг как защитник Горького (знаменитое дело о воззвании по поводу 9 января 1905 г., спасение от гибели попавших под цензурный арест произведений Горького и многих других писателей, издававшихся в горьковском «Знании», ведение многолетнего спора с бывшими пайщиками товарищества «Знание» братьями Протопоповыми, задолжавшими издательству крупную сумму). В силу дружеских отношений между Горьким и Грузенбергом, многогранности интересов корреспондентов, переписка во многих случаях касается не только деловых тем, но широкого круга вопросов литературных и социально-политических.

Взаимоотношения писателя и его защитника, на наш взгляд, недостаточно привлекали внимание биографов Горького. Настоящая переписка дает возможность отчетливо увидеть этого незаурядного человека, пользовавшегося доверием и уважением Горького.

Оскар Осипович Грузенберг родился в Екатеринославе в семье купца 2-й гильдии. В 1889 г. окончил юридический факультет Киевского университета, затем переехал в Петербург, где протекала его деятельность. Он многократно выступал по крупнейшим политическим и литературным делам. Защищал не только Горького, но и В. Г. Короленко, С. А. Венгерова, Н. Ф. Анненского, А. В. Пешехонова и др., стоял во главе защиты в деле первого Совета рабочих депутатов, в той же роли участвовал в процессе по делу Бейлиса.

К Грузенбергу обращался также Г. В. Плеханов в связи со своим намерением возвратиться из эмиграции в Россию после первой русской революции. В письме от 21 июня/4 июля 1906 г. Л. И. Аксельрод сообщала Плеханову: «Была у Грузенберга и говорила с ним о Вашем приезде. Он твердо уверен, что с юридической стороны нет и не может быть никаких препятствий ⟨...⟩ Но одно дело юридическая сторона, другое дело полицейская, произвол, который царствует теперь, как и прежде. Словом, Грузенберг того мнения, что полиция Вас все-таки может тревожить без всякого на то юридического основания. Он поэтому того мнения, что Вам все-таки лучше обождать» [1].

После Февральской революции Грузенберг был назначен сенатором Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената.

В апреле 1918 г., как пишет он Горькому в одном из позднейших писем, «после перенесенного двустороннего воспаления легких» уехал «на юг в расчете вернуться через несколько месяцев». Однако вскоре последовала эмиграция. С 1921 по 1923 г. Грузенберг жил в Берлине, затем переехал в Ниццу, где находился до 1926 г. С 1926 по 1932 г. жил и работал в Риге. В начале 30-х годов состояние здоровья Грузенберга заставило его переехать на юг, в Ниццу, где он и умер.

Имя Грузенберга начинает мелькать в переписке Горького с Пятницким, директором-распорядителем издательства «Знание», с 1902 г. Желая избавить Чехова от кабального договора с книгоиздателем А. Ф. Марксом, Горький попросил Пятницкого обратиться в связи с делом Чехова к Грузенбергу. В декабре 1902 г.

Пятницкий сообщил Горькому: «Грузенберг только перед праздником вернулся из Тифлиса. 26 декабря я говорил с ним о деле Антона Павловича Чехова» (*АГ*). В середине марта 1903 г. Горький снова пишет Пятницкому о Чехове, упоминая при этом Грузенберга [2].

Личное знакомство с Горьким Грузенберг относит в своих мемуарах «О Максиме Горьком» ко второй половине 1904 г. (*АГ*), но произошло оно, видимо, раньше. Е. Д. Стасова рассказывает: «...я прекрасно помню вечер, устроенный в 1903 году на квартире известного петербургского адвоката О. О. Грузенберга, где писатель читал только что написанную им поэму „Человек“» [3]. Это был вечер, устроенный в пользу кассы партии большевиков в конце ноября или начале декабря 1903 г.

О своем знакомстве с Горьким Грузенберг пишет: «Я узнал Горького в пору его сумасшедшей славы,— той славы, когда герой становится легендою еще при жизни. В славе этой примечательно то, что пришла она быстро, без рекламы и во всяком случае без малейшей саморекламы.

Горький — один из немногих русских писателей, проникших в народную толщу и ставших ей близким: в ней он — свой, родной, не по хорошему мил, а по милу хорош.

Во второй половине 1904 г. он обратился ко мне с просьбою помочь ему в организации защиты одной провинциальной группы общественных работников, а через полгода стал моим подзащитным. С тех пор знакомство наше, перешедшее если не в дружбу, то в приязнь, продолжалось много лет» (*АГ*).

С 1905 г. Грузенберг становится защитником Горького во всех важнейших процессах. В благодарность за успешно проведенное дело в связи с обвинением писателя в составлении воззвания по поводу 9 января 1905 г. Горький подарил Грузенбергу шесть томов своего Собрания сочинений с дарственной надписью на заглавной странице первого тома: «Моему уважаемому защитнику Оскару Осиповичу Грузенбергу с чувством искренней благодарности и с горячей симпатией к нему — человеку». И далее — стихи из пьесы «Дети солнца»:

Как искры в туче дыма черной,
Средь этой жизни мы одни...
Но мы в ней будущего зерна,
Мы в ней грядущего огни!
Мы честно служим в светлом храме
Свободы, Правды, Красоты
Затем, чтоб гордыми орлами
Слепые выросли кроты!

Надпись датирована 5 июля 1905 г. (Там же).

Позднее Горький подарил Грузенбергу также свою повесть «Исповедь».

Из воспоминаний Грузенберга известно о поездке его к Горькому на Капри, которую сам Грузенберг датировал сначала 1913-м (Там же), а затем — 1909 г. [4] В действительности поездка состоялась в начале 20-х чисел апреля 1908 г. Около 22 апреля/5 мая 1908 г. М. Ф. Андреева писала своей сестре Е. Ф. Крит: «...вчера приехал Грузенберг ⟨...⟩ сегодня днем Грузенберги обедали у нас» (*АГ*).

«Приехал я с женою поздним вечером,— рассказывает Грузенберг в своих мемуарах,— заехали в гостиницу, а на другой день в десятом часу отправились к Горькому. Я увидал облупленный снаружи наемный дом, о котором петербургские „друзья“ Горького говорили и писали в газетах как о роскошной собственной вилле. Обижаться не приходится: из любви к Горькому они, вероятно, находили, что большому русскому писателю „надо наслаждаться постом и купаться в лишениях“.

Обстановка в этой вилле была жалкая, а в столовой стоял длинный некрашеный, на козлах, стол, какой ставили обычно в экономиях средней руки для рабочих,— и то не своих, а „сроковых“ (срочных). Накормил он нас и прочих гостей — прости ему бог!— неважно. Мы застали на „вилле“ много народу: усыновленного Горьким Зиновия Алексеевича (родного брата ставшего впоследствии пред-

седателем ВЦИКа Свердлова), Луначарского, Шаляпина и Малиновского-Богданова ⟨...⟩ потом при мне завязался у Горького разговор с Луначарским. Горький говорил о своем плане устроить на Капри школу пропагандистов, причем подсчитывал, во сколько это ему обойдется. Я мрачно слушал и думал: „Ну, вот, только этого недоставало; насилу вырвались из процесса о „воззвании", у судебных следователей лежит уйма литературных дел по суровой 129 статье с постановлением о привлечении Горького в качестве обвиняемого, а тут еще новая, более опасная затея. Не скоро Горький увидит Россию"» (Там же).

И еще одна встреча, последняя, Горького и Грузенберга состоялась вне пределов России. Это было в начале 20-х годов, когда Горький приехал в Берлин, а Грузенберг жил там. «...Мы вместе просмотрели его письма ко мне, и я получил разрешение на их опубликование»[5],— вспоминает Грузенберг. С. О. Грузенберг, брат адвоката, датирует эту встречу, со слов О. О. Грузенберга, 1923 г. 21 мая 1935 г. он писал Горькому: «... по словам Оскара Осиповича, он еще в 1923 году получил от Вас разрешение на опубликование Ваших писем к нему» (*АГ*). То же он повторил в письме к П. П. Крючкову 11 июня 1935 г. (*АГ*).

Грузенберг не раз писал воспоминания и рассказывал о встречах с Горьким. Так, в 1926 г. он читал публичные лекции о некоторых своих подзащитных, в том числе и о Горьком. 15 апреля 1928 г. он писал Горькому из Риги: «Если до Вас доходят здешние газеты, то ⟨...⟩ Вы знакомы и с тем, что я высказал о Вас, не считаясь с настроением местной печати и обслуживаемых ею кругов» (п. 29).

В 1935 г. написаны цитируемые выше воспоминания Грузенберга «О Максиме Горьком». Они создавались по предложению С. Д. Балухатого и в сентябре 1935 г. были посланы Грузенбергом на просмотр Горькому, который сделал на рукописи ряд помет. В несколько сокращенном виде воспоминания были напечатаны в кн.: *Грузенберг О. О.* Вчера: Воспоминания. Париж, ⟨1938⟩. С. 177–194. После смерти Грузенберга вышла кн.: *Грузенберг О. О.* Очерки и речи. Нью-Йорк, 1944, в которой опубликованы письма к нему Горького.

Грузенберг не принадлежал к числу «злобствующих» эмигрантов. Наоборот. И в эмиграции он продолжал любить свою родину и с горячим участием относился к ее судьбе, что явственно проступает и в приводимых письмах, и в других документах. 30 декабря 1923 г. он писал из Ниццы А. Ф. Кони: «Обо мне... Обо мне, что ж... Умирал,— не умер, воскресал,— не воскрес.

Недостает мне России — вот что. Недостает и ничем не заменить этой недостачи. Никогда я не думал, что так люблю ее ⟨...⟩ Вернуться домой – недолго. Не снесу климата (ясно, что должны были быть очень серьезные основания, если я сломал налаженную дешевую берлинскую жизнь и двинулся сюда, в одиночество, ибо здесь из русских — только зубры!)».

«Вернуться домой»... Как человек, оторванный от родины и знавший понаслышке о совершающихся в ней переменах, Грузенберг представлял себе нэп как господство буржуа. Это заблуждение тоже не давало разгореться теплящемуся в душе желанию возвратиться домой: «буржуев» он очень не жаловал. «... Если пренебречь вопросом о климате,— пишет он далее в этом же письме,— что же я стану дома делать? Служить нэповцам?! Еще года за 3 до революции, когда на одном из чествований некий самодовольный буржуй стал в своей речи слишком тискать меня своей любовью, я не вытерпел и бухнул: „Единственный дом, где я охотно посещаю буржуазию,— это дом предварительного заключения"»[6].

Трагически звучит последнее из публикуемых писем Грузенберга Горькому от 28 сентября 1935 г., в котором он предвидит неизбежность германского нашествия и в котором с огромной силой проступает его боль за родину и любовь к ней.

Переписка Горького с Грузенбергом, хранящаяся в *АГ*, охватывает целое 30-летие — с 1905 по 1935 г. Наиболее интенсивная ее часть относится к каприйскому периоду жизни Горького. После 1925 г. письма Горького отсутствуют или

не разысканы. Грузенберг же писал Горькому 15 апреля 1928 г. из Риги, 16 мая и 30 сентября 1933 г. из Ниццы и оттуда же — 28 сентября 1935 г.

В настоящей публикации печатаются 11 писем и 3 телеграммы Горького и 15 писем и 2 телеграммы Грузенберга. За пределами публикации оставлены следующие материалы.

В копировальной книге Пятницкого (*АГ*) имеется запись телеграммы, посланной Грузенбергу в Висбаден 3/16 сентября 1905 г.:

«Наиболее удобный исход третейский суд товарищей снеситесь по этому вопросу Иваном Павловичем[7] желательно наложить запрещение текущие поступления привет

Пешков»

Речь идет о Парвусе (псевдоним А. Л. Гельфанда), одном из деятелей немецкой социал-демократии. Парвус присвоил деньги, которые получал по доверенности Горького от немецких театров за постановку «На дне». Эта же телеграмма приведена Грузенбергом в его воспоминаниях «О Максиме Горьком». «Горький поручил мне ведение этого дела»,– пишет Грузенберг.

Читая цитируемые воспоминания, присланные ему автором в 1935 г., Горький рядом с текстом приведенной телеграммы сделал помету: «Не моя телеграмма, Пятницкого. Первый раз читаю ее».

Конечно, по прошествии 30 лет Горький мог забыть о телеграмме, посланной Пятницким от его имени вряд ли без согласования с ним, однако, считаясь с замечанием Горького и учитывая спорность вопроса, телеграмма в состав корреспонденции Горького не включена.

Не включен также отрывок чернового автографа начатой телеграммы, относящийся к осени 1911 г., сделанный на одном листке с черновиком телеграммы Амфитеатрову. Запись произведена частично чернилами, частично карандашом, указан адрес Грузенберга и далее лишь одно слово: «Присоединяюсь». См.: Г—А, п. от 1 декабря 1911 г. и прим. к нему.

Из писем Грузенберга не печатается письмо от 16 мая 1933 г., адресованное в Сорренто, по той причине, что содержание его почти полностью было повторено в письме от 30 сентября 1933 г., после того как Грузенберг узнал, что Горький из Сорренто выехал в СССР и первого письма, возможно, не получит.

Некоторые письма Горького были ранее напечатаны в вышедших за рубежом книгах О. О. Грузенберга: «Вчера. Воспоминания» (с сокращениями) и «Очерки и речи» (полностью) — это п. 1, 3, 8, 21. П. 14 впервые с сокращениями появилось в газете «Последние новости» (Париж, 1936, № 5603, 27 июля) в статье Грузенберга «О Максиме Горьком» и полностью напечатано в книге «Очерки и речи». Впервые в книге «Очерки и речи» напечатаны п. 11, 13, 17, 23, 26, 28.

Все эти письма приводятся и в настоящем издании. 5 из них – п. 1, 4, 13, 14, 21 – впервые печатаются по автографам, п. 11 – по машинописи (*АГ*), которые во многих случаях исправляют ошибки, вкравшиеся в указанные публикации. Уточнена и исправлена датировка многих писем.

Телеграмма Горького от 20 ноября / 3 декабря 1909 г. напечатана в *9*, 572. Телеграммы 15, 19 публикуются впервые. Также впервые публикуются все письма (автографы) и телеграммы Грузенберга (*АГ*).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дом Плеханова, ф. 1093, ед. хр. В. 8. 84.
[2] *Арх. Г.* Т. IV. С. 123.
[3] *М. Горький в эпоху революции 1905–1907 годов.* С. 69.
[4] *Грузенберг О. О.* Вчера: Воспоминания. Париж, (1938). С. 182.
[5] Там же. С. 177.
[6] *ИРЛИ*, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 490.
[7] Имеется в виду И. П. Ладыжников.

1. ГОРЬКИЙ – ГРУЗЕНБЕРГУ

(Москва. Ноябрь, после 4, 1905 г.)

Дорогой Оскар Осипович!

Думаю, что теперь уже не стоит мне вступать в прю с прокурорами — дадим им амнистию [1] и — да исчезнут!

А здоровье мое — неприятно. Был большой плеврит. Вот уже месяц сижу дома с компрессами, мушками и прочими неудобствами. Кожа раздражена, нервы — того больше. Зол, как черт.

Супруге вашей кланяюсь и жму руку Вам. Думаю, что скоро доктор меня выпустит на волю, тогда приеду в Питер [2] и увижу Вас.

А. Пешков

Датируется как написанное после прекращения (4 нояб. 1905 г.) дела по обвинению Горького в составлении воззвания («Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств») (XXIII, 333–336). В кн. О. Грузенберга «Очерки и речи» (Нью-Йорк, 1944. С. 225) ошибочно датируется декабрем 1906 г.

[1] 8 января 1905 г. депутация, состоявшая из литераторов и общественных деятелей, в которую входил Горький, предприняла попытку воздействовать на крупнейших царских сановников с целью предотвратить кровавое побоище, устроенное царским правительством 9 января 1905 г. После неудачи этой попытки и свершившегося преступления Горьким был написан проект воззвания, обращенного ко «всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств», рукопись которого при обыске в ночь на 11 января 1905 г. была обнаружена у другого члена депутации, присяжного поверенного Е. И. Кедрина. Горький был арестован 11 января, доставлен в Петропавловскую крепость и заключен в отдельную камеру Трубецкого бастиона. Ему было предъявлено обвинение в составлении воззвания по поводу 9 января, возбуждающего к ниспровержению существующего строя. В обвинительном акте товарища прокурора Петербургской судебной палаты Камышанского по делу Горького говорилось: «...рукопись, по словам Пешкова, написана им под впечатлением ужаснувших его событий 9 января в намерении послать ее министру внутренних дел, а также разослать в редакции петербургских газет в надежде, что в которой-нибудь из них она будет напечатана, несмотря на резкое ее содержание. Поводом к ее составлению послужили, по словам обвиняемого, следующие обстоятельства: приехав в Петербург 4 января, Пешков, как из газетных сообщений, так и из рассказов разных лиц узнал, что столичные рабочие, под влиянием и руководством священника „Агафона"* собираются 9 января идти на Дворцовую площадь для вручения государю императору петиции с изложением своих требований (...) „Слыша (...) что против рабочих принимаются меры с целью не допустить их ко дворцу, и ясно понимая неизбежность столкновения", Пешков вечером 8 января „случайно зашел в редакцию газеты 'Наши дни'", где „застал большое собрание, занятое горячим обсуждением назначенного на завтра шествия рабочих на Дворцовую площадь". Приняв участие в этом совещании, Пешков предложил собравшимся послать из своей среды депутацию к министру внутренних дел с целью представить на его усмотрение все известные им факты и просить его, „как министра и человека" принять „все для него возможные меры" к предотвращению почти неизбежного столкновения рабочих с полицией и войсками. Предложение это было принято, и тотчас же была избрана депутация, в состав которой, кроме Пешкова, вошли литераторы Арсеньев, Анненский, Пешехонов и Мякотин, историки Кареев и Семевский, присяжный поверенный Кедрин и один рабочий. Подробности посещения этой депутацией министра внутренних дел и других лиц изложены, по словам Пешкова, в вышеприведенной рукописи, которая была составлена им на следующий день по собственной инициативе, без ведома входивших в состав депутации лиц, причем он предполагал дать ей распространение лишь в том случае, если бы лица эти одобрили ее содержание. С этой целью, справившись у посетивших его в тот же день знакомых о том, где бы он мог увидеться вечером с кем-нибудь из членов депутации, и узнав, что нужные ему лица, вероятно, будут в собрании Вольно-экономического общества, Пешков отправился туда и, встретив одного из членов депутации, передал ему рукопись со словами: „Посмотрите, пожалуйста, можете изменить ее, как угодно; я отказываюсь от авторских прав на эту статью".

Произведенной на дознании экспертизой установлено, что найденная у Кедрина рукопись написана рукой Алексея Пешкова.

На основании изложенного нижегородский цеховой Алексей Максимов Пешков, 35 лет, обвиняется в том, что 9 января 1905 года в С.-Петербурге составил с целью

* Так в тексте. Имеется в виду Гапон.

распространения воззвание, возбуждающее к ниспровержению существующего в государстве общественного строя, причем распространение означенного воззвания не последовало по обстоятельствам, от воли Пешкова не зависевшим.

Описанное преступление предусмотрено 1 п. 132 ст. Угол(овного) суд(опроизводства), а потому, на основании 1 п. 132 ст. Угол(овного) суд(опроизводства) названный Алексей Пешков подлежит суду С.-Петербургской судебной палаты без участия сословных представителей» (Исторический архив. 1955. № 1. С. 113—114). Некоторые подробности, уточняющие обстоятельства ареста Горького, см. в статье И. Новича «Еще о „деле" М. Горького в 1905 году» (Новый мир. 1959. № 3. С. 221—225). 14 февраля 1905 г. Горький был освобожден под залог и под конвоем доставлен на Балтийский вокзал. Вечером этого дня он вместе с М. Ф. Андреевой выехал в Ригу в сопровождении сотрудника охранного отделения.

Защиту Горького вел Грузенберг, который в своих воспоминаниях рассказывает: «Дело получило внеочередной ход и было назначено на 3-е мая. Ввиду того, что у меня как раз была защита в Риге, я взял приватно, для вручения Горькому, обвинительный акт, дабы он не был переслан через Рижскую полицию, которая совместно с баронами-собственниками почти всего Взморья выжила бы его с дачи ⟨...⟩ Застал я его больным, но совершенно бодрым. К делу своему он относился с полным равнодушием и строил планы литературной работы в тюрьме. Это настроение полной безнадежности разделяла и его друг NN ⟨М. Ф. Андреева⟩. Она сказала мне: „Смешно думать, что процесс об Алексее Максимовиче поставлен для того, чтобы его оправдать; ясное дело, что он будет осужден и приговорен в максимальном размере". Я ответил ей, что безнадежных дел нет, а есть только безнадежное к ним отношение ⟨...⟩

Вернувшись в Петербург, я узнал, что от прокурора Судебной палаты поступило требование о закрытии дверей судебного заседания на все время слушания дела — вплоть до приговора. Я понял выработанный министерством юстиции план: лишить этот процесс общественного контроля и поставить общество перед фактом осуждения ⟨...⟩

Подумав день-другой, я пришел к заключению, что в самой постановке дела получила место юридическая ошибка, обусловленная недостаточным в то время знанием нового Уголовного уложения, которое еще мало применялось ⟨...⟩ Я решил в прошении о вызове свидетелей изложить все дело и мои юридические доводы, привести целиком воззвание Горького,— последнее с той целью, чтобы пролитая 9-го января народная кровь была бы хоть морально отомщена ⟨...⟩ Прошение мое я отдал в печать» (*Грузенберг О. О.* О Максиме Горьком // *АГ*). Прошение Грузенберга в Петербургскую судебную палату было напечатано 6 апреля 1905 г. В нем Грузенберг обосновывает неприменимость к Горькому предъявленной ему статьи обвинения: «...применение 1 п. 132 ст. угол. улож., по которой обвиняется мой доверитель, возможно лишь только тогда и постольку, когда и поскольку установлено, что вполне законченное воззвание передано другому для набора, переписки или размножения каким-либо иным путем. Между тем по настоящему делу ⟨...⟩ ясно, что инкриминируемое ему ⟨Пешкову⟩ воззвание составляет лишь проект ⟨...⟩ все его содержание, весь его смысл и все назначение поставлены в зависимость от одобрения или неодобрения членов депутации ⟨...⟩ При таком положении в настоящем деле отсутствует не только указанное выше объективное условие наказуемости составления воззвания, но и самое воззвание. Мы имеем лишь случай проекта воззвания, обнаружение лишь мысли, чувства и настроения, но не действие». Далее Грузенберг требует вызова в судебное заседание П. Д. Святополк-Мирского, С. Ю. Витте и К. Н. Рыдзевского и протестует против намерения прокурора вести процесс при закрытых дверях: «...прокурор Спб. судебной палаты отождествляет свои права с правами г. министра юстиции: только последний может без мотивировки потребовать закрытия дверей». Прошение завершается утверждением, что «не представляется основания к закрытию дверей судебного заседания по этому делу и к отправлению в тайне правосудия над писателем, участь которого вызывает усиленные тревоги не только на его родине, но и во всем культурном мире» (Биржевые ведомости. 1905. № 8760. 6 апр. В тот же день напечатано также: Новости и биржевая газета. № 88).

Об окончании этого дела Грузенберг пишет: «Министерство и прокуратура не могли не понять своей ошибки, когда она была демонстрирована ⟨...⟩ Дело пролежало у судебного следователя без движения несколько месяцев и было ликвидировано подведением под один из манифестов об амнистии» (*Грузенберг О. О.* Вчера: Воспоминания. С. 190).

Несомненно, что освобождению Горького способствовал и тот взрыв общественного негодования и протестов, которым сопровождался его арест и в России, и за границей. Многочисленные требования освободить Горького поступали в адрес правительства. Распространялись листовки революционного содержания, подобные следующей: «Свобода Горькому, борцу за волю, певцу свободного слова! Да здравствуют все смело идущие на бой за пролетарское дело, за политическую свободу! ⟨...⟩ Долой царское правительство, давящее мысль, гнетущее и разоряющее русский народ! ⟨...⟩ На волю всех политических узников!» (Исторический архив.

1955. № 1. С. 110 Там же: «Ходатайство» комитета Литературного фонда об освобождении А. М. Горького из-под ареста, посланное управляющему Министерством юстиции С. С. Манухину от 14 февр. 1905 г.)

Газ. «Berliner Tageblatt» обратилась к представителям немецкой науки, литературы, искусства и общественной жизни с воззванием «Спасите Горького!». Воззвание подписали видные писатели, общественные деятели и ученые. Протест против ареста Горького печатался во французской социалистической газ. «L'Humanité». Во многих городах проходили демонстрации в защиту Горького.

Сам Грузенберг рассказывает: «Помню бесконечный ряд телеграмм из-за границы на адрес Совета присяжных поверенных от ученых, писателей и адвокатов. Во всех них одна и та же тревога по поводу предстоящего суда: оберечь Горького от злобной мстительности властей, дать ему надежного защитника. Особенно врезалась в память своеобразием редакции телеграмма (от 30 апреля 1905 г.) адвокатуры небольшого итальянского города Трани: „Председателю Сословия Адвокатов в Петербурге.— Наш совет Сословия Адвокатов выражает во имя всеобщей гарантии прав защиты пожелание, чтобы права эти не были нарушены по отношению к мыслителю Максиму Горькому. Президент Дасканно“» (*АГ*).

Умелые действия Грузенберга в борьбе с царским судом вызвали восхищение Горького, и он дважды писал Пятницкому: «А он молодчина, Грузенберг-то, скажу еще раз» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 181); «А Грузенберг — еще раз — молодчина! Скажите это ему при встрече» (Там же. С. 182)

Горький отвечает на письмо Грузенберга, о котором последний рассказывает так: «По присущей мне в ту пору драчливости я не хотел дать амнистию министерству и написал Горькому: не отказаться ли нам от амнистии и не потребовать ли слушания дела...» (*Грузенберг О. О.* Вчера: Воспоминания. С. 190).

Несколько ранее, 26 июля 1905 г., Грузенберг выразил свое мнение по этому поводу в письме к Пятницкому: «Если будет издан манифест и под него подведут и Алекс. Макс.,— то полагаю, что он уполномочит меня требовать все-таки суда. Иначе манифест будет милостью для невежественной прокуратуры. Невиновные в милости не нуждаются» (*АГ*).

Следует отметить, что в первое время после ареста сам Горький был «за суд» и намеревался выступить на нем с речью, публично клеймящей антинародную политику правительства. 27 февраля ⟨12 марта⟩ 1905 г. он писал Пятницкому: «...об уклонении от суда не может быть речи, напротив — необходимо, чтоб меня судили ⟨...⟩ это даст мне превосходное основание объяснить Европе, почему именно я „революционер“ и каковы мотивы моего „преступления против существующего порядка“ избиения мирных и безоружных жителей России, включая и детей» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 177).

Однако впоследствии, в связи с ростом массового революционного движения и вооруженной борьбы против царизма, выступление на суде, видимо, отошло для него на второй план.

[2] Приезд в Петербург состоялся 27 ноября 1905 г. См: *ЛЖТ*. Вып. 2. С. 564.

2. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

Сестрорецк. 17⟨30⟩ авг⟨уста⟩ 908 г.

Спасибо Вам, дорогой Алексей Максимович, за добрую память — присыл «Исповеди» [1], но еще большее спасибо за то, что написали ее.

Не то важно, во что Вы верите, а дороги те сила и страсть, которыми Вы ее одухотворяете.

Валятся религиозные кумиры, умирают идеалы, но огненные вехи, к ним ведшие, напоминают людям, что можно не найти бога, но нельзя не искать его.

За вашу бессонную мысль, за беспокойную душу и жгущее слово крепко-крепко обнимаю Вас.

Не знаю, что скажут гг. критики (пока они пролепетали что-то детски-немощное) [2], но я глубоко уверен, что многие страницы «Исповеди» переживут и автора ее, и самых юных ее читателей.

Посылаю Вам критические заметки о вашей повести «Мать» цензурного ведомства [3]. По-моему, оно верно оценило ее силу и значение для рабочего движения.

Из-за них, заметок этих, я задержался со своим письмом: только на днях получил копию.

Крепко обнимаю Вас, хороший Алексей Максимович, и шлю низкий поклон Марье Федоровне.

Роза Гавриловна[4] сердечно приветствует вас обоих.
Преданный весь Вам

О. Грузенберг

P. S. Ко мне обратились с просьбою защищать Арцыбашева за или от Санина[5]. Не знаю — как быть?

— Как вы скажете?

— Протелеграфируйте мне: СПбург, Бассейная 7.

Так поступлю, как скажете.

В конце письма помета Горького красным карандашом: «Отвечено».

[1] Повесть была закончена в первых числах марта 1908 г., вышла в свет летом того же года в изд. Ладыжникова и почти одновременно в XXIII *сб. «Знания»* за 1908 г.

[2] Сложное по содержанию произведение Горького сразу же вызвало противоречивые отзывы. Некоторые критики подняли на щит «богостроительские» тенденции, сказавшиеся в повести, выдавая их за «обновление» творчества писателя, отход от революционных позиций. Однако многие из подобных критиков были смущены демократизмом произведения, не находя ему объяснения со своих позиций. Утверждая, что в повести слышатся «фальшивые ноты», И. Н. Игнатов в ст. «Литературные отголоски» недоумевал: «...широкое, всеобъемлющее учение сводится к необыкновенно узкому заключению: возвращайся к работе в рабочих организациях „всемирного богостроительства ради“» (Рус. ведомости. 1908. № 173. 26 июля). Н. Курбский в ст. «Две исповеди. (Новые произведения М. Горького „Исповедь“ и „Жизнь ненужного человека“)», наоборот, увидел в произведении поиск социальной правды, противопоставленный религиозным исканиям: «...в ранней молодости, переживая пору религиозных исканий, будущий писатель сам исходил немало монастырей, вел беседы о вере с сотней сведущих и на то поставленных людей. И везде с мукой душевной в ответ на свой духовный голод находил одну пустую мякину. Переживает эти муки и Матвей и после монастырей идет на завод, где ставит крест над религиозными исканиями и начинает искать правды социальной...» (Рус. слово. 1908. № 146. 25 июня).

[3] Грузенберг послал Горькому копию «Дела № 385 Главного управления по делам печати», в составе которого было отношение С.-Петербургского комитета по делам печати от 3 августа 1907 г., направленное прокурору С.-Петербургской судебной палаты, в котором на основании пространного доклада цензора Федорова, подробно разбирающего повесть и демонстрирующего на конкретных примерах «крамольный» смысл ее сцен и образов, обосновывалось наложение ареста на XVI и XVIII *сб. «Знания»*, содержащие главы произведения, и предписывалось возбудить судебное преследование против автора и лиц, виновных в напечатании его (*АГ*). См. также *8*, 438—440.

Дело это было послано Горькому по его просьбе. См. п. Г. Ф. Вебера Пятницкому от 26 июня 1908 г. (*АГ*).

[4] Роза Гавриловна — жена Грузенберга.

[5] Против кн. М. П. Арцыбашева «Санин» в связи с выходом в свет второго издания романа (1908) было возбуждено судебное преследование по статье о порнографии.

3. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

(Капри. 8/21 сентября 1908 г.)

Дорогой Оскар Осипович!

Удивили Вы меня вашим вопросом — защищать ли Арцыбашева?

Мне кажется, что в данном случае — нет вопроса: на мой взгляд, дело не в том, что некто написал апологию животного начала в человеке, а в том, что глупцы, командующие нами, считают себя вправе судить человека за его мнения, насиловать свободу его мысли, наказывать его — за что?

Что такое — писатель? Тот или иной строй нервов, так или иначе организуемый давлением психической атмосферы, окружающей его. Человек наших дней мучительно беззащитен от влияний среды, часто враждебных ему,— беззащитен, потому что психически беден, бессилен. Подбор впечатлений, западающих в душу — вместилище опыта,— не зависит от воли Арцыбашева, Тимофеева[1], Иванова[2]. Тимофеев, быть может, очень целомудренный и чистый парень, но количество и качество воспринятых им наблюдений над действительностью невольно заста-

вит его избрать героем своим Дю-Лю [3]. И очень возможно, что Санин противен Арцыбашеву не менее, чем мне. Может быть, Санин плохо изображен,— но можем ли мы утверждать, что он выдуман?

Вы извините меня за грубое сравнение, но — многое в современной литературе похоже на рвоту. Люди отравлены впечатлениями бытия и — хворают. У огромного большинства ныне пишущих не достаточно развита,— а у многих и совершенно не развита,— способность организма к сопротивлению социальным ядам, проникающим в него. Психика — неустойчивая, всегда тревожно колеблющаяся. Прибавьте к этому впечатлительность, почти болезненно повышенную, и полное отсутствие того корректива, который способен произвести внутри, в мозгу писателя, работу отбора впечатлений, организацию их. Мне кажется, что этот корректив — ощущение мира как процесса активного, динамического, процесса, в котором все временно, только движение вечно. Знаю, есть люди, утверждающие, будто движение это — бессмысленно, оскорбительно для гордости человеческой,— но знаю также, что всего менее истинно человеческой гордости именно у тех, кто о ней говорит часто и громко. А для меня жизнь полна смысла,— она великолепнейший процесс накопления психической энергии,— процесс очевидный, не отрицаемый и, может быть,— способный даже мертвую материю превратить в чувствующую и мыслящую.

Но — мои взгляды излишни в данном случае, и я извиняюсь, что сбился с линии. Ваш вопрос, повторяю, удивил меня очень,— в нем слишком громко звучит для моего уха то печальное разобщение людей, та психическая разбитость, отчужденность, которая и губит стольких в наши боевые дни.

И еще раз — извиняюсь, но должен сказать, что мы поступили бы разумнее и красивей,— если бы объединялись на защите одного из наших — Арцыбашева, как в данном случае, или кого-либо иного, все равно! Наш враг — пошлость, в которой вязнут наши ноги по колена и которую так усердно и умно разводят в жизни те, кому пошлость необходима, как грязный ров, преграждающий доступ в крепость их.

Процесс против Арцыбашева — пошл и нагл, как все эти так называемые «литературные» процессы.

Спасибо Вам за доклад о «Матери» [4]. Он мне показался очень глупым,— да не обидятся люди из комитета глупостей по делам печати.

Но в этом есть и нечто досадное для меня: обращая на меня столь часто свое внимание, все эти начальства сильно способствовали моей т. н. «популярности», продолжают способствовать и теперь. Это мешает жить, как, напр., мешают блохи, москиты и иные насекомые. Не думайте, что я рисуюсь, но неприятно, когда о человеке пишут в газетах. По-моему, это допустимо лишь в тех случаях, когда трамвай сломает тебе ногу, или ты кончишь самоубийством, или публично поцелуешь незнакомую даму без ее разрешения.

Ну, вот сколько я наболтал! Вы, однажды, жаловались, что не пишу — вот вам!

Розе Гавриловне мой сердечный привет. М〈ария〉 Ф〈едоровна〉 — кланяется.

Жму вашу руку. И очень благодарю.

На днях здесь был Буренин, много говорили о вас [5].

Всего доброго!

А. Пешков

Печатается по первой полной публикации в кн. Грузенберга «Очерки и речи» (С. 225—227) с исправлением двух опечаток по машинописи и кн. Грузенберга «Вчера». На с. 1001 строка 19 печатается: «процесс очевидный, не отрицаемый» вместо «процесс очевидный, не отрицательный»; здесь же строка 50: «говорили» вместо «говорил».

Датируется по воспоминаниям Грузенберга «О Максиме Горьком» (*АГ*), публикации в газ. «Последние новости» (Париж, 1936, № 5601, 25 июля).

[1] Борис Александрович *Тимофеев* — писатель, медик по образованию, автор повести «Сухие сучки», которую Горький рекомендовал в 1912 г. к напечатанию в журн. «Современник».

[2] Трудно сказать, кого подразумевает Горький в данном случае; скорей фамилия «Иванов» употреблена им отвлеченно-символически, без ориентации на конкретную личность.

[3] В воспоминаниях Грузенберга имеется подстрочное примечание: «Дю-лю — герой разбиравшегося в Петербурге процесса о совращении малолетних» (*АГ*). О «чиновнике Дюлу, изнасиловавшем десяток малолетних девушек» Горький упоминает позднее в обращении «Вниманию культурных людей» (1910) (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 65).

[4] См. п. 2, прим. 3.

[5] Николай Евгеньевич *Буренин* (1874—1962) — в период революции 1905—1907 гг. входил в боевую техническую группу при ЦК РСДРП, в 1906 г. по поручению большевистской партии сопровождал Горького в Америку.

Буренин гостил у Горького на Капри в августе 1908 г., вскоре после освобождения из «Крестов», куда был заключен в июле 1907 г. по обвинению в хранении нелегальной литературы и оружия. «Если будут судить,— зовите Оскара Осиповича Грузенберга».— писала Буренину М. Ф. Андреева (*АГ*). Буренин последовал этому совету, идущему, видимо, от Горького. Грузенберг сумел добиться его оправдания и освобождения. См.: *Буренин Н. Е.* Памятные годы: Воспоминания. Л., 1967. С. 209, а также воспоминания Грузенберга «О Максиме Горьком» (*АГ*). Ок. 9/22 апреля 1908 г. Горький писал Е. П. Пешковой: «Вчера, после 10 месяцев заключения в Крестах, оправдан судом Евгеньич» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 50).

4. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

‹Петербург.› 12‹25› сент‹ября› 1908 г.

Дорогой Алексей Максимович.

Письмо ваше опоздало — и я этому рад.

За три дня до получения его я отказал Арцыбашеву — и отказал мотивированно: я не сочувствую «Санину» — ни как герою, ни как книге, хотя она, местами, талантлива.

Я это сделал не наобум: прочел внимательно эту книгу и подумал над нею[1].

Я не могу согласиться с вашей точкой зрения, так как она — вне поля обсуждаемого вопроса.

Не в том дело — право ли правительство, возбуждая против него дело, а прав ли Арцыбашев, кичливо воспевая безбилетного пассажира, который прыгает из поезда — вовсе не навстречу восходящему солнцу, а спасаясь от контроля. Конечно, ему и не жаль бросить свой чемоданишко: ведь он, как удостоверяет и сам Арцыбашев, совершенно пустой[2].

Моя защита по *политическому* или *литературному делу* не есть профессиональный акт, а общественный факт. Если среди них, защит этих, есть дела, которые красят мою репутацию, то немало таких, которым я даю репутацию. И мне было бы тяжело, если бы в известной части общества «Санин» получил лишний шанс на распространение благодаря тому, что я прикрыл своим именем его антиобщественность и пошлость[3]. Зачем (высокая плата в таких делах не может иметь для меня значения), зачем я отдам свои нервы, страсть и уменье на защиту того, что во мне самом вызывает отвращение? Черт с ними, с этими певцами желудочно-половой поэзии.

Кстати, к характеристике Арцыбашева. На другой день после моего отказа является ко мне Петр Пильский; просит взять дело по обвинению Арцыбашева в клевете. Арцыбашев, недовольный критикою Пильского, особливо — лекционною, пустил про него слух о шантаже[4]. Дела этого я не принял, направил Пильского к другим коллегам, но хорош романист, так реагирующий на неприятную критику.

Всего доброго! Сердечный привет Марье Федоровне и Вам от Розы Гавриловны и меня, Марьей Федоровною столь нелюбимого.

Преданный Вам искренно

О. Грузенберг

[1] В воспоминаниях Грузенберг рассказывает: «Пока обернулись наши письма, я успел ознакомиться и с романом „Санин", и с его автором поближе. Арцыбашев оттолкнул меня своим самодовольством и нелепой кичливостью, что он — не русский, а татарин, что не любит России (не любишь,— зачем живешь в ней и кушаешь хлеб!). Раз, неизвестно для чего, обнажил руку и показал мне замысловатую татуировку.

Я ответил Горькому, что согласиться с ним не могу, что правительство тут ни при чем, ибо вопрос идет не о свободе творчества, а о свободе опубликования всякой пакости, что у меня от последней строчки „Санина" („Он выпрыгнул из вагона навстречу восходящему солнцу") заныли даже вставные зубы. Прыгать из вагона, на ходу поезда, навстречу восходящему солнцу, ему не было надобности: выпрыгнул же он как безбилетный (во всех смыслах) пассажир, заприметивший приближение контроля. Я считал себя тем более вправе уклониться от чести защиты „Санина", что при объяснении с прокуратурою я указал на невозможность для нее постановки этого процесса, так как она не возбуждала преследования в то долгое время, когда этот роман печатался в журнале,— стало быть, Арцыбашев вправе будет предъявить иск об убытках. Не знаю, подействовал ли этот аргумент или какое другое соображение, но преследование было прекращено, а книга освобождена и без меня» (*АГ*).

[2] Грузенберг говорит о заключительных страницах романа Арцыбашева (*Арцыбашев М.* Санин. 2-е изд. СПб.: «Жизнь», 1908).

[3] Текст письма со слов: «не есть профессиональный акт» — до слов: «его антиобщественность и пошлость» — отчеркнут Горьким на полях красным карандашом. Этим же карандашом Горький дополнительно подчеркнул слова «что я прикрыл своим именем его антиобщественность и пошлость».

[4] О романе Арцыбашева П. Пильский опубликовал ст. «Половая провокация» (см. в сб.: *Данилин Я.* Санин в свете русской критики. М.: кн-во «Заря», 1908. С. 62—69). Видимо, лекции Пильского развивали положения этой статьи.

Критикуя Арцыбашева, Пильский выступал и против произведений прогрессивной направленности. Горький в письме Ляцкому назвал его «провинциальным словотеком».

5. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

⟨Владикавказ. 9/⟨22⟩ января 1909 г.⟩

Дорогому Алексею Максимовичу сердечный привет.

Перед отходом вчера ночью поезда из Тифлиса взобрался на гору Давида[1] поглядеть на огни города. Встретил кнэза Чакро. Он разжился, открыл духан — и в святой честности своей стыдится недоразумения с вашими вещами. Он винит вашу нетерпеливость: «Гордый»,— говорит он про Вас.— «Я прышол, а он... ушол». Простите его[2].

Сердечный привет Марье Федор⟨овне⟩.

Ваш О. Грузенберг

Датируется по почт. шт.

[1] Гора Давида (по-грузински — Мтацминда) — вершина, доминирующая над городом Тбилиси, откуда открывается вид на город и Кавказский хребет. На ее склоне находится Пантеон —место захоронения А. С. Грибоедова и многих выдающихся деятелей Грузии.

[2] Чакро (точнее: Шакро) — герой рассказа Горького «Мой спутник», прототипом которого был некий Цулукидзе. См. о нем *1*, 539—540.

6. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

⟨Капри. 20 ноября/3 декабря 1909 г.⟩

Вы оказали бы мне большую услугу, если бы согласились поговорить с Б⟨ельгардом⟩[1] относительно «Лета»[2]. Прошу Вас, Оскар Осипович, помогите провести эту повесть и сборник. Буду очень благодарен. Привет.

Печатается по копии, приведенной в п. Пятницкого С. П. Боголюбову от 20 ноября/3 декабря 1909 г., в котором говорится: «А⟨лексей⟩ М⟨аксимович⟩ посылает сейчас телеграмму Грузенбергу». Далее Пятницкий воспроизводит текст телеграммы.

Датируется по этому же письму. Та же дата указана в *Дн. Пятницкого* (*АГ*).

[1] Алексей Валерианович *Бельгард* (1860– ?) – начальник Главного управления по делам печати.

[2] Повесть Горького «Лето» была помещена в XXVII *сб. «Знания»*. По сравнению с изданием Ладыжникова в тексте повести для сборника были сделаны некоторые изъятия по соображениям цензурного характера, однако опасность цензурного запрета оставалась актуальной и внушала большие опасения. В п. от 31 октября 1909 г. Боголюбов сообщал на Капри Пятницкому: «Советовался с О. О. Г⟨рузенбергом⟩. Поставил на вид, насколько важно для меня пропустить очередной сборн⟨ик⟩ ⟨...⟩ О. О. пришел к одному только заключению: необходим предварительный просмотр» (*АГ*).

Грузенберг взялся переговорить с сенатором А. В. Бельгардом, однако потом свое намерение изменил, объяснив это Боголюбову так: «⟨Бельгард⟩ может сказать — лучше не печатайте — как поступить против предрешенного?» (*АГ*). 20 ноября Боголюбов послал на Капри телеграмму: «Оскар не сделал обещанного опасность остается надо представить 27⟨-й сборник⟩ сегодня» (Там же).

В этот же день с Капри была отправлена настоящая телеграмма Грузенбергу. А 26 ноября Боголюбов сообщал в ответной телеграмме о результате действий Грузенберга: «Сейчас разрешен полностью 27 сборник» (*АГ*). В тот же день телеграфировал на Капри и сам Грузенберг. См. п. 7.

В п. от 28 ноября Боголюбов писал Пятницкому: «После телегр⟨аммы⟩ Ал⟨ексея⟩ М⟨аксимовича⟩ Грузенберг ездил к Б., сделал, что надо. Его надо благодарить» (*АГ*).

В «Книге записи корреспонденции» Пятницкого 27 ноября помета: «Горький Грузенбергу тел⟨еграмма⟩» (*АГ*). Текст телеграммы Горького, как можно предположить — благодарственный, не приведен.

О своем посещении Бельгарда Грузенберг рассказывает в воспоминаниях, ошибочно приписывая его хлопотам в связи с арестом повести «Мать». См. п. 8, прим. 1.

7. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург. 26 ноября ⟨9 декабря⟩ 1909 г.⟩

Все сделано. Разрешено[1] привет.

Грузенберг

Печатается по тексту телеграммы на бланке с записью латинскими буквами. Датируется по времени отправления из Петербурга.

На телеграмме помета Пятницкого: «Пол⟨учено⟩ 27 ноября 1909 г.»

[1] См. п. 6, прим. 2.

8. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

⟨Капри. 2/15 декабря 1909 г.⟩

Дорогой Оскар Осипович!

Примите сердечное, искреннейшее спасибо[1]. Я думаю, что «Мать» — по тону ее — вещь своевременная[2] и, может быть, десяток-другой людей, прочитав эту вещь,— вздохнут полегче. Мне хотелось бы, чтобы такие люди,— если они улыбнутся,— знали о вашей доброй помощи им в то тяжкое время, когда всем живется грустно. Проще говоря,— моя задача поддержать падающий дух сопротивления темным и враждебным силам жизни, и вы помогли мне осуществить это. Я высоко ценю вашу помощь, крепко, дружески и благодарно жму вашу руку.

Поклон и почтение супруге вашей, всех благ и — главное — доброго здоровья вам.

А. Пешков

Печатается по первой полной публикации в кн.: *Грузенберг О. О.* Очерки и речи. С. 227—228.

Датируется по этой же публикации, а также по публикации в кн. Грузенберга «Вчера. Воспоминания» (С. 191—192).

[1] В воспоминаниях Грузенберг так рассказывает о предыстории этого письма: «Не успела эта повесть ⟨„Мать“⟩ увидеть свет, как на нее был наложен цензурою арест, подтвержденный немедленно определением суда, с привлечением Горького в качестве обвиняемого. Жаль было этой хорошей книги — и я ⟨...⟩ отправился в Главное управление по делам печати, к шефу этого управления сенатору Бельгарду ⟨...⟩ Изложил свой взгляд на эту книгу как на хорошую и отнюдь не подходящую под уголовный закон. Бельгард ответил мне, что он этой книги не видал, так как наложением ареста ведает Цензурный комитет, а не Главное управление по делам печати; он обещал ознакомиться с этой книгою лично, и если мой отзыв о ней подтвердится, то он, конечно, не станет губить ни хорошей книги, ни авторского труда. При мне он распорядился о доставлении ему на дом повести „Мать“. Я зашел к нему дня через три, и он обрадовал меня словами: „Я уже отдал распоряжение Цензурному комитету освободить эту книгу“.

От него я заехал к прокурору суда С. Н. Трегубову, причастному к науке и литературе, и попросил его отказаться с своей стороны от ведомственного самолюбия и признать ошибку одного из его товарищей. Трегубов так и поступил» (*АГ*).

Несомненно, что в воспоминания Грузенберга закралась какая-то ошибка, легко объяснимая тем, что они писались много лет спустя после упоминаемых событий. В действительности «Мать» не освобождалась из-под ареста и дело о ней тянулось вплоть до 1914 г. включительно, когда последовал приговор об уничтожении XVI и XVIII *сб. «Знания»*, где печатались соответственные главы повести.

Есть основания полагать, что описанные Грузенбергом посещения Бельгарда и Трегубова связаны не с «Матерью», а с повестью Горького «Лето» и имели место в ответ на просьбу Горького (см. п. 6). Что касается настоящего письма Горького, то благодарность писателя была вызвана другими причинами, о которых можно лишь предполагать, так как письмо Грузенберга, на которое отвечает Горький, не разыскано.

После того как в августе 1907 г. постановление об аресте сб. XVI и XVIII утвердила Петербургская судебная палата, дело должно было подвергнуться судебному разбирательству. Обладавший большим юридическим опытом, Грузенберг сумел на долгий срок оттянуть судебное дело. 13 октября 1907 г. С. П. Боголюбов сообщал на Капри: «Только что вернулся от О. О. Г⟨рузенберга⟩ ⟨...⟩ Ручается, что дело затянется на 3—4 м⟨есяца⟩, а может быть, и на ½ г. (берет меньшее)» (*АГ*). Дело было затянуто на значительно больший срок. В начале января 1909 г. закончилось следствие по делу о привлечении Горького к судебной ответственности (см. сообщение в газ. «Руль» (1909, № 5, 5 янв.), а также п. К. П. Пятницкого Горькому от 22 февр. 1909 г. (*АГ*). Однако отсутствие Горького явилось причиной новой отсрочки, которая длилась до осени 1909 г., когда возникли внезапные осложнения, что отчетливо прослеживается в переписке Боголюбова с Пятницким, находившимся на Капри.

5 октября 1909 г. Боголюбов сообщал: «От мин⟨истерства⟩ юстиции последовало распоряжение вновь приняться за литературные дела прошлых лет, чтобы энергично закончить их к новому году ⟨...⟩ Был спрос со стороны нов⟨ого⟩ суд⟨ебного⟩ следователя, через полицию, и о наших делах» (*АГ*). В п. от 31 октября сообщает о новом постановлении: «С отсутствующим, живущим за границей издателем решено вовсе не считаться, а искать ответствен⟨ных⟩ лиц или здесь, или все обвинение рушится на типографию. Я теперь предупрежден об этом» (Там же).

Пятницкий в п. от 13/26 октября 1909 г. отвечает: «...прошу Вас сообщить о запросе О. О. Грузенбергу» (Там же). 8/21 ноября 1909 г.: «Еще до моего отъезда Грузенберг сообщил мне, что ему удалось найти Сенатское решение, разъясняющее, что при настоящих условиях типографию привлекать нельзя».

Видимо, Грузенбергу удалось вновь отвести грозящий удар.

Можно думать, что Горький благодарит юриста за все, сделанное им в течение более чем двух лет (с сентября 1907 г.; ранее, в момент ареста книги, Грузенберг был за границей) для спасения произведения, в том числе и за редактуру второй части его (в XIX, XX, XXI *сб. «Знания»*), которую Грузенберг проделал по просьбе Горького с целью изъятия опасных в цензурном отношении мест, благодаря чему произведение смогло выйти в свет, хотя и в урезанном виде. См. об этом: *Касторский С. В.* «Мать» М. Горького: Творческая история повести. Л., 1940. С. 24—25.

[2] Ср. с отзывом В. И. Ленина, приведенным Горьким в очерке «В. И. Ленин» (*20*, 9).

9. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

10 (23) дек(абря) 1909 г.

Дорогой Алексей Максимович,—

мне переслали Ваше письмо. Напрасно благодарите: оказать услугу Вам — для меня глубокое удовольствие.

Я крепко и верно люблю Вас и как человека, и как писателя. Стало быть... вывод ясен сам собою.

Мне непонятна след(ующая) фраза из Вашего письма:

«Мне хотелось бы, чтоб такие люди (читатели), если они улыбнутся, *знали о вашей доброй помощи им в то тяжкое время, когда всем живется грустно*».

Если это значит, что Вы хотите мне посвятить этот рассказ,— то я, конечно, могу только радоваться такому «подарку» [1].

Если же это значит, что надо сообщить о моей услуге «печати», то в последнюю попадает лишь то, что творится мною публично, во всеуслышанье.

Надеюсь, что Вы не имели в виду публикацию моей услуги.

Как ваше здоровье?

Доходящие до меня вести о нем крайне тревожны. Прошел ли бронхит?

Крепко обнимаю Вас и шлю наилучшие пожелания.

Ваш О. Грузенберг

Мой сердечный привет Марье Федоровне и Константину Петровичу [2].

P. S. Что бы там ни писали гг. газетчики [3], «Лето» мне очень нравится.

[1] Поверх фразы: «Если это значит, что Вы хотите мне посвятить этот рассказ,— то я, конечно, могу только радоваться такому „подарку"» — Горький поставил красным карандашом вопросительный знак.

[2] С сентября 1909 г. Пятницкий жил на Капри.

[3] Повесть Горького «Лето» была встречена большинством критиков недоброжелательно.

10. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

(Харьков. 18 (31) мая 1910 г.)

Вот уж второй день читаю в поезде про Матвея Кожемякина [1]... И сказать невозможно, как хорошо. Вас нет — и я обглаживаю вместо Вас серые странички книги и все говорю: славно! Особенно про Волгу: ничего подобного по напряженности любовной тоски по родном — не читал [2].

Обнимаю Вас.

О. Грузенберг

Привет Марье Фед(оровне) и Пятницкому.

Датируется по почт. шт.

[1] Грузенберг в это время мог читать только первую часть хроники «Жизнь Матвея Кожемякина», законченную Горьким в марте и появившуюся в печати в мае 1910 г. в XXX и XXXI *сб. «Знания»*.

[2] Имеется в виду рассказ Савелия Кожемякина о Волге (*10*, 143—144). 30 марта /12 апреля 1910 г. Горький перепечатал этот рассказ и, озаглавив его «Волга», послал Е. П. Пешковой для сына Максима. «Максиму посылаю,— писал он ей,— отрывок из новой повести о Волге, которую он, конечно, забыл» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 89).

11. ГОРЬКИЙ – ГРУЗЕНБЕРГУ

(Капри. 9/22 сентября 1910 г.)

Дорогой Оскар Осипович!

Не будете ли Вы любезны взять на себя ведение дела по взысканию с гг. Дмитрия и Всеволода Протопоповых их долга мне[1]. Сумма долга, вероятно, превышает десять тысяч (10000) рублей, с % %, оговоренными условием[2],— больше.

Если Вы согласны вести это несложное дело — г.г. Протопоповы признают долг, что засвидетельствовано их письмами,— будьте добры телеграфировать мне об этом[3], я немедленно вышлю мою переписку с Протопоповыми[4] и распоряжусь, чтобы контора «Знания» доставила Вам копию моего условия с ними.

Гонорар Вы назначите сами — сообразно Вашим нормам.

Прошу Вас также прислать мне, в случае согласия Вашего, печатный текст доверенности, кою я должен Вам выдать, и указать мне порядок засвидетельствования ее. Каприйский нотариус, по моей просьбе, наводил справки и говорит, что, если он засвидетельствует мою подпись, а русский консул — его удостоверение,— доверенность будет вполне законной.

Я был бы очень рад и весьма благодарен Вам, если бы Вы взяли на себя это дело или передали его одному из Ваших помощников.

По условию, как Вы это увидите, гг. Протопоповы должны были уплатить мне деньги четыре года тому назад[5].

Желая Вам всего доброго, крепко жму руку.

Печатается по машинописи из личного архива Горького, видимо, копии, оставшейся у писателя после отсылки письма.

Датируется по первой публикации в кн. О. О. Грузенберга «Очерки и речи» (С. 228—229), с исправлением года написания (в книге датировано 1913 г.), и ответной телеграмме Грузенберга.

[1] Дмитрий Дмитриевич и Всеволод Дмитриевич *Протопоповы* — литераторы, Д. Д. Протопопов — земский деятель, член I Государственной думы от Самарской губернии.

До осени 1902 г. братья Протопоповы были пайщиками книгоиздательского т-ва «Знания». Продав свой пай Горькому, они согласно договору (заключенному 9 окт. 1902 г.) сохранили свое право на пользование ассигновкой, которая — по законам, установленным т-вом,— выдавалась на производство книг фирмой «Знание» каждому участнику т-ва на определенное время и в определенном размере. Книги, издаваемые Протопоповыми, в это время находились на складах, арендуемых «Знанием», и в производстве. Согласно договору к 1908 г. Протопоповы обязаны были возвратить ассигновку с соответствующими процентами в кассу т-ва, что ими сделано не было. Кроме того, к долгу прибавились «переборы» ассигновок, т. е. использование сумм сверх договоренных.

Как выясняется из п. Пятницкого Д. Д. Протопопову от 21 февраля и 7 марта 1914 г. (*АГ*), ассигновку выдали Протопоповым из основного капитала т-ва, и потому Протопоповы были должниками кассы «Знания», а не лично Горького. «Но так как,— пишет Пятницкий Д. Д. Протопопову,— поводом к образованию Вашего долга послужило соглашение между Вами и А. М. Пешковым, мне показалось справедливым, чтобы первое напоминание об уплате долга кассе т-ва исходило именно от А. М. Пешкова» (Там же).

[2] Имеются в виду договоры, заключенные между Горьким и братьями Протопоповыми 9 октября 1902 г. при передаче последними своего вклада в «Знание». В *АГ* хранится копия договора между Горьким и В. Д. Протопоповым. Договор с Д. Д. Протопоповым имел, по-видимому, аналогичный характер, отличаясь лишь цифрами ассигновок и некоторыми другими конкретными данными.

[3] См. п. 12.

[4] Первое напоминание о долге Протопоповым было сделано Горьким 11/24 января 1910 г. Сохранилось п. В. Д. Протопопову, известное в копии Пятницкого (*АГ*). Другие письма не разысканы. Однако из записей Пятницкого, писем его и Горького С. П. Боголюбову известно, что они существовали. Так, 11/24 января Горьким было послано письмо не только В. Д., но и Д. Д. Протопопову, что видно из п. Горького Боголюбову, написанного в этот же день. «Многоуважаемый Семен Павлович,— пишет Горький,— прилагаемые письма прошу прочесть и затем переслать Всеволоду Дмитриевичу Протопопову и Дмитрию Дмитриевичу Прото-

попову. Из писем увидите, в чем дело. Вопрос Вам известен. Уполномачиваю Вас произвести расчет с гг. Протопоповыми, получить сумму перебора, проценты и внести все это в кассу „Знания“» (Там же).

В марте в «Книге записи корреспонденции» Пятницкий помечает: «Горьким посланы через С. П. еще по п. Д. Протопопову, В. Протопопову» (Там же). Это подтверждается и п. Горького Боголюбову от 12/25 марта 1910 г., в котором говорится: «Два месяца с лишком прошло с тех пор, как я просил Вас передать гг. Протопоповым мои письма к ним, а господа эти мне не ответили еще.

Оставим в стороне вопрос о том, насколько это вежливо и корректно с их стороны по отношению ко мне.

Я попрошу Вас передать прилагаемые письма гг. Протопоповым, надеясь, что они ответят мне все-таки.

С Ваших слов я знаю, что В. Д. говорит о некоем тормозе, якобы затрудняющем для него расплату со мной. Будьте добры сказать ему, что я, с своей стороны, никаких „тормозов“ не вижу и не могу принять: мною все условия по договору точно выполнены; гг. Протопоповы должны выполнить свои обязательства по отношению ко мне и кассе „Знания“» (Там же).

Следующие напоминания были сделаны Горьким 22 апреля/5 мая, 30 июня/13 июля и 29 августа/11 сентября 1910 г. (*АГ*). В *Дн. Пятницкого* — запись 30 июня /13 июля 1910 г.: «Пишу для Г〈орького〉 черновики писем к Прот〈опоповым〉.

Ответы Протопоповых также не разысканы. Однако из черновиков Пятницкого и других материалов выясняется, что существовало три ответа Горькому от Д. Д. Протопопова (об одном из них см. в п. Горького Пятницкому от 8—9/21—22 апреля 1910 г.//*Арх. Г.* Т. IV. С. 272), один от В. Протопопова. Видимо, вся переписка была переслана Горьким Грузенбергу. См. п. 13.

[5] Не совсем точно. В 3 пункте соглашения Горького с В. Д. Протопоповым говорится: «К 1908 году ассигновка возвращается в кассу т-ва сполна» (*АГ*).

12. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

〈Петербург. 14/27 сентября 1910 г.〉

Согласен

Грузенберг

Датируется по почт. шт.

13. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

〈Капри. 14/27 сентября 1910 г.〉

Дорогой Оскар Осипович!

Я очень рад, что вы взяли на себя ведение дела с Протопоповыми и сердечно благодарю вас.

Посылаю письма Протопоповых [1],— из них вы увидите, что эти господа держались по отношению ко мне не очень корректно.

Договор с ними [2] вам передаст С. П. Боголюбов, он же сделает все расчеты, о чем ему написано [3].

Усердно прошу вас дать делу по возможности быстрый ход. Может быть, к делу этого типа применимо предварительное исполнение?

Читали вы комедию Жаботинского «Чужбина»? Превосходная вещь, и вообще Жаботинский удивительно интересный, умный, искренний человек в своих трудах [4].

Комедия его взволновала меня — отчаянно, и я всем рекомендую ее как образец искренно написанной книги.

Желаю вам всего хорошего!

А. Пешков

Датируется как ответ на телеграмму Грузенберга от 14 сентября 1910 г. Написано, по-видимому, в тот же день, что и п. С. П. Боголюбову (см. ниже). На автографе помета Грузенберга (?) «20-го сентября» — по всей вероятности, дата получения письма. В кн. Грузенберга «Очерки и речи» (С. 229) ошибочно датировано 1913 г.

[1] См. п. 11, прим. 4.
[2] См. п. 11, прим. 2.

[3] Боголюбову были отданы соответствующие распоряжения в день получения телеграммы от Грузенберга. В «Книге записи корреспонденции» под датой «14 сентября 1910 г.» Пятницким помечено: «С. П. Богол⟨юбову⟩ № 152: Как изготовить для Груз⟨енберга⟩ расчеты по делу с Протопоп⟨овыми⟩. Зак⟨азное⟩» (*АГ*). В этот же день Горький писал Боголюбову: «Усердно прошу вас передать Оскару Осиповичу Грузенбергу мой договор с Протопоповыми, а также дать ему все те справки и цифры, какие он признает нужным иметь для предъявления иска к Протопоповым.

Я нахожу, что почтенные братья вели себя по отношению ко мне достаточно некорректно, и терпение мое иссякло. ⟨...⟩ Поторопитесь с делом Протопоповых! Я не смотрю на него, как на мое личное дело» (*АГ*).

20 сентября 1910 г. Боголюбов сообщил Пятницкому: «Сегодня получил Ваше письмо № 152 и письмо Ал. М. В обоих письмах говорится о деле Протопоповых ⟨...⟩ Я уже приступил к приготовке всех данных для О. О. Гр.» (Там же).

В *АГ* хранится ряд документов, подготовленных Боголюбовым и касающихся расчетов с В. Д. и Д. Д. Протопоповыми.

[4] Впоследствии Горький изменил свое мнение о Жаботинском, причислив его к числу людей, искажавших и уродовавших русский язык (ст. «О языке», 1934) (*XXVII*, 168).

14. ГОРЬКИЙ – ГРУЗЕНБЕРГУ

⟨Капри. 10/23 октября 1910 г.⟩

Дорогой Оскар Осипович!

На письмо Ваше ответил Константин Петрович — я уверен, что его подробный ответ облегчил Вашу задачу[1]. Лично я в этом деле совершенный истукан, договора — не знаю, о том, что Протопоповы должны мне, осведомился год тому назад, писал им вполне корректно о необходимости уплатить деньги, а они, культурные люди, относились к моим посланиям небрежно и невежливо, как Вы видите из переписки. Говорю все это того ради, чтобы Вам было ясно: инициатором договора с Протопоповыми и человеком, знающим дело в подробностях, является Константин Петрович — ему и книги в руки; разумеется — я вполне согласен с его письмом.

Воротился я из поездки вчера[2], сейчас же подписал доверенность, теперь она странствует по инстанциям, на днях Вы ее получите[3].

И это все, что я могу сказать по делу.

А теперь позвольте мне принести Вам мою искреннейшую благодарность за Ваше доброе отношение ко мне,— я его очень высоко ценю, и оно меня искренно трогает.

Вы спрашиваете, почему я не пишу Вам о себе, о своих настроениях? Причин по крайней мере три: как я мог знать, что мои «переживания» интересны Вам? Я не умею говорить и писать о себе без того, чтобы после каждой фразы не подумать — это не так сказано, не так написано. И наконец,— у меня просто нет времени заниматься своей персоной, да и не считаю я себя вправе занимать внимание других,— а тем более такого работника, как Вы,— своими личными делами.

Живу я — интересно; мне кажется, что интересно жить — моя привычка, привычка, самою природой данная мне. Вижу много чудесных людей, часто увлекаюсь ими, иногда наступают разочарования — тоскую и — снова увлекаюсь, как женщина. Все больше и больше люблю Италию — страну великих людей, прекрасных сказок, страшных легенд, землю праздничную, благодатную, добрую к людям, люблю ее с тоской, с завистью и верю, что она медленно, но неуклонно шествует к новому Возрождению. Вот — только что был во Флоренции, Пизе, Лукке, Сиене и маленьких городах Тосканы,— благоговейно восхищался богатствами прошлого и, наблюдая дружную работу настоящего, думал о родных Кологривах, Арзамасах, о Пошехонье и других городах несчастной, ленивой, шаткой родины[4].

Вы пишете: «Мне кажется, вам стало скучно». Жить — не скучно, но — невыносимо тягостно думать о России, читать русские газеты, жур-

«МАКСИМ ГОРЬКИЙ У СЕБЯ НА КАПРИ»
Шарж Моора (бумага, тушь, перо).
1910—1913
Музей Горького, Москва

налы, книги, безумно больно и обидно видеть, как мои духовно нищие соотечественники рядятся в яркие отрепья чужих слов, чужих идей, стараясь прикрыть свою печальную бедность, свое духовное уродство, свое бессилие и жалобную слабость духа. Четыре года длится маскарад побежденных [5], четыре года недобитые люди, скрывая друг от друга свои раны и боли, притворяются веселыми людьми и, скрывая опухоли от пощечин, без числа полученных ими, надувают щеки и — свистят, вот-де какие мы веселые, вот какие беззаботные! Видеть это — тяжко до бешенства. Но, разумеется, я знаю, что не все плохо, скажу даже, что я знаю это, как мне кажется, лучше многих, живущих на родине. Самообман? Нет, Оскар Осипович, обильная корреспонденция из всех щелей и ям России.

Я глубоко благодарен Вам за предложение Ваше похлопотать о моем возвращении [6], я уверен, что Вам это несомненно удалось бы, но — не надо! Мне полезно побыть здесь, мне надо многому учиться, и я понемножку учусь. У меня более трех тысяч книг, я читаю восемь газет, все журналы [7] и не чувствую себя оторванным от родины. Около меня — хорошие люди, мое уважение к человеку не падает, а растет, принимая все более ясные формы.

Нет, в Россию мне рано возвращаться. А если бы я этого хотел или если бы считал нужным для чего-нибудь,— я вернулся бы — в Иркутск, Архангельск, в тюрьму, если это угодно жалчайшему и бездарнейшему из правительств европейских [8].

У меня много задач, может быть, они мелки, но — это мои задачи, и я их должен решить. Верю в себя, верю, что моя работа — полезна, а где работать — все равно! Я слишком русский, хорошо заряжен с юности, и пороха у меня хватит надолго, пусть могильщики зарывают меня живьем в землю, я все-таки до последнего дня буду говорить то, что считаю нужным. И, наконец, важно не то, как относятся люди ко мне, а только то, как я отношусь к людям.

Добрая и милая мысль хлопотать о моем возвращении в Россию внушена вам, вероятно, странной газетной заметкой [9], в коей говорилось о моей якобы тоске по родине и о предпринятых мною «шагах к возврату в Россию». Это — выдумка, я, само собою разумеется, никаких «шагов» не предпринимал.

Затем, дорогой Оскар Осипович, желаю вам всего лучшего, желаю доброго здоровья, бодрости душевной и еще раз — спасибо вам!

Сердечно приветствую Розу Гавриловну[10], поклон вашей дочке[11]. М〈ария〉 Ф〈едоровна〉 и К〈онстантин〉 П〈етрович〉 просят поклониться вам, что и делаю с удовольствием.

Будьте здоровы!

А. Пешков

Печатается по авторизованной машинописи. Со слов: «Добрая и милая мысль хлопотать о моем возвращении...» — написано от руки, подпись — автограф. По сохранившемуся черновику (*АГ*), с которого печаталась машинопись, исправлены опечатки: на с. 1010 в строке 49 печатается: «я все-таки» вместо «я все»; в строке 51 вставлено пропущенное местоимение «то».

Датируется по содержанию и по фразе: «Воротился я из поездки вчера»; Горький возвратился из поездки по городам Италии 9 октября 1910 г. См.: *Дн. Пятницкого.*

На машинописи помета Грузенберга (?): «18-го октября» — по всей вероятности, дата получения письма. В кн. Грузенберга «Очерки и речи» (С. 230—232) ошибочно датировано 1913 г.

[1] Письмо Грузенберга не разыскано. Было написано, видимо, в самом конце сентября 1910 г. ст. ст. Ср. помету Пятницкого в «Книге записи корреспонденции» от 4/17 октября: «Приходят письма от Груз〈енберга〉 и Сем〈ена〉 П〈авловича〉 о предложении Вс. Прот〈опопова〉». Ввиду отсутствия на Капри Горького, ответ был написан Пятницким 5/18 октября 1910 г. Отводя довод Протопоповых о том, что они отвечают за выданную им ассигновку только книгами, находящимися на складе «Знания», Пятницкий разъяснял Грузенбергу: «Т-во было, в сущности, союзом самостоятельных издателей. Каждый получал ассигновку из кассы и отвечал за нее не только изданными книгами, но и всем имуществом. Если моя книга приносила убыток, он не касался кассы; я обязан был принять его на себя; я должен был вернуть ассигновку полностью, покрывши недочет из личных средств 〈...〉 прибыль по удачным книгам точно так же поступала не в кассу, а в личное распоряжение товарища-издателя» (*АГ*). Затем Пятницкий переходил к разбору предложения, которое сделал Вс. Протопопов, заявив, что согласен уплатить свой долг, если ему будут выданы его книги. Основываясь на установлениях т-ва, Пятницкий цитирует один из параграфов: «Книги считаются собственностью г. г. Протопоповых, но продаются *исключительно* через склад т-ва „Знание“. Во всяком случае,— утверждает он далее,— при выдаче книг должен быть выполнен ряд условий: 1) предварительная уплата всего долга, 2) снятие знаков фирмы „Знание“ с обложек и титулов книг, 3) внесение определенной платы за весь период хранения книг.

Словом, на книги г. г. Протопоповых падает некоторая доля расходов конторы и склада 〈...〉 Если г. г. Протопоповы потребуют бо́льших уступок, нужно прекратить разговор о выдаче книг» (Там же). Сумма долга исчисляется Пятницким следующим образом:

«1) невозвращенный остаток ассигновки; 2) 4% на суммы, которыми пользовались на основании договора; 3) обычный процент на суммы, которыми пользовались вопреки договору — 〈...〉 6% 〈...〉 Нужно прибавить к долгу сумму гонорара 〈адвокату〉» (Там же).

Одновременно написав п. С. П. Боголюбову, Пятницкий излагал его краткое содержание в «Книге записи корреспонденции»: «3 пропуска в условиях Вс. Пр〈отопопова〉: 1) гонорар адвок〈ату〉 2) 6% за 1903—1907 3) проц〈енты〉 в пользу склада».

15/28 октября Боголюбов сообщил Грузенбергу:

«Вчера получил письмо К. П. Пятницкого. Он указывает, что я должен доставить Вам сведения о переборе по ассигновкам г. г. Протопоповых за 1903—1907 гг. Контора ставила в счет каждого из них ежегодно % % *только с ассигновки,* на основании договора и дополнений к нему. О начислении % % на переборы ни в договоре, ни в дополнениях к ним ничего не говорится. Прилагаю:

1) счет В. Д. Протопопова на 1 окт. 1910 г.;

2) сведения о переборах по его ассигновке;

3) сведения о переборах по ассигновке Д. Д. Протопопова (счет послан Вам раньше)» (*АГ*).

[2] С 18 сентября / 1 октября по 9/22 октября Горький путешествовал по Италии (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 150 и 153).

[3] Речь идет о доверенности Грузенбергу на ведение дела с братьями Протопоповыми. В «Книге записи корреспонденции» Пятницкий помечал 16/29 октября 1910 г.: «Грузенбергу: 1) Полная довер〈енность〉 А. М. 2) Препровод〈ительное〉 письмо от меня» (*АГ*). В конце октября (первой половине ноября) Горький сообщил Е. П. Пешковой: «Наконец мне удалось послать доверенность Грузенбергу и — дело с Протопоповыми начато» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 104).

[4] В черновом автографе далее зачеркнуто: «Хорошо здесь! И — скажу не хвастаясь,— я здесь любим, меня везде встречают как своего [рабочие и дворяне], с чувством, которое я едва ли заслужил. Я не знаю страны более демократической, чем Италия, и не представляю демократизма более культурного и благородного, чем здесь» (*АГ*).

[5] Горький имеет в виду отражение в литературе и искусстве политической реакции после подавления революции 1905—1907 гг.

[6] В воспоминаниях Грузенберг рассказывает: «Я находил, что затянувшееся вследствие обострения туберкулеза пребывание Горького за границею тяжело отражается на его заслуженной репутации. Уехать надолго — развязать злопыхательство. Затем и другое, еще более важное. Художнику слова нельзя долго оставаться вне родины: как бы ни был велик запас его сведений и впечатлений о родной стране, они никогда не заменят трения друг о друга боками. Я настойчиво стал звать его домой. Сначала Горький как будто согласился со мной ⟨...⟩ Совершенно неожиданно получаю от него через два месяца письмо о том, что он перерешил» (*АГ*). Грузенберг ошибся в хронологии писем Горького, считая п. 21 более ранним, чем настоящее.

[7] В п. Боголюбову от 8/21 декабря 1909 г. Горький просит выписать на 1910 г. следующие газеты и журналы: «Современный мир», «Русское богатство», «Русскую мысль», «Вестник Европы», «Сатирикон», «Будильник», «Золотое руно», «Весы», «Речь», «Новое время», «Русское слово» (с журн. «Искры»), «Раннее утро», «Всеобщую газету» Брокгауза и Ефрона (Там же). Впоследствии список пополнялся новыми просьбами.

[8] Далее в черновом автографе вычерк: «бездарнейшему и дикому. Поездка Столыпина — господи, что это за глупейший фарс!»

[9] Может быть, имеется в виду ст. С. Мамонтова «У Горького на Капри», в которой утверждается: «Когда Горький говорит о России, в его грубом басе звучат удивительно нежные нотки. Видно, что Капри, несмотря на свою райскую прелесть,— все-таки клетка, которая не может заменить писателю далекой родины». Далее в статье говорится, что Горький «в конце концов сам с усмешкой заявил, что постепенно становится чуть ли не националистом» (Русское слово. 1909. № 117. 24 мая).

[10] Жена О. О. Грузенберга.

[11] Софья Оскаровна Грузенберг, в замужестве Прегель (1892—1932).

15. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

⟨Капри. 9/22 ноября 1910 г.⟩

Прошу подождать письма по вопросу ⟨о⟩ выдаче книг[1].

Пешков

Печатается и датируется по рукописной копии Пятницкого в «Книге записи корреспонденции» с пометой «тел⟨еграмма⟩» (*АГ*).

[1] После получения октябрьских писем Пятницкого и Горького (см. п. 14 и прим. к нему) Грузенберг начал переговоры с братьями Протопоповыми. 30 октября им была дана телеграмма В. Протопопову в Москву: «Ответ Горького получен. Благоволите приехать для окончания дела. Телеграфируйте» (*АГ*). «По приезде его,— сообщал на Капри Боголюбов,— оба брата вызывались О⟨скаром⟩ О⟨сиповичем⟩; каждый раз на совещаниях присутствовал и я. Окончательное решение по делу состоялось в субботу 6 ноября» (Там же).

Приняв большинство предъявленных к ним требований, Протопоповы настаивали на своем праве распорядиться по своему усмотрению изданными ими книгами, хранящимися на складах «Знания», и отказались платить за их хранение. О своем отношении к данному факту и последующих событиях Боголюбов в том же письме сообщал: «Ясно было, что наши настаивания на этих уплатах, не обусловленных договором, поведут к уничтожению мирного соглашения. Вот,— Оскаром Осиповичем и дано было распоряжение послать Вам телеграмму с кратким изложением результатов, какие достигнуты переговорами, и с просьбою — телеграфировать Ваше решение ⟨...⟩ Вчера О. О. познакомил меня с Вашим ответом —предлагаете обождать письма по поводу выдачи книг ⟨...⟩ Если ⟨...⟩ в письме Вы ставите непременным условием уплату процентов за остаток книг, то дело пойдет в суд ⟨...⟩ Итак, сегодня О. О. остался неуполномоченным принять заготовленные первые взносы Протопоповых. Всеволод сейчас же уехал в Москву. Дело затягивается» (Там же).

В *АГ* хранятся четыре почтовые квитанции от телеграмм, посланных Грузенбергом на Капри в течение ноября 1910 г.

22 ноября/5 декабря Пятницкий послал Боголюбову телеграмму: «Горький просит телеграфировать сколько сажень занимают книги обоих Протоп⟨оповых⟩»

(*АГ*). Но и после ответа Боголюбова (там же) решение не было принято и обещанное в комментируемой телеграмме письмо Грузенбергу не послано. 3 декабря Боголюбов извещал Пятницкого: «Сегодня О. О. Гр. вызывал по телефону; говорил, что писал Вам; удивлен, что дело так и остановилось»,— а 5 февраля 1911 г. констатировал: «... Вы не выполнили своей телеграммы, полученной О. О. в момент, когда дело считалось уже решенным: „обождите письма по поводу остатка книг“» (Там же).

16. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

(Петербург.) 16 (29) ноября 1910 г.

Дорогой Алексей Максимович,—

сперва о деле.

Сказать откровенно — не понимаю ни Вас, ни Константина Петровича. Зачем Вы осложняете то, что так просто, и лишаете себя возможности пользоваться теми суммами, которые уже давно могли быть Вам переведены полностью.

Приняв ваше дело с Протопоповыми, я тщательно изучил при помощи Семена Павловича все относящиеся к нему материалы, включая переписку.

В основу наших переговоров я положил след(ующее) решение: не уступать Протопоповым *ни копейки* из того, что с них можно получить по суду, хотя последний, вследствие обремененности делами спбургских судебных мест, отнимет в конечном счете не менее *2½ лет*.

По суду Вы не имеете никаких решительно прав —

1) *ни на плату за хранение*[1], так как об этом нет ни слова в вашем договоре, и дефект этот, при отсутствии ссылок хотя бы на свидетелей, ничем не поправим;

2) *ни на % по переборам*[2]; последние в договоре не предусмотрены и, представляя собою личное одолжение, не дают формального права на требование %: они, по общему правилу, не могут быть предполагаемы, а подлежат установлению.

Конечно, в мировых переговорах я поддерживал все ваши требования. В результате принята Пр(отопоповы)ми и 2-я статья (о % % на переборы) и притом в размере 6%, что дает Вам не менее *одной тысячи рублей*.

Плата за хранение ими безусловно отвергнута как никогда между Вами и не дебатировавшаяся.

Деньги в половинном размере они давно мне предлагали — и я, вследствие письма Константина Петровича[3] и вашей телеграммы[4], отказался принять... Для чего вся эта проволочка — не понимаю. По суду, через 2½, а то и 3 года, с них присудят только то, о чем я Вам выше написал, и много шансов, что не присудят и % % на переборы (т. е. *тысячи* руб.).

Чем же Протопоповы рискуют? — Ничем. С них присудят несколько сот рублей издержек, но они их выгадают с лихвою *на пользовании* в течение этого срока спорными деньгами, а м. б., еще оттягают 1000 руб. процентов за переборы.

Итак, Вы сейчас получаете более, чем может Вам дать самое благоприятное судебное решение. Из этой же тысячи Вы покроете свои расходы на поверенного.

При такой ясности положения ни я, ни Семен Павл(ович) никак не можем догадаться — почему Вы отдаляете время получения денег.

Нет сомнения, что в своих уступках при переговорах (я разумею % % и краткие сроки) Протопоповы подчиняются чувству конфуза передо мною и нежеланию допустить огласку ваших взаимных недоразумений.

Один из Протопоповых дважды, по моему зову, приезжал из Москвы, бросая свои дела.

Не скрою, что, когда я передал ему ваше телеграфное распоряжение, он пришел в сильное раздражение и сказал: «Ну, хорошо, пускай их судятся».

Когда я сказал, что обещанное в телеграмме письмо все разъяснит, он заметил, что мои предположения что-то не оправдываются, и хотя в письме К. П. и говорится, что все предоставляется мне[5] (я во время переговоров прочитывал Прото‹поповы›м надлежащие выдержки), но на самом-то деле это — не так.

Во всяком случае в наших переговорах наступил тот невыгодный для нас психологический момент, когда не они — меня, а я их конфужусь.

Теперь о Вас.

В письме вашем о России[6] много правды, но не вся. В области критики можно пойти еще дальше: больше всего меня пугает, что в ней много географии, но мало истории. И за всем тем — верите ли — я не могу представить себе разлуку с нею. Силен, значит, во мне этот ветхий человек, который, несмотря на жгучесть чувства обиды (за позор жидосостояния), все же любит и надеется.

Вы, по-видимому, победили этого ветхого человека. Рад за Вас, но боюсь: он лишь притих, чтобы потом сильнее взбунтовать.

Привет Марье Федоровне и Констант. Петр.

Письмо это покажите Константину Петровичу, ибо имею в виду вас обоих.

Ваш О. Г р.

[1] См. п. 14, прим. 1.
[2] См. п. 11, прим. 1; п. 14, прим. 1.
[3] См. п. 14, прим. 1.
[4] См. п. 15.
[5] Говоря о начислении процентов с переборов ассигновки, Пятницкий пишет: «Конечно, если Вы решаете, что по этим суммам можно сделать уступку и ограничиться 4%, мы без оговорок следуем Вашему совету».

Возможно, что предоставление более полных полномочий Грузенбергу выражено Пятницким в письме от 16 сентября 1910 г. (не разыскано).
[6] См. п. 14.

17. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

‹Капри. 28 декабря 1910 г./10 января 1911 г.›

Дорогой Оскар Осипович!

Поздравляю с наступающим Новым годом, искренно желаю новых сил, здоровья, бодрости духа. Боюсь,— сердитесь Вы на меня за то, что я своевременно не ответил на ваше письмо[1], но — во-первых, был адски занят, во-вторых же — решение вопроса о сумме иска лежит не на мне одном. Мне очень противны гг. Протопоповы и возиться с ними не нахожу удовольствия, но — условия с ними заключал К. П. Пятницкий, и когда я сказал ему, что нужно взять с этих бар, что они дают,— он решительно высказался против[2]. Ему и книги в руки. Вот как стоит дело.

Теперь, несколько освободясь от работы, я снова попытаюсь убедить К. П. согласиться с предложением Протопоповых[3].

Засим — еще раз желаю вам всего лучшего и кланяюсь семье Вашей.

Печатается по первой публикации в кн. Грузенберга «Очерки и речи» (С. 232) с исправлением опечатки по машинописи (*АГ*); в строке 8 вставлено слово «нужно».

Фамилия «Протопоповы» в книге зашифрована одной буквой «П». Датируется по этой же публикации с исправлением года написания (в кн.: «1913 г.»).

[1] П. 16.

[2] Ср. запись в *Дн. Пятницкого*:

«21 ноября ⟨4 декабря⟩ 1910. Воскресенье ⟨...⟩ Горьким получено письмо Груз⟨енберга⟩. 22 ноября. ⟨5 декабря⟩. После завтр⟨ака⟩ говорим о письме Груз⟨енберга⟩. Горький нервничает, почти не может слушать. Хочет уступить во всем. Мое мнение: сначала послать письмо, изложить мотивы нашей постановки» (*АГ*).

[3] 18/31 января — 19 января/1 февраля 1911 г. Горький написал Пятницкому, находившемуся в Неаполе: «Сообщите, можете ли на этой неделе послать Грузенбергу объяснительное письмо, если нет — я телеграфирую ему, чтоб он принял предложенные Протопоповыми условия» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 272).

18. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург.⟩ 7 ⟨20⟩ февр⟨аля⟩ 1911 г.

Дорогой Алексей Максимович —

5-го февраля был у меня Семен Павлович с просьбою от вашего и Константина Петровича имени помочь в снятии ареста, наложенного Глав⟨ным⟩ Управл⟨ением⟩ по делам печати на книгу Кропоткина «В русск⟨их⟩ и фр⟨анцузских⟩ т⟨юрьмах⟩»*.

Когда я указал Семену Павловичу, что можно a'priori сказать, что раз книга заарестована 28 декабря, то вопрос об утверждении ареста рассмотрен Судебною палатою не позже конца января, Семен Павлович показал мне письмо, датированное *25 янв⟨аря⟩* и пришедшее сюда *4 февраля*, в котором ему предлагается обратиться ко мне.

Сегодня справка наведена — и, к сожалению, предсказание мое оправдалось: заседание Палаты (распорядительное) состоялось еще 24 янв⟨аря⟩ и арест утвержден*[1].

Таким образом, теперь я ничем не могу Вам помочь, так как освободить книгу можно будет лишь при рассмотрении дела по существу, т. е. когда состоится суд над издателем[2].

Всего доброго. Спасибо за новогоднюю обо мне память.

Поклон — Марье Федоровне и Константину Петровичу. Простите нескладность письма: очумел от работы ⟨...⟩

Ваш О. Грузенберг

[1] Том IV Сочинений П. А. Кропоткина («В русских и французских тюрьмах») был издан «Знанием» еще в 1906 г. и в октябре этого же года прошел цензуру. Через четыре года, 28 декабря 1910 г., книга была конфискована, о чем в этот же день Боголюбов телеграфировал на Капри Пятницкому (*АГ*), а затем сообщил в письме от 29 декабря 1910 г. (Там же). Боголюбов надеялся, что арест будет снят (об этом он писал Пятницкому 7 февр. 1911 г.). С 5 по 20 января/18 января — 2 февраля 1911 г. Пятницкий уезжал с Капри в Неаполь (см. *Дн. Пятницкого*) и лишь 25 января/7 февраля отправил Боголюбову письма, пометив в «Книге записи корреспонденции»: «С. П. Богол. № 224: о конфиск. Кропоткина „В русск. и франц. тюрьмах". С. П. Бог. № 225: поручение обратиться ко Груз. гонорар 300 р. и 500 р.» (*АГ*).

5 февраля 1911 г. Боголюбов сообщал Пятницкому: «Только что вернулся от Грузенберга, у которого был по делу IV т. Кропоткина. Как и ожидал, встретил меня сухо: „вероятно, по делу, которое будет остановлено на полдороге"... Изложил ему настоящее дело; представил краткое письменное изложение хода дела, существа его, указал дату и №, за каким пошло дело в Судебную палату.

Пришлось дать ему Ваше письмо, в котором предложили мне обратиться к нему.

Обещал сделать, что возможно; потом вызовет ⟨...⟩ Теперь, значит, вопрос в том, как взглянет Суд. п⟨алата⟩ или как повлияет О. О. Он утверждает, что дело не избегает кары, хотя в 1-й раз книга и пропущена; приводит аналогичные примеры» (*АГ*).

Через 2 дня, 7 февраля, Боголюбов извещает о дальнейшем: «Сегодня вызывал меня Грузенберг. Не порадовал: Судебная палата 24 января утвердила арест ⟨...⟩ Опоздали, жаль: может быть, и удача была бы на предварительном совещании. Значит, пойдут допросы, суд» (Там же).

---

* Подчеркнуто Горьким синим карандашом.

Определением С.-Петербургской судебной палаты от 24 января 1911 г. постановление Комитета по делам печати о наложении ареста на книгу Кропоткина было утверждено (*АГ*).

[2] 9 декабря 1911 г.— по-видимому, благодаря действиям Грузенберга — дело об издании книги определением С.-Петербургской судебной палаты было «дальнейшим производством приостановлено, впредь до явки или задержания обвиняемого мещанина Алексея Пешкова». Впоследствии книга была приговорена к уничтожению (*АГ*).

19. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

(Капри. 22 сентября/5 октября 1911 г.)

Прошу Оск⟨ар⟩ Ос⟨ипович⟩ вести дела Кропоткина[1], Гарина[2], Сераф⟨имовича⟩[3]. Привет мой и Конст⟨антина⟩ Петровича.

Горький

Печатается и датируется по рукописной копии Пятницкого в «Книге записи корреспонденции» с пометкой «тел⟨еграмма⟩» (*АГ*).

[1] 25 июля 1911 г. С.-Петербургским комитетом по делам печати был арестован вышедший в 1906 г. том I Сочинений П. Кропоткина «Записки революционера». Книгу отстоять не удалось. По поручению Грузенберга один из его помощников сообщал Боголюбову 10 октября 1911 г.: «На книгу Кропоткина арест утвержден в полном объеме, причем Палата нашла наличность ст. ст. 107, 128 и 129 Угол. уложения» (*АГ*). 15 октября 1911 г. Боголюбов сообщил об этом Пятницкому на Капри (Там же). В *АГ* хранится копия судебного определения, в котором говорится: «1913 г. февраля 27 дня по указу его императорского величества С.-Петербургская судебная палата по 2-му уголовному департаменту в открытом судебном заседании ⟨...⟩ слушала: дело об уничтожении книг:

1. П. Кропоткин „Записки революционера" Изд. „Свободная мысль".

2. П. Кропоткин „Записки революционера" Изд. т-ва «Знание» ⟨...⟩ имея в виду ⟨...⟩ что определением СПб. Судебной палаты от 27 сентября 1911 г. постановление СПб. комитета по делам печати о наложении ареста на вышеназванные книги — утверждено ⟨...⟩ книги ⟨...⟩ уничтожить вместе с стереотипами и другими принадлежностями тиснения, заготовленными для их напечатания».

[2] 17 августа 1911 г. Цензурный комитет арестовал 2-е издание кн. Н. Г. Гарина «Инженеры» (Соч. Т. IV: Знание, 1911), что повлекло за собой новый пересмотр 1 издания (1908 г.), а также *сб. «Знания»*, в которых печаталось произведение.

20 августа 1911 г. Боголюбов извещал Пятницкого: «Сейчас дал телеграмму Ал. М-чу; в ней сказал, что конфисковано новое изд. IV т. Гарина ⟨...⟩ просил телеграфировать о деле Грузенбергу ⟨...⟩ Сегодня в ценз. К-те пересматриваются сборники,в которых помещены „Инженеры", уже мне сообщили там, что состоялось постановление о пересмотре 17-го сб⟨орника⟩ и 1-го изд. „Инженеров", т. е. IV-го же тома; окончательное решение будет вечером в Совете. Значит, надо ждать ареста 17-го и судебного дела по 1-му изд., уже распроданному» (*АГ*).

23 августа Боголюбов сообщал на Капри: «Вчера ⟨...⟩ поступило постановление К-та по делам печати об аресте 17-го сборника и первого изд. IV т. Гарина — за „Инженеров", 18-й арестован в августе 1907 г. (там есть инкриминируемые места его „Инженерам"» (Там же).

Так как в «Инженерах» речь шла лишь об отдельных местах, в которых усматривалось «поношение христианства», и нужно было спасать тираж 2-го издания, Грузенбергом 7 сентября 1911 г. было подано прошение о разрешении перепечатки мест, подвергшихся цензурному запрету. 16 сентября Боголюбов делает на Капри очередное сообщение: «Сейчас от Грузенберга, вызвавшего меня, чтобы сообщить, что новое изд. IV т. „Инженеры" отстоял от конфискации; книга будет пущена в продажу, как только будут сделаны небольшие изменения (изменения эти укажут на днях)» (*АГ*). А 12 ноября пишет: «Новое изд. „Инженеров" пустил в продажу — исправленным» (Там же).

[3] 9 сентября 1911 г. была конфискована кн.: *Серафимович А.* Рассказы. СПб.: Знание, 1907. Т. III. Цензурные обвинения были предъявлены к рассказу «У обрыва».

«Весь август и начало сентября,— пишет Боголюбов 13 сентября 1911 г.,— я в делах по конфискациям, как в пекле: теперь конфисковали III т. Серафимовича» (*АГ*).

Книга разделила судьбу IV тома Сочинений Гарина. 15 октября 1911 г. Боголюбов известил Пятницкого: «На днях Грузенб⟨ерг⟩ прислал мне копию определе-

ния Палаты (...) которым постановляется утверждение ареста *впредь*, до *исключения инкримин(ируемых) мест*» (Там же).

Определение С.-Петербургской судебной палаты, о котором пишет Боголюбов, состоялось 27 сентября 1911 г. (Там же).

20. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

26 июня (9 июля) 1913

Сестрорецк — курорт
Лесная, 93.

Дорогой Алексей Максимович —

в газетах появилось известие, что Вы возвращаетесь в С.-Петербург[1].

Если это правда,— то примите мое поздравление и радостный привет.

Ваше возвращение нужно,— вернее, необходимо для литературы, для страны, для Вас самого.

Я был всегда за ваш приезд[2], как бы дорого он Вам ни обошелся. Тем более я стою за него сейчас, когда плата за него будет не столь высока[3]. Я не скрою: Вы можете попасть под суд по ст. 73 Угол(овного) ул(ожения) (за кощунство), которая не подведена под Манифест[4]. Такое обвинение было к Вам предъявлено за роман «Мать». Но я полагаю, что либо это обвинение прекратят, либо Вы будете оправданы, так как по ст. 73 предстоит суд с участием *присяжных заседателей*. Не думаю, чтобы нашелся состав, который бы Вас осудил.

Итак,— едете ли сюда и когда?

Если бы Вы знали, как я буду рад вашему возвращению. Не только по личным мотивам любви. — Нет! Не только... Еще важнее твердая вера, что, как только Вы обветритесь русским ветром, опалитесь русским солнцем, ваш талант даст такой цвет, который и Вам самому не снился. Вот увидите.

Крепко обнимаю Вас. Сердечный привет всем вашим.

Искренне Вас любящий О. Грузенберг

Приму все меры, чтобы дело не дошло до суда.

[1] Сообщения в газетах о возвращении Горького стали появляться после 21 февраля 1913 г., когда был опубликован «Именной высочайший указ правительствующему Сенату» (по поводу 300-летия царствования дома Романовых) и объявлена амнистия лицам, привлекавшимся по ст. 128, 129 и 132 Уголовного уложения. (А—Г, п. от 12 июля 1913 г.). 22 марта газ. «Правда» опубликовала «Открытое письмо Максиму Горькому» за 60 подписями от рабочих Петербурга, в котором говорилось: «Из газет мы узнали о Вашем намерении вернуться в Россию, глубокоуважаемый Алексей Максимович! Нас всегда удручало сознание того, что Вы, в числе многих других лучших сынов народа, много сделавших для развития нашего общественного сознания, остаетесь в вынужденном изгнании (...) Мы высоко ценим Вашу стойкость, бодрую веру в наши грядущие победы! (...) Мы глубоко уверены, что общение с родным народом, прикосновение к родной земле даст могучий толчок Вашему творчеству» (Правда. 1913, № 68. 22 марта).

Сообщения газет имели под собой реальную почву. 22 июня / 5 июля Горький получил от российского генерального консульства в Неаполе визу на въезд в Россию, хотя и был предупрежден, что виза не избавляет его от «административного взыскания».

В июле он писал В. Г. Короленко: «...я действительно думал в августе ехать в Россию, но, кажется, это не удастся мне,— помешает нездоровье. Хотя — еще посмотрим!» (*XXIX*, 310).

Горький выехал на родину 27 декабря 1913 г. / 9 января 1914 г.

[2] См. п. 14, прим. 6.

[3] По предписанию прокурора Судебной палаты от 4 и 6 апреля Петербургская судебная палата на основании указа об амнистии прекратила дело по обвинению А. М. Пешкова (Горького) по ст. 129 и 132 Уголовного уложения (Красный архив. Т. 5 (78). М., 1936 г. С. 77).

[4] В 73 ст. Уголовного уложения говорилось о «поношении священного писания или церкви православной и ее догматов, или вообще веры христианской». См. п. Пятницкого Горькому от 22 февраля 1909 г. (*АГ*).

20 июля 1913 г. Петербургская судебная палата постановила оставить в силе «со всеми его законными последствиями» розыск через публикацию А. М. Пешкова (Горького), обвиняемого по ст. 73 Уголовного уложения по поводу его повести «Мать» в XVIII *сб.* «*Знания*» (Красный архив. 1936 г. Т. 5 (78). С. 77).

21. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

(Римини. 6/19 июля 1913 г.)
19-е VII, 13

Дорогой Оскар Осипович!

Спасибо за Ваше доброе письмо и любезную Вашу готовность помочь мне в делах моих.

В Россию ехать я решил, но еще не знаю, когда сделаю это, ибо очень обременен делами разными, которые необходимо закончить здесь, и не совсем хорошо чувствую себя — кашель одолел[1]. Необходимо поправиться, чем и занимаюсь усердно. Возможность суда и прочих неприятностей нимало не стесняет меня,— да и раньше не стесняла,— но хочется приехать здоровым, бодрым.

Думаю, что скоро все-таки увидимся и я крепко пожму вашу руку,— с большой радостью увижу вас!

Кланяюсь семье Вашей.

А. Пешков

В кн. О. О. Грузенберга «Очерки и речи» (с. 228) письмо ошибочно датируется 9 июля. Римини как место написания письма указано в этой же публикации. Видимо, оно было проставлено на почт. шт.

[1] О своем нездоровье Горький писал также В. Г. Короленко: «Я — (...) заболел и, кажется, основательно на сей раз: кашель, изнуряющий пот по ночам и все прочее, что полагается при этом» (*XXIX*, 310).

22. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

13 фев(раля) 1914

Сестр(орецк) курорт, Лесная ул.

Дорогой Алексей Максимович,—

обидно, что не заехали ко мне, обидно, что даже не подали вести о себе...[1] Но не для излияния чувств пишу сейчас, а по делу. К. П. Пятницкий просил меня закончить дело с Протопоповыми[2]. У меня по этому делу доверенности и от Вас, и от Конст. Петровича. Между тем слыхал я про нелады ваши[3]. Конечно, это не основание для того, чтобы Протопоповы не платили[4]. Я предъявил Димитрию Димитриевичу категорическое требование, указав, что лишь тогда приостановлю свои действия, когда Вы мне о том напишете. Одновременно я предупредил Конст. Петровича, что взысканные деньги я могу передать ему опять-таки не иначе как с Вашего письменного согласия. Напишите мне — как быть.

Преданный Вам О. Грузенберг

Привет многоуважаемой Марье Федоровне. Вернусь в СПб. 16-го.— Пишите туда. Кирочная, д. 34

[1] Приехав в Россию из эмиграции, Горький поселился в Финляндии, вблизи ст. Мустамяки, но, видимо, в течение января 1914 г. бывал в Петербурге. Так, из филерских донесений известно его посещение Петербурга 18 января 1914 г. См.: Революционный путь Горького. М.; Л., 1933. С. 113—114.

[2] См. п. 11—16.

[3] Основной причиной конфликта между Горьким и Пятницким было банкротство «Знания». Конфискация ряда изданий, изменение настроения массового читателя в период реакции и падение спроса на издаваемую литературу, связанность основного капитала в книгах, которые не покупались, отсутствие средств на издание новых книг — все это поставило «Знание» на грань полного краха, в котором Горький несправедливо обвинял Пятницкого. См. также: Г—А.

ГОРЬКИЙ, Е. А. И Ю. А. ЖЕЛЯБУЖСКИЕ
Фотография Ю. А. Желябужского. Флоренция, сентябрь 1910
Музей Горького, Москва

В декабре 1912 г. он написал И. П. Ладыжникову о разрыве отношений со «Знанием». «Мне теперь нечего в нем делать»,— заявил он Пятницкому 6/19 апреля 1913 г. (*АГ*).

Одним из пунктов спора между Горьким и Пятницким был вопрос о том, «кому принадлежит право на взыскание долга с Д. Д. Протопопова — лично ли А. М. Пешкову или Книгоиздательству» (*АГ*).

10 мая 1914 г. Пятницкий написал Горькому: «Ваш поверенный М. Е. Кальманович заявил от Вашего имени, что Д. Д. Протопопов должен не т-ву „Знание", а лично А. М. Пешкову. Это заявление помогло Д. Д. Протопопову снова уклониться от исполнения письменного договора, который нарушается им в течение шести с лишком лет. Каждый беспристрастный человек скажет по этому поводу то же, что написал Вам О. О. Грузенберг: каковы бы ни были отношения между участниками „Знания", от этого не должны выигрывать гг. Протопоповы» (*АГ*).

23. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

‹Петербург. 27 февраля 1914 г.›

Дорогой Оскар Осипович.

Я очень прошу вас приостановить взыскание с Протопопова,— он сообщил мне, что в данное время уплата долга мне очень стеснила бы его.

Вы извините мне то, что я не был у вас,— ведь я ни у кого не был в С.-Петербурге — уж очень занят, да к тому же и хочется, и необходимо видеть «публику» в массе раньше, чем увидеть добрых друзей.

Сегодня в 9 веч‹ера› уеду в Финляндию[1], через недели две вернусь и непременно буду у вас, а пока крепко жму руку вашу и сердечно кланяюсь супруге вашей.

М‹ария› Ф‹едоровна› просит передать ее поклоны и добрые пожелания.

Письмо ваше только сегодня попало в руки мне[2]. Всего хорошего.

А. Пешков

Печатается по кн.: *Грузенберг О. О.* Очерки и речи. С. 233. Фамилия «Протопопов» зашифрована в книге буквой «П».

Датируется как ответ на п. Грузенберга от 13 февраля 1914 г. и фразе: «Сегодня в 9 веч‹ера› уеду в Финляндию». См. ниже.

[1] Отъезд в Финляндию из Петербурга состоялся 27 февраля.

[2] Письмо было адресовано Грузенбергом в Москву, где Горький жил с 19 января по 22 февраля, время от времени выезжая в Клинский уезд, в имение И. Д. Сытина. На почт. шт. дата: «Москва. 15. 2. 14». Но, видимо, потому, что точного адреса Грузенберг не указал (письмо адресовано: «Москва. Алексею Максимовичу Пешкову (Максиму Горькому)»), оно было доставлено в газ. «Русское слово» (на письме шт. «Секретарь Редакции „Русского слова“ 15 февр. 1914») и лишь оттуда, очевидно с опозданием, попало к Горькому.

24. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

7 декабря 1920 г.

Тифлис, Грибоедовская, 2, кв. д-ра Спектора

Дорогой Алексей Максимович,—

я писал Вам, но письма мои, по-видимому, не дошли: иначе — я получил бы Ваш ответ.

Вот уже более $1^1/_2$ лет, как ниоткуда не получаю вестей. О Вася, хоть немного, знаю из поврем‹енной› печати. Читал недавно статью Вашу о Толстом[1]: титаническая. Что касается меня, то я, как ибсеневский Сольнес[2], не строю уже больше домов с высокими башнями... Вы, вероятно, слыхали, что в итоге своей судебной борьбы я нажил грудную жабу, осложненную сердечной астмою. Работаю вовсю, цепляюсь за жизнь, из художников перешел в маляры (вследствие национализации в судах нам, россиянам, здесь выступать нельзя, занимаюсь черной, поломойной юридической работою), в 55 лет мечусь, как начинающий помощн‹ик›; много разъезжаю. Вот сейчас пишу Вам, лежа в постели, так как третьего дня вернулся из Поти простуженным (здесь тоже помещается в 4-местном отделении вагона 12—15 чел‹овек›). И все-таки... не падаю духом, не злюсь и не кляну. Вот, напр., мой путь с вашим разошелся[3] — и все же я в минуты уныния с гордостью думаю, что жизнь моя прошла ненапрасно: а десятки людей, вырванных из рук палачей в прежних судах!.. Давать людям жизнь в муках борьбы в то время, как большинство дает ее в утехах страсти,— это ли не радость.

Гнетет меня единственно сознание, что не могу предоставить возможность сыну[4] окончить унив‹ерсите›т. Надо его для этого отправить в Германию, но средств не хватает,— весь заработок уходит на жизнь.

Пожалуйста, посодействуйте моим братьям переслать мне сюда несколько ценных моих вещей. Они дали бы возможность сыну проехать в Германию и прожить хотя бы семестр, пока найдет занятия.

Спасибо за все, что для моих сделаете.

Крепко жму руку.

Ваш О. Грузенберг

Рад буду, если напишете.

В исполнении моей просьбы Вам, я уверен, помогут мои бывшие коллеги — Н. Н. Крестинский [5] и др.

[1] Воспоминания Горького о Л. Н. Толстом — «Лев Толстой».

[2] Имеется в виду герой драмы Г. Ибсена «Строитель Сольнес» (1892).

[3] Фактически Грузенберг оказался в эмиграции, так как в мае 1918 г. меньшевистское правительство объявило Грузию «независимым государством». Советская власть установилась в Грузии в феврале 1921 г.

[4] Сын Грузенберга, Юрий Оскарович, впоследствии служил летчиком в английской авиации.

[5] Николай Николаевич *Крестинский* (1883—1938) — советский государственный деятель, юрист по образованию, комиссар юстиции Северной коммуны (1918—1919), с 1919 по 1921 г.— секретарь ЦК РКП(б) и член Политбюро ЦК РКП(б), в 1930—1937 гг.— зам. наркома иностранных дел.

25. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

8 октября 1925 г. 41, Boulevard de Cimiez, Nice

Дорогой Алексей Максимович,

никак не могу получить из России вменявшееся Вам в вину воззвание по поводу «9 января» [1]. Из-за этого задерживаю сдачу в печать посвященной Вам главы воспоминаний. Я читал в газетах, что двадцатилетию 9 января было посвящено несколько сборников. — Б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, хоть в одном из них приведено ваше воззвание полностью [2]. — Пожалуйста, пришлите. Мне нужна еще и сцена крестн⟨ого⟩ хода в «Кожемякине» [3]. Она подтверждает мою мысль о в⟨ашей⟩ религиозности (конечно, не в церковном смысле) [4]: нерелигиозный человек не опишет так этой сцены, как сделали Вы. Читал я ее лет 15 т⟨ому⟩ н⟨азад⟩ [5], а она стоит передо мною, как живая, и сейчас.

К сожалению, здесь, даже в Герценов⟨ской⟩ библ⟨иотеке⟩, я не могу ее раздобыть. Пришлите,— возвращу все не позже, как через 2 недели по получении.

Преданный Вам О. Грузенберг

Видали ли в «Соврем⟨енных⟩ зап⟨исках⟩» [6] главы моих воспоминаний о «Пирогове» [7] и «Бреде войны» [8]?

[1] См. п. 1, прим. 1.

[2] Воззвание Горького (Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств) было впервые напечатано в журн. «Новый мир» (1928, кн. 3).

[3] Грузенберг ошибся: он имел в виду повесть Горького «Исповедь». Горький исправил его ошибку: см. п. 28.

[4] Свой замысел воспоминаний о Горьком Грузенберг окончательно воплотил в 30-х годах. В рукописи воспоминаний, хранящейся в *АГ*, он излагает свои соображения о «религиозности Горького» «не в церковном смысле» в гл. III: «Вера Горького — *Человек*; церковь его — *коллектив*. Однако человек — не первая его любовь. У Горького короткое время был роман с богом. Роман этот не удался, но что он был — для меня нет сомнения. Как все, потерпевшие в своей любви тяжелое крушение, он ее схоронил. Я, мол, от рождения безбожник,— и конец, ни с кем на эту тему и разговаривать не желаю ⟨...⟩ Он искал бога в тиши отчаявшейся души, ставящей свою последнюю ставку. В юные годы Горький покушался на самоубийство ⟨...⟩ Почему покушался? От страха жизни? — Ну нет, всеми страхами пытала его судьба,— не испугала. У него был только один страх: чем осмыслить жизнь, как оправдать свое жуткое одиночество в людской толпе? Большой талант всегда одинок — в этом страшная плата за избранность ⟨...⟩ Свое утверждение о том, что он в ранней юности верил в бога, я основываю на одной странице в его повести „Исповедь". Он описывает там крестьянский крестный ход по случаю засухи с та-

ким энтузиазмом и глубиною переживания, которых не объяснить лишь талантом. Должно быть, заныли рубцы давно закрывшейся раны».

[5] О чтении повести «Исповедь» см. в п. 2.

[6] «Современные записки» — общественно-политический и литературный журнал, издававшийся русскими эмигрантами в Париже в 1920—1940 гг.

[7] Поручик Вячеслав Пирогов был трижды приговорен к смертной казни «за призыв войск Владивостокского гарнизона к учинению бунтовщических деяний». Когда в ходе этого дела командующий войсками Приамурского военного округа заменил смертный приговор бессрочной каторгой и об этом был представлен доклад Николаю II, то царь собственноручно начертал на нем: «Напрасно», после чего против Пирогова было возбуждено новое дело по обвинению в призыве к мятежу уже на другой станции.

18 июня 1909 г. в Главном военном суде состоялось последнее слушание дела Пирогова. Защитником его выступал Грузенберг. Газета так изложила его доводы: «Трижды (...) прозвучал над поручиком Пироговым смертный приговор. Вот уже три года ведется мучительная борьба за его жизнь (...) Я утверждаю, что после первого дела против Пирогова нельзя было возбуждать никакого нового преследования, хотя бы и открылись факты, указывающие, что он развивал свою революционную деятельность не только среди гарнизона военного пункта Раздольного, но и среди войск, расположенных в Никольске Уссурийском. Нарушено коренное правило, присущее законодательствам всех культурных стран, что за одну и ту же преступную деятельность нельзя судить дважды».

«Главный военный суд, согласившись с доводами защиты, постановил приговор приамурского военно-окружного суда отменить и самое дело, как неправильно возбужденное, производством прекратить» (Речь. 1909. № 165. 19 июня).

В. Г. Короленко написал о деле Пирогова очерк «Фантастическая история поручика Пирогова» (Русское богатство. 1910. № 10).

Воспоминания Грузенберга «Поручик Пирогов» напечатаны в «Современных записках» (Париж, 1924. Т. XXI. С. 230—246). Впоследствии вошли в кн. О. О. Грузенберга «Вчера. Воспоминания».

[8] Воспоминания Грузенберга «Бред войны» были напечатаны в «Современных записках» (Париж, 1925. Т. XXIV. С. 268—284; т. XXV. С. 288—315). Впоследствии были включены в кн. О. О. Грузенберга «Вчера. Воспоминания» — гл. IX: «Бред войны: Жандармский полковник Мясоедов и братья Фрейберг»; гл. X: «Бред войны (окончание): Военная мясорубка. Об А. С. Макаренко».

26. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

12 октября 1925 г.
Сорренто

Дорогой Оскар Осипович,

к сожалению, я лишен возможности исполнить Ваши желания.

Записки по поводу 9-го января у меня нет. Подлинник ее, вероятно, лежит в Госархиве, где хранится архив и Департамента полиции [1], копия должна быть в Ваших делах. Напечатана ли где-либо эта записка [2] — я не знаю.

В «Кожемякине» нет описания крестного хода, должно быть это в какой-то другой книге [3]. В какой — не помню, а книг моих у меня нет, и поискать в них не могу.

Воспоминаний Ваших в «Совр(еменных) записках» не читал. Пожалуйста, пришлите оттиски, если имеете их.

И очень прошу прислать книгу воспоминаний [4], а я Вам пришлю мою новую повесть [5].

Будьте здоровы.

А. Пешков

Печатается и датируется по кн.: *Грузенберг О. О.* Очерки и речи. С. 233.

[1] По декрету 1 июня 1918 г. все архивы упраздненных правительственных учреждений образовали Единый государственный архивный фонд, который имеет в виду Горький, говоря о Госархиве. В кн. «Революционный путь Горького» воззвание напечатано по материалам входящего в Центрархив Архива революции и внешней политики (ф. Департамента полиции, д. 882, ч. 1, 1905, л. 65).

[2] Впервые воззвание было напечатано (без первых трех абзацев) в ст. К. Пятницкого «Из воспоминаний об январских событиях 1905 г.», видимо, по копии, сохранившейся у автора статьи (Ленинградская правда. 1927. № 18. 22 янв.). Затем,

по архивным материалам — в ст. В. Руднева «Горький — революционер» (Новый мир. 1928. № 3. С. 209—210).

[3] См. п. 25, прим. 3.

[4] Книга воспоминаний Грузенберга появилась лишь в 1938 г.: *Грузенберг О. О.* Вчера: Воспоминания. Париж.

[5] «Дело Артамоновых». Повесть вышла в Берлине в изд-ве «Книга» в конце декабря 1925 г.

27. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

17 ноября 1925

41, B[d] de Cimiez
Nice

Дорогой Алексей Максимович,

письмо Ваше довелось мне прочесть только на днях, так как был по делам в Париже. Огорчило оно меня. Как же так,— дать о Вас «воспоминания защитника» и не воспроизвести того воззвания, за которое Вы были арестованы, заключены в крепость и преданы суду [1].

Надо *датировать* и портреты, и факты.

Воззвание ваше подлежит оценке не с точки зрения тех, кто́ пережили землетрясение 1917—21 гг., а тех, кто, томясь в духоте и смраде 90—900 гг., прислушивались с радостным замиранием к буревестникам.

Надо датировать портреты: мой Горький — Горький 1905—1910 г. Разве можно обойтись без его призывного крика «ко всем, всем»,— крика задыхающегося, уверенного в том, что если только кто из «культурных народов» услышит, сейчас же кинется на помощь.

Вы, по-видимому, думаете, что я надеялся только на Вас, а сам не принимал мер к розыскам воззвания. Вы советуете поискать в моих делах... Я с этого начал, но — увы! — получил печальное сообщение, что все мои дела за 27 лет работы в суде погибли.

Я не успокоился. Поручил поискать в Публичн⟨ой⟩ библ⟨иотеке⟩ и списать напечатанное в апреле 1905 г. в двух газетах («Русск⟨ие⟩ вед⟨омости⟩» и «Бирж⟨евые⟩ вед⟨омости⟩» — первое, т⟨ак⟩ наз⟨ываемое⟩ большое издание) прошение мое в СПб. Судеб⟨ную⟩ палату, где под видом мотивировки ходатайства о вызове свидетелей воспроизвел Ваше воззвание и показал отсутствие состава преступления [2]. Результат этого шахматного хода не заставил себя ждать: Суд⟨ебная⟩ палата признала юридич⟨еский⟩ промах прокуратуры и, чтобы не оскандалить правительство оправданием, сняла назначенное к слушанию на *3 мая 1905 г.* дело и направила его к доследованию судебному следователю, который солил и мариновал его дотоль, доколе его не пожрала предвиденная амнистия. Вот эти газеты я и просил разыскать и списать,— что нужно.

Два раза близкие мне люди списывали копию, два раза посылали ее в *заказн⟨ых⟩* письмах — и оба раза... они не дошли ⟨...⟩ Наконец, недавно пропустили объемистую копию: она дошла до меня. Однако оказалось, что газеты, боясь преследования, изложили ваше воззвание кратко, в форме косвенной речи. (Кстати, это ни к чему не повело: СПбург⟨ское⟩ жандарм⟨ское⟩ управл⟨ение⟩ постановило привлечь к ответственности редактора «Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостей⟩» и меня за распространение в⟨ашего⟩ воззвания; дело было прекращено по той же амнистии, точнее, «всемилостив⟨ейшему⟩ манифесту» [3].) Я на этом выиграл пари у Марьи Федоровны (она, когда я был у Вас зимою (в конце) на даче под Ригою, была уверена, что не вызволю Вас). Пари она не отдала, и так как они были à discrétion *, заменила их тем, что через несколько лет поссорилась со мною.

Так вот — этим кратким изложением в⟨ашего⟩ краткого воззвания я ограничиться не могу. Прилагаю выписку [4]: сами увидите, что обид-

---

* Букв.: сколько угодно (*фр.*), т. е. выигрыш в пари не был оговорен.

но этим ограничиться. Постарайтесь (Вам *неизмеримо* легче, чем мне) получить из указанного Вами архива копию воззвания.

Затем, почему Вы не хотите помочь мне в розыске сцены крестного хода? Говорю Вам: она удивительная. Если не в «Кожемякине», то не в «Окурове» ли она?

Помню даже фразу, которая проносится в задних рядах крестного хода: «Тронулась, Владычица, тронулась...» [5]

Не те, конечно, слова, но музыка такая же, как в «Фоме Гордееве», когда трещит, трогается весенний лед [6]. Какой-то экстатический восторг перед стихиею!.. Неужели я ошибаюсь — и «крестный ход» не ваш. Обидно будет, если так. От прошлого у меня уцелели только волосы и память. Волосы поседели, неужели и в памяти завелась седина?

Всего хорошего. Крепко жму руку.

Преданный Вам О. Грузенберг

Обрадовали меня вестью и о том, что написали новую повесть, и тем, что пришлете ее мне.

Исполняю в⟨ашу⟩ волю: посылаю оттиск моего «Бреда войны». Не сделал этого раньше, так как полагал, что Вы получаете «Соврем⟨енные⟩ записки».

Напишите мне откровенно про свое впечатление. Недавно послал В. А. Мякотину главы воспоминаний, касающиеся В. Г. Короленко. Пойдут в ближайшей книжке либо «На чужой стор⟨оне⟩» [7], либо заменяющего эти сборники журн. «Гол⟨ос⟩ минувш⟨его⟩» [8]. Оттиски и этого очерка пришлю. В письме своем укажите мне: пишете ли Вы в Россию о высылке Вам копии воззв⟨ания⟩, а равно — поможете ли мне отыскать крестный ход. Подожду месяц-другой, а потом сдам в печать (сначала в какой-н⟨ибудь⟩ журнал). Книгу мою, когда выйдет, конечно, пришлю. Но — не в обмен. В ответ ли на мой присыл или без него ваша книга всегда будет для меня *подарком.* Не задерживайте его.

О. Гр.

Не посылаю Вам оттиска «Поручика Пирогова»: не осталось ни одного,— журнал «Совр⟨еменные⟩ зап⟨иски⟩» присылает авторам лишь по 10 экз. Не удосужитесь ли просмотреть его в XXI кн. «Совр⟨еменных⟩ зап⟨исок⟩»? Мне интересно Ваше о нем мнение. Получил об этом очерке восторженный отзыв от Корнея Ив⟨ановича⟩ Чуковского. Несомненно, он обладает удивительным критическим чутьем, но так как он человек страстный, то бывает пристрастен в ту или другую сторону. Если будете читать «Пирогова»,— выключите вводные 2—3 страницы. Я введение это *к книге* Вам читал [9]. Не отказываюсь от него и теперь, но не следовало его печатать: оно написано, когда я, по мнению врачей, помирал и когда сильно себя жалел. Теперь, когда я на юге окреп [10], не хочу быть жалким. Не снял же я его, так как мой ближайший друг А. В. Пешехонов [11], у которого находились некоторые главы, переоценил *введение* и включил его... в отдельную статью; он же и сдал в «Совр⟨еменные⟩ зап⟨иски⟩».

Над текстом письма рукой Горького написано: Oskar Grousenberg — и подчеркнуто красным карандашом.

[1] См. п. 1, прим. 1.

[2] См. п. 1, прим. 1. Прошение Грузенберга в С.-Петербургскую судебную палату было напечатано в газ. «Новости и биржевая газета» (1905, № 88, 6 апр.) и «Биржевые ведомости» (1905, № 8760, 6 апр.). Последняя газета выходила в двух изданиях. Первое издание (СПб., 1880—1917) имело (с 1902 г.) два выпуска: утренний и вечерний, и потому называлось «большим».

[3] В воспоминаниях Грузенберг пишет, что после опубликования в газетах его прошения «старший председатель СПбургской судебной палаты Максимович обра-

тился в Совет присяжных поверенных с бумагою следующего содержания: „(...) Находя, со своей стороны, что напечатание в периодических изданиях не подлежащих оглашению сведений из дел, находящихся в производстве судебных мест, представляется неправильным и в особенности не соответствующим тому доверию, которое закон оказывает присяжной адвокатуре, имею честь на основании ст. 367—368 Учрежд(ения) Судеб(ных) установ(лений) сообщить о вышеизложенном на рассмотрение Совета прис(яжных) пов(еренных) и покорнейше прошу о последующем меня уведомить".

(...) Я на бумагу Максимовича не представил в Совет письменного объяснения и не явился к рассмотрению дела, так как не хотел лгать. Конечно, я был оправдан (...) Однако Департамент полиции, обидевшись на меня, посоветовал жандармскому отделению возбудить против меня судебное преследование за оглашенную в печати прокламацию. Об этом мне сообщил товарищ прокурора Волков. Я ответил, что если жандармской власти угодно устроить себе самосеку, то я против этого ничего не имею. Преследование против меня не было возбуждено» (*АГ*).

Нельзя не заметить некоторое расхождение сведений в письме и в воспоминаниях. Возможно, что более точен Грузенберг в письме, как в документе, значительно более раннем, чем воспоминания, где им допущены и другие ошибки памяти. См. п. 31, прим. 15.

[4] К письму приложена следующая выписка, сделанная Грузенбергом:

«*Выписка из присланной мне копии моего прошения, причем воззвание изложено в газете так*:

„Мы, нижеподписавшиеся,— гласит этот набросок,— считаем своим нравственным долгом довести до сведения всех русских граждан и общественного мнения европейских государств следующее".

Затем идет подробное изложение, как они, нижеподписавшиеся члены депутации, обращались в ночь с 8-го на 9-ое января с. г. к министрам, прося их предотвратить предстоящее завтра кровопролитие, неизбежное при столкновении рабочих с войсками. Излагается ответ, данный им, членам делегации, гг. министрами. Затем следует описание ужасных событий 9 января, когда на улицах Петербурга лилась кровь безоружных стариков, женщин и детей...

В заключение они, нижеподписавшиеся члены делегации, формулируя обвинение против виновников этих событий, приглашают всех граждан России к немедленной и дружной борьбе с самодержавием» (Бирж(евые) вед(омости) (большое изд.). 1905. № 8760. 6 апр.).

[5] Грузенберг вспоминает заключительные страницы повести «Исповедь» (*9*, 385—390). Цитата приведена не дословно.

[6] Видимо, имеется в виду сцена ледохода на Волге в начале «Фомы Гордеева» (*4*, 184).

[7] Венедикт Александрович *Мякотин* (1867—1937) — историк и публицист, после 1917 г.— эмигрант. Вместе с С. П. Мельгуновым и Ляцким издавал историко-литературные сборники «На чужой стороне» (Берлин — Прага, 1923—1925).

Воспоминания Грузенберга «О В. Г. Короленко. (Глава из книги „О бессонных людях")» напечатаны в № 13 «На чужой стороне» (Прага, 1925).

[8] «Голос минувшего на чужой стороне» (1926—1928) — журнал, продолживший в Париже издание «На чужой стороне». Выходил под ред. Мельгунова, Мякотина, Т. Полнера.

[9] Очевидно, во время встречи с Горьким в Берлине в начале 20-х годов (см. вступ. гл.).

В «Современных записках» воспоминаниям о поручике Пирогове предшествует введение, не включенное в книгу «Вчера». В нем говорится:

«...пришло время заглянуть в свое сердце (...) Теперь я — не то изгнанник, не то беглец; кто разберет? (...) Все ближе и ближе надвигаются сумерки; все чаще стучится уныние и шепчет назойливо, что жизнь проиграна, как легкомысленное пари...

Вздор. Зажигайся воспоминание, буди уснувшее... Вставайте вы, мои незабываемые, вы, которых я прикрывал своей грудью, за которых сыпались на меня тяжелые удары...

(...) Разрезать веревку на шее совершенно чужого тебе человека! Разве есть на свете радость глубже и прекраснее... Один за другим проходят предо мною они, мои подзащитные, все эти беспокойные и бессонные хлопотуны за человеческое счастье. (...) я всего себя раздал им по кускам.

Побелели волосы. Стынет сердце (...) Я делаю смотр самому себе перед лицом неожиданно нагрянувшего придирчивого ревизора — старости» (Современные записки. 1924. Т. XXI. С. 230—232).

[10] Из-за болезни Грузенберг переехал из Берлина в Ниццу, где жил с 1923 по 1926 г.

[11] Алексей Васильевич *Пешехонов* (1867—1933) — статистик, публицист, с 1904 г. один из редакторов «Русского богатства». В 1922 г. был выслан из России, однако в 1927 г. советское гражданство было ему возвращено.

28. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

⟨Неаполь⟩. 24 ноября 1925 г.

Дорогой Оскар Осипович,

поверьте, что у меня нет возможности достать воззвание по поводу 9-го января: я не имею знакомых в Истпарте [1] и Госархиве [2], где, вероятно, находится это воззвание. Подождем, не опубликуют ли его в ближайших книжках «Красного архива», я слышал, что там собрано много материалов по 905 году и что скоро его будут печатать [3].

По поводу «крестного хода» — недоумеваю. Может быть, Вы имеете в виду заключительные страницы «Исповеди» [4]? Очень жаль, что не могу послать Вам эту книгу, у меня, конечно, моих книг нет. Но Вы можете получить ее в Тургеневской библиотеке [5].

Я — нездоров и переехал лечиться в Неаполь [6]. Живу: Posillppo, Villa Gallotti.

Желаю Вам всего доброго.

А. Пешков

P. S. А нет ли этого воззвания в архиве В. Л. Бурцева? [7]

Печатается и датируется по кн.: *Грузенберг О. О.* Очерки и речи. С. 234.

[1] *Истпарт* — комиссия по изучению истории Октябрьской революции. Образована при Наркомпросе в 1920 г. для собирания и издания материалов, относящихся к истории революционного движения.

[2] См. п. 26, прим. 1.

[3] «*Красный архив*» — исторический двухмесячный журнал, издававшийся с 1922 по 1941 г. Центральным архивом РСФСР, а затем Главным управлением Наркомата внутренних дел.

Материалам революции 1905 г. был посвящен т. 4/5 (11/12) «Красного архива» за 1925 г., вышедший в 1926 г. Воззвание Горького о 9 января там напечатано не было.

[4] См. п. 25, прим. 3 и 4.

[5] О Тургеневской библиотеке см.: Г—А ⟨между 7 и 9 февр. 1911 г.⟩, прим. 2. Илья Эренбург писал о библиотеке: «Ее судьба драматична. В 1875 году в Париже состоялось „Литературно-музыкальное утро" с участием Тургенева, Глеба Успенского, Полины Виардо, поэта Курочкина. И. С. Тургенев распространял билеты, указывая: „Вырученные деньги будут употреблены на основание русской читальни для недостаточных студентов". Писатель пожертвовал библиотеке книги, некоторые со своими пометками на полях. Два поколения революционной эмиграции пользовались книгами „Тургеневки" и обогащали ее библиографическими редкостями. После революции библиотека продолжала существовать; только читатели изменились. В начале второй мировой войны русские писатели-эмигранты передали свои архивы на хранение Тургеневской библиотеке. Один из ближайших сподвижников Гитлера, балтийский немец Розенберг, который считался ценителем „россики", вывез Тургеневскую библиотеку в Германию. В 1945 году, перед самым концом войны, незнакомый офицер принес мне письмо, посланное в 1913 году М. О. Цетлину (поэту Амари). Офицер рассказал, что на одной немецкой станции он видел распотрошенные ящики: русские книги, рукописи, письма валялись на земле; он подобрал несколько писем Горького и, случайно, заметив на истлевшем листке мою подпись, решил доставить мне удовольствие. Таков конец Тургеневской библиотеки» (*Эренбург И.* Люди, годы, жизнь // Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 8. С. 69—70).

[6] Горький жил в Неаполе с 20 ноября 1925 г. до 7 мая 1926 г.

[7] За время своей деятельности Бурцев собрал большой архив, состоящий из документов по истории революционного движения в России.

29. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

15 апреля 1928 г.

Valdemāra ielā, 29, Riga

Дорогой Алексей Максимович,

быть может, привет мой — один из последних по времени, но он не последний по глубокой памяти о годах нашей близости.

Я знаю — что́ Вы дали нашей общей родине в годы ее уныния и безволия,— знаю — и никакое позднейшее разномыслие не дает ни мне, ни другим права своровывать под этим предлогом то, что Вам следует.

Свой долг по мере сил я выполнил еще 2 года т⟨ому⟩ н⟨азад⟩, когда хваткий антрепренер повез меня сюда из Ниццы для чтения публичных лекций.

Если до Вас доходят здешние газеты, то Вы знаете, что я посвятил *особую* лекцию трем своим подзащитным — Вам, Короленко и поручику Пирогову [1]; вероятно, Вы знакомы и с тем, что я высказал о Вас, не считаясь с настроением местной печати и обслуживаемых ею кругов [2].

Повторять то, что думаю и высказал о Вас, не стоит. Я лишь добавлю искреннее пожелание Вам, кроме личных благ, увидеть родину счастливою, ибо я знаю, с какой любовью Вы к ней относитесь.

У меня к Вам исковое требование и просьба.

Исковое требование. — В письме от 12 октября 25 г. из Сорренто Вы обещали прислать мне свою новую книгу («... я Вам пришлю мою новую повесть») [3].

Итак, не доводите себя до судебных и за ведение дела издержек. Кончим дело это миром: вышлите обещанное безотлагательно с присоединением вашей новейшей вещи.

Теперь о *просьбе* — просьбе горячей. Когда будете в Ленинграде [4] (а миновать его — грешно!), не откажите принять мою сестру — Берту Осиповну Спектор. У нее к Вам небольшое дело,— для Вас пустое, а для нее жизненно важное.

Черкните — исполните ли эту мою просьбу и когда приблизительно выезжаете. Благодарю Вас наперед и прошу извинить, что утруждаю просьбою.

Что до меня, то я осел здесь, так как не в силах был дольше выносить свою ниццскую инвалидность.

Народ здесь хороший; кое-кто помнит меня за судебную помощь в национальное лихолетие (1905—1907 гг.) и оказывает мне внимание. Выступать в здешних судах не имею права, но существую безбедно консультациями и составлением кассационных жалоб. Словом, стал «винкельадвокатом» [5], но чувствую себя бодро: «... Живя, умей все пережить: печаль, и радость, и тревогу» [6].

Крепко жму руку и от души желаю всего доброго.

Искренне Вам преданный

О. Грузенберг

[1] В *АГ* хранится перепечатка статьи за подписью «Бор. Ор.» под заглавием «О. О. Грузенберг о своих подзащитных. В. Г. Короленко.— Максим Горький.— Поручик Пирогов», опубликованной в газ. «Сегодня» (Рига) (1926, № 20, 31 мая), в которой излагается лекция Грузенберга, состоявшаяся 30 мая 1926 г. в Латвийском университете. Перепечатка была прислана Горькому много лет спустя (см. п. 31) самим Грузенбергом, который отчеркнул синим карандашом на полях слева начало повествования о Горьком и сверху справа пометил: «О М. Горьком».

[2] Судя по газетному пересказу, Грузенберг рассказал о судебном процессе в связи с воззванием Горького по поводу 9 января, об обеспокоенности всей прогрессивной общественности и народных масс судьбой Горького.

Завершается изложение лекции словами: «О. О. Грузенберга многочисленная аудитория благодарила шумными рукоплесканиями».

[3] См. п. 26, прим. 5.

[4] Горький выехал в СССР из Сорренто 20 мая 1928 г. В Ленинграде находился с 30 августа по 7 сентября 1928 г.

[5] «Винкельадвокат» (от нем. «Winkel» — угол) — заштатный адвокат, выполняющий мелкие поручения частных лиц.

[6] Строка из стихотворения Ф. И. Тютчева «Не рассуждай, не хлопочи!..»

30. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

30 сент. **1933 г.**

78, rue du Maréchal Joffre
Nice

Дорогой Алексей Максимович.

У меня к Вам большая просьба, исполнение которой Вас не оч⟨ень⟩ затруднит: она не только справедливая, но и строго *законная*.

5 сент⟨ября⟩ пр⟨ошедшего⟩ года мы похоронили в Берлине нашу дочь Софью, страдавшую ок⟨оло⟩ 3 лет жестокой формой диабета. Вы знали Соню, когда ей едва минуло 10 лет. После нее осталась девочка (ныне ей *семь* лет!), воспитывающаяся у нас с конца второй недели по своем рождении. Она мало знает свою мать, т. к. по условиям эмигрантского существования свидания были редки, как сопряженные с большими расходами.

Оставшиеся у нас фотографии Сони столь же мертвы, как мертва теперь она. Между тем в Ленинграде находится портрет Сони, хотя не из удачных, но одухотворенный. Надо, чтобы внучка имела его всегда перед глазами.— Это ее право и наша обязанность.

Благодаря Вашему предстательству,— тем более трогательному, что оно было самопроизвольно,— в конце 1918 или в начале 1919 г. состоялось постановление ленинградского ЦИКа, как о том сообщил мне мой бывший помощник, об освобождении м⟨оего⟩ имущества от национализации.

Я этим постановлением *не воспользовался* — не по гордыне,— а только по той причине, что не люблю оглядываться назад и пользоваться какими-либо привилегиями: в моем возрасте надо уважать даже свои ошибки,— наглупил — отдувайся и не проси об переэкзаменовке, уподобляясь нерадивому школьнику. Но то, о чем я прошу, является, согласно постановлению ленингр⟨адского⟩ ЦИКа, *моим правом*.

Я *увез* из СССР только несколько книжек с автографами, особенно мне дорогими; в числе их, конечно, ваш 1 т. с теплой надписью и стихами, вошедшими потом в вашу пьесу «Дети солнца» («Как искры в туче дыма черной, средь этой жизни мы одни»). Вы поднесли их мне в Куоккала *5 июля 1905 г.*[1] Всю же свою библиотеку я просил через покойного Вл. Вил. Беренштама[2] передать в Публичную библиотеку или в Суд; она поступила в Губсуд.

Моя просьба к Вам: привезите мне[3], пожал⟨уйста⟩, портреты *дочери* и *Розы Гавр⟨иловны⟩*: они без рам займут немного места. Впрочем, дабы Вам не возиться, *отдайте разрешение на пересылку* их мне моему брату — Семену Осиповичу[4] (*Ленинград, Дегтярная, 39*).

Разрешите мне по старой дружбе сказать Вам: давно пора Вам ехать в Италию,— погода в Москве, вероятно, испортилась — и, если схватите простуду, то последствия ее могут быть оч⟨ень⟩ серьезны: что бы там ни болтали, легкие ваши плохи, образовавшиеся каверны уменьшили работоспособность их до крайности. Я знаю, что Вы теперь заняты важным делом,— не менее важным, чем ваша литературная работа: дать детям хорошие книги. Я уверен, что Вы с этой задачею отлично справитесь: порукою тому ваша любовь к ребятам. Читал я ваше письмо к ним: простое и сердечное[5]. Однако оно возбудило во мне след⟨ующие⟩ два сомнения:

1) Вы просите ребят в своем ответе не лгать. Это легко требовать, но нелегко ребятам это исполнить. Незагубленные воспитанием (или отсутствием его) дети не *лгут*, но оч⟨ень⟩ часто говорят *неправду*. Не мне объяснять Вам разницу между этими словами,— Вы сами знаете ее: ложь — не только объективное, но и субъективное расхождение с истиною, неправда же — только *объективное* расхождение с нею. Как же ребенок может исполнить Ваше приглашение?

2) Разве и сам по себе *интерес* к чему-либо со стороны ребенка разрешает вопрос о том, что́ следует ему читать? Должны же в этом важном деле служить руководителями взрослые.

Вся ошибка — и притом тяжелая — в том, что мы стараемся всегда выпятить в ребенке особую черту его одаренности: музыкален,— сделайся в 7 лет виртуозом, балует стихами,— вытяни из него поэта. Между тем нужно как раз обратное: пополнить в ребенке то, чем он скудно одарен от природы,— иначе из него выйдет несчастный Wunderkind.

Перед детьми у нас всех громадная вина, и напрасно кричат о «*неблагодарности*» детей. — За что им быть благодарными?

На конских заводах знают генеалогию родителей, случают их в *особые часы*, когда они наиболее сильны и свежи. — Нельзя: иначе, мол, пропадет дорого стоящий лошонок. А как зачинают детей? — Поздней ночью, в пьяном угаре или в перевозбуждении от затянувшейся работы: все равно, как локомотив выпускает отработанный пар. Никакая наука об евгенике, как она ни важна, не поможет, так как любовное соитие всегда будет вне контроля. Значит, государству остается лишь путем воспитания уменьшать причиненное детям их родителями зло.

В немецкой литературе нет книжек, где бы детям объяснили, в доступной их постижению форме, окружающий их мир. Не только физический, но и *социально-политический*. Между тем во французской школьной литературе прекрасные книжки: сжатые, точные, где изложены все гражданские права и обязанности. Хотите,— я их Вам подберу и вышлю. То, что книжки эти имеют в виду другой социальный строй, лишено значения: в готовые, крепкие формы Вы можете вложить свое содержание.

Крепко жму вашу руку.

Искренне Вам преданный О. Грузенберг

P. S. Еще 17 мая я отправил по Вашему итальянскому адресу заказ‹ное› письмо с изложением м‹оей› просьбы. Дня через два после того я прочел в газетах сообщение, что Вы выехали в Москву[6]. Значит, письмо мое ждет вашего возвращения. Это соображение побудило меня написать вторично: если, паче чаяния, м‹ое› письмо Вам переслано, не сердитесь за повторение. — Не сочтите меня «заимодавцем грубым» [7], т. е. что я не могу забыть, что я Вас защищал.

[1] Речь идет о Собрании сочинений Горького, подаренном им Грузенбергу (см. вступ. ст. к переписке). Грузенберг вспоминал, что книги были «в прекрасных художественных переплетах,— на обороте каждого из них помещалась тоже художественная инкрустация из мелких разноцветных кусочков кожи. Одна из них воспроизводит картину Беклина «Остров мертвых». Особенно тронули меня посвящение и стихи (...) Я настолько дорожил этой книжкой, что в числе немногих других автографов взял ее с собою» (*АГ*).

В п. Грузенберга Горькому от 16 мая 1933 г. имеется еще одна любопытная деталь о подаренных книгах: «Вы мне тогда сказали, что переплеты сделаны в Ялте чахоточным переплетчиком» (*АГ*).

[2] Владимир Вильямович *Беренштам* (1870 — ?) — адвокат и писатель, в начале 20-х годов посетил Грузенберга в Берлине по возвращении в Ленинград из Праги, где служил юрисконсультом торгпредства.

[3] Грузенберг думал, что Горький выехал в СССР на время и возвратится вскоре в Италию; на самом деле в 1933 г. Горький возвратился на родину совсем.

[4] Семен Осипович *Грузенберг* (1876—1938) — в дореволюционной России присяжный поверенный, после — философ-психолог, один из основателей Петроградского института гуманитарных наук и искусств.

[5] Грузенберг имеет в виду «Обращение Максима Горького к пионерам СССР», в котором говорится:

«Я обращаюсь к вам от газеты „Пионерская правда“ и лично от себя. Решено организовать специальное издательство книг для детей. Нужно знать: Что вы читаете? Какие книги нравятся вам? Какие книжки вы желали бы прочитать?

Последний вопрос поймите так: что именно вы особенно хотели бы знать, какие вопросы интересуют вас.

Отвечайте просто, искренно, ничего не выдумывая, не притворяясь умнее, чем вы есть на самом деле. Вы и так достаточно умненькие.

Письма посылайте в редакцию „Пионерской правды", а кто хочет — пусть посылает мне по адресу: Москва, Малая Никитская, 6.

Мы соберем все ваши письма, прочитаем их и будем знать, что и как надобно делать, какие и о чем написать новые книжки, какие старые снова напечатать.

Привет. М. Горький» (Правда. 1933. № 192. 14 июля; Комсомольская правда. 1933. № 162, 15 июля).

[6] 18 мая 1933 г. в газетах было напечатано сообщение: «Одесса, 17 мая. Сегодня, в 11 час. утра, в Одессу из Италии на пароходе Совторгфлота „Жан Жорес" прибыл Максим Горький ‹...› Вечером тов. Горький выехал в Москву» (Правда. 1933. № 135. 18 мая). Горький прибыл в Москву утром 19 мая.

[7] А. С. Пушкин. «Скупой рыцарь» (Сцена II).

31. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

28 сент. 1935 г.

78, rue du Maréchal Joffre Nice

Дорогой Алексей Максимович.

Ок‹оло› трех месяцев т‹ак› н‹азываемый› секретарь Пушкинского дома — проф‹ессор› Балухатый [1] предложил мне через посредство брата моего [2] дать для III т. «Сборника» ваших писем [3] статью о Вас, а равно дать для напечатания и письма ваши мне.

Предложение это взволновало меня: с одной стороны, рад был рассказать о Вас все, что знаю, как я это сделал весною 1926 г. в моих публичных чтениях в Латвии, Литве и Эстонии [4], но, с другой, почувствовал опасение подвергнуться полицейским неприятностям. — Разрешите темы этой не развивать.

Однако чувство самоуважения и сознание, что не годится мне в конце седьмого десятка (мне скоро 70 лет) переходить на заячье амплуа, взяли верх.

Как мне писали, проф‹ессор› Балухатый уехал в начале августа в отпуск и должен был вернуться в первых числах сентября. В соответствии с этим я написал ему 9 сент‹ября› о своем согласии и просил оставить в «Сборнике» 2 листа для статьи и писем. Очевидно, профессор еще не вернулся, так как ответа от него не получил.

Вряд ли он будет в претензии за отсылку статьи Вам, как Председателю Пушк‹инского› дома [5].

Предварительный просмотр Вами м‹оей› статьи и без того считал и считаю необходимым: когда пишешь о живом человеке, притом близком, надо сообразоваться с его мнением и даже впечатлением.

Вначале я написал свою статью по лекционным наброскам, но потом пришел к заключению, что так не годится. В устном изложении приходится больше говорить от себя и ограничиваться небольшими цитатами, — между тем некоторые из ваших писем представляют *исключительный* художественный интерес, в особенности письмо ваше от 18 окт‹ября› 1913 г.[6] Стало быть, ясно, что надо отодвинуть себя на дальний план и дать больше места этим письмам in extenso *.

Казалось бы, для чего это делать в статье, если в той же книге печатаются полностью письма. Однако это не так. Конечно, издание «сборников» ваших писем дело необходимое, но не надо себя обманывать: не говоря уже о широких массах, такие сборники мало читаются даже интеллигентными людьми: *перелистает* эти сборники в лучшем случае сотня, а внимательно *прочтут* лишь десятка два-три. Причина: большая трудность фиксировать внимание, так как, не зная, чем вызвано то или другое письмо (печатаются ведь только *ваши* письма, а не *переписка*), читатель быстро утомится. Между тем письма, воспро-

* Дословно, полностью (*лат.*).

изведенные в важнейших выдержках в статье, получают особую яркость по сравнению с авторским текстом.

Теперь о содержании моей статьи. Меня берет сомнение, нужна ли моя *вторая* главка[7]. Она написана, чтобы показать, что у Вас по сравнению с другими нет заимствований. Однако не отвлекает ли это частное задание внимания от Вас, т. е. от единственного, что меня интересует? — Вам виднее, а потому поступите с этой главкою так, как сочтете нужным.

Что касается «воззвания», Вам инкриминировавшегося, то я его привел в том виде, в каком оно было приведено в моем прошении в Судебную Палату: более полного текста не мог раздобыть[8]. Если Вам удастся достать полный текст, то прошу заменить им соответственные строки моего изложения. Если моя статья запоздала,— не набрана ли уже книга,— то не трудитесь возвращать ее мне, так как я располагаю копиею. Все равно в русской печати за границею, при всем ее внимании ко мне, статьи о Вас не напечатают. Я это испытал, когда предложил дать статью по поводу вашего юбилея[9].

Если Вы ознакомились с посланными Вам недавно газетными отчетами о моих публичных чтениях о Вас[10], то, быть может, у Вас возник вопрос: почему-де Оскар Осипович не прислал их своевременно (ведь теперь с тех пор прошло 9 лет). Зачем? — То, что я говорил о Вас перед большою публикою, было говорено не для того, чтобы доставить Вам удовольствие или выслужиться перед Вами. Я считал себя обязанным, как ваш защитник и друг, выступить против клеветы не только бездоказательной, но и *заведомо* подлой[11]. При вашей особой впечатлительности даже дружеская защита не могла Вас не взволновать, как доказательство того, что было-де от чего защищать. Ну а теперь, когда мои «чтения» покрыты земской давностью, Вы, конечно, отнеслись ко всему этому, как к курьезу.

Затем небольшая просьба.

Я настолько дорожу *оригиналами* ваших писем, что, несмотря на желание помочь брату в его нищенском положении, послал ему лишь несколько копий[12]. Между тем месяца $2^1/_2$ т. н. сестра моя[13] ввиду предполагавшегося ее отъезда из Ленинграда перебирала свой скарб и обнаружила у себя 4 ваших письма и 2 письма Репина. Я уехал после перенесенного двустороннего воспаления легких в апреле 1918 г. на юг, в расчете вернуться через несколько месяцев, как окрепну. Уехал я с разрешения властей. Но затем, когда закипела жуткая гражданская война, решил не возвращаться, пока не утрамбуется жизнь. Вот в это самое время мое имущество, библиотека и переписка пошли прахом. Сестра, сохранив у себя 4 в⟨аших⟩ письма, очевидно, забыла о них. Они, как оказывается, проданы Пушкинскому дому[14]. Это меня огорчает. После м⟨оей⟩ смерти письма ваши, В. Г. Короленко и других дорогих мне людей будут, конечно, отосланы Розою Гавр⟨иловной⟩ на родину. Но, пока я жив, мне тяжело с ними расставаться. Пожалуйста, посодействуйте возврату их мне: уплоченные деньги будут, конечно, возвращены *до* выдачи писем. Когда будете писать мне о судьбе м⟨оей⟩ статьи[15] (надеюсь, ответа не задержите), напишите мне подробно о себе,— в особенности о состоянии Вашего здоровья.

Всего хорошего Вам и нашей родине, судьба которой Вам и мне дорога. С болью думаю о неотвратимом германском нашествии. Не скрою, немцев всегда боялся и боюсь. Они — народ военный и неистовый, притом с железной дисциплиною. Надо идти на большие жертвы в отношении японцев. Они, действительно, задыхаются от тесноты. А раз задыхаешься, то бьешь стекла.

Фронт японский не менее труден, нежели германский. Между тем, поладить с японцами не оч⟨ень⟩ трудно. В своих требованиях, как до-

казал Портсмутский договор[16], они скромны: могли взять много больше, чем получили. Поладив с Японией, можно будет значительно усилить фронт против Германии.

Остаюсь, как всегда, искренне Вам преданным

О. Грузенберг

Копии ваших писем на днях соберу и отошлю[17].

[1] Сергей Дмитриевич *Балухатый* (1892—1945) — литературовед, библиограф, с 1943 г.— член-корреспондент АН СССР. Исследования Балухатого посвящены главным образом творчеству Горького и Чехова.

С 1930 г. руководил отделом русской литературы XX в. в Пушкинском доме АН СССР.

[2] С. О. Грузенберга.

[3] Имеется в виду кн.: *Горький М.* Материалы и исследования, М.: изд-во АН СССР, 1941. Т. 3 / Под ред. С. Д. Балухатого и В. А. Десницкого. В введении «От редакции» говорится: «Третий сборник Института литературы Академии наук СССР, посвященный А. М. Горькому, задуманный еще при жизни Алексея Максимовича, выходит в свет после его гибели ⟨...⟩ Первоначальный план настоящего сборника был известен Алексею Максимовичу и в целом им одобрен». Открывается том разделом «Переписка М. Горького», затем идут: II. Статьи о М. Горьком и III. Материалы и документы.

[4] См. п. 29.

[5] Горький в 1935—1936 гг. был директором Пушкинского дома. Статья Грузенберга «О Максиме Горьком» (воспоминания), неоднократно цитируемая в настоящей публикации, хранится в *АГ*.

[6] Имеется в виду п. 14 от 10/23 октября 1910 г.

[7] В этой главе Грузенберг отмечает ряд аналогий в темах и отдельных выражениях у различных писателей, объясняя это заимствованием. О Горьком он говорит: «У Горького, должен отметить, моей следственной склонности не удалось поживиться: только одна фраза (точнее — слово) возбудила во мне когда-то сомнение: „дети — цветы". Не из В. Гюго ли это?»

[8] См. п. 25, а также п. 26, 27, 28.

[9] В марте 1928 г. праздновалось 60-летие Горького и 35-летие его литературной деятельности.

[10] См. п. 29, прим. 1. Отчет о лекции Грузенберга, напечатанный в рижской газ. «Сегодня», был прислан им Горькому через С. О. Грузенберга. Последний писал Горькому 21 мая 1935 г.:

«Брат мой Оскар Осипович Грузенберг обратился ко мне с просьбой опубликовать присланные им мне материалы по Вашему делу ⟨...⟩ Часть этих материалов (объяснение Оскара Осиповича по Вашему делу, в коем изложено вменявшееся Вам в вину „воззвание" и изложение прочитанной им за границей лекции о Вас, жалоба прокурора судебной палаты на О. О. и телеграмма итальянских адвокатов) пересылаю Вам при сем письме по просьбе о том Оскара Осиповича» (*АГ*).

[11] Возможно, Грузенберг имеет в виду клеветнические утверждения о Горьком-«эмигранте», принципиально не желающем возвращаться в СССР. В газетном отчете опровержение этого Грузенбергом выражено так: «...быть может, нынешние настроения Горького, сидящего в Италии, являются косвенным отражением его переживаний того ⟨каприйского⟩ времени», когда Горький писал Грузенбергу, что ему «все равно, где жить, так как он всегда и всюду будет исполнять свои обязанности» (Там же).

[12] В цитируемом выше п. С. О. Грузенберга Горькому далее содержится просьба разрешить публикование полученных писем и других материалов: «Хотя, по словам Оскара Осиповича, он еще в 1923-ем году получил от Вас разрешение на опубликование Ваших писем к нему, тем не менее я считаю нужным запросить Вас,— не встречается ли с Вашей стороны препятствий к опубликованию присланных мне моим братом материалов».

[13] Берта Осиповна Спектор.

[14] Видимо, подлинники (3 автографа и 1 авторизованная машинопись с припиской от руки) п. 1, 13, 14, 21, поступившие в *АГ* из *ИРЛИ* (Пушкинского дома).

[15] Статья Грузенберга осталась ненапечатанной. Пометы Горького на полях ее и различные подчеркивания говорят о том, что писатель внимательно прочел рукопись. В ряде случаев он отметил неточности и ошибки Грузенберга. Так, на с. 8 во фразе: «В юные годы Горький покушался на самоубийство (пуля сидит в нем до сих пор)» — Горький подчеркнул стоящие в скобках слова и рядом, на полях, поставил знак вопроса; на с. 11 также пометил Горький ошибку Грузенберга, назвавшего своего подзащитного Н. Е. Буренина «секретарем Петербургского комитета партии большевиков». На с. 18 Грузенберг пишет: «Впоследствии я видел несколько минут Максима Алексеевича у М. Горького в Берлине летом 1922 г.: он

уже был отцом семейства». Горький подчеркнул указанный Грузенбергом год и слово «отцом» как не соответствующие друг другу: Максим Алексеевич стал отцом в 1925 г. На с. 25 Грузенберг рассказывает о п. Горького Августу Бебелю, которое должен был передать адресату Грузенберг, датируя его 1910 г. На полях Горький исправляет: «1905 г.»

Во вступ. ст. к данной публикации уже приводилась помета Горького, сделанная на полях, по поводу телеграммы Грузенбергу о Парвусе. На этой же 25 странице исправлено подстрочное примечание Грузенберга, спутавшего Ладыжникова с С. П. Боголюбовым.

Иногда Горький делал добавления в тексте воспоминаний. Например, к перечисленным Грузенбергом членам депутации, посетившей 8 января 1905 г. Святополк-Мирского, Витте и Рыдзевского, Горький добавляет: «Кузин, рабочий, агент Д⟨епартамента⟩ п⟨олиции⟩». Имеется в рукописи и чисто литературная правка: «Кашку слопал, плошку о пол»,— пишет Грузенберг (с. 1). Горький зачеркивает «плошку» и надписывает «чашку», ставя также ударение над «о».

[16] Мирный договор между Россией и Японией, заключенный по окончании русско-японской войны в г. Портсмуте 5 сентября 1905 г.

[17] Возможно, что Грузенберг прислал копии писем не непосредственно Горькому, а — как это он делал раньше (прим. 10) — через своего брата С. О. Грузенберга, который, сняв с них свои копии, отослал последние в *ИРЛИ* (Пушкинский дом) для Горького. Сделать такое предположение заставляют имеющиеся в *АГ* машинописные копии п. 3, 8, 11, 17. Судя по орфографии, это машинописи позднейшего происхождения, сделаны они на грубой желтой бумаге и поступили в *АГ* из *ИРЛИ* (Пушкинского дома).

Связь их с публикациями в книге «Очерки и речи» несомненна.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АРХИВОХРАНИЛИЩА

АГ, Архив Горького, Москва * — Архив А. М. Горького при Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, Москва.

ГЛМ — Государственный Литературный музей, Москва.

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей, Ленинград.

ИРЛИ — Институт русской литературы АН СССР, Отдел рукописей, Ленинград.

Музей Горького, Москва — Музей А. М. Горького при Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

ЛБГ — Личная библиотека А. М. Горького. Музей А. М. Горького при Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, Москва.

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства, Москва.

ГИМ — Государственный Исторический музей, Отдел письменных источников, Москва.

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив СССР, Ленинград.

При ссылках на *АГ* архивные шифры не указываются.

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

I. ИЗДАНИЯ В. И. ЛЕНИНА И А. М. ГОРЬКОГО

В. И. Ленин Т. ... С. ... — Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1958—1970.

Ленин и Горький — В. И. Ленин и А. М. Горький: Письма. Воспоминания. Документы. 3-е изд. М.: Наука, 1969.

В ссылках на издание: *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1949—1955 — римскими цифрами указывается том, арабскими — страница (например: *XXIX*, 35).

В ссылках на издание: *Горький М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. М.: Наука, 1968—1976 — номер тома и страница указываются арабскими цифрами (например: *1*, 35).

Варианты (далее арабскими цифрами указываются том и страница) — *Горький А. М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. Варианты к художественным произведениям. М.: Наука, 1974—1983.

Арх. Г. Т. ...— Архив А. М. Горького. М.: ГИХЛ, Наука, 1939—1976.

Горьк. чт. (далее — год издания) — Горьковские чтения, 1949—1968. М.: Изд-во АН СССР.

МИ. I, II, III, IV— М. Горький: Материалы и исследования. Л.: Изд-во АН СССР, 1934—1951. Т. 1—4.

ЛЖТ. Вып. ...— Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Вып. 1—4. М.: Изд-во АН СССР, 1958—1960.

Описание — Личная библиотека А. М. Горького в Москве. Описание: В 2 кн. М.: Наука, 1981. Кн. 1 и 2.

Горький и Короленко — А. М. Горький и В. Г. Короленко. Переписка. Статьи, Высказывания: Сб. материалов / Прим. Н. И. Гитович и Н. В. Короленко. М., 1957.

---

* В список внесены сокращения, принятые и в указателе иллюстраций.

II. ДРУГИЕ ИЗДАНИЯ

Агафонов – Агафонов В. К. Заграничная охранка. С приложением очерка «Евно Азеф» и списка секретных сотрудников заграничной агентуры. М., 1918.

Амфитеатров. Т. ... – Амфитеатров А. Собр. соч. СПб.: Просвещение, 1911–1916. Т. 1–30, 33–35, 37.

М. Ф. Андреева – Мария Федоровна Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Искусство, 1968.

М. Горький в эпоху революции 1905–1907 годов – М. Горький в эпоху революции 1905–1907 годов. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

ЛЖТ Толстого. Т. ... – *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, 1828–1890. М., 1958. Т. 1; *Он же.* 1891–1910. М., 1960. Т. 2.

ЛН. Т. ...–Литературное наследство. Т. 70, 72 и др.

Лопатин – Герман Александрович Лопатин, 1845–1918. Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография / Подгот. к печати А. А. Шилов. Пг., 1922.

Муратова – Муратова К. Д. М. Горький на Капри, 1911–1913. Л.: Наука, 1971.

Революция 1905–1907 годов и литература.– Революция 1905–1907 годов и литература. М.: Наука, 1978.

Русская литература конца XIX – начала XX в., 1901–1907 – Русская литература конца XIX – начала XX в., 1901–1907. М.: Наука, 1971.

Русская литература конца XIX – начала XX в., 1908–1917 – Русская литература конца XIX – начала XX в., 1908–1917. М.: Наука, 1972.

Изд-во Ладыжникова – Berlin. I. Ladyschnikow Verlag.

Сб. «Знания» – Сборник товарищества «Знание».

Фигнер – Фигнер В. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1928–1930.

Чехов – Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М.: Наука, 1974–1982.

Чехов. Письма – Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1974–1983.

Шаляпин – Федор Иванович Шаляпин. 3-е изд. М.: Искусство, 1976–1979. Т. 1–3.

III. РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Дн. Пятницкого – Дневник К. П. Пятницкого (*АГ*).

ЗК Миролюбова – Записные книжки В. С. Миролюбова (*ИРЛИ*, ф. 185, оп. 1, № 25).

ОТСЫЛКИ К ПИСЬМАМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ТОМЕ

Г – А – Переписка Горького с Амфитеатровым.

Г – А, п. от...– Горький – Амфитеатрову, п. от...

А – Г, п. от...– Амфитеатров – Горькому, п. от...

Г – Вл – Переписка Горького с М. Ф. Владимирским.

Г – Войт – Переписка Горького с В. С. Войтинским.

Г – Гр – Переписка Горького с О. О. Грузенбергом.

Г – Ив-Р – Переписка Горького с Р. В. Ивановым-Разумником.

Г – К – Переписка Горького с С. С. Кондурушкиным.

Г – Л – Переписка Горького с Г. А. Лопатиным.

Г – Ляц – Переписка Горького с Е. А. Ляцким.

Г – М – Переписка Горького с Н. К. Муравьевым.

Г – СМ – Переписка Горького с журналом «Современный мир»: Н. И. Иорданским, М. К. Куприной-Иорданской и В. П. Кранихфельдом.

Г – Т – Переписка Горького с В. А. Тихоновым.

Г – Ч – Переписка Горького с В. М. Черновым.

Л – А – Горький в переписке Г. А. Лопатина с А. В. и И. В. Амфитеатровыми.

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Составили Е. М. Герасимова и Л. Н. Галуенко

ГОРЬКИЙ

ФОТОГРАФИИ

Горький в кабинете. Фотография Charles Abeniacar. Капри, 1910. Музей Горького, Москва 84

Горький на веранде виллы «Спинола». Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1910. Музей Горького, Москва 215

Горький в кабинете виллы «Серафина». Фотография Левдика. Капри, 1911. Музей Горького, Москва 259

Горький в галерее монастыря. Фотография Н. А. Румянцева. Италия, 1911—1913. Музей Горького, Москва 434

Горький. Фотография С. Шумова. Париж, между 28 марта и 18 апреля 1912 г. Музей Горького, Москва фронтиспис

Горький у древнего платана. Фотография Н. А. Румянцева. Италия, 1913. На дереве табличка с надписью: «Platanus Orientalis» с указанием района распространения этого вида и года его посадки. Музей Горького, Москва 675

Горький в кабинете виллы «Серафина». Фотография Ш. Н. Манучарьянц. Капри, 1913. Вверху на стене видна часть портрета Шаляпина работы И. И. Бродского. Музей Горького, Москва 647

Горький на берегу моря. Фотография Е. К. Малиновской. Капри, между 20 апреля и 3 июля 1913 г. Музей Горького, Москва 608

Горький в кабинете виллы «Серафина». Фотография Ш. Н. Манучарьянц. Капри, 1913. Над камином картина К. И. Горбатова «Улица на Капри» (подарена Горькому в сентябре 1912 г.). Музей Горького, Москва 615

Горький в редакции журнала «Летопись». Фотография М. А. Шерлинга. Петроград, 1916. Музей Горького, Москва 908

РИСУНКИ, ГРАВЮРЫ, ШАРЖИ

«Максим Горький у себя на Капри». Шарж Моора (бумага, тушь, перо). 1910—1913. Музей Горького, Москва 1010

Горький. Шарж И. И. Бродского (бумага, карандаш). Капри, 1910. Под изображением авторская подпись: «И. Бродский. 1910». Лист из альбома, принадлежащего Ю. А. Желябужскому. Музей Горького, Москва 469

Горький. Шарж И. И. Бродского (бумага, карандаш). Капри, 1911. Музей Горького, Москва 595

Горький. Рисунок Ф. И. Шаляпина (бумага, карандаш). Капри, 10—24 сентября 1911 г. Слева внизу авторская надпись «Ich grolle nicht» («Я не сержусь».— Нем.) — название романса Р. Шумана на слова Г. Гейне из цикла «Любовь поэта». Музей Горького, Москва 341

Горький. Рисунок Ф. И. Шаляпина (бумага, цв. карандаш). Капри. Под изображением слева авторская подпись: «Ф. Шаляпин. Capri, 18/5 сентября 1911 г.» Музей Горького, Москва 343

Горький. Рисунок Ф. И. Шаляпина (бумага, карандаш). Капри, 1911—1913. Под рисунком нотная строка и тщательно зачеркнутое шутливое четверостишье Шаляпина: На острове на Капри // Живет живой старик // Давно жует он лакри//цу и головой поник. Музей Горького, Москва 874

Горький. Портрет работы В. Д. Фалилеева (офорт). Капри, 1912. На доске слева внизу: «В. Фалилеев. Capri, 1912», под изображением справа на полях карандашом: «W. Falileeff». Музей Горького, Москва 487

Горький, М. Ф. Андреева, Ю. А. Желябужский и А. С. Новиков-Прибой. Шарж В. Д. Фалилеева (бумага, акварель). Капри, 1912. На рисунке под изображением подпись-монограмма «В. Ф.» и дата: «Capri 1912». Музей Горького, Москва 692

«„Летописец" М. Горький». Шарж Дени (бумага, акварель, тушь). Петроград, 1916. Музей Горького, Москва 935

ГОРЬКИЙ В ГРУППАХ

ФОТОГРАФИИ

Горький и др. в Помпеях. Фотография Н. Е. Буренина, 1906—1907. Музей Горького, Москва 875

Горький, М. Ф. Андреева, И. П. Ладыжников, Г. Брукс, Н. Е. Буренин в ресторанчике. Фотография Н. Е. Буренина. Капри, 1906—1907. Музей Горького, Москва 81

Шуточная сцена «Лесенка»: И. П. Ладыжников, Горький, М. Ф. Андреева, Е. Ф. Крит, Н. И. Десницкая, Г. Джонс, Е. А. Желябужская, З. А. Пешков, Е. Г. Кякшт. Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1907. Музей Горького 102

В. И. Ленин на Капри в гостях у Горького. В. И. Ленин (сидит слева) играет в шахматы с А. А. Богдановым (сидит справа). В центре, за столом — Горький. В кресле — М. Ф. Андреева. Слева: сидит В. А. Базаров (Руднев), стоит В. К. Таратута. Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, между 23 и 30 апреля 1908 г. Музей Горького, Москва 95

Шуточная сцена: «Пьяный Ной». Изображают: Горький — Хама, Кондурушкин — Ноя, Л. Б. Красин — Сима, А. Н. Тихонов — Иафета. Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1908. Музей Горького, Москва 991

Горький, М. Ф. Андреева, А. Н. Тихонов, А. А. Богданов и Е. А. Желябужская на веранде виллы «Спинола». Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1908—1909. Музей Горького, Москва 100

Горький, Г. А. Лопатин, Л. Н. Старк и неизвестный во время прогулки. Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 9—13 декабря 1909 г. Музей Горького, Москва 806

Горький и Г. А. Лопатин. Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 9—13 декабря 1909 г. Музей Горького, Москва 175

Горький и Г. А. Лопатин у входа на причал. Фотография Н. Е. Буренина. Капри, 13 декабря 1909 г. На обороте карандашом рукой Н. Е. Буренина: «Герман Лопатин и Максим Горький на Capri в 1909 г.». Музей Горького, Москва 792

Горький и З. А. Пешков у дверей виллы «Спинола». Фотография Н. Е. Буренина. Капри, 1909—1910. Музей Горького, Москва 313

Горький и З. А. Пешков на борту парохода во время поездки из Неаполя на Капри. Капри, 1910. Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, Музей Горького, Москва 223

Горький и художники: С. М. Прохоров, И. И. Бродский, Я. М. Павлов, М. В. Печаткин на веранде виллы «Спинола». Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, август, до 23 1910 г. Музей Горького, Москва 213

Горький, Е. А. и Ю. А. Желябужские. Фотография Ю. А. Желябужского. Флоренция, сентябрь 1910. Музей Горького, Москва 1019

Горький, М. Ф. Андреева, И. А. Бунин, В. Н. Муромцева-Бунина, А. С. Новиков-Прибой и др. Фотография И. Е. Вольнова. Капри, лето 1912. Музей Горького, Москва 379

ОКРУЖЕНИЕ ГОРЬКОГО

ФОТОГРАФИИ

Л. Н. Андреев в Помпеях. Фотография Н. Е. Буренина. Помпеи, 1906—1907. Музей Горького, Москва 88

М. Ф. Андреева на вилле «Сеттани». Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1907. Музей Горького, Москва 65

М. Ф. Андреева и М. С. Боткина в столовой виллы «Сеттани». Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1908. Музей Горького, Москва 131

М. Ф. Андреева и Петко Тодоров. Фотография Ю. А. Желябужского. Мустамяки, 1914. Музей Горького, Москва 525

Н. Е. Вилонов («Михаил»). Фоторепродукция. 1908—1909. Музей Горького, Москва 141

М. Ф. Владимирский. Фотография. Арзамас, 4 октября 1902 г. Личный архив Н. М. Владимирского, Москва 580

И. Е. Вольнов. Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, вилла «Спинола», 1909—1911. Музей Горького, Москва 269

В. А. Десницкий на вилле «Спинола». Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1909. Музей Горького, Москва 257

А. А. и Н. А. Золотаревы. Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1912. Музей Горького, Москва 510

Г. А. Лопатин. Отъезд с Капри. Фотография Н. Е. Буренина. 13 декабря 1909 г. Музей Горького, Москва 807

Г. А. Лопатин. Фотография с дарственной надписью: «Ф. Фидлеру от Воскресшего Лазаря. Герман Лопатин. 4(17) XI, 1913. СПб., Карповка, 17». Институт русской литературы, Ленинград 894

Е. А. Ляцкий. Фотопортрет. 1922. Личный архив Виды Ляцкой. Прага 497

А. С. Новиков-Прибой. Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, май 1912. Музей Горького, Москва 533

Е. П. Пешкова. Фотография С. Шумова. Париж, 1910—1912. Музей Горького, Москва 701

Е. П. Пешкова с сыном Максимом. Италия, 1907 г. Музей Горького, Москва 870

К. П. Пятницкий. Фотопортрет. Капри, 3 ноября 1910 г. Архив Горького, Москва 165

Саша Черный. Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, июнь — август 1912. Музей Горького, Москва 410

М. В. Шаляпина у своего скульптурного портрета, выполненного Ф. И. Шаляпиным. Фотография К. А. Фишера, Петербург, 1913. Музей Горького, Москва 476

РИСУНКИ, ЖИВОПИСЬ, ШАРЖИ

Шарж П. Н. Троянского на литераторов: Горького, Амфитеатрова, Л. Н. Андреева, А. И. Куприна и др. 1905 (?). Фоторепродукция. Музей Горького, Москва 75

Амфитеатров. Шарж А. М. Любимова («Сигналы», 1906, вып. 3, с. 6). Собрание И. С. Зильберштейна, Москва 464

Амфитеатров на Капри. Рисунок М. С. Боткиной (бумага, карандаш). Справа под изображением: «М. Боткина, 1908 г. Capri». Центральный архив литературы и искусства. Москва 97

Амфитеатров на Капри. Рисунок М. С. Боткиной (бумага, карандаш). Слева под изображением: «М. Боткина. 20 февр⟨аля⟩ 09». Рукою Амфитеатрова помечено: «Капри». Центральный архив литературы и искусства, Москва 139

М. Ф. Андреева. Рисунок М. С. Боткиной (цв. карандаш). Капри, 1908. Слева под текстом: «М. Боткина. 1 янв. 1908 г.» Частное собрание, Москва 145

А. А. Золотарев. Шарж В. Д. Фалилеева (бумага, акв.) Капри, август, до 27, 1912 г. Слева надпись: «В. Ф. 1912. Capri Piccola Marina». Музей Горького, Москва 399

А. И. Куприн. Шарж А. М. Любимова («Сигналы», 1906, вып. 4, с. 5) Собрание И. С. Зильберштейна, Москва 356

В. С. Миролюбов. Шарж В. В. Каррика (бумага, акварель, тушь). 1899—1900. Лист из альбома шаржей и карикатур, подаренных автором Горькому в 1900 г. Музей Горького, Москва 293

Н. И. Петровская и С. А. Ауслендер. Рисунок М. С. Боткиной (бумага, карандаш). Капри, 1908. Справа под изображением рукою Боткиной: «1908 г. М. Б.», слева — рукою Горького: «Нина Петровская, С. Ауслендер, рисунок М. Боткиной». Архив Горького, Москва 244

М. А. Пешков. Портрет работы С. Н. Зенкова (холст, масло). Капри, 1913. Музей Горького, Москва 702

К. П. Пятницкий. Рисунок Ф. И. Шаляпина и И. И. Бродского (бумага, карандаш). 1914. Под изображением внизу слеза подпись: «Ф. Шаляпин». Справа его рукой текст: «10-го марта, некий рукоблудный художник Шаляпин начал чертить портрет дорогого Константина Петровича, а настоящий художник все исправил и сделал чудный рисунок (следует подпись настоящ⟨его⟩ художн⟨ика⟩»). Далее подпись Бродского и дата: «1914-й». Вложен в лист писчей бумаги с надписью Пятницкого: «Рис. Ф. Ив. Шаляпина». Музей Горького, Москва 804

Е. Н. Чириков. Шарж В. В. Каррика (бумага, акварель). 1899—1900. Музей Горького, Москва 274

Ф. И. Шаляпин. Портрет работы И. И. Бродского (холст, масло). Капри, 1911. Фоторепродукция. Портрет был написан во время пребывания Шаляпина у Горького на Капри 19—24 сентября 1911 г. Тогда же подарен Шаляпиным Горькому. В настоящее время местонахождение портрета неизвестно. Музей Горького, Москва 339

АВТОГРАФЫ

Письмо Амфитеатрова Горькому на иллюстрированной открытке. Кави, 12 апреля 1908 г. Архив Горького, Москва 91

С. С. Кондурушкин. Фотография с дарственной надписью Горькому: «Милый и дорогой Алексей Максимович! И все-таки это ей-богу не я. Я настоящий часто бы-

ваю у вас мысленно. С. Кондурушкин. СПб., 12 сентября 1908 г.». Архив Горького, Москва 962

Надпись Амфитеатрова на иллюстрированной открытке Горькому: «Ей богу, это я! Если не физически, то морально. И сижу в Кави, как в ящике стола. Ал. Амфитеатров». Капри, 8 июля 1909 г. Архив Горького, Москва 154

Запись Горького в альбоме Е. И. Вашкова. Архив Горького, Москва 303

Надпись Горького на иллюстрированной открытке Амфитеатрову. Флоренция, 6 октября 1910 г. Архив Горького, Москва 221

Иллюстрированная открытка, посланная Горьким Амфитеатрову. Пиза, 9 октября 1910 г. Архив Горького, Москва 224

Письма Горького Амфитеатрову от 21 и 22 или 23 ноября 1910 г. Капри. Архив Горького, Москва 230, 231

Первая страница письма Горького Амфитеатрову от 22 или 23 января 1911 г. Архив Горького, Москва 263

Первая страница письма Горького Амфитеатрову. Капри, 13 октября 1911 г. Архив Горького, Москва 353

Страница письма Горького Г. А. Лопатину. Капри, между 25 и 28 декабря 1912 г. Центральный архив Октябрьской революции, Москва 801

Страница письма Горького Г. А. Лопатину. Капри, октябрь не ранее 15 1912 г. Центральный архив Октябрьской революции, Москва 799

Открытка с портретом Б. Р. Камы, посланная ею Горькому в конце 1912 г.; оборот открытки с надписью на английском языке (перевод: «Сопротивление тирании есть послушание богу. Б. Р. Кама»). Архив Горького, Москва 576—577

Правка и замечания Горького на странице рукописи Амфитеатрова «Предисловие к рассказам Пьера Милля». 1919. Архив Горького, Москва 459

Фотопортрет Горького с его дарственной надписью Е. П. Китаевой. Текст: «Екатерине Петровне Китаевой с благодарностью и в воспоминания о совместном труде в „Современнике", „Летописи"». Петроград, 1916. Музей Горького, Москва 941

Фотопортрет Горького с его дарственной надписью И. М. Касаткину. Архив Горького, Москва 628

КНИГИ ГОРЬКОГО С ЕГО ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ

Дарственная надпись Горького М. Ф. Андреевой на американском издании повести «Мать». Нью-Йорк, 1907. Архив Горького, Москва 989

Дарственная надпись Горького Амфитеатрову на книге: М. Горький и В. Мейер. Землетрясение в Калабрии и Сицилии 15/28 декабря 1908 г. СПб., 1909. Библиотека им. Лилли Индианского университета, Блумингтон 972

Первая страница и оборот обложки оттиска статьи Горького «О писателях-самоучках» из журнала «Современный мир» с дарственной надписью Г. А. Лопатину. 1911, № 2. Архив Горького, Москва 797

Дарственная надпись Горького М. М. Коцюбинскому на книге: М. Горький. Дети. Комедия в одном действии. Берлин, ⟨1910⟩. Архив Горького, Москва 600

Дарственная надпись Горького Амфитеатрову на книге: М. Горький. Матвей Кожемякин. Повесть. Берлин, ⟨1911⟩. Библиотека им. Лилли Индианского университета, Блумингтон 471

Дарственная надпись Горького Амфитеатрову на книге: М. Горький. Русские сказки. Берлин, ⟨1912⟩. Библиотека им. Лилли Индианского университета, Блумингтон 472

Дарственная надпись Горького Амфитеатрову на книге: М. Горький. Случай из жизни Макара. Рождение человека. (Два рассказа). Берлин, ⟨1912⟩. Библиотека им. Лилли Индианского университета, Блумингтон 472

Дарственная надпись Горького А. С. Новикову-Прибою на книге: М. Горький. Сказки. М. 1913. Архив Горького, Москва 555

Автографическое и печатное посвящение Горького В. В. Шайкевич на книге: М. Горький. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. Пб., 1919. Собрание И. С. Зильберштейна, Москва 232—233

КНИГИ ГОРЬКОГО

Обложка книги: Максим Горький. Русский царь. Интервью. Штутгарт, 1906. Музей Горького, Москва 73

М. Горький. В Америке. Город Желтого Дьявола. Сб. «Знания», 1906 г., кн. XI (с. 21 и 22). Музей Горького, Москва 79

М. Горький. «Исповедь» с печатным посвящением Ф. И. Шаляпину. Берлин, 1908. Музей Горького, Москва 270

Обложка книги: М. Горький. Двадцать шесть и одна. Пг., 1919. Художник И. Симаков. Музей Горького, Москва 463

Обложка книги: М. Горький. Тюрьма. Пг., 1919. Художник И. Симаков. Музей Горького, Москва 463

КНИГИ ИЗ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ГОРЬКОГО

Титульный лист книги: Сочинения святого Иринея, епископа Лионского. 1871. Музей Горького, Москва 330

Обложка и страница книги: Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904. Музей Горького, Москва 401

Титульный лист книги: Александр Амфитеатров. Зверь из бездны. СПб., (1911). Музей Горького, Москва 325

Дарственная надпись Е. А. Ляцкого Горькому на обложке книги: Былины (Старинки богатырские). СПб., 1911. Музей Горького, Москва 499

ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ

Содержание и титульный лист журнала «Современник» с вклейкой об изъятии статьи «Не-наши» Г. А. Лопатина. 1911, кн. 1 279

Обложка журнала «Современник» и содержание. 1912, кн. 10 502

Титульный лист журнала «Современник» и содержание. 1912, кн. 12 704

Обложка журнала «Современный мир». 1911, № 2 667

Первая страница газеты «Правда» с объявлением о выходе в свет № 2 журнала «Просвещение» за 1913 г. 1913, № 53, 5 марта 624

Титульный лист журнала «Просвещение». 1913, № 6 623

Обложка журнала «Заветы» и страница с началом рассказа Горького «Рождение человека». 1912, кн. 1, апрель. Личная библиотека Горького, Музей Горького 719

Первая страница статьи Горького «Несвоевременное» в газете «День», перечеркнутая цензором. Архив Горького, Москва 942

Обложка журнала «Летопись» и страница журнала с «Воспоминаниями» Горького. 1915, кн. 1 (декабрь). Музей Горького, Москва 933

ЖАНДАРМСКИЕ ДЕЛА

Обложка и страница дела департамента полиции «О журнале „Современник"», 1911. Центральный архив Октябрьской революции, Москва 478

Справка по Регистрационному отделу департамента полиции: «Пешков Алексей Максимович, он же Максим Горький» (1-я страница). Центральный архив Октябрьской революции, Москва 481

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА

Капри. Муниципальная площадь. Фотография Ю. А. Желябужского. 1908—1912. Музей Горького, Москва 695

Фаральони. Скалы у берегов Капри. Картина Н. А. Прахова (дерево, масло), 1910. Музей Горького, Москва 318

Капри. Вилла «Серафина». Фотография Ю. А. Желябужского. 1911—1913. Музей Горького, Москва 879

Капри. Побережье. Фотография из коллекции К. П. Пятницкого. Архив Горького, Москва 713

Капри. Улица. Офорт В. Д. Фалилеева. 1912. Музей Горького, Москва 630

Дом, где располагалась редакция журнала «Летопись» (Петроград, Б. Монетная, 18), 1915—1916. Фотография. Музей Горького, Москва 934

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Составил В. И. Якубович

А. П.– см. Предкальн А. И.
Абениакар Чарльз 84
Абдул-Хамид II, султан тур. 958
Абрамов С., рабочий 928
Абрамович Дмитрий Иванович 297
Август Гай Октавий 326, 805, 832
Августинович 646
Авербах Леопольд Леонидович 5
Аверченко Аркадий Тимофеевич 56, 227, 228, 253, 321, 322
Аверьянов Михаил Васильевич 519
Авилов Борис Васильевич 457, 934
Авксентьев Николай Дмитриевич 317, 478, 589, 600, 602–603, 846, 853
Аврамов (Абрамов) Роман Петрович 231, 264
Агафонов Валериан Константинович 610, 794, 795, 1034
Адан Поль 363, 364, 400
Адель, гувернантка Лопатиных 808, 819
Адрианов Сергей Александрович 53, 60, 456
Азадовская Лидия Владимировна 503
Азбелев Николай Павлович 417
Азеф Евно Фишелевич 137, 139, 140, 172, 307, 364, 398, 403, 408, 409, 477, 582, 772–774, 779, 783, 788, 789, 794, 795, 842–845, 849, 851, 859–866, 895, 896, 991
Аитов Давид Александрович 899, 905
Айвазовский Иван Константинович 8, 216
Айзман Давид Яковлевич 73, 80, 81, 83, 84, 86, 93, 94, 97–99, 106–108, 135, 136, 150, 164, 177
Айхенвальд Юлий Исаевич 182, 706, 967
Акимов Яков Степанович 398
Аксаков Иван Сергеевич 216
Аксаков Константин Сергеевич 551
Аксаков Сергей Тимофеевич 150, 151, 551
Аксакова Вера Сергеевна 551
Аксельрод Любовь Исааковна 993
Аксельрод Павел Борисович 921
Аладьин Алексей Федорович 254, 256
Александр I 407, 454, 470, 510, 512, 536, 551, 561, 572
Александр II 91, 418, 780, 816, 837, 904
Александр III 32, 62, 230; 511, 771, 798, 851, 957, 970
Александра Федоровна, имп. 453, 983, 984
Александров М. см. Ольминский М. С.
Александрова Е. М. 213
Алексеев А. 636, 656
Алексеев Василий Андреевич 504
Алексеевский Аркадий Павлович 259
Алексей, рабочий 928
Алексей Михайлович, царь 184, 518, 527
Алексинский Григорий Алексеевич 8, 54, 178–179, 296, 317, 665, 912, 930, 935
Алеппский Павел 956–958
Алибегов Иван Григорьевич 509, 511
Алмазов Борис Николаевич 430, 431
Альберт М. О. 32
Альбов Михаил Нилович 323, 391
Амфитеатров Александр Валентинович 8, 9–11, 13, 17, 31–472, 477–482, 484–486, 489, 490, 496–497, 501, 504–506, 512, 515, 516, 519, 530, 531, 533, 542, 546, 547, 584, 585, 589–596, 660, 670, 671, 674, 679, 688, 696, 697, 711, 714, 716, 718, 744, 758, 765–771, 776–786, 788–790, 792, 794, 796–800, 802, 839, 843, 845, 848, 849, 852–860, 862–892, 895, 898–901, 903, 964–966, 972, 979, 996, 1026, 1034, 1035
Амфитеатров Валентин Николаевич 110, 111
Амфитеатров Даниил Александрович (Буба) 154, 258, 260, 426, 458, 463, 883
Амфитеатров Максим Александрович 169, 258, 260
Амфитеатров Роман Александрович 169, 258, 260
Амфитеатров-Кадашев Владимир Александрович 114, 115, 154, 178, 179, 186, 193, 283, 284, 318, 328, 329, 331, 332, 437
Амфитеатрова (Соколова) Иллария Владимировна 8, 48, 71, 73, 77, 80, 89, 155, 158, 162, 163, 167, 171, 176, 178, 182, 202, 207, 218, 222, 223, 225, 243–244, 250, 258, 287, 294, 299, 305, 308, 327, 356, 392, 393, 397, 402, 422, 441, 451, 455, 460, 463, 466, 468–473, 584, 758, 767, 787, 847, 861, 864, 872, 874, 876–880, 895
Англада-и- Камариса Эрменхильдо 302
Андреев Вадим Леонидович 7
Андреев Валентин Леонидович 7
Андреев Леонид Николаевич 7, 9, 21, 30, 33, 34, 38, 45, 52, 54, 68, 69, 73–75, 88–90, 96–98, 103, 108, 109, 118, 120, 121, 126–128, 155, 157–160, 164, 166–171, 190–192, 211, 218, 219, 222–225, 236, 242, 246–248, 250, 254–256, 258–260, 264, 265, 266, 275, 276, 282, 283, 285, 286, 288, 289, 300, 301, 310, 311, 353, 370, 388, 389, 394–397, 401, 414, 421–422, 430, 431, 445–450, 456, 466, 495, 526, 537, 538, 548, 554–556, 579, 590, 603, 604, 607–610, 655, 672, 673, 679–681, 685–686, 689, 690, 712, 723, 745, 746, 912, 926, 927, 964–967, 980, 984, 988, 991
Андреева (урожд. Юрковская, в 1-м браке Желябужская) Мария Федоровна 35, 42, 43, 49, 55, 59, 64–66, 70, 71, 76, 79–81, 87, 89, 90, 93, 95, 98, 101–102, 104, 106, 108, 110, 111, 113, 114, 117, 118, 123–125, 128–130, 132, 133, 135, 136, 138, 140, 142, 145, 146–152, 154–156, 158, 159, 161, 163, 164, 168, 169, 171, 172, 174, 176–178, 182, 183, 185–187, 192, 193, 197, 199, 201–203, 205, 207, 208, 210, 212, 214, 220–222, 224, 225, 228, 231, 239, 242, 243, 246, 252, 255, 258, 261, 266,

267, 269, 274, 276, 278, 282, 283, 290, 294, 295, 297, 299, 300, 304, 305, 307, 308, 310–312, 314, 316, 317, 319, 320, 322, 326, 331, 338, 349, 363, 366, 379, 386, 424, 450, 452, 466, 474, 476, 506, 511, 512, 516, 519, 523, 525, 527, 534, 543, 547, 549, 566–568, 571, 592, 594, 596, 598, 599, 601, 614, 670–672, 674, 676, 681, 683–687, 692, 745, 749, 769, 770, 778, 784, 791, 795–798, 800, 805–807, 862, 865, 870, 878–883, 886, 922, 955, 956, 964, 967–969, 971, 974–976, 978, 986, 988–991, 994, 998, 999, 1001–1003, 1006, 1011, 1014, 1015, 1018, 1020, 1023
Андреевич см. Соловьев Е. А.
Андреевский Сергей Аркадьевич 122, 123
Анисимов Юлиан Павлович 400
Анисфельд Борис Израилевич 76
Аничков Евгений Васильевич 156, 157, 271, 272, 343, 350, 492, 528–529, 557, 678
Анна Иоанновна, имп. 326
Анненский Николай Федорович 377, 394, 669, 745, 746, 757, 993, 997
Антид Ото см. Троцкий Л. Д.
Антоненко Н. Г. 862
Антоний, архиеп. Волынский (Алексей Павлович Храповицкий) 56, 84, 982, 983, 985
Антонов А. см. Булгаков М. И.
Антонов Василий Федорович 786–788, 815
Антонов Петр Леонтьевич 790
Антонович Максим Алексеевич 261, 262, 266, 287, 298, 478, 480, 482
Анучин Василий Иванович 502, 520, 528, 529, 533, 540, 542
Апраксина 452
Апсеитова Зинаида см. Корали З. Є.
Апулей Люций 212
Ар. А. см. Аренберг А. А.
Арабажин Константин Иванович 143–145, 683, 684, 689–690
Арагон Луи 7
Аргиропуло Перикл Эммануилович 532
Аренберг Александр Анисимович 358
Арефин Сергей Яковлевич 403, 404, 537, 617, 749–752, 757
Аркатов Г. 757
Арманд (урожд. Стеффен) Инесса (Елизавета Федоровна) 292, 424
Арманди 709
Арсеньев Константин Константинович 67, 311, 669, 745–746, 923, 997
Артемьев А. см. Коялович М. М.
Артемьев (Лисенко) Вячеслав Константинович 754–756
Архипов Абрам Ефимович 923
Архипов (Бенштейн) Николай Архипович 253, 357, 372, 373, 670, 682–685
Арцыбашев Михаил Петрович 38, 94, 98, 99, 111, 112, 120, 122, 177, 179, 181, 195, 211, 218, 222–226, 238, 310, 311, 326, 327, 338, 394, 554, 603, 620, 631, 655, 669, 673, 674, 689–690, 749, 980, 1000–1003
Астафьевы А. В. и Н. А. 321, 659
Астров Семен Григорьевич 437, 531, 532, 540, 541, 547, 554, 556, 623, 625, 627, 643–647, 658, 987
Атилла 57
Ауслендер Сергей Абрамович 243, 244, 246, 247, 290, 655
Афиногенов Александр Николаевич 6
Афонин Леонид Николаевич 655
Аш Шолом 38, 107, 143, 144, 183, 215, 394, 395, 841, 973
Ашенбреннер Михаил Юльевич 759, 771, 787, 788
Ашешов Николай Петрович 181, 182, 362, 364, 380, 437, 796
Ашкенази (Немов) Михаил Александрович 193, 194
Ашукин Николай Сергеевич 113, 148

Бабореко Александр Кузьмич 656
Бадаев Алексей Егорович 665, 928
Базаров (Руднев) Владимир Александрович 42, 43, 89, 92, 95, 97, 98, 315, 352, 354, 355, 457, 493, 528, 560–565, 568, 571, 934, 938, 940, 941, 950, 1023
Бак А. 73
Бак Ю. Б. 199
Бакай Михаил Ефимович 115, 398, 879
Бакст (Розенберг) Лев Самойлович 76, 137, 841
Бакунин Михаил Александрович 381, 480, 761, 781, 782, 805, 815, 846
Балабанова Анжелика 153
Балакирев Милий Алексеевич 437
Бал-Машховес (Израиль Эльяшев) 502, 503
Балтрушайтис Юргис Казимирович 495, 841
Балухатый Сергей Дмитриевич 658, 995, 1030, 1032
Бальзак Оноре де 38, 95, 184, 185, 814, 834–835
Бальмонт (Андреева) Екатерина Алексеевна 252
Бальмонт Константин Дмитриевич 45, 68, 69, 72, 83, 97, 98, 190, 204, 206, 207, 238, 250, 251, 254–256, 674
Барановский Т. 650
Баранцевич Казимир Станиславович 517, 526
Баратынский Евгений Абрамович 630
Барбаро Иосафат 262–264
Барбюс Анри 841
Барков Е. В. 117
Барков Н. 167
Баронов Герман Александрович 945, 965
Бароха-и-Неси Пио 289, 290
Баррер Ж. 52
Баррит см. Батушанский Б. Я.
Барт-Лопатин Бруно Германович 782, 808, 816, 901
Бартенев Петр Иванович 216, 413
Басаргин (Введенский) Алексей Иванович 742
Батушанский (Баррит) Борис Яковлевич 169, 170, 794, 795
Батюшков Федор Дмитриевич 181, 182, 227, 462, 721–723, 795, 749, 761
Бауэр Отто 557, 558
Бах Алексей Николаевич 759, 777, 897, 904
Башкин Василий Васильевич 177, 394
Баян см. Колышко И. И.
Бебель Август 83, 656, 1033
Бебутов Давид Иосифович 507–508, 514, 515, 518, 553
Бегас Оттмар 474, 476

Бедный Д. (Ефим Алексеевич Придворов) 625, 636, 638–639, 649, 657, 659
Безант Анни 513, 514, 574, 575, 577, 578
Беззубов Владимир Иванович 285
Бейлис Мендель Тевье 36, 306, 307, 444, 445, 447, 448, 450, 865, 884, 993
Бекетов Николай Николаевич 815
Беклемишев (Реджио) Александр Николаевич 132–133, 148
Беклин Арнольд 1029
Белая 161, 162
Белецкий Степан Петрович 52
Беликович В. Ц. 537, 538
Белинский Виссарион Григорьевич 323, 496, 500, 551, 686, 950
Белов Сергей Владимирович 310
Белозеров Александр Андреевич 597
Белоусов Иван Алексеевич 228, 451, 526
Белоусовы, бр. (Андрей, Семен) 897, 904
Бельгард Алексей Валерианович 484, 1003, 1004
Бельтран Алисетте де 314
Белый (Бугаев) Андрей Николаевич 57, 111, 125–126, 183, 184, 250, 251, 391, 400, 482, 501, 674, 723, 761, 886
Беляев Юрий Дмитриевич 120, 121, 400, 443
Бенедиктов Владимир Григорьевич 431, 742
Бенина М. А. 290
Бенуа Александр Николаевич 137, 157–159, 166, 311, 349, 388, 389, 452, 712, 841, 915
Бенштейн Н. А. см. Архипов Н. А.
Берар В. 395
Берг Бент 541, 543, 548
Бердяев Николай Александрович 15, 146, 250, 967
Бережной А. Ф. 659, 930
Березин Михаил Егорович 518, 519, 528, 750, 752, 753
Беренштам Владимир Вильямович 1028, 1029
Берлин Павел Абрамович 253, 254, 357, 372, 667–669, 681–683, 689–690
Берлиоз Гектор 390
Берман 920, 923
Бернет (Андрей Кириллович Жуковский) 431
Бернштейн Лев Борисович 840, 841, 843, 847, 849, 850, 852
Бернштейн Михаил Львович 841
Бернштейн Эдуард 656, 787
Бестужев И. В. 122
Бестужев-Марлинский Александр Александрович 730, 742
Бетман-Гольвег Теобальд 920, 922
Бетховен Людвиг ван 390
Биаджини 840
Бибик Алексей Павлович 700, 935, 936
Билибин Иван Яковлевич 76, 137
Биншток Моисей Львович 726
Биркенгейм 141
Бирюков Павел Иванович 87
Биссолати-Баргамаски Леонид 123, 124, 501, 503, 513, 514, 922
Битнер Вильгельм Вильгельмович 167, 691, 693
Блаватская Елена Петровна 574, 577
Благушин 170, 171
Блажчук 479, 483
Бланк Рувим Маркович 382, 501, 503
Бласко Ибаньес Висенте 223, 224
Блок Александр Александрович 33, 53, 55, 58, 111, 112, 117, 125, 136, 157, 159, 166, 311, 393, 400, 461, 462, 464, 491, 496, 517, 642, 655, 674, 696, 709–712, 723, 726, 729, 945, 949, 951, 953, 955, 956, 965, 967
Блэк Клементина 350
Боборыкин Петр Дмитриевич 6, 311, 353, 967
Бобринский Владимир Алексеевич 176
Бобрищев-Пушкин Александр Владимирович 132, 133, 293
Богачев А. Д. 117
Богданов (Малиновский) Александр Александрович 8, 42, 43, 82, 90, 92, 93, 95, 97, 98, 100, 108, 109, 116, 126—128, 130, 132, 138, 139, 148, 162, 171, 172, 178, 181, 182, 194, 197, 221, 223, 225, 241, 245—248, 282, 317, 544, 545, 651, 665, 768, 818, 839, 866, 934, 950, 951, 995
Богданов Василий Иванович 429, 431
Богданович Ангел Иванович 742, 967
Боголюбов Семен Павлович 46, 973, 985, 1004, 1005, 1007—1009, 1011—1013, 1015—1017, 1033
Богораз (Тан) Владимир Германович 54, 111, 112, 451, 745, 746, 904
Богров Дмитрий Григорьевич 842, 858, 859
Богучарский Василий Яковлевич 86, 217, 301, 324, 478, 480, 483, 494, 509, 511, 516, 526, 540, 542, 552, 559, 561—562, 564—570, 759, 761, 846, 858, 933, 967
Бойер Йуханн 166, 167
Бокаччо Джованни 212
Болотников Иван Исаевич 18, 240
Вольте Фридрих 762
Бонне Батист 286, 287
Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич 109, 315, 357, 359, 453, 454, 557, 558, 560, 661, 662, 664, 761, 796, 841, 938
Бориславский, полицмейстер 823
Борисов Александр Александрович 970
Борисов В. 207
Борисова 235, 236
Борисовы, Андрей Иванович, Петр Иванович, бр. 317
Боровиковский Владимир Лукич 510, 542
Бородин Александр Порфирьевич 8, 231, 437, 815, 834, 839
Бороздин Александр Корнильевич 157
Востром (Тургенева) Александра Леонтьевна 207
Ботев Христо 392
Боткин Сергей Петрович 92
Боткина Мария Сергеевна 92, 96, 102, 130, 131, 142, 145, 148, 243, 244
Боцяновский Владимир Феофилович 219, 220, 234, 249, 282, 283, 287, 478, 479, 671, 796
Бочаров Иван 903
Бравский 646
Брагинский Марк Абрамович 395
Брандес Георг 66, 68
Брантинг Карл Яльмар 782
Браун Федор Александрович 562
Бреев Василий Иванович 374, 375
Брейтбург Семен Моисеевич 657

Брендер Владимир Александрович 182
Брет-Гарт Френсис 526
Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна 396, 397
Бржозовский Станислав Леопольд 87
Бриан Аристид 253, 467
Бродская Софья Яковлевна 71
Бродский Болеслав Б. 364, 856, 863
Бродский Исаак Израилевич 213, 311, 312, 339, 469, 474–476, 804
Брокгауз Фридрих Арнольд 395, 746, 1012
Броннер Вольф Моисеевич 307
Брукс Гарриэт 81
Бруно Джордано 527, 551, 553, 646, 659
Брусянин Василий Васильевич 245—246
Брюллов Карл Павлович 542
Брюсов Валерий Яковлевич 30, 33, 35, 37, 58, 125, 126, 152, 190, 244, 655, 674, 761, 949, 951, 953, 967
Будберг Мария Игнатьевна 7, 8
Будищев Алексей Николаевич 428, 537, 538, 541, 721
Булгаков (А. Антонов) Михаил Иванович 94, 333, 334, 585
Булгаков Сергей Николаевич 146, 329, 707, 919, 926—928, 967
Булгаков Федор Ильич 357
Бунаков (Фондаминский) Илья Исидорович 332, 333, 478, 588, 853
Бунин Иван Алексеевич 18, 23, 30, 36—38, 47, 54, 57, 59, 146, 147, 202, 203, 210, 226–228, 231, 236, 238–241, 250–252, 275, 288, 311, 353, 370, 371, 375, 379, 380, 387, 388, 390, 395, 397, 412, 413, 416—418, 430, 491, 517, 521, 523, 527, 535, 536, 538—540, 543, 544, 548, 551—553, 560, 563, 587, 595, 599, 600, 602, 604, 617, 623, 625, 631, 633—636, 655, 666, 673, 675, 680, 696, 923, 934, 951, 976, 978—981
Бунин Юлий Алексеевич 451
Бураго Елизавета Петровна 258, 260, 338, 422—424, 451, 452
Бураго Л. П. см. Пешкова Л. П.
Бургина Анна Михайловна 8
Бурдель Антуан 328
Бурдес Борис Павлович 38
Буренин Виктор Петрович 30, 132, 287, 431
Буренин Николай Евгеньевич 6, 26, 43, 70, 79, 81, 88, 264, 340, 344, 476, 478, 793, 806, 838, 875, 1001, 1002, 1032
Бурнакин Анатолий Андреевич 330, 331
Буров Алексей Васильевич 276
Бурцев Владимир Львович 51, 56, 87, 89, 115, 124—127, 138, 140, 155, 160, 161, 169, 176, 178, 179, 186, 187, 196, 284, 299, 302, 344, 347—348, 350—352, 354, 358, 363, 364, 382, 386, 396—398, 408—412, 432, 451, 540, 723, 724, 758, 759, 770, 772—777, 779, 782—783, 785, 789—796, 798, 840–863, 865–868, 871–872, 874, 878—881, 886, 895, 899—901, 917, 918, 984, 1026
Буташевич-Петрашевский Михаил Васильевич 418
Бутлеров Александр Михайлович 815, 834, 839
Бутурлин Петр Дмитриевич 391
Бушинский Вл. 276
Быков Александр Николаевич 984
Быков Петр Васильевич 288, 290, 316, 324, 373, 491, 516, 517, 526
Быковцева Лидия Петровна 118, 136
Быховский Наум Яковлевич 557, 558, 560
Бэр Карл Эрнст 973, 975
Бялик Борис Аронович 9—30, 49, 86, 146, 227, 287, 310, 439, 501, 667, 772

В-н О. см. Волькенштейн О. А.
Вагнер Рихард 265, 266, 342, 537, 538
Вайнберг Иосиф Ирмович 582
Вайнберг Юлий Станиславович 925
Вайнштейн Александр Леонтьевич 925
Валуев Петр Александрович 547, 815
Вальян Э. 922
Вандаль Альбер 254, 255
Вандервельде Эмиль 921
Вардин (Мгеладзе) Илларион Виссарионович 725
Варней Луи 869, 870
Василевский (Не-Буква) Илья Маркович 108—110, 112, 114—116
Васильев Николай Захарович 703
Васильев Ю. 327
Васильева Зинаида Владимировна 703
Васнецов Аполлинарий Михайлович 923
Васнецов Виктор Михайлович 923
Ватсон Мария Валентиновна 689
Ватсон Эрнст Карлович 68
Вашков Евгений Иванович 303
Вебер Георгий Федорович 1000
Веденяпин 8
Вейзер Карл 965, 966
Вейнберг Г. 928
Вейнберг Петр Исаевич 431, 745, 746
Вейнингер Отто 120, 121
Вейсберг И. Ф. 60
Вейсман Август 51, 427, 428
Великопольский Аркадий Александрович 384
Величкина (Бонч-Бруевич) Вера Михайловна 315, 400
Величков 392
Вельтман (урожд. Кубе) Елена Ивановна 185
Вельтман М. Л. см. Павлович М. П.
Венгеров Семен Афанасьевич 22, 90, 308, 363, 413, 462, 669, 700, 721, 722, 726, 745, 746, 749, 886, 993
Вербицкая Анастасия Алексеевна 32, 220
Вережников Александр Васильевич 277, 278, 317, 322, 323, 480, 482, 749, 750, 757
Вересаев (Смидович) Викентий Викентьевич 34, 89, 145—146, 149, 153, 172, 285, 494, 504, 515—517, 522, 530, 539—541, 553, 612, 614, 617, 619, 620, 655, 700, 951
Верещагин Василий Васильевич 8
Верещагин Михаил 242, 243
Верлен Поль 949
Верхарн Эмиль 950
Верховский Юрий Никандрович 548
Верхоустинский Борис Алексеевич 617
Веселовская Мария Васильевна 694
Веселовский Александр Николаевич 103—107
Веселовский Алексей Николаевич 311, 923
Веселовский Б. Б. 315
Вечев Я. см. Чернов В. М.

Виардо Полина 1026
Вивани Рене 72
Виванти Анни 279, 337, 350, 412, 589, 590
Вигдорчик Павел Абрамович 452
Виктор-Эммануил III, король ит. 169, 214, 219
Виленская Эмилия Самойловна 815
Виллари 568, 571
Вилонов (Михаил) Никифор Ефремович 43, 141—143, 146, 147
Вильборг Артур Иванович 167
Вильгельм II 71—73, 386, 427, 428, 455, 724, 922
Вильский А. 942
Вильчинский Всеволод Пантелеймонович 258
Вингеберг К. 264
Винклер Анастасия Владимировна 786, 790, 815, 816, 890, 892
Винниченко Владимир Кириллович 36, 90, 92, 153, 154, 256, 258, 260, 261, 291—292, 310, 312, 316, 325—327, 336, 338, 394, 398, 403, 407, 421, 424, 425, 587
Виноград Александр Борисович 196
Виноградов Анатолий Корнелиевич 706
Виноградов Павел Гаврилович 967
Винчи Леонардо да 950
Виппер Роберт Юрьевич 209, 273, 274
Виппер Ю. П. 317
Вирджилио 125
Виссарионов Сергей Евлампиевич 899
Витковский А. см. Гарден М.
Витте Сергей Юльевич 64, 67, 69, 75, 288, 327, 393, 585, 591, 601, 603, 998, 1033
Владимиров Л. (Мирон Константинович Шейнфинкель) 42, 93, 95, 928
Владимирская Лидия Сергеевна 579—580
Владимирский Михаил Федорович 491—492, 517, 579—581, 1035
Владимирский Николай Михайлович 580
Владимирский Федор Иванович 579
Властов Георгий Константинович 253, 890—892
Вовчок Марко (Мария Александровна Виленская-Маркович) 376
Водовозов Василий Васильевич 29, 33, 86, 175, 231, 245, 247, 253, 261, 262, 281—284, 286, 289, 298, 306, 308, 309, 314—320, 364, 366, 400, 480, 492, 496, 497, 509, 516, 518, 519, 528—531, 540, 547, 555, 559, 564, 567, 568, 584, 589, 591, 592, 716, 726, 752, 753, 902
Водовозова-Семевская Елизавета Николаевна 589, 590, 785
Воин см. Войтинский В. С.
Войтинская Надежда Савельевна 915, 917
Войтинский Владимир Савельевич 637, 638, 651, 657, 907—939, 943, 1035
Войтоловский Лев Наумович 89, 92, 393, 394, 527, 617
Волгин Вячеслав Петрович 934, 943
Волгин Кирилл 437, 438, 444, 445, 448, 625, 659
Волкенштейн Людмила Александровна 273, 274, 817, 837
Волков, тов. прокурора 1025
Волков Анатолий Андреевич 622
Волков Гавриил Андреевич 265
Волков Михаил Иванович 607, 668, 691, 693
Волкова Татьяна Николаевна 614
Волошин Максимилиан Александрович 73, 220, 965
Волховский Феликс Вадимович 127, 128, 133, 230, 238, 267, 278, 279, 324, 346—347, 600, 601, 603, 896, 900, 901, 903
Волькенштейн Михаил Филиппович 267, 345, 346
Волькенштейн Ольга Акимовна 796
Вольнов Иван Егорович (Иван Вольный) 33, 51, 268, 269, 273, 275, 282, 379, 394—398, 407, 436, 437, 442—444, 480, 483, 488, 498—501, 515, 517, 521, 536, 545, 623, 628, 632—633, 635, 643, 649, 651, 652, 656, 659, 688, 934
Вольский В. 725
Вольский Станислав (Андрей Владимирович Соколов) 42, 617, 687
Вольтер (Франсуа Мари Аруэ) 526
Вольф Борис Маврикиевич 753
Вольф Гуго 390
Вольф Маврикий Осипович 206, 416, 932
Волынский (Флексер) Аким Львович 28, 38, 55, 113, 394, 460, 706, 949, 950
Вонлярлярские В. М. и Д. В. 315
Вонсик Иван Федорович 702—703
Воробьева-Стебельская (Маревна) М. В. 512, 514, 517, 519
Воровский Вацлав Вацлавович 59, 70, 89, 109, 126, 144, 145, 302, 633, 641, 655, 665, 677, 678
Воронов Иван Карпович 202, 236, 284, 285, 976
Воронский Александр Константинович 181
Воскресенский Александр Абрамович 815
Воскресенский (Попович) 160, 161
Врангель Петр Николаевич 56
Вяземский Петр Андреевич 698, 699
Вяткин Георгий Андреевич 400, 401, 503

Гаазе Гуго 920, 922
Габерман Карл 427, 428
Газдонов Гайто 8
Гайндман Г. 922
Галлей Эдмонд 140, 153, 157
Галлен-Калела Аксель 208, 264
Галунов А. 673, 674
Гальперин Юрий Мануплович 314
Гамарник Ян Борисович 219
Гамсун Кнут 110, 111, 182, 183, 247, 541, 757, 973
Ган Адольф Федорович 859
Ганейзер Евгений Адольфович 375, 379
Ганзен (Васильева) Анастасия Васильевна 166
Ганзен Петр Готфридович 166
Ганюшин Иван С. 291, 292, 294—296
Гапон Георгий Аполлонович 64, 67, 74—76, 163, 337, 850, 851
Гарден Максимиллиан (псевд. Исидора Витковского) 386
Гарибальди Джузеппе 433, 576
Гарин-Михайловский Николай Георгиевич 370, 745, 1016
Гауптман Герхард 86, 447, 448, 450, 881, 882
Гевонд Вардепт 103
Гегель Георг Вильгельм Фридрих 500, 928
Гед Жюль 922
Гедберг Тор 965, 966

Гейден Петр Александрович 78
Гейер Иван Иванович 897, 904
Гейне Генрих 341, 642
Геккель Эрнст 51, 427, 428
Геккельман Абрам (Ландезен, Гартинг Аркадий Михайлович) 795
Геккер (Лазаревич) Наум Леонтьевич 110, 351, 443—445
Гельфман Геся Мироновна 115
Гендель Георг Фридрих 390
Георг V, король англ. 427, 428
Георгиев Михалаки 392
Герасимов А. В. 849, 861
Герасимов Михаил Прокофьевич 296, 625, 639—644, 651, 658, 659
Герасимов П. Н. 658
Гербель Николай Васильевич 431
Герберштейн Сигизмунд 264
Германова Мария Андреевна 254
Гермоген, еп. (Григорий Ефимович Долганов) 981, 983, 984
Герцен Александр Иванович 36, 147, 257, 377, 393, 396, 397, 401, 470, 480—482, 517, 543, 551, 604, 605, 686, 707, 708, 710, 717, 725, 726, 803, 814, 815, 834, 846, 860, 889, 890, 892
Герценштейн Михаил Яковлевич 190
Герцик Борис 172, 173, 794, 795, 845, 846
Герцо-Герцовский 119
Гершельман Сергей Константинович 100, 101
Гершензон Михаил Осипович 146, 217, 334—336, 517, 528, 529, 585, 708, 711, 726, 761
Гессен Иосиф Владимирович 54, 67, 149, 243, 609
Гёте Иоганн Вольфганг 414, 526, 807, 966
Гешин Е. В. 317
Гизетти Александр Алексеевич 726
Гийом Джеймс 381, 503, 688
Гильфердинг Александр Федорович 650, 963
Гиляровский Владимир Алексеевич 32
Гимер Е. П. и Николай Самуилович 355
Гинсбург Софья Михайловна 115, 851, 861, 862
Гинцбург Илья Яковлевич 341, 343, 344
Гиппиус Зинаида Николаевна 85, 112, 306, 322, 323, 326, 327, 330, 527, 554, 585, 589—591
Гиппиус Ф. 167
Гиршман Леонид Леопольдович 749, 750
Гитович Нина Ильинична 1034
Гладков А. И. 862
Глазунов Илья Иванович 8, 253
Глебов-Путиловский Николай Николаевич 262, 264, 283, 300, 726, 915
Глинка Михаил Иванович 8, 342, 654
Глинка Федор Николаевич 192
Глинка-Янчевский Станислав Казимирович 819, 897
Глушакова Юлия 903
Глюк Кристоф Виллибальд 390
Гнатовский (Преккер) Антон Доминикович 85, 86, 404, 901
Гнут-Ломан Николай Логинович 431
Гогенцоллерны, династия 943
Гоголь Николай Васильевич 33, 122, 123, 151—152, 187, 203, 216, 250, 301, 412, 527, 543, 732, 742, 814, 834, 965, 977, 979
Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич 311
Голике Роман Романович 167
Голицын Николай Владимирович 551
Голованов Л. 842, 858
Голованов Николай Николаевич 965, 966
Головин Александр Яковлевич 136, 137
Головин Федор Александрович 416
Голополосов А. И. 789, 816
Голсуорси Джон 700
Голубева Ольга Дмитриевна 297
Голубинский Евгений Евстигнеевич 329, 331
Голубь Степан см. Глебов-Путиловский Н. Н.
Гольдберг 36, 411, 412
Гольдебаев (псевд. Семенов) Александр Кондратьевич 196, 197, 202, 976
Гольдеберг И. 224
Гольденберг (Мешковский) Иосиф Петрович 671
Гольденгорн Л. К. 187
Гольдони Карло 55, 238, 460
Гольдсмит Мария Исидоровна 899, 905
Гольцев Виктор Александрович 852, 862, 967
Гомер 172, 949
Гончаров Иван Александрович 171, 172, 192, 496, 509, 551
Гоппнер Серафима Ильинична 246
Горбунов Иван Федорович 508
Горбунов М. см. Колосов Е. Е.
Гордеев Иван Федорович 352, 354
Горелов (Владимир Давыдов) Иван Николаевич 788
Горелов (Гаккебуш) Михаил Михайлович 53, 54
Горелов Сергей Иванович 100, 101, 133, 150, 244, 245, 392, 441, 766, 768, 787
Горелова Елена Ивановна 150, 152, 168, 183, 244, 245, 766, 788
Горемыкин Иван Логгинович 919
Горина Г. С. 881
Горлин Александр Николаевич 460
Городецкий Сергей Митрофанович 161, 949, 951
Горцев (Шалва Ясонович Натадзе) 376
Гофмансталь Гуго 390, 427
Гоц М. Р. 8
Гоццоли Беноццо 222
Градовский Григорий Константинович 669
Граф Артуро 183
Гребенщиков Георгий Дмитриевич 350, 416, 424, 438—441, 502, 503, 518—521, 541, 542, 545—547, 617, 636
Греков Николай Перфильевич 431
Гржебин Зиновий Исаевич 5, 55, 59, 460, 686, 709, 913, 915, 916
Грибоедов Александр Сергеевич 428, 496, 510, 512, 516, 540, 545, 592, 654, 731, 742, 1003
Григ Эдвард 166, 475, 806, 838
Григорович Елена Юрьевна 356, 770, 900
Григорьев, рабочий 928
Григорьев Александр Дмитриевич 393, 394, 396, 402, 403
Григорьев Борис Дмитриевич 8
Григорьев И. С. 437
Григорьев Кузьма 271, 272, 299
Григорьев Рафаил 942, 943

Григорьева О. В. 167
Гринберг Захар Григорьевич 56
Грингмут Владимир Андреевич 983
Грифцов Борис Александрович 331
Громобой см. Бобрищев-Пушкин А. В.
Гроссман Леонид Петрович 6
Груздев Илья Александрович 6, 56, 57, 612, 910
Грузенберг Оскар Осипович 85, 120—123, 171, 375, 433, 434, 445, 446, 986, 987, 993—1033, 1035
Грузенберг Роза Гавриловна 1000, 1001, 1011, 1028, 1031
Грузенберг Семен Осипович 1028, 1030, 1032
Грузенберг Юрий Оскарович 1020, 1021
Грузинский (Лазарев) Александр Семенович 437
Грузинский Алексей Евгеньевич 353
Грушко Наталия Васильевна 757
Губер Эдуард Иванович 431
Гумбольдт Александр 427
Гумилев Николай Степанович 915
Гумилевский Лев Иванович 651—652, 659
Гуранов, рабочий 916
Гуревич Любовь Яковлевна 400, 967
Гурко Владимир Иосифович 82
Гусев И. Г. 63
Гусев Николай Николаевич 1035
Гусев-Оренбургский Сергей Иванович 89—92, 107—110, 177, 211, 238, 277, 304, 305, 308, 309, 320, 364, 370, 400, 491, 517, 700, 703, 954, 956, 958
Гусев (Слово-Глаголь) Сергей Сергеевич 320
Гусева Хиония 983
Гуткина И. Г. 78, 476
Гутнов Е. 8
Гучков Александр Иванович 199
Гушка см. Ерманский О. А.
Гюго Виктор Мари 249, 415, 419, 420, 1032
Гюнсбург Рауль 122, 200, 201, 342, 866, 872

Де — Р. 925
Давыдов Юрий Владимирович 786, 788, 789, 842, 858, 860, 861, 890, 904
Дагарбодари см. Джабадари И. С.
Даль Владимир Иванович 6, 24, 376, 377, 776, 950
Даманская Августа Филипповна 460, 510, 511, 521, 714
Дан (Гурвич) Федор Ильич 377, 530, 531, 534, 537—538, 931
Даниельсон Николай Францевич 320—321, 761, 762, 768, 770, 779, 787
Данилевский Григорий Петрович 322, 323
Данилин Я. 1003
Д'Аннунцио Габриеле 210, 211, 390
Данте Алигьери 834, 883
Дарвин Чарльз 484
Дасканно 999
Двинянинов Б. К. 30
Де Амичис Эдмондо 415
Дебюсси Клод 137
Девриен Альфред Федорович 188, 970
Дегаев Сергей Петрович 722, 788
Дегтяренко П. 928
Дедлов (Владимир Людвигович Кинг) 179—181
Дейч Лев Григорьевич 87, 89, 169, 170
Делевский Ю. (Яков Лазаревич Юделевский) 376, 377, 382, 396—397, 512, 517, 519, 525, 527, 557, 558, 560, 562
Делич Фридрих 80
Дени (Денисов) Виктор Николаевич 935
Деникин Антон Иванович 206
Де-Нова Джованни 123, 124
Демель Рихард 386, 802, 950
Де-Пуле Михаил Федорович 376
Деренкова Мария Степановна 474
Державин Гаврила Романович 192
Дерман Абрам Борисович 337, 551, 552
Десницкий Василий Алексеевич (Строев) 6, 248, 256—258, 276, 302, 457, 507, 579, 1032
Десницкая Агния Васильевна 535
Десницкая Н. И. см. Попова Н. И.
Джабадари Иван Спиридонович 900, 905
Джапаридзе Арчил Леванович 688
Живелегов Алексей Карпович 394, 395, 408
Джолитти (Джиолитти) Джованни 155, 157, 432, 778
Дзержинский Феликс Эдмундович 841
Диккенс Чарлз 199
Дикушина Нина Ивановна 31, 133, 144, 165, 453—456, 666, 679, 758, 767, 803, 839, 881, 903, 905
Диллон 69
Дионео (Исаак Владимирович Шкловский) 436, 437
Дистлер Ирина Васильевна 486, 611, 744
Дитц Иоганн Генрих Вильгельм 73, 80
Диффенбах Карл Вильгельм 248
Дмитриев-Мамонов Эммануил Александрович 551
Дмитриев-Челябинский Иван Яковлевич 212
Дмитриева Валентина Иововна 547, 548
Добролюбов Николай Александрович 6, 217, 343, 344, 346, 350, 363, 364, 606, 715, 716, 950
Добрускина Генриетта 897, 904
Добужинский Мстислав Валерьянович 76, 915
Доде Альфонс 286, 287
Дойл Артур Конан 196
Дольчино Фра 36, 123, 133
Доморацкая Софья Иосифовна 31, 57
Дондукова-Корсакова Мария Михайловна 806, 851, 852
Д'Ор см. Оршер О. Л.
Дороватский Сергей Павлович 34, 63, 82, 428, 544, 545
Дорошевич Влас Михайлович 31—33, 36—38, 128, 130, 131, 138, 143, 145, 177, 182, 248, 314, 315, 405, 406, 414, 744, 767
Достоевский Михаил Михайлович 6
Достоевский Федор Михайлович 6, 13, 14, 23, 27, 28, 33, 191, 223, 224, 334—336, 384, 395, 410, 411, 424, 425, 441—443, 445, 447, 449, 527, 657, 659, 667, 673, 687—690, 707, 720—722, 730, 840, 950, 955
Драгейм-Сретенская Иоанна Фердинандовна 266, 268, 537, 538
Дрейфус Альфред 415
Дрожжин Спиридон Дмитриевич 677, 678

Дружинин Николай Петрович 282, 288, 290, 480, 482
Друтман А. Д. 33, 148, 149, 187, 231, 662
Дрюмон Эдуард Адольф 307
Дубах 125
Дубинская Тамара Ильинична 915, 939
Дубнова Евгения Яковлевна 197
Дубовиков Алексей Николаевич 815
Дубровин Александр Иванович 188, 189, 983
Дубровинский Иосиф Федорович 42, 43
Думбадзе Иван Антонович 188, 189
Дунаев Н. Н. 357
Дурново Петр Николаевич 431, 760, 805, 806, 812, 813, 815, 836, 837, 890—892
Дымов (Перельман) Осип Исидорович 38, 183, 239, 246, 394, 395, 470
Дьяков Александр Александрович 396, 397
Дюлу 1001, 1002
Дюпон Альфред 7
Дюма Александр (отец) 834
Дюма Шарль 856, 863
Дягилев Сергей Павлович 136, 137
Дядя Пахом см. Можайский И. П.

Евгеньев-Максимов Владислав Евгеньевич 921
Евдокимов Александр Александрович 467
Евецкий Иван Орестович 417
Еваленко Александр Маркович 398
Евреинов Николай Николаевич 132, 134
Евстигнеева Лидия Алексеевна 58, 59
Евтушевский Василий Андрианович 417
Егоров Иван Васильевич 610
Ежов Николай Михайлович 163—165, 194
Екатерина II, имп. 326
Екатерина Павловна, вел. кн. 351, 352
Елизавета Петровна, имп. 326, 527
Елизавета Федоровна, вел. кн. 364
Елизарова см. Ульянова-Елизарова А. И.
Елпатьевский Сергей Яковлевич 92, 157—160, 165, 166, 655, 745, 746, 865, 930, 967
Ермолов Алексей Петрович 407
Ерманский (Коган) Осип Аркадьевич 654, 937—938
Ермолов Алексей Сергеевич 336, 337
Ермолова Мария Николаевна 95, 387, 923
Ефимов Д. П. 33, 172
Ефремов Сергей Александрович 529, 533
Ефрон Илья Абрамович 395, 746, 1012
Ефросинья, св. 963
Ешин Леонтий 897, 904

Жаботинский Владимир Евгеньевич 109, 212—220, 295, 333, 384, 385, 478, 480, 691, 692, 1008, 1009
Жаков Калистрат Фалалеевич 400, 401
Железнодорожник (псевд.) 651
Желтова Нинель Ивановна 344
Желябов Андрей Иванович 115
Желябужская Екатерина Андреевна 100, 142, 1019
Желябужский Андрей Алексеевич 243, 245
Желябужский Юрий Андреевич 65, 95, 100, 102, 212, 215, 223, 243, 245, 417, 469, 476, 533, 806, 878, 879, 1019
Жемчужников Алексей Михайлович 22, 86
Жилкин Иван Васильевич 130—132, 753, 967
Жиркевич Александр Владимирович 657
Житель (петербургской стороны) см. Дьяков А. А.
Жихарева К. (Шишкова Ксения Михайловна) 541
Жорес Жан 65, 68, 501, 503, 513, 514
Жуков В. П. 117
Жуков Иннокентий Николаевич 328
Жуковский Василий Андреевич 161, 162, 216, 220, 561
Жулев Гавриил Николаевич 429, 431
Жученко (Гернгросс) Зинаида Федоровна 160, 161, 398, 792, 794, 860

Забелин Иван Егорович 207
Завражный (Попов) Григорий Поликарпович 691, 693
Зазерский Алексей Иванович 460
Заика Станислав Васильевич 486
Зайчневский Петр Григорьевич 531, 532
Зайцев Борис Константинович 157, 158, 451, 599
Зайцева Г. С. 653
Зак Самуил Сергеевич 600, 602
Залманов Абрам Соломонович 216, 768, 787, 870
Заломов Петр Андреевич 579, 677, 678
Заломова Анна Кирилловна 677, 678
Замятин Евгений Иванович 436, 437, 934
Зангвилль Израэль 231, 234, 235
Зарубин В. 693
Засулич Вера Ивановна 311, 902, 903
Затертый см. Новиков-Прибой А. С.
Захаров А. А. 217
Захаров Борис Евгеньевич 895, 896
Захаров Борис Матвеевич 150, 154
Зволянский Сергей Эрастович 813, 816, 836
Зейферт 762, 904
Зелинский Фаддей Францевич 745, 746
Зенков Семен Николаевич 702
Зильберберг (Штифтар) Я. И. 859
Зильберштейн Илья Самойлович 5, 101, 137, 233, 257, 296, 356, 465, 476, 840, 843, 860
Зимина Серафима Сергеевна 791, 893
Зинаида Ц. см. Цесаренко Е.
Зинин Николай Николаевич 803, 814, 815, 833, 834, 839
Златовратский Николай Николаевич 6, 90
Злинченко Кирилл Павлович 73, 264
Золотарев Алексей Алексеевич 58, 60, 107—110, 321, 381, 398, 399, 446, 456, 476, 488, 502—504, 507—509, 511, 516—518, 527, 536, 538, 553, 617, 636, 646, 658, 659, 688, 883, 987
Золотарев Николай Алексеевич 446, 504, 507, 508, 531—532, 536, 646, 658, 883
Золотницкий Владимир Николаевич 757
Золя Эмиль 415
Зорге Фридрих Альберт 762
Зубатов Сергей Васильевич 121, 122, 859
Зубелевич Юлия Михайловна 609, 610
Зубовский Юрий Николаевич 437, 444, 446
Зулоага Игнасио 302

И. К. см. Кашинцев И. Н.
И. К. 984
И. Р. см. Амфитеатрова И. В.

Ибсен Генрик Иоганн 197, 1020, 1021
Иван Николаевич см. Азеф Е. Ф.
Иванов Вячеслав Иванович 125, 127, 311, 926—928, 953, 967
Иванов Николай Иванович 502—504, 508, 512, 617
Иванов Петр Васильевич 207
Иванов Сергей Андреевич 849, 861, 897, 904
Иванова Евгения Викторовна 706
Иванова Инна Самуиловна 678
Иванов-Разумник Разумник Васильевич 27, 30, 148, 300, 335, 371, 384, 388, 389, 393, 457, 603—607, 609, 686, 697, 706—743, 979, 1035
Иванчин-Писарев Александр Иванович 67, 759, 761, 777
Игнатов Илья Николаевич 111, 351, 1000
Игнатьев Алексей Павлович 205, 206
Иегова (Ягве, Саваоф) 949, 950
Изааке Генрик 222, 224
Извольский Александр Петрович 122
Изгоев (Ланде) Александр Соломонович 134, 146, 293, 393, 600, 601, 928
Измайлов Александр Алексеевич 109, 111, 128, 136, 177, 305, 312, 384, 385, 413, 796, 991
Изюмский Василий Иванович 521, 544—546, 549
Илиодор (Сергей Михайлович Труфанов), иером. 51, 385, 421, 453, 454, 601, 945, 981—985
Ильин, врач 809—811, 816, 823, 826
Ильин см. Ленин (Ульянов) В. И.
Ильин Николай Николаевич 693
Ильин (Раскольников) Федор Федорович 300
Ильина 125
Ильинский Сергей Николаевич 205, 206
Иогансен Александр Александрович 614
Иолшин М. 68
Иорданская см. Куприна-Иорданская М. К.
Иорданский Николай Иванович 9, 48, 54, 60, 111, 211, 454, 559, 562—564, 639, 661. 662, 664, 666—672, 682—687, 690, 693, 697, 701—703, 761, 929, 930, 979, 1035
Иоффе Фанни Моисеевна 31, 57
Ириней, св. 223, 225, 253, 329—331
Исхаков Гаяз (Чингиз) 260—262, 264, 266, 268, 270, 295, 296, 306—308, 323, 324, 326, 372, 373, 375, 376, 617
Иткин Семен Григорьевич 334—337, 381, 382, 501, 980, 981

Йенсен Иоханнес Вильгельм 166

К. Р. (Константин Константинович Романов, вел. кн.) 311, 364
Кадашев см. Амфитеатров-Кадашев В. А.
Кадомцевы (Анна Федоровна, Иван, Михаил, Эразм) 677, 678, 772
Кадомцева Ольга Михайловна 772
Калигула Гай Цезарь Август Германик 213, 214
Калинин Федор Иванович 655
Калистратов М. 263
Каллаш Владимир Владимирович 87
Кальвин Жан 505
Кальвино Марио см. Лебединцев В. В.
Кальманович М. Е. 1019
Калюжный Александр Мефодиевич 806, 838
Каляев Иван Платонович 115, 859
Кама Бхикайджи Рустом (урожд. Петит) 513, 514, 574—577
Каменев Лев Борисович (Ю. Каменев) 327, 592, 638, 650, 726, 910
Каменец-Сафонова А. 342
Каменский Анатолий Павлович 112, 115, 117, 193—194, 238, 749
Каменский Василий Васильевич 121
Каменский Василий Михайлович 42, 295, 296, 503, 504, 507, 670
Камионский 965, 966
Кампензе Альберт 262
Канделаки Николай Васильевич 536, 537, 659
Кант Иммануил 51, 739, 928
Капоцци, врач 308
Каптерев Николай Федорович 518, 527
Каракозов Дмитрий Владимирович 779, 803, 806, 813—815, 837, 890, 892
Карамзин Николай Михайлович 150, 561, 869
Карасик Зинаида Моисеевна 76
Каратыгин Василий Андреевич 225
Караулов Василий Андреевич 254, 255, 273, 274, 852
Карахан Лев Михайлович 933, 935
Карбасников Николай Павлович 188
Карелин Аполлон Андреевич 376, 377, 437
Каржанский (Зезюлинский) Николай Семенович 181, 202, 249, 258, 281, 282, 308, 673, 674, 976
Кармела, горничная 266
Кармен, см. Коренман Л. О.
Карнеев Е. 225
Карнеев Николай Иванович 67, 745, 761, 967, 997
Каронин-Петропавловский Николай Елпидифорович 5, 6, 352—354, 357, 358, 365, 806, 837
Карпов, полковник 176, 177, 792, 868
Карпов Евтихий Павлович 413, 424
Каррик Валерий (Вильям) Васильевич (Вильямович) 274, 293
Каррьер Морис 470
Карташев Антон Владимирович 984
Карцевский Сергей Осипович (Иосифович) 265, 266, 268, 269, 275, 295
Карышев Дмитрий Александрович 127, 128
Карышев Иван Александрович 128
Карышев Николай Александрович 127, 128
Касаткин Иван Михайлович 202, 204, 205, 291, 292, 438—442, 617, 625, 628—637, 649, 652—656, 976
Каспари Альвинг Андреевич 100, 101
Кассо Лев Аристидович 293, 330, 431, 546
Касторский Сергей Васильевич 1005
Катанов Николай Федорович 103
Катков Михаил Никифорович 572, 707
Катулл Гай Валерий 602
Каутский Карл 83, 507, 508, 514, 518, 665, 922
Каховский Петр Григорьевич 561
Качалов (Шверубович) Василий Иванович 881
Качоровский Карл Романович 328, 330, 337, 478

Кашинцев (псевд. Калина) Иван Николаевич 182—183, 186, 187, 190, 286, 478, 480, 482, 505, 506, 860
Каширин Яков Васильевич 438, 439
Каширина Акулина Ивановна 77, 78
Квирильский см. Церетели И. Г.
Кедрин Евгений Иванович 67, 997
Келдыш Всеволод Александрович 130, 622, 657, 658
Келлерман Бернгард 714
Келтуяла Василий Афанасьевич 343, 500—501
Кеневич Жером (Иероним)-Станислав Феликсович 726
Кеннеди Пауль 796
Керенский Александр Федорович 603, 913
Керженцев В. см. Лебедев П. М.
Керос Эса де (эса ди Кейруш Жозе Мария) 557, 558
Кибальчич Николай Иванович 115
Кизеветтер Александр Александрович 415
Киплинг Редьярд 86, 196, 716
Киреев Д. 272
Киреевский Петр Васильевич 5
Кирсанов, крестьянин 272
Киселев 117, 125
Кистяковский Богдан Александрович 146
Китаева Екатерина Петровна 941
Клавихо Рюи Гонзалес 262, 264
Клареси Жюль (Арсен Арно) 72
Клеймо (Василий Васильевич Андреев) 431
Клейнборт Лев Максимович 269, 397, 653, 683, 685, 693
Клемансо Жорж 467
Клестов (Ангарский) Николай Семенович 937
Клеточников Николай Васильевич 115
Клименко Михаил Федорович 851, 861
Климент VII, папа рим. 264
Климова Наталия Сергеевна 901, 905
Клочков Михаил Васильевич 317
Клычков (Лешенков) Сергей Антонович 503, 642—643
Клюев Николай Алексеевич 643
Ключарев Федор Петрович 243
Ключевский Василий Осипович 114, 115, 276, 314, 315, 317, 465, 761
Клюшников Виктор Петрович 396, 397
Клячко (Львов) Лев Моисеевич 54
Кнаус Людвиг 248
Книппер-Чехова Ольга Леонардовна 881
Княжнин (Ивойлов) Владимир Николаевич 350
Князев Василий Васильевич 54, 437, 456
Князев Л. М. 391, 932
Кобылянская Ольга Юлиановна 370
Ковалев Петр Архипович 897, 904
Ковалевский Максим Максимович 58, 172, 173
Ковальские Казимир Адольфович и О. 437
Ковбасенко Авраам см. М. Х. Румянцев
Кодзани Этторе 337
Кожевников Всеволод Абрамович 625, 627, 639, 643, 703
Козельский Митя, юродивый 983
Козьмин Борис Павлович 859
Козьмодемьянский Иван Иванович 917, 919
Коковцов Владимир Николаевич 122, 297, 298, 418
Кокосов Владимир Яковлевич 6, 757
Колас Якуб (Константин Михайлович Мицкевич) 257, 258, 260, 261, 267
Колбасин Елисей Яковлевич 336, 337
Коллонтай Александра Михайловна 724
Колосов Евгений Евгеньевич 29, 92—94, 157, 158, 193, 217, 253, 282, 328, 330, 336, 337, 350, 360, 363, 409, 478, 480, 485, 589, 590, 781, 789, 860, 901
Колпинская А. Н. см. Мирославская-Колпинская
Колпинский Дмитрий Дмитриевич 217, 391, 392
Кольберг Вера Николаевна 536
Кольцов Алексей Васильевич 5, 181, 182, 269, 677, 678
Кольцов Михаил Ефимович 5
Колышко Иосиф Иосифович 389, 390, 407
Коляда Елена Григорьевна 31, 57, 187, 409, 474, 782, 783, 791, 794, 795, 840, 841, 864, 866, 888, 904
Комаров Андрей Михайлович 431
Комиссаржевская Вера Федоровна 197
Кон Феликс Яковлевич 63
Конашевич Василий Петрович 903
Кондратьев Николай Дмитриевич 786—788
Кондурушкин Степан Семенович 17, 28, 106, 130, 132, 183, 654, 944—992, 1035
Кондурушкина Елизавета Васильевна 946, 958
Кони Анатолий Федорович 243, 311, 436, 437, 745, 746, 995
Кони Федор Алексеевич 225
Коновалов Александр, пекарь 66, 68
Коновалов Дмитрий Григорьевич 557, 558
Конради В. 520
Константин Константинович, вел. кн. см. К. Р.
Контарини Амвросий 262
Копельман Соломон Юльевич 158, 686, 687, 717
Корали Зинаида Степановна 897, 904
Корелин Михаил Сергеевич 103
Коренман Лазарь Осипович 66
Корецкий Николай Владимирович 747—748
Корнилов Александр Александрович 560, 561
Корнфельд Михаил Германович 276
Корнфельд Софья Германовна 416
Коробка Николай Иванович 317
Коровин Константин Александрович 474, 476, 923
Короленко Владимир Галактионович 5, 10, 17—19, 23, 25, 37, 52—54, 56, 60, 90, 180, 181, 214, 224, 228, 229, 236—238, 240—242, 246, 248, 254, 278, 295, 310, 311, 335, 391, 432, 441, 456, 481—483, 633, 670—672, 698, 730, 745, 748, 758, 763, 772, 806, 838, 882—884, 894, 895, 902, 904, 908, 915, 917, 930, 944—946, 964—967, 979, 993, 1017, 1018, 1022, 1024, 1025, 1027, 1031, 1034
Корш Федор Адамович 127, 128
Костомаров Всеволод Дмитриевич 532

Костомаров Николай Иванович 184, 276, 301
Костринский А. 268
Котик Наум Генрихович 138, 140
Котылев Алексей Иванович 683, 684
Коцюбинский Михаил Михайлович 23, 25, 51, 144, 165, 211, 224, 237, 247, 254, 256, 257, 260, 276, 349, 350, 370, 375, 378–380, 396, 400, 407, 427–429, 491, 502, 504, 517, 529, 587, 599–604, 673, 674, 966, 980
Кочетова Зоя Разумниковна 134. 133
Коялович Михаил Михайлович 219, 220, 238, 239, 249, 250, 277, 282, 284, 287, 288, 290, 296, 298, 364, 385, 478, 480, 482, 593, 671
Краевский Андрей Александрович 185
Крайз Целестин Соломонович 216
Крамалей Михаил Михайлович 343, 344
Крандиевская (Тархова) Анастасия Романовна 684, 685
Кранихфельд Владимир Павлович 9, 27, 146, 236, 377, 478, 485, 655, 666–669, 674, 676, 680–683, 687–705, 955, 957, 1035
Кранцфельд Раиса 897, 904
Красильников А. А. 663, 899
Красин Леонид Борисович 8, 70, 611, 989, 990, 991
Красковская Татьяна Васильевна 349
Краснов Василий Филиппович 785, 790
Краснов Петр Николаевич 56
Красновская Е. М. 443
Красов (Некрасов) Николай Дмитриевич 192
Крафт-Эбинг Рихард 795
Крачковский Дмитрий Николаевич 135, 165, 166, 330
Крейсберг 928
Кремлевский Александр Магистрианович 982
Крестинский Николай Николаевич 1021
Крестовников Георгий (Григорий) Александрович 148
Крестовский Всеволод Владимирович 199, 396, 397, 807, 838
Кривцовы, бр. декабристы 529
Криницкий Марк (Михаил Владимирович Самыгин) 326–328, 527, 531, 532, 544
Кристи Михаил Петрович 726
Крит Владимир Александрович 450
Крит Екатерина Федоровна 80, 102, 994
Кришнаварма Шьямаджи 513, 514, 536, 574–578
Кроль Николай Иванович 431
Кромвель Оливер 936
Кропоткин Петр Алексеевич 8, 193, 196, 197, 216, 435, 773, 774, 894, 896, 912, 917, 918, 1015, 1016
Крук Ирэна 36, 411
Крупп Фридрих 805, 833, 942, 943
Крупская Надежда Константиновна 87, 216, 579, 663, 665
Крутикова Нина Евгеньевна 154, 350
Крег (Крейг) Генри Эдуард Гордон 841
Крыжицкий Константин Яковлевич 356–359
Крылов Виктор Александрович 216, 524
Крылов Иван Андреевич 132, 133, 192, 322, 561
Крымов Владимир 8
Крыстев (Кристев) Крыстю (псевд. Миролюбов) 268, 269, 392, 513–514, 520, 521, 525, 526, 529, 533, 535, 552
Крюков Федор Дмитриевич 633
Крючков Петр Петрович 710, 995
Кугель Александр Рафаилович 132, 239, 240, 373
Кугель Иона Рафаилович 33, 45, 59, 372, 373, 405, 409, 411, 412
Кудрин Н. Е. см. Русанов Н. С.
Кудрявцева А. Н. 526
Кузин Дмитрий Владимирович 1033
Кузина Лия Николаевна 903
Кузмин Михаил Алексеевич 125, 177, 211, 212, 225, 250, 603
Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич 669, 745, 746, 984
Куинджи Архип Иванович 359
Куйбышев Валерьян Владимирович 657
Кукольник Нестор Васильевич 444
Кулаков Петр Ефимович 157–159, 163, 165, 166
Кулешов Василий Иванович 860
Кулябко-Корецкая Нина Николаевна 901–902
Кулябко-Корецкий 364
Кулябко-Корецкий Николай Иванович 519, 752, 902, 906
Куник Аристид Аристидович 103
Купала Янка (Иван Доминикович Луцевич) 256–258, 260, 261, 267, 268, 270, 311
Куприн Александр Иванович 38, 54, 195, 211, 219, 236, 245, 246, 248, 310, 355, 356, 359, 362–364, 400, 421, 422, 425, 465, 526, 603, 617, 641, 674, 680, 681, 689, 690, 700, 701, 704, 721, 748, 754, 912, 927, 967, 979
Куприна-Иорданская Мария Карловна 9, 13, 17, 46, 47, 211, 272, 369, 370, 400, 532, 666–669, 673–687, 690, 694, 699–703, 1035
Куприяновский Павел Вячеславович 658
Курбский Н. 1000
Курлов Павел Григорьевич 235, 779
Курочкин Василий Степанович 5, 6, 429, 431
Курочкин Николай Степанович 5, 6, 429, 431, 1026
Кусевицкий Сергей Александрович 97
Кускова Екатерина Дмитриевна 8, 33, 304–305, 307–309, 316, 317, 319, 320, 377, 400, 497, 498, 517, 559, 590, 591, 932, 933, 967
Кустодиев Борис Михайлович 76
Кушнерев Иван Николаевич 103
Кущевский Иван Афанасьевич 5, 6, 181, 182,
Кэн Анри 200
Кэн Жюльен 7
Кякшт Евгений Георгиевич 102, 450

Лавринович Юлиан Наумович 282, 480, 482–483
Лавров Александр Васильевич 30, 706
Лавров Петр Лаврович 204, 206, 480, 706, 758–760, 766, 777, 782, 786, 789, 815, 846, 852, 860, 861, 902, 904, 906
Лагардель Юбер 376, 377
Лаговский Михаил Федорович 851, 861
Ладыжников Иван Павлович 45, 51, 73, 74, 76, 77, 80–82, 84, 85, 89, 90, 92, 97, 98, 100–103, 111, 115, 127, 129, 153, 160,

166, 170, 236, 252, 295, 378, 379, 392, 405—410, 427, 435, 437, 467, 468, 471, 473, 488—489, 492, 504, 512, 519, 523, 528, 533, 534, 538, 540—542, 544, 547, 553—556, 559, 572, 674, 748, 751, 839, 840, 851, 927, 951, 986, 987, 992, 996, 1000, 1019, 1033, 1035
Лазарев Лазарь Ильич 6
Лазаревский Борис Александрович 177, 192
Лазаркевич (Фор) Никифор Александрович 376, 377, 400
Лазурский Владимир Федорович 87
Лакида А. 431
Лактанций Лукий Немий Фирмиан 253
Ландау Григорий Адольфович 321
Ландензен см. Геккельман А.
Лансере Евгений Евгеньевич 76, 97, 946, 947, 954
Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич 727
Лаптев Александр Николаевич 629, 654
Лапшин Иван Иванович 388, 389
Ларин Ю. (Лурье М. А.) 193
Ласковая Фанни Григорьевна 531, 532, 536, 542—544, 547, 548, 550
Ласси де 679
Латернер Федор Ноэлевич 552
Леббок Джон 733, 740, 742
Лебедев В. С. 904
Лебедев Петр Николаевич 388
Лебедев Платон Михайлович 928, 934, 943
Лебедева В. Д. 760
Лебединцев Всеволод Владимирович 117, 118, 138, 991
Левант Анатолий Яковлевич 246
Левин Д. 657
Левинсон Андрей Яковлевич 694
Левитов Александр Иванович 6, 147
Левицкий Орест Иванович 927
Лежава Андрей Матвеевич 597
Лейкин Николай Александрович 147
Леманн А. 167
Лемке Михаил Константинович 531, 532, 726, 761
Лемонье Камилл 460
Ленин (Ульянов) Владимир Ильич 7, 8, 10—14, 17, 21—25, 28—30, 32, 42—44, 46, 51, 56, 57, 59, 60, 63, 67, 69, 73, 78, 82, 84, 87, 89, 92, 95, 109, 113, 127, 146, 173, 180, 193, 194, 197—198, 203, 208, 216, 229, 237, 242, 246, 253, 255, 264, 269, 274, 287, 292—294, 302, 309, 310, 318, 322, 327, 328, 348, 351, 370, 377, 391, 409, 421, 424, 465, 479, 484, 507—508, 514, 518, 529, 545, 556, 572, 579, 582, 583, 586—588, 592, 603, 622—623, 625—627, 629, 630, 633, 641, 650—657, 659—665, 667, 669, 671, 672, 678, 692, 724, 751, 753, 769, 772, 783, 789, 841, 852, 856, 860, 862, 863, 908—911, 914, 915, 918, 919, 921, 923, 928—930, 934, 937, 938, 940, 951, 1005
Леонидов (Вольфензон) Леонид Миронович 27, 883
Ленский (Вервициотти) Александр Павлович 238—239
Ленский (Оболенский) Павел Дмитриевич 239
Леонов Максим Леонтьевич 274, 275
Леонтович Федор Михайлович 375, 376, 379
Лермонтов Михаил Юрьевич 151, 216, 297, 315, 342, 390, 496, 807, 838, 971
Леруа 795
Лесков Николай Семенович 147, 151, 171, 172, 243, 300, 301, 313, 396, 460, 807, 838
Либерман Макс 386
Либкнехт Вильгельм 173
Либкнехт Карл 922
Лигский Константин Андреевич 387, 437, 547, 885
Лилли 57, 466, 471, 472, 972
Лин В. Н. 167
Липецкий (Каменский) Алексей Владимирович 651
Лисснер Г. 115
Литвин-Эфрон С. К. 216, 524
Литвинов Максим Максимович 70
Литвинов-Фалинский Владимир Петрович 52
Лифарь Сергей 841
Литературный Макар см. Сивачев М. Г.
Лищинер С. 860
Ллойд Джордж Дэвид 253
Логсдон Ричард 7
Лодий Зоя Петровна 319
Лозовский А. (Соломон Абрамович Дризо) 943
Лондон Джек 196, 422, 526, 631, 655
Лоло (Мунштейн Леонид Григорьевич) 111
Лопатин Александр Константинович 794
Лопатин Александр Никонович 890
Лопатин Всеволод Александрович 758—760, 763, 764, 768, 770, 779, 784, 893, 901, 903
Лопатин Герман Александрович 28, 29, 33, 48, 50, 58, 118, 123, 127—130, 132, 134, 135, 138, 150, 152, 155, 157, 160, 162—164, 171—180, 185—187, 197, 200—207, 211, 216, 220, 223, 234, 238, 249, 250, 253—255, 273, 276—278, 282, 283, 291, 294—295, 299, 301, 302, 305, 312, 320, 321, 327, 331, 334, 342, 344, 347, 348, 354, 356, 365, 392, 393, 397, 398, 404—406, 409, 412—414, 416, 419—422, 429—431, 445, 446, 451, 469, 477, 478, 480, 483, 758—906, 1035.
Лопатина Вера Александровна 900, 905
Лопатина Елена Бруновна 860, 904
Лопатина Злата Александровна 764, 791
Лопатина Людмила Александровна 770, 791, 798
Лопатины, бр. (Всеволод Александрович, Николай Александрович) 320, 321, 404
Лопухин Алексей Александрович 789, 795, 900
Лорд Эндре 150
Лоренц-Мецнер Александр Карлович 113
Лосицкий Александр Емельянович 315
Лошкарева (урожд. Короленко) Мария Галактионовна 884
Лубковская Мария Мечиславовна 93—95, 133, 373, 374
Луговой см. Тихонов А. А.
Лукашевич Иосиф Дементьевич 231, 282, 286, 478, 763, 783, 787, 893, 900, 902, 903
Лукреций Тит Лукреций Кар 602
Лукьянов Сергей Михайлович 983
Луначарская Анна Александровна 93, 95, 100

Луначарский Анатолий Васильевич 42, 43, 59, 89, 90, 92, 93, 95, 97, 108–110, 112, 130, 142, 148, 150, 176, 178, 194, 221, 224, 290, 317, 417, 446, 451, 506, 508, 509, 515, 517, 557, 558, 662, 665, 724, 769, 818, 928, 934, 950, 951, 956, 957, 965, 995
Лундберг Евгений Германович 495, 930
Лункевич Валентин (Валериан) Викторович 376, 377, 600, 603
Лурье Михаил Зальманович (псевд. Ю. Ларин) 936, 943
Лутохин Далмат Александрович 33
Лутугин Леонид Иванович 300
Львов Георгий Евгеньевич 78
Львов-Рогачевский Василий Львович 32, 33, 57, 111–113, 314, 315, 359, 495, 673, 674, 686, 687, 692, 698, 700, 701
Льдов Константин (Розенблюм Витольд-Константин Николаевич) 298
Любавин Николай Николаевич 808, 814, 821
Любарская Е. В. 658
Любимов Александр Михайлович 356
Любошиц Семен Борисович 111
Людовик IX Святой 266
Люксембург Роза 216
Люлли Жан Батист 390
Люстерник Ева Яковлевна 574, 578
Лютер Мартин 505
Лютостанский Ипполит Иосифович 307
Лядов (Мандельштам) Мартын Николаевич 317
Ляцкая Вида 497
Ляцкий Евгений Александрович 9, 11, 13, 15, 56, 216, 296, 344, 383, 387, 388, 399, 400, 409–411, 413, 417, 439, 460, 486–573, 612, 614, 617–620, 644, 687, 704–706, 863, 943, 1003, 1025, 1035

Мадзини Джузеппе 432, 575, 576, 578
Мазаньело (Мазаниелло) 835
Маевский И. А. 526
Мазон Андре 8, 506, 509, 840
Мазур Н. Г. 906
Мазуренко С. 72
Майер Кунц 248
Майков Валериан Николаевич 686, 706
Макаренко Александр Сергеевич 1022
Макаров Александр Александрович 763, 764, 779, 787
Макиавелли Николо 387, 388, 443, 444
Макина М. А. 653
Мак-Клюр Самуэль-Сидней 195, 196
Маклаков Василий Алексеевич 57, 204–205, 293, 294
Маклаков Николай Алексеевич 428, 431
Маковицкий Душан Петрович 33, 266
Максимов Дмитрий Евгеньевич 710
Максимов Сергей Васильевич 167, 300, 301
Максимович Иннокентий Клавдиевич 1024–1025
Малеин Александр Иустинович 262, 264
Малинин Ал. Васильевич 63
Малиновская Елена Константиновна 46, 127, 262, 276, 437, 442, 536, 608, 642, 854, 951
Малиновский Роман Вацлавович 637, 657
Малларме Стефан 950
Малышев Сергей Васильевич 298, 299, 927, 930
Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович 5, 6, 413, 414, 416, 527, 535, 536, 539, 540, 757
Мамонтов Анатолий Иванович 115
Мамонтов С. 1012
Манн Генрих 210, 226, 227, 240
Манн Томас 210
Мануйлов Александр Аполлонович 415
Манухин Иван Иванович 442, 450, 451, 883, 885, 886
Манухин Сергей Сергеевич 999
Манучарьянц Шушаника Никитична 647
Маныч Петр Дмитриевич 245, 248, 673, 674
Мареев Ф. М. 412
Мария Федоровна, имп. 32, 51, 62, 266, 267
Марков Александр Александрович 595
Маркс Адольф Федорович 166, 183, 383, 406, 993
Маркс Карл 28–30, 83, 98, 234, 321, 370, 435, 627, 637, 656, 657, 713, 758, 761, 762, 766, 769, 772, 783, 787, 789, 790, 803, 805, 806, 814, 815, 818, 821, 834–835, 838, 839, 861
Марлинский см. Бестужев-Марлинский
Мартин Престония и Джон 71
Мартов Лев (Юлий Осипович Цедербаум) 377, 506, 508, 522, 523, 530, 534, 614, 615, 618, 620, 621, 921
Мартынова Любовь Александровна 758, 760, 763, 764, 767, 768, 772, 779, 783, 788, 901
Мартьянов Николай Михайлович 63
Мархлевский (Карский) Юлиан Юзефович 115
Масальский (Глейн) 121
Масарик Томаш Гарриг 58
Масканьи Пьетро 125
Маслов Петр Павлович 522, 523, 530, 531, 534, 538, 614, 619, 620, 912, 921, 922, 932
Массне Жюль Эмиль Фредерик 200, 231, 342, 452, 872
Матвеев Николай Петрович 438–440, 442, 502, 503
Матюшенский Александр Иванович 74–76
Машкин Серапион 111
Маяковский Владимир Владимирович 30, 431
Мгеладзе Влас (псевд. Триа) 203
Медведев Петр Михайлович 243, 245
Медичи Лоренцо 222, 224
Мей Лев Александрович 431
Мейер Вильгельм 136, 470, 971
Мейерхольд Всеволод Эмильевич 183
Мельгунов Сергей Петрович 408, 526, 778, 785, 790, 902, 906, 932, 934, 1025
Мельников Павел Иванович (псевд. Андрей Печерский) 6, 181, 182, 313
Мельников Петр Петрович 163, 164
Менделеев Дмитрий Иванович 815
Меньшиков Михаил Осипович 85, 132, 133, 297, 307, 524, 742, 845
Меньщиков Леонид Петрович 398, 775–776, 860
Мережковский Дмитрий Сергеевич 15, 38, 85, 90, 109, 112, 146, 322, 323, 330, 394, 395, 470, 527, 554, 557–558, 561, 707, 721, 761, 841, 950, 980, 984
Меринг Франц 922

Метерлинк Морис 116, 117, 950
Метлин Иван Иванович 454
Мечников Илья Ильич 191, 421
Мешков Николай Васильевич 660, 664, 687, 761
Мештрович Иван 302
Мещерский Владимир Петрович 364
Микаэлис (Михаэлис) Карин 165, 166
Микельанджело Буонаротти 225
Милицына Елизавета Митрофановна 47, 183, 196, 197, 251, 275, 282, 284, 317, 589, 590
Миллер Орест Федорович 963
Милль Джон Стюарт 821
Милль Пьер 55, 459, 460
Мильеран Александр Этьен 253
Милюков Павел Николаевич 90, 199, 204, 205, 243, 295–297, 339, 340, 342, 369, 393, 745, 746, 761, 989, 992
Минаев Дмитрий Дмитриевич 431
Минаков Егор Иванович 851, 861
Минин Кузьма 18, 240
Минский (Виленкин) Николай Максимович 169, 170, 174, 217, 418, 419, 950
Мирбо Октав 282, 467
Миров см. Миролюбов В. С.
Миролюбов Виктор Сергеевич 48–50, 192, 282, 284–286, 288, 290, 292–302, 304–306, 308–314, 316, 317, 319–336, 338, 347–350, 360–364, 366, 372–375, 380, 381, 384, 388, 396, 397, 406, 417, 439, 584–587, 589, 593–599, 601, 603–607, 609, 688, 708, 709, 711, 712, 714–716, 718, 720, 771, 853, 978, 981
Миртов О. (Ольга Эммануиловна Негрескул-Котылева) 179–181, 183, 204, 685, 686
Мирославская-Колпинская Анна Николаевна 391
Митрохин Дмитрий Исидорович 551
Михаил см. Вилонов Н. Е.
Михаил Николаевич, вел. кн. 364
Михайлов И. 332–334, 585
Михайлов Михаил Ларионович 525, 526, 531, 532, 547, 548
Михайлов Николай Николаевич 680, 681
Михайловский М. 264
Михайловский Николай Константинович 16, 29, 93, 94, 147, 158, 253, 334–336, 360, 393, 400, 479, 583, 589, 706, 708, 728, 729, 759, 776
Мицит Карл 852, 862
Мицкевич Адам 642
Мишле Жюль 167
Могилянский Михаил Михайлович 247
Модзалевский Борис Львович 553
Можайский Иван Павлович 431
Мозли Филипп 7
Моишеев Петр Александрович 862
Мойер Чарльз 71
Моклер Камил 136–137
Молчанов Виктор Иванович 841
Монахов Николай Федорович 452
Монтескьё Шарль Луи 471
Монье Филипп 471
Моор (Орлов) Дмитрий Стахиевич 1010
Мопассан Ги де 356, 357
Морган Шустер 536
Мордовцев Даниил Лукич 322, 323
Морозов Николай Александрович 157, 158, 166, 273, 275, 761, 783, 790, 902, 904
Морозов Савва Тимофеевич 67, 112, 113, 143, 144, 147, 364, 409
Морской А. (Владимир фон Штейн) 288, 290, 300, 327, 585, 591, 592
Моруа Андре 8
Москвин Иван Михайлович 255, 881
Мошкин С. С. 966
Муйжель Виктор Васильевич 294, 305, 394, 395, 491, 517, 655, 978–980
Мунин А. Н. 970
Муравьев Михаил Николаевич 548, 816
Муравьев Николай Валерианович 904
Муравьев Николай Константинович 9, 486, 489, 490, 504, 514–517, 521–523, 528, 530, 532, 537, 539–541, 553, 564, 611–621, 1035
Муразкевич Николай Никифорович 407
Муранов Матвей Константинович 928
Муратова Ксения Дмитриевна 6, 7, 48, 59, 264, 397, 488–490, 495–498, 536, 553, 612, 930, 1035
Мурашов Петр Васильевич 248–249, 265, 359, 656
Муркос Г. 957
Муромцев Сергей Андреевич 29, 229, 245, 253, 286, 314, 315, 391, 672
Муромцева-Бунина Вера Николаевна 147, 379
Мусоргский Модест Петрович 137, 342, 426, 866
Мутер Рихард 252, 644, 658
Муцухито, яп. имп. 405
Мушин А. 859
Мышкин Ипполит Никитич 762, 851, 861
Мюссе Альфред де 238, 245, 246, 286
Мякотин Венедикт Александрович 67, 394, 671, 672, 921, 931, 932, 997, 1024, 1025
Мясницкий (Барышев) Иван Ильич 355
Мясоедов 927, 1022

Набоков Владимир Дмитриевич 243
Надсон Семен Яковлевич 689
Наживин Иван Федорович 418, 520, 521, 534
Назамова И. В. 970
Найденов Сергей Александрович 745, 746, 923, 987
Нансен Фритьоф 56
Наполеон I Бонапарт 351–352, 949
Направник Эдуард Францевич 883
Нарбут Георгий Иванович 946
Нарбут Наталия Ипполитовна 415, 416
Наров см. Рожков Н. А.
Натансон Марк Андреевич 170, 478, 556, 583, 587–589, 596, 597, 843, 859, 895, 900, 901
Натансон Я. Г. 187
Наумов Г. 414–415
Научитель Михаил Вениаминович 786, 814, 816
Неведомский (Миклашевский) Михаил Петрович 522, 523, 528, 535, 619, 930
Негрескул Мария Петровна 758, 768–770, 776, 780, 782, 787, 860
Негрескул Михаил Федорович 888, 889, 896, 903
Негри Ада 289, 291
Неджиб 295, 296, 307, 308, 324
Недригайлов Виктор Иванович 371, 420, 421, 595

Нежданов Андрей см. Соболь А.
Незлобин (Алябьев) Константин Николаевич 452
Не-Коммунист см. Бобрищев-Пушкин А. В.
Некрасов Николай Алексеевич 336, 449, 450, 543, 547, 548, 892
Нелидова (Маклакова, урожд. Королева) Лидия Филипповна 789
Немирович-Данченко Василий Иванович 8, 98, 127, 128, 133, 196, 197, 310, 314, 315, 317, 393, 399, 400, 404, 405, 435, 436, 767
Немирович-Данченко Владимир Иванович 27, 100, 101, 118, 255, 350, 351, 355, 421, 436, 923
Немцевич 119
Нерон Клавдий Цезарь 213, 214, 325, 482
Неру Джавахарлал 578
Нечаев Сергей Геннадиевич 128, 774, 815, 846, 896
Нижинский Вацлав Фомич 841
Никандров (Шевцов) Николай Никандрович 53—54, 378—380, 436—438, 440, 442, 443, 617
Никитин Александр Михайлович 817, 919
Никитин Иван Саввич 269, 376, 400
Никитин Лев Николаевич 622, 659
Никитина Марина Алексеевна 666, 697
Никифорова Людмила Александровна 167, 209, 211, 673, 674
Николаев 386
Николаевский Борис Иванович 8, 583, 860, 913
Николай II 25, 32, 62, 63, 71, 73, 80, 82, 123, 156, 157, 168—169, 190, 208, 219, 235, 246, 254, 298, 345, 364, 397, 427, 428, 443, 453, 470, 847, 858, 860, 983, 987, 1022
Николай Михайлович, вел. кн. 510, 512, 551, 572
Николай Николаевич, вел. кн. 118
Николай — он см. Даниельсон Н. Ф.
Никольский Михаил Васильевич 940
Никольский Николай Михайлович 940—942
Никон, патриарх 518, 527
Нилус Петр Александрович 356, 358
Ницше Фридрих 335, 386, 741, 742
Нобель Альфред 223
Новалис 951
Новелли Эрмете 234—235, 238
Новиков Иван Алексеевич 541, 544
Новиков-Прибой Алексей Силыч 379, 381—382, 501, 516, 531, 532, 550, 551, 555, 609, 610, 646, 659, 752, 753
Новицкий Василий Дементьевич 849, 861
Новицкий И. см. Войтинский В. С.
Новорусский Михаил Васильевич 436, 437, 759, 761, 783, 788, 815, 817, 893, 902, 956, 957
Ноги Маресукэ 536
Норман Джон 70, 392, 466
Нугес Жан 93, 95

Оберучев Константин Михайлович 85—87, 89
Оболенский Леонид Егорович 6
Овсянико-Куликовский Дмитрий Николаевич 16, 19, 157, 311, 364, 413, 500, 501, 544, 586, 807, 838, 923
Овчаренко Александр Иванович 925, 939
Огановский Николай Петрович 932, 934
Огарев Николай Платонович 36
Огнев И. Ф. 415
Один из недоумевающих, псевд. 939
Оду Маргарита 286, 287, 289, 323
Ожигов А. см. Ашешов Н. П.
Озеров 111
Оксман Юлиан Григорьевич 52
Окулов Алексей Иванович 337
Окунев Яков Маркович 256, 258
Олар Франсуа Виктор Альфонс 45, 73
Олейников 660
Олигер Николай Фридрихович 177, 311, 623, 655
Ольминский (Александров) Михаил Степанович 89, 315, 326, 443, 657, 661, 665, 761
Олкотт Г. 577
Ончуков Николай Евгеньевич 399, 401, 402, 403
Ордынский (Плохов) Павел Львович 359
Оржевский Петр Васильевич 813, 816, 836
Орлов Владимир Николаевич 461
Орлов Ю. А. 664
Орловский П. см. Воровский В. В.
Оршер Осип Львович 144, 183
Осколков Анатолий 501, 512, 514, 519
Осоргин (Ильин) Михаил Андреевич 505
Оствальд Вильгельм 427, 428, 613, 800, 802
Островский Александр Николаевич 99, 151, 160, 204—206, 246
Островский В. В. 160, 161
Острогорский Александр Яковлевич 109
Остроумов Алексей Александрович 148, 391

Павел Иовий Новокомский 262, 264
Павленков Флорентий Федорович 68, 128
Павлов Дмитрий Александрович 579
Павлов Федор 258, 259, 260
Павлов Яков Михайлович 213
Павлов-Сильванский Николай Павлович 314, 315
Павлович А. 395
Павлович Михаил Павлович (Михаил Лазаревич Вельтман) 281, 333, 334, 336, 337, 350, 352, 354, 357, 362, 400, 490, 506, 509, 511, 515—517, 528, 574, 577, 617, 618, 620, 925—928, 934, 942, 943
Пальмин Лиодор Иванович 431
Пальчинский Петр Иоакимович 336, 337
Панина Софья Владимировна 657
Панкратов Василий Семенович 902
Пантелеев Лонгин Федорович 471
Папини Джованни 289, 290
Парвус (Александр Лазаревич Гельфанд) 996, 1033
Парнок Софья Яковлевна 407
Парфений, архиеп. тульский 235
Пархоменко Иван Кириллович 180—181
Пастернак Леонид Осипович 76
Пастрана Юлия 330, 331
Патти Аделина 99
Певин Петр Иванович 48, 49, 230, 234, 238, 239, 249, 251, 252, 254, 261, 273, 277, 282, 286, 288, 289, 304, 307, 308, 314, 315, 317, 319—321, 324, 326, 336, 346, 347, 349, 352, 354, 358—361, 369, 371, 373, 375, 382,

385, 387, 410, 411, 479, 485, 491, 494, 496–497, 501, 505, 508, 512, 515–517, 519, 520, 526, 528, 530–531, 539, 542, 543, 549, 550, 552, 553, 559–568, 571–573, 584, 589, 591–594, 617, 618, 676, 687, 863
Первухин Михаил Константинович 135
Переверзев Валериан Федорович 706, 934
Перепеч Анна Ивановна 48
Перов Василий Николаевич 614
Перовская Софья Львовна 115
Перский Сергей Маркович 79, 80
Перюс Жан 78
Перцов Петр Петрович 209
Пестель Павел Иванович 527, 561
Петерсон 167
Петр см. Рутенберг П. М.
Петр I 536, 771, 797
Петрашевский см. Буташевич-Петрашевский М. В.
Петриченко С. М. 610
Петрищев Афанасий Борисович 437, 932
Петров Александр Алексеевич 176, 775, 783, 792, 794, 845, 848, 852, 862, 868
Петров Григорий Спиридонович 83, 84, 116, 117, 120, 128, 133, 757, 765
Петров Н. П. 75–76
Петрова, жена А. А. Петрова 405
Петрова Мира Геннадиевна 710, 730
Петров-Водкин Кузьма Петрович 712
Петровская Нина Ивановна 243, 244
Петровский Григорий Иванович 665, 928
Петроний Гай 387, 388, 546, 547
Петрушевский Василий Фомич 815
Печаткин Михаил Васильевич 213
Печковская Наталия Николаевна 387
Пешехонов Алексей Васильевич 67, 394, 683, 684, 918, 920, 921, 932, 933, 993, 997, 1024, 1025
Пешков Зиновий Алексеевич (Зиновий Михайлович Свердлов) 7, 8, 35, 52, 56, 101, 142, 172, 177, 180–182, 185, 187, 190, 221, 222–226, 234, 255, 279, 280, 282, 285, 297, 299, 300, 302, 311–313, 316, 328, 337, 355, 357, 382, 388–390, 422–425, 430, 435, 437, 440–441, 455, 469, 589, 590, 672, 778, 784, 785, 792, 794, 805, 814, 880, 881, 883, 885, 922, 956, 957, 990, 994–995
Пешков Максим Алексеевич 59, 94, 107, 144, 336, 337, 402, 404, 405, 428, 431, 435, 437, 451, 870, 871, 880, 922–923, 1006, 1032–1033
Пешкова Екатерина Павловна 7, 8, 23, 25, 26, 28, 34, 37, 44, 48–50, 55, 59, 61, 69, 70, 80, 92, 93, 100, 107, 113, 116, 124, 126, 127, 144, 146, 147, 156, 161, 162, 170, 171, 178, 184, 195, 203, 211, 217, 219, 221, 224, 246, 278, 279, 280, 302, 319, 336, 337, 340, 344, 346–349, 352, 353, 364, 391, 395, 398, 402, 404–406, 408, 409, 416, 433, 454, 457, 473, 478, 521, 536, 559, 583–586, 588, 599, 601, 611, 618, 629, 635, 653, 656, 701, 707, 708, 714, 723, 767, 769, 774, 776, 781, 802, 840, 841, 844, 845, 854, 855, 859, 860, 864, 865, 869–871, 873–876, 880, 902, 912, 922, 930, 951, 954, 957, 957, 965, 981, 1002, 1006, 1011
Пешкова Елизавета Зиновьевна 260, 320
Пешкова Лидия Петровна 222, 224–226, 234, 243, 255, 278, 280, 285, 297, 299, 300, 320, 355, 357, 374, 382, 422–425, 469, 672, 880, 881
Пешкова Марфа Максимовна 8
Пиксанов Николай Кирьякович 510, 512, 515–517, 544, 545, 553
Пильский Петр Моисеевич 122, 189–191, 528, 1002, 1003
Пильц 932
Пирогов Вячеслав 1021, 1024, 1025, 1027
Пирожков Михаил Васильевич 665
Писарев Дмитрий Иванович 741, 950, 957
Писарев Модест Иванович 147
Писемский Алексей Феофилактович 313
Пицкель Фаина Наумовна 993
Пичета Владимир Иванович 408
Плано Карпини Иоанн де 261–263
Платонов Александр Измайлович 144
Платонов Сергей Федорович 314, 315
Платонова Нина Сергеевна 500
Плевако Федор Никифорович 391
Плеханов Георгий Валентинович 33, 45, 54, 84, 86, 87, 90, 108, 109, 128, 179, 181, 193, 194, 203, 215, 216, 264, 309, 377, 413, 447, 454, 497, 498, 516, 517, 533, 534, 547, 548, 604, 661–665, 671, 685, 686, 693, 903, 912, 917, 919, 921, 922, 930, 939, 950, 993, 996
Плюшкин Федор Михайлович 503, 504
Победоносцев Константин Петрович 481, 572, 813, 816, 839
Погодин Александр Львович 142, 144
Погодин Михаил Петрович 686
Погосова Анна Ервандовна 31, 57
Подъячев Семён Павлович 337, 636, 980
Покровский Иван Петрович 660–662, 664
Покровский Михаил Николаевич 178, 254, 255, 490, 617, 650, 662, 665, 928, 934, 940, 943
Полевой Николай Алексеевич 322
Поленов Василий Дмитриевич 968–969
Поленова Елена Дмитриевна 969
Полетаев Николай Гурьянович (Гурьевич) 622, 660–661, 664
Поликлет 150
Полнер Тихон Иванович 1025
Поло Марко 112, 113
Половцев А. 189–190
Полонский Яков Петрович 431
Полтавский С. 757
Поляков Сергей Александрович 125
Поперек (Недолин) Сергей Александрович 135
Поплавский А. П. 98, 131
Попов Г. М. 117, 396, 397
Попов И. И. 858
Попов М. В. 924
Попов Михаил Родионович 759, 761, 862
Попов С. 89
Попова Елизавета Ивановна 551
Попова Надежда Ивановна 102
Попова (Бакалова) Стефания 74
Португалов Виктор Вениаминович 967
Посох А. Ф. 257
Поссе (псевд. В. П. Вильде) Владимир Александрович 36, 39, 40, 56, 69, 129–132, 134, 147, 182, 370, 467, 607, 967
Постников Сергей Порфирьевич 597–599, 608, 609, 708–709
Потапенко Игнатий Николаевич 220, 413, 721

Потебня Александр Афанасьевич 207, 807, 838
Потемкин Петр Петрович 220
Потресов (Старовер) Александр Николаевич 522, 528, 530, 532, 534, 537, 539, 553, 615, 616, 619, 620, 651, 659
Пратель Аристид 613, 800, 802
Прахов Николай Адрианович 318
Прево Марсель 841
Прегель Софья Оскаровна 1011, 1012, 1028
Предкальн (Приедкальн) Андрей Иванович (Янович) 661, 665
Премиров Михаил Львович 170–172
Преображенский П., протоиерей 330, 331
Пресняков Александр Евгеньевич 314, 315
Прессансе Франсис де 507, 513, 860
Прибой см. Новиков-Прибой А. С.
Примочкина Наталья Николаевна 907
Пришвин Михаил Михайлович 233, 332–333, 363, 364, 382, 388, 407, 673, 674, 709–711, 934
Прокопович Сергей Николаевич 155, 157, 304, 307–309, 498, 559, 590, 932, 933, 967
Прокопович Феофан 413
Протопопов Александр Дмитриевич 52–55, 60, 456
Протопоповы, бр. (Всеволод Дмитриевич, Дмитрий Дмитриевич) 993, 1007–1009, 1011–1020
Прохоров Иван Яковлевич 148
Прохоров Семен Маркович 213, 302
Пругавин Александр Степанович 51, 417, 418
Прутков Козьма (Алексей Михайлович и Владимир Михайлович Жемчужниковы, Алексей Константинович Толстой) 431, 879
Прыжов Иван Гаврилович 167
Пугачев Емельян Иванович 18, 240, 351, 352
Пузин Николай Павлович 903
Пуришкевич Владимир Митрофанович 199
Пустильник Любовь Семеновна 392, 477, 584, 653, 660, 760, 763, 776, 791, 881, 893
Путилов Алексей Иванович 60
Пушешников Николай Алексеевич 635, 656
Пушкин Александр Сергеевич 5, 23, 28, 116, 184, 202, 203, 216, 220, 239, 245, 297, 311, 312, 315, 342, 390, 400, 540, 629, 642, 654, 742, 757, 834, 970, 1030
Пушкин Лев Сергеевич 184
Пшибышевский Станислав 125
Пыляев Михаил Иванович 180–181, 300, 301
Пыпин Александр Николаевич 551
Пюньо Стефан Рауль 386, 387
Пюжо Морис 949
Пяст (Пестовский) Владимир Алексеевич 33
Пятницкий Константин Петрович 11, 16, 23, 34–36, 49, 61, 62, 66–68, 71, 80, 81, 83–85, 89, 94–98, 100, 104–107, 121, 126, 129, 140, 150, 151, 153, 154, 164, 165, 167, 172, 173, 175, 178–180, 182–184, 187, 190, 196, 197, 199, 202, 203, 211, 221, 224, 226–227, 236, 248, 256, 258, 266, 272, 276, 282, 294, 297, 301, 344, 352, 395, 438, 439, 452, 469, 470, 474–476, 499, 501, 538, 551, 589, 597, 599, 611, 672, 688, 707, 713, 714, 758, 769, 778, 794, 796, 803–814, 817–838, 848, 864–865, 879, 888, 892, 903–905, 944, 946, 950–954, 956–958, 963–967, 969, 973–977, 980, 985–987, 993, 994, 996, 999, 1000, 1004–1009, 1011–1019, 1022

Равель Морис 136
Радаков Алексей Александрович 321
Радзишевский Андрей Теофилович (псевд. Р. Арский) 934, 935
Радищев Александр Николаевич 540
Радлов Василий Васильевич 745, 746
Радлов Эрнст Львович (Леопольдович) 726
Раевская-Хьюз О. 588
Раевский Владимир Федосеевич 515, 516
Разин Степан Тимофеевич 20, 184, 185, 204, 242, 243
Разумовский (Махалов) Сергей Дмитриевич 202, 976
Райлян Фома Родионович 355–359, 682
Райская И. В. 33, 124
Ракитников (Максимов) Николай Иванович 317, 363, 364, 600, 602
Ракитникова Инна 480, 483
Раписарди Марио 600, 602
Раппопорт Шарль Хонон (Хонон Липманович) 509, 511, 514, 518
Раппопорт Юрий Михайлович 787, 790, 815, 892
Раскольников Ф. Ф. см. Ильин
Распутин (Новых) Григорий Ефимович 453, 454, 601, 981–985
Ратгауз Даниил Максимович 416
Ратнер А. В. 94
Рафаэлло 474
Рахлин И. 296
Рахманинов Сергей Васильевич 883
Ревякина Ирина Александровна 205, 432, 532, 622, 915
Регинин (Раппопорт) Василий Александрович 421, 422, 927
Реджио см. Беклемишев А. Н.
Редько Александр Мефодиевич 194, 195, 226
Резерфорд Эрнст 580, 581
Реймонт Владислав Станислав 528, 529
Рейнбот (Резвой) Анатолий Анатольевич 131
Рейснер Михаил Александрович 72, 74, 82, 83
Ремизов Алексей Михайлович 8, 246, 333, 400, 495, 515–517, 607, 609, 712, 717, 721, 967
Ремизов-Васильев (Ре-Ми) Николай Васильевич 321
Ренан Эрнст 984
Ренодо Теофиль 58
Репин Илья Ефимович 30, 34, 90, 603, 886, 970, 1031
Рерих Николай Константинович 137, 967
Решетников Федор Михайлович 6, 267, 395, 397
Реуэль Абрам Лазаревич 787
Ризов Дмитрий Христофорович 258
Ризова Босилка 257, 258
Римский-Корсаков Владимир Николаевич 231, 388, 389, 727, 729

Римский-Корсаков Николай Андреевич 55, 389, 437, 475
Ришар Жеро 68, 72
Ровинский Павел Аполлонович 822, 839
Рогозникова Е. П. 598
Род Жан 394, 395
Роден Огюст 225, 227, 551
Родзянко Михаил Владимирович 199
Родионов И. А. 17, 46, 47, 251, 267, 268, 270, 273, 274, 277, 280, 298, 299, 373, 391, 678–679, 978, 979, 983
Родичев Федор Измайлович 761
Родштейн (Валерьян) Л. З. 843, 847–849, 859
Рожков Николай Александрович 910, 912, 918, 919, 924–926, 928, 930
Рожновский Станислав Вацлавович 173
Розанов Василий Васильевич 33, 58, 111, 156, 157, 161, 209, 217, 253, 330, 331, 389, 394, 395, 637, 657, 773, 788, 955, 956, 958
Розен Виктор Романович 103
Розенберг Альфред 1026
Розенфельд 685
Роллан Ромен 212–214, 222, 224, 238, 265, 266, 389, 390
Романов Михаил Федорович, царь 324, 326
Романов Пантелеймон Сергеевич 334, 335, 585
Романовы, династия 32, 36, 50, 51, 62, 114, 206, 217, 326, 375, 380, 384, 407, 413, 414, 418, 467, 779, 780, 784, 852, 905, 987, 1017
Ромас Е. С. 931
Ромась Михаил Антонович 597
Рони-старший (Бёкс Жозеф-Анри) 552
Роот Николай Федорович 415, 416
Ропшин В. см. Савинков Б. В.
Рославлев Александр Степанович 951, 967
Росляков М. В. 625, 651, 659
Росси Степан 238, 772, 897
Росси Эрнесто 99, 387
Ростопчин Федор Васильевич 242, 243, 351, 352
Ротшильд 176
Рочестер-Крыжановская (Семенова) Вера Ивановна 166
Рубакин Александр Николаевич 322
Рубакин Николай Александрович 215, 216, 290, 320, 322, 364, 374–375, 417, 894
Рубанович Илья Адольфович 846, 860, 901
Рубинштейн Антон Григорьевич 8, 231
Рубинштейн Борис Николаевич 473
Рубинштейн Дмитрий Львович 60
Рубрук (Рубруквис) Виллем 261, 262, 264, 266–267
Руднев В. А. см. Базаров В. А.
Румянцев М. Х. (А. Г. Ковбасенко) 260, 275, 276, 680, 681
Румянцев Николай Александрович 349, 406, 675, 881, 883
Рунич Павел Дмитриевич 242, 243
Русанов Николай Сергеевич 478, 485, 715, 716, 759, 761, 782, 787, 902, 921
Русанова Наталия Федоровна 758, 788, 789, 846, 893–894, 900, 901, 903
Русов Николай Николаевич 329, 336
Рутенберг Пинхус (Петр) Моисеевич 162, 163, 177, 186, 273, 336, 337, 778, 789, 850, 851, 901
Рыбников Павел Николаевич 5
Рыдзевский Константин Николаевич 67, 998, 1033
Рылеев Кондратий Федорович 216, 561
Рысс Петр Яковлевич 749, 750, 757
Рыморенко 428
Рэде И. 63
Рябовский П. см. Старк Л. Н.
Рябушинский Владимир Павлович 391
Рябушинский Николай Павлович 125
Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович 637, 656

Сабатье Арман 120, 121
Сабашниковы Михаил Васильевич и Сергей Васильевич 217
Саблер (Десятовский) Владимир Карлович 531, 982–984
Саблин Владимир Михайлович 139, 331
Савельев (Ветров) Максимилиан Александрович 409, 622, 625, 636–638, 649–650, 653, 656, 657, 659
Савенко (Запорожец) Анатолий Иванович 307
Савинков Борис Викторович (В. Ропшин) 13, 36, 38, 145–146, 149, 153, 179, 181, 187, 338, 391, 393–396, 398, 403, 406, 407, 421, 424, 425, 493, 556, 587, 610, 641, 696, 719, 720, 749, 859
Савинкова Софья Александровна 400
Садовской Александр Яковлевич 248
Садовской Борис Александрович 247–248, 400, 497, 517, 538, 544, 560, 561
Сазонов Георгий Петрович 32, 62
Сазонов Сергей Дмитриевич 296, 484
Сайкин Олег Алексеевич 786, 815, 839, 858, 861, 904
Сайлотов Т. Н. 63
Сакулин Павел Никитич 515–517, 726
Салова Неонила Михайловна 904
Саломэ Лу Андреас 386
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович 5, 191, 242, 378, 460, 601, 709–711, 805, 814, 834, 889, 890, 892
Сальвини Томазо 137, 238
Самков Владимир Алексеевич 137, 476
Самойлов Василий Васильевич 428
Самойлов Павел Васильевич 159–160, 164
Самойлов Федор Никитич 928
Саморуков Николай Иванович 858
Сапир Борис 860
Сараханов Константин Константинович **5**
Сарматов В. 308, 309
Сарто Андреа дель 238, 246
Сафьянов П. П. 63
Сахаров 171, 172
Сахаров Иван Петрович 5
Сахарова Екатерина Васильевна 969
Сахновский Юрий Сергеевич 144, 299, 300
Саянин Михаил Спиридонович 521, 524, 549, 550
Свенцицкий Валентин Павлович 300, 301
Свердлов Михаил Израилевич 389
Свердлов Яков Михайлович 661
Свердлова Галина 324
Светоний Гай Транквилл 833, 839
Свидерский Алексей Иванович 666

Свирский Алексей Иванович 117, 527, 673, 674
Свистов Иван 436, 437
Святицкий Н. 725
Святополк-Мирский Петр Данилович 998, 1033
Святополк Окаянный, кн. 108, 109
Святослав, кн. киевский 268, 270
Святский Иван Иванович 180, 181
Северянин (Лотарев) Игорь Васильевич 559, 642
Сем Бенелли 55, 390, 443—444, 461
Сегюр, граф 218, 219
Седов Михаил Герасимович 789
Селезнев, охранник 364
Семашко Николай Александрович 264
Семевский Василий Иванович 67, 759, 782, 785, 902, 906, 997
Семевский Михаил Иванович 216
Семенов Алексей Алексеевич 388, 389, 545, 546, 548
Семенов Василий Семенович 714
Семенов Михаил Николаевич 231, 390
Семенов Сергей Терентьевич 246, 304, 306, 585, 589—592, 677, 678
Семеновский Дмитрий Николаевич 442, 637, 639, 642—644, 655, 658, 659
Семеновская В. В. 658
Сенатов В. Г. 113, 144
Сенека Луций Анней 297, 482
Сенкевич Генрик 95
Сеньобос Шарль 467
Серафимович (Попов) Александр Серафимович 6, 282, 285, 311, 370, 451, 526, 923, 1016, 1017
Сервантес Сааведра Мигель де 834
Сергеев-Ценский Сергей Николаевич 54, 89, 135, 150, 166, 187, 236, 274, 300, 301, 310, 311, 404, 470, 537, 538, 555, 616, 617, 655, 694, 696, 722
Сергеевич Василий Иванович 314, 315
Сергеенко Петр Алексеевич 86—89, 225, 265, 266
Сергей Александрович, вел. кн. 364
Сергиев Н. 936
Себряков Н. А. 195, 196
Сергеевский Иван Васильевич 6
Серов Валентин Александрович 137, 349
Серошевский Вацлав Леопольдович 34, 346, 349, 350, 378, 382, 400, 435, 437, 438, 441, 442
Сивачев Михаил Гордеевич (Литературный Макар) 38, 248—249, 260—262, 264—267, 274, 283, 286—289, 291, 636, 656, 668, 673, 674, 691, 693
Симаков Иван Васильевич 465
Симоненкова Ольга Васильевна 579
Синельников Николай Петрович 760, 774, 783, 805, 811, 814—816, 823
Синклер Эптон 800—802
Сипягин Дмитрий Сергеевич 63
Скабичевский Александр Михайлович 300, 301
Скальковский Константин Аполлонович 174
Скворцов-Степанов Иван Иванович 92, 225, 480, 493, 559—563, 565, 568, 571, 617, 637, 650, 657, 665
Скворцова Людмила Александровна 669
Скиталец (Петров) Степан Гаврилович 30, 33, 76, 196, 197, 202, 311, 370, 398, 923
Скляренко (псевд. Марусин) Алексей Павлович 650—651, 659
Скрыпник Николай Алексеевич 657
Славейков Пенчо 391, 392, 506
Слепцов Василий Андреевич 5
Словацкий Юлиуш 148, 149
Смайльс Самуил 733, 740, 742
Смирнов Е. 46, 679
Смольников Игорь Федорович 786
Собко Д. 115
Соболевский Алексей Иванович 98, 99, 104—106, 193, 194, 463
Соболь Андрей (Юлий Михайлович Нежданов) 436, 437, 589, 590
Содди Фредерик 139, 352, 354, 580, 581
Созонов (Сазонов) Егор Сергеевич 205, 206, 247, 849, 861
Сойкин Петр Петрович 181, 393
Соколов, надзиратель 789
Соколов В. Е. 910
Солдатенков Козьма Терентьевич 207, 470
Соллогуб Владимир Александрович 166
Соловьев Владимир Сергеевич 395, 674, 927
Соловьев (Андреевич) Евгений Андреевич 728, 742, 963
Соловьев М. Т. 411, 412
Соловьев Сергей Михайлович 184, 235, 276
Соловцов (Федоров) Николай Николаевич 219
Сологуб (Тетерников) Федор Кузмич 38, 54, 76, 91, 111, 112, 166, 194, 195, 226, 236, 240, 250, 311, 327, 394, 445, 451, 554, 570, 603, 604, 607, 609, 631, 655, 674, 707, 721, 723, 912, 927
Солопов А. 653
Сонни А. И. 207
Сотников М. 852
Сотников Федор 381—382, 384, 385
Спадаро Джованни 805, 814
Спектор Берта Осиповна 1027, 1031, 1032
Сперанская Нина Сергеевна 478
Спиноза Борух 739
Спиридонова Мария Александровна 72, 725
Спиро Сергей Петрович 389, 390
Срезневский Вячеслав Измайлович 551
Срезневский Измаил Иванович 264, 551
Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович 6, 657, 915
Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич 117, 239, 285, 350, 351, 512, 923
Станкевич В. Б. 492, 528, 529, 531, 539, 542, 930
Станюкович Константин Михайлович 753
Старк Леонид Николаевич 435, 488, 502, 503, 510, 511, 525, 526, 531, 541, 623, 625, 627, 636, 637, 639, 643, 644, 646—649, 653, 659, 752, 753
Старк (Зигфрид) Эдуард Александрович 111, 132, 133
Стародворский Николай Петрович 850, 861, 903
Стародубский Владимир 431
Стасов Дмитрий Васильевич 344, 475, 476
Стасова Елена Дмитриевна 994

Стасюлевич Михаил Матвеевич 335, 509, 511
Стахович Алексей Александрович 385
Стахович Михаил Александрович 78
Стейнлейн Теофиль 467
Стеклов (Нахамкис) Юрий Михайлович 92, 350, 376–377, 517, 650, 659, 726, 920, 921
Стеллин 925
Стефания, экономка Амфитеатровых 258, 260
Стеффенс Джозеф Линкольн 918
Столляр (Столяр) Н. А. 390, 403–406, 409
Столыпин Петр Аркадьевич 82, 122, 137, 138, 208, 246, 293, 294, 296–298, 306, 310, 364, 504, 601, 774, 795, 849, 858, 905, 983, 1012
Сторожев Василий Николаевич 254, 255
Стоун Н. 71
Стоянов Ал. 627
Стравинский Игорь Федорович 841
Страуян Ян Яковлевич 296
Стриндберг Юхан Август 120, 121, 400
Строев В. см. Десницкий В. А.
Струве Глеб Петрович 56
Струве Петр Бернгардович 10, 15, 90, 134, 145, 146, 308, 309, 370, 494, 572, 587, 601, 707, 919, 923, 926, 927
Субботин В. А. 328
Суворин Алексей Алексеевич 32, 123
Суворин Алексей Сергеевич 30–32, 34, 57, 58, 69, 81, 85, 112, 113, 115, 124, 144, 181, 240, 241, 261, 262, 272, 364, 395, 524, 554, 556, 679, 681, 839
Суворов Александр Васильевич 536
Судейкин Георгий Порфирьевич 816, 861, 896–898, 903, 904
Судьбинин Серафим Николаевич 72
Сулержицкий Леопольд Антонович 28, 30, 203, 769, 771
Сумбатов (Южин) Александр Иванович 33, 248, 249, 436
Сун Ятсен 357, 513, 514, 519, 577
Сундукьянц Мария Александровна 506, 509
Сургучев Илья Дмитриевич 222–225, 241, 278, 279, 282, 284, 285, 321, 333, 334, 391, 392, 394–399, 416, 436, 548, 550, 555, 617, 673, 674, 746–747, 749, 757, 977
Сурожский (Шатилов) Павел Николаевич 913
Суриков Иван Захарович 677, 678
Сутеев Григорий Осипович 881
Суханов (Гиммер) Николай Николаевич 350, 376, 377, 457, 484, 495, 930, 934, 936, 937
Сухово-Кобылин Александр Васильевич 151, 152, 592
Сухомлин Василий Иванович 817, 904
Сухомлинов Владимир Александрович 549
Сухотин Михаил Сергеевич 903
Сучков Борис Леонтьевич 37, 58
Сытин Иван Дмитриевич 33, 53, 60, 100, 101, 157, 161, 255, 259, 276, 295, 297, 335, 378, 399, 405–412, 437, 439, 558, 854, 979, 1020

Т. М. 651
Т – в А. 415

Табурин Владимир Амосович 474, 476, 672, 673
Тагер Евгений Борисович 6
Тан см. Богораз В. Г.
Танимото 536
Тараданова И. Ф. 925
Тараканов И. А. 312, 316, 334, 336, 438–440, 585
Тарасевич 932
Тарасов Евгений Михайлович 949, 951
Таратута Виктор Константинович 95
Тард Габриэль 953, 954
Тарле Евгений Викторович 45, 98, 99, 467, 761
Тарновская Мария Николаевна 210, 211, 217, 412
Тафт Вильям 536, 576
Тацит Публий Корнелий 114
Твен Марк (Самюэл Клеменс) 196
Телешов Николай Дмитриевич 177, 923
Тенеромо И. (Исаак Борисович Файнерман) 190, 191
Тенишев Владимир Николаевич 167
Терновский С. А. 966
Тертуллиан Квинт, Септимий, Флоренс 223, 225, 253
Тесленко Николай Васильевич 451
Тиберий Клавдий Нерон 805, 832, 833
Тимирязев Василий Иванович 75, 148
Тимирязев Климент Аркадьевич 934
Тимковский Николай Иванович 87, 370
Тимофеев, эсер 8
Тимофеев А. 111
Тимофеев Борис Александрович 334, 336, 436, 437, 438, 440, 441, 443, 537, 538, 585, 623, 627, 632–633, 636, 649, 651, 659, 882
Тимофеев Григорий Николаевич 436, 437
Тимофеева Вера Васильевна 963
Тимур (Тамерлан) 262, 264
Тиханович Александр (Алексей) Пахомович 851, 862
Тиханович В. Г. 431
Тихомиров Иосаф Александрович 124, 125
Тихомиров Лев Александрович 897, 898, 904
Тихонов (Серебров) Александр Николаевич 6, 49, 55, 100, 256–258, 260, 352, 354, 355, 362, 364, 457, 476, 493, 494, 540, 541, 544, 547, 548, 550, 552, 554–556, 558–564, 566–569, 571, 637, 640, 650, 656, 657, 659, 666, 667, 672, 674, 676, 701, 702, 778, 934, 940–943, 945, 990, 991
Тихонов (Луговой) Алексей Алексеевич 744, 745
Тихонов (Мордвин) Владимир Алексеевич 13, 171, 172, 174, 219, 223, 224, 234, 238, 245, 246, 249, 250, 258, 259, 273–275, 277, 278, 282, 283, 286, 287, 289, 321, 334, 336, 415, 479, 486, 489, 515, 516, 528, 537, 589, 590, 620, 671, 744–757
Тихонова Екатерина Владимировна 321
Тициан 150
Тодоров Петко Юрданов 262, 264, 267–269, 273, 275, 276, 294, 295, 391, 392, 513, 525, 526, 552
Токаржевский Симон 27, 688–689
Токмаков Иван Федорович 63
Толстая Александра Львовна 266, 350, 351, 385
Толстая Мария Николаевна 111, 226

Толстая Софья Андреевна 226, 227, 235, 264–266
Толстой Алексей Николаевич 36, 47, 54, 55, 207, 211, 212, 222–225, 234, 235, 238–241, 247, 250, 286, 288, 310, 311, 329, 342, 451, 478, 485, 673, 749
Толстой Дмитрий Андреевич 778, 803, 805, 813, 816. 819, 836
Толстой Лев Львович 132, 133, 226, 227, 265
Толстой Лев Николаевич 5, 17, 22–25, 28, 29, 33, 36. 38, 54. 62, 85–90, 97, 111, 114, 174, 180–182. 187, 190–191, 222–230, 232–236, 238, 240, 242, 243, 245–248, 250, 251, 254, 255. 257, 261, 264–266, 268, 269, 273, 282, 285–287, 293–295, 298, 304, 314, 315, 334, 335, 349–352, 355, 356, 358, 376, 377, 383–385, 390, 391, 396, 400, 407, 414, 415, 418, 432, 439, 461, 481, 482, 496, 534, 589, 600, 603, 611, 633, 672, 673, 675, 678, 680, 685, 721, 728, 730, 731, 735–736, 741, 748, 749, 776, 778, 786, 806, 837, 882, 893, 955, 956, 969, 978, 979, 984, 988, 991, 992, 1020, 1021, 1035
Толстой Сергей Львович 265
Тотомианц Вахтанг Фомич 110, 111, 302
Точечкин Влас см. Богданов В. И.
Траубел Горас 950
Трауберг Альберт Д. 859
Трегубов Сергей Николаевич 1005
Трейшер 92
Тренев Константин Андреевич 406–407, 934
Трепов Дмитрий Федорович 65, 67, 386, 603
Третьяков Павел Михайлович 970
Тригони Михаил Николаевич 899, 902, 905
Трифонов Николай Алексеевич 951
Трофимович В. У. 435
Троцкий (Бронштейн) Лев Давыдович 724, 859
Трояновский Александр Антонович 623–625, 636, 653
Троянский Петр Николаевич 75. 76
Трубецкой Евгений Николаевич 928
Трусевич Максимилиан Иванович 364, 763, 787
Труфанов С. М. см. Илиодор
Туган-Барановский Михаил Иванович 370. 907
Тузов Игнатий Лукьянович 331
Туманов М. А. 867
Туманский Александр Григорьевич 103
Тургенев Иван Сергеевич 5, 8, 28, 143, 181, 207, 225, 276, 280, 313, 391, 400, 509, 543, 656, 730. 758. 759. 766, 769, 771, 775, 776, 805, 814. 815, 818, 835, 840, 955, 968–969, 1026
Тургенева А. Л. см. Бостром
Туркин Александр Гаврилович 18, 20, 241, 337, 551, 552
Туртайтен Арво 208
Тыркова Ариадна Владимировна 310
Тэффи (Бучинская, урожд. Лохвицкая) Надежда Александровна 253, 364, 436, 437, 441
Тютчев Федор Иванович 1027

Удинцев В. 935
Уитмен Уолт 949, 950
Ульрих Лидия Николаевна 264
Ульянова (Елизарова) Анна Ильинична 216, 651
Ульянова Мария Ильинична 173, 216, 656
Уманский Алексей Маркович 457
Уоллинг Инглиш 194, 195
Усок Ираида Ефимовна 663
Успенский Александр Васильевич 963
Успенский В. В. 984
Успенский Глеб Иванович 5, 28, 191, 292, 521, 730, 742, 758–760, 766, 805, 815, 818, 963, 1026
Успенский Иван Антонович 521
Устинов Алексей Михайлович 304, 328, 405
Уэллс Герберт Джордж 56, 171, 172, 516, 546, 863, 869, 950

Фадеев Иван Михайлович 328, 330, 332
Фалилеев Вадим Дмитриевич 542
Фальковский Федор Николаевич 160
Фаресова Александра Адамовна 901
Фаррер Клод 218, 219
Федерер Генрих 460, 511
Федершер Григорий 898
Федин Константин Александрович 6, 22, 464, 664
Федор Кузьмич, старец 453–454
Федоров, цензор 1000
Федоров А. 73
Федоров Александр Митрофанович 39, 311, 356, 358, 515, 516, 521
Федоров В. Г. 70
Федоров-Юрковский Федор Александрович 243–244
Фейербах Людвиг Андреас 500
Феофан, епископ 982
Фердинанд I (Кобургский) 123, 124. 412, 413
Феррара Франциск 169
Ферреро Гульельмо 93–96, 110, 152, 168, 217. 306, 310, 589
Фигнер Вера Николаевна 115, 137, 138, 273, 275, 759, 760, 763, 766, 768, 773, 774, 776, 778, 779, 783, 785, 787, 790, 815, 843, 846, 859, 860, 893–895, 896, 899, 902, 903, 905, 1035
Фигнер Николай Николаевич 787
Фидлер Иван Иванович 405
Фидлер Федор Федорович 108, 109, 254, 255, 413, 893, 895, 903, 923, 979
Филдинг Генри 834
Филипп Шарль Луи 289, 290, 292
Филиппов А. 970
Филиппов Михаил Михайлович 6
Филипченко 205
Философов Дмитрий Владимирович 41, 76, 109, 111, 146, 322, 323, 330, 984
Фиников 189, 190, 223
Финкельштейн Е. Г. 681
Фихте Иоганн Готлиб 926, 928
Фишер В. 167
Фишер К. А. 476
Флейшман Л. С. 588
Флеровский Н. (Берви Василий Васильевич) 6
Фогаццаро Антонио 414, 415
Фомин Александр Григорьевич 400
Фонвизин Сергей Иванович 286, 288, 298, 299, 482
Фондаминская-Бунакова 899

Фондаминский Илья Исидорович см. Бунаков И. С.
Фор Поль 558
Форш Ольга Дмитриевна 6, 495, 726
Фотиева Лидия Александровна 664
Фофанов Константин Михайлович 6
Франк Семен Людвигович 146, 534, 967
Франко Иван Яковлевич 370
Франс Анатоль 35, 45, 70, 72, 77–79, 86, 97, 466–468, 840, 950
Франциск Ассизский 519, 520, 538, 543
Фребель Фридрих 250–251
Фрейберг, бр. (Борис, Давид) 1022
Фрейд Зигмунд 179–180, 427, 428
Френкель Кирилл Львович 308, 309
Френкель Лев Давыдович 57, 113
Френсис Д. 113
Френссен Густав 223, 240
Фридрих Великий 216
Фриче Владимир Максимович 89, 167, 227, 451, 650, 691, 694, 698, 923, 934
Фроленко Михаил Федорович 89, 90, 124–127, 763, 787, 893
Фроммет Борис Робертович 293

Хайдман Г. 936
Халатов Артемий Багратович 6
Харламов Н. П. 235
Харчев Вячеслав Васильевич 653–654
Харченко Людмила Ивановна 786, 790, 815, 816, 890, 892
Хвощинская Надежда Дмитриевна 450
Хейвуд Вильям 71
Хейфец Израиль Моисеевич 186, 187, 191, 372, 373, 381
Хилквит Морис 858
Хирьяков Александр Модестович 350
Хлодовский Руф Игоревич 249
Хмыров Д. Д. 354
Ховен, барон 531, 532
Ходасевич Владислав Фелицианович 529
Ходотов Николай Николаевич 38, 144, 394, 396, 397
Ходский Леон Владимирович 967
Хомяков Алексей Степанович 238–241
Хомяков Николай Алексеевич 85, 90, 142, 144, 190
Христофоров Александр Христофорович 861
Хрусталев-Носарь (Переславский) Георгий Степанович 192, 193, 196, 288–290, 327, 591
Худяков Иван Александрович 815
Худяков Сергей Николаевич 245, 246
Хьюз Р. 588

Цезарь Гай Юлий 433
Целлер 386
Цензор Дмитрий Михайлович 967
Ценский см. Сергеев-Ценский
Церетели Ираклий Георгиевич 911, 912, 918, 919, 924, 925
Цесаренко Е. 489, 513, 514, 516
Цеткин Клара 216, 922
Цетлин (Амари) Михаил Осипович 1026
Цетлин Натан Сергеевич 177, 192, 247–248
Цингер Александр Васильевич 264, 265, 267, 404
Цингер Василий Яковлевич 265, 267
Цулукидзе 1003
Цыперович Григорий Владимирович 333, 334, 352, 354, 355, 362, 376, 400, 490, 492, 509, 511, 528, 617, 618, 620, 661, 662, 691, 694

Чаадаев Петр Яковлевич 335
Чаговец Всеволод Андреевич 429, 431, 882
Чайковская Татьяна Флорентьевна 812, 816, 832
Чайковский Модест Ильич 282, 304, 305
Чайковский Николай Васильевич 205, 206
Чайковский Петр Ильич 8, 304, 425, 437, 883
Чапыгин Алексей Павлович 89, 495, 526, 636
Чарушников Андрей Иванович 984
Чарушников Александр Петрович 34, 63, 82, 427, 428, 544, 545, 984
Частник С. П. 862
Челлини Бенвенутто 430
Чена Джованни 229, 691, 694, 698
Ченыкаев Владимир Дмитриевич 163
Чердынцев (Топазов) Николай Алексеевич 364, 637, 657
Черемнов Александр Сергеевич 235, 236, 258, 375, 379, 502, 504, 513, 548, 599, 617, 636, 980
Черкесов, жандарм 822
Черненко Е. 653
Чернов Виктор Михайлович 13, 48–50, 170, 296, 302, 304–310, 314, 315, 317, 319, 320, 322, 326–327, 329, 332–338, 360–361, 363, 365, 366, 369, 370, 372–374, 376, 380, 381, 384, 395, 397, 405, 406, 477, 478, 486, 582–610, 660, 696, 697, 708, 709, 711, 712, 714–720, 783, 798, 853, 859, 979, 1035
Черный Саша (Александр Михайлович Гликберг) 253–255, 317, 404, 409, 410, 428, 437, 474, 491, 503, 504, 508, 513, 516, 617
Чернышев Илларион Васильевич 315
Чернышевский Михаил Николаевич 553
Чернышевский Николай Гаврилович 6, 114, 217, 377, 400, 410, 486, 496, 498–501, 515–517, 519, 520, 548, 551, 552, 760–762, 777, 785, 805, 808, 814, 815, 821, 822, 835, 839, 861, 896, 903, 904, 950
Чертков Владимир Георгиевич 25, 233–235, 265, 266, 350, 351, 383, 385
Чесноков Вадим Константинович 543
Чехов Антон Павлович 31, 33–35, 50, 58, 62, 63, 66, 147, 148, 155, 163, 164, 181, 182, 184, 185, 188, 189, 191, 192, 197, 225, 241, 246, 274, 285, 315, 332, 370, 391, 436, 457, 527, 632, 633, 673, 680, 728, 949, 951, 978, 979, 990, 993, 994, 1032, 1035
Чехов Владимир Владимирович 749, 750
Чечулина Екатерина Петровна 250, 251, 261, 677
Чириков Евгений Николаевич 34, 38, 53, 89, 111, 143, 144, 184, 248, 261, 262, 266, 268, 274, 275, 288, 311, 337, 350, 353, 360, 364, 370, 394, 414, 454, 480, 483, 526, 611, 631, 655, 745
Чичерин В. 665
Чубинский М. И. 927
Чуваков Вадим Никитич 7, 259, 944
Чудновский Г. 650, 659
Чудовская В. Н. 409

Чудовский Валериан Адольфович 984
Чужак (Насимович) Николай Федорович 910, 925
Чуковский Корней Иванович 5, 30, 178, 183, 190–191, 198, 199, 249, 271, 274, 275, 464, 669, 678, 679, 693, 709, 726, 915, 951, 1024
Чулков Георгий Иванович 112, 113, 115, 125–127, 655, 955–957, 962, 967
Чумаченко Ада Артемьевна 503
Чупров Александр Николаевич 148
Чуриков Иван Алексеевич 945, 974, 975
Чюмина Ольга Николаевна 967

Шагинян Мариэтта 7
Шагов Николай Романович 928
Шадурский Л. Б. 131
Шайкевич Андрей 257
Шайкевич Варвара Васильевна 233, 256, 257
Шаляпин Федор Иванович 25, 26, 28, 30, 36, 38, 42, 49, 50, 55, 57, 59, 91, 92, 96–99, 107, 118, 120, 125, 126, 128, 135–140, 176, 196, 200–202, 230, 231, 266–268, 270, 277–279, 281, 283, 284, 286, 297, 332, 339–346, 386–388, 421, 427, 449, 451, 452, 463, 464, 474–476, 595, 680, 681, 768, 804, 864–867, 871–874, 881, 885, 898, 920, 923, 924, 995, 1035
Шаляпина (Петцольд) Мария Валентиновна 97, 98, 474–475
Шампаньи Франц 272, 273
Шапиро Гр. 625, 627
Шахов Александр Александрович 416, 526, 527
Шахов Николай Александрович 415, 416, 526–527, 534
Шаховской Н. В. 62
Шварсалон К. С. 471
Шварц Александр Николаевич 98, 99, 199
Шебуев Николай Георгиевич 120, 121
Шебуева Л. А. 121
Шейдеман Филипп 920, 922
Шейн Павел Васильевич 463
Шекспир Вильям 114, 167, 212, 834
Шелли Перси Биш 252, 602, 644, 658
Шеллинг Фридрих Вильгельм 926, 928
Шепетов А. 641
Шерлинг Мирон Абрамович 909
Шестов (Шварцман) Лев Исаакович 57, 330, 331, 334–336, 585, 604
Шетарди, маркиз 217–219
Шефтель М., ссыльный 348–349
Шиллер Фридрих 156, 249, 445, 642
Шилов Алексей Алексеевич 1035
Шилова В. 255
Ширков В. 286, 288
Ширяев Петр Алексеевич 256, 258, 259, 273, 436, 589, 590
Шишкин Амос 431
Шишко Леонид Эммануилович 517, 848, 861
Шишков А. Н. 815
Шишков Леон Николаевич 815
Шлеин Н. П. 212
Шлейермахер Даниэль Эрнст 926
Шляпников Александр Гаврилович 637, 919, 934
Шмелев Иван Сергеевич 53, 222–225, 238, 239, 241, 242, 349–352, 517
Шмидт Петр Петрович 852, 862
Шмит Николай Павлович 45, 72, 82
Шнейдер 942, 943
Шнитиков Николай Николаевич 67
Шолом-Алейхем (Шолом Нохум Рабинович) 199, 223, 224, 234, 235, 238, 286, 305–307, 363, 376, 380, 400–404, 411, 412, 424, 425, 480, 482, 516, 517, 546, 884
Шольц Август 970
Шопенгауэр Артур 51
Шрейдер Григорий Ильич 601
Шродтман Адольф 68
Штейнберг А. З. 726
Штейнер Рудольф 886
Штифгнар 212
Штраус Рихард 137, 414, 426, 427
Шуберт Франц 476
Шубин В. 915
Шуман Роберт 341
Шумейко М. Ф. 858
Шумов С. 701

Щеглов (Леонтьев) Иван Леонтьевич 445, 446
Щегловитов Иван Григорьевич 118, 137, 138, 364, 862, 991
Щеголев Павел Елисеевич 13, 86, 492–493, 515–517, 540, 542, 547, 549, 551–556, 560, 563, 567–570, 687, 726, 759, 761, 763, 840
Щедрин Николай Павлович 851, 862
Щепкин Михаил Семенович 225
Щепкина-Куперник Татьяна Львовна 246, 286, 390, 517, 841
Щепотьев Сергей Александрович 317
Щербакова В. 815
Щербаненко 117–119, 121, 123, 125
Щербов Павел Григорьевич 465
Щукин Сергей Иванович 504
Щуко Владимир Алексеевич 328, 349

Э. Х. 302
Эден Фредерик ван 800, 802
Эджертон Вильям 7, 8, 70, 392, 466, 471, 472, 972
Эдинбургский, герцог 780
Эдуард VII, король англ. 122, 157
Эйхенбаум Борис Михайлович 934
Экоут Жорж 694, 696–698
Элленс Франц 8
Элпидин Михаил Константинович 861
Эльяшева 133, 134
Энгельгардт Александр Николаевич 815
Энгельс Фридрих 28–30, 83, 98, 321, 435, 637, 650, 656, 657, 761, 762, 769, 787, 789, 805, 814, 815, 818, 835, 839
Эр Люсьен 68
Эрберг (Сюннерберг) Константин Александрович 712
Эргордт 663
Эренбург Илья Григорьевич 512, 1026
Эрн Владимир Францевич 301, 919, 926–928
Эрьзя (Нефедов) Степан Дмитриевич 881–883, 886, 887
Эсхил 834, 839
Эфрон Елизавета Петровна 193, 194
Эфрос Абрам Маркович 157, 161

Ю. В. см. Вайнберг Ю. С.
Ювачев Иван Павлович 786, 790

Юдин А. Н. 117
Южанин, рабочий 916
Южин А. И. см. Сумбатов
Юзовский Ю. (Иосиф Ильич Юзовский) 246
Юрковская Мария Павловна 243, 245
Юскевич-Красковский Н. 189—190
Юсуф-Битар М. 506
Юшкевич Павел Соломонович 92, 655, 683
Юшкевич Семен Соломонович 83, 104, 105, 149, 167, 187, 200—204, 206, 207, 215, 255, 256, 356, 358, 673, 674
Ющинский Андрей 306, 307, 310, 444

Яблоновский Александр Александрович 144, 436, 437, 981
Яджник Индулал 575
Языков Дмитрий Иванович 263
Якимов Яким 74
Яковлев 852
Якубович (Мельшин) Петр Филиппович 314, 315, 391, 904
Якушкин Павел Иванович 5
Ялгубцев Михаил Петрович 117
Янсон Браун Янис Эрнестович 296
Ясинский Иероним Иеронимович 300, 301, 355, 357, 358, 667—668, 682, 721, 749
Ясный Михаил Абрамович 919, 923, 924
Ясюкайтис Константинас 202, 252, 253, 976

ИЛЬЯ САМОЙЛОВИЧ ЗИЛЬБЕРШТЕЙН
(1905—1988)

22 мая 1988 года умер Илья Самойлович Зильберштейн — основатель нашего издания, неизменный член его редколлегии, выдающийся деятель советской культуры, член Союза писателей СССР, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, доктор искусствоведения, член Президиума Правления Советского фонда культуры, лауреат Государственной премии СССР.

Для «Литературного наследства» это — огромная, невосполнимая утрата.

С юных лет Илья Самойлович осознал свое призвание. Все силы души, редкий, многогранный талант исследователя и организатора отдал он высокому служению русской литературе и искусству. Его учителями, о которых он всегда вспоминал с любовью и благодарностью, были П. Е. Щеголев и Б. Л. Модзалевский.

Илью Самойловича вдохновляла открывшаяся сразу же после революции возможность широко вводить в науку неизвестные ранее документальные материалы по истории русской литературы и общественной мысли. Он стал мечтать об издании, специально предназначенном для этой цели. В 1930 г. по предложению М. Е. Кольцова, возглавлявшего тогда «Журнально-газетное объединение», И. С. Зильберштейн переезжает в Москву, а в 1931 г. приступает к созданию сборников, для которых предложил название «Литературное наследство». Было ему тогда 26 лет.

Об этом счастливом времени, когда он, наконец, держал в руках верстку первого номера «Литературного наследства», Илья Самойлович вспоминал часто. «Вскоре в работу включился С. А. Макашин,— писал он в одной из недавних статей,—

и началась наша многолетняя совместная деятельность по подготовке к изданию томов «Литературного наследства».

Коллектив сотрудников редакции всегда был очень невелик, но Илья Самойлович требовательно и ревниво ждал от всех полной самоотдачи. Сам же он не жалел ни сил, ни времени для каждой из книг, которую готовил, привлекая лучших специалистов-литературоведов и историков. За 57 лет бессменной деятельности в «Литературном наследстве» он возглавил работу по подготовке нескольких десятков фундаментальных томов, отличавшихся необычайным тематическим разнообразием: декабристы, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Гёте и русская культура, русско-английские литературные связи, Тургенев, Достоевский, Толстой, А. Н. Островский, Чехов, символисты, Блок, Маяковский и др. Особое место принадлежит тому «В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка. Доклады. Документы».

Замечательный знаток архивных и музейных фондов, И. С. Зильберштейн не имел себе равных в разыскании материалов по истории русской культуры не только в нашей стране, но и за рубежом.

Многое удавалось получить для издаваемых им томов из-за границы путем переписки – «Литературное наследство» давно уже приобрело международный авторитет, И. С. Зильберштейна знали и ценили зарубежные исследователи. Но совершенно поразительной по результатам явилась первая поездка Ильи Самойловича во Францию в 1966 году, где он сумел выявить и получить для советских архивохранилищ и музеев свыше 18 тысяч документов (в том числе – целые писательские архивы: Аверченко, Тэффи и др.), а также многие произведения русских художников. О своих парижских встречах и находках И. С. Зильберштейн рассказал в серии очерков, напечатанных в журнале «Огонек».

Творческие интересы и издательские инициативы И. С. Зильберштейна были необыкновенно многообразны. Это проявилось и в его активном участии в создании томов «Художественного наследства», посвященных И. Репину и В. Серову, и в подготовке к печати задуманных им известных книг: «Александр Бенуа размышляет...», «Константин Коровин вспоминает...», двухтомника «Сергей Дягилев и русское искусство». Государственной премии СССР была удостоена его монография «Николай Бестужев – художник-декабрист». В последнее время он увлеченно готовил материал для книги о художнике Л. Баксте.

Смолоду Илья Самойлович был страстным собирателем русской и западноевропейской живописи. Свою драгоценную коллекцию (более 2200 произведений) он принес в дар государству, выступив на страницах печати с предложением о создании государственного Музея личных коллекций.

У каждого, кому довелось хоть немного знать Илью Самойловича, сохранится в памяти его яркая личность: острый ум, бурный темперамент, неукротимая воля к достижению цели, демократическая манера общения. В те трудные десятилетия нашей общественной жизни, которые отнюдь не способствовали расцвету самобытных характеров, Илья Самойлович всегда оставался самим собой, сохраняя внутреннюю свободу, независимость суждений и поступков.

На протяжении долгих лет Илья Самойлович вел жизнь подвижника: больной тяжелым диабетом, он принужден был изо дня в день бороться со своим недугом. Его товарищи по редакции знают, как тяжка была эта борьба и какую силу духа проявлял он при этом. Он всегда был в работе, с пяти утра и до позднего вечера, всегда полон планов. Мечтал выпустить новые тома: об Ахматовой, Гумилеве, Цветаевой, русской сатире начала XX века, еще один том о Маяковском, и, конечно же,– почти завершенный путеводитель «Литературное наследство за пятьдесят лет». Казалось, что его энергии и замыслам не будет конца...

Имя Ильи Самойловича Зильберштейна и его труды принадлежат истории отечественной культуры, а его пример будет вдохновлять молодых исследователей-энтузиастов – тех, кому предстоит продолжить дело, которому он посвятил свою жизнь.

Редакция «Литературного наследства»

СОДЕРЖАНИЕ

О РАЗЫСКАНИЯХ ГОРЬКОВСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ТОМОВ «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА» 5
Статья И. С. Зильберштейна

«ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕВОЙ ПЕЧАТИ – НАША ЗАДАЧА» 9
Статья Б. А. Бялика

ГОРЬКИЙ И ЖУРНАЛ «СОВРЕМЕННИК»

ПЕРЕПИСКА С А. В. АМФИТЕАТРОВЫМ 31
Вступительная статья Н. И. Дикушиной, публикация и комментарии Ф. М. Иоффе (п. 1–82), А. Е. Погосовой (п. 83–161), Е. Г. Коляды (п. 162–249), С. И. Доморацкой (п. 250–350)

1902	1. Горький – Амфитеатрову	Январь, не ранее 16	61
	2. Горький – Амфитеатрову	24 февраля	61
1905	3. Горький – Амфитеатрову	20 или 21 февраля	64
	4. Амфитеатров – Горькому	Декабрь	68
1906	5. Горький – Амфитеатрову	Март, не ранее 21. См. публикацию Д. Нормана и В. Эджертона	70
	6. Горький – Амфитеатрову	Март, после 23. См. публикацию Д. Нормана и В. Эджертона	70
	7. Горький – Амфитеатрову	3 апреля	70
	8. Горький – Амфитеатрову	Май, не ранее 19	70
	9. Горький – Амфитеатрову	31 мая	73
	10. Горький – Амфитеатрову	Середина июня	74
	11. Горький – Амфитеатрову	Середина июня	76
	12. Горький – Амфитеатрову	Начало августа, не позднее 10	76
	13. Горький – Амфитеатрову	Конец июля – август	77
	14. Горький – Амфитеатрову	Начало сентября	79
	15. Горький – Амфитеатрову	29 или 30 ноября	80
	16. Горький – Амфитеатрову	10 или 11 декабря	82
1907	17. Горький – Амфитеатрову	Конец января, до 30	82
1908	18. Горький – Амфитеатрову	Февраль, не ранее 21	83
	19. Амфитеатров – Горькому	14 марта	85
	20. Амфитеатров – Горькому	16 марта	87
	21. Горький – Амфитеатрову	Март, не ранее 16	87
	22. Амфитеатров – Горькому	12 апреля	90
	23. Горький – Амфитеатрову	Между 13 и 19 апреля	90
	24. Амфитеатров – Горькому	20 апреля	92
	25. Горький – Амфитеатрову	Апрель, не ранее 22	95
	26. Горький – Амфитеатрову	Май, не позднее 10	96
	27. Амфитеатров – Горькому	12 мая	97
	28. Амфитеатров – Горькому	12 мая	99
	29. Амфитеатров – Горькому	22 мая	100
	30. Горький – Амфитеатрову	Конец мая, не ранее 24	101
	31. Горький – Амфитеатрову	Конец мая	102
	32. Амфитеатров – Горькому	4 июня 1908	104
	33. Горький – Амфитеатрову	Первая половина июня	104
	34. Горький – Амфитеатрову	Июнь, не позднее 22	104
	35. Амфитеатров – Горькому	24 июня	105
	36. Горький – Амфитеатрову	Не ранее 26 июня	106
	37. Амфитеатров – Горькому	10 июля	106
	38. Горький – Амфитеатрову	Июль, не позднее 22	107

	39. Амфитеатров — Горькому	24 июля	108
	40. Амфитеатров — Горькому	Конец июля	110
	41. Амфитеатров — Горькому	9 августа	110
	42. Горький — Амфитеатрову	Между 10 и 21 августа	112
	43. Амфитеатров — Горькому	22 августа	114
	44. Горький — Амфитеатрову	Август, не ранее 25	116
	45. Амфитеатров — Горькому	11 сентября	116
	46. Амфитеатров — Горькому	6 октября	117
	47. Горький — Амфитеатрову	7 или 8 октября	119
	48. Амфитеатров — Горькому	9 октября	122
	49. Амфитеатров — Горькому	Октябрь, не ранее 19	124
	50. Амфитеатров — Горькому	29 октября	124
	51. Горький — Амфитеатрову	Начало ноября	126
	52. Амфитеатров — Горькому	18 ноября	127
	53. Амфитеатров — Горькому	5 декабря	129
	54. Горький — Амфитеатрову	7 или 8 декабря	129
	55. Горький — Амфитеатрову	8 или 9 декабря	130
	56. Амфитеатров — Горькому	10 декабря	131
	57. Горький — Амфитеатрову	Декабрь, не ранее 12	134
	58. Амфитеатров — Горькому	25 декабря	134
1909	59. Амфитеатров — Горькому	9 января	135
	60. Амфитеатров — Горькому	11 января	136
	61. Амфитеатров — Горькому	15 или 16 января	137
	62. Амфитеатров — Горькому	23 января	138
	63. Горький — Амфитеатрову	Начало февраля	138
	64. Амфитеатров — Горькому	3 февраля	140
	65. Амфитеатров — Горькому	Начало марта	140
	66. Амфитеатров — Горькому	14 марта	141
	67. Горький — Амфитеатрову	22 или 23 марта	142
	68. Горький — Амфитеатрову	Апрель, после 10	145
	69. Горький — Амфитеатрову	Вторая половина апреля	147
	70. Амфитеатров — Горькому	Вторая половина апреля	147
	71. Амфитеатров — Горькому	Начало мая	149
	72. Амфитеатров — Горькому	Конец мая — начало июня	149
	73. Горький — Амфитеатрову	Начало июня	151
	74. Амфитеатров — Горькому	Первая половина июня	151
	75. Горький — Амфитеатрову	Середина июня	153
	76. Амфитеатров — Горькому	8 июля	154
	77. Амфитеатров — Горькому	14 августа	155
	78. Горький — Амфитеатрову	Август, не ранее 18	157
	79. Амфитеатров — Горькому	Август, не ранее 20	159
	80. Амфитеатров — Горькому	30 августа	160
	81. Горький — Амфитеатрову	1 или 2 сентября	161
	82. Амфитеатров — Горькому	Начало сентября	162
	83. Амфитеатров — Горькому	24 сентября	163
	84. Горький — Амфитеатрову	Сентябрь, не ранее 26	164
	85. Амфитеатров — Горькому	Конец сентября — начало октября	167
	86. Горький — Амфитеатрову	Октябрь, не ранее 18	168
	87. Амфитеатров — Горькому	25 октября	168
	88. Горький — Амфитеатрову	Октябрь, не ранее 29	170
	89. Амфитеатров — Горькому	Ноябрь, не ранее 5	171
	90. Горький — Амфитеатрову	Декабрь, не ранее 4	172
	91. Амфитеатров — Горькому	Декабрь, не ранее 7	174
	92. Горький — Амфитеатрову	Декабрь, не ранее 9	174
	93. Горький — Амфитеатрову	31 декабря	175
1910	94. Амфитеатров — Горькому	1 или 2 января	176

95. Амфитеатров — Горькому	Первые числа января	178
96. Горький — Амфитеатрову	4 или 5 января	179
97. Амфитеатров — Горькому	7 января	181
98. Амфитеатров — Горькому	8 или 9 января	182
99. Горький — Амфитеатрову	Январь, не ранее 9	183
100. Горький — Амфитеатрову	9 января	184
101. Горький — Амфитеатрову	Январь, не позднее 13	186
102. Амфитеатров — Горькому	15 января	186
103. Горький — Амфитеатрову	Январь, не ранее 17	187
104. Горький — Амфитеатрову	Январь, не ранее 17	187
105. Горький — Амфитеатрову	18 января	189
106. Амфитеатров — Горькому	Январь, не ранее 19	190
107. Горький — Амфитеатрову	Январь, не ранее 21	190
108. Амфитеатров — Горькому	25 января	191
109. Амфитеатров — Горькому	Февраль, не ранее 14	193
110. Горький — Амфитеатрову	Февраль, не ранее 27	194
111. Амфитеатров — Горькому	10 марта	196
112. Горький — Амфитеатрову	Март, не ранее 12	198
113. Амфитеатров — Горькому	25 марта	199
114. Амфитеатров — Горькому	16 мая	200
115. Амфитеатров — Горькому	Конец мая	200
116. Горький — Амфитеатрову	Конец мая — начало июня	202
117. Амфитеатров — Горькому	8 июня	203
118. Горький — Амфитеатрову	Июнь, не ранее 10	206
119. Амфитеатров — Горькому	14 июня	208
120. Горький — Амфитеатрову	Июнь, не ранее 16	208
121. Амфитеатров — Горькому	21 июня	209
122. Горький — Амфитеатрову	Июнь, не ранее 23	209
123. Горький — Амфитеатрову	Август, не ранее 6	211
124. Амфитеатров — Горькому	20 августа	212
125. Горький — Амфитеатрову	Август, не ранее 22	213
126. Амфитеатров — Горькому	13 сентября	214
127. Амфитеатров — Горькому	21 сентября	214
128. Горький — Амфитеатрову	Сентябрь, не ранее 23	217
129. Горький — Амфитеатрову	Конец сентября	218
130. Амфитеатров — Горькому	4 октября	219
131. Горький — Амфитеатрову	6 октября	221
132. Горький — Амфитеатрову	9 октября	222
133. Горький и др.— Амфитеатрову	1 ноября	222
134. Горький — Амфитеатрову	Ноябрь, не позднее 5	222
135. Амфитеатров — Горькому	7 ноября	225
136. Горький — Амфитеатрову	Ноябрь, не ранее 14	226
137. Горький — Амфитеатровой	Ноябрь, не ранее 14. См. публикацию Д. Нормана и В. Эджертона	227
138. Амфитеатров — Горькому	14 ноября	227
139. Горький — Амфитеатрову	17 ноября	228
140. Амфитеатров — Горькому	21 ноября	230
141. Горький — Амфитеатрову	21 ноября	231
142. Горький — Амфитеатрову	22 или 23 ноября	233
143. Амфитеатров — Горькому	23 ноября	234
144. Горький — Амфитеатрову	Ноябрь, не ранее 25	235
145. Горький — Амфитеатрову	Ноябрь, не ранее 25	237
146. Амфитеатров — Горькому	30 ноября	237
147. Горький — Амфитеатрову	1 или 2 декабря	239
148. Амфитеатров — Горькому	4 декабря	241
149. Горький — Амфитеатрову	10 декабря	243

	150. Амфитеатров — Горькому	11 декабря	245
	151. Амфитеатров — Горькому	13 декабря	247
	152. Горький — Амфитеатрову	15 декабря	247
	153. Амфитеатров — Горькому	18 декабря	249
	154. Горький — Амфитеатрову	Декабрь, не ранее 19	249
	155. Амфитеатров — Горькому	20 декабря	249
	156. Горький — Амфитеатрову	Конец декабря	250
1911	157. Амфитеатров — Горькому	2 января	251
	158. Амфитеатров — Горькому	4 января	252
	159. Горький — Амфитеатрову	Январь, не позднее 5	253
	160. Амфитеатров — Горькому	7 января	254
	161. Горький — Амфитеатрову	8 января	256
	162. Амфитеатров — Горькому	12 января	258
	163. Горький — Амфитеатрову	14 или 15 января	260
	164. Амфитеатров — Горькому	17 января	261
	165. Горький — Амфитеатрову	22 или 23 января	262
	166. Горький — Амфитеатрову	24 января	264
	167. Амфитеатров — Горькому	26 января	266
	168. Горький — Амфитеатрову	Между 28 и 31 января	268
	169. Горький — Амфитеатрову	Между 29 января и 1 февраля	270
	170. Горький — Амфитеатрову	30 или 31 января	272
	171. Амфитеатров — Горькому	2—5 февраля	273
	172. Горький — Амфитеатрову	7, 8 или 9 февраля	275
	173. Амфитеатров — Горькому	11 февраля	277
	174. Горький — Амфитеатрову	14 февраля	278
	175. Амфитеатров — Горькому	16 февраля	279
	176. Горький — Амфитеатрову	2 марта	280
	177. Горький — Амфитеатрову	4 или 5 марта	281
	178. Амфитеатров — Горькому	5 марта	281
	179. Амфитеатров — Горькому	8 марта	283
	180. Горький — Амфитеатрову	8 или 9 марта	284
	181. Горький — Амфитеатрову	10, 11 или 12 марта	286
	182. Амфитеатров — Горькому	14 марта	288
	183. Амфитеатров — Горькому	15 марта	291
	184. Горький — Амфитеатрову	16 марта	291
	185. Горький — Амфитеатрову	17 марта	292
	186. Горький — Амфитеатрову	17 марта	294
	187. Амфитеатров — Горькому	20 марта	294
	188. Горький — Амфитеатрову	22 марта	295
	189. Амфитеатров — Горькому	26 марта	297
	190. Горький — Амфитеатрову	27 или 28 марта	298
	191. Горький — Амфитеатрову	29 марта	298
	192. Амфитеатров — Горькому	31 марта	299
	193. Горький — Амфитеатрову	3 апреля	301
	194. Горький — Амфитеатрову	Вторая половина апреля, до 22	302
	195. Амфитеатров — Горькому	8 мая	304
	196. Горький — Амфитеатрову	10 или 11 мая	305
	197. Амфитеатров — Горькому	19 мая	305
	198. Горький — Амфитеатрову	19 мая	306
	199. Горький — Амфитеатрову	21 или 22 мая	306
	200. Амфитеатров — Горькому	21—24 мая	307
	201. Амфитеатров — Горькому	27 мая	309
	202. Горький — Амфитеатрову	Между 26 и 29 мая	310
	203. Горький — Амфитеатрову	31 мая	311
	204. Амфитеатров — Горькому	31 мая	311
	205. Горький — Амфитеатрову	2 июня	312
	206. Амфитеатров — Горькому	2 июня	313

207. Амфитеатров — Горькому	4 июня	315
208. Амфитеатров — Горькому	17 июня	316
209. Горький — Амфитеатрову	17 июня	318
210. Амфитеатров — Горькому	19 июня	319
211. Горький — Амфитеатрову	19, 20 или 21 июня	319
212. Амфитеатров — Горькому	23 июня	320
213. Горький — Амфитеатрову	4 или 5 июля	321
214. Амфитеатров — Горькому	7 июля	322
215. Амфитеатров — Горькому	8 июля	323
216. Горький — Амфитеатрову	13 или 14 июля	323
217. Амфитеатров — Горькому	16 июля	324
218. Амфитеатров — Горькому	19 июля	324
219. Горький — Амфитеатрову	19 или 20 июля	325
220. Амфитеатров — Горькому	22 июля	326
221. Горький — Амфитеатрову	24 июля	327
222. Амфитеатров — Горькому	6 августа	328
223. Горький — Амфитеатрову	6 августа	329
224. Амфитеатров — Горькому	8 августа	329
225. Горький — Амфитеатрову	8, 9 или 10 августа	329
226. Амфитеатров — Горькому	12 августа	331
227. Амфитеатров — Горькому	14 августа	332
228. Горький — Амфитеатрову	16 или 17 августа	333
229. Амфитеатров — Горькому	30 августа	333
230. Горький — Амфитеатрову	4 или 5 сентября	334
231. Амфитеатров — Горькому	7 сентября	336
232. Амфитеатров — Горькому	10 сентября	337
233. Горький — Амфитеатрову	11 или 12 сентября	338
234. Амфитеатров — Горькому	14 сентября	338
235. Горький — Амфитеатрову	15 или 16 сентября	339
236. Амфитеатров — Горькому	18 сентября	340
237. Горький — Амфитеатрову	20 и 21 сентября	342
238. Амфитеатров — Горькому	23 сентября	344
239. Горький — Амфитеатрову	4 октября	346
240. Амфитеатров — Горькому	6 октября	347
241. Горький — Амфитеатрову	9 или 10 октября	348
242. Амфитеатров — Горькому	10 октября	349
243. Амфитеатров — Горькому	13 октября	350
244. Горький — Амфитеатрову	13 октября	352
245. Горький — Амфитеатрову	14 или 15 октября	354
246. Амфитеатров — Горькому	15 октября	354
247. Горький — Амфитеатрову	17 октября	355
248. Амфитеатров — Горькому	26 или 27 октября	358
249. Горький — Амфитеатрову	29 или 30 октября	358
250. Амфитеатров — Горькому	1 ноября	359
251. Горький — Амфитеатрову	Не ранее 4, не позднее 7 ноября	364
252. Амфитеатров — Горькому	9 ноября	365
253. Горький — Амфитеатрову	11 или 12 ноября	366
254. Амфитеатров — Горькому	14 ноября	367
255. Горький — Амфитеатрову	16 ноября	370
256. Горький — Амфитеатрову	16 или 17 ноября	371
257. Амфитеатров — Горькому	18 ноября	371
258. Горький — Амфитеатрову	20 или 21 ноября	372
259. Амфитеатров — Горькому	23 ноября	373
260. Амфитеатров — Горькому	29 ноября	374
261. Горький — Амфитеатрову	1 декабря	374
262. Горький — Амфитеатрову	1 декабря	375
263. Горький — Амфитеатрову	Между 3 и 7 декабря	375

	264. Амфитеатров — Горькому	6 декабря	376
	265. Горький — Амфитеатрову	Декабрь, не позднее 6	378
	266. Амфитеатров — Горькому	8 декабря	378
	267. Горький — Амфитеатрову	10 декабря	378
	268. Горький — Амфитеатрову	10 или 11 декабря	379
	269. Амфитеатров — Горькому	12 декабря	380
	270. Амфитеатров — Горькому	12 декабря	380
	271. Горький — Амфитеатрову	Декабрь, не ранее 14	380
	272. Амфитеатров — Горькому	18 декабря	381
1912	273. Горький — Амфитеатрову	Январь, не позднее 6	381
	274. Амфитеатров — Горькому	8 января	382
	275. Амфитеатров — Горькому	24 января	383
	276. Горький — Амфитеатрову	Январь, не ранее 30	383
	277. Амфитеатров — Горькому	2 февраля	385
	278. Горький — Амфитеатрову	Начало февраля	385
	279. Амфитеатров — Горькому	12 марта	386
	280. Горький — Амфитеатрову	Между 13 и 17 марта	386
	281. Амфитеатров — Горькому	18 марта	387
	282. Горький — Амфитеатрову	Между 19 и 27 марта	388
	283. Амфитеатров — Горькому	28 марта	389
	284. Амфитеатров — Горькому	23 апреля	390
	285. Горький — Амфитеатрову	25 апреля	391
	286. Амфитеатрова — Горькому	Начало мая	392
	287. Горький — Амфитеатровой	12 или 13 мая. См. публикацию Д. Нормана и В. Эджертона	392
	288. Амфитеатров — Горькому	14 мая	392
	289. Амфитеатров — Горькому	19 мая	393
	290. Горький — Амфитеатрову	Между 20 и 27 мая	394
	291. Амфитеатров — Горькому	28 мая	395
	292. Горький — Амфитеатрову	Конец мая — начало июня	398
	293. Амфитеатров — Горькому	13 июня	399
	294. Горький — Амфитеатрову	Вторая половина июня	400
	295. Амфитеатров — Горькому	11 июля 1912	401
	296. Горький — Амфитеатрову	17 или 18 июля	402
	297. Амфитеатров — Горькому	21 июля	403
	298. Амфитеатров — Горькому	1 августа	404
	299. Горький — Амфитеатрову	2 августа	405
	300. Горький — Амфитеатрову	4 августа	405
	301. Амфитеатров — Горькому	5 августа	406
	302. Амфитеатров — Горькому	6 августа	407
	303. Горький — Амфитеатрову	7 или 8 августа	408
	304. Амфитеатров — Горькому	24 сентября	408
	305. Горький — Амфитеатрову	26 сентября	409
	306. Амфитеатров — Горькому	27 сентября	411
	307. Горький — Амфитеатрову	28 сентября	411
	308. Горький — Амфитеатрову	Сентябрь, не ранее 29	412
	309. Амфитеатров — Горькому	29 октября	412
	310. Амфитеатров — Горькому	28 ноября	414
	311. Горький — Амфитеатрову	Первая половина декабря	415
	312. Амфитеатров — Горькому	15 декабря	416
	313. Горький — Амфитеатрову	Между 16 и 22 декабря	416
	314. Амфитеатров — Горькому	23 декабря	417
	315. Горький — Амфитеатрову	27 декабря	419
	316. Амфитеатров — Горькому	31 декабря	419
1913	317. Горький — Амфитеатрову	3 января	420
	318. Амфитеатров — Горькому	6 января	421

	319. Амфитеатров — Горькому	10 января	422
	320. Горький — Амфитеатрову	Между 11 и 16 января	423
	321. Амфитеатров — Горькому	17 января	424
	322. Амфитеатров — Горькому	12 мая	426
	323. Горький — Амфитеатрову	Май, не ранее 24	427
	324. Амфитеатров — Горькому	11 июня	429
	325. Амфитеатров — Горькому	12 июля	432
	326. Горький — Амфитеатрову	Июль, после 20	433
	327. Амфитеатров — Горькому	30 июля	434
	328. Амфитеатров — Горькому	26 сентября	435
	329. Горький — Амфитеатрову	Между 27 сентября и 1 октября	438
	330. Амфитеатров — Горькому	2 октября	439
	331. Горький — Амфитеатрову	4 октября	441
	332. Амфитеатров — Горькому	6 октября	443
	333. Горький — Амфитеатрову	Ноябрь, не позднее 14	444
	334. Амфитеатров — Горькому	16 ноября	445
	335. Горький — Амфитеатрову	Между 17 и 24 ноября	447
	336. Амфитеатров — Горькому	25 ноября	448
1914	337. Горький — Амфитеатрову	23 марта/5 апреля	450
	338. Амфитеатров — Горькому	26 апреля	451
	339. Горький — Амфитеатрову	29 июля	452
	340. Амфитеатров — Горькому	11 августа	454
1916	341. Амфитеатров — Горькому	22 июля	456
1917	342. Амфитеатров — Горькому	27 января	456
	343. Амфитеатров — Горькому	13 августа	457
	344. Горький — Амфитеатрову	22 октября	457
1919	345. Амфитеатров — Горькому	28 февраля	458
	346. Амфитеатров — Горькому	2 марта	461
	347. Горький — Амфитеатрову	3 или 4 марта	461
	348. Амфитеатров — Горькому	27 марта	462
	349. Амфитеатров — Горькому	27 апреля	463
	350. Амфитеатров — Горькому	8 мая	465

ПИСЬМА ГОРЬКОГО К А. В. и И. В. АМФИТЕАТРОВЫМ.
НАДПИСИ ГОРЬКОГО НА КНИГАХ, ПОДАРЕННЫХ АМФИТЕАТРОВУ 466
Публикация и комментарии Д. Нормана и В. Эджертона (США)

Горький — Амфитеатрову	Март, не ранее 21, 1906	466
Горький — Амфитеатрову	Март, после 23, 1906	467
Горький — И. В. Амфитеатровой	Ноябрь, не ранее 14, 1910	468
Горький — И. В. Амфитеатровой	12 или 13 мая 1912	469

НАДПИСИ ГОРЬКОГО НА КНИГАХ, ПОДАРЕННЫХ АМФИТЕАТРОВУ:

1. На кн.: *Горький М., Мейер В.* Землетрясение в Калабрии и Сицилии 15/28 декабря 1908 г. СПб., 1909 470
2. На кн.: *Горький М.* Матвей Кожемякин. Берлин, 1911 471
3. На кн.: *Горький М.* Случай из жизни Макара. Рождение человека. (Два рассказа). Берлин, 1912 471
4. На кн.: *Горький М.* Русские сказки. Берлин, 1912 473

Приложения:

I. ШАЛЯПИН В ГОСТЯХ У ГОРЬКОГО НА КАПРИ В СЕНТЯБРЕ 1911 Г. Из Дневника К. П. Пятницкого 474
Публикация и комментарии Е. Г. Коляды

II. ЖУРНАЛ «СОВРЕМЕННИК» ПО ДОКУМЕНТАМ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ 477
Публикация Л. С. Пустильник

ПЕРЕПИСКА С Е. А. ЛЯЦКИМ 486
Вступительная статья С. В. Заики,
публикация и комментарии И. В. Дистлер

1912	1. Ляцкий — Горькому	3/16 марта	496
	2. Горький — Ляцкому	12/25 марта	498
	3. Ляцкий — Горькому	Апрель, не позднее 4/17	499
	4. Горький — Ляцкому	9/22 апреля	500
	5. Ляцкий — Горькому	9 сентября	501
	6. Горький — Ляцкому	24 сентября/7 октября	501
	7. Ляцкий — Горькому	7 октября	504
	8. Ляцкий — Горькому	12 октября	506
	9. Горький — Ляцкому	2/15 октября	507
	10. Горький — Ляцкому	6/19 октября	508
	11. Ляцкий — Горькому	Около 12/25 октября	508
	12. Ляцкий — Горькому	12/25 октября	512
	13. Горький — Ляцкому	13/26 октября	513
	14. Горький — Ляцкому	17/30 октября	514
	15. Ляцкий — Горькому	17/30 октября	515
	16. Горький — Ляцкому	18/31 октября	517
	17. Горький — Ляцкому	21 октября/3 ноября	517
	18. Ляцкий — Горькому	22 октября/4 ноября	518
	19. Горький — Ляцкому	23 октября/5 ноября	520
	20. Горький — Ляцкому	23 октября/5 ноября	520
	21. Горький — Ляцкому	26 октября/8 ноября	520
	22. Ляцкий — Горькому	28 октября/10 ноября	521
	23. Горький — Ляцкому	28 октября/10 ноября	524
	24. Горький — Ляцкому	31 октября/13 ноября	524
	25. Горький — Ляцкому	1/14 ноября	526
	26. Горький — Ляцкому	5/18 ноября	528
	27. Горький — Ляцкому	7/20 ноября	529
	28. Ляцкий — Горькому	Около 9/22 ноября	530
	29. Горький — Ляцкому	9/22 ноября	531
	30. Ляцкий — Горькому	18/31 ноября	532
	31. Горький — Ляцкому	20 ноября/3 декабря	535
	32. Горький — Ляцкому	23 ноября/6 декабря	536
	33. Горький — Ляцкому	25 ноября/8 декабря	537
	34. Ляцкий — Горькому	27 ноября/10 декабря	539
	35. Ляцкий — Горькому	30 ноября/13 декабря	540
	36. Горький — Ляцкому	30 ноября/13 декабря	540
	37. Ляцкий — Горькому	8/21 декабря	541
	38. Горький — Ляцкому	Декабрь, не ранее 13/26	543
	39. Горький — Ляцкому	18/31 декабря	545
	40. Ляцкий — Горькому	23 декабря 1912/5 января 1913	546
	41. Горький — Ляцкому	‹23 декабря 1912›/5 января 1913	548
	42. Горький — Ляцкому	24 декабря 1912/6 января 1913	549
	43. Горький — Ляцкому	26 декабря 1912/8 января 1913	550
1913	44. Ляцкий — Горькому	1/14 января	550
	45. Горький — Ляцкому	2/15 января	551
	46. Горький — Ляцкому	4/17 или 5/18 января	551
	47. Ляцкий — Горькому	9/22 января	552
	48. Горький — Ляцкому	9/22 января	553
	49. Горький — Ляцкому	10/23 января	554
	50. Горький — Ляцкому	11/24 января	556
	51. Горький — редакции «Современника»	28 февраля/13 марта	556
	52. Ляцкий — Горькому	8‹21› марта	558

53. Горький — Ляцкому — 9/22 марта . . . 560
54. Горький — Ляцкому — 14/27 марта . . . 561
55. Ляцкий — Горькому — 17/30 марта . . . 562
56. Ляцкий — Горькому — 20 марта/2 апреля . . . 563
57. Горький — Ляцкому — 28 марта/10 апреля . . . 566
58. Ляцкий — Горькому — 7/20—8/21 мая . . . 567
59. Горький — Ляцкому — 14/27 мая . . . 571

Приложение:

ГОРЬКИЙ О НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ В ИНДИИ (по страницам журнала «Современник») . . . 574
Сообщение Е. Я. Люстерник

ПЕРЕПИСКА С М. Ф. ВЛАДИМИРСКИМ . . . 579
Публикация и комментарии О. В. Симоненковой

1912 1. Владимирский — Горькому — Середина октября . . . 579
2. Горький — Владимирскому — Октябрь, не позднее 26 . . . 580

ПЕРЕПИСКА С В. М. ЧЕРНОВЫМ . . . 582
Вступительная статья, публикация и комментарии И. И. Вайнберга

1911 1. Чернов — Горькому — Около 19 апреля . . . 588
2. Чернов — Горькому — 21 или 22 мая . . . 589
3. Чернов — Горькому — Около 17 июня . . . 591
4. Горький — Чернову — 10 или 11 ноября . . . 593
5. Чернов — Горькому — 11 или 12 ноября . . . 593
6. Горький — Чернову — Около 18 ноября . . . 594
7. Чернов — Горькому — Около 20 ноября . . . 596
8. Чернов — Горькому — Ноябрь, после 20 . . . 597
9. Чернов — Горькому — Конец декабря . . . 599

1912 10. Горький — Чернову — 1 или 2 января . . . 599
11. Чернов — Горькому — Около 20 января . . . 600
12. Горький — Чернову — Около 25 января . . . 603
13. Горький — Чернову и Миролюбову — 26 января . . . 604
14. Чернов — Горькому — Около 28 января . . . 605
15. Горький — Чернову — 29 января . . . 606

1913 16. Горький — Чернову — 13 марта . . . 607
17. Чернов — Горькому — Март, после 13 . . . 609

ПЕРЕПИСКА С Н. К. МУРАВЬЕВЫМ . . . 611
Публикация и комментарии И. В. Дистлер

1912 1. Муравьев — Горькому — 22 июля . . . 611
2. Горький — Муравьеву — Не позднее 23 августа/5 сентября . . . 611
3. Муравьев — Горькому — 25 августа/7 сентября . . . 614
4. Горький — Муравьеву — После 27 августа/9 сентября . . . 614
5. Горький — Муравьеву — 9/22 сентября . . . 617
6. Муравьев — Горькому — 10(23) октября . . . 619
7. Горький — Муравьеву — 18/31 октября . . . 620

ГОРЬКИЙ И БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ИЗДАНИЯ

ГОРЬКИЙ — РЕДАКТОР ЖУРНАЛА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» . . . 622
Сообщение И. А. Ревякиной

ОБ УЧАСТИИ ГОРЬКОГО В ГАЗЕТЕ «ЗВЕЗДА» И ЖУРНАЛЕ «ПРОСВЕЩЕНИЕ». Из материалов ЦГАОР . . . 660
Сообщение Л. С. Пустильник

ГОРЬКИЙ И ЖУРНАЛЫ «СОВРЕМЕННЫЙ МИР», «ЗАВЕТЫ», «КРУГОЗОР»

ПЕРЕПИСКА С Н. И. ИОРДАНСКИМ, М. К. КУПРИНОЙ-ИОРДАНСКОЙ И В. П. КРАНИХФЕЛЬДОМ 666

Предисловие, публикация и комментарии Н. И. Дикушиной и М. А. Никитиной

1910	1. Иорданский — Горькому	4/17 мая	669
	2. Иорданский — Горькому	16 сентября	670
	3. Иорданский — Горькому	27 октября	670
	4. Иорданский — Горькому	11 ноября	671
	5. Горький — Иорданской	Не ранее 16/29 ноября	673
	6. Иорданский — Горькому	2 декабря	674
1911	7. Иорданский — Горькому	10 января	676
	8. Горький — Иорданскому	Не ранее 15 января	677
	9. Горький — Иорданской	Января	678
	10. Иорданская — Горькому	16 февраля	679
	11. Горький — Иорданской	Декабрь	681
	12. Иорданский — Горькому	12/25 декабря	682
1912	13. Иорданский — Горькому	2 января	683
	14. Иорданская — Горькому	Конец февраля — начало марта	685
1913	15. Иорданский — Горькому	28 апреля/11 мая	686
1912	16. Горький — Кранихфельду	Не позднее 10/23 декабря	687
	17. Кранихфельд — Горькому	7/20 января	688
	18. Горький — Кранихфельду	16/29 января	690
	19. Кранихфельд — Горькому	4/17 июня	694
	20. Горький — Кранихфельду	Не позднее 9/22 июня	697
	21. Кранихфельд — Горькому	7/20 июля	699
	22. Горький — Кранихфельду	13/26 июля	700
	23. Горький — Кранихфельду	30 июля/12 августа	701
	24. Кранихфельд — Горькому	13/26 сентября	702
	25. Горький — Кранихфельду	19 сентября/2 октября	703
	26. Кранихфельд — Горькому	Октябрь или ноябрь	704

ПЕРЕПИСКА С Р. В. ИВАНОВЫМ-РАЗУМНИКОМ 706

Вступительная статья, публикация и комментарии Е. В. Ивановой и А. В. Лаврова

1912	1. Иванов-Разумник — Горькому	7/20 января	711
	2. Горький — Иванову-Разумнику	13/26 января	712
	3. Иванов-Разумник — Горькому	18/31 января	715
	4. Горький — Иванову-Разумнику	27 января/9 февраля	717
	5. Иванов-Разумник — Горькому	9/22 февраля	718
	6. Горький — Иванову-Разумнику	После 13/26 февраля	718
1913	7. Иванов-Разумник — Горькому	17/30 сентября	719
	8. Иванов-Разумник — Горькому	9/22 октября	720
	9. Горький — Иванову-Разумнику	16/29 октября	722
1914	10. Горький — Иванову-Разумнику	20 декабря	723
1917	11. Иванов-Разумник — Горькому	После 9 июля	723
	12. Горький — Иванову-Разумнику	14 июля	724
	13. Иванов-Разумник — Горькому	Октябрь, после 22	724
1919	14. Иванов-Разумник — Горькому	7 мая	725
	15. Иванов-Разумник — Горькому	22 декабря	725
1921	16. Иванов-Разумник — Горькому	23 мая	726

Приложение:

РЕФЕРАТ Р. В. ИВАНОВА-РАЗУМНИКА «ОТНОШЕНИЕ МАКСИМА ГОРЬКОГО К СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ» 727

ПЕРЕПИСКА С В. А. ТИХОНОВЫМ 744
Публикация и комментарии И. В. Дистлер . . . . .

1905	1. Тихонов — Горькому	18 апреля	744
	2. Горький — Тихонову	Апрель, не ранее 20	746
1911	3. Тихонов — Горькому	5⟨18⟩ января	746
1912	4. Тихонов — Горькому	1/14 сентября	746
	5. Горький — Тихонову	8/21 сентября	748
	6. Тихонов — Горькому	16⟨29⟩ сентября	748
	7. Горький — Тихонову	23 сентября/6 октября	750
	8. Горький — Тихонову	25 сентября/7 октября	750
	9. Тихонов — Горькому	29 сентября/12 октября	751
	10. Тихонов — Горькому	2/15 октября	752
	11. Горький — Тихонову	12/25 октября	752
	12. Тихонов — Горькому	18/31 октября	753
	13. Горький — Тихонову	25 октября/7 ноября	754
	14. Тихонов — Горькому	31 октября/13 ноября	754
	15. Тихонов — Горькому	12/25 ноября	755
	16. Тихонов — Горькому	29 ноября 1912/12 декабря	756
1913	17. Тихонов — Горькому	29 января/11 февраля 1913	756
	18. Горький — Тихонову	12/25 февраля	757

ГОРЬКИЙ И Г. А. ЛОПАТИН

«ОДИН ИЗ ТАЛАНТЛИВЕЙШИХ РУССКИХ ЛЮДЕЙ»
Статья Н. И. Дикушиной 758

ПЕРЕПИСКА С Г. А. ЛОПАТИНЫМ 791
Публикация и комментарии С. С. Зиминой и Л. С. Пустильник

1910	1. Лопатин — Горькому	⟨1—2 января⟩	791
	2. Лопатин — Горькому	28 января	794
	3. Лопатин — Горькому	7 марта	796
1911	4. М. Ф. Андреева — Лопатину	6 мая	796
	5. Лопатин — Горькому	24 мая	797
1912	6. Лопатин — Горькому	13 октября	798
	7. Горький — Лопатину	Октябрь, не ранее 15	798
	8. Лопатин — Горькому	28 октября	799
	9. Лопатин — Горькому	23 декабря	800
	10. Горький — Лопатину	Между 25 и 28 декабря	800
	11. Лопатин — Горькому	30 декабря	802

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА ГОРЬКОГО с Г. А. ЛОПАТИНЫМ (1909 г.) 803
Публикация С. С. Зиминой, комментарии Н. И. Дикушиной
Из Дневника К. П. Пятницкого 805

Приложение:
К. П. Пятницкий: Г. А. ЛОПАТИН В ГОСТЯХ У ГОРЬКОГО НА КАПРИ. Отрывки из дневника 818

О ГОРЬКОМ И ЛОПАТИНЕ
(по письмам Лопатина к В. Л. Бурцеву 1908—1914 гг.) 840
Предисловие И. С. Зильберштейна. Сообщение Е. Г. Коляды

ГОРЬКИЙ В ПЕРЕПИСКЕ ЛОПАТИНА С А. В. И И. В. АМФИТЕАТРОВЫМИ 864
Публикация и комментарии Е. Г. Коляды

⟨В СТАВРОПОЛЕ⟩. Рассказ Г. А. Лопатина в записи Амфитеатрова 888
Публикация и комментарии Е. Г. Коляды

К БИОГРАФИИ ЛОПАТИНА (по неизвестным архивным документам) 893
Сообщение Л. С. Пустильник

ГОРЬКИЙ И ЖУРНАЛ «ЛЕТОПИСЬ»

ПЕРЕПИСКА С В. С. ВОЙТИНСКИМ 907
Вступительная статья, публикация и комментарии Н. И. Примочкиной

1914	1. Войтинский — Горькому	23 июля	916
	2. Войтинский — Горькому	Середина сентября	917
	3. Горький — Войтинскому	1/14 октября	919
	4. Войтинский — Горькому	9 ноября	923
	5. Горький — Войтинскому	30 ноября/13 декабря	925
	6. Войтинский — Горькому	19 декабря	929
1915	7. Войтинский — Горькому	2 октября	931
	8. Горький — Войтинскому	18—19 ноября	932
	9. Горький — Войтинскому	3 декабря	935
1916	10. Войтинский — Горькому	30 марта	936
	11. Войтинский — Горькому	8 мая	938

Приложение:

ГОРЬКИЙ — Н. М. НИКОЛЬСКОМУ 10 декабря 1915 940

А. Н. ТИХОНОВ — М. П. ПАВЛОВИЧУ 2 марта 1916 942

ИЗ ПЕРЕПИСКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ПЕРЕПИСКА С С. С. КОНДУРУШКИНЫМ 944
Предисловие, публикация и комментарии В. Н. Чувакова

1908	1. Кондурушкин — Горькому	9⟨22⟩ января	946
	2. Горький — Кондурушкину	16/29 января	946
	3. Горький — Кондурушкину	26 или 27 января/8 или 9 ферваля	947
	4. Горький — Кондурушкину	27 или 28 января/9 или 10 февраля	947
	5. Горький — Кондурушкину	12/25 февраля	948
	6. Кондурушкин — Горькому	28 февраля/12 марта	952
	7. Горький — Кондурушкину	7/20 марта	953
	8. Горький — Кондурушкину	15 или 16/28 или 29 мая	954
	9. Горький — Кондурушкину	4/17 июня	955
	10. Кондурушкин — Горькому	20 июня/3 июля	955
	11. Кондурушкин — Горькому	17/30 июля	955
	12. Горький — Кондурушкину	27 июля/9 августа	957
	13. Кондурушкин — Горькому	22 августа/4 сентября	958
	14. Горький — Кондурушкину	Около 30 августа/12 сентября	958
	15. Кондурушкин — Горькому	4/17 сентября	959
	16. Горький — Кондурушкину	22 сентября/5 октября	961
	17. Кондурушкин — Горькому	12⟨25⟩ ноября	963
	18. Горький — Кондурушкину	17/30 ноября	965
	19. Кондурушкин — Горькому	11⟨24⟩ декабря	966
1909	20. Кондурушкин — Горькому	11⟨24⟩ марта	968
	21. Кондурушкин — Горькому	19 апреля ⟨2 мая⟩	969
	22. Горький — Кондурушкину	Около 25 апреля/8 мая	969
	23. Кондурушкин — Горькому	8⟨21⟩ июля	970
	24. Кондурушкин — Горькому	10⟨23⟩ сентября	970
	25. Горький — Кондурушкину	Около 16/29 сентября	971
	26. Кондурушкин — Горькому	16⟨29⟩ сентября	971
	27. Горький — Кондурушкину	Около 22 сентября/5 октября	972
	28. Кондурушкин — Горькому	15⟨28⟩ ноября	973
1910	29. Кондурушкин — Горькому	31 января ⟨13 февраля⟩	975
	30. Кондурушкин — Горькому	24 февраля ⟨9 марта⟩	976
	31. Кондурушкин — Горькому	17⟨30 марта⟩	976

	32. Горький — Кондурушкину	Начало апреля	977
1912	33. Кондурушкин — Горькому	30 января (12 февраля)	977
	34. Горький — Кондурушкину	4 или 5/17 или 18 февраля	979
	35. Кондурушкин — Горькому	20 марта (2 апреля)	981
	36. Горький — Кондурушкину	Около 26 марта/8 апреля	985
	37. Кондурушкин — Горькому	7(20) ноября	985
1913	38. Кондурушкин — Горькому	30 января (12 февраля)	986

Приложение:

ИЗ ДНЕВНИКА С. С. КОНДУРУШКИНА (1908 г.) НА КАПРИ 988

ПЕРЕПИСКА С О. О. ГРУЗЕНБЕРГОМ 993

Предисловие, публикация и комментарии Ф. Н. Пицкель

1905	1. Горький — Грузенбергу	Ноябрь, после 4	997
1908	2. Грузенберг — Горькому	17(30) августа	999
	3. Горький — Грузенбергу	8/21 сентября	1000
	4. Грузенберг — Горькому	12(25) сентября	1002
1909	5. Грузенберг — Горькому	9/(22) января	1003
	6. Горький — Грузенбергу	20 ноября/3 декабря	1003
	7. Грузенберг — Горькому	26 ноября (9 декабря)	1004
	8. Горький — Грузенбергу	2/15 декабря	1004
	9. Грузенберг — Горькому	10(23) декабря	1006
1910	10. Грузенберг — Горькому	18(31) мая	1006
	11. Горький — Грузенбергу	9/22 сентября	1007
	12. Грузенберг — Горькому	14/27 сентября	1008
	13. Горький — Грузенбергу	14/27 сентября	1008
	14. Горький — Грузенбергу	10/23 октября	1009
	15. Горький — Грузенбергу	9/22 ноября	1012
	16. Грузенберг — Горькому	16(29) ноября	1013
	17. Горький — Грузенбергу	28 декабря 1910/10 января 1911	1014
1911	18. Грузенберг — Горькому	7(20) февраля	1015
	19. Горький — Грузенбергу	22 сентября/5 октября	1016
1913	20. Грузенберг — Горькому	26 июня (9 июля)	1017
	21. Горький — Грузенбергу	6/19 июля	1018
1914	22. Грузенберг — Горькому	13 февраля	1018
	23. Горький — Грузенбергу	27 февраля	1020
1920	24. Грузенберг — Горькому	7 декабря	1020
1925	25. Грузенберг — Горькому	8 октября	1021
	26. Горький — Грузенбергу	12 октября	1022
	27. Грузенберг — Горькому	17 ноября	1023
	28. Горький — Грузенбергу	24 ноября	1026
1928	29. Грузенберг — Горькому	15 апреля	1026
1933	30. Грузенберг — Горькому	30 сентября	1028
1935	31. Грузенберг — Горькому	28 сентября	1030

Условные сокращения 1034

Указатель иллюстраций 1036

Именной указатель 1041

ИЛЬЯ САМОЙЛОВИЧ ЗИЛЬБЕРШТЕЙН (1905—1988) 1065

Литературное наследство

Том 95

ГОРЬКИЙ И РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА НАЧАЛА XX ВЕКА

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы им. А. М. Горького
Академии наук СССР

Редакторы издательства Л. М. Стенина, В. Ф. Журавлева
Художественный редактор М. Л. Храмцов
Технический редактор И. Н. Жмуркина
Корректоры Е. Н. Белоусова, В. А. Бобров,
Л. И. Левашова, Р. В. Молоканова

ИБ № 38334

Сдано в набор 26.11.87. Подписано к печати 03.05.88.
А-11736. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 94,68. Усл. кр. отт. 96,6. Уч.-изд. л. 112,7
Тираж 4000 экз. Тип. зак. 1111
Цена 14 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Наука

Издательство «Наука»

14 руб.